ХРОНИКА

ПОЛЬШИ, ЛИТВЫ, ЖМУДИ И ВСЕЙ РУСИ,

соч. М. Стрыйковского.

При теперешнем повсеместном распространении любви к историческим занятиям, часто случается слышать нам жалобы на недостаток в необходимых пособиях к изучению дееписания, скрывающихся, большей частью, в библиотеках, доступных не для всякого. Желая, сколько-нибудь, споспешествовать такому стремлению и удалить упомянутые препятствия, нижеподписавшийся предпринимает издать: «*Собрание древних летописцев»*, равно как и новое дешевое издание: *«История Польши»*, соч. *Нарушевичем».* Из Летописцев войдут в это собрание; *Матвей Стрыйковский, Мартин Кромер***,** *Александр Гваньин* и *Мартин Бельский.*

Собрание начато будет Хроникой Стрыйковского. Сочинитель её был необыкновенный человек своего времени. Он родился в земле Ленчицкой, рано вступил в военную службу, потом путешествовал по Турции, и, наконец, удовлетворяя страсти своей к наукам, пошел в монахи и сделался, впоследствии, каноником Жмудским. **[403]** Лучшим произведением его считается Хроника Литвы, Пруси, Руси и Польши. События Литвы и Руси помещены в ней далеко обширнее и полнее, чем в какой-либо другой летописи. Сравнив известия Стрыйковского с летописцами позднейшего времени, видим, что он был человек осмотрительный, излагал происшествия в их истинном виде; а это тем более важно, что источники его теперь почти все утрачены, или, по крайней мере, неизвестны. Все последующие историки Литвы имели в Стрыйковском главного своего руководителя.

Новое издание Хроники Стрыйковского перепечатывается, со всею точностью, с издания Кенигсбергского, сделанного перед глазами самого сочинителя, 1682 г. К этому изданию присоединятся объяснения, известия о жизни и сочинениях Стрыйковского, основательный указатель и список словам устаревшим, вышедшим уже из употребления. Хроника выходить будет *тетрадями*, в 8 листов, в бол. 8-ку, каждой месяц. В 8-м месяцев предполагается окончить всё издание. Первая тетрадь выйдет 1-го Июля текущего года, а следующие в 1-е число каждого месяца.

Цена подписная в Варшаве 6-ть рубл. сер., которую можно выплатить в два раза: при подписке взносится 3 р. сер., и потом, при получении 4-й тетради , остальные 5 р. В прочих же местах, с пересылкою, 6 р. 60 к. серебром (Контора Москвитянина готова *также* принимать подписку. Мы имеем древний перевод летописи Стрыйковского. Московское Историческое Общество намеревается издать его).

Книгопродавец *Густав Лев Гликсберг.*
Варшава.

«РУССКАЯ ХРОНИЧКА» СТРЫЙКОВСКОГО

(Помещена в 4-м разделе 5-й книги Хроники Стрыйковского, посвященной междоусобицам сыновей Владимира Святого и всему периоду до поражения Болеслава Кривоустого под Галичем в 1139 г.)

Польский историк XVI века Мачей Стрыйковский при создании своих трудов широко использовал русские летописи. Если оставить в стороне великолепный патриотический пафос Стрыйковского-поэта, то несомненной заслугой Стрыйковского-историка и фактором, привлекающим к его «Хронике» неослабевающее внимание исследователей, является богатейшее собрание разнообразных источников по польской, литовской и русской истории, целый ряд которых дошел до наших дней только в составе этой Хроники, в авторском пересказе.

В 1574 г. у М. Стрыйковского была одна летопись, через небольшой промежуток времени после начала работы над созданием истории Литвы у него было уже тринадцать летописей, а вскоре их число возросло до пятнадцати. Стрыйковский сам добросовестно перечислил свои источники: старые киевские хроники, литовские, русские летописцы, ливонские хроники, московские истории [1]. Первооткрыватель литовского летописания И. Данилович уточнял, что у Стрыйковского было под рукой 10 русских, 5 литовских, 5 прусских, 4 ливонских, 5 польских, 4 киевских и множество московских, болгарских и славянских хроник и летописцев, не считая трудов Длугоша, Меховского, Кромера и других видных ученых [2]. Многие из источников Стрыйковского уже «разгаданы» историками. Так, например, исследователь белорусского летописания Улащик доказал, что польский историк в целом ряде случаев пользовался Ипатьевской летописью. Описания Галицко-Литовской войны 1252-1254 гг. у Стрыйковского и в Ипатьевской летописи почти дословно совпадают. Данные Стрыйковского о Миндовге и Войшелке (Миндовг — основатель Литовского государства, а Войшелк — его сын) за конец 50-х — начало 60-х годов XIII столетия находят полное подтверждение в Ипатьевской летописи.

Особый интерес вызывает один из источников Мачея Стрыйковского — краткая русская хроничка.

На нее обратил внимание А. И. Рогов. Он попытался кратко охарактеризовать ее источники, датировал ее XVI веком. Местом создания Хронички Рогов считал Южную Русь, где в конце XV — начале XVII в. бытовало немало кратких летописцев. В частности, он предположил, что в Хроничке отразилась гипотетическая шахматовская «Печерская летопись», а сама Хроничка могла быть создана в Киево-Печерском монастыре. Кроме того, ученый отметил уникальный характер некоторых известий Хронички, например известия о победе Великого князя Киевского Святополка-Михаила над половцами [3].

Русская хроничка охватывает период истории Руси с 1068 по 1125 г., включая ряд отдельных известий второй половины XII в. Хроничка начинается со смерти Великого князя Киевского Ярослава Владимировича Мудрого: «После того как умер Ярослав Владимирович, Великий князь Киевский, три его сына выпустили своего дядю из поруба, и он сейчас же постригся в монахи. А Игорь в Смоленске умер, и Смоленск был поделен

на три части. Игорь построил в Переяславле каменную церковь св. Михаила. Умер и Судислав-чернец. А у Изяслава, князя Киевского, родился **[71]** сын Святополк-Михаил». Факты эти находят свое подтверждение в Ипатьевской летописи: в ней есть рассказ о рождении Святополка-Михаила под 1050 г. А о разделении Смоленска на три части сообщает Рогожский летописец.

Необходимо отметить, что Рогожский летописец существенно отличают от других летописных источников XIV—XV вв. западнорусские известия. Большинство из них — смоленские, причем уникальные, не встречающиеся в русских летописях XIV-XV вв. Таким образом, можно предположить, что помимо Ипатьевской летописи, среди источников Хронички мог быть и Рогожский летописец, или какой-то иной западнорусский источник, содержащий, в частности, смоленские известия. Так, например, сообщение о постройке в Смоленске владычной Богородицкой церкви Владимиром Мономахом имеется также в Краткой Волынской летописи первой половины XVI в. под 1100 г. (ПСРЛ, т. 35).

Далее Хроничка содержит в себе ряд ценных сообщений о черниговских князьях, сыновей Черниговского, а затем Киевского князя Святослава Ярославича: "У Святослава родился сын Олег, а за ним второй — Давид, а за ним и третий — Глеб". (Как известно, летописи не называют точных дат и последовательности рождения сыновей Святослава Ярославича.) Имеются в Хроничке известия о захвате великого княжения Святославом Ярославичем, о примирении Святослава и Изяслава Ярославичей, о смерти и похоронах «у Спаса» Святослава Ярославича, о рождении у Святослава Ярославича сыновей, о посылке Глеба Святославича в Тмуторокань, о начале княжения Святославичей в Чернигове, о смерти Давыда Святославича и пострижении в монахи Святоши Давидовича, о смерти Олега Святославича и начале княжения в Чернигове его сына Святослава. Сообщения эти более или менее последовательны и представляют собой *свод* записей по истории Черниговского княжества, воссоздающих достаточно четкую картину целого периода его истории.

Перечисленные выше известия содержатся в следующих летописях: известие об изгнании Изяслава из Киева содержит ПВЛ; известие о мире Святослава и Изяслава — Ипатьевская летопись и другие летописи, включающие в себя ПВЛ; сообщение о посылке Святославом сына Глеба на Тмутороканское княжение входит в Киево-Печерский патерик; три последних сообщения есть в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях (за исключением некоторых деталей); известие о пострижении Святоши Давидовича можно найти в Киево-Печерском патерике.

Обращает на себя внимание один чрезвычайно любопытный момент: в Хроничке говорится: «В русскую землю пришли половцы, и против них вышли Изяслав, Святослав и Всеволод, и была с ними битва, и убит был Великий князь Изяслав, а на Киеве сел Святослав...» Русские летописи такого факта не содержат. Согласно ПВЛ, события развивались совершенно иначе: с 1073 по 1076 г. Киевским князем был Святослав Ярославич Черниговский, который, для того чтобы утвердиться в Киеве, выгнал оттуда своего брата Изяслава. В 1077 г. Изяслав Ярославич вновь вернулся в Киев. В 1078 г. между Изяславом Ярославичем, с одной стороны, и Олегом Святославичем Черниговским

и Борисом Вячеславичем — с другой, произошло сражение и Великий Киевский князь Изяслав погиб.

Из известий ПВЛ следует, что виновниками усобиц в Русской земле в 70-е годы XI столетия выступали Черниговские князья — сначала Святослав Ярославич, потом его сын Олег Святославич. Именно в битве с Олегом Святославичем Великий князь Киевский погибает. Согласно же Хронички, дело обстояло так: Святослав Ярославич вскоре после изгнания Изяслава из Киева вновь уступает великокняжеский престол брату Изяславу. А затем все трое — Изяслав, Святослав и Всеволод — совершают поход на половцев, заканчивающийся смертью Изяслава, после которой на Киевский престол вновь садится Святослав. Сравнение текстов Хронички и ПВЛ ясно показывает, в интересах какого княжества события 70-х годов XI в. были столь явно искажены. Внимание к черниговским событиям, превознесение роли Святослава Ярославича Черниговского свидетельствуют, что основным источником Хронички был, очевидно, Черниговский свод известий.

Когда и кем мог быть составлен этот свод? **[72]**

В Хроничке на этот счет есть точное указание: «Умер же и Олег Святославич, князь Черниговский, и сын его Стослав сел в Чернигове». В данной записи допущена неточность. После смерти Олега Святославича Черниговского князем стал не его сын Святослав, а брат Давыд. Святослав же, согласно Ипатьевской летописи, стал Черниговским князем только в 1157 г. Следовательно, запись была сделана после 1157 г. и в угоду князю Святославу Ольговичу. Поэтому можно предположить, что автор Хронички пользовался Черниговским сводом времен Святослава Ольговича. Крупнейший исследователь русских летописей А. Н. Насонов в своей работе «История русского летописания XI-XVIII веков...» доказал существование такого свода и определенное искажение в нем фактов в пользу Черниговского князя Святослава Ольговича. А. Н. Насонов считал, что свод Святослава Ольговича отразился в Ипатьевской летописи и Киево-Печерском патерике. Явно, местом создания Хронички была Южная Русь — это видно уже из того, как именует ее Стрыйковский: «русская хроничка». Если бы Хроничка была составлена восточнее московско-литовской границы, историк назвал бы ее «московская хроника». В то же время Хроничка носит очевидные следы малоискусного перевода на польский язык (см. искажения имен собственных: Никола — Микула, Переяславль — Переяславец, поруб переведен как некое Порубье), — перевода бы не потребовалось, если бы Хроничку составляли в Западной Руси, так как сильно полонизированный в конце X-XVI в. западнорусский язык был понятен Стрыйковскому, более того, он был бы понятен любому поляку при элементарной замене кириллицы на латиницу. Значит, — Южная Русь. В этом смысле выводы А. И. Рогова находят подтверждение. Но в свете всех приведенных выше рассуждений можно думать, что Хроничка была создана все же в Чернигове на основе местной летописной традиции.

Сообщения о князьях Северо-Восточной Руси очень скупы. Отмечается только следующее: «умер Великий князь Владимир Мономах, а на Киеве сел его сын Георгий Владимирович; у Егора сын Андрей...» То есть составитель Хронички либо ошибочно воспользовался сокращенным источником, либо представил будущий дом Московских князей только самыми известными предками. Подобное соотношение известий отвечало

взглядам автора Хронички. В XV-XVI вв. Южная Русь входила в состав Литовско-Русского государства. Составитель Хронички дал в кратком виде историю южнорусских земель и показал их *определяющую* роль в истории Древней Руси. Можно предположить, что составителем Хронички был сам Стрыйковский, или что он выдал сокращенную редакцию какой-то русской летописи, но это кажется сомнительным, поскольку текст имеет очевидный характер цитации, оборванной на слове «etc», а летописец назван в конце не «хроникой», а именно «хроничкой», что говорят о его изначально сокращенном виде. Переработка Стрыйковского выразилась лишь в том, что он расставил свои пометки уточняющего характера в тексте и на полях. Составлена была Хроничка никак не ранее второй половины XV в., иначе непонятно обращение к предкам Московских князей. Вообще, краткие летописцы были в XV-XVI вв. широко распространены в русских землях, в том числе и в Южной Руси.

Авторы статьи будут считать свою задачу выполненной, если привлекут внимание к богатейшему комплексу иностранных источников, содержащих известия по истории Древней Руси и Московского государства — корпусу польских и литовских исторических трудов и хроник XVI в. Иностранные источники по русскому средневековью изучены в советской историографии значительно меньше по сравнению, скажем, с летописями, или материалами писцового делопроизводства. Что же касается польских источников, то они вообще в целом ряде случаев представлены в источниковедении с зияющими провалами. О комментариях не приходится и говорить, когда отсутствуют сами переводы. В результате языкового барьера, о котором пишет Ю. А. Беспятых [4] в своей статье, посвященной проблемам перевода иностранных источников, целые пласты информации, содержащиеся в произведениях польских **[73]** историков, остаются выведенными из научного оборота. Думается, систематические переводы русских известий из хроник Бельских, Меховского, Стрыйковского, мемуаров Гурницкого, труда Ожельского и проч. и проч. обогатили бы науку множеством новых ценных фактов.

ТЕКСТ

...Король Болеслав, взяв великие дары от короля Саломана и Бэловичей и возвратившись в Польшу, сразу же вновь отправился в поход на Русь с еще большим войском против Святослава, или Стослава, и Всеволода, князей русских, переяславских и черниговских, так как они повторно прогнали с престола киевского княжества брата Изяслава (Zaslawa) с женой и детьми, которого Болеслав же и посадил в Киеве, нанеся Святославу и Всеволоду поражение, о чем одинаково извещают Винцентий Кадлубек, Длугош, Меховский, Ваповский и т. д., но по причине того, что русские хроники не везде совпадают с ними, я коротко изложу то же самое из Русской Хроники, не мешая ее с польскими и другими историками. Она так просто и начинается:

После того как умер Ярослав Владимирович, великий князь Киевский, три его сына выпустили своего дядю Судислава из поруба (у Стрыйковского — Porubia. — *Д. Л., Д. В.*), и он сейчас же постригся в монахи. А Игорь в Смоленске умер, и Смоленск был поделен на три части. Игорь построил в Переяславле каменную церковь св. Михаила. Умер и

Судислав-чернец. А у Изяслава, князя киевского, родился сын Святополк-Михаил (Stopolk Michalo). У Святослава родился сын Олег, а за ним второй — Давыд, а за ним третий — Глеб. А потом на русскую землю пришли половцы. Трое Ярославичей вышли против них:

Изяслав, Святослав и Всеволод, и будучи на Альте (Olzie), столкнулись друг с другом [5], и гневом божьим поражены были христиане, и воеводы русские со множеством воинства бежали.

У Всеволода родился сын Ростислав, а за ним второй — Владимир [6]. Святослав послал своего сына Глеба на княжение в Тмутаракань, а Изяслав построил монастырь святого великомученика Дмитрия.

У великого князя Изяслава была война с половцами, и произошла тяжкая для обеих сторон битва; наконец, половцы были побеждены Русью, и Изяслав с победой возвратился домой. А братья его Ярославичи — Всеволод и Святослав — преступили наказ своего отца и изгнали Изяслава из столичного замка Киева. Святослав сел в Киеве, а Всеволод в Переяславле (Pereaslawcy), и была построена церковь св. Богородицы Печерской, и умер преподобный Феодосии Печерский, А после него игуменом стал Стефан. Вскоре князь Святослав помирился с братом своим Изяславом и уступил брату своему великое княжение на Киеве; сам же сел на Чернигове. В русскую землю пришли половцы, и против них вышли Изяслав, Святослав и Всеволод, и была с ними битва, и убит был великий князь Изяслав [7], а на Киеве сел Святослав, или Стослав (в другой хронике написано, что Всеволод — прим. Стрый.), а дети его Олег и Давыд — на Чернигове, а Святополк на Турове [8]. Потом умер великий князь Святослав Ярославич и похоронен **[74]** в Чернигове, у святого Спаса, а брат его Всеволод сел на Киеве. Пришел от грек митрополит Иоанн. И тогда умер великий князь Всеволод, правивший много лет, и на Киеве сел Михаил-Святополк Изяславич (Michael Stopolk Zasiawowic), Олег и Давыд Святославичи — в Чернигове, а Владимир Мономах Всеволодович — в Переяславле.

Великий князь Михаил-Святополк построил в Киеве каменную церковь св. Михаила Златоверхого [9] (Ztotowierschiego). Этот самый Святополк-Михаил во время правления своего безвинно причинил подданным немало вреда, многих разорил, а у иных отнял имущество. В то время в Киеве был великий голод и тяжкий гнет по всей земле русской.

Святополк-Михаил, князь киевский, ходил на половцев, а с ним Олег Святославич и Владимир Мономах, и Давыд Игоревич. И победили безбожных язычников и возвратились домой с добычей. И потом была распря (potarezka) Мстислава и Стополка против Владимира с Давыдом Игоревичем на урочище, и поражен был стрелой Стополк и умер [10]. И сел Владимир Мономах Всеволодович на Киеве. Из Цареграда пришел митрополит Никифор. Владимир Мономах построил в Смоленске владычную каменную церковь св. Богородице.

У Владимира Мономаха родился сын Григорий. Умер также Давыд Святославич, князь черниговский, а сын его Святоша (Stossa) Давыдович стал чернецом в Печерском монастыре и назван был Николой.

Умер же и Олег Святославич, князь черниговский, и сын его Стослав сел на Чернигове.

Половцы пришли к Треполю и Владимир пошел против них со своим братом Ростиславом, и когда войска столкнулись, бежали наши князья. Умер великий князь Владимир Мономах [11], а на Киеве сел сын его Георгий Владимирович [12]; у Егора (Jehorowi) сын Андрей. Умер митрополит Никифор, из Царьграда пришел митрополит Никита (Nakata) etc.»

Далее приписка Стрыйковского: «До этих пор — Русская Хроничка». Очевидно, здесь Хроничка прерывается.

---

1. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkieJ Rusi Maciaje Sfryjkowskiego. Warszawa, 1846. Т. 1. С. 62.

2. Daniiowicz Ignacej. Wiadomosc o wlasciwych litewskich latopiscach // Kronika polska... С. 34.

3. См. *Рогов А. И*. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966. С. 115-122.

4. См.: *Беспятых Ю. А*. Английский язык Джерома Горсея и русские реалии // История СССР. 1992. №2. С. 132

5. У Стрыйковского: «zjgty sie ufy». Лавр.: «...бывше нощи и поидоша противу себе».

6. Напротив, Владимир Всеволодович родился в 1053 г., а Ростислав Всеволодович — в 1070 г.

7. Изяслав погиб по Лавр. не в битве с половцами, а в сражении с Борисом Вячеславичем и Олегом Святославичем.

8. Другие летописи сообщают, что Олег бежал в Тмуторокань, Святополк тогда был в Новгороде, Туров же принадлежал Ярославу.

9. Златоверхая церковь св. Михаила, заложенная в 1108 г. (Лавр.), в Киеве (Ник.).

10. Поражен стрелой был сын Святополка Мстислав. Святополк умер своей смертью через много лет после битвы «на урочище».

11. Здесь на полях примечание: «род московских князей».

12. Юрий Долгорукий, вероятно, попавший сюда ошибочно.

МАЧЕЙ СТРЫЙКОВСКИЙ

ХРОНИКА

ПОЛЬСКАЯ, ЛИТОВСКАЯ, ЖМУДСКАЯ И ВСЕЙ РУСИ

МАЧЕЯ СТРЫЙКОВСКОГО

Еще в тридцатые годы XVIII века В. Н. Татищев настойчиво просил Российскую Академию наук сделать для него полный перевод «Хроники» Стрыйковского, но его просьба тогда так и не была удовлетворена. А ведь Татищев был не последним вельможей в Российской Империи, и его же заявка на полный перевод Кромера (а это весьма объемистый латинский текст) была довольно быстро исполнена. Причина нам видится в том, что полный перевод Стрыйковского - дело чрезвычайно трудное.

Составить подробную и выверенную биографию Мацея Стрыйковского тоже очень трудно, если вообще возможно. Неизвестно, когда он умер, а год его рождения (1547) известен лишь из подписи к портрету. Все сведения о его жизни почерпнуты из его собственных произведений. И вот там-то, казалось бы, информации предостаточно, и притом прелюбопытнейшей. Но это только на первый взгляд. Стройной и последовательной картины все равно не получается, и по самым, казалось бы, изученным периодам его жизни и творчества у нас больше вопросов, чем ответов. Поэтому здесь мы не будем пересказывать его биографию - это тема отдельной большой книги, которая до сих пор так никем еще толком и не написана. Зато написанная им «Хроника» (1581) составила огромный том, который не только велик по объему, но и весьма объемист по содержанию. Рассказывая об истории Литвы, он постоянно увязывает с этим рассказом историю сопредельных стран - в первую очередь Польши и Руси. В этом отношении наш автор на два столетия опередил Гиббона, система изложения материала у которого почти совершенно та же, что и у Стрыйковского.

Как историк Стрыйковский стоит намного выше своих современников, сколь смелым бы ни казалось подобное утверждение. Кстати, именно так считал и Татищев, ставивший нашего автора значительно выше Кромера. А вот Карамзин называл Стрыйковского историком «не слишком основательным». Это мнение приняли на веру многие российские историки, причем усвоили его до такой степени, что в их среде даже ссылаться на Стрыйковского долгое время считалось дурным тоном. Но нам кажется, что в своем заявлении глубокоуважаемый Николай Михайлович несколько погорячился. Работа над настоящим переводом совершенно убедила нас в том, что 90 процентов ошибок и неточностей нашего автора (а их у него предостаточно) принадлежат вовсе не ему, а его источникам, в числе которых был и такой долгое время непререкаемый авторитет, как Ян Длугош. Вряд ли справедливо и мнение, что Стрыйковский многое просто выдумывал. Приукрасить рассказ - да, этого у него не отнимешь, но намеренно приврать - вряд ли. Наоборот, его критическое отношение к некоторым своим источникам иногда может показаться даже чрезмерным. Именно трезвый взгляд и на сами события, и на тех, кто о них рассказывает, с самой лучшей стороны характеризует подход нашего автора к

историческому материалу. Это очень импонировало Татищеву, у которого и самого частенько встречаются сентенции типа: «Этот рассказ, мню, и сами греки за басню бы почитали» и т.п.

Заслугой, а, возможно, и приоритетом Стрыйковского можно считать и введение правильных ссылок на источники с указанием не только автора и года издания, но даже и номера страницы соответствующего текста.

Рассказ о Стрыйковском-историке и о его «Хронике» как самостоятельном историческом источнике тоже составил бы толстую книгу. Такие книги, к счастью, написаны, в том числе и на русском языке - например, добротная монография А.И. Рогова (1966).

Как писатель Стрыйковский не столь уж удобочитаем. Его слог грешит сложноватыми построениями и длиннотами. Нередко у него встречаются предложения длиной в полстраницы, и о чем там вообще речь, становится понятно только в самом конце, когда можно уже и позабыть, о чем говорилось в начале. Это явные следы латиноязычного образования, причем самой латыни в «Хронике» и без этого полно. Да и польская грамматика с правописанием заметно отличаются от современных норм польского языка. Это можно объяснить тем, что литературный язык в Польше в те времена еще не вполне сформировался, однако Мартину Бельскому и тогда удавалось писать просто и ясно.

При всех этих недостатках Стрыйковский был и остается превосходным рассказчиком, и его читали, читают и еще долго будут читать. Даже Библию он пересказывает еще более увлекательно, чем звучат ее переводы на европейские языки. В XVI столетии четкой границы между научной и художественной литературой не существовало, и книга Стрыйковского - яркий тому пример. Его «летописный» рассказ то и дело прерывается очередной вставной поэмой, в эпических тонах описывающей какое-нибудь сражение, или отступлениями в духе: «А вот со мной тоже был такой случай», и т.п. И если стихи с непривычки несколько напрягают современного читателя, то авторские «истории из жизни», наоборот, очень оживляют весь рассказ, добавляя в него много реалистичных подробностей. Что касается «виршей» нашего автора, то они совсем недурны, а местами даже очень хороши.

Стрыйковский хорошо разбирался в геральдике и генеалогии. Если для «любимых клиентов» он иногда и приукрашивал их родословную, то это не выходило за рамки тогдашних весьма скромных исторических знаний и выглядело вполне правдоподобно. Похоже, он и сам искренне верил, что некоторые литовские роды восходят прямо к древним римлянам, а доказывал это столь убедительно, что временами с ним трудно спорить. К тому же он очень интересовался древними курганами и вообще всем, что сокрыто в земле. Назвать его предтечей польской и литовской археологии будет, пожалуй, чересчур, однако интерес своих соотечественников к этому предмету он подогрел немало.

Родившись в Польше и будучи по национальности поляком, Стрыйковский почти всю свою сознательную жизнь прожил в Литве, куда приехал шестнадцатилетним пареньком (1563) и стал не только горячим патриотом, но и первым историком этой полюбившейся ему страны.

Он пользуется буквально любой возможностью, чтобы подчеркнуть достоинства литовцев по сравнению с поляками. Но если в своем литовском патриотизме Стрыйковский хватает через край, то это очень симпатичный патриотизм, начисто лишенный высокомерного презрения к другим народам. Все люди для него - братья. Он открыто предостерегает всех христиан от надвигающейся турецкой опасности и при этом никогда не забывает похвалить какое-нибудь турецкое учреждение, если оно кажется ему разумным и справедливым.

Особенно этот чрезвычайно располагающий к себе подход заметен в отношении автора к русским. Напомним, что его хроника создавалась в самый разгар войны между Баторием и Грозным и в канун Смутного времени. Для любого поляка русские тогда выглядели очевидными врагами и даже агрессорами. Однако Стрыйковский пишет о них с большим тактом, а иногда и с симпатией, например, когда он описывает мужество и стойкость защитников какой-либо обреченной крепости. Даже Иван Грозный, которому автор совершенно не симпатизирует, изображен им вовсе не безумным тираном, как у большинства его европейских современников. Ни о Курбском, ни даже о самой опричнине Стрыйковский вообще не упоминает - стало быть, эти явления не особенно интересовали его польских и литовских современников и, если можно так выразиться, не попали на страницы тогдашних газет. А ведь Курбский не просто был его современником - в тогдашней Литве он не раз имел возможность нос к носу столкнуться с нашим автором. Что же касается эпохи Киевской Руси, то здесь отношение Стрыйковского к русским иногда просто граничит с восхищением.

В литературе нередко можно прочитать, что в XVII-XVIII веках Стрыйковский много и часто переводился на русский язык. На самом деле единственным более или менее доступным русскоязычному читателю переводом долгое время была лишь опубликованная в 32 томе ПСРЛ «Кройника Литовская и Жмойтская». Но самое поверхностное сравнение с оригиналом сразу же показывает, сколь урезан и обеднен этот перевод, если это произведение вообще можно назвать переводом. Собственно, никто этого и не делает, хотя едва ли не вся «Кройника» - это именно перевод (а точнее - частичный пересказ) «Хроники» Стрыйковского. О неудачной попытке Татищева мы уже рассказывали.

Как человек Стрыйковский может показаться раскрытой книгой, но вместе с тем это человек-загадка. Он очень откровенен со своим читателем, которого определенно любит, но при этом отнюдь перед ним не заискивает, хотя уже в те времена подобное заискивание не просто входило в моду, но и становилось своего рода литературной нормой.

Перефразируя известное стихотворение, в заключение уместно сказать о нашем авторе так:

И в добром имени его для нас
Урок и занимательный
рассказ.

По изданию 1582 года

ТОМ I

Варшава, 1846

Которая прежде никогда не видела света [1]

Хроника польская, литовская, жмудская [2] и всей Руси

Киевской, Московской, Северской, Волынской, Подольской, Подгорской, Подляшской и т. д. И различные события, военные и гражданские, в Прусских, Мазовецких, Поморских и других землях, принадлежащих королевству Польскому и Великому княжеству Литовскому, до сих пор как бы окутанные непроглядной ночью, по правдивым и основательным известиям различных историков и авторов, зарубежных и своих, Киевских, Московских, Славянских, Лифляндских и старых Прусских хроник, летописцев русских и литовских, Длугоша, отца польской истории, и других [авторов], с большой полнотой и тяжкими трудами (особенно по литовской и русской истории, до этого никого не интересовавших) [3],

Мацеем Осостевичюсом [4] Стрыйковским

подробно описаны, изложены, и впервые понятно и с собственными доскональными исследованиями воистину подлинных древностей, [а также] с превеликими издержками в первый раз изданы и через все стародавние века [доведены] вплоть до нынешнего 1582 года.

А сначала достоверно [рассказано] о происхождении всех,
сколько их есть на свете, людских народов.

С любезного [разрешения] **и по привилегии Его Милости Короля**
напечатано в Кёнигсберге у Георга Остербергера

MDLXXXII

Мацея Стрыйковского
Осостевичюса, К[аноника] Ж[мудского] [5]

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1.

Глава 2. О разделении языков при строительстве Вавилонской башни и размножении многообразных и различных народов от трёх сыновей Ноевых.

Потомство Сима.

Потомство Хама.

О потомстве Иафета.

Глава первая

О сотворении необъятного мира, земли, неба, и о начале дел, которые на них были, у языческих философов и поэтов, ласковый читатель, имелись различные мнения и выводы. Ибо было нечто, которое было Хаосом (*ex Chao*), то есть мир был создан твердью от смешения сущностей (rzeczy) и элементов, что и Овидий в Метаморфозах (I) излагает в таких словах:

Ante mare et terras et quod tegit omnia coelum,
Unus erat toto natura vultus in orbe
Quem dixere Chaos, rudis indigestaque moles, etc.

Не было моря, земли и над всем распростертого неба,
Лик был природы един на всей широте мирозданья,
Хаосом звали его.

А Фалес Милетский (Tales Milesius), который почитался мудрейшим среди семи греческих мудрецов, считал, что все вещи были сотворены из воды, следуя в этом за Гомером, автором всей древней философии, который тоже думал, что Океан был началом всего сущего (Илиада, 16).

Потом Гиппарх и Гераклит Эфесский заявили противоположное мнение, что мир был сотворен из огня. О чем и Овидий в Метаморфозах:

Quippe ubi temperiem sumpsere humorque calorque,
Concipiunt et ab his oriuntur cuncta diobus.

Ибо, коль сырость и жар меж собою смешаются в меру,
Плод зачинают, и все от этих двоих происходит[6].

Эмпедокл же, Эпикур, Демокрит, Диоген Либертус, Пифагор с Самоса, Зенон, Анаксимен, Гиерокл и другие греки, рассуждая, как великие мудрецы, предлагали разнообразные и разные [основы] начала мира. **Эпикур: вакуум и пустота (*vacuum et inane*), Демокрит: полнота и пустота, Парменид: жар и холод, и прочее.**

После них Аристотель, Цицерон, Ксенофан, Аверроэс и другие считали без [каких-либо] доказательств, что мир был вечно, без начала; с этой сентенцией [соглашался] и почтенный поэт Манилий, когда говорил:

Haec aeterna manet Divisque simillima forma,
Cui neque principium est usquam nec finis in ipso,
Sed similis toti, remanet perque omnia par est, etc.

Считают, что мир не из чего не произошел,
Что у него нет исхода;
Он всегда был и будет без начала и конца[7].

Ибо когда они, объединив свои умы (Sumimozgowie) (как свидетельствуют Цензорин и Корнелий Агриппа в гл. 51 *de vanit. scient.*[8]), спорили о том, что было сотворено первым, яйцо или птица, поскольку и яйцо без птицы, и птица без яйца родиться не может, и после долгих склок и дискуссий так и не смогли договориться о яйце и о птице, то подтвердили, что мир и все сущее не имеют начала и существуют вечно. Но другие, высоколобые (wartoglowowie) стоики, были против этой их сентенции. И чем поспешнее каждый из них стремился проявить свой ум (не ведая о всемогуществе Бога, сотворившего все из ничего, а вернее, *ex vaquo plenum (из пустого полное)*), тем безобразнее он заблуждался.

Из них один только Платон, либо почитав Святую Библию (как предполагают некоторые), либо обретя это по вдохновению Божьему, прямо говорит в *Тимее*, что мир был сотворен Богом, а причиной сотворения всех прочих вещей считает доброту и всемогущество самого Бога, из-за чего и был назван Божественным философом. Да и Овидий, похоже, у него подчерпнул, когда говорил:

Natus homo est, sive hunc divino semine fecit
Ille opifex rerum, mundi melioris origo, etc.

И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира[9].

Так или иначе, они, хотя и были язычники, уже были близки к тому, чтобы признавать Бога творцом и зачинателем всего сущего, вероятно, после того, как познакомились с писаниями (pisma) Моисея.

Поэтому и мы, ласковый читатель, более надежного, более древнего, более основательного и более доказательного фундамента [этого рассказа] о началах, истоках и порядке нашей истории Сарматской, Литовской, Русской, Славянской, Жмудской, немалой части Польской и прочее, предпринятого с искренним желанием, с великими трудами, с долгими и полноценными (pilno-czujnym) стараниями и усилиями, не можем заложить и прочно установить для потомков иначе [чем] из Святого Писания, как из единственного родника и источника сведений, и науки о Боге, который является Творцом, Вершителем, Умножителем и началом всего сущего.

Так нас прежде всего учит [переданное людям] через Моисея Послание Духа Святого, и этими словами начинается наипервейшая из всех историй. И в начале сотворил Господь Бог небо и землю, солнце, луну, звезды, и всяческие другие создания, живущие в воздухе, в море и на земле и прочее. **Бытие 1, Иосиф [Флавий] (кн. 1, гл. 1), Филон**

[Александрийский] и т. д. Потом на шестой день из горсти болотной земли (z sztuki blotnej ziemie) по образу и подобию своему сотворил Адама, то есть первого человека, которого оживил, вдохнув [в него] дух свой и вознеся до небес. **Наше происхождение из болота.** И с живой и вечно бессмертной душой поднялся [человек] над всеми другими созданиями, достойно украшенный разумом, мыслями, смыслом и другими дарами божьими. **Бытие 2; 1 Коринфянам, 15; Манчинелли, кн. 4.** Это и Манчинелли [10] прославляет в книге 4:

Exemplumque Dei quisque est in imagine parva, etc.

Каждый человеческий образ и есть доказательство Бога.

Придал ему также Господь Бог в качестве товарища Еву, сотворенную из ребра или кости из бока его собственного тела. Оживив ее тем же дуновением, [Бог] определил им во взаимном согласии блаженствовать в раю [в качестве его] жителей и хозяев. Так они жили и барствовали (dziedziczyli) в этом роскошном месте, по благословению Божьему свободные от греха и от смерти, чтобы возвыситься над всеми прочими тварями на земле, в невинности и благочестии, в которых и были сотворены.

Но когда по предательскому наущению змея [они] преступили приказание, полученное от Бога, то сразу же стали грешниками, подверженными болезням и смерти. **Бытие 5, [Евангелие от] Иоанна, 8.** О чем имеем ясное и пространное свидетельство и в Святой Библии, и в науке, [поэтому] не хотим долго занимать этим читателя, только чтобы знал, как зачинался и из этих начал размножился этот обширный мир. А сотворенные Богом Адам и Ева вдвоем дали единое семя, от которого проросли и размножились все людские народы, сколько их живет под солнцем на необъятном свете, как это ниже достаточно увидишь в нашем [рассказе о] выводе народов от сыновей Ноевых. **Первые властители.** Тогда же, в начале сотворения мира, Господь Бог всемогущий, как порядочный властелин, установил верховную власть и порядок старшинства, когда силу и власть над всеми тварями в море и на земле дал Адаму, чтобы [он] пользовался всеми этим вещами и установил среди них надлежащий порядок. **Господь Бог любит порядок.** И это Божье приказание было первым началом правления, надлежащих законов и всяческой верховной власти монархов, королей, князей и прочих учреждений, духовных и светских, для установления истинной славы Божьей, порядка всех вещей в мире, дисциплины и присмотра за справедливостью. Все это очень любил Господь Бог, давший Адаму такое приказание.

Вселенская церковь. С того же времени берет начало и вселенская церковь истинного Бога. Ибо Адаму и Еве сразу же было дано указание, согласно которому они хранили веру и показывали свой страх перед Господом Богом. **Бытие 3.** Но как только [они] согрешили, открыл им Господь Бог силу дьявольскую и смерть вечную, однако вопреки ей по божественному милосердию своему обещал последующее наше избавление неизвестным, то есть Христом. Придет Христос Мессия, снесет голову змею и разрушит царство сатанинское, а нас избавит от греха и неволи вечной смерти, освободит и отпустит.

Изгнанные из рая Адам и Ева в своей нужде и невзгодах утешались этой надеждой как радостным и спасительным пророчеством обещания пришествия Господа Христа, сделанным самим Богом. Итак, истинная вселенская церковь сперва началась лишь с двух этих особ, о чем доктор Епифаний, святой епископ Констанции на Кипре [11], ясно говорит в книге *Против ересей* (кн. 1, том 1).

Святое Писание также сообщает нам, как Каин, сын Адама, из ненависти и врожденной зависти убил родного брата Авеля, мужа добродетельного и богобоязненного, и не из-за чего иного, как единственно [из-за того, что тот] был благочестив и искренне славил Бога. **Бытие 4, Иов 15.** Каин завидовал ему, что его жертвы, которые он приносил из добычи, из овец и из прочего скота, Господь Бог всегда принимал, ибо когда [Авель] сжигал жертву на алтаре, дым шел прямо к небу. А Каин, который был от рождения злой, работал на пашне, а когда тоже сжигал жертвы из зерна [12], дым всегда тянулся по земле. И все это случилось по наущению сатанинскому, [и так] впервые началось преследование вселенской Церкви Божьей.

Потом Каин, которому, по Филону [13], было тогда лет 15, усомнившись в милосердии Божьем, из-за злых сомнений и от обличений отца своего Адама бежал на восход солнца, где с сестрой своей по имени Темех (Temech), которую взял в жены, породил (splodzil) сына Енока или Еноха, по имени которого заложил под Ливанской горой большой город Енохия и окружил его стенами, о чем пространнее свидетельствуют Бероэс (кн. 1) [14], Иосиф [Флавий] и пророк Моисей. **Об этом читай у Филона толкования Библии.** А еврей Филон (Philon Zyd) в книге толкований Библии пишет, что всего [он] построил семь городов, [впоследствии] сметенных потопом, которые назывались: Енок, Маули, Леед, Техе, Йеска, Целет и Йеббат (Enoc, Mauli, Leed, Tehe, Jeska, Celet, Jebbat). **Тот же Каин размежевал земли и упорядочил торговые и купеческие дела, а [меры] веса перевел на фунты [15].**

Потом Каина случайно убил стрелой на охоте его шестой потомок, слепой Ламех, сын Мафусаилов. Как пишет еврей Иосиф, он не имел такого замысла, а, ведомый своим хлопцем, просто целился в зверя, а Каин тогда попался на цель, хрустнув [веткой]. И сошел с этого света, смертью [своей] загладив [убийство] брата Авеля, ибо, по определению Господа Христа, кто мечом воюет, от меча и гибнет, а всех лет своих Каин прожил 730. **Бытие 4, Иосиф (кн. 1, гл. 2), Матфея 26.**

Однако случилось, что и Каин нашел своих хвалителей и последователей в дьявольском наущении, ибо были мерзкие еретики, которые почитали его за своего патриарха, звались Кайянами (Kaianami) и утверждали, что он правильно убил Авеля, и т.п. О чем читай *Епифания, книга 1, том 3, против Кайян, ересь 38* [16].

Изобретение ремесел и хозяйства. Сыновья Каина и его потомки, сыновья слепого Ламеха, сначала изобрели всяческие ремесла: Тувал (Tubal) музыку и различные инструменты, на которых играют [17]; Иавал (Jabal) шатры и [вещи, относящиеся] к скотоводству, земледелию и домашнему хозяйству; Тувалкаин (Tubalkaim) кузнечное, слесарное, ювелирное дело, живопись (malarstwo) и все вещи, относящиеся к военным ристалищам [18] и рыцарским нуждам. **Ноема, правнучка Каина и первая домохозяйка.** А

Ноема, правнучка Каина и дочь Ламеха, придумала и изобрела всяческие прядения из шерсти и льна, ткачество, а также [как] делать масло, сыры и т. п., и другое женское домашнее хозяйство.

Этот слепой Ламех, шестой потомок Каина, сын Мафусаила, имел семьдесят семь потомков от двух жен, Ады и Циллы (Sele), однако из-за чрезмерной злобы своей все сгинули в половодье великого потопа, так что весь мерзкий род Каина был искоренен до основания, в чем проявилась первая кара Божья за пролитие невинной братской крови, справедливая и суровая, нашедшая, как воздать за неправду в третьем и в четвертом поколении. **Исход, 20.** ***Visitans iniquitatem patrum, etc.*** *(Воздаяние за грехи отцов)*.

Сет, третий сын Адама. А потом у Адама, в году от сотворения его 230, вместо того убиенного праведного Авеля и убийцы Каина, родился третий сын, по имени Сет (Set) [19]. Этот Сет жизнь свою провел в благочестии, и потомков своих, Патриархов, от плоти которых произошел Христос, наш Господь Бог и Спаситель, воспитывал в тех же добрых и богобоязненных обычаях, и усиленно размножал и расширял славу Бога истинного.

Иосиф в «Древностях Иудейской истории» пишет, что Адам и сын его Сет, осененные мудростью и знанием дел небесных, сделали две большие таблицы, одну медную, а другую каменную, на которых вырезали волю Бога, его учение и пророчества, с помощью которых и было сохранено Слово Божие.

А также поставили два столпа, один каменный, а другой кирпичный, чтобы приглядывать за небесными светилами, так как Господь Бог собирался покарать весь свет двумя бедствиями, потопом и огнем. Но не ведали, какая кара придет первой, поэтому каменный поставили для того, что если Господь Бог сначала разрушит мир водой, то останется каменный столп, а если огнем, то каменный столп рухнет, а кирпичный останется на память потомкам и как древний знак. **Буквы и астрология.** А еще пишут, что эти два Патриарха разделили бег времени или год, как положено, на двенадцать месяцев, и Божьим наущением впервые изучили дивный ход небесных светил и их обращение и потомков своих этим наукам выучили. Ибо не может быть такого, чтобы простой разум людской мог освоить и понять такие субтильные, высокие и преудивительные вещи, если эти их сведения и познания им не объявил бы сам Господь Бог. Так что науку Слова Божьего, изобретение букв для письма и все науки, сколько их есть, следует приписать прежде всего Богу, а потом Адаму и Сету. О чем также имеем много свидетельств у греческих историков, что все науки и письменность изобретены еврейскими Патриархами, о чем и Геродот пишет в пятой книге, что все науки и буквы греки взяли у финикиян (Phenikow), которые тоже были из еврейских народов, хотя греки, в соответствии со своими обычными баснями, многое приписывают своему Кадму (Kadmusowi) и прочим. **Геродот, кн. 5.**

А Бероэс в кн. 1 *Antiquitatum in ipso operis sui Exordio*, убедительно пишет, что перед потопом Халдеи (Kaldejczykowie) халдейскими письменами описали пришествие бедствий и вырезали на каменных столпах, пытаясь усмирить злобу гигантов (obrzymow), злых людей, потомков Каина, откуда и пошла халдейская письменность или же первая не еврейская, либо одна произошла из другой. Патриарх Сет, сын Адама, жил 912 лет

согласно заметкам Тилемана Стеллы (*Tilemannum Stellam Signensem*) [20]. А когда у него родился сын Енос, ему было 105 лет, что Бельский, не изучив Филона и других старинных докторов, принял за его полный возраст. Адам тоже, чувствуя приближение смерти и [готовясь] явиться перед Богом, вызвал к себе жену, сыновей, дочерей и всех потомков своих, наставлял их и увещевал, чтобы берегли и соблюдали волю Божию и в боязни Божьей, и в боязни Его жили. Проповедовал им также о двух бедствиях, которые должны прийти в мир из-за отвратительной людской злобы: одно в виде потопа, а другое в виде огня. А потом, дав всем последнее благословение, сразу расстался со светом в возрасте 930 лет и за 126 лет до рождения патриарха Ноя.

Енос, сын Сета, внук Адама, тоже степенно и набожно служил Господу Богу постоянными молитвами и жертвами, и в том же благочестии воспитал сыновей и своих потомков. Их генеалогию и возраст каждого из них, вплоть до потомков патриарха Ноя и его сыновей, от которых распространились по свету все людские народы, потом увидишь в составленной нами с [немалыми] трудностями Таблице.

Умер патриарх Енос, прожив 905 лет. Здесь мы опускаем другие еврейские истории, которые каждый может прочитать в Библии и у Иосифа в «Иудейских древностях», ибо для нашего начинания так далеко заходить не требуется.

В Святом Писании Моисеевом и у Бероэса, Иосифа, Филона, [а также] и у других имеем, что Господь Бог весь мир покарал потопом в году от сотворения мира 1656. **Бытие 5 и 6; Иосиф, Иудейские древности, кн. 1, гл. 3; Бероэс, кн. 1; Филон и другие толкователи Библии.** Ибо каждое существо извратило свой земной путь, и Писание перечисляет те первейшие грехи, которые жестоко оскорбили Бога: прежде всего гордыня [по отношению] к Богу, своему творцу, своеволие, мужеложство (cudzolostwo), развратное прелюбодеяние (porubstwo), притеснения и жестокости сильнейших над тихими, убогими и менее сильными, из-за чего Господь Бог и грозил миру истреблением через потоп. Но прежде чем до этого дошло, из милосердия своего решил предупредить Ноя, которому тогда было лет 500, и которого более всего возлюбил из-за его благочестия, ибо [он] гигантов или исполинов (obrzymow), потомков Каина, удерживал от распутных злодеяний и увещевал, чтобы исправились. И для постройки судна или корабля и для исправления злых людей дал ему время сто лет, а Иосиф кладет 120. Но те исправляться не желали, а, напротив, приумножали злобу к злобе и насмехались над Ноем, который строил на горе корабль.

Патриарх Ной вступает на корабль. Итак, патриарх Ной, которому уже исполнилось 600 лет, по воле Божией вступил на корабль со своей женой и с тремя сыновьями: Симом, Хамом и Иафетом, и с женами их, [имена которых], как пишет Бероэс: Титея, Пандора, Ноела и Ноегра [21]. Набрал также с собой Ной всяческих зверей, живущих на земле и в воздухе, чистых по семь пар [22], а нечистых по паре: самок и самцов, чтобы плодились и размножались, и запасся необходимыми для этого продуктами.

Итак, в году 1556 от сотворения мира, 17 апреля, открылись вдруг бездны глубокого Океана и всех морей: восточных, западных, северных и внутренних (miedzy ziemskie), а также и реки внезапно и с великой силой вылились из своих берегов на людские надежды.

Облака также окропили росой и спустили сверху страшный проливной дождь, который беспрерывно лил 40 дней и 40 ночей. И вода захлестнула, затопила и погрузила [в себя] весь мир и весь род людской, зверей и все живое, кроме самого Ноя, который вместе со своими укрылся на корабле (w korabiu). Там он жил, плавая над высокими скалами в течение целых тринадцати месяцев, ибо на этом уровне (w swej mierze) вода стояла 150 дней.

Где остановился корабль Ноя. А когда вода спала и показались вершины гор, ковчег (okret) остановился в Армении, на очень высокой горе, называемой Тавр (Taurus), а по Бероэсу Гордия (Gordieus), а по святому доктору Епифанию в стране Кардия (Kardienskiej) [23] на горах, называемых Арарат и Лубар [24], где еще [сохранились] знаки, указывающие на [пребывание] этого корабля.

А когда земля уже высохла, Господь Бог повелел Ною без опаски выходить из корабля, в котором [он] прожил целый год и месяц. В то время Господь Бог как бы заново сотворил и утвердил новый мир, ибо сначала благословил Ноя и потомков его, и обещал ему более так жестоко не мстить, из-за человека землю не проклинать и мир водами не заливать. И в знак подтверждения примирения и вечного мира между собой и человеком дал в залог радугу или румяно-бурую дугу на небе, которая и ныне иногда перед дождем, но обычно после дождя в виде дуги показывается на разных облаках [25].

Божий наказ Ною. А когда Господь Бог уже пообещал Ною больше земли потопом не заливать и людской народ так жестоко водой не губить, перед этим поставил условие, о котором пишет Филон в книгах *Biblicarum Antiquitatum*, что если живущие на земле люди будут грешить, то напустит на них (rozsadze ich) либо голод, либо меч, либо огонь, либо смерть от морового поветрия, землетрясения и т.п.

Воскрешение мертвых и Судный день. А когда наступит урочный час, тогда придет свет и сгинет тьма, и умершие воскреснут и спящие подымутся из земли, и ад вернет долг свой и погибшие [души] вернут свою честь, чтобы я (говорит Господь Бог) каждому воздал по делам его и по плодам замыслов их, пока не рассужу между душой и телом. И начнется [новый] век и угаснет смерть, и ад затворит уста свои и т. д. И будет земля другой и небо другим, и праведная жизнь [будет] на века. Вот так сам Господь Бог решил ясно предупредить Ноя о судном дне и о воскрешении мертвых.

Господь Бог также разрешил Ною и потомству его употреблять мясо зверей, скота и другую пищу, которую люди до потопа не знали и не употребляли, ибо если и охотились, то только ради шкур.

Закон о человекоубийстве. В то время Господь Бог также установил закон, чтобы человекоубийц (mezobojcowie) по решению верховного суда предавали смерти так же, как они убивали других, а кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется [рукою человека], ибо человек был сотворен по образу Божию. **Бытие 9, Матфея, 26.**

Ной впервые изобрел вино и сам первым его выпил. Ной, будучи в то время господином всего мира, начал также развивать разнообразные хозяйства, относящиеся к

земледелию, [в том числе] получению и распространению вина. И с этим вином сначала сам намешил старушек (staruszek uweselil), ибо лежал будто мертвый, бесстыдно раскрывшись. Это увидел его средний сын Хам и не прикрыл отцовской наготы, а насмехался над ним, указывая на него другим братьям.

Хам-чародей. Бероэс в *книге 3* пишет, что этот Хам был близок к чернокнижным наукам и колдовству, отчего был назван Зороастром (Zoroastes) [26]. [Он] тогда якобы собирался пьяного отца заколдовать, чтобы потом был как скопец (rzezaniec) и не был способен к оплодотворению.

А Сим и Иафет, другие братья Ноя, движимые истинной сыновней любовью, стыдливо отвратили очи свои и прикрыли [наготу] отца своего.

Ной благославляет достойных сыновей Сима и Иафета и проклинает Хама. Потом отец Ной, проспавшись (przecuciwszy sie), за достойную заботу о себе благословил их, а потомство Хама проклял, говоря: «Размножь, Господь Бог, Сима и расширь Иафета и потомство их на века, а Хам с потомками своими пусть вечно будет слугой им».

Три должности трех сыновей Ноя. Там же тогда назначил трем сыновьям три должности, чтобы каждый из них жил в стране [вместе] с родственниками, [оберегая] границы от соседей. И сказал им: «Ты, Сим, молись, приноси жертвы и ведай святым Писанием как священник. Ты, Хам, пахотой, ремеслом и прочим необходимым хозяйством занимайся как крестьянин. Ты, Иафет, тех двоих суди и защищай, как король и шляхтич, а границы их расширяй, ибо [имя] Иафет истолковывается как расширение».

Латинским же языком скажем короче: *Tu Sem ora, Cham labora, Japhet rege et protege. (Ты, Сим, молишься, Хам трудится, Яфет царствует и защищает).* И так Ной своим решением и постановлением как должно распределил эти три должности между тремя сыновьями и для всего народа. И без этого порядка ни одна монархия и ни одно королевство долго устоять не сможет, если будет умалять (wykracaly) эти три должности по ограничению и умиротворению своих сословий (как это ныне у нас творится при великом упадке Речи Посполитой).

Установление года. Как пишет Бероэс, Ной также научил сыновей и потомков своих теологии и богословской науке (w rzeczach Boskich) и оставил им книги, в которых описал великие тайны природных явлений. Научил их также науке об обращениях небесных светил (biegow niebieskich) и разделил год на двенадцать месяцев в соответствии с движением Солнца. И преподал им из той науки все, что имело отношение к году.

Ной умер. Потом, после потопа прожив 350, а всех лет от своего рождения 950, расстался со светом, дождавшись внуков и потомков своих и оглядывая сыновей и правнуков. А всех пращуров [27] было двадцать четыре тысячи и сто взрослых мужей, не считая их жен и детей, которых было вдвое больше. Ибо, как пишет Бероэс в *книге 3*, при каждом рождении постоянно рождалось по паре детей мужского и женского пола, также и их дети, когда дорастали до брачного возраста, разом выдавали из себя парные плоды. *Neque enim unquam Deus vel natura defuit rerum necessitati, quae ad universi orbis spectat opulentiam, etc.*

Haec Berosus.(Тот, кто ищет в мире богатства, никогда не нуждается ни в Боге, ни в природе. Это [говорит] Бероэс.). **Berosus, lib.3.**

Сыновья же никогда не умирали на глазах своих отцов, а после их смерти заступали на их место с той же плодовитостью, кроме Авеля, который умер не своей смертью.

Аран умирает прежде (in conspectus) своего отца Фарры. И длилось это благословенное [время], как считает Епифаний, три тысячи триста тридцать два года, и ни один сын не ушел из жизни [на глазах отца], только один сын Аран (Aran) умер перед лицом отца своего Фарры (Thara) из-за идолопоклонничества, к которому пришел собственным умом, лепя изображения идолов и божков из глины [28]. **Бытие, 11.**

Ксенофан [29] о потопах. Были также и другие потопы, которые заливали определенные части земли, но не весь мир сразу, как при патриархе Ное. Ибо Ксенофан (Xenophon) [в книге] *de Aequivocis* так описывает другие потопы и перечисляет их в таком порядке. Потопов (говорит он) было много. Первое заливание земли водой, длившееся девять месяцев, было при Огиге (za Ogigesa) древнем [30]. Относительно Ноя он рассуждает, как язычник, ибо первого Огига выше называет прадедом Нина (Ninusowym) [31], который укрыл род людской от потопа в корабле, хотя Святое Писание свидетельствует, что Ной провел в ковчеге (w korabiu) 13 месяцев. Второй потоп был Williacki (сельский?), при князьях Геркулесе и Прометее, и продолжался один месяц. Третий длился два месяца при Огиге Афинском [32]. Четвертый, в Ахее, [длился] три месяца. Пятый, Фессалийский, при Девкалионе, короле Фессалии, сыне Прометея, в году до рождения Господа Христа 1540 по подсчетам Кариона и других. **Карион, кн. 1.** Во то время половодье так залило всю Грецию, что потопило много городов и замков с имуществом и людьми, кроме тех, которые вовремя убежали на гору со своим королем Девкалионом. Как пишет Овидий в книге 1 «Метаморфоз», в то время весь мир был сметен потопом из-за злобы людской, и спаслись от этого бедствия лишь Девкалион вдвоем со своей женой Пиррой благодаря своей набожности. **Овидий. Метаморфозы, 1.** И снова размножили род людской, хотя были в очень преклонном возрасте, ибо Девкалиону было тогда 82 года. Богиня Фемида (Themis) научила их, чтобы бросали перед собой кости своей матери, из которых оживут сыновья и дочери (dziewki). А Девкалион, будучи смышлен умом, понял, что мать — это земля, а ее кости — камни. Поэтому камень, который бросал Девкалион, становился мужчиной, а который Пирра — женщиной. *Inde, lapideum hominum genus* (*оттуда [и пошли] каменные люди*), и от этого (как говорят) пошел народ людей каменных, злых, упрямых и черствых [33]. Шестой потоп был в то время, когда Парис увез Елену из Лакедемона в Трою. Седьмой потоп был, когда в Египетской земле залило Фарос. А от всемирного потопа при Ное до рождения Девкалиона тот же Ксенофан считает 700 лет, в чем ошибается.

Платон в книге о природе (*in lib. de Natura*) также упоминает о разговоре мудреца Солона с древним египетским жрецом в египетском городе, который зовется Саим (Saim). Пеняя на ничтожность греческих историй, которые помнят только один потоп, хотя перед этим было очень много потопов, [жрец] говорил ему: *O Solon, Solon, Graeci pueri semper estis, nec quisquam e Graecia senex, quia iuvenis semper vobis est animus in quo nulla cana scientia,*

etc. (*О Солон, Солон, греки всегда остаются детьми, и нет среди греков старца. Вы дети по уму, в котором всегда есть пробелы в знаниях*) [34].

Глава вторая

О разделении языков

при строительстве Вавилонской башни и размножении многообразных и различных народов от трех сыновей Ноевых в году после потопа 131 по Бероэсу и от сотворения мира в 1787 году по древнееврейскому счету

В пятом поколении после страшного потопа, в году 131 по Бероэсу, Флавию и Епифанию, когда люди, родившиеся от трех сыновей Ноя, размножились в великом и несметном числе, и все люди были почти одного наречия и одного языка, князья и воеводы их, старших из которых было семьдесят и два, немедленно двинулись из упомянутой страны Арарат [35] от горы Лубар и от границ Армянских и расположились все на полях Сеннаар, которые избрали себе как наироскошнейшие. Эти поля с тем же названием и ныне находятся в одной персидской стране.

Для чего строилась Вавилонская башня. И там, приняв тогда решение о строительстве города и башни, в тех Халдейских и Ассирийских полях Сеннаар над рекой Евфрат начали строить Вавилонскую башню, желая заложить там главную столицу своего королевства и подчинить своей власти другие народы. И вершину башни вознести до неба, чтобы оттуда первейшим среди людских народов было звание вавилонянина, а также чтобы Вавилония была названа королевством над всеми королевствами. [А также] для того, чтобы в этой башне защититься от Бога, если бы он захотел снова покарать их потопом. А еще, как пишет Филон в *Biblicarum Antiquitatum Libro* [36], хотели имя и славу вечную учинить себе на земле, [для чего] каждый из них вырезал и написал свое имя на каменьях и на обожженных кирпичах. И из этого материала задумали строить башню, вершина и кровля которой должны были достигать неба .

Смешение и разделение языков. Но это их дивное и гордое начинание Господь Бог обратил в ничто, как свидетельствует Святое Писание. Ибо когда башню от фундаментов начали возводить вверх, случилось, что до этого все как один говорили на родном языке отцов, едином от первого патриарха Адама, еврейском или, как некоторые считают, халдейском, и вдруг родной язык им изменил, и каждый из них начал говорить на другом языке, а особенно семьдесят два старших князя, которые были причиной и начальниками строительства этой башни. **72 языка.** И тотчас же один язык у них превратился в семьдесят два языка, и с того часу произошло разделение языков, так что один не мог уразуметь другого. И вся эта работа по [постройке] Вавилонской башни так и осталась незаконченной. *Епифаний (книга 1, том 1)* же пишет, что и [саму] башню Господь Бог выворотил из фундаментов страшными (gwaltownemi) ветрами.

А сыновья и потомки Ноя разбежались в разные стороны, одни налево, другие направо, каждый народ со своими князьями согласно языку, поименованному в Библии. А когда Ной был у них патриархом, он еще при своей жизни, как пишет Бероэс, разделил свет на

три части и обозначил их Азия, Африка и Европа. И те щедро размножились с начала вывода потомства и различных народов от трех сыновей Ноя: Сима, Хама и Иафета,.

Поселения потомства Сима. Сим, старший сын Ноя, от которого произошел и родился господин Христос, избавитель и навеки наш Бог, а до того времени [просто] правдивый человек, завладел страной, лежащей на восход солнца, у реки Евфрат, и всю восточную Сирию заселил своим народом.

Потомство Сима.

Пять сыновей.

От Элама, старшего сына Сима, ведут свой род Эламиты и Персы, народ, славный мужеством и монархией. **Персы.** О поколениях народа эламитов также упоминает и Ксенофонт (Xenophon) [37] в своих книгах, которые пишет о Кире. **Кир.** Этот Кир, будучи монархом Персии и королем почти всего тогдашнего мира, правил, по словам обычных хронистов, в году от сотворения мира 4443, а по подсчетам Кариона [38], считавшего по Гелиосу, в году 3443 [39]. Элам, согласно выкладкам евреев, означает Юноша, Подросток, а персы почитают его и ныне. Я и сам, когда был в Азии в году 1574 от рождения Господа Христа, своими ушами слышал, как простой народ при своих молитвах взывает: *«Halaha Elam!»* или *«Halahu hali!»*, то есть *Боже* и *Али*, или: *Элам, патриарх наш!* При этом неизвестно, то ли поминают своего патриарха Элама, сына Сима, то ли Али, зятя Магомета, который дал им [их] закон. Ибо турки взывают: *Halaha Mechmet,* а персы, хотя [их религия] мало отличается от веры Магометовой, *Halaha hali* [40]. Однако ясно, что персы ведут свой род от Элама, сына Сима и внука Ноя и т. д.

Асур, второй сын Сима, по Тилеману Стелле означает Благословенный, однако Ремигий, епископ Оксерский (Antisirodenski) [41] толкует это имя Асур *Elatus*, то есть Высокомерный. Поэтому Господь Бог у пророка Исаии в десятой [главе говорит]: *Бич негодования моего Асур* (Rozga zapalczywosci mojej Asur). ***Vel Assur, beatus, elatus, aspiciens, gradiens etc.*** *(Взгляну на успех надменного сердца царя ассирийского и на тщеславие высоко поднятых глаз его)* [42].

От него происходит народ ассирийцев, он же заложил и построил в Ассирии славный и великий город, названый Ниневией (Niniwen), в который был послан пророк Иона. А толкуется Ниневия как жилище или Дом Нина, Нин же означает сын, о чем найдешь у *Исаии* 14, и т. д. **О Ниневии и ассирийцах читай также Вола[терана], кн. 11; Страб[она], кн. 16 Географии; Исаию 10 и 14.**

Имя третьего сына Сима Арам означает Знатный и Высокий, от него пошли Сирийцы и Дамаскинцы. **Дамаскинцы и сирийцы.** А стольный город Сирии, в котором ныне панует турецкий Беглербег, это Дамаск или Дамашек (Damaszek), по дороге в который святой Павел излечился от слепоты. ***Деяния* 9.**

Также у Исаии в седьмой [главе] написано: Глава Арама — город Дамаск. Как известно из Бытия 10, сыновей Арама было четверо: Мес, Геттер, Хуц и Хул (Mes, Getter, Hus i Hul).

От Месса и Геттера, как, собственно, и получается от соединения этих двух имен, произошли Массагеты, народ великий и славный, [живший] над Каспийским морем при устье реки Волги, где ныне Астраханская орда, которой владеет Московский [царь]. О них пространно и часто пишут Геродот в истории Кира и Квинт Курций в [истории] Александра, а также Птолемей и Эней Сильвий.

Арфаксад, четвертый сын Сима, означает Исцеляющий (uzdrawiajaci) либо Разорение и Завоевание. **Халдеи.** От него пошли халдеи, а от его же внука Евера (Hebera) или Евра (Hebra), сына Салема [43], который заложил Иерусалим, произошли Евреи (Hebreowie), то есть странствующие (pielgrzymujacy). **Евреи** (Zydowie) [произошли] **от Авраама и от Евера.** Из этого поколения вышел и Авраам, отец и предок всех евреев, как читаем у Моисея в одиннадцатой книге Народов (Rodzajow). **Бытие 11.**

Евреи. Ясно, что Господин Христос родился от Арфаксадова поколения и от Сима, первородного сына патриарха Ноя.

От Луда, то есть Рожденного, пятого сына Сима, по мнению некоторых, размножились Лидийские народы в Азии.

Потомство Хама.

Хам, средний сын Ноя, завладел той страной, которая расположена на юге Африки, в Египте и Негритянской (Murzynskie) земле.

Хуш (Chus), первый его сын, размножил негритянские народы до крайних пределов Африки, где начинается славная река Нил, как написано в книгах Народов (Rodzajow) 1 [44]: Хуш окружил все земли и т.д. Поэтому и Птолемей, который описал весь свет, помещает народы Хушитов в центральных районах Ливии [45].

Арабы. Сыновья Хуша Саба и Хевила: от Сабы пошли арабы и сабатеи, королева которых Саба [46] приехала к Соломону, прослышав о мудрости его. **Королева Саба. [3-я] Царств 10, 3; 3-я Паралипоменон 9; Матфея 12.** От Хевилы же широко распространились к заходу солнца и к югу и размножились некоторые народы Индийских островов. **Индийские народы.**

Нимрод (Nemrot). Сын Хуша и правнук Ноя Нимврод (Nimbrot) или Нимрод, то есть горец и свирепый пан, которого Бероэс называет первым вавилонским Сатурном (Saturnusem), [был] из народа Гигантов или исполинов. **Бероэс, кн.4 Antiquitatum.** Он первым сам начал править в Вавилонии так сурово, что силой принудил к подчинению соседние народы прилегающих [стран], объединив их все как бы в единую монархию либо самодержавие (Jedynowladztwo) и в одно целое под своей властью. **Первая монархия Вавилонская.** От этого Нимрода и пошла первая в мире Вавилонская монархия, по Бероэсу, в 131 году от потопа, о чем упоминают и Ксенофан, и Святое Писание.

Войны. С того же [времени] начались войны и принуждение свободных народов мечом и силой к покорности и подчинению королям. Ибо до этого главное значение имело

уважение и почтение к отцам, так что старшему отцу другие младшие были послушны. Но потом из-за дерзости и преступности людей их обычаи изменились и быстро начали портиться. И сразу же те, кто был старше и могущественнее, начали силой, войной и насилием учреждать разные царства и руководящие должности. Поэтому Святое Писание называет Нимрода могучим и крепким ловцом (lowcem) перед Богом, а *ловец*, по мнению святых Докторов [47], это тот, кто силой и войной принуждает людей к покорности. Что касается прибавления *перед Богом*, то это значит, что сам Господь Бог дарует ему мощь и силу, счастье, успех и победу на войне, в становлении и утверждении власти и царствовании над простым народом ради дисциплины (karnosci), богобоязни, суда, послушания и справедливости, а такого порядка без верховной власти быть не может. Но послушание верховной власти праздно и непродолжительно без помощи Божьей, как говорит пророк Даниил: Господь смещает, основывает и утверждает царства [48]. А Ксенофан в [своей книге] *de Aequivocis* [49] пишет, что древних королей, тех, которые основывали великие города и царства, народ называл Сатурнами (Saturnusami), а их первородных сыновей звали Юпитерами (Jowiszami), а дочерей Юнонами, и т. д. [50].

Вавилонская башня. Поэтому Бероэс говорит, что этот вышеупомянутый Нимрод, первый Сатурн, правя в Вавилоне на полях Сеннаар 56 лет, возводил башню от основания до высоты и величины гор в знак того, что [именно] там навеки должно быть Царство Царств. Но в этом ошибался, ибо власть потомков Нимрода из-за того проклятия, которым Ной проклял поколение Хама, длилась недолго, так как у Ассирийцев было уже новое царство. **Вторая Ассирийская монархия в Ниневии.** Ассирийская монархия пошла от Ассура, сына Сима, который основал Ниневию и силой овладел Вавилоном. Об этом пишет также и Диодор Сицилийский.

Египетское царство. Мицраим (Mesraim), второй сын Хама, завладел страной, лежащей над Красным и Средиземным морями у реки Нил, которую потом назвали Египтом от короля Египтуса, изгнавшего брата Даная (Danaa) и правившего Египтом 68 лет [51]. А египетские короли, согласно их царскому достоинству, были потом названы фараонами, как о том пишет очень древний египетский историк, первый после Бероэса, по имени Манефон [52] в книге *de regibus Egiptiorum*, экземплярчик (exemplarzyk) которой есть и у меня. **Фараон по-еврейски значит рассеивающий, обдирающий** (rospraszajacy, odzierajacy) [53]. **А также там есть остров Фарос.**

А что Месраим или Мицраим, сын Хама, первым заселил Египетскую страну [своими] потомками, [подтверждается тем, что] и тогда и ныне турки и арабы Египетское королевство называли Мисраим или Мифр и Миссер (Misri i Misser), а евреи Микаим и т.п.

Сыновьями Мицраима были Лудим, Лаабим, Фут, Энаним, Канаан, Сидон, Хет, Нафтухим, Каслухим и Петрусим (Ludim, Laabim, Phut, Enanim, Kanaan, Sidon, Het, Naphtuim, Chasluim i Phetrusim)[54]. **Лидийцы и Лидия.** От Лудима, первого сына Мицраима, а не от Луда, сына Сима, пошли лидийцы и Лидийское царство в Азии, в котором правил тот богач Крез. Ибо из Египта очень близкий морской путь до портов Малой Азии, где находится Лидия, к тому же обычаи и одежда лидийцев очень похожи на египетские, как я и сам насмотрелся на оба народа в Халкедоне [55] и в Константинополе.

1574 год. Здесь в 1574 году у Амурата Селимовича [56], нынешнего нового турецкого императора (Cezarza) [собрались] послы от египетских беглербегов, африканских корольков и от лидийцев. **Rinoceros.** [Сюда прибыли] и папские послы, которые привезли с собой в подарок императору Риноцеруса (носорога). А из того народа Хамова и Мицраимова [был] собственной персоной король мавританского Феса, который недавно разгромил и убил португальского короля Себастьяна — к великому ущербу христианства [57].

Ливия. Негры. Югурта. Вторым сыном Хама (Chamow) [58] был Лаабим, от которого названа Ливия в Африке.

[Третий сын Мицраима] Фут, от которого размножились негритянские народы, называемые Фута [59], жившие в западной стороне Африки в районе Мавритании, в которой правил тот воинственный Югурта. Тамошние жители реку Фут, которая отделяет Мавританию от Нумидии, и ныне называют ее старым названием. Плиний тоже называет эту реку тем же именем Фут, а Птолемей в описании мира — Фтут (Phtut), но мне сдается, что Плиний именует и описывает лучше. Есть там также и город Фитис, и король Эпафус (Epaphus), который, как читаем у поэтов, встречался с Фаэтоном и выводил свое имя от того же Фута, сына Мицраима. А это имя Фут толкуется по-нашему как Завеса (zawiasa). ***Vel Phut Siriace intrepretatur Crassus, pinguis.*** *(Или Фут сирийцы истолковывают как Толстый, жирный)***.** Ибо Мавритания действительно есть [как бы] занавес и последняя граница земли, на заходе солнца прилегающей к великому Океану. Однако и в этом океане испанцы и португальцы с помощью мореплавания нашли за Мавританией и Африкой острова и страны, прежде неведомые людям и астрологам, [а также] и географам, которые мы теперь зовем Новым Светом.

Ананим. Енамим (Jenamim) или Ананим значит просто Родник (studnica) и источник вод. Он поселился в Египте в стране, которую мы зовем Киренаика (Cyrenenska) [60], и там заложил город Кирены, откуда хотят выводить свой род Цыгане (Cygani). **Киренцы или Цыгане.** Эта страна в Египетском государстве наиболее обжитая (najobsitsza) [61], о чем читай Саллюстия *de bello Jugurtino (Югуртинская война).*

А *Пиндар* и *Геродот* пишут, что в той же стране основали свои поселения аргонавты (из рода тех рыцарей, что плавали в Колхиду за золотым руном). Но еще более эта страна славится из-за удивительного источника, который местные жители назвали Солнечный родник. **Родник Солнца.** *Квинт Курций в книге* 4 *de gestis Alexandi Magni (Деяния Александра Великого)* пишет, что в полдень, когда в этих опаленных краях бывает наисильнейшая жара, вода [в источнике] становится как зимний лед, а когда солнце заходит, тогда теплеет, в полночь же варится как в котле из-за излишней горячести, а чем ближе к восходу солнца, тем холоднее, чтобы к полудню стать почти ледяной [62]. Там же, недалеко от этого родника или Солнечного источника, был знаменитый языческий храм бога Юпитера Амона (Jowisza Hammona), имя которого созвучно с именем Хама (ибо египтяне звали Хама Hamem, а другие Hamonem). **Quintus Curcius, lib. 4. Юпитер Амон.** Поэтому киренайцы называли Хама, деда Энамима, Юпитером Амоном и чтили его как бога и своего основателя.

Александр Великий. К этому храму за ответом и советом по трудной и небезопасной дороге ездил Александр Великий, а потом с гордостью писался сыном этого бога Юпитера Амона. О чем у Курция подробно найдешь в книге 4.

Был также ливийский царь Амон (Hamon), сын Тритона, который Титанами и женой Реей (Rehi) был изнан из своего царства на Крит, как пишет Бероэс в книге 5.

Тир и Сидон. Пятый сын Хама — Ханаан, то есть Купец. Он поселился в том краю в Сирии над Средиземным морем, где Сидон и Тир, а сидонцы и тирцы были наиславнейшими купцами и владыками морей, [особенно] в прилегающей части Средиземного моря. Сыновья и потомки Ханаана, перечисленные в книге Народов: Зидон или Сидон, сын Ханаана, означает Ловец. Он построил славный город и морской порт Сидон, откуда потом ушли жители, так как не смогли смешаться и ужиться в одном гнезде. И построили другой, не менее славный город Тир, тоже у моря. А Бероэс в книге 5 пишет, что Тир заложил Тир (Tiras), сын Иафета. **Бероэс, кн. 5.** Потом их потомки Тирий с Элиссой (Tirii z Elissa) или царицей Дидоной, приплыв в Африку, заложили и построили вельможный город Карфаген [63].

Другие сыновья и потомки Ханаана: Хет (Etheus), Иевусей, Аморей, Евей (Eueus), Гергесей (Gerueseus), Аркей, Цемарей [64] и прочие частично завладели страной над Сирийским морем, а частью осели в прилегающих горах Ливана. От них порознь расплодились народы ханаанейцев и филистимляне, которых еврей Филон зовет Аллофилами (Allophilami).

Хет (Heteus), сын Ханаана, от которого [произошли] хетты (Hetei), основал город Хеврон (Hebron), где долго жил Авраам, а потом у потомка Хета Ефрона, сына Цохара (Seo), купил место для погребения своей жены Сарры за 400 сиклей серебра, как об этом сказано в книге Бытия. **Бытие 23.**

Иерусалим. Гаваониты. Иевусей, другой сын Ханаана, правил в Иерусалиме и в Гаваоне (Gabaa), чьи жители, которые так хитро уговорили (ublagali) того Иисуса (Навина) [65], звались гаваониты (Gabaonite). **Иисус (Навин), гл. 10, 11, 12, 15 и 18; 3-я Царств 15, 4-я Царств 23; 1-я Паралипоменон 2, 2-я Паралипоменон 16.**

И хотя границы земель, которыми владели потомки Ханаана, измерены и ясно описаны в моисеевых книгах Бытия, но потом при Иисусе (Навине) и других королях [были] до основания стерты из-за проклятия Ноя, которым тот проклял все потомство Хама, не почтившего его как отца, а также из-за идолопоклонства, в котором [они] всегда пребывали и пребывают ныне, и из-за нечистой и противоестественной плотской любви и других злодеяний рожденных от Хама. Большую часть их рода Господь Бог истребил войнами и различными бедствиями, а на их месте в тамошних краях Ханаанейских, осуществляя (isczac) и выполняя свои обещания, которые дал Аврааму, Иакову, Моисею и Иисусу (Josuemu), своим дивным покровительством (foritowanim) поселил и умножил потомство Сима, израильтян, своих верных поклонников (chwalce), о чем нам ясно свидетельствуют книги Бытие, Исход и книга Иисуса (Навина). **Бытие 12, Исход 14, Второзаконие 34, Иисус 13, Числа 32 и 48.**

Итак, ты видишь, милый читатель, что Сим размножил свое потомство и основал свои поселения на восходе солнца, в великой Азии, где еще и теперь широко господствуют персы и ассирийцы, хотя некоторые из них приневолены турецким ярмом.

Асармат. Сарматы. Другой его потомок Асармот, сын Иоктана, внук Евара, правнук Салы, пращур [66] Арфаксада, который был сыном Сима, основал и размножил великие и обширные народы Асармотов (Asarmoty), названные от своего имени, которых потом с течением и сменой времен рзаличные историки именовали Сарматами. И под этим именем у историков объединены некоторые скифские народы и все наши предки: Москва, Поляки, Русаки, Поморяне, Волынцы, Литва, Жмудь и т. д. Подобным [же образом] и у Кромера, ученейшего и осведомленнейшего в своем деле историка в *гл.12 de rebus Polonorum* [67]. О тех же Асарматах упоминают Иосиф [Флавий] в *кн. 1, гл. 14 Иудейских древностей* и Моисей (Бытие 10). Однако о происхождении русского народа подробнее и шире узнаешь ниже, где я привлекаю для этого полторы дюжины (kilkidzesiat) историков.

Хавила (Hewilla), другой праправнук Ноя, сын того же Иоктана, осел в некоторых странах Индии над рекой Ганг, которые от своего имени, так же как Асармот Сарматию, назвал Хавила, о чем известно из книг Народов (Rodzajow), где сказано, что река Ганг течет по землям Хавилы [68].

А потомки Хама некоторое время владели землей Ханаанейской, Египтом, Эфиопией или Негритянской (Murzynskie) страной и Ливией. Потомство же Иафета распространилось и расселилось воистину по всей Малой Азии, а потом, раскинув свои поселения далеко на север, завладели многими странами в Европе и в части Великой Азии, так как не смогли поместиться в Малой. [И все это было] благодаря счастливому имени своего отца Иафета, которое означает Расширение. Он и есть наш предок, [предок] всех христиан.

О потомстве Иафета.

Иафет переводится с еврейского на наш как Расширение, Расширяющийся либо Красивый, а был он младший и последний сын Ноя, хотя Бероэс пишет, что когда Ной после потопа сошел с корабля, то через три года породил сына Ионикуса (Jonikusa). Этому Ионикусу халдеи приписывают изобретение наук звездочетства, астрономии и астрологии, великое мужество и пытливый острый ум. ***Jafet dilatatus, dilatatio, pulcher, persuadens, etc.*** *(Иафет — широкий, расширение, красивый, соблазнительный).*

Король *Субсирсадебет*. А Ионихус (Jonichus) имел сына Коздрона и внука по имени Субсирсадебет (Subsirsadebet), воинственного короля, который стал воевать еще до Нимрода и от реки Евфрат с боями пройдя через все Индийские края до самого Эдроосана (Edroosanu) [69], первым среди других воителей разрушил 67 главных городов и, как утверждают халдеи, всех своих потомков сам научил всяким рыцарским поступкам. Но Моисей об этом не упоминает, поэтому окончательный вывод потомков Иафета мы будем делать согласно доводам Святого Писания.

Иафет, сын Ноя, имел семь сыновей, имена которых: Гомер, Магог, Мадай (Madian albo Madaim), Фувал (Tubal), Фирас (Tiras), Иован (Jawan) и Мешех (Mosoch albo Mesta). Гомер

означает Заканчивающий или Прекращающий. ***Gomer, consumans, consumens, vel dificiens.*** *(Гомер — исполнять, потреблять или трудный)*. **Бытие 10**. От старшего сына Ноя произошли Киммерийцы, которые потом назвались Кимврами. От этого Гомера и его потомков кимвров пошли немцы, а от короля Твистона (Twistona) названы Тевтонами и Тудесками.

А также Готы, Половцы, Литва, Жмудь [70], Латыши (Lotwa), Ятвяги, древние Пруссы, Курши (Kurowie), Датчане, Шведы и Финны (Philandowie). А от сына Гомера Иафетовича, Фогорма (Togormy), и от тех же Кимвров и Готов верно и безошибочно пошли надежные генеалогии, в течение нескольких лет и многих месяцев постоянно и с великими трудностями прилежно собиравшиеся нами по надежным и убедительным источникам и с цитатами (miejscami) из книг многих историков, которые ниже мы и покажем, из-за чего далее перестаем говорить здесь об этом.

Магог (имя которого Карион в кн. 3 истолковывает как *народ, живущий под навесом*, ибо Гог означает палатка (namiot) или покров (dach)) — второй сын Иафета, от которого происходят народ Скифов и все Татары, а от них уже Турки, о чем и Бероэс в кн. 5 свидетельствует, что Магог основал в Азии царство, где ныне правят турки, хотя некоторые их орды размножились и от потомков Хама. **Бытие 10, Бероэс, кн. 5, Апокалипсис 20** [71]. От них же пошли Венгры или Угры, от реки Хугры или Угры (Hugri albo Jugri) [72], которая находится в московских державах. Переправившись через реку Волгу, [венгры] поразили Готов или Половцев, предков Литовских, живущих над Танаисом или рекой Доном и над (Азовским) морем, которое зовем Palus Meotis (Меотийское болото).

Венгры. Потом, в 383 году от Господа Христа, при императоре Грациане, [73] прибыли в Паннонию со своими вождями и князьями Кадикой и Кевой [74] и, второй раз изгнав готов из Паннонии, несколько раз наголову поразили римские и немецкие войска с их гетманами Макрином и Терриком. Силой овладев всей Паннониней, они поселились в ней и от имени своей отчизны, из которой вышли, Угарии (Juhariej) или реки Угры, и от своего имени назвали ее Угорской и Угерской (Juhasrska i Uherska) землей [75]. А ныне Москва и Русаки зовут их Уграми, поляки Венграми, латиняне Хунгарами (Hungarami), сами же себя они именуют Мадьярами, а турки зовут их Маджирами (Madzierami) и т. п. Ибо там же, недалеко от реки Угры, между реками Волгой и Танаисом, в Скифии есть широкие татарские поля, которые зовут Мадьярскими.

Аттила. Потом, после смерти Кевы и Кадики, в году от Христа 428 эти угры избрали себе королем жестокого воителя Аттилу, который, как свидетельствуют некоторые литовские летописцы, войной загнал Палемона с другими итальянцами из Италии аж до самой Жмуди и до Литовских полночных стран, о чем будет ниже. Однако же эти венгры, как и мы, в 980 году от язычества обратились к истинному Богу Христу [76].

Вот поэтому из потомства Магога и Гога теперь мы знаем только Татар и Турок, безбожных магометан, которых упоминает также и пророк Иезекииль, что [те] выйдут из полночных стран, [чтобы] в последний час широко разметать Израиль, то есть истинную Божью Церковь, ибо [они] не перестают все время совершать набеги на верных.

Апокалипсис 20. Об этом и другие пророки и святой Иоанн в Апокалипсисе говорили, что в последний век мира Гог и Магог отрекутся от Церкви Божией и т.п. **Бероэс в кн. 5 пишет, что Гог счастливо правил в Аравии** (Arabiej). В прошлом 1575 году, когда я вернулся от турок, я тоже написал стихи об обычаях (practikach), мятежах (rokoszach) и поступках турок, которые отдельными книжками напечатаны в Кракове под названием *О вольности Польской и Великого княжества Литовского*, и т. д.

Мадай (Madain) был третьим сыном Иафета, от которого размножились и назвались Мидяне (Medowie), широко распространившие свою власть на Востоке, сильные более всего рыцарской отвагой, о чем есть собственные свидетельства пророка Даниила и историка Геродота.

Иаван (Jawan) или Ион и Яон (Jon i Jaon) был четвертым сыном Иафета, от которого пошли все народы Греции. А еще Иаван с еврейского переводят как *defraudator* (обманщик), а по-нашему *zdradzajacy albo oszukujacy* (предающий или мошенничающий). Вероятно, из-за этого подобные прозвища греки обычно давали как имена своим патриархам [77], и из-за этого порока и сами попали под турецкое ярмо. **Янус.** А этого Ивана или Яна греки и латиняне именовали Янусом и изображали его о двух головах и лицах: одно спереди, другое сзади. И звали его *Ianum bifrontem* (Двуликий Янус) из-за того, что все греки и латиняне от него пошли и он их размножил. А когда собирались что-нибудь начинать, всегда того Януса славили отдельными молитвами и чтили как бога. К тому же с него обычно начинали новый год, назвав его именем первый месяц *Januarius* (Январь). Римляне также его храм (Kosciol) во время войны открывали, а во время мира закрывали.

А поэты звали Иафета попросту Япетом (Japetum), чему есть пример и в кн. 1 Метаморфоз у Овидия, который приписывает сотворение первого человека не чужому богу, а Янусу, сыну Япета, когда говорит:

Terra feras coepit volucres agitabilis aer,
Sanclius his animal mentisque capacius altae
Deerat adhuc: et quod dominari in caetera posset
Natus homo est sive hunc divino semine fecit
Ille opifex rerum mundi melioris origo
Sive recens tellus, etc.
Quam satus Japaeto mistam fluvialibus undis,
Finxit in effigiem moderantum cuncla deorum
Pronaque cum spectent animalia caetera terram
Os homini sublime dedit, coelumque tueri
Jussit, et erectos ad sidera tollere vultus, etc.

Суша земная зверям, а птицам — воздух подвижный.
Только одно существо, что священнее их и способней
К мысли высокой, — чтоб стать господином других, — не являлось.
И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира,
Иль молодая земля, и т.д.

Отпрыск Япета, ее замешав речною водою,
Сделал подобье богов, которые всем управляют.
И между тем как, склонясь, остальные животные в землю
Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо
В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи [78].

От того же Иона или Явана, сына Иафета, произошел греческий народ Ионийцы, которые объединили всех греков и обозначили их с помощью слова Ион, о чем имеем основательное свидетельство в пророчестве Данииловом [79]. Ибо царя греческого и македонского, которым был Александр Великий, сокрушителя (wywrociciela) и разрушителя (zburzyciela) персидской монархии, поразившего великого монарха Дария и овладевшего Персией и Вавилонией, звали король Явана. О чем пространно пишут *Квинт Курций, кн.* 4 и 5 *de rebus Alex. Magni*; *Юстин, кн. 11*; *Диодор Сицилийский 11* и *Геродот.* От того же Иона ((Jaona) называется и греческое Ионийское море.

Сыновья Иаона или Явана: первый Кетим (Киттим), то есть Бьющий (bijacy), от которого по верной генеалогии пошли македонцы, о чем нам явно сообщают из древности (iz starodawna) книги Маккавейские. То же пишут историк Стефан (Stephanus) [80] и Карион в кн.1, называя их не македонцами (Makedonami), а Махетим (Machetim) по-еврейски и Махети по-гречески, откуда и произошло имя Макетон и Македон (Macedon), а руссаки еще зовут с греческого Макидон (Maciedon) и Македония.

Второй сын Иавана Элисса (Elissa), от которого пошли Этолийцы (Eholles) в Малой Азии, а они были наипервейшими из греков.

Третий Тарсус (Фарсис), который построил главный город в Киликии, названный Тарс, и размножил в Азии народ киликийцев.

Доданим, четвертый сын Иавана, размножил додонцев [81] (Dodanejczyki) в Эпире, а из того Эпира был тот славный царь Пирр (Pirhus) Эпирский, который был страшен (silen) римлянам, оттуда же был и сокрушитель турецкой мощи Скандербег Кастриот. Габриель Фаценус (Gabriel Facenus) у Иовия (Joviussa) [82] сочинил этому Пирру такую эпитафию:

Epirus mihi parva quidem sed martia tellus,
Et patria et regnum et generosa bellica menti
Materies fuit, etc.

Эпир мне мал, но опыт боевой,
Отчизну, царство, гордый ум бойца
Имею при себе.

Эпирские делибаши. **Венецианцы зовут их стратиотами** (Stradioti) [83]. Ибо и ныне турецкий император из этого Эпира берет людей в основном для конного боя и для состязаний.

Жители из тех же додонцев завладели островом Родос (Rodum) и многими портами и странами в Азии, в Европе и в Италии, и от них же расселились и умножили греческие народы киприоты, критяне, калабрийцы, сицилийцы, массилийцы [84] и прочие. **Об этом читай Юстина в начале кн. 20 и в кн. 24, там найдешь, что и вправду все итальянские народы пошли от греков.**

А ты, мой милый читатель, ознакомившись с древнейшей и правдивейшей историей мира Моисея, который в Бытии 10 дивно описал Иавана, сына Иафета, и его вышеупомянутых потомков, что найдешь и в Паралипоменоне 1, увидишь там великое заблуждение греческих историков и поэтов, которые не ведали, что Иаван или Ион был их предок (ибо в то время еще не знали письменности) и придумали себе какого-то другого предка Иона, родившегося через несколько веков после Иафета от Креусы [85], дочери царя Эрехтея. И так, хотя об этом и судили великие умы, не читав священной истории, [они], к своему бесчестию (hanbie), сами себе урезали (ujeli) древность собственного народа. **Об этом же читай Диалоги Платона о природе и законах, где один египтянин философу Солону убедительно представил никчемность греческих историков.** Так и наш старина (staruszek) Меховский в *Chronicorum Poloniae* (кн. 1, гл. 1) и Ваповский почти то же самое [говорят] о никчемности греков, сошедших с верной дороги истории в своем намерении вывести народы славян (Slawakow) и нас, поляков, от того Иона, сына Гелиоса (Helisse) [86], что Кромер *acri judicio confutuje* (изобличает строгим судом); и о том же увидишь ниже в нашем [рассказе о] происхождении русского народа по верным сведениям. **Меховский в начале своей хроники. Кромер, гл. 14 и 15.**

Тубал (Фувал), пятый сын Иафета, от которого пошли Халибы (Chalibes), а лежит та страна Халибов в Малой Азии, названная от города Халиба (Chalibe), где из знаменитой горы щедро копают серебряную и железную руду [87], о чем писали и Гомер, и Вергилий: *Chalibeos que fraenos momordit, etc.* Вот поэтому в книге Бытия 4 Моисей упоминает Тувалкаина как первого кузнеца и мастера по железорудному ремеслу.

По соседству с халибами жили азиатские Иберы (Iberowie), которые в своих краях тоже имели полно всяких руд, и этим все и занимались, откуда получили свое прозвище, ибо иберы переводится на латинский как *Fossores*, а по-нашему рудокопы или хаверы (hawerze). Об этих халибах и иберах часто упоминают *Гомер* в *Илиаде 2* и *Аполлоний* в *поэме Аргонавтика*. Из тех же азиатских краев иберов и халибов турецкий император ежегодно берет очень много серебра в качестве десятины.

Геркулесов Гадес [88]. Согласно некоторым [источникам], потом эти иберы из Азии со своим князем Геркулесом доплыли (zeglowali) до Испании через Греческое (Эгейское), Адриатическое и Средиземное моря, где в морских теснинах, которые отделяют Испанию от Мавритании и Африки, Геркулес поставил два столба. **Иберы в Испании.** Азиатские иберы, увидев в Испании, как и в своей отчизне, горы, богатые золотой, серебряной и железной рудой, которые описывает и прославляет Юстин [89] в кн. 44, там же и поселились, и от своего [имени] назвали эту часть Испании Иберией. Потом они соединились с французами, которых тогда называли Галатами и Кельтами, и в результате совместного проживания объединились и слились из двух народов в один под названием

Кельтиберов (Celtiberii), как бы говоря *Кельты и Иберы*, как верно выводит Юстин, когда пишет о иберах.

Ливий, а также и Флор очень часто упоминают о многих (czestych) храбрых деяниях кельтиберов. ***Vide Livium et Florum ex eodem ac Justinum de rebus gestis Celtiberorum cum Romanis.*** Итак, азиатские и испанские иберы, а также кельтиберы ведут свой род от Тубала, сына Иафета. И хотя Бероэс в книге 5 пишет, что кельтиберов породил (fundowal) Иубал (Jubal), это одно и то же. С течением времени в богатых испанских краях потом осело очень много народов, когда со сменой тех давних веков часто бывало, что разные народы переходили с места на место, истребляя и изгоняя друг друга из стран лучших, богатейших и более пригодных [для жизни]. Как Африканцы, Арабы, Мавры, Карфагеняне, Римляне, Франки и Галлы, Норманны, так потом и Кимвры, Гунны, Вандалы, Готы, Гепиды, Аланы и другие предки французов, немцев, славян и литовцев часто совершали набеги на эти западные страны как теплые, удобные и богатые, и, если это был более сильный народ, то там он и поселялся. И так велика была щедрость золотых и серебряных руд Испании, что Ганнибал карфагенский, пока там правил, ежегодно брал из горных доходов двенадцать бочек чистого золота, как показывают нам оценки Плиния и Юстина. **Ганнибаловы доходы из Кельтиберии.**

Мосох или Мешех, что с еврейского на латинский переводится *extendens*, по-польски *wyciagajcy i rosciagajcy* (Вытягивающий и Растягивающий), названный, как излагает Тилеманн Стелла, либо от натягивания лука, либо от расширения и удлинения границ, был шестым сыном Иафета, внуком Ноя. ***Mosoch, extendens, attrahens, prolongans, vallans, vel saepiens.*** **Растягивающий, продлевающий, притягивающий, оттягивающий либо ограждающий.** Он и есть отец и патриарх всех народов Московских, Русских, Польских, Волынских, Чешских, Мазовецких, Болгарских, Сербских, Хорватских и всех, сколько их есть, народов славянского языка и происхождения, как об этом достаточно пространно, верно и доказательно увидишь ниже в [сделанном] великим призванием историков выводе народов Русских и Славянских. А сейчас мы упоминаем о Мосохе лишь для того, чтобы не разрывать порядок сыновей Иафета и его потомков.

Тирас и Тиригеты. Тирас (Фирас), седьмой сын Иафета, переводится на латинский как *destructor*, то есть Разрушитель, Портящий (Skazcza), тот, кто портит и разваливает построенное. Он [поселился] в третьей стране (Европе) и размножил народ Фракийцев, которых некоторые географы зовут Тирагетами, а ныне над всеми этими фракийскими народами господствуют турки. Тамошние жители разговаривают по-гречески, по-турецки и по-славянски, а в портовых городах близ моря и по-итальянски. Первейшие города во Фракии, которые я и сам повидал (swiadom), это Византиум, который ныне зовется Константинополь или Царьград, Пера, ныне Галата, Силиври (Silibria), Никополь; Галиополис (Kaliopolis), Лисимахия (Lisimachia) и прочие. Они лежат над Эгейским морем, Геллеспонтом и Пропонтидой. Адрианополь же лежит в поле, в четырех днях пути (jazdy) от Константинополя, над рекой Черноменом (Strimonem) [90], не столько большой, сколько прославленной поэтами. ***Strimonij grues*** [91]. В этом большом городе, широко раскинувшемся на горах, император султан Селим с превеликими расходами построил магометанскую церковь, которой, наверное, нет равной в нынешнем веке, как славят ее все и как я и сам видел [92]. Горы во Фракии тоже славнейшие, некоторые из них

возносятся до самого неба: Гемус (Hemus), Родопы, Орбелус (Orbelus) [93], прославленные музыкой Орфея, а ныне зовутся попросту Балканами. Особенно когда едешь к Болгарии, там две недели очень плохая дорога, я ее буду помнить, пока во мне душа держится. А кто там не был, пусть почитает Птолемея, Плиния, но лучше Гая Юлия Солина [94] *Polihistorem, глава 16*. **Выехав с этих гор, в канун Великой Пятницы мы с Тарановским ночевали, улегшись один на другого. Видит Бог, что в таких великих снегах лучше получить розог за малую вину.**

Бероэс в кн. 5 также ясно и убедительно пишет, что Тирас, основав Тир, содержал морские порты и в [эпоху] правления вавилонского царя Бела, второго сына Нимрода, основал Тракес или Траки (Traces, Traki) [названный] от своего имени [95]. А что некоторые, а особенно Стелла Тилеманн, хотят, чтобы река Тирас, которую мы зовем Нистрой, называлась от того же Тираса, сына Иафета, то и против этого мы не возражаем. Ибо хотя река Тирас или Нистра и Днестр (а это одно и то же) начинается с Русских гор вдали от Фракии, однако же впадает в Черное море [96] недалеко от Фракии, где я и сам перевозился [через Днестр]. А мне сдается, что итальянцы *генуэзцы*, которые до этого владели Таврикой, где ныне Перекоп, и иными замками в Валахии над рекой Днестром (Niestrem), из-за большой быстроты [течения] этой реки прозвали ее Тирас (Tiras), так как по-итальянски *Tirar* или *tirare* переводится как *стрелять*, а эта река, пролегая между скалами, на каменных порогах бежит так быстро, будто стрела из лука; но довольно об этом.

Сыновей Гомера, старшего сына Иафета, было трое: Асканес (Ascanes), которого Моисей в книге Бытия 10 зовет Ашкенез (Ascenez), Рифат и Тогорма (Фогарма). А от Асканеса, в чем сходятся все еврейские толкователи, пошли все Немецкие народы, которых сначала звали Асканами, а потом, приставив спереди обычный немецкий артикль, Десканами (Dieskanami), Двисконами, Твисконами, потом, с течением времени и изменением языка, стали звать их Тевтонами. Итальянцы и ныне зовут их Тудесками (Tudeskami), а сами себя на своем языке они именуют Дейче либо Дойче (Dejczami albo Dajczami).

Бероэс Вавилонский в кн. 4 *Antiquitatum* пишет, что в Европе сарматским королем отец Янус (Janus) сделал Твискона, который в 131 году от великого потопа правил от реки Танаис до самого Рейна. Тот же Бероэс в кн. 5 пишет, что Твискон создал величайший народ сарматов на 25 году правления вавилонского царя Сатурна или Нимрода, от потопа 156. Об этом я тоже подробнее написал при Русской Хронике. В любом случае Ашкенес или Асканес и Твискон был одним и тем же сыном Гомера, звавшимся двумя [разными] именами.

В Азии тоже была маленькая страна Аскания между Фригией и Вифинией (Bitinia), недалеко от Боспора Киммерийского, названная, по-видимому, от этого Аскенеса или Аскания [97].

Гомер *в Илиаде в конце книги второй* тоже упоминает страну Асканию и Аскания среди прочих князей, которые пришли на помощь троянцам против греков, согласно Эобану Хессу [98], в таких словах:

Fortibus inde Phrygum legionibus imperitarunt.
Phortisque Ascanique superbae munere formae
Praeditus: Ascania procul e distante profecti
Martis amore feri iuwenes et in arma parati etc.

Форкис и храбрый Асканий вели из Аскании дальней
Рати фригиян и оба, бесстрашные, боем пылали [99].

А так как в те времена разные простые народы из разных стран переходили на другие места и переменяли отчизну, сгоняя друг друга с лучших земель, то неудивительно, что и Аскании, потомки Аскануса, перебрались на другое место либо в поисках лучшей страны, либо вытесненные другими с родных полей. И Сабеллик [100] и Геродот, славные старшие историки, основательно пишут о потомках этого Асканеса: будто Кимвры, потомки Гомера, из рода которых был тот Асканес, были изнаны из Азии лидийским царем Алиатом [101]. Но так же быстро и по доброй воле меняли места не только сами Кимвры и Аскании или немцы Твисконы, но и Сарматы, Геты и Даки, которых ныне зовем Валахами; аланы Гепиды, предки литовцев; Саксы или Саксонцы и Венеты (Henetowie), и все они [пошли] от одного народа, порожденные от двух сыновей Иафета, одни от Гомера (Gomora), другие от Мозоха. Объединив свои силы и двигаясь из восточной Азии в северные страны, они сначала поселились над морем, которое зовем Меотийским, и в которое у Азова впадает река Танаис или Дон, текущая (plynaca) из Московских краев. И о тамошнем в то время совместном проживании этих народов греческими стихами прекрасно написал стародавний поэт Дионисий [102]. На латинский они переводятся так:

Attingunt multae Maeotidos ostia gentes,
Germaniquae, Getaeque et Sarmatae, Bastarnaeque
Dacorum sedes et fortia pectora Alani.

Меотидские врата влияли на многие народы,
[Здесь] селились Германцы, Геты и Сарматы, Бастарны [103]*,*
Даки и храбрые сердцем Аланы.

Итак, как в древности, так и ныне, эти народы жили вместе, объединенные и сплоченные соседством границ, как Германцы немцы с Готами, с Сарматами и Бастарнами, то есть с Русаками, с Москвой, с Поляками, и с предками литовцев храбрыми сердцем Аланами, как пишет о них Дионисий.

Почему Бероэс зовет Твискона сарматским королем. Похоже, что из-за этого Бероуэс считал Твискона сарматским королем, правившим от Танаиса до самого Рейна, ведь из-за общих границ немцы всегда жили в соседстве и во взаимной дружбе с сарматами Славянами (Slawakami). **Шведы и Датчане.** От тех же Германцев, Твисконов и Готов пошли Свионы, которых ныне зовем Шведами, а также Датчане, в землях которых и ныне язык всего сельского люда в деревнях отличается от немецкого и [происходит] от Гетов либо Гепидов.

С Гетами или Сарматами всегда были в близком соседстве Саки или Сассы (Sace albo Sassowie), которых Птолемей зовет Сасонами, а Ксенофонт в *пятой книге Киропедии* (*institutionis Cyri*) упоминает как соседствующих с Гирканцами Саков (Sakow), и это именно Саксонцы или Саксы [104], а Саксонские края мы и ныне видим по соседству с поляками и чехами. **В тамошних краях в Гиркании есть и другие народы из Скифов или Татар, которые Квинт Курций зовет Саги, Сагесы и Саки, а Тит Ливий, как и Ксенофонт, именует их Саками.**

Другие из того же немецкого народа осели в тех краях, где ныне старое и новое Маркграфство [Бранденбург], другие, которых историки зовут Венетами (Henetami), осели в Поморских краях, где Мекленбург, Старград или Старгород (Stargrad albo Starygrod), Росток, Любек и прочее. Здесь пользуются по большей части славянским языком [105]. Плиний тоже описывает Тевтонов как соседей Кимвров (Cymbrom), то есть Датчан, Пруссов и Литовцев.

Ариовист, король немецкий. Другие же, как Свевы или Швабы, Франки, Свеноны (Senonowie) и Сассы, не в силах поместиться в своих странах, со своим князем Ариовистом двинулись в Галлию (которая ныне зовется Францией), и там осели во многих краях, [которыми владели] римляне. А потом римский император Октавий Август выделил им для поселения просторное место между реками Рейном и Дунаем вплоть до Мена (Майна) и в сторону Франции, где и ныне много немецких княжеств и графств с разными названиями. **Немецкие народы.** Итак, все немецкие народы берут свое начало от сына Гомера, внука Иафета и правнука Ноя Аскенеса либо Аскания, который потом был назван Твисконом. Рыцарскую отвагу этого Аскания во Фригии и под Троей открыто славит знаменитый поэт Гомер и другие историки.

Сарматы и славяне. От Рифата, второго сына Гомера, внука Иафета, происходят восточные Сарматы, Венеты и Славянские народы. Иосиф [Флавий] тоже пишет, что от Рифата в Малой Азии размножились Пафлагонцы, среди которых были и Славяне, прозванные Венетами, о которых Аполлоний в поэме (in carmine) Аргонавтика по-гречески пишет, что в Пафлагонии был великий народ Венетов славянского языка.

Гомер тоже *в кн. 2 Илиады в каталоге троянских князей* (*Troianorum ducum catalogo*), так упоминает Энетов (Enety):

Principe Paphlagonum venere Pylemene turnae,
Ex Henetis ubi multorum genus erat agrestum.

Вождь Пилемен пафлагонам предшествовал, храброе сердце,
Выведший их из Генет, где стадятся дикие мески [106].

Говорится, что с князем Пилеменом не помощь [Трое] пришли пафлагонские полки из энетов [107], то есть сарматского народа Славян (Slowakow), бывших великим народом суровых мужей, простых пахарей, которых и ныне среди нас, славян, рождается больше, чем [ученых] докторов.

Когда жил Гомер. А с тем Гомером, наидревнейшим поэтом (который жил через 160 лет после Троянской войны и за много лет до основания Рима, во времена царствования у евреев Иосафата [108]), прекрасно согласуются как [известия] о предке немцев Асканесе, так и [известия] о Пафлагонах и Энетах. **Птолемей о Сарматах.** Этих Венетов Птолемей считал крупнейшим народом сарматов и славян, когда писал: *Sarmatarum gentes maxitae Heneti* (*Крупнейший народ сарматов — Венеты*).

От тех же венетов пошел воинственный народ Вандалитов. Хотя все идущие из Пафлагонии двигались над Понтом Эвксинским или Черным морем до устья Меотийского моря и реки Танаис, а потом, соединившись с другим потомством Иафета и Мосоха, заполнили большую часть полночных стран в Европе, однако еще до этого времени некоторые их потомки имели свои поселения в странах, где ныне [живут] Русаки, Москва, Литва, Подляшане, Поляки и старые Пруссы. Да и ныне Прусское и Поморское море от тех Энетов именуется Энетийским или Венетийским, а народы, живущие над тем морем, которые мне и самому хорошо известны, называются Венетами, Виндишами, Руянами, Вандаликами и Кашубами (Henetami, Windishami, Rugiany, Wandaliki i Kassubami). О чем читай Длугоша (кн. 1, стр. 10) и Меховского (кн. 1, гл. 9, стр. 12). И найдешь там, что Поморские и другие страны, которыми нынче владеют немцы, все были подданные поляков. А Лешко Третий, языческий князь польский, имел двадцать сыновей от различных наложниц и еще при жизни разделил между ними эти страны, далеко протянувшиеся вдоль моря, начиная от Мейсена (Misniej) в Вестфалии и вплоть до Висмара (Wismeriej), Oslacie (Олдесло?), Датского королевства и городов Росток, Гамбург, Бржеме (Brzemie) [109], который ныне называется Бремен, Любек и прочих. **Висмар (Wisimir) — город над морем, названный от польского князя Вышемира (Wissimira), о чем подробнее у Ваповского.**

И по той же причине короли Датский и Шведский пишутся Вандальскими королями, а немецкие князья Рюгена или Ругии, которая прежде от имени сербских славян [110] называлась Сербией, титулуются имперскими (Rzeskimi) князьями. **Титул** [императора] **Германской империи включает Вандальское королевство.** Ибо кто бы ни пожелал утверждать и писать иное, однако же Вандальский народ [111] происходит от Славянского, а не от Немецкого. И хотя Карион, сам немец, писавший немецкую историю, наверное, был бы рад приписать своему народу божественное [происхождение], рассказ о славянах Чехах, которые выгнали богемских Немцев из тех мест, где ныне Чешская земля, он начинает так.

Карион о происхождении вандалитов от славян. *Illud quoquae notatu dignum est sub hoc tempus venisse primum in Germaniam Vandalos, in qua etiam hodie magnam partem habent, utpote Bohemiae regnum, quae olim Germaniae fuit, etc.* (*В те времена заслуживает также внимания первое появление в Германии вандалов, большая часть которых в настоящее время обитает, например, в королевстве Богемия, некогда бывшим Германией, и т. д.*). *Chronicorum, lib.* 3, *Monarchiae* 4, *aetatis* 3. Также, говорит, следует припомнить из того времени, то есть в 433 году от Христа, что вандалы сначала пришли в Германию, то есть Немецкую землю, немалую часть которой занимают и ныне. Это Богемское или Чешское королевство, земля, которая до этого была немецкой, получившая название от немцев Баваров или Богемов (Bawarow albo Bemow). А потом (говорит Карион) славянские

вандалы богемцы стали зваться не Богемцами, а Жешками (Zeskami) (должно быть Чехами) от своего князя Жешки (Zeski) (должно быть от Чеха, брата Леха, от которого [пошли] поляки), имя которого дали себе и своей земле. Как видишь, и немец Карион пишет, что Вандалиты отличаются от Немцев.

О том же свидетельствуют и другие немцы: Куреус Стадиус (*Cureus Stadius*) *в Анналах Силезии* [112] о Венетах и славянах Вандалах и *Иоахим Камерариус Малый*, тоже немец, в [книге] *Наука о Числах. Этика* [113]. Тридентский собор (Consilium Triburienskie) [114] в *Грациансках декреталиях* (*Decretalibus Gratiani)* тоже упоминает самих Склавов (Sklawow), то есть Славян (Slawakow), как их называют итальянцы, народ, воевавший с венграми [115], в стародавнее время воевавших в западных христианских государствах. То же ясно подтверждает и другой немец, доктор Тилеманн Стелла Меченый (Signensis) в книге *Genealogia Christi de origine gentium* (*О происхождении и родословной Христа*), когда говорит: *Progressi autem Heneti a littore maris Euxini etc.* (*Энеты продвинулись от берегов моря Эвксинского и т.д.*). И, говорит он, двигаясь от Черного моря дальше, славянские Венеты заполнили значительную часть северной стороны (boku) Европы и еще удерживают там страны, которые ныне зовутся Россия (Russia), Литва и Польша. Это его собственные слова.

Венеты, славяне и иллирийцы. А когда эти Венеты, Славяне и Вандалиты согнали с отчих мест немцев, Гермундуров и Боев, то поселились в Богемии, то есть в Чешской земле, и в соседней Силезии, от них же и море в Пруссии зовется Венедским (Venedicum). Эти венеты, либо приведенные из Азии к Адриатическому морю троянским князем Антенором после разрушения Трои, либо пришедшие на помощь троянцам, как об этом рассказывалось выше, заполонили все земли в Иллирике. А может быть, в странах северной Европы они сильно размножились, а потом двинулись на запад в Иллирийские края как в более теплые и завладели этой житницей хлеба и вина, где и ныне повсюду живут славянские народы. Об этих же венетах Корнелий Непот, а также Плиний (кн. 6, гл. 11) упоминают, что в Италии народ венетов так размножился, что стал преобладать. То же [сообщает] и *Квинт Курций* в *Истории Александра Великого*. А *Тилеманн Стелла* говорит: *Nomino autem Henetos omnes ubicunquae consederunt, qui lingua polonica utuntur, eliam si dialectis diferant. (Там, где они поселились, названные венеты используют польский язык, хотя диалекты и различаются).* Я говорил, что все эти народы называют венетами, и там, где они поселились, некоторые из них пользуются польским языком, несмотря на то, что отдельные слова в их языках отличаются [от польского].

Итак, от Рифата, второго сына Гомера, внука Иафета, правнука Ноя, пошли Рифейцы [116], которые живут за Сарматами и Венетами. А само имя Венеты по своему звучанию переводится с еврейского как Скитальцы (tulajacy), так же как и греки других звали Номады, то есть перебирающиеся с одних пастбищ на другие.

И как указывает *Меховский* (кн. 1, гл. 2, стр. 3): *A montibus Sarmaticis elevationis poli 49 graduum, usguae ad mare Baltheum sive Venedicum, quod est sinus oceani Germanici 55 graduum et ubi mare non alluit elevatur polus 57 graduum et plus. (Сарматские горы вздымаются от 49 градуса до 55 градуса [северной широты] в Германии, у Балтийского или Венедского моря, которое является заливом океана и поднимается [к северу] до 57*

градуса и более, не омывая полюс) [117]. Эти беглые расчеты мы адресуем дотошным географам и астрономам

Комментарии

1. Этим интригующим подзаголовком Стрыйковский всего лишь подчеркивает, что его книга совершенно новая, выходит в свет впервые и до сих пор ни разу не издавалась.

2. Русский перевод названия труда Стрыйковского чаще всего звучит так: «Хроника литовская, *жмойтская* и всей Руси». Однако слово «жмойтская» не соответствует не только современным нормам литовского языка, но и написанию самого Стрыйковского, у которого ясно написано: «Жмодзка» (Zmodzka). Слово «Жмодзь» звучит почти одинаково со словом «Жмудь». Жмудь — устаревшее название западной части Литвы, жители которой именовались *жмудинами*. Теперь общепринятое название этой территории *Жемайтия*, что по-литовски означает «Нижняя земля», а восточная Литва носит название *Аукштайтия* («Верхняя земля»). В настоящем переводе мы будем употреблять слова «жмудь» и «жмудины» (а не «жмойты»).

3. Следует отметить, что до Стрыйковского не только белорусско-литовские, но и классические русские летописи никем, кроме разве что Длугоша, всерьез не исследовались и не подвергались исторической критике. В этом отношении наш автор действительно был первопроходцем, на полтораста лет опередившим Татищева. Читающая публика XVII — первой половины XVIII века с русскими летописями знакомилась не по оригиналам, а по пересказам Стрыйковского, причем так обстояли дела даже и в самой России.

4. По-латыни *os* — рот, орган речи, *ostendo* — показывать, выставлять. *Os ostendo* при желании можно перевести как «показывать с помощью органа речи». Таким образом, *осостей* — кто-то вроде глашатая. Стрыйковский хотел подчеркнуть свое происхождение от должностного лица. Якуб Стрыйковский, отец Мацея, был в Польше местным *возным*. Должность возного — нечто среднее между глашатаем и судебным исполнителем. Весьма примечательно, что конструируя себе латинизированное «отчество», наш автор пишет его не на польский манер (Осостевич), а на литовский (Осостевичюс). Смотри также примечание 4 к книге седьмой.

5. Аббревиатура «К.Ж.» (K.Z.), с которой мы будем встречаться и далее, означает «Каноник Жмудский». Это духовное звание Стрыйковский принял не позднее 1578 года по совету и по протекции своего покровителя Мельхиора Гедройца, епископа жмудского (1575-1609). Сан, впрочем, подразумевал и вполне материальную должность с соответствующим содержанием, что давало нашему автору возможность работать над «Хроникой», не слишком беспокоясь о хлебе насущном.

6. Овидий. Метаморфозы. М., 1977. Стр. 31, 42.

7. Марк Манилий. Астрономика. М., 1993. Стр. 33.

8. Генрих Корнелий Агриппа Неттесгеймский (1486-1535) — один из прототипов легендарного доктора Фауста. Стрыйковский ссылается не на его наиболее известное сочинение «Оккультная философия», а на книгу *De incertitudine et vanitate scientiarum* («О тщете наук»), вышедшую в свет в 1527 году.

9. Овидий. Метаморфозы. М., 1977. Стр. 33.

10. Антонио Манчинелли (1452-1505) — итальянский гуманист, педагог и филолог. Издатель учебников, в которых цитировал и комментировал античных авторов.

11. Епифаний Кипрский (332- 403) — один из Отцов Церкви, епископ Кипрский (367). Иудей, принявший христианство, он много странствовал, проповедовал, а после переселения на остров Кипр стал там епископом. Его резиденция находилась в кипрском городе Констанция, поэтому Стрыйковский и называет Епифания епископом Констанции (Epiphanius biskup Constantienski). Ярый обличитель ересей, одним из главных источников которых считал учение Оригена. См.: Творения Святого Епифания Кипрского. Ч. 1. М.,1863. Стр. 28.

12. Здесь подчеркивается, что Каин был земледельцем, тогда как Авель был пастухом.

13. Филон Александрийский (ок. 20 до н.э. — ок. 50) — эллинистический богослов и апологет иудейства. См.: Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. М.,2000.

14. Бероэс или Бероз, Беросс (Berosus) — халдейский (вавилонский) жрец, чье имя представляет из себя эллинизированое аккадское Бел-уцур, то есть жрец бога Бэла. Жил около 350-270 гг. до н.э. Написал историю Вавилона в трех книгах (на греческом языке), которую посвятил Антиоху I Селевкиду (281-261 гг. до н. э.). Эта книга, написанная в стиле хроники, охватывала события от начала мира и до Александра Великого и оспаривала греческие взгляды на историю Востока. Клинописные надписи подтвердили достоверность книги третьей как исторического источника. Бероэс ссылался на древнейшие халдейские сказания, якобы подчерпнутые им из архива какого-то из вавилонских храмов. У греческих и римских историков сочинение пользовалось большой популярностью, ибо позволяло заглянуть в наименее известную область древнейшей истории Передней Азии. Один из доминиканских монахов в 1498 году опубликовал в Риме на латинском языке книгу *Antiquitatum libri quinque cum commentariis Joanuis Annii,* якобы представлявшую из себя полный перевод книги Бероэса. Книга много раз перепечатывавалась, но в конце концов было установлено, что она является грубой подделкой. Подлинные отрывки сочинения Бероэса дошли до нас лишь в сочинениях Иосифа Флавия, Евсевия Кесарийского, Георгия Синкелла и других античных авторов, но и они представляются необыкновенно важными. См.: Berossos and Manetho, Native Traditions in Ancient Mesopotamia and Egypt. University of Michigan Press, 1997.

15. Внимательный и вдумчивый читатель уже с первых глав начинает постигать основные принципы творческой кухни Стрыйковского. Даже хрестоматийные библейские сюжеты

он излагает более наглядно, более толково и, главное, гораздо более подробно, чем они изложены в самой Библии. При этом автор щедро пересыпает свой рассказ ссылками на авторитетнейших богословов.

16. Творения святого Епифания Кипрского. Ч. 2. М., 1864. Стр. 83.

17. В канонической православной Библии сын Ламеха, который занимался музыкой, носит имя *Иувал*. См.: Бытие 4, 21.

18. В оригинале *rinstunkow*. В современном польском языке похожего слова нет, зато весьма вероятно его происхождение от литовского *rinktis* — собираться. А у славян было слово *ристало* — состязание.

19. В канонической православной Библии третий сын Адама носит имя *Сиф*. См.: Бытие 4, 25.

20. Тилеманн Стелла (1525-1589) — немецкий картограф, математик, астроном и библиотекарь, живший в герцогстве Пфальц-Цвейбрюккен. Из ссылки Стрыйковского следует, что Тилеманн Стелла занимался и богословскими вопросами. На его исторические труды ссылался Татищев.

21. Одно из этих имен (очевидно, первое) должно принадлежать жене самого Ноя, чье имя, как и имена трех жен сыновей Ноя, в канонической Библии так и не названо.

22. Насчет *семи пар* чистых в канонической Библии тоже ничего нет.

23. Согласно Епифанию, по стране *Кардия* протекает река Тигр.

24. В апокрифической «Книге юбилеев» среди прочих «гор Араратских» упомянута и гора *Лубар*, которая до сих пор надежно не идентифицирована.

25. В средневековой христианской символике три главных цвета радуги символизируют потоп (синий), мировой пожар (красный) и обновленную землю (зеленый).

26. Пророк Зороастр (Заратустра), как следует из зороастрйской традиции, жил в Бактрии в VII-VI вв. до н.э. Однако некоторые античные историки, например, Аристотель, предполагали, что он жил намного раньше. Считается, что Зороастру было дано божественное откровение, которое он и изложил в виде священной книги *Авесты*. Лингвистический анализ древнейшей части текста Авесты допускает, что ее автор мог жить в конце второго тысячелетия до нашей эры. Из ссылки Стрыйковского следует, что уже во времена Бероэса (IV-III вв. до н.э.) Зороастр каким-то образом ассоциировался с патриархами Ветхого Завета.

27. Слово *пращур* (praszczur) Стрыйковский и впоследствии употребляет не в привычном нам (и современному польскому языку) смысле *предок*, а как раз в противоположном — *потомок*. Смотри, например, примечание 202 к книге шестой.

28. Этого эпизода нет в канонической Библии, но он встречается в некоторых апокрифах. См.: Лемешкин И. Балтийская «басня» в составе хронографа 1261 года. Фольклорный нарратив о Совии. В кн.: Tautosakos darbai XXX. Vilnius, 2005. Стр.151.

29. Ксенофан (ок. 570-475 гг. до н.э.), которого не следует путать с *Ксенофонтом* Афинским — греческий философ, родившийся в Малой Азии, но большую часть жизни проведший в Южной Италии. Он прожил почти сто лет. Интересовался преимущественно теологией и космологией. Святой Ипполит в «Опровержении всех ересей» (I.14.1) писал о нем так: *Ксенофан думает, что земля смешивается с морем и со временем растворяется в воде, утверждая, что у него есть следующие доказательства: в глубине материка и в горах находят раковины. В Сиракузах, по его словам, был найден в каменоломнях отпечаток рыбы и тюленей, на Паросе — отпечаток лавра в толще камня, а на Мальте — плоские отпечатки всех морских существ. По его словам, они образовались в древности, когда все обратилось в жидкую грязь, а отпечаток на грязи засох. Все люди истребляются, всякий раз как земля, погрузившись в море, становится грязью, а потом снова начинают рождаться.*

30. Огиг — древний царь Аттики, который, согласно Орозию, жил за 1040 лет до основания Рима. Евсевий Кесарийский датировал Огигов потоп за 260 лет до Девкалионова потопа.

31. Нин — вавилонский царь, муж Семирамиды. Августин и Орозий считали его современником Авраама.

32. В античной мифологии имя Огиг носили несколько царей. Отметим, что библейское имя *Агаг* исследователи считают общим наименованием для царей у амалекитян, наподобие слова *фараон* у египтян.

33. Помимо вышеупомянутого способа, у Девкалиона и Пирры были потом дети, родившиеся без всяких чудес. Одним из них был *Эллин* — эпоним и родоначальник всех эллинов. Страбон пишет, что гробница царя Эллина находилась на рыночной площади Мелитеи. См.: Страбон. География. М., 1964. Стр. 409.

34. См.: Платон. Собрание сочинений, том 3. М., 1994. Стр. 426.

35. Библейский Арарат — это не гора, а название страны (Урарту).

36. Филон Александрийский был автором сочинения «О смешении языков», на которое и ссылается Стрыйковский.

37. На сей раз речь идет уже не о Ксенофане, а о *Ксенофонте* Афинском (444-356 гг. до н.э.). Похоже, что Стрыйковский не различал этих двух авторов, так как в его списке источников упомянут только один *Xenophon*. См.: Ксенофонт. Киропедия. М.,1976.

38. Иоганн Карион (1499-1537) — историк, математик и придворный астроном курфюрста Бранденбурга Иоахима I Нестора. Позднее выполнял некоторые дипломатические

поручения прусского герцога Альбрехта. Его «Хроника возрастов мира» (1532), написанная на немецком языке, долгое время служила учебником истории в протестантских школах.

39. В середине XVII века христианская церковь официально признала датой сотворения мира 4004 год до н.э. Если исходить из этой даты, получается, что Карион датировал правление Кира 561 г. до н.э., что практически точно соответствует действительности. Кир II Великий правил в 559-530 гг. до н.э.

40. Во времена Стрыйковского, как и ныне, турки были суннитами, а персы шиитами. Различие между ними заключается даже в первом и наиболее важном символе веры: свидетельстве при принятии ислама. Сунниты, в отличие от шиитов, не упоминают при этом имени Али, как и при призыве на молитву.

41. Ремигий Оксерский (ум. ок. 908) — монах-бенедиктинец, богослов, филолог и просветитель. Автор комментариев к «Утешению философией» Боэция.

42. Исаия 10. 5,12.

43. В канонической Библии сын Арфаксада и отец Евера носит имя *Сала*. В Торе встречается слово *Шалем* в качестве названия ханаанского Иерусалима до его заселения израильтянами. Город Иерусалим (Рушалимум) впервые упоминается в египетских источниках в XVIII веке до н.э. *Шалим* — западносемитское божество, покровитель города.

44. Вероятно, имеется в виду так называемая «Таблица народов», которой считается десятая глава библейской книги Бытие. Но не исключено, что Стрыйковский пишет об апокрифической книге *Иосиппон*, которая впервые была напечатана в Мантуе еще в 1476 году.

45. Иосиф Флавий писал, что эфиопы, которыми правил Хуш (Куш) до сих пор называют себя *кушитами.* Египтяне называли Эфиопию словом «*Кес*».

46. Имеется в виду царица Савская, имени которой Библия не называет, хотя в позднейших арабских текстах ее именуют *Балкис*.

47. «Святыми докторами» автор называет наиболее авторитетных церковных богословов.

48. В Библии написано так: *Он низлагает царей и поставляет царей* (Даниил 2. 21).

49. Название *de Aequivocis* переводится как *О двусмысленностях*. У Ксенофонта Афинского такого произведения нет, зато у Ксенофана известно сочинение *Насмешки (Silloi)*, которое при желании можно назвать и *Двусмысленности*.

50. Римский ученый Марк Теренций Варрон (I в. до н.э.) считал Сатурна царем древнейшего италийского населения и сообщал об особом *сатурновом* периоде римской

истории. Напомним, что в античной мифологии Сатурн (Крон) считается отцом Юпитера (Зевса), хотя Юнона (Гера) была не сестрой, а супругой Юпитера. См.: Ельницкий Л.А. О социальных идеях Сатурналий. Вестник древней истории № 4. 1946.

51. Иосиф Флавий пишет, что у братьев были и другие имена: Сефос и Гермей. Изгнав Гермея (Даная), Сефос (Египет) правил 59 лет, а его старший сын Рамсес — 66 лет. См.: Иосиф Флавий. Против Апиона. Кн. 1, 26. В кн.: Иосиф Флавий. Иудейские древности. Том 2. М.,2002. Стр. 491.

52. Манефон — египетский жрец и историк, живший в конце IV- начале III в. до н.э. Составил капитальный труд по истории Египта, к сожалению, не дошедший до наших дней. Отрывки из этого сочинения и пересказы его содержания сохранились в трудах Иосифа Флавия, Евсевия Памфила и Георгия Синкелла. На сочинении Манефона основывается почти вся традиционная хронология Древнего Египта.

53. В настоящее время считается, что слово *фараон* происходит от древнеегипетского *«пер-о»*, то есть *большой дом*, что первоначально означало *царский дворец*.

54. Стрыйковский перечисляет *десять* сыновей Мицраима, однако в канонической Библии их только *семь*: Лудим, Анамим, Легавим, Нафтухим, Патрусим, Каслухим и Кафторим, к тому же добрая половина библейских имен не совпадает с вариантами нашего автора. Например, он явно ошибочно включил в этот список Фута, который был сыном Хама. (Бытие 10. 6,13,14).

55. Халкедон или Халкидон (Кадыкей) — во времена Стрыйковского предместье, а ныне район Стамбула.

56. Мурад III (1546-1595), сын Селима II и Нурбану, внук Сулеймана Великолепного, занял трон Османской империи в 1574 году после смерти отца. При вступлении на престол приказал задушить пятерых своих младших братьев.

57. Речь идет о так называемой «Битве трех королей», состоявшейся 4 августа 1578 года близ города Эль-Ксар-эль-Кебир на севере Марокко (между Танжером и Фесом). В ней участвовали два претендента на престол Марокко и португальские войска во главе с королем Себастьяном I, который поддерживал Мухаммеда аль-Мутаваккиля против Абд ал-Малика. В этом сражении все три «короля» погибли. В 1574 году в Константинополь приезжал Абд ал-Малик, тогдашний правитель Феса, ранее на стороне турок участвовавший в битве при Лепанто (1571).

58. Явная описка, которая не была исправлена еще в издании 1582 года. Должно быть: второй сын *Мицраима*, а не Хама.

59. Западноафриканское племя *фульбе* иногда называли *фута*, так же называлась и занимаемая ими территория: *Фута-Торо*.

60. Киренаика — историческая область, располагавшаяся на северо-востоке современной Ливии. В древности процветала как плодороднейшая земля благодаря множеству родников и обильным зимним и весенним дождям. Город *Кирена* был основан греками (631 г. до н.э.), в соответствии с мифологией которых и получил свое название от имени возлюбленной Аполлона.

61. «В те времена, когда Карфаген владычествовал почти во всей Африке, Кирена тоже была могущественна и богата». Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М.,1981. Стр. 84.

62. «Есть и другой оазис Аммона; посредине его источник, называемый солнечной водой: перед восходом солнца она теплая, в полдень, когда жар достигает крайней силы, она холодная, ближе к вечеру она теплеет, среди ночи становится совершенно горячей, чем ближе подходит утро, тем больше вода теряеет свою ночную теплоту и перед восходом солнца становится обычной температуры». Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., МГУ, 1963. Стр. 97.

63. Греческий историк Тимей из Тавромена (356-260 до н.э.), предложивший вести счет лет по Олимпиадам, сообщал, что Карфаген был основан Дидоной-Элиссой, бежавшей из Тира сестрой царя Пигмалиона. И хотя сама «История» Тимея до нас не дошла, цитаты из нее сохранились в трудах других античных историков. Этого Тимея не следует путать с упоминаемым Платоном *Тимеем* Локрийским, жившим на полвека раньше.

64. В канонической Библии перечислены *десять* сыновей Ханаана, Стрыйковский же называет лишь *восьмерых*, причем Etheus и Eueus, похоже, один и тот же человек, которого далее автор уже правильно называет Хетом (Heteus). Пропущены Синей, Арвадей и Химафей.

65. Гаваон — ханаанский город в 10 км к северо-западу от Иерусалима, в древности населенный *евеями*. Чтобы избежать разорения, евеи заключили с Иисусом Навином союз, прибегнув для этого к хитрости: представились жителями дальней провинции, а не близкими соседями. Когда обман раскрылся, израильтяне уже не посмели отречься от своей клятвы.

66. Смотри примечание 27 к настоящей книге.

67. Мартин Кромер (1512-1589), которого Стрыйковский называл *светочем польской истории* — вармийский епископ (1579) и историк. Главные книги Кромера: «О происхождении и деяниях поляков» (1555), на которую в данном случае и ссылается Стрыйковский, и «Полония» (1577). Обе книги были написаны на латыни, польский перевод первой из них был издан только в 1611 году. См.: Kronika Polska Marcina Kromera, t. 1. Krakow, 1882. Стр. 10, 27, 28.

68. Земля *Хавила* в Библии упоминается не раз, но ее местонахождение до сих пор точно не установлено. *Река Фисон обтекает всю землю Хавила, там, где золото* (Бытие 2.11). Считают, что здесь речь идет о Колхиде. *Сыны Измаиловы жили от Хавилы до Сура, что*

пред Египтом, как идешь к Ассирии (Бытие 25.18). Здесь, похоже, имеется в виду другое место — во владениях амалекитян.

69. Возможно, Эдроосаном источник Стрыйковского называл реку *Яксарт* (Сыр-Дарья).

70. И здесь и далее слова Литва и Жмудь обычно означают *не страны, а народы*, т.е. литовцы и жмудины.

71. *Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их — как песок морской.* Откровение 20. 7.

72. Название реки Угры выводят не из угро-финских, а из балтских языков. Литовское слово *Ungurupe* означает *река угрей*. В Восточной Пруссии тоже есть река *Анграпа*.

73. Флавий Грациан (359-383), сын императора Валентиниана I и, кстати, уроженец Паннонии, в 375 году стал императором западной Римской империи, а в 383 году погиб недалеко от Лиона в результате мятежа Магна Максима..

74. Как видно из последующего рассказа, речь здесь идет вовсе не о венграх, а о гуннах. В битве при Адрианополе (378) гунны и аланы сражались против римлян на стороне готов. Но уже через несколько лет гунны изгнали готов из Паннонии и сами поселились на этой территории, где впоследствии находилась и ставка Аттилы. Поскольку в известных источниках не удалось найти имен, приводимых Стрыйковским, остается предположить, что братья Кадика и Кева — это и есть хорошо нам знакомые Аттила и Бледа.

75. Приход мадьяр в Паннонию в венгерской истории принято называть «обретением родины», Однако это произошло не в конце IV века, а на 500 лет позже, в конце IX — начале X века. И хотя венгры до сих пор считают себя потомками Аттилы и нередко дают это имя своим сыновьям, этническое родство между мадьярами и гуннами убедительно не доказано и сомнительно. Во всяком случае, венгерский язык, относящийся к финно-угорской группе, совсем не похож на язык гуннов, который большинство исследователей относят к тюркским. Однако нет сомнений и в том, что предки мадьяр и потомки гуннов активно общались и, видимо, смешивались. Здесь вполне уместна аналогия с монголо-татарами.

76. Официальное крещение Венгрии произошло в 1000 году, крещение Польши — в 966 году. Напомним, что крещение Руси произошло в 988 году. См.: Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988.

77. Язвительный выпад Стрыйковского в сторону высшего руководства православной церкви становится более понятным, если вспомнить, что среди его друзей и покровителей было много активных деятелей контрреформации, близких к иезуитам.

78. Перевод с латинского С. Шервинского. См.: Овидий. Метаморфозы. М., 1977. Стр. 33.

79. См.: Даниил 8. 21-25.

80. Стрыйковский не включил этого автора в список своих источников, поэтому можно только догадываться, кого он имел в виду. Наиболее вероятная кандидатура: Стефан (Stephanos) из Византии, греческий эрудит, живший в VI веке. Он написал большое географическое сочинение «Этника» (Ethnika), составленное в форме словаря и представлявшее из себя сборник сведений из античных авторов, в частности, Геродота, Страбона, Павсания. До нас дошел сокращенный вариант этого труда, датируемый примерно 700 годом. Помимо географии, Стефан рассказывал об истории различных мест и особо интересовался орфографией топонимов.

81. Додона — древнегреческий город в Эпире неподалеку от современной Янины. Он славился своим оракулом при храме Зевса, упоминаемым еще в «Илиаде» и почитавшемуся древнейшим во всей Греции. В классическую эпоху Додонский оракул уступил первостепенное значение Дельфийскому.

82. Среди других трудов Павла Иовия или Паоло Джовио (1483-1552) есть сборник биографий знаменитых мужей прошлого (1546). Видимо, именно эту книгу с биографией Пирра и имел в виду Стрыйковский. Именно Иовий подал Джорджо Вазари идею составить сборник биографий выдающихся современников.

83. Слово *делибаш* по-турецки буквально означает *бешеная башка*, то есть сорвиголова. Наш автор имел в виду именно это, хотя сам употребил слово ***delijunac***, являющееся комбинацией из тюркского *дели* (бешеный) и южнославянского *юнак* (витязь, удалец). Воинов, набиравшихся в ополчение из свободных крестьян, в Византийской империи называли *стратиотами*.

84. *Массилией* или *Массалией* в древности называли город Марсель.

85. Креуса — мать Иона, мифического родоначальника ионийцев, отцом которого был Аполлон. Действующее лицо трагедий «Креуса» Софокла и «Ион» Еврипида.

86. Ион был сыном *Аполлона*, которого со времен Еврипида стали отождествлять с *Гелиосом*, хотя ранее Гелиос был у греков отдельным солнечным божеством, сыном титана Гипериона.

87. Геродот называл *халибов* в числе эллинских племен Малой Азии, подвластных Крезу. Они жили к востоку от устья реки Галис (ныне Кызыл-Ирмак). Именно там сосредоточены запасы железных руд Турции. Античные авторы считали халибов изобретателями технологии выплавки железа. Ныне многие считают их потомками *хеттов*. В результате лингвистической путаницы халибов стали смешивать с *халдеями*.

88. Гадес — современный Кадис, который ученые единодушно считают древнейшим городом Испании, если не всей Европы. Он был основан финикийцами около 1100 года до н.э.

89. Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». СПб, 2005.

90. Город Адрианополь (Эдирне) стоит на реке Марица, на которой в 1371 году произошло решающее сражение между сербами и турками. Его также называют битвой при Черномене — по названию соседней деревушки. Стрыйковский называет Черноменом саму реку Марицу.

91. Латинские слова *grus, gruis, gruo* означают *журавль* или *журавлиный крик*. Примечание на полях можно попытаться перевести как Ж*уравли Черномена*, но могут быть и другие варианты.

92. Мечеть Селимие в Эдирне, строившуюся с 1568 по 1574 год, историки культуры считают одним из наиболее выдающихся достижений всей исламской архитектуры. По диаметру купола (32 м) и высоте минаретов (80 м) это крупнейшая мечеть Европы и Турции, превосходящая все стамбульские мечети, в том числе и Айя-Софию.

93. Болгарская Стара Планина в древности носила латинское название *Haemus*. Хребет Пирин назывался *Orbelus*, что переводят как Снежные горы.

94. Гай Юлий Солин (ум. 1 января 400 г.) — римский писатель, автор сочинения «Сборник достойных упоминания вещей», в котором, главным образом, перечислял различные диковины. Книга Солина пользовалась огромной популярностью в средние века, когда ее и переименовали в *Polihistor*, то есть «Энциклопедист». Между прочим, именно у Солина впервые появляется термин *Средиземное море*. См.: Знание за пределами науки. М., 1996. Стр. 198-229.

95. Древние греки называли *тирренами* (по имени предводителя их племени) поселившихся в Италии выходцев из Малой Азии, которых древние римляне называли *этрусками*. От тирренов происходит и название *Тирренское море*. Этих тирренов отдельные исследователи (в том числе, между прочим, и Айзек Азимов) тоже связывают с Тирасом, внуком Ноя.

96. От древнегреческого названия Днестра (Тирас) произведено и название города *Тирасполя*.

97. Аскания — название города и области на богатом рыбой Асканском озере (нынешнее озеро Исник) в Вифинии. Основателем Аскании в древности считали Аскания, сына Энея. Вифиния и Фригия находятся в Малой Азии, к югу от пролива Босфор. Но *Боспором Киммерийским* греки называли не Босфор, а Керченский пролив, так что здесь Стрыйковский допускает ошибку.

98. В 1540 году вышло в свет издание «Илиады», переведенной с греческого на латинский язык немецким поэтом Хелием Эобаном Хессом.

99. Перевод Н. Гнедича. См.: Гомер. Илиада. М., 1985. Стр. 50.

100. Марк Антоний Сабеллик (1436-1506) — итальянский историк, настоящая фамилия которого была Coccius. Учился в академии, основанной Помпонием Летом, преподавал красноречие. За свою «Истории Венеции» (1487), кроме пожизненной пенсии в 200 цехинов, получил должность хранителя библиотеки Святого Марка. Смотри также примечание 81 к книге шестой.

101. Алиат II (ум. в 560 г. до н.э.) — отец лидийского царя Креза.

102. Стрыйковский включил Дионисия (Dionisius) в список использованной им литературы, и в первый момент не возникает сомнений в том, что речь идет об авторе «Римских древностей» Дионисии Галикарнасском (ок. 65-7 гг. до н.э.). Но тот не упоминает ни сарматов, ни бастарнов, а все переселения народов, о которых он пишет, касаются только Италии. К тому же о том, что Дионисий был поэтом или излагал свои исторические произведения в стихотворной форме, нет никаких известий. См.: Дионисий Галикарнасский. Римские древности в 3-х тт. М., 2005.

103. Примечание автора на полях: ***Бастарны* жили над Днепром.** *Бастарны* (Bastarnae) или *певкины* на рубеже старой и новой эры жили в верхнем течении *Днестра* (а не Днепра). И хотя этническая принадлежность бастарнов надежно не установлена, большинство исследователей считает их германцами. В 280 году бастарны переселились во Фракию и исчезли из истории.

104. Упоминаемые Ксенофонтом *саки* (скифская группа ираноязычных племен) не имеют ничего общего с *саксами*. Ниже Стрыйковский все-таки высказывает некоторые сомнения по этому поводу, но потом еще не раз повторяет ту же ошибку, характерную для средневековых географов. См.: Ксенофонт. Киропедия. М.,1976. Стр. 119.

105. Очень ценное замечание автора, подтверждающее, что в XVI веке на землях Бранденбурга и Померании, до немецкого завоевания заселенных полабскими славянами, славянский язык все еще был в употреблении. Настоящий упадок славянства на этих территориях произошел только после Тридцатилетней войны (1618-1648) в связи с огромной убылью населения и целой серией последующих немецких колонизаций, более массовых, чем средневековые. См.: Егоров Д. Н. Колонизация Мекленбурга в XIII веке. М., 1915.

106. Перевод Н. Гнедича. См.: Гомер. Илиада. М., 1985. Стр. 50.

107. Упоминаемые Гомером *энеты* были жителями Малой Азии, причем их племя связывают с хеттами. Отдельные исследователи отмечают не только сходство имени вождя энетов *Пилемена* с именем *Палемона*, но и сходство хеттского языка с литовским.

108. Согласно современным представлениям, Троянская война происходила на рубеже XIII-XII веков до н.э., царь Иудеи Иосафат жил в IX веке до н.э., Гомер жил в VIII веке до н.э., а Рим был основан в 753 году до н.э.

109. *Brzemie* по-польски означает *бремя, тяжесть.*

110. Имеется в виду принадлежавшее к полабским славянам племя *лужицких сербов*. Однако жители Рюгена относились к другой славянской племенной группе — *ободритам* или *бодричам*.

111. Стрыйковский путает вандалов и *венделов*, то есть тех же *вендов* или *венетов,* которых большинство историков отождествляет с полабскими славянами.

112. Иоахим Куреус (1532-1573) — немецкий историк и врач. Написал книгу *Annales Silesiae ab origine gentis etc.* (Glogau, 1571), на которую ссылается и Татищев.

113. Иоахим Камерарий (1500-1574) — немецкий филолог и историк, ученый-энциклопедист, профессор университетов Тюбингена (1535) и Лейпцига (1541). Ученик и биограф Меланхтона, основоположник т.н. литературной библеистики. Книга, на которую ссылается Стрыйковский, в оригинале называется *Arithmologia Ethica.*

114. Тридентский собор (1545-1563) — XIX Вселенский собор католической церкви в городе Триденте (Тренто). Он собрался для того, чтобы дать отпор Реформации и считается отправной точкой Контрреформации.

115. Надо полагать, что речь идет о вторжениях венгров в Италию в 922-947 гг. См.: История Венгрии, том 1. М., 1971. Стр. 107.

116. *Рифейскими* горами античные авторы называли возвышенности, откуда берут свое начало главные реки Скифии. Считалось, что там же находится жилище северного ветра *Борея*. Таким водоразделом в реальности является Валдайская возвышенность. Однако многие современные исследователи полагают, что к началу средних веков Рифейскими горами чаще всего считали Уральские горы.

117. Градусную сетку использовали ещё средневековые издатели Птолемея, причём от нынешней она отличалась вовсе не так существенно, как можно было бы ожидать. .

КНИГА ВТОРАЯ

Мацея Стрыйковского Осостевичюса, Каноника Жмудского, хроники Литовской

Книга вторая

AD ILLUSTRIS: ET REVERENDISSIMUM PRAESULEM
ET DOMINUM, DOMINUM MELCHIOREM DEI GRATIA

Samagitiae Episcopum pientissimum, Gedrotiorum Ducem etc.
Dominum, Mecoenatem observandissimum.

Omnibus aliis artibus ob excellentem utilitatem honestatis nomen merentibus, Hisloriae studium merito anteponendum, ut res ipsa, ita sapientis illius Etnici sententia (Qui eam vitae Magistram pronunciavit) docet, Illustris et admplissime Praesul, mecoenas colendissime. Quis enim verbis explicare poierit, quantum Historiae ad formanda gubernandaque imperia, et sententias in Senatu ferendas, principibus viris momenti adducant? Quandoquidem ex his cognoscunt, quibus mediis maxima quaeque imperia, ex infimo statu ad summum ascenderint, quibusque initiis iterum collabi coeperint. Ut interim hic non repetam, de iis quas singuli cujuscumque sint ordinis, ex Historia ad sapienter instituendam vitam commoditates haurire possint, et quae etiam a nobis copiose dicta sunt in praeliminari proaemio huius operis. Quod ego nemine praeeunte, et in tot saeculorum obscurissima vestrae gentis Lituanae Historia nullo Duce hactenus sese offerente imprimis agressus, votis nostris eodem qui aurem vellit et admonuit Deo aspirante, ac arduo Allanteoque oneri Alcidem, Tuam Celsitudinem submittente, iam iam editurus sum. Quamvis:

Undique totis
Usque adeo turbatur agris: En ipse capellas

Protinus aeger ago, hanc etiam vix Tityre duco
Hic inter densas corylos, modo namque gemellos
Spem gregis, ab silice in nuda connixa reliquit.

Verum priwatis aerumnis Reipub. Postpositis, ut tandem Lituaniae patriae veslrae inclytae tantorum Principiim, Ducum, Haeroum, Regumque ac Impreratorum feracissimae parentis origines, deductiones, gesta martia, Herculeaque bella, nova luce quam antea nunquam coecis carceribus inclusae videre poterant, gauderent, hunc librum ut caetera alia tuae amplissimae Celsitudini, inscribo, dedico, offerro, et ad perpetuam nominis immortalitatem nuncupo, defendendumgue a malevolorum obtrectationibus trado. Nam haud nescius sum, cum ea quae summis ingeniis investigari antea non poterant, eruenda, publikandaque susceperim, futurum esse, ut hic meus octennis Herculesque labor, virulentos Zoilorum (quorum ego latratus vi veritatis fretus contemno) aculeos exagitet, praesertim cum nihil eiusmodi in lucem unquam prodierit, in quo invida maledicentia non invenisset quod carperet.

Jam itaque Mecoenas amplissime, et rationem otii mei iusto calculo redditam considerabis, et gentis Lituanae ac Samagiticae, ex Cymbrorum et Gotorum bellicosissimis gentibus, quae et robore animorumque vi, et amplissimis, victoriosissimisque triumphis semper claruerunt semina antiquitus iacta videbis. Tandem ex Palaemone sive P. Libone principe patricio Romano, hanc in gelidam Arcton divino guodam fato classe delato, procreatos Ausonio sanguine Duces veluti facie ad faciem intueberis, Qui vobis posteris suis amplissimam hanc reddiderunt patriam, et Kytaurorum ac Rosarum stemmata Domui quoque tuae R. Cels. Gedrotiae successive et haereditaria devolutione feliciter inseruerunt.

Quae omnia sincere, longo sudore, nec non minori sumptu nostro, et milies conferendo, legendo, ac relegendo, etiam cum laesione valetudinis et visus, ellaborata, tua Reverendissima Celsitudo innata humanitate quidquid est munusculi, immortalitati tamen nominis tuae Cels. et familiae Gedrotiorum dedicatum, clementer accipiat oro. Ovidiani illius non immemor:

Ut desint vires tamen est laudanda voluntas,
Hac ego contentos auguror esse Deos,
Haec facit, ut veniat pauper quoque gratus ad aras,
Et placeat caeso non minus agna, bove.

Interim Deum Opt. Max. oro ut tuam Reverendissimam Cels. patriae et nobis in hoc rerum omnium turbulentissimo statu, quam diutissime incolumem servet, et omnes salva libertate in vera religione vivere ac communi pace in laudem nominis sui gaudere faciat. Valeat itaque vestra Illustris. Celsitudo felicissime, cui ego me quam humillime recommendo.

Regiomonti Borussiae, Anno
1580 *Septembris* 16 *die*.
Vestrae Reverendiss. Cels.
cliens

Mattias Jacobi Osostevicius Strijkowski,
Historicus et Poeta Can. Sam.

СИЯТЕЛЬНОМУ И ПРЕПОДОБНОМУ ПОКРОВИТЕЛЮ И ГОСПОДИНУ, ГОСПОДИНУ МЕЛЬХИОРУ,

божьей милостью епископу Жемайтскому, князю Гедройцкому [1] *и прочее, почтеннейшему господину Меценату*

Всесветлый и прещедрый предстоятель, высокоуважаемый меценат!

Изучению истории по праву отдается предпочтение среди остальных искусств, которые, учитывая их исключительную полезность, заслуженно зовутся «благородными». О том же свидетельствует и мнение того мудрого язычника, который провозгласил историю учителем жизни, да и сама действительность. И сможет ли кто передать словами, насколько важной является история для властителей при строительстве империи и управлении ей и вынесении решений в сенате? Ведь оттуда они узнают, какими способами все великие империи поднимаются со дна до самых высот и с чего потом начинается их падение. Я не буду здесь повторяться про ту пользу, которую любой и всякого сословия человек сможет подчерпнуть из истории для мудрого обустройства собственной жизни: про это я уже достаточно сказал во вступлении, предшествующем всему нашему сочинению.

А начинал я это творение как первооткрыватель, не имеющий никаких предшественников. До сих пор никто не смог стать проводником по истории Вашего литовского племени, которая насчитывает столько темных веков. Но все же по вразумлению Бога, который прислушался к моим стремлениям и поощрил их, а также благодаря тому, что Он послал поддержать эту тяжкую ношу Алкида, то есть твое высочество, я вот-вот издам это сочинение.

Такая
Смута повсюду в полях. Вот и сам увожу я в печали
Коз моих вдаль, и одна еде-еле бредет уже, Титир.
В частом орешнике здесь она только что скинула двойню,
Стада надежду, и - ах! - на голом оставила камне.

Однако Речь Посполитую я все же сделал предметом особых забот. Источники, повествующие о событиях, Марсовых подвигах и Геркулесовых битвах вашей славной родины Литвы, плодовитой прародительницы стольких князей, полководцев, героев, королей и императоров, до сих пор были сокрыты в темных погребах. Для того, чтобы они в конце концов могли осветиться ранее никогда не виданным светом, эту книгу, как и все прочие, пишу, посвящаю и подношу Твоему прещедрому величию, предрекаю его имени вечное бессмертие и передаю ее под защиту от завистливой клеветы. Ведь взявшись отыскать и опубликовать то, чего не удосужились отследить самые выдающиеся умы, я

отлично понимаю, что мой восьмилетний Геркулесов труд натолкнется на отравленные жала зоилов,(чьим лаем я пренебрегаю, опираясь на силу истины). Злословные завистники всегда найдут, к чему придраться, особенно если ничего подобного еще не появлялось на свет.

Итак, прещедрый Меценат, ты получишь достоверный отчет о моих занятиях и узнаешь, что наш народ Литовцев и Жемайтов посеян от древнего семени воинственных народов кимвров и готов, которые всегда славились силой духа и знамениты многочисленными победами. Божественным провидением под началом римского патриция Палемона или Публия Либона в ледяной климат прибыл флот тех, кто позднее дал свое большинство этой стране. Вашей родословной надежно установлены как наследственная преемственность Гедройцев от родов Китавраса и Розы, так и [законность] передачи их полномочий Вашему Преподобию.

В тысячный раз сверяя, в поте лица читая и перечитывая, я добросовестно все это обрабатывал - с немалыми издержками и не без ущерба собственному здоровью. И умоляю,чтобы твое преподобие с прирожденным человеколюбием приняло этот подарок - пусть хоть какой-нибудь, но все жепосвященный бессмертию имени твоего высочества и рода Гедройцев.

Припомним Овидия:

Пусть не достало сил - похвалы достойно усердье;
Истая ревность моя, верю, угодна богам!
Благочестивый бедняк придет к алтарю - и приятен
Богу ягненок его с тучным быком наравне.

Ныне я прежде всего молюсь всемогущему Богу, чтобы ваше священство более всего заботилось [о том, чтобы] как можно дольше сберечь в целости и сохранности и без ущерба для свободы религии [возможность] всем нам жить во славу имени Его, наслаждаясь тишиной и общим благом. Итак, прощайте, ваше сиятельство. Пусть счастливо пребывает во здравии ваша светлость, [милости] которой я смиренно себя вручаю.

Кёнигсберг в Пруссии, 16 сентября 1580 года.
С величайшим почтением Ваш клиент

Мацей Якуб Осостеювичюс Стрыйковский,
историк и поэт, каноник жемайтский.

Глава первая

Мы уже достаточно и [вполне] аргументированно (dowodnie) рассказали, в каких краях света осели сыновья Ноя и его потомки, а также точно и правдиво вывели генеалогии различных народов, [кроме того, поведали] о происхождении и размножении Персов, Индийцев, Армян, Греков, Итальянцев, Немцев, Славян, Турок, Македонцев и разных

других народов, от них происходящих и с ними соседствующих. Эти выводы, не только наши, но и соответствующие [мнению] других историков, как отечественных, так и иностранных, могут пригодиться внимательному и искушенному в различных писаниях читателю.

А теперь с помощью Бога, который сам лучше [нас] знает наши желания и предупреждает их, поведем речь о славном литовском, русском и жмудском народе (подобающей истории которого ни один историк или хронист до этого не написал [2], на это даже не покушался и не задумывался о том, откуда и как на самом деле он произошел и размножился). Но прежде любезного читателя следует предупредить, чтобы, очищая орех, сразу не лущил его снаружи, но, как следует разгрызши, искал вкус в самой сердцевине ядра. Ибо для выяснения истинного положения дел нам куда тяжелее было с великими трудами собирать, сводить и согласовывать свидетельства тысяч историков, чем использовать уже приготовленное блюдо из разнообразной дичи, приправленное разными яствами и зельями. Итак, отложим пока свидетельства русских и литовских летописцев о пришествии в ту страну итальянцев с князем Палемоном и предложим сначала блюдо (potrawe) попроще — [наш рассказ] о Кимврах, Гепидах, Аланах и Готах, древних предках литовцев.

Птолемей, милый читатель, обстоятельнейший (napilniejszy) географ всего света, в тех краях, которые ныне включает в себя обширное Великое княжество Литовское, до этого бывшее еще обширнее и начинавшееся от рек Танаиса, Днепра, Буга (Bohu) и от Черного моря до самого Прусского [3], от Двины до Нарвы и Буга (Bogu) [4] и прочее, помещает различные народы, имен которых ныне не знают и [о них] и не слыхивали, особенно в тех странах, где теперь под московской властью находятся Северское, Рязанское, Черниговское и другие княжества, лежащие над реками Танаисом или Доном, Волгой и Днепром, а также там, где Киев, Волынь, Подолия, Подляшье, Жмудь и сама Литва.

А прежде тех древних обитателей Литвы в упомянутых краях [Птолемей] называет Галиндов (Galindy), Бодинов (Bodyny), Судинов (Sudyny), Карионов (Kariony), Амаксовитов (Amaxobity), Ставанов (Stabany), Стурнов (Sturny), Гепидов (Gepidy), Ассубов (Assuby), Выбионов (Wybyjony), Саргатов (Sargaty) и Омбронов (Ombrony) [5] в тех землях, где ныне Люблин и Брест Литовский. **Об этом также читай Йодока Людвига Деция** [6].

Свидетельства. Также и Плиний в «Естественной истории» (кн. 4, гл. 12; кн. 6, гл. 13; кн. 11, гл. 7; кн. 2, гл. 16 и др.), Гай Юлий Солин в «Энциклопедисте» (гл. 19, 20 и 23), Кранций, Страбон и Помпоний Мела в «Европейской Скифии» (кн. 2, гл. 1) помещают (klada) в литовских землях такие народы: Эсседоны (Essedoni), Эвазы (Ewazy), Готы (Cotti, может быть, Gotty), Кимеры и Кимвры, Мессеманы, Костобоки, Геты, Тусагеты, Невры, которых Солин помещает над Днепром, Гелоны, Аланы, Агафирсы (Agatyrssy) и разными иными прозвищами их называют, из чего следует, что эти литовские края выпестовали в себе и размножили не один народ (как это еще пространнее и убедительнее увидишь выше [7] при чтении). Поэтому и в языке либо в своей простонародной речи [у литовцев] намешано полно слов как латинских, так и иных народов. Как бы то ни было, все эти вышеупромянутые народы, согласно самой [нашей] истории и свидетельствам тех же

историков, происходят: Сарматы от Иафета, сына Ноя, и от Гомера Иафетова, а также от Фогорма, сына Гомера, а славные народы Готов и Кимвров, от которых [происходят] немцы, ведут свой род от Твистона либо Аскана, второго сына Гомера, как все это уже показано ниже [8]. **Происхождение немецкого народа.**

Происхождение народов от Фогорма. От Фогорма (Togormy) же, третьего сына Гомера, внука Иафета, правнука Ноя, [произошли] воинственные Готы, побратимы Кимвров, и соседи их Ятвяги (Jatwiezjwie), Аланы (Alani), Половцы, Печенеги (Pienicigowie), число которых с самим князем Фогормом, как пишет Филон, [было] тысяч 14 000 (tysiecy 14000). А через триста лет после потопа, когда после смешения языков у Вавилонской башни эти народы размножились, то сразу же двинулись из Ассирии в полночные края, пока не пришли в те поля, где ныне Черное и Мертвое (Martwe) моря [9], которые историки зовут *Pontum Euxinum et Paludes Meoticas* (Понтом Эвксинским и Меотийским болотом).

Боспор Киммерийский [10]. Потомки Гомера и Фогорма жили в тех полях долгое время и теснины (ciasnosci) Черного моря, [там], где в него впадает Меотийское болото, от своего имени назвали Гомеровым Босфором (Gomerium Bosphorum), потом Кимеровым (Kymerium), по-гречески Кимериум (Cymerium), потом и сами стали называться Кимерами (Cymeriami), а с течением времени Кимврами (Cymbrami), букву *e* поменяв на *b* [11]. **Об этом читай *Christianum Cilitium Cymbrum de bello Ditmarsico*** [12].

Движение кимвров от Меотийского болота. Потом, когда [они] из-за плодовитого размножения уже не могли разместиться в тех полях, [то во главе] с разными вождями разбежались (rozbiegli sie) в разные стороны света. Одни двинулись на запад и осели на Азиатском берегу над Пропонтидой [13], где Понт Эвксинский [или] Черное море у Константинополя, Галаты и Калкедона впадает в Геллеспонт [или] Фракийское море. По этому морю или Пропонт[ид]е в 1574 году я [вместе] с Кшиштофом Дзерским (Dzierskiem) и с Яном Бучацким с риском для жизни проплывал [на корабле], следуя от князя Наксоса (de Nexia), еврея Иосифа (Josepha Zyda) [14]. Другие [кимвры] осели в Таврике, где теперь [живут] перекопские татары и находятся славные города Мангуп (Mankop), а также Кафа и Крым [15]. **И от тех, что в Таврике, размножились половцы.** Другие дошли до Фракии и до Дакии, где теперь [живут] Валахи. Об этих же кимврах, которые были соседями грекам и вели с ними долгие войны, довольно пространно писали Гомер в своих Илиадах и Аполлоний *in carmine Argonautico* *(в песни Аргонавтика)* [16], а также Прокопий, Иорнанд и другие греческие и латинские историки.

Другие избрали [местом] своего проживания поля над рекой Танаисом или Доном и над Волгой. Другие широко распространились (rozkrzewili) над рекой Бугом, которую Птолемей и Солин зовут Гипанисом (Hipanim), над Днепром, Десной, Сосной (Sosna) и другими реками. А другие осели в тех первых полях, где были и прежде, особенно старшие, которым не пристало скитаться, остались над Черным морем и озером Меотис. Это и были те [племена], которые потом стали называться Готами, Гепидами, Певкинами или Печенегами и Половцами, [названными] от полей и охоты (polowania), или Полонами, воинами, долго воевавшими с русскими князьями, как о том будет ниже.

Другие, двигаясь дальше на север, осели в тех местах, где ныне Волынь, Подолия и Литва; а другие широко расположились над тем морем, которое мы зовем Балтийским (*Sinum Balticum*), Венедским и Прусским. И здесь, как мы теперь видим, Финны (Philandowie), Шведы, Латыши (Lotwa), Жмудь, Курши, древние Пруссы и Датчане, все как один ведущие свой род от Иафета и его сына Гомера, свой язык или речь (move), которую и после смешения языков у Вавилонской башни имели одну и ту же, из-за местных различий размешали в разные языки. Однако всегда были мужественными и с рождения пригодными для войны, о чем явно свидетельствуют их рыцарские доблести (хотя большая часть их сгинула [для потомков] из-за грубости нравов и отсутствия историков). Ибо когда долго жили над тем морем, которое омывает Прусские, Датские, Шведские, Жмудские и Латышские земли и которое я тоже повидал в бытность там в прошлом 1580 году, случилось так, что Океан и его заливы (odnogi) так свирепо разлились, что морские бури залили все вышеупомянутые страны внезапным потопом и унесли множество людей с их имуществом, городками и фольварками, которые были в то время, из-за чего на десятки (kilkudziesiat) миль от морского берега (когда и впадающие в море реки должны были набухнуть и выйти из берегов), все было уничтожено жестоким паводком.

Причина идти в Италию кимврам, готом и гепидам, предкам литовцев. Поэтому народы тамошних поморских стран: датчане, шведы, древние пруссы [17], гепиды, жмудины и литовцы, курши, латыши или латгалы [18], опасаясь какого-нибудь другого потопа и наскучив жить в тех зимних и неплодородных, чему я и сам свидетель, поморских краях, с женами и детьми все двинулись из отчих мест в поисках лучшего жилья [19]. И все они, несмотря на разные языки, ради общего дела стали зваться единым прозвищем Кимвры. Историки считают, что общая численность их войск была триста тысяч, кроме жен и детей, поэтому указывают, что столь великое сборище людей не могло отправиться [только] из самой Датской земли, а из всех окрестных поморских краев. упомянутых выше, что признает и Карион. **Число кимвров и гепидов 300 000.** Ибо хорошо известно, что со всех своих владений, с Датского королевства и с Голштинского (Holsackiego) [20] герцогства, которые сами отрешились от имени кимвров, датский король ныне смог бы собрать для боя самое большее восемнадцать тысяч человек. **Об этом читай *Christianum Cilicium Cymbrum de bello Ditmarsico*** [21]. Но в те времена латыши, жмудины, курши; гепиды, предки литовцев; ятвяги, пруссы, датчане и прочие все как один звались кимврами от предка Гомера и от кимвров Боспора (Cimeriow Bophorow), откуда сначала вышли. Двигаясь объединенной дружиной, упорной смелостью и огромными силами [они] захватывали римские владения и четыре раза наголову разбивали крупные римские армии с их гетманами [22]. Как об этом, милый читатель, скорее сам узнаешь из надежных сведений надежных историков. Но немного прервемся, желая наш рассказ о том потопе и разливе моря (которые согнали с отчих мест кимвров и гепидов, предков литовских и жмудских) подкрепить свежим случаем из нашего века.

Затоплены окраинные немецкие земли: Брабант (Brabandia), Зеландия, Голландия, Фландрия, Фризия. В году от рождения Господа Христа 1570, в ночь после [дня] Всех Святых (1 ноября), пришел столь тяжкий и неслыханный морской паводок, что, случившись внезапно, залил Поморскую землю в нижних немецких землях Брабантской и Озерной (Jeziorna), которые немцы называют Зеландией, голландские и фландрские княжества и обе Фризии. А произошло это из-за длительных сильных ветров, от которых

морские берега издавна были оборудованы высокими дамбами, чтобы обычное поднятие моря при внезапно случившемся [очень] долгом приливе (po odesciu) через них не переливалось. Однако в течение всей осени постоянно дул свирепый юго-восточный (srzedni miedzy wschodem a poludniem) ветер, отогнавший от тех краев к Англии и Ирландии (Hyberniej) морскую воду, держа ее на себе, как на какой-нибудь горе. А потом, когда уже установился противный ветер, эта вода с огромной скоростью побежала вспять, будто с горы. [Вода] и сама быстро шла вниз, да еще и ветер тем крепче ее гнал, подгоняя за ней воду от английского берега, откуда [она] пришла таким валом, что перелилась через все плотины, выворотив их с ужасной силой. И учинив себе выход (wescie) на равнину, так ужасающе (gwaltownie) залила тамошние страны нижненемецкой земли, что никто такого не предполагал [и так и не понял], откуда на людей и скотину пришла внезапная смерть. В Андорфе (Andorfie), Делфте (Delphru), Хертогенбосе (Hercogpusu), Мидденмере (Merimedzie), Мидделбурге (Mittelburgu), Гронингене (Grenningu), Роттердаме, Амстердаме и в иных главных и меньших городах вода поднялась так высоко, что по всем улицам можно было ездить на челнах, а у некоторых отдельных домов видны были только крыши, особенно в таких городах, как Делфт, Дорт (Дордрехт) и Роттердам [23]. В этих городах из воды выглядывали только башни и церковные шпили. А деревни возле этих городов, из которых поставлялась большая часть продовольствия, такого, как самое лучшее масло и нидерландский сыр, затонули в воде [вместе] с людьми и скотом, ибо лежали на равнине и, когда все сравнялось с морем, убежать было некуда [24]. **Затонули славные города Андорф, Хертогенбос, Мидденмер, Мидделбург, Гронинген, Амстердам, Делфт, Дорт, Роттердам и другие. Роттердам — отчизна Эразма Роттердамского.**

Города голландской земли по большей части сгинули с людьми и скотом, в том числе затонули города Римский вал вместе с Деукиландом (Deukiland) и с частью деревень; весь Тольский (Tolski) повят, как и город Сарпонн (Sarponnes); пруд Святого Мартина, город с частью деревень; [город] Тегосен (Tegosen) с семнадцатью деревнями; Бенфлет (Benflet); Гиллернес (Hillernes) с восемью деревнями; [города] Сромслаг (Sromslag), Эсемс (Esems), Гентонес (Gentones) с четырьмя деревнями; ушли на дно (do gruntu zatoneli) Пулер с Амером (Puler z Amerem) и четыре деревни [25]. Испанский гетман герцог Альба заложил было мощную крепость во фрисландском городе Гронингене, намереваясь иметь там замок для обороны. И так как гарнизон (straz), который они там держали, как и те, которые строили, все были так заняты этой стройкой, что и не знали, что где случилось, то все вокруг там и потонули, как люди, так и скот.

В том же 1570 году, как я и сам видел [26], в Польшу пришло много голландцев и нидерландцев (Holandrow i Niderlandow), поселившихся в Люблинской и в других [польских] **землях с дозволения короля [Сигизмунда] Августа .**

Я привел эту историю в качестве примера того, что и с предками Литовцев, Жмудинов, Пруссов и Готов случилось так, что из-за морского паводка [они] должны были странствовать и дальше. Ибо в то время, при котором они жили, каким-либо тамошним жителям вольно было сговориться переменить отчизну; это теперь все уже как следует заселено, а в то время кто куда хотел, туда и перебирался, и более сильный народ выбивал слабейшего.

А славный римский историк Тит Ливий и из него Луций Юлий Флор, описывая историю и деяния римлян, о войне немцев, кимвров или готов (от которых в давние [времена] и вправду произошли литовцы) в третьей главе третьей книги говорит так.

Северный народ кимвры, а с ними немцы и тигурины, бежав из крайних пределов Франции, когда их земли затопил Океан, по всему свету искали новые места. **Здесь отдельно упоминают кимвров и отдельно — немцев.** Будучи изгнаны из Франции и из Испании, они прибыли в Италию и отправили послов в лагерь Силана, который был римским гетманом [27], прося, чтобы рыцарский римский народ (***Ut Martius Populus R.***) выделил им какую-нибудь землю, якобы в качестве жалованья, а их руками и силами чтобы распоряжался по своей воле. Однако (говорит [Флор]) что за земли мог дать им римский народ, сам вынужденный ссориться из-за аграрных законов? А когда их прогнали, они решили оружием добиваться того, чего не смогли получить просьбами [28]. Силану не удалось отразить первый натиск варваров, так же как Манилию — второй, а Цепиону (Caepio) — третий. Все три гетмана и их войска оплошали, а их обозы были разграблены. Говорят, что было бы еще хуже, если бы тому веку не повезло с Марием. Однако и тот, хоть и удачливый гетман, не посмел встретиться с ними сразу, ожидая с римским войском в лагере, пока запальчивость и неукротимость жестокого народа кимвров со временем не утихнут [29]. ***Слова Флора: Марий будет действовать, когда все успокоится.***

Ту же хитрость, как *Фабий с карфагенянами (Paenos) и как Марий с кимврами, медлившие действовать*, московский [царь] **хотел устроить и с нами в 1580 году.**

Глава вторая

Свидетельства Стадиуса, Плутарха, Деция с прибавлением в нужных местах [сведений] из других историков о Кимврах, среди которых были также и Гепиды, предки литовцев.

Cymbrica Chersonesus. Иоганн Стадиус [30] в комментарях на исправленное издание истории Флора делает такое краткое замечание о кимврах: Кимвры и немцы с окруженного Кимврийским морем [полу]острова (wyspy), который латиняне зовут Кимврийским Херсонесом (*Cymbricam Chersonesum*), где в наше время Датское королевство и княжества Дитмаршское, Гользатское [31] и прочие, по «Германии» Тацита (*secundum Tacitum de moribus Germanorum scribentem*), в 640 году от основания Рима (113 году до н. э.) и за 100 лет до спасительного рождества Господа Христа из-за зимних невзгод, неурожая и морского потопа двинулись в Иллирик [32], где ныне славянские земли. ***Об этом также читай Йоста Деция в Польских древностях.*** [Для этого кимвры], как пишут те же Тацит и Страбон и свидетельствуют датские и шведские хроники, объединились со своими соседями: со Шведами, с Готами и с Гепидами, [жившими], где ныне [живут] Жмудины, Литовцы и Латыши; с Ульмигавами (Ulmigawy), где ныне Пруссы; с Половцами, где ныне Подолия; с Волынянами, со Стабанами, с Амаксобитами, с Омбронами и с Ятвягами, которые, по Птолемею и Йосту Децию, жили в тех местах, где ныне Брест Литовский, Люблин и Подляшье. ***Предки литовцев, шведы и датчане, пустились в Иллирик сначала с севера на юг и на запад.*** Там в Иллирике под городом

Норея (Nortbeja) [33] поразили и разгромили войско римского консула (rajce) Куриуса Карбона [34], который в это время правил той страной или провинцией. **Поразили Карбона.** А после этой победы обратили оттуда свое оружие на Францию или Галлию (в то время еще не покорившуюся власти Рима) и на Испанию. **Из Иллирики во Францию и в Испанию.**

Отправившись в Италию, поразили Юния. И потом, когда французы, испанцы и кельтиберы выгнали их из своих земель, двинулись в Италию и там, когда не смогли выпросить у римлян места для поселения, поразили войско римского гетмана Юния Силана. А когда римляне в третий раз послали против них во Францию Марка Скавра, кимвры и гепиды, быстро собрав войска, побили и итальянцев, и французов [35]. **Разбили Скавра и французов.** [После этого] на них гневно обрушился четвертый римский гетман, Кассий Лонгин, но немецкий народ Тигурины, товарищи отважных кимвров, наголову разгромили римские войска, поразили самого гетмана Кассия Лонгина и убили его товарища Луция Пизона [36]. [Это было] между Италией и Францией, на границе Аллоброгов [37], земля которых в наше время называется герцогством Савойским. ***Allobroges cis Rodani ripa, quae hodie est pars ducatus Sabaudiae et Delphinatus.*** *(Аллоброги с реки Родан [38], [восточный] берег которой ныне является частью герцогства Савойского и Дельфината [39]).*

Три римских гетмана на кимвров и гепидов. Еще и в пятый раз римляне отправили во Францию против кимвров трех гетманов: Квинта Цепиона, Кассия Манилия и Марка Аврелия. А так как все трое хотели командовать войском, то, когда во время похода во Францию Цепион присвоил себе первое место, как врученное ему Сенатом, во французской земле они разделили войско натрое, и каждый отдельно [командовал] своим. **Несогласие и много гетманов в одном войске — скверное дело.** Узнав об этом, кимвры и литовские гепиды (Gepidowie Litewscy) объединились с немцами, с тигуринами и с амбранами (Ambrany) или омбронами, которых Людвиг Деций, когда пишет о фамилии Ягеллы, помещает в те края, где ныне Люблин и Брест Литовский. ***Statum post Ombrones, id est, Lublinensem Palatinatum etc.*** *(После омбронов это Люблинский палатинат и прочее).* **Ибо в то время еще не было ни Люблина, ни Бреста, и Птолемей о них не слыхивал, однако это должны быть те самые места, откуда вышли омброны.** И тогда кимвры и гепиды сразу ударили на разрозненных (niezgodne) римских гетманов, которых с великим поражением победили и погромили так жестоко, что на плацу полегло восемьдесят тысяч римских рыцарей, а одних только возниц и поваров побили сорок тысяч и захватили два римских лагеря [40]. **Таким же манером турки однажды поразили христианские войска.** Кимвры, пруссы, датчане, шведы, немцы, омброны, подляшане (Podlaszanie) и гепиды, предки литовцев, захватили также гетмана Марка Аврелия [41] и убили двух консульских (burmistrzowskich) сыновей. Поэтому жители Рима, которые давно были злы на Цепиона, судили его за это новое несчастье и признали виновным в этом жестоком и доселе неслыханном поражении Рима, ибо действовал [он] не как надлежало гетману, а худо и недостойно. Он также был посажен в темницу, где и умер в заключении. Его голый труп палач выволок на Гемонское поле, где вешали и казнили злодеев, а его имущество было взято на народные нужды. ***Ad scalas Gaemonias*** *(На Гемонской лестнице)* [42].

Причину этого жестокого поражения римских войск с Цепионом Помпей Трог и Юстин (кн. 32) видят в святотатстве, ибо Цепион когда-то достал из Толозского (Tolossanskiego) озера сто и десять тысяч фунтов золота, а серебра пять раз по десять сот тысяч (пятьсот тысяч) фунтов [43]. Давным-давно это сокровище, собранное войнами и грабежами, словаки (Slawacy) Тектосаги [44] утопили в этом озере, чтобы порадовать своих богов, о чем читай у Юстина [45].

Второй раз наши победно шествуют через Францию в Испанию. После этой славной победы кимвры и гепиды, предки литовцев, второй раз двинулись через Францию в Испанию, а когда их оттуда выгнали кельтиберы, вернулись назад во Францию. А там, объединившись с немецким народом Тевтонами и с Амбронами, которые (если верить Децию) были из Подляшья, договорились между собой и постановили, что, перейдя высокие горы Альпы, добудут Рим и [после] этого счастливого успеха завладеют всей итальянской землей. **Кимвры и гепиды снова двинулись в Италию.** Итак, через два года после той славной победы над римлянами, тремя армиями порознь двинулись в Италию через Альпийские горы, которые итальянцам [служили] защитой. Узнав об этом, римский гетман Марий с войском с удивительной быстротой преградил им путь и первым делом завязал битву с немцами в поле, которое называется *Секстиевы Аквы (Aquas Sextias),* в самых предгорьях.

Битва с немцами при Секстиевых Аквах (*ad Aquas Sextias*). Как пишет Флор, когда немецкое войско соседствовало с рекой и с другими [источниками] воды, римские полки жаловались гетману Марию на недостаток воды, а Марий им отвечал: «Если вы мужи, а вода у ваших врагов, идите и возьмите ее». ***Viri, inquit, estis, en illic aquas habetis.*** Сразу же с большой охотой, с запальчивостью и с криками итальянцы наскочили на немцев, а немцы тевтоны на итальянцев и сшиблись так, что, когда итальянцы одолели немцев, после победы должны были пить из реки воду, смешанную с кровью, и крови они выпили больше, чем воды. ***Eaque caedes hostium fuit, ut victor Romanus de cruento flumine non plus aquae biberit quam sanguinis Barbarorum. Florus.*** (*И устроили врагам такую бойню, что победители римляне выпили из кровавого потока воды не больше, чем крови варваров. Флор.*) **Число побежденных немцев.** По Велею [Патеркулу] (wedlug Wellejusa), на поле боя в первый и во второй день полегло 150 000 кимвров и гепидов [46]. А Орозий свидетельствует, что 200 000 их убито, 50 000 захвачено [в плен], а убежало едва 3 000. **Прыткость короля Тевтобада.** Их король Тевтобад (Tewtobochus), который был настолько прыток, что обычно менял четырех, а иногда и шесть коней, с одного перескакивая на другого, на сей раз, когда убегал, не успел вскочить ни на одного, ибо был пойман при первом скоке. А так как он был [человеком] большой красоты и высокого роста, то считался особой диковиной, ибо, когда его везли среди других победных трофеев, возвышался над всеми, видный отовюду.

Кимвры с гепидами движутся в Италию. Наши кимвры с гепидами и амбронами (Ambronowie), двигавшиеся в Италию отдельным войском, услышав о поражении своих товарищей немцев, которых итальянцы в те времена звали тевтонами, а ныне тудесками, нимало не разочаровались в своей силе и победе и огромными силами двинулись прямо к Норику, а потом перебрались через горы и высокие скалы, на которые надеялись итальянцы, ведь в то время уже была зима. **Кимвры и гепиды, вопреки надеждам**

итальянцев, зимой перебрались через Альпы. Римский историк Флор очень этому удивлялся и говорил: кто бы мог поверить, что они (то есть кимвры) зимой через Альпийские горы, которые от снега кажутся еще выше, с вершин Тридентских гор вторгнутся в Италию, как лавина, все круша и паля. Изнеженные итальянцы изумлялись, что кимвры неурочной зимой отважились двинуться к ним через высокие скалы, ибо эти горы, как я [уже и сам] знаю, обычно покрываются великими без меры снегами. **Альпийские горы страшны большими снегами.** Мы с великими трудностями и опасностями переходили [через] них в Болгарии в 1575 году, едучи от турок. **Альпы в Болгарии турки зовут Балканами, а московиты земным поясом.** Наши кони каждую милю издыхали (zdychaly), и все мы, сколько нас было, шли пешком, [стараясь] не потерять друг друга (niebrakujac osobami). Временами приходилось брести по пояс в снегу, в другой раз [я] провалился по шею, так что еле смогли вытащить. **Горные снега лежат грудами и кучами (brylami i kupami).** А когда сверху со снежистой скалы сошла кучка снега [величиной] с кулак (piesc), то, когда долетела до низа, была уже как самый большой дом, ибо она тотчас собирала на себя снег так, как у нас дети лепят снежки. И когда эти комья [снега] летят с горы, то ломают кусты и деревья, а временами убивают простых людей. **Гельветы побили французское войско в заснеженных горах.** Так гельветы или швейцарцы [47] из страны императора Карла Пятого однажды разгромили большое войско французского короля в итальянских горах, всего лишь сваливая на них снег с вершин скал, когда те уже вошли [в ущелье] и вот так снежным оружием поразили их до основания. А нас Господь Бог [через горы] перевел в целости, здоровыми и живыми, не считая коней. И это нам еще повезло, что дело было перед Пасхой, когда там уже бывает лето и у нас теплее, но в самих горах зима и снега были [такими] жестокими, как будто зимой. Десять дней мы путешествовали из Фракии через болгарские Балканы до мултанского (Multanskiego) Дуная, который течет там в милю шириной [между] городами Рущуком (Urusciukiem) и Джурджу (Dziurdziowem) [48]. Этот пример я привел потому, что лучше всего человек учится [на собственном] опыте (experientia), *non tamen poenitebit aliquando meminisse malorum* (*тем не менее, я иногда жалею, что плохо помню*) опасные приключения, из которых дал Бог вывернуться (sie wywichlac), [и хотя при] этих воспоминаниях жалостно [сжимается] сердце, их надо поведать для примера другим. Но обратим перо к предшествующему рассказу.

Кимвры, значит, были из наших стран. Из этого следует, что кимвры, гепиды и омброны (Ombronowie) были из наших зимних полночных краев. Той зимой они терпеливо брели через Альпы нежданными гостями в Италию.

Римляне хотели закрыть кимврам проход через горы. Узнав об этом, римляне сразу послали Квинта Катулла, товарища Мария, с войском, чтобы закрыл кимврам проход через горы. Но как только он понял, как трудно будет дать отпор столь огромному скопищу врагов, то отступил от Альп с войском на ровное поле и укрепил для обороны оба берега реки Атесис под Вероной, устроив к тому же через реку мост, чтобы его солдаты, если враг задаст им жару (nagrzewal), могли безопасно перейти к нему с другого берега. **Катулл укрепил Атесис (Atesin osadzil).** Но натиск и мощь кимвров отбили Катулла с римским войском от реки Атесис, так что римляне вынуждены были бежать, и против них из Рима сразу же выступил сам Марий и, переправившись через реку Пад, объединил свое войско с [войском] Катулла. **Марий перешел через Пад.**

Варварская смелость кимвров. Кимвры тоже с варварской смелостью брели через реку Атесис (Atesin) без лодок и без мостов, а так как в быстрой воде они не могли опереться ни щитами, ни руками, то, срубив большой лес, устроили гать. И вот так против итальянцев они переправились со страшным гиканьем и криками: Кимвры! Кимвры! И громкими голосами это повторяли, враждебно и крикливо. И, как пишет Флор, если бы они сразу огромным приступом пошли на Рим, это была бы великая опасность и сомнительное дело. ***Et si statim infesto agmine urbem petissent, grande di scrimen esset.*** Но кимвры встали лагерем в венецианском краю, который Стадиус зовет ***partem Galliae Togatae*** *(частью Галлии)*, ограниченной реками: с запада Атесисом [49], с юга Падом (Padusem), с севера Натизоном, с востока Адриатическим морем. **Венецианские границы в Ломбардии.** Эта земля выделяется среди других итальянских краев ранними урожаями на земле и роскошнейшей погодой на небе, и наши там обленились, а Марий умышленно оттягивал битву, чтобы употребление [пшеничного] хлеба и вареного мяса, а также сладкого вина в роскошной земле тешило и расслабляло их, потому что роскошь вредит простым солдатам, ибо лучшие рыцари у них изнеживаются. **Хитрость против слишком смелого и готового** [к бою] **врага. Проволочка (zwloczenie) по латыни: *cunctatio*.**

Гепиды и кимвры вызывают на бой. А потом наши кимвры, неосторожно возомнив, будто Марий их боится, и полагая, что уже завладели итальянской землей, несколько раз посылали к нему, чтобы встретился с ними и назначил день битвы. И положил (zlozyl) им время и место встречи на следующий день, как пишет Флор, на широком и ровном поле, которое звалось ***Cladium*** (*Ужас*) [50]. А Плутарх в [жизнеописании] Мария ***de vitis Illustrium virorum*** пишет, что битву назначили на третьи ноны августа [51] на Верцельском поле (***tercio nonas Sextiles, in campo Vercelensi***).

Поражение кимвров. И когда обе стороны с великим грохотом и криками охотно сошлись [в бою], Марий с помощью хитрых уловок поразил кимвров, и их полегло на поле 104 000, а [в плен] захватили 40 000. Итальянцы же в этой жестокой битве, длившейся целый день, потеряли убитыми третью часть от всего числа [своих воинов].

Per ipsos si credere fas est Deos *(Все верили, что это [заслуга] богов)***.** И эту блестящую и славную победу, которую Флор приписывает богам (потому что все дрожали перед кимврами), [заслуживший] признательность всей римской монархии Марий одержал не силой, а хитрой уловкой с промедлением и с построением своего войска, и эту хитрость пустил в дело как истинный гетман, следуя в этом Ганнибалу, когда-то жестоко поразившему римлян ***при Каннах*** (***ad Cannas***). **Марий победил кимвров хитростью.**

Построение войска Мария. А поступил он так: первым делом дождался, пока в роскоши кимвры изнежатся и обленятся; потом день для встречи, чтобы удобнее было внезапно ударить на неприятеля, выбрал мглистый, а к тому же и ветреный, чтобы песок, поднятый ветром и конями, пылил им в лицо и в глаза, себе же выбрал наступать по ветру; также и полки свои выстроил против восхода солнца, чтобы, когда мгла к полудню рассеется и ярко засияет солнце, от блеска римских доспехов и забрал (przylbic) кимврам казалось, что небо запылало, и из-за сияния и блеска отразившихся от доспехов солнечных лучей [они] не смогли бы рассмотреть итальянцев, так что им виделись бы трое вместо одного.

Научиться этому может каждый военачальник (sprawca ludu rycerskiego) и ротмистр, [изучая] историю построения войск, о чем далее прочитаешь больше, чем нужно.

А когда Марий уже поразил и разгромил кимвров и гепидов, с их женами ему пришлось выдержать не меньший бой, чем с ними самими. ***Nec minor cum uxoribus eorum pugna, quam cum ipsis fuit.*** Ибо, мощно оградившись со всех сторон возами и телегами (kolasami), они стояли на вершине этого лагеря будто на бастионах какого-нибудь замка и отважно защищались, тыча в штурмующих итальянцев копьями и рогатинами и метая [в них] разнообразные предметы. **Женщины кимвров мужественно обороняются с обоза.** Их последующая смерть была еще благороднее, чем битва, ибо, когда итальянцы не смогли их взять, сами кимврки (Cimberki) и гепидки (Gepidanki), от которых происходят литовки, начали переговоры с Марием. **Женщины кимвров (Cimberki) ведут переговоры с Марием, изложив ему свои условия.** И через послов изложили ему [свои] условия: чтобы оставил им их вольности (посмотрите, как женщины прежде всего заботились о своей дикой (grube) свободе), чтобы потом, так как их мужья перебиты, [они] могли бы быть монашками (mniszkami) богини Весты по языческим правилам римских жрецов. **Жестокая стойкость (stalosc) женщин кимвров и их превосходное мужество.** А когда не смогли этого выпросить, в том же лагере, сначала удавив и перебив всех своих детей, чтобы живыми не попали в итальянскую неволю, сами потом до упаду храбро рубились с итальянцами. А другие, пообрывав косы либо свои волосы, скрутили веревки и сами повесились на деревьях, на верхушках возов и на дышлах, а другие, мужественно сражаясь с итальянцами и не желая сдаваться [в плен], в бою дали убить себя досмерти [52].

Такую же отвагу обнаруживаем у их потомков литовцев (Litawow) в замке Пиллен (Pullenie) в Жмуди, который немцы осаждали при Ольгерде [53]. Следуя примеру своих старых матерей, [они] тоже сожгли своих жен и детей, а сами покончили с собой (sami sie do gruntu zbili), чтобы живыми не попасть в руки спесивых орденских рыцарей. О чем прочитаешь у Кромера (кн. 12, стр. 31) и у Меховского (кн. 4, гл. 22, стр. 234); но до этого отсюда еще далеко, вернемся же к [нашему] рассказу.

Белей (Beleus)**, король кимвров.** Баелей (Baeleus) [54], король кимвров, мужественно пробиваясь сквозь итальянские полки, пал на поле боя. **Плетни из костей.** Как свидетельствуют итальянские и шведские хроники, итальянцы из Массилии (Masillenszowie) делали плетни для виноградников из костей павших на этом побоище [55], а земля, пропитавшаяся кровью и [человеческим] жиром, стала необычайно плодородной: это был добрый навоз (nawoz).

Глава третья

О готах, гетах и гепидах, предках литовцев и славян.

Так как ты, милый читатель, уже знаешь об успехах, стойкости и в конце концов о жестоком разгроме мужественных кимвров и гепидов, а считается, что от их союза и от их народа и происходят литовцы, жмудины и латыши, то этот рассказ основан на надежном фундаменте истинной истории, как я уже достаточно показал выше [в повествовании] о происхождении этих кимвров и готов от Гомера Иафетовича и его сына Фогармы

(Togormy). Пророк Иезекииль ясно пишет, что эти народы [жили] в тех полночных странах, где ныне [живут] жмудины, латыши, древние пруссы и литовцы, когда в главе 38 говорит: ***Gomer et Togorma latera Aquilonis*** *(Гомер и Фогарма от пределов севера)***.** **Иезекииль, 38.**

Но и сами немцы не могут приписать себе подвигов (dzielnosci) кимвров, поскольку и Ливий и Флор там, где речь идет о кимврах, называют их отдельно от немцев, что найдешь у Флора (кн. 3, гл. 3), где говорится: ***Cymbry, Teutoni atquae Tigurini, et Ombrones vel Ambrones.*** **О том же читай у Волатерана в кн. 2 Геогр[афия].** Под кимврами, стоящими первыми [в списке, он] разумеет древние народы шведов, датчан, латышей и старых пруссов, а также гепидов, предков литовцев и жмудинов, которые, как говорит Флор и как их описывают Птолемей и Юлий Цезарь в Комментариях, жили в глухих уголках (ostatnich katach) на берегах Балтийского океана, ныне зовущегося Немецким морем. А для того похода в Иллирику и в Италию они соединились со своими соседями немцами или тевтонами и с амбронами, которых Птолемей и Деций издавна помещают в тех полях, где ныне Подляшье и т. д. А о гепидах, предках литовских, которые всегда были в соседстве и в товариществе, как в военном, так и в гражданском (domowym), с кимврами и с гетами, о том далее найдешь яснейшие под солнцем свидетельства и доводы. Поэтому все славные [деяния], совершенные кимврами и готами, с тем же правом могут быть приписаны и их товарищам гепидам [56].

И хотя после этого поражения уцелела немалая часть кимвров, омбронов и тевтонов или немцев, однако, утратив столь великую мощь, окрепнуть они уже не могли. Поэтому одни покорились римлянам и остались на итальянской границе; другие осели в немецких краях и во Франции; другие, которым на [новых] местах (o ossady) пришлось трудно, вернулись в те полночные края, откуда сначала вышли, такие, как Дания, Пруссия, Жмудь и Литва; другие, как пишет Флор [57], [вернулись] к Меотийскому озеру и к реке Танаис. А те, которые воевали в Италии, во Франции и в других дальних краях и долго скитались в компании разных народов, тогда же из-за общения с различными обычаями и языками изменили свою речь, ибо у самих шведов и датчан язык иной, чем у немцев, в том числе у курляндских, у остатков древних пруссов, у латышей, у литовцев и у жмудинов. Как известно, [все они] имеют в своем языке различные слова из разных других языков.

Однако кимвры, готы, гепиды, литовцы, жмудь, латыши, шведы и датчане, [остаются] одним и тем же народом, [произошедшим] от Гомера и Фогормы, хотя языком и обычаями отличаются друг от друга. Как также видим, вор**о**ны (wrony), грачи, в**о**роны (kruci), сизоворонки (kraski) и сороки, которые тоже из одного племени, хотя и различаются оперением и голосами, но все они единого вороньего происхождения. И, когда летят грачи, там же между ними мешаются галки, в**о**роны (kruci) и вор**о**ны. Вот так и когда кимвры и готы отправились в поход на юг, с ними двинулись и гепиды, литовцы, латыши, курши, как люди одного с ними народа и земли, а руссаки и словаки (Slawacy) — как их соседи, и прочее.

Но пусть об этом будет уже довольно [сказано], милый читатель, а теперь начинаю рассказ о самих готах, народах, не менее славных рыцарской отвагой, а до этого думаю последовательно и доказательно вывести их начало.

Рассмотрим сначала родословную сыновей Ноя и их потомства. Готы, предки литовские, свое начало ведут от Фогорма, сына Гомера и внука Ноя, а их отвагу и благородные дела (так же, как вандалитов и кимвров) немцы, датчане и шведы сами себе приписывают и в этом порожнем мнении сильно ошибаются вопреки всем иностранным, а в конце концов и вопреки своим собственным немецким историкам. Ибо, опуская для краткости славных древнегреческих историков, Прокопий Кесарийский, который писал [об этом] в первой, второй и третьей книгах о Готской войне, а также Агафий Грек [58] и Иорнанд в Гетике; Блондус [59] (декада 1, книга 8 о падении Римской монархии и там же книга 1, декада 1); Корнелий Тацит о положении земель и нравах немецких; святой папа Григорий [60], Рафаэль Волатеран (кн. 2) и многие другие старинные и общепризнанные историки, а также их же немецкие новые историки доказывают ошибочность этого их мнения. ***Agatias lib. 1 et 2; Procopius Caesariens lib. 1, 2 et 3 de bello Gotico; Jornandes de rebus Gaeticis; Blondus decad.1 lib.8 et lib.1 Dec.1 Cornel. Tacitus; Divus Gregorius etc.*** (и прочие) **выводят готов из славянских земель.** Сначала немецкий теолог Тилеманн Стелла Меченый (Signensis) [61], описывая происхождение народов в генеалогии Христа, так пишет о готах, называя их гетами: ***Gaetas autem Gotas esse nihil dubium est, ques etsi multi in insulis maris Baltici tanquam autuchtonas*** [62] ***natos esse fingunt, tamen cum initia generis humani, in oriente fuerint, ut Moises testatur, consentaneum est, completum esse occidentem et septentrionem, paulatim progressis, ex oriente posteris Nohae, etc, etc.*** *(Геты, хотя и нет никаких сомнений, что это Готы, которых на островах Балтийского моря много как автохтонов, однако с зачатка человеческой расы на востоке, как свидетельствует Моисей, она совершенствовалась на западе и севере в соответствии с [прибытием туда] потомков Ноя из развитых стран с востока, и т.д., и т.п.).* Геты, говорит, то есть древние Пруссы, Литва, Жмудь и Латыши, по мнению историков, несомненно, должны быть Готами, которых довольно много веками рождалось на островах Балтийского моря, то есть датских, шведских и готландских, но это к делу не относится, так как зачатки рода человеческого после потопа размножились прежде всего на востоке, как об этом свидетельствует Моисей; это убедительно доказывает, что западные и северные страны легко и как бы нечаянно ((znienaczka) наполнились людьми и народами только тогда, когда потомство Ноя двинулось с востока, то есть на запад и на север от Вавилонской башни. Об этом мы имеем свидетельство не кого-нибудь, а первейшего немецкого историка и теолога, который ясно завявляет, что готы размножились не от немцев и не от шведов, а от гетов (которых Овидий, Плиний, Птолемей и другие [аптичные авторы] описывают в литовских, жмудских, московских, перекопских, подольских, волынских и итальянских краях), и не геты от них, а они от гетов и гепидов произошли и нечаянно заселили датские, а также шведские острова в Скандинавии.

Далее же пишет: ***Et facilius in arctoo latere proceserunt gentes, quia ibi non impediuntur itinera mari, ut in littore maris mediteranei.*** Людям и народам стало легче распространяться и расширяться в северных странах, где ныне Литва и Русь, ибо там не бывает, чтобы море препятствовало (przeszkodzony) дорогам, как случается на берегах Средиземного моря.

Прокопий Кесарийский. Также и Прокопий, греческий историк, в ***кн. 1 и 2 Войны с готами*** готов зовет гетами [63]. Тот же Прокопий готов, виссиготов и вандалитов и аланов всех называет единым именем сарматов (Sarmatami) [64], и говорит, что у них был единый народ и были только небольшие различия из-за разделения их князей и вождей. **Какой**

красоты были готы. А так как историю свою он писал в те давние времена, когда готы благоденствовали (pluzyli), то и их внешность, которую сам видел, описывает так: белое тело, льняные волосы и большие глаза, которые ныне видим у всех русских и славянских народов. Тот же Прокопий в книге 5 пишет, что готы вышли из тех мест, где ныне Москва, от реки Дон либо Танаис. ***Procopius, lib. 5.*** А причиной этого полагает то, что как-то некоторым молодцам случилось погнаться за оленем через реку Дон, и когда, увлекшись охотой, [они] зашли далеко к западу, то, воротившись назад к своим, поведали им, что видели на западе очень добрые цветущие поля и пашни. Тогда они, уповая на свою силу и оружие, пошли с войском до самого Дуная, везде одерживая победы, а потом, подступив к Италии, заключили мир с римскими императорами, а напоследок дошли до самой Испании. Так говорит Прокопий. ***Proc. ad Istrum usquae vincendo peruenerunt*** *(Прокопий: завоевали до самого Истра).*

Спартиан в жизнеописании цезарей готов тоже зовет гетами, которых второй император Клавдий поразил 300 000 в славянской земле у города Маркианополь (Martinopolim) в Мезии либо в Болгарии [65]. ***Spartianus in vitis Caesarum.***

А Волатеран в кн. 2 считает, что готы были из народа кимвров, о которых Флор пишет, что их остатки после поражения от Мария вернулись в Меотиду, где ныне среди татар полно не немцев, а словаков (Slawakow) [66].

Гербы древних готов и кимвров. Что древние Геты, которые на хоругвях и щитах носили медведя, как об этом пишет ***Корнелий Агриппа*** [67] ***в Искусстве Геральдики (Arte Heraldica), гл. 81***, были из русских краев, оказывается также и по гербу. Кимвры же символом своей мощи считали быка, аланы кота, поляки орла, а немцы своим гербом считали льва.

Сигизмунд же Герберштейн в ***Записках о Московии (Commentariis rerum Moschoviticarum)*** на стр. 114 так пишет о Готланде: ***Gotlandia quoquae iunsula regno Daniae subiecta etc.*** Готланд, говорит, это морской остров, подвластный Датскому королевству и лежащий в том же заливе (odnodze) Балтики, откуда, предположительно, вышли многие готы, так как этот остров намного теснее, [чем нужно], чтобы разместить на себе такое множество людей, какое было у готов [68]. **Говорит: *предположительно*, то есть многие ошибались в этом своем мнении.** К тому же, если бы готы вышли из Скандии, как некоторые считают, а потом из Готланда [направились] в Швецию, тогда получается, что они повторно повернули на дорогу через Скандию (Skandia) и должны были бы вернуться назад, если бы хотели двинуться в Италию с той же стороны, что и готы. ***Quod ratione minime consentaneum est.*** *(Что наименее сообразуется со здравым смыслом)*. Герберштейн говорит, что это никоим образом не могло бы соответствовать правде и наименее согласуется с разумом и историей, и прочее. **Ваповский и Бельский тоже согласны в этом с Герберштейном. И этим Герберштейн явно подтверждает, что готы вышли не из Скандии и не из Швеции, а из русских и литовских полей, откуда вышли и половцы.** Это второе явное свидетельство, что готы вышли не с Готланда, не из Скандии и не из Швеции, а из Литвы, Жмуди и Московских краев Меотийских и Танаисских, как это прекрасно согласуется у Иовия в ***книге о Московском посольстве (libro de legatione Moschovitarum)*** с третьим [рассуждением о

происхождении] готов Деметриуса (Demetriussa), московского посла в Риме [69]. **Павел Иовий.** Он тоже выводил (wywodzi) большую часть готов от московитов (z Moskwy), от заволжских татар, от латышского и литовского народа и [их] отборных дружин, которые со своим королем Тотилой почти до основания стерли [с лица земли] римскую империю и город Рим за тысячу и несколько десятков лет [до нашего времени]. **Готский король Тотила** [70].

Четвертым о готах пишет немецкий хронист Карион (***lib. 3, monar. 4, aetatius 3***), считающий их немцами с острова Готланд, которые, говорит, частично осели в латышских и литовских землях, ибо обе эти страны лежат напротив Готланда, через море. **О том же читай у Кромера (кн. 7 и кн. I), а также у Волатерана в Готах (Gotis).** Но как раз в том, что в истории каждый раз нам наименее хорошо известно, Карион выбился из колеи (toru ustapil), ибо готы, двигаясь с тех полей, которые за Киевом, в году от Христа 253 огромными силами вторглись во Фракию с трехсоттысячным войском, что и сам Карион вопреки самому себе пишет в той же книге, что и выше. **Император Деций убит готами-словаками.** Воюя там римские владения, в генеральном сражении [готы] убили императора Деция с сыном, как от том будет ниже [71]. **Триста тысяч готов.** И это ясно указывает на то, что со столь большим войском (300 000, не считая жен и детей) готы [правдо]подобнее вышли из тех полей, где ныне Москва, Литва, Волынь, Подолия и Перекоп или Таврика, а не с Готланда, как домысливал Карион, так как с этого острова, который не более восемнадцати миль длиной [72], не могли собраться столь огромные войска, о чем упоминают и Ваповский, и Бельский. Ибо и ныне датский король не собирает с него более нескольких сотен, самое большее тысячу человек, готовых к бою, да и то в случае крайней нужды. А еще Карион пишет (не может он со своими готами обойтись без Литвы!), что немцы, придя с острова Готланд, смогли завладеть частью литовской и латышской земли, а потом назвались готами, что тоже вряд ли (nie ku rzeczy), потому что они были славны и грозны римлянам еще за тысячу триста сорок пять лет до наших дней и за несколько веков до прибытия немцев в Лифляндию. И только в 1234 году при императоре Фридрихе Втором и папе Григории Девятом привели в латышскую землю орден крестоносцев, а потом завладели этой страной, но названы были Лифлянтами, а не готами (силы которых к тому времени почти совершенно угасли). Не только в самом рассказе, но и в подсчете лет ты видишь большой сбой (szfank) от года 253 [73], когда готы славились мужеством, и до самого 1234 года, когда немцы проникли в Лифляндию. Готы тогда пришли из Литовских и из Московских, а также из Волынских краев, а не с Готландского островка (insulki), хотя и имели в дружине союзных им датчан, шведов, кимвров и немцев, размножившихся у Прусского моря и на его островах. Все вместе они, хотя и собравшиеся из разных народов, именовались готами, гетами, гепидами и кимврами, о чем и сам Карион против себя же свидетельствует, говоря: ***Non unius autem populi apellatione censentur Goti, Vandali, Rugiani, Hunni, etc.*** *(Никто из этих людей не может считаться Готами, Вандалами, Ругиями, Гуннами и т.п.).* Но никого из этих людей не называют готами, ибо под этим именем подразумевают вандалитов (славянский народ) [74], ругиев, гуннов, от которых [происходят] венгры, гепидов, от которых литовцы, жмудь и латыши и т. д. **Карион уже вступает на путь истины.**

Слова Кариона. Карион также пишет, что некоторая часть готов осела в Азии над Понтом и Пропонтидой около Константинополя, другие остались во Фракии и Венгрии, а

также еще и в наше время (говорит Карион) известно, что в Таврике или Перекопе, где ныне перекопские татары, живут готы, которые пользуются немецким языком и называют себя готами: по Кариону, до сих пор.

Да я и сам бывал во всех этих странах: и во Фракии недавно, в 1572 году, и около везде хорошо известного Константинополя, но никаких готов, говорящих на немецком языке, там не видывал и о них [даже и] не слыхивал. Наших предков словаков [75] там везде полно: во Фракийских и Болгарских землях, живущих на обширном пространстве между Балканскими горами, а также в Таврике или Перекопе, [являющихся] остатками литовских и роксоланских готов или гетов, русских предков, которые говорят на славянском (не немецком) языке, скотину же пасут в полях, как чабаны (czabany). **Высокие Балканские горы, которые географы зовут Родопами и Гемами [76]. Об этом читай также Кромера (кн. 7), Длугоша и Меховского (кн. 3).** А зовутся [они] ныне бессарабами, татами (Tatami) [77], словаками (Slawakami) и сербами, но не готами и не немцами, которых там не увидишь, чтобы они жили среди татар и турок. Потому что для них нет более отвратительного (mierzenszego) народа, чем немцы, что [я] видел собственными глазами, и каждому в тех краях это известно [78].

Слова Деция. Потом немец Йодок Людвиг Деций, новый историк нашего века, пространно и основательно описывая ***vetustates Polonorum, Jagellonum familiam, et Sigismundi Regis tempora*** *(древности поляков, семейство Ягеллонов и времена короля Сигизмунда)*, так говорит о готах, выводя их народ из тех краев, где ныне Русь, Литва и Польша. ***Undecunquae autem orta gens illa fuerit etc.*** *(Народ родился из [людей] самого разного происхождения, и прочее).* Но откуда и когда бы ни появился народ готов, после долгих выводов (говорит), нет на свете ни одного народа, который бы вернее и достойнее мог добиться славы готов и прославиться [их] деяниями, чем те народы северных стран Европейской Сарматии, из которых были древние гитоны (Gitonowie), гетоны или гепиды, предки жмудинов и литовцев, [жившие] над Венедским морем, которое мы ныне зовем Куршским, Жмудским, Прусским и Лифляндским. **Я и сам три дня ехал вдоль этого моря из Жмуди в Кёнигсберг.** От них же произошли геты и даки, [чьи земли] лежали к югу, где ныне Волынь, Подолия и валахи. Все историки свидетельствуют нам о том, что эти готы жили в тех странах, где Меотийское море или озеро впадает в Понт Эвксинский, и над рекой Доном или Танаисом, а также там, где ныне [живут] заволжские и перекопские татары и московские русаки. Итак, говорит Деций, готы были народом из Европейской Сарматии и из вышеупомянутых краев обычно и отправлялись воевать римские владения. **Об этом же читай Длугоша, Меховского, Кромера (кн. 7) и прочее.** Так готы в течение долгого времени проживали в полях при Руси и от полей или полования (polowania) и от полонов были названы половцами [79]. **Готы и половцы.** А при цезаре Августе, [еще] до рождения Господа Христа, готы, двинувшись из тех полей, где ныне живем мы, начали совершать набеги на римские владения. **Действия готов-словаков [80].** Римский гетман Лукулл вытеснил их из Мезии, но потом [они] побили двух римских гетманов, Аппия Сабина и Корнелия Фуска, обоих вместе с легатами и римскими войсками, а также затевали частые битвы с Антонином Каракаллой и двумя Антонинами: Пробом и Вером, а также с иными римскими гетманами [81]. О чем достаточно пишет славный и достойный доверия историк Орозий (кн. 7, гл. 7 и кн. 7, гл. 9) [82]. Также воевали с первым христианским императором Филиппом [83] в году 247 от спасительного рождества

Господа Христа. Имея триста тысяч войска, разорили Фракию и Мезию, несколько раз поразили Деция, а в конце концов в 253 году убили его вместе с сыном, как об этом упоминалось выше [84]. ***О том же читай Светония в [жизнеописании] Августа, Диона Кассия, Прокопия, Павсания в Аттике, и т. п.***

Потом, когда персидский царь Шапур (Sapores) захватил [в плен] императора Валериана и содержал его в такой жестокой неволе, что с его хребтины (вместо скамеечки) садился на коня [85], в 260 году готы вместе с другими сарматскими народами, с москвой, с русаками, с литовцами, с латышами, со жмудинами и с волынцами, снова собрав великие войска, по земле и по воде двинулись в Азию. [Они] разорили Вифинию (Bitinia), почти до основания разрушили приморскую Никомедию, разграбили и сожгли языческий храм (kosciol poganski) Дианы в Эфесе, весьма славный и построенный на средства, [собранные со] всей Азии [86]. **Главный город Вифинии Брусса, который турки ныне зовут Бурсса** (Burssa) [87]**, называется от короля Прусия** (Prusse)**, у которого** [укрывался] **Ганнибал, будучи беглецом** [88]**.** Также разорили Македонию и Фракию, и я думаю, что с тех времен народы славянского языка и размножились в тамошних краях, в которых и ныне широко проживают, как я сам видел. Потом император Флавий Клавдий разгромил их почти наголову в Македонии и Венгрии, ибо в бою и в плену их сгинуло триста тысяч. Тот же император на Греческом море в 270 году от господа Христа отнял у них две тысячи галер или кораблей водной армады, о чем свидетельствуют также Йодок Деций, Карион (***lib. 3, Monar. 4, Aetatius 3***) и другие. **Готы на земле и на воде поражены в годах 270 и 273.** После этого поражения готы несколько десятилетий сидели смирно, а потом, в 368 году, снова сильно ударили по римлянам. **Победы готов в 381 году** [89]**.** Побили их гетманов Лупицина и Максима вместе с войсками, захватили Мезию и Фракию, императора Валента (Valensa) под Константинополем поразили и самого, захватив, заживо сожгли, осадили Константинополь и жгли окрестные волости, пока вдова императора Валента дарами и деньгами не склонила их на свою сторону, чтобы отступили от Константинополя, как пишут Карион и Йостус [Деций].

Готы терпят поражение. Потом император Феодосий поразил их у Константинополя в 383 году и выгнал из Фракии.

Святые доктора. В то время процветали (kwitneli) учения святых докторов Иеронима, Августина и Амвросия, а в Англии сеял смуту еретик Пелагий, которого святой Августин убеждал Святым Писанием [90]. **Еретик Пелагий.**

Потом при императорах Аркадии и Гонории, сыновьях Феодосия, в году от Господа Христа 405, от сотворения мира 4349 [91], а от заложения Рима 1157 готы, которых было двести тысяч, снова вторглись в Итальянские края со своим королем Радагостом. **О том же найдешь у Клавдия Клавдиана в *Стилихоне* и др.** [92]**.** Стилихон [93] поразил их в горных теснинах у Апеннина недалеко от Флоренции, там же пал и их король Радагост (Radagost). А это имя Радагост или Радогост означает, что оно само по себе славянское, якобы означающее Радость (Radgosciom), ибо Радогост и Доброгост — старославянские (sa starych Slawakow) [94] народные прозвища. **Еще и ныне в северской земле есть московский замок Радогост.**

Рим взят готами. Готский король Аларих. Но за это поражение и смерть Радагоста знатно (znacnie) отомстил другой готский король, Аларих, который взял город Рим, главу и господина всего мира, завладев им в 412 году [95] от Христа, а от основания Рима Ромулом в 1164 [году]. Король Аларих запретил трогать церковное имущество (rzeczy), но готы целых три дня жестоко разоряли город, а потом повоевали у императора Гонория области (krainy) Кампанию, Брутию и Луканию. О чем читай *Клавдия Клавдиана в Стилихоне и Гонории*, который тоже выводит готов или гетов из тех полей, где ныне [живут] руссаки, подоляне и дунайские болгары. Там же [Клавдиан] описывает военный сенат короля Алариха в таких словах.

Crinigeri sederi patres, pellita Gaetarum
Curia, quos plagis decorat numerosa cicatrix,
Et tremulos regit hasta gradus, et nititur altis
Pro baculo contis, non exarmata senectus, etc.

Сели по рангу длинноволосые, в шкуры одетые геты,
Судьи, сенаторы, лица которых украшены множеством шрамов,
Сели, дрожащей рукой опершись на жезлы свои в виде высоких
Палок с крюком на конце; не слагают оружия старцы.

Готы в другой раз взяли Рим. А когда Аларих умер, [готы] снова вернулись в Рим с новоизбранным королем Атаульфом (Ataulphussem) и не по воле своего короля разграбили город, однако не жгли. **В третий раз взяли Рим.** Потом в 548 от Христа, а от основания Рима в 1300 году и через сто тридцать шесть лет после Алариха готы в третий раз разорили Рим со своим королем Тотилой на 21 году правления императора Юстиниана (Justiniussa), а при вандальском короле Гензерихе (Grenseriku) взяли Рим в четвертый раз [96].

Скопец Нарзес. А потом гетман императора Юстиниана Нарзес, персидский евнух или скопец (trzebienec), наголову поразил последних готских королей Тотилу и Тейю и выгнал из итальянских стран почти весь народ мужественных готов, из которых одни осели в Испании, а другие во Франции, а другие через Немецкие края пришли к своим старым побратимам в те полночные страны, где были древние пруссы, жмудь, литва, ятвяги и прочие, которые тоже издавна были одного народа с готами. **Об этом читай Платину [97], Деция, Иовия и Волатерана (кн. 7).** И заодно с ними из этих зимних уголков отправлялись на различные войны, о которых кто хочет читать подробнее, найдет [более] полные их деяния у различных историков, ибо знатный грек Прокопий Кесарийский, который постоянно находился в войске при гетмане Велизарии, в нескольких книгах и томах достаточно подробно отобразил их дела с римлянами и греками. Много, хотя и по-разному (ибо каждый стремился приписать их деяния своему народу), писали о готах также [Святой] Григорий и Павел Орозий, Светоний, Иорнанд, Гвидо Равеннский, Блондиус, Корнелий Тацит, Спартиан, Леонардо Аретино, Урсбергский аббат, Марк Аблавий, Антоний Сабеллик и отчасти другие [авторы]: Ливий, Волатеран, Бергомен, Тилеманн Стелла; Блондиус и упсальский архиепископ Олаус Магнус, оба урожденные готы; Мюнстер и Науклер, очень достоверный историк, Эразм Стелла и многие другие славные и знаменитые историки [98] как древних, так и недавних веков, у которых читатель

может легко утолить свою жажду [знаний]. Мы взяли оттуда только то, что относилось к нашей Сарматской, Русской, Польской и Литовской истории, кратко дополнив надежными доводами из тех же историков, о чем скоро достаточнее прочитаешь ниже в нашем [рассказе о] происхождении литовского и русского народа. А теперь приступаем к самому рассказу, доказательно заложив начало литовской истории из прусских хроник, прежде чем приступим к [рассказу о том, как] в ту страну из Италии приплыл по морю Палемон или Публий Либон.

Глава четвертая

О Вейдевуте, первом прусском короле, избранном из литаланов, и о его сыновьях Литвоне и Самоте.

Эразм Стелла Либанотан (*Libanothanus*) [99] во второй книге Прусских древностей так пишет прусскому магистру Фридриху [100] о истинных предках литовцев, происходящих от воинственных готов, гепидов и кимвров, о первом литовском князе Литалане (Litalanie) и о Жамоте (Zamocie) жмудском. Во время правления римского императора Валентиниана, то есть в 366 году, аланы [101] либо литаланы, люди, бывшие северными соседями пруссов (что означает, что это был литовский народ), когда пошли войной против Римской империи, после долгих и частых набегов на римские владения были поражены сикамбрами (od Sicambrow), и прочее. **Сикамбры были могущественным немецким народом над рекой Рейном [102].** А другая часть этих аланов или литаланов, более слабых и не столь способных к войне, которые оставались дома, после того поражения от сикамбров утратив силу убитых молодцов (molojcow) и не слишком надеясь на безопасность своих селений в собственной отчизне, ушли поэтому к соседним боруссам или пруссам. [Ушли] с женами, с детьми и с большой толпой невольников (slug niewolnych), увозя с собой весь домашний скарб и имущество на [двухколесных] возах и телегах (na karach, na kolasach), а также пригнали с собой всякую домашнюю скотину, которой тот народ в основном и жил. И там перешли под защиту древних пруссов (которые были одного народа с литовцами) и переняли их веру. Пруссы радушно их приняли, ибо, умноженные их числом, тем успешнее давали отпор другим народам, так как в то время более всего опасались немцев, которые жили над Вислой, где теперь Хелминская земля, и часто истребляли пруссов в тех местах, которыми владели.

Пруссы (Prussowie) предоставили аланам [право] совместного проживания в своих землях, а те позволили Борусам (Borusom) брать и жены своих женщин, ибо [сами] ни в каких браках не состояли, однако всех женщин имели в общем пользовании. Поэтому за короткое время [они] быстро выросли в столь большой народ, что превзошли все соседние народы: мазовшан, поляков и немцев. Потом из-за этой многочисленности и тесноты границ начали между собой один другого притеснять, потому что как кому нравилось и кто насколько считал для себя полезным, столько земли для себя и для коней брал и сам[овольно] занимал. И из-за этого между ними начинались ссоры и различные недоразумения, которые нередко кончались взаимными убийствами. И в конце концов все эти грубые и несговорчивые люди пришли к тому, что стали встречаться и рассуждать по поводу поставления короля, когда по обычаю простолюдинов и там и сям об этом велись различные разговоры.

Речь литаланского княжича Вейдевута и его избрание старшим между пруссами. И там Литалан Видвут (Widvutos) или Вейдевут (Wejdevutos), превосходивший прочих разумом и достоинствами (ибо завел (obfitowal) много слуг, собравшихся на его призыв из чужих земель), сказал так: если бы борусы не были глупее ваших пчел, не было бы никаких раздоров, из-за которых вы тут между собой разбираетесь.

Король над пчелами или [пчелиная] **матка.** Вы видите, что пчелы имеют короля, приказов которого слушаются, который решает их дела, каждого из них приставляет к надлежащей работе, а непослушных, никчемных, бездельников и праздных карает, изгоняя [их] прочь из ульев. По его приказам все находятся на работе, пока не закончат все свои дела. И вы, которые каждый день это видите, последуйте их примеру, поставьте себе короля и будьте послушны его воле, чтобы он ваши ссоры улаживал, все убийства и злодейства карал, невинных защищал, и пусть сам всеми без исключения правит и верховную власть (wyrok) и силу имеет.

Вейдевут, первый король или князь боруссов или древних пруссов и литаланов, предков литовцев. Услышав это, пруссы сразу подняли большой шум, призывая: а хочешь, ты над нами будь Бойотер (Bojoteros) [103], что на их языке означает пчелиного короля. И Вейдевут, Литалан из литовского народа, о чем свидетельствует и само имя этого народа [104], не отверг их призывов и по всеобщему волеизволению стал первым королем Боруским и Литаланским или Литовским. И хотя тоже был из простого и грубого языческого народа, однако королевской премудрости (wielgomyslnosci) ему хватало, ибо как только народ наделил его королевским величием, все свои мысли устремил ни к чему иному, кроме как следовать примеру князя или вожака пчел. **Необходимость перемен в народных обычаях.** Поэтому народ, кочевавший там и сям, [он] прежде всего замкнул в определенных границах — на манер пчел, которые исполняют свою работу в особых ульях. **Становление государства Вейдевута в Пруссии и в Литве.** И убедил их заняться сельским трудом, чтобы одни обрабатывали и засевали землю и сажали рядом плодовые деревья, другие чтобы были при пчелах, другие при скотине и хозяйстве, других приставил к рыбной ловле. **Законы и постановления Вейдевута.** И установил законы: прежде всего, чтобы ни один владелец ни имущества, ни челяди не держал более, чем было необходимо и достаточно для своих работ, а прочих либо продал, либо перебил, и чтобы ни один из бесполезных и непригодных для работы калек (ulomnich) не уцелел и не оставался бы в живых. Дал также вольность и право сыновьям удавливать родителей, угнетенных старостью, или тех, которые из-за слабости сил не могли справляться с работой, чтобы зря хлеба не ели, и чтобы у каждого оставалась одна жена. **Это тоже сохранилось от древнеегипетских королей.**

Пиры. Потом, желая тот грубый люд [отвратить] от звериной жестокости и приучить к более скромной жизни, узнал способ варки [хмельного] меда и постановил [устраивать] частые пиры и народные корчмы, веря, что смягчит этим их жестокие нравы, в чем не обманулся, так как вскоре [они] достигли той ласковости и мягкости, которых он и добивался [105].

Хождение в гости как занятие. Потом постановил, чтобы гостям оказывали гостеприимство и [относились к ним] более человечно (ludzkosc), чтобы от этих дел

усиливалась приязнь между людьми, и прочее. **Об этом читай в прусских хрониках и в космографиях Каспара Хенненбергера** [106].

Род Вейдевута и число [его] **сыновей.** После своей смерти король Вейдевут оставил четырех сыновей, но другая прусская хроника [107], напечатанная по-немецки, свидетельствует, что сыновей было двенадцать, имена которых: Сайм или Заим, Неидр, Суд, Слав, Натанг, Барт, Галинд, Варм, Ог, Помез, Кульм и Литв или Литалан. [Их] отец Вейдевут [108], прожив на своем веку 116 лет, как свидетельствуют прусские хроники, выделил им следующие уделы.

Старшего Саймона или Заимона (Zaimona) [отец возвел] на свой престол, поставил над другими братьями и дал ему от себя прозвище Жемойт (Zemojdzi), так как эта земля тоже досталась ему среди уделов других братьев. От своего имени он назвал и другую землю, Самбию, по-немецки Самланд. **Саймодь или Жмудь (Saimodz albo Zemodz) и Самбия прозваны от Саймона.** И из этих двух княжеств в языческие времена выходило 40 000 конных и 40 000 пеших людей, пригодных для боя. **80 000 человек выходили на битву из Жмуди и из Самбии.** Древнее наследие этого Саймона, Жмудь (Zmodzi) [109], прусские крестоносцы стремились захватить у Литвы частыми войнами.

Судавия от Суда. Судовия, прилегающая к Подляшью, Жмуди и Литве, тоже названа от Суда, сына Вейдевута. Из нее выходило 6 000 конных и 8 000 пеших. **Натангия.** Натангия, третья земля, названа от Натанга. **Надровия.** Четвертая, Надровия, от Надра. Славнию (Скалвию), пятую землю, считавшуюся удельным княжеством и часто разоряемую литвинами или крестоносцами, отделяла от Литовского княжества река Мемель или Неман. **Бартенланд.** Бартенланд, названная от Бартона, с 70 озерами и чащами, граничила с Литвой, из-за чего литовцы, воюя с крестоносцами, много раз разоряли эту землю как соседнюю. **Галиндия, из которой, согласно прусским хроникам, шестьдесят тысяч человек выходило на бой за язычество.** Из Галиндии, названной от Галинда, с юга соседствовавшей с Мазовией, землей большой и столь многолюдной, что ее размножившиеся языческие жители не могли в ней поместиться, выходило при необходимости 60 000 человек. **Вармия.** Вармия или Вармеландия взяла имя от Варма. Там есть Вармийское епископство, славное Гозием [110] и Кромером [111]. **Хокерландия (Hokerlandia).** Земля Хогкерландия (Hogkierlandia) [112] названа от Хога (Hoga). **Кульма (Culma)**. Кульмия, которую мы теперь зовем Хелм[инской землей], названа от Кульмы. **Помезания.** Одиннадцатая прусская земля, через которую текут (ida) реки Висла, Эльба [113], Дружно, Дробниц и Весера, Помезания, названа от Помеза, сына Вейдевута [114].

Когда сыновья Видвута (Widvuta), первого прусского короля, таким образом поделили земли, некоторые из них, не будучи удовлетворены своими уделами, [начали] воевать между собой за верховное владычество. Из-за этого [они] побуждали к междоусобным войнам прусский и аланский люд, который уже было привык к длительному миру, и затевали частые битвы друг с другом. И в этом Литалан или Литво (Litwos), как пишет упомянутый Эразм Стелла, младший сын от матери аланки и от отца алана (ибо прусский король Вайдевут был урожденным аланом), опирался на поддержку своих аланов или литаланов. Однако боруссы и другие его братья, у которых были более сильные войска,

ненавидели его, как рожденного от другой матери. И в этих внутренних спорах Литалан был вынужден им уступить. **Таким же образом Ваповский и другие пишут о нашем Лехе и о Чехе.**

Конфликты сыновей Вейдевута и их соглашение. После великих битв, которые велись с обеих сторон, решили положить конец несогласиям, чтобы младший сын Вейдевута Литво или Литалан, рожденный от матери аланки, со своими аланами вернулся назад в Аланию, снова заселил страну своих предков и правил среди них по своей воле. А Борусскую землю чтобы [добро]вольно оставил другим братьям, рожденным от матери боруски.

Князь Литво или Литвон принял эти условия, как старший [115], и с большим числом своих аланов вышел из прусской земли (как некогда Лех из Хорватии (Karwaciej), по Ваповскому). **Причина ухода литаланов из Пруссии в Литву похожа на причину ухода Чеха и Леха из Хорватии и из славянских земель [116].** И когда они, по обычаю, размножились, то прежние места своих предков и старые поселения, которые они нашли пустыми, легко наполнили и заселили. **Аланы** [звались] **Литаланами от князя Литалана, потом названы Литваны.** А от того их князя Литалана или Литвана (Litwana), тех людей, которые прежде назывались аланами, а потом звались литаланами, теперь называют попросту (pospolicie) Литваны. Так Эразм Стелла выводит имя литовцев от упомянутого Литалана, сына прусского короля Вейдевута. **Год прибытия князя Литалана в Литву.** А другие прусские хроники пишут, что это было в 373 году [117] после [рождения] Господа Христа (Christusie), и с тех пор до нынешнего 1580 года прошло уже 1208 лет. Из чего следует, что в тех местах, где они теперь живут, литовцы [находятся] с еще более древних времен, чем мы, поляки, в Польше, если верить Ваповскому, который пришествие Леха в Польшу относит к 550 году после Господа Христа, так что с того времени, как в Польше поселились поляки, пришедшие вместе с Лехом, до наших дней прошло 1028 лет, хотя Кромер и другие не указывают конкретной даты этого события [118].

Князь Займо. Итак, Литалан или Литво в 373 году после Христа правил в Литве и в Латвии. А Займо (Zaimo), его второй брат, в Жемойдской (Zemojdska) земле (которую Страбон зовет Самия, *Samagitiam exprimere volens*), назвав ее от своего имени, широко и мощно здесь обосновался. А некоторые историки также именуют ее Судавия (Sudavia), о чем и Стелла пишет так. **Собственные слова Эразма Стеллы**. *Borussii vero quo a Germanis finitimis tutiores forent se sum Sudinis vel Sudovitis, qui ultra Chronii fluenta sedes habent, ejusque regiones aborigines creduntur societatem iniere, qui tum virtute et pietate plurimum valebant.* А боруссы, чтобы быть в большей безопасности от соседних немцев, заключили союз с судинами или с судовитами, которые, по Птолемею, жили за Крононом, то есть за рекой Неманом, и в тех краях над местными жителями испокон веков верховенствовали, так как были могущественнее и искуснее в рыцарских делах [119]. **Петр из Дусбурга в своей хронике жмудский народ Судинов зовет Судовитами от** [слова] **навоз** (gnoj)**, ибо по жмудски sudos — навоз [120], а жмудины, особенно простолюдины, привыкли жить в тесноте** (w wiezach)**, вместе со скотом, среди навоза.** Там же чуть ниже Стелла также пишет, что судины или жмудины, которые в то время были заодно с курами или куршами, жившими у моря, не были побеждены более искушенными римскими войсками. *Romanis armis tentati magis quam victi.* Ибо римский гетман Друз, по

мнению Плиния, сам наипервейший среди прочих римских гетманов, приводил корабли в Северный океан и воевал немцев водной армадой. **Страбон же в Географии (кн. 7), напротив, пишет, что римские гетманы не могли проникнуть в полночные края далее реки Эльбы (Albis) [121].** Пишет также, что прусскую страну Судинию, которая издавна была заодно и одного языка с Жемайтской (Zemodzka) землей, римские рыцари [называли] *pro Sudina: Suberiam* [122], то есть *лыковая* (lyczana) от лыка, ибо видели, что в тех краях, как и ныне, люди использовали лыко на обувь и на иные нужды.

Слова Эразма Стеллы о жмудском могуществе. Далее Стелла пишет, что на этих судинов (побратимов жмудинов, ибо и сейчас все они говорят на том же жмудском языке [123]) из-за изобилия янтаря (burstynu), который они щедро находили в прилегающем море [124], часто шли войной соседние народы, так что они испробовали не только римское оружие, но и [претерпели] сильнейшие набеги от заселивших Англию саксов (Saxonow) *a quibus se terra et mare impigre defensarunt*, от которых крепко защищались на суше и на море. Пишет также об их обычаях и одежде; имели, говорит, эти люди своих корольков (kroliki) или старост, уставам которых были послушны, обрабатывали поля и в купеческом деле разумели. **Древняя жмудская одежда.** Убор одеяния у них был [такой], что мужчины пользовались шерстяным, а женщины полотняным сукном, а шею окружали ободками (obraczkami) из меди или из латуни, у ушей тоже вешали колечки, как все это и по сей день видим сохранившимся в народе в приморской Жмуди, в Курляндии, в Пруссии и в Лифляндии. Отсюда видно, что это издавна был единый народ с литовцами и одного языка, как это и ныне каждый может видеть, и все они доподлинно пошли от Готов, Гетов или Гепидов, Половцев, Кимвров и Аланов.

А тех аланов, о которых говорилось прежде, Эразм Стелла помещает в тех краях, где ныне Жмудь, и на литовских границах, прилегающих к Пруссии, хотя некоторые считают, что они были из народа скифов [125]. Однако и Птолемей, и Плиний (кн. 4, гл. 12), о чем подробнее излагает и *Йост Деций в Polonorum Antiquitatibus*, самих аланов помещают между сарматскими народами, в тех же местах и границах между Роксоланами, Гетами и Пруссами, где сейчас Литва. С Готами и Вандалитами всегда были в товариществе и [участвовали] в совместных военных походах, как и с Гепидами, которые тоже были одного народа с литовцами, на что ясно указывают имена и прозвища их князей и королей.

Короли гепидов. Ибо в языческом мире (*in Mund*) простые жмудины и литовцы среди своих князей имели и дворянские фамилии (slacheckich domow), похожие на древние имена гепидских, готских и вандальских королей, какими были гепидский король Турисмунд и тот, что в Венгрии воевал с лангобардами, Гвимунд, которого потом убил собственный зять, а из его срубленной головы сделал чашу из черепа (z czalbatki) и пил из нее до [тех пор, пока] его жена Родисвида, дочь Гвимунда, мстя за своего отца, не убила жестокого мужа за его неправды [126], о чем пространнее найдешь у Волатерана в книге 7. ***Волатеран кн. 7 Geographiae и Йодок Деций de Morivido, как книга Волатерана.*** **Также это найдешь ниже в русской хронике о Святославе.** Имена древних гепидских королей: Турисмунд, Гвимунд, Трасамунд, Гунтабунд, Гилимир (Gylimir) и других сходны с литовскими, как, например: Альгимунт, Писсимунт, Гермунт, Ромунт, Наримунт, Довмунт, Скирмунт, Сундаминд, Видесвид, Родисвид, Монтивид, Моривид, Гилигин,

Алигин и прочие, а в старых историях: Гилимир (Gilimir), Аларих, Радагост и прочие. О чем в Готских и Вандальских деяниях у различных историков найдешь тысячи примеров, если пожелаешь сравнивать (conferowac) речи с речами, а имена с именами.

Глава пятая

Суждения Длугоша и Кромера о Литве.

Длугош в своей хронике пишет [следующее], что подтверждает и Кромер (кн. 3, стр. 61 первого и стр. 24 второго издания). Во время гражданской войны, которая происходила между Юлием Цезарем и Помпеем, одна римская дружина собралась и, оставив землю Италии, после долгого плавания и странствований (pielgrzymstwo) обосновалась в этих полночных краях над Прусским морем. И там основали город Ромнове или Ромове, якобы названный от Рима, *Roma Nova*, Новый Рим, и до самого пришествия крестоносцев в языческую Пруссию был тот город наиглавнейшей столицей земли, которую в 1017 году у них чуть было не отобрал Болеслав Храбрый, мстя за убиение святого Войцеха [127]. **Длугош называет 1015 год.** Эта группа (zebranie) итальянцев со своим вождем Либоном приплыла сюда по морю и из залива Венедского моря вышла на берег, где ныне [живут] жмудины, ливоны (Liwoni) или литовцы, и от Либона назвали эту землю Ливония или Литвания (Litvania). **Князь Либо. От Либона называются литовцы, латыши (Lotwe) и Либония, потом, *temporis successis*** *(с течением времени)*, **Ливония и Литвония (Litwonia).** К этому заключению помогли мне [прийти] река Либа и местечко с тем же названием в самом устье этой реки, где [она] впадает в Балтийское или Прусское море за Мемелем или Клайпедой (Klojpeda), [если] идти к Лифлянтам, которое, как я предполагаю, и могло быть основано этим Либоном. **Либа, город и река на самой границе Жмуди** [128].

Свидетельства Ливия и Флора о Либоне. А более достоверными и более основательными доказательствами этих слов Длугоша и Кромера служат *Livii et Flori de gestis Romanorum testimonio, Qui procequens tumultum belle civilis, inter Pompeium et Julium Caesarem* *(свидетельства о деяниях римлян Ливия и Флора, изучавшего смятение гражданской войны между Помпеем и Юлием Цезарем)*, который (кн. 4, гл. 2) описывает того Либона как морского гетмана со стороны Помпея такими словами: *Quippe quum fauces Adriatici maris iussi ocupare, Dolabella et Antonius, ille Illirico, hic Corcyreo littore castra popsuissent, iam marie late tenete Pompeio, repente castra eius (scilicet Julii Cesaris) Legatus Pompeii, Octavius et Libo ingentibus copiis classicorum utrinque circumvenit, deditionem fames extorsit Antonio etc.* *(Когда войска получили приказ удерживать Адриатику, Долабелла и Антоний стали лагерями один на Иллирийском, другой на Куриктийском берегах. Но Помпею удалось на значительном пространстве занять море своими кораблями, и его (то есть Юлия Цезаря) полководцы были окружены огромными морскими силами Октавия и Либона* [129]*, легатов Помпея. Голод заставил сдаться Антония и прочее)* [130]. Поэтому я думаю так: после того, как Цезарь поразил войско Помпея и когда потом египетский царь приказал его убить, товарищей и гетманов Помпея преследовали в Азии, в Африке, в Европе: в Греции, в Италии, в Испании, [а также] в Египте и на всех морях, к тому же эти жестокие войны продолжались долго. А тот Публий Либон (Libo), которого упоминал Флор, будучи гетманом [Помпея] и имея под своим

началом готовую водную армаду, со своими [людьми] бежал подальше от гнева [своего] врага Цезаря. И так как поблизости от Италии [он] не мог быть в безопасности, то, прослышав о пустующих землях в полночных странах, задумал поискать себе вольное поселение и приплыл в ту страну, где ныне живут жмудины, пруссы, литовцы, ливонцы и латыши. ***Roma nova.*** И в Курляндии основал у моря город Либе (Libe) [названный им] от своего имени, и новый Рим — Ромнове, ныне зовущийся Ромове [131], так же, как Константин Великий переименовал Византиум в *Новый Рим*, уступив старый Рим папе.

Суждение Меховского о происхождении литовцев

с моей корректурой

Матвей (Mattias) Меховский, доктор астрологии и медицины, краковский каноник, хроника которого вышла из печати на латинском языке (хотя он и умер) [132], между прочих дел в царствование Ягелло так просто и кратко заводит речь о происхождении литовского народа (кн. 4, гл. 39, стр. 270): *Pro ampliori autem cognitione animadvertendum est, quod vetustioribus refferentibus, Quidam Itali deserentes Italiam etc.* И для более пространного свидетельства о происхождении литовцев, (говорит), что, как рассказывают старые люди, некоторые итальянцы, покинув Италию, прибыли в литовскую землю, и от своей отчизны дали Литве имя Италия, а литовскому народу — Италы (Itali). **Итальянцы** [приходят] **в Литву. Литва** [-] **Италия.** Эти названия их потомки с течением времени переменили: земли на Литалия, а себя назвали Литалины. **Литалия, Литалины.** А потом (говорит) Русаки и Поляки, [жившие] с ними по соседству, произвели еще большие изменения и прозвали их землю Литвания, а людей Литваны, как зовут их и ныне.

Домыслы Меховского о Вильне. Далее Меховский пишет, хотя и не без греха, что эти итальянцы первыми построили город Вильно, *elevationis poli 57 gradiuum* *(на 57 градусе возвышения к полюсу)*. **Новейшие** [ученые] **считают, что на 54 градусе** [широты] [133]. А от имени князя Вилиуса (Wiliusa), с которым впервые пришли в эти края, назвали Вильно, а также и рекам, которые протекали под этим городом, от того же князя дали прозвища Вилия и Вильня. В этом старик (staruszek) ошибся, но читатель должен сказать ему спасибо и за [его] намерения, и за то, что написал.

А также, говорит, и Жмудскую землю назвали на своем языке, что означает *нижняя* или *низшая* земля, *terra inferior*, но [я], хотя и бывал в Италии, не [могу это] подтвердить (nie trafil). Если бы итальянцы назвали Жемайтию (Zemojdz) нижней землей, то дали бы ей итальянское имя [134].

Далее старина Меховский пишет, и уже по существу: *Aliqui autem Historiae ignari, a Lituo quod est cornu et venatorum tuba Litvaniam appellare voluerunt,* а некоторые, говорит, не сведущие (nieswiadomi) в истории, хотели бы прозвать литовскую землю *a Lituo*, то есть от рога либо от охотничьей трубы (ведь эта страна славится превосходной охотой).

Другое мнение Меховского. В другом месте тот же Меховский, описывая выше разгром пруссов первым польским королем Болеславом Храбрым (кн. 2, гл. 8, стр. 33), говорит так: *Advenerunt deinde ut fama est gentes Romanae ob bella civilia, Italiam deserentes, etc.* Как

идет молва, римские народы потом пришли в страны Прусского моря, из-за внутренних гражданских войн оставив Италию. А поселившись жить с теми полночными народами, они полностью заселили Прусскую, Литовскую и Жемайтскую земли и привнесли туда Италию, из-за чего одни языки с другими смешались воедино. **Откуда на Литовщине латинские слова.** Из-за этого в их речи слышится много слов, взятых из латинского языка. Другим убедительным признаком, подтвержающем истинность этого, [служит то,] что наиглавнейшее место в Пруссии назвали Ромове, взяв имя от Рима. **Об этом также читай прусские хроники.** И там же эти итальянцы определили местопребывание своего языческого епископа, по прозвищу Криве (Crive) [135], и прочее. **Криве (Criue), языческий епископ литовский.**

Глава шестая

Свидетельство о Литве Йоста Людвига Деция.

С моими поправками ошибочных мест в книге о Ягеллонах (стр. 34) и необходимыми дополнениями

Litvaniae vero nomen novum et latinis scriptoribus incognitum est. Литва имя новое и у латинских исторических писателей неизвестное, а в каком веке страна получила это имя, не указывается из-за большой длительности минувшего времени. Итальянец *Эней Сильвий* (*Aeneas Silvius*), человек ученый, *sed Polonis et Sarmatis iniquus*, *(однако несправедливый к полякам и сарматам),* который потом был папой [136] и устраивал много посольств в разные страны, в своей работе много рассказывает о литовском народе, однако все значение и ценность его труда состоит лишь в том, что о положении этого места [он пишет] больше, чем о происхождении и имени народа или же о самых старых литовских древностях. **Эней Сильвий трудился над описанием Литвы, но не смог его завершить, к тому же потом он разгневался на поляков, не пожелавших уступить ему Вармийское епископство.** Среди прочего, когда он слишком уж напыщенно (dwornie) рассказывает о языческих обрядах, богослужениях, порядках (sposoby) и обычаях, бывших у литовского народа до принятия христианской веры, взяв [эти сведения] у какого-то Иеронима [137], ни в одном месте не указывает и не объясняет (uczy), каким древним именем был назван этот народ и каковы были литовские деяния (sprawy).

Литовцы и пруссы, названные финнами. Бывают (говорит) и такие историки, которые литовцев и пруссов зовут финнами (Phinnami); я же, если можно верить Птолемею, не возбранял бы быть финнами пруссам, но не верю, что этим прозвищем когда-либо именовались литовцы, ибо Птолемей, который весь мир расчертил, как на таблице, помещает в тех краях другие народы, которые, как мне сдается, ныне все являются литовцами. **Деций.**

Деций [138]. Мое повествование многим из них покажется сомнительным, [ибо я] помещаю в Литве [слишком] много племен (narodow ludskich), но если они считают, что Литва, помимо Польши, может прокормить такое множество людей, легко понять, что и до этого с течением времени Литва выпестовала (zachowawicyelka byla) не один народ.

Различные народы в Литве. Поскольку вся литовская земля заселена, она с давних лет должна быть матерью (matka) тех людей, которых Птолемей зовет Галинды, Бодины, Генины (Genini) [139], Судины (немцы называли их Судувы), Карионы (похоже на Курляндцы), Амаксобиты, Стабаны, Саргатии, Стурны, Вибионы, Наски (Nascij), Ассубы (похоже на Кашубы) и т. д. Все эти народы издавна описаны Птолемеем в этом месте (w tym polozeniu). ***Судовиты.*** **Жмудь.**

Тот же Птолемей (кн. 3, гл. 8), как рассказывает упомянутый *Людовик Деций* в *Vetustates Polonorum prosequendo* *(Польские древности. Продолжение)* (стр. 3) помещает в Европейской Сарматии другие великие народы. И первыми среди всех [жителей] венедского моря, точнее. его немецкого, датского, шведского и лифляндского берегов, [были] венеды, от которых [пошли] поморяне, кашубы, пруссы, курляндцы, жмудины, лифляндцы и финны (Philandowie), хотя ныне [они] и разных языков. **В северных странах различные народы** [происходят] **от Венедов и от Вандалитов, а не от итальянских Венетов.** За [упомянутой] выше Валашской землей, которая по старому римскому прозвищу называлась Дакия, помещает такие народы: Певкины и Бастарны по всему Меотийскому морю, которое зовем *Paludem Meotis*, и в которое великий Дон или Танаис, текущий из Москвы, впадает у Азова; Языги или Ятвинги и Ятвяги, Роксоланы, Руссаки, Амаксобиты и Аланы. **Бастарнов другие помещают над Днепром. Руссаки.** Ныне от них [происходят]: подоляне, черкасы (Cyrcasowie), каневцы (Kaniowcy), волгиняне (Wolhynianie), названные от реки Волги, от которых выводят свой народ и те, которые ныне живут в Москве, луцерионы или лучане (Lucerionsowie albo Luczanie) [140], киевляне (Kijowiane) и литовцы, [которые произошли] от Готов и от Венедов (то есть от поморян, а не от Венетов), и от древних Аланов. **Волынцы, подоляне и прочие.**

Половцы. От них же произошли готы-аланы (Gotialanowie), когда издавна жившие в тамошних местах готы, которых сарматы до этого звали половцами, стягиваясь на Русь, осели между рекой Танаис и Меотийским морем, где ныне [живут] крымские, кыркорские (Kirkielscy) [141] и перекопские татары.

А со временем те готы латинистами были названы гетами, и Овидий Назон, будучи отозван из Рима в Таврику, где ныне Перекоп [142], так упоминает этих гетов в своих виршах (*de Ponto, Elegia 19, ad Severum*):

Nulla Gaetis toto gens est truculentior orbe,
Tinctaque mortifera tella sagitta madet.

Нет в мире более жестокого народа, чем геты,
[Которые] острия стрел смачивают в смерти.

Niemasz sroszsego w swiecie narodu nad Gety,
Strzaly w truciznie mosza, luk majac napiety, etc.

Мира не зная, живу, постоянно ношу я оружье:
Гетские стрелы и лук постоянно войною грозят.

Nam didicet Getice Sarmaticeque loqui.

[Я] научился говорить на сарматском гетском.

Остатки готов или гетов, подоляне и низовцы. Меж этих готов или гетов, гепидов и половцев, жили и другие [племена:] аланы и певтингеры, которые частыми набегами досаждали руссакам и полякам, как и ныне там остатки того народа, подоляне и низовцы, [считающиеся] людьми жестокими и любящими войну, дают отпор татарским набегам.

Население северных стран. А как были населены те полночные края, где теперь [расположены] Швеция, Готландия, Дания, Норвегия, Литва, Латвия и Пруссия, об этом пишут различные историки и космографы: *Олаус Магнус Готский, Иордан или Иорнанд Готский, Павел Диакон, Альберт Кранц* [143], *Мефодий Мартир* [144] и другие им подобные, помещая в тех краях различные народы помимо тех, которые перечислены у Птолемея. Это готы, остроготы, вестроготы, гепиды, самагеты, массагеты, гунны из северных татарских краев и с восхода солнца из московской державы, осевшие в Венгерской земле, которая ранее звалась Паннония. **Самагеты (Samagetae) жемайты (Zemojdz), гунны или угры (Uhri), от которых [произошли] венгры, кимвры или кимеры (Cymery) с Босфора Киммерийского (*a Cymerio Bosphoro*).** [Это] кимвры или киммерийцы (Cymery), парты (Parti) [?], шведы (Swedy) и лангобарды, осевшие в Италии между Венецией, Вероной, Падуей, Миланом (Medjolanem) и прочее. **Лангобарды осели в Италии.** Туркилинги (Turcilingi), авары, герулы, свевы, булгары, тахифалы (Tachiphali), даны и даки, [осевшие], где ныне Валашская земля, в которую потом пришли и изгнанники валахи. **Булгары или волгари (Wolgari), из которых были и волынцы (Wolyncy),** [называются] **от реки Волги** [145]. А славы или славяне (Slawacy) и руги (Rugi) [были] из поморских краев, о чем еще и ныне свидетельствуют древности великого города Рюгена (Rugiej), а бранденбургские маркграфы поныне пользуются титулом княжества Ругии (Rugie). **Славяне (Slawacy)** [146]. Возможно, немецких князей называют Rzesza (имперские) от Ругии (Rugiej). **Имперские князья от Ругии.** А потом литаланы, сембы, ливы (Livoni), сциры (Sciri) пикты, карпы (Karpi), кибы (Kibi), сасы (Szasi), варяги или вара[н]ги (Waragowie). **Варяги, из которых три брата: Рюрик, Трувор и Синеус (Sinaussa) стали русскими князьями.** И хазары (Kozerowie), и печенеги, которые тоже издавна жили рядом с русскими, как ныне литовцы и латыши. И часто воевали с тем вельможным русским царем (carzem) Владимиром Мономахом, который имел престол в Киеве, и пустошили русские земли. А иногда помогали русакам против поляков, как свидетельствует об этом Меховский (кн. 2, гл. 30, стр. 34) в году Господнем 999, а это времена Болеслава Храброго, первого польского короля, [которого] короновал в Гнезно император Оттон. А литовцы в то время тоже уже были известны и сидели в тех же странах, где и ныне; у Вислы же Птолемей помещает меньше народов. **В 999 году при Владимире Мономахе** [147] **литовский народ был уже известен.**

Остатки гиртонов в Пруссии. Как соседи венетов или энетов (Henetom) упомянуты гиртоны (Girtony) [148], [происходившие] от гетов и готов; ныне их остатки известны в самбийском повяте или епархии (parochiej) в Пруссии, где находилась резиденция (kosciol stoleczny) самбийского епископа. **Это домысел Деция.** За ними Птолемей помещает финнов, суланов, фругундинов, от которых [произошли] соседние с пруссами народы:

кульмиане или хелмиане, куявиане, полешане (Poluczanie) и мазуры. Потом у Птолемея идут омброны, аварины, авартофракты, бругиены (бургионы) и другие народы с разными названиями, о которых ныне в этих наших местах и не слыхано.

Древние литовские границы. Упомянутый Деций так описывает литовские границы: Литва до сих пор находится в таких границах, что литовский рубеж сразу от Омбронов (которые вместе с кимврами буйствовали в Италии), то есть от Люблинского воеводства, тянется на север к Мазовии вплоть до Венедских и Финских (Phinenskych), то есть Прусских, полей. В этом месте [Деций] немного отвлекается на повествование о происхождении пруссов. В наше время литовцы соседствуют с пруссами от севера и до самой Жмуди, а граница Жмудской земли вдоль северного океана идет до самой Лифляндии. **Жемайтия с востока и на юге граничит с Литвой.** А потом [граница Литвы] тянется до государства великого князя Московского, которое прилегает к Литве с восточной стороны, а на юге граничит с роксоланами, и возвращается к полякам, их западным соседям, и снова к Омбронам, то есть к Люблинской земле. **С запада [**Литва граничит] **с поляками.** Оказывается, великое княжество Литовское составляет четверть европейской Сарматии, в пределах которой, как я не без основания верю (говорит Деций), жили вышеупомянутые народы. **Княжество Литовское — четвертая часть европейской Сарматии.**

Однако не ведаем того, отчего Эней Сильвий в своем описании поместил за прусской землей массагетов, имя в тех границах необычное, да и Птолемей не приписывает их к тем местам. Массагеты, которых кое-кто считает Амазонами (Amazony), жили [меж] далеких татарских орд в азиатской Скифии, что вполне очевидно. **Мое мнение.** Однако я, вопреки Децию, рассуждаю иначе. Сильвий хотел написать правильно, но ошибся как иностранец (czlowiek postronny), в тех странах несведущий, ибо хотел поместить там ***Samagetas***, то есть соседних с пруссами Жмудинов, или ***Masavitas,*** Мазуров, а написал ***Masagetis*** (Масагеты). ***Samagetae et Massavitae pro Massagetis.*** *(Самагеты или Массавиты вместо Массагетов).* Или же сплоховал типограф, как это запросто бывает, либо его писарь.

Литовские границы при Витовте (za Witolta). Итак, великое княжество Литовское, по Децию, Сигизмунду Герберштейну и моим свидетельствам, граничит на востоке с Москвой, на западе с Польшей, Подляшьем и Мазовией, а немного севернее с Пруссией; на севере граничит со Жмудью и Лифляндией, а с юга к нему прилегают Волынь, Подолия и Русские земли. А при Витовте Великом Литовское государство [начиналось] от моря или Курляндского озера [149], Лифляндии и Пруссии, а [граница] с Москвой на востоке доходила до реки Угры, к северу до Великого Новгорода и Пскова, а в полях до Путвиля (Putwil) или Путивля, который находится в 60 больших милях к северо-востоку от Киева. **Черное море.** И с севера от Балтийского или немецкого моря Литва простиралась на юго-восток вплоть до татарского моря, которое зовут Понтом Эвксинским, от Очакова до самого Азова, где Танаис впадает в Меотийское болото (*in Paludes Meotis*). **Азов — турецкий замок в устье реки Танаиса либо Дона, текущей из Москвы, по которой можно** [водным путем] **плыть из Москвы мимо Константинополя в Средиземное море и Океан до Иерусалима, а если надо, то и до Сирии, Африки, Испании, в Германию, и т. д.**

Потом Деций высказывает свои предположения о первоначальном названии и новом имени Литвы в таких словах: По надежным источникам, некоторые верят, что Литва названа *a Lituo*, то есть от охотничьего рога или трубы, но это их домысел, никчемная басня, и годится лишь в насмешку, а не в качестве довода о названии Литвы. Есть и другие, которые говорят, что итальянцы, придя в эту землю, прозвали тот край именем своей отчизны Италия, а тех людей, которых они там застали, Италианами. А потом их потомки, как и Меховский пишет, прибавив букву *L*, [назвали страну] Литалия, сами прозвались Литалианы, а со временем соседи прозвали [их] искаженным (zepsowanym) именем Литваны.

Обычные итальянские артикли. Я же скажу (ибо, похоже, ни Деций, ни Меховский по-итальянски не разумели, а я за короткое время итальянскому языку выучился), что итальянцы попросту используют эти артикли (artykuly) в своей речи: *la citta* — город, *li paiesi* — страны, *il kawallo* — конь, *la mulie* — женщина, *il bosko* — лес, и т.п. Так что если бы хотели назвать Литву именем своей отчизны, сразу бы называли по правилам своего языка ***la Italia***, [то есть] Итальянская земля, а уже потом Литалия и Литвания. **Итальянцы, раз уж туда пришли, сами назвали Литву *la Italia*.** Ибо и пруссов сначала звали Бруктреры (Bructreri), потом Брутены, они же Прутены, Борусы, поэтому Поруссы, вот так дошло и до Пруссов. **Различные названия одного** [и того же] **народа.** Так же Немецкие, Польские страны, так же и Итальянская земля: *Энотрия* (*Aenotriam), Лациум (Latium), Авсония (Ausoniam), Италия (Italiam),* и т. д. Греки: *Арголики (Argolicos), Данайцы (Danaos), Дорийцы (Dorios), Пеласги (Pelasgos), Аргивы (Argyvos), Мирмидоняне (Myrmidones)*; Троянцы же: *Дарданиды (Dardanidas), Приамиды (Priamidas), Фригийцы (Phrigios), Энеады (Aeneadas), Троянцы (Troas), Илиады (Iliadas), Тевкры (Teukros)* и т. д. По странам, городам, народам и князьям разными названиями называют события, имущество, предков и т. п.

Литовцы с вождем Литаланом. Потом Деций далее пишет: по рассказам и предположениям других историков в конце концов получается, что до этого литовцы вышли с князем Литаланом из боруских либо из прусских пределов и заполнили те пустые поселения, которые были покинуты давным-давно. **О том же выше рассказывается и у *Эразма Стеллы.*** Ибо перед этим их предки когда-то оставили те места, где ныне Литва, и перебрались в Пруссию. А когда князь Литалан со своими людьми вернулся в эти края, прежнюю отчизну, то от себя назвал ту страну Литалания, потом Литвания, в знак [того], что этой землей издавна владели Аланы, племя мужественных готов, от которых также названы и готы-аланы (Gotialany). ***Gotialany ex Gotis et Alanis oriundi.***

Суждение Бельского о Литве.

Литовский народ издавна пошел от [жителей] заморских стран Полночного моря, которых историки также зовут Гепиды, по-готски: ленивые. Ибо, будучи одного рода с воинственными готами, на своих кораблях [гепиды] не спеша перебрались за ними в Пруссию, так как их предшественники готы уже ушли из Пруссии в Венгрию. **Бельский выяснил, что литовцы были из готов, пришедших в Пруссию не из Венгрии, а из полей, лежавших за Киевом. Жмудины, лифляндцы и литовцы** [произошли] **от гепидов.** Скитаясь у моря и не имея должного снаряжения, они не посмели двинуться за

своими. Так что некоторые из них остались в Пруссии — те, с которыми долго воевали (czynili) крестоносцы; некоторые осели в пустующих землях у моря, где ныне [живут] жмудины и лифлянты; некоторые пошли на юг, как половцы, а некоторые на запад, как ятвяги. **Половцы, Ятвяги.**

Откуда у литовцев немецкая речь. А будучи у моря, где прежде были кимвры, намешали в свой язык много немецкой речи: немцы короля или князя зовут *кёниг* (Koenig), а они, немного изменив, *кунигас* (Konigos). По-гречески Бог *Теос* (Theos), а они зовут *Диевас* (Devos), ибо во времена греков бывали у Понтийского моря. **Латинский язык на Литовщине.** В их языке достаточно и латинских слов, ибо в древности бывали и у моря близ Британии (Britanniej), которых ныне зовем англичанами (Angliki) [150]. А когда осели в тех краях, где ныне, смешали народ и язык с Русью так, что уже мало понимали других. Ибо язык жмудинов, так же как куршский или курляндский, изменился иначе, чем литовский, ятвяжский и лифляндский (латышский). **Я и сам был в Курляндии в 1580 году и** [убедился, что] **язык курляндцев или куршей на слух почти точно такой же, как и жмудский.** А на их место в Пруссию и Лифляндию одновременно (rowno) с крестоносцами из немецких стран пришли немцы.

Литаон, князь литовский. Древний хронограф Птолемей в тех местах, где теперь [живут] литовцы, упоминает другие народы, прежде всего Галиндов, Судинов и Бодинов [151], которые ушли прочь в итальянские края [вместе] с кимврами, с готами и с аланами. А на их место пришли литовцы со своим князем Литаоном или Литвоном, от которого эта земля и народ и зовутся Литва. **Оносительно литовского князя Литона или Литалона согласны уже трое** [историков]**: Эразм Стелла, Йодок Деций и Бельский, а Ваповский четвертый.** А когда разделились: одни [остались] в Пруссии, а другие, которых звали половцами, [ушли] в поля, им уже нелегко было сломить русаков, которые, после долгих с ними трудностей, приневолили литванов и вынудили их платить дань лыком, вениками для бани, желудями и прочими вещами только для того, чтобы чувствовали над собой власть. Ибо, живя там в [убогих] пустынных местах, не имели давать ничего иного, и в конце концов решили услужить хоть этим. Отсюда еще и ныне у них такой обычай, когда они идут в неволю. Однако потом, когда увидели, что окрепли, вырвались у русаков из неволи и добывали пропитание разбоем (kozactwem), устраивая набеги на Русь, на Польшу, на Москву и на море, будучи в союзе с пруссами, первейшими своими побратимами.

Глава седьмая

Летописные свидетельства о прибытии итальянцев

в те страны, которые в настоящей Хронике [зовутся] Литва и Жмудь.

О приходе Палемона из Италии в Пруссию и Литву некоторые литовские летописцы по простому рассказывают так: Сталося есть воплощение Сына Божьего от Духа Святого с благословенной девицы Марии от начала сотворения света в году 5526. Оного часу панство римское было под цезарем римским Августом, который не только в Риме, но и всему свету пановал. **Это собственные слова литовских летописцев, писаные по**

русски [152]**.** Писано есть, что при цезаре Августе Сын Божий воплотился, а во времена Кируса (Cyrusa) [153], второго цезаря после Августа, [добро]вольно муку принял для избавления и искупления рода человеческого. При котором Кириусе все речи пророчества исполнив, по восстанию из мертвых вступил на небо и сел справа [от] Бога Отца, откуда придет судить живых и умерших и воздать каждому по заслугам его. А после смерти Кирусовой был Гай [154] цезарем, а после Гая Клавдий, а после Клавдия сын его Нерон, который был столь жестоким и непостоянным, что собственную мать свою и прецептора [155] своего наивысшего Сенеку без причины отправил на смерть, и много раз город Рим велел поджигать ни для чего иного, только для того, чтобы любоваться и тешиться. А князьям и панам римским и всему народу кривды и притеснения великие чинил, поэтому из-за великой его жестокости каждый его подданный [должен] был опасаться не только за имения или владения, а и за здравие свое. Поэтому многие, оставив свои имения, бежали в различные страны, ища покоя [156].

В то время один римский князь, [на]реченный Палемон [157], который Нерону был кровным [родичем], собрался с женой, со своими детьми, со своими подданными и со всем скарбом, а с ним было около пятисот [человек] римской шляхты, также с женами и со всеми [их людьми]. И взяв с собой одного астронома, пошли на кораблях средиземным морем в сторону запада, желая обрести себе подходящее место, где бы они могли поселиться и жить в покое. А между той шляхтой было четыре дома: первый из герба Китавраса Дорспрунг; другие из герба Колюмнов Проспер Цезарин и Урсин Юлиан [158] и Гектор из герба Розы. И так, не мало времени ходя по морю, пришли в междуземное (miedzyziemskie) море (должно быть, в немецкий Океан между Англией и Фландрией) и дошли до реки Шума (это, должно быть, Зунд — не река, а участок моря в Дании), а той рекой Шумой [вышли] в море Океан (должно быть, в Балтийское или Венедское море). А морем Океаном вышли к устью Хаба или Хава (Habu albo Hawu) [159], Курляндского моря, где недалеко от Клайпеды либо Мемеля, сильного оборонительного замка в Пруссии, в это море впадает река Неман (впадает в Балтийское или Венедское море, как я сам видел в 1580 году). **Поправлено мною inter parenteses** (в источнике) [160]. А потом по реке Неман вошли в море, именуемое малым или пресным [161] и Курляндским или Неманским, и это потому, что Неман впадает в то Курляндское море в двадцати местах (должно быть в двенадцати), и каждое называется своим прозвищем, между которых одно устье называется Гилия (Gilia). Они пошли вверх против течения и дошли до целого Немана, где уже только сама река Неман течет в одном месте [162]. **Собственные слова летописцев.** И дошли до реки Дубисы, а идя Дубисой, нашли над ней очень высокие горы, великие равнины, чудесные дубравы, полные различных красот и разного вида зверя: туров, зубров, лосей, оленей, косуль, рысей, куниц, лисиц, белок, горностаев и прочее. Также и рыбы великое изобилие и дивных рыб морских, по той причине, что море недалеко. И поселились там над теми реками Неманом, Дубисой и Юрой и размножаться начали, а это место между теми реками очень им подходило [163]. И назвали эту землю Жмудь (Zmodz) от [слова] множиться (mnozenia) [164].

Второе свидетельство из другого Летописца.

А другой Летописец, который я достал в Великой Берестовице у их милостей князей Заславских [165], так же начинает хронику Литовскую и Жмудскую простыми словами, которые я здесь и привожу, как ее собственный текст:

В году Господнем 401 восстал Аттила, прозванный Бич Божий, который вышел от реки Югры (Juhri), а Юра (Jura) и ныне есть в земле Ивака царя [166]. Отца его звали Мандазиг, а вышел с тремя своими братьями, [которых звали]: Ачар, Рохас и Бледа. Вышел морем Океаном и пришел в море [среди]земное, которое между Францией и Испанией. А когда [он] вошел в то море, в то время королевну, по имени Урсула, везли из Британии [выдавать замуж] за сына английского короля, и при той королевне было одиннадцать тысяч девушек. Аттила убил и саму королевну и тех при ней одиннадцать тысяч дев, и они стали мученицами во имя Христа. Так [он] учинил первое зверство над христианским народом. **В то время Аттила воевал немецкие края не на море, а на земле, и добывал Кёльн, лежащий над Рейном [167].** Потом обошел французскую и итальянскую земли и морем пошел в Хорватскую (Charwackiej) землю, там из моря вышел и силой завладел Хорватской (Karwacka) землей. Покорил и землю Венгерскую и построил замок Будзынь (Budzyn), и назвался венгерским королем, а братья его Ачар (Athar) и Рохас померли. А в то время, когда строил Будзынь и обводил стены вокруг города, убил третьего своего брата, Бледона, и сам царствовал на всей земле Венгерской, и покорил своей мощью много панств и завладел ими. И как с самого начала преследовал христианство, так и сев на [престол в] том панстве, ни в одном деле своих намерений не переменил, и стал еще больше преследовать христиан. И собрав пять сотен своих людей, двинулся на Итальянскую землю, подступил к городу, который зовется Аквилея, и осадил Аквилею. В то время тот город был под императором Маркианом, был он очень мощным и имел [сильный гарнизон] римских рыцарей. **Маркиана [168], на которого восстал тот Аттила, готы и вандалиты, Карион (lib. 3, mon. 4) считает 47 императором.** Поэтому, не сумев быстро взять [Аквилею] и более не желая терять времени, [Аттила] двинулся дальше в Итальянскую землю к Риму. А князья и сенаторы, [169] которые были в том городе, видя, как велика мощь его жестокого люда, были охвачены великим страхом и разбежались из города. А некоторые побежали к своим рыболовам и на острове начали строиться, а потом этот город стал называться Венеция. **Мнение литовских летописцев об основании Венеции согласуется с Волатераном (кн. 4 и т.д.) и с Карионом (кн. 3).**

Заодно и князь по имени Палемон, который в то время жил там же в Риме, собрался со всем своим домом и родственниками, так что всех их было пятьсот [человек] римской шляхты. А среди них четыре виднейших рода или фамилии: первый Дорспрунг из рода Китавра, а из герба Колюмнов Проспер Цезарин, а из герба Урсинов Юлиан, а из герба Розы (Rozej) Гектор. И пошли средиземным морем, имея с собой одного астронома, который знал [путь] по звездам, и так поплыли по морю в кораблях на север и, обогнув Францию и Англию, вошли в Датское королевство, а оттуда приплыли в морские теснины, которые называются Зунд. Потом в море Океане направили паруса на северо-восток и на юг и прибыли к устью, где в море впадает река Неман. Потом пошли вверх по реке Неман вплоть до моря, которое зовется Малым или Неманским морем, ибо Неман впадает в него двенадцатью устьями, и каждое зовется отдельным именем, а одно из них зовется Гилия [170].

Когда этим [устьем] пошли вверх, то дошли до целого Немана, где он уже весь течет в одном месте, и так по Неману дошли до реки Дубиссы, над которой возвышались (nalezli) высокие горы, а на них великие равнины и роскошные дубравы. И большое разнообразие различного вида зверья, а в реках большое разнообразие рыб, как тех, что там щедро родятся, так и тех, что во множестве идут вверх по Неману из моря. Здесь, облюбовав себе место для жилья, заложили первое поселение над рекой Дубиссой. А другие из тех же итальянцев выбрали поселения над Неманом и над Юрой, как об этом напишем ниже.

Так два этих Летописца [171], настоящие хроники, которые есть у литовцев и жмудинов, не согласуются между собой [относительно] причины пришествия итальянцев в те полночные страны. Первый пишет, что из-за тиранства Нерона, а второй, что из-за свирепого и жестокого войска венгерского короля Аттилы, который в то время и в самом деле саблей и огнем разорял все западные страны и иные могучие государства, как о том пространнее свидетельствуют старинные венгерские хроники и флорентиец Каллимах, а также Бонфиний и другие; ниже это кратко уразумеешь и из наших виршей. Однако те Летописцы, которых я достал тринадцать из различных мест, сравнивал их, согласовывал (concordowal) и собирал в одном месте для выяснения правды, все единодушно согласны в том, что князь Палемон из римского сената с пятьюстами римских шляхтичей и с четырьмя перечисленными фамилиями приплыл в те полночные края Жмудские и Литовские.

Итак, опуская те причины, за которыми ходить недалеко, другие я изложу тебе, милый читатель, виршами, и сначала из испанских хроник, которые пишут, что одно время в западных странах несколько лет господствовала такая великая засуха без дождя, что очень многие из тамошних народов, таких, как итальянцы, испанцы, португальцы и англичане, должны были перебраться в те полночные зимние страны, но читай уже наши рифмы. **Ибо** [когда я] **гостил в Испании, там бывали великие дожди.**

Первая причина

пришествия итальянцев в те края из-за засухи и голода.

Первую причину испанские хроники указывают,
Те, что о засухе в западных странах рассказывают.
Несколько лет в Италии, в Сицилии и в Испании
Не было дождя за грехи людские в наказание.

Палящий Сириус [172] пашни растрескал на осколки,
А в реках и рыбам воды не осталось нисколько.
Смерть приносящее лето людей и зверей морило,
А изнуряющий голод у них отбирал последние силы.

Чахли леса, и поля неплодны стояли,
Тлели колосья и хлеба уже не давали.
Иссякли Цереры дары, и на виноградниках Бахуса
Было уж не сыскать, как и в садах их стража Приапуса [173].

Все виноградники, все, что еду приносило,
Вплоть до корней озверелое солнце спалило.
Много оттуда людей в зимние страны полночные
В те времена убежали, покинув края свои отчие.

Готов, Гепидов, Половцев, Кимвров, другие народы
Как-то погнали, нахлынув на них, океанские воды
К западу; позже народ из сожженного засухой края
С запада к северу шел, северянам должок возвращая [174].

Князь римский, прозванный Публий, по имени Палемон,
Засухи лютой приходом будучи сильно тогда удручен,
Смерти голодной страшась и желая народ свой спасти,
В страны полночные с запада морем вполне мог пойти.

Вторая причина

пришествия итальянцев в те края из-за тиранства Нерона в году от Христа 57 согласно указаниям летописцев.

Палемону, а может, Либону, сначала пришлось поселиться
В древних жмудских портах, что на прусской границе.
Вскоре римляне с готами силы объединили
И про римскую роскошь в Литве и в Лифлянтах забыли.

Либо он бежал от тиранства Нерона, всех казнившего,
Либо от Аттилы, жестоко Италию разорившего,
Либо из-за гражданских войн оказался на севере он,
Либо из-за голодной засухи был туда занесен [175].

Про Нерона нам кажется вполне убедительно,
Ведь жестокость его была омерзительна:
Желая видеть, где лежал, собственную мать он взрезал
И учителя (mistrza) своего Сенеку в ванне зарезал [176].

Римская республика [177] в страхе пред ним дрожала,
Ибо на сердце тирана свирепая злоба лежала,
Все свои деньги постыдно спустив, он сразу за этим
Кинулся грабить богатых, кого только встретит.

Сети из шелка одни, а другие с сплошной позолотой
Сделать велел, и как только пришел на болото,
Рыбу ловил, которой там не было вовсе,
Но волю тирана послушно исполнили все.

Чтобы пожар посмотреть, не задумавшись, Рим повелел подпалить,
Всех родных и друзей перебил и других был готов истребить,
Павла с Петром, преследуя верных, казнить приказал,
Строя огромный свой дом, много римских дворцов разломал [178].

И другие тиранства несносные он без стыда умножал,
И из-за них не один знатный род из страны уезжал.
В их числе дорогую отчизну покинул и наш Палемон,
Не желая терпеть тех злодейств, что творил его родич Нерон.

Третья причина

А может быть, все это из-за Аттилы было,
Чье войско Европу всю страшно разорило.
Из Угрии Татарской, что за Московией лежала [179],
В Венгрию он пришел, а счастье за ним бежало:

Цезаря Маркиана трижды он поразил,
Также Матернуса; все разорял, всех разил,
Разгромил Македонцев, Ахейцев, Фракийцев,
Сербов, Словаков, Болгар и Боснийцев [180].

В битве с Аэцием Римским и с Теодорихом, вождем
Храбрых вестготов, сошелся, и хлынула кровь там дождем [181],
Сто восемьдесят тысяч мужей в бою полегло [182]
С обеих сторон, аж озеро крови в полях натекло.

Франции города потом вдоль и поперек разорил
И над Балтийским морем земли все подчинил:
Оландров и Норманнов, Каледонцев и Пруссов,
Фризов, Моринов, Поморян, Кимвров и Сасов [183].

Дьюлу, гетмана своего, под Кёльн отправил [184],
Тот вокруг города четыре лагеря расставил,
Кёльн осадил, днем и ночью его штурмовал,
Все окрестные волости набегами разорял.

(В это время Этерий (Etereus), сын короля англов, стал хлопотать о браке с единственной дочерью британского короля Урсулой, с великими почестями отправив послов к ее отцу. И когда тот, смущенный и озабоченный, не знал, какой им дать ответ, Урсула сказала, чтобы он не беспокоился и обручил ее с Этерием, уверяя, что это обручение от Бога. А чтобы она не противилась этому замужеству, пусть ей дадут еще три года свободы, в течение которых она должна отправиться к тому, кому была обещана, то есть пойти в Рим, имея при себе десять тысяч девушек. **Причина сбора одиннадцати тысяч дев.** А кроме того, она потребовала, чтобы ее отец и королевич Этерий постарались устроить так, чтобы ей выделили 10 паненок особой чистоты и степенности, и каждая из них чтобы имела при

себе тысячу девушек, и сама она тоже имела при себе тысячу, и чтобы все они были особо честны и чисты. Послы, получив от отца Урсулы этот ответ, с радостью отбыли.

Путешествие Святой Урсулы и одиннадцати тысяч дев в Рим. Итак, Этерий и британский король, отец Урсулы, набрав столько девушек, сколько требовалось по уговору, дали их в свиту Урсуле, которая, приняв этих знатных подруг и снарядив 11 больших кораблей, собрала другие вещи, необходимые для столь дальнего путешествия, и отплыла из Британии. Она добралась до того места, где ныне часть Голландии и где в море впадает Рейн, и оттуда по реке, [поднимаясь вверх] против течения, приехала в Колонию Агриппину (Кёльн) к великой радости горожан. Из Кёльна [она отправилась] в Базель, оставила там корабли и другое снаряжение и пешком пошла в Рим. А потом, обойдя в Риме [святые] места, как и обещала, вернулась в Базель, а папа Кириак (Cyriak) [185] с великими почестями проводил ее до самого города.

Рыцарство Аттилы, осадившее Кёльн, убило Св. Урсулу и одиннадцать тысяч дев. Сев в Базеле на корабль, вниз по реке Рейн она поехала в Кёльн и там вышла на берег, нимало не беспокоясь о неприятеле, ибо полагала, что все будет так же безопасно, как и прежде. Но когда она стала уже приближаться к городу, ее вдруг со всех сторон обступили венгры и со всеми теми девушками жестоко поубивали. И вот так эта знатная госпожа со своим принцем Этерием, который, узнав что Урсула едет назад, с матерью, с сестрой Флорентиной и с некоторыми другими епископами выехал было ей навстречу до самого Кёльна, вместе с тем папой Кириаком [186] и со всеми девушками оставила этот мир, а чистоту свою и девичество воистину принесла в дар (ofiarowala) возлюбленному Христу. Тела этих дев лежали в Кёльне, а потом их кости сложили в большой склеп. **Волатеран же в кн. 3 Геогр**[афии] **пишет:** ***11 000 virginum in Galliam ad militum matrimonium missa per Dinotum Ducem in Britannia Cornubiae caesa esse ab exercitu Grationi*** *(11 000 дев, [прибывших] в Галлию на свадьбу Динота, герцога Корнуолла в Британии, убиты армией Гратиони)***, поэтому неизвестно, этих или других 11 000 девиц он имеет в виду.** Я прервал свой рассказ этой историйкой (historyjka) потому, что в старинных литовских летописцах тоже упоминается о разорениях Аттилы и убиении тех одиннадцати тысяч девушек, а о причине прибытия итальянцев с Палемоном в Литву говорится как бы в связи с этим [187]. Поэтому я и поместил это *inter parentesim* (в скобках)).

Вернувшись в Венгрию, брата Буду убил, покарал,
За то, что Сикамбрию Будой, именем своим, назвал [188].
Буду теперь также Будзынем именуют,
И в ней (эх, венгры!) турки ныне пануют.

А потом он в Италию несметные силы отправил [189],
Штирию, Каринтию, Истрию саблей своей окровавил,
Города и грады Далмации все поразорял,
Кто писал списки убитых, кто убытки считал.

А когда к Аквилее с огромным обозом он подходил,
Гетман римский с войсками дорогу ему преградил,

Итальянцев полки Аттила порубил, всех он истреблял;
Император Валентиниан тоже трижды оплошал [190].

Бежавшие венеты, бывшие из рода троянского,
Осели на островах моря итальянского,
Где славный город Венецию сумели построить.
Все, кто спасся, пытались как-то жизнь свою устроить [191].

Аттила с огромными силами Аквилею осадил,
Все вокруг разорил, все волости и фольварки спалил,
Долго под ней стоял, постоянно штурмовал,
Всякие хитрости применяя, упорно осаждал.

Но крепка была Аквилея, и Аттиле пришлось бы уйти,
Если б не встретил аиста он на обратном пути,
В клюве птенцов тот из города прочь выносил,
Чуя, что для горожан час уже смертный пробил [192].

Сразу, как это увидел, Аттила, своих подбодрив,
Седла под стены свалил и поджег их, стену подпалив [193],
Сильно и часто штурмуя, он стену пробил,
Взял Аквилею и тридцать семь тысяч в ней перебил [194].

Потом взял Тарвис, Конкордию и Верону,
Мантую, Бергамо, Феррару, Брешию и Кремону,
Тицин, Равенну, Апулию и Виченцу,
Милан, Падую, Мутину, Парму и Пьяченцу [195].

И почти всю итальянскую землю повоевал,
Так что каждый итальянец ***O Dio! O Dio!*** восклицал,
Другие ***la Dona nostra!*** кричали, убегая,
А венгры ***Beste Freng*** били, догоняя.

А когда уже к самому Риму он подошел,
Святой папа Лев злой его умысел отвел [196],
И тот повернул назад, продолжая грабить и убивать,
И еще не одному королю пришлось от страха дрожать [197].

Палемон, которому тоже надо было себя спасать,
Кто не может себя поберечь, тому не на кого пенять,
От беды, видно, сам в те полночные страны ушел
И с собой в долгий путь итальянскую шляхту увел.

В древней истории о деяниях Аттилы также пишут, что Гардерик (Harderik), король гепидов, предков литовских, очень храбрый, воинственный и славный благородными делами, по обычаю дружбы при всякой нужде был заодно с Аттилой и всегда

мужественно и счастливо появлялся со своими гепидами как во Франции, в Италии, во Фракии, так и в той битве, которая была у Аттилы с римлянином Аэцием (Eciusem). Пишут так: Валамир или Владамир с восточными Остроготами сильно напирал с правого фланга на Аэция и римские полки, стоявшие на острие чела; так же и Гардарик (Hardarik), король гепидов, храбро распалял (nagrzewal) Теодориха и Вышеготов (Wyszegotow) и т. д. [198]. Как говорит история, здесь полегло сто и восемьдесят тысяч. **Полегло 180 000 с обеих сторон.**

Гепиды. Гепиды, будучи одного происхождения с воинственными готами, вне всякого сомнения, были истинными предками литовского народа, который от Меотийских болот (***a palude Meotis***) дошел до северных окраин европейской Сарматии. Часть их, у которых, как я уже рассказывал, первым королем был Вейдевут, осталась у моря в Пруссии; с ними долго воевали крестоносцы и всех их искоренили. **Жемайты. Латыши. Литовцы.** Другие осели в пустынях, где ныне Жмудь, Литва и Латвия. **Ятвяги.** Другие, например, ятвяги, оттянувшись на запад, обрели себе отчизну в Подляшье. **Половцы.** А на юге, в полях, где ныне Подолия, Канев, Черкасы, Очаков, Крым, Перекоп, зайдя туда, множились другие, которые от проживания в поле были названы половцами. **Литовцы со своим королем Гардериком находились в войске Аттилы добровольно, так как жаждали добычи.** И вот так эти гепиды, предки литовцев, воинственный и хищный народ, привыкший жить грабежом, вместе с их королем Гардериком добровольно пристали к Аттиле, как к воинственному королю. **Валамир.** Со своим рыцарством при Аттиле был также и Валамир или Владамир, слово и имя русское, якобы *владеющий миром*, король Остроготов, живущих на востоке. **Об этом читай Историю о царе [199] (Historie od Basilica Cypriana przelozona), переведенную Киприаном.** Вот еще о чем я нашел в истории Аттилы, желая основательнее узнать о делах литовских. **Курьерские (Cursorowie) почтовые или перекладные станции для скорейшей доставки Аттиловых писем и известий с разных сторон.** Чтобы Аттила мог знать, что творится во всех краях света, он установил почтовые (posti) или перекладные (podwodni) [станции] в четырех местах: одну в Колонии, что зовется Агрипина (Кёльне), другую в далматском городе Ядера (Jaderze) [200], третью в Литве, четвертую у реки Танаис или Дон в Московии. В каждое из этих мест [поступали] вести едва ли не со всего света, через свои почты в упомянутых местах их приносили к нему в Сикамбрию (Sykambry) [201], и он обо всем узнавал по своему желанию. **Древность литовских поселений.** Уже упоминалось, что в Литве у него тоже были свои почтовые [станции], из чего следует, что уже в те времена литовская земля была населена жителями, при Аттиле, в году господнем 428.

Четвертая причина

Как пишет Флор в кн. 4, гл. 2

А может, когда Помпей с Цезарем между собой воевали,
А римское государство гражданские войны разъедали,
Множество знатных родов там с обеих сторон истребили.
В смуте той много невинных ту страшную дань заплатили,

Собственной кровью облив всю землю и море.
Спеси с амбициями бой разожгли всем на горе,
Кроме Италии, в Греции, в Африке тоже война началась,
Кровь перебитых полков там везде по полям пролилась.

В Азии войск у Помпея еще оставалось немало,
Но проглядел он, когда его счастье навек улетало.
Он проиграл и убит, вместе с ним триста тысяч легло,
Будто потопом морским их жизни с земли унесло [202].

Мудрый Катон, как узнал, что разбиты в бою легионы
Лучших друзей и, предвидя упадок римской короны,
Тут же, отправив подальше друзей и милого сына,
Острым мечом закололся [203]; о злая судьбина!

Дидий и Вар [204] в страшной битве сошлись всем на горе,
Море крови людской там они пролили в море,
Ибо все их корабли океан, бушуя и завывая,
Быстро отправил на дно, дерзости злые карая [205].

Сам понимаешь, какой там ужас творился,
Когда корабль с кораблем в морском танце бился;
Страшно звенели мечи, шквалы на них налетали [206],
Африки берег и берег Испании это узнали.

Ибо тамошние города жестоко потом разорили,
Жителям их неповинным за флота разгром отомстили.
Цезарь же помпеянцев, на Мунде им окруженных [207],
Брал на измор, а те строили насыпь из тел убиенных .

А когда, всех врагов одолев, в Рим вступил триумфатором [208],
То немедленно стал он жестоким и злым императором.
Вот поэтому Кассий, и Брут, и другая римская знать
Поклялись, что рабами его им вовек не бывать.

И, когда заседал он в сенате [209], кинжалы схватили,
Двадцать ран и еще три ему нанесли и убили [210].
Как зарезанный вепрь он лежал пред врагов своих шумной толпой [211],
Кто весь свет залил кровью, поплатился теперь головой.

Сразу после этого Антоний, муж упорный, бывалый,
С цезарем Октавианом бой затеял не малый,
А другую войну разожгли Кассий, Брут и Лепид,
Где светило ораторов, сам Цицерон, был убит [212].

От гражданской войны и несносной тревоги
Многие из Италии уносили ноги
И бежали на север, в лесные края,
Где Литва, Жмудь, Пруссия и Латвия.

Пятая причина

В Риме нередко карали изгнанием [213],
За проступки в чужие края отсыланием,
Где, по закону, виновные до тех пор живали,
Пока, раскаявшись, прощения не получали.

Иногда и без всякой вины ссылали,
Сципион [214] и Камилл никакого повода не давали,
Но пострадали, как храбрый Брут и ученый Цицерон,
И в Понтийскую ссылку угодивший Назон.

А иные вернуться в Италию уже не желали,
Ибо в ссылке лучше, чем там, поживали.
Да и от нас из Литвы не всякий удрать хочет мигом,
Здешняя щедрость Цереры лучше, чем тамошняя фига.

От тех изгнанников в Дакии [215] итальянцы расплодились,
И в Таврике [216], где Кафа, многие из них поселились,
Другие в Греции осели, где и я побывал, в Сио [217],
Не диво, что и в Литву их племя заносило.

В Таврике генуэзцы Кафу заложили,
Крым, Азов и Килию [218], где Понт, подчинили.
Ныне в полях тех живет турецко-татарское племя,
Так народы и царства перемешивает время [219].

Старые стены, и ныне стоящие в диких полях [220],
Помнят о греках, чьи кости давно уж развеялись в прах.
Где прежде город с замком и башнями был,
Ныне татарин ловит там диких кобыл.

Так и Энея из Трои долго по морю носило [221],
В страхе странствовал он меж Харибдою и Сциллой.
В Африке прежде, потом в стороне Итальянской
Дом он обрел и размножил народ удрученный троянский.

Шестая причина

Римляне весь мир [в кулаке] держали,
Провинции гетманам своим раздавали,

Где легаты вводили римское управление.
Тогда и Литву Либону могли дать в кормление,

В котором по одному имени итальянца узнавали,
Маро [222] и Персий [223] это имя знавали.
Вот так итальянец по своему рождению
В полночный край прибыл по Божьему разумению.

Комментарии

1. Мельхиор Гедройц (1536-1609) герба Гиппоцентавр был сыном наместника Кернаве князя Мотеюса Гедройца и княгини Анны Крошинской. Литовский княжеский род Гедройцев некогда был весьма влиятелен, но в XVI столетии уже не играл важной роли в государственных делах. С 1550 года Мельхиор учился в Кёнигсберском, Виттенбергском, Тюбингенском и Лейпцигском университетах, ученой степени так и не получил, однако современники отмечали его глубокие познания в теологии и каноническом праве. В 1569 году в качестве посла от Виленского повята подписал акт Люблинской унии. С 1571 года — католический священник, с 1576 года — епископ Жемайтский (Жмудский). Один из наиболее активных сторонников контрреформации в Литве. За упорную борьбу с остатками язычества получил прозвище «второго крестителя Жемайтии». Лично участвовал в вырубке священных дубов и погашении священного огня на горе Бируты. Уже будучи епископом, часто посещал бедные приходы, где проповедовал на литовском языке. Гедройц был покровителем Стрыйковского, которого не позже 1578 года устроил на должность каноника жмудского. 25 мая 1580 г. в кафедральном соборе города Вильно Мельхиор Гедройц вручил Стефану Баторию шляпу и меч, освященные римским папой для похода против Ивана Грозного. В 1595 году на собственные деньги издал католический «Катехизис», переведенный на литовский язык Николаем Даукшей. Это была *первая книга на литовском языке, изданная в Литве*. См.: Iwinskis Z. Merkelis Giedraitis arba Lietuva dvieju amziu savartoje. В кн.: Rinktiniai rastai, t. 4. Roma, 1987.

2. Это нескромное заявление нашего автора полностью соответствует истине. Стрыйковский по праву считается первым литовским историком.

3. Название *Прусское* море для обозначения Балтийского моря встречается исключительно редко, возможно даже, что у одного лишь Стрыйковского. Птолемей называет Балтийское море *Сарматским* морем.

4. Здесь имеется в виду река *Западный* Буг (Bog), которая не то же самое, что упомянутая несколько выше река *Южный* Буг (Boh). Весьма примечательно, что и польские названия этих рек у Стрыйковского *разные*.

5. Транскрипции Стрыйковского практически не отличаются от общепринятых русскоязычных названий племен, упоминаемых Птолемеем. См. : Античная география. М., 1953. Стр. 321.

6. Йодок Людвиг Деций, а по-немецки Jost Ludwig Dietz (1485-1545) , по происхождению немец родом из Эльзаса, в 1508 году прибыл из Венгрии в Краков, в 1520 году стал секретарем короля Польши Сигизмунда I Старого, а впоследствии заведовал королевским монетным двором. Автор трехтомного труда «О древностях поляков» (De vetustatibus Polonorum, 1521), где древнейшую историю Польши увязывал с начальной историей народов Европы. См.: Hirschberg A. O zyciu i pismach Justa Ludwika Decyusza. 1485-1545. Lwow, 1874.

7. По смыслу здесь должно быть *ниже*, а не *выше*, что предполагает простую описку. Однако подобное у Стрыйковского встречается не в единственном месте, так что не исключено, что в его времена выражались именно так, а не иначе. Чуть ниже мы увидим прямо противоположный случай: слово *ниже* употреблено в нынешнем значении *выше*.

8. Смотри примечание 7.

9. В данном случае *Мертвым морем* автор именует Азовское море, которое античные авторы называли *Меотийским болотом*.

10. Боспором Киммерийским древние греки именовали Керченский пролив. Эсхил называл его «Коровий брод» (по гречески *Боспорос*), так как этот пролив переплывала возлюбленная Зевса Ио, превращенная Герой в корову. По другой версии этой легенды Ио переплывала нынешний Босфор (Боспор Фракийский). Боспор Киммерийский дал название *Боспорскому царству*, царем которого был Митридат VI Евпатор.

11. Похожим названям различных народов наш автор придавал чрезмерно большое значение и делал из этого необоснованные выводы. В данном случае Стрыйковский смешивает германское племя *кимвров* и гораздо более древних *киммерийцев*, этнически и географически не имеющих между собой ничего общего.

12. Книга, на которую ссылается Стрыйковский, нам неизвестна. Судя по названию, речь там идет о кимврах и Дитмаршской войне. Дитмаршен — территория на границе Дании и Саксонии, с запада ограниченная Северным морем, с юга — рекой Эльбой, с севера — рекой Эйдер. Болота и реки и превращают Дитмаршен почти что в остров, очень удобный для обороны. В средние века здесь было немало жестоких сражений.

13. Пропонтидой или Предморьем древние греки называли Мраморное море.

14. Вероятно, автор имел в виду Жозе Наси, в 1566-1579 гг. правителя герцогства Наксосского. Это островное государство, известное также как герцогство Архипелага, возникло в 1207 году и три с половиной века находилось под протекторатом Венецианской республики. В 1566 году остров Наксос был аннексирован турками, свергнувшими правящую династию Криспо.

15. Смотри примечание 79 к книге пятой.

16. И Гомер, и Аполлоний Родосский вполне определенно говорят о *киммерийцах*, а вовсе не о кимврах. См.: Гомер. Одиссея, XI, 14-19.

17. Говоря о пруссах, наш автор постоянно уточняет: *древние* или *стародавние* (starzy) пруссы. Причина подобной настойчивости видится в том, что к концу XVI столетия *пруссами* уже стали называть всех жителей Пруссии, то есть, в первую очередь, тамошних *немцев*. Стрыйковский же хотел подчеркнуть, что он имеет в виду лишь этнических пруссов, аборигенов Пруссии.

18. Одно из немногих мест, где наш автор прямо отождествляет латышей (Lotwa) с латгалами (Lotihailowie), что не совсем правильно. Латыши как нация появились в результате слияния пяти племен: четырех балтских (латгалы, земгалы, курши и селы) и финно-угорского (ливы). Немцы, основавшие Ригу, имели дело в первую очередь с *ливами*, отсюда *Ливония* и *Лифляндия*. А вот русские жители полоцкой земли общались в основном с *латгалами.* Латгалия — самая восточная часть Латвии, занимающая примерно четверть территории всей страны.

19. Известие о том, что кимвры двинулись на юг, когда море стало затоплять их жилища на берегах Северного моря, принадлежит греческому историку Посидонию (135-50 гг. до н.э.), на сочинении которого основывался Страбон. Начало похода кимвров датируют около 120 года до н.э. См.: Страбон. География. М., 1964. Стр. 104, 268, 269.

20. Латинское название Голштинии (Гольштейна) — Гользатия (Holsatia). Название происходит от племени *гользатов*, бывших соседями упомянутых чуть выше *дитмаршей*. См.: Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. Стр. 44, 228.

21. Смотри примечание 12.

22. Кимвры действительно нанесли римлянам четыре крупных поражения: в 113, 109, 107 и 105 годах до н.э. См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Том II. М., 1963. Стр. 71, 72.

23. Перечисленные выше города все без исключения располагались на территории современной Голландии. Надежно не идентифицирован только *Андорф*, некоторые сомнения вызывает также *Меримед* (Мидденмер или Марюм?).

24. В оригинале весь этот абзац представляет из себя только *одно предложение,* длиннейшее, размером в половину страницы. Переводчик был просто вынужден разбить его на *восемь* более мелких, иначе читатель рисковал окончательно запутаться.

25. В отличие от предыдущего списка, все перечисленные здесь города почти не поддаются идентификации. Это позволяет предположить, что одни из них после наводнения уже более не восстанавливались, а другие поменяли свое название.

26. Рассказ Стрыйковского о наводнении 1570 года в Голландии обладает всеми достоинствами оригинального исторического первоисточника, так как наш автор был современником событий, а подробности мог узнать от упоминаемых им переселенцев.

27. Марк Юний Силан был римским консулом 109 года до н.э.

28. Примечание Стрыйковского на полях: **Дорога там волок.** Имеется в виду выражение: *Не везти, так волочить*, которому соответствует русская поговорка: *Не мытьем, так катаньем*.

29. Стрыйковский добросовестно цитирует, а точнее, пересказывает содержание третьей книги Флора. См.: Луций Анней Флор — историк древнего Рима. Воронеж, 1977.

30. Иоганн Стадиус (1527-1579) — фламандский астроном, астролог и математик. Был учеником известного математика и картографа Фризиуса Реньера (Гемма-Фриз), у которого учились также Герард Меркатор и Андрей Везалий. О *исторических* трудах Стадиуса у нас нет известий, но его интерес к географии и картографии сомнений не вызывает.

31. Речь идет о полуострове Ютландия. *Херсонесом Кимврийским* его называют, например, Франческо да Колло (1519) и Павел Иовий (1537), которые также именуют *Кимврийским морем* самую западную часть Балтийского моря. Относительно дитмаршей и гользатов смотри выше примечания 12 и 20.

32. Иллирик — римская провинция на территории бывшей Югославии.

33. Норея, главный город римской провинции Норик, находился предположительно в районе нынешнегоНоймаркта в австрийской Штирии (на реке Мура).

34. Гней Папирий Карбон был римским консулом 113 года до н.э., и как раз во время своего консульства потерпел поражение от кимвров при Норее. Этого Карбона не следует путать с его более известным сыном, тоже Гнеем Папирием Карбоном, и тоже консулом 85, 84 и 82 года до н.э. См.: Тит Ливий. История Рима от основания города, том III. М., 1994. Стр. 577.

35. В 105 г. до н.э. консульский легат Марк Аврелий Скавр потерпел поражение и попал в плен к кимврам, которые умертвили его за дерзкие речи. См.: Тит Ливий. История Рима от основания города, том III. М., 1994. Стр. 577.

36. Луций Кассий Лонгин и Гай Марий были римскими консулами 107 года до н.э. В этом году Кассий Лонгин отправился в поход против кимвров, потерпел поражение в битве с тигуринами и погиб вместе со своим легатом Луцием Кальпурнием Пизоном. См.: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М.-Л., 1948. Стр. 13.

37. Аллоброги — кельтское племя в Нарбоннской Галлии, жившее между реками Рона и Изер. Их главным городом была Виенна (Вьенн).

38. Родан — латинское название реки Рона.

39. Дельфинат — латинизированное название исторической области Франции *Дофине,* главным городом которой является Гренобль.

40. Здесь автор возвращается к войне 105 года до н.э., о которой он уже начинал рассказывать ранее, несколько нарушив общую последовательность событий. После пленения и казни легата Марка Аврелия Скавра армии консула Гнея Маллия Максима и проконсула Квинта Сервилия Цепиона были полностью уничтожены кимврами в битве при Араузионе (6 октября 105 года до н.э.). По поводу этого разгрома Теодор Моммзен пишет: «По своим материальным и моральным последствиям эта катастрофа была гораздо пагубнее, чем поражение при Каннах». См.: Павел Орозий. История против язычников. М., 2004. Стр. 336-337.

41. Смотри примечание 35.

42. Гемонская лестница — лестница, высеченная в скалистом склоне Капитолийского холма, по которой тела казненных крючьями стаскивали в Тибр.

43. В 279 году до н. э. вторгшиеся на Балканы галлы захватили и разграбили богатейший храм Аполлона в Дельфах. Страбон пишет, что часть похищенного племя тектосагов могло увезти в свой город Толосу (Тулузу), хотя сам в этом и сомневается. Но и без этого святилище самих тектосагов было чрезвычайно богатым, так как в их стране было много золота. Это святилище и ограбил Цепион, захвативший Толосу незадолго до рокового похода на кимвров. Находились ли сокровища в самом храме или Цепиону потребовалось извлекать их из озера, неизвестно. Юстин пишет, что золота было 36 тонн, а серебра 164 тонны, а Посидоний сообщает о 15 000 талантов обоих металлов (485 тонн), что вряд ли возможно. Эти несметные сокровища Цепион отправил в Рим, но по дороге охрану перебили, а ценности исчезли. В Риме были уверены, что все это подстроил сам Цепион, чьи наследники и потомки (а к ним относился и Марк Юний Брут) были очень богаты. Вопреки рассказу Стрыйковского, сам Цепион жил еще довольно долго и умер не в тюрьме, а в изгнании, куда был сослан после своего освобождения. См.: Страбон. География. М., 1964. Стр. 179, 180.

44. Страбон относил тектосагов к *галатам* — племенному союзу восточных кельтов. Их относят также к кельтскому племени *вольков*, переселившихся из Баварии в Нарбонскую Галлию в III веке до н.э. Стрыйковский называет тектосагов *словаками*, и это не простое недоразумение. Тектосаги были кельтами, а прародину кельтов многие искали в Чехии и Словакии.

45. Юстин пишет, что тектосаги утопили сокровища в Толозском озере в благодарность богам за избавление от пагубной заразной болезни. См.: Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippica». Спб, 2005. Кн. XXXII, гл. 3 (9-11).

46. Битва при Секстиевых Аквах (в 26 км от Марселя) произошла летом 102 г. до н.э. Следует подчеркнуть, что именно военные реформы Мария превратили армию Рима в те

несокрушимые легионы, которым и обязан своими выдающимися победами не только сам Марий, но и такие великие полководцы, как Помпей и Цезарь. См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 29-30, 142-143.

47. Швейцарцы до сих пор используют слово *Гельветия* (Helvetia) как название своей страны на монетах и на почтовых марках.

48. Мултания или Мунтения — восточная часть Валахии, отделенная рекой Олт от западной части Валахии — Олтении. Мултанский Дунай — Дунай, омывающий берега Валахии (Румынии), где и находится город Джурджу. Напротив него на правом берегу Дуная, в Болгарии, находится город Рущук (Русе). Дунай в этом месте действительно широк, но его ширина между Рущуком и Джурджу составляет менее полутора километров, а миля у Стрыйковского обычно составляет около 8 км. Вряд ли наш автор так сильно преувеличивал ширину Дуная, скорее всего, здесь он пользуется какой-то другой милей, более короткой.

49. Автор использует латинские названия рек: Атесис — река Адидже, Пад — река По, Натизон — река Тальяменто.

50. У Флора написано: *на широкой равнине, которую называют Раудинскими полями (Campi Raudii)*. Эта равнина лежит к юго-западу от города Верцеллы (Верчелли), который находится в Пьемонте, между Миланом и Турином. Место битвы довольно далеко от Венеции и вообще от района, столь подробно описанного выше. См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 30, 143.

51. У Плутарха не *третьи ноны* (3 августа), а *на третий день перед календами августа*, т.е. 30 июля 101 года до н.э. См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Том II. М., 1963. Стр. 82.

52. Среди всех античных авторов наиболее подробно битву при Верцеллах описывает Плутарх, который опирался на воспоминания ее непосредственного участника, причем не какого-нибудь, а самого Луция Корнелия Суллы. К величайшему сожалению, записки Суллы в настоящее время считаются утраченными. См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Том II. М., 1963. Стр. 80-82.

53. Героическую оборону литовской крепости Пиленай (1336) Стрыйковский описал в главе четвертой книги двенадцатой своей хроники (том второй). См.: Varakauskas R. Pilenu gunimas. Vilnius, 1960.

54. Предводителя кимвров Плутарх называет Бойориг, а Флор — Байорикс. Стрыйковский же опустил окончание этого слова, которое не без основания истолковал как титул (*рикс* — король).

55. Это сообщение Плутарха относится не к битве при Верцеллах, а к битве при Секстиевых Аквах (ныне город Экс). Массилия (Марсель) находится всего в 26 км от

Экса, а вот от Верцелл до Марселя очень далеко. См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Том II. М., 1963. Стр. 78.

56. Прокопий Кесарийский, перечисляя готские племена, ставит гепидов рядом с остроготами, везеготами и вандалами. По Иордану, на южный берег Балтийского моря гепиды переселились вместе с готами и сначала осели на островке в дельте Вислы. Объяснения происхождения слова *гепиды,* сделанные Иорданом и Исидором Севильским, нынешние исследователи не принимают всерьез, считая их типичными образцами средневековой этимологиии. Походом гепидов на юг руководил король Фастида, с боями проведший свое племя через земли бургундов и венетов по Висле и через предгорья Карпат. Однако первое столкновение гепидов с римлянами произошло только в III веке. См.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. Стр. 85.

57. Флор ничего не пишет о возвращении кимвров и тевтонов в северные земли. Гепидов же Иордан помещает (после III века) в междуречье Тисы и Дуная (Дакия) и при этом уточняет, что в Паннонии (Венгрии) их поселений не было. Исследователи считают, что именно гепиды *менее всех других германских племен продвинулись к западу*. Уже по одной этой причине трудновато поверить в то, что гепиды могли быть предками литовцев. После поражения в битве с аварами и лангобардами (567) гепиды были фактически уничтожены. См.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. Стр. 206-208.

58. Агафий Грек — византийский историк и поэт Агафий Миринейский (536-582). См.: Агафий. О царствовании Юстиниана. М.-Л., 1953. Стр. 11.

59. Итальянский гуманист Флавио Бьондо (1388-1463) или Блондиус был автором сочинения «Декады истории начиная с упадка римской империи» (1483), в котором он впервые употребил термин «Средние века» (medium aevum).

60. Святой папа Григорий — Григорий I Великий (590-604), который в православной традиции получил прозвище Двоеслов. В молодости папа был современником готских войн, что могло отразиться и в его богословских сочинениях.

61. Смотри примечание 20 к книге первой.

62. Слово *автохтоны* (коренные жители) в оригинале написано греческими буквами.

63. У Прокопия готы называются гетами только в одном месте книги I (V), и то с чужих слов. См.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. Стр. 151.

64. Прокопий ничего не пишет о *сарматах* и только в одном-единственном месте упоминает *савроматов.* См.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. Стр. 386.

65. Элий Спартиан — римский историк, один из авторов так называемых «Жизнеописаний Августов» или «Жизнеописаний Цезарей». Ныне установлено, что биография Клавдия из этого труда написана не Спартианом, а его соавтором Требеллием Поллионом, чего Стрыйковский, видимо, не знал. В этой книге готы везде называются *готами*, а не гетами.

Император Клавдий — это не преемник Калигулы Клавдий I (41-54), а его менее известный тезка Клавдий II (268-270). В сентябре 269 г. римские войска разгромили готов в битве при Наиссе, за что Клавдий получил прозвище Готского. Наисс — это нынешний город Ниш в Сербии, родина Константина Великого. Стрыйковский ошибается, называя местом битвы Маркианополь, который находится далеко от Ниша. Наш автор неверно понял свой источник, где говорится, что Клавдий сражался с готами *также* и в Мезии, под Маркианополем (недалеко от Варны). См.: Властелины Рима. М., 1992. Стр. 259-261.

66. Слово *Slawacy* Стрыйковский иногда использует для обозначения славян вообще. Но так как в других случаях он называет так именно словаков, а славян — славянами, мы переводим это слово так, как оно написано, хотя и учитываем все вышеизложенное.

67. О Корнелии Агриппе (1486-1535) смотри примечание 8 к книге первой. Его сочинение *Arte Heraldica* мало кому известно, а *прямая ссылка* на него — вещь вообще чрезвычайно редкая.

68. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 197.

69. *Деметриус* — Дмитрий Герасимов (1465-1536), русский дипломат, толмач Посольского приказа. В детстве и в ранней юности жил в Ливонии, хорошо знал немецкий язык и латынь. В 1525-1526 годах участвовал в ответном посольстве к папе Клименту VII от Василия III, который соглашался принять участие в Лиге против мусульман. Принято считать, что именно Герасимов перевел на церковнославянский язык письмо секретаря Карла V, в котором содержался первый официальный отчет об экспедиции Магеллана. На основании своих бесед с Герасимовым Павел Иовий (Паоло Джовио) опубликовал книгу, в которой много достоверных сведений о тогдашней России (1525). См.: Павел Иовий Новокомский. Записки о Московитских делах. СПб, 1908. Стр. 262.

70. Тотила был готским королем в 541-552 годах.

71. Римский император Деций погиб 1 июля 251 года в битве с готами, которая происходила в Мезии при Абритте (ныне болгарский город Разград). Аврелий Виктор пишет, что император попал в болото, и его тело так и не нашли. Геренний Этруск, сын Деция, был убит стрелой во время той же кампании, но значительно раньше отца. См.: Римские историки IV века. М., 1997. Стр. 67, 149.

72. Длина острова Готланд составляет 125 км, что более или менее соответствует сообщению Стрыйковского, у которого миля составляет около 8 км, а 18 миль — около 140 км.

73. В издании 1846 года, как и в издании 1582 года, написано ***od roku 2533***, но это явная описка или опечатка.

74. Стрыйковский неточно пересказывает латинский текст Кариона, иногда искажая его смысл. Кроме того, *вандалиты* (у Кариона *вандалы*) — это не славянское, а германское племя. Наш автор путает вандалов и *вендов,* то есть полабских славян, к которым

относились и *ругии* или *руяне*, жившие на острове Рюген. Татищев тоже задумывался по этому поводу. ***Венделити, конечно, мню, славяне венды... Имя же Вендум не славенское, мню, латинистами испорчено, а славенское вено, или приданое, которое владетели женам для вдовства давали...*** См.: Татищев В.Н. Собрание сочинений, т. 1. М., 1994. Стр. 157.

75. Смотри примечание 66.

76. Латинское название Балканских гор *Haemus.*

77. Таты — тюркоязычный народ, нынешние представители которого живут в Азербайджане и Дагестане. Татары северных предгорий Крыма называли *татами* всех жителей южного берега, среди которых были и ассимилированные тюрками крымские готы.

78. Во времена Стрыйковского главным военным противником турок и союзных им крымских татар считалась Священная Римская империя, причем в первую очередь Австрия.

79. *Polow* — по польски улов, добыча, а *polowanie* — ловля, охота за добычей. Исходя из этого, слово *половцы* Стрыйковский истолковывает как *ловцы*.

80. Смотри примечание 66.

81. В промежутке между упомянутыми здесь римскими императорами *Антонином* Каракаллой (211-217) и *Филиппом* (244-249) имя Антонин носил только Гелиогабал (218-222). Император *Вер* (218) правил совсем недолго, а его полное имя неизвестно. Император *Проб* (276-282) жил несколько позже, никогда не носил имени Антонин и упомянут здесь, вероятно, по ошибке.

82. В седьмой книге Орозия много говорится о готах, однако не в седьмой и не в девятой главе. Не исключено, что в издании, которым пользовался наш автор, была другая нумерация глав. См.: Павел Орозий. История против язычников. М., 2004. Стр. 459, 486-492, 495-500, 507-508.

83. Римский император Филипп Араб (244-249) не был христианином и никаких изменений в правовом статусе христиан не сделал, хотя во время его правления их и не преследовали. Лишь позднейшая церковная традиция объявила императора приверженцем христианства, что можно объяснить усилением гонений на христиан при его преемниках. Впервые христианином назвал Филиппа Евсевий Кесарийский (263-340). В 248 году готы осадили Маркианополь, и Филипп послал против них префекта претория Деция Траяна, вскоре провозглашенного императором. См.: Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993.

84. Примечание Стрыйковского на полях: **Мезия — нынешняя Болгария.** Деций погиб не в 253, а в 251 году, о чем смотри примечание 71.

85. Валериан (253-260) был единственным римским императором, который на войне попал в плен, где и умер. Это произошло после поражения римлян в битве с персами при Эдессе (259) в Малой Азии. См.: Лактанций. О смертях преследователей. СПб, 1998.

86. Храм Артемиды Эфесской, считавшийся одним из семи чудес света, был разграблен готами в 253 году.

87. В издании 1582 года в этом месте ясно написано *Burssa*, но в издании 1846 года допущена опечатка и дважды напечатано *Brussa*.

88. Прусий I был царем Вифинии в 230-182 гг. до н.э. Около 186 года до н.э. к нему перебрался изгнанник Ганнибал. Как раз в это время Прусий задумал выстроить новую столицу — Прусу. По легенде, первый камень в ее основание заложил сам Ганнибал. Римляне требовали его выдачи, и Прусий заколебался. Узнав, что его убежище окружено римлянами, Ганнибал принял яд (183 г. до н.э.). См.: Тит Ливий. История Рима от основания города. Том III. М., 1994. Стр. 355.

89. Далее речь идет о битве при Адрианополе (9 августа 378 г.). О гибели императора Валента современники расказывают так. ***Одни говорят, что он погиб в огне, убежав в одну деревню, которую сожгли напавшие на нее варвары. Другие свидетельствуют, что*** [...] ***когда конница изменила, не вступив в дело, он, окруженный неприятелями, погиб со всем пешим войском.*** См.: Сократ Схоластик. Церковная история. М.,1996.

90. Пелагий (ок. 360 — после 431) — богослов кельтского происхождения, перебравшийся из Британии в Италию в самом начале V века. Полемизировал с блаженным Августином (354-430), святым Иеронимом и другими отцами церкви по вопросу о соотношении божьей благодати и свободы человеческой воли. В 418 году на Карфагенском соборе учение Пелагия осудили как ересь. О *святых докторах* смотри примечание 47 к книге первой. См.: Творения блаженного Иеронима Стридонского. Часть 5. Киев, 1879. Стр. 147-284.

91. Очень важное место хроники Стрыйковского, из которого следует, что он признавал датой сотворения мира **3944** год до н.э. Это близко соответствует датировке, о которой говорилось в примечании 39 к книге первой (4004 год до н.э.).

92. Клавдиан (370-404) — грек из Александрии, придворный латиноязычный поэт в Риме. Автор панегириков Стилихону. По мнению литературоведов, «русская ода и героическая поэма многим обязаны Клавдиану». См.: Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений. СПб, 2008.

93. Флавий Стилихон (ок. 358-408) — римский полководец, регент, а потом соправитель своего зятя Гонория, императора (395-423) Западной Римской империи. По происхождению вандал. В 405 году под Флоренцией разгромил готскую армию Радагайса, а самого Радагайса захватил в плен и в следующем году (406) казнил. См.: Павел Орозий. История против язычников. М.,2004. Стр. 496-498.

94. Созвучие имен Радагайса и божества ободритов Радегаста отмечал и Гиббон, однако уже в XIX столетии его комментаторы находили подобное сходство случайным, а имя готского вождя считали «вполне готским». См.: Эдуард Гиббон. Закат и падение Римской империи. Том III. М., 1997. Стр. 416.

95. Готы Алариха ворвались в Рим 24 августа **410** года, разграбили город и ушли через три дня. В том же году Аларих умер. См.: Летопись византийца Феофана. М.,1884. Стр. 65.

96. Нашествие вандалов Гензериха (у Иордана и Прокопия — Гизерих) на Рим происходило 2-16 июня 455 года, то есть на сто лет раньше готских войн при императоре Юстиниане (527-565). Так что *третий* раз и *четвертый* раз следует поменять местами. Вероятно, Стрыйковский так и собирался написать, но сделал описку, исказившую смысл всего предложения.

97. Бартоломео Сакки (1421-1481) по прозвищу Платина — итальянский гуманист и историк. Его наиболее известное произведение — сборник биографий римских пап (1479), но Платина был и автором первой напечатанной поваренной книги (1470), которую сам он считал философским произведением. Папа Сикст IV назначил его первым библиотекарем Ватиканской библиотеки (1475), а Мелоццо да Форли увековечил это событие на своей фреске (1477), сохранившей для нас прижизненный портрет Платины. Умер от чумы.

98. Большинство упомянутых здесь историков уже представлены нами читателю или же будут представлены ниже в комментариях к настоящей хронике, а о некоторых мы расскажем прямо сейчас. **Гвидо Равеннский** — предполагаемый автор так называемого «Равеннского географа», анонимного географического трактата, точное время составления которого до сих пор является предметом дискуссий и колеблется между VII и IX веками. **Леонардо Аретино** (1370-1444) — Леонардо Бруни из Ареццо, итальянский гуманист, автор произведений «История Флоренции» (1439), «Жизнь Данте» и других. ***Abbas Urpergensis*** (Урсбергский аббат) — Конрад из Лихтенау, настоятель монастыря в Урсберге, в Баварии (1240). Написал хронику *De renorum successione*, впервые напечатанную в Страсбурге в 1567 году. **Аблавий —** римский историк, деятельность которого Моммзен датирует концом V — началом VI столетия. Известен только по трем ссылкам Иордана, называвшего Аблавия «выдающимся писателем готского народа», а его исторический труд «достовернейшим». К величайшему сожалению, сочинение Аблавия не сохранилось даже во фрагментах. **Бергомен** — Якоб Филипп из Бергамо (1434-1520), итальянский историк, автор хроники *Supplementum Chronicarum Libri X* (1483). **Иоганн Науклер** (1425-1510) — немецкий богослов и историк, ректор университета в Тюбингене. Автор всемирной хроники *Memorabilium omnis aetatis et omnium chronici commentarii* (1516).

99. Эразм Стелла Либонотан (1460-1521) — немецкий историк, автор небольшого сочинения «О древностях Боруссии», посвященного Фридриху Саксонскому. Но так как Фридрих скончался за восемь лет до печатного издания (1518), то не исключено, что эта книга была написана еще до 1510 года и в любом случае ранее хроники Симона Грунау. См.: Erasmi Stellae Libonothani De Borussiae Antiquitatibus. Basileae, 1518.

100. Фридрих Саксонский (1474-1510) был великим магистром Тевтонского ордена (1498-1510) и правителем Пруссии. Его преемником был Альбрехт Бранденбург-Ансбахский.

101. *Аланы* — ираноязычные кочевые племена скифо-сарматского происхождения. В источниках упоминаются с I века нашей эры, когда они впервые появились в Приазовье и Предкавказье. В IV веке аланы были разгромлены гуннами, после чего часть аланов приняла участие в Великом переселении народов. При этом они оседали в Галлии, в Испании и даже в Северной Африке. В VI веке очередное племенное объединение аланов разгромили авары. В Предкавказье аланы стали основой другого племенного объединения, с VII по X век входившего в состав Хазарского каганата, а после его распада просуществовавшего вплоть до прихода монголов.

102. *Сикамбры* или сугамбры — упоминаемое многими античными авторами германское племя, обитавшее между реками Рейн и Зиг.

103. *Bojowac* — по-польски то же самое, что и *wojowac*, так что слово *Bojoter* можно перевести как Воитель или Военачальник.

104. *Литаланы* — комбинация из слов *литва* и *аланы*. Татищев допускал, что наш автор мог сам изобрести такое слово. ***Сие имя едино Стрыковский упоминает, еже литва издревле тако имянована; но потом в литави, наконец, в литвани преврасчено, которое он древними манускрыпты рускими и литовскими и преданиами утверждает.*** Но более чем за полвека до Стрыйковского слово *литалаланы* (Litalalani) употребил Эразм Стелла — возможно, именно он его и придумал. См.: Татищев В.Н. Собрание сочинений. М.,1994. Том I, стр. 282; Erasmi Stellae Libonothani De Borussiae Antiquitatibus. Basileae, 1518. Стр. 29.

105. Здесь автор слегка иронизирует.

106. Каспар Хенненбергер (1529-1600) — священник, картограф и гравер. С 1550 года учился на теологическом факультете Кёнигсбергского университета, после чего был пастором в Домнау (1554-1560) и в Мюльхаузене (1560-1590). Выполнил топографическую съемку прусских земель (1570-1576), по результатам которой издал большую карту Пруссии (второе издание вышло в 1595 году). В 1590 г. перебрался в Кёнигсберг, где издал книгу «Краткое и подлинное описание прусских земель» (1594). В конце жизни был пастором госпиталя в Лёбенихте, где и похоронен.

107. Возможно, имеется в виду хроника Симона Грунау, составленная в двадцатые годы XVI века. Стрыйковский не включил Грунау в список авторов своих источников, но не исключено, что речь идет об одной из трех упомянутых нашим автором «Прусских хроник».

108. Историки до сих пор спорят о том, содержит ли легенда о Вейдевуте историческое зерно или же она полностью вымышлена Эразмом Стеллой и Симоном Грунау. С одной стороны, сам рассказ имеет все признаки сказок о «первом короле», которыми изобилует фольклор едва ли не всех стран мира. Но сторонники «исторического зерна», помимо

других аргументов, ссылаются и на данные археологии, согласно которым пруссы окончательно сформировались как народ в VI-VII веках, а это как раз «времена Вейдевута». Некоторые историки датируют его избрание 514 годом. См.: Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года. М., 2003. Стр. 209-210.

109. В этом абзаце и примечаниях на полях все производные от имени *Саймон* и от слов *Жмудь* и *Жемайтия* наш автор пишет по-разному, ни разу не повторяя одно и то же написание. Далее то же происходит с именами других сыновей Вейдевута и с названиями прусских провинций.

110. Станислав Гозий (1504-1579) — вармийский епископ (1551-1579), кардинал (1561). Родился в Кракове, сын виленского городничего Ульриха Гозия. Лидер католической реакции в Польше, призвал в Вармию иезуитов (1564).

111. Выдающийся польский историк Мартин Кромер (1512-1589) был преемником Гозия и вармийским епископом с 1579 года, то есть в годы завершения Стрыйковским своей хроники и ее издания (1582).

112. Методом исключения делаем вывод, что Хогкерландия — это *Погезания*, единственная из прусских провинций, которая осталась как бы вне этого перечня.

113. Разумеется, речь здесь идет не о немецкой Эльбе, а о маленькой речке, на которой стоит город Эльбинг (Эльблонг). Все прочие упомянутые здесь речки тоже расположены к востоку от нижнего течения Вислы.

114. Вся эта этимология — чистейшая выдумка. Каждое из названий прусских провинций имеет по нескольку объяснений своего происхождения, однако *ни одно из них* ученые не связывают с именем какого-либо племенного вождя и вообще ни с каким личным именем.

115. Выше уже говорилось, что Литвон был не старшим, а как раз *младшим* сыном Вейдевута. Так что это малопонятное место можно истолковать по-разному. Первый вариант: он *уступил воле старших* братьев. Второй: он принял это решение как *старший среди своих людей*, то есть как вождь.

116. О Чехе, изгнанном братьями из Хорватии, рассказывается и в чешской хронике Далимила (начало XIV в.). См.: Rymovana kronika ceska tak recenego Dalimila. Praha, 1877. Стр. 6.

117. Смотри примечание 108.

118. К сожалению, у нас нет возможности дать ссылку на текст самого Ваповского, так как эта часть его хроники в настоящее время считается утраченной. См.: Михайловская Л.Л. Судьба «Хроники Бернарда Ваповского». Археографическое расследование. В кн.: Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 2. Мінск, БДУ, 2005. Стр. 178-181.

119. Жемайтию или Жмудь латиноязычные авторы называют *Самогития* (Samogitia). Что же касается *Судувии*, населенной судинами или судовитами, то так именовалась одна из прусских земель, которую река Неман отделяла от Жемайтии (а не от Пруссии). Эразм Стелла вполне определенно говорит здесь о *судовитах*, а не о *самогитах*, однако его слова *ultra Chronii fluenta sedes habent* Стрыйковский истолковал как *живущие за Неманом* (по отношению к Пруссии), поэтому и перепутал судинов со жмудинами. Неман в древности называли *Кронон*, а в средние века на картах писали *Chrones* и *Chronon*, как, например, на карте Себастьяна Мюнстера (1540).

120. По-литовски *навоз* — *meslas*, а вот слово *загаживать* звучит уже похоже: *sudergti*. Дусбург ни о каком навозе не пишет, а о судувах отзывается так: ***Благородные судовы благородством нравов выделялись среди прочих.*** См.: Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М.,1997. Стр. 50.

121. ***Области же за Альбием близ океана нам совершенно неведомы. Действительно, я не знаю никого из людей прежнего времени, кто бы совершил это прибрежное плавание [...]; и римляне еще не проникали в земли за рекой Альбием; равным образом и сухим путем никто не проходил туда.*** См.: Страбон. География. М., 1964. Стр. 269.

122. Латинское слово *suberis* означает *кора пробкового дуба*, но Стрыйковский, видимо, считал, что это можно перевести и как лыко, то есть кора липы или ивы.

123. Ятвяжский язык, на котором разговаривали судины или судувы и который ныне считается мертвым языком (как и прусский), действительно, был очень близок к жемайтскому диалекту литовского языка, но все же они не были идентичны.

124. Первую монографию о янтаре *Succini Historia* опубликовал в 1551 г. Андреас Аурифабер, выпускник Виттенбергского и ректор Кёнигсбергского университета (1550-1551 и 1553-1554). В ней он пишет, что янтарь на Балтике добывают *судувы* (Sudawen). Но в Судувии нет и никогда не было янтаря, так как Судувия не имеет выхода к морю. А дело в том, что в конце XIII века часть наиболее воинственных прусских племен Тевтонский орден переселил от границ вглубь страны, желая держать их под присмотром и заодно увеличить число своих крестьян. При этом возникали целые колонии, одна из которых так и называлась: «Ятвяжский уголок». Вот эти-то поселения судувов (ятвягов) находились уже в непосредственной близости к морю, а их жители занимались ловлей янтаря. В Жемайтии (Жмуди) янтарь встречается в районе Паланги, однако в небольшом количестве. Настоящей сокровищницей балтийского янтаря всегда была и остается Самбия. См.: Полякова И.А. Андреас Аурифабер (1513-1559) и его «История янтаря».СПб, 2011.

125. Смотри примечание 101.

126. О Турисмунде (Турисмоде), Гвимунде (Кунимунде) и Родисвиде (Розамунде) говорится в книге первой «Истории лангобардов». См.: Павел Диакон. История лангобардов. М., 2008.

127. Святой Войтех, как называют его поляки, или Войцех, как говорят чехи, и он же Святой Адальберт — католический епископ и миссионер, убитый пруссами в 997 году, как совершенно верно датирует и Длугош. Останки святого Адальберта правитель Польши Болеслав Храбрый (992-1025) выкупил у пруссов, против которых, согласно Длугошу, впоследствии предпринял и военный поход (1015). Но ни Галл Аноним, ни Великопольская хроника не пишут о каких-либо военных походах Болеслава в Пруссию. А в 1017 году подобный поход выглядит еще менее вероятным, чем в 1015, так как в этом году Болеслав воевал с империей, а потом ему предстоял поход на Киев. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I. Krakow, 1867. Кн. I, стр. 131-133; кн. II, стр. 183-184.

128. Речь идет о речке *Либа*, в устье которой расположен город *Либава* (Лиепая). Куршское поселение *Лива* упоминается здесь еще в 1253 году, причем считается, что название происходит от куршского *лиив*, что означает *песок*.

129. Луций Скрибоний *Либон* (ок. 87 — после 21 г. до н.э.) — римский флотоводец, близкий друг Помпея, за сына которого выдал свою дочь (50 г.). В 49 г. командовал одним из флотов Помпея, совместно с Октавием вытеснил из Далмации Долабеллу, отрезал и взял в плен Антония. После смерти Бибула стал главнокомандующим помпеянским флотом. К 46 г. примирился с Цезарем, а после его убийства поддерживал своего зятя Секста Помпея. В 40 г. на сестре Либона женился Октавиан, однако через год развелся. После 36 года Либон перешел на сторону Антония. В 34 г. до н.э. был консулом. См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Том III. М.,1964. Стр. 231.

130. Именно это место в рукописи Флора испорчено: вместо *Октавия и Либона* в ней читается *Октавия Либона*. См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 170, 354.

131. См.: Մержинский А.Ф. Ромове. В кн.: Труды X археологического съезда в Риге. М.,1899.

132. Фразу *хотя он и умер* можно с равным успехом отнести и к латинскому языку, который считается *мертвым*, и к самому Меховскому, который умер в 1523 году. Следует подчеркнуть, что все основные сочинения Меховского были напечатаны еще при его жизни.

133. Географическая широта центра Вильнюса: 54 градуса 41 минута.

134. *Жемайтия* — вне всякого сомнения, *нижняя земля*, но, разумеется, на литовском языке (zemas — низкий, низший), а не на итальянском и не на латыни. *Нижняя*, то есть расположенная в нижнем течении литовских рек, впадающих в Балтийское море.

135. См.: Мержинский А. Ф. О надрувском жреце огня, Криве. В кн. Труды IX археологического съезда в Вильне. М., 1895.

136. Эней Сильвий Бартоломео Пикколомини (1405-1464) — итальянский гуманист, довольно плодовитый писатель и поэт, впоследствии папа Пий II (1458-1464). Как

исторический писатель Эней Сильвий в своих сочинениях проявлял большой интерес к гуситам, военным искусством которых восхищался; интересовался историей Пруссии и Литвы. Как поэт он увенчан лаврами (во Франкфурте в 1442 году). Как римский папа выступал идеологом и активным организатором общеевропейского крестового похода против турок, в чем не слишком преуспел. Оставил после себя единственную известную папскую автобиографию. См.: Записки о достопамятных деяниях Пия II. В кн.: Средние века. Вып. 59. М., 1997.

137. Иероним Пражский (ок. 1380-1416) — чешский реформатор, друг и сподвижник Яна Гуса, погибший на костре в Констанце (1416), как и сам Гус. В 1413 году он посетил Псков, Витебск и Литву. Любопытные подробности этой миссии Иеронима находим у Энея Сильвия. Он пишет, что Иероним столь ревностно вырубал священные рощи и сжигал священных змей, что литовцы упросили Витовта отослать не в меру энергичного миссионера. См.: Aneas Silvius. De Lituania. В кн.: Scriptores Rerum Prussicarum. Bd. IV. Leipzig, 1870. Стр. 238, 239.

138. На полях этого и предыдущего абзаца написано *Деций*, из чего как бы следует, что здесь наш автор излагает соображения Деция, а не свои собственные. Такой же вывод можно сделать и из заголовка, но в нем же написано: *с моими поправками*. Так что затруднительно разобраться, где тут кончаются мысли Деция и начинаются мысли самого Стрыйковского (и наоборот).

139. *Бодины* и *генины* (у Птолемея — *гивины*), согласно Птолемею, от *галиндов* и *судинов* жили довольно далеко и уж никак не в Пруссии и не в Литве. Дальнейший перечень включает едва ли не все племена, которыми Птолемей населяет Европейскую Сарматию. См.: Клавдий Птолемей. Руководство по географии. В кн.: Античная география. М., 1953. Стр. 321.

140. Надо полагать, что речь здесь идет о жителях города Луцка.

141. «Крымская» терминология Стрыйковского очень своеобразна, далеко не всегда понятна и нуждается в пояснениях. *Крымом* он называет не весь полуостров, а лишь его *юго-восточную* часть, то есть окрестности Старого Крыма (Солхата), Феодосии (Кафы) и Судака. *Перекоп* — это не только перешеек, но и немалая часть степного *северного* Крыма, а также часть прилегающего к полуострову Северного Причерноморья. *Kirkiel* — возможно, *Кырк-ер, Кырк-ор* (Чуфут-кале) — резиденция первого крымского хана, расположенная в 2 км от Бахчисарая. Это *южные* районы степного Крыма. Но не исключено, что *Kirkiel* — это *Керкинтида* (древнее название Евпатории); в этом случае речь идет не о южной, а о *западной* части Крыма.

142. Овидий был сослан Августом не в Тавриду, а в город Томы (современная Констанца в Румынии), где через десять лет и умер (в 17 или 18 году). Перевод его стихов на польский язык, выполненный Стрыйковским, по содержанию гораздо ближе к оригиналу, чем русский перевод Парина. Вместе с латинским текстом приводим оба перевода: польский и упомянутый русский. См.: Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1978. Стр. 100.

143. *Альберт Кранц* (1448-1517) — немецкий историк и теолог. Его самые известные сочинения: «Вандалия» (1519) и «Хроника Дании, Швеции и Норвегии» (1545) были напечатаны уже после смерти их автора. Раннесредневековую историю северных королевств Кранц излагает по книге Саксона Грамматика, а вполне оригинальным источником его хроника, доведенная до 1504 года, становится только с XV века. На «Вандалию» частенько ссылается Татищев. Альберт Кранц считается добросовестным и беспристрастным историком, таким же человеком он был и в жизни. Благодаря этой репутации и в еще большей степени благодаря популярности самой «Вандалии», эта книга способствовала распространению некоторых устойчивых исторических мифов. См.: Krantzius A. Vandalia. Francofurti, 1601.

144. *Мефодий Мартир* — один из отцов церкви, епископ города Патар и Олимпа Ликийского (в Малой Азии), потом Тира Финикийского. Церковный писатель и выдающийся полемист. В 312 году был обезглавлен язычниками. *Martyr* — по-латыни *мученик*, а по-гречески «свидетель». Наш автор, вероятно, имеет в виду приписываемое Мефодию Патарскому «Откровение», которое одни исследователи датируют IV, а другие VII веком.

145. Здесь Стрыйковский довольно сумбурно попытался интерпретировать имевшиеся у него сведения о Волжской Булгарии.

146. В этом месте слово *Slawacy* означает даже не просто *славяне*, а именно *полабские славяне*. Смотри также примечание 66.

147. Владимир Мономах (1053-1125) жил на сто лет позже Болеслава Храброго (967-1025). Стрыйковскому это было отлично известно, так как в книге пятой он много пишет о Мономахе и при этом приводит правильные даты.

148. *Гитонов* (гифонов) Птолемей помещает на Висле, как и *венедов*, однако южнее венедов. А еще южнее он, как это ни странно, помещает финнов. По этой логике можно предположить, что птолемеевы гитоны (народ, живущий между венедами и финнами, но *не у самого моря*) — это балты, причем скорее литовцы, чем пруссы. Похоже, что примерно так же рассуждал и Деций. Некоторые исследователи считают гитонов германцами. См.: Клавдий Птолемей. Руководство по географии. В кн.: Античная география. М., 1953. Стр. 321.

149. *Курляндским озером* наш автор называет Куршский залив.

150. Так в тексте. Слово *Angliki* при всем желании не получается перевести как *Англия*.

151. *Галинды* и *судины* (судувы) — коренные племена Пруссии, никуда оттуда не уходившие до самого прихода немцев в XIII столетии. О *бодинах* смотри примечание 139.

152. Этот текст повторяет начало пяти хорошо известных нам белорусско-литовских летописей, опубликованных в ПСРЛ (тома 17 и 35): Красинского, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской и Евреиновской. Однако если первый абзац буквально слово в

слово совпадает с летописью Рачинского, то второй уже ближе к Румянцевской, следующий к летописи Красинского и т. п. Возможны два объяснения. Первое: Стрыйковский сам компилировал свой текст из имевшихся у него списков, а о том, что этих списков было *несколько*, нам известно от него же. Второе: наш автор имел какой-то неизвестный нам список, который походил на все другие, и все же не был идентичен ни одному из прочих. Обе этих версии друг друга не только не исключают, но даже подкрепляют. См.: ПСРЛ, том 35. М., 1980. Стр. 128, 145, 173, 193, 214.

153. Примечание Стрыйковского на полях: **Должно быть Тиберия Клавдия, который был третьим римским императором, на 18 году правления которого господь Христос муку принял на 33 году своего века.** Непонятно, откуда наш автор взял этого Кируса, поскольку во всех пяти вышеупомянутых летописях говорится о Тиберии. Стрыйковский называет Тиберия *третьим* императором, так как первым (как и Светоний) считал Юлия Цезаря. Однако Цезарь формально так и не стал императором, так что правы те авторы, которые первым императором считали Августа, а Тиберия *вторым*.

154. Примечание Стрыйковского на полях: **Должно быть Калигула.** Собственное имя этого императора Гай Цезарь, а Калигула (Сапожок) — это его прозвище.

155. Латинское слово *praeceptor* означает *наставник, учитель*, и Сенека действительно был наставником и учителем юного Нерона. Но во всех упомянутых летописях написано «*доктора* Сенеку», даже в Ольшевской, где слово *doctora* написано не русскими, а польскими буквами. Не исключено, что русский летописец, не слишком осведомленный в римской истории, понял это слово как *рецептор*, то есть тот, кто выписывает рецепты. Это наводит на мысль, что легенда о Палемоне сначала появилась на латинском языке, чему в западнорусских летописях найдутся и другие косвенные подтверждения.

156. Примечание Стрыйковского на полях: **Клавдий 5. Британик. Жестокий Нерон, который начал править в 57 году после Христа, был не собственный сын Клавдия Пятого, а его пасынок** (pasierzb)**, рожденный от Агриппины.** Собственным сыном Клавдия (и Мессалины) был Британик, отравленный по приказу Нерона.

157. Примечание Стрыйковского на полях: **При императорах Тиберии и Клавдии в Риме тоже был славный грамматик Палемон, отличный от нашего. О чем читай *Волатерана, кн. 18* Географ[ии] и *Корнелия Агриппу de vanitate scientarum*** *(О тщете наук)***, гл. 3.***

158. В летописи Рачинского написано так: ***а с Колюмнов Прешпор, а Руси Ульянус.*** См.: ПСРЛ, том 35. М., 1980. Стр. 145.

159. Куршский залив немцы называли *Курише Хафф*, а первоначально просто *Хафф (Haff)*.

160. Здесь Стрыйковский действительно отступает от своего источника, так как в летописях нет ни слова о Мемеле.

161. Речь снова идет о Куршском заливе, однако *Пресным морем* немцы именовали не его, а Вислинский залив.

162. Маршрут этого вымышленного путешествия полностью соответствует географическим реалиям.

163. Рассказ о Палемоне — ключевой эпизод всей хроники Стрыйковского, которого долгое время считали и автором этой легенды. Ведь все дошедшие до нас списки белорусско-литовских летописей датируются временем не ранее конца XVI века, так что допустимо предположение, что их источником могла быть сама «Хроника», а не наоборот. Оно подкрепляется еще и тем, что среди западнорусских летописей есть «Хроника Литовская и Жмойтская», которая уже вне всякого сомнения основана на книге Стрыйковского и фактически является ее сокращенным переводом. Историки давно задавались этими вопросами, давая на них самые разные ответы. Но в настоящее время исследователи уже не сомневаются по поводу того, что первично, а что вторично. Стрыйковский сам основывался на перечисленных выше летописях, причем он был почти в том же положении, что и нынешний читатель соответствующего тома ПСРЛ, который видит несколько схожих между собой летописей, и это все, что ему известно. См.: Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. Стр. 82-129.

164. Сходство между словами *Zmodz* и *mnozenie* нам представляется очень уж отдаленным, так что оставляем это на совести нашего автора. В летописи Красинского так: ***И назвали ту землю Словенским языком — Побережная земля, а литовским языком назвали Жемоитская земля.***

165. Князья Заславские происходили от князей Острожских и унаследовали их герб. Старший сын князя Василия Острожского (ум. 1461) Юрий (ум. ок. 1500) получил имение Заслав и стал первым князем Заславским. В то время, когда Стрыйковский работал над своей хроникой, был жив только один из князей Заславских — юный Януш Янушевич (1560-1629), женившийся в 1577 году на княгине Александре Сангушко, дочери польного гетмана литовского Романа Сангушко (1537-1571). Позднее Януш Заславский стал старостой житомирским (1595) и переяславским (1620), воеводой подляшским (1591) и волынским (1604). Он был дедом Владислава Доминика Заславского (1618-1656), одного из колоритных персонажей романа Сенкевича «Потоп».

166. Примечание Стрыйковского на полях: **В Москве есть две реки Угры (Ihur).** Так как эту часть Хроники Быховца прокомментировал Н.Н.Улащик, к его комментариям мы и отсылаем нашего читателя. См. Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 127.

167. Согласно весьма популярной церковной легенде, святая Урсула и 11 000 дев погибли в Кёльне от рук гуннов, возвращавшихся после поражения Аттилы на Каталаунских полях (451). Любопытно, что о святой Урсуле ничего не знали авторитетнейшие церковные авторы от Беды Достопочтенного (VII-VIII вв.) до Ноткера Заики (IX-X вв.). Легенда окончательно оформилась лишь к концу XI века, а ее автором считают Сигеберта из Жемблу (ум. 1112). См. Баринг-Гоулд С. Мифы и легенды Средневековья. М.,2009.

168. Маркиан был восточным (т.е. византийским) императором (450-457).

169. Именно с этого места начинается сохранившаяся часть так называемой Хроники Быховца, как она и опубликована в 32 томе ПСРЛ. Поскольку далее текст нашей хроники почти дословно совпадает с Хроникой Быховца, принято считать, что предшествующий текст Стрыйковского и является ее утраченным началом. Поэтому при издании русского перевода Хроники Быховца (1966) для реконструкции ее отсутствующего начала использовался текст Стрыйковского, то же было сделано и при издании 17 тома ПСРЛ (1907). См.: ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 128.

170. Неман впадает в Куршский залив двумя основными рукавами, левый из которых назывался *Гилия* (ныне Матросовка), а правый Русне. Русне, в свою очередь, тоже делится на два больших рукава, образующих в этой части залива самый большой в Литве остров Русне. Левый из этих рукавов, Скирвите, относительно узкий, зато полноводный. Правый, Атмата, более широкий, но мелкий. Каждый из этих рукавов образует еще и свою собственную дельту, так что общее число рек и речушек, на которые распадается Неман, составляет добрую дюжину.

171. Словом *Летописец* Стрыйковский называет не составителя летописи, а саму летопись.

172. Примечание автора на полях: **Сириус — звезда, время наибольшего влияния которой приходится на середину лета.**

173. Приап — сельский божок, согласно Овидию, страж садов, которого римляне считали также богом плодородия. См.: Мифы народов мира, том 2. М., 1988. Стр. 335,336.

174. Примечание автора на полях: **Как когда-то наши** [предки] **ушли из тех стран в Италию из-за разлива Океана и зимних непогод, так и итальянцы могли туда прийти из-за засухи.**

175. Примечание автора на полях: **Повторение причин.**

176. Примечание автора на полях: **Сенека дал вскрыть себе жилы в ванне и поэтому умер легко, избегнув жестокой смерти от** [руки] **своего ученика Нерона.**

177. У Стрыйковского здесь написано *Rzecz pospolita*, что, безусловно, следует перевести как *республика*.

178. Примечание автора на полях: **Рим ломал и дворец себе строил, откуда и поговорка пошла: *Roma domus fiet veios migrate Quirites.*** (*Рим теперь — дворец! Квириты, уезжайте в Вейи*). Квиритами называли себя кореные римляне. См.: Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1966. Стр. 165.

179. Примечание автора на полях: ***Венгерский король Аттила из страны Угарии (Ugariej), лежащей за Москвой, пришедши в те страны Паннонскую и Ракушскую со***

множеством Скифов или Кавказских Татар, чинил великие убийства в западных римских провинциях. Страной *Угарией* Стрыйковский называет не Венгрию, а территорию Волжской Булгарии. А вот Паннонская и Ракушская страны — это как раз Венгрия и Австрия.

180. Примечание автора на полях: ***Славянские страны, разоренные Аттилой.*** *Матернус* — вымышленный персонаж из «Истории о Аттиле, короле Угорском». В реальности это имя носил Матернус Кинегиус (ум. 388), префект преторианцев на Востоке и римский консул. Но, может быть, латинское слово ***maternus*** означало какого-то родича императора Маркиана со стороны матери, то есть *по женской линии*. «Женский след» в этих событиях заметен очень хорошо, ибо Восточной Римской империей тогда фактически правила Пульхерия (399-453), дочь императора Аркадия (395-408), сестра императора Феодосия (408-450), жена и соправительница императора Маркиана (450-457), одно время бывшая и регентом империи (414-421). См.: Веселовский А.Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. 2. Спб, 1888. Приложения, стр. 173.

181. Примечание автора на полях: ***Аттила поразил короля вестготов Теодориха и римского гетмана Аэция (Eciussa).***

182. Примечание автора на полях: ***Число убитых с обеих сторон 180 000.***

183. Примечание автора на полях: ***Отчасти силой, а отчасти страхом Аттила покорил Францию и вдоль и поперек*** [прошел] ***все земли Немецкие и Нидерландские, лежащие над морем вплоть до самой Пруссии и Литвы.***

184. Примечание автора на полях: ***Гетман Аттилы Дьюла*** *(Giula)* ***сильно осадил большой, славный и древний город Колония Агриппина*** *(Кёльн)**, основанный римлянами над рекой Рейном.*** Рассказывая об Аттиле, Стрыйковской пользовался какой-то венгерской хроникой, на что, в частности, указывает венгерское имя *Дьюла*, не встречающееся у римских авторов. См.: Zoltan Andras. Szent Orsolia legendaja Kelet-Europaban. В кн.: Annus Albaruthenicus 2004. Krynki, 2004. Стр. 181-196.

185. Во времена Аттилы римским папой был Лев I Великий (440-461), и Стрыйковскому это было отлично известно. Римские папы никогда не носили имени *Кириак*, но это имя встречается в списках христианских мучеников. Само имя по-гречески означает *принадлещащий Господу,* и так мог называть себя любой верующий. Например, многие римские папы в буллах именовали себя *раб рабов Божьих.*

186. Из рассказа Стрыйковского следует, что и жених Урсулы, и папа Кириак и многие другие их друзья и родичи тоже были убиты людьми Аттилы. Но в каноническом варианте легенды о гибели жениха, матери и сестры Урсулы ничего не говорится. Что же касается Кириака, то папа якобы предвидел предстоящее мученичество и сознательно разделил его с девушками. Легенда о гибели 11 000 дев отразилась и в гербе города Кёльна, на котором изображены 11 слезинок.

187. См.: Хроника Быховца. М.,1966. Стр. 33, 34.

188. Примечание автора на полях: **Аттила, разорив западные и северные страны, вернулся в Венгрию и в Буде убил** [своего] **брата.** Брата Аттилы звали не Буда, а Бледа. Сикамбрия — резиденция Аттилы, находившаяся в восточной Венгрии близ города Токай на реке Тисе. Но это далеко от Буды, хотя в «Истории об Аттиле» сказано, что Сикамбрия, как и Буда, тоже стояла на Дунае. См.: Веселовский А.Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. 2. Спб, 1888. Приложения, стр. 215.

189. Примечание автора на полях: **Поход Аттилы в Италию и на Рим был, по Евсевию, в 451, а по Сигеберту в 454 году.** Нынешние историки считают, что Аттила находился в Италии с февраля по июль 452 года. См.: Бувье-Ажан М. Аттила. Бич Божий. М., 2003. Стр. 285.

190. Примечание автора на полях: **Аттила трижды поразил войска римского гетмана и цезаря Валентиниана.** Историки считают Валентиниана III (425-455) одним из самых слабых и бездарных римских императоров. При нем империей фактически управляли его мать Плацидия и полководец Аэций.

191. Примечание автора на полях: **Венеты, которые прежде жили на земле, бежали от Аттилы на морские острова, где до этого жили их рыболовы, и там основали Венецию. О чем читай Волатерана (кн. 4) и других.**

192. Примечание автора на полях: **Аист, видя, что город вот-вот падет, уносил своих детей с башни на озеро, в чем Аттила усмотрел добрый для себя знак** (wroske)**.** См.: Хроники длинноволосых королей. М., 2006.

193. Примечание автора на полях: **Аттила с помощью седел поджег Аквилею и взял город.**

194. Примечание автора на полях: **37 000 убитых горожан.**

195. Примечание автора на полях: **Города, которые Аттила взял в Италии.** Тарвис — Тревизо, Тицинум — Павия, Мутина — Модена.

196. Примечание автора на полях: **Папа Лев, выйдя к Аттиле в престольном облачении, убедил его оставить Рим в покое.** Встреча Льва I Великого с Аттилой — исторический факт, увековеченный и на фреске Рафаэля. См.: Дешодт Э. Аттила. М., 2012. Стр. 186-188.

197. Примечание автора на полях: **Из Италии Аттила вернулся назад в Венгрию.**

198. В битве на Каталаунских полях (20 июня 451 г.) союзниками Аттилы были остготы во главе с королем *Валамиром* и гепиды во главе с королем *Ардарихом*, которого Стрыйковский именует *Гардариком*. Союзниками Аэция и римлян были вестготы с их королем *Теодорихом* (который погиб в этой битве), франки с королем Меровеем, бургунды с королем Гундиохом и аланы с королем Сангибаном. Несмотря на то, что обе

стороны понесли огромные потери, ни Аттиле, ни Аэцию так и не удалось добиться решительной победы. Уже в следующем году (452) Аттила подступил к Риму.

199. Возможно, автор имеет в виду книгу «История о царе Аттиле», переведенную Киприаном, митрополитом Киевским, Литовским и всея Руси (1375-1406). Киприан очень много переводил с греческого и переписывал старые славянские книги. См.: История о Аттиле, короле Угорском. В кн.: Веселовский А.Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. 2. Спб, 1888. Стр. 307-361. Приложения, стр. 173-236.

200. В хорватском языке Адриатическое море называют словом *Ядрань*, однако здесь имеется в виду город *Задар* в Далмации, латинское название котрого было *Jadera*.

201. Сикамбрию упоминает и хорошо известный Стрыйковскому итальянский историк Марк Антоний Сабеллик (1436-1506). О *сикамбрах* смотри примечание 102 к настоящей книге.

202. Примечание автора на полях: ***Помпей поражен Юлием в Греции на Фессалийских полях, где осталась вся мощь Рима, ибо эти двое воистину владели всем миром. 300 000 человек с обеих сторон полегло на поле боя, а сам Помпей бежал в Египет и египетский король убил его по воле Юлия.***

203. Примечание автора на полях: ***Cato accepta partium clade nihil cunctatus (ut sapiente dignum erat) mortem etiam laetus accinit, stricto gladio revelatum manu corpus, semel iterumque percussit. Florus.*** *(Катон, узнав о поражении своей партии, без каких-либо колебаний и даже радостно (как истинный мудрец) призвал смерть. Взяв в руку меч, обнажил тело и несколько раз ударил. Флор).* См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 174.

204. Примечание автора на полях: ***Вторая гражданская война Вара с Дидием (Deciussem).*** Публий Аттий *Вар* — претор, наместник Африки (52), активный сторонник Помпея. После битвы при Тапсе (46) он бежал в Испанию, где получил под начало часть помпеевского флота. Однако легат *Дидий*, командующий эскадрой Цезаря в Гадесе, сжег корабли Вара, а сам Вар был убит в битве при Мунде, где погиб и старший сын Помпея (45 г. до н.э.).

205. Примечание автора на полях: ***Siquidem velut civitum furorem castigaret Oceanus, utramque classem naufragio cecidit.*** (*Это и вправду выглядело так, будто бы разгневанный Океан покарал команды (civium) обоих флотов кораблекрушениями*).

206. Примечание автора на полях: ***Quinam ille horror quum eodem tempore fluctus, procellae armamenta confligerent etc. Florus.*** *(Ужасная сцена, когда в схватке одновременно смешались волны, штормы и прочее. Флор.)* См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 174.

207. Примечание автора на полях: ***Omnium postrema sertaminum Munda civitas.*** *([Помпеянцы были] окончательно разгромлены у города Мунда).* См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 174.

208. Примечание автора на полях: **Это произошло в 709 году от основания Рима и в 48 до Христа.**

209. Примечание автора на полях: ***In curuli sedentem Senatus invasit.*** *(Подвергся нападению, сидя в сенаторском кресле).* См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 176.

210. Примечание автора на полях: **Юлий Цезарь убит, о чем подробнее свидетельствуют Тит Ливий, Плиний, Светоний и другие.** Из дальнейших слов видно, что Стрыйковский осуждал Цезаря, которого он, как и многие другие деятели Возрождения, считал тираном и узурпатором.

211. Примечание автора на полях: **Похожая** [картина] **была и в Литве, когда Чарторыйский убил в Троках Сигизмунда.** Стрыйковский подробно рассказывает об этом в пятой главе книги семнадцатой.

212. Примечание автора на полях: **Цицерон убит** [во время] **гражданской войны.**

213. Примечание автора на полях: ***Banniti, proscripti, exules.*** (*Объявление вне закона, ссылка*).

214. Примечание автора на полях: **Сципион Африканский. P.P.P.S.S.S.R.R.R.F.F.F.** Так же и в изданиях 1582 и 1846 года. Значение этих трижды повторяющихся латинских букв непонятно. Возможно, это как-то связано со словом *триумф*, которое происходит от греческого «тройной шаг». Сципион был удостоен триумфа в 202 г. до н.э., после битвы при Заме. Умер он в 183 году в римской колонии Кампания, где фактически находился в *ссылке*, хотя формально его удаление из Рима не было изгнанием. См.: Бобровникова Т.А. Сципион Африканский. М.,1998.

215. Примечание автора на полях: **Дакия, Валашская земля.**

216. Примечание автора на полях: **Таврика, Перекопская орда.** Кафа (Феодосия) до 1475 года была столицей генузских колоний в Крыму.

217. Примечание автора на полях: **Сио или Шио — остров на греческом море.** Имеется в виду остров *Хиос* в Эгейском море, который по-итальянски называется *Shio*. С XIII по XVI столетие на острове правили генуэзцы, а в 1566 году его захватили турки.

218. Примечание автора на полях: **Килия, а у некоторых** [авторов] — **Ахиллея.**

219. Примечание автора на полях: ***Mutantur imperia, regna, tempora, etc nos mutamur cum illis.*** (*Меняются империи, царства, времена и т.д., и мы меняемся вместе с ними*).

220. Примечание автора на полях: **Например, старинное заброшенное торжище в полях за Киевом** [в сторону] **Перекопа.**

221. Примечание автора на полях: ***Multum ille et terris iactatus et alto*.** (*Много странствовал по земле и по морю*).

222. Клеман Маро (1496-1544) — выдающийся французский поэт, сын поэта и историографа Жана Маро (1463-1526). Прожил бурную жизнь: участвовал в битве при Павии (1525), побывал в плену, дважды сидел в тюрьме, дружил с Рабле, издавал Вийона, был любимцем Франциска I и при этом считался любовником Дианы де Пуатье и Маргариты Наваррской; преследовался как протестант, из-за чего был вынужден покинуть Францию, и т. п. Маро одним из первых ввел во французскую поэзию жанр сонета. Он много переводил античных поэтов, в числе которых мог быть и Персий. См.: Шишмарев В. Ф. Клеман Маро. Пг.,1915.

223. Персиус, а точнее Авл Персий Флакк (34-62) — римский поэт и сатирик, по происхождению этруск. В Риме учился у Квинта Ремия *Палемона*, о котором смотри примечание 157. Сатиры Персия, изданные посмертно, обнаруживают его большую начитанность и ученость.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 1. О происхождении и начале князей литовских и жмудских от Палемона либо Публия Либона и его сыновей или потомков:

Боркиуса, Кунаса, Сперы и Юлиана Дорспрунга и от римских шляхтичей Урсина и Гектора, дивным промыслом Божьим занесенных по морю в те полночные страны Жмудские и Литовские.

О славных потомках князей литовских, жмудских и некоторых русских из рода Палемона. Князья Боркус, Конас или Кунос, Спера и Дорспрунг, потомки Палемона и размножители народов земли Жмудской и Литовской. Князья Куносовичи: Кернус, первый [князь] Литовский, и Гимбут, четвертый [князь] Жмудский.

Мацея Стрыйковского
Осостевичюса, Каноника Жмудского

Книга третья

Ясновельможному пану
пану Миколаю Радзивиллу [1],
князю в Биржах и на Дубинке,
воеводе виленскому, великому гетману войск в Великом княжестве Литовском,
и сыну Его Милости Кшиштофу Младшему [2],
пану Троцкому, подканцлеру
и польному гетману Великого княжества Литовского,
старосте Борисовскому и прочее

Fortunate senex, hic inter flumnia nota,
Et fontes sacros frigus captabis opacum.

Счастлив ты, старец, коль здесь, среди речек знакомых,
Возле священных источников тень обретешь и прохладу.

Вергилий, Эклога I

Глава первая

О происхождении и начале князей литовских и жмудских от Палемона или Публиуса Либона,

римского патриция герба Колюмнов
и его сыновей либо потомков:

Борциуса, Кунаса, Сперы и Юлиана Дорспрунга
герба Китаврас и от Урсина и Гектора герба Розы,

римских шляхтичей, дивным промыслом Божьим
занесенных морем в те полночные страны жмудские и литовские

Хотя и с превеликими трудами, но я уже ясно доказал происхождение и подлинное начало Литовского и Жмудского народа от Кимвров, Готов, Гепидов и воинственных Аланов по [известиям] различных весьма известных историков и стародавних Русских и Литовских Летописцев, а также изложил истинное и достойное доверия мнение славных ученых людей о различных [возможных] причинах прибытия в эту полночную страну итальянцев с Палемоном или Публием Либоном, подкрепив эту неправдоподобную (niepodobnosc) историю [3] ясными и убедительными доводами.

Однако же имя Палемон или П[ублий] Либо [4], с которого все литовские летописцы единодушно начинают историю и [рассказ о] происхождении своего народа, кое-кому (особенно тем, кто мало читает и не слишком сведущ (niebieglym) в истории) представляется новым и в истории известным лишь по Вергилию в Буколиках. Поэтому и здесь мы кратко и доказательно развеем эти сомнения точными ссылками на историков. Ибо, помимо Буколик Вергилия, которого, вероятно, читали лишь немногие, и то едва ли, и который в *Эклоге* 3 написал, что [человек] с именем *Palaemon* был *ubi introducitor judex inter Maenalcam et Dametam* *(выступил судьей в споре между Меналком и Даметом)* [5], был и другой Палемон, известный римский патриций, и именно его прославляют в своих стихах Персий и Лукан [6], не упоминая моряка (morskiego) Палемона, о котором и у Овидия [сказано] во многих (na czestych) местах, и у Волатерана в *Philologia* в книге 33. ***Ouid in Epist. Leandri et Gero. Et iuvenem possum superare Palaemona nando.*** *(Овидий в Послании Леандра к Геро: И юноша может превзойти плавание Палемона)* [7]. А также у Волатерана в *Commentariorum Urbanorum*, книга 18, и книга 3 *geogr. in Venetiarum descriptione (Описание Венеции)*, и у Корнелия Агриппы, гл. 3 *in grammat. de vanit scient (О тщете наук)* [8]. Читая и других, найдешь, что известный римский патриций Палемон (*Palaemon Remnius Vicentinus Patricius*) был славным грамматиком в Риме при императорах Тиберии и Клавдии в году от сотворения мира 3983, от основания Рима 792, а от рождения Господа Христа 39 по расчетам Кариона [9] в кн. 3. **О чем свидетельствуют также *Евсевий и Транквилл*.** А после Клавдия, в году от Христа 57, цезарем был жестокий император Нерон, во времена которого описывают прибытие своего Палемона в Литву все летописцы Литовские и Русские, хотя бы я и тысячу их захотел сопоставить. Наипервейший римский историк Ливий, а из него и Юлий (Julius) Флор в книге 4, главе 2 упоминает Публиуса Либона, который был морским гетманом Помпея [в войне] против Цезаря. **Слова Флора. *Tum pulsus Etruria Libo etc. item Octavius et Libo ingentibus copiis classicorum etc*** *(Потом Либон был изгнан из Этрурии и т.д. [Полководцы Цезаря были окружены] огромными морскими силами Октавия и Либона и т.д.)* [10].

Как Палемона, так и Публиуса Либона многократно упоминает и Помпей [Трог], не менее славный историк, а из него Юстин [11].

А если о Полемонах (Polemonach), тогда читай у Волатерана книгу 10, книги 17 и 18, там их не менее семи (siedmi) найдешь с этим именем.

Столь же правдивое известие об этом имени Палемон [находим] и у Клавдия (Claudiussa) [Клавдиана], когда он в 305 году от Христа пишет *Панегирик на четвертый консулат Гонория*, и если у тебя есть [этот] опус *in quarto*, то на странице 102 найдешь такие стихи:

Et puer Isthmiaci iampridem littores exul,
Secura repetit portus cum matre Palaemon.
Castra cruore natant etc.

И, со истмийского встарь прибрежья изгнанный отрок
В пристани вновь Палемон с бестревожной матерью входит.
В крови телеги плывут; и т д. [12]

Также и Цицерон, отец римской словесности, в *Письмах к близким (Epistulae ad Familaries)*, книга 7, письмо 4, пишет о Либоне такие слова: *ad M. Marium: in Cumanum veni cum Libonum tuo, vel potius nostro, etc.* *(Марку Марию: вместе с твоим или, вернее, нашим Либоном)* и в других письмах часто его упоминает [13]. Также и славный поэт Лукан и Плутарх в *Сравнительных жизнеописаниях* и *Иоанн Стадиус в Комментариях к Флору, гл. 2*, пишет: *P. Dolabella Caesaris Legatus ab Octavio, et L. Scribonium Libone, Dalmatia pulsus etc.* *(Легат Цезаря П[ублий] Долабелла в Далмации бился с Октавием* [14] *и Л[уцием] Скрибонием Либоном)*. А если я опустил других историков, щадя затосковавшего любезного читателя, то о Палемоне или Публии Либоне и о римлянах, которые осели в Жмуди, в Латвии (Lotwy) или в Ливонии и в Литве, и в тех странах заложили город Ромове (Romowe) от своей отчизны Ромы или Рима (Romy albo Rzymu), ясно свидетельствуют прусский историк Петр из Дусбурга, итальянец [15] Диоген Лаэртский (Laertius Diogenes), отец польской истории Длугош, Меховский (кн. 2, гл. 8, стр. 33 и кн. 4, гл. 39, стр. 270) и Кромер в *Polonicae Historiae princeps*, кн. 3, стр. 61 в первом и стр. 42 во втором издании. Мы уже достаточно показали это выше и, следуя по порядку, покажем и ниже, ныне же в это долго не хотели верить [16]. Я привел здесь эти доводы единственно для того, чтобы те, которые не читали ничего, кроме Буколик Вергилия, из наших трудоемких начинаний (pracowitego zawodu) смогли узнать об истинном предке литовцев, о котором свидетельствуют так много историков и о котором старые Летописцы поведали истинную историю, [основанную] на достоверном истинном событии, а не на пустом месте, как будто высосав эту историю из пальца. И как у нас не один человек по имени Петр или Павел, и не один по фамилии Петровский, Ржепецкий и т. п., так и Риме не один был назван именем Пуб[лий] Либон или Палемон, имя которого Вергилий написал *A Eglogam tertiam* *(в третьей эклоге)*; а был и другой, которого славят Лукан и Персий; другой, которого упоминают Овидий и Юстин; другой. благодаря которому грамматику называют *Grammaticam artem Palaemoniam* *(искусством Палемона)*; и другой, чьи плавания и [участие в] морской войне на стороне Помпея против Юлия Цезаря упоминают Ливий, Флор и Цицерон, а также Меховский, Длугош, Кромер и Стадиус. Это и есть тот, который по морю привел итальянский народ в Литву, как Эней троянцев в Италию, и от него Литва и Жмудь и выводят начало своего народа (несмотря на то, что могли бы удовольствоваться славным и достойным происхождением от мужественных готов и гепидов). [Они поступают] правильно, а не так, как Римляне, Греки, Французы, Немцы, Англичане и другие, которые довольно неправдоподобно измышляют происхождение своих народов, что мы ясно и убедительно покажем. Ведь иные народы, сначала малые и

никчемные, [благодаря] счастливой фортуне со временем размножившиеся в великие и могучие, обычно поступают так, что, создавая собственную историю, основателей своих народов, королевств и городов выводят от великих людей, пусть и с явным ущербом для правды, а то и с небес, от фальшивых богов. [Таковы легенды о том,] как троянцы [произошли] от Нептуна и Аполлона (Apolina), фиванцы (Tebanowie) от Бахуса, и как Орфей пленительной игрой на лютне собирал камни для стен. А от других никогда не существовавших фальшивых богов происхождение своих народов начинают и греки, и египтяне. Фракийцы (Traces) зовут своим отцом бога войны Марса. **Персидская монархия.** Персы выводят свой народ от сына Юпитера Персея, который избавивил Андромеду от дракона, и от славных деяний Кира (Cyrussowych) сохраняют статус монархии, которая у них длилась 228 [17]. А Афиняне (Ateniensowie), когда из малого племени (zebrania) выросли в великую силу, начали писаться *Автохтонами* (*Autochtonas*), как будто бы обитали здесь испокон веков. Так же и древние итальянцы звались *Аборигены* (*Aborigines*), то есть с начала мира были уроженцами той же Итальянской земли.

Римляне же, когда из пастухов, разбойников, насильников (gwaltownikow) и беглецов выросли в великую силу, устыдились было малых и простых начал своего народа. Поэтому начало своего королевства и основание Рима, главного города мира, они начинают от Ромула и Рема, рожденных от бога войны Марса и Реи Сильвии, монашки богини Весты, и как они были выкормлены чудесной волчицей, и как потом на *Козьем болоте* (*Capreae Palades*) Ромул был взят на небо среди богов, и все это явная фальшь, о чем подробнее читай *Ливия, Флора* (кн. 6, гл. 1), *Плутарха, Дионисия, Стадия, Мирсила с Лесбоса, Фабия Кв[интилиана], Порция Катона, Волатерана* (кн. 6) и т. д. [18]. **О чем читай Ливия и Флора (кн. 1, гл. 1). Но Юстин в кн. 43 пишет правдивее: *incertum stupro, an ex Marte conceptos enixa est*** *(зачаты в прелюбодеянии либо неизвестно от кого, либо от Марса)***.**

Египтяне же утверждают, что с [начала] веков были сотворены из своей собственной земли, и приводят самый простой довод, что, когда разливается река Нил, в иле находят живых жаб, мышей и других земляных зверюшек с еще недоразвитыми членами, будто бы их земля родила. О чем они долгие споры и войны вели с Фригийцами (Parigijcykami) и со Скифами, споря о древности [собственных] народов, однако скифы их переспорили (przegadali) и правдивыми доводами и войной настояли на том, что они древнейший народ на свете, о чем читай Геродота, Помпея Трога и Юстина. ***Геродот в Мельпомене и в Евтерпе*** [19]. ***Относительно фригийцев у Юстина, кн. 2, и т. п.***

Немцы разными домыслами выводят [свое происхождение] от Твискона, Аракса (Araxa) [20], Манна, Ингевона (Ingewona) [21], Германа (вот маленький пример, они говорят: *Herr* — господин, *Man* — человек), и от Марса, как Дитмаршцы [22], от Камбрива (Gambriwa), Свева, Вандала, Тевтона, Алемана и других своих предков, о чем читай Бероэса *кн. 4 и 5, Корнелия Тацита и т. д.*

Считающихся первыми из немцев Саксонцев или Саксов выводят из народа македонцев и поколения Александра Великого, но *Корнелий Агриппа* в *capite 5 in Histor. de Vanitate Scient.* (*Истории о тщете наук, глава* 5*)*, полагает этот вывод недостоверным.

Англичане и Шотландцы (Angelczykowie i Scotowie) тоже выводят свои начала воистину из явных басен, от сирийской королевы Альбины [23] и ее тридцати двух сестер, перебивших своих мужей, которые из Сирии и из Иудейской (Zydowskiej) земли морем приплыли в Англию и размножили Английское королевство.

Другие выводят их от Брута, правнука Энея, от которого, как утверждают, они и были наречены бриттами [24]. О чем читай *Волатерана, кн.* 3 *in populis Britanniae etc.* Читай также нашего (domovego) историка Бельского, где в книге 1, главе (wieku) 3, на стр. 60 (о плавании Энея) и на стр. 61 (о Британии или Англии) найдешь довольно неправдоподобное (daleko niepodobniejsze) [описание] плавания этого Брута из Англии в Грецию и в Трою, а уже потом из Трои в Аквитанию и в Лигерию (Ligeri) [25], потом назад в Альбион, где ныне Англия. Читай также Кариона кн. 1, 2, 3 и Юстина об удивительных переходах и переселениях разных народов.

Французы или Галлы (Gallikowie) выдумали себе чудесное происхождение от Комера или Гомера и Галла (Gallusa) и от Скифов Сикамбров, а другие от молодого Приама и от Франка (Francussa), сына Гектора [26], особенно их историки Гунибальд [27], Григорий Турский, Регино (Rhegius), Сигеберт [из Жамблу] и другие, которых так похоже имитировал *R. D. Mattias Clodinius Archie. Sam. in oratiuncula de Elect. Henrici.* *(Маттиас Клодиниус в краткой речи на избрание Генриха)* [28].

Испанцы считают своими основателями Иобела (Jobella) [29] и Тубала, сына Иафета, другие [выводят себя] от Арамейцев (Arameow) Персов и от Геркулеса, Гиспала (Hispala), Романа, Касса, Горгоресса, Хабисса [30] и т. п. О чем читай *Иосифа [Иудейские] древности (кн.* 4 *и* 5*), Юстина (кн.* 44*), Плиния (кн.* 19*, гл.* 2*), Геллия (кн.* 17*, гл.* 3*)* [31]*, Волатерана (кн. 2) и т. д.*

Венгры, до сих пор славные рыцарской отвагой, выводят своих королей и князей от короля Аттилы, который писался *бичом божьим* и *ужасом мира.* Но они произошли не от Аттилы и не от реки и страны Угры (Huhri) в Московском государстве, откуда они действительно вышли (и ныне король Стефан, как истинный венгр, может добиваться от Московита [возвращения] своей отчизны Угрии (Juhariey), которую сам он считает Венгрией), и не из татарских полей между Перекопской (Piecihorska) [32] и Астраханской ордой, которые и ныне зовут Мадьярскими, и не от реки Гун (Hun), как их выводит Скалих [33], а от Гуннора и Магера или Магора [34], сыновей вавилонского [короля] Нимрода и Нина (Ninussa), первого ассирийского короля, от которых в генеалогии идет непрерывная преемственность, хотя, по правде, [местами] она и прерывается.

Силезцы. И не стоит удивляться иным могучим и великим народам, которые приписывают себе знаменитых основателей, ведь [так поступают] и силезцы, которые были, да и сейчас могли бы быть провинцией королевства Польского, ибо с самых начал своих, как размножились (sie rozmnozyli) от поляков, так к Польше и принадлежали, и все же Куреус [35] смеет выводить их якобы из райских садов, вымышленных поэтами, *ex Elisiis Campis* *(с Елисейских полей)* и называет их *Elisios, Ligios Luios a leonibus, Manimos etc.* *(Елисеянами, Лигой Чистых львов, Божественными тенями и т.п.).* А города их, построенные, что каждому ясно, польскими князьями, и польскими именами названные,

попросту сфальшивив (zfalszowanim), перекрестил по-иному, ибо Глогув назвал Лугидун (*Lugidunum*); Вратислав, то есть Славные Врата, он зовет Будоргом (*Budorgim*); Кожухов или Фрейштадт — Элевтерополим Элизиорум (*Eleuteropolim Elisiorum*); Горе — Гара; Брег — Бриг; Легнице, названный от лежания (размещения) польских войск на этих границах [для защиты] против немцев, перекрестил на Лигниц (*Ligniciam a lignis*); Жегань (*Zegan*) [названный] от клейма — Саган (*Sagamum*); Бытув — Бетания; Яворов [названный] от дерева явора на Яуриум; Свиднице и Свебож, города, названные от свидания (swiedoby) — на Свибусиум, Свионибус и Севис (*Svibusium a Suonibus et Svevis*), и устроил (zopakowal) все это с бесстыдной и явной фальсификацией.

Также и те народы, которые мы, заботясь о краткости, перечислять не будем, не прерываясь на [описание их] достоверной генеалогии от сыновей Ноя и их потомков, которую я в начале выписал достаточно [подробно] и с превеликими трудами, смеют и решаются выводить своих предков и основателей не только от людей, которых свет никогда не видывал (чтобы их история была сколько-нибудь сносной), но и от Гигантов или от великанов (obrzymow), а в конце концов и от вымышленных богов с небес.

А наши поляки, мазуры, литовцы, жмудь, руссаки и москва, хотя после смерти (niebozeta) и не летают по небесам, разыскивая своих предков-основателей, все же, будучи простыми и не обученными истории [людьми], придерживаются простых и правдивых генеалогий и ясных достоинств своей отчизны. Все они единодушно (даже если бы я хотел привести тысячу тысяч свидетельств) считают своими патриархами и основателями Леха или Палемона либо Публиуса Либона или Мосоха и Русса и четырех (?) братьев варягов Рюрика, Трувора, Синеуса, [этим] свидетельствуя, что [своих предков] люди выводят от людей, подобных себе, а не от богов и вымышленных великанов.

А что имя *Палемон* или *Публий Либон* известно многим историкам и поэтам, то это я уже достаточно доказательно вывел и показал, и верю, что этот мой труд при более подробном, серьезном (wielkim) и глубоком чтении [оценит] каждый мудрый, сведущий в истории и доброжелательный ум. Из сотни спрошенных [немногие] едва читали только третью эклогу Вергилия и тех, которые сами не ведают, что пишут, а чего не учили, не знают, поэтому скажем им простыми стихами:

Ryj swinio w gnoju a kalaj sie w blocie,
Nie twoj, lecz bacznych ludzi sad o zlocie.

Рыло свиное в грязи, а зад в навозе купается,
Но судить об этом не нам, а кому полагается.

А если кто-то захочет углубиться в историю, то ему это будет сделать легко, а мне давалось с большим трудом, так как [для вас] от меня есть ссылка (miejsca): *libros, capitula, folia* (*книга, глава, страница*), как указано в зерцале (zwierciedle) [36].

Если же кому-то морское плавание Палемона или Либона из итальянских краев до Жмуди и Литвы покажется слишком далеким и неправдоподобным, то таковой подобен тому домоседу, которому, когда он влезет на вершину печки, кажется, будто бы забрался

(pielgrzymowal) на Альпы, на Балканы или на Пиренейские горы (*Pyreneos montes*). И такого можно спросить:

Dic quibus in terris et eris mihi magnus Apollo
Treis pateat coeli spatium non amplius ulnas?

Скажи мне, великий Аполлон, в каких землях
Три охапки неба, и не более?

То есть неба он видел не более, чем на три локтя в колодце. Ибо если ему в диковину там, где удивляться нечему, тогда пускай удивляется [путешествиям] Ясона и аргонавтов из Греции *по Понту Эвксинскому* (*per Pontum Euxinum*) до Колхиды за золотым руном, а потом от Колхов или Истров до Адриатического моря, где построили Аквилею [37]; Дидоны или Элиссы из Тира до Африки, где заложила Карфаген [38]; плаваниям Энея и Антерона (Anteronowemu) [39] из Трои до Италии, где заложили: [Эней] *Альбу Юлию и Кайету* [40] (*Albam Juliam et Caietam*), а он (Антенор) Падую (Padwe); Тевкра после убиения брата Аякса на Кипр, а потом до испанских берегов и страны Галеции (Galeciej), [где этим] дальним плаванием удивительным образом основал греческие поселения [41]. **Юстин, кн. 44.** Пусть удивляется тому, как Улисса, после разрушения Трои долго блуждавшего по различным морям, в конце концов прибило к берегу океана, называемого Атлантическим, где [тот] заложил город, от своего имени названный Улиссибон (Ulissibon), который ныне является столицей королевства Португальского [42]. Пусть верит также и другим историкам, что Арамейцы (Aramei) из самой Персии, а Иберы (Iberowie) из Азии приплыли в Испанию, где основали народы Иберов (Hiberow) и Кельтиберов; как и Брут [приплыл] из Трои в Англию, а из Англии в Трою, и потом возвращался назад в Англию; что Генуэзцы, [следуя] с запада на восход солнца, доплыли до самой Таврики, где заложили Феодосию, которую мы ныне зовем Кафа, и Килию. **Волатеран, кн. 4.** Пусть также обратят внимание, как французы с князем Бренном (Brennonom), разграбив сначала Рим, потом, несмотря на столь большое расстояние по морю, разорили Македонию, Азию, Грецию и Фракию. **Тит Ливий и Юстин, кн. 24** [43]. Как греческий народ Фокеяне (Phocensowie) из Азии приплыли на судах к устью Тибра, а потом через столь великие морские опасности в конце концов прибыли к французским берегам, где в устье реки Родана (Rhodanu) основали славный город Массилию. **Фукидид и Юстин, кн. 43** [44]. Как Спартанцы или Парфении (Parteni), выехав из Лакедемона, осели в Италии, [основав там] Тарент [45] и Брундизий; как и греки Этолийцы с Диомедом, этим прославленным под Троей рыцарем, товарищем Улисса, завладели Апулией [46]. ***Iustinus, lib. 3 de mutuis bellis Graecie.*** *(Юстин, кн. 3. Извлечения о войнах в Греции).* Как скифы, вышедши из страны Югры (Juhri) с князьями Кевой и Кадикой [47], а потом с Аттилой, скорее всего, от Кавказских гор, прибыли в Паннонию, а потом повоевали итальянские, французские и другие земли. **А Скалих** [48] **между Венгерской и Хорватской землями помещает реку Хун** (Hun)**, и от нее намерен выводить Хунгарию**. Кимвры, Готы, Аланы, Гепиды, Болгары (Wolgarowie), Роксоланы, Вандалиты и т. п., тоже, двинувшись от пролива (ciasnosci) Черного моря, который мы зовем Боспором Киммерийским, от рек Танаиса и Волги и от Меотийского озера, прошли Паннонию, Немецкие, Итальянские, Французские и Испанские края, и, преодолев пролив Испанского моря, который зовем Кадис Геркулеса (Gades Herculis), почти укрепились в Африке, третьей части света, кроме тех, которые осели в Русских и в Литовских полях и на Скандинавских островах, где Швеция и Дания.

И вот таким образом эти народы, упомянутые выше и другие, перечислять которые было бы непомерным трудом, в долгих плаваниях по таким далеким и небезопасным пространствам Меотийского, Понта Эвксинского, Геллеспонтского, Эгейского, Икарийского (Ikariskiego) [49], Адриатического, Сирийского, Ливийского (Libijskiego) [50], Лигурийского (Ligustickiego) [51], Средиземного, Французского, Испанского морей и Аквитанского, Английского и Немецкого [52] морей Атлантического океана, со своими князьями и вождями через столь огромный мир занесли свои народы и поселения из далеких стран в [еще более] далекие и незнакомые края, одни в Италию, другие в Испанию, Францию, Англию и т. п. Ныне же мудрым коллегам [53] кажется странным, что Итальянцы или Римляне с Палемоном или Либоном морем приплыли в Жмудь и Литву.

Если этот Палемон или Публий Либон спасался от внутренних невзгод и кровавых гражданских войн, которые в те времена жестоко тревожили Римское государство, то имел достойную причину, вынудившую его уйти в те северные края. А о тех свирепых и жестоких римских междоусобицах, в которых война полностью истребила многие знатных фамилии, читай *Ливия и Флора, кн.* 3*, гл.* 13 *и* 14 о мятеже *Тиберия Гракха и гл.* 15 *о беспорядках Гая Граха, гл.* 16 [54] *in Appuleiana (о мятеже Апулея), гл.* 17 *in Drusiana seditionibus etc (о беспорядках Друза) и глава* 18 о Гражданской войне [55]. И о лютой жестокости гражданской войны Мариуса (Marussowej) и Силлы (Sylle) или Суллы (Sulle), гл. 21, когда несметные тысячи рыцарей и римских фамилий [во главе] с двумя гетманами, Марием и Суллой, один против другого, [столкнулись] в междоусобной войне [56]. И в неописуемом кровопролитии перебили, перерезали и истребили [друг друга], а те, кто мог, бежали морем: кто в Африку, а другие в Азию. Уходя от этой суматохи и жестокости двух ошалевших (szalonych) людей, Палемон тоже мог быть занесен морем в эти страны. Ибо в те времена все земли и моря целых пять лет [57] жестоко потрясались несказанно кровавыми войнами. О чем у Цицерона найдешь мнокократные жалостные сетования в письмах, особенно к Аттику (кн. 7, письмо 8 и кн. 7, письмо 20), где пишет: *ego quid agam? qua aut mari aut terra etc. Et si terra quidem, qui possum: mari: quo traiciam? etc. (Что мне делать? Помогай мне советом — пешком ли в Регий или же прямо отсюда на корабль и прочее, раз я задерживаюсь?)* [58] (кн. 10, письмо 4 и письмо 9, книга 7, письма 20 и 9 и т. д.). Также книга 8, письмо 3: *Infero Mari nobis incerto cursu, hieme maxima navigandum est, etc. Qui autem locus erit nobis tutus, et iam placitis utamur fluctibus ante, quam ad illum venerimus? Qua autem aut quo nihil scimus. Navis et in Caieta est nobis parata et Brundusii etc. (Мне предстоит плыть по Нижнему морю* [59]*, по неверному пути, глубокой зимой. Какое место будет для меня безопасным, даже если я поеду по уже успокоившемуся морю? Но каким путем и куда, я совершенно не знаю. Корабль для меня приготовлен и в Кайете* [60] *и в Брундизии)* [61]. **Итальянские порты.** В то время и Цицерон, и другие римские сенгаторы были так серьезно встревожены этими внутренними войнами, что не ведали, будет ли у кого какая возможность морем бежать в безопасное место. А Юлий Цезарь, когда одержал победу, землей и морем гнал Помпея и его сторонников, а в Италии стремительным ударом овладел замками, занятыми было Помпеем.

Вот так тогда и наш *Палемон* или П. Либо, о котором мы уже достаточно успешно приводили доводы различных историков, и который держал сторону Помпея против Юлия Цезаря, изгнанный сначала из итальянской провинции (krainy) Этрурии, как говорит *Флор*:

Tum pulsus Hetruria Libo, призадумался, где бы он мог и сам уцелеть и с милыми детками и с друзьями безопасно укрыться от бушующих вихрей кровавой гражданской войны.

И здесь уже, милый читатель, по длинной нити будем добираться до клубка, и тут уже ясно и доказательно появляется Публий Либо (Publius Libo), о ком вся наша предшествующая речь, который занес итальянский народ в Литву и в Жмудь, и который, тоже изгнанный из Италии как сторонник Помпея, должен был уходить либо в море, либо в ту страну. Ибо виднейшие римские историки Ливий и Флор так сразу и пишут, особенно Флор, кратко, хотя и длиннее, чем Ливий: *Tum plusus Etruria Libo, Umbria Termus, Domitios Corfinio (Потом из Этрурии [изгнали] Либона, из Умбрии Терма, Домиция — из Корфиния)* [62]. **К слову, о том же Либоне читай Длугоша и Кромера, кн. 3, *стр.* 61 *первого* [*издания*], *а второго издания* [*стр.*] 42. У Меховского кн. 4, гл. 39 и кн. 2, гл. 8** [63]**.** Вот тогда-то (говорит) Либо и был изгнан из итальянского княжества Этрурия, где ныне Флоренция, Пистория [64], Пиза, Лукка; Терм же был изгнан из Умбрии, а Домиций из Коринфии [65]. И война окончилась бы (говорит) без кровопролития, если бы Цезарь настиг Помпея в Брундизии, но из замкнутого и осажденного порта он бежал морем в маленькой и латаной лодке. Как говорит Флор, сетуя на изменчивость фортуны: *Turpe dictu: modo princeps patrum, pacis bellique moderator per triumphatum a se mari, lacerata et pene inermi nave fugiebat, etc.(Стыдно сказать: еще глава сената, вершитель войны и мира, бежал по морю, где был триумфатором, на почти не вооруженном судне)*. А за Помпеем, как за своим главой, и весь сенат разбежался, кто куда мог. А Юлий Цезарь, завладев опустевшим Римом, с помощью меча, раз не смог этого [добиться] с помощью сенаторских голосов, сам себя сделал римским бургомистром [66], силой взломал сокровищницу, которую не спешили отпирать трибуны, и забрал сокровища, которые считались священными и трогать их не дозволялось, якобы на великие и срочные нужды. **Особенно на Французскую** (Галльскую) **войну. Об этом читай Комментарии Стадия к книге 4 Флора.**

Ведь наш Либо, которого литовские летописцы зовут Публием Либоном и Палемоном, точно помогал Помпею, о чем те же Ливий и Флор пишут в тех же книгах и главах. **Флор, книга 4, гл. 1.** Ибо когда Юлий Цезарь, поразив гетмана Помпея Варрона [67], овладел Испанией и занял своим флотом (armata) почти все Средиземное море, Кадис [68] и Океан, его счастье сразу же обернулось несчастьем для Либона.

Либо вел [успешные] **битвы на море.** Либо со своим товарищем Октавием, [будучи] на стороне Помпея и имея на море готовый флот, один у Курикты [69], другой в Иллирике, окружили морских гетманов и товарищей Юлия и поразили знатных и славных римских господ Долабеллу и Гая Антония, которые в то время были могущественны так, как ныне испанский и французский короли, а то и посильнее. **Антоний сдался с пятнадцатью ротами** [70]**.** Это показывает, что не меньшим могуществом обладал и Либон, который тогда правил Этрурией, важнейшей частью Итальянской земли, и был столь опасен Юлию Цезарю, что отбил две его морские армады и впервые сломил его счастье на море. Как пишет Флор: *Itaque ultro cedente Varrone etc. Quippe quum fauces Adriatici maris jussi occupare, Dolabella et Antonius etc. repente castra legatus ejus (id est Pompeii) Octavius et Libo, ingentibus copiis classicorum utrinque circumvenit. (После добровольной сдачи Варрона и т. д. Когда Долабелле и Антонию было приказано овладеть входом в Адриатику и т. д.*

Их лагерь был окружен огромными морскими силами его (то есть Помпея) легатов Октавия и Либона) [71]. О чем подробнее читай также Ливия и Лукана (кн. 4), Стадиуса и т. д. Вот так тогда Либо с огромным флотом преследовал и донимал сторонников Юлия [Цезаря] на море.

А потом Юлий Цезарь со всеми силами Европы и союзными королями, а Помпей со всей Азией, Африкой и Грецией, Армянами, Парфянами (Partami) и их королями, также союзниками, свели огромные войска в греческую страну Эпир и дали главное сражение (хотя в течение этих четырех лет имели и много других очень кровопролитных сражений и на земле, и на море) на Фарсальских, Фессалийских или Филиппских полях в Греции [72], где римская монархия лишилась всей своей мощи. Ибо хотя Юлий Цезарь и одержал победу, однако с обеих сторон полегло более трехсот тысяч рыцарского люда и очень много виднейших геманов, не считая союзных войск различных королей. ***Флор: 300 000 amplius millia etc*** *(300 000 и более)***.** Ибо два этих запальчивых человека в то время воистину управляли всем миром, поэтому им и помогали все Немецкие, Французские, Понтийские, Азиатские, Греческие, Египетские, Африканские и прочие короли и князья, и весь римский сенат.

Бегство Помпея. После проигранной битвы Помпей, который недавно был грозен всему миру, на коне, а потом на маленьком ботике бежал в Египет к царю Птолемею, надеясь на его помощь, ибо до этого посадил его отца на египетский трон. **Помпей убит.** Но царь Птолемей, забыв об этой услуге, велел его убить на глазах жены и детей, желая услужить этим Юлию, которому послал полголовы (polglowy) [73] Помпея и его перстень с печаткой (sigillium): лев с мечом. Однако потом [Птолемей] и сам был убит Юлием, а его сестра Клеопатра возведена на престол. Тогда же Юлий Цезарь поразил и понтийского короля Фарнака, сына Митридата, который вел долгие войны с роксоланами.

Юлий Цезарь воюет в Африке. А Сципиона, Катона и других сторонников Помпея, с которыми заключил союз нумидийский царь Юба, он преследовал войной и в Африке. Но когда Юлий одержал победу, король Юба бежал в свой замок и там, приготовив роскошный ужин, попросил римского сенатора Петрея (который тоже был сторонником убитого Помпея), чтобы тот его убил. **Король Юба добровольно дал себя убить.** И так, выпив один за другого, Петрей убил короля Юбу прямо на столе, среди яств, и подле него сам себя пронзил тем же мечом. Так и Сципион, славный князь римского сената, товарищ Помпея, когда на ботике спасался по морю и увидел за собой погоню армады Юлия, сам мечом пронзил свое нутро. **Свекр Помпея Квинт Метелл Сципион** [74].

Катон сам себя убил. Катон же, великий и славный римский сенатор, который со своим войском располагался в Африке у Утики, услышав о столь жестоком поражении своей стороны, поцеловав сына и пожелав здоровья своим друзьям, ночью при свече стал читать книгу Платона о бессмертии. [А потом] взял меч и ударил себя в обнаженную грудь, раз и другой, желая лучше умереть от своей руки, чем попасть в руки Юлия. А Юлий, усмирив Африку, возобновил войну на море и перенес ее на Кипр и в Испанию, где убил сына Помпея, о чем ниже я уже писал стихами [75]. Обо всех этих событиях читай Ливия и Флора (кн. 4, гл. 2), *Светония в жизни Юлия (in vita Julii), Плутарха в Сравнительных*

жизнеописаниях, Плиния, Волатерана (кн. 23), Стадия, Кариона (lib. 2, топ. 3), Лукана и т.д.

Юлий Цезарь убит. Потом Юлий Цезарь, когда погубил уже всех своих врагов, в году от основания Рима 706, от сотворения мира 3897, а до рождения Господа Христа за 48 лет, стал первым монархом и самодержцем, императором (Cesarzem) римским и всего мира. Однако процарствовав только пять месяцев, он был убит в курии (na majestacie) Брутом, Кассием и другими из сената, так что имел на себе 23 ножевые (stychowych) раны, как пишет Флор: *Sic ille qui terrarum orbem civili sanguine impleverat, tandem ipse sanguine suo curiam implevit (Так тот, кто залил мир кровью сограждан, в конце концов наполнил курию своей собственной кровью)* [76].

Из-за этого потом произошли жесточайшие войны между Октавием Августом, Антонием, Брутом, Кассием и те жестокие проскрипции или списки (wywolania) в Риме и в итальянской земле, по которым был убит и Цицерон, и много других римских сенаторов. Чтобы не переписывать римскую историю, читай об этом подробно Ливия и *Флора в Цезаре Октавиане (кн.* 4*, гл.* 3*) и Мутинской войне (гл.* 4*), Триумвирате (гл.* 5*), Войне Кассия и Брута (гл.* 6*), Перузинской войне (гл.* 7*), Войне с Секстом Помпеем (гл.* 8*) и т.д., Актийской войне (гл.* 11*)* [77]. Там найдешь, что от этих страшно кровавых и беспорядочно жестоких гражданских римских войн любой был бы рад спрятаться не только в Литве и в Жмуди, а и в пекле (если бы Харон захотел поработать перевозчиком, или Плутон пожелал бы иметь полон дом душ убитых воинов и открыть створки (przysionki) десяти адских врат). **Об аде** (piekle)**. *Вергилий, кн.* 6 *Энеиды*; *Овидий, Метаморфозы,* 4; *Силий Италик, кн.* 3** [78]**; *Тибулл, кн.* 1** [79]**; *Клавдий, кн.* 2 *в Руфине*** [80]**; *и т. п.***

Вот так и наш *Палемон* или П. Либо, о котором мы уже достаточно успешно приводили доводы различных историков, и который держал сторону Помпея против Юлия Цезаря, изгнанный сначала из итальянской провинции (krainy) Этрурии, как говорит *Флор*: *Tum pulsus Hetruria Libo*, призадумался, где бы тогда он мог и сам уцелеть и с милыми детками и с друзьями безопасно укрыться от бушующих вихрей кровавой гражданской войны.

А так как он был очень виноват перед Цезарем и более иных помощников Помпея прогневил его, когда поразил две его армады и его морских гетманов Долабеллу и Антония, как это вполне убедительно показано у Флора и других, то, когда Помпей и другие его помощники были уже убиты, из-за гнева и вражды победителя Юлия он вынужден был убираться подальше от Италии и от римского государства, ибо и мавританский король Юба, и Петрей, и Сципион, и Катон, мужи столь великого призвания и тоже сторонники Помпея, желая быть свободными от гнета Юлия, поубивали себя сами. К тому же жестокие войны в Италии, в Испании, в Египте, в Греции и по всем морям и странам в Азии, в Африке и в Европе длились долго, пока Юлий Цезарь в Испании и на Кипре всеми силами преследовал других товарищей, друзей и гетманов Помпея, его сына Гнея Помпея и [его] брата Секста, Лабиена, Вара [81] и других. А П. Либо или Палемон, имея на море должным образом укомплектованный кораблями, судами (okretami i navami) и рыцарским людом готовый флот, с которым громил Антония и Долабеллу, вместе со своими [людьми] убегал подальше от гнева победителя и войны с [их] врагом Цезарем.

Но поблизости от Италии он не мог быть в безопасности ни в одной из провинций, ибо Юлий все страны [подчинил] своей власти, которую превратил в монархию или самодержавие. И от устья реки Тибр, которая течет от Рима и впадает в Сицилийское море, или от города Пизы (Pise), порта своей державы Этрурии, [Либон], взяв с собой друзей и пятьсот добровольцев, итальянских шляхтичей, примерно на пятнадцати [82] судах пустился далее, в добровольные скитания на поиск новых поселений. Всех собравшихся [в путь] тревожило и томило то же, что и Либона или Палемона, а именно гнев Цезаря и жестокие гражданские войны.

Причины пришествия итальянцев и римских шляхтичей в Жмудь и в Литву, которые здесь приводятся, мы, как видишь, с великими трудностями и большим напряжением ума (czestym ruszenim mozgu) ясно и доказательно отыскали у самых дотошных (glebokich) историков, в том числе и у польских историков Длугоша и Меховского (кн. 2, гл. 8, стр. 33 и кн. 4, гл. 39, стр. 270), о чем уже достаточно написано выше во многих местах. **Длугош. *Civili bello quod inter Caesarem et Pompeium gestum est manus quaedam Romanorum deserta Italia, in his locis consedit etc.*** *(Когда случилось, что между Цезарем и Помпеем началась гражданская война, некоторым из римлян пришлось оставить Италию и поселиться в этих местах и т. д.).* Из-за римской гражданской войны, которая шла между Цезарем и Помпеем, не малое сборище (zebranie) римских шляхтичей, покинув итальянскую землю, поселились в тех северных странах, где ныне Курляндия (Kursowie), Жмудь и Литва, и заложили главный город, от Ромы или Рима названый Ромове, который, говорят, долго был столицей этого народа (то есть литовского и жмудского), размножившегося от итальянцев (Wlochow), и другой город Либе (Libe) [83] над Жмудским морем, и т.д. Об этом и Меховский говорит: *Pro ampliori autem cognitione, animaduertendum est, quod vetustioribus referentibus quidan Itali deserentes Italiam terras Lituaniae ingressi sunt etc.* *(Для лучшего понимания, как рассказывают старые люди, некоторые итальянцы, покинув Италию, прибыли в литовскую землю и т. д.)*. О чем мы выше имеем того же Меховского достаточно [ясное] суждение о Литве в шестой главе нашей второй книги [84].

Кромер (*кн.* 3*, стр.* 61 *первого и стр.* 42 *второго издания*) свидетельствует о том же, удивляясь, откуда в жмудскую, прусскую и литовскую речь замешались латинские или, вернее, итальянские и испанские слова, и там же приводит свидетельство Длугоша о прибытии итальянцев в Литву, высказывая по этому поводу свою сентенцию или мнение, могла ли группа римлян морем приплыть в эту страну к берегам Венедского залива (который омывает Пруссию и Жмудь) [85] с каким-то гетманом или князем Либоном, который заложил город Либе, [пишет] Кромер. Но не с каким-то Либоном, а с тем, на которого я ясно указал, будто бы пальцем (если кто-то до этого его не знал), из Ливия, Флора, Лукана, Стадиуса и из других [авторов], который был изгнан из Этрурии и который на море поразил гетманов Юлия.

Далее Кромер пишет, что эти итальянцы и римляне прибыли к Жмудским берегам, либо гонимые штормовыми ветрами (а это могло быть, как частенько с Энеем и с другими мореплавателями случалось и ныне случается, когда иногда они оказываются совсем не там, где хотели), либо заплыв [туда из-за] верного и умышленного приведения курса (naprostowanym) своих кораблей к северу при западном ветре. Спасаясь от жестокости

тиранов-императоров, они плыли в те Жмудские и Литовские края, где надеялись быть в безопасности от жестоких римских цезарей, ибо в то время это был уголок вне римского владычества, страна, до которой не достигали их власть и приказания, о чем свидетельствует и *Страбон в географии, кн. 7*. А вот слова Кромера, который говорит: *vel certo cursu Caesarum tyrannorum saevitiam fugientem, etc. (или из-за политики цезарей бегут от тирании и лжи)*, согласуясь с Литовскими Летописцами, которые причиной прибытия в ту страну римлян и 500 итальянских шляхтичей с Палемоном или Пуб. Либоном единодушно считают тиранию жестокого цезаря Нерона, который жестоко правил в Риме в 57 году от Христа. Либо же из-за жестокого повоевания итальянских краев венгерским королем Аттилой в году от Христа 401 и 428. Что мы уже и сами достаточно описали выше по рассказам Летописцев и в соответствии с самой правдой, и т. д.

Ниже я уже рассмотрел, что неправдоподобность плавания итальянцев в ту страну из-за дальности пути вбили себе в голову домоседы, и далее показал, правдоподобны ли плавания и переселения в различные части света, [имевшие место] у очень многих народов. Там я показал, что плыть из Италии в ту страну тогда было еще очень легко и удобно, хотя бы ехал из самого Рима до Вильна и далее.

Прежде всего, если из Рима отправиться от устья реки Тибра в Тирренское (*Tirhenum*) Средиземное море, это будет верное дело; однако вернее из порта Этрурии, из портового города, который зовется Пиза. ***Virg: Gens inimica mihi Turhenum navigal aequor.*** *(Верг[илий]: Мне ненавистное племя плывет по Тирренскому морю)* [86]. Из той Этрурии [Либон] был изгнан Юлием Цезарем, как свидетельствует Флор: ***Tum pulsus Hetruria Libo***, а от города Пизы прямо поплыл на запад по Средиземному морю, оставляя справа Лигурию, Геную и Марсель, а слева Корсику и Сардинию. А так как в то время Юлий Цезарь морем и землей воевал Испанию и осаждал сына Помпея на Мунде, Публий Либо мимо Балеарских островов (*Baleares insulas*) Минорки и Майорки, пройдя Гибралтарский пролив (*Gades Herculis*), который отделяет Мавританию от Гранадской [провинции] Испании, западным Океаном мимо Португалии и потом французским морем, обратив паруса к северу, прибыл в немецкий океан, оставив Англию и Шотландию по левую, а Нидерландские (Inderlandskie) края по правую руку. И с погожим западным ветром вошел в пролив Зунд в Датском море, пройдя который и повернув паруса на восток, нашим Сарматским морем, которое также зовут Венедским и Балтийским (*Venedicum et Balticum*), прибыл к Жмудским и Курляндским берегам, где ныне находятся Мемель либо Клайпеда (Klojpeda), Паланга (Polonga), Либа (Лиепая), и прочее. Эту Либу (Libe) тот же князь Либо от своего имени мог основать в то время у моря, как она есть и ныне, так же, как Эней основал в Италии Кайету (Caiete) и прочие [города], что согласуется (podoba) и с Кромером, и с Длугошем. ***Кромер, кн. 3.***

А я, желая все написанное засвидетельствовать собственным присутствием, в 1580 году специально ехал по важному делу для печатания этой нашей Хроники. Я ехал сам-четверт (samoczwart) от того города Либы до самой Клайпеды или Мемеля, где вся [дорога идет] у самого моря, однако везде хорошие порты [87]. Но потом, когда переправился через Куршское (Kurskie) море [88] и рукав (odnoge) Немана у Клайпеды, до самого Кёнигсберга миль 20 идет необычная дорога, ибо, когда едешь между Куршским и Балтийским морем,

под самым возом бьются морские волны, и не видно ничего, кроме одного лишь песка, воды и неба, а постоялых дворов (gospod), кого ни спроси, только три на 18 миль пути [89], и то далеко от дороги. К ним ездят по указателям (przez znaki), определяясь по бочкам и флажкам, вывешенным на песчаных горах [90], ибо дороги не найти из-за песков, бушующими штормами выбитых (wybitych) из моря и навеянных [ветром]. А люди там живут только рыбой, отчего гонимые голодом народы из тамошних бесплодных краев уходили в Италию и в другие [страны вместе] с Готами и Кимврами. Но [там], где Либа и Клайпеда, еды тогда хватало, и, вероятно, на этих берегах князь Либо или Палемон со своими итальянцами (не иначе, как Эней с троянцами, когда из Африки прибыл в Итальянские края после долгого плавания и морских опасностей) какое-то время (nieco) отдыхал, добывая пропитание охотой на различных зверей, которых в те времена у моря в изобилующих зверьем пущах было великое множество, признаки чего есть и ныне.

И как с Энеем из Трои в Италию, так же и с Палемоном или П. Либоном в Литву среди тех 500 римских шляхтичей вышли четыре виднейшие фамилии, с чем согласны все летописцы. Прежде всего: *Юлиан Дорспрунг* герба *Кентавр* или *Китоврас*; *Проспер Цезарин* и сам Либо герба Колюмнов; *Урсин* и *Гектор* с Гаштальдами герба Розы. Эти фамилии и ныне славились в Италии, особенно в Этрурии, из которой Либо был изгнан Юлием Цезарем, как пишет *Флор* в *кн.* 4*, гл.* 2: *Tum pulsus Etruria Libo, etc*. И так как [Либон] был изгнан, то эти фамилии [с ним], как со своим князем, вышли в Литву в добровольное изгнание (*exilium*), либо тоже бежали от жестокости Цезаря. А что эти фамилии были и ныне знамениты в Этрурии, в Генуе, в Пизах, в Пьемонте и т. д., об этом читай *Волатерана, кн.* 5 в *Этрурии* и *кн.* 22 в *Антропологии* и т. д. и *Иовия* в *Iconibus Heroum (Портреты героев)* [91] и т. д. И найдешь там Кастальди или Гастальдов, от которых были и Гаштольды в Литве, один из которых недавно, в 1560 году, убил монаха Ринстарта (Rinstarta) [92], опекуна Венгерской земли. ***Volateranus, lib. 5. Castuldius magistratus Hetrusiorum.*** *(Волатеран, кн. 5. Магистраты Кастальди в Этрурии).* У Волатерана, кн. 5 и 6, у Иовия и у других римских историков найдешь также фамилии Колюмнов, Урсинов, Цезаринов и т. д.

А тот Либо первое свое поселение основал на берегу Балтийского моря, где и реку, которая там в то море впадала, и город, построенный в ее устье, от своего имени назвал Либа [93], что похоже на [известие] Кромера в деяниях Болеслава Храброго в книге 3 Хроники. **Либония от Либона, а потом Ливония.** От того же Либона Лифляндская или Латышская страна, лежащая над морем, названа Либония, а с течением времени, переменив *б* на *в* — Ливония [94]. Ибо в тех краях, где сначала высадился, и в Пруссии, и в Жмуди и в Курляндии, [он] так долго пребывал у морского берега, что подружился с первыми [встретившимися им] тамошними жителями. Ведь как о том достаточно убедительно, подробно и полно ранее уже писали в различных [книгах] о происхождении литовского народа, тогда в тех краях, где ныне [живут] Жмудь, Латыши, старые Пруссы и Литва, издавна жили Гепиды, Геты, Самогиты [95], Судовиты, Галинды, Аланы, Литаланы и другие народы, грубые, лесные и зверские, потомки мужественных Кимвров и Готов, приведшие свой народ в те северные уголки. ***Птолемей, География (кн. 3, гл. 3), Эразм Стелла и др.*** И очень ошибаются те, которые говорят, что эти итальянцы приплыли в безлюдную пустыню. Так уж выпало тому Палемону или Либону с итальянцами, что поселился среди этих народов, как Эней с троянцами, тоже объединившимися с не менее

грубым итальянским народом, [людьми,] которых историки зовут *Аборигенами*, о чем Саллюстий в *Заговоре Катилины,* не отвлекаясь на долгие рассуждения об основании Рима, прекрасно написал в таких словах:

Urbem novam, siculti ego accepi, condidere initio Troiani, qui Aenea duce profugi, incertis sedibus vagabantur, cumque his Aborigines, genus hominum agreste, sine legibus, sine imperium, liberum atque solutum, etc, dispari genere, dissimili lingva, alias alio more viventes incredibile memoratu est, quam facile coaluerint.

Новый город, насколько мне известно, сначала был основан троянцами, которые во главе с Энеем скитались в качестве беженцев в местах, где жили Аборигены, дикие племена без законов, без государства, свободные и никем не управляемые. Они говорили на разных языках, жили каждый по своим обычаям, и все же объединились с легкостью, которую трудно себе представить) [96].

Вот так и литовские итальянцы (Wloszy Litewscy) со своим вождем и князем Либоном или Палемоном, приплыв к тем неведомым берегам, долго скитались по неприютным местам, пока не встретили первых тамошних жителей из народа Готов и Гепидов, людей простых и грубых, без законов, без верховной власти, свободных и неуправляемых, отличного от итальянцев происхождения, другого языка, живущих по иным правилам и обычаям, отличающимся друг от друга. И с ними вполне сдружились, а потом объединились и из двух разных народов смешались в один. В результате этой унии среди этого грубого люда они быстро изменили и своему родному итальянскому и латинскому языку и римским обычаям, ибо, как говорят в народе, [в гости] ездят не с обычаями, а к обычаям (пусть иногда и грубым).

Однако в литовском, жмудском и *латышском* языках и ныне есть немало латинских, а еще больше испанских слов, которые кончаются на *os*, как Dewos, *Deus* или Teos с греческого (Бог); viros, *vir* — муж; kielis, *calles* — дорога; donos, *donum* хлеб; laukus, по-латыни *lukus* — густой лес; *ovis* — овца; *pecu* — скот; duntes, *dentes* — зубы; *bludos, podos,* и многие другие [97].

И совсем неудивительно (хотя Бельский этому и удивляется), что ныне в Литве мало знают итальянские обычаи, потому что не Гепиды и Готы пришли гостями в Италию, а итальянцы к Гепидам и Готам, и с течением все меняющего времени переменили свое племя, язык и обычаи, как и Эней с троянцами не сохранил в Италии троянского и греческого языка, но сам со своими потомками принял итальянский, как видим и ныне.

Omnium rerum vicissitundo et Tempus aedax
rerum et tum invidiosa retustas omnia destruxit.

Время — снедатель вещей — и ты, о завистница старость,
Все разрушаете вы. [98].

Овид[ий]. Мета[морфозы], 15.

Потом этот Палемон или Либон и его товарищи Юлиан Дорспрунг, Проспер Цезарин, Урсин и Гектор, постепенно утвердившись среди вышеупомянутого грубого люда и облюбовав себе места для поселения в тех краях, отправились от устья Немана, которое у Клайпеды, через Хаб (Hab) или Куршский залив (Haff Curlandski) до настоящего устья Немана, где он уже течет сам и впадает двенадцатью рукавами в Куршский залив (do Abu Curlandskiego), маленькое и пресное море [99]. И пришли к устью реки Дубиссы, где она впадает в Неман, и увидели радующие [глаз] места: повсюду просторные поля и луга и поросшие дубравами зеленые пригорки над берегами рек, и забавлялись там охотой на различного зверя, которым в то время изобиловали Жмудские леса. И в память о [своей] отчизне Риме заложили над Неманом город под названием Новый Рим (Roma Nova), который потом их потомки называли Ромнове и Ромове, и который, как свидетельствует в Прусских деяниях Петр из Дусбурга, крестоносцы сожгли в 1295 году, как это увидишь выше [100] в настоящей истории. А до этого эти же итальянцы заложили в Пруссии другой город Ромове, в котором жил языческий патриарх по имени Кириекириейто (Kiriekiriejto) [101], и [который] польский король Болеслав Храбрый спалил в 1017 году, как об этом пишут Длугош и Кромер в книге 3.

А потом итальянцы, как свидетельствуют литовские Летописцы, из Немана пустились по реке Дубиссе против течения к восходу солнца и полуночи [102] на более мелких речных судах, а другие двигались по земле, пока не дошли до того места, где ныне в Жмуди [есть] старинное местечко Эрайгола (Erraigola), которое, вероятно (если верить этому мнению), построили те же итальянцы и назвали из латинского языка *Erraoscolae*, то есть *Errantium Colonia*. **Эрайгола, поселение блуждающих и скитающихся.** Но я не хотел бы строить историю на домыслах и непроверенных предположениях. Верно, однако же, то, что Палемон со своими итальянцами основал поселения по обоим берегам реки Дубиссы и там, где Эрайгола. Ему приглянулось роскошное положение места и достаток всего отовсюду: как продуктов земли, так и из лесов, полных зверья, и из реки, полной рыбы, которая заходила туда из моря по Неману, а потом по Дубиссе.

Потом от Дубиссы и от Немана Палемон или Либо далее двинулся на юго-восток и, перебравшись через Невежис, дошел до реки Вилии, где в то время в лесах жили древние обитатели тех краев: Литаланы, Аланы, Гепиды и другие народы, от которых пошли Готы. Пришельцы из Италии легко добились среди них верховенства и господства [с помощью своей] рассудительности, обходительности обычаев и умелых и достойных дел. И вот так они мирно поселились в Литве и Жмуди, а потом немецкие крестоносцы мечом и кровавыми войнами покорили Пруссов и Лифлянтов, которые были одного происхождения и языка (что и ныне каждый может ясно видеть) со Жмудинами и Литовцами, о чем прочитаешь ниже.

От тех же итальянцев и воинственных Готов ведет свое происхождение и старинная (или как говорят, истинная) Жмудская и Литовская шляхта, так же как в Италии итальянская от троянцев, а простолюдины и чернь от древних Гепидов, Судовитов и храбрых Литаланов или Аланов (так же, как в Италии от Аборигенов), но более вероятно, что от размножившихся Гепидов и Судовитов. **Об истинном шляхетстве читай моего Гонца** [103] ***и Ювенала Сатира 8; Овидия [Письма] с Понта; Клавдиана [Панегирик] на 4 консулат Гонория; Персия Сат[ира] 3; Овидия кн. 13; Послание к Пизонам*** [104]***; Звезды***

о носящих паллий в Зодиаке; Корнелия Агриппу О тщете наук, гл. 50 и т. д. Однако со временем большая часть истинной Литовской и Жмудской шляхты приумножилась от той же черни и простого люда благодаря их собственным достоинствам и выдающимся рыцарским подвигам, что является важнейшей и значительнейшей особенностью истинного шляхетства. Ибо:

non census nec clarum nomen avorum
Sed probitas magnos ingeniumque facit.
Stemmata quid faciunt? quid prodest pontice longo
Sanguine censeri pictosque ostendere vultus
Majorum? et flantes in curribus a Emilianos? etc.
Si coram lepidis male vivitur? effigies guo
Tot bellatorum, si luditur alea pernox?
Tota licet veteres exornent undique cerae
Atria, nobilitas sola est atque unica virtus etc.

Стихи на польском [105]:

Nic herb, nic titul, nic wielkiego rodu
Synem byc, gdy w twich sprawach pelno smrodu,
Bo dobry zywot, slawna dzielnosc cnota,
Prawym slachcicom otwarzaja wrota,
Bo ty i z nieba chcial zwodzic pradziady,
Nic potym jesly twoj zywot szkarady;
Lepiej Terssites iz ci ojcem bedzie,
Gdy cnota zrownasz z cnym Ajaxem wszedzie, etc.

Ни герб, ни титул, ни обширные поместья
Ничто, когда дела твои полны бесчестья.
Лишь честь и слава, уваженье и доверье
Откроют шляхте истинной все двери.
И хоть на небесах ты предка заимеешь,
Но если жизнь прожить достойно не сумеешь,
То, как Терсит [106], кривым можешь остаться,
Когда с Аяксом вздумаешь равняться.

Quid iuvat admota per auorum nomina coelo inter cognatos posse referre Iovem.

Чтобы быть свободными, нет пользы в том, чтобы искать своих родичей на небесах, возводя своих дедов к Юпитеру.

Но приступим к делу.

Мнения различных историков различаются: откуда возникло имя и прозвище Литвы? Сначала Эразм Стелла в Прусской истории пишет, что в 373 году от Христа сын прусского короля Вейдевута Литалан или Литвос, рожденный от матери аланки, и его

младший брат Жаймо (Zaimo) или Саймо дали свои имена землям, которые достались им в удел, и назвали Литву Литва, [Латвию] Лотва, [а Жмудь -] Жамодская (Zamodzka) или Жмодская земля. **Литва** [названа] **от князя Литалана или Литвона.** Эту сентенцию Эразма Стеллы и это имя Литвы от Литалана подтверждают Ваповский, Йост Деций и Бельский. **Литва от *Lituo*.** Другие же полагают, [что] Литва была названа ***a Lituo***, то есть от охотничьей трубы, с которой те народы любили охотиться (что вряд ли, и что Меховский совершенно верно отбрасывает в кн. 4, гл. 39). **Литва от *Littus tuba*.** Литовские же летописцы [пишут] ***a Littus tuba***, так как над Вилийским берегом тамошние жители и потомки итальянцев игрывали в длинные трубы, давая имя Литве. О чем выше здесь тоже узнаешь подробнее.

Мне же кажется, и о том же убедительно свидетельствуют и Длугош [107], и Меховский, что этот Палемон или П. Либо, когда уже стал князем этого народа, тогда и этим краям от своей отчизны Итальянской земли дал новое имя *La Italia*, ибо простые итальянцы в своей речи пользуются такими артиклями: *la cilla* — город, *il cavallo* — конь, *la Polonia, la Italia,* и т. п. А их потомки, когда язык и обычаи смешали с грубым народом гепидов и забыли отцовский язык, говорили потом *Литалия, Литуалия*, а с течением времени *Литвалия и Литва.* ***La Italia, Litalia et Litvania.*** О чем здесь и сейчас не хочется долго диспутировать, ибо о том, как и почему Литва была названа, я уже вполне достаточно и убедительно изложил в [главе] Свидетельства Деция о Литве [108].

Сами же римляне поклонению своим богам и обрядам, предсказательству и прочему идолопоклонническому колдовству и разжиганию вечного огня в честь богини Весты научились у Этрусков, как пишет Волатеран в кн. 5: *Hinc Romanis Deorum caeremoniae et primus auruspex etc.* *(Первыми из римских богов и обрядов были этрусские).* **Волатеран, кн. 5.** Вот и этот князь Либо, изгнанный из Этрурии (как свидетельствует Флор), научил литовцев и жмудинов тем же обрядам, ворожбе и зажиганию вечного огня в честь богов, и в городе Ромове, отстроенном в Литве заново в память о Риме, поставил верховного жреца или языческого епископа, согласно его должности называемого Кириекириейто. О чем ниже узнаешь подробнее.

Когда Публиус Либо оказался в этой стране. Итак, Палемон, или, точнее, Публиус Либо, согласно Ливию и Флору, князь важной итальянской провинции Этрурии, откуда был изгнан Юлием Цезарем, первый патриарх и основатель Жмудский, Ливонский и потом Литовский, из-за гражданских внутренних войн и из-за преследований Юлиевых забрел по морю в те северные края в году от сотворения мира 3897, от основания Рима 706, за 48 лет до рождения Господа Христа по расчетам Кариона (*lib.* 2, *monar.* 4, *aetatis* 2), когда Юлий Цезарь с помощью меча сделался первым римским монархом, как об этом уже достаточно рассказывалось. Хотя литовские летописцы говорят о прибытии итальянцев в ту страну во времена Нерона, который начал править в 57 году от Христа, это должно было случиться на 105 лет раньше. А другие летописцы причину их прибытия полагают из-за Аттилы, в 401 году от Христа; однако этого нельзя доказать такими верными доводами, какими я изложил о Либоне, собрав их с великими трудностями и основав на фундаменте предшествующей истории. Ибо если эти итальянцы пришли в 401 году во времена Аттилы, когда уже были убежденными христианами, то совершенно очевидно, что тогда они принесли бы в эти края христианскую веру, как потом немцы в

Лифляндию и в Пруссию. Но они пришли язычниками, и поэтому Литва пребывала в язычестве вплоть до 1252 года, когда король Миндольф (Mindolph) окрестил их было ради короны, но только на время, что увидишь ниже; а потом аж до Ягелло, когда в 1387 году [литовцы] уже окончательно приняли христианскую веру.

О славных потомках князей литовских, жмудских и некоторых русских из рода Палемона, патриция и князя Римского

Много после Палемона было князей, не знавших страха,
Чьи имена и дела ныне засыпаны слоем праха,
Но слава их подвигов не забыта [учеными] мужами,
И кровавый Марс считает их своими учениками.
Никаким хозяйством тогда не обладали,
Жили в полях, луком и саблей промышляли,
Так что память о себе сомнительную оставили,
Ибо часто соседям саблями лбы раскраивали [109].
Каждый в битве хотел свое мужество доказать,
И никто не хотел про ошибки мужей тех писать,
С которых молодежь пример бы брала,
Видя пред собой храбрых предков дела,
Благородство которых везде прославляют.
Стряхнув пыль веков, их подвиги расцветают
И вечно цветут, седая старость им не угрожает,
Громкая слава жажду новых подвигов пробуждает.
Вот и наши герои, хотя письма и не знали,
Свидетельства своей славы потомкам передали,
Их отважные подвиги соседи описали,
Которых они своей доблестью в страхе держали.
Эту славу никто не спрячет и не утаит,
Как ты ее ни прячь, она о себе протрубит [110],
Ибо есть громкие трубы, они звучно называют
Своих любимцев, других к подвигам призывают.
Гомер — достояние греков и троянцев,
Ливий — светоч чести римлян и итальянцев,
Энея прославила поэзия Марона [111],
Славные подвиги всегда отыщут патрона.
Так и мое слабое перо Аполлон своей лирой призвал,
Чтобы о славе и доблести древних литовцев всем рассказал,
Чтобы их мужество дельным пером описал,
Если же в чем покривил, чтоб никто не ругал.
Эту трудную дорогу я сам выбирал,
Где до меня никто не ходил; не отдыхал,
От цветочка к цветочку, как пчелка, летая,
Факты и доводы в свой улей собирая.
Все это я на латыни изложил прекрасно,
Но жемчуг рассыпал, как говорится, напрасно [112].

Можно сказать: Ах! *tempora perfida, o mores,*
Hos ego versus feci, присвоил другой *honores!* [113]
Но ведь известно, кто это сделал руками своими,
Зря ворона черная раздобыла перья павлиньи.
Поручаю Богу развеять сомнения в том,
Что я сам работал над этой книгой и над той [114],
И никакой Крез мне ни в чем нисколько не помогал,
А благодарности от Ира [115] я и не ожидал,
Да и Зоила [116] наш пот и труды не заботят.
Мудрость и честность всегда рука об руку ходят,
Ведь по собственной воле я все это устроил,
Не по найму я людям мост в историю строил.
Кто захочет, пусть лучше напишет, раз взялся судить,
Ведь недорого перья, чернила, бумагу купить,
А сколько все это мне стоило, лучше тебе и не знать,
Не на твои деньги создано то, что ты будешь читать.
Восемь лет я над этим сидел, восемь лет старался [117],
Тысячу раз мозговал (mozg), тысячу раз ошибался.
Ибо сразу суметь подыскать себе дело:
Погребенное в прахе извлекать на свет смело,
Неустанно трудясь и с любовью неся этот крест,
Я уверен, что дар то великий от Бога с небес.

Борк, Конас или Кунас, Спера, Дорспрунг,

потомки Палемона,

князья и родоначальники народов земли Жмудской и Литовской

Все летописцы русские, литовские и жмудские, которых я пятнадцать собрал из разных мест, свел в одно место, согласовал и тщательно обработал для изучения и выяснения исторической правды (doswiadczenia prawdy historiej), уверенно свидетельствуют и единодушно согласны в том, что упомянутый князь Палемон или Публий Либон в ходе дальнего морского плавания из Итальянских стран дивным промыслом Божьим был занесен в те северные Жмудские края, что мы уже достаточно подробно выяснили и убедительно доказали.

Боркус или Порциус, первый сын Палемона. [Он] породил трех сынов, первому из которых дал имя Борк (Borcus) или Порциус наподобие той старой римской фамилии Порциев, ибо есть такая старинная римская фамилия Порциус или Борциус [118]. **Закон Порция.** *Unde et lex Porcia*. *Закон дан нам Порцием* [119]. О чем Ливий, Цицерон, Саллюстий, Помпоний Мела и другие пишут: *Lege quoque Porcia cautum erat, civem Romanum verberibus non cedi*, то есть по закону [Порция] римского гражданина нельзя бичевать. Этим правом и Святой Павел защитился от римского трибуна Лисия (Lisiassowi) [120], когда тот приказал привязать его к столбу и бичевать, сказав: *Num hominem Romanum et indemnatum licet vodbis flagellare? Actorum capite 22 et Salustius invehens in Ciceronem,*

dicit: Cum tum sublata lege Portia errepta libertate etc. (*Разве вам позволено бичевать римского гражданина, да еще и без суда? Деяния, гл. 22 и инвектива Саллюстия против Цицерона, где сказано: Отменив Порциев закон, ты у всех нас отнял свободу*) [121].

Кунас, второй сын Палемона. Второму сыну Палемон дал имя Кунос или Кунасус; а Конон (Conon) и также Конос (Konos) — это старинные итальянские, латинские и римские имена. **Коно или Кунос по-жмудски означает сердце** [122]. Был и папа Кунос или Конон [123], того же имени, что и литовский князь, в 687 году от Христа; был также баварский князь Кунос в 1040 году [124]; был также Конон, князь и гетман Афинский после Алкивиада, которого наголову поразил лакедемонский гетман Лисандр. О чем Геродот, Ксенофонт и Юстин, кн. 5. Также Конос или Конон, будучи персидским гетманом, жестоко поразил лакедемонян и вернул прежнее значение Афинам [125], о чем Юстин, кн. 6 и т.д.

Спера, третий сын Палемона. А у третьего сына Палемона было имя Спера от латинского слова *spes*, либо от итальянского *speransa*, а по польски это будет *надежда*. Ибо Спера от итальянского S*peransa*, как они говорят *Speransa mia*, и от латинского *Spes, a Spera* [что означает]: *надейся* или *имей надежду*. Так что все эти имена сыновей Палемона близки к итальянским и латинским именам.

О их текущих делах и подвигах нам мало известно из-за отсутствия истории. Все летописцы согласно свидетельствуют лишь о том, что когда эти итальянцы размножились [от браков] с прежними жителями Жмуди: Аланами, Готами и Куршами, тогда упомянутые князья по воле своего предка Палемона следующим образом поделили Жмудскую и Куршовскую либо Куршскую земли.

Удел Борка. Юрборк. Старший, Борк, взял свой удел над Неманом и там, где в Неман впадает река Юра, в ее устье заложил замок, которому дал имя Юрборк (Юрбаркас), сложив имя реки Юры со своим собственным именем Борк — для вечной славы, как поступил и польский князь Крак, заложив Краков. А также и Ромул, когда основал Рим.

Удел Куноса. Ковно или Кунассов. Так же и средний сын Палемона, Конас или Кунос, построив замок над Неманом, где в него впадала Вилия, назвал его от своего имени Конассовым, а потом, с течением времени, этот замок вместе с городом [стали называть] Ковно (Каунас), и называют так до нашего времени. **Подобную же картину, по Длугошу, имеем и при основании** [государств] **Чехом, Лехом и Русом.**

Где поселился Спера. Итак, Кунос правил (panowal) над реками Вилией, Неманом, Невежисом и Дубиссой, а Борк правил (rzadzil) над [рекой] Юрой до самого Прусского моря и Курляндского края. Третий же брат Спера со своими людьми ушел далеко от братьев и через пущи двинулся на юго-восток, перешел реки Невежис, Ширвинту и Швенту [126] и нашел прелестное и красивое место над озером, с дремучими лесами, полями и лугами. И там Спера, по отцовскому обычаю учинив своим богам молебствия и жертво[приношения], сразу же начал строить замок над этим озером, которому вместе с замком дал свое имя Спера, и так основал свое поселение между реками Невежис, Ширвинта и Швента [127].

Юлиан Дорспрунг. Юлиан Дорспрунг, тоже товарищ Палемона, патриций либо отчич из римских князей, герба и фамилии Кентавров или Китаврасов и Розы, видя своих внуков как следует поселившимися с сыновьями Палемона, со своими людьми двинулся далее вдоль реки Швенты (Swieta) и нашел высокий холм, превосходное положение которого очень подходило для замка. И тут же, принеся со своими людьми обычные жертвы богам, построил там замок: один нижний, а другой, на холме, верхний, который назвал Вилькомиром. Так пишут летописцы, а откуда появилось это имя и прозвище, достоверных известий нет.

Тот же Юлиан Дорспрунг герба Китавраса недалеко от Вилькомира заложил Дялтуву, как бы говоря: [место]пребывание Бога, и писался князем Дялтувским. **Дялтува (Dziewoltow) от Божьего имени, ибо Диевас (Dziewoz) по-жмудски и по-литовски Бог** [128]. И, правя в Вилькомире, основывал свои поселения до самой реки Вилии и до берегов Двины. А к югу и востоку за Вилией в то время были державы русских князей, также и за Двиной. Хотя и латыши, побратимы литовцев, в то время уже широко расселились (rozmnozyli sie) над морем и по двинским берегам.

К[нязь] **Борк умер.** Потом, когда князь Борк, который правил в Юрборке и до самого Куршского моря [129], умер без потомства, на его место заступил его младший брат Спера. И, правивши много лет в Юрборке, совершал набеги на польские страны вместе со старыми пруссами (которые были одного народа со жмудинами), а потом был призван за братом Борком и умер без потомства. А его подданые, по старому римскому обычаю, данному предками, учинили ему, как [своему] господину, достойное погребение и сожгли его над озером Спера [130]. **У древних итальянцев, у римлян, у греков и у троянцев тоже был обычай сжигать тела умерших.** И собрав пепел и кости, уложили в гроб, как было в обычае у древних римлян. Потом во славу своего князя Сперы поставили там идола, которого, как и озеро, почитали как бога до времен Ягелловых.

И когда два брата князя так и ушли без потомства, средний Кунас вступил на оба их княжения с разрешения и согласия народов обоих [княжеств]. **Княжичи Кернус и Гимбут.** И породил двух сыновей, старший из которых был назван Кернус, а младший Гимбут (Gymbutus). И еще при жизни поделил [страну между] обоими, чтобы Гимбус (Gymbus) правил в Жмуди, а Кернус от Невежиса (Niewiazy) до самой Вилии.

Князья Кунасовичи:

Кернус первый литовский и Гимбут четвертый жмудский

Кернус и Гимбут, сыновья Кунаса и внуки Палемона, после ухода своего отца жили в полной братской любви и согласии и расширили Жмудское княжество (panstwo) от Куршского и Прусского моря до самой Вилии и от Ширвинты и Немана аж до Двины. Потом, когда с течением времени их люди в огромном числе размножились, жмудины стали переходить за реку Вилию в Завилийскую землю, которой в те времена владели русские князья, и сперва начали селиться там на пустующих землях. Потом, когда по своему обычаю играли над Вилией на дубасных (dubasnych) или жмудских трубах, Кернус, который имел при себе немало шляхтичей из тех пятисот, что прибыли было с

Палемоном, и как князь среди этого грубого люда еще не до конца изменил итальянскому и латинскому языку, на латинском языке назвал берег реки Вилии, над которой поселилась жмудь, ***Littus tubae***, как бы говоря: *Трубный берег*. **Все летописцы полагают, что будто бы Кернус должен был первоначально называть Литву *a littus et tuba***. А простые люди, не умея по-латыни называть свои поселения ***Littus Tubae***, называли их ***Littubae***, потом ***Lituwa.*** Со временем весь тот край, где ныне Великое Княжество Литовское, как русские, так и поляки прозвали *Литва* (***Litwa***). И в этом согласны все русские, литовские и жмудские летописцы, хотя Меховский, Деций и Эразм Стелла, как мы подробно и убедительно показывали выше, этого не допускают [131].

Кернов. Поселившись в этой самой Литве, Кернус первым делом заложил и построил замок над рекой Вилией, который от своего имени называл Кернов.

Первый литовский поход на русские земли. Потом князь Кернус, на вилийские поселения [которого совершали] частые набеги русские князья, решил ответить на силу силой, а на насилие насилием. **Литва воюет Браслав и Полоцк.** И, собрав свои литовские завилийские войска, с братом Гимбутом, князем жмудским, двинулся к Браславу (Braslawiu) [132], который ныне зовется Литовским, а в то время принадлежал к Полоцкому княжеству. Там они, жестоко разорив все русские волости, без помехи набрали огромное множество добычи и полона, а потом, отослав добычу в литовские логова, двинулись к самому Полоцку, как свидетельствуют летописцы [133]. И все это княжество вдоль и поперек жестоко разорили, и загнали в полон множество людей с несметной богатой добычей. И вот так, одержав такую победу, литва и жмудь в то время и по этой причине укрепились (szancowalo) на Руси. Ибо в то время и вправду, как свидетельствуют Длугош и Меховский (кн. 2, гл. 21, стр. 51) в году от Господа Христа 1058 половцы из народа готов, тоже побратимы литовцев, со своим князем Искалом (Sekal) дважды жестоко разорили русские княжества, как об этом увидишь ниже [134]. Русские князья и сами выцарапывали друг другу глаза, так что польский король Болеслав силой провожал Изяслава [княжить] в Киев. **2 мая 1065 года** [135]. А потом Изяслав с польской помощью двинулся на Вышеслава, князя полоцкого, а когда Вышеслав бежал, Изяслав легко взял Полоцк [136]. Из-за внутренних войн на Руси в то время были такие раздоры, что от отчаяния все хотели бежать в Грецию. О чем найдешь у Меховского (кн. 2, гл. 17, стр. 45), у Кромера (кн. 4) и в нашей же хронике ниже. Из-за этого литовцы со жмудинами, улучив момент (upatrzywszy pogode), в то время смело и победоносно воевали Полоцкое княжество и иные русские владения. Ни один из летописцев ни разу не упоминает об этих причинах, на которые мы очень старательно указали любезному читателю, чтобы он получил как можно больше [информации]. **Верное определение** (domacanie) **года и времени правления первых литовских князей.** Ведь тут уже хорошо видно, в какое время правили Кернус и Гимбут, и было это в 1065 году от Рождества Господня, когда литва учинила первое вторжение на Русь, а править они начали после смерти отца Кунаса в 1040 году [137]. **Латыши** (Lotwa) **повоевали Жмудь.** Однако как только они счастливо вернулись с Русской войны, обнаружили, что Жмудская земля разорена соседними Латгалами, живущими за Двиной и у моря [138]. Улучив момент, когда Кернус и Гимбут отсутствовали в Жмуди и Литве, они бечинствовали (broili) без опаски и вывезли в Латвию большую добычу.

К[нязья] Кернус и Гимбут в отместку повоевали Латышские края. Но Кернус с братом Гимбутом сразу отомстили за свою беду, ибо с этим же уже готовым войском, переправившись за Двину, вдоль и поперек повоевали всю Латышскую или Латгальскую (Lotihalska) землю, ныне зовущуюся Лифляндская земля, [взяли] огромную добычу и без сопротивления увели в неволю в Литву и в Жмудь чуть ли не всех латгалов. **Немцы в Лифляндии.** Так что потом в году от Господа Христа 1100 немцы приезжали в уже опустевшую Лифляндию и там селились, а христианскую веру там с 1200 года начал прививать благочестивый капеллан из Любека Мейнхард, первый архиепископ Рижский [139], как о том подробнее будет ниже, когда дойдем до 1200 года (*ad* 1200 *annum*). Там нам уже будет полегче с доводами, хотя верная и правдивая история литовских князей и их деяний [потребует] великих трудов, когда мы будем как следует изучать и сравнивать пятнадцать Летописцев (которых я первым делом раздобыл в различных местах) и согласовывать с другими (postronnymi) хрониками, такими, как Длугоша, Меховского и Кромера, а также со старинными Русскими, Московскими, Прусскими, Курляндскими и Лифляндскими, где история [изложена] просто и правдиво. Но вернемся к прежнему рассказу.

Поята Кернусовна. Кернус Кунасович, первый князь-основатель Литовский, не имея мужского потомка, принял на литовское княжение Живибунда, сына или потомка Дорспрунга герба Китавраса, [принял] как зятя, отдав ему в жены единственную дочь Пояту. **Погребение Кернуса.** А потом, когда [Кернус] в преклонных летах умер, зять Живибунд Дорспрунгович с дочкой Поятой учинили ему княжеское погребение по обычаю тех времен на одной горе у реки Швенты недалеко от Дялтувы, там же и идола ему поставили — во славу и на вечную память. Литовцы и жмудины долго поклонялись ему как богу, пока не сгнил, а когда на этом месте выросла роща, язычники приносили там жертвы и вплоть до времен Ягелловых почитали эти деревья как богов, и там постоянно горел вечный огонь из дубовых дров в честь богини Весты. И все это литовцы и жмудины переняли от своих предков римлян, которые тоже сжигали умерших, а князьям или королям и знаменитым мужам ставили колонны (slupy) и высоко вознесенные надгробия, строили храмы, а потом [их], по языческому суеверию (superstitiej), почитали как богов. О чем достаточно подробно свидетельствуют в своих историях *Мирсил с Лесбоса de orogine Italiae, Марк Порций Катон, Архилох de temporibus, Ливий Romanae Historiae Princeps, Бероэс Вавилонянин, Ксенофонт, К[винт] Фабий [Квинтилиан], Г[ай] Семпроний de divisione Italiae, Г[ай] Юлий Солин Polihistor, Помпоний Мела de situ orbis, Помпоний Лет de Antiquitatibus urbis Romae, Луций Фенестелла* и прочие, и прочие, и прочие. **Этих историков каждый, кому надобно, может найти у меня** [140].

И здесь на смерти Кунаса нам придется прерваться и на время отложить рассказ о правлении Живибунда Дорспрунговича в Литве и о [правлении] Гимбута Кунасовича и его сына Монтвила в Жмуди ради русской истории и [русских] хроник, с которыми нужно сначала сравнить и согласовать литовские [летописи] для восстановления истинной истории.

Комментарии

1. Миколай Радзивилл Рыжий (1512-1584) герба Трубы — князь Священной Римской империи на Биржах и Дубинке (1547), сын великого гетмана литовского Юрия Радзивилла по прозвищу Геркулес, родной брат польской королевы Барбары Радзивилл. Воевода трокский (1560-1566) и виленский (1566-1579), великий гетман литовский (1553-1566 и 1577-1584), великий канцлер литовский (1566-1579). Известный полководец, видный участник Ливонской войны. Был одним из первых литовских магнатов, принявших кальвинизм. Противник Люблинской унии (1569) и сторонник независимости Литвы, в которой фактически стал правителем после смерти короля Сигизмунда II Августа (1572).

2. Кшиштоф Миколай Радзивилл (1547-1603) по прозвищу Перун — младший сын Миколая Рыжего и Катерины Томицкой. Боевое крещение получил в битве под Улой (1564), где сражался вместе со своим отцом. Польный гетман литовский (1572-1589), каштелян трокский (1579-1584), подканцлер литовский (1579-1585), воевода виленский (1584), великий гетман литовский (1589). В 1589 году построил замок Биржи, ставший резиденцией «биржанских» Радзивиллов.

3. Пожалуй, это единственное место во всей хронике, где сам Стрыйковский честно признает, что вся эта история с римлянами мало похожа на правду.

4. В этой главе Стрыйковский чаще, чем в других местах Хроники, пишет не Публий Либон, а П. Либон или Пуб. Либон. Можно предположить, что это сделано намеренно. Таким способом наш автор как бы намекает своим читателям, почему Палемона и Публия Либона он считает одним лицом. В самом деле, *P. Libon* (Пэ Либон) очень похоже на *Палемон*.

5. Вергилий в «Буколиках» упоминает какого-то деревенского Палемона, но этим, собственно, и исчерпываются известия Вергилия о человеке с именем Палемон. См.: Вергилий. Буколики, Георгики. Энеида. М., 1979. Стр. 46, 49.

6. О грамматике *Квинте Реммии Палемоне* (10-75), а также о поэтах *Персии* и *Лукане* см.: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1966. Стр. 229, 243-245.

7. Упоминаемый здесь Палемон — явно мифологический персонаж. См.: Вулих Н. Овидий. М., 1996. Стр. 258.

8. Полное название первой из упоминаемых здесь книг: *Raphaelis Volaterrani Commentariorum Urbanorum octo et triginta libri. Basileae, 1544*. Ее первое издание было напечатано в Риме в 1506 году. О Волатеране (1455-1522) и Агриппе (1486-1535) см. примечание 40 к книге одиннадцатой и примечание 8 к книге первой.

9. В 39 году императором был не Тиберий (14-37) и не Клавдий (41-54), а Калигула (37-41). Датой сотворения мира Карион считал 3944 год. Смотри примечание 38 к книге первой.

10. См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 169, 170.

11. Основная часть этого сочинения охватывает период до начала гражданских войн в Риме, и в нем нам не удалось найти упоминаний ни о Палемоне, ни о Либоне. Впрочем, читатель может попытаться сам поискать эти имена. См.: Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippcae». Спб, 2005.

12. Клавдиан (370-404) — латиноязычный поэт из Александрии, по происхождению грек. См.: Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений. Пер. Р.Л. Шмаракова. Спб, 2008. Стр. 116.

13. Луция Скрибония *Либона*, флотоводца Помпея, Цицерон считал человеком ненадежным и склонным к необдуманным действиям. Кроме него, Цицерон упоминает еще и другого Либона, автора римских летописей. См.: Письма Марка Туллия Цицерона в 3-х тт. М., 1994. Том I, стр. 208; том II, стр. 189, 214, 273; том III, стр. 42, 101, 104, 155, 163, 186, 303, 355.

14. Об Иоганне Стадиусе (1527-1579) см. примечание 30 к книге второй. Марк *Октавий*, как и Либон, во время гражданских войн командовал флотом Помпея.

15. Биография Диогена Лаэртского (конец II — начало III века) нам совершенно неизвестна, но его трактат, написанный на греческом, не дает достаточных оснований считать его римлянином. Диоген упоминает афинянина *Полемона*, сына Филострата, который жил в конце IV века до н.э. и вряд ли мог иметь отношение к нашему Палемону. См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. Стр. 171-173.

16. Очень ценное замечание Стрыйковского, из которого следует, что история о Палемоне в кругу образованных людей воспринималась скептически — во всяком случае, в самом начале ее появления и распространения.

17. Это малопонятное место допускает два толкования. Первое: с начала персидской монархии до настоящего времени прошло 2280 лет. В издании 1582 года после числа 228 стоит жирная точка, которая в рукописи, возможно, была маленьким нулем. Второе: со времен Кира до наших дней сменилось 228 царей. Это вполне реальное число, если учесть, что Кира и Стрыйковского разделяло более двух тысяч лет.

18. Все перечисленные здесь авторы выше или ниже представлены в примечаниях, кроме разве что Квинтилиана. Марк Фабий Квинтилиан (35-96) — выдающийся римский ритор, автор самого полного и лучшего учебника красноречия, дошедшего до нас из античности. См.: Марка Фабия Квинтилиана двенадцать книг риторических наставлений. Ч. 1-2. Спб, 1834.

19. См.: Геродот. История. Л., 1972. Стр. 80, 188.

20. Возможно, имеется в виду *Ассарак*, которого Вергилий считает прадедом Энея, а Гальфрид Монмутский упоминает как сподвижника Брута. См.: Гальфрид Монмутский. История бриттов. М., 1984. Стр. 7.

21. *Ингевонами* Тацит называет одну из групп германских племен. Их предком считался *Инге*, сын Манна и внук Твискона (Туистона). См.: Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том I. Л., 1969. Стр. 354.

22. Примечание Стрыйковского на полях: **Читай, что Дитмаршцы, как и Литовцы, выводят свой народ от римлян Колюмнов и Урсинов, что Кранций опровергает в книге 6, главе 3.** О дитмаршцах см. примечание 12 к книге второй.

23. Слово *Альбион* как древнее название Великобритании употреблял еще Аристотель. Греки позаимствовали его из кельтского языка (*Albainn* — горный остров). В «Хрониках» Холиншеда (1577) Альбион — местный великан, убитый прибывшим в Британию троянцем Брутом. Легенда, рассказанная Стрыйковским, в самой Англии не получила широкого распространения и вообще была мало кому известна, а откуда ее взял наш автор, еще предстоит выяснить.

24. См.: Гальфрид Монмутский. История бриттов. М., 1984. Стр. 17, 172.

25. Возможно, имеется в виду упоминаемый Гальфридом остров *Леогеция*, о местоположении которого можно только догадываться. См.: Гальфрид Монмутский. История бриттов. М., 1984. Стр. 12.

26. Сына Гектора и Андромахи звали Астианакт, и он был убит греками, захватившими Трою. В XVI веке стала распространяться легенда, что Астианакт спасся и под именем Франкиона или Франка (упомянутого в Хронике Фредегара) стал прародителем всех французов. По инициативе короля Карла IX в оформлении этой легенды принимал участие и Пьер Ронсар, «Франсиада» которого так и осталась незавершенной.

27. Гунибальд (Hunibaldo) — франкский хронист времен Хлодвига, по сообщению Орбини, автор исторического труда в более чем 30 книгах. Отметим, что Стрыйковский приводит его в пример лишь как автора сомнительных легенд. Существование самого Гунибальда, которого выдумали Иоганн Тритемий (1462-1516) и Конрад Цельтис (1459-1508), в настоящее время отвергается. См.: Топпер У. Великий обман. Выдуманная история Европы. Спб, 2004. Стр. 50.

28. Генрих Валуа 20 февраля 1574 года был избран королем Польши, но уже 19 июня уехал во Францию, где 30 мая скончался его брат Карл IX.

29. Иобел — это сын Иафета *Фувал.* Иосиф Флавий называет его *Фовел* и считает прародителем *иберов.* См. : Иосиф Флавий. Иудейские древности, том I. М., 1994. Стр. 22.

30. Помпей Трог считал, что от *Гиспала* происходит слово *Испания*. Этот же автор (и только он один) упоминает *Гаргориса* и *Габида*. См.: Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippcae». Спб, 2005. Но Гиспал — это и *город* в южной Испании, в римской провинции Бетика, в котором в 45 году до н.э. выставляли на обозрение голову Гнея Помпея, убитого в битве при Мунде. Любопытно, что и другие имена из этого списка

созвучны с названиями городов Бетики: Касс — Кастулан, Горгоресс — Кордуба, Хабисс — Гадес.

31. Авл Геллий (130-170) — древнеримский писатель, оставивший весьма любопытную книгу, напоминающую сборник исторических анекдотов. Особая ценность этого труда состоит в том, что многие произведения, цитируемые Геллием, не сохранились до наших дней, а о некоторых авторах (а их он упоминает более 250) мы знаем только от него. Блаженный Августин был очень высокого мнения о начитанности и стиле Геллия. Но этот автор очень мало пишет об Испании, а о происхождении испанцев — фактически ничего. См.: Авл Геллий. Аттические ночи, кн. XI-XX. СПб, 2008. Стр. 264-266.

32. Буквально здесь написано: *Пятигорская* орда. Но поскольку подобной орды никогда не существовало, надо полагать, что имелась в виду все-таки Перекопская.

33. Пауль Скалих (1534-1573) — теолог и алхимик, фаворит прусского герцога Альбрехта, по происхождению хорват из Загреба (Станислав Скалич). Был доктором теологии в университете Болоньи, позднее читал лекции в университете Кёнигсберга, противопоставляя учение Платона учению Аристотеля. В 1561 году Альбрехт пригласил Скалиха в Пруссию, куда тот прибыл из Данцига (Гданьска), а в 1565 г. пожаловал ему титул и замок Кройцбург (Славское). Используя свое влияние на герцога, авантюрист Скалих активно занимался политическими интригами, что способствовало глубокому политическому кризису в Пруссии. Обвиненный в колдовстве, был арестован, бежал из Нойхаузена (1566) и два года скрывался. Умер в Данциге. Считается, что именно Скалих впервые употребил слово *энциклопедия.* Об исторических трудах Скалиха нам ничего не известно, но Стрыйковскому виднее, ведь тот был его современником. См.: Восточная Пруссия. Калининград, 1996. Стр. 182.

34. Гунор и Магор — легендарные прародители гуннов и мадьяр, не только фонетически, но и генетически перекликающиеся с библейскими Гогом и Магогом. Венгерский хронист Шимон Кезаи пишет (1285), что эти сыновья Нимрода, погнавшись за прекрасной оленихой, дошли до берегов Азовского моря, где нашли прекрасных девушек. См.: Scriptorem Rerum Hungaricarum. Bp., 1999. Стр. 144.

35. См. примечание 112 к книге первой.

36. Действительно, Стрыйковский одним из первых (если вообще не первым) среди историков начал систематически делать правильные ссылки на свои источники.

37. Примечание Стрыйковского на полях: **Об этом читай Юстина, книга 32.**

38. Примечание Стрыйковского на полях: **Тот же Юстин, книги 18, 24, 43.**

39. Здесь Стрыйковский сделал явную описку, которую повторили издания 1582 и 1846 года. Упомянутого троянца звали не Антерон, а *Антенор* . После падения Трои он спасся во Фракию, а откуда перебрался в северную Адриатику, где и основал город *Патавий* (Падуя). Антенор не был спутником Энея. Примечание Стрыйковского на полях:

Волатеран, кн. 4, 5, 6 и т. д. См.: Вергилий. Буколики, Георгики. Энеида. М., 1979. Стр. 143.

40. Город, основанный Асканием, сыном Энея, назывался не Альба Юлия, а Альба Лонга. Но Асканий позднее принял имя Юл и стал родоначальником рода *Юлиев*, так что это не простая описка нашего автора. *Кайета* — кормилица Энея, именем которой были названы мыс, гавань и город в провинции Кампания (Гаэта, северо-западнее Неаполя). Примечание Стрыйковского на полях: **Вергилий. Энеида.** См.: Вергилий. Буколики, Георгики. Энеида. М., 1979. Стр. 265.

41. Помпей Трог называет *Тевкра* сыном Теламона и братом Аякса. *Галлеция* — провинция Римской империи в северо-западной Испании, столицей которой была Бракара Августа, ныне город Брага в северной Португалии. См.: Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippcae». Спб, 2005.

42. Легенда об основании Лиссабона Одиссеем (Улиссом) появилась намного позднее поэмы Гомера, а нам известна от Плиния Старшего (I в.) и Солина (III в.). Стрыйковский, вероятно, позаимствовал ее у Солина. Страбон называет Лиссабон *Олисипоном*.

43. Бренн — вождь галлов, в 388 году до н.э. совершивших победоносный поход на Рим. Однако в Грецию вторгся не он, а другой галльский вождь Бренн, и произошло это на сто лет позже, в 279 г. до н.э. Возможно, слово Бренн — вообще не имя, а титул, так как кельтское слово *brennin* означает *король*. Стрыйковский неверно истолковал Юстина и решил, что все описываемые им набеги галлов происходили в одно и то же время. См.: Тит Ливий. История Рима от основания города, том I. М., 1989. Стр. 268-276.

44. Массилия (Массалия) — нынешний Марсель. См.: Фукидид. История. Л., 1981. Стр. 11.

45. Парфении — незаконнорожденные спартанцы, каста которых была официально легализована из-за большой убыли мужчин в войнах. Иногда древние авторы считали их отцов илотами. По преданию, именно парфении основали Тарент (Таранто). См. : Печатнова Л.Г. История Спарты. СПб, 2001.

46. Диомед родился в Этолии (Греция), а умер (или исчез) в Апулии (Италия). Именно ему, а не спартанцам, греки приписывают основание Брундизия (Бриндизи). Отметим, что в «Илиаде» Диомед — единственный из греков, сражавшийся с богами и даже ранивший Афродиту и самого Ареса (Марса).

47. Смотри примечание 74 к книге первой.

48. Смотри примечание 33.

49. Икарийское море — юго-восточная часть Эгейского моря к северо-востоку от Крита. Именно здесь, по преданию, произошло падение Икара.

50. Ливийское море — часть Средиземного моря между островом Крит и Северной Африкой.

51. Лигурийское море — северо-западная часть Средиземного моря между островом Корсика и Генуэзским заливом.

52. Аквитанское море — Бискайский залив, Английский канал — пролив Ла-Манш, Немецкое море — Северное море.

53. Слово *zapiecolegom*, никак не выделенное из остального текста в изданиях 1582 и 1846 года, не находит соответствий в польском языке, но может быть истолковано из латинского: *sapienti collega* — мудрые коллеги.

54. В издании 1582 года опечатка: гл. 6 (cap.6) вместо гл. 16. Как и все прочие опечатки, она сознательно не исправлена и в издании 1846 года, которое точно копировало оригинал.

55. См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 156-159.

56. Яркое, эмоциональное и одновременно лаконичное и очень толковое описание войн Мария и Суллы — одно из лучших мест у Флора. «Никто вернее, никто короче, никто изящнее» — так охарактеризовал стиль Флора один из средневековых читателей. См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 162-165.

57. Если считать началом эпохи гражданских войн в Риме первое столкновение Мария и Суллы (88 г. до н.э.), а окончанием — самоубийство Антония и Клеопатры (30 г. до н.э.), то эти войны длились не пять, а около пятидесяти лет. Борьба Мария и Суллы завершилась со смертью Мария (86 г. до н.э.), хотя его сторонников (в числе которых был и юный Цезарь) Сулла преследовал и позже.

58. См.: Письма Марка Туллия Цицерона в 3-х тт. М., 1994. Том II, стр. 205, 295.

59. О *Кайете* смотри примечание 40.

60. Нижнее море (Mare Inferum) — Тирренское море, которое римляне так называли в отличие от Верхнего моря (Mare Superum), то есть Адриатического.

61. См.: Письма Марка Туллия Цицерона в 3-х тт. М., 1994. Том II, стр. 223, 224.

62. Ливий, действительно, несколько раз упоминает Либона, но не того, о котором пишет Флор, а его предка, жившего на полтора века раньше. См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 169.

63. Ни Длугош, ни Меховский ничего не пишут ни о Палемоне, ни о Либоне. Кромер же в книге третьей называет не *Либона*, а, говоря о языческих богах древних славян, пишет

слово *Ладона (Ladona)*, то есть Лада. См.: Kronika Polska Marcina Kromera. Tom I. Krakow, 1882. Стр. 93, 94.

64. Пистория (Пистойя) — город между Флоренцией и Луккой, в битве под которым в 62 году до н.э. погиб Катилина. См.: Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1981. Стр. 36.

65. *Коринфий* — город в Италии, к востоку от Рима.

66. То есть консулом. См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 169.

67. Марк Теренций Варрон (116-27 гг. до н.э.) в 49 году до н.э. воевал в Испании на стороне Помпея, однако после войны Цезарь простил его и сделал начальником публичной библиотеки. Позже Варрон попал под проскрипции Антония, но отделался конфискациями, причем лишился части своей личной библиотеки. До конца жизни занимался литературным трудом и научными изысканиями, написав свыше 70 произведений, из которых до нас дошли лишь немногие. См.: Варрон. Сельское хозяйство. М.-Л., 1963. Стр. 3, 4.

68. Чуть выше мы уже сталкивались с тем, что словом Кадис (Gades) Стрыйковский называет Гибралтарский пролив, а Океаном — воды к западу от этого пролива.

69. Курикта (Крк) — остров в Адриатическом море.

70. *Ротой* Стрыйковский называет, вероятнее всего, *когорту*, которая в те времена составляла около 350 человек. 15 когорт — это полтора римских легиона.

71. См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 170.

72. Вслед за римскими историками наш автор ошибочно считает, что битва при Фарсале (48 г. до н.э.) происходила на том же месте, где впоследствии случилась и битва при Филиппах (42 г. до н.э.). Эту ошибку сделал еще Флор, от него и пошла путаница. Оба грандиозных сражения действительно произошли в Греции (а не в Италии), но довольно далеко друг от друга. Город Фарсал находится в Фессалии, южнее города Ларисы. Город Филиппы расположен в 250 км к северо-востоку, недалеко от Эгейского моря. Между Фарсалом и Филиппами примерно такое же расстояние, как от греческого до турецкого берега на широте Афин. Стрыйковский прав и в том, что обе эти битвы в конечном итоге похоронили римское государственное устройство, однако не римскую *монархию*, а римскую *республику*. См.: Малые римские историки. М.,1996. Стр. 171.

73. Почему здесь *пол*головы — непонятно, возможно, раньше так называли *отрубленную* голову. Польское слово *polglowek* означает полоумный, недоумок.

74. Сципион Назика в битве при Фарсале командовал центром армии Помпея, после поражения бежал в Африку, где принял верховное командование над силами помпеянцев. После битвы при Тапсе (46 г. до н.э.) пытался бежать морем, но, преследуемый флотом Цезаря, покончил с собой. Помпей был женат на его дочери.

75. Смотри книгу вторую и примечания к ней 7 и 203.

76. См.: Малые римские историки. М.,1996. Стр. 176.

77. Здесь перечисляются названия глав четвертой книги Флора. См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 176-182.

78. Силий Италик (26-101), который здесь ошибочно назван *Silvius* — древнеримский поэт, автор эпической поэмы о Второй пунической войне «Пуника». Был консулом Рима (68), проконсулом Азии (77). ***Он был последним консулом, которого назначил Нерон, и скончался последним из всех, кого Нерон назначил консулами.*** См. : Письма Плиния Младшего. М., 1983. Стр. 47, 48.

79. В оригинале напечатано ***Tibustus***, но это очевидная опечатка. Имелся в виду Альбий *Тибулл*, римский поэт второй половины I века до н.э. Элегии Тибулла высоко ценили Овидий и Гораций, переводили Батюшков и Фет. Именно благодаря Тибуллу Рим стали называть Вечным городом. Покровителем Тибулла был республиканец Марк Валерий Мессала Корвин, бывший легатом у Брута, а потом служивший Антонию и Октавиану. Мессала был участником битв при Филиппах и при Акции, причем в первой из них он сражался против Октавиана, а во второй — за него. См.: Элегия из Тибулла. В кн.: Батюшков К.Н. Сочинения. М.-Л., 1934. Стр. 60-64.

80. Имеется в виду сочинение Клавдиана «Против Руфина». См.: Клавдий Клавдиан. Полное собрание латинских сочинений. СПб, 2008. Стр. 103.

81. Гней (Cnejus) Помпей — старший сын Помпея Великого. Он командовал армией помпеянцев вместе с Титом *Лабиеном* и Публием Атием *Варом* в сражении при Мунде (45 г. до н.э.), где погибли все трое. В оригинале напечатано: **Labiena Warrussa,** из-за чего может показаться, что Лабиен и Вар — это одно и то же лицо. Секст Помпей — младший сын Помпея Великого, который пережил Цезаря и даже некоторое время был одним из правителей римского государства вместе с Антонием, Октавианом и Лепидом (40 г. до н.э.). Потом они перессорились. После поражения от Октавиана в морской битве при Навлохе (36 г. до н.э.) Секст Помпей бежал и позднее был убит в Милете одним из легатов Антония.

82. Польское *kilkanascie* (в тексте *kilkiemnascie*) означает число в пределах второго десятка (от 11 до 19), так что численность флота Палемона Стрыйковский оценивает примерно в полтора десятка судов. Соответственно, на каждом из них должно было находиться по 30-40 человек, что вполне реально, или же по 30-40 *семей*, что для тогдашних кораблей все же многовато.

83. Смотри примечание 128 к книге второй.

84. Суждения Меховского о Литве приводятся не в шестой, а в пятой главе второй книги. Там приведена та же самая цитата и ее перевод с латыни, сделанный Стрыйковским. Буквально же у Меховского написано следующее: ***Старинные историки, рассказывая о***

древности, говорят, что некоторые италийцы, оставив Италию из-за несогласия с римлянами, пришли в землю Литовскую и дали ей имя родины — Италия, а людям название италы; у позднейших земля стала называться, с приставкой буквы **л** ***в начале — Литалия, а народ литалы.*** См.: Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Л., 1936. Стр. 98.

85. Венедским (do Wenedickiej odnogi) заливом Стрыйковский называет Куршский залив.

86. Вергилий. Энеида. Кн. I, 67. Пер. В.Я.Брюсова.

87. Судя по дальнейшему рассказу, речь здесь идет не о портах (porty) как таковых, а о местах, где путник может отдохнуть, то есть о постоялых дворах.

88. *Куршским морем* Стрыйковский называет пресноводный Куршский залив, который от Балтийского моря отделяет длинная и узкая Куршская коса.

89. Миля у Стрыйковского составляет около 8 км; 18 миль — 144 км, что близко соответствует расстоянию от Мемеля до Кёнигсберга. Из этого пути 98 км приходится на Куршскую косу, на которой, действительно, в то время было не более трех постоялых дворов.

90. *Песчаными горами* Стрыйковский называет дюны Куршской косы, происхождение которых описывает ниже — в полном соответствии с современными научными представлениями.

91. Павел Иовий или Паоло Джовио (1483-1552) всю жизнь собирал портреты выдающихся людей, большая часть которых написана с натуры. Его коллекция насчитывала 484 портрета, на которых изображены Саладин, Данте, Тамерлан, Скандербег, папа Александр VI Борджиа, Христофор Колумб, Франциск I, Карл V, Сигизмунд I Старый, Сулейман Великолепный, Анна Болейн, Екатерина Медичи и многие другие. Там был и хороший портрет самого Иовия. Однако здесь, видимо, речь идет не о собрании портретов, а о сборнике биографий. Кстати, именно Иовий посоветовал Джорджо Вазари написать биографии выдающихся современников.

92. Речь идет о кардинале Дьёрде Мартинуцци (Иржи Утешеновиче), который был и монахом, и регентом, и наместником Венгрии, и воеводой Трансильвании. Какой-то из его титулов наш автор, вероятно, и принял за личное имя. 16 декабря 1551 (а не 1560) года Мартинуцци был убит по приказу *Кастальдо*, командующего войсками императора Фердинанда I Габсбурга. У нас нет сведений, имел ли этот Кастальдо какое-то отношение к литовским Гаштольдам.

93. Смотри примечание 128 к книге второй.

94. Стрыйковский так логично обосновывает и убедительно описывает путешествие Либона или Палемона, что ему действительно начинаешь верить. Но все его построения опрокидывают исторические факты. Луций Скрибоний *Либон* после битвы при Мунде (45

г.до н.э.) оставался в римских владениях и еще лет десять воевал на стороне младшего сына Помпея. Однако в конце концов он перешел на сторону Антония (35 г. до н.э.) и вскоре стал римским консулом (34 г. до н.э.). Так что ему отнюдь не требовалось бежать за тридевять земель. Спокойно состарившись, Либон скончался в Италии после 21 года до н.э., на четверть века пережив Цезаря. См.: Аппиан Александрийский. Римская история. М., 1998. Стр. 621.

95. В издании 1846 года напечатано *Sainogetawie*, тогда как в издании 1582 года ясно написано *Samagetowie*, то есть Самогиты (Жемайты).

96. См.: Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М.,1981. Стр. 7.

97. Современное написание многих литовских и *латышских* слов отличается от приводимого Стрыйковским. Например, Бог — Dievas, *Dievs*; муж — vyras, *virs*; дорога — kelias, *cels*; овца — avis; хлеб — duona; зуб — dantis. А вот слово lauka, *lauks* ныне означает не лес, а, наоборот, поле. Зато слово laukinis означает *дикорастущий*, что при желании можно перевести и как *дебри, густые заросли*.

98. См.: Овидий. Метаморфозы. М., 1977. Стр. 369. Но латинский текст Овидия Стрыйковский цитирует неточно. См.: Ovid. Metamorphoses. Vol. II. London, 1916. Стр. 380.

99. Из этого предложения становится ясно, что Стрыйковский совершенно верно представлял себе весьма непростую географию этих мест. Пролив между северной оконечностью Куршской косы и Клайпедой вовсе не является устьем Немана, которое находится совсем в другом месте и представляет из себя разветвленную и сложную дельту. Смотри также примечание 170 к книге второй.

100. Смотри примечание 7 к книге второй.

101. См.: Мержинский А. Ф. Ромове. В кн.: Труды X археологического съезда в Риге. М.,1899.

102. То есть на северо-восток.

103. «Гонец добродетели» (Goniec cnoty) — генеалогическая поэма Стрыйковского (1574).

104. «Послание к Пизонам» — сочинение Горация, более известное под названиями «Наука поэзии» или «Об искусстве поэзии». См.: Квинт Гораций Флакк. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1936. Стр. 341-353.

105. Русский перевод сделан с польского, но польский вариант отличается от латинского, хотя они и близки по содержанию и смыслу. Приводим вольный перевод латинского текста.

Не родословная, не имена предков знаменитых,
Но честность и характер делают мужа именитым.
Сам рассуди, какая польза понтифику приукрашивать
Родословные, лица своих предков подкрашивать?
Есть ли жизнь в прекрасной статуе? Даже
Если ты ее раскрашенным воском обмажешь?
Днем с боевой колесницы ты гордо взираешь,
А по ночам в азартные игры играешь.
И в конце твоей жизни, крась ее иль не крась,
Лишь единственного суда признается власть.

106. Терсит — греческий воин низкого происхождения, который под Троей упрекал высшую знать (и в первую очередь Агамемнона) за присвоение лучшей части добычи. За эти слова он был избит Одиссеем. Гомер описывает Терсита как хромого и косоглазого урода. См.: Гомер. Илиада. Л., 1990. Стр. 23, 24.

107. Стрыйковский постоянно ссылается на Длугоша, хотя тот нигде не упоминает ни Либона, ни Палемона. Приводим отрывок из «Истории» Длугоша, который как раз и имеет в виду наш автор. ***Пруссы, литва и жмудь были одной крови и имели сходные меж собой языки и обычаи. В огне гражданских войн, ведшихся в Италии между Цезарем и Помпеем, оставив прежние поселения, [они] вступили, как утверждают, в те земли, которые населяют и ныне, выбрав себе новые места в глуши, среди лесов и пущ, рек, озер и болот. И наподобие Рима заложили город Ромове, в котором посадили верховного жреца, исполнителя религиозных обрядов. И хотя произношением отдельных слов эти народы различались наподобие поляков, чехов и русинов, в остальном они в значительной мере походили друг на друга. Однако, похоже, что их род и язык были не из одного источника, а пруссы были иного происхождения, чем литвины и жмудь. Когда-то по наущению Ганнибала царь Вифиниии Прусий безрассудно объявил войну римлянам. [...] Разгромленный римлянами и убегая перед их оружием с частью вифинцев, он остановился в северном краю, который от своего имени назвал Пруссией.*** См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. II. Krakow, 1867. Стр. 131, 132.

108. Смотри главу 6 книги второй.

109. Примечание Стрыйковского на полях: **Развлечения и образ жизни древних литовцев.** Вся хроника нашего автора — панегирик древним литовцам, но последнее двустишие доказывает, что Стрыйковский ясно понимал: грабеж соседей — подвиги довольно сомнительного свойства.

110. Примечание Стрыйковского на полях: **Честь и слава великих дел не может быть забыта** (zatlumiona).

111. Имеется в виду Вергилий, полное имя которого было Публий Вергилий Марон. Наш автор частенько ссылается на Вергилия, но лишь в этом месте называет его *Марон*, поскольку это ему понадобилось для рифмы со словом *патрон*.

112. Стрыйковский намекает на изречение из Евангелия: ***Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими.*** Это выражение стало поговоркой: *Не мечите бисер перед свиньями*. См.: Матфея 7: 6.

113. В этом двустишии зарифмованы не польские, а латинские слова, а вся фраза переводится так: *О коварные времена! О нравы! Честь создания моих стихов присвоена другим!*

114. Примечание автора на полях: ***Commenarius de Sarmatia Europea et rebus Litwanicus latine nuper descriptus ab Italo quidam iniuste vendicatus. Obtestatio conscientiae.*** *([Мое] латинское описание Европейской Сарматии и литовских дел недавно противозаконно приписал [себе] некий итальянец. [Призываю] совесть в свидетели).* Смотри примечание 46 к книге восьмой.

115. Ир (Ирус) — нищий, встреченный Одиссем при возвращении на Итаку, человек грубый и вздорный. См.: Гомер. Одиссея. М., 2000. Стр. 206.

116. Зоил — нарицательное имя завистливого и злобного критика. Реальный Зоил жил в Греции в III веке до н.э. и, в частности, придирчиво критиковал Гомера. См.: Элиан. Пестрые рассказы. М.-Л., 1964. Стр. 82.

.117 Возможно, это единственное место в хронике, где ее автор вполне определенно сообщает, что работу над книгой он начал не позднее 1573 года.

118. Нужно было очень постараться, чтобы из летописного *Борка* сделать римского *Порция*. И одного этого примера достаточно, чтобы убедиться, насколько ненадежна конструкция, с таким прилежанием возводимая Стрыйковским.

119. Известны три *Порциевых закона*, приписываемые претору 195 года до н.э. Луцию Порцию Леке и плебейскому трибуну 198 года до н.э. Марку Порцию Леке. Эти законы касаются прав римского гражданина.

120. В «Деяниях апостолов» имя этого «тысяченачальника» не упоминается, однако богословы установили, что это это был римский трибун Клавдий Лисий. См.: Деяния 22. 24-29.

121. См.: Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1981. Стр. 127.

122. *Сердце* по-литовски *sirdis*, а слово *kunas* означает *тело*.

123. Конон — единственный римский папа (686-687) с таким именем. Его понтификат длился всего 11 месяцев.

124. Куно или Конрад фон Цютфен (1020-1055) был баварским герцогом в 1049-1053 годах.

125. Конон Афинский — афинский полководец и государственный деятель. В 406 году до н.э. сменил Алкивиада в командовании флотом, но через год проиграл спартанскому флотоводцу Лисандру битву при Эгоспотамах (в Дарданеллах), потеряв большинство кораблей. Позднее во время Коринфской войны Конон в союзе с персами построил новый флот и разбил спартанцев в битве при Книде (394 год до н.э.), после чего с почетом вернулся в Афины. См.: Ксенофонт. Греческая история. СПб, 1993. Стр. 57- 58, 140-143.

126. Район между реками Невежис и Швента находится к северу от Каунаса. А река Ширвинта находится восточнее Швенты и как бы выпадает из предлагаемой схемы, так ее нельзя перейти, не переходя Швенту. Но всех известных нам белорусско-литовских летописях порядок перехода рек иной, ибо там Ширвинта упоминается *после* Швенты. И это уже совершенно другой район: к западу от Вильнюса. См.: ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 129; ПСРЛ, том 35. М., 1980. Стр. 128, 146, 173, 193, 215.

127. Озеро *Спера* находится в Ширвинтском районе Литвы. Озеро маленькое и не обозначено на большинстве даже крупномасштабных карт.

128. Современное написание слова Бог на литовском языке — *Dievos.* Случайный курьез: слово *Dziewoltow* по написанию больше похоже на *дьявол*.

129. Смотри примечание 88.

130. В этом месте «Хроника литовская и жмойтская» неожиданно и очень интересно дополняет Стрыйковского. ***Ибо однажды поймал там*** (в озере Спера) ***огромную рыбу с одним пером, которая была локтей пять в длину.*** См.: ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 17.

131. См.: Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Л., 1936. Стр. 98.

132. Сначала кажется, что имеется в виду Брест Литовский. В Хронике Литовской и Жмойтской так и написано: ***ку Берестю***. Но Брест никогда не назывался Браславом, к тому же это довольно далеко от Литвы. Речь здесь идет о белорусском Браславе, который находится между Полоцком и Даугавпилсом. Зато в Хронике Быховца написано верно: ***ku Braslawlu***. См.: ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 17, 129.

133. В белорусско-литовских летописях это известие содержится только в одной-единственной хронике — Хронике Быховца, если, разумеется, не считать Хроники Литовской и Жмойтской, которая сама является сокращенным переводом хроники Стрыйковского. Это обстоятельство может показаться доводом в пользу тех исследователей, которые и Хронику Быховца считают вторичной по отношению к хронике нашего автора. Нам кажется, что это доказывает как раз обратное: у Стрыйковского был-таки источник, где сообщалось об этом набеге, и этот источник — хроника типа Быховца. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 36.

134. Смотри главу 5 книги пятой и к ней примечание 80.

135. Согласно Лаврентьевской летописи Изяслав вступил в Киев 2 мая 1068 (6576) года, однако Никоновская летопись датирует это событие 1069 (6577) годом. Длугош указывает 1070 год, а откуда Стрыйковский взял 1065 год, нам неизвестно. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. III. Krakow, 1867. Стр. 305.; ПСРЛ, том I. СПб, 1846. Стр. 74; ПСРЛ, том IX. СПб, 1862. Стр. 96.

136. Относительно Вышеслава, а точнее, *Всеслава* Полоцкого, смотри примечание 58 к книге пятой.

137. Поразительно, но нашего автора нисколько не смущает, что *внуки* Палемона, жившего в середине I века до нашей эры, жили в середине XI столетия, то есть через 11 веков после своего *деда*. И даже если считать от Аттилы (середина V века), все равно получается многовато: *шесть веков.*

138. Латгалия не имеет и никогда не имела выхода к морю. Но Стрыйковский имел в виду не только латгалов, а вообще всех латышей, о чем он далее так и пишет.

139. Мейнхард был не архиепископом, а епископом, и не Рижским, а Ливонским, так как Рига была основана уже после смерти Мейнхарда.

140. Это примечание Стрыйковского можно истолковать двояко. Первый вариант: у меня есть все эти книги и желающие могут с ними ознакомиться. Второй вариант: в моей хронике есть ссылки на всех этих авторов, имена которых внесены в прилагаемый список использованной литературы. Смотри также наши примечания 14, 37, 94 к книге первой; 92 к книге второй; 12, 43 к книге третьей и 83, 106, 107, 108, 109 к книге четвертой.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1. Истинное и достоверное происхождение всех славянских народов.

Глава 2. О происхождении славного народа русского, славянского, сарматского и почему называются Словаками (Slowakami).

Глава 3. О Белой и Черной Руси, древних народах, восточных, северных и южных, и их князьях: Велико-Новгородских, Изборских, Псковских, Белозерских, Киевских, Луцких, Владимирских, Волынских, Галицких, Подгорских, Подольских.

Аскольд и Дир, потомки Кия, князья русских земель, лежащих на юге, как [они] воевали в Греции и добывали Константинополь.

Игорь Рюрикович, великий князь и самодержец земель русских.

Как Ольга отомстила древлянам за смерть своего супруга Игоря.

Святослав Игоревич, великий князь или царь Киевский и Переяславский, самодержец всей Руси.

О взаимных убийствах братьев, сыновей Святослава.

Владимир Великий Святославич, русский самодержец и первый христианин.

Глава 4. О древних обрядах или, вернее, идолопоклоннических безумствах жителей Руси, Польши, Жмуди, Литвы, Лифляндии и Пруссии и различиях между их фальшивыми богами.

Литовские, жмудские, самбийские, латышские и прусские боги.

Особые литовские и жмудские боги.

Мацея Стрыйковского Осостевичюса

ХРОНИКИ ПОЛЬСКОЙ, РУССКОЙ, КИЕВСКОЙ, МОСКОВСКОЙ И ПРОЧЕЕ,

составленной с великими трудами, усердием и трудолюбием

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Ясновельможному пану пану Остафию Воловичу [1]*, пану виленскому, канцлеру Великого княжества Литовского, старосте Брестскому, Кобринскому и прочее и ясновельможному пану пану Стефану Корибутовичу* [2]*,князю Збаражскому и прочее, воеводе Троцкому и прочее*

Глава первая

О достоверно обоснованном происхождении всех славянских народов

Бог, воистину читающий в людских сердцах, лучше знает, какую огромную, важную, трудную и тщательную работу я проделал, как будто бы развязывал Гордиев (Gordijskiego) узел на возу, разрубленный Александром (так как развязать его никак не удавалось), со всем прилежанием стараясь, милый читатель, правдиво и доказательно показать происхождение наших народов: Сарматских, Славянских, Русских, а прежде всего Литовских, как, откуда и каким образом пошли от потомства Ноя, а также как и по какой причине поселились в тех северных краях и из малых зачатков выросли в такие великие народы с такими обширными владениями. Ранее эти свидетельства частично уже были изложены в моей Хронике [в рассказе] о происхождении литовского народа, где мной пространно и доказательно из правдивых [известий] различных историков с начала и до конца показано происхождение и размножение живущих на этом свете народов от сыновей и потомков Ноя, идущих в генеалогическом порядке, выводя их прямо с корабля [Ноя]. Теперь я снова обращаюсь к древней истории славного русского народа, может быть, древнейшему для всех славянских земель и народов источнику, для чего, мне кажется, потребуется самое начало Хроники Русской, особенно верная генеалогическая линия русских славянских народов, чтобы в соответствии с возможностями [нашего] мозга и наших сил и используя доводы греческих, латинских, еврейских (hebrejskich) и халдейских историков, на хорошо заложенном фундаменте удобнее и основательнее можно было бы выстроить и согласовать историю русских и литовских народов.

Ибо большая часть истории польских, литовских, русских и иных народов, из которой мы черпаем [наши знания] о бессмертных делах людских, сгинула из-за недостатка сведущих людей, из-за чего [никто] не мог узнать о происхождении и подвигах своих народов, [порядке] правления князей и о верной хронологии, когда что деялось. Ведь наши славянские сарматские народы, помещенные в зимние полночные края, всегда были склонны к распрям, к войне, к жестокости и к захватам чужих земель, а не к свободным наукам. И все это по причине и по воле неласкового неба над этими странами и господствующих там созвездий: скандалиста Сатурна или ядовитого Скорпиона, заслонившего большую часть русских земель. Из-за этого многие деяния наших предков пропали во мгле темной ночи и сгинули в вечном мраке пещер и неведомых безднах, откуда взор потомков и достижения науки извлекают ныне примеры рыцарских подвигов, способные дать верные представления и сведения о своих славных предках, соседних народах и о себе самих — к великому и славному осознанию собственного призвания.

Волгари или Булгары. И все же Руссаки, Москва и Булгары (Bulgarowie) или Волгари (Wolgarowie), названные от реки Волги (над которой широко жили с давних лет), а также другие Славяне (Slawacy), писать начали раньше, чем мои Поляки.
Константинопольский император Михаил Куропалат. Ибо Михаил Куропалат [3], император Константинопольский, воюя с болгарами, славянами (Slawaki) народа русского, которые в то время совершали набеги на греческие государства и захватили большую часть Фракии и Далмации, после долгих битв помирился с ними в 790 году от рождения Господа Христа. **Славянские буквы** (Slawanskie littery)**.** И в знак дружбы и

окончательного примирения упомянутый цезарь Куропалат всем болгарам и славянам послал в подарок буквы глаголицы (Hlaholskie): Аз, А, Буки, Веди и т. д., которые в то время были заново придуманы из греческих и предназначены для славян [4].

Русский и болгарский народы первыми приняли глаголические буквы. Этим буквам, как и любому новому делу, которое народу кажется привлекательным, сразу же обучились Болгары, Сербы, Далматинцы, Хорваты и Руссаки, и только этими буквами начали писать свои истории и хроники, занося в книги не только порядок тех дел, которые в то время творились при них и до них, но также и те события и деяния, о которых слышали от своих стародавних предков и память о которых [те] долго сберегали в своих мыслях, глаголическим письмом записывали в свои книги и сохраняли на вечную память, уразумев, что история может быть сокровищем бессмертной славы [5].

Когда начали писать поляки. Наши же поляки начали писать только в 962 году от Господа Христа при Мечиславе, первом христианском князе Польши, и при Болеславе Храбром, первом короле, коронованном императором Оттоном в Гнезно в 999 году [6], которых, однако, руссаки на двести девять лет опередили в древности истории и в своей письменности. Ибо руссаки начали писать в 6406 году от сотворения мира, как считают русские и греки, то есть от Христа в 790 [7] или чуть позже, а по римскому летоисчислению от сотворения мира в 4745, от основания Рима в 1551 году, а от Господа Христа в 801 году, в чем также сходятся все латинские и греческие историки. Могу лично засвидетельствовать, что в мою бытность в Константинополе в 1574 году, прилежно изучая греческие и византийские древности, я видел столп или мраморную колонну с надписью цезаря Михаила Куропалата и числом вышеупомянутых лет по греческому и по латинскому счету. **Семь башен Едикуле.** Эти колонны упомянутый цезарь поставил (по дороге в Едикуле (Jedykuli), старый замок Константина Великого) в знак победы, одержанной над болгарами и сарацинами. **Император Михаил Куропалат поражен славянами.** А другую колонну я видел за Адрианополем, на том месте, где неблагодарные болгары, воздавая за дар присланного им в знак дружбы глаголического письма, упомянутого императора Михаила Куропалата, нарушив с ним мир, поразили так, что с этого погрома он сам едва утек, а потом от отчаяния поступил в монастырь, однако потом был убит теми же болгарами [8].

Кто бывал или будет в Адрианополе, видел знаки тех старинных болгарских битв с греками: учиненные на дивный манер круглые щиты из дерева и кожи, жуткие (okrutne) палицы, рогатые железные шары на цепях, дубины с большими гвоздями, смертоносные болты (belty gwaltowne) от самострелов, крестообразно заостренные железные шипы, которые, как пишет Ливий, при первых стычках использовала римская пехота, обломки старинных сабель и прочее. И все эти удивительные военные инструменты, которые я хорошо рассмотрел, развешены на стене у больших ворот, если идти от от турецкого города через ряды лавок (kramnice) до обнесенного стеной христианского Адрианополя.

От того Михаила Куропалата (Kuroplatessa) Болгары, Руссаки и все Славяне, кроме Поляков и Чехов, взяв буквы глаголицы, стали писать о своих делах. **Крум (Chruno), славянский князь Болгарский.** После убийства Куропалата в греческой империи властвовал Лев Армянский, который убил болгарского князя Крума в году от Христа 801,

при императоре Карле Великом и во времена 99 папы Иоанна (Jana) Третьего [9]. **О том же читай и у Кариона.**

Первые русские князья. Кий, Щек, Хорев и Лебедь. Итак, Руссаки уже семьсот и восемьдесят лет, то есть от года 801 Господа Христа имеют письмо и глаголические буквы, однако все русские хроники из самых первых князей в своем государстве пишут только об этих: Кие, от которого Киев; Щеке (Scieka), от которого Щекавица [10]; Хореве (Korewa) и сестре их Лебеди (Lebede), а также Аскольде (Oskalda) и Дире, их потомках. **Варяги.** Потом, по своему счету в году от сотворения мира 6370 (862), пишут о трех варяжских князьях, родных братьях Рюрике, Труворе и Синеусе (Sinaussa), [которые начали тогда] править в своих княжествах: Новгородском, Псковском, Изборском и Белозерском. И уже от них у всех руссаков появился порядок и осуществляется правильное наследование, [как] у Великих Князей Московских, а вот древнейшее происхождение своего народа определить не могут из-за неполноты истории и недостатка в тех, кто ее пишет.

А уж кого, когда и на что Дух Божий соблаговолит вдохновить даром своим святым, то и я тоже ранее решился [поведать] об этом с откровенной симпатией к нашим Славянским народам, так как с великими трудами (по доводам двух сотен заслуживающих доверия историков, собранных в одном месте) порядочно описал происхождение Славянских Русских народов от самого потопа, ну и кое-что в этом издании пока придержал и отложил на другое время, [если] Господь Бог [даст] здоровья [11].

В любом случае вернейшим и основательнейшим фундаментом [является то, что] как от других сыновей Ноя и их потомков другие [племена] размножились в разные народы, так и от нашего патриарха Мосоха (Мешеха), шестого сына Иафета и его потомков: Русса, Леха и Чеха достоверно выводят происхождение и имеют начало [своего] народа все Руссаки, Поляки, Москва, Болгары, Чехи и все славянские языки, какие только есть под небесами. О этом будет рассказано более пространно, но по определенным причинам отложим это на другое время, здесь же уделим немного места только для краткого [рассказа] о славянском патриархе Мосохе, чье имя издавна упоминают важнейшие историки: *Mosoch, Moscus, Mosca, Mosci, Moscorum, Moschovitarum, Modocarum* и т.п.

Прежде всего Моисей, пророк и огласитель Закона Божьего (Бытие, гл. 10) и Бероэс, халдейский жрец и древнейший историк (кн. 4 и 5), под 131 годом после потопа и далее пишет так: *Moschus vero Moschos simul et in Asia et in Aeuropa fundavit*, будто бы *Мосх (Мешех) основал народ Московитов сразу и в Азии, и в Европе*, о чем упоминается и в иных местах, что мы здесь умышленно опускаем, и прочее.

Потом *Ксенофонт в Греческой истории, Аполлоний в песни Аргонавтика, Геродот и Гай Юлий Солин в Энциклопедисте (гл. 20 и гл. 40), Птолемей (кн. 5, гл. 6, 9 и 13), Плиний в Естественной истории (кн. 5, гл. 27 и кн. 6, гл. 9 и 10), Помпей Трог и Юстин, Помпоний Мелла в Истории о положении мира (гл. 2), Иосиф Флавий в Иудейских древностях (кн. 1), Филон Иудей (Александрийский) в Толкованиях Библии, Корнелий Тацит, Страбон* и все прочие стародавние еврейские, халдейские, греческие и латинские историки, а из недавних и другие хронисты нашего времени, [такие] как Миареций (Miarecius) [12],

Винцентий Кадлубек, Галл Аноним, Длугош, Меховский, Йост Деций в *Происхождении поляков* и *Фамилии Ягеллонов,* Ваповский, Кромер (кн. 1, гл. 5, 8 и 12), Бельский и другие польские [историки]; Тилеманн Стелла, Цезариус (Cesareus) [13], Карион, Филипп Меланхтон, Куреус и другие немецкие [историки]; Эней Сильвий, Волатеран, Дубравий (Datravius) [14] и другие итальянские и чешские [историки] во многих местах определенно (dowodnie) упоминают о патриархе Мосохе, о Москве (Moskwy) и местах с таким названием. А Теодор Библиандер [15] в *de optimo genere explicandi Hebraica (о избранном народе евреев)* говорит так: *Mosoch vel Mesoch partem Asiae ad pontum accepit, ubi Moschitae, vel Moschovitae et Moschici montes et finitima loca Capadociae etc. (Мосох или Месох принял часть Азии от Понта, где [находятся] Мосхиты или горы Московитов и Москов и близлежащие районы Каппадокии)* [16].

А если кто скажет, что нынешняя Москва [17], народ Белой Руси, в недавние времена начал называться Москва от реки, города и столичного замка Москвы, то [напомним], что замок Москва с давних времен был сделан только из дерева и был незначителен. **Иван Данилович** (Калита) **перенес столицу в Москву.** Об этом и Герберштейн в *Chorographia principatus Moschoviae* пишет: Именно туда великий князь Иван Данилович двести тридцать лет [тому назад] перенес свою столицу из Владимира по совету Петра, митрополита Киевского и Русского. **Митрополит Петр.** Ибо митрополит Петр еще до этого тоже избрал себе там митрополичью столицу ради какого-то святого Алексея, у гроба которого в Москве творились чудеса [18]. **Когда и из-за чего прославилась нынешняя Москва.** Затем город Москва прославился и этими чудесами, и как столица великих князей, ибо вскоре после смерти Ивана Даниловича того же имени другой Иван Иванович держал там свою столицу, а за ним Димитрий (Донской), а за Димитрием Базиль или Василий (I), который, взяв в жены дочь Витовта, великого князя Литовского, Анастасию (Annotazia) или Софию, наследником после себя оставил Василия ослепленного (II Темного), от которого потом Иван (III) был наисчастливейшим великим князем Московским. **Победы и счастье Ивана, великого князя Московского.** Прежде всего он вырвал свой народ из под власти Татар и [избавил] от дани; Казанскую орду, Пермь (Pormia), Сибирь (Sibiria), Лапландию (Lapija), Югру (Juharia), откуда вышли предки Венгров, Азиатскую Булгарию и другие страны частично подчинил своей власти, частично обложил данью. **70 замков от Литвы оторвал.** От Литовского государства он оторвал 70 замков, со Шведами и с Инфлянтами вел великие войны, и стал писаться Царем и Государем (Panem) всей Руси. Только его внук [19] Василий, великий князь Московский, начал обносить Московский замок стенами и башнями, и стены эти его потомки еле достроили через целых тридцать лет.

Герберштейн о Москве. Однако сам Сигизмунд Герберштейн при описании города Москвы выше говорит так: А что город Москва другим местам давал от себя названия, это не точно, но правдоподобно, что город получил название от реки. *Nam esti urbis ipsa olim caput gentis non fuerit, Moscorum tamen nomen veteribus non ignotum fuisse constant*, ибо хотя сам город Москва перед этим не был столицей и не был главным у этого народа, однако верно и то, что древним историкам было известно имя московитского народа от Мосоха [20]. ***Бытие. 10; Иосиф*** *[Флавий]**, кн. 1, гл. 14; Филон, Библейские древности; Бероэс, кн. 4 и 5. Moscus vero Moschos simul et in Asia et in Europa fundavit.*** *(Моски, а на самом деле Мосхи, одновременно обосновались и в Европе и в Азии).* То же о Москве после долгого

изучения происхождения славянских народов утверждает и Кромер в *Польской хронике (кн. 1, гл. 8).* И заканчивает так: *Nec est incredibile eos (scilicet Moschovitas) cum Moschi, Modocae sive Amaxobitae antiquitus dicerentur, aliquando in vicinorum et cognatorum Russorum sive Roxolanorum nomen transisse, postea vero pristinum (id est nomen Moschorum) resumpsisse, etc.* (кн. 1, гл. 8). *(В древности их (то есть Московитов) называли также Москами, Модоками или Амаксобитами, иногда у их соседей и родственников появляется имя Русских или Роксоланов, а потом было восстановлено прежнее (то есть Москорум) название).*

Итак, Мосох, шестой сын Иафета, внук Ноя, после того смешения языков со всем своим народом двинулся из Вавилона за своим родичем Сарматом или Сарматой, сыном Истры или Иоктана, внуком Сима [21] и правнуком Ноя, о чем есть свидетельства у Моисея (Бытие, 10) и Иосифа (*Иудейские древности, кн. 1, гл. 14*) [22]. **Об этом тоже читай Кромера (кн. 1, гл. 21) *о Сарматах.*** И вместе с сыновьями Истры, то есть со Славянами, которые к ним присоединились, как пишет Бероэс, они двинулись через Армянские горы и Скифские или Татарские поля, из восточных стран к северным частям света. **Когда сарматы поселились у Черного моря.** И сначала осели над берегами Понта или Черного моря в 131 году после потопа и на 25 году царствования Нимрода в Вавилоне, а согласно другим историкам и географам, в 175 году от потопа и в 1830 году от Адама. Эти русские народы славянского языка, которых Святое Писание в Библии и все старшие историки издавна называли не Руссаки и не Русины, а Мосохи, Мосхи, Месхи, Модоки, Моссены, Мосхоикоики, и т. п. (*Mosochos, Moschos, Mesech, Modocas, Mossenos, Moschoicoicos*), пошли от патриарха Мосоха Иафетовича, а не от этой нынешней новой Москвы. А те, несмотря на то, что одного народу русского или роксоланского от того же Мосоха, через многие века отбросили это имя, отказались им пользоваться и звались только Русью и Русаками как при тех трех братьях, варяжских князьях, так и при Ольге или Елене и монархе Владимире и другом [Владимире] Мономахе и прочих князьях. И не знать было того имени Москва в те времена, когда в русских землях благоденствовали одни лишь Киевские, Владимирские, Великого Новгорода, Черниговские, Галицкие, Смоленские и другие князья, как [мы] уже достаточно начитались выше.

Уже потом, через двести и еще несколько десятков лет это древнее имя Русского и Сарматского патриарха Мосоха воскресили, когда с перенесением столицы из Владимира [здешний народ] стал зваться Москва от города и от реки Москвы. Но приступим к [нашему] рассказу.

Тот же Мосох, сын Иафетов, живя над Понтом Эвксинским [или] Черным морем, размножил свое [племя] в великий народ, а потом, заложив там в полях королевство Колхов (Colchorum), славное золотым руном и плаванием Ясона, размножил и широко расселил там славянский народ. **Когда славяне (Slawacy) поселились над Волгой и Доном.** Его потомки двинулись дальше, в северные края за Понтийским или Черным морем, где широко расселились в полях над реками Танаисом или Доном и Волгой и над Меотийским озером или морским заливом, в который впадает Танаис, и за короткое время размножились в великие народы. **Иафет** [значит] **расширение.** Так в потомстве Иафета и Мосоха исполнилось значение их собственных имен, ибо Иафет на халдейском и еврейском языках означает расширение или расширяющий, а Мосох означает

растягивающий, вытягивающий и далекий; так же и их потомки по счастливому поздравлению и благословлению патриарха Ноя и предназначению имен своих предков далеко расширили и протянули свои поселения и наполнили народами слявянского языка все северные страны и части света Среднего Востока (miedzywschodnie). Начиная от Каппадокийского и Колхидского царств и вышедши около *Боспора Киммерийского* к Черному морю или Понту Эвксинскому, заселили они все берега Танаиса, Оки, Волги, Камы (Chamy), Днепра, Буга [23], Десны, Днестра, Дуная и в своем долгом движении вплоть до истоков Двины и Немана и в конце концов до самого Ледовитого [океана] и Балтийского или Венедского, а по-московскому Варяжского моря, омывающего нынешнюю Лифляндию, Швецию, Финляндию и достигающего Норвегии, распространили имя, силу и власть славянского языка.

Асармот же, или Сармата, сын Иоктана, внук Сима [24] и правнук патриарха Ноя, согласно Иосифу (Иудейские древности, кн. 1, гл. 14) и Моисею (Бытие, 10), который тоже поселился было в тех северных странах [вместе] с Мосохом, своим двоюродным (stryjecznym) дедом, дал свое имя и прозвище сарматам, и от него всех нас зовут сарматами, то есть людьми высокими и высокомерными (wynioslymi) [25]. Ибо *Тилеманн Стелла в выводе генеалогии Иисуса Христа (deductione Genealogiae Jesu Cristi)* так объясняет *название сарматов (Sarmatae vocabulum)*: ***Igitur a Riphat Filio Gomeri Riphaei qui sunt Sarmatae et Heneti. Nomen autem Heneti Hebreis significat Vagabundi, Graeci dixerunt Nomades, id est, subinde alia pascua et alia loca quaerentes, sarmata autem interpretatur Dux altitudinis, vel Dux superioris regionis.*** *(Итак, Рифат — сын Гомера, Рифеи — это Сарматы и Генеты. Название Генеты на еврейском означает бродяги, греки же зовут их Номады, то есть время от времени бродящие в поисках других пастбищ и других мест. Сармата же означает князь высоты или князь вышележащих районов).* ***Sarmata Dux altitudinis.*** *(Сармата — князь высоты).*

Итак, милый читатель, можешь сравнить мои доводы с сентенциями других историков и получить здесь мою сентенцию о Сарматах, самое полное свидетельство, подкрепленное и обоснованное мнениями столь почтенных и великих мужей. Сарматы называются так от Ассармота или Сармата, сына Иоктана, внука Сима и правнука Ноя, а не от Твискона или Аскены, сына Гомера, как некоторые наши [авторы], а сначала и Длугош, писали из немецких хронистов. И не от Явана и Элиссы (Jawan i Helissa), как мимо брода (chibiwszy brodu) указал старина Меховский *в первом рассуждении о происхождении поляков, кн. 1, гл. 1, стр. 1 (in deductione primae origines Polonorum)*, ибо Яван и его сын Элисса [26] размножили греческие и латинские народы, а не сарматов, которые и языком и старинными обычаями очень отличаются от греков и латинян, а также от немцев.

Вармийский епископ Кромер в своей хронике, которая высветила польскую историю из темноты и выгребла ее из глубокой и замкнутой пропасти, свое мнение и мудрое рассуждение о названии и происхождении сарматов пишет в начале первой книги в главе 12 под названием: *ubi asserit Sarmatas esse Slavos et Venedos ipsosque esse priskos Sarmatas, vel it Graeci dicunt Sauromatas: dispersique a turris Babilonicae edificatione post diluvium universae terrae hominibus, has oras occupasse opinentur: Non a Twiskone sed ab Assarmote seu Sarmate, quem Moses et Josephus Hebraei scriptores Istri, vel Jectani filium, Semi nepotem* [27]*, Nohae pronepotem fuisse memorant, nomen originemque ducentes, etc. (где он*

утверждает, что сарматы или савроматы, как их называют греки, это славяне и венеды, которые разбрелись после всемирного потопа и строительства Вавилонской башни и заселили эти края. Они произошли и были названы не от Твискона, а от Ассармота или Сармата, которого летописи Моисея и еврея Иосифа именуют сыном Истры или Иоктана, внуком Сима и правнуком Ноя). ***Sarmatae et Slavi non a Tviscone ut vult Crantius, sed ab Asarmote in Aeuropa.*** *(Сарматы и славяне [появились] в Европе не от Твискона, как хочет Кранций, а от Асармота).*

А халдей Бероэс в кн. 4 пишет, что Твискон [28] был королем Сарматским от Танаиса до самой реки Рейн (Renu), а также в кн. 8 упоминает, что в 131 году от потопа Твискон основал великий народ Сарматов, и наряду с этим там же сообщает, что Моск (Moscus), Мосох (Mosoch) или Москва (Moskwa) заложил и размножил Московские королевства в Азии, а заодно и в Европе. **Бероэс, кн. 4 и кн. 8.**

Там же в той же книге (*eodem libro*) также пишет: *Anno hujus Nini quarto etc.* На четвертом году правления Нина, третьего вавилонского короля, гигант или великан (obrzym) Твискон учил Сарматов праву или закону на Рейне (u Rhenu), и т. д.

Наконец, Кромер *asserens pulcherrimis argumentis, Slavos et Sarmatas Germanos non esse cap. 6, lib. 1 (с помощью красивых аргументов (кн.1, гл.6) утверждает, что славяне и сарматы не немцы)*, с помощью красивых аргументов делает вывод, что Бероэса при полном доверии к его истории надо отбросить (zostawil), а Сарматов или Славян (Slowaki) считать размножившимися не от Твискона, а от Асармота или Сармата. Кранция, Иордана, французские хроники (Franciska Ironica) и немецких историков *vi veritatis victos ac manus* (как сам пишет) *dantes,* силой истины победил, добровольно поданые руки связал, суждения их своими ясными доводами порушил и в ничто обратил. Ясно свидетельствует об этом и честный Плиний, ученый географ и большого дарования историк, говоря: *Sarmatae quidem serte Germani non sunt, etc.* Воистину сарматы это не немцы, ибо отделены от них рекой Вислой, изгибающейся к восходу солнца.

Плиниево мнение и суждение о Сарматах, подкрепленное исчерпывающими доводами, [разделяют] также Корнелий Тацит, Страбон, Птолемей и другие славные историки и географы.

Другие же, особенно Бельский, [говоря] о начале происхождения польского народа, пишут, что Савроматия была названа от людей со змеиными глазами (jaszczorcimi), ибо *Sauros* по-гречески ящерка, а *omma* — око, откуда и выводят название савроматов, как людей гневливых и наводящих страх (straszliwych), у которых в глазах мелькает (pierszala) вспыльчивость и ядовитая жестокость, как у свирепых ящеров (на которых я насмотрелся в Турции, среди скал). **Ящерицы там иногда на полторы сажени, а другие в локоть.** Однако Бельский сам же приводит и это свое предположение и другое, что Сарматы могли пойти от Твискона, а по мнению и мудрому рассуждению доктора Кромера получается, что Сарматы произошли от Ассармота, сына Иоктана, внука Сима. Ибо и ученый доктор Тилеманн Стелла *в Генеалогии Христа (Tabulla genealogiae Christi) Sauromatam non a Sauros et omnia* глубокомысленно (glebokim rozumem) толкует [смысл] греческих слов, но

из халдейского языка, *Ducem altitudinis vel ducem superioris regionis*, то есть вождь и князь высоты (wysokosci) или вышележащей страны (wyzszej krainy).

Глава вторая

О происхождении славного народа русского славянского, сарматского

и отчего [они] называются Славаками

О Славаках и Славянских землях народа русского: откуда пошло (uroslo) их прозвище? На это, милый читатель, у разных историков есть различные мнения. Однако очевидно, что наши предки Славяне или Славаки славились рыцарской отвагой еще со времен Троянской войны. **Пафлагония.** А их поселения были в Пафлагонии, области Малой Азии у Понта Эвксинского или Черного моря, где теперь живут турки и греки, а среди них Славаки, Сербы и Болгары, вернее, их остатки, которые считают себя не пришельцами, как турки, а собственными наследниками Пафлагонской земли со стародавних веков, о чем я и сам имел с ними частые беседы в 1574 году, когда бывал в тех краях.

Прокопий. Готская война (de bello Gotico). Славный и стародавний историк Прокопий тысячу шестьдесят лет тому назад во времена константинопольского императора Юстиниана в году Господа Христа 528 и при 49 папе Гиларии [29] тоже упоминал Славаков [30], когда писал о Готской войне.

А не менее древний хронист алан (Alanus) Иорнанд в 492 году от Христа пишет, что имя или название Славаков [31] в его времена было новым, однако свидетельствует, что славянский язык (movie Slowienska), которым пользуются теперь все Славаки, существовал издавна. **Этому известию тысяча и 88 лет.**

Древнейшие языки после потопа. Должно быть, так оно и было, ибо после смешения языков у Вавилонской башни самым первым был язык халдейский и еврейский (hebrejski) или жидовский (zydowski), потом скифский или татарский; египетский, эфиопский и индийский; потом греческий и латинский. Шестым был наш, славянский, от Мосоха, шестого сына Иафета; за ним немецкий от Твискона. Это самые первые на всем свете языки, из которых, как из живых источников, берут начало другие языки различных народов, наречия которых имеют свои особенности и различия из-за различия в границах, что я должным образом разъясню каждому, кто захочет меня об этом спросить. И, несмотря на то, что, по Библии, один язык превратился в 72 языка в соответствии с вождями и князьми, но мудрый, бывалый и сведущий в языках и сам может сделать об этом соответствующее рассуждение. **Древность славянского языка.** Вот так и Иорнанд, который писал свою хронику тысячу с лишним лет назад, свидетельствует, что славянский язык существовал издавна, и в этом не ошибается, ибо, согласно Бероэсу, он возник вместе [с другими] в 131 году после потопа.

Иорнанд в другом месте пишет о славаках. Тот же Иорнанд, который [жил] при 55 императоре Маврикии [32], в 584 году от Господа Христа пишет, что славаки жили в странах к северу от Истра или Дуная. **Славянские войны.** А потом, переправившись через Дунай,

разорили и повоевали обе Мезии (Missia), Паннонию, Венгрию, Австрию, Македонию, Фракию, Истрию. **Почему и откуда названы поселения древних славаков.** И, мечом обеспечив себе безопасное проживание в этих краях, одни осели в тамошних землях, другие между реками Дравой и Савой в Иллирике и в Далмации, и все единодушно сами от себя эти земли назвали Славянскими в честь своих славных подвигов. **Славаки грозят** (silni) **римлянам и грекам.** А расширяя свои границы и постоянными войнами закладывая основы мира для себя и своих потомков, Римскую и Константинопольскую империи пригнули почти до земли, ослабив их ряды. О чем подробнее найдешь у упомянутых историков: Иорнанда, Прокопия и других.

Славаки славны войнами, год 298. А Блондус [33], который сто двадцать лет [назад] писал историю об упадке Римского царства, в правление Аркадия и Гонория, которые были императорами в 298 году [34] от Господа Христа, делает древнейшее упоминание о славянском народе, который был славен уже в то время.

Помпей Трог и Юстин (кн. 32) о славянских предках. Помпей Трог, древнейший среди всех этих историков римский историк, который еще до рождения Господа писал историю различных народов, а из него Юстин в книге 32 так пишет о народе славян, которых также называют Истрами. **Истрами Славаков зовут от Дуная.** Ээт или Аэта, король Колхиды, земли, лежащей над Черным морем недалеко от реки Танаис или Дон, текущей из Московии, когда Ясон с аргонавтами увез у него дочь Медею с великим сокровищем (которое поэты зовут *Aureum vellus (Золотым руном)*), послал за ним в погоню двадцать тысяч человек на кораблях по Черному морю. **Мореплавание рыцарства короля Ээта, гонящегося за Ясоном.** Когда они приплыли к устью Дуная, то поднялись по нему на своих кораблях, пока не приплыли к устьям рек Савы и Дравы, а потом по реке Саве пришли под горы Итальянские Альпы. И на плечах перетащили свои корабли через горы по волокам или на плечах перенесли до берегов Адриатического моря, гонясь за аргонавтами и Ясоном и разыскивая злодеев и изменников, ограбивших их короля Ээта. **В году 4010 от сотворения мира.** Но когда их там не нашли, как надеялись, то, порушив свои корабли, пришли на итальянские поля, где ныне славный город Аквилея. И там осели, полюбив положение этой щедрой земли и не желая возвращаться обратно домой в Колхидское царство — либо из страха перед своим королем Ээтом, что не догнали его злодеев, либо им опостылело тоскливое мореплавание и волокита.

И вот так, когда наши Славаки поселились в итальянских полях на берегах Адриатического моря, которое ныне омывает Венецию и ее окрестности, их прозвали Истрами от реки Истры или Дуная, по которому приплыли из моря и из своей страны Колхиды. Их можно называть Истрийцы (Istrijczykowie) или Дунайцы (Dunajczykowie), ибо Славаки Дунай называют *Wister* а латиняне *Ister*, как у *Овидия* в *Элегии* 3 *с Понта к Максиму (ad Maximum)*:

Quaeque aliae gentes ubi frigore constitit Ister, etc.

Где покрывается льдом на зиму варварский Истр, и т.д. [35]

И из Элегии к Весталису (ad Vestalem) 7, кн. 4:

Jam vides onerata ferox ut ducat Jasis
Per medias Istri plaustra bubulcus aquas.

Видел, как груженый воз с воловьей упряжкой по Истру
Посуху стрежнем реки гонит отважный язиг.

Овидий удивлялся, что Ятвяги (Jatwiezowie) [36] **ездили через Дунай по льду на возах.**

Idem: Binominis (имеющий два имени) *Istri, etc.* Дунай называют Истром и другие историки и географы, а Славаки, широко расселившиеся над ним и над Адриатическим морем, звались Истрийцами или Истрами. Отсюда каждый очевидно и убедительно может видеть, что Славаки издавна распространились в Азии и в Европе, многие из них поселились в Итальянских и Греческих краях, и все они происходят из потомства Иафета и его сына Мосоха. **За 1800 лет** [до нас]. **Откуда выходили славянские народы.** Из зимних стран, а особенно из тех краев, которыми ныне владеет Москва, и от озера Меотис и Черного моря или Понта Эвксинского, ища спокойного неба и наиболее пригодных для жизни (zyzniejszych) мест, [они] приходили в те европейские страны, в которых повсюду живут и ныне. **Сарматы, Роксоланы.** Сначала [это были] Сарматы и Роксоланы, либо руссаки, которые вели долгие войны с Митридатом, этим славным понтийским королем. **Об этом читай Волатерана.** После них [были] Готы, Кимвры и Вандалиты, часть которых поселилась в тех странах, где ныне Литва, Жмудь и Латвия, как свидетельствуют шведские и датские историки и урожденные немцы Сицилиус Кимбер (Cilicius Cimber) [37] в прологе к *Дитмаршской войне* (*in proemio belli Ditmarsici*), Карион во второй книге третьей монархии второго века и *Иоахим Куреус Фрайштадский* (*Joachimus Cureus Freistadiensis*) в *Истории Силезии* [38]. **Сицилиус Кимбер (Cymber) и Карион в книге 2.**

А другая часть тех же вандалитов, готов и кимвров, объединив свои силы со Славянскими и Немецкими, а также с Литовскими народами, повоевали всю Европу, Венгерскую, Греческую, Итальянскую и Французскую земли.

Рим разорен вандалитами в 429 году от Христа. Эти вандалиты не обошли и Африку, третью часть света, и Рим, который жестоко разорили, а в в Африке жили лет двести, о чем везде имеем уже и явную историю, [однако] отвлекаться на это не хочется.

Волгары и булгары. После Вандалитов, Сарматов, Готов и Роксоланов из тех же полей и Московских краев, северных и восточных, вышли другие народы того же славянского языка, которые от реки Волги именовали себя Волгарами (Wolgarami) или Булгарами. Булгария или Волгария — большая страна по обоим берегам реки Волги между Европой и Азией. Эта река начинается в Ржовской (Rsowskiej) московской земле из озера Волго [39]. **Ржова (Rsowa) — землица, в которой начинается Волга.** Вобрав в себя много других больших рек, [Волга] течет далеко через Московские края, а потом, проходя через Казанскую, Заволжскую, Ногайскую, Астраханскую и другие татарские орды, за Астраханью семьюдесятью двумя устьями впадает в Каспийское или Гирканское и Персидское (Porskie) море, которое Москва зовет Хвалынским морем. **Волга — река Эдель (Edel) или Ра (Rha)**. По-московски Волга, а по-татарски Эдель (Edelsu); Птолемей

и греки дали ей имя Ро (Rho) [40], а наш Бельский, не разбиравшийся в Московских краях, считал ее тем же самым, что и Танаис или Дон.

Движение волгаров от Волги. Вот от этой реки Волги и из тех полей (от которых Князь Московский и ныне пишется Господарем Булгарским), наши славянские предки Булгары или Волгары, ища лучших мест, двинулись великой ордой со многими людьми и сначала пришли к Черному морю и озеру Меотис. А некоторые пишут, что из отчих полей их вытеснили татары, что вряд ли, как убедительно покажем ниже. И там немалое время спокойно жили над Черным морем, между реками Доном и Днепром, где ныне Киркельские (Kirkielscy) [41], Крымские и Мангупские татары.

Волгары в Таврике. А когда размножились в тех полях, то со временем осели в Таврике, которую перекопский царь ныне подчинил своему престолу. Потом услышали о несогласии римских императоров и что их повоевал Аттила, [который] в то время с гуннами или уграми от реки Угры в тех же Московских краях, пройдя большую часть Европы, завладел Венгерской землей. **Волгары Славаки вторглись в римские земли в 420 году от Христа и поселились в Валахии и Мултении.** И наши Булгары со своим князем Дербалом (Derbalem) [42] по воде и по земле двинулись в Дакию, тогдашнюю римскую провинцию между Дунаем и Днестром, где ныне живут Валахи и Мултяне. И, выгнав даков, сами силой завладели той страной в 420 году от Господа Христа. Потом, в 454 году, узнав о смерти императора Феодосия [43], переправились через Дунай в Мёзию [44] и легко завладели обоими Мёзиями, Большой и Малой, [отняв их] у греческих императоров, видя их внутренние несогласия. И от своего имени назвали эту страну Болгарией, и так она называется и поныне. Сами нынешние болгары открыто признают, что их предки вышли из Московских стран.

Славяне болгары поразили императора Зенона. Эти болгарские славяне (Bulgarowie Slawacy) жили за Дунаем между высокими и скалистыми горами Балканами, выйдя из земли Мултянской от придунайских замков Браилова, Джурджиева и Рущука (Urusciuka), где и я дважды переправлялся и туда и сюда. Потом эти славяне болгары заселили большую часть Фракии (Traciej), в 476 году от Господа Христа поразили константинопольского императора Зенона и, воспользовавшись победой, захватили и сожгли Константинополь [45]. **Император Анастасий.** Поэтому в 492 году от Христа пятидесятый император Анастасий, видя набеги болгар и их великие насилия, построил длинную стену от Силиврии (Silibriej), которая лежит над Геллеспонтом, до самого Понта Эвксинского или Черного моря, желая за этой стеной [46] жить со своими константинопольцами в покое от болгар. **Стены от болгар.** Но оставил без обороны и бросил Фракию с Адрианополем, которые болгары полностью заселили и, развалив эти стены, снова наезжали на константинопольские волости. О чем пишет и Кромер в главе 8 *titulo deductionis Sarmatiae populorum* *(вывод названия сарматского народа)*, в свидетельство приводя Помпония Лета, ну и я, побывав там, этому полный и очевидный свидетель. ***Помпоний Лет и Кромер, глава 8.*** Ибо я и сам дважды был в турецком местечке Силиврии, где на скале над морем Геллеспонт висит замок, где-то в восьми наших милях от Константинополя. И ныне там явные признаки [укреплений] с перекопами и валами. Эти стены в полях за Силиврией тянутся на несколько миль, может быть. более чем на дюжину (kilkanascie). И каждый, кто туда поедет, [это] легко сможет

увидеть, особенно у Черного моря, едучи от Константинополя к Белгороду Валашскому (Днестровскому). **Анастасия, пятидесятого императора, убила молния, о чем читай Кариона.** Ибо Анастасий, пятидесятый по счету император, строил эту стену целых двадцать шесть лет, в течение почти всего времени своего царствования, а когда 26 лет процарствовал, его убила молния [47]. **Болгарский князь Крум.** После его смерти болгары со своим третьим князем Крумом (Chrunem) [48] разоряли и беспрепятственно занимали греческие владения.

Лев Икономах. Потом, в 713 году от Господа Христа упомянутые болгары помогли императору Льву Третьему, прозванному Икономах (Ikonomachus), то есть иконоборец, которого восемь лет осаждали в Константинополе сарацины [49]. Когда их уже сильно донимали болезни и голод, славяне болгары поразили их наголову. **Болгары, объединившись с греками, поразили сарацин.** Кроме того, те же болгары, подложив огонь под водой, тайным умыслом (misternym wymyslem) подожгли сарацинские суда и галеры в Геллеспонте и Пропонтиде [50]. О чем упоминает и немец Карион в своей Хронике, *кн. 3, Monarchiae 4, Aetatis 3*. **Карион, кн. 3.**

Болгары убили императора Никифора. Потом, в 796 году, от сотворения мира по римскому счету 4074, а от основания Рима в 1551, эти же болгары константинопольского цезаря Никифора поразили со всем греческим и римским войском и убили его самого [51]. А потом у Адрианополя наголову поразили Михаила Куропалата, как об этом прежде уже рассказывалось подробнее, да так жестоко, что сам он едва утек и, не пробыв на царстве и двух лет, с горя ушел в монастырь. **Михаил Куропалат поражен болгарами.** Там же и римские войска полегли, которые пришли было на помощь грекам, а взятый [в плен] римский гетман Асбальд (Asbaldus) был заживо сожжен болгарами как жертва. **Римский гетман Асбальдус сожжен** [52]. От этого Михаила Куропалата упомянутые болгары получили в подарок глаголические буквы, которыми ныне пользуются все руссаки [53]. После этой победы [болгары] завладели Боснией, Далмацией, Иллириком и всеми римскими землями, лежащими над Эгейским морем до Адриатического моря, и наполнили их славянскими народами, [которые там живут] вплоть до нашего времени. **Болгары взяли Истринополь.** Силой [они] взяли Истринополь (Istrinopolim) [54], город на итальянской границе, которым сейчас владеют венеты, где захватили в неволю пятнадцать тысяч лучших людей. **Король лангобардов Альгимунд поражен.** А когда король лангобардов Альгимунд (Algimundus) [55] собрался на них с войском, желая их оттуда выгнать, его поразили наголову, так что Славаки и доныне широко распространены в тех краях.

Албания и Эпир, славные королем Пирром и Скандербегом. Потом поселились в Эпире и Албании, где заложили города и замки, названные славянскими именами: Ябланица, Яйце, Светиград, Лисса, Мокра, Белиград, Добра, Круя, Новиград [56] и другие.

В 859 году болгары приняли римскую веру Христову. Римский папа Николай Первый, а после папессы Иоанны (Janie Niewiescie) третий [57], в 859 году писал им ласковые письма, чтобы приняли крест святой и веру Христову, на что они радостно согласились, ибо между ними было много христиан того же славянского языка, особенно греческой религии. Тогда папа Николай послал к ним своих легатов и многих духовных лиц,

которые болгар и других славян во Фракии и в Мезии окрестили и научили христианской вере по римскому обряду, а греческих священников фортуниан [58], которые до этого привели было их к своему закону, выгнали от них, обозвав отщепенцами (odszczepiencami) [59].

Славяне болгары в результате обретения веры поразили сарацин. Итак, когда все болгары единодушно приняли святой крест, они узнали, что сарацины жестоко повоевали Испанию, итальянские земли и Францию, заселили часть Испании и уже завладели Гаргано (Garganum), знаменитой горой в Апулии, ибо христианские государи не могли дать им отпор. Собрались тогда добровольно на них болгары и славаки и землей и морем двинулись в Апулию, где поразили тридцать тысяч сарацинов. А потом и с другими сарацинскими войсками заводя битвы в Анконском и Неаполитанском портах, дивной хитростью сожгли им корабли и галеры, и всех магометан разгромили. Случилось это в 859 году от Христа, при императоре Людовике Втором, сыне Лотаря [60], а от сарацинского пророка Магомета в 43 году, по расчетам Кариона [61]. **О чем читай Кариона.** А болгарский князь после после этой услуги христианам вступил в монашеский орден, уступив власть своему сыну, А тот правил несправедливо, к тому же был заражен [учением] секты константинопольских фортуниан. И отец, вышедши из монастыря, приказал выколоть ему глаза, в князья болгарам дал младшего сына, а сам вернулся в монастырь, где и окончил свои дни [62]. Но потом болгары и едва ли не все славяне из-за соседства [с Византией] перешли в греческий закон, в котором пребывают и ныне.

Вот так от того русского колена болгар или волгар, вышедших из Московских краев от реки Волги, эти славянские народы [с помощью] своей рыцарской отваги широко распространились от Фракийского моря до Венецианского (Weneckiego). Сербы завладели землями, где до этого была Малая Мёзия, а ныне зовется Сербия или Сервия. **Несчастливое это название Сервия, ибо все они служат (servitute) Турции.** Болгары [осели там], где до этого была Большая Мёзия; боснийцы — где прежде была Либурния, а ныне Боснийская земля. А где до этого были Иллирик и Далмация, ныне среди гор и у Адриатического моря живут Рагузы, Карвы (Karwie), Хорваты (Karwatowie), Раши или Рачовцы (Rasciowie albo Raczowie) [63], Карниоланы (Словенцы) [64], Албанцы [65], Истрийцы и другие, и все они взаправду потомки тех же булгар или московских волгаров с реки Волги. До нынешнего времени эти народы говорят на славянском языке и называют себя славянами (Slawakami), особенно те, которые осели в Иллирике, в Далмации и Либурнии.

Святой Иероним Далматский. Из того же славянского народа был и святой Иероним Далматский [66], доктор и столп всемирной церкви, святостью жизни прославившийся (kwitnal) в году 368 от Христа. **Святые Мефодий и Кирилл, болгарские славянские апостолы.** Также из того же болгарского рода были и Кириллус, которого русские [зовут] Кирило или Курило, и Мефодий, первые славянские апостолы. Защищая христианскую веру, Кирилл на славянском и на латинском языках писал прекрасные (piekne) книги против императора Юлиана Отступника, жившего в 365 году [67]. Как свидетельствует Карион (кн. 3), эти славянские книги еще и ныне имеются в библиотеке славного теолога Яна Рёхлина (Reuclina) [68] в городе Пфорцхайм (Pflorzenskim).

А почему, отчего и по какой причине Болгары, Руссаки, Хорваты, Сербы, Далматинцы, Боснийцы, Иллирийцы и другие из того народа наших предков назвали себя Славаками, у различных историков различные мнения, как я уже писал выше.

Откуда [пошло] **название Славаки.** Свида (Suidas) в своих книгах [69] считает славянский народ славным и помещает его за Истром или Дунаем, где ныне болгары и сербы. За знатность и славные рыцарские подвиги они названы Славонами и Славаками, а не Склавонами, как говорят итальянцы, желая этим прозвищем отличать их от скифов и татар. Ведь греки не видели (nie czynili) никакой разницы между Татарами и славянскими народами Энетами (Henetami) или Сарматами. О чем также упоминает и урожденный немец Иоахим Куреус в Истории Силезии. Он пишет, что Энеты (Henety) и Вандалиты были собственно Славаками, произошедшими от Мосоха (Мешеха), которые выгнали готов из тех полей, где ныне Литва и Белая Русь. А другие [вместе] с теми готами, а также с кимврами, двинулись в западные края, ибо наши предки Славаки издавна имели обширные поселения в немецких землях вплоть до года Господнего 1149, когда при императоре Конраде против них поднялись (oburzyly) все имперские князья и вытеснили их из Мейсена (Misniej) и из прилегающих пределов Датского королевства, ибо в течение целых пятисот лет те пребывали в идолопоклонстве [70]. Тот же немец Куреус пишет, что вскоре после смерти жестокого венгерского короля Аттилы сарматские народы славянского языка, с великими силами подступив от Ледовитого океана и озера Меотис из русских Московских краев, выгнали Немцев (Niemcow), Семнонов (Senonow), Гермундуров и Боев из тех полей, которые ныне включает в себя Польша. **Слова Ваповского.** О чем пишет и поляк Ваповский, краковский кантор, в своей хронике, которую, умерев, так и не закончил и не увидел [изданной]. По его словам, наши предки Славаки или славяне названы от озера Словион (Slowionego) [71], которое есть в московской стороне. Поэтому поляки, чехи, болгары и другие Славаки и Русаки, которые все ведут свое происхождение от Мосоха или Москвы (Moskwi), сына Иафета, вышли из московских краев. Так говорит Ваповский.

Ошибочное (nikczemne) **мнение Кранция.** Альберт же Кранций, немецкий историк, имя названных Словаков выводит от многоречивости (wielamownosci) слов, но это его необдуманное мнение явно негодное. Ибо Славаки, по мнению мудрых людей, истинно и правдиво зовутся Славаками от славы. **Отчего названы Славаками.** Ибо сами славаки и болгары единодушно дали себе это имя из родного русского языка от славы и своих славных рыцарских подвигов. И так как они сами себя называли Славными и Славаками, то и латиняне, с которыми они долго воевали за греческие и итальянские страны, начали звать их *Славины* и *Славы*, а не *Словины* и *Словы*, а край их *Славония*, а не *Словония* — не от слов, а от славы. **Древние славянские имена.** Поэтому древние Русаки, Поляки и Чехи, наши предки, всегда более всех сокровищ достойно любившие славу, и князьям, и своим сыновьям, и другим людям из своего народа давали простонародные имена, связанные со [словом] *слава*: Святослав, Пржемыслав, Стослав, Борислав, Преслав, Выробослав (Wyroboslaw), то есть тот, кто заработал себе славу собственной отвагой; Имислав, который считает себя (sie ima) славным; Дивислав (Dziwislaw); Станислав, установивший себе славу; Мечислав (Mieczlaw), славный от меча; Залислав, Владислав, Ярослав, Бржетислав (Bretislaw), Мирослав, Доброслав, Прибислав, Заслав, Болеслав, Венцеслав и т.п.

Есть правдоподобное известие, о чем и Кромер, весьма осведомленный в истории и во всех свободных науках Божеских и светских, свидетельствует в *главе* 13 *книги* 1 *de rebus Polonorum.* Когда те болгары, которые жили у Дуная и у Греческого моря, показали великую и преславную рыцарскую отвагу против Римской и Константинопольской империй, как я уже рассказывал выше, и часто одерживали победы над Римлянами и Греками, то от гордости за благородные и славные дела, совершенные ими, сами себе дали особенное имя и назвались Славаками или Славными.

Или же это имя дали им люди не их народа, а такие, как Руссаки, Москва и Поляки, желая своим землякам доброй славы. И от их удачных и славных дел назвали их Славяне или Славаки, а нас, своих потомков, называли бы Слабаки — от слабости, ибо мы очень ослабли.

Ошибка итальянских хронистов, что зовут нас и пишут Склавонами и Склавами. И в этом сильно ошибаются итальянцы и их хронисты, которые и нас и Болгар русского народа вместо Славаков или Славонов (Slawakow albo Slawonow) на латинском языке пишут и называют Склавонами и Склавами (Sclawonami i Sclavami), а на итальянском Скьявонами и Скьявами (Sciavonami i Sciavami). Эта глупость (obledliwosc) и ошибка из-за незнания нашего языка вкралась и попала в истории Прокопия, Иорнанда и Блондиуса, вероятно, от итальянских переписчиков, которые, ребячески желая сказать получше, якобы для смягчения (pieszczoty) многократно ставили букву ***I*** вместо ***L***, а ***G*** ради мягкости при разговоре частенько выпихивали как из итальянских, так и из латинских слов. Так что когда надо было говорить *digna*, говорили *dina* или *dinia, ignis — inis, insigne — isinie, placet — piacet*, или по-итальянски *piace* или *piaze, flatus — fiatus*, etc. Так же и когда надо было сказать *Slavo, Slavonia* или *Slavones*, говорили *Siavo, Siavonia* и *Siavi* и *Siavoni* вместо *Slavoni,* так что у них не было никакой разницы, если бы кто сказал s*iavo* или *sciavo* и *Slavo,* вставив букву ***c*** или ***l*** между ***s*** и ***i***. Может быть, именно из-за этой необразованности их писарей, когда что-то хотели сказать или написать о наших предках Славаках, не писали нас Славами или Славонами, а Склавонами и Склавами. Ныне все итальянцы, а особенно жители венецианских земель, этим именем, Склавами и Скьявами, называют каждого проданного в рабство невольника и слугу. И это потому, что когда эти итальянцы, жившие у Адриатического моря, как Венеты и Лангобарды, вели непрестанные пограничные войны с Болгарами и с другими Славаками, нашими предками, тогда Славаков, захваченных на войне или при вторжении и [проданных] в рабство, звали их невольничьим именем *Склавоны* и *Скьяваны* или *Скьявы*. И до этого у греков и римлян было в обычае называть своих невольников попросту Сирами и Гетами, так как захвачены они были в Сирии и Гетии, где ныне Валашская земля и Перекопская орда. ***Syri, Getae.*** А ныне турки, не помня давних дел, пленных Итальянцев (Wlochow), Калабрийцев (Kalawrazow), Рагузов и Кандийцев (Kandicikow) [72], а также наших Русаков и Москву, рабов, которых там полно на галерах, называют Френг Гяур (Frenggaur) и Урус Гяур (Urussgaur).

Другой способ назвать (denominatio) **Славаков от слова.** Итак, милые читатели, Сл<u>а</u>ваки прозваны и наречены от *славы* и своих славных дел, ибо и все латинские историки пишут их Славонами и Славами; либо потому, что те, кто ныне зовутся Сл<u>о</u>ваками, могли и сами себе дать [это] имя, как бы говоря: правдивые, надежные, верные, непогрешимые в *слове,*

[не нарушающие] свое честное *слово*, надежные обеты и правдивые обещания. Потому что еще и по нынешнее время у Чехов, Хорватов и у нас, Поляков, сохраняется [обычай], что поощрить, вознаградить и отплатить следует [прежде всего] добрым и учтивым словом. Поэтому слово следует считать важнейшей вещью, как и заранее данное обещание, не выполнить которое для людей истинно благородных (slacheckich), ценящих честь и добрую славу, было бы великим бесчестьем. Иной считал, что лучше получить рану, чем не быть хозяином своему слову. Ныне же некоторые привыкли говорить: я не Чех, чтобы слово держать. Из этого видно, что наши предки всегда любили славу и учтивые и правдивые слова, отчего и такое славное имя получили — от славы и от святой правды. И ныне одни зовут их славными Славаками, Славонами, а другие Словаками.

И если тогда от славы или от учтивых и правдивых слов назвались Славаки и Словаки, то все это нормально и одно и то же, хотя и есть небольшая разница в первом слоге *Sla* или *Slo*, ибо и Болгары вместо *Slowo* говорят *Slawo*, также и Сербы, когда кому-либо что-то обещают, [клянутся] Богом, верой и *словом* витязя (*slawo* witeskie).

Иорнанд [о том,] **где жили Славаки в его времена.** Также и Иорнанд около тысячи и ста лет [тому назад], упоминая наши народы в своей истории, зовет их Словаками, Славинами и Славаками. По его словам, Словаки в его время жили с левого бока Сарматских гор, которые зовутся Татрами или Бескидами, а другие широко расселились над рекой Вислой. Речь идет о Галицких, Острожских, Подольских, Бельских, Хелмских, Львовских, Перемышльских и других Руссаках, а края эти мы и ныне зовем Подгорскими, потому что они начинаются от Венгерских гор. А что тот же Иорнанд пишет, что при нем в 492 году другие Славаки осели над Вислой, то он подразумевает наших Поляков (которые прозваны от широких *полей* и от лова [зверей], которое в народе зовут *полованием*), Поморян, Кашубов, Мазур, Чехов и т. п. Они тоже имеют свое начало и происхождение от Славянских народов и стран, русских и болгарских, которые тысячу и несколько сотен лет назад с различными вождями и князьями порознь выбили немцев и осели в этих землях.

Волгинь (Wolhyn) **и Волыняне (**Wolynianie**).** Из тех же Волгаров или Булгаров, [которые прозваны] от московской реки Волги, отделился (odlaczyl) другой русский народ, который поселился в тех краях, которые теперь мы зовем Волгинь (Wolhyniem), а от Волги реки и от Волгаров [они] назвались Волгинцами со своей землей Волгинь (Волынь).

Известно, что этот народ и поныне в рыцарских делах славен не менее, чем его предки. Это Лучане (Luczanie), Владимирцы (Wlodimierzanie), Кременчане (Krzemienczanie), Городляне (Hrodlanie), Овручане (Howruczanie), Житомирчане (Zitomirzanie), Корсунцы (Korzcanie), Збаражане и другие. Потом своим народом они наполнили Киевские, Подляшские, Подольские и другие соседние русские края. А другие остались в тех полях (где ныне пребывают Низовые казаки), а также над реками Доном и Днепром и в Таврике, где ныне Перекопские татары, и с теми Готами, Ятвягами, Половцами, Печенегами и другими Сарматами были товарищами, как с побратимами, вышедшими из одного народа. Ныне остатки их, которые зовутся Бессарабами, говорящими на славянском языке [73], есть над Черным морем, между Перекопской ордой и Валахами.

О них писал особенно ценимый Римлянами знаменитый поэт Овидий Назон, когда был изгнанником в Таврике, где ныне Кафа, Крым и Белгород Валашский, и где Очаков, Канев, Черкассы и Киев.

И так пишет в *кн.* 1 *с Понта Элегия* 2 *к Максиму*:

Hostibus in mediis interque pericula versar,
Tanquam cum patria pax sit adempta mihi, etc.

Здесь я отдан врагам, постоянным опасностям отдан,
    Вместе с отчизной навек отнят покой у меня.
Жала вражеских стрел пропитаны ядом гадючьим,
    Чтобы двоякую смерть каждая рана несла.
Всадники, вооружась, у стен испуганных рыщут —
    Так же крадется волк к запертым овцам в хлеву.
Здесь, если лук тугой изогнут и жилою стянут,
    Принято никогда не ослаблять тетиву.
В кровли вонзившись, торчат частоколом на хижинах стрелы,
    И на воротах засов в прочность не верит свою [74].

И еще, Максиму Элегия 3:

Aut quid Sauromatae faciant: Quid Jasiges acres
Cullague Oresteae Taurica terra Deae?

Как живут племена язигов и диких сарматов,
    Тавров, которые встарь чтили кровавый кумир,
Что за народы идут и гонят коней быстроногих
    По отвердевшей спине Истра, одетого льдом?
Многих, многих людей заботы твои не волнуют
    И не пугает твоя мощь, ослепительный Рим.
Мужество им дают тетива и стрелы в колчане,
    Годный для долгих дорог, сильный, выносливый конь,
Навык в походах терпеть изнурительный голод и жажду,
    Если в безводную степь враг оттеснит храбрецов [75].

Также к Весталису Элегия 7, кн. 4:

Ipse vides onerata ferox ut ducat Jasis
Per medias Istri plaustra bubulcus aquas, etc.

Видел, как груженый воз с воловьей упряжкой по Истру —
    Посуху стрежнем реки гонит отважный язиг.
Знаешь и то: в кривом острие здесь яд посылают,
    Чтобы, вонзаясь, стрела смертью грозила вдвойне [76].

И много других вещей Овидий с удивлением писал о Сарматах и отважной смелости Готов, Гетов и Славаков в своих элегиях *с Понта*, чем очевидно доказывал, что наши *Сарматы*: Руссаки, Ятвяги, Волынцы, Литва, Жмудь и Москва не покорились могуществу Рима и не были его подданными, когда говорил:

Maxima pars hominum nec te pulherrima curat
Roma: nec Ausonii militis arma timet.
Dant illis animos accus plenaque pharetrae, etc.

Многих, Многих людей заботы твои не волнуют,
  И не пугает твоя мощь, ослепительный Рим.
Мужество им дают тетива и стрелы в колчане,
  Годный для долгих дорог сильный, выносливый конь.

Овидий также писал вирши на славянском или на русском языке, ибо его склоняла к этому прелесть (wdziecznosc) языка, так что досконально его выучил, когда говорил:

Hoc vos Sauromatae iam vos novere Getaeque,
Nam didici Getice, Sarmaticeque loqui, etc.

Знают уже и теперь о вас савроматы и геты,
  Ибо величье души здешние варвары чтут.
Преданность вашу на днях я стал хвалить перед ними
  (Знаю и гетский теперь я, и сарматский язык) [77].

Геродот в книге 4 тоже свидетельствует о том, что Сарматы народу русского, который над Мезией, то есть Болгары, и над Скифией, [то есть] Татары, в то время имели более красивое произношение, ранее [отличавшееся] грубостью речи *pro Barbarismo* (из-за варваризмов), то есть *sollecismos* (облагородили его) и обрели красоту слов [78].

Это показывает, что наши Сарматы обычаями, происхождением и языком отличались от скифов или татар, хотя старые греческие и латинские историки все народы севера и северо-востока (miedzywschodnie) заодно звали скифами и сарматами и ошибочно считали одним народом поляков, руссаков, литовцев, московитов и даже татар. К этому заблуждению их приводила и жестокость в военных забавах, в которых [все эти народы] постоянно упражнялись как в природном рыцарском ремесле.

Поэтому Прокопий ошибался, когда писал о Славаках: *Sclavoni gens Scytia Justiniani tempore in Illiricum irruere, multasque strages ediderunt.* *(Во времена Юстининана скифский народ Склавины вторгся в Иллирик, многие убийства сотворив)*. **Это было в 528 году от Христа** [79]. О чем пространнее найдешь у Волатерана, *книга* 8*, Иллирик*. Позднее греческие историки не скоро заметили свою ошибку, как упоминает тот же Волатеран в *кн. 7 Сарматия*. **Волатеран, кн. 7.** Только потом сарматами стали называть славянские народы, жившие между Вислой, Танаисом или Доном, и между немецким морем и Венгерскими горами, как поляки, мазуры, древние пруссы, литовцы, жмудины, руссаки и москва. **Римские войска поражены.** Их мало заботило все могущество Рима, хотя Светоний и

Евтропий пишут, о чем упоминают и Меховский (кн. 1, гл. 16), и Волатеран (кн. 7), что Домициан сначала начал против них войну, но победу одержал (zwyciestwo odniosl) кровавую, ибо наши Сарматы убили у него двух гетманов, Аврелия Фуска и Оппия Сабина [вместе] с легатами и со множеством войска [80]. Императоры Антонин Пий и Антоний Вер с другими Сарматами, Руссаками над Танаисом, тоже вели частые битвы, но с малым успехом. С теми же Сарматами долго, но безуспешно воевали императоры Валентиниан, Гален, Максимиан, Галиен, Диоклетиан, Проб, Кар, Друз и прочие [81], а также много других римских гетманов.

Итальянское сладострастие (Libido Wloska). А Прокул [82] хвастал своим мужеством, что в Сарматии захватил сто девушек, из которых десятью овладел (zwojowal) за одну ночь, а через пятнадцать дней справился (przemogl) со всеми (говорит, что смог).

Помпоний же Мела (кн. 3, гл. 4) пишет, что Сарматские славянские народы всегда были необузданными и вольными [83], отчего и император Август, который было завоевал почти весь мир и при котором родился Господь Бог, когда ему посоветовали пойти войной на Сарматов, молвил так: не годится мне ловить рыб золотой удочкой (weda). [Этим он] как будто сказал: не хочу терять больше, чем приобретать. О чем подробнее читай у Светония в *Августе* [84].

Тот же император Август писал своему гетману Лентулу [85], чтобы не смел дразнить войной Сарматов, которые и мира не знали, и в рыцарском деле были искусны. О чем Флор в книге 4.

И там же он пишет в конце: *Omnibus ad occasum et meridem paratis gentibus etc. (Были покорены все народы на западе и на юге).* Когда Август уже усмирил войной все народы на заходе солнца и на юге, Скифы и Сарматы тоже прислали к нему послов, прося соседской дружбы, как вольные люди [86].

Великий дар. В то же самое время Гепиды, предки жмудские и литовские, в качестве дружеского подарка послали тому же императору Августу медный котелок, освященный по их языческому обычаю. Об этом [сообщают] Силициус Кимбер [87] в *Cymbrorum deductione* (*Происхождение кимвров*) и Светоний [88].

А у жмудинов, латышей (Lotwy) и куршей, особенно у сельского люда, и ныне главнейшим сокровищем считается медный котелок или гарнец (kocielek albo garniec) [89].

Вот так Август, могущественнейший император, тогда пользовался большой симпатией наших Сарматов Славаков. Так же поступал и император Траян, ибо когда он победил Даков и Ятвягов (Jatwiezow) [90], то предложил Сарматам свою дружбу, чтобы этим обезопасить себя от их набегов. О чем Дион Кассий в *Траяне* [91].

Доспехи из конских копыт. Оружием их были луки, пращи и длинные рогатины; мечей и сабель, а также доспехов из-за отсутствия железа они долго не знали, ибо Павсаний пишет, что сам видел сарматский панцирь из рогового [вещества] конских копыт, устроенный наподобие кольчуги или чешуи дракона, однако говорит, что своей

прочностью (mocnoscia) и легкостью он был не хуже греческого панциря (какие ныне и у нас) [92]. ***Павсаний в Аттике.***

А Юстиниан, 53 император, когда не мог укротить сарматов ни войной, ни миром, строил против них замки и крепости, чтобы мешать им перейти Дунай; но и это их не устрашило. О чем пространнее читай *Прокопия о постройках Юстиниана* [93].

Когда эти нащи Сарматы на Каталаунских полях поразили Аттилу, этого преотважнейшего короля, который считал себя ужасом мира, то в память о столь великой победе завели обычай рисовать на своих щитах (tarczach) двух конных рыцарей с обнаженными мечами. Этим они стремились показать свое превосходство над другими в рыцарском деле, которое для них было настолько важным, что Гиппократ в книге *о воздухе и воде* (*de aere et aquis)* пишет, что войной баловались не только мужчины, но и женщины, и ту, которая не убила на войне трех мужей, считали негодной для замужества [94].

Обширность славянских земель. Ради краткости и щадя заскучавшего читателя [известия] о других греческих и римских императорах я опускаю, как и тысячу доводов [в пользу] рыцарской доблести Сарматов, ибо и так совершенно понятно, что не леностью и не вялым прозябанием они достигли столь великого и обширного господства: от Ледовитого моря далеко за Московскими краями и потом от Балтийского моря, которое омывает Пруссию, Лифляндию и Швецию, вплоть до Адриатического и Венецианского моря и до самого Геллеспонта и Понта Эвксинского, в окрестностях которого Сарматский Славянский народ и ныне всюду имеет свои поселения. **Славаки с Александром Великим.** Иосиф [Флавий] в *Иудейских древностях* пишет, что некоторые привилеи Александра Великого подтверждают их участие в завоевании мира вместе с ним и его отцом Филиппом в 310 году до Рождества Христова [95]. Чехи в старинной хронике, написанной на славянском языке, утверждают, что это истинная правда, что их предки прославились еще при Александре Великом и названы Славаками от славы и величайшей отваги, как и сказано в привилее Александра. Хорваты же и Болгары твердят, что этот привилей, данный Александром Славакам, писаный в Александрии золотыми буквами на пергаменте, существует и ныне среди тех сокровищ, которые император Мехмет (Machomet) захватил вместе с Константинополем. Ибо и турки так много стран на свете заселили никаким иным народом, как одними только Славянами, из которых делают янычар, аджеми-огланов (Adziamaglany) [96] и прочее.

А те народы, которые расплодились от Мосоха, сына Иафета: Сарматские, Болгарские, Русские, Готские, Польские, Волынские, Вандальские и Чешские были столь воинственными, что воевали чуть ли не по всей Европе, в обеих Азиях и в Африке. Тогда же и свой природный славянский язык из-за различия границ и частого общения с другими народами перемешали так, что ныне из-за смешения языков, начавшегося у Вавилонской башни, один народ едва может вполне понимать другой, хотя оба они из одного Сарматского народа и одного и того же Славянского языка и имеют общее происхождение от того же патриарха Иафета и его сына Мосоха. Поэтому сдается, что свой древний язык у славян был русский, московский, ибо те руссаки, которых мы зовем Москвой, издавна поселившись в тех северных и восточных краях, где и теперь [живут],

далее не пошли. ***Так же думает и Кромер (Idem Cromerus sentit).*** Из-за этого же они не могли изменить древний язык и обычаи, как это случилось с другими народами, вышедшими из тех же Московских краев, ибо они воевали по разные стороны света. Поэтому Сербы, Хорваты, Рашки (Raczowie) [97] и Болгары с Греками, с Венграми и с Турками; Далматинцы, Карниоланы [98], Штирийцы, Истрийцы, Иллирийцы с Итальянцами; Силезцы, Мораване, Чехи, Мейсенцы (Misnacy), Поморяне, Кашубы с Немцами; Белые Руссаки (Russacy Biali) с Москвой и с Татарами; Подгорчане, Мазуры, Подляшане, Черные Руссаки (Russacy Czarny) [99], Волынцы и часть Литовцев с Поляками, а Поляки со всеми народами обычаи, одежду и отчасти отчий язык перемешали так, что каждый может назвать нас настоящими *обезьянами, протеями* [100] *и хамелеонами (simias, protheos et chamaleones*).

Теперь, милый читатель, тебе известно о происхождении народа Литовского, Жмудского, Сарматов, Словаков, Руссаков и прочее. И что Сарматы называются от Асармата или Сармата, о котором читай *Бытие, 10* и *Иудейские древности Иосифа* (*кн. 1, гл. 14*), или что названные Сарматы и Скифы выгнали и выбили Татарский народ из Сарматии, которую потом греки, как об этом рассказано выше, когда узнали о их могуществе, также могли назвать город *Сарматас*, что с еврейского переводится как *высокий* и *знатный*, или иначе *Савроматас (Sauromatas)*, от *саурос (sauros),* что с греческого переводится как око (*omma*) ящерицы, то есть народ со змеиными глазами — из-за их военной запальчивости. Славаками же их зовут от *славы* и от славной и победной рыцарской отваги, либо Словаками от *слова*, ибо твердо держали слово и были верны своим обетам и обещаниям. А теперь, во имя всех начинаний Божьих, приступаем к самой Русской истории.

Глава третья

О Белой и Черной Руси, восточных, северных и южных древних народах и их князьях:

Великоновгородских, Изборских, Псковских, Белозерских, Киевских, Луцких, Владимирских, Волынских, Галицких, Подгорских, Подольских и прочих

[Каковы] древние истоки всех славянских народов и матери Русской земли и откуда их славные поколения? По какой причине либо из-за какого свойства Русь (Rusia) была названа Русью? Об этом у людей ученых различные мнения и выводы. Ибо Русаки были неизвестны ни греческим, ни латинским историкам, как и другие северные народы, которых всех заодно звали либо Скифами либо Сарматами. И хотя имя Роксоланов и Роксанов (Roxanow), которое соотносится с Русанами (Russany) или Росанами и Русью, для древних географов не было тайной, ибо и Птолемей, описывая весь свет, а также историки Страбон и Плиний поселения и государство Роксоланов помещают в Сарматии, недалеко от моря или озера Меотис, в которое впадает Танаис или Дон, где ныне также живут Московские и Белорусские (Bieloruskie) [101] народы, Каневцы, Белоцерковцы, Путивляне, Рязанцы, Черниговцы и прочие. **Птолемей (кн. 3, гл. 5), Юлиан Солин и Плиний (кн. 4, гл. 12), который писал *Историю* в 68 году от Христа.** Как упоминает Волатеран, по [сообщению] Страбона, эти Роксоланы или Роксаны со своим гетманом Тасием (Tasse) за 180 лет до Христа вели великие войны с тем могущественным королем

Митридатом Евпатором [102]. **Об этом читай *Волатерана, кн. 7 Географии*.** А сам Страбон в седьмой книге своей Географии так пишет о древних русских поселениях: *Roxani autem etc*. Роксаны или Русины живут на северо-востоке и севере, в полях между реками Танаисом или Доном и между Днепром [103]. **Страбон о Руси.**

И вскоре после этого пишет: *Num qui vero supra Roxanos habitent, ignotum est nobis, Roxani guidem adversus Mitridatis Eupatoris ductores belli gera runt.* А ныне, говорит, неизвестно, чтобы какие-то народы жили далее роксолан, однако верно то, что роксоланы (Roxani) воевали против гетманов Митридата Евпатора, и это собственные слова Страбона. Потом также и древний историк Корнелий Тацит в книге 17 своей хроники, когда описывает правление Сальвия Отона, который был восьмым после Юлия Цезаря, пишет о роксоланах в таких словах: *Conversis ad civile belium animis etc. Eo audentius Roxolani Sarmatica gens caesis duabus cohortibus magna spe ad Missiam irruperunt.* А когда, говорит, римские князья Гальба, Отто Сильвий (Otto Sylvius) и Вителлий после смерти Нерона обратили свои мысли к гражданской войне, а Отто, став цезарем, Гальбу убил, а Вителлия три раза поразил, тогда сарматское племя роксоланов, поразившее два римских войска, окрыленное успехом, вторглось в Мёзию, где ныне Болгария, и т.д. **О чем подробнее читай того же Корнелия Тацита, Анналы, кн. 17** [104]. Это было в году от сотворения мира 4010 по счету Кариона (*lib. 3, Monarchiae 4, aetatis 3*), а от основания Рима 825, а от господа Христа 72. Но имя Роксоланов или Роксанов (Roxanow), согласно Птолемею и другим древнейшим историкам, было известно еще за несколько сотен лет до Рождества Христова. А от того последнего вторжения роксоланов в Мёзию или в Болгарию и от 72 года до нынешнего 1580 прошло уже полторы тысячи и восемь лет.

Росс. Но почему Роксоланы были названы Россанами, Руссаками и Русью, догадаться трудно. Впервые упоминание князя Росса (Rossa), Мосоха, Табалла (Taballa) и Тогормы (Togormy) находим у пророка Иезекииля в главах 38 и 39, с чем согласны Евсевий (Eusebius) Кесарийский, Феодосий (Teodocion), Симмах (Symmachus) [105] и семьдесят толкователей Библии. **Иезекииль, 38, 39. Евсевий, кн. 9. Иероним.** По этому поводу и святой Иероним рассуждает, означало ли у Иезекииля это слово Росс собственное название какого-то народа или же нет. Но из тех же [упомянутых выше] Мосох у Моисея был патриахом Московских народов, так же и у Иосифа (Древности, кн. 1, гл. 11) Асармот или Сармата был [патриархом] Сарматов, Асканес или Твискон — немцев, Гомер же кимвров, Тогорма — готов, Иаван — греков и итальянцев и т.п., как о том я уже достаточно рассказывал выше. **О Мосохе читай: Бытие, 10; Иосиф, кн. 1, гл. 11 и 14; Бероэс, кн. 4 и 5; Птолемей, кн, 7, гл. 9 и 13; Плиний, кн. 5, гл. 27 и кн. 6, гл. 9 и 10; Страбон, кн. 11 и Волатеран, кн. 7.** Так же тогда и имя Росс у пророка Иезекииля близко соотносится с названием Руси и Россов или Руссов. Хотя это имя Росс в Библии больше нигде не встречается, только у Иезекииля, и его нет ни у Бероэса, ни у Иосифа. Также и Евсевий в этом слове Росс хочет видеть Рим и Римлян; но святой Иероним не высказывается [по поводу того], что означает это [слово]. Римляне же были названы от Ромула, и стали именоваться от своих основателей. О чем подробнее читай у Волатерана в кн. 6. **Волатеран, кн. 6, Мирсил с Лесбоса [106], Помпоний Лет [107], Гай Семпроний [108] и т.д.** Также и Мирсил, Порций (Portium) Катон [109] и другие никогда не упоминают о выводе (*deductionis) Romae* от *Ross*, хотя [и делают] тысячи противоречивых (swarzy) заключений, выводя [слово] Рим от разных основателей и по-разному определяя причины его названия.

Однако очевидно, что и древние и нынешние греки Русь называют и пишут не Руссия (Russia), а Россия (Rossia), вероятно, потому, что считают, что Русь названа от того слова Росс у Иезекииля. В этом я и поручаю разобраться как положено знающим (bacznych) людям.

Лех. Чех. Русс. А наши польские хронисты Длугош и Меховский (кн. 1, гл. 2, стр. 2) пишут, что русские земли были названы и размножены от *Русса*, внука, либо как некоторые говорят, родного брата Леха и Чеха, так же как Лех (Lech), Лешек или Лях (Lach) [110] заселил и размножил землю, которую ныне зовем Польшей (от широких *полей* и *полования* либо от сарматского племени *Полян* (Poleniow)). Чех же, другой брат, Чешские края, выгнав немцев Бойев (Boemy) [111], заселил славянским народом, который мы от того Чеха и ныне зовем Чехами. **О том же читай Кариона *de Wandalis*.** Потом Русс или Русса (в чьем имени только одна буква **u** не согласуется с изекиилевым Ross), третий брат Леха и Чеха, прямой потомок Мосоха от Иафета, размножил огромные и обширные русские народы в северных и северо-восточных странах и на юге, заселил эту землю и от своего имени назвал Русия (Rusia), как другие его братья [назвали] Лехию и Чехию.

А другие считают, что Русаки, Роксоланы и Руссаны названы от Роксоланов, сарматских народов Московских, которые когда-то воевали с понтийским царем Митридатом. Некоторые же хотят их именовать от природного окраса (plci) и цвета [волос], а именно от румяно-черного, особенно у народа в Подолии и на Волыни, отчего и ныне наши зовут их Русками (Ruskami) [112], которые тоже русоволосые, то есть румяно-черные (rumiano-czarne) [113].

А есть еще и другие, которые считают, что Руская земля и Русаки названы были от очень древнего городка Руссы (Rusi), лежащего в двенадцати милях к северу от Новгорода Великого; но это их мнение очень мало правдопопобно, не к месту, да и сам пример выглядит неубедительно, ибо не владелец (gospodarz) [называется] от собственного дома, построенного своими руками, а дом бывает назван от имени владельца. Вот так и не местечко Русса (Russa), хотя и древнее, дало имя русскому народу, а сами Руссаки городок, построенный своими руками, назвали своим именем. Так же и [народ] Москва не от реки и не от города Москвы, но река и город названы от народа Московского, как и Краков от Крака (Kroka), Рома или Рим от Ромула, Антиохия от Антиоха, Ниневия от Нина (Ninussa) и тому подобные названия от своих основателей, а не основатели от того (rzecy), что сами заложили. Некоторые также выводят Руссаков из той славной страны Колхов, в которую Ясон плыл за золотым руном или шерстью, о чем уже выше рассказывалось в истории Трога и Юстина. Латинники (Lacinnicy) же зовут их *Russos, Rutenos* и *Roxolanos*. **Латинники чаще называют их не Рутенами, а Руссами и Роксоланами, ибо Рутены — это отличающийся от них древний французский народ в Аквитании, которых мы ныне зовем Гвастонами (Gwastonami)** [114].

Однако Москва и все Белоруссы (Bielorussacy) [115] все вышеупомянутые выводы названия своего Русского или Российского народа не принимают как ничемные и не соответствующие правде. А утверждают, что Руссия (Russia) или Русские народы издавна называют себя Россея (Rossieja), то есть рассеянным и разбросанным по всем частям света народом. И в этом выводе Москва согласна с дренегреческими историками, которые тоже

всех Сарматов зовут Номадами, то есть переходящими с места на место, и Спорами, то есть разбросанными и рассеянными. И каждый, внимательно (pilnie) читающий святое писание, то же самое найдет и у пророков, которые, рассказывая о *рассеянии* народов, просто используют слово Rossiania.

А Русские или Российские (Rossiejskie) народы со своими носителями (obywatelmy) славянского языка заселили и заполнили большую часть Европы и некоторые уголки Азии, начиная от Ледовитого и до самого Средиземного и Адриатического моря, где Венецианские державы, а также от Лифляндского, Прусского или Балтийского и Венедского (Wenedickiego) моря до Каспийского, Понтского (Pontskiego), Эзейского (Ezejskogo) [116], Геллеспонтского и других морей. Хотя они и смешивались с разными другими народами, такими как Литовцы, Латыши, Татары, Греки, Итальянцы и Немцы — в соответствии с их соседством со Славаками.

Но откуда Руссаки другие Русские народы не получили бы свое имя и прозвище, все они говорят (uzywaja) на славянском языке, и все они христиане, одни по [православным] обрядам (большая часть которых Греческие), такие как Москва, Белорусы, Литовцы [117], Болгары, Боснийцы, Сербы и другие; а другие по учению святой Римской церкви, как Поляки, Мазуры, Чехи, Моравы, Хорваты, Далматинцы, Поморяне, Силезцы, Каринтийцы, Штирийцы, Рагузы и многие другие народы, пользующиеся русским славянским языком.

Русский к[нязь] Одонакер Рим взял, по Длугошу. Пишет также Длугош в первых книгах своей хроники на карте (karcie) 25 [118], что русский (Ruskie) князь Одонакер (Odonacer) [119] захватил Рим и владел им. То же я нашел у Волатерана, кн. 2; но этого князя он зовет чуть измененным именем Одоакер (Odoacer), и как он с помощью готов Рим взял и владел им 14 лет, однако зовет его не русином, а итальянцем. **Волатеран, кн. 2 *Odoacer vir Italicus.*** В этом пусть Длугош с Волатераном разбираются, я же в их дела не встреваю, дело прошлое (mieli lata).

Часть этих Руссаков сначала поселилась над Черным морем [или] Понтом Эвксинским и над реками Танаисом или Доном и Волгой. Другие, в чем русские хроники единодушны, завладели странами над Дунайскими берегами, где ныне земли Венгерская и Болгарская, которые в то время назывались Норки (Norci) или Норики [120]. Потом другие русские славянские народы распространились и рассеялись по разным странам, которые по-разному и назвали от рек, краев и своих князей, как Волгары или Болгары и Волынцы от Волги; Моравцы от реки Моравы или от князя Мората; Полочане от реки Полоты и т. п. Чехи от Чеха, а Поляки от полей или от Полян, другого русского народа, поселения которого были в тех краях, где ныне Киев, а потом, когда осели над Дунаем, их оттуда выгнали итальянцы [121]. А другие из того же племени со своим князем Лехом силой завладели землями над Вислой, [отняв их] у немцев, и над Одером, [отняв их] у Саксов. И от того [Леха] нас вплоть до нынешнего времени называют Лехами (Lechami), а турки Лехтами (Lechtami), венгры Ленгебами (Lengiebami), литовцы и жмудь Линками (Lynkami), латыши Лейссами (Leissami). Других же, которые обитали среди густых лесов, в зарослях и пущах, назвали Древлянами [122] от древа.

Дреговичи же жили над Двиной, другие над Северскими реками Десной и Сулой; другие же, [которые жили там], где начинаются Днепр и Волга, названы были Кривичами (Krzywiczany), их главным городом был Смоленск. Также и Сербы, Хорваты Беляне [123], Поморяне и другие русские народы славянского языка были названы разными прозвищами от разных местностей (krain) и князей, но достоверной истории мы не можем иметь вплоть до князей Кия, Щека (Scieka) и Хорива (Korewa).

Братья Кий (Kij) **или Киг, Щек** (Sciek) **и Хорив** (Korew)**, русские князья; их сестра Лыбедь** (Libeda)**.** Эти русские князья Кий или Киг (Kig), Щек (Scieg) и Хорив (Korewo) были родными братьями, а четвертой была их сестра Лебеда (Lebeda) или Лебедь (Lebed) из рода и потомства Иафета и его сына Мосоха. Властвуя над русским народом, они начали закладывать и строить города и замки для обороны. **Киев.** Старший Кий или Киг заложил над Днепром замок и город, от своего имени [названный им] Киев, где потом была главная и славная столица Русского самодержавия (jedynowladstwa).

Щекавица. Второй брат Щек построил замок и город недалеко от Киева на горе Щекавице (Sciecawice), [названной им] от своего имени. **Хоревица.** Также и третий брат Хорив (Korewo) заложил в своем удельном княжестве Хоревицу (Korewice), которую потом назвали Вышгородом (Wyssegrodem). **Вышгород** [124]. **Лыбедь, Любеч.** А сестра их Лыбедь (Libeda), основав свое поселение над рекой Либеда (Libieda), там же на высоком холме построила замок Либич (Libiec) или Любеч (Lubiec) [125].

Радимичи. Вятичи. Дулебы над Бугом. Эти первые князья, родные братья, имели под своей властью немало других князей, которые у них были просто гетманами. Первым из них был Радим, от которого звались [жившие] над рекой Сожем (Sassu) Радимичи (Radzimczanie); Вятко, от которого [жившие] над реками Волгой и Вяткой [126] Вятичи (Wiatczanie); Дулеб, от которого [жившие] над Бугом Дулебы (Dulebianie), которых мы теперь зовем Лучане (Luczany). Но эти русские народы, которые произошли от Радима, Дулеба и от Вятка, жили в лесах звериным обычаем и запросто без всякого разбора и стыда совокуплялись (sie zlaszaly) с кем придется, [даже] с родственниками, о чем подробнее свидетельствуют русские хроники, Длугош и Меховский (кн. 1, гл. 4, стр. 6).

Потом когда три брата, названные русские князья Кий, Щек и Хорив жизнь поменяли на смерть, их сыновья и потомки долгое время после них спокойно правили каждый в своем уделе, пока на их место не пришли князья из другого рода (narodu) Аскольд (Oskald, Askolt или Oskolod) и Дир [127]. **Об этом тоже читай Длугоша, Меховского и Кромера, книга 2 в Пясте.**

А другие руссаки широко расселились в северных краях над озером Ильмень или Илмер, которое шириной восемь, а длиной двенадцать наших миль [128]. И построили Новгород Великий над рекой Волховой (Wolchowa), которая ныне течет через центр города, и выбрали из своей среды князем Гостомысла [129] (Gostomissela). И таково было в те времена могущество Великоновгородцев и так важен и настолько большое значение для соседей имел этот город, Великий Новгород, что немецкий историк Кранций [130] (кн. 1, гл. 1) упоминает о нем такой сентенцией: *Quis potest contra Deum et magnam Novogrodiam?* Кто

сможет либо посмеет что-то учинить против Бога и великого Новгорода? ***Crantius, lib. 1, cap. 1 Geogr.***

В древних русских хрониках находим также, что Хазары (Kosserowie), про которых мы не можем знать, что это был за народ [131], издавна господствовали в некоторых частях русских земель, а вместо дани и поклонов (holdu) собирали с каждого дома беличьи или веверичьи [132] шкурки. Так и Варяги (Waregowie albo Waragi) правили ими немалое время, а кто были эти Варяги, есть различные мнения, ибо и русские хроники, кроме самого имени, их происхождение далее не рассматривают (nie czynia). И так как Москва, Великоновгородчане и Псковитяне Балтийское море, которое омывает Пруссию, Швецию, Данию, Лифляндию, Финляндию и часть Московских земель, называют Варяжское (Wareczkoje) море или Варяжским морем, то правдоподобно выглядит, что из-за соседства границ у них правили либо Датские, либо Шведские и Прусские князья.

Есть еще Вагрия (Wagria) [133], город издавна весьма славный, построенный Вандалитами на Гользатских (Holsackich) [134] границах недалеко от Любека, и от этого города, по мнению некоторых, Балтийское море и называлось Варяжским.

В те времена вандалиты, по известиям некоторых историков, говорили на славянском языке и в своих странах были очень сильны рыцарской отвагой. Так что похоже на правду, что Руссаки в то время выбрали себе князей из своего славянского народа — из тех же Вагров или Варягов и Вандалитов — и вручили им верховную власть над русскими панствами. Ибо пока в южной Руси в Киевском княжестве правили потомки Кия Аскольд и Дир, в северных и восточных краях русские народы широко размножились. И долго будучи без верховной власти, распаленные взаимной ненавистью, затевали между собой бедственные раздоры и гражданские войны за первенство и власть в княжестве. **Совет Гостомысла.** Видя это, Гостомысл, муж честный (zacny), расторопный и весьма популярный в Новгороде, дал им совет, чтобы, поскольку различные партии (stany) не могут договориться об избрании князя из своей среды, послали за Варягами и трех братьев, варяжских князей, которые в то время славны были рыцарской отвагой, чтобы избрали и возвели на русское княжение.

Руссаки похвалили этот мудрый совет и тут же отправили послов к варягам и к их князьям. **Речь русских послов к варяжским князьям.** И сказали просто: Земля и страна наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите вы, правьте и властвуйте над нами.

Приняв это посольство, тамошние князья, три родные брата варяги Рюрик, Синеус или Синев (Siniew) и Трувор или Трубор (Trubor) вместе с послами тут же отправились на Русь в году от сотворения мира по русскому счету 6370, который Кромер считает 861 от Христа. **Смотри Кромера, кн. 3. По Кариону (кн. 3, *Monar.* 4, *Aetatis* 3), это должно быть при немецком императоре Людовике Втором, четвертом сыне Лотаря** [135]. А когда прибыли к русской границе, то с великой честью были приняты всеми российскими сословиями. И сразу же трое братьев князей Русское государство, добровольно переданное им вольными людьми, разделили меж собой на три части. **Рюрик, князь Великого Новгорода.** Старший [брат] Рюрик взял в удел княжество Новгорода Великого,

а столицу свою заложил на острове озера Ладоги (которое в ширину 60 миль, а в длину сто, как пишет Герберштейн) в тридцати семи милях [136] от Новгорода Великого. **Синеус завладел Белым озером.** Синеус (Sinaus) же или Синев (Syniew) поселился в Русских краях над Белым озером, которое двенадцать миль и в длину и в ширину, а от Новгорода Великого и от города Москвы милях в ста [137]. В это озеро, как говорят, впадает 360 рек, и одна лишь река Шексна (Sosna) из него вытекает. **Эта река Шексна в 4 милях ниже городка Молога впадает в Волгу** [138]. Над тем же озером упомянутый князь Синеус заложил свой стольный замок и построил город, где из-за безопасности места нынешний великий князь Московский привык хранить большую часть своих сокровищ [139]. ***Кромер, кн. 2 в Пясте; Меховский, кн. 1, гл. 16, стр. 17; Герберштейн, стр. 3 и другие.***

Трувор, князь Псковский. Третий варяжский князь Трувор или Трубор взял в удел княжество Плесковское или Псковское в тридцати шести милях от Великого Новгорода, а столицу свою заложил в Сворках (Sworcech) или же в Изборске (Izborku), а по Меховскому в Зборку (Zborku), который наши с князем Александром Полубенским взяли было в 1566 году, но удержать его не сумели.

Русские хроники свидетельствуют, что три этих брата, упомянутые князья Рюрик, Синеус и Трувор, достоверной генеалогией выводили свой род от римских господ императорского колена. Также и Великие Князья Московские и нынешний Иван Васильевич утверждают, что их род от этих римлян. **О том же читай комментарий Герберштейна (стр. 3), что московские князья выводят свой род от римлян.** Если бы это было так, тогда эти князья должны быть потомками Палемона или римского князя Публия Либона либо его товарищей, которые с пятью сотнями римских шляхтичей и с четырьмя упомянутыми фамилиями Урсинов, Колюмнов, Цезаринов и Китаврасов через Английский и Балтийский океан и Зундский пролив дивным промыслом Божьим приплыли на кораблях в те северные страны, где теперь жмудины, лифляндцы или латыши и литовцы.

Есть также землица Варагия (Waragia) или Верагия (Weragia) во владениях Савойского княжества между Итальянской и Французской землей, недалеко от Латоброгов (Latobrogow) и Воконцев (Wokonciow), которая в давние времена была римской провинцией [140]. **Варагия, землица в итальянской Сабаудии (Sabaudie**j) [141]. ***Eius regionis Cornelius Agrippa meminit, in oratione decima funebri Principis Austriacorum Margaritae.*** *(Этот район упоминает Корнелий Агриппа в речи на похоронах десятой австрийской принцессы Маргариты).* Если эти князья с Палемоном приплыли в те северные страны оттуда, то звались Верагийскими (Weragijskimi) или Варагскими (Waragskimi) князьями от [своей] итальянской отчизны Варагии. И назвали Варагия (Waragia) Латышскую (Lotewska) страну, которой завладели в то время, когда Палемон с другими римлянами поселился в Жмуди и в Литве. И из тех Врагов (Wragow) или же Варягов (Waragow) Руссаки и взяли управлять Русью тех трех братьев, упомянутых князей Рюрика, Синеуса и Трувора. Хотя Руссаки и их Летописцы и не умели рассказать, кто такие и из каких людей были эти Варяги. Ибо вот так запросто и начинают свою Хронику: Послала-де русь за варягами, говоря: вы приходите, пануйте и властвуйте над нами и т. д. А причин [не называют] и выводов никаких не делают, поскольку этого не позволяли их тогдашние знания. Ибо история требует тщательного изучения (doswiadczenia), чтения и обсуждения различных книг и долгих размышлений, если кто-то хочет аргументированно и

добросовестно что-то выяснить, как и мы в этом выводе русских и литовских народов. Надо шевелить мозгами (mozgiem krecic musieli), прилагая как можно больше усилий для достижения успешного результата всего предприятия.

Синеус умер на Белом озере. Когда Рюрик в Ладоге правил Великоновгородским княжеством, а Трувор в Зборске (Zborsku) или Изборске Псковским, их третий брат Синеус на Белом озере умер без потомства, не пробыв и двух лет на русском белозерском княжении. **Умер Твувор, Псковский и Белозерский князь.** После него власть в княжестве принял брат Трувор, князь Псковский, но и тот на унаследованном (puscizniе) высидел недолго, ибо через год после брата Синеуса умер в Плескове или во Пскове, и там же похоронен под высокой могильной насыпью, по языческому обычаю. А их старший брат Рюрик, князь Великоновгородский, после них завладел обоими княжествами, Белозерским и Псковским, а потом своим заслуженным дворянам и друзьям пораздавал замки в русских землях: одному Смоленск, другому Полоцк, Муром, Белое озеро, Ростов и т. д.

Аскольд и Дир, потомки Кия, князья русских земель, лежащих на юге, как [они] воевали в Греции и добывали Константинополь

На Руси, лежащей на юге, на Киевском княжении в то время вельможно пановали Аскольд (Oskolod) и Дир (Dyr), потомки Кия. Как свидетельствуют их старые Летописцы, они собрали большое русское войско и на судах, на кораблях, на галерах и в вичанках [142] водным [путем] двинулись в Грецию Черным морем или Понтом Эвксинским и осадили Константинополь или Царьград. И когда греки никакой помощи и надежды, кроме как на Господа Бога, не имели, то постоянно молились, чтобы он вызволил их от этой жестокой осады Руссаков. И тогда патриарх Сергий (Sergius) [143], взяв суконку (sukienke) девы Марии, которая (как сообщает Русская хроника) бережно хранилась там среди других реликвий, омочил ее в море. И сразу же море забурлило, и все русские корабли [оказались] разбиты, так что киевские князья Аскольд и Дир едва [смогли] вернуться в Киев с малой дружиной. **О чем также читай у Лиутпранда и у Зонары в Греческих хрониках.**

Рюрик умер. Умер потом Рюрик, князь Великоновгородский, Псковский и Белозерский, и оставил сына Игоря, которого со всем Русским государством поручил опеке Олега, некоего своего кровного [родича]. Тот, узнав, что Аскольд и Дир воротились в Киев, потеряв армаду, потонувшую под Константинополем, сразу же на речных судах (nacziniu wodnym) по реке Днепру прибыл к Киеву, взяв с собой Игоря Рюриковича. И вызвал к себе для дружеского разговора киевских князей Аскольда и Дира, которые, не подозревая никаких враждебных намерений от своих, с небольшой свитой приехали в лагерь Олега над Днепром. И там Олег указал на Игоря, говоря, что это наследник всех русских княжеств, сын Рюриков, а мне родич. **Аскольд и Дир убиты.** А затем тут же приказал убить перед собой обоих князей, братьев Аскольда и Дира. И завладел Киевом и всеми принадлежащими к нему русскими княжествами и так свое царство и государство (panstwo i jedynowladztwo) широко раздвинул на восток, на север и на юг, и много соседних земель силой и хитростью подчинил себе и Игорю.

Генеалогия князей Московских и Русских. И вот так на Аскольде и Дире, когда Олег их предательски убил, окончилась династия (potomstwo) собственных русских князей, Киевских и Кривичских (Korewowicow), а от варяжских князей пошла новая генеалогия других князей от Игоря и до нынешнего Великого князя Московского.

Олег идет войной на древлян. Потом Олег с Игорем и войском двинулся на древлян, которые тоже были народу Русского, и, подчинив их себе силой, наложил на них дань. **Ворожба Олега о коне.** А когда после победы весело жил в Киеве, приказал привести к себе коня, которого больше всех любил и, вызвав предсказателей (wieszczkow), попросил, чтобы они погадали о том коне. И сказали предсказатели: тебе, великий князь, от этого коня смерть принять. Поэтому он приказал его от себя увести, [держать] отдельно и беречь.

Олег осадил Константинополь. И, собрав еще большее войско, с водной армадой из Русских земель двинулся через Черное море к Константинополю, который осадил огромными силами, постоянно с земли и моря штурмуя стены и бастионы (basty). Константинопольский император, который столь великого насилия стерпеть не мог, а на помощь и выручку не рассчитывал, склонил к себе Олега, великими дарами покупая мир, и попросил его снять осаду. **Олег ублаготворен дарами греческого цезаря.** Олег, ублаготворенный (ublagany) дарами, и видя, что город взять трудно, так и поступил. Заключив мир с греческим императором и договорившись с ним, он оставил там (как пишет Русь) свой щит (scit) или герб на щите (z tarcza) потомству на память. Подобный ему герб или щит того же типа, какими московиты пользуются и ныне [144], расписанный (malowany) по-старинному, я собственными глазами видел среди других древностей над Галатскими воротами в Константинополе в 1575 году, [когда] меня просто возили посмотреть на крючья виселицы (hakow szubienice) Вишневецкого [145] под Галатской стеной, где стоят деревянные клетки. Но сейчас эти ворота застроены, и лишь выше[упомянутый] герб, нарисованный в виде московской погони (pogoniej) [146], видно хорошо.

Потом Олег вернулся из Царьграда в Киев, и на склоне лет вспомнил про того своего коня, от которого предсказатели ему смерть принять предрекали, и приказал привести его к себе. А когда ему сказали, что за время его отсутствия [конь] уже издох, велел проводить себя к его костям, чтобы на них посмотреть. И придя на место, где лежали эти кости, уселся (usiadl) на них, а другие хроники и Герберштейн пишут, что пнул ногой в конскую голову, говоря: Мне окружающие предсказывали смерть принять от этого коня, а он уже, как видите, сдох, неплохо бы, [чтобы] то же случилось и с предсказателями. **Олег умер согласно пророчеству** (praktiki). И когда так сказал, тут же из этого конского черепа (lba) выскочила ядовитая змея и укусила (ujadla) его в ногу, и он от этого умер, пробыв на панстве Киевском, Новгородском, Псковском, Изборском и Белозерском тридцать лет и три [года]. И по языческому обряду погребен на горе Щекавице.

Игорь Рюрикович, великий князь и самодержец земель русских

После смерти Олега Игорь (Ihor albo Igor) Рюрикович начал править в Киеве, в Великом Новгороде, во Пскове (na Pleskowie albo na Pskowie), на Белом озере и во всех княжествах

и землях Русских, в западных, северных и лежащих на юге. А еще при жизни своего опекуна Олега взял себе в супруги (malzenski stan) Ольгу, правнучку Гостомысла из Пскова. На Древлян возложил дань великую и несносную, больше, чем Олег, его опекун. Потом, собрав великое войско, морем двинулся в Грецию, где осадил и пожег славные города Никомедию и Гераклею и разорил много земель греческого императора Романа в Вифинии и в Понте. А когда с большими силами пошел на Константинополь, имея с собой пятнадцать раз по тысяче кораблей и других судов, собрался против них греческий цезарь Роман с помощью римской и иных христианских правителей. И, сойдясь с русской армадой в жестокой битве на Черном море, наголову поразил огромные русские войска так, что Игорь едва с третью частью армады ушел к Киеву и потом взял мир с греческим цезарем. Русские летописцы об этом поражении Игоря не упоминают [147], но известный историк Лиутпранд в *Rerum per Europam gestarum* (кн. 5, гл. 6) пишет, что когда русский король Ингер (так он его зовет, желая сказать Икор или Игорь) двинулся на Константинополь с великой армадой, то в морской битве был поражен константинопольским императором Романом и с великим поражением отбит и отброшен от Царьграда [148].

Греческий историк Зонара [149] в *Annalium Graeciae tomo 3*, не упоминая князя Игоря, тоже пишет, что Русаки, которых он зовет Россами, имея с собой *quindecies mille navium* пятнадцать раз по тысяче судов, добывали Константинополь, где были разгромлены греками так жестоко, что из такого большого числа судов мало их ушло, а потом Русаки избегали (wsciagali) делать набеги на Грецию. А великий князь Игорь, воротившись из Константинополя в Киев, с малым числом людей отправился к древлянам, желая снова собрать с них дань (pobory). Тогда древляне со своим князем Нискиней (Niskinia) [150], которого некоторые называют Малдитом (Malditem) [151] стали думать, как им избавиться от этих частых поборов и изъятий (wyderkow) и из столь тяжкой неволи выбиться. И говорили между собой: Если волк влезет к овцам, то растащит (rosproszy) все стадо. Поэтому, увидев Игоря с малой дружиной, ударили всеми силами, и убил его древлянский князь Малдит или Нискиня [152] в урочище у города Коростеня. Там же в Коростене он и погребен под высоко насыпанной (ussuta) могилой в году от сотворения мира по счету 6458 (950) [153].

Как Ольга отомстила древлянам за смерть своего супруга Игоря

После убийства древлянами своего мужа Игоря Рюриковича княгиня Ольга (Holha) с единственным сыном Святославом взяла под свое управление Великоновгородские и Киевские русские княжества и правила не как слабая женщина, а как наипорядочнейшая монархиня и, поручив оборону украины (ukrajne) воеводам Асадму (Asadmowi) и Кельту (Cieltowi) [154], родичам своего убитого мужа, укрепилась со всех сторон от вражеских набегов.

Потом древляне, возгордившись своей свободой и глумясь над Киевлянами, что убили их пана, послали к Ольге двадцать знатных особ, [сначала] ласково уговаривая, а потом угрожая, желая принудить ее к тому, чтобы вышла замуж за их древлянского князя Нискиню или, как у других, Малдита. Выслушав их, она приказала выкопать во дворе глубокую яму (dol) и всех тех послов живыми туда кинуть. А потом сама, склонившись

над ямой, спросила их, как вам там, господа сваты, и приказала их живыми засыпать землей. Сделав это, сразу же отправила гонца к древлянам, благодаря их за то, что заботятся о ней, осиротевшей вдове, и говоря также, что раз уж она супруга своего из мертвых воскресить не может, а сама еще молодая, то не против выйти за вашего князя замуж. Но только пришлите ко мне, в соответствии с моим положением, знатнейших людей и с большей свитой, не как в прошлый раз. Услышав это, древляне с великой радостью послали к Ольге пятьдесят старших бояр или избранных советников (panow radnych); а другие сообщают что их было ровным счетом сорок шесть.

И когда они в ладьях и на различных судах по реке Днепру приехали в Киев, княгиня Ольга приказала приготовить для них большую баню. И послала за ними, прося, чтобы с тех трудов и дальней дороги в бане отдохнули и привели себя в порядок (ochedozyli), а потом чтобы приходили к ней с посольством. Они, будучи рады той милости, пошли в баню, а когда стали полоскаться и вениками хлестаться: ай-яй-яй, ох, ох, ох (ajeje, woch, woch, woch), приказала обложить баню соломой и хворостом и поджечь. И так все они со своими слугами сгорели в этом ужасном огне. А Ольга тут же отправила к древлянам своих послов, объявляя, что уже едет к ним и хочет быть их князю супругой, а им госпожой, только пусть приготовят к ее приезду достаточно меда, чтобы по брачному [обычаю она] по своему первому мужу Игорю устроила тризну, как в те времена назывались чествование (obchody) или поминки (stype) умерших. Древляне, обрадовавшись тому, что со столь великой супругой уже все Русское княжество перейдет к их князю и по этой причине они станут над Руссаками господами, вместо того, чтобы, как ранее, быть их подданными, сразу же заготовили меды и столь же большие припасы для славной свадьбы в своем главном городе Коростене (Chorestenie). А Ольга, как и обещала, в назначенный час приехала в Коростень с киевской шляхтой, мужами, снаряженными для битвы. Древляне, выйдя к ней праздничной процессией, приняли ее с великой радостью. И потом стали спрашивать, куда делись их первое и второе посольства, а она отвечала, что едут за ней другой дорогой через их родные места, налегке и с подарками. Потом добилась у них разрешения пойти на место, где был похоронен князь Игорь Рюрикович, ее первый муж, ибо древляне убили его и погребли там же в Коростене. А придя на могилу, начала очень горько плакать и, отпраздновав тризну, как Русь пишет, приказала на этом месте насыпать высокую могилу своему мужу. И сказали ей древляне: «Госпожа княгиня! Мужа твоего убили потому, что он был немилостив и как волк задирал овец». Ольга, скрывая гнев и затаив в сердце свои замыслы, убравшись в праздничные шаты, как на свадьбу, начала чествовать древлян. А всем своим боярам она мед пить запретила, и, как только все древляне перепились, неожиданно приказала своим киевским боярам тут же их рубить, умерщвлять, колоть, бить, сечь и убивать, и перебили их тогда пять тысяч. Исполнив это и отомстив древлянам за смерть своего мужа, покинула эту печальную свадьбу, а сама воротилась в Киев.

Ольга снова [выступила] **против древлян.** Потом, собрав в Киеве большое войско, на другое лето двинулась против древлян со своим сыном Святославом Игоревичем, наставляя его, чтобы и он отомстил за убийство своего отца Игоря. И, поразив древлянские войска, остатки бегущих с побоища гнала до главного замка Коростеня, где укрылось множество древлян. **Ольга осадила Коростень.** И держала их в осаде в замке Коростене целый год и, видя, что замок и город из-за их крепости и природного

расположения трудно будет захватить силой, прибегнула к замысловатой (przemyslnego) хитрости. **Замысловатая хитрость Ольги.** И послала к горожанам и жителям замка (do grodzan) сказать, что уже отомстила за смерть своего мужа, однако от вас не отступлю, пока вы не заплатите какую-нибудь дань; дайте мне за дань только по три голубя и по три воробья, и большей дани я не хочу. Бедняги (chudzinowie) древляне охотно и сразу же выполнили эти условия, а Ольга велела тем голубям и воробьям в хвосты вплетать фитили с серой и трутом. **Воробьи и голуби зажгли Коростень.** А вечером, запалив трут, пустила их. И каждый голубь, прилетев от русского войска с огнем назад к своему дому и голубятне, а воробьи под стрехи привычных крыш, сразу в десятках мест подожгли замок и город. А Ольга в это время с громкими криками и гиканьем со всех сторон начала штурм. Множество древлян, выбегавших из загоревшегося замка, было тогда побито, посечено и потоплено, а другие погорели с женами и с детьми, а очень много других увели в неволю в Киев, а других распродали, как скот. Так Ольга жестоко отомстила за смерть своего мужа и, захватив все остальные древлянские замки, которые от страха перед таким необычным и неслыханным делом добровольно сдались, с великим весельем воротилась в Киев со своим сыном, царевичем Святославом.

Ольга [едет] **в Константинополь.** Потом в году от сотворения мира 6463 (955) Ольга с большими затратами отправилась на кораблях в Константинополь. И со своими придворными, русскими боярами, придя к греческому цезарю Иоанну Цимисхию (Jana Zemiski) [155], вручила ему великие дары, а тот с большой щедростью принимал ее в Константинополе и чествовал. [Император], впечатленный ее умом, красотой, славой ее побед, а также обширностью Русского государства, сказал ей: Ты, княгиня Ольга, достойна быть с нами императрицей греческой в нашей столице Царьграде, и я намерен взять тебя в супруги, ибо я вдовец и не имею жены. А Ольга ему на это отвечала: Цезарь! Я язычница, а сюда приехала затем, чтобы научиться вашей христианской вере, и если хочешь на мне жениться, окрести меня. **Ольга окрещена.** Тогда константинопольский патриарх наставил ее в христианской вере, а потом окрестил со многими русскими боярами. Сам цезарь Иоанн вместе с другими греческими князьми был ее крестным отцом, как [она] его и просила, и дал ей имя Елена, как прежней своей императрице [156]. **Благословление Ольги.** И благословил ее патриарх, говоря: Благословенна ты между женщинами русскими, ибо благославлять тебя будут сыновья русские до последнего колена внуков твоих.

Ольга обманула цезаря. Потом после крещения Цезарь вызвал ее к себе для поздравлений (na czesc) и сказал ей: беру за себя Елену, как [она] мне сама обещала, [беру] себе в жены как греческую императрицу. А Елена ему отвечала: и как же ты меня можешь взять в жены, сам окрестив меня как отец и назвав меня своей дочерью, когда в христианском законе, да и у язычников, это дело возмутительное и неслыханное, чтобы отец женился (mial pojmowac) на дочери. И сказал ей цезарь: перехитрила [ты] меня, Ольга. Дал ей потом в дар золото, серебро, серьги и шаты шелковые и златоглавые, а Ольга ему из Киева обещала прислать воску, шкур и невольников (czeladzy niewolnej).

Второе благословление Ольги патриархом. [Ольга] пошла к патриарху, прося его благословить свой дом и говоря: сын мой Святослав язычник и весь народ язычники, да избавит Господь меня от всего дурного. А патриарх сказал ей: дочь моя верная во Христе,

раз ты окрестилась и стала христианкой, он тебя сам спасет, как спас народ Ноя в корабле из Ура Халдейского и от Авимелеха, Лота от Содомитов, Моисея с народом израильским от Фараона и от пленения, Давида от Саула, Даниила из пасти львиной, трех отроков: Седраха, Мисаха и Авденаго из печи огненной, так и тебя спасет. **Авраама, Бытие 11, гл. 12, 15 и 20. Лота, Бытие 19, *I Pet. 2*. Исаия 13. Иеремия 50, Амос 4. Моисея, Исход 14. Давида, Царств 18, 19, 20, 22. Даниила, Даниил, гл. 6 и т. д.** И сказав это, благословил ее и дал ей пресвитера (presbitera). Ольга же со всем своим двором села на корабль и благополучно воротилась в Киев. О чем греческий историк Зонара подробнее пишет в *Анналах, том* 3. **Зонара, Анналы, том 3.**

Эта Ольга или Елена была первой христианкой среди русских и многих руссаков обратила к Христу, из-за чего и Русь обратилась к солнцу, ибо как солнце освещает мир, так и она святым крещением впервые осветила русский народ. Но сына Святослава она никаким способом не могла привести к кресту и к познанию истинного Бога, ибо тот был очень воинственным и целиком создан для рыцарской жизни. Поэтому и матери отказывал: если я окрещусь, а мои люди и товарищи мои этого сделать не захотят и отступятся от меня, то с кем я буду воевать и отчизну защищать?

Рыцарская закалка (cwiczenie) **и военная неприхотливость** (cierpliwosc) **Святослава.** И такой великой отваги и рыцарской закалки был упомянутый Святослав, что, как только подрос, всегда со своим рыцарством [157] жил в поле, ничего мешающего и лишнего в войске своем возить не допускал, так что ни один его солдат не имел ни котлов, ни какой-либо кухонной утвари. Всегда ел вместе со всеми только копченое мясо и сухари, палаток и сам не знал, кроме попоны (kotarchy) и епанчи, сидел под [открытым] небом на голой земле, а ложился, подложив под голову седло или чепрак (jarczak), будучи монархом всех русских земель. Поэтому тех роскошных греков легко бивал и захватывал их владения.

Святослав Игоревич, великий князь или царь Киевский, Переяславский и прочее, самодержец всей Руси.

Год 6463 (955)

Святослав (Swantoslaw) **или Свентослав** (Swentoslaw)**, а греческие хроники зовут его Свендослабом** (Swendoslabem)**.** Святослав Игоревич, внук Рюриков, когда ему мать Ольга или Елена, [как ее] окрестили, все княжества Русские, Киевские, Велико-Новгородские, Псковские, Белозерские и другие передала в полное владение, собрал из своих земель великое войско.

Святослав подчинил Хазар. Прежде всего он двинулся на Хазар (Kozary) или Коссеров (Kossery), людей русского народа, которые выбились из-под его верховной власти. И захватил их главный замок, который звался Белая Вежа (Bielawiesia), а самих Хазар с их князем поразил, привел к послушанию и дань на них возложил. О чем свидетельствуют Длугош и Меховский (кн. 2, гл. 3, стр. 24). **Этого похода на хазар нет в русских хрониках** [158].

Второй поход на болгар за Дунай. Потом, согласно русским и польским хроникам, собрал еще большее войско и двинулся за самый Дунай на болгар, которых несколько раз серьезно поразил и взял у них восемьдесят замков над Дунаем, посадив там своих руссаков. **Святослав взял 80 подунайских замков. Столица Святослава в Переяславце** (Pereaslawiu)**.** Столицу своих владений он заложил в Переяславце, что объяснил (wskazal) матери Ольге и своим киевским советникам, говоря, что в Переяславце моя облюбованная столица, в центре моих королевств, ибо туда мне из Греции привозят золото, серебро и драгоценности, паволоки, вина и различные плоды; из Венгрии тоже золото, серебро и добрых коней, а из Руси шкуры, мёды, воски и невольников.

Печенеги осадили Псков [159]. А в то время печенеги из тех краев, где литва смешивалась с готами, ятвягами, половцами и аланами, подступили к Киеву и осадили город. Ольга заперлась в Киевском замке с тремя внуками: Ярополком, Олегом и Владимиром, сыновьями Святослава, которому Ольга послала просьбу о помощи, говоря: ты чужих земель ищещь, а меня, мать твою с твоими сыновьями, едва не захватили печенеги, ибо мы уже осаждены. Как пишет Меховский, печенеги [отступили], услышав от русских пленников весть, что к ним движется Святослав с большим войском, но русская хроника свидетельствует, что Святослав со своим рыцарством быстро прибыл из Переяславца, разгромил и разогнал печенегов. Но в Киеве жить не захотел, хотя мать с боярами его очень сильно просили.

Ольга умерла. И когда возвращался в Переяславец, сказала ему мать Ольга: Я уже, милый сынок, уже умираю, ты меня похорони, где захочешь. И на третий день умерла (будто чуяла свою смерть), и похоронена в Киеве [160]. Потом ее внук Владимир, крестившись, перенес ее кости [в церковь] как святые [мощи], а патриархом Константинопольским она причислена к лику святых [161]; день ее [памяти] русские празднуют 11 июля.

Уделы сыновей Святослава. После смерти своей матери Ольги или Елены Святослав разделил русские княжества [между] тремя сыновьями: Ярополку дал Киев, Олдзе (Oldze) или Олегу древлян с замком Коростенем и с Переяславлем, Владимиру Новгород Великий, ибо новгородцы выпросили себе князем Владимира по совету некой женщины Добрыни (Dobrynie) [162]. Ибо в Великом Новгороде был один горожанин Калуфча или Калусча (Kaluscza) по прозвищу Малк (Malec), и были у него две дочери: Добрыня и Малушка. Среди фрейлин (w fraucimerze) княгини Ольги Малушка была ключницей, от которой Святослав имел [сына] Владимира.

Святослав снова [идет] **в Болгарию.** Обеспечив сыновей и разделив им княжества как положено, Святослав не мог прозябать в покое и снова двинулся в Болгарию. Следуя вдоль [берега] Черного моря через Дакию и Валашские земли, он переправился через Дунай, где стремительным штурмом взял главный болгарский город, упомянутый Преслав (Pereaslaw) [163], и овладел им.

Святослав в Греции. Потом в году от Господа Христа 972, по подсчетам Меховского и Длугоша [164], объявил войну греческим императорам Василию и Константину и с русским войском вторгся в Грецию. Но греческие императоры Василий и Константин сразу

отправили к нему послов, прося мира и союза. **Греческий фортель против руссаков, хитрый, но пустой.** И хотели выведать, много ли у него людей в войске, обещая ему, что, покупая мир, хотят дать дань на голову каждого русина по числу людей его войска. А как только выведали число его солдат, тут же выписали (spissali) [сколько нужно] из своих греческих войск и повели против Святослава. И когда оба войска сошлись между собой, русские устрашились множеству греков.

Речь Святослава к рыцарству. Святослав, видя их тревогу и испуг, сказал так: Не вижу места, о руссаки, где нам можно было бы безопасно укрыться и спрятаться от наших врагов, а чтобы землю и славу русскую во вражеские руки отдать, я никогда и мысли такой не допускал. Так либо станем против этого врага храбро воевать, либо примем славную смерть, ибо обрести бессмертную славу — вот достойное дело. Так что если будем твердо стоять и умрем, храбро сражаясь, то обессмертим свои имена, а если побежим, то вечный нам от этого стыд и позор. И мне, окруженному столь многочисленным врагом, ускользнуть не удастся и бежать не годится. Поэтому буду стоять храбро и стойко, а голову мою в первой же схватке за отчизну всем опасностям подставлю и заложу [165]. **О чем читай Герберштейна.** Так речь Святослава пересказывает Герберштейн на стр. 5 *de rebus Moschoviticis* из старой Московской Хроники, экземпляр которой есть и у меня.

Желание руссаков. Солдаты и все русское войско, которые сначала были встревожены, от этой речи своего князя почувствовали прилив сил, как от вновь прибывшего подкрепления. И сразу единодушно воскликнули, говоря: Гей! Где твоя царская голова, там и наша пусть будет! Укрепившись [духом], рыцарство тогда ринулось в великом порыве и стремительно ударило на противостоящее им греческое войско. **Победа русских над греками.** И, упорным натиском пробив и прорвав их строй, одержали победу. Руссаки били и рубили бегущих и перепуганных [врагов], а других хватали [в плен]. Одержав победу, Святослав разорял, грабил и опустошал греческие владения; а когда некоторые князья ублажали его дарами, покупая мир, Святослав золото и драгоценные паволоки (panadokimi) [166] (как именуют их русские хроники) брать не хотел, пренебрегая ими, а принимал лишь присланные от греков одежду и оружие, доспехи, щиты и мечи.

Чем Святослав привлек к себе греков. Греческие народы, сокрушенные его доблестью и отвагой, приходя к своим императорам и князьям, говорили и призывали: И мы желаем и хотим быть под [властью] такого короля, который больше любит не золото, а доспехи и оружие. **Святослав отвращен** (odwrocon) **от Константинополя выплатой дани.** Когда Святослав с войском приблизился к Константинополю, греки откупились большой данью и отвратили его от греческих границ, чтобы их более не воевал. Однако в Болгарию он вернулся с огромными трофеями и стадами верблюдов, отягощенных золотом и различным добром. Этого Святослава древний историк Зонара (том 3) зовет Свентослабом (Swentoslabem).

Святослав поражен и зарублен печенегами. А когда он возвращался к Переяславлю Русскому и к Киеву, обремененный большой добычей, путь ему преградили печенеги, с которыми Святослав храбро сошелся в неподходящем для битвы плохом (zlym) месте и там был поражен и схвачен [167]. Печенежский князь Куря (Kura) или Курес (Kures)

приказал отрубить пленнику голову, а из его черепа велел сделать чашу. **Чаша из черепа Святослава.** Оправив ее в золото, велел вырезать на ней такой текст: *Ища чужого, потерял свое*. И всегда, когда упомянутый Курес хотел быть в хорошем настроении, он из той чаши пивал, возобновляя славу и память о своей победе.

Об этих Печенегах (Piecinigach), которых грек Зонара зовет Пачинниками (Pacinnikami), а Ваповский Певкинами (Pewicnami), что были в древности, выше найдешь в [нашем рассказе о] происхождении Половцев и Ятвягов, побратимов Литовских, которых в те времена называли различными именами. А тот князь Курес сам был литвин, что выдает его имя [168].

О взаимных убийствах братьев, сыновей Святославовых

По смерти Святослава Рюриковича, самодержца Русского, трое его сыновей, при жизни отца наделенные поделенными [между ними] русскими княжествами, хотя и были добрыми и порядочными, не смогли меж собой договориться. **Свадольт** (Swadolt) [169], **второй Ахитофел** [170]. Сначала некий Свадольт, наивиднейший приближенный покойного Святослава, приехал в Киев к киевскому князю Ярополку, старшему из братьев, и стал настойчиво советовать ему, чтобы выгнал брата Олега из княжества Древлянского и Переяславского, имея на него злобу за то, что Олег убил на охоте его сына, прозванного Лют.

И Ярополк, подстрекаемый советами Свадольта, пошел войной на брата и поразил его древлянское войско. А сам князь Олег, убегая от погрома в свой замок Вараж [171] (по Меховскому), не смог протолкнуться в великой суматохе бегущего люда. Солдаты Ярополка, штурмовавшие замок, спихнули его среди прочих с высокого моста, а когда на него упало много людей, несчастный был затоптан и задушен в году от сотворения мира 6485 (977). А Ярополк, заняв замок Вараж и завладев и им, велел искать брата Олега, которого по указаниям одного древлянина нашли только на третий день среди трупов под мостом, мертвого. И, приказав его принести и [положить] перед собой, сказал Свадольту, глядя на труп брата: Свадольт! Этого ты и хотел. Потом его похоронили в Овруче. **Овруча (Owrucza).**

Владимир бежал к варягам, либо в Швецию, либо в Данию. Владимир, узнав что Ярополк убил брата Олега, сразу же из Новгорода Великого бежал за море к варягам. А Ярополк, приехав из Киева в Новгород, в новгородском княжестве поставил своего наместника, и так сделался самодержцем всей Руси, завладев всеми княжествами своих братьев, одного убив, а другого устрашив.

Владимир вернул Новгород Великий. Владимир, взяв в помощь варягов, вернулся в свое княжество, где выгнал из Новгорода наместника Ярополка и поставил своего, некого Добрыню. А сам, собрав еще большее войско из руссаков и объединив их с варягами, объявил войну брату Ярополку, в этом его опередив, ибо ведал, что Ярополк тоже собирался начать против него войну.

И в то же время послал к псковскому [172] князю Рогволоду (do Rechwolda), который на это княжение тоже был поставлен из варягов, прося у него дочь Рогнеду себе в жены. Но Рогнеда (Rochmida), зная о том, что Владимир был [рожден] от наложницы (ибо Святослав прижил его с любовницей Малушей), не хотела на это согласиться, зато соглашалась выйти замуж за его брата и врага Ярополка, от которого тоже ожидала сватов.

Псковский князь Рогволод убит. После этого разгневанный и оскорбленный Владимир с тем готовым войском сразу же пошел войной на Рогволода Псковского, поразив которого, взял Псков [173], самого Рогволода и с ним двух сыновей убил, Рогнеду же приневолил и [силой] взял себе в жены. **Владимир взял Псков или Плесков.**

Владимир осадил Киев. После новой победы, усиленный присоединением Псковского княжества, [Владимир] потом двинулся против брата Ярополка к Киеву, а когда Ярополк не посмел выйти против него в поле и затворился в Киеве, Владимир усиленно добывал Киев. Но когда понял, что его трудно будет взять силой, отправил тайного гонца к Блуду, вернейшему советнику Ярополка, которого звал отцом, и, обещая великие дары, просил, чтобы тот дал ему совет, каким способом он мог бы убить брата Ярополка.

Предатель Блуд. Согласившись на эту просьбу и поручение Владимира, воевода Блуд обещал ему убить своего господина. Он дал Владимиру совет, чтобы [тот] усиленно добывал Киевский замок, а своего господина Ярополка изменнически уговаривал не оставаться в замке, говоря ему, что все больше его слуг киевлян пристало к Владимиру и на него умышляют.

Родень, старинный русский замок, ныне неизвестный. Вот так Ярополк, подученный изменническими наветами Блуда, бежал из Киева в замок Родень (Rodenu), расположенный в устье реки Роси (Jursy), где надеялся уберечься от насилия Владимира. **Владимир взял Киев.** А Владимир, захватив Киев и заняв его своими Новгородцами и Варягами, двинулся с войском за своим братом Ярополком и осадил его в замке Родень. И приказал штурмовать его стены и башни долгое время, из-за чего солдаты и рыцарство Ярополка, изможденные и удрученные долгой осадой, голодом и постоянной тревогой, соглашались на сдачу, не в силах долее терпеть эту нужду.

Измена. И снова Блуд стал советовать Ярополку, чтобы попросил мира у брата, [который] намного его сильнее, а Владимиру тайно сообщил, что хочет ему брата уже скоро привести и выдать. Ярополк, выслушав изменнический совет Блуда, поддался на уговоры и добровольно решил отдаться на милость и волю брата Владимира на условиях, что он с благодарностью будет довольствоваться тем, что тот из милости своей пожалует ему в державе на содержание. А когда Владимир принял эти условия, Блуд стал уговаривать [своего] господина, чтобы он сразу выходил к брату Владимиру и сдавался, от чего его отговаривал другой советник, Варяжко (Werasko). **Ярополк убит.** Но Ярополк, не послушав здравого совета Варяжко, послушался Блуда и вышел к брату. А когда выходил из ворот, сразу же был убит двумя варягами, а сам Владимир смотрел на это с одной из башен. И видя брата Ярополка уже убитым, сразу гурьбой впустил в замок своих солдат варягов. **Двойное** (wzajemne) **насилие.** Жену убитого брата, гречанку, которую Ярополк

взял в жены, когда она была еще монашкой или черницей, он изнасиловал и имел от нее сына. Вот таким образом из-за жажды лакомой власти Ярополк [убил] брата Олега, Ярополка же убил Владимир. **Приговор Господа Христа неизменен: кто мечом воюет,** [от меча и погибнет]**. Матфея 26, Бытие 9.**

Владимир Великий Святославич, самодержец Русский, первый христианин.

Год 6486 по [счету] Руси от сотворения мира (978)

Владимир Святославич, внук Игорев, а правнук Рюриков, завладев русскими княжествами убитых братьев Олега и Ярополка, привел под свою власть всю северную, восточную и на юге лежащие Белую и Черную Русь, поэтому писался Царем или Королем, Самодержцем и Великим Князем всей Руси. **И от этого Владимира московский** [князь] **приписывает себе царство всей Руси.** А также перенес столицу из Новгорода Великого в Киев. И, принося своим богам жертвы за души убитых братьев Олега и Ярополка, понаставил очень много идолов и понастроил языческих храмов в Киеве и по окрестным горам и полям киевским.

Идол Перуна. Прежде всего он поставил очень высокого идола Перуну или Покуну (Porkunowi), богу громов, туч и молний, которого благочестиво и очень искренне почитал [174]. **Каким было изображение Перуна.** Само его туловище было искусно вырезано из дерева, голова отлита из серебра, уши золотые, ноги железные, а в руке держал камень наподобие пылающей молнии, украшенный рубинами и карбункулами [175]. Другие идолы, которых руссаки звали общим словом Кумиры (Kumerami), приносили им жертвы и молились, как богам, носили имена: Услад, Хорс (Korssa), Даждьбог (Dassauba), Стрибог, Симаргл (Symaergla), Макошь и прочее [176].

Русская столица из Киева перенесена во Владимир, а потом в Москву. Тогда же Владимир построил столицу и большой город, от его имени названный Владимиром, в 36 милях к востоку от города Москвы [177], в очень благодатном (hojnej) краю между Волгой и Окой над рекой Клязьмой. И перенес туда из Киева свою столицу [178], которая находилась там со времен этого Владимира вплоть до Белорусского (Bielo-Ruskiego) князя Ивана Даниловича, а тот потом перенес столицу из Владимира в Москву.

Война Владимира с поляками. Потом Владимир обратил свои мысли к войне и к рыцарской бдительности (czujnosci). Сначала [он] пошел войной на польского князя Мешко (Mieclawa), захватил у него замки Перемышль и Червень и взял под свою власть Радимичский (может быть, Радомский) повят княжества Польского и возложил на них дань, которую прежде [русские сами] давали полякам [179]. О чем Длугош и Меховский (кн. 2, гл. 1 и 3, стр. 24 и т. д.).

Сыновья Владимира. У Владимира было несколько жен одновременно. С псковской княжной Рогнедой (Rochmida), у которой он убил отца Рогволода (Rechwolda) и двух братьев, он имел трех сыновей: Изяслава, Ярослава и Всеволода, и двух дочерей; с гречанкой имел Святополка; с чешской княжной — Святослава и Станислава; с болгаркой — Бориса и Глеба [180]. **800 наложниц Владимировых.** И кроме этих жен держал в

Вышгороде еще триста наложниц, а в Берестове и в Себрах (Sebrach) [181] двести, в Белгороде триста, а всех [их было] числом 800. **Едва не сравнялся с Соломоном, у которого было 700 жен, а наложниц 300. 3-я Царств, 11** [182].

Потом Владимир, уже будучи полным самодержцем (zupelnym jedynowlajca) всей Руси, собрал большое войско, с которым переправился через Дунай и захватил земли Болгарскую, Сербскую, Хорватскую, Семиградскую, Вятичскую (Wijaticka), Ятвяжскую, Дулебскую и те края, где ныне Валахия, Мултания и татары Добруджи (Bobruczcy). И одним походом всех себе подчинил и дань на них возложил, которую [те] сначала давали греческим императорам.

Русская хитрость при осаде. А пока Владимир вел эту заграничную войну, в русские княжества вторглись печенеги и осадили замок Белгород, в котором было 300 любовниц Владимира. И стояли под ним долгое время и не могли взять замок, и решили стоять так долго, пока не выморят осажденных голодом, так что те уже хотели все сдаваться. Но их остановил один старик, и велел из той малости продуктов, что еще оставались, наварить две кади киселя, а третью медовой сыты. И все это велел отнести к печенегам (которым тоже уже надоело стоять без дела) в лагерь, говоря: если у вас тут в поле нечего поесть, то вот вам белгородчане от щедрот своих прислали, пока мы с господином своим Владимиром против вас как следует приготовимся. Видя это, печенеги уразумели, что их трудно будет выморить голодом, а силой замок не взять. Поэтому сняли осаду, а белгородчане посмеялись этой маленькой хитрости [183].

Потом печенеги собрали еще большее войско и двинулись на Киев, а Владимир, услышав о них, тоже поспешил, чтобы дать им отпор. Печенеги расположились лагерем с одной стороны реки Трубежи, а Владимир с готовым войском стал с другой стороны. **Условия, предложенные печенегами руссакам.** Печенеги, видя силу Владимира, не смели начинать бой, но послали к Владимиру с таким предложением: если какой-нибудь муж из твоего русского войска окажется таким смелым, что один на один вступит в поединок с единоборцем печенегом с нашей стороны, тогда печенеги одного своего выставят на бой за всех. И если ваш русин одолеет нашего печенега, тогда мы вам будем служить, а если наш печенег вашего русина побьет, тогда вы нам присягнете и служить будете. А если такой поединщик (zapasnik) среди вас не отыщется, то мы будем Русскую землю три года воевать. Так что лучше вам, во избежание большого кровопролития, на бой против нашего поединщика выставить одного за вас всех.

Выслушав это посольство, Владимир очень обеспокоился, подумал и сказал сам себе: если не выставлю поединщика, печенеги поймут, что в моих княжествах нельзя найти и одного годного для поединка, из-за чего вечный позор ляжет на моих Руссаков. А если же выставлю какого-нибудь своего Руссака, а печенег его одолеет, тогда стыд и беда, да к тому же и в подданство к печенегам идти придется. А когда он обо всем этом думал, пришел к нему один старик переяславец (Peraslawianin), говоря: Царь (Carzu)! Князь великий Владимир! Есть у меня сын, который может попробовать помериться [силами] с печенегом. Услышав это, Владимир был с той приятной новости весел, велел того молодца к себе привести и спрашивал его не иначе, как Саул Давида: решится ли он на поединок с богатырем печенегов? **1-я Царств 17; Экклезиаст 4, 6; Псалом 77; 1-я**

Маккавейская 4. И тот сразу охотно пообещал все устроить во здравие царя Владимира, говоря: Я, слуга твой, сегодня покажу, что печенеги со своим богатырем пред тобой, царь преславный, будут посрамлены. Владимир, видя [столь] великую охоту в [столь] невеликом теле, ибо тот переяславец роста был среднего, как свидетельствуют Длугош и Меховский (кн. 2, гл. 10), усомнился в победе; однако, поручив исход войны [своему] счастью, послал к печенегам, чтобы выходили на поле (plac) со своим богатырем, а он со своим их уже ждет.

Поединок (duellum) **малого русина с великаном печенегом.** Назавтра эти печенеги стояли построившись и, похваляясь, в назначенном месте выставили своего поединщика, грубого, плечистого парня (chlopa), могучего в плечах и роста поистине Голиафского. Тот гордо стоял и вышагивал, поигрывая плечами, срамотя и позоря руссаков и покрикивая на них, чтобы побыстрее выставляли равного ему, а если один не смеет, то он вызывает сразу троих. Тогда выступил из русского войска тот переяславец, парень молодой, да ранний (zawiazaly). Увидев его, печенег стал его дразнить, называя черепашкой (zolwiem). Но когда русин смело к нему подступил, они яростно ухватили друг друга за пояса, прямо как Энтелл и Дарет, единоборцы Энея [184]. ***Вергилий в Энеиде***. Печенег действовал грубой силой, русин же стойкостью. **Хитрость.** И хотя печенег был парень высокий, русин склонился еще ниже и, размахнувшись, головой ударил печенега в толстое брюхо, прямо под ложечку (nad lonem), и тот упал. Войска с обеих сторон стояли спокойно, глядя на эту забаву: малого хлопца с великаном. **Великан печенег убит русином.** Рванулся потом печенег, уязвленный стыдом, и с великим гневом стремительно ударил переяславца кулаком, но тот, действуя прыткостью, сразу же быстро отскочил с места, а печенег, как парень тяжелый, промахнувшись по русину и споткнувшись от своего запальчивого движения (stossu), упал на землю. А переяславец, наскочив, не дал ему оправиться второй раз, а сразу же оседлал и начал так его колотить по щекам, что у того зубы с кровью вылетали. Затем, ухватив его за горло будто Геркулес Антея, душил его на этом плацу так долго, пока душу из него не вытряхнул. **Печенеги поражены.** Увидев это, Владимир с русским войском с криками и гиканьем сразу двинулся на стоявших против них печенегов, а те, видя свое несчастье, разбежались по разным полям. Руссаки били, секли, кололи и хватали бегущих, а других топили в реке Трубеже. И, отбив большой полон и набрав в печенежском обозе разной добычи, одержали славную победу благодаря одному переяславцу (не иначе как евреи над филистимлянами благодаря Давиду) [185].

Заложен второй Переяслав. И на том броде, где свершилась эта победа, Владимир заложил второй (drugi) Переяслав [186] — в память того, что на этом месте переяславец одержал победу над печенежским богатырем. А этого отрока сделал славным рыцарем и отца его знатным человеком.

Послы к Владимиру. Когда Владимир был великим и славным во всем мире монархом или самодержцем всех русских земель и жил в язычестве без закона, поклоняясь идолам, то среди послов от королей и князей различных народов приезжали к нему учителя различных вер и законов. **От магометан.** Сначала магометане, татары, египтяне и арабы с другими агарянскими (Argawenskimi) [187] королями уговаривали его, чтобы принял их веру и данный Магометом закон, который Владимир презрел, так он ему показался гадким и скверным (plugawy i szkarady). **От папы.** Потом многие послы от папы, императоров и

князей римских или латинских и немецких уговаривали его, чтобы принял их веру и христианский закон. На что он тоже не хотел соглашаться, так как ему показалось, что в латинских церемониях мало благочестия, а их церкви не очень украшены. **От евреев.** Под конец и евреи уговаривали его, чтобы он их закон Моисеев принял, но он не захотел, ибо [слишком уж] тяжкими показались ему Моисеевы заповеди. **От греков.** И только послы от греческих императоров и патриархов со своей верой и церемониями имели у него некоторый успех.

Послы Владимира в разные страны света. Видя различия разных вер и законов, [он] не хотел сгоряча (zgola) соглашаться ни на одну из них, а отправил в разные страны мира десять своих послов, чтобы они как следует разузнали о принципах веры и об обрядах различных народов. Прежде всего он приказал им ехать в Болгарию и посмотреть на их веру, других послал в Рим, остальных в Германию, в Африку, в Египет и в Скифию, и эти послы, насмотревшись на различные веры и обряды разных народов, потом приехали в Константинополь. Императорам Константину и Василию сообщили, что от русского монарха Владимира прибыли послы познакомиться с [греческой] верой. Узнав об этом, императоры были этим обрадованы и, показав послам все церемонии согласно греческим обрядам и одарив их, отправили их в Киев. А чтобы они могли дать своему господину лучшее представление о греческой вере, император Константин послал с ними патриарха и грека философа: ученого мужа Кира или Кирусса (Kira albo Cirussa) [188]. **Философ Кирус** [отправлен] **в Киев.** Тот, приехав к Владимиру, много с ним беседовал о вере христианской, а потом передал ему в дар от своих императоров и патриархов большую золотую застежку (zapone) [189], на которой был чудесно выгравирован (wyryty) последний страшный суд Божий. Рассмотрев ее, Владимир попросил философа, чтобы он ему объяснил, как понимать то, что одни справа от Судии стоят, а другие слева. И поведал ему философ, что справа будут стоять те, которые веруют в Господа нашего Иисуса Христа и творят добрые дела, за что после смерти получают вечную жизнь и царствие небесное. А слева стоят те, которые в Бога не веруют, и, живя без веры и закона, своевольничают и творят злые дела, за что будут вечно мучиться в адском пламени. Услышав это, Владимир вздохнул и сказал: Благословенны те, которые справа станут, но, о, беда! горе тем, которые слева. Философ отвечал: Если окрестишься, и ты будешь справа, а если будешь жить в язычестве, слева твое место со всем твоим народом, а потом вечные муки. И Владимир обещал креститься и, одарив его, отправил [домой]. **Убедил немногими словами** [190].

Город Владимир над Клязьмой (Kleznia)**, древняя русская столица после Киева.** И призвал своих бояр и советников в город Владимир, расположенный над рекой Клязьмой, в который перенес свою столицу из Киева [191]. И там он рассказал им, что за разговор состоялся у него с греческим философом Кирусом относительно христианской веры: если кто окрестится, то, умерев, воскреснет и [будет] вечно царствовать, а неверующим и некрещеным будут после смерти страдания и муки вечные. **Образы.** Вот так христианская вера проникла в сердце Владимира от изображения страшного суда, вырезанного на той застежке. Но так как при нем не было таких набожных людей, которые его начинания сразу довели бы до результата, то пока он оставил это дело.

И, собрав большое войско из великих новгородцев (Wielkich Nowogrodzan) и киевлян, отправился в Таврику, которую мы ныне зовем Перекопом. **Об этом свидетельствуют греческие хроники и Зонара.** Там он захватил у греков славный город Кафу или Феодосию. **Владимир взял Кафу.** А потом осадил главный замок всей Таврики и город Корсунь (который Сабеллик [192] зовет Херсоном, а Меховский Корчимом), расположенный в наипервейшем порту Понтийского моря и в то время имевший особую ценность для греческих императоров.

Корсунь или Корчим (Korchim)**, замок и славный греческий город в Таврике, где ныне татарский Кырк-ор** (Kirkiel) [193]. И добывал его изо всех сил немалое время, ибо взять его приступом было трудно, и к тому же греческие солдаты превосходно его защищали. Потом Владимир вел с осажденными переговоры, предлагая им сдаться и говоря: если добровольно не сдадитесь, буду тут стоять еще хоть три года, пока вас добуду, так что потом не жалуйтесь, поздно будет. Но греки не обращали внимания на его угрозы, и Владимир потом простоял под Корсунем шесть месяцев [194]. **Изменник протопоп Анастасий.** Когда осажденных уже одолела нужда, но они продолжали упорствовать, один их протопоп [195], по имени Анастасий (Nastasius), написал на стреле такие слова: Царь Владимир! Если хочешь поскорее взять этот замок, то знай, что к востоку есть подземные трубы, по которым в Корсунь поступает свежая вода. Испортив (zepsowawszy) эти трубы, ты отнимешь воду у корсунян, из-за чего им придется сдаться. И выпустил стрелу с этим текстом, а та, как он и целился, упала прямо перед шатром Владимира. А когда он приказал подать ее себе, то увидел на ней греческое письмо и, позвав толмача, велел прочитать этот текст. Уразумев, в чем дело, он сразу же приказал трубы под землей перекопать, после чего корсуняне, притиснутые и удрученные недостатком отнятой [у них] воды, были вынуждены сдать на милость [Владимира] замок и город со всем морским и настенным вооружением (armata) и с императорскими сокровищами.

Случай с новгородцами. В старинных русских хрониках, о чем из тех же самых хроник свидетельствует и Сигизмунд Герберштейн в своих книгах о Московии (**Герберштейн, стр. 75**), написано [следующее]. Когда руссаки из княжества новгородского и из города Великого Новгорода целых семь лет осаждали с Владимиром Корсунь на Понте, их жены, побуждаемые зовом природы и долгим отсутствием мужей, к тому же сомневаясь в их возвращении и думая, что те уже погибли на войне, взяли себе в мужья слуг и рабов. **Из Корсуня в Новгород привезли ворота и большой колокол** [196]. А когда новгородцы, захватив Корсунь, вернулись в Великий Новгород и в знак победы привезли с собой медные корсунские врата (которые и ныне находятся в самой главной русской церкви в Новгороде), слуги и невольники не хотели пустить в город собственных хозяев, чьими женами завладели, и, возмутившись против своих господ, попытались отбиться от них оружием. **Слуги** [восстали] **на господ.**

Хитрость [по отношению] **к невольникам.** И когда господа начали с ними биться рыцарским оружием, невольники одерживали над ними верх до тех пор, пока те, по совету одного старца, побросав рыцарское оружие, сабли и мечи, взяли против рабов палки и бичи или кнуты (puhi), которыми и напугали рабов, которые, вспомнив, как прежние хозяева наказывали их не саблями, а такими же палками и кнутами, сразу же начали

убегать и с поля и из города. **Холопоград** [197] (Chlopigrod) **над Мологой.** И пришли на одно болотистое место, лежащее над рекой Мологой в двух милях от Углича, и там окопались и построили замок, желая защититься от своих господ. Но господа захватили их, одних повесили, других четвертовали и казнили [разными] муками в соответствии с их винами.

Случай со скифами, похожий на [случай с] **русскими.** Подобные истории рассказывают про татар или скифов Юстин *из Помпея Трога (кн. 2)* и Геродот *в Мельпомене*. **Юстин, кн. 2. Геродот в Мельпомене** [198]. Когда их, вернувшихся с войны через семь лет, собственные слуги тоже не хотели пустить домой и к их собственным женам (которые уже стали женами этих рабов), будто врагов и пришельцев, то после долгих битв, бывших между ними, они тоже разогнали их палками, розгами и кнутами. Но приступим к прерванному рассказу.

Владимир завладел всей Таврикой. Владимир же, взяв замок и славный портовый город Корсунь, [который] вынудил к сдаче путем перекрытия воды, и все прочие замки и местечки, к великому перепугу всей Греции завладел всем островом Таврикой [199], легко подчинив его своей власти. И в году от сотворения мира 6496 (988) отправил своих послов к императорам константинопольским Константину и Василию, сыновьям Иоанна Цимисхия (Zemiski) [200], объявляя им, что захватил их славный замок и портовый город Корсунь вместе со всей Таврикой. Я слышал, что есть у вас сестра, дайте мне ее в жены, а не захотите, то с вашим Константинополем и с другими греческими замками сделаю то же, что с Корсунем сделал. Императоры отвечали, что так не годится и неслыханное это дело, чтобы нам, христианским монархам, родную сестру за тебя, языческого князя, отдать. Но если окрестишься в нашу христианскую веру и, отринув идолов, придешь к истинному Богу Христу, препятствовать твоему священному браку с нашей сестрой мы не будем.

Услышал это Владимир и сказал: разве не я первый посылал к вам послов, которые мне рассказали и дали полное представление о вашем законе, который мне понравился; мила мне вера и обряды ваши. Так присылайте епископа, который бы меня окрестил, и сами ко мне сразу приезжайте со своей сестрой, либо пришлите мне ее в супруги, а я вам верну Корсунь и весь Таврический и Понтийский край. Услышав столь приятный ответ, императоры Константин и Василий очень обрадовались и стали уговаривать сестру Анну, чтобы шла замуж за Владимира, чему она усиленно противилась. Братья же ей сказали, что, если не поедешь, то, что [Владимир] учинил корсунянам и жителям Таврики, то же он учинит и грекам, и будет нам мстить еще горше за этот позор. А если Бог через сие освятит Русскую землю святым крестом, а Греческую землю этим твоим браком спасет от разорения, тогда за это суждены тебе вечная слава и бессмертное благословение.

Владимир ослеп в Корсуне. На это цесаревна Анна с плачем отвечала: Да исполнится Божья воля! И, усевшись в Константинополе на корабли, братья императоры проводили ее до Корсуня, как пишут Длугош и Меховский, с большой свитой греческих князей и фрейлин (fraucimeru), которых Владимир радушно принял. Но как только цесаревну проводили во дворец Корсунского замка, вдруг на него напала внезапная слепота, ослеп он глазами, знать, по воле Божьей. И стал сомневаться, стот ему креститься или нет, ибо

подумал, что его боги карают его за предательство. Но цесаревна послала к нему сказать: Если не окрестишься, слепота не пройдет.

Владимир крестился. Итак, в году от сотворения мира, по русскому счету, 6496 (988); а от Христа, по Длугошу и Меховскому, 990; а Кромер в книге 3 кладет 6497, а от Христа считает 980 [201], Владимир Святославич, внук Игоря и Ольги и правнук Рюрика, окрещен в Корсуне в христианскую греческую веру. **Владимир прозрел при крещении.** И когда архиепископ корсунский возложил на него руку, благославляя его, чтобы принял Духа святого, тут же как пелена спала с его очей, и светло прозрел, и восславил Бога, сказав: Ныне [я] познал истинного Бога! **Как у Павла. Деяния, 20** [202]. Крестились также бывшие при нем бояре, солдаты и все его русское рыцарство, а самому Владимиру при крещении дано новое греческое имя Базилий (Basili), по-русски Василь (Wassil).

А потом, к великой радости простого народа, [Владимир] вступил в брак с греческой цесаревной Анной. Там же в Корсуне построил церковь [203] на горе святого Базилия или Василя в память своего крещения и вернул греческим императорам Корсунь, Кафу и всю Таврику. А сам, сев на корабли с молодой женой цесаревной и попрощавшись с императорами Константином и Василием, вернулся к устью Днепра, а потом по земле приехал в Киев к великой радости простого люда. Привез также с собой кости святого Климента (Klimunta) [204], иконы, книги и прочие церковные атрибуты и принадлежности. И привез с собой из Корсуня в Киев того протопопа Анастасия, который посредством стрелы помог перекрыть водопроводные трубы, а также попов, диаконов, певчих, чернецов и разных ремесленников для строительства церквей или костелов, нанятых в Греции за достойное жалованье.

Русский бог скота Волос (Wlosus)**.** И сразу же приказал ломать, разбивать и выворачивать из земли идолы Хорса, Стрибога (Striba), Мокоши, а идол Волоса, который считался богом скота и лесным богом (как у аркадцев был Пан Фавн) при собрании народа разрушить и утопить в нечистотах. ***Pan Deus Arcadiae, silvestria numina Fauni.*** *(Пан, бог Аркадии, лесные боги Фавны).* И самого главного идола Перуна тоже велел привязать к конскому хвосту и через весь город тащить до Днепра, и там же в Днепре его утопить, навязав камней. **Перун утоплен в Днепре, а Волос в дерьме** (gownach).

Крещение Руссаков. А простые люди, язычники, с жалобными сетованиями плакали по своим богам, но Владимир во всех своих русских владениях велел огласить требование, чтобы все крестились в христианскую веру и назначил определенный день, после которого те, кто не окрестится, за неповиновение подлежат каре. Услышав об этом, все простолюдины с радостью побежали в Киев, а другие в иные назначенные места, по которым были рассажены греки попы для осуществления святого крещения. И говорили: если бы это не было добрым делом, то князь великий Владимир и его бояре не крестились бы. И те попы и диаконы, облачившись в ризы, встали на приготовленные для этого лавки на Днепре реке [205]; а люди толпами входили в реку, одни по пояс, другие по шею, попы же каждой отдельной группе давали имена Тимофей, Василий, Петр или Симеон [206], поливали их водой и с обычными молитвами крестили всех мужчин и женщин во имя Отца и Сына и Духа святого.

Сыновья Владимира окрещены. Тогда же двенадцать сыновей Владимира, которых он имел с несколькими женами и наложницами: Вышеслав, Изяслав, Святополк, Ярослав, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав [207], были отдельно окрещены корсунским епископом. И всем перечисленным своим сыновьям, а с ними и нескольким сынам боярским велел учить письмо греческое и глаголическое (которым и ныне пользуется русь), приставив к ним дьяков и ученых юношей [208].

Церковь Святого Спаса и Василия в Киеве. И велел из больших камней построить в Киеве церковь святого Спаса и церковь Василия от своего имени, которое у него было изменено при крещении. А на тех местах, где прежде стояли различные идолы, [затратив] огромные средства (kosztem przewaznym), приказал понастроить очень много иных церквей, одни из камней и кирпичей, а другие из дерева.

Митрополит и владыки Русские. И взял от патриарха из Константинополя в Киев митрополита Фотия (**Facius или Tacius**), а в Новогрудок архиепископа Леонтия (Leoncia) [209]. **Сокрушение идолов в Новгороде Великом.** А в Великом Новгороде поставил архиепископом корсунянина Иоакима (Ioachima), который, придя в Новгород, всех идолов поломал, а Перуна обрушил (wrzucil) в реку Волхов (Wolchow), которая течет через середину города из озера Волоха (Wolocha) или Ильмень. **Сетования дьявола**, [сидящего] **в идоле.** А когда того Перуна, как пишут русские, били по чреву палками (ибо идол был полый), тогда [сидевший] в нем бес возопил: О горе мне, ибо попал я в немилосердные руки! **Слова идола Перуна.** И, заплыв против течения (przeciw wodzie) под большой мост (как свидетельствуют русские хроники и из них Герберштейн на странице 74 *in Commentariis Moschoviticis*), подал голос так, что все услышали: Это вам на память, мои новгородцы, будете этим тешиться и меня вспоминать! И как только это сказал, как посреди людей из воды на мост упала какая-то дубинка (kij). Московиты рассказывают, что и ныне случается, что в определенное время года Новгороде Великом раздается этот голос, услышав который, все горожане сразу же сбегаются с громкими криками и колотят друг друга дубинками, из-за чего произрастают такие ожесточенные смуты, что иногда старосты лишь с великим трудом могут их усмирить. **Об этом читай у Герберштейна** [210].

И с того времени, то есть с 6497 (989) года от сотворения мира согласно всем греческим и русским хроникам все русские народы: Белой и Черной, восточной, западной и лежащей на юге Руси обратились в христианскую веру, в которой [и ныне] неизменно пребывают согласно греческим обрядам и церемониям и под верховенством патриарха константинопольского. **О годе крещения руссаков у** [разных] **авторов.** В этом расчете лет Сигизмунд фон Герберштейн либо его издатель (drukarz) на странице 7 *in Commentariis Moschoviticis* сильно оплошал, годом крещения Владимира положив 6469 [211] вопреки всем русским хроникам и историкам греческим и польским, с которыми я в этом много раз соглашался. Из наших же Меховский (кн. 2, гл. 3, стр. 25), Ваповский и Бельский считают, что годом крещения Владимира должен быть 990 от Христа. Но *доктор Кромер* в кн. 2 *de Religionibus priscorum Slaworum (О религии древних славян)*, применяя метод исчисления лет от сотворения мира по греческому счету, доказывает, что это был год 6497, а от Христа 980 [212], так что, считая до нынешнего года Господня 1579, когда это пишется, [прошло] 599 лет. А Ольга, жена Игоря и бабка Владимира, еще до

этого крестилась в году 6463 (955) от сотворения мира, то есть за тридцать четыре года до Владимира.

Евангелие не сгорело в огне. Кроме того, греческий хронист Зонара в *томе* 3 *Анналов* пишет, что еще до этого на Русь был послан епископ от Василия Македонянина (которого потом олень убил рогами), константинопольского императора [213], стараниями которого руссаки приняли христианскую веру, ибо когда они попросили от Господа Христа чуда или дива, епископ бросил в большой огонь книги Евангелия или Нового Завета (Testamentu), которые, не повредившись нимало, к изумлению всех руссаков остались в целости.

Руссаки еще до Ольги приняли было [истинную] **веру, но не долго в ней пребывали.** Но так же быстро от принятой христианской веры отступили, что явно показывает то, что потом для принятия святой христианской веры ездили к византийским императорам: Ольга к Иоанну Цимисхию, а ее внук Владимир к Константину и Василию, сыновьям Цимисхия [214]. О чем *eodem tomo* (в том же томе) пишет и Зонара.

Ламберт Ашафенбург. Ламберт Ашафенбург (Safnaburgensis) [215], который пятьсот десять лет назад писал Немецкую хронику, упоминает, что в 960 году Русцийские (Ruscijskie) народы прислали своих послов к императору Оттону Первому, прося, чтобы он прислал [им] какого-нибудь епископа для обучения христианской вере. ***Ruscii.*** [Тот] послал им епископа Адальберта, который потом едва ушел от их рук, когда его хотели убить. Но в этом Ламберт не в ладах с истиной (как доказывает Кромер), так как это посольство следует понимать как Ругийское (Rugijskie), а не Русцийское (Ruscijskie) и Руссийское, ибо город *Rusciae* по латыни следует читать и понимать как *Rugiae*. **Rusciae rectius Rugiae.** (Ругия вернее, чем Русция) [216]. Потому что этот Адальберт (а не наш Адальберт (Albertus), чех, епископ пражский или пражанский (pragenski), которого мы зовем Войцехом и которого убили язычники пруссы) [217] был урожденным немцем и первым магдебургским архиепископом, поставленным этим Оттоном. Этот Адальберт с другими епископами, которых было пять, обращал в [христианскую] веру саксонцев или саксов (Sassy) и славян или поморских славаков (Slawakow), [а также] кашубов в Ругии (а не на Руси) [218]. В то время народы славянского языка из колена польского жили на обширной [территории], о чем пишет священник Гельмольд, который четыреста лет назад в двенадцатом веке оставил Славянскую или Славакскую (Slawacka) хронику стародавнего письма, а теперь она недавно вышла в свет. **Историк Гельмольд** [219]. А если бы Руссаков ранее окрестил Магдебургский архиепископ римской церкви *Адальберт,* то они бы сохранили обряды своей веры не по греческим, а согласно римским церемониям. А тот Отто Первый, сын Генриха Птицелова, которого по-латыни звали *Auceps*, десятый немецкий император, начал править в 935 году и правил 36 лет [220]. **Стародавние славянские архиепископства и епископства**. В славянских землях, в которых в то время изначально жили славяне (Slawacy) нашего народа, он основал архиепископство Магдебургское и епископства мейсенское (misninskiego), бранденбургское или згожелицкое, мерзебургское (mesburskiego) и цейцкое [221]. О чем подробнее пишет Карион в *lib. 3 Chronicorum Monarchiae 4, aetatis 3*. **Об этом читай Кариона.**

При этом-то Оттоне, сообщает Ламберт, Русции (Rusciow) и были обращены в христианскую веру магдебургским архиепископом Адальбертом. Но вернее то, о чем свидетельствуют Зонара и другие греческие историки и все русские хроники, что сначала Ольга, а потом ее внук Владимир окрестились и приняли христианскую веру по греческому обряду в Константинополе. **Когда руссаки, поляки и венгры обратились к Христу.** [Это они] основательно (gruntownie) привели все Русские земли к познанию истинного Бога и его единородного сына Иисуса Христа, возродив их с помощью святого креста в году от Христа 980, а наши поляки в 965, при князе Мечиславе (Мешко) Земомысловиче. Все венгры тоже единодушно крестились в 990, хотя их князь Гейза (Gejiza), сын святого Стефана [222], принял крест в 980 году, тогда же, когда и Владимир. **Когда приняли крест чехи.** А чехи в году от Господа Христа 895 при князе Борживое (Boriwoja), первом христианине, однако простой народ основательно принял веру только к 929 году [223].

И здесь, милый читатель, нам придется немного прервать рассказ и порядок деяний Владимира, ибо не мешает тебе узнать и о том, какими непристойными идолопоклонствами дьявол когда-то обольщал наших предков Славян (Slawaki), Руссаков, Чехов, Поляков и Литовцев, чьи языческие обряды, собранные нами с великими трудностями, доказательно рассмотренные и глубоко исследованные, ты увидишь как в зеркале и как бы [собственными глазами] поглядишь на тот стародавний век своих предков.

Глава четвертая

О древних обрядах или, вернее, безумствах Русских, Польских, Жмудских, Литовских, Лифляндских и Прусских идолопоклонников и различиях между их фальшивыми богами.

Ясновельможному пану
пану Яну Кишке [224] *из Цехановца,*
старосте и генералу Жмудской земли,
подчашему в Великом княжестве Литовском и прочее.

Во всем обширном круге земном сразу же после второго начала и размножения рода человеческого от патриарха Ноя и его сыновей после того великого и ужасного потопа и затопления всей земли возникла нечестивая вера во многих фальшивых богов, заведенная коварной изменой лживых дьяволов истинному Богу единому, вечному и всемогущему. Люди как бы изначально умерли из-за отнятых у них добродетелей: доблести, рыцарскими подвигами доказываемой, или выдумывания ремесел и приспособлений (nacinia), нужных для пропитания людей и другой работы.

Персидский король Митра признан богом, и в его лице (osobie) [персы] **поклонялись солнцу, ибо Митра по-персидски солнце.** Персы считали богом своего короля Митру и с ним солнце, которым приносили жертву, сжигая коня, ибо верили, что скорый бог требует резвой жертвы. Египтяне же поклонялись Исиде, которая оскопила сына Осириса (Opisa) [225], а также таким зверям, как крокодилы. Египетские жрецы воздвигали памятники (slupy)

королю Осирису (Osiridowi) (который справедливо правил Египетским королевством и которого, как пишет Диодор Сицилийский, убил злой брат Тифон и рассек на двадцать шесть частей) и его сестре и жене Исиде. Аписа (Apissa), который впервые научил их пахать, они тоже считали богом и очень почитали в образе вола. Этим волам они поклонялись и воздавали им почести, как богам, а Александр Великий и другие короли приносили им жертвы. О чем читай у *Юстина* и у *Квинта Курция* в *Деяниях Александра Великого* [226]; *Исход, глава* 8 и прочее.

Это идолопоклонство и различные церемонии и обряды ради прославления разнообразных богов придумали и учредили: у египтян Меркурий и король Менна [227]; у критян (Cretencikom) Мелиссей (Melissus) [228], вскормивший Юпитера (Jowissa); у итальянских латинов (lacinnicom) Фавн, а до него Янус; у римлян Нума Помпилий; у греков Орфей и Кадм, сын Агенора, и так далее.

Кроме прочих злодеяний и прелюбодеяний [поклонники] идолов чтили и богов ада: Дита (Ditem) [229], Плутона, Цербера, были и другие.

Мавры же почитали как бога своего мудрого и воинственного короля Юбу (Jube) [230], африканцы Нептуна, македонцы Габира (Gabira) [231], родийцы (Rodijczykowie) [232] и масагеты Солнце, паннонцы (Paenowie) [233] Урана, латины Фавна (Paunusa), сабины Сабу [234], римляне Кастора и Поллукса, Юпитера, Фортуну, Марса, Ромула и Квирина [235] и т. п. ***Malae Fortunae ara in Exquiliis, Febri publicum phanum in palacio.*** *(Алтарь неверной Фортуны на Эксквилинском холме, народный культ во дворце)*.

Флоралия. Кроме того, различным идолам понастроили храмов без числа, [затратив] огромные средства. Под конец и распутной (nierzadnej) женщине Флоре, которая продажной любовью скопила огромные сокровища и отдала это имущество на народные нужды, построили храм, сделав из нее богиню. И раз в год в мае месяце устраивали ей праздник, называемый Флоралия, ради ее славы и вечной памяти открыто творя бесстыдные дела.

Афиняне же, которые в Греции славились познаниями в свободных науках, поклонялись Минерве. Другие греки, [жившие] на острове Самос [236], [поклонялись] Юноне; на Кипре Венере; в Дельфах Аполлону; на Лемносе (Lemnie) хромому Вулкану, хитроумному кузнецу всех богов, которым он делал оружие против гигантов, а Энею против Турна. На острове Наксос [почитали] Либера или Бахуса. ***De Bacho unde Liber dictus***, читай ***Franciscum Philelphum in convivio, etc.*** *(Франческо Филельфо* [237] *в Пире)*. На Крите [поклонялись] Юпитеру; армяне (Ormianie) Анаит (Anaitida) [238]; вавилоняне и ассирийцы Белу [239] или Вельзевулу (Beelzebuba); фригийцы (Berecyntowie) богине Рее [240]. И все иные бесчисленные страны необозримого (nieobeszlego) мира тоже имели своих разнообразных богов, ибо каждый сходил с ума по-своему, когда выдумывал себе бесовских идолов как из людей, так и из скотины и из [других] зверей. **30 000 языческих богов.** Поэт Гесиод считает, что всех языческих богов (и то только греческих, египетских и итальянских, не считая наших сарматских из северных стран) числом было тридцать тысяч [241]. **300 Юпитеров.** А святой доктор Тертуллиан насчитывает триста одних Юпитеров [242]. Эти Юпитеры прежде имели отца Сатурна, и уже от них, с точки зрения поэтов и их безумной

языческой веры, а скорее, по понятиям развращенных людей, родились различные боги, что я сейчас опускаю, ибо христианам мало интересны (malo potrzebna) эти дела. **Об этом также читай Ксенофана *в Двусмысленностях*** (Xenophotem *in aequivocis*) [243].

Какие народы первыми приняли христианскую веру. Но потом ласка и доброта истинного Бога и Человека Иисуса Христа, как ослепительный факел, прогнала страшную тьму и столь непристойное идолопоклонство. [Ибо Иисус] во все стороны света разослал своих апостолов, проповедников, посвященных святым Духом в науку спасения, которые примером святой жизни и разными божественными чудесами привели род людской, столь сильно запутавшийся в почитании фальшивых дьяволов, от бреда к правде, от злобы к невинности, от пустой жизни к стремлению к свету, а в конце концов от несметного числа тех вымышленных и ложных богов и их мерзких обрядов к познанию истинного и вечного всемогущего Бога и к правдивому и светлому благочестию всеобщей веры. Поэтому греки, римляне, итальянцы, испанцы, египтяне [244] и другие восточные и западные страны первыми приняли чистоту и святость Евангелий, ибо уже в то время все эти идолы пали и их ложные понятия исчезли. *Atque:*

Ablata est pythii vox haud revocabilis ulli,
Temporibus longis etenim iam cessat Apollo,
Clavibus occlusis silet etc.

Голоса пифии больше не слышно,
Храм Аполлона давно опустел,
Молча закрытый на ключ.

Наши сарматы, поляки, руссаки, литва, пруссы унаследовали эти древние глупости, однако северные края дольше других народов придерживались этих пустых заблуждений из-за своей природной суровости и звериной жестокости. Поэтому пришедшим в те края апостолам и их посланцам было трудно с учением Евангелия. К тому же наши предки, будучи самым воинственным в те времена народом и проводя весь свой век в рыцарских делах, не вступали в диспуты относительно религии.

Сначала поляки, поморяне и мазуры имели следующих главных богов. **Польский бог Юпитер или Есса.** Юпитера (Jowisza), которого они звали Есса (Jessa), почитали за всемогущего и за творца всех дел. **Плутон или Ниа.** Бога ада Плутона, которого звали Ниа (Nia), почитали вечер[ним богом] и заранее просили у него после смерти лучшего места в пекле и дождей или усмирения непогоды. **Храм Плутона в Гнезно.** Как свидетельствует Длугош, в Гнезно ему был посвящен храм (kosciol). **Маржана или Церера.** И богине земли Церере, производительнице всякого урожая, которую они называли Маржана (Marzana) [245] в Гнезно на большие средства тоже построили храм, как пишет первый польский хронист, краковский епископ Винцентий Кадлубек. Там во славу ей жертвовали десятину всего зерна (zboza) после жатвы, прося обильного урожая в следующем году. **Венера Цицилия**. Богиню любви Венеру называли Цицилия (Zizilia), ей возносили молитвы о плоде и ожидали от нее всяческих телесных радостей. **Диана Зевония**. Диану, богиню охоты, на своем языке звали Зевония или Дзеванна (Ziewonia alba Dziewanna). **Лель, Полель, Кастор, Поллукс.** Почитали также римских божков

Кастора и Поллукса, которых называли Лелем и Полелем (Lelusem i Polelusem). Еще и в наше время у мазур и поляков при беседах, когда себе подливают, хорошо слышно, как выкрикивают *Lelum po Lelum.* **Леда.** Поклонялись и матери Леля и Полеля Леде, которую бог Юпитер, не сумев овладеть ей иначе, согласно греческому мифу (basni), оплодотворил (plodna uczynil), превратившись в лебедя, и она понесла, отчего родились или вылупились (wylegli) Елена (из-за которой погибла Троя) и близнецы Кастор и Поллукс, потом причисленные к богам.

Польский праздник Купала 25 июня. На праздник этих своих богов было в обычае, что мужчины и женщины, старые и молодые, для танцев и других увеселений сходились в одно место, и эту встречу звали *купала* (*kupala*), обычно 25 дня мая месяца и 25 июня, что еще и до сего времени сохраняется на Руси и в Литве. Ибо вскоре после проводного (Przewodnej) воскресенья [246] и до святого Иоанна Крестителя (24 июня) женщины и девушки собираются для танцев; там, взявшись за руки, повторяют: *Ладо, ладо и ладо моя!* распевая в честь Леды или Ладоны [247], матери Кастора и Поллукса, хотя простые люди не ведают, откуда произошел этот обычай. **Святые вечера на Руси.** И эти дивные колыбельные (kolyski) о святом Петре, о святом вечере на Рождество Господне, все это тоже пошло от стародавних языческих суеверий, ибо я и в Турции собственными глазами сам на это насмотрелся в 1575 году, 20 декабря, когда и у нас великий пост (Srzodoposcie wielkie).

Бог Шумящий ветер. Бог Погода. Поляки также считали богом шумящий ветер, который называли Живе (Zywie), а также Погоду (Pogode), бога ясных и веселых дней, как слышал Меховский от своих предков.

Мазовецкий бог Похвист (Pochwist)**.** Почитали и другой ветер, Похвист [248] (но Кромер считает Похвист непогодой), который, как пишет Меховский, мазуры еще и ныне называют Похвистом, ибо когда случался такой свистящий ветер, падали и преклоняли колени.

Перун, Стриб, Макошь, Хорс. Почитали и русских богов, то есть Перуна, Стрибога (Striba), Мокошь (Mokossa), Хорса и других, которым Владимир, сын Святослава от наложницы, приносил жертвы за убитых братьев, построил в Киеве очень много храмов и понаставил идолов по окрестным горам. **Идол Перуна в Киеве.** Идола Перуна (которого наиболее почитал), бога громов, туч и молний, он выставил особенно украшенным: само тело, будто высокий холм, было искусно вырезано из дерева, его голова из серебра, уши из золота, в руке же держал камень на манер пылающей молнии [249]. **Вечный огонь**. И в честь его и во славу приставленные к нему жрецы жгли дубовый огонь, который зовется вечным, и если бы он погас по недосмотру сторожей, то таковых карали смертью. Этот [обычай] соблюдали также литва, жмудь и древние пруссы.

Перунов (Perunski) **монастырь в Новгороде В**[еликом]**.** Таким же образом изображение этого Перуна, с великим уважением почитавшееся за бога, было поставлено в Новгороде Великом на том месте, где в наше время находится христианский монастырь, названный Перунским [250]. Потом, когда в году от сотворения мира (по русскому счету) 6497 (989), а от Христа 980, как о том писали выше, все руссаки при Владимире Святославиче приняли

христианскую веру по греческому обряду, сразу этого идола обрушили с моста в реку Волхов, как свидетельствуют русские хроники и из них Герберштейн на стр. 74 *in Commentariis rerum Moschoviticarum.*

Каких богов имели чехи и болгары. Чехи же и болгары, наши братья славяне, поклонялись тем же богам, но имели и отдельных: Нерота и Радамаса (Nerota i Radamasa) [251]. Болгары, жившие меж большими скалами за Дунаем в [сторону] Фракии, первыми из славян приняли христианскую веру при римском папе Николае Третьем [252] в 860 году от Христа, как я и сам слышал от их теологов, когда там два раза туда и сюда ездил, а точнее, ходил (ибо трудно лежать на возу из-за высоких, под небеса, скал). О том же как свидетельствуют Кромер (кн. 3) и Блондус. Потом, менее, чем через тридцать лет, во времена правления славянского князя Святополка (Swantopluga) [253] христианскую веру и лучшие обычаи от соседних греков и итальянцев приняли жившие по соседству Рагузы (Raczowie), Сербы, Боснийцы, Хорваты, Далматинцы и Иллирийцы.

Славянский князь Святополк. Об этом Святополке чешский хронист Вацлав (Wenceslaus) [254] пишет, что он в то время царствовал в Моравии, столицу имел в Велеграде (Wieligradzie) [255], и со своими моравцами первым крестился и узнал Христову веру.

Когда крестился чешский князь Борживой. А потом его стараниями стал христианином и чешский князь Борживой [256], и жену Людмилу и весь свой народ привел к той же истинной вере в 900 году от Христа. **Императоры Михаил и Арнульф.** Длугош же свидетельствует, что трое славянских князей, Ростислав, Святополк и Коцел [257], обряды христианской веры приняли от греков в 800 году от Христа, когда в восточной, то есть в Константинопольской, империи правил Михаил, а в западной Римской [империи правил] Арнульф [258], которого вши заели. Но Кромер при расчете времени предпочел следовать не Длугошу, а Блондусу и Сабеллику, как историкам более достоверным, лучше в этом разбиравшимся и бывшим в ладах с истиной.

Славянские епископы Кирилл и Мефодий. Но более всего для процветания и обучения новой вере этих новобращенных славянских народов потрудились святые епископы Кирилл и Мефодий, которые с папского позволения выяснили, что литургия или месса, как и отправление других церковных обрядов, славянам требуются на их родном языке. *Omnis spiritus laudet Dominum!* Пусть каждая душа славит Господа! **Такой глас был слышен с небес,** [как] **свидетельствует история.**

Когда поляки приняли крест и почему. Наши же поляки христианскую веру приняли после других славян в году от Господа Христа 965 вот по какой причине. В 921 году у польского князя Земомысла (Zemomislaw) Лешковича, правнука Пяста, родился слепой сын. А когда ему минуло семь лет, тогда князь Земомысл вызвал в Гнезно, где была его столица, всех членов совета и шляхту, чтобы этому ребенку остричь волосы, по языческому обычаю. Ибо у поляков, у мазур и у поморян был старинный обычай: детям в семь лет впервые волосы стричь и имя давать (так же, как ныне у христиан крещение, а у евреев и турок обрезание). А когда паны съехались к князю на эту церемонию, то проводили ее печально, да и сам князь Земомысл был озабочен не менее, ведь как был без

потомства, так и остался, ибо сына, которого на старости лет едва дождался, видел слепым. **Мечислав прозрел.** И когда вместо веселья все были полны скорби, скорбящих вдруг посетила и развеселила нечаянная радость, ибо дитя прозрело без какой-либо помощи лекарей. [Эту весть,] что хорошо видит, сама мать княгиня без промедления с радостью принесла отцу перед пиром. Узнав об этом, гости обрадовались и с несказанным весельем, потрясенные этим дивным чудом, сразу поверили, что это было предначертание богов к добру для них и для всего государства (rzeczypospolitej) и желали счастливого правления князю, княгине и молодому наследнику. Поэтому тем охотнее, веселее и щедрее один за другим и каждый по отдельности [они] на радостях по обычаю пили за здоровье, устраивали турниры (gonitwy stroili), танцевали, кричали, благодарили богов, и т.п. А этому дитяти, по свидетельству Длугоша, дали имя Мечислав, как тому, который мечом добывает себе славу (расширяя [пределы] отчизны). **Мешко.** Потом этого Мечислава матушка и нянюшки от [чрезмерной] нежности и ласки, как это бывает, назвали Мешко. Хотя Винцентий Кадлубек пишет, что его прозвали Мешко от замешательства, которое возникло при его постригах, а потом при крещении имя переменили на Мечислав. Его отец Земомысл, отпраздновав и щедро одарив гостей, советников и местную шляхту, отпустил их и спрашивал у вещунов, что бы означала эта слепота при рождении и не скорое, аж через семь лет, прозрение его сына, и каких успехов тому ожидать в жизни. И те ответили, что Польша до этого времени пребывала во тьме, а в его правление будет освещена, что язычники поняли так, что ее границы широко раздвинутся. Поэтому это дитя по отцовскому приказу воспитывали, как будущего князя.

Мечислав, 15-й польский монарх. Потом, когда Земомысл Лешкович, правнук Пястов, умер, как считает Длугош, в 964 году от Христа и был похоронен в Гнезно по языческому обычаю, на его место по доброй воле всех сословий пятнадцатым польским монархом, считая от Лешека [259], был избран его сын Мечислав, от рождения бывший слепым.

Licentia sumus deteriores. *(Вседозволенность вредна нам самим)*. Тот первую часть своей жизни был полон добродетелей, но как только повзрослел, стал своевольным и распутным, ибо по языческому обычаю взял себе семь жен, с которыми достаточно предавался разврату, но не мог обрести потомства, из-за чего часто корил себя за свое злополучное бесплодие. А некоторые из поляков уже приняли христианскую веру, занесенную к ним возвращавшимися домой странствующими купцами из Чехии и Моравии, из Силезии и из Олавы [260]. Много было и христиан-чужеземцев: часть их несла службу при дворе польского князя, часть занималась купечеством, а часть были отшельниками, жившими в дальних пустынях и в глубине лесов, чтобы спокойно славить Христа. И они, проповедуя истинную христианскую веру и давая советы князю Мечиславу, начали ему обещать счастливый успех во всем и размножение потомства при одном [условии]: искренне принять эту святую веру. Оставил тогда Мечислав своих первых семь жен, с которыми долго жил по языческому обычаю, и сразу же послал сватов к чешскому князю Болеславу (который в церкви на молитве предательски убил своего брата Вацлава, причисленного к святым), чтобы тот отдал ему в жены свою сестру Дубравку, в чем Болеслав ему не отказал. **Убит святой Вацлав** [261]. И поставив условием брака принятие христианской веры, вскоре послал ему свою сестру Дубравку с блестящим кортежем в Гнезно, где в тот же день сам князь Мешко или Мечислав со всеми польскими панами перед лицом своей невесты Дубравки и перед чешскими панами принял

христианскую веру и окрестился в году от Господа Христа 965. **Мечислав, князь польский, крестился ради жены.**

Меховский пишет, что его имя Мешко при крещении было изменено на Мечислав. Там же [он] сразу заключил священный брачный союз с княжной Дубравкой, а потом и свадьбу с великой и воистину королевской щедростью, [длившуюся] много дней. Исполнив все это, он знатно одарил и отправил домой чешских панов, сопровождавших Дубравку. И по наущению жены Дубравки и благодаря ее усиленным стараниям направил все свои силы на утверждение и распространение веры Христовой в государстве Польском.

Два архиепископа в Польше: гнезненский и краковский. И сразу же поставил в разных местах девять церквей из тесаного камня и обеспечил их доходами, а также разнообразными пожалованиями, которые разделил на две престольные диоцезии. И поставил в Польше двух архиепископов: гнезненского и краковского. **Епископства в Польше.** [Он] основал также и другие церкви и епископства: познанское; смогоровское, которое прозвали бычинским, а потом вратиславским (вроцлавским); крушвицкое, которое со временем перенесено во Владиславию [262] как куявское; плоцкое в Мазовии, хелминское в Пруссии, любушское в Силезии и каменское. И приписал им и наделил их на вечные времена десятиной со всякого урожая как со своих полей, так и [с полей] шляхты и крестьян. При учреждении всего этого присутствовал папский легат, кардинал Эгидий [263], епископ тускуланский. Архиепископами и епископами, канониками и приходскими священниками с щедрыми жалованьями сначала были поставлены итальянцы, французы и немцы, потому что поляки по своей языческой простоте не умели исполнять эти обряды.

Кто были первые архиепископы Гнезненский и Краковский. Первым гнезненским архиепископом был Вилибальд (Wilibalmus); другим, краковским, архиепископом был Прохор (Prechorias); первым познанским епископом был Иордан; вроцлавским (wratislawski) Готфрид; крушвицким или владиславским был Луцид; плоцким был Ангелот; хелминским Октавиан; каменским Юлиан; любушским Яцинт (Якцинт). Всемерными и усиленными стараниями этих епископов христианская вера в Польше стала очень умножаться, особенно когда людей привлекали к ней многие подарки князя, который для этого святого дела объезжал все свое государство. Другие же к принятию святого крещения были принуждаемы угрозами. Потом идолы этих языческих божков в местечках и по деревням были разбиты, сломаны и сожжены, а эти их постыдные языческие обряды искоренены воеводами, старостами, войтами и другими начальниками.

И так в обширном государстве польских княжеств много их было крещено или возродилось из воды и приобщения к Духу святому. А польский люд был очень простой, грубый и упорный, из-за чего князь Мечислав гласно присудил и приказал везде объявить по городам и весям, чтобы каждый отдельный [его] подданный, как шляхта, так и всякого сословия люди под страхом смерти и лишения имущества в седьмой день марта месяца все крестились и так через крещение набожно приняли святую христианскую веру, а [языческих] идолов всех поломали. А Длугош и Меховский пишут, что и при их жизни отмечали память свержения этих идолов в тот день, когда это произошло, и этот [обычай] и ныне сохраняется в Великой Польше и в Силезии. Дети, например, в Средопостную

неделю [264], сделав себе идола: женщину вроде Зевонии или Маржаны [265], то есть богини охоты Дианы, которой прежде поклонялись, и воткнув [ее] на длинную палку, носят или возят на возке, и жалостно поют, и воспевают [ее] один за другим. А потом сбрасывают с моста в лужу или в реку, и опрометью (wskok) разбегаются по домам, как бы [убегая] от идолов к истинной вере в Иисуса Христа.

Польский обычай извлекать мечи при [чтении] **Евангелия.** Очистив свою Польшу от этих постыдных языческих обычаев, князь Мечислав в знак твердого и пламенного желания защищать христианскую веру установил, чтобы каждый шляхтич, когда священник начинает [читать] Евангелие, на месте: *Initium sancti Evangelii, etc. (Начинается святое Евангелие, и т.д.)*, до половины извлекал меч из ножен и прятал (chowali) его, когда хор запевал: *Gloria tibi Domine! (Слава тебе, Господи!)*, как бы являя свое пламенное желание защищать Евангелие и вновь принятую веру. И этот обычай долго держался в Польше [266].

Болеслав Храбрый, первый король Польский. От той чешки Дубравки благословением Божьим у князя Мечислава в 967 году родился сын Болеслав, который потом из-за отважных дел прозван был русаками Храбрым [267]. [Он был] первым польским королем, коронованным в 999 году [268] императором Оттоном, как об этом свидетельствуют польские хроники, Винцентий Кадлубек, Длугош, Меховский, Ваповский, Кромер, Бельский, Герборд и наши стишки (wirszyki) в соответствующем месте. Но здесь мы это опускаем, так как перед этим речь шла только о старинных языческих обрядах, а также о принятии веры христианской, которая в Польше и Мазовии процветает с 965 года.

Начало языческой веры в Пруссии и Литве. Литовцы же и древние пруссы, жмудины, курляндцы, латыши, ятвяги, происходившие из одного народа, как мы это достаточно пространно убедительными (pevnimi) доводами доказали выше, придерживались и одинаковых обычаев, как гражданских, так и военных, и одних и тех же церемоний поклонения их языческим богам или идолопоклоннических обрядов. Эта идолопоклонническая вера (nabozenstwo) в Пруссии и в Литве впервые началась так. **К**[нязья] **Брутен и Вейдевут.** Когда в 503 году от спасительного рождения господа Христа над древними пруссами, побратимами литовскими, царствовал упомянутый король или князь Брутен (от которого, как считают некоторые, и была названа Прусская земля [269]), он, будучи уже в преклонных летах, задумал уйти на покой, а королевство оставил брату Вейдевуту, который был из литовского или из аланского (Alanskiego) рода, как пишет Эразм Стелла [270], хотя и немного иначе, как я уже подробнее рассказывал из него прежде. **Брутен, верховный жрец и языческий епископ.** Этот Брутен был потом избран верховным жрецом и епископом, [исполнявшим] обряды или церемонии для языческих богов. **Кирие Кириейто** (Kirie Kiriejto**).** И, сменив ему имя согласно этому назначению, назвали его Кирие Кириейто (на греческом языке страны Вифинии (Bitiniej), откуда были изгнаны и пришли в ту страну эти пруссы с князем Брусом, как думает, хотя и неправильно, Меховский в книге 2, глава 8). Потом с течением времени простые люди стали называть этих верховных епископов Криве Кривейто (Kriwe Kriwejto), что означает: дорогой наш господин (bliski nasz pan). И этому Кириейто, верховному епископу своих идолов, под дубом, на удивление широко раскинувшим [свою крону], пруссы на большие средства построили храм. И там на первейшем месте, по правую руку, поставили идол,

прозванный Перкунос (Perkunos) или Перун. И там же (где ныне город Хайлигенбайль [271] или Священный Топор) эти язычники, древние пруссы, заложили на этом месте главный город, который назвали Романова или Ромнове от Рима, как бы говоря: новый Рим [272]. Там в жертву богу Перуну как пруссы, так и жмудь и литва днем и ночью жгли вечный огонь из дубовых дров (z debiny), и если бы огонь когда-либо угас по недосмотру приставов, что случалось редко, те карались смертью. **Эти моления или восхваления вечного огня означают, что древние пруссы и литовцы переняли это от древних римлян, которые тоже, по установлению Нумы [273] с великим усердием жгли вечный огонь богине Весте. О чем читай Ливия *(кн. 38), Флора (кн. 1, гл. 2), Овидия в Календаре (Fastis) и Стадия* [274] *в его комментариях к Флору.*** С левой же стороны стоял другой идол из меди, в виде извивающегося вдоль ужа (weza), которого они звали Патримпос (Patrimpos) [275], то есть родня богам (у латинян *Dii Penates*), которого почитали так, что каждый жмудин, литвин и прусак держал в доме ужа или змею (zmije), которую кормил молоком. **Почитание змей тоже взяли у римлян, о чем во многих местах свидетельствуют Вергилий в Энеиде и Овидий в Метаморфозах. Доктор Палеолог, грек, показывал мне какого-то удивительного извивающегося змея из меди, которого, говорит, купил у крестьянина из Трок, выпаханного из земли, и утверждал, что это был древний литовский идол.** В третьем углу стоял третий идол, называемый дьявольский Пателo (Patelo) [276], в честь которого каждый хранил у себя в доме голову умершего человека. Четвертый их бог был Виршайтос (Wirschajtos) [277], которого тоже почитали с большим уважением, считали домашним богом и верили, что в его ведении было все движимое и недвижимое имущество, скот и любые доходы. Пятого идола звали Снейбрат (Snejbrato) [278], в чьем ведении были все воздушные (powietrzne) и домашние птицы: гуси, куры, утки, голуби, павы и прочие. Шестой бог назывался Гурк (Gurcho) [279], обладавший, как они верили, властью над всеми стихиями, хлебом и людской пищей. А тот прусский город Ромове, где были эти их идолы и этот епископ Кривейто, польский король Болеслав Храбрый сжег и разрушил в 1017 году, как это мы уже описывали выше из Длугоша и из Кромера (кн. 2), однако на том месте эти язычники и потом производили молебствия. Ныне этот город по-немецки зовется Хайлигенбайль, то есть Святой Топорик (Swieta Siekierka), потому что крестоносцы, выбив язычников пруссов, изрубили этих их идолов священными топорами [280].

Литовцы же и жмудины вскоре размножились в великий народ и выбрали себе особого епископа, которого они чтили так, как ныне у нас папу. И основали в Жмуди новый Рим над рекой Невежисом (Niewiaza), может быть, еще при Палемоне или Публиусе Либоне, и этот город они звали Ромове или Ромнове. А может быть, итальянцы, как об этом рассказывалось выше, приплыв в ту страну, заложили этот город Ромнове или Ромове в память Рима, своей отчизны. **Петр из Дусбурга.** Об этом и крестоносец Петр из Дусбурга, который для магистра Вернера фон Орселна написал хронику о литовских войнах с прусскими и лифляндскими крестоносцами при литовском князе Витене в 1326 году, когда еще не было книгопечатания, рассказывал так: *Condiderant civitatem Romnove trahentem nomen suum a Roma. (Густо населенный город Ромове, ведущий свое название от Рима)*. Выше же попросту пишет о разрушении этого литовского Рима на старомодной (staroswiecka) латыни так: *Eodem tempore Ludovicus de Libentelle Commendator Ragnetae cum suo exercitu multa bella gessit contra Letovinos. Navale bellum multiplex habuit, unum versus Austechiam Terram Regis Letoviae, in qua villam dictam Romove vel Romene, quae*

secundum ritus eorum sacra fuit, coimbussit, captivis omnibus occisis, ubi etiam frater Conradus Tuchefelt occubuit. **Собственные слова Петра из Дусбурга.** В 1295 году комтур Рагнеты Людвиг Либенцель [281] со своим войском вел великие войны против Литвы. Заводил с ними различные битвы и на воде, а одну в Аукштайтской земле литовского короля (так его называли по старинным известиям), где сжег город Ромове или Ромоне, названный от Рима, который по их идолопоклонническим понятиям считался священным, хотя там и погиб благородный рыцарь ордена Конрад Тушефельт [282].

Знич. Там же приносили жертвы своим богам и там же жгли вечный огонь, который они называли Знич (Znic) [283], вплоть до Ягелло, который обратил их к Христу, как о том будет ниже. **Достоинство литовского языческого епископа.** Этот Криве Кривейто или Кирие Кириейто, прусский и литовский языческий епископ, был столь почитаем, что (как пишет тот же Длугош) не только пруссы и литовцы, но и латыши и иные народы, Лотыгальские, Ятвяжские и Жмудь, был послушны его приказам. И столь же почитаем был не только он сам или кто-нибудь из его его кровных родичей, но также и самый незначительный его посланец, идущий из тех краев по его милости или с каким-либо от него знаком, принимался с великим почтением со стороны князей, шляхты и всего простого люда.

Языческая вера литовцев о судном дне и о воскресении мертвых. Верили в воскресение умерших в судный день, однако не так, как следовало, ибо если кто-то был шляхтичем или крестьянином (chlopem), богатым или убогим, знатным или худородным (chudym pacholkiem), верили, что после смерти таким и восстанет к будущей жизни, в том же звании. И поэтому с князьями, с панами и с умершими шляхтичами (как пишет тот же Дусбург, что сам это видел при своей жизни) сжигали слуг, служанок, одежду, драгоценности, коней, хортов, гончих (ogary), соколов, лук с сайдаком [284], сабли, копья, оружие и другие вещи, которые они больше всего любили, а с ремесленниками, крестьянами (s chlopy sielskimi) ту посуду, которую они после работы наполняли едой, и все, что полагалось по их сословию. Ибо они верили, что должны воскреснуть из мертвых вместе с этими вещами и на том свете, как и на этом, ими же будут пользоваться и тешиться.

Вместе с умершими жгли также рысьи и медвежьи когти, ибо верили, что к судному дню, а этот суд над всем миром будет чинить какой-то один бог, самый могучий из всех, они должны будут подниматься на большую и крутую гору, а для того, чтобы им было нетрудно и удобнее туда влезть, думали помогать себе рысьими когтями.

Тот же Дусбург пишет, что этот Триве или Криве, прусский и литовский языческий папа (papiez), имел сведения обо всех делах благодаря дьявольской ворожбе, ибо родичи либо кровные умершего, веря, что каждая душа должна миновать его дом прежде, чем отправиться на тот свет, спрашивали его, не видел ли он в тот день или ночь (когда тот умер), какого-нибудь проходящего мимо его дома человека в такой же одежде, в какой они сожгли умершего? Криве сразу же безошибочно описывал внешность, телосложение, одежду, семью и привычки этого умершего, хотя временами был в десятках миль от того места, где тот умер. А для большей достоверности говорил, что душа в образе этого умершего, проезжая мимо, копьем, саблей или каким-то другим инструментом (instrumentem), с которым его сожгли, на воротах его дома оставила знак или что-нибудь

другое, что эти его друзья признавали за подлинное знамение от черта (od czarta). И так сильно почитали этого Кривейто, что после каждой победы или доставке добычи из вражеских краев, отдавали ему третью часть добычи, другую часть жертвовали богам и сжигали нескольких самых знатных пленников в доспехах, [так, как они] были захвачены, но коней сначала загоняли (bieganim mordowali) так, что на ногах стоять не могли, и только потом сжигали [285].

Боги Литовские, Жмудские, Самбийские [286], Латышские и Прусские.

Вот главнейшие (naprzedniejsze) боги, которые были у этих народов:

1. **Окопирнос** (*Okopirnos*), бог неба и земли.

2. **Свайтестикс** (*Swajtestix*), бог света.

3. **Аушлавис** (*Auschlavis*), бог немощных, больных и здоровых [287].

4. **Атримпос** (*Atrimpos*), бог моря, прудов, ставков и озер.

5. **Протримпос** (*Protrimpos*), бог рек и всех текучих вод.

6. **Гардоайтис** (*Gardoajtis*), бог кораблей. Его почитали только мореплаватели и рыбаки, особенно в Курляндии, Самбии и Финляндии, которые прилегали к морю, ибо верили, что этот Гардоайтис — огромный ангел (aniol), стоящий посреди моря и озер, бог ветров. ***Aeolus.*** Греки верили в такого же бога Эола, который усмиряет ветры, а когда разгневается, то одним дуновением перевертывает и топит корабли. На его праздник (swieto) ели только рыбу без хлеба и другой еды, а похлебку пили из приспособленных для этого глубоких мисок, ибо этот бог владел глубинами вод. ***Inde incule vim ventis etc. sunt verba Junonis.*** *(В диких ветрах [слышны] слова Юноны)* [288].

7. **Пергрубиус** (*Pergrubius*), бог злаков, овощей и трав.

8. **Пилвитос** (*Pilwitos*), бог, который давал богатства и наполнял закрома.

9. **Перкунос** (*Perkunos*) или **Перун** (*Piorunos*), бог молнии и грома, снега и дождя.

10. **Поклюс** (*Poklus*), бог ада, туч, затмений и летающих духов или дьяволов.

***Пигмеи* (*Pigmaei*).** Чтили также *Парстуков* (*Parstuki*) [289] и *Маркополов* (*Markopole*) [290], как они называли *людей-малышек* (*ludzie maluczkie*), которых, мне кажется, мы зовем *Пигмеями* [291]. Они живут в земле и в определенное время еще и ныне показываются им, особенно в Швеции, в Курляндии, в Латвии и в прусской земле Самбии, где закалка старого язычества еще не до основания искоренена из простых людей. Это были боги древних пруссов и курляндцев, которых этот грубый народ отчасти признает и почитает до сих пор.

Особые Литовские и Жмудские боги.

1. Наипервейшего бога звали ***Прокоримос*** (*Prokorimos*) [292], и в жертву ему не резали, а забивали палками белых каплунов, часть которых ели сами, часть съедали те, кто совершал жервоприношение (ofiarnicy), а третью часть сжигали. **Этот** [обычай] **в Жмуди сохраняется и поныне.**

2. Бог квашеных и кислых блюд ***Ругучис*** (*Ruguczis*) [293], которому жертвовали пестрых кур.

3. Бог ***Земенник*** (*Ziemiennik*) [294] или земляной (ziemny), которого почитали [тем, что] берегли змей и кормили их молоком; в жертву ему забивали черных кур.

4. ***Крумине Предок Колосьев*** (*Kruminie Pradziu Warpu*) [295], который давал различное зерно, ему в жертву забивали петуха с низким и густым гребнем и рубили его мясо на мелкие кусочки, чтобы жито уродилось густое, колосистое, а не высокое.

5. ***Литуванис*** (*Lituwanis*) [296], который посылает (spuszcza) дождь. Ему жертвовали кур различного цвета: белых, черных, пестрых и прочих.

6. ***Кауриари*** (*Chauriari*), конский бог [297]. Ему жертвовали рослых, жилистых (cerstwe) петухов разной масти, чтобы и кони множились такие же. А когда его просили о мире от их врагов, как греки и римляне Марса (ибо его считали также и богом войны), тогда приносили ему жертвы и молились за печкой, сидя на седлах.

7. ***Сотварос*** (*Sotwaros*) [298] — бог всяческого скота. Ему перед печью или перед огнем жертвовали разных каплунов, как будто это сердца различной скотины.

8. ***Сейми Девос*** (*Seimi Dewos*) [299], который заведовал домочадцами (czeladz). **Zeimi Dewos.** Для него тоже забивали разноцветных петухов и наседок. Эти жертвы бросали в огонь печи и не вынимали их, пока не сгорали, прося, чтобы их слуги с ними и оставались (sie trzymali).

9. ***Упинис Девос*** (*Upinis Dewos*) [300], который имел в своей власти реки. Ему жертвовали белых поросят, чтобы текла прозрачная вода.

10. ***Бубилос*** (*Bubilos*) [301] — бог меда и пчел. Ему молились, сидя за печкой, а их поп держал в руках большой новый горшок, полный меда. После обычных молитв [он] с громким криком ударял им о печь и разбивал вдребезги, прося бога Бубилоса, чтобы пчелы щедрее роились.

11. ***Дидис Ладо*** (*Dzidzis Lado*) [302], то есть великий бог, в жертву которому забивали белых каплунов, а праздник его с 25 мая и до 25 июня праздновали в корчмах. Женщины и девушки танцевали на лугах и по улицам, взявшись за руки и образуя круг. И жалостно пели, повторяя: *lado, lado, lado Didis musu Dewie!* то есть: *великий наш боже Ладо!* Что еще и ныне устраивают в Литве, в Жмуди, в Лифляндах и на Руси.

12. ***Гульби Диевос*** (*Gulbi Dziewos*) — бог, который бережет (strzeze) каждого человека отдельно [303], что наши зовут *proprium Genium*, собственный ангел [хранитель]. ***Genius bonus*** *(Добрый гений)*. Мужчины жертвовали ему белых каплунов, а женщины — куриц.

13. ***Гониглис Диевос*** (*Goniglis Dziewos*) [304], лесной пастуший бог, которых греки и римляне звали Сатиры и Фавны (*Satiros Faunosque*). Ему жертвовали яйца (jajca) конские, воловьи, козлиные и прочего подобного скота, когда его холостили или потрошили. **Способ языческой молитвы.** Пастухи сжигали эти жертвы на каком-нибудь большом выбранном для этого камне, приговаривая: О бог наш Гониглис! Как этот камень тверд, нем и недвижим, так же пусть волки и всякие хищные звери не смогут двинуться, чтобы не могли повредить нашему скоту, поручаемому твоей защите.

14. ***Свецпунсцинис*** (*Swieczpunscynis*) — бог, который заведовал курами, гусями, утками и всеми другими птицами, как домашними, так и дикими [305]. Ему не приносили жертв, говоря, что это летающий бог.

15. ***Келю Диевос*** (*Kielu Dziewos*) [306], дорожный бог; ему жертвовали белых кур. Взяв в руку палку, перепоясавшись и обувшись в лапти, будто евреи на Пасху (jako Zydowie Wielkanoc obchodzacy), просили его, чтобы счастливо проводил их в дорогу из дома и благословил [вернуться] домой.

16. ***Пушкайтис*** (*Puschajtis*) [307], бог земли, который живет меж деревьев бузины (bzowym). По вечерам ему часто приносили жертвы, с великим страхом набожно молясь у бузинного дерева (drzewa). И с тех пор они поступают так и доныне, ибо это дерево у них было самым священным, и простые люди носят хлеб и пиво под куст бузины, прося бога Пушкайтиса, чтобы он посылал на их гумна своих ангелочков (aniolki) Парстуков, то есть *пигмеев* (*pignaeos*), мелких человечков, которые бы приумножили и сберегли в наилучшем виде (okwitosci) [запасы] зерна. Об этих Парстуках или Пигмеях и святой Августин *in libro de Civitate Dei* (*в книге о Граде Божьем*) пишет, что своим удивительным появлением много раз соблазняли язычников и простаков христиан из крестьян. Еще и ныне, чаще всего в Курляндии, [а также] и в Швеции, они и в самом деле показываются простым людям, с которыми любят пообщаться, особенно с теми, которые смогли им понравиться жертвами и угощением (ибо поесть они всегда рады, а особенно ночью). Один доктор медицины и физики описывал мне их чудеса, что мы здесь опускаем.

Spiritus Familiares *(Дружественные духи). Упсальский архиепископ Олаус Магнус* [308] *и Корнелий Агриппа в Оккультной философии* тоже пишут, что по природе своей летающие дьяволы не до конца развращены адом и [могут быть] дружественны [к людям]. В Швеции, Норвегии и Финляндии они запросто служат простым людям, чистят коней и выполняют другие работы, а некоторым, тем, которые при общении сумели им понравиться, рассказывают о прошлых делах и о будущем. **П**[ан] **Тарановский** [309] **тоже рассказывал мне, что, будучи в Дании, видел письма к своему государю, принесенные из Швеции, а кто их приносил, неизвестно.**

Я тоже раскажу, что слышал и видел собственными глазами в Курляндской, Лифляндской и Самбийской [земле], которая зовется Судавская (Sudawen) [310] Самбия, и в некоторых

уголках Жмудской земли, особенно тех, что прилегают к морю, и за Мирумсками (Mirumskami) [311] и Инстербургом [312]. Там этого дьявола Пушкайта (Puschajta), про которого верят, что живет в бузинном дереве, и земляных людей Парстуков, его ангелочков и подручных (sprawce), дважды в году по установленным праздникам чествуют и потчуют щами (ccza) и [другой] пищей. В определенное время праздника на гумне люди ставят и накрывают стол, ставя на стол четыре (czworo) хлеба, вареное и печеное мясо, сыр и масло. И привычными языческими обрядами или колдовством вызывают их, чтобы почтить или на ночной ужин. Потом, накрепко заперев двери гумна, сами уходят, а в полночь приходят эти Парстуки и едят эти кушанья. Назавтра же хозяева смотрят, какого кушанья больше съедено: если хлеба, то верят, что эти божки подсобят им с хлебом; если мяса, то понимают это как благоденствие для домашнего скота и т. п. А тех кушаний, которые им больше понравились, на следующий праздник кладут больше, чем в прошлый раз, прося их, чтобы приумножили хлеба. Также говорят, что эти Парстуки ночью крадут с гумен хлеб и прочее у хозяев, которых считают неблагодарными, а тем, которые их больше уважают, приносят. А в верхней [части] Прусской земли [313], около Хойниц, Камени (Kamienia), Семпелборка (Sempelborka) [314] за Торунем и в других местах тамошние жители, будучи старого языческого закала, вплоть до нашего времени очень набожно относятся к тому бузинному дереву. Они верят, что под деревом бузины живут какие-то удивительные подземные духи или фантазмы (fantasmy), которых они зовут красными людьми (krasnymi ludzmi) [315], и по ночам, когда светит месяц, часто показываются людям, особенно хворым. Об их внешности говорят, что ростом они не выше локтя.

Наиважнейший у этих язычников праздник, который еще и ныне сохраняется в некоторых местах в Литве, в Жмуди, в Лифляндах, в Курляндии и в некоторых русских краях, бывал в конце октября месяца [316], когда весь хлеб уже сжат, собран и развезен по гумнам. Тогда они устраивали себе колядки (kolacyie), на которые иногда складывались с трех, даже с четырех сел, и сходились в один дом с женами, детьми и слугами. Стол [усыпали] сеном, а иногда накрывали скатертью, и ставили на него несколько хлебов и четыре большие посудины (sudziny) [317] пива на четырех углах. Потом приводят теленка и телку, барана и овцу, козла и козу, кабана (wieprza) и свинью, петуха (kura) и курицу, гусака и гусыню и другую съедобную скотину и домашнюю птицу, самку и самца. И все это по обычаю забивали (bija) в жертву своему богу Земеннику. Сначала их прорицатель (wieszczek) или языческий жрец, простой крестьяниин, произнеся молитвы согласно обычным суевериям, начинал избивать палкой некоторых животных, а потом все рядом стоящие палками били эту скотину по голове, по брюху, по хребту, по шее, по ногам, приговаривая: Это тебе, о Земенник, боже наш, жертвуем в благодарность за то, что в прошлом году хранил нас в добром здравии и в процветании всякого добра, хлеба и имущества, уберег от огня, железа, морового поветрия и от всех наших врагов защитить изволил. Исполнив это, мясо этой перебитой в жертву скотины и птицы варили, пекли, жарили и, усевшись за стол, ели. Но сначала, оторвав кусочки от каждого кушанья и от птицы, прорицатель или колдун (czarownik) бросал их под стол, на печь, под лавку и в каждый угол дома, приговаривая: Это тебе, о Земенник, боже наш! Изволь принять нашу жертву и любезно отведать этих угощений! И ели и пили до объедения, при каждом блюде и напитке взывая к оному Земеннику, и в длинные трубы дудели, и мужчины и женщины, и пели, дружно разевая рты. Я и сам частенько бывал на этих их пиршествах и праздниках

в Лифляндии, в Курляндии, в Жмуди и в Литве около Сувиека (Suwieka), местечках Абелов (Abelow), Соботник (Sobotnik), Посвола (Poswola), Бассенборк (Bassenbork), Моиса (Moisa) [318] за Соколвой (Sokolwa) и в других [местах], где наблюдал удивительные языческие суеверия. Ибо в тех местах до сих пор мало знают о Боге.

Молебствия прусских жмудинов. А в Пруссии, в Самбии, в земле, которая по-немецки называется Судувия (Sudawen), Самланд (Samland) [319] и около Инстербурга (Insterborku), Рагнеты и в Курляндской земле сельские крестьяне, которые все жмудины и до самого Кёнигсберга (Krolewca) разговаривают на жмудском языке, что я сам слышал и видел [320], имеют свой собственный праздник, который зовется Пергрубри (Pergrubri). Весной, как только сойдет снег, когда уже время пахать и показалась трава, с нескольких сел ссыпают солод на пиво — по четверти или больше. Потом сходятся в один большой дом, и там их Вурскайт (Wurschajt), то есть тот, кто приносит жертвы (ofiarnik) или же попросту колдун, берет гарнец [321] пива и поднимает его вверх, обращаясь с просьбой к богу Пергрубиусу, который дает траву и лето: O Wespocie Dewe musu Pergrubios!, то есть: О всемогущий боже наш Пергрубиус! Ты отгоняешь прочь постылую зиму и изволишь приумножать по всей земле зелень, цветы и травы. Сейчас мы просим тебя, чтобы хлеб, посеянный нами, и тот, который мы собираемся сеять, изволил щедро приумножить, чтобы рос колосистым, а все плевелы изволь сам вытоптать (podeptac). Потом поставит жбан (konewke) или кубок, ухватит его зубами и выпьет пиво, а выпив, бросает жбан через голову без помощи рук [322]. А стоящий за ним Цивон (Cziwon) [323] или старшина этой волости хватает жбан и, поскорее налив в него пива, [снова] ставит перед Вурскайтом или этим колдуном. Тот, взяв кружку (kufel), просит другого бога, Перкунуса или Перуна, чтобы изволил укротить громы, грады, молнии, дожди, бури и грозовые тучи. И в жертву ему выпивает кружку пива, взяв ее в зубы, и сразу же после него пьют все. Третий раз просит вельможного бога Свайстикса (Swajstixa) [324], бога света, чтобы изволил ласково светить на хлеб, на птиц, на цветы и на их домашний скот. Молился он и четвертому богу, Пилвиту (Pilwit) [325], чтобы позволил всякое зерно хорошо сжать и собрать в гумна; а также всяким другим богам, которых у них 15, в честь которых выпивал по кружке пива, держа их в зубах без помощи рук. А затем во славу их пели песню, будто волки воют. А если в прошлом году был плохой урожай зерна, тогда, злясь на себя, признают, что заслужили это за [свои] грехи. И просят Аушлависа, бога хворых и немощных, чтобы попросил других богов, Пергрубиуса, Перкуноса, Свайтестикса (Swajtestixa) и Пилвита, в будущем году быть поласковее.

Там же и тогда же крестьяне (chlopy) Жмудинского и Литовского народа из упомянутой нижней прусской земли, которая зовется Судавия, Самбия [326], раз в году таким же образом отмечают праздник быка или козла. Из четырех или из шести сел сходятся в одно, собирают деньги, хлеб и другие вещи, как бы колядуя; продают это, и если денег [окажется] много, то на эти деньги покупают сразу и быка, и козла. И съезжаются все в один дом, где разжигают большой огонь, и там же их жены ссыпают пшеничную и гречишную муку, из которой готовят лепешки. Потом Вурскайт (Wurschajtos), их поп, по языческому обычаю водрузив на голову венок и положив руку на козла или на быка, просит всех богов, которых я перечислял выше, каждого по отдельности, милостиво принять от них празднование (obchod) и жертву этого мира. И взяв быка или козла за рога, ведет его на гумно, и все крестьяне подымают его вверх, а жрец, Вурскайт, опоясавшись рушником, повторно взывает ко всем богам, говоря: Это жертва в честь [богов] и в память

отцов наших, [учивших нас] смягчать гнев своих богов. Потом, шепча, обойдет три раза около быка и зарежет его, а кровь не проливает на землю, а выпускает в ушатик (uszatek). Черпая [кровь] ковшиком или чаркой, Вурскайт кропит ей людей, а остаток разливают в горшочки (garnuszki) и каждый в своем доме кропит скот [кровью], как и у нас есть обычай святой водой. Быка же, разрубив на куски, варят в котлах, а около огня садятся крестьяне, которым женщины приносят не печеные [327] лепешки, и они, каждый взяв по лепешке, передают один другому в руки через пламя, и перехватывают их так долго, что они испекаются. Потом целую ночь едят и пьют, поют и играют на длинных трубах, а рано утром идут через деревню на развилку (rostanie) дорог, неся пшеничные лепешки и что еще осталось от этого ужина, кладут в одно место и сверху присыпают землей, как следует позаботившись, чтобы зверь или собака не могли этого выкопать. Исполнив это, поручают все богам и расходятся по своим домам.

А когда кто-нибудь уже чувствует приближение смерти, то, в силу [своих] возможностей, на бочку или две пива просит созвать друзей и всех односельчан, с которыми примиряется и прощается. А они его, уже умершего, как следуют вымоют в бане и оденут в длинную белую рубаху, как велит обычай. И посадят его за стол, и друзья пьют за него, говоря такие скорбные и жалостливые слова: Пью за тебя, милый друг, зачем ты умер, ведь у тебя милая жена, детки, скотина и всяческое добро, и прочее. Потом второй раз пьют за него перед сном (na dobra noc) и просят его, чтобы на том свете передавал приветы их друзьям, отцу, матери, братьям и т. п., и чтобы там с ними обходился ласково и по-соседски, как и они с ним при жизни. Потом одевают его в одежды и, если это мужчина, припасают ему меч (kord) [328] или топорик, а также рушник на шею, в который ему завязывают немного денег на еду, по его средствам. Ставят ему в гроб жбан пива и [кладут] хлеб с солью. А если хоронят женщину, тогда ей кладут нитки и иголку, чтобы зашила себе, если у нее что-то порвется на том свете. А когда ее везут к могиле, то все друзья, идущие в процессии, тыкая в [могильный] холм ножами, громкими голосами взывают: *Gejgej, begejte Pokkole!* то есть: *убегайте, убегайте, бегите прочь от этого тела, вы, дьяволы!* [329].

Ныне это можно встретить в одном из уголков Лифляндской земли за Моиза Солкова (Moiza Solkowa) [330], где я сам видел, что при погребении умерших играют на трубах и поют: Иди, усопший (nieboze), из этого убогого мира различных притеснений на вечный праздник, где ни спесивый Немец, ни хищный Лейсич (Lejsycz), то есть Поляк или Литвин, ни Москвитин навредить уже не смогут.

Память своих умерших отцов, матерей и кровных [родичей] простой народ отмечает в Октябре или в Ноябре месяце, а иногда каждый праздник на могилах жалобно плачут и так же [жалобно] поют, особенно жены, перечисляя доблести, добродетели и хозяйственность своих мужей.

Такой обычай сохраняется не только у них, но и в Валахии, в Мултянской (Multanskiej) и Болгарской земле, что я и сам видел в нескольких местечках в Бузове, в Рущуке, в Джурджеве (Dziurdziewie) над Дунаем и в столичном городе Мултянского Господаря Бухаресте (Bukorestu), где к тому же жгут свечи и курят кадилом на могилах; а в Турции и еду кладут, сыплют зерно птицам, кормят кошек и собак за души умерших друзей. А иные

велят двум холопам носить по улицам требуху (pluce) на шесте, а за ними [целыми] стадами вместе ходят кошки и собаки, и прочее. **В Турции нас бесплатно угощали.** Нас, как гостей, в некоторых караван-сараях (karwagerah), то есть гостинных домах, сооруженных на пожертвования (na jalmuzne), тоже бесплатно угощали (jalmuzne dawali), хотя мы об этом и не просили. Приносили виноградные гроздья (wino ruzynek), дамаскен (damasken) [331] и прочее, сваренные вместе капусту с бараниной, рис, кашу, молоко буйволиц, хлеба по числу особ и два жбана воды, ибо вина на душу не дают. А между могилами (grobami), которые в некоторых местах стоят, будто городки, каждую пятницу, если день ясный, жены и друзья [усопших] молятся и раздают милостыню убогим.

А в Курляндии, в Самландской земле и в Пруссии, когда поминают умерших, тогда из церкви идут прямо в корчму или в какой-нибудь дом, где собираются варить пиво. За ними жены приносят в кошелках рыб, запеченных и свареных на зиму, и там же без ножей едят, а жены им прислуживают. И каждый в честь умершего родственника бросает под стол кусок от каждого блюда и выливает кружку пива.

В Литве же и в Жмуди на поминках друзей крестьяне тоже устраивают роскошный ужин, а старший хозяин, когда уже надо начинать есть, кладет на большую ложку муку из различного зерна, соль и ладан (kadzidla). И, воскурив, молвит: А за всех друзей наших! А потом едят и пьют так, что [потом] на ногах стоять не могут, распевая отцовские стародавние песни. **Я и сам при этом присутствовал в Киянах** (Kijanach) **в 2 милях от Вильна и в Лаваришках** (Lawariskach) [332].

В Жмуди есть и другой праздник, который зовется Илги (Ilgy), соблюдается по языческим преданиям и начинается как раз на Всех Святых [333]. На этот праздник даже самый убогий должен иметь в доме пиво и, выпивая в течение нескольких недель, поминать умерших. А прежде, при язычестве, этот праздник отмечали в честь Перкуна (Percunowi), бога молний и громов, и прочее. Но об этих суевериях ты найдешь и ниже, при [описании] обращения Литвы и Жмуди в христианскую веру. Поэтому сейчас приступаем к [рассказу о] делах русских князей.

Комментарии

1. Остафий Богданович Волович (1520-1587) герба Богорыя происходил из православного рода Воловичей и был уроженцем Гродненского воеводства. Учился в университетах в Германии и в Падуе, в молодости был писарем и секретарем у виленского воеводы Яна Глебовича. В 1552 году женился на Феодоре, дочери Павла Сапеги. Несколько раз ездил послом в Москву, был в числе тех, кто призывал Андрея Курбского уехать в Литву. Карьерой Волович обязан своему редкому уму, знаниям и трудолюбию. Дворный маршалок (1552), земский подскарбий (1561), подканцлер (1566) и канцлер (1579) Великого княжества Литовского; каштелян Трокский (1569) и Виленский (1579), воевода Виленский (1584). Староста Медникский, Могилевский, Брестский, Кобринский и Усвятский. Участвовал в подготовке Второго Литовского статута (1566) и был убежденным противником Люблинской унии (1569). Во время Ливонской войны

участвовал во взятии Полоцка (1579) и Великих Лук (1580), осаде Пскова (1581). Сторонник веротерпимости, но в конце концов из православия перешел в кальвинизм. Имел богатую библиотеку. Меценат, в числе других гуманистов великого княжества Литовского поддерживал Василя Тяпинского и Симона Будного. Последний, как и Стрыйковский, отдельные свои произведения посвящал Воловичу. На средства Воловича основана первая на территории Белоруссии кирилическая типография в Несвиже, где печатали славянские книги. В своем завещании приказал освободить всех невольных и зависимых людей.

2. Стефан Андреевич Збаражский (ок.1518-1585) герба Корибут — князь Збаражский, воевода Витебский (1555-1564) и Трокский (1566), каштелян Трокский (1564-1566). Сын князя Андрея Семеновича (ум. п.1528) и внук Семена Васильевича Збаражского (ум. п.1482). Первым браком (1547) был женат на Анне, дочери Яна Заберезинского, вторым (1559) на Анастасии (ум. 1580), дочери Михаила Ивановича, князя Мстиславского и Заславского. В 1556 году был послом в Москве. Один из очень немногих литовских магнатов, сразу же принявших Люблинскую унию. Когда ночью 22 февраля 1569 г. литовская делегация в знак протеста покинула Люблин, князь Стефан остался и позднее присягнул польскому королю. Участник Ливонской войны, вместе с Остафием Воловичем командовал пехотой под Полоцком (1579). Вырос в православной семье, потом стал кальвинистом, незадолго до смерти (1585) принял католичество. Князья Збаражские (бывшие одного корня с Вишневецкими) обычно считались потомками Дмитрия Ольгердовича (1350-1404) или Корибута, по которому и звались *Корибутовичами*. Но новейшие исследования (в том числе и генетические) дают основания предполагать, что Збаражские на самом деле были Рюриковичами. Путаница возникла из-за того, что князя Федора Несвицкого (ум. 1442) считали одним лицом с князем Федором Корибутовичем. Впрочем, до сих пор надежно не доказано, что это не так.

3. Михаил I Рангаве (ум. 844), прозванный Куропалат — византийский император (811-813). В 802 году после женитьбы на Прокопии, дочери будущего императора Никифора I (803-811) он получил должность *куропалата*, что по-латыни означает *хранитель дворца*, то есть начальник дворцовой стражи. В 811 г. захватил власть, низложив брата своей жены, императора Ставракия (811). В 813 году, узнав, что престол захватил его полководец Лев Армянин, Михаил Куропалат сложил с себя титул и постригся в монахи. *Куропалатом* исследователи (в частности, Татищев) называли также византийского историка Иоанна Скилицу, в 1081-1118 гг. бывшего сановником императора Алексея Комнина. См.: Летопись византийца Феофана. М.,1884. Стр. 361-370.

4. Неизвестно, откуда Стрыйковский подчерпнул это уникальное, хотя и, несомненно, позднее и легендарное известие. В 790 году Михаил Рангаве не был еще не только императором, но даже и куропалатом, а славянская азбука была изобретена не ранее середины IX века. Древнейшую из сохранившихся надписей на глаголице датируют 893 годом, причем исследователи считают, что глаголица появилась ранее кирилицы. См.: Палаузов С.Н. Век болгарского царя Симеона. СПб., 1852. Стр. 130.

5. Изобретению славянской азбуки посвящена огромная литература и здесь нет возможности, да и необходимости дать хотя бы самый беглый ее обзор. В Болгарии

формирование книжности на славянском языке началось при князе Борисе (852-889), который в 864 г. крестился, а в 886 г. принял к себе изгнанных из Великой Моравии учеников Кирилла и Мефодия. Самые первые литературные произведения *на славянском языке* на Руси появились в начале XI века, в Польше — в конце XIII века, а в Чехии — в начале XIV века. Так что Стрыйковский был совершенно прав, когда утверждал, что в отношении славянской письменности русские опередили поляков на два с лишним столетия. См.: Сказания о начале славянской письменности. М.,1981.

6. Согласно Длугошу, в 999 году умер Мешко I и правителем Польши стал его сын Болеслав, который был коронован императором Оттоном III в 1001 году. На самом деле Мешко умер в 992 году, а коронация Болеслава Храброго состоялась лишь в 1025 году. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. II. Krakow, 1867. Стр. 138-139, 144-145.

7. Здесь наш автор снова путает. По русским летописям 6406 год от сотворения мира — это 898 год, а 790 год от Рождества Христова — это 6298 год от сотворения мира. 1551 год от основания Рима — это 798 год.

8. 22 июня 813 г. под Версиникией близ Адрианополя болгарский хан Крум обратил в бегство войско Михаила Куропалата, который и сам едва спасся. 11 июля 813 г. стратиг Анатолики Лев Армянин провозгласил себя императором, а Михаил постригся в монахи. Так что наш автор все излагает верно — за исключением сомнительного акта вручения болгарам славянской азбуки и убиения Михаила вскоре после его отречения. На самом деле тот прожил еще тридцать два года. См.: Успенский Ф.И. История Византийской імпериии V-IX вв. М., 1996. Стр. 726.

9. С римскими папами Стрыйковский напутал, что в своей хронике допускал неоднократно, и почему-то именно с папами. Иоанн III был римским папой в 561-574 гг., а в описываемое время папой был *Лев III* (795-816), причем с порядковым номером 96. Номер 99 был у папы Евгения II (824-827). Карл Великий был императором Запада в 800-814 гг. Лев Армянин (Левон Арцруни) был византийским императором в 813-820 гг.; Крум Страшный был болгарским ханом с 802 г., но он умер своей смертью (13 апреля 814 г.), а не погиб в бою с императором Львом, хотя тот и пытался предательски убить его при переговорах. См.: Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Спб, 2009.

10. Щекавица (Скавика, Олегова гора) — гора в Киеве над Подолом. По легенде, именно на этой горе был похоронен Вещий Олег. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 30.

11. Фраза «*если даст Бог здоровья*» может быть обычным клише при разговоре об отложенном деле, но может быть и указанием на реальные проблемы со здоровьем. Хотя точная дата смерти Стрыйковского неизвестна, считается, что он скончался не позднее 1593 года, то есть будучи не старше 46 лет. Так что есть все основания предполагать, что здоровье у нашего автора было отнюдь не богатырское.

12. Миареций (Miarecius) — имя этого польского историка (Марек?) встречается только у нашего автора и у Татищева, который цитирует того же Стрыйковского. См.: Татищев В. Н. Собрание сочинений, т. 1. М., 1994. Стр. 312. У нас вообще нет уверенности, что это имя собственное, а не производное от польского слова *miara* — количество, порядок, ибо далее по тексту идет *перечень* историков.

13. Иоганн Цезариус (1468-1550) — немецкий ученый, издавший сочинения Плиния Старшего со своими исправлениями (1524).

14. *Datravius* — вероятно, опечатка, должно быть *Dubravius.* Ян Дубравий (14 86-1553) — епископ Оломоуцкий (1541), чешский историк, автор «Истории Богемии в тридцати трех книгах» (Вена, 1554). Стрыйковский включил Дубравия в список авторов использованных им источников.

15. Теодор Библиандер (1504-1564) — швейцарский богослов и востоковед, полиглот. Родился в Торгау, учился в Базеле и Цюрихе, где после смерти Ульриха Цвингли стал профессором школы богословия (1532). Он первым перевел на европейский язык Коран (1543), очень много сделал для изучения Библии, составил грамматику древнееврейского языка (1551).

16. В византийской историографии название *мосхи* означало предков каппадокийцев, столицей которых был город *Мазака*, ныне Кайсери (Кесария Каппадокийская) в Турции.

17. Слово *Москва* (как и Литва) здесь и далее чаще всего означает не город и не страну, а *народ*, то есть московитов.

18. Герберштейна наш автор пересказывает верно, хотя и не дословно, и повторяет его ошибку относительно митрополитов. В 1325 г. митрополию из Владимира в Москву перенес *Петр* (ум. 1326, канонизирован 1339), а святитель *Алексий*, основатель Чудова монастыря и митрополит Киевский и всея Руси (1354-1378), жил позже. См.: Герберштейн С. Записки о Московии. М., МГУ, 1988. Стр. 132-133.

19. Очевидная ошибка. Должно быть не *внук*, а либо *дед*, то есть Василий I, либо *сын*, то есть Василий III. Первый белокаменный Кремль был построен еще при Дмитрии Донском (1368), отце Василия I, однако полную перестройку кремлевских стен и строительство 18 кремлевских башен итальянские архитекторы осуществили в 1485-1495 гг., то есть при самом Иване III, отце Василия III.

20. См.: Герберштейн С. Записки о Московии. М., МГУ, 1988. Стр. 129.

21. Здесь ошибка или описка, которую Стрыйковский перенял у Кромера. См.: Kronika Polska Marcina Cromera, tom I. Krakow, 1882. Стр. 37. Однако если вместо *Сима* вставить *Салу*, то все встает на свои места. Сала был сыном Арфаксада, внуком Сима и правнуком Ноя; *Иоктан* был внуком Салы и сыном Евера. *Истра* или *Истр* как вариант имени Иоктана встречается, похоже, только у нащего автора. Напомним, что Истром античные авторы называли реку Дунай.

22. Из этого текста следует, что Мосох (Мешех) отправился в путь вместе с праправнуком собственного брата, так что подобное заявление оставляем на совести нашего автора. Античные историки, говоря о Сарматии, вовсе не стремились произвести ее название от какого-то личного имени, ничего нет об этом и у Меховского, основоположника польского сарматизма. Библия и Иосиф Флавий упоминают Иоктана и его 13 сыновей, но из их имен лишь одно — и то с трудом — можно переделать в Сармата (Асармота): *Хацармавеф*. См.: Бытие, 10; 1 Паралипоменон, 1; Иосиф Флавий. Иудейские древности, т.1. М.,1994. Стр. 31, 32.

23. Примечание автора на полях: **Река** (Южный) **Буг, которую Птолемей зовет Гипанис, а не Буг.** В этом месте кёнигсбергского издания 1582 года допущен редкий типографский брак. Две последовательные страницы снабжены одним и тем же номером 92, и далее сбитая нумерация идет до самого конца книги. Опечатки в этом превосходном издании вообще очень редки, и это поразительно, учитывая большой объем текста и особенно польский язык, чужой для немецкого типографа. См.: Kronika Polska, Litewska, Zmodzka y Wszystkiey Rusi. Drukowano w Krolewcu MDLXXXII. Стр. 91, 92, *92*, 93.

24. Стрыйковский снова путает. Библейская родословная Сармата (от отца к сыну) выглядит следующим образом: Ной, Сим, Арфаксад, Сала, Евер, Иоктан, Хацармавеф (Асармот).

25. Очень здраво рассуждал об этом Татищев. ***О сарматах, собственно, кроме поляк, не знаю, кто б иной писал. Однако ж древние славяне сами сарматами никогда не назывались. Поляки же для сего в произвождении обоих народов так мешались, что иногда един от Сима, другой от Афета, иногда оба от Сима или Афета писали, да сие как им, так никому неизвестно...*** См.: Татищев В. Н. Собрание сочинений, т. 1. М., 1994. Стр. 244.

26. Иаван (Яван) — сын Иафета и внук Ноя. Имел сына Елису (Элиссу). Древние авторы считали Иавана предком эллинов, ионийцев, киприотов и вообще всех греков. Персы называли греков *Явана*. См.: Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936. Стр. 72.

27. Латинское слово *nepotis*, которое в позднем средневековье чаще всего означало *племянник*, здесь употреблено в своем первоначальном значении *внук*. Смотри также примечание 24.

28. Твискон — библейский Аскеназ (Асканес), сын Гомера и внук Иафета. О Твисконе смотри также главу 2 книги первой настоящей Хроники. См.: Бытие, 10; 1 Паралипоменон, 1.

29. Ныне принятая нумерация римских пап отличается от используемой Стрыйковским, и при других обстоятельствах на это вообще не стоило бы обращать внимания. Но вся беда в том, что с хронологией римских пап у нашего автора просто катастрофа: здесь он практически всегда ошибается. Имя Гиларий носил 46 римский папа (461-468), а византийско-готские войны были в 535-554 гг., при папах 57, 58 и 59: Агапии (535-536),

Сильверии (536-537) и Вигилии (537-555). Прокопий Кесарийский родился не ранее 490 года, а Юстиниан I был императором в 527-565 гг. См.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. Стр. 114, 123 и 153.

30. Прокопий везде именует славян *склавинами* и антами. См.: Свод древнейших письменных известий о славянах, том I. М., 1994. Стр. 179-203.

31. Иордан (ум. после 551) называет славян ***Sclaueni***, и это мало похоже на ***Slawacy***. См.: Свод древнейших письменных известий о славянах, том I. М., 1994. Стр. 106-111.

32. Византийский император Маврикий правил в 582-602 гг., а историк Иордан (Иорнанд) в то время уже давно был в могиле.

33. Блондус или Блондиус — итальянский нотариус Флавио Бьондо (1392-1463), автор сочинения «История, начиная с упадка Римской империи», охватывающего целое тысячелетие (410-1442) и написанного в подражание Ливию. Смотри также примечание 59 к книге второй. См.: Blondi Flavii for Liviensis Historiarum ab inclinatione Romanorum imperii libri XXXI. Basileae, MDXXXI.

34. Византийский император Аркадий (395-408) и римский император Гонорий (395-423) были братьями, сыновьями последнего императора единой Римской империи Феодосия I (379-395). Указанная Стрыйковским дата (298 год) — очевидная ошибка.

35. См.: Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М.,1978. Стр. 128, 146.

36. Стрыйковский путает язигов с ятвягами. Язиги-метанасты (переселенцы), о которых пишут Плиний и Птолемей, жили между Дунаем и Тисой. См.: Свод древнейших письменных известий о славянах, том I. М., 1994. Стр. 23, 53.

37. Силициус Кимбер (Cilicius Cimber) — псевдоним Генриха Ранцау (1526-1598). Немецкий и датский дворянин, наместник Шлезвиг-Гольштейна и один из образованнейших людей своего времени, Ранцау был астрологом и автором известного каталога правителей, интересовавшихся астрологией. Подозрения в ереси отклонял изречением: «Звезды управляют судьбами людей, но Бог управляет звездами». Автор сочинения «О Дитмаршской войне» (1574), в котором описывал события 1559 года. О Дитмаршене смотри также примечание 12 к книге второй.

38. О Иоахиме Куреусе смотри примечание 112 к книге первой. Фрайштадт (Freistadt) — город в Верхней Австрии, недалеко от границы с Чехией.

39. В своем верхнем течении, в пределах Валдайской возвышенности, Волга проходит через систему озер, среди которых есть и озеро *Волго*. Первым от истока значительным населенным пунктом на Волге является город *Ржев*. Таким образом, истоки Волги Стрыйковский описывает верно.

40. Рекой *Ра* Волгу зовет Птолемей. См.: Свод древнейших письменных известий о славянах, том I. М., 1994. Стр. 53,55. Рекой *Итиль* (Адиль, Эдель), что по-тюркски означает *Хозяин рек,* Волга и по сей день называется в татарском, монгольском, калмыцком, казахском, башкирском и чувашском языках. Река Белая по-тюркски называется *Агидель* (Белая Волга). См.: Подосинов А. В. Еще раз о древнейшем названии Волги. В сборнике: Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 год. М., 2000. Стр. 230-239.

41. *Киркель* — это Кырк-ор (Чуфут-Кале). См.: Кеппен П.И. О древностях Южного Крыма и гор Таврических. СПб, 1837. Стр. 309-315; Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. Спб, 1887. Стр. 102-115. См. также примечание 141 к книге второй и примечание 79 к книге пятой.

42. Имеется в виду болгарский хан *Тервел* (700-721), сын Аспаруха, чье имя наш автор исказил на манер имени царя даков *Децебала* (86-106). Предполагается, что именно Тервел изображен в виде так называемого Мадарского всадника. Пришедших с берегов Волги болгар хана Аспаруха (VII век) Стрыйковский путает с гуннами Аттилы (V век), а гуннов путает с венграми, которые тоже пришли с территории Волжской Булгарии (IX век). См.: Летопись византийца Феофана. М.,1884. Стр. 274.

43. Византийский император Феодосий II умер в 450 году.

44. Мёзия — историческая область к югу от Нижнего Дуная, с юга ограниченная Балканскими горами, с запада — рекой Дрина. Болгары пришли в Мёзию не в 454, а только в 681 году. См.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. Стр. 162.

45. Время правления византийских императоров Феодосия II (408-450), Зенона (474-491) и Анастасия I (491-518) наш автор указывает верно, но как раз в это время о набегах на Византию собственно *славян* источники не сообщают. Названных императоров Стрыйковский путает с их тезками: Анастасием II (713-715) и Феодосием III (715-717), которые были современниками уже упоминавшегося нами болгарского хана Тервела (700-721). В 705 году Тервел помог Юстиниану II вернуть трон, за что был торжественно принят в Константинополе, где получил щедрую дань и титул цезаря. При этом пятнадцатитысячное болгарское войско стояло у стен столицы, но в сам город болгары не входили, не грабили его и не жгли. Константинополь был захвачен в 715 году, но не славянами, а самими греками — во время государственного переворота. Считая от Константина Великого, Анастасий I был 39 византийским императором , а Анастасий II — 55, так что именно он подходит на роль *пятидесятого* императора. См.: Свод древнейших письменных известий о славянах, том II. М., 1995. Стр. 253, 281.

46. Строительство так называемых *Длинных стен* Константинополя началось при Феодосии II (408-450) и завершилось при Анастасии I (491-518).

47. Император Анастасий I скончался 8 или 9 июня 518 года во время сильной грозы, из-за чего и возникла легенда о том, что он был убит молнией.

48. Крум (803-814) был не третьим, а *четырнадцатым* ханом Первого Болгарского царства, если первым считать Аспаруха (679-702). Стрыйковский путает Крума с *Кормесием* (721-738) или же с *Кормисошем* (753-756).

49. Лев III Исавр был византийским императором в 717-747 годах, а фактически уже с 715 года, так как он не признал Феодосия III (715-717), захватившего власть у Анастасия II (713-715). Арабы осаждали Константинополь не восемь лет, а около года (717-718). В самом начале осады болгарский хан Тервел уничтожил значительную часть сухопутного арабского войска, а в конце осады нанес им еще одно поражение. Начиная с этого места история болгар у Стрыйковского уже более или менее согласуется с историей Византии. См.: Летопись византийца Феофана. М., 1884. Стр. 295-297.

50. В начале сентября 717 года и второй раз летом 718 года византийские суда нанесли сильные удары по арабскому флоту с помощью «греческого огня», однако болгары в данном случае были ни при чем. Морская блокада Константинополя была снята 15 августа 718 года, а на обратном пути арабский флот был разметен штормом. Сами арабы оценивают свои потери в этой войне более чем в 50 000 человек. См.: Успенский Ф. И. История Византийской империи V-IX вв. М., 1996. Стр. 559-561.

51. В ночь на 26 июля 811 года в Вырбишском ущелье Балкан болгарский хан Крум устроил засаду и уничтожил войско императора Никифора I (802-811). Никифор погиб, а из его черепа, оправив его серебром, Крум приказал сделать чашу. Стрыйковский отодвигает это событие на 15 лет назад (796).

52. В числе участников битвы при Версиникии (22 июня 813 г.) Феофан Исповедник упоминает патриция Иоанна *Аплакиса*, стратега Македонии. Но о его сожжении Феофан ничего не пишет, хотя Крум и вправду приносил в жертву людей и животных. См.: Гръцки извори за българската история, III. София, 1960. Стр. 288. Из латиноязычных авторов Аплакиса упоминает Анастасий Библиотекарь (800-880). См.: Латински извори за българската история, II. София, 1960. Стр. 274.

53. О Михаиле Куропалате смотри примечание 8. См.: Успенский Ф. И. История Византийской империи V-IX вв. М., 1996. Стр. 725-729.

54. Истринополь — вероятно, Триест (*Tergestum*), расположенный севернее полуострова *Истрия*.

55. Альгимунд (Агельмунд) — по Павлу Диакону, первый полулегендарный король лангобардов, погибший при нападении *болгар*. Но дело происходило где-то в Бургундии в первой половине V века, когда никаких болгар здесь и в помине не было, а в Италию лангобарды двинулись лишь сто лет спустя (568). Упоминание о болгарах побудило Стрыйковского отнести эти события к IX веку, чем он окончательно все запутал. См.: Павел Диакон. История лангобардов. СПб, 2008. Стр. 49-50.

56. Лисса — остров Вис, Белиград — Берат, Добра — река в Хорватии. Остальные города и поныне называются так же.

57. Николай I Великий был римским папой в 858-867 гг. Понтификат вымышленной папессы Иоанны (по церковной легенде XIII столетия) приходился на период между Львом IV (847-855) и Бенедиктом III (855-858). Существование папессы, еще в 1415 году признаваемое и церковью, во времена Стрыйковского считалось уже несомненной легендой, на что указывали еще Эней Сильвий и Платина.

58. *Фортуниане* — секта раскольников-христиан, первоначально возглавлявшаяся карфагенским епископом *Фортунатом* (III век).

59. Это известие соответствует историческим фактам. В период до 870 года болгарский царь Борис дважды менял ориентацию между Константинополем и Римом по вопросу о подчинении болгарской церкви. В конце концов он решил держаться Византии, а католических священников изгнали из Болгарии. См.: Литаврин Г.Г. Введение христианства в Болгарии. В кн.: Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М,.1988. Стр. 46-55.

60. Людовик II Немецкий, король восточных франков (843-876) и Лотарингии (870-876), был сыном не Лотаря, а Людовика I Благочестивого, сына Карла Великого. Сыном Лотаря был Карл II Лысый, король западных франков (843-877), император Запада (875-877) и король Италии (876-877). Во время их правления арабы захватили Сицилию, вторгались в Апулию и Калабрию. В 870 году они напали на Монте-Гаргано, но уже в феврале следующего Людовик II взял Бари и ликвидировал Барийский эмират (871). При этом огромную роль сыграла помощь хорватского князя Домагоя, направившего к Бари далматинский флот.

61. 43 год по мусульманскому календарю — это 663 год, а 859 год — это 245 год хиджры. Здесь, возможно, просто пропущена цифра, и следовало читать 243, а не 43. Однако не исключено, что Карион имел в виду события не IX, а VII века, когда арабы впервые вторглись в Сицилию (652) и даже захватили Сиракузы (669). Но болгары в то время еще не перешли Дунай.

62. Креститель Болгарии князь Борис-Михаил (852-889) в 889 году ушел в монастырь, передав власть старшему сыну Владимиру-Расате (889-893), вскоре возглавившему языческую реакцию. Борис покинул монастырь, подавил мятеж, ослепил Владимира и посадил на трон другого сына, Симеона (893-927). Тогда же было решено перенести столицу из Плиски в Преслав и перейти с греческого на славянский язык, ставший государственным языком Болгарии. После этого Борис вернулся в монастырь, где и умер в 907 году. См.: Васил Гюзелев. Княз Борис първи. София, 1969. Стр. 461-478.

63. *Рашка* — самоназвание Сербии в IX-XII веках.

64. Большую часть Словении занимает историческая область *Крайна*, по-латыни называвшаяся *Карниолия (Carniolia)*.

65. Этногенез албанцев очень сложен и запутан, но они, безусловно, не славяне.

66. Иероним Далматинский или Стридонский (ок.345-420) был виднейшим библеистом ранней церкви. Автор Вульгаты — канонического переревода Библии на латынь. Иероним был одним из любимейших авторов Эразма Роттердамского, в 1516-1520 годах издавшего его произведения в Базеле. Его имя было окутано легендами. Примерно с XII столетия далматинские католические священники, сторонники славянского богослужения, стали приписывать Иерониму изобретение глаголицы. См.: Творения блаженного Иеронима Стридонского (в 19 томах). Киев, 1893-1915.

67. В оригинале это предложение читается так, как будто Кирилл и Мефодий жили во времена Юлиана Отступника (361-363), что не соответствует не только действительности, но и словам самого Стрыйковского, который верно датирует изобретение славянской азбуки IX веком.

68. Иоганн Рейхлин (1455-1522) — немецкий философ, теолог и филолог. Он считается первым немецким специалистом по древнееврейскому языку, который сам по происхождению не был евреем. Лютер высоко ценил Рейхлина, называя его своим отцом, а Филипп Меланхтон был его внучатым племянником.

69. Свида (Суда) — искаженное название обширного греческого словаря, точнее, энциклопедии, составленной в конце X века неизвестным византийским ученым. Трактат содержал не только толкования редких слов, но и персоналии античных авторов и сведения по истории Византии. Название лексикона, которое по-гречески может означать «крепость» или «свайная постройка», фессалоникский архиепископ Евстафий ошибочно принял за имя его автора.

70. Имеется в виду крестовый поход против полабских славян, который состоялся не в 1149, а в 1147 году. В этом походе принимали участие Генрих Лев и Альбрехт Медведь. Подчеркнем, что словом *Slawaki* здесь — и уже не в первый раз — именуются не просто славяне, а полабские славяне (венды). См.: Грацианский Н. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты. В кн.: Вопросы истории, 1946. № 2-3. Стр. 91-105.

71. Трудно сказать, о каком именно озере говорил Ваповский. Возможно, имелось в виду озеро Ильмень. Многие исследователи склоняются к тому, что слово *славяне* образовано именно от гидронима, то есть от названия озера или реки. Точной этимологической параллелью названию *словене*, образованному от гидронима, является литовская деревня *Slavenai* на реке *Slave*.

72. *Калавразы* и *Кандичики* — очевидно, жители Калабрии и Кандии. Калабрия — провинция на юге Италии, часть Неаполитанского королевства; Кандией называли остров Крит, во времена Стрыйковского бывший владением Венецианской республики.

73. Словом *Бессарабия* в разное время называли не одно и то же, хотя и нет сомнений, что само название происходит от имени воеводы Басараба I Великого (1289-1352), основателя и первого правителя Молдавского княжества. Во времена Стрыйковского Бессарабией звали Бабадагскую область на Дунае, населенную в основном болгарами, отсюда и сообщение нашего автора о том, что бессарабы говорят на славянском языке.

74. См.: Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1978. Стр. 88

75. См.: Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1978. Стр. 89-90.

76. См.: Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1978. Стр. 146.

77. Примечание Стрыйковского на полях: ***С Понта, книга 3, Элегия 2.*** См.: Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1978. Стр. 126.

78. Геродот в книге четвертой упоминает савроматов (а не сарматов), которых он считал детьми амазонок от скифов. Относительно их языка он пишет так: *Савроматы говорят по-скифски, но исстари неправильно, так как амазонки плохо усвоили этот язык.* Стрыйковский знакомился с книгой Геродота в латинском переводе, так что или он сам не так истолковал это место, или же переводчик неточно перевел греческий текст. См.: Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. Стр. 216.

79. Современные историки датируют этот набег 550 годом. См.: Свод древнейших письменных известий о славянах, том I. М., 1994. Стр. 191.

80. Евтропий четко различает походы Домициана против сарматов и против даков. В данном случае говорится о войне с даками и событиях 85-86 годов, которые послужили исторической основой известного кинофильма «Даки». См.: Римские историки IV века. М.,1997. Стр. 5-76.

81. Все перечисленные римские императоры правили в период 253-305 годов, за исключением Валентиниана (364-375), Галена и Друза, причем двух последних вообще нет в общем списке императоров Рима. Валентиниана наш автор очевидно спутал с Валерианом (253-259), Галена — с Галерием (293-311), а Друза — с Геренниием *Этруском* (251). См.: Сычев Н. В. Книга династий. М., 2006. Стр. 91-92.

82. Прокул — самозваный римский император, в 280 году поднявший восстание в Галлии. Был разбит войсками императора Проба (276-282) и казнен. См.: Властелины Рима. М.,1992. Стр. 315.

83. См.: Помпоний Мела. О положении земли. В кн.: Античная география. М., 1953. Стр. 225.

84. Светоний не упоминает сарматов, во всяком случае, в том месте, на которое ссылается наш автор. См.: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1966. Стр. 44.

85. Гней Корнелий Лентул — консул 14 года до н.э. Речь идет о событиях 12 года до н.э., когда Август приказал Лентулу препятствовать переходу сарматов через Дунай. О запрете «дразнить их войной» Флор ничего не пишет. См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 185.

86. См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 189.

87. О Силициусе Кимбере см. примечание 37 к настоящей книге.

88. Светоний ничего об этом не пишет. Источником этой легенды могло послужить сообщение Светония о том, что Август ***после взятия Александрии не взял для себя из царских богатств ничего, кроме одной плавиковой (murrinum) чаши*.** См.: Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1966. Стр. 62.

89. Котел почитался священной реликвией у многих древних народов, например, у кельтов. См.: Диллон М., Чедвик Н.К. История кельтских королевств. М., 2006. Стр. 342.

90. Смотри примечание 36 к настоящей книге.

91. См.: Кассий Дион Коккейан. Римская история. Спб, 2011. Стр. 91-103.

92. Павсаний, как и Геродот, употребляет название *савроматы*, а не сарматы. См.: Павсаний. Описание Эллады. Том I. Спб,1996. Стр. 76.

93. См.: Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М.,1996. Стр. 226-230.

94. См.: Гиппократ. Избранные книги. М., 1936. Стр. 297.

95. Иосиф Флавий не упоминает ни сарматов, ни савроматов, ни тем более славян. Поводом для отсылки к этому автору для Стрыйковского могло послужить следующее место. ***Когда же затем он [Александр] сам обратился к народу с предложением принять в ряды своих войск всех, кто этого захочет, причем им будет предоставлено право не изменять своих древних обычаев, но жить не нарушая оных, многим это очень понравилось и они согласились участвовать в его походах.*** См.: Иосиф Флавий. Иудейские древности, том I. М., 1994. Стр. 655.

96. Аджеми-огланы — по-турецки *чужеземные мальчики.* Так называли обращенных в рабство славянских детей, которые после нескольких лет соответствующей подготовки зачислялись в янычарский корпус.

97. Смотри примечание 63 к настоящей книге.

98. Смотри примечание 64 к настоящей книге.

99. Черная Русь — нынешняя западная Белоруссия. В. Н. Татищев считал, что эта территория ограничивалась реками: с севера Вилией, с юга Приятью, с востока Березиной, с запада Бугом. Черная Русь нанесена на известную карту мира 1459 года, составленную венецианским монахом Фра Мауро. Олаус Магнус (1539) помещает Черную Русь (Russia Nigra) в Латгалии, т.е. между Даугавой и Новгородской землей, которую составитель именует Белой Русью (Russia Alba). Но его карта довольно скверная и вряд ли заслуживает доверия.

100. Протей — сын Посейдона, который, согласно Вергилию, мог принимать различные облики. Любопытно, что амеба, впервые открытая лишь в 1757 году, имеет латинское название *Amoeba Proteus*, что можно перевести и как *Меняющийся Протей*.

101. Это едва ли не первое в европейской историографии прямое название жителей Белой Руси *белорусским народом*.

102. Страбон пишет об этом так: ***Роксоланы воевали даже с полководцами Митридата Евпатора под предводительством Тасия. Однако любая варварская народность и толпа легковооруженных людей бессильны перед правильно построенной и хорошо вооруженной фалангой. Во всяком случае, роксоланы числом около 50 000 человек не могли устоять против 6 000 человек, выставленных Диофантом, полководцем Митридата, и были большей частью уничтожены.*** См.: Страбон. География. М.,1964. Стр. 280-281.

103. Страбон считал роксоланов одним из племен народа бастарнов, а самих бастарнов не очень уверенно относил к германским племенам. Но в другом месте он относит роксоланов к скифам, которые, как известно, иранского происхзождения. Что касается савроматов, то он отличает их от скифов, но помещает рядом с ними и южнее роксоланов. Сарматов Страбон уже определенно считает скифами и не путает их с савроматами. См.: Страбон. География. М.,1964. Стр. 116, 280, 468.

104. У Тацита об этом написано не в «Анналах», которые заканчиваются книгой 16 и смертью Нерона, а в первой книге его «Истории». Описываемые события происходили в 68 году. См.: Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том II. Л., 1969. Стр. 42.

105. Симмах — переводчик Библии на греческий язык, живший в эпоху императоров Коммода и Севера (180-211). Блаженный Иероним для своего латинского перевода Библии использовал его труд, который хвалил и отмечал, что Симмах передавал не букву, а смысл Ветхого Завета. При этом самого автора, родом самаритянина, Иероним считал иудействующим еретиком-евионитом и полухристианином. Евсевий Кесарийский тоже называет Симмаха евионитом и пишет, что тот в своем переводе пытался опровергнуть Евангелие от Матфея. См.: Краткие сведения о древних переводах ветхозаветной Библии. ЧОЛДП, 1872, № 2.

106. Мирсил с Лесбоса (Mirsilius Lesbius) — Миртил Метимнейский, греческий историк первой половины III века до н.э. родом из Метимны (Мефимны) на острове Лесбос. Его сочинения сохранились только в отрывках. Мирсил (или Миртил) считается одним из родоначальников парадоксографии, т.е. сочинений о необыкновенных вещах и удивительных случаях.

107. Помпоний Лет (1428-1497) — Джулио Помпонило Лето, итальянский историк, внебрачный сын барона Джованни Сансеверино. Родом из Калабрии, учился у Лоренцо Валлы, преподавал в Римском университете. В 1465 году организовал в Риме «Римскую академию» — кружок, где изучали античную философию. Папа Павел II (1464-1471), считая членов кружка безбожниками и заговорщиками, приказал их арестовать и закрыть

Академию. При папе Сиксте IV (1471-1484) все «академики» получили свободу. В 1472-1473 гг. Помпоний Лет совершил путешествие по Южной Руси, впечатлениями о котором он делится в комментариях к «Георгикам» Вергилия. В сочинении «Цезари» (1499) изложил историю Рима и Византии с III по VII век.

108. Гай Семпроний Тудитан — римский историк, квестор 145 года, городской претор 132 года, консул 129 года до н.э. В Иллирике воевал с племенем *япидов*, за победу над которым в 128 г. до н.э. был удостоен триумфа. Автор как минимум двух крупных исторических трудов, от которых уцелели лишь фрагменты. См.: Чертков А.Д. Пелазго-фракийские племена, населившие Италию. М., 1853. Стр. 3.

109. Марк Порций Катон Старший (234-149 гг. до н.э.) — древнеримский писатель и политик. Одним из первых в Риме он начал публиковать собственные речи для публичных выступлений, из которых Цицерону было известно около 150. Трактат Катона «Земледелие» считается самым ранним из известных прозаических произведений на латинском языке. От остальных сочинений Катона сохранились только отрывки. В оригинале нашей «Хроники» (в том числе и в издании 1582 года) слова *Порций* и *Катон* написаны через запятую, но это почти наверняка опечатка. Никакого Порция в списке авторов своих источников Стрыйковский не упоминает (впрочем, он не упоминает и Катона). См.: Марк Порций Катон.Земледелие. М.-Л.,1950.

110. В издании 1846 года напечатано *albo Lacka*, но в издании 1582 года читается скорее *Lacha*.

111. Старинное название Чехии *Богемия* происходит от названия кельтского племени *бойев*, живших на этой территории еще до Рождества Христова. Стрыйковский называет их немцами, т.е. считает германским племенем. Отметим, что Длугош, рассказывая о Чехе, ничего не пишет о бойях, а название Богемия он объясняет так: ***Bohemia*, потому что славяне Бога по-своему *Bohem* называли.** См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I. Krakow, 1867. Кн. I, стр. 7.

112. С достаточными основаниями можно предположить, что речь здесь идет о карпатских *русинах*.

113. *Русый* по словарю Даля — средний между черным или карим и белокурым, а *румяность* — алость, краснота, багряность. Средний между черным и румяным выглядит хоть и непривычно, но из этой схемы не выпадает.

114. Надо полагать, что речь идет о *гасконцах*, так как как Гасконь находится не просто на юге Франции, а именно в Аквитании.

115. Смотри примечание 101.

116. Очевидно, здесь опечатка и следует читать *Эгейское*, так как название *Азовское* море наш автор не употребляет.

117. Убедительное подтверждение того, что во времена Стрыйковского едва ли не большая часть населения тогдашней Литвы была все еще православной. Ситуация начала резко меняться только после Брестской унии (1596).

118. Стрыйковский здесь называет страницу *картой*, но по-латыни страница — *pagina*, а *cardo* — пояс, зона.

119. Длугош писал о предводителе наемных варваров Одоакре, который с 476 по 493 год был королем Италии. Отец Одоакра Эдика принадлежал к окружению Аттилы, и различные авторы называют его то готом, то *ругом*. Ругии — восточногерманское племя, а версия о его славянском происхождении современной наукой отвергается. Длугош, как и Волатеран, пишет *Odoacer* а не *Odonacer*, однако из одного делает двух. Первый Одоакр, согласно Длугошу, был родом русин и потомок Руса. Он взял Рим, правил в нем 14 лет, а потом умер. Второй Одоакр был итальянцем и пал от руки готского короля Теодориха. Так что Длугошу надо разбираться не с Волатераном, а с самим собой. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I. Krakow, 1867. Кн. I, стр. 24, 25.

120. Русские летописи потомков Иафета называют ***норики, которые и есть славяне***. Норик или Норика — римская провинция между верхним Дунаем и рекой Дравой, просуществовавшая до 420 года. Ее название происходит от иллирийского племени нориков. Ныне это территория Австрии к югу от Дуная, отделявшего римские провинции от Германии. Венгрия там рядом, но Болгария очень далеко от Норика.

121. Начиная с этого места Стрыйковский начинает пересказ Начальной русской летописи, где написано так: ***волохи напали на дунайских славян, поселились среди них и притесняли их.*** Стрыйковский волохами называл римлян. Что же касается русского летописца, то современные исследователи считают, что он и сам имел весьма смутное представление о волохах. Это могли быть кельты, даки, римляне Траяна, гунны, византийцы и даже западные франки. Отметим, что *римлян, фрягов* и даже *готов* русский летописец называет отдельно, а вот даков и гуннов он не упоминает. См.: Повесть временных лет. М., 1950. Том 1, стр. 10, 11, 21, 206, 207, 210, 217, 218; том 2. Стр. 213.

122. В оригинале *Древканами (Drewkanami)*, но здесь, вероятно, опечатка, так как в готическом наборе 1582 года буква ***k*** очень похожа на ***l*** .

123. Хорваты и Беляне (Bielanie) в изданиях 1582 и 1846 годов напечатаны через запятую, но здесь очевидная ошибка. В русских летописях никаких *белян* нет, зато есть *белые хорваты*. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 11, 207.

124. Ранняя летописная традиция не отождествляет Хоревицу с Вышгородом, который впервые упоминается под 946 годом. Некоторые исследователи считают, что Хоревица — это Лысая гора, другие считают ее Замковой горой. О Щекавице смотри примечание 10 к настоящей книге.

125. В «Повести временных лет» Любеч не связывается с Лыбедью и впервые упомянут только при Олеге (882).

126. В русской летописи вятичи жили не над Вяткой, а над Окой. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 14, 210.

127. Аскольд и Дир впервые упомянуты в летописи под 862 годом как бояре Рюрика, но не его родственники. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 15, 215.

128. Длина озера Ильмень около 45 км, ширина — около 30 км. Таким образом, у Стрыйковского «наша миля» составляет менее 4 км. Вероятно, имеется в виду т.н. *короткая миля*, так как в ряде других мест «Хроники» миля составляет около 8 км.

129. Гостомысла не упоминает ни одна из ранних русских летописей. В источниках имя этого князя, как и «Сказание о князьях Владимирских» появляется не ранее начала XVI века, так что если в данном случае Стрыйковский и пользовался летописью, то ее возраст был никак не более ста лет. Рассказ о Гостомысле Карамзин считал сказкой. В русской историографии все известия о Гостомысле восходят к так называемой Иоакимовой летописи, о которой мы знаем только со слов Татищева, и которая традиционно считается наиболее сомнительным из т.н. «татищевских известий». Нельзя исключать, что Гостомысла Татищев позаимствовал у самого Стрыйковского, которого как историка очень ценил, ставя его значительно выше Кромера.

130. О Кранции смотри примечание 143 к книге второй.

131. Заявление неожиданное и даже несколько обескураживающее, так как еще не было случая, чтобы какому-то племени, пусть и откровенно вымышленному, Стрыйковский не попытался бы предложить хоть какую-нибудь родословную.

132. Веверица — древнерусское название белки. Любопытно, что в словаре Даля слово *веверица* есть, а вот слова *белка* там нет.

133. Вагрия — это не город, а полуостров в Голштинии. Эту территорию между реками Свентине и Траве Карл Великий в 804 году предоставил для поселения славянам-бодричам, чьей столицей стал Старгард (Ольденбург). К бодричам относят и славянское племя *вагров*. См.: Гильфердинг А. Ф. Собрание сочинений, том 4. Спб, 1874. Стр. 43,44, 268.

134. Речь идет о границах Голштинии (Гольштейна), где некогда обитало племя *голзатов*. См.: Гильфердинг А. Ф. Собрание сочинений, том 4. Спб, 1874. Стр. 25.

135. Людовик II Немецкий в 843-876 гг. был королем восточных франков (будущей Германии), однако он не был сыном Лотаря. Стрыйковский путает его с Людовиком II, императором Запада (850-875) и королем Италии. Смотри также примечание 60 к настоящей книге.

136. Исходя из размеров Ладожского озера получается, что миля у Герберштейна примерно соответствует нынешней морской миле, т.е. 1,85 км. Расстояние от Новгорода до Старой Ладоги составляет более 200 км, и если это 37 миль, то такая миля будет равна примерно 5,5 км. См. также примечание 128.

137. Исходя из размеров Белого озера длина мили здесь получается около 3 км, а исходя из расстояния от Новгорода до Белозерска — около 5 км. Итак, всего на двух страницах мы раз пять имели возможность попытаться определить длину тогдашней мили, и все результаты оказались совершенно разными (2, 3, 4, 5 и 8 км). Но мы мерили по прямой, а Стрыйковский, скорее всего, расстояния между городами определял по дороге. При этом 5-6 км легко превращаются в те же восемь.

138. В Белое озеро впадает около 60 рек и ручьев, в остальном все верно.

139. О сокровищах Ивана Грозного в Белозерске Стрыйковский вычитал у Герберштейна. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр.152.

140. Можно предположить, что Стрыйковский имел в виду провинцию *Варезе* в Ломбардии. Город Варезе находится в 55 км к северо-западу от Милана на берегу озера Варезе. Латоброги — вероятно, аллоброги (кельтское племя, жившее в северной части Савойи); воконцы — жители швейцарского кантона Во.

141. Сабаудия — древнее название Савойи от населявшего эти земли племени *сапаудов* (IV век).

142. О *вичанках* смотри примечание 67 к книге десятой.

143. В русской летописи контантинопольский патриарх верно именуется Фотий (858-867), а описываемые здесь события датируются 6374 (866) годом. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 19, 215.

144. Во времена Ивана Грозного щиты в русской армии были почти исключительно круглыми и совершенно не походили на миндалевидные щиты древнерусских воинов. А вот щиты викингов были круглые. Впрочем, Стрыйковский упирает не на форму щита, а на изображение на нем.

145. Дмитрий Иванович Вишневецкий, православный волынский князь герба Корибут, который считается основателем Запорожской Сечи, в 1564 г. был казнен в Стамбуле по приказу султана Сулеймана Великолепного. Его подвесили за ребро на крюк на городской стене, на котором он провисел три дня, а потом был расстрелян из луков, так как ругал мусульман и самого султана. См.: Kronika Polska Marcina Bielskiego, т. 2. Sanok, 1856. Стр. 1149.

146. *Погоня* — нынешний государственный герб Литвы и Белоруссии, изображающий всадника с подятым *мечом*. На первый взгляд, это изображение похоже на герб России (всадник, *копьем* поражающий змея), но на самом деле это разные символы.

147. Стрыйковский ошибается. В русской летописи под 6449 (941) годом ясно сказано, что греки *одолели* (одолеша), а русские *отступили* (отбегоша). См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 33, 230.

148. Лиутпранд пишет об этом не в шестой, а в пятнадцатой главе книги пятой. См.: Лиутпранд. Антаподосис. М., 2006. Стр. 96, 97.

149. Иоанн Зонара (ум. п. 1159) — византийский историк и богослов. Автор всемирной истории в 18 книгах (от сотворения мира до 1118 года). Труд Зонары считается образцовым по полноте сведений и умелому использованию источников, в числе которых было немало впоследствии утраченных (например, некоторые книги Диона Кассия). Как первоисточник хроника Зонары имеет значение лишь для эпохи Алексея Комнина (1180-1118). См.: Ioannis Zonarae Epitome Historiarum. Vol. 1-6. Lipsiae, 1868-1875.

150. Русская летопись называет древлянского князя Мал, что традиционно истолковывают как маленький, невысокий, низкий. Вероятно, Длугош решил, что *низкий* — собственное имя князя (Nyszkin), а Стрыйковский понадеялся на Длугоша. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I. Krakow, 1867. Кн. I, стр. 52.

151. Имя Малдит (Maldittus) Стрыйковский позаимствовал у Герберштейна. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 61.

152. Ни Стрыйковский, ни «Повесть временных лет», ни Татищев не сообщают о казни Игоря с помощью согнутых деревьев. Этот рассказ есть только у византийского писателя Льва Диакона, а в российскую историографию его ввел Карамзин. См.: Лев Диакон. История. М., 1988. Стр. 57.

153. Русская летопись датирует это событие 6453 (945) годом. Возможно, в издании 1582 года была допущена опечатка: цифру 3 приняли за цифру 8. Впрочем, отдельные историки считают, что есть основания для более поздней даты смерти Игоря, чем 945 год. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 40, 237.

154. Стрыйковский говорит об упоминаемых русской летописью приближенных Ольги *Асмуде* и *Свенельде.* См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 40.

155. Русская летопись называет не Иоанна Цимисхия (969-976), а Константина Багрянородного (945-959), который и царствовал в 955 году. Ошибку и само написание Zemiszki Стрыйковский позаимствовал у Кромера, который, впрочем, оговаривается, что Зонара называет не Цимисхия, а Константина. На авторство Кромера и на его ошибку указывает также и Густынская летопись. См.: Kronika Polska Marcina Kromera, tom I. Krakow,1882. Стр. 97; ПСРЛ, том 40. Спб, 2003. Стр. 34.

156. На Елене, дочери императора Романа Лакапина, был женат не Иоанн Цимисхий, а как раз Константин Багрянородный. Русская летопись сообщает, что Ольга получила имя Елена в честь матери Константина Великого. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 44, 241.

157. И по смыслу, и по тексту русской летописи здесь должно быть слово *дружина*, однако мы решили оставить так, как написано у Стрыйковского.

158. В русских хрониках это есть. Отметим, что наш автор не так уж часто заглядывает в саму Начальную русскую летопись, предпочитая ее пересказы третьими лицами, такими как Длугош, Меховский, Кромер или же Герберштейн. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 47, 244.

159. И в издании 1582 года, и в издании 1846 года на полях написано: **Pskow oblegli**, хотя это несомненная описка или опечатка. В самом тексте, как и в летописи, речь идет, разумеется, о Киеве. Осада Киева печенегами началась весной 969 года. См.: Карпов А. Княгиня Ольга. М., 2009. Стр. 259.

160. Ольга умерла 11 июля 969 года. Точную дату сообщает Иаков Черноризец (XI век). См.: Карпов А. Княгиня Ольга. М., 2009. Стр. 264, 265.

161. В 1547 году, в тот самый год, когда родился Стрыйковский, а Иван Грозный принял титул царя, Ольга была причислена к лику *святых равноапостольных.* Этим по статусу христианских святых она была приравнена к самой Марии Магдалине.

162. Как и большинство других курьезных ошибок в Хронике, эта ошибка сделана не самим Стрыйковским, а его источником. Имя воеводы Добрыни, брата Малуши, принял за женское не наш автор, а Герберштейн. Ему же принадлежит изобретение имени *Калуфча*, которое есть не что иное, как искаженное слово *любечанин*. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 62, 271, 272.

163. Преслав — столица Первого Болгарского царства в 893--971 гг. Находился в 3 км к югу от нынешнего города Велики-Преслав на левом берегу реки Голяма-Камчия. Не позднее 970 года захвачен Святославом. Тождество *Преслава* со столицей Святослава *Переяславцем* надежно не установлено; возможно, это разные города. В Переяславце видят исчезнувший город Преслав Малый, который находился на Дунае и местонахождение которого точно не идентифицировано. См.: Королев А. Святослав. М., 2013. Стр. 185, 189.

164. Русско-византийская война началась при императоре Иоанне I Цимисхии (969-976) в 970 году. Императоры Василий II и Константин VIII стали самостоятельными правителями только в 976 году, уже после смерти Святослава. При нем русская летопись их не упоминает. Ошибку эту наш автор позаимствовал у Герберштейна, а с легкой руки Стрыйковского она перекочевала и в Густынскую летопись. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 62; ПСРЛ, том 40. Спб, 2003. Стр. 36.

165. Это та самая речь Святослава, на которой воспитывались целые поколения россиян: ***Да не посрамим земли Русской, но ляжем костьми, ибо мертвые срама не имут.*** Стрыйковский излагает ее не по оригиналу, поэтому и звучит она не столь впечатляюще, как прекрасные слова русской летописи. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 50, 248.

166. Примечание Стрыйковского на полях: **Panadokimi**. Это слово наш автор тоже подчерпнул у Герберштейна, который в оригинале пишет *Panadogkhen*. Герберштейн имел в виду *паволоки*, как в русских летописях именовались дорогие шелковые ткани, название которых восходит к слову *волочить*. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 62.

167. Русская летопись не сообщает о пленении Святослава, а только о его гибели. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 53, 250.

168. Вероятно, Стрыйковский имеет в виду, что имя *Курес* звучит совершенно так же, как *курш*, то есть житель Курляндии.

169. Имееется в виду *Свенельд*, воспитатель и воевода Святослава, который уже при Игоре имел полномочия едва ли не княжеского соправителя. Слово *Swadolt* наш автор позаимствовал опять-таки у Герберштейна, Длугош же Свенельда вообще не упоминает. См.: Артамонов М.И. Воевода Свенельд. В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966. Стр. 30-35.

170. Ахитофел — близкий друг библейского Давида, перешедший на сторону его противников и дававший им советы. См.: 2-я Царств 16, 23.

171. Примечание Стрыйковского на полях: **Этого замка не упоминают ни Герберштейн, ни Киевская хроника, а только Длугош, Меховский и некоторые русские хроники.** Длугош тоже называет его Вараж (Waraz). Это город Овруч, который в русской летописи именуется Вручий. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 53, 251.

172. Все эти события Стрыйковский излагает по Герберштейну, который, называет Рогволода *псковским* (а не полоцким) князем, Рогнеду называет *Рохмидой* и т.п. Однако Герберштейн не пишет, что Владимир посадил в Новгороде Добрыню. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 62.

173. Разумеется, везде, где упоминается Псков, следует читать Полоцк. Впрочем, Герберштейн не пишет, что Владимир взял Псков (или Полоцк); русская летопись тоже не сообщает об этом прямо, хотя из текста это вроде бы и следует. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 54, 252.

174. Стрыйковский подчеркивает искренность и глубину языческой веры Владимира, чего нет у Герберштейна.

175. Герберштейн описывает этого идола лаконичнее: *деревянный, но с серебряной головой*. Остальные подробности Стрыйковский или додумал сам, или подчерпнул из какого-то другого источника. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 63.

176. Весь этот перечень, за исключением мелких различий в написании, практически дословно позаимствован у Герберштейна. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 63.

177. Расстояние от Москвы до Владимира по прямой составляет 175 км. Таким образом, на сей раз миля у нашего автора составляет около 5 км. Но если он считал расстояние по дороге, то эта миля может вырасти до 6 км и более. Смотри также примечание 137 к книге четвертой.

178. Здесь наш автор, опять-таки следуя за Герберштейном, делает сразу несколько ошибок. Владимир основал не Владимир-на-Клязьме, а Владимир-Волынский, о котором в летописи впервые упоминается под 988 (6496) годом в связи с рассказом о наделении уделами сыновей Владимира. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 83. Основание Владимира-на-Клязьме традиционно связывается с именем Владимира Мономаха и датируется 1108 годом. В 1958 году торжественно отмечалось 850-летие города Владимира. См.: ПСРЛ, том XX. М., 2005. Стр. 103. Попытки связать основание Владимира-Залесского с именем Владимира Святославича базируются на известиях поздних летописей (в том числе Густынской, которая сама во многом основывается на хронике Стрыйковского), отчего они и кажутся недостаточно убедительными. Впрочем, этот вопрос не стоит считать закрытым. Перенос столицы из Киева во Владимир был совершен Андреем Боголюбским и представлял из себя длительный процесс, не завершившийся вполне и после гибели Андрея (1174). В российской историографии это событие традиционно датируется 1169 годом, когда Андрей взял Киев, но не стал там править, оставив наместником своего брата Глеба. По словам Ключевского, Андрей просто «отделил старшинство от места».

179. См.: Лонгинов А. В. Червенские города. Варшава,1885. Стр. 61, 62.

180. По сравнению со списком Герберштейна пропущен Вышеслав (Saslaus), умерший раньше отца. А всего у Владимира было тринадцать сыновей и не менее десяти дочерей. См.: Карпов А. Ю. Владимир Святой. М.,1997. Стр. 304.

181. Здесь должно быть просто: в *селе* Берестове. Слово *Selwi* у Герберштейна Стрыйковский принял за название отдельного населенного пункта. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 63.

182. Эта сентенция есть и в русской летописи, но отсутствует у Герберштейна. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 57, 255.

183. Эти события русская летопись относит к 6505 (997) году. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 87, 88, 286, 287.

184. См.: Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979. Стр. 228-230.

185. Соответствующий рассказ русской летописи относится к 6500 (992) году. Но летописный рассказ и его сокращенная версия у Длугоша заметно отличаются от версии

Стрыйковского, украшенной многочисленными яркими подробностями. Отметим, что у Герберштейна вообще нет этой истории, как и истории о белгородских колодцах. Таким образом, непосредственный источник нашего автора в данном случае остается под вопросом. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. II. Krakow, 1867. Стр. 136. Смотри также примечание 15 к книге первой.

186. На Руси было три реки с названием Трубеж и на каждой их них в древности стоял город Переяславль: Переяслав-Хмельницкий, Переславль-Залесский и Переяславль-Рязанский (старое название Рязани). Стрыйковский решил, что в летописи упомянут какой-то новый Переяславль и вполне логично предположил, что если подвиг совершил *переяславец*, то *первый* Переяслав — это тот, который поближе к Киеву. И хотя в летописи лишь один Переяславль, в здравом смысле нашему автору никак не откажешь. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 84, 85, 283, 284.

187. Агаряне или измаильтяне — потомки библейской Агари, наложницы Авраама, и ее сына Измаила. В старину агарянами именовали мусульман. См.: Бытие, 16.

188. Русская летопись не называет имени этого греческого философа, а Длугош вообще о нем не упоминает. Возможно, Стрыйковский ориентировался на название одного из разделов книги Герберштейна: ***Вопросы некоего Кирилла к епископу новгородскому Нифонту***, в котором как раз рассуждается о православной вере и основой которого послужили «Вопрошания» Кирика. Но этот *Кирик* жил на два века позже нашего философа.. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 60, 259; Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 96. Татищев называет философа *Киром,* но, судя по всему, он сам позаимствовал это имя у Стрыйковского. См.: Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1995. Том IV, стр. 134.

189. По-польски слово *zapona* означает запонка, застежка, пряжка, и Стрыйковский, как следует из дальнейшего текста, именно так его и понял. Так же толкует это слово и словарь Ефремовой. Но переводчики древнерусского летописного текста слово *запона* толкуют как *занавеска*, и это выглядит правдоподобнее, учитывая сложное изображение, которое трудно сделать маленького размера, и то, что (по летописи) оно было *написано* (а не выгравировано). Тем не менее вопрос этот нельзя считать окончательно закрытым, так как в подобных случаях золотые бляхи дарили все-таки чаще, чем занавески. Словарь Даля допускает оба толкования. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 74, 272.

190. В летописи рассуждения философа о вере занимают очень много места, но Стрыйковский почти все это пропускает. В этом отношении его резолюция на полях заслуживает внимания.

191. В летописи не сказано, где именно Владимир собрал своих бояр, но, разумеется, все это должно было происходить в Киеве. Вероятно, Стрыйковский опять перепутал название города с именем князя. Относительно Владимира-на-Клязьме смотри примечание 178.

192. Примечание Стрыйковского на полях: **Сабелликус, книга 2.** Смотри примечание 100 к книге первой.

193. Татары не жили в Херсонесе, и слово *Kirkiel* относится не к нему, а ко всему татарскому Крыму, столицей которого некоторое время был Кырк-ор (Чуфут-Кале), причем Стрыйковский мог так называть и расположенный совсем рядом Бахчисарай. Возможно, он хотел подчеркнуть, что Корсунь был такой же столицей византийского Крыма, как Бахчисарай — Крыма татарского. Смотри также примечание 141 к книге второй.

194. Осада Корсуня происходила с осени 988 до весны 989 года. См.: Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 1997. Стр. 224-225.

195. В летописи Анастасий назван просто жителем Корсуня, однако потом Владимир взял его в Киев и сделал старшим священником Десятинной церкви, то есть *протопопом*. См.: Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1995. Том IV, стр. 413.

196. *Корсунскими вратами* называются старинные двери, установленные *внутри* Софийскорго собора в Новгороде. Не исключено, что они были изготовлены в VIII-IX веках и доставлены из Корсуня Владимиром, но надежных доказательств этого нет. Одно время Корсунскими вратами называли *Сигтунские врата*, которые для Софийского собора являются *наружными*. Какие из этих ворот имел в виду Стрыйковский, неизвестно, но более вероятно, что как раз Сигтунские. По поводу колокола Герберштейн пишет, что сам видел этот колокол в новгородской соборной церкви. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 150, 330.

197. Герберштейн не только описал Хлопиград (Холопий городок) над Мологой, но и нанес его на карту. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 135, 150.

198. См.: Геродот. История. Л., 1972. Стр.187, 188; Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». Кн. II, гл. 5. СПб, 2005.

199. Любопытно, что Стрыйковский называет Крым *островом*, хотя, конечно, он отлично знал, что это полуостров. Либо в старину польское слово *wyspe* означало и то и другое, либо наш автор хотел подчеркнуть географическую изолированность Крыма, в силу которой он и впрямь более походит на остров.

200. Константин VIII и Василий II (976-1025) были преемниками, но не сыновьями Иоанна I Цимисхия (969-976). Их отцом был император Роман II (959-963). Сам Владимир и его сыновья Мстислав и Борис при крещении получили имена Василий, Константин и Роман. См.: Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 1997. Стр. 256.

201. Не в первый и не в последний раз мы имеем возможность убедиться, что и Длугош, и Меховский, и Кромер неправильно или как минимум неточно переводили летописные даты от соотворения мира в даты от Рождества Христова.

202. О прозрении Павла в Деяниях апостолов говорится не в главе 20, а в главе 9, 18.

203. Любопытно, что в древнейших русских летописях местом крещения Владимира названы *разные* церкви Херсонеса: в Лаврентьевской — церковь святого Василия, в Ипатьевской — церковь святой Софии, в Радзивилловской — церковь святой Богородицы, и т. п. О возможных причинах подобной разноголосицы смотри: Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 1997. Стр. 241-244.

204. Имеется в виду Климент I, четвертый папа римский. По преданию, около 98 года он был сослан в Инкерманские каменоломни, где через год казнен (утоплен в море) римскими властями за активную проповедь христианства. В IX веке создатель славянской азбуки Кирилл доставил в Рим его мощи, но часть их осталась в Херсонесе, откуда Владимир и перевез их в Киев. См.: Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1995. Том II, стр. 233.

205. Только у Стрыйковского это место можно истолковать так, что помосты для духовенства находились *прямо в воде* (что представляется вполне логичным); во всех других источниках помосты или вообще не упомянуты, или же говорится, что они были сооружены *на берегу* (в чем не было такой уж необходимости). Особенно правдоподобно это выглядит, если крещение киевлян происходило не в Днепре, а в реке Почайне, как ныне и считают многие исследователи. Здесь самое время вспомнить, что если в первой редакции своей «Истории» Татищев писал, что киевлян крестили в Днепре, то во второй редакции он резко изменил свое мнение и уверенно назвал реку Почайну. См.: Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1995. Том II, стр. 63; том IV, стр. 137.

206. Про то, что целым группам людей давалось одно и то же имя (для ускорения процедуры крещения), в русских летописях ничего нет, но такая подробность есть у Длугоша в его рассказе о крещении Литвы в 1387 году. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 439. Татищев тоже пишет, что при крещении ***каждой купе даще имяна особая мужем и женам***, но почти нет сомнений, что он позаимствовал это у Стрыйковского. См.: Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1995. Том IV, стр. 137.

207. Смотри примечание 5 к книге пятой.

208. В русской летописи сказано, что Владимир ***посылал собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжно***е, но об обучении детей самого Владимира не говорится. А у Длугоша написано, что Владимир распорядился ***русских мальчиков приобщать к науке.*** См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. II. Krakow, 1867. Стр. 124.

209. История первых церковных иерархов на Руси — большая, сложная и довольно запутанная тема, требующая отдельного исследования. См.: Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 1997. Стр. 261-265.

210. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 150. Подчеркнем, что в «Повести временных лет» вообще нет рассказа о крещении Новгорода, и все подробности этого события известны лишь из позднейших летописей, в частности, Новгородской первой младшего извода. См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. Стр.159, 160.

211. 6469 год от сотворения мира — это 961 год от рождества Христова. Скорее всего, издатель Герберштейна просто допустил опечатку и должно быть 6496, то есть 988 год, как официально и считается.

212. Смотри примечание 201.

213. Примечание Стрыйковского на полях: **Василий Македонянин** (Basilius Macedo)**, убитый оленем император**. Василий I Македонянин был византийским императором в 867- 886 годах и пал жертвой несчастного случая на охоте. Именно на царствование этого императора пришелся расцвет просветительской деятельности Кирилла и Мефодия. См.: Успенский Ф.И. История Византийской империи. Период Македонской династии. М., 1997. Стр. 159.

214. Смотри примечание 200.

215. Ламберт Герсфельдский (1025-1081) или Ламперт Херсфельдский, которого наш автор называет Ашафенбургским (по его монастырю в Тюрингии) — немецкий монах и хронист. Около 1080 года он завершил свой главный труд «Анналы», где излагал историю от сотворения мира до 1077 года. «По чистоте языка и мастерству изображения Ламберт принадлежит к лучшим писателям средних веков». См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников, том IV. М., 2010. Стр. 116.

216. Стрыйковский хочет сказать, что послы к Оттону прибыли не из Руси, а из *Ругии*, то есть с острова Рюген, где тоже жили славяне. Значит, и Адальберт ездил не на Русь, а к полабским славянам. Подобная версия имеет право на существование, причем стоит обратить внимание на то, сколь решительно наш автор ее придерживается.

217. В этом месте в издании 1846 года допущена опечатка, исказившая смысл предложения. По сравнению с изданием 1582 года здесь были пропущены несколько слов и открывающая скобка. Отсутствующую часть текста мы подчеркнули сплошной линией.

218. Сведения о миссии Адальберта, архиепископа Магдебургского (968-981), содержатся в так называемом продолжении хроники Регино, автором которого считают самого Адальберта. См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников, том IV. Западноевропейские источники. М., 2010.

Стр. 48, 49. Стоит отметить, что именно Адальберт Магдебургский осуществлял конфирмацию Адальберта Пражского (Войцеха). См.: Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2005. Стр. 57.

219. См.: Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. Стр. 53.

220. Оттон I Великий (912-973) с 936 года был германским королем, а императором стал с 962 года. См.: Флекенштайн Й. Империя Оттонов в X столетии. В кн.: Священная Римская империя: эпоха становления. М., 2008.

221. Згожелицы (Сгорелицы) — славянское название Бранденбурга, буквально переведенное на немецкий язык.

222. Относительно венгров Стрыйковский все перепутал. Не князь Геза (972-997) был сыном Стефана (Иштвана), а сам Стефан (997-1038), первый король (1001) и креститель Венгрии, был сыном Гезы. Гезу в 974 году крестил миссионер Бруно, а официальная христианизация Венгрии (которая не была единовременным актом) произошла не ранее 1001 года. См.: Шушарин В.П. Христианизация венгров. Стр. 167, 168. В кн.: Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988.

223. Крещение князя Борживоя святым Мефодием исследователи относят к 882-884 годам. См.: Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962. Стр. 57.

224. Ян Кишка (1552-1592) герба Домброва — сын витебского воеводы Станислава Кишки и Анны Радзивилл. С 1563 года учился в Германии и в Италии. Кравчий (1569) и подчаший (1579) Великого княжества Литовского, сенатор Речи Посполитой (1579). Староста Жмудский (1579) и Брестский (1589), каштелян Виленский (1588). Был женат на Елизавете-Пелагее (1575), дочери Константина Константиновича Острожского. В Ливонскую войну во главе собственного отряда участвовал в походе Стефана Батория на Великие Луки (1580). В своих огромных владениях (70 городов, 400 сел) распространял арианство, заменив кальвинистских пасторов арианскими.

225. Тело убитого Осириса было разрублено на куски и разбросано на большом пространстве. Его сестра и жена (но не мать) Исида нашла и собрала все части тела Осириса, кроме фаллоса, который ей пришлось вылепить из глины. Сведения об Исиде и Осирисе наш автор подчерпнул у античных авторов, но не все там правильно понял. См.: Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. I, гл. 21-22. В кн.: Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира, вып. III. М., МГУ, 2000. Стр.106-123; Плутарх. Исида и Осирис. Киев, 1996. Стр. 15-19.

226. Быку Апису в Мемфисе был посвящен отдельный храм. Считается, что именно этот храм и посетил Александр в 332 г. до н.э. См.: Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., МГУ, 1963. Стр. 97, 99.

227. Менна (Menna) — *Менес*, которого Манефон считал первым из египетских фараонов-людей и основателем Мемфиса. Считается, что он жил в XXXII-XXXI вв. до н.э. Геродот называет его *Мин*. См.: Геродот. История. Л., 1972. Стр. 109.

228. Мелиссей — критский царь, отец нимф, вскормивших младенца Зевса (Юпитера) медом и козьим молоком. См.: Аполлодор. Мифологическая библиотека. М., 1993. Стр. 5.

229. Дит или *Диспатер* был богом подземного мира в римской мифологии и отождествлялся с греческим Аидом или Плутоном. См.: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М.-Л., 1948. Стр. 127.

230. Юба — нумидийский царь, современник и противник Цезаря. После поражения помпеянцев при Тапсе (46 г. до н.э.) покончил с собой. См.: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М.-Л., 1948. Стр. 282, 417.

231. Какого Габира имет в виду Стрыйковский, неизвестно. Геродот сообщает, что династию македонских царей основали трое братьев: *Гаван*, Аероп и Пердикка. Тит Ливий пишет, что в середине II века до н.э. начальником гарнизона Скодры был римлянин *Габиний*. Что же касается богов, то, по мнению болгарских ученых, древние македоняне почитали бога-козла Карана. См.: Геродот. История. Л., 1972. Стр. 413, 414; Тит Ливий. История Рима от основания города, том III. М., 1993. Стр. 539.

232. Нет уверенности в том, что словом *Paenowie* Стрыйковский называл жителей Паннонии, это может быть и Пелопоннес. Мовсес Каланкатуаци сообщает, что между Ахайей и Иллирией находилась земля *Пеленис*. См.: Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Книга первая, гл. II. Ереван, 1984.

233. Родийцы — жители острова Родос. Родийцы считались потомками Киттима (Китриса), сына Иавана, внука Иафета и правнука библейского Ноя. См.: Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Книга первая, гл. II. Ереван, 1984.

234. Отец *Саба*, предок сабинского народа, был племенным божеством сабинян.

235. В начальный период римской истории *Квирин* входил в триаду главных богов вместе с Юпитером и Марсом. Изначально был божеством сабинян, которые в Риме селились на холме *Квиринал*. От его имени происходит одно из наименований самих римских граждан — *квириты,* которые 19 февраля в честь бога устраивали праздник *Квириналии*. Квирин считался одной из ипостасей Марса (причем Марса спокойного, отдыхающего), богом народного собрания, позже идентифицировался с Ромулом. См.: Тит Ливий. История Рима от основания города, том I. М., 1989. Стр. 373.

236. Примечание Стрыйковского на полях: ***Despota de Samos*** *(Деспотат Самос)*. Деспотатами в средние века называли независимые и полузависимые государственные образования Греции. Но в Древней Греции такого названия не было. Наш автор называет *деспотами* тех греческих правителей, которых Геродот и другие античные авторы именовали *тиранами*.

237. Франческо Филельфо (1398-1481) — итальянский поэт и гуманист, считавшийся лучшим эллинистом и латинистом своего времени. В 1420 году был секретарем венецианского посла в Константинополе, откуда привез большую коллекцию греческих

рукописей (1427). Переводил на латынь Гомера. В 1440-1466 годах был придворным поэтом миланских герцогов Висконти и Сфорца. Короли и папы осыпали Филельфо милостями, но злой язык и огромное самомнение создали ему много врагов. См.: Поджо Браччолини. Фацетии. М.-Л., 1934. Стр. 263, 264.

238. Анаит — в армянской мифологии богиня-мать, богиня любви и плодородия. См.: Страбон. География. М., 1964. Стр. 501.

239. Бел (Ваал) — верховный бог древней Месопотамии. В армянской мифологии — поработитель армян, великан-титанид, убитый героем Гайком. См.: История Армении Моисея Хоренского. М., 1893. Стр. 13, 17-19.

240. Рея — дочь Урана и Геи, сестра и жена титана Кроноса, мать Зевса, Посейдона, Аида, Геры и других олимпийских богов. См.: Аполлодор. Мифологическая библиотека. М., 1993. Стр. 5.

241. В «Теогонии» Гесиода перечислено всего около 300 богов. См.: Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001.

242. Квинт Септимий Флорент Тертуллиан (155-220) — выдающийся раннехристианский теолог и римский писатель, считающийся основоположником церковной латыни. Некоторое время жил и работал в Риме, но родился и умер в Карфагене, который в то время был римской провинцией. См.: Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994. Стр. 51.

243. Смотри примечания 29, 37 и 49 к книге первой, а также: Эллинские поэты. М.,1999. Стр. 276, 277.

244. Имеются в виду первые христианские общины эллинистического Египта.

245. Маржана, Марена, Морана — в славянской мифологии богиня, связанная с сезонными ритуалами умирания и воскресения природы и некоторыми аграрными фунциями В латышской мифологии *Марша* — богиня — охранительница коров. См.: Мифы народов мира, том 2. М.,1988. Стр. 111.

246. Проводное воскресенье — первое воскресенье после пасхи, день поминовения усопших.

247. Ладону (Ladona) не следует путать с титанидой *Латоной* или *Лето*, которую (а не Геру) Гесиод считал матерью Аполлона и Артемиды (Дианы). См.: Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001. Стр. 48.

248. Польское слово *pochwycic* означает *схватить, поймать*.

249. Стрыйковский повторяется. Смотри главу третью и к ней примечание 175.

250. Это известие наш автор подчерпнул у Герберштейна, а тот назвал *Перунским монастырем* церковь святого Петра на *Перыни*, которая была сооружена на рубеже XII и XIII вв. Урочище Перынь, название которого возводят к Перуну, действительно, находилось на месте языческого святилища, раскопанного археологами в 1948-1951 гг. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 150; Седов В.В. Древнерусское языческое святилище в Перыни. В кн.: Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып.50. М., 1953. Стр. 92-103.

251. Надо полагать, что здесь имелись в виду греческие боги *Нерей* и *Радамант*, упоминаемые Гомером, Гесиодом и Аполлодором.

252. Николай I Великий (858-867) был *первым* римским папой с именем Николай, а Николай III (1277-1280) жил четыре века спустя. Смотри также примечание 9.

253. Святополк I — князь и правитель (870-894) Великой Моравии, при котором архиепископом Моравии и Паннонии был назначен святой Мефодий (871).

254. Очевидно, имеется в виду Вацлав Гаек из Либочан (1499-1553), автор «Чешской хроники», (1541), которая была чрезвычайно популярна и очень долгое время считалась самой интересной чешской книгой. См.: Vaclav Gajek z Libocan. Kronika Ceska. 1819.

255. Велеград — ныне Угерске Градиште в Чехии. Название Велеград сохранила расположенная неподалеку деревня, на месте которой и находилась столица Великой Моравии. Считается, что именно здесь умер святой Мефодий (885).

256. Борживой I — первый исторический князь чехов (872-894), чьи владения первоначально входили в состав Великой Моравии. При дворе князя Святополка Моравского Борживой и был крещен святым Мефодием (882). Крещение Чехии произошло позже и завершилось только в XI столетии. См.: Флоря Б.Н. Принятие христианства в Великой Моравии, Чехии и Польше. В кн.: Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. Стр. 134-141.

257. Ростислав (846-870) и Святополк (870-894) были князьями Велиикой Моравии, а Коцел (861-876) — князем Блатенского или Паннонского княжества.

258. Михаил I Рангаве был византийским императором в 811-813 годах, Михаил II — в 820-829 годах, Михаил III — в 842-867 годах. Арнульф был немецким королем (887-899) и императором Священной Римской империи в 896-899 гг.

259. Мешко I (964-992) считается первым безусловно историческим правителем Польши, но ему предшествовала целая вереница полулегендарных и откровенно легендарных персонажей, начиная с Леха I. Дальнейший список, по Длугошу, выглядит следующим образом: Крак, Лех II, Ванда, Пржемысл (Лешек I), Лешек II, Лешек III, Попель I, Попель II, Пяст, Земовит, Лешек, Земомысл, Мешко I. Итого 14, а не 15. Возможно, Стрыйковский отдельно посчитал Пржемысла (Пшемыслава) и Лешека I, тогда как у

Длугоша это один и тот же человек. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. I. Krakow, 1867. Стр. 48-95.

260. Город Олава расположен в Нижней Силезии, между реками Одрой и Олавой. Известен с XII века, однако считается, что уже в конце X века в этом месте жил святой отшельник Анджей Сверад.

261. Святой Вацлав (907-935) — святой патрон Чехии, княживший в 924-935 годах. Был воспитан в христианской вере своей бабушкой Людмилой, ученицей святого Мефодия. Болеслав Грозный (ум. 972) был младшим братом Вацлава. Об убийстве Вацлава см.: Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970. Стр. 38, 54, 63, 97 и 113.

262. Крушвицкое епископство было создано не при Мешко I, а при Мешко II (1025-1031), а в XII веке его включили в состав куявского (Влоцлавекского) епископства. Владиславия — одно из названий Влоцлавека, который был основан князем Владиславом I Германом (1079-1102), отцом Болеслава Кривоустого.

263. Известие об *Эгидии* (Egidius), легате папы Иоанна XIII (965-972), Стрыйковский взял у Длугоша, который называет его Иджи (Idzi). Галл Аноним и Козьма Пражский тоже упоминают святого Эгидия, но не в связи с крещением Мешко I, а в связи с паломничествами на его могилу. Святой Эгидий жил довольно давно (650-710), причем во Франции, так что Длугош здесь что-то напутал. Христианизацию Польши осуществлял епископ *Иордан*, но он не был кардиналом. Кардиналом и тускуланским епископом был папский легат Гилон де Туси, посетивший Польшу значительно позже (в 1123 или в 1125 году). См.: Флоря Б.Н. Принятие христианства в Великой Моравии, Чехии и Польше. В книге: Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. Стр. 147.

264. Средопостная или Крестопоклонная неделя — четвертая неделя после третьего воскресенья Великого поста.

265. Смотри примечание 245.

266. Из этой фразы следует, что во времена Стрыйковского, то есть в 1580 году, соблюдение этого обычая в Польше уже не считалось обязательным.

267. Важное заявление Стрыйковского о том, что прозвище *Храбрый* Болеславу дали *русские*, а не поляки. Храбрым и Великим Болеслава называл еще Галл Аноним, но он не пишет о русском происхождении этого прозвища, как не пишет об этом и Длугош. Длугош в своем подробном жизнеописании Болеслава прозвище Храбрый употребляет всего *один раз*, уже в конце, как бы подводя итоги его жизни и деятельности. Но и в «Повести временных лет» Болеслав тоже ни разу не именуется Храбрым, только Великим, кроме того, про него сказано, что *бяше смыслень*, то есть очень умен. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks.II. Krakow, 1867. Стр. 195; Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 97, 101.

268. Кадлубек пишет, что Оттон Рыжий собственноручно короновал Болеслава, но не указывает даты, а Мартин Бельский пишет, что это было в 1001 году. Оба эти известия, как и сообщение Стрыйковского, не соответствуют истине. В 1000 году в Гнезно приезжал император Оттон III, который пожаловал Болеславу титул «Брата и партнера империи» и обратился в Рим с просьбой о его коронации. Но вскоре Оттон скончался (1002), а новый император Генрих II к Болеславу относился враждебно. Коронация Болеслава в Гнезно была проведена польскими епископами и состоялась только в 1025 году. См.: Kroinika Polska Marcina Bielskiego. Warszawa,1829. Стр. 132.

269. Пруссия по-латыни называлась Прутения (Prutenia), что некоторые авторы толковали как испорченное Брутения (Brutenia), то есть страна Брутена.

270. Смотри главу четвертую книги второй и к ней примечания 99, 101. 104 и 108.

271. Хайлигенбайль в Восточной Пруссии — ныне город Мамоново Калининградской области.

272. Смотри примечание 70 к книге седьмой, а также: Mержинский А. Ф. Ромове. В кн.: Труды X археологического съезда в Риге. М., 1899.

273. Нума Помпилий (715-673 гг. до н.э.) — второй из легендарных римских царей, которому, в частности, приписывают учреждение религиозных культов и календаря. Однако об учреждении им *вечного огня* Ливий ничего не пишет. См.: Тит Ливий. История Рима от основания города. Том 1. М., 1989. Стр. 25- 28.

274. Смотри примечание 30 к книге второй.

275. Симон Грунау описывает идол Потримпоса совершенно иначе, как безбородого юношу в венке из колосьев, противопоставлявшегося старцу с длинной бородой — Патолсу. См.: Simon Grunau. Preussische Chronik. Bd. I. Leipzig, 1875.

276. Пателo — это, несомненно, *Патолс*, бог подземного мира и смерти. См.: Мифы народов мира, том 2. М.,1988. Стр. 293. Ниже нам будут встречаться имена богов, упоминаемые только в хронике Стрыйковского и более нигде. Следует помнить, что наш автор сам жил в Литве, знал литовский язык, местные обычаи и суеверия и был человеком чрезвычайно любознательным. Его известия по литовской мифологии заслуживают самого пристального внимания.

277. *Виршайтоса* упоминаемый ниже Орбини называет *Аушаутс Виршайто*, а Ян Ласицкий — *Аукстеяс Висагистис*. Литовские корни этих слов очевидны, а их смысл: *высший, всемогущий.* В прусских мифах Аушаутс (которого сам Стрыйковский упоминает ниже и именует Аушлавис) — бог врачевания. См.: Мифы народов мира, том 1. М., 1988. Стр. 125, 156.

278. *Снейбрата* и Гурка упоминает и далматский историк Мавро Орбини (1563-1614) в своей книге «Происхождение славян и распространение их господства», вышедшей в свет

в Пезаро в 1601 году. Однако в этом месте Орбини дословно цитирует Стрыйковского, в чем легко может убедиться любой желающий сравнить оба текста. Особенно любопытно, что Орбини, снабдив свой труд солидным списком использованной литературы, вообще не упоминает нашего автора, хотя влияние «Хроники» Стрыйковского на его книгу нам представляется вполне очевидным. См.: Мавро Орбини. Славянское царство. М., 2010. Стр. 108.

279. *Гурка* или Курка (Курке) упоминает Симон Грунау, который считал его прусским богом еды. Заметим, что если имена Гурка и Снейбрата в тексте Стрыйковского *поменять местами*, то указанные функции будут им хорошо соответствовать. В имени Курк просматривается слово *куриный* (бог?), а слово Снейбрат похоже на *Сытиврат,* который у западных славян был богом плодородия и посевов и сопоставлялся с римским Сатурном. См.: Мифы народов мира, том 2. М., 1988. Стр. 29, 30.

280. См.: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. Стр. 24, 25.

281. Людвиг фон Либенцель был комтуром Рагнеты (Рагнита) в 1294-1300 гг.

282. Перевод этого отрывка из хроники Дусбурга хотя и не дословный, но вполне корректный. См.: Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997. Стр. 152.

283. Смотри примечание 90 к книге шестой.

284. Смотри примечание 65 к книге одиннадцатой.

285. Все эти подробности Стрыйковский позаимствовал у Дусбурга, почти ничего не меняя и не добавляя от себя. См.: Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997. Стр. 51, 52, 276, 277.

286. Самбия была одной из прусских провинций, поэтому особого внимания заслуживает то, что самбийские боги упоминаются *отдельно* от прусских. Стрыйковский, как будет показано ниже, странным образом смешивает Самбию и Судувию. Пантеон судувских (ятвяжских) богов, действительно, несколько отличается от общепрусского: он многочисленнее и примитивнее. См.: Okulicz-Kozarin L. Zycie codzienne Prusow i Jacwiegow w wiekach srednich. Warszawa, 1983.

287. Смотри примечание 277.

288. Юнона, римская богиня, супруга Юпитера, с которой ассимилировалась греческая Гера. Помимо прочего, считалось, что Юнона (вместе с Юпитером) посылает дождь и вообще связана с влагой.

289. *Парстук* или *Барздук* (*Barzdukas*) — в литовской мифологии гном, живущий под землей. *Барздуки* означает *бородачи*, от литовского слова *barzda* (борода). Странно, что Стрыйковский, знавший литовский язык, сам не воспользовался таким выразительным и удачным названием. Напрашивается вывод, что в литовском фольклоре эта форма

утвердилась позднее XVI века. Литовское слово *parstumti* означает *толкнуть, повалить*. См.: Мифы народов мира, том 1. М., 1988. Стр. 163.

290. Название *Маркополы* или *Маркополи* весьма соблазнительно произвести от *Марко Поло*, точнее, от каких-либо карликовых существ, упомянутых в его книге, первые латинские издания которой появились в конце XV века. Но Марко Поло ничего не пишет о карликах. См.: Мифы народов мира, том 1. М., 1988. Стр. 157.

291. Пигмеи — в греческих мифах сказочный народ карликов, чей рост не превышал расстояния от локтя до кулака.

292. Практически нет сомнений, что Прокоримос — это уже упоминавшийся выше Окопирнос или Окопирмс. См.: Мифы народов мира, том 2. М.,1988. Стр. 251.

293. По-литовски *rugti* — киснуть, скисать, бродить, а *rugys* — рожь. *Ругучис* или *Ругинис* обычно считается богом ржи, но вернее считать его богом скисания и брожения. См.: Мифы народов мира, том 1. М., 1988. Стр. 157.

294. У древних латышей известен бог *Земниекс*, ведавший домом и хозяйством. Осенью ему приносили в жертву скот. См.: Мифы народов мира, том 1. М., 1988. Стр. 467.

295. С литовского языка это выражение можно перевести как *Куст, предок колосьев* либо как *Предок кустистых колосьев.* См.: Мифы народов мира, том 1. М., 1988. Стр. 156.

296. По-литовски *lyti* — мокнуть (под дождем). См.: Мифы народов мира, том 1. М., 1988. Стр. 156.

297. Поневоле вспомнишь: *Сивка-бурка, вещая каурка*... Примечательно, что каурая (то есть светло-каштановая, светло-рыжая или рыже-саврасая) масть лошади в фольклоре ассоциируется с понятием *вещий*.

298. Иванов и Топоров считают, что имя этого бога происходит от литовского *sutverejas*, то есть творец, создатель. Нам кажется, что стоит присмотреться к литовскому слову *sotus* — сытый, сытный. См.: Мифы народов мира, том 1. М., 1988. Стр. 156.

299. По-литовски *seima* — семья, а *seimyna* — челядь. Функции этого бога (богини?) наш автор сводит к заведованию челядью, но похоже, что они шире и относятся не только к слугам, но и к хозяевам, то есть ко всем, кто живет в доме. См.: Мифы народов мира, том 1. М., 1988. Стр. 156.

300. *Upinis Dewos* с литовского буквально переводится как *Речной Бог*. Но Теобальд пишет, что Стрыйковский здесь неточен: Упина — это не бог, а *богиня*. Отметим, что только двух богов наш автор именует *Dewos*, остальных — *Dziewos*. См.: Теобальд. Литовско-языческие очерки. Вильна, 1890. Стр. 82-84.

301. Имя этого бога Иванов и Топоров производят не от слов пчела (bite) или мед (medus), а от литовских слов *громыхать* (bubeti) или *реветь* (bubauti), связывая это с жужжанием пчелиного роя. См.: Мифы народов мира, том 1. М., 1988. Стр. 188.

302. Литовское слово *didis,* (которое Стрыйковский на польский манер пишет *dzidzis*) означает *великий.* Значения слова *laida* так или иначе связаны с *проводами*. Языческий праздник, который у славян зовется Ивана Купала, связан с летним солнцестоянием и поворотом природы от лета к зиме. Афанасьев приводит убедительные доводы в пользу того, что и у славян и у балтов *Лада* — это *богиня*. Но если Ладу и Упиту почитали не только литовцы, но и пруссы, это противоречит утверждению Иванова и Топорова об исключительно мужском составе прусского пантеона. См.: Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Том I. М., 1865. Стр. 227-229; том III. М., 1869. Стр. 710-724.

303. Иванов и Топоров производят имя этого бога от искаженного литовского слова *gelbeti* (спасать, помогать). Но следует обратить внимание и на более близкое к оригиналу слово *gulbe*, которое означает *лебедь.* Лебеди всегда ассоциировались со светлыми и добрыми духами. См.: Мифы народов мира, том 1. М., 1988. Стр. 156.

304. Слово *Goniglis* исследователи считают искажением литовского слова *ganykla* (пастбище). Таким образом, Гониглис Диевас — бог пастбищ. См.: Мифы народов мира, том 1. М., 1988. Стр. 156.

305. «Птичий бог» *Свецпуцинис*, судя по всему, идентичен *Снейбрату*, об идоле которого наш автор рассказывает несколько выше. По-литовски *svecias* — гость или чужак, а *pucioti* — веять, слегка дуть. С некоторой натяжкой это сочетание можно перевести и как *залетный*. Объяснить значение слова *Снейбрат* сложнее; отдаленно похожее слово *snapas* по-литовски означает *клюв*.

306. *Kelias* — по-литовски *дорога, путь*. Ср.: *колея*. См.: Мифы народов мира, том 1. М., 1988. Стр. 156.

307. *Пушкайтис* считался богом, ведающим плодами земли, в частности, злаками. См.: Мифы народов мира, том 2. М., 1988. Стр. 353, 354.

308. Олаф Магнус (1490-1557) — архиепископ Уппсалы (1544), шведский писатель и картограф. В 1555 году издал написанную на латыни «Историю северных народов», которая, по существу, была развернутым комментарием к его же карте северной Европы (Carta Marina) 1536 года. См.: Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983.

309. Анджей Тарановский герба Белина — галицкий чашник, посол Речи Посполитой в Турции (1569, 1571, 1574) и России (1573), участник посольств в Данию, Швецию и Голландию. В 1574 году вместе с Тарановским в Константинополь ездил и Стрыйковский. См.: Новодворский В.В. Ливонский поход Ивана Грозного 1570-1582. М., 2010. Стр. 21-23.

310. Название *Судавская Самбия* для историка и географа звучит как «Литовская Латвия» и, похоже, встречается только у Стрыйковского. Впрочем, для подобного названия есть некоторые основания, о чем смотри примечание 124 к книге второй и примечание 319 к настоящей книге.

311. Трудно сказать, какой литовский городок наш автор называет Мирумсками, может быть, *Меркине*, расположенный у места впадения в Неман реки Меркис и известный с XVI столетия. Значительно ближе по написанию *Мариямполь* (в 1955-1989 гг. — Капсукас) — город в Сувалкии на реке Шешупе, в современной Литве седьмой по числу жителей. Однако деревня *Marijampole* впервые упоминается в документах только в 1667 году.

312. Инстербург (Insterbork) — ныне город Черняховск Калининградской области.

313. Имеются в виду земли, расположенные в верхнем течении прусских рек, то есть в данном случае южные районы Пруссии.

314. Семпелборк (нем. Zempelburg) — ныне город Сепольно (Семпульне-Краеньске) в Куявии.

315. *Краснолюдками* (krasnoludek) в Польше и поныне называют гномов.

316. В конце октября православные отмечали *осенний* Юрьев день, а католики в начале ноября — день Всех Святых (1 ноября) и день Поминовения (2 ноября) или польские *Дзяды*. Эти *сезонные* праздники очень древние и восходят к языческим культам.

317. *Судина* — по-украински *сосуд*.

318. *Сувиек* — между Рокишисом и Даугавпилсом. Абели — *Обяляй* в Рокишиском районе. Соботник — *Субате,* севернее Обяляй. Посвола — *Пасвалис*, севернее Паневежиса. Бассенборк или Бушенборг — *Бауска*. Соколва — возможно, *Сауклияй,* южнее Моседиса. Моиса — *Моседис* в Скуодасском районе. Таким образом, «языческие уголки» у Стрыйковского — почти вся северная Литва от Даугавпилса до Паланги.

319. Похоже, что Стрыйковский считал Судувию частью Самбии, что неверно, однако имеет свое объяснение. Судувия или Ятвягия — это отдельная прусская земля, так же, как и Надрувия (где находится Инстербург) или Скалвия (где находится Рагнета). Однако уже к концу XIII века Надрувия, Скалвия и Судувия почти совершенно обезлюдели, так как коренное население этих земель массами эмигрировало в Литву, спасаясь от крестоносцев, а частично было переселено орденом в западные районы Самбии, поближе к Кёнигсбергу. В течение всего XIV столетия северо-восточные районы Пруссии были очень слабо заселены. Подобная ситуация устраивала и руководство Тевтонского ордена, которое почти непрерывно воевало с Литвой и которому было выгодно существование своего рода «дикого поля», служившего буферной зоной для Самбии. О Судувии, Скалвии и Надрувии наш автор имел лишь смутное представление со слов Дусбурга, и вся Восточная Пруссия ему казалась едва ли не одной лишь Самбией (по-немецки *Самланд*).

320. Известие нашего автора о том, что вышеупомянутые пустующие территории впоследствии были заселены в основном жемайтами (жмудинами), является оригинальным, очень важным и заслуживающим самого пристального внимания. Подобная миграция в больших масштабах не могла начаться ранее 1422 года, который считается официальной датой окончания орденско-литовских войн. Еще более благоприятные условия для этого возникли сразу после окончания Тринадцатилетней войны (1454-1466) и во времена правления герцога Альбрехта (1525-1568). При Альбрехте массовый приток переселенцев из Литвы и Жемайтии в Пруссию зафиксирован многими источниками.

321. Польский гарнец в разных местах и в разное время составлял от 3 до 7 литров или четверть ведра, причем *литовский гарнец* был даже менее трех литров. Существовал еще и *полугарнец*, составлявший около полутора литров.

322. Осушить единым духом четверть ведра, да еще приподнять такую емкость зубами почти невозможно. Остается предположить, что словом *гарнец* Стрыйковский называл просто пивную кружку, не определяя ее объема, который, видимо, был намного меньше, чем настоящий гарнец.

323. Имя Цивон встречается в Библии, однако в современном польском и в литовском языках такого слова нет.

324. Имя Свайтестикс или Свайстикс похоже не только на литовское слово *sviesti* (светить), но и на слово *zvaigzde* — звезда.

325. Бог Пилвитос, так же как Пергрубиос, Перкунос и Свайтестикс, уже упоминался выше в числе десяти главных балтских богов. См.: Мифы народов мира, том 1. М., 1988. Стр. 154, 155.

326. Нижняя Пруссия — земли, которые расположены в нижнем течении прусских рек. Но если Самбия, безусловно, относится к Нижней Пруссии, то Судувия — это как раз Верхняя Пруссия. Выражения «Судувия в Нижней Пруссии» или «Самбийская Судувия» имеют смысл лишь для обозначения компактных поселений судувов в Самбии, о чем смотри примечание 124 к книге второй.

327. То есть из сырого теста.

328. Слово *kord*, означающее короткий меч или длинный кинжал, Стрыйковский взял не из польского, а из литовского языка (*kardas*). Кстати, о происхождении слова *кортик* спорят до сих пор, возводя его то к голландскому, то к итальянскому, а то и к персидскому языку. Слово *kard* по-персидски означает *нож*.

329. *Pokkole* — это, конечно, *Поклюс*, имя которого Стрыйковский здесь «переводит» попросту как *дьявол*.

330. Выше Стрыйковский эти же пункты именует не *Moiza Solkowa*, а *Moisa Sokolwa*. Смотри примечание 318.

331. Дамаскен — какое-то традиционное турецкое кушанье (возможно, плов или мясо, тушеное с овощами), название которого произведено от города *Дамаска* .

332. Кияны — может быть, Кена (Kena), местечко примерно в 16 км к востоку от Вильнюса; Лаворишки (Lavoriskes) — в 6 километрах к северу от Кены.

333. *Ilgas* — по-литовски долгий, длинный. Вероятно, подобным названием этот праздник обязан своей продолжительности, ведь Стрыйковский пишет, что он длился несколько недель. Смотри также примечание 316.

КНИГА ПЯТАЯ

Глава 1. О разделах двенадцати сыновей Владимировых и их взаимных убийствах после отцовской смерти.

Глава 2. Ярослав Владимирович, самодержец всей Руси.

Глава 3.

Глава 4.

Глава 5. О частых войнах с русскими князьями половцев и печенегов, побратимов литовских, и о первом происхождении их народов.

О внутренних войнах русских князей и о убиении Бориса и Изяслава Киевского.

О ссорах русских князей из-за Киевской столицы и о убиении собственным придворным

Ярополка Изяславича, князя Луцкого и Владимирского.

О разорении Польши русскими князьями с литовцами и о их поражении.

Глава 6. О поражении русских князей от половцев.

Глава 7. О поражении половцев.

О жестоких и частых внутренних войнах, одной за другой, и губительных ссорах русских князей.

О призвании венгерского короля Коломана на помощь Святополку и о его поражении, о взаимных битвах русских князей и о их соглашении.

Глава 8. О славных и счастливых многократных победах русских князей над половцами, и о вторжении литовцев с пруссами на Русь.

Глава 9. О поражении ятвягов, побратимов литовских, от русаков, о искоренении их поляками, и кто изначально были эти ятвяги.

О ссорах между русскими князьями.

Глава 10. О разорении Польши Володарем и о его пленении.

О препровождении Болеславом Польским на русское панство Ярослава, о его убиении и о втором поражении сына Володаря Перемышльского.

О ссорах русских князей после смерти киевского самодержца Владимира Мономаха.

Глава 11. О свержении русскими князьями польского ярма.

Глава 12. О пленении хитрой уловкой Ярополка, князя Киевского и Владимирского, и о переправке его в Польшу.

Ярополк воздает Болеславу хитростью за хитрость.

Глава 13. О хитроумном поражении Болеслава Кривоустого от русских князей под Галичем.

Светлейшему господину, пану и князю Константину, князю Острожскому, графу из Тарнова [1]*, воеводе киевскому и прочее*

Глава первая

О разделах двенадцати сыновей Владимира и их взаимных убийствах после смерти отца

Владимир Святославич, во Христе поименованный Василий либо Василь (Basili albo Wasil), монарх всей Руси, собрав великое войско, в году от Господа Христа 985 вторгся в Польшу, где взял у князя Мечислава (Мешко) несколько пограничных замков и завладел ими, как пишут о нем Длугош и Кромер в кн. 3 о Мечиславе. А ведь оба ради своих жен, тот для чешской княжны Дубравки, а этот для греческой цесаревны Анны, окрестились: тот в 965, а этот в 980 [2].

Кроме нашего Длугоша и Меховского, которые в различных местах часто пишут о его вторжениях в Польшу, русские хроники не упоминают ни о каких походах Владимира против поляков [3]. **Длугош и Меховский, кн. 2, стр. 34.**

Потом печенеги, мстя за тот свой погром под Переяславом над рекой Трубеж (Trubiessa), собрались с большим войском, вторглись на Русь и осадили Василев (Wassilow). Владимир двинулся против них с малым числом вооруженных [людей] и, когда оба войска встретились [4], Владимир был разбит печенегами наголову. Да так, что когда бежал от побоища в Киев, едва сумел спрятаться под каким-то мостом, который ему, бегущему, подвернулся для спасения не иначе как по благодеянию Божьему. Потом, в память о том бегстве от печенегов, он велел построить в Киеве каменную церковь Преображения Господня, которую русские зовут Святого Спаса. А печенеги, огнем и мечом учинив в русских землях великие беды, без отпора ушли к своим лежбищам. О чем Длугош и Меховский кн. 2, гл. 10, стр. 34.

Уделы русских князей, сыновей Владимира. Потом Владимир, опасаясь, (przestrzegajac) как бы после его смерти сыновья не перессорились за владения и за земли русские, так разделил между ними русскую монархию: старшему Вышеславу дал Новгород Великий,

свой первый удел; Изяславу Полоцк; Святополку Туров; Ярославу Ростов. А когда Вышеслав умер, дал тому Ярославу Великий Новгород, а Борису Ростов; Глебу Муром (Moron); Святославу [землю] Древлян; Всеволоду Владимир; Мстиславу Тмутаракань или Тимутухань (Timutuchany); Станиславу Смоленск; Судиславу Псков, а Позвизду Волынь [5]. Им же, как младшим, после своей смерти [пред]назначил княжества Киев и Берестов.

Церковь Богородицы в Киеве. Послал потом в Грецию за ремесленниками и построил каменную церковь Богородицы. Украсил ее книгами и иконами и поставил над ней священника Настасия (Nastasiusa), корсунянина, обеспечив его большими десятинами с медов и различных продуктов. Также построил очень много больниц (spitalow) для убогих и калек, щедро наделив их большим достатком.

Владимир в Судамской земле. Потом Русская хроника сообщает, что Владимир двинулся в Суданскую (Sudanskiej) землю и завладел главным городом Судам (Sudam), а что это был за край в те времена, я не знаю [6]. Польские хроники, особенно Длугош и Меховский (гл. 4, стр. 27), упоминают также, что Болеслав Мечиславович Храбрый, первый король польский, коронованный в Гнезно в 999 году императором Оттоном Вторым, учинил перемирие с русским князем Владимиром, а сам двинулся против чешского князя Болеслава, [своего] двоюродного (ciotecznemu) брата, который наезжал на польские границы около Клецка. **Прага взята поляками.** И польский король Болеслав Храбрый взял Прагу и самого чешского князя пленил в Вышеграде (Wyszogrodzie) вместе с сыном.

Сын Ярослав взял у отца Киев. А Ярослав, князь Великого Новгорода, не довольствуясь своим уделом, совершал набеги на другие земли (krainy) отца Владимира и своих братьев. Потом, когда отец Владимир напомнил ему о двух тысячах гривен, которые Великий Новгород по уговору выплачивал ему при умершем брате Вышеславе, то Ярослав этого делать не захотел. А напротив, презрев отцовское увещевание, прибыл из Новгорода, захватил Киев и завладел им с закрытием свободного въезда. Ибо [его] отец Владимир в то время вместе со своим двором жил в Берестове. И узнав о том злодейском поступке сына Ярослава, что Киев у него отобрал и занял, [отец] сильно разгневался и собрал против него войска со всех своих держав и сыновних княжеств. А Ярослав, желая от отца отбиться и дать ему отпор, призвал себе на помощь Варягов (Waragow) и Печенегов. И узнал Владимир, что печенеги вторглись на Русь, а он не мог сам против них выступить, ибо в то время действительно сильно болел, и отправил против них сына Бориса, князя Ростовского, который жил при нем.

Владимир умер. А сам через несколько дней после этого скоропостижно умер в Берестове в году от сотворения мира 6525 (1017), 15 июля [7]. Правил после крещения 28 лет [8].

Борис поразил печенегов. А Святополк и Борис, два брата, не ведая о смерти отцовской, завязали битву с братом Ярославом и поразили его наголову [9]. Потом Борис, далеко гонясь за язычниками печенегами, несколько полков их поразил, а в это время его брат Святополк, узнав о смерти отцовской раньше, чем Борис, занял Киев. **Владимир похоронен.** И там, торопясь на панство, к великой скорби посполитого люда и бояр, отца

Владимира как можно быстрее похоронил в мраморном гробу в Десятинной церкви святой Богородицы, которую сам Владимир и построил. А потом был причислен к святым яко апостол, память которого русские ежегодно отмечают в 15 день месяца июля.

Святополк завладел Киевом. Потом Святополк, завладев Киевским престолом, сговорился с Вышгородцами на брата Бориса, чтобы его как-нибудь предательски убить, и Вышгородцы (а не Новгородцы, как считал Меховский) в этом обещали ему послужить. Борис же Святополка, как старшего брата, очень почитал и считал прямо за отца, и хотя его бояре советовали ему добиваться Киевского престола, он никоим образом не хотел думать ничего плохого против старшего [брата].

А Святополка одолела злоба. Улучив момент, когда Борис был с небольшой свитой, послал на него Вышгородцев и своих подлецов (lotrow) дворян. А в это время Борис, в тот субботний день готовясь к вечерне, велел перед собой петь нишпор (nieszpor) или вечернюю молитву под шатром или наметом (ибо, едучи с войны, они встали лагерем и [спали] в палатках), и сам тоже со слезами пел, а потом пошел спать. И встав рано в Воскресенье, велел попу петь заутреню, а сам, пав ниц, благочестиво молился Господу Богу. И тут ему дали знать, что приближаются жолнеры Святополка и хотят его убить. Услышав это, он начал петь такой псалом: «Господи, для чего ты умножил [число] врагов моих!». А окончив заутреню, начал с плачем молиться, вознеся очи к небу и глядя на образ Господа Христа. А как только услышал шум и бренчание оружия своих убийц, широкими шагами приближающихся к шатру, испугался, слезы хлынули ручьями, а попы и слуги встревожились, видя смутного пана. **Убийцы Бориса.** И тут Путша, Талец, Еловит и Ляшко, старшие жолнеры злодея Святополка, с обнаженными мечами и копьями обступили благословенного Бориса, который молился, и начали его немилосердно рубить и колоть. А оруженосец (giermek) или слуга его, венгр Георгий (Geor), упал на него, и его [тоже] пронзили. Но так как [жертвы] были еще не до конца смертельно изранены и выскочили из шатра, убийцы стали говорить: «Чего стоим смотрим, а не закончим приказанного нам дела?» [10].

Благочестие Бориса и жалостливые слова. И тут благословенный Борис начал кротко просить их: «Братцы мои милые! Дайте мне еще малость времени, чтобы я еще Богу помолился». А затем, глядя в небо, с плачем горько вздыхал и жалостно молился. И, подняв на убийц покорные очи и с плачем упав ничком, сказал им: «Братья мои милые! Кончайте ваше дело, и пусть будет мир пану брату моему и вам, братья мои милые!». Убийцы плакали, слушая эти его слова, а Борис после молитвы уснул [вечным сном] и отдал душу в руки Господа Бога, июля 24 дня. **Князь Борис жестоко убит.** Заодно там же был убит и верный его оруженосец, венгр Георгий. А тело благословенного Бориса, завернув [в шатер], положили на воз и повезли в Вышгород. **Свирепая жестокость по отношению к Борису.** А когда были в одном бору, как свидетельствует Русская хроника, [Борис] начал поднимать было голову. Увидев это, слуги Святополка приказали двум варягам пронзить ему мечами сердце и отсечь прочь голову [11]. И так он принял мученический венец, а тело его погребли в Вышгороде в церкви Святого Василия.

Злость и хитрость Святополка. Не останавливаясь на этом, безбожный Святополк послал в Муром за другим братом Глебом, говоря ему: «Приезжай быстро, отец велел, ибо

он очень болен». Так он хитро утаивал отцовскую смерть, желая всех братьев одновременно поймать и изничтожить ради своей ненасытной жажды власти. И Глеб, князь Муромский, поверив предательским словам Святополка, сразу же поспешил из Мурома в Киев с небольшой конной свитой. А Святополк, имея среди них шпионов, послал своих убийц дворян, которым приказал убить брата Глеба так же, как и Бориса.

Князь Глеб убит на молитве. И когда Глеб отдыхал в урочище Смядыни (Sniadyniu) в миле от Смоленска [12] (ибо незадолго до этого по дороге близ Волги упал с коня и сломал ногу), внезапно пришли жолнеры Святополка и убили его, когда он был на молитве. И спрятали тело в пустынном месте, между двумя деревьями, однако Господь Бог (как свидетельствует Русская хроника) не оставляет своих верных. **Чудеса над телом Глеба.** Ибо когда спрятанное тело лежало в этом неподходящем месте, те, которые ходили мимо, видели на той могиле горящие свечи, и слышали поющие ангельские голоса [13]. Святополк же, услышав приятную для себя новость о смерти Глеба, веселился от того, что уже двух братьев смертью оторвал от отцовской вотчины и сам завладел их панствами, Муромским и Ростовским.

Злокозненные новгородцы наказаны своим господином Ярославом. А третий брат Ярослав в то время был в Великом Новгороде. И новгородцы стали ему противиться и выбиваться из-под его власти, желая взять себе за господина злодея Святополка [14]. Но Ярослав, собравшись со своим рыцарством, поразил их тысячу на урочище Россамо (Rossamoj) [15] и так усмирил бунтовщиков, покарав их за бедственные смуты (szkodliwe rosterki).

И в тот же вечер пришла к Ярославу новость из Киева от сестры Предславы о смерти отца Владимира и об убийстве Святополком братьев Бориса и Глеба [16]. И чтобы он тоже этого остерегался, поскольку Святополк [и к нему] уже направил убийц с хитрой засадой. Услышав это, Ярослав смутился и собрал новгородцев, но они не хотели быть ему в помощь против брата Святополка. Поэтому он немедленно призвал тысячу варягов [служить ему] за деньги. **Это значит, что те варяги должны быть или из Швеции, или из Латвии (Lotwy).** А из других своих русских княжеств собрал, будто на пожар, тридцать тысяч человек и двинулся к Киеву.

Братья Ярослав и Святополк идут друг на друга с войсками. Святополк тоже пошел против него с киянами и волынянами, призвав себе на помощь песченегов. И когда оба войска сошлись друг с другом под Любечским замком, гетман Святополков, прозванный Волчий Хвост (Wylczyogon), сразу начал вызывать [врага] на поединок (harcz), позоря и срамя Ярослава и его рыцарство. Блуд (Blud) же, воевода (sprawca) Ярослава, со своим войском быстро переправился через реку Днепр, а Святополк со своими всю ночь пил, считая Ярослава слабее себя. И когда начали битву у Любеча, прижал его Ярослав над одним озерком, смело напирая на его полки. Святополк, увидев это, сразу же сбежал от своего войска, а затем кияне и печенеги, будучи выданы своим вождем Святополком, стали убегать на озера и реки, затянутые тонким льдом (как пишет Меховский), где их очень много потонуло, а еще больше пало на поле боя [17]. **Ярослав завладел Киевом.** А Ярослав, одержав славную победу, двинулся к Киеву и занял его со всеми пригородками, покорившимися ему добровольно.

Святополк бежал в Польшу. А Святополк или Стополк (Stopolk) бежал в Польшу, прося у первого польского короля Болеслава Храброго помощи против брата Ярослава. Болеслав участливо воспринял его просьбу, отчасти для того, чтобы, вернув изгнанного Святополка в Киев, сделать его своим данником, а отчасти для того, чтобы вернуть под свою власть Перемышль, Червень и другие территории, отторгнутые от Польши при Владимире.

Польский король Болеслав [идет] **на Киев**. Итак, в 1008 году, как пишет Длугош [18], польский король Болеслав с большим войском поляков (с которым недавно вернулся с успешной чешской войны) двинулся к Киеву сажать Святополка на киевский стол. А вступив на русские земли, поляки грабили, жгли и разоряли все области, села, местечки и дворы, оставляя в покое замки и считая [их осаду] пустой забавой. И когда король с поляками и Святополком вторгся в Волынскую землю и уже [двигался] к Луцку, Ярослав с большим и готовым русским войском и с помощью варягов и печенегов неожиданно преградил им путь над рекой Бугом (которую космографы зовут *Axiaces*). **Буг у Птоло**[мея] **Axiaces** [19].

Руссаки поражены поляками. Блуд, гетман Ярослава, стал там короля Болеслава срамить и угрожал ему, говоря: «Проткнем твое толстое брюхо!» Болеслав, уязвленный этой издевкой, вопреки надеждам Ярослава сразу же переправил свои польские войска через Буг, и со страшной силой ударил на русские и печенежские полки. И поразил их наголову, хотя те тоже держались довольно мужественно и отбивались. **Ярослав бежал из битвы.** Ярослав с малой дружиной бежал из войска на болотистые места среди озер, а потом только сам-четверт бежал до Великого Новгорода. Однако Константин посадник не дал ему сбежать [за море], говоря: «Мы хотим биться за твое здравие, но страх еще велик». Вот так король Болеслав, разгромив войска Ярослава и разграбив его богатые обозы, препроводил Святополка в Киев.

300 каменных церквей Киева. А Киев в то время был, как сами свидетельствуют Длугош с Меховским, славным и богатым городом, большим и широко застроенным, главой всей Руси. Это каждый может видеть воочию еще и ныне, разглядывая остатки различных улиц, рынков, монастырей и церквей, которых только каменных было 300, и которые одни лишь могли быть свидетелями той некогда славной киевской древности и вельможности. Да такой, что каждого русина, ныне там живущего, можно сравнить с Энеем и Пантусом, как написал Вергилий в *кн. 2 Энеиды*: *Fuimus Troes, fuit Ilium et ingens gloria Teucrorum, etc.* (*Были троянцами мы, был Илион и великая слава тевкров*). **А некоторые шалуны домоседы, будучи спрошены, со смехом твердят, что Троя была там, где ныне Киев, но это попросту баловство, поскольку Троя была у моря в Азии, где я и сам побывал в 1574 году.**

Киев передан Святополку от короля Болеслава Польского. Этот город и Киевский замок, в котором затворилось великое множество людей и рыцарства Ярослава, осадили король Болеслав со Святополком, и за короткое время взяли и город, и замок Киев путем добровольной сдачи из-за царившего в городе голода. Король Болеслав передал город Святополку в качестве столицы в целости; и только великие сокровища Ярослава, золото, серебро, жемчуг и иные ценности, оставшиеся после Владимира, он взял себе за военные издержки, но большую часть трофеев раздал своим солдатам. **Золотые ворота.** А когда он

въезжал через крепостные ворота, которые звались Золотыми или Царскими, то вынул меч и разрубил (roscial) их в знак победы. А потом, разведя своих солдат на постой, сам решил с малой свитой перезимовать в Киеве ради безопасности Святополка и утверждения его у власти. Ярослав же, разузнав обо всех этих постановлениях, двинулся с войском к Киеву, намереваясь неожиданно обойти (obskoczyc) польского короля Болеслава и своего брата Святополка и их, беспечных, пленить или перебить.

Ярослав второй раз терпит поражение. Но Болеслав, вовремя предостереженный [своими] шпионами, вместе со Святополком устроил засаду в тесных местах, где снова поразил Ярослава наголову и вынудил [его] бежать до самого Новгорода. Новгородцы, которые в то время были сильны богатством (w skarby) и рыцарским людом, в третий раз спасли своего князя Ярослава как деньгами для [найма] солдат варягов, так и особенно своим русским рыцарством, убеждая его, чтобы не переставал добиваться Киева. И почти в то же самое время (как свидетельствуют русские хроники) киевляне, не в силах долее терпеть у себя короля Болеслава и его польских солдат, стоящих на постое (na lezach lezacych), либо с разрешения, либо по прямому приказу Святополка начали открыто убивать и умерщвлять их везде, где только могли схватить.

Болеслав разграбил Киев и занял замок. Побуждаемый этой кривдой, король Болеслав сразу же собрал с постоев своих солдат и отдал весь Киев им на разграбление. Замок он тоже вырвал из рук Святополка и посадил там своих. **Знай пана.** Ценности забрал, виднейших русских панов и бояр, как Ярославовых, так и Святополковых, сковал и отправил в Польшу вместе с двумя сестрами княжнами, дочерями Владимира (одну из которых, Предславу, изнасиловал, как свидетельствуют русские хроники). **Нам сдается, что этого не было, ибо в те годы король был уже в летах.** Другие замки около Киева, когда Святополк бежал, он усилил польскими [гарнизонами]. И в знак победы поставил два больших железных столба посреди реки Днепр, где в него впадает Сула (Sola) [20]. А потом в начале весны с великими трофеями возвращался в Польшу.

Ярослав же, имея о нем полные [сведения от] шпионов, двинулся за ним с большим войском и догнал его над рекой Бугом. Однако сразу атаковать его не стал, выбирая [нужный] момент и поджидая, пока жолнеры не разъедутся от него по домам. Но Болеслав, узнав про его засаду, сразу же собрал своих солдат и рыцарей для дела и, в течение часа воодушевив их прекрасной речью, вывел на битву, построенных и разгоряченных первой победой над русскими.

Русская битва с поляками. Ярослав тоже стоял на плацу с русскими и варяжскими полками наготове. И когда после стремительного наступления с обеих сторон они встретились, руссаки и варяги, видя малое войско поляков и считая их слабее себя (lekce ich sobie), тем смелее напирали. Но Болеслав, сам исполняя обязанности дельного гетмана и превосходного рыцаря, разгромил и перебил русский большой полк (walny uf), в котором [вместе] с варягами находился и сам Ярослав. А затем и другие русские полки смешались и начали разбегаться по разным полям. **Русские войска Ярослава в третий раз терпят поражение от поляков.** Очень много их полегло на поле битвы, но намного больше во время бегства, *ita ut Bugus sangvine caesorum rubuisse dicatur* (*так что Буг покраснел от крови убитых*), как пишут Длугош, Кромер (кн. 3) и Меховский (кн. 2, гл. 6,

стр. 29). **Свидетельство**. Очень много живых пришли сдаться полякам, поляки забрали [также] обозы, шатры и военные знамена. Сам князь Ярослав, сорвав с себя убранство и княжеские знаки, едва убежал, переменяя коней, и остановился только в Великом Новгороде. А поляки, обогатившиеся этой важной победой и трофеями, вернулись в Польшу.

Почему Болеслав назван русскими Храбрым. Возблагодарив Господа Бога за победу и счастливое возвращение, король Болеслав из вражеских трофеев щедро одарил церковь в Гнезно и понастроил много других церквей и монастырей. Шляхтичей, которые явили свое мужество, и прочее рыцарство обогатил, и немало жолнеров простого роду сделал шляхтичами (uslachcil). И с тех пор русаки короля Болеслава зовут Хоробрым (Chrobrym), то есть смелым, превосходным (przewaznym) и великодушным мужем. Поляки же ныне зовут его Храбрым. А также [Болеслав] построил замок Хроберж (Chroberz) в миле от Вислицы.

Русские хроники ни словом не упоминают ни о второй, ни о третьей битве и поражении Ярослава от Болеслава, а только о самой первой битве, в которой Святополк, взяв на помощь польского князя (как они пишут) Болеслава, поразил силы Ярослава и т. д. Но об этом уже написано ранее. А после ухода Болеслава в Польшу Ярослав двинулся к Киеву, взяв в помощь несколько тысяч варягов. Но Святополк, как его именуют русские, Окаянный (przeklety), вместе с печенегами в узком месте преградил ему путь. Поэтому Ярослав, когда встал лагерем на том месте, где Святополк убил его и своего брата, Святого Бориса, с плачем воздел руки к небу и сказал: «Вот кровь брата моего взывает к тебе, Господи Боже, будто [кровь] Авеля невинного, за которую в самый раз отомстить!» **Бытие 4.** И произнеся это, с великим шумом ударил на войско Святополка, вызывая к убитым братьям Борису и Глебу, чтобы они молили за него Господа Бога.

Ярослав поразил своего брата Святополка. И так Ярослав с Божьей помощью поразил войска Святополка, еле убежавшего к печенегам, с которыми, собравшись с большими силами, очень скоро снова двинулся против Ярослава, как пишут Длугош и Меховский (кн. 2, гл. 11, стр. 25). **Русские хроники упоминают только об одной битве и поражении Святополка.** А Ярослав, тоже воодушевленный недавней первой победой, встретился с ним над рекой Альтой (Olcha) в день пятницы, как раз на восходе солнца [21]. И там, в жестокой и кровавой битве, все силы Святополка и печенегов так основательно поразил и разгромил, что сам побежденный Святополк едва убежал в Брест, к наместнику польского короля Болеслава. **Святополк второй раз бежит в Польшу.** А оттуда поехал в Гнезно, к самому королю Болеславу, желая снова просить его о помощи. **Страшная смерть Святополка.** Но по дороге его вдруг стало тошнить (nagla mlodoscia zarazony), он умер и похоронен в неизвестном месте, как пишут Кромер, Длугош и Меховский. Русские же хроники твердят, что Святополк, пораженный Ярославом, бежал с побоища, и по воле Божией одолел его сатана и истерзал так, что [он] не мог сидеть на коне. И, пробежав польскую землю, прибежал в пустыню между Чехией и Польшей (Lachy) и там окончил свою недостойную (как они о нем судят) жизнь. А там, где он упал, есть пропасть, из которой до нынешнего дня исходит ядовитый смрад, людям на вразумление (na objawienie). И после смерти Святополка на Руси прекратились междоусобицы (rosterki), а Ярослав начал править во всей Руси.

Глава вторая

Ярослав Владимирович, самодержец всей Руси

Год 1009

Ярослав Владимирович, внук Святославов, правнук Игоря и Ольги, второй русский христианский самодержец (jedynowlajca), в году 1009 [22] от Господа Христа, после смерти брата Святополка Окаянного (niestwornego), начал без опаски править в Киеве, во Владимире (Волынском), в Великом Новгороде и во всей Руси.

Князья Борис и Глеб на Руси причислены к святым. Скорбя о невинной смерти брата Глеба, которого убил злодейский брат Святополк, Ярослав послал попов искать в Смоленской пустоши его тело, а когда нашли, велел положить в честной гроб и проводил до Вышгорода, а там положил подле другого брата, благословенного Бориса. А потом киевский митрополит с дозволения патриарха константинопольского, освятив кости этих братьев и после смерти переменив им имена, одному Давид, другому Роман, причислил их обоих к святым, ибо в жизни невинной воистину приняли мученический венец от брата Святополка. Их день памяти русские ежегодно отмечают 24 июля [23].

Церковь Софии в Киеве [24]**.** А когда у Ярослава родился сын Владимир, [он] построил в замке церковь имени Пречистой Богородицы у Золотых ворот. А золотые ворота, испорченные польским королем Болеславом, [он] починил и замок Киевский перестроил (nowym budowanim wystawil). И, призвав мастеров (rzemiesnikow) из Греции, построил большую церковь Софии (*Sophiae*), то есть Мудрости Божьей, наподобие той, которую я сам видел в Константинополе [25], ныне оскверненную (zprofanowany) турками. Но константинопольская вчетверо больше и дороже (kostowniejszy), украшена мраморами, алебастрами и яшмами.

Потом против Ярослава поднялся его собственный племянник Брячислав, сын полоцкого князя Изяслава, и отнял у него Новгород Великий. Но Ярослав не дал ему долго сидеть в своем гнезде (kokoszyc), спешно прибыл из Киева и поразил войско Брячислава (Brzetislawowe), так что тот и сам едва убежал, после чего Ярослав вырвал из-под его власти Новгород. **Этого нет в русских хрониках, а только у Длугоша и Меховского, стр. 25** [26].

В том же году Редедя, князь с Косогона (Koschochonu), как пишут Длугош и Меховский (но более вероятно, что с Корсуня), ополчился (oborzyl sie) против Ярослава, а Ярослав сам его вызвал, собственноручно одолел и своей рукой убил, а на его людей косогонских (но скорее, корсунских) наложил дань [27]. ***Miechovius: Rededa Ducem de Koschochon singulari certa mine Jaroslaus vicit.*** **Ярослав сам за всех сошелся** [в поединке]**, и выиграл.**

Мстислав, князь Вотмутараканский. Сразу после этого из-за неравенства уделов против Ярослава начал войну собственный брат Мстислав, князь из Вотмутаракани (Wotmutarakani). Собравшись с хазарами (Kozarami) и касогами (Koschojami), [Мстислав]

двинулся к Киеву. **Якун, князь Варагимовский.** А Ярослав, желая отразить это насилие, призвал на помощь Якуна, (а как русские пишут, Африка[на] Акуна) [28], по Меховскому, князя Варагимовского или же Варяжского. А когда встретились и сошлись в битве над Днепром, Ярослав был дважды поражен, и Киев перешел под власть Мстислава. **Ярослав два раза поражен Мстиславом**. Но Мстислав добровольно послал за братом Ярославом, возвращая ему Киев и обещая ему безопасность, и обратился к нему: «Братец милый, возьми назад киевскую столицу и правь в ней как старший по своему разумению, а мне освободи удел с другой стороны Днепра в Северской земле». На том и сошлись полюбовно. И Ярослав сел в Киеве, а Мстислав в Чернигове. В том же году родился у Ярослава сын Всеволод. А о ходе той битвы, взятии Киева и о том, как брат Мстислав потом вернул его Ярославу, русские хроники не упоминают [29], а только что они договорились и поделили: тот по Днепр, а Мстислав взял удел в Северской [земле]. Но Длугош, Меховский (кн. 2, гл. 10) и Кромер (кн. 3) пишут об этом подробнее.

Первые турецкие и татарские войны в христианской части Азии. Почти в это же время татарские народы, вышедшие из Кавказских гор, подчинили своей власти Армянское, Каппадокийское и Вифинское царства, распространив свою власть почти на всю Азию и Сирию. **Татары взяли Иерусалим.** И в 1012 году от Господа Христа взяли святой город Иерусалим [30]. А потом из малых и ничтожных зачатков своего народа с течением времени усилили и расширили свое турецкое государство так широко и вельможно, как видим ныне. [И все] из-за гнусности, беспечности и полного несогласия христианских императоров и других начальников и к [успеху] обрыдлой (obrzydliwej) Магометовой секты.

Русское войско [идет] **к Константинополю.** Потом, согласно русским хроникам, киевский монарх Ярослав отправил своего юного сына Владимира и гетмана Вышату [31] с войском в Царьград или Константинополь требовать у греческих императоров Корсунь в Таврике [32]. **Русские поражены греками у Константинополя.** Но греки, как следует построившись для битвы, вышли в поле, поразили русские войска и пленили гетмана Вышату (Wyssota). А Владимир, сын Ярославов, едва убежал с побоища к отцу в Киев.

Потом через четыре года Ярослав взял мир с царьградским императором. И русского гетмана Вышату выпустили из константинопольского заключения [вместе] с другими товарищами и боярами.

Глава третья

А на другой год Ярослав поставил сына Владимира на княжение в Великом Новгороде. Также поставил грека Илариона митрополитом в Киеве у Святой Софии. **Судислав, князь Псковский, схвачен братом.** А Судислава, своего брата, князя Псковского, схватил и посадил его в заключение в Порубе [33]. **Печоры Киевские.** Тогда же в Киеве начали копать печоры (pieczory) [34] для захоронений по примеру некоего Антония, которого русские считают святым [35].

Потом Ярослав, самодержец русский, в 1018 году собрал большое войско из русских, варягов и печенегов и внезапно двинулся на Польшу против короля Болеслава Храброго.

Но король Болеслав, выведав о нем от [своих] шпионов на Руси, опередил его и расположился в русских владениях над рекой Бугом, не дожидаясь врага в [собственном] доме. **Ганнибалова хитрость против итальянцев** (римлян)**, а польская против руссаков.**

Русские и польские войска, [стоящие] **друг против друга на Буге, начали битву из-за ничтожной (malej) причины.** Ярослав, прибывший с огромными полками, тоже расположился лагерем напротив поляков на другой стороне Буга, как раз в день воскресения Господня. Из уважения к этому празднику король Болеслав не хотел и не думал затевать битву [36]. А отчасти и для того, чтобы выведать о числе врагов, их снаряжении (sprawie), действиях и замыслах. Но счастье и фортуна имеют на войне огромную силу, и часто из-за каких-то малейших причин изменяют, перевертывают наоборот и отменяют людские замыслы и намерения (porady), меняя их к лучшему или к худшему. Ибо конюхи, возницы и повара, которые поили коней или мыли мясо в реке Буг, разделявшей польский и русский лагерь, сначала затеяли с русаками ссору (zwade), осыпая их каменьями из пращ, стрелами [37], и обидными словами. А потом, когда на это гиканье (gielk) с обеих сторон их стало сбегаться все больше и больше, стреляющих одни из луков, другие из пращ, они побудили оба войска вступить в бой.

Битва руссаков с поляками. Польские полки, вооруженные и построенные для боя, быстро переправились через реку, и обе стороны сошлись в огромной битве. Однако русаки, так как были еще не вполне готовы к бою, без должного построения не смогли выдержать ни первого, ни второго наездов поляков, стали отступать и разбегаться по широким полям и ближним лесам. **Ярослав бежал из битвы, пораженный польским королем Болеславом в четвертый ра**з [38]. Князь Ярослав, понуждаемый своими же, уцелел с помощью бегства, а за князем все русские и печенежские полки сразу же разбежались по безопасным местам, кто куда мог. Очень многие пали на поле боя, но, похоже, еще более сгинуло [тех, которые] разбежались по различным полям. Огромную добычу из очень богатых обозов Болеслав роздал [своим] солдатам. Одержав победу, [он] двинулся далее в Русскую землю, где немало замков добыл силой, а другие, сдавшиеся добровольно, взял мирно. И потом, учинив с русскими мир, наложил умеренную дань на те края и замки, которые взял у Ярослава.

Болеслав Храбрый, король польский, умер. А сам вернулся с войском в Польшу, где потом, ослабев от великих военных трудов и забот, умер в году 1025, 3 апреля [39], на 58 году своего века и 25 году королевской [власти]. О той войне и поражении Ярослава русские хроники не упоминают [40]; только наш Винцентий Кадлубек, Длугош, Меховский (кн. 3, гл. 29, стр. 7) и Кромер (кн. 3), а также Ваповский и т.д.

Ярослав с русским войском разоряет Польшу. А Ярослав, киевский монарх, и его брат Мстислав (Mieclaw), самодержец Северских земель, узнав о смерти польского короля Болеслава Храброго в 1025 году, с большим войском вторглись в Польшу. И те области (krainy), которые Болеслав вырвал было из-под русской власти, грабили и разоряли; взяли Червень, Перемышль и другие замки, выбив оттуда поляков и заняв их своими руссаками. *Coloniae ex Polonia in Russiam (Польские колонии на Руси)*. [41] И очень многих польских крестьян, пахарей и работных людей, из Польши забрали в неволю, чтобы пахали поля и

селились в тех местах, которые из-за частых войн были в запустении. **Руссаки поражены в Польше.** А когда Руссаки [уже] без своих князей повторно вторглись в Польшу для грабежа (na uriwke), их поразил сын Болеслава Храброго Мечислав или Мешко, который после отцовской смерти вступил на [престол] королевства Польского.

А когда умер Северский князь Мстислав (Mscislaw) Владимирович, брат Ярославов, его похоронили у Святого Спаса, в церкви, которую сам построил. А его брат Ярослав, завладев всей Северской державой и присоединив ее к Киевскому престолу, только тогда стал писаться утвержденным (gruntownym) и законным самодержцем или монархом и Царем всей Руси.

Печенеги поражены под Киевом. И в это время, как пишут Длугош и Меховский (кн. 3, гл. 12), Киев с большим войском осадили печенеги, против которых Ярослав быстро приготовил [войско] и, неожиданно прибыв, ударил на их лагерь. И так их, испуганных неожиданным нападением, погромил, побил и разогнал; в Днепре их, бегущих, сгинуло еще больше, а других переловили, как скотину, и без числа набрали в неволю. И в знак этой победы поставил в Киеве церковь *Софии*, то есть мудрости Божией [42], а бывшие при ней башни накрыл позолоченными листами (blachami), одарил золотыми и серебряными чашами и посудой, книгами и дорогим церковным убранством, обогатил доходами и в той церкви поставил первого митрополита, грека Илариона (его мы тоже упоминали выше из русской хроники) [43]. А также построил городские ворота со стороны Польши с великими и воистину чрезмерными расходами в соответствии со знатностью своей и города, их верх и ручки [44] украсил позолоченными листами и велел звать их Золотыми или Златоверхими Воротами [45].

Потом, в 1034 году от Господа Христа, когда 15 марта в Познани умер и там же был похоронен второй польский король, никчемный и ленивый Мечислав, сын Болеслава Храброго, жена его, королева Рикса (Richssa), [на которую] за ее излишества обижались (ohidzona) поляки, уехала из Польши в Германию с маленьким сыном Казимиром, первым и единственным дедичем (наследником) королевства Польского, потом поступившим в монастырь в Клюни (Kluniaku) [46]. А Польшу без верховного правителя терзал, кто не ленился: наезжали как чехи, немцы и венгры, так и язычники пруссы с литовцами. **Бедная Польша без господина терзаема отовсюду.**

Ярослав с руссаками повоевал Польшу, осиротевшую без господина. Видя это, киевский монарх Ярослав, самодержец всей Руси, не захотел зря упускать такого удобного момента и, собрав большие русские войска, в одном месте распустил загоны на разорение и разграбление польских земель, а другое войско отправил на ладьях по реке Буг до Подляшья и до тех областей, где ныне Мазовия. И так, повоевав огнем и мечом немалую часть Польши, подчинив своей власти более дюжины (kilkonascie) городов и замков и разместив в них русские [гарнизоны, Ярослав] с большой прибылью воротился в Киев.

Потом, как пишут Длугош, Кадлубек и Меховский (кн. 2, гл. 15, стр. 41), тот же Ярослав, монарх или самодержец всей Руси, желая еще более умножить свои сокровища, [раздвинуть] границы и жаждуя бессмертной славы, приготовил большую водную армаду кораблей, галер и ботов в устье реки Днепра, где [тот] впадает в Понтийское море.

Русское войско второй раз водным [путем идет] **на Константинополь.** И с той армадой второй раз отправил своего старшего сына Владимира с большим русским войском морем на Константинополь и на другие греческие города [47]. Но когда приблизились к Константинополю, на море разбушевались ветры и большие волны, так разбросавшие суда русской армады, что руссаки едва прибились к берегу, а как только вышли на берег, на них напали солдаты греческого императора (cesarza). **Руссаки, встретившись с греками, от отчаяния поразили их.** И греки изводили их так долго, урывками [нападая на них] в тесных уголках, что руссаки, одумавшись, храбро вступили с ними в битву, достойную смерть предпочитая позорной жизни и так, более храбростью, поразили греков, а сами, потеряв армаду из-за морских бурь, мирно возвратились домой со своим князем Владимиром Ярославичем. Так описывают это некоторые русские хроники, Винцентий [Кадлубек], Длугош и Меховский. **Сигиберт о войне русского короля с греками.** Но Сигиберт (Sigibertus) [48], старинный историк, в своей Хронике рассказывает так, что русский король или царь, зная, что греки увязли в войне против сарацин и что их войска для охраны от язычников рассредоточены по разным морским островам, отправил из русских земель по Понтийскому морю на Константинополь тысячу или более судов. **Мощь** (wielmoznosc) **русской армады на море.** Узнав об этом, греческий император Роман Аргир (Agiropilus) [49], тоже выслал свою армаду против руссаков. И там греческие солдаты, метая на русские корабли огненные ядра, искусно заправленные смолой и с зажженными фитилями, многие из них подожгли и потопили. Часть пленных, захваченных с кораблями, изрубили, так что мало их, уцелевших, на Русь убежало. **Этого Романа Агиропила** (Agiropila)**, греческого императора, собственная жена ночью утопила в море** [50].

Вячеслав, к[нязь] **Новгородский.** В то же самое время умер Владимир, сын Ярославов, князь Великого Новгорода, и там же похоронен в церкви Святой Софии, которую сам и построил. А монарх Ярослав посадил на новгородское княжение другого своего сына, по имени Вячеслав [51].

А когда поляки, измученные набегами различных врагов и внутренними неурядицами, на польское царствование с трудом привезли из Клюнийского монастыря Казимира Первого Мечиславича и короновали его в Гнезно в 1041 году, то Казимир, будучи новокоронованным польским королем, по мудрому совету коронных сенаторов сразу же с русским монархом Ярославом мир и вечную дружбу постановил и утвердил. **Мир и породнение польского короля Казимира с Ярославом.** И взял себе в жены его родную сестру Марию, дочь Владимира Святославича, рожденную от греческой принцессы (cezarzowny) Анны [52]. Справив свадьбу в Кракове, ее там же перекрестили в римскую веру, когда она сама добровольно отступилась от веры греческой, дали ей новое имя Доброгнева (Dobrogniewa) и потом короновали в Гнезно. Казимир взял за ней большое приданое в золоте, серебре и разных сокровищах, и к тому же помощь против любого врага от ее брата Ярослава. В то же время польский король Казимир в знак вечной и прочной дружбы даровал своему шурину (swagrowi), самодержцу Ярославу, все права на замки, которые дед его, Болеслав Храбрый, имел на Руси. А Ярослав ему тоже всегда помогал (ratowal) русскими рыцарями против немцев, мазур, пруссаков, литовцев и чехов.

Олег и Ярополк причислены к русским святым. Потом пришли в Киев три чернеца архимандрита, ученые люди из Греции, извлекли (podniesli) кости двух князей, Олега и Ярополка Святославичей, убиенных дядьев Ярославовых, и погребли их во Владимире, в церкви Святой Богородицы [53]. Пришел также из Царьграда митрополит Георгий и перенес кости святых мучеников Бориса и Глеба, братьев Ярославовых, в году от сотворения мира 6580 (1072), 2 мая [54].

Наука Ярослава сыновьям. А Ярослав Владимирович, самодержец всей Руси, чувствуя себя измученным частыми военными трудами и ослабленным старческой дряхлостью, поучал своих сыновей, чтобы каждый из них оставался на своем уделе, чтобы в согласии защищали свои границы, ценили своих советников бояр и старались о том, чтобы к подданным своим быть поласковее, более миловали, а не держали их в строгости, а праздности и роскоши, которые губят монархии, чтобы остерегались.

Уделы сыновей Ярослава. Потом так разделил между ними русские княжества: старшему Изяславу (Zaslawowi) дал Киевский престол; Святославу или Стославу Чернигов; Всеволоду Переяслав; Игорю или Григорию (Hrehorowi) Смоленск и Владимир; Вячеславу Псков и Великий Новгород. Хотя Меховский пишет, что Григорию достался Владимир, а Вячеславу Смоленск [55].

Ярослав, самодержец Русский, умер. Потом Ярослав умер на 76 году своей жизни, седьмого ноября, похоронен в Киеве, в церкви Святой Софии, которую сам построил, в часовне Святого Григория [56]. А вскоре после него потом умерли два его сына: Вячеслав (Weceslaw), князь Смоленский, и Григорий (Hrehory) Владимирский, как пишет Длугош. Потом трое братьев Ярославичей выпустили из Порубья [57] своего дядю (stryja) Судислава, который сразу же стал чернецом.

Внутренние несогласия у русских. Сыновья Ярославовы сразу же после отцовой смерти, забыв его благочестивые увещевания о взаимном согласии и братской любви, разожгли внутренние войны и начали набеги на уделы друг друга. Ибо Изяслав, которому достался Киев, и Всеволод, который держал Переяславское княжество, взбунтовались на брата Вышеслава (Wizeslawa) [58], князя Полоцкого, хитростью захватили его с двумя сыновьями и посадили в тюрьму в Киеве. А когда киевская и полоцкая шляхта попросила за него, чтобы был выпущен из незаслуженного заключения [вместе] с сыновьями, Изяслав никоим образом не хотел исполнить их просьбу. **Всеслав** (Wizeslaw) **посажен на киевский стол из тюрьмы.** Русская шляхта, видя, что он обошелся с братом по-тирански, тут же вся взбунтовалась и вырвала из тюрьмы Всеслава и двоих его сыновей силой и принуждением. И, изгнав своего господина Изяслава за его жестокость, возвели на киевский стол отбитого из заключения Всеслава, как своего пана. А Изяслав, будучи согнанным с правления и сомневаясь в своих силах, бежал к польскому королю Болеславу Казимировичу Смелому, своему свойственнику, прося его о помощи. Так об этом пишут Длугош, Ваповский, Меховский (кн. 2, гл. 18, стр. 44) и Бельский; но русские хроники об этом не упоминают и ни слова не говорят о том, что польский король Болеслав два раза ходил на Киев, чтобы [вернуть власть] Изяславу [59]. Что мы тут и излагаем из упомянутых историков, достойных доверия, которые в этом все единодушно согласны, будто четыре евангелиста, а к тому же и пятый, Кромер, *in Boleslao Secundo, lib. 2.*

В году от Господа Христа 1058, когда после смерти Казимира польским королем был избран его сын Болеслав Второй по прозвищу Смелый и Щедрый, его короновали в Гнезно [60] с женой Вышеславой (Wizeslawa), единственной дочерью русского князя (а какого, не называют) [61]. К нему за помощью приехали трое знатных князей, изгнанных из своей отчизны: сначала Бела, родной брат чешского князя Вратислава, и изгнанный братьями великий князь Киевский Изяслав Ярославич с двумя сыновьями: Мстиславом и Святополком. Его, как кровного родича [62], король Болеслав и решил первым вернуть на родину.

Польский король Болеслав Смелый идет с Изяславом на Киев. Собрав большое войско из польского рыцарства и должным образом приготовив все необходимое для войны, [Болеслав] готовым делом двинулся прямо на Русь с князем Изяславом и с двумя его сыновьями. А когда приблизились к Киеву, тут же князь Всеслав с немалым русским войском и вспомогательными полками варягов и печенегов преградил им путь у Белгорода, желая встретиться с ними в поле. Но убедившись в огромности и боевой мощи польского войска Болеслава и Изяслава, сразу же тайно бежал от своего войска с малой дружиной, которой доверял, и не останавливался до самого Полоцка. **Всеслав бежал от своего войска до Полоцка.** А его рыцари, видя, что их пан выдал их, будто бы на убой (na miesne prawie jatki), а сам бежал, тоже все порознь из войска поразбежались и рассыпались.

Тревога русских. Охваченные тревогой, все русские дрожали от страха; киевляне думали сдаться, но их страшил гнев Изяслава, прежнего своего пана, которого они сами из княжества выгнали. Просили тогда князей Всеволода Переяславского и Стослава Черниговского срочно помочь и защитить их от поляков. А если бы этого учинить не захотели и сразу же отказали, [киевляне] хотели сами город Киев и замок спалить, и приготовились с женами и детьми бежать в Грецию и Таврику. **Руссаки хотели бежать в Грецию.**

Посольство. Князья Всеволод и Стослав велели им думать о хорошем, надеяться и не тревожиться, а сами послали миротворцев (jednaczow) к брату Изяславу, прося, чтобы милую отчизну и своих подданных простил, сдающийся ему Киев милостиво принял, а войско и ляхов чтобы отпустил. И если обиду за свое изгнание и свой гневный умысел усмирить не может, то чтобы сам по воле своей карал виноватых, а полякам милейшей отчизны, хотя бы и заслуженно, в неволю и на разграбление не отдавал. И если об этом думает, то пусть вспомнит, что и дядя их Святополк, который тоже до этого был возведен поляками на киевский престол, [ничего] не выиграл и попусту сгинул. На это посольство Изяслав ответил братьям, что не хочет чинить своей отчизне никакого насилия, а только узнать про киевлян, что о них говорят, и какие у них мысли и желания по отношению к нему. Затем король Болеслав и Изяслав приблизились к Киеву с польским войском, а Изяслав послал вперед своего сына Мстислава (Mieclawa) с несколькими полками отборных рыцарей.

Покарание киевлян. Когда тот был впущен в Киев, то сразу захватил и занял некоторые оборонительные пункты (miejsca), схватил виднейших бунтовщиков и виновников изгнания своего отца, семьдесят бояр, и приказал одних зарубить, других ослепить. Отца

Изяслава и короля Болеслава через гонца известил, что в Киеве все спокойно, поэтому король и Изяслав спокойно двинулись к Киеву. А горожане и бояре из города Киевского вышли к ним на семь миль [63] вдоль [дороги] и везде верноподданически принимали Изяслава, как своего господина. И так второго дня месяца мая [они] въехали в Киев. **Киев добровольно покорился Изяславу.**

Полоцк взят. А король Болеслав, посадив Изяслава на отцовский стол, послал с ним часть своего польского войска к Полоцку против Всеслава, и когда Всеслав бежал к варягам, взял Полоцк.

Вот так Изяслав путем добровольной сдачи получил Полоцкое княжество со всеми пригородками и поставил над ним князем своего сына Мстислава, а когда тот вскоре после этого умер, посадил на полоцкое княжение другого своего сына, Святополка, или, как пишут русские, Стополка Михаила (Michnila). И оставив его там с частью своего войска, сам вернулся в Киев с поляками. А король Болеслав, разместив своих польских солдат и рыцарство по киевским местечкам и фольваркам, сам тоже оставался (lezal) в Киеве в течение лета и зимы, полюбив киевскую роскошь, веселую обстановку (polozenia) в городе и русоволосых и чернобровых девущек с дивной красоты внешностью и прелестными фигурами. **Долго отдыхал.** А Изяслав в течение всего этого времени всем рыцарям войска Польского щедро выделял питание (wychowanie) и одежду; а сверх того отменно одаривал и короля, и всех его рыцарей по их заслугам.

Глава четвертая

Болеслав осадил Перемышль. Переждав в Киеве лето и зиму, король Болеслав поднял своих солдат с квартир (lezej) и двинулся в Польшу, [а по дороге] вторгся на территорию Перемышльского русского княжества, либо побужденный неким наветом, либо это княжество Перемышльское было отцовским наследством его жены Вышеславы [64]. Маленькие городки, которые попадались ему по дороге, легко занимал первым же приступом. Но когда приблизился к самому Перемышлю, то увидел, что к нему трудно подступиться, ибо реки Сан и Вигор (Wiar), омывающие (oblewaja) город и замок, в то время очень разлились, сверх того, город был окружен валами и рвами. К тому же там было много храбрых защитников: горожан, селян и шляхты, которые с женами и пожитками сбежались [сюда] из окрестных краев, [спасаясь] от неприятеля. С другой стороны город защищал замок на высокой насыпи, хорошо укрепленный сильными стенами и башнями и по тем временам почти неприступный (trudny k dobyciu). И все же король Болеслав переправился через реку Сан к городу по глубокому броду, хотя обороняющиеся руссаки сильно ему препятствовали. А потом всеми силами начал штурмовать город. Руссаки тоже оборонялись не лениво и частыми вылазками отвлекали поляков, занятых штурмом, но все же были отбиты и с большими потерями отброшены поляками в город. В конце концов, уже не надеясь оборонить город и не в силах долее удерживать толпы поляков за городским валами, все отступили в замок. И на четвертый день с начала осады король взял город, полный больших скоплений сокровищ и различных богатств, и отдал [его] своим солдатам на разграбление [65].

Руссаки мужественно обороняют Перемышль. А замок, который было трудно взять из-за его мощи (twardosci), местоположения и многочисленности обороняющихся руссаков, осадил и взял в кольцо, желая выморить осажденных голодом или недостатком воды, ибо [они] ни одного колодца в замке не имели и должны были носить на гору воду только из реки Сан с великими трудностями и опасностями из-за отовсюду стреляющих поляков. Однако руссаки довольно долгое время мужественно и превосходно оборонялись, а когда в конце концов скотину, коней и шкуры с них поели, почти окончательно отчаявшись из-за голода, морового поветрия, смрада, нужды и непривычной для людей пищи, в конце лета сдали замок, выговорив себе жизнь и вещи, которые могли унести на собственных плечах. **Перемышль взят поляками.**

А король Болеслав, взяв Перемышльский замок, приказал его сразу восстановить, покрасивее отстроить вместе с городом, и сам там зазимовал, распределив солдат по окрестным квартирам. Дело было в 1069 году.

Венгерский король Бела убит. Почти в то самое время венгерский король Бела (которого король Болеслав перед русской войной тоже привел и посадил на царство) на третий год своего царствования был убит упавшим на него кованым (kownata) [троном] в фольварке Демеш. А его сыновья Гейза (Геза), Владислав (Ласло) и Ламберт (Lampert) из Венгрии снова приехали к Болеславу, прося о помощи против Шаломона [66], которого на венгерский престол возвел [германский] император с немецким войском.

Болеслав [идет] **в Венгрию.** Итак, Болеслав с уже готовым войском из Перемышля двинулся через горы прямо в Венгрию, примерно во время жатвы. И там между противными сторонами учинил такой мир, что зятю императора Генриха Шаломону, коронованному королем, достались две части Венгрии, а три сына покойного Белы: Гейза, Ламберт и Владислав, взяли свои уделы в третьей части венгерской земли, довольствуясь княжескими титулами.

Польский король Болеслав Смелый снова [идет] **в Русские земли.** Взяв великие дары от короля Шаломона и от Беловичей и вернувшись в Польшу, король Болеслав сразу же с еще большим войском повторно двинулся на Русь против русских князей Святослава или Стослава Черниговского и Всеволода Переяславского, чтобы [своего] брата Изяслава, которого сам Болеслав привел в Киев, поразив Всеволода и Святослава, они второй раз выгнали из Киевского княжества с женами и сыновьями, как пишет Винцентий Кадлубек *in speculo historiarum*, Меховский, Бельский, Ваповский и другие. Но русские хроники не в каждом месте с ними согласны, из-за чего мы приводим здесь текст из самой русской хроники, не примешивая польских и других иностранных историков. И начинается она просто так.

Собственные слова (rzecz) **русской хроники.** Потом-де, когда Ярослав Владимирович, великий князь Киевский, умер, трое его сыновей выпустили из поруба дядю своего Судислава, который сразу стал чернецом, а в Смоленске умер Игорь, и поделили Смоленское [княжество] на три части. Построил Игорь в Переяславце (Pereaslawcu) каменную церковь Святого Михиаила. Судислав чернец тоже умер, а у киевского князя Изяслава (Zaslawa) родился сын Стополк Михайло. Родился у Стослава сын Олег, а после

него другой, Давид, а потом третий, Глеб. А потом пришли половцы на Русскую землю; против них вышли трое Ярославичей: Изяслав, Стослав и Всеволод, а будучи на Альте (Olzie), сошлись полки, и из-за гнева Божьего поражены были христиане и бежали русские воеводы со множеством воинских людей [67].

Родился у Всеволода сын Ростислав, а за ним и другой, Владимир. **Этот Владимир Всеволодович был прозван потом Мономахом** (Единоборцем)**, то есть сражающимся в поединке (sie sam o sam potyka in duello).** А Стослав послал сына своего Глеба княжить в Тмутаракань, а Изяслав (Zaslaw) построил монастырь Святого великомученика Димитрия.

Была война Великого Князя Изяслава с половцами, и была между обеими сторонами битва не малая, наконец, половцы были побеждены Русью, а Изяслав с победой воротился домой.

А братья его, Всеволод и Стослав Ярославичи, нарушили наказ отца своего и выгнали Изяслава из столичного киевского замка. Стослав сел в Киеве, а Всеволод в Переяславце. Построена была церковь Святой Богородицы Печерской, и умер преподобный Феодосий (Chwiedosziej) Печерский [68], а игуменом после него стал Стефан. Прошло немного времени, и сошелся князь Стослав с братом своим Изяславом, и уступил киевское княжение брату своему, а сам сел в Чернигове. **Это согласуется и с польскими хрониками.** Пришли половцы на землю Русскую, а против них вышли Изяслав, Стослав и Всеволод, и была между ними битва, и убили великого князя Изяслава [69], а Святослав или Стослав (другие хроники пишут, что Всеволод) сел в Киеве, а дети его Давид и Олег в Чернигове, а Стополк в Турове. Умер потом великий князь Стослав Ярославич и похоронен в Чернигове у Святого Спаса, а в Киеве сел брат его Всеволод. Пришел из Греции митрополит Иоанн (Joan). И в то [время] умер великий князь Всеволод, пановавший много лет, а в Киеве сел Михаил Стополк Изяславич, Олег и Давид Стославичи в Чернигове, а Владимир Всеволодович Мономах в Переяславе.

Великий князь Михаил Стополк построил в Киеве каменную церковь Святого Михаила Златоверхого [70]. Этот Стополк Михаил, великий князь киевский, за время своего правления много зла своим подданным безвинно причинил и уничтожил имен (imion) не мало, а иным отнял [71]. А в то время голод великий был в Киеве, и жестокое угнетение (ucisk) по всей земле Русской.

Ходил киевский князь Стополк Михаил на половцев, а с ним Олег (Olha) Святославич, Владимир Мономах и Давид Игоревич, и поразили безбожников поганых и домой воротились с прибылью. И была потом стычка (potarczka) под Владимиром (Волынским) Мстислава и Стополка с Давидом Игоревичем из-за [взаимных] претензий, и подстрелен был Стополк стрелой и умер [72], и сел в Киеве Владимир Всеволодович Мономах. Пришел из Царьграда митрополит Никифор. А Владимир Мономах построил в Смоленске каменную церковь Св. Богородицы владычицы.

Родился у Владимира Мономаха сын Григорий (Hrehorej) [73]. Умер Давид Стославич, князь Черниговский, а сын его Святоша (Stossa) Давидович вступил в монашеский орден в

Печерский монастырь и назван Микула [74]. Умер и Олег Стославович, князь Черниговский, а сын его Стослав сел в Чернигове.

Род московских князей. Пришли половцы к Триполью (Trepola), Владимир двинулся против [них] с братом своим Ростиславом, а когда полки встретились, наши князья побежали [75]. Умер великий князь Владимир Мономах, а в Киеве сел сын его Георгий (Georhej) Владимирович; родился у Георгия сын Андрей (Боголюбский); умер митрополит Никифор; из Царьграда пришел митрополит Никита (Nakata), и прочее. До этого [места доведена] Русская Хроничка [76].

Глава пятая

О частых войнах с русскими князьями половцев и печенегов, побратимов литовских, и о первом происхождении их народов.

Хотя речь здесь пойдет о войне между русаками и половцами, мне кажется нужным делом кратко разъяснить читателю о происхождении их народов.

Половцы и печенеги были воинственным и рыцарским народом из народа Готов и Кимвров, названных *a Cymerio Bosphoro* (по Босфору Киммерийскому) от которых надежно выводятся также Гепиды, Литовцы и древние Пруссы. **Литовцы и Ятвяги происходят от Печенегов и Половцев** [77]. Об этом сообщает и Ваповский, а Бельский в Деяниях Казимира Первого, взятого из монастыря польского короля, на странице 239 говорит, что народы печенегов, половцев и ятвягов и есть собственно литовцы, и единственно имели между собой мелкие различия в языке, как поляки и русские, а жили на Подляшье, где ныне Дрогичин.

А те половцы и печенеги во времена оны имели свои поселения на северо-востоке, над Меотийским озером и Понтом Эвксинским или Черным морем, а также имели свои кочевья в полях около рек Танаиса и Волги и в Таврике, которую ныне зовут Перекопской ордой. Там [они] побратались с итальянскими соседями, владевшими Таврикой генуэзцами, в то время наисильнейшими на море. И [вместе] с итальянцами, а также с варварами (Bearaby) [78] построили торговища Мангуп (Mankop), Керчь (Kirkiel) [79], Крым, Азов, Кафу, греками и латинниками называемую Феодосия, Килию или Ахиллею, Монкастро или Белгород. Кто бывал в диких полях, тому известны эти тамошние урочища. Ибо сами половцы в полях жили больше под шатрами, перевозя все свое имущество на возах, как ныне татары, как говорит Меховский (кн. 3, гл. 31, стр. 120). Также и другие историки доподлинно зовут этих половцев готами. **Греки называли их *Nomadae vel Amaxobitae* *(Кочевники или живущие на возах)*.** А когда стали соседями русских княжеств и вплотную приблизились к греческой, итальянской и польской странам, своими частыми набегами чинили им великие беды и с награбленного постоянно жили чужим трудом. Но из-за близкого соседства и общих границ чаще всего воевали с русскими князьями. А когда объединялись, то вместе с русскими совершали набеги на Польшу. **Отчего половцев** [так] **назвали.** И русские прозвали их половцами, потому что жили в *полях* или потому что жили *полеванием*, то есть охотой и ловлей зверя. Или же

половцами, потому что жили грабежами чужого, с *полонов* и добычи, а язык имели, смешанный с русским, литовским и итальянским (woloskim).

Половцы [приходят] **на Русь.** Потом, в 1058 году от рождения спасителя Христа, человека, правдивого на все времена, и Господа Бога во веки веков, в начале царствования польского короля Болеслава Смелого и Щедрого, половцы, народ грубый и языческий, собравшись со своим князем Искалом (Sekal), как свидетельствует Меховский (кн. 2, гл. 21, стр. 51), двинулись на русского князя Всеволода Переяславского. 2 февраля обе стороны сошлись в битве, и поразили Всеволода, и разорили его Переяславское княжество. Это было первое из злых поражений, которые русские княжества потом долго терпели от половцев [80].

Половцы второй раз поразили руссаков [81]. Эти жестокие половцы второй раз вторглись в русские земли, и у реки Альты (Olchy) им преградили путь трое князей: Изяслав Киевский, Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский. Когда обе стороны мужественно сошлись [в битве], половцы одержали победу. И, пользуясь победой, распустили свои загоны по русской земле вдоль и поперек, огнем и мечом разоряя деревни и городки [82]. А когда [они] обратили свои силы против Черниговского княжества, князь Святослав, не устрашенный ни первым, ни вторым поражением, хотя и имел в своем войске только 3 000 мужей, сразу же ударил на них под Сновским урочищем, где сейчас город Сновск. **Сновское урочище, где половцы поражены русскими.** Первого ноября года Господнего 1059 большое войско поганых полегло там от горстки (trochy) русаков, ибо в бою русаки со своим князем Святославом убили 12 000 половцев и их князя Искала (Sekala), а уцелевших (celniejsze) гетманов и рыцарей захватили в плен [83]. И отбили у них все, что те награбили в русских землях после двух [своих] побед.

О внутренних войнах русских князей и о убиении Бориса и Изяслава Киевского.

Через несколько лет после этого, когда князь Изяслав правил в Киеве при поддержке польского короля Болеслава Смелого, между ними, с одной стороны, и князьями Святославом и Всеволодом с другой стороны, начался конфликт (rostyrk) из-за общих границ и по поводу дележа трофеев, отбитых у половцев. Из-за этого киевский монарх Изяслав, видя непостоянство верности своего рыцарства, с женой и сыновьями второй раз уехал из Киева в Польшу к королю Болеславу Смелому, своему двоюродному (ciotczonego) брату, который прибыл с войском из Венгрии в Польшу в 1074 году.

А князья Святослав и Всеволод, 22 марта въехав в Киев, заняли престол и княжество Изяслава. А когда потом, вскоре после этого, 21 декабря 1072 года, Святослав умер [84] и [был] похоронен в Чернигове, в церкви Святого Спаса, на киевское княжение сразу заступил его брат Всеволод. Узнав об этом, польский король Болеслав Смелый с войском, с которым только что вернулся из Венгрии, своего двоюродного брата Изяслава, прежнего киевского монарха, проводил до Киева. И там под самым городом сошелся с Всеволодом в огромной битве и поразил его, и второй раз посадил Изяслава на киевскую монархию. **Об этом втором возведении Изяслава на киевскую монархию польским королем Болеславом пишут Длугош, Меховский (кн. 2, гл. 19, стр. 46 и гл. 21, стр. 51), Кромер (кн. 4), Ваповский, Бельский и другие. Но русская хроника свидетельствует, что**

сами братья Стослав с Изяславом поладили [друг с другом]**, и Стослав уступил Киев Изяславу, а сам сел в Чернигове, и прочее.** Старший же сын Изяслава Святополк вступил на княжение Новгородское и Полоцкое, ибо почти в то же время князь Глеб, сын Святослава Черниговского, был жестоко и злодейски убит своими подданными. Владимир же, второй сын Изяслава, сел на смоленское княжение, а третий сын Ярополк в Вышгороде [85]. И при этом порядке русские земли начали было успокаиваться.

Но Борис и Олег, другие русские князья, побуждаемые завистью, призвали на помощь половцев и начали разорять русские земли. Против них собрался [в поход] черниговский князь Всеволод и 25 августа дал им битву в урочище, называемом Сожица (Ziczce), но был побежден и бежал, из-за чего утратил свой черниговский престол. И, будучи сильно стеснен нуждой, с сыном Владимиром приехал в Киев к брату своему Изяславу, князю Киевскому, который ласково его принял и заботливо поселил у себя, говоря: «Братец милый! Пусть это будет тебе примером, ибо и я, будучи выгнан из отчизны, должен был искать помощи и пропитания в Польше, а потом с помощью поляков все свое отыскал». Потом, скоро собрав киевские войска, Изяслав с сыном своим Святополком и Всеволод Черниговский с Всеволодовым сыном Владимиром двинулись к Чернигову, в котором в это время, полагаясь на силы половцев, стояли (lezeli) князья Борис и Олег. Советовал тогда Борису Олег, говоря: «Не выдержим мы войны против четырех братьев наших, ибо сильнее они нас, лучше на подходящих условиях просить у них мира». На что ему князь Борис, будучи в запальчивости, отвечал: «Пусть никакие старания о победе [тебя] не заботят, но с полной надеждой жди окончания битвы и ее результатов», ибо призвал на помощь большое войско язычников половцев, в которых верил.

Борис, гордый русский князь, убит. А когда эти огромные [рати] сошлись, князь Борис, сын [Вя]чеславов или Стославов (Ceslawow albo Stoslawow) [86], пренебрегший миром, сразу же был убит. **Изяслав, князь Киевский, убит в своем войске после битвы.** Но когда уже после битвы киевский князь Изяслав беспечно проходил между своими пешими рыцарями, один из солдат князя Олега, который украдкой замешался среди этой пехоты, как будто он был из того же войска, пронзил его копьем между лопаток, и от этой раны [Изяслав] сразу же умер [87]. И, отвезенный сыном Ярополком в Киев, с великим плачем всех подданных был похоронен в отцовской могиле в церкви девы Марии в году от Господа Христа 1076 [88]. А был тот князь Изяслав высокого роста и великий ревнитель справедливости. О чем свидетельствуют Длугош и Меховский (кн. 2, гл. 2, стр. 52). А русская хроника это убийство Изяслава приписывает половцам, что это они его убили.

О ссорах русских князей из-за Киевского престола и о убиении собственным придворным Ярополка Изяславича, князя Луцкого и Владимирского.

Всеволод, вернув себе Чернигов с помощью убитого Изяслава, передал его [своему] старшему сыну Владимиру Мономаху. И, посадив другого сына на туровское княжение, сам Всеволод вступил на киевское княжение после своего родного брата, убитого Изяслава. Поэтому другие русские князья, побуждаемые завистью, начали против него войну. Русский князь Роман, желая завладеть киевским престолом, за деньги нанял в помощь половцев и двинулся с ними против Всеволода. **Русский князь Роман убит.** А когда потом у Переяслава во второй день августа [они] помирились из-за должного

подхода (wynalaskiem) и миролюбия русских панов, половцы устроили смуту (rozruch), что заключили мир без их совета, и убили князя Романа [89].

Ярополк же, сын покойного Изяслава Киевского, восстал против Всеволода из-за того, что тот отобрал у него киевское княжество и завладел (podszczepil) отцовским наследством. А когда Всеволод советовался об этом со всей своей радой, один из советников так научил Всеволода, сказав: «Пошли своего сына Владимира с войском против Ярополка, которого я, опередив, одолею без всякой битвы, обманув моим хитрым советом». Приехал тогда тот хитрый пан советник к Ярополку и молвил: «Не доверяй ни своим советникам, ни своим рыцарям, ибо они хотят выдать [тебя] Всеволоду, а поскорее езжай в Польшу, как поступал твой отец Изяслав, прося помощи для возвращения на киевскую монархию». Ярополк поверил этим предательским словам и, оставив мать, жену и сына в Луцком замке, бежал в Польшу к королю Болеславу Смелому. А Болеслав, который не мог собственной персоной проводить его на Русь из-за разногласий (rozruch), возникших между ним и польским рыцарством, послал с ним польских солдат, с помощью которых взял Луцкий замок, который после его отъезда в Польшу взял и заполучил Владимир, сын Всеволода. **Ярополк вернул себе Луцк.** А вдобавок и другие замки Владимир вернул и еще воротить обещал.

Потом, когда Ярополка, распустившего польское войско, на санках везли из Владимира в Звенигород, спящим он был убит своим дворянином и любимцем, имя которого было Нерадец (Nieradziec) [90]. **Предатель Нерадец убил своего пана, князя Ярополка.** И, отвезенный в Киев, был похоронен в церкви Святого Димитрия, и при этом погребении были князь Всеволод Киевский с сыновьями Владимиром и Ростиславом и с митрополитом Иваном (Iwanem), с боярами и со всеми сословиями Киевской Руси. Этот Ярополк, как пишет Меховский, был тихим и смиренным, благодетелем (milosnik) духовенства, а особенно монахов (cerncow), которым платил десятину со всякого урожая, стад и со всех доходов. И пока был жив, постоянно благочестиво молился, прося Господа Бога, чтобы умереть такой же смертью, как его убиенные прадеды Борис и Глеб, русскими причисленные к лику святых; что и выпросил.

В том же 1079 году польский король Болеслав Смелый убил Св. Станислава, епископа краковского, а сам в 1081 году уехал из Польши в Каринтию. И там, в полумиле от местечка Фельткирхен, в монастыре Оссиах (Ossieji), окончил свои дни, служа неприметным монахом, и только после его смерти монахи нашли при нем письмо и другие доказательства (znaki), что он был королем польским. И поставили на его могиле высеченного из мрамора коня с седлом (которого польский шляхтич Валенти[н] (Valenti) Кузборский недавно сам видел) с такой надписью: ***Boleslaus Rex Poloniae occisor S. Stanislai, episcopi cracoviensis, etc.*** *(Болеслав, король Польши, убийца Св. Станислава, епископа краковского)* [91].

О разорении Польши русскими князьями с литовцами [92] и о их поражении.

О чем Длугош, Ваповский, Кадлубек, Меховский (кн. 3, гл. 4, стр. 28), Кромер (кн. 5) и прочее.

Руссаки разоряют Польшу. Русские князья: Владимир Новгородский, Давид и Олег Переяславские, Володарь Перемышльский и Ярослав Ярополчич, князь Владимирский и Луцкий, улучив подходящий момент (pogode), собрались и разделенными на четыре части (na czwore) войсками вторглись в Польшу при правлении в польской монархии Владислава Германа, брата Болеслава Смелого, который, убив Святого Станислава, уехал из королевства. И русаки разорили Польшу аж до реки Вислы, огнем и мечом нанеся неимоверный ущерб людям и имуществу, и с огромной добычей возвращались домой. А когда уже вошли было в свои русские области, веселясь и триумфаторствуя (triumfujac) из-за счастливого успеха на польской войне, их догнал Болеслав Кривоустый, сын польского монарха Германа. **Руссаки поражены Болеславом Кривоустым.** И в воскресный день, а вернее, ночью, в первый сон (ибо иначе такого множества русаков одолеть не мог) ударил на них с огромным окриком и, перепуганных и рассеянных, там поразил, всю добычу отбил и с великой славой воротился в Польшу [93].

Василько, князь Перемышльский, Польшу повоевал. Потом Василько Ростиславич, русский князь Перемышльский, в году Господнем 1082, собрав войско из русаков и половцев, вторгся в Польшу. И, попалив некоторые замки, города и деревни, большую добычу поспешно вывез на Русь.

Глава шестая

О поражении русских князей от половцев

В то же время, в году Господнем 1083, во всех русских землях (panstwach) господствовало сильное моровое поветрие. Заразился им и киевский князь Всеволод, сын Ярославов, 13 апреля умер и похоронен в церкви Святой Софии [94]. **Всеволод умер от поветрия.** Это был великий милостивец убогих и сирот, оставивший после себя двух сыновей: Владимира и Ростислава. **Пример любви и согласия.** Старший, Владимир, прозванный Мономах, черниговский князь, боясь, как бы новгородский князь Святополк, сын Изяславов, не напал на Киевское княжество, поскольку это был наследственный (dziedziczny) престол его отца, призвал его и добровольно уступил ему Киевское княжение.

А когда Святополк приехал на отданное ему княжение и въехал в Киев в Путеводное (Przewodna) воскресенье, первое после пасхи [95], то был с великими дарами подобострастно (z wdziecnoscia) принят всеми сословиями. А Владимир Всеволодович вступил на Черниговское княжение, а его брат Ростислав на Переяславское. Половцы же, узнав, что Святополк, Изяславов сын, вступил на киевское княжение, отправили к нему своих послов, чтобы учинил с ними мир, как и отец его делал, а дань, что им задолжал, чтобы полностью выплатил [96]. Выслушав этих гордых и неприятных послов, Святополк не мог того стерпеть, а велел послов схватить и посадить [в тюрьму]. **Надругательство над послами — начало всего злого.**

Половцы воюют русские княжества. Когда половцы об этом узнали, то, распаленные возмущением и гневом, сразу вторглись в русские княжества, разоряя, поджигая и разграбляя. Поэтому Святополк, видя, что поступил худо и неправильно, тех послов из оковов выпустил и отослал к половцам, прося у них мира. Не сумев получить [мир],

послал к князьям Владимиру Черниговскому и Ростиславу Переяславскому, прося, чтобы пришли ему на помощь. Те, собрав свои войска, подступили к Киеву, где выбранили Святополка за насилие, учиненное над послами против права людского, а потом совместно с ним вывели свои воинские полки к реке Стугне. **Река Стугна (Stutnia).** И там долго спорили, сражаться (potykac) или нет, но когда все киевляне высказались за войну, говоря, что никакого мира с половцами не будет, двинулись против половцев: Святополк с киянами держал правый фланг (rog), Ростислав с переяславцами левый, а Владимир с черниговцами — центр [97].

Битва руссаков с половцами. И двадцать шестого мая эти огромные с обеих сторон [армии] со страшным криком и гиканьем столкнулись. Святополк со своими [людьми], сразу пораженный половецкими стрелками, бежал вечером в замок Треполь (Otropol), а темной ночью приехал в Киев. Потом половцы ударили на войска Владимира и Ростислава, которые тоже погромили и разогнали, а князь Ростислав, убегая, утонул в реке Стугне, ибо она в то время разлилась (wezbrala). **К**[нязь] **Ростислав утонул** [98]. Владимир, перебравшийся через реку с малой дружиной, оплакал брата, найдя на другом берегу его тело, которое было потом похоронено в отцовской могиле в церкви Святой Софии. **Торческ осажден.** Половцы, одержав победу, с одним войском осадили замок Торческ (Torcz), а с другим двинулись к Киеву. Князь Святополк, выехав против них, дал им битву, но, потерпев от половцев поражение, бежал в Киев только с двумя слугами. **Святополк второй раз поражен половцами.** А половцы после той второй победы пришли с другому своему войску, стоявшему под Торческом, показывая осажденным русакам пленных, добычу и хоругви второй раз пораженного Святополка. Не имея возможности дольше обороняться из-за голода и не имея надежды на помощь своего князя Святополка, сдали половцам замок, который половцы спалили. **Половцы спалили замок Торческ (Torcz).** И с великой прибылью, награбленным и русскими пленниками, отошли в свои края, где множество русских сгинуло и померло от различных нужд и наготы в зимние [холода].

А Святополк, князь киевский, ослабленный этим двумя поражениями, [но] не особо сожалея о бедственном упадке, учинил с половцами мир, а для более крепкого подтверждения дружбы взял себе в жены дочку половецкого князя Тугоркана.

Олег развязал на Руси внутренние войны. Но и так не могло быть мира в русских княжествах, ибо князь Олег, выпросив помощь у половцев, разорял волости Черниговского княжества, огнем разрушая (plundrujac) монастыри и церкви, городки и деревни. И так долго, что князь Владимир вынужден был уступить ему стольный Черниговский замок и Северское княжество, а сам уехал в Переяслав. **Половецкое разорение.** Однако и это соглашение не освободило черниговские земли от вражеского разорения, ибо и во время мира половцы, не переставая, громили русские волости и очень многих христиан, пленив, уводили в тяжкую неволю.

Саранча на Руси. Кроме того, неведомо откуда прилетевшая на Русскую сторону великая саранча поела, выгрызла и уничтожила весь хлеб (zboza) и овощи [99].

Глава седьмая

О поражении половцев

Кытан и Итларь, двое половецких князей, собрав свои войска, начали войну с переяславским князем Владимиром, собственное княжество которого они пока не трогали. Поэтому Владимир, послав к половцам, учинил с ними мир на пагубных и несправедливых условиях, дав им также в заложники своего сына Святослава. **Меховский (кн. 3, гл. 6, стр. 61) и Винцентий Кадлубек.**

Потом по совету своих рыцарей и Славяты (Slaweti), посла киевского князя Святополка, [Владимир] сначала увел у половцев из заклада своего сына Святослава, когда его небрежно стерегли, а потом поубивал половецких князей Кытана и Итларя со всем их рыцарством [100].

Половцы поражены руссаками. И, собрав войско, Святополк, князь Киевский, и Владимир Черниговский внезапно ударили на становища и кочевья половцев, которых побили, посекли, поубивали и погромили без счета, а их женщин, детей, пожитки, скотину, стада и верблюдов с победой увели на Русь.

Половцы потом собрали новое войско и обложили Юрьев (Uhrow), замок князя Святополка. И добывали его все лето, и не отступали, хотя Святополк и ублажал их, посылая дары.

Литовцы и ятвяги [идут] **на Русь.** А за половцами и язычники пруссы с литовцами и ятвягами (как свидетельствуют Длугош, Винцентий Кадлубек, а также Меховский) с огромными силами двинулись на Русь 28 августа года Господнего 1089. И разорив русские княжества около Луцка, Владимира и Львова вдоль и поперек, отступили с огромной добычей.

Потом половецкий князь Боняк (Maniak) двинулся сразу на Киев, а другой половецкий князь, свекр или тесть Святополка Тугоркан (Tohortkan), [вместе] с сыновьями пришел под Переяслав. Святополк и Владимир выехали против них и 10 июля дали им битву над рекой Трубежем (Trubosza), где поразили половцев наголову и в бою убили их князя Тугоркана с сыновьями [101].

Половецкое разорение. Но половцы, не устрашенные этим поражением, собрали новое войско и, тайно подойдя, чуть было не захватили Киев с замком, а увидев, что обманулись в своих надеждах, пожгли окрестные церкви, монастыри и деревни, а также княжеский двор в Берестове.

О жестоких и частых внутренних войнах, одной за другой, и губительных ссорах русских князей.

Русские князья, желая обезопаситься и воспрепятствовать частым наездам хищных половцев на свои земли, съехались в Киеве на сейм и отправили послов к северскому князю Олегу, прося его приехать к ним на совещание по поводу государственных дел (pospolitej rzeczy) в русских княжествах и землях. А [Олег] посмеялся над их посольством

и сказал: «Не приведи [Бог], чтобы я подлежал суду владык, чернецов и ничтожных людей (lekkich osob) [102] и подставлял [им] свою голову».

Оскорбленные этой отповедью своим послам, князья Святополк и Владимир Мономах сперва начали войну не против половцев, а против Олега, обложили его в Стародубе и штурмовали замок 32 дня [103]. Потом Олег, прижатый голодом, выпросил у них мир, под присягой и с крестным целованием дав согласие выполнить их приказ, чего задним числом не исполнил, ибо нарушил присягу и, избавившись от осады, совершил набег на Муромское княжество (Moroms albo Moromon). **Moromon.** И по этой причине имел битву с Изяславом, сыном Владимировым, князем Переяславским, а не Киевским, как Меховский пишет на стр. 62, ибо в то время Киевским [князем] был Святополк. И убив Изяслава [104], взял Муромский (Meromoz) замок и подчинил своей власти Ростовское княжество. Боясь тиранства Олега, новгородский князь Мстислав, брат убитого Изяслава, пообещал, что и он сам, и его отец Владимир помирятся с Олегом. Но Олег, соблазненный лакомством и желанием отобрать у Мстислава новгородское княжение, собрал войско и расположился лагерем в Турове (Turowie) [105], послав вперед своего брата Ярослава на разведку и в охранение. Его перехватил и захватил Мстислав, князь Великого Новгорода, а Олег испугался и отступил с войском в замок Ростов, потом в Муром. Мстислав гнался за ним, [а потом] помирился с ним через послов и распустил войско. **Олег второй раз нарушает мир.** Узнав об этом, Олег нарушил мир и со своими готовыми полками двинулся против Мстислава, который бежал от него в Киев. **Олег** [терпит] **поражение.** И, собравшись с киянами, с половцами и с братом Вячеславом (Wenceslawem), которого послал ему на помощь отец Владимир, князь Черниговский, дал Олегу огромную битву и победил его [106]. Тот бежал в Муром и, понимая, что из-за своих часто творимых предательских хитростей не может быть в безопасности в русских землях, бежал в Рязанское княжество.

А Мстислав, догнав его, ласковыми и медовыми словами, полными аромата надежд, говорил ему: «И тебе позор, и нам, братьям твоим, позор, и рыцарству твоему стыд, если окажешься никому не нужным (nedznikiem) в чужих краях, поэтому возвращайся в русскую землю и в свою отчизну». И этими словами Мстислав отговорил Олега и его рыцарей и отвратил от бегства.

Ослепление князя Василька Ростиславича, предка князей Острожских. Потом русские князья, учинив съезд в Любече, заключили между собой мир и договорились о совместном отпоре язычникам половцам. Но тотчас же нарушив этот мир, киевский князь Святополк спелся (spikneli sie) с Давидом Игоревичем (Hrehorowicem) и сговорились на Василька Ростиславича, князя Подольского и Перемышльского, подозревая его в измене. И когда он к ним приехал, схватил его Святополк и ослепил на оба глаза. И из-за этой жестокости другие князья, Владимир Мономах, Олег и Давид Святославичи пошли войной на Святополка, который, испугавшись, собирался бежать к половцам. Но митрополит и виднейшие киевские паны покорно упросили этих князей помириться со Святополком.

А Давид Игоревич, когда хотел напасть на ослепленного перемышльского князя Василька, сам был осажден перемышльским князем Володарем, братом Василька, который опередил

его в этом. Потом князь Давид запросил мира, всю вину взваливая на киевского князя Святополка, и этой клеветой восстановил против себя и Святополка, и Володаря.

В начале весны ослепленный князь Василько со своим братом Володарем (Wolodorem), князья перемышльские, вторглись в Волынскую землю против Давида Игоревича. **Замок Всеволода сожжен.** И захватив замок Всеволода, подожгли его, а людей, бывших в нем, жестоко перебили. **Двое волынских князей жестоко повешены.** Потом подступили под замок Владимир, где все множество осажденных людей помиловали, и только двоих, Василька и Лазаря, князей владимирских [107], высоко подвесив, досмерти расстреляли многими (gestymi) стрелами из самострелов и луков за то, что их наветы были причиной ослепления Василька Ростиславича.

Святополк же, князь Киевский, желая отомстить Давиду, тоже возложил на него вину за ослепление князя Василька и поехал в Брест просить помощи у польских солдат, которые в то время держали (trzymali) Брестский замок.

А его враг Давид сумел еще раньше поехать к Владиславу Герману, польскому монарху, отцу Болеслава Кривоустого, прося помощи против Святополка. **Владислав был польским князем, а не королем, ибо в то время Польша была лишена короны и королевского достоинства за убийство Болеславом Смелым Святого Станислава.** Польский князь Владислав [108], приехав с войском к реке Буг, хотел помирить их обоих, но, не сумев этого добиться, вернулся в Польшу, так и не оказав помощи ни одному из князей [109].

Владимирский замок взят. А Святополк, улучив удобный момент, осадил во Владимирском земке Давида, который через семь недель осады второй раз бежал в Польшу к польскому монарху Владиславу, а Владимирским замком завладел Святополк [110]. [Потом] Святополк Киевский повел войско против Володаря и слепого Василька, князей перемышльских и подольских. А когда [они] столкнулись в битве, князья Володарь и Василько одержали победу над Святополком.

О призвании венгерского короля Коломана на помощь Святополку и о его поражении, о взаимных битвах русских князей и о их соглашении.

Святополк, князь Киевский, будучи поражен братьями Володарем и слепым Васильком, собирал новое войско и устраивал смотр в Киеве. А также послал сына Ярослава к венгерскому королю Коломану, прося его о помощи. Приехал тогда Коломан с восемью тысячами рыцарей и с двумя венгерскими епископами и, расположившись лагерем между реками Вигором (Wiarem) и Саном, осадил замок Перемышль, в котором затворился Володарь. **Длугош, Меховский (кн. 3, стр. 63), русские летописцы, Кадлубек, Бельский (стр. 350) и Ваповский.**

А князь Давид, видя, что не может рассчитывать на помощь поляков, бежал к половцам и по дороге встретил половецкого хана (xiaze) Боняка с готовым войском, которое великими подарками направил против венгров. И, расположив лагерь своего войска близ Перемышля, в полночь хан Боняк, по языческому обычаю, один вышел в ближайший лес

для ворожбы (wroski) о результатах битвы. **Меховский.** И когда он завыл там волчьим голосом, волки тоже завыли, отовсюду отзываясь на голос Боняка. Вернувшись с этой ворожбы к своим половцам, хан Боняк велел им готовиться к битве, по той своей ворожбе обещая им полную победу. **Ворожба о будущей победе по вольчьим голосам.**

Хитрая засада. На другой день половецкий хан Боняк, разделив свое войско натрое, две части своих полков оставил в тайной засаде, а сам с третьей частью людей ударил на венгров и, задумав проказаться побежденным и устрашенным, начал убегать. Видя это, венгры, думая, что уже победили половцев, без нужды погнались за ними, погоняя коней. **Венгры поражены половцами.** А в это время хан Боняк с теми двумя частями войска с криком выскочил из засады, ударил венграм в тыл и их, напуганных и встревоженных, легко поразил и разгромил, и положил их на поле четыре тысячи убитыми, не считая раненых и плененных. **Двое епископов убиты.** Там же убили двух венгерских епископов, имя одного из которых было Копан (Kopanus) или Купан, а другого Лаврентий или Лаурент (Laurent), по-нашему пан Вавржек, Вавржинец (Wawrzyniec) [111]. Остаток венгерского войска разбежался по лесам и по горам, а русаки и половцы два дня их гнали, били, рубили и хватали [в плен]. **Венгерский король едва убежал.** А сам Коломан, король венгерский, защищаемый остатком своих рыцарей и прикрываемый щитом (tarczam), едва убежал от [этого] погрома.

Киевский воевода Путята. Воодушевленный этой победой, князь Давид осадил Владимирский замок, а киевский князь Святополк, желая спасти своих осажденных, послал им на выручку своего воеводу Путяту. Тот тайно въехал в замок, устроил вылазку и поразил Давида и его войско, и те бежали, сняв осаду. А Путята отъехал в Киев, поставив владимирским старостой какого-то Василя или Базилиуса (Basiliussa).

Владимир и Луцк взяты. После этого поражения князь Давид бежад к половцам, оттуда снова вернулся на Русь с половецким ханом Боняком и взял замок Луцк у князя Святоши, второго сына Давида, за то, что тот, вопреки (wedlug) уговору и распоряжению, не предупредил о прибытии святополковых полков с Путятой на выручку владимирцам [112]. Потом Давид с Боняком двинулись на Владимир, из которого сразу бежал староста Святополка Василий. И так Давид легко овладел сдавшимися ему Владимирским и Луцким замками.

Русский князь Давид бежал в Польшу. А в начале весны, когда киевский князь Святополк с войском двинулся для отвоевания Владимирского замка, Давид, усомнившись в верности своего рыцарства, с женой и со всем своим имуществом бежал к польскому монарху Владиславу. А Святополк в третий раз занял Владимирский замок и завладел им, как и намеревался.

Уветичи (Wietice) [113]. А когда потом четверо русских князей: Святополк, другой Давид [114], Олег и Володарь скоро съехались и устроили в Уветичах вальный сейм, где постановили и заключили между собой взаимный мир, то призвали из Польши изгнанного Давида. А когда тот пожаловался на изгнание из своего наследственного Владимирского княжества, упомянутые князья через послов отвечали, что вернуть ему владимирский престол не могут, поскольку из тех краев он слишком часто наезжал на русские земли.

Однако, чтобы он не был осмеиваемым изгнанником, беглецом и чужаком среди родни, в виде компенсации (opatrzenie) уступали ему собственные владения и добавляли деньгами (platami). Святополк Киевский предназначил ему Острог и Дубен (Dubin) или Дубно, которыми ныне владеет киевский воевода князь Василий Константинович [115], Заславль (Zaslaw), из которого князья Заславские, Чарторыйск и потом к этому Святополк прибавил Дорогобуж (Dorohobus), что означает древность Острога и Чарторыйска и тамошних князей. **Дубен ныне зовется похоже — Дубно.** А на Чарторыйское княжение потом вступили сыновья Гедимина. А черниговский князь Владимир и северские князья Давид и Олег прибавили к этому по сотне гривен ежегодной (rocznego) платы [116]. Давид согласился на эти условия и компенсацию и, живя в Дорогобуже, вскоре после этого умер. **Меховский об этом (*кн*. 3, *стр*. 64): *Swantopolk assignavit Davidi Ostrog, Dubin, Czarterisk, et postea adiecit Drohobesa, Wlodimir adiecit 100 marcas etc.*** (*Святополк передал Давиду Острог, Дубен, Чарторыйск, а позже добавил Дорогобуж; Владимир добавил 100 марок и прочее*). *Haec ex Dlugosio, Vincentio Cadlubco, Vapovio, Cricio* [117], *Matthia Miechovio, Cromero et Bielscio, nec non Russorum annalibus probabiliter excerpta.* (*Это взято из Длугоша, Винцентия Кадлубка, Криция, Ваповского, Матвея Меховского, Кромера и Бельского, но, вероятно, не из русских летописей*).

Глава восьмая

О славных и счастливых многократных победах русских князей над половцами, и о вторжении литовцев с пруссами на Русь в году от Господа Христа 1103.

О чем Меховский (кн. 3, гл. 15, стр. 82), Винцентий Кадлубек
и Бельский из Ваповского в книге Chronicon,
издание второе (стр. 245).

Ясновельможному пану,
пану Миколаю Радзивиллу,
князю на Биржах и Дубинке,
воеводе новогрудскому, старосте мозырскому, мерецкому и прочее [118].

Стачов. Русский мир с половцами. Русские князья Святополк, Владимир, Давид, Олег, Ярослав устроили съезд с половцами в Стачове (Stachowie) [119] и установили мир и перемирие между собой, а для более крепкого (mocniejszemu) подтверждения этого постановления дали в заложники знатных людей с обеих сторон. Однако половцы недолго хранили мир, ибо наезжали на русские княжества постоянными вторжениями, по неприятельскому обычаю угоняя полоны и награбленное к своим шатрам. Поэтому киевский князь Святополк и русские князья Давид Святославич, Давид Всеславич, Мстислав, внук князя Игоря (Hreorego), Вячеслав Ярополчич и Ярополк Владимирович вооружились, собрались и послали за другими князьми, черниговскими и переяславскими, Давидом и Олегом [120], чтобы вместе с ними устроить совместный военный поход против их врагов половцев. **Русские князья собрались на половцев.** Князь Давид со своими людьми сразу приехал к ним при оружии, а Олег отговорился вымышленной болезнью.

Сутень (Schuten). Итак, в году от рождения спасителя Господа Христа 1103 все эти князья со своими войсками, не дожидаясь лета, подступили к урочищу Сутень и к половецкому замку. Когда половцы услышали об этом, то собрались в огромном множестве, гордые, пышные и надутые спесью, желая сразу разбить (potlomic) полки христианские. Но Господь Бог напустил на половцев великий страх, так что и они сами, и их кони в смятении дрожали в строю и шли на бой, жалобно свесив головы. ***Меховский. Immisit autem Dominus terrorem Polowcis.*** *(Но Господь вызвал у половцев тревогу).* Русаки же, прося Господа Бога о помощи и подмоге, призывали его внутренней молитвой и убогим в церквях подавали милостыню, и шли против половцев с радостью, с веселыми мыслями и полные надежды, и даже кони их весело ржали. ***Меховский. Rutenis preces Deo et elemosinas Ecclesiis porrigentibus.*** *(Русские молились Богу и жертвовали на церковь).* И как только половцы их увидели, то, пораженные леденящим и огромным страхом, обратились в бегство, а конные русские напустились на них, били, секли, рубили, топили, убивали, вязали, а поля, дороги, реки были полны их трупов. И убили 20 половецких князей: Урусобу (Rusobe), Кчия (Kocza), Арсланапу (Harslonopa), Китанопу (Kiltanopa), Кумана (Kumana), Азупа (Azupa), который тогда владел замком Азов, Куртка (Kurtaka), Ченегрепу (Chernierpa), Сурьбаря (Sarbora) и многих других у реки Лубны [121]. ***20 duces Polovcenum eo precio cesi.*** *(Половцы заплатили жизнями 20 князей).* ***Меховский, Ваповский.*** А с ними полегло много тысяч людей. Победители христиане разграбили их обозы, где набрали великое изобилие злата, жемчугов, скота, верблюдов, коней и пленников и с триумфом вернулись на Русь.

Но в том же году литовцы, пруссы и ятвяги, язычники, которые были одного происхождения с половцами, мстя за своих побратимов, повоевали русские княжества с другой стороны и с большими полонами отступили к своим лесным лежбищам. ***Меховский (стр. 83) и Ваповский с Бельским.***

Русские гетманы Иванко Захарьич и Козарин поразили половцев второй раз. Половцы, тоже желая отомстить за свое поражение, собрались и тайком вторглись в ту часть русской земли, которая звалась Зареческом (Zarzeczkiem). Киевский князь Святополк сразу же послал против них свое войско, над которым поставил Иванка Захарьича и Козарина [122]. И те, догнав половцев у Дуная, погромили их и отбили все награбленное на Руси. Оказывается, половцы в то время жили и над Дунаем, где ныне [живут] валахи.

Согласие творит великие дела из малых. Потом половцы, грозя и дальше мстить за свое поражение, с Боняком, Шаруканом и другими князьями вторглись в русскую землю в великом множестве полков и расположились лагерем у реки Лубны [123]. Киевский князь Святополк и русские князья Владимир, Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав и Ярополк со своими войсками тогда сразу же переправились через реку Сулу и в году Господнем 1107, 12 августа, внезапно ударили на беспечных (nieopatrznych) половцев. Пораженные великим страхом, те [даже] не смогли построиться для дела, но одни пешими, другие побыстрее похватав коней, рассыпались по ближайшим лесам. Там же с другими убили их князя Таза (Tasza), родного брата Боняка, а Ваповский пишет, что там же тогда полегли и князья Боняк с Шаруканом. **Руссаки поразили половцев в третий раз.** Русаки, забрав их

обозы, добычу и все пожитки и снаряжение, с великим весельем и радостью триумфаторами воротились на Русь, каждый князь в свои края.

Где находится страна Хорелла (Chorella). Хорела (Chorela) или Корела, где русаки побили половцев, это земля к северу за Великим Новгородом в сторону Финляндии [124], где жители говорят на латышском (lotewskim) и ижорском (igowskim) языках, похожих на литовский, чему я и сам свидетель. Из этого следует, что половцы, которые в то время жили в Кореле (Koreli), были одного народа с литовцами [125]. Еще и ныне их остатки перемешаны с москвой, но перед тем, как перейти в подданство к московскому князю, они говорили на своем старом половецком языке, а москва зовет их ижорянами (Igowiany) и вожанами (Woskami) [126].

Руссаки в четвертый раз поразили половцев. Устроив половцам эти три разгрома, русские князья [на том] не остановились, а в четвертый раз собрали войска из русских земель, собираясь до основания повоевать половцев (от которых прежде с трудом оборонялись). Итак, во второе воскресенье наступившего поста 1108 года все они с пешими и конными войсками охотно выступили против половцев. И прибыв на реку Сулу, построили полки и возы в надлежащий для битвы порядок, и в таком порядке через реки Голтву (Olhe) [127] и Ворсклу прибыли к реке Дону, которую Птолемей называет Танаисом. Оттуда, развернув знамена и княжеские хоругви, походным порядком (porzadnie) пришли под замок Руканя (Rukanie) [128], где подкрепились рыбами и вином [129], и подступили к другому половецкому замку, Сугрову (do Suworowa), который сожгли. Сюда же прибыло множество половцев, готовых к битве для защиты своих земель. Русаки, порешив держаться вместе и поклявшись лучше храбро умереть, чем бежать, ударили на половцев и, прорвав их строй, побили, погромили и разогнали [130].

Руссаки в пятый раз поразили половцев. Потом через несколько дней половцы собрали новое и свежее войско, умноженное многими прибавившимися полками. Но когда дошло до схватки, русаки с тем же счастьем, что и в первый раз, поразили всех половцев наголову и целых четыре дня били, рубили, брали в плен и гнали разбегающихся. И, забрав их женщин, детей, обозы, шатры, стада скота и свиней, коней, верблюдов и все их снаряжение, с огромной радостью и триумфом, поразивши половцев в пятый раз, воротились на Русь. И там они были встречены митрополитом, владыками и всем духовенством и народом, в каждом городе и на дорогах [выходившими] с процессиями, славя Господа Бога, что дал им верх над погаными, набегам которых сперва подвергались. И надолго потом русские княжества были обезопашены от половцев. **Хорошая война принесла хороший мир.**

Киевский князь Святополк умер. Потом в году от рождения Господа Христа 1112, 16 дня месяца апреля или квитня, умер Святополк, князь и монарх Киевский, свекр польского князя Болеслава Кривоустого [131], и был погребен в Киеве в церкви Святого Михаила, которую сам построил и позолоченным верхом украсил. После его смерти в Киеве началась великая разруха от рыцарства и солдат, которые, собравшись, обобрали двор киевского воеводы Путяты и ограбили евреев, живущих в Киеве, забрав все их имущество, как ныне у турок привыкли чинить янычары после смерти своих императоров, пока им не выберут нового. Из-за этих беспорядков (rostyrku) на престол монархии и княжества

Киевского как можно скорее был избран и возведен Владимир Всеволодович, прозванный Мономах, князь переяславский и черниговский, который, спешно приехав в Киев, все эти смуты усмирил и успокоил.

Глава девятая

О поражении ятвягов, побратимов литовских, от русаков, об искоренении их поляками, и кто изначально были эти ятвяги.

Ярослав, сын киевского князя Святополка, после отцовской смерти завладел Владимирским княжеством, а его родную сестру Сбыславу (Zbislawe) взял в жены польский князь Болеслав Кривоустый. А когда ятвяги с пруссами и с литовцами [стали совершать] частые набеги на его владимирское и волынское княжество, князь Ярослав собрался на них [в поход] с помощью других русских князей. **Ятвяги поражены руссаками.** Ятвяги тоже собрались и, жаждая битвы с русаками, стояли наготове. Ярослав ударил на них и, поразив их более тысячи, разорил часть ятвяжской земли и отступил с победой [132].

Хотя о ятвягах или ячвингах (jaczwingach) уже говорилось выше среди [нашего описания] происхождения древних пруссов, литовцев, латышей, жмуди и половцев, однако не помешает (nie zawadzi) и отдельно представить и описать их народ. Эти ятвяги, как пишут Ваповский и Бельский на стр. 246 в конце второй книги ***Chronicorum***, были одного происхождения и языка с древними пруссами, литовцами и с половцами [133], хотя в их языках и были различия в словах из-за различий в границах и положении земель. Свое истинное происхождение и начало народа они, как и литовцы, выводят от готов и от остатков воинственных кимвров. Меховский, как и Ваповский, тоже зовет их ***conformes Lituanis et Prutenis etc.***, то есть *во всем подобные литовцам и прусакам* (кн. 3, гл. 15, стр. 84).

Дрогичин. Их стольным городом и замком был Дрогичин, существующий и ныне. Начиная с Волина, они заселили все Подляшье до самой Пруссии, а также владели замком Новогрудок и окрестными волостями в Литве. В году от Христа 970 их силой подчинил (zholdowal) сначала Владимир Святославич, самодержец или монарх всех русских земель. О чем Кромер, книга 3. Потом, в 1041 году, взятый из монастыря польский король Казимир Первый поразил их [вместе] с Маславом и язычниками пруссами, когда их полегло 15 000. Об этом [сообщают] Длугош, Винцентий Кадлубек, Меховский (кн. 2, гл. 14, стр. 40), Ваповский, Кромер и другие.

Длугош же в своей хронике считает их пограничными пруссам и литовцам. Эти ятвяги могли также быть одного происхождения с языгами-метанастами (Jazygami Metanasti) [134], частично оставшимися в Венгрии над рекой Тиссой или Тибиском (Cissa albo Tibiskiem), мужики чистые гайдуки (chlopi czysci hajduci), которых до сих пор зовут тем же прозвищем Языгов или Ятвязей (Jatwiezow).

Потом о них пишет Кромер (издание второе, кн. 8, стр. 145): ***Jaziges vero sive Jazvingi, ejusdem cum Litvanis linguae, ut volunt nonnuli, eorundumquae morum et religionis fuere,***

etc. *(Языги или Язвинги [говорили] с Литовцами на одном языке, в то время как мораль и религия у них были общие, и прочее).*

Где жили ятвяги. Языги или язвинги, как утверждают некоторые историки, были одного языка с литовцами и тех же обычаев и языческой веры, а жили в литовских лесах, соседних с поляками. **Откуда** [пошло] **название Подляшье.** Ныне этот край из-за соседства с лесами зовется Полесье или Подляшье, или же русаки прозвали Подляшьем соседний с поляками край, [потому что тот] якобы под ляхами. Народ ятвягов был столь воинственным, что не заботились [они] ни о смерти, ни о гибели, поэтому и сгинули (wygineli) из-за желания воевать и воевать и чрезмерной охоты к битве.

Конрад, князь Мазовецкий, когда имел битвы с теми ятвягами, с литовцами и с древними пруссами, поразил их, а некий Готард, граф Лукашович, захватил пять ятвяжских князей и привел их связанными к князю Конраду Мазовецкому, которых потом выпустил за выкуп, когда каждый заплатил за себя 700 гривен настоящего весового чистого серебра [135]. За этот подвиг (dzielnosc) граф Готард, предок Уханских [136], получил Служев (Sluzew) [137] или Слухов с окрестной волостью и всеми вольностями и оттуда пишутся графами из Служева.

Упорная битва ятвягов с поляками. Потом польский монарх Болеслав Пудыка или Стыдливый в 1264 году собрал большое войско против тех ятвягов. И когда 21 июня [он] вторгся в их землю, ятвяги со своим князем Коматом (Comatem) с варварской смелостью и упорством так охотно и с веселыми криками бились с поляками, что при неравном числе несколько раз давали им отпор. И хотя убили их князя Комата, они, как и прежде, отважно защищались, пока поляки не перебили их всех до единого при своей кровавой победе на том поле. С тех пор [ятвяги] действительно сгинули, как пишут Длугош, Кромер (*кн. 9*), *Меховский (кн. 3, гл. 45, стр. 145), Ваповский и Бельский* (стр. 252 *во втором издании*). ***Ita fortiter dimicantes ad intentionem usquae caesi sunt adeo ut ex eo tempore nomen quoquae Jasygum pene deletum sit, qouniam illa natio pedem referre, nec unquam pugnam etiam intiquam detrectare voluit.*** *(В этом жестоком бою они были истреблены так, что с того времени имя языги почти стерлось, ибо для этого народа было невозможно выйти из боя и прекратить воевать).* ***Меховский и Кромер.*** Вот так этот мужественный народ ятвягов, побратимов и единородцев литовских, храбро воюя против поляков, [был] так жестоко побит и поражен до [полного] уничтожения, что с того часу и самое имя ятвягов изгладилось [из памяти]. Ибо они не только не собирались бежать из боя, но и с места не сдвинулись и не прекращали битву, хотя и видели ее проигранной и [свое] поражение. И слепо шли на вражеские мечи и на кровопролитие, как на свадьбу, что означало, что они не выродились по сравнению с теми кимврами и готами, которые в Италии сражались (broili) с римлянами и от которых они произошли вместе с литовцами и половцами, что правдиво и достоверно. Ныне они еще частично остались около Новогрудка Литовского, также около Райгарда (Rajgrodu) и Инстербурга (Isterboka) в Пруссии, а также в Курляндии и Лифляндии. А еще их землица есть около Великого Новгорода Московского, [там] они зовутся ижорянами (Igowiany), чему я и сам свидетель. А что раньше их звали ятвягами и языгами, а ныне ижорянами [138], то это из-за изменяемости варварских слов за давностью лет, прошедших [со времен] языгов.

Поляки и мазуры поселены в Подляшье на месте убитых ятвягов. Когда Болеслав Польский Пудыка (Pudicus) так сильно поразил мужественных и упорных ятвягов, то остаток их народа под страхом смерти мечом вынудил принять христианскую веру. А чтобы та их земля, где ныне Подляшье, пуста не лежала, поселил там поляков и мазуров. Из золотой буллы от римского папы Урбана Четвертого (а Меховский пишет, что от Александра) к архиепископу гнезненскому [известно, что] тот же Болеслав Пудыка получил указание, чтобы поставил в Дрогичине нового ятвяжского епископа. Копия этой папской буллы есть у Длугоша [139]; но в то время до [какого-либо] результата так и не дошло. Кромер домысливал, что это могло быть Луцкое или Луцеориское (Luceoryskie) епископство, которое было потом основано венгерским и польским королем Людовиком. Остаток этих ятвягов польский монарх Лешко Черный так изничтожил, что вскоре после этого уже не могли [вспомнить], где он поразил их вместе с литовцами между Наревом и Неманом в 1282 году от Христа [140]. Об этом Длугош, Меховский (кн. 3, стр. 175) и Кромер (кн. 10), где говорит: *In eo praelio reliquarum Jasygum, qui pertinatius nostris resisterant, et a suscepta religione defecerant, penitus deletae sunt.* В этой битве остатки языгов [141], которые упорно противостояли нашим и отступились от принятой христианской веры, были искоренены до основания. Об этом [сообщают] Меховский, Ваповский и Бельский во втором издании всемирной истории (historiae totius mundi), стр. 255. Обо всем этом в свое время опишем ниже в соответствии с порядком деяний литовских князей, сейчас же об этом достаточно. [Мы же], как и прежде (a pioro), обратимся к делам и киевских монархов и русских князей.

О ссорах между русскими князьями.

Меховский (кн. 3, гл. 15, стр. 84)

Владимир Мономах, великий князь киевский, подозревая владимирского князя Ярослава, [своего] племянника (synowca), [в намерении] выгнать его из киевского княжества, осадил его во Владимире [142] с киевским войском и с помощью других князей: Василька, Ростислава, Володаревича [143] и сынов Олеговых.

Наушники. Ярослав же, князь Владимирский, не чуя за собой никакой вины перед свом дядей, вышел из замка без охраны и покорными и мирными словами склонял на свою сторону (przejednal) и убеждал своего дядю Владимира Мономаха, князя Киевского, чтобы он не верил нашептываниям наушников (pochlebcy), которых полно бывает при княжьих и панских дворах. И Владимир, убежденный своим племянником Ярославом, снял осаду, распустил войско и отъехал к Киеву. Но потом, снова прослышав, что тот же владимирский князь Ярослав опять задумал согнать его с киевского стола либо смертью извести, Владимир сразу же прислал ему письмо, чтобы приезжал к нему в Киев. Однако рыцари Владимира [144] предупредили князя Ярослава об опасности, из-за чего он не захотел ехать в Киев, а, поручив Владимирский замок своему рыцарству, сам с женой, сыновьями и со всем скарбом и имуществом уехал в Польшу, где был прекрасно принят и достойно устроен своим шурином (od swagra) [145] Болеславом Кривоустым. А киевский князь Владимир захватил его столицу, замок Владимир, и завладел Владимирским княжеством.

Глава десятая

О разорении Польши Володарем и о его пленении

Меховский (кн. 3, гл. 13, стр. 76), Кромер (кн. 5), и прочее

В году от Господа Христа 1118 Володарь, русский князь перемышльский, собрав войско из русаков и половцев, многократно совершал набеги на Польшу. Польский монарх Болеслав Кривоустый отправил против него своих гетманов с войском, которые поразили Володаря, поймали его, убегающего, на высоком урочище (urociscu) и, связанного, привезли к князю Болеславу в Краков. Но его ослепленный брат Василько выкупил его двадцатью тысячами гривен серебра, а дав сразу 12 000 гривен серебра, в залог за остаток оставил русского княжича, сына Ярославова, а потом дал для княжеского стола пятьдесят серебряных сосудов (naczynia) греческой работы, и тем освободил брата Володаря [146]. ***Cromerus decies mile pondo seu vities mile marcis argentise redemit.*** *(Кромер: уплачены десять тысяч фунтов или двадцать тысяч марок серебра)* [147].

О препровождении Болеславом Польским на русское панство Ярослава, о его убиении и о втором поражении сына Володаря Перемышльского

Ярослав, князь Владимирский и Волынский, четыре года жил в Польше, будучи изгнан другими русскими князьями. Поэтому польский князь Болеслав Кривоустый, собрав войско, задумал посадить его на киевское княжение, как [своего] родственника. А у Перемышля на помощь к этому Ярославу прибыли Коломан, брат венгерского короля Стефана, перемышльские князья Володарь с Васильком и князь Владимир Володаревич. И Ярослав, взяв семь тысяч венгров и поляков, во главе войска своих помощников двинулся вперед и сразу же взял свои замки Владимир, Белз и Чернигов, из которых его выгнал было киевский князь Владимир. **Должно быть, в то время на Волыни был другой Чернигов** [148]. Владимир, не надеясь на своих солдат при защите киевских валов, бежал на Белую Русь [149], а тем временем Ярослав, оставив в тех замках гарнизоны из своих солдат, прибыл в лагеря венгров и Болеслава Кривоустого.

Жестокая битва Ярослава с киевлянами. А когда приблизился к киевским воротам, которые зовутся Ляшскими (Lacka), против него из Киева выскочили пешие русские солдаты, с которыми Ярослав храбро схватился в огромной битве, разогнав их и разгромив, но на их место снова прибежали другие, свежие. И тут киевляне посекли, постреляли и поубивали множество венгров и поляков, бывших при Ярославе. А под самим Ярославом подстрелили и закололи коня, который пал [вместе] с Ярославом. Русаки первым делом стремились захватить Ярослава, поляки и венгры его усиленно защищали, и жестокая битва длилась до тех пор, пока русаки не были вынуждены отступить в Киев. А князь Ярослав, получивший несколько колотых ран, через несколько дней потом умер [150].

Поляки в четвертый раз под Киевом. Тогда же Коломан с венграми, а Болеслав с поляками и с другими русскими князьями, подступив под Киев, добывали его. Но замковый староста Андрей, поставленный киевским князем Владимиром (который от

страха бежал на Белую Русь) [151], выйдя [к ним], покорно попросил мира. А так как Ярослав, из-за которого и началась эта война, умер, Коломан и Болеслав ради перемышльских князей Володаря и Василька дали киевлянам мир, а сами отъехали в свои панства, распустив войска.

Руссаки разоряют Польшу. Потом, в 1124 году, как только польский монарх Болеслав Кривоустый отъехал в Данию [152], перемышльский князь Володарь, узнав о его отсутствии, сразу направил в Польшу войско со своим сыном Владимиром, нарушив мир, который учинил было с Болеславом под Киевом. Вот так, улучив момент, Владимир без помех разорил польские волости [153] и с большим полоном людей, трофеями и сокровищами (skarbow) прибыл к отцу в Перемышль.

А Болеслав, вернувшись из Датского королевства с войском, готовым с датского похода, сразу же с великой поспешностью вторгся в волости княжества Перемышльского, разрушая, сжигая и разоряя все, что попадалось.

Битва руссаков с поляками. Володарь, князь Перемышльский, собравшись с другими русскими князьями, хотел предотвратить разорение своего княжества и дал Болеславу битву в урочище, называемом Виличев. Но русские полки были поражены большим польским войском и разбежались (rospierzchnely) по полям, а поляки разграбили и растащили их обозы. **Руссаки поражены половцами (od Polowcow)** [154]. В той битве полегло много знатных русских панов, причем были убиты виднейшие воеводы: Навротник, Защитник [155] и Димитр. Князь Володарь бежал в Галич, где и умер, заново собирая другое войско, и погребен в Перемышле, в церкви Святого Ивана, которую сам и построил [156]. После себя [Володарь] оставил двух сыновей: Владимира, которому достались в удел Звенигород и Подолия, и Ростислава, который остался на перемышльском княжении.

О ссорах русских князей после смерти киевского самодержца Владимира Мономаха

10 мая в году от рождения Христа 1126, а от сотворения мира в году 6633 (по русским хроникам и Герберштейну) киевский князь и самодержец Владимир Мономах, дядя убитого под Киевом Ярослава и сын Всеволода, сменил жизнь на смерть и похоронен в церкви святой Софии подле могилы отца [157]. Этот Владимир Всеволодович Мономах, взойдя на киевский престол, русское государство (rzeczpospolita) [158], измученное и [бывшее] в упадке (из-за раздоров, убийств и внутренних войн сыновей и потомков Владимира Великого, русского самодержца и первого христианина), на своих плечах вытащил из пропасти и все растерзанные и оторванные друг от друга русские княжества собственной энергией заново спаял (spoil), соединил в единое целое и превратил в прежнюю монархию или самодержавие (jedinowladzswo), укротив несговорчивых князей, ибо был сильнее любого врага. [Мономах] несколько раз поразил язычников половцев и итальянцев генуэзцев, готорые в то время господствовали в Таврике, где ныне Перекопская орда, и взял у них славный стольный город Кафу или Феодосию [159]. Также, когда он второй раз столкнулся с генуэзцами у моря, то вызвал их гетмана, старосту Кафы, сразиться один на один и, когда они оба сошлись, Владимир мощным [ударом] копья ссадил его с коня, захватил, связал и привел его, в доспехах, к своему войску. И там

снял с него большую золотую цепь (lancuch), искусно усыпанную жемчугом и дорогими каменьями, которую оставил после себя потомкам, великим князьям [160]. Московские [правители] и ныне хранят это сокровище и всегда, когда посвящают в московские князья, на них возлагают эту цепь, называемую Бармами, и пояс с золотом и жемчугом, а также княжескую шапку в дорогой оправе (kosztownie oprawiona) с золотыми бляхами, жемчугом и драгоценностями. И ныне его потомки, великие князья Московские, с великим почтением (uszctiwoscia) пользуются этими клейнотами [161], которые оставил [им Владимир Мономах], при посвящении в князья и для церемонии коронации [162]. О чем Герберштейн упоминает на стр. 22 ***de rebus Moschoviticis.*** А так как этот монарх Владимир всегда был рад сразиться с неприятелем один на один*, aperto duello,* его и прозвали по-гречески Мономахом [163]. И от того Владимира Всеволодовича Мономаха все великие князья Московские и другие русские князья подобающей генеалогией выводят свой род и поэтому титулуют себя самодержцами и царями всей Руси, и в этом никакому народу первенство уступить не желают. О чем мы на своем месте расскажем ниже, [а сейчас] по порядку приступаем к рассказу о делах после смерти Владимира, после которого на его место и на киевский стол вступил его старший сын Мстислав; младший же Ярополк, второй сын, получил княжество Переяславское. **Мстислав, князь Киевский.**

Половцы поражены в шестой раз. Вскоре после этого половцы, услышав о смерти князя Владимира Киевского, вторглись на Русь, а переяславский князь Ярополк, не дожидаясь помощи братьев, других князей, поразил их и победил, а многих из бегущих потопил в реках. И все эти дела и события творились в то время на Руси, лежащей к восходу солнца.

А в западных русских княжествах, соседствующих с Польшей, сыновья князя Володаря Перемышльского (который незадолго до этого умер, пораженный Болеславом Кривоустым) Владимир и Ростислав повздорили из-за своих общих уделов и собрали друг против друга войска из чужих земель. Ростислав получил помощь от Мстислава Владимировича, князя киевского, и от князей Григория (Hreorego) и Ивана Васильевичей. Владимир же, другой брат, собрал служилый люд и помощь из Венгрии, а потом съехались под Чирском (Sciriczem) [164] для соглашения, но поделить между собой владения и уладить затеянный конфликт не смогли. Так и не окончив дело миром, князь Владимир с женой, сыновьями и всей своей семьей уехал в Венгрию, чтобы [снова получить] помощь и привести против брата Ростислава новое войско. А Ростислав с готовым войском осадил и мощно (mocno) штурмовал Звенигород, стольный замок его удела. Но так как Владимир хорошо укрепил замок тремя тысячами солдат, Ростиславу пришлось отступить, загубив [немало] своих рыцарей. А когда [он] второй раз окружил тот Звенигородский замок, солдаты Владимира, несколько раз учинив вылазки из замка, поразили его так, что он был вынужден снять осаду и отступить [165].

Ярополк, князь Киевский. Потом, в году от рождения спасителя Господа Христа 1129, когда умер киевский князь Мстислав [166], на киевский престол был избран и возведен его брат Ярополк, князь Переяславский.

Внутренние войны русских князей. А когда другие природные (przyrodny) князья осадили его в Киеве, [желая] захватить, [он] помирился с ними и, таким образом, князю Андрею дал Переяслав, а Изяславу Святославичу — Владимирское княжество. Потом

князья Ольговичи, взяв в помощь половцев, разоряли в русских княжествах деревни и местечки над рекой Сулой. А когда вторглись в Переяславские, Супонтские и Устьенские (Supontskie, Uscienskie) [167] волости, собрался на них киевский князь Ярополк с сыновьями своего брата Владимира. И, сошедшись с ними в битве, поразил войска князей Ольговичей и половцев, которым пришлось бежать в половецкие края.

Непостоянство счастья: победитель побежден, захвачен [в плен] **и тут же освобожден.** Но когда киевский князь Ярополк с войском загнал их уже далеко, князья Ольговичи с половцами снова построились для дела, повернули обратно, сошлись с победителем Ярополком и, поразив там его войска, захватили [в плен его] самого и его племянника князя Василька со множеством киевских бояр. Но схваченный Ярополк вырвался из плена и бежал в Киев, где его осадили князья Ольговичи. И хотя он имел достаточно людей из рыцарства, бояр и киевских солдат, однако сопротивляться не захотел, и [они] на надлежащих условиях заключили между собой мир. И закончили [дело] на том, что Ярополк остался на киевском престоле, а они тоже отъехали в свои удельные княжества [168].

Глава одиннадцатая

О свержении русскими князьями польского ярма

О чем Длугош и Меховский (гл. 14, стр. 81), Кромер (кн. 5) и Русские Истории

В году Господнем 1134 русские князья, съехавшись в Киев, начали задумывать новые замыслы (stanowienia) против поляков, считая тяжким ярмом то, что польский монарх Болеслав Кривоустый часто вынуждал (wyciagnal) их к защите и помощи против своих и Польши врагов: Чехов, Мораван, Пруссов и Поморян, понимая также и то, что без них поляки не смогли бы выиграть ни одной войны.

А зачинщиком (powodem) этого был киевский князь Ярополк Владимирович, который на съезде других русских князей обратился ко всем с речью, которую (как Кромер описал ее по Длугошу) я привожу здесь по-польски.

Речь киевского князя Ярополка к другим русским князьям [169]. Так как [мы], ясновельможные князья славного русского народа, на тяжких условиях и с неприятными обязанностями служим Польскому княжеству, [мне] не требуется пространно рассказывать об этом вам, которые родились для других приказов, а не для прислуживания, [и я этого] избегаю и [об этом] умалчиваю. И воистину верно, если присмотреться ко множеству наших подданных, которые, хотя и привыкли к подневольной службе и без опричного (oprricznego) владычества не смогли бы нормально прожить, однако сами видите, как им неприятны и эта служба, и ее смысл [170]. Ибо кто же настолько терпелив, чтобы при здравом разумении мог вечно такое терпеть, и тяжкую подать платить, и в чужой земле далеко от отчизны без какой-либо своей надобности и выгоды постоянно воевать за [чужое] дело и под чужеземным командованием, вынуждаемый действовать (wydawac) при явной опасности, а плату за это берет другой, который не знавал опасностей и не получал ран. Но пусть это будет неволя и обязанность

предков наших, которые из-за губительной жадности [своих] правителей и внутренних несогласий и раздробленности это бесчестье и ярмо сами на себя накликали и наложили, а наипрекраснейшее цветущее царство и государство русское поменяли на мерзость неволи [171]. Неужели мы не будем искать какого-либо [способа] это прекратить, избавиться и выпутаться из этой нужды, ибо я желал бы [скорее] честно умереть, чем позорно жить. О, знатные князья! Думаю, что и вы тоже. Наши предки сами положили свои шеи под ярмо, побежденные более внутренними [несогласиями], нежели польскими мечами, когда в гражданских войнах, залитые братской и отцовской кровью, сами себя обоюдно поражали и уничтожали. А потом одни против других просили и приводили польскую помощь: брат на брата, князь на князя, с собственным ущербом не меньшим, чем у противной стороны, на которую пошли войной, а в поляках, которых призвали на помощь, вместо помощников узнавали врагов. Неужели теперь, единодушно сплотив силы и будучи в согласии, мы того ярма не сломаем и с шеи своей не собьем! О, князья! Как будто бы мы не лучше (nie wiecej), чем чехи и венгры. А сами они, никчемные господа наши поляки, тоже очень важничали; однако, если поляки удачно вели дела и войны против чехов и венгров, то все это наша заслуга; они сильны нашими силами, а не своими. Наша молодежь, наша! Наше рыцарство из крепких молодцов на себе испытало первые и острейшие набеги и сокрушительную силу польских врагов, всегда встречая их лицом к лицу, а те давали себе поблажку (sobie folguja) и, завязав битву, уклонялись от нее. И если ни разу не было случая, когда можно было легко и без трудностей прийти к прежней нашей свободе и утвердиться в ней, то теперь нам воистину [выпало] счастье, а вернее, сам Господь Бог, которого мы славим более свято и порядочно, чем они, отдал [нам его] в руки [172]. Ибо поляки поставлены в затруднение и разобщены двумя крупнейшими войнами, венгерской и чешской, в которых, как в одной, так и в другой, никоим образом не победят и не выстоят, если мы лишим их своей обычной помощи и поддержки. Им только того и не хватает, чтобы еще и с нами воевать и наши силы сдерживать. А и вправду, князья! Если хотите быть мужами, я призываю вас не столько к истинной свободе, сколько к победе и к власти, к широчайшему и могущественнейшему господству. Если бы мы захотели, то они бы нам служили и за нас воевали, как мы для них издавна делали и исполняли. Можем быть уверены, что множество народа подданных нам русских земель, воспламененное ненавистью к постылой неволе и к польскому имени, [будет нам] во всем послушно. Смотрите только, чтобы им не стало известно о ваших приготовлениях к войне.

Киевский князь Ярополк — греческий Демосфен и Цицерон. Так окончил ту речь (oracia) Ярополк, князь киевский. Выслушав это, другие русские князья похвалили совет Ярополка, будто нового русского Демосфена и Цицерона, и сразу же все поклялись общей клятвой своей верой и достоинством и крестным целованием, наподобие греческой церемонии, и один другому подвердили это письменно (zapisami).

Совещались потом о потребностях, расходах и о начале завязывания войны с поляками, однако решили схитрить и таить этот совет и [его] решения до того времени, пока подготовят все необходимое, что в первую очередь потребуется для столь великой войны.

Глава двенадцатая

О пленении хитрой уловкой Ярополка, князя Киевского и Владимирского, и о переправке его в Польшу.

Когда известие об этих действиях русских князей дошло до Болеслава Кривоустого, воинственного и в то время грозного (ogromnego) всем соседним государствам польского монарха, [тот] сильно встревожился, особенно потому, что в то время вел войну одновременно и с чехами, и с венграми, и по поводу той третьей [войны] с русскими князьями [его] одолела не меньшая, а, пожалуй, даже большая тревога. ***Fama malum quo non aliud velocius ullum etc.*** (*Известие о беде, которая не так скоро случится*).

Петр Властович, граф из Ксонжа. Тогда [князь Болеслав] без промедления созвал панов польских сенаторов на сейм, советуясь, что делать и как уберечься от этого отступничества русских князей. И когда сенаторы высказывались, каждый в соответствии со своим мнением, сенатор Петр Властович (Wlostowicz), граф из Ксонжа (Xianza) [173], мудрый в совете, сказал, что поток не иссякнет, пока не заткнуть его источник, а дерево будет расти до тех пор, пока его не выкопать с корнем. Так и затеянные русскими отступничество и смута (rostyrki) не могут быть остановлены иначе, как первым делом лишить восстание против нашей власти (wybijania s posluszenstwa naszego) его главы, то есть князя Ярополка. И хитростью это сделать легче, чем явной войной, да и не помешает по меньшей мере отомстить им за их предательское поругание веры. **Победа (przewaznosc)** [174]. А в доказательство этого Петр Властович сам взялся [за это дело], пообещав Болеславу, что благодаря его хитрости вся Польша сможет спать спокойно, [не опасаясь] русской войны.

И, взяв собой небольшое число слуг и верных дворян, которым доверился в этом деле, [он] поехал на Русь к Ярополку, придумав, что его обобрал и выгнал из отчизны жестокий тиран Болеслав Кривоустый, и там долгими речами стал пространно описывать его невыносимую жестокость и тиранство. И просил князя Ярополка, о ласковости и набожности которого он слыхивал и к которому бежал, чтобы тот согласился укрыть его у себя и защитить от этого жестокого тирана, который из-за своей безбожности не только соседним княжествам, но и всем своим польским подданным уже столь отвратителен, что они задумали и хотят выдворить его из страны.

Услышав это, Ярополк очень мило принял ляха Властовича, радуясь тому, что Господь Бог [своим] советом и замыслом дал ему подопечного (foritarza) и помощника для завязывания предстоящей войны с поляками. Начав издалека, [он] и сам стал жаловаться на Болеслава Кривоустого, что тот подговаривал некоторых князей восставать против него. А поляк Петр Властович тем более клялся, что на все готов, говоря, что вместе с ними тоже хочет отомстить за свои кривды безбожному Болеславу. И этим хитрым нахлебничеством (pochlebstwem) также пробрался в число тайных советников и полководцев Ярополка. Ярополк сразу же объявил об этом другим князьям и, сговорившись с ними, спешно замышлял войну против поляков. А когда случилось, что князь Ярополк с малым числом [спутников] отъехал в один сельский фольварк, Властович со своими людьми поехал с ним. И там, улучив момент для наилучшего исполнения своего хитрого умысла, когда Ярополк обедал, Властович, дав своим знак, схватил его и связал. **Вот тебе и дезертир! Не верь дядюшке (Nie wierz wuju wujnej).** И, как барана,

взвалив [Ярополка] на коня, вскачь помчался в Польшу, где для этого уже были расставлены кони и подготовлены перевозы [175]. **Киевский князь Ярополк захвачен хитрым фортелем.** И вот так во здравии доставил его Болеславу, а тот, похвалив Властовича за важнейшее дело, за его старание и веру, почтил его и одарил щедрыми дарами [176], а Ярополка приказал посадить под стражу в Кракове. Но в том же году племянник [Ярополка] Василько, князь Перемышльский, [вместе] с другими русскими князьями выкупил его большим весом (waga) золота, серебра и драгоценностей. И [Ярополк] был выпущен на отцовское княжение, Киевское и Владимирское, пообещав быть верным и покорным Болеславу. Но этого обещания не исполнил, ибо замышлял, как бы хитростью отплатить Болеславу за его хитрость.

Ярополк воздает Болеславу хитростью за хитрость.

Ярополк, князь Киевский и Владимирский, желая воздать Болеславу око за око, направил с подобной же хитростью одного знатного человека, венгра, как пишут Кромер и Меховский, но Ваповский говорит, что хитрого русина, но умевшего [говорить] по-венгерски. **А в то время Болеслав вел войну с венграми.** Тот, приехав к Болеславу Кривоустому, придумал, что был изгнан из Венгрии, говоря: Наияснейший князь Болеслав! Венгерский король Бела лишил меня всех земельных владений и изгнал за то, что я держал против него сторону твоего внука [177] и голосовал, чтобы [тот] был королем. И Болеслав, поверив тому хитрому венгру или русину, принял его ласково и дал ему староство Вислицкое. А город Вислица, омываемый соседней рекой Нидой, был в то время славным и людным, а естественное расположение города, в девяти милях от Кракова, было очень удобным для обороны. Из-за этого он и предложил его для совета сенаторов, благодаря своему красноречию и хитрой расторопности,

А когда Болеслав со множеством польских панов уехал в немецкий город Бамберг для переговоров и соглашения с римским императором Лотарем [178], этот венгр, староста вислицкий, видя удобный момент, чтобы осуществить свою предательскую хитрость, распустил по окрестным волостям слухи, что русские князья движутся для разорения Польши. И повелел королевским именем, чтобы для безопасности города все поляки с имуществом и пожитками сбегались в Вислицу, чтобы безопасно сохранить жен, детей и свое здоровье и имущество. Что все очень охотно и без возражений учинили, так что в Вислице собралось великое множество панят, шляхты и простонародья со всем своим имуществом. И в том году Господнем 1135 венгр быстро известил Ярополка, князя Киевского и Владимирского, чтобы пользовался случаем и в первый день февраля месяца поскорее прибывал к Вислице с войском, обещая сдать ему город со всем, [что в нем есть]. **Ярополк отомстил полякам за свое пленение**. Что Ярополк сразу же и сделал, и в назначенный час с двадцатью тысячами руссаков прибыл под Вислицу, которую ему венгр ночью сдал, отворив все ворота. И русские, въехав, там порубили и умертвили это огромное сборище поляков, не взирая ни на что и не делая разницы между мужчинами и женщинами, старыми и молодыми и малыми детьми. И, запалив город, уцелевших, как скотину, торопливо угнали на Русь [вместе с их] скарбом и огромной добычей. **Награда предателю.** А тому предателю венгру князь Ярополк вместо подарка велел выколоть глаза и урезать язык и мужские детородные члены, хуже чего ничего ему сделать не мог. Такую плату он получил за свое предательство, ибо и простые князья и короли, хотя и любят

[использовать] измену в своей политике, но предателей ненавидят, как пишут Винцентий Кадлубек и Кромер [179].

Болеслав воюет русские княжества. Болеслав же, польский монарх, вернувшись от императора из Германии и услышав о разрушении Вислицы, собрал огромное войско, не только из шляхты, но и из городского и сельского простонародья, и вторгся во Владимирское княжество. И все волости вдоль и поперек повоевал огнем и мечом, и с великими трофеями воротился в Польшу, не встретив себе сопротивления ни от кого из русаков, ибо Ярополк был в лесах среди озер, куда отступил, усомнившись в своих силах.

Глава тринадцатая

О хитроумном поражении Болеслава Кривоустого от русских князей под Галичем в году 1139

Русские князья, желая отомстить польскому монарху Болеславу Кривоустому за разорение владимирских и других русских земель, съехались во Владимир обсудить объявление войны и общий сбор на поляков. Но Ярополк, киевский и владимирский князь, уговорил всех, чтобы лучше хистростью, чем явной войной промышляли о поимке либо убиении Болеслава Кривоустого, который во всех рыцарских делах был счастлив и непобедим. Изгнали тогда сначала галицкого князя Ярослава за то, что водился с поляками, держал сторону князя Болеслава и выдавал планы и поступки русских князей. Будучи изгнанным, тот приехал к Болеславу Кривоустому, прося о помощи против русских князей, дабы он мог добыть столицу своего галицкого княжества. Потом киевский князь Ярополк хитро направил галичан, чтобы просили у Болеслава возвращения своего князя Ярослава в Галич и чтобы сам [Болеслав] решил сопровождать его собственной особой. **Предательское посольство.** Нанял также Ярополк шляхту венгерскую, пограничную галицкому княжеству, и склонил их к такой измене, чтобы так же, как и галичане, обманно попросили Болеслава, чтобы препроводил Ярослава на отчее княжение, обещая во всем быть ему в помощь, и [чтобы] сказали, что все русские князья боятся твоего гнева и уже в Галиче хотят с тобой помириться и покорно присягнуть [своей] верой.

Болеслав Кривоустый, будучи от природы щедрым и доверчивым, сразу же поверил их заявлению и с малым войском, не подозревая измены, [отправился] провожать Ярослава на галицкое княжение. **Предательское приветствование под Галичем.** А когда приближался к Галичу (этот город и замок лежат над Днестром, под сарматскими горами Татрами, отделяющими русские княжества от Венгрии), сначала его с приветствиями встретили венгерские полки, готовые для боя, и, миновав поляков, зашли им в тыл. После венгров выехали и галичане и, также поприветствовав поляков, в порядке встали за их войском. **Как будто всего лишь оказывали знаки внимания** [180]. Видя это, Болеслав догадался, что попал в предательскую западню (sidla), и, призвав краковского воеводу Вшебора, гетмана польских войск, начал разговаривать с ним о том, действительно ли это измена. И когда толковали об этом, то увидели, что прямо им в лоб (na czolo sprawione) князь Ярополк запальчиво и спешно ведет в бой огромные русские полки. **Вот тебе и приветствие.** Только тут Болеслав уже без сомнений убедился, что предан и отовсюду окружен неприятельским войском. **Русаки воздают полякам хитростью за хитрость.**

Непредвиденная (niespodziana) **битва Болеслава с русскими князьями под Галичем.** Однако [Болеслав] решил лучше мужественно умереть, чем позорным бегством оставить победу неприятелю. Выстроив свои полки перед венграми, галичанами и людьми Ярополка и обратившись к солдатам с кратким призывом к смелой схватке, [он] первым ударил на русские войска, которыми командовал Ярополк. И обе стороны схватились в грозной сече, пробивая облака криком и гиканьем мужей, разносившимися хриплыми звуками труб и шумным грохотом бубнов; скрежетали доспехи, ржали кони, стенали раненые. Русаки напирали спереди, сзади и с боков ради схватки и победы, а поляки ради [того, чтобы] уцелеть. И Болеслав со своим испытанным (cwiczonym) старым рыцарством уже дал было добрый отпор русакам, когда его гетман, краковский воевода Вшебор, бежал и [вслед] за этим его поступком разбежалась и большая часть польского войска. **Краковский воевода Вшебор** [стал] **изменником.** Однако злосчастный (chudziec) Болеслав продолжал мужественно обороняться, отбиваясь от русаков и венгров с малой дружиной своих, уже израненных и утомленных. **Мужество и презрение к опасности короля Болеслава.** А так как бежать он считал делом позорным, то не хотел умирать прежде, чем отомстит неприятелю. И случилось, что от множества ран под ним пал исколотый и подстреленный конь. Некий простолюдин, бедный и незнатный солдат, поднял Болеслава с земли и усадил на своего коня, уговаривая и прося его, чтобы более заботился об отчизне и о королевстве Польском, а не о славе и чести своей победы, и бегством сохранил свою жизнь до лучших времен. **Крестьянин (chlopek) и простой солдат (drab)** [оказался] **лучше, чем воевода.** Так Болеслав Кривоустый, который до этого одержал счастливые победы в сорока и семи значительных полевых битвах и генеральных [сражениях], на сей раз был заведен в хитрую ловушку и побежден русаками. **Болеслав поражен** [с помощью] **предательства.**

Избавленный от плена или гибели храбростью простого солдата, [Болеслав] потом с честью наградил его великими дарами, имениями, сенаторским званием и привилегиями и пожаловал дворянство и герб Новина, ушко котла с крестом [181], и потомкам подвердил. [Если] **герб Новина, то это истинный шляхтич. В Литве этот герб пожалован от Ягеллы прежде Davix** [182]**.** А воеводе, который бежал от него из битвы, послал в подарок заячий тулуп и кудель с веретеном, что означало его заячью трусость (plochosc) и никчемность, и дела женские, а не мужские. **Подарок изменнику воеводе.** От отчаяния этот воевода потом сам повесился на колокольне у церкви в своем имении. **Не лучше ли было бы** [этому] **предателю мужественно и славно умереть** [в бою]**?**

Болеслав же Кривоустый после этого поражения от великой печали умер и похоронен в Плоцке [183]. Так киевский князь Ярополк этим хитрым фортелем отомстил ему за свое пленение Властовичем.

Et sic ars deluditur arte (*и так обманули*), так клин выбивают клином, измену изменой. О чем ***Винцентий Кадлубек, Длугош, Меховский (кн. 3, гл. 14, стр. 81), Кромер (кн. 6), Бельский и Ваповский (стр. 245), Герборд и прочие.***

Комментарии

1. Константин (Василий) Константинович (1526-1608), князь Острожский, чей герб представлял из себя сочетание гербов Лелива и Огоньчик, был младшим сыном Константина Ивановича Острожского и княжны Александры Семеновны Слуцкой. Староста владимирский, маршалок волынский (1550), воевода киевский (1559), крупнейший землевладелец Великого княжества Литовского. Был женат на Софье Тарновской (1553), в связи с чем Стрыйковский и называет его графом из Тарнова. Выдающийся защитник православия и меценат, основатель Острожской типографии (1577), где работали Иван Федоров и Петр Мстиславец. В 2008 году канонизирован Украинской православной церковью как благоверный.

2. Стрыйковский хочет сказать, что *христианским государям* не следовало бы воевать между собой. Но если Мешко I, как считают поляки, согласился принять крещение ради молодой и красивой жены, то наш Владимир руководствовался чисто политическими соображениями, а женился, как говорится, по расчету. И крестился он не в 980, а в 988 году (Длугош указывает 990 год).

3. Здесь наш автор ошибается. Под 981 (6489) годом русский летописец сообщает: *Пошел Владимир на поляков и захватил города их Перемышль, Червен и другие города, которые и доныне под Русью*. А. Ю. Карпов датирует червенский поход 979 годом. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 58, 256.

4. Летописец указывает точную дату сражения у Василева: 6 августа 996 г. (день Преображения Господня). См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 85, 284.

5. У Владимира было двенадцать сыновей (не считая умершего в младенчестве Мстислава, сына Рогнеды), и всех их Стрыйковский перечисляет совершенно правильно, не пропустив и не переврав ни одного имени. Местами его пересказ Начальной русской летописи почти буквально соответствует тексту оригинала.

6. Речь, похоже, идет о *Суздальской* земле, хотя Суздаль впервые упоминается в летописях уже после смерти князя Владимира (1024). Но город, конечно, существовал и до этого, причем есть сведения, что Суздаль упоминался еще в 999 году. Возможно, Стрыйковскому попалась какая-то летопись, в которой Суздаль фигурировал вместе с *городом* Владимиром, и наш автор не понял, о каком Владимире идет речь. Основание самого города Владимира связывают с именем Владимира Мономаха. Попытки перенести дату основания города с 1108 на 990 год, связав это событие с Владимиром Святославичем, представляются недостаточно обоснованными.

7. Владимир Святославич умер 15 июля 1015 года. Длугош датирует это событие 1005 годом. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 89, 288.

8. Выше уже говорилось, что Стрыйковский датирует крещение Владимира 980 годом.

9. Обстоятельства вокняжения Ярослава в Киеве и связанные с этим события историки до сих пор трактуют по-разному и на этот счет существует большая литература. Смотри, например: Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск, 1990. В

данном случае наш автор следует рассказу русской летописи и не сообщает ничего нового и необычного.

10. Убийство Бориса (как и смерть Владимира) Длугош ошибочно относит к 1005 году, причем, в отличие от Стрыйковского, не приводит никаких живописных подробностей, ограничившись лаконичным сообщением, что Борис *был заколот копьями в своей спальне во время молитвы*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. II. Krakow, 1867. Стр. 163.

11. Об отсечении головы русские летописи ничего не пишут. Голову отсекли не Борису, а его слуге Георгию, и то только потому, что не смогли быстро снять с его шеи золотую гривну. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 91, 291.

12. Река Смядынь — левый приток Днепра. В устье Смядыни находилась удобная бухта, которая, по словам летописца, была видна из Смоленска.

13. В «Повести временных лет» нет известий о чудесах на могиле Глеба, однако само убийство (7 сентября 1015 г.) описано более подробно. Русская летопись сообщает, что Глеба убили на его *корабле*, а Длугош и Стрыйковский ни слова об этом не говорят. Зато Длугош пишет, что Глебу *отсекли голову*, чего нет ни в летописях, ни у Стрыйковского.

14. Русская летопись указывает иную причину новгородских беспорядков. Наемная варяжская дружина Ярослава, сидевшая без дела, летом 1015 года начала бесчинствовать, задирая горожан и насилуя их жен. Новгородцы восстали и перебили варягов. Ярослав заманил к себе наиболее активных участников мятежа и, в свою очередь, велел перебить их. См.: Карпов А. Ю. Ярослав Мудрый. М., 2001. Стр. 77-80.

15. Загородную резиденцию Ярослава летописец называет *Ракомо*.

16. В письме, полученном Ярославом в конце августа 1015 года, Предслава писала только об убийстве Бориса. Глеб в это время был еще жив, и Ярослав, в свою очередь, послал ему письмо с предупреждением, которое опоздало. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 92, 95, 292 , 295.

17. Битва у Любеча, состоявшаяся поздней осенью 1016 года, подробно описана в русских летописях, важные и интересные подробности приводит и «Эймундова сага». См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. Стр. 15, 175; Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 96, 296; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1994. Стр. 95, 109.

18. Хронология Длугоша в данном случае явно ошибочная, что следует хотя бы из того, что убийства Бориса и Глеба он датирует 1005 годом, отодвигая события назад на целых десять лет. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. II. Krakow, 1867. Стр. 163. Учитывая этот сдвиг, поход Болеслава нам следует отнести к 1018 году, как его и датируют русские летописи. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 96, 296.

19. На карте Птолемея Южный Буг называется *Axiaces.* Отдельные исследователи считают, что германское слово *Axiaces* — калька славянского слова *Бугай*, то есть *Бык*. Отсюда и *Буг*. Другие считают, что слово Буг происходит от балто-славянского *Bog*, то есть *течение*.

20. Сула — левый приток Днепра, впадающий в него значительно ниже Киева и даже ниже Черкасс. Поэтому можно предположить, что Стрыйковский имел в виду какую-то другую реку с похожим названием, например, реку *Стугну*, правый приток Днепра.

21. Решающая битва на реке Альте произошла летом 1019 года.

22. Окончательное утверждение Ярослава на престоле, как уже говорилось выше, состоялось после победы над Святополком в 1019, а не в 1009 году. Эту ошибочную дату Стрыйковский позаимствовал у Длугоша.

23. Точная дата канонизации первых русских святых вызывает споры, так как летописи не дают ясного ответа на этот вопрос. Считается, что это произошло между 1021 и 1072 годами, причем братьям сразу же было установлено не местное, а общецерковное почитание, которое и сделало их патронами Русской земли.

24. О заложении церкви святой Софии Лаврентьевская летопись сообщает дважды: под 6545 (1037) и 6553 (1045) годами. Но по словам Титмара Мерзебургского, *современника* Ярослава, в 1017 году Софийская церковь была уже действующей. Другой современник Ярослава, киевский митрополит Иларион, сообщает, что постройкой этой церкви Ярослав лишь завершил дело, начатое еще князем Владимиром. Отчасти примирить эти противоречия может предположение, что первая Софийская церковь была деревянной, а потом была выложена в камне. См.: Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2005. Стр. 177.

25. Во времена Стрыйковского София Киевская была действующим храмом, сохранявшим свой византийский облик, что и вызвало у нашего автора ассоциации с бывшим Софийским собором Константинополя. Однако киевский собор в те годы пребывал не в лучшем состоянии, так как уже около двух веков капитально не ремонтировался. Разграбленный монголами в 1240 году, Софийский собор был восстановлен при митрополите Кирилле II (1242-1280), потом еще раз восстановлен (1385-1390) при митрополите Киприане. Очередная реставрация храма произошла только на рубеже XVII-XVIII веков, при этом его внешний вид заметно преобразился в стиле украинского барокко.

26. В русских хрониках это есть. Стрыйковский нередко отмечает, что в русских летописях чего-то нет, но чаще всего это относится как раз к той информации, которая вовсе не является эксклюзивной и содержится едва ли не в большинстве известных нам списков. Из этого следует, что сам он имел доступ к далеко не лучшим и часто неполным спискам русских летописей. Но еще чаще их содержание наш автор излагает по Длугошу и Меховскому, у которых, похоже, был лучший выбор «русских хроник», чем у Стрыйковского. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 99, 298.

27. Здесь Стрыйковский перепутал все, что можно. Редедя был *касожским* князем, которого, действительно, одолел в поединке и убил собственной рукой русский князь, но не Ярослав, а его брат *Мстислав* Владимирович, князь Тмутараканский. Впрочем, похожая ошибка содержится даже в Никоновской летописи, где под 1029 годом сообщается о победном походе *Ярослава* на *ясов* (алан). Либо имелся в виду не Ярослав, а Мстислав, либо поход был не на ясов. Касоги — абхазо-адыгское племя, входившее в аланский племенной союз. Тмутаракань (Тумен-Тархан, Тумантархан) находилась на месте нынешней Тамани. См.: Повесть временных лет, т. 1. М., 1950. Стр. 99, 299.

28. Якуна (Хакона) Киево-Печерский патерик называет братом варяжского князя Африкана. Есть две версии о его происхождении. Согласно первой из них Якун был сыном короля Швеции Олафа Шётконунга (995-1022) и братом Анунда Якоба (Африкана?), правящего короля *Швеции* (1022-1050). По другой версии Хакон был таким же *норвежцем*, как и Эймунд. Он был сыном ярла Эйрика и внуком ярла Хакона Могучего, врага Олава Трюггвасона и правителя Норвегии в 970-995 годах. А в интересующее нас время правителем Норвегии был Олав Святой (1015-1028), из чьего имени вряд ли можно сделать Африкана. И хотя брат Хакона Эйриксона в сагах не упоминается, если предположить, что «Африкан» был не братом, а *отцом* Якуна, то Африкан и Эйрик вполне созвучны. И все-таки во второй версии много слабых мест, так как именно в эти годы Хакон Эйриксон воевал с Олавом Святым, а последний был дружески принят Ярославом. См.: Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980. Стр.335.

29. Смотри примечание 26. Война Ярослава и Мстислава и битва при Листвене (осень 1024 года) подробнейшим образом описаны в русских летописях. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 100, 299-300.

30. Речь идет о завоеваниях турок-сельджуков, однако хронология сильно сдвинута. Армению сельджуки завоевали в 1064 году, Иерусалим — в 1071 году. Ниже автор напрямую производит турок-османов от турок-сельджуков, что не вполне соответствует действительности.

31. Воевода Вышата — сын новгородского посадника Остромира и отец киевского тысяцкого Яна *Вышатича*.

32. Неудачный поход Владимира Ярославича на Царьград состоялся в 1043 году. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 103-104, 303-304.

33. Слово поруб (w Porubiu), которым на Руси обозначали деревянную тюрьму, Стрыйковский пишет с заглавной буквы, из чего следует, что он принял его за имя собственное и название населенного пункта.

34. *Печора* — углубление в земле, похожее на *печь*. Любопытно, что современное *пещера* — это как раз старославянизм, так же как нощь и ночь, дощь и дочь и т.п.

35. Преподобный Антоний Печерский (983-1076) — святой русской церкви, основатель Киево-Печерской лавры. В 1028 году он поселился в пещере на Берестовой горе, ранее выкопанной монахом Иларионом, будущим митрополитом Киевским.

36. Следуя за Длугошем, Стрыйковский второй раз описывает то же самое сражение, о котором уже шла речь в главе первой книги пятой. Битва произошла на правом берегу Западного Буга близ польского города Грубешов в Люблинском воеводстве. Титмар называет точную дату: 22 июля 1018 года, и не доверять ему у нас нет оснований. См.: Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2005. Стр. 177. Но это был вторник, а не воскресенье, как пишут Стрыйковский и Длугош. Галл Аноним пишет о каком-то предстоящем *празднике*; возможно, здесь-то и кроется источник недоразумений. Ближайший праздник: Марии Магдалины (22 июля). Очень примечательно, что очередной расцвет культа Магдалины начался в конце XI столетия, то есть позже описываемых событий, зато как раз во времена Галла Анонима. См.: Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961. Стр. 40.

37. Стрыйковский употребляет здесь слово *pociskami*, означающее снаряды, пули или камни из пращи. Но поскольку камни из пращи уже упоминались, а пули еще не изобрели, нам остается предположить, что противники метали друг в друга что-то другое, скорее всего — стрелы.

38. Уже говорилось, что эта «четвертая» битва та же самая, что и первая, да и насчет третьей у нас тоже есть сомнения.

39. Болеслав умер 17 июня 1025 года, а 18 апреля 1025 года в Гнезненском соборе состоялась его официальная *коронация*. Вероятно, летописцы как-то перепутали два этих события. Дату 3 апреля 1025 г. Стрыйковский взял у Длугоша. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. II. Krakow, 1867. Стр. 200.

40. Смотри примечание 26.

41. Под 1031 годом русская летопись сообщает: *В год 6539. Ярослав и Мстислав собрали воинов много, пошли на поляков и заняли вновь города Червенские, и повоевали Польскую землю, и много поляков привели и поделили их между собою. Ярослав посадил своих по Роси, они и по сей день там.* См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 301.

42. Здесь, как и при описании битвы на Буге, автор повторяется, еще раз рассказывая нам о том, о чем уже писал в предыдущей главе. Впрочем, как уже говорилось выше, русская летопись о закладке Софийского собора тоже сообщает дважды.

43. Так как Длугош не упоминает Илариона, эта ссылка Стрыйковского может служить одним из убедительных доказательств его *непосредственного* знакомства с русскими летописями, в чем временами можно и усомниться.

44. Польское слово *galka* означает не просто дверную ручку, а именно ручку *в форме шара.*

45. Закладку Золотых Ворот русские летописи датируют 1037 годом, но в любом случае их еще не было во время занятия Киева Болеславом Храбрым (1018), так что оставить на них отметину своим мечом он никак не мог. Это легенда, к которой мы еще вернемся ниже. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 102, 302.

46. Длугош пишет, что Рикса посылала Казимира учиться в Париж, а чуть позже тот оказался и в Клюнийском монастыре. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. II, III. Krakow, 1867. Стр. 218, 226, 237.

47. Здесь опять имеет место удвоение событий, с чем мы уже сталкивались и столкнемся еще не раз. Согласно русским летописям и Длугошу, поход Владимира Ярославича на Царьград был только один, и о нем уже говорилось выше. Длугош датирует его 1040, а русские летописи 1043 годом. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. III. Krakow, 1867. Стр. 241.

48. Сигиберт из Жамблу (1030-1113) — монах бенедиктинского аббатства в городе Жамблу (в современной Бельгии). Автор всемирной хроники, охватывающей период с 381 по 1111 годы. См.: Chronica Sigeberti Gemblacenses. В кн.: MGH, SS. Bd.VI. Hannover, 1844. Стр. 300-374. Но Стрыйковский не включил Сигиберта в список авторов использованной им литературы.

49. Роман III Аргир был византийским императором в 1028-1034 годах, однако в этот период не было русских морских походов на Константинополь. Похоже, что Стрыйковский путает его с императором Романом I Лакапином (920-944), при котором состоялся поход *Игоря* на Царьград (941). Именно тогда византийцы использовали против русских «греческий огонь». См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 33, 230.

50. Императора Романа Аргира 11 апреля 1034 года задушили в бане в результате заговора, организованного императрицей Зоей и ее фаворитом, будущим императором Михаилом IV.

51. Владимир Ярославич умер 4 октября 1052 года. Вячеслав Ярославич (род. 1036) в 1054 году стал смоленским князем, а о его новгородском княжении русские летописи ничего не сообщают. И хотя считается, что в 1052-1054 годах в Новгороде правил Изяслав Ярославич, однако ни в Повести временных лет, ни в Новгородской первой летописи об этом тоже не упоминается. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 108, 308.

52. Мария-Доброгнева (или Добронега) была выдана замуж за Казимира не позже 1039 года, то есть, похоже, еще до его утверждения на польском престоле. О том, что Мария была дочерью Анны, из польских историков сообщает только Длугош, датирующий ее брак с Казимиром 1041 годом. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. III. Krakow, 1867. Стр. 247. На самом деле у нас нет достоверных сведений о том, кто была ее мать, а отдельные исследователи даже не уверены в том, что ее отцом был Владимир Святославич. Есть версия, что Мария была дочерью Бориса Владимировича.

53. *Язычники* Олег и Ярополк, разумеется, не были причислены к святым, но их кости были крещены, что должно было символизировать своего рода посмертное крещение. Однако этот неканонический обряд вряд ли мог быть одобрен официальной церковью. Останки князей были похоронены не в *городе Владимире*, а в Киеве, в Десятинной церкви, рядом с останками *князя Владимира*.

54. Это один из немногих случаев, когда Стрыйковский, излагая события по русской летописи, датирует их так, как в самой летописи, то есть от сотворения мира. При этом он даже не обратил внимания на то, что дело происходило уже лет через двадцать после смерти Ярослава. Останки Бориса и Глеба перенесли в новую церковь, построенную Изяславом Ярославичем. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 121, 321-322.

55. Русские летописи подтверждают правоту Меховского. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 108, 308.

56. Ярослав Мудрый умер в Вышгороде *в первую субботу Федорова поста*, то есть 19 февраля 1054 года. Ошибочную дату 7 ноября Стрыйковский, как обычно, позаимствовал у Длугоша, который и год указывает неверно (1051). См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 108; Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. III. Krakow, 1867. Стр. 271.

57. Судислав был выпущен из тюрьмы и пострижен в монахи в 1059 году. По поводу Порубья смотри примечание 33.

58. Среди Ярославичей не было князя *Вышеслава*, а *Вячеслав* Ярославич, умерший в 1057 году (о чем, кстати, выше сообщает и сам Стрыйковский) был князем смоленским, а не полоцким, Наш автор имеет в виду полоцкого князя (1044-1067) *Всеслава* Брячиславича, который не был братом Ярославичам, воевал с ними, был разбит, взят в плен и посажен в тюрьму. Чтобы не запутывать читателя, в дальнейшем мы будем правильно называть его Всеслав, а не Вышеслав (*Wizeslaw*), как в оригинале.

59. Смотри примечание 26.

60. Болеслав II Смелый или Щедрый (1042-1081) стал правителем Польши в 1058 году, однако коронован был много позже, в 1076 году.

61. Вышеслава стала женой Болеслава только в 1067 году. Как верно замечает Стрыйковский, ни Длугош, ни Кромер, ни другие польские историки не упоминают имени ее отца. Составитель Густынской летописи называл ее дочерью Вячеслава Ярославича, так же думал и Ломоносов. Татищев полагал, что Вышеслава была дочерью Святослава Ярославича. Несомненно, она была внучкой Ярослава Мудрого и, вероятно, дочерью Оды Леопольдовны, графини Штаденской. См.: ПСРЛ, том 40. Спб, 2003. Стр. 57.

62. Напомним, что Болеслав не только был женат на внучке Ярослава Мудрого, но и сам был сыном его сестры и внуком Владимира Святославича. Изяслав Ярославич был его двоюродным братом.

63. Миля у Стрыйковского соответствует примерно 8 км, так что упоминаемые им *семь миль* (56 км) — цифра совершенно нереальная. Возможно, в его источнике было семь *верст*, т.е. около 7 км. В остальном он довольно точно пересказывает текст русской летописи, согласно которой Изяслав вступил в Киев 2 мая 1069 года. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 316.

64. Весь этот рассказ наш автор позаимствовал у Длугоша, но версию о наследстве Вышеславы он выдвинул сам, у Длугоша ничего подобного нет. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. III. Krakow, 1867. Стр. 305-307.

65. Из русских летописей о взятии Перемышля сообщает только Густынская летопись. См.: ПСРЛ, том 40. Спб, 2003. Стр. 57. Не упоминает об этом и Татищев, что представляет особый интерес, учитывая его знакомство с польскими хрониками. ***О сем приходе Болеслава польские писцы едва не все во обстоятельствах разны, но все пустым хвастаньем преисполнены. Стрыковский, почитай, согласно с рускою, написал, кн. 5, гл. 3.*** [...] ***Кромер же, Длугош, Гвагнин, а наиболее Бельский, о сем обстоятельстве польское хвастанье изъявили и один другаго тщился перелгать, смешивая с сею приход Болеслава перваго.*** См.: Татищев В.Н. Собрание сочинений, том II. М., 1995. Стр. 247.

66. Венгерский король Бела I (1060-1063) около 1033 года женился на Риксе (или Аделаиде), тетке Болеслава II Смелого. После смерти Белы в результате несчастного случая венгерским троном завладел его племянник Шаламон, сын Андраша I, женившийся на дочери германского императора Генриха III. Матерью Шаламона была Анастасия (р. 1023), дочь Ярослава Мудрого и венгерская королева в 1046-1061 гг.

67. Стрыйковский выше заявляет, что *цитирует* русскую летопись. В «Повести временных лет», со всеми поправками на неточный перевод, нет подобной скороговорки, да и вообще текст явно не из нее. Если это и в самом деле цитата, значит, наш автор пользовался какой-то *очень сокращенной* русской летописью, что уже давно нами подозревалось. Битва с половцами на реке Альте (близ Переяславля) была в 1068 году.

68. Феодосий Печерский умер 3 мая 1074 года.

69. Изяслав Ярославич погиб 3 октября 1078 г. в битве на Нежатиной ниве (близ Чернигова). В этом сражении погиб и Борис Вячеславич, сражавшийся в союзе с половцами. Киевским князем стал Всеволод (а не Святослав) Ярославич. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 133, 334.

70. *Златоверхой*, разумеется, была сама церковь, а не святой Михаил. Церковь была заложена 11 июля 1108 года и освящена в 1113 году. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 389.

71. Туманное место, так как непонятно, идет ли здесь речь об *именах*, то есть о людях, или об *имениях*, то есть об имуществе.

72. Во время боя под Владимиром (1099) был ранен стрелой и умер не Святополк, а его сын Мстислав. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 181, 383. Святополк Изяславич умер в Вышгороде 16 апреля 1113 года. После его смерти в Киеве вспыхнуло восстание с грабежами и еврейскими погромами. Киевляне призвали на княжение Владимира Мономаха, занявшего киевский стол 4 мая. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 196, 398.

73. Не Григорий, а Георгий, то есть Юрий Долгорукий (род. 1099).

74. Никола Святоша (1080-1143) стал первым из русских князей, принявших монашество. Был канонизирован в лике преподобного; в его честь назван киевский район Святошино.

75. Триполье — село примерно в 40 км от Киева. Здесь сходятся «три поля»: долины трех рек (Стугны, Красной и Бобрицы). 26 мая 1093 года на реке Стугне произошла битва с половцами, которую русские проиграли, а Ростислав Всеволодович во время бегства утонул в Стугне. Об этом эпизоде упоминается и в «Слове о полку Игореве».

76. См.: Александров Д., Володихин Д. «Русская хроничка» Стрыйковского. В кн.: Вестник МГУ, № 2. Серия 8. История. 1993.

77. Думается, нет нужды доказывать ошибочность этого мнения, как и то, что различия между тюркскими и балтскими языками вовсе не *мелкие*, как утверждается ниже.

78. Можно только догадываться, кто такие эти *Bearaby*. Возможно, Стрыйковский имел в виду коренных жителей Крымского полуострова, которых принято называть *таврами*.

79. Возможно и даже очень вероятно, что *Kirkiel* — это не Керчь, а *Кырк-ор* или Чуфут-кале, то есть один из знаменитых пещерных городов Крыма, как и Мангуп-кале. Кстати, и *Крым* здесь — название не полуострова, а нынешнего города Старый Крым (*Солхат*). Все эти города (кроме разве что Солхата) были основаны задолго до появления в Крыму генуэзцев.

80. Русские летописи подтверждают, что это был *первый* набег половцев на русские земли, но при этом указывают не 1058, а 1061 (6569) год. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 109, 309.

81. Стрыйковский постоянно называет русских то *русаками*, то *руссаками*. По этому поводу у Даля читаем: «*Русак* — русский человек вообще. Встарь писали *Правда Руская*; только Польша прозвала нас *Россией* по правописанию латинскому, а мы переняли это, перенесли в кирилицу свою и пишем *русский*». Вспомним и знаменитый стишок Суворова: «*Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, а я не немец, а природный русак*».

82. По русским летописям, битва с половцами на Альте произошла в конце лета 1068 года. Вскоре после этого (15 сентября) восставшие киевляне освободили Всеслава, Изяслав же

бежал в Польшу, о чем уже рассказывалось выше в главе третьей. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 112, 312.

83. *Искал* русских летописей или *Секал* Стрыйковского — это половецкий хан *Шарукан* Старый.

Согласно русским летописям, в сражении на реке Снови (1 ноября 1068 года) Шарукан был не убит, а взят в плен. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 115, 315.

84. Святослав умер 27 декабря 1076 года после неудачной хирургической операции (вскрытие опухоли). Неверную дату 21 декабря 1072 года Стрыйковский взял у Длугоша. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 131-132, 332; Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. III. Krakow, 1867. Стр. 311.

85. Длугош подробнейшим образом рассказывает о втором походе Болеслава Смелого на Киев, ошибочно датируя его 1075 годом. Эту важную для читателя информацию даем в сокращенном пересказе Густынской летописи, которая приводит верную дату: 1077 (6585) год. ***Когда Изяслав пришел с польским королем Болеславом, прозванным Смелым, Болеслав взял Владимир и Холм, а Игорь Ярославич Луцкий покорился Болеславу. Тогда Всеволод с другими русскими князьями и множеством воинства пошел против Болеслава и Изяслава на Волынь. И сразился Всеволод с Болеславом, был побежден и побежал. Болеслав же пришел к Киеву, и не пустили его кияне, ибо там собралось множество людей. Захотел взять его силой, но не смог, ибо бились из града крепко. Болеслав же задумал стоять долго и изморить голодом, чтобы сдались, что и случилось. Граждане, видя, что ни от кого не получат помощи, голод же начинает крепчать, отворили град и сдались Болеславу и Изяславу, прося милосердия. Тогда Болеслав, въезжая в град, ударил мечом своим в Златые врата на вечную память. И вошел во град, приказав своим ляхам не творить в городе никакого зла. Пробыл же в Киеве немало времени, всю зиму, пока смирил всех врагов Изяслава и утвердил его на престоле. Тогда Изяслав посадил по княжениям сыновей своих: Михаила-Святополка в Полоцке и Новгороде, Владимира в Смоленске, Ярополка в Вышгороде.*** См.: ПСРЛ, том 40. Спб, 2003. Стр. 60; Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. III. Krakow, 1867. Стр. 319-320.

86. Борис был сыном Вячеслава Ярославича, а сыном Святослава Ярославича был Олег. Борис и Изяслав погибли в битве на Нежатиной ниве, состоявшейся 3 октября 1078 года. Длугош, а вслед за ним и Стрыйковский, называют неверный год (1076); *день* битвы Длугош не указывает. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. III. Krakow, 1867. Стр. 325-326.

87. Русские летописи сообщают, что князь Изяслав Ярославич был убит ударом копья в спину, когда стоял в рядах своей пехоты. Но это произошло не после боя, а во время боя, и ударил его вражеский *всадник*. Не сказано, что этим всадником был половец. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 133, 334. Известие о подкравшемся после боя убийце впервые появляется у Длугоша. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. III. Krakow, 1867. Стр. 326.

88. Изяслав, как и его отец Ярослав, был похоронен в киевском Софийском соборе. Однако в «Повести временных лет» сказано, что его положили в *церкви Богородицы*, то же сообщает и Длугош.

89. Сообщение русской летописи о гибели тмутараканского князя Романа Святославича (1079) можно истолковать и по-другому. Всеволод заключил мир не с Романом, а с самими половцами, и те убили Романа в угоду новому союзнику. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 135, 336.

90. Эту историю, случившуюся в 1086 (6594) году, русский летописец рассказывает подробнее. *Когда Ярополк лежал там на возу, Нерадец с коня пронзил его саблею, 22 ноября. И тогда приподнялся Ярополк, выдернул из себя саблю и закричал громким голосом: «Ох, настиг меня этот враг!». Бежал Нерадец треклятый в Перемышль к Рюрику.* См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 136, 337.

91. Святому Станиславу, *епископу краковскому*, в польской историографии всегда уделялось особое внимание еще и потому, что Длугош был секретарем *краковского епископа* Збигнева Олесницкого, а Кадлубек и сам был *епископом краковским*.

92. Вопреки заголовку, ни о каких *литовцах* в этом разделе не упоминается, ничего не пишет о них и Длугош.

93. Странный анахронизм, а точнее, очень резкая инверсия. Болеслав Кривоустый родился в 1086 году, а описанные выше события Длугош датирует 1101 годом. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. IV. Krakow, 1867. Стр. 399.

94. Всеволод Ярославич, действительно, умер 13 апреля, но не 1083, а 1093 (6601) года. См.: Повесть временных лет, том 1. М.,1950. Стр. 141, 142, 342.

95. Первое воскресенье после пасхи у католиков называется День Божьего милосердия или Квазимодо, а у православных — Фомин день, Антипасха или Красная горка.

96. О том, что половецкие послы требовали дани, русские летописи не сообщают. См.: Повесть временных лет, том 1. М.,1950. Стр. 143, 344. В Густынской летописи тоже подмечено, что это известие есть только у поляков. ***Лядзские летописци глаголютъ, яко по дань прислаша Половци, якову же и Всеволод им давалъ***. См.: ПСРЛ, том 40. Спб, 2003. Стр. 63.

97. В русской летописи полки расставлены иначе: Святополк справа, Владимир слева, в центре же был как раз злополучный Ростислав. См.: Повесть временных лет, том 1. М.,1950. Стр. 144, 345.

98. ***И бросились в реку Владимир с Ростиславом, и начал тонуть Ростислав на глазах у Владимира. И захотел Владимир подхватить брата своего и едва не утонул сам. И утонул Ростислав, сын Всеволодов.*** См.: Повесть временных лет, том 1. М.,1950. Стр. 144, 345.

99. Нашествие саранчи русские летописи датируют точно: 26 августа 1094 года. См.: Повесть временных лет, том 1. М.,1950. Стр. 148, 349.

100. Здесь и далее имена половецких князей даются по русской летописи, авторское написание приводится в скобках. Убийства Кытана и Итларя датированы в летописи 23 и 24 февраля 6603 (1095) года. Однако там же сказано, что это были суббота и воскресенье, а так было в 1096, но не в 1095 году. См.: Повесть временных лет, том 1. М.,1950. Стр. 149, 350.

101. Знаменитую битву с половцами на реке Трубеже и русская летопись и Длугош датируют 19 июля. Но текст самой летописи дает основания усомниться в правильности этой даты. Дело в том, что после описания битвы идет такой текст: ***20 числа того же месяца, в пятницу...*** Из этого следует, что 19 числа был четверг. Но в 1096 году 19 июля была *суббота*, а не четверг. Значит, либо дело было в 1095 году, когда 19 июля приходилось на четверг, либо летописец допустил ошибку в месяце, написав *июля* вместо *июня* (19 июня 1096 года тоже приходится на четверг). Вряд ли допустимо принять 1095 год, так как это разрушает всю последовательность событий. А вот дата ***19 июня 1996 года*** устраивает нас во всех отношениях. Напомним, что при описании последующих событий *месяц не называется*, так что второй приход Боняка к Киеву следует датировать *20 июня* 1096 года. Таким образом Стрыйковский, датировавший битву на Трубеже 10 июля, оказался к истине ближе, чем русская летопись. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 151, 352.

102. В русской летописи: «Не гоже судить меня ни епископу, ни игуменам, ни смердам». См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 150.

103. В русской летописи эти события непосредственно предшествуют описанной выше битве на Трубеже и происходят в мае — начале июня 1096 года.

104. Изяслав, князь курский и муромский, сын Владимира Мономаха, погиб в битве со своим крестным отцом Олегом Святославичем 6 сентября 1096 года. См.: Повесть временных лет, том 1. М.,1950. Стр. 168, 370.

105. Туров, конечно, назван здесь по ошибке. Вероятно, имелся в виду Муром, но это мог быть и Суздаль или Ростов. В летописи сказано, что Олег стоял *на поле у Ростова*.

106. Битва на реке Колокше (левый приток Клязьмы) была 27 февраля 1097 года, в пятницу.

107. Василь и Лазарь вовсе не были князьями, а всего лишь приближенными Давида Игоревича, которые и оклеветали злополучного Василька Теребовльского. См.: Повесть временных лет, том 1. М.,1950. Стр. 373, 379, 380.

108. Стрыйковский сначала называет Владислава Германа монархом, потом князем, а на полях пускается в разъяснения, почему следует писать так, а не иначе. Вероятно, в

рукописи сначала он просто процитировал свой источник, а подправлял этот текст уже потом, при типографской корректуре. Длугош везде называет Владислава *князем*.

109. Стрыйковский умалчивает о том, что поляки за свою несостоявшуюся помощь успели получить деньги и от Давида, и от Святополка. В отношении Давида русская летопись называет и сумму: *злата 50 гривен*. См.: Повесть временных лет, том 1. М.,1950. Стр. 178, 380.

110. Святополк занял Владимир *в великую субботу*, то есть 4 апреля 1097 года. См.: Повесть временных лет, том 1. М.,1950. Стр. 178, 380.

111. Русская летопись сообщает о гибели только одного из двух венгерских епископов, Купана. Зато численность венгерских войск указывается совершенно несуразная: *100 тысяч*, из которых *40 тысяч* пали в бою. При этом у Давида Игоревича якобы была всего сотня воинов, а у хана Боняка — три сотни человек. См.: Повесть временных лет, том 1. М.,1950. Стр. 179, 381, 382.

112. Русская летопись излагает эти события несколько иначе. После прибытия Путяты Святоша сразу выступил его союзником и участвовал в разгроме Давида под Владимиром (5 августа 1097 года). После прихода Давида под Луцк Святоша помирился с отцом и сдал ему город. См.: Повесть временных лет, том 1. М.,1950. Стр. 180, 382, 383.

113. Уветичи или Витичев — городок на правом берегу Днепра близ Киева, ныне село Витачев Киевской области. Описываемый съезд в Уветичах состоялся 30 августа 1100 (6608) года, но мир между князьями был заключен (там же) раньше, 10 августа. См.: Повесть временных лет, том 1. М.,1950. Стр. 181, 383.

114. Имеется в виду Давид Святославич, брат Олега «Гориславича».

115. О Василии (Константине) Острожском смотри примечание 1 к настоящей книге. Среди множества его имений было и Дубно — ныне город в Ровненской области Украины.

116. В русской летописи говорится не о ежегодных выплатах, а о единовременной сумме: от Владимира 200 гривен и от Олега с Давидом 200 гривен. См.: Повесть временных лет, том 1. М.,1950. Стр. 181, 384.

117. Андрей Кржицкий (1482-1537) герба Котвица, который по-латыни подписывался Cricius, был епископом перемышльским (1522), плоцким (1527), а затем архиепископом гнезненским (1535). Непримиримый враг Реформации, дипломат и латиноязычный поэт. Принимал активное участие а переговорах о секуляризации Тевтонского ордена (1525). Кржицкому приписывали авторство чешской хроники Гаека из Либочан (1500-1553). Возможно, Стрыйковский и имел в виду именно эту хронику. Любопытно, что в списке использованных им источников наш автор упоминает Гаека и не упоминает Кржицкого.

118. Миколай Радзивилл (1546-1589) герба Трубы — старший сын великого гетмана литовского Миколая Радзивилла Рыжего (1512-1584), брат польного гетмана литовского Кшиштофа Перуна (1547-1603). Кальвинист. Князь на Биржах и Дубинке, староста мозырский (1576) и мерецкий, воевода новогрудский (1579). Во время Ливонской войны участвовал в битвах под Чашниками (1564) и Венденом (1578), а также осадах Полоцка (1579) и Пскова (1581)

119. Город, который Стрыйковский называет Стачов (Stachow), а Длугош — Стаков (Stakow), в русских летописях именуется Саков. Он находился рядом с Киевом на левом берегу Днепра на реке Золотче (Золоче), по которой и сам съезд, состоявшийся 15 сентября 1101 года, обычно называют Золотченским.

120. Перечень князей здесь в точности соответствует тексту русской летописи. *Мстислав, внук князя Игоря* — это племянник Давида Игоревича, имя отца которого неизвестно. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 183, 184, 386.

121. Относительно имен половецких князей смотри примечание 100. Русская летопись датирует сражение с половцами 4 апреля 1103 года, но место битвы не называет. Стрыйковский говорит о реке *Lubnie*, такой реки ныне нет, однако на реке Суле стоит *город* Лубны, где, действительно, было столкновение русских с половцами, о чем будет рассказано ниже. См.: Повесть временных лет, том 1. М., 1950. Стр. 184, 387.

122. Русских «гетманов», действительно было двое, но Иванко Захарьич и Козарин — это один и тот же человек: Иван Захарьич, козарин (хазарин). Вторым гетманом был прославленный Янь (Ян) Вышатич, сын воеводы Вышаты, которому тогда было уже 90 лет. В том же году (1106) Янь скончался. См.: Повесть временных лет, том 1. М.,1950. Стр. 185, 388. Ни о каком Дунае в этом месте русской летописи не упоминается. О Дунае упоминает Длугош, от него же берет свое начало и путаница с Янем и Иваном: ***Jana czyli Iwanka Zacharzycza i Koszaryny.*** См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. IV. Krakow, 1867. Стр. 415.

123. Относительно *реки* Лубны смотри примечание 121.

124. Все, что автор рассказывает о *Карелии*, более или менее соответствует действительности, но не имеет ни малейшего отношения к половцам. Стрыйковский неверно понял и истолковал название реки *Хорол*. Подобный ляпсус у столь эрудированного человека, как наш уважаемый автор, вызывает едва ли не наибольшее изумление среди всех его географических ошибок. Но можно предположить, что он намеренно и буквально за уши подтянул половцев к Прибалтике, чтобы лучше обосновать свою концепцию происхождения литовского народа.

125. Карельский язык, как и эстонский, относится к финно-угорским языкам, а не балтским, как латышский и литовский. Однако в латышском языке (так же, как и в русском) немало финских заимствований, так что Стрыйковский не так уж и сильно ошибался, на слух находя карельский язык похожим на латышский.

126. *Вожане* или *водь* — одно из финно-угорских племен, некогда живших на территории так называемой *Водской пятины* во владениях Великого Новгорода.

127. Название *Olha* Стрыйковский ранее употреблял для обозначения реки Альты, совершенно здесь не подходящей по смыслу. Упомянутая река должна находиться между Сулой и Ворсклой, а это могут быть либо Хорол, либо Псёл. В Густынской летописи так и написано: ***И пойдоша в землю ихъ обычным путем, през Сулу, и Псиолъ, и Хоролъ и Говтву, даже и к Дону.*** См.: ПСРЛ, том 40. СПб, 2003. Стр. 71. В Ипатьевской летописи сказано, что промежуточный лагерь русские устроили на реке Голтве. Надо полагать, что именно *на Голтве* превратилось у нашего автора в *Olhe*.

128. В русской летописи: ***к граду Шаруканю***, то есть к укреплению, названному по имени хана Шарукана. Речь идет, разумеется, не о европейском замке, а об укрепленном лагере степняков.

129. Примечание Стрыйковского на полях: **Похоже, что скорее водкой (gorzalka).** Реплика тем более любопытная, что в XII веке водку еще не изобрели.

130. В Ипатьевской летописи этот бой датируется 24 марта 1111 года (пятница), а следующая битва (на реке Салнице) — 27 марта (понедельник). Здесь же перечисляются и участники похода: Святополк с сыном Ярославом, Владимир с сыновьями и Давид Святославич с сыном. Начиная с этого места сообщения Стрыйковского мы будем сверять уже не с Повестью временных лет (которая здесь как раз и заканчивается), а прежде всего с Киевской (Ипатьевской) летописью. См.: ПСРЛ, том 2. СПб, 1843. Стр. 2.

131. Святополк Изяславич скончался 16 апреля 1113 (6621), а не 1112 года. Его дочь Сбыслава с 1103 года была замужем за Болеславом Кривоустым. См.: ПСРЛ, том 2. СПб, 1843. Стр. 4.

132. По известию Ипатьевской летописи, поход Ярослава на ятвягов был в марте-апреле 1112 (6620) года, то есть еще за год до кончины его отца Святополка. См.: ПСРЛ, том 2. СПб, 1843. Стр. 3.

133. Ятвяжский язык — один из балтских языков, очень близкий к прусскому и литовскому. См.: Kaminski A. Jacwiez. Lodz, 1953. Половецкий же язык — тюркский и весьма далекий от балтских языков. См.: Чеченов А.А. Язык «Codex Cumanicus» и его отношение к современным западно-кыпчакским языкам. М., 1979. Ныне ятвяжский и половецкий языки относят к так называемым *мертвым языкам*.

134. Языги — ираноязычное кочевое сарматское племя. *Метанастами* (переселенцами) языгов называл Птолемей, и еще Овидий писал о языгах на Дунае. В I веке языги-метанасты обитали между Тиссой и Дунаем, там, где Дунай резко сворачивает к югу. Российская историография считает языгов и *ясов* одним народом, венгерская — разными. Одни считают, что ясы — это часть языгов, оставшихся на Кавказе и в Северном Причерноморье, другие — что значительная часть языгов мигрировала обратно на восток, дав начало предкам ясов. Языги не имеют ни малейшего отношения к *ятвягам*, что же

касается взаимоотношений язытов и половцев, то это куда более сложный вопрос, требующий отдельного рассмотрения. Существует версия, что в XIII столетии языги бежили от монголов к венгерскому королю Беле IV, который поселил их в области Ясшаг (Jaszsag), в русском языке получившую назание *Язытия*.

135. Серебряная гривна весила 160-200 г, так что 700 гривен, по самым скромным подсчетам — это более 100 кг чистого серебра. Из-за одного этого весь рассказ кажется чистым вымыслом. Рассказ о графе Готарде и ятвягах почти слово в слово повторяет Густынская летопись, из чего следует, что составитель летописи позаимствовал эту историю именно у Стрыйковского. См.: ПСРЛ, том 40. Спб, 2003. Стр. 21.

136. Известным современником Стрыйковского был Якуб Уханский (1502-1581) герба Радван, секретарь королевы Боны, епископ хелмский (1550), епископ влоцлавский (1557), архиепископ гнезненский (1562) и регент (интеррекс) Польши во времена междуцарствий (интеррегнумов) 1572-1573 и 1574-1575 годов.

137. Служев находился на территории современной Варшавы.

138. В русских летописях племя *ижора* упоминается с XIII века, но еще во второй половине XII века в булле папы Александра III говорится о язычниках *инграх*. Ятвягов же русские летописи упоминают с X века. См.: Седов В. В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.,1987. Стр. 42, 412.

139. Урбан IV был римским папой в 1261-1264 гг., а Александр IV — в 1254-1261гг. Под 1264 годом, когда Болеслав Пудыка и нанес ятвягам тяжкое поражение, Длугош пишет, что Болеслав обращался к тогдашнему папе *Урбану* с просьбой поставить ятвягам отдельного христианского епископа. Но папская булла, копию которой Длугош, действительно, вставил в свою хронику, издана не папой Урбаном, а как раз папой *Александром*, то есть она выпущена на несколько лет *ранее* описываемых событий. Так что в данном случае Меховский абсолютно прав. Копия этой буллы не датирована, но имя папы Александра дает нам возможность датировать ее 1254-1261 годами и, скорее всего, ближе к концу этого временного отрезка. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. VII. Krakow, 1867. Стр. 377.

140. Об этой битве Стрыйковский подробнее рассказывает в главе 3 книги девятой.

141. Время от времени Стрыйковский упорно повторяет собственную ошибку, называя ятвягов *языгами*. Впрочем, если цитата точна, та же ошибка была и у Кромера.

142. Ярослав Святополчич был назначен правителем Волыни (1100) своим отцом и тогдашним князем Киевским Святополком Изяславичем. Вокняжение в Киеве Владимира Мономаха (1113) он считал нарушением своих наследственных прав на Киев и относился к Мономаху враждебно, особенно после того, как тот перевел сына Мстислава в киевский Белгород (1117). О намерении Ярослава свергнуть Владимира Мономаха Ипатьевская летопись ничего не сообщает.

143. Согласно Ипатьевской летописи, в 1117 году вместе с Мономахом в поход на Владимир (Волынский) ходили трое князей: Давыд Ольгович, Володарь и Василько. См.: ПСРЛ, том 2. СПб, 1843. Стр. 8.

144. Это место можно перевести и как «рыцари *города* Владимира», то есть собственные воины князя Ярослава, и как «рыцари *князя* Владимира», то есть сочувствующие Ярославу воины из лагеря его противника. В русской летописи о Ярославе написано: ***и бояре его отступились от него,*** что предполагает второй вариант, однако из дальнейшего рассказа Стрыйковского следует, что Ярослав продолжал доверять рыцарству города Владимира и после своего бегства (1118).

145. Польское слово *swagr* или *szwagier* означает и шурин, и зять. Для Болеслава Кривоустого Ярослав Святополчич был и тем, и другим: и мужем сестры, и братом жены. Ярослав вторым браком (1106-1112) был женат на Юдит-Марии (1089-1122), сестре Болеслава Кривоустого. Но ко времени бегства из Владимира он был женат уже на другой, причем на внучке Владимира Мономаха. Князь Болеслав был женат на Сбыславе Святополковне, сестре Ярослава. Однако та умерла ранее 1114 года. Ко всему этому Ипатьевская летопись сообщает, что Ярослав бежал не в Польшу, а в ***Угры***, то есть в Венгрию.

146. Ипатьевская летопись датирует пленение Володаря 1122 (6630) годом, но больше ничего об этом не сообщает. Зато Татищев эту историю излагает подробнее Стрыйковского, причем с деталями, которых нет и у нашего автора. Рассказ о пленении и выкупе Володаря — пример так называемых «татищевских известий», то есть тех, которые встречаются только у Татищева, а в известных нам летописях отсутствуют. И хотя многие историки сомневаются в достоверности этих сведений, считая их домыслами самого автора, в данном случае очевидно привлечение Татищевым *польских* источников, в первую очередь, «Хроники» Стрыйковского. Соотношение «татищевских известий» со сведениями Стрыйковского — интереснейшая тема, заслуживающая отдельного исследования. См.: Татищев В.Н. Собрание сочинений. М., 1995. Том II, стр. 135, 261; том IV, стр. 183-184, 432.

147. 20 000 гривен — около *четырех тонн* серебра. Густынская летопись тоже называет сумму 20 000 гривен, что снова указывает на прямое заимствование из Стрыйковского. Марка серебра — это 200-250 г, фунт — около 400 г или *две марки*. Кромер тоже пишет о выкупе в четыре тонны серебра. Но Татищев приводит на порядок меньшие цифры: весь выкуп составлял 2 000 гривен, а наличными Василько заплатил 1200 гривен, то есть чуть более 200 кг серебра. Однако самое интересное здесь то, что Татищев прямо ссылается на Стрыйковского и пишет, что тот называет общую сумму выкупа в *2 000 гривен*, а Кромер — в *1 000 фунтов*. Из этого следует, что Татищев пользовался не изданием 1582 года, где указаны вдесятеро большие суммы, а либо рукописным списком «Хроники» Стрыйковского, либо ее переводом или пересказом. См.: Стефанович П.С. Володарь Перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел. В кн.: Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25), стр. 56-74 и № 4 (26), стр. 78-89.

148. У Длугоша сказано, что войска Ярослава осадили Владимир, Белз и *Червень*, а в русских летописях говорится только об осаде Владимира (Волынского). *Чернигов* сюда попал, вероятно, таким образом. Непосредственно перед рассказом о походе Ярослава Святополчича с поляками и венграми на Владимир в Ипатьевской летописи написано: ***Преставился Давыд Святославич в Чернигове и сел на его место Ярослав, брат его*** (1123) **.** Стрыйковский правильно понял, что Ярослав завладел Черниговым, но не сообразил, что это был не тот Ярослав. А так как Чернигов весьма далеко от Волыни, наш автор решил, что на Волыни был какой-то другой Чернигов. См.: ПСРЛ, том 2. СПб, 1843. Стр. 9.

149. Белой Русью во времена Стрыйковского европейцы называли вообще всю северную Русь. Однако еще в конце XIV столетия польский историк Ян из Чарнкова ассоциировал территорию Белой Руси с современной Белоруссией, когда именовал Полоцк «замком на Белой Руси». См.: Kronika Janka z Czarnkowa. Lwow, 1907. Стр. 80; MPH, t. II. Lwow, 1872. Стр. 719.

150. Ипатьевская летопись тоже сообщает, что Ярослав Святополчич получил под Владимиром смертельное ранение, но вовсе не во время жаркого боя, как пишет Длугош. Его ударили копьем два спрятавшихся под мостом поляка, когда Ярослав в одиночку разъезжал на коне под стенами осажденного города. См.: ПСРЛ, том 2. СПб, 1843. Стр. 9.

151. Владимир Мономах все это время находился в Киеве и никуда не убегал. В Ипатьевской летописи ближайшее по времени упоминание о белорусских землях относится к 1119 (6627) году, когда Мономах ходил в поход на Минск. См.: ПСРЛ, том 2. СПб, 1843. Стр. 8, 9.

152. О поездке Болеслава Кривоустого в Данию под 1124 годом сообщают Великопольская хроника и Кромер, но особенно подробно Длугош, которого и пересказывает Стрыйковский. См.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. М.,1987. Стр. 95; Kronika Polska Marcina Cromera, tom I. Krakow, 1882. Стр.258; Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. IV. Krakow, 1867. Стр. 483-486.

153. Длугош пишет, что Владимир доходил до малопольского города Беч (Biecz), находящегося примерно на одинаковом расстоянии как от Перемышля, так и от Кракова. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. IV. Krakow, 1867. Стр. 486.

154. Совершенно очевидная описка, вероятно, не замеченная при корректуре издания 1582 года и превратившаяся в опечатку, добросовестно воспроизведенную в польском издании 1846 года. Ни о каких *половцах* здесь, разумеется, и речи нет.

155. Поскольку подобных имен не существует, есть все основания считать, что Длугош лишь по недоразумению принял эти слова за собственные имена русских воевод. Интересен вариант Густынской летописи, составитель которой, несомненно, пользовался

текстом Стрыйковского, но предпочел прочитать его так: ***Наворот защитник***. См.: ПСРЛ, том 40. Спб, 2003. Стр. 77.

156. После гибели Ярослава Святополчича (1123) и вплоть до кончины Володаря Ростиславича, (умершего почти сразу после своего брата Василька), в Ипатьевской летописи нет ни единого слова о о каких-либо русских набегах на Польшу и ответных походах Болеслава. Дата смерти Володаря и место его погребения в известных нам русских летописях тоже не указаны. Эти сведения есть только у Длугоша, который, в свою очередь, мог подчерпнуть их лишь из какой-то неизвестной историкам русской летописи, ныне утраченной. Длугош сообщает, что Володарь скончался 19 марта 1125 года, а Ипатьевская летопись называет 1124 (6632) год. Учитывая, что год на Руси тогда начинался с 1 марта, можно предположить, что речь идет все-таки о 1124 годе. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. IV. Krakow, 1867. Стр. 488. Это подтверждает и дата смерти Василька Ростиславича (28 февраля 1124 года), которую приводит Лаврентьевская летопись. См.: ПСРЛ, том 1. СПб, 1846. Стр. 129.

157. По известию Лаврентьевской летописи Владимир Мономах умер 19 мая 1125 (6633) года в возрасте 73 лет. См.: ПСРЛ, том 1. СПб, 1846. Стр. 129.

158. Польское выражение ***речь посполитая*** (rzecz pospolita), которое нередко переводят как *республика*, буквально означает ***народное дело***. Стрыйковский употребляет его для обозначения *государства*, но не всякого государства, а государства, управляемого *по воле народа.*, который, по его представлениям, сам избирает своих правителей.

159. Первые колонии генуэзцев в Крыму появились не ранее конца XII столетия, а в Кафе они обосновались только в середине XIII века. Следовательно, ни о каком взятии Мономахом Кафы у *генуэзцев* и речи быть не может. См.: Николай Мурзакевич. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. Стр.6-10.

160. Это недостоверное известие наш автор подчерпнул у Герберштейна, который рассказал одну из услышанных им легенд. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр.82.

161. Слово *клейнот* (*клейнод*) словарь Даля истолковывает как один из предметов, являющихся символами державной власти, в частности, корона или скипетр.

162. Здесь Стрыйковский фактически процитировал Герберштейна, который писал: ***Владимир, по прозвищу Мономах, снова обратил всю Руссию в монархию, оставив после себя некоторые инсигнии, которые и поныне еще употребляются при коронациях государей.*** См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 64. В настоящее время установлено, что так называемая «шапка Мономаха» к Владимиру Мономаху не имеет никакого отношения, так как изготовлена она не ранее XIV века.

163. Греческое слово *мономах* переводится как *единоборец* или *поединщик*. Владимир Мономах был выдающимся полководцем, но ни о каких его *поединках* достоверных известий нет, и сам он в своем «Поучении» ничего об этом не пишет. Прозвище он

получил в честь своего деда по матери — византийского императора Константина IX Мономаха (1042-1055). О единоборствах самого Константина византийские историки тоже ничего не сообщают, но пишут, что он был из *рода* Мономахов. Такое название знатного рода вряд ли было случайным и, видимо, произошло от какого-то предка — единоборца. См.: Михаил Пселл. Хронография. М., 1978. Стр. 73.

164. Татищев прочитал это как *Чирск*, а в другом месте еще и уточнил, что Чирск находится в Мазовии. См.: Татищев В.Н. Собрание сочинений. М., 1995. Том II, стр. 138, 157; том IV, стр. 185-186. Некоторые исследователи склонны видеть в Чирске *Чечерск*, однако тот находится в явно неподходящем месте — недалеко от Гомеля. Гораздо ближе к истине кажется Карамзин, в длугошевом слове *Sczirzec* увидевший реку *Серет*. См.: Карамзин Н.М. История государства Российского., тома II-III. М., 1995. Стр. 105, 106.

165. Ни Ипатьевская, ни другие русские летописи не упоминают о конфликте Владимира и Ростислава Володаревичей, если не считать очередного «татищевского известия», которое явно позаимствовано у нашего автора. Стрыйковский же опирался на Длугоша, а тот — на какую-то не дошедшую до нас летопись. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. IV. Krakow, 1867. Стр. 491, 492.

166. Ошибочную дату смерти Мстислава (1129) Стрыйковский, как обычно, позаимствовал у Длугоша. Ипатьевская летопись сообщает, что Мстислав Владимирович умер 15 апреля 6641 (1133) года, в *пятницу, на пасхальной неделе*; Лаврентьевская датирует его смерть 14 апреля 6640 (1132) года, не указывая день недели. Православная церковь память святого благоверного Мстислава Киевского отмечает 15 апреля. В 1132 году 15 апреля приходилось на пятницу, а 14 апреля 1133 года тоже была пятница, но уже не на пасхальной неделе, так как в 1133 году пасха была 26 марта. См.: ПСРЛ, том 1. СПб, 1846. Стр. 132; ПСРЛ, том 2. СПб, 1843. Стр. 12.

167. Русские летописи не знают таких волостей, но в соответствующем месте Лаврентьевской летописи есть фраза: ***и Устье пожгоша, и отъидоша, и сташа на Супои***. См.: ПСРЛ, том 1. СПб, 1846. Стр. 132.

168. Война Ольговичей с половцами против Ярополка Владимировича подробно описана как в в Ипатьевской, так и в Лаврентьевской летописи под 6643-6644 (1135-1136) годами. Длугош же об этой войне почти не пишет, что в данном случае указывает на *непосредственное* обращение нашего автора к русским летописям. См.: ПСРЛ, том 1. СПб, 1846. Стр. 132-133; ПСРЛ, том 2. СПб, 1843. Стр. 12-14.

169. Эта любопытнейшая глава почти целиком состоит из вымышленной речи князя Ярополка, которая, разумеется, отсутствует в русских летописях. Эта речь сочинена Длугошем по-латыни в подражание античным историкам и переведена Стрыйковским на польский язык, причем не с оригинала, а с латинского переложения Кромера. Еще любопытнее, что «речь Ярополка» (под 1133 годом) приводит и Татищев, но о поляках в ней не говорится ни слова, причем во второй редакции речь в два раза длиннее, чем в первой. Отметим, что и у Стрыйковского эта речь тоже длиннее, чем получается при польском переводе самого Длугоша. Напрашивается мысль, что саму идею Татищев

позаимствовал у Стрыйковского или у Длугоша (хотя здесь он не ссылается на свой источник), но содержание речи ограничил призывом Ярополка к княжескому согласию: ***да не обидят братаничев и сыновцев своих.*** См.: Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1995. Том II, стр. 144, 145; том IV, стр. 189: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. IV. Krakow, 1867. Стр. 503-504;

170. Примечание Стрыйковского на полях: **Подданные и простой люд не могут нормально** (porzadnie) **жить без начальников** (przelozonych)**.**

171. Примечание Стрыйковского на полях: **Несогласие рушит великие царства и монархии.**

172. Примечание Стрыйковского на полях: **Из-за** [русского] **благочестия и** [в силу] **удобного случая.**

173. У Длугоша: ***pan na Ksiazu (Xansch)***. Русский вариант названия графства позаимствован нами из перевода Великопольской хроники, выполненного с латинского языка Л. М. Поповой. См.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. М., 1987. Стр. 96.

174. Слово **przewaznosc**, написанное Стрыйковским на полях, следует понимать в том смысле, что Петр Властович сумел убедить других сенаторов и самого Болеслава и настоять на своем.

175. О пленении Ярополка Владимировича поляками русские летописи не сообщают, потому что этого не было. Весь рассказ — классический пример «удвоения событий», когда одна и та же история в хронике повторяется дважды. Обычная причина такого явления: ошибка переписчика, перепутавшего страницы. В нашем случае источником путаницы был Длугош, под 1134 годом еще раз поведавший нам историю пленения Володаря Ростиславича, которую уже рассказывал под 1122 годом. А так как к тому времени Володарь давно умер (1124), Длугош «заменил» его на другого русского князя. Стрыйковский добросовестно повторил эту ошибку, а от него она перешла и в Густынскую летопись. Отметим, что Татищев догадался о ляпсусе Длугоша и не стал его повторять. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. I, ks. IV. Krakow, 1867. Стр. 480-481 и 502-504. Сюжет этой главы относится к числу тех, за которые Карамзин ворчливо называл Длугоша «сказочником». См.: Карамзин Н.М. История государства Российского, тома II-III. М.,1995. Стр. 299.

176. Несмотря на то, что киевский князь Ярополк не имеет к этой истории никакого отношения, весь рассказ заслуживает самого пристального внимания, ибо содержит много подробностей, которых нет в рассказанной выше *реальной истории пленения Володаря* и которые сами по себе не вымышлены. К подобным важным дополнениям к рассказу о событиях 1122 (а не 1134) года относится как само имя похитителя Володаря (Петр Властович), так и все, что связано с этим человеком, реальной исторической личностью. См. : Palatin Piotr Wlostowicz. Wroclaw, 1947.

177. Бела II, еще в детстве ослепленный, был венгерским королем в 1131-1141 годах. По матери он был внуком Святополка Изяславича и племянником Болеслава Кривоустого. В начале своего правления Беле пришлось вести борьбу с другим претендентом на престол, сыном венгерского короля Кальмана I и внуком Владимира Мономаха Борисом, которого и поддерживал его дядя Болеслав. Борис не был внуком Болеслава, так что о каком внуке пишет Стрыйковский, нам неизвестно. 22 июля 1132 года войска Бориса и Болеслава были разгромлены королем Белой на реке Шайо.

178. Лотарь II, герцог Саксонии (1106), сначала был избран королем Германии (1125), а потом и императором Священной Римской империи (1133-1137).

179. О разрушении Вислицы сообщают и Винцентий Кадлубек, и Великопольская хроника, причем последняя называет и дату: 18 февраля 1135 года. Здесь Стрыйковский добросовестно следует тексту Великопольской хроники. Но уже и в этом источнике связь событий в Вислице с похищением Володаря Ростиславича выглядит путано, неубедительно и кажется сомнительной. Что касается Петра Властовича, то впоследствии ему действительно выкололи глаза и отрезали язык, но произошло это намного позже, в 1145 году, а умер он лишь в 1153 году. См.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. М.,1987. Стр. 97, 102, 103, 108.

180. Русские летописи не упоминают о походе Болеслава на Галич. Ближайшее по времени «польское» известие русских летописей относится к 6645 (1137) году и содержит сообщение о браке Верхуславы, дочери новгородского и псковского князя Всеволода-Гавриила Мстиславича с Болеславом Кудрявым, сыном Болеслава Кривоустого. См.: ПСРЛ, том 2. СПб, 1843. Стр. 14. Зато польские источники уделяют этим событиям большое внимание. Стрыйковский в данном случае почти не отступает от первоисточника, которым была хроника Винцентия Кадлубка. См.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. М.,1987. Стр. 103-105. Рассказ Стрыйковского перекочевал и в Густынскую летопись. Татищев ко всей этой истории относился крайне скептически. ***Но и сие не меньше враками наполнено, ибо тогда Ярослава князя в Галиче не было, а был Володимер, отец его. Ярослав же едва родился.*** См.: Татищев В.Н. Собрание сочинений. М., 1995. Том IV, стр. 436.

181. Герб Новина представляет из себя лодку с воткнутым в середину ее мечом, а над шлемом и короной видна согнутая в колене нога в латах. Однако так называемая «лодка», действительно, намного больше похожа на ушко от котла, а вместо крестообразного меча ранее мог быть крест. Описание Стрыйковского, который разбирался в гербах, должно представлять исключительный интерес для геральдистов, так как оно неопровержимо свидетельствует, что в XVI столетии герб Новина воспринимался в совершенно иных символах, чем впоследствии. Согласно позднейшей легенде, Болеслав Кривоустый пожаловал этот герб своему ротмистру, пожертвовавшему ради его спасения собственной ногой. Герб Новина был присвоен многим шляхетским родам, в том числе Лисовским, Янковским и Жеромским. См.: Gorzynski M., Kochanowski J. Herby szlachty polskiej. Warszawa, 1990. Стр. 108, 109.

182. В нынешних польских гербовниках нам не удалось найти герба *Dawix* (кстати, в издании 1582 года читается скорее *Dawri*). Литовской шляхте первые гербы были пожалованы королем Ягайлой (Ягеллой) после Городельской унии 1413 года. Среди 48 «городельских» гербов ближе всех по написанию к *Dawix* или *Dawri* выглядят гербы *Doliwa* или *Rawicz.* Стрыйковский хотел подчеркнуть, что герб Новина — один из древнейших в Литве, так как Ягелло пожаловал его литовскому дворянству еще до 1413 года.

183. Болеслав Кривоустый умер в Сохачеве 28 октября 1138 года. Длугош, Кромер, Бельский и Малопольские анналы годом смерти Болеслава называют 1139, ближайший к нему по времени анналист Саксон — 1138.

КНИГА ШЕСТАЯ

Глава 1. О смерти Ярополка и о жестоких, частых и постоянных раздорах русских князей и [их] войнах за киевский стол.

О польской войне с Русью.

Глава 2. О битве с русскими князьями под Галичем и о поражении их от поляков.

Глава 3. О разграблении Киева и о поражении рязанского князя.

О междоусобиях Галицкого княжества.

Глава 4. О поражении половцев и разграблении Киева.

О возведении владимирского князя Романа на галицкое княжение с помощью поляков.

О поражении половцев и о киевских междоусобиях.

Глава 5. О тиранстве Романа, князя Владимирского и Галицкого, русского монарха, и о походе его на Польшу.

О битве под Завихостом с Романом, князем владимирским и галицким, и о убиении его.

Глава 6. О разорении русских княжеств литовцами и жмудинами и о первых упоминаниях о них у историков.

Глава 7. Живибунд Дорспрунгович, литовский князь после Кернуса Куносовича и жмудский князь Монтвил Гимбутович.

О междоусобиях между русскими князьями, набегах на Русь литовцев и о их поражении.

Глава 8. О короновании Коломана, сына венгерского короля Андрея, на королевство Галатское или Галицкое и Владимирское, о его изгнании и о поражении венгров и поляков от руси.

О поражении русских князей от поляков.

Глава 9. О первом пришествии скифов или татар в те поля, где [они] ныне осели, изгнав и выбив половцев, а затем и русских князей поразили и приневолили.

Глава 10. О литовском походе на русские княжества и о их поражении от руссаков.

О значительном и прибыльном походе литовцев и жмудинов с княжичем Эрдзивилом в завилийскую сторону на Русь и о захвате Новогрудка, Бреста, Мельника и других русских замков.

Глава 11. Первые повяты и фамилии в Литве.

О поражении Кайдана, царя Заволжского, гетмана Бату или Батыева, от Эрдзивила над рекой Днепром, где в него Пеперец впадает.

Глава 12. Мингайло Эрдзивилович, князь литовский и русский, в Новогрудке второй, а в Полоцке первый.

Князья Мингайловичи: Скирмунт Новогрудский и Гинвил Полоцкий, первый христианин в Литве.

Полоцкий князь Борис Гинвилович.

Глава 13. О битве и о победе Скирмунта над князем Луцким.

Глава 14. О Куковойте Живибундовиче, князе Жмудском и Литовском.

Глава 15. О поражении Балаклая, царя Заволжского, от Скирмунта.

Жмудский и литовский князь Утенус.

Князья Скирмунтовичи: Тройнята, князь Новогрудский, Подляшский и Повилийской Литвы, Любарт, [князь] Карачовский и Черниговский и Писсимунт, [князь] Туровский и Стародубский, с помощью других русских князей поразили султана Курдаса, царя Заволжского.

Глава 16. Рингольт Альгимунтович, первый великий князь Литовский, Жмудский и Русский, и как [он] наголову поразил русских князей над Неманом.

Книга шестая

Ясновельможному пану пану Миколаю Монивиду Олехновичу Дорогостайскому [1], воеводе полоцкому, старосте волковысскому, шерешовскому и прочее, арендатору гординскому и прочее

Глава первая

О смерти Ярополка и о жестоких, частых и постоянных раздорах русских князей и [их] войнах за киевский стол

В году от Господа Христа 1140 [2] киевский князь Ярополк Владимирович, красноречивый и хитрый, бойкий и в ссоре, и в совете, который под Галичем [с помощью] уловки и хитрой засады одолел и поразил непобедимого Болеслава Кривоустого [3], заплатил естественный долг смерти, которая сама устроила ему хитрейшую ловушку, [умер] и погребен в Киеве в церкви Святого Андрея. А на его место заступил и занял киевский престол [его] родной брат Вячеслав. **Русская хроника Винцентия Кадлубка и Меховский (гл. 17, стр. 80).**

Всеволод, князь Киевский. Но вскоре в Киев прибыл Всеволод Ольгович с войском, Вячеслав испугался и не пожелал вступать с ним в битву и обоюдно лить христианскую кровь ради временного [пребывания на киевском] престоле. Митрополит помирил их таким образом, что Вячеслав уступил Киев и взял в удел Туровское княжество, а Всеволод мирно овладел Киевской монархией и потом с обычными церемониями был возведен на престол.

Игорь, князь Киевский. Потом Всеволод, единовластный киевский князь, процарствовав шесть с половиной лет, умер в году Господнем 1147, 12 июля [4], а Игорь, сын его, после него овладел престолом Киевской монархии. Киевляне же против Игоря Всеволодовича, своего господина, призвали переяславского князя Изяслава (Мстиславича).

Изяслав, князь Киевский. Когда тот с войском приблизился к Киеву, Игорь выступил против него с братом Святославом, но, увидев великую его мощь, оба бежали с поля, не затевая битвы. А Изяслав, князь переяславский, въехал в Киев и занял княжеский стол. Через четыре дня Игорь Всеволодович был пойман и приведен к Изяславу. Тот отослал его в Переяслав и держал там в оковах, а потом, как [Игорь] сам попросил, постриг его в чернецы и определил в монастырь. **Из князя Игорь** [стал] **чернецом.**

Междоусобная битва русских князей за Киев. Узнав об этом, другие русские князья: Георгий, брат Ярополков (Юрий Долгорукий), Олег, Ростислав и Святослав, побуждаемые ненавистью и завистью, восстали против Изяслава, князя Киевского и Переяславского, желая свергнуть его с киевского престола. А когда двинулись против него объединенными силами, Изяслав с войском, которое тоже имел наготове, встретился с ними, не дожидаясь осады, и с обеих сторон полегло много побитых русских полков. В конце концов, побежденный числом [врагов] и видя [свое] войско погромленным, Изяслав метнулся к Киеву, а оттуда, взяв с собой жену и сына, бежал в Луцк [5].

Георгий, князь Киевский. А князь Георгий победителем въехал в Киев и сел на престол деда своего, а Переяслав, наследственное княжество изгнанного Изяслава, отдал своему сыну Ростиславу.

Потом, в том же 1147 (1149) году, князь Изяслав начал собирать новое войско против Георгия, который выгнал его из Киева. За великие подарки он призвал на помощь также князя Болеслава Кудрявого, монарха Польского, Краковского и Мазовецкого, и его брата князя Генриха Сандомирского, а за деньги немало набрал и венгров. **Длугош, Меховский (кн. 3, гл. 21, стр. 96) и Кромер (кн. 6, стр. 99, издание второе).**

Чемерин (Cemerin). А когда на помощь ему подтянулись братья Болеслав Кудрявый и Генрих с польским войском, а также венгры, они расположились лагерем у Чемерина, где провели целую зиму, но из-за праздности (gnusnosci) и трусости Изяслава ничего годного не сделали. **Никчемность вождя и гетмана.** И весной польские князья и венгры, распустив войско, разъехались по своим странам (1150).

Никчемный (gnusny) Изяслав осажден. Узнав об этом, киевский князь Георгий собрал войско с двумя своими сыновьями, Ростиславом и Андреем, с братом Вячеславом и с другими русскими князьями, [своими] помощниками, и осадил Изяслава в Луцке, мощно штурмуя со всех сторон. А когда тот через галицкого князя Владимира попросил мира, киевский князь Георгий учинил с ним примирение на тех условиях, чтобы [Изяслав] поклялся более с ним не враждовать.

Водная битва русских князей на Днепре. Но уже вскоре это примирение нарушил, ибо когда умер переяславский князь Ростислав, сын Георгия, князь Изяслав, собрашись с лучанами и волынянами, решил захватить Переяслав и завладеть [им]. И, приготовив для этого много ботов (batow) и больших и малых лодок, пустился по Днепру. И когда киевский князь Георгий хотел закрыть ему перевоз (przewozu) с помощью половцев и других князей, они сошлись с обеих сторон в ладьях в жестокой битве на Днепре [6]. Потом в водной битве князь Изяслав со своим дядей (strijem) Вячеславом и горожанами волынскими и луцкими разгромил и поразил Георгия, князя киевского, половцев и других князей, его помощников, так что князь Георгий с сыновьями и с половцами едва утек и заперся в Переяславе (1151).

Изяслав вернул утраченный Киев. А Изяслав с дядей своим Вячеславом после этой победы овладел Киевом, и с еще большим войском гонясь за Георгием, крепко осадил его и его сыновей в Переяславе, штурмуя так долго, что Георгий, притихший и притиснутый, должен был присягнуть на новых условиях и уступить Переяслав Изяславу. **Изменчивость ветреной Фортуны.** И когда сделал это, князь Изяслав дал ему мир и отпустил на волю с сыновьями. И, разместив своих рыцарей в Переяславе, отъехал в уже отбитый своими рыцарями Киев.

Счастье в делах на диво переменчивым бывает:
Побежденный сражается и побеждает;
Он был изгнан, сам Юрия прежде изгнав,
Но вернул обе свои столицы: Киев и Переяслав.
Чего не мог добиться с помощью венгров и поляков,
То сполна вернул с помощью волынских казаков,
Проиграв битву на земле, выиграл ее на воде.
Бог своих верных всегда утешит в беде.

Сапогинь (Sapuhojno), где галичане перерезали венгров. А когда на помощь отцу Изяславу, князю Киевскому, его сын Мстислав привел нанятых за деньги венгров, галицкий князь Владимирко, улучив момент, [когда после] дневной [попойки] у Сапогини [венгры] ночью валялись пьяные, как скотина во время спячки, всех перебил, перерезал и прикончил, ибо Мстислав не мог их, перепившихся, разбудить. Меховский пишет: *Omnes*

tanquam pecora trucidavit *(весь скот был забит).* **Пьянство в войске приносит беду (szkodliwe).**

Князь Владимир разбит венграми под Галичем. Это подвинуло князя Изяслава второй раз послать своего сына Мстислава с большими подарками в Венгрию, чтобы привел венгров против Владимирка Галицкого. Распалившись гневом и желая отомстить за своих перебитых людей, сам венгерский король Стефан вместе с войском и с Мстиславом подступил к Галичу, где Владимирко дал им битву. Но, побежденный численностью венгров и утратив свои полки, бежал в Перемышль. Венгерский король Стефан двинулся за ним и так сильно прижал (ucisnal) его в Перемышле, что [Владимир] вынужден был просить мира. Но киевский князь Изяслав, прибывший в лагерь Стефана с новым войском, не соглашался на мир со своим врагом Владимирком, князем Галицким. Однако Стефан их обоих помирил и отступил с войском в Венгрию, а Изяслав с сыном Мстиславом вернулся в Киев.

Осажденный и освобожденный Чернигов. В том же году князь Георгий или Юрий (который выгнал было Изяслава из Киева, а потом Изяслав [выгнал] его самого) собрал войско со своими сыновьями и с ростовчанами, суздальцами, половцами и рязанскими князьями. И, подступив с [этими] силами под Чернигов, добывал замок, штурмуя башни и стены. Но вскоре для снятия осады (na odsiec) на помощь черниговцам прибыл князь Изяслав. Испугавшись этого, половцы тут же бросились бежать, а за ними и князь Георгий, не полагаясь на свои силы, отступил к Новгороду (Северскому). Но и там не чувствуя себя в безопасности, оставил в Новгороде сына Василька для обороны, а сам уехал в Суздаль. А Изяслав, князь Киевский, не застав Георгия под Черниговым, двинулся за ним к Новгороду, из которого Василько тоже бежал к отцу в Суздаль. А Изяслав, когда новгородцы с покорностью и подарками вышли к нему просить милости, дал им мир, а сам вернулся в Киев.

Половцы разгромлены. Потом князь Изяслав отправил против половцев сына Мстислава, который с русским войском разорил их края, захватив шатры и обозы и освободив множество христианских пленников. И с различной добычей и с захваченными людьми и скотом прибыл к отцу в Киев победителем и триумфатором.

Благородное [отношение] галичан к своему господину. В то время умер Владимирко, князь галицкий, а Изяслав, желая мстить за старые обиды, пошел войной на сына Владимиркова (Ярослава Осмомысла). Узнав об этом, галичане тоже собрали немалое войско со своим молодым князем, однако, любя его мужество и готовность встать против врага за честь отчизны, попросили его, чтобы отступил к Галичу ради безопасности здравия своего. А когда Изяслав, князь Киевский, пришел на галичан, галичане с упорной смелостью сошлись с ним в решительной и огромной битве над рекой Серетом. **Смешались в огромной битве [7].** И когда с обеих сторон полегло множество полков, оба войска напоследок перемешались так, что один другого не знал (ибо все они были русскими) и свой бил своего. И обе стороны, считая себя побежденными (za zwiciezonych), отступили с этого побоища. А вскоре [после того] как Изяслав вернулся в Киев, он отдал долг смерти, будучи призван ею в урочный год, в лето от рождения Господа Христа 1158, 13 ноября [8], и погребен в Киеве в монастыре святого Феодосия или Федора.

Ростислав, князь Киевский. По смерти Изяслава, князя Киевского, в Киев приехал смоленский князь Ростислав, сел на его престол и начал править. И вместе с князьями Святославом Всеволодовичем и Мстиславом Изяславичем пошел к Чернигову против князя Изяслава Давидовича, другого двоюродного (strijecznego) брата недавно умершего князя Изяслава Киевского, намереваясь выгнать его из Чернигова. Но Бог, который запретил посягать на чужое, покарал эти недостойные амбиции. Ибо Изяслав Давидович призвал на помощь Глеба Юрьевича и половцев, которые немедленно прибыли и соединились с Изяславом Давидовичем. А Ростислав, князь Киевский и Смоленский, увидев их великую мощь, испугался и, не смея попытать счастья в битве, тут же вступил в переговоры, уступая Изяславу Давидовичу Киев, а его племяннику Мстиславу — Переяслав. **Пример гнева Божьего и переменчивости счастья для жаждущих чужого.** ***Et timuerunt ibi, ubi non erat timor*** *(И были поражены там, где не было страха)*. Услышав об этом, Мстислав Изяславич разгневался и уехал со своим рыцарством с поля, а за ним и все другие князья упорхнули и разбежались. А половцы, бросившись за ними, много полков их, русских бояр, порубили и переловили, сжигая и разоряя деревни, церкви и монастыри, и ушли в свои земли с великим полоном. А Изяслав Давидович, победив без боя, въехал в Киев, который был вынужден ему уступить прельстившийся жаждой власти Ростислав Смоленский, на свою беду затеявший эту войну. **Взгляни на дивную изменчивость Фортуны.**

Вот так, возжелав чужого, свое потерял,
Споткнулся от жадности, да и упал.

Георгий вернул [себе] Киев. Потом к Киеву подступил с войском Георгий или Юрий (Долгорукий) (который выгнал было Изяслава, а Изяслав выгнал его), и когда [стал] штурмовать город и замок, Изяслав Давидович [начал с ним] переговоры и уступил ему Киев, который ему недавно сдал смоленский князь Ростислав. И вот так Георгий второй раз сел на киевский стол своего деда [9] и разделил этот русский край между сыновьями: Андрею дал Вышгород, Борису Туров, Глебу Переяслав, а Васильку Поросье (Porssy).

Пересопница. Потом Георгий, князь Киевский, не останавливаясь на том, что выгнал Мстислава Изяславича из отчего Переяславского княжества, послал против него сильное войско к Пересопнице, где в то время жил князь Мстислав. Устрашенный мощью неприятеля и видя, что его [силы] неравны для встречи [с врагом, Мстислав] бежал в Луцк, а оттуда приехал в Польшу, прося о помощи польских князей: Болеслава Кудрявого, Мешко (Mieclawa) и Генриха.

Поляки идут на Русь. Объединив силы своих княжеств, [польские князья] двинулись на Русь военным обычаем (obyczajem neprzyjacielskim), намереваясь посадить Мстислава не только на переяславский, но и на киевский стол. Узнав об этом и опасаясь силы польских князей, Юрий, князь Киевский, убедил (przejednal) Мстислава и его родных братьев, Владимира и Ярослава, сыновей Изяславовых [10], дедичей и отчичей (наследников) киевского престола, что вернет им Владимирское, Переяславское и Пересопницкое княжества, как и другие служащие им державы, кроме Киева, и клятвой подтвердил, что потом никогда не будет покушаться на эти их земли.

Владимир осажден. Но вскоре нарушил клятву и осадил князя Мстислава во Владимирском замке, где полегли убитыми очень много рыцарей с обеих сторон. Поляки, которые служили Мстиславу за деньги, делали частые вылазки из замка на войско киевского князя Георгия и много их убили, так что Георгий, потеряв несколько своих полков, вынужден был со стыдом отступить от Киева.

Георгий, князь Киевский, умер. И вскоре после этого, съеденный (zjety) болезнью и окончательно распрощавшийся с жаждой лакомой светской власти, там же и умер и похоронен в церкви святого Спаса Берестовского, в году от рождения спасителя Господа Христа 1164, 15 мая [11].

Киевские тяжбы (powlocy)**.** По смерти киевского князя Юрия или Георгия киевским столом овладел черниговский князь Изяслав Давидович, но той же зимой его выгнал из Киева Мстислав Изяславич. А когда и ему быстро надоел (omierzla) отчий киевский престол, той же осенью спустил (spuscil) Киев своему дяде (stryjowi) Ростиславу, князю Смоленскому. Но и тому киевское панство сразу же наскучило, и он спустил его Владимиру Мстиславичу. Узнав об этом, владимирский князь Мстислав Изяславич, разгневавшись, согнал Владимира Мстиславича и сам второй раз занял отчий киевский престол и стал править.

10 русских князей осадили Киев. Потом суздальский князь Андрей Георгиевич (Боголюбский), не в силах терпеть того, что Мстислав правил в Киеве, на который он сам был ближайшим [претендентом] после отца Юрия, собрал войско из суздальцев, ростовчан и владимирцев, во главе которого поставил сына Мстислава. Пришли также ему на помощь девять других русских князей: Глеб (Юрьевич) Переяславский, Роман (Ростиславич) Смоленский, Давид (Ростиславич) Вышгородский, Владимир Андреевич (князь Дорогобужский), Дмитрий Юрьевич (Всеволод Большое Гнездо), родные братья Георгий (Рюрик?) и Мстислав (Slawiec) (Ростиславичи), князья Олег и Юрий (Игорь) Святославичи. Все они объединились и осадили в Киеве Мстислава Изяславича, который из-за долгой осады не мог далее терпеть голода и бежал во Владимирский замок другого своего княжества, Волынского.

Руссаки сами разоряют Киев. А упомянутые князья, взяв город и Киевский замок, захватили жену и сына Мстислава [12], а весь город Киев как добычу отдали на разграбление своим солдатам и рыцарству, которые при грабеже доселе цветущего и богатого города не останавливались [перед тем, чтобы] ограбить и обобрать святые костелы, церкви и монастыри [13].

Глеб, князь Киевский. А когда унялись грабежи, Мстислав Андреевич, будучи гетманом над этим войском, сразу же посадил на киевский стол своего дядю (stryja) Глеба, князя Переяславского, который потом умер, пропанствовав едва два года.

Роман, князь и монарх Киевский. А на его место вступил смоленский князь Роман, овладев киевской монархией, за которую сталкивались лбами (za lby chodzili) его предки, убивая и изгоняя друг друга.

Литовцы нападают на Русь. А когда литовцы с ятвягами, лесные люди, объединив свои силы, вторглись в русские княжества и набрали много добычи, с которой привыкли жить, против них собрал [войско] Роман, монарх Киевский. И бегущих с добычей в свои лесные логова литовских и ятвяжских язычников догнал, поразил, разгромил и отнял большую часть добычи, захватив множество [пленных]. И, согнав их в Киев и в другие русские замки, держал в жестоком плену, используя на тяжких и скотских (bydlece) работах.

Руссаки пашут на литовцах. А иных, сковавши, приказывал запрягать в плуги и пахать поля, будто на волах, старое корчуя по-новому, или, как говорят по-русски, запрягая на новый лад. Отсюда появилась одна поговорка. Когда литвин, научившийся русскому языку, тянул плуг, то приговаривал: «Романе, Романе, лихим кормишься, литвою пашешь!». **Романе, худым кормишься.**

Но и этот князь Роман недолго усидел на киевском престоле, ибо Ярослав Изяславич, собрав войско из половцев и из русских, выгнал князя Романа и сам завладел Киевом, утвердив свой престол, как монарх. О чем свидетельствуют русские летописцы и Меховский (кн. 3, гл. 22, стр. 98). **В этом месте Меховский ошибся, написав Ярослав *Ярославич*, ибо должно быть Ярослав *Изяславич*.**

О польской войне с Русью

Польский монарх Казимир захватил (pobral) замки на Руси. Потом, в 1179 году, польский князь Казимир Второй, прозванный Справедливым, сын Болеслава Кривоустого, видя, что русские князья, столкнувшись друг с другом лбами, дают ему удобный случай, наехал на их земли, прилегающие к Польше, которые занял отчасти [в результате их добровольной] сдачи (podanim), а отчасти и силой, как Брест, который ныне зовется Литовский, Владимир, Дрогичин и Перемышль, как пишут Длугош и Меховский (гл. 23, стр. 100). Но польский хронист Винцентий Кадлубек, первый [из летописцев], при жизни которого происходили эти события, не упоминает, чтобы в то время Казимиру довелось отнять так много русской земли. Этот Казимир, собрав войско, вернул только Брест Литовский, который Польша [когда-то] передала Руси, а более ничего, что подтверждает и Кромер (кн. 6). А русские князья, помирившись, тоже не дали полякам долго пановать в своих землях, как сообщают летописцы русские и литовские. **Священный мир.** Ибо при согласии (лишь при котором и прирастают царства) [русские] и свои замки отобрали, и несколько польских отняли.

Брест отделился от поляков. Затем в году от рождения Господа Христа 1182 Брест Литовский тоже выбился из повиновения, и весь край снова перешел под владычество русских. Узнав об этом, польский князь Казимир осадил Брест и, добыв его после 12 дней непрерывного штурма, виновных покарал смертью. **Поляки построили в Бресте замок.** И построил над городом замок, в котором разместил польских солдат [для защиты замка] от русских, как свидетельствуют Длугош, Меховский (стр. 103), Ваповский и Бельский (стр. 248).

Казимир, князь польский, как пишет в своей хронике Винцентий Кадлубек, от Бреста сразу же двинулся в Подгорскую Русь, желая посадить на галицкое княжение своего

племянника (siestrzenca) Мстислава [14], которого согнали с престола другие братья, русские князья, попрекавшие его тем, что он бастард (bekart) (незаконнорожденный). И поход этот был в досаду полякам и пугал их, как пишет Кромер: *Moleste ferebant eam expeditionem pleriquae proceres, fortassis recordatione cladis apud illum oppidum, Crzivousto Boleslao regnante acceptae.* Ибо помнили о своем первом несчастном поражении под этим городом с Болеславом Кривоустым, однако бедолаги (niebozeta) поляки вынуждены были следовать за своим князем.

Глава вторая

О битве под Галичем с русскими князьями и о их поражении от поляков

Польский князь Казимир хотел племяннику Мстиславу [15]
Помочь сесть на княжение по наследственному праву.
Подступив под Галич, стал так и сяк примерять,
С какой стороны его войску лучше нападать.
А Владимир и Всеволод тоже не дремали,
Один галицкое, другой белзское войско собирали.
И другие князья им на помощь спешили,
На поляков со всех сторон напасть решили.
Быстро двинулись под Галич грозными шагами,
Раскинув полки по полям рядами,
Узрев которые, поляки сразу испугались,
Вспомнив, как когда-то отсюда разбегались [16].
Но князь Казимир тогда веское слово сказал,
Надеждой на верную победу тешить их стал,
Чтобы не пугались, что русских так много,
А полагались на свою отвагу и на Бога.
Чтобы на том же месте за своих братьев отомстили,
Которых русские изменой, а не мужеством, побили [17].
После позорного бегства войско со славой вернтся,
Трусам беда, смелым счастье всегда улыбнется.
Так Казимир ободрил своих и построил для боя,
Всеволод же с Владимиром, эти двое [18],
Вывели огромное число русских с сайдаками [19]
И те с пронзительным криком сошлись с поляками.

Жестокая битва поляков с русскими.
Звуки труб и грохот бубнов слышались со всех сторон
Крики мужей, конское ржание и звенящих доспехов гром.
Грозный Марс восстал, обе стороны распаляя,
Трепещущие небо, землю и леса им под ноги швыряя.
Русские полки на польский левый фланг напирали [20],
Стрелами из луков ляхов густо осыпали
Так, что те знамена и полки уже не разбирали
И смешали ряды, что порядке стояли.

Руссаки тем смелее железный град выпускали,
Из кривых луков стрелы со свистом вылетали.
И во что какой русин прицелиться норовил,
Либо коня, либо самого мужа на землю валил.
Казаки же волынские с боков поджимали,
И, ударив оттуда, польский строй разрывали,
И если рогатину муж в мужа всадил,
Сразу дух вышибал и с коня валил.

Миколай, воевода Краковский.
Краковский воевода левый фланг возглавлял
И свой дух боевой уж под русским напором терял.
Всеволод с волынцами всех поляков бы перебил,
Если бы полк Казимира тут же не подскочил [21].

Доблесть Казимира.
И с отменной отвагой ударив с боков,
Он с невиданной силой отбил руссаков,
Ибо смело пробился сквозь полки галичан,
А потом еще крепче побил волынчан.

Речь Казимира к смешавшемуся войску.
Призывая своих, он кричал: «Гей, дети, за дело,
Бог вернет нам удачу, сражайтесь смело,
Не бойтесь! Помните о славе своих предков былой,
Когда мы косили русских, как хлоп траву косой».
Так Казимир словом и делом сумел удержать
Воинов левого фланга, уже готовых бежать,
И вернул их в бой. Вот вам пример явный,
Как важен бывает на войне гетман справный [22].

Русских жестоко покарали [23].
И тогда поляки, уже было сломленные силою руссаков,
Стремительно ударили в самую гущу русских полков,
Рубя с коней, отразили их и с гиканьем стали гнать,
И ни одному не дали из лука пострелять.
Не в перестрелку, а в рукопашный бой пришлось им вступить,
И в каждого вселяло мужество желание победить.

Счастье *[улетает]* ***от русских к полякам.***
Счастье же, которое и там и сям летать привыкло смело,
Махнув изменчивым крылом, от русских к полякам улетело.
И вот уже русские, державшие было в руках победу свою,
Смешали строй и совсем растерялись в бою [24],
Ища своих и не зная пароля, блуждали.
Доспехи бренчали и лязгали, раненые стонали,

А поляки им передохнуть совсем не давали,
Бить, убивать, не щадить никого только и желали.
Русские полки стали в страхе разбегаться,
Всеволоду вернуть их в бой нечего было и пытаться.
Видя это, русские из другого, галицкого, войска,
Которые с польским правым флангом еще бились геройски,

Тут же оставили марсовы дела и спины показали [25].
Волосы на головах у всех от страха дыбом стояли,
Поляки их гнали, толкали, кололи и рубили,
А других, связав, в неволю тащили.
И бегущих больше, чем в бою, поубивали [26],
А с убитых много всяких ценностей собрали.

Русским князьям едва удается бежать.
Всеволод и Владимир, часто меняя коней,
Бежали в густые леса среди гор и полей.
Владимир просить помощи у Белы в Венгрию ускакал,
А Всеволод на третью ночь в Белз прибежал [27].

Поляки одержали победу над руссаками.
Поляки их богато украшенный лагерь грабили и разоряли,
Там много разного военного снаряжения взяли,
Галичане же им замок и город сдали
И Мстислава [28] своим господином признали.

Так эту битву описывают, хотя и с некоторыми различиями один от другого, Длугош, Меховский (кн. 3, гл. 25, стр. 103), Кромер (издание второе, кн. 6, стр. 113), Бельский по Ваповскому (*ex Vapovio editionis*) (кн. 2, стр. 248) [29] и самый первый польский хронист Винцентий Кадлубек, при жизни которого все это и происходило [30].

Глава третья

О разграблении Киева и о поражении рязанского князя

Киев разграблен. Вскоре после этого, как пишет тот же Меховский (гл. 27, стр. 107), князь Святослав Черниговский, побуждаемый завистью, собрал большое войско и пошел войной на киевского монарха Ярослава Изяславича, неожиданно осадив того в Киеве [31]. А когда Ярослав Изяславич, усомнившись в обороне, бежал из замка, Святослав Черниговский завладел Киевом, где, захватив жену и юного сына Ярослава, отправил их в Чернигов вместе с его рыцарством и всеми сокровищами, оставив Киев опустошенным и дочиста разграбленным.

Ограбление киевского духовенства. А изгнанный киевский монарх Ярослав Изяславич, приехав в Киев с двумя Ростиславовыми внуками и с рыцарскими полками, во всех бедах, которые претерпел от князя Святослава Черниговского, обвинил всех богатых горожан,

митрополита, владык, архимандритов, игуменов, чернецов, черниц и попов и пограбил у них имущество и ценности. **Большая неволя для киевлян.** А для выкупа жены с сыном и рыцарства, захваченного в плен тем же Святославом, наложил на киевлян большие подати, а некоторых продал [в рабство]. А Святослава осадил в Чернигове, желая отомстить ему за свои беды, но когда не смог его взять, учинил с ним мир и примирение.

Святослав, князь Киевский. Потом Ярослав Изяславич умер в 1184 году, а после него на киевский престол взошел Святослав, князь Черниговский [32].

Внутренние войны русских князей. Потом Всеволод завладел княжеством Владимирским после своего брата Михаила, умершего 14 числа июня месяца в том же вышеупомянутом году [33]. После него Мстислав Ростиславич, князь ростовский, собрав из ростовчан и половцев немалое войско, хотел выгнать Всеволода из владимирского замка. Всеволод тоже [пошел] против него, а когда встретились, князь Всеволод поразил Мстислава и ростовчан. И после этой победы [34] сразу же двинулся против Глеба, князя Рязанского, имея в помощь двух сыновей киевского монарха Святослава, Олега и Владимира, и племянника своего Владимира Глебовича, князя Переяславского.

Лучше опередить. Узнав об этом, рязанский князь Глеб по хитрому совету решил опередить войну Всеволода и, собрав своих людей и своих союзников (pomocniki) половцев, вторгся во всеволодово Владимирское княжество, не желая поджидать неприятеля в собственном доме. Поэтому князь Всеволод, который уже был близ Рязани, был вынужден с войском вернуться назад, спасая своих.

Жестокость Всеволода к своим русским. И когда на своей земле сошелся в огромной битве с рязанским князем Глебом и с половцами, поразил неприятельское войско и, захватив после победы самого князя Глеба Рязанского, умертвил (zamordowal) его в плену, а двух его сыновей, княжичей Мстислава и Ярополка, ослепил. И захваченных половцев всех изрубил, перебил и искоренил как поганых язычников. А иных рязанцев и их русских союзников отпустил на волю.

О междоусобицах (rosterkach) **в Галицком княжестве и о прочем**

Потом, в 1185 году, галицкий князь Мстислав [35], посаженный польским князем Казимиром на отчее панство и жестоко обходившийся со [своими] русскими подданными, был отравлен менее чем через три года после той битвы, выигранной у Галича. И послали за его братом Владимиром, который после той проигранной [им] битвы бежал было в Венгрию, чтобы тот побыстрее приезжал на галицкое княэжение. Утешенный этой радостной новостью, Владимир пришел к венгерскому королю Беле, прося его о помощи рыцарями, конями и средствами [на их содержание] (nakladem), чтобы он мог вернуть себе отчее панство и дать отпор польскому монарху Казимиру.

Погляди (patrzaj) **на хитрость и злобу венгров.** Услышав это, венгерский король Бела не только не оказал ему помощи, но и самого Владимира посадил в тюрьму. А в Галич послал с войском своего сына Андрея, чтобы тот как можно быстрее занял замок.

Венгерская хитрость для захвата Галича. [Андрей] придумал [хитрость], будто бы Владимир, опасаясь за свою безопасность, сначала послал с войском его, а сам следует сзади. К великой радости всех русских он был впущен в галицкий замок. И вот так овладев замком, венгерский королевич Андрей разместил в нем венгерский [гарнизон], принуждая русских присягнуть ему. А тех, которые отказывались присягать, сажал в тюрьму, изгонял, отбирал имения и раздавал их своим венграм, после чего занял все Галицкое княжество.

Галицкий наследник Владимир выходит из тюрьмы. А злосчастный (chudziec) Владимир, собственный галицкий наследник, видя, что он явно и предательски обманут, и проведя два года в тюрьме, куда был заключен [по приказу] венгерского короля Белы, подарками и обещаниями склонил на свою сторону своих венгерских стражей и [вместе] с этими сторожами бежал [36]. И с вождями (wodzami) и товарищами пришел в Галич, но не мог взять замок, ибо венгры его крепко (dobrze) обороняли.

А потом к нему, как к своему господину и наследнику, сразу же съехались и сбежались русские, и со всеми ними он разорял набегами и уводил пленников из окрестных княжеств, а также обобрал и опустошил Перемышльские волости, которые в то время уже служили Польше. Этого польский монарх Казимир уже не мог стерпеть и поразил хищное войско Владимира [силами] своего гетмана, воеводы Краковского. И из-за русских дел с венгерской короной Владимиру пришлось самому бежать и, видя себя всеми брошенным и отовсюду теснимым, он покорился польскому монарху Казимиру, сначала через послов попросив отпустить ему вину. И просил его помочь отобрать у венгров свою отчизну, Галицкое княжество, обещая потом верно ему служить и постоянно соблюдать свои обязательства (w powinnosci statecznie zachowac). Казимир, как истинно святой монарх, так и поступил. Он ласково принял его и послал добывать с ним Галич польское войско, [гетманом] над которым поставил краковского воеводу Миколая. К нему, как к наследнику, охотно прибыло и немалое русское войско со всего государства. Они окружили Галич, который сначала смело защищали венгры с добрыми надеждами, что со дня на день подойдет венгерский король Бела с большим войском на помощь своему сыну Андрею против русских и поляков. Но, обманутые в своих надеждах и прижатые голодом, сдали замок, выговорив себе свободный выход в Венгрию со своими вещами. Так венгры со своим королевичем Андреем были выпровожены в Венгрию, а князь Владимир с польскими полками въехал в галицкий замок к великой радости всех русских и занял отчий престол в году от рождения Господа Христа 1188. И в то же время могущественный и воинственный сарацинский король Саладин взял у христиан Иерусалим и овладел им после 88 лет, в течение которых [этот город] был в христианских руках. **В один и тот же год** (1188) **Владимир взял Галич, а сарацин Саладин — Иерусалим** [37].

Польский монарх Казимир внезапно умер на празднике. В русских княжествах все дела спокойно шли своим чередом. А польский монарх Казимир Справедливый, признанный всеми сословиями, шляхетскими и духовными, и славный своими достоинствами, в 1194 году в день Святого Готарда (5 мая) устроил праздник богатым и убогим. И когда он добродушно беседовал с епископом и со своими панами о бессмертии души и благословении святых после смерти (ибо был человек ученый), как только напился

[38], сомлел, упал и сразу же умер, к великому ужасу и странным предположениям празднующих.

Глава четвертая

О поражении половцев, разграблении Киева и о прочем

Половцы поражены. Русские князья съехались в Киев на сейм и порешили всеми силами идти на половцев. И 20 июня 1194 года [39] поразили великое сонмище (w zastepach) половцев, горделиво полагавшихся на свою мощь, забрав их шатры и обозы. И с огромной добычей, со славой и с победой вернулись на Русь.

Русские поражены половцами. А потом русский князь Игорь, тоже желая добыть славы, не ограничиваясь одной победой, задумал, переправившись через реку Дон или Танаис, всех половцев искоренить. И двинулся против половцев с двумя сыновьями, с братом своим Всеволодом Ольговичем [40] и с черниговским (Cerniejowskim) рыцарством. Но половцы неожиданно ударили на него с огромным войском и над Доном его так жестоко поразили, что из русских войск никто живым не ушел. Затем половцы, завершая победу, вторглись в русские земли около Переяславля, захватили все замки над рекой Сулой и вывели в свои края огромную добычу, о чем Меховский кн. 3, гл. 29, стр.114.

Бедственная (szkodliwa) **чужеземная помощь.** Потом, в году Господнем 1198, когда киевский князь Святослав умер и был погребен в церкви святого Кирилла Черниговского [41], киевским княжеством силой завладел князь Рюрик Мстиславич [42]. Но когда по истечении [некоторого] времени [Рюрик] был изгнан киевлянами, то бежал к половцам, от которых получил помощь. И с несметным войском, имея с собой сыновей Ольговых [43], во второй день [месяца] января без сопротивления взял киевский замок.

Жестокое разрушение Киева половцами. А поганые половцы стольную церковь Святой Софии и все прочие церкви и монастыри жестоко разграбили, старых и немощных частью изрубили, частью ослепили, а попов, чернецов и черниц, бояр, горожан и простолюдинов с женами и детьми увели в неволю в свои земли. Тогда же были взяты в плен князья Мстислав Владимирович и Ростислав со своими рыцарями, а Рюрик занял престол Киева [44], пусть и разрушенного.

О возведении поляками на галицкое княжение Романа, князя Владимирского

В упомянутом году от рождения Господа Христа 1198, когда галицкий князь Владимир, посаженный на княжение польским монархом Казимиром, умер, не оставив после себя потомка, начались новые междоусобицы (rostyrki) между русскими князьями. Многие из них домогались галицкого княжения, а особенно владимирский князь Роман — по наследственному праву и по праву рождения (dziedzicznym i przyrodzonym). Дело в том, что покойный Владимир был его дядей по отцу (strij) [45], и [Роман] добивался и домогался Галича более прочих князей. А поляки стремились превратить Галицкое княжество в повят польской монархии, как недавно учинили с Перемышльским княжеством. Но так как в то время у них была гражданская война с Мешко Старым, пытавшимся силой

отобрать краковский престол у молодого польского князя Лешека Белого, то Галицкое княжество решили отдать Роману Владимирскому, сильнейшему в то время на Руси князю, которого в той же мере боялись обидеть, ибо, добиваясь Галича силой, он мог пойти с русью войной на поляков. **Забава** (rozgrywka)**, подобная римской: давать поблажку тому, кто сильнее.**

Битва поляков с галичанами. Итак, польские войска с гетманом воеводой Краковским, вместе с которым настоял пойти и молодой монарх Лешко Белый, сын Казимира, проводили владимирского князя Романа до Галича. И как только въехали в галицкие поля, им преградили путь готовые к битве вооруженные галичане, понимавшие, что поляки хотят посадить в Галиче Романа, которого они ненавидели и боялись его тиранства. Поляки тоже смело сошлись с ними, перепугали и разгромили.

Роман, князь Галицкий. Потом галичане просили милости у польского монарха Лешека, обещая ему великие дары, чтобы он сам ими правил, а не отдавал их князю Роману. Но когда не получили согласия на свою просьбу, то отворили ворота Галицкого замка, где по указанию Лешека вынуждены были присягнуть служить верой [и правдой] князю Роману, а он им тоже обещал править милостиво и справедливо. И там же с обычными церемониями в княжеской шапке был возведен на галицкий престол митрополитом и владыками, а Лешко с войском воротился в Польшу [46].

О поражении половцев и о киевских междоусобицах

Русские князья [идут] **на половцев.** Русские князья, вспомнив про кривды и частые набеги язычников половцев, а также про вышеупомянутое жестокое разграбление ими Киева и монастырей, собрали против них большое войско. И в их поля, где у них были свои кочевья, двинулись князья: Рюрик (Ростиславич) Киевский, Ярослав Всеволодович Переяславский [47] и Роман Мстиславич (Галицкий). Пришли внезапно и ударили на половцев, на их палатки (namioty) или становища (obozy), которые они звали *вежами*. **И ныне в Жмуди дома или номы зовутся вежами [48], жилища крестьян, которых у меня было 25.** И перебили там великое множество поганых половцев с детьми и с женами, не пропуская ни одного становища (stanowi). И привезли на Русь большие трофеи: верблюдов, коней, различную добычу и освобожденных христианских пленных. А что до киевского князя Рюрика, который недавно приводил половцев воевать русскую землю и грабить Киев, то он по сговору иных князей был схвачен Романом Мстиславичем, князем Галицким и Владимирским, доставлен в Киев и пострижен в монахи (w zakon czerniecki) вместе с женой. А его пленных сыновей, Ростислава и Владимира, отправил в заключение в Галич, отпустив на волю только дочерей.

Святослав выставлен из Киева. Князь Святослав Мстиславич, видя, что киевский стол без князя пуст стоит, занял Киев, собираясь в нем править. Но галицкий князь Роман Мстиславич, который хотел именоваться монархом всей Руси и так себя и писал, подступив к Киеву, Святослава Мстиславича из замка со срамом выставил (z zelzywoscia wyrzucil).

Ростислав Рюрикович [возведен] **на киевское княжение.** А на киевский стол посадил Ростислава Рюриковича, бывшего у него в плену. И его родного брата Владимира из тюрьмы выпустил, желая этим распустить слухи о своем могуществе, доброте, отзывчивости и милосердии, и тем успешнее осуществить военный поход на Польшу, который готовил в том же году. Ниже будет о том, как он воевал Польшу с другими русскими князьями и с литовской помощью.

Глава пятая

О тиранстве Романа, князя Владимирского и Галицкого, русского монарха, и о его походе на Польшу

Князь Роман, новый Фаларис [49] и Нерон. Галицкий князь Роман, которого, как мы писали выше, польский монарх Лешко Белый на свою беду поставил на галицкое княжение, сначала показал галичанам свою милость, но скоро стал великим тираном. Иных [он] разрубал и четвертовал, иных живыми закапывал в землю, другим приказывал сдирать кожу, рассекать на куски, сажать на кол, рубить, жечь, топить, распиливать пилой, выкалывать глаза и умерщвлять различными муками, воистину тиранскими. **Тиранская поговорка.** А русских панов, которые убегали от его тиранства, ласково заманив дарами, потом, подвесив их на деревьях, каждого расстреливал [из луков], припоминая свое обычное тиранское присловье: «Не передавив пчел, меду не есть» [50].

И собрал великие сокровища, отбирая добро и конфискуя имения у бегущих русских панов. Этим он тоже усилился на Руси, да так мощно, что его боялись [все] прочие русские князья. И поэтому одних он подчинял [себе], других изгонял из княжеств, а на место изгнанных ставил послушных своей воле.

Литовцы во второй раз подчинены Романом Галицким. Литовцев же и ятвягов, лесных людей, живущих по соседству, завоевал, покорил и заставил подчиниться русской мощи. А так как литовцы, народ языческий, необузданный и неспокойный, часто выбивались из подданства, то многие литовские полки он достал мечом, а всех, кто имел коня или вола, заставил заниматься сельским трудом (do bydlecych robot). И престол русской монархии из Киева перенес в Галич, от своего имени назначив на киевское княжение Ростислава Рюриковича, а отца его Рюрика постриг в чернецы, как уже рассказывалось выше.

Вот так [Роман] подчинил себе всех русских князей Белой и Черной Руси, и с течением времени все были вынуждены его слушаться, а он правил ими по тому же закону, что и аист жабами. И таким же манером московский [князь] правит остальными князьками и ныне.

Роман воюет Польшу. Потом в 1204 году князь Роман совершил набег на Люблинскую и Сандомирскую земли, начав войну против польского монарха Лешека [51]. И вот так, не встречая отпора, разоряя, сжигая и уводя в полон польских людей, во многих местах в Польше выстроил крепости и разместил в них своих русских солдат (zolnierzami Ruskimi osadzil).

А на другой 1205 год тот же Роман, князь Галицкий, Луцкий, Волынский и Владимирский, присвоив себе русский монарший титул, собрал большое конное и пешее войско чуть ли не со всей Руси, [а также] из Ятвягии и из Литвы, грозя не только Польшу завоевать, но и все имя латинян (Lacinnikow) (как русские зовут последователей римской церкви) искоренить вместе с их письмом и церковными обрядами [52]. ***Русские анналы Длугоша, Меховский (стр. 119), Кромер (стр. 125), Ваповский и Иоанн Гротовиус (Grotovius) в Apophlegmatis Haeroum*** [53].

Отповедь святого владыки владимирского. Также послал великие дары владимирскому владыке греческого закона, прося, чтобы тот своей епископской властью благословил его и его рыцарство на военный поход в Польшу, дабы он мог разорять ее в течение трех лет. Но владыка, презрев дары, отвечал, что не годится давать такого благословения христианам, идущим неправедной войной на христиан. Услышав это, Роман разгневался и пригрозил владыке смертью, как только с победой вернется с этой войны. Владыка же отвечал: «Я за правду смерть принять не боюсь, а ты, князь Роман, и сам не ведаешь, вернешься ли с войны, либо нет». ***Dubius Martis euentus*** *(Исход войны сомнителен)*.

Роман второй раз воюет Польшу. Выбранив (nasromociwszy) владыку, князь Роман в начале весны вторгся в Польшу и осадил Люблин, а когда ему там не повезло, ибо поляки крепко обороняли замок, обратил все свои силы на Сандомирскую землю, разрушая, сжигая, грабя и разоряя деревни, местечки и церкви. И, переправив войско через Вислу, частично вброд, частично на лодках, разбил лагерь под Завихостом (Zawichwostem), в 2 милях от Сандомира. Здесь [он] услышал, что против него [выступили и] приближаются поляки со своими князьями, однако не верил, что они посмеют с ним встретиться, полагая, что поляки, увидев его войско, тотчас же обратятся в бегство.

О битве под Завихостом с князем Романом Владимирским и Галицким и о убиении его в году 1205, месяца июня, 13 дня [54]

Князь Роман, на свою мощь уповая спесиво,
И на счастье, что людские дела решает на диво,
Разбив лагерь под Завихостом, без опаски воевал
В Польше, своими загонами людей резал и убивал.

Поляки же, видя, что их волости в упадке,
Решили отбить русской жестокости нападки.
Их князья Лешек и Конрад пошли против ворога,
Братья, чьи силы князь Роман ценил недорого,

Не веря, что они решатся с ним в битву вступить [55].
Но и юного протвника нельзя недооценить [56],
Ибо и молодая цапля может ястреба убить,
А змея, свившись в клубок, может сильнее укусить.

Так и поляки в неурочный (biedni) час залегали,
А момент улучив, тут же знак к битве дали [57].

Князей в безопасное место отослали
И на русских свои огромные полки (poczty) послали.

А князь Роман, как только своих построил к бою,
Скорым шагом пошел на поляков стеною,
Не дав им построиться и смешав им строй [58],
С криком Роман вступил с поляками в бой.

Сам как храбрый гетман поступал [59],
Польских рыцарей своей рукой рубал,
Многих из них на тот свет посылал,
Звоном железа небо и землю оглушал .

Хриплый рев труб, свист стрел и конское ржанье,
Храбрых рыцарей крики, их доспехов лязг и бренчанье,
Князь Роман с обнаженной саблей по полю едет,
Ободряет своих, громко крича о триумфальной победе.

А польский гетман [60] тоже своих на бой призывает,
Обещанием славы в них воинский дух возбуждает;
И русский, и поляк запальчиво рубился,
Марсов жребий то туда, то сюда клонился.

Ляхам своя земля придавала смелости,
Каждый хотел мстить русским за их дерзости;
А Роман думал, что числом своих войск победит,
Каждый другого отправить на тот свет норовит.

Бой уже долго длился, но никто не побеждал,
Князь Роман всюду бегал, строил своих и ободрял.
Поляки, собравшись в кулак, в атаки ходили
И, прорвав русский строй, битву возобновили [61],

Громким гиканьем, криком и страшным ревом ужасая,
Поднятой пылью и песком небеса затмевая.
Князь Роман долго и храбро от них отбивался,
На милю вокруг труп на трупе валялся.

А потом русские полки стали таять, убегая,
А Роман остался, их напрасно призывая.
Коня под ним убили, он пешим побежал,
Жеребую кобылу у реки поймал,

Сел на нее, так и Вислу переплыл, жизнь спасая,
Потом бросил кобылу, со стыда сгорая,

Ударил ей челом [62] и пешком побежал со своими,
Смешавшись в бегстве с русскими простыми [63].

А поляки гнали, рубили, вязали, топили,
Вражеской кровью отчизну свою кропили,
Там и князя Романа убили, не узнав [64],
Лучше б он на кобыле остался, убежав [65].

Потом в Сандомире с честью его схоронили,
Но русские паны тело его откупили
Тысячей гривен серебра. Сразу же заплатили [66]
И во Владимире снова похоронили [67].

А в ночь перед битвой Роману приснилось,
Будто на огромную стаю воробьев, так случилось,
Из Сандомира слетелась небольшая стая щеглов
К Завихосту. И щеглы одолели там всех воробьев.

А когда своим панам тот сон рассказал, тогда
Старики сказали: видно, ждет нас беда.
Княже, это к добру, молодые сказали,
Будем бить собак ляхов. Но не угадали [68].

Вот так наш милый Роман, будто Ксеркс, жестоко
Ошибся, ибо силу греков тот ценил невысоко.
Ведь Сенека сказал: берегись врагов своих,
Даже если кажется, что нет ничтожнее их.

Так поляки одержали эту славную победу под Завихостом над Вислой в году 1205 в день Гервазия и Протасия (19 июня) [69], святых, которым польский монарх Лешко Белый щедро соорудил алтарь в Краковском замке. А убитый князь Роман, главный враг Польши и Литвы, остался на поле, будто простой солдат (drab) [70]. [Потом его] с почетом, как монарха, погребли сначала в Сандомире, затем во Владимире Волынском [71], а за его тело русаки отдали полякам 1 000 гривен серебра. О чем подробнее свидетельствуют Длугош, Меховский и Кромер.

Глава шестая

О разорении русских княжеств литовцами и жмудинами и о первых упоминаниях о них у историков.

Год 1205.

Когда Роман так жестоко счастье свое упустил (sfankowal)
И над русской монархией смертью своей подшутил (nadpsowal),

Все русские князья, которых много было,
Стали спорить за власть, как кому было мило.

Первая причина литовских и жмудских вольностей.

А литовцы с жмудинами, что в лесах поджидали,
О разгроме русских сразу же узнали.
В свои длинные трубы тут же затрубили,
Видя, что поляки русскую мощь надломили.

Живибунда с Монтвилом гетманами избрали,
О чьей доблести и военном искусстве хорошо знали;
Не желая в густых лесах праздно лежать,
За добычей решили на Русь набежать.

Литва воюет русские княжества.

А когда через Вилию войско переправили,
Жмудинов и ятвягов к себе прибавили,
Новогрудские волости вдоль и поперек разоряли,
Русский народ без жалости грабили и убивали.

Пожгли окрестности Владимирские и Луцкие,
Пограбили церкви и монастыри русские,
До самого Мозыря свои загоны распускали,
Другие Пинское княжество без помех разоряли.

Русские князья Ольговичи.

Князья Ольговичи, видя беды многие,
Засели на узкой лесной дороге,
Где поганым через лес с добычею идти,
Там их и решили угробить (zagnabili) и извести.

А предупрежденные литовцы другой [дорогой] пошли,
И с собою пленников с награбленным вели.
Узнав об этом, Ольговичи за ними поспешили,
В схватках, где могли, язычников громили.

А когда в Слонимских (Slominskich) полях литовцы кошем [72] встали,
Ольговичи с русскими сразу на них напали
И всей гурьбой (hurmem) битву с погаными завязали,
А литовцы тоже смело на них налетали.

Литовская битва с руссаками.

Русь с саблями и с луками, а литва с рогатинами и копьями
Бились с громкими криками и разноголосыми воплями,
Mus, azmus thos (tuos?) Gudos [73], литовцы и жмудь кричали:
Битву, равную с обеих сторон, долго они не кончали.

Князья Ольговичи, видя это и беды боясь,
Потерпеть поражение от язычников стыдясь,
Завели два своих полка литовцам в тыл умело
И ударили так, что средь бела дня от пыли стемнело.

Литовцы поражены руссаками.
Как только литву стиснули и с чела, и с заду,
И от русских стрел она полегла, как жито от граду,
Стали они разбегаться, а русь за ними бежит,
Гонит, рубит, трупов их полное поле лежит [74].

Одни через реку вплавь бросались, другие горемычные
В лагерь бежали, а иные в лес, в свои логова привычные.
Так Ольговичи всех их полностью разгромили,
Хотя и у русских не один полк там наголову разбили.

В несогласии и великие царства гибнут,
а в согласии растут [даже] **малые и никчемные.**
А литва потом постоянно, не переставая,
Беды чинила на Руси, полоны выгоняя;
Ибо русские князья, которые после Романа остались,
Все, у кого был меч, за верховную власть передрались.

Данило Романович к Галичу ходил, взять его пытаясь,
С киевским и черниговским князьями лбами толкаясь.
При согласии Рим в повелителя мира из ничего превратился,
В несогласии он оскудел со страной и свободы лишился.

Славные греческие царства с вельможными князьями
Персам и римлянам были страшны в согласии сами,
А в несогласии турки силой их покорили,
Вольностей и самой любимой отчизны лишили.

Бывший невольник панов своих мучит,
Бывший пастух ученых философов учит
В Греции, куда сами турецкие пастухи
Пришли с Кавказских гор, из скифской шелухи.

Литва в согласии выросла из ничего.
А сама Киевская монархия, с древнейших веков
Славная твердым мужеством и отвагой честных руссаков,
Из-за раздоров в Литву свой престол перенесла
И из единой Литвы великая страна произошла.

Об этих вторжениях литавов (Litawow) в русские княжества после убиения русского псевдо-монарха Романа, князя Владимирского и Галицкого, Длугош, Винцентий Кадлубек

и Меховский пишут так: ***Circa haec tempora nomen gentis Lituanicae auditum est, prius incognitum, qui cum servi Ruthenorum forent, pro solutione tributorum peryzomata, suberes et pelles quotannis pendentes, circa annum Domini 1205 in magna multitudine glomerati contra Russiam venerunt. Duces autem Holhovici cum illis campestraliter congressi fere ad ultimum eos conflixerunt, licet ex Rutenis etiam multi cecidissent, etc.*** **Латынь Меховского (кн. 3, гл. 29, стр. 114).** *Примерно в это время услышали доселе неведомое имя народа Литовского, который, когда был в неволе у русских, был обложен данью и [обязан был] ежегодно платить ее вениками, лыком и шкурами зверей. В году Господнем 1205 они в огромном множестве собрались в войско и пошли против русской земли. А князья Ольговичи сошлись с ними в поле в битве и разбили наголову, хотя и из русского войска много рыцарства полегло, и прочее* [75].

Потом в соответствующих местах Меховский уже часто упоминает литовцев, как сам ниже увидишь. Другие историки тоже описывают эту литовскую битву с Ольговичами — таким же манером, как и я выразил в виршах [76].

Кромер тоже пишет об этом вторжении литавов на Русь сразу после убиения Романа: ***Per hoc tempus Litvani gens fera, silvestris et obscura, Russorum agros praedis agendis infestare caepere, etc*** (в первом издании «Хроники» стр. 183, во втором издании стр. 126 кн. 7). То есть: *еще до этого литовцы, народ лесной, жестокий и ничтожный (nieznaczny), начали совершать набеги на русские земли, захватывать и вывозить добычу, и прочее.*

Так Длугош, Ваповский, Меховский и Кромер в своих хрониках впервые упоминают о литовском лесном народе и освещают его военные действия [под] 1205 годом от спасительного рождения господа Христа. Однако не могло быть так, чтобы Литва началась со столь недавнего времени. Этот народ с самых древних лет жил в тех же местах, где и сейчас, и [существовал] так же давно, как русские либо поляки. Но русские монархи, как более сильные, после долгих и частых с ними войн жестоко их одолели, приневолили, заставили платить дань и притесняли, так что в лесах литвина и жмудина до того часу и не слыхать было, ибо они еще как следует не распространились [по миру]. А русская монархия не только Литве, но и греческим императорам, половцам, печенегам, болгарам, сербам, венграм, полякам и другим соседям, как иностранным государствам, и в мирное [время] страшна была с давних лет, особенно с 861 года от рождества спасителя Христа, во времена князей Олега, Игоря, Рюрика, а также при Святославе, Владимире и Ярославе. Выше со слов некоторых историков рассказывалось, что при этих русских монархах Литва была уже известна, но из-за своего соседства попала в подданство к Руси. Однако [литовцы] выбирали время и совершали набеги на русские княжества. Об этом свидетельствуют русская история (dzieje) и первый польский историк Винцентий Кадлубек, [который полагал], что имя литовцев известно уже лет 700, а Меховский вопреки самому себе в некоторых местах описывает войны литовцев с русью, [бывшие] лет 500 [тому назад]. Ибо у него в каждом рассказе рыщешь, как в лабиринте, все он там писал с ошибками (confuse), а один раз положил [заседания] капитула на четверг и на пятницу, что мог бы и поправить из одного лишь приличия, кроме того, путался (confudowal) ***seriem et ordinum temporum et nationum*** *(с датами и порядком времен и народов)* [77]. Это, если кому-то потребуется, я могу продемонстрировать из его же хроники. Так, первое появление и толкование имени литовского он относит к 1205 году (гл. 29, стр.

114), а выше, под 1103 годом, сам себе противореча, пишет так: ***Eodem tamen Anno Pruteni et Lituani terras Russiae vastarunt, etc.*** *Однако в том же году пруссы и литовцы разоряли русские земли, и прочее* (гл. 15, стр. 83). Это доказывает славное мужество литовцев, разорявших русские земли в течение 477, а не 372 лет [78]. Что из него приводят также Ваповский и Бельский в своей Хронике ***in libro Cronicorum secundae editionis*** (издание второе, стр. 245). Выше тот же Меховский упоминает литовцев, жмудинов и латгалов (Lotihajlow) под годом Господним 1041, из чего следует, что Литва была известна 576 лет [79]. А ниже тот же [автор] выводит их народ от итальянцев стародавних времен, еще до Христа, о чем уже достаточно написано выше.

Глава седьмая

Живибунд Дорспрунгович герба Китаврас или Гипоцентаврус, литовский князь после Кернуса Куносовича и жмудский князь Монтвил Гимбутович.

Долго я тебя, читатель, забавлял
Тем, что русские дела прилежно описал
И прервал порядок литовских князей.
Ты прости меня и вот что уразумей:

Русский народ в истории своей древнейшей,
Прославленной Киевской монархией сильнейшей,
Свою храбрость не раз в боях проявлял,
Чем они гордятся и живут, чтобы каждый знал.

Ибо и с Митридатом, царем Понтийским, который один
Страшил гордых римлян и был непобедим,
Роксоланы, нынешних русов предки,
Воевали, о чем пишут и сами греки.

Лиутпранд, Прокопий, Зонара еще с незапамятных лет
В греческих хрониках пишут о величии русских побед [80].
Пишет и Сабелликус [81], кто хочет, пусть читают,
Что и ученые домоседы о русской славе знают.

Как с греческими императорами, придя путями водными,
На море бой вели, желая видеть потомков своих свободными,
В Таврике, где ныне Перекоп, Корсунь у греков захватили,
А под Адрианополем их цесаря зарубили [82].

Своими глазами видим мы в Пере [83], месте красивом
Над Пропонтидой [84], глубоким морским проливом,
Всадника в латах с копьем — герб русской страны
В память далекой греческо-русской войны.

Высеченными на воротах стихами на разные лады
Славят греки Владимира, его деяния и труды,
Как он на греческой царевне женился и крест святой
Принес на Русь, низвергнув идолов своею рукой.

Славят русское мужество и Блондус, муж ученый,
Успергенсис, Аретин, во многие тайны посвященный,
Орозий, Науклер, Волатеран [85] знаменитый,
Гвидо, Равенна и Лиутпранд, историк именитый [86].

Все они пишут про русские дела, которых нет славнее,
Вспоминая которые, сердце бьется сильнее,
Ибо с парфянами, с греками, с данами и с прочими скандинавами,
Со шведами и с норвежцами обменивались ударами кровавыми.

Новгородцы Великую Финляндию держали,
Псковичи с давних лет дань со Скандии брали,
В то время русская монархия в зените стояла,
Впереди всех соседей всегда выступала [87].

Потому-то литовцы на Русь не зарились и не нападали,
Хотя сами себя не хуже русских считали,
А без них навести нам порядок никак не суметь,
Потому что русские издавна дома привыкли сидеть.

Есть старые свидетельства: Литва же от них же и приросла,
Когда у русских князей междоусобица рога вознесла;
А литовцы, будучи в согласии, в их вотчинах осели,
Когда смуты бедную Русь изнутри разъели.

Служили литовцы Руси, которая их приневолила силой,
Но непобедимую державу несогласие подкосило [88]:
Так наизнанку выворачиваются монархии и царства
И холопы над панами власть берут в государстве.

Кернус Кунасович, князь литовский, сперва заселил
Леса над Вилией, он как раз удобный момент улучил,
Когда русские князья друг другу вредили
И один на другого войска водили.

В Кернове, который заложил и своим именем назвал [89],
Он устроил столицу и Завилийское княжество приумножал
Без особых трудов, пока русские выбивались из сил,
И на свет божий имя литовцев из тьмы выводил.

А сын Гимбута, брата Кернуса, Монтвил,
В Жмуди готовое княжество после отца получил,
Жил в Юрборке, но в Кунасове чаще бывал,
Где ныне Каунас, там охотился и зверя бивал.

Эрдзивила, Немена и Викинта он породил,
Трех сынов, и для дела каждый из них подходил,
Среди грубого люда в Жмуди они правили
И поганских богов своих чтили и славили.

Над Невежисом вечный огонь или Знич [90] основавши,
Там для идолов рядом построили башню,
Им же по дьявольскому соблазну леса посвятили,
В которых змеям и гадам жертвы приносили.

Живибунд [91] Дорспрунгович, римской фамилии,
Жил в Дялтуве и в Вилькомире,
Герб Китаврас от предков имел: полуконя, полумужа,
Целящего из лука в конский хвост в виде ужа [92].

Четверо князей, каждый в своем уделе,
Во взаимном согласии и дружбе жить умели.
В согласии литва в столь великий народ превратилась,
А русская монархия от несогласия чуть не развалилась.

Литовский князь Кернус, сединами убеленный,
Дочь свою Пояту решил отдать в жены
Живибунду Дорспрунговичу, как зятю тесть,
А с ней и княжество Литовское, оказав зятю честь.

Сына-наследника он не имел и поэтому дочке своей
Власть передал, ну а с нею и зятю, их поженив поскорей.
Так Живибунд, храбрых римлян по крови потомок истинный,
Вместе с женой получил и Литву, как наследник единственный.

И из Дялтувы отправился в Кернов, где с милой женой,
Верной Поятой, принял верховную власть над Литвой.
Правил он скромно, и подданных мирно судил,
А при угрозе границам, не медля, беду отводил.

Кернусу, когда смерти долг заплатило тело,
А душа к Харону на перевоз летела,
У леса высокий погребальный курган вознесли,
И у озера Жосли [93] мертвое тело сожгли.

Сожгли, как обычай языческий требовал, ну а потом
Прах собрав, схоронили; выше найдешь ты о том.
Живибунд тело тестя после смерти спалил,
Вилькомир, Дялтуву и Кернов себе подчинил.

Герб Колюмны [94] объединил с Китаврасом, гербом своим,
Сделав себе печать с этим клейнотом двойным,
С Монтвилом же, князем жмудским, он дружбы держался,
И каждый из них при прежнем своем уделе остался.

Русским князьям против поляков помогали [95]
И в мазовецкие волости из своих углов (z katow) наезжали,
Выводя пленных и добычу, с чего и жили,
И за ними уже не гнались, когда Нарев переходили.

А когда у русских бывало несогласье,
Видя случай освободиться от их власти,
Наезжали на их княжества, добычу хватая
И в густые леса, как в замки, с ней убегая.

И если их в поле не догнал, то уже поздно,
Ибо по болотным топям разбежались розно,
Острова на озерах им убежищем были, чащобы и пущи,
Они прятались в ямах, их считая укрытием лучшим [96].

Старинная литовская одежда.

Кроме шкуры звериной, одеждой другой не владели,
Все имущество их — только то, что с собою имели.
Дом — шалаш, сверху дерном покрыт, обувь из лыка,
Зверю лоб ободрал — и надел вместо шлыка [97].

Можно сказать, что все это с Геркулесом схоже,
Который голову покрывал львиной шкурой тоже,
Видел бы он, как наш жмудин лоб свой
Покрыл волчьей, медвежьей, либо зубра головой.

Старинное литовское оружие.

А когда железные плуги в русских землях добывали,
Наконечники для стрел и копий из них ковали,
Их потом на длинные древки насадили,
А до этого наконечники костяными были.

И хоть их русские били, а на ком-то и пахали [98],
Они мало думали о смерти, а воевали и воевали;

Иные твердо верили в рок, только судьбе доверяли,
Когда не могли бежать, в жестоком бою погибали.

Если же литовцы русского в плен брали,
Вместе с конем его тут же сжигали
В честь злых пугал, языческих богов [99],
И так рыдали, что треск шел от кустов.

Литовцы начинают хозяйствовать.

С давних времен они по звериным законам жили,
А как Живибунда с Монтвилом княжить посадили,
То литвин, то жмудин стал учиться какому-либо делу:
Или нужному ремеслу, или земледелию.

Сперва научились волов в ярмо запрягать,
Острым плугом пахать и хлеб у себя засевать,
И кусок со стола теперь жертвовали Церере [100]
А раньше оставляли его рыбам или зверю.

Научились строить дома, вокруг дома — забор,
И добычу свою гнал хозяин на скотный двор,
А то, что раньше по лесам и полям пропадало,
Теперь на распаханных угодьях прирастало.

И мололи, мололи зерно, рожь (Rugosz) [101] дробя, напевая,
Каждый год собирая хлеб, собственным потом его добывая.
Литовец, который раньше одним грабежом привык жить,
Теперь, как русин и поляк, имел что в рот положить.

Сначала литовцы воевали только чтобы прокормиться.

И уже не ради добычи, а ради расширения
Государства и общими силами границ приумножения
Наезжали на Русь за добычей и славою
И вели с русскими князьями войну кровавую.

Кровавую, ибо частенько кровь свою проливали,
Когда пространство своим внукам саблей расчищали.
А решив быть людьми, как люди жили и сами,
Раньше же каждый, как волк, лежал в лесной засаде.

Изобретение переправы древними литовцами.

Уже и шатры, уже и военные обозы
Придумали, и хитрые через реки перевозы,

Дивные ладьи, челны из зубровых шкур сшивали,
Швы, чтобы не пускали воду, жиром (lojem) натирали.

Ведь в те времена, когда в лесных местах пусто стало,
А речных перевозов налажено было мало,
Литовцы придумали простую легкую переправу,
Которая и потомкам в рыцарском деле служила на славу.

Ибо и Дмитр Вишневецкий [102] эту штуку оценил,
Когда через Дон, Днестр, Дунай войско часто водил,
Беря с собой те челны (baty), которые легче таскать,
Чем деревянные, и легче на них догонять и убегать.

Итак, Живибунд, правя в Кернове достойно,
Всячески заботился, чтобы его внуки спокойно
И мирно жили бы в Литовской стране,
Ибо все дела он упорно клонил к войне.

К войне, ибо лишь войной достигают мира,
Лишь трудами пахаря оживает нива.
Так рыцари веселятся уже после войны,
Когда вражеские набеги ими отражены.

О ссорах между русскими князьями, набегах на Русь литовцев и о их поражении.

Меховский (кн. 3, гл. 22, стр. 123) и русские летописцы

Русские князья Юрий Владимирский и Ярослав Переяславский, объединив свои силы, пошли неправедной войной на князей Смоленских и Новгородских. А Смоленские и Новгородские князья, родные братья Владимир, Константин и Мстислав, решили на насилие ответить насилием и собрали свои войска. Когда обе стороны храбро и упрямо двинулись друг против друга, то в году 1206 от спасительного рождества Господа Христа, 12 апреля [103], сошлись в жестокой битве. И смоленские князья: Владимир, Константин и Мстислав одержали там справедливую победу над возмутителями (gwaltownikami) спокойствия Юрием Владимирским и Ярославом Переяславским, побив и разгромив все их полки, собранные из русских и из половцев, которых на поле боя полегло десять тысяч. **В войне Бог и счастье** [на стороне] **справедливости.**

Желавшие чужого [сами] **пришли в упадок.** И, завершая победу, осадили Юрия во Владимире, где тот заперся, бежав из битвы. После долгой осады он попросил мира на тех условиях, что сдает Владимирский замок, а сам выходит к ним. А они сразу же отдали Владимирское княжество с замком своему брату Константину, а сами двинулись к Переяславлю против Ярослава, который не стал сопротивляться, а сразу же запросил мира. Победители, видя, что [Ярослав] покорился, учинили с ним мир и оставили на переяславском княжении, однако за большие подарки.

Литва воюет русские края. А потом литовцы, видя ссоры и внутренние несогласия между русскими князьями, распалившись жаждой добычи, летом вышли из своих лежбищ в густых лесах. И, собравшись со своими князьями в полки, огромным войском вторглись в Русскую страну, разрушая, сжигая, грабя и разоряя все, что им попадалось.

Желая дать им отпор, киевский князь Владимир Рюрикович, имея с собой смоленских рыцарей и к тому же объединив силы с другими князьями: Романом Борисовичем и Константином, Мстиславом и Ростиславом, сыновьями князя Давыда [104], двинулся против литовцев, разоряющих русские волости. И так как литовцы не стали затягивать с битвой, с обеих сторон сошлись два огромных войска, равные числом. Долгое время битва шла на равных, но в конце концов литовцы потерпели поражение и стали разбегаться по полям. А русские князья, распустив за ними загоны, литовцев и их князей по лесам и по укрытиям били, рубили и хватали [в плен], а весь [русский] полон отбили. ***Lituanorum Duces occidendo fugientes persequendo etc.*** *(Спасающихся от преследования литовских князей убивали, и прочее)* [105].

Жестокость рязанского князя [по отношению] **к братьям.** Тогда же Глеб, князь рязанский (этим княжеством ныне завладел [царь] Московский), манимый лакомством, жестоко умертвил шесть родных братьев и великих бояр, которые держали их сторону, чтобы самому завладеть всем Рязанским княжеством [106].

Глава восьмая

О короновании Коломана, сына венгерского короля Андрея, на королевство Галатское или Галицкое и Владимирское [в году] 1208, о его изгнании и о поражении венгров и поляков от руси.

Светлейшему (do Jasnie Oswieconego) князю и пану,
пану Янушу Константиновичу, князю Острожскому [107],
графу на Тарнове и прочее

После Романа Галицкого и Владимирского, бывшего
Высшим монархом всей Руси и ходившего
На польскую войну, где его и убили,
В русских владениях новые смуты наступили.

Две столицы русской монархии.

Ибо киевские князья по-прежнему быть старшими желали,
А другие князья этому, как могли, мешали.
Один хотел в Галиче, другой во Владимире чтобы была
Монархия всей Руси — из-за этого долгая распря шла.

А от внутренних войн их сил не могло не убыть,
Ибо каждому милее править, нежели служить.

Сильнейший слабейшего прочь с державы сгонял,
Из-за их несогласья литовцам никто не мешал,

Притесненным нуждою, на Русь наезжать.
Пришлось [галицкой] братии город оборонять,
И, когда их сильно доняли, стали о том рядить,
Как бы чужеземного князя монархом посадить.

Сын венгерского короля Андрея избран на русское Галицкое королевство.

А так как брезговали польскими князьями [108]
Галичане, то в конце концов решили сами
Взять в правители из венгров Коломана [109]
И в Галиче королем посадить его за пана.

И отправили к венграм послов — звать его, чтобы приезжал,
Коломан же, как только приятную новость узнал,
Себя долго просить не заставил, и со свитой своей
Прибыл в Галич, привезя туда много красивых вещей.

Там его епископы из Венгрии короновали [110]
Галицким королем торжественно называли.
Краковский епископ Винцентий Кадлубек [111] рукою своею
Корону ему надел и просватал ему Саломею,

Лешека Белого сестру [112]. С ней он брак заключил,
Власть над Галицким русским царством получил,
Но владел им недолго, ибо русские не были рады,
Что их новый король им несет римские обряды.

Боясь, как бы римский король и папские молитвы не оскорбили,
Не поругали и до основания не сокрушили
Святую русскую веру. Боялись и за свои вольности,
Опасаясь какой-нибудь венгерской хитрости.

Ибо, когда вера в упадке, беда грозит государству всему,
Жестокие смуты французов ныне пример сему [113].
Очень этого опасаясь, русские решили призвать
Мстислава Мстиславича ими править и их защищать.

Мстислав Мстиславич Храбрый.

Этот Мстислав и впрямь был рыцарем добрым,
За его отвагу его и прозвали Храбрым [114],
[Он был] галицким наследником [115], отчизну любил
И не желал, чтобы в ней над ним венгр верховодил.

Поэтому, когда Коломан уже королевством правил,
А часть войска назад в Венгрию отправил,
Мстислав Мстиславич Храбрый тут же собрал молодцов
Из половцев, из литвы, из русских, будто лев повел львов.

Недавно коронованный Коломан бежит из Галича.

Галич они стремительным штурмом взяли,
Король Коломан и венгры тут же бежали,
Краковский епископ Кадлубек вслед за ними
С польским канцлером Ивоном и с другими [116],

Кого не убили и не пленили. Мстислав, ликуя,
Вступил в галицкий замок, где корону золотую,
Брошенную Коломаном, ему на голову водрузили
И владыкой и царем всей Руси провозгласили [117].

Мстислав Мстиславич Храбрый, изгнавший Коломана, коронован королем и царем всей Руси.

Многих венгров и поляков русаки поубивали,
Взятых в плен, как скотину, содержали,
Других перепродавали, а обряды римские
Порушили, почитая их за ереси мерзкие (za brzydliwe bledy).

Венгерское и польское войско [идет] на Галич против руссаков.

А потом разгневался венгерский король Андрей
За изгнание своего сына, и поскорей
Послал с ним большое войско добывать Галича
И выставить из него Мстислава Мстиславича.

И Лешко помощь из Польши Коломану послал,
Войско немалое против Мстислава собрал.
Мстислав же, как только узнал о подходе венгерских полков,
Собрал большие отряды из половцев и русаков.

Князья Ростислав Мстиславич и Владимир Рюрикович
С войсками, а с ними и Ростислав Давыдович [118]
Прибыли к Мстиславу и помощь предложили,
Не желая, чтобы венгры русских срамотили.

Кроме того, литовцев, половцев и ятвягов призвали,
Чтобы венграм и полякам отпор мощный дали.
Но поляки с венграми быстро наступали
И первым же штурмом внезапно Галич взяли.

Поляки и венгры взяли Галич.

А Коломан, жену там оставив и заботам слуг поручив,
Людьми и орудиями замок как следует укрепив,
Войско построил: и слева там венгры встали,
А поляки с правого бока оборону держали.

Полдень.

Так и построившись, пошли с русаками биться,
А Феб уж полнеба объехал на колеснице,
Огненными волосами на доспехах блистая,
Восстал и Марс, на битву мужей поднимая.

Большая схватка (potkanie ogromne) русаков с поляками и с венграми.

Мстислав Храбрый с другими князьями тоже умело
Выстроил полки, в их чело сам встал смело,
Призывая, чтобы храбро сражались
И лишь полной победы добивались.

То же делал и Коломан, то же и поляки.
И по рву из дубравы вылетели русаки [119],
С криком и гиканьем с венграми бой завязали,
А половцы на польский правый фланг наезжали.

Жестокая битва.

Изо всех сил войска столкнулись. Скрежет ужасный,
То ли стрелы из луков затмили солнечный лик ясный,
То ли арбалетные болты (z kusz belty). Один другого рубил,
Один полк за другим из-за высоких деревьев выходил.

Слышали бы вы стоны раненых, придавленных конями,
Видели бы вы схватки меж различными полками,
Которые, как окуренные пчелы, роились,
Либо, как волны морские, с силой о скалы бились,

Вздымаясь пеной и брызгами рассыпаясь в море,
Штурману с боцманом с бурей напрасно спорить.
Так и в той битве, когда Марс кошку вперед пускал [120],
Где горы, где рвы, никто из солдат уже не разбирал.

Уже и вслепую дрались: муж на мужа,
Не заботясь, у него ли длиннее оружие,

Или у врага, запальчиво и упорно бежал,
Не боясь погибнуть [121], лишь бы рядом противник лежал.

А Харон души воинов уже поджидал,
Их побольше в черную ладью собирал,
Ибо тени к нему тысяча за тысячей прибывали,
А в воздухе скорбные [возгласы нимфы] Эхо звучали.

Поляки** [опасаются военных] **хитростей Мстислава.

Опасаясь хитрости Мстислава, крикнули, чтобы съехались в круг,
Сильнейших мужей выстроили вокруг
И рубились насмерть. Коломан так же поступил со своими
Венграми, а Фортуна так же посмеялась и над ними.

Поляки правый фланг уже было оборонили
И русаков в первой схватке разгромили,
Венгры тоже начали было побеждать [122],
Но капризное счастье подвело их опять.

Ибо Мстислав Храбрый, свежих половцев собирая
И полякам и венграм в тыл заезжая,
Чего те не ждали, ударил по ним пехотой (pedem) быстрою
Несколько полков скосил, будто косою острою,

Других легко разгромил, когда ряды смешали
И в беспорядке в разные стороны побежали [123].
Русские с криком их гнали, рубили, кололи, вязали,
Венгры в гору бежали, тарчами [124] спины защищали.

Хитрость со знаменем, захваченным у поляков.

Русаки же польское королевское знамя (choragiew) взяли
С белым орлом, тут же его развернули и подняли
В своей засаде; а поляки, знамя увидя, спешили
Отовсюду к нему, ведь там свои, они решили.

И которые туда по ошибке пришли,
Все до одного в той ловушке полегли.
И вот так эти венгров и ляхов войска побитые
Прославили Русь победою знаменитою.

Так эту битву описывают Меховский (кн. 3, гл. 31, стр. 119), Кромер (кн. 7), Длугош и другие. *Jacebant que cadavera interfectorum circa Halic tanquam arena insepulta*, как говорит Меховский, то есть: *непогребенные тела убитых, подобно песку, во множестве лежали около Галича.*

Аттила Филений (Fileni). Новый русский король Коломан захвачен в Галиче вместе с женой полькой. Русские взяли в плен венгерского воеводу Аттилу Филиния (Attiliusa Filiniego) [125], а венгерский королевич Коломан, король Галицкий и Владимирский, бежал в галицкий замок, в котором его осадил Мстислав Храбрый. **Успех русаков в подкопе Галича.** А так как коломановы солдаты небрежно стерегли изнутри замковые ворота, русаки как-то ночью подкопались под них и ворвались в замок, а сильно перепуганные венгры и поляки, убегая [и прыгая] со стен, ломали шеи. Перебив остальных и завладев замком, Мстислав осадил костел Пречистой [Девы], в котором заперся Коломан с женой, дамами и отборными рыцарями. Итак, прижатые голодом и жаждой, они отворили двери костела, на переговорах выпросив у Мстислава только жизнь. Дети, а также польские и венгерские женщины по приказу Мстислава были выведены, и всех их Мстислав раздал: часть половцам, а часть своим дворянам.

Король Коломан с женой отправлен в заключение в Торческ. А Коломана с женой Саломеей (Salomka), польской княжной, послал в заключение в Торческ (do Torska), где, по Меховскому, его содержали под стражей в течение двух лет, хотя Кромер указывает только год. Он был выпущен в 1210 году лишь после долгих постановлений и обсуждений на тех условиях, чтобы Бела, старший брат Коломана, взял в жены Марию, сестру Мстислава, а Мстислав через три года должен уступить Галич Коломану. Исполняя эти условия, Мстислав отъехал в Торческ, где на другой год умер и похоронен в Киеве, в церкви Святого Креста, которую сам и построил. **Мстислав, прозванный Храбрым, умер в 1212 году.**

Но Коломан тоже недолго пановал на Галицком королевстве, ибо Даниил Романович взял Галицкий замок и выгнал Коломана, которого уже [его] отец Андрей, король венгерский, после двух походов едва вернул в Галич. **Даниил Романович, предок князей Острожских.** И правил Коломан в Галиче три года, а в 1225 году умер с подозрением на отравление. И с того времени венгерские короли утратили свою власть на Руси, однако потом долго использовали титул [правителей] королевства Галицкого и Лодомерийского (Lodomeryskiego) или Владимирского, как ныне Генрих [126] [короля] Польского и всего княжества Литовского и прочее. **Венгерские короли использовали титулы** [правителей] **королевства *Gallaciae или Hallaciae и Laodomeriae*, а надо бы *Wolodomeriae*.**

Новые стычки (burdy) из-за Галича. После смерти Коломана Галичем овладел Давид [127] Романович, но Изяслав, будучи ближайшим [соседом] Галицкого княжества, собрал войско из половцев и выгнал (wypedzil) Даниила Романовича, а Галицкое княжество уступил князю Михалку Звенигородскому (Swiniogrodzkiemu) [128].

О поражении русских князей от поляков в году 1211

Русаки, первой победой безмерно гордясь,
Перемены фортуны опрометчиво не боясь,
С литвинами, жмудинами, ятвягами объединялись
И с ними в набеги на Польшу устремлялись.

Сандомирский каштелян Сулислав.

Удрученный этим, Лешек призвал Сулислава,
Блиставшего мужеством и военной славой.
Тот с отборным рыцарством в русские волости вступил,
Воздавая око за око, их без милости разорил.

Гордые русские князья сразу же войско собрали,
Скорым шагом идя, на поляков они наступали,
Их считая их слабее себя и по-прежнему веря в фортуну,
Но фортуну, как дым, изменившийся ветер легко может сдунуть.

А поляки, собрав свои силы в единый кулак,
С криком в центр их отрядов ударили так,
Что внезапно прорвали их строй, всех переполошили,
Надеявшихся на свои силы хитростью победили.

После этого русские по лесам разбежались,
В полях было полно убитых, в каждом рву они валялись.
Грабя обозы, много ценной добычи поляки там взяли,
Пленных хватая, много знати у русских они повязали.

Их князья Святослав, Константин, Владимир, Юрий и Ярослав [129]
В плену оказались, вместе с солдатами в плен попав,
Но их потом отпустили, когда возместили
Все убытки полякам и пленников всех возвратили.

Так русаки и ляхи мир меж собой заключили,
Ибо уже новых, еще горших врагов заполучили:
Свирепых татар, доселе неслыханное и невиданное племя,
Невиданное даже в тех степях, где они живут в наше время.

Глава девятая

О первом пришествии скифов или татар в те поля, где [они] ныне осели, изгнав и выбив половцев, а затем и русских князей поразили и приневолили.

Год 1211

Старые литовские летописцы, писавшие без надлежащих доказательств (ибо в те времена не было людей столь острого ума) рассказывают так.

Во времена правления Монтвила, Гимбутова сына, поднялся царь татарский Батый (Batti) и повоевал всю Русскую землю, перебив немало князей. И столицу всей Руси Киев спалил и опустошил, аж великий князь Киевский Димитрий в Чернигов сбежал, и прочее [130].

И в то время жмудский князь Выкинт якобы отправил в поход своего сына Эрдзивила, который завладел Новогрудком, Гродно, Брестом и Мельником. Но это было иначе и еще

до Батыя, что следует из [трудов] надежных историков и из самых достоверных источников.

Когда воевал татарский царь Батый. Ибо Батый с шестьюстами тысячами воинов повоевал русские княжества, всю Польшу, Моравию и Силезию аж до самого Вроцлава в году от рождества Христова 1240. И Легницу, где татары убили прусского магистра Поппо (Pompa) [131] и легницкого князя Генриха, сына святой Ядвиги, мужественно защищавших Христову веру. И потом три года пробыли в Венгрии, где огнем и саблей повоевали всю Венгрию, а также Рагузскую (Racka), Боснийскую, Хорватскую и Болгарскую земли. А литовцы (чего и сами из-за своего пренебрежения историей знать не могли) еще до этого вырвались из русской неволи и сбросили [иго].

Было это в году 1211 от рождения Господа Христа, а по другим [сведениям], в 1118. ***Cromerus: Circa annum Christi 1202 vel ut alii volunt 1118***. *(Кромер: Примерно в году Христовом 1202 или, как некоторым больше нравится, 1118).* В те времена скифский народ татары, прозванные так либо от реки Тартар, либо от отчих мест, либо от огромности своего народа, что и сами себе приписывают, сначала жили за Каспийским морем на восход солнца между горой Имаус (Imaus) [132] и Кавказскими горами, таинственные и неведомые как грекам, так и латинянам. ***Idem Crom. Fol. 128, lib. 7. Tartari enim Scytica gens sive a fl. ect. obscuri ignotique.*** *(Тот же Кромер (кн. 7, стр. 128): Происходили татары от скифов или же нет, покрыто мраком и точно неизвестно)*. Убив индийского короля, которому служили, [они] победоносно вдоль и поперек прошлись почти по всей великой и малой Азии, где разорили множество королевств, княжеств и стран, как языческих, так и христианских. А потом переправились через Волгу у Астрахани, где река впадает в Каспийское или Гирканское море, а Москва зовет его Хвалынским морем, и огромными силами двинулись к западу. **Хвалынское море.** Там они сначала вели войну с половцами, которые жили в полях между Танаисом (Tanaim) (Доном) и Меотийским озером или (Азовским) морем и у Понта Греческого или Турецкого (Черного) моря. ***Miechovius vero fol. 120 lib. 3 cap. 31, Nam sequenti anno gens Tartarorum in eam diem ignorata conflictis pluribus septentrionis nationibus ad Polowczos venit, etc.*** *(Меховский же (кн. 3, гл. 31, стр. 120): В следующем году народ татар из-за неведомых конфликтов во многих странах на севере пришел к половцам и так далее).*

Комета как знак татарского нашествия. Это пришествие татар означила и как бы предсказала очень большая и необычная комета, которая в мае месяце 1211 года была видна в течение 18 дней на восходе солнца и обращала огонь к половцам и к русским княжествам, а временами обращала огонь также к западу, в чем Кромер не сходится с Меховским, ибо тот говорит: ***Coma in orientem versa apparuit*** *(комета появилась на востоке)*, и тут же: ***supra Polovczos Tanaym ac Russiam girans caudamque in occasum porrigens*** *(над половцами и Танаисом вытянула свой хвост к западу и к Руси)*, в чем ему следуют также Ваповский и Бельский. Как бы там ни было, она была явным знаком пришествия этих злых соседей с наших границ [133], которые жестоко покарали сразу обе Сарматии, азиатскую и европейскую, опрокинули и уничтожили силы русской монархии, издавна славной и могучей.

Половцы побеждены татарами. А когда половцы мужественно дали им отпор и поразили их войско, в конце концов из-за многочисленности татар они [были побеждены и] лишились своей мощи.

Невольно и у врага ищещь помощи. И хотя половцы всегда были главными врагами русских, однако, вынужденные жестокой необходимостью, попросили у них помощи против татар, убеждая их, что то, что сегодня они сделали с нами, с вами они сделают завтра. **И сегодня требовалось бы такое же согласие ради более успешной борьбы с турками.** Поэтому русские, видя опасность и для [своего] народа, им не отказали и, вопреки людским законам, схватили и умертвили всех татарских послов, уговаривавших их не ввязываться в эту войну и не оказывать помощи половцам, своим давним врагам. **Насилие над послами всегда приносит беду.**

Поход русских против татар. И двинулись на помощь половцам против татар по земле и по Черному морю от Очакова, а также по рекам Дону, Ворскле, Днепру, Бугу и Волге. Князь Мстислав Романович шел с киевским рыцарством, Мстислав Мстиславич с галицким рыцарством, [с ними] другие русские князья: черниговские, переяславские, владимирские, новогородские и смоленские с Владимиром Рюриковичем. А соединившись со всеми войсками половцев, они прибыли к Протолкам (do Protolcow) [134], откуда через двенадцать дней пути пришли на реку Калку, где уже расположились татары со своими палатками.

Река Калка. Не дав им передохнуть, свежие татары сразу же ударили на утомленного переходом и измученного [противника]. **Половцы и русские терпят поражение от татар.** Разгромив и разогнав половцев, [татары] потом легко поразили и русские войска и, согласно Меховскому, взяли в плен двух князей: Мстислава Киевского и [князя] Черниговского, а Бельский пишет, что убили. А других разбежавшихся (и это столь позорно, что и говорить не хочется) сами половецие изменники, через земли которых они убегали, конных стаскивали с коней, с пеших сдирали одежду и топили в реках своих боевых товарищей и союзников.

Сам Мстислав Мстиславич Храбрый, князь Галицкий, когда-то поразивший Коломана Венгерского и поляков, во время бегства пришел к своим лодкам, переправился через реку и, боясь татарской погони, потопил и порубил все суда, а остальные приказал сжечь. И так, охваченный страхом, пешим отправился в Галич. **Князь Мстислав идет пешком.** Владимир Рюрикович тоже уцелел благодаря бегству (ucieczka zdrowie zachowal) и, прибыв в Киев, занял престол Киевского княжества. **Ибо киевский князь Мстислав Романович, истинный господин и наследник, был захвачен татарами [135].**

А другие многие из русских полков, когда бежали, пришли к своим лодкам и увидели их сожженными и уничтоженными. Не сумев перебраться через реку, от отчаяния, от голода и нужды [они] померли там и сгинули, кроме нескольких князей и некоторых из их рыцарей, переплывших реку на снопах, сплетенных из стеблей таволги (tawolhowych rozg) (которой там и ныне полно, как я сам видел, едучи от турок). **В Мултанской (Multanskiej) земле около Бузова (Buzowa) полно зарослей таволги [136].**

Одержав эту решительную победу, татары разрушили половецкие замки и города, завладели всем краем около Танаиса и великого Меотийского озера и Херсонесом Таврическим (Cherzonezem Tauriki), который ныне наши называют Перекопом (от [слова] *перекопать*) [137], и осели вокруг Черного моря *Pontum Euxinum*, где и ныне [живут] в тех же полях. [Там еще] видны замки и древние каменные башни, которые итальянцы генуэзцы (*Genuenses*) строили в союзе с половцами, старые обвалившиеся стены, особенно на торжищах (Tarhowicy), и т.п. Также и в полях, которые зовутся Мадьярскими, откуда вышли венгры, и по сей день многие стены, замки и города стоят разрушенными. Надгробия (groby) свидетельствуют, что там когда-то жили христиане, ибо на мраморных столбах на могилах изваяны (wyryte) знатные мужи в доспехах, а на них крестики, хотя некоторые от времени уже поросли мхом, а другие пообвалились. Отсюда ясно, что там когда-то жили греки, итальянцы и генуэзцы с половцами, литовскими побратимами, ибо эти половцы, как я рассказывал выше, происходили от готов. И с того самого времени татары, народ прежде неслыханный, выбив половцев, стали нашими неблагодарными соседями. Потом и русские князья, завоеванные ими, не только [принесли] татарам присягу и дань и выразили покорность, но также стали захватывать (lupem zostali) в Литве своих первых невольников, как пишет Кромер (кн. 7) и другие.

Диодор Сицилийский о татарах. А Диодор Сицилийский, историк очень древний, который, по свидетельствам (Suidi), писал книги о делах различных народов во времена императора Августа, такими словами свидетельствует о доблести и древности скифов или татар (книга 3):

Скифский народ татары [138] сначали жили в небольших странах около Индии, Как только они избрали себе короля, воинственного и искушенного в рыцарском деле, сразу же повоевали верхние земли аж до Кавказских гор (skal), а потом осели в низменных [139] краях вплоть до Океана и до Мертвого моря или озера, которое зовется Меотийское и до реки Танаис, которая по-московски зовется Дон. Потом уже потомки татарских или скифских королей рыцарской доблестью и военным искусством подчинили себе все страны от реки Танаис вплоть до Фракии (Traciej). Обратив же свои силы в другую сторону, пришли к египетской реке Нилу, а покорив и подчинив себе народы, бывшие между этими реками, широко расселились, распространив свою власть вплоть до Восточного Индийского Океана и до Каспийского моря, в которое впадает Волга (где ныне Астрахань) и до Меотийского моря (где ныне перекопские татары). Итак, когда этот народ размножился в своем могуществе, он имел достойных памяти царей или королей, при которых скифы разделились на повяты или орды, и прозваны были одни *Аримаспы*, другие *Массагеты*, а некоторые *Сакебы* (*Sacebi*) или же *Саки* (*Sagae*).

При этих королях татары привели и переселили в свои орды жителей тех стран, которые они покорили войной, особенно два народа: один из Ассирии, [представители] которого поселились между Пафлагонией (азиатская страна, где ныне Турция) и Понтом Эвксинским [или] Черным морем; другой же народ был выведен из Мидийской страны, [эти люди] поселились над рекой Доном или Танаисом и прозваны были савроматами. Много лет спустя эти савроматы широко распространили свое владычество и разорили большую часть Скифии, превратив ее в настоящую безлюдную пустыню. Вот так Диодор Сицилийский рассказывает о скифах или татарах в книге 3 [140].

О древностях, обычаях и славных делах этого народа, пришедшего из Азии, а в Европе давно осевшего над реками Танаисом и Волгой, пространнее читай у древнегреческого историка Геродота, подробно об этом пишущего в [четвертой книге] Мельпомене [141]. *Quintum Curtium de rebus gestis Alexandri Magni, lib.7 et 8. Trogum Pompeium et Ustinum Historicum lib. 2. Herbersteinum in Commentariis Moschoviticis,* Kroniki wegierskie, *Callimachum Floreninum in rebus gestis Attilae, Miechovium de utraque Sarmatia, Monsterum, Ioannem Carionem lib. 2. Monar. 2, Aeta. 2, etc. («Деяния Александра Великого» Квинта Курция (кн. 7 и 8); «История» Помпея Трога и Юстина (кн. 2); «Записки о Московии» Герберштейна; венгерские хроники; «Деяния Аттилы» Каллимаха Флорентийского; «Об обеих Сарматиях» Меховского; Мюнстер; Иоанн Карион (кн. 2) и прочее)*. А также у Ваповского, Бельского и других. И у этих древнейших и новейших (swiezych) историков понятнее и подробнее узнаешь о наидревнейшем народе татар, которые великую и малую Азию, вторую и крупнейшую часть света, сначала покорили своим мужеством, [а впоследствии] господствовали в ней полторы тысячи лет, начиная с египетского короля Вексора (Wexora), которого поразили, когда он хотел брать с них дань, и вплоть до времен царствования ассирийского короля Нина (Ninussa), и прочее [142]. А по соседству и на их границах всегда жили наши предки славяне: Руссаки, Москва и другие, однако старые историки из-за общих границ огульно (ogulem) [143] называли их Савроматами, Сарматами и т.п.

А потом, как мы уже рассказывали ниже [144], когда Мстислав Мстиславич Храбрый, коронованный князем или царем Галицким, в 1212 году умер [145], Коломан, сын венгерского короля Андрея, согласно достигнутым соглашениям (wedlug condicij postanowionych) снова был возведен на Галицкое или Галатское королевство и на панство Владимирское. И вплоть до 1225 года правил на Руси, где потом умер и смертью своей упразднил (skonczyl) титул королевства Галатского или Галицкого и Лодомирского или Владимирского [146], хотя и после него некоторые венгерские короли тоже присваивали себе этот титул. Поэтому прямо сейчас, милый читатель, мы основательно обратим наше перо на надолго прерванный было рассказ о порядке литовских князей.

Глава десятая

О литовском походе на русские княжества и о их поражении от руссаков в году 1216

О чем свидетельствуют Русская хроника, Меховский (кн. 3, гл. 33, стр. 123), Длугош и другие.

Ясновельможному пану
пану Яну Глебовичу [147],
пану Минскому и прочее

В году от Господа Христа 1216 жмудский князь Монтвил узнал, что татары сломили мощь русских князей, их самих поразили и изгнали из диких полей воинственный народ половцев. Вместе с литовским князем Живибундом, потомком Дорспрунговым, он собрал войско и, назначив гетманов над обоими войсками, литовским и жмудским, послал их на

разорение Руси, выбрав к тому же суровое зимнее время для преодоления рек, озер и бродов.

Литовцы поражены русскими. И когда с языческой свирепостью [они] вдоль и поперек жестоко разорили русские волости и спешно уходили в Литву с большой добычей, князь Ярослав Всеволодович с новгородцами собрался на них и, догнав литовцев, поразил их над Двиной, *Plures tamen milites Russiae desiderabantur,* однако русского рыцарства на поле полегло больше, как пишут Длугош и Меховский. Там же остался и убитый князь Давид Торопецкий [148]. ***Miech. Ex dux David Toropiecki occisus jacuit.***

Смоленский князь Мстислав Давыдович литву поразил. Вскоре после этого [история] повторилась: когда другое литовское войско воевало Полоцкую землю, князь Мстислав Давыдович со смоленским рыцарством тут же стремительно налетел на них, неосторожных и беспечных, и под Полоцком их очень сильно и без остатка побил, а других в озерах потопил, и мало кто из них убежал [149].

А в 1218 году черниговские князья со своим рыцарством, Мстиславом Смоленским и с половцами без какого-либо отпора разорили Каменецкий край в Польше [150].

О знаменитом прибыльном походе литовцев и жмудинов с княжичем Эрдзивилом в завилийскую сторону на Русь и о захвате Новогрудка, Бреста, Мельника и других русских замков

в году 1219

Все литовские летописцы на этом месте единодушно начинают свой рассказ так, хотя и не указывают годы, когда что деялось. Не устанавливая хронологию задним числом, ибо так глубоко не могли заглянуть и другие историки, и не имея, откуда взять [правильный] порядок лет, ради простоты тех времен берем [даты] просто из головы (zgola) (что и я одобряю) [151].

Во времена панования в Жмуди Монтвила, сына Гимбутова, восстал царь Батый и пошел на Русскую землю, и всю Русскую землю повоевал, и многих русских князей посек (poscinal) и прочее, как об этом [будет] показано ниже о прибытии татар в ту страну.

А так как лет, когда что деялось, литовцы в то время не ведали, я сам со всем прилежанием постарался о том, чтобы описать их историю правдиво и без сомнений. Сначала случилось так, как свидетельствуют Кромер (кн. 7), Длугош, Меховский (кн. 3, гл. 31, стр. 120), Герберштейн в «Записках о Московии» (стр. 7), русские хроники и прочее, что 18 мая 1211 года показалась вышеупомянутая комета, которая предвещала первый приход татар в ту страну. **Herbersteinus in *Commentariis Moschoviticis* fol. 7 et 87 etc.** Ибо после этого татары, послушные комете, на другой 1212 год разбили половцев и наголову разгромили русских князей, которые помогали половцам. А потом, немного передохнув, все русские княжества, как северо-восточные, где московиты, так и юго-западные, где наши руссаки, разоряли в течение четырех лет, выводя добычу в Орду, а потом пошли обратно со своими царями Батыем и Кайданом. **Это воевание царем**

Батыем русских княжеств московиты и Герберштейн по их греческому счету пишут 6745 (1237) **годом от сотворения мира.**

А потом, как пишут Кромер, Длугош и Меховский (кн. 3, гл. 38, стр. 131), эти цари Батый и Кайдан, *Trucidatis principibus et Tyrannis Rutenorum*, перебив русских князей, в 1241 году через русские края пришли в Польшу и т. д.

Наш верный расчет лет литовской хроники. А жмудский кнзь Монтвил Гимбутович, сразу же, как только татары начали разорять русские княжества в 1212 году, начал подумывать, как бы ему с Литвой и со Жмудью тоже вырваться из-под ига русских князей и освободиться от выплат Киеву [дани] этими вениками и лыком. И вместе с литовским князем Живибундом привычными казацкими дорогами посылал тогда [воинов] разорять русские края в году 1213, а также в 1214, 15 и 16, когда руссаки поразили их под Полоцком, как об этом рассказано немного ниже. Но лучше всего он разжился на Руси в 1217 году, ибо узнал, что русская сторона запустела, а русские князья (как свидетельствуют летописцы) оказались разогнаны. И по взаимному сговору, который учинил с Живибундом Дорспрунговичем, завилийским князем литовским, собрал войско из литовцев и из жмудинов, а также из курляндцев или куршей. И поставил над этим войском своего старшего сына Эрдзивила, мужа, сведущего в рыцарском деле, придав ему в военные советники мужей и виднейших паничей: из герба Колюмнов Групмя или Струмпя, другого из Урсинов по имени Эйкшисс, третьего Гравжа из герба Роза. **Древние литовские фамилии.**

Литовский походный порядок [при походе] **на Русь.** И князь Эрдзивил, управившись с жмудским, куршским и литовским войском, построил всех и распределил по полкам и хоругвям, и трубачей с длинными жмудскими трубами [расставил] по своим местам, и особенно позаботился об обозе со скрипящими колесами. **Первые литовские доспехи и оружие.** Вместо доспехов и панцирей (ибо в то время жмудины еще не знали такого снаряжения) все рыцари были одни в зубровых, другие в лосиных, медвежьих и волчьих шкурах, хотя и не все их носили. Оружие простой лук, сабля разве что у гетмана, копье, обожженная дубина, крученая праща, седла из дуба без обивки, мунштуки из лыка и прочее снаряжение, такое, какое в те годы давали грубому и лесному народу. А когда все собрались над Вилией, сразу же из огромных колод соорудили плоты, на которых без долгих обсуждений переправили телеги (kolassy) и разное военное снаряжение и перебрались на русскую сторону сами, полк за полком. Будучи на русском берегу, сам Эрдзивил с главным полком двинулся сзади, двух гетманов выставил вперед, на чело, а третьего с тремя полками послал в загоны.

Литовцы заселяют Новогрудское княжество. А когда они переправились через Неман, в четырех милях нашли красивую и высокую гору, на которой был первый стольный замок русского княжества Новогрудок, разрушенный царем Батыем. Тут Эрдзивил сразу же заложил себе столицу и замок заново отстроил, а завладев большей частью русских земель без кровопролития (ибо обороняться было некому) и заселив их, стал писаться Великим князем Новогрудским.

Литовцы построили Гродно. Потом, выступив из Новогрудка, [Эрдзивил] нашел над Неманом старое городище, [где] замок был также разорен Батыем. Облюбовав высокий холм, самой природой предназначенный для обороны, [он] построил на этом месте новый замок, который назвал Гродно.

Литовцы заселяют Мельник, Дрогичин, Сураж, Бранск и Бельск. От Гродна потом двинулся на Подляшье, где в то время жили ятвинги или ятвяги (Jaczwingowie albo Jatwiezowie), и обнаружил, [что] Брест, Мельник, Дрогичин, Сураж, Бранск и Бельск, города с замками, тоже разрушены царем Батыем. Все эти замки Эрдзивил заново отстроил, вознеся их на старые городища. Руссаков же христиан, которые уцелели после этого несчастного завоевания и разорения Батыева, принял под свою ласковую защиту, а они все добровольно принесли ему присягу верности [152].

Титул Эрдзивила, князя литовского. Так Эрдзивил за короткое время легко умножил свое могущество и расширил свою власть в русских княжествах и в перечисленных замках и писался таким титулом: Эрдзивил Монтвилович, Жмудской и Литовской земли наследник [153], первый Великий Князь Русский Новогрудский. Послал потом подарки в Жмудь отцу Монтвилу, который и от великой старости и преклонных лет, но еще более от признательности и радости за сыновнее счастье, умер в Юрборке. **От нестерпимой радости умирали уже многие люди, о чем читай у Плиния и у Гая Юлия Солина (*C. Jul. Solinum Polihistorem*).**

Выкинт Монтвилович, князь жмудский. После него на княжество Жмудское и на Куршское (Kurskie) вступил младший сын Выкинт (Wikint). А Эрдзивил, к счастью подданных, правил в Новогрудке и в других русских и подляшских замках. **Живибунд, князь литовский.** Живибунд Дорспрунгович герба Китаврас мирно распоряжался в Кернове, в Вилькомире, в Дзялтуве и во всей Литве между Невежисом и Вилией.

Согласие литовских князей. И все трое жили в полном согласии и против руссаков и немцев (которые из Лифляндии нападали на них в Жмуди) друг другу оказывали нерушимую помощь и взаимно быстро выручали. И в этом согласии и сами росли в славе, в силе и в могуществе власти, защищая своих подданных и обороняя границы отчизны. И подчиняли чужие царства (особенно русские, которые в то время в проклятом несогласии сами грызлись и ссорились (samy jadly i psowaly)), так что потом за свои достойные дела, согласие и отвагу бывшие рабы приказывали своим господам и властвовали над ними.

Глава одиннадцатая

Первые повяты и фамилии в Литве

Эрдзивил Монтвилович, князь Русский Новогрудский, заботясь о том, чтобы неожиданное свое счастье на престоле разделить с другими наследниками, сразу же тогда тем панам и рыцарям литовским и жмудским, которые были с ним и подле него, а особенно наиболее заслуженным, пожаловал владения в русских княжествах. Побратавшись и покумовавшись с русскими христианами, они заселили пустоши, которые лежали заброшенными после жестокого разорения царя Батыя. С тех пор и доныне в [отдельных]

частях Литвы в каждом углу немало русских, некоторые из которых редко понимают по-литовски.

А трех виднейших жмудских панов из древнего рода римских отчичей этой шляхты, которых его отец Монтвил, князь Жмудский, давал ему как гетманов [для похода] против Руси, Эрдзивил, как и следовало, с природной княжеской щедростью вознаградил и щедро одарил своих особо заслуженных гетманов.

Кампей, Компотен, Кромпя или Струмпя взял удел над Ошманой рекой. Сначала Кампею или Струмпе (Kampejowi albo Strumpiusowi), либо, как пишут другие летописцы, Кампаниусу (Campaniussowi) из герба Колюмнов, дал округ и остров со [всеми] пущами, где бы ни обегала их река Ошмяна, и всем этим и ныне князья, паны и рыцари владеют в Ошмянском повяте. И от того Кампея или Струмпиуса, но лучше Кампаниуса, истинного потомка рода Палемона, родился Гаштольд (Gastold) или Гастальдус, о чем, однако, свидетельствуют все летописи.

Фамилия Гаштольдов и ныне известна в Пьемонте (Piamoncie), лежащем между Францией и Италией, Савойскими (Safojska) землями. Один из них убил славного и дельного мужа, монаха кардинала в Будишине, опекуна Венгерского королевства. **О Гаштольдах найдешь также у Волатерана, книга 5 в *Hetruria* и книга 22 в *Antropologia Castaldi (Gastaldi et Gastoldi)*.** Также с фамилией тех, которые зовут себя Гастальди, и ныне есть несколько домов в Италии, из чего следует, что тот Кампей или Кампаниус (хотя некоторые летописцы, вероятно, из-за ошибки старинного письма, как это часто случается даже в Святом Писании, зовут его Струмпиусом) был истинный отчич [154] из рода Палемона, из герба Колюмнов. А так как и сам он еще не переродился от римских обычаев к жмудской грубости, то и сына своего назвал итальянским именем Гастальд или Гастольт, и от этого Кампаниуса или Гастольда в Литве и на Руси пошли славные Гаштольды (**Gastoltowie**).

Другому своему гетману Эвкшиусу или Эйсиусу (Ewxiussowi albo Ejsiussowi) из герба Урсинов Эрдзивил дал удел и весь округ с пущами, который ныне вместе с местечками по его имени зовется Эйкшишками. Как свидетельствуют все летописцы, от него родился какой-то литовский пан Монивид. Отсюда уже в разных домах разрослась и расплодилась Монивидова фамилия, о которой я не хочу ни судить, ни как-либо упоминать [155]. Каждому милее свое собственное гнездо, в котором вывелся. Любому ясно, что гусак среди лебедей, хотя бы он и был самым белым, [выглядит], как удод среди куриц.

Третьему гетману Грависиусу или Гравжису (Gravisiussowi, Grawzyussowi) из герба Розы [Эрдзивил] дал те прилегающие волости, которые ныне по его имени зовутся Гравжишки (Grawziski), а от того [Гравжи] родился Довойна, как единодушно свидетельствуют все летописцы. И если бы кто-то из них захотел и тысячу [раз] пересмотреть и [что-нибудь] изменить, то не нашел бы иного, что от Струмпиуса или Кампаниуса [родился] Гаштольд, от Эйкшиса — Монивид или Мунтвид (Muntwid), от Гравжа — Довойно. А если кто-то захочет получше (dwornie) разузнать об этом, либо о родах, размножившихся от той фамилии, он найдет это в других моих книгах [156], где о том же исчерпывающе поведано виршами. Однако когда от простого рассказа требуется перейти к познанию истинной

истории, лучше в какой-то мере притормозить перо. Ибо достаточно ныне найдется кукушек, которые свои яйца кладут в чужие гнезда, а когда те чужим трудом будут высижены и подрастут, тогда эта пташка и самого камышового работника, который их высидел и выпестовал, ощиплет и съест. Поэтому я подальше отпугиваю таких кукушек от своего гнезда.

О поражении Кайдана, царя Заволжского, гетмана Батыя или Бакея (Batego albo Bakejowego), Эрдзивилом над рекой Днепром, где в него Припять впадает

Кайдан, царь Заволжский, гетман, либо товарищ царя Батыя (ибо так о нем пишет Меховский), при несогласии русских князей принудил их к выплате трибута либо дани и держал в русских княжествах своих баскаков или старост и сборщиков. **Об этом царе Кайдане Меховский (кн. 3, гл. 39, стр. 135) пишет, что тот с царем Батыем воевал Польскую, Семиградскую и Венгерскую земли [157].**

Посольство от царя татарского к Эрдзивилу за данью. А вскоре [Кайдан] узнал, что новый князь Эрдзивил из жмудского народа, о котором он ранее и не слыхивал, завладел Новогрудским, Подляшским, Брестским, Дрогичинским и другими русскими княжествами от Вилии и аж до Мозыря [158]. И послал к нему, как уже привык посылать к другим русским князьям, своих баскаков и сборщиков, требуя дани, доходов и подчинения от русских княжеств, которыми владел [Эрдзивил], чтобы [он] сразу все заплатил, как данник. Услышав про это, Эрдзивил задумался, а потом, отбросив в сторону постыдный страх ради милой вольности и бессмертной славы, задержал послов, обещая им наложенную дань быстро приготовить и отослать царю.

Эрдзивил, задержав татарских послов, собирает войско. А сам в это время потихоньку считал и собирал русские войска (суля им прежние вольности, если окажут столь необходимую [помощь] против презренных татар), а также послал к брату Выкинту, князю Жмудскому, и Живибунду, князю Литовскому, моля о срочной соседской помощи ради взаимной братской любви. А когда к нему со всех сторон собралось уже немалое русское войско, пылавшее жаждой свободы, и прибыла помощь из Литвы и Жмуди, он сразу же тем послам в дани отказал.

Пара стрел вместо дани. А царю Кайдану вместо золотых сокровищ послал пару стрел и, отправив их, сам за ними двинулся к Мозырю над Припятью. Там он получил известие, что царь Кайдан с ордой [находится] на той стороне, и для воевания и разорения русских земель должен переправиться через Днепр. И когда послы передали царю дерзкий ответ Эрдзивила и его подарок, пару стрел, Кайдан, разгневавшись на эту выходку своего данника (как он считал), сразу переправил войско Заволжской орды через Днепр.

Татары воюют Мозырьскую Русь. Прибыв под Мозырь и распустив загоны для разорения русских земель, сам [царь] расположился лагерем над Днепром в устье Припяти (Perepiecy) [159]. А Эрдзивил с Русью, Новогрудчанами, Слонимчанами, Пинчанами и с присланным жмудским и литовским войском, незаметно подобравшись лесными пущами, на рассвете со страшным криком ударил на татарский лагерь, во главе которого находился сам царь.

Битва Эрдзивила с царем Кайданом. Татары, прирожденные удальцы, тоже мужественно оборонялись, защищая персону царя. Однако, беспечные и неподготовленные, они были сломлены подготовившимися к бою литовцами и руссаками, для которых речь шла о возвращении утраченной свободы, и там и сям разбежались в разные стороны по лесам, болотам и старицам (starzynach), да и на поле их полегло великое множество.

Поражение татарского царя Кайдана. Сам царь с малой дружиной едва убежал, иные в Днепре и в Припяти потонули, а других, [воевавших] в загонах, после утраты головы руссаки легко погромили, [отбив] всю добычу и освободив пленников. И воротились в Новогрудок с князем своим Эрдзивилом, который с литовцами одержал первую победу над татарами [160].

Эрдзивил умер. Его сын Мингайло. Вскоре после этого, уже в преклонных летах и покрытый славой, [Эрдзивил] умер в Новогрудке, а наследником в тех землях, которыми счастье наделило его в русских княжествах, оставил после себя сына Мингайла.

Умер Выкинт Монтвилович. Незадолго до этого умер князь жмудский и куршский Выкинт Монтвилович, родной брат Эрдзивила, однако некоторые летописцы свидетельствуют, что он был убит на русской войне, а княжение по порядку наследования (przyszlo sluszniem przyrodzonym spadkiem) перешло к его брату Эрдзивилу, русскому князю Новогрудскому. А так как после той победы, одержанной над татарами, тот должен был отдать долг смерти, чего требовало его тело, то княжение Жмудское перешло тогда к литовскому князю Живибунду Дорспрунговичу герба Китавраса или Гипоцентавруса, зятю Кернуса по Пояте. Так княжество Жмудское и Литовское от герба Колюмнов по мужской линии (po mieczu) перешло к Китаврасам, хотя по женской линии (po kadzieli), то есть по [линии] Пояты Кернусовны, Колюмны при Китаврасе сохранялись вплоть до сыновей Ромунта: Наримунта, Довмонта, Гедруса, Гольши и Тройдена. И до сих пор Колюмны, начиная от Палемона, следуют по мужской линии с неразрывной генеалогией у всех литовских князей (а от них идут и русские князья [161]) вплоть до Витеня или Виценя из Эйраголы и вплоть до последнего поколения Ягеллонов, как каждый может видеть в нашей Таблице или зеркале (zwierciedle) Хроники [162].

Глава двенадцатая

Мингайло Эрдзивилович, князь литовский и русский, в Новогрудке второй, а в Полоцке первый

По смерти Эрдзивиловой на княжение Новогрудское и Подляшское вступил его сын Мингайло. По праву отчича он владел также Брестом и всеми русскими краями от Вилии вплоть до истоков Немана, который начинается в пяти милях от Копыля. **Неман начинается в пяти милях от Копыля, недалеко от Песков, местечка их милостей князей Слуцких. Я и сам бывал в этом месте.**

Вольности древних полочан. А еще он соседствовал и имел общую границу с Полочанами, которые в то время сами у себя вольно правили и ничьего верховенства над

собой не имели. Только тридцать старейших мужей из центра своей республики (Rzeczypospolitej) привлекались для [решения] текущих дел и суда как сенаторы. **Вече или сеймики. Государство полоцких горожан.** А чаще все собирались по зову большого колокола, который был подвешен в центре города, а там рядили о делах и потребностях своей республики и своих держав (ибо в то время полоцкие горожане сами владели русскими землями более чем на дюжину миль [вокруг] [163]).

Псков и Новгород Великий в то время пользовались такими же вольностями, которых они добились из-за несговорчивости, несогласий, внутренних войн и взаимных убийств своих русских князей, когда один другого сгонял с престола и убивал, как это выше показано в русской истории. А татары, когда поразили половцев, побили немало и русских князей, а потом, прибыв с царем своим Батыем, полонили и оставшихся. **Псковичи и новгородцы завладели (posiedli) княжествами своих князей.** Из-за этого сильнейшие русские города, такие как Новгород Великий, Псков и Полоцк, без князей начали жить вольно и сами завладели княжествами своих князей, взяв за образец правления республику от славных греческих республик: Афин, Фив (Thebow), Спарты или Лакедемона и прочих, которые тоже не имели других поставленных над собой мужей, кроме тридцати судей *эфоров* для совета о делах республики. Ибо митрополитами, владыками и архимандритами в Полоцке, Новгороде и Пскове в то время были греки, которых туда обычно присылали патриархи Константинопольские или Царьградские, как о том пространнее свидетельствуют русские хроники. И эти самые греки принесли также и республиканские обычаи управления: Афинские, Фиванские и прочее.

Причина первой литовской войны с полочанами. А так как у подданных на свободе (при которой они не родились, в отличие от шляхты) растут рога, господа полочане, полагаясь на свои вольности, начали сразу же вызывать на войну соседей. Не в силах долее терпеть подобного своевольства, новогрудский князь Мингайло Эрдзивилович вступился за обиды своих подданных, которые они часто терпели от полочан на пограничье, и, собрав войско со своей Руси и с Повилийской Литвы, двинулся прямо на Полоцк, желая усмирить гордость [его] горожан. Услышав об этом, полочане сразу же велели ударить в колокол, отчего из посада и из окрестных волостей сбежался весь народ. А также из иных своих держав, которые до этого покорились Полоцкому княжеству, собрали несколько тысяч крестьян (chlopow). Построив это войско, эти тридцать мужей, сенаторов полоцких, двинулись из Полоцка против Мингайла, не желая ждать неприятеля [у себя] дома, и расположились лагерем под Городцом, своим замком. **Городец, пригородок Полоцка.**

Полочане поражены Мингайлом. А Мингайло, двинувшись с литовцами и новогрудцами, с громким криком ударил на них с тем большей смелостью, что увидел крестьян без порядка и без военного снаряжения. Полочане, видя, что им грозит сильный противник, сразу обратились в бегство, а литовцы и русаки новогрудцы гнали их, били, секли и ловили по дремучим чащам. Потом спалили их замок Городец и, довершая победу, в тот же день подступили к Полоцку.

Мингайло взял Полоцк. Видя это, встревоженный народ открыл ворота города и Полоцкого замка, добровольно сдаваясь князю Мингайле. Вот так Мингайло, укротив их

городость, первым из литовских князей стал князем Полоцким и Новогрудским. А потом, проведя на обоих княжениях счастливый век, в седой старости и преклонных годах умер в Новогрудке, оставив после себя на два княжества двух сыновей: Скирмунта и Гинвила.

Князья Мингайловичи: Скирмунт Новогрудский и Гинвил Полоцкий, первый христианин в Литве

Погребение Мингайла. Скирмунт и Гинвил, учинив отцу [своему] князю Мингайлу достойное погребение, по языческому обычаю насыпали [над] его костями высокий курган неподалеку от Новогрудка. А потом Скирмунт, как старший, сел [на престол] в Новогрудке, отцовской столице княжества Русского и Повилийской Литвы.

Гинвил первым из литовских князей крестился в русскую веру. Гинвил же, как младший, взял в удел Полоцкое княжество, счастливо правя в котором, взял в жены княжну Марию, дочь Бориса, великого князя Тверского [164], ради которой крестился в греческую или русскую веру, и дали ему при крещении имя Юрий (Jurgi). И это был самый первый князь из Литвы, ставший христианином. С псковитянами и смолянами [он] вел долгую войну и спор за прилегающие границы, а потом в незрелых летах своих (w niedoszlym wieku lat swoich) умер, оставив после себя сына Бориса.

Полоцкий князь Борис Гинвилович

Князь Борис, учинив отцу приличествующее погребение по христианскому обычаю, с великой славой и рыцарской отвагой правил Полоцким княжеством. Желая оставить после себя вечный знак христианства, задумал строить церкви во славу Господа Бога и сначала построил в верхнем замке храм Святой Софии, то есть мудрости Божьей, по греческому обычаю и с немалыми расходами, как я и сам видел. **В этом единодушно согласны все летописцы, собери их хоть тысячу.** Также и на Бельщине монастырь с украшенными башнями и церковь святых Бориса и Глеба красиво выложил в камне в четверти мили от Полоцка, как мне сдается (ибо не мерил, только видел). **Трудно было мерить, ибо когда в 1573 году я там был проездом из Витебска, в то время** [это место] **держала Москва.** А второй монастырь [Пресвятой] Девы [был] в верховьях реки Полоты в полумиле от замка, в котором Великий князь Московский держал свою ставку, когда осаждал Полоцк. Построил [Борис] и четвертую церковь Святого Спаса, и на это строительство по большей части из самой Лифляндии кирпич, известь, алебастр и другие потребные [материалы] за плату (kosztem) возили в стругах по реке Двине. Чему и ныне каждый найдет явное свидетельство: камень в Двине высокий, от нынешней Дисны, города, заложенного на нашей памяти [165], миля, а от Полоцка семь [миль], между Дрысой и Дисной, если плыть вниз [по течению Двины] к Риге. И на этом камне на русский манер (ruskim vyryty kstaltem) выбит вот такой крест: [166] а под ним русскими литерами надпись того князя Бориса: *Помоги Господи рабу своему, Борису сыну Гинвилову!* [167]. Вот что мне рассказывал один купец из Дисны. Когда мы, несколько жолнеров из Витебска, в стругах ехали в Дюнамюнде над Инфлянтским морем, пришлось по случаю заночевать в том месте. Причалив струги к берегу, [мы] ездили к этому камню в челне, желая посмотреть на предмет глубокой старины (starozytna dawnosc rzeczy).

Граница Полоцкого княжества со старой Литвой. Тот же князь Борис, как только закончил строительство во славу Божью, задумал установить такой знак нерушимых границ между Литвой и Полоцким княжеством [168]. **Борисов замок.** И построил замок и город, названый от своего имени Борисов [169], над рекой Березиной, которую московский [царь] считает своей границей.

[Борис] вел также войны из-за общих границ со Смолянами, с Витебским княжеством и с Псковичами.

Князь Борис умер. Потом полоцким горожанам вернул прежние вольности, которых их было лишил дед его Мингайло, чтобы сами судили себя на вече, а когда надо было сходиться на раду, звонили бы в большой колокол по обычаю Великого Новгорода и Пскова. И, будучи уже в преклонных годах, князь Борис умер и похоронен в замковой церкви Святой Софии, которую сам и построил.

Рогволод Полоцкий. После него Полоцким княжеством правил [его] сын Рогволод (Rechwlod) с христианским именем Василий. **Полочане заставили псковичей присягнуть.** Долгой войной он вынудил псковичей дать присягу и уступить некоторые волости, которые оторвали было от Полоцкого княжества. А потом много лет правил в мире [170], но вынужден был отдать долг смерти, призванный [ей] в урочный (zawity) год .

Параскева Полоцкая, княгиня-черница [171]. После него на полоцком княжении остался сын Глеб и дочь Параскева (Poroskawia), а та, дав Господу Богу обет блюсти чистоту и девичество, постриглась в черницы в монастыре Святого Спаса на реке Полоте, в котором жила семь лет, служа Господу Богу и переписывая церковные книги. Так о той Параскеве пишут летописцы русские и литовские. **Летописцы о Параскеве.** Но потом рассказывают о ней нечто удивительное такими словами. А потом святая Параскева собралась в Рим и, живя несколько лет в Риме, прилежно служила Богу и там же умерла. И потом сделалась святой, которую звали Святая Праксидис, а по-русски Прасковья. А в Риме ей и церковь построена ее святого имени, и там ее тело и погребли. Так все летописцы одинаково свидетельствуют о той Параскеве, княжне полоцкой.

Сбивчивые суждения летописцев. Но я старался с великим прилежанием и подвинулся на этот семилетний труд, чтобы литовскую, русскую, а также и польскую историю поведать миру (na swiat pokazal) не по домыслам, а по надежным сведениям. Вот так и о той Параскеве: немало [я] перебрал (zwartowal) церковных книг, из которых мог бы дознаться, какая такая святая Пракседа из полоцких княжон могла бы остаться в Риме, но нигде не мог такого найти. Эта народная история о святой Пракседе [сохранилась] лишь в священных преданиях и в крохотном отрывке: *Praxedis virgo venerabilis Prudentis Romani filia, amissis parentibus etc.* Преподобная дева Пракседис, дочь римлянина Пруденция (не сказано, что полоцкого князя Рогволода), лишившись родных, с таким великим старанием, трудами и постоянством служила к пользе христианства, что содержала на свои средства много блаженных убогих и прочее. **А было это в 140 году от Христа при 13 императоре Антонине, прозванном Пием, и папе Пие 10 [172], и неизвестно, был ли еще в то время Полоцк. О чем *Волатеран в Антропологии (кн. 18) и Карион (кн. 3).*** А потом [она] умерла, и священник пастор (Pastor) похоронил ее тело подле отца и сестры Потенцианы

на кладбище Святой Присциллы на Виа Солариа (*Ciminterio Priscillae S. in via Solaria etc.*) и прочее. Но Рогволод, отец Параскевы, лежит не в Риме, а в Полоцке, и не на кладбище Присциллы, а у Святой Софии. И этой Праксиде Римлянке [173], а не полочанке, наша римская церковь установила день почитания 26 июля. Об этом также читай у Волатерана в *Antropologia*, книга 18 и прочее.

Брат той Параскевы Глеб недолго потом правил полочанами, ибо в молодых годах должен был последовать на тот свет за отцом Рогволодом Василием и сестрой Параскевой (святой, если так хотят летописцы). [Он] похоронен подле отца в одной могиле в Полоцком замке у Святой Софии.

А полочане (ибо тот Глеб был последним потомком полоцких князей из Литвы и умер без потомства) стали жить себе по-старому вольно и управляться вечем, а пана над собой не имели..

Глава тринадцатая

О битве и о победе Скирмунта над князем Луцким в году 1220

Писари Русских и Литовских Летописцев [174] были столь никчемными и безмозглыми, что писали свои историйки кое-как, не глядя, что им слюна в рот принесла [175], а лет, либо годов, когда что происходило, ни в одном месте не указывали. И не обращали внимания на то, что важнее всего отмечать дату каждого события, ибо без этого и сама история (которая является свидетелем, вершителем и учителем человеческой жизни), и все деяния доблестных мужей, за великие добродетели удостоенных вечной славы, обращаются в невесть что (niweczby). **Вся история строится на упоминании дат и верной хронологии.**

Божьей милостью и я до этого дошел и, благодаря [своим] старательным историческим изысканиям, годы и верные даты (pewne czasy) в Летописцах, когда что происходило, а также сомнительные имена князей и [других] особ, мужественных и отважных, объясняю доходчиво и понятно, хотя мне это, видит Бог, далось с великими трудами.

Летописцы ведут свою речь так: А потом Скирмунт княжил в Новогрудке, и князь Мстислав Луцкий и Пинский начал воевать с князем Скирмунтом и т. д. Пойми, милый читатель, что тот Мстислав был не просто какой-то князь, а прежний монарх Киевский, именуемый Мстислав Ростиславич, который [был] на той несчастной войне 1212 года, когда татары, наведавшись сначала в дикие поля, поразили половецкие и всех русских князей войска. В то время они взяли в плен этого Мстислава Романовича, монарха Киевского, и с ним другого князя, Черниговского, как о том пишут Длугош и Меховский (кн. 3, гл. 31, стр. 120): *Diffugientibus Polovciis acies Rutenorum disiiciuntur, plurimaque caede peracta bini Duces Msciclaus Romanovicz Kiioviensis et Cirnieoviensis captivantur.*(*Прорвав строй половцев, рассеяли русских, а два вождя, Мстислав Романович Киевский вместе с Черниговским были взяты в плен)*. О том же и Кромер (кн. 7). А так как упомянутый Мстислав был в плену у татар, то бежавший от поражения Владимир Рюрикович (как свидетельствуют также Длугош и Меховский) пришел в Киев и завладел

киевской столицей. **Ибо киевляне думали, что их пан погиб в битве, что ошибочно пишут и Ваповский, и Бельский.** А когда Мстислав Романович через несколько лет вышел из татарского плена [176] и не смог получить своего киевского престола, то взял у Владимира Рюриковича по [взаимному] соглашению Волынское княжество, столицей которого в то время был Луцк [177], а к тому же и Пинское панство. Но на этом не остановился, ибо прежде был монархом. **Здесь мы уже нащупали (domacali) верную дату** [178].

В то время Владимир Рюрикович подговорил [Мстислава], чтобы, помимо своего удела, добывал себе Новогрудок, Брест, Мельник, Дрогичин, Гродно и другие отчичьи (ojczystych) русские замки у Скирмунта, князя Литовского и Русского Новогрудского. И когда [он] собрался с войском против Скирмунта Мингайловича, князя Новогрудского и Повилийской Литвы, тогда Скирмунт, усомнившись в своих силах, послал к Живибунду Дорспрунговичу, великому князю Жмудскому и Завилийской Литвы, прося его о немедленной помощи во внезапной войне. И Живибунд сразу же послал ему на помощь своего сына Куковойта со всеми силами Жмудскими и Литовскими.

Битва Скирмунта с князем Луцким. Потом Скирмунт, соединив свои силы с Куковойтом Живибундовичем, двинулся против Мстислава Романовича, который с волынчанами, пинчанами, киевлянами и [воинами из] новогрудского княжества уже разорял пригородки около Бреста. А когда оба войска сошлись на этой стороне реки Ясельды (Jasialdy) [179], князь Мстислав сразу и оплошал (zfankowal), пинчане разбежались, киевская помощь тоже, волынцы за ними.

Мстислав Романович и русаки поражены литовцами. И на поле боя, по лесам и широким полям множество их полегло убитыми, так что сам князь Мстислав Романович, потеряв все свое войско, с малой дружиной еле убежал в Луцкий замок. И заголосила Русь (как свидетельствуют летописцы) с великим плачем, что так много их войска было жестоко побито от безверной литвы.

Пинск и Туров взяты литовцами. А Скирмунт, завершая победу, взял сдавшиеся [ему] Туров и Пинск, княжества Мстислава. И так как тот не [хотел] остаться при своем, а возжелал чужого, то и свое потерял. А было это в году от Христа 1220 [180]. И тут, милый читатель, ты уже имеешь доказательно нами определенные хронологию, время и причины войн и княжеские родословные, [прежде] затемненные летописцами.

Живибунд Дорспрунгович умер. После этой славной победы Скирмунт, почтив Куковойта различными дарами, с огромной благодарностью отправил его к его отцу. Но Куковойт, с великой славой вернувшись в Жмудь, застал отца Живибунда Дорспрунговича тяжело больным, ибо был он в летах весьма преклонных, так что потом скоро умер в очень глубокой и седой старости. И его жена Поята, дочь Кернуса, с которой [он] взял в приданое (za wiano) княжество Литовское и Керновскую столицу, незадолго до этого тоже умерла.

Идол Поята. И сын Куковойт из родственной (wrodzonej) любви поставил ей для вечной памяти по языческому обычаю идола (balwan) над озером Жосла. Этого идола простые

люди почитали как богиню, а когда идол сгнил, на его месте выросли липы, которые литовцы и жмудины тоже почитали священными (za bogi chwalili), распевая простые песни о Пояте вплоть до времен Ягелловых.

И знай, милый читатель, что о той Пояте один Летописец допустил ошибку, полагая, что та Поята была дочерью Куковойта, а она была матерью. И якобы та Поята после смерти своего отца Куковойта поставила ему идола на одной горе над Святой (Swieta) рекой, но ошибался, ибо тот столп (slup) над той рекой она учинила для [своего] отца Кернуса, с чем согласны все остальные Летописцы. Ни одному подобному [автору нельзя] верить, потому что в нескольких местах [он] явно уклонился (zfankowal) от истины, да и меня (что следует признать) ввел [в заблуждение] при издании «Гонца добродетели» [181].

Так же было и *in eo libro, quem latine sub titulo* ***Discriptionis Sarmatiae Europeae, de vitis Regum Polonorum, ipsiusque Poloniae, Prussiae, Magni Ducatus Lituaniae, Russiae, Livoniae, Moschoviaeque ac Tartaricarum in hordas divisarum Regionum descriptione, moribus, gentium deductione, Principum gestis etc.*** *anno 1573 exaravi, dum adhuc adolescens in Witebsca cuidam Italo cohortis pedestris praefecto familiariter adhae rerem, ac marte interdum respirante obscoena perosus ocia, ingenios musis operam nauvarem.* *(в той книге, которую под латинским названием* ***Описание Европейской Сарматии с описанием жизни польских королей, а также описание районов Польши, Пруссии, Великого княжества Литовского, Руси, Ливонии, Московии и Татарской Орды, описание обычаев, переселений народов, деяний правителей, и прочее*** *я написал в 1573 году, будучи еще молодым человеком и [служа под началом] знакомого итальянского командира пехотного полка в Витебске, занимаясь этим в свободное время* [182]*, почитая безделье недостойным и полагаясь на помощь муз).*

Однако Божьей милостью это теперь поправлено, когда в различных местах [я] достал с дюжину других Летописцев. К тому же *in evoluendis multoties que enucleandis variis Historicis assiduo duroque superato labore optatam historiae Lituanicae con tigi metam. Omnia etenim conando et lente festinando docilis solertia vincit* *(в случае неуспеха труд по истории Литвы много раз перерабатывается, а различные исторические факты уточняются,чтобы достичь желаемой цели. Все это приводит к тому, что мастерство и скорость подачи материала постепенно увеличиваются).*

А если кому-то иногда покажется, что упомянутая книга ***о Европейской Сарматии***, которую я писал в Витебске (о чем ясновельможный пан Станислав Пац, воевода витебский [183], и все тамошнее рыцарство хорошо осведомлены), мне не удалась, то пусть знает о том, что эта моя работа *abortivum in immatura edenda prole passa est. Illius etenim nostri laboris cujus testem Deum opt: max: contra conscientiam meam appello, fructu, per quendam Italum, et eundem peditum in Witebska praefectum, frustratus sum, qui quamus ipse ne primis quidem musarum fontibus labra admouerit, et prorsus literarum expers fuerit praefati libri exemplar, ut populari satiaretur aura, sub nomine suo quibusdam verbi et sententiis (ut ipsius inventio inde appareret) facile immutatis, imprimendum dedit. Et sic nos non nobis.* *(в отношении публикации перенесла преждевременные роды. Тому, что этот труд, который я называю плодом, мой, свидетель Бог, а более всего моя совесть. Итальянский командир пехоты в Витебске, который не первый повторно припадал к источнику*

вдохновения, очень разочаровал меня тем, что задумал попросту переписать вышеупомянутую книгу, даже не имея полной ее копии, чтобы выпустить в свет под своим собственным именем. Некоторые слова и предложения (свидетельствующие о том, откуда они взяты), можно было слегка изменить, печатникам за это заплатили. Вот так наше не нам [досталось]).

Не для себя волы тяжелый плуг таскают,
Не для себя мед пчелы собирают,

И пташки не себе птенцов в гнезде выводят,
И овцы не в своей лохматой шерсти ходят,

Не яблоне плоды вкуснейшие достались;
Вот так и люди, что за труд тяжелый взялись.
Пока мы тут писали и трудились,
Другие нашей славой похвалились.

В павлиньи перья раз ворона нарядилась,
Решила: сорван куш, и сразу возгордилась.
Но ясно, что успех так просто не дается:
Павлин расправил хвост, ворона в угол жмется.

Лишь мастер сам свой труд представит вам достойно,
Халтурщик [partacz] в уголке пусть посидит спокойно.

Multa tulit puer sudavit et alsit, Abstinuit Venere et Bacho, Qui Pifia cantat. (Ребенка берегут от многого: от жары и от холода, от Венеры и Вакха, о которых поет Пифия). Только у Юпитера, как у бога, вышло, что стоило один лишь раз ударить по голове, как сразу у него из мозга выскочила вдруг дочка, панна Минерва, богиня наук [184]. Но мы не Юпитеры, нас надо не раз по лбу стукнуть, если кто-то хочет что-то сделать с мозгами. Я, однако, Господь Бог [свидетель], не сомневаюсь, что впредь *author fruetur debito, et plusquam iuste promerito honore,* когда *tempus veritatis parens eam ipsam veritatem e tenebris in lucem iducem* (автор будет наслаждаться должным почтением и заслуженной им честью не только когда время породит правду и истина выйдет на свет). А того, который приписал себе все то, над чем не работал, да и мозги (*ingenium*) его для этого не годятся, если спросить, как он понимает то или иное, *confundetur, et six suo iudico so rex peribit, etc. (ему будет стыдно, ведь судить его будут шесть представителей короля [185], и так далее).* Но приступим теперь к [нашему] рассказу.

Далее тот же летописец той Пояте Кернусовне приписывает (kladzie) в мужья некого Кирусса или Гедруса, князя Дзялтувского (Dziewaltowskiego), но другие летописцы, хоть бы я и тысячу их согласовывал (concordowal), не упоминают никакого другого Гедруса, кроме одного лишь сына Романа или Ромунта герба Китаврас, от которого пошел род князей Гедройцких. А его братьями были Наримунт, Довмонт, Тройден, Гольша, как о том будет ниже.

Глава четырнадцатая

О Куковойте Живибундовиче, князе Жмудском и Литовском

Куковойт или Куковойц, сын Живибунда из герба Китавраса, после смерти родителей, отца Живибунда и матери Пояты Кернусовны, как [их] наследник завладел жмудским престолом в Юрборке и в Коносове или Ковно и литовским [престолом] в Кернове. Немцам, которые в то время прибыли в Лифляндию и основали новый рыцарский орден для [распространения] христианской веры, [он] мужественно противился, когда те совершали набеги на Курляндию и Жмудь, как на земли язычников. **Утенус или Втинуер** (Vtinuerus)**.** Еще при жизни он назначил [будущим] правителем сына Утенуса или Уциануса (Ucianussa), которого Петр из Дусбурга, стародавний прусский историк, пишет Втинуером, королем Литвы (Vtinuerum Regem Lituaniae) [186].

Глава пятнадцатая

О поражении Балаклая, царя Заволжского, [понесенном им] от Скирмунта в году 1221

Султан Балаклай, царь Заволжской Орды, которая между прочими татарами в то время была сильнейшей, благодаря внутренним несогласиям подчинив себе русских князей, над которыми ныне монарх великий князь Московский, распространил свою власть от Каспийского или Персидского моря, которое Москва зовет Хвалынским морем, вплоть до Черного Турецкого моря, где река Днепр впадает *in Pontus Euxinium* (в Понт Эвскинский), и где заложил также замок от своего имени, который и ныне зовется Балаклай [187]. Кто бывал в диких полях в низовьях [Днепра], тому должно быть хорошо известно, что там еще стоят городища Балаклай, Чапчаклай, Ослам [188] и прочее. А из князей литовских сначала Эрдзивил, а потом за ним Мингайло, Скирмунт и Гинвил завладели многими русскими княжествами и на них пановали, а дани Заволжской Орде не давали, как и иные русские князья. И Балаклай отправил своих послов к Скирмунту Мингайловичу, князю Новогрудскому, Туровскому, Пинскому и Мозырскому, наследнику Повилийской Литвы, напоминая ему об обязанности давать дани и поклоны (dani y holdu). А вместе с послами сразу же прислал к нему сборщиков и ревизоров (rewizory), которые сами брали бы дань с каждой головы и [чтобы эти] сборщики, будто псы, постоянно жили бы при Скирмунте, присматривая за его поступками. Нынешний турецкий царь (cesarz), как я и сам видел, сохраняет этот обычай в отношении своих данников.

Скирмунт же, ценя свою свободу, не хотел этому подчиниться и решил на насилие отвечать насилием, а на силу силой. Поэтому сразу же разослал письма по своим русским и литовским панствам, чтобы были готовы [воевать] против жестоких татарских наездов. И когда сосчитал русские и литовские войска не приблизительно, а как следует, убедился, что все в порядке, и понял, что сможет дать отпор Балаклаю.

Жестокость Скирмунта [по отношению] **к татарским послам.** А потом пригласил к себе татарских послов и всем им и слугам их рты или губы (geby albo wargi), носы и уши приказал пообрезать и, таким образом разукрашенных (tak przystrojonich), отослал их к

царю Балаклаю с отповедью, что такая же дань, которая причитается с Руси, ждет и тебя самого.

Царь Балаклай Русь воюет. А султан (soltan) Балаклай, страшно возмущенный отповедью и оскорблениями своего, как он считал, данника, собравшись потом с великой силой, со всеми ордами татарскими, летом двинулся в русскую землю, где саблей и огнем великие беды учинил.

Знаменитая литовская битва с татарами у Койданова либо Кейданова. Скирмунт, князь Новогрудский и Литовский, построив русские и литовские войска, которые имел наготове, встретил Балаклая на своей границе у Койданова [189]. И там, когда обе стороны сошлись в храброй и упорной [битве], татары оплошали и, смешав свой боевой строй, начали разбегаться, а потом и сам царь со множеством мурз и уланов [190] был убит на поле боя. **Царь Балаклай убит** [191]. А без вождя и остаток орды русские и литовцы потом легко погромили, побили и наголову поразили, а пленников, добычу и весь полон отобрали, [получив] великую и обильную прибыль.

Литовский князь Скирмунт завладел Северской землей. Отдохнув после победы на поле боя, Скирмунт, имея готовое войско, потом сразу же двинулся в русскую Северскую землю за Днепр, и на этой стороне сначала взял сдавшийся ему Мозырь, а потом в первую очередь завладел стольными замками и городами Стародубом, Черниговым и Карачовым с волостями русских Северских княжеств. И эти владения еще при жизни разделил между тремя своими сыновьями: старшему Любарту дал Карачовское и Черниговское княжества, Писсимунту [княжества] Туровское и Стародубское, а младшему Тройнату или Стройнату после своей смерти назначил удел в Новогрудке и на Подляшских замках, а также на Повилийской Литве.

Распространив свое литовское могущество на русские княжества, Скирмунт, переполненный годами и славой, умер потом в Новогрудке, а его сыновья Любарт, Писсимонт и Тройната после него спокойно властвовали в своих удельных княжествах.

Жмудский и литовский князь Утенус

В то же самое время умер Куковойт, сын Живибунда герба Китавраса, князь Жмудский и господин Повилийской Литвы. [Его] сын Утенус или Утинерус, как пишет Дусбург, устроил ему погребение по языческому обычаю над рекой Швентой (Swieta), на высокой горе недалеко от Дялтувы (Dziewaltowa) [192].

Идол Куковойта. И там в его честь поставил ему столп, который простой люд чествовал как бога, а когда идол (balwan) сгнил, на том месте выросла роща (gaj), в которой тому Куковойту также приносили жертвы вплоть до времен Ягелловых. И назвали рощу именем пана своего Куковойцис или Куковойтос, [и это название сохранилось] вплоть до нынешнего времени.

А Утенус или Утинерус, пануя в Литве и в Жмуди, часто ходил (wtarczki miewal) за Двинский рубеж на лифляндских немцев, которые на той стороне Двины, [напротив] жмудского берега, строили себе каменные крепости против язычников.

Потом за Вилией, над озером, [Утенус] заложил и построил замок с посадом, от своего имени [названный им] Уцяны или Утена (Uciane albo Utene), недалеко от нынешней Уцяны [193], мне сдается, что мили полторы [194], ибо я сам был на том холме, который явно свидетельствует о старом городище. Потом, совершив в обоих княжествах еще более дивные дела, умер, а своего маленького сына еще при жизни поручил опеке Рынгольта Альгимунтовича, новогрудского князя, который заранее стал писаться Великим князем Литовским, Новогрудским и Русским, как о том будет ниже.

Князья Скирмунтовичи:

Тройнята, князь Новогрудский, Подляшский и Повилийской Литвы, Любарт, [князь] Карачовский и Черниговский и Писсимунт, [князь] Туровский и Стародубский, с помощью других русских князей поразили султана Курдаса, царя Заволжского

Султан Курдас (Kurdas Soltan), царь Заволжский, мстя за своего отца, царя Балаклая, убитого литовскими и русскими князьями под Кайдановым, собрал все свои орды: Заволжскую, Ногайскую, Казанскую и Крымскую, и с большими силами двинулся на русские княжества, огнем и саблей творя великие беды. Видя это, Тройнята Скирмунтович, князь Новогрудский, Подляшский и Повилийской Литвы, сразу же послал гонцов к двум родным братьям: князьям Любарту Карачовскому и Черниговскому и Писсимунту Туровскому и Стародубскому. А также послал к Святославу, великому князю Киевскому, к Семену Михайловичу Друцкому и к Давыду Мстиславовичу Луцкому, предкам нынешних князей Острожских, прося их о помощи и призывая к полному согласию, которое в тот момент требовалось против столь наглого насилия свирепого и могучего царя Курдаса [195].

А сам Тройнята с братьями Любартом и Писсимонтом, собрав Новогрудское, Подляшское, Литовское, Стародубское, Черниговское и Туровское рыцарство, сразу же двинулся против татар к Мозырю.

Жестокая битва литовских и русских князей над рекой Окуневкой. А князья Святослав Киевский, Семен Михайлович Друцкий и Давыд Мстиславович Луцкий и Волынский тоже прибыли им на помощь собственными особами и со всеми своими войсками, в полной мере сознавая татарскую опасность. И когда все собрались вместе, тем охотнее двинулись к лагерю за Мозырем над рекой Окуневкой [196], где расположился сам царь. И там обе стороны сошлись в жестокой битве, длившейся с самого утра и до вечера, как свидетельствуют все Летописцы. И русские и литовцы храбро сражались за свободу, чтобы сбросить татарское ярмо; татары же, защищая добычу и полон, показали большую мощь и упорство, но в конце концов стали разбегаться, а русаки их, рассредоточенных и бегущих, тем смелее громили, били, секли, кололи, стреляли и топили в реках. И над рекой Окуневкой эти свирепые (srogie) войска Заволжских, Ногайских и Крымских татар

счастливо поразили наголову так, что и сам царь Курдаскирей (Kurdaskierej) солтан едва убежал в орду с малой дружиной. А русаки и литва, отобрав [у татар] полоны и всю огромную добычу, с великой и славной победой отошли в свои страны [197].

Погибшие князья. Однако, как это случается в Марсовой школе, на поле от [рук] татар полегло много русских и литовских князей и бояр, доказавших свое превеликое мужество, в том числе из Карачовских и Черниговских князей — Любарт, из Туровских и Стародубских — Писсимонт, из Друцких — Семен Михайлович, из Луцких — Андрей, сын князя Давыда Мстиславовича, и немало иных паничей, в память которых [их] слава и Марс подсказали мне сочинить эту короткую эпитафию.

Надпись на могиле павших князей

Святые души тех, кто пал в бою,
Закрывши грудью родину свою,
Из мощных тел ушли, ведь плоть людская тленна,
Лишь память вечная светла и неизменна.
Вам больше не страшны завистливые сестры [198],
Чьи руки жизни нить прядут и рвут так просто.
Анхиз с Энеем [199] вас на пир ведут.
Средь Елисейских вы полей сидите
И свысока презрительно глядите
На то, как с нас татары дань берут [200].

После той победы, которую Тройнята Скирмунтович одержал над Заволжским царем Курдасом, он оставил в своей столице Новогрудке сына Альгимунта, а сам отъехал в Стародуб, Чернигов, Карачов и Туров, взяв себе те княжества Северской русской земли, которые перешли к нему по природному праву после родных братьев Любарта и Писсимонта, убитых татарами в вышеупомянутой битве. А вскоре после этого вернулся в Новогрудок и умер.

Расширение литовского государства при Альгимунте. А на его место вступил сын Альгимунт и правил в Новогрудке всей Русью и Литвой, начиная от Вилии и вплоть до Стародуба, Чернигова, Турова и Карачова, а также всем Подляшьем с прилегающими замками Брестом, Мельником, Дрогичиным и т. д. И держал (trzymal) державу в спокойствии, хотя и имел некоторые стычки из-за Подляшских и Брестских границ с Давыдом Мстиславовичем, князем Луцким и Бельским. **Рынгольт**. А потом вскоре поспешил с этого света за отцом Тройнятой, а на его место и на все русское панство по дружному волеизволению всех сословий вступил [его] сын Рынгольт.

В то же самое время умер князь Жмудский и Завилийской Литвы Утенус или Утинерус, которого Дусбург зовет литовским королем. Еще при жизни [Утенус] поручил опеке Рынгольта единственного сына Свинторога, который был еще в младенческом возрасте, а вместе с сыном поручил ему оборонять и княжества Жмудское, Литовское и Куршское.

Как появился титул Великого князя Литовского. А Рынгольт, как только вступил во владение Жмудской и Литовской землями как опекун, и к тому же имея несколько отчих русских княжеств, в том числе Новогрудское, Северское, Стародубское, Карачовское, Туровское, Черниговское и Подляшское, начал писаться Великим князем Литовским, Жмудским и Русским. До этого его предков этим титулом не называли и не могли называть, ибо эти государства всегда имели [своих собственных] отдельных правителей.

Глава шестнадцатая

Рынгольт Альгимунтович, первый великий князь Литовский, Жмудский и Русский, избранный и возведенный [на престол] в году 1219 от рождения Господа Христа, и как [он] наголову поразил русских князей над Неманом.

Рынгольт Альгимунтович [201], внук Тройняты, а пращур Эрдзивилов [202], который первым вышел из жмудских логовищ и умножил свои силы на Руси, после смерти отца Альгимунта был возведен в Новогрудке на княжение Русское, Подляшское и Северское. А как опекун Свинторога Утенусовича был избран великим князем Жмудским и Литовским в Кернове, в Куносове и в Юрборке и дружными голосами обоих народов утвержден их господином. И, впервые объединив Русские, Жмудские, Куршские, Литовские и Подляшские княжества (panstwa), отданные ему отцовским счастьем и правом, стал писаться Великим князем Литовским, Жмудским и Русским, чем превзошел всех других своих предков.

А так как люди завидуют всякой малости, кроме самой нищеты, этому его титулу и столь широкому панованию сразу же позавидовали русские князья, как те брандебургские маркграфы, предательски напавшие и убившие в Рогозьне князя Великой Польши Пшемыслава Второго, избранного польским монархом, завидуя [его] королевскому титулу [203], который тот было восстановил через двести и шестнадцать лет [после его] упразднения за убийство Болеславом Смелым святого Станислава. **Святой Станислав убит в 1079 году, о чем Меховский кн. 2, гл. 20, стр. 49 и кн. 4, гл. 1, стр. 191. Пшемыслав же убит в 1295 году, [о чем] Кромер кн. 11 и т. д.** Но Рынгольт русским князьям не дался, ибо русские князья на свою погибель проявили свою зависть к Литве все-таки не коварством, а явным боем. А было это так.

Русские князья советуются по поводу Литвы, как когда-то Ярополк по поводу поляков. Киевский монарх Святослав, который по обыкновению своих предков приписывал себе власть над всей Русью, как ныне [царь] Московский, видя, что языческие литовские князья распространили свою власть на русские княжества и отказались от дани, которую издавна были обязаны платить Киеву, стал советоваться с другими князьями, а особенно со Львом Владимирским и с Дмитрием Друцким, как бы им привести литовцев под прежнее ярмо, которое те было сбросили после опустошения русских княжеств татарским царем Батыем. И сговорились тогда все трое единодушно друг другу помогать и совместными усилиями воевать против Рынгольта Альгимунтовича, чтобы выгнать его из своих старинных вотчин Новогрудка, Стародуба, Карачова, Чернигова, Подляшья и Гродно, русских княжеств, которые всегда относились к Киевской монархии. И взяли также в помощь несколько тысяч татар от Курдаса, царя Заволжского, у которого были

веские [причины злиться] на литовцев, так как Тройнята Скирмунтович когда-то наголову поразил его у реки Окуневки за Мозырем. И так все трое с татарской ордой и с большими русскими войсками двинулись во владения Новогрудского княжества, лежащие на Немане, захватывая и опустошая все, что им подворачивалось.

Битва Рынгольта с русскими князьями у Могильно. А Рынгольт, великий князь Литовский, Жмудский и Новогрудский, собравшись с литвой и жмудью, а также со своими русаками, хотя и не до конца полагался на них в этом деле, преградил [путь] русским князьям на Немане, у Могильно (Mohilnej) [204]. И краткой речью призвав своих бояр к битве и надлежащим образом построив их, с громким криком ударил на русские и татарские войска, а те, уповая на свою численность, тем смелее оборонялись. И обе стороны вступили в жестокую и страшную битву, которая, как свидетельствуют все летописцы, длилась с утра и аж до самого вечера.

Литовская победа над Русью. И в конце концов помог Бог Рынгольту и счастье склонилось к литовцам, так что огромные русские и татарские войска они разогнали, разгромили, побили, потопили и наголову поразили. А князья Святослав Киевский, Димитр (Dimitr) Друцкий и Лев Владимирский, меняя коней, едва убежали в Луцк с малой дружиной. А Рынгольт со славной победой и с великой прибылью, набрав добычи в разгромленных обозах и в различных покинутых шатрах, воротился в Новогрудок. И так доброй войной обеспечил себе вечный мир в своих панствах, так что ему потом русские князья издалека били челом, после [своей] беды (po skodzie) став мудрее. А другие летописцы свидетельствуют, что упомянутые князья были убиты в бою и остались на поле.

Во времена правления этого Рынгольта немцы из Бремена, Любека и других городов и из поморских стран в 1220 году начали сперва наведываться в Лифляндию на кораблях, а с течением времени завладели всей Лифляндской или Латышской (Lotewska) землей и приневолили ее обитателей, народ грубый и лесной, как о том будет ниже. А потом через Двину стали наезжать на Литву и на Жмудь, а также и на Курляндию.

Братья Меченосцы или *Ensiferi*. Авигенус (Avigenus) убит литовцами. Как о том свидетельствует старинная лифляндская хроника, архиепископа Авигеруса (Avigerus) из Кельна (Kolna Agripiny) в 1225 году [направили] в Литву гетманом над немцами, которые назывались братьями ордена Меча Христова. Литовцы, соединившись со жмудинами, преградили немцам [путь], и в случившейся там жестокой битве язычниками литовцами был убит архиепископ Авигенус, гетман, которого лифляндские орденские рыцари (krzyzacy) вписали потом в свой календарь, как первого рыцаря веры христианской. Этот календарь был в церкви в Румборке и [благодаря помощи] славной памяти Яна Ходкевича, пана Виленского, списан в том же порядке и в соответствущем месте прилагается нами ниже [205].

Этот Рынгольт Альгимунтович имел с лифляндскими немцами великие и частые битвы за двинскую границу и за Курляндию, а потом, проведя остаток своих лет на княжении Литовским, Жмудском и Русском Новогрудском, умер, оставив после себя на тех панствах сына Миндауга, Миндова или Мендольфа, ибо разные хроники называют его по-разному,

который потом был литовским королем, коронованным с папского благословения в 1251 году, как о том ниже написано по достоверным известиям [206]. А другие летописцы не упоминают того Мендова, [а рассказ] об окончании правления Рынгольта, хромающий, как обычно, по части доказательств и достоверности (docytaniu), заканчивают так.

Собственные слова русских летописцев. Княжил-де Рынгольт много лет в Новогрудке и потом-де умер, а некоторые говорят, что после русской битвы якобы трех сынов наделал (urobil) (так запросто и пишет), да только неведомо, каковое дело из этих его сынов было [207].

Поэтому я, видя простоту и леность мысли этих старых писарей или дьяков, про этого выдающегося, хотя и языческого, князя, собственного сына Рынгольта, [писал] по известиям Меховского, Длугоша, Ваповского, Кромера, прусских и лифляндских хроник, а также из двух достоверных летописцев, которые каждый может найти в Гродно (Grodku), в [книго]хранилище (skarbie) славной памяти пана Александра Ходкевича [208], старосты Гродненского, а экземпляр [одного из них] есть еще и у меня. Однако здесь, милый читатель, по надлежащей причине я вынужден прервать порядок литовской истории (хотя история и дела литовские пойдут своим путем, но не согласно порядку князей, которые потом появятся в должной очередности) и благодаря этому перерыву установить лучший, яснейший, доказательнейший и более полный порядок дел в истории Литвы. А без этого все перемешалось бы, ибо тут уже начинаются Литовские, Жмудские и Русские войны с прусскими и лифляндскими орденскими рыцарями, от которых наиболее зависит наша последующая история. Итак, после Рынгольта Альгимунтовича, великого князя литовского, жмудского и русского, следует поместить старинную прусскую хронику, которую на простом латинском языке написал некий немецкий капеллан по имени Петр из Дусбурга, брат Тевтонского ордена в Пруссии, в году от господа Христа 1326, в правление Витеня и Гедимина, а посвятил ее Вернеру фон Орселну, великому магистру ордена братьев немецкого дома в Пруссии, который постоянно вел самые большие войны со Жмудью и с Литвой, как это ниже показано из Длугоша, Меховского и Кромера. Упомянутую Хронику Прусскую, писаную старинными и трудными для чтения литерами, славной памяти пан Ян Ходкевич обнаружил в церкви замка Румборк и сначала передал ее его милости пану войту Виленскому Августину Ро[тундусу], как крупному ученому и доктору глубочайших познаний (dochcipu), секретарю его милости короля [209]. А тот просмотрел ее, а потом и мне дал попользоваться. Потом ее правдиво перевели на польский язык, и ты, милый читатель, [теперь] имеешь ее, приложенную нами [к нашей хронике]. И хотя сначала я собирался добавить и другие сведения о приходе крестоносцев в те страны, прусскую и лифляндскую, особенно из Длугоша, Меховского, Кромера, Бреденбаха, Тилемана [210] и прочее, которые Дусбург в те времена получить не мог, хотя с течением времени умножаются и познания, и разум людской, однако уже через несколько страниц начнется и сама история Дусбурга. И вот теперь, взяв апелляцию, от Рынгольта, великого князя Литовского, начинаем эту хронику с деяний его вышеупомянутого сына Мендога и как он был коронован королем Литовским, а от него уже простой генеалогией выводятся следующие князья Литовские и короли Польские. Будь здоров (Vale).

Комментарии

1. Николай Николаевич Дорогостайский (ок.1530-1597) герба Лелива — стольник литовский (1566), воевода полоцкий (1579), староста волковысский, шерешевский и лепельский, арендатор городниковский. Внук православного волынского шляхтича Алексея (Олехно) Монивида (XV век). Участник Ливонской войны, отличился под Полоцком и Невелем (1579-1580). В 1590 году основал под Ошмянами типографию, просуществовавшую до XIX века.

2. Ярополк, сын Владимира Мономаха, умер в Киеве 18 февраля 1139 (6647) года. Дата приводится нами по Ипатьевскому списку Киевской летописи. Ту же дату (18 февраля 1139 г.) называют Львовская и Густынская летописи. См.: ПСРЛ, т. 2, СПб, 1908. Стр. 210.

3. Смотри главу тринадцатую книги пятой.

4. По Ипатьевской летописи Всеволод Ольгович умер 1 августа 1146 (6654) года. Ту же дату приводит Густынская летопись, а Львовская — 30 июня. Татищев тоже пишет, что Всеволод умер 1 августа 1146 года, быв на великом княжении 6 лет и 7 месяцев. См.: Татищев В.Н. Собрание сочинений, том 2. М.,1995. Стр. 162. Датировка Стрыйковского (12 июля 1147 года) ошибочна и не только дает нам основания утверждать, что Ипатьевским списком он не пользовался, но и позволяет зацепиться за его собственный источник. Этот источник — Длугош. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. II, ks. V. Krakow, 1868. Стр. 30.

5. Это сражение Изяслава с войсками Юрия Долгорукого произошло **23 августа 1149 года**. См.: ПСРЛ, т. XX, М., 2005. Стр. 112.

6. Сражение на Днепре происходило севернее Киева (в районе Вышгорода) в конце апреля — начале мая 1151 года. Свой ладейный флот Изяслав приказал оборудовать необычным образом: над гребцами были устроены вторые палубы и наращены борты. Таким образом, гребцов было вообще не видно, снаружи торчали только весла. На «втором этаже» находились абордажники и стрелки. Кроме того, ладьи имели по два руля: на носу и на корме, так что могли двигаться как вперед, так и назад, не разворачиваясь. См.: ПСРЛ, т. 2, СПб., 1843. Стр. 59.

7. Битва на реке Серет (близ Теребовля) была «на Федоровой неделе, во вторник», т.е. **3 марта 1153 года**. См.: ПСРЛ, т. 2, СПб., 1843. Стр. 73.

8. Согласно Ипатьевской летописи, Изяслав Мстиславич умер «в ночь на Филиппов день», т.е. в ночь с 13 на **14 ноября 1154 года**. Татищев называет 13 ноября, та же дата и у Стрыйковского (который, впрочем, ошибся на целых *четыре года*), однако в летописи сказано «в воскресенье», а это уже 14 ноября. См.: ПСРЛ, т. 2, СПб, 1908. Стр. 323.

9. Дедом Юрия Долгорукого был Всеволод Ярославич (киевский князь в 1077-1093 гг.), а прадедом — Ярослав Мудрый. Юрий был *сыном* Владимира Мономаха, тогда как его

соперник и ровесник Изяслав Мстиславич — *внуком* Мономаха и племянником самого Долгорукого.

10. У Изяслава Мстиславича, действительно, было три сына (Мстислав, Ярослав и Ярополк) и две дочери, одна из которых, Евдокия, была замужем за польским князем Мешко Старым, а другая — за полоцким князем Рогволодом Борисовичем. Однако никакого Владимира Изяславича русские летописи не знают.

11. Юрий Долгорукий, действительно, умер в Киеве 15 мая, однако не 1164, а **1157** года. Есть предположение, что он был отравлен киевскими боярами. См.: Карпов А.Ю. Юрий Долгорукий, М., 2006. Стр. 361.

12. Женой Мстислава Изяславича была Агнешка, дочь Болеслава Кривоустого и мать Романа Галицкого. Но захваченный вместе с ней сын был не Роман, а, вероятно, Всеволод, будущий князь Белзский. Сцена пленения Агнешки изображена на одной из миниатюр Радзивилловской летописи. См.: Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. М., 1991. Стр. 239.

13. Взятие Киева войсками Андрея Боголюбского произошло 12 марта 1169 года, после чего победители два дня грабили город. Согласно Ипатьевской летописи, Киев был взят 8 марта 6679 (1171) года, в среду. Однако 8 марта приходилось на среду только в 1172 году, а вот 12 марта 1169 года была как раз среда. См.: ПСРЛ, т. 2, СПб., 1843. Стр. 100.

14. Исследователи полагают, что «сын сестры» Казимира, которому польский князь помогал занять галицкий стол, был Святослав, сын Мстислава Изяславича. И хотя Мстислав и вправду был женат на Агнешке, сестре Казимира, Святослав Мстиславич был ей не сыном, а пасынком, так как, судя по словам Стрыйковского, родился от наложницы Мстислава. Польский поход на Галич состоялся в 1182 году. См.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях. М., 1987, стр. 122, 225.

15. Выше уже говорилось, что это был не Мстислав, а, скорее всего, Святослав Мстиславич.

16. Примечание на полях: ***Cromer: Nunc vero aperte nostri fremere in principem, et queri se plane prodi hostibus.*** *Но теперь они начали открыто возмущаться нашим князем и жаловались, что их попросту предали* **(***Кромер).*

17. Примечание Стрыйковского на полях: **Это когда разбили Болеслава Кривоустого.**

18. Примечание на полях: ***Cromer: Concuritur infestis armis.*** *Они напали сообща* **(***Кромер).*

19. Смотри примечание 65 к книге одиннадцатой.

20. Примечание на полях: ***Cromerus. Praemebantur nostri in sinistro cornu a sagittarijs, nec satis iam servabant ordines.*** *Находившиеся на левом фланге наши [воины] уже видели ряды [русских]лучников (Кромер, стр.113)*

21. Примечание на полях: ***Vincentius Cadlubcus. Casimirus magno vitae suae periculo suis succurit et inclinatum aciem vix restituit.*** *Казимир с большим риском для собственной жизни [приходит] ему на помощь и едва выравнивает сместившийся строй (Винцентий Кадлубек).*

22. Примечание Стрыйковского на полях: **Справный** (дельный) **гетман очень важен. Лучше войско оленей, где вождь лев, чем львиное войско с гетманом оленем.**

23. На полях написано: ***Cromer: Reprimuntur feroces Russi***.

24. Примечание на полях: ***Cromer: Poloni cohortati sese nuluo in fugam Rutenos conicunt et mox commutata fortuna pedem referre incipiunt.*** *Поляки вынуждают русских прекратить стрельбу, и те, как только отвернулась фортуна, начинают отступать .*

25. Примечание на полях: ***Quo animadverso caeteri, qui ad huc nostrorum dextru cornu sustinebant, tergavertunt et ipsi.*** *Остальные же, кто все еще [сражался] с нашими людьми на правом крыле, видя, что другие побеждены [и бегут], сами [поступили] так же.*

26. Примечание на полях: ***Majorem longe in fugientibus quam in resistentibus stragem cedunt.*** *Беглецов [пало] много больше, чем сражавшихся в бою.*

27. В этом месте на полях помещено одно-единственное латинское слово ***Elisio*** (*рай*), однако совершенно непонятно, какое отношение оно имеет к самому тексту.

28. Смотри примечание 15.

29. Мартин Бельский включал в свою хронику целые куски неизданной рукописи Ваповского, но везде честно ссылался на их истинного автора. См.: Михайловская Л. Л. Судьба «Хроники» Бернарда Ваповского. В кн.: Беларускі археаграфічны штогоднік, вып. 4. Мінск, 2003.

30. Польский поход на Галич был в 1182 году; годы жизни Винцентия Кадлубка: 1160-1223.

31. Описываемые здесь события происходили в 1173 году. Ярослав Изяславич был князем Киевским в 1173-1174 гг.; Святослав Всеволодович был князем Черниговским в 1164-1180 гг.

32. Точная дата смерти Ярослава Изяславича неизвестна, но в последний раз он упоминается в летописи еще до 1180 года. Святослав Всеволодович окончательно занял киевский стол (причем уже в шестой раз) в 1181 году. Это тот самый Святослав Киевский, который в «Слове о полку Игореве» произносит ***золотое слово, со слезами смешанное***. См.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве», том 4, Спб. 1995. Стр. 193-194.

33. На сей раз речь идет не о Владимире Волынском, а о сверном Владимире, князем которого после смерти брата Михаила Юрьевича стал Всеволод Большое Гнездо, сын

Юрия Долгорукого и брат Андрея Боголюбского. Но произошло это не в 1184, а в 1176 году, и умер Михаил не 14, а 20 июня. См.: ПСРЛ, т. XX, М., 2005. Стр. 131.

34. Решающая битва Всеволода с Мстиславом Ростиславичем (под Юрьевым), по летописным известиям, произошла 27 июня 1176 года, а Глеб Рязанский был разбит в начале 1177 года. Однако академик Рыбаков считал, что битву под Юрьевым, как и смерть Михаила Юрьевича, следует относить не к 1176, а к 1177 году. См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. Стр. 558.

35. Смотри примечание 15.

36. Владимир Галицкий своей широкой известностью опере «Князь Игорь» обязан более, чем самому «Слову о полку Игореве». Но там он изображен несколько однобоко, а на самом деле это был незаурядный человек, в жизни которого было немало опасных приключений. Венгры держали его в шатре на вершине высокой башни. Владимир изрезал шатер на полосы, свил из них длинную веревку, спустился по ней с башни и бежал. Это было в 1188 году. См.: ПСРЛ, т. 2, СПб., 1843. Стр. 138.

37. Иерусалим был сдан Саладину 2 октября 1187 года, а Владимир Ярославич утвердился в Галиче только в начале 1189 года.

38. «Великопольская хроника» описывает смерть Казимира так: ***Немного отпив из бокала, тотчас упал и скончался, неизвестно, то ли от болезни, то ли от отравления***. См.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях. М., 1987, стр. 128.

39. Речь идет о битве на реке Орели, которую Бережков в результате сравнительного анализа относит к 1184 году. Ипатьевская летопись датирует это сражение 6691 (1183), Лаврентьевская — 6693 (1185) годом. См.: Бережков Н. Г. Хронология сравнительного летописания. М., 1963. Стр. 83.

40. Читатель, вероятно, уже догадался, что речь идет о том самом походе 1185 года, который и стал сюжетом «Слова о полку Игореве». Всеволод Святославич (Буй-Тур), как и его брат князь Игорь Святославич, принадлежал к роду черниговских Ольговичей, чем и объясняется ошибка в его отчестве, сделанная еще Длугошем. Все подробности о походе Игоря Стрыйковский взял у Длугоша, оттуда же позаимствована и ошибочная дата: 1195 год. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. II, ks.VI. Krakow, 1868. Стр. 135.

41. Киевский князь Святослав Всеволодович умер 27 июля 1194 года.

42. Не Мстиславич, а Ростиславич. Рюрик Ростиславич занимал киевский стол в 1194-1202 гг.

43. Имеются в виду князья из рода черниговских Ольговичей, о которых упоминалось выше в примечании 40. Разграбление Киева Рюриком в союзе с Ольговичами и с половцами Кончака произошло 2 января 1203 года. См.: ПСРЛ, т. 2, СПб., 1843. Стр. 328.

44. Очередное княжение Рюрика в Киеве было в 1203-1204 гг.

45. Владимир Галицкий не был дядей Романа Волынского, однако сын Владимира был женат (1187) на дочери Романа. Но этим родственые связи Владимира и Романа и исчерпываются, если, конечно, не считать того, что оба князя были потомками Ярослава Мудрого. Сыновья Владимира Ярославича (впрочем, оба они считались незаконнорожденными), видимо, умерли раньше отца, так как все источники сходятся в том, что галицкий князь не оставил мужского потомства.

46. Ни один надежный источник не содержит даты захвата Романом Галича, но исследователи считают, что это произошло не ранее января 1199 года и не позднее апреля 1200 года. Роль в этом деле поляков Стрыйковский непомерно преувеличивает, опираясь на явно пристрастные известия Винцентия Кадлубка. См.: Горовенко А. Меч Романа Галицкого. Спб, 2011. Стр. 75.

47. Совместный поход на половцев Романа Мстиславича и Рюрика Ростиславича состоялся ***лютой зимой*** 1204-1205 годов. В походе участвовал и Ярослав Всеволодович, будущий отец Александра Невского, которому тогда было не более 15 лет. См.: ПСРЛ, т. XX, М., 2005. Стр. 143.

48. По-литовски слово ***veza*** означает *везти*; ***vezimas*** — *воз, повозка*.

49. Фаларис — сицилийский тиран второй половины VI века до н.э. Прославился неимоверной жестокостью, в частности, приказывал поджаривать людей в медном быке. Об этом упоминает Диодор Сицилийский.

50. Дословный перевод звучит так: «Никто не может безопасно отведать меду, если сначала не истребит пчелиный рой».

51. Стрыйковский даже не пытается как-то объяснить причину, по которой Роман начал войну против Лешека, который, судя по тексту «Хроники», до сих пор был его другом и благодетелем. Мало того, они были двоюродными братьями: мать Романа, Агнешка, была родной сестрой Казимира, отца Лешека. Целые поколения российских и польских историков пытались ответить на этот вопрос, но к единому мнению исследователи до сих пор так и не не пришли. Длугош называет сразу две причины. Первая причина — ослабление позиций Казимировичей в их борьбе с Владиславом Лясконогим, в результате чего Лешек временно утратил верховную власть в Польше, оставаясь лишь князем Сандомирским, Люблинским, Мазовецким и Куявским. Вторая, на которую особо упирал Винцентий Кадлубек, состояла в территориальных претензиях Романа на польские земли, которые Лешек ему якобы обещал за помощь в междоусобном сражении при Мозгаве (1195). В этой битве Роман был ранен и покинул поле боя. Вследствие этого поляки сочли себя свободными от обязательств, однако в 1205 году Роман решил, что пришло время «взыскать должок». Примечательно, что Стрыйковский вообще не упоминает битву у Мозгавы, которой много внимания уделяли Кадлубек и Длугош. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. II, ks.VI. Krakow, 1868. Стр. 137-139, 163-168.

52. Противостояние католичества и православия, резко обострившееся при Стрыйковском из-за контрреформации и деятельности иезуитов, в начале XIII века еще вовсе не носило характера откровенной вражды. Попытка представить самого прозападного из тогдашних русских князей активным борцом с католической церковью — очевидный домысел. Однако дальнейший рассказ о владимирском епископе вполне может иметь историческую основу.

53. Имя последнего автора отсутствует в списке источников Стрыйковского, составленного им самим.

54. Стрыйковский трижды называет дату гибели Романа, и при этом два раза неверно. Здесь указано 13 июня, на полях 19 июля, и только в самом конце этой главы написано правильно: **в день святых Гервазия и Протасия**, т.е. **19 июня** 1205 года.

55. Примечание на полях: ***Neque tamen credebat pugnandi copiam facturos polonos*** *(Не верил, что им придется сражаться с поляками)***.**

56. Лешек Белый родился в 1184 году, а Конрад Мазовецкий — в 1187 году. Оба они, несмотря на молодость, по польским законам давно уже были правомочными наследниками, но вполне самостоятельными правителями их стали считать только после битвы у Завихоста.

57. Примечание Стрыйковского на полях: **Это подтверждает, что никакого готового плана у них не было.**

58. Примечание на полях: ***Neque recte explicare ordines poterat*** *(Не могли должным образом построиться)***.**

59. Примечание на полях: ***Romanus inter primas acies versabatur boni ac strenui Ducis fungens officio*** *(Роман действовал как энергичный вождь и сражался в первых рядах)***.**

60. Длугош пишет, что польским гетманом был Кристин, воспитатель Конрада Мазовецкого, гордость мазовшан и гроза пруссов. Примечание Стрыйковского на полях: ***Cristinus comes gente Gozdovius Palatinus Plocensis, cuis Lilium insigne est vir acer et rei militaris peritus.*** *(Наставник Кристин рода Гоздава, герба Лилии, палатин Плоцкий, проницательный муж и умелый воин).* **Очень помог полякам как умелый гетман. А от того герба и я по бабке имею герб Лилия, называемый Гоздовичи (Gozdovice)**. См. Щавелева Н. И. О княжеских воспитателях в древней Польше. В кн.: Древнейшие государства на территории СССР, 1985. М.,1986. Стр. 128-129.

61. Примечание на полях: ***Fervente aliquandiu pugna etc. conspicati id nostri globo facto impetum faciunt*** *(Жаркая битва и прочее. Отметим, что именно сплоченный кулак сделал нашу атаку)*.

62. Примечание на полях: ***Кромер и Меховский (стр. 110): ac faeta equa sibi administrata Wistulam tranavit*** *(и поблагодарил за работу кобылу, на которой переплыл Вислу)***.**

63. Примечание на полях: ***Меховский: Romanus Dux miles gregarius estimatus occisus*** *(Князя Романа сочли простым солдатом)***.**

64. Примечание на полях: **Князь Роман убит среди прочих в толпе убегающих 19 июля 1205 года.** Здесь описка: вместо 19 *июня* написано 19 *июля*.

65. Большинство историков сходятся в том, что битва под Завихостом вовсе не была таким уж грандиозным сражением, как его описывают Стрыйковский и другие польские хронисты. Роман Мстиславич с небольшой дружиной далеко отъехал от главных сил и подвергся внезапному нападению численно превосходящего польского отряда. В произошедшей стычке князь храбро отбивался, но был убит, а русские полки, узнав о гибели предводителя, частично отступили, а частично просто разбежались. Описанное Стрыйковским позорное бегство самого Романа не подтверждает даже явно враждебная к нему «Великопольская хроника», сообщающая, что князь погиб в бою от удара мечом. См.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях. М.,1987, стр. 145.

66. Примечание Стрыйковского на полях: **У русских любовь к своим господам** [остается] **и после смерти.**

67. Примечание на полях: ***Miechovius et Cromerus: mille marcis argenti redemptus Vladimiriam ductus est tumutulandus.*** *(Меховский и Кромер: уплатив тысячу марок серебра, привезли во Владимир и похоронили).*

68. Примечание Стрыйковского на полях: **Временами сны важны, в чем я и сам убедился.**

69. Дни почитания раннехристианских мучеников Гервазия и Протасия в католической (19 июня) и православной (14 октября) традициях установлены *разные*. Это и послужило причиной грубой ошибки Татищева, датировавшего гибель Романа 13 октября 1205 года. См.: Татищев В. Н. Собрание сочинений, том III. М.,1995. Стр. 174.

70. Во времена Стрыйковского рядового наемной пехоты в Польше и Литве полупрезрительно называли *драбом*, но для эпохи Романа Галицкого это, конечно, анахронизм. См.: Енциклопедія історіі Украіни, том 2. Київ, 2004. Стр. 458.

71. Длугош, у которого наш автор позаимствовал это известие, ошибался: Романа похоронили не во Владимире, а в Галиче, рядом с Ярославом Осмомыслом и Владимиром Галицким. См.: ПСРЛ, т. 1, вып. 2. Л., 1928. Стр. 294.

72. Становиться *кошем* в данном случае означает разбивать лагерь.

73. Это не польские, а литовские слова. Точный перевод этих фраз затруднителен, но общий смысл примерно такой: наша берет, смелей и т. п.

74. В этом четверостишии перевод виршей Стрыйковского *дословный*: не потребовалось ни изменять, ни переставлять ни единого слова.

75. Этот текст является почти дословным переводом предшествующего латинского отрывка из сочинения Меховского.

76. ***В лето 6711 (1203). В то же лето победили Ольговичи Литву: избили их 7 сот и 1000.*** Это известие встречается во многих русских летописях и везде оно *предшествует* не только сообщению о гибели Романа (1205), но и рассказу о взятии крестоносцами Константинополя (1204). См.: Новгородская первая летопись старшего и млашего изводов. М.-Л., 1950. Стр. 45.

77. С критическим и даже пренебрежительным отношением Стрыйковского к Меховскому мы не раз столкнемся и в дальнейшем, тем не менее именно на Меховского наш автор ссылается едва ли не чаще, чем на кого-либо другого.

78. Простой расчет показывает, что имеются в виду 1577-1578 годы. Значит, именно в эти годы Стрыйковский и писал шестую книгу своей хроники.

79. Случайная ошибка нашего автора, но, скорее, опечатка. В соответствии с предшествующим текстом должно быть 536, а не 576 лет.

80. Примечание на полях: ***Zonaras annalium Graec. Tomo 3; Liutprandas de rebus per Europam gestis, lib.5, cap.6; Procopius de bello Gotico vel Getico etc.; Volateranus libro 7 Geographiae etc.***

81. Марк Антоний Сабелликус (1436-1506) — итальянский историк, автор «Истории Венеции». Его настоящая фамилия была Coccius.

82. Имеется в виду битва под Адрианополем (14 апреля 1205 г.), в которой болгарский царь Калоян наголову разгромил войско греко-латинского императора Балдуина. Император попал в плен, где и умер либо был казнен. См.: Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя. М.,1993. Стр. 91.

83. Примечание Стрыйковского на полях: **Пера или Галата**. Пера — сначала пригород, потом район Константинополя, расположенный на северном берегу залива Золотой Рог. Самой южной частью Перы была Галата, основанная и заселенная генуэзцами. Однако Перу омывают не воды Мраморного моря, а воды Босфора.

84. Пропонтида — древнегреческое название Мраморного моря. Но не исключено, что и Босфор греки тоже относили к Пропонтиде.

85. Примечание на полях: ***Volateranus, lib.7 etc.*** (*Волатеран, книга 7 и далее*).

86. Среди авторов, перечисленных здесь Стрыйковским, хорошо известны Павел Орозий (385-420), Лиутпранд Кремонский (922-972) и Пьетро Аретино (1492-1556). Менее известны Бурхард из Урсберга (1177-1226) или Успенгерсис, Пьетро Паоло Верджерио (1370-1444) или Равенна, Флавио Бьондо (1392-1463) или Блондиус, Иоганн Науклер (1425-1510) и Рафаэль Маффеи (1451-1522) или Волатеран. Неясно, кто скрывается под

именем Гвидо. Возможно, речь идет о Гвидо Пизанском, кардинале XII века, состоявшем в переписке с Бернаром Клервосским. Но более известен Гвидо Аретино (990-1050), которого считают изобретателем нотной грамоты. Примечательно, что Успергенсиса, Науклера, Равенну, Гвидо и Пьетро Аретино Стрыйковский даже не включил в составленный им список использованной литературы, в котором фигурирует не Пьетро, а *Леонардо* Аретино (1370-1444).

87. Примечание на полях: **Об этом читай Кранция.**

88. Примечание на полях: ***Omnium rerum vicissitudo et concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur.*** (*Все меняется: малое при согласии растет, большое при несогласии распадается*).

89. Примечание на полях: **Кернов от Кернуса.**

90. Примечание Стрыйковского на полях: **Старинные литовские и жмудские богослужения**. *Знич* (Znicz, Жнич) — священный вечный огонь. Это слово в литовский, белорусский и польский фольклор *впервые* ввел именно Стрыйковский. Но он всего лишь неверно истолковал литовское слово *zynis*, которое обозначало *жреца*, а не возжигаемый им священный огонь. См.: Теобальд. Литовско-языческие очерки. Вильна,1890. Стр.157-164.

91. Живибунд, а правильнее Живинбуд (Zivinbudas) — лицо историческое. С литовского это имя иногда переводят как «пробудившийся к жизни». Волынский летописец упоминает его в списке литовских князей, в 1219 году заключивших мир с волынскими князьями. В числе этих князей был и Миндовг, но Живинбуд в списке значится *первым*. См.: ПСРЛ, т. 2, СПб, 1843. Стр. 161.

92. Примечание на полях: **Герб Китаврас (Kitaurus).** Китаврас или Китоврас — мифическое существо древнерусских апокрифов, соответствующее древнегреческому *кентавру*, от которого произошло и само слово. В Польше герб Китоврас или *Гиппоцентавр* имели многие шляхетские фамилии. Древнейшее изображение этого герба есть на приложенных к грамоте Мелнского мира (1422) печатях Семена и Михаила Гольшанских. Этот же герб или его варианты имели Гедройцы, Кульвецы, Свирские и многие другие.

93. Примечание Стрыйковского на полях: **Гора Жосла (Zosla) и озеро были недалеко от реки Швенты (Swietej).** Озеро Жосли (Zasliai) находится между Каунасом и Вильнюсом, к востоку от города Кайшядорис.

94. Смотри примечание 29 к книге восьмой.

95. В Ипатьевской летописи под 6723 (1215) годом читаем: *Ляхом же не престающимъ пакостящимъ, и приведе на ня литву: и воеваша ляхы, и много убиства створиша въ нихъ***.** См.: ПСРЛ, том 2. СПб, 1843. Стр. 162.

96. Примечание на полях: **Кромер, книга 11.**

97. Здесь Стрыйковский не без иронии пишет на полях: **Золотой век в Литве**.

98. Смотри главу первую книги шестой.

99. Любопытно, что обзывая литовских языческих богов «злыми пугалами», Стрыйковский использует не польские, а *литовские* слова, причем с отличиями от современного написания. *Piktas* — злой, *Guda* — пугало, *Dievas* — бог.

100. Церера (греческая Деметра) — богиня древних римлян, покровительница плодородия и урожая. В жертву ей приносились плоды, медовые соты и свиньи. Примечание Стрыйковского на полях: **Литовцы издавна кормили** [своих богов]**.**

101. Рожь по-литовски *rugys*, а не *Rugosz*, к тому же неясно, почему слово написано с большой буквы.

102. Дмитрий Иванович Вишневецкий (1517-1563) герба Корибут был в Великом княжестве Литовском старостой Черкасским и Каневским (1551), а в 1558-1561 годах состоял на службе у Ивана Грозного. Около 1555 года построил крепость на острове Малая Хортица, что некоторые исследователи и считают началом истории Запорожской Сечи. Совершил много походов против турок и татар. Казнен в Стамбуле по приказу султана Сулеймана I Великолепного. Дмитрий не был прямым предком Иеремии Вишневецкого, однако принадлежал к тому же роду.

103. Речь идет о суздальско-новгородской войне, завершившейся знаменитой Липицкой битвой (1216). Поскольку об этой битве упоминают все русские летописи, ошибка Стрыйковского на целых десять лет выглядела бы непонятной, если бы он пользовался самими летописями. Но наш автор опирался на Длугоша, у которого позаимствовал и неверный год, и неверное число. На самом деле битва при Липице была 21 апреля 1216 года. См.: ПСРЛ, том 25. М.-Л.,1949. Стр. 113.

104. Константин и Мстислав — дети Давыда Ростиславича Смоленского (1140-1197). Ростислав, их брат, русским летописцам не знаком, зато им известна их сестра *Ростислава*, жена Василька Брячиславича, князя витебского.

105. Это известие о походе Владимира Рюриковича на Литву в русских летописях отсутствует и встречается только у Длугоша, который датирует его 1207 годом. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. II, ks. VI. Krakow, 1868. Стр. 173.

106. 20 июля 1217 г. рязанский князь Глеб Владимирович и его брат Константин организовали (в Исадах) убийство своего родного брата Изяслава и пятерых двоюродных братьев вместе с их боярами. См.: ПСРЛ, том 25. М.-Л.,1949. Стр. 115.

107. Януш (Иван) Константинович Острожский (1554-1620) — последний из княжеского рода Острожских, старший сын киевского воеводы Константина Константиновича Острожского и Софии Тарновской. К моменту посвящения ему этой главы «Хроники» был еще сравнительно молодым человеком, даже не был женат (1582), не был пока ни воеводой волынским (1585), ни каштеляном краковским (1593). Впоследствии он стал единственным Острожским, принявшим католичество (все прочие князья этого рода были православными), но православных в своих владениях не притеснял. По завещанию Януша Острожского в Польше учредили командорство Мальтийского ордена. Герб Острожских представлял из себя сочетание двух более древних гербов: Лелива и Огоньчик. Герб Лелива принадлежал графам Тарновским.

108. Примечание на полях: ***Cromerus: et cum a Polonico nomine etc. abhorerent*** *(Кромер: имя поляков и все польское [вызывало у них] отвращение)*.

109. Коломан или Кальман (ок. 1208-1241) — сын венгерского короля Андрея II (Андраш или Эндре), в 1213-1221 годах. формально считался князем Галицким, а по венгерским источникам — галицким королем. В течение всего этого времени он был еще ребенком (несмотря на ранний брак), а правили наставники и советники, приставленные к сыну венгерским королем. Коломан умер в 1241 году от ран, полученных в битве с монголами на реке Шайо.

110. Примечание на полях: ***Ab episcopis quos in suo commitatu habebat*** *(От епископов, которых он имел в своей свите)*.

111. Длугош, который историю краковских епископов знал лучше, чем кто-либо другой, пишет, что Кадлубек ездил в Галич на коронацию Коломана, однако не пишет, что корону на голову Коломана возложил именно краковский епископ. Щавелева считает, что коронация Коломана происходила в самом начале 1215 года, а осуществлял ее епископ эстергомский, а не польские архиереи. Длугош эти события датирует 1208 годом, что не может не вызывать недоумения. Следует подчеркнуть, что борьба с венграми за Галич представляла из себя хронологически запутанную цепь событий, которую источники освещают крайне противоречиво. См.: Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.,2004. Стр. 353 и 447.

112. Малолетняя Саломея (1211-1268) была на три года младше своего мальчика-жениха. Она была не сестрой, а *дочерью* Лешека Белого и Гремиславы, дочери Александра Белзского. Эту ошибку наш автор позаимствовал у Длугоша. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. II, ks. VI. Krakow, 1868. Стр. 175.

113. Стрыйковский имеет в виду так называемые гугенотские войны во Франции, которые во время написания «Хроники» были в самом разгаре.

114. Мстиславом Храбрым или Мстиславом Удалым (983-1036) в русской истории принято называть сына Владимира и Рогнеды, брата Ярослава Мудрого, князя тмутараканского, который в поединке сразил касожского князя Редедю. Новгородская первая летопись младшего извода Мстиславом Храбрым называет Мстислава

Ростиславича (ум. 1180), отца нашего Мстислава. За самим Мстиславом Мстиславичем (1176-1228) закрепилось другое прозвище — Удатный, то есть Удачливый.

115. Мстислав приндлежал к роду смоленских Ростилавичей, представители которых ранее уже правили в Галиче (Ростислав Рюрикович в 1210 году), поэтому Стрыйковский и называет его *галицким дедичем*, т.е. наследником.

116. Примечание на полях: **Об этом пространнее (szerzej) читай у Меховского и Кромера, книга 7.**

117. Мстислав Удатный никогда не короновался и не претендовал на титул владыки всей Руси. Но к концу его жизни не только смоленские Ростиславичи, но и едва ли не все русские князья почитали его авторитетнейшим и первым среди равных.

118. Примечание на полях: **Русские князья Ростислав Мстиславич, Владимир Рюрикович и Ростислав Давыдович** [выступили] **против венгров и поляков.**

119. Эта любопытная и точная подробность требует пояснения. Во время этой битвы Мстислав Удатный спустился с конницей в заросший овраг и внезапно вылетел из него под самым носом у противника, произведя в его рядах страшный переполох. ***Взяв лучших 2 000 половцев и малую часть своих надежных, въехал в ров и, обшед в тыл поляком, немедля на них напустил.*** Этот же прием позднее повторил Даниил Галицкий в битве под Ярославом (1245). См.: Татищев В.Н. История Российская, том III, часть вторая. М.,1995. Стр. 211.

120. Смысл этой поговорки: предоставил решение на волю случая.

121. Примечание на полях: ***Ut non inuitus caderet*** *(Он не желает падать)*.

122. Примечание на полях: ***Quin in allero cornu ad Ungaros victoria inclinabat*** *(На другом крыле победа склонялась к венграм)*.

123. Примечание на полях: ***Ibi Msczislaus cum Polowiciis eos a tergo od ortus facile securos dissipavit et magna strage profligavit*** *(Мстислав со своими половцами ударил им спину, разметал и легко победил с большим кровопролитием).*

124. Тарч — вогнутый щит различной формы, использовавшийся в европейских армиях с XIII по XVI век.

125. Венгерский воевода Фильний хорошо изестен и русским летописцам, которые называют его «Филя прегордый». Аттила же — не только грозный предводитель гуннов, но и личное имя, довольно распространенное в Венгрии. Это второе имя Фильния Стрыйковский позаимствовал у Длугоша, причем в более ранних источниках оно не встречается. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. II, ks. VI. Krakow, 1868. Стр. 176.

126. Речь идет о французском короле Генрихе III, который в 1574 году всего четыре месяца был королем Польши, а после занятия французского трона сохранил за собой и титул польского короля — даже после того, как в 1576 году поляки избрали своим королем Стефана Батория, ведь Стрыйковский пишет это в 1578 году.

127. Описка или опечатка. Разумеется, должно быть *Даниил* Романович.

128. 7 апреля 1235 года князь Изяслав в союзе с половцами разбил у Торческа киевского князя Владимира Рюриковича и его союзника Даниила Галицкого. После этого Изяслав стал князем Киевским, а Галич достался его союзнику Михаилу Черниговскому (а не Звенигородскому). См.: ПСРЛ, т. 2, СПб., 1843. Стр. 174. Этого Изяслава одни исследователи считают князем Новгород-Северским, сыном Владимира Игоревича и Кончаковны, другие — сыном смоленского князя Мстислава Романовича Старого, третьи — сыном Мстислава Удатного. Стрыйковский пишет, что его владения были «ближайшими» к Галичу, а это указывает на первый вариант, так как Изяслав *Владимирович* сначала был князем Теребовльским.

129. Примечание на полях: **Святослав Мстиславич, Владимир, Ярослав, Константин и Юрий — русские князья, в бою захваченные поляками** [в плен]**.** Святослав — сын Мстислава Старого, в описываемое время князь новгородский (1217-1218) и полоцкий (1222-1232).

130. Киев был взят татарами в конце 1240 года, во время формального киевского княжения Даниила Галицкого. Самого князя тогда в Киеве не было, обороной руководил воевода Дмитр, оставленный Даниилом в качестве наместника. Именно Дмитра Стрыйковский принял за князя киевского. Чуть позднее разоренный Киев перешел под власть соперника Даниила — Михаила Черниговского.

131. Поппо фон Остерна был прусским магистром в 1241-1247 годах. О его участии в битве при Легнице (9 апреля 1241 года) сообщает Длугош, но его свидетельство нельзя считать вполне надежным, так как орденскими источниками оно не подтверждается. Во всяком случае, в этом сражении Поппо не был ни убит, ни серьезно ранен. См.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. Стр. 210-227.

132. Горами *Имаус* географ Клавдий Птолемей (ок. 100 — ок. 170) называл Уральские горы.

133. Предвестником битвы при Калке русские летописи считали комету, которая наблюдалась в сентябре-октябре 1222 года. Это была комета Галлея.

134. Примечание на полях: **Protolce urociszce** (Урочище Протолче). Филологи истолковывают слово *протолчь* как «сжатое речное русло, быстрина». Нет сомнений, что здесь имелись в виду днепровские пороги. См.: ПСРЛ, том VII, СПб, 1856. Стр.130.

135. Из двух десятков русских князей, участвовавших в битве при Калке (31 мая 1223 г.) около дюжины погибли, в том числе великий князь киевский Мстислав Романович и

черниговский князь Мстислав Святославич. В числе павших воинов тверская летопись называет и Александра Поповича, ставшего прототипом былинного Алеши Поповича. См.: ПСРЛ, том XV. М., 2004. Стр. 342.

136. В седьмой главе книги одиннадцатой Стрыйковский пишет, что в 1574 году, возвращаясь от турок, он проезжал через Мултению. Но Мултения находится в Румынии, как и город Бузэу на реке Бузэу, правом притоке Серета, и все это очень далеко от реки Калки.

137. По-видимому, и Херсонесом Таврическим, и Перекопом Стрыйковский именует Крым, хотя Херсонес и Перекоп находятся на противоположных концах Крымского полуострова.

138. Представление о происхождении татар от скифов — составная часть *сарматизма*, разбор которого не входит в нашу задачу. Дань этой моде отдал даже Блок в стихотворении «Скифы». Однако монголо-татары не могли происходить от скифов хотя бы потому, что антропологически скифы были европеоидами, а не монголоидами.

139. И в издании 1846 года, и в издании 1582 года напечатано *polne*, но нам кажется, что здесь допущена ошибка и должно быть *dolne*, так в этом месте Диодор определенно говорит именно о *низменных* странах, а вовсе не обо *всех* странах. См.: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, том I. СПб, 1890. Стр. 458.

140. В своей «Исторической библиотеке» Диодор Сицилийский рассказывает о происхождении скифов не в книге III, а в книге II, глава XLIII. См.: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, том I. СПб, 1890. Стр. 458-459.

141. «История» Геродота состоит из девяти книг, каждая из которых названа по имени одной из муз. Имя Мельпомены носит четвертая книга. См.: Геродот. История в девяти книгах. Л.,1972. Стр. 187-189.

142. Орозий, а за ним и Иордан, этого египетского царя называют Везосисом, а современные исследователи полагают, что Везосис — искаженное имя фараона Сесостриса, которого Манефон отождествлял с Рамсесом II. Однако между Рамсесом II (середина XIII в. до н.э.) и ассирийским царем Нином, мужем легендарной Семирамиды (конец IX века до н.э.), промежуток не полторы тысячи лет, а немногим более четырех веков.

143. Слово *огульно* здесь может иметь два различных значения: «недостаточно обоснованно» и «всех вместе». Неясно, какое из них имел в виду Стрыйковский, скорее, второе.

144. Несомненная описка. Здесь должно быть не *ниже*, а *выше*.

145. Мстислав Удатный умер в 1228 году.

146. Окончание правления Коломана в Галиче относят к 1221 году, когда его изгнал и пленил Мстислав Удатный. Вернувшись к отцу, Коломан с начала 1226 года был поставлен им править Славонией, Хорватией и Далмацией, и более в Галич не возвращался. Он умер в 1241 году. См.: Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М.,1997. Стр. 85, 115.

147. Ян Глебович (1544-1590) герба Лелива — каштелян минский (1571-1585) и трокский (1585), подскарбий литовский (1580-1586), воевода трокский (1586). Сын виленского воеводы Яна Глебовича и Анны Заславской, граф Священной Римской империи на Дубровно и Заславле. В 1563-1566 гг. находился в русском плену и, как знаток Библии, приглашался Иваном Грозным для богословских дискуссий.

148. Бой с литовцами у Усвята, во время которого погиб Давыд Мстиславич Торопецкий, брат Мстислава Удатного, состоялся в феврале 1226 года. Ошибочную дату (1216) Стрыйковский, как обычно, взял у Длугоша. См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.,1950. Стр. 64, 269.

149. Мстислав Давыдович был князем Смоленским в 1219-1230 гг., а в 1222 году он захватил и Полоцк. Но князем в Полоцке сел Святослав (1222-1232), сын Мстислава Романовича Старого, погибшего при Калке. Мстислав Давыдович не участвовал ни в битве при Калке (1223), ни в сражении под Усвятом (1226). Русские летописцы не сообщают о его битвах с литовцами, это известие есть только у Длугоша, причем наверняка с неверной датой (1216). См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. II, ks. VI. Krakow, 1868. Стр. 193.

150. Это известие тоже есть только у Длугоша. Зато о боях черниговских князей с литовцами зимой 1219-1220 годов сообщают и русские летописи. Отметим, что *белорусский* Каменец мог оказаться на пути из Чернигова в Литву, а вот Каменец-Подольский не мог. Однако белорусский Каменец был основан позднее, в 1276 году. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. II, ks. VI. Krakow, 1868. Стр. 198; ПСРЛ, том VII. СПб, 1856. Стр. 128.

151. Буквально «на голом месте». Очень ценное замечание, делающее честь искренности его автора. Хронологическая шкала, которую Стрыйковский попытался наложить на белорусско-литовские летописи, несмотря на отдельные точные совпадения, получилась перепутанной и мало соответствующей действительности, что, впрочем, было неизбежно.

152. Очень популярные рассказы о том, как литовские князья стали заселять опустошенные татарами русские территории сразу же после нашествия Батыя, не соответствуют историческим фактам. Литовские походы на Русь в сороковые-пятидесятые годы XIII века вовсе не носили характера территориальной экспансии, а были лишь грабительскими набегами. В саму же Литву татары впервые проникли только во время похода Бурундая (1258). Уже Татищев справедливо отмечал: «Батый же не токмо в Литве, но и у Смоленска не был». См.: Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1995. Том III, стр. 268.

153. В оригинале *dziedzic*. *Дедичем* в Польше и Литве в старину называли законного наследника своих *дедов*, т.е. наследника по праву рождения.

154. *Отчич* примерно то же, что и *дедич*: законный наследник своих *отцов*, то есть прямой потомок.

155. Совершенно очевидно, что у Стрыйковского были личные счеты с какими-то потомками Монивида. Таковыми были Олехновичи, Дорогостайские, Заберезинские, а также, возможно, Вяжевичи и Глебовичи. Отметим, что Дорогостайским и Глебовичам он посвящал отдельные главы и даже целые книги своей «Хроники».

156. Своего рода рекламная вставка Стрыйковского, который много занимался генеалогией знатных родов Великого княжества Литовского.

157. Татарский хан Кайдан (Кадан), упоминаемый едва ли не всеми хронистами, в том числе и русскими летописцами — личность историческая. Кадан был внуком Чингисхана, шестым сыном Угедея и младшим братом Гуюка. Он участвовал в первом походе Батыя на Русь (1237-1238), воевал на Кавказе (1239), брал Киев и Галич (1240-1241), сражался в битве при Шайо. В апреле 1241 года корпус Кадана вышел к Адриатическому морю. Последний раз Кадан упоминается в 1260 году, когда он воевал уже в Китае. См.: Табулдин Г. Ж. Всемирная генеалогия чингизидов. Кокшетау, 2012.

158. Территория от Вилии до Мозыря — это почти вся нынешняя Белоруссия.

159. В русских летописях река Припять именуется *Припеть*, что отдельные исследователи истолковывают как «река-путь». Вариант Стрыйковского звучит как *Перепечь*.

160. Среди всех легендарных сражений с татарами, о которых рассказывается в этой части «Хроники», битва в устье Припяти, возможно, единственная, которая могла бы там произойти и на самом деле. Татары появлялись на Днепре в 1239 и в 1240 году, причем с ними был и Кайдан. В конце 1239 года они разорили Гомель. По Припяти к Чернигову и к Киеву могли посылаться подкрепления из Турово-Пинской земли. Среди них могли оказаться и литовские отряды, ведь до татарского нашествия отношения Даниила Галицкого с Миндовгом были, по большей части, союзническими. Примечательно, что главными победителями татар Стрыйковский изображает именно русские войска. К сожалению, помимо легенд и догадок, убедительных подтверждений реальности этой битвы у нас нет.

161. Во времена Ивана Грозного многие княжеские и боярские фамилии на Руси (Трубецкие, Мстиславские, Бельские и другие) не только официально выводили свой род от Гедимина, но и в действительности происходили от великих князей литовских. См.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV-первой трети XVI в. М., 1988. Стр. 124-128.

162. Здесь самое место познакомить читателя с достоверной генеалогией первых литовских князей, известной нам лишь в той степени, в которой ее удается восстановить

по подлинным документам и заслуживающим доверия историческим источникам. Родным братом *Миндовга* был *Довспрунк* (Дорспрунг), женатый на сестре жемайтского князя *Выкинта*. Детьми от этого брака были сыновья *Товтивил* и *Едивид* (Эрдзивил), а также дочь, ставшая второй женой князя Даниила Галицкого. Историческим лицом, как уже говорилось, был и *Живинбуд* (Живибунд), но его родственные связи нам неизвестны. См.: Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. Стр. 492-493.

163. Миля у Стрыйковского равна примерно 8 км, так что речь идет об окружности радиусом более 100 км. На самом деле размеры Полоцкой земли были значительно больше.

164. Обособление Твери в самостоятельное княжество произошло не ранее 1246 года, и только один из тверских князей имел имя Борис (1425-1461), но он жил на два века позже описываемых здесь событий.

165. Строительство замка Дисна началось (по приказу Стефана Батория) после взятия Иваном Грозным Полоцка, то есть после 1563 года.

166. В издании 1582 года и в издании 1846 года прямо в тексте нарисован крест, чья форма представляет из себя нечто среднее между греческим и виселицеобразным крестом. В отличие от последнего, поперечины несколько сдвинуты к центру, так что концы греческого креста сами по себе образуют четыре маленьких крестика. Однако этот крест совсем не похож на подлинные кресты на «Борисовых камнях», форма которых получила название «Голгофа».

167. Это первое письменное упоминание о так называемых «Борисовых камнях», которых к нашему времени сохранилось четыре, но еще в начале XX века было не менее семи. Историки предполагают, что полоцкий князь Борис Всеславич (ум. 1128) приказывал выбивать кресты на отдельных крупных валунах, с глубокой древности служивших предметами языческого культа, и тем самым как бы «окрестил» их. Впоследствии эти камни почитались и христианами, а один из них был установлен даже непосредственно в церкви. Впоследствии многие из «Борисовых камней» были взорваны и уничтожены, в частности, тот, о котором писал Стрыйковский (1939). Только благодаря рисункам и фотографиям мы представляем, как он выглядел. За имя Гинвила Стрыйковский, вероятно, принял буквы ГИ или ГН, но на самом деле это часть фразы «господи, помоги». См.: Сапунов А. Двинские или Борисовы камни. Витебск, 1890.

168. Мнение о том, что «Борисовы камни» служили своего рода пограничными столбами, не поддерживается большинством исследователей, так как по своему положению таковыми могли служить не более двух-трех камней, а их было не менее десятка.

169. Первое летописное упоминание о Борисове относится к 1127 году. См.: ПСРЛ, том 1, вып. 2. Л.,1928. Стр. 205.

170. Рогволод Борисович, князь полоцкий и друцкий, не раз упоминается в Киевской летописи (1143-1161), а один из вышеупомянутых «Борисовых камней» назывался

«Рогволодов камень». Этот валун красноватого цвета был обнаружен в 18 км от Орши в 1792 году. Позднее прямо над ним для лучшей сохранности была построена церковь. В тридцатые годы XX века камень был уничтожен, но сохранились фотографии. Помимо креста и даты 6679 (**1171**), на нем была такая надпись: ***Господи помоги рабу своему Василию в крещении именем Рогволоду сыну Борисову.*** См.: ПСРЛ, том 2. СПб, 1843. Стр.19, 66, 83.

171. Полоцкая святая, сведения о которой Стрыйковский безуспешно пытался найти в своих источниках — это Ефросинья Полоцкая, в миру носившая имя Предслава. Ефросинья (1104-1173) была дочерью витебского князя Святослава Всеславича, родного брата полоцкого князя Бориса. Итак, Борису Всеславичу она приходилась племянницей, а Рогволоду Борисовичу — двоюродной сестрой. Умерла Ефросинья не в Риме, а в Иерусалиме. См.: Орлов В.А. Евфросиния Полоцкая. Минск, 1992.

172. Полулегендарный папа Пий I (140-155) считается *десятым* по порядку римским папой, а самым первым папой традиционно считают святого Петра (33-67). См.: Ян Веруш Ковальский. Папы и папство. М.,1991. Стр. 24.

173. Вместо рассказа о Ефросинье Полоцкой Стрыйковский рассказывает о жившей за тысячу лет до нее Параскеве Римской (140-180), день почитания которой установлен 26 июля. Однако была и русская княжна по имени *Праксидис.* Так на Западе называли Евпраксию Всеволодовну (1071-1109), внучку Ярослава Мудрого и жену германского императора Генриха IV.

174. Это одно из немногих мест, где у Стрыйковского все-таки прорывается досада и крайняя неудовлетворенность качеством белорусско-литовских летописей как исторических источников. Западнорусские летописи и в самом деле содержат массу хронологических несуразиц и явного вымысла. Относительно *Летописцев* смотри примечание 12 к книге девятой.

175. Это дословно переведенное выражение перекликается с нашим *высосать из пальца*.

176. Мстислав Романович Старый был умерщвлен татарами 2 июня 1223 года, сразу же после битвы при Калке. После этой даты искать его следы не имеет смысла.

177. Среди луцких князей имя Мстислав носил Мстислав Ярославич Немой (1220-1226). Он тоже участвовал в битве при Калке, остался жив, но жил после этого недолго. Перед смертью (1226) он завещал Луцк Даниилу Галицкому.

178. Здесь Стрыйковский имеет в виду, что точно известная дата битвы при Калке позволяет датировать и время правления Скирмунта в Литве.

179. Ясельда — левый приток Припяти. Н. Н.Улащик полагает, что выражение «на *этой* стороне реки Ясельды» означает, что битва была к северу от Ясельды и, видимо, к югу от реки Щары. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 130.

180. Так как битву при Калке (1223) Стрыйковский датирует 1211 годом, битву на Ясельде нам следует датировать 1232 годом.

181. Смотри примечание 44 к книге восьмой.

182. Итальянский командир пехотного полка в Витебске, о котором упоминает Стрыйковский — Александр Гваньини.

183. Станислав Пац герба Гоздава был витебским воеводой в 1566-1588 годах. О нем также смотри примечание 2 к книге седьмой.

184. Автор напоминает нам древнегреческий миф о рождении Афины (Минервы) из головы Зевса (Юпитера). Зевс почувствовал страшную головную боль и, чтобы избавиться от нее, велел своему сыну Гефесту (Вулкану) разрубить ему череп. Гефест исполнил приказ отца, и из головы Зевса вышла Афина. См.: Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001. Стр.47-48.

185. Все это обширное отступление в прозе и в стихах сделано из-за Гваньини, который в 1578 году издал работу Стрыйковского «Описание Европейской Сарматии» под своим собственным именем. Королевский суд рассмотрел жалобу Стрыйковского и признал его авторство (14 июля 1580 г.), но вплоть до наших дней в качестве автора книги указывают Александра Гваньини. См.: Гваньіні О. Хроніка Европейськоі Сарматіі. Киів, 2007.

186. В хронике Петра из Дусбурга нет никакого короля Втинуера (Vtinuerus), но есть Витень (Vithenus), которого Дусбург действительно называет литовским королем. Стрыйковский здесь путает Утенуса с Витенем, хотя появление самого Витеня сам же потом датирует 1283 годом, т.е. шестьюдесятью годами позже. См.: Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997. Стр. 156.

187. Село Балаклея находится в Смелянском районе Черкасской области Украины, но такое же название носят и другие населенные пункты, например, в Харьковской и в Полтавской областях. Не стоит забывать и о Балаклаве в Крыму. Около 1472 года там побывал Афанасий Никитин, зафиксировавший турецкое название городка — *Баликайя*. Это название с турецкого и с крымско-татарского переводят как «рыбная погода», «рыбный мешок», а так могли называться многие рыбацкие поселения южной Украины. Но все известные нам *Балаклеи* находятся не в низовьях Днепра, так что о каком городище пишет Стрыйковский, точно неизвестно.

188. *Чапчак* по-татарски *кадка, бочка.* С этим корнем существует немало топонимов, например, *Кызыл Чапчак* и т.п. *Ослам*, по словарю Даля — *лодка, одномачтовое речное палубное судно* для развозки товаров и торговли по прибрежным местам. Отметим, что оба этих топонима, как и *Балаклава*, имеют прямое отношение к рыболовству.

189. Хотя название местечка Койданово (в 30 км от Минска) местные легенды производят от уже знакомого нам татарского хана Койдана или Кайдана, само название впервые упоминается только в 1439 году, в связи с открытием здесь костела. Ранее это место

называлось Крутогорье. Сам город в 1932 году переименовали в Дзержинск, а вот железнодорожная станция до сих пор зовется Койданово. Кстати, неподалеку есть и деревня *Скирмунтово*, где находится наивысшая точка Белоруссии (345 м над уровнем моря).

190. Улан — искаженное *оглан*. Монгольское и тюркское слово *оглан* означает *юноша, сын*. В татарских улусах так звали сыновей ханов из линий, не всходивших на престол. Стрыйковский вряд ли разбирался в таких тонкостях, он просто имел в виду либо самых знатных, либо особо отличившихся молодых татар.

191. Среди всех известных татарских военачальников середины XIII века лишь один носил имя, отдаленно похожее на Балаклай, и именно этот человек первым привел татар в Литву. Темник *Бурундай* командовал татарами в битве на реке Сити (1238), участвовал во взятии Киева (1240), а в 1257 году в качестве наместника сменил Куремсу, кочевья которого примыкали к владениям Даниила Галицкого. В 1258 году он заявил Даниилу: ***Иду на Литву***. См.: ПСРЛ, том II. СПб, 1843. Стр.197-200. Районы действий татар в Литве точно неизвестны, поэтому рассказ о битве под Койдановым полностью игнорировать не стоит. В частности, к одной из книг В.Т.Пашуто приложена карта, где не только отмечены места сражений под Койдановым и Могильно, но и нанесен предполагаемый маршрут татарского войска. См.: Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. В 1259 году Бурундай руководит взятием Сандомира, а потом исчезает со страниц летописей. Считают, что не позднее 1263 года он погиб во время войны хана Золотой Орды Берке с ильханом Хулагу, но это было уже очень далеко от Литвы.

192. Местечко Дялтува находится примерно в 4 км к западу от Укмерге (Вилькомира). В XIII веке Дялтува (Дзялтува) была центром одноименной литовской «земли».

193. Город Утена (Уцяны), расположенный в сотне километров к северо-востоку от Вильнюса, в XIII веке был столицей одной из литовских «земель», а ныне считается историческим центром восточной Аукштайтии. Впервые Утена упоминается в грамоте Миндовга Тевтонскому ордену (1261).

194. Миля у Стрыйковского равна примерно 8 км, так что полторы мили — это 12 км.

195. Среди татарских военачальников на роль летописного Курдаса более других подходит *Куремса*. И хотя в реальной истории не Куремса сменил Бурундая, а Бурундай пришел на место Куремсы, в белорусско-литовских летописях можно встретить еще и не такие рокировки. См.: ПСРЛ, том II. СПб, 1843. Стр.195-197.

196. На карте современной Белоруссии нет другой реки Окуневки, кроме крохотной речушки в Браславском районе Витебской области, но здесь речь явно не о ней. Судя по тексту хроники, Окуневкой назывался один из притоков Припяти (недалеко от Мозыря), ныне носящий какое-то другое название.

197. Стрыйковский был главным популяризатором рассказов белорусско-литовских летописей о битвах литовцев с татарами в первой половине XIII века. Исследователи до сих пор пытаются отыскать какие-либо факты, которые могли послужить исторической основой этих рассказов, однако все время приходят к отрицательным результатам. Особенно неубедительно выглядят попытки датировать эти события временем до 1239 года, когда никаких татар в Литве еще и в помине не было. И все-таки в этих рассказах есть историческое зерно. Ключом к нему служит имя Любарта и упоминание о князьях *луцких* (которых часто смешивают с князьями *слуцкими* и *друцкими*). Смутные легенды о жестоких сражениях многочисленных и хорошо организованных русско-литовских войск с татарами неизменно уводят нас из XIII века на целое столетие вперед, к временам битвы у Синих Вод (1362), о которой Стрыйковский пишет во втором томе своей «Хроники».

198. Имеются в виду богини судьбы, роли которых в античной мифологии играют три старухи, прядущие и обрезающие нити человеческих жизней.

199. В тексте ***z Anchisessem***, т.е. *с Анхизовичем*. Анхиз был отцом Энея.

200. Даже на отнюдь не блеклом фоне польской поэзии XVI столетия эти стихи звучат очень и очень неплохо и характеризуют их автора как одаренного поэта.

201. В повествовании Стрыйковского легендарных литовских князей со временем сменяют князья исторические. Рынгольт в этом списке стоит как раз перед Миндовгом, и уже одно это обстоятельство заставляет приглядеться к нему повнимательнее. Само имя *Рынгольт*, в отличие от какого-нибудь Палемона, не вымышленное. Сестру Витовта звали *Рынгалла* (Римгайле), один из знатных пруссов носил имя *Рингеле*, а в литовской поэме, посвященной сече с немцами при Акмене, жмудинов ведет в бой «старый *Рингауд*». А.Г.Киркор высказывался о Рынгольте так: «Деяния его слишком известны, чтобы признавать и его лицом мифическим». См.: Живописная Россия, том 3. Литовское и Белорусское Полесье. СПб-М.,1882. Стр. 74-75.

202. Здесь какая-то малопонятная ошибка, так как не Рынгольт был пращуром Эрдзивила, а Эрдзивил был пращуром Рынгольта. По тексту самого Стрыйковского получается, что прадед Рынгольта был внуком Эрдзивила.

203. Пшемыслав II был убит 8 февраля 1296 года, о чем смотри главу третью книги десятой.

204. Нынешняя белорусская деревня Могильно Узденского района Минской области находится на левом берегу реки Неман, примерно в 30 км к югу от уже знакомого нам Койданова. Однако практически все дореволюционные исследователи называют совершенно иное место битвы. По их сведениям, Могильно находилось недалеко от Лиды, у места впадения в Неман реки Дитвы, причем на *правом*, а не левом берегу Немана. Нет сомнений, что такое же или похожее название имел далеко не один населенный пункт, например, тот же Могилев. См.: Военная энциклопедия, т.16. СПб, 1914.

205. Относительно Авигенуса (Энгельберта) смотри примечание 126 к книге седьмой. Там же в главе первой Стрыйковский подробнее рассказывает о меченосцах, а к главе шестой приложен и упомянутый календарь.

206. Примечательно, что те же самые летописцы, которые сообщают о войнах Рынгольта с русскими князьями и немцами, ни слова не говорят о каких-либо его сражениях с *татарами*. И это вполне естественно, так как он умер еще до татарского нашествия. Рынгольту приписывали и командование жмудскими войсками в битве с немцами при Сауле (1236), однако в настоящее время эта версия отвергнута, поскольку остаются сомнения относительно историчности самого Рынгольта.

207. Известия о трех сыновьях Рынгольта содержатся только в двух известных нам летописях: Ольшевской и Рачинского. Не только Стрыйковский, но и составитель «Хроники Быховца» считали Рынгольта отцом Миндовга. И хотя сами белорусско-литовские летописи ошибочно называют Рынгольта отцом Войшелка, вектор здесь задан тот же, что и в «Хронике Быховца». Немцы говорили Миндовгу: ***Твой отец был великий король***. К великому сожалению, имя этого «короля» не упомянуто ни в одном из дошедших до нас подлинных документов. Так что имя *Рынгольт* для отца Миндовга подходит не хуже любого другого. См.: ПСРЛ, том 17. СПб, 1907. Стр. 304 и 431; Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 41; Livlaendische Reimchronik. Paderborn, 1876. Стр. 146.

208. Александр Григорьевич Ходкевич (ум. 1578) герба Косцеша, староста гродненский и могилевский, был сыном великого гетмана литовского Григория Александровича Ходкевича (1513-1572) и Екатерины Ивановны Вишневецкой.

209. Августин Ротундус (1520-1582), секретарь польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда II Августа (1549), виленский войт (1552), был одним из лидеров контрреформации в Литве, способствовал деятельности иезуитов. Принимал активное участие в создании второй и третьей редакции Статута Великого княжества Литовского, за что ему были пожалованы герб Роля и дворянство (1568). Участвовал в работе Люблинского сейма, принявшем Люблинскую унию (1569). Автор завещания короля Сигизмунда II Августа, умершего в 1572 году. Ротундус очень интересовался историей Литвы и собирал соответствующие материалы, часть из которых передал Стрыйковскому.

210. О Бреденбахе (1544-1587) смотри примечание 21 к книге седьмой. В оригинале хроники слова ***Bredenbacha, Tilmanna*** напечатаны через запятую, так что непонятно, идет здесь речь об одном человеке (имя самого Бреденбаха — *Тилеман*), или все же о двух (Эразм Стелла *Тилеман* включен Стрыйковским в список авторов использованной им литературы).

КНИГА СЕДЬМАЯ

Старинная хроника,

обнаруженная в Лифляндии в церкви Румборкского замка,

написанная старинными литерами на простом латинском языке в 1326 году [для] прусского магистра Вернера фон Орселна Петром Дусбургом, братом и капелланом Тевтонского ордена, [во времена] правления в Литве Витеня и Гедимина.

Содержит в себе [описание] великих, частых, жестоких и непрерывных войн прусских крестоносцев с литовцами, а также со жмудинами.

Полно, пространно и правдиво с простого латинского языка просто переведена на польский [Мацеем Стрыйковским].

Глава 1. О происхождении ордена братьев-рыцарей Немецкого дома Девы Марии в Иерусалиме.

Глава 2. О литовской войне в Курляндии и жестоком поражении крестоносцев.

О войне крестоносцев с судовитами, жмудинами и литовцами.

Глава 3. О войне с литовцами, которую прусские и лифляндские крестоносцы непрерывно вели против них в течение двухсот и десяти лет.

О разрушении литовского замка Бисены.

Глава 4. Водная битва литовцев с крестоносцами на Немане.

Старый литовский обычай при осаде замков.

Как Господь Бог отомстил литовцам за богохульство.

Глава 5. Водная битва литавов с крестоносцами.

Об осаде и добывании Христмемеля.

О поражении крестоносцев у Медников и о литовской жертве.

Глава 6. О суровой зиме и разорении литовцами датских владений, а также Прусской и Добжиньской земель.

О легатах апостольской столицы, [направленных] в Ригу и к литовскому королю Гедимину, и о разорении литовцами Мазовии, Лифляндии и Бранденбургского маркграфства.

Книга седьмая

Наидобропорядочнейшему во Христе пану,
пану Миколаю Пацу [1],
божьей милостью епископу киевскому и прочее
и ясновельможным панам

пану Станиславу Пацу [2],
воеводе витебскому,
старосте суражскому и прочее
и ясновельможному пану

пану Павлу Пацу [3],
воеводе мстиславскому,
старосте вилькомирскому и прочее,

панам и дедичам из Рожанки
и прочее

Старинная хроника,

обнаруженная в Лифляндии в церкви Румборкского замка,

написанная старинными литерами на простом латинском языке в 1326 году [для] прусского магистра Вернера фон Орселна Петром Дусбургом, братом и капелланом Тевтонского ордена, [во времена] правления в Литве Витеня и Гедимина.

Содержит в себе [описание] великих, частых, жестоких и непрерывных войн прусских крестоносцев с литовцами, которых он зовет литвинами (Letovinami), а также со жмудинами.

А литовского князя [он] в каждом месте [зовет] королем, а Литву пишет королевством.

Полно, пространно и правдиво с простого латинского языка

попросту переведена на польский

Мацеем Осостевичюссом [4] **Стрыйковским.**

Глава первая

О происхождении ордена братьев-рыцарей Немецкого дома Девы Марии в Иерусалиме [5] и их прибытии в Лифляндскую, а потом и в Прусскую землю, с которыми долго вели войну язычники пруссы (Prusowie), латыши (Lotwa) и курши (Kurlandowie), а дольше всего литовцы и жмудины, и которых в Пруссии при Казимире Ягеллончике, а в Лифляндии при Сигизмунде Августе доконали и искоренили.

Этот рассказ понадобился мне, чтобы пространнее описать происхождение крестоносцев и их прибытие в эту страну, ибо ниже пойдет все наше повествование о их схватках с литовцами и жмудинами.

В году от рождения Господа Христа 1188, когда в Иерусалиме и на Кипре царствовал христианский иерусалимский король Балдуин, поднялись против него сарацины магометовой секты.

Птолемаида или Акона, либо Акра. А из замка и из портового города, который на их языке зовется Птолемаида, по-латински же Акона, а по-немецки Акра, недалеко от горы Кармелус [6] в еврейских землях колена Ашер (Асир), лежащих у моря между сирийскими землями, язычники чинили наибольшие беды и набеги на Святую Землю. Поэтому король Балдуин попросил помощи у папы, у императора и у других христианских государей.

60 галер итальянцев [отправились] **в Иерусалим.** Тогда от итальянцев, от лангобардов, венетов и от других, отправились шестьдесят галер, в которых было пятьдесят тысяч мужей [7], готовых к битве.

Во Франции и в других христианских краях многие князья и господа по морю и по суше двинулись на святую войну. Также и из немецких земель из разных мест собралось пятьсот пилигримов, которые, усевшись все на один корабль, приплыли к самому городу Птолемаиде или Аконе.

Появление (poczatek) **немецкого госпиталя.** Целый год христиане всеми силами добывали [Акону], и много их при штурмах было побито и поранено языческими стрелами. А потом эти хворые христиане, как это бывает при скопище войск, и там и сям терпели различные нужды и невзгоды, а в чужой земле не могли найти никого, кто бы сжалился над ними, из-за чего без ухода за их ранами и от голода многие умерли. Видя это, немцы, из которых набожнейших было восемь пилигримов из Бремена и Любека, движимые милосердием, сразу же из парусов своего корабля устроили шатер, в который принимали хворых и раненых христиан и заботились о них с великим старанием и прилежанием.

Немецкий госпиталь Девы Марии в Аконе и в Иерусалиме. Потом, когда христиане в 1190 году взяли Акону у сарацин [8], немцы заложили в городе госпиталь под именем Девы Марии. А потом король Балдуин и в Иерусалиме заложил другой госпиталь под тем же именем Девы Марии для раненных под Аконой хворых рыцарей, а первым магистром над обоими этими госпиталями был поставлен немецкий шляхтич Генрих Вальпот. **Генрих Вальпот, первый магистр Тевтонского ордена.**

Знаменитое послание к папе об утверждении ордена. Потом, в 1191 году, патриарх иерусалимский Назианзин (Nazianzenus) [9], король иерусалимский, епископ Аконы, магистр госпитальеров святого Иоанна, магистр храмовников (domu koscielnego) и многие другие братья обоих орденов (domow) и многие господа Святой Земли, прежде всего господин Адольф (Рудольф) Тивериадский и его брат Гуго, Райнольд Сидонский, Аймар (Cimarus) Кесарийский, Иоанн Ибелин и многие другие из иерусалимского королевства, а также из Германии майнцский (Moguntinski) архиепископ Конрад и другой Конрад, вюрцбургский (Herbipolski) [епископ], [епископ] Пассау (Pagamenski) Фольгер, Гардульф Гальберштадтский, епископ цейтский (Cicenski), швабский герцог Фридрих, рейнский пфальцграф Генрих, герцог Брауншвейгский, австрийский герцог Фридрих, Генрих Брабантский, который в то время был гетманом над всем войском, пфальцграф Саксонии и ландграф Тюрингии Герман, бранденбургский маркграф Альбрехт (**не прусский герцог, а другой с этим именем**), маршал римской империи Генрих фон Календин, ландсбергский маркграф Конрад, мейсенский маркграф Генрих и много других князей и господ послали к папе Целестину (но другая старая прусская хроника свидетельствует, что к папе Клименту [10]) Третьему, прося его, чтобы утвердил этот орден (zakon) и госпиталь.

Основание Тевтонского ордена. А потом патриарх Иерусалимский всех вышеупомянутых братьев утвержденного папой Немецкого дома облачил в предписанные белые плащи с черным крестом с обеих сторон, и потом все рыцари этого ордена носили такую форму. **Монашеское одеяние или ношение орденской формы.** Сначала тех, кто приняли это одеяние, было семь братьев священников (kaplanow) и двадцать четыре мирянина (laikow), шляхтичи, а не священники. Им было дозволено носить доспехи, иметь при себе меч, вкушать мясо, бороды никто из них не стриг, а спали они, согласно орденскому уставу, на мешках, набитых соломой, но это (последнее) потом быстро изменили.

Второй тевтонский магистр Отто [фон] **Керпен.** Вторым после Генриха Вальпота магистром этого госпиталя при императоре Филиппе Втором и папе Иннокентии (Третьем) в 1200 году был избран немецкий шляхтич Отто Керпен. Этот брат отправлял свою должность в течение шести лет, служил смиренно и простосердечно и похоронен в Аконе.

Третий магистр Герман Бранд (Барт). Третьим магистром в 1206 году был избран голштинский (Holsanski) шляхтич Герман Бранд. В течение четырех лет он всеми силами охотно служил убогим, [умер и] погребен в Аконе.

4 магистр Герман Зальца (Saltzen). Четвертый магистр Герман фон Зальца, мейсенский шляхтич, был избран на должность магистра в 1210 году [и занимал эту должность] при императорах Отто (Четвертом) и Фридрихе Втором и папах Иннокентии Третьем, Гонории (III) и Григории IX [11]. Для своего ордена он добился очень важных привилегий и пожалований от папы и от императора Фридриха, ибо когда папа и император затеяли друг с другом пагубную междоусобную войну, он их разнял (rozjal) и все это успокоил своей мудростью и выдающимся умом. Когда он был магистром, в орден вступил тюрингенский маркграф (ландграф) Конрад.

2 000 немецких орденских рыцарей. [Герман фон Зальца] имел в ордене под своим управлением в общей сложности две тысячи немецких шляхтичей, посвященных в рыцари, которыми он правил в течение 30 полных лет. Однако в несчастливые [времена] его правления сарацины заселили Иерусалим, вырвав [его] из-под власти христиан. И так как [тевтонские рыцари] были изгнаны из Святой Земли, они пришли к императору и папе, прося, чтобы где-нибудь им дали и отмерили какой-нибудь земли, в которой они могли бы воевать с язычниками согласно присяге и профессии своего ордена.

Причина прибытия тевтонских рыцарей в Пруссию. А в то время князь Конрад Мазовецкий, будучи удручен частыми набегами язычников пруссов и прослышав об этих братьях рыцарях, послал к папе и к императору Фридриху, чтобы прислали их в Пруссию, уступая им в своих землях некий (pewny) удел, как об этом уразумеешь ниже.

Причина прихода немцев в Ливонию (Lifland). Перед этим в 1160 году Господнем, хотя лифляндский хронист [12] пишет, что в 1111, купцы из Любека и заморских краев, привычные ради барыша заплывать в различные страны, когда были случайно занесены ветром в [некий] порт залива Балтийского моря, где ныне в Лифляндии Дюнамюнде, встретили латышей (Lotwe) (которые, как я уже рассказывал, были одного происхождения с литовцами), простой, лесной и грубый народ. [Купцы] тогда получили невиданные барыши от необработанных (pospolicie) восковых сот (wozczyny), которые оставались как выжимки от меда и вместе с мусором выметались из домов, а немцы задаром собирали этот мусор [и грузили его] на корабли [13]. [После этого] они приезжали к латышам уже с большим числом судов, даром забирая у них пчелиные соты, а мед, скотину и шкурки, которых там было великое изобилие, скупали за бесценок (leda za co), как у дикарей, либо выменивали.

Мейнхард, первый архиепископ Лифляндский. Потом, в году от Христа 1200, в правление императора Фридриха Второго и папы Иннокентия Третьего случилось так, что, вступив на корабль, вместе с этими купцами, в Ливонию прибыл некий Мейнхард (Meinhardus) [14], священник из Любека, муж святой жизни. Здесь с единственным слугой он прожил среди простых людей целый год. Сначала, общаясь с ними, он научился языку и построил себе часовенку. А познакомившись и сошедшись с людьми, начал беседовать с ними о вере и о духовных делах, легко [уводя их] от пустых идолопоклоннических заблуждений и приводя к христианской вере. И Господь Бог оценил набожные старания этого человека, ибо много их добровольно пришло к познанию науки правды. А когда [число] их еще умножилось, и чувства людей столь дикого сердца воспылали к новым делам и незнакомой вере, [он] построил церковь, *руины* или стародавние следы которой я сам видел в миле от Риги. **Следы этой церкви** [видны] **в двух милях от Риги в сторону Кирхгольма.** А когда в Лифляндию с каждым днем стало прибывать все больше купцов и священников, [они] заложили поселение, где ныне Кирхгольм на острове [реки] Двины [15]. **Кирхгольм, где та церковь, стоит на острове, а не там, где замок.** С течением времени Мейнхард был избран епископом Лифляндии (Ливонии) и в году господнем 1205 (1186) посвящен [в сан] архиепископом Бременским [16].

2 лифляндский архиепископ Бертольд. Потом немцы начали закладку города Риги [в том месте], где на могиле того Мейнхарда у приходской церкви (fary) я видел надпись: *Hic*

jacent in fossa, Meinhardi praesulis ossa (*Вот лежат во рву кости святителя Мейнхарда*). После него лифляндским архиепископом был избран некий Бертольд, цистерцианский аббат из Бремена, утвержденный бременским архиепископом. Тот тоже с пользой сеял Слово Божие. А когда он заплатил долг смерти, на его архиепископский престол вступил другой того же имени, Бертольд Второй [17]. И из-за этого Бертольда Второго (хотя Кромер (кн. 7, стр. 126), Меховский и Длугош этих двух архиепископов называют не Бертольды, а Альберты) глупые латыши наконец поняли, что немцы сидят на их шее и уселись крепко. Поэтому, порушив только что принятую христианскую веру, [они] призвали на помощь соседей литовцев, совершали набеги на немцев и постоянными войнами чуть было не вышибли их из своей земли.

Орден братьев-рыцарей Немецкого дома в Лифляндии. И тогда рижский архиепископ, упомянутый Бертольд, разослал [воззвания] вплоть до немецких краев, собирая братьев-рыцарей в орден под названием [орден] Рыцарей Христа [18]. **Первый ливонский магистр Фолквин** (Volquinus)**.** Когда сначала их присягнуло несколько тысяч [19], [епископ] выбрал среди них первого магистра Фолквина, пожаловав им на содержание третью часть доходов архиепископства Рижского. **Форма ливонских рыцарей.** [Рыцари] носили на (белых) плащах красный меч с крестом, отчего и писались *Fratres Ensiferos* [20], то есть *Братья Меченосцы*.

Ensiferi fratres. С ними архиепископ дал язычникам мощный отпор и везде, где мог, закладывал замки, которые видим и ныне, пока [хорошо] не укрепился. Потом [он] надумал воевать против возмущенного врагом христианской веры язычества латышей и литовцев (как пишет Тилеман Бреденбах [21]) совместно с приезжими рыцарями, присланными из Германии для посвящения в рыцари [ордена меченосцев]. Однако, когда дело дошло до битвы, [Бертольд] на жестко взнузданном (twardoustym) им коне залетел в середину вражеского войска, был убит и прикончен языческими саблями. **У нас был такой под Невелем Креза, однако не убит.** Но другие хронисты свидетельствуют, что это происшествие случилось с первым магистром Фолквином [22]. О чем будет ниже.

Пруссы с литовцами разорили Плоцк. Потом, в 1218 году [23], язычники пруссы, [вместе] с литовцами вторгнувшись в Кульмскую землю мазовецкого князя Конрада, все подмяли под себя и, вновь вторгнувшись в Мазовию, огнем и мечом разорили ее вдоль и поперек так, что даже Плоцк, столицу Мазовии, сожгли [вместе] с замком и костелом. **Кромер (стр. 130) и Ваповский.**

Крестоносцы из разных стран против пруссов. Благородные гетманы на Святой войне. Поэтому мазовецкий князь Конрад, не в силах самостоятельно дать отпор пруссам и литовцам, по совету цистерцианского монаха Христиана (Christina) призвал против язычников крестоносцев из различных стран, среди которых главнейшими были Генрих, князь Силезский и Вроцлавский, епископ Любушский (Lubuski) и многие другие из польской шляхты. **Хелминская и Любавская земли отняты у язычников пруссов.** И когда с их помощью князь Конрад Мазовецкий отнял у язычников земли Хелминскую или Кульмскую и Любавскую, их первым епископом он поставил упомянутого монаха Христиана, чтобы [тот] обращал язычников в христианскую веру.

Первый кульмский епископ Христиан. Пожалования Кульмскому или Хелминскому епископству в Пруссии для крестовых [походов] **против язычников.** И пожаловал ему и наследникам его часть Хелминской земли, в которой были такие замки: Грудзияж, Вапско, Коприн, Вилижас, Колно, Рух, Радзинь, Турно, Пиново, Плохово со всеми деревнями и фольварками, и еще к тому добавил сто деревень в вечное владение [24]. Сверх того плоцкий епископ даровал ему Торунь и Папов (Pepow) со всеми деревнями этих волостей, с десятиной и с полными правами, духовными и светскими [25]. Это вершилось в Ловиче в году Господнем 1222.

Из Лифляндии призваны орденские братья в белых плащах с красным мечом и крестом [сражаться] **против язычников пруссов и литовцев.** А так как те крестоносцы так и не смогли дать отпор язычникам пруссам и литовцам, Конрад, князь мазовецкий, и кульмский епископ Христиан в году Господнем 1227 обратились к рижскому архиепископу Альберту (Albricht) и призвали из Ливонии братьев ордена красного меча с крестом, которым для поселения дали Добжиньскую землю [26] с тем условием, чтобы [они] были готовы постоянно воевать против язычников пруссов. **Кромер, кн. 7, стр. 131.** Но и те в одной-единственной битве, которая продолжалась два дня, были так разгромлены и изничтожены пруссами и литовцами, что только пять старших братьев ордена убежали и для большего спокойствия вернулись в Ливонию, презрев Добжинь. **Битва длилась два дня, крестоносцы были разбиты и, проиграв, вернулись в Лифляндию.**

Братья рыцари ордена Гроба Господня (Bozogrobszy) **из Немецкого дома приведены** [сражаться] **против пруссов.** Потом, когда пруссы и литовцы постоянно совершали набеги на Мазовию и разоряли ее, усомнившийся в своих силах князь Конрад вместе с епископом Христианом на общем собрании (sejmie walnym) решили, что [следует обратиться] к братьям Немецкого дома имени Девы Марии, носящим на белом плаще черный крест, рыцарям Христовым, которые недавно были изгнаны сарацинами из Сирии [27].

Условия (condicie) соглашения с орденскими рыцарями относительно Пруссии. И передать им всю Хелминскую землю и еще кое-какие [земли] между реками Вислой, Мокрой и Древцей с условием, чтобы сначала они всеми силами постоянно воевали против прусских и литовских язычников, а когда одолеют их и усмирят, тогда Хелминскую землю чтобы вернули [28]. А все те земли, которые [братья ордена] когда-либо захватят у яычников, чтобы поровну, как это определят нужные люди, делили с князем Конрадом и его потомками. Полякам же чтобы ни насилия какого, ни кривды какой не чинили и врагам их не помогали ни советом, ни делом, но чтобы при каждом случае были готовы помогать [полякам] против язычников. А если нарушат какое-нибудь из этих условий, то за свою вину и неблагодарность подлежат наказанию лишением пожалованного добра. Таково было соглашение и договор между мазовецким князем Конрадом и упомянутыми орденскими братьями, магистром которых в то время был Герман фон Зальца. **Герман фон Зальца, первый магистр [29] прусских крестоносцев.** Это одобрил и подтвердил и римский папа Григорий Девятый, грамота которого, написанная на немецком языке, по свидетельству старых книг хранится в сокровищнице Любавского замка. **Григорий 9 утвердил кондиции крестоносцев.**

Нешава. А князь Конрад прибавил им еще Добжиньскую землю и Нешаву (Nessowe), замок в Куявской земле. А плоцкий епископ Гедеон пожаловал им часть (niktore) десятины со своего епископства и деревню с большим островом (на реке Висле).

Подложное (nikczemne) **подтверждение Фридриха Второго.** Эту грамоту крестоносцы спрятали, зато всячески берегли и показывали привилей с золотой буллой императора Фридриха Второго, которым тот подтвердил передачу им во владение Кульмской и Поморской земли, которых Конрад никогда им не давал. Поэтому это подтверждение императора Фридриха (а по этой причине потом были великие войны между орденом и поляками) мало что значило, так как тот не имел никакого права раздавать эти владения [30].

Итак, семь виднейших орденских братьев или комтуров, имея под началом 2 000 солдат (zolnierzow) Тевтонского ордена [во главе] с князем Конрадом, ландграфом Ландсбергским и Тюрингенским, которого Герман фон Зальца, отъезжая в Рим, поставил магистром [31], сначала поселились в Добжиньской земле, взяв на себя оборону мазовшан и поляков от пруссов (Prusakom).

Фогельшанг (Fogelgesang)**, первый орденский замок в Пруссии.** Потом, в году Господнем 1231, поставили над Вислой самый первый замок в Кульмской земле, который от пения птиц назвали на немецком языке Фогельшанг [32]. И из этого замка с мазурами и с помощью немцев, которые добровольно приходили на Святую войну, давали отпор язычникам пруссам и литовцам и [сами] начали часто совершать набеги на их земли и волости. Потом за короткое время [они] построили и окружили стенами Торунь, Рисенбург (Risemberk) и много других замков с местечками.

Прусский языческий князь Пипин (Pipinus). Пруссы тоже построили два замка против крестоносцев, один над Вислой, выше Торуни, который назвали Рогов, а другой около Торуни, на том месте, где ныне стоит престольный костел кульмского епископа. А прусский князь Пипин, великий истребитель христиан, построил третью крепость на озере, которое до того времени звалось Пипиново озеро. Но крестоносцы за короткое время овладели всеми этими языческами крепостенками. А князя Пипина поймали, распороли ему живот и, привязав за кишку к дереву, так долго водили его вокруг, что вывалились все внутренности, обвившись [вокруг ствола] [33].

Лига и конфедерация прусских и лифляндских крестоносцев против Литвы. Потом в году Господнем 1234 прусские орденские рыцари для более основательного противодействия язычникам пруссам и литовцам по взаимному [согласию] объединились и учинили вечную лигу (lige) и унию с лифляндскими орденскими рыцарями и их магистром Фолквином и передали (przypuscili) им свои гербы или знаки различия, чтобы оба ордена носили (uzywali) белые плащи с черным крестом [34]. С тем условием, чтобы лифляндский магистр со своим орденом был послушен прусскому [магистру] и готов к каждому походу. Это их объединение папа Григорий Девятый подтвердил своим привилеем с золотой буллой.

Таким образом, заручившись общей помощью и усиленные подкреплениями имперских князей, [крестоносцы] часто совершали набеги на Жмудь и на Литву.

Глава вторая

О литовской войне в Курляндии по истории Петра из Дусбурга и жестоком поражении крестоносцев в году 1260

Орденские братья рыцари из лифляндской и прусской земель, взяв помощь от датского короля, с крупными силами двинулись на помощь другим своим [орденским] братьям, которых литовцы осадили было в замке Святого Георгия (Георгенбург на Немане) в Курляндии, желая доставить им продовольствие и защитить их. В то же время пришло известие, что идут четыре тысячи литовцев и разоряют волости, а неподалеку ведут полон из курляндской земли. Тамошние курши тут же обещали оказать крестоносцам любую помощь против литовцев, если им вернут их жен и детей, захваченных литовцами в полон. Однако прусские и лифляндские крестоносцы тут же ответили им, что этому не бывать, ибо, по обычному праву войны, если мы одержим победу, то всю добычу и пленников забираем [себе], либо кому что достанется [35]. **Какая глупость ссориться из-за того, чего еще не имеешь!** Эта отповедь так обозлила куршей, что они сразу же решили помогать литовцам против крестоносцев.

Крестоносцы поражены литовцами. И в день святой Маргариты (13 июля 1260 года) литовцы сразили очень много христиан. [Ими были убиты] ливонский магистр Бурхард (фон Горнгаузен), прусский маршал Генрих Ботель, а с ними сто пятьдесят виднейших орденских братьев и комтуров [36]. А среди простых воинов потери были столь велики, что (как свидетельствуют собственные слова Дусбурга) *quod tres vel quatur hostes centum christianos et cum magna verecundia fugarent*, то есть: *трое или четверо врагов (литвинов) убивали по сотне христиан (немцев) и гнали их с великим срамом* [37].

Слова Петра из Дусбурга. Там же этот крестоносец [38] пишет, сетуя по поводу литовцев: *Esse quomodo confortati sunt inimici nostri, etc*, то есть: *сколь же сильны враги наши, и прочее.* Там им досталось множество трофеев, коней, оружия и доспехов, которые они вырвали из рук столь многих тысяч убитых христиан, хвастая собственной храбростью. Изничтожь же, Господи, их силу и размечи их, чтобы осознали, что за нас воюет никто иной, как ты сам, Бог наш.

Видение. Там же пишет по тогдашней простоте: *Quod eventus hujus belli* (*Об исходе этой войны*), что предшествующей ночью был предсказан и возвещен одному брату ордена, Герману Сарацину. Ему было видение Девы Марии, которая сказала так: «Герман! Я приглашаю тебя на ужин к сыну моему». *Hermane! Ego ad convivium fulii mei te invito.* Там же пишет, что такой же голос слышала одна монашка, сестра [будущего] прусского магистра Конрада (фон Фейхтвангена), и один простой крестьянин. ***Iuga boum quinque emi etc non possum venire.***

Чудесный и удивительный случай. Случилось в той битве, что когда один из языческих полков убегал, некий Генерард (Generardus), саксонский шляхтич, одним ударом меча снес голову одному бегущему куршу или жмудину. Но от этого удара тот не сразу упал, а без головы пробежал еще несколько шагов в прежнем направлении [вместе] с убегающими товарищами, и только потом упал [39]. Чему все крестоносцы очень

удивлялись, ибо никогда не видывали такого дела. **Я этого не видел, хочешь — верь, [хочешь — не верь].**

Другой случай. Тогда же на побоище христианском один литвин нашел натянутый самострел, который надел себе на шею и случайно нажал на спуск, и тетива сразу же перерезала ему горло.

Гланде, языческий прусский князь. Языческие князья в Пруссии. После этой битвы жмудины и самбы (Sambitowie), на чьей земле теперь главный город Кенигсберг, выбились из-под власти ордена и возвратились к прежним своим языческим суевериям, а в князья себе избрали некого Гланде. Так же [поступили] и другие пруссы, например, в вармийской земле избрали себе князем Глаппе, в погезанской — Аутуме, в земле бартов — Диване, и так же и в других прусских землях, в которых в течение 15 лет пребывали в отступничестве и в отречении от христианской веры, непрерывно ведя великие войны с прусскими орденскими рыцарями.

Умерщвление священника. В том же году жмудины схватили одного священника, брата Тевтонского ордена, который был послан к ним, чтобы их окрестить, и, защемив ему шею между двумя досками, душили, пока он не умер.

А в 1264 году язычники пруссы, жмудины и литовцы с огромным войском вторглись в Самбийскую землю. Там литовцы с некой военной машиной (*cum una machina*) или орудием (dzialem) или тараном, с помощью которого добывают замки, осаждали город Велау (Wilow). **Этот каменный город лежит над рекой Прегелем в 7 милях от Кенигсберга, опустевший замок стоит там и ныне** [40]. **В 1580 году я сам видел там старые литовские шанцы и осыпавшуюся насыпь** (kopiec)**.** В течение шести дней литовцы долбили стену, но крестоносец Генрих Тупадель, начальник арбалетчиков, много их побил и многократно гасил огонь, который литовцы, идя к городу, подкладывали подметом (podmiotem). Этот же Тупадель (арбалетным) болтом из самострела убил там одного знатного капитана или литовского гетмана и ранил другого, поставленного начальником над [осадными] орудиями или таранами. Язычники были вынуждены отступить.

Литовцы наносят поражение крестоносцам. Однако литовские язычники, сойдясь [с крестоносцами] в новой битве в Любавской земле, убили магистра Хельмериха, великого маршала Дитриха и сорок виднейших орденских братьев, не считая простых [воинов], и наголову разгромили большое орденское войско [41]. И той же ночью, как пишет тот же Дусбург (в силу старомодных суеверий), один набожный человек видел будто горящие свечи, это убитые крестоносцы отправлялись на небо.

Большие сборы христиан [для походов] на Литву. Потом в 1265 году на помощь крестоносцам в Пруссию прибыли князь Брауншвейгский и ландграф Тюрингенский с большими силами немецкого рыцарства. После них в 1266 году [воевать] против литовских и жмудских язычников в Пруссию приезжал Отто, маркграф Моравии, со своим родным сыном и с войском чешским и моравским.

А потом, в 1268 году, воевать с литовцами и жмудинами в Пруссию приехал чешский король Оттокар с огромными полками вооруженных чехов, поляков, силезцев и немцев. Однако из-за теплой зимы и большого разлива [рек] они не могли воевать против язычников и поэтому вернулись по своим домам [42].

Потом язычники надрувы, у которых в Пруссии была своя земля (Надрувия), побежденные крестоносцами, переселились в Литовскую землю, как к [своим] побратимам. А язычники скалвы, у которых в Пруссии тоже была [своя] земля (Скалвия), прилегающая к Жмуди, на одной горе близ Рагнеты (Рагнита) имели свой замок, в котором их осадили руссаки и добывали целых 60 лет [43], перед приходом братьев Тевтонского ордена в Пруссию. Потом утомленные руссаки спросили осажденных, чем же они все-таки питаются. Те ответили, что посреди замка имеют садок на 20 саженей, в котором достаточно рыбы. Услышав это, руссаки сняли осаду. Дусбург же пишет: «Вот странное дело, пока в этом замке жили неверные, в то время этот садок изобиловал рыбой, а ныне, когда в нем живут христиане, там одни только жабы водятся. Но неведом нам суд Божий и неисповедимы пути Его». **Точно так же ныне** [обстоят дела] **и у нас в Жмуди.**

Плечо, отрубленное одним ударом. Тогда же Стирагота (Стинегота) и Сарека, старосты скалвской и жмудской земель, убили одного орденского брата и трех вооруженных немцев, а когда Сарека саблей отсек одному плечо (руку), другой [немец] убил его самого. И в то же самое время Сурбанта, Свисдета, Сурдета (**старые жмудские фамилии**) старосты скалвов, которые были одного происхождения со жмудинами, побежденные братьями ордена, перебрались в Литву, а простой народ [последовал] за своими вождями, [вместе] с которыми они вели войну [44].

Литвин Повиде. В то же время жмудины захватили в плен погезанского (Pojezanskiego) комтура из Эльбинга, христбургского комтура Хельвига фон Гольдбаха и их товарищей. Но некий литовский шляхтич, по имени Повиде, избавил их от плена [45].

Потом прусский магистр Конрад фон Тирберг и орденские братья повоевали всю погезанскую (Pojezanska) землю, а постоянно притесняемые крестоносцами погезане переселились в Литву и поселились в одной земле около замка Гартин (вероятно, [Дусбург] хотел сказать Гродно). А земля погезан, соседей жмудинов [46], была немцами разорена и обращена в пустыню. Оказывается, все язычники пруссы были одного рода с литовцами и жемайтами, ибо, [спасаясь] от насилия немцев, сначала надрувы, а потом скалвы и погезане перебрались к литовцам, как к [своим] братьям. Судувы же, соединившись с жмудинами, повоевали в Пруссии Хелминскую землю, учинив великое поражение верным [христианам]. **А сами они** (судувы) **жили в лесах, где ныне Августов, Верболово и Райгард.** А потом прусский магистр послал против них в набег тамошнего (кульмского) комтура брата Германа фон Шёненберга, мужа, искушенного в военном деле, который дал им мужественный отпор и без большого войска поразил их.

Но в день 11 тысяч дев (21 октября 1277 года) в Кульмскую землю мощно вторгся Стуман (Stumanus) [47], староста жмудский, с четырьмя тысячами своих людей и с силой литовского войска. Там они мстили за смерть различных своих побратимов и осадили замок Пловист на реке Осе. И разрушили бы его, если бы стороны не заключили между собой такое

соглашение: осажденные, которые были в замке, должны дать им двух мужей, знающих дороги, которые провели бы их войско через христианские границы [48]. А потом жмудины и литовцы добывали замки Липанов и Радин, стали штурмовать замок Вейсальс и сожгли его предместье или посад. Оттуда они отошли к хорошо укрепленному замку Турниц и взяли его через два дня. Затем сожгли замок Святого Клемента, в котором перебили сто христианских мужей, кроме женщин и детей [которых увели в плен]. Потом разрушили и обратили в пепел посады замков Грауденц, Мариенвердер (wyspe Panny Mariej), Сантир и Христбург [49], и с несметным числом пленников и множеством всяческого награбленного добра воротились восвояси.

О войне крестоносцев с судовитами, жмудинами и литовцами.

Expugnatis Deo fauente cunctis gentibus Prussiae etc., как пишет Дусбург, [то есть] *одолев с Божьей помощью все языческие народы Пруссии*, крестоносцам осталась еще одна, последняя, и к тому же крупнейшая и сильнейшая Судувская земля, на которую братья и напали, полагаясь не на себя, а на Божью защиту. А полешане (Pojezanowie), судувы (Sudowitowie) — это один и тот же народ [50].

Сначала орденские братья с тысячью пятьюстами всадников разорили землю в Судувии, называемую Кименава, и вывели [оттуда] тысячу пленных, не считая убитых. На другой день, возвращаясь, орденские рыцари пришли в лес, который назывался Винсе, где их догнали три тысячи судувов, но и тех братья поразили и жестоко разгромили, а из старших братьев полегло всего шесть.

В то же время, в 1275 году, большое литовское войско вторглось в Польшу и, разорив Брест Куявскую, Добжиньскую и Ленчицкую волости, учинили такой великий погром, убивая и гоня в неволю, что никто не мог правдиво оценить [истинный ущерб].

Вскоре после этого восемьсот конных мужей из Литвы разорили ту часть польской земли, которая назывется Керсов, спалили десять деревень и ушли прочь с большой добычей (uphem). Тогда же благочестивый краковский князь Лесцелин (может быть, Лешко Черный) поразил их, и из восьми сотен их едва с десяток убежало.

А прусский магистр Конрад с большим войском конных и пеших воевал судувскую землю там, где волость Меруниски, и убил восемнадцать славных господ (panow) той земли, а простого народу шестьсот [человек], а других увел в неволю.

В 1279 году лифляндский магистр Эрнст был убит литовцами [51], а на его престол (stolec) вступил Конрад Фейхтванген.

Судувы же вместе с литовцами в 1280 году воевали Самбийскую землю в Пруссии.

Тогда же комтур Тапиау брат Генрих Бануар [52] воевал судувскую землю с двенадцатью братьями и двадцатью пятью всадниками. Потом судувы убили его, нанеся ему пять ран.

Тогда же, в 1281 году, построен Мальборк [53], а один знатный судувский князь по имени Руссиген со всей семьей приехал к комтуру Бальги и крестился.

Тогда же прусский маршал Конрад фон Тирберг [54] со всеми братьями вторгся в судувскую землю Силию, и так велико было это немецкое войско, что растянулось по полям на несколько миль.

А в 1283 году восемьсот мужей из Литвы зимой через Курляндию [55] вторглись в самбийскую землю, где, не [получив] отпора, разорили два повята: Абенде и Побуте, перебили много людей и захватили [в плен] сто пятьдесят немцев.

В то же время магистр Конрад для защиты от литовских набегов построил замок Новый дом или Нейхауз (Nein Haus) над Соленым морем в Нерии (w Seriej) [56].

Тогда же прусский магистр Конрад с большим войском втрогся в Судувию. По дороге ему встретился некий орденский брат Людвиг Либенцель (Libentele), до этого бывший в плену у судувов. Он вел с собой своего хозяина Кантегерда (Kaderge), пленником которого он был, и шестьсот простых судувов, которых, будучи в плену, обратил к Господу Христу. Увидев их, магистр возрадовался и велел им идти в самбийскую землю, а сам с войском осаждал в Судувии замок Кименава и разорял кименавскую землю. А когда осажденные язычники уже не могли противостоять его мощи, они сдались и обещали принять христианскую веру. Но когда магистр отпустил их на волю и приказал им идти в Самбию, по дороге они убили своего проводника и пошли в Литву. Но Людвиг Либенцель все-таки окрестил шестьсот своих судувских язычников.

В том же году брат Фридрих Холе с сотней (ze stem) всадников из замка Христбург вторгся в Судувию, а когда он выходил [оттуда] с большой добычей, его догнали язычники и убили самого [Фридриха] и с ним тридцать всадников.

Далее Дусбург пишет, что братья Тевтонского ордена вели против судувов и жмудинов великие и нескончаемые войны, [подробный] рассказ о которых он для краткости опускает. А когда Гедеке (Jedekosz), судувский староста из замка Кименава, человек очень знатного рода, не смог более противиться братьям, он со всеми чадами и домочадцами и с тысячью пятьюстами людьми различного пола пришел к братьям и крестился. А Скурдо (Suudo), староста другой части судувской земли, выехал в Литву, и вот так судувская земля до сих пор пребывает в запустении. Окончились войны судувская и прусская, и началась литовская [война].

Глава третья

О войне с литовцами, которую прусские и лифляндские крестоносцы непрерывно вели против них в течение двухсот и десяти лет. [57]

Петр Дусбург начинает свою историю так: «В 1283 году, когда с начала войны против прусского народа прошло уже 53 года, и в упомянутой земле все народы были побеждены и искоренены так, что не осталось никого, кто бы не покорился римской церкви, братья

Немецкого дома начали войну против того могучего народа, очень упрямого (twardej chrzcice) и закаленного (cwiconemu) в битвах, который был соседом пруссов и жил за рекой Неман в Литовской земле». А произошло это так.

О разрушении литовского замка Бисены.

В 1283 году прусский магистр Конрад фон Тирберг и многие братья с большим войском зимой по льду перешли через Неман. Вторгнувшись в Литву, они добывали замок Бисену начиная с утра и до полудня, и сожгли его. А другая часть войска разорила окрестные земли. А когда возвращались с добычей, из-за [подломившегося] тонкого льда очень много христиан и четверо братьев [ордена] утонули в Немане.

А в 1284 году тот же магистр, собрав очень большое войско, [вместе] со Скумандом (Stumandem), ранее великим старостой литовским [58], недавно крестившимся и примкнувшим к крестоносцам, стремительно пришли к замку Гарта (Гродно). И когда они переправились через Неман, магистр на нужных местах расставил лучников (strzelcow), а другие с лестницами штурмовали стены, и так меж ними с обеих сторон началась такая жестокая битва, что и смотреть было страшно. ***P.D.: Quod formidolosum erat inspicere.*** Когда одни ожесточенно штурмовали, другие ожесточенно оборонялись. ***P.D.: His fortiter impugnantibus illis fortius repugnantibus.*** Потом немцы ударили на замок, всех перебили и захватили в плен, а сам замок сожгли. А в загоны пустили тысячу восемьсот всадников (rejterow), которые, перебив много литовцев, вернулись с большим полоном. А Скуманд, ранее бывший преследователем [христиан], а ныне христианским вождем, вскоре после этого помер.

А пока крестоносцы добывали замок Гарту, литовцы вторглись в Польшу, где наделали много бед и возвращались с добычей. Но два знатных мужа, Нумо и Дерско, барты из Пруссии, в изгнании жившие в Литве, видя, что под Гартой крестоносцам улыбнулась удача, переметнулись к ним и были ласково приняты магистром. Они сразу же преградили путь литовцам, шедшим из Польши с полоном и добычей, и без труда разгромили их.

В 1285 году литвин Гирдило, который переметнулся было к крестоносцам и окрестился, а перед обращением пользовался большим авторитетом (zawolany) в Литве, хвастал магистру, что может помочь братьям против литовцев. А когда [христиане] двинулись с ним к замку Оукаим (Onkaim), они были преданы, ибо литовские горожане, будучи им предупреждены, высыпали из замка и перебили всех христиан.

Потом к крестоносцам переметнулся Пелюша (Pelussa), один из литовских князей, обиженный (ukrzywdzony) литовским королем [59]. Желая отомстить за свои неправды, [он приехал] в самбийскую землю к кёнигсбергскому комтуру Альбрехту. Выбрав нужное время, он попросил у комтура двадцать всадников, среди которых старшими были Мартин из Голина и Конрад Дьявол (Tuuil). Со своими головорезами (buntownikami) [60] ночью [он прибыл] в одно место, где литовские князья устроили свадебное гуляние, и неожиданно ударил на [них], беспечных, пьяных и спящих. И побил там семьдесят князей либо виднейших панов и много простого народу обоего пола, а жениха с невестой, девушек и

женщин доставил в Кёнигсберг с награбленным добром и драгоценной утварью. **О том же пишет и Меховский (кн. 3, гл. 62, стр. 183).**

Потом литовский король [61] с восемью тысячами конных воевал в Пруссии Самбийскую землю и сжег все строения и хлеба. Однако полон увел небольшой, так как орденские братья были задолго предупреждены о его приходе. А брат Генрих фон Добин со своими рейтарами (rejterami) [62] в стычке перебил 80 литвинов.

А в 1290 году в день Святого Георгия (23 апреля) прусский магистр Менедо или Менегалд [63] с пятью сотнями конных рейтаров и двумя тысячами пеших осаждал в Литве замок Колайне, в котором находился литовский пан Сурмин, тамошний староста, и с ним сто двадцать воинственных мужей, мужественно оборонявшихся от крестоносцев. И потом все они, кроме двенадцати, были так изранены, что кровь стекала со стен, как вода в сильный дождь. А когда стало смеркаться, с большим шумом и гамом возвратились 500 немецких всадников, занимавшихся разорением окрестностей и фуражировкой (w piczowaniu), и так напугали своих штурмующих кнехтов, что, прекратив осаду, все они поубегали к ладьям, возомнив, что подошли литовцы выручать [своих]. Сурмин же потом покинул замок, поклявшись перед богом, что больше ни в каком замке не станет дожидаться орденской осады.

В том же году около Вознесения Божьего (12 мая 1290 г.) комтур Рагнеты брат Эрнелио (Эрнекон) ехал в Литву в насаде (w naczyniu) водным [путем], желая разузнать некоторые новости, а с ним ехал брат из Вены и двадцать пять рыцарей [64]. А когда миновали замок Колайне, тут же Сурмин, колайненский староста, стал советоваться со своими литовцами, как бы захватить орденских братьев хитростью. Это дело взял на себя один литвин по прозвищу Нода (он потом крестился), муж, сведущий в военном [деле]. Нарядившись в женскую одежду, он сел у Немана, с жалобным плачем призывая крестоносцев по-польски (ибо хорошо знал польский язык), чтобы [они] Бога ради вызволили из неволи несчастную христианку из Польши, захваченную в плен язычниками. А другие литовцы были в засаде за [грудой] валежника. И когда крестоносцы подошли к берегу, собираясь взять эту смышленую христианку к себе в лодку, Нода тут же схватил эту лодку или вицину (wicine) и удерживал ее с такой силой, что другие литовцы [успели] выскочить из засады и перебили крестоносцев всех до одного. **Таким же способом Гектор захватил корабль Протесилая. О чем Гомер, Илиада, книга 15.**

А другие литовцы, тридцать шесть мужей из замка Оукаим (Onkaimu), когда в поисках добычи подошли к Рагниту, были настигнуты Людвигом Либенцелем (Libentella) и братом Марквардом из Реблинга (z Rewelingu), и двадцать пять из них полегли убитыми.

В том же году литовский пан Язбуто (Jezbuto) с пятью сотнями всадников воевал Польшу. Поэтому прусский магистр отправил против них брата Генриха Цукшверта (Sutswerta) с двадцатью девятью братьями и с тысячью двумястами всадниками, которые восемь дней поджидали литовцев между реками Леком или Элком и Наревом. Потом, когда литовцы возвращались с большой добычей и были уже на границе, один из них бросил жребий, как было у них в обычае, и во весь голос заорал: «Беда нам, беда! Плохи наши дела!». Староста велел ему замолчать, но тот не переставал голосить, пока крестоносцы не

выскочили из засады. Они убили триста сорок [65] литовцев, а другие разбежались. Иные поиздыхали (pozdychali) от голода, а некоторые сами повесились от отчаяния, так что мало кто избежал [смерти].

В 1291 году на Сретение (2 февраля) комтур Кёнигсберга Бертольд Брюхаве (Bruhan) и многие братья с тысячью пятьюстами людьми вторглись в Литву и, обнаружив замок Колайне пустым, сожгли его. А Юнигедскую землю разорили и вместе с добычей увели семь сотен пойманных литовцев.

В том же году литовцы построили в той земле замок Юнигеду. Бертольд, кёнигсбергский комтур, имея с собой тысячу всадников, хотел помешать этому строительству, но не смог противостоять такому множеству литовцев. Зато [он] сжег замок Медерабе, из которого литовцы причиняли большой ущерб (szkody) христианам.

Тогда же магистр Мейнхард (Meneho) с тысячей братьев и большим конным войском разорил в Литве Пастовскую и Гестовскую земли. А когда [братья] возвращались с добычей, их догнали литовцы. Сначала литовский пан Язбуто ранил в правую руку Генриха Цукшверта, но потом Генрих пронзил его копьем. А Язбуто уже лежал, не в силах защищаться, однако перед этим ударил Генриха мечом и отсек ему палец.

Потом под праздник святых Петра и Павла (29 июня) комтур Бальги Генрих Цукшверт с двадцатью братьями и тысячью пятистами конных подступил к замку Юнигеда. Расставив там засады, братья из Рагнита, среди которых были и приезжие рыцари и гости, с [поднятыми] знаменами просто побежали к замку. Увидев это, литовцы тут же выскочили из замка, и много их полегло убитыми от [рук] немцев. И замок Оукаим немцы сожгли [66].

В том же году литовский король Пукувер (Utinuerus) отправил в Польшу с большим войском своего сына Витеня. Когда тот уже возвращался с большой добычей, его догнали польские князья Локетек и Казимир, призвав на помощь и прусского магистра. Но когда крестоносцы схватились с огромным литовским войском, поляки струсили (zfankowali), и крестоносцы [тоже были вынуждены] обратиться в бегство, при котором полегло очень много немцев. Однако об этой битве не упоминают ни Длугош, ни Меховский.

В том же году Витень, сын литовского короля, с восемью сотнями конных вторгся в Польшу, где Ленчицкую землю разорил, каноников и прелатов со священными реликвиями и с церквями пожег, учинив полякам [такой] великий погром и поражение, что при дележе каждому литвину досталось по двадцать христиан. А князя Казимира, который за ними погнался, убили со всеми его рыцарями, кроме одного рыцаря, который бежал и поведал об этом другим [67].

Тогда же Конрад Штанге, комтур Рагнита, под замком Юнигеда (Ingedinem) ударил на литовское войско и много их перебил.

Году же в 1293 сам магистр под замком Юнигеда сжег два предместья: одно на горе, а другое в долине. Из этого войска к литовскому королю бежал некий прусс и под страхом смерти пообещал сдать ему Скаловский замок. Поверив его словам, король дал ему

войско. Приблизившись к замку, [литовцы] убили брата Людвига Оссе, а когда неожиданно близко подошли к воротам, им сразу храбро преградили путь Конрад и Альбрехт фон Хаген (Indagine) со своими кнехтами и едва оборонили замок. А литовцы спалили предместье и отступили прочь.

В том же году прусский магистр Мейнхард (Menedo) с большим войском осаждал литовские замки Юнигеду и Писту, но так как литовцы мужественно защищались, отступил, спалив предместья.

А в 1294 году магистр воевал Гешовский и Пастовский повяты [68].

Тогда же брат (Дитрих фон) Эсбех, брат Отто фон Берг и Отто фон Цедельце с тремя сотнями мужей отправлены для охраны Рагнита. Потом под литовским замком Писта они угнали все стада скота и, перебив много литовцев, семьдесят [человек] захватили живыми.

В том же году князь Болеслав Мазовецкий в своем замке Визне укрывал от христиан литовцев, которые причиняли великий ущерб в Польше и в Пруссии. Поэтому прусский магистр Мангольд (Menegoldus) [69] собрал большое войско и тот замок Визну спалил и искоренил (wywrocil).

Тогда же комтур из Рагнита Людвиг Либенцель со своим войском великие войны чинил против Литвы, а также часто устраивал на Немане водные битвы с жмудинами и с литовцами. Также в Аукштайтии (Austechiej), земле литовского короля, он сжег город Ромове или Ромену, который по их языческой вере был у литовцев священным (ибо там жил их наивысший епископ Кривекривейто) [70] и, захватив очень много людей [в плен], остальных перебил. В этом походе был убит брат Конрад Тушевельт.

А другую войну тот же комтур вел со Жмудской землей, в которой волость Пограуде (Pograndijska) так сильно обескровил (zemdlil) и повоевал, что потом и через много лет она не могла вернуть свое прежнее значение.

Также внезапно придя в Вайкенскую землю в Жмуди, побил из засады много литовской шляхты. Ни словом сказать, ни пером описать, сколь часто учинял против Жмуди великие войны этот рагнитский комтур. И так был им страшен (ogromnym), что через шесть лет всех литовцев, живших от Нарева до самой реки Неман, принудил к миру с орденом и заставил платить дань магистру. А для укрепления дружбы с орденом жмудская шляхта убедила простолюдинов воевать против [своего] природного господина, литовского короля. И тогда в одной стычке за один раз с обеих сторон полегло тысяч двести, а может, и больше. А потом литовский король уже до конца жизни не мог договориться со жмудинами, чтобы те сообща поднимались на войну против крестоносцев.

Глава четвертая

Водная битва литовцев с крестоносцами на Немане в году 1295.

О чем упоминают также Длугош и Меховский

Году в 1295, в пятницу перед Святым Петром [71] пятеро братьев, а с ними полтораста мужей, собрались [в поход] на литовский замок Гарту (Гродно). А когда были уже недалеко, им пришло в голову отпустить коней и по Неману подойти к замку в лодках. Перед этим они разграбили одну деревню на берегу и литовцы, увидев это, с оружием в руках преградили им путь. Они сошлись для битвы в ладьях, и в первой стычке [у них] убили брата Эсбеха и другого [брата], Вернига, и много других немцев. Литвинов же, которые храбро сражались, тоже полегло семьдесят доблестных мужей.

А крестоносцы, видя, что под Гартой им не повезло, поплыли к другому замку, Юнигеде, где из-за мелководья их лодки или вицины (wiciny) не могли идти далее и застряли. Литовцы тут же напали на них и убили брата Хенемана (Hewenara) Кинта и другого брата, Листа (Listena), и двадцать рыцарей немцев. Остальные еле спаслись.

В том же году на Святого Иоанна [72] литовцы, тайно прибыв на остров под замком Рагнит, захватили орденские табуны и стада, а также сожгли предместья Рагнитского и Скаловского [замков].

Тогда же Людвиг Либенцель с некоторыми братьями и двумястами мужами литовский замок Кимель, на который крестоносцы не раз покушались (kusili), неся большие затраты и потери, сжег, а жителей (grodzany) перебил.

Году же в 1296 комтур Бальги брат Зигфрид (фон Рехберг) вторгся в Литву с большим войском и, спалив предместье под замком Гарта (Гродно), землю разорил и увел [в плен] двести человек.

В том же году в то время, в которое короли привыкли ходить на войну [73], Витень с великим множеством литовцев вторгся в Лифляндскую землю. Узнав о том, что сам король выехал из Литвы, кенигсбергский комтур Бертольд сразу же отправил разорять Литву Конрада (Генриха) Цукшверта (Sutsferta) с войском. Тот добывал замок Гарту, но, потеряв много своих христиан и не добившись [успеха], отступил прочь.

Году в 1297 в Лифляндии начались великое несогласие и раздоры между рижскими горожанами, с одной стороны, и магистром и братьями Немецкого дома с другой. И так они вели между собой жестокую войну в течение целых двух лет.

Поэтому в 1298 году литовский король Витень, призванный по просьбе рижан, взял замок Каркус, где захватил в плен четырех знатных братьев и их отряд, а других перебил и землю опустошил. 11 июня [74] лифляндский магистр Бруно сошелся с Витенем в битве у реки Трейдеры, около моря. И когда они уже было отбили и избавили от рук литовцев три тысячи пленников, убив восемьсот литовцев, литовский король все-таки одержал победу. И там полегли убитыми сам магистр с двадцатью двумя братьями и тысяча пятьсот всадников (rejterow).

В том же году отправленный на помощь лифляндским братьям комтур из Кенигсберга Бертольд Брюхаве наголову разгромил четыре тысячи литовцев и рижан, осаждавших замок Новая мельница (Нойермюллен) [75].

В том же году в день Святого Михаила (29 сентября) сто сорок литовцев совершили набег на город Штрайсберг (Strasburg), всех людей и одного ксендза убили, женщин и детей повязали и, помимо осквернения других святынь, один мерзавец нагадил (naproszyl) в крестильнице (chrzcilnice) [76]. Но провинциал Хелминской земли [77] Конрад Зак догнал их, поразил и освободил христиан.

Тогда же бранденбургский комтур Куно, подступив с большим войском к замкам Юнигеде и Писте, спалил предместья. А когда по Неману в вицинах на помощь ему прибыл другой брат из Рагнита, они сошлись с литовцами в водной битве, в которой убит был лишь один простой литовец, но много было раненых.

В том же году шестьсот литовских казаков повоевали Натангскую землю в Пруссии и увели двести сорок пленников.

В том же году чешский король Вацлав был коронован польским королем. Литовцы же, собрав шесть тысяч [человек], повоевали Добжиньскую землю, а сто отборных и самых отважных мужей из этого войска отважились перебраться через реку Дрвенца и воевали волости в Хелминской земле. Крестоносцы их разгромили, и 79 из них остались на поле, а 30 убежали. И когда в [литовском] войске они рассказали, что с ними приключилось, [другие] встревожились так, что убегали днем и ночью, и много их потонуло в Нареве.

В 1301 году некий литвин по прозвищу Драйко или Драйколит, оукаимский горожанин (horodnicy), возжаждав святого крещения, тайно послал своего сына Пинно к рагнитскому комтуру Волраду договариваться о сдаче замка Оукаим. Посоветовавшись с магистром, комтур с войском сразу же двинулся к замку, а в это время стража замка Оукаим перешла на сторону Драйко. Как только немцы приблизились, тот сразу открыл ворота, и [крестоносцы], внезапно ворвавшись в замок, порубили всех литовцев, кроме сына Сударга (Sudagowego), одного знатного (wielkiego) литовского пана, и то случайно раненого. Захватив женщин и детей, [они] сожгли замок, а Драйко крестился в Рагните со всей своей семьей.

В том же году магистр Конрад с большим войском вторгся в Каршувскую землю в Жмуди, которую разорил, но все жмудины с литовцами попрятались в лесу.

В том же году пятьдесят литвинов неожиданно разорили в Прусской земле Любавский повят и, перебив множество христиан, уходили с пленниками, [но] крестоносцы догнали их, пятнадцать убили и освободили сорок христиан.

В том же году шестнадцатого августа [78] было страшное землетрясение по всей прусской земле. Три раза земля со строениями вздрагивала так, что люди едва удерживались на ногах. А что это значило, покажем ниже.

В 1304 году кенигсбергский комтур Эберхард фон Вирнебург (Гебхард фон Бирнебург) вторгся в Литву с двумя тысячами всадников. А бранденбургский комтур Конрад Лихтенгаген (Лихтенхайн) с большим войском шел перед ним до замка Гарты, опустошая

окрестные земли огнем и мечом. Эберхард же неожиданным нападением опустошил Пограуденскую землю, [где они] убили и захватили в плен тысячу литовцев.

В том же году во время поста тот же Эберхард, комтур Кёнигсберга, с большим войском подступил под замок Оукаим, который литовцы уже было отстроили, и некий староста Свиртило сдал его крестоносцам. А крестоносцы порубили всх мужчин, женщин и детей позабирали [в неволю], а замок второй раз сравняли с землей. Остальное войско разоряло окрестности, где литовцы убили тридцать немцев и брата Генриха фон Волвершторпфа [79].

А в 1305 году Филипп фон Болант (z Holandiej), фогт самбийского епископа, имея с собой одиннадцать братьев и двести всадников, спалил три деревни литовского короля. А с королем на сейме в то время как раз были все паны его государственного совета, и когда он об этом услышал, то с полутора тысячами конных погнался за крестноносцами. А братья уже отошли (ubiegli) на такое место, где считали себя в безопасности и сбросили с себя доспехи. Двести всадников с одним братом они отправили вперед, а сами небольшой дружиной следовали за ними. И тут на них внезапно ударил литовский король, и в первой же стычке один русин пронзил копьем брата Боланта [80]. Видя это, самбийский фогт тут же через плечо забросил за спину щит (tarcz), обеими руками ухватил меч и одним взмахом зарубил этого русина. Литовский король больше не хотел нападать и крестоносцы, собственноручно отбившись, ушли.

В 1306 году магистр Конрад, узнав, что литовцы из замка Гарты (Гродно) с большим войском вторглись в Польшу, тут же послал Альбрехта фон Хагена (Indagine) и некоторых братьев с тремя сотнями мужей для захвата замка Гарты. Когда они приблизились [к замку], поднялась такая буря, что из-за пыли один другого не мог видеть, а из-за грома и слышать. Спалив посад, который тогда был большим, и множество людей перебив, а других повязав, [они] вернулись в Пруссию с такой большой добычей, которую по тем временам только и могли увезти.

Узнав о том, что предместье сожжено, чтобы способнее было захватить сам замок, кёнигсбергский комтур Эберхард (Гебхард) двинулся к Гарте с сотней братьев и шестью тысячами всадников (rejterow jezdnych). Но литовский король, узнав о разрушении (zepsowaniu) предместья, послал для прикрытия и обороны замка немало отважных и испытанных в рыцарском деле литовских мужей. И как только крестоносцы начали штурмовать замок, литовцы, защищаясь, тут же храбро выскочили биться с ними, сошлись в страшной битве и рубились долго, до изнеможения. Отбившись от немцев, литвины потом отступили в замок, но через короткое время собрались с силами и возобновили битву с крестоносцами, с еще большей смелостью совершая вылазки из замка. И так поступали часто, от восхода солнца и до полудня, и то немцы одолевали литовцев, то литовцы немцев. В этой битве полегло много литовцев, а из крестоносцев на поле боя остались двенадцать старших и знатнейших, и тридцать [прочих] мужей, не считая раненых. Так и Герман (Хартман) фон Эльстерберг, пронзенный стрелой в шею, тотчас скончался.

Тогда же один литвин из Эйраголы (Erajgoly), брошенный в тюрьму своим королем, по совету одного русина, сидевшего вместе с ним, обещал креститься ради своего

избавления. И поклялся восковую свечу из камня во славу Господа Бога поставить в церкви, как только выйдет на свободу. *Statimque catenae quibus ligatus fuit confractae*. И сразу же разломились оковы, которыми он был связан, врата темницы тотчас же отворились [81], и узник смог выйти.

В 1307 году в Прусскую землю пришли Ганс фон Шпангейм, граф Адольф фон Винтимиль (Виндхевель), Дитрих фон Эльнер, младший и старший, со своими братьями Арнольдом и Рутгером, а также рейнские рыцари Арнольд и Якоб фон Померин и многие другие рейнские шляхтичи. С наступлением зимы тысяч сорок крестоносцев [82] собирались разорять Литву, но зимой так и не смогли двинуться дальше из-за того, что лед был слаб и не [все] замерзло.

Тогда же рагнитский комтур Вольрад (Walerodus) [отрядом] Хильдебранда фон Рехберга (Hildeta Rehercha) разорил в Жмуди Каршувский повят и захватил семьдесят человек.

Тогда же комтур Рагнита Вольрад в ладьях проплыл до реки Юры (Jurgi) и, плывя по Юре до замка Путве (Puteby), ночью ударил на спящих горожан и перебил всех, кроме тех, которые убежали в замок, а потом спалил предместье.

В том же году, осенью, когда литовцы уже отстроили было этот посад и собрали хлеб в гумна, наехал тот же комтур со своей братией и конниками, все спалил, а людей [одних] перебил, а других повязал.

Старый литовский обычай при осаде замков.

При обороне и осаде замков литовцы соблюдали такой обычай: их король собирал нужное число шляхтичей и посылал их охранять какой-нибудь замок, определив время, которое они должны там провести: целый месяц либо более. **Здесь литовский князь именуется королем.** Исполнив свою службу, [одни] уходили домой, а другие приходили на их место для охраны замка.

Однажды случилось так, что восемьдесят пять литовских бояр (bojarow) из замка Бисены (Bisseny) должны были уходить по домам. **В Жмуди когда-то был замок Бисена.**

Поле Кальсхейм. Об этом узнали Фридрих фон Либенцель, вице-комтур (podkontorzy) Рагнита, брат Альберт фон Ора (Albricht fon Oza) и брат Дитрих (Thude) фон Альтенбург [83] и ударили по литовцам с девятнадцатью братьями и шестьюдесятью всадниками. И на поле, которое зовется Кальсхейм, перебили всех, а другие убежали, сильно израненные.

Предатель Спудо. Замок Путеникка. Через несколько лет некий литовский пан Спудо, староста замка Путеникка (Putinika) [84], послал к комтуру Рагнита, чтобы приходил с войском, обещая сдать ему замок. И когда тот прибыл, Спудо тут же открыл ему ворота замка. Внезапно войдя в замок, [немцы] изрубили всех жмудинов и множество литовцев, а замок и посад сожгли. А Спудо с отцом, братьями и всей семьей крестился в Пруссии.

Жмудские замки Скронейта и Бивервата. А жмудины в Каршувском повяте, не в силах более выдерживать орденской мощи, к осени переселились в Литву, оставив пустыми два своих замка, Скронайте и Бебирвайте (Serowejte i Biwerwnite), которые братья потом сожгли.

Мансто и Сударг. А в 1308 году в день святого Георгия (23 апреля) Мансто, Сударг и другие знатные жмудины, собрав пять тысяч своего люда, через Курляндию вторглись в Самбийскую землю, где повоевали Повундийскую [85] и Рудавскую (Poundijska i Rudomska) земли. А услышав, что против них идут братья с войском, ночью бежали с награбленным.

Орденская столица из Венеции [переносится] **в Пруссию.** В 1309 году из Венеции в Пруссию приехал великий магистр Тевтонского ордена Зигфрид фон Фейхтванген и орденскую столицу, которая с разрушения Акконы (Акры) была в Венеции, перенес в Мариенбург (Мальборк).

В 1311 году, в дни масленицы (конец февраля), литовский король Витень с большим войском воевал Самбийскую и Натангийскую земли и, перебив очень много христиан, пятьсот их захватил в неволю. **Тут литовского князя Витеня** [Дусбург] **уже везде зовет королем.**

Пограуденская земля в Жмуди повоевана. А когда король с добычей уже отступил в Литву и распустил войско, за счастливый успех принося жертвы своим богам, сразу же кёнигсбергский комтур Фридрих фон Вильденберг с большим войском вторгся в Пограуденскую землю на Жмуди. И разорил эту землю так жестоко, что и через много лет они не могли достигнуть прежнего благополучия.

Гродненская [земля]**.** Тогда же Отто фон Берг и пять братьев с четырьмя сотнями всадников повоевали Гартенскую (Гродненскую) землю в Литве.

Как Господь Бог отомстил литовцам за богохульство.

В том же 1311 году литовский король Витень, полагая, что ему должно везти во всем, что он задумает, с четырьмя тысячами человек вторгся в Прусскую землю, где так жестоко повоевал Вармийское епископство, что вокруг замка ничего не осталось. Гейльсберг (Elsberg) [86] тоже подожгли, и все [окрестные] земли [Витень] разорил до основания. Разрушив церкви, разграбил из церквей ризы и прочие серебряные и золотые ценности и, помимо другой добычи, вывел тысяч двести [87] пленников.

Урочище Войплок. И когда [Витень] с войском пришел в Бартенскую землю на поле, называемое Войплок (Woiplocz), то, похваляясь перед своим войском, молвил христианам: «Где теперь бог ваш? Почему он вам не поможет, как помогли нам наши боги?». Христиане молча вздыхали, [слушая] эту издевку (uraganie).

Поражение литовцев. Назавтра, 18 апреля [88], великий комтур Генрих фон Плоцке, а с ним сто сорок братьев, с большим войском окружили короля со всех сторон. В первой стычке литовцы убили шестьдесят немцев, но вскоре увидели, что крестоносцы смело

наступают со своей хоругвью и множеством вооруженных [людей] и сразу обратились в бегство. А братья, гонясь за ними, очень много их перебили, так что и сам король едва убежал с малой дружиной. Часть их сгинула от меча, часть потонула, а другие поумирали от голода в пустынных [землях]. А христианские женщины, захваченные литовцами, видя эту победу, будто дарованную небом, в приступе женского гнева били своих сторожей, как могли. В память об этой победе братья [Тевтонского ордена] построили в Торуни женский монастырь.

В том же году, летом, брат Гебхард фон Мансфельд (Generardus i Mansweld), комтур Бранденбурга, взявший с собой много других братьев, и тысяча пятьсот всадников вторглись в Пограуденскую землю. И хотя видели, что вооруженные литовцы готовы им противостоять, все-таки разорили эту волость. А когда они возвращались с добычей в Пруссию, литовцы погнались за ними. Но, видя их упорную смелость, жмудские урядники [89] Мансто, Сударг и Массио так и не решились на битву с ними. **Старые имена литовской шляхты.**

Гарта [или] **Гродно.** Тогда же некий литвин, коморник [90] литовского короля, находившийся в заключении в замке Бальга, жизнью своей поклялся сдать братьям замок Гарту, если его отпустят на волю. Поверив ему и выбрав время и способ, которым собирались этого достигнуть, крестоносцы свободно отпустили его в Литву. **Любовь литвина к отчизне.** Но как только [литовец] пришел к королю, сразу же его об этом предостерег и ознакомил с этими планами. А когда Генрих фон Плоцке со многими братьями и пятью тысячами конных подступил к Гарте, не подозревая об измене, то захватил одного старика литовца и тот, чтобы избежать смерти, предупредил братьев о том, что король с большим войском расположился лагерем под Гартой. Они договорились, что как только половина крестоносцев переправится через Неман, [король] ударит на них со своими литовцами, а потом им было бы легче разгромить и другую половину. Уразумев это, крестоносцы воротились в Пруссию, так ничего и не сделав.

Литовский повят Сальсеника. В том же году тот же Генрих (фон Плоцке), великий комтур, имея с собой сто сорок братьев, с большим войском конных и двумя тысячами пеших двинулся в Литву, в землю, которая звалась Сальсеника (Salsemka) и где до этого никогда не видывали христианского войска. А когда приблизились к замку Гарта, поймали четырех мужей, королевских лазутчиков (spiegow), и, когда убили троих из них, четвертый поведал, что никто в Литве не знал об орденском войске. А для большей убедительности признался им, что сегодня в этот лес должны прийти пятьдесят [91] загонщиков (ossocznikow), чтобы обложить зверя для охоты своему королю. Встретив [загонщиков] в лесу, крестоносцы их всех перебили.

Крестоносцы повоевали Гродненский повят. А потом, переправившись через Неман, оставили при ладьях и вьюках (tlomokach) двенадцать братьев и две тысячи пеших и в день Святого Мартиниана (2 июля) распустили загоны по Гродненской земле, где, разорив все волости и спалив три замка, и заночевали. А наутро с большой добычей и семью сотнями пленников (не считая убитых, число которых один Бог ведает) ушли в Пруссию.

Жмудский замок Бисена над Неманом. В том же году прусский маршал Генрих Плоцке с большими силами своих войск подступил к замку Бисена над Неманом. Его всадники начали атаковать этот замок, как только взошло солнце, а другие, которые прибыли по Неману на судах (nawach), соорудили мост из [своих] лодок. И, установив военные машины, пошли на штурм стен с другой стороны, но, не преуспев, когда с обеих сторон много их полегло, отступили прочь, так ничего и не сделав.

Глава пятая

Водная битва литавов с крестоносцами.

Замок Юнигеда. Комтур Рагнита Вернер [92] приказал построить судно или галеру с [высокими] бортами (blankami), а также иметь очень много других лодок и вицин, и по Неману приплыл к литовскому замку Юнигеда. Но внезапно ветер задул с такой силой, что прибил эту большую галеру к берегу. Увидев это, литовцы сразу же с оружием в руках выскочили из замка, желая захватить эту галеру. **Большая галера** [была для] **литовцев как замок.** Но крестоносцы храбро защищались, стреляя из галеры, как из замка. В этой битве литовцев полегло больше, чем крестоносцев, а крестоносцы потом убежали.

Литовский король, услышав молву об этом корабле, очень встревожился, и вся Литва вместе с ним. **По-латыни пишет так:** ***Turbatus est Rex et tota Letovia cum eo.*** Потом после долгих совещаний и обсуждений, на которых обдумывали, как бы это судно сломать (okolo zepsowania), [король] послал благородного и воинственного мужа Сурмина с сотней вицин и лодок, в которых было шестьсот пеших и сто конных мужей. **Сурмин, какой-то знатный литовский шляхтич.** И когда литовцы стали штурмовать эту галеру, им мужественно противостояли четыре стрельца (strzelcy), которые были посажены внутри с самострелами (z strzelba) [93]. Потом литовцы перерубили канат, которым галера была связана с якорем, она стремительно понеслась вниз по течению и разбилась о берег. Так литовцы захватили и сожгли эту галеру, заодно перебив и орденских стрельцов, однако и литовцев много полегло и было переранено. **Литовцы сожгли галеру.** Тогда же был убит и Столдон или Гастолдон (Склодо), родной брат гетмана Сурмина. **Столдоном** [Дусбург] **зовет Гаштольда** [94].

Осенью того же года брат Генрих, маршал, пытался захватить замок Бисену и отступил, попалив посады.

Воюют Медникский повят, где ныне Ворни. А следующим летом, уже в 1314 году, тот же маршал Генрих с братией воевал Медникскую землю. А в это время пятеро литвинов ночью напали на их лагерь, убили [спавших] в палатках четырех немцев и увели двух коней. **Победа литовцев подобна лакедемонской при Фермопилах и Уллисовой с Диомедовой, когда они убили в палатке царя Реса и увели его коней.** Из-за этого крестоносцы были встревожены всю ночь, но потом разорили волость и взяли семьдесят пленников.

Видные крестоносцы убиты литовцами под замком Сисдитен. В том же году, на Громники [95], тот же маршал Генрих со всеми силами своих войск воевал Медникскую

землю и добывал замок, именуемый Сисдитен, но литовцы храбро его обороняли, и длилась та битва долго. В ней были убиты родной брат литовского пана Масина и двадцать три других литовских шляхтича [96], а из крестоносцев брат Генрих Рутен, Ульрих Тетинге и четверо храбрых всадников: Спагерот, Кверам (Quirunda) из Вальдау, Михель и Миндота. Так тогда замка и не добыв, опустошили волость и отступили в Пруссию.

Кривичская (Krziwiczanska) земля, бывшая когда-то в Литве. В том же году, в сентябре месяце, тот же маршал со всеми своими силами прибыл в Кривичскую землю, в которой взял и до основания разрушил (z gruntu wywrocil) местечко Новогрудок (Nowogrod), опустошив землю. Назавтра, разбив лагерь, [маршал] добывал сам Новогрудский замок, но литовцы и русские его храбро защищали, и с обеих сторон было много убитых и раненых, поэтому крестоносцы были вынуждены отступить. А когда пришли на место, где оставили было свою стражу при добыче и других тяжестях, обнаружили, что 30 их мужей перебиты Давидом, старостой Гродненским (Gartinskiego), а полторы тысячи коней, хлеб и различные продукты со всем обозом отняты литовцами. **Великий воитель Давид, гродненский староста, чьи рыцарские подвиги** [совершенные вместе] **с литовцами, часто славят Длугош, Меховский и Кромер.** Крестоносцы были этим сильно обеспокоены, так как нигде не могли достать продовольствия и так были вынуждены поститься без хлеба несколько недель [97]. **Немцы поражены голодом.** Одни, терзаемые голодом, ели своих коней, другие золу и коренья, третьи, ослабев [от голода], испускали дух (zdychali), и только малая часть их, [совсем] обессилевших, лишь на шестой неделе вернулась в Пруссию.

Литовцы под Рагнитом (Ragneta). В 1315 году на Вознесение девы Марии (15 августа) [98] литовцы и жмудины со всеми силами своего войска внезапно пришли под Рагнит. А когда крестоносцы вышли против них на вылазку, то не смогли противостоять их числу и вынуждены были отступить в замок с большим для себя ущербом, ибо у них оказалось много раненых, а брат Поппо убит. Потом, когда литовцы не смогли взять замок, [они] опустошили рагнитские и скаловитские волости, потоптали хлеба и ушли с добычей в Литву.

Об осаде и штурме Христмемеля.

Литовцы под Христмемелем. В том же году, в сентябре месяце, литовский король Витень, объединив все пригодные для битвы войска своего королевства, осадил Христмемель и штурмовал его, круша стены при помощи двух орудий или таранов и со всех сторон обстреливая стены из луков и самострелов. А в то время из Самбии на помощь осажденным пришли в ладьях десять орденских братьев и сто сорок немецких рыцарей [99]. Но литовцы предусмотрительно все подступы на дорогах перекрыли так, что [они] никоим образом не могли оказать помощь [тем, кто] в замке. Потом литовцы напали на них на воде, на Немане, и убили восемнадцать немецких ландскнехтов [100]. Потом король Витень, узнав, что прусский магистр с большим своим войском идет наперехват (na odsiecz), приказал носить в замковый ров солому, сено и смолистые дрова, желая таким способом подожечь замок, но при этом подметывании (zamiotowaniu) вала [101] было убито так много литовцев, что король, спалив оба тарана [102], вынужден был вернуться в Литву.

А в 1316 году маршал Генрих с большим конным войском внезапно вторгся в Пастувскую землю, разорив которую вдоль и поперек, увел из Литвы пятьсот пленников, не считая убитых.

[Крестоносцы] **воюют Медники.** А вернувшись из Кёнигсберга с большим крестоносным (pielgrzymskim) [103] войском, [маршал] разорил Медникскую землю и увел двести пленников, помимо множества убитых.

Тогда же вице-комтур Христмемеля Фридрих Либенцель с двадцатью братьями и шестьюдесятью всадниками вторгся в Литву, где из литовских бояр, которые, отслужив свой срок, покидали замок Бисену, перебил восемьдесят, кроме пятерых, убежавших ранеными.

Замок Бисена разрушен. В том же году Дитрих фон Альтенбург и Фридрих Квитц тоже перебили шестьдесят [104] литовских бояр, которые шли охранять замок Бисена, а потом, найдя замок пустым, сожгли его. И так до того времени [105] Бисена остается разрушенной.

Летом того же года самбийский фогт Гуго (фон Альменхаузен) по приказу маршала с восемьюдесятью конными воевал Медникскую землю и, [одних] повязав, других перебив, умчался с добычей вскачь, так как за ним гнались литовцы.

В том же году, на святого Яна (24 июня) [106], тот же маршал с братией прибыл в Пограуденскую землю и разделил войско на четыре части, так что брат Хартман и Фридрих Квитц с шестью десятками конников должны были разорить некоторые деревни, но по дороге они заблудились и так ничего и не сделали. С другой частью [войска] из пятидесяти конников рагнитский комтур Фридрих Либенцель должен был захватить (ubiezec) замок Гедимина, но литовцы, будучи предупреждены, отважно защищали замок. **Литовский пан Сударг.** Третья часть [войска, а именно] Альберт фон Хаген (Indagine) с шестьюдесятью конными ударили на двор некоего знатного литовского пана Сударга, который вместе с окрестными волостями уничтожили (splundrowali) огнем, жену его, детей и всю семью со множеством других женщин захватили [в плен], а мужчин перебили. Четвертая часть войска стояла лагерем (na koszu) под [орденским] знаменем и, собравшись [снова вместе], отступили в Пруссию.

Литовский фортель. В том же году в день Святого Матфея (21 сентября) маршал Генрих с большим войском атаковал замок Гедимина, но литовцы, будучи предупреждены, отбили их от стен. И, запалив в замке огромную охапку соломы, этим сообщили всей волости о неприятеле, так что все сразу собрались и рвали (urywali) крестоносцев со всех сторон, так что те не скоро смогли от них отбиться, а Дитрих Пиремонт был убит.

В 1318 году маршал Генрих с большим войском добывал замки Юнигеда и Писта (Pistena) и у обоих спалил предместья, в которых в то время было полно только что привезенного хлеба.

В 1319 году, когда был большой паводок, Давид, гартинский (гродненский) староста, невзирая на погоду, с восемьюстами литовцами разорил в Пруссии землю, называемую

Вохшенщторф (Wohenstorph). А когда [они] возвращались с добычей, их догнали крестоносцы с комтуром Тапиау Ульрихом фон Дрилебе (Drillebe) и, разрушив мост, через который литовцы собирались перейти, убили сорок пять литовских казаков и отбили награбленное.

О поражении крестоносцев у Медников и о литовской жертве.

Литовцы поразили крестоносцев. А в 1320 году, в августе месяце [107], на третий день после Святого Иакова маршал Генрих с одиннадцатью старшими братьями и с большим войском воевал в Жмуди Медникскую землю. А когда пришли в одно место, где в устроенных засадах ждали литовцы со жмудинами, литовцы разгромили их, а потом ударили на других, которые оставались в лагере у знамени. И там все немецкое войско поразили и в бою убили самого великого маршала Генриха и двадцать девять орденских братьев.

Литовская жертва. Также и брата Герхарда Руде, самбийского губернатора или фогта [108], наизнатнейшего из пленных, усадив связанного на его коня, в доспехах сожгли живьем в жертву своим богам.

Потом, в 1322 году, в Пруссию прибыли трое знатных князей: Бернард Вроцлавский с поляками и силезцами, граф фон Герольдзек и сыновья графов Юлихского, Вильденбергского и Преглицкого со множеством немецкого и чешского рыцарства. Объединив с ними все орденские силы, брат Фридрих фон Вильденберг, вице-регент или наместник великого прусского магистра [109], имея [с собой] сто сорок виднейших братьев, с огромным войском вторгся в Литву, где разорил Вайкенскую волость и замок Вайкен, чиня среди литовцев и жмудинов такие великие убийства, что не оставил в той земле и собаки. ***Verba ipsius Petri a Dusburch: Quod nec mingens ad parietem non superesset (Вот собственные слова Петра из Дусбурга: Не оставил ни одного мочащегося к стене)*** [110].

Разорены Росиена и Эйрагола. На следующее утро они двинулись в Россиенскую волость (Расейняй), на третий день дошли до Эйраголы (Erajgoly) и, повоевав все эти края, в тот же вечер осадили замок Писту и штурмовали его с большим упорством. Ибо немецкие крестоносцы имели такие добрые доспехи, что, когда они забирались на стены, осажденные литовцы не могли пробить их ни копьями, ни мечами.

Литовцы храбро обороняют замок Писту (Pisteny). Но потом двое или трое литвинов, взявшись за одно древко или копье, упирали его в грудь или в спины (grzbiety) немцам, лезущим на стены, оттесняя их от стен и бастионов (bast), и так отбились. А когда наступила ночная тьма, крестоносцы прекратили штурм. На следующее утро, когда они снова хотели штурмовать замок, литовцы дали в заложники нескольких своих шляхтичей, обещая подчиниться крестоносцам, если вскоре не получат ответа от своего короля. Но когда литовский король им пригрозил и приказал, чтобы мужественно защищались, они не стали хранить верность крестоносцам, и тем пришлось [прекратить] осаду и отступить прочь.

Литовцы в ответ повоевали Лифляндию. В то время, когда орденское войско было в литовской земле, литовцы тоже вторглись в Лифляндскую землю со своими большими полками и, помимо прочих бед, которые учинили в Дерптском епископстве, вместе с огромной добычей угнали пять тысяч человек, а еще больше перебили.

Глава шестая

О суровой зиме и разорении литовцами датских владений, а также Прусской и Добжиньской земель.

Суровая зима. В 1323 году граф Кумererг (Kumererg) [111] и пан из Эгерберга со множеством шляхты и рыцарства из Чехии и из Рейнской [земли] прибыли в Пруссию. А в то время в Лифляндии, в Пруссии и в Литве была такая суровая зима и [такие] морозы, что от страшного мороза все плодовые (rzeczy), а потом и лесные деревья померзли (poschly) так, что [долго] не могли прийти в себя, и много лет прошло, пока они снова впервые зацвели. Поэтому, хотя и большое было в Пруссии крестоносное войско, однако далее идти они так и не решились, да и не могли, застряв посередине между прусскими и литовскими землями, ибо из-за слишком суровой зимы все люди погибли бы.

Литовцы по льду [вторгаются] **на морской остров Эзель в земли датского короля** [112]. И в то самое время, невзирая на зиму (nie leniejac zimie), Давид, староста или каштелян Гарты (Гродно), с большим литовским войском вторгся в земли датского короля, где, помимо прочих бед, которыми удручил христиан, захватил пять тысяч знатных женщин и девушек и прочего народу. А монахов и священников, а также немецких мужчин изрубил, и без препятствий ушел в Литву с большой добычей.

В то же время, на третий день после [дня] Святого Ежи (Jerzy) [113], литовцы и жмудины захватили у крестоносцев город Мемель, убили одного из орденских братьев, священника, а 700 человек захватили [в плен], и пожгли все предместья вокруг замка. **Мемель ныне зовется Клайпеда.**

А в вигилию святого Петра с веригами (2 августа 1323 г.) литовцы повоевали Самбию и спалили шесть деревень в повяте Велау. **Велау — каменный город в 7 милях от Кёнигсберга.** И убили отважного брата Фридриха Квитца, смелого и мужественного рыцаря, а с ним тридцать шесть всадников. А женщин и детей, как стадо, угнали в Литву вместе с добычей.

Литовцы повоевали Добжинь. В том же году литовцы, видя, как счастливо им везет, собрали огромное войско и вторглись в земли знатной пани княгини Добжиньской, где шесть тысяч человек обоего пола одних повязали, а других порубили и перебили. Кроме того, они убили семь приходских священников и двух братьев ордена святого Бенедикта, а в приходских школах семьдесят священников и прочих. И сожгли десять больших приходских церквей и главный город Добжинь, перебив и захватив в нем в плен две тысячи человек и разорив все это княжество. И вот так в течение полутора лет неверные литовцы убили и пленили двадцать тысяч немцев, мазур и поляков и сравняли с землей очень много городов и замков.

А в 1324 году в Пруссию прибыли Ганс и Филипп, графы фон Шпангейм, а из Чехии Петр, пан из Рожмберка, и его дядя Герман со множеством шляхтичей и рыцарей, и много других шляхтичей из Рейна и Эльзаса, но против литовцев так ничего и сделали из-за мягкой зимы и тонкого льда [114].

В том же году в великий пост трое [орденских] братьев, имея с собой шесть сотен всадников, наехали на фольварк гартенского (гродненского) старосты Давида, который сожгли до основания, убили тридцать восемь литовцев и вместе с множеством скота угнали сто коней [115].

Крестоносцы у замка Гедимина. Потом брат Дитрих фон Альтенбург, имея с собой 44 брата и 400 всадников, на восходе солнца внезапно подступил к замку Гедимина и сразу же сжег предместье. Литовцев, которых там нашли, перебили, кроме тех, которые убежали в замок, а из крестоносцев тоже были убиты пять рыцарей. **Не имея хлеба, Оттер не ел десять дней.** И брат Оттер (Oher) был пойман [и уведен] в замок, но потом дивным образом бежал и десять дней был в пути без пищи.

Казаки, зовущиеся латрункулы (latrunculos) [116]. Тогда же некий Мукко (Muko), прусс из Вармии, имея с собой 19 разбойников (lotrzykow) или казаков, вторгся в Литву, где хитростью обойдя в пуще шестьдесят пять [117] конных литовцев, всех перебил. В другой раз тот же Мукко и тоже из засады погромил много литовских конников.

В том же 1324 году, в июле, литовцы подступили к замку Христмемель, но крестоносцы, предупрежденные о них неким пекарем [118], подготовились и вооружились. И вышли против них, и очень много литовцев перебили и ранили выстрелами [из луков и арбалетов]. **Как важен был для литовцев труп.** И убили одного знатного щляхтича, которого литовцы хотели утащить (porwac), но крестоносцы мешали им густой (gesta) стрельбой. Но они сгрудились в кучу и, одни за руки, другие за ноги, третьи за плечи, а некоторые за голову, стремительно выволокли этого убитого прямо из толпы крестоносцев. Однако добились лишь того, что немцы так много их перебили и переранили, что и не описать. Из этого видно, что это был какой-то великий пан или литовский князь.

О легатах апостольской столицы,

[направленных] в Ригу и к литовскому королю Гедимину, и о разорении литовцами Мазовии, Лифляндии и Бранденбургского маркграфства.

В 1324 году по просьбе рижского архиепископа брата Фридриха и рижских горожан папа Иоанн XXII отправил к лифляндским сословиям двух легатов: Бартоломея, епископа Электенского, и Бернарда, аббата [монастыря] святого Теофреда Аннесийского (Amicienskiego), диакона ордена святого Бенедикта, чтобы они окрестили короля Литовского и Русского.

Папское примирение сторон: литовцев и крестоносцев. Эти папские легаты, как только приехали в Ригу, наутро после Святого Матфея (21 сентября) учинили перемирие и

установили вечный мир, с одной стороны, между Гедимином, королем Литовским и Русским, и его подданными и, с другой стороны, между прусскими и лифляндскими христианами. И папской и апостольской властью приказали, чтобы этот мир крепко соблюдался. И прибавили, что если кто-нибудь окажется нарушителем (gwaltownikiem) этого мира, либо как-нибудь выступит против него словом или делом, советом или поступком, которые могли бы помешать этому здравому постановлению, то любой такой совершает нарушение клятвы, от которой не может быть освобожден (rozgrzeszon) иначе, как только властью апостольской столицы. **Тут Гедимина** [Дусбург] **уже везде зовет королем.** Постановив это, легаты отправили к литовскому королю Гедимину честных послов, чтобы те разъяснили ему порученное апостольской столицей дело и как следует выведали у него, хочет ли он с народом своего королевства принять благодать святого крещения, отбросить идолопоклонство и славить Имя Христово. [Узнать], **очень** [ли] **литовцы об этом заботятся.**

Установив этот мир, орденские братья и другие лифляндские, прусские и соседних краев христиане без сомнений поверили, что с этих пор войны уже больше быть не может, и уже подумывали перековать свои мечи на орала или лемехи, а копья на серпы [119]. Но Гедимин, враг верных, словно глухой аспид (padalec), заткнул свои уши на здравые папские увещевания. [Это] **собственные слова Петра из Дусбурга.**

Литовцы разрушили Пултуск (Poltowsk). В декабре [120] месяце [Гедимин] отправил в Мазовию гродненского (Gartenskiego) старосту Давида с войском, который спалил и разорил Пултуск, город плоцкого епископа, и сто тридцать его деревень с дворами, а также фольварки и волости Мазовецкого княжества. Костелы и поместья шляхты разрушил, тридцать приходских или парафийных церквей со множеством других местных (ziemianskich) церквей и часовен сжег, ризы и священные сосуды разграбил, духовенства, шляхты и прочего народу перебил больше четырех тысяч, а других, как скотину, увел в Литву в вечную неволю.

Литовцы вторгаются в Лифляндию. Росситен. В то же время, в ноябре месяце, тот же король Гедимин послал в Лифляндию другое большое войско, которое повоевало Росситенскую (Rossitenska) землю. И отправил оба этих войска, когда папские легаты были еще при нем, устанавливая мир между ним и христианами.

В том же году на исходе декабря [121] месяца послы папских легатов вернулись от Гедимина из Литвы в Ригу, а с ними был один литовский пан, второй после короля, который на собрании и в кругу великих христианских господ, орденских рыцарей, епископов и [представителей] других сословий по велению своего короля провозгласил [следующее].

Ораторство (oracia) литвина и его речь к легатам и орденским братьям. «Хотя какие-то письма и отправлены якобы от имени князя папы к моему господину королю относительно принятия христианства им и его подданными, однако мой господин король могуществом богов присягнул, что, пока жив, не желает принимать никакой иной веры кроме той, в которой его родичи сошли в мир иной». Послы папских легатов тоже перед всеми подтвердили, что то же самое слышали из уст самого Гедимина [122]. Услышав это, легаты вернулись к апостольскому престолу с этой отповедью.

Литовцы с поляками воюют [Бранденбургское] **маркграфство.** Потом в 1326 году польский король Владислав Локетек попросил литовского короля Гедимина, на дочке которого недавно женился сын Локетка, чтобы тот дал ему в помощь несколько сот литовских рыцарей, и тот по его просьбе послал ему тысячу двести верховых. Соединив свои силы с поляками, они вторглись в земли маркграфа Бранденбургского, разорили все волости около Франкфурта (на Одере) и спалили сто семьдесят местечек с деревнями. А также разрушили много приходских церквей и монастырей, [в том числе] три мужских и два женских цистерцианских монастыря, и мужчин рубили и убивали. В неволю погнали только женщин и шляхетных пани, а также паненок и деток в великом множестве. Между этими паненками была одна пани такой замечательной красоты, что ей равных не было, и когда из-за нее повздорили два литвина, один рассек ее надвое. **Об этой панне Длугош, Меховский и Кромер пишут иначе, что увидишь ниже** [123]**.** Итак, разорив Бранденбургское маркграфство до основания, угнали в неволю более 6 000 человек вместе с огромной добычей.

Гродненский староста Давид, гетман литовский, убит мазуром Анджеем. Там же один мазур убил этого воинственного мужа, гродненского старосту Давида, прежнего и тогдашнего гетмана Литовского. **О чем свидетельствуют также Длугош, Кромер и Меховский.**

И здесь, милый читатель, кончается хроника ***Петра из Дусбурга***, который на простой латыни бесхитростно (sprosta) описал все эти дела, [случившиеся] при своей жизни, ибо жил [он] во времена Гедиминовы, как это показано выше, а перестал писать эту историю в году от господа Христа 1326.

Потом славной памяти виленский пан Ходкевич [126] очень кстати дал мне старые пергаментные книги, написанные старинными литерами до двухсот восьмидесяти лет назад, найденные в Румборкской церкви лифляндского замка, в которых я обнаружил некоторые вещи (rzeczy), относящиеся к литовцам, где есть также упоминания и о их короле. И у самих крестоносцев, главных врагов литовских, я списал как бы календарик (kalendarzyk), который здесь и прилагаю, правдиво переведя с латинского на польский. А начинается это так:

В году Господнем 1111 в Лифляндии учрежден орден братьев Немецкого дома [125].

В 1225 году литовцами убит Энгельберт, архиепископ Кельнский (Avigenus z Kolna Agripiny) [126].

1228. Лифляндская земля разорена жмудинами и куршами.

1237. Был большой орденский поход на Литву.

1260. Зимой была битва с литовцами при Леневардене [127]. **Leonward.**

1263. В день Очищения Девы Марии (2 февраля) литовцы разрушили Пернов (Пярну) у моря. А на восьмой день (w octawe) (9 февраля) была с ними битва у Дюнамюнде. **Dunamunt, а наши зовут Diament.**

1270. Была битва с литовцами на льду под Эзелем (Ozylia), ибо это остров в море в семи милях от берега [128]. **На острове Эзель два замка: Аренсбург и Зонебург** (Arsumbork i Shonenborg)**, которыми ныне владеет** [датский принц] **Магнус.**

1279. Магистр Бурхард (Bulhardus) 9 марта имел битву с литовцами, где полегли [ливонский] магистр Эрнст (Hernestus) и брюлинский (Brulinski) граф Эйлард (Gilardus) с шестьюдесятью семью старшими орденскими братьями [129].

1287. Литовцами убит магистр Бурхард Гарен [вместе] с тридцатью пятью орденскими братьями [130].

1298. **Каркус.** Литовский король разрушил Каркус и все его волости. А когда уходил с добычей, магистр Бруно в святочную октаву сошелся с ним в битве у реки Трейдеры (**Trojden или Trejden**), где и пал, убитый литовцами вместе со многими тысячами своих. **Новая Мельница.** В том же году рижане осадили орденский замок Новая Мельница (Нейермюллен), где много их потонуло [131].

1385 (1305). На святого Иакова (25 июля) орденские братья взяли у рижан замок Дюнамюнде [132]. **В то время рижане воевали со своими господами, орденскими братьями, а литовцы помогали рижанам.**

1387 (1307, 2 июля). Была битва с литовцами перед Ригой [133].

1315 (1313). Снова отстроен разрушенный литовцами [134] замок Динабург (Dunemborg).

1315. В Лифляндии, в Литве и на Руси был [столь] великий голод, что матери ели мясо своих сыновей. **Голод, подобный тому,** [что] **был в 1570 году.**

1320. Под Мемелем литовцами был убит комтур из Плоцка (z Pleczka) брат Генрих с двадцатью девятью братьями [135]. **Мемель либо Клайпеда.**

1305. **Доблен. Ашерад**. Была война с литовцами у Доблена (nad Dubna), где убит ашераденский комтур пан Ганс Стовен Хазен (Hanus Stowen Hazen) [136].

1310. **Литовский князь Гвалезуте.** Гвалезуте, сын литовского короля, воевал Лифляндскую землю. На другой год сам король осадил замок Ропе [137]. **Ропа.**

1311. **Поражение литовцев.** В Пальмовое воскресенье (4 апреля) в Пруссии была битва с литовцами, где литовцев (Litawow) полегло двадцать три тысячи [138].

1322. Литовцы разрушили замки Тарту (Tarbate) или Дерпт и Киремпя на полпути до самого Ревеля и перебили три тысячи человек. **Дерпт. Керемпе или Киремпя —**

крепостенка (zameczek), которую Кшиштоф Радзивилл взял у московитов в 1579 году.

1323. Псковичи (Pskowianie), призвав на помощь литовцев, повоевали земли датского короля и увели в полон пять тысяч человек [139]. В том же году литовцы сожгли Мемель. Литовский король был провозглашен (byl obwolany) в том же году [140]. В том же году рижане взяли Дюнамюнде.

1328. Литовцы (Litawowie), призванные горожанами Риги, разорили Каркус с повятом.

1329. Чешский король и магистр прусского ордена воевали Жмудь.

1330. Литовцы с русскими разорили Курляндскую землю. В том же году был установлен мир между рижанами и орденом.

1339. **Велюона.** Лифляндский магистр в течение двух дней разорял Жмудь. В том же году прусский магистр Дитрих фон Альтенбург (z Haldeburgu) осадил в Жмуди [крепость] Велюону, но из-за жесточайшей (gwaltovnego) зимы так ни в чем и не преуспел.

1343. У острова Эзель была битва с литовцами.

1348. Прусский магистр (Генрих) Дусемер (Duzumemer) вторгся в Литву и осадил Тракен или Троки и замок Стравилис (Strawilissen) [141]. **Троки и Стравелис** (Strawielissen). Здесь и кончается этот список, в котором году что деялось.

Потом, как и в предшествующей сводке, где расписано, в какой день какого месяца что происходило, в тех книгах [приводятся] и имена убитых комтуров и братьев, написанные в том же порядке.

4 января орденский маршал Хельмерих (Almericus) с семнадцатью братьями убит литовцами в Мемеле. **Мемель или Клайпеда.**

В последний день января брат Бертольд, комтур, с семью братьями убит литовцами в Велау (Welinie). **Велина или Велава в 7 милях от Кёнигсберга.**

Дерптский епископ Александр убит литовцами в Лифляндии [142].

Магистр ордена Отто убит с сорока девятью братьями [143].

Магистр Эрнст убит с сорока семью братьями [144].

Брат Гумер (Humerus), комтур Ашерадена, убит с двенадцатью братьями.

И потом брат Ганс Стовен Хазен (Иоганн Охтенгузен), комтур, был в марте убит литовцами [145].

Убиты в апреле:

Брат Генрих Дуге (Dughe) с одиннадцатью братьями.

Зигфрид (Sofridus), комтур Ашерадена, с одиннадцатью братьями.

Шен Леше (Schenus Lesche) с семью братьями.

Убиты в июне:

Фризо (Friso), комтур с девятью братьями.

Магистр Виллекин с тридцатью тремя братьями [146].

Магистр Бруно с девятнадцатью братьями [147].

Убиты в июле:

Брат Байер (Buer), фогт рижского архиепископа, с семью братьями.

Рейнфрид Флен (Phlen) с тринадцатью братьями.

Дехлен (Dehlenus) с двадцатью двумя брятьями.

Убиты литовцами:

Магистр Бурхард с тридцатью двумя братьями [148].

Генрих Сазендоб, комтур Нешавы, с двенадцатью братьями.

Бурхард Гарен, магистр ордена, с тридцатью пятью братьями [149].

Наместник магистра Андрей (Andrich) с двадцатью тремя братьями [150].

Влохер (Wlocher) с семью братьями.

Магистр Фолквин с пятьюдесятью двумя братьями [151].

Брат Иоганн Охтенгузен (Hanus s Hortenhazu) [152] с восемью братьями ордена.

В таком порядке в церковной метрике выписывали имена убитых магистров, комтуров и орденских братьев. Здесь не упоминали о величине потерь ни [среди всех] войск, ни [среди орденских] полков, а только [среди] старших орденских братьев, которые были гетманами, вождями, а также ротмистрами [153] полков и немецких войск, как прусских, так и лифляндских. Ибо магистр у них был как король либо князь, а командор или комтур — как воевода, поставленный над повятом. Орденские же братья, имевшие свои замки и

волости, [были] как у нас каштеляны и вольные господа или знатные шляхтичи. О чем можно было бы писать пространнее, но сейчас обратим перо для [описания] порядка литовских князей.

Комментарии

1. Литовский магнат Миколай Пац (ок. 1527-1585) герба Гоздава был секретарем польского короля Сигизмунда II Августа, который назначил его на должность епископа киевского (1557). И хотя папа не утвердил это назначение, Миколай отказался от сана только в 1582 году. Даже перейдя из католичества в кальвинизм, он сохранил место епископа в сенате Речи Посполитой. В 1562 году был послом в Москве. В 1583 году от короля Стефана Батория получил должность каштеляна смоленского.

2. Станислав Пац (ок. 1525-1588) был старшим из трех сыновей Миколая Юрьевича Паца и Александры Гольшанской. Участник Ливонской войны, руководил обороной Витебска от армии Ивана Грозного (1568). Великий подстолий литовский (1552-1566), воевода витебский (1566), староста суражский, велижский и трабский. Был женат на Кристине Ходкевич.

3. О Павле Паце (ок. 1530-1595) и о Рожанке смотри примечание 1 к книге девятой.

4. По-латыни *os* — рот, орган речи, *ostendo* — показывать, выставлять. *Os ostendo* при желании можно перевести как «показывать с помощью органа речи». Таким образом, *осостей* — кто-то вроде глашатая. Стрыйковский хотел подчеркнуть свое происхождение от должностного лица. Якуб Стрыйковский, отец Мацея, был в Польше местным *возным*. Должность возного — нечто среднее между глашатаем и судебным исполнителем. Весьма примечательно, что конструируя себе латинизированное «отчество», наш автор пишет его не на польский манер (Осостевич), а на литовский (Осостевичюс).

5. Стрыйковский здесь почти точно приводит официальное наименование Тевтонского ордена.

6. Гора Кармелус, упоминаемая Птолемеем — горный хребет Кармель к югу от Хайфы.

7. Разумеется, вряд ли какая-либо галера была в состоянии вместить почти тысячу человек. Этого не было в античности, не было и во времена Стрыйковского.

8. Акона (Акра) была сдана крестоносцам 12 июля 1191 года.

9. В 1180-1191 гг. латинским патриархом Иерусалимским был Ираклий, а в 1191-1194 гг. этот пост был вакантным. Известный богослов Григорий Назианин (из Назиана) жил в конце IV века. Кого и почему Стрыйковский называет Назианином, непонятно. В хронике Петра из Дусбурга, по которой наш автор перечисляет учредителей Тевтонского ордена,

такое имя не встречается. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М.,1997, стр. 11-12 и 256-257.

10. Понтификат папы Климента III — 1187-1191, папы Целестина III — 1191-1198 гг.

11. Герман фон Зальца был великим магистром в 1209-1239 гг., перечисленные Стрыйковским императоры правили в 1209-1215 и 1220-1250 гг., папы в 1198-1216, 1216-1227 и 1227-1241 гг., так что все правильно.

12. Далее наш автор излагает события уже не по Дусбургу, а по ливонским хроникам. То, что Стрыйковский гордо именует собственным *полным и точным переводом* хроники Дусбурга, на самом деле является сильно *сокращенным вольным пересказом* текста орденского хрониста. И даже в тех случаях, где можно говорить о прямом переводе с латинского на польский, нередко встречаются неточности и прямые ошибки. Можно предположить, что Стрыйковскому достался не вполне исправный и сокращенный переписчиком список хроники Дусбурга. Но несомненно и то, что наш автор и сам сокращал и подправлял свой источник по собственному усмотрению. Далее в своей хронике он не раз упрекает Меховского за его ошибки при цитировании хроники Дусбурга. Но похоже, что Меховский располагал более исправным латинским списком хроники и цитировал ее точнее, чем наш автор.

13. В хронике Генриха Латвийского нет таких подробностей, но они вполне правдоподобны.

14. Прибытие Мейнхарда в Ливонию все основные источники датируют не позднее, чем 1185 годом. Императором тогда был действительно Фридрих, но не второй, а Фридрих I Барбаросса. Фридрих II стал императором намного позже (смотри примечание 11). В 1200 году *германским королем* (1198-1208) был Филипп Швабский (сын Фридриха I), который, впрочем, официально не был коронован *императором*, хотя и пользовался этим титулом.

15. Первая христианская (католическая) церковь в Ливонии и во всей Восточной Прибалтике была основана Мейнхардом в Икшикле (Икскюль). Что касается Кирхгольма, то немцы всякий остров называли «Гольм», так называет это место и Генрих Латвийский. Кирхгольм — это и есть «Церковный остров» или «Остров Церкви». В 1975 г. этот остров был затоплен при сооружении водохранилища на Даугаве. Упоминаемый Стрыйковским замок Кирхгольм (Новый Кирхгольм или Саласпилс) был построен намного позже, в XIV столетии. Он находился на высоком (десять метров) правом берегу реки Даугавы. Во время Ливонской войны замок Новый Кирхгольм был разрушен (1577) и более не восстанавливался. 27 сентября 1605 г. под Кирхгольмом состоялась знаменитая битва, в которой крылатые гусары великого гетмана литовского Ходкевича наголову разбили численно превосходящую армию шведского короля Карла IX. См.: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.-Л., 1938. Стр. 72, 76.

16. Хотя Стрыйковский и путается в датах, а потом и в именах епископов, но о самом начале истории появления немцев в Ливонии рассказывает верно и вполне толково. Однако основным его источником была вовсе не хроника Генриха Латвийского, а какая-то

намного более поздняя хроника типа Рюссова. Сам он пишет, что располагал *четырьмя* лифляндскими хрониками, в числе которых почти наверняка была хроника Германа из Вартберга, но об остальных можно только догадываться.

17. И Мейнхард (1186-1196), и Бертольд (1196-1198), и даже великий Альберт I (1198-1229) были *епископами*, а не архиепископами. Самым первым *архиепископом* рижским был Альберт II Суербер (1253-1273). Известие про двух Бертольдов целиком на совести Стрыйковского, так как у Генриха Латвийского ничего подобного нет.

18. Именно так официально назывался ливонский рыцарский орден, известный нам как Орден Меченосцев. Но его основателем считается не Бертольд, а епископ Альберт, и даже не Альберт, а Теодорих, замещавший временно отсутствовавшего в Ливонии Альберта.

19. Первых братьев ордена меченосцев было всего несколько человек, но и впоследствии их общее число было не слишком велико и вплоть до объединения с Тевтонским орденом (1237) не превышало нескольких сотен, никогда и близко не приближаясь даже к *одной* тысяче рыцарей. Первым известным магистром меченосцев был Венно, Фолквин сменил его лишь в 1209 году.

20. Ensifer (ensis fero) — «меч носящий» (лат.).

21. Тилеман Бреденбах (1544-1587) — немецкий богослов и один из самых первых историков Ливонской войны. Автор книги «Belli Livonici», изданной в Кельне в 1564 году. См.: Historiae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI. Berolini et Petropoli, 1842.

22. Генрих Латвийский пишет, что епископ не смог удежать стремительный бег своего коня и оказался посреди толпы бегущих ливов, которые и прикончили Бертольда. Это произошло в 1198 году на месте будущей Риги. Магистр Фолквин был убит жемайтами (жмудинами) в битве при Сауле в 1236 году. Оба погибли в бою, окруженные врагами и отрезанные от своих. Но этим и исчерпывается сходство между Бертольдом и Фолквином, и перепутать их вряд ли возможно. См.: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.-Л., 1938. Стр. 77, 264.

23. Согласно польским источникам, жестокие набеги пруссов на Хелминскую (Кульмскую) землю и на Мазовию отмечены в 1216 и 1220 гг.

24. Стрыйковский на удивление точно приводит список пожалований Конрада Мазовецкого епископу Христиану. В этой грамоте, датируемой 5 августа 1222 года, перечислены 11 городов и до сотни деревень.

25. Торунь и Папов отсутствуют в общем списке территориальных пожалований прусскому епископству, утвержденному папой 18 апреля 1223 года,.

26. Речь идет об основании ордена так называемых Добжиньских братьев. Вопрос о том, были ли «Добжиньские братья» отделением ордена меченосцев или это был вполне

самостоятельный рыцарский орден, до сих пор нельзя считать закрытым, так как анализ источников не позволяет дать на него однозначный ответ.

27. В описываемое время (начало второй четверти XIII века) у руководителей Тевтонского и других рыцарских орденов еще и в мыслях не было выводить свои войска из Палестины, где орденским братьям жилось пока что неплохо. Изгнание орденов из Святой Земли произошло лишь в самом конце столетия.

28. Есть немало доводов в пользу того, что сам Конрад Мазовецкий передачу Тевтонскому ордену Хелминской земли первоначально рассматривал именно как *временное* пожалование и отнюдь не собирался отдавать ее *насовсем*.

29. В дальнейшем и в своей нумерации великих магистров Тевтонского ордена Стрыйковский продолжает считать Германа фон Зальца *номером первым*. Однако чуть выше наш автор сам же цитирует текст хроники Дусбурга, который пишет, что Герману предшествовали три великих магистра, а сам он был *четвертым*.

30. Эти рассуждения Стрыйковского совершенно справедливы и вполне соответствуют оценке ситуации с пожалованиями Конрада, даваемой современными историками.

31. Предводителем первых братьев Тевтонского ордена, прибывших в Пруссию, был не Конрад Тюрингенский, а Герман Балк, который стал первым *прусским магистром* (1229-1239). Конрад, будущий *великий магистр* ордена (1239-1240), никогда не бывал в Пруссии, как, впрочем, и сам Герман фон Зальца.

32. Дусбург производит название Фогельшанг от пения певчих птиц. Егоров по этому поводу делает такое замечание: «В названии *Vogelsang* видят лишь эстетический момент — любование пением пернатых. На самом деле сравнения с другими соединениями на -*sang* показывают, что перед нами не *singen*, а *sengen* – выжигание, т. е. выживание птиц. Перевод самого Дусбурга (*cantus avium*) не должен никого смущать. *Cantus,* как видно далее из текста, нужен был ему для красивого оборота, к тому же он мог ошибаться и по существу». См.: Егоров Д. Н. Славяно-германские отношения в Средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. М., 1915.

33. Этот малоприятный рассказ нуждается в комментарии, так как и в литературе на сей счет существует некоторая путаница. Во-первых, сама процедура — это не чья-то садистская выходка, а древнейший *языческий обряд жертвоприношения*, известный и в других странах и у других племен. Во-вторых, у Дусбурга этот обряд и совершают язычники пруссы над пленным рыцарем ордена (а не наоборот) после боя при Круке (1249) во времена первого прусского восстания. А Пипина, по Дусбургу, крестоносцы просто повесили. Изложенная Стрыйковским перевернутая с ног на голову версия впервые появилась в Оливской хронике и была подхвачена позднейшими хронистами, как правило, крайне враждебно настроенными по отношению к ордену. Наш автор пользовался именно таким источником, и это отлично характеризует его непростые отношения с подлинным текстом хроники Дусбурга. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М., 1997, стр. 54 и 82.

34. Официальное объединение Тевтонского ордена с орденом меченосцев состоялось 12 мая 1237 года. А в 1234 г. руководство Тевтонского ордена добилось у папы разрешения подчинить себе орден Добжиньских братьев, причем против их воли. Но по протесту Конрада Мазовецкого папа приказал вернуть Добжиньским братьям их независимость и форму (1235). И только после объединения с меченосцами (1237) Тевтонский орден окончательно поглотил и жалкие остатки Добжиньских братьев и все их земельные владения.

35. Здесь Дусбург делает важное уточнение, которого нет у Стрыйковского. Такой ответ дали куршам именно *пришлые* крестоносцы, в то время как братья Тевтонского ордена считали, что требования куршей справедливы, и их следует удовлетворить. Но они оказались в меньшинстве и были вынуждены уступить. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М.,1997, стр. 89.

36. Битва при Дурбе считается самым тяжким поражением Тевтонского ордена в Прибалтике не только в XIII веке, но и в следующем столетии. Таких потерь среди своих братьев *в одном сражении* орден никогда не знавал ранее и не имел позже — вплоть до битвы при Грюнвальде (1410).

37. Дусбург действительно так пишет, но скорее от горечи и стыда. Есть основания считать, что отступление профессиональных воинов не было столь уж паническим. Например, шведским рыцарям не только удалось вынести из боя тело своего павшего предводителя Карла Ульфсона, но и доставить его к жене Карла, которой тот и был *похоронен по обряду*. См.: Хроника Эрика. М.,1999. Стр. 19-21.

38. Смотри примечание 53 к книге 11.

39. Согласно хронике Дусбурга, эта удивительная история произошла не во время битвы при Дурбе (1260), а примерно через год, во время осады пруссами Кенигсберга. Но у Дусбурга имя саксонца *Гевехард*, а не Генерард. Там же и тогда же был случай и с заряженным самострелом, о чем рассказывается ниже. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М.,1997, стр. 97-98.

40. Велау — ныне поселок Знаменск в 50 км к востоку от Калининграда (Кенигсберга).

41. Здесь рассказывается о битве у Любавы (1263), в которой восставшие пруссы во главе с Генрихом Монте (Геркусом Мантасом) *в открытом поле* разбили орденских рыцарей и убили прусского магистра и прусского (а не великого) маршала. Стрыйковский же подменяет пруссов литовцами. При пересказе Дусбурга наш автор то и дело стремится выдвинуть литовцев вперед, приписывая им главную роль даже в тех событиях, к которым литовцы не имели ни малейшего отношения. При этом военные предприятия пруссов и литовцев описываются им как единый процесс. На деле участие литовцев в Великом прусском восстании (1260-1274) сводилось лишь к отдельным набегам на орденские земли, которые они даже и не пытались как-то согласовать с пруссами. В восьмой книге своей «Хроники» Стрыйковский еще два раза вспоминает о битве у Любавы, о чем смотри примечание 23 к книге восьмой.

42. Это был так называемый «второй прусский поход» Отакара II Пржемысла, который в итоге был сорван по причине, указанной Стрыйковским.

43. Здесь мы опять сталкиваемся с неточным (и в итоге неверным) переводом текста Дусбурга.

В оригинале сказано: «за девять лет до прихода братьев Тевтонского ордена в Пруссию». Ни о какой *шестидесятилетней* осаде здесь, разумеется, и речи нет, говорится просто о длительной осаде. Зато в конце абзаца слова Дусбурга перевены точно и почти дословно, поэтому и взяты нами в кавычки как прямая цитата. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М.,1997, стр. 124.

44. В данном случае Стрыйковский или его источник искажает смысл текста Дусбурга. У того перечисленные вожди скалвов не переселились в Литву, а просто сложили оружие и вместе со своими людьми выразили покорность ордену, *оставив наследие предков*. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М.,1997, стр. 126-127.

45. В Погезании тогда не было ни жмудинов, ни литовцев, о чем смотри выше примечание 41. Примечательно, что *прусс* (а не литовец) Повиде отпустил Хельвига фон Гольдбаха, который был одним из убийц самого Генриха Монте. Эти и последующие события 1277 года Дусбург именует *третьим прусским восстанием.* См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М.,1997, стр. 127.

46. Как видно из этой фразы, Стрыйковский имел весьма приблизительное представление о географии доорденской Пруссии. Погезания, главным городом которой во времена ордена стал Эльбинг (Эльблонг), находится довольно далеко от Жмуди (Жемайтии) и никогда не имела с ней общих границ. Напрашивается вывод, что Стрыйковский путает погезан с каким-то другим прусским племенем, которое обитало рядом с надрувами, скалвами и судувами неподалеку от Жемайтии. И хотя мы напрасно будем искать такое племя у Дусбурга, почти нет сомнений, что наш автор смешал погезан с *полешанами*. Так древние польские хроники называли ятвягов, то есть тех же судувов. Ниже Стрыйковский и сам это подтверждает. См.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях. XI-XIII вв. М., 1987. Стр. 126-127.

47. Речь идет о ятвяжском вожде Скоманте (Скуманде), которого Стрыйковский почему-то упорно именует старостой жмудским. Между прочим, Скомант — самый вероятный кандидат на роль загадочного Сколоменда. В «Задонщине» князья Гедиминовичи (Ольгердовичи) именуют себя «*правнуки Сколомендовы»*. Польский историк Е.Охманьский предположил, что Сколоменд был отцом Пукувера и дедом самого Гедимина. См.: Польша и Русь. М.,1974. Стр. 359-362.

48. Подобное соглашение оказалось возможным, так как Пловист принадлежал не орденским братьям, а так называемым *феодатариям*, заботившимся только о собственной выгоде.

49. Разумеется, нападающим не удалось захватить сами перечисленные замки, относившиеся к числу лучших крепостей Пруссии.

50. Смотри примечание 46.

51. Ливонский магистр Эрнст фон Рассбург погиб 5 марта 1279 года в битве при Ашерадене. В XIII веке это было крупнейшее и второе по тяжести поражение орденских войск в Прибалтике после битвы при Дурбе. В том же году умер Конрад фон Тирберг, и без ландмейстера остались и Ливония, и Пруссия. Послы обеих земель обратились к великому магистру Тевтонского ордена Хартману фон Гельдрунгену, который назначил Конрада фон Фейхтвангена магистром Ливонии и Пруссии одновременно — как некогда Германа Балка. Сначала Конрад отправился в Пруссию, а в конце 1279 года поехал в Германию и заявил великому магистру, что он не справляется сразу с двумя ландмейстерствами. Тогда гроссмейстер оставил его магистром одной лишь Ливонии, а должность прусского магистра предал Мангольду фон Штернбергу. Конрад фон Фейхтванген прибыл в Ригу только 13 июля 1280 года.

52. Комтура Тапиау (ныне Гвардейск) звали не Конрад Бануар, а Ульрих Баувар, и с ним было не 25 всадников, а 250. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М.,1997, стр. 132.

53. Дусбург пишет, что будущая столица Тевтонского ордена Мальборк (Мариенбург) возник в 1280 (а не в 1281) году в результате *переноса* замка Зантир (Сантир), «изменившего название и место». Перенос означал разборку старого замка (большая часть конструкций которого была из дерева) и сборку их, как из конструктора, на новом месте. Уже вскоре Мальборк был полностью перестроен как мощнейшая каменная крепость.

54. Имеется в виду Конрад фон Тирберг Младший, брат прусского ландмейстера Конрада фон Тирберга Старшего (1273-1279). Был прусским маршалом в 1273-1283 гг. и заместителем своего старшего брата в должности вице-магистра в 1273-1279 гг. и позднее, в 1280-1283 гг. Прусский магистр в 1283-1288 гг.

55. Дусбург пишет не «через Курляндию», а «по Куршской косе» (*per Neriam Curoniensem*) — довольно важное и весьма редко встречающееся в средневековых источниках *прямое известие* об использовании Куршской косы в качестве *дороги* из Курляндии в Самбию. См.: Scriptores Rerum Prussicarum, I. Leipzig, 1861. Стр. 144.

56. Стрыйковский не вполне понимал (или вообще не понимал) смысл слова «Нерия» (Neria), которым Дусбург именовал многокилометровую песчаную косу между Куршским заливом и Балтийским морем. Вислинский залив немцы называли *Пресноводным морем*, а *Соленым морем* называли Балтийское море. «Над Соленым морем на Нерии» следует понимать как «на берегу Балтийского моря на Куршской косе». Там и стоял недолго просуществовавший замок Нейхауз, но его точное местонахождение неизвестно. А.П. Бахтин считает, что замок находился у самого основания Куршской косы, (т. е. на месте нынешнего Зеленоградска) и, по-видимому, он прав, хотя Оскар Шлихт полагал, что Нейхауз — это Пилкоппен (ныне поселок Морское в середине Куршской косы). Нейхауз

не надо путать с замком Нойхаузен (ныне Гурьевск), расположенным в 4 км к северо-востоку от Кенигсберга. См.: Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии. Калининград, 2005. Стр. 124.

57. Если считать, что первые столкновения немцев с литовцами относятся к первой четверти XIII столетия, а окончанием орденско-литовских войн считается Мелнский мир (1422), расчеты Стрыйковского (210 лет) выглядят вполне корректно.

58. Скуманд (Скомант) — ятвяжский вождь, о нем смотри также примечание 47. Титул *великого старосты литовского* присвоил ему Стрыйковский, у Дусбурга ничего подобного нет. В том походе, о котором здесь рассказывается, Скомант был всего лишь проводником.

59. Эту же историю Стрыйковский еще раз рассказывает в книге десятой, где повторяет многое из того, о чем говорится в книге седьмой. См. примечание 13 к книге десятой.

60. Мартина из Голина и его людей Дусбург называет *латрункулы* (*latrunculi*). Это латинское слово Матузова перевела как «наемники», Батура — «грабители», Стрыйковский — «бунтовщики» (*buntowniki*). Второй вариант, несомненно, ближе всего к истине. Вариант Стрыйковского может вызвать недоумение, но на сей раз наш автор верно уловил негативную интонацию Дусбурга. Латрункулы были чем-то вроде наемных бандитов на службе у ордена. Но так у нас нет прямых указаний на то, что они *получали жалованье* (помимо, конечно, стоимости самой добычи), слово «наемники» вряд ли можно признать точным переводом.

61. Выражение «литовский король» принадлежит Дусбургу. Описываемый набег на Самбию происходил летом 1289 года, когда правителями Литвы были диархи Пукувер и Будикид — отец и дядя Гедимина.

62. Смотри примечание 20 к книге десятой.

63. Мейнхард фон Кверфурт (1288-1299), которого Стрыйковский, похоже, путает с прусским магистром Мангольдом фон Штернбергом (1280-1282).

64. У Дусбурга 25 *оруженосцев*, а не 25 *рыцарей*.

65. У Дусбурга убитых 350, а не 340. Однако в целом по этой главе замечаний немного. Здесь текст своего латинского источника Стрыйковский нередко передает практически дословно.

66. Дусбург ничего не пишет о сожжении замка Оукаим, а только о разорении окрестностей.

67. В десятой книге об этих же событиях автор рассказывает более подробно (глава третья).

68. Смотри примечание 30 к книге десятой.

69. Смотри примечание 63.

70. Легендарная жреческая столица Ромове (Ромена) находилась на левом берегу реки Невежис недалеко от места ее впадения в Неман. Здесь, между Неманом и нижним течением Невежиса рос Святой лес. Это литовское Ромове не следует путать с прусским Ромове, находившимся в Надрувии, по результатам исследований В. И. Кулакова — у поселения Бочаги (Шлоссберг). См.: Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года. М., 2003

71. Петров день (29 июня) в 1295 году приходился на среду, а пятница перед Святым Петром — это 24 июня. Однако все это совершенно не соответствует тексту Дусбурга, который пишет, что дело было *за шесть недель до Пятидесятницы*. Так как Троица в 1295 году приходилась на 22 мая, поход, по Дусбургу, начался в воскресенье 10 апреля. Но если Стрыйковский латинский текст понял так, будто дело было через шесть недель *после* Пятидесятницы, то датой начала похода будет 3 июля, и эту дату уже есть резон привязывать ко дню Святого Петра (29 июня). Отметим, кстати, что в 1296 (а не в 1295) году Петров день приходился именно на *пятницу*, и Стрыйковский мог еще и «перепутать календарики».

72. У Дусбурга сказано не «на Святого Иоанна» (24 июня), а «в воскресенье перед Рождеством Иоанна Крестителя», т. е. 19 июня 1295 года.

73. Параллель из Библии, т. е. весной. См.: 1-я Паралипоменон, 20, 1.

74. У Дусбурга написано «в июньские календы», т. е. 1 июня 1298 года, а не 11 июня. Устье реки Трейдеры (Трейдерская Аа) находится к северо-востоку от устья Даугавы, здесь же стоял и замок Каркус.

75. Сражение при Нойермюллене произошло 29 июня 1298 года.

76. Имеется в виду помещение, где проводилось крещение, т. е. баптистерий.

77. Конрад Зак, будущий прусский магистр (1302-1306), в 1296-1298 гг. был провинциальным комтуром (ландкомтуром) Кульмской (Хелминской) земли.

78. У Дусбурга сказано: «в VI иды августа», то есть 8 августа (а не 16 августа) 1303 года. В этой главе, пересказывая хронику Дусбурга, Стрыйковский особенно часто ошибается в датах. Создается впечатление, что либо сам наш автор, либо автор его промежуточного источника плоховато разбирался в латинских идах и календах и неправильно переводил их в даты привычного нам календаря.

79. Согласно Дусбургу, Генрих фон Волвершторф не был убит, а просто сбит с ног, и по нему прошлось все войско. Рыцаря спас щит, которым он успел накрыться. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской». М.,1997, стр. 163.

80. Погибший *орденский брат* Болант-младший приходился самбийскому фогту Боланту-старшему *племянником*, а не братом, как можно подумать по переводу Стрыйковского. В этой стычке погибли оба Боланта. На шум вернулись немцы, ушедшие вперед, и только после этого литовцы отступили. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской». М.,1997, стр. 164.

81. См.: Деяния апостолов, 16,26.

82. Дусбург не указывает точное число прибывших в Пруссию крестоносцев, ограничившись сообщением,что собралось *огромнейшее войско*.

83. Фридрих фон Либенцель — вице-комтур и комтур (1307) Рагнита, будущий комтур (1316) Христмемеля; Альберт фон Ора — будущий комтур Бальги (1322), Рагнита (1326) и Гданьска (1329); Дитрих фон Альтенбург — будущий комтур Рагнита и Бальги, великий маршал и великий магистр (1335-1341) Тевтонского ордена.

84. Ромас Батура предлагает искать замок Путеникка (Путве) в нижнем течении реки Акмены, к северо-востоку от замка Гедимина.

85. Волость Повунда или Павунда непосредственно примыкала к Куршской косе и находилась к юго-востоку от нынешнего Зеленоградска. К юго-западу от Повунды находилась Рудава, где в 1370 году произошла знаменитая битва рыцарей Тевтонского ордена с литовцами.

86. Гейльсберг (ныне Лидзбарк-Варминськи) с 1306 г. был резиденцей вармийских епископов, а в 1411-1413 гг. здесь временно находилась резиденция великого магистра Тевтонского ордена. В 1503-1510 гг. в замке Гейльсберг жил и работал Коперник. Любопытно, что Дусбург в своей хронике не упоминает Гейльсберг вообще ни разу.

87. У Дусбурга не «тысяч двести», а «тысяча двести», у Николая из Ерошина — 1300. В начале шестой главы книги десятой Стрыйковский еще раз подробно описывает те же самые события, там же смотри и комментарии.

88. У Дусбурга сказано: «в VIII иды апреля», то есть 7 апреля (а не 18 апреля) 1311 года. Отметим, что в шестой главе десятой книги Стрыйковский указывает практически точную дату: 6 апреля. Смотри также примечание 78 к настоящей главе.

89. Слово *урядники* (urzednicy) переводится с польского как «должностные лица». Дусбург же предводителей жемайтов здесь называет, как обычно, *нобилями*.

90. Дусбург употребил здесь латинское слово *камерарий,* которое Стрыйковский перевел на польский как *коморник* и, похоже, был ближе к истине. В римской курии камерарий возглавлял финансовую службу, а в Польше и Литве коморник заведовал хозяйской кладовой (коморой).

91. Дусбург пишет, что загонщиков было 500, а не 50 человек.

92. Вернер фон Орселн, будущий великий магистр Тевтонского ордена (1324-1330), был комтуром Рагнита в 1312-1313 годах.

93. С латинского здесь можно перевести и как «лучники с луками» (Матузова так и перевела), но Стрыйковский явно имел в виду не лучников, а арбалетчиков, а то и настоящих стрельцов, т. е. мушкетеров. Смотри примечание 11 к книге одиннадцатой.

94. Это сомнительное предположение оставляем на совести нашего автора.

95. Очередная хронологическая ошибка Стрыйковского. День Гавриила-громника отмечается 13 июля, однако Дусбург пишет, что штурм Сисдитена происходил в канун Сретения Господня, т. е. 1 февраля 1314 года.

96. Дусбург пишет, что при штурме было убито 18 литовцев, а не 23.

97. Польское слово *kilkanascie* означает от 11 до 19, так что *kilkanascie* дней — это примерно две недели. Но ниже Стрыйковский (в полном соответствии с Дусбургом) сам пишет, что голодное отступление от Новогрудка до Пруссии, во время которого многие немцы умерли от истощения, длилось почти *шесть недель*.

98. У Дусбурга сказано: *в канун Успения девы Марии*, т. е. 14 августа , а не 15 августа.

99. У Дусбурга не 140 *рыцарей*, а 150 простых воинов.

100. Для начала XIV столетия слово «ландскнехт» такой же анахронизм, как и слово «рейтар». Термин *Landsknecht* для обозначения немецкого наемного пехотинца ввел в употребление Питер ван Хагенбах во время бургундских войн (1470). Между прочим, у Дусбуга сказано, что эти 18 человек были не убиты, а только ранены.

101. Старинное слово *подмет* означает насыпание горючих материалов (хворост, дрова и т.п.) вплотную к крепостным стенам с намерением поджечь таким образом всю крепость. Говоря о «заметывании вала» Стрыйковский имел в виду именно это.

102. Латинское слово *machinis* В. . Матузова перевела не как «тараны», а как «камнеметы», и это правильнее, так как при отступлении уничтожать простые тараны не было никакой нужды. М. Тёппен датирует осаду Христмемеля 30 сентября — 11 октября 1315 г. См.: Scriptores Rerum Prussicarum, I, Leipzig, 1861. Стр. 181.

103. Именно участников крестовых походов, т. е. крестоносцев, все средневековые хронисты называли паломниками или пилигримами. В данном случае имеются в виду западноевропейские добровольцы, специально приехавшие в Пруссию для борьбы с язычниками. Некоторых из них Дусбург называет по именам. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской». М., 1997, стр. 175.

104. У Дусбурга здесь говорится не о шестидесяти, а всего лишь о шести убитых. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской». М.,1997, стр. 175.

105. «До того времени» — имеется в виду время, когда писал свою хронику не Стрыйковский, а сам Дусбург, т. е. лет через пятнадцать после описываемых событий. У Дусбурга написано «до сих пор».

106. У Дусбурга сказано: «в канун Рождества Иоанна Крестителя», т. е. 23 июня, а не 24 июня.

107. У Дусбурга сказано: «в VI календы августа», но это не в августе, а 27 июля. День святого Иакова — 25 июля. «Каноник Самбийский» подтверждает, что битва состоялась 27 июля 1320 г., в воскресенье. В ней погибли 22 орденских рыцаря и 220 простых воинов. См.: Scriptores Rerum Prussicarum, I, Leipzig, 1861. Стр. 185.

108. В документах не значится *самбийский* фогт с таким именем, однако в 1319 году упомянут *эзельский* фогт Иоганн фон Руден. См.: Scriptores Rerum Prussicarum, I, Leipzig, 1861. Стр. 185.

109. О Фридрихе фон Вильденберге смотри примечание 66 к книге десятой.

110. Выражение из Библии. См.: I Царств, 25, 34.

111. У Дусбурга не Кумererг, а Циммерберг.

112. Дусбург сообщает, что Давид Городенский разорил окрестности Ревеля (Таллина), а про остров Эзель в этом месте нет ни слова. Об этих же событиях смотри также главу пятую книги одиннадцатой.

113. Ежи — польский вариант имени *Георгий*, однако Дусбург пишет: «на третий день после праздника святого папы *Григория*». День святого папы Григория I — 12 марта, т. е. нападение на Мемель было 14 марта. Сожжен был *город* Мемель, но орденский *замок* устоял. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской». М.,1997, стр.180.

114. Этот кусочек хроники Дусбурга переведен Стрыйковским практически дословно. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской». М.,1997, стр.181.

115. Набег на усадьбу Давыда Городенского датируют 4 марта 1324 г. См.: Scriptores Rerum Prussicarum, I, Leipzig, 1861. Стр.189.

116. Смотри примечание 60.

117. У Дусбурга не 65, а 45.

118. У Дусбурга немцев предупредил не пекарь, а *рыбак*. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской». М.,1997, стр.183.

119. Исайя, 2, 4.

120. У Дусбурга «XI календы декабря», но это означает не декабрь, а 21 ноября 1324 года.

121. У Дусбурга «в VII календы декабря», а это 25 ноября 1324 года.

122. См.: Послания Гедимина. Вильнюс, 1966. Стр. 128.

123. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской». М.,1997, стр.186.

124. Ян Иеронимович Ходкевич (ок.1530-1579), отец Яна Кароля Ходкевича, в 1574-1579 гг. был виленским каштеляном.

125. Разумеется, здесь должно быть «в 1211 году», хотя на самом деле орден меченосцев был основан раньше, в 1202 году.

126. Кёльнский архиепископ Энгельберт I был действительно убит в 1225 году, но дело было в Германии и к литовцам не имело никакого отношения. Архиепископа перепутали с его тезкой Энгельбертом, епископом Курляндии, убитого восставшими куршами (а не литовцами) в начале сороковых годов XIII века. Об этом упоминается в хронике Германа из Вартберга. См.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том II. Рига, 1879. Стр. 90-91.

127. Битва ливонских рыцарей с жмудинами при Леневардене (Лиелварде) произошла 3 марта 1261 года. В бою погибло много немцев, в том числе 10 орденских братьев, а командовавший ими ливонский ландмейстер Юрген фон Эйхштет получил тяжелое ранение. См.: Varakauskas R. Lietuviu kova su vokiskaisiais agresoriais Mindaugo valdymo laikotarpiu (1236-1263). В кн.: Vilnaus valstybinio pedagoginio instituto Mokslo darbai, Visuomeniai mokslai, t. 4. Vilnius, 1958.

128. Речь идет о так называемой битве при Карусе, состоявшейся 16 февраля 1270 года. Битва происходила на льду замерзшего пролива Суур Вяйн, отделяющего остров Эзель (Сааремаа) от материка. Карусе (Карузен) находится на суше и более чем в десяти километрах от места битвы. В этом сражении погибли ливонский магистр Отто фон Лютерберг, 52 орденских рыцаря и 600 немецких воинов и ополченцев. Литовцев пало еще больше (1600 человек), но они выиграли бой и сохранили добычу. См.: Varakauskas R. Ledo musis ties Karuzu, 1270 m. В кн.: Lietuvos TSR Aukstuju mokyklu Mokslo darbai, III. Istoria. Vilnius, 1962.

129. Имеется в виду битва ливонских рыцарей с литовцами при Ашераде*не, состоявшаяся 5 марта (а не 9 м*арта) 1279 года. В этом бою погибли ливонский магистр Эрнст фон Рассбург и датский наместник в Эстонии Эйлард фон Хоберг, которого здесь почему-то называют графом Брюлинским. По числу павших орденских рыцарей (71 человек) это поражение крестоносцев в Прибалтике считается вторым по тяжести после битвы при Дурбе. «Магистр Бурхард» упомянут здесь по недоразумению. Вероятно, хронист хотел сказать, что битва происходила при *великом магистре* Бурхарде. Но Бурхард фон Шванден стал великим магистром Тевтонского ордена только в 1283 году, а в 1279 г. им

был Хартман фон Гельдрунген. См.: Varakauskas R. Kautynes ties Aserade (1279 m.). В кн.: Lietuvos TSR Aukstuju mokyklu Mokslo darbai, IV. Istoria. Vilnius, 1963.

130. Здесь говорится о битве у Гарозы (Грозе), состоявшейся 26 марта 1287 года. Орденские братья во главе с ливонским магистром Виллекином фон Эндорфом потерпели поражение, но не от литовцев, а от земгалов. В бою погибли магистр и 33 орденских рыцаря. Фон Гарен упомянут здесь по ошибке. Бернхард (а не Бурхард) фон Гарен был комтуром Гольдингена и погиб в бою с жемайтами (жмудинами) при Скуодасе 3 февраля 1259 г. Тогда тоже было убито 33 орденских рыцаря, поэтому хронист и перепутал эти события. См.: Lietuviu karas su kryziuociais. Vilnius, 1964.

131. Дусбург сообщает, что в битве при Трейдере, состоявшейся 1 июня 1298 года, погибли 22 орденских рыцаря, ливонский магистр Бруно и полторы тысячи *христиан*. Поскольку тот же автор пишет, что у магистра было *небольшое войско*, можно предположить, что большинство убитых христиан были не воинами, а недавними пленниками, только что отбитыми орденскими рыцарями у литовцев. Герман из Вартберга сообщает о 60 убитых орденских братьях, но данные Дусбурга выглядят более достоверно и подтверждаются другими источниками. 29 июня того же года ливонские и прусские братья, объединившись, обрушились на литовцев и рижан, которые осаждали замок Нейермюллен. Немецкие рыцари сбросили противника в реку, перебив четыре тысячи человек — неплохой реванш за поражение при Трейдере. Впрочем, эти литовские потери могут быть преувеличены орденскими хронистами. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской». М.,1997, стр. 156.

132. Ливонские братья не захватили силой, а официально *купили* у рижан замок Дюнамюнде, и произошло это в 1305 году. Это позволяет понять внезапный хронологический сбой в данном списке: ноль приняли за восьмерку, причем два раза подряд. Это обычная описка или опечатка. Кстати, у Дусбурга сказано: «в канун Святого Иакова», а не «на Святого Иакова», т. е. 24 июля, а не 25 июля.

133. Об этом сражении упоминается в хронике Германа из Вартберга.

134. Герман из Вартберга пишет, что в 1313 году орденские братья восстановили Динабург (Даугавпилс), который ранее сами же и разрушили, сражаясь с засевшими в замке литовцами. См.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, том II. Рига, 1879. Стр. 98.

135. Местом поражения и гибели великого маршала (а не комтура) Генриха фон Плоцке здесь назван Мемель (Клайпеда), а не волость Медники (Мядининкай). Эта ошибка вызвана и прямым созвучием (Мемель — Медники) и тем, что в орденском войске были отряды из Мемеля, откуда маршал и отправился в свой роковой поход.

136. Из всех известий «календарика» это сообщение самое невразумительное и перепутанное, а намеки на подлинные события едва угадываются. Судя по названиям и именам, речь здесь идет о набеге Иоганна Охтенгузена на замок Доблен. Но Охтенгузен был фогтом Гольдингена, а не комтуром Ашерадена, дрался с земгалами, а не с

литовцами, был ранен, а не убит, и, самое главное, дело было не в 1305 году, а в 1279 году, когда и произошла битва при Ашерадене. См.: Livlandische Reimchronic. Paderborn, 1876.

137. Замок Ропе (Лиелстраупе), построенный около 1263 года, упоминается Ниенштедтом в его перечне замков Ливонии. См.: Ливонская летопись Франца Ниенштедта. В книге: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, том III, Рига, 1880.

138. Смотри главу шестую книги десятой. Всех литовцев, участвовавших в набеге, было около четырех тысяч, так что величина их потерь завышена более чем на порядок.

139. Псковская вторая летопись об этих же событиях сообщает так: *В лето 6831. И послали псковичи к князю Давыду в Литву, и князь Давыд приехал в четверг сыропустной недели, а князь Юрий еще был во Пскове. Князь Давыд с псковичами поехал за Нарову и пленил немецкую землю до Колывани.* См.: Псковские летописи. Вып.2. М., 1955. Стр. 22.

140. В начале 1323 года Гедимин в своих посланиях якобы объявил католическому Западу о своем намерении креститься. И хотя в конце концов из этого ничего не вышло, хронист считал, что именно с того времени христианский мир признал Гедимина *королем* Литвы. См.: Послания Гедимина. Вильнюс, 1966.

141. Первые достоверные известия о набегах ордена на Старый Тракай появляются не ранее семидесятых годов XIV столетия, а в 1348 году таких походов еще не было. Не было и никакого замка Стравелис, зато была река Стрева, на которой в 1348 году и произошла знаменитая битва немцев с литовцами. А в книге двенадцатой, где Стрыйковский описывает это сражение, уже не упоминаются ни Троки, ни замок Стравелис, ни даже сама река Стрева.

142. Дерптский епископ Александр был убит 18 февраля 1268 года в Раковорской битве с русскими. Литовские войска в этой битве не участвовали, если, конечно, не считать Довмонта и его личной дружины. См.: Livlandische Reimchronic. Paderborn, 1876.

143. 16 февраля 1270 года в битве при Карузене, о которой смотри выше примечание 124.

144. 5 марта 1279 года в битве при Ашерадене, о которой смотри выше примечание 125.

145. Смотри примечание 136.

146. Смотри примечание 130.

147. Смотри примечание 131.

148. 13 июля 1260 года в битве при Дурбе погибли ливонский магистр *Бухард* фон Горнгаузен и 150 (!) рыцарей Тевтонского ордена. Но здесь, надо полагать, имеется в виду не Горнгаузен, а *комтур* Гольдингена *Бернхард* фон Гарен, о котором смотри примечание 130.

149. Смотри примечание 130.

150. Вице-магистр Андрей Вестфальский, возглавивший ливонских братьев после гибели Отто фон Лютерберга в битве при Карузене (1270), в том же году вместе с двумя десятками братьев и сам пал в бою с литовцами. Ни место, ни точную дату этого сражения хронисты не указывают.

151. 22 сентября 1236 года в битве с жемайтами при Сауле погиб последний магистр ордена меченосцев Фолквин (Волквин) и 48 братьев ордена. См.: Livlandische Reimchronic. Paderborn, 1876.

152. Смотри примечание 136.

153. Слово *ротмистр* для времен Дусбурга такой же анахронизм, как и часто употребляемые Стрыйковским слова *рейтар* и *ландскнехт*.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Глава 1. Миндов, Мендольф, Мендог или Минда[у]гас Рингольтович, великий князь, потом король литовский, жмудский и новогрудский.

Глава 2. О коронации Мендоговой на королевство литовское, жмудское, курляндское и новогрудское.

Глава 3. О двойной коронации на королевство Русское Даниила Романовича, князя Киевского, Галицкого, Владимирского, Дрогичинского и прочее.

Как Мендог, король литовский, веру христианскую порушил, Мазовию, Люблинскую землю и Пруссию разорил, магистра Лифляндского убил и орденские войска в Курляндии поразил.

О войне язычников пруссов с крестоносцами.

Глава 4. О неоднократном разорении Мазовии литовцами и русскими и об убиении князя Земовита.

Глава 5. Войшелк или Волштиник, сын короля Миндовга, будучи сначала чернецом русского закону, из монастыря на великое княжество Литовское и Жмудское избран и поставлен.

О поражении наголову ятвягов, побратимов литовских, [учиненном] поляками на Подляшье.

Глава 6. О вторжении Шварна из Руси в Польшу и о поражении его от поляков.

Об убийстве Войшелка Мендоговича, королевича и великого князя литовского русским королевичем Львом Даниловичем.

Глава 7. Швинторог Утенусович избран на великое княжение Литовское.

Гермонт Швинторогович, великий князь Литовский, Русский и Жмудский.

Глава 8. Княжата Гермонтовичи: Гилигин или Колигин Литовский и Новогрудский и Трабус Жмудский.

Роман или Романт Гилигинович, великий князь Литовский.

Трабус Гермонтович, князь Жмудский, опекун или губернатор Великого княжества Литовского.

Глава первая

Миндов, Мендольф, Мендог или Минда[у]гос [1] Рингольтович,

великий князь, потом король литовский, жмудский и новогрудский года спасителя [нашего] 1240.

По хроникам прусским и Длугоша, Меховиуса, Кромера и др.

Его ясновельможному пану пану Яну Глебовичу, каштеляну минскому, подскарбию Великого княжества Литовского и прочее

Рингольт Альгимунтович, правнук Скирмунтов, пращур Эрдивила Монтвиловича, у Могильно над Неманом одержавший победу над русскими князьями Киевским, Владимирским (Волынским) и Друцким, разгромленными и пораженными, и устраивавший великие и частые смуты против немцев, умер в Новогрудке. А Миндаугос или Миндов, сын его, которого Меховский называет Мендольфом и Мендогом, а Кромер Миндаком, вступил на новогрудский отцовский стол Руси и Великого княжества Литовского и Жмудского [2]. Господствуя в Новогрудке и иных русских замках, он начал казнить своих друзей, хотевших захватить власть.

Потом в том же году князь Миндагос отправил воевать русские княжества своих племянников Ардвида или Эрдзивила, Викунта (Выкинта), Чевцивила (Тевтивила) или Теофила, который потом был князем полоцким, ибо обращен был в русскую веру.

Полоцк и Витебск захвачены Литвой. (Миндовг) приказал им сначала двигаться к Смоленску, молвив такие слова: «Который из вас что добудет себе на Руси, то пускай держит за удел и за вотчину». А при литовском войске с теми тремя князьями также и много жмудинов вышло на Русь для общего грабежа добычи и расширения границ; в русской стороне им сразу посчастливилось, ибо Товтивил или Теофил Полоцк взял, достигнув наследственного права после Василия Регволодича, который тоже был литвин, и стал после его сына Глеба князем полоцким, а Викунт витебским, а Эрдзивил или Ардвид завладел нескольскими пригородками с волостями в смоленском и друцком княжествах.

Итак, эти трое братьев, литовские князья, остановившись на том, что им принесли счастье и удача, либо военная косточка, осели в перечисленных русских княжествах и приняли закон христианский по русскому или греческому обряду, чтобы этим ближе склонить к себе подданных.

Просто собственные слова летописцев. А о своем дядюшке Мендоге, великом князе литовском, не заботились и его верховной власти над собой иметь не хотели. Чего не мог стерпеть Мендог, великий князь литовский, и послал на них, как на врагов и изменников, свое войско, желая их побить и отомстить за такую их лживость и неблагодарность. Узнав об этом, Товтивил, князь полоцкий, с братьями Эрдзивилом и Викунтом укрепили свои замки, посадили в них [гарнизоны], а сами, испугавшись великой мощи Мендоговой, бежали к Даниле Романовичу, князю киевскому, который в то время писался королем и царем всей Руси (ибо тоже был коронован папскими легатами: в Дрогичине раз, а в Киеве

другой, как о том будет ниже), прося его о защите и помощи против жестокого дядюшки Мендога, великого князя литовского.

Данило Киевский и Василько Галицкий — первейшие русские князья. Побежали также за помощью к Василию или Василько, князю галицкому и владимирскому. В то время как в Черной, так и в Белой Руси оба они (Даниил и Василько) меж другими русскими княжатами были старшими и мощнейшими.

Итак, князь Данило Романович, монарх и царь всей Руси (как [я], уже в свое время писал), предок князей Острожских, принял в защиту названных беглых литовских княжат и [вместе] с Василько, князем галицким и владимирским, стал собирать войска против Мендога, надеясь при такой погоде и невзгоде заполучить Новогрудок Литовский и остаток русских княжеств, которые еще держала Литва, и вернуть их киевской монархии, как было издавна. А Литву по-старому к выплате дани принудить войной.

Польша повоевана татарами. Послал также к польскому князю Болеславу Стыдливому и к другим польским княжатам, прося их как соседей и как христианских владык о помощи людьми против поганой Литвы. Но поляки им на это ответили, что [они сами] в это время жестоко повоеваны татарами, которых было шестьдесят с лишним тысяч [во главе] с Кайданом, гетманом царя Батыя, которые в то время, пройдя через русские края, Польшу, Куявию, силезские княжества, Моравию и венгерскую землю, свирепо все опустошили.

Князь Викинт [направлен] послом в Ригу от Даниила. Чтобы досадить Литве со всех сторон, Даниил и Василько послали в Лифляндию и в Ригу князя Викинта, племянника Мендогова, который со многими подарками от Даниила, монарха русского, и от брата своего Товтивила, князя полоцкого, просил помощи у лифляндского магистра Андрея (как зовет его летописец, а по-немецки Андриха), обещая ему от своего имени и от имени своей братии половину Жмудской земли до Лифляндии и половину Ятвяжского края на Подляшье [уступить] прусским крестоносцам и оплатить военные расходы, как только Мендога выгонят из Литвы. Рижскому архиепископу и магистру Андрею [он] также передал особенно большие поминки (подарки) от Даниила, монарха киевского, и от Василька, князя владимирского и галицкого.

Литовское войско Миндага поражено под Полоцком. Видя, что это ему наруку, лифляндский магистр обещал помогать и воевать с Мендогом, великим князем литовским. Другого племянника Мендога, полоцкого князя Товтивила, Данило отправил с войском на помощь Полоцку, который в то время осаждало литовское войско Мендога. Объединив свои силы с лифляндскими немцами, Товтивил отбил литовские полки и отсек их от Полоцка на несколько месяцев, войско Мендога, дяди своего, поразил и с великими трофеями и полоном [вместе] с немецким войском двинулся к Риге, благодаря за добрую помощь архиепископа и магистра Андриха Лифляндского.

Литовский князь Товтивил окрещен в Риге. Товтивил был принят рижанами с великой учтивостью и уговорами крестоносцев [пере]крещен из русской в римскую веру, а потом вернулся в свое полоцкое княжество.

Слоним взят. Данило, монарх киевский, князь Дрогичинский, и Василий, князь владимирский и галицкий, готовились [воевать] Литву с другой стороны, и взяли у Мендога Слоним, Волковыйск и Мстибогов. Узнав об этом, Мендог встревожился и отправил своих послов к Даниилу и Васильку, прося о перемирии. А чтобы спокойнее для них мир соблюдал, послал им в заложники своего старшего сына Волштиника (Войшелка), который потом стал чернецом, окрестившись в русскую веру. Но Данило с Васильком послов не приняли и слушать их не стали, двинулись с войсками под Новогрудок, а сына Мендога Волштиника послали в Слоним, а послов в Волковыйск, чтобы там содержались под стражей. А сами от Новогрудка пустились к Ждитову, разоряя и опустошая мендоговы края. И позабирали очень много литовских замков и, посадив там русские [гарнизоны], воротились в свои княжества.

Из-за домашнего несогласия Литву со всех сторон тревожат русские и немцы. Товтивил же, или Теофил, князь полоцкий и племянник Мендогов, снова собравшись с лифляндскими немцами, причинил дядюшке много вреда в литовской земле. А еще ему лифляндский магистр Генрих (которого русский летописец зовет Андреем) обещал большую помощь для третьего похода на Литву и сам собственной особой готовился [к походу вместе] со всем орденом крестоносцев.

Посольство Мендога к лифляндскому магистру отвергнуто. Когда Мендог доведался о том, что Товтивилу хотят помогать рижане, архиепископ с магистром и вся земля лифляндская, он и сам сильно встревожился, и вся Литва с ним. И отправил своих послов к лифляндскому магистру Андриху или Генриху с великими подарками, золотой посудой, драгоценностями и дорогими конями и обещал ему еще больше, уговаривая его, чтобы помог его племянника Товтивила из Полоцка выгнать или приказал бы его убить. Но лифляндский магистр отвечал: «Если с нами мир воистину иметь не можешь, ибо ты язычник и не будешь спасен, если не окрестишься в нашу общую веру христианскую и к папе не пошлешь с пожертвованиями [и обещанием] повиновения, то хотя бы я тем золотом, которое мне даешь, и осыпал очи свои, примириться никогда бы не смог».

Посольство Мендога к папе. Потом Миндог или Мендог, великий князь литовский, стремясь избавиться от буйных набегов со всех сторон, послал к папе, желая принять крест, но притворно, ибо всегда приносил жертвы своим прежним богам.

До сих пор, милые читатели, о литовском князе Миндовге речь шла из стародавнего Летописца, который [я] достал у князей Заславских; а теперь еще из Длугоша, Меховского и Кромера остаток его дел достоверно опишем.

Глава вторая

О коронации Мендоговой на королевство литовское, жмудское, курляндское и новогрудское [в] году 1252

При каких князьях это деялось: надежное свидетельство. Во времена правления в Польше Болеслава Стыдливого и при русском короле, киевском монархе Даниле Романовиче, шестом прусском [магистре] Конраде Попиуссе Остерлинге [3] и лифляндском

магистре Андрихе либо Генрихе; при папе Иннокентии Четвертом; при императоре Фридрихе Втором и его сыне Конраде, согласно доводам немецких, римских, польских и прусских историков, при гнезненском архиепископе Фульке и краковском епископе Прандоте, [польских] князьях Пшемыславе Познанском, Казимире Куявском и Лещицком, Земовите Мазовецком и прочих, [в год] от Господа Христа 1252, Мендакус, которого также называли Мендольф и Миндак, упомянутый князь литовский, теснимый постоянными войнами от русских княей, от собственных племянников и от лифляндских и прусских крестоносцев, а потом поддавшись частым уговорам тех же орденских магистров, принял [крест] и окрестился в христианскую веру с некоторыми языческими литовскими и жмудскими панами и боярами, о чем свидетельствуют Длугош и Меховский (кн. 3, гл. 53, стр. 161), Кромер (кн.9, стр.153, издания второе и первое), Бельский (стр. 362, изд. 2) и прочие.

Миндагово соглашение с крестоносцами. При этом выдал прусскому магистру Конраду из Острелинга и всем орденским рыцарям прусского и лифляндского дома грамоты и имущественные записи, писанные немецким и латинским языком, в которых излагал и признавал, что он многим им обязан и неоднократно ими поддержан, и поэтому и за это земли, которые имел под своим управлением и властью, а именно: Жмудскую, Ятвяжскую (которую Кромер называл Подляшьем), Куршскую (Kurssowska), Вейсенскую (Wejzenska или Wizwenska) [4] и всю землю Литовскую вечным и неотъемлемым дарованием даровал им и записал; однако же Кромер наш не пишет, что собирался записать всю Литву, а ведь, воистину, все, чем сам владел, то все бы им и отдал, а уже имел в то время взрослых сыновей: Рукля и Репикуса.

Потом по совету и уговорам прусских и лифляндских орденских рыцарей [Миндовг] направил своего литовского посла с другими послами магистров прусского и лифляндского к папе Иннокентию Четвертому, поднося ему дары и отдавая сыновнее послушание, как в обычае у христианских владык, и извещая, что веру христианскую принял, и поэтому просит у него корону королевства Литовского.

Какие особы присутствовали при коронации Мендоговой. И тогда папа римский Иннокентий, видя, что это дело полезно для римской церкви, ибо большое и доблестное языческое государство добровольно пришло к Христу, тут же без всяких проволочек корону литовскую освятил и провозгласил, что быть Мендогу литовским королем. И желая сделать для него как можно лучше, послал своего легата орденского брата Гейденрейха (Heinderika), польского провициала, прежнего Армаканского епископа, а в то время Кульмского либо Хелминского [епископа] в Пруссии, который, приехав в Новогрудок Литовский [вместе] с архиепископом Рижским и с прусскими и лифляндскими орденскими рыцарями, Миндаугa или Мендока с обычными церковными церемониями помазал на королевство Литовское, провозгласил [об этом] и по воле папы и императора короновал новой литовской короной.

Мендог коронован. О чем Кромер: *Et a Rigensy archiepiscopo, atque Culmensi episcopo, solenni ritu diademate cinclus* и Меховский [то же] и т. д.

Соль в Бохни и в Величке. В том же году (1252) в пяти милях от Кракова впервые нашли соль в деревне Бохни, а потом в Величке. И с этого богатства Польша, к тому времени сильно обедневшая и пришедшая в упадок, поправила свои дела.

Вит, первый литовский епископ при Мендоге. Русский епископ Герард, католик. При той коронации Мендога, первого и последнего литовского короля, некий Витус, неизвестно, немец или поляк, впервые был избран и посвящен в литовские епископы, и потом в 1253 году был при канонизации святого Станислава в Кракове вместе с Герардом, русским католическим епископом римской церкви. О чем Меховский стр.159, кн. 3, и т. д.

Глава третья

О двойной коронации на королевство Русское Данила Романовича, князя киевского, галицкого, владимирского, дрогичинского и прочая в году от Христа 1246, а потом в 1253

После смерти монарха Романа (Мстиславича), убитого поляками под Завихвостом (1205), часть русских князей призвала быть русским монархом Коломана (Кальмана), сына венгерского короля Андрея, которого венгерские епископы тут же короновали на королевство Галицкое или Галатское и на Владимирское. **С тех пор венгерские короли потом долго писались королями Лодомерскими и Галатскими**. Но Мстислав Храбрый, князь русский, муж великой удали, не мог долго терпеть в русских владениях чужеземца венгра, собрался на Коломана и поразил его наголову, а бывшие при нем немалые венгерские и польские войска под Галичем почти до основания побил и погромил; потом и самого Коломана осадил в Галиче и, овладев замком, захватил его вместе с женой Саломкой (Саломеей), польской княжной, и держал их обоих целый год в заключении под стражей. И лишь потом с помощью послов от [его] отца Андрея Венгерского [Кальман] был освобожден из русского плена на определенных условиях.

Разборки (rosterki) в русских владениях. Когда потом на третий год Коломан [снова] захватил Галич, его второй раз выгнал из него Данило Романович, как собственный дедич (наследник) русской монархии. А когда Коломан в третий раз был водворен на Галицкое королевство своим отцом Андреем, то недолго в нем правил, ибо, едва три года поцарствовав в спокойном королевстве, умер с подозрением на отравление, а Галицкое королевство и причину внутренней войны русским князьям после себя оставил. И с того времени, то есть с 1225 года, венгерские короли окончательно убрались из Руси, однако же их потомки долго писались королями Галатскими и Лодомерскими, то есть Галицкими и Владимирскими.

А Данило Романович и другие русские князья, возгордившись от частых побед, одержанных над венграми и поляками, и объединившись с литовцами, терзали Польшу беспрерывыми набегами; однако же потом поляки с гетманом Собиславом дали им отпор, как это выше стихами описано.

А князь Данило Романович, будучи из рода русских монархов, став самым могущественным с приобретением Галицкой земли, противившихся ему других русских князей истощил частыми войнами и привел к послушанию, а еще и другие, которым он

доверял, добровольно к нему присоединялись, из-за чего он, будучи монархом великой мощи, почти всей Русью, лежащей на юге, правил и распоряжался. А чтобы снискать себе тем большие известность, могущество, славу и признание, задумал восстановить королевство Русское не только под Галицким и Владимирским [королевскими] титулами, которые носил только Коломан Венгр, но жаждал быть всей Руси королем либо царем (как ныне себя титулует Московский [царь]).

Условия (condicie) Даниила. И отправил послов на Лионский собор 1240 года [5], как пишут Длугош и Меховский кн.3, гл.62, стр.142 и Кромер кн. 9, прося у папы римского Иннокентия Четвертого, чтобы короновал его на королевство Русское, обещая со всеми своими землями принять римскую веру, отступив от греческой, и вместе со своими потомками быть послушным римскому престолу, и к тому же заключить оборонительный союз против татар, кроторые в то время наводили ужас на все христианские княжества и земли.

Данило коронован на королевство Русское. Папа, понимая, что дело обещает быть большим и полезным, послал по этому делу Опизо, аббата из Мезано (Mezanu), и епископа Моденского (Madenskiego), легата апостольского престола, которые, приехав в Киев в 1246 году, с великой помпой и надлежащими церемониями Даниила на королевство Русское помазали, провозгласили и короновали, от чего их отговаривали польские епископы, особенно Прандота Краковский, опасаясь непостоянства и хитрости Даниила, как потом и случилось.

Переменчивость Даниила. Получив корону, [Даниил] титуловал себя королем Всей Руси, а сам по-прежнему пребывал в греческой вере (отказавшись от римской). А что до обороны христиан от татар, то [он] сам насылал их на Польшу с помощью гетманов своих и литовских, со своим племянником Шварном и литовским королем Мендагом. О чем узнав, Иннокентий, папа Четвертый, в 1253 году второй раз послал к нему упомянутого Опизо из Мезано, легата апостольского престола, который взял с собой краковского епископа Прандоту и других польских епископов. И того же Даниила снова короновали в Дрогичине на королевство Русское и взяли с него клятву, что, отказавшись от греческого обряда, как он сам, так и весь народ русский будут верно и честно следовать римской церкви. О чем Длугош и Меховский стр. 161, гл. 53.

У Длугоша в Хронике есть эти письма, особенно того Даниила, короля Русского, предка князей Острожских, к папе Иннокентию, не раз им писаные; также и папа писал Даниилу красивые слова, увещевая его, чтобы и в звании короля всегда оставался [верным] своему христианскому долгу.

Данило умер. Умер потом упомянутый Даниил, король Русский, в году господнем 1266, оставив после себя двоих сыновей: упомянутого Льва, который Войшелка, князя литовского, убил, и Романа, который ходил с русским войском на помощь польскому монарху Болеславу Стыдливому против князя Казимира Куявского; и потом на этих сыновьях Даниловых прекратился (ustal) титул Русского королевства [6].

Как Мендог, король литовский, веру христианскую порушил, Мазовию, Люблинскую землю и Пруссию разорил, магистра Лифляндского убил и войска крестоносцев в Курляндии поразил в году 1255

Мендог, король литовский, либо сожалея об обмане и утрате своих земель, а именно Жмудской, Литовской, Ятвяжской, Вейсенской и Курляндской, которые за корону и для полной приязни записал было крестоносцам, либо совращенный по какой-то другой причине, со всеми своими новокрещенными подданными вернулся к прежнему идолопоклонству, порушив вновь принятую христианскую веру.

Мендог [вторгается] в Люблинскую землю. Потом в 1255 году, собрав литовское войско, [Миндовг] вторгся в Люблинскую землю, которую вширь и вдоль повоевал, Люблинский (Lubelski) замок, который был тогда деревянный, и город спалил, и с большой добычей и целыми стадами пленников воротился в Литву.

Данило Р[оманович] занял Люблин — навроде того, как в нынешнем замке видим намалеванным в русской церкви. По этой литовской причине Данило Романович, король русский, стянул свои войска в опустошенную Люблинскую землю, которую занял русскими (там, откуда литва вывела поляков), замок тот Люблинский отстроил и посредине выложил из камня круглую оборонительную башню, высокую и богато украшенную, а другие города и крепости укрепил по-старому. И завладел всей Люблинской землей и частью Сандомирской. О чем [более] пространные свидетельства Длугош и Меховский кн. 3, гл. 53, стр. 162, Кромер кн. 9.

Мендог, король литовский, веру христианскую порушил. Потом Мендольфус, король литовский, по Меховскому в 1260 году, а по Кромеру (что вернее) в 1255 [7], открыто отринув христианскую веру, которую обманно принял на время, тем большим врагом стал соседним христианам.

Мендог воюет Мазовию. Плоцк сожжен. Собрав большое войско, которого было тридцать тысяч военного люда из Литвы, из Жмуди, из ятвягов и из старых пруссов, которые выступили заодно с литвой, [Миндовг] жестоко повоевал всю Мазовию, очень много городов и деревень, сжег стольный замок Плоцкий, оставленный без обороны. **Мендог из Мазовии [вторгается] в Пруссию.** Отослав в Литву великое множество захваченных людей, добычи, стад коней и разных других трофеев, [Миндовг] с огромнейшей запальчивостью вторгся также в державу прусских крестоносцев, которую разорил, пожег и разграбил, все заложенные крестоносцами новые города сравнял с землей и всех находившихся в них христиан свирепо умертвил. Крестоносцы едва сумели оборонить там лишь несколько замков. Напоследок, желая продемонстрировать свою жестокость, упомянутый король Мендог брезговал брать людей в полон и всех приказывал казнить, а в Литву вывозил или отсылал только награбленное и добычу. А сам с литовским войском без [какого-либо] отпора беспрерывно воевал мазовецкие и орденские земли.

В том же году, когда прусский магистр с орденскими братьями строил замок Каршува (Karszowin) на горе святого Георгия в Курляндской земле, язычники пруссы и литовцы,

желая тот замок разрушить, осадили его большими силами, а когда два войска прусских и лифляндских крестоносцев с помощью датского короля подтянулись на помощь своим христианам против литовцев, то в день святой Маргариты (13 июля) встретились над рекой Дурбе (Durom) в Курляндии, где полегло множество немцев, и на поле погибли лифляндский магистр Генрих Горнгаузен (**Дусбург зовет этого магистра Бурхардом**) [8], а также прусский маршал Генрих Ботель и много других крестоносцев. А язычники, одержав победу, взяли замки Каршува и Гейльсберг (Heizburg), выморив осажденных голодом, потом осадили Кенигсберг, который недавно построили крестоносцы с чешским королем Отокаром над рекой Прегелем недалеко от морского залива в 1255 году (**Это малое море за Кенигсбергом зовется Залив (Hab), где янтарь собирают, как я сам видел**). Когда же литовцы построили мост над Прегелем, с которого штурмовали замок, многие из них полегли убитыми от выстрелов крестоносцев, и так их вынудили отказаться от осады. Об этом писали Петр Дусбург, Лифляндские хроники, Длугош и Меховский стр.165, кн. 3, гл.54, и Кромер кн.9 и т. д.

Землетрясение в Польше. В году 1258, Меховский кладет 7 февраля, в третьем часу дня было страшное, жестокое, неслыханное и необыкновенное землетрясение в Польше, очень испугавшее всех людей. Это было знамением всего злого, случившегося потом в Польше, ибо наряду с внутренними войнами, когда братья князья выцарапывали друг другу глаза, Польша была жестоко угнетена еще и языческими вторжениями.

А на другой 1259 год, после дня святого Андрея (30 ноября) крупные татарские войска, собранные из различных орд и приумноженные русскими, а также литовскими отрядами, [во главе] с царями Ногаем и Телебугой вторглись в Сандомирскую землю. С ними также были: Василько, родной брат, и Роман со Львом, сыновья русского короля Даниила. А когда с неожиданным и наглым проворством [татары] по льду перебрались через Вислу, то множество людей захватили, а других перебили; спалили Завихостский (Zawichwojski) монастырь, который Болеслав Стыдливый недавно построил и дал два десятка фольварков для монахинь, [сожгли] также другой [монастырь] Святого Креста на Лысой горе и Сандомирский город. Потом замок, в котором собрались вся сандомирская шляхта, панята и простолюдины с женами, детками и имуществом, усиленно штурмуя, добывали целую ночь и день, но тщетно, ибо поляки со стен его мощно обороняли. Видя это, русские князья Василько и Роман со Львом, Даниловичи, стараясь помочь татарам в их жестокостях над христианами, приехали и во время переговоров хитро посоветовали воеводе и старосте сандомирскому Петру из Крампа и его брату Збигневу, чтобы лучше покорились татарам и откупились малой данью, чем вместе с замком всем попусту погибнуть от жестокой языческой сабли. И в том письменно обязались им своей верой, в своих обещаниях гарантируя им безопасность, на что послали им свою охранную грамоту и от царей перемирие на несколько дней.

Измена и жестокость татарские. А когда Петр Крампа с братом Збигневом и виднейшая шляхта на их предательское слово из замка вышли, упомянутыми князьями были приведены к шатрам самих [татарских] царей и воздавали тем честь, стоя на коленях (как в обычае у поганых), то их, коленопреклоненных и просящих мира, поганые сразу же начали мучить, и, содрав с них одежды, зарубили. А потом с огромным криком стремительным штурмом со всех сторон вбежали (ubiezeli) в замок, когда польское

рыцарство утомленно отдыхало, и с установлением перемирия никак не ожидало такой измены от русских князей. И там их всех, великое множество христиан, кроме девушек и красивых женщин, жестоко порубили и поубивали, так что теплая кровь, растопившая снег, ручьями стекала из замка до Вислы. Остаток людей, согнав толпами, потопили в Висле.

Татары спалили Сандомир. Подпалив замок и набрав множество добычи, язычники тут же, не мешкая, с проводниками русскими князьями прытким бегом потянулись к Кракову, пустой город спалили, хворых и нищих посекли.

Татары спалили Краков. Ведь князь Болеслав (Стыдливый), услышав, что татары взяли Сандомир, бежал с женой в Венгрию. Из остального населения большая часть укрылась в лесах, а часть оборонялась в замках и укреплениях. Краковский же замок оборонил воевода Климунт.

Татары [доходят] аж до Бытовских гор. А татары без отпора огнем и мечом все повоевали вдоль и поперек аж до Бытовских гор Опольского княжества, а на третий месяц от своего пришествия, отягощенные множеством трофеев и пленников, воротились на Русь, и литовцы тоже [вернулись] в свои лесные логова. Было это в году 1260, как Кромер кн.9 пишет, хотя Длугош и Меховский стр.144, кн. 3, гл. 44 это поражение и разрушение Сандомира упоминают под предыдущим 1259 годом. Но как свидетельствует тот же Меховский, и Кромер так думает, татары в то время приходили в Польшу дважды: первый раз зимой 1259 года, после дня святого Андрея, а второй раз летом 1260 года, в июне месяце [9].

Поляки жалуются папе на татар, будто крестоносцы на литовских язычников [10]. Это же следует и из великих отпущений [грехов], которые папа Александр Четвертый дал полякам, когда те жаловались ему на татарскую жестокость. **Сандомирские отпущения.** Те из них, которые второго июня посещают сандомирский костел Девы Марии (на кладбище которого погребены тела христиан, убитых язычниками), ежегодно получают великие отпущения — такие же, какие в Риме имеет церковь, которая зовется *Sanctae Mariae de Urbe*.

Константинопольская империя от французов до греков. В то же самое время Михаил Палеолог, выгнав французов с их императором Балдуином, вернул грекам Константинопольскую империю (1261), которая лет 58 была под французским управлением, или, как считают другие, 63. А ныне с тех пор, как турки в 1453 году Константинополь взяли и Греческой империей овладели, прошло уже 130 лет, и не слыхать никакого Палеолога, который бы ту империю христианам вернул. Вскоре потом на Лионском соборе тот же император Палеолог обновил мир между греками и латинянами, который тринадцать раз разрывался и потом [опять] ненадежно мирился.

Татары-христиане.В то же самое время некоторые тататарские цари приняли в Азии христианскую веру и долго вели большие войны против сарацин и египтян в Сирии и в Персии, помогая армянским королям, союзным христианам. Нынешние персидские короли — потомки одного из этих татарских царей, Узун-Хасана (Ussan Cassana), которые

имеют различия в вере между собой и турками, как греки с нашей римской католической церковью, что я сам видел и вполне уразумел, когда часто бывал на их молитвах в Константинополе, в Никее и в Халцедонии [11] в 1574 году; к тому же имеют [разных] пророков: персы — Али, а турки — Мухаммеда (Machmeta), и из-за различий этих сект больше, чем из-за границ, и ныне ведут между собой запальчивые войны (и дай Боже, чтобы подольше, а нас бы оставили в покое).

О войне язычников пруссов с крестоносцами в году 1260

В том же 1260 году язычники пруссы присоединились к жмудинам из-за побед над мазурами и крестоносцами литовского короля Мендога. **Глапин, прусский языческий князь.** Порушив вновь принятую христианскую веру, [пруссы] вернулись к прежнему идолопоклонству, выбрали себе князем некого Глапина (Глаппе) и, призвав на помощь соседей жмудинов, в орденском государстве и своих волостях всех христиан и священников жестоко перебили, церкви пожгли, святыни осквернили, священные сосуды и убранства разодрали и пограбили в канун святого Матфея Евангелиста (в ночь на 16 ноября). Потом на следующий 1261 год христианские войска из польского королевства и из Германии, соединившись с орденскими рыцарями, вторглись в Пруссию, в Натангскую землю, в день Очищения Девы Марии (Сретение, 2 февраля), желая прусских и жмудских язычников унять, перебить и искоренить.

Языческий фортель. Но как только зашли в глубину языческой земли, оставили часть войска при обозном имуществе и военном снаряжении и боевым строем двинулись против язычников, язычники пруссы и жмудины пропустили большое христианское войско и, проведенные [в обход] шпионами (spiegi), ударили на тех, которые были оставлены в обозе при вьюках (tlomokach), и всех их без особого труда поразили и побили и распотрошили (rozszarpali) обоз с имуществом. Потом, полагаясь на свою мощь и на первое счастье, ударили на все христианское войско. И когда с обеих сторон мужественно встретились, ожесточенная битва длилась несколько часов с переменным успехом, но в конце концов божьей карой язычники одержали победу. Там честный рыцарь Штенкель (Shinkol), граф из Бентхейма (Bitenu), и другой граф из Рейдера, мужественно пробиваясь сквозь ряды язычников, полегли [вместе] со множеством рыцарства немецкой шляхты.

Магдебургский шляхтич Гирхас сожжен жмудинами как жертва. А когда, по языческому обычаю, за победу приносили жертвы своим богам, через метание жребия избрали в жертву для сожжения магдебургского шляхтича Гирхальса (Hirchassa) и, когда тот был дважды спасен некоторыми язычниками, знавшими его ранее, а жребий выпал ему в третий раз, он сам подчинился добровольно. И так честный рыцарь Гирхальс, в кирасе и с конем, на котором сидел, был заживо сожжен как злодейская языческая жертва.

Языческая победа пруссов и жмудинов. Потом граф Барбиг (Barboigien) с новым немецким войском прибыл в Пруссию на помощь упомянутым христианам, и когда огнем и мечом повоевал самбийскую и жмудскую землю, мстя язычникам за побитых христиан, тут же язычники пруссы со жмудинами собрались воедино и ударили на немецкое войско в день святой Агнешки (21 января), самого графа гетмана захватили и войско христианское тремя ударами раз за разом поразили. Потом, пользуясь победой, захватили

у крестоносцев замки и города Гейльсберг, Христбург (Krutzbork), Кенигсберг либо Крулевец, Бартенштейн; о чем хроники Прусские, Длугош и Меховский кн. 3, гл. 54, стр. 165 и т. д. [12].

Глава четвертая

О разорении раз за разом Мазовии литвой и руссаками в году 1262 и [о том, как] посекли князя Земовита

Данило, король Русский, помирившись и объединившись с литовским королем Мендогом, послал с ним своего племянника (siestrzenca) Шварна [13] либо Свармира — разорять Мазовию. И так Мендог с литвой, а Шварно с русью, собрав сообща войска, через леса и дебри тайком вторглись в Мазовию и в году 1262, в канун Святого Иоанна Крестителя (23 июня) захватили не ожидавшего [нападения] мазовецкого князя Земовита [14] с сыном Конрадом и со всем его двором, беспечно жившего в фольварке Ящовске (Jaszowsku) или Ездове.

Шварно жестоко зарубил Земовита. И там Шварно, племянник Даниила, короля русского, своей собственой рукой сам жестоко зарубил князя Земовита Мазовецкого, который достался ему [при дележе добычи и пленников], а его сына Конрада литовский король Мендог, ласково с ним обходясь, спрятал невредимым и потом в том же году отдал его за выкуп.

Битва мазуров с литвой и руссаками. Руссаки (Russacy) и литва, распустив на все стороны загоны, жестоко разоряли осиротевшую без князя бедную Мазовию, чего не могла стерпеть мазовецкая шляхта, собравшаяся с крестьянами в деревне Длугоседло. И там смело ударили на литву и руссаков, но когда мужественно сошлись и отражали превосходящего неприятеля, то из-за величины [вражеского войска] были одолены и побиты [15]. А одержавшие победу руссаки и литва все мазовецкие края и большую часть куявской земли разорили, а потом, отягощенные несметным числом пленников, взятой добычей, стадами и разными другими трофеями, пожегши городки и села с фольварками, без отпора вернулись в свои края.

Плоцк снова отстроен. Когда литва с руссаками вышли из Мазовии, калишский князь Болеслав Благочестивый (Pius), поддавшись горестным просьбам княгини Гертруды, вдовы князя Земовита Мазовецкого, посеченого Шварном, в день святого Михаила (6 сентября) приехал на пепелище и сразу же город и замок Плоцк, сожженный литовцами, заново отстроил, рвами и валами окружил и укрепил, и передал в руки сыновей Земовита, Болеслава и Конрада.

А литва и руссаки, не удовольствовавшись награбленным при первом разорении Мазовии, на другой год снова вторглись в плачевную Мазовию, куда не заходили при первом разорении. Углубившись в эти земли и переправившись через Вислу, [они] огнем и мечом разоряли и грабили Ловичскую землю, принадлежащую к Гнезненскому архиепископству, и с большими трофеями, когда никто не смел преградить им [путь], похваляясь, потянулись в свои края.

Cromer. Graves autem jam admodum non modo Masoviae sed Boleslai Pudici ditionibus Litwani esse caeperant ni divinitus auxilium affulsisset etc. intestini elenium motus respirandi spacium nobis dederunt. От литовцев было бы уже совсем душно и тяжко (как Кромер и Длугош пишут) не только Мазовии, но и землям краковского и сандомирского князя Болеслава Стыдливого, тогдашнего польского монарха, если бы сам Господь Бог не соблаговолил ниспослать с неба помощь и спасение.

Мендог убит с сыновьями. Смилостивившись над бедной Мазовией, он посеял внутренние несогласия и домашние ссоры (nieznaszki) между литвой и русаками (хотя Меховский пишет, что не Господь Бог был причиной раздоров), ибо Стройнат или Тройнята (Тройнат или Трениота), племянник (сын сестры) упомянутого литовского короля Мендольфа или Мендога, намереваясь сесть на престол Литовской земли, спящего [Миндовга] убил, двух его сыновей, Рукля и Репикасса, которых при нем застал, зарезал и в 1263 году сам овладел Великим княжеством Литовским и столицей своего [едино]кровного дядюшки [16].

Стройнат снова воюет Мазовию. Но и этот великий князь Литовский, упомянутый Тройнята или Стройнат, не был ни ласковее, ни спокойнее по отношению к христианам, ибо в самом начале своего правления повоевал Мазовию около Червиньска, а добыв замок Оршимов (Orszimow), взрослых мужчин посек, молодых недорослей пожег и только женский пол [вместе] с другой добычей вывел в Литву.

Стройнат убит. Однако же вскоре своим окружением, подкупленным Войшелком или Волштиником, сыном Мендога, который постригся в чернецы, и его родичем Теофилом или Товтивилом, племянником того же Мендога, на охоте пойман и после долгих мучений умерщвлен. О том Длугош и Меховский кн. 3, гл. 49, стр. 153, Кромер кн. 9 и т.д. подробнее пишут, хотя и под разными месяцами.

Летописцы о Войшелке Мендоговиче. А один стародавний литовский летописец [17] так рассказывает об этом убийстве литовского короля Мендога, а сначала, как сын его Войшелк или Волштиник окрестился в русскую веру и стал чернецом. Он пишет: еще до того, как литовский король Мендог отверг вновь принятую христианскую веру и вернулся к первоначальной языческой [вере], не мог того блуда стерпеть сын его Войшелк, но, видя нетвердость отца своего в римской вере, уехал в Галич ко двору русского короля Даниила и его брата Василька, которые в то время были главными врагами его отца Мендога — из-за пограничных споров. Потом Войшелк Мендогович, королевич литовский, видя греховность этого мира и бренность славы его, снова окрестился там из римской в русскую веру, потом принял монашеский обет, постригшись в чернецы, и в этом монашестве жил три года под управлением Григория (Hrehora) Полонина, архимандрита Галицкого монастыря, в то время очень славного святостью своей жизни. **Монастырь Войшелков.** От того Григория Войшелк потом получил благословение и задумал было отправиться в странствие к Святой Горе и к Царьграду, но, когда из-за дальности пути не смог дойти до Святой Горы, возвратился в свою землю в Новогрудок, построил себе монастырь над рекой Неманом, между Новогрудком и Литвой, и жил там с несколькими чернецами в благочестии монашеской жизни. А отец его Мендог, король литовский,

осуждал его за такую жизнь, но он не обращал на это внимания и ставил отцу своему в вину.

Довмонт (Dowmant), князь Занальшавский (Нальшанский). Также ниже увидишь о втором Довмонте [18], князе Утенском (Ucianskim), брате Наримунта. И случилось, что тогда умерла жена Мендога, по которой он начал очень тужить, и послал потом к свояченнице, родной сестре жены своей, которая была [замужем] за Довмонтом, Занальшавским князем, прося ее, чтобы приехала провести последние поминки по сестре своей при ее погребении по языческому обычаю. А когда та приехала на похороны, король Мендог сразу же влюбился в нее и, желая взять ее себе в жены, сказал ей: «Сестра твоя, а моя жена, умирая, просила меня, чтобы взял тебя себе в жены на ее место», и приневолил ее с собой жить. О чем узнав, Довмонт, князь Занальшавский, был с той необыкновенной и неслыханной новости весьма смутен, думая, как бы ему отомстить своей жене за лживость и легкомыслие, а также не спал и задумывал убийство Мендогово; но не мог этого доказать в открытом бою, ибо его силы были малы, а тот был могущественным королем. Сговорился потом со Стройнатом либо Тройнятой, племянником Мендоговым, который в то время в Жмуди правил и тоже дяде своему (брату матери) стоял поперек горла, и оба они, Стройнат с Довмонтом, сговорились, как они смогли бы его убить.

А когда Миндовг все свои литовские войска послал за Днепр на Романа, князя Брянского (Natbrawskiego), и Довмонт тоже, как вассал, пошел было с ними на ту войну по [воинской] повинности, [то], улучив подходящее время, вернулся назад со своими людьми, отпросившись у гетмана Мендогова великой и срочной надобностью. Этим фортелем [он] соединился с Тройнатом, который тоже имел наготове жмудское войско, и так они вдвоем неожиданно быстро окружили короля Мендога, когда [тот] еще спал, и так спящего и убили, и двух его сыновей, Рукля и Репикасса. Узнав об этом, Войшелк, третий его сын, который был русским чернецом, бежал в Пинск и жил там в монастыре.

Тройнята или Стройнат, великий князь Литовский. А Тройнята начал править в великом княжестве Литовском и Жмудском в 1263 году от рождения господа Христа. И так вместе с королем Мендогом в тот же час окончилось и королевство Литовское, на котором он был одиннадцать лет, с 1252 года, в котором был коронован. **Это по летописцам.**

А Тройнята, будучи уже великим князем Литовским, отправил послов к брату Товтивилу или Теофилу, князю Полоцкому, прося его, чтобы приехал к нему поздравить с новым царствованием и повеселиться вместе, а также желая поделиться с ним половиной Литовского княжества и имущества убитого короля Мендога.

А когда князь Товтивил приехал из Полоцка, стал думать и советоваться со своими руссаками, как бы ему убить брата Стройната, а сам, чтобы суметь завладеть Великим княжеством Литовским, заключил соглашение с чернецом Войшелком, сыном Мендаговым, который тоже подбивал Теофила на то, чтобы отомстил своему языческому брату, убийце его отца, передавая ему все свои прирожденные права, как христианину и брату по общей русской вере, лишь бы убил Тройняту.

Полоцкий боярин Прокопий предостерег Тройняту. Потом собственный боярин Товтивилов, Прокопий Полочанин, донес об этом совещании Тройняте, предостерегая его, чтобы поберегся.

Теофил убит. Что услышавши, Стройнята опередил брата Товтивила и тут же убил его, а, завладев его Полоцким княжеством, без опаски единолично правил в Литве, в Жмуди и на Руси, но недолго. Ибо не может быть долгим царствование тирана, облитое кровью брата и дяди.

Вскоре, в 1264 году, Стройнат или Тройнята отправил свои литовские и ятвяжские войска в Мазовию, а Червенскую (Cerwienska) землю разорил и захватил замок Оржимов (Orzymow), в котором перебил весь мужской пол, как выше у Кромера кн.9 из Длугоша и Меховского достоверно показано. **Кромер кн. 9 пишет, что Стройнат разорял в Мазовии Червиньскую (Czirwienska) землю, а Меховский именует Чирнинской (Cirninska) кн. 3, гл. 52, стр. 164.**

А вскоре против Стройната сговорились четверо верных слуг покойного литовского короля Мендога и, когда тот шел в баню, они, улучив момент, убили его, а сами бежали в Пинск к чернецу Войшелку, сыну Мендога. Хотя Кромер, Длугош и Меховский пишут, что того Тройняту или Стройняту убили на охоте сами Войшелк чернец, сын Мендогов, с Теофилом, братом [его] двоюродным, а [Тройната] родным [19].

Глава пятая

Войшелк или Волштиник, сын короля Мендога, будучи сначала чернецом русского закону, из монастыря, как Казимир Первый Польский, на великое княжество Литовское и Жмудское избран и поставлен в году 1264

Когда такие жестокие убийства и внутренние несогласия литовских князей тревожили русское, жмудское и литовское государства и грозили великими и воистину всеобщими опасностями государству Великого княжества Литовского, до этого процветавшего в мужестве и в счастье, увидели господа, от которых зависели порядок и защита Речи Посполитой, что без единого общего вождя и верховного правителя такое обширное государство, окруженное прусскими и лифляндскими крестоносцами, главными врагами, а также Русью, не могло сохраниться в целости.

Съезд в Кернове. И вот, тотчас утихомирившись и сообща загасив раздоры меж собой, съехались в Кернов, где все вместе совещались по поводу избрания и возведения на [престол] Великого княжества Литовского чернеца Войшелка, сына Мендогова, который в то время, после убийства отца, жил в Пинском монастыре. **Споры об избрании великого князя Литовского.** Но жмудь и ятвяги, которые помогали Тройнату или Стройнату и Довмонту в убийстве его отца Мендога, короля литовского, были против того, боясь, как бы он не отомстил им за жестокую отцовскую смерть. Руссаки же, такие как полочане, новогрудцы, гродненцы, подляшане и мозыряне, которые были покорены литовскими князьями Скирмунтом, Эрдивилом, Альгимунтом и Рынгольтом, отцом Мендоговым, и издавна приведены к послушанию Литве и полному [с ней] единству, в один голос

соглашались на какого-нибудь из сыновей русского короля Даниила, либо на Льва, либо на Романа. А другие на Шварна или Свармира, сына сестры Даниила, который в то время имел своей столицей Дрогичин, а с убитым литовским королем Мендогом великую дружбу имел, и оба они всегда были готовы всеми силами выступить вместе против любого врага.

И поскольку эти упомянутые русские князья были сильны, и к тому же [их владения] со всех сторон прилегали к соседней Литве, решили было, чтобы правителем Великого княжества Литовского был признан кто-нибудь из них. Но литовцы, все паны, князья и бояре, на это и слова молвить не дали, возражая против этого и полагаясь на благородство, отзывчивость и первородное право своего народа, который произошел от римских князей Палемона и Довспрунга. [Эти князья], дивным Божьим промыслом занесенные из Италии, осели в этих северных краях, заложили фундамент Литовского государства и постороних господ над собой никогда не имели и не знали. Напротив, литва и жмудь сажали сыновей литовских князей еще и на русские княжества, как Эрдивила на Новогрудское и Подляшское, Мингайла и Гинвила на Полоцкое, Скирмунта на Луцкое, Карачовское, Туровское, Стародубское и Черниговское, а также Писсимонта, Тройната, Альгимунта и Рынгольта, отца литовского короля Мендога, которые со своими потомками, мужами литовскими и жмудскими, сами широко распространили свое могущество на Руси. А если бы [избрали одного из] сыновей русского короля Даниила, которого предлагали на великое княжение литовское, тогда русин был бы благосклонее к русскому народу, из-за чего Литва из великого государства превратилась бы в малый повят, либо в какое-нибудь удельное княжество, а потом была бы превращена в русское владение. Поэтому решили, что правильнее, полезнее и почетнее Войшелка или Волштиника, сына Мендогова, как истинного и единственного наследника, из Пинского монастыря взять, хотя бы и силой вырвать [оттуда], если в том будет нужда, и на Великое отцовское княжество Литовское возвести и дружно посадить в дедовской (dziedzicznej) столице, не спрашивая у соседних и чужих народов о том, что лучше иметь в [собственном] доме с большей славой и пользой.

Чернец Войшелк возведен на великое княжение. Отправили тогда литовские паны сразу же посла от имени всего [простого] народа и бояр литовских к Войшелку, призывая его и прося на отчее панство, который, однако, долго отговаривался Божьим призванием на другое поприще, духовное и к тому же монашеское. Однако, побуждаемый острейшей необходимостью, решившись [спасти] от погибели согбенную внутренними невзгодами отчизну и смягченный убедительными просьбами подданных, [он] выехал из Пинского монастыря в Новогрудок, а потом, собравшись с новогрудцами, с княжескими почестями двинулся к Кернову, где все паны, бояре и простонародье с великим весельем и радостным пением «ладо, ладо» приняли его с распростертыми объятиями и с обычными церемониями, с мечом и в княжеской шапке, возвели и посадили на престол великого княжества Литовского, Жмудского, Новогрудского, Полоцкого и Курляндского.

А получив отцовское государство уже основательно, Войшелк продолжал набожно соблюдать греческий обет чернеца, ибо поверх княжеского одеяния всегда носил черную рясу с капюшоном (kapice), как поступал тот Казимир, Мешков сын, внук первого польского короля Болеслава Храброго, когда тоже был из церковных чинов возведен на

отцовское королевство Польское [20]. Но благочестием Валштиник отличался от оного, ибо Казимир какой убор сверху носил, такими же добродетелями и внутри был украшен, и, вооруженный святой набожностью, призван к восстановлению упавшей [польской] короны.

Жестокость чернеца Войшелка. Войшелк же сверху овечье одеяние носил, а внутри таился хищный волк: ибо в самом начале своего правления много панов жмудских, ятвяжских и литовских истребил, мстя за убийство [своего] отца Мендога; другие же бежали от него, как от Нерона, а он их имения раздавал своим дворянам (dworzanom). И этим преследованием внутренних врагов и ограблением подданных собрал великие сокровища, с помощью которых потом воевал против русского королевича Льва Даниловича, князя Владимирского, стремясь раширить литовские границы.

Войшелк повоевал Польшу до Илже. Со Шварном же, дрогичинским князем и племянником Даниила, большую дружбу водил, и общими силами вдвоем совершали набеги на Польшу, воюя против Болеслава Стыдливого, польского монарха, краковского и сандомирского князя, и выжгли вдоль и поперек все волости аж до Илже, и город Илже разрушили. Ятвяги тоже беспрерывно совершали хищные казацкие набеги до Мазовии и Люблинской земли, [но] в том же году Болеслав Стыдливый их поразил и искоренил из Подляшья.

О поражении наголову ятвягов, побратимов литовских, от поляков на Подляшье в году 1264

Что был за народ эти ятвяги и какой язык, обычаи и образ жизни имели, то мы уже пространно и достоверно показали в деяниях и истории Русской, когда их Ярослав Святополкович, князь киевский и владимирский, поразил в году от Христа 1113, что выше найдешь, если посмотришь. На тех же самых ятвягов Болеслав Пудыка или по прозвищу Стыдливый, польский монарх, посполитым рушением собрал польские земли, побуждаемый праведным гневом на их частые хищные набеги и разорение своих земель.

Итак, узнав о внутренних конфликтах русских и литовских князей, в году от господа Христа 1264, подготовив под Завихостом большие силы польского войска, [Болеслав] двинулся на Подляшье, действуя обдуманно и осторожно. Как он задумал, так и случилось, ибо ятвяги, всегда стремящиеся либо победить, либо храбро умереть, должны были дать ему сражение, которое были готовы и проиграть, но не допустить, чтобы на их глазах разоряли их земли.

Смелость ятвягов и их битва с поляками. И Болеслав не ошибся в своем мнении о мужестве ятвягов. Ибо, как только 22 июня он перешел их границы, тут же все множество этих язычников [во главе] с Коматом или Конатом (как у Кромера), готовое отразить врага и с трудом замеченное польской стражей на восходе солнца, смело и весело, охотно и радостно, как на праздник, быстрым шагом стремительно приблизилось к польским обозам. Увидев это, Болеслав вывел против них выстроенные к бою польские полки. Два огромных [войска] сошлись, одни против других, и в слепой и яростной упорной сече

сшиблись так, что битва длилась несколько часов с обоюдным мужеством и переменным успехом.

Князь Комат убит. Ятвяги поражены. Потом, когда поляки пересиливали числом и сразили ятвяжского князя Комата (который сам сражался в первых рядах), ятвяги начали сильно уставать, но ни один из них не оставил своего места [в строю] и, защищаясь с упорной смелостью и мужественно сражаясь с поляками, все до единого полегли в неравном бою, но не без отместки за свою гибель. В чем оказались равны сабинянам, самнитам, вейентам [21], эквам, кампанцам, карфагенянам, спартанцам *ad Termopillas* (при Фермопилах) и иным различным народам, чьи мужественные битвы за свободу описали из римлян Ливий, Трог [22] и прочие [авторы], и чьи искусство и опыт в рыцарских делах могут быть приложимы и к ним (ятвягам). Ибо все-таки едва ли не все они (древние народы) временами признавали *sub iugum missi* верховенство над собой римлян, а после проигранных битв (уцелев благодаря бегству) иногда оправлялись и поднимались. А литовские ятвяги (Jatwiezowie Litewscy) свои вольности и свободу отчизны храбрее храброго увековечили (zapieczetowali) своей геройской смертью. Ибо, как свидетельствуют Длугош, Меховский (кн. 3, гл. 45, стр. 145) и Кромер (кн. 9), *nec pedem referre in bello, nec unquam pugnam etiam iniquam detrectare consueverant, nec nouerant quidem terga uertere,* то есть не привыкли бежать или уносить ноги ни на войне, ни в битве, хотя бы и видя ее проигранной.

Новые поселения на Подляшье. По этой причине [ятвяги] на той войне поляками были почти стерты с лица земли, особенно бояре или шляхта, разве что осталось у них немного крестьян, которые потом смешались с литовцами, и вот так ныне имя ятвягов не слишком известно, их остатки Болеслав вынудил обратиться в христианскую веру мечом, ибо казнил каждого, кто отказывался креститься. А чтобы их край не остался пустым, поляки заселили его мазурами и поляками, с которыми потом смешались жившие по соседству русские (Russacy). Выправил также Болеслав Пудыка у папы Александра Четвертого привилегию, чтобы новокрещеным ятвягам поставили нового епископа, однако это не было исполнено, хотя папа писал об этом архиепископу Гнезненскому, и это письмо Длугош списал в своей хронике. Остальное об этих ятвягах я уже рассказывал, читай выше в деяниях Русских.

Комета. В том же году в течение трех месяцев в Польше была видна страшная комета, вслед за которой пришел мор на всяческий скот.

Прусский магистр Хельмерик убит. В Пруссии же орденские рыцари язычниками пруссами, жмудинами, курляндцами (куршами) и литовцами были почти полностью разгромлены и едва не стерты с лица земли: ибо и магистра Хельмерика и великого маршала Теодорика потеряли в проигранной битве, где полегли лучшие войска Немецкой империи [23].

Глава шестая

О вторжении Шварна из Руси в Польшу и поражении его от поляков в году 1265

В году 1265 Шварно или Свармир, князь дрогичинский и луцкий, [вместе] с Войшелком, великим князем Литовским, собрал великие войска на польского монарха Болеслава Пудыку, намереваясь отомстить за разорение Подляшья и поражение ятвягов. **Длугош и Меховский (стр. 145, гл. 45, кн. 3), Кромер (кн. 9) и др.** И так большими силами сначала вторглись в Сандомирскую землю, паля и сметая [все], что попадется.

Руссаки и литва поражены поляками. Но сандомирские шляхта и паны, а также уповавший на них народ, не спросясь о том у монарха Болеслава, все немедля собрались как по набату (jako na gwalt) и, врасплох застав руссаков, в загонах [разбежавшихся] по различным закоулкам, [нанесли им] значительное поражение, погромили, побили, наловили пленных и все обильно награбленное отобрали, так что и Шварно с руссаками и Войшелк с литовцами едва успели свернуть лагерь и унести ноги (ledwo mydlo uwiezli).

Умер король Данило. В году же 1266 скончался Данило Романович, король русский, с папского соизволения двукратно коронованный, один раз в Киеве, второй раз в Дрогичине, римской апостолической церкви (как называет его Меховский, кн.3, стр.168) предок князей Острожских, оставив сыновей Льва и Романа [24].

Болеслав Польский [собрался в поход] на руссаков. В том же году польский монарх Болеслав Стыдливый, видя междоусобицы на Руси из-за смерти Даниловой, решил отомстить дрогичинскому князю Шварну и за свои неправды, и за убийство Земовита, князя мазовецкого. [Объявил] тогда общий сбор во всех землях, и всем приказал стягиваться в местечко Ропчице (Ropczicz) для переписи и боевого построения. Все воинские дела и верховное гетманство Болеслав поручил краковскому воеводе Петру, а сам с женой Кингой неустанно молился, поручая свое войско надежной защите Господа Бога.

Действия умелого гетмана во вражеской земле. Воевода же Петр, приняв командование, двинулся прямо в неприятельские земли, но все делал опасливо, расторопно, предусмотрительно, наступал осторожно, рассылал во все стороны дозоры и разведчиков, выбирал для лагеря место, расположенное у воды и с кормом для живности, пастбищами, и [людей] из обозов за дровами не пускал и не посылал, только под надежной охраной вооруженных рыцарей, понимая, что уже начал игру с хитрым врагом.

Поле Пятка. Поляки зашли в неприятельские земли не очень далеко, как вдруг князь Шварн с большим русско-литовским войском и татарской помощью показал огромные полки на поле, которое называется Пятка (Pieta), и лагерем расположился недалеко от польского войска, но в тот день поляки оставались в покое. Назавтра, 19 июня, в субботний день [25] святых мучеников Протасия и Гервазия (когда-то в этот день поляки под Завихостом в 1205 году разгромили и убили Романа, деда этого Шварна и отца Даниила, как это выше поведано стихами) вывел воевода Петр построенных для битвы поляков, напомнив им, что в этот день они должны быть столь же счастливы [в бою], как и их предки над теми же самыми врагами. **Crom[er].** ***Expeditiori genere armorum plures de Polonis vulnerantium.***

Битва поляков с руссаками. Шварно тоже не уклонялся от битвы, и так поляки сначала начали издалека стрелять в руссаков из самострелов, руссаки же с литовцами и татарами из луков, но счастье и превосходство склонялись более на сторону руссаков, пока поляк каждый раз воротом натягивал самострел, один русин в дюжину раз ловчее ранил проворными стрелами. Но вскоре поляки широким шагом приблизились к неприятельским рядам, а вблизи били руссаков копьями, рогатинами и мечами, отчего их дела сразу пошли лучше. Руссаки [начали] отступать, поляки на них напирали.

Шварно бежал с [поля] битвы. Сам Шварно из всех сил старался опять направить битву, но, видя ее проигранной, отпустил конские поводья и умчался за другими. Тут и все русское войско показало спину, один полк мешал бежать другому, преграждая [друг другу] путь и смешивая строй за строем. Поляки рубили и кололи бегущих, многих из них, бросающих оружие, хватали, вязали, топили, вели на веревках. И так поляки одержали полную и славную победу, а разобрав и переписав (naspizowane) богатые неприятельские обозы и широко опустошив русские волости, с победой возвратились в Польшу, отягощенные различными трофеями. И так основательно силы и надменные замыслы русских были сломлены этим поражением, что потом долгие годы [они] и замыслить не смели ничего враждебного против поляков. Об этом Длугош и Меховский (кн.3, гл.45), Кромер (кн.9) и др.

Литва воюет Мазовию. Но в том же году литовцы, мстя за поражение руссаков, объединились с язычниками пруссами, вместе с которыми повоевали и разорили бедную Мазовию, где мазовецкие князья Болеслав и Конрад едва сумели оборонить одни лишь замки. ***Kromer. Vastata est hoc anno rursus a Litvanis et Prussis Mazovia.***

В те же годы, когда умер Климент, четвертый папа с этим именем, славный святостью [своей] жизни, папский престол в течение трех лет был вакантным из-за кардинальских несогласий.

Об убийстве Войшелка Мендоговича, королевича и великого князя Литовского, русским королевичем Львом Даниловичем в году 1267

Войшелк [вторгается] на Русь с литовским войском. После смерти русского короля Даниила, когда между его сыновьями и русскими князьями начались немалые раздоры из-за верховной монаршей [власти], также и Войшелк, великий князь Литовский и Жмудский, улучив момент, во время междуцарствия (Interregnum) взял и овладел несколькими русскими замками, а собрав войско из литовцев, жмудинов и остатков ятвягов, вторгся на Волынь, желая вырвать (wydrzec) Владимир у русского королевича Льва Даниловича.

Хитрость Льва. Но князь Лев, мудро избегая войны с Войшелком, а тем более при возникшем после смерти своего отца интеррегнуме, при заключении соглашения об общих границах пошел на компромисс с литовским князем Войшелком, который упорно домогался от Руси [уступки] всей Волыни.

Русские князья съехались во Владимир для соглашения с Войшелком. Тогда Войшелк распустил войско, назначив время для переговоров с вассалами и родственниками Льва, которые, избегая небезопасной войны, съехались во Владимир. [Это были] Василько, князь галицкий, брат покойного Даниила и родной дядя Льва, Шварно Дрогичинский и другие русские князья. Войшелк же, великий князь Литовский, в назначенное время приехал в Угровск (do Wrowska) в монастырь святого Даниила, в котором прежде был чернецом и монахом, и, расположившись лагерем со своими панами, князьями и литовскими боярами, провел там долгое время, ожидая выезда русских князей на компромисс и соглашение о спорных границах. Но Лев Данилович, князь Владимирский, подражая хитрому фортелю своего предка Ярополка, монарха Киевского и Владимирского, который в 1139 году предательским умыслом поразил под Галичем непобедимого польского короля Болеслава Кривоустого **(об этом Винцентий Кадлубек, Длугош, Меховский (кн. 3, гл. 14, стр. 81), Кромер (кн. 6), Бельский и наша хроника)**, о чем подробно рассказано выше, задумал завлечь Войшелка поглубже в Русскую землю, чтобы ему было сподручнее подставить тому подножку (przez noge przerzucic). И послал к нему в Угровск дядю Василька, князя галицкого, и двоюродного (siestrzycznego) брата Шварна [26], прося его, чтобы без опаски приезжал во Владимир со своими литовскими советниками для дружеской беседы. Войшелк с литовскими панами долго противился, не доверяя Льву, поскольку они издавна были меж собой в неприязни, и тоже хотел, чтобы Лев, если имел нужду, сам приехал к нему в Угровский монастырь, который находился на границе и на равном расстоянии как от Литвы, так и от Руси. Но когда Шварно и Василько Галицкий поклялись Войшелку своей верой и гарантировали ему безопасность, он дал себя уговорить и поехал с ними во Владимир, где в воскресенье его принял Лев с братом Романом, прикрывшись снаружи [личиной] учтивой дружбы (а в сердце — змея). **Такой клятвой были пойманы и Болеслав Польский, и Кейстут Ягеллой, и многие другие князья и гетманы. Берегись, и [минует тебя] чужая кара.**

Войшелк со своими литовцами остановился на постой в монастыре Святого Михаила Великого. Сразу же после переговоров всех этих князей пригласил на завтрашний обед немчин Маркольт, русский пан, который был главным стряпчим (sprawca) и советником у умершего русского короля Даниила. Там все повеселились, и галицкий князь Василько в добром подпитии (как свидетельствует летописец) поехал на свой постоялый двор, а великий князь литовский Войшелк с литовцами тоже беспечно поехал на свой двор в монастырь святого Михаила. А потом к нему в монастырь приехал владимирский князь Лев Данилович, пьяный, и вызвал его из покоя или из спальни поболтать по-приятельски: мол, выпьем еще, куманек (ибо когда были у немчина Маркольта, то покумовались якобы для лучшей и не коварной дружбы [27]).

Войшелк, великий князь Литовский, жестоко убит Львом Даниловичем. Вот тебе честь и беседа. А как только пьяный Войшелк беспечно вышел к нему из покоя, не подозревая измены, тут же Лев начал бросать ему в лицо [упреки в] жестокостях его отца Мендога, которые тот чинил в русских землях, и сколько он тогда жадно и незаслуженно заполучил у отца его русских замков. А затем с великой запальчивостью велел своим людям отскочить, а сам саблей рассек ему голову, аж мозг на стену и на слуг брызнул. Убитого оставили в монастыре, а других литовских панов по постоялым дворам переловили, ободрали, утварь расхватали, собственных же дворян Войшелка, которые не

удостоились такой чести, пьяных, зарубили, а других заключили во Владимирский замок. Таким способом Лев устроил себе окончание войны с Литвой. А галицкий князь Василько, дядя Льва, со Шварном Дрогичинским доказывали, что в смерти Войшелка не были повинны, ибо сами на свое слово вызвали его из Угровского монастыря, и очень об этом сожалели, почитая это за вечный позор и бесчестие для русского народа. Ведь князь был убит вероломно, против права всех народов и вопреки полученных от них заверениям [28].

Погребение Войшелка. Похоронили его там же, в упомянутом монастыре святого Михаила Великого во Владимире, с пышными княжескими почестями, хотя уже и не стало [князя]. О чем упоминают Летописец Литовский и Русский, а также Меховский (кн. 3, гл. 49, стр. 153), Кромер (кн. 9) и другие.

На том Войшелке, убитом сыне Мендоговом (который встретил такую же смерть, как и его отец), королевиче и великом князе Литовском, Новогрудском, Полоцком и Жмудском, окончилась княжеская фамилия римского Палемона герба Колюмнов [29]. А столица литовская повторно перенесена к Китоврасам Довспрунговичам, потомкам тех же римских князей, но другой фамилии, из которой [на престол] был избран Швинторог Утенусович.

Заложен город Львов. А Лев Данилович, убив Войшелка, великую славу и любовь стяжал у своих руссаков, а сам с братом своим Романом преспокойно и без боязни, широко и вельможно правил в русских княжествах: Подляшском, Волынском, Киевском, Звенигородском Подгорском (где заложил и славный город Львов с двумя замками, [названный] от своего имени) и Галицким — после смерти своего дяди Василька (Романовича), брата Даниила. Все это предки князей Острожских и Заславских.

Глава седьмая

Свинторог Утенусович герба Китаврас избран на великое княжение Литовское в году 1268

Когда из-за таких внутренних невзгод и пагубных домашних разборок были убиты литовские князья: король Мендог [убит] племянником Стройнатой, Стройнат, тоже убив брата Товтивила Полоцкого, [убит] Войшелком или по его приказу, а Войшелк, сгубив много литовской знати, [убит] Львом Даниловичем, литовцы забеспокоились, видя, что Великое княжество Литовское хорошо было начиналось [по образцу] итальянского государства, но в этот час их государство пришло в упадок. **Обычай и порядок старой Литвы.** Ибо сразу же, не дожидаясь затяжного интеррегнума, честным и достойным обычаем выбирали себе единовладцев или великих князей из своего народа (ибо в те времена были ещё простыми язычниками без наук). Как и прежде, по языческому обычаю, оплакав прискорбное убийство своего великого князя Войшелка Мендоговича, съехались все в Кернов, где после кратких уговоров единодушными голосами избрали на великое княжение литовское и новогрудское жмудского князя Свинторога [30] Утенусовича герба Китаврас, в то время уже седого старика, бывшего единственным потомком римских князей Юлиана Дорспрунга, Проспера Цезарина и Гектора герба Розы, которые вместе с Публием Палемоном или Либоном удивительным промыслом Божьим по морю были

занесены в те полночные жмудские и литовские края, как об этом рассказано выше. А в тот час, когда Святорог (Swiatorog) был избран на великое литовское княжение, ему было уже 96 лет.

Литва повоевала Куявскую землю. А в 1269 году, когда куявский и лещицкий князь Земомысл не поладил со шляхтой и со своим рыцарством как господин с подданными, подданные же, защищая свои вольности от сурового пана, устраивали внутренние смуты, литовцы быстро собрались, хотя [никто] их не просил собираться, и прямо через Мазовию и прусские границы вторглись в Куявскую землю, а набрав людей и добычи, с великим прибытком и трофеями вернулись в Литву. О чём Длугош, Кромер (кн. 9), Меховский (стр. 170, кн. 3, гл. 56) и другие.

Чудеса на небе. В том же 1269 году дивные чудеса явились в Польше: на облаках видели великие войска, огромное сражение и слышали лязг будто бы от оружия. **36 детей за одни роды.** А потом на следующий 1270 год, 20 января, в краковской земле в деревне Накель (Nakiel) шляхетная Маргарета, жена графа Виробослава, за одни роды родила тридцать шесть живых детей, которые в тот же день померли.

60 детей сразу. Потом другая, по имени Чехна (чехиня?), шестьдесят детей породила, также за одни роды. **78 детей сразу. 150 детей сразу.** Однако же и Авиценна в книгах о животных пишет, что одна женщина за одни роды имела семьдесят восемь детей; также и Альберт Великий в кн. 9 *de historiis Animalium* пишет, что в немецкой земле одна женщина за одни роды имела полтораста детей, но недоношенных и мёртвых, и каждый был не более мизинца на руке [взрослого] мужчины.

Юлий Солин. Юлий Солин (Polihistor, глава 3) тоже пишет, что в Риме во времена императора Августа одна селянка по имени Фауста за один раз родила четверых живых близнецов: двух мальчиков и двух девочек.

Удивительный телец. В том же 1270 году под Калишем родился телёнок о семи ногах и о двух головах с собачьими зубами, из которых одна голова [была] на своём природном месте, а другая была у хвоста: к его падали (sczierwu) не смели приблизиться ни собаки, ни птицы.

Кровавые вода и дождь. В том же году в силезских реках Одре и Осе в течение трёх дней текла кровавая вода, а в деревне Михалове три дня шёл кровавый дождь.

Тогда же, начавшись двадцатого июня и аж до середины августа ночью и днём непрерывно шёл страшнейший дождь, а когда реки поднялись [и вышли из берегов], то затопили лежащие в низинах сёла, дворы и местечки так, что из воды выглядывали только верхушки строений. **Об этом Длугош и Меховский (кн. 3, гл. 56, стр. 170), Кромер (кн. 9) и другие.**

Висла же и Нарев повыворачивали всё, что было над ними, и ужасным потопом попортили поля, из-за чего потом наступили великая дороговизна и голод. Но вернёмся к литовскому государству.

Свинтерог Утенусович, великий князь литовский, в преклонных старческих годах спокойно правил в Литве, имея мир с прусскими крестоносцами, которым тогда хватало забот с язычниками пруссами. А потом ещё при жизни своей назначил на великое княжество Литовское сына Гермонта, князя Жмудского, и поручил панам и боярам, чтобы вовремя выбрали его себе за господина. А когда великий князь Литовский Свинторог ехал как-то с охоты с упомянутым сыном своим Гермунтом, понравилось ему очень красивое место в пуще между горами, где река Вильна впадает в Вилию. **Назначено сжигание трупов знатнейших [литовцев].** И просил сына своего Гермунта, приказывая ему, чтобы на том месте и между теми реками тело его после смерти спалил по языческому погребальному обычаю, и чтобы потом уже более нигде, а только на этом единственном месте отправляли погребальные [обряды] и сжигали тела других литовских князей, а также знатнейших панов и бояр; ибо прежде трупы мёртвых сжигали на том месте, где кто умер. А потом Свинторог Утенусович быстро скончался в Новогрудке, оставив сына Гермонта править Литвой. [Он] окончил свой век в 98 лет, а на литовском княжении только 2 лета.

Гермонт Свинторогович, великий князь литовский, русский и жмудский, год 1271

Гирмонт ещё при жизни отца был избран на великое княжение Литовское, Русское и Жмудское общим волеизъявлением всех сословий, а после отцовской смерти в 1272 году в Кернове был в княжеской шапке возведён на престол по издавна привычному и идущему от предков обычаю [31].

Жеглище трупов между Вильной и Вилией. Потом, исполняя то, о чём говорилось прежде, по воле отцовой учинил и заложил большое жеглище между горами, на том месте, где Вильна река впадала в Вилию; все окрестные леса приказал вырубить и, расчистив широкий плац, по языческому обычаю освятил это место со своими волхвами [32], забивая разную скотину в жертву своим богам. **Литовские волхвы были как у римлян фламины и авгуры.**

Погребение Свинторогово. И первым делом по обычаю сжёг там тело отца своего Свинторога Утенусовича, облачив его в самые дорогие одежды и доспехи с саблей, сайдаком и копьём. Борзых с гончими (chartow z wyzlami) по паре, ястреба, сокола, чистокровного коня, на котором сам езживал, и его любимца слугу, наивернейшего и разумнейшего, живого вместе с ним спалили **(что за радость быть у него любимцем?)** [33], сложив огромный костёр [из] дубовых и сосновых деревьев.

Верования старой Литвы о судном дне. А паны и бояре, стоявшие рядом, бросали в огонь рысьи и медвежьи когти, потому что верили в судный день, на котором все умершие должны были вернуться к новой жизни, а один из их богов (которого не знали, только в него так верили), всемогущий и наибольший над всеми другими богами, должен был судить добрые и злые дела всех людей, сидя на высокой и страшной (przykrej) горе, на которую, верили, трудно влезть без когтей рысьих и медвежьих. **Об этом боге думали так же, как афиняне о боге огня (*Atenienses de ignolo Deo*)**. Но о том уже пространно поведано выше, в описании различных идолопоклонств русских, польских и литовских. Вот таким способом отца [своего] Свинторога, великого князя Литовского, сын [его]

Гермонт отправил на тот свет с помощью огня, а кости, собрав, заколотили в гроб и потом на том месте насыпали высокую могилу.

А тот способ и обычай сжигания трупов на месте погребения Литва узнала от Палемона или Либона и других занесённых в эту страну римлян, которые тоже привыкли жечь трупы умерших. Римляне же и другие итальянцы сберегли этот обычай, взятый от Энея Троянского. Ибо и троянцы и все греки трупы всегда сжигали. О чём найдёшь у Вергилия (Энеида, 6), где начинается: *Itur et antiquam silvam stabula alta ferarum* и т. д. И у Теренция **(*Terentius in Andria*)**, Ливия, Овидия и др. А Гомер в таких прекрасных словах описывает погребение Патрокла, любимца Ахиллеса, убитого Гектором (Илиада, кн. 23):

Те лишь остались, кто должен участвовать был в погребенье.
Сруб они вывели в сотню ступней шириной и длиною,
И на вершину его мертвеца положили, печалясь.
Много и жирных овец, и тяжелых быков криворогих,
Перед костром заколов, ободрали. И, срезавши жир с них,
Тело Патрокла кругом обложил Ахиллес этим жиром
От головы до ступней; на костер побросал он и туши.
(Тот же [обычай], когда побитую скотину сжигали с трупом, сохранили и литовцы)
Там же расставил сосуды двуручные с маслом и медом,
К ложу их прислонив. **(И мёд на огонь лили и ставили)**
Четырех лошадей крепкошеих **(кони отборные)**
С силою бросил в костер, стеная глубоко и тяжко.
Девять собак у стола Ахиллеса владыки кормилось;
Двух из них заколол Ахиллес и туда же забросил **(пара борзых)**;
Также двенадцать отважных сынов благородных троянцев
Острою медью зарезал, свершив нехорошее дело [34].
(Всё то же самое проделывали и литовцы, когда вместе со своими убитыми часто сжигали крестоносцев, [принося их] в жертву).

Погребение же Гектора так описал жалостливыми стихами:

В повозки волов тяжконогих и мулов
Стали они запрягать и пред городом быстро собрались.
Девять дней подвозили несчетное множество леса.
Вместе с десятою свет приносящею смертным зарею
Вынесли, горько рыдая, отважного Гектора тело,
Наверх костра положили и снизу подбросили пламя.
Рано рожденная, в небе взошла розоперстая Эос.
Люди сходились к костру, на котором покоился Гектор.
После того как сошлись и большая толпа собралася,
Первым же делом вином **(а литовцы мёдом)** искрометным костер загасили
Всюду, где сила огня сохранилась. А братья с друзьями
Тщательно белые кости героя средь пепла собрали,
Горько скорбя и со щек обильные слезы роняя.
В ящик потом золотой **(а в Литве из отборного дуба)** те кости они положили,

Их покрывши пред тем пурпуровой мягкой одеждой.
Тотчас спустили в могилу глубокую, после того же
Поверху часто камнями огромными плотно устлали.
Сверху насыпали холм [35].

А то, что собственно греческие и троянские погребения схожи с литовскими, я изложил также и в других книгах, поведав о том в стихах, по стихам Гомера собственными стихами.

Римляне тоже сохранили этот обычай сжигания трупов; так, если опустить других историков, Сервий Сульпиций пишет Цицерону **(Письма, кн. 4)** о погребении благородного римского патриция Марка Марцелла, предательски убитого в Афинах Магием Хилоном, в таких словах:

«Похоронить его в черте города Афин уговорить не могли, ибо до этого такого никому не позволяли, однако в какой захотим школе или коллегии нам разрешили его похоронить и прочее. *Nos in nobilissimo orbis terrarum gimnasio Academiae locum delegimus, ibique eum combussimus.* Подумав, сказали выбрать место в наизнатнейшей всего мира школе в Академии и там его сожгли, а потом хлопотали, чтобы ему на этом месте афиняне поставили мраморную гробницу». То же через несколько месяцев находим у римских и греческих историков и т.д.

То же я сам видел в Константинополе, Никее, Халкедоне и в Шиле (w Sylibriej), [где] очень много старинных колонн или высоких каменных столбов из мрамора, на которых и ныне ещё лежат круглые урны (truny) или мраморные скринии, в которых хранится пепел сожжённых тел греческих князей и знаменитых людей и можно читать надписи на этих столбах или стихотворные эпитафии, каждая по-гречески и по-латыни.

Также во Фракии и в Болгарии очень часто видели высокие могилы из тёсаного камня, а другие в виде больших насыпных курганов, в которых лежат тела доблестных князей, о деяниях которых сербы ещё и сегодня рассказывают и на скрипочках подыгрывают, воспевая нам их жизни. **(Год 1574).**

Жеглище Свинторога, где ныне Вильно. Так же и литовцы по примеру других языческих народов узаконили огненное погребение своим князьям на том месте, где Вильна впадает в Вилию и где первым сожгли Свинторога. Знатнейших панов жгли там же аж до времён Ягелловых, а звалось то место Свинторога, по имени своего князя, первым на нём сожжённого.

Учреждение языческих обрядов. А чтобы эти жегища были ещё более священными и более значительными, князь Гермонт постановил на том месте учредить жрецов (kaplanow) и гадателей, которые возносили бы богам молитвы и приносили им жертвы. Этот вечный огонь из дубовых деревьев днём и ночью всегда горел на тех жеглищах во славу бога Перкуна, повелителя грома, молний и огня. А если огонь когда-либо гас по недосмотру жрецов или приставленных к этому делу слуг, таких тогда без всякого

милосердия сжигали как святотатцев, как об этом уже рассказано выше при описании литовских языческих богов [36].

Литва воюет Волынь. Потом Гермонт, перемирием обезопасив свои границы от прусских и лифляндских крестоносцев, а также от Польши, собрал войско из жмудинов и из литовцев и, вторгнувшись на Волынь в державу Льва Даниловича, князя Владимирского, Киевского и Луцкого, мстил ему за убийство литовского князя Войшелка, которого убили, напав [на него] в монастыре, как об этом выше.

Герваты. Упомянутый Гермонт заложил в Литве от своего имени местечко Гирманты, которое потом [называлось] Герванты, а ныне зовётся Герваты (Giermanty, Gerwanty, Gerwaty).

Болеслав Стыдливый поразил враждебных себе польских панов у села Богушина 2 июня 1273 года. Литва повоевала Люблинскую землю. Потом в 1273 году, как Длугош и Кромер (издание второе, кн. 9, стр. 165) пишут: когда Болеслав Стыдливый, монарх польский, поразил оппозицию своих подданных, шляхтичей и некоторых панов, которые в пику ему выбрали себе за господина Владислава, князя Опольского, тут же литовцы, прослышав об этих внутренних польских раздорах, вторглись в Люблинскую землю, как предполагают, по возможной наводке Павла, епископа краковского, который, полный врождённой злобы, заключил было с литвой соглашение против своего господина Болеслава. И так литовцы, безнаказанно повоевав Люблинскую землю, с большой добычей увели в Литву захваченных пленников. Ибо в тот момент, когда надо было спасать [страну], силы Малой Польши были очень ослаблены этой внутренней войной, когда Болеслав разгромил противившуюся ему шляхту и рыцарство у Богушина.

Cromerus. Polessensis Litvanorum ditio et Prussia vicissim a Mazoviis vastata est. Но это вторжение в Люблинскую землю не осталось неотомщённым, ибо когда литовцы воевали Люблинскую землю, мазуры с куявлянами и жителями Подляшья взаимно разорили их земли и Пруссию. Ибо в то время язычники пруссы и литовцы, объединившись, много бесчинствовали, несколько раз нанесли крестоносцам [Тевтонского ордена] сильные поражения и, захватив у них некоторые замки, сравняли их с землёй. О чём Длугош и Кромер.

Языческий фортель. Потом, как пишут Длугош и Меховский (кн. 3, стр. 171), прусский магистр Генрих (имея перемирие с Гермонтом, великим князем Литовским) всеми силами обрушился на язычников пруссов, которые вместе с жмудинами воевали тогда Кульмскую землю. А когда догнал их под Либавой или Любавой, язычники в притворном бегстве добежали до леса, а потом, стремительно выскочив из леса, ударили на неисправное и утомлённое погоней орденское войско, увлекшееся добычей, [брошенной] бегущими. И там магистра Генриха и маршала Теодориха убили и, поразив все немецкие полки, вывезли в свои земли обильные трофеи [37]. И хотя на помощь рыцарям Тевтонского ордена против прусских, литовских и жмудских язычников тут же с большим войском двинулись король чешский, маркграф бранденбургский, ландграф тюрингенский и князь брауншвейгский, но ни в чём не преуспев из-за зимней оттепели, разъехались все по домам [38].

Замок Бранденбург в Пруссии. Только брандебургский маркграф построил в Пруссии замок Бранденбург, [назвав его] именем своего княжества.

Гермонт умер. Гермонт же, великий князь литовский и жмудский, в то время бил челом, перед лицом смерти уступая правление отчим государством Литовским, на котором оставил двух сыновей: князей Гилигина и Трабуса.

Глава восьмая

Гилигин или Колигин Литовский и Новогрудский, Трабус Жмудский, князья Гермонтовичи, год 1275

Когда Гермонт, великий князь литовский, заплатил положенный естеству долг смерти, съехались литовские и жмудские паны в Кернов, а там с сынами его, Гилигином и Трабусом, оплакав смерть [своего] прирождённого господина, взяли тело его на священное жеглище, которое когда-то основал сам Гермонт; и там его с великой скорбью сожгли привычным обычаем: в княжеском уборе, с саблей, конём, наивернейшим слугой, парой борзых и соколом. А потом, сразу же вернувшись в Кернов, рядили по поводу упорядочения государственного устройства, потревоженного смертью князя.

Инаугурация (inauguratio) литовских князей. И там же, видя в наследных (dziedzicznych) князьях Гилигине и Трабусе доблестных преемников отцовских и дедовских дел, литовцы избрали старшего Гилигина на великое княжение Литовское, а жмудины на жмудское княжение — младшего Трабуса, и по обычаю того века возвели на княжеский престол, отдавая обоим в руки отцовские меч и ласку, чтобы дома справедливо судили подданных, а мечом бдительно охраняли доставшиеся от прадедов и утверждённые тем же оружием границы великого княжества Литовского и Жмудского, и достойно умножали братское единство и взаимную любовь.

Чудеса в Польше. В том же 1275 году в Краковской земле случились два чуда. Зобатое дитя, в тот же день, когда родилось, громко и чётко вымолвило слова, да так хорошо, как мог сказать только взрослый, а как только окрестили его, утратило и зоб, и речь: о чём Длугош и Кромер (второе издание, кн. 9, стр. 165). **Дитя полумесячного возраста пророчествует о татарах.** В том же году другое дитя под Краковым, едва полумесяца от роду, благозвучным с рождения голосом проповедовало татарское нашествие на Польшу, а когда, изумившись сему, со страхом спрашивали оное дитя, нужно ли и ему бояться татар, ответило дитя: да, и моя голова падёт между прочими. Что потом и стало в 1287 году, ведь татары спустя одиннадцать лет после того пророчества так и учинили, когда всю Польшу вдоль и поперёк повоевали, как о том пространее в Хронике Польской.

Великое чудо об одном отчаявшемся богаче. Не годится обойти молчанием и третье диво, случившееся в то же время при явном и очевидном свидетельстве многих людей. В Польше один знатный, состоятельный и богатый шляхтич, очень скандальный и хищный, [а по отношению] к своим подданным, будто к чужим, неприятный и тяжкий, когда тяжело заболел, был увещеван монахами и некоторыми священниками, чтобы поискал защиты у милосердия Божьего и порадел о спасении своей души. Но он сказал: я никогда

не оставлял места для отпущения грехов, ибо и на предстоящем суде Божьем признавал бы могущество дьявола. И затем сразу после этого около стоявших послышались многократные трескучие удары, грохот и частые не видно от кого еки, пеки, стеки **(ек, пек, стек, мек, бек — мазовецкие слова)**; потом показались на челе больного отвратительная синева и пятна. Как ближние, так и все остальные изумились, и тотчас он, несчастный человек, не смог ни слова вымолвить, ни охнуть и, трижды зевнув, выдохнул несчастливую душу.

Литва воюет Мазовию и Куявию. В году же 1277, как Длугош, Кромер (кн. 9, стр. 167 второго издания) и Меховский (кн. 3, гл. 53, стр. 123) пишут: литовцы с язычниками пруссами разорили мазовецкую, хелминскую и куявскую земли.

Из Лещицкой земли литва вывела огромную добычу. А потом осенью того же года, в день Святого Луки (18 октября) литовцы несколькими полками казацкого люда через Мазовию вторглись в Лещицкую землю, которую жестоко разорив, попалив дворы, деревни и местечки, порубив малых детей и стариков, [причём] никакого сопротивления ни один [человек] им не оказал, вывезли огромную добычу, различные трофеи и [увели] сорок тысяч человек в жалкую неволю. ***Cromerus, Ad 40 000, hominum abigerum. Miechovius, et quasi ad 40 000 animatorum aestimando etc.*** А Лещицкую землю в то время держал (trzymal) Казимир, родной брат Лешека Чёрного.

В то же самое время, как Длугош и также Кромер пишут, случилось чудо у Кракова: примерно в полночь, когда было начало Нового года, небо на короткое время осветилось ясным и прекрасным сиянием, означавшим смерть князя Болеслава Стыдливого, польского монарха, что вскоре и произошло.

Чудо с искушением дьявольским. А ещё в той же Краковской земле показался и объявился некий соблазн: ибо в одном очень широком озере из-за дьявольских козней люди лишись возможности ловить рыбу. А когда зимой [это озеро] замёрзло [и покрылось] льдом, собрались к нему соседние [жители] с процессией священников, несших хоругви, кресты и святые реликвии и поющих литании, желая этим отогнать дьявольские силы; привезли с собой также неводы, сети и святую воду для изгнания бесов (na opetana). А когда невод опустили в прорубь, то в первый раз рыбаки вытянули три маленькие рыбки; во второй раз не вытянули ничего, только скрученный и запутанный невод; а в третий раз сразу же вытащили [дьявольское] искушение (pokuse) или какое-то ужасающе страшное чудище с козьей головой и будто бы огнём пылающими глазами. ***Monstrum horrendum, ingens caprino capite.*** А когда все перепугались и разбежались, побросав кресты и святые реликвии, это чудище нырнуло в прорубь под лёд, подняв по по всему озеру там и сям толкотню и беготню, страшный треск, шум, биение и гром. Некоторые из этих людей, когда очухались и ожили, получили от этой заразы мерзкие язвы на лицах. О чём Длугош и Кромер.

В 1279 году умер польский монарх Болеслав Стыдливый [39]. И Оттокар, король чешский, преданный своими, был убит на поле проигранной [им] битвы, в которой сошёлся в Моравии с императором Рудольфом [40].

С какого времени пошли князья Ракушские. А император Рудольф после этой победы не получил никаких прав в Чешской земле, только сына Альбрехта в Аугсбурге на съезде князей и курфюрстов титуловал первым князем Ракушским (Rakuskim), от которого [пошли] князья и императоры Ракушского дома [41] до нынешнего императора Рудольфа Максимилиановича, избранного в прошлом 1576 году. Но приступим к литовскому государству.

Гилигин или Колегин Гермонтович, князь литовский, процарствовавший едва три года и в урочный час призванный смертью, вынужден был оставить княжеский престол и, умирая, сына Ромунта или Романа господином Великого княжества Литовского после себя предложил и назначил. Умер в 1278 году.

Роман или Ромунт Гилигинович, великий князь Литовский

Совершив с обычными языческими церемониями погребение князя Гилигина, литовские паны от вильненских жеглищ поехали прямо в Кернов, а там единогласно избрали и возвели на великое княжение Литовское Ромунта, сына Гилигина, как истинного и единственного наследника, видя его уже в мужских летах и с потомством.

Этот Ромунт ещё при жизни отца наплодил (splodzil) пятерых сыновей: Наримунта, Довмонта, Гольшу, Гедрусса и Тройдена или Тройденусса. Все они от рождения показывали равную рыцарскую доблесть свою, однако младший Тройден, как свидетельствуют некоторые летописцы, всю свою жизнь тянулся (prostowal) к войне, грабежам и кровопролитию. ***Miechovius: Trinota filus Ducis Litvaniae coadunatis Litvanorum et Prutenorum copiis quae ad triginta milia pugnatorum explebant, etc***. Он же, как пишут Длугош и Меховский (кн. 3, гл. 58, стр. 174), то ли посланный отцом Ромунтом, то ли сам по своей воле, собрав из литовцев и из язычников пруссов большое войско, в котором было до тридцати тысяч воинов, разделил его натрое: один загон послал в Мазовию, а два вХелминскую землю. Литовцы тогда разорили и разграбили всю Хелминскую землю, добыли у крестоносцев замок Биргелава (Bergelowa), сожгли его и увели в неволю в Литву множество людей [вместе] с добычей и разными трофеями.

Судовиты и жмудь. Какой-то литовский князь Скомант [42]. В том же году князь Скомант с пруссами, судовитами, а также с язычниками жмудинами, повторяя первое разорение, второй раз вторгся в Хелминскую землю, где два месяца осаждая Любаву и Кульм (Chelm) с использованием орудий (dziala), отнял их у христиан. **Здесь пишут tormentis (осадные орудия), которые были различными предметами (naczinia) для добывания замков, например, таранами и т. п.** [43]. Также Куявскую землю около Коваля (Kowala) разорил. В том же году Лещицкий город разграблен внезапным вторжением литовцев. О чём Меховский там же.

Ромунт же, великий князь литовский, оставив пять подобных себе сыновей: Наримунта, Довмонта, Гольшу, Гедруса и Тройдена, умер в том же самом году, в котором был возведён на княжение, налюбовавшись подвигами и трофеями младшего сына Тройдена, которого Меховский называет Тринотом, а в другом месте Тройденом. Трабус же, князь жмудский, после смерти Ромунта, как дядя, взял в опеку великое княжество Литовское.

Трабус Гермонтович, князь Жмудский, опекун или губернатор Великого княжества Литовского

Итак, Ромунт, пробыв едва год на великом княжении, был призван безжалостной и упорной смертью и оставил пять сыновей, которых наплодил при жизни отца Гилигина, ещё до того, как после его смерти был избран на великое княжение.

Сейм в Кернове. Тут же литовские паны, спеша упредить, как бы не начались раздоры между столь многими братьями-наследниками, из-за чего страна раздирается в клочья гражданскими и внутренними войнами, а потом гибель и упадок государства приходят в открытые ворота пагубных раздоров, съехались в Кернов, а там, не теряя времени на долгие и порожние разговоры, согласно передали Великое княжество Литовское и Русское в опеку Трабусу Гермонтовичу, брату Гилигина и дяде недавно умершего Ромунта, который в то время был князем Жмудским, чтобы держал Великое княжество Литовское и управлял им до тех пор, пока паны окончательно решат с пятью сыновьями Ромунта, истинными наследниками, и поделят области Великого княжества Литовского, кому какая надлежит.

Трабус в начале своей опеки заложил от своего имени местечко Трабы; а младших князей и своих внуков Наримунта, Довмонта, Гольшу, Гедруса и Тройдена рыцарскому делу при себе обучал. А потом в том же году умер в Новогрудке и упомянутыми князьями, своими внуками, привезённый на жеглище у устья Вильны, был сожжён по языческому обычаю, в соответствии с княжеским достоинством убранный в княжеские одежды, с конём, слугой, доспехами и охотничьими [принадлежностями].

Такая в те годы была незавидная [доля] у литовских князей, что один за другим призывались на тот свет сразу же, как только избирались на престол.

Сейм и элекция в Новогрудке. После смерти Трабуса паны литовские, жмудские и русские, подчинённые литовскому княжеству, такие как полочане, пинчане, подляшане и новогрудчане, съехались в Новогрудок, где в то время, деля добро (skarby) Трабуса, жили княжичи Ромунтовичи: Наримунт, Довмонт, Гольша, Гедрус и Тройден. Там же при виде истинных наследников, пятерых взрослых княжичей, к тому же каждый из них годился для власти и управления [государством], советовались о том, как бы одного [из них] поставить старшим над другими млашими, чтобы вся верховная власть и титул владыки Великого княжества, приказания и порядок военных кампаний свелись к воле и суждению одной старшей головы. И тогда всеобщим волеизъявлением выбрали старшего Наримунта, провозгласили великим князем, верховным и наивысшим монархом Литовским, Русским и Жмудским и возвели [его] на престол Новогрудка (где в то время была главная резиденция (zlozenie) литовских князей).

Маршалок Монивид. А маршалок Монивид, подавая ему княжеский меч, наставлял, чтобы владел им честно: злых карал, добрых миловал и от неправд защищал, а границы великого княжества по наследственному праву и по воле всех сословий [своих] подданных чтобы мужественно охранял и приумножал их по примеру своих предков. И чтобы с братьями жил в нерушимом согласии как в гражданских, так и в военных делах,

преисполненный родственной любви, и чтобы один другому помогал, каждый оставаясь на своём уделе.

А ты, милый читатель, не удивляйся, что в *Гонце Добродетели* [44], который [я] отдал в краковскую типографию в 1574 году, этим пяти князьям: Наримунту, Довмонту, Гольше, Гедрусу и Тройдену положил быть сыновьями Трабуса [45]; так же и в других моих латинских книгах: *de Sarmatiae Europeae Descriptione*, где так же, [как] и в Кройничке литовских князей и землеописании латинским языком положил. А этот мой труд, как [я уже] выше рассказывал, приписал себе некий итальянец [46], обманувший меня с обычным своим лицемерием, хотя любому было ясно, что это кичится ворона в павлиньих перьях, чему свидетель Господь Бог, *conscientiarum arbiter*. И в *Гонце* меня ввёл в заблуждение один Летописец Русский, который я достал только на часок, и из-за которого сильно ошибся относительно Кернуса и его дочери Пояты, а также относительно Куковойта, Утенуса, Гедруса, и тех пятерых вышеперечисленных сыновей Ромунта, которых оный Летописец положил [сыновьями] Трабуса. Это [я] понял потом, со временем, в течение которого остроты людские множились, но [я] стерпел [шутки] остряков ради выяснения правды о литовской истории, [извлекаемой из] дюжины с лишком Летописцев с превеликими трудностями и временами с не меньшими издержками.

Комментарии

1. Mindoph, Mendolph, Mendog, Mindagos. Миндоф и Миндагос встречаются только у одного Стрыйковского, поэтому в заголовке мы решились «подправить» их на Миндов и Миндаугос (Миндаугас), так как такие транскрипции в переводах источников попадаются нередко. Кстати, и сам Стрыйковский всего несколькими строчками ниже так и пишет: Миндаугос и Миндов.

2. Жемайтия — по-литовски буквально «Нижняя земля». Так в современном литовском языке называется западная часть Литвы. Устаревшее название этой территории — Жмудь, а ее жители именовались жмудинами. Русский перевод названия труда Стрыйковского чаще всего звучит так: «Хроника литовская, жмойтская и всей Руси». Однако слово «жмойтская» не соответствует не только современным нормам литовского языка, но и написанию самого Стрыйковского. У него ясно написано: «Жмодзка» (Zmodzka). Согласитесь, что слово «Жмодзь» на слух почти не отличимо от «Жмудь», но лишь отдаленно напоминает «Жмойтия». Поэтому в своем переводе я буду употреблять слова «жмудь» и «жмудины», а не «жмойты».

3. Шестым прусским магистром, по Дусбургу, был Хельмерих фон Вюрцбург (1262-1263), а во время коронации Миндовга эту должность занимал Дитрих фон Грюнинген (1249-1257). Но Стрыйковский имел в виду не их, а Поппо фон Остерна — прусского магистра в 1241-1247 годах и великого магистра Тевтонского ордена в 1252-1256 годах. Почему вместо прусского магистра назван великий магистр, как раз понятно и легко объяснимо. В начале XIV века после переноса резиденции великого магистра Тевтонского ордена в Пруссию *отдельная* должность прусского магистра была упразднена. С тех пор в разных хрониках великого магистра все чаще начинают именовать прусским магистром; эта

традиция существовала и во времена Стрыйковского. Особо отметим, что Поппо действительно был *шестым* великим магистром — по отношению к Герману фон Зальца, если считать Германа первым. На самом деле Герман фон Зальца в списке великих магистров Тевтонского ордена не был первым, чего Стрыйковский мог и не знать.

4. В грамоте Миндовга упоминается литовская земля «Вейси», вероятно, Стрыйковский имел в виду именно ее. О дислокации этого топонима смотри соответствующую литературу, здесь же на этом останавливаться не будем.

5. Первый Лионский собор (consilium Lugdunum), рассматривавший, в частности, вопросы организации седьмого крестового похода, состоялся не в 1240, а в 1245 году. Неточная, а часто и ошибочная хронология Стрыйковского — тема отдельного большого исследования. Здесь мы будем отмечать лишь наиболее очевидные хронологические погрешности.

6. Ни один надежный источник не приводит достоверной даты смерти Даниила Галицкого. Считается, что он умер в 1264 году в возрасте 63 лет. Кроме Льва, Даниил оставил еще двух сыновей: Шварна и Мстислава. Роман, судя по всему, умер раньше своего отца.

7. Прав как раз Меховский, а не Кромер. Битва при Дурбе произошла в 1260 году. Однако сам Миндовг не имел к этой битве прямого отношения и уж тем более не вел в бой войска (этого, кстати, не утверждает и Стрыйковский — разве что в подзаголовке). Лучшим подтверждением тогдашнего нейтралитета литовского короля служат официальные хроники Тевтонского ордена, которые никогда не обвиняли Миндовга в катастрофе у Дурбе. Мало того, и в XIV столетии орденские документы сохраняют лояльное отношение к Миндовгу, сообщая, что тот пал жертвой своего окружения именно из-за своей приверженности к христианству. «Перемена чувств» Миндовга (как выразился русский летописец) произошла только в 1261 году, тогда же начались литовские набеги на Пруссию и на Мазовию.

8. Ливонского магистра действительно звали *Бурхард* фон Горнгаузен. Выделенные жирным шрифтом и взятые в скобки заметки на полях принадлежат самому Стрыйковскому.

9. Так называемое «Сандомирское взятие», судя по впечатлениям современников, было одним из самых жестоких и кровавых погромов, учиненных татаро-монголами в Восточной Европе. Относительно датировки этого события споры ведутся до сих пор. «Великопольская хроника» сообщает, что татарское нападение на Сандомир произошло не *после* дня Святого Андрея, как у Стрыйковского, а *до*, т.е. еще в ноябре 1259 года. См.: «Великая хроника» о Польше, Литве и их соседях. М., 1987, стр.184. В церковных мартирологах значится, что блаженный Садок и его товарищи, убитые татарами в Сандомире, погибли 2 февраля 1260 года. Если сандомирский погром был в конце ноября, то возвращались татары как раз в начале февраля (Стрыйковский пишет, что они повернули обратно на *третий месяц*). День памяти блаженного Садока и 48 сандомирских мучеников католическая церковь отмечает 2 июня.

10. В XIV и в начале XV века Тевтонский орден неоднократно подавал папе официальные жалобы на жестокости литовских и жемайтских язычников, которые должны были служить оправданием систематических набегов на Литву самих орденских рыцарей.

11. Халкедон (Кадыкей) — во времена Стрыйковского предместье, а ныне район Стамбула. Здесь в 451 году состоялся IV Вселенский собор.

12. При написании этого раздела основным источником Стрыйковского была хроника Петра из Дусбурга. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М., 1997, стр. 91-93.

13. Шварн Данилович (ок.1230-1269) был не племянником (у Стрыйковского — сыном сестры), а родным сыном Даниила Галицкого. Считается, что Шварн был женат на дочери Миндовга.

14. День святого Иоанна Крестителя (Ивана Купала) — 24 июня, его канун — 23 июня. Согласно «Великопольской хронике» Земовит был убит 22 июня 1262 г. Участие в его убийстве Шварна (тем более — в качестве непосредственного убийцы) очень сомнительно. См.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях. М.,1987, стр. 188, 246, 247.

15. Сражение у Длугоседло, по «Великопольской хронике», произошло 5 августа 1262 года.

16. Истинная роль Тройната в заговоре против Миндовга и вообще его участие или неучастие в этом заговоре до сих пор являются предметом дискуссий.

17. Далее Стрыйковский пересказывает содержание Волынской летописи, местами цитируя свой источник почти дословно. См.: Памятники литературы Древней Руси. Век XIII. М., 1981, стр. 359.

18. См. главу первую книги девятой.

19. Товтивил приходился Тройнату, как и Войшелку, не родным, а двоюродным братом. Он был сыном Довспрунка, брата Миндовга, а Тройнат был сыном сестры Миндовга, имя которой неизвестно. См.: Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 492.

20. Известие о монашестве Казимира I Восстановителя, правившего Польшей в 1039-1058 годах, содержится в Великопольской хронике, где приводится и одно из редких прозвищ этого князя: Казимир Монах. См.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях. М., 1987, стр. 69-71.

21. Вейенты — жители города Вейи, одного из двенадцати городов Этрусского союза, в 396 г. до н.э. завоеванного римским диктатором Марком Фурием Камиллом. См.: Тит Ливий История Рима от основания города, т. 1. М., 1989.

22. Стрыйковский знакомился с сочинением Помпея Трога в изложении Юстина. См.: Юстин Марк Юниан Эпитома сочинения Помпея Трога «Historia Philippicae». Спб, 2005.

23. Речь идет о битве у Любавы, где весной 1263 года восставшие пруссы во главе с Генрихом Монте (Геркусом Мантасом) наголову разгромили войско Тевтонского ордена. В бою погибло множество немцев, в том числе сорок орденских братьев, прусский магистр Хельмерих фон Вюрцбург и ландмаршал Дитрих (Теодорих). См.: Петр из Дусбурга Хроника земли Прусской. М., 1997, стр. 103-104.

24. Стрыйковский в восьмой книге уже сообщал о смерти Даниила Галицкого (глава 3, там же смотри и примечание 6).

25. 19 июня 1265 года была пятница, а не суббота. День Гервазия и Протасия пришелся на субботу лишь в следующем году, и, вероятно, именно этот день (19 июня 1266 года) и следует считать датой битвы.

26. Выше уже говорилось (примечание 13), что Шварн был не двоюродным, а родным братом Льва и родным сыном Даниила Галицкого. Однако матери у них могли быть разные. См.: Огицкий Д. П. Великий князь Войшелк. В сборнике Богословские труды, 24. М.,1983, стр. 187-188.

27. Кумовство Войшелка и Льва было не застольное, а настоящее: Войшелк был крестным отцом Юрия, сына Льва Даниловича.

28. Описывая убийство Войшелка, Стрыйковский местами буквально цитирует Волынскую летопись, однако многие подробности уникальны и встречаются только у нашего автора. Одни исследователи считают эти подробности домыслами самого Стрыйковского, другим это дало повод предположить существование ныне утраченного, но побывавшего в руках Стрыйковского списка какой-то летописи, которую даже предложили назвать «летописью Войшелка».

29. Упоминания в белорусско-литовских летописях легендарного герба Колюмнов многие исследователи связывают с древним геральдическим символом — так называемыми «колоннами Гедимина» или «Гедиминовыми столпами».

30. У Стрыйковского *Свинторог* (*Swintorog*), однако во всех русскоязычных белорусско-литовских летописях (Красинского, Рачинского, Евреиновской и Археологического общества) написано *Швинторог*, и это правильно, так как слово несомненно литовского происхождения (sventas — священный, святой, ragas — рог, мыс) и по-литовски здесь должна быть буква ***ш***, а не ***с***. В польскоязычных летописях *Swintorog* встречается только в Ольшевской летописи, зато в более основательной «Хронике Быховца» пишется верно: *Szwintorog*. В «Кройнике Литовской и Жмойтской» написано *Свиндорог*, однако эта летопись сама является упрощённым переводом хроники Стрыйковского и в этом качестве корректным примером служить не может.

31. В главах 7 и 8 книги восьмой и в девятой книге автор снова запутывает своих читателей баснословной историей Литвы и вымышленными князьями. Среди всех правителей Литвы в период между Войшелком и Витенем (1268-1293), перечисленных Стрыйковским, исторически достоверной фигурой был один лишь Тройден (1270-1282), но и его биография по большей части баснословна. Однако следует напомнить, что автором всех этих вымыслов Стрыйковский не был, он всего лишь пересказывал свои источники - западнорусские летописи.

32. Употреблённое Стрыйковским польское слово «ворожбит» (*worozbit)* точно переводится как *ворожей, гадатель*, чему не вполне соответствует слово *жрец*, подразумевающее не просто род занятий, а официальную должность. Поэтому я решился перевести это слово как *волхв*, что более подходит по смыслу. Далее в этой же главе встречаем и литовских *kaplanow - н*астоящих жрецов.

33. Реплика на полях принадлежит самому Стрыйковскому.

34. Илиада, песнь 23. Отрывки в переводе В. Вересаева цитируются по изданию: Гомер. Илиада. М.-Л., 1949.

35. Илиада, песнь 24.

36. Согласно Стрыйковскому и его источникам, на смену *христианским* князьям Войшелку и Шварну (историчность которых никогда не ставилась под сомнение) к власти в Литве пришли легендарные *языческие* князья Свинторог и Гермонт. Автор описывает сильнейшую языческую реакцию, которая сопровождала эти перемены и которая, по мнению большинства историков, могла иметь место и в действительности.

37. Стрыйковский второй раз рассказывает о битве у Любавы (1263), о которой уже сообщал в пятой главе (см. примечание 23), причём в первый раз он правильно называл имя погибшего прусского магистра: Хельмерих, а не Генрих.

38. Речь идёт о втором прусском походе чешского короля Отакара II Пржемысла (декабрь 1267 г. - январь 1268 г.), прерванного из-за оттепели, сорвавшей переправу крестоносцев через Вислу.

39. Краковский князь Болеслав Стыдливый умер 7 декабря 1279 года.

40. Чешский король Отакар II Пржемысл погиб на Моравском поле 26 августа 1278 года.

41. «Ракушской землёй» (от старинного названия города Дубровника — Рагуза) Волынская летопись называет Австрию. См.: Памятники литературы Древней Руси. Век XIII. М.,1981, стр. 320. В данном случае «Ракушским домом» Стрыйковский именует австрийских Габсбургов.

42. Ятвяжский (судувский) князь Скомант — лицо вполне историческое, подтверждаются и известия о его набегах на орденскую Пруссию. Отдельные исследователи считают Скоманта (Сколоменда) дедом самого Гедимина.

43. Словарь Стрыйковского заметно отличается от словаря современного польского языка. Так, слово *dziala* означает *артиллерийские орудия*, что для XIII века было явным анахронизмом. Однако примечание автора на полях свидетельствует, что здесь он имел в виду нечто другое. То же относится и к слову *naczinia*, обычно означающему *посуда, утварь*.

44. «Гонец Добродетели» (Goniec Cnoty) — генеалогическая поэма Стрыйковского, изданная в Кракове в 1574 году. Поэма посвящена правителям Польши и Великого княжества Литовского.

45. Чрезвычайно ценное замечание автора, подтверждающее, что в отдельных случаях он сам «подправлял» родословные литовских князей (пусть и вымышленные). Впрочем, ниже он особо подчёркивает, что единственной причиной этого были нестыковки в летописях.

46. «Некий итальянец» — Александр Гваньини. Получившее широкую известность «Описание Европейской Сарматии», приписываемое Гваньини, Стрыйковский здесь прямо называет «моей книгой», и современные историки признают его авторство, кстати, признанное и королевским судом.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Глава 1. Литовские князья братья Ромунтовичи: Наримунт, Домант, Гольща, Гедрус и Тройден.

Глава 2. О поражении руссаков, литвы и татар от поляков. О внутренних и домашних конфликтах и войнах литовских князей.

Глава 3. Тройден Романович, князь ятвяжский, подляшский и дайнавский, возведен на великое княжение литовское, жмудское и русское.

О поражении литовцев и ятвягов от поляков.

Глава 4. Об убийстве князя Тройдена и Доманта и о смерти литовских князей Гольши и Гедруса.

Вельможному пану
пану Павлу Пацу
из Рожанки [1]*,*
воеводе мстиславскому и
прочее

Глава первая

Литовские князья Наримунт, Довмонт, Гольша, Гедрус, Тройден, братья Ромунтовичи.

Наримунт Ромунтович, будучи верховным монархом и великим князем Литовским по перворододному праву и по доброму желанию подданных, а также по общей воле панов литовских, помимо младшей братии, как только освоился и осмотрелся в текущих государственных делах, перенес княжескую столицу из Новогрудка в Кернов, чтобы в центре земли Литовской, Жмудской и Русской для более мощной обороны и более удобного судопроизводства постоянно жил сам глава [государства] и писался потом великим князем Литовским, Жмудским и Новогрудским.

Довмонтов удел. А потом, когда другие братья: Довмонт, Гольша, Гедрус и Тройден потребовали обещанных им отцовых уделов, литовские и жмудские паны собрались в Кернове на съезд или сейм, на котором решили выделить Довмонту Утенскую землю; Довмонт потом построил там замок и писался князем Утенским [2].

Удел Гольши. Гольше же от Вильны реки и вплоть до места, называемого Болотным кораблем (do Korabla blotnego), дали удел с селами, дворами и местечками. Там, в миле от устья Вильны, на красивой горе, со всех сторон окруженной пригорками и лесами, над рекой Вильной, напротив Раканчишек (Rakanczyszkam), [Гольша] сначала заложил и построил замок и поселение, которое от своего имени назвал Гольшанами, а себя князем Гольшанским. [Так звались] и сыновья его, а также потомки вплоть до виленского

епископа Павла, последнего мужского потомка этого дома, при котором в княжестве и у князей Гольшанских прекратилось наследование по мужской [линии] (successiej). Это называется по мужской, но было еще и по женской (po kadzieli). Потомки князей Гольшанских женского пола [были] во многих домах литовских панов, таких как Пацы, Глебовичи, Сапеги и другие, причем в своих [новых] семьях, [членами которых] они стали в результате замужества [3], потомки князей Гольшанских по женской линии еще и сегодня носят герб Китаврас, вставленный в их родовые шляхетские гербы, как это пространнее увидишь в нашей недавно изданной таблице о генеалогии литовских князей.

А когда в удельных землях Довмонт уже заложил Утены и основал Утенское княжество, а Гольша Гольшанское, князь Гедрус тоже получил свой удел от старшего брата Наримунта, по плану (z wynalazku) литовских панов. Держава его, начинаясь в двух милях от реки Вилии на берегах Завилийской Литвы, простиралась аж до Двины и достигала границ Латвийской (Lotewskiej) или Лифляндской земли. **Озеро Кемонт в шести милях от Вильно**. А потом Гедрус или Гедрос, что на жмудском языке значит Солнце [4], желая утвердить престол своего удельного княжества, построил замок над озером, называемом Кемонт, за рекой Вилией, в шести милях от устья Вильны, который от своего имени назвал Гедроты и к которому приписали (przysluchaly) все окрестные волости, [жители] которых должны были служить и повиноваться. Накопившийся груз древних лет разрушил этот замок, и теперь едва известно разве что городище. Ибо во времена оны, как и ныне, в Литве был обычай замки и города строить из дерева, из-за чего мало что видим в тех полночных краях из памятников старины, которых я сам насмотрелся в Греции либо в Италии: этих древних стен, за полторы тысячи лет обросших мхом, либо колонн, вытесанных из мрамора.

И от того тогдашнего князя Гедруса из стародавних римских князей герба Китавраса, сына Ромунта, великого князя литовского, как видим, начался и широко размножился род князей Гедройцких, зародившийся в двух милях от Вилии и, будто плодовый виноград, пышно разросшийся вплоть до лифляндских границ.

Гинвил Гедрусович в 1283 году после убиения своего дяди Тройдена по наследственному праву должен был вступить на великое княжение литовское, но в этом ему воспрепятствовала молодость лет, и по совету чернеца Лаврыша, сына Тройдена, на литовский престол был возведен Витенес из Эйраголы. А Гинвил, выйдя из-под опеки при Гедимине в 1315 году, спокойно правил в тихом Гедройцком уделе, а потом породил (splodzil) трех сыновей: Гурду, Бинойну и Бубету (Hurde, Binojne i Bubete), назвав их языческими именами.

Гурда и Довмонт. Гурда Гинвилович, внук Гедрусов, в рыцарских делах прославился в 1362 году при Кейстуте, он же имел сына Довмонта [5], мужа великой удали, которую с Кейстутом превосходно и часто доказывал [в войнах] против крестоносцев. **Река Цесарка** (Sessarka). И построил крепость над рекой Цесаркой [6], на горе, самой природой [созданной] для обороны, с которой лифляндцев частыми вылазками донимал и бил, ибо в то время в литовских землях обосновались орденские рыцари: лифляндские до реки Швенты, а прусские до Ковно.

Потом, когда лифляндцы с немецким войском наехали на Литву, Довмонт вступил с ними в битву на дедовском Видзинишском поле, в двух милях от озера Киаменти, где всю лифляндскую силу наголову поразил. **Видзинишки в 8 милях от Вильно**. **Поле Каулис.** С тех пор то поле и ныне зовется по-литовски Каулис (Kaulis), то есть битва [7], а пахари и теперь вырывают на том урочище старинное железное оружие, обломки сабель, наконечники от копий и дротиков, стрелы, рогатины и т.п.

Потом, когда Витольд в 1392 году был возведен на великое княжение, [он] братьев родных и двоюродных одних перебил, других обобрал и согнал с отчих уделов, как Скиргайла из Троков, Свидригайла из Витебска и из Орши, Дмитрия Корибута, предка князей Зборовских и Вишневецких, из Северского княжества, Владимира, предка слуцких князей Ольгердовичей, из Киева в 1396 году и т.п. Тогда же в то время Довмонт Гурдович, князь Гедройцкий, живя себе вольно на удельном княжении и чувствуя себя князем из князей, не забегал к Витольду и не посещал его двор, а заботился о своих. Привлекая к себе щедростью, почти всю завилийскую шляхту он подчинил себе хлебом, ибо при нем всем хватало и еды и питья. *Nam ubi fuerit cadaver, ibi congregabuntur et aquilae (ибо где будет труп, там соберутся орлы)*, а люди идут за хлебом. **Матфей 24, Марк 13, Лука 21.**

Заметив это, Витольд спросил у своих друзей, почему это Довмонт, князь Гедройцкий, у него не бывает, и тут же некоторые завистники, которых полно бывает при королевских и княжеских дворах, ответили, что Довмонт с Руси (ибо тот имел на Руси большие владения) получает много [хмельного] меда, который дома распивает, почти всю завилийскую литву при себе держит и прячет у себя множество изменников неизвестно для чего; к тому же с него надо бы получить оброк.

Довмонт согнан Витольдом с вотчины. Потомки Гедруса. Витольд похвалил этот совет, поскольку и сам давно так думал, и тут же Довмонта со всех русских и завилийских владений согнал и обобрал, оставив только уделы его дядей Бинойны и Бубеты, потомки которых и ныне живут на Писне и в других местах, это Гойтусовы, Гинвидовы, Мицкевичи, Ждановичи и другие.

Vana sinc viribus ira (бессмысленен неукротимый гнев). А Довмонт, будучи всего безвинно лишен, от великого и праведного гнева, в котором, однако, нет смысла, если нет сил отомстить, сорвавшись как Аякс, когда его несправедливо лишили оружия Ахиллеса, или как *Orlandus Furibundus* (Неистовый Орландо), вытесал себе дубовый кол, и, выйдя на упомянутое поле Каулис у Видзинишек (на котором он когда-то поразил лифляндцев), вбил его в землю и, поворачивая его, сказал: «Ты, кол, крутись и двигайся, как хочешь, однако сгниешь, а земля вечно будет землей». Этим намеком он упрекал Витольда, который, захватывая братские уделы, был подобен колу, вбитому в чужую землю, которому не вечно господствовать, хотя он был и смертельным.

Довмонт умер. Потом от великой печали (z frassunku) он умер, оставив двух молодых сыновей: Войткоса и Петраса, а им часть вотчины вернул Сигизмунд Кейстутович, убитый в Троках в 1440 году. При нем в совете заседали также и князья Гедройцкие Вагайло и Гагулис, как я сам это видел в привилеях преподобного пана Миколая Паца, епископа Киевского, а потом их потомки занимали места в кругу сенаторов вплоть до короля

Сигизмунда, при котором и они, и князья Слуцкие утратили отцовские места из-за недоброжелательства некоторых.

Род Матушевичей. Войткос Довмонтович прославился в 1454 году при Казимире, короле польском и великом князе литовском. Он оставил после себя сына Бартоломея, в младых летах, в 1500 году, Бартоломей же [оставил сына] Матуша, королевского маршалка, у которого были сыновья Мельхер, милостью божьей нынешний епископ Жмудский, Каспер, Марцин и другие.

Песнь о Довмонте. А о вышеупомянутом Довмонте, который был мужем великой отваги, и ныне крестьяне литовской народности поют по-литовски: «Dowmantas, Dowmantas Gedrotos kunigos, labos Rajtos luguje» и т.д. Также и о Гурде Гинвиловиче, который сражался в битве с прусскими крестоносцами, когда разрушали Ковно, где в литовских песнях слезные сетования: «Не так жаль мне замка, как горящих в огне храбрых рыцарей». Тогда, в 1362 году, там сгорели 3 000 литовцев, а князь Войдат, сын Кейстута, был взят [в плен вместе] с тридцатью шестью виднейшими литовскими панами. О чем Длугош и Меховский (кн. 4, гл. 27, стр. 243).

Отчего князья Гедройцкие печатают розу. А отчего князья Гедройцы не ставят печать отчим гербом Китаврасом, а только Розой, то причина этому в ссоре между братьями Гедрусом и Гольшей. Гольша отнял на несколько миль Гедройцкой земли над озером Сессол (Sessol), от которого [некоторые] потомки Гольши и ныне называются Сессол, как княгини Дубровицкие.

Итак, в то время, в году господнем 1279, Наримунт в Кернове господствовал в Великом княжестве Литовском, Жмудском и Русском; Довмонт в Утенском, Гольша в Гольшанском, а Гедрус в Гедройцком удельных княжествах. Четверо родных братьев Ромунтовичей княжили (przestawali), а пятый брат, Тройден [8], жил при великом князе Наримунте и не имел удела, ибо не распоряжался (nie bawil) и в [собственном] доме, а только в придворных и военных делах, о чем и Меховский свидетельствует, когда еще в молодые годы, при жизни отца (имея под своим началом тридцать тысяч войска литовского и жмудского), [Тройден] разгромил пруссов и мазовшан.

Потом великий князь литовский Наримунт прослышал, что на Подляшье ятвяжские князья вымерли без потомства, как свидетельствуют летописцы, но более вероятно, что были перебиты поляками, когда польский монарх Болеслав Пудыка поразил их наголову в 1264 году (как о том выше показано из Кромера и Длугоша (кн. 9) и из Меховского (кн. 3, гл. 45)), когда погиб и их князь Комат с другими виднейшими ятвяжскими боярами. А остатки их подданных ятвягов, которые остались в живых после погрома, учиненного поляками, жили себе без господина.

Ятвяги на Подляшье становятся данниками Литвы. Собрав тогда литовское войско, Наримунт двинулся на Подляшье с братом Тройденом, а ятвяги, помня, что недавно в первой же стычке с поляками поплатились своими жизнями, не сопротивлялись, а сразу же приняли великого литовского князя Наримунта как [своего] господина. Потом Наримунт все княжество Ятвяжское и Подляшское отдал в удел брату Тройдену.

Тройден, упрочив и защитив свои границы от прусских орденских рыцарей и от мазур, на охоте случайно заехал в лесную чащу, и нашел над Беброй рекой роскошную гору, на которой, ибо понравилось ему это место, построил замок Райгард (Rajgrod) и писался князем Ятвяжским, Подляшским и Дайнавским.

Жестокость Тройденова. А будучи в соседстве с поляками, с мазурами, с русью и с прусскими орденскими рыцарями, постоянно затеивал и вел с ними великие войны, как свидетельствуют летописцы, и битвы выигрывал, часто одерживая победы; однако же обходился в них тиранским обычаем, творя в христианских землях великие жестокости. Так, все русские хроники и все летописцы единодушно свидетельствуют, что был более жесток, чем Антиох Сирийский, Ирод Иерусалимский и Нерон Римский, ибо свирепые военные жестокости он творил как с побежденными мечом, так и с [собственными] подданными, с которыми обращался как с пленными, из-за чего и сам не умер своей смертью, как увидишь ниже.

Глава вторая

О поражении руссаков, литвы и татар от поляков.

В году Господнем 1279, когда умер польский монарх Болеслав Пудыка или Стыдливый [9], на его место и на Краковское, Сандомирское и Люблинское княжения был избран серадзский князь Лешко Черный, против которого в самом начале нового царствования выступил верховный и наимощнейший между русскими князьями князь Лев, сын умершего русского короля Даниила, предок князей Острожских, который и великого литовского князя Войшелка Мендоговича убил по доброму умыслу [10] при беседе во Владимирском, или, как некоторые пишут, Угровском (Wrowskim) монастыре.

Русский князь Лев воюет Польшу. Этот князь Лев вскоре после смерти Болеслава с большим русским, татарским и литовским войском вторгся в Люблинскую землю, опустошив которую, потом Сандомирскую землю разорял огнем и мечом, но был отбит и от замка, и от города Сандомира. Со срамом отступив на две мили от Сандомира, [Лев] расположился лагерем у деревни Гослицы, где по приказу Лешека Черного против него выступили краковский каштелян Варсиус и двое воевод, Петр Краковский и Януш Сандомирский, собравшие в небольшой полк поляков, как солдат, так и набранную дружину. Третьего февраля в пятницу [11], упорно и смело, но со счастливым концом и результатом, поляки стремительно ударили на русские войска. И когда первые их полки погромили и побили, на остальных напал такой великий страх, что [они], будто ошалев, побросали доспехи, оружие и все военное снаряжение и показали спины (tyl podali), а бегущие так перемешались со своими союзниками татарами, что перед горсткой поляков смешали все свои ряды. Татары все-таки обычно чаще сражались, чем бежали; привычные к битве, [они] остановились [сами] и немного приостановили поляков, но и татары, когда поляки добрались до них, оставили русских и уже по-настоящему обратились в бегство, а поляки, гоня бегущих, нанесли им великое поражение.

Руссаки и татары с литвой поражены. В той битве восемь тысяч руссаков с литвой и татарами полегли на поле, а две тысячи попали в плен; победившим полякам достались

семь боевых знамен, остальные многие руссаки и язычники разбежались, побросав добычу и обозы. Случилось это в 1280 году, в феврале месяце. Сам князь Лев едва утек с небольшой дружиной.

Не успокаиваясь на этой победе, Лешко Черный за короткое время собрал еще большее войско, где было тридцать тысяч конных и две тысячи пеших, и с этим войском вторгся на Русь, чтобы мстить за свои неправды Льву, который после первого поражения спрятался в глубине русской земли. Поэтому Лешко без сопротивления разорив, обобрав и выжегши неприятельскую землю до Львова (этот замок и город были построены тем самым Львом), захватив и разрушив много сел, местечек и некоторых замков, вывел в Польшу большую добычу и полон; пленных около четырех тысяч, а побитых, говорят, было пять тысяч. Об этом Длугош и Кромер (кн. 9), Меховский (гл. 58, стр. 174).

О внутренних и домашних конфликтах и войнах литовских князей, год 1281

Причина междоусобной войны между братьями, литовскими князьями, как единодушно сообщают все старые Летописцы [12] была такая: великий князь Литовский Наримунт и Довмонт, князь Утенский, братья, взяли в жены по дочке у лифляндского магистра Фляндры [13]: два родных брата и две родные сестры. **Этот Фляндра ранее имел жену и детей; знатный немецкий князь, будучи вдовцом, был потом избран лифляндским магистром и породнился с литовцами.** Далее летописец рассказывает так: жена князя Довмонта, дочь упомянутого лифляндского магистра Фляндры, прожив немалое время со своим мужем, занемогла и умерла. И великий князь Наримунт, услышав о смерти невестки, своей свояченницы (jatrwie), очень об этом сожалел, а будучи сам немощен, послал свою жену к Довмонту, князю Утенскому, чтобы горю его посочувствовала и оплакала, по обычаю, смерть своей родной сестры. **Довмонт взял жену брата.** А когда княгиня Наримунтова приехала к своему деверю (а точнее, к *неверю* (do niewierza)) утешать его в скорби от имени своего супруга, князь Довмонт, увидев свояченницу и невестку свою, княгиню Наримунтову, сразу же очень возрадовался и сказал: «Я хотел искать жену, а Господь Бог дал мне жену», и силой взял невестку себе в жены против права Божьего и людского [14].

Великий князь Наримунт, узнав, что столкнулся с такой предательской лживостью родного брата, о своей обиде и силой взятой супруге сразу известил своих братьев, князей Гедруса, Гольшу и Тройдена, и лифляндского магистра Фляндра, отца своей жены или тестя. И, собрав литовское войско с братией своей и с магистром Фляндром, двинулся против брата Довмонта и осадил его в замке Утене. Уразумев, что не сможет отбиться, Довмонт попросил утенских горожан, своих подданных, чтобы не сдавали замок и отсиживались, пока он не придет к ним с помощью. **Довмонт бежал.** А потом ночью спустился из замка, прокрался через наримунтово войско и бежал до самого Пскова. А псковичи, увидев в нем мужа подходящего и достойного (godnego i sprawnego), выбрали его себе правителем на псковское княжение. А Наримунт, взяв сдавшиеся ему Утены и отыскав жену, распустил войско и отослал братьев, поблагодарив их за оказание надлежащей военной помощи и достойно одарив. И спокойно правил в Кернове, Новогрудке и во всем Великом княжестве Литовском, Русском и Жмудском. А князья

Гедрус Гедройцкий, Гольша Гольшанский и Тройден Ятвяжский и Подляшский, братья, изгнавшие пятого брата Довмонта за явную его вину, беспечно сидели на отчих уделах.

Довмонт на псковском княжении. Довмонт же, сев на псковском княжении, которое ему принесли его счастье и доблесть, вельможно правил вдали от братьев. А в те времена лифляндские крестоносцы совершали набеги на [земли] Великого Новгорода и Псковского княжества, и тогда упомянутый Довмонт восстановил и старательно укрепил пришедшие в упадок стены замка и города Пскова.

Довмонтова стена. И с того его правления есть и будет, пока Псков стоит, вечная память о стенах, поставленных упомянутым князем Довмонтом, которые Москва и ныне зовет *Довмонтова стена*; кого хочешь спроси о том у московитов, особенно у псковичей, либо у тех сведущих людей, которые бывали во Пскове.

В том же году пагубные язвы [поразили] братское единство польских и силезских князей; между [ними] начались внутренние распри, наезды и захваты.

Vesperae Siculanae (Сицилийская вечерня). Тогда же в пасхальную вечерню сицилийцы по предварительному сговору в одночасье перебили всех французов во всех местах Сицилийского королевства и отстали от французского короля Карла, переметнувшись к Петру Арагонскому и сменив французов на испанцев [15]. Потом от этого произошли великие войны и кровопролития между этими двумя народами и итальянцами, и до нескольких миллионов христианских душ отправилось на тот свет. С тех пор у итальянцев и испанцев родилась поговорка, когда кто-то кого-то ругал: *«О, чтоб тебе попасть на Сицилийскую вечерню!»*, ибо за один час той пасхальной вечерни сицилийцы перебили до шестидесяти тысяч французов. **Французов побито 60 000**. Также и жмудины потом по их примеру, сговорившись, тоже за один день быстро перебили орденских старост, должностных лиц (urzednikow) и всех немцев, и в память об этом еще и теперь в праздник Лиго целых две недели пьют и гуляют, обходя Всех Святых.

Литовцы с прусскими язычниками поразили немцев. Тогда же пруссы с язычниками жмудинами жестоко досаждали орденскому государству частыми наездами; далеко вширь и вглубь разорив христианские земли огнем и мечом, захватили и разрушили замки Христбург, Мариенвердер, Зантир, Племента (Plemenca) и Грауденц. О чем Длугош, Кромер (кн. 10), Меховский (кн. 3), Ваповский, русские летописцы и другие.

Глава третья

Тройден Романович, ятвяжский, подляшский и дайнавский князь, возведен на великое княжение литовское, жмудское и русское.

1281 году, как только паны и бояре литовские и жмудские воздали последние почести своему великому князю Наримунту и исполнили погребальные обряды на Вильнинских жеглищах, они съехались в Кернов, где, по обычаю, рядили, которого из трех братьев наследников Великого княжества Литовского избрать монархом. И после долгих совещаний все единогласно сошлись на Тройдене, князе ятвяжском и подляшском,

младшем брате Гедруса, Гольши и умершего Наримунта, который еще в молодых летах, в правление отца Ромунта, и потом, будучи на своем удельном княжении ятвяжском, показал в себе явные признаки врожденной рыцарской доблести, когда вел непрерывные войны с русскими, с поляками, с мазурами и с прусскими орденскими рыцарями, частыми победами приумножая литовские границы.

А старшие братья, князья Гедрус и Гольша, были уже в пожилых (zeszli) летах и для домашних советов годились больше, чем для военной схватки, которую литовцы всегда любили. Тогда единодушно выбрали Тройдена и, после потверждения прав первородства, добровольно уступленных ему братьями Гедрусом и Гольшей, возвели его на великое княжение Литовское, Жмудское, Новогрудское, Подляшское и Ятвяжское с великой радостью и (по обычаю) с рукоплесканиями (klesktaniem) всего народа.

Довмонт (который сбежал из Утены во Псков, где был избран на псковское княжение), узнав, что его младший брат Тройден возглавил Великое княжество Литовское, не учитывая при этом его, старшего, собрал войско из Псковской и Новгородской Руси, желая войной добиться своего первородного права от младшего брата.

Довмонт взял Полоцк. Двинувшись из Пскова на Полоцк, [Довмонт] осадил его и взял замок и город Полоцк из-за доброжелательности руссаков, русского рыцарства и народа Полоцкого княжества, которые добровольно сдали ему эту твердыню и все [остальное]. Итак, широко распространив свою власть на Псков и на Полоцк, Довмонт распустил войско, задумав сгубить брата Тройдена не явной войной, но тайной уловкой, и потом ему было бы легче заполучить отчий литовский престол, уже имея под своей властью Полоцк.

О поражении литовцев и ятвягов от поляков в году 1282

Литва воюет Польшу. С началом нового правления в Литве Тройдена литовцы, собравшись с остатками ятвягов, стремительно и нагло вторглись [в Польшу], разделили войско на три загона и жестоко разорили Люблинскую землю. А в то время польский монарх Лешек Черный судил в Кракове земские дела, и узнал тогда о вторжении литовцев в польские края. И без какого-либо промедления, оставив все другие дела, [Лешек] сразу же приказал вооружиться всем, кто был около него, и тем, кого мог собрать по дороге, и велел им скакать за собой будто бы на пожар (jako na gwalt). И так двинулся в дальний путь на Люблин, собирая по дороге рыцарство. Но литовцы, отягощенные добычей, уже убежали было за Нарев. Огорчился тогда бедный Лешко, и защемило у него на сердце, что не может ни врагу отомстить, ни своих, плененных и уведенных в неволю, спасти, ибо с малым войском, которого было едва шесть тысяч, не смел далеко гнаться за намного большими полками неприятеля, которого было более четырнадцати тысяч, уходящего через незнакомые полякам, а им уже хорошо известные лесные тропинки и болотные топи.

Архангельское видение Лешека. Во время этих переживаний, когда от дорожных трудов и от недосыпания крепко заснул, явилось ему во сне видение ангельское, бывшее Михаилом Архангелом. Увещевая его, [видение] поведало, чтобы он отбросил все

сомнения и промедления (zabawki) и гнался за своим неприятелем, обещая ему полную победу.

На следующее утро, весело вставши, Лешко созвал все рыцарство на общий сбор и рассказал о своем видении.

На следующее утро, весело вставши, Лешко созвал все рыцарство на общий сбор и, рассказав о своем видении, обратился к ним с краткой и яркой речью, отчего все прежде боязливые тут же воспламенились желанной храбростью. Побросав все мешавшее вооружение и взяв только легкие доспехи и провизии на несколько дней, со своим монархом Лешеком [они] погнались за врагами и настигли их тринадцатого октября между реками Наревом (Narwia) и Неманом [16]. Литовцы не могли быстро двигаться, так как им мешала [обременительная] добыча, к тому же они не очень-то и спешили, ибо были уже, как говорится, на собственном дворе (na swoich smieciach). И хотя на своей земле они были гораздо смелее, однако встревожились, заметив поляков, настырно гнавшихся за ними и упорно напиравших. Тем не менее [они] быстро бросились к оружию, особенно ятвяги, бывшие [людьми] великой отваги.

Битва поляков с литовцами. И там ударили на них поляки одним просто построенным полком, ибо и место, окруженное лесами, было тесное, и войско, в котором было едва шесть тысяч поляков, было малое, так что формировать большее число полков и не требовалось. Литовцы, тоже смелые и сильные, без смущения выдержали первые наезды и стычки с поляками; и так с обеих сторон столкнулись с огромным криком, гиканьем, шумом и гамом.

Пленники [бросаются] **на помощь полякам**. Но когда литовцы слишком увлеклись битвой, пленные, видя значки, знамена и хоругви своих, прихватили подвернувшееся оружие, а иные и без оружия, и тут же ударили на литовцев с тыла. И женщины, весело крича и в откровенной радости вознося свои голоса до самого неба, прибавляли своим смелости и приумножали страх неприятеля.

Верные псы помогают полякам. Напоследок и псы (которых язычники вели с собой из Польши вместе с другой добычей [17], а иные увязались за своими хозяевами, думая, что бегут на обед, а не в неволю) показали свою свирепость врагу.

Литовцы и ятвяги, видя, что с тыла пленники, а спереди Лешко со своим рыцарством охватывают их со всех сторон, смешав ряды, отступили в ближние леса. В этой битве остатки ятвягов, отринувших принятую христианскую веру и упорно противившихся полякам, были окончательно стерты с лица земли; мало убежало также и литовцев, которых [сначала] было четырнадцать тысяч бойцов. Но и большинство из тех, которые было убежали, сами покончили с собой отчасти из-за стыда, отчасти боясь своих. А случилось это потому, что прежде в Литве великой и жестокой казни и позору подлежал тот, кто бежал из битвы (хотя бы и проигранной). Таких, которые вернулись домой, уцелев с помощью бегства вместо того, чтобы мужественно погибнуть на поле боя, дома карали жестокой смертью сами их господа. Поэтому немногие из тех, кто проиграл битву,

возвращались домой, ибо иные с горя либо сами себя убивали, либо бились с врагом до упаду.

Костел святого Михала в Люблине. А Лешко, отыскав и отбив весь полон, щедро вознаградил убытки своих подданных добром побитых врагов и с победой вернулся в Польшу, а в Люблине в память своей победы выстроил каменный костел, который посвятил святому Михаилу (явившемуся ему во сне, обещая победу). А когда Лешко укрепил таким образом польские границы от внешних врагов, дома над его чаяниями тут же нависла внутренняя угроза, ибо стараниями каштеляна Кристина и краковского епископа Павла Сандомирская земля чуть было не перешла от него к князю Конраду Мазовецкому. Но Лешко мудро избежал этого и вовремя усмирил начавшуюся внутреннюю смуту.

Страшный голод в Польше и в Чехии. В том же году в Польше царил жестокий голод, и много людей с женами и детками бежали в Венгрию или на Русь, желая как-нибудь уберечь здоровье перед [лицом] этой несносной нужды; но на самом деле убежали из огня да в полымя, ибо русские отдали их татарам в неволю вместо дани, а венгры перепродали их в языческие страны. О чем Длугош и Меховский (кн. 3, гл. 58, стр. 175); Кромер (кн. 10) и другие. А в Чешской земле царствовал еще более жестокий голод; такой, что матери, утоляя голод, без всякого милосердия собственных своих детей резали и ели; а потом еще и свирепое моровое поветрие пришло на людей от [такого] корма: сорной травы и еще каких-нибудь сорняков.

Глава четвертая

Об убийстве князя Тройдена и Довмонта и о смерти литовских князей Гольши и Гедруса в году 1282

Довмонт Ромунтович, князь Псковский и Полоцкий, имея кровную обиду (zakrwawione serce) на младшего брата Тройдена, что обошел его в первородном праве в престолонаследии Великого княжества Литовского, всеми способами старался сжить его со свету. Но поскольку не мог этого добиться явной войной, подослал к нему шестерых холопов, которые, выбрав время, когда великий князь Тройден мылся в бане, стерегли, пока выйдет. И когда вместе с прислугой он выходил из бани после кровопускания (ибо в те времена князья не обращали особого внимания, сколько еще литовцев мылось в той же бане) холопы встали по трое в ряд с обеих сторон дорожки, якобы собираясь подать жалобу о своих обидах, и с поклоном низко били челом. И когда он вошел между ними, спрашивая о причинах их жалобы, тут же все шестеро приложили его дубинами и убили на месте, а сами убежали [18]. **Тройден убит холопами.** В этом они следовали [примеру] тех двух пастухов, которые, как об этом пишет Ливий в книге 1 *первой декады*, по наущению сыновей Анкуса тем же способом убили римского царя Тарквиния, придумав [устроить] перед ним ссору, но эти негодяи Ливия не читали, а все же добились своего; злодейству учить не надо [19].

Тем же способом жалобы также и Клеарх, князь Гераклейский, убит за свое тиранство двумя юношами, Хилоном и Леонидом, мстителями за свободу, о чем Помпей Трог и

Юстин (кн. 16) [20]. Также Галеацо Сфорца, князь Миланский, тремя своими приближенными (od komornikow) таким же образом заколот в церкви среди толпы людей и солдат. О чем Павел Иовий (кн. 3) *Elogiorum etc.* Ливий (кн. 1), Павел Иовий (кн. 3), Юстин (кн. 16) и другие.

Умерли Гольша и Гедрус. В то же самое время первым умер Гольша, князь Гольшанский, оставив править [своих сыновей] Альгимунта и Миндова; после него так же быстро расстался со светом брат Гедрус, первый князь Гедройцкий, оставив на Гедройцком княжении сына Гинвила.

Все это было наруку и способствовало замыслам Довмонта, когда он первым делом убил Тройдена, а два других брата поумирали. Сын же Тройдена Лавр (Lavras), а по-литовски Ромунт, ставший чернецом, жил в русском монастыре. А княжичи Гинвил и Альгимунт, сыновья Гедруса и Гольши и прямые наследники Великого княжества Литовского, из-за малолетства не были способны править и вступить на престол столь великого государства.

Довмонт [идет] на Литву с войском. Итак, видя, что нет ему соперника *Aemulum imperii (pastore percusso et sublato)*, который мог бы воспрепятствовать в овладении отцовским Великим княжеством Литовским, [Довмонт] собрал большое войско из Псковской, Полоцкой и Витебской Руси и с огромными силами двинулся на Литву, намереваясь мечом и натиском овладеть отчими Литовской и Жмудской землями, если добровольно не подчинятся [21]. Узнав об этом, чернец Ромунт или Лавр, сын Тройдена и мазовецкой княжны, движимый великой истинной скорбью и праведным гневом, сорвал с себя капюшон или клобук чернеца черноризца и, облачившись в доспехи и взяв в руки саблю, прибыл к литовским панам [22], которые вместе со всем народом были очень встревожены [появлением] Довмонта и его войска. Но чернец Лавр, законный наследник, из монаха ставший гетманом и князем, своим появлением и краткой достойной речью сразу же ободрил и укрепил их.

И собрав все войско литовское, жмудское и новогрудских русаков, двинулся против своего дядюшки Довмонта, намереваясь отомстить ему за предательское убийство своего отца Тройдена, и свою отчизну Великое княжество Литовское избавить от нежданной тревоги. А когда оба войска сошлись друг с другом над одним озером, построив полки для битвы, и запальчиво столкнулись, причем с равной с обеих сторон смелостью, тогда ни один не хотел уступить другому. И такой великий бой был между ними, что битва эта длилась с самого утра и до вечера, как согласно пишут и сообщают все летописцы.

Довмонт убит. В конце концов Господь Бог помог Лаврышу (Lawroszowi), все войско псковское и полоцкое [он] разгромил наголову и убил своего дядю князя Довмонта [23], кровью которого, как и хотел, отомстил за смерть своего отца.

Лавр с литовцами взял Полоцк. Ночь прервала погоню за врагом, однако же Лавр, воспользовавшись победой, с литовским, жмудским и новогрудским рыцарством двинулся на Полоцк, которым легко овладел, [так как тамошние] руссаки были напуганы тем поражением и гибелью своего господина Довмонта. Оставив в [полоцком] замке своего

наместника с рыцарским [гарнизоном] и возвратив Полоцкое княжество Литовскому государству, сам [Лавр] с победой приехал назад в Кернов.

От того Довмонта Романовича или Ромунтовича, князя Псковского и Полоцкого, изгнанного перед этим из Утены князем Наримунтом, а убитого Лавром, сыном Тройдена, хотели бы выводить свой род князья Свирские (если эта генеалогия не прерывалась), говоря, что князь Довмонт заложил и Свирский замок над озером, следы которого видны и ныне, хотя сам замок за давностью лет разрушился, ибо был деревянным.

А Лавр или Римунт (Rimunt) Тройденович, будучи в Кернове, послал за всеми панами и боярами литовскими и жмудскими, которые приехали с ним с той войны, собрал их и учинил сейм или рокош на Керновском поле. И там, сдавая (zdawajac) отчее панство и отрекаясь от всех наследственных прав в Великом княжестве Литовском, обратился ко всему рыцарству с речью.

Речь Лавра к литовцам, когда отказывался от власти. «Господь Бог дал мне отомстить безбожному дяде за кровь и лютую смерть моего отца, и решил мне в том своей дивной и всемогущей милостью помочь, а вражеские войска разгромить, отчего и вы избавлены от суровой неволи и освобождены от тяжкого ярма, которое уже нависло над вашими шеями, и ныне по милости Бога моего уже без опаски живете как свободные люди в свободной отчизне. Этому Богу я уже раз присягнул, и ради его святого закона отрекся от мира и радостей его, пустых и тленных, и принял эту черную ризу и клобук чернеца. Когда в этот час с Божьей помощью отчизна моя оборонена мечом и [остается] вам невредимая, вольная, цветущая, цельная, да еще с прибытком, присоединением Полоцкого княжества, я уступаю вам дедичные и первородные права, а сам возвращаюсь в мой монастырь, жизнь в котором я полюбил. Свободные люди, свободно и по своему разумению выберите себе господина, который был бы одинаково полезен всему вашему государству (rzeczypospolitej); ибо если бы я посоветовал вам избрать на престол кого-нибудь из моих двоюродных братьев, то это Миндов и Альгимунт, сыновья Гольши, и Гинвил, сын князя Гедруса, после меня истинные отчичи и дедичи (наследники) этого княжества; но еще малы, поэтому нет времени ждать, пока дорастут, это негоже при управлении столь великим государством, которое для порядочного управления потребует мужа, а не детей.

Литовский герб Погоня. Мой дядя Наримунт, когда сидел на великом княжении литовском, отказался от своего герба Китаврас, оставив его своим братьям, а себе учинил герб [в виде] мужа в доспехах на коне с обнаженным мечом, вознесенным над головой, гонящего врага. Этот герб означал, что государство, расширенное храбростью и мечом, потребует взрослого правителя и совершенного (zupelnego) мужа, который сумел бы мечом защитить свою отчизну, и чтобы не его гнали, а он бы гнал и бил бегущего неприятеля. Итак, мы видим, что на эту должность подходит Витенес или Витцень, который был маршалком у отца моего, ибо это муж, искусный во всем».

Витень или Витенес назначен на великое княжение. Тут литовские паны, выслушав эту речь князя Лавра или Римунта, своего природного господина, сразу же после победы возвращающегося в монастырь, с плачем просили его, чтобы лучше [он] сам, как наследник, изволил господствовать над ними. Однако когда он никоим образом на это не

хотел согласиться, послушались его доброго совета и тут же при нем в Кернове единогласно избрали на великое княжение литовское, жмудское и новогрудское Витеня, прежнего маршалка Тройдена, мужа признанной отваги, родом из Эйраголы и, как свидетельствуют некоторые летописцы, из древнего рода римских князей герба Колюмнов, занесенных в те полночные жмудские края по морю на кораблях вместе с Палемоном, как об этом пространнее и подробнее рассказано выше.

Ибо Тройден, еще не будучи князем, а только гетманом у [своего] отца Ромунта, едучи с прусской войны через Эйраголу (местечко в Жмуди над рекой Дубиссой), увидел этого Витеня, играющего с детьми на песке, а тот был статным и красивым пахолком [24], украшенным стройностью членов, и взял его к себе. А когда подрос, был старшим коморником при дворе великого князя Тройдена, в ложнице и в коморе, и всякую княжескую вещь честно и бережно хранил и соблюдал, а со временем за свои способности был потом верховным маршалком до тех самых пор, когда счастье вознесло его на [престол] Великого княжества Литовского.

Князь Лавр окончил жизнь в монастыре. Лавр же или Ромунт, сын Тройденов, счастливо (szczesliwie) скончался, будучи чернецом в заложенном им Лаврышевом монастыре над Неманом в Новогрудской земле. А сестра его, дочь Тройдена, как упоминают Длугош, Меховский и Кромер (кн. 10), была выдана замуж за князя Болеслава Мазовецкого (сына того князя Земовита, которого зарубил русский князь Шварн); а потом было и несколько мазовецких князей Тройденов, названных именем литовского князя Тройдена [25]. Ибо мазуры в те времена часто с помощью женитьбы роднились с литовцами, чтобы избавиться от их пограничных набегов.

И тут закончился род литовских князей герба Китавраса и остался [тот герб] только у удельных князей Гинвила Гедройцкого и у братьев Альгимунта и Миндова, наследников Гольшанских. Началась новая генеалогия и род великих князей литовских и жмудских от герба Колюмнов и от Погони, вооруженного мужа на коне с мечом, доставшихся от Наримунта и от короля Мендога. Витень и его потомки пользовались [этими гербами] вплоть до Казимировичей: Александра и Сигизмунда Первого, внуков Ягеллы; и ныне короли польские и великие князья литовские [используют их] наряду с коронным Орлом.

Комментарии

1. Литовский магнат Павел Пац (ок. 1530-1595), сын воеводы Подольского Миколая Паца и Александры Гольшанской, князь герба Гоздава, был воеводой мстиславским в 1578-1593 гг. Пацы владели имениями в Городенском (Гродненском) и Лидском повятах. В последнем было и имение Рожанка, по которому одна из ветвей рода Пацев титуловалась «графами на Рожанке».

2. В этой главе речь идет как бы о другом Довмонте, не о том, который убил Миндовга. Но и в этом рассказе некоторые моменты соответствуют фактам биографии исторического

Довмонта: например, тот действительно был князем Утенским и, прежде чем бежать в Псков, именно в Утене упорно отбивался от отрядов Войшелка и Герденя.

История «двух Довмонтов» имеет некторую историческую подоплеку. В Лаврентьевской летописи под 1285 годом (ПСРЛ, т.1, вып.2, Л.,1927, стр. 483) содержится известие о гибели литовского князя Довмонта (Доманта) во время литовского набега на русские княжества. И хотя большинство историков считает, что это был какой-то «другой Довмонт», однако в биографии Довмонта Псковского существуют большие пробелы, и хронологически в ней есть место и для подобного эпизода. К тому же в некоторых летописях говорится, что в этом сражении Довмонт не был убит, а лишь ранен. Обоснованным кажется предположение, что после смерти Тройдена (1282) Довмонт мог принять активное участие в борьбе за власть над Литвой, в которой в итоге победили Пукувер и Будивид — отец и дядя Гедимина. Довмонт же вернулся в Псков, где был снова принят на княжение.

3. Павел Александрович Гольшанский был виленским епископом с 1536 года и умер в 1555 году. После смерти последнего в роду князя Семена Юрьевича (1556) владения Гольшанских перешли к шестерым сестрам Семена и в качестве их приданого разошлись между княжескими родами Сапег, Заславских, Полубенских, Кирдеев, Соломерецких и Вишневецких. В компании наследников Гольшанских оказался и Андрей Курбский, в 1571 году женившийся на богатой вдове Козинской, урожденной Марии Юрьевне Гольшанской. Правда, уже в 1578 году супруги развелись.

4. По-литовски слово *giedras* означает *ясный, светлый*.

5. Довмонт, князь Гедройцкий — это уже третий Довмонт, упоминаемый Стрыйковским.

6. Цесарка — левый приток реки Швенты.

7. Происхождение названия *kaulis* не столь очевидно. По-литовски *битва* — это *kautynes* или *musis*; слово *kautis* означает *биться, сражаться*; слово *kaulas* означает *кость*.

8. Тройден, правивший в Литве в 1270-1282 гг., действительно, имел четырех братьев, однако волынский летописец называет совершенно другие имена: Борза, Серпутий, Лесий и Свелкений (ПСРЛ, т.2, СПб,1908, стр.869).

9. Болеслав Стыдливый умер 7 декабря 1279 года.

10. «Добрый умысел» в данном случае означает «хорошо задуманное» дело, т.е. убийство Войшелка было заранее обдумано и тщательно подготовлено.

11. В 1280 году 3 февраля приходилось на субботу, так что либо сражение было не в пятницу, либо оно состоялось 2 февраля. Пятница 3 февраля была в 1279 году, еще при жизни Болеслава Стыдливого.

12. Словом «Летописец» (Latopisiec) Стрыйковский обычно называет не человека (автора или составителя летописи), а саму летопись, то есть книгу.

13. Ливонского магистра с таким или похожим именем никогда не было, это вымышленное имя попросту произведено от слова «Лифляндия». Комментарий Стрыйковского по поводу того, откуда взялись дети у орденского рыцаря, давшего обет безбрачия — характерный пример его стремления давать летописным несуразицам убедительные объяснения.

14. Вся эта вымышленная история — классический пример хорошо известного фольклористам удвоения сюжета. Почти дословно повторяется уже знакомый нам рассказ о женах Миндовга и Довмонта, причем как бы в перевернутом виде: Довмонт номер два на сей раз выступает в роли Миндовга, а роль Довмонта номер один отведена Наримунту. Разница лишь в том, что Миндовг и Довмонт не были родными братьями. Очередной раз напоминаем, что автором этих басен был не Стрыйковский, пересказавший их как летописные, и, следовательно, заслуживающие доверия известия. Зато известие о строительстве Довмонтом городских стен Пскова (кстати, полностью соответствующее историческим фактам) принадлежит самому Стрыйковскому, а в белорусско-литовских летописях отсутствует.

15. Антифранцузское восстание на Сицилии, получившее название «Сицилийская вечерня», началось 30 марта 1282 года.

16. Битва произошла 13 октября 1282 года на территории ятвягов (волость Силия) где-то между Тыкоцином и Гродно.

17. Упоминание о собаках, уведенных «в плен» вместе с их хозяевами — известие редчайшее и едва ли ни единственное в своем роде.

18. Здесь мы опять сталкиваемся с удвоением сюжета или повторением уже известной нам истории с другими действующими лицами. В сцене убийстве Тройдена легко узнается убийство Тройната, о котором мы уже читали в четвертой главе восьмой книги. Некоторые живописные подробности, возможно, и не вымышлены, но, повторяем, их следует относить к убийству не Тройдена, а Тройната (1264). Смерть же самого Тройдена (1282) не была насильственной, о чем известно из заслуживающего доверия источника. См.: Памятники литературы Древней Руси. Век XIII. М., 1981, стр. 367.

19. См.: Тит Ливий. История Рима от основания города, т. 1. М., 1989, стр. 46.

20. См.: Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа», кн. XVI, гл. 5 (15). СПб, 2005.

21. Попытка Довмонта Псковского после смерти Тройдена занять великокняжеский престол Литвы и в самом деле представляется вполне вероятной, о чем уже говорилось в примечании 2 к девятой книге.

22. История Лавра (в русских летописях его зовут Лаврыш) — очередное и уже поднадоевшее удвоение сюжета. Легендарная биография Лавра повторяет хорошо нам известную историю Войшелка. При этом отметим, что монастырь на Немане, в котором в XIII веке жил Войшелк, в документах начала XVI века именовался *Лавришевской* обителью.

23. Напомним, что Лаврентьевская летопись сообщает о гибели Довмонта в бою в 1285 году (см. примечание 2).

24. Пахолок — то же, что и украинский *парубок*, т.е. юноша, парень. Но подмечено и созвучие этого слова со словом *холоп* и, действительно, как в данном случае, так и в большинстве других текстов *пахолок* — человек подневольный.

25. Это имя, в честь своего деда, получил Тройден (1285-1341), сын Болеслава Мазовецкого, князь черский, сохачевский и варшавский. Кстати, это первый князь *варшавский*, упомянутый в источниках (1313).

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Вельможному пану
пану Юрию Зеновичу [1],
каштеляну смоленскому и
прочее

Глава первая

Витенес или Вицень, эйраголец, согласно избран и возведен на великое княжение литовское, жмудское, русское, ятвяжское и подляшское

Витенес, которого в то время возвели на великое княжение Литовское. Всеобщим волеизъявлением и единодушным голосованием всех сословий литовских и жмудских в Кернове был избран и возведен на великое княжение Литовское, Жмудское и Русское Витенес или Вицень родом из Эйраголы, герба Колюмнов. А законный наследник литовского государства, чернец Лаврыш Тройденович, подтвердил все его права, которые добровольно уступил ему в году от рождения спасителя Господа Христа 1283, [году] правления императора Рудольфа 27 и папы Иоанна 21, при монаршестве Лешека Черного в Польше и Льва Даниловича на Руси и при девятом прусском магистре Бурхарде Швандене [2].

А будучи на новом панстве, Витенес задумал сразу же делом подтвердить мнение о своей удали, для чего собрал большое войско из литовцев и жмудинов и отправил с ним своего гетмана разорять польскую землю, желая отомстить за то поражение, когда Лешко поразил их наголову между Наревом и Неманом.

Литва повоевала Польшу. В году господнем 1283, четвертого октября, еще большими полками, чем в прошлом году, [литовцы] через Луковский повят внезапно вторглись в Сандомирскую землю и, не встретив сопротивления, огнем и мечом жестоко разорили деревни, местечки, дворы и церкви, грабя, поджигая и убивая всех, кто подвернется, рубили стариков и малых детей. А шесть тысяч поляков захватили в плен и, набрав добычи и скота с различным добром, двинулись назад в Литву, не встречая никакого отпора, ибо шляхта разбежалась по ближайшим замкам.

Чуткость и быстрота Лешека. Лешко же в это время проводил в Кракове сеймики либо вече, но, как только узнал о литовском вторжении, сразу ринулся к оружию и днем и ночью гнался за неприятелем с панами и шляхтой, которые в тот момент были при нем; к другим же он разослал гонцов, приказав им скакать за собой. Сандомирскую шляхту он тоже обослал [гонцами], чтобы те крестьян поднимали и все вместе спешили к нему, как на пожар (jako na gwalt) [3].

Речь Лешека против литовцев, [обращенная] к рыцарству. Итак, когда шляхта и крестьянство со всех сторон стеклись (sie sypali) к своему верховному главе и царствующей особе и все собрались на одно поле, а от неприятеля были уже недалеко, Лешко, собрав их всех вместе, произнес уважительную для всего рыцарства красочную (ozdobna) речь. [Он призывал], чтобы все показали себя удалыми мужами, горячо любимыми женами и детками, друзьями, близкими и подданными, чтобы помогли также и кметам своим, которых литовцы ведут в позорную неволю, и дали пленникам вожделенное спасение. И чтобы отомстили за убитых стариков, замученных деток, разоренные земли, сожженные деревни, разграбленные фольварки и местечки, оскверненные церкви и святые таинства. [Лешко] убеждал, что отдать свою жизнь во славу Бога и за свои собственные идеалы (grunty) это наивысшая честь, и что добрая слава мужа продолжительнее добродетельной и здоровой жизни, которой можно было бы пожелать. Великая и прочная слава, в которой истинная жизнь, длится вечно, [но она] не приходит без великих трудностей и опасностей, [и чтобы] мужеством и превосходством достичь славы, нужно скрепить ее честной кровью. Поэтому чтобы выступали и охотнее шли, а побивши врагов, их кровью воздали бы за своих милых друзей и чтобы освободили пленников, жалобными слезами взывающими к их помощи о спасении, и так далее. Так описывают речь Лешека Длугош и Кромер. А чтобы с тем большей верой и надеждой на Божью помощь одолеть неприятелей, Богом пренебрегающих, Лешко велел всему рыцарству очиститься от своих грехов и принять святое причастие Господне, укрепив тело и душу, и сам князь первым перед ними это набожно учинил.

Литовцы же из-за [возникших] военных трудностей не хотели бросать своего рыцарского снаряжения и высматривать какого-нибудь безопасного укрытия, а надеялись только на мужество и на оборону, поэтому задумали и постановили попробовать сразиться и смелой встречей возместить первую неудачу.

Ровное поле. Итак, оставив в лесу с малой стражей молодых и хворых, сложив в кучу свои вьюки с награбленным в Польше добром и еще крепче, чем прежде, связав пленников, опасаясь, чтобы [те] как-нибудь не потревожили их с тыла, [литовцы] с громкими разноголосыми криками быстрым шагом двинулись против поляков, которые в

готовности стояли на поле, называемом *Ровное (Rowne)* [4]. Увидев их, поляки сперва немного встревожились, особенно когда получше разглядели, как смело идут на них те, которые, по их мнению, должны были бы бежать. Однако когда сам Лешко одернул (napominal) их и как следует выстроил полки, снова быстро осмелели.

Огромная битва поляков с литовцами. Сначала Лешко выставил против литовцев два наиболее исправных полка, над одним воеводой был поставлен Зегота Краковский, а над другим Януш Сандомирский. **Предусмотрительность Лешека.** Сам же заботливо поглядывал во все стороны, как следует примечая, что с какой стороны делается и там и сям, и если бы где увидел, что свои уступают и ослабевают, тут же послал бы им помощь. Но первый литовский напор длился недолго, ибо был немедленно отражен мощью стеной стоявших поляков. Первые [литовцы], которые начали битву с краковским воеводой и с придворными рыцарями Лешека, начали отступать, думая о бегстве; другие, увидев это, сразу же показали спины (tyl podawszy) и [укрылись] в лесу, а потом и там и сям отпускали конские поводья и разбегались. На поле боя их полегло несколько тысяч, а поляки захватили сложенную в лесу добычу и освободили пленников.

Так два поражения литовцев от Лешека Черного, одно за другим, описывают Длугош, Меховский (кн. 3, гл. 58, стр. 175 и 176), Ваповский, Кромер (кн. 10) и другие. Однако все-таки Польша была повоевана литовцами, а двум землям, Луковской и Люблинской, а третьей Сандомирской, ими был нанесен большой ущерб.

Подлости (lotrostwa) Павла, епископа Краковского. А Лешко Черный всю вину за разорения и ущерб, понесенный от литовцев, возложил на краковского епископа Павла [5], который умножал подлости, забыв о своем духовном сане и принадлежности к курии. Монашек из женского монастыря Скала [6] он силой взял для развратного общения (ku nierzadnemu obcowaniu); собственноручно убил копьем охотника-ловчего за то, что на охоте зверь незаметно [проскочил] мимо него и убежал; вместо того, чтобы дружбой и повиновением смелее поддержать своего господина, добродетельного монарха Лешека, был заодно с литовцами и бунтовал против Лешека Сандомирскую, а также и Краковскую земли. Из-за этих конфликтов [Павел] потом был схвачен и в качестве узника заключен в Серадзском замке, но Лешко был вынужден с большой неохотой (z znaczna nawiazka) помириться [с епископом] (ибо в то время князья были очень набожными) и отпустить его [7].

Жестокость Пшемыслава по отношению к жене. В том же году Лукардия (Lukardis), жена великопольского князя Пшемыслава [8], была удавлена своими служанками с подозрением, что по наущению самого Пшемыслава, ибо злодеек он оставил без кары и мести. Однако потом в Польше в народе распевали песню (вплоть до времен Длугоша и Меховского, как [они] сами вспоминают) в манере жалостной мольбы этой княгини, которая умоляла и просила, чтобы [муж] не позволил ее жестоко убить, но чтобы отпустил домой в одной лишь сорочке. Однако же и сам [Пшемыслав], ставший потом польским королем, был убит бранденбургскими маркграфами.

Польские разборки. Лешко бежит из Польши от своих. Году же в 1285 по наущению краковского епископа Павла все паны и шляхта Малой Польши призвали мазовецкого

князя Конрада Черского (Cyrnenskiego) [9] царствовать в Польше вместо своего господина Лешека, которого считали негодным. А когда [Конрад] с войском подошел к Сандомиру, к нему выехали [краковский] каштелян Варш (Warsius) и краковский воевода Зегота, сандомирский воевода Ян и [сандомирский] каштелян Кристин с епископом Павлом, там же ему и присягнули, и [передали ему] все замки и города за исключением одного лишь Краковского замка, где заперся Лешко с женой [10]. Но потом, видя, что все свои от него отступились, а Конрад, князь Мазовецкий, стянул к Кракову огромные силы, злополучный Лешко бежал с женой в Венгрию.

Доблесть немцев, краковских горожан. Оборону города и Краковского замка [Лешек] поручил немцам, горожанам, которые сохранили верность своему господину и ни деньгами, ни просьбами, ни мощью Конрада не дали склонить себя к сдаче вверенного им замка. И долго оборонялись от мощи всех польских панов и Конрада вплоть до до тех пор, пока Лешко не пришел им на помощь с войском от венгерского короля Владислава [11]. Мазовецкий князь Конрад встретился с этим войском и вступил с ним в бой у Богучи (Boguczicz) над рекой Раба, но потерпел поражение и едва успел бежать в Мазовию. И вот так Господь Бог исходом этой битвы показал тогда, кто из них справедливо поднял оружие против другого.

Милость Лешека к изменникам. Лешко, воспользовавшись победой для мира, все вины, [случившиеся] по неразумию, панам простил, а сам, приехав в Краков, всю оборону города и Краковского замка и впредь поручил немцам, а венгров, достойно одарив, отправил [по домам].

Мазовецкая война с Русью. В том же году мазовецкий князь Болеслав Плоцкий с мазурами повоевал русские земли, но руссаки ему тут же воздали око за око, когда так же разорили Мазовию, мстя за свои обиды.

Дивное бедствие от ядовитых гадин. В том же 1285 году, на исходе июня, в Пруссии, в Курляндии и в Жмуди во множестве размножились ядовитые твари или гадины с клешнями как у раков. И кого такая тварь (chrobak) укусит, тот на второй или третий день должен умереть, и никакое лекарство пострадавшему не поможет.

Татары воюют Венгрию и Грецию. В том же году татары огнем и саблей вплоть до Пешта повоевали венгерскую землю, в которой жили, как у себя дома, начиная от праздника Трех Королей и вплоть до Пасхи [12]. А потом татары наехали на Константинопольское царство и, учинив великое пролитие крови христианской, захватили много греческих городов.

Глава вторая

О взятии литовцами Гостынина, Сохачова, Плоцка и Добжиня, и как литвин Пелюша [вместе] с крестоносцами погромил литовских панов на свадьбе

Конрад, князь Черский и Мазовецкий, задумав отобрать у куявского князя Владислава Локетка Гостынинский (Gostinski) замок и [прилегающие] земли, призвал на помощь

литовцев и русаков, а в замок направил нанятых предателей, которые, как только литовцы осадили замок и пошли на штурм частокола (na blanki), [изнутри] открыли заграждения (brone). **В то время литовцы перешли к захватам замков, как ныне мы [по отношению] к венграм.** Ворвавшись в замок, литовцы из шестисот человек часть зарубили, часть увели в Литву в неволю, а пустой замок, обобранный и разграбленный, отдали князю Конраду Мазовецкому в году 1285.

Несогласия польских князей. Владислав же Локетек, мстя за эти кривды, перебив ночью стражу, захватил Плоцкий замок и не отдавал его вплоть до окончательного соглашения: Конрад возмещает ущерб, нанесенный литовцами, и отдает ему Гостынинский замок.

Литовцы воюют Мазовию и захватывают Сохачов и Плоцк. Потом литовцы и русаки, которых до этого Конрад призывал к себе на помощь, вторглись в Мазовию, захватили и сожгли Сохачовский и Плоцкий замки, разоряя фольварки и местечки, нанесли огромный ущерб, множество людей обоего пола перебили, а других увели в неволю.

Литвин Пелюша своих побил. А в 1286 году некий Пелюша из рода литовских князей, которого Длугош, Петр Дусбург и Меховский пишут *Ducem Litvaniae* (литовским герцогом) [13], будучи обижен (ukrzywdzony) в литовском княжестве то ли Витенем, то ли литовскими панами, и желая отомстить за свои неправды, переметнулся к прусским крестоносцам. Приехав в Кенигсберг, он попросил там кенигсбергского комтура Альбрехта Мейсенского, чтобы дал ему в помощь двадцать всадников (rejterow). Комтур послал тогда с ним двадцать конных немцев, старшими над которыми были Мартин Голин и Конрад Дьявол (Tuwil) [14]. Соединившись [с ними], Пелюша вместе со слугами и со своими помощниками приехал на одно место, где литовские князья и паны готовились отпраздновать свадьбу, и ночью ударил на спящих и пьяных. [Он] перебил там семьдесят князьков или виднейших [литовских] панов и великое множество прочего народа обоего пола, а жениха с невестой, с женщинами и девушками, с награбленным [добром] и драгоценными трофеями увел в Кенигсберг.

Году же в 1287 литовцы, жмудины и прусские язычники с большим войском казацкими дорогами вторглись в Добжиньскую землю и в воскресный день, когда горожане были в церквях, славя Бога, наскочили и взяли главный город Добжинь. Перебили стариков и детей, изнасиловали молодок (mlode), других, пойманных в городе и деревнях, увели в жалкую неволю, а город сожгли. Убитых людей обоего пола насчитали три тысячи, а в неволю беспрепятственно увели 9 000 пленников.

Крестоносцы [идут] на Литву. На следующий 1288 год польский монарх Лешко Черный, выправив у папы грамоту на сбор добровольцев для крестового похода против языческой Литвы, собрал, как из своих княжеств, так и из чужих краев, большое войско [из крестоносцев], которые по папской грамоте со всех сторон собрались на Литву. С этими людьми Лешко, пустив весть, что идет в литовские земли, чтобы отомстить им за недавнее добжиньское разорение, повернул это войско в Черскую Мазовию, которая была под управлением князя Конрада. Итак, оставив в покое Литву, [Лешек] распустил загоны по трем [направлениям] и огнем и мечом повоевал всю Мазовецкую землю. За что Господь Бог Лешека сразу же и покарал, ведь он обратил крестоносное войско не на Литву, на

которую принял от папы крест, а на своих. Ибо той же осенью, 13 декабря, в великом множестве, как саранча, [в Польшу] вторглись татары с царьками Ногаем (Nagaj) и Телебугой (Telubuga) [15].

Татары жестоко воюют Польшу и Мазовию. Сначала через русские края [они вторглись] в Люблинскую и Мазовецкую земли, потом распустили загоны до Сандомирской, Серадзской и Краковской земель, где попалили и разрушили без числа местечек, замков, монастырей, фольварков и деревень; и только от монастыря Креста на Лысой горе, по просьбе [za porada] руссаков [16], отвели хищную руку.

Лешко второй раз бежит из Польши. А Лешко Черный, усомнившись в силе своего рыцарства, бежал в Венгрию со своей женой Грифиной [17], из-за чего татары без помех своевольно разоряли, грабили и жгли польскую землю вплоть до самых Венгерских Татр. **21 000 паненок, захваченных в Польше.** И такое огромное число людей вывели тогда из Польши, что, когда их под Владимиром на Волыни сортировали и делили, только девушек и незамужних паненок насчитали двадцать и одну тысячу.

Чародейства и отравы татарские. Но и руссаки, хотя и были товарищами и данниками татарскими, не избежали от них беды. Ибо татары, выходя из Руси в Орду, мерзостно вынимали сердца у убитых поляков и, смочив их в ядовитой отраве, втыкали на вертелы, заколдовывая их при этом чернокнижной наукой. И ставили в реки и в озера, с чего потом очень много людей, использовавших и пивших ядовитую заговоренную воду, заболевали неизлечимыми болезнями и в муках умирали, если только руссаки быстро и не слишком поздно не замечали эту отраву и эти мерзости языческие. О чем Длугош, Меховский (кн. 3, гл. 60), Кромер (кн. 9) и другие.

Глава третья

О частых вторжениях и пограничных войнах литовских и жмудских с прусскими крестоносцами в году 1289 и последующих

По известиям хроник прусских, лифляндских, Длугоша, Ваповского, Меховского и Кромера

Самбийская земля, где Кенигсберг, повоевана литовцами. В 1289 году литовское войско из восьми тысяч одних только рыцарей вторглось в Пруссию, в Самбийскую землю, которую повоевало огнем и мечом, распустив вдоль и поперек свои загоны, а в Литву отошли, обремененные большими трофеями, с пленниками, стадами и различной добычей, не встретив должного отпора, ибо крестоносцы не посмели вступить с ними в битву, только пятьдесят литовских казаков захватили в стычке [18].

Году же в 1291 комтур Кенигсберга Бертольд Брухавен (Brunhanim), желая отомстить литовцам за то вторжение, собрал орденское войско и, вторгнувшись в Литву, замок Колайне (Koleina) захватил и спалил. Перебив много литовских людей и семьдесят их захватив [в плен], крестоносцы вернулись в Пруссию.

Литовские замки Мингедин и Медерабе [19]. А литовцы, желая преградить дорогу крестоносцам, чтобы не могли устраивать набеги на их владения, начали строить замок Мингедин. Желая помешать его строительству, кенигсбергский комтур Бертольд собрал новое войско и двинулся на Литву, но, устрашенный многочисленностью литовского рыцарства, охранявшего строителей, повернул в другую сторону, где взял литовский замок под названием Медерабе, в котором освободил всех христианских пленников, а язычников [одних] перебил, других пленниками увел в Пруссию.

Едва кенигсбергский комтур Бертольд вышел из Литвы, как тут же прусский магистр Мемер (Мейнхард фон Кверфурт) с сильным войском немедля снова вторгся в литовскую землю, разорил и обратил в пепел два повята: Пастовию и Гесовию (Pastonow i Gersow) и с большой добычей и пленниками вернулся в Пруссию.

Потом, вскоре после вторжения магистра, в третий раз в Литву отправился комтур Бальги, имея с собой полторы тысячи всадников (rejterow) [20], и огнем и мечом разорил два повята: Оукаимский (Onkajmski) и Менгединский.

Литовцы повоевали Куявскую землю. А через несколько дней Витенес или Вицень, князь литовский, благодаря поддержке князя Болеслава [21] через Мазовию вторгся в Куявскую землю, где огнем и мечом повоевал все волости около Бреста Куявского и, захватив множество людей и добычи, без помех двинулся в Литву. И хотя и Владислав Локетек, и Казимир Куявский, и князья Ленчицкие, и прусский магистр Мейнхард сразу собрались со своим рыцарством и немедленно догнали литовское войско, однако ни в чем не преуспели, а лишь полюбовались на бесчинствующего (plundrujacych) противника и повернули назад, а литовцы с добычей ушли в Литву через Мазовию.

В том же году, девятого дня июля месяца, валахи или куманы умертвили спящего в покоях венгерского короля Владислава [22].

В том же году Владислав Локетек, князь Лещицкий, Куявский и Серадзский, ожесточенно соперничал (wielkie burdy wiedli) с чешским королем Вацлавом за польскую корону.

Прусский магистр едва утек из Литвы. А в 1292 году прусский магистр Мейнхард с немецким войском подступил к литовской границе, но, когда его предостерегли о заговоре и о засаде, [устроенной] литовцами и язычниками-пруссами, едва ушел от великой опасности и, отступая днем и ночью, вернулся в Кенигсберг. Ибо литовцы собирались ударить на немецкое войско в лоб, а пруссы, которые хотели вернуться к прежнему язычеству, собирались с тыла и с флангов взять в кольцо [всех] немцев вместе с их магистром.

Витень, воюя Пруссию, [терпит] поражение. Потом, в 1293 году, комтур Рагнита Генрих Штанге в день святого Иакова (25 июля) захватил в Литве замок Мингедин (Юнигеду), где множество литовцев перебил, а других захватил в плен. По его следам тут же погнался Витень, князь литовский, со множеством литовцев и руссаков. [Витень] воевал прусскую землю в течение восьмидесяти (osmdziesiat) дней, но, окруженный крестоносцами в тесном закутке и разбитый, едва сам утек в Литву с малой дружиной [23].

В том же году Владислав Локетек воевал в Краковской земле, изгоняя чехов, татары же страшно разорили Сандомирский край.

Литовцы сожгли Ленчицу и собор. А на следующий 1294 год, вскоре после Святок, литовский князь Вицень или Витенес с тысячью и восемью сотнями конных [24] через леса и густой бор казацкой дорогой вторгся в Ленчицкую землю и спалил город Ленчицкий, а еще раньше ударил на Ленчицкий собор (Tum), куда на праздничные торжества собралось очень много людей, которых литовцы порубили и поубивали, а других повязали. Прелатов, каноников и капелланов Витень также забрал в неволю, разграбил священные убранства и серебряную и золотую церковную посуду [25]. А тех многих людей, которые сбежались в церковь и храбро оборонялись от язычников, задушил дымом и огнем, запалив соседние дома и дворы священников, расположенные около церкви. После этого Витень распустил литовцев в загоны по волостям и, набрав множество трофеев, людей и добычи, спешно уходил в Литву.

Князь Казимир убит, а поляки разбиты литовцами на своей земле. Князь Казимир Ленчицкий, брат Локетка, со своим рыцарством догнал [Витеня] в деревне Жухове (Zuchowie), а по некоторым [иным сведениям], в Троянове [26], близ города Сохачева, над рекой Бзурой. И там князь Казимир смело ударил на них, нимало не уважая смелости [самого] неприятеля, и, проявляя мужество и пробиваясь сквозь сплоченные литовские полки, был убит. Мужественный муж мужественно (mezny maz meznie) испустил благородный и отважный дух. Пока шла ожесточенная битва, много пленников сбежало, а многие польские рыцари, которые бежали из битвы, потонули в Бзуре, иные полегли на поле, других же пойманных бедолаг (nieborakow) литовцы забрали в неволю.

Каждому литвину досталось по 20 христианских пленников. Когда битва таким образом окончилась смертью благородного князя Казимира, на долю каждого литовского язычника при дележе досталось по 20 человек польских христиан, о чем Длугош и Меховский (кн. 3, гл. 65, стр. 190). *Percata pugna cuilibet barbaro viginti Christiani Poloni in sortem sesserunt. Cromerus lib. 10. Tantam vero praedam hominum abduxere tunk barbari, ut viginti capita singulis sederent.* О том же одинаково пишут Ваповский, Бельский и историк того века Петр Дусбург.

Мое собственное об этом свидетельство, когда я был еще пареньком (chlopcem) и в первый раз приехал в Литву в году 1565 [27]. А что Меховский и Длугош сомневаются, была ли та битва у Троянова либо у Жухова, то я сам своими глазами видел, как на ровном и песчаном Трояновском поле, которое недалеко от усадьбы Сохачева, в четверти мили [по направлению] к реке Бзура (через которую в недобрый час [мне] с паном Познанским случилось переправляться в корытах (w koryciech), ибо паромов не было), пахарь плугом выпахал шпоры, три копья без древков, округлую булаву и несколько железных наконечников от стрел старинной работы, проржавевших от времени. Все это доказывает, что литовцы со своим князем Витенем одержали эту победу под Трояновым, а не под Жуховым.

И с того времени куявский князь Владислав Локетек, родной брат убитого литовцами князя Казимира, унаследовал и взял под свое управление Ленчицкую землю, ибо Казимир не оставил после себя потомков и прямых наследников (dziedzicznego potomstwa).

В том же году мазовецкий князь Конрад, пан Черский, сын князя Земовита, убитого Шварном и литовцами в Ездово, умер в Червиньском монастыре и там же погребен [28]. Он построил монастырь в Блоне и передал [его монахам], а после него всем мазовецким княжеством завладел брат [Конрада] Болеслав, зять убитого литовского князя Тройдена [29].

Немцы воюют Литву и жгут Визну. В том же 1294 году прусский магистр Мейнхард в конце зимы воевал в Литве два повята: Пастов и Ершов (Jerschow). А когда, захватив и спалив два замка, обнаружил, что третий взять трудно, то, отослав пленных литовцев в Пруссию, вернулся с войском к Визне, замку князя Болеслава Мазовецкого. [Магистр] захватил этот [замок] и сжег его потому, что с разрешения Болеслава литовцы жили в Визне и частыми вторжениями чинили большие беды в Польше и в Пруссии.

В 1575 году, когда [я] там был. Отсюда выходит, что эти литовские замки и повяты Гершов (Gerschow) [30] и Пастов, разоренные крестоносцами, когда-то были на Подляшье неподалеку от Визны, поскольку я и сам видел несколько городищ, расположенных как оборонные пункты на прусской границе в лесной чаще за Августовым. Там пахари, по старинке расчищая лес под поле, еще и теперь выкапывают цепи от подъемных мостов, петли от брам либо ворот и другие знаки старинных замков и битв.

Немцы взяли замок Кимель. Тогда же Людвиг, комтур Рагнита (Ragnety), литовский замок Кимель захватил и сжег.

Потом, в 1295 году, после смерти вроцлавского князя Генриха [31], монарха польского, когда правление многих князей в одном государстве польским панам надоело (sprzykrzylo), [они] начали судить и рядить, как бы из многих польских княжеств учинить одно королевство и монархию, то есть единовластие. Ибо со времен польского короля Болеслава Смелого, который убил святого Станислава, польское королевство и коронование перестало быть из-за папского проклятия и запрета. Из-за этого королевство Польское было разорвано на полторы дюжины (kilkonascie) княжеств и только тот, кто был краковским князем, как Владислав Второй, Болеслав Четвертый, Лешко Пятый Белый, Болеслав Пятый Стыдливый, Лешко Шестой Черный и Генрих Честный, князь Вроцлавский, тот получал верховность правления и как бы видимость (xtalt) монархии. И это несмотря на то, что они не имели никакой [реальной] власти над другими князьями, ибо Силезские, Куявские, Великопольские, Серадзские, Поморские, Ленчицкие, Сандомирские, Мазовецкие и другие [князья] свободно правили каждый по собственному праву, уставу и разумению. Из-за этого между столь многими князьями случались частые войны, набеги и выбивания (wybijania) из княжеств, а литовцы, татары и руссаки часто тревожили их в связи с великим упадком бедной Польши.

Пшемыслав избран польским королем. Итак, когда из-за убийства святого Станислава [32] Польша двести и пятнадцать лет пробыла без короны, поляки избрали себе королем Пшемыслава Второго, князя Великой Польши и Поморья, который в то время и

могуществом и знатностью прирожденных королевских прав превосходил всех прочих польских князей. Гнезненский архиепископ Якуб Свинка короновал его старинной короной, пожалованной первому польскому королю Болеславу Храброму императором Оттоном в 999 году, которую до того дня гнезенские прелаты в течение 215 лет бережно хранили среди церковных сокровищ. На возобновленное королевство Польское [Пшемыслава короновали] в Гнезно [вместе] с женой Риксой (Richsa), дочерью шведского короля.

Польский король Пшемыслав убит. Но другие польские князья завидовали тому, что королевство восстановил [именно] он, а соседи, особенно саксонские и иные немецкие князья боялись его могущества. Вот поэтому бранденбургские маркграфы, улучив подходящее для этого время, когда в Рогозьне, на границах Бранденбурга, он со своими дворянами беспечно предавался шальному веселью масленицы, в Пепельную среду [33], тайно прокравшись лесами, ударили на его дворян, перепившихся и спящих со вчерашнего похмелья. Там же схватили и самого короля, хотя тот и отважно защищался, жестоко исколотого дротиками и изрубленного, и, наконец, когда не смогли увезти с собой живым, умертвили, заколов его. Тело его похоронено в Познани. Прожил он на своем веку тридцать и восемь лет, три месяца и 24 дня, а царствовал в восстановленном королевстве Польском семь месяцев и одиннадцать дней.

Наленчи и Зарембы лишены дворянства. Длугош пишет, что причиной его смерти были Зарембы, имеющие герб «Лев на стене», и Наленчи, носящие герб «Свернутая Повязка», из-за чего шляхтичей тех гербов и [членов их] семей не допускали ставить в войско среди шляхты и другого польского рыцарства, было запрещено считать их шляхтой, а также [им запретили] носить красную одежду [34]. И только потом, при Казимире Втором [35], когда они прекрасно проявили себя на войне против руссаков и своей доблестью загладили позор предков, было позволено возвратить им прежнее [дворянское] достоинство, и с тех пор [это признавали] уже и последующие коронованные польские короли.

Литовцы воюют Пруссию и Лифляндию. Потом, в 1296 году, литовский князь Витень, вторгнувшись в Хелминскую землю, огнем и мечом повоевал весь край вдоль и поперек до Голубенского повята, и с большой добычей вернулся в Литву. А потом с литовским и жмудским войском сразу же двинулся в Лифляндскую землю.

Крестоносцы осадили Гродно. Но комтур Бальги Зигфрид и другой Петр из Кенигсберга [36], вторгнувшись в Литву, осадили Гарту [Gartin], замок на Немане. Узнав об этом, Витень тут же вернулся из Лифляндии на помощь своим и для подкрепления. Немцы были так устрашены прибытием литовского войска, что уходили от Гарты в Пруссию вскачь, захватив тысячу человек пленников из Литвы, о чем Длугош, Меховский (кн. 4, стр. 196) и другие.

Литовцы терпят поражение в Пруссии. В 1298 году литовцы и жмудины разрушили город Страсбург в Пруссии, недавно заложенный в Хелминском повяте, растащив из костелов священные сосуды. А когда уходили с добычей, в лесу их догнал комтур Конрад Зак с хелминским рыцарством и разбил наголову, отбив все награбленное и пленников.

Литовцы повоевали Натангию в Пруссии. Потом на следующий 1299 год, когда шестьсот верховых литовских казаков воевали Прусскую землю, в земле Натангской (Naktanskiej) их поджидал в засаде комтур Бранденбурга с многими своими немцами. Но когда литовцы, вероятно, предупрежденные шпионами (przez szpiegi), задержались с прибытием на это место, [комтур] обескураженно распустил орденское войско по домам. А литовцы тем временем подошли и повоевали Натангскую землю, двести и пятьдесят немцев захватили [в плен], а других посекли.

Лифляндские разборки (rosterki). В том же году лифляндский магистр со своими рыцарями захватил рижского архиепископа Яна Квирина (Quirina), своего учредителя (fundatora) [37], за то, что тот не позволял им приневоливать [жителей] города Риги под угрозой разрушить [город] до основания, на чем они настаивали. Так же они поступали и с предшественниками этого архиепископа, Иоганном Фехтой (Janowi Wochtowi) и Альбрехтом (Суербером). В прежние годы [орденские братья] также согнали с Дерптского епископства Фридриха из Газельдорфа (Hadelzappe), отчего потом произошли великие внутренние войны между Ригой и Орденом, что было наруку Литве. Ибо рижане сами не могли противостоять мощи Ордена и за деньги приводили литовцев [воевать] против крестоносцев.

В том же году умер прусский магистр Людвиг фон Шиппен (Sippem), и на его место был избран Хельвиг (Eluidus) фон Голдбах родом из Тюрингии, который недолго прожил на должности магистра (na mistrzowstwie) и оставил после себя преемника (successora) Конрада Зака [38].

В 1295 году [39], после убийства польского короля Пшемыслава, в Познани панство и рыцарство польское и поморское выбрали польским королем князя Куявского, Ленчицкого, Серадзского и Сандомирского Владислава Локетка и, присягнув, передали под его власть все замки и города.

Король Локетек низложен поляками. Вацлав Чех, король Польский. Но неведомо по какой причине [Локетек] откладывал коронацию [до тех пор], пока коронным сословиям, как духовным, так и светским, это не надоело. Поэтому в 1300 году, когда Локетек отъехал в Малую Польшу, польские паны, на третий год снова съехавшись в Познань, низложили Локетка с королевства в его отсутствие, а чешского короля Вацлава, который тоже писался Краковским и Сандомирским князем, избрали на польское королевство вместо Локетка и короновали в Гнезно польской короной, которую на него возложил гнезненский архиепископ Якуб Свинка, А потом в Познани [Вацлав] взял в жены Эльжбету, дочь убитого польского короля Пшемыслава, чтобы тем прочнее укрепить себе королевство в Польше.

Чехи назначены на польские должности. Потом Вацлав, король чешский и польский, с помощью своего чешского гетмана Генриха Берке из Дубы [40] отобрал у Локетка Серадзское, Ленчицкое, Куявское, а также Сандомирское владения и своих чехов, заменив ими поляков, посадил в почти все замки, дав им [соответствующие] должности.

Невзгоды Локетка. А Владислав Локетек, низложенный и ввергнутый в убогость своими, а потом изгнанный и обобранный чехами, уехал в Венгрию, а оттуда пешком странствовал до Рима, потом из Рима вернулся в Венгрию, с венграми совершал набеги на Польшу, тревожа и убивая чехов. [Он] захватил у чехов замки Пелчишка (Pelciszka), Вислице и Лелов и посадил там венгерские [гарнизоны]. Ибо Вацлав, король чешский и польский, жил в Чехии, оставив за себя губернаторов: в Великой Польше — Фрица Слезака, в Малой [Польше] — Миколая, князя Опавского [41], а в Куявской земле — Тасса Вышемберга (Tassa Wiszemburga), как о том пространнее пишут Длугош, Меховский, Кромер (кн. 11) и другие.

В том же самом 1300 году Витень или Виценъ из Эйраголы, великий князь Литовский и Жмудский, которого Петр Дусбург в своей хронике пишет королем литовским и сыном литовского короля Утиннера (Utinnera) [42], рижанам и их архиепископу за деньги послал в помощь против орденских рыцарей несколько тысяч литовских и жмудских казаков.

Литовцы терпят поражение в Пруссии. А другое литовское войско, когда с награбленным уходило из Прусской земли в Литву, в лесных теснинах, обойти которые [они] не могли, догнал комтур Бранденбурга [43]. И так всех литовских казаков побил, что из этого отрядика (uffcza) только трое утекли.

А литовский пан Драйко (Drajkolik) или Драколит, сдав крестоносцам замок Оукайм (Onkaim), где был старостой, вместе со всеми литовцами, которые были с ним в замке, принял христианскую веру и перебрался в Пруссию.

Когда появился юбилей. В том же 1300 году папа Бонифаций Восьмой, следуя обычаю и еврейскому церемониалу, впервые постановил праздновать юбилей или благословенный год.

Как прославились турки. В том же году некий Оттоман из татарского народа, рожденный от простых, подлых и убогих родителей, турками, в те годы и там и сям скитавшимися по Азии, за выдающуюся рыцарскую отвагу был избран первым князем или турецким царем. Потом он, приняв с турками от сарацин магометов закон, творил в Азии великие дела и одерживал частые победы над окрестными и соседними народами и их королями, отчего оставил своим потомкам и могущественное государство, и бессмертное имя, ведь от него все турецкие императоры пишутся Оттоманами.

Литовцы воюют Пруссию и Лифляндию. В те же самые времена, как пишут Длугош, Кромер (кн. 11) и Меховский (кн. 4, гл. 5), *Lituani cum reliquiis Prussorum assiduis excursionibus Crucigeros in Prussia et Liuonia affligebant etc.* Литовцы с остатками язычников-пруссов своими постоянными вторжениями и набегами тревожили и донимали (dreczyli i trapili) орденских рыцарей в Пруссии и Лифляндии. Эти набеги и битвы литовцев с крестоносцами уже описаны выше по Хронике прусской, переложенной с латинского. Там можно найти и иные деяния Витеня, порядочно описанные, но Петр из Дусбурга пишет, что не хочет повторяться, либо уже изложил, если читал полностью.

Тогда же русские князья, видя внутренние битвы, набеги и раздирание польского королевства между чешским королем Вацлавом и изгнанником Владиславом Локетком, со всей силой своих войск вторглись в Сандомирскую землю подобно паводку быстрой реки, сметающему все, что попадется. И, учинив там великие беды, набрав людей, скота и другой добычи, вернулись в свои земли.

Глава четвертая

О разорении Добжиньской земли литовцами и поражении руссаков под Люблиным в 1301 году

Немцы отбили у литовцев награбленное. В 1301 году войско литовцев, которых насчитывалось шесть тысяч, разорило Добжиньскую землю. Поляки погнались за уходившими с добычей, но добычу, укрытую в лесах, отбить не смогли. То же литовское войско, побуждаемое желанием еще большей добычи, начало воевать Хелминскую (Chelmska) землю, но там на них ударили прусские орденские рыцари и разгромили их, семьдесят литвинов положив на месте, а других разогнав. Отбитых у них добжиньских мужчин и женщин освободили, и немало других пленников избавили [от неволи].

А в 1302 году, когда Вацлав, король чешский и польский, оставив в Польше чешских губернаторов, сам проживал в Чешской земле, паны и шляхта Малой Польши, Сандомирской и Краковской [земель] добровольно отправились на войну против руссаков, гневаясь (zajatrzone serca majac) на них за давний захват и удерживание Люблинской земли и Люблинского замка , а также за недавнее и свежее [в памяти] разорение и ограбление ими Сандомирской земли. Узнав об этом, руссаки тоже собрали большое войско из своих княжеств и призвали на помощь литовцев и татар. И, собравшись со всеми силами, заступили дорогу полякам, двигающимся к Люблину, построились там во всем своем множестве и дали им бой. Поляки имели гораздо меньшее войско, однако от битвы не уклонились. Сомкнувшись в один большой главный полк и сильные мужеством, усиленным всепобеждающей храбростью, стремительной поступью и смелой атакой в первой же схватке прорвали разбросанный и искривленный строй русских и татарских полков. А смешав [неприятельские] полки, легко их погромили, побили и разогнали бегущих порознь по люблинским полям.

Руссаки и литовцы с татарами поражены под Люблином. В то время это было великое поражение русских, литовцев и татар, а было бы еще большее, если бы расположенный поблизости Люблинский замок, в который они бежали, не предоставил им укрытие и защиту. Однако долго оборонять их замок они не могли, ибо были осаждены поляками так, что не смели высунуться на вылазку. В замке оказались запертыми множество людей, и, стесненные сильным голодом, они были вынуждены сдаться полякам и сдать замок.

Поляки отобрали Люблин у руссаков. Так через пятьдесят и семь лет [44], в течение которых Люблинский замок был вырван у поляков руссаками при королях Даниле Романовиче Русском и Мендоге Рынгольтовиче Литовском, он был отбит и возвращен тогда Польше вместе со всей Люблинской землей.

Крестоносцы воевали Литву. Году же в 1304 граф Вернер из Хомбурга (z Honenbergu), Адольф из Виндхевеля (z Wentimelu) с родным братом, графский сын Дитрих Эльнер и много других шляхтичей и рыцарства из Рейнской [земли] с войсками прибыли в Пруссию на помощь орденским рыцарям против литовцев. Прусский же магистр Конрад [Зак], разделив свое войско надвое, той же зимой отправился в Литву, где [немцы] огнем и мечом повоевали Гартенскую или Гродненскую землю и вернулись в Пруссию с большой добычей из людей и других трофеев.

В результате измены немцы разрушили литовский замок Оукайм. Потом комтур Кенигсберга с еще большим войском подступил к литовскому замку Оукайм, где один литвин по имени Свиртил, исполняя тайное обещание, данное крестоносцам, открыл им [ворота] названного замка, в котором был бургграфом. Ворвавшись ночью в замок, [крестоносцы] без разбору побили и посекли всех, кто попадался: мужчин, белоголовых старцев и малых деток, а замок подожгли и обратили в пепел.

Распустив оттуда загоны по окрестным волостям и набрав много добычи и людей, увели их в Пруссию.

Добжиньский князь Казимир убит литовцами. В том же 1304 году, как пишет Меховский (кн. 3, гл. 6, стр. 200), литовцы, войско которых с великой смелостью в праздничный день вторглось в Ленчицкую землю, огнем и мечом опустошили все волости и, без сопротивления взяв и разграбив город Ленчицу, сожгли его. Отягощенных трофеями и возвращающихся в Литву [врагов] догнал добжиньский князь Казимир, родной брат Локетка, и сразился с ними в жаркой битве. А поскольку поляки на своем дворе храбрее, то одержали победу и, когда литовцы убегали, отняли всю добычу. Однако князь Казимир, который был в одном из полков и мужественно сражался, начал уставать. Исколотый и израненный множеством литовских стрел и копий, [он] расстался с прекрасной и столь мужественной душой и жизнью, как и другой его брат того же имени.

Итак, согласно Меховскому, у Владислава Локетка должны быть два брата Казимира: один князь Ленчицкий, а другой Добжиньский, и оба были убиты литовцами. Одного из них, князя Казимира Ленчицкого, убили в 1294 году у деревни Трояново, а другого, упомянутого князя Добжиньского, убили в 1304 году. Однако Кромер не упоминает этого второго [45].

Первая серебряная монета и хозяйство в Польше. Году же в 1305, в июле месяце, Вацлав, король чешский и польский, отправив в Венгрию сына Вацлава, избранного частью венгерских панов венгерским королем, умер в Праге [46]. Этот Вацлав, будучи в 1300 году коронован на царства Чешское и Польское, первым делом как новинку принес в [свое] новое королевство Польшу чешский грош, серебряную монету, которая ныне идет по полтора польских гроша, а потом от него и другие польские короли начали под своим королевским клише (znakiem) чеканить монеты: гроши, полгрошики и четвертаки (kwartniki). До того времени при всякой торговле как поляки, так и русские, литовцы и мазуры привыкли рассчитываться (odprawowac) за свои покупки товарами: кусками рубленого золота и серебра, а также шкурками куньими, веверичьими или беличьими,

лисьими и другого зверя, пока поляки от чехов, а литовцы от поляков не научились и монету использовать [в качестве] денег, и домашнее хозяйство получше вести.

Тот же Вацлав, король чешский, впервые окружил город Краков каменными [стенами].

Локетек добился королевской [власти]. А после его смерти краковские и сандомирские паны и шляхта Владиславу Локетку ласковее, чем прежде, отдали королевство Польское, с которого его трижды сгоняли. Фортуна начала ему [улыбаться], ибо благодаря симпатиям крестьянства и народа, [он] завладел всей Сандомирской землей, выбив отовсюду оборонявших ее чехов, а потом, когда краковские паны и шляхта, видя его счастье, немедленно передали [ему] другие крепости в Краковской земле, в конце концов сам взял Краковский замок у сдавшихся чехов.

Чешский король убит спящим. На другой год, когда чешский король Вацлав (III), сын короля чешского и польского Вацлава (II), отправился в Польшу, желая завладеть польским королевством как отцовским [наследством], во время отдыха в первом же моравском городе Оломоуце он был убит спящим неведомо кем [47]. И с того 1306 года Чехия осталась без [чешских] наследников, [и там] начали править иностранные короли и господа — вплоть до нынешнего времени.

А Владислав Локетек, в третий раз избранный польским королем, желая отомстить за прежние свои кривды Генриху, князю Глоговскому, огнем и мечом повоевал всю Силезию.

А прусские орденские рыцари в то время завоевывали у польских князей поморские земли и в результате предательства (przez zdradliwe praktiki) оторвали от польского королевства все Поморье, а потом и Куявию.

Глава пятая

О разорении литовцами Калишской земли и частых наездах между ними и крестоносцами в 1306 году

О чем Длугош, Меховский (кн. 4, гл. 3, стр. 12, 14, 215 и т.д.), Ваповский и Кромер (кн. 11 и т.д.)

Audientes Litvani etc. В 1305 году литовцы, прослышав про неурядицы и внутренние войны в королевстве польском, собрались с рыцарством своего князя Витеня и, двинувшись через леса и не обычными дорогами, а своими простыми казацкими дорогами, через Мазовию прошли до Великой Польши.

Литовцы воюют Великую Польшу и Калиш. И здесь города Калиш и Ставишин и все окрестности разграбили, стариков и недорослых деток посекли, дворы и вотчины (wlosci) все пожгли. И с большой добычей и с несколькими тысячами пленных поляков без всякого отпора убежали в Литву и перегнали туда в целости весь полон, вероятно, с позволения мазуров, через край которых [свободно] ходили и там и сям.

Прусское орденское войско захватило Гродненский замок. В то же время Генрих фон Плоцке, родом саксонец, вновь избранный прусским маршалом, а не магистром (как пишет Меховский), послал орденское войско на Литву [48]. Эти воины, приблизившись к замку Гартин, расположенному на Немане, и в ненастный день найдя ворота открытыми, захватили замок, [одних] литовцев посекли, других повязали и, обобрав замок, с большой добычей вернулись в Пруссию. Однако Петр Дусбург, как это выше найдешь в его хронике, не пишет, что немцы в то время захватили замок Гарту, а только зажгли посад, который в те годы был большим. Что говорит и сам Меховский *eodem folio,* свидетельствуя сам против себя: *Commendator autem de Coniksberg castrum Gartin non fuisse locatum moleste ferens, etc.* Он же говорит, что комтур Кёнигсберга, сожалея и досадуя, что это немецкое войско не завладело замком Гартин или Гродно, с этим же войском сам сразу же вернулся к Гарте второй раз. Но когда литовцы первыми обнаружили его и сами напали, [комтур] вернулся в Пруссию, учинив в Литве новые грабежи. А ты, читатель, если захочешь, вернись к хронике Дусбурга и там достовернее найдешь об этих гродненских стычках у того же Дусбурга, который писал о том, что [происходило] при его жизни.

Немцы воюют Литву. Потом, когда многочисленные рыцари-пилигримы из Германской империи и из других христианских земель по земле и по морю прибыли в Пруссию на священную войну против Литвы, орденские братья, усиленные их мощью, сразу же начали новую войну против Литвы. Разорив и обобрав Каршувский повят, они вернулись в Пруссию с большой добычей.

В том же году костел в Краковском замке, крытый оловянной кровлей (blacha), и сам весь замок с башнями, который в то время был еще едва ли не полностью деревянным, сгорел восьмого мая.

Литва воюет Польшу. Потом, в 1307 году, в день святого Галла (16 октября) литовцы внезапно вторглись в Серадзские и Калишские земли, все окрестные волости повоевали огнем и мечом и, учинив неслыханные беды и набрав много трофеев, поспешно двинулись в Литву.

Немцы воюют Литву. В том же году, когда на помощь орденским рыцарям в Пруссию со своими людьми и рыцарством прибыл Генрих, князь Баварский, прусский магистр Теодорих фон Альтенбург отправился вместе с ним в Литву с большим войском, [состоящим из] своих и имперских рыцарей [49].

Немцы осаждают Велюону. Потом осадили замок Велюна или Велюона и, когда несколько штурмов были отбиты, прусский магистр прямо перед замком Велюона построил два других замка, один из которых назвал Фридбург, то есть Спокойная гора, а другой Байер[бург], то есть Баварский, в честь баварского князя Генриха. [Магистр] оставил в этих замках все огнестрельное (strzelbe) оружие и иное военное снаряжение, усилил оба замка немецкими гарнизонами, снабдил их продовольствием и приказал осаждать Велюону, пока литовцы на сдадутся. А сам потом с князем Баварским и добычей двинулся в Пруссию через Жмудскую землю.

Тут в хронике Меховского ошибся либо его писарь, либо печатник, положив годом осады Велюоны 1307, а собирался положить 1327, но ошибочно поставил цифру 0 вместо 2.

Правильный порядок некоторых прусских магистров [50]. Дело в том, что упомянутый Теодорих (или, возможно, Дитрих, как в прусских хрониках), граф фон Альтенбург, в то время еще не был прусским магистром. Магистром в то время был Зигфрид Фейхтванген, избранный в том же 1307 году, в правление императора Альбрехта, герцога Австрийского (Rakuskiego), и папы Климента, который был пятым на престоле [Святого] Петра после Целестина [51]. А после того Зигфрида в 1309 году прусским магистром был избран Карл Тревир (Трир), который у польского короля Владислава Локетка непорядочно (nieprzystojna) отнял войной Поморскую и часть Куявской земли, оторвав от польской короны княжества Михаловское и Добжиньское. Калишскую, Серадзскую, Ленчицкую [земли] и всю Великую Польшу, а также Мазовию с помощью того Винцентия из поморян [52] порушили и испепелили, так что потом бедняга Локетек даже породнился с литовцами, лишь бы отнять у крестоносцев [эти земли], как о том пространно свидетельствуют Длугош, сам Меховский (кн. 4, гл. 11,12), Кромер (кн. 11) и т. д.

Потом этот Каролус Тревир, едучи из Рима, куда был вызван папой, умер в Вене (Wiedniu) в 1322 году [53]. О чем [пишут] прусские хроники и Меховский (кн. 4, гл. 15, стр. 220), сам свидетельствуя против себя. На его место магистром был избран Вернер фон Орселн или Урселнсис (Urselnsis), который потом был убит в Мальборке братом ордена Иоанном Гиндорфом. О чем прусские хроники и Меховский в той же книге (гл. 16, стр. 222) и также вопреки себе. После него на магистерство избрали Людера или Людольфа, князя Брауншвейгского или Тулишурженского (Tuliszurzenskie) (?) при императоре Людвиге 33 [54] и папе Иоанне 22 в 1325 году. Сразу потом на магистерский престол в 1329 году был избран Теодорих или Тидрик, граф Альтенбургский, которому было 80 лет [55]. Меховский о нем пишет, вероятно, по ошибке своего писаря, переписывавшего обычную тетрадь (как и мне хлопец делает), либо из-за небрежности типографа и недосмотра корректора, что в 1307 году [он] осаждал в Литве Велюону вместе с Генрихом Баварским и якобы построил под Велюоной два замка, Фридбург и Байер[бург], которые тут же осадил Гедимин (*Supremus Dux Lituaniae imminens periculum depulsurus* — это слова Меховского), в том же 1307 году застреленный крестоносцем горящей стрелой (strzala ognista) и там же на поле испустивший дух [56].

Но если бы Гедимин был убит в том году, как пишет Меховский, тогда его хроника сама себе противоречит, ибо Гедимин должен был бы и после смерти воевать собственной своей персоной, восставшей из мертвых. Но Гедимин не был петровинцем (Piotrowinem) [57], ибо в другом месте (кн. 4, гл. 10, стр. 209) тот же Меховский пишет, и с этим согласны все хроники:

Wladislaus Rex Poloniae, qui toto illo tempore, id est anno 1329, exercitum cum magna diligentia comparabant, cum suis gentibus, cum auxilio Hungarorum, a Carolo rege Hugariare misso, cui Wilhelmus Dux Austriae paeerat. Cum exercitu Lituanorum et Samogitaram, cui Princeps Gediminus personaliter praeerat, etc.

Владислав, прозванный Локетек, король Польский, в течение всего этого времени, то есть 1329 года, с великим усердием собирал против крестоносцев войско из своих людей и из венгров, присланных в помощь венгерским королем Карлом, предводителем которых был Вильгельм, князь австрийский (Rakuskie), [а также] из войск литовских и жмудских, которые возглавлял князь Гедимин собственной персоной (говорят, *personaliter*, то есть командовал он сам, а не назначенный им гетман). Итак, все они вошли в Хелминскую землю, разорили и пожгли все волости, что попались им по дороге, и прочее, а потом дошли аж до реки Дрвенцы и т.д. И так с помощью Гедимина с литовцами и жмудинами и венгров Владислав Локетек вынудил крестоносцев просить мира, который те потом не соблюдали, как о том пространнее свидетельствуют хроники польские и прусские.

Вот поэтому пришлось потрудиться и найти убедительные доводы, чтобы ты, милый читатель, при чтении Меховского знал, что произошло следующее: его печатник или писарь ошибся, а потом этого не заметил и всей его хроники не редактировал (konkordowal) и не привлекал [сочинения] других историков для выяснения исторической правды. И тогда литовская история перемешалась бы и могла спутаться в большой клубок, где все шиворот-навыворот. Витень мог оказаться после Гедимина, а потом после Витеня [опять] же Гедимин, будто бы воскрешенный из мертвых наподобие петровинца, вопреки всем литовским и русским летописцам и вопреки другим историкам и хронистам, а в конце концов и сам Меховский запутался, как в запутанном лабиринте. Так что знай, милый читатель, что согласно истинному ходу литовской истории Гедимин, великий князь Литовский, был избран на великое княжение Литовское после [своего] отца Витеня в 1316 году, а убит под Фридбургом в 1328 году, а не в 1307 году, как в хронике Меховского, где издатель (drukarz) ошибся на двадцать и три года. Поэтому, когда я читал у Меховского это место: *Gediminus autem supremus dux Lituaniae imminens periculum depulsurus nova castra (id est Fridburg et Bejer) forti exercitu circumdedit*, и на другой странице: *Magister vero Prussiae Teodricus eodem anno*, где из-за типографской ошибки у Меховского разумелось 1308, а должно быть 1328. А когда потом написал *sequenti autem anno*, что ошибочно подразумевает 1309, но по ходу истории и в согласии со всеми хрониками прусских магистров должно быть 1329: *Olgerd Lituanorum Dux necem Gedimini patris sui, et patriae vastationem ulturus in forti exercitu Prussiam ingressus, eam caedibus et ignibus vastavit etc.* Также потом: *Quem Henricus Prussiae Marsalcus 14 Augusti etc. consecutus*, и вплоть до конца этой сентенции, *captivosque et pecora relinquere coacti (Lituani silicet) sunt*. Итак, из всего этого [следует], что ошибка в годах принадлежит не Меховскому, историку славному и достойному, а его типографу или писарю, а [исправлена] благодаря нам, ибо по милости Божьей мы приблизились к первоначальному порядку [событий] в этом месте при согласовании (z konkordowania) [известий] дюжины польских, прусских и лифляндских хроник и летописцев русских и литовских, а потом уже [согласовывались] с Длугошем, Кромером, Ваповским, Петром из Дусбурга и с другими историками. Сам Меховский (только его надо читать полностью и внимательно) потом тоже возвращается к надлежащему порядку лет в [своем] историческом повествовании. Поэтому, отбросив этот уже развязанный узел, приступим к прежнему порядку нашей истории.

В хронике Петра из Дусбурга, пересказанной нами, найдешь о иных стычках литовцев и жмудинов с крестоносцами в вышеописанных годах 1306, 1307, 1308 и 1309 и т.д.

Также в старых Летописцах Русских, которых у меня несколько экземпляров, [сказано], что в 1307 году литовцы взяли Полоцк, но у кого и как, не пишут.

Жестокости прусских крестоносцев в захваченном Гданьске. А в 1310 году в день святого Доминика (6 августа) прусские крестоносцы изменой захватили у Владислава Локетка Гданьск, когда на ярмарочные торжества съехалось больше всего [народу]. И там людей посекли, насилием набрали добра, обобрав горожан, купцов и других гостей, прибывших [на ярмарку] и, хуже язычников учинив неимоверные жестокости, заняли своими рыцарями город и гданьский замок (хотя поляки его долго и мужественно защищали). И, как пишет Кромер, ни в одном замке или крепости, даже если они были захвачены какими-нибудь язычниками, не проливалось так много польской крови, как тогда при захвате Гданьска польскими данниками, благочестиво носящими крест [на плащах] [58]. Потом [немцы] захватили у поляков города и замки Тчев или Диршау, Хойнице, Нове и Свеце, а в конце концов завладели и всей Поморской землей.

В то время, когда прусские крестоносцы столь своевольно бесчинствовали в Польше, лифляндские крестоносцы со своим магистром злодейски отняли город Ригу и и все земли у архиепископа, своего основателя и благодетеля, предками которого они и были [учреждены] в Лифляндии для умножения христианской веры семь[десят] четыре или [семьдесят] пять лет [тому назад] [59]. В то время и потом упомянутые братья [Тевтонского] ордена как в Пруссии и Литве, так и в Лифляндии постоянно творили еще большие насилия и жестокости.

Из этого следует, что [они] более заботились об уничтожении, чем о распространении (o wygladzenie niz o rozmnozenie) христианской веры среди язычников, хотя литовцы и жмудины и до этого сами всегда разбойничали и, око за око, на войну отвечали войной, на насилие насилием.

Паводки и жестокий голод. В том же году (1310) в последний день января месяца было затмение солнца, а потом из-за непогоды, частых дождей и бурных наводнений в Польше, в Пруссии, в Литве, в Валахии, в Германии и в Чехии царствовал великий голод, какого никто не помнит и от предков не слыхивал.

Глава шестая

О разорении Прусской земли литовским князем Витенем и о поражении его за кощунство над святыней Тела Господня в 1311 году

О чем Петр Дусбург, хроники Прусские, Меховский (кн. 4, гл. 13, стр. 215), Ваповский и т.д.

Витенес или Вицень, которого Петр Дусбург зовет королем, видя, что в то время прусские крестоносцы с поляками, а лифляндские с рижанами и со своим архиепископом ведут великие смуты, собрался со всеми своими войсками и вторгся в Прусскую землю. Большую часть этих волостей во время масленицы 1311 года [он] железом и огнем обратил в пепел и почти в ничто, а потом с большой добычей и пятьюстами немецкими

пленниками возвратился в Литву и принес жертвы своим богам. А тем временем комтур Кёнигсберга [60] с одним полком и пять других комтуров с другим войском, разными дорогами яростно (zapalczywie) вторгнувшись в Литву, разоряли все волости, а людей, которые им попадались, хватали, вязали, секли и били, устрашив самого Витеня, великого князя Литовского, в то время веселящегося и пестующего (hodujacego) своих богов. Потом [орденские рыцари] вернулись в Пруссию с многочисленными пленниками.

Литва разоряет Пруссию. Желая отомстить за это разорение и опустошение своих литовских земель, великий князь Витень, немедленно выбрав из прочего своего рыцарства четыре тысячи казаков, отборных мужей, в канун Пальмового воскресенья (3 апреля 1311 года) вторгся в Пруссию. И всю Прусскую землю вплоть до Браунсберга [61] разорил, повоевал и опустошил, выжег церкви, разграбив из них сокровища, драгоценности и священные сосуды; святыню Тела Господня, с поруганием опрокинув на землю, оплевал и ногами потоптал [62].

Богохульство Витеня. Потом, когда гнал великое множество пленников в Литву, на границах расположился лагерем в одном лесу, намереваясь поделить пленных и раздать их своим рыцарям. И перед паннами и девушками (которых среди пленников было тысяча четыреста [63], не считая мужчин и остальных женщин) он собственной рукой выхватил из монстранции [64] принесенную из церкви в прусских землях святыню (Sacrament) Тела Господня и швырнул ее на землю, плюя, топча ногами и спрашивая: «Где же их Бог, который ни этому не может противиться, ни своим хвалебникам помочь?».

Однако Господь Бог недолго терпел это богохульство, ибо уже на рассвете следующего дня, который был вторником шестого апреля, наместник прусского магистра (а не магистр, как другие пишут) Генрих фон Плоцке, собрав сильное войско других немецких народов, [старшими] над которыми были восемьдесят орденских братьев и вышестоящих комтуров, ударил на войско Витеня. **Этого Генриха фон Плоцке Петр Дусбург называет великим комтуром.**

Литовцы терпят поражение от немцев. [Случилось это] на первом же привале (kocisku), о чем читай выше (а это урочище, читатель, Дусбург именует Войплок). И хотя литовцы при своем князе довольно храбро оборонялись, но потом не смогли устоять против орденской мощи. Очень много их полегло на поле боя, а каждого из пойманных немцы либо повесили, либо утопили в озерах и в реках; так что из четырех тысяч литовцев мало кто уцелел и убежал, [разве что] сам великий князь Витень с двумя своими слугами, да и то раненный в голову. И в память о столь славной победе крестоносцы, возвратившись домой, построили в Торуни каменный женский монастырь и передали монашкам [65]. ***Длугош и Меховский (гл. 13, стр. 216).***

Потом комтур Бранденбурга второй раз отправился [в поход] против Литвы и, разорив Пограуденский (Pogrodenski) повят, спешным маршем возвратился в Пруссию.

Немцы разоряют Литву. В третий раз поход против Литвы, учинил прусский магистр Генрих фон Плоцке с немецким войском в году 1311. Второго июля он вторгся в Литовскую землю и огнем и мечом повоевал Сальсемлинский повят (Шальчининкай). Там

же он захватил три литовских замка и, обобрав их, спалил. И побил много литовского рыцарства, а семьдесят их бояр, захваченных в плен, увел в неволю.

Потом на следующий 1312 год, когда Генрих фон Плоцке оставил должность [прусского] магистра (которую орден якобы [снова] учредил в междуцарствие (interregnum) после магистра Зигфрида [66]), прусским магистром был избран Генрих либо Карл Тревир. Тот захотел на новой должности сразу показать свою удаль и отправил в Литву двух комтуров с войском в вичанках (wicinach) [67] и в ладьях по реке Неман к замку Мержист. **Меховский пишет: замок Мержист, но похоже, что здесь должно быть Мереж, где раньше уже был замок** [68]. Старшим гетманом над этой водной армадой был комтур Рагнеты Вернер [69]; сам же магистр Карл с другим, еще большим, войском двигался по суше до жмудского замка Бисены. Однако и магистр, и комтур Вернер с водной армадой (armata) мало чего добились, разве что захватили немного пленников. Об этом, читатель, подробнее найдешь у Дусбурга, где в начале даны заголовки: *Водная битва и т.д.* [70].

Немцы воюют Жмудь. Потом великий маршал Генрих Плоцке в пятый раз отправился в Литву с большим и сильным немецким войском, которое терпело неслыханные беды и потери; однако когда не смог взять замок Бисену, который отчаянно (przewaznie) и упорно обороняли жмудины и литовцы, снял осаду и отступил.

Немцев в Литве одолел голод. Потом, разделив войско натрое, [великий маршал] распустил загоны по трем повятам: Медникскому, Кривиченскому и Тривиченскому [71], где они не могли достать никакого пропитания (ибо перед их приходом литовцы все спрятали). И начался в немецком войске великий и страшный голод, так что пока более ста миль [72] тянулись из Литвы обратно в Пруссию, множество их, терзаемое невыносимым голодом и разными нуждами, поиздыхало (pozdychalo) по дороге. И сдается мне, что в то время крестоносцы осаждали Литовские Медники, расположенные в 4 милях за Вильно, поскольку Меховский пишет: *Per centum et amplius miliarium spatium*, сто и еще несколько миль; ибо от наших Жмудских Медник до Пруссии только 12 миль или, может быть, 15, что зависит от [положения] границ.

Сурмин или Сурвил, от которого [получили название] Сурвилишки в Жмуди над Невежисом. В том же 1313 году великий князь Литовский послал своего гетмана Сурмина, мужа хитрого и настойчивого, с водной армадой в сто вичанок (wicin) или стругов по реке Неман, чтобы захватить замок Христмемель (Trisntemla). Этот Сурмин сжег находившиеся на Немане вичанки орденского флота (armate), но, побежденный крестоносцами в другой битве и потерявший триста сорок [воинов] своего рыцарства, с остатками своего флота и вичанками бежал в Литву [73].

Яд в причастии. В том же году император Генрих Седьмой умер от яда, поданного ему в причастии, а после него курфюрсты разбились на две группы: одни избрали императором Фридриха Австрийского (Rakuskiego), а другие — Генриха Баварского, которые междоусобными войнами потом долго терзали итальянские и немецкие земли, но в конце концов [титул] императора остался за Людвигом.

В том же 1313 году мазовецкий князь Болеслав, сын князя Земовита, убитого русским князем Шварном и литовским королем Мендогом, умер в Вишогруде и похоронен в плоцком костеле. После себя он оставил княжить трех сыновей: Земовита и Тройдена от первой жены литвинки, дочери великого литовского князя Тройдена, [женщины] очень достойной, как пишут Кромер и Меховский, и родившихся от чешки (Кунегунды) Вацлава или Ванка и одну дочь [74].

В 1314 году на день Рождества Господня показались две кометы и три луны одновременно, а кометы пылали (palaly) аж до конца февраля.

Жестокий голод. Был потом голод жестокий в Польше, в Мазовии, в Литве и в других прилегающих странах, так что когда у людей не оставалось сорняков, корешков из земли и других растительных продуктов, матери и отцы убивали и ели своих детей, а сыновья своих родителей, другие усмиряли невыносимый голод трупами и различной падалью и, как пишет Длугош, это бедствие целых два года терзало польские края. Потом наступило жестокое [моровое] поветрие и длилось целый год, и так много умерло людей, что, как свидетельствуют прусские хроники, в Польше и в Пруссии все хлеба и овощи остались на полях неубранными.

Жмудины осадили Рагнету, большой замок, который [я] сам видел. А в 1315 году жмудины с большим войском осадили Рагнету (Рагнит) в Пруссии. И когда им надоело долгое время стоять (lezac) под замком, а добыть его не могли, то вернулись в Жмудь, разорив окрестные волости и повытоптав все хлеба.

А Витень, великий князь Литовский, закончив войну, начатую жмудинами, собрал очень большое войско, осадил Трисмемель или Христмемель и в течение целых семнадцати дней и ночей добывал его таранами, штурмами, разными обстрелами и подкопами [75]. **Трисмемель или Христмемель был замком над Неманом между Юрборком и Тильзитом. Как я сам выяснил, крестоносцы заложили эти замки в Литве, как ныне московиты на Руси селят саксов.** Двести ландскнехтов [76], присланных прусским магистром для отвлечения (na odsiec) [врага], всех до единого посек и перебил, когда те пытались пробиться в замок на помощь своим. А когда через своих шпионов узнал, что против него идет сам магистр с шестью тысячами немецкого войска, вернулся в Литву, как пишет Меховский. А ты, читатель, подробнее об этом читай выше у Дусбурга. Гнал потом Витеня прусский магистр, но не мог его догнать; однако литовскую и жмудскую земли разорял и опустошал, и многих литовцев перебил и угнал в неволю. А литовцы тоже отвечали им взаимностью, в то же время вторгнувшись в Пруссию с жмудскими проводниками.

Медники, где ныне Ворни (Варняй)**, разрушены.** В том же году прусский маршал Генрих Плоцке, сакс, вторгся в Литву со своими рыцарями, Пастовский повят разрушил и выжег, а пятьсот пойманных литовцев вывел в Пруссию. А когда собрал в Кёнигсберге очень много рыцарей-пилигримов из Германии с Рейна, которые прибыли на священную войну против литовцев, сразу же второй раз отправился с ними в Литву. Взяв замок Бисену и перебив в нем восемьдесят литовских мужей, он стремительным и быстрым ударом обратил в пепел и в прах Медникский повят.

В том же 1315 году умер Витенес или Виценъ из Эйраголы, великий князь Литовский, Жмудский, Русский и Подляшский, которого Дусбург во всех местах пишет королем, царствовавший до седин и устраивавший прусским и лифляндским крестоносцам частые войны и ужасные потрясения (gwaltowne stossy). И на месте погребения, Виленских жеглищах, по языческому обычаю был сожжен в доспехах, с саблей, копьем и сагайдаком, в княжеской одежде, с парой соколов и прочим при великом сожалении посполитого люда и панов, а также всех бояр литовских.

***Idem cittat Cureus in Historia Silesiae* и приравненного к нему *Sigessowi Lidijskiemu* [77].**

А вот о смерти этого Витеня польские историки сильно не согласуются с русскими летописцами, а также с прусскими и лифляндскими хрониками *et cum Petro a Dusburch,* ибо Меховский (кн. 4, гл. 36, стр. 264), Ваповский и Кромер (кн. 14), начиная генеалогию или вывод рода литовских князей, пишут так:

Был (говорят) у Витеня, великого князя Литовского, конюшим Гедимин, муж большого ума и охочий до власти, который, убив своего господина Витеня и тоже будучи литвином, сам завладел Великим княжеством Литовским и далеко его расширил, присоединив некоторые русские княжества, частично силой и войной, а частично по [взаимному] согласию и добровольному подданству под власть Литвы.

Так пишут Меховский, Кромер и Ваповский. Петр же Дусбург, капеллан Тевтонского ордена, который писал историю своего времени или хронику деяний прусских крестоносцев и должным образом перечислил все их войны с Литвой, всегда называет там Витеня королем или сыном литовского короля, а Гедимина собственным сыном Витеня [78] и пишет, что власть над Литвой тот получил по наследственному праву.

Рассказ (rzecz) летописей. Все литовские летописи, писанные по-русски, которые литовцы издавна называют хрониками, просто и единодушно, как если бы я захотел и тысячу их свести воедино, рассказывают о великом литовском князе Витене так.

Началось великое княжение Витеня. Великий князь Витень много лет правил в Великом княжестве Литовском, Жмудском и Русском, и родился от него сын, по имени Гидзимин. Потом умер великий литовский князь Витень, и после него сел на великом княжении Литовском, Жмудском и Русском названный сын его Гедимин и т.д.

Там же далее упомянутые литовские и русские летописи, а также Киевские хроники всегда считают Гедимина или Гидзимина собственным сыном Витеня, а чтобы он был его конюхом (как думают Меховский, Ваповский и другие), о таком нигде не упоминают ни русские, ни лифляндские, ни прусские хроники, ни Петр из Дусбурга, который писал и жил во времена Витеня и Гедимина. И о том, что убил своего господина и после него стал великим князем, это я тоже с факелом у них искал, но, клянусь, не нашел. И пришел к выводу, что с этим делом напутал либо [сам] Меховский, либо предшествующий историк, которого он брал за основу. Гедимин, избранный и возведенный на великое княжение Литовское после отца своего Витеня, убил Пелюше, сына Тройната (Тройната, который в 1264 году убил литовского короля Мендога) и внука Довмонта. Этот Пелюше, как об этом

свидетельствуют Длугош, сам Меховский (кн. 3, гл. 62, стр. 183) и Петр Дусбург, тоже был наследником литовских князей [79], но не был избран на великое княжение литовское после убийства Тройдена. А Витень из Эйраголы (Erajgolczyk), маршалок Тройденов, в обход упомянутого Пелюше Тройнатовича и Гинвила Гедрусовича был выдвинут на великое княжение Литовское сыном Тройдена Римунтом или чернецом Лаврышем и добровольно избран всеми литовскими сословиями, как это мы выше пространно показали и убедительно доказали. Тогда князь Пелюша Тройнатович, уязвленный обидой, бежал к прусским орденским рыцарям и, взяв помощь от комтура Кёнигсберга Альбрехта Мейсенского, [вместе] с Мартином Голиным и Конрадом Дьяволом, орденскими ротмистрами, совершил внезапный набег на литовских князей и панов, гулявших на свадебных торжествах. Он захватил семьдесят виднейших князей или панов и жениха с гостями и всей свадебной утварью (fraucimerem), и увел их в Кёнигсберг вместе с большой добычей. Часто потом устраивал набеги на Литву и других старост с украин бунтовал, особенно Драйколита и Свитрила [80], двух литовских панов, которых склонил к тому, что те сдали крестоносцам Оукайм и два других замка. Потом, в 1315 году, когда уже при новом правлении (Гедимина) они продолжали вместе с крестоносцами делать набеги на Литву, Гедимин, поразив их и захватив в плен, велел казнить как изменников и врагов отчизны. А так как Пелюша был принцем (principal) и писался Великим князем Литовским, хотя им не был (как ныне Генрих Французский королем Польским или бежавший в Москву валашский воевода Богдан [81] и некоторые другие), то когда Гедимин захватил *Aemulum imperii* и велел его казнить, иные историки, которым следовали и польские хронисты, подумали, что Гедимин убил своего господина, то есть Витеня. Но Гедимин был его собственным сыном и свою генеалогию неразрывно вел от рода и потомства римских князей: от Палемона или Публия Либона из герба Колюмнов и от Дорспрунга (Dorsprunga) из герба Китаврас.

Сама эта история выглядит противоречиво, потому что в Литве и в Жмуди в то время было уже много благородных, могущественных и родовитых фамилий (domow) вроде Гаштольтов, Бутримов, Румбольдов (Rombowdowie), Монивидов и других. А также было более дюжины (o kilkonascie) удельных (oddzielnych) князей: Гедройцких, Гольшанских, Дялтувских, Утенских, Новогрудских и других, потомков великих князей, которые подчинялись только великому князю Литовскому, сидящему в Керновской столице (ныне стертой [с лица земли] течением времени). Из-за постоянных войн с крестоносцами в то время и каждый жмудин, будь он шляхтич или холоп, равные имел вольности. Руссаки же новогрудские и полоцкие, а также подляшские, хотя и были в то время подданными Литвы, но пользовались теми же свободами. Нет сомнений и в том, что если бы Гедимин или Гидзимин, будучи конюхом, убил бы своего господина Витеня, великого князя Литовского, а после него, будучи человеком простым и неродовитым, своевольно завладел бы Великим Княжеством, столь обширным и могучим, ему сразу обломали бы рога (utarliby rogi) другие князья, паны и весь народ. Сразу схватили бы и покарали как предателя, ибо те, кто в то время были грозны руссакам, прусским и лифляндским крестоносцам, полякам и мазурам, без сомнения, не допустили бы верховенства над собой негодного [правителя]. А если бы он не был собственным сыном Витеня, то на это место, великое княжение, поставили бы [либо] одного из князей Гедройцких: Гинвила и его сыновей, [либо] Гольшанских: Миндовга (Mindowha) и Альгимунта, как своих собственных наследников. Имея право свободного выбора, дарованное и подтвержденное

Римунтом или Лаврышем Тройденовичем, они не потерпели бы, чтобы столь великим государством правил изменник и не запятнали бы себя вечным позором.

Жмудины в те времена из-за своего исключительного мужества, как я уже говорил, тоже имели большие вольности и не захотели бы быть под властью изменника, ибо имели и своих собственных наследников Жмудского княжества (которых потом истребил Гедимин): Пелусе, Свитрила (Switrila) и Драйколита, перебежчиков к прусским крестоносцам. Будучи вольными людьми, при такой разрухе они бы, вероятно, выбрали бы себе в князья кого-нибудь из них.

Руссаки же новогородские и полоцкие, имея *occasionem diu exspectatam ad excutiendum jugum*, имели долгожданный случай и время сбросить языческое ярмо, которое они носили на себе как данники, будучи христианами и отличаясь [от литовцев] по вере и языку. Ясное дело, что они взяли бы себе господином монарха Киевского или кого-нибудь из волынских, галицких и северских князей, которых в то время в русских землях было достаточно, и предпочли бы иметь над собой господина своего народа, веры и языка, чем чтобы над ними властвовал язычник литвин, изменнически убивший своего господина.

А Владислав Локетек, как о том будет ниже, в то время был действительно слишком славным, могущественным и воинственным королем, чтобы у такого весьма сомнительной славы (na slawie bardzo chromego) человека дочь его Анну брать в жены сыну своему, королевичу Казимиру, [делая ее законной] супругой и [будущей] королевой столь славного королевства. Да и поляки, народ, как в цветах, купающийся (okwicie plywajaci) в шляхетских вольностях (но нам надо бы плавать осторожнее, чтобы в них не утонуть), не позволили бы таких дел своему королю и не потерпели бы над собой королевы из такой семьи и от отца-изменника.

Каких-либо других доводов и выводов не требуется, ибо и сама история, и хроники русские, прусские, лифляндские и все литовские летописцы (если бы я захотел и несколько тысяч их свести воедино, насколько это возможно) этого явно не показывают. Гедимин или Гидзимин не был ни каким-нибудь конюхом, ни убийцей, ни слугой своего пана, ни буйным заседателем (posiedzicielem) [на сейме] Великого княжества Литовского [82], а сыном и наследником Витеня. Как отец, любящий и балующий своего сына, Витень еще при жизни заложил и построил на прусской границе замок, который так и назвал его именем: замок Гедимин. Крестоносцы часто и густо (gesto) осаждали этот замок, как об этом в различных местах многократно пишут тот же Меховский, Петр из Дусбурга и другие.

Комментарии

1. Юрий (Ежи) Николаевич Зенович (1510-1583) герба Деспот — участник Ливонской войны, каштелян Полоцкий (1566-1570) и Смоленский (1579-1583). Его дочь Софья была бабушкой Иеремии Вишневецкого.

2. Витень стал правителем Литвы не в 1283, а значительно позже, в 1295 году, после смерти своего отца Пукувера (Будивида). К тому времени Лешек Черный уже скончался

(1288), но Лев Данилович (ум. ок. 1301) был еще жив. Рудольф I стал германским королем в 1273 году, так что 27-й год его правления — это 1299 год. С римскими папами здесь вообще какая-то путаница; понтификат папы Иоанна XXI: 1276-1277 гг., Иоанна XXII: 1316-1344 гг.; в 1283 году папой был Мартин IV (1281-1285), а в начале правления Витеня (1295) — Бонифаций VIII (1294-1303). Бурхард фон Шванден был не прусским, а *великим магистром* Тевтонского ордена (1283-1290) и не девятым, а двенадцатым. Преемником его был Конрад фон Фейхтванген (1291-1296). В эти же годы *прусскими магистрами* были Конрад фон Тирберг Младший (1282-1288) и Мейнхард фон Кверфурт (1288-1299).

3. Здесь автор почти слово в слово повторяет свой собственный текст из главы третьей книги девятой.

4. См. например, Annales Cracovienses compilati: *1283. Лешек в Ровне перебил множество литвинов* (MGH SS, bd. XIX. Hannover, 1866).

5. Павел из Пшеманкова был краковским епископом в 1266-1292 гг.

6. Городок *Skala* находится неподалеку от Кракова.

7. Длугош не уточняет, сколько времени епископ Павел провел в заключении, ограничиваясь сообщением, что тот пробыл в Серадзском замке *некоторое время*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. II, ks. VII, s. 455. Krakow,1868.

8. Пшемыслав II (1257-1296), будущий князь Краковский (1290) и король Польши (1295), в описываемое время (1283) был князем Великой Польши. Современные историки считают, что в смерти своей первой жены (в русских летописях именуемой Лукерьей) он был неповинен — хотя бы потому, что это противоречило его тогдашним политическим интересам. Подобные слухи, скорее всего, распространяли враги Пшемыслава, которых у него было немало и которые в конце концов организовали его убийство.

9. Конрад II Мазовецкий (1250-1294), старший сын Земовита Мазовецкого, с 1264 года князь черский.

10. Женой Лешека Черного была Грифина (Агриппина, Аграфена Ростиславна), внучка убитого татарами Михаила Черниговского (по отцу) и внучка венгерского короля Белы IV (по матери).

11. Владислав IV Венгерский (Ласло Кун), двоюродный брат Грифины, правил в 1272 - 1290 гг.

12. С 6 января и до 25 марта 1285 года. Вторжение в Венгрию татар под началом Ногая и Телебуги предшествовало ранее описанной отправке венгерских войск в Польшу, так как битва Лешека Черного с Конрадом Мазовецким произошла в *мае* 1285 года.

13. История Пелюши (Пелусе) позаимствована нашим автором из хроники Дусбурга. Однако Дусбург нигде не называет Пелусе «литовским герцогом», а у Длугоша и Меховского в этом случае не было иных источников, кроме Дусбурга. Необоснованное мнение о принадлежности Пелусе к высшей литовской знати и чуть ли не о его близком родстве с Витенем и Гедимином получило распространение именно с подачи Стрыйковского. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М.,1997, стр. 140-141.

14. Состоял ли отряд Мартина из Голина из *немцев* — это как раз вопрос. Судя по рассказам Дусбурга, это была довольно разношерстная компания, где были и поляки, и крещеные пруссы. Нет даже уверенности в том, что немцем был сам Мартин. Зато нет сомнений в том, что всем этим набегом командовал именно Мартин из Голина, а предатель Пелусе был при нем разве что проводником.

15. Длугош татарский поход на Польшу датирует концом 1287 года, такую же дату (686 год хиджры) приводит египетский историк Рукн ад-дин Бейбарс. Бельский говорит о декабре 1286 года, но, видимо, ошибается, так же как и сам Стрыйковский, называющий 1288 год. Очевидно, прав все-таки Длугош, и поход состоялся в декабре 1287 года. См.: Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Петроград, 1922, стр.34-37.

16. При походе на Польшу Ногая сопровождали русские князья Лев и Мстислав, сыновья Даниила Галицкого.

17. Лешек Черный умер 30 сентября 1288 года; таким образом, описываемые события никак не могли произойти в декабре 1288 года, о чем смотри выше примечание 15.

18. Это действительно крупное литовское нашествие имело довольно скромные результаты, поскольку орденские агенты успели заблаговременно о нем предупредить. Добро попрятали, а люди уехали в более спокойные места или отсиделись в замках. Дусбург пишет, что литовская добыча была невелика и христиан погибло немного. И все же ущерб от набега был серьезным, так как литовцы выжгли только что созревшие хлеба.

19. Мингедин — Юнигеда (Велюона), Медерабе — городище Мяшкиники на левом берегу реки Митувы, правого притока Немана.

20. Стрыйковский употребляет здесь слово *rejter* (рейтар). Подобное наименование *конного наемника* вошло в употребление лишь после Шмалькальденской войны (1546-1547). Во времена Стрыйковского слово «рейтар» было уже в ходу, но для XIII века это очевидный анахронизм. Нам кажется, что в данном случае *rejter* уместно перевести как «всадник» (*reiten*) и ни в коем случае не как «рыцарь» (*ritter*).

21. Этот эпизод, которого нет в хронике Дусбурга, позаимствован Стрыйковским у Длугоша, датирующего его 1291 годом. Примечательно, что и Длугош предводителем литовцев называет Витеня, хотя в те годы Витень еще не был правителем Литвы. Но Длугош ни слова не пишет о предательской роли мазовецкого князя Болеслава Плоцкого. После смерти Лешека Черного в Кракове с помощью епископа Павла сел именно Болеслав

Плоцкий. Это было сделано вопреки посмертной воле самого Лешека, завещавшего престол вроцлавскому князю Генриху Честному. Однако Болеслав, действовавший в союзе с Владиславом Локетком. недолго усидел в Кракове, так как Генрих Честный вскоре выгнал его оттуда (1289). Мазовецкий князь водил дружбу с литовцами и даже был женат на дочери Тройдена, тогдашнего правителя Литвы. О сближении Болеслава Плоцкого с Литвой в ущерб интересам Польши пишет и Дусбург. Отсюда следует, что оригинальное известие Стрыйковского вполне правдоподобно. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. II, ks. VII. Krakow,1868. Стр. 481 и 495.

23. Владислав IV (Ласло Кун) был зарублен в своем шатре заговорщиками-куманами 10 июля 1290 года. Стрыйковский вслед за Длугошем датирует это событие днем ранее, 9 июля. См.: Szabo Karoly. Kun Laszlo 1272-1290. Budapest, 1886.

23. Дусбург пишет, что в 1293 году орденские рыцари упорно штурмовали Юнигеду, однако взять замок им так и не удалось. О последующем многодневном разорении Пруссии Витенем орденский хронист тоже ничего не сообщает. Весь этот эпизод Стрыйковский излагает не по Дусбургу, а по Длугошу, откуда и взяты *восемьдесят* дней. Столь длительный литовский набег совершенно нереален; вероятно, должно быть *восемнадцать* или *восемь* дней.

24. Из всех источников ближе всего по времени к описываемым событиям хроника Дусбурга (начало XIV века), поэтому ее сведения предпочтительнее, особенно при расхождениях в датах или числах. Дусбург же пишет, что литовцев было не 1800, а всего 800, а 1800 воинов было как раз у Казимира Ленчицкого. Известие о 1800 *литовцах* Стрыйковский подчерпнул у Длугоша, а тот либо перепутал, либо нарочно «уравнял» силы сторон, чтобы поражение поляков выглядело не столь бесславно. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М., 1997, стр. 149.

25. Литовцы разгромили Ленчицкий собор на Троицу, 6 июня 1294 года. Дусбург пишет, что при этом погибли 400 христиан.

26. Последующее сражение, состоявшееся 10 июня 1294 года, историки называют *Трояновской* битвой. В ней погиб князь куявский и ленчицкий Казимир II (род. ок. 1261), брат Локетка и сын Казимира Великого.

27. В 1565 году Стрыйковскому было 17 лет.

28. Длугош не сообщает точной даты смерти Конрада Черского (1250-1294), другие источники называют либо 24 июня, либо 21 октября.

29. Болеслав II Мазовецкий (1252-1313) был женат дважды. Его первой женой (1279) была дочь Тройдена Гуадемунда, в крещении София. Второй раз он женился (1291) на Кунегунде, дочери чешского короля Отакара II Пржемысла. Очевидно, дочь Тройдена к этому времени уже умерла.

30. Это та самая литовская волость Gerschow, которую тремя предложениями выше наш автор ошибочно назвал Jerschow. Дусбург зовет ее Гесовия (Gesowia), а литовцы Гайжува (Gaizuva). Волости Гайжува и Пастува находились на Немане (ниже Каунаса) между устьями его правых притоков Невежиса и Дубиссы. Замок же Визна был расположен на Нареве, а это достаточно далеко от Гайжувы.

31. Генрих Честный (Probus) умер еще в 1290 году, завещав Вроцлавское княжество Генриху Глоговскому. Но во Вроцлаве сел другой силезский князь, Генрих Брюхатый, скончавшийся в 1296 году. Которого из этих Генрихов имел в виду Стрыйковский, в данном случае неясно, но похоже, что все-таки Генриха Честного. И хотя в 1295 году князем Вроцлавским был Генрих Брюхатый, он, в отличие от Генриха Честного, никак не мог считаться «польским монархом».

32. Краковский епископ Станислав был убит 11 апреля 1079 года по приказу князя Болеслава Смелого, которого епископ отлучил от церкви. Впоследствии Станислав был канонизирован (1253).

33. Пшемыслав был убит 8 февраля 1296 года. Длугош пишет, что он отчаянно защищался и даже сразил нескольких врагов, поэтому в него стреляли из луков и бросали дротики. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. II, ks. VIII. Krakow,1868. Стр. 516.

34. Отсюда следует, что в ту эпоху в Польше ношение красной одежды было исключительной привилегией знати.

35. Казимир II Справедливый (1136-1194) жил за сто лет до Пшемыслава II. Стрыйковский, очевидно, имел в виду Казимира III Великого (1310-1370).

36. Об орденском походе на Гродно в 1296 году пишут и Дусбург, и Длугош. Дусбург в числе участников похода не называет комтура Кенигсберга, это Стрыйковский подчерпнул у Длугоша, причем слово «комтур» у нашего автора превратилось в имя Петр. Комтуром Кенигсберга был тогда Бертольд Брухавен (1289-1302), комтуром Бальги — Зигфрид фон Рехберг (1296-1300).

37. Орден меченосцев, вскоре объединившийся с Тевтонским орденом (1237), действительно, основал рижский епископ Альберт (1202), поэтому преемников Альберта, архиепископов Риги, ливонские братья имели все основания считать учредителями своего ордена. «Яном Квириным» Стрыйковский называет Иоганна III Шверинского (1294-1300).

38. Должность прусского магистра в те годы последовательно занимали Людвиг фон Шиппен (1299-1300), Хельвиг фон Голдбах (1300-1302) и Конрад Зак (1302-1306).

39. Здесь совершенно очевидная ошибка, а, скорее, описка. Пшемыслав был убит в 1296 году, и в том же году Локетка избрали князем великопольским и поморским. Ниже сам Стрыйковский пишет, что низложение Локетка в 1300 году произошло *на третий год* после его избрания.

40. Чешского рыцаря Гинека Берку из Дубы упоминает и Длугош, сообщая, что в 1300 году король Вацлав II назначил его великопольским старостой. Однако Длугош нигде не употребляет прозвище *Берка* и называет его просто *Гинком* из Дубе, а Стрыйковский — *Генрихом Берке* Дуба. Из этого следует, что в данном случае наш автор брал за основу не Длугоша, а какой-то другой источник.

41. Миколай (Микулаш), герцог Опавский, был внебрачным сыном Отакара II Пржемысла и, следовательно, сводным братом самого Вацлава II.

42. Дусбург ясно пишет *Пукувер* (Pucuwerus). Вероятно, Стрыйковскому попался не слишком исправный список «Хроники» Дусбурга. Еще вероятнее, что использовался не латинский текст хроники, а ее перевод или пересказ, о чем наш автор и сам пишет ниже. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М.,1997, стр. 148.

43. Имеется в виду, конечно, не маркграфство Бранденбург, а замок Бранденбург в Пруссии. Дусбург пишет, что орденским отрядом командовал не сам бранденбургский комтур, а один из его рыцарей.

44. Неизвестно, откуда Стрыйковский взял эти 57 лет, у Длугоша написано «несколько лет». Считается, что русские владели польским городом Люблином свыше десяти лет: с 1289 по 1302 год. Эти события довольно невнятно отражены в источниках, поэтому известия Стрыйковского заслуживают внимания. Следует подчеркнуть, что русское влияние в восточной Польше в эти годы было исключительно велико, но оно основывалось не столько на военной силе, сколько на дружбе и родстве волынских и мазовецких князей. Болеслав Мазовецкий по матери был внуком Даниила Галицкого.

45. Стрыйковский ссылается здесь на Меховского, а тот, очевидно, подчерпнул свои сведения у Длугоша. Длугош же делает три существенных уточнения: литовское вторжение случилось в день Ниспослания Святого Духа (11 июня); битва произошла у *Троянова*; в бою участвовал не только Казимир, но и сам Локетек, его брат. Имя князя, его родство с Локетком, обстоятельства гибели, место битвы — все это очень напоминает уже известный нам рассказ о гибели Казимира Ленчицкого, случившейся десятью годами раньше. Другие источники в числе братьев Локетка никакого Казимира Добжиньского не знают, да и сам Длугош никогда не писал о нем раньше и потом больше нигде не упоминал. Судя по комментарию Стрыйковского, его тоже смущали эти обстоятельства. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. IX. Krakow,1868. Стр. 19.

46. Вацлав II скончался 21 июня 1305 года в возрасте неполных 34 лет. Предполагают, что причиной столь ранней смерти был неизлечимый тогда туберкулез, от которого полвека назад (1247) умер и его дядя Владислав.

47. Вацлав III был убит 4 августа 1306 года при невыясненных обстоятельствах, давших пищу многочисленным слухам и сплетням. Ему не исполнилось и семнадцати лет, а королем Чехии он пробыл всего лишь год и полтора месяца. С гибелью Вацлава III пресеклась чешская династия Пржемысловичей.

48. Генрих фон Плоцке впервые упоминается Дусбургом под 1307 годом, и именно в качестве прусского магистра, а не прусского маршала, так что Меховский был прав. Великий магистр Тевтонского ордена, в 1309 году перебравшийся в Пруссию, упразднил должность прусского магистра, после чего занимавший эту должность (1307-1309) Генрих фон Плоцке стал великим комтуром (1309-1312), а впоследствии и великим маршалом Тевтонского ордена (1312-1320). Стрыйковский уже не в первый раз пытается уличить Меховского в неточностях, а между тем Меховский демонстрирует куда лучшее знакомство с хроникой Дусбурга, чем наш автор. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М.,1997, стр. 165.

49. Стрыйковский здесь ссылается на Меховского, тот опять-таки брал за основу Длугоша, и не Меховский, а именно Длугош неожиданно запутался в хронологии. В 1307 году прусским магистром, как сказано выше, был Генрих фон Плоцке. Дитрих фон Альтенбург стал *великим магистром* только в 1335 году, а его совместный с герцогом Баварским поход на Литву был не в 1307 году, а лет на тридцать позже. Наш автор это заметил, о чем подробно пишет ниже. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, Krakow,1868, стр. 34 и 183.

50. «Правильный порядок» *великих магистров* (гроссмейстеров) Тевтонского ордена на самом деле таков: Зигфрид фон Фейхтванген (1303-1311), Карл фон Трир (1311-1324), Вернер фон Орселн (1324-1330), Лютер Брауншвейгский (1331-1335) и Дитрих фон Альтенбург (1335-1341). О *прусских магистрах* (ландмейстерах) смотри выше примечание 48.

51. С хронологией римских пап наш автор явно не в ладах. Целестин V скончался еще в 1294 году, а предшественником Климента V (1305-1314) на престоле Святого Петра был Бенедикт XI (1303-1304).

52. Здесь речь идет об орденско-польской войне 1327-1332 годов, тяжком поражении Польши и утрате ею значительных территорий. В разгроме Польши и успехах немцев польские рочники винят великопольского старосту Винцентия из Шамотул, якобы тайного союзника ордена.

53. Карл умер 10 февраля 1324 года в *Трире* и был похоронен там же. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М., 1997, стр.171.

54. Именно так напечатано в польском издании 1846 года. Людвиг IV Баварский был королем Германии в 1314-1328 гг., императором в 1328-1347 гг.; понтификат Иоанна XXII: 1316-1344 гг.

55. Дитрих фон Альтенбург был одним из самых энергичных руководителей Тевтонского ордена за всю его историю, и сообщение о его преклонном возрасте, скорее всего, выдумка. Впервые Дитрих упомянут Дусбургом под 1307 годом, и ему тогда было вряд ли более 25 лет.

56. Обо всем этом подробнее в следующей, одиннадцатой книге.

57. В городе *Петровин*, согласно церковной легенде, святой Станислав воскресил дворянина, умершего три года назад. О святом Станиславе Щепановском смотри примечание 32 к книге десятой.

58. Кровопролитность гданьских событий (1309) сильно преувеличивали даже современники. Так, папская булла 1310 года сообщает, что рыцари Тевтонского ордена перебили в Гданьске *десять тысяч* человек, включая детей. Но такого не могло быть уже потому, что все население тогдашнего Гданьска было меньше. Современные исследователи полагают, что во время так называемой «гданьской резни» погибло до 300 поляков.

59. Стрыйковский вел отсчет с 1237 года, когда ливонский орден меченосцев был официально присоединен к Тевтонскому ордену. Однако основание ордена меченосцев, непосредственным преемником которого стало лифляндское отделение Тевтонского ордена, произошло намного раньше, в 1202 году. Учредителем ордена меченосцев считается рижский архиепископ (тогда еще епископ), о чем смотри выше примечание 37 к главе третьей настоящей (десятой) книги.

60. Комтуром Кёнигсберга в 1311-1312 годах был Фридрих фон Вильденберг, о котором смотри ниже примечание 66.

61. Ныне город Бранево в Варминско-Мазурском воеводстве в Польше.

62. Эпизода с поруганием Витенем святыни нет в хронике Дусбурга, но есть у Длугоша.

63. В польском издании 1846 года написано «тысяч четыреста», но это очевидная описка или опечатка. Дусбург пишет, что *всех* пленных было более 1200, Николай фон Ерошин сообщает о 1300 пленниках, Длугош пишет, что только женщин было 1400.

64. *Монстранция* — разновидность дароносицы, в которой хранится *гостия* — евхаристический хлеб в виде маленькой лепёшки. В католическом богослужении латинского обряда используется во время литургии.

65. Те самые пленницы, перед которыми куражился и богохульствовал Витень, в конце битвы приняли активное участие в истреблении побежденных литовцев. Именно это обстоятельство произвело такое сильное впечатление на рыцарей Тевтонского ордена, что после возвращения в Пруссию они основали в Торуни *женский* монастырь. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М., 1997, стр.169.

66. Здесь нужно разъяснить ситуацию, в которой не вполне разобрался и сам Стрыйковский. Зигфрид фон Фейхтванген скончался в Мариенбурге 5 марта 1311 года, и великим магистром ордена избрали Карла из Трира (1311-1324), способности и деловые качества которого Дусбург очень хвалит. Дусбург ошибочно датирует избрание Карла 1312 годом, что и могло дать повод предположить наличие некоторого периода безвластия (interregnum) в ордене. Но на самом деле никакого интеррегнума после смерти Зигфрида не было. Все это время (1309-1312) Генрих фон Плоцке занимал должность великого

комтура, а в 1312 году был избран великим маршалом. И все же в Тевтонском ордене была и эпоха междуцарствия и даже временно восстанавливалась должность прусского магистра. В 1317 году прусский орденский капитул объявил, что Карл фон Трир не способен возглавлять орден (несмотря на похвалы Дусбурга), и сместил гроссмейстера с должности. Однако по ходатайству римского папы в Эрфурте вскоре был созван генеральный капитул ордена, восстановивший Карла в звании великого магистра (1318). Но тот не простил обиду и больше не поехал в Пруссию. Из-за этого пришлось на время восстановить должность прусского ландмейстера, которым стал Фридрих фон Вильденберг (1317-1324). Бумаги Фридрих подписывал как *магистр Пруссии* (1320), Дусбург же называл его *исполняющим обязанности великого магистра* (1322). И только после смерти Карла (1324) прусские братья смогли избрать себе полноправного великого магистра — Вернера фон Орселна. Именно при этом гроссмейстере Петр из Дусбурга написал свою «Хронику земли Прусской» и даже посвятил этот труд Вернеру.

67. Согласно словарю Даля, *вичанками* называли речные суда, сшитые не гвоздями, а *вицами* из можжевеловых корней. *Вица*, по Далю, это длинная ветка, лоза (от слова *вить*).

68. В хронике Дусбурга нет никаких известий о замке Мержист. Один-единственный раз замок *Мергист* упоминает Длугош, он же упоминает и замок *Мереж*, однако уже во времена Витовта. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, Krakow,1868, стр. 68 и 520.

69. Вернер фон Орселн, будущий великий магистр Тевтонского ордена, в 1312-1313 годах был комтуром Рагнита.

70. У Дусбурга нет такого подзаголовка, по крайней мере, в этом месте. Речь идет, вероятно, о пересказе его «Хроники»,сделанного самим Стрыйковским, о чем он упоминает в предыдущей пятой главе.

71. Медникский повят — район Медининкяй, Кривиченский (Кривичский) — район Гродно. Но неясно, что такое Тривиченский (Trzywiczanski) повят, у Дусбурга похожего названия нет.

72. В другом месте книги Стрыйковского мы узнаем, что миля у него равна примерно 8 км. Получается, что речь идет о 800 километрах, но это чересчур, так как даже от самого Вильнюса расстояние до Кенигсберга (Калининграда) не более 350 км. Возможно, здесь подразумевалась какая-то другая миля, более короткая. Ниже Стрыйковский сам недоумевает по этому поводу и верно подмечает, что в Литве было как мининум две крепости с названием Медники, причем обе довольно далеко друг от друга.

73. Дусбург пишет, что у Сурмина на сотне стругов (Стрыйковский называет их вичанками или *вицинами*) находились 600 человек и 100 лошадей. Николай фон Ерошин добавляет, что потери литовцев составили 350 человек. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М.,1997, стр.172 и 328.

74. У Болеслава Мазовецкого, скончавшегося 20 апреля 1313 года, от второго брака были *две* дочери: Ефросинья и Берта.

75. М. Тёппен датирует осаду Христмемеля 30 сентября — 11 октября 1315 года.

76. Слово *ландскнехт* (landsknecht) здесь такой же анахронизм, как и ранее слово *рейтар* (см. примечание 20 к главе третьей книги десятой). Впервые оно было употреблено около 1470 года летописцем бургундского герцога Карла Смелого В данном случае ландскнехтами наш автор называет орденскую пехоту.

77. В пометке на полях Стрыйковский ссылается на «Историю Силезии» Иоахима Куреуса (1572), однако к какому именно месту соответствующего абзаца его «Хроники» следует отнести эту ссылку, непонятно.

78. Дусбург нигде не называет Гедимина *сыном* Витеня и, похоже, отлично знал, что те были *братьями*. Это характерный пример того, что Стрыйковский был весьма поверхностно знаком с подлинным текстом хроники Дусбурга.

79. И опять-таки Дусбург ничего подобного не пишет. Известие о том, что Пелюше был сыном Тройната, надежными историческими источниками не подтверждается и, скорее всего, является вымыслом. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М.,1997, стр.140.

80. У Дусбурга имя этого литовца *Свиртил*, а не Свитрил. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М.,1997, стр.163.

81. Богдан IV был господарем Молдавии (1568-1572) после смерти своего отца Александру Лэпушняну (1564-1568). Низложенный турками за союз с поляками, Богдан бежал в Москву, где строил планы своего возвращения на престол, которым так и не суждено было сбыться. Иван Грозный признал господарем Молдавии Иона Лютого (1572-1574). См.: Ureche G. Letopisetul Tarii Moldovei. Bucuresti, 1955.

82. Видимо, Стрыйковский нарочно использовал это современное ему и хорошо знакомое его читателям понятие для создания более зримого образа знатного, но буйного и своевольного человека.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Вельможному пану
пану Миколаю Тальвашу [1],
каштеляну жмудской земли и
прочее

Глава первая

Гедимин или Гидзимин [2] Витенович, великий князь литовский, жмудский, русский и прочее

Год 1315

Князья, паны и бояре литовские и жмудские, по обычной языческой церемонии напоследок отпраздновав погребение своего великого князя Витеня или Виценя на виленских жеглищах, съехались в Кернов, где после долгих совещаний, видя его сына Гедимина мужем в расцвете лет и не раз испытанного в рыцарских делах против крестоносцев, единогласно избрали его и возвели на великое княжение Литовское, Жмудское и Русское и присягнули ему от всех сословий как истинному наследнику (wlasnemu dziedzicowi) в году 1315 при римском императоре Людвиге и папе Иоанне XXII [3].

Летописец русский так ведет свой простой рассказ: при польском короле Владиславе Локетке, прусском магистре Карле Тревирском [4] и других был великий князь Гедимин по смерти отца своего Виценя на великом княжестве Литовском, Жмудском и Русском, а сидел в столице отца своего Кернове. И поднялись против него прусские немцы и инфлянты (ливонцы), и вторглись со множеством немецкого люда в Жмудскую землю, желая ей завладеть и на ней осесть. А великий князь Гедимин не успел быстро собрать против них войска, ибо только начал править, и послал гетмана своего с немногими людьми на замок Кунасов, который ныне зовется Ковно (Каунас), укрепить его по причине огромной мощи крестоносцев, а был это гетман его Гаштольд и т. д.

Но прусский магистр Карл фон Трир с великим маршалом Генрихом фон Плоцке [5], с помощью лифляндского магистра [6] и других вспомогательных полков [германской] империи, разделив свои войска натрое, беспрепятственно разоряли и огнем и мечом воевали всю Жмудскую землю и силой взяли замок Юрборк (Юрбаркас, Георгенбург). Потом осадили главный каунасский замок, ночью и днем непрерывно штурмуя его и подкапывая башни. И хотя Гаштольд с литовцами и жмудинами достаточно храбро оборонялся, [временами] беря верх, но немцы настойчиво и упорно ломились на стены (na blanki sie darli) частью по лестницам, частью через двери, выбитые таранами, и так своим множеством одолели утомленных литовцев. А замок Кунасов (Kunasow) взяли и, обобрав, сожгли его, воинских людей посекли, женщин забрали в неволю, взяли там же в плен и Гаштольда, виднейшего гетмана литовского. А Гедимин не мог так скоро собрать войска для равной битвы против столь ужасающей мощи прусской, ливонской и всей Немецкой империи, не мог оказать помощи терзаемой Жмуди; поэтому прусские крестоносцы завладели всей жмудской землей, оторвав [ее] от Литвы, а ливонские курляндской. И назначили своих старост в жмудских замках и немецких солтысов [7] во всех волостях, как о том более пространно упоминают ливонские хроники и русские летописцы, хотя ни Петр из Дусбурга, ни Меховский не пишут, что в то время крестоносцы заняли всю Жмудь, а только [о том], что сожгли Бисенский, Медникский и другие замки.

Гедимин, великий князь литовский, очень встревоженный этими поражениями и утратой жмудской земли, однако, к счастью, не падая духом (nie rospaczajac), а мужественно снося невзгоды, быстро собирал войско из своих людей. А выкупая из неволи своего гетмана Гаштольда, послал за него магистру Карлу тридцать тысяч золотых и так его вызволил, и снова поручил ему командовать всем войском. И все-таки в том же году [он] не мог выступить в большой поход против немцев, будучи ими очень ослаблен и обескровлен отнятием Жмудской земли, откуда литовские войска прежде черпали главные силы и подкрепления.

Но прусский магистр (должен быть Карл, а не Генрих, как пишет Меховский в кн. 4, гл. 13, стр. 218), расхрабрившись от первых успехов, вернулся в Литву с еще большим немецким войском и, быстро разделив полки и загоны на четыре части, распростер свою разрушительную мощь еще шире, чем прежде. И много повятов литовских, до этого дня ни разу не тронутых крестоносцами, повоевал, разорил и вместе с награбленным вывел из Литвы в Пруссию целую армию пленников.

Потом, в 1316 году, когда хлеб уже дозревал на полях и близилась жатва, прусский великий маршал Генрих Плоцке в четвертый раз вторгся в Литву и, захватив два литовских замка, Юнигеду и Писту (Ingydy i Pisteny), сжег их, а хлеб по всем волостям либо вытоптал, либо выжег.

Желая отомстить за эти кривды, некий литовский пан Давид [8], гартынский или гродненский староста, с восемью сотнями вооруженных всадников вторгся в Пруссию, где разорил повят Унсдорф (так у Меховского и Длугоша, а немец Дусбург зовет его Вохенстолф) и, набрав трофеев, возвращался в Литву. Но комтур Капиова (а может, Тапиау) Ульрих Дрейлебен, догнав его и разрушив сначала мост, вступил с ним в битву, в которой немцы убили пятьдесят пять (а Дусбург пишет 45) литовских казаков и отбили пленных. **Тапиау, а не Капиов, от Кенигсберга в 5 милях, как я сам измерял** [9]. Дусбург пишет, что это было в 1319 году.

В это же время Болеслав, князь брестский и легницкий, с Конрадом, князем глоговским и олесницким, вели в Силезии междоусобную войну и в конце концов Конрад, разоренный войной, дошел до такого убожества, что [носил] холщовый плащик и не имел ни одной лошаденки. **Длугош, Кромер (кн. 11), Меховский и другие.** Потом за два княжества, Глоговское и Олесницкое, взял по милости [своего] победителя Болеслава два местечка, Любуш и Волаве, для спасения от нищеты. А Болеслав, князь брестский и легницкий, из-за своей расточительности потом тоже пришел в такую нужду, что вынужден был вместе со своими владениями подчиниться чешскому королю Яну (Люксембургскому).

И за определенную денежную сумму оставил [в залог] вроцлавским горожанам своего сына, которого потом выкупили легнищане, его подданные. **И со знатью случаются чудеса, а не только со слугами.**

Глава вторая

О счастливом успехе литовском, поражении крестоносцев, возвращении Жмуди из-под власти немцев и о долгом жмудском празднике.

Год 1315

Страдания Жмуди. Когда крестоносцам в Литве повезло так, что всю жмудскую землю приневолили строгим ярмом, к которому не привык этот народ, воспитанный в вольности, [они] жестоко притесняли несчастную Жмудь тяжким, а точнее, скотским, трудом, невыносимыми податями, поборами и насилиями над несчастными девушками и женщинами по своей спесивой [прихоти]. К тому же они расквартировали по волостям войска и роты кнехтов и рейтаров, так что каждый человек должен был содержать и подобающе кормить по их желанию троих, а то и пятерых пьяных кнехтов, а сам временами и путры [10] не имел, обязанный предоставить обожравшемуся кнехту женщин, девушек и все свое имущество. В то время жмудины часто и как будто наяву вспоминали об утраченных вольностях, которыми издавна пользовались под [управлением] литовских князей, и, постоянно вздыхая, не иначе как те евреи, которые, сидя у рек Вавилонских, с

плачем вспоминали Сион, они часто взывали к литовцам, давним своим побратимам, о вызволении из этого тяжкого ярма.

Гедимин же, великий князь Литовский, уже имел наготове не последнее войско, собранное из литовцев, русских и татар, с которым он расположился лагерем между Юрборком и Каунасом (Konasowem) или Ковно. **Как я и сам видел, в те времена недалеко за Юрборком над Неманом был орденский замок Христмемель, а потом Рагнета, Тильзит и Клайпеда вплоть до моря. Из этих замков [немцы] почти весь Неман отняли было у Литвы.** Однако [Гедимин] уважал многократно засвидетельствованную силу и мощь немецких панцирных (zbrojnych) войск, поскольку крестоносцам помогала вся Империя. Поэтому не смел вступить с ними в открытую и решительную битву в поле, а только досаждал немцам постоянными набегами в тесных закоулках, выбирая время, место и подходящие условия (pogode) и ожидая на помощь еще большего войска из Полоцкой и Новогрудской Руси. И грызли его тяжкие мысли при зрелище милой отчизны, столь жестоко разоренной крестоносцами, когда еще дымились недавно сожженные дворы, села и фольварки, а волости так и стояли пустыми, потому что люди были частью перебиты, а частью уведены в полон вместе со своим добром.

Потом, когда к нему стянулись все литовские войска и новогрудцы с полочанами, сразу оценив их численность, порядок, силу и горячее желание сразиться, [Гедимин] двинулся в глубь Жмудской земли против крестоносцев, которые тоже имели наготове большое войско из Пруссии, Лифляндии и Немецкой империи [во главе] с [великим] маршалом Генрихом фон Плоцке. Итак, Гедимин расположился лагерем над рекой Земилой (Zejmila), а с другой стороны в двух милях от Зеймов (Zejmow), выбрав к тому же [самой] природой защищенное место. А из окрестных волостей и из немецкого лагеря в литовское войско все время прибывали жмудины, сообщая подробные сведения о их построении и о военных действиях.

Построение немецкого и литовского войска. Видя это и опасаясь, как бы жмудины во время сражения не переметнулись к литовцам, немецкий гетман Генрих фон Плоцке готовил против Гедимина свои немецкие войска, жмудинов же с их боярами поместил посреди немецких полков, не ставя их ни спереди, ни сзади. И таким манером двинулся на литовское войско, совершенно уверенный в себе и в своей победе. А жмудинам, если они проявят мужество и твердость, стоя против литовцев, обещали вернуть прежние вольности и [щедро] одарить. Гедимин же спереди выстроил татар с луками, а литовцев собрал в большой главный полк, в котором встал и сам, руссаков же, новогрудцев и полочан, расставил с боков и сзади.

Битва немцев с литовцами. А когда оба войска сошлись для битвы над Земилой рекой на [расстоянии] двух выстрелов из лука, сразу же обе стороны запальчиво сшиблись друг с другом с великим и огромным криком, гиканьем, визгом и воем, и слышны были голоса на разных [языках] у разных народов. Немцы с сошками или с укороченными копьями, выстрелив несколько [раз] из самопалов (rusznic) (которые примерно в это же время и были придуманы) [11], напирали на татар; татары же в искривленном строе наподобие полумесяца с обычным танцем выстрелили [из луков] и бросились врассыпную, замышляя, по своему обычаю, смешать строй преследующему неприятелю. И когда

немцы порознь охотно бросились за татарами, думая, что те бегут, татары тут же снова повернули на них, густо осыпая их острыми стрелами. Гедимин же с литовцами стремительным броском ударили на главный немецкий полк, врезались в него и рубили направо и налево. Немцы одолевали оружием, литовцы быстротой и натиском, ожесточенно сражаясь копьями и мечами, метая стрелы и камни. Немецкие войска и полки направлял маршал Генрих, а литовские — Гедимин со своим гетманом Гаштольдом. В грохоте боя [слышались] крики мужей, ржание коней, звуки труб и бубнов, лязг оружия и доспехов столкнувшихся друг с другом полков.

Жмудины переходят на сторону литовцев. Довольно долго битва шла с равной для обеих сторон надеждой на победу, но потом жмудины, которых в немецком войске было несколько тысяч, видя силу своих побратимов литовцев, которых они давно ждали, вспомнив о своих прежних вольностях и имея случай сокрушить немецкое ярмо, как только битва разгорелась еще сильнее, дружно ударили на немцев, своих господ. А так как они стояли в середине немецкого войска и менее всех были задействованы в бою, то очень сильно ударили по [немцам], к тому времени утомленным и не ожидавшим такой хитрой измены. Немцы, встревоженные этим новым делом, сразу смешались. Сначала те полки, которые спереди сражались с литовцами, услышав новые крики, шум, гиканье, стали оглядываться назад, спрашивая, что там случилось. Под конец жмудины железом проложили себе дорогу к литовцам через центр немецкого войска, а немцы, видя неожиданную измену и [свою] явную беспомощность, ослабили свой натиск. Литовцы же, соединившись с жмудинами и усиленные этой новой помощью, в едином тесном строю с русскими и татарами разорвали [строй] немецких конных рейтаров, на которых у крестоносцев была вся надежда.

Сразу же после того, как [литовцы] поразили чело, а середину этих полков еще раньше поразили и смешали жмудины, немцы обратились в бегство (podali tyl). Тем смелее и поспешнее преследовали их литовцы вместе со жмудинами и руссаками, татары тоже донимали их отовсюду, на легких конях заходя спереди и с боков убегающим, отягощенным доспехами, и гоня их под литовские мечи. И во время бегства полегло их больше, чем на поле, где происходила битва, ибо бегущих литовцы гнали аж до реки Акмены (Okmieny) бия, коля, рубя, топя и хватая [в плен], так что на дюжину миль по дорогам, пашням и разным полям находили множество немецких трупов [12]. Укрывающихся же по лесам и по буреломам (zaleglych starzynach) крестьяне (chlopi) с собаками находили и били, либо, обобрав, вешали на деревьях.

Корона из Гнезно [переносится] в Краков. А в 1320 году Владислава Локетка с его женой Ядвигой короновали в Кракове [королем и королевой] королевства Польского [13]. И с одобрения всех польских сословий корону и столицу королевства Польского из Гнезно, где до этого короновали польских королей, начиная с Болеслава Храброго в 999 году и до 1306 года, перенесли в Краков, и так от коронации Локетка и вплоть до нынешнего времени польских королей коронуют в Кракове. В том же самом году польский король Владислав Локетек свою дочь Эльжбету послал в Буду (do Budzinia) в супруги венгерскому королю Карлу (Роберту).

Прусский маршал с войском разбит и убит жмудинами и литовцами. В том же году, как свидетельствуют Меховский (кн. 4, гл. 15, стр. 219) и прусские хроники, великий прусский маршал Генрих фон Плоцке с сильным, хорошо вооруженным и организованным немецким войском, в котором старшими были поставлены сорок орденских рыцарей, вторгся в Жмудь, где как смог широко повоевал и разорил Медникский повят. А тем временем литовцы и жмудины, нимало не устрашенные этим воеванием, в теснине одного леса, через который крестоносцы должны были следовать назад вместе с добычей, преградили [им дорогу], повсюду вдоль дороги подрубив как можно больше деревьев и колод и устроив ловушки и засады на немцев. И когда прусский маршал и его войско уже вступили в лес, не ведая о той хитрой засаде, они сразу же были окружены литовцами. Сначала сам [маршал погиб], а потом и все [прочие] из немецкого войска были истреблены, перебиты, пришиблены и задавлены [поваленными] деревьями, а оставшиеся попали в плен [14]. Так что из этого войска не убежал никто, кто мог бы поведать крестоносцам в Пруссии об этой несчастной войне. А литовцы и жмудины за эту свою победу и за щедрую добычу, захваченную у разгромленного и побитого неприятеля, когда устраивали жертвоприношения и обычные молебствия своим богам, виднейшего из пленников, одного знатного крестоносца по имени Герхард Руде (Rudde), войта или старосту самбийской земли, с конем, на котором воевал, в доспехах, в которые был одет, и с оружием живого сожгли на высоко сложенной куче дров и с дымом отправили душу на небо, а тело развеяли с пеплом. **Войт у крестоносцев был начальником над [какой-нибудь] землей, как ныне у нас староста Жмудский и т. п.**

В том же году в день Воздвижения Святого Креста (14 сентября) литовцы, неожиданно ворвавшись, разорили Добжиньскую землю [15], которой тогда управляла вдовая княгиня Мазовецкая, супруга умершего князя Земовита. Спалив город Добжинь, [литовцы] вместе с пленниками обоего пола и разной добычей поспешно и беспрепятственно пешком убежали в Литву. **Меховский, кн. 4, гл. 15.**

Кромер также пишет, что в то же самое время литовцы без помех повоевали и Мазовию. **Кромер, кн. 11.**

Глава третья

О занятии и овладении Владимирским, Луцким и Киевским княжествами, победе Гедимина и побитии русских князей в году 1319

Когда Гедимину с литовцами и с ними жмудинам после былых тревог от немцев улыбнулась удача и фортуна отвратила свой слепой изменчивый лик от прусских и лифляндских крестоносцев, Гедимин вырвал из под их власти всю Жмудскую землю, старост их погромил и распугал и, благодаря отваге литовцев и жмудинов, наголову разгромил большое крестоносное войско над Земилой и Акменой. А великого маршала и гетмана всех прусских земель Генриха фон Плоцке, разорявшего Жмудь с другим огромным немецким войском, налетев, убили в лесу за Медниками, как пишут Меховский и Длугош, погромили всех до единого и убили самого свирепого (nasrozszego) из комтуров [16]. **Медники, которые ныне зовутся Ворнями** (Варняй). И теперь уже крестоносцы не смели наезжать на Литву так беспечно, как раньше, посмотрев и убедившись в их отваге,

предусмотрительности и готовности [сражаться] против себя. И в то же время приступили к жестокой и неправедной войне в Поморской земле, [находившейся] под властью Владислава Локетка. Поэтому прусский магистр Карл Тревир и его комтуры взяли двухлетнее перемирие с Гедимином, великим князем Литовским, чтобы, будучи в большей безопасности от литовцев, оказаться сильнее по отношению к полякам. Гедимин же, хорошей войной учинив себе добрый мир с немцами, хоть и временный, но необходимый, в том же 1320 году, не снимая с себя доспехов, с тем же войском литовским, жмудским и новогрудским, а также с полоцкой русью [17], двинулся против волынских князей, которые выбились из под его власти и, видя, что он занят [войной] с прусскими крестоносцами, вместо помощи еще и учиняли набеги на завилийские и новогрудские владения Литвы.

Битва Гедимина с волынцами. Сначала [Гедимин] обратился против владимирского князя Владимира и, подступив к Владимиру (Волынскому), добывал замок и город упорным штурмом, но руссаки оборонялись столь же храбро, отбивая литовцев от стен различной стрельбой и снарядами (pociskami) [18]. Для снятия осады [сражаться] против Гедимина прибыл сам владимирский князь Владимир со своими людьми и татарской подмогой; тем смелее Гедимин выстроил против него литовцев и жмудинов. И, не откладывая желанной битвы, тут же под замком обе стороны запальчиво сошлись с разноголосым гиканьем, бряцанием оружия и конским ржанием, взлетавшими выше облаков (az obloki przebijali), стремясь в открытую померяться оружием, саблями и копьями. Татары же, заезжая обычным танцем и [стреляя] из луков, беспрерывно разрывали литовский [строй], пока Гедимин не отразил их, выстроив несколько сот пеших жмудинов с копьями, самострелами (pociskami) и с пращами (procami) между конными литовцами и русскими и татарскими полками. [Татары], у которых не было пехоты, начали обращаться в бегство, а литовцы гнались за ними, били, рубили и хватали [в плен]. А руссаки с замковых и городских стен кричали на своих, взывая к ним и напоминая, чтобы своих не выдавали.

Князь Владимир убит литовцами. А когда упорхнули татары, на которых надеялся Владимир, и своих волынцев он не смог привести в первоначальное состояние, то сдерживал литовцев с малым числом владимирских рыцарей и сам смело напирал (однако, как гласит латинская поговорка, *temerarios ausus, temerarii sequuntur euentus* [19], отчего я и сам разок пострадал). И когда упорно пробивался сквозь литовские полки, исполняя долг доброго гетмана и храброго рыцаря, то был убит на поле боя. А остальные волынцы, видя, что [их] князя и вождя не стало, сразу же с великими и жалостными сетованиями побежали врозь кто куда мог, а другие сдавались победителям литовцам.

Литва силой завладела Владимирским княжеством. А осажденные, видя гибель своего господина и победу литовцев, тут же с Владимирским замком и с городом сдались на милость победителя Гедимина, великого князя Литовского, и принесли ему присягу верности. А затем Гедимин завладел и всем Волынским княжеством в результате той победы и добровольного подчинения обывателей, когда [те] увидели, что противиться было трудно.

Гедимин завладел Луцким княжеством. Разместив во Владимирском замке и городе [Владимире] своих старост и литовских рыцарей, [Гедимин] двинулся к Луцку завершать свою победу [войной] против князя луцкого, потому что во время войны с крестоносцами [тот] отнял было [у Литвы] Дрогичин и Брест Литовский. И хотя Лев, упомянутый князь луцкий, и имел кое-какое наспех собранное войско, но, устрашенный судьбой своего приятеля, владимирского князя Владимира (узнав, что тот разбит и убит литовцами), не дожидаясь гедиминовых сил, бежал до самого Брянска Северского к своему зятю Роману Брянскому. А как только Гедимин осадил Луцкий замок, бояре и чернь, видя, что князь их сбежал и всех бросил (wydal), не пожелали противиться великому князю Гедимину и все единодушно [покорились] его силе и пошли под его власть со всем Луцким княжеством и с его пригородками. И дали ему присягу потомственной верности, которую Гедимин ласково принял, а для лучшего утверждения и закрепления своей победы укрепил луцкий замок и другие пригородки и разместил [там] литовское рыцарство и [своих] старост [20].

Потом, овладев оставшимися пригородками князя Луцкого, [Гедимин] с войском двинулся к Бресту и там, в Бресте, по заслугам щедро наградив своих панов и рыцарей, на время распустил по домам литовское и жмудское войско передохнуть от трудов после недавней войны с орденом и русской [войны]. А сам в течение зимы отдыхал в Бресте, занимаясь текущими делами и земскими нуждами, и в это время готовил оружие и различное военное снаряжение для тайно замышлявшейся [им] новой войны против киевского князя Станислава. **[Он] воевал с большей выгодой (pozytkiem), чем мы сейчас, хотя пушек и не имел.**

Гедимин с литовцами [идет] на Киев [21]. Потом в 1320 году, известив всех своих жмудских, литовских, новогрудских и полоцких бояр, [Гедимин] собрал огромное войско, и вскоре после Пасхи (Wielkiej Nocy) [22], в наиболее подходящее для войны время, когда новая трава для корма коней уже под ногами, а весна готовит необлаченным (neodzianem) рыцарям прелестное раннее цветение, двинулся из Бреста против князя Станислава Киевского, который в то время титуловался (sie z przodkow pisal) русским монархом или самодержцем (jedynowlajca), как ныне [царь] Московский [23].

Литовцы взяли Овруч и Житомир. Спокойно пройдя луцкие и волынские земли, [уже] подчиненные себе, [Гедимин] первым делом подступил под Овруч, замок князя Станислава, который взял силой, оставив там литовский [гарнизон], а потом осадил Житомир, где собралось много киевской шляхты, которым тоже завладел в результате сдачи ([ибо замок] усиленно штурмовали, и оборонявшие его русские изнемогли). А выпроводив русских старост и рыцарей, для обороны в замке и в городе посадил своих литовцев. Потом двинулся далее в киевские волости, разрушая и сжигая все, что попадалось [под руку]. Видя это, киевский князь Станислав решил на насилие (gwalt) отвечать насилием и литовцев, бывших рабов (niewolnikom) своих предков, не дожидаться в Киеве, а преградить им путь оружием.

Nam tuares agitur, pai ies guum proximus ardet. Другие русские и северские князья, видя, что у соседа уже стены горят, всем скопом собрались против литовцев. Итак, переяславский князь Олег, изгнанный литовцами луцкий князь Лев и Роман Брянский с рыцарством и с войсками, какие смогли собрать в то время, двинулись на помощь

киевскому князю Станиславу, стоявшему лагерем на реке Пиерна (Pierna) [24] в шести милях от Киева. И, собрав все свои силы в одно большое войско и получив помощь от татар, стояли наготове, получив известие, что Гедимин с литовцами от Житомира смело и спешно двинулся на них.

Литовская битва с руссаками у Пиерни реки. Итак, Гедимин, от шпионов имея сведения о положении и силах русского войска, нимало не сомневался в счастье и в доблести своего рыцарства. Кратко напомнив полкам литовским и жмудским о [их] счастливых успехах и недавних победах над крестоносцами, владимирским князем и Львом Луцким, [он] построил их как должно: пеших с копьями, других с луками, а иных с пращами ставя (mieszajac) между конными для подкрепления и разрыва неприятельских рядов. И таким манером двинулся на тоже огромное русское войско, стоявшее на ровном поле у реки Пиерни. Там на литовцев сначала наскочил князь Станислав Киевский со своим войском и татарской подмогой, а Роман Брянский и с ним луцкий князь Лев и Олег (Olha) Переяславский быстро наступали вслед за ним для поддержки. Литва и жмудь, встав грудью, смело выдержали первую стремительную атаку киевлян, сперва стреляя из луков и самострелов, а потом с копьями, саблями, дубинами сойдясь врукопашную муж с мужем, конь с конем, с громкими криками, гиканьем и грохотом, [слышными] отовсюду. Тесно столпившись, они долго [сражались] со спорными надеждами на победу и равными шансами с обеих сторон до тех пор, пока Гедимин, со сторожевым (strwozonym) полком отделившись от своего главного войска, мощным броском (ogromnym pedem) не ударил руссакам в бок так, что прорвал и перемешал их сомкнутые ряды, отчего им пришлось от фронта обратиться к флангу. А литовцы и жмудины, в едином порыве действуя и с фронта и с фланга, тем сильнее напирали на смешавшихся руссаков. Князь Станислав Киевский не мог вынести их стремительного напора и стал отступать назад; литовцы продвигались за ним.

Убиты два князя: Олег Переяславский и Лев Луцкий. Князь же Олег (Holha) Переяславский и князья Роман Брянский и Лев Луцкий недолго устояли на плацу, видя, что киевляне отступают вместе со своим князем. Однако князь Лев Луцкий, скорбя о Луцком княжестве, из которого недавно был изгнан, смелее, чем другие, шел против литовцев [вместе] с Олегом Переяславским. Но за свою упрямую смелость тут же на плацу заплатили жизнью, ибо в суматохе битвы оба они были убиты.

Русские князья побеждены литовцами. Увидев это, князь Станислав Киевский и Роман Брянский сразу же обратились в бегство. Киевские, а также брянские и переяславские рыцари, отчасти из-за поражения и бегства своих князей, а отчасти не в силах выдержать огромной литовской мощи, разбежались по разным полям, другие безнадежно оборонялись в лесу. Литовцы и жмудины гнали бегущих до самой ночи (которая своей темнотой спасла руссаков), били их, рубили и хватали [в плен]. **[Гедимин] был доволен больше, чем Ганнибал Карфагенский при Каннах.**

На следующий день, отдохнув ночью от трудов, Гедимин велел собирать с побитых русских полков добычу, которую честно разделил между рыцарством, взял под крепкую стражу пленников и позаботился о раненых. И в тот же день, не давая русским передышки на сбор [новых сил], двинулся завершать свою победу к Киеву и, осадив замок,

непрерывно штурмовал его, грозя осажденным полным разрушением и различными карами, если они не сдадутся добровольно, а будут продолжать упорствовать. Однако киевляне, которых в городе и в замке после недавнего поражения собралось огромное множество с женами, детьми и имуществом, защищались долго и мужественно, надеясь на выручку и ожидая помощи от своего князя Станислава, который с проигранной битвы бежал до самой Рязани с князем Романом Брянским. Но видя, что их пан их бросил и обманувшись в своих надеждах, после долгих совещаний единодушно решили сдать город и замок.

Гедимин взял сдавшийся Киев. Итак, сначала к Гедимину, неся кресты и хоругви, процессией вышли митрополит, владыки (wladikowie), архимандриты и протопопы со всем духовенством. **Ибо в то время в Киеве был престол митрополита всея Руси.** А за ними вышли паны бояре и весь народ киевский, бия челом, сдаваясь на милость и [идя] под власть Гедимина, великого князя Литовского. Там же ему все и первым митрополит учинили присягу подданства. Потом Гедимин через город победителем въехал в Киевский замок.

Литва завладела Северским и Волынским княжествами. Другие киевские пригородки: Белгородок [25], Слеповрот (Снипород) [26], Канев и Черкасы [Гедимин] тоже взял путем добровольной сдачи; взял также Брянск Северский и Переяслав, стольные замки русских князей. Итак, в результате одной победы [Гедимин] завладел киевской монархией, Волынским и Северским княжествами вплоть до Путивля милях в шестидесяти за Киевом и присоединил их к Литовскому государству.

Слуцкие князья. В Киеве и иных пригородах старшим своим наместником [Гедимин] поставил гольшанского князя Миндова, сына Гольши, своего родича, который крестился в русскую веру и правил в Киеве вплоть до Владимира Ольгердовича, предка князей Слуцких, исправно ведущих свою генеалогию от великих князей Литовских: от Гольши, Витенеса, Гедимина, Ольгерда и т.д.

Князья Острожские. А Станислав из древнего рода русских князей, монархов Киевских, ведущих свой род от варяжских князей Рюрика, Трувора и Синеуса (Sinausa), а также от Игоря и Олега, от которых ведут свой род также и князья Острожские, будучи разбит, изгнан и выжит Гедимином из Киевского княжества, бежал за помощью к рязанскому князю, который тут же дал ему в жены свою дочь Ольгу (Holhe), а так как мужского потомства не имел, только ту единственную наследницу, то вместе с дочкой и все Рязанское княжество дал ему в управление, владение и княжение, сам будучи человеком преклонных лет.

Что такое Рязанское княжество. А Рязанское княжество среди других русских княжеств издавна было могущественным, как об этом говорят все, кто знают: прусские хроники, также Сигизмунд фон Герберштейн *in Commentariis ac Chorographia regionum Moschoviae Duci subiectarum* свидетельствует на стр. 65, 66 и др. Великое княжество Рязанское лежит между Окой и Доном либо Танаисом, реками большими и славными, одна из которых, Танаис либо по-московскому Дон, разделяет Азию и Европу, а впадает в Мертвое море или черное озеро, которое космографы зовут Pallus Meotis, у турецкого города Азов.

Оттуда приплывшие по Дону из Москвы и из Рязани купцы потом следуют до Кафы, Перекопа, Константинополя и через Понт Эвксинский (Черное море) и Геллеспонт Средиземным морем до самой Греции, Италии, Иерусалима, Сирии и до Африки, как я и сам испробовал на собственном опыте (experentia), удостоившись чести побывать в таком же плавании в 1574 году.

Рязанское княжество превосходит все иные московитские края урожаями хлеба, обилием продуктов, меда, зверя, скота, речных и озерных рыб, [а также здоровьем] и крепостью людей, облагороженных (uslachcionych) прирожденной воинской доблестью. Ибо [рязанцы] граничат с перекопскими и казанскими татарами, с которыми вынуждены непрерывно упражняться [в военном деле].

Замок и город Рязань. Деревянный замок и столичный город Рязань, защищенный природным положением, лежит недалеко от большой реки Оки, в 36 милях от города Москвы. И князь рязанский всегда писался великим князем, как ныне московский.

Происшествие с двумя братьями. Великий князь рязанский Василий, потомок того Станислава, изгнанного Гедимином киевского монарха, женился на сестре Василия, великого князя московского, с которой имел сыновей Ивана и Федора. А когда великий князь Василий умер, после него правил сын Иван, а потом тот оставил после своей смерти трех сыновей: Василия, Федора и Ивана, из которых двое старших, соперничая за верховное владычество, сошлись на рязанских полях в решающей битве, и там один был разбит и убит на поле боя, а другой, одержав победу, сразу же умер на этих полях. Третий, который остался, младший, узнав о смерти двух старших братьев, собрался с татарами и силой захватил отцовское великое княжество Рязанское, которым еще управляла его мать. А потом (хотя предки его в вольном государстве издавна вольно пановали, и никакому иному монарху не были подвластны) великий князь московский Василий [27], который писался самодержцем (jedynowlajca) всея Руси, сразу же вызвал его к своему величеству (przed swoj majestat) и посадил в тюрьму.

Как Москва завладела Рязанью. И послав свои войска, взял замок Рязань и завладел всем [Рязанским] княжеством. А мать упомянутого младшего [сына] и вдову последнего великого князя Рязанского постриг в монахини и, пристроив ее в монастырь, изгнал. А чтобы потом рязанское княжество от московского не отступилось, большую часть рязанцев московский князь Василий выпроводил и распределил по разным своим краям, благодаря чему приобрел полную власть над старинным и могущественным Рязанским княжеством.

Рязанский князь Иван бежал в Литву. И хотя в 1525 году, когда татары подошли было к самому городу Москве, тот последний рязанский князь Иван бежал из тюрьмы в Литву, однако так и умер в Литве как беглец, без потомства.

Я для того, милый читатель, забавлял тебя подробным [рассказом] о том славном великом княжестве Рязанском, чтобы ты увидел, как быстро великие государства внезапно рушатся от внутренних невзгод. Случилось так, что два брата, соперничая за одну отчизну, понапрасну лишились ее, сами сгинули, а третьего брата и мать своим упорством

превратили в калек, так что весь род великих князей рязанских, который существовал несколько сотен лет и процветал, сгинул и исчез с лица земли [28]. Но вернемся к предшествующему рассказу о гедиминовых делах.

Гедимин, великий князь литовский, посадив гольшанского князя Миндова наместником в Киеве и посадив своих старост в другие замки, воротился в Литву с великой победой. Потом, когда в Кернове (где в то время была столица Великого княжества Литовского) был принят всем народом с великой радостью, обычным рукоплесканием, распеванием *ладо, ладо* и гудением длинных труб, щедро одарив рыцарство по заслугам на этих русских войнах, распустил войско по домам отдохнуть от тех долгих трудов. И с тех пор, то есть с 1321 года, когда Гедимин завладел Киевом, прекратилась Киевская монархия или самодержавие. Ибо со стародавних времен главой монархии всей Руси был Киев, заложенный князем Кием, по некоторым известиям, в году от Рождества Христова 430, хотя русские хроники из-за древности этого города не могли вывести точную дату. Однако от Ольги или Елены, которая крестилась в греческую веру в году от сотворения мира (6463) [29], согласно русскому счету, и от русских монархов Святослава, сына ее, и от Владимира, сына того Святослава, который тоже крестился в Царьграде (Czarygrodzie) в году от [рождения] Господа нашего 990, а от сотворения мира 6469 [30], русские считают, что самодержавие всей Руси (до овладения Киевом великим князем литовским Гедимином) или киевская монархия основана в 431 году.

Потом московские князья, прежние великие князья Белой Руси, писались самодержцами всея Руси (однако в этом ошибались, ибо немалую часть русских княжеств давно занимала Литва), используя тот титул, который ныне великий князь Московский употребляет в своих грамотах. Однако истинная Киевская монархия всей Руси существовала и успешно процветала только в самом своем начале, при владычестве Рюрика, Игоря, Олега, Святослава и Владимира. А после смерти Владимира двенадцать его сыновей жестокими междоусобными войнами разодрали русское государство и самодержавие на дюжину частей. И хотя Владимир по прозвищу Мономах, сын Всеволода и внук вышеупомянутого Владимира [31], привел было дела в прежнее состояние (klobe) и [восстановил] монархию, однако после его смерти все это снова разорвалось, как об этом мы основательнее описали выше в русской истории. Итак, приступаем к рассказу о литовских делах.

Глава четвертая

О заложении Гедимином Старых Троков и Вильна в 1321 году

Гедимин Витенесович, великий князь литовский, стремясь отвлечься от минувших трудов военного времени охотой на различных зверей, собрался в Кернове с придворными и всеми своими охотниками и для лучшей потехи и самой главной охоты заехал в глубокую лесную чащу. А когда на охоте ему повезло, [и он] натешился и наловил [дичи], то своих дам, дворян и охотников угощал в поле под тентами (kotarchami) в пяти милях от Кернова между реками Вакой [32] и Вилией.

Построены Старые Троки и почему названы Троками. И приглянулись ему это место и поле, не так уж хорошо подходившее для замка [33], как ему понравилось по тому, что он

наловил в этом месте и в окрестных полях и лесах. И тут же известив об этом по волостям, построил там замок, который укрепил рвом и валом и назвал его Троки, потому что всю живность: зайцев, лис, куниц и прочего мелкого зверя и птицу как дворяне, так и осочники [34], охотники, поварята и пажи (chlopieta) вволю (pelno) били около Тарчаков [35], навязывали в *троки* [36] и навешивали перед собой, за собой и по сторонам, накладывая также полные возы лосей, оленей, косуль и другого крупного зверя.

Столица из Кернова переносится в Троки. И из-за той удачной охоты, видя в том для себя счастливое предзнаменование (ибо в то время литовцы, по римскому обычаю, никакого дела не начинали без ворожбы) тогда же перенес столицу княжества из Кернова в только что построенные Троки, которые ныне зовутся Старыми Троками [37] по отношению к Новым, потом построенными его сыном Кейстутом, как о том ниже напишем. И с того времени столица, что была заложена в Кернове при древних литовских князьях и особенно Кернусе Куносовиче, втором потомке Палемона из римских князей, и город, и замок, как ныне видим, исчезли под бременем нависших лет, а новая столица литовских князей появилась в Троках, но была там недолго.

Ибо вскоре после этого Гедимин, по привычному обычаю поехав на охоту, устраивал оступы [38] над берегами реки Вилии, которые в те времена заросли огромными лесами и чащами, густыми и страшными развесистыми зарослями, служившими лишь логовом укрывавшегося здесь разного зверья, как крупного, так и мелкого. Итак, Гедимин забавлялся охотой и, переезжая со всеми своими охотниками и дворовой свитой с оступа на оступ, приехал на жертвенное жеглище своих предков в четырех милях от Старых Трок, где в Вилию впадала река Вильна. Это жеглище, то есть место сожжения тел литовских князей и виднейших панов, основал было на этом месте Свинторог, а после него сын его Гермонт, как о том уже писали выше. Здесь литовские жрецы по языческому обычаю также приносили своим богам жертвы за души умерших князей (ибо сильно заботились о бессмертии души, о судном дне и о воскрешении мертвых), и на том месте стараниями приставленных для этого жрецов днем и ночью, не переставая (как и в Риме был обычай церемонии богини Весты), непрерывно горел вечный огонь. И этот огонь литовцы и жмудины, пруссы и латыши (Lotva) славили и чтили как особенного бога.

Гедимин застрелил тура. И там около вышеупомянутых жеглищ в пуще между горами, которые охотники ныне зовут Лысыми, Гедимин помимо многих других зверей подстрелил тогда из самострела (s kusze) огромного тура. А убил его на той горе, где ныне Верхний виленский замок, и от того тура эта гора и ныне зовется Турья гора, а шкура его и рога, оправленные золотом, долго хранились в казне как настоящие сокровища вплоть до времен Витольдовых. Витольд же на важных беседах и чествовании иностранных послов при всем народе пивал из тех рогов, и один из них в качестве величайшего дара подарил тогда римскому императору и венгерскому королю Сигизмунду на том славном съезде королей и князей в Луцке в 1429 году, как о том будет ниже. А теперь закончим предшествующий рассказ.

Сон Гедимина. Увлекшись охотой и знатно потешившись от тура, убитого собственной рукой, Гедимин замешкался [с возвращением] в Троки, а вечер уже кончался и надвигалась темная ночь. И заночевал со всем своим двором в шатрах на упомянутых

жеглищах в Свинтороговой излучине (lace), названной от князя Свинторога, где ныне пушечный двор (puszkarnia), конюшня и нижний замок. И когда, как это бывает после трудов, сморил [его] крепкий сон, ему приснилось, что на той горе и на том месте, где тура убил, и где ныне стоит [город] Вильно с замками, он увидел огромного и могучего волка, покрытого как бы железными бляхами (blacha), защищавшими его от любого выстрела. И в том волке он услышал сто огромных воющих волков, голос которых разносился во все стороны. Очнулся тогда Гедимин, и запал ему в голову тот сон, и наедине с собой долго грызло его желание разгадать, что бы все это значило. Но на сей раз он встретился с трудным делом, не иначе как египетский король Фараон [с загадкой] о семи толстых и худых коровах, либо король Валтасар о той руке, которая прямо на его глазах писала: *Tekel, Mane, Phares, mensus est, mensus est ponderavit et divisit etc.* И пришло время сгинуть Валтасару со всем его царством и т.д. Таким образом Гедимин, наутро вставши, рассказал тот сон всем своим панам и дворянам, советуясь [с ними] по поводу того сна и спрашивая, что бы он мог значить. Но литовцы как язычники в то время мало во что верили, а дела, как военные, так и домашние, сами обычно решали с помощью жребия (burtami) или ворожбы, как римляне *Aruspicis, extis, avium volatu etc.* А растолковать тот сон так никому и не удалось, так что пришлось обратиться к Криве Кривейто, литовскому языческому епископу [39], имя которому было Лиздейко.

Лиздейко, верховный жрец литовский, найденный в орлином гнезде. А тот, как свидетельствуют летописцы, при Витене, отце Гедимина, был найден в орлином гнезде в дремучем лесу у большой дороги, а некоторые рассказывают, что сам Витень уложил его в украшенную колыбельку, подвешенную на дереве, и велел беречь его как сына. А когда вырос, то показал в себе способности не простого человека, что означало, что он был либо какого-нибудь знатного либо княжеского роду, но, видимо, из зависти к власти был еще в пеленках отослан в лес или мачехой, или отцом так, как это учинил было Амулий (Emilius), король Альбы. Он велел утопить в Тибре рожденных от королевской монашки, девицы Реи Сильвии, близнецов Рема и Ромула, которые потом, выхоженные волчицей (как известно) и выращенные пастухом Фаустулом, основали Рим, главу всего мира, и т.д. **Об этом читай у Ливия, Флора и других.** Так же учинил было мидийский царь Астиаг, который приказал своему секретарю Гарпагу уморить голодом Кира, рожденного от его дочери и от персидского княжича, чтобы тот после него не царствовал, [хотя Кир] был еще в пеленках. **Об этом у Юстина, Кариона и других.** А потом Гарпаг, сжалившись над младенцем королевской крови, тайно отослал его в лес и приказал подвесить на дереве, чтобы умер там не на глазах Гарпага. Однако это дитя воспитал у себя опять-таки пастух (тогда принесший Гарпагу известие о его смерти). Потом, когда [Кир] подрастал, дети, сообща пасущие скотину, выбрали его своим королем. И в конце концов и деда своего Астиага выгнал и завладел его Мидийским и отцовскими Персидским и Ассирийским королевствами, а потом и всей Азией, Сирией, Иудейской землей и Индией. **Об этом также читай у Волатерана [40], Юстина, Кариона и др., и у Даниила, гл. 13 и 14.**

Этого же Кира, первого персидского монарха, пророк Даниил привел было к познанию истинного Бога в году от сотворения мира 4443, а по Кариону в 3443. **Даниил, 14.**

Читаем также о еще более удивительном происшествии из *Помпея Трога* и *Юстина*, кн. 44. **Об этом читай также у Волатерана в кн. 2 *de Gestis in Hispania ad Gotos.*** Первый

испанский король Гаргорис (Gargoras) или Горгорас внука и сына своего, которого имел от собственной дочери (dziewki), со стыда хотел извести разными способами: приказывал бросать его свиньям и голодным псам, чтобы его съели; потом клали на узкую дорожку в хлеву, чтобы скотина его затоптала; наконец, когда тот так и не погиб, бросили его в море. Но все равно морской прибой (nawalnosci) без вреда выбросил его на берег, где потом олениха выкормила его своими сосцами (piersiami). Потом по удивительному предназначению провидения Божьего [он] стал вторым испанским королем, которому было дано имя Габис (Habis). **Габус, второй король испанский.**

Телеф, выкормленный ланью. Также Телеф, князь Мезии (Missijskie) или Болгарии, тоже занесенный в лесную чащу на погибель, был выкормлен ланью. **Иван Гестимул.** То же читаем в чешских хрониках, что и у Бельского найдешь в седьмой книге о Чешском королевстве под 909 годом от [рождения] Христа на странице 322: Ивана Гестимула (Gestimulussa) [41], корвейского (Karwackiego) королевича, тоже лань в чаще питала молоком четырнадцать и два года. **Парис. Юпитер.** Также и троянского королевича Париса, сына Приамова, в дебрях уберегла медведица, Ромула и Рема — волчица, а Юпитера (Jowissa), сына Сатурна — пчелы, и т.д. **Моисей тоже был на реке выложен в маленькой корзинке (Исход, гл. 2).**

Лиздейко, языческий епископ. [Я все] это для того напомнил, чтобы не было сомнений в свидетельствах литовских летописцев о Лиздейке. Ибо точно так же во времена оны случилось с нашим Лиздейко, который, будучи воспитан при княжеском дворе по наукам звездочетов и по языческим понятиям (как некогда Иосифа и Моисея [обучили] всем мудростям египетским), был обучен ворожбе и толкованию снов, а потом при Гедимине был верховным епископом или главным исполнителем (przelozonym) языческих богослужений, которого по должности (z urzedu) звали *Криве Кривейто*, о должности которого найдешь ясные свидетельства у *Кромера, Меховского, Длугоша, Эразма Стеллы и Дусбурга*. И тогда верховный епископ Лиздейко сон о волке, стоящем на Турьей горе, и о ста других волках, в нем воющих, честно и правдиво истолковал, как Иосиф фараону и товарищам по тюрьме, виночерпию и пекарю (**Бытие, гл. 40 и 41**), и как Даниил Навуходоносору о четырех монархиях (**Даниил, гл. 2**) и Валтасару о руке, что писала на стене *Mane, Tekel, Phares, mensus est ponderavit et divisit, etc* (**Даниил, гл. 5**), и сны о четырех ветрах и четырех зверях (bestiach) (**Даниил, гл. 7**), и о увиденном им муже с солнечным ликом (**Даниил, гл. 10**).

Толкование сна о Вильне. «Великий князь Гедимин! Тот волк, которого ты видел, якобы из железа выкованный, означает, что на месте жеглищ, твоим предкам посвященных, будет мощный замок и главный город этого государства. А сто волков, в том волке оглушительно воющих, голос которых разносится на все стороны, означают, что этот замок и этот город честностью и храбростью своих обитателей, а также великими делами потомков твоих, великих князей Литовских, которые будут иметь тут свою столицу и славно править, [обретет] великую славу, которая прогремит и быстро разнесется из той столицы по всем сторонам света и чужим народам».

Верхний Виленский замок на Турьей горе. Гедимин похвалил столь мудрое и правдивое истолкование сна Лиздейкой, принес жертвы своим богам на жеглище и, не откладывая

надолго, сразу же разослал [гонцов] по окрестным волостям, [собрал] разных ремесленников, плотников, каменщиков, кузнецов, землекопов и подготовил достаточно различного [строительного] материала. И начал строить из камня сначала верхний замок на Турьей горе, на которой сам подстрелил из самострела огромного тура.

Нижний замок. Разметил потом площадку для нижнего замка в [долине] Свинторога, которая в то время называлась *Кривой долиной*, в том месте при устье реки Вильны, где она впадает в Вилию. И там с большой быстротой, но и с большими расходами Гедимин с великим прилежанием выстроил деревянный нижний замок с выносными башнями и зубцами. А закончив оба замка, назвал их Вильно — от реки Вильны [42].

При замках над Вильной и Вилией быстро вырос город, ибо в том же году Гедимин перенес свою столицу из Трок в Вильно и там ее и утвердил на последующие времена. Поэтому великое множество людей, как орлы на падаль, спешно слетелись в [Вильно, образовав] большой город и разросшиеся посады. **Где будет падаль, там соберутся и орлы (Матфей, 24; Марк, 13; Лука, 21).** Для постоянного проживания в главном городе своего Великого Княжества все господа тоже выстроили там большие нарядные дворы, так что начинавшийся с малого Вильно, до этого лишь место погребения сожженных княжеских тел, в 1322 году вырос в большой и славный город по мудрому совету Лиздейки. Тот потом долго был литовским епископом, женатым, как это принято у язычников, и авгуром или прорицателем (wieszczkiem), ибо таков был обычай, перенятый у римлян, и важная должность *Augurii*. Ибо и Цицерон, знатный муж и римский сенатор, как сам о себе свидетельствует, тоже был в Риме в должности авгура, то есть прорицателя или верховного надзирателя за ворожбой, согласно которой действовала Римская республика. Так же и литовцы сохранили якобы взятый от римлян обычай и, как Цицерон и другие в Риме, так и Лиздейко в Великом княжестве Литовском был авгуром.

Augures, hoc est tres sacerdotes, qui auspiciorum disciplinam curarent, apud Romanos erant a Romulo, auguralis disciplinae perilissimo lecti. Itidem octo auruspices qui extorum erant periti, etc. Flamines quoque tres, et Salii etc. a Numa instituti etc. О чем читай Дионисия, Ливия, Плутарха (Нума, Стадиум), у Флора, Помпония Лета и других.

Огонь богини Весты. В основанном им столичном городе Гедимин не забыл установить почитание своих богов, хотя еще при литовских князьях Свинтороге и его сыне Гермонте на том месте, где ныне пушечный двор, впервые был установлен вечный огонь, как в Риме у Весты, и были в достатке (hojnie) назначены жрецы, под страхом смерти следившие, чтобы священный огонь не погас. Поэтому Гедимин и посвятил темным богам лес (который у латинских язычников и других народов звался *Lucus*, а у литовцев лес и доныне зовется *Laukos* [43]) и по языческому обычаю поставил там жрецов, которые на этих местах сожжения или жеглищах возносили молитвы за души умерших князей.

Змейки Гивайте и Земляная. Там же и змеек, называемых Гивайте [44] (Gywojtos) и Земляная (Ziemiennikos), кормили и холили как домашних божков (***Dii penates***). А тот лес был над Вилией подле пушечного двора и до самых Лукишек [45].

Идол Перкунаса или Перуна. А еще Гедимин поставил Перкунасу (Perkunowi) или Перуну (Piorunowi) истукана (balwan), держащего в руке большой кремнистый камень, от которого жрецы высекали огонь. В жертву этому [богу] постоянно жгли дубовые [дрова] [46], и вечный огонь днем и ночью [горел] на том месте, где ныне костел святого Станислава (основанный Ягеллой, внуком Гедимина) в замке [47].

Литовский Пантеон. Была еще на Антоколи [48] большая зала (sala) или святилище всех богов, которых славили соблазненные бесовскими суевериями литовцы. Там по четвергам жрецы вечерами всегда ставили и жгли восковые свечи. Однако об этих языческих идолах и суевериях выше пространно описано в Русской Хронике по достоверным сведениям и [на основании] тщательного изучения литовских древностей. Поэтому, милый читатель, нам пора заканчивать о заложении Трок и Вильна, ибо приступаем к иным делам и деяниям Гедимина.

Глава пятая

О воевании литовских и прусских земель имперскими князьями и орденскими рыцарями и о разорении литовцами Лифляндии аж до Ревеля и Дерпта, о разорении Мазовии и Добжиня в году 1322

О чем Петр Дусбург, хроники Прусские, Лифляндские, Длугош и Меховский (кн. 4, гл. 15, стр. 220 и т.д.)

В 1322 году прусские орденские рыцари, в 1319 году разбитые Гедимином над рекой Земилой и над Акменой, потом уже не нападали ни на Литву, ни на Жмудь главным войском, а только казацкими налетами (utarczkami). А узнав, что Гедимин занят русскими войнами и тогда же строительством Вильно, как мы уже рассказывали выше, собрали большие войска как из Пруссии, так и из Лифляндии и из других немецких княжеств.

Германская империя и различные князья готовят [поход] на Литву. Бернард, князь Свидницкий, со своим силезским рыцарством и с чехами, князь Швабский и два имперских графа, как пишут Меховский и Длугош, а Дусбург еще прибавляет графа из Герольдзека [49] (Grodischeckiego) и сыновей графа Юлихского, Вильденбергского и Преглицкого (Preglitskiego) [50], прибыли в Пруссию со множеством немецких, французских, чешских, силезских и австрийских рыцарей на помощь орденским братьям для священной войны против литовских и жмудских язычников (на которую папа выдал отпущение грехов, будто они ехали в Иерусалим).

В Жмуди разорены Ванкенский, Россиенский и Клогенский повяты, из которых ныне сохранил свое название только Россиенский. Объединив с ними все свои силы, лифляндские и прусские орденские братья огромной [армией] вторглись в жмудские и литовские земли, где разорили три повята: Ванкенский или Вайкенский (Wajkienski), Росиенский (Расейняйский) и Клогенский [51] и, как пишет Меховский, взяли замок Писту (Pistenu), однако Дусбург свидетельствует, что литовцы и жмудины отбились от немцев, усиленно штурмующих тот замок [52]. О чем, если хочешь, читай выше у *крыжака* [53] Дусбурга под 1322 годом.

Россиенские жмудины хитро обещали крестоносцам [**свое**] **подданство.** А когда литовцы и жемайты хитро[умно] пообещали крестоносцам подданство и покорность, этим удержали [их] от истребления и взятия в неволю литовских людей, а также от разорения волости.

Литовцы взаимно повоевали Лифляндию около Дерпта. В то время, когда лифляндский и прусский магистры воевали Жмудь, литовский князь повоевал Лифляндию, все Дерптское епископство и другие повяты и без помех вывел в Литву пять тысяч немцев и латышей и великое множество награбленного. Так [он] троекратно воздал крестоносцам око за око, и [вышло так, что] прежде они пустошили Жмудь с большим для себя убытком, нежели корыстью.

Поход (prozna wyprawa) немецких войск в Литву, не удавшийся из-за зимы. Когда уже наступила зима, христианское войско вторглось в Литву, желая отомстить за это разорение. Однако из-за царившей жестокой зимы, в том году исключительно суровой, в чем согласны все хронисты, [крестоносцы], побежденные зимней [стужей], ничего не сделав и ни в чем не преуспев, вынуждены были вернуться в Пруссию с большим для себя ущербом.

Литовцы повоевали Лифляндию аж до Ревеля. Но староста Гродненского замка Давид (***David vero Capitaneus castri Gartin frigore non torpens etc* — слова Меховского**), не озябая и не дрожа от зимних [холодов], с большим литовским войском снова повоевал Лифляндию вплоть до Ревеля и весь Ревельский повят около моря и по пути назад опустошил аж до самой Двины. Костелы попалил, золотую и серебряную церковную посуду и ризы забрал, священников перебил или увел в плен и, кроме убитых, пять тысяч немецких и латышских пленников отправил в Литву [вместе] с большой добычей. Дусбург пишет, что в то время Давид с литовцами повоевал земли датского короля, в которых одних только девушек и знатных пани захватил пять тысяч [54] и прочее. Ибо в те времена (о которых речь) датский король владел в Лифляндии Ревелем подобно тому, как и ныне король шведский [55].

Литовцы и жмудины взяли приморский Мемель или Клайпеду (Klojpede)**.** Потом той же зимой литовцы и жмудины захватили у орденских братьев город Мемель и три замка около него, в которых перебили и взяли в плен множество немцев и других христиан, [после чего] сожгли как город, так и замки [56]. Но, вероятно, в то время Мемель не был укреплен столь мощно, каким я его сам видел на днях (dzis).

Одновременно с этой победой, согреваясь на морозе [своей] прыткостью, [литовцы] повоевали повят Велау [57] и Самбийскую землю в Пруссии. И убили комтура из Тапиау [58], который хотел их громить, и все его войско наголову поразили, удручив крестоносцев поражением и большим ущербом. И без помех вернулись в Литву с большой добычей и целыми ротами (rotami) захваченных пленников. **Повят Велау (Wilowski) от Мемеля в 18 милях, Велау от Тапиау в 2 милях. Тапиау большой замок в 5 милях от Кенигсберга, мимо которого из Вильна** [в Кенигсберг] **ходят лодки (wiciny).**

Литовцы повоевали Мазовию. Вышеупомянутый гродненский староста Давид той же зимой повоевал мазовецкое княжество и, разграбив и попалив множество дворов, деревень и костелов, вывел в Литву очень много плененных мазуров, пахарей и крестьян.

Тогда же умер прусский магистр Карл фон Трир или Тревир [59], а на его место новым магистром был избран Вернер фон Орселн. **Об этом есть в хронике Дусбурга, которая переведена нами выше.**

Вроцлавское и иные силезские княжества оторваны от Польши [и присоединены] **к Чехии.** В том же году чешский король Ян удивительными и хитрыми способами отсудил у князя Генриха главный город Силезии Вроцлав и завладел им вместе с княжеством. И с тех пор Вроцлавское княжество оторвано от Польши и силезских князей [в пользу] Чешского королевства и принадлежит чехам. Устрашенные угрозами, легницкие и бжегские или брегские [60] князья тоже присягнули и перешли на службу к упомянутому Яну, королю Чешскому, и [поклялись] хранить присягу на верность его потомкам, будущим чешским королям.

Литовцы вывели из Добжиньской земли 9 000 пленников. А в 1332 году [61] литовцы, тайными дорогами быстро и внезапно вторгнувшись в Добжиньскую землю, жестоко повоевали все вдоль и поперек, убивая стариков и малых деток, а прочих забирая в плен. [А потом] торопливо и спешно убежали в Литву с девятью тысячами сочтенных [62] пленников.

Добжиньская земля [присоединена] **к польской короне.** По этой причине добжиньский князь Владислав, родной брат [63] польского короля Владислава Локетка, собственной персоной приехав в Краков, Добжиньскую землю со всеми замками, волостями и местечками отдал и даровал в вечное владение брату, королю Владиславу, и королевству Польскому. Ибо из-за частых орденских и литовских наездов [он] не мог далее ни обороняться, ни править. А упрямыми и покорными просьбами получил от королевских щедрот для себя и для матери своей Анастасии, вдовы князя Земовита Добжиньского, Ленчицкую землю — пожизненно, ибо не имел потомства. И так с того времени Добжиньская земля присоединена к королевству Польскому, хотя потом поляки из-за нее имели довольно [много] кровавых схваток с крестоносцами вплоть до [времен] Казимира Ягеллончика.

Мазовия повоевана литовцами. Потом в 1324 году по приказу Гедимина, великого князя Литовского, гродненский староста Давид вторгся в Мазовию. И в день святой Эльжбеты (19 ноября) огнем, мечом и грабежом повоевал город плоцкого епископа Пултуск (Poltowsk) [64] со ста тридцатью окрестными селами и уничтожил огнем тридцать приходских или, как их зовут, парафийных (parafijnych) церквей. **4 000 пленников из Мазовии.** Кроме того, как Меховский пишет, четыре тысячи человек вывел в Литву в неволю.

Литовцы воюют Лифляндию. А другое литовское войско, вторгнувшись в Лифляндскую землю, воевало ее в течение нескольких месяцев, а награбленное с пленниками вывели в Литву. Об этом Длугош и Меховский (кн. 4, гл. 16, стр. 221 и т.д.).

А если ты, читатель, хочешь согласовать [одну] историю с [другой] историей и узнать о литовских делах шире и подробнее, читай об этом в конце в хронике Петра из Дусбурга, с прилежанием переведенной нами выше. [Там ты узнаешь] о поражении крестоносцев у Медников и о литовской жертве; о суровой зиме и о разорении литовцами датских владений, а также прусской и добжиньской земли; о папских легатах, [приехавших] к Гедимину, а потом и остаток деяний Гедиминовых, начиная с 1326 года от рождения Господа Христа. И узнаешь конец хроники Дусбурга, которую он писал во времена Витеня и Гедимина, сам будучи крестоносцем, и что сам видел и слышал, о том и свидетельствовал, и свидетельство его правдиво.

Глава шестая

О породнении литовцев с поляками или как Владислав Локетек, король польский, женил своего шестнадцатилетнего сына Казимира на княжне Гедиминовне в году 1325

Польше досаждают со всех сторон. Польский король Владислав Локетек, окончательно коронованный только с третьего раза из-за великих внутренних и внешних проблем, будучи ужасно удручен жестокими несчастьями, постоянно думал и обсуждал с коронными советниками, каким способом после этих тревог он смог бы безопасно править. Прежде всего он старался утихомирить частые литовские набеги, которые не мог отбросить военной [силой]. **Cromer.** ***Neque vero facile ii domari poterant.*** Также тревожился он о скандально оторванной [от Польши] Поморской земле, отнятой безбожными прусскими крестоносцами, данниками короны [польской], а также об [организованном] чехами отделении от польской короны Силезского княжества.

От этих тревог мысли его разбегались, и не знал он, с чего начать и к чему обратиться. [Он] видел, что крестоносцы не только не собираются возвращать Поморскую землю, но и нагло направили свой гордый умысел на Добжиньскую землю, которая к тому же недавно была разорена литовцами. ***Cromer. Vel prodenda erat Polonia Lituanorum popu lationibus.*** [Он] видел также, что чехи так сдружились с братьями ордена, что трудно было их разлучить, особенно когда, овладев Силезией и городом Вроцлавом и вознесшись в своей спеси, они возымели надежду с помощью орденских братьев быстро подчинить (posiesc) всю Польшу. Оба врага и сами по себе были достаточно сильными и мощными, а одного трудно было зацепить так, чтобы не пришлось иметь дело с обоими. Вдобавок, саксы и бранденбургские маркграфы, связанные с братьями ордена союзом и соседством, были готовы им помогать, ибо и сами утверждались в Польше насилием и изменой, используя малейшую возможность. И когда шел король на эти войны, его мысли разрывались: либо ему выдать Польшу на разграбление и разорение литовцам, либо, выставив оборону для отпора их набегам, ему пришлось бы уменьшить силы своего рыцарства и разделить на несколько частей войско, которое даже и целиком и так не могло достойно противостоять тем другим врагам. К тому же литовцы постоянно вторгались то в одни, то в другие польские края, совершали набеги и воевали. ***Assiduis enim excursionibus, jam has jam illas oras Poloniae Litwani vexabant.*** Незадолго до этого [они] сожгли и разграбили Пултуск, город плоцкого епископа, Добжинь с деревнями, и многие края заселили, войной оторвав

их от Польши. И укротить их было трудно, потому что они всегда были готовы к битве, ибо постоянно вели войны.

С литовцами трудно было воевать, пока они не знали хозяйственной [деятельности] **и не вырубали лесов.** А у себя дома, [благодаря] ненадежным и трудным путям через реки, леса и озера, в непроходимых в то время чащах и нетронутых дебрях [литовцы] жили без опаски, как в неприступных и мощных замках. ***Et domi fluminum obiectu sylvarum que et paludum latebris etc tuti essent.*** Так что, если кто-нибудь захотел бы пойти на них войной, ему пришлось бы иметь дело с противником смекалистым, стойким, проворным, воинственным и хитрым, а также сначала столкнуться с трудностями дорог, густотой лесов, непогодой и голодом. ***Staut siquis bellum eis inferrent, ei non magis cum hoste insidioso etc.***

Наконец, король Владислав Локетек соблазнился на крайнюю меру, лишь бы ему удалось задобрить литовцев и сделать их своими друзьями. ***Itaque quoderat reliquum, placuit tentare, siforte ii mitigari ulla ratione et in societatem pertrahi possent.*** С самого начала его ободряло и давало некоторую надежду заручиться их дружбой понимание [того], что крестоносцы были главными врагами как поляков, так и литовского народа.

Инструкция польскому посольству в Литву. Когда все собрание сенаторов похвалило и поддержало это королевское предложение и начинание, к великому князю литовскому Гедимину направили послов, которые заключили бы с ним мир и просили бы у него в супруги королевичу Казимиру его дочь без какого-либо иного приданого, кроме вечного мира с обеих сторон и освобождения захваченных пленников польского племени.

Гедимин ласково принял этих послов в Вильне, посоветовался со своими князьями и боярами, увидел, что дело очень выгодное, если объединиться с поляками и с мазурами против главных врагов, прусских крестоносцев, и заключил письменный союз (spissal i zprzymierzyl). И не отказался выдать свою дочь за польского королевича Казимира, а отправил [ее] в Польшу вместе с упомянутыми польскими и со своими послами, а также требуемым приданым [из] пленников.

Альдона Гедиминовна [приезжает] **в Польшу.** Итак, княжна Гедиминовна с языческим именем Альдона в 1325 году приехала в Краков с коронными (польскими) послами и немалым числом литовских панов, гедиминовых дворян в великолепно украшенном убранстве (нарядах, какие носили в те времена) и казаков в медвежьих кожухах, волчьих шлыках и с сайдаками [65].

24 000 польских и мазовецких пленников в приданое. А за ней, перед ней и около нее длинными колоннами тянулось ее приданое: польские и мазовецкие пленники, выпущенные из литовской неволи, как мужчины, так и женщины, а всех пленников обоего пола было двадцать и четыре тысячи человек. ***Quae ingentibus omnis conditionis sexus atque aetatis captivorum catervis commitata etc.*** Они были отпущены из Литвы, как [некогда] евреи из Вавилона, к великой радости вышедшего на дорогу польского посполитого люда, встречавшего их на въезде в Краков, ибо эти бедняги уже считались обретшими вечный покой по вине литовцев.

Сначала упомянутая княжна была обучена христианской вере краковским епископом Нанкером.

Гедиминовна окрещена. Потом в вигилию святых апостолов Петра и Павла (28 июня) в краковском костеле [Альдона] была окрещена тем же епископом и наречена христианским именем Анна. И там же возведена в супружеское звание (w malzenski stan poslubiona) и отдана [в жены] польскому королевичу Казимиру Локетковичу, начинавшему шестнадцатый год своей жизни [66].

И с той поры измученная Польша, которая перед тем была по большей части опустошена и повоевана литовскими язычниками, только и начала быть более оседлой, людной и обильной. Ибо из-за постоянных литовских набегов соседняя Мазовия, а также Добжиньская, Люблинская, Сандомирская, Ленчицкая, Серадзская, Калишская и Куявская земли большей частью лежали не тронутые плугом, обезлюдевшие и заброшенные. ***Atque ex eo tempore Polonia magna ex parte vastata et in culta etc populosior et cultior esse caepit etc (Cromerus, lib. 11).*** Поэтому когда эти двадцать и четыре тысячи человек, отпущенных из Литвы, король рассадил по различным пустошам, [они] так усердно взялись за работу, что не только заселили и привели в порядок (naprawili) старые пустые пашни, но и раскорчевали и перекопали (roskopali) леса и за короткое время сделали их пригодными к пахоте, а села или деревни подходящими для проживания. В литовской неволе бедняги научились хозяйству: [вручную] жерновами молоть, ладить орудия (lady rabajac) и раскорчевывать леса. ***Sed et novas villas in cruda radice locatus*** [67], как пишут Длугош и Меховский (кн. 4, гл. 9, стр. 207).

Итак, когда король Польши Владислав Локетек уже заключил и утвердил мир и дружбу с литовцами, он с еще большими надеждами и настойчивостью начал обдумывать войну с крестоносцами. Сначала он задумал постращать союзников крестоносцев: бранденбургских маркграфов и мазуров, которые вместе со своим князем Ванко помогали ордену против Польши, чтобы [они], занятые войной у себя дома, перестали помогать крестоносцам. **Мазовецкий князь Вацлав или Ванко** [был] **очень злым и жестоким, отчего появилась поговорка: «Пошел ты к Ванку».**

Поляки воюют Мазовию. Для этого [Локетек] послал в Мазовию войско, собранное из краковской и сандомирской шляхты, и в 1325 году огнем и мечом повоевал все повяты и сжег город Плоцк.

А на следующий 1326 год Владислав Локетек, взяв в помощь у Гедимина тысячу двести литовских рыцарей, гетманом над которыми был Давид, славный староста Гродненский, а также имея подкрепления из Валахии (z Wloch) [68] и из Руси и собрав еще большее войско в Польше, после [дня] святого Иоанна Крестителя (24 июня) двинулся в земли саксов и маркграфов против маркграфа бранденбургского Вальдемара [69]. **Этот маркграф Вальдемар продал ордену Поморскую землю, принадлежавшую Польше.**

Локетек воюет маркграфство [Бранденбург]**.** И так как никакого отпора против себя не имел, то, насколько смог, огнем, железом и грабежами повоевал, разметал (potarl) и обратил почти в ничто все края маркграфства Бранденбург вдоль и поперек от Одры реки

и от [города] Бранденбурга аж до Франкфурта (на Одере), минуя укрепленные города и замки, из которых немцы не то что сделать вылазку, а и выглянуть-то едва осмеливались.

Литовцы разрушили 142 церкви. 6 000 немецких пленников. И там литовские язычники проявили великие жестокости по отношению к церквям, которых разрушили сто сорок и два монастыря; старых монахов и монашек сожгли, малых деток и старых мужиков и баб посекли. А пригодных для работы и услуг, более чем шесть тысяч душ немецких, с великой жестокостью, как скотину, увели в жалкую неволю, захватив всяческую добычу и другие трофеи. И так со всем полоном король Владислав Локетек беспрепятственно и в целости отступил в Польшу.

Монашка перехитрила литвина. На той войне случился один достойный памяти поступок некой монашки. Будучи схваченной одним литвином, когда он хотел ее изнасиловать, попросила его, чтобы он этого бесчестья с ней не делал, обещая ему вместо платы и выкупа научить его такой хитрости, что он никоим образом не сможет быть поражен железом. А когда литвин охотно пожелал этому научиться, подставила ему свою вытянутую шею со словами: «Если не веришь, сначала испытай это своей саблей на моей шее». Уверовав, литвин тут же выхватил саблю и одним махом (razem) снес ей голову. Так эта панна смогла избежать гнусного насилия честной смертью. Обманутый язычник тоже понял, что господская честь была для нее важнее, чем бренная жизнь. **Смотри об этом в Силезских анналах, стр. 93.**

Литовцы проходят через Мазовию, разоряя. Потом литовцы, отпущенные Владиславом Локетком в свою землю, со своим гетманом Давидом, старостой Гродненским, двинулись через Мазовию, разоряя, воюя и грабя [все], что им подвернулось.

Мазовецкий Сцевола. Мазур Анджей убил литовского гетмана. Некий мазовецкий шляхтич, по имени Анджей [70], не смог стерпеть этого разорения и литовской жестокости, но, распалившись великим гневом, решился совершить поступок, достойный памяти. Ибо [он], замешавшись между литовских отрядов, гетмана этого войска Давида, старосту Гродненского, мужа весьма славного и первого в то время в Литве пана после великого князя Гедимина (на дочери которого он был женат [71]), убил посреди лагеря и, дав шпоры прыткому коню, бежал через встревоженные литовские полки, хотя за ним и гнались несколько сот литовцев. А Давид, славный гетман, который, как мы писали выше, воевал и прусскую и лифляндскую землю аж до Ревеля и Дерпта, от одного мазовецкого взмаха тут же уснул вечным сном.

Гедимин сам снова вторгается в маркграфство. Потом на следующий 1327 год Гедимин, великий князь литовский, после того как его народ приобрел опыт и обогатился (sie zaprawil i wzdobyl) в первом походе с Локетком, собрав войско из литовцев и из жмудинов, тайными и непривычными дорогами 9 марта снова вторгся в Бранденбургское маркграфство. И, расположившись лагерем под главным городом Франкфуртом над рекой Одрой (Одером), все оставшиеся земли маркграфства разорил, повоевал, разграбил и опустошил, рубя и убивая тамошних людей, а других захватывая в плен.

Литовцы с награбленным уходили более 100 миль. И, набрав из того, что еще оставалось (okwitosc), различных трофеев, добычи и пленников, [и следуя] в пределах прусских и мазовецких границ на протяжении девяноста и более миль, [литовцы] без малейшего отпора воротились в Литву.

Меховский пишет, что во время этого второго похода на Бранденбургское маркграфство вождем и гетманом над литовцами был Ольгерд (Olger), сын Гедимина, [назначенный] отцом. ***Idem Sentit et Cureus in historia Silesica.***

Все прочие силезские князья из польского [подданства перешли] **в чешское**. В том же 1327 году силезские князья: опольские, яворовские, цешинские, глогувские, жаганьские, намысловские, олесницкие, шпротавские, кожуховские, сцинавские, бжегские, легницкие, свидницкие и фалькенбергские, происходившие из рода королей и князей польских, забыли о своей преславной королевской фамилии, забыли вольности, которыми до того времени обладали в королевстве Польском, и окончательно перекинулись (gruntownie sie przekineli) к чешскому королю Яну, главному врагу польского короля Владислава Локетка. А что были до того вольными, тем в то время должны были поступиться, [дав] присягу и [перейдя в] подданство чехам. И не было тому иной причины, кроме зависти и ненависти.

От малой причины большие [следствия]**.** Ведь Владислав Локетек взял себе польскую корону без их совета и участия, из-за чего они не называли его королем Польским, а только Краковским, и подданным своим приказали так же его чествовать. Потом, к их вечному позору, король Локетек, посоветовавшись об этом с сенаторами, велел объявить в коронных владениях, что ни один из этих силезских князей, пока не сложит с себя чуждое чешское ярмо, присягу и подданство и снова не вернется к польской короне, в Польше не [может] быть избран ни королем, ни губернатором, ни старостой, а также чтобы и их потомки никаких званий в Польше впоследствии не имели. **Ибо сначала в Польше** [за ними] **сохранялись** [их прежние] **должности и звания, духовные и светские.**

По какому праву польский король Сигизмунд I удерживал Глогув и Вроцлав. И с того времени все силезские княжества и Вроцлав передались от Польши к чехам, а вернуться в прежнюю связку (clobe) им было трудно. И хотя Сигизмунд Казимирович [72] был князем Глогувским и старостой Силезским и Опольским, он имел эти [титулы] по милости своего брата Владислава, короля венгерского и чешского. А когда [Сигизмунд] вступил на [престол] Великого княжества Литовского, а потом, после брата Александра, на [трон] королевства Польского, то Глогув, Силезию с Опольем, а также город Вроцлав вернул брату Владиславу и чешской короне и как бы сдал должность [правителя] доверенных ему княжеств, которые до этого издавна были [владениями] польских князей — и при отцах, и при дедах.

Глава седьмая

О сыновьях и дочерях Гедимина и их уделах

Гедимин Витенесович, великий князь литовский, имел семерых сыновей: Монтивида (Montiwida), Наримунта, Ольгерда, Кейстута, Любарта, Явнута и Кориата. Всех их еще при своей жизни, избегая в доме внутреннего несогласия, он как должно наделил удельными княжествами и владениями, чтобы после его смерти не разорвали братской любви и согласия (при котором малые царства вырастают в великие) войной и мечом и чтобы не искали себе новых уделов. Напомнив им, чтобы каждый оставался на своей части уделов, поделил их тогда таким образом.

Слоним и Кернов. Старшему Монтивиду назначил замки Кернов и Слоним с их волостями и пригородками.

Пинск. Наримунту Пинск над рекой Припятью со всеми прилегающими окрестностями, тянущимися до самого Днепра - земли, добытые Гедимином [в ходе] войны с русским князем Владимиром владимирским.

Кревские волости и старая граница. Ульяна, [жена] **Ольгерда. Витебск в приданое и его границы**. Ольгерду замок Крево, владения которого тянулись в направлении восхода солнца вплоть до реки Березины. А поскольку Ольгерд граничил с русским князем Витебским, то женился на его единственной дочери по имени Ульяна, в приданое за которой взял все княжество Витебское. В то время [Витебское княжество] простиралось от реки Березины вплоть до реки Угры в Московии, по которой потом Витольд (Витовт), племянник Ольгердов, заложил границы Литвы с московским князем Василием и его государством, как о том будет ниже. И так Ольгерд в то время в удельных и полученных в приданое (wianowanych) княжествах широко пановал от Крево и Витебска до самой Угры.

Старые Троки и их пригородки. Кейстуту достались Старые Троки со всем Жмудским княжеством, с Гродно, Ковно, Упитой, Лидой - уделами, идущими вдоль прусской границы до самого Подляшья.

Новогрудок и его пригородки. Кориату выделили княжество Новогрудок с Волковыском и Мстибоговым, владения которого в то время простирались до реки Случь.

Любарт взял в приданое Владимир на Волыни. Обширность владений и держав Любарта. Любарт, который возвел в звание супруги дочку Владимира, князя Владимирского и Волынского, взял за ней в приданое часть удела на Волыни. Потом Гедимин, отец Любарта, разбил возгордившегося тестя своего сына, вышеназванного Владимира. И так как тот, потеряв войско, был убит на поле боя, [Гедимин] тогда взял все княжество Владимирское и Волынское, как о том написано выше [73], и отдал его сыну Любарту, который к тому же владел этими княжествами в качестве наследства жены. А потом Любарт унаследовал и Луцкое княжество, когда в Киевской битве луцкий князь Лев был также убит литовцами. Если бы не русские княжества, которые [он] получил в результате женитьбы и убиения тестя, [Любарт] среди братьев не имел бы никакого удела в Великом княжестве Литовском. Однако же случилось так, что наследованием и войнами с русскими княжествами он потом расширил свои владения до самого Львова и до венгерских гор, как пишут Длугош, Меховский и Кромер. За земли эти он долго воевал со

своим зятем (мужем сестры) Казимиром Локетковичем, польским королем, и с Людовиком, королем венгерским и польским, как о том будет ниже.

Явнута [предназначили] **на великое княжение. Виленское воеводство и его повяты.** Явнуту же или Явнуте, младшему сыну Гедимина, которого отец любил больше всех, записал после своей смерти вручить всю верховную власть над другими братьями в Великом княжестве Литовском, Русском и Жмудском и отдал ему город Вильно со столицей Великого княжества и обоими замками, к тому же Ошмянский, Вилькомирский и Брацлавский повяты при воеводстве Виленском. И в нынешнее время Вилькомирский, Ошмянский и Брацлавский повяты со своими пригородками как в гражданском, так и в военном отношении тоже относятся к Виленскому воеводству.

Таким способом великий князь Гедимин, как порядочный отец, еще при жизни разделил Великое княжество Литовское на части, [которыми наделил] всех семерых сыновей, чтобы после его смерти они не делили его мечом и кровавой войной к погибели речи посполитой [74], великими трудами предков объединенной в такое великое государство. Однако, как порядочный государь, [при жизни он] сам владел как всем Великим княжеством Литовским, Жмудским и Русским, так и сыновьями и их уделами, и по собственному разумению решал все домашние и польные (polne) или военные дела, приучая сыновей к природному рыцарскому ремеслу.

Дочкам же, которых имел несколько, никакого удела в своих владениях не оставил, только в двух случаях даровал в приданое мир и пленников: Данмиле (Эльжбете), которая была выдана замуж за мазовецкого князя Ванка, и Анне (Альдоне), на которой женился польский королевич Казимир Локеткович, как об этом написано выше. Таким же образом ради мира и породнения с Литвой и русские князья без приданого брали других дочек у великого князя Гедимина, а его сыновья тоже брали у русских князей дочерей и их княжества, как Ольгерд - Витебское, Любарт - Владимирское, Явнут - Заславское (по линии которых [75] ведут свой род Глебовичи), и Кориат, и так далее. **Заслав Литовский, который из милости был дан Явнуту, изгнанному из Вильна.** Только Кейстут сам взял в жены жмудинку из Паланги (Polongi), как о том будет ниже.

О разорении Прусской земли Локетком с Гедимином и с венграми, о последней победе и убиении Гедимина под Фридбургом в году 1328

Гедимин и поляки. Польский король Владислав Локетек, видя, что прусские орденские рыцари силой оторванную от Польши Поморскую землю вернуть не хотели и, возгордившись, не обращали внимания (niedbali) ни на Бога, ни на послов папы и напоминания его комиссаров (commissarzow), а, напротив, к старым кривдам прибавляли новые, совершая набеги на польские пограничные земли, не мог далее не обращать на это внимания. Он собрал большое войско со своего королевства, имея также помощь от своего зятя Карла, венгерского короля, а гетманом над венграми был австрийский герцог Вильгельм. К тому же по настоянию Локетка на помощь полякам собственной персоной прибыл великий князь литовский Гедимин с большим войском литовским, жмудским и русским и с сыновьями, как пишут Длугош и Меховский (кн. 4, гл. 10, стр. 209).

Поляки и литовцы разоряют Пруссию. Итак, король Локетек и Гедимин, общими силами совершив крупное вторжение в Хелминскую землю, все волости огнем и железом обратили в пепел и почти что в пустыню. Потом, когда они хотели двинуться далее в Пруссию через реку Дрвенца (Drwiaca), им помешали переправиться прусский магистр с лифляндским, которые, обработав (obrabiwszy) все берега реки Дрвенцы на несколько миль, забаррикадировали их пнями, колодами и другими препятствиями. И, стреляя с этих шанцев из пушек и ручниц, различной стрельбой мешали перебраться на другую сторону полякам, литовцам и венграм. **Уже в то время у немцев отмечены пушки и ручницы.** Потом один простой крестьянин (chlop) показал королю незащищенный (wolny) брод в нескольких милях, через который [король] и переправился через реку Дрвенцу со всеми коронными, литовскими и венгерскими полками, обманув этой хитростью орденское войско. **Ибо одна часть войска встала напротив крестоносцев, оборонявших брод, чтобы те не додумались, что [враг] переправляется в другом месте. Такой же хитростью Александр Великий обманул Пора Индийского при переправе через реку Окс, о чем Доминик Силен (кн. 8, гл. 3) и др.** И, построив полки для битвы, [он] двинулся против крестоносцев, собираясь сразиться с ними. Но те, видя огромные силы Локетка, не посмели [сойтись с ним] на поле боя (pola stawic), а тут же разлетелись по разным замкам, из которых обороняли и свое здоровье, и свое имущество.

Но король Локетек и Гедимин, оставив в покое замки и укрепленные города, воевали прусские земли, распустив загоны вплоть до реки Осы. И по нескольку раз отсылали - король в Польшу, а Гедимин в Литву - стада скота и свиней, добычу и пленников, и раз за разом снова разоряли все, что уцелело. Несколько дней они осаждали Добжиньский замок, но крестоносцы защищали его с особенным упорством. Потом, переправившись на другую сторону реки Осы, обобрали и пожгли все деревни, местечки и предместья городов, [защищенных] каменными стенами. Видя это, магистр прусский с лифляндским тут же отправили к королю и к Гедимину послов, прося мира и согласия. Итак, король Локетек, поверив их их хитрой, а на самом деле волчьей, покорности и видя, что око за око воздал крестоносцам почти вчетверо, учинил с магистром годичное (doroczne) перемирие с тем условием, чтобы крестоносцы Добжиньскую землю и замок Добжинь, а также Быдгощскую [землю] вернули королю Локетку и польской короне сразу же, а о Поморской земле должны были договориться с королем в том же году. К этому соглашению присоединились со стороны крестоносцев чешский король Ян, а со стороны Локетка венгерский король Карл. Но потом этот союз не дал должных результатов из-за отсутствия и хитрых уловок чешского короля Яна, который писался также и польским королем.

Фелициан Захарий хотел убить короля. Тогда же здоровью венгерского короля Карла угрожала страшная опасность, ибо когда он вечерял на Пасху в саду с женой, дочерью Локетка королевой (Эльжбетой), и с сыновьями, некий венгерский шляхтич Фелициан из рода Захаров (Zacharow) или Сахов (Sachow), выхватив саблю, напал на короля. Но промахнулся, король улизнул, и тот лишь легко ранил его в правую руку, а королеве, которая быстро заслонила короля, отсек на правой руке четыре пальца так, что они отлетели. А сыновей его, королевичей, заслонили собой, защитили и оборонили воспитатели и учителя (ochmistrzowie i bakalarzowie). **Ян Потоцкий.** Польский шляхтич Ян Потоцкий швырнул на землю этого злоумышленника и убийцу, а королевские

драбанты, которые тут же сбежались по тревоге, изрубили его на части и на кусочки (w sztuki i na czlonki). Относительно причин, предшествующих этому злодейскому поступку, дело было сомнительное: некоторые говорили, что, убив короля, [тот] хотел сам стать тираном или господарем венгерским; другие молвили, что он мстил за насилие над своей сестрой Кларой со стороны польского королевича Казимира Локетковича, а сводницей в этом деле якобы была королевская сестра [76].

Карл Венгерский поражен мултянами. Вскоре после этого Карл, король венгерский, когда по [какой-то] причине пошел войной на Базарада (Басараба), господаря мултянского [77], [благодаря военной] хитрости (fortelem) был наголову разбит мунтянами и валахами, да так, что сам король едва ушел от погрома и с малой дружиной бежал в Венгрию. На том месте, где была битва, мултянский господарь выстроил монастырь и поставил три столба, сложенных из камня, которые я сам видел в 1574 году, едучи от турок. [Они находятся] за местечком Джурджиу (Giurgiecem), в двух днях пути от трансильванского города Сибина, если ехать через горы.

А Владислав Локетек, после войны установив с крестоносцами мир, войско распустил, а литовские и венгерские подкрепления отправил по домам, одарив и поблагодарив их.

Виелюна или Виелона (Велюона). Но крестоносцы, избавленные от угрозы внезапного нападения, недолго пребывали в мире и, имея мир с поляками, всю мощь обратили на литовцев и жмудинов, мстя им за то, что помогали полякам. [Они] осадили [литовский] замок Виелюна или Велона над Неманом, добывая его непрерывными штурмами. Но после того как литовцы и жмудины храбро оборонялись со стен и часто выходили на вылазки, а некоторых немцев отбили с великим разгромом (porazka) и от ворот, и от подкопов, а также когда те силой ломились на стены по лестницам, [крестоносцы прекратили] осаду и отступили от Велоны. **Крестоносцы обозлились на литовцев и на жмудинов. Литовцы отстояли Виелону.**

Крестоносцы построили около Виелоны два замка. Однако Дитрих, граф из Альтенбурга, великий маршал прусский и наместник магистра (а не магистр, как пишет Меховский, он был лишь назначен на должность магистра [великим] магистром Лютером) [78], объединил войска немецкого [ордена] с прибывшим на помощь крестоносцам баварским герцогом Генрихом, и они [снова] осадили Виелюну или Виелону. А чтобы быстрее и удобнее без собственных людских потерь могли добыть этот замок путем его сдачи, изморив осажденных голодом, они сразу же сами построили под Виелоной два новых замка. Один из них назвали Фридбург, то есть Спокойная гора, а другой Бейер, то есть Баварский. Снабдив оба этих замка достаточным количеством различного продовольствия и рыцарями, как следует оснастив их огнестрельным (strzelba) оружием, а также оставив в них пушки (dziala) герцога Баварского, [великий магистр и герцог] отбыли в Пруссию, приказав донимать осажденных в Велюоне литовцев непрерывными вылазками из обоих замков, пока те не сдадутся сами и [не сдадут свой] замок. **В этом месте в истории уже упоминаются пушки.**

Литовцы осаждают Бейер и Фридбург. Ручницы. Желая отбить немецкие наезды, [отвести] страшную опасность и выручить своих рыцарей из тяжкой осады, великий князь

Гедимин вместе с сыновьями Ольгердом, Явнутом и Кейстутом собрал большое войско из литовцев и жмудинов и с этим сильным войском осадил те два новых замка: Фридбург и Бейер (Байербург). И в течение двадцати двух дней добывал их постоянными штурмами, подкопами, стрельбой и таранами. Но так как немцы мушкетной (rusniczna) стрельбой [79], к которой литовцы еще не привыкли, мощно оборонялись и перебили много гедиминова люда, Гедимин сам подъехал поближе к стенам, подбадривая (dodawajac ochoty) своих рыцарей и указывая подходящее место для шанцев и таранов, чтобы [с их помощью] разбить и развалить одну из башен. **Опасное дело самому князю приближаться к замку!**

Гедимин убит из ручницы. И когда он столь охотно тряхнул стариной, один немец с крепостных зубцов (z blankow) подстрелил его в хребет (grzbiet) из ручницы. Как свидетельствуют прусские хроники и пишет Меховский, его *ignea sagitta per dorsum trasfixit* [80]. Но похоже, что [то была вовсе не огненная стрела, а] скорее огнестрельная пуля из ручницы [81], ибо в те времена немцы начали выдумывать самопалы, однако еще без кресал (krzossow) [82]. Несколько подобных ручниц я видел в хранилище (skarbie) Виленского замка, а также и других старинных ручниц много повидал в Риге, в Дюнамюнде и в прусских замках. От этого выстрела Гедимин на месте испустил дух и скончался [83].

Из-за его смерти литовское войско [прекратило] осаду замков и отступило с великим смущением, с плачем и сетованиями его сыновей Ольгерда, Кейстута, Явнута и других, простого народа и рыцарства, и с обычными в таких случаях жалостным пением и перечислением его доблестей и добродетелей по обычаю оплакивания умерших, принятому у литовцев.

Погребение Гедимина, подобное погребению Патрокла и Гектора, о чем [пел] Гомер. Потом его сыновья и все рыцари проводили его тело до Вильна, а там по княжескому обычаю приготовили ему могилу (grob) согласно языческим обрядам и тризнам, сложив огромный костер (stos) [из] смолистой соснины в том месте, где Вильна впадала в Вилию. Потом, когда все семеро его сыновей: Монтивид, Наримунт, Ольгерд, Кейстут, Любарт, Явнут, Кориат съехались на последнюю тризну (obchod) отцовского погребения, его убрали в праздничные одеяния и в шаты княжеские, которые он сам при жизни более всего любил, и положили на кучу дров, [а рядом с ним положили] сабли, копья, сайдак с луком, соколов и хортов по паре, живого коня с седлом и связанного наивернейшего его любимца [слугу]. Потом подожгли дрова, и столпившиеся вокруг рыцари по бывшему у них старинному обычаю с великой скорбью метали в огонь рысьи и медвежьи когти (paznogcie), доспехи и часть неприятельских трофеев, а также вместе с ним сожгли живыми трех пленных немцев в доспехах. Потом, когда тела сгорели, пепел и кости князя, слуги, коня и хортов, отдельно собрав их и заколотив в гроб (сверток), похоронили в земле на том же месте. Так в 1329 году [84] закончились правление, гражданские и военные дела великого князя Гедимина Витенесовича, и тогда же случились его смерть и погребение, о чем с великими трудами, милый читатель, достоверно собрано и исправно списано у различных польских, прусских, лифляндских и русских историков и литовских летописцев.

Конец первого тома

Комментарии

1. Миколай Тальваш (Тавлош) герба Лебедь — каштелян минский (1566) и жмудский (1570), литовский посол в Москве в 1569-70 и 1582 годах. Полководец Ливонской войны, в 1565 году одержал победу над шведами при Киремпя.

2. Гедимин, правивший в Литве с 1316 по 1341 год, был не сыном, а братом Витеня. См.: Послания Гедимина. Вильнюс, 1966.

3. Людвиг IV Баварский был королем Германии в 1314-1347 гг., но римским императором стал только с 1328 года. Годы понтификата папы Иоанна XXII: 1316-1334.

4. Владислав Локетек был правителем Польши с 1312 года, но короновался лишь в 1320 году. Карл фон Трир (Тревир) — великий магистр Тевтонского ордена в 1311-1324 годах.

5. Генрих фон Плоцке был прусским магистром в 1307-1309, великим комтуром в 1309-1312 и великим маршалом Тевтонского ордена в 1312-1320 годах.

6. Ливонским магистром в 1309-1322 гг. был Герхард фон Йорк, которого Рюссов ошибочно именует Конрадом фон Иокке. Зато имя его преемника (1322-1324) было действительно Конрад (Кетельгут).

7. Солтыс (шутгайлс, шульц) — должностное лицо типа деревенского старосты, назначаемое феодалом для управления селом и сбора налогов.

8. Имеется в виду Давыд Городенский (Гродненский). Некоторые исследователи считают его сыном Довмонта, но эту точку зрения пока не удается ни достаточно убедительно подвердить, ни опровергнуть.

9. Расстояние от Кенигсберга (Калининграда) до Тапиау (Гвардейска) составляет около 40 км, таким образом, миля у Стрыйковского равна примерно 8 км.

10. Примечательно, что для наименования простой похлебки Стрыйковский употребляет не польское слово *zupa*, а литовское слово *putra* .

11. Считается, что простейшее ручное огнестрельное оружие, которое Стрыйковский именует ручницами или ружьями, впервые появилось в Европе во второй четверти XIV столетия, то есть примерно в описываемое время, как и сообщает наш автор. Историки артиллерии считают, что ручные самопалы были придуманы даже раньше, чем первые пушки. Но в 1315 году тевтонские рыцари еще не обзавелись подобным оружием, это произошло позже.

12. Река Акмена, левый приток реки Юры, впадающей в Неман, находится в южной части волости Медининкай. Бой литовцев с крестоносцами, по словам Стрыйковского, происходил к юго-востоку от Акмены, у реки Земилы. Однако трудно сказать, какую из рек между Дубиссой и Акменой наш автор называет Земилой, на современной карте Литвы реки с похожим названием нет. Возможно, он имел в виду реку Шешувис или какой-то из ее притоков.

13. Коронация Локетка состоялась в Вавельском соборе Кракова 20 января 1320 года.

14. Генрих фон Плоцке погиб 27 июля 1320 года. Кроме великого маршала, в бою были убиты 29 братьев Тевтонского ордена и 220 рядовых немецких воинов. В литовском фольклоре эта битва иногда зовется боем у озера Биржулис. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М., 1997, стр.178.

15. Длугош о разорении Добжиньской земли сообщает не под 1320, а под 1321 годом. Как раз в этот день (14 сентября 1321 года) умер Данте Алигьери, о чем в следующем абзаце упоминает и Длугош. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, Krakow, 1868, стр. 99.

16. Прозвище сожженного литовцами рыцаря было *Rudde*, что можно перевести с немецкого и как *грубый* (*rude*). Возможно, это и дало Стрыйковскому повод назвать его *самым свирепым*.

17. Слова *русь, литва, жмудь* и т. п. во всех летописях чаще всего означают не государства, а народы, т.е. *русские, литовцы, жмудины* и т. п., и в этом случае должны писаться с маленькой буквы (хотя сам Стрыйковский пишет их с большой).

18. Слово *pociskami* проще всего перевести как *пулями*, но нет полной уверенности, что в данном случае Стрыйковский имел в виду именно огнестрельное оружие. Первые переводчики его хроники на русский язык (XVII-XVIII вв.) здесь так и пишут: *потисками.* В словаре Даля слово *потиск* толкуется как *натиск* или *пожатие.* Речь идет о каком-то снаряде, для зарядки которого требовалось усилие, нажатие, натиск. Это может быть пуля, забиваемая шомполом, но арбалеты и камнеметы здесь тоже подходят. Дальнейший текст отчасти подтверждает, что речь здесь идет не об огнестрельном оружии, которое в одном строю с *пращниками* выглядело бы довольно нелепо.

19. Этому латинскому выражению соответствует русская поговорка *После драки кулаками не машут.*

20. Волынские князья Андрей и Лев Юрьевичи, правнуки Даниила Галицкого, 9 августа 1316 года заключили с Тевтонским орденом договор о взаимной помощи против татар и *других язычников*. Договор не защитил братьев. 21 мая 1323 года Локетек пишет римскому папе, что в связи с ***гибелью двух последних русских князей из рода схизматиков*** их земли, соседствующие с его владениями, теперь могут захватить татары. Судя по этому письму, оба брата погибли почти одновременно и это было совсем недавно (конец 1322 или начало 1323 года). Пресеклась династия потомков Романа Мстиславича. И хотя

неизвестно, в бою с татарами или с литовцами пали последние волынские князья, рассказ Стрыйковского о походе Гедимина на Волынь может быть связан именно с этими событиями.

21. Рассказ о походе Гедимина на Киев всегда был самым обсуждаемым местом всей хроники Стрыйковского. «Стрыйковский собственно и популяризировал это известие: именно благодаря ему оно проникло в последующие сочинения до учебников включительно» (М. Грушевский). Как раз этому рассказу наш автор более всего обязан нестареющему интересу к своей хронике историков российских и украинских, но он же закрепил за ним и сомнительную репутацию *историка не весьма основательного* (по выражению Карамзина). К Стрыйковскому намертво приклеился ярлык сочинителя этого рассказа, но, как и в большинстве других случаев, здесь он всего лишь красочно пересказал один из сюжетов белорусско-литовских летописей. Сначала достоверность этого похода Гедимина не вызывала никаких сомнений, а потом категорически отвергалась историками как очевидный вымысел. Но и в настоящее время вопрос этот все еще не закрыт. Накопленная информация не позволяет полностью отрицать вероятность подобного эпизода, так как сам факт перехода Киева под юрисдикцию Великого княжества Литовского не позднее середины XIV века никогда не ставился под сомнение. Правда, большинство историков считает, что это произошло не при Гедимине, а при Ольгерде (1345-1377). См. Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. Стр. 473-486.

22. Если киевский поход Гедимина в действительности имел место, то есть много аргументов в пользу того, что это произошло не в 1320, а, скорее всего, в 1324 году. Пасха в этом году была 15 апреля, а Киев был сдан, вероятно, в мае 1324 года.

23. *Польское* имя киевского князя *Станислав*, в то время не встречающееся ни в каких русских летописях, за исключением белорусско-литовских, всегда считалось важным доводом в пользу несостоятельности всего рассказа Стрыйковского. Но если в Киеве в те годы сидел союзник или даже прямой ставленник поляков (а это вполне возможно), то Гедимина должны были очень беспокоить польские виды на южнорусские земли. Так что это довод как раз *за*, а не *против*.

24. *Пиерной* Стрыйковский называет реку Ирпень, правый приток Днепра.

25. Белгород Киевский — древняя резиденция киевских князей на реке Ирпень.

26. Снипород — древнее название левого притока Днепра реки Самары, на которой когда-то было и укрепленное поселение Снипород.

27. Имеется в виду Василий III (1505-1533), отец Ивана Грозного, сын Ивана III (1462-1505) и внук Василия II (1425-1462). Последнего Стрыйковский упоминает чуть выше.

28. Подлинная история последних рязанских князей вкратце такова. В 1483 году умер князь Василий Иванович и рязанское княжество поделили его сыновья Иван и Федор, причем первый получил Рязань, а второй Перевитеск. В 1500 году Иван Васильевич

скончался. Правительницей княжества в качестве опекунши четырехлетнего наследника стала его бабка Анна Васильевна (*дочь*, а не *сестра* Василия II, как пишет Стрыйковский). После ее смерти (1503) управление княжеством перешло к матери наследника Аграфене. В том же 1503 г. бездетным умер Федор, а его владения перешли к его дяде Ивану III. В 1520 г. за связи с крымскими татарами москвичи арестовали последнего рязанского князя Ивана Ивановича. В 1521 году Иван бежал в Литву, где позднее и умер (1534). Рязанское княжество превратилось в удел Московского государства. История о междоусобной войне двух братьев и известие о третьем их брате позаимствованы Стрыйковским у Герберштейна и не находят подтверждения ни в одном из русских источников. См.: Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1858. Стр. 216-239.

29. В тексте дата крещения Ольги почему-то пропущена и восстановлена по Лаврентьевской летописи, где это событие датируется 6463 годом от сотворения мира (955), а крещение князя Владимира (и не в Царьграде, а в Корсуни) — 6496 годом (988).

30. Очевидная описка или опечатка. Должно быть не 6469, а 6496.

31. Владимир Всеволодович Мономах, великий князь киевский (1113-1125), был не внуком, а правнуком Владимира Святославича (978-1015).

32. Вака (Воке) — левый приток реки Вилии (Няриса).

33. Старый Тракай находится посреди ровного поля, что, действительно, не так уж удобно для строительства замка. Возможно, именно это обстоятельство и отразилось в его названии, о чем смотри ниже примечание 36.

34. *Осочить*, по Далю, означает *окружить* зверя. Таким образом, *осочники* (osocznicy) — то же самое, что и загонщики.

35. Тарчаки (Татарчуки) — вероятно, литовское *Тоторишко*. Так называется одно из тракайских озер (Гальве, Лука, Тоторишко, Акмене и другие), окружающих замок на острове. Надо думать, что рядом была и местность с таким же названием.

36. *Троки* (troki) — по-польски *ремни* для связывания вещей. У Даля *трок* — верхняя подпруга, ремень, которым придерживается попона на спине лошади. Ремень для привязывания чего-либо у задней луки седла назывался *торока,* отсюда *приторочить.* Однако слова эти не литовские, а славянские, так что этимология Стрыйковского представляется как минимум спорной. И хотя литовское слово *traukti,* означающее *тянуть, вытаскивать*, в общем-то, близко по смыслу к ремням и упряжи, логичнее обратить внимание на слово *trakas — прогалина, поляна*.

37. Речь идет о Старом Тракае, расположенном примерно в четырех километрах к юго-востоку от знаменитого Тракайского замка на острове. Именно в Старых Троках в 1350 году родился Витовт. Старый замок был разрушен в 1391 году и более не восстанавливался. От него остались лишь невысокий замковый холм и фундамент, на котором после 1405 года с одобрения Витовта выстроили бенедиктинское аббатство.

Орденские документы впервые упоминают Троки под 1337 годом, и более ранних упоминаний в источниках нет, не считая датировки Стрыйковского. Именно эта дата (1321) и принимается литовскими краеведами как год основания первого из тракайских замков.

38. По Далю, *оступ* означает *окружение,* а Стрыйковский называет оступом место очередной загонной охоты.

39. Стрыйковский употребляет здесь слово *епископ* (biskup), хотя ему было хорошо знакомо и более подходящее слово *жрец* (kaplan). Вероятно, этим он хотел подчеркнуть особое положение Криве Кривейто в иерархии литовских жрецов. Сам Лиздейко — лицо не вымышленное. Он был женат на сестре Витеня, а Радзивиллы считали его своим предком. Имя Лиздейко производится от литовского слова *lizdas* (гнездо), а село, близ которого нашли плачущего ребенка, получило название Веркяй (от литовского слова *verkti* — плакать). У этого села 11 октября 1658 г. русские войска князя Долгорукова нанесли поражение литовским войскам и взяли в плен литовского польного гетмана Гонсевского. Ныне бывшее село Веркяй (Верки) стало северным пригородом Вильнюса.

40. Итальянский историк Рафаэль Маффеи (1455-1522) родился в городе Вольтерра, из-за чего и получил прозвище Волатеран. На его труды ссылается не только Стрыйковский, но и Татищев в своей «Истории Российской».

41. Имя Гестимул (Gestimulus) встречается в Корвейских анналах под 844 годом как имя одного из вождей полабских славян. Исследователи считают, что за этим латинским словом скрывается славянское имя Гостомысл.

42. Истории основания Вильнюса посвящена обширная литература, и в каждой из этих книг приводится легенда, популяризированная Стрыйковским, и дата первого упоминания Вильнюса в источниках: 1323 год. Однако к настоящему времени археологи убедительно доказали, что на месте нынешнего Вильнюса поселение существовало как минимум за сотню лет до Гедимина. Еще Миндовг строил здесь первые в Литве католические храмы.

43. Латинское слово *lucus* означает *роща*, а не лес, но в данном случае разница невелика, тем более, что Стрыйковский на полях уточняет: ***Lucus sacrati*** (священная роща). А вот литовское слово *laukas* означает *поле*, то есть нечто совершенно противоположное лесу, который литовцы называют *miskas*.

44. Лукишки — район Вильюса, знаменитый своей городской тюрьмой. На Лукишской площади были повешены Сигизмунд Сераковский (1863) и Кастусь Калиновский (1864). В Лукишках в 1556 году родился Юрий Радзивилл, первый литовский кардинал (1584), епископ Виленский и Краковский.

45. По-литовски *gyvate* означает *змея*. Между прочим, это слово почти не отличается от слова *gyvata* — *жизнь*.

46. Дуб считался одним из важнейших атрибутов как литовского Перкунаса, так и славянского Перуна. В грамоте галицкого князя Льва Даниловича (1302) упоминается *Перунов дуб*.

47. Костел святого Станислава — это Вильнюсский кафедральный собор, в конце XVIII столетия полностью перестроенный в стиле классицизма.

48. Антоколь (литовский Antakalnis) — в XVI столетии предместье, а в настоящее время район Вильнюса, расположенный к северо-востоку от центра города вдоль левого берега реки Вилии (Нярисa)

49. Речь, возможно, идет о сыне или внуке Генриха фон Герольдзека (ум. 1300) женатого на Адельгейде Цоллерн (Гогенцоллерн). Графство Гоген-Герольдзек (Hohengeroldsek) относится к округу Швабия.

50. У Дусбурга нет никакого графа Преглицкого (или Прегельского), но вместо него в этом месте упоминается граф Лихтенберг. Лихтенберг находится в Баварии (Верхняя Франкония). См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М., 1997, стр. 179.

51. Клогенским (Klogenski) повятом Стрыйковский называет волость Ариогалу. Все эти три волости (Вайкен, Россиена и Ариогала) находятся между верховьями реки Шяшувис и рекой Дубиссой.

52. Поход 1322 года, в котором, помимо простых воинов и иноземных рыцарей, участвовали 150 орденских братьев, возглавлял *исполняющий обязанности* великого магистра Тевтонского ордена Фридрих фон Вильденберг, о котором смотри выше примечание 66 к книге десятой. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М., 1997, стр. 179.

53. Польское слово *krzyzak* буквально означает *крестоносец*. Но смысл этого слова в русском и в польском языках заметно различается. У нас крестоносец — это участник *крестового похода*, нашивший на одежду крест в знак принятого на себя обета. Это может быть орденский рыцарь. а может быть и простой крестьянин. У поляков слово *krzyzak* еще до Стрыйковского означало исключительно *орденского рыцаря,* причем именно *Тевтонского ордена*. Из этого правила не выпадают и *лифляндские крыжаки*, поскольку с 1237 года все ливонские братья были членами Тевтонского ордена. Петр из Дусбурга тоже был братом этого ордена (правда, не рыцарем, а священником), поэтому Стрыйковский и называет его *krzyzak*. По этой же причине в настоящей главе, а также выше и далее слово *krzyzacy* нередко переводится как *орденские рыцари* — когда надо подчеркнуть, что речь идет именно о них, а не об участниках крестовых походов, которых в средневековых текстах именовали *пилигримами*. Все выше сказанное относится и к названию знаменитого романа Сенкевича «*Krzyzacy*».

54. На самом деле Дусбург пишет, что во время похода в Эстонию, состоявшегося в начале 1323 года, войско Давыда Городенского перебило и пленило *всего около пяти*

тысяч человек обоего пола. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М., 1997, стр. 180.

55. После окончания Ливонской войны (1558-1583) территория сначала северной, а позднее и южной Эстонии отошла к Швеции. Эти земли оставались под властью шведского короля вплоть до Северной войны (1700-1721), в ходе которой Эстония была присоединена к России.

56. Дусбург пишет, что сам Мемельский замок тогда (14 марта 1323 года) устоял, а сожжены были городской посад и три соседние деревянные крепостенки, гарнизоны которых состояли не из немцев, а из крещеных пруссов.

57. Нападение литовцев на Велау (нынешний Знаменск) произошло 2 августа 1323 года.

58. Тапиау — нынешний Гвардейск в Калининградской области. Известие о гибели комтура Тапиау ошибочно и появилось из-за неточного перевода текста Дусбурга. В 1323 году убит был комтур *Велау* Фридрих Квитц. Замок Тапиау сначала был центром комтурства, а в середине XIV века его статус был понижен до *попечительства*, которое возглавлял не комтур, а попечитель (pfleger). См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М., 1997, стр. 178, 180,181.

59. Карл фон Трир умер 10 февраля 1324 года в Трире, где и похоронен.

60. Название города Бжег (Brzeg) в Нижней Силезии по-польски означает *Брег*, то есть *берег*.

61. Очевидная описка или опечатка. Дусбург пишет, что литовское вторжение в Добжиньскую землю началось 14 сентября 1323 (а не 1332) года.

62. Эти сведения взяты не у Дусбурга, а у Длугоша, который, впрочем, не пишет, что пленных *пересчитывали*. Дусбург же сообщает, что литовцы увели в плен 6 000 христиан, а всего убили и пленили около 20 000 человек, причем 2 000 человек было убито в самом городе Добжини. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. IX, s. 105. Krakow,1868.

63. Владислав Добжиньский был не братом Локетка, а сыном его брата (у Длугоша — *bratanek*, т.е. племяннник) Земовита Добжиньского (ум. 1312). Хотя у Локетка были братья и от других браков его отца Казимира Куявского, но с Земовитом у них была общая мать. Видимо, именно поэтому Стрыйковский называет Владислава Добжинского ***rodzony*** (родной) *brat* (должно быть *rodzony bratanek*, т.е. родной племянник). Локетек же, соответственно, был не братом, а дядей князя Владислава.

64. В.И. Матузова в своем переводе хроники Дусбурга и некоторые другие исследователи полагали, что здесь говорится о Плоцке. На самом деле в 1324 году литовцы разорили *Пултуск* — один из древнейших городов Мазовии, находящийся на реке Нарев (примерно 100 км к востоку от Плоцка и 50 км к северу от Варшавы). В польском переводе Длугоша

прямо так и написано: *Pultusk*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. IX, s. 108. Krakow,1868.

65. Сайдак (сагайдак, саадак) — лук и стрелы в колчане в общем чехле. Калмыцкое *саадг* означает «лук вместе со стрелами».

66. Казимир родился 30 апреля 1310 года, а во время бракосочетания ему было пятнадцать лет и два месяца.

67. «Новые деревни стоят на сырых корнях» (лат.).

68. Валахия как государство в 1326 году юридически еще не существовала, однако у валахов (у Длугоша — Wolochow) уже был свой собственный правитель — воевода Басараб, формальный вассал венгерского короля Карла Роберта. Историки предполагают, что Басараб состоял в союзе с одним из католических государств (но не Венгрией). Возможно, это была Польша. В 1327 году папа Иоанн XXII называющий Басараба «католическим князем», хвалит его за участие в каком-то походе. Но Дусбург ни слова не пишет об участии валахов в походе на Бранденбург, который Стрыйковский описывает по Длугошу.

69. *Саксами* поляки называли всех немцев, но в данном случае речь идет о Бранденбургском маркграфстве. Маркграф Вальдемар, который в 1309 г. продал Тевтонскому ордену Гданьское Поморье, захваченное бранденбуржцами, умер еще в 1319 году, а сам Бранденбург к 1326 году перешел в руки Вительсбахов. Фактически же маркграфство на какое-то время осталось вообще без правителя, чем и воспользовались Локетек с Гедимином. Сам Локетек, разумеется, в набеге не участвовал.

70. Дусбург не называет имени убийцы Давыда Городенского, однако это имя (Andreas Gost) есть в хронике Николая из Ерошина, откуда его взял Длугош, а у Длугоша — Стрыйковский. См. Scriptores Rerum Prussicarum, band I. Leipzig, 1861. Стр. 610.

71. Известие о браке Давыда Городенского с дочерью Гедимина — одно из тех мест в хронике Стрыйковского, которые делают ее ценнейшим историческим источником. Это сообщение есть только в этой хронике и более нигде. И хотя до сих пор неизвестно, откуда Стрыйковский узнал об этом браке, его известие историки считают правдивым или, во всяком случае, очень и очень правдоподобным. См., например: Ivinskis Z. Lietuvos istorija iki Vytauto Didziojo mirties. Vilnius, 1991. Стр. 239.

72. Сигизмунд I, король польский и великий князь литовский в 1506-1548 гг.

73. Смотри главу третью книги одиннадцатой.

74. *Речь посполитая* (***rzecz pospolita***) буквально переводится с польского как «дело народное». Это не только официальное название государства, возникшего в результате Люблинской унии 1569 года. В современном польском языке это выражение означает также и «республика» (от латинского ***res publica*** — общее дело), а Стрыйковский *речью*

посполитой мог назвать не только Литву, а и любое другое государство, особенно если хотел подчеркнуть патриотические чувства его населения.

75. Имеются в виду князья Заславские, от которых вели свой род также князья Мстиславские и Глебовичи.

76. Длугош, который всю эту историю рассказывает намного подробнее, пишет, что в роли сводницы выступила не *сестра короля* Карла Роберта, а *сестра королевича* Казимира, то есть сама венгерская королева Эльжбета Локетковна.

77. Мултания или Мунтения - восточная часть Валахии, отделенная рекой Олт от западной части Валахии - Олтении. Далее речь идет о битве при Посаде (9-12 ноября 1330 г.), с которой румыны начинают историю своей государственности. В этом трехдневном сражении в горных теснинах войска венгерского короля Карла Роберта были наголову разбиты валахами воеводы Басараба. О валахах и о Басарабе смотри также примечание 68 к книге 11.

78. Дитрих фон Альтенбург был комтуром Рагнита (1320-1326), Бальги (1328-1331), великим маршалом (1331-1335) и великим магистром Тевтонского ордена (1335-1341) после Лютера Брауншвейгского (1331-1335). При сооружении Байербурга (1338) он был уже полноправным великим магистром, так что Меховский опять-таки прав.

79. В польском языке *rusznica* означает «мушкет, ружье», однако разница между первыми самопалами и мушкетами XVI века (не говоря уже о ружьях) была весьма велика, о чем ниже пишет и сам Стрыйковский. Историки согласны и с заявлением автора относительно того, что в первой половине XIV века ручные самопалы (ручницы) уже существовали (см. примечание 11 к настоящей книге), и с тем, что они могли встречаться и в орденском войске. Однако в то время во всей Европе огнестрельное оружие было совершенной новинкой и встречалось пока лишь в единичных экземплярах. Частая стрельба из мушкетов со стен осажденного города - это реалии второй половины XVI века, но никак не первой половины XIV века. Стрыйковский, безусловно, переоценивал масштабы распространения огнестрельного оружия во времена Гедимина.

80. «Его спину пронзила огненная стрела» (лат.). В оригинале, то есть у Виганда из Марбурга, написано буквально следующее. ***Случилось так, что брат Тиллеманн фон Сунпах, командир лучников (magister sagittariorum), огненной стрелой (telo igneo) поджег флаг и сразу после этого [другой] стрелой ранил в шею между лопаток языческого тракайского короля (regem de Tracken), и тот умер.*** Из этого текста со всей очевидностью следует, что *telo igneo* - это именно *горящая стрела*, так как *пуля* не может поджечь флаг. Кроме того, стрелял не первый встречный, а командир *лучников*. Однако главный сыр-бор разгорелся из-за слов «тракайский король». Длугош, а за ним и Стрыйковский, решили, что речь здесь идет о Гедимине, поскольку в хронике Виганда после этого эпизода Гедимин более ни разу не упомянут. В настоящее время историки убеждены, что «тракайский король», убитый под Байербургом, был не Гедимин, а кто-то из его близких родственников. Э. Гудавичюс выдвинул довольно убедительную версию о том, что это был Витовт (не путать с Витовтом Великим!), *восьмой* сын Гедимина. В

некоторых летописях говорится о том, что изначально у Гедимина было не семь, а восемь сыновей. Семь были живы после его смерти, восьмой умер раньше отца. И хотя сам Витовт Гедиминович не упомянут в источниках, русским летописцам хорошо известен его сын Юрий *Витовтович*, внук Гедимина. См.: Gudavicius E. Kas zuvo prie Bajerburgo? Lietuvos TSR Mokslu Akademijos darbai. A seria, t. 4 (89). Wilnius, 1984.

81. Латинский язык в принципе допускает подобный перевод, однако выше показано, что замена «огненной стрелы» на «пулю из ручницы» в данном случае совершенно неправомерна. Сам Длугош (и его переводчики на польский язык) нимало не сомневались в том, что речь здесь идет именно о *горящей стреле*. Так что весь этот домысел целиком на совести Стрыйковского.

82. Имеется в виду оружейный *колесцовый замок*, который был изобретен (в Германии) только в 1515 году. Считается, что принципиальную схему колесцового замка придумал сам Леонардо да Винчи, причем это единственное его изобретение, получившее признание при жизни.

83. Этот рассказ Стрыйковского породил довольно популярный и долго живший исторический миф о гибели Гедимина под Байербургом *от пули*, причем и год смерти правителя Литвы наш автор указал неправильно. Но истинным автором всей неразберихи был не Стрыйковский, а Ян Длугош, своим авторитетом как бы канонизировавший эту историческую ошибку. А к ошибке Длугоша привело неверное толкование процитированного нами места из хроники Виганда из Марбурга. Мало того, именно в этом месте Длугош непростительно напутал с хронологией. Но впоследствии во всех грехах обвинили именно Стрыйковского, ведь это его рассказ получил столь широкую известность и стал чуть ли не хрестоматийным. См.: Die Chronik Wigands von Marburg. В кн.: Scriptores Rerum Prussicarum, band II. Leipzig, 1863, стр. 492-497.

84. И осаду Байербурга, и смерть Гедимина Длугош отнес к 1307 году. Стрыйковский, как мог, пытался исправить ошибку своего великого предшественника, ради чего смешал и запутал свою собственную хронологию. Но, решившись сдвинуть датировку Длугоша на *двадцать лет*, наш автор все-таки не посмел сдвинуть ее на все *тридцать* (как это следовало сделать), и в итоге «дотянул» только до 1329 года. На самом деле осада Байербурга происходила в 1338 году, а Гедимин умер в 1341 году. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. IX, Krakow,1868, стр. 34-35.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Глава 1. Явнута Гедиминович, великий князь Литовский, Русский и прочее и Кейстут, князь Жмудский, братья.

Об отобрании Вильна у Явнуты.

Глава 2. Ольгерд, великий князь Литовский, Русский, Кревский, Витебский и Подольский и Кейстут, [князь] Жмудский, Трокский и Подляшский, Гедиминовичи.

О [том, как] Ольгерд отомстил пруссакам за смерть отца, трех татарских царьков поразил и возвратил Подолию Литве.

Глава 3. О гордом вызове Дмитрия Шемяки, великого князя Московского, посланном Ольгерду и Великому княжеству Литовскому, о вручении пасхального яйца и о прочем.

Глава 4. О разорении литовцами Мазовии и о выдающейся отваге литовцев, оборонявших от крестоносцев замок Пиленай.

Глава 5. О [том, как] польский король Казимир Великий завладел русскими землями и о его соглашении с литовскими князьями.

Глава 6. О разорении литовцами Мазовии и прусских земель и о жестокой и напрасной войне с литовскими князьями королей Людовика Венгерского и Яна Чешского, Карла, маркграфа Моравского, и графа Галле с войсками Империи и прусского магистра.

Глава 7. О взаимных набегах и частых войнах между прусским магистром Винрихом фон Книпроде, литовцами и поляками.

О войне литовцев с поляками и разорении Сандомирской земли, о пленении Кейстута, о розыске изменников и о прочем.

Глава 8. О взаимном разорении Пруссии литовцами, а Литвы и Жмуди крестоносцами, о тройном пленении Кейстута и о разрушении Ковна.

Глава 9. О походе польского короля Казимира Великого против некоторых литовских князей на Волынь, о разорении Кейстутом Мазовии и о взаимных войнах литовцев с крестоносцами.

Глава 10. О женитьбе Кейстута.

Глава 11. О разорении Польши литовцами, захвате ими и возвращении древа Святого Креста и о Людовике, короле венгерском и польском.

Глава 12. О частых войнах Кейстута и других литовских князей с прусскими и лифляндскими крестоносцами и о жестоком разорении Польши литовцами.

Глава 13. О сыновьях Ольгерда и Кейстута и их уделах.

Мацея Осостевичюса Стрыйковского, каноника Жмудского

Ясновельможному пану
пану Альбрехту Радзивиллу [1]*,*
князю на Несвижах и Олице,
дворному маршалку Великого
княжества Литовского,
старосте Ковенскому и
Брацлавскому

Глава первая

Явнута Гедиминович, великий князь Литовский, Русский и прочее и Кейстут, князь Жмудский, братья

Год 1329

Исполнив, по обычаю, погребение в Вильне Гедимина, великого князя и своего отца, литовские князья Ольгерд, Кейстут, Наримунт, Евнутий (Jawnucz) или Явнута, Любарт, Кориат и Монтвид (Montwid), первым делом [стремясь] избежать бед и опасностей, [грозивших] их общей отчизне от немцев, там же в Вильно со всеми панами и боярами собрали сейм, на котором, не забавляясь долго пустыми обсуждениями, своим братьям Ольгерду и Кейстуту, от природы украшенным рыцарскими доблестями, единодушно вручили управление государством (rzeczy pospolitej) [2] и оборону границ. **Решение** (porzadek) **сыновей Гедимина.** Сами же, чтобы меж ними не началась какая-нибудь домашняя ссора из-за уделов, по воле отца Гедимина и по его указаниям определили себе и так и записали, чтобы каждый оставался на своем уделе, назначенном отцом, а общие границы единодушно защищали от всех врагов общими силами. А так как по воле и по распоряжению Гедимина после его смерти в Вильне, столице Великого княжества Литовского, должен был править его младший сын Явнута или Евнутий и должен иметь верховенство над другими братьями, как великий князь [3], [они] тому постановлению и отцовской воле не перечили. И хотя были другие братья, куда более годные для столь великого звания и должности, однако, сберегая общее согласие и к тому же имея на шее крестоносцев, все единодушно возвели на отцовский престол Великого княжества Литовского в Виленском замке [своего] младшего брата Явнута или Евнутия, хотя и менее достойного. **Явнута возведен на в**[еликое] **к**[няжение]**.** Там же ему вручили меч и жезл (laske), знаки княжеской власти, возложили на голову княжескую шапку, шат (szate) и прочие к тому принадлежности, признав Великим князем Литовским, Русским, Жмудским, Курляндским или Куршским и Северским и, по старинному обычаю, провозгласили [об этом] с обычными языческими церемониями (хотя некоторые сыновья Гедимина уже окрестились в русскую веру).

Об отобрании (ubiezeniu) **Вильна у Явнута**

Братья литовские князья, совершив погребение своего отца Гедимина и возведя на великое княжение брата Евнутия, разъехались каждый в свой удел: старший Монвид в Слоним, Наримунт в Пинск, Ольгерд в Крево, а потом к жене в Витебск, Кейстут в Троки, Кориат в Новогрудок, Любарт во Владимир на Волыни, а Евнутий или Явнута остался в Виленской столице с панами и земским рыцарством.

Заговор против Явнута. Но братья Ольгерд и Кейстут, более других одаренные красивой внешностью, воспитанием, образованием и прирожденной рыцарской доблестью, а также другими признаками благородства и мудрости, и к тому же любившие друг друга не так, как прочих братьев, считали негодным для себя и несправедливым делом, чтобы над ними пановал младший Евнутий. И оба тайно сговорились, чтобы со взаимной помощью попытаться свергнуть его с великого княжения. Как следует и достаточно это обсудив, назначили себе урочное время, день и час, в который намеревались вдвоем захватить Вильно и овладеть им, и поклялись (pzyrzekwszy) один другого в том не выдавать. Итак, пока простак Явнута беспечно жил себе в Вильно, Кейстут (подобно Астуту [4]) измышлял и изыскивал различные хитрости для захвата Виленских замков и к назначенному времени полностью подготовился. **Кейстут захватил оба Виленских замка.** Но так как в условленное время Ольгерд не смог так скоро прибыть из Витебска из-за дальности пути, Кейстут сам собрал полки своих вооруженных жмудских и трокских рыцарей и 22 ноября [5] ночью тайно прибыл из Трок под Вильно. На рассвете, приставив лестницы к частоколам (do blankow) и воротам, и внезапно ворвавшись (wyrabawszy), [Кейстут] стремительным ударом захватил оба Виленских замка: верхний и нижний или Кривой [6], и чуть было не захватил самого Явнута [7], брата и великого князя, еще лежавшего в постели. **Явнута убежал босиком.** В этой внезапной и неожиданной суматохе (gielku) [8] он сам спустился со стен и так, босой, в одном кожушке, один убежал в горы среди лесов [9]. **Явнута безвинно схвачен.** Там на промерзлой дороге он поморозил себе ноги, был пойман солдатами Кейстута, которые гнались за ним, кравшимся (Selinie) [10] по этим [лесам], и на коне привезен в Вильно, где содержался под стражей в почетном плену. А Кейстут, как следует устроив дела с замками, с городом Вильно и с братом Явнутом, послал вскачь гонца к Ольгерду, сообщая ему, как и каким способом [он] завладел Вильно и поймал Явнута, и прося его, чтобы поскорее спешил в Вильно. А когда Ольгерд приехал, Кейстут из врожденной любви, возможно, большей, чем братской, сразу же почтил его своим счастьем и передал ему, как старшему, город и Виленские замки со всеми сокровищами и верховную власть. **Ныне меж братьями редко встретишь такую любовь и щедрость. Похожая любовь была разве что между Артобарзаном [11] и Ксерксом, когда один другому уступил Персидское царство,** [о чем] **найдешь у Юстина в книге 2.** Ольгерд же отказывался, отговариваясь различными причинами и отдавая брату Кейстуту то, что тому подарила фортуна и его отвага. Но Кейстут тем сильнее со слезами и кроткими просьбами на коленях убеждал Ольгерда принять эту должность и честь верховной власти. И так в течение долгого времени из-за широты братской любви (не иначе, как Орест и Пилад, когда один товарищ за другого готов был голову положить на плаху) этой честью препирались. **Уговор** (postanowicnie) **Ольгерда и Кейстута.** И в конце концов, почтив и уважив один другого, единодушно договорились, что владениями (panstwem) и сокровищами Явнута поделятся между собой, а верховная власть в Вильне и во всем Великом княжестве Литовском, Русском и Жмудском пусть достанется Ольгерду, как великому князю. А если кто-нибудь из них войной или каким-то иным способом добудет у

неприятеля какие-то земли или территории, чтобы все поровну меж собой на двоих делили, один другому чтобы на горло не наступал, маетностей и уделов не захватывал, чтобы каждый по возможности всеми силами умножал имущество другого и избегал [взаимных] обид. **Литовская языческая клятва перед идолом Перуна.** И поклялись друг другу на этих кондициях и по отцовым языческим церемониям на священных жеглищах в Вильне перед божеством Перуна, где постоянно горел вечный огонь, набожно учинили, постановили и заключили между собой вечный, постоянный и основательный мир. **Явнута в Литве стал князем Заславским.** А брата Евнутия выпустили из заключения и из милости дали ему в удел Заславский край в Менском (Mienskim) воеводстве [12], и потом он писался князем Заславским, как и его ныне вымершие потомки. **Глебович.** В нынешнее время от внучки или правнучки Явнута, сына Гедимина, князя Заславского, остался еще один потомок, минский каштелян пан Ян Глебович, воеводич Виленский [13], рожденный от княжны Заславской и до сих пор по праву наследования владеющий материнским замком Заслав. **Заслав на Волыни и князья Заславские.** От этого [Заслава следует] отличать Заслав на Волыни, от которого тоже есть русские князья Заславские, [выводящие свой род] не от Явнута Гедиминовича, а от киевских монархов Владимира и Ярослава и их потомка Давида Игоревича, князя Владимирского, о чем рассказывается выше в Хронике Литовской [14], у Длугоша, у Меховского (кн. 3, стр. 64) и у Кромера, а также у Бельского, где об этом найдешь подробнее.

Глава вторая

Ольгерд, великий князь Литовский, Русский, Кревский, Витебский и Подольский, Кейстут, [князь] Жмудский, Троцкий и Подляшский, Гедиминовичи.

Как Ольгерд отомстил пруссакам за отцовскую смерть, трех татарских царьков поразил и присоединил Подолию к Литве.

Год 1330

Братья Ольгерд и Кейстут, как следует укрепив (obwarowawszy) и устроив все домашние дела Великого княжества Литовского, движимые сыновней любовью и жалостью, постоянно думали о том, как бы отомстить прусским крестоносцам за смерть своего отца Гедимина, убитого под Велюоной (Welona), и захват значительной части Жмудской земли, и [как] возместить литовцам ущерб от невыносимых [немецких] разорений над Неманом. **Ибо жмудские** [земли] **вдоль Немана уже были захвачены до самой Велюоны** (Wielone)**.** Поэтому, недолго посоветовавшись, Ольгерд разослал [гонцов] к Литовским, а Кейстут к Жмудским, Троцким и Подляшским, а также к Гродненским боярам и панам, чтобы через несколько недель все при оружии съехались и стянулись к Ковно. Другие братья-князья по правилам посполитого рушения тоже прибыли им на помощь: Монтивид (Montiwid) со Слонимцами и Керновцами; Наримунт с русью из Пинска, из Мозыря и из Речицы (z Mozerska i Recicka); Кориат с Новогрудской, Волковыйской и Мстибоговской шляхтой; Любарт, в крещении нареченный Федор [15], с Волынчанами и с Лучанами; Явнута с Заславцами и с Минчанами, также и другие литовские паны и князья Гольшанские, Гедройцы и прочие. Все они [горели] желанием послужить отчизне и охотно показать себя против главного врага — крестоносцев. **Поход**

литовских князей в Пруссию. С этим великим и огромным войском, которого было тысяч сорок, и с братьями князьями Ольгерд двинулся прямо в Пруссию, [силами] Витебской, Полоцкой, Вилькомирской, Брацлавской и Дриской (Driska) [16] шляхты укрепив границы по берегам Двины от лифляндцев, чтобы лифляндский магистр в это время не вторгся в Литву. **Порядок** [следования войск] **Ольгерда в чужой земле**. А когда уже вторглись в земли Орденской Пруссии, приказал всему войску в строгом порядке (porzadnie) двигаться осторожно, сформировав три главных полка и пять вспомогательных (posilkowych). И не отпускал для фуражировки (w piczowanie) и в загоны за добычей ни одного из тысячи или нескольких сотен конных, вооруженных и снаряженных людей, тщательно следя, чтобы на ничего не ожидавших немцев [они] не нападали из хитрых засад, как намеревались. Но все их замысловатые хитрости оказались ни к чему, ибо [немцы] (когда увидели огромное и, вопреки их ожиданиям, построенное как следует литовское войско) не посмели с ними встретиться ни из засад, ни в открытом поле, ни наскоками (wtarczkami), думая обороняться только из замков и укрепленных городов, в которых сами надеялись отсидеться и сохранить свое имущество. А литовцы и русские со своими князьями, оставив замки в покое, вдоль и поперек огнем и мечом разорили и разрушили незащищенные местечки, дворы с деревнями и фольварками аж до Эльбинга, а потом до самого Кёнигсберга и Гейльсберга [17]. **Инстербургский комтур Эберхард Сорц поражен литовцами.** Комтура Инстербурга Эберхарда Сорца (Sorcza) с тремя сотнями рейтаров (reiterow) и с пятью сотнями пеших кнехтов, которых он вел в Кёнигсберг из земли Сасов (Saskiej) [18] поразили в теснинах наголову. Потом опустошили Самбийскую, Натангскую, Помезанскую и Вармийскую земли и Бранденбургское комтурство. **Самбия, где Кёнигсберг. Вармия, где Вармийское епископство. Помезания, где Висла, Дробниц, Везера и другие реки до самого Мальборка. Натангия, где Бранденбург, Бальга, Хайлигенбайль и прочие** [замки]**.** Не разбирая ни пола, ни возраста и не давая пощады захваченному врасплох немецкому люду, [литовцы] жестоко убивали и рубили старых и молодых, мужчин и женщин. И чтобы не задерживаться и не подвергаться опасности, много пленных не брали, только грабили, а захваченное добро вместе с различным скотом по нескольку раз отгоняли в Жмудь и в Литву, и каждый раз возвращались. Запальчивости им прибавляла праведная скорбь по убиенному Гедимину, великому князю, и по множеству литовских рыцарей, пострелянным (postrzelanie) вместе с ним на их собственной земле под замками Фридбургом и Байер[бург]ом, основанными крестоносцами недалеко от Велюоны [19]. Эти свирепые (gwaltowny) литовские и русские войска потрясли и довели почти до обморока крестоносцев, с замков и с высоких башен глядевших на окрестные волости, повсюду охваченные огнем и окуренные клубами густого дыма, дочиста разграбленные фольварки, прежде изобиловавшие всяческим добром и скотиной, вытоптанные пашни и хлеба, перебитых христиан. И, не имея сил для отпора неприятелю, ибо перед этим их войска, прибывшие из немецких [земель], по наущению предателя Винцентия из поморян [20] были посланы на разорение польских земель против породнившегося с литовцами короля Локетка [21], вступили в переговоры с Ольгердом и его братьями, литовскими князьями, прося их о мире. **В то время крестоносцы повоевали и обратили в пепел почти всю Великую Польшу, да и Малой** [Польше] **досталось** [22]. И заключили надлежащее соглашение, предписывающее вернуть замки в Литве и Жмуди, построенные и заселенные при Гедимине, особенно Байер[бург] и Фридбург (которые наиболее досаждали Литве), а заключенный мир постоянно соблюдать, лишь бы [литовцы] вывели войска из Пруссии и освободили плачевные

(oplakanym) остатки разоренных прусских краев. Для этого, покупая мир, главнейший магистр прусской земли Дитрих фон Альтенбург [23] Ольгерду, его братьям и виднейшим литовским панам послал великие подарки через комтуров, с которыми Ольгерд с братьями заключили соглашение и временное перемирие, взяв с них клятву о выполнении поставленных условий, которые [те] сразу же и исполнили, вернув Байербург с Фридбургом и с немалой частью Жмуди. **Литовцы вынудили крестоносцев просить мира и вернуть часть Жмуди.** А Ольгерд, считая эту победу хорошей (znacznie) местью за смерть своего отца Гедимина, одарив братьев, вышел с войском из Пруссии, отягощенный трофеями и различной добычей.

Это происходило в году от Господа Христа 1330 [24] при 33 императоре Людовике [25], при папе Иоанне XXII [26], при Теодорихе или Дитрихе из Альтенбурга, шестнадцатом прусском вице-магистре (vicemistrza) [27], при польском короле Владиславе Локетке и в правление великого Московского князя Дмитрия Шемячича (Semieczcyca) [28] по известиям нескольких русских, прусских и лифляндских хроник, которые здесь полностью сведены для верности лет.

Об успехах заволжских татар. Потом в году от сотворения мира по русскому счету 6865 (1357) [29], когда в Заволжской, в Перекопской и Крымской орде правил великий татарский царь Джанибек (Zanabek), сын Узбеков (Azbekow) и внук Бату (того, который с шестьюстами тысячами татар разорил Польшу и Русь), из жажды власти перебивший других братьев, он широко распространил свое могущество в русских княжествах, приневолив их князей. Он оставил на Татарском царстве сына Бердибека, который тоже умертвил двенадцать родных братьев, чтобы не мешали ему править, но и сам умер, едва два года пробыв на царстве. **Жестокие внутренние убийства заволжских царьков.** А его сына Аскульпу, который правил всего месяц, убил другой царек, Навруз. Через год, в году от сотворения мира 6868 (1360), по русским хроникам, Навруза (Narussa) убил Хидыр, а Хидыра изменнически умертвил его собственный сын Темир-Ходжа (Temerhoscha), но и тот на злодейски добытом панстве всего семь дней продержался, и в 6869 (1361) году был изгнан и убит царем-темником Мамаем. Об этом найдешь в Московских хрониках и у Герберштейна, стр. 8 и стр. 88 в *Commentariis Moschovitsic* [30], далеко ходить не надо. **Об этом читай Герберштейна и других.**

Русские князья и московский князь сбросили татарское ярмо. Из-за этих татарских языческих раздоров (rostrerkow) и внутренних убийств, когда это зло было в самом разгаре, многие русские князья, особенно Симеон Иванович Тверской [31] и великий князь Московский Дмитрий, несколько раз погромив татарские войска, сбросили со своей шеи татарское ярмо, которым их предки были приневолены царем Батыем в году от сотворения мира 6745 (1237), и вернулись (wszrobowali) к прежней вольности.

Татары владели Подолией. А из тех татар Перекопские и Крымские в то время владели всеми дикими полями, широко раскинувшимися за Киевом, и всей Подолией, граничащей с Литовскими землями. И держали там Баскаков или Атаманов (Otomany), как бы своих старост над руссаками, живущими в тамошних краях, которые регулярно (zawzdy) собирали с них дань и, согласно своему положению, приказывали руссакам-христианам

как [своим] подданным, а частыми набегами на литовские державы чинили Ольгерду великие кривды.

Ольгерд с литовцами [идет] **на татар.** Поэтому в 1331 году от Господа Христа Ольгерд, на два года заключив (umocniwszy) перемирие с Прусскими и Лифляндскими крестоносцами, отправился против татар в дикие поля. [Вместе] с ним пошли также четверо племянников Кориатовичей: княжата Александр, Константин, Юрий и Федор, сыновья новогрудского князя Кориата. А когда, миновав Канев и Черкасы, пришли к урочищу Синие Воды, показалась им в поле великая татарская орда с тремя царьками, разделенная на три полка. Один полк вел султан Кутлубах (Kutlubach), другим распоряжался Качибей-Гирей (Kaczybejkierej), третьим командовал султан Димейтер (Dimejter) [32]. Ольгерд, видя, что татары готовы к бою, построил своих шестью искривленными отрядами, порознь расставив их по флангам и на челе, чтобы татары не могли, как задумали, охватить их обычными танцами и вредить стрелами. А потом татары с запальчивым рвением густо обрушили на литовцев железный град из луков, налетая в танце по нескольку раз, но из-за хорошего построения и быстрого маневрирования (rozstapienia) [литовцев] большого вреда стрельбой [им] не причинили [33]. Литовцы же с руссаками сразу подскочили к ним, тыча прямо в них копьями и саблями, прорвали им чело и смешали ряды; другие, особенно новогрудцы с Кориатовичами, напирая с боков, валили их с коней болтами из самострелов, так что те падали подобно снопам, разбросанным сильнейшим ветром [34]. В центре они уже более не могли сдерживать литовцев и начали смешивать [ряды] и убегать, разбегаясь по широким полям. На [месте] побоища остались убитыми три их царька: Кутлубах, Качибей (от которого и ныне есть название соленого Хаджибейского озера в диких полях в направлении Очакова [35]) и султан Димейтр (Dimeitr), а с ними очень много мурз и улан [36]. Лежащими порознь татарскими трупами были полны поля и реки. После этой победы литовцы с руссаками забрали несколько десятков табунов (stad) коней и верблюдов и кочевья или обозы, в которых татары обычно возили с пастбища на пастбище все свое имущество [37].

Татары изгнаны из полей, лежащих между Днепром и Доном. Торговицу [38], каменный знак от которой еще и ныне стоит в полях в устье реки Буг, Белую Церковь, Звенигород [39] и все поля за Очаковым от Киева и от Путивля до самого устья Дона освободили от татар, отпугнув их аж до Волги, а других к Кафе и Азову, и загнали их в Крым, в середину Таврики или Перекопа. **Татары изгнаны литовцами из Подолии.** Потом [литовцы], пожиная плоды своих побед, двинулись назад в Подолию, где в то время, как ныне в Перекопе, жили татары, приневолившие и обложившие данью руссаков. Этих [татар], не имевших ни вождя, ни царя, Ольгерд побил, распугал и выбил из Подольских краев так, что едва лишь малая их часть бежала через Днестр к Черному морю и до Перекопа. **Добруджские татары.** А те потом осели в Добруджских полях за Дунаем, на Турецком тракте (goscincu), по которому ехали и мы, проезжая у Облучицы [40] и Силистрии через орду Добруджских татар, большая часть которых говорит на славянском языке и занимается [сельским] хозяйством. Нас принимали очень мило и угощали виноградом (wynnymi gronami) и сладкими арбузами. **Арбузы** (garbuzy) **это большие, как тыквы** (banie), **овощи, сладкие и сочные. Они растут** (rodza) **только во Фракии и в Добруджских полях, хотя изредка их едят и в Мултянской земле, но это привозные.**

Когда я спрашивал, [эти люди] сами рассказывали, что их предки были изгнаны из Подолии литовцами. Однако вернемся к нашему рассказу.

Кориатовичи на Подоле. Одержав столь славную победу над татарами и очистив от их разбоев все поля, издавна относившиеся к Киеву, Ольгерд вернулся в Литву с частью так хорошо послужившего войска, а другое войско оставил в Подолии. А главными над ними поставил своих племянников, новогрудских князей Александра, Константина, Федора и Юрия Кориатовичей [41]. И вместе с Подолией поручил им все прилегающие русские края и отдал во владение и управление, ибо они славно послужили ему на той татарской войне.

Подольские замки Бакота и Смотрич. В Подолии в то время еще не было никаких замков, а если и оставались, то только разрушенные татарами. Тогда литовские князья Коратовичи построили первое укрепление в месте, защищенном самой природой, замок на горе, который назвали Бакота (Becota). И построили другой замок (grod), названный Смотрич (Smotric) от протекающей мимо реки Смотрицы. **У казаков там был мед, который и я пивал в 1574 году, на который десять пчел мед носили и 12 волов воду возили.**

Заложен Каменец Подольский. Потом упомянутые князья Константин, Александр, Федор и Юрий Кориатовичи поехали на охоту и в том месте, где ныне Каменец Подольский, убили очень много зубров, оленей, серн и диких лошадей. Этой охотой вместе с литовским и русским рыцарством забавлялись (krotofil) тогда и казаки, надеявшиеся попользоваться добычей. И, присмотрев подходящее место для замка, помещенное воистину рукой Божией на крепком и неприступном городище, заложили там и построили замок и славный город Каменец, названный от каменной скалы [42].

Описание очевидцем Каменца Подольского. Этот город и замок (в котором я и сам был два раза) находится на прекрасной равнине в двух милях от пограничного с валахами замка Хотина [43] и реки Днестра, воистину королевский бастион (basta), как бы нарочно созданный рукой Божьей [для того, чтобы его] можно было с малыми затратами обустроить и стеречь. Около него есть естественный овраг, ужасно глубокий, по которому течет река Смотрич, с обеих сторон омывающая город среди неприступных (bardzo przykre) и как бы отесанных каменистых скал. Овраг отгораживает и реку и город, соединенный с ровным полем широким перешейком, так что в ожидании переправы прямо с поля заглядываешь в овраг и в реку. **Тарановский [44] как-то упал там с моста вместе с конем и все-таки остался жив.** Из оврага к каменной скале, на вершине которой находится город, приступ очень трудный, неудобный и на [первый] взгляд кажущийся невозможным, ибо каменные скалы как две высокие стены, обтесанные сверху донизу и снизу доверху. Одни ворота замка находятся перед мостом в город, другие [обращены] к реке Смотрич и к оврагу, и там в овраге на реке между скалами сооружены каменные бастионы. Замок тоже отделен от города бастионами и окружен неплохими стенами, но сам город находится на еще лучшем месте [45].

Те же Кориатовичи, литовские князья, построили в Подолии и другие замки: Брацлав, Винницу, Меджибож, Бережаны (Brezanice), Хмельник, Теребовль и другие против частых набегов татар и валахов, с которыми [они] часто и долго воевали (uganiali), пока не

успокоили Подолию и не присоединили к Великому княжеству Литовскому. Об этом, читатель, тебе еще будет обстоятельно (dowodnie) [рассказано] ниже, при описании деяний Ягелловых.

Юрий Кориатович, отравленный на Валашском господарстве. Потом летописцы Литовские и Русские свидетельствуют, что валахи призвали (wzieli) на Валашское и Молдавское господарство или воеводство Юрия Кориатовича из-за его рыцарских доблестей и, согласно своему обычаю, возвели на престол в Сучаве. Однако из-за своего природного непостоянства и [привычке к] частой смене господ Юрия Кориатовича отравили в Сучаве. Он похоронен в каменном монастыре Вашуляны (Wasziulach), в полудне езды за Берладом (где я побывал в 1575 году).

Когда умер Кориат Гедиминович, князь Новогрудка Литовского, его сын Федор, призванный из Подолии новогрудской шляхтой, с одобрения дяди Ольгерда, великого князя Литовского, завладел отцовским княжением в Новогрудке. Александр же и Константин Кориатовичи, двое старших братьев, владели Подолией, разделенной поровну их дядей Ольгердом. А когда потом Александр познакомился и подружился с польским королем Казимиром, Казимир дал ему замок Олеско (Olesko) [46] и часть Владимирской земли. О чем свидетельствуют Длугош и Кромер (кн. 12). **Длугош и Кромер, кн. 12 и т. д.**

А Константин, его брат, с разрешения дяди Ольгерда один владел всей Подольской землей до самого Подгорья и Покутья, однако всю сумму доходов с тамошних имений (dzierzaw), простиравшихся от Диких полей и Валахии до самых польских границ, всегда ежегодно платил в литовскую казну. Это было в 1331 году, когда прусские крестоносцы одолели польского короля Владислава Локетка и повоевали Великую Польшу, Куявскую, Калишскую, Лещицкую и Серадзскую земли более жестоко и страшно, чем язычники, оторвав от Польши Добжиньскую землю [47]. **40 000 сраженных крестоносцев.** Однако заплатили за это, когда 27 сентября в том же году король Владислав Локетек поразил их тысяч сорок у Блева (Blewa) или у Пловцев под Радзиёвом, так что на поле, по Длугошу, лежало 40 000 немецких трупов, а из польского войска 500 убитых [48]. А некоторые [сообщают], как и Кромер приводит в книге 11, что только 30 [убитых], да и то простолюдинов, а видных шляхтичей 12. **Шляхтич Шарый и герб Елита.** В той же битве польский шляхтич Флориан Шарый (Sari) получил герб Елита: три копья, которыми [он] был пронзен так, что вывалились внутренности [49], а его потомство широко размножилось с тем гербом. А герб, который до этого носил Шарый, Козлероги (Kozle rogi) или Сорви колпак (Zerwi kapturow), три отсеченные козьи головы, с тех пор был переименован в Три копья. **Свидетельства.** Об этом подробнее найдешь у Длугоша и Меховского (кн. 4, гл. 11, стр. 210 и 211 и гл. 11, стр. 213), у Кромера (кн. 11), у Ваповского и Бельского и у других.

Глава третья

О гордом вызове Дмитрия Шемяки,

великого князя Московского, посланном Ольгерду и Великому княжеству Литовскому, о вручении пасхального яйца и о прочем.

Год 1332

Дмитрий (Dimitr), по Герберштейну и Ваповскому именуемый Семечка [50] (Semeczka), собственный потомок русских монархов Рюрика, Игоря, Святослава и Владимира, будучи великим князем Московским, начал выбиваться из-под власти и подчиненности Заволжским и Крымским татарам, которым его предки и все другие русские князья, завоеванные и покоренные татарским царем Бату в году от сотворения мира по русскому счету 6745 (1237) платили дань в течение почти полутораста лет. ***Герберштейн, стр.*** [51] ***в Comment. Moschovit.***

Когда умер Владимир Мономах. В году от сотворения мира 6633 (1125), а от Господа Христа 1126, 10 мая, во время правления в Польше короля Болеслава Кривоустого, умер киевский князь Владимир Всеволодович, прозванный Мономах [52], как мы об этом выше писали в Русской хронике по надежным (z pewnych) доводам Длугоша, Кромера, Меховского и других. С той поры ни его сыновья, ни его потомки для пользы Русского государства не делали ничего такого, о чем бы стоило записать в историю для будущих поколений, лишь сами себя ели (jedly) и истребляли междоусобными внутренними войнами, совершая друг на друга набеги.

К чему приводили несогласия русских князей. Поэтому и литовцы, некогда покоренные киевскими монархами, видя их раздоры, выбились из-под власти русских князьков (xiazatkom Ruskim) и начали совершать набеги на их владения и захватывать их. О чем выше было уже достаточно [сказано].

600 000 татар. Татарский царь Батый (Batti) в году от сотворения мира 6745 (1237) с шестьюстами тысячами татарского войска [53] повоевал почти до основания все русские княжества, также и Польшу до самой Легницы и Венгрию разорил. Поразил и убил Юрия и Василия [54], великих князей Московских и наследников Белорусской (Bielo-Ruskiej) монархии, опустошил Владимирскую и Переяславскую землю. **Московские князья убиты.** И с тех злосчастных времен все русские и московские князья не только были татарскими данниками, но и их самих татарские цари по своему разумению и воле сажали на княжение, а непослушных свергали. Всякие споры и тяжбы между ними по поводу уделов решали татары, правили суд и исполняли главные дела посаженные для этого татарские мурзы, а апеллировать можно было [только] к татарскому царю.

Однако между ними случались частые ссоры, внутренние войны, взаимные набеги, изгнания из княжеств и выбивания из уделов, особенно между князьями Северскими, Московскими, Владимирскими, Новгородскими, Стародубскими и другими. Так, князь Андрей Александрович сначала попросил себе у татарского царя великое княжение Северское, Московское и Русское, а когда первым их занял и завладел ими его брат Дмитрий, Андрей, взяв себе в помощь татарское войско, сразу выгнал Дмитрия и вместе с погаными учинил в русских землях много зла [55]. **Убийства московских князей.** А потом другой князь, Дмитрий Михайлович, будучи у татар, в Орде убил князя Юрия Даниловича. Видя это, татарский царь Узбек (Azbek) за этот злодейский поступок приказал казнить (sciac) Дмитрия Михайловича [56].

Между братьями и родичами потом был спор за великое княжение Тверское, когда князь Симеон Иванович [57] просил его у татарского царя Джанибека, а царь хотел от него ежегодной дани и выплат (trybutu). **Дмитрий Московский жестоко поразил татар.** Потом, когда татары и их царьки, как я кратко (troche) говорил выше, внутренними войнами сами начали убивать и истреблять [друг друга], Дмитрий, великий князь Московский, [решил] освободиться от них и великого татарского царя, темника Мамая, в предшествующем (wstepnym) бою поразил и разгромил почти наголову [58], а уже потом, на третий год, того же царя-темника Мамая, который хотел отомстить, Дмитрий, великий Московский князь, поразил так сильно и жестоко, что поля, дороги и пашни были завалены татарскими трупами на тринадцать миль [59]. О чем свидетельствуют хроники Русские, Московские и Герберштейн, стр. 8 и стр. 70. **Об этом у Герберштейна читай на стр. 8 и 70.**

Возвеличившись этой славной победой, великий князь московский Дмитрий задумал войной добиваться русских княжеств, [которые тогда были под властью] языческой Литвы: Витебского, Киевского и Полоцкого. И отправил к Ольгерду, великому князю Литовскому, надутых послов с объявлением войны (z opowiedzia wojenna) и при этом послал ему саблю и огонь, гордо и дерзко похваляясь и обещая в будущем 1332 году [60] поприветствовать его в Вильне с этими подарками и пасхальным (wielkim) или крашеным яйцом в Великий день или Великую ночь Воскресения господа Христа (на пасху), и за год повоевать всю Литву, показав свою силу и могущество. **Это известие находим только в Литовских летописцах, по-русски писанных [61].** Выслушав это хвастливое посольство и гордую отповедь, Ольгерд, посоветовавшись с братом Кейстутом и другими князьями, задержал этих послов, а сам сразу же приказал созывать посполитое рушение [62] во всех владениях Великого княжества Литовского и Русского, а сбор для построения назначил под Витебском на определенный день великого поста. И ко всем братьям разослал гонцов, чтобы оказали ему скорую помощь людьми против того главного врага.

Построение и перепись (popisowanie) под Витебском. И когда на великий пост все стянулись к Витебску и оказались готовыми для военных надобностей, Ольгерд сразу же велел нескольким тысячам черни (cerni) готовить дороги для спешного продвижения с войском к городу Москве, приставив к ним две тысячи конных для охраны. А сам двинулся из Витебска со всем литовским войском, ведя с собой задержанных московских послов [63].

Порядок движения и предосторожности (ostroznosc) [литовского войска]**.** Днем и ночью [Ольгерд] спешно двигался к Москве, не отвлекаясь на поджоги и опустошение земель, забирая только продукты, потребные для войска, и везде мостил дороги через болота и старицы (starzyny), чтобы [идти] было как можно легче, к тому же в то время из-за зимы земля была еще твердой. В нескольких милях перед войском, а также с боков и с тыла постоянно держались разведчики (spiegowie) и стража [64]. А когда подошел к Можайску, расположился лагерем в миле за городом и в восемнадцати милях от столичного города Москвы [65] для передышки и отдыха утомленного войска. И как только двинулся оттуда, построившись для битвы, отпустил московских послов, а сам двинулся к городу Москве следом за ними, велев им передать своему великому князю Дмитрию кусок зажженного трута с огнем и сказать, что Ольгерд не хочет отстать от него в проявлении учтивости и,

не желая ему далеко трудиться до Вильна, сам будет у него в Москве на пасху и передаст ему пасхальное яйцо раньше, чем на этом труте погаснет огонь, который не стоило слать из Москвы в Вильно литовцам, потому что те и сами умеют извлекать его для своих нужд с помощью кремня и трута. А также хочет прислонить литовское копье к стене московского кремля (zamek) [66], чтобы московский князь знал, что воитель не тот, кто откладывает до подходящего времени, а тот, кто и в неподходящее сразу же думает, как ему возместить ущерб, добиться отмщения и самому избежать беды.

С этим посланием и с огнем в труте (zagwi) московские послы в пасхальный день едва ли не первыми прибыли к своему князю, которого встретили идущим в церковь к заутрене [67]. А когда еще только рассветало, великий литовский князь Ольгерд со всем своим войском подступил к городу и встал лагерем на Поклонной горе, как свидетельствуют все Летописцы [68], сопоставляй их хоть тысячу. Однако же, кроме Герберштейна [69], об этом не упоминают ни другие историки, ни русские хроники.

Дмитрий, великий князь московский, выслушав посольство, оком за око воздавшее за [его] гордость, и [видя] как положено выстроенные для битвы полки врага, стоящего над городом и готового к войне, не надеясь оборонить замок и город, [сначала] думал было встретиться с литовцами в поле. Но так как не мог быстро подготовиться для битвы и отпора столь многочисленному неприятелю, пустился в переговоры и послал к Ольгерду договариваться об установлении мира, предлагая возмещение военных издержек, постоянное сохранение один раз заключенного мира и такие границы Литвы, которые сочтут справедливыми и признают Ольгерд и его рыцари. После долгих о том переговоров Ольгерд дал себя склонить к справедливому примирению и миру, в чужой земле предпочтительному сомнительным результатам победы [в бою]. Однако с тем условием, чтобы ему было позволено с частью литовского рыцарства и с виднейшими боярами въехать в Московский замок с оружием и прислонить копье к замковой стене. И чтобы сам великий князь Дмитрий с митрополитом и со своими боярами крестным целованием присягнул в нерушимости установленного мира и безопасности границы Литвы и Москвы по реке Угре. **Другие Летописцы свидетельствуют,** [что] **по Можайск и по реку Угру.** И когда все [это князь] Московский исполнил и подтвердил, избегая чего-нибудь похуже, Ольгерд, настояв на выполнении выдвинутых условий мира, заключенного добровольно, без попытки добиться сомнительного успеха в войне, согласно договоренности, въехал в по доброй воле открытый Московский кремль. И там поприветствовал в церкви Дмитрия, великого князя Московского, и отдал ему крашеное (krasne) или пасхальное яйцо, говоря: «Видишь теперь, княже великий Димитрий, кто из нас раньше встает на войну!». А потом Ольгерд сам сломал копье о замковую стену, а другие летописцы свидетельствуют, что только прислонил [70], чтобы Москва помнила, что Литва с Ольгердом приставляла свое копье к Московскому кремлю. Тогда Московский [князь] выложил (odlozyl) Ольгерду все военные издержки вместе с другими подношениями (upominkami) золотом, одеждой (w szatach), конями и дорогими каменьями, одарив как его самого, так и его рыцарство [71]. **В то время военные издержки были невелики, ибо литовские князья в то время воевали не с жолнёрами [72], а лишь с собственными литовскими боярами.** А границу с Литвой положил, с одной стороны, в восемнадцати милях от Москвы по Можайск, а с другой стороны по глубокой и болотистой реке Угре или Югре (Juhre), которая начинается недалеко от Дорогобужа, в лесу, миль восемнадцать за Смоленском, и между

Калугой и Воротынском (Worotinem) впадает в большую реку Оку — по ту была граница с Москвой с другой стороны. **Литовские границы при Ольгерде и Витольде** [были] **в 18 милях от города Москвы.** О чем упоминает и Герберштейн *in Commentariis Moschoviticis* на стр. 70. **О чем также читай Геберштейна, стр. 71.**

Вот так в то время Ольгерд Гедиминович, великий князь Литовский и Витебский, одержал эту славную победу и расширил свое государство, не устраивая битвы и кровопролития, а потом с весельем вернулся в Витебск к жене Ульяне, благодаря которой владел Витебским княжеством, а оттуда распустил войско, хорошо вознаградив своих рыцарей по их заслугам [73].

А ты, милый читатель, [знай, что] многие несведущие в истории неучи, темнотой [своей обязанные] беспечности ученых людей, эти выдающиеся и достойные вечной памяти деяния Ольгерда необдуманно приписывают его племяннику Витольту, не заботясь в должной мере о разнице во времени, о правдивых свидетельствах истинных дел и о порядке лет, ибо думают, что в Литве один только Витольт и был славен. Но князей, подобных Витольту, и даже еще более воинственных, в том великом княжестве были тысячи, однако их подвиги и рыцарские деяния, право слово, достигавшие небес, долго лежали в мрачных (ciemnochmurnych) безднах из-за превратностей неблагодарного времени и отсутствия тех, которые [своими] мудрыми познаниями могли бы вывести их на свет. Много нашлось бы в Польше, в Литве и на Руси таких Геркулесов, Гекторов, Ахиллесов, Эврипилов [74], Диомедов, Пандаров [75], Патроклов, Несторов, Аяксов, Антеноров и Энеев, которые были у Гомера или у [Вергилия] Марона, или достойных Микенцев, Полионов [76], Августов и т. д. Но все они так и сгинули в Литве, где одним не досталось других [77].

А если кому-то покажется неправдоподобным, что Ольгерд с литовцами сумел подойти к Москве от Витебска так незаметно, то знай, милый читатель, что ***Virtuti nihil est non peruium*** (*доблестны не все*) для предусмотрительного и выдающегося военачальника подобные действия не так уж трудновыполнимы, многочисленные примеры чего мы опускаем.

В то время Ольгерд был второй раз женат на Марии, дочери тверского князя, от которой имел Ягелло и других сыновей, о чем Кромер (кн. 14) и Бельский в книге 8 и других. **Об этом читай также у Герберштейна в Commentariis Mosch[ovitsic], стр. 13 и 14** [78]. Княжество Тверское или Туверское (Tuwierskie) в то время было очень сильным и соседствовало с Москвой (ибо сам город и замок Тверь были всего в 36 милях [79] от города Москвы). С отцом своей жены Ольгерд имел дружбу и договор против общего Московского врага, который в то время совершал набеги на границы Тверского княжества, а на сей раз, как видим, посягнул и на все княжество. [Ольгерд] со всем литовским войском мог спокойно пройти через дружественные тверские края и внезапно подступить к самой Москве, имея *Arcem belli* *(военной цитаделью)* Тверь. Ибо также неправдоподобно далеко было Гедимину в 1326 году и тому же Ольгерду с литовским войском дойти до самой реки Одры (Одера), Бранденбурга [80] и Франкфурта (на Одере), и все-таки ради взаимного союза с поляками они прибыли, повоевали Бранденбургское маркграфство и три раза в целости возвращались в Литву, на протяжении ста миль

двигаясь через Саксонские, Польские, Мазовецкие и Прусские границы. О чем у Длугоша, Меховского, Кромера (кн. 11), у Куреуса в Анналах Силезии [81] и т. д., и выше в нашей Хронике найдешь тысячу яснейших под солнцем свидетельств и доводов, также и когда разоряли и совершали набеги на Великую Польшу, Куявию, Подгорье и т. п. Подобно им было и с Ольгердом: без вести прийти с Витебска на Москву через пустынные в те времена края и через дружественное Тверское княжество, граница которого в 16 милях от Москвы, [было легче], чем за 100 миль от Вильна до Франкфурта, где были замки, укрепленные города и прочее.

Ольгерд с триумфом [возвращается] **в Вильно.** Потом, когда Ольгерд ехал с женой из Витебска до Вильна, навстречу ему вышел весь народ (pospolstwo), по языческому обычаю хлопая в ладоши, распевая *Ладо! Ладо!* и демонстрируя радость и благодарность своему великому князю, с победой возвращающемуся из Москвы в столицу. Там же и богам своим молились и приносили жертвы на священных жеглищах, где ныне костел святого Станислава в замке. Но сразу за этой радостью виленчан посетила скорая и тоскливая тревога.

Знатный, могущественный и старинного рода пан Петр Гаштольт (Gastolt), будучи воеводой части Подолии, прилегающей к Польше, по-соседски часто бывал у пана Бучацкого, у которого потом взял в жены понравившуюся ему дочку. **Согласно русским летописцам, Гаштольд** (Gastold) **был подольским воеводой** [82]. Порушив старые литовские идолопоклоннические заблуждения, он крестился в христианскую веру по священному римскому обряду, и был при крещении наречен Петром. И так как имел очень большие владения (imiona) в Литве и в Вильне, потом был [там] великим воеводой и наместником Ольгерда, когда тот был на московской войне. **Францисканские монахи в Вильно.** И привел из Польши в Вильно францисканских монахов, чтобы [они] обращали в христианскую веру языческий литовский люд. ибо к тому времени уже чуть ли не все литовские князья Гедиминовичи, кроме Кейстута, были крещены в христианскую веру по русскому обряду. **Князья Гедиминовичи крещены в христианскую веру.** Так и Ольгерд, хотя еще при жизни своего отца Гедимина был крещен в христианскую веру ради жены Ульяны, по которой получил и княжество Витебское, но из-под свежей корочки жирным смрадом вонял старый пригар (przywara). ***Quo semel est imbuta recens servabit odorem testa diu*** *(Даже свежевымытый [предмет] долго сохраняет старый запах)***.** Несмотря на это, [он], однако, на свои средства и, как мне представляется, с немалыми расходами построил в Витебске две каменные церкви по греческому обряду: одну в нижнем замке, а другую в поле за ручьем или замковым рвом. А верхний замок тоже украсил стенами, башнями и дворцом, которые ныне разрушены. **Старые же витебляне говорят, что княгиня, жена Ольгерда, в его отсутствие построила каменный замок, но ныне все это уже обвалилось.** И там же в церкви верхнего замка я собственными глазами видел написанное в греческой манере изображение Ольгерда в длинном плаще и его жены в церкви на алтаре. Но вернемся к [нашему] рассказу.

Первый монастырь францисканцев. Этим францисканским монахам Петр Гаштольт построил было на свои средства монастырь в Вильно на том месте, где ныне епископский двор и церковка (kosciolek) С[вятого] Креста и пожаловал им полное обеспечение,

потребное для надлежащего содержания монастыря. И начали было [они] с великим усердием размножать веру христианскую, уводя язычников от мерзкого идолопоклонства.

Францисканские монахи убиты и распяты виленчанами. Но как только Гаштольт отлучился в Тыкоцин, сразу же все языческое простонародье яростно бросилось к тому монастырю, чтобы схватить монахов. И когда легко выбили деревянные ворота, семерых их поймали, вывели на рынок и решили казнить, а других семерых догнали меж Лысых гор. И всех их за руки и за ноги гвоздями поприбивали к крестам, для этого сделанным, и спустили по реке Вилии со словами: «Плывите на том вашем изделии (nacziniu), о котором нам [столько] проповедовали и которое нам восхвалять приказали». Потом Гаштольт, горько оплакав, приказал похоронить их тела на том месте, где ныне епископский сад перед церковкой Святого Креста, и там над их могилами стоит деревянный столп [83]. **500 виленчан казнено.** Вот поэтому, как только Ольгерд приехал в Вильно из московского похода, он, по представлении Гаштольтом надлежащей жалобы, приказал казнить пять сотен виленчан за это их жестокое убийство христианских монахов. **Первая привилегия (wolnosc) для христиан в Литве.** И приказал тогда объявить, чтобы и впредь христианам и монахам, обучающим христианской вере, повсюду в Литве было жить свободно и безопасно. Привел тогда Гаштольт из Польши в Вильно других монахов и построил им более безопасный и укрепленный монастырь на песках, над лужей Винкра [84], где и ныне находятся монастырь Францисканцев и костел Девы Марии. И эти монахи своими проповедями и примерной жизнью многих язычников от омерзительных заблуждений обратили к Господу Христу. Деялось это в Вильно в году 1332.

Умер Ванко, князь Мазовецкий. В то же время умер и похоронен в Плоцке мазовецкий князь Ванко, свойственник (szwagier) Витольта и зять Кейстута [85], злой и жестокий к подданным, недруг Польши и союзник крестоносцев. После него Мазовецким княжеством правил его сын Болеслав (III), рожденный от литвинки, другой дочери Гедимина [86]. В том же самом году польский король Владислав Локетек повоевал Хелминскую землю и другие повяты в Пруссии и вынудил магистра Людера просить перемирия на год [87], когда после первого поражения тот уже не смел выходить в поле [для битвы]. Литовцам в те времена было даже легче, что крестоносцам было чем заняться с поляками.

Локетек воюет Силезию. С этим же войском король Локетек двинулся в Силезию против гордых князей и против чешского короля Яна, и там без отпора разорив волости огнем и мечом, взял и сжег более, чем пятьдесят крепостей и замков [88]. А когда поляки осадили сильный замок Косьцян (Koscien) среди болот и озер и упорно добывали его у чехов, чехи и немцы начали дразнить поляков. Возмущенный их лживостью королевич Казимир, сын Локетка, зять Гедимина и Ольгерда [89], тут же сам возглавил роту своих рыцарей и смело подступил под самые стены. Видя отвагу королевича, другие поляки бросились на стены и к воротам и вот так, смелостью и стремительным натиском, силой захватили замок, чехов и немцев порубили (poscinali) и разместили в замке свой гарнизон. А горожане потом сдались вместе с городом.

Это была последняя победа Локетка. Ибо, приехав с той войны в Краков, он умер в 1333 году, в день Святого Григория (12 марта), и похоронен там же в замке. Царствовал 13 лет, роста был малого, но сердца Геркулесова. После его смерти сын Казимир, второй этого

имени, прозванный Великим, в том же году 25 апреля архиепископом Яниславом коронован в Кракове королем Польши вместе с женой Анной (Альдоной), литовской княжной, дочерью Гедимина и сестрой Ольгерда и Кейстута. [Это произошло] с нескорого позволения старой королевы Ядвиги (Edwigi), матери Казимира, которая потом ушла в монастырь в Старом Сонче и стала монашкой ордена Святого Франциска.

Большой снег в мае. А в 1334 году, 23 апреля, через год после коронации Казимира [90], в Польше и в Литве прямо на Святого Георгия или на святого Войцеха [91] выпал большой снег, который высоко лежал на посеянных хлебах в течение пяти дней, но, вопреки тревожным ожиданиям пахарей, во всем урожае по милости Божьей произошла дивная и необъяснимая щедрость, буйность и обильность как после наилучшего навоза.

Жестокая саранча. Но потом, на следующий 1335 год, такая великая сила, воистину полки хрустящей летающей саранчи пришли на наши нивы, что когда она летела густыми громадами, из-за нее люди не могли видеть солнца, а когда эта гадина пала на землю, то лежала на хлебах до половины конской голени. И поэтому, так как созревший хлеб везде выпасли (wypasly) и выгрызли, настали великий голод и дороговизна.

Глава четвертая

О разорении литовцами Мазовии и о великой отваге литовцев, оборонявших от крестоносцев замок Пиленай

в 1336 году

Длугош в своей хронике и Меховский (кн. 4, гл. 22, стр. 233) пишут, что в царствование в Польше Казимира Локетковича, в 1336 году, в 16 день месяца Ноября (Novembra) или Листопада, после Святого Мартина [92], сыновья Гедимина: Ольгерд, великий князь Литовский; Кейстут, [князь] Троцкий и Жмудский; Корибут, Патрик, Любарт (Lubard), Суривил (вероятно, должен быть Свидригайло) и Бутовт (Butaw) [93] с огромным войском вторглись в Мазовию. **Мазовия повоевана.** И хотя с мазовецкими князьями у них было перемирие, заключенное для спокойного проведения свадеб [94], однако все мазовецкие волости, как вражеские, разграбили, повоевали и пожгли, и увели в неволю в Литву более тысячи двухсот христиан — мазуров, захваченных вместе со скотом и различной добычей.

В том же 1336 году в Пруссию из немецких земель прибыло большое войско, гетманами над которым были: маркграф Бранденбургский, граф Наменский [95] и граф Хенненбергский. Объединив свои силы с крестоносцами [96], они двинулись в литовские земли и осадили замок Пуллен, в котором от этого огромного немецкого войска укрылось более четырех тысяч литовцев с женами, детьми и со всеми их вещами и пожитками. **Сдается мне, что похожее могло быть в замке Пуниен или Пуня, ибо если древний историк написал Пунен старинными литерами, то другие вместо *n* поставили двойное *ll* и вместо Пунен написали Пуллен** [97]. Крестоносцы непрерывно штурмовали замок, а литовцы мужественно и отважно защищались с частоколов (blankow), совершая частые вылазки. И хотя они храбро, стойко и достаточно долго давали немцам отпор, [наконец], увидели, что весь замок уже почти развален, а частоколы, стены и башни

выворочены и разбиты частой и густой стрельбой из различных орудий, таранами и земляными подкопами. Тогда они тут же сложили посреди замка огромную кучу сухих дров, на которую свалили все свои вещи, одежду и имущество и подожгли, а потом своих жен и деток поубивали и все имущество порубили и сожгли. А сами добровольно дали себя зарубить своему замковому старосте (staroscie) [98], лишь бы живыми не попасть в руки врага. Потом, когда немцы ударили и ворвались в замок, от четырех тысяч литовцев уже мало кто оставался в живых, да и то тех, кто со своим старостой (starosta) все еще храбро защищался воистину до последнего, немцы зарубили, захватив живыми всего нескольких. Подпалив замок и спалив его до основания, а также повоевав окрестные волости, [крестоносцы] вернулись в Пруссию [99]. О чем подробнее рассказывают Длугош, Меховский (***ut supra***), Кромер (***кн. 12 Libet autem insigne quoddam facinus eorum (id est Lituanorum)***), Прусские хроники и т. д. **Подобное найдешь и в Комментариях Стадия о доблести иллирийцев против римлян, когда 3 000 их оказались заперты в замке Метул (Metulli) [100]. Об этом** [пишет] **Стадиус. Так же поступили и сибы (Sobiani)** [101]**, когда их осаждал Александр Великий, и ксантийцы (Xantiani), когда их осаждал Брут [102]**. **Так же поступили и жители Сагунта, когда их 9 месяцев осаждал Ганнибал, о чем Флор в кн. 2, гл. 6 пишет: *immanem in foro excitant rogum tum de super se suosque qum omnibus opibus suis ferro et igne corrumpunt etc*** *(сложили на площади огромный костер и, поднявшись на него, огнем и мечом истребили себя, своих близких и все свое добро)* [103]. **И отсюда произошла война между карфагенянами и римлянами, о чем пространнее читай у Ливия. Так же поступили нумантийцы (Numantini) Испании, когда их осаждал Сципион, *quae civitas nullum de se gaudium hosti reliquit*** *(будучи побежден, город не доставил врагу никакой радости, не было никакой добычи, как от самых нищих)***, как пишет Флор в кн. 2, гл. 18 [104]. Так же поступили Абдериты (Abideni) [105], когда их осадил царь Македонии Филипп. Так же петелины (Petelini) и критяне, о чем читай Доминика Циления *de re militari,* кн. 1, гл. 9 [106].** О другой такой же отваге осажденных нумидийцев (Numidow), когда Метелл ожесточенно штурмовал их замок Талу (Talle), найдешь у Саллюстия в *Югуртинской войне* и у Ливия. Тогда нумидийцы тоже, видя стены разбитыми, все золотые и серебряные сокровища, которых было очень много, снесли в один дворец своего короля Югурты а сами, упившись вином, подожгли все вещи и самих себя [107]. А в наше время то же самое учинили венгры в Сегеде (Segecie) [108] и Дьюле (Dziule), когда их осаждал турецкий император Сулейман.

А в 1337 году, в день Святой Ядвиги, литовцы казацкими тропами внезапно вторглись в Мазовецкое княжество; города Пултуск (Poltowsk) и Цеханув со всеми их окрестностями и прилегающими волостями разорили и повоевали и очень много людей с их пожитками увели в Литву. Но когда беспечно и не в надлежащем порядке следовали [обратно], мазовецкая шляхта быстро собралась и, догнав их над рекой Нарев, схватилась с ними и без труда разгромила и поразила литовцев, отбив все награбленное и пленников. Многие из тех, которые хотели бежать через Нарев с узлами с добычей, боясь потерять плоды своих трудов, потонули в болотистой реке, так что мало кто из них вернулся в Литву, и те без добычи.

Татары с Руси поражены под Люблином. В том же 1337 году большое войско татар с Руси [109] обложило замок Люблин и непрерывными штурмами добывало его в течение двадцати дней. Но когда выпущенная из замка стрела убила татарского царя, [татары]

сразу с великим гиканьем и треском ударили в сайдаки [110] и отступили. Я сам видел картину этой осады Люблина и убиения этого царя, намалеванную в костеле люблинских монахов; однако [там была] не стрела, а пуля из ствола (dziala). Ибо в то время уже появились пушки и ружья, и подобным же выстрелом крестоносцы убили Гедимина под Фридбургом и Велюоной, как об этом поведано выше [111].

Крестоносцы под Велюоной. А в 1339 году прусский магистр Дитрих фон Альтенбург, имея с собой для товарищеской помощи большие силы Рейнского пфальцграфа и других князей, с большим и сильным немецким войском вторгся в литовскую землю, где над Неманом осадил замок Велюону, который добывал усиленными штурмами. Но так как литовцы и жмудины упорно оборонялись, то, видя напрасность своих трудов и даром потраченные усилия, а также потери в людях при частых неудачных штурмах, вынужден был вернуться в Пруссию. А летом со множеством крестоносного (pielgrzymskiego) рыцарства, собранного из далеких стран, вернулся в Литву и Жмудь, повоевал литовские волости и края и вывел в Пруссию очень много пленных. Тогда же приказал насыпать там три плотины (groble) и вала и выкопать три перекопа или глубоких рва, пустив в них воду, желая этими преградами защититься от частых литовских и жмудских вторжений и от хитрых набегов украдкой на Прусскую землю. **Подобным же образом греческий император Анастасий замуровался** (zamuyrowal sie) **от татар и болгар славян, возведя стену от Черного моря до самой Силибрии над Геллеспонтом, где я и сам был в 1575 году, о чем также и Кромер в гл. 8 и *Помпоний Лет, кн. 2 в Ист[ории] Рим[ской] имп[ерии].* Подобный обет (votum) дал и один наш епископ, замуровавшийся от татар.**

В том же 1339 году умерла жена польского короля Казимира королева Анна, литвинка, дочь Гедимина, сестра Ольгерда и Кейстута. Она, как пишут Длугош, Меховский и Кромер (кн. 12), так сильно любила постоянные танцы и музыку, что и в дорогу, если куда-нибудь ехала, всегда целыми толпами (rotami) возила с собой танцоров и различных музыкантов, которые тешили ее пением и игрой на волынках (dudach), мултянках [112], трубах, скрипочках и бубнах. У короля Казимира не было от нее ни одного мужского потомка, только единственная дочка Эльжбета, которую потом выдали замуж за щецинского князя Богуслава. **Поморские князья Щецинские потом широко размножились от той внучки Гедимина.** Поэтому Казимир 8 мая того же 1339 года созвал в Кракове сейм [113], на котором советовался с панами и шляхтой об избрании законного потомка и назначении своего преемника (successora) на польском престоле, так как имел только одну дочку, рожденную от литвинки. **Избрание наследника польского престола.** И там некоторые голосовали за Мазовецких князей, одни за Януша, другие за Земовита, а другие за князя Владислава Опольского, так как все они с древности поколенно выводили свою генеалогию от рода польских королей. Но король Казимир все эти предложения (wota) польских панов обратил в ничто, заявив, что князь Опольский и другие силезские князья недостойны такой чести, ибо отреклись от польской короны и пристали к чехам (как об этом написано выше), а от Мазовецких князей, которые были вассалами польских королей, как ему сдается, Польскому королевству мало будет проку и расширения [границ]. И сказал, что и на тех, и на других, и на Силезцев, и на Мазовшан, очень слабая надежда при защите от врага. Поэтому все голоса и мнения Казимир сразу же обернул в [пользу] своего зятя (swagra), венгерского короля Карла, женатого на его

сестре, польской королевне Анне [114], а [также] его сыновей Людовика и Стефана. **Кромер, кн. 12.**

Людовик назначен [наследником] **королевства Польского.** Потом, распустив сейм, Казимир сам поехал в Венгрию с большой праздничной свитой польских панов, и там в Вышеграде венгерского королевича и своего племянника Людовика, внука Локетка и сына Карла, помимо (imo) двух других братьев, назначил и утвердил на королевстве Польском с одобрения польских панов [115].

Константин Кориатович предложен на королевство Польское. Русские и литовские летописцы также пишут и свидетельствуют, что король Казимир и коронные паны на том Краковском сейме, собранном для упомянутой элекции, среди прочих кандидатов предлагали и хотели избрать на польское королевство Константина Кориатовича, внука Гедимина и племянника Ольгерда, в то время литовского князя в Подольских землях. **Польские хроники об этом не упоминают.** И когда [тот] приехал в Краков, король Казимир уговаривал его, чтобы окрестился из русской в римскую веру, если хочет быть после него избранным наследником королевства Польского. А когда Констатин Кориатович учинить этого не захотел и не мог того позволить, чтобы веру менять, он (рассказывают летописцы) гордо пренебрег наследованием королевства Польского, вернулся к себе в Подолию и вскоре после этого умер.

Федор Кориатович, литовский князь Новогрудский, услышав о том, что его брат, князь Константин, на Подоле без потомства помер, а Юрий, взятый на господарство валахами, ими же и был отравлен [116], отправился в Подолию, желая ее посетить и завладеть ей по природному праву после умерших братьев, что легко доказал, когда дядя Ольгерд, великий князь Литовский, это позволил. А как только с этим справился и надежно занял все подольские замки, сразу же возгордился, не желая ни слушаться, ни платить установленные подати своему дяде Ольгерду, великому князю Литовскому. **Федор Кориатович против дяди Ольгерда.** Видя это, Ольгерд, побуждаемый обидой, [нанесенной ему] вместо благодарности за сделанное добро, двинулся с литовским войском в Подолию, желая покарать своевольного племянника Федора Кориатовича. Но тот успел позаботиться о себе, ибо, заняв валахами подольские замки Каменец, Скалу и Соколец, сам со всем добром (z skarbami) уехал в Венгрию ко двору венгерского короля Карла, ожидая от него помощи против дяди Ольгерда. **Ольгерд отобрал Подолию у Кориатовичей.** Но так как он замешкался прибыть на помощь своим валахам, за это время Ольгерд с литовцами захватил у валахов замки Брацлав, Скалу, Соколец и Смотрич. Потом при содействии (za zyczliwoscia) подольских казаков ночным набегом захватил (ubiezal) Каменец и Червоногородок [117], а также занял все остальные замки и укрепления Подолии, овладев ими отчасти силой, а отчасти [их добровольной] сдачей. **Нестяк захвачен** [в плен]. В Каменце [Ольгерд] пленил наместника Кориатовичей, старшего воеводу по имени Нестяк (Niestak) [118], посадил его в Вильне в тюрьму, валахов порубил, а литовского пана Гаштольда сделал своим наместником и воеводой всей Подолии. **Этот Гаштольд был воеводой сначала части Подолии, а потом и всей.** Князь Федор Кориатович жил потом в Венгрии отверженным (wywolancem) изгнанником и вскоре умер. Затем Ольгерд присоединил к Великому княжеству Литовскому всю Подолию и все русские края до Львова, Кременца и Белза, а также размежевал (rozgranicil) с Польским

королевством все Подляшье за Брест Литовский и Парчов. Литовские летописцы считают, что сразу же за братьями Константином и Юрием должен был умереть и Александр Кориатович, чтобы их четвертый брат, Федор Кориатович, мог осесть в Подолии. Но Кромер из Длугоша и из других источников свидетельствует, что тот был жив и после 1366 года и получил часть Волынской земли, пожалованную ему из милости польским королем Казимиром [119]. ***Длугош и Кромер (кн. 12, стр. 215 второго издания).***

Глава пятая

О том, как польский король Казимир Великий завладел русскими землями и о его соглашении с литовскими князьями

в 1340 году

О соглашениях между литовскими князьями и польским королем Казимиром Локетковичем относительно русских княжеств и об их действиях Длугош и Кромер (кн. 12) в своих хрониках пишут так. Когда прекратилось и пресеклось мужское потомство русского короля Даниела (Daniela) или Даниила (Danila), могущество которого на Руси было велико [120], Любарт, сын литовского князя Гедимина, женившись на дочери Владимирского князя, взял за ней княжество с Владимиром-на-Волыни, а затем завладел и всеми прочими русскими княжествами, соседними с Литвой. Русских князей, которые были ослаблены из-за их несогласий и многочисленности, он частично победил, а частично принял в подданство, взяв под свою защиту; завладел и Львовом, главным [городом] всей прилегающей к Польше Черной Руси. **Любарт владел Львовом.** Другой же частью русских земель, между Львовом и Галичем, владел князь Болеслав, сын мазовецкого князя Тройдена, унаследовавший их (spadkiem) по матери, княгине Марии, внучке русского короля Даниила [121]. Но из-за жестокого правления, [высоких] податей и насилий, которые [Болеслав] своевольно чинил их дочерям и женам, назначая на [все] должности мазур и намереваясь сменить русскую веру на римскую, русские его отравили, так что недолго мазуры пановали на Руси. **Мазовецкий князь на Руси отравлен.** А русские княжества Львовское, Владимирское и Галицкое после отравления русскими Болеслава, князя мазовецкого и русского, должны были по природному праву отойти к польскому королю Казимиру. Поэтому польский король Казимир, не откладывая надолго, в апреле месяце 1340 года двинулся с войском в русские земли. **Поляки взяли Львов.** И прежде всего осадил Львов, главу всей Руси, и сильно его штурмовал. А потом, когда разрешил руссакам оставаться при их старой греческой вере, город был сдан ему с обеими замками. **Львовские сокровища.** И нашел в тех замках великую силу (moc) серебра и золота, жемчуга, дорогих одежд и множество других предметов и изделий из сокровищ древних русских князей. Ценнее всего были два золотых креста, украшенные множеством дорогих жемчужин; в одном была заключена частица древа, на котором висел Господь Христос. Он и ныне находится в костеле Краковского замка. Кроме того, там были две украшенные множеством дорогих жемчужин золотые короны с золотым седлом и золотым покровом (szata), усаженным жечугом и дорогими каменьями. **Кресты, седло, покрывало и две золотые короны древних русских князей.** Эти сокровища Казимир увез с собой в Польшу, а замки, которые были деревянными, сжег, чтобы руссаки не держали в них гарнизоны (ufnosc majac) и не выбивались из послушания. **Львовские**

замки сожжены. Потом Казимир, недолго пробыв в Кракове, в самую жатву двинулся с войском для завоевания остатка Руси, где без особых трудов взял Перемышль, Санок, Галич, Требовль, Любачов, Тустан и все другие замки этих волостей, и так с войском без помех дошел до самого Кременца. **Казимир завладел остатками Черной и Подгорской Руси.**

Соглашение Казимира с литовскими князьями. Однако здесь [ему пришлось] заключить соглашение с литовскими князьями Явнутом, Кейстутом, Ольгердом и Любартом, сыновьями Гедимина, и его внуком Юрием Наримунтовичем. Юрий (Jurgi) Наримунтович остается править в Кременце до установленного срока, а Владимирское, Луцкое, Бельское (Belskie), Холмское (Chelminskie) и Брестское княжества ненарушимо остаются за литовскими князьями в течение двух лет. Ибо [Казимир] опасался, что [литовцы] станут чинить ему помехи, даже если если он отдаст им все без остатка. Потом Кейстут и Ольгерд второй раз возобновили это соглашение с Казимиром, о чем есть их запись, которая и поныне [хранится] в королевской сокровищнице в Краковском замке. Там по поводу перечисленных замков, которыми владели Любарт на Волыни и Кейстут на Подляшье, добавлено, что король Казимир и Любарт должны оказывать друг другу обоюдную взаимную помощь против любого врага, а если бы между ними вышел какой-либо спор, чтобы его рассудили по разумению венгерского короля и по его решению.

Русские княжества обращены в польские повяты. Исполнив это, король имел с русскими сейм, где завоеванные русские княжества обратил в повяты, по польскому обычаю поставив там воевод, каштелянов, старост, судей и [учредив] прочие должности. И дал руссакам равные (jedno) права, сложив и объединив их в одно целое с поляками, чтобы потом эта часть Руси по воле народа (w pospolitej radzie) не отступилась от Польши.

Литовцы разоряют Мазовию. Но литовцы со своим князем Кейстутом не выполнили уговора и в том же году жестоко разграбили и разорили Мазовецкое княжество.

Глава шестая

О разорении литовцами Мазовии и прусских земель

и о жестокой и напрасной войне с литовскими князьями королей Людовика Венгерского и Яна Чешского, моравского маркграфа Карла и графа Голландского с войсками империи и прусского магистра

в 1341 и 1343 годах

В 1340 году, восьмого дня месяца сентября или вересня литовцы со своими князьями в огромном множестве рыцарского люда вторглись в Мазовию, вдоль и поперек повоевали ее без сопротивления, которого никто не мог им оказать, и вместе с различной добычей увели в Литву очень много пленников. В том же самом году в монастыре в Старом Сонче (Sadeckim), будучи монашкой, умерла королева Ядвига, мать польского короля Казимира. А в 1401 году [122] умер прусский магистр Дитрих из Альтенбурга, а на магистерскую должность был избран великий комтур Рудольф, князь Саксонский. **Этого прусского**

магистра Меховский зовет Людером. [Это было] в правление 33 императора Людовика и при Бенедикте, втором папе этого имени [123].

В 1342 году этот магистр Рудольф, собрав огромное немецкое и прусское войско, добывал у поляков и у поморских князей Новую Марку (novego margrabstwa). Узнав об этом, литовцы с большим войском из Жмуди вторглись в Прусскую землю, которую огнем и мечом почти всю до основания порушили, разорили и в пепел обратили, а отпора не встретили, так как магистр Рудольф со всеми комтурами и рыцарями Тевтонского ордена отправился в поход добывать Новую Марку [124]. Так, гоняясь за чужим, и там не преуспел, и свое потерял, ибо литовцы возвратились в свои края с победой, со множеством пленников, с добычей и с различными трофеями.

А магистр Рудольф или Людер, когда вернулся из Новой Марки в Пруссию, желая спасти своих от литовцев, нашел все прусские края в виде дымящейся пустыни, в которую ее обратили недавние пожары. И, увидев, что все его люди в Пруссии ограблены, замучены, перебиты и уведены в неволю литовцами, [он] от такого потрясения сразу же ослабел и умер, лишившись рассудка и мыслей. **Прусский магистр помешался (oszalal).** Потом был похоронен в городе Мариенвердер, как свидетельствуют прусские хроники.

Длугош, а также Меховский (кн. 4, гл. 23, стр. 236) пишут так: *Luderus tanta consternatione de suorum caede et captivitate angustiatus est, ut sensu amisso delirus amensque fieret* *(Людер был так огорчен многими убийствами и пленениями, что от этих переживаний сошел с ума)* [125]. На место этого Людера прусским магистром был выбран Генрих Дусемер [126], утвержденный папой Климентом Шестым.

Этот прусский магистр Генрих Дусемер, желая отомстить литовцам за беды, которые они учинили в Прусских землях при его предшественнике, послал [письма] к чешскому королю Яну, к венгерскому королю Людовику и к другим соседним христианским князьям, а также ко всей немецкой империи, прося их о помощи против литовских язычников. Кроме того, [он] добился (wyprawil) от папы Климента Шестого, [чтобы тот] отправил послания ко всем христианским правителям, призывая их из христианской любви выступить на святую войну против Литвы и Жмуди, даровав им такие отпущения [грехов]. **Отпущения для литовской войны.** Если кто-нибудь в эти дни поедет или пойдет на войну в Литву и в Жмудь, то [будет считаться, что он] как будто побывал в Иерусалиме у Гроба Господа Христа, либо в Риме на юбилейный год (milosciwe lato) и у святого Иакова Компостельского [127].

Короли Людвиг Венгерский и Ян Чешский [идут в поход] **на Литву. Карл Четвертый, впоследствии император,** [идет в поход] **на Литву.** Итак, в году от рождества Христа 1343 [128] недавно коронованный после смерти отца Карла венгерский король Людовик с венграми; чешский король Ян, люксембургский граф, с чехами и его сын Карл (который потом в 1350 году был императором), моравский маркграф с моравцами и силезцами — все они собственными персонами двинулись в Пруссию против Литвы. Король Людовик с венгерским войском просто [прошел] через Польшу, ибо был племянником польского короля Казимира, а чешский король Ян с сыном Карлом с чешскими, моравскими и силезскими войсками [шли] через Поморье и Кашубию. **Этот Людовик был потом и**

королем польским, и его дочь Ягелло взял [в жены] **вместе с королевством.** Потом [прибыли] граф Голландский (de Halles) [129] и много других немецких князей, а также гетманов со всей немецкой империи, и людей немало, и помощь английского и датского королей. **Граф фон Галле** (von Halles)**, великий гетман немецкой империи,** [идет в поход] **на Литву.** А также Силезские, Саксонские, Поморские князья и Бранденбургские маркграфы (которые давно злобились на литовцев за разорение своих земель Гедимином и Ольгердом, как об этом выше написано). Все они прибыли в Пруссию, собираясь в этом неслыханной мощи походе стольких монархов против литовских и жмудских язычников искоренить до основания само имя литовцев и память о них, либо, приневоленных войной, покорить их и привести под ярмо и власть ордена, как это было с латышами, старыми пруссами и куршами.

Действия Ольгерда и Кейстута против великого войска. Но Ольгерд и Кейстут, услышав о столь ожесточенной войне против себя и своих земель, сразу сами опустошили все литовские и жмудские земли, прилегающие к границам Пруссии: скотину, стада и все добро и имущество. А женщин, детей и [людей] слабых, для боя негодных, велели увести в замки, на непроходимые болота, озера и старицы, а других в густые леса и в ямы, и все свое имущество попрятали. И по приказанию своих князей и под угрозой столь жестокой войны было основательно сделано все что нужно для безопасности жен и детей и [для сохранения] имущества. И вот так в Литве и в Жмуди они сами устроили голую пустыню, где не было никакого продовольствия на несколько миль, а замки и крепости, которых в Литве и в Жмуди в те времена было много (geste byly), как следует снабдили и укрепили. **Такую же хитрость московский** [царь] **хотел устроить в 1580 году, но наши его опередили, так что Москва не смогла спрятать хлеб с полей.** А когда услышали, что король Людвиг Венгерский и Ян, король чешский, и другие вышеупомянутые князья со всей мощью Немецкой империи, а также прусский магистр Генрих Дусемер и лифляндский магистр Бурхард Гарен [130] с обоими своими орденами**,** с комтурами, с прусскими и лифляндскими войсками вторглись в Жмудь, Ольгерд и Кейстут, применив всякие хитрости против столь сокрушительной мощи, с готовыми литовскими и жмудскими войсками сразу разделились надвое. Ольгерд с литовцами вторгся в Лифляндскую землю, которую без отпора, так как не было кому обороняться (ибо все орденские рыцари с магистром ушли [в поход] на Литву), разорил и повоевал аж до Хаапсалу (Habsellu) [131], а потом до самого Дерпта. **Такой же предательский умысел был и у Остика [132]: привести москов**[ские войска] **из Лифляндии в Литву, как только** [польский] **король выступит** [в поход] **на Москву.** Кейстут же со жмудинами и с троцкой, а также гродненской шляхтой по другой дороге взаимно вторгся и повоевал Прусскую землю, которую, как и Ольгерд Лифляндию, нашел без обороны, ибо тоже не было кому обороняться, так как, на их счастье (jako na wygrana), магистр Дусемер со всем орденом, с комтурами и с чешским и венгерским королями ушел [в поход] на Литву. **Кейстут взаимно воюет Пруссию.** Самбийскую или Самландскую землю, в которой главным городом является Кёнигсберг, [Кейстут] разорил воистину до основания, огнем и мечом опустошил все окрестности города, забирая полон и богатые трофеи с разной добычей. Замки и города Кёнигсберг, Фишхаузен (Fishhaus), Лохштедт, Мемельбург (Mumelburg), Гирмавию (Gyrmawia), Рудаву (Rudawe), Нейхаузен (Neuhaus), Варгию (Wargia), Галлгарбен (Ceilgarbia), Побетен (Bobec), Лаптау (Labtaw), Шаакен (Schaktz), Кремиттен (Chremetz), Вальдаву (Waldow), Тиренберг (Tirenburg), Гросс-Вонсдорф

(Bonund), Росситен, Каимен (Kaimen) опалил [133], а некоторые из них, которыми смог завладеть, захватив их либо силой, либо [вынудив] сдаться, разрушил, выбрав имущество, а людей перебив или угнав в неволю.

А короли Людовик Венгерский, Ян Чешский, моравский маркграф Карл и все войска Немецкой империи, столь огромной армией вторгнувшись в Жмудь и в Литву, нашли ее опустошенной и лишенной всякого продовольствия; биться же там было не с кем, ибо годные [для этого] люди с Кейстутом в Пруссии, а другие с Ольгердом в Лифляндии око за око воздавали (wzajem oddawali) войной за войну. В конце концов, еще дальше углубившись в Литовскую землю со многими людьми, когда уже не могли раздобыть никаких продуктов (ибо все было надежно спрятано от непрошенных гостей), начали дохнуть (zdychac) с голоду, особенно немцы, англичане, французы и голландцы, приученные в своих землях роскошно жить, мягко спать и вина пить. Также и венгры, чехи, мораване (Morawcy), силезцы, саксонцы, поморяне, датчане от литовских невзгод и нужды должны были [питаться] одними корешками (zielskami), которые ели, [спасаясь] от голодной смерти. Потерявшие сознание (zemdleni) и больные (zarazeny) оставались на дороге, другие умирали от поноса и дизентерии (biegunkami i czerwonymi niemocami), а некоторые от постоянного голода ели своих коней [134]. **Вы у нас, мы у вас.** В то же самое время Ольгерд и Кейстут, будто какие-нибудь купцы (frimark), меняя страну на страну, свободно гуляли в Лифляндии и в Пруссии, цветущих краях, изобилующих всяким добром.

Видя это, Людовик, король Венгерский, и Ян Чешский и все другие князья и гетманы немецких войск стали стыдить, ругать и упрекать прусского магистра Генриха Дусемера, что промедлил и так бесполезно их завел и погубил, сразу не разъяснив им, как несведущим и приезжим гостям, положение [дел] и вражеские приемы и обычаи, а также недостатки земли Литовской и Жмудской [135]. **Большое чешское, венгерское, имперское прусское и прочее войско** [терпит] **в Литве поражение от голода.** И так, перессорившись, а неприятеля и в глаза не видевши, бесполезно побросав очень много судов (statkow), коней и военного имущества, а также потеряв [многих] людей, поморенных голодом и болезнями, вынуждены были из Литвы и Жмуди возвращаться в Пруссию. Таким ужасным (gwaltownej) и огромным невозмещенным ущербом и вечным бесславием [закончился] бесполезный и напрасный поход двух королей, нескольких десятков князей и всей Немецкой империи. [В дополнение] к этим бедам магистр Дусемер обнаружил, что вся Самбийская земля и добрая дюжина (kilkonascie) прусских замков разорены Кейстутом; а Бурхард Гарен увидел опустошения, учиненные Ольгердом с литовцами в Лифляндии, начиная от Двины и до Хаапсальского (Abselskiego) и Дерптского епископств [136]. О чем достаточно [подробно] рассказывают старинные прусские и лифлянские хроники, а также наш Длугош с Меховским (кн. 4, гл. 24, стр. 23) упоминают в таких словах: *Eodem anno 1343, Ludovicus Hungariare, Ioannes Lucsemburgensis Bohemiae, Reges, Carolus filius ejos Marchia Moraviae, item Comes de Halles et alii quam plures illustres viri in Prussiam cum eorum potentiis advenerunt, atque cum Magistro Prussiae in Litvaniam descenderunt: Litvani autem interim quo eorum terra vastabatur, cum omni potentia in terram Sambiensem et in Livoniam perrexerunt, et eas grassabant Magistro Livoniae absente et Samagittas oppugnate, quae varietas adeo Reges afflixit, ut Magistrum conviciare tanquam huius pessimi eventus auctorem. (В 1343 году в*

Пруссию прибыли короли Людовик Венгерский и Иоанн Люксембургский Богемский, его сын Карл, маркграф Моравии, а также граф из Галле и многие другие знаменитые мужи со своими войсками [для] похода с магистром Пруссии на Литву. Но в это же время литовцы со всеми силами опустошили их земли в Самбии и в Ливонии, [воспользовавшись] отсутствием Ливонского магистра, ушедшего [в поход] на Жемайтию. И из-за стольких различных бедствий короли обвинили магистра в наихудших результатах всего предприятия) [137].

Такой же хитростью Агафокл одолел карфагенцев, когда те осаждали столицу его Сицилийского королевства город Сиракузы. С двумя сыновьями и с теми людьми, которых удалось быстро собрать, он морем переправился в Африку, повоевал их земли вдоль и поперек, разбил крупные карфагенские войска с их гетманами и т.п. О чем читай Юстина, кн. 22 [138].

Сципион Африканский тоже таким же образом победил карфагенцев и непобедимого Ганнибала и завладел Африкой. О чем читай Ливия и Флора (кн. 2, гл. 6), Плутарха, Юстина, Стадия и Доминика Циления Грека (кн. 8, гл. 4) [139].

Кромер в кн. 12 тоже кратко упоминает об этой войне: *Contra Litvanos quidem expeditionem Joannes Boemorum rex cum Carolo filio marchione Moraviae, et Ludovicus Uungarorum hiberno huius anni tempore magnis viribus, sed sucessu non satis pari apparatui Crucigeris opem ferentes fecisse memorantur*. *(В поход против литовцев [выступили] король Богемии Иоанн с сыном Карлом, маркграфом Моравии, и Людовик Венгерский, но [так как] в том году была очень суровая зима, а снаряжение упомянутых крестоносцев не вполне подходящее, успеха [они] не добились) .*

Потом в 1345 году упомянутый прусский магистр Генрих Дусемер, желая как-то возместить тот первый бесполезный поход на Литву с двумя королями, собрал большое войско из Пруссии, Поморья и Лифляндии, взяв в помощь оставшееся (pozostale) чешское и венгерское рыцарство и маркграфа Голландского с [рыцарями] Фландрии и с англичанами, и в новом месяце марте отправился в поход на Жмудь и на Литву. Но, как пишут Длугош и Меховский, мало преуспел, отчасти из-за того, что [одни] литовцы укрылись в замках, другие схоронились в густых лесах, а отчасти из-за того, что был гололед и очень скользко. А потом наступила весна и оттепель: пригретые солнцем снег и лед на озерах стали таять, реки вскрылись, так и пришлось без пользы вернуться в Пруссию.

Немцы воюют Литву. А в 1346 году [140] тот же прусский магистр Генрих Дусемер, используя зимнее время, двинулся в Литву с большим прусским и чужеземным войском, которое прусские хроники и Длугош с Меховским (кн. 4, стр. 238) определяют (poczytaja) в сорок тысяч, и воевал жмудские и литовские края вдоль и поперек. Ольгерд же, великий князь Литовский, имея с собой большое войско Смоленчан, Полочан и других русских князей и литовцев со жмудинами [141] ударил на магистра Дусемера и на его войско в день Громник [142] или Очищения Девы Марии.

Литовская битва с немцами. Огромная битва, в которой ожесточенно [сражались] обе стороны, продолжалась долго, с утра и до самой ночи. В конце концов литовцы и русские, побеждаемые закованными в броню (zbrojnych) немецкими войсками, начали терять силы и уступать (szfankowac i upadac), а потом кто как мог побежали с поля в ночь (w nocy). А Ольгерд с полочанами и жмудинами без потерь (obronna reke) ушел в замок Велюону. Однако литовцев, жмудинов и руссаков в тот день пало убитыми восемнадцать тысяч, как считает Меховский, а хроники прусских магистров полагают десять тысяч. **Литовцев, жмудинов и русских полегло, согласно Меховскому, 18 000, а по прусским хроникам — 10 000** [143]. Там же сказано, что не все немцы назавтра радовались победе, ибо их тоже много полегло убитыми и ранеными, но поле боя и обозы литовцев остались за ними.

Монастырь в Кёнигсберге. Вернувшись с добычей в Пруссию, магистр Дусемер возблагодарил Господа Бога за эту победу и разрешил монашкам построить [из камня] женский монастырь в Кёнигсберге, названный Лёбенихт, и наделил его достаточными доходами.

Виелона разрушена. Летом того же самого года, собрав новое войско, тот же Генрих Дусемер второй раз пошел в поход на Литву и, пройдя вдоль Немана через Жмудские края, с земли и с воды осадил замок Велюону (Wielunia albo Wielone), который добывал постоянными штурмами и подкопами, своротив все частоколы и башни. И когда литовцы больше не могли обороняться, начал генеральный (walny) штурм и спалил весь замок, а потом, разорив окрестные волости и попалив местечки с селами, со множеством пленных и добычей отступил в Пруссию.

Ольгерд разоряет Пруссию. А Ольгерд, великий князь Литовский, тоже собрав сильное войско из жмудинов, из русских и из литовцев, неожиданно вторгся в Самбийскую землю под Кёнигсбергом. И, тоже повоевав окрестные прусские волости и неукрепленные городки, тем же обычаем выжег дворы и фольварки, и вместе с добычей и большим количеством награбленного увел в неволю в Литву несколько тысяч христиан обоего пола.

Чешский король Ян убит. Того же года августа месяца 27 дня чешский король Ян слепой, большой и главный враг короны польской и литовской, был убит на войне, когда бросился в гущу английских полков, с чешскими войсками помогая королю Филиппу Французскому, своему родственнику [144], против английского короля Эдуарда. Французский король Филипп едва спасся из этой битвы только с сыном и с королем Наваррским. Чехи потом переправили тело убитого короля Карла из Франции в Люксембург, и там его и похоронили. Как раз в этот самый день, 27 [числа] августа месяца, хотя и в разные годы, на войне были убиты два короля Чехии, а именно Ян слепой и Оттокар. Поэтому чехи этот день почитают несчастливым и скорбным (smutny), о чем пишет *Куреус в истории Силезии*. **День 27 августа** [145] **у чехов** [считается] **несчастливым** .

Карл 4 и [грозившая] **ему опасность.** На место Яна слепого чешским королем был избран его сын, моравский маркграф Карл, и потом он сразу же был возведен электорами в римские императоры [146], коронован в Риме и назван Карлом Четвертым. Тогда же в

Италии горожане Пизы (Pizanscy), пригласив его для чествования, заперли в ратуше и, подложив пороху, едва не сожгли, и лишь благодаря мужественной защите чехов он едва избежал этого насилия [147].

В 1345 году польский король Казимир заключил с ним мирный договор в Намыслове.

Чудо со святыней тела Господнего, ввергнутой в болото. Тогда же в Кракове грабители украли из костела Всех Святых позолоченную коробочку (puszka) из меди, думая, что она из золота, которая под видом хлеба заключала в себе священную реликвию Господня Тела Христосова. А когда поняли, что это позолоченная медь, то [вместе] с коробкой сбросили Тело Господне в болотную лужу у деревни Бавола (Bawola) под Краковым. И несколько дней и ночей над этим болотом постоянно горели как будто бы походные огни — к великому изумлению людей, не понимавших, что бы это значило. Тогда краковский епископ Ян Грот [148] сразу же установил трехдневный пост, а потом от всех церквей с процессиями пошли на это место и там нашли эту коробочку со священной реликвией, которую с почестями отнесли в церковь Всех Святых.

Город Казимеж у Кракова. И на том месте король Казимир на свои средства повелел построить каменный костел Тела Божьего и в том месте, где раньше была деревня Баволь, заложил новый город, обнесенный стенами, который от своего имени назвал Казимежем.

Прусский магистр Винрих фон Книпроде. В 1348 году прусский магистр Генрих Дусемер умер и похоронен в Мальборке. На его место в праздник Трех королей был избран великий комтур Винрих фон Книпроде [149] или Венрик (Wenrik de Kniprode), как его зовет Меховский, а по прусским хроникам Генрих Кинпраденский (Henrik Kinpradiensis). Он был восемнадцатым в ряду прусских магистров, жесточайший гонитель [150] литовский.

Глава седьмая

О частых войнах и взаимных набегах между прусским магистром Винрихом фон Книпроде, литовцами и поляками

Винрих или Генрих фон Книпроде, вступив на престол магистра прусских крестоносцев, сразу после [праздника] Трех королей 1348 года собрал большое войско из Германии и из своих прусских земель и, вторгнувшись в Литву, огнем и мечом жестоко повоевал Пистржимский или Пастржимский (*Pastrzymski*) повят и ушел в Пруссию с большой добычей и пленными. **Разорен Пистримский повят в Литве** [151].

Литва воюет Пруссию. А Ольгерд, князь Литовский, с братьями и Кейстут, князь Троцкий и Жмудский, с сыном Патрикием (Patrikiem) собрались и сразу же по горячим следам (w stopy i w swiezy slad) двинулись в Пруссию [вслед] за магистром и немецким войском, а как только орденские войска разошлись, они с литовцами и с жмудинами без отпора воевали прусские земли. И, разорив огнем и мечом несколько повятов, возвратились, обремененные множеством трофеев и различной добычей, со скотом и стадами, и к тому же семьсот пойманных немцев увели в Литву .

Смоленский князь [идет в поход] **на Пруссию.** Вскоре после этого, как упоминают Длугош и Меховский (гл. 25, стр. 239), в Пруссию с новым русским и литовским войском вторгся князь смоленский. И когда [он] железом и огнем широко порушил все волости около Лабиау [152], против него выступил комтур Лабиау, хотя и с далеко меньшим войском; обе стороны храбро столкнулись, и крестоносцы одержали победу и отбили все награбленное. **Литовцы и смоляне поражены.** А литовцы и русские со своим гетманом князем смоленским, смешавшись, хотели порознь перебраться через реку [153], около которой была битва, и от того смятения более их в воде потонуло, чем от неприятеля полегло, а сверх того там же в той реке потонул и сам князь Смоленский, чья смерть принесла крестоносцам тем более славную победу. **Князь смоленский утонул в Пруссии** [154].

Году же в 1349 прусский магистр Винрих вторгся в Литву и в Жмудь, имея в своем войске сорок тысяч рыцарей, прибывших на священную войну в Пруссию из Франции и из Англии после окончания войны между королями Филиппом Французским и Эдуардом Английским. И в этих землях огнем и мечом повоевал все повяты, убивая всякого, кто подвернется, и мужского, и женского пола, и никого не щадя. А когда, отягощенный добычей, возвращался в Пруссию, его догнал Кейстут, собравший литовцев и руссаков, и ударил на его войско. **Битва Кейстута с крестоносцами.** И обе стороны храбро сразились в 24 день месяца января. Наконец, литовское войско, побеждаемое числом закованных в доспехи немцев, начало уступать (szfankowac), и магистр с крестоносцами одержали победу. Литовцев и руссаков на поле полегло восемнадцать тысяч убитыми, а из орденского войска самыми знатными из убитых были гданьский комтур Герхард фон Стеген (Stegin), комтур Голубы (Goblenski) [155] и шесть виднейших орденских братьев, а [также] пятьдесят рыцарей (rejterow) и иных много конных и пеших из рыцарей и простых солдат осталось на том побоище, так что обе стороны заплатили за эту битву почти взаимно. **18 000 литовцев сражено.**

В том же году в Польше царило великое моровое поветрие [156].

В том же 1349 году польский король Казимир Великий, собрав и переписав большое войско из короны Польской [157], двинулся на Русь, желая подчинить своей власти этот край, которым, как пишут Длугош и Кромер (кн. 12), владели присоединившие его к себе Гедиминовичи: Кейстут, князь Жмудский, и Любарт Владимирский. **Поляки взяли Луцк, Владимир и Брест.** И очень быстро, за один лишь год, без особого труда силой захватил у литовцев и русских замки Луск (Luska) или Луцк, Владимир, Холм (Chelma) и Брест и разместил [в них] поляков. Другие замки и крепости сдались добровольно, после чего [Казимир] подчинил своей власти всю Волынь и Бельскую, а также Брестскую (Beresciejska) землю.

Потом некоторым русским князьям, которые покорились добровольно, было разрешено свободно править в их отчих уделах и замках, и только в виднейших и главнейших замках [Казимир] назначил поляков.

Так как после Коломана, короля Галицкого и Владимирского (как об этом мы выше писали в Русской хронике), венгерские короли по старинному праву тоже домогались

русских княжеств [158], король Казимир, желая спокойно править на Руси, в том же году с венгерским королем Людовиком, своим племянником (siestrzencem), которого выбрал наследником (successorom) Польского королевства после своей смерти, заключил соответствующий договор по поводу Руси, к которому присоединился и брат Людовика Стефан, князь Словении и Далмации.

В то же самое время венгерский король Людовик отправил в Польшу свою мать Эльжбету, сестру Казимира, чтобы [она] от его имени приняла от поляков присягу, что он должен быть в Польше королем после смерти своего дяди (wuja) Казимира.

Выходки (wystepki) **Казимира.** А король Казимир, приехав с русской войны в Краков, от счастливого успеха и от славословий людских ударился в распутство и открыто содержал наложниц в Опочне и в Крессове [159]. А когда краковский епископ Бодзента увещевал его за эти порочные поступки, [король] не только пренебрег его увещеваниями, но и людей из его епископских волостей в Сандомирской земле обложил податями и принудил к сверхурочным (niepowinnymi) работам. Польские епископы пожаловались папе, и папа велел увещевать его от своего имени. **Ксендз Мартин Баричка утоплен.** А когда, помимо прочих, на это решился Мартин Баричка, викарий Краковского костела в замке, король Казимир приказал утопить его в Висле. Но этот мерзкий поступок не мог долго гневить Бога и оставаться без возмездия, ибо краковский епископ Бодзента короля сразу же проклял [160]. **Поветрие.** Жестокое моровое поветрие за два года опустошило почти всю Польшу, так что города и веси, покинутые людьми, стояли пустыми.

Новая секта. В том же году почти во всем христианстве появилась новая секта: мужчины и женщины ходили обнаженными по пояс, бичуясь и хлестая себя розгами, и так толпами (rotami) таскались (sie wloczyli) по свету, неся перед собой хоругви [161] и плаксивыми (lamentliwym) голосами взывая к помощи Божьей. Несколько групп этих новых бичевников пришли было в Польшу из Венгрии, но когда дознались, что их религия содержит ложь и богопротивные действия, эту секту покарали, искоренили и загасили: что быстро вспыхивает, то недолго светит.

О литовской войне с поляками,

разорении Сандомирской земли и пленении Кейстута, наказании изменников и прочем

Длугош, Кромер, Меховский, Ваповский, Бельский и венгерский хронист Бонфиний [162] в разных местах так описывают эту войну и ее причины. ***Кромер, кн.* 12*, стр.* 307 *первого и стр.* 209 *второго издания*.**

(Говорят, что) как только моровое поветрие в Польше утихло, литовцы (хотя в то время они и были измучены тяжкой войной со стороны орденских рыцарей и помогавших им немцев, французов и чехов), чтобы вырвать Русь из рук поляков, частыми набегами разорили почти всю Сандомирскую землю, разгромив и разогнав поляков, из которых лишь немногие посмели им противиться. ***Fusis fugatisque nostris, si qui forte obicere se se ipsis ausi sunt.*** *(После поражения и бегства наших, если те вдруг смели сопротивляться)***.**

И ту часть русской земли, которую Казимир отобрал было у Любарта Гедиминовича, [снова] подчинили своей власти, выгнав польского старосту.

Литва отобрала волынские и русские замки. Владимир (Волынский), в котором Казимир построил было кирпичный замок, а также Холм, Белз и Брест со всеми прилегающими землями, [литовцы] взяли путем [добровольной их] сдачи, и из этих замков разоряли польские земли по своему усмотрению. **Литовцы** [дошли] **до Львова.** Оттуда [они] пустили загоны до самого Львова и, когда увидели, что поляки отстроили оба львовских замка, окружили их новыми стенами и как следует укомплектовали польским рыцарством, оставили мысль их захватить, а мечом и огнем повоевали и жестоко разорили все окрестные волости. ***Circum jacentem oram omnem ferro et igni fae de vastarunt.*** *(Мечом и огнем и опустошили все окрестности).*

Король Казимир, сокрушенный столь великими бедами, собрал большое войско и вместе с венгерским королем Людовиком в году Господнем 1351 двинулся на Русь против литовцев. **Кейстут захвачен поляками в бою.** И там, поразив один литовский загон, в суматохе битвы взяли [в плен] Кейстута, а также завоевали всю Владимирскую землю. Потом короли Казимир Польский и Людовик Венгерский той же зимой распустили войско; Кейстут же содержался в почетном плену. **Кейстут бежит из заключения.** И когда [он] согласился креститься, вскоре после этого ночью бежал из заключения, обманув королей и стражу.

Кейстут второй раз отнял Владимир и разрушил Галич. И сразу же, [вместе] с братьями собрав литовские войска, снова двинулся против поляков на Русь, и там внезапно захватил у поляков Владимирский замок, разграбил его и сжег, и все эти земли, отобранные у Казимира, вернул себе и своим братьям и присоединил к Литве. Также вместе с братом Любартом разорил и Галицкие волости, расположенные далеко от Литвы на самых венгерских и валашских границах.

Кромер считает, что вместо Кейстута в проигранной битве поляками был захвачен Любарт, но Длугош и Меховский называют Кейстута, что [выглядит] правдоподобнее, ибо Любарт и до этого давно уже окрестился в русскую веру ради жены, княжны Владимирской, по которой и Волынское княжество взял в удел еще при отце Гедимине. Так что соглашаться креститься ему не было смысла, поскольку он уже был христианином, а вот Кейстут всегда был язычником, и так и умер. Так что в то время был пойман Кейстут, а не Любарт, а обещанием креститься он выкрутился (wykrecil) из плена. **Об этом читай *Меховского кн.* 4, *гл.* 9, *стр.* 227. *Etiam Kiestutonem ducem Litvaniae in quodam particulari certamine caepit etc sed Reges deludens, nocte effugit.*** *(Так и Кейстут, герцог Литовский, в данном случае обманул этим королей и ночью скрылся).*

Бонфиний же, венгерский хронист, пишет, что эта война была не на Руси, а в Литве, когда лужи, озера и реки замерзли, а с началом зимней распутицы (na rostoku zimy) венгры и поляки отступили из Литвы.

А Кейстут с Любартом, идя за ними следом, [совершили] третий поход на Сандомирскую землю и в третий раз повоевали ее с литовскими казаками до самого Завихоста, имея еще

и проводников (wodze), ведших язычников на разорение своей собственной отчизны. ***Длугош и Кромер, кн. 12.*** Знатнейшими из них Длугош и Кромер в своих хрониках называют Петра Пшонку (Psonke) герба Янины и Оттона из Щекарович (Czecharowic) герба Топор, которые, будучи проводниками как местные уроженцы и [знатоки] польских дел, тайно наводили набеги литовцев и выдавали им планы своих. **Литовцев приводили в Польшу Пшонка и Тарло** [163]. Когда литовцы со своими князьями задумали двинуться в центр Польши, приключился такой случай. Упомянутого Петра Пшонку послали для разведывания (przespigowania) брода на Висле. Найдя брод через Вислу, он повтыкал от берега до берега длинные палки для облегчения переправы через реку и, проделав это, доказал свою [верную] службу литовцам. Вскоре после этого на то место приплыли рыбаки в челнах, увидели эти палки и, заподозрив измену, воткнули эти палки или жерди на самом глубоком и быстром водовороте Вислы. ***Et sic ars deluditur arte.*** *(Так искусство обмануло искусство).*

Вот тебе и награда. Потом литовцы, с войском приехав на это место ночью, чтобы тем легче захватить врасплох и повязать спящих поляков, по указаниям Петра Пшонки по этим знакам въехали в Вислу, где очень много их потонуло вместе с конями в бурных водоворотах. Увидев это и страшась предательства, литовские князья [прямо] на берегу зарубили Петра Пшонку как изменника. И, боясь польской засады, той же ночью отступили назад.

Ягелло забрал себе имущество Пшонки и Тарло. Говорят, что Ягелло, став польским королем, за этот поступок конфисковал было имущество (dobra pobral byl) как Пшонки, так и Тарло, но из уважения к членам совета (panow radnych) вернул имения потомку Оттона, Заклике Тарло, ибо тот был у него коморником [164]. А имение (dobra) Пшонки, деревню Кржижоново, присоединил к Люблинскому староству [165].

Ольгерд же, великий князь Литовский, прибыв с татарами в Подолию, все подольские края Польской державы [166] повоевал огнем и железом и ушел назад с огромной добычей, которой поделился с татарами. **Меховский, кн. 4, гл. 19: Ольгерд повоевал Подолию, которая принадлежала Польше.**

Любарт завоевывает Галич. Кроме того, в 1353 году Любарт Гедиминович, брат Ольгерда, князь Волынский и Луцкий, не соблюдая перемирия, которое на определенное время заключил было с Литвой Казимир, тайно собрался с литовскими и волынскими казаками и седьмого дня июля месяца внезапно подступил к Галицкому замку. Взяв город Галич, [литовцы] перебили очень много горожан и купцов, которые приехали было на ярмарку, и сожгли город, который принадлежал Польской державе. Там и в окрестных повоеванных им областях [Любарт] взял огромную добычу и спешно ушел в Литву. **Мехо**[вский] **1. 4.** Потом, сложив награбленную добычу в литовских хороминах (chrominach) или (как их зовет Меховский) будах (budach) [167], в девятый день сентября с еще большим войском вторгся в Польшу у Завихоста и все окрестные волости, фольварки, местечки и деревни разорил и повоевал огнем и мечом. Польские солдаты и доспехи надеть не успели, как пишут Длугош и Меховский (гл. 19, стр. 227), как всю награбленную добычу в целости увезли в литовские пещеры и лесные тайники. ***Мехо****[вский]*. ***Et antequam milites Polonorum arma sumerent raptam praedam in latibula***

Litvaniae deduxit. *(И прежде чем польские солдаты взяли в руки оружие, украденую добычу доставили в литовские тайники).*

Литва — бич Божий на Польшу. Эту кару Короне от Литвы [168] Меховский приписывает проступкам короля Казимира, который, изменяя добродетельной супруге Аделаиде, брал себе распутных любовниц, которых имел в достатке, размещая их по различным замкам. К тому же [он] посягнул было на имущество церкви и краковского епископа Бодзенты, а потом приказал утопить в Висле ксендза Мартина Баричку (Barzyczke), чем и навлек на себя проклятие. **К**[сендз] **Мартин Баричка утоплен.** Вот так Господь Бог за грехи наши решил пустить в ход свой разящий (dziwny) бич.

Большой снег на Святки. В том же 1353 году, когда в марте, в апреле и в мае [стояли] очень погожие и теплые дни, все зерно прекрасно проросло и уже распускались колосья, вдруг ударили внезапные и резкие холода, а затем прямо в святочную субботу [169] выпал такой большой (srogi) снег, что лежал на два локтя в высоту. И продержался так до шестого дня, покрыв цветущие хлеба, жита и яровые (jarzyny) к великому ужасу пахарей. Все думали, что весь урожай пропадет и обратится в ничто, но когда снег растаял, после этого снега все так расцвело и щедро плодоносило, как после самого лучшего навоза. И едва ли в Польше, на Руси и в Литве когда-либо был такой урожай. А у пахарей, которые снег с хлебов сметали, там весь [урожай] пропал.

Литва повоевала Пруссию. В том же 1353 году литовские князья Ольгерд, Кейстут и Патрик (Patrik) [170] собрали огромное войско, желая отомстить крестоносцам за то поражение под Лабиау (Labiowem), где утонул смоленский князь. Они вторглись в Пруссию в Резельский повят, где жестоко повоевали все волости около Резеля (Refila) [171] и, распустив загоны далее вглубь Прусской земли, без помех огнем и мечом разоряли и грабили все, что им попадалось. А потом, порубив и умертвив очень много немецких людей, старых и молодых, со множеством пленников и трофеев воротились в Литву.

Литовцы разорили Пруссию в 15 милях от Кёнигсберга. А на следующий 1354 год Ольгерд с сыном Скиргайлом (Skiergailem), а Кейстут с Патрикием снова двинулись в Пруссию под Вартемберг [172] и все окрестные волости в пятнадцати милях за Кёнигсбергом [173] жестоко разорили, попалили неукрепленные местечки, дворы, фольварки и деревни, резали беспомощных немецких стариков и малых (niedorosle) деток, нигде не встречая отпора. Ибо, как пишут Длугош и Меховский (кн. 4, гл. 25), прусский магистр Винрих фон Книпроде не решился сойтись в битве с [таким] множеством литовцев, а с другими крестоносцами и с комтурами [только] поглядывал из замков на дымящиеся волости. А литовские князья с огромной добычей, с награбленным и с толпами пленников в целости воротились в Литву.

Немцы селятся на Подгорье. В 1355 году король Казимир, видя, что земли Подгорской Руси разорены и пусты из-за частых литовских набегов, поселил в тамошних краях людей из немецкого народа, которые, как я и сам видел, со своим особым хозяйственным укладом еще и ныне живут по деревням около Пшеворска, Перемышля, Санока и Ярослава.

Мазовия [присоединена] **к Польше.** В том же году мазовецкий князь Земовит присоединил и включил в [состав] Польской короны свое мазовецкое княжество, учинив клятвенную присягу королю Казимиру в Калише, а также обещал послушание и взаимную (spolna) помощь против каждого врага короны, как христианского, так и языческого. И с епископом плоцким и со всеми панами мазовецкими поклялся (slubowal), что признает короля Казимира и других королей Польских, его наследников, господами и наследниками (dziedzicami) Мазовецкой земли, а себя и других мазовецких князей, которые будут [править] после него, обязуется считать вассалами (holdownikami) Короны [174].

Город Плоцк обведен стеной. В том же году король Казимир обнес новыми стенами с башнями город Плоцк в Мазовии и окружил Плоцкий замок второй стеной, [защищавшей] от частых казацких набегов литовцев.

Глава восьмая

О взаимном разорении Пруссии литовцами, а Литвы и Жмуди крестоносцами, о троекратном пленении Кейстута и о разрушении Ковна

Разорение Медникского повята. В том же 1355 году великий прусский магистр Винрих Книпроде, желая отомстить литовцам за разорение своих земель в прошлые годы, с большим немецким войском двинулся в Жмудь, где разорил Медникский повят [175] и повоевал всю Жмудскую землю. И, порубив и умертвив малых деток и перебив стариков, непригодных для работ, с добычей и со множеством пленников вернулся в Рагнету. **Рагнета загорелась.** Но как только приехал, замок Рагнета (Рагнит) той же ночью случайно загорелся, а магистр Винрих, упав с коня, сломал правую руку. **Винрих руку сломал.** Из-за этих несчастий, [случившихся] у крестоносцев, очень многие жмудины бежали из плена.

А в новом 1356 году, в вигилию святой Агнешки [176] литовские князья Ольгерд, Кейстут и Патрик двинулись в прусские земли с большим и сильным войском. **Об этом читай *Меховского (кн. 4, гл. 25, стр. 260) in magno et forti exercitu.*** *(С большой и сильной армией).* И, распустив загоны в разные стороны, как вдоль, так и поперек, огнем и мечом воевали и разоряли их в течение примерно семнадцати дней [177], да так жестоко, что в боевом пылу (nieprzyjacielska zapalczywoscia) прошли почти всю Пруссию и разорили ее. Ибо магистр Винрих и крестоносцы не смели ни дать им отпор, ни высунуться (wychylic) из замков. ***Мех[овский]: Adeo ut fere universam Prussiam hostiliter pervagasse crediti sunt. Magistro et Crucigeris in aciem prodire non andentibus.*** *(Так, что в пылу вражды прошли почти всю Пруссию. Магистр и крестоносцы не лезли на рожон и не выходили в поле).* А литовцы с несметным множеством пленников и различной добычей в целости воротились в Литву.

Великий и огромный поход христианских князей на Литву. Году же в 1357 князья и все сословия Германской империи и все рыцарство из Франконии, Швабской земли, из Англии и из Франции, слыша о столь жестоком притеснении и пововоевании своих крестоносцев в Пруссии язычниками литовцами, собрали большие войска и выступили на

священную войну против Литвы. Очень многие солдаты и рыцари из Чехии, Моравии, Поморской и Силезской земли добровольно приехали на помощь крестоносцам. Также и прусский магистр Винрих двинул всех пруссаков, комтуров и рыцарей своего ордена, а так как сам он сильно болел из-за перелома руки, поставил над ними великим гетманом прусского маршала Зигфрида фон Дахенфельда (z Daweltu) [178]. **Мех**[овский]**, кн. 4, стр. 26.** И когда со всеми этими войсками вторглись в Жмудь и Литву, не встречая никакого отпора, в отместку разрушали, жгли и разоряли волости и села, без милосердия творя всякие жестокости над крестьянами (chlopkami) и простолюдинами. **Литва и Жмудь разорены.** А потом со множеством литовских пленников и с большой добычей воротились в Пруссию [179].

В 1359 году валашский воеводич Стефан с частью валашских панов бежал к польскому королю Казимиру, прося о помощи против брата Петрилы и обещая потом быть верным вассалом королевства Польского.

Первый несчастный поход поляков в Валахию. Тогда король Казимир в новом месяце июле [180] послал с ним войско, собранное в Малой Польше и на Руси. И когда они вторглись в Валашскую землю, воевода Петрило, видя неравенство сил, вступить с ними в открытую битву не посмел. Но, прибегнув к хитрым фортелям, в лесу, именуемом Полонина (Ploniny), через который должны были следовать поляки с войском, устроил засады из пеших отрядов своих валахов с косами, луками, самострелами и копьями. И приказал подрубить деревья с обеих сторон дороги, так что те едва держались на пнях. И как только польское войско вошло в эту чащу (gestwine) и в эту ловушку, тут же валахи, выскочив из засады, стали валить подрубленные деревья, а потом одно дерево валило другое. **Поляки поражены валахами и лишились знамен.** И этой предательской хитростью погромили, побили и передавили почти всех поляков, будто [попавших] в сети, а тех, которые остались живы, израненных и покалеченных, схватили: одних со [сломанными] ногами, других с руками, хребтами и другими членами, переломанными ударами падающих деревьев. И захватили все обозы с военным снаряжением и знамена, причем особенно стыдно [было потерять] три большие хоругви земель: Краковской с коронным орлом, Сандомирской с тремя полями и с тремя рядами звезд и Львовской со львом в золотой короне. И девять меньших хоругвей виднейших шляхетских фамилий под гербами Топоров, Леливов, Лисовчиков, Равичей, Грифов, Шреняв [181], Абданков, Полукозов, Стремян (Strzemienow) и других. **Навой Тошинский** (Toczynski)**.** Один лишь Навой Тешинский (Teczynski) [182] сумел отбиться (obronna reke) и здоровым ушел с того побоища, а потом, заглянув (zawedrowawszi) в Рим, стал духовным [лицом] и был краковским деканом, хотя Кромер пишет, что и он был захвачен [в плен] вместе со Збигневом Олесницким, дедом того Збигнева, который потом при Ягелле был краковским епископом и кардиналом.

Король Казимир, обескураженный этим поражением своего войска и утратой рыцарей, послал [гонца] к валашскому воеводе Петриле, чтобы дал выкупить польских пленников (ибо было захвачено очень много польских паничей), чего легко и добился за деньги. И это было первое поражение поляков от валахов в 1359 году в предательском Полонинском лесу, а второе в 1497 году при польском короле [Яне] Ольбрахте в злополучной Буковине, о чем будет ниже.

Бранденбургский маркграф, цесаревич (cessarzowic) **Людовик, в Литве.** В 1360 году прусский магистр Винрих Книпроде, усиленный прибытием нового немецкого войска [во главе] с маркграфом Бранденбурга Людовиком, сыном императора Людвига [Баварского], отправился на Литву, поставив гетманом над всем войском великого орденского маршала Шиндекопфа, и воевал Литовские и Жмудские края. **Шиндекопф, маршал и гетман.** Потом со множеством пленников и трофеев вернулся в Пруссию. Но в том же году в начале зимы снова обратился на Литву в другом месте, где разорял окрестные волости и выводил в Пруссию добычу и пленников. А в третий раз возвратился с еще большим немецким войском в еще не тронутый третий район Литвы. **Литва и Жмудь жестоко разорены.** И этими тремя походами так жестоко повоевал эти земли, что опустела большая часть Литвы, оставшаяся без людей и селений.

Злополучный (nieborak) Кейстут, князь Жмудский и Троцкий, побуждаемый жалостью к разоренной отчизне, собравшись как можно быстрее, со своими трочанами и жмудинами ударил на орденское войско, в третий раз уходившее в Пруссию с добычей с пленниками. **Кейстут захвачен в битве.** И хотя он достаточно храбро сражался, но из-за множества панцирных немецких полков был окружен со всех сторон и пойман. И из-за поимки Кейстута этот третий орденский поход на Литву оказался славнейшим над другими, как пишут Длугош и Меховский (кн. 4, гл. 26). **Кейстут выкупился пленниками.** Но в том же году Кейстут, дав за себя много христианских пленников, набранных в Пруссии, был выпущен из заключения у крестоносцев и во здравии вернулся в Троки.

Чудо. В 1361 году некий Павел, монах доминиканского ордена, на проповеди у Фары [183] в Кракове открыто заявляя, что Дева Мария родила в первородном грехе, упал с амвона и тут же скончался.

Когда во Львове [появился] **архиепископ.** В том же году польский король Казимир от папы Урбана [184] получил разрешение поставить на Руси архиепископа с пожалованием приходской кафедры в городе Львове.

Первый львовский архиепископ, польский шляхтич Кристин (Cristinus) был посвящен в сан гнезненским архиепископом Якубом Свинкой при короле Казимире [185].

Генрих Крамфельт — гетман [в походе] **на Литву и на Русь.** В том же году прусский магистр Винрих фон Книпроде поставил гетманом над немецким и прусским войском великого комтура Генриха Крамфельта [186] и отправил его на разорение русских земель, как пишет Меховский в кн. 4, гл. 26. А когда его предприятию помешали наводнения (potopy) от частых нескончаемых дождей, чтобы этот поход не прошел зря, [он] двинулся с войском в литовские края. И когда начал их воевать огнем и мечом, сразу же Ольгерд, Кейстут и его сын Патрик, внезапно появившись с литовскими и жмудскими войсками, ударили на беспечное орденское войско, не ожидавшее неприятеля, и сошлись с немцами в жестокой битве. **Битва литовцев с немцами.** Долго переменчивое счастье возможной победы перелетало от одной стороны к другой, но в конце концов победа склонилась к немцам, которые превосходили литовцев вооружением и укрепленным лагерем, и эту победу приумножило второе пленение Кейстута. Ибо Кейстут, исполняя обязанности умелого и мудрейшего в деле гетмана, а также храброго и дельного рыцаря, сам направлял

поредевшие и смешавшиеся литовские полки. И когда он один на один схватился с опоясанным рыцарем, крестоносцем Генрихом Экерсбеком (Hekierzbekiem) [187], то был им сбит с коня копьем, и вот так живым попал в руки немцев. **Кейстут в поединке захвачен второй раз. Об этом читай Меховского, кн. 4, гл. 26, стр. 263.** А его сын Патрик, когда пробился сквозь немецкое войско, желая спасти отца и отбить из плена, тоже был копьем сбит с коня другим крестоносцем, Генрихом Хобертом (Hobert) [188]. Но когда немцы хотели его захватить, литовцы двинулись на них с сильнейшим натиском, бились с немцами насмерть, отбили его и спасли прямо из середины орденского войска и, отбиваясь, ушли с ним с этого побоища.

Крестоносцы тоже вернулись в Пруссию с победой и добычей, ведя с собой захваченного Кейстута, князя Троцкого и Жмудского, привезли его в Мальборк, связали цепью и путами и посадили в тюрьму, в крепкую камеру (do mocnego sklepu). ***Miecho[vius]: Kieistut in castrum Mariemburg delatus, illic in testudine forti vinctus catenatus etc.*** *Меховский: Кейстута поместили в замок Мариенбург в крепкую камеру и приковали цепями.* Но тяготы этого заключения он терпел только два дня, ибо один недавно окрещенный литвин, живший в Мальборке, дал ему совет и снаряжение, [с помощью которого он мог] освободиться от пут и цепей и выломиться из каменного склепа. **Пример прирожденной любви к своим** [соотечественникам]. Кроме того, верно ему помогая, он дал ему белый плащ с черным крестом, [который носят] крестоносцы согласно их обету или форме (noszenia), а также кинжал и коня. И так он средь бела дня выехал себе из замка через город в орденском уборе (ubierze) и обманул всех: магистра, крестоносцев, комтуров и мальборкских горожан [189]. А если кто и встречал его, едущего себе по дороге, все ему кланялись как крестоносцу. **Кейстут бежал из плена в орденском облачении.** А потом, когда въехал в большую и густую чащу, загнал коня в одну болотистую лужу и несколько дней скрывался в лесу, опасаясь немцев, которые, узнав, что он бежал из плена, погнались за ним из Мальборка. И, из-за погони не смея идти днем, всю ночь напролет брел пешим через густые леса. Потом, плохо представляя, в каком направлении ему идти в Литву или же в Жмудь, заблудился в лесу, ибо шел не по дороге, а через густые леса и болотные топи, ориентируясь по солнцу и питаясь, где мог. [Наконец], заблошивевший и чумазый, голодный и в изорванной в клочья одежде, будто разбойник, оказался в Мазовии у своей дочери Анны или Дануты, которая была замужем за мазовецким князем Янушем [190]. **Кейстут пришел к дочери.** Узнанный ей в этой великой нужде, он был там прекрасно принят с большой радостью и весельем. Отдохнув от трудов несколько дней, отхлеставшись [веником] в бане и поправив пошатнувшееся здоровье прописанными [врачами] питьем и едой, он был с почетом отправлен в Литву на конях, с возами и с эскортом (pocztem) дворян княжества Мазовецкого. **Кейстут поправился после плена.** Вся Литва и [его] братья были очень утешены этим возвращением, на которое уже мало надеялись. ***Magno solatio tam fratribus quam genti fuit.*** *(Были очень удовлетворены [возвращением] своего брата, как и весь народ).*

Желая немедля отомстить за свое пленение, [Кейстут] собрал большое войско из литовцев и жмудинов и вторгся в Пруссию, где сначала осадил замок святого Яна [191] и, сильно штурмуя, добыл его, взял большие сокровища, немцев перебил, других повязал, а замок разрушил и сжег. ***Castrum S. Ioannis conquisivit et incendit.*** Оттуда двинулся к Гданьску, огнем и мечом разоряя все волости, и, захватив гданьский замок, сжег его, пленив

тамошнего комтура Яна Коллина и многих других крестоносцев [192]. ***Miech: ab inde ad castrum Dancik venit.*** *(Мех[овский]: оттуда пришел к замку Данциг).* **Кейстут взял три замка в Пруссии.** Потом подступил к третьему замку Эккерсберг (Hekhersberg) [193] (которым владел рыцарь Генрих Экерсбек (Hecherberg), в прошлой битве сбивший его с коня и захвативший в плен) и пустил на штурм литовцев и жмудинов с лестницами, которые ворвались в замок, перебили в нем немцев, прорубили и высадили ворота и сожгли их вместе с замком [194]. ***Militis que spoliis onustus redibat.*** *(Солдат, возвращающийся с грузом трофеев).* А когда Кейстут с добычей и пленниками уже возвращался в Литву, его догнали два комтура, один из Растенбурга [195], другой из Бартенштейна, и войско ордена с громким криком ударило на литовское войско.

Битва литовцев с немцами. И обе стороны храбро и запальчиво сошлись в бою; немцы стремились отбить добычу, литовцы защитить ее и самих себя во вражеской земле. Но, как говорят в народе, каждая собака намного храбрее на своем дворе; крестоносцы взяли верх над литовцами, отбив добычу и пленных. Там в третий раз случилось то, о чем Длугош, Меховский (кн. 4, гл. 26, стр. 243) и прусские хроники свидетельствуют такими словами: *Dux ipse Kieistut equo a Wernero de Windeken deiectus pedester audacissime pugnans, deiectoris sui equo interfecto per commendatorem de Niessowa vulneratus a commendatore de Baetenstein capitur, etc.* Самого жмудского князя Кейстута, когда он верхом там и сям пробивался сквозь немецкие полки и вел своих людей в бой, сбил с коня копьем рыцарь Вернер фон Виндекен. **Сбитый с коня Кейстут обороняется пешим.** А когда он пешим мужественно и смело защищался и убил коня под Вернером Виндекеном, который его сбил, он был ранен комтуром Нешавы, а другим комтуром из Бартенштейна захвачен в плен в третий раз. **Кейстут ранен в бою и захвачен в третий раз.** Однако вскоре он в третий раз бежал из плена и пешком ушел в Литву, обманув крестоносцев, которые не слишком ревностно его стерегли. Из-за этого у крестоносцев потом были великие свары (poswarki) и взаимные подозрения, когда один на другого валил вину в неумении удержать Кейстута в плену. ***Miech: Kiejstut iterum Crucigeros fallens, de qua apud cos magni morsus habebantur capiuitatem evadens in Litvaniam pervenit.*** *(Меховский: Кейстут снова обманывает крестоносцев и очень досадил им, сумев бежать из плена в Литву).* Все эти подвиги Кейстута, его пленения, хитроумные побеги (wyfiglowanie) из мальборкского плена и другие опасности, [люди,] несведущие в истинной истории, особенно сами литовцы и русские, ошибочно приписывают Витовту (Witultowi), сыну Кейстута, который в то время еще и на войне-то не бывал. Только другой его брат, Патрик, славными рыцарскими подвигами в те времена известен нам и по русским хроникам, и по Длугошу, и по Меховскому. Но Кейстут, второй Уллис, Гектор, Диомед и литовский Сарпедон (Carpedon) [196] затмил и превзошел и своих братьев, кроме одного Ольгерда, и своих сыновей рыцарскими подвигами и важнейшими набегами на Пруссию (которую воевал аж до самого Гданьска), и, пока был жив, хитроумно троекратно освобождался из орденского плена. Его слава достойна вечной памяти, хотя в течение 197 лет и до этого 1575 года, когда мы это пишем, сидя по темным закуткам, время не было к нему благодарно [197], как и к другим великой отваги литовским князьям, о которых иной природный литвин прежде и не слыхивал. Однако в наше время возможности шире и благоприятнее, они позволяют спасти истину из неподобающего ей пленения в этих безднах истории, полностью восстановить и должным образом изложить.

Ковно осажден. А в 1362 году прусский магистр Винрих фон Книпроде, собрав большое немецкое войско как из империи, так и из добровольных пилигримов из Чехии, из Силезии, из Франции, из Англии, из Дании, из Рейна, из Вестфалии и прочее и из Прусской земли, в начале весны собственной персоной отправился в Литву, где первым делом осадил замок Ковно и добывал его со всех сторон. **Мех**[овский]**, кн. 4, гл. 27.** А литовские князья Ольгерд, Кейстут и Патрик, желая отбить немецкую осаду, в четверг после второго воскресенья великого поста (18 марта) ударили на их лагерь. **Литовцы** [терпят] **поражение под Ковно.** И когда обе стороны храбро сошлись и упорно бились, поле боя осталось за немцами, а литовцы со своими князьями вынуждены были уступить. После того, как они оплошали, магистр Винрих еще настойчивее и упорнее добывал Ковно, разваливая стены таранами и подкопами и постоянно ведя огненную стрельбу (strzelbe ognista). Потом, в пасхальную субботу [198] (17 апреля), подкопав стены (mury) и, в нескольких местах огненной стрельбой подпалив стены (sciany) [199], башни и строения, крестоносцы взяли Ковенский замок. Но, когда крестоносцы бежали на штурм, на них рухнула подкопанная стена, и очень многих из орденского войска завалила и задушила, а в горящем замке огромное множество литовцев, оборонявших частокол (blankow), сгорело в огне. **Ковенские стены обвалились из-за подкопа и побили штурмующих немцев**. **И поныне литовцы и жемайты поют об одном князе Гедройцком, который во время этой осады жалуется, говоря, что не так ему жаль замка, как горящих в огне храбрых рыцарей и бояр** [200]**. Этот князь Гедройцкий был их гетманом.** Во время этой осады сгинуло три тысячи литовцев, убитых и умерших [от ран], а князь Войдат, сын Кейстута, там же в Ковно был пленен с тридцатью шестью виднейшими литовскими боярами. **Войдат Кейстутовач захвачен** [в плен]. Меховский об этом пишет (кн. 4, гл. 27), что крестоносцы в тот раз добывали Ковно с орудиями и с огнистой стрельбой, как он называет, *machinarum creba contusione et telorum ignitorum proiectione (многочисленные боевые машины и огнестрельное оружие)*, из чего следует, что уже в то время у них начинало входить в употребление огнестрельное [оружие], пушки и ружья, которыми они истребили еще больше литовцев [201].

Назавтра, в хвалебное воскресенье, на пасху, там же на ковенском городище крестоносцы праздновали святой день Воскресения Господня, а мессу отслужил самбийский епископ Бартоломей [202]. **Ковно взят в пасхальную субботу.**

В пасхальный понедельник, развалив до основания стены [Ковенского] замка и сравняв все рвы с землей, магистр Винрих с войском двинулся к замку Писта (Pisteny), который нашел оставленным литовцами, и велел его сжечь. **Пистен** (Pisten) **сожжен.** А прибыв и подступив к третьему замку Велюоне (Wielony), постоянными штурмами на четвертый день [203] взял его, и потом от Велюоны со множеством пленников и добычей вернулся к Мальборку. **Велюона взята.** В то же время огненная комета держалась целых пять недель [204].

Голод в Польше и Литве. В том же 1362 году царил великий голод: в Литве от частых войн и орденского разорения, а в Польше от неурожая и смертности от морового поветрия [205], когда некому было работать на земле. Но в Польше королю Казимиру было легче усмирить этот голод, так как его фольварки и гумна были полны всяким зерном от урожаев прошлых лет; богатым он велел продавать за деньги по справедливой [цене], а

убогий люд брал зерно в обмен на скот и другое имущество. Другие же, по большей части не имевшие ни денег, ни на что обменять, вынуждены были за еду наниматься на всякие работы. **Хозяйствование польского короля Казимира.** Вот так в то время польский король Казимир, подобно египетскому Фараону времен Иосифа, очень многие города и замки и все, что в Польше походило на каменные укрепления, обвел стенами, валами и рвами; понастроил плотин, прудов, садков, труб [для водопроводов] и церквей во хвалу и славу Господа Бога, а всем работникам и непраздным беднякам выдавались продукты (dostatki) из королевских фольварков. **Бытие, 41.** Вот так в те злые времена он и людей спас от голодной смерти, и постоянного (wiecny) имущества короне прибавил, и в казну свою подсыпал немало денег, которые потом очень ему пригодились для дела, когда свою внучку Эльжбету, дочь щецинского князя Богуслава, рожденную от Эльжбеты, внучки Гедимина, в том же году выдавал замуж за императора и чешского короля Карла.

Славная свадьба в Кракове. На этой славной свадьбе, которую с великой пышностью справляли в течение 20 дней [206], был император Карл с немецкими, чешскими и моравскими панами и графами; короли Людовик Венгерский, Сигизмунд (Sigmunt) Датский и Готский [207], Петр Кипрский; а также князья Баварские, Земовит Мазовецкий, Болеслав Свидницкий, Владислав Опольский и Богуслав Щецинский со своей дочкой Эльжбетой, нареченной императора, внучкой Казимира и правнучкой Гедимина, великого князя литовского. И всех этих королей и князей со всеми гостями несколько дней принимал в своем доме один краковский горожанин, ратман (rajca) по имени Вержинек (Werinek), который был королевским экономом (szafarzem). И всех [гостей] щедро одарил, а самому Казимиру, королю и своему господину, дал подарки, которые в золоте оценивались в сто тысяч золотых. **Подарок в 100 000 золотых червоных.** На этой же свадьбе все эти короли и император, отринув прежние распри, под присягой учинили между собой вечный мир.

Жмудь жестоко повоевана. На другой 1363 год прусский магистр Винрих, когда ему на помощь прибыл баварский граф Вольфганг с немецким войском, в день святой Агнешки снова отправился [в поход] на Литву. И, распустив в разные стороны несколько загонов конных рейтаров (rejterow) [208], повоевал Жмудь и Литву очень жестоко, особенно же огнем, мечом и грабежами были разорены повяты: Панреимский, Эроглемский (должно быть, Эрайгольский) и Ламбимский [209]. А с другой стороны в Литву на помощь прусскому магистру Винриху прибыл лифляндский магистр со всем своим орденом и лифляндскими войсками и разделил свое войско надвое: одними полками предводительствовал сам лифляндский магистр, а другими его маршал [210]. **Лифляндский магистр разоряет Литву.** Затем, соединившись с прусскими и баварскими войсками, все трое вдоль и поперек воевали все литовские края, где из-за их великой мощи литовские князья не смели вступать с ними в открытый встречный бой и только из укрытий налетали на немецкие обозы. Наконец, отягощенные большой добычей и с целыми толпами пленников прусский магистр Винрих с графом Баварским вернулись в Пруссию, а лифляндский магистр со своими комтурами — в Лифляндию.

Немцы побиты под Гродно при штурме. А великий маршал прусский, упомянутый Генрих Шиндекоп, со свежим войском, только что прибывшим из Германии, решил вернуться (odwrot uczynil) в Литву. И когда он осадил замок Гартин или Гродно над

Неманом, то провел несколько штурмов, но был отбит князем Патриком, сыном Кейстутовым, который в то время заперся в Гродно и храбро оборонял замок, убив очень много немцев. И прусский маршал, вынужденный отказаться от осады, разорив гродненские волости, с пленниками и с добычей вернулся в Пруссию [211].

Литовцы зря ремонтируют Ковно. В 1364 году литовские князья бревнами (drzewem) и дубовыми кольями починили разрушенный Ковенский замок, а для защиты замка построили на реке Неман большой мост [212]. Но прибывший с немецким войском комтур из Рагнеты, когда литовцы разбежались от строящегося замка, все эти строения выворотил из земли и сжег.

[Замок] **Писта сожжен.** Тогда же прусский магистр Винрих с еще большим войском подступил под замок Писта (Pistow) и, найдя его пустым, ибо литовцы из него сбежали, тоже сжег.

Велюона в четвертый раз взята немцами. Потом подступил с войском к замку Велюона и добывал его усиленными штурмами. **Значит, литовцы снова отстроили Велюону.** Приказав сложить огромную кучу сухих дров в качестве подмета под частокол и запалив этот стог дров, да к тому же и сильный ветер помогал ему разгореться получше, [магистр] сжег Велюонский замок, где в огне сгинуло очень много литовцев, и вот так овладел им. **Велюонский староста Гаштольд пойман и убит.** Взятый [в плен] замковый староста Гаставдус (как зовут его Длугош и Меховский) или Гастальдус, а по-нашему Гаштольд, когда его вели к палатке маршала, [прямо] в руках тех, кто его вел, был убит немецкими ландскнехтами, поссорившимися из-за его поимки [213].

Кейстут разоряет Пруссию. Мех[овский]**, стр. 244.** Как только орденские войска вышли из Литвы в Пруссию, князь Кейстут собрал войско из жмудинов и из трочан и с ними тайными тропами вторгся в Пруссию. [Кейстут] повоевал и опустошил все земли около Георгенбурга (Jurgemborku) и, набрав очень много добычи и пленников, вернулся в Литву без помех, разве что комтур Георгенбурга [214] поймал в чаще некоторых литовцев, припозднившихся за войском. **Георгенбург или Юрборг** (Jurborg) **по большой дороге** (gosciencu) **от Кёнигсберга 12 миль, от Инстербурга полмили** [215]**. Там в 1580 году я сам видел, что одна башня этого замка раскопана литовцами.**

Кейстут поразил немцев в Жмуди. Потом, когда прусский маршал воевал Жмудь, Кейстут, собравшись с литовцами, ударил на его войско, которое шло позади, побил его, поразил и отбил всю добычу и жмудских пленников, а потом запальчиво и смело двинулся на главное немецкое войско, в котором был сам великий маршал Генрих Шиндекоп. Но маршал, видя, что литовцы разгромили вспомогательное войско, [шедшее] сзади, бросил остаток награбленной добычи и с оставшимся войском бежал в Пруссию.

Суровая зима. В том же году в Литве и в Польше была такая суровая зима, что от зимних [холодов] домашний скот, зверье в лесах и птицы издыхали, а также плодовые деревья в садах посохли.

Кейстут взял Ангерборг и разорил Пруссию. В 1365 году Кейстут, князь Жмудский, Троцкий и Подляшский, собрав из литовцев и жмудинов большое войско через скрытые лесные и тайные стежки (scieszki) вторгся в Пруссию и силой захватил замок Ангерборг (Angerborg) [216]. Разорив окрестные волости, он уже въезжал в Жмудь с добычей и пленными, когда его догнали крестоносцы с войском, с великим фогтом Самбийской земли [217] и некоторыми комтурами. **Эрайгольский** (Erajgolski) **повят разорен немцами.** Но когда они не смогли отбить и отнять захваченную Кейстутом добычу, разорили Эрголенский (должно быть, Эрайгольский) повят и с взаимно награбленным вернулись в Пруссию.

Литва жестоко повоевала Пруссию. Потом в том же году четыре литовских князя: великий князь Ольгерд, Кейстут, Патрик и Александр [218], собрав большие и сильные войска и [разделелив] начетверо (czworakimi) полки и загоны, вторглись в Пруссию, где повоевали все пограничные края жестоким и свирепым разорением. И, взяв замки Рагнит (Ragnety) и Тильзит (Telze) [219] и попалив много других окрестных местечек, там же в Пруссии приносили свои богам кровавые жертвы скотом по языческому обычаю. **Литовцы захватили Рагнит, большой замок над Неманом, который я и сам видел, в миле от Тильзита** [220]. А потом, не встретив себе никакого сопротивления, увели в Литву восемьсот христианских пленников и семьдесят больших коней фризов [221] с различной добычей.

Немцы воюют Литву. Мстя за эти беды, прусский магистр Винрих тоже во многих местах повоевал Литву одними лишь [силами] своего ордена и прусского рыцарства. И, пока литовцы укрывались в лесах и в замках, огнем и мечом учинил немало бед и ушел в Пруссию с немалым числом пленников.

Князья Свидригелло и Бутав, сыновья Ольгерда, уехали в Пруссию и окрестились. Потом Длугош и Меховский (кн. 4, гл. 28, стр. 246) упоминают, что в то же время Свитрил и Бутав, родные братья литовских князей Ольгерда и Кейстута, с некоторыми своими боярами заехали в Пруссию и приняли веру христианскую, окрестившись в Кёнигсберге. Но у Ольгерда и Кейстута не было других братьев, кроме Монивида, Наримунта, Кориата, Любарта и Явнута. Вот поэтому Свитрил, которым может быть Свидригелло (Swidrigel), и Бутав были не братья и не сыновья Ольгерда, а [сыновья] Кейстута, которые из-за какой-нибудь кривды могли заехать в Пруссию [222]. И если захочешь сравнить хоть тысячу хроник и генеалогий, не найдешь иначе. Возможно, здесь ошибся переписчик экземпляра [хроники] Меховского или же типограф, как это бывает у простолюдинов.

Немцы разоряют Литву. Прусский магистр Винрих, снова отправившись в Литву, захватил и сжег несколько замков и с добычей вернулся в Пруссию. **Литовцы разоряют Пруссию.** А литовцы, как только он вышел из Литвы, тоже вторглись в Пруссию и тайными дорогами подступили под замок Норденбург [223], где, застав людей врасплох, учинили очень много бед огнем, мечом и грабежами. Побив и повязав немцев, одних они зарубили, а других связанными отправили в Литву вместе с разнообразной добычей.

Крестоносцы разоряют Литву и Жмудь. На другой 1366 год прусский магистр Винрих, взяв в помощь немалые войска из Германской империи и из других королевств: из

Франции, из Англии и прочих, которые прибыли на священную войну, и набрав немало солдат, за деньги приехавших из Силезии, из Чехии и из Саксонских княжеств, с огромными силами направился в литовские и жмудские земли. И в течение одного года воевал их дважды, [каждый раз] возвращаясь в Пруссию после того, как набирал много добычи и пленных. **Кейстут воюет Пруссию.** Погнавшись за ними, князь Кейстут так молчаливо и тайно вторгся в Пруссию, что чуть было не захватил замок Инстербург, а инстербургский комтур [224], который в то время уже собирался обедать, чуть не угодил в западню. **Инстербург, большой замок, построенный над рекой Инструч** (Istra) **в 12 милях от Кёнигсберга.** И вот так и замок еле оборонили, и комтур едва убежал, однако всех коней и вещи комтура литовцы забрали. ***Мех****[овский]****, стр.*** **246.** И, спалив предместья Инстербурга и огнем и мечом повоевав, выжегши и обобравши два повята: Велау и Тапиау [225], [Кейстут] вернулся в Литву со множеством стад, скота, пленников и разнообразной добычи.

Крестоносцы построили замок Христмемель между Ковно и Юрборком. Из-за этих обид прусский магистр Винрих в третий раз за год отправился в [поход на] Литву и, углубившись в неприятельскую землю, все те волости, где когда-либо проходил с войском, разорил и повоевал. И, желая на будущее перекрыть и загородить литовцам тайные и хитрые тропы, которыми те привыкли совершать набеги на Пруссию, построил замок Христмемель и мост на реке Мемель или Неман. Это строительство князь Кейстут дважды хотел пресечь (przeszkodic), совершая набеги на немецкое войско и тревожа рабочих, но, отбитый и отброшенный, вынужден был угомониться.

Глава девятая

О походе польского короля Казимира Великого против некоторых литовских князей на Волынь, о разорении Кейстутом Мазовии и о взаимных войнах литовцев с крестоносцами в году 1366 и других

Польский король Казимир, прозванный Великим, установив вечный мир и родство с императором Карлом, чешским королем, задумал прибрать к рукам и присоединить к Польше остатки русских земель, а особенно Луцкую, Белзскую, Холмскую, Олескую и Владимирскую. Этими землями и замками уже лет четырнадцать или пятнадцать, как считают Меховский и Кромер, владели литовские князья — при благожелательном отношении руссаков. Итак, в 1366 году после дня святого Иоанна Крестителя (24 июня) [король] собрал большое войско со всего королевства Польского и сначала вторгся в Белзскую землю. Там к нему приехал правитель (dzierzawca) Белзского края, литовский князь Юрий (Jorgi) Наримунтович и, ублажая короля ласковыми речами, вызывался быть не врагом, а данником польским и, окрутив (oszydzywszi) короля хитрым фортелем, как пишет Меховский, добился, чтобы Белзскую землю оставили в покое, так что в его земле поляки никаких враждебных [действий] и не начинали. Кроме того, король Казимир еще и прибавил ему Холмский повят и замок Холм, выторгованный (wydarty) литовцами. **Поляки позабирали замки на Волыни.** А когда о милости просил владимирский князь Любарт, в крещении названный Федор [226], король не захотел этого позволить, но сразу же с войском вторгся в его державу на Волынь и двинулся далее до Владимирского края, где, не получив никакого отпора, силой взял замки Луцк, Владимир и Олеско и легко овладел

другими пригородками, которые сами сдались. И выгнав так с Волыни Любарта Гедиминовича, брата Ольгерда и Кейстута, и покорив и приведя в подданство (zholdowawszi) весь этот край, [король] милостиво дал его подольскому князю Александру, сыну новогрудского князя Кориата Михаила [227], внуку Гедимина, как свидетельствует Кромер в кн. 12. Однако Меховский, муж сведущий и широко образованный, полагал, что этот Александр был сыном Кейстута (кн. 4, гл. 12, стр. 231). Но тот Александр был сыном Кориата, а не Кейстута, как по Длугошу и Кромеру, так и по другим хроникам и Летописцам Русским [228]. **Предосторожность поляков** [по отношению] **к Александру Кориатовичу.** А чтобы заставить этого Александра Кориатовича хранить верность и дружбу постоянно, Казимир заселил (ossadzil) поляками Луцк и Владимир [229]. А потом Владимирский замок, который прежде был деревянным, прилежно (chedogo) обнес кирпичной стеной с башнями. И Александр Кориатович впоследствии был верен дружбе с королем Казимиром. **Юрий Наримунтович** [выступает] **против поляков.** А белзский князь Юрий Наримунтович**,** внук Гедимина и племянник Ольгерда, верности не сохранил и в итоге (na ostatek) несколько раз покушался силой давать отпор королю Казимиру и полякам. И часто из Белза вместе с другими литовскими князьями совершал набеги на польские края, как о том будет ниже.

В Бытоме пропала серебряная руда. Тогда же в 1367 году в польском королевстве сгинули немалые сокровища. Когда бытомские горожане в яростной запальчивости утопили своего приходского священника Петра и проповедника Миколая, на них тут же обрушилась месть Господа. Серебряная и оловянная руды, которые до этого щедро добывали в Бытомских горах, сразу же сгинули и пропали [230], о чем Длугош и Меховский (кн. 4, гл. 23, стр. 246), Кромер (кн. 12), о том же самом Герборт (кн. 10, гл. 10) [231] и другие.

Немцы разоряют Литву. В том же году прусский магистр Винрих, собрав немалое войско из своего прусского рыцарства, передал его под начало великого прусского маршала Генриха Шинденкопа, который, вторгнувшись в литовские земли, быстрыми загонами жестоко повоевал пять повятов, до самого Ковна грабя и разоряя все, что ему попадалось, и вывел в Пруссию восемь сотен пленников и коней, а также табуны и стада [232] различного скота.

Литовцы воюют Мазовию. А так как литовцы предполагали, что эти беды от крестоносцев [происходят] по подстрекательству епископа Плоцкого [233], сразу же жмудский князь Кейстут, собравшись с боярами Троцкими, Гродненскими, Суражкими (Suraskimi) и Брянскими [234], в 1368 году двинулся на Мазовию и окружил Пултуск (Poltowsk) [235], замок и город плоцкого епископа. А так как город не был укреплен, литовцы тем легче обобрали его и спалили, а потом усиленно добывали замок, который мужественно защищали мазовецкая шляхта и мещане Пултуска. **Пултуск сожжен.** Литовцы же, взяв древесину из остатков сожженного города, обложили ей замок и соседние рвы, устроив подметы [236] (szancujac sie podmiotami), а потом, когда подожгли эти стога дров под стенами и во рвах, а ветер тогда веял на замок, стены от огня началили падать и валиться. И в конце концов и люди в замке поджарились (sie skwarzyli), так что большая часть их сгорела вместе с замком, а которые выбежали из огня, одних литовцы посекли, других повязали. Потом, распустив по окрестным волостям загоны,

беспрепятственно грабили, получив большую добычу, с которой бежали в Литву, уводя толпы пленников, табуны и стада [237] всяческой живности.

В 1369 году прусский магистр Винрих, двигаясь с войском в Литву, приказал одновременно везти на судах известь и кирпич вверх по Неману, намереваясь основать замок где-нибудь в Литве. И когда прошли по Неману милю или полторы от Ковно, нашли достаточно нужного для строительства [каменных] стен материала, заготовленного литовцами также для строительства нового замка либо для восстановления разрушенного Ковно.

Немцы строят замок Готесвердер в миле от Ковно. На том самом месте магистр Винрих тут же начал строить замок и закончил его за шесть месяцев: со стенами, с башнями и с внутренними постройками, и дал ему имя Готтесвердер, то есть Божий Остров. И, укрепив его и разместив мощный гарнизон из немецких рыцарей, сам с войском в Праздничный (Swiateczny) день [238] там и сям повоевал и спалил окрестные литовские земли.

Готтесвердер разрушен. Вскоре после этого магистр с немецким войском двинулся в Пруссию, и тут же князья Ольгерд и Кейстут, распалившиеся и побуждаемые справедливым гневом из-за строительства этого замка в своей земле, с огромным литовским войском осадили новый замок Готтесвердер. И днем и ночью непрерывно штурмуя его целых пять недель, взяли его силой, большую часть немецких солдат перебили и посекли, других захватили в плен и бросили в темницы, а замок разрушили до основания.

Замок Байер сожжен. Потом в том же году в Литву с большим войском двинулся прусский маршал Генрих Шиндекоп, осадил замок Байер[бург] [239] и непрерывно и жестоко штурмуя, овладел им. Тогда князь Кейстут прислал к нему своих послов, убеждая его немедленно вернуть ему замок Байер (Bejery), иначе он добьется этого силой, а [все] немецкое войско перебьет. Выслушав это дерзкое посольство, маршал Шиндекоп тут же перед послами Кейстута сжег и замок Байер и вместе с ним девять сотен литовцев [240], а других повязал. Поэтому князь Кейстут стал к нему поласковее и попросил переговоров, на которых решили, что пленных с обеих сторон обменяют и отпустят. И Кейстут тут же пригрозил, что в этом году [241] тоже собирается наведаться в Пруссию. **Мех[овский], стр. 247.** ***Sed tunc Dux Kiejstut comminatus est pro anno futur o aduenturum, etc.*** *(Но герцог Кейстут тогда угрожает прибыть на будущий год, и т. д.).* Побуждаемый этой угрозой, магистр Винрих в том же году дважды за зиму [242] отправлял в Литву с войском маршала Генриха, который оба раза огнем и мечом жестоко воевал литовские и жмудские повяты, терзая (udreczyl) людей.

Литовцы крушат немцев. В 1370 году князь Кейстут, желая исполнить свое обещание и осуществить прошлогоднюю (takrocznej) угрозу, когда он грозил маршалу на следующий год взаимно наведаться в Пруссию, собрал огромное войско из русских и из татар, которых призвал на помощь, а также из жмудинов и из литовцев, и так с этими большими полками конных и ротами пеших они вместе с братом Ольгердом двинулись в Прусскую землю. И там, разделив войска надвое, сначала разорили, обобрали и выжгли Самбийский

повят, потом подступили с войском к замку Ортельсберг, который захватили и сожгли. **Самбия, где Кёнигсберг.** Оттуда, прибыв к другому замку, Рудаве [243] или Ровдину (do Rudowa albo Rowdina), расположились в поле лагерем и разбили палатки. И, распустив по Пруссии загоны в разные стороны, разоряли, грабили, резали и жгли все, что им попадалось.

В то воскресенье 1370 года, в которое поют ***introit*** (18 февраля), как пишет Меховский: ***Exurge quare obdormis Domine*** [244], магистр Винрих ударил на литовское войско со всеми своими прусскими силами, со множеством рыцарей, прибывших из империи и из других чужеземных стран, и, наконец, со всеми мещанами и пахарями, взявшимися за оружие. ***Et atroci pugna commissa.*** *(И отчаянно стремились в бой).* И когда обе стороны сошлись в жестокой и свирепой битве, она длилась ровным счетом до полудня. Наконец, литовские князья трубами дали своему войску сигнал: отбиваясь, отступать с добычей в соседние леса. ***Мехо****[вский]* ***: Duces Lituaniae dato signo receptui*** *(Литовский герцог дал сигнал к отступлению)*. И вот так они бежали с поля не окончательно побежденными, а поле боя осталось за крестоносцами. Однако великий маршал прусский Хенниг Шиндекопф (Henrik Shindekop) [245], жестокий гонитель (najezdnik) и разоритель литовский, был там убит литовцами, и с ним полегло 25 орденских братьев, рыцарей Тевтонского ордена. А убитых литовцев на поле остались тысячи [246].

Глава десятая

О женитьбе Кейстута

Рассказ летописцев о Бируте, жене Кейстута. О женитьбе Кейстута Летописцы Русские [247] рассказывают так. Говорят, когда Кейстут правил в Троках и в Жмуди, он услышал, что в Паланге (есть такой город над морем Жмудским) была очень красивая (bardzo gladka) панна, дочка одного великого пана Литовского или Жмудского, по имени Бирута (Biruta), которая по языческому обычаю поклялась своим богам хранить чистоту до самой смерти, из-за чего и сама была простыми людьми почитаема за богиню. И, едучи с прусской войны, князь Кейстут заехал к ней сам, показалась она ему красива и достаточно умна, и там же попросил ее быть его женой. А когда она не хотела на это согласиться, отговариваясь тем, что клялась своим богам хранить чистоту до самой смерти, князь Кейстут, вскипев (zmocniwszy sie), силой взял ее из этого города [248] и с великим почетом проводил в свою столицу Новые Троки. Известив (obeslawszy) братьев князей, он устроил свадьбу и взял себе в жены Бируте (Birute) [249], с которой имел Витовта и других сыновей, как о том будет ниже [250]. А в Паланге (Polondze) над морем я сам видел урочище: высокая гора этой Бируты, которую жмудины и курши и ныне называют святой Бирутой и еще и по сей день в ее праздник приходят на урочище, на то самое место, куда и римский священник заезжает и имеет немалый доход со свеч и пожертвований. Хотя и неясно, как Бог примет эти пожертвования, ведь эта Бирута была язычницей. Но вернемся к нашему рассказу.

Жмудь разорена. Потом на помощь крестоносцам прибыл австрийский князь Леопольд [251] с немецким войском, с чехами, с венграми, с моравцами и силезцами. Усиленные его прибытием, великий магистр со своим орденом, разделив войска начетверо, вторглись в

Жмудь и выжгли почти все жмудские края, перебив старых людей и малых деток, а подростков и тех, котороые еще годились для работы, в великом множестве связанными увели в Пруссию.

Кейстут гонит магистра. А жмудский князь Кейстут, гонясь за магистром и его войском, отходящими с добычей, захватил замок Гозенланкен (Gozenlanken) [252] в Пруссии, обобрал его и сжег, и весь окрестный повят огнем и мечом опустошил и разрушил. И очень многих немецких людей обоего поголовья (poglowia) в заем других, повязав, с добычей и с полоном спешно отправил в Литву [253]. **Немцы воюют литовцев.** Но как только Кейстут вернулся в Литву из Пруссии, тут же комтур из Инстербурга Виганд Белдерсхейм [254] с войском вторгся в Литву, где обобрал и выжег села, прежде еще ни разу не повоеванные, и, набрав пленников и добычи, отступил в Инстербург.

Умер польский король Казимир. В том же 1370 году польский король Казимир, выехав на охоту в праздник Рождества девы Марии (как Кромер пишет в кн. 12, а Ваповский и Бельский считают, что назавтра), в 9 день месяца сентября [255], когда запальчиво гнал в лесу оленя, упал с коня и сломал себе левую голень. И на возу был привезен в Сандомир, а потом, когда уже впал в горячку (febre), препровожден в Краков. Потом, сделав как положено завещание и приняв святое причастие (Sakrament Panski), умер там 5 ноября и похоронен в замке, в церкви Святого Станислава, в мраморном гробу, на котором и ныне мы видим его изображение (wyobrazenie). Царствовал 37, а прожил 60 полных лет.

Глава одиннадцатая

О разорении Польши литовцами, захвате ими и возвращении древа Святого Креста и о Людовике, короле венгерском и польском.

Вельможному пану
пану Миколаю
Билевичу Станкевичу [256]*,*
земскому подкоморию
земли Жмудской

В 1370 году, узнав о смерти польского короля Казимира, литовские князья Кейстут с Любартом и с другими братьями двинулись с войском на Волынь и осадили занятый поляками Владимирский замок. Но, не сумев взять его первым штурмом, более не штурмовали и только стояли у стен.

Турский сдал замок. В то время старостой и ротмистром во Владимирском замке был некий Петр Турский из Лещицкой земли. Замок мог выдержать длительную осаду, ибо там было достаточно продовольствия, а никакой беды (gwaltu) еще не было. Но когда князь Александр Кориатович, племянник Ольгерда, Любарта и Кейстута (которому король Казимир дал было Волынскую землю, отобрав ее у его дяди Любарта) уехал в Краков, так как хорошо ладил с поляками, Петр Турский, не надеясь на помощь из Польши и устрашенный литовскими угрозами, выговорил себе свободный выход со своим

имуществом и добровольно сдал старый деревянный замок, который ему поручено было защищать. **Литва отняла Владимир.** А князь Любарт укрепил Владимирский замок своим литовским и русским рыцарством, ибо это был его собственный удел и к тому же еще и приданое его жены, княжны Владимирской. **Каменный владимирский замок разрушен.** А новый каменный замок, который польский король Казимир, наняв каменщиков, с великими затратами тщательно строил из обожженного кирпича целых два года и не закончил совсем чуть-чуть, князь Любарт вместе с фундаментом весь развалил до самого грунта, разрушил и сравнял с землей [257]. **Литва разоряет Польшу в междуцарствие (Interregnum).** А потом Ольгерд, великий князь литовский, Кейстут жмудский, троцкий и подляшский и Любарт волынский с готовым литовским и русским войском прямо от Владимира двинулись в Польшу.

Лысая гора. Пройдя через Люблинскую землю и повоевав в ней все волости, вторглись в Сандомирскую землю, которую тоже разорили и разграбили до самой Лысой горы, на которой есть знаменитая церковь с богатым монастырем. И когда обобрали монастырь и очень богатую церковь, взяли там среди прочего награбленного оправленную в чистое золото частицу (sztuke) древа Святого Креста, на котором висел господь Христос. **Чудо древа Святого Креста в литовском войске.** А когда с добычей и со множеством пленных возвращались в Литву, то сразу же, как пришли на польскую границу, которая отделяла Литву от Польши, случилось дивное и достойное памяти чудо. Тот воз, на котором вместе с другой добычей везли древо Святого Креста, вдруг остановился, будто бы его вкопали в землю, и никаким способом его никак нельзя было сдвинуть с места: ни припряжением нескольких цугов коней и ярм волов, ни с помощью множества людей. ***Длугош и Меховский, кн. 4, гл. 29. Кромер, кн. 13. Plaustrum enim quo crux cum caetera praeda uchebatur, nulla vi ne que jumentorum neque hominu loco moneri potuit.*** (*И никакие силы, ни скот, ни мужчины не могли сдвинуть воз с крестом и другой частью добычи*). А сверх того каждая скотина, кони, волы, а также люди, которые каким-то образом прикасались к этому возу, все сразу падали на землю и умирали. Поэтому литовские князья, изумленные и испуганные этим новым и удивительным происшествием, спросили, в чем причина этого дивного чуда и этого бедствия, обрушившегося на их умиравших людей, одного русина, как пишет Кромер, Меховский же считает (кн. 4, гл. 29, стр. 243), что своего жреца (kaplana) или литовского прорицателя (wieszczka) по имени Фламен (Flamen) [258]. **Более вероятно, что русского священника-христианина.** Тогда языческий прорицатель или русский священник (kaplan) поведал им, что воз с того места никаким способом не сдвинуть, а моровое бедствие на вас прекратится, если сначала древо Святого Креста отослать на свое прежнее место. **Польский шляхтич Хорабал выпущен с крестом на волю.** Тогда литовские князья сразу выпустили на волю одного захваченного польского шляхтича, Хорабала или Корабола (Chorabale albo Korabole), и с ним эту частицу Святого Креста в золотой оправе отослали в Лысогорский монастырь на прежнее место. А сами с остальной добычей и пленниками ушли в Литву.

Князь Мазовецкий обобрал (oszarpal) **Польшу.** Также и мазовецкий князь Земовит, как только услышал о смерти польского короля Казимира, позабирал замки, которые Казимир присоединил было к Польше [в качестве] наследства (spadkiem) [259], такие как Плоцк, Рава, Вишогруд, Гостынин и Сохачев.

Санток взят. Староста бранденбургского маркграфа Оттона Хассо [фон] Гухтенхайн, сын Хассона фон Веделя, тоже захватил замок Санток, который был вынужден сдаться, хотя его мужественно защищал Седзивой Слещинский [260].

Плохо без короля. Так поляки, на короткое время оставшись без короля и оказавшись стиснутыми с трех сторон, а особенно со стороны Литвы, отправили к венгерскому королю Людовику послов: краковского епископа Флориана и коронного канцлера Яна Стржелча (Strzelca). И просили его, чтобы немедленно приезжал править польским королевством, на которое он был назначен еще при жизни своего дяди Казимира, и присутствием своей особы высочайше успокоил безопасность королевства Польского со всех сторон. **Мудрый ответ короля Людовика.** Людовик долго от этого отговаривался, говоря, что «не подобает двум отарам или стадам иметь одного пастыря», и этими двумя государствами [261] трудно будит судить и управлять [одним] без ущерба для другого, либо без убытка для обоих. ***Regna plura non bene ab uno administrari.*** *(Не к добру [нескольким] королевствам управляться одним правительством).* Но в конце концов, пересиленный просьбами, согласился, приехал сначала в Сонч (Sadecz), а оттуда в сопровождении литовских панов [262] в Краков, и там же коронован гнезненским архиепископом Ярославом в замке в церкви Святого Станислава [263]. **Людовик Венгерский** [взят] **на королевство Польское.** Итак, начиная от Леха, первого князя-основателя народа польского и до смерти того Казимира Второго [264] Локетковича в течение девятисот или более лет Польша всегда имела князя и короля из своего собственного польского народа, кроме одного лишь Вацлава Чешского, короля, который перед Локетком недолго пробыл на королевстве Польском. **Ваповский считает началом правления Леха год от Христа 550, а Гаек [265] (Hagecus) 650, хотя другие полагают еще более древние времена.** Но этот Казимир Второй, умерший без мужского потомства, закончил [берущую свое начало] от Леха преемственность или наследование польских королей из польского народа. **Иностранные** (postronni) **короли в Польше.** Ибо [начиная] от Людовика Венгра и от его зятя литвина Ягеллы Ольгердовича в Польше до сих пор правят иностранцы. И ныне из его (Ягайлы) потомства есть королева Анна, вместе с королевством Польским отданная другому венгру, Стефану, воеводе семиградскому, который в этом 1579 году, которым мы и закончим нашу хронику, счастливо правит с королевой Анной, дочкой Сигизмунда и правнучкой Ягеллы [266].

Ныне у нас тоже неведомо как. В то время король Казимир заставил удрученных поляков очень сожалеть о себе. Ибо новый король Людовик, как чужеземец, не подпускал к себе ни одного поляка, и вел все дела через переводчика. **Король Людовик отдал шесть польских повятов или земель,** [оторвав их] **от Польши.** А так как он к тому же собирался присоединить [себе] земли, оторвав их у Польши, то сразу же после коронации отдал венгерскому воеводе Владиславу, князю Опольскому, несколько польских повятов: Виелунскую и Остржесовскую [267] земли, а также даровал ему Ольстинский, Крепицкий, Боболиченский повяты с замками и Бржезниченскую землю в Серадзском воеводстве.

Губернаторша в Польше. Потом на большие деньги учинив в Кракове погребение короля Казимира, поехал в Великую Польшу; оттуда, на два дня задержавшись в Гнезно, а также в Познани, быстро приехал в Краков, а из Кракова сразу же вернулся в Венгрию, оставив на своем месте губернаторшей в Польше свою мать, полячку Эльжбету, сестру

покойного короля Казимира, передав ей все дела короны. Вот так Эльжбета, старая венгерская королева, управляя своим невеликим разумом, выбрала в сенаторскую раду в Польше и возвысила молодых никчемных людей, а годных, лучших и подходящих мужей сместила с должностей и на их места посадила бесполезных прихлебателей [268]. **Так же учинил было Ровоам. 2-я Паралипоменон 10, 3-я Царств 12, 3-я Царств 14 и 2-я Паралипоменон 12.**

Польские принцессы несправедливо опозорены и лишены наследства Людовиком. Двух дочек короля Казимира, законных наследниц и польских принцесс со всеми их очень богатыми сокровищами в золоте, серебре, жемчугах и в различных драгоценностях (klejnotach) и убранствах, которые им оставил их отец Казимир, старая королева Эльжбета отправила в Венгрию. А там Людовик, нарушая законы, лишил их наследственных прав на королевство польское, несправедливо утверждая, что они были рождены не с собственного королевского ложа, и позаботился о том, чтобы они не достались в жены каким-нибудь знатным князьям, которые вместе с ними потом предъявили бы наследственные права в королевстве Польском. И в конце концов эти две польские принцессы из потомства Леха и Пяста своим свойственником королем Людовиком не только были лишены имущества и королевского наследства, но и несправедливо оболганы. Потом они были выданы замуж за венгерских данников: Анна за Вильгельма, графа Цилли (Guilhelma Cylijskiego), а Ядвига за Ромера (Romera) Штирийского.

Польская корона ограблена Людовиком. Помимо всего этого, вместо прибавления славы полякам, король Людовик по совету своей матушки взял королевскую (stoleczna) корону, скипетр, яблоко [269], меч и другие клейноды и королевские убранства (ubiory), и все это увез в Венгрию, чтобы поляки не могли выбрать себе и короновать другого короля, кроме него или его потомства. И потом только Ягелло, король Польский и великий князь Литовский, разыскал эти клейноды в Венгрии, как о том будет ниже.

Глава двенадцатая

О частых войнах Кейстута и других литовских князей с прусскими и лифляндскими крестоносцами и о жестоком разорении Польши литовцами

Милый читатель! Обо всех остальных вторжениях, набегах битвах и войнах Кейстута и других литовских князей с прусскими и лифляндскими немцами, я писал обоснованно (dowodnie), согласовывая это с прусскими и лифляндскими хрониками и хрониками Длугоша и Меховского (кн. 4, гл. 33, стр. 257 и гл. 34, стр. 219 и 260), не желая упускать никакой малости, относящейся к Литве и Жмуди, раз уж взялся за это дело. Здесь часто будут упоминаться разоренные в Литве и Жмуди замки, о которых из-за давности лет и частых разорений ныне не знают и не слыхивали, ибо они были деревянные и полностью уничтожены. Однако еще и ныне мы видим в Литве и Жмуди очень много густо [заросших] городищ с явными свидетельствами этого [разрушения]. **Очевидно, что разрушались не только деревянные замки в Литве и в Жмуди, но и многие каменные в Греции и в Диких полях, названий которых ныне никто не знает.**

Кейстут разорил Сестенский [270] **повят.** В 1370 году Кейстут, князь Жмудский, Троцкий и Подляшский, с наскоро собранным литовским войском вторгся в Пруссию, и там разорил, обобрал и выжег Сестенский (Stisteinski) повят, а потом со множеством пленников и различной добычей быстро вышел из Пруссии в Литву.

Винрих разоряет Литву. В отместку за разорение Кейстутом Сестенского повята прусский магистр Винрих, разделив (rozszykowawszy) свои войска на четыре загона, в том же 1370 году вторгся в Литву, которую разорил во многих местах и вышел с награбленным.

Сразу же после него комтур из Бальги Эльнер [271] двинулся в Русские края на Подляшье и там добывал замок Древика (Drewika), которого взять не смог, разорил эту волость и с полоном ушел в Пруссию. **Замок Древик на Подляшье — вероятно, хотел написать Дрогичин** [272].

В том же году Карл Четвертый, римский император и чешский король, еще при жизни короновал на царство сына Вацлава (Wenclawa). **Вацлав** (Waclaw) — **никчемный император и пьяница** [273]. А другому сыну Сигизмунду дал маркграфство Бранденбургское и Моравское, а тот после отцовской смерти в 1378 году захватил брата Вацлава и посадил в тюрьму в Вене (Wiedniu), о чем будет ниже. В том же году, когда на помощь орденским братьям пришло много крестоносного рыцарства [274], комтур из Инстербурга разорял с ними Литву, взял и спалил замок Дерсеме (Derseme), и вывел в Пруссию много добычи. **Дерсемр** (Dersemr), **замок Держа** (Dersza)**, по-жмудски Костржева** (Kostrzewa) [275].

Кейстут разоряет Пруссию. На другой 1371 год Кейстут, князь Жмудский, взаимообразно вторгнувшись в Пруссию, второй раз разорил Сестенский замок с волостью и, побив множество немцев, вывел в Литву большую добычу.

Поэтому в том же году Виганд [фон] Балдерсхейм (Beldelstein) и комтур из Инстербурга [276] с двумя войсками вступили в Литву, но оба отошли назад, не учинив ничего достойного памяти. ***Мех****[овский]* ***и Длугош: nihil memorabile uterque gessit.***

Волковыск (Wolkowisk) **разорен.** Потом в году Господнем 1373 комтур из Бальги Эльнер Волковыскую землю в Литве разорил аж до Каменца [277] и с большой добычей и пленниками вернулся в Бальгу.

А Кейстут в том же году во время поста перед пасхой [278], обманув все орденские дозоры, расставленные на прусских границах, через леса и пустыни вторгся в Пруссию. ***Omnes custodes Crucigerorum fallens.*** *(Обманув все дозоры крестоносцев).* И разорил все Биберштейнские (Bibersteginskie) волости [279], порубив и повязав людей. **Хитрость** (fortel) **Кейстута.** А узнав от шпионов (szpiegow), что орденское войско близко, ушел с добычей в леса, хитро расставив за собой в узких местах засады, из которых ударил бы на немцев, если бы они его догнали. ***Длугош. Relictis insidiis in locis oportunis.*** *(Разместив засады в удобных местах).* Поэтому Бранденбургский комтур [280], который был гетманом имперского (Rzeskiego) и прусского войска, прекратил погоню за Кейстутом, опасаясь

попасть в литовские силки и ловушки. И вот так Кейстут ушел в Литву в целости и с полоном.

В то самое время, в 1373 году, в измученной Польше начались новые смуты. Ибо Владислав Белый, князь Гниевковский, близкий свойственник недавно умершего польского короля Казимира, более четырнадцати лет пробыв монахом и дьяконом в Дижонском (Divionskim) монастыре Св. Бенедикта в герцогстве Бургундском (Burgundijskim), был призван [в Польшу] некоторыми смутьянами (od rosterkliwych), великопольскими шляхтичами. А когда не смог получить у папы разрешения (dispensatiej), тут же, будучи [человеком] переменчивым, сам отбросил монашеский обет и, собрав несколько сотен гультяев (ultajow) и своевольной шляхты, за один день осадил и взял в Куявии три замка: Влоцлавекский (Wladislawski), Гниевковский и Злоторыйский, а потом захватил замки Сарлей и Иновроцлав. **Монах Владислав бесчинствует в Польше.** А Злоторыю, укрепленный замок над Вислой, второй раз взял таким фортелем, который мог бы послужить предостережением господам ротмистрам. **Монах Владислав брал Злоторыю дважды:** [первый] **раз захватив в поле старосту Ромлика, а второй раз напоив Скрипинского подосланным вином** [281]. Сендзивой, генерал Великой Польши, поставил над этим замком Злоторыей некоего Скрипинского, своего свояка по сестре, человека старого и известного своим пристрастием к выпивке. Владислав Белый направил к нему рыбаков, которые напоили его вином, привезенным из Торуни. И когда вино и сон, а также молодая жена его убаюкали и усыпили, тут же уснули драбы и замковая стража, а также его слуги, которые тоже повеселились по панскому примеру. И тогда монах Владислав, подослав своих [людей] с лестницами, занял башни, стены и палисады, а пан староста с женой и со всей своей челядью, а также с солдатами, были захвачены, но потом друзья выкупили его тысячей золотых. **За флягу вина** [пришлось отдать] **и замок, и 1 000 золотых.** О чем Длугош и Кромер, кн. 13.

А в Куявии и в Великой Польше этот монах несколько раз затевал битвы с великопольским старостой Сендзивоем из Шубина; под Злоторыей при штурме убил князя Штетинского и Добжиньского Казимира и многих других, учинив в Польше и в Куявии великие беды. Но в конце концов он потерпел поражение и был препровожден в Венгрию. Там за десять тысяч золотых он продал королю Людовику свое наследственное Гниевковское княжество в Куявии и к тому же получил в кормление (na wychowanie) богатое аббатство в Венгрии. Но вскоре после этого, когда ему наскучило (sprzykrzylo) жить в Венгрии, вернулся в свой прежний Дижонский монастырь в Бургундии и там, снова приняв обет и схиму (kapice), умер, а его сподвижники в Польше были наказаны: одни [тюремным] заключением и лишением имений в пользу короля, другие добровольным изгнанием.

В 1374 году комтур Инстербурга с конным и пешим войском разорил в Жмуди Вейговский повят и с большой добычей отошел в Инстербург. **Когда-то был замок Вейгов или Войгов** (Weigow albo Woigow) **и повят.** Потом в Литву вторглись все пограничные комтуры со своим гетманом, прусским маршалом Готфридом фон Тилия [282], и, собрав большие силы, снова разорили в Жмуди Дирсингенский и Вейговский повяты, из которых вывели в Пруссию семьсот пленников. **Разорены Дирсингенская, а возможно, Дерванская** (Derwanska) **и Вейговская волости** [283].

В 1375 году крестоносцы, собрали два войска и с большим, в котором были все комтуры, вторглись в Литву, а с меньшим комтур из Рагнеты [284], вторгся на Русь. **Должно быть большое войско, если там были все комтуры** [285]. И так, разорив волости с обеих сторон, с огромными добычами воротились в Пруссию. **Взаимные грабежи.** Литовские князья Ольгерд, Кейстут и Свердерко (может быть, Свидригайло) [286] тоже сразу же вторглись в Пруссию со своими и вспомогательными войсками, разделившись натрое: Ольгерд в повят Велау (Welowski), Кейстут в Каплахенскую (Kaplahenska) [287] землю, Свидригайло в Инстербургские волости. И, распустив по сторонам загоны, огнем и мечом разоряли и опустошали. **Инстербург сожжен.** Изрубив девятьсот немцев [288], взяли и сожгли замок Инстербург. И без всякого отпора, с большим прибытком людей, имущества и скота воротились в Литву.

В том же 1376 году старая венгерская королева Елизавета (Elizabeta) Локетковна снова приехала из Венгрии через Судеты (Sadecz) на польское губернаторство в Польшу, где к ней выехали паны и шляхта Краковской и Сандомирской земель. А когда приехала в Бохню, польские паны поведали ей, что литовские князья со всеми своими силами собираются воевать королевство Польское. А она им с плохого разума не нашла ответить ничего лучшего, чем чтобы поменьше об этом заботились и спали бы спокойно, «поскольку (говорит) мой сын, король Людовик, так могуч и имеет такие длинные руки, что одно лишь имя его должно повергать в дрожь не только грубых лесных литовцев, но и все прочие соседние народы». ***Мех****(овский)****. Quoniam filius suus tam longam validamque haberet manum etc.*** *(Ибо мой сын обладает такой длинной сильной рукой, и т.п.)*.

А в это самое время, как пишут Длугош, Меховский (кн. 4, гл. 30, стр. 25), Кромер (кн. 13) и другие, литовские войска, собранные из Руси, из Литвы и из Жмуди, со своими князьями: с Кейстутом, с Ягелло и с Витольтом, из Трок, из Вильно и из Гродно без промедления вторглись в Польшу. **Кейстут** [двинулся] **в Польшу из Трок, Ягелло с отцом Ольгердом из Вильно, Витольт из Гродно.** А также Любарт Федор [289], князь Волынский, из Луцка и Владимира и Юрий Наримунтович из Белза с волынцами и руссаками через великие пустоши пришли в Люблинскую землю, там объединили все свои силы, потом, построившись в разные загоны, двинулись из Люблинской через Сандомирскую землю и второго ноября или месяца листопада дошли до реки Сан на Подгорье. **Литовцы** [дошли] **до Сана на Подгорье.** И там все польские края, лежавшие между реками Саном и Вислой, повоевали вдоль и поперек до самого Тарнова, а с другой стороны далеко за Сандомир. И в этой войне проявили столь большую прыть, что превеликое множество беспечных людей и шляхты, а также богачей брали и вязали прямо в домах, а других, не убежавших вовремя, хватали по разным дорогам и полям. ***Кром****[ер]****. Ita ut per multi de nobilioribus quoque et locupletioribus, vel in fuga vel in domibus suis incauti a barbaris opprimentur etc.*** *(И так многие знатные и богатые были схвачены варварами либо во время бегства, либо, беспечные, прямо в своих домах).* Поэтому у непоберегшихся жителей этих краев они набрали огромной добычи и сокровищ, [захваченных] вместе с ними самими. **Петраш с женой убегает подобно Энею из троянского пожара.** Петраш, племянник гнезненского архиепископа Януша, схватив жену с только что рожденным ребенком, еще некрещеным, вскочив на коня, едва [успел] с женой и этим ребенком убежать через Вислу из окруженного неприятелем Баранова. **Перепуганная графиня из Тарнова.** Графиня из Тарнова, вдова графа Михала,

вислицкого каштеляна, с большой пышностью ехавшая к королеве, увидев за собой литовцев, едва избежала литовских рук, усердными слугами переправленная в челне через Вислу. А возы с имуществом, рыдваны и перины (kolebki), а также коней со всем снаряжением и поклажей оставили на разграбление литовцам [290]. Потом литовцы пустили загоны к Вислице, в девяти милях от Кракова, а некоторые из них были всего в нескольких милях от Кракова и вернулись, отягощенные большой добычей. **Литовцы грабят около Вислицы.** А венгерская королева Эльжбета (Helzbieta), смеясь и забавляясь печалью и жалобными нареканиями из-за литовского разорения, в воскресенье после Святого Миколая (8 декабря) устроила в Краковском замке танцы с различной музыкой и дорогостоящими развлечениями. И старая баба, которой было уже восемьдесят лет, танцевала [в то время], когда надо было как следует думать об обороне. **Королева, баба 80 лет, устраивала развлечения.**

Литовцы 10 недель без отпора разоряют Польшу. А литовцы, не [встречая] отпора, тоже танцевали в Польше целых десять недель и через Радомскую и Сандомирскую земли гнали назад в Литву добычу: табуны и стада, пленников и великое множество различного добра. Священников, стариков и малых деток, которые не годились для работ и уставали в дальней дороге, рубили (siekli) и умерщвляли; церкви грабили и жгли, разрушая вокруг все, что им попадалось. И так и ушли в Литву в целости, но Жмудь нашли повоеванной крестоносцами и шесть повятов разоренными.

Ибо в 1376 году прусский магистр Винрих, узнав, что литовцы в это время вторглись в Польшу, улучил момент и со своим рыцарством вторгся в Жмудь, где без какого-либо отпора огнем и мечом повоевал шесть повятов с замками, а именно: Медники, Эрайголу, Арвистен, Розейн (дожно быть, Россиены), Гесов и Пастов. **Медники — где ныне Ворни** (Варнияй)**, Арвистен — ныне неизвестен, Гессов и Пастов** (Гайжува и Пастува) — **ныне и эти неизвестны** [291]. Потом осадил замок Ковно и мощно добывал его, но когда при штурме [292] потерял много знатных орденских шляхтичей, то, не добыв замка, отошел в Пруссию. А разорять Литву отправил маршала с десятью тысячами вооруженных рыцарей, который, повоевав лежащие над Неманом волости [293], с большой прибылью людей и добычей вернулся в Пруссию. **Прусский маршал разоряет Литву над Неманом.**

Что вышло из-за своеволия венгров в Кракове. В том же 1376 году, как только литовцы вышли из Польши, старая баба королева Эльжбета, эти заботы утешая доброй выпивкой (on frasunek przez dobry trunek), то и дело устраивала в Краковском замке различные игры, нимало не смущаясь жестоким разорением своей отчизны, и ей в доме одну за другой придумывали новые забавы. А если кто-нибудь вез в город сено и овес — либо на продажу, либо на свои нужды — венгры, которые приехали с королевой, всегда своевольно забирали его силой, и другие вещи отбирали у перекупщиков на краковском рынке. Этого насилия не стерпел один польский шляхтич, Пржедборж из Бржезя, и, когда ему в Краков везли сено, поставил своих слуг перед своим домом у Страдомских ворот. А когда венгры, как они привыкли, эти возы с сеном стали забирать силой, слуги им этого не позволили, и обе строны повздорили. Королева, видя это из замка, послала краковского старосту Яська Кмиту, чтобы он усмирил и успокоил эту заварушку (zwade). **Краковский староста Кмита убит.** И когда он ехал на коне сквозь большие толпы людей, то был

подстрелен одним венгром стрелой в шею, тут же упал с коня и умер. И сразу сбежались и отовсюду собрались его друзья, движимые возмущением и жалостью, и начали бить, рубить и убивать венгров. **160 убитых венгров.** И не только тех, которые были повинны в этом насилии, но и других выволакивали из постоялых дворов (z gospod), сдирая с них одежды и серебряные позументы (passow), которые в то время носили, и убивали, даже высокородных шляхтичей не щадя [294]. В тот день было убито сто и шестьдесят венгров; в живых остались только те, которые смогли убежать в замок. После этого Краковский замок три дня стоял запертый, осажденный вооруженными рыцарями Кмитов. Это было, как пишут Меховский, Длугош, Кромер и из него Герборт, в 1376 году, а Ваповский и Бельский в 1377, что вернее, ибо после 1376 года, в ноябре и декабре (*in Novembre et Desembre*) которого литовцы разоряли Польшу, наступил новый 1377 год. И ныне, выходя из Краковского замка и направляясь в город, по левую руку мы видим намалеванный портрет этого Кмиты. Убитых венгров похоронили в костеле Святого Франциска, в одной часовне, которая и ныне зовется Венгерской. Королева, удрученная этим происшествием, уехала в Венгрию, в утешение скорби по убитому отцу дав Петру Кмите Лещицкое староство.

Два папы сразу. В том же 1376 году, по смерти Григория Одиннадцатого, папы, который повторно перенес папский престол в Рим из города Авиньона во Франции [295], где к великому упадку христианства он пребывал в течение 70 лет, снова возникли бедственные раздоры из-за папства. Ибо итальянцы избрали папой Урбана Шестого, который жил в Риме и которого признали итальянская, немецкая, венгерская и польская земли; французы же выбрали себе другого папу, жившего в столице Авиньоне, которого назвали Климентом Седьмым и которого признали Франция, Испания и Англия. И так эти два папы проклинали и преследовали друг друга к великому упадку всего христианства. **Ян Гус и Иероним сожжены.** Потом, через два года после этого разрыва, то есть в 1378 году, против отпущений и иных папских проступков в чешской столице Праге начал открыто высказываться Ян Гус, и по этой причине преследование монахов и духовенства в Чехии переросло в гражданскую войну. Эти заблуждения по поводу папской столицы продолжались тридцать девять лет, до собора в Констанце, на котором в 1414 году были сожжены чешские проповедники Ян Гус и Иероним [296]. **Трое пап свергнуты.** Трое пап: Иоанн 23, Григорий и Бенедикт [297] были свергнуты с папских престолов, на которые они упорно взбирались, на их место был избран папой Оттон Колонна (Columna), который был назван Мартин Пятый, а первые три названных папы сразу бежали. Один из них, Иоанн 23, жил в Италии, в Болонье, ибо Рим в то время захватили венгры. **Венгры завладели Римом.** Григорий жил во Франции, в Арминьи (Ariminie), ибо папский дворец в Авиньоне сгорел. А Бенедикт жил в Испании, и все они, как рассказывают, живя среди разных народов, распутно развязывали между ними различные раздоры и распри.

Поход Людовика на Литву. Году же в Господнем 1377 Людовик, король венгерский и польский, желая отомстить литовцам за жестокое разорение своего польского королевства, собрал венгерские войска, объявил посполитое рушение по всей Польше и сам из Венгрии прибыл в Польшу через Санокские горы прямо к Сандомиру. Там к нему прибыло рыцарство из Краковской и Сандомирской земли и других польских повятов, над которыми он поставил гетманом Седзивоя (Sandiwoja) из Шубина. **Поляки захватили русские замки.** И послал их добывать замок Холм (Chelmskiego), который поляки

захватили у русских за короткое время. А сам Людовик с венграми двинулся к Белзу, и при нем краковяне с сандомирцами [298]. А другие поляки после взятия у литовцев замков Холма (Chelmienskim), Грабовца, Городла и Севолоса (Sewolosa) [299] с гетманом Седзивоем (Sendziwojem) присоединились к расположившемуся под Белзом Людовику. **Миротворец Кейстут, хитрый, как Уллис.** И там в роли миротворца с противником выступил Кейстут, князь Литовский. Он приехал к польскому и венгерскому войску с охранной грамотой Людовика и помирил короля со своим племянником Юрием Наримунтовичем, князем Белзским, на таких условиях: литовцы возвращают пленников, захваченных в Польше, а князь Юрий Белзский сдает королю Белзский замок. **Соглашение литовцев с Людовиком.** Но король, ублаготворенный обещаниями и ласковыми словами князя Юрия, не только вернул ему Белз, но еще и придал ему замок Любачев, взяв с него клятву в верности, а сверх того в Бохнинской жупе [300] уступил и записал ему сто гривен ежегодной дани. **Наримунтовичу к Белзу приданы Любачев и дань с Бохни.** И так при посредничестве Кейстута состоялся мир между поляками и литовцами, а Холмская и Белзская земля остались при Литве. В этом им помогло, как пишет Кромер в кн. 13, несогласие (zatargnienie) между венграми и поляками из-за ранения в лицо Петра Шафранца, которому король в награду сразу дал замок Пешкова скала, с которым Шафранцы и ныне пишутся, и (опасаясь еще горших ссор) распустил венгерские и польские войска, которые собрал было [для похода] на Литву. Одних Топорчиков, главой которых в Польше [являются] графы Тенчинские (Teczynscy) [301], было в то время семь хоругвей. Бонфиний пишет, что литовские князья, чьи имена он не называет, потом два раза совершали набеги на русские земли, [бывшие] под венграми, ибо король Людовик, желая оторвать русские земли от Польши и присоединить к Венгрии, раздал было венгерским панам много русских замков. **Архиепископ Агриенский Эмерих, Дьердь Зюдери, Бебек и Заполия взяли польские имения на Руси.** Особенно Агриенскому (Agrienskiemu) епископу Эмериху [302], Юргему Зюдерему (Jurgemu Zuderemu) с братьями, Эмериху Бебеку и Яну Заполия, которые со всей [полнотой] власти распоряжались в русских краях именем короля Людовика и в пользу Венгерского королевства, а поляки, отовсюду притесняемые, об этой несносной кривде в то время даже шептать не смели. **Бедные поляки из-за Людовика.** А король Людовик уехал в Венгрию, оставив князя Владислава Опольского губернатором в Польше.

Львовское архиепископство. Потом Людовик выправил у папы Григория подтверждение на архиепископство Галицкое, епископство Перемышльское и Хелмское, но архиепископский престол (stolec), как кажется Кромеру, потом был перенесен во Львов [303], а епископство Львовское — в Каменец Подольский, так что в Галиче остался один русский владыка. **Луцкое епископство.** А польский король Ягелло потом перенес епископскую столицу из Владимира в Луцк, как о том будет ниже.

Турки впервые [вторгаются] **в христианские земли в Европе.** В том же 1377 году Амурат (Мурад) Первый этого имени, третий турецкий король, внук Оттомана и сын Орхана, сильно встревожил венецианские и генуэзские княжества в Греции. До этого в 1363 году он был призван на помощь одним не настоящим греческим императором Кантакузиным против [Иоанна] Палеолога, истинного наследника Константинопольской империи. И, переправившись из Азии через Геллеспонтское море на генуэзских кораблях у Галлиполи, вместо помощи завладел очень многими греческими городами. Потом

Болгарских, Сербских, Боснийских и Албанских князей жестоко поразил и земли их позабирал, а других заставил платить дань. **Адрианополь взят.** Завладев большим городом Адрианополем во Фракии, основал в нем свою столицу. И такой страх нагнал на итальянцев, что папа, боясь за Рим, повсюду искал помощи и в Польшу прислал легата, епископа Майорки (Majoricenskiego), который в 1376 году, созвав синод в Униеве, выманил у епископов и другого духовенства подать, которую папа установил на турецкую войну (не видя литовской [угрозы] дома), по два гроша с каждой гривны. Кроме того, после вроцлавского епископа Предслава, который в то время умер, взял 30 000 золотых червоных, а папа постановил платить себе с того епископства ежегодно по 8 000 золотых червоных, для чего продлил до семи лет священный сбор (sacre), а сам брал доходы там, где ему приглянется. ***Idem Cureus cittat*** *(Цитата из Куреуса).* **Папство обсмаковало** (zasmakowalo) **Вроцлавское епископство.**

Амурат Турецкий убит. Турецкий король Амурат, завязав в Мизии битву с сербским деспотом Лазарем, остался на поле боя, пронзенный копьем, однако и деспот Лазарь там же мужественно расстался с жизнью, хотя христиане и одержали победу [304]. И ныне еще, как я сам наслушался в Болгарии, босняки и сербы (Racowie) на славянском языке поют об этой битве жалостные песни, смешанные с весельем. Мы же приступим к нашей литовской истории.

Кейстут разоряет Пруссию. В 1377 году жмудский князь Кейстут, который, как говорит Меховский, привык воевать более фортелями и хитростями, нежели силой, возмущенный ущербом, ранее причиненным крестоносцами Литве и Жмуди, через мазовецкие земли провел свои войска в Пруссию, где литовцев никак не ждали. ***Мех****[овский]**, стр. 250. Dolis magis quam viribus etc.*** *(Более коварством, нежели мужеством).* Двадцать девятого сентября [он] огнем и мечом повоевал, разорил и опустошил все края около Дзялдова и Нидборка [305]. И, отягощенный большой добычей, пленниками и всяческим добром и продуктами, той же дорогой проследовал в Литву.

Первый поход Витольда в Пруссию. В том же году незадолго до этого Витольт, сын Кейстута, удалой молодец, смелый рукой и сердцем и охочий до войны, в первый раз сам отправился в поход на Пруссию. ***Мех****[овский]**. Vitoldus adolescens manu et animo promptus etc.*** *(Витольд, молодец, отважный рукой и духом).* После святого Иакова, 26 июля, [306] разорил замок Инстербург и его волости и, распустив загоны, вдоль и поперек жестоко опустошил, разграбил и повоевал до самого Таинова (Tainowa). **Вероятно, должно быть до Тапиау, а не до Таинова, в 5 милях от Кёнигсберга** [307]. Пролив кровь (zajuszywszy sie) и отяготившись захваченной большой добычей, [он] с победой воротился к отцу без потерь в своем войске.

Литовские ловушки для немецкого войска. Прусский магистр Винрих, желая воздать за этот ущерб, с большим войском своих крестоносцев двинулся в русские края, на Подляшье, и несколько дней стоял под Бельском (Bielskiem). Но, не добыв замок, разрушая и сжигая, двинулся до самого Каменца [308], а оттуда распустил загоны, которые жестоко опустошили литовские и жмудские земли. А когда уже возвращался с добычей, там, где должен был идти, литовцы хитро расставили ловушки. Большой лес подготовили (spodcinali) во многих местах: на дорогах выкопали ямы (doly), накрыв их дерном и

листвой. ***Мех**[овский]**, кн. 4, гл. 34.*** И там побили большую часть немецкого авангарда (przedniejsza wojska), где полегло очень много знатных вождей [309]. Иные, бросив добычу, утекали по лесам, другие ушли, отбиваясь. **Немцы поражены.**

Немцы разоряют Литву. Потом комтур из Рагнеты, другой [комтур] из Бальги и орденский брат Куно Гаденштейн [310], каждый со своим отдельным войском, с трех сторон разоряли Литву настолько далеко, насколько могли, и отошли в Пруссию с пленниками.

Литовцы разорили Пруссию. В том же году Ольгерд и Кейстут с большим войском вторглись в Пруссию, разделились натрое и, разоряя, опустошая и обращая в пепел, выжгли, вырубили и разграбили повяты Велау и Инстербург. **Велау в 7 милях от Кёнигсберга.** Распустили загоны до замка кёнигсбергских каноников Заалау (Salewa) [311] и, изничтожив всю Саловскую землю огнем и мечом, с огромными толпами пленников, добычей и награбленным воротились в Литву через разоренные инстербургские волости.

Против Жмуди построены два замка. В том же году сам магистр Винрих, с помощью имперских князей и своего ордена собрав большие войска, двинулся в Литву, где на жмудской границе построил два замка: Бартембург (Bartemcurk) и Демпин (Demrin) [312], а когда их закончил, отправил с отборным войском маршала Готфрида фон Линдена (z Lindy), который, разорив Литву, вывел множество пленников.

Не ограничившись этим походом, магистр Винрих, когда на помощь ему пришли австрийцы (Rakuszanie), двинулся в Жмудь, где в течение десяти дней разорял два повята: Калтанаренский и Ведулский, выводя в Пруссию огромную добычу. **Возможно, были разорены Колтиненский и Видуклейский повяты [313], в которых и ныне запустение. Меховский (кн. 4, гл. 34) называет их *Kaltaneuen* и *Viduke*.**

Потом в 1378 году прусский маршал Готфрид из Линды, имея двенадцать тысяч отборного войска, вторгся в Литву, которую разорил до самых Трок и до Вильна. Встревоженный его мощью, Кейстут вступил в переговоры и добился того, что маршал, ограничившись взятой к тому времени добычей и далее не разоряя, повернул назад. **Немцы вернулись от самых Трок и от Вильна.**

Рагнитский комтур разоряет Жмудь. Сразу после него комтур из Рагнеты брат Куно фон Хаттенштейн с новым войском вторгшись в Жмудь и в Литву в день святого Иоанна Крестителя (24 июня), разорил повяты Лабунава (Labiow), Приенай (Prewanskie), Аристава (Arwiskie), Пастеревис (Pasterinskie), Эрайгола, Пернарава (Pernareiskie) и со множеством награбленного (lupow) отступил в Рагнету. ***Мех**[овский]* ***на стр. 260*** **называет эти повяты так: *Przewan, Labiow, Arwisch, Pasterin, Erogien* и *Pernarej*** [314].

А когда на помощь ордену снова прибыли свежие рыцари из Германии, тут же прусский маршал Готфрид фон Линден обрушил на Литву третий поход, имея в своем войске всех комтуров. ***Miech. Habens in suo commitatu omnes Commendatores*** [315]. **Это должно быть большое немецкое войско** [316]. И так за пять ночлегов, истребляя (psujac), что можно, мечом и огнем, подступил к Вильно. Там князь Кейстут, который в то время жил в Вильно, заключив с немцами перемирие на один день, просил их воздержаться от

сожжения города Вильно, что ему прусский маршал и пообещал. Но половину города немцы все же спалили, а вторую половину мещане едва оборонили. Как только [одно]дневное перемирие кончилось, немцы начали штурм виленских замков. Но когда маршал понял, что не сможет их взять, ибо литовцы мужественно защищались, [он] снял осаду и отступил с войском в Пруссию. **Литовцы отстояли половину города Вильно и замки.**

Витольт перехитрил немцев. А в это время Витольт, сын Кейстута, с пятью сотнями литовских казаков, опередив немецкое войско, запасы продовольствия, которые крестоносцы оставили для своего возвращения и спрятали в лесах и пустынях, захватил и забрал, а остаток уничтожил (popsowal). И когда немцы пришли на это место и не нашли продуктов, то в течение шести дней терпели жестокий голод, так что много их, уставших, поумирало по дорогам [317]. А литовцы с Витольтом постоянно донимали их из закутков (katow) в тесных местах.

В том же году месяца ноября 29 дня Карл Четвертый, император и чешский король, умер и похоронен в Праге. А на его месте империей и королевством Чешским с 1378 года правил сын Вацлав, во времена которого у чехов в Праге начал проповедовать Ян Гус.

Изобретение пушек. В том же году, чего не следует замалчивать, один немец выдумал у венецианцев (Wenetow) огромный и ужасный огнестрел (strzelbe), который народ называет пушкой (dzialem), отлитый из бронзы либо из меди и [предназначенный] для истребления многих годных людей. А до этого немцы изобрели еще и ружье (rusnice), и из этого огнестрела, как выше поведано, ранее был убит Гедимин, великий князь Литовский, отец Ольгерда и Кейстута, дед Ягелло и Витольта [318]. ***Corn. Agrip. De verbo Dei in vanit. Scien. c. 160*** [319]. Однако *Корнелий Агриппа в книге «О тщете наук»*, а также Волатеран и другие стремятся убедить в том, что огненная стрельба из ружей была в употреблении с давних веков, что видно и из этих стихов Вергилия, где говорится:

Vidi et crudeleis dantem Salmonea poenas
Dum flatus Jovis et sonitus imitatur Olimpi, etc.

Видела, как Салмоней несет жестокую кару,
Тот, кто громам подражал и Юпитера молниям жгучим [320].

Вергилий. Энеида, *[книга]* ***6.***

Уделы трех мазовецких князей. Мазовецкий князь Земовит, сын Тройдена, умер в 1381 году, оставив трех сыновей: Януша, чьим уделом была Варшава, Земовита, который владел Плоцком, и Генриха, который был пробстом (proboszczem) лещицким, а потом пробстом и епископом плоцким, и, будучи [епископом], женился на сестре Витовта Ринголе (Ringola), как о том будет ниже.

Умер прусский магистр Винрих Книпроде. В том же году в Мальборке умер прусский великий магистр Винрих или Генрих Книпроде, жесточайший из всех крестоносцев гонитель и разоритель литовский и жмудский, а на его место двадцатым магистром был

избран Конрад Цольнер, утвержденный императором Вацлавом и папой Урбаном Шестым. **Конрад Цольнер, 20 прусский магистр** [321].

Ольгерд умер. Согласно Меховскому, в том же 1381 году променял жизнь на смерть бывший в преклонных летах (w zeszlej starosci) Ольгерд Гедиминович [322]. Храбро отражая столь частые и жестокие прусские набеги, мужеством и отвагой он сравнялся с Ганнибалом Карфагенским, со Сципионом и Дентатом [323] Римскими, с Сирофанесом [324] Египетским, с Пирром Эпирским, Югуртой и Юбой Мавританским и с другими славными Троянскими, Греческими, Фиванскими (Tebanskimi) и Лакедемонскими князьями и королями. И хотя был языческим монархом и изводил христиан частыми войнами, однако в той же мере вместо обвинений и порицаний достоин короны вечной славы среди тех рыцарей, которых за их величайшую отвагу зовут Героями.

Ибо упорная защита отчизны и военное дело мало относятся к вере, и если какой-то народ, рожденный от языческих предков, чтит каких-то богов, то будет хранить [эту веру] до самой смерти. Поэтому и Ольгерд так, как в те времена потребовали отчизна и народное дело (pospolita rzecz), от всей души (chetliwie) заботился и о расширении государства и о защите идолопоклонства отцов.

Сына Ягелло (Jagela), которого любил больше всех, он назначил на Великое княжение Литовское после своей смерти. И хотя отважный (dzielne) жмудский князь Кейстут мог бы завладеть княжением после Ольгерда, но, верный своей клятве и братской любви, он уступил племяннику Ягелло отцовский престол, хотя тот потом и отплатил ему злом, как об этом узнаешь ниже.

Глава тринадцатая

О сыновьях Ольгерда и Кейстута и их уделах

Первая жена Ольгерда. Ольгерд еще при жизни своего отца Гедимина первый раз женился на Ульяне, единственной дочке витебского князя, с которой получил Витебск, и имел с ней шесть сыновей, окрещенных в русскую или греческую веру. **Слуцкие князья.** Первый и старший был назван Владимиром, который получил в удел Киевское княжество и породил сына Александра, по-русски Олелька, который заложил Слуцк и размножил род сиятельных князей Слуцких и славную фамилию Олельковичей. **Иван Жедивид.** Второй [был] Иван Жедивид (Zedziewit), владевший Подольской землей. **Лингвин Мстиславский.** Третий — князь Семен Лингвений (Lingwieniej), этот имел удел в Мстиславле. **Эти ушли в Москву** [325]. Четвертый — Вигунт Андрей, уделом которого был Трубчевск, а потом, когда Ягелло уехал на коронацию в Краков, с помощью прусских крестоносцев добыл Полоцк и Лукомль. Потом был разбит и захвачен Витольдом и отправлен в тюрьму в Хенцин (Checin) [326], где сидел три года, как о том будет ниже. **Князья Чарторыйские.** Пятый — Константин, его уделы Чернигов Северский и Чарторыйск, из которого князья Чарторыйские. **Князья Сангушки.** Шестой — Федор Сангушко, от которого род князей Коссерских и ковельских Сангушков.

Ягелло. А когда княгиня Ульяна умерла, Ольгерд взял у тверского князя другую жену по имени Мария, с которой сначала имел [сына] Ягелло, который потом, став польским королем, был перекрещен (przechrzczecon) во Владислава. **Скиргайло.** Вторым [сыном был] Скиргайло, которого [крестили] Казимиром. **Свидригайло.** Третий — Свидригайло, которого [крестили] Болеславом. **Корибут. Князья Вишневецкие и Збаражские.** Четвертым [был] Корибут, при крещении названный Дмитрием, от которого идет род Збаражских и Вишневецких. **Князья Корецкие.** Пятый — Дмитр (Dimitr), от которого славные и мужественные князья Корецкие. **Вигунт Александр.** Шестой — Вигунт, который сначала был окрещен в русскую веру и назван Василием, а потом, когда перекрестился в римскую веру, был поименован Александром. Он имел удел также в некоторых Северских замках, а в Литве к тому же владел Керновым. А потом Ягелло, став польским королем, того Вигунта или Александра жаловал более других братьев, ибо тот отличался в рыцарских и всех прочих делах, дал ему во владение Быдгощ и Иновроцлав и другие доходы в Польше. Но потом он был отравлен по наущению Витольта, как узнаешь ниже из надежных источников.

Кромер (кн. 14) и Бельский (кн. 3) в своих книгах о польском королевстве упоминают лишь одну жену Ольгерда, дочь русского князя Тверского, и именно от нее, говорят, он и имел двенадцать сыновей: Ягелло, Скиргелло, Свидригелло, Бориса, Корибута, Вигунда, Коригелло, Наримунта, Лингвена (Languina), Любарта, Андрея и Бутавта (Butawa) [327].

Сравнение Летописцев с польскими хрониками. Но в старинных русских и литовских Летописцах, пятнадцать их сравнивая для выяснения правды, я узнал, что у Ольгерда было две жены, и обе русские. Первая — витебская княгиня Ульяна (Uljane), с которой он имел вышеупомянутых сыновей и чей портрет, написанный в старинной манере (po staroswiecku malowany), я своими глазами видел вместе с ольгердовым мечом в 1573 году в старинной деревянной церкви верхнего замка Витебска, в каменной нижней части стены (na podmurzu). **Замок Витебск, в котором я был на военной службе** (sluzyl zolnierska) **три года.** Этот замок и башню выстроила из камня та самая княгиня в отсутствие Ольгерда, когда он был на прусской войне, а также дворец Нижнего замка, ныне сломанный, и [там] стоит только одна его стена с разрушенными сводами. Тот же самый Кромер на той же странице выше того свидетельства пишет: *Obvenerat etiam Olgerdo in Russia Witebscensis Dominatus cum unicam ducis ejus orae filiam uxorem accepisset etc.* *(Ольгерд на Руси стал господином Витебска, получив его от здешнего князя, на чьей дочери женился).*

А тот же Бельский, кратко упоминая о роде Ягелло, вопреки себе пишет, что Ольгерду досталось Крево, но по жене взял Витебск и т. д. О том же свидетельствует и Меховский (кн. 4, гл. 36, стр. 265). *Olgerdo (obvenit) Creva cui Dux Russiae de Witebsko unica, quam reliquerat filia, in matrimonium trdita, Ducatus quoque sui successionem tradiderat etc.* *(Ольгерд, [получивший] Крево, увеличил [свои владения] женившись на дочери русского князя Витебска, по традиции передавшего ему княжество как преемнику).* Но эти слова — самое ясное тому доказательство, и дальнейших игр не потребуется, так как при выяснении истинной правды один этот пример подтверждает правдивость Летописцев Русских.

Сыновья и дочери Кейстута. Кейстут же от единственной жены [328], жмудинки Бируты Палангенской, имел шестерых сыновей: Витольта, Патрика, Товтивила (Totiwila), Сигизмунда (Sigisda) или Зигмунта, Войдата, и двух дочерей [329]: Рингайле (Ringale), которая была выдана замуж за жестокого мазовецкого князя, и другую, Дануту или Анну, которую взял в жены Януш, князь Мазовецкий, и к которой приходили ее отец Кейстут, убегая из Мальборка, а также брат Витольт, [убегая] из Кревского заключения. Патрик имел удел [330]: Брянск, Сураж (Zuracz) и Струмень (Stramele). Он участвовал в великой войне с прусскими крестоносцами и был убит татарами в 1398 году. Войдат [вместе] с тридцатью панами был захвачен крестоносцами, когда те взяли Ковно. Товтивил убит из орудия (dziala), когда вместе с братом Витольтом штурмовал виленский Верхний замок, о чем Кромер [пишет] в кн. 15. А Зигмунт, имея первый удел в Стародубе, потом стал великим князем Литовским и зарезан в Троках.

А так как Ольгерд и Кейстут до самой смерти всегда любили [друг друга] искреннее и вернее (szczerze i uprzejmie), чем других братьев, так же было и с их сыновьями [331] Ягеллой и Витовтом (Witoltem). И хотя в середине их любви был разрыв, однако их первоначальное братство подтвердилось и впоследствии. Ягеллу Ольгерд любил больше других сыновей и с согласия брата Кейстута назначил его на великое княжение Литовское после своей смерти. Кейстут тоже любил Витольта не так, как (mimo) других сыновей. Тот унаследовал привычки своего отца, а также его внешность, стать, рыцарскую удаль, стремительность, отвагу в сердце и в руках (как в нескольких местах описывает его Меховский), что особенно выражалось в живости его приветливого [332] характера. И здесь, милый читатель, пусть будет конец книги [двенадцатой].

Комментарии

1. Альбрехт Радзивилл (1558-1592) герба Трубы — князь на Несвижах и Олице, третий сын великого канцлера литовского Миколая Радзивилла Черного и Эльжбеты Шидловецкой. Учился в Лейпцигском университете (1570-1573) и в Риме (1575-1576). Уже в 16 лет (1574) перешел из кальвинизма в католичество. Во время Ливонской войны участвовал во взятии Полоцка, за что получил должность надворного маршалка литовского (1579). Впоследствии великий маршалок литовский (1586) и первый ординат Клецкий (1586), староста Ковенский (1579) и Брацлавский. 12 января 1586 года в Митаве женился на 19-летней Анне, младшей дочери Готхарда Кетлера, первого герцога Курляндии.

2. Смотри примечание 158 к книге пятой.

3. У историков нет каких-либо подтверждений того, что Явнут был самым младшим из сыновей Гедимина. По порядку их перечисления младшим был Любарт (1304), Явнут же родился около 1298 года, между Ольгердом (1296) и Кейстутом (до 1300). В *Orgio Regis* Явнут прямо назван четвертым (quartus) сыном Гедимина. Нет полной уверенности и в том, что его сделали великим князем, зато все согласны, что он получил в удел Вильно. Так что последующие события были для Явнута лишением скорее *удела*, чем титула

великого князя, которым он, возможно, никогда и не обладал. См.: Wolff J. Rod Gedimina. Krakow, 1886. Стр. 8, 33.

4. *Astutas* — по-латыни *хитрец*.

5. Дата 22 ноября встречается только у Стрыйковского, ее нет ни в летописях, ни у Длугоша. Если она верна, то это 22 ноября 1344 года, так как 25 сентября 1345 года Явнут находился уже в Москве, где принял православное крещение и имя Иван. Литовские историки считают, что Кейстут захватил Вильно в начале 1345 года. См.: Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Т. 1. М., 2005. Стр. 125.

6. В Вильнюсе было два замка. Верхний находился на вершине горы Гедимина, которая вместе с уцелевшей замковой башней давно превратилась в своего рода символ Вильнюса. Нижний, называвшийся также Кривым, находился под горой. От Кривого замка в настоящее время даже развалин не осталось, но на части фундамента его стены возведена колокольня Кафедрального собора.

7. Ныне принято написание Явнут или Евнут. Стрыйковский пишет *Явнута*, однако когда это слово он начинает склонять, получается все-таки Явнут.

8. Слово *gielku*, вероятно, произведено от литовского слова *gilti* — жалить, сильно болеть. Смысл этого выражения можно истолковать так, что обитатели замка попали как бы в осиный рой.

9. В «Хронике Быховца» сказано, что Явнут убежал *на Турью гору*, а в *Orgio Regis* написано, что он пытался бежать в Крево. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 55; ПСРЛ, том 35. М., 1980. Стр. 115.

10. Литовское слово s*elinti* означает *красться, подкрадываться.*

11. *Артобазаном* брата Ксеркса называет не Юстин, а Геродот. Юстин (или Помпей Трог) зовет его *Ариаменесом.* См.: Геродот. История. Л., 1972. Стр. 313, 314; Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». СПб, 2005. Кн. II, гл. 10.

12. Город Заславль (летописный Изяславль) находится в 12 км от Минска на реке Свислочь при ее впадении в Заславское водохранилище.

13. *Воеводич* — сын воеводы, в данном случае виленского воеводы (1542-1549) Яна Юрьевича Глебовича. О Яне Яновиче Глебовиче смотри примечание 147 к книге шестой.

14. О Давиде Игоревиче, основателе Давид-Городка, и о *русских* князьях Заславских наш автор пишет в конце главы 7 книги пятой. Отметим, что к этому же самому роду принадлежали князья Острожские.

15. Христианское имя Любарта было Дмитрий. Федором звали одного из братьев Гедимина, а также сына Ольгерда, сына Кориата и сына самого Любарта.

16. Река Дрисса (Дрыса) — правый приток Западной Двины, впадающий в нее между Полоцком и Даугавпилсом.

17. В этой части Хроники к ее известиям следует подходить с особой осторожностью. Здесь сбита хронология, перепутаны место и время действия, а также имена. А самое главное, что почти все эти известия не находят подтверждения в орденских документах, не говоря уже о летописях. В 1345 году действительно состоялся крупный литовский набег на *Ливонию*, однако литовский набег на *Пруссию* в эти годы был только один. В 1347 году Кейстут захватил и сжег замок Велау, при этом литовцы обошли и не тронули более мощный замок Инстербург. В том же 1347 году комтурство Инстербург понизили в статусе, превратив его в попечительство или *пфлегерство*. Историки знают по именам всего лишь двух комтуров Инстербурга; в 1343-1346 годах эту должность занимал Экхард Куллинг. См.: Бахтин А.П. Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии. Калининград, 2005. Стр. 62, 168.

18. На первый взгляд может показаться, что «Саская земля» — это Саксония. Но Саксония здесь вряд ли подходит, скорее, речь идет о прусской земле *Сасинов*, упомянутой в грамоте чешского короля Отакара II Пржемысла (1267). Дусбург пишет о замке *Сассовия*. См.: Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997. Стр. 126, 271.

19. Смотри примечания 80 и 84 к книге одиннадцатой.

20. Винцентий из Шамотул (ум. 1332) — великопольский староста. Польские рочники называют его изменником, обвиняя в союзе с Тевтонским орденом, чьи войска он якобы провел в Куявию. Но вся эта история довольно темная, а роль Винцентия в этих событиях совершенно не ясна и очень неоднозначна. Напомним, что великопольский староста сыграл видную роль в польской победе под Пловцами (1331). Документы подтверждают связи Винцентия с Бранденбургом, но не с орденом.

21. В 1325 году сын Локетка женился на дочери Гедимина, о чем наш автор довольно подробно рассказывает в главе шестой книги одиннадцатой. Локетек умер в 1333 году, то есть намного раньше Гедимина.

22. Речь идет об орденско-польской войне 1327-1332 годов, в ходе которой Тевтонский орден значительно расширил свои владения, захватил Куявию и окончательно укрепился в Пруссии и в Добжиньской земле. См.: *Nowak T.* Znaczenie budowli obronnych w Wielkopolsce, Kujawach, ziemiach Dobrzynskiej, Leczyckiej i Sieradzkiej w dzialaniach wojennich w XIV w. AUL, 36, Lodz, 1989.

23. Дитрих фон Альтенбург умер в том же году, что и Гедимин (1341). Смотри примечание 78 к книге одиннадцатой.

24. Вся путаница с датами здесь возникает из-за того, что Стрыйковский, следуя ошибочной хронологии Длугоша, упорно пытается совместить события, происходившие в 1329-1331 годах в орденской Пруссии и в Польше, с событиями, происходившими в Литве

в 1345-1348 годах. Но за разделявшие их 15 лет ситуация во всех трех государствах очень сильно изменилась.

25. Людвиг IV Виттельсбах (1314-1347) был по порядку *тридцать четвертым* императором Священной Римской империи, считая первым Карла Великого.

26. Понтификат папы Иоанна XXII: 1316-1334 гг.

27. Если первым великим магистром Тевтонского ордена считать Германа фон Зальца (а он не был первым), то Дитрих фон Альтенбург (1335-1341) и впрямь оказывается шестнадцатым. До того, как стать магистром, он не раз выступал в качестве заместителя своих предшественников, то есть исполнял обязанности *вице-магистра*.

28. В интересующий нас период московскими князьями были Иван Калита (1325-1341) и его сын Симеон Гордый (1341-1353). Имя Дмитрий среди московских князей носили лишь Дмитрий Иванович Донской (1359-1389) и Дмитрий Юрьевич Шемяка (1446-1447). Слово *Semieczcyc* у нашего автора почти точно соответствует написанию Герберштейна (*Semeczitz*). См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., МГУ, 1988. Стр. 65.

29. В издании 1846 года напечатано *6365*, но в издании 1582 года дата ясно различима: ***6865***.

30. Мамай был женат на дочери Бердибека. Герберштейн, а за ним и Стрыйковский, приводят не только правильные имена татарских ханов, но и верные даты. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., МГУ, 1988. Стр. 166.

31. Среди тверский князей не было никакого Семена Ивановича. Стрыйковский имеет в виду московского князя Симеона Ивановича Гордого (1340-1353), сына Ивана Калиты и дядю Дмитрия Донского. Нашего автора ввел в заблуждение Герберштейн, который неточно изложил одно из известий Ермолинской летописи. ***Был также спор и о Тверском княжении. Когда герцог Симеон Иванович попросил его у татарского царя Джанибека, тот потребовал с него дани.*** См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., МГУ, 1988. Стр. 64.

32. Примечание Стрыйковского на полях: **Царевичи Кутлубай, Качибей-Гирей и Димейтер.**

33. Примечание Стрыйковского на полях: **Столкновение литовцев с татарами.**

34. Примечание Стрыйковского на полях: **Новогрудская шляхта с Кориатовичами.**

35. Примечание Стрыйковского на полях: **Хаджибейское** (Kacibejskie) **озеро, из которого соль берут.** Имеется в виду Хаджибейский лиман под Одессой.

36. Примечание Стрыйковского на полях: **Татары поражены литовцами и три царя убиты.** Упоминания об этом есть в Хронике Быховца и в Рогожском летописце. См.: ПСРЛ, том 15, вып.1. М., 1965. Стр. 75.

37. Рассказ Стрыйковского о битве у Синих Вод — единственное подробное описание сражения, о котором историки говорят, что до сих пор точно не установлено ни время битвы, ни ее место, ни то, была ли она вообще. Отдельные исследователи полагают, что битва была на реке Синюхе близ нынешнего села Торговица Кировоградской области в сентябре 1362 года. См.: Ю.Сорока. Битва при Синих Водах. Харьков, 2010.

38. ***Здесь можно видеть памятники, от которых ныне сохранились развалины, подземелья, гроты, мраморные плиты и остатки мощных стен. Это давно покинутое, но весьма удобное для обитания место называется ныне Торговица.*** См.: Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. Стр. 99.

39. Речь идет о подольском Звенигороде, находившемся на реке Синюхе (*Swina* или *Szina*), от которой, предположительно, произошло и его название *Swinigrod*. Название *Szina voda* есть и на карте Бернарда Ваповского (1526).

40. Крепость *Облучицу* (Oblucice) упоминает и польский посол Анджей Бжицкий, в 1557 году ехавший из Белза в Константинополь. Она располагалась на правом берегу Дуная близ Исакчи. См.: Гедзь Т. Неідентифіковані об'єкти на карті Сарматії Бернарда Ваповського. 2014.

41. См.: Puzyna J. Koriat i Koriatowicze. Ateneum Wilenskie. 1930. R.7, z. 3-4.

42. Первое письменное упоминание о Каменце Подольском относится к 7 января 1374 г., когда князья Юрий и Александр Кориатовичи своей грамотой даровали городу Магдебургское право. Археологи и историки утверждают, что деревянная крепость здесь существовала уже в XII веке, если не ранее.

43. Расстояние между Каменцом и Хотином по прямой около 20 км, а по дороге 25-27 км.

44. Об Анджее Тарановском смотри примечание 309 к книге четвертой.

45. В оригинале авторское описание Каменца Подольского — одно-единственное предложение, длинное и грамматически весьма запутанное. Переводчику пришлось разбить его на шесть или семь более мелких.

46. Олеско — самый старый из сохранившихся замков Львовской области. Он упоминается как часть владений галицко-волынского князя Болеслава-Юрия II Тройденовича (1324-1340). См.: Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. Сборник материалов и исследований. СПб, 1907.

47. Дойдя до 1362 года (битва у Синих Вод), Стрыйковский упорно продолжает держаться ошибочной хронологии Длугоша и поэтому возвращается на 30 лет назад, уводя нас в

1331 год, когда шла орденско-польская война, результаты которой он излагает в целом верно.

48. Вслед за Длугошем наш автор непомерно преувеличивает масштабы битвы под Пловцами, хотя оговаривается, что на этот счет существуют другие мнения. См.: Piotr Strzyz. Plowce 1331. Warszawa, 2009. Стр. 162-164.

49. Несмотря на ужасные раны Флориана, королевские врачи сумели спасти ему жизнь. *Jelita* — по-польски *кишки, внутренности*. К шляхте герба Елита принадлежал, в частности, известный польский писатель Стефан Жеромский.

50. Речь идет о Дмитрии Донском, который стал князем Московским в 1359 году, а великим князем Владимирским в 1363 году. Относительно Семечки или Шемяки смотри примечания 28 и 51.

51. В авторском примечании на полях Стрыйковский так и не указал номер страницы из книги Герберштейна, хотя в издании 1582 года для него было оставлено место. Возможно, наш автор подозревал, что Герберштейн что-то напутал с прозвищем Дмитрия, собирался это проверить, но потом забыл или не успел.

52. Владимир Мономах умер не 10 мая, а 19 мая 1125 (6633) года. Смотри примечание 157 к книге пятой.

53. По оценкам современных историков, вся армия Батыя, с которой он обрушился на Северо-Восточную Русь (1237), не превышала ста тысяч человек, а та армия, с которой он брал Киев (1240) и вторгался в Европу (1241), была, возможно, еще меньше.

54. *Юрий* — Георгий Всеволодович, великий князь Владимирский, погибший 4 марта 1238 года в бою с татарами на реке Сити. *Василий* — Василько Константинович, князь Ростовский, в том же бою взятый татарами в плен и вскоре убитый ими за отказ сотрудничать. Стрыйковский здесь и далее почти слово в слово пересказывает Герберштейна. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., МГУ, 1988. Стр. 64.

55. Дмитрий и Андрей — сыновья Александра Невского, жестоко соперничавшие между собой. См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Калуга, 1993. Том IV, гл. V, стр. 465-471.

56. *Дмитрий Михайлович* по прозвищу Грозные Очи — великий князь Тверской (1318-1326). Находясь в Орде, 21 ноября 1325 года он собственноручно убил князя Московского и великого князя Владимирского *Юрия Даниловича*, которого считал главным виновником гибели своего отца Михаила Тверского (1318). За это Дмитрий был казнен татарами, но не сразу, а почти через год, 15 сентября 1326 года. См.: Эккерхард Клюг. Княжество Тверское (1247-1485). Тверь, 1994. Стр. 109-112, 115.

57. Смотри примечание 31.

58. Следуя за Герберштейном, рассказ о Куликовской битве наш автор предваряет известием о битве на Воже, состоявшейся 11 августа 1378 года. Сам Дмитрий участвовал в этом сражении, но фактически русскими войсками командовали Данила Пронский и Тимофей Вельяминов, а татарскими — мурза Бегич. Битву на Воже высоко оценил Карл Маркс: ***Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими.*** См.: Разин Е. А. История военного искусства. Том II. М., 1957. Стр. 268.

59. Так как мы уже знаем, что миля у Стрыйковского составляет около 8 км, можно было бы предположить, что речь идет о пространстве более чем в сто километров, что сопоставимо с расстоянием от Москвы до Твери. Но наш автор списывал у Герберштейна, а тот пользовался известием летописи типа Ермолинской, где говорится о тринадцати *верстах*. См.: ПСРЛ, т. 23. СПб, 1910. Стр. 125.

60. Напомним, что в 1332 году Дмитрий Донской еще не родился, а Ольгерд не был правителем Литвы, поскольку был жив и здоров его отец Гедимин. Не могло всего этого произойти и после Куликовской битвы (1380), так как Ольгерд умер еще в 1377 году. Московско-литовские войны или *литовщины* имели место в 1368-1372 гг., о чем сообщают и русские летописи, хотя и без тех подробностей, которые приводит Хроника Быховца. См.: ПСРЛ, том 15, вып.1. Петроград, 1922. Стр. 88-90, 94-95, 103.

61. Этот рассказ, причем довольно подробный, содержится в одной-единственной из дошедших до нас белорусско-литовских летописей — Хронике Быховца. Что касается «Хроники Литовской и Жмойтской», где тоже есть эта тема, то она сама основана на хронике Стрыйковского и не может идти в счет. Судя по пересказам нашего автора, тексты, бывшие в его руках, отнюдь не дословно совпадали с дошедшим до нас списком Хроники Быховца. Впрочем, Стрыйковский не раз подчеркивал, что летописей типа Быховца у него было *несколько*. И тексты в них не были идентичны, ибо их приходилось *сопоставлять* и *сравнивать*. См.: Хроника Быховца. М.,1966. Стр. 58-59; ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 60-62.

62. *Посполитым рушением,* что с польского буквально переводится как *народное движение,* поляки называли всеобщую военную мобилизацию шляхты, а также собираемое таким образом *ополчение*, состоящее из самих шляхтичей, их слуг и выставляемых ими отрядов, численность и вооружение которых определяли чаще всего сами шляхтичи. В Польше посполитое рушение мог созывать только король, причем делал он это довольно редко. Правители Литвы собирали народные ополчения и до Кревской унии (1385), однако у нас нет достоверных сведений о том, насколько литовская система была похожа на польскую, и в чем были различия.

63. Поход Ольгерда на Москву в ноябре 1368 года, действительно, был вызван враждебными действиями Дмитрия Ивановича, но не против Литвы, а против Твери. Тверской князь Михаил Александрович бежал к Ольгерду, женатому на его сестре Ульяне, и тот решил заступиться за свояка и своего союзника. См.: Эккерхард Клюг. Княжество Тверское (1247-1485). Тверь, 1994. Стр. 182, 196; Борисов Н. С. Дмитрий Донской. М., 2014. Стр. 144-150.

64. ***Кто ехал навстречу ему из Москвы, тех пропускал, а которые тогда ехали в Москву, тех назад заворачивал.*** Этих подробностей нет ни у Стрыйковского, ни в Хронике Быховца, но они есть в «Хронике Литовской и Жмойтской», составитель которой подчерпнул их из русских летописей. В этой же хронике и тоже на основе русских летописей подробно рассказывается и о Куликовской битве, чего нет у нашего автора и в чем состоит одно из самых главных различий между хроникой Стрыйковского и «Хроникой Литовской и Жмойтской». Особо отметим, что в обеих хрониках известие о Куликовской битве (1380) *предшествует* рассказу о «литовщине» (1368). См.: ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 45-62.

65. Расстояние от Можайска до Москвы 100-110 км, и в данном случае миля у Стрыйковского составляет около 6 км.

66. В 1367 году было завершено строительство белокаменного московского Кремля, который через год с честью выдержал литовское нападение. См.: Лощиц Ю. Дмитрий Донской. М., 1980. Стр. 102-107.

67. В 1368 году пасха была 9 апреля, а в 1369 году — 1 апреля. А в Рогожском летописце вполне определенно сказано, что Ольгерд подступил к Москве в конце *ноября* 1368 года. См.: ПСРЛ, том 15, вып.1. Петроград, 1922. Стр. 89.

68. Из дальнейшего текста следует, что *Летописцами* (по крайней мере, в данном случае) автор именует только так называемые белорусско-литовские летописи, а русские летописи называет *Русскими хрониками*.

69. Ни дошедшие до нас белорусско-литовские летописи, ни Герберштейн нигде не упоминают ни о Поклонной горе, ни даже о самом походе Ольгерда на Москву. Об этом написано только в Хронике Быховца, и именно этот текст и принято считать первым письменным упоминанием о *Поклонной горе*. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 58; ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 140. В русских источниках Поклонная гора впервые упоминается в «Новом летописце» при описании событий 1591 года. См.: ПСРЛ, том 14, часть 1. СПб, 1910. Стр. 124, 125. Однако этот текст был составлен уже после прекращения официального русского летописания, в XVII столетии. См.: Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб, 2004. Стр. 6, 7. Таким образом, первое упоминание о Поклонной горе в польскоязычных источниках имело место почти на сто лет раньше, чем в русскоязычных.

70. В Хронике Быховца написано *прислонил*, а составитель «Хроники Литовской и Жмойтской» вслед за Стрыйковским пишет *скрушил* (то есть сломал). См.: Хроника Быховца. М.,1966. Стр. 59; ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 61.

71. По известиям русских летописей, литовцы простояли у стен Московского кремля три дня и три ночи, после чего двинулись обратно, грабя и разоряя русские земли. Сам Ольгерд в Кремль не въезжал и с Дмитрием не встречался. Ни во время осады, ни после русские не заключали с Литвой никакого мирного договора, ничего литовцам не платили и не делали территориальных уступок. Но в отношении Твери Москве все же пришлось

пойти на уступки, к тому же литовцам удалось захватить и удержать Ржеву (1368). См.: ПСРЛ, том 15, вып.1. Петроград, 1922. Стр. 90.

72. В современном польском языке слово *жолнёр* (zolnierz) означает просто *солдат*. Из фразы Стрыйковского следует, что так он называл воинов *постоянной армии* , находящихся на полном государственном обеспечении (в XIV веке таких армий еще не было ни в Польше, ни в Литве), а то и просто наемников.

73. Этими словами в издании 1582 года заканчивается страница 421, но следующая страница имеет номер не 422, а 423. Страницы под номером 422 в этом издании вообще нет. Напомним, что ранее номер 92 использовали дважды, для двух последовательных страниц. Очень похоже, что номер 422 типограф пропустил нарочно, чтобы выправить ранее сбитую общую нумерацию. В издании 1846 года всей этой чехарды, конечно, нет. Смотри примечание 23 к книге четвертой.

74. В Троянской войне принимали участие сразу два Эврипила. Эврипил, сын Эвемона, воевал за ахейцев, был ранен стрелой Париса и излечен Патроклом. Эврипил, сын Телефа, последний предводитель троянцев, пал под стенами города в поединке с Неоптолемом или Пирром, сыном Ахилла. См.: Гомер. Илиада.Л., 1990. Стр. 63 , 215; Гомер. Одиссея. М., 2000. Стр. 132.

75. Пандар, сын Ликаона — союзник троянцев и великий стрелок из лука, ранивший Менелая. Убит Диомедом. См.: Гомер. Илиада. Л., 1990. Стр. 51, 67.

76. Гай Азиний Поллион (76 до н.э. — 4 н.э.) — римский полководец, оратор и историк. В период Гражданских войн был легатом Цезаря и участвовал в битве при Фарсале. Потом поддерживал Антония, но от участия в битве при Акции отказался, заявив Октавиану, что он многим обязан Антонию и «станет добычей победителя». Впоследствии Поллион отошел от политики, занялся литературой и стал покровителем искусств. Написал «Историю Гражданских войн в Риме» в 17 книгах, от которой до нас дошли только фрагменты. Известный оратор, собиратель и ценитель книг, основатель первой в Риме публичной библиотеки. Был патроном и другом Вергилия и Горация, знал Катулла. См.: Корнелий Тацит. Диалоги об ораторах. В кн.: Сочинения в двух томах, том I. Л., 1969. Стр. 397, 400.

77. Стрыйковский хотел сказать, что у древних литовских героев на их родине еще не было своих историков и поэтов, которые воспели бы их подвиги.

78. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., МГУ, 1988. Стр. 83.

79. Расстояние от Москвы до Твери (по дороге) 170 км, и в данном случае одна миля должна составлять 4,7 км.

80. Имеется в виду литовско-польский набег на Бранденбург (1326), во время которого погиб Давыд Городенский. См.: Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1989. Стр. 185, 186.

81. О Куреусе смотри примечание 112 к книге первой.

82. Из «русских летописцев» о Гаштольде и о католических монахах в Вильно упоминает лишь хроника Быховца, которая не уточняет, что эти монахи были францисканцами. См.: Хроника Быховца. М.,1966. Стр. 58, 59.

83. В 1341 году в Вильнюс прибыли два францисканских монаха: Мартин из Ахд и Ульрих из Одлоховице. Монахов пригласил Гедимин, но те чем-то его разгневали, и он велел их казнить. Францисканцев утопили в реке, а потом тело одного из них все же похоронили в православном монастыре, где в то время пребывала родная сестра литовского владыки. Впервые эта история была рассказана в 1369 году в францисканской «Хронике XXIV генералов». В последующих пересказах она быстро превратилась в легенду о массовом мученичестве, ибо число монахов возросло до 14. Историки относятся к ней серьезно, поскольку подобное известие встречается у немецкого хрониста Иоганна Винтертурского и у чешского хрониста Бенеша Крабицы. Крабица пишет, что Гедимин собирался принять крещение, и тогда литовцы, посовещавшись, отравили князя. Возможно, злополучных монахов обвинили в смерти Гедимина, из-за чего их и предали казни. Ольгерда и Гаштольда к этой истории приписала уже Хроника Быховца, но возможность участия обоих в событиях 1341 г. существует, и ее нельзя исключать. См.: Никжентайтис А.П. Легенда XIV века о мученичестве 14 францисканцев в Вильнюсе и историческая истина. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1990. Стр. 257-269.

84. У Стрыйковского *na piasku nad kaluza Winkra*, в Хронике Быховца *na peskoch nad Winkrom*. Костел Девы Марии — костел Вознесения Пресвятой Девы Марии на улице Траку, один из самых старых храмов Вильнюса.

85. Ванко или Вацлав (1293-1336) — князь плоцкий (1313-1336), единственный сын Болеслава II Мазовецкого и Кунигунды, дочери чешского короля Отакара II Пржемысла. Был женат (1316) на дочери Гедимина Эльжбете (1302-1364), так что Кейстуту приходился мужем сестры (зятем), а Витовту— мужем тети (дядей-свойственником). Умер 23 мая 1336 года.

86. Эльжбета была второй дочерью Гедимина, а старшей дочерью была Мария, жена великого князя тверского Дмитрия Грозные Очи (1318-1326), упоминавшегося выше. Смотри примечание 56.

87. Перемирие в орденско-польской войне было заключено в августе 1332 года сначала на год, а потом несколько раз продлевалось вплоть до установления окончательного мира.

88. Вслед за Длугошем наш автор сильно преувеличивает успехи поляков в их войне с немцами и чехами. Во время орденско-польской войны (1327-1332) завершался и начавшийся в середине XIII столетия распад польской Силезии, постепенно переходившей под власть чешской короны. В 1327 году чешскому королю Иоанну Люксембургскому присягнули князья Верхней Силезии, а в 1329 году — большинство князей Нижней Силезии. Прямое столкновение Иоанна с Локетком имело место осенью 1331 года под

Познанью и закончилось перемирием. Но в 1332 году Иоанн Люксембург заявил о своих претензиях и на польскую корону, объявив себя «королем Кракова». См.: Раймон Казель. Иоанн Слепой. Граф Люксембурга, король Чехии. СПб, 2004. Стр. 237.

89. Казимир был женат на дочери Гедимина, сестре Ольгерда. По нашей терминологии, и отцу и брату своей жены он приходился *зятем.* Но в оригинале только Гедимину он *ziec,* а Ольгерду *szwagier*. Это польское слово точнее всего перевести как *свояк*, а вообще-то оно может означать и шурина, и деверя, и зятя.

90. Казимир Великий был коронован 25 апреля 1333 года.

91. 23 апреля — весенний Юрьев день (Святого Георгия); этот же день считается днем памяти святого Войцеха (Адальберта), убитого пруссами в 997 году.

92. День Святого Мартина католики отмечают 11 ноября, а вот православные — 12 октября. У Длугоша ясно написано: 16 *октября.*

93. Из семерых сыновей Гедимина в отношении четверых вопросов нет (если не считать того, что Кориат назван Корибутом). Но вместо оставшихся Явнута, Монтвида и Наримунта названы три *сына Кейстута:* Патрик (Патрикий), Бутовт (Бутав) и Товтивил, переделанный Длугошем в Суривила и ошибочно принятый Стрыйковским за Свидригайло.

94. Очень любопытное известие о том, что для проведения традиционных осенних свадеб даже во время войн заключались специальные перемирия.

95. При описании этих событий Стрыйковский опирался на «Историю» Длугоша, а тот, в свою очередь, основывался на хронике Виганда из Марбурга, у которого написано *comes de Namen.* Немецкие историки считают, что речь идет о графе Филиппе де Намюр, сыне Жана Дампьера, графа Намюрского. См.: Scriptores Rerum Prussicarum. Band II. Leipzig, 1863. Стр. 488.

96. В данном случае *крестоносцами* были как раз добровольцы, прибывшие из Германии; наш же автор, как принято у поляков, крестоносцами (krzyzakami) называет исключительно рыцарей Тевтонского ордена. Смотри примечание 53 к книге одиннадцатой.

97. Местонахождение крепости Пиленай до сих пор точно не установлено, ибо употребленный Вигандом топоним *Troppen* пока не идентифицирован. Вплоть до недавнего времени считалось, что Пиленай — это замок Пуне или Пуня (так думал и Стрыйковский), находившийся на правом берегу Немана (Алитусский район) прямо на линии Кёнигсберг — Вильнюс. Но в последние годы литовские ученые все более склоняются к мнению, что Пиленай находился в Жемайтии, может быть, неподалеку от часто упоминаемого в источниках Меджиогалиса. В пользу обеих гипотез имеются серьезные доводы, и ни одну из них не стоит отбрасывать.

98. Стрыйковский ясно пишет «староста», то есть старший начальник, то же самое написано у Длугоша. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. IX, Krakow, 1868. Стр. 163. Однако Длугош невнимательно прочитал текст Виганда, исказив его жутковатый смысл. Обратимся к латинскому оригиналу. ***Quedam vetula pagana cum securi 100 ex eis occiderit et se ipsam post interemit.*** *(Одна старая язычница убила топором 100 из них, а потом покончила с собой).* См.: Scriptores Rerum Prussicarum. Band II. Leipzig, 1863. Стр. 489. Зловещий образ языческой жрицы, ангела смерти, ныне встретишь во всех книгах про орденско-литовские войны, но Стрыйковский не знал не только о старухе, но и о Маргере и о его жене. У Виганда же написано: ***Rex tamen a suis clientibus cum shutis protectus, tandem terrore concussus, fugit in quoddam latibulum et conjugem suam transfixit et in ignem ecit. Pagani in tanta afflictione concussi inclinaverunt cervices suas, et rex omnes occidit.*** *(В конце концов король, пораженный ужасом, оставил своих людей, защищавших замок, бежал в некое тайное убежище, заколол свою жену и бросил в огонь. Потрясенные таким несчастьем, язычники подставили ему свои дрожащие шеи, и король поубивал их всех)*. Виганд из Марбурга называет «литовским королем» князя Маргера (Маргириса), руководителя обороны Пиленай.

99. Оборона Пиленай происходила в начале марта 1336 года, так как Виганд пишет, что немцы выступили в поход во второе воскресенье Великого поста (Reminscere), а это 25 февраля 1336 г. Однако о литовском набеге на Мазовию (в октябре или ноябре *того же года*) и Длугош, и наш автор сообщают как о более раннем событии. Увязать это можно только исходя из того, что за начало года принималось либо 1 сентября, либо даже 1 марта, как в русских летописях.

100. См.: Аппиан Александрийский. Римская история. М., 1998. Стр. 200, 201.

101. *Sobiani* — возможно, *сибы*, с которыми Александр воевал в Индии в 326 году до н.э. См.: Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». СПб, 2005. Кн. XII, гл. 9 (2).

102. См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах. Том III. М., 1964. Стр. 331.

103. См.: Малые римские историки. М., 1995. Стр. 123.

104. См.: Малые римские историки. М., 1995. Стр. 139.

105. Вероятно, имеются в виду *абдериты* — жители города *Абдера* во Фракии, который Филипп Македонский завоевал в 352 году до н.э.

106. Книгу «Об обучении военному делу» грека Доминика Циления (Cilenius) Стрыйковский включил в список использованной им литературы, но найти каких-то других сведений об этом авторе нам не удалось.

107. См.: Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1981. Стр. 83.

108. Османы захватили крепость Сегед в 1526 году, при султане Сулеймане I Великолепном. Но более вероятно, что Стрыйковский имел в виду осаду турками венгерской крепости *Сигетвар* (август-сентябрь 1566 г.). Во время этой осады умер султан Сулейман I (7 сентября) и погиб бан Хорватии Миклош Зрини (8 сентября). Оборону Сигетвара кардинал Ришелье называл «битвой, которая спасла цивилизацию».

109. Выражение ***z Rusia*** можно перевести и как *пришедшие с территории Руси*, и как *вместе с Русью*, то есть с русскими. И хотя первый вариант предпочтительнее, второй отбрасывать тоже нельзя.

110. Сайдак — чехол для лука, куда иногда помещался и колчан со стрелами. Известие о том, что сайдак использовался и для подачи сигналов, то есть наподобие барабана или бубна, уникально и встречается едва ли не у одного лишь Стрыйковского. Подобное возможно лишь в том случае, когда сайдак представляет из себя довольно жесткую конструкцию.

111. Смотри примечания 11, 79 и 80 к книге одиннадцатой.

112. Мултянка — возможно, разновидность флейты, музыкальный инструмент, название которого происходит от румынской провинции Мультания (Мунтения).

113. Анна-Альдона умерла в Кракове 26 мая 1339 года. Сейм, начавшийся 8 мая, могли созвать по причине смертельной болезни королевы, но не ее смерти, ибо Анна была еще жива.

114. Ошибка или, скорее, описка Стрыйковского. Сестру Казимира и жену венгерского короля Карла Роберта (1307-1342) звали Эльжбета (Елизавета).

115. Избрание Людовика Венгерского наследником польского престола решительным образом определило исторические судьбы Польши и Литвы. Дочерью Людовика была польская королева Ядвига, будущая жена Ягайло.

116. См.: Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб, 1907. Стр. 57, 58.

117. У Стрыйковского ***Czerwonygrodek***, а в Хронике Быховца ***Czerleny gorod*** *(Черленый город)*. См.: ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 139.

118. В Хронике Быховца имя этого воеводы *Нестан* (*Nestan*). См.: Хроника Быховца. М.,1966. Стр. 57.

119. Описываемые здесь события, упомянутые только в Хронике Быховца, более или менее соответствуют историческим фактам, но происходили лет на сорок позднее дат, приводимых Стрыйковским. Федор Кориатович, внук Гедимина, умер в 1415 году. См.: Попович М. Федор Корятович — русинськый войвода. Пряшов, 1993. Эта уникальная книга издана на *русинском* языке.

120. В 1323 году в битве с татарами или литовцами погибли волынский князь Андрей Юрьевич и галицкий князь Лев Юрьевич — правнуки и последние потомки Даниила Галицкого. Любарт был женат на дочери Андрея (1321), но свои претензии на Волынь выдвинул лишь после смерти наследовавшего братьям Болеслава-Юрия Тройденовича (1340).

121. Этот толковый и исторически достоверный рассказ Стрыйковского помогает разобраться в сложной и запутанной политической ситуации, сложившейся в Юго-Западной Руси во второй четверти XIV века.

122. Совершенно очевидная опечатка. Дитрих фон Альтенбург умер 6 октября 1341 года. На его место, действительно, был избран тогдашний великий комтур, но звали его не Рудольф, а *Людольф*. И хотя Людольф Кёниг был родом из Саксонии, он был не князем, а министериалом, как, впрочем, и Герман фон Зальца. В отношении *Людера* наш автор тоже напутал, ибо Людер (или Лютер) Брауншвейгский был великим магистром в 1331-1335 гг.

123. Людвиг Баварский был императором Священной Римской империи в 1328-1347 гг. Что же касается пап, то с ними, как мы уже не раз говорили, у Стрыйковского просто беда. В эти годы папой был не Бенедикт II, а Бенедикт XII (1334-1342). Эта опечатка, как и предыдущая, была и в издании 1582 года.

124. Новая Марка — часть территории Бранденбурга. После того, как династия бранденбургских маркграфов Асканиев пресеклась, германский король Людвиг Баварский объявил маркграфство выморочным леном и передал его своему сыну и тезке Людвигу (1323). Однако в данном случае попытки завладеть Новой Маркой совершенно ни при чем. Наш автор смешал и спутал разные события, происходившие в разное время.

125. Зимой 1344/1345 годов в Пруссию прибыло большое крестоносное войско во главе с двумя королями: Яном Чешским и Людовиком Венгерским. Великий магистр уже собирался вести их в поход на Литву, но тут получил известие, что литовцы готовят крупное вторжение в Пруссию. Тогда Людольф Кёниг уговорил крестоносцев остаться в Пруссии для ее защиты. Но литовцы в феврале 1345 года совершили набег не на Пруссию, а на Ливонию, разорив ее до самой Риги. ***Неудивительно, что оба короля, чешский и венгерский, всю вину приписали магистру, как будто все произошло по его воле. Напрасно, мол, они вместе с остальными прибыли из своих королевств и земель и заведены были сюда; напрасно и отступили, так и не повоевав с язычниками. Слыша это из их уст, и из уст остальных рыцарей на магистра посыпались различные упреки. То же говорили и братья его ордена. И по этой причине изменилась его речь и ослаб рассудок у того, кто всегда отличался величественной речью и дельным советом. Магистр Людольф помешался от забот.*** См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 38.

126. Людольф Кёниг был отстранен от должности 13 октября 1345 года. В тот же день великим магистром Тевтонского ордена был избран великий маршал Генрих Дусемер. Понтификат папы Климента VI — 1342-1352.

127. Город Сантьяго-де-Компостела в Испании считается третьим по значению святым городом христианского мира (после Иерусалима и Рима) и всегда был местом массовых паломничеств. Считается, что в здешнем соборе хранятся мощи святого апостола Иакова.

128. Упомянутые крестоносцы собрались в Пруссии в самом конце 1344 года, еще при великом магистре Людольфе Кёниге. Хронологически Стрыйковский возвратился к началу той истории, которую нам уже рассказал. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 37.

129. *Графом фон Галле* Стрыйковский называет Вильгельма IV, графа Геннегау, Голландии, Зеландии и Фрисландии. Искавший приключений Вильгельм сражался за англичан в битве при Слейсе (1340), в Пруссию приезжал как минимум дважды, вернувшись из Пруссии, отправился воевать с фризами, которыми и был убит (26 сентября 1345 года). См.: Устинов В.Г. Столетняя война и войны Роз. М., 2008. Стр. 130-131.

130. Ливонским магистром в 1340-1345 годах был *Бурхард* фон Дрейлевен. Герлах *фон Гарен* в эти годы был комтуром Мариенбурга (в Ливонии), но как он попал в хронику Стрыйковского, непонятно, так как ни Виганд, ни Длугош о фон Гарене не упоминают. Можно предположить, что в числе источников нашего автора была и хроника Германа из Вартберга, где есть это имя. См.: Ливонская хроника Германа Вартберга. В кн.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том II. Рига, 1879. Стр. 103.

131. В 1343 году в Эстонии вспыхнуло антинемецкое *восстание Юрьевой ночи*. Некоторые эпизоды этого восстания наш автор без достаточных оснований связал с литовским набегом на Ливонию в 1345 году. Так в хронику Стрыйковского попало известие о Хаапсалу, до которого, как и до Дерпта, литовцы в 1345 году не доходили. См.: Ливонская хроника Германа Вартберга. В кн.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том II. Рига, 1879. Стр. 104, 105.

132. Остик или Осцик (Oscik) — Григорий Остикович герба Трубы, сын смоленского воеводы Юрия Остиковича. Кальвинист. В 1572 году выступал за избрание польским королем царевича Федора, сына Ивана Грозного, а в 1575 году предлагал в короли и самого Ивана IV, у которого за поддержку его кандидатуры просил земли и должности. Обвинен в заговоре против Стефана Батория и казнен 18 июня 1580 года. См.: Рейнгольд Гейденштейн. Записки о московской войне. 1578-1582. СПб, 1889. Стр. 103-105.

133. Стрыйковский пишет *опалил* (opalil), а не *сжег* (spalil), то есть были сожжены посады и выжжены окрестности, но сам замок не был взят и сожжен. Все перечисленные замки, кроме Мемельбурга (Клайпеды), находятся в Восточной Пруссии и идентифицируются без особого труда. Но к большинству из них Кейстут даже не приближался, в том числе и к Кёнигсбергу. В 1347 году литовские войска были около Рагнита, Лабиау, Гердауена, Люненбурга, Инстербурга, Резеля, Растенбурга, Вонсдорфа и Велау, причем взяли и сожгли лишь три последних, а другие осаждать не стали и обошли стороной, ограничившись разорением окрестных сел. См.: Бахтин А. П. Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии. Калининград, 2005. Стр. 197-199.

134. Литовцы не раз устраивали крестоносцам подобные «голодные» отступления, например, в 1314 году. Но в данном случае рассказ Стрыйковского не находит подтверждения в орденских источниках, а подробности позаимствованы из описания какого-то другого похода. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской». М.,1997, стр. 173.

135. История, рассказанная Стрыйковским, произошла не с Генрихом Дусемером, а с великим магистром Людольфом Кёнигом. Смотри примечания 125, 126 и 128.

136. Хаапсалу был цетром Эзель-Викского (Сааре-Ляэнемааского) епископства в Эстонии.

137. Литовский набег на Ливонию был в 1345 году, а походы Кейстута на Пруссию — в 1346 и в 1347 году. Крупный ответный поход на Литву ордену удалось организовать лишь в 1348 году, о чем смотри ниже. А в 1345 году столь тщательно подготовленный поход двух королей так и не состоялся, так как великий магистр, ждавший литовского набега, убедил крестоносцев остаться в Прусии для ее защиты. Таким образом, описанная Стрыйковским ситуация ***«вы к нам, мы к вам»***, не подтверждается надежными источниками. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 37, 38, 41.

138. См.: Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippcae». Кн. XXII, гл. 5, 6. Спб, 2005.

139. См.: Малые римские историки. М., 1996. Стр. 127, 128. Смотри также примечание 106.

140. Начиная с этого места Стрыйковский переходит к описанию знаменитой битвы на Стреве, состоявшейся 2 февраля 1348 года. 1346 год ошибочно указан Вигандом из Марбурга, которому мы и обязаны едва ли не единственным относительно достоверным описанием этого сражения. ***В 1346 году магистр Дусемер с комтурами кульмской и поморской земель, а также английскими и французскими пилигримами собрал против литвинов большое войско, и в результате имел 40 000 хорошо вооруженных мужей, которые и выступили против язычников. Сам он участия в походе все-таки не принял, а с разрешения своих остался в Инстербурге. Брат Зигфрид фон Даненфельд, маршал, и брат Винрих фон Книпроде, великий комтур, в канун обращения святого Павла вступили в языческую землю, где по приказу маршала были истреблены язычники обоего пола, стар и млад, а страна опустошена огнем. Литовский же король созвал большое войско, которое возглавляли русины из Владимира, Бреста, Витебска, Смоленска и Полоцка, и все они бросились в погоню за возвращавшимся маршалом. В день очищения пресвятой девы Марии они сошлись в решительной битве на реке Стреве. Язычники бросились на христиан с копьями, русины стрелами из луков переранили много людей и лошадей. Братья славно сражались и дали им мощный отпор. Многие были убиты, в том числе гданьский комтур*** *(Герхард фон Стеген)*, ***фогт самбийского епископа Иоганн де Лёве и с ним 50 мужей, убитых при знамени. Христиане погнали язычников, искавших спасения в бегстве. В упомянутой реке было видно много убитых русинов и прочих до 18 000. И вдруг случилось, что христиане прошли невредимыми по хрупкому льду, аки посуху, ступая по убитым и***

утонувшим. И так закончилась та война в Литве над рекой Стревой. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 42, 150.

141. Ни Ольгерд, ни Кейстут в битве на Стреве не участвовали. Русско-литовские отряды вели в бой князья из тех районов Великого княжества Литовского, где правили Наримонт и Любарт. В этом бою (как и вообще в походе) не участвовал и великий магистр Тевтонского ордена Генрих Дусемер, а Винрих фон Книпроде сражался, будучи еще великим комтуром. Командовал же орденским войском великий маршал Зигфрид фон Даненфельд. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 42.

142. *Громником* или Громницами славяне называют праздник Сретения Господня (2 февраля).

143. Литовско-русские потери в битве на Стреве были большими, и все же не столь огромными, как сообщают некоторые хроники, в том числе и русские летописи. Данные Виганда о потерях литовцев и о численности войск самих крестоносцев надо уменьшать на целый порядок – только тогда они выглядят реально. Еще П. Д. Брянцев (1889) считал, что «масштабы битвы на Стреве непомерно раздуты». Известие о битве на Стреве попало почти во все русские летописи не только потому, что это было крупное сражение, но еще и потому, что русских там было много больше, чем литовцев. Русские летописи здесь почему-то прилежно следуют за орденскими хрониками, и только Рогожский летописец приводит реальную цифру — *четыре тысячи* убитых литовцев. Зато все немецкие хронисты с завидным упорством называют явно несуразное число — 18 тысяч. Вероятно, оно было взято из какого-то донесения Генриха Дусемера, откуда попало сначала в Оливскую хронику и в хронику Гёнеке, а потом во все позднейшие. Причем сам Генеке пишет, что в сражении пало всего 42 немца и 8 братьев. Но среди этих восьми братьев были сразу *два комтура*: Гданьска и Голубы. См.: ПСРЛ, том 15, вып. 1. Петроград, 1922. Стр. 57.

144. Речь идет об одном из самых известных сражений Столетней войны — битве при Креси 26 августа 1346 года. Ян Люксембургский принял в ней участие, так как сын французского короля был женат на его дочери. Заявив, что слепота не помешает ему нанести еще несколько хороших ударов мечом, он передал поводья своим рыцарям, бросился в бой и погиб. См.: Раймон Казель. Иоанн Слепой. Граф Люксембурга, король Чехии. СПб, 2004. Стр. 337.

145. Чешские короли Отакар II Пржемысл (1253-1278) и Ян Люксембургский (1310-1346) и в самом деле погибли в один и тот же день календаря, но этот день был не 27, а **26 августа**.

146. Карл Люксембург еще при жизни отца стал германским королем (1346), что в те времена многими воспринималось почти равнозначно императорскому титулу. Но формально Карл был коронован императором значительно позже — в 1355 году. Королем Чехии он стал сразу после гибели отца (1346), причем позже, чем королем Германии.

147. Во время пребывания Карла в Пизе (1355) во дворце случился пожар, и король с женой едва успели спастись. Король обвинил горожан в заговоре и поджоге, в ответ пизанцы устроили в городе беспорядки. В конце концов «зачинщиков» казнили, а власти города заплатили Карлу компенсацию в 33 тысячи флоринов.

148. Ян Грот герба Равич был епископом краковским в 1328-1347 гг.

149. Генрих Дусемер подал в отставку (в связи с болезнью) осенью 1351 года, а умер в 1353 году. Винрих фон Книпроде был избран великим магистром Тевтонского ордена 16 сентября 1351 года. Но Виганд из Марбурга пишет, что магистром тот стал в праздник Трех королей, а это 6 января. Остается предположить, что само избрание состоялось в сентябре, а официальное утверждение в должности — в январе 1352 года. Винрих был 22-м великим магистром ордена, но наш автор ведет отсчет от Германа фон Зальца, поэтому считает его восемнадцатым.

150. Стрыйковский употребил слово ***najezdnik***, точный смысл которого: *тот, кто устраивает наезды (набеги).*

151. Первый поход нового великого магистра Виганд датирует 1352 годом, называя литовские волости Rosgeyn (Россиене), Ergolen (Эрайгола) и Gesow (Гайжува). Стрыковский упоминает *Pistrymski (Pistrzymski, Pastrzymski)* повят — это литовская волость Пастува (Pastow) или район около крепости Писты (Piestve), то есть примерно те же территории, что и Виганд. Этот район лежит между нижними течениями впадающих в Неман рек Дубиссы и Невежиса, причем уже довольно-таки близко от Ковно (Каунаса). См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 45.

152. Лабиау — ныне город Полесск Калининградской области, расположенный на южном берегу Куршского залива.

153. Река Дейма (Deyme), с юга впадающая в Куршский залив.

154. Литовским предводителем, которого Виганд именует *королем смоленским*, был Патрикий или Патирг, сын Кейстута. Но он не утонул в Дейме, а был вытащен из реки по приказу Хеннига фон Шиндекопфа, тогдашнего комтура Лабиау и впоследствии великого маршала Тевтонского ордена, геройски павшего в Рудавской битве (1370). Шиндекопф вернул Патрикия отцу, причем без выкупа, не желая *непримиримой вражды* с Кейстутом. Известие о гибели смоленского князя Стрыйковский подчерпнул у Длугоша, но тот ошибся, неверно истолковав свой первоисточник. Патрикия, родоначальника *Патрикеевых,* могли перепутать с князем Наримонтом, погибшем в битве на Стреве (1348). См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 45, 46.

155. Имена этих комтуров рассеивают все сомнения: Стрыйковский второй раз рассказывает о битве на Стреве (2 февраля 1348 года), уже описанной им в предыдущей главе. До сих пор его хронология была сдвинута года на четыре назад (например, бой под Лабиау происходил в марте 1352 года), теперь же он забегает на год вперед, датируя битву на Стреве 1349 годом. Смотри примечания 140, 141 и 143.

156. Речь идет о поразившей всю Европу эпидемии чумы 1347-1352 годов — той самой, которая описана в «Декамероне». В Польше эпидемия началась в 1348 году и длилась почти два года, в Германии ее пик отмечен в 1349-1350 годах, в Ливонии в 1351 году, в Пруссии в 1352 году. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. IX, Krakow,1868. Стр. 216, 217.

157. После польско-литовской унии Польшу называли *короной* (то есть королевством), а Литву — Великим княжеством, но чаще просто *Литвой*.

158. Смотри главу 8 книги шестой.

159. Опочно — город в Лодзиньском воеводстве; Крессов (у Длугоша *Krzeczow*) — городок к юго-западу от Кракова.

160. Длугош пишет, что в 1349 году Бодзента *пригрозил* Казимиру церковным проклятием, но не пишет, что эта угроза была осуществлена. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. IX, Krakow,1868. Стр. 220.

161. Слово *хоругвь* имеет значение не только *знамя* или *конный отряд* под этим знаменем, но и *штандарт* или *вымпел* с религиозной символикой.

162. Антонио Бонфини (1434-1503) — итальянский историк родом из Асколи, приглашенный ко двору венгерского короля Матьяша Корвина, женатого на дочери неаполитанского короля. Он написал «Историю Венгрии» на латинском языке, доведенную до 1495 года и законченную уже после смерти Матьяша. Был одним из первых авторов, писавших о Владе Цепеше, причем его рассказ лег в основу едва ли не всех последующих сочинений о Дракуле. На книгу Бонфиния ссылались Флетчер и Татищев. См.: Antonii Bonfinii Rerum Ungaricarum decades quatuor cum dimidia. Francofurti 1581.

163. Потомки Оттона из Щекарович носили фамилию *Тарло*, и Стрыйковский делает резонный вывод, что и сам Оттон носил ту же фамилию, хотя Длугош нигде не называет его Тарло. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. IX, Krakow,1868. Стр. 225, 226.

164. Слово *komornik* в польском языке может иметь различные значения, например, *судебный исполнитель*. Но поскольку свой *коморник* был и у великого магистра Тевтонского ордена, нам кажется, что здесь это слово уместнее всего перевести как *заведующий хозяйством*.

165. История довольно странная. Польский король карает поляков за измену, а получается, что *литовец* Ягайло наказывает тех, чьи предки помогали его дяде и отцу. Наверное, здесь стоит вспомнить о вражде между Ягайлой и Кейстутом. Если же король карал за измену литовцам, то к тому времени все уже, конечно, знали, что Пшонку попросту подставили.

166. И у Меховского, и у Стрыйковского получается, что Польша владела не всей Подолией, а только ее частью, как оно и было в действительности.

167. Слово ***buda*** в современном польском языке означает *будка, ларек, палатка* и происходит от слова ***budowia*** *— строение, сооружение, постройка*. Меховский же пишет латинское слово ***latibula*** (*тайник, укрытие*), которое мало похоже на слово ***buda*.**

168. Смотри примечание 157.

169. Очевидно, имеются в виду так называемые *Зеленые святки*, которые русские и украинцы отмечали в последнюю неделю перед Троицей. В 1353 году святочная суббота приходилась на 19 мая.

170. Патрик (Патирг, Патрикий) — сын Кейстута. Смотри примечание 154.

171. Очень характерная ошибка, когда в издании 1582 года типограф принял латинскую букву ***S*** за готическую ***F***, и вместо Резеля (Resel) получился Рефил (Refil). Резель (Решель) — орденский замок западнее Кентшина, с 1300 года резиденция вармийских епископов. Описываемый набег Виганд датирует 19 февраля 1353 года. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 46.

172. Вартемберг (Бартен, Барчианы) — орденский замок в Бартии севернее Кентшина. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М.,1997, стр. 185.

173. Расстояние от Кёнигсберга до Барчиан (по прямой) около 80 км.

174. Эта *вассальная* присяга еще не являлась актом окончательного включения Мазовецкого княжества в состав Польши. Оно произошло значительно позднее, в середине XV века.

175. *Медникским повятом* Стрыйковский называет волость Мядининкай в Жемайтии, которая находилась в районе озера Лукштас и нынешнего регионального парка Варняй. Эти Медники не следует путать с другими Медниками — замком Мядининкай в Вильнюсском районе, у самой границы с Белоруссией. См.: Петр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» М.,1997. Стр. 172, 173, 175 и 328.

176. День святой Агнессы — 21 января, а *вигилия* — ночь перед этой датой.

177. Польское слово *kilkanascie* означает число от 11 до 19, точно неизвестное, и буквально переводится как «сколько-то надцать». Но Виганд пишет вовсе не о 17 *днях*, а о 17 разоренных *деревнях*. Кроме того, он сообщает, что литовцы выступили в поход из района Гродно (*Karten*) и вторглись в землю *Allensteyn*, то есть окрестности Ольштына. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 46.

178. Великий маршал Тевтонского ордена Зигфрид фон Дахенфельд (Dahenfeld), возглавивший этот набег, в том же 1359 году умер (26 ноября). 25 декабря великий

магистр назначил на его место уже знакомого нам Хеннинга фон Шиндекопфа, тогдашнего комтура Бальги . См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 47.

179. Виганд ясно описывает маршрут орденского войска: Митува, Вайкен, Россиена, Эйрагола, Писта и Велюона. Получается, что от Немана крестоносцы пошли на север вдоль реки Митувы, потом спустились на юг вдоль реки Дубиссы, а возвращались, двигаясь на запад вдоль Немана. Все это заняло у них не более недели, включая кратковременную осаду Велюоны. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 47.

180. Начало похода (пересечение границы) Длугош датирует 30 июня 1359 года, но с годом, похоже, ошибается. Эти события происходили позднее. И хотя большинство молдавских хроник начинается именно с 1359 года, ничего подобного в них нет. *Петрило* — молдавский господарь Петр I Мушат (1374-1392); *Стефан* — его брат, а по другим известиям — племянник. См.: Василе Стати. История Молдовы. Кишинев, 2003. Стр. 56, 57.

181. У Стрыйковского *Srzemianow*, но у Длугоша *Szreniawitow*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. IX. Krakow,1868. Стр. 258, 259.

182. Навой Тешинский — по Длугошу, сын краковского воеводы Ендржея (Jedrzeja) из Тешина. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. IX. Krakow, 1868. Стр. 259.

183. Фара (fara) — по-польски *приходская церковь*.

184. Урбан V был папой в 1362-1370 годах, так что либо разрешение давал его предшественник Иннокентий VI (1352-1362), либо это событие произошло после 1361 года. В 1363 году Казимир обращался к Урбану V с просьбой назначить на Львовскую *епископскую* кафедру доминиканца или францисканца. Католическое архиепископство во Львове было учреждено буллой Григория XI (1370-1378) от 13 февраля 1375 года, а в 1412 году латинское архиепископство перенесли во Львов из Галича.

185. Якуб Свинка был гнезненским архиепископом с 1283 года, а при Казимире (1333-1370) архиепископами были Янислав (1317-1341) и Ярослав Богоря (1342-1374). Неверные сведения наш автор позаимствовал у Длугоша, который редко ошибался в вопросах истории церкви. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. IX. Krakow, 1868. Стр. 266, 267.

186. Генрих Кранихфельд — комтур Растенбурга (Кентшина). Великим комтуром Тевтонского ордена в это время был Вольфрам фон Бальдерсхейм (1360-1374). См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 49.

187. В хронике Посильге сказано, что Кейстута взял в плен сам Генрих Кранихфельд, которого автор хроники считал префектом замка Экерсберг. Этот замок был недалеко от

места битвы, и орденские рыцари посылали туда за подмогой. Виганд пишет, что Кейстута пленил Ханке фон Экерсберг, которого он же в другом месте называет Иоанном. Польские комментаторы Виганда считают, что этот рыцарь не был братом Тевтонского ордена. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 49, 50, 51.

188. Виганд называет этого рыцаря Конрад Хоберг и тоже не зовет его *братом* (Тевтонского ордена). Битва произошла в вербное воскресенье (dominica Palmarum) 1361 года (29 марта). См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 50, 155.

189. У Виганда эта история рассказана подробнее и с важными деталями, опущенными нашим автором. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 50.

190. Дочь Кейстута Анна-Данута (1358-1448), прожила девяносто лет, однако замуж за Януша Мазовецкого ее выдали не ранее 1371 года, а в 1361 году ей было всего года три. Виганд пишет, что после побега Кейстут пришел в Мазовию к своей *сестре* (ad germanam suam). Из известных нам дочерей Гедимина к тому времени в живых оставалась только Эльжбета (1302-1364), вдова Вацлава Плоцкого. Но Вацлав умер в 1336 году, а его сын и наследник Болеслав — в 1351 году. Из слов Виганда следует, что после смерти мужа и сына Эльжбета оставалась жить в Мазовии, хотя сам Плоцк после 1351 года перешел под власть польского короля Казимира. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 50, 155.

191. Замок Иоханнисбург (ныне польский городок Пиш в Варминско-Мазурском воеводстве) находился к югу от озера Снярдвы.

192. Разумеется, литовцам не по зубам была такая сильная крепость как Гданьск, да они к ней и не приближались. Иоганн Коллин был префектом Иоханнисбурга и в плен попал после взятия этого замка. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 50. На сей раз мы можем проследить всю цепочку: известие о Гданьске Стрыйковский взял у Меховского; тот, в свою очередь, понадеялся на Длугоша; Длугош же чего-то не понял в тексте Виганда, который ни слова не говорит о Гданьске. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. IX. Krakow, 1868. Стр. 266.

193. Относительно замка Экерсберг (Eckerberge) смотри примечание 187. Префекта этого замка Виганд называет *Хадемар*. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 50, 156.

194. Фраза построена так, что непонятно, что именно сожгли вместе с замком: выбитые ворота или трупы убитых немцев.

195. Комтуром Растенбурга, как уже говорилось выше, был Генрих фон Кранихфельд. Однако Виганд зовет этих рыцарей не комтурами, а *адвокатами* (advocati) или *префектами* (prefecti), и неизвестно, имеет ли он в виду *попечителей* (pflegeri) или же *фогтов*. Обе должности по рангу были ниже комтурской и означали управляющих второстепенными замками ордена. Префектом Бартенштейна был Вернер фон Виндекейн,

а префектом Экерсберга — Хадемар. Виганд также упоминает *камерария* Ханке фон Экерсберга, который мог быть одним лицом с Хадемаром, и Николая Виндекайма, который не тождественен Вернеру. Префект Бартенштейна на следующий день умер от ран. О комтуре Нешавы Виганд не сообщает, упоминание о нешавском комтуре — ошибка Длугоша. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 50, 51, 156.

196. Сарпедон — царь ликийцев, сражавшийся за троянцев. Был внуком Беллерофонта и сыном Зевса, причем единственным сыном Зевса, который принял участие в Троянской войне. Убит Патроклом. См.: Гомер. Илиада. Л., 1990. Стр. 71, 234.

197. Кейстут погиб в 1382 году, и в 1575 году со времени этого события прошло не 197 лет, а 193 года. Описывая смерть Кейстута, Стрыйковский не называет год, который почти все другие источники, в частности, Длугош, указывают верно. Одно из трех: либо наш автор не был тверд в дате гибели Кейстута, либо он просто неправильно посчитал, либо эти строки были написаны не в 1575, а в 1579 году (что наиболее вероятно),

198. Виганд, подробнейшим образом описывающий осаду Каунаса, приводит только две даты, за которые можно зацепиться. Наш автор опирается на них и, похоже, делает верные расчеты. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 53-56.

199. Словом *mury* Стрыйковский называет каменные стены, а словом *sciany* — деревянные.

200. Убедительное доказательство древности литовской народной песни, записанной уже в XIX веке:

Что ж ты, князинька, сударик,
Судайчу, судайчутели,
Долго спал?
А пока спал,
Порубили воинов,
Разметали вал.
Чего тебе, князинька,
Больше жаль?
Не так жаль мне замка –
Воинов мне жаль.
Года за два, за три
Вал я наращу.
Но и лет за десять
Воинов не выращу.

201. Никаких даже намеков на использование крестоносцами огнестрельного оружия у Виганда нет, хотя он и пишет о применении ими многочисленных и сложных осадных машин, поджогах и пожарах. Смотри примечание 79 к книге одиннадцатой.

202. Варфоломей был самбийским епископом с мая 1358 по сентябрь 1378 года, а католическая пасха 1362 года была 18 апреля.

203. Неясно, имеется ли в виду четвертый день недели, то есть четверг (22 апреля), или же четвертый день осады, то есть на день-два позже .

204. Виганд не пишет ни о падении Писты и Велюоны в 1362 году, ни о комете. Эти сведения взяты у Длугоша и нуждаются в проверке. Длугош называет точную дату появления кометы — 11 марта 1362 года. Если к этой дате прибавить пять недель, то комета исчезла после 15 апреля, то есть за два дня до взятия Каунаса. Это была не комета Галлея, которая в XIV веке наблюдалась в 1301 и в 1378 году. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. IX. Krakow, 1868. Стр. 269.

205. Имееется в виду очередная вспышка эпидемии чумы. Чуме 1364-1366 годов наши русские летописцы уделяют даже больше внимания, чем Великой Чуме 1347-1352 годов.

206. Бракосочетание Карла Люсембургского и Елизаветы (Эльжбеты) Померанской состоялось в Кракове 21 мая 1363 года.

207. Сигизмунд был датским королем только в 1592-1599 гг., а в 1340-1375 гг. Данией правил *Вальдемар* IV Аттердаг, в 1361 году завоевавший и остров Готланд. Он и был на этой свадьбе. Но не Стрыйковский, а Длугош ошибочно назвал его *Сигизмундом*, вероятно, по ассоциации с тем, что в результате этого брака у Эльжбеты и Карла родился сын *Сигизмунд* Люксембургский, будущий император.

208. Смотри примечание 20 к книге десятой.

209. У Виганда *Eroglen*, *Purvern* и *Labimam*, что означает Эйрагола (Ариогала), Пернарава и Лабунава. Все эти пункты находятся к северу от Ковно (Каунаса) и к югу и к западу от Кейдан (Кедайняй). День святой Агнессы — 21 января 1363 г. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 160.

210. Ливонским магистром в то время был Арнольд фон Фитингоф (1359-1364), а ливонским маршалом — Андреас *фон Штернберг* (1354-1375), предок барона Унгерна. См.: Юзефович Л. А. Барон Унгерн. Самодержец пустыни. М., 2015.

211. Осаду Гродно в марте 1363 года Виганд описывает совершенно иначе. Поход, в котором приняли участие и англичане, организовал заезжий немецкий граф Ульрих фон Ханау, ранее прибывший в Ливонию. В Литве ливонские крестоносцы соединились с орденскими войсками из Пруссии. Патрик, находившийся в Гродно, быстро заключил с немцами мир и устроил пир, по обычаю угощая великого маршала пивом и медом. Тем не менее крестоносцы *бесчеловечно* (inhumaniter) разграбили окрестности Гродно по пути не только туда, но и обратно. После этих событий Кейстут, недовольный дружбой Патрика с орденскими братьями, направил в Гродно своего зятя, а сына перевел подальше от Пруссии. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 60, 161.

212. Виганд все это описывает довольно подробно. Литовцы не восстанавливали разрушенный Ковенский замок, а построили новый, который так и назвали — Новое Ковно. Замок находился на речном острове (для чего и потребовался мост). Комтуром Рагнита был Генрих фон Шенинген (1360-1364), но поход возглавлял не он, а сам великий магистр и великий маршал. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 62.

213. Надо полагать, что солдаты поссорились из-за награды, которую рассчитывали получить за знатного пленника. Это объяснение (кстати, довольно убедительное) предлагает Стрыйковский, а Виганд и Длугош просто отмечают сам факт убийства, причем первый сообщает, что великий маршал был очень недоволен и сильно опечален этим происшествием. В войске самого ордена царила довольно строгая дисциплина, поэтому есть все основания считать, что убийцами были наемники, которых наш автор так и называет *ландскнехтами*. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 63.

214. Георгенбург (ныне Маевка) был небольшим *епископским* замком и не имел комтура, как не имел его и расположенный неподалеку *орденский* замок Инстербург (Черняховск). Инстербург в то время управлялся *попечителем* (пфлегером), а Георгенбург, вероятно, фогтом (Виганд зовет фогтов *префектами*). За литовцами тогда гнался комтур Рагнита Генрих Шенинген. См.: Бахтин А.П. Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии. Калининград, 2005. Стр. 174.

215. Расстояние до Георгенбурга от Кёнигсберга 92 км, от Инстербурга — около 6 км.

216. Ангерборг (Ангербург) — ныне Венгожево в Польше. Этот замок находился близ истока вытекающей из озера Мамры реки *Анграпы* (отсюда и название), в устье которой стоял другой орденский замок — Инстербург.

217. Такая должность в ордене действительно существовала и в то время ее занимал Рюдигер фон Эльнер. В 1393-1396 годах фогтом Самбии был Ульрих фон Юнгинген. В походе 1365 года участвовал и Томас де Бошам, граф Уорвик (1314-1369), герой битв при Креси и Пуатье и один из основателей ордена Подвязки. См.: Устинов В.Г. Столетняя война и войны Роз. М., 2008. Стр. 88, 89..

218. Точно неизвестно, какого *короля* (rex) Александра имел в виду Виганд. Рачиньский (1842) считал, что речь идет об *Александре Кориатовиче*, племяннике Ольгерда и Кейстута. Однако в те годы Кориатович состоял на службе у Казимира Великого, у которого с орденом был мир. На всякий случай напомним, что Александр — христианское имя *Витовта*, которому в 1365 году было около 15 лет.

219. Ни Рагнит, ни Тильзит никогда не были захвачены литовцами. Виганд пишет о захвате и разрушении двух других замков: Кауструттена и Шплиттена, находившихся в районе будущего Тильзита. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 64, 163; Бахтин А.П. Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии. Калининград, 2005. Стр. 179, 180.

220. Расстояние от Рагнита (Немана) до Тильзита (Советска) около 8 км, и это ближе всего соответствует длине той мили, которой обычно пользуется наш автор.

221. Смотри примечание 36 к книге пятнадцатой.

222. Рассуждения Стрыйковского совершенно верны в отношении Бутава (Бутовта) и неверны в отношении Свитрила (Switril), которым, очевидно, был боярин *Сурвил*, а вовсе не Свидригелло (Свидригайло) Ольгердович. Бутовт, которого Виганд именует *rex Butaw* или *Butaut*, был сыном Кейстута, который сделал его князем дрогичинским. Сын симпатизировал ордену и с помощью боярина Сурвила (*Surwillo*) с небольшой свитой бежал в Инстербург. Оттуда Бутовта и Сурвила переправили в Мариенбург (Мальборк), но крестить решили в Кёнигсберге, так как в то время там пребывали знатные английские гости ордена — уже упоминавшийся граф Уорвик и Томас де Бофор (Offart). При крещении, на котором присутствовали епископы самбийский и вармийский, великий магистр и англичане (25 июля 1365 года), Бутовт получил имя *Генрих*, а Сурвил — *Фома* (Томас). Именно Виганд ошибочно называет Сурвила *братом* Бутовта. Вскоре Бутовт покинул Пруссию и в 1368, 1370, 1374, 1377 и 1380 годах отмечен при дворе императора Карла IV и его сына Вацлава IV. Он умер в 1380 году и похоронен в Праге. Сурвил продолжал служить ордену до 1399 года, в котором и погиб в битве на Ворскле. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 64, 163, 164.

223. Норденбург (Nordemborg) — орденский замок, управлявшийся попечителем (пфлегером) и находившийся на границе Польши и нынешней Калининградской области (поселок Крылово). См.: Бахтин А.П. Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии. Калининград, 2005. Стр. 139, 140.

224. Смотри примечание 214.

225. Инстербург — нынешний Черняховск в Калининградской области, а замки Велау и Тапиау — Знаменск и Гвардейск.

226. При крещении Любарт получил имя *Дмитрий*. Федор — имя его сына, который был князем волынским в 1383-1390 годах.

227. Михаил — имя, данное Кориату Гедиминовичу при крещении.

228. Смотри примечание 218.

229. Написано именно так, но все-таки точнее будет сказать, что Казимир разместил сильные польские *гарнизоны* в Луцком и Владимирском *замках.*

230. Этот рассказ может представлять интерес для историков горного дела, ибо подтверждает, что некогда богатейшие серебряные рудники Чехии и Польши начали стремительно истощаться уже в XIV веке .

231. Ян Гербурт герба Гербурт (1524-1578) — польский писатель, дипломат и историк. Богатый род Гербуртов происходил из Моравии. Брат Яна, Миколай Гербурт (1524-1593), был старостой львовским (1572), воеводой подольским (1584) и русским (1588). Сестра Яна, Барбара (ум. 1580) была замужем за Петром Кмитой (1477-1553), старостой и воеводой краковским (1536). Ян Гербурт учился в Краковском университете, где впоследствии сам преподавал право. Каштелян санокский, староста перемышльский и санокский (1572). Был секретарем короля Сигизмунда II Августа, после смерти которого ездил во Францию в качестве посла (1573). Автор сочинений по дипломатии и богословию, в которых защищает католическую веру от идей протестантизма. Написал историю Польши, доведенную до 1548 года. Наш автор включил Гербурта (Герборта) в список авторов использованной им литературы, причем оговаривает, что сочинения Герборта он излагает по Кромеру.

232. Польское слово *trzoda* означает *стадо*, но не крупного рогатого скота, а свиней, овец, коз и т. п. Слово же *stado* может означать не только *стадо* коров, но и лошадиный *табун*. Описывая угоны скота, Стрыйковский постоянно подчеркивает эти различия.

233. Про какую-то провокационную роль плоцкого епископа Длугош ничего не пишет, однако пишет, что только за 1365-1367 гг. в Плоцке сменились целых три епископа: Имислав, Миколай и Станислав. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. IX. Krakow, 1868. Стр. 285, 290.

234. Длугош не называет конкретные места, откуда Кейстут набирал войска, но подчеркивает, что все эти районы находились поблизости от мазовецкой границы. Но если по поводу Тракая и Гродно вопросов нет, то упоминание Суража и Брянска не может не вызывать недоумения, так как эти города находятся на противоположном (восточном) конце Литвы и далеко от Мазовии. Стрыйковский здесь что-то напутал. На всякий случай отметим, что, если бы в его источнике речь шла не о Пултуске и не о Плоцке, а о *Полоцке*, тогда упоминания о Сураже и о Брянске не показались бы неуместными. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. IX. Krakow, 1868. Стр. 291.

235. Смотри примечание 64 к книге одиннадцатой.

236. *Подметом* называли подсыпание дров и хвороста непосредственно к стенам осажденного города с целью их поджога.

237. Смотри примечание 232.

238. Гарнизон Готтесвердера состоял из 20 орденских рыцарей (не считая слуг и оруженосцев) во главе с Куно фон Хаттенштейном. По орденским меркам это был большой гарнизон. Замок строили не шесть месяцев, а около месяца. Начало строительства Герман из Вартберга датирует 16 апреля, а в Пруссию орденское войско повернуло после Троицы (past penthecostem), которая в 1369 году была 21 мая. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 73, 167.

239. Смотри главу седьмую книги одиннадцатой.

240. Длугош тоже пишет, что немцы сожгли Байербург, но из рассказа Виганда следует, что был сожжен не Байербург, а Готтесвердер, где сгорело не 900, а 109 литовцев. При этом неясно, в чьих руках находился замок, так как под его стенами в то время стояли оба войска: орденское и литовское. Байербург (Beieren) упомянут Вигандом всего один раз, и то нет уверенности, что речь идет о том же замке, под которым якобы погиб Гедимин. Разобраться в этом нам помогает хроника Германа из Вартберга, где все изложено четко. Готтесвердер был построен на том же острове, где раньше был Новое Ковно. 12 сентября литовцы захватили замок, но не разрушили его. После 11 ноября, получив подкрепления, великий маршал поджег и захватил Готтесвердер, на что ***литовские короли смотрели с противоположного берега, будто пораженные громом***. См.: Герман Вартберг. Ливонская хроника. В кн.: Тевтонский орден. Крах крестового похода на Русь. М., 2005. Стр. 269, 270..

241. В хронике Виганда ясно сказано: *будущей зимой*. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 73.

242. Виганд сообщает об *одном* зимнем походе, правда, довольно масштабном. Начало похода, в котором погиб фогт Самбии Рутгер (Рюдигер) фон Эльнер, Виганд из Марбурга и Герман из Вартберга датируют 2 февраля (in die purificationis) 1370 года; поход длился 9 дней. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 74, 168.

243. Рудава (Рудау) — ныне поселок Мельниково в Калининградской области, в 18 км к северу от Калининграда. Ни одно из бесчисленных сражений с литовцами за всю двухвековую историю орденско-литовских войн не происходило так близко от Кёнигсберга.

244. **Псалом 43:** *Восстань, **что спишь, Господи!** Пробудись, не отринь навсегда.*

245. *Хеннинга* фон Шиндекопфа Стрыйковский постоянно называет *Генрихом*, но поправлять нашего автора мы не стали. В Кёнигсберге именем великого маршала называлась улица, которая ныне переименована в улицу Генерала Озерова.

246. Так одним-единственным предложением (переводчику пришлось разбить его на пять более коротких) наш автор описал Рудавскую битву — вероятно, самое знаменитое сражение в истории орденско-литовских войн.

247. Речь идет о так называемых белорусско-литовских летописях типа Быховца, которых у Стрыйковского было несколько и из которых до нас дошла только одна. Поэтому к пересказу нашим автором этой части летописи надо отнестись не только как к главному, но и фактически единственному источнику известий о Бируте, если не считать позднейших легенд. Отметим, что Длугош *ни разу* не упоминает имя матери Витовта, хотя и называет имя ее дяди *Видимонта*. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 54.

248. Большинство исследователей переводит это место так, что Кейстут силой овладел Бирутой прямо в Паланге. Но такое толкование вовсе не обязательно, поскольку допустимо и то, что он просто увез ее силой, чтобы потом жениться по всем тогдашним правилам.

249. Стрыйковский пишет то *Бирута*, то *Бируте*. Поляки и русские говорят *Бирута*, но по-литовски это имя не склоняется и пишется *Бируте*.

250. Большинство историков женитьбу Кейстута на Бируте относят к 1348 или к 1349 году. В любом случае свадьба состоялась уже после смерти Гедимина (1341), а это значит, что старшие братья Витовта, в частности, Патрик и Бутовт, были рождены другой, первой женой Кейстута (о которой вообще ничего не известно), а Бирута была второй женой. Детьми Бируты были Витовт (1350), Товтивил (1355), Анна-Данута (1357), Мария (1360), Сигизмунд (1365) и Елизавета-Римгайла (1370). См.: Teodor Narbutt. Dzieje starozytne narodu litewskiego, t. 1. Wilno, 1835. Стр. 86-88.

251. Австрийский герцог Леопольд прибыл в Пруссию в середине ноября 1370 года. Но из-за теплой зимы повоевать ему ни с кем не удалось и пришлось вернуться домой. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 75.

252. Кейстут взял этот замок осенью 1370 года. Виганд называет его *Gogelanken*, но понять, о какой местности идет речь, трудно, ибо это неясно из самого текста. Лучше других подходят *Лаукен* (*Лаукишен*) и *Таплакен*, которые и находятся не очень далеко друг от друга; однако это может быть и замок *Гогенштейн*, находящийся значительно южнее. См.: Бахтин А.П. Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии. Калининград, 2005. Стр. 70, 71, 140, 141.

253. Это предложение нарочно переведено именно так, как оно написано, без перестановок и замены слов. Возможно, автор хотел подчеркнуть, что немецких пленников сразу разделили на две части, Одна из них предназначалась для обмена на недавно захваченных литовцев («голову на голову»), а другую угнали как обычный полон. Виганд же не только ничего такого не пишет, но еще и уточняет, что в этот раз литовцы вообще не брали пленных, перебив даже детей. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 76.

254. Виганд фон Бальдерсхейм (возможно, родственник тогдашнего великого комтура) был не комтуром, а *попечителем* Инстербурга. Смотри примечание 214.

255. Ян из Чарнкова пишет, что Казимир поехал на охоту 8 сентября, а упал с лошади и сломал ногу 9 сентября. См.: Kronika Jana z Czarnkowa. Warszawa, 1905. Стр. 11.

256. Миколай Билевич-Станкевич герба Могила (ум. до 1597) — сын жмудского наместника Яна Билевича, лютеранин. С 1543 года находился на службе у прусского герцога Альбрехта, позднее в Литве получил должность жмудского подкомория (судьи по спорам о границах имений). Род *Билевичей* выводят от жмудского боярина Жадзейки (1418) и его сына *Била*. От Ивана, одного из сыновей Била, пошел род *Станкевичей.* С

рассказа о роде Билевичей (краткого, но исторически вполне достоверного) начинается роман Сенкевича «Потоп». См.: Генрик Сенкевич. Собрание сочинений в девяти томах. Том 3. М., 1984. Стр. 7.

257. Разрушение нового каменного замка при сохранении старого деревянного носило открыто пропагандистский характер. Любарт намеренно уничтожал все зримые напоминания о польском владычестве в Подолии. ***Два года на строительстве этого замка ежедневно и беспрерывно трудились триста человек, и из королевской казны на это было истрачено три тысячи гривен.*** См.: Kronika Janka z Czarnkowa. Lwow, 1907. Стр. 15.

258. Длугош не называет имя *литовского жреца*, дававшего разъяснения. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 308.

259. Речь идет о мазовецких замках, которые после смерти Болеслава Плоцкого (1351) Казимир Великий присоединил к Польше в качестве выморочного лена.

260. См.: Kronika Janka z Czarnkowa. Lwow, 1907. Стр. 14.

261. Польшу и Венгрию Стрыйковский называет здесь «две Речи Посполитые», о чем смотри примечание 74 к книге одиннадцатой.

262. Ошибка или, возможно, описка Стрыйковского. Ни о каких *литовских* панах Длугош не упоминает, называя только поляков. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 309.

263. Людовик Венгерский был коронован королем Польши 17 ноября 1370 года. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 312.

264. Казимир Великий считается *третьим* польским монархом этого имени. Стрыйковский не считает Казимира II Справедливого (1138-1194), который, будучи фактическим правителем всей Польши, не носил королевского титула и формально был лишь князем Краковским (1177-1194).

265. Имеется в виду чешский историк Вацлав Гаек из Либочан (1500-1553), автор «Чешской хроники» (1541) написанной на латыни и доведенной до 1527 года. Гете говорил, что чешскую историю он изучал по хронике Гаека. См.: Vaclav Hajek z Libocan. Kronyka ceska. Praha, 1819.

266. Имеется в виду Стефан Баторий, король польский и великий князь литовский (1576-1586), по происхождению венгр. Был женат (1576) на Анне (1523-1596), дочери Сигизмунда I, которая была старше его на десять лет и умерла на десять лет позже.

267. *Острижесовской* (Ostrzessowska) земли нет в спске Длугоша, который сообщает не о шести повятах, а о пяти. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 313.

268. Нелестные характеристики королевы-матери и самого короля Людовика, добросовестно переписанные Длугошем, принадлежат Яну из Чарнкова. См.: Kronika Janka z Czarnkowa. Lwow, 1907. Стр. 17, 20, 21.

269. Имеется в виду *держава*.

270. Сестен (*Seehesten, Systen)* - орденский замок, расположенный между Рейно, Бишофсбургом и Резелем, ныне город *Честно* в Польше. Кейстут напал на него в 1371 году. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 76.

271. Дитриха фон Эльнера Виганд называет *вице-комтуром* (colega commendatoris) Бальги, а должность *комтура* Бальги (1361-1371) занимал Ульрих фон Фрике. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 76, 170.

272. Виганд тоже пишет Drewik, но точно идентифицировать это название затруднительно. Предположение Стрыйковского относительно Дрогичина не хуже любого другого. В походе участвовали *префекты* Бартенштейна и Гирдауена. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 77, 170.

273. Вацлав IV, чешский король (1378-1419) и римский император (1378-1400) и вправду был пьяницей, и все же чехи относились к нему с симпатией, что отразилось и в чешском фольклоре. Вацлав очень не любил попов и не раз поддерживал Пражский университет и его ректора Яна Гуса. См.: Старинные чешские сказания. В кн : Алоис Ирасек. Собрание сочинений в 8 томах. Том 1. М., 1955.

274. В этом месте Стрыйковский, как обычно, называет орденских братьев *крестоносцами*, а приезжих *крестоносцев* - пилигримами, о чем смотри примечание 103 к книге седьмой и примечание 53 к книге одиннадцатой.

275. У Виганда *Dirsunen*. Стрыйковский весьма правдоподобно считает, что речь идет о земле *Каршува* (Карсовия) в Жемайтии, однако это может быть и *Гайжува* (Гесовия). См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 77.

276. Виганд фон Балдерсхейм и комтур Инстербурга в данном случае не два разных человека, а один и тот же. Виганд был *пфлегером* (попечителем или префектом) замка Инстербург, который по тогдашнему своему статусу вообще не имел комтура. Оба вышеупомянутых похода за Неман состоялись в 1372 году, первый был весной, а второй осенью. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 76, 78.

277. Комтуром Бальги в 1372-1374 гг. был Готфрид фон Линден. Он поручил возглавить поход своему заместителю, вице-комтуру Дитриху (Теодориху) фон Эльнеру. Осажденный немцами замок Виганд называет *Bolisken* или *Bjeliza* - возможно, это

действительно Волковыск, однако больше похоже на Белосток или Бельск. *Kamionka* (Каменка) - это, разумеется, не Каменец, а селение к востоку от Гродно. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 78.

278. В 1373 году пасха была 18 апреля. Виганд пишет, что набег Кейстута был в воскресенье Великого поста (quadragesima), то есть 14, 21, 28 марта или 4 апреля 1373 года. Первая из этих дат представляется наиболее вероятной. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 78.

279. Деревня *Биберштейн* находилась у дороги из замка Гердауен (Железнодорожный) в замок Бартен (Барчианы).

280. Комтуром Бранденбурга в 1370-1380 гг. был Гюнтер фон Гогенштейн.

281. Второе взятие Злоторыи было в 1375 году. См.: Kronika Janka z Czarnkowa. Lwow, 1907. Стр. 26.

282. Великим маршалом Тевтонского ордена с осени 1374 года стал Готфрид фон Линден, до этого занимавший должность комтура Бальги. Отметим, что не только Стрыйковский, но и сам Виганд именует маршала Готфридом *de Tilia*. Новым комтуром замка Бальга стал вице-комтур Дитрих фон Эльнер. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 78.

283. Дирсунген (*Dirsungen*) - это, скорее всего, Друскининкай. Вейгов (у Виганда *Weygow* или *Wegorw*) - возможно, расположенный неподалеку *Veiseiejai* или более северный *Veiveriai*. Но в любом случае это не в Жемайтии, так как оттуда немцы предприняли рейд на Троки.

284. В 1373-1374 гг. комтуром Рагнита был Герхард фон Ленц, которого называет и Виганд. Но тот же Виганд датирует поход 2 июля 1375 года, а в это время комтуром Рагнита был уже Куно фон Хаттенштейн. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 80.

285. Относительно *всех* комтуров наш автор чего-то не понял или перепутал. Описывая поход на Литву, Виганд упоминает только комтура Бальги, уже знакомого нам Дитриха фон Эльнера.

286. У Виганда *Swerdeyken* (Свердейко), и это, конечно, не Свидригайло, а Скиргайло, которого иногда называли Скирдейко. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 79.

287. Стрыйковский исказил название *Taplouken*. Крепость Таплакен (Талпаки) находилась как раз между Инстербургом (Черняховском) и Велау (Знаменском).

288. Виганд пишет о 900 *плененных*, а не убитых христианах. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 80.

289. Смотри примечание 226.

290. Все эти подробности литовского набега, состоявшегося осенью 1376 года, подчерпнуты из хроники Яна из Чарнкова. См.: Kronika Janka z Czarnkowa. Lwow, 1907. Стр. 42, 43.

291. Из этого списка трудно идентифицировать только *Арвистен*, причем и сам Стрыйковский честно признается, что не знает, где это. Виганд тоже пишет *Arwisten*. Самым похожим кажется *Erzvilkas*, расположенный к северу от Юрбаркаса.

292. Виганд пишет, что этот штурм Каунаса происходил в день Святой Схоластики, то есть 13 февраля. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 81.

293. Во время этого похода орденские войска действовали в районе Тракая, то есть далековато от Немана, причем доходили до мест, куда ранее еще не добирались. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 81.

294. См.: Kronika Janka z Czarnkowa. Lwow, 1907. Стр. 43, 44.

295. Григорий XI перебрался из Авиньона в Рим в 1376 году, но умер он в 1378 году. См.: Ян Веруш Ковальский. Папы и папство. М.,1991. Стр. 154.

296. Ян Гус приехал в Констанц в ноябре 1414 года и был сожжен 6 июля 1415 года. Иеронима Пражского сожгли в Констанце 30 мая 1416 года. См.: Рубцов Б. Т. Гуситские войны. М.,1955. Стр. 114.

297. Наш автор имеет в виду папу Григория XII (1406-1415) и антипап Бенедикта XIII (1394) и Иоанна XXIII (1410). Мартин V был папой в 1417-1431 гг. См.: Ян Веруш Ковальский. Папы и папство. М.,1991. Стр. 156-160.

298. Причиной похода Людовика Стрыйковский считает месть литовцам за набег на Польшу. На самом деле это был скорее предлог для возобновления стародавней венгерской экспансии в отношении западнорусских земель, в то время контролировавшихся литовцами. Длугош прямо так и пишет: ***Король венгерский и польский Людовик, оценив великое богатство русских земель, замыслил присоединить их к Венгерскому королевству.*** См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 348.

299. У Длугоша *Sewolosz* или *Zawlocie* (Заволочье). См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 346.

300. *Жупа* - административный округ в землях западных и южных славян. Правитель жупы носил титул *жупана*.

301. Краковский каштелян Ясько *Топор из Тенчина* - один из персонажей романа Сенкевича «Крестоносцы». См.: Генрик Сенкевич. Собрание сочинений в девяти томах, т. 9. М., 1985. Стр. 62, 67.

302. Вероятно, архиепископ Дьерский. Этого списка венгерских вельмож, получивших на Руси земельные владения, нет ни у Яна из Чарнкова, ни у Длугоша.

303. Смотри примечание 184.

304. Довольно неожиданная трактовка результатов битвы на Косовом поле (15 июня 1389 года), проигранной сербами. Возможно, это отголоски писем короля Боснии, который сразу после битвы сообщил европейским государям о победе христиан и поражении турок. Обстоятельства гибели как султана Мурада, так и князя Лазаря и по сей день точно не установлены и остаются предметом дискуссий. Ни Длугош, ни Меховский ничего об этом не пишут.

305. Имеются в виду орденские замки Сольдау (Дзялдово) и Ниденбург (Нидзица).

306. У Виганда сказано: ***в вигилию святого Иакова***, т. е. не 26 июля, а в ночь на 25 июля. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 82.

307. Виганд ясно пишет *Tammow*, причем литовцы сначала напали на Таммов, а уже потом на Инстербург. Таммов - орденский замок на месте прусского городища Каменисвике, нынешний поселок Тимофеевка. См.: Бахтин А. П. Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии. Калининград, 2005. Стр. 172-173.

308. Стрыйковский пользовался чьим-то неточным пересказом Виганда, у которого написано не *Бельск* и *Каменец*, а *Beliag* и *Kallenarum*. Длугош даже уточняет, что речь идет о Каменце под Брестом, а не Каменце Подольском. Немцы действовали в районе Гродно. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 356.

309. Этот поход состоялся в начале ноября 1377 года, хотя некоторые авторы относят его к 1376 году. Сначала Виганд сообщает, что немцев возглавлял комтур Бальги Дитрих фон Эльнер, потом вдруг появляется великий магистр, который до этого не упоминался. Ни о каких ямах-ловушках Виганд не пишет, зато сообщает, что в литовской засаде погибло более 20 орденских братьев, не считая прочей немецкой знати и простых воинов. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 82, 83.

310. Куно фон Хаттенштейн и был комтуром Рагнита (1374-1379), а комтуром Бальги был уже не раз упоминавшийся Дитрих фон Эльнер (1374-1382). Однако Виганд пишет, что с комтуром Рагнита был вовсе не комтур Бальги, а префект Инстербурга, то есть Виганд фон Балдерсхейм. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 83.

311. Заалау (ныне Каменское) - замок в Пруссии западнее Инстербурга, владение самбийского капитула. См.: Бахтин А.П. Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии. Калининград, 2005. Стр. 162-166 .

312. Судя по тексту Виганда, эти замки были построены недалеко от Алитуса, то есть довольно далеко от Жемайтии. Бартембург - возможно, Бартнинкай (Bartninkai), расположенный к югу от Вилкавишкиса.

313. На сей раз Стрыйковский, судя по всему, прав. *Калтиненяй* и *Видукле* находятся к востоку от Россиен (Расейняй) и к северу от Таураге. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 86.

314. Большинство перечисленных пунктов находится в нижнем течении реки Невежис, к северу от Каунаса и в окрестностях Кедайняй. Виганд прямо говорит о местности между реками Вилия и Невежис (Nowese). См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 89.

315. Стрыйковский, ссылась на Меховского, уже не в первый раз пишет, что в походе приняли участие *все* комтуры Тевтонского ордена, чего не было даже при Грюнвальде и вообще никогда не бывало. Виганд тоже ничего подобного не сообщает.

316. Виганд, напротив, пишет, что на сей раз войско у маршала было *небольшое* (глава XX). Далее наш автор, смешивая события и путая их последовательность, возвращается к походу на Вильно, который Виганд уже описывал в главе XIX. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 87, 89.

317. Виганд пишет, что немцы терпели жестокий голод, но все-таки ни один из них от этого не умер. См.: Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 87.

318. Смотри примечания 79-83 к книге одиннадцатой.

319. Смотри примечание 8 к книге первой.

320. См.: Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979. Стр. 256.

321. Винрих фон Книпроде умер 24 июня 1382 года. Конрад Цольнер, утвержденный в новой должности 29 сентября 1382 года, был не двадцатым, а двадцать третьим великим магистром Тевтонского ордена. См.: Арбузов Л.А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб, 1912. Стр. 284.

322. Ольгерд умер в мае 1377 года, этот же год указан и в Хронике Быховца. Виганд сообщает об этом под 1381 годом. *Живого* Ольгерда он в последний раз упоминает в ноябре 1377 года, но есть основания подозревать, что дело было еще в 1376 году. См.: Wolff J. Rod Gedimina. Krakow, 1886. Стр. 26; Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 86, 97.

323. *Дентат*, Маний Курий - римский полководец, победитель самнитов в 290 г. до н.э. См.: Аппиан. Римские войны. СПб, 1994. Стр. 459.

324. *Сирофанес* - вероятно, то же, что и Сесострис или Рампсинит, то есть египетский фараон Рамсес II (1301-1235 гг. до н.э.).

325. Лугвений (Семен) Ольгердович (1356-1431)) в 1389-1392 и 1407-1412 годах был князем Новгородским, что, вероятно, и дало нашему автору повод говорить о его уходе к русским. С 1392 года - князь Мстиславский, но это княжение он получил из рук Ягайлы. В Грюнвальдской битве (1410) командовал собственной хоругвью. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М., 1962. Стр. 91.

326. Хенцинский замок (Checiny), где польские короли держали самых опасных своих врагов, находится недалеко от Кельц, по дороге из Кракова на Радом. Андрей Ольгердович, участник Куликовской битвы (1380), сидел там в 1387 году, а в 1410 году в тюрьму замка был заключен Михаэль Кюхмейстер, тогдаший фогт Новой Марки и будущий великий магистр Тевтонского ордена (1414-1422).

327. В настоящее время историки так представляют себе порядок сыновей Ольгерда: Федор, Андрей, Дмитрий, Владимир, Скиргайло, Корибут, Лунгвений, Ягайло, Мингайло, Коригайло, Вигунд и Свидригайло. См.: *Tegowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczow. Poznan-Wroclaw, 1999. Стр. 308-311.

328. Смотри примечание 250 к настоящей книге.

329. Потомки Патрикия *Наримунтовича*, внука Гедимина и родоначальника *Патрикеевых*, еще при Василии I перешли на русскую службу. Может быть, именно поэтому уделы другого внука Гедимина, Патрикия *Кейстутовича*, Стрыйковский помещает в северо-восточной Литве, то есть в непосредственной близости к русским княжествам.

330. *Третья* дочь Кейстута, Мария, была замужем (1377) за Иваном Михайловичем, великим князем Тверским (1399-1425). Умерла в 1405 году. См.: Эккерхард Клюг. Княжество Тверское (1247-1485). Тверь, 1994. Стр. 219, 229.

331. Это заявление нашего автора весьма спорное. Между Ягайлой и Витовтом никогда не было искренней дружбы, а отношения между ними всегда были очень сложными.

332. Если живость характера Витовта отмечали все его современники, то приветливость (naturi laskawej) - это как раз та черта, которую нам трудновато будет отыскать в их воспоминаниях, а особенно в поступках Витовта. Неприветливым он выглядит и на рисунке Матейко, тщательно изучавшего не только внешность, но и характер своих персонажей.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ

Вельможному пану
пану Миколаю Сапеге [1],
воеводе Минскому и
прочее

Глава первая

О Ягелле Ольгердовиче,

великом князе Литовском, Кревском, Витебском и прочее.

Год 1381

Кейстут, князь Жмудский, Троцкий, Гродненский и Подляшский, исполнив по привычным отцовским обычаям погребение брата Ольгерда на виленских жеглищах, сразу же в присутствии всех других литовских князей, своих братьев, племянников и сыновей, и при собрании многих панов и бояр Литовских, Жмудских и Русских возвел на великое княжение Литовское и Русское своего племянника Ягелло, сына Ольгерда, и с обычными церемонями посадил на виленский престол, с мечом, одетого в шапку и в шаты княжеские. Там же и сам со своими сыновьями и с другими князьями и боярами первым присягнул ему в подданстве, как всегда поступал Кейстут от щедрой любви и упрямой верности, которые сохранил к брату Ольгерду и после его смерти, хотя и мог в то время сразу же завладеть всем великим княжеством Литовским, Русским и Жмудским, ибо все было в его власти. **Редко слыханное великодушие** (szczerosc) **Кейстута к Ольгерду.** Но по-прежнему сохраняя великодушие, редко слыханное в хрониках, требовал и от самого себя и от собственных сыновей почитания Ягеллы, своего племянника, и признания его верховной власти в столь великом государстве Литовском. И этот непобедимый разоритель и гонитель прусских крестоносцев, этот старец выражал ему такое почтение, что всегда по его слову ездил в столицу столь же часто, как и любой мелкий князек, и оказывал ему всяческую любовь не иначе как отцу его Ольгерду, своему умершему брату. Но за щедрость веры и любви ему воздалось не по правде таким вот образом [2].

Войдило, холоп, а потом зять Ягелло. Был у Ягеллы в великой милости некий Войдило, человек из простого крестьянского рода, хитрый и дотошный (dochcipny). Он, будучи сначала у Ольгерда, отца Ягелло, пекарем, а согласно Бельскому (который, вероятно, не понял разницы между *pistrinam* и *pincernam*), виночерпием (piwnicznym) [3], своей верностью, порядочностью и прилежанием во всех делах и поступках так себя зарекомендовал и князю угодил, что из пекаря стал коморником, потом подчашим, и в конце концов Ольгерд сделал его своим советником, поверенным во всех тайных делах и старшим секретарем. И в этой милости он был знатнейшим над другими господами до самой смерти Ольгерда. ***Кром[ер], кн. 14. Vojdilo rusticanae et obscurae sortis homo, callidus et impiger, qui cum primum pistrinam exercuisset, etc.*** *(Войдило, крестьянского и темного звания человек, ловкий и усердный, который сперва работал пекарем).* Но и

Ягелло, по благожеланию дяди Кейстута став великим князем Литовским, не уступал своему отцу в ласке и приязни к Войдиле и не постеснялся (nie uposledzil) дать ему в жены родную сестру, княжну Марию, и в приданое замок Лиду со всем прилегающим, не известив об этом своего дядю и благодетеля Кейстута. **Мария Ольгердовна, вдова [4], выдана за холопа Войдило.** Это неподобающе заключенное супружество очень возмутило (obruszylo) Кейстута. Видя это и опасаясь, как бы из-за влияния Кейстута не попасть в какой-нибудь срам и унижение или в какую-либо опасность для здоровья, Войдило стал оговаривать Кейстута перед Ягелло, измышляя разнообразную клевету. **Изменнический совет Войдилы, как Архитофела. 2 Царств, 15, 16, 17.** И частыми наговорами и своими советами довел молодого князя Ягелло до того, что тот тайно сговорился с магистром и с прусскими крестоносцами, присягнул и списал все это на Кейстута. Но Господь Бог, который не любит измен и подкапывания хитрых ям под ближними, сразу же выявил эти вертлявые (wierutne) поступки и уловки Войдилы и Ягеллы, ибо Августин (а Меховский пишет Сундстейн [5]), комтур Остроды, который стал кумом Кейстута, когда крестил его дочку Дануту или Анну, выданную замуж за мазовецкого князя Януша, предостерег Кейстута, что Ягелло по наговору Войдило на его голову (gardlo) примирился с прусскими и лифляндскими крестоносцами, и советовал ему со своими сыновьями и замками быть поосторожнее. **Предательский совет Войдилы выдан.**

Жалобы Кейстута на Ягелло. Услышав это, Кейстут послал в Гродно за сыном Витольтом, который имел с Ягеллой такую же искреннюю любовь, как до этого Кейстут с Ольгердом, пара воистину как Орест и Пилад или Ионафан (Jonate) с Давидом: как между отцами, так и между сыновьями можно было видеть одни и те же желания и нежелания, дружбу и вражду. А когда Витольт приехал в Троки, отец Кейстут со слезами показал ему предостерегающие письма от комтура остеродского, говоря: «Вот результат любви Ягеллы, которая у тебя с ним, что с крестоносцами, главными нашими врагами, заключил союз (zprzisiagl) на мою и на твою голову; вот так он воздал за мои благодеяния, что я возвел его на отцовский престол великого княжества Литовского, имея его в своей власти; к тому же он на позорище нам отдал свою и твою сестру за Войдило, негодного холопа, который с неблагодарным за мои благодеяния Ягелло предательски готовит и постоянно расставляет силки на меня и на тебя».

Витольт [отвергает] **наветы на Ягелло и подозрения Кейстута.** Витольт пространной речью отвечал на это отцу, что он не верит в то, что Ягелло мог замыслить против него что-нибудь дурное, и все это сплетни легкомысленных и никчемных людей, которые стараются разорвать дружбу между князьями своими нашептываниями (szepietliwymi jezykami). Вот так Витольт стер и загладил подозрения отца против Ягеллы, чтобы Кейстут пропустил это мимо [ушей], но вскоре вынырнули трактаты Войдило. Ибо Ягелло, изыскивая способ начать войну против Кейстута, дал родному брату Скиргайле Полоцкое княжество, которое в то время держал Андрей Горбатый, сын Кейстута и брат Витольта, до этого звавшийся Войдат (Wojdat).

Неправедная война Ягеллы против Кейстута. Но когда полочане твердо встали за своего первого князя Войдата Андрея Кейстутовича [6] и не хотели принять Скиргайла за пана, то Ягелло, желая настоять на своем, послал с братом Скиргайлом литовское и

русское войско, чтобы взял Полоцк силой, а Андрея, сына Кейстута, выставил (wyrzucil). Послал также к лифляндскому магистру, чтобы согласно взаимным договорам оказал помощь его брату Скиргайле под Полоцком. И тот с радостью и охотой это учинил и собственной особой прибыл под Полоцк со своими комтурами и рыцарством Лифляндской земли. **Литовцы со Скиргайлом и немцы добывают Полоцк.** Соединив свои силы с литовским и русским войском, усиленными штурмами добывали Полоцк у Андрея, сына Кейстута. **Это тот Войдат, который в Ковно был захвачен немцами.** Ягелло же в это время с другой стороны вел войско прусских крестоносцев на самого Кейстута.

Но старый Кейстут, новый Уллис и Нестор литовский, уцелевший во многих приключениях и искушенный в битвах, все хорошо понимал и обратился к сыну Витольту: «Как же ты веришь Ягелло, ведь он уже явно обнаружил свой злой умысел тем, что с лифляндскими немцами осаждает в Полоцке брата твоего, а моего сына Андрея Войдата, а потом и меня и тебя быстро со свету сживет, если о себе не подумаем, потому что, как сам видишь, [он] с Войдилом уже на это нацелился (nasadzil sie)». **Великодушие Витольта.** Но Витольта, сохранявшего любовь к Ягелло, не смутили ни явные знаки, ни отцовские слезы, он не хотел всерьез поверить, что Ягелло мог когда-либо желать ему и его отцу Кейстуту чего-то плохого. С тем и уехал от отца в Гродно.

Старик (staruszek) Кейстут, не дожидаясь, пока неприятель захватит его прямо в постели, тайно собрал своих трокских и жмудских рыцарей, а также послал перед собой в Вильно до трех сотен мужей, испытанных и верных жмудских шляхтичей, которые порознь останавливались по постоялым дворам как гости. А потом подготовил возы, до четырехсот подвод, на которых также спрятал шесть сотен вооруженных людей, сверху прикрыв одних шкурами, а других сеном и соломой, и отправил их в Вильно через разные ворота в ограде (ибо стен еще не было). А сам вслед за ними из Трок внезапно тайно подступил к городу с тысячей конных казаков. **Такую же хитрость хотел проделать Коман** (Comannus) **в Массилии** (Masiliensi)**, но обманулся, о чем Юстин, кн. 43** [7]. Потом, когда дал знак своим, те начали сыпаться с подвод и возов, как греки из коня, переправленного в Трою, а другие с постоялых дворов сразу собрались вместе и дерзким ударом захватили оба виленских замка. **Кейстут хитростью захватил Вильно и поймал Ягелло.** Кейстут захватил князя Ягелло с его матерью и зятем Войдило с женой княгиней Марией Ольгердовной и взял их под почетную стражу. А заняв виленские замки и город своими рыцарями, того, кто всего этого пива наварил, Войдила, велел немедленно повесить [8] на виселице, сооруженной на Лысой горе под замком, чтобы всем его было отовсюду видно. **Войдило повешен.** Так ему было заплачено за предательские советы, и как на высоком месте сидел, так на высокой виселице и оказался. ***Alta petisti alta tene.*** *(Хотел возвыситься — получай высокое).* **Некогда пруссы так же сделали с Маславом (Maslaussowi)** [9]**, о чем Кромер (кн. 4), Длугош и Меховский (кн. 2, гл. 14).**

Кейстут также нашел в ларце у Ягеллы записи и письма от магистра Винриха и прусских и лифляндских крестоносцев к Ягелле, в которых они заключали союз, присягали и создавали (spissali) совместную лигу против Кейстута. А Кейстут послал вскачь в Гродно к сыну Витольту, извещая его о случившемся, что [он] Ягелло поймал и Вильно взял. В тот же день Витольт примчался из Гродно в Вильно на сменных лошадях. И там отец

начал бранить (gromic) его за напрасное доверие и любовь к Ягелле и показал ему записи и соглашения Ягеллы с прусскими и лифляндскими крестоносцами против себя, с подписями с обеих сторон. **Витольт второй раз просит за Ягелло.** Но Витольт, хотя и видел явные доказательства заговора (sprzysiegnienia) и злого умысла Ягелло, однако стал просить отца, чтобы эту вину ему простил, прежнюю милость вернул и из тюрьмы выпустил, ибо тот сделал это не по [доброй] воле, а по предательскому навету Войдило (который уже получил свое).

Кейстут завладел великим княжеством Литовским. Смягченный этими доводами своего сына Витольта, Кейстут выпустил из тюрьмы Ягелло и его мать, кроме того, вернул ему все имущество, которое взял было в Вильно по праву войны, и его вотчину Крево со всеми прилегающими волостями, а также отдал ему материнское Витебское княжество. А сам вступил во владение всем великим княжеством Литовским и прилегающими к нему краями.

Потом приказал Ягелло ехать в Крево и жить себе там в качестве удельного [князя], раз [он] не был благодарен за прежние благодеяния. Витольт проводил Ягелло и его мать до Крева с великой честью, и там в дороге [они] поклялись постоянно хранить братскую любовь одного к другому, не иначе как Давид с Ионафаном, сыном Сауловым, а уже вскоре все изменилось. **3 Царств, гл. 20.** Послал также Кейстут к Скиргайле, брату Ягелло, и к осаждавшему Полоцк литовскому войску, приказывая, чтобы прекратили осаду и отступили. **Полоцк вызволен из осады.** Так литовское войско, оставив Скиргайла, подчинилось Кейстуту, как своему великому князю Литовскому, а Скиргайло, видя, что с Ягелло случилось такое дело, уехал в Лифляндию и немалое время провел в Риге у лифляндского магистра. **Скиргайло уехал в Ригу.** Ягелло же спокойно жил с матерью в Крево, а Витольт в Гродно.

Кейстут [идет] **на племянника Корибута.** Потом в том же году Кейстут, великий князь Литовский, отправился с войском к Новогрудку Северскому [10] на другого своевольного и непослушного племянника, Дмитрия Ольгердовича Корибута, который не хотел признавать ни дяди Кейстута, ни какого-либо верховенства великого княжества Литовского, а, напротив, в этом конфликте с Кейстутом отобрал у Литвы несколько замков.

Ягелло изменяет клятве. На эту войну, согласно своим обязательствам, обещал прибыть и Ягелло, но, видя что пришло подходящее время завладеть Вильно и великим княжеством Литовским, с войском, собранным с Витебского и Кревского княжества, с которым должен был идти на помощь дяде, [он] тут же обратился на Вильно, изменив договору и клятве, которую принес было Кейстуту. **Ягелло захватывает Вильно.** Сговорился и с городничим Ханулем (Hawnulem) [11] и старшими виленскими горожанами, которые, захватив ночью оба замка, быстро присягнули Ягелле и сдали их ему. При этом возмущении (trwodze) часть кейстутовых рыцарей в замках перебили, а других посадили в тюрьму. А также Ягелло сразу же послал к прусскому магистру Конраду Цольнеру, прося его о помощи, и, хорошо укрепив Вильно и виленские замки, двинулся с войском к Трокам, куда к нему на помощь прибыл с войском прусский великий маршал. Витольт, видя, что дело нешуточное, и боясь осады литовским и немецким войском, вместе с

матерью Бирутой бежал из Трок в Гродно, а отцу Кейстуту дал знать, что происходит. **Ягелло взял Троки.** Трочане, попав в сильнейшую осаду, продержались несколько дней, но, не надеясь ниоткуда получить скорую помощь, сдались Ягелло с городом и с замками [12].

Кейстут добывает Троки. Кейстут же, как только услышал об этих смутах и возмущениях, прекратил осаждать Новогрудок Северский и, вскачь приехав в Жмудь, собрал войско. Подступив со жмудским рыцарством к реке Вилии и съехавшись с сыном Витольтом, он своих жмудинов соединил с рыцарством его гродненской шляхты, и оба они двинулись под Троки и осадили их. Ягелло, тоже имея полную надежду на помощь Прусского и Лифляндского магистров, которые уже приближались, выехал со своим войском из Вильна под Троки, где на помощь ему пришло большое войско лифляндских и прусских крестоносцев. Кейстут тоже послал было к своему зятю, мазовецкому князю Янушу, прося его о скорой помощи в этой нужде. **Мазуры взяли Дрогичин, Мельник, Сураж.** Но князь Януш, усмотрев в литовских раздорах удобный момент, вместо помощи собрался с мазурами и с поляками и отобрал у литовцев замок Дрогичин, потом замки Мельник, Сураж, Каменец [13], разместив них мазуров.

Смелость старца Кейстута. Кейстут, стесненный отовсюду, отказался от осады Трок, но жмудское и гродненское рыцарство, постоянно бывшее при нем, построил и вывел в поле для битвы с огромным войском Ягеллы и немцев. Он желал вступить с ними в бой, не придавая никакого значения их числу и уповая лишь на справедливость своего дела. Однако Ягелло действовал хитро и, со своей стороны, послал к Витольту, прося его быть посредником и установителем мира между ним и своим отцом Кейстутом, чтобы они договорились по поводу спорных уделов, взаимно не проливали братской крови, а жили бы в обоюдной любви. Ибо в обоих войсках едва ли не все были между собой знакомы, ведь все они были собраны из Литвы, из Руси и из Жмуди.

С теми же словами от Ягеллы в войско Кейстута приехал и Скиргайло и под присягой обещал Витольту безопасность, чтобы тот приехал для переговоров в войско Ягеллы, что Витольт и учинил. И когда оба войска стояли против друг друга готовые для битвы, он приехал к Ягелло и договаривался с ним. **Хитрые переговоры Ягеллы с Кейстутом.** Потом они сочли нужным призвать и самого Кейстута для соглашения, так как Ягелло сказал, что без него [дело] не сможет окончательно решиться. Так старик Кейстут по совету Витольта и с гарантией безопасности от Скиргайла приехал в войско Ягелло и только там, увидев, что ягеллово и немецкое войско обступило его вокруг, будто венцом, понял, что неосторожно попал в западню. **Точно так же руссаки под Галичем едва не изловили Болеслава Кривоустого.** И когда уже солнце клонилось к закату, Ягелло стал говорить, что переговоры пора заканчивать, так как уже некогда, поэтому, говорит, лучше мы утром эти дела и переговоры меж собой закончим в Вильне и заключим [соглашение].

Ягелло второй раз нарушает клятву, [данную] **Кейстуту.** Встревоженные Кейстут с Витольтом вынуждены были таким образом ехать в Вильно, а оба их войска, как Кейстута, так и Ягеллы, без учинения малейшей битвы разъехались с поля, полагая, что их князья помирились. Но Ягелло, изменив своей клятве, той же ночью велел своего дядю Кейстута сковать цепями и путами и отправил его в Крево. **Старик Кейстут в Крево**

посажен [в тюрьму] **и закован.** Там он был ввергнут в смрадную (do smrodliwej) каменную башню над водой, которую мы видим еще и ныне, окружен сильной стражей, а его сын Витольт тоже под стражей содержался в Вильне. **Кейстут удавлен в Крево.** Потом на пятую ночь по приказу Ягелло Кейстут был удавлен в каменной башне Кревского замка неким Пpором (przez Prore), который был подчашим у великого князя Ягелло, и его братом Билгеном (przez Bilgena), кревлянином Мостевым Гетком (przez Mostewa Getka), Кишичем (Kiszycem) [14], которого звали Жибинта (Zibinta), чьей обязанностью было зажигать свечи и раскладывать огонь в камине у Ягеллы, Кучуком (Kuczuk) и другими, которым Ягелло это поручил, нарушив клятву и людские законы [15]. И так непристойно, насильственной смертью был сжит со свету милый нам Кейстут Гедиминович, князь славный, мужественный, достойный, наиболее умудренный в устройстве разных битв и в хитростях, ибо трижды плененный в различных битвах, три раза хитростью ушел из немецкого, а в четвертый раз из польского плена, будучи литовцам непреодолимой стеной и мощным бастионом от немецких набегов, второй Ахиллес, Гектор, Аякс, Улисс и Геркулес Литовский и Жмудский. По обычаю его тело с княжескими почестями препроводил в Вильно племянник [Кейстута] Скиргайло, брат Ягелло, и соорудив на Виленских жеглищах по языческому обычаю своих отцов большой костер из сухих дров, приготовили все необходимое для сожжения тела. **Языческое погребение Кейстута.** Там, нарядив его в доспехи и в княжеские одежды с саблей, с копьем и с сайдаком положили его на кучу (stos) дров, а с ним живого верного слугу и лучших животных: украшенного коня, пару хортов, соколов и легавых (wyzlow) собак, рысьи и медвежьи когти и охотничьи трубы. Потом, [вознеся] молитвы и принеся жертвы богам, воспев подвиги, совершенные им при жизни, подожгли эту кучу смолистых дров, и так сгорело все тело. Потом, собрав пепел и обгорелые косточки, похоронили их в гробу, и это был конец и погребение славного князя Кейстута.

Видимунт вплетен в колесо [16]. Потом Ягелло, мстя за смерть своего зятя Войдила, которого Кейстут велел повесить, приказал колесовать Видимонта, знатного жмудского пана из Паланги, тестя Кейстута и дядю Бируты, матери Витольта, [человека] преклонных лет, а его имущество и все имения в Жмуди и в Литве Ягелло отдал и даровал литовскому пану Монивиду или Монтвиду, к которому был ласков, как свидетельствуют летописцы. Жена этого Видимонта Ульяна назло Витольту была насильно лишена всех прав на имущество своего мужа [17].

Витольт заключен в Крево. А самого Витольта, сына Кейстута, Ягелло отправил из Вильно в Крево, туда, где был удавлен его отец Кейстут. И там его содержали в почетном, но очень строгом заключении, ибо не мог иметь никаких слуг, только жене его княгине Анне с двумя паннами было дозволено приходить к нему на ночь, а утром уходить. **Витольт бежал из Крева с помощью жены.** А когда она доведалась от стражи, что ее мужа Витольта ждет такая же смерть, как и его отца Кейстута, и для этого Ягеллой уже были присланы исполнители, той же ночью посоветовала мужу, чтобы он оделся в платье одной из служанок. А что был без бороды, то это ему еще более помогло, ибо перед всей стражей вышел за женой Анной вместо пани служанки, а одна панна осталась в башне вместо Витольта, одетая в его одежду. Потом, как только пришла ночь, Витольт по веревке спустился со стен Кревского замка и, достав коня у заботливых друзей, бежал в Мазовию к своему зятю**,** князю Янушу Мазовецкому, которым был ласково принят.

Витольт крестился и назван Конрадом. А по рассказам некоторых, о чем упоминает и Меховский (кн. 4, гл. 37), он был крещен в христианскую веру и назван Конрадом, пожалован и одарен хорошей (pewna) волостью с фольварками и деревнями. Но опасаясь, как бы Ягелло на него там не наехал и не захватил, ибо когда-то Мазовию предоставляли на разграбление Литве, как ныне Подолию татарам, перебрался в Пруссию к прусскому магистру Конраду Цольнеру [18], которым был прежде гоним, так что искал спасения у крестоносцев не по доброй воле, а лишь прижатый несчастьем. [Однако] он был прекрасно принят в Мальборке, и крестоносцы советовали ему надеяться на лучшее.

Ягелло осадил Дрогичин. При этих раздорах между литовскими князьями старший из мазовецких князей Януш, зять Кейстута, улучил момент и взял было у литовцев Дрогичин, Мельник, Сураж и Каменец, как рассказывалось выше. Поэтому в 1383 году Ягелло, великий князь Литовский, подступил с войском под Дрогичин и добывал замок сильными штурмами. **Подвиг** (dzielnosc) **мазура Сасина.** А в это время некий Сасин (Saszyn), маршалок княжества Мазовецкого, который был дрогичинским старостой, всего с тридцатью конниками с копьями и шестьюдесятью с самострелами (kuszami), сильным броском (wielkim pedem) проскочил сквозь литовские обозы и неприятельское войско и храбро пробился к замку. Потом, узнанный своими мазурами, с великой радостью был впущен в замок и долго храбро и превосходно отбивался от штурмующих литовцев со стен, [делая] частые вылазки [19]. Но руссаки, которые были в замке, подкупленные Ягеллой, ночью подожгли замок в нескольких местах, а сами спустились со стен по веревкам и бежали в литовский лагерь. **Мазуры мужественно защищают подожженный Дрогичин.** Литовцы со всех сторон штурмовали подожженный замок мощными приступами. Битва длилась всю ночь и, наконец, Сасин, маршалок мазовецкий и староста дрогичинский, долго и храбро защищаясь и отважно выдержав несколько штурмов, сдался князю Ягелле. **Ягелло взял Дрогичин.** А очень много других мазуров сгинуло от огня и меча, особенно когда замок горел, ибо литовцы не давали им никакой передышки и не допустили гасить [пожар]. И доныне пахари плугами выкапывают там кости, а там, где раньше был замок, если пошевелить землю, тоже много костей найдешь.

Добыв Дрогичин, Ягелло двинулся к Суражу, который окружил и взял путем сдачи, Литовцы также взяли Мельник и заняли его своими людьми, перебив и повязав мазовецких рыцарей. Потом Ягелло с войском целую неделю стоял под Каменцом, который тоже был сдан старостой мазовецкого княжества, не сумевшим выдержать ни долгую осаду, ни постоянные штурмы. **Литовцы захватили Мельник, Сураж и Каменец.**

Ягелло, отобрав подляшские замки и повяты, вернулся в Литву, где нашел войну в своем собственном доме. **Жмудь с Витольтом.** Ибо, пока он добывал эти замки, Витольд с упрямо стоявшими за него жмудинами и с прусским магистром Конрадом Цольнером повоевал Литву. **Немцы с Витольтом взяли Троки.** А город Троки с обоими замками постоянными штурмами, таранами и пальбой из орудий немцы разбили и почти сравняли с землей (do wietszej polowice), и в конце концов их взяли.

Ягелло вернул Троки. В обоих Трокских замках магистр Цольнер поместил сильные и боеспособные гарнизоны немецких рыцарей, в достаточном количестве снабдив их

завезенными продуктами. А сам он, узнав, что Ягелло с войском уже возвращается из Подляшья, двинулся с Витольтом в Пруссию. Ягелло с уже готовым войском осадил Троки прежде, чем немцы смогли поправить и отстроить разрушенные стены, и сосредоточил все усилия на том, что штурмовал замки и днем и ночью. Немцы, не в силах сдержать столь упорного литовского натиска, начали переговоры с Ягелло, чтобы им было позволено уйти со своими вещами. И когда Ягелло это позволил, [немцы] сдали недавно взятые трокские замки, которые Ягелло заново укомплектовал [своими людьми]. А вся Жмудь отступилась от Литвы и пристала к Витольту, находившегося у крестоносцев в Пруссии. Это происходило в 1383 году, в то самое время, когда в Краковской, в Сандомирской, в Силезской земле, в Чехии, на Поморье и в Италии господствовало жестокое моровое поветрие.

Помирившийся Витольт бежит от крестоносцев. Его удел. Потом Ягелло тайно послал Витольту в Мальборк мирные предложения (jednacze), уговаривая его вернуться на родину, гарантируя ему безопасность и мир, а также уступая ему подляшские замки для княжеского содержания, лишь бы приехал и более не скитался (wloczyl) у немцев изгнанником. Витольд дал себя уговорить и бежал от крестоносцев в Литву, где помирился с Ягелло и взял от него в удел Гродно со всеми прилегающими городами и замками с их повятами: Брест, Дрогичин, Мельник, Бельско (Bielsko), Сураж, Каменец, Мстибогов и Волковыйск. Этой милостью Ягелло принудил (zniewolil) Витольта к верности и подчинению, так что без одобрения Ягеллы Витольд (Witold) никуда не посылал даже самого ничтожного посла. А литовские летописцы свидетельствуют, что тогда же Ягелло дал Витольту (Witoltowi) еще и Луцк с Волынью и всю Подолию.

Глава вторая

О войне Ягеллы с поляками,

о забрасывании Завихоста палками, о разорении Сандомирской земли и о втором похищении древа Креста Господня.

Год 1384

Ягелло Ольгердович, великий князь Литовский, успокоив со всех сторон свое государство и наполнив украинные замки жмудским и литовским воинством [для защиты] от пруссов [20] и лифляндцев, отправился с войском в Мазовию, и огнем и мечом пововоевав ее в нескольких местах, двинулся в Сандомирскую землю, мстя полякам за то, что помогали мазовецкому князю Янушу в захвате Дрогичина и Мельника. И, распустив загоны по Сандомирской земле, почти всю ее вдоль и поперек жестоко разорил. Потом, когда эти загоны с добычей и с пленниками стянулись в лагерь (do kosza), подступил к замку Завихост, в котором укрывалось очень много шляхтичей с женами, детьми и имуществом. И там, как свидетельствуют русские и литовские летописцы, Ягелло, будучи у Вислы, начал советоваться со своими господами и боярами, как ему суметь переправить свое войско на другую сторону через Вислу у Завихоста. **Радзивилл переплывает Вислу за конским хвостом.** И тогда один пан, которого летописец называет Радзивиллом, много не разговаривая, обвил конский хвост вокруг своей руки, а другой рукой хлестнул коня

плетью, говоря: «в этой руке воде не бывать», и вскочил с конем в Вислу, а за ним рота его верховых казаков [21], бывших под его началом. **Литовцы переправляются через Вислу за Радзивиллом.** Другие по примеру Радзивилла тоже вплавь перебрались через Вислу со всем войском: одни сидя в седлах, другие держась за хвосты, а сам Ягелло был преправлен в челне. И там, когда все вышли из воды и отряхивались, тут же этот Радзивилл, который подал им пример переправы через Вислу, взял несколько палок, то же велел сделать и другим, и все они, набрав дерева с опустошенного городка и разобрав плоты, обзавелись подметом, идя к замку. И забросали [этим] деревом глубокий ров, а потом, постоянно теснясь перед замковым частоколом, забросали его палками, как о том единодушно свидетельствуют все летописцы. **Литовцы подметом сожгли Завихост.** А потом подожгли во рву этот подмет, от которого загорелся и частокол, и замок с деревянными башнями. И там погорело очень много поляков с женами, с детками и с имуществом, а которые смогли убежать из замка, разорвав огненное кольцо, тех хватали литовцы.

Литовцы второй раз разоряют Польшу до самой Вислицы. Потом Ягелло распустил далее по разным краям Польши загоны, которые воевали до самой Вислицы в 9 милях от Кракова и обобрали монастырь Святого Креста на Лысой горе, где собралось немало людей. **Довойно взял древо Святого Креста.** И там один литовский пан, звавшийся Довойно, взял частицу древа Святого Креста в дорогой золотой оправе и спрятал его во вьюк (do tlomoka) на возу меж другой добычей. **Ягелло** [возвращается] **с награбленным в Вильно.** Без малейшего отпора Ягелло вернулся в Вильно со множеством пленников и добычей, где как победитель был принят всем народом с великой радостью, рукоплесканиями и пением *ладо! ладо!*

Внезапная смерть литовцев. Потом в Русском Летописце далее написано, что если в то время в Вильно в огромной людской толпе какой-нибудь язычник касался воза или этого довойниного вьюка, где лежало древо Святого Креста, каждый тут же умирал. И когда их так много померло, Ягелло, удивляясь, что бы это значило, спросил о причине. **Явление Святого Креста.** И там одна госпожа знатного рода герба Абданк, захваченная в Польше (которую тоже захватил Довойно и бережно стерег), сказала, что Ангел Божий объявил ей во сне: это Господь Бог напустил на язычников жестокую смерть за непочитание и поругание Креста святого. Услышав это, Ягелло с великим почтением и дарами отослал эту пани в Польшу, отдав ей древо Святого Креста (как филистимляне ту скинию мира) и поручив ей, чтобы отнесла его на то же место. А та панна, помня о статности Довойно, просила и его ехать с ней к ее отцу, так как была единственной [дочерью]. И Довойно, поехав с ней, крестился и взял ее себе в жены, и там ему в то же время дан герб Абданец (Habdaniec), а с добавлением к нему креста в знак возвращения древа святого, этот герб назван *Дубно*, которого ныне много фамилий в Польше и на Руси. **Герб Абданец V, двойное W, а Дубно тоже W, но с крестом.** Там же летописец пишет, что в то время границу Литвы с Польшей Ягелло установил по Белой воде, то есть по Висле. Но этого установления границ иные историки не упоминают. Итак, древо Святого Креста было взято литовцами дважды: [в первый] раз при Ольгерде и Кейстуте в 1372 году и отослано назад польским шляхтичем Караболой, как свидетельствуют Меховский, Кромер, Бельский и Ваповский и о чем мы писали выше. А второй раз, согласно русским и

литовским старым Летописцам, отослано Ягеллой из Вильна в Польшу с упомянутой панной.

А все эти упомянутые беды в Польше и в Мазовии литовские князья тем смелее чинили, что в то время было развязавшее внешнюю и внутреннюю войну междуцарствие после смерти Людовика, короля Венгерского и Польского, который умер в Венгрии в местечке Тернаве в сентябре месяце и похоронен в Белграде в 1382 году. Царствовал на польском королевстве 12 лет.

Замки Волыни и Покутья отданы Литве. После смерти Людовика венгры, которым были поручены русские замки на Волыни и на Покутье: Олеско (Heleszko), Каменец, Городло (Hrodlo), Лопатин (Lopaczyn), Снятин, Рогатин с их окрестностями и повяты, передали их литовскому князю Любарту, который в то время владел Луцком, Волынью и Владимиром, хотя королева за это некоторых покарала смертью, а других [тюремным] заключением. И с того времени Литва стала присоединять к себе Волынь, как пишут некоторые польские хронисты, хотя до этого литовцы силой отобрали Волынь у русских князей при Миндовге, а потом при Гедимине.

Из-за этого Людовика в Польше вообще не было никакого правления в связи с отсутствием короля, хотя были великие разбои и грабежи, а которые за правдой ехали в Венгрию, тех король отсылал к королеве, а королева к королю. Потом в Польшу шли письма с приказаниями губернаторам, те на эти письма не обращали внимания, венгры за эти письма сдирали [большие деньги], да еще и литовцы их всегда донимали так, что со всех сторон великие притеснения были в бедной Польше.

Глава третья

О польских раздорах и о различных элекциях,

которые в чем-то были подобны нашим нынешним временам, и о призвании Ягеллы, великого князя Литовского, на королевство Польское и для женитьбы на Ядвиге Людовиковне.

Подневольная элекция. Как при жизни, так и после смерти Людовика в Польше начались великие внешние и внутренние смуты, ибо он предупредил польских панов, призвав их в Венгрию, чтобы польским королем они в конце концов избрали его зятя Сигизмунда, маркграфа Бранденбургского, и некоторые в Венгрии были вынуждены присягнуть ему на верность и послушание.

Бранденбургский маркграф Сигизмунд, который потом был венгерским королем и императором, делает набеги на Польское королевство. Приехав в Польшу, он сразу стал карать своих противников, добывать их замки и отбирать их вотчины и имения. Мазовецкого князя Земовита, который признавать его королем не хотел, преследовал войной и повоевал Мазовецкую землю огнем и мечом. А другой князь Януш в своей части Мазовецкого княжества принес ему присягу.

Маркграф Сигизмунд признан королем в Великой Польше. Потом Сигизмунд пошел в Познань, где при поддержке гнезненского архиепископа Бодзенты и великопольского старосты Домората (Domorata) был как положено всеми признан королем.

В том же году в день святой Катерины (25 ноября 1382 года) поляки устроили сейм в Радомском, на котором тайно постановили и печатями утвердили взять себе [нечто] среднее (srzednia) между Сигизмундом и своей наследницей королевной и отдать ее в жены тому, кто бы их государством как следует управлял. Гнезненский архиепископ Бодзента и староста Великой Польши Домарат противились этому их решению, однако потом [и они] позволили.

Поляки выгнали Сигизмунда, дав ему на пропитание. Когда Сигизмунд хотел приехать в Краков, его не хотели пустить, особенно краковский каштелян Добек из Курозвек. Поэтому оттуда за счет поляков его препроводили до Бохни, потом до Саза (Sacza), а оттуда уже и в Венгрию.

Другие поляки на Серадзском сейме [22] хотели взять королем мазовецкого князя Земовита, но отложили это до приезда Ядвиги. Поэтому Земовит, учинив тайный сговор с архиепископом Бодзентой, поехали в Краков, так как если первыми разместятся (sie wwiezac) в Краковском замке, то потом смогут добиваться и королевны с королевством. Но в Кракове об этом узнали; поэтому заперли город и замок, так что ему пришлось остановиться на дворе Бодзенты в гостинице (Kleparzu), которую тот велел выстроить из камня в приходе святого Флориана. Краковяне послали к нему, чтобы и оттуда уезжал по причине некоторых их подозрений. Вынужденный это сделать, [Земовит] потом пятнадцать дней жил в Корчине, ожидая приезда королевны, которую намеревался взять силой, если не захочет по доброй воле.

Земовит избран польским королем. Но когда венгерская королева на время отложила приезд королевны Ядвиги, на Серадзском сейме, на который никто не хотел ехать, только мелкая шляхта, архиепископ Бодзента возвел мазовецкого, князя Земовита на польский престол и объявил его законно избранным королем [23]. Узнав об этом, венгерская королева сразу же послала против Земовита своего зятя Сигизмунда, маркграфа Моравского и Бранденбургского, с двенадцатью тысячами венгров, которые вторглись в Мазовию через Садец (Sadecz). **Венгры и поляки разоряют Мазовию.** Поляки из Краковской и Сандомирской земли тоже приехали к Сигизмунду с немалым войском и огнем и мечом жестоко жгли и разоряли земовитову часть мазовецкой земли. **Венгры разоряют Куявию.** Потом Сигизмунд осадил Брест Куявский (ибо Куявия была тогда под властью Земовита) и стоял там двенадцать дней, а венгры, подобно язычникам, жестоко воевали куявские земли до тех пор, пока опольский князь Владислав в качестве посредника не заключил между Сигизмундом и Земовитом временное перемирие, а именно до Пасхи [24]. **Домарат Першлинский поражен.** А великопольский староста Домарат из Першина (Pierzchna), приведя людей из Саксонской и Поморской земли, тоже воевал Куявию, желая в этом поддержать Сигизмунда. Но его полон и людей отбил Владислав, князь Опольский, который в то время жил в Иновроцлаве, ибо это касалось уже и его владений.

Измученные этими внутренними войнами злосчастного *интеррегнума* [25] поляки в году Господнем 1384 послали к королеве Эльжбете, чтобы та, наконец, сдержала слово и прислала королевну, пригрозив ей, что в случае дальнейшей проволочки они подыщут себе другого господина. Королева, побуждаемая этим посольством, сразу же послала королевну Ядвигу со своим зятем Сигизмундом, маркграфом Моравским и Бранденбургским, чтобы был ей до поры опекуном и губернатором королевства Польского, пока [Ядвига] не достигнет [положенного] возраста. Как только поляки узнали, что их королева так мало значит и как женщина подчинена губернатору, то собрались с немалым людом и двинулись в Саз. **Поляки против Сигизмунда.** И там послали [предупреждение] маркграфу Сигизмунду, который был уже в Любовли, чтобы в Польшу не ездил, ибо его не хотят ни королем, ни губернатором. И говорили: «Если он осмелится на свою беду въехать в Польшу, мы поступим с ним не иначе, как с врагом». Поэтому Сигизмунду пришлось [повернуть] назад.

Королевна Ядвига Людовиковна [приезжает] **в Польшу.** Однако королева, выполняя свое обещание, отправила королевну Ядвигу в Польшу с другими панами: кардиналом Деметриусом, архиепископом Эстергомским (Stringonskin), Яном, епископом Варадинским, и со светскими панами, дав ей достаточно золотых и серебряных сокровищ и все необходимое (apparat) для королевы. В день святой Ядвиги к ней с великой радостью из Кракова вышла процессия и выехали многие паны и рыцари. **Ядвига Людовиковна — королева Польши.** И сразу после приезда она была помазана на королевство польское гнезненским архиепископом Бодзентой в присутствии тех же венгерских послов и других епископов польских и силезских [26]. Ей дали власть управлять королевством Польским до тех пор, пока не будет отдана замуж.

Ягелло послал к Ядвиге сватов. Потом в 1385 году великий литовский князь Ягелло, улышав о приезде и коронации Ядвиги и имея о ней сведения, что красива, учтива и умна, а к тому же наследница королевства Польского, послал к ней своих братьев Скиргелло и Бориса [27] и виленского старосту Ганула (Hawnula) с очень большими и ценными дарами, спрашивая, не хочет ли она принять его как супруга на королевский (Koronny) престол. **Условия** (condicie)**, предложенные Ягеллой полякам.** И прежде предложил такие условия: он хочет сам со всем государством (panstwy) креститься, вернуть и присоединить к Польше все земли (dzierzawy), которыми Литва завладела, оторвав их от Польши, как замки, так и города, а особенно Русские края и все Подляшье; кроме того, отпустить на свободу всех людей и пленников, которых на Руси и в Польше издавна захватили еще при его предках; великое княжество Литовское навеки объединить с Польшей; захватывать силезские, прусские и поморские земли и княжества и присоединять их к королевству Польскому; все сокровища, которые он имеет и иметь будет, передать Польше на народное дело [28].

Эта речь литовских послов очень понравилась всем полякам, надеявшимся таким образом обрести от них покой, но королевне пришлась не очень по вкусу, ибо еще при жизни отца она была обещана князю Вильгельму Австрийскому, с которым была обручена еще в колыбели, поэтому у нее на уме была ее первая влюбленность. К тому же [был установлен] залог или поручительство в двести тысяч золотых, и если какая-либо сторона разорвет брачный [договор], то была обязана выплатить эту сумму. Но литовские послы

пообещали, что Ягелло заплатит и за этот зарок. Поэтому послы Короны краковский подчаший Влодко из Огродзинца и Кристин из Острова [29] с послами Ягеллы поехали в Венгрию сообщить венгерской королеве Эльжбете о посольстве Ягеллы, великого князя Литовского. Радушно приняв их, королева отвечала, что согласна со всем тем, что польские паны сочли нужным постановить для пользы государства (rzeczy pospolitej).

Вскоре после этого венгерская королева Эльжбета вместе с другой дочерью королевной Марией, супругой Сигизмунда, поехала в другое свое королевство, Хорватию. По дороге она была окружена [людьми] своего подданного Яноша Хорвати, бана Хорватии (Karwackiego), вытащена из коляски (kolebki), жестоко убита и утоплена. **Бан в Хорватии — чин вроде нашего старосты Жмудского. Этот мстил за смерть неаполитанского короля Карла, которого призвали на венгерский престол, но он был убит Блажем Фаркашем** (od Blazego Farkacza) **по наущению королевы Эльжбеты. Кром**[ер] **(кн. 14), Длугош и Мех**[овский] **(кн. 4)** [30]. Тогда в Литву были немедленно отправлены послы: Влодко из Остродзинца (Ostrodzienca), краковский подчаший, Кристин из Острова, Петр Шафранец из Лужице, Гиньча из Рогова или Рожкова, чтобы на обещанных условиях препроводить Ягеллу в Польшу для женитьбы на королевне Ядвиге.

Вильгельм чуть не стал польским королем. Когда об этих делах узнал австрийский князь Вильгельм, он, зная о привязанности к себе королевны и о ее упрямстве и, вероятно, ей же и призванный, со свитой разукрашенных немцев и с большой казной приехал в Краков и долго там жил, развлекаясь и частенько бывая с королевной в замке. Потом краковский каштелян Добеслав из Курозвак запретил ему ходить в замок, велев оставаться в городе, но королевна ходила к нему со своими дворянами и фрейлинами (fraucimerem) в монастырь святого Франциска и там в трапезной (refectuarzu) была учтива, умеренна и весела с Вильгельмом и с другими панами и паннами. Коронные паны, видя, что Вильгельм был постоянным гостем королевны, и к тому же имел щедрую руку, проводили его в замок и хотели дать его в мужья королевне согласно воле ее покойного отца Людовика. **Вильгельм Австрийский изгнан из замка.** Но когда услышали, что Ягелло едет из Литвы, велели силой выставить Вильгельма из замка и заперли за ним двери и ворота. **Ядвига сбивает замки на воротах.** Королевна же, сожалея о Вильгельме, сбежала вниз в замке и хотела навестить его, а когда нашла ворота запертыми, сама выхватила у сторожа топор и хотела своими руками сбить замки и запоры. Но когда коронный подскарбий Димитр Горайский прекрасной речью убедил ее, что в ее звании так [поступать] не пристало, быстро дала себя укротить. **Вильгельм уехал из Кракова.** А князь Австрийский Вильгельм, боясь еще более осрамиться, с малой дружиной тайно уехал из Кракова в Австрию, не став бить челом полякам за честь. А сокровища, клейноты и другие дорогие вещи оставил у краковского подкомория Гневоша, за которые потом этот Гневош накупил себе больших имений, ибо все это осталось у него. **Гневош разбогател.** Однако легко добытое недолго продержалось, ибо его потомки все эти богатства быстро растранжирили и пустили по ветру, как пишут Длугош и Кромер.

Ошибка летописцев. Вместо этого Вильгельма, князя Австрийского, упорно старавшегося заключить брак с королевной Ядвигой Людовиковной, русские и литовские летописцы вопреки истинной правде и всем историкам без должных оснований приводят

какого-то поморского князя Фридриха, чего никогда *in rei veritate* (в действительности) не было [31].

Глава четвертая

О приезде Ягелло в Краков и его коронации на королевство Польское.

Год 1386

Въезд Ягеллы в Краков. В 1386 году, когда несостоявшийся (niewdzieczny) сват и гость поляков Вильгельм Австрийский уехал из Кракова в Австрию, Ягелло Ольгердович, великий князь Литовский, Русский и Жмудский, с краковским воеводой Спытком Мельштынским и с другими ездившими к нему коронными панами въехал в Краков во вторник 12 февраля [32].

Вместе с Ягелло были родные и двоюродные братья, литовские, жмудские и русские князья и паны с большими и пышными почетными свитами и с возами ценностей, на которых длинной вереницей везли сокровища и всю обстановку (sprzet) двора Ягелло. В тот же день во дворце Краковского замка, окруженный братьями князьями, он приветствовал королевну Ядвигу, а назавтра послал ей большие и ценные дары от братьев Витольта, Бориса и Свидригеллы.

Ягелло с братьями окрещен. Потом в четверг 12 февраля, который был днем Святого Валентина [33], Ягелло с братьями был обучен догматам и таинствам святой христианской веры и в Краковском костеле гнезненским архиепископом Бодзентой и краковским епископом Яном окрещен и наречен Владиславом. Там же с ним и другие братья, когда познали [истинного Бога] и поклялись защищать и постоянно хранить веру христинскую, были окрещены и названы новыми именами: Вигунт, князь Керновский — Александром, Скиргайло и Коригелло — Казимирами, Свидригайло — Болеславом, Витольд тоже был назван Александром. Вместе с великим князем Ягелло сразу же крестились все литовские и жмудские паны, кроме русских и других князей Ольгердовичей, братьев и дядьев (stryjow) Ягеллы, которые задолго до этого были окрещены в русскую веру греческого закона. Это были Федор Любарт Сангушко, князь Луцкий, Волынский и Владимирский; Димитр (Dimitr) Корибут, предок князей Северских, Збражских и Вишневецких; киевский князь Владимир Ольгердович, родоначальник сиятельных князей Слуцких; Наримунт Василь Пинский; Семен Лингвин Мстиславский и Новгород-Северский; Юрий Довгот (Dougot) и другие литовские князья [34]. **Ягелло обвенчан.** В тот же день после святого крещения и причащения святых тайн Ягелло вступил в священный брак с королевной Ядвигой в присутствии вышеупомянутых братьев князей. **Литва и Польша воссоединены.** Там же заодно все великое княжество Литовское, Жмудские и Русские края, которыми завладел силой, к короне польской вечным правом присоединил и слил в одно целое, письменно это подтвердив своей клятвой. **Об этом подробнее читай в польском статуте.** Помимо этого Витольт с князем Михалом Заславским и с Федором Любартом, князем Волынским, письменно поручились королеве Ядвиге и коронным панам за брата Ягелло, что он исполнит все, что обещал. **Ягелло коронован.** Потом согласно обычной коронационной церемонии на четвертый день [он] был помазан на

королевство Польское архиепископом Бодзентой и коронован новой короной, ибо старую [вместе] с другими коронными клейнотами Людовик увез было в Венгрию. А на следующее утро [Ягелло] был препровожден на Краковский рынок и там на возвышении принимал присягу от жителей Кракова и от других городов. И другие литовские и русские князья, которые в то время были в Кракове, присягали королю и королеве и, дав в этом письменные [присяги] под печатями, поклялись быть верными королеве и польской короне со своими княжествами. **Письменные** [обязательства] **литовских князей за Ягелло.** А по поводу этого постановления, объединения и воссоединения Великого княжества Литовского с Короной Польской в королевской сокровищнице Краковского замка и ныне есть записи с печатями литовских князей, которые в то время были с Ягелло в Кракове, прежде всего Ольгердовичей: князя Новгородского в Северской земле Димитрия Корибута и князя Киевского Владимира, предка князей Слуцких, Скиргайла Троцкого, Александра Вигунта Керновского, Федора Любарта Луцкого, Наримунта Василия Пинского, Семена Лингвена Мстиславского, которого Ягелло поставил было в Великом Новгороде, Михаила Явнутьевича Заславского и его сыновей Юрия и Андрея, князей Заславских, Юрия Довгота (Jerzego Dowgota) [35], Александра Витольта и других князей, королевских братьев. Потом справляли свадьбу: танцы и пиршества в течение многих дней, турниры, состязания и другие развлечения; ради столь славного свадебного веселья и для нового короля каждый показывал, кто что умел.

О повоевании крестоносцами Литвы и Руси, о пленении князя Андрея, брата Ягелло, и о разорении Мстиславля, Витебска и Орши смоленским князем Святославом.

Прусский магистр не пожелал приехать на свадьбу и разоряет Литву и Жмудь. Как только Ягелло приехал в Краков, он совместно с королевой Ядвигой послал в Пруссию коронного подскарбия Димитра Горайского просить на свое крещение и свадебное веселье прусского магистра Конрада Цольнера; но тот из надутой немецкой гордости, возгордившись, отверг приглашение на свадьбу короля и королевы и с двумя войсками вторгся в Литву и в Жмудь. И найдя эти земли, в то время пустовавшие без князей и панов (ибо все они уехали с Ягелло в Краков) оставленными и воистину осиротевшими, воевал их вдоль и поперек, разделившись с войсками надвое. А при магистре с третьим русским войском был также и князь Андрей Ольгердович, брат Ягелло, который в то время подбивал идти на Литву прусских и лифляндских крестоносцев, желая вместе с ними отнять у Ягеллы и других братьев Великое княжество Литовское и завладеть им. Он имел за собой все русские замки и принадлежавших к ним людей, ибо давно, еще с детства, был окрещен в их веру при его отце Ольгерде. По наводке князя Андрея прусский магистр с двумя войсками с одной стороны, лифляндский [магистр] с другой, от Двины, без отпора разоряли литовские края.

Немцы силой взяли замок Лукомль. Окружив замок Лукомль, который храбро обороняли русские и литовцы, сторонники Ягеллы, прусский магистр пустил своих немцев с лестницами и огнем на ожесточенный штурм, и так долго штурмовали, что силой взяли замок, под стенами которого полегло много немцев, побитых каменьями и кольями. **Андрей взял Полоцк.** Андрей Ольгердович со своим рыцарством остался в замке Лукомль, а потом ему сдались и полочане с замком, городом и со всем княжеством Полоцким. Ибо к этому их принудили силой прусский магистр Конрад Цольнер и

ливонский магистр Генрих [36]. И так с помощью крестоносцев он завладел Полоцком, Дриссой, Друей, Лукомлем и немалой частью Руси. Ныне в том Лукомле, от которого князья Лукомские пишутся, стоит только городище, которое я сам видел в 1573 году, означающее, что там когда-то был большой и сильный (gwaltowny) замок, свидетельством чего [являются] валы и обширный (szeroko) насыпной холм.

Князь Смоленский воюет литовскую Русь. В то же время князь смоленский Свадослав или Святослав (Swadoslaw albo Swantoslaw), полагаясь на двустороннее соглашение с князем Андреем Ольгердовичем, вторгся с войском в русские земли Ягелло с другой стороны, Витебск и Оршу, лежащую в двадцати милях от Витебска, пожег, волости, дворы, села и фольварки опустошил, а людей русских, хотя они были христианской веры, приказал бить и умерщвлять.

Жестокие убийства русских и литовцев смоленским князем. Иных, согнав в избы и хоромины, без милосердия жег, других же, приподняв дома и строения, велел класть шеями на открывшиеся фундаменты и, опустив строения к земле, жестоко задушил и раздавил [людей]. И другие свирепые убийства литовцев и русских, литовских подданных, без всякого милосердия измышлял, так что в своей жестокости превзошел Нерона Римского, Камбиза Персидского и Ирода [37]. **Мстиславль осажден.** А когда не смог добыть Витебска и Орши, двинулся с войском к Мстиславлю (Mscislawia), который осадил со всех сторон и добывал постоянными штурмами, подкапывая стены и различной стрельбой и таранами долбя частоколы, башни и ворота.

Услышав об этом, король Ягелло сразу отправил из Кракова брата Скиргайла и Витольта с литовскими панами на спасение отчизны. С ними на свою беду (как говорят) выехало и очень много добровольцев поляков. Вот так в середине поста Скиргайло с Витольтом, собрав войско из Жмуди и из Литвы, двинулись с поляками на Русь, надеясь отрезать путь орденским войскам. Но прусский магистр Цольнер и Генрих Лифляндский уже спешно отступили в свои земли, услышав о [выступлении] против себя литовских и прусских войск. **Витольт возвращает Лукомль.** Тогда они осадили Лукомль, добыв который, изрубили гарнизон князя Андрея и его немецких и русских рыцарей, других повязали, остальные разбежались, а в Лукомле разместили свой [гарнизон]. Оттуда [они] двинулись прямо на Мстиславль против жестокого Святослава, смоленского князя, который уже почти развалил постоянными штурмами и разбил таранами все стены Мстиславльского замка. **Битва смоленского князя с литовцами.** Но когда услышал, что против него движутся Скиргайло с Витольтом, отступил от замка и, выступив со своим смоленским войском в поле, сильным броском ударил по литовцам. А Скиргайло и Витольт отбивались тем мужественнее, что чувствовали справедливость своего [дела]. **Святослав Смоленский убит.** Сам Святослав, направлявший полки и копьем одного литвина пробитый навылет, упал с коня и так заплатил за свою жестокость. Его войско, увидев, что князя не стало, сразу упорхнуло в ближние леса; литовцы с поляками их гнали, пленили и захватили полон, добычу и все неприятельские обозы. **Юрий Святославич захвачен.** Там же Юрий, сын Святослава, храбро защищаясь, был ранен, взят в плен и приведен к Скиргайле. Но когда он поклялся нерушимо и постоянно хранить послушание, верность (wiare), присягу (hold) и подданство королю Ягелло, его брату Скиргайло и их потомкам, великим князьям литовским, то был отправлен Скиргайло в Смоленск и поставлен князем

смоленским на место убитого отца Святослава. **Полоцк возвращен.** Потом Скиргайло с Витольтом двинулись к Полоцку, который добыв за короткое время, покарали смертельным мечом и [отобрали] имения у своевольных и у тех, которые были причиной войны и измены, либо отпадения и переметывания от Ягеллы к Андрею. Заняв литовским рыцарством полоцкий замок, успокоили от этих смут и привели к покорности Ягелле и великому княжеству Литовскому всю Полоцкую, Лукомльскую, Витебскую, Оршанскую, Смоленскую и Мстиславскую Русь. **Князь Андрей захвачен и посажен** [в тюрьму]. Андрея же Ольгердовича, брата Ягелло и Скиргайло, который все это и натворил, захватили и потом отослали в Польшу к Ягелло. И там, наказанный за свое упрямство, целых три года сидел в тюрьме под стражей в темной башне Хенцинского замка [38], а на четвертый год был выпущен по ходатайству (na przyczyne) других братьев. А Скиргайло, Витольд и Свидригайло после этой победы распустили литовские и жмудские войска, и сами спокойно разъехались по своим замкам: Скиргайло в Троки, Витольт в Гродно, а Свидригайло остался в Полоцке.

О походе Ягелло в Великую Польшу.

Церковные имения возвращены. Времена, подобные нашим 1576 и 1577 годам. Устроив все как следует в Кракове, в Малой Польше и в отчей Литве, король в середине поста с королевой Ядвигой и с войском двинулся в Великую Польшу для успокоения смут, поднятых старостой Першлинским Доматом и воеводой Винцентием, которые своим приездом сразу угомонил, растащенное во время междуцарствия (Interregnum) церковное добро вернул, что кому принадлежало, Бартоша Косминского, жившего своевольными подлостями и грабежами, из королевства изгнал [39] и взял его замок Одолянув (Odalenow). **Грабеж по-литовски.** А когда приехал в Гнезно и жил там несколько недель, церковных крестьян (kmieciow duchownych) этой волости, которые не хотели давать кормовых (staciej), приказал грабить по литовскому обычаю. **Присловье благочестивой королевы Ядвиги.** А когда королева просила его, чтобы этого обычая в Польшу не переносил и у убогих подданных силой добро не отбирал, Ягелло сказал: «У меня тоже есть свой скот, ну и пусть возьмут себе обратно». Королева на это отвечала: «Скот вернуть им сможем, а слезы и плач кто им вернет и возместить сможет?». Присловье воистину святой и достойной памяти богобоязненной королевы. Вот так король бедственные раздоры и внутренние смуты, [бывшие] в то время в Великой Польше, красиво и кротко (nadobnie a lagodnie) усмирил и успокоил, на что потратил все лето и осень.

Глава пятая

О распространении Ягеллой христианской веры в Литве в году Господнем 1387

В году от спасительного рождества Господа Христа 1387, в начале зимы, Владислав Ягелло, король Польский и великий князь Литовский, не желая, чтобы его отчизна Литва и далее пребывала в заблуждении (bledzie), отправился в Литву вместе с молодой королевой, взяв с собой гнезненского архиепископа Бодзенту, краковского епископа Яна и других духовных [лиц] немало. **Свита господ,** [поехавших] **с Ягелло в Литву.** При нем ехали также князья Януш и Земовит Мазовецкие, Конрад Олесницкий, познанский

воевода Бартош из Виземборга, садецкий [каштелян] Кристин из Козьих голов (Kozichglow), вислицкий каштелян Миколай Оссолинский, [коронный] канцлер Заклика из Меджигоржа, коронный подканцлер Миколай Москоровский, подкоморий Спитек из Тарнова и очень много других князей и коронных панов.

Князья братья Ягелло в Вильно. Итак, король Ягелло в первую неделю поста созвал в Вильно сейм, на который съехались братья Ягелло, литовские князья Скиргайло Троцкий, Витольт Гродненский (Grodzienskie), Владимир Киевский, Дмитрий Корибут Новогородский и многие литовские и жмудские паны, бояре и простолюдины. И там совместно решали об укоренении веры христианской и об искоренении пустого идолопоклонства, и там же в Вильне сколько язычников было на этом съезде, столько их и окрестилось.

Литовцы крестятся. Потом король, разъезжая от земли к земле и от повята к повяту, приказывал простым людям собираться на святое крещение в главные города. А для лучшего их желания накупил в Польше очень много белого сукна, в которое облачали тех, кто крестился, и каждому дарили новое сукно. И так эти язычники, слыша о щедрой королевской воле, со всех сторон шли на крещение, ибо некоторые шли не столько ради крещения, сколько ради сукна. **Литовцы привлечены к крещению сукном.** Ведь до этого они ходили только в рубахах (koszulach) и в звериных шкурах, и редко имели шаты и другую одежду кроме той, которую казачеством (kozactwem) награбили в Польше. А чтобы побыстрее управлялись с крещением, их подразделили на несколько отрядов (uphow) и каждому отряду или громаде, кропя их святой водой, давали особые имена, ибо если бы их пришлось крестить по одному, то это был бы бесконечный труд. А так в одной громаде Станул, в другой Лаврин, Матулис, Шепулис, Пятрулис, Янулис и т. п. Так же велено было становиться и женщинам: в одной громаде Катрина, в другой Ядзюля, в другой Анна, и так они потом и остались. И таким способом крещено их в то время в Литве в разных местах около тридцати тысяч помимо тех, которые были крещены до этого на сейме в Вильне и в Кракове, и помимо шляхты и бояр, которым из уважения к ним полагалось отдельное крещение. **Крещено 30 000 литовских простолюдинов.**

Сам король Ягелло постоянно являл величайшее прилежание в обращении язычников к Господу Христу, когда не только увещевал, просил и привлекал их дарами, но и постоянно поучал этот грубый народ, разъясняя им таинства и понимание составляющих (czlonkow) святой христианской веры. Ибо польские священники, не понимая литовского языка, проповедовали слово Божие по-польски, а король от них переводил и от слова до слова излагал все писание литовскому простонародью. Однако Литва с большим трудом освобождалась от отцовского идолопоклонства своих предков, ибо некоторые, хотя и крестились, однако втайне приносили жертвы и молились своим божкам. Об этих литовских и жмудских суевериях и различных идолах я уже достаточно написал выше в Хронике Русской.

Рушатся литовские идолы. А король Ягелло в Вильно, на том месте, где ныне костел Святого Станислава в замке, сначала велел погасить и разметать огонь, который считали священным; приказал развалить языческий храм, в котором стоял идол Перкунаса и его жертвенник; выворотить из форта башню, с которой жрецы и прорицатели предсказывали

будущее соблазненным людям и давали им ответы; перебить ужей и гадов, которых почитали за богов; вырубить и посечь священные рощи (lassy), в которых ставили свечи и где ныне конюшня и пушкарня. Вопреки надеждам литовских язычников, это творилось без каких-либо увечий у поляков, которые разрушали этих идолов, рубили и оскверняли (psowali) их, ибо язычники считали, что те сразу же должны были либо быстро умереть, либо погибнуть (polsna). Но видя, что с ними ничего не случилось, с большим удивлением говорили: если бы это сделал кто-нибудь из нас, боги его сразу же покарали бы. Ибо так [должно было] произойти согласно их вере.

Происшествие. Там один благочестивой жизни чешский священник по имени Иероним по собственной воле рубил топором одного большого идола, называемого Перкун, сделанного из кривого (zawilego) дерева, и случайно серьезно поранил себе ногу. Увидев это, литовские язычники тут же с криком и плачем начали причитать, что их поруганный бог покарал его за свои неправды. Однако священник Иероним сказал, что рана не смертельна, а лишь во славу Божию ибо и Господа Иисуса Христа через это возлюбили. **Иоанн, гл. 11** [40]. Потом, преклонив колена, начал набожно просить Господа Бога, чтобы изволил прояснить и освятить этим язычникам свое святое имя каким-нибудь чудом. И вытянув раненую ногу перед огромным сборищем этих язычников, перекрестил рану знаком святого Креста, взывая к Господу Богу и единой святой Троице. **Господь Бог творит чудеса, когда в этом есть нужда.** И сразу же рана, которая была очень серьезна (szkodliwa), зажила так, что вблизи ее вообще не было видно. И, встав здоровым, дорубил этого идола до конца. Увидев это, литовцы стали задумываться об удивительном исцелении этой тяжкой раны и, видя пустоту и никчемность своих богов, сказали, что один христианский бог сильнее и чудеснее тысячи наших, и тем охотнее приставали к христианской вере. **То же учинил святой Марк в Александрии, о чем читай Habdiam Babilonium в житии этого святого Марка** [41].

Епископская церковь в замке Вильно. Потом в нижнем виленском замке, на том месте, где ранее горел языческий вечный огонь, Ягелло заложил и построил епископскую церковь, которую гнезненский архиепископ Бодзента посвятил памяти святого Станислава, наделив ее надлежащими щедрыми доходами, так же как и епископа, каноников и викария. **Анджей Вашило (Waszilo), первый епископ Виленский** [42]. И первым епископом Виленским поставил и назначил Анджея Вашило, польского шляхтича герба Ястржембцев, набожной жизни монаха францисканского ордена, исповедника венгерской королевы Эльжбеты, прежнего епископа Серетского (Ceretenskiego). **Самые первые приходы в Литве при Ягелле.** И к тому же основал в Литве семь епархиальных (parochialnych) приходских (plebanskich) церквей с достаточным пожалованием: первую в Вилькомире, в Миссоголе (Missogole), в Неменчине (Niemenczynie), в Медниках, в Креве, в Оболцах (Bolciach) и в Хайне (Hajnie) [43]. А королева Ядвига щедро одарила эти церкви драгоценностями, серебром и крестами, а также ризами, оплаченными из ее собственной казны.

Король Ягелло также основал и построил костел святого Мартина в Верхнем виленском замке, который также наделил пребендой (prebenda) [44] и должным пожалованием. Ныне, как видим, он разрушен и пришел в упадок, и на Лысой горе [45] стоят лишь признаки живописного строения и развалины склепов.

Теперь об этом можно сказать так:

Qaeque prius sanctos cogebat curia patres
Serpentum facta est, alituum que domus.
Plenaque tot passim, generosis atria ceris
Ipsa sua tandem subruta mole jacent.
Calcanturque olim sacris onerata trophaeis
Limina, distractos et tegit herba deos,
Tot decora, artificium que manus tot nota sepulchra,
Totque pios cineres una ruina premit etc. [46]

Курия, где прежде сбирались святые отцы на совет,
Ныне стала обителью лишь потомству змей или птиц.
Столь красочно расписанные воском стены
В конце концов рухнули под собственной тяжестью.
Дверные проемы, когда-то увешанные священными трофеями,
Пусто зияют, лики богов травой поросли.
Так много прекрасных творений, так много известных могил,
Так много святынь в прах и руины обращены.

Там же, на том же виленском съезде, Ягелло со своими братьями князьями дал Виленскому епископству средства и привилей, в котором прежде всего установил, что русским греческого закона и католикам римской веры не следует вступать в брак, если только русинка или русин сначала не станут послушны Римской церкви. **Постановление о браках русских с римлянами (Rzymiany).** Тем же привилеем имущество Виленского епископства и всего духовенства освобождается, изымается и делается свободным на вечные времена от всех податей, постоев (serepcizn), подвод, военных походов, стражи, починки мостов, делянок (dziaklow) и каких-либо иных светских повинностей, в чем [Ягелло] клянется и обязуется за всех своих потомков, великих князей Литовских. Этот привилей, копию которого [я] достал у славной памяти князя Слуцкого, Юрия Юрьевича Олельковича [47], начинается так:

In nomine Domini Amen. Ad perpetuam rei memoriam, quia tunc multis errorum et dubiorum prudenter occurimus in commodis etc. Proinde nos Wladislaus Dei gratia rex Poloniae, nec non terrarium: Cracoviae, Sandomiriae, Siradiae, Lanciciae, Cujaviae, Lituaniaeque, Princeps supremus, Pomeraniae, Russiaeque, Dominus et haeres. Significamus tenore praesentium etc. Quomodo Spiritus sancti praevidenti clementia, errores paganicos reliquentes, fidem sacram devote et fonte sumus renati baptismatis in terris nostris Lituaniae et Russiae eandem fidem Catolicam volentes augmentare de concessu et voluntate fratrum nostrorum charissimorum Ductum et omnium nobilium terrae Lituaniae disposuimus et ordinavimus etc, etc. Потом привилегию духовенству заканчивает так: ***Sed ipse episcopus in suae ecclesiae possessionibus et caeteri sacerdotes in suis plenam et omnimodam habeant facultatem, aliis omnibus potestatibus ut praefertur saecularibus omnino exclusis, ut autem praemissa omnia vigorem obtineant perpetuae firmitatis, praesentes literas fieri fecimus sigilli nostril munimine roboratas. Actum Wilnae feria 6 post diem Cinerum anno Domini 1387 praesentibus inclitis Principibus, Scirgelone Trocenci, Wlodimiro Kioviensi, Koributo***

Novogrodecensi, Witoldo Grodnensi Lituaniae, Conrado Olesnicensi, Ioanne et Semovito Masoviae Ducibus, ac strenuis etc. [48]

(Именем Господа аминь. Эта дарственная совершена для вечной памяти и во избежание столь многих ошибок и недоразумений и прочее. Мы, Владислав, милостью Божией король Польши, а также земель Краковской, Сандомирской, Серадзской, Лещицкой и Куявской, великий князь Литовский, господин и наследник Померанский и Русский. Милостью и промыслом Святого Духа, преодолевая остатки языческих заблуждений, истинная вера и святое крещение возрождаются в странах наших Литве и Руси, пожелавших иметь единую святую веру и в соответствии с волеизъявлением всех вельмож Литвы, наших дражайших братьев, будут организованы и рукоположены и прочее, и прочее. […] Во владениях церкви имущество епископа и остальных священников находится в их полной собственности и не зависит от других людей, князей и прочих светских властей, как уже говорилось выше. Дабы все вышеизложенное обрело силу, всеми князьями, авторами настоящей грамоты, будут приложены их печати. Совершено в Вильно на шестой день после празднования Пепельной среды (26 февраля) в году Господнем 1387 в присутствии упомянутых князей Скиргелло Троцкого, Владимира Киевского, Корибута Новогородского, Витольда Гродненского Литовского, Конрада Олесницкого, мазовецких князей Януша и Земовита, а также скреплено [их печатями] и прочее).

Утвердив Виленское епископство, король Ягелло послал познанского епископа Доброгоста к папе Урбану Шестому, [чтобы] сообщить ему о надлежащей всеобщей сыновней покорности Божьей Церкви, а также об обращении своей отчизны, Великого княжества Литовского, в христианскую веру.

Потом Ягелло отослал королеву в Польшу и почти целый год ездил по разным литовским местам из города в город и из волости в волость прививать и утверждать святую христианскую веру, а языческих идолов уничтожать и искоренять.

Ягелло едет в Витебск. Поехал и на Русь в княжество своей матери Витебск и в Полоцк, где усмирил и успокоил новые смуты, поднятые русской шляхтой и народом, покарав смертью тех, кто был причиною этих раздоров [49]. Оттуда воротился в Вильно, где по доброму согласию и единодушному голосованию литовских князей, бояр и панов поставил на великое княжение Литовское, Русское и Жмудское родного брата Скиргайла (сохранив верховную власть за собой). **Скиргайло возведен на великое княжение Литовское** [50]. И посадил [его] в Вильне на свое место с официальной передачей ему престола Великого Княжества и вручением меча, шапки и жезла (laski), согласно стародавним обычаям возведения [на престол] великих князей Литовских. И там же выдал свою родную сестру Александру [51] за младшего мазовецкого князя Земовита [52] и с большими затратами отпраздновал свадьбу в Вильно, а в приданое ему отдал Радомскую землю [53].

Александра Ольгердовна [выдана замуж] за князя Мазовецкого, и от нее ведут свой род австрийские князья и императоры [54]. От этой Александры Ольгердовны, сестры Ягелло, супруги мазовецкого князя Земовита, родилась Цимбарка, которая была отдана

замуж за Эрнеста, эрцгерцога (arcyxciazeciu) Австрийского. Она родила римского императора Фридриха Третьего. Эрцгерцог же Австрийский Фридрих, император, правнук Ольгердов, [вместе] с Элеонорой, дочерью португальского короля Эдварда, породил императора Максимилиана; Максимилиан с Марией, дочерью и единственной наследницей Карла, герцога Бургундского (по которой Бургундия и перешла к австрийскому дому) [породил] Филиппа, короля Испанского; Филипп же [породил] Карла Пятого, императора и испанского короля, и Фердинанда Второго, римского императора, венгерского и чешского короля. Потом австрийский эрцгерцог Фердинанд с Анной, внучкой Ягелло [55], дочерью венгерского и чешского короля Владислава, сына Казимира Ягеллончика, породил императора Максимилиана, избранного на польский престол и умершего в 1576 году с этим титулом [56]. Польский же престол счастливо занял счастливо избранный Стефан Первый, семиградский воевода. **Император Рудольф.** В 1577 году римским императором был избран король венгерский и чешский Рудольф, сын Максимилиана, который по кудели [57] (как говорят) через упомянутую Александру, сестру Ягелло, выводит свой род от Ольгерда, великого князя Литовского, а потом, через Анну Владиславовну, от Казимира Ягеллончика, короля польского и князя литовского, как это подробнее увидишь в нашей Таблице генеалогии литовских князей. **Старинное право австрийского дома на Мазовию.** По той Александре Ольгердовне, мазовецкой княгине, и по дочке ее Цимбарке происходящие из этого дома австрийские князья и император и поныне добиваются наследственных прав в Мазовецком княжестве. Ранее император Максимилиан Второй выдвигал такие же условия на случай своего восхождения на польский престол, но обошлось без этого.

Поляк Кржеслав — первый луцкий староста. Отпраздновав в Вильно свадьбу сестры Александры, от которой размножился славный императорский род, и надлежаще разобравшись с литовскими делами, король Ягелло выехал в Польшу через Волынь, где поставил луцким старостой сандомирского каштеляна Кржеслава из Курозвак — вопреки воле литовских панов, которые защищали свои вольности, [требуя,] чтобы король не давал полякам высшие должности в Литовском государстве.

Валахи [пристают] **к полякам.** Потом король Ягелло приехал во Львов, где взял под свою защиту валашского господаря Петра, когда тот, по обычаю, вместе со своими советниками под коронным знаменем принес ему вассальную присягу [58]. Ибо в то время, в междуцарствие (Interregnum) после смерти Людовика, валахи отпали было от венгров и пристали к полякам.

Гнев Ягелло на королеву Ядвигу. Когда король приехал в Краков, то разгневался на королеву Ядвигу за задержку со вступлением в супружество, да так сильно, что чуть не дошло до злосчастного развода, но паны ласковыми советами это уладили. А поскольку король по этому поводу наговорил таких гадких и непотребных слов, сильно настаивали и добились того, что король должен был выдать краковского подкомория Гневоша герба Стржегония (Strzegonia) [59], посмевшего очернить и оклеветать перед королем святую королеву, будто бы она в его отсутствие общалась с князем Вильгельмом Австрийским (который ее прежде просватал), который, по его словам, тайно и безвестно приезжал в Краков, когда король жил в Литве.

Клятва королевы. Королева же по совету и при свидетельстве гофмейстера (ochmistrza) и своих фрейлин принесла соответствующую (cielesna) клятву, которой освободилась [от подозрений] и очистилась перед королем. **Гневош лает под лавкой.** А пан Гневош, так как не мог ни отказаться от своих слов, ни засвидетельствовать их, на сейме в Вислице по приговору коронного сената за такой поступок должен был при всех под лавкой громко лаять (szczekac), как пес, отрекаться и признавать, что недостойно лгал и, как пес, брехал о королеве, своей достойной госпоже. ***Длугош, Кромер (кн. 15 и т.д.) Mendacis obtrectatoris paena apud Polonos*** *(Наказание, наложенное поляками за клевету).* И вот так укрепилась (byla ugruntowana) супружеская любовь между королевой и королем.

Глава шестая

Скиргайло Ольгердович, великий князь Литовский, Жмудский и Русский

Скиргайло Ольгердович, будучи в 1387 году возведен в Вильно на отцовское великое княжение Литовское, Жмудское и Русское по благосклонному и добровольному желанию [своего] брата, короля Владислава Ягелло, более склонялся к размножению русской веры греческого закона, чем к насаждению и повсеместному утверждению христианской веры Римской церкви, ибо смолоду пребывал среди русских.

Ненадежность Скиргайло. На новом княжении он предался постоянным пирушкам и пьянству, наименее приличествующим княжескому достоинству, и из-за этого литовские дела после отъезда короля Ягелло в Польшу недолго пребывали в мире. **Витольдовы замыслы.** Ибо Витольт Кейстутович, будучи мужем великого сердца и высоких мыслей, тоже претендовал на великое княжение Литовское, почитая негодным и неправильным делом (как он это понимал своим высоким умом) повиноваться никчемному и не равному ему в доблестях Скиргайле. А также обиделся на короля Ягелло, что тот не принял во внимание его достоинства и заслуги и не сдержал своего слова, которым обещал передать ему Великое княжество Литовское и Вильно в случае, если сам он утвердится на польском престоле, и этим же обещанием выманил его из Пруссии (куда он было уехал к крестоносцам, бежав из Крево). Витольд также опасался, как бы Скиргайло его как-нибудь неожиданно не убил, ибо знал про него, что тот скор на язык и на руку, к тому же жесток, несдержан и переменчив. **Вспыльчивость пьяного Скиргайла.** А если с ним сидеть за обедом, то, как подопьет, на кого трезвым гнев сдерживал, того по пьяному убьет, и на людей, которые с ним пили, бросался с оружием. И многих друзей так побил, не иначе, как Александр Великий в Персии. **Об этом читай *К[винта] Курция и Юстина* и прочее.**

Поэтому Витольд, будучи мужем во всем дельным, предусмотрительным и дотошным, как только Скиргайло уехал в Полоцк, собрался с гродненцами и подляшанами и, внезапно прибыв под Вильно, хотел захватить виленские замки. **Жители Вильно и поляки отбили Витольда.** Но служилые поляки, которые были в Верхнем замке, и виленские горожане, честно служившие Скиргайле, дважды отбили его от замков, так что он вынужден был отступить назад. Видя, что его замысел не удался, Витольд [60] вернулся в Гродно. **Витольд осаждает свои замки.** Потом, призвав из Пруссии немцев и наемных (za pieniadze) солдат, а также собрав немало присягавших ему бояр, снабдил оба гродненских замка сильными рыцарскими [гарнизонами] и артиллерией (strzelba). Также удельные замки Брест, Сураж,

Каменец как следует укрепил своим рыцарством и снабдил (naspizowal) пушками. **Витольд второй раз уезжает в Мазовию.** А сам с женой княгиней Анной и всяческими ценностями выехал в Мазовию к князю Янушу Мазовецкому, своему зятю [61]. А от Януша, у которого ему не понравилось, он перебрался в Плоцк к его брату Земовиту, другому мазовецкому князю, который был женат на Александре, родной сестре Ягелло и Скиргайло. **Витольд из Мазовии** [уезжает] **в Пруссию.** Но когда оба, и Януш, и Земовит, приняли его неласково и не оказали ожидаемой чести, [Витовт] с женой и со своими боярами уехал в Пруссию к магистру Конраду Цольнеру, который ласково принял его в Мальборке. Комтуры и все крестоносцы тоже доброжелательно оказывали ему гостеприимство и ласково ему все предоставляли с обещаниями содействия в получении Великого княжения Литовского. И все это крестоносцы делали лицемерно, ибо через него (как бы приманкой ловя птичек) надеялись завладеть Жмудской и Литовской землей. **Витольд в Пруссии учится хозяйствовать.** И, прожив там в Пруссии с женой немалое время, научился домашнему хозяйству и как следует выучил немецкий язык, как пишут Длугош, Меховский и Кромер, кн. 15. **Витольд предоставил немцам Жмудскую землю.** Потом, договариваясь с магистром и с крестоносцами о предоставлении ему помощи в овладении Великим княжеством Литовским и называя себя его отчичем и дедичем [62], за труды и военные издержки передал им [в залог] и записал Жмудскую землю, [которую оценил] в триста тысяч золотых, либо, как свидетельствуют некоторые литовские летописцы, в триста тысяч коп литовских [грошей] [63].

Крестоносцы разоряют Жмудь и Литву как союзники Витольта. Итак, прусский магистр Конрад Цольнер из Жмуди и от Немана, с одной стороны, а лифляндский магистр с другой стороны, от Двины, с немецкими войсками совершали набеги на литовское государство и разоряли его. Из-за этого Литва разделилась на две части, ибо одна часть народа и шляхты встала за Витольда, а другая приняла сторону Скиргайло. Поэтому король Ягелло, опасаясь, как бы Витольд с немцами из-за беспечности и распущенности Скиргайло не захватил Вильно благодаря сдаче руссаков, которые больше желали добра Витольту, отправил в Литву коронного подканцлера Миколая Москаровского [64] с равным числом солдат и польских драбов [65] с военным снаряжением и огнестрельным оружием (srzelba), чтобы он оборонял и стерег оба виленских замка. Скиргайло же поручил ему всю оборону Вильно, а для стражи у стен придал немало отборного рыцарства из Литвы. **В Вильно введены поляки** [для защиты] **от Витольта.**

Осенью того же года Витольд с прусскими и лифляндскими немцами снова подступил под Троки, где неудачно провел два штурма и [потом] окопался (przyszancowal sie) под виленскими замками со стороны Антоколи [66] и Лысых гор. Немцы, подготовив к стрельбе лишь недавно изобретенные пушки (dziala nowo wynalezione) и тараны, с ожесточенным упорством добывали эти замки непрерывными штурмами. Но литовцы и виленские горожане из Нижнего замка, а поляки с Москоровским из Верхнего защищались так мужественно, что Витольду с немцами пришлось отступить, не преуспев в добывании Вильно. **Витольд и прусские немцы отбиты от Вильно.** Русские летописцы свидетельствуют, что в то время Витольд якобы сумел взять Нижний замок, но это было потом, во время третьего похода Витольта, как ниже увидишь по [словам] осведомленных историков Длугоша, Меховского и Кромера и прусских хроник.

Крестоносцы хитро помогали Витольту. Витольд, отступив в Пруссию с войском крестоносцев, обогатившихся литовской добычей, досадовал на свою неудачу и, как следует поразмыслив, [ввиду] явных знаков утратил доверие к прусским крестоносцам, которые в войне с литовцами заботились не о его, а о своем собственном имуществе. **Витольд примиряется с Ягелло.** Потом тайно отправил к королю Ягелле верного посланца, через которого помирился с королем и, таким образом, набеги Ягелло на Витольта были прекращены. К тому же, как пишут Длугош, Кромер (кн. 15) и Меховский (кн. 4, гл. 39), [Ягелло] боялся, как бы литовцы и руссаки добровольно не поддались Витольту. Через того же тайного посланца король Ягелло послал ему свои доверенные письма, которыми обещал уступить Витольду и передать ему всю власть в Великом княжестве Литовском и Виленский престол, лишь бы побыстрее возвращался из Пруссии и не вредил более собственной отчизне, кормя и обогащая немцев ее воеванием.

Витольд, получив эти письма и положившись на королевские обещания, а также потеряв доверие к крестоносцам, обдумывал, как бы ему вырваться из Мальборка. Сначала, как бы собираясь переезжать, он отправил жену, княгиню Анну, вместе со скарбом в фольварки, которые получил от крестоносцев, а сам потом придумал, что собирается со своими людьми вторгнуться в Литву за добычей, как часто делал и до этого. Итак, собравшись, как положено, как бы на войну, со своими литовскими казаками, которые вышли с ним из Литвы, [он] тайно забрал из фольварка жену и ценности и двинулся в Жмудь. А чтобы оставить крестоносцам после себя память и знак о своем хитроумном бегстве, а к своим вернуться с каким-нибудь подарком и гостинцем от неприятеля, не иначе как Давид от филистимлян и короля Анхуса (**1-я Царств, глава 27 и 2-я Царств, глава 2**), [он] захватил три замка крестоносцев, лежавших на прусской границе: Юргембург, Мергембург и Наванж или Нехинхаус [67], в которые был добровольно впущен как друг и товарищ, ибо все подумали, что он, как обычно, едет воевать Литву. **Витольд при бегстве сжег три орденских замка.** И там изрубил немцев и самих крестоносцев [68] с их старостами и убитых побросал в ров, замки обобрал и сжег, а уцелевших знатнейших крестоносцев повязал [69]. **Длугош, Меховский (кн. 4, гл. 39, стр. 272), Кромер (кн. 15), Ваповский и прочее.** С пушками и с добычей, наспех награбленной в этих замках и в окрестных прусских волостях, [Витовт] приехал в Литву и жил в Гродно. **Витольд из Пруссии пришел в Гродно.** А в доказательство истинности неприязни [своей к крестоносцам] послал из Пруссии в Польшу знатнейших орденских пленников, захваченных в Юргемборге, в Мергембурге и в Наванже, напоминая при этом королю Ягелло об обещании отдать ему Вильно и Великое княжество Литовское.

Но когда увидел долгую проволочку в исполнении королевских обещаний, начал грустить по [своим] надеждам, а так как был человек дотошный, великого ума и нетерпеливый, задумал захватить Вильно хитрым фортелем. Итак (прямо как король Коман [70], который намеревался захватить Массилию у греков; об этой хитрости пишет Юстин в книге 43), Витольд известил, что намерен выдать свою сестру Рингайле (Ringajle) замуж за мазовецкого князя Генриха, а свадьбу из учтивости провести в Вильно. **Юстин, кн. 43.** Поэтому приготовил триста возов и подвод, в которых спрятал более сотни [71] вооруженных рыцарей, отборных и преданных, а сверху наложил на возы мясо зверей: зубров, серн, диких вепрей и зелень. К тому же незаметно заслал в Вильно очень много своих бояр, которые, по обычаю гостей, порознь встали на постоялых дворах, выжидая

[сигнала действовать] по уговору. **Напрасная хитрость Витольта для захвата Вильна, ибо и отец его Кейстут такой же хитростью ранее захватил Вильно у Ягелло.** Въехали тогда и эти триста подвод в Вильно, а когда один якобы старший и шафер [со стороны] Витольта попросил, чтобы его впустили в замок с этими возами, чтобы дичь и прочее потребное для свадьбы разложить и спрятать, то сами же бояре, друзья Витольта, сразу выдали измену. Жолнеры Скиргайло и поляки, которые стерегли Верхний замок, а также виленские мещане немедленно собрались, как по тревоге (jako na gwalt), захватили эти возы, выволокли из-под дичи вооруженных [людей] и начали их бить, рубить и вязать. А бояре, друзья Витольта, видя, что хитрость раскрыта, и трудно будет объяснить, для чего они посланы, бежали из города кто куда. А сам Витольд, обманувшись в своих надеждах и в задуманной хитрости, снова послал письма и переговорщиков (jednaczow) к прусскому магистру Конраду Валленроду (do Waleroda), который был избран магистром после смерти Цольнера [72], прося, чтобы отпустили ему прошлую вину и клялся возместить им все убытки, лишь бы, как прежде, оказали ему милость и взяли под свою защиту.

Витольд с друзьями в третий раз уехал в Пруссию. Добившись прощения у крестоносцев, [Витовт] сильно укрепил Гродно и другие свои замки в Литве, а сам с женой, с сестрой Рингайле и с дочкой Анастасией или Софией (Zophia), с друзьями, с большинством бояр, с князем Ольшанским Яном Альгимунтовичем и с братом Товтивилом (Totwilem) в третий раз уехал в Пруссию. **Витольд разоряет Литву.** И там жил два года, с помощью прусских и лифляндских крестоносцев постоянно совершая набеги на Литву. Жолнеры и казаки Витольта, набранные из Литвы и за деньги из Германии, поставленные им для обороны замков Гродно, Бреста и Каменца, частыми вылазками и вторжениями тоже донимали окрестные волости, подчиненные Скиргайле и королю Ягелло, так что из-за Витольтовой несговорчивости (niestwornosci) бедную Литву притесняли со всех сторон.

Глава седьмая

О походе Ягелло из Польши в Литву против Витольта и его замков и о добывании Гродно

в году 1390

Владислав Ягелло, собрав в Польше сколько мог войска, двинулся в Литву, чтобы раздоры, возникшие между литовскими и русскими панами, усмирить, а силы Витольта преломить и предупредить стычки с прусскими и лифляндскими крестоносцами, которые собирали новые войска из немецких земель на помощь Витольту.

Прежде всего король Ягелло подступил под замки, где Витольт разместил свои гарнизоны, и из которых его солдаты чинили частые набеги на Польшу, Мазовию и на Литву. **На десятый день Ягелло взял Брест.** Десятого дня [73], Ягелло взял Брест и поставил в нем поляка Гиньчу Роговского (Rogowskiego) [74] с подчиненными. **Каменец Литовский захвачен и передан Зиндраму Машковскому** [75]. Оттуда [Ягелло] распустил войско посполитого рушения, которое не могло стерпеть холода (zimna) и голода (так как поход был в феврале месяце), и с девятьюстами конными своего двора осадил Каменец

Подляшский, взяв который с малым трудом, передал его в доверенное владение шляхтичу Зиндраму Машковскому, коронному мечнику.

Гродно осаждено. Потом, переправившись через Неман, король Ягелло расположился под Гродно, а так как силой добыть замка не мог, задумал голодом выморить немецкий гарнизон Витольта. Там ему на помощь пришли Скиргайло и киевский князь Владимир, предок князей Слуцких, с немалым войском. А также с несколькими русскими казацкими полками к брату королю приехал князь Новогродка Северского Корибут Димитр, предок князей Збаражских и Вишневецких. И с этим войском король Ягелло обложил Гродно с трех сторон. А Витольд, услышав, что свои осаждены в Гродно, быстро собрал немалое войско прусских крестоносцев и прибыл на помощь гроднянам для их освобождения. **Витольтова помощь гроднянам.** И сразу же, расположив лагерь у Немана напротив замка, начал строить новый замок, делая земляную насыпь, но этим осажденным нимало не помог, ибо королевские солдаты уже взяли нижний замок, за чем с жалостью наблюдал сам Витольд. **Замысел Витольта.** Поэтому, отказавшись от строительства нового замка, Витольд протянул через Неман толстую железную цепь до верхнего гродненского замка и привязал у ворот. И, поставив подле цепи в ряд лодки и вицины [76], устроил мост, чтобы таким образом легче было оказывать помощь осажденным и передавать им продукты, забирать к себе больных и раненых и посылать обороняющимся свежие отряды.

Видя эту хитрость Витольта, королевские солдаты выше по Неману нарубили и натаскали больших и мощных сосновых колод, которые связали в плот и пустили вниз по воде и по ветру. И так, увлекаемые быстрой рекой, эти сосны с силой ударили в витольтов мост и бесполезно (prozno) потопили ладьи и вицины с людьми, разорвав цепь, на которую они опирались. Только один немец едва выплыл на берег королевского лагеря, на которого попусту ругались другие немцы, упрекая его, что лучше бы погиб в воде, чем живым попал в руки врага, но тот хотел остаться в живых. А так от этого немца король достаточно много выведал о намерениях и делах Витольтова войска. И следующей ночью Витольт, отказавшись от защиты замка, отступил с войском в Пруссию. **Хитрость за хитрость, которую применили и гданьчане, когда в 1578 году разорвали мост короля Стефана под Латернией, пустив зажженную баржу со смоляной сосниной, а потом корабль с косами, который, идя под парусами по ветру, прорвал мост из лодок на цепи.** И так гродненский замок, осаждавшийся пятьдесят дней, перешел под королевскую власть [77]. **Гродно взято за 50 дней.** Тем не менее эта осада Гродно доконала и осаждавших, то есть королевское войско и [войска] других литовских князей. **Тяготы и голод в войске Ягелло.** Тем и другим было так трудно с продуктами, что солдаты едва могли достать лишь немного черного хлеба, перемолотого с соломой, с плевелами и с колосками, а коням вместо овса и сена давали лишь листья с деревьев и немного соломенных снопов с [крыш] крестьянских домов, и то приходилось искать за четырнадцать миль. Ибо королевское и литовское войско со Скиргайлом, Владимиром Киевским, а также с другими королевскими братьями с одной стороны, а с другой Витольд с немцами все опустошили и пожгли. **Щецинский князь сделался вассалом** (holdownikiem) **Ягелло.** Итак, король Ягелло, взяв Гродно и усилив в Литве оборону против Витольта и крестоносцев, отступил в Великую Польшу, где принял под свою защиту щецинского князя Варцислава, [обещая ему свою] дружбу. А тот по обычаю вассалов присягнул королю и королевству против прусских крестоносцев.

Великое счастье и победа королевы Ядвиги на Подгорье. В то время, когда король Ягелло находился в Литве около Гродно, его супруга королева Ядвига, собрав другое войско, отправилась из Польши на Русь, и там у венгров и у силезцев захватила русские замки, которые им поручил ее покойный отец Людовик, король венгерский и польский, предшественник Ягелло. Она силой взяла Ярослав, Перемышль, Гродек (Grodek), Галич, Львов, Требовлю, Ждичов (Zidaczow) и другие русские замки, из которых выгнала венгров и силезцев. И этим завоеванием (zwyciestwem) русских земель супруга приветствовала возвращавшегося из Литвы короля Ягелло. **Длугош, Меховский (кн. 4, гл. 40) и Кромер (кн. 15).**

О разорении Литвы Витольтом с крестоносцами,

о сожжении Троков и добывании Вильна, о смерти князей Наримунта, Коригелло и Товтивила, и о приезде Ягелло в Вильно

Английский королевич в Литве. В том же 1390 году, когда хлеба на полях уже созревали и приближалась жатва, в Пруссию прибыл сын английского короля Генриха Ланкастер [78] с большой силой англичан, шотландцев (Skotow), французов и немцев, на свою беду собранных для священной войны против языческой Литвы. А за ним с другим немецким войском пришел Альгард, граф Гогенштейнский [79], думая, что Литва еще пребывает в язычестве. **Хитрость прусского магистра.** Поэтому прусский магистр Конрад Валленрод (Valerodus), который заботился (gra byla) не о вере, а о господстве над Великим княжеством Литовским и Жмудью, под предлогом препровождения Витольта на престол отцовского царства (panstwa), со своими крестоносцами тоже собрал прусские войска, призвав на помощь лифляндского магистра. Итак, они с Витольтом двинулись тогда в Литву тремя загонами и с тремя огромными войсками: одно войско вел Витольт, другое — сам прусский магистр Конрад Валленрод, третье — лифляндский магистр с английским королевичем Ланкастером и с графом Гогенштейнским Альгардом. И собрались все у Ковно, где Вилия впадает в Неман. **Три больших войска в Литве идут к Ковно.** Оттуда двинулись прямо под Троки, которые частыми штурмами разрушили и спалили вместе с замком. **Троки разрушены.**

Битва Скиргайло и поляков с Витольтом и с немцами. Потом двинули обозы к Вильно, и там над Вилией их встретили поляки, королевские солдаты со Скиргайлом, который тоже имел немалое литовское войско. И там обе стороны с огромной запальчивостью сошлись друг с другом в битве недалеко от Вильна над рекой Вилией, в тех полях, где ныне двор Солтанов, который в те времена звался Сискиниями (Siskiniami), и гнались потом до самой горы, где ныне Верки епископские [80]. Литва и руссаки брали смелостью, ибо были на собственном дворе, немцы же одолевали вооружением и числом; бились с утра до полудня, трупы убитых и раненые с обеих сторон лежали за Вилией целыми полями. **Скиргайло с поляками поражен.** В конце концов королевские жолнеры и литовское войско Скиргайло, а также русские князья, помогавшие литовцам, пересиленные множеством немцев и англичан, вынуждены были, кто как мог, отступать назад к Вильно. **Князья, захваченные Витольтом и крестоносцами.** Но с литовской стороны в бою полегло много знатных мужей, а знатнейшими из них были: князь Глеб Святославич Смоленский [81], князь Семен Явнутьевич Заславский [82], князь Глеб

Константинович Чарторыйский [83], князь Иван Львович [84] и немало других литовских панов великих родов, из чего видно, что не обычная (nie lada) там была битва, раз так много знатных князей полегло. **О том же читай Длугоша, Кромера (кн. 15), Мех**[овского] **(кн. 4, гл. 40) и прочее.**

И ныне еще там в тех полях находят старинные ружья, шпаги, забрала, мечи, а также заржавелые шпоры, а в Верках на епископском дворе развешаны и висят несколько доспехов, выпаханных крестьянами.

А князь Скиргайло с оставшимися людьми, отбиваясь, ушел с побоища в Старые Троки, а потом, собрав еще больше людей, непрерывно совершал набеги на немецкий лагерь под Вильно. А когда немцы со всех сторон осадили Нижний Виленский замок, который звался Кривым, сразу же некоторые предатели из литовцев и из русских подожгли двое ворот и башни с парапетами (z blankami) [85]. **Изменники подожгли Нижний замок.** И когда из этого огня выскочил родной брат короля, князь Казимир Коригелло [86], он был схвачен немцами. А когда его привели к Витольту, тот приказал его немедленно обезглавить, а голову носить на копье, хотя тот был его двоюродным братом. **Князь Коригел** (Korigel) **казнен.**

14 000 человек сгинуло в Нижнем замке. И четырнадцать тысяч русских и литовских людей [87], запершихся в замке, сгинуло частью от огня, частью от неприятельского меча. **Поляки храбро оборонили Верхний виленский замок.** Верхний замок храбро обороняли поляки с виленским старостой Миколаем Москоровским, не давая склонить себя к сдаче ни сожжением Нижнего замка, ни вражескими угрозами, ни демонстрацией им головы князя Коригелло, ни сильными и жестокими штурмами, ни непрерывной стрельбой из орудий, которыми большая часть стен была разрушена и развалена. И, опасаясь измены среди своих, выгнали из замка руссаков и подозрительных людей, а сами храбро защищались, днем и ночью отбиваясь от штурмующих немцев. А те места, где стены обрушились от непрерывной стрельбы, замазывали землей с навозом и заслоняли бычьими шкурами, а также шерстяными мешками, и так обманывали немецких артиллеристов (strzelbe z dzial) [88]. И в конце концов собственными телами закрывали пробитые дыры, а врагов, усиленно штурмующих и упорно ломящихся в замок, спихивали с горы древками, кольями, камнями и обломками (rumem) разрушенных стен. ***Denique corporibus suis hosti irrumpere conanti, aditum obstruebant.*** *(Наконец, противник пытается добраться до осажденных, проломившись через их тела).* А побитые немцы сыпались с горы, будто опилки из-под пилы; другие, жестоко израненные, ползли на четвереньках; другие, летя вниз, ломали шеи и умирали.

Поединок (duellum) **князя Наримунта с немцем.** Пинский князь Наримунт, родной брат Ягеллы [89], когда с русью и литвой храбро оборонял оба замка, переходя от одного к другому для оказания помощи, был вызван на поединок одним знатным (od niepodlego) немецким рыцарем со стороны Витольта. И когда оба выехали для боя на луг и храбро преломили копья, сбитый с коня Наримунт был там взят в плен и приведен к Витольту. **Наримунт жестоко расстрелян Витольтом.** И тот немилосердно приказал подвесить его за ноги на дереве вязе, среди немецких пушек и бомбард, и сам, вопреки рыцарскому и

княжескому достоинству своего двоюродного брата, жестоко стрелял в него стрелами, пока тот не умер.

Немцы осаждали Вильно три месяца. А королевский брат Скиргелло со своими русскими и литовскими казаками досаждал врагу частыми стычками и наносил ему большие поражения. И вот так Витольд с немцами безуспешно добывал виленские замки целых три месяца, как пишет Кромер, а Меховский продолжительность осады исчисляет от святого Иоанна Крестителя (24 июня) и до пятницы после Святого Михаила (30 сентября) [90]. 1 октября не добившись того, ради чего осаждали, отступили, разграбив окрестные волости, местечки, дворы, села и только что построенные христианские церкви, а убогих людей порубив и повязав, [вместе] с награбленной добычей беспрепятственно угнали в неволю в Пруссию и в Лифляндию. **Альгард, граф Гогенштейнский, и князь Товтивил убиты под Вильно.** Но при осаде Вильно крестоносцы понесли не меньший ущерб и потеряли очень много знатных и мужественных людей, из которых знатнейшими были Альгард, граф Гогенштейнский, и князь Товтивил Кейстутович [91], родной брат Витольда. Он умер, застреленный из верхнего замка, а Витольт в отместку за это, приказал повесить за ноги на вязе Наримунта, брата Ягелло, и сам застрелил его досмерти из лука. И приказал казнить другого королевского брата, князя Казимира Коригелло, как я рассказывал выше и о чем Длугош, Меховский (кн. 4, гл. 79, стр. 272), Кромер (кн. 15) и прочее. **Витольд разоряет Жмудь.** Потом Витольт с комтуром Рагнеты и инстербургским старостой, получившими указание от магистра, разорил Жмудскую землю, прилегающую к Пруссии, и с полоном и добычей отступил в Пруссию [92].

Как только войска крестоносцев с Витольтом вышли из Литвы, польский король Ягелло, желая помочь свой удрученной отчизне, в году Господнем 1390, в ноябре месяце, с большим войском и с достаточным количеством продуктов прибыл в Литву, в то время сильно голодавшую из-за Витольтова разорения. И там колебания и сомнения литовцев и руссаков, а также жмудинов, от отчаяния шарахавшихся то в ту, то в другую сторону, [успокоил и] утвердил (potwirdzil) своей щедростью и королевскими вольностями, а особенно подарками белых одежд, которых с собой привез из Польши великое множество. **Ибо** [те] **уже думали поддаться Витольту**.

А так как коронный подканцлер Миколай Москоровский возвратил ему Виленское староство, не желая больше пребывать на нем из-за спеси и жестокости Скиргайло и из-за частых и сильных вражеских набегов, то на его место старостой и защитником Виленских замков король поставил Яна Олесницкого [93]. **Ян Олесницкий, второй польский староста в Вильно.** А брату Скиргайле, чтобы убрать его из Вильно, дал Киевское княжество, неправедно отняв его у другого родного брата, Владимира, предка князей Слуцких. А старшему мазовецкому князю Янушу по наследственному праву даровал Дрогичинскую землю с замками Дрогичным, Мельником и Бельском — с тем условием, чтобы платил с нее королю такие же подати, какие привыкли платить другие литовские князья. **Большая часть Подляшья оторвана от Литвы в** [пользу] **Мазовии.** Потом зимой король отъехал в Польшу, а на помощь Олесницкому послал в Вильно несколько рот польских жолнеров с подовольствием и огнестрельным оружием (strzelba).

Глава восьмая

О третьей осаде Вильно Витольтом с крестоносцами, о разорении Литвы и о прочем в году 1391

На следующий 1391 год, в самом начале лета, когда хлеба уже поспевали, а коням и войску легко было прокормиться, Витольд с прусским магистром Конрадом Валленродом и с немецкими, английскими и французскими войсками двинулся в Литву по земле и по воде, на судах по Неману. Надеясь на сдачу виленских замков теми, кто ненавидел Скиргайло, [Витовт] уговорил магистра попытаться взять Вильно в третий раз.

Олесницкий погромил немцев под Вильно [с помощью] **вылазки.** Узнав о том, что немцы приближаются к Вильно, поляк Ян Олесницкий, виленский староста, сжег виленский город, чтобы он не послужил неприятелю укрытием и готовыми шанцами, а людям велел спуститься (znisc) в нижний замок со всем имуществом и запасом продовольствия. Понастроил также рогаток и изгородей из сырой сосны и из дуба около замков, чтобы неприятель ни с какой стороны не мог к ним подступиться. А когда немцы с большими силами уже вступили на погорелище города Вильно и расположились лагерем между городской оградой и церковью Девы Марии на песке, где ныне монастырь францисканцев, Олесницкий сразу же устроил тайную вылазку. Отборных польских и литовских рыцарей он построил в замке и внезапно с оглушительным криком ударил на немецкое войско, где очень многих из захваченных врасплох посек, поранил, побил и взял нескольких знатных языков. А потом возвратился в замок в полном порядке, под королевским знаменем, не потеряв ни одного из своих.

Витольд в четвертый раз отбит от Вильно. Видя эту исключительную смелость польских и литовских королевских солдат, крестоносцы и Витольд сразу же утратили бывшую у них надежду на сдачу виленских замков. Скиргайло, которого виленчане ненавидели, был уже убран (wysadzony) королем из Вильно, а при Олесницком, в котором литовцы с руссаками имели доброго вождя, оборона была заново как следует усилена и упорно велась со стен и [при помощи] вылазок. Поэтому немцы с Витольтом через несколько дней быстро отказались от осады, в двух штурмах потеряв под замком кнехтов, не считая тех, которых Олесницкий перебил у монастыря францисканцев при вылазке.

Новогрудок над Вилией и Вилькомир сожжены. Отступив от Вильно, Витольд с прусским магистром Конрадом Валленродом и с немецким и английским войском, не желая, чтобы поход пропал даром, до конца воевали окрестные волости. И спалили Новогрудок, замок над рекой Вилией [94], заново отстроенный Скиргайло, а также Вилькомир с замком над рекой Свентой (ныне от него остался только холм), а королевских и скиргайловых солдат, которых нашли в замках, зарубили и перебили, мстя им за свои потери под Вильно. **Битва Скиргайло с Витольтом и с немцами.** Скиргайло, подтянувшись с Руси с несколькими наспех собранными русскими и литовскими полками, дал им битву, но пересиленный стрельбой (strzelba) и числом немцев, едва убежал с погрома в Троки. А немцы с Витольтом, добившись небольшого успеха, ибо в пустых волостях уже нечего было брать, отступили в Пруссию.

Медники и Вельши завоеваны. Потом, наметив (wyspiegowawszy) две еще не повоеванные волости в Жмуди, в том же году крестоносцы с Витольтом выступили [в

поход], разделив войско надвое. И таким образом одни разорили, обобрали и выжгли Медники или Ворни (Wornie), где ныне епископская кафедра, а другие Вельши (Welzany) с окрестными волостями.

Мощная осада Ковно. Потом, как пишут Длугош, Меховский (кн. 4, гл. 40), Кромер (кн. 15) и прусские хроники, Витольт с крестоносцами, собравшись зимой того же 1391 года, с огромным немецким, французским и английским войском подступили под Ковно, в котором были королевские солдаты, и со всех сторон осадили ковенский замок, добывая его пальбой (strzelba), подкопами и постоянными штурмами, приставив лестницы к стенам и частоколам (na blanki). **Витольт с немцами отбиты от Ковно.** Но так как литовцы и поляки, пешие драбы, храбро оборонялись из замка и отбили несколько немецких штурмов, [те] более не штурмовали, понеся большие потери убитыми рыцарями.

Немцы поставили около Ковно три замка. Однако, чтобы не отступать попусту, [немцы] договорились с Витовтом построить около Ковно новые замки. И сразу же в миле от Ковно построили у Немана деревянный замок, который назвали Нойвердер (Neuwerder) [95] — Новый остров. Второй, Риттерсвердер (Riterwerder), то есть Остров солдат (zolnierzow) или рыцарей [96], тоже быстро поставили недалеко от Ковно и тоже из дерева, с башнями. Третий, Метембург (Metemburg), то есть Верхний (gora) или Пограничный (celu i granic), спешно построили из извести, из кирпичей, из камней и из дерева.

Бедная Литва повоевана. Риттерсвердер и Нойвердер заняли сами немцы, снабдив его огнестрельным оружием (strzelba) и продовольствием, а Метембург передали Витольту и его рыцарям. И из трех этих замков совершали постоянные вылазки и набеги, грабя и разоряя окрестные края.

Александр Вигунт безуспешно осаждает Риттерсвердер. Ян Олесницкий, виленский староста, желая избежать этих жестоких грабительских набегов, отправил Александра Вигунта, родного брата короля [97], князя Кревского и Керновского, с несколькими литовскими полками конных солдат и с тремя ротами пеших поляков добывать те замки, которые немцы построили заново. И сначала осадил Риттерсвердер (Ritterwerder), который усиленно добывал постоянным штурмом, однако, когда был уже близко к тому, чтобы взять замок, быстро отказался от осады и отступил, ни в чем не преуспев, как об этом потом узнаем. Вот так из этих замков Витольт и немцы не переставали воевать бедную и со всех сторон терзаемую Литву.

О союзе Ягеллы с Витольтом, о смерти князя Вигунта и о замужестве Витольтовой сестры и дочери.

Великие расходы Ягелло на содержание Литвы. Война польского короля Ягелло с Витольтом уже было приостановилась из-за трудностей Короны и больших расходов, которые он нес по содержанию солдат, защищающих отчую Литву, и не только служащих, но и самой литовской шляхты вместе с народом. Недостаток продуктов из-за постоянного вражеского разорения он должен был пополнять хлебом, овощами и [материальными] средствами, чтобы от отчаяния [люди] не поддались неприятелю и не допустить, чтобы тот завладел Литовским княжеством. **Мазовецкий князь Генрих, пробст лещицкий и**

прочее, послан к Витольту. Поэтому Ягелло послал к Витольту лещицкого и плоцкого пробста Генриха, сына умершего мазовецкого князя Земовита, назначенного епископом Плоцкой диоцезии, чтобы тайно завел с Витольтом переговоры о мире.

В это время от поднесенного яда умер брат Ягелло, кревский князь Вигунт Александр, которого король из-за достоинств и познаний в законах и обычаях неизменно любил и, помимо Кревского и Керновского удела в Литве, в Польше дал ему было в управление замки Иновроцлав и Быдгощь с волостями. Он взял было в жены дочь князя Владислава Опольского, но потомства никакого не оставил. В организации (przyczynca) его отравления подозревали Витольта, ибо у них была взаимная неприязнь друг к другу. А когда умер, тем легче было примириться Ягелле с Витольтом, когда король пообещал отдать ему Великое княжество Литовское в обход двух других родных братьев, которых считал годными только для пьянства или для охоты: Скиргайло и Свидригайло, дав им в компенсацию другие уделы.

На этих условиях Генрих, назначенный плоцким епископом, помирил Витольда с Ягелло, а сам, имея уже двойное священство и официальное (sacra) утверждение епископом от папы Бонифация Девятого, отказался от священнического сана и, как пишет Меховский, взял в жены Рингайле, сестру Витольта. **Эту Рингайле Кромер зовет дочерью Витольта, но должна быть сестра. Мазовецкий князь Генрих женился, будучи пробстом и субдиаконом** [98]. Витольд и магистр Валленрод отпраздновали ему свадьбу там же, в Мариенбурге (Marjemborku) [99]. Но, приехав в Плоцк, где собирался разделить с братьями князьями отцовское [наследство], он скоро умер от яда, чем сразу же принял отмщение за измену обету священника. Похоронен в Плоцке среди князей Мазовецких.

София или Настасья Витольтовна отправлена в Москву из Пруссии [100]. А Витольд потом дочку свою Софию послал до этого из Гданьска в жены великому князю Московскому Василию Дмитриевичу. Князь Иван Ольгимунтович Гольшанский с московскими послами сопроводил ее по морю на кораблях до Нарвы, лифляндского и московского порта, а оттуда через Псков и Великий Новгород поехали до самой Москвы. И там митрополит Киприан или Куприян (Cuprian) повенчал княжну Софию Витольтовну с великим князем Московским Василием, а свадьба со щедрыми торжествами длилась четыре недели. Витольд же, в соответствии со своими замыслами заключив соглашение с польским королем Ягелло, [теперь] обдумывал, как бы ему ускользнуть от немцев.

Глава девятая

Как Витольт, объединившись с Ягеллой, уехал от крестоносцев, три их замка спалил и немцев побил.

О чем Длугош, Прусские хроники, Меховский (кн. 4, гл. 40, стр. 273), Ваповский и Кромер (кн. 15)

После третьего отъезда из Литвы Витольт жил у крестоносцев целых два года и почти до основания повоевал с ними свою бедную отчизну, княжество Литовское и Жмудское. И долго держался за сомнительную надежду с помощью крестоносцев достичь великого

княжения Литовского. Но как только благодаря посредничеству плоцкого епископа Генриха, своего зятя, объединился с королем Ягелло и связал с ним свои замыслы, сразу же обдуманной хитростью, тайно и незаметно сначала отправил из Пруссии жену с ценностями и домашним имуществом в Жмудь, в установленное место. **Витольд в третий раз бежит от крестоносцев.** Сам же, сговорившись с друзьями и со своими литовскими боярами и доверив им свой замысел, что собирается уехать в Литву на великое княжение, поехал из Мариенбурга (Marjemborku) в свой замок Риттерсвердер под Ковно. И там немецких купцов, крестоносцев и рыцарей, которые жили с ним в замке Риттерсвердер, внезапно захваченных, побил, порубил и побросать в Неман велел, а других, что познатнее, повязал и уехал с ними в Вильно, подпалив замок Риттерсвердер. Видя это, другие крестоносцы и немецкие солдаты, которые были в замках Метенбурге (Metenburgu) и Нойвердере, сразу бросились в погоню за Витольтом, как за своим предателем, называя его шельмой (Szelmem). И когда дальше гнались за ним в Литве [по направлению] к Вильно, Витольд, оставив в условленном месте немецких пленников, ранее захваченных в Риттерсвердере, сам со своими [людьми] сразу устроил на тесной дорожке засаду на гнавшихся немцев. И когда они, увлекшись погоней, пришли в засаду, [он] их легко всех до единого побил, порубил, а других повязал и в Литву отослал. **Витольд, убегая, сжег три орденских замка.** Потом, по числу побитых и пойманных уразумев, что в замках Метембурге (Metemburgu) и Нойвердере немцев осталось немного, вернулся добывать эти замки, которые взял силой и сжег, а оставшихся немцев [одних] перебил, других повязал. Так, спалив три очень вредных для Литвы немецких замка около Ковно, он вернулся к прежним пленникам, которых, связав, [выстроил] в длинный ряд и с оружием, с военным снаряжением и с великими трофеями, набранными у крестоносцев, благополучно препроводил в Вильно, куда приехал к великой радости всей Литвы, мечтавшей о долгожданном мире. **Витольд от крестоносцев приехал в Вильно.** Там виленским старостой Яном Олесницким, наместником Ягеллы, он был учтиво принят, как король Ягелло приказывал ему в своих письмах. И передал ему, как господину и наследнику, оба виленских замка с пушками (strzelba) и со всем снаряжением и всем, что относилось к имуществу великих князей Литовских.

Соглашение Ягелло и Скиргелло с Витольтом. А король Ягелло, узнав о приезде Витольта из Пруссии в Вильно, с великой радостью в конце июля 1392 года как можно быстрее отправился в Литву, взяв с собой королеву Ядвигу. Витольт со своим двором и с женой княгиней Анной принимал короля в Острове [101], где король Ягелло ласково и учтиво пожаловал Витольта и помирил его со своим братом Скиргайло. Еще и ныне в Краковском замке сохранились записи Витольта, из которых узнаем, что он помирился со своим двоюродным братом Скиргайло, разделил [с ним] верховную власть в Великом княжестве Литовском, и заключил с ним союз против любого неприятеля, кроме короля Польского. И что Витольд должен был сам, своими собственными средствами добиваться Киевского княжества у Владимира, брата Ягелло и Скиргайло, предка князей Слуцких, и передал его Скиргайле и детям его. **Кременец и Стоско приданы Скиргайле к Киеву.** Там же король Ягелло записал, чтобы никому Вильна, Витебска, Мереча (в котором был замок, насыпь от которого и ныне еще видна над Неманом), Гартена или Гродно без воли Витольтовой не отдавать. А Скиргелле к Киевскому княжеству и к Трокам придал Кременец и Стоско (Stosko) [102], поскольку вотчину свою Вильно и все великое княжество Литовское уступил Витольту, подчиняясь (folgujac) в этом милости короля и

[способствуя] полному миру. О чем свидетельствуют Длугош, Меховский, Кромер и старинные записи в королевской сокровищнице. Установив этот мир, Ягелло забрал (wzial) виленское староство у Яна Олесницкого, а Витольда поставил на великое княжение Литовское, Жмудское и Русское, взяв с него клятву, что будет хранить верность и дружбу с королевством Польским, чтобы Польшу в счастье и в несчастье не бросал и не выдавал, а в единстве умножал общее добро. В том же самом и сама по себе, и за своего мужа поклялась и заявила [об этом] и Анна, жена Витольда, и подтвердила выданными грамотами с печатями, как пишут Длугош [103] и Кромер.

Комментарии

1. Миколай Сапега Коденский (1540-1599) герба Рука со Стрелой — сын новогрудского воеводы Павла Ивановича Сапеги и Олены Гольшанской. Участник битвы под Улой (1564), кампаний под Полоцком (1579) и Великими Луками (1580), осады Пскова (1581). Участвовал также в посольствах к Ивану Грозному в Москву (1577 и 1578). Маршалок господарский (1566), воевода минский (1576), брестский (1588) и витебский (1588). Первым браком (1564) женат на Анне Сангушко (ум. 1580), вторым (1581) на Анне Вишневецкой (ум. 1596), родившей ему шестерых сыновей и дочь. Миколаю Сапеге приписывают получение графского титула и ордена Золотого Руна от императора Максимилиана II (1572), но оба эти пожалования являются легендами. См. : Dom Sapiezynski. Warszawa, 1995. Стр. 160-168.

2. Междоусобная война в Литве в период от смерти Ольгерда (1377) до гибели Кейстута (1382) — исключительно важная часть литовской истории. А вот источников, освещающих эти события, сохранилось немного. К их числу следует отнести и позднейшую хронику Стрыйковского, и вот почему. Почти все известные нам подробности восходят к одной и той же группе источников — так называемым белорусско-литовским летописям, которые, в свою очередь, делятся на две подгруппы: собственно западнорусские летописи, опубликованные в 35 томе ПСРЛ, и «Хроника Быховца» (том 32 ПСРЛ). До нас дошел один-единственный список «Хроники Быховца», и то не оригинальный и не вполне исправный. Но хроник типа Быховца было несколько, причем они не были идентичны. Единственный историк, не только познакомившийся со всеми известными текстами (а в XVI веке их было не менее дюжины), но и пересказавший их в своем собственном изложении — Стрыйковский.

3. По-латыни *pistrinarius* — пекарь, а *pincerna* — виночерпий. В «Хронике Быховца» написано так: ***Вначале он был пекарем, потом его приставили стелить постель и давать пить воду.*** Последнее как раз и есть обязанность виночерпия, а это значит, что Бельский тоже был прав. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 60.

4. Хроника Быховца и западнорусские летописи пишут, что княгиня Мария Ольгердовна была вдовой князя Давида. Ныне считается, что князь Давыд Дмитриевич (уп. 1388) был ее *вторым* мужем, а Войдыло — первым. См.: Иванов Н. История Литовско-Русского государства в именах и датах. Кн. 1. Спб, 2002. Стр. 48, 127.

5. В Хронике Быховца этот комтур именуется *Либестин* (Liebestyn), в летописи Рачинского — Авкгуштын, в летописи Красинского — Густын. Комтуром Остроды в 1374-1379 гг. был Бурхард фон Мансфельд, в 1379-1383 гг. — Куно фон *Либенштейн*. См.: ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 141 и ПСРЛ, том 35. М.,1980. Стр. 133, 155.

6. *Андрей Горбатый* (Harbaty) упоминается в Хронике Быховца и в Евреиновской летописи, но в первом из этих источников ясно сказано, что Андрей Горбатый и Войдат разные лица, хотя оба они — братья Кейстутовичи. Большинство историков считает, что Андрей Горбатый — это Андрей Ольгердович, и все же вопрос не следует считать окончательно закрытым. Имя *Войдат* в западнорусских летописях не встречается. См. : Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 60, 61.

7. *Коман* — вождь галлов, который собирался уничтожить недавно основанный город *Массилию* (Марсель), истребив его жителей. См.: Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». Кн. XLIII, гл. 4.

8. В западнорусских летописях Кейстут казнит Войдило сразу после своей победы, а в Хронике Быховца сказано, что он приказал повесить Войдило только когда уходил в поход на Корибута. См.: ПСРЛ, том 35. М.,1980. Стр. 155; Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 62.

9. *Маслав* (Мечислав) — предводитель восстания в Мазовии против Казимира Восстановителя, призвавший на помощь пруссов. Разбит и погиб в 1047 году. См.: «Великая хроника» о Польше, Литве и их соседях. XI-XIII вв. М., МГУ, 1987. Стр. 70.

10. В Хронике Быховца и в западнорусских летописях написано *Sewerskomu Nowuhorodku,* и все исследователи считают, что речь идет о Новгороде Северском. Но только в Хронике Быховца говорится о мятеже Корибута *против Кейстута*, а в западнорусских летописях Кейстут, уезжая в Новгород Северский, оставляет Корибута вместе с Витовтом. Мятеж Корибута состоялся на несколько лет позже, но не против Кейстута, а против Витовта, и вот там, похоже, летописцы пишут уже не о Новгороде Северском, а о Новогрудке. См.: ПСРЛ, том 35. М.,1980. Стр. 155, 159.

11. *Гануль* (Ганс) был немцем и главой немецкой общины в Вильно. См.: Semkowicz W. Hanul, namestnik Wilienski (1382-1387) i jego rod. Ateneum Wilenskie, № 1-2, 1930.

12. Речь идет о двух старых тракайских замках, а не о новом замке на острове, построенном позднее.

13. *Каменец* — Каменец Литовский на реке Лесной в Белоруссии; *Сураж* — замок на реке Нарев в Польше.

14. Слово *kiszyc* по-польски может означать *колбасник*, то есть профессию, таким образом, уточнение собственного имени этого человека (Жибинта) представляется вполне логичным.

15. Этот список убийц Кейстута отличается от большинства известных нам списков литовско-белорусских летописей, где он выглядит так: ***по имени Прокша, что воду ему давал, и были другие: Мостев брат, и Кучук, и Лисица Жибентяй.*** Теодор Нарбут истолковал слово *брат* как крестоносец, то есть брат Тевтонского ордена, но он наверняка ошибался. В Ольшевской летописи: *Moszczeiow brat*; в Виленской: *Белик Мостев брат.* Стрыйковский наиболее близок к латиноязычному списку *Orgio Regis,* единодушно признаваемому исследователями древнейшим и заслуживающим наибольшего внимания. ***Proxa dictis, qui dabat sibi aquam. Et Bilgeny fratrer Mostew, Gedko Crewlanin, Cuczyk, Lyszycza serws illegitimus wlgariter Zibintha.*** См.: ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 143 и ПСРЛ, том 35. М.,1980. Стр. 63, 69, 87, 99, **117**, 135, 156, 183, 204, 225.

16. Поскольку после колесования перебитые руки и ноги казненного продевались сквозь спицы колеса, само колесование Стрыйковский называет *вплести в колесо* (wplesc w kolo).

17. Вместе с Видимунтом колесовали Бутрима, которого Длугош называет племянником самого Ягелло, а *Orgio Regis* — племянником сестры его матери. Имя второго казненного упоминается только в *Orgio Regis* и у Длугоша. См.: ПСРЛ, том 35. М.,1980. Стр. 117.

18. Конрад Цольнер, сменивший Винриха фон Книпроде, стал великим магистром Тевтонского ордена 29 сентября 1382 года. Все источники отмечают, что Витовт прибыл в Пруссию уже при Цольнере, следовательно, это произошло не ранее октября 1382 года.

19. Этого эпизода нет в белорусско-литовских летописях, однако он есть у Длугоша, который датирует его 1383 годом. Но Длугош сообщает о *трехстах*, а не о тридцати воинах с копьями и называет Сасина не старостой Дрогичина, а *державным* старостой. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 414.

20. Речь идет, разумеется, не о пруссах как таковых, а об орденских рыцарях из Пруссии.

21. Уточнение относительно того, что казаки были *конные* (jezdny), допускает предположение, что казачьи части могли быть и *пехотой* — во всяком случае, во времена Стрыйковского.

22. Серадзский сейм состоялся 26 февраля 1383 года. См.: Kronika Janka z Czarnkowa. Lwow, 1907. Стр. 93.

23. Земовит IV Мазовецкий (1357-1426), «истинный Пяст», как его называли его сторонники, был внуком князя Тройдена, правнука Конрада I Мазовецкого (1187-1247), и Марии Юрьевны, внучки Даниила Галицкого. *Третий* Серадзский сейм был 16 июня 1383 г. (второй — 23 марта). См.: Kronika Janka z Czarnkowa. Lwow, 1907. Стр. 95, 100.

24. В 1384 году пасха была 10 апреля.

25. *Interregnum* (лат.) — междуцарствие.

26. Коронация Ядвиги состоялась 15 октября 1384 г. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 422.

27. Никакого Бориса среди братьев Ягайлы не было, о чем смотри главу 13 книги двенадцатой и к ней примечание 327. Эту ошибку наш автор, а также Кромер и Бельский позаимствовали у Длугоша. См: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 423. .

28. В данном случае *буквальный* перевод выражения *na rzecz pospolita* (на дело народное) нам представляется наиболее уместным. Впрочем, возможен и другой перевод: *на государственные нужды.*

29. Кристин из Острова был державным старостой Казимежа. Длугош, который все эти события описывает намного подробнее, пишет, что послов было трое, и третьим был Миколай Богорыя, каштелян Завихоста. См: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 424. .

30. Это событие произошло значительно позже. Кстати, это одно из не столь уж многих мест, где наш автор прямо ссылается на Длугоша, послужившего источником также для Меховского и Кромера. Но Стрыйковский существенно искажает рассказ Длугоша, из чего можно заключить, что тот все-таки не был его непосредственным источником. Эльжбета и Мария были похищены и увезены 25 июля 1386 года, но убили королеву лишь в январе 1387 года. См: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 427, 428, 448.

31. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 67.

32. Дата взята у Длугоша, но в ней ошибка, так как 12 февраля приходилось на вторник лишь в 1387 году. Значит, Ягайло въехал в Краков не во вторник, а в понедельник или же не 12, а 13 февраля. Та же странная ошибка и с датой коронации, ведь 17 февраля 1386 года была суббота, а не воскресенье. Есть основания считать, что коронация была все-таки в воскресенье, и тогда получается, что она была не 17, а 18 февраля. А сообщая, что день коронации приходился на пятидесятницу (то есть 50 дней *до* пасхи) Длугош окончательно запутывает дело, так как в 1386 году пасха была 18 марта. Возможно, сначала он хотел подчеркнуть, что коронация была *ровно за месяц* до пасхи, но потом напутал. На всякий случай отметим, что в 1385 году пасха была 2 апреля, и пятидесятница приходилась на воскресенье 12 февраля. См: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 431, 434.

33. В 1386 году 12 февраля был понедельник, а день святого Валентина (14 февраля) был в среду. Зато в 1387 году день святого Валентина приходился именно на четверг, и вообще вся эта хронология соответствует 1387, а не 1386 году.

34. В отличие от нашего автора, Длугош в этом месте не перечисляет имена князей ***греческого закона***, ограничившись заявлением, что православные литовские князья ***не***

дали себя склонить к переходу в католичество. См: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 433.

35. Князя с именем *Довгот* (Довгирд?) Длугош не упоминает. В приведенном списке, как и во многих других местах, нельзя не заметить особенное внимание, которое Стрыйковский уделяет князьям *Слуцким* и их предкам.

36. Ливонским магистром в 1385-1388 гг. был Робин фон Эльцен.

37. В данном случае так называемые литовские летописи могли и не быть первоисточником известий о зверствах смоленских войск в 1387 году, так как русские летописи сообщали об этом и раньше. Но подобная версия появилась не ранее самого конца XV столетия, а в источниках, по времени наиболее близких к описываемым событиям (например, в Рогожском летописце), всех этих ужасов еще нет, хотя сама «смоленско-литовская» война и описывается. См.: ПСРЛ, том VIII. СПб, 1859. Стр.51; ПСРЛ, том 15, ч.1. Петроград, 1922. Стр. 152, 153; ПСРЛ, том 25. М.-Л., 1949. Стр. 213; Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 68.

38. Смотри примечание 326 к книге двенадцатой.

39. О Домарате, Бартоше. воеводе Винцентии и смуте в Великой Польше подробно и толково рассказано в хронике Яна из Чарнкова. См.: Kronika Janka z Czarnkowa. Lwow, 1907. Стр. 63, 64, 83, 85-92, 103-105, 108-111.

40. Имеется в виду следующее место из Евангелия от Иоанна: *Иисус, услышав то, сказал: эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий* (11.4).

41. Этого эпизода нет в Деяниях апостолов, но он есть в биографии святого Марка, написанной епископом Севером во второй половине X века.

42. Андрей Вашило, которого Длугош называет *Ендржей Василь* (Jedrzej Wasil), был епископом Виленским в 1388-1398 годах. См.: Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Том I. М., 2005. Стр. 205, 362, 365.

43. Названия этих местностей Длугош пишет иначе, и относительно локализации отдельных из них нет полной уверенности. Meiszagole (Miszholi) — Мяйшягала, Niemczy — Неменчине, Obolcy — Обольцы, Hajnowie (Hajna) — Хойно. См. : Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 441.

44. Пребенда — латинское слово, означающее право на доход с церковной должности.

45. Лысая гора или Гора Трех Крестов расположена к востоку от горы Гедимина, от которой отделяется речкой Вилией. Ранее на ней стоял так называемый Кривой замок, разрушенный крестоносцами. Из слов Стрыйковского неясно, где именно находился

костел святого Мартина, так как Верхний замок — это, безусловно, замок на горе Гедимина. Вероятно, костел все-таки располагался рядом с Кривым Замком.

46. Эти стихи (Ad ruinas Cumarum — На руинах Кум) принадлежат выдающемуся итальянскому поэту Якопо Санназаро (Sannazaro) (1458-1530), писавшему и на латыни, и на итальянском. Еще до Шекспира, говоря о возлюбленной датского принца, Санназаро первым назвал имя *Офелия*.

47. Юрий II Юрьевич Олелькович (1531-1578) герба Погоня — удельный князь Слуцкий (1560) и Копыльский, младший сын Юрия Семеновича Слуцкого и Елены Николаевны Радзивилл. В 1558 году женился на Катаржине Тенчинской, которая родила ему трех сыновей. Участник Ливонской войны, содержал и водил в походы собственное 4-х тысячное войско. После смерти бездетного старшего брата Семена унаследовал княжеский престол. Староста бобруйский (1561) и сенатор Великого княжества Литовского. После заключения Люблинской унии (1569) не попал в состав нового сейма, так как был *православным*. Превратил Слуцк в центр православной культуры. Похоронен в Киево-Печерской лавре.

48. Похожая грамота за 1387 год, хотя и не та же самая, опубликована Маврикием Круповичем. См.: Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений, изданное Виленской археологической комиссией. Часть первая (1387-1710). Вильно, 1858. Стр. 1-3.

49. Длугош пишет, что зачинщиков смут приговорили к тюремному заключению и лишению имущества. См. : Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 16.

50. Почти все источники подчеркивают, что Ягайло доверял Скиргайле более всех других своих братьев.

51. В этом месте Длугош намеревался сообщить языческое имя Александры Ольгердовны (1360-1434), но почему-то так этого и не сделал. Либо он не нашел этого имени в своих источниках, либо была какая-то другая причина. См: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 449.

52. В период междуцарствия после смерти Людовика Венгерского (1382) Земовит Мазовецкий был одним из главных претендентов на польский престол. Поэтому и сама свадьба, и щедрые пожалования со стороны Ягайло были своего рода компенсацией Земовиту за отказ от претензий на польскую корону. Смотри примечание 23.

53. Радомская земля так и не отошла к Мазовии, так как этого не потерпели бы польские паны. Вместо нее Ягайло отдал Земовиту Белзскую землю, которая «во всех отношениях превосходила Радомскую землю». См. : Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 17.

54. У Александры и Земовита было 12 детей: сыновей и дочерей, одной из которых и была Цимбарка (1394-1429). По преданию, она обладала исключительной физической силой.

Внучка Ольгерда стала матерью австрийского герцога Фридриха (1415-1493) и прародительницей всего императорского дома Габсбургов.

55. Анна Ягеллонка (1503-1547) была не внучкой, а правнучкой Ягелло, как ниже расписывает и сам Стрыйковский.

56. Максимилиан II (1527-1576), правнук Максимилиана I, император Священной Римской империи и король Чешский (1564) в 1575 году был предложен кандидатом на польский престол, освободившийся после бегства Генриха Анжуйского (1574). Однако поляки уже в декабре 1575 года избрали Стефана Батория, который и был коронован 5 мая 1576 года. Максимилиан умер 12 октября 1576 года. Стрыйковский же изображает дело так, что избран был Максимилиан, но он внезапно скончался, и только после этого был избран Баторий.

57. Кудель — волокно, приготовленное для прядения. Выражение *по кудели*, то есть *по нити*, означает то же самое, что и *по ветви* (генеалогического дерева), то есть происхождение, которое достоверно прослеживается от ветви к веточке, от пряжи к ниточке.

58. Господарем Валахии в эти годы был Мирча Старый (1386-1395). Но *валахами* в данном случае Стрыйковский именует *молдаван* и их господаря Петра Мушата (1375-1391). Вассальная грамота Петра польскому королю датирована 6 мая 1387 года. Союз Молдавии и Польши был не вполне бескорыстным. Ягайло попросил у Мушата 4 000 рублей в долг сроком на три года, в качестве залога предложив молдаванам Покутье. 10 февраля 1388 года Петр Мушат отправил Ягайле три тысячи рублей серебром. См.: Василе Стати. История Молдовы. Кишинев, 2003. Стр. 56.

59. Герб Стржегония (Strzegonia) — то же самое, что и многократно описанный герб Косцеша (Kosciesza).

60. Начиная с этой главы Стрыйковский все чаще именует Витовта *Витольдом*, тогда как ранее называл его исключительно *Витольтом*.

61. Януш Мазовецкий был женат на Анне-Дануте, сестре Витовта.

62. То есть Витовт считал себя законным наследником литовского престола.

63. *Копа грошей* — 60 грошей. Гроши, серебряные монеты весом около 3 граммов, с 1300 года чеканились в Чехии, а со времен Казимира Великого — и в Польше (нынешний польский злотый содержит 100 грошей). Пражский грош на долгие годы стал основой денежного обращения в Восточной Европе. В Литве копа пражских грошей сначала почти точно соответствовала рублю, а с XV века в рубле было уже 100 грошей. Собственно литовские гроши начали чеканить только в XVI веке, причем они были полновеснее польских, и за 4 литовских гроша давали 5 польских. *Золотым* или *злотым* в Польше называли золотые дукаты (цехины), которые весили 3,5 грамма и изначально содержали

12-14 грошей. Таким образом, в конце XIV века копа грошей равнялась примерно пяти золотым, а это значит, что в копах грошей Жемайтия «стоила» раз в пять дороже.

64. Коронным подканцлером в 1387-1402 годах был *Москожевский* герба Пилява, но звали его *Клеменс*, а Миколаем звали его отца. Ошибка позаимствована у Длугоша, к тому же *Moskorzow* Стрыйковский превратил в *Moskarow*. Отправку подканцлера в Литву и последующую осаду Вильно Длугош датирует 1389 годом. См: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 452.

65. *Драб* — рядовой *наемной* пехоты. В XVI столетии в каждой роте драбы подразделялись на две равные части: одна была вооружена огнестрельным оружием, а другая — холодным. Возможно, говоря о *равном числе* жолнеров и драбов, Стрыйковский имел в виду именно их вооружение. Но, может быть, он говорил о равном числе наемников и обычных солдат.

66. *Антоколь* (Антакалнис, что по-литовски означает «На той горе») — северо-восточный район Вильнюса, расположенный вдоль левого берега реки Вилии (Нямиса). О *Лысой Горе* смотри примечание 45.

67. Длугош сначала называет Георгенбург, Мариенбург (который не надо путать с Мальборком) и Нойхауз, а потом замки Риттерсвердер, Нойгартен и Метенбург. См: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 452.

68. В данном случае совершенно очевидно, что *крестоносцами* Стрыйковский называет именно орденских братьев.

69. Рассказ Длугоша о захвате трех замков датирован 1389 годом, что совершенно не вяжется, например, с известиями Виганда из Марбурга. Замки Риттерсвердер, Нейгартен и Метембург были захвачены Витовтом значительно позже, летом 1392 года. См. : Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы. СПб, 1885. Стр. 64.

70. Смотри примечание 7.

71. В оригинале *pol czwarta sta mezow*, то есть *сто и половина четверти*. Длугош ничего не пишет о числе воинов, спрятанных на возах. Это событие относят к началу 1389 года, то есть дело было еще до бегства Витовта к крестоносцам. См. : Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы. СПб, 1885. Стр. 48, 49.

72. Конрад Цолльнер умер 20 августа 1390 года, а Конрад Валленрод, до этого бывший великим маршалом (1382-1387) и великим комтуром (1387-1391), был избран великим магистром 12 марта 1391 года.

73. У Длугоша точно так же, но здесь возможны два толкования: на десятый день *осады* или в десятый день *месяца*, то есть 10 февраля 1390 года.

74. У Длугоша *Hince z Roskowic*, то есть это был не Гиньча из Рогова (*Hinczke z Rogowa*) герба Дзялоша, который в 1400 году участвовал в посольстве Ягайло к графу Герману Цилли, а другой человек. См. : Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 456, 507.

75. Зындрам из Машковиц в битве при Грюнвальде командовал левым флангом союзной армии, тогда как правым флангом командовал Витовт. См. : М. Бискуп. Великая война Польши и Литвы с Тевтонским орденом (1409-1411 гг.) в свете новейших исследований // Вопросы истории № 12, 1991.

76. Вицина или вичанка — лодка, сплетенная из прутьев (виц).

77. Гродно был сдан полякам 7 апреля 1390 года. См. : Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы. СПб, 1885. Стр. 51.

78. Генрих Болингброк (1366-1413) из рода Ланкастеров, будущий английский король Генрих IV (1399-1413), в то время носил титул графа Дерби (1377-1399). Его отец Джон Гонт был сыном короля Эдуарда III (1327-1377), но сам никогда не был королем Англии. Длугош же, а вслед за ним и Стрыйковский называют его *сыном короля* Генриха, вероятно, путая Генриха IV и Генриха V. Но последнему в то время было всего три года, так как он родился в 1387 году. Болингброк, которому тогда было всего 24 года, отправился в Пруссию 20 июля 1390 года. См. : Устинов В.Г. Столетняя война и Войны Роз. М., 2008. Стр. 142-144.

79. Гогенштейн — город в Саксонии и австрийский дворянский род. В 1351 году в Пруссии рыцари Тевтонского ордена тоже построили замок Гогенштейн (Ольштынек), расположенный недалеко от Грюнвальда. Но так как Длугош упоминает *графа* фон Гогенштейна, речь, видимо, идет о первом Гогенштейне. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 23.

80. У Длугоша ничего этого нет. Литовские летописи сообщают, что битва Витовта со Скиргайло происходила к северо-западу от Вильнюса у местечка Вейщушки (Виршулишкес). Между Виршулишкесом и *Шешкине* (*Seskine*) находится *Салтонишкю* (*Saltoniskiu)*. А вот район *Верки* (Вяркяй) расположен далековато от них, к северу от Вильно. См. : Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 70.

81. Глеб Святославич, старший сын Святослава Смоленского, в то время еще не был смоленским князем и не погиб в этом сражении. В битве при реке Вехре (1386) Глеб был взят литовцами в плен, в 1389 году он был передан Витовтом ордену в качестве одного из литовских заложников, а позднее отпущен. Его участие в битве под Вильно возможно, но лишь на стороне Витовта. В 1392 году стал князем Смоленским. Погиб в битве на Ворскле (1399), сражаясь за Витовта.

82. Семен Заславский был сыном Явнута и двоюродным братом как Витовта, так и Ягайло. Он упоминается в грамоте 1411 года и, следовательно, тоже не погиб в битве под Вильно.

83. Глеб Константинович был внуком Кориата и правнуком Гедимина. Чарторыйские, которые стали так называться, получив во владение древний Чарторийск, предпочитают выводить свой род от Коригайло, то есть от Ольгерда, но иногда сбиваются и на Кориата. Впрочем, и в том, и в другом случае они являются Гедиминовичами. Смотри примечание 86.

84. Некоторые литовские летописи вместо Ивана Львовича называют князя Ивана Тету и Льва Плаксича, и все летописи утверждают, что все вышеперечисленные князья не погибли, а были пленены. Да и сам Стрыйковский на полях пишет *захвачены* (*poimane*), но в основном тексте почему то пишет *полегли* (*poleglo*). См. : ПСРЛ, том 35. М., 1980. Стр. 65, 89, 137, 158.

85. Часто употребляемое Стрыйковским слово *blanki* в словарях обычно толкуется как *частокол* или *башенные зубцы*. Однако по смыслу это чаще всего не то и не другое, а скорее *деревянные мостки*, выдвинутые за пределы каменных стен и башен для удобства обороняющихся. Виолле-ле-Дюк называет их *хордами* или *парапетами*. См. : Виолле-ле-Дюк Э.Э. Крепости и осадные орудия. М., 2007. Стр. 63.

86. Коригайло (Коригелло) Ольгердович (1364-1390) был родным братом Ягайло и Скиргайло. Именно его считают своим родоначальником князья Чарторыйские. Литовские летописи пишут, что Коригайло был убит немцами, да и Длугош не утверждает, что приказ о его казни был отдан лично Витовтом. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 23.

87. Число погибших взято у Длугоша, но оно несуразно завышено, так как такое множество народа в замке бы попросту не поместилось. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 23.

88. Эти ночные ухищрения имели целью не укрепить каменную кладку, а всего лишь обмануть осаждающих, для которых стена издали казалась неповрежденной.

89. Польские историки, в частности, Ян Тенговский (1999), не включают Наримунта в список сыновей Ольгерда. Литовские летописи тоже упоминают лишь одного исторического Наримунта — сына Гедимина, павшего в битве на Стреве (1348). Стрыйковский позаимствовал свой рассказ у Длугоша, а тот опять что-то напутал. Возможно, он имел в виду пинского князя (1355-1390) Василия Михайловича, *внука* Наримунта, которого тоже иногда звали Наримунтом. См. : Jozef Wolff. Rod Gedimina. Krakow, 1886. Стр. 13-14, 20-21, 168-170.

90. Католики отмечают день святого Михаила (Архангела) 29 сентября. В 1390 году в этот день был четверг, а пятница была 30 сентября. Православные 30 сентября поминают другого святого Михаила, первого митрополита Киевского (992).

91. Товтивил Кейстутович (1355-1390) активно поддерживал своего старшего брата Витовта. Вместе с Витовтом он 21 октября 1383 года крестился в Тапиау по католическому обряду и принял имя Конрад. При осаде Вильно Товтивил был убит

выстрелом из замковой бомбарды и погребен в виленской церкви. См. : Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы. СПб, 1885. Стр. 27, 54.

92. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 23-25.

93. Ян Олесницкий герба Дембно — отец Збигнева Олесницкого (1389-1455).

94. Новогрудок стоит на речке *Валовка*, а не на реке *Вилия*, от которой он находится довольно далеко. Так что либо Длугош ошибался с названием реки, либо писал не о Новогрудке. Длугош вообще писал, что и Новогрудок, и Вилькомир находятся на реке Вилии и построены Скиргайло. Стрыйковский, как мог, пытался его поправить, уточняя, что Вилькомир стоит на реке Свенте (Швянтойи). См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 27.

95. У Длугоша — Навгардер (Naugarder). См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 27.

96. Строительство немцами замка Риттерсвердер (Ritterswerden) ***немного ниже старого Ковно*** Виганд датирует 1391 годом. См. : Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 121.

97. Вигунт или Вигант (1364-1392) — сын Ольгерда и Ульяны Тверской, родной брат Ягайлы. Вместе с братом в 1386 году крестился по католическому обряду (до этого был православным), приняв имя Александр. 25 января 1390 года женился на Ядвиге, дочери Владислава Опольского. Князь Керновский. 28 июня 1392 года внезапно скончался. Молва обвиняла в его отравлении Витовта, но польские историки считают эти слухи неосновательными. См. : Леонтій Войтович. Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів, 2000.

98. Стрыйковский совершенно прав в отношении того, что Рингайле была *сестрой* Витовта. Но Генрих вступил в брак, будучи не пробстом и не субдиаконом, а уже утвержденным *епископом*. Особую пикантность всей этой истории придавало то, что свадьба состоялась с одобрения и при прямом содействии высшего руководства Тевтонского ордена.

99. Длугош пишет, что свадьба Генриха и Рингайле была в Риттерсвердере. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 29.

100. Хроника Быховца и русские летописи подробно рассказывают о браке Софии и Василия, а вот Длугош вскользь упоминает о нем только под 1408 годом, причем дочь Витовта он называет *Анастасией*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 536.

101. Длугош называет точную дату встречи в Острове: 7 августа 1392 года. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 29.

102. Длугош называет Стародуб, а не Стоско. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 31.

103. Длугош ничего об этом не пишет.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Глава первая

Витольт Александр Кейстутович,

князь Литовский, Жмудский и Русский.

Год 1392

Польский король Владислав Ягелло, установив прекрасный (wdzieczna) мир с двоюродным братом Витольтом, отдал ему всю верховную власть в Великом княжестве Литовском, Русском и Жмудском, и своих родных братьев, князей Владимира Киевского, Димитра Корибута Северского, Свидригайла Полоцкого и Витебского, а также Скиргайла, низложенного с великого княжения, под его начало (posluszenstwo) отдал, что из-за их склонности к кривдам (ukrzywdzenia) длилось недолго. Отдал ему также Вильно со всеми владениями, Троки, Крево, Кернов, Гродно, Сураж, Каменец Подляшский, Брест, Луцк, Владимир со всей Волынью и все прочие литовские, русские, жмудские и подляшские замки, кроме законных (pewnych) уделов других князей, своих родных братьев.

Возведение Витольта на великое княжение. Потом в присутствии короля Ягелло и королевы Ядвиги, при Скиргайле и множестве панов, рыцарей и бояр Литовских, Русских и Жмудских, [Витовт] с полагающейся пышностью был возведен на престол Великого княжества Литовского виленским епископом Андреем Вазилоном (od Andrzeja Wazilona) [1] в костеле Святого Станислава в Виленском замке по христианскому обряду. Но, храня старинный обычай возведения на престол великих князей, он был в княжеской шапке и одет в подобающую этому случаю одежду, а великий маршалок литовский также по обычаю вручил ему меч, княжескую печать и [принес] клятву верности (laske). Вместе с ним и княгиня Анна тогда же и с теми же подобающими церемониями тоже была возведена [на великое княжение]. Потом король и литовские паны участвовали в триумфах, увеселениях и развлечениях и полагающихся при этом церемониях, всячески радуясь миру, на который надеялись при Витольте. Но надеялись напрасно, ибо как только король Ягелло с королевой уехал в Польшу, сразу же братья Ягеллы Скиргайло и Свидригайло затеяли новые смуты и внутренние войны из-за того, что [король] поставил над ними двоюродного брата Витольта. **Скиргайло собирает войско на Витольта.** А Скиргайло, который был [мужем] великой отваги и вспыльчивейшего сердца и к тому же имел большие сокровища и благожелательное отношение всей Руси, собрал против Витольта войско, желая снова выбить его из Вильно и согнать с великого княжения Литовского (к которому ближайшим и годнейшим мнил себя).

Свидригайло бежал в Пруссию. А Болеслав Свидригайло, князь Полоцкий и Витебский, брат Скиргайло, не был ни так смел, ни столь могуществен, к тому же имел меньше средств, сокровищ и был не особенно популярен среди своих. Поэтому он бежал в Пруссию к прусским крестоносцам и к новому магистру Конраду Юнгингену [2], избранному после смерти Валленрода. **Покойный магистр Валленрод.** Этот Валленрод (Walerodus), как свидетельствуют прусские хроники, был зол и жесток; сам будучи братом

ордена (zakonnikiem), преследовал монахов и священников и, умирая, ни одного из них к себе не допустил.

Крестоносцы со Свидригайлом разоряют Литву. Прусские крестоносцы приняли тогда Свидригайло очень радушно, ибо были раздражены и имели неутихающий гнев на Витольда, который в третий раз предал их за их добро, спалил три замка и перебил в них многих знатных крестоносцев. Так что они сразу же собрали войско и вторглись со Свидригайло в Литву, где огнем и мечом повоевали очень много волостей; силой взяли Сураж, Гродно и Страмеле, отчие замки Витольда, и, захватив [в плен] три тысячи человек обоего пола, с большой добычей вернулись в Пруссию.

Услышав эту прискорбную новость, в 1393 году король Ягелло с королевой Ядвигой тут же спешно приехал из Польши в Литву и, призвав из Руси брата Скиргайло, упросил его, чтобы помирился с Витольтом, и так повторно привел обоих к взаимной братской любви. **Скиргайлу придали к Киеву Стародуб и прочее.** И, чтобы ублажить горячее и вспыльчивое сердце Скиргайло, как пишут Длугош и Меховский, король к владениям Скиргайло, Киевскому княжеству, с согласия Витольта придал замки и повяты Стародуб Северский, Кременец Волынский и Старые Троки с их волостями. А на будущее, если случится какая-нибудь распря между ними, оба, и Витольт, и Скиргайло, записали, что в этом случае разрешить их спор должно решение королевы Ядвиги, без каких-либо причитаний (zawodzenia) [3].

Литовские летописцы в этом месте не упоминают Скиргайло, будто бы имел какие-то [стычки] с Витольтом, а называют брата Ягелло и Скиргелло Корибута, который был побежден и захвачен Витольтом за непослушание [4]. Витольт же в то время, в 1393 году, благодаря королю Ягелле и королеве Ядвиге после первой ссоры со Скиргайлом помирился и побратался с ним и заключил союз против любого врага, кроме короля Польского.

Вскоре после этого Андрей Ольгердович, родной брат Ягелло, который когда—то с прусскими и лифляндскими крестоносцами Лукомль и Полоцк взял и Литву повоевал во времена коронации Ягелло, был выпущен из тюрьмы, в которой сидел три года в Хенцинском (Checinskim) замке [5], в смрадной башне. [Это случилось] благодаря просьбам Витольта и других братьев князей, когда они замолвили за него слово королю и поручились, что не будет мстить за свое пленение и наказание. Потом он из милости был пожалован скромным уделом в Литве — на кормление (wychowanie).

Федор Сангушко. Тогда же Федор или Любарт Сангушко Ольгердович, князь Владимирский, от брата короля взял во владение Северское княжество, обязуясь всегда быть верным и покорным польскому королю Ягелле, на что дал от себя и грамоты с печатями других братьев князей. И вот так король Ягелло, помирив Витольта со Скиргайлом и приведя к согласию с Витольтом других братьев князей, отъехал с королевой в Польшу.

О повоевании Литвы и добывании Вильна

Свидригайлом с крестоносцами.

Год 1394

Вскоре после отъезда короля Ягелло в Польшу полоцкий и витебский князь Свидригайло, будучи в бегах (bedac zbiegiem) в Пруссии, второй раз возбудил прусских крестоносцев против Витольта. Итак, в 1394 году прусский магистр Конрад Юнгинген, собрав большое войско из немецких земель и из Пруссии, и к тому же, как пишут Длугош [6] и Меховский (кн. 4, гл. 40), имея [в своем войске] очень много французов, англичан и других чужеземцев, добровольно собравшихся [в поход] против литовцев, двинулся на судах по реке Неман водным путем и по земле в Литву, огнем и мечом воюя все волости, затем [они] захватили несколько крепостей, а также маленьких замков (zameczkow) в Жмуди и в Литве.

Свидригайло с крестоносцами два месяца осаждал Вильно. Потом Свидригайло, будучи проводником, со всем немецким и французским войском и магистром Конрадом Юнгиненом подступили под Вильно, который добывали целых два месяца, непрерывно штурмуя и обстреливая оба замка. И когда не смогли силой, обратились к измене. Свидригайло подкупил русских чернецов, которые были в замке, чтобы в урочное время тайно подожгли оба замка. И когда Свидригайло с крестоносцами уже предвкушали полную победу, их надежды были обмануты, ибо один из чернецов, который сильнее сомневался, рассказал об этом деле старшему замковому начальству. **Русских чернецов покарали за измену.** И когда другого чернеца казнили за измену [7], прусский магистр со Свидригайлом и крестоносцы, [у которых] не получилось того, на что они надеялись, вынуждены были отступить прочь.

Витольт донимает немцев из [укромных] **уголков.** А Витольт, хотя и имел немалое войско, собранное из Литвы, из Руси и из Польши, однако же не смел открыто дать главное сражение крестоносцам, которые превосходили его силой и числом. И только постоянно совершал набеги на их войско, донимал и тревожил, других громил в поединках (picowaniu) и в загонах, а в тесных местах очень много их перебил и захватил [в плен, устраивая] засады. А временами предпринимал ответные вторжения в прусские земли, грабя и воюя их богатые фольварки, так что крестоносцы и в войске, и в своей земле понесли ущерб не меньший, чем причинили Литве, ибо им воздалось око за око.

Крестоносцы воюют Жмудь. Зимой того же года Вернер Тетингер [8], великий маршал прусский, вернувшись, снова воевал Литву и ушел с добычей и пленниками. Уже после него самбийский фогт Ульрих фон Юнгинген, родной брат прусского магистра (который потом и сам был магистром и, потерпев поражение от Ягеллы, был убит), с еще большим войском разорил жмудскую землю около Медник и Россиен [9].

Витольт разорил Инстербург. В отместку за это повоевание своих земель Витольт тоже вторгся в Пруссию с литовским войском и там, около Инстербурга, все богатые волости этих грубиянов (gburskie) и орденские фольварки огнем, мечом и грабежами разорил и без помех вернулся в Литву с большой добычей и прибылью. **Крестоносцы воюют Подляшье.** А комтур из Бальги Конрад фон Кибург (Koborg) [10] с немецким войском тоже

вторгся на литовское Подляшье, повоевал Дрогичинскую землю и вывел в Пруссию пленников с награбленным.

Глава вторая

О битве Витольда с Корибутом и отнятии Киева у Владимира, предка князей Слуцких, по надуманному поводу, а также о смерти Скиргайло, о захвате Кориатовича на Подоле и овладении Витольтом подольскими замками

Витольд, измученный частыми войнами, скитаниями (wloczugami) и постоянными тревогами, к тому же с сильно оскудевшей казной, заново начав править в государстве, отовсюду повоеванном и опустошенном, заботился о том, как бы суметь престол Великого княжества Литовского возвысить до прежней знатности и могущества, как ему направить в опустошенную казну обычные доходы и вернуть близкие к престолу фамилии (imiona stoleczne), разбросанные в этих войнах и внутренних тревогах и отдалившиеся от княжеского престола (как это ныне и у нас происходит).

Стяжательством (avaritia) задумал решить проблемы разрухи (aegestas) в государстве. И, так как его вынуждала ***ingeniosa aegestas*** *(совершеннейшая разруха)* в государственном хозяйстве, он прежде всего обратился к мысли, где что взять, и поэтому нашел способ (nalazl przyczyne) [добыть средства] у князя Дмитра Ольгердовича Корибута, короля Ягелло родного, а своего двоюродного брата, предка князей Збаражских и Вишневецких, который в то время имел удел в Новогородке (Nowogrodku) Северском. И послал к нему, [требуя,] чтобы тот принес ему присягу, поклялся в верности, как верховному господину и великому князю Литовскому, и чтобы платил в казну Великого княжества обычную дань, которую прежде издавна брали с Северского княжества. **Витольд нашел способ** [добыть деньги] **у двоюродного брата.** С тем же он направил посольства и к другому родному брату Ягайлы, киевскому князю Владимиру Ольгердовичу, предку князей Слуцких, и к Федору Кориатовичу, который в то время Подолию держал, чтобы оказали ему полное послушание и дали бы вассальную присягу вместе с данью.

Димитр Корибут, князь Северский, сознавая себя сыном Ольгерда, родным братом короля и более достойным великого княжения, чем Витольд, не желал ни в данники ему даваться, ни присяги приносить, а, напротив, заявил Витольду, что в Вильно он значит побольше него. Витольд, возмущенный его смелым и гордым отказом и желая привести его к покорности, с литовским и жмудским войском отправился против него в Северскую землю. Услышав об этом, Корибут Ольгердович не стал ждать неприятеля в своей земле, а, собрав войско из Руси и имея помощь от князя Тверского, сам двинулся в Литву против Витольда, не требуя от него дальнего пути до Севера (Siewiera) [11]. **Битва Корибута с Витольтом.** Когда оба войска сошлись и с огромной запальчивостью сшиблись во встречном бою на широких полях у Недокудова [12], Корибут со своими руссаками [брал] смелостью, а Витольт с литовцами и жмудинами превосходил его и смелостью, и множеством своего войска. Наконец, когда битва с неверным счастьем для обеих сторон длилась уже несколько часов, полки Корибута начали тревожиться, мешаться и уступать поле, а Витольт с литовцами тем смелее напирал на смешавшихся, разорвал [их строй] и

разгромил. ***Fugiens iterum pugnabit.*** *(Бежал, чтобы снова бороться).* Увидев это, Корибут дал шпоры коню, желая укрыться до лучших времен и до другого раза, и вот так с малой дружиной бежал с погрома до Новгорода (Nowogrodka) Северского, главного города своего удела [13], в котором и заперся с женой и детьми, как следует укрепив стены и башни рыцарством и орудиями (strzelba). **Корибут бежал с проигранной битвы.** А Витольд, одержав победу, немного передохнул, пока собирал добычу с его побитых солдат и рыцарей, а своих хоронил, двинулся за ним до Новгорода Северского и, обложив его со всех сторон, непрерывно штурмовал, [атакуя] стены и башни, подкапывая стены и подкладывая огонь до тех пор, пока силой не взял замок. **Корибут захвачен с женой и детьми.** И там Корибута с женой и детьми захватил, забрал его сокровища, владения и имущество (rystunki), разместил в замке своих людей и поставил своих старост и наместников в его Северских краях. А самого Корибута с женой, дочерью рязанского князя, и с детьми отослал в Вильно в заключение, где долгое время содержал под стражей в верхнем Виленском замке. **Рязанский князь Олег, тесть Корибута.** Потом его тесть, рязанский князь Александр или Олег (Holha) [14], уговорил и выпросил его у короля Ягелло и у Витольда, поручившись им от его [имени] за мир и что не намерен мстить за эти кривды, на основании чего Ягелло и Витольд выпустили Дмитра Корибута из виленского заключения. Записи этого рязанского князя касательно этого постановления и ныне хранятся в королевской сокровищнице Краковского замка. Об этих записях Кромер упоминает в книге 15.

Воистину вавилонское переселение Корибута из Северского княжества на Волынь. Тогда же Витольд присоединил себе к Великому княжеству Литовскому Корибутов удел: Северское княжество и Новгород (Novogrodek) с Брянском, а Корибуту из милости дал в обмен замки на Подоле и на Волыни: Брацлавец, Винницу, Соколец и Кременец, а потом и сам Димитр Корибут построил замки Вишневец и Збараж. Потом его сын Сигизмунд (Sigmunt) Корибут был избран чешским королем, а потом, воротившись из Чехии, в проигранной битве, в которой помогал Свидригайло, был схвачен и утоплен в реке Швенте (Swietej) у Вилькомира князем Михаилом, сыном великого князя Сигизмунда Кейстутовича, убитого в Троках [15]. А другой сын Корибутов, Федор или Федко (Fiedko), имея помощь от валахов и татар, хотел войной противиться [своему] дяде, польскому королю Ягелло; потом, пораженный, в 1430 году был вынужден отдать королю Кременец и Брацлав, как о том будет ниже, а сам остался на Збараже, на Вишневце, на Колодне и на Снулижничах (Snulizniczach). **Генеалогия князей Збражских и Вишневецких.** Потом от него и от его сына князя Данила или Дашка (Daska), сведущего в рыцарских делах, размножились князья Збаражские и Вишневецкие.

Потом Витольд, обеспечивая себе простор и свободу правления в Литве и на Руси, а точнее, сметая и устраняя своих противников из Великого княжества Литовского и Русского, покарав Корибута, нашел предлог, хотя и неправедный, [придраться] и к Владимиру Ольгердовичу, удельному князю Киевскому, предку князей Слуцких, обвинив его в непослушании и якобы намерении выбиться из—под верховной власти Великого княжества Литовского. И отправился с войском на Киев, его собственный удел, имея с собой в качестве союзника родного брата Владимира, а своего двоюродного, князя Скиргайла, которому Витольд обещал и обязался отдать Киев за то, что тот уступил ему престол Великого княжества Литовского в Вильно, как о том написано выше. Вот так

Витольд нашел предлог, хотя и несправедливый, для войны с князем Владимиром, чтобы его из Киева ***fas per nefas*** (*правдами и неправдами*) выжать, а Скиргайла посадить во исполнение своих обещаний и записей. Имел также старинную вражду и тлевший гнев на Владимира и на Корибута еще и за то, что, пока он был у крестоносцев, те, препятствуя ему [занять престол] Великого княжества Литовского, взяли у него Гродно, Сураж, Брест и Каменец Подляшский, помогая [своему] брату королю Ягелло, как о том уже было выше. И поэтому, став великим князем Литовским, он хотел за все это отомстить, и обойтись с ними, как лев с ослом в [известной] истории или как волк с ягненком в [другом] рассказе [16]. **Ягненку не напиться.**

А Владимир, сознавая себя сыном Ольгерда, родным братом короля Ягелло и княжичем из рода великих князей Литовских, имея от отца Ольгерда вольный удел на вольном княжении Киевском, и к тому же по отцу и по брату Ягелле к Вильно и к великому княжению Литовскому будучи ближе Витольда, который, будучи двоюродным братом [короля], подчинял себе (posiadl) родных [его братьев], не хотел ни присягать, ни насильно идти в подданство, как намеревался поступить с ним Витольд. Взывая к святой справедливости, в которую верил, к природному праву и к вольностям народа, [Владимир] решил защищаться и должным образом противиться неслыханному насилию, как сможет.

Война Витольта против Владимира Киевского. А тем временем Витольд со Скиргайлом в начале весны силой взяли его киевские пригородки, замки Овруч и Житомир, которые Витольд сразу же отдал Скиргайлу. А когда Витольд с войском двинулся к Киеву, Владимир приготовился против него, желая дать ему битву. Но король Ягелло, который тоже был тайным участником этого сговора, на словах усмиряя и запрещая пролитие братской крови, через послов Короны добился [следующего] соглашения Владимира с Витольдом. **Владимир сдал Киев Витольду.** Владимир должен впустить Витольда в Киев, в котором, по уговору, князем Киевским должен поставить Скиргайло, брата Владимира, и передать под его власть Киев со всеми пригородками. **Владимиру за Киев** [дал] **другой удел: Копыль и прочее.** А князю Владимиру дал взамен замок Копыль со всеми волостями, с пущами, с фольварками, с дворами и с озерами, начиная от замка Копыль (Kopyl) и от того места, где начинается Неман (я сам был на этом месте), до самого местечка Петрковичи, где Случь (Slucza) и Припять, а Припять впадает в Днепр. Этот отрез (obrebie) в длину и в ширину простирается на тридцать с чем-то миль [17]. И все это ему тогда выделили и отдали в вольное пользование навечно с потомками по замыслу комиссаров, присланных от короля Ягеллы. **Киев все-таки возвращен князю Олелько.** Однако потом сыну этого Владимира Ольгердовича князю Александру или Олелько, от которого князья Слуцкие пишутся Олельковичами, Казимир Ягеллович, став великим князем Литовским, Киев со всеми пригородками ему вернул и Копыль оставил, как о том будет ниже.

А Скиргайло, брат Владимира, с помощью Витольда став князем Киевским, двинулся с войском под Канев, под Черкасы и под Звенигород — замки, которые Владимир не хотел уступать ни Витольду, ни Скиргайло, пока Скиргайло их не взял и не завладел ими силой. И вот так в то время Скиргайло отобрал у брата Владимира Киевское княжество и замки Житомир, Овруч, Канев, Черкасы и Звенигород со всеми пригородками и прилегающими

к Киеву [землями]. Но недолго радовался новому панству, [отобранному] у неправедно оболганного (podszczepionym) старшего брата.

Скиргайло, став князем Киевским, отравлен. Ибо вскоре после этого, когда поехал за Днепр на охоту, его пригласил в свой фольварк игумен киевских чернецов, в то время наместник митрополита [18]. И там, когда повеселились и доверчиво (bez kredencu) напились с товарищами и дворянами, тот игумен дал ему выпить ядовитую отраву, от которой [тот] в Киеве быстро умер. **Скиргайло похоронен в Пещерах (Pieczurach).** Потом с великим почтением и жалостью все киевляне (которых [Скиргайло] уже было покорил своей щедростью) устроили ему погребение по княжескому обычаю; с процессиями и другими церемониями русских попов он был похоронен в Киевских пещерах, знаменитых могилами знатных русских князей. А Длугош в своей хронике написал, что Скиргайло из—за своей несносной жестокости был убит своими подданными в Вышгородском замке. Но летописцы русские и литовские, Ваповский, Кромер и Меховский свидетельствуют, что [он] был отравлен киевским игуменом на предательском чествовании.

Уход (zescie) **Ольгердовичей и Кейстутовичей.** Вот так четверо сыновей Ольгерда, братья Ягеллы, ушли из жизни не своей смертью, ибо Витольд научил отравить киевского князя Вигунта Александра, Наримунта подвесил за ноги и расстрелял под Вильно, а Коригелло казнил; Скиргайло же был отравлен с помощью игумена. А из сыновей Кейстута Товтивил убит из пушки под Вильно, Сигизмунд, став великим князем, зарезан в Троках, а его сын Михайло, когда в Москву заехал, отравлен попом [ядом] в просвире. На войне же, когда татары Витольда поразили, при защите отчизны храбро полегли два сына Ольгерда: Андрей, который прежде три года сидел в Хенцине, и Димитр Корибут с двумя сыновьями, предок князей Збаражских и Вишневецких, и сын Кейстута Патрик с двумя сыновьями, как о том будет ниже.

Иван Альгимунтович, князь Гольшанский, наместник Киевский. После смерти князя Скиргайла, отравленного в Киеве, Витольд поставил в киевском княжестве своим наместником князя Гольшанского Ивана Альгимунтовича, к которому был очень благосклонен, ибо [тот] с ним и в Пруссии все время жил, и дочь его Анастасию или Софию в жены Василию Московскому из Мальборка сопровождал, и при осаде Вильно Витольду во всем верно помогал.

Витольд [идет] **в Подолию на Кориатовича.** А потом Витольд с войском литовским и русским отправился в Подолию на князя Федора Кориатовича, который выбился из—под верховенства Витольда и из подданства и повиновения великому княжеству Литовскому. А как только Витольд подступил к Браславу Подольскому, Кориатович хотел противиться ему силой, но так как замахнулся мотыгой на солнце, был сразу же Витольдом поражен так, что сам едва убежал в Каменец. **Витольд захватил Подолию.** А Витольд, пользуясь победой, частью силой, а частью [в результате] сдачи захватил подольские замки: Брацлав, Смотрич, Червоный град (Czerwonygrod), Бакоту и Скалу, где и ныне показывают могилы, урочища и шанцы Витольда, которые я и сам видел в 1575 году, когда ехал от турок через Подолию. **Витольд взял Каменец Подольский.** Потом Витольд осадил Каменец, главный подольский замок, в котором заперся было Федор Кориатович,

имея помощь от соседей валахов. Но когда осажденные увидели, сколь упорно засела у Витольда мысль добыть замок, подоляне с валашскими солдатами сами повздорили между собой, и в этом несогласии (которое, [если возникает] в народе, разрушает замки и государства сильнее неприятеля) Витольд взял замок и город Каменец [в результате] их сдачи. Это место было очень сильно укреплено самой природой и, если верить собственным глазам, неприступно, даже если приступать к правильной осаде [19].

Там же Витольд захватил князя Федора Кориатовича и отослал его в Вильно, в тюрьму. А сам завладел всей Подолией с замками и пригородками, поставил там литовских старост и наместников с солдатами и присоединил к Великому княжеству Литовскому.

С тех пор, как Ольгерд, дядя Витольда, в 1331 году впервые занял Подолию, а татар и их баскаков из нее выгнал и отдал ее во владение Кориатовичам, и до того года, когда уже Витольд отобрал ее у потомка Кориата Федора и взял [себе], прошло 64 года. А еще до этого, в чем согласны все литовские летописцы, Ольгерд сам выгнал было другого Федора Кориатовича из Подолии, тоже из—за непослушания, и все замки у него отобрал, и Нестяка, его наместника, схватил. Сам Федор Кориатович бежал в Венгрию и, будучи изгнанником при дворе венгерского короля Карла, умер там в 1340 году, как об этом из достоверных источников описывалось выше в делах Ольгердовых [20]. И вот так Подолия два раза была отнята у двух Федоров Кориатовичей за [их] непослушание: первый раз Ольгердом в 1339 году, а потом второй и последний раз Витольдом в 1395 году, когда Подолия уже окончательно была обращена в провинцию или в повят и в воеводство Великого княжества Литовского.

Глава третья

Более пространное свидетельство о Подолии

Летописцы о Подолии. Все старинные литовские и русские летописцы рассказывают о Подолии следующее. Король Владислав Ягелло, прослышав, что литовцы завладели Подольской землей, попросил Витольда, чтобы тот за определенную сумму уступил ему часть Подолии — по братской любви и для славы и расширения польской Короны. Итак, Витольд за условленные двадцать тысяч польских коп [21] (ибо Кромер определяет эту сумму в 40 000 золотых) [22] уступил королю Ягелло следующие подольские замки: Каменец, Смотрич, Скалу и Червоный Городок [23], а в других подольских замках — в Виннице, в Брацлаве, в Бакоте, в Сокольце и в других — Витольд посадил своих старост. **Кромер, кн. 15.** В итоге вышеупомянутые подольские замки, полученные от Витольда, польский король потом передал пану Спытко [24].

Кромер о Подолии. Однако Кромер в книге 15 [уличает] писаря Летописца Русского в ошибке или в умышленном искажении порядка событий, а далее пишет так: Литовцы (говорит) хотели, чтобы мы им позволили так же, как Кориатовичам, [которые] заселили очищенную от татар Подолию и замки в ней построили, так пусть и нам разрешат то же самое [на землях, которые] король Казимир завоевал мечом, [а это почти] вся Русь, лежащая к югу, и Подолия до самого Кременца. **Казимир занял часть Подолии.** Об этом (говорит) мы узнали в результате обстоятельных исследований, а также из записей самих

литовских князей, одним из которых был Юрий Кориатович, который, как свидетельствует литовская история, потом был отравлен или убит валахами. А потом Людовик, король венгерский и польский, как во всех русских замках, которые в то время служили Польше, так и в Подолии, поставил старостами венгров. И говорит, что в письмах Теодора или Федора Кориатовича, подольского князя и венгерского владельца Мукачева (pana z Munkaczu), [хранящихся] в Кракове в королевской сокровищнице, об этих временах мало писано, но эти письма свидетельствуют, что он помирился с польским королем Ягелло и оказывал ему помощь в обороне Подолии. Кроме того, существует копия привилея короля Владислава Ягелло, списанная с королевского привилея и заверенная (pod titulem) печатью Войцеха, архиепископа гнезненского, в которой король объявляет, что замок с Каменецкой волостью отдает Витольду и его наследникам в ленное владение (manskim albo holdownym obyczajem). А было это в 1394 году, что (говорит) согласуется с тем временем, когда, как свидетельствует Летописец, Каменец и другие подольские замки были силой захвачены Витольдом. Потом Кромер далее пишет: Отсюда наиболее правдоподобным кажется рассказ, что когда Витольд подчинил своей власти ту часть Подолии, где Житомир (Zydomir) и Черкасы, а также отобрал у венгерского пана из Мукачева Каменец, которым тот владел от Людовика, он сделал это просьбе короля Ягелло, потому что, говорит, одной частью Подолии владела Польша, а остальной Подолией с королевского позволения управлял упомянутый венгерский пан из Мукачева, как это пространнее доказывает Кромер. **Мое мнение** [о том]**, как Витольд получил Подолию.** Но Витольд, взяв Подолию силой и спугнув из нее татар, не спрашивался ни у брата короля, ни у венгров, которые не имели там никаких наследственных [владений и вообще] не были соседями [Подолии], а если и держали на Подолии какие-то замки от венгерского короля Людовика, то после его смерти Витольд, вероятно, забрал их у них как собственное наследство. Ибо еще задолго до этого Ольгерд, дядя Витольда и великий князь Литовский, и Кориатовичи господствовали в Подолии (выгнав татар) и прочее. И там, в подольских пустынях, понастроили замков и заселили их литовцами: в Каменце, в Скалах, в Бакоте и в других пригородках, пока Витольд не выгнал оттуда непослушного племянника Федора Кориатовича, который бежал в Венгрию и, согласно литовской истории, занял было подольские замки валахами и венграми, которые тоже могли держать некоторые подольские твердыни [вплоть] до времен Витольда. **Подолия отдана Свидригайло.** Потом Кромер сам пишет в книге 16 такие слова: «Польский король Ягайло, ища мира с неспокойным братом Свидригайло, чтобы не воевал больше свою отчизну Литву [вместе] с крестоносцами, вызвал его из Пруссии, заплатив большую сумму денег, которые там было выложил, натравливая на войну против Витольда. И, выкупив у сыновей Спытка Мельштынского [25] Подолию пятью тысячами польских или пражских гривен [26], отдал ее ему в кормление (wychowanie)». А о том, как Подолия попала во владение Спытка Мельштынского, Летописец Русский в другом месте свидетельствует так: В 1423 году послал Ягелло к Витольду с такими словами: Замки, которые [я оценил] в двадцать тысяч коп, я отдал Спытку, а когда Спытка убили татары, тогда жена, будучи вдовой с малыми детками и не в силах оборонить замки от татар, [чтобы] уберечь свои замки и отдать мне двадцать тысяч коп, в которые я их оценил, [передала замки Витовту]. Витольд так и учинил и послал деньги королю Ягелло через руки пана Немира (Nimiry) и пана Димитра Василевича (Wasilewica). Так Витольд прибрал подольские замки к Литве, старостой на них сделал Хроновского (Hronowskiego), а потом всю Подолию отдал Дедигольду (Dejdigoldowi), а через короткое время дал Дедигольду [27] Смоленск, Подолию

же отдал виленскому воеводе Довгирду (Dowgirdowi) [28], которую тот держал со всеми замками до самой смерти Витольда. А когда Витольд умер, тогда, как пишут сам Кромер в начале книги 20 Хроники Польской, а также Длугош и Меховский (кн. 4, гл. 48, стр. 288), польские паны: каменецкий епископ Павел, [сам] из простого народа, но дотошный и хитрый, Теодор (Teodric), Михал и Мужило (Mussilo), родные братья Бучацкие (Buczaczcy), и Крушина (Krussina) Галовский, пока не разнеслась весть о смерти Витольда, по дружескому обычаю вызывали к себе из Каменца Подольского виленского воеводу Довгерда (Daugerda) [29] — якобы посоветоваться. Но как только тот выехал к ним, без долгих слов схватили его и завладели замком Каменец и другими подольскими замками. И с того времени, пишет Меховский, Подолия была присоединена к Польскому королевству, однако не пишет, куда подевали пойманного Довгерда. Но по этому поводу [все] литовские летописцы согласны в том, что его убили. А такое могло быть, если он защищался, видя, что попал в неожиданную ловушку. Было это в 1430 году, и с тех пор, как Ольгерд с Кориатовичами в 1331 году завладел ей, Подольская земля пребывала под литовской властью сто лет и год [30]. Однако и потом Свидригайло, став после Витольда великим князем Литовским, вел с поляками долгие войны за Подолию, а потом она целиком оставалась за Литвой вплоть до короля Александра, как об этом будет [рассказано] ниже и на своем месте.

Глава четвертая

О примирении Ягелло со Свидригайло,

и как Витольд все же отобрал у него Витебск и Оршу за его мятежи; о подчинении и присяге князей Друцких и Юрия Святославича Смоленского, о взятии Смоленска у него и у его брата Глеба, о завоевании Рязанского княжества, поражении татар и о приезде Василия, В[еликого] князя Московского, к Витольду в Смоленск.

Год 1396

В 1396 году польский король Владислав Ягелло начал праведную (sluszna) войну против Владислава, князя Опольского, который в Польше владел очень многими имениями и замками, полученными от Людовика, короля венгерского и польского, а Ягелло считал ниже себя и верховенства его признавать не хотел. И поэтому Ягелло его быстро покарал, как и Витольд братьев; всего за семь дней Ягелло захватил у него семь важнейших замков: Голштейн на скале, Крепицу, Виелюн, Боболице, Бржежнице, Острешов и Грабов. **Поляки 7 лет добывали Болеславец.** Но под замком Болеславцем на реке Просне, расположенном в очень [защищенном] месте, поляки простояли целых семь лет, и только на восьмой год осажденные сдались.

А Владислав, князь Опольский, мстя за свои убытки и захваченные волости, частыми набегами грабил польские украинные волости, в чем ему помогали многие поляки-изгнанники и те, которые утратили свои имения. Поэтому король Ягелло двинулся с войском в его родное (ojczystego) княжество, осадил замок и главный город Ополе, силой взял замки Олесно, Стшельце и Люблинец, которые даровал во владение Спытку из Мельштына. В конце концов Владислав, князь Опольский, видя, что трудно лягаться

(wierzgac) против основы, вынужден был просить у короля Ягелло милости, которую и получил с помощью короля чешского и при поручительстве вроцлавского епископа Вацлава и князей Людовика Бжегского (Breskiego), Конрада Плесницкого [31] и Козленского и Пшемыслава Опавского. О чем Длугош, Меховский и Кромер (*кн. 15, издание второе, стр. 250 и 251*) пишут пространнее.

Федор Сангушко получил Северскую землю. В то же время владимирский князь Федор Сангушко по милости короля Ягелло и Витольда получил княжество Северское, дал на это грамоты и крепкие записи, и потом всегда был в подчинении у короля, как пишет Кромер.

Свидригайло с немцами разоряет Литву. А князь Болеслав Свидригайло, брат Ягелло, будучи беглым в Пруссии, снова собрался на Витольда. И так в 1403 году, как пишут Длугош и Меховский (кн. 4, гл. 42 и прочее), с прусским магистром Конрадом Юнгингеном и с большим немецким войском в день святой Доротеи [32] прибыл в отчую литовскую землю, которую огнем и мечом повоевав и пограбив, вернулся с магистром в Рагнету. А как только прусский магистр отступил с добычей, сразу с другой стороны в Жмудь вторглось войско лифляндского магистра и, набрав очень много добычи и пленников, без помех воротилось в Лифляндию.

Поэтому король Ягелло, сожалея о столь жестоком повоевании своей отчизны, послал к Свидригайле послов мира (jednacze), которые под честное слово (pod pewnymi condiciami) вызвали его из Пруссии в Польшу. **Удел неблагодарного Свидригайло в Польше.** Король Ягелло, стремясь как можно лучше [устроить], чтобы Свидригайло не вторгался в Литву против Витольда, дал ему в удел Подольскую и Жидачовскую (Zydaczowska) [33] земли, и к тому же в Польше следующие города и замки с повятами: Стрый, графство Сидлов, Стобнице, Другня и Уйсце (Uscie) [34], а сверх того назначил ему еще тысячу четыреста гривен различных выплат в королевских жупах. Однако эта щедрость и предупредительность Ягеллы упрямого и буйного Свидригайла ублажить не смогла, как свидетельствуют Длугош, Меховский (кн. 4, гл. 41 и 42) и Кромер (кн. 15), а также русские и литовские Летописцы.

Ибо вскоре в урочное время умерла наследная витебская княгиня Ульяна [35], жена покойного Ольгерда и мать Ягелло и Свидригелло. И тогда король Ягелло послал от себя наместником в Витебск некоего Федора Весну, своего сокольничьего (ptasznika) или ловчего. Свидригайло, видя, что сначала Витольд завладел его вотчиной (ojczyzne), а потом Ягелло отстранил его от материнского наследства, снова бежал в Пруссию, а потом в Лифляндию. **Свидригайло занял Витебск.** И взяв помощь от лифляндского магистра и русских бояр, а также взбунтовав очень многих казаков, двинулся к Витебску, который быстро взял благодаря расположению [к нему] руссаков. И захватив там ягеллового старосту Федора Весну, сбросил его со стен, так что тот шею себе сломал. А сам завладел Витебском, а потом взял и Оршу. А также и другие русские пригородки побрал: одни силой, а другие сдались.

Узнав об этом, король Ягелло, удрученный такой обидой от неблагодарного брата, послал к Витольду, великому князю литовскому, прося его отомстить их общему врагу Свидригайле за эти предательства и причиненные беды. **Витольд взял Оршу.** И Витольд,

собрав войско из Литвы и из Руси, сначала двинулся к Орше, которую за несколько дней взял штурмом. **Присяга князей Друцких.** А потом осадил Друцк, но друцкие князья со своими боярами, хотя сначала и держали сторону Свидригайло, сразу же запросили мира и, приехав в лагерь Витольда, добровольно сдались ему вместе с замком и со всеми владениями и присягнули в подданстве как [самому] Витольду, так потом и другим его наследникам Великого княжества Литовского.

Потом Витольд, уже имея [с собой] присягнувших ему оршанцев и друцких князей, от которых ему прибыла помощь, и усиленный этим, двинулся к Витебску, который обложил со всех сторон с великими силами. Там к нему на помощь прибыл также князь Юрий Святославич Смоленский и присягнул ему в подданстве Великому княжеству Литовскому. И так [он] штурмом и постоянным обстрелом обоих замков добывал [Витебск], однако Свидригайло с лифляндскими немцами храбро и успешно оборонялся, так что за четыре недели Витольду еле удалось взять нижний замок. Расставив орудия (dziala) за мощными шанцами у каменной церкви в нижнем замке, [он] день и ночь беспрерывно долбил стены верхнего замка, свидетельством чего еще и ныне является башня, соединяющая верхний каменный замок с нижним деревянным, наполовину отбитая со стороны Двины при Витольде и стоявшая почти отсеченной [от стены], но заделанная деревом при [витебских] воеводах князе Стефане Корибутовиче Збаражском и пане Станиславе Паце [36]. В этом плачевном состоянии я и сам разглядывал ее в 1573 году, когда полтора года там был на солдатской службе.

Витольд взял Витебск и захватил Свидригайло. А когда из-за нехватки продуктов народ отступился от Свидригайло, Витольду тем легче было взять и верхний каменный замок и захватить двоюродного брата князя Свидригайло. И отослал его в Польшу королю Ягайле для заключения в тюрьму [37]. А сам Витебск занял своим рыцарством и [завладел] всем Витебским княжеством, Оршей и другими пригородками, а также привел к покорности и вынудил присоединиться (przypedzil) к Литве князей Одруцких [38].

Свидригел (Swidrigel) **бежал из заключения, в котором сидел несколько лет.** А король Ягелло захваченного Свидригелло отправил в заключение в Кременец, но Меховский пишет, что сам Витольд как поймал его, так и посадил в Кременец, что больше похоже на правду, так как Волынь и Кременец в те времена были литовскими и находились под властью Витольда, а не Ягеллы. Но потом благодаря доброжелательности руссаков Свидригелло ночью освободился от пут и в Великую Пятницу 1418 года бежал, убив кременецкого старосту поляка Конрада. А сам поехал сначала к валахам, с которыми чинил беды на Руси и в Подолии, а от валахов поехал в Венгрию к Сигизмунду, королю венгерскому и польскому (который потом был императором).

Потом, благодаря Ягелле, Витольд его ласково принял и дал ему во владение Брянск и Новгород (Nowogrodek) Северский. Однако он, как человек неспокойный (niespokojniczek), там недолго пробыл, ибо в третий раз [бежал] к крестоносцам, а потом заехал к [царю] Московскому. О чем ниже упомянем на своем месте, а ныне приступим к прежнему рассказу.

После взятия Витебска и Орши и пленения Свидригеллы и после присяги князей Друцких повод к новой войне дал Юрий Святославич, князь Смоленский, который хотя и пришел на помощь Витольду под Витебском, но вскоре с ним разошелся (rozjachal), взял несколько оршанских витольдовых волостей и отдал в управление своим боярам, к тому же по наущению Олега (Holhy), князя Рязанского, стал устраивать еще большие беспорядки и горделиво высказываться против Витольда. **Смоленская война Витольда.** Итак, Витольд, опасливо избегая откладывать начало войны на потом, уже через малое время с готовым литовским войском, которое сопровождало его от Витебска к Вильно, воротился назад и двинулся прямо на Смоленск. **Витольд взял Смоленск.** Услышав об этом, князь Юрий Святославич Смоленский уехал к рязанскому князю Олегу, а Витольд, подступив под Смоленск, взял сдавшийся город, а потом и замок. А когда Глеб, брат первого князя Юрия, законный наследник смоленский, попросил у Витольда мира и присягнул в подчинении Великому княжеству Литовскому, Витольд принял его ласково, и дал ему отчее княжество Смоленское под своим знаменем (choragwia). Другие летописцы также свидетельствуют, что, взяв в то время Смоленск, Витольд из милости пожаловал Заслав на Волыни непослушному Юрию Святославичу, от которого [ведут свой род] нынешние князья Заславские. **Князья Заславские на Волыни.**

Все летописцы свидетельствуют, что этот князь Глеб Святославич, когда был посажен Витольдом на отчее Смоленское княжество, не был благодарен за его благодеяния, как и его брат, князь Юрий, ибо, когда Витольд вскоре уехал из Смоленска, не желал знать никакого его верховенства, и все это по наущению к бунту своего тестя, князя Олега Рязанского, который в то время был в великой силе [39]. Витольд, в душе гневаясь на неблагодарного смоленского князя Глеба, сначала не открытой войной, а хитростью стремился к тому, чтобы суметь эти вспыхивавшие одну за другой смоленские распри усмирить и успокоить.

Хитрость Витольда [по отношению] **к Смоленску.** Собрался тогда снова с войском литовским и распустил слух, что собирается идти на Заволжского царя татарского, того славного Тамерлана, которого летописцы зовут Темиркутом, а татары Темир-Кутлом (то есть счастливым железом), а московские хроники и Герберштейн (стр. 88) Темир-Аксаком то есть хромым железом, ибо на костыле ходил [40]. **Тамерлан, или Темиркутлу, славный царь татарский, который того Баязета турецкого поразил и избавил Константинополь от его осады, имел 1 200 000 войска. Ногу ему перебили, когда, будучи худородным, в молодости промышлял воровством. О чем также читай Меховского кн. 4, гл. 41.** А как только Витольд пришел под Смоленск, вызвал к себе князя Глеба Святославича Смоленского с братом для дружеского разговора, якобы желая посоветоваться с ним по поводу похода на татар и возведению на царство Заволжское царя Тохтамыша, который был в то время изгнанником в войске Витольда. А когда князь Глеб Святославич приехал в лагерь Витольта, тот его радушно принял, а потом, пображничав с ним, задержал его в лагере, а сам с отборным литовским рыцарством въехал в замок и так захватил Смоленск. И покарал непослушного хитростью, без кровопролития, которое могло бы быть, если бы он брал [Смоленск] силой. Потом из милости дал Глебу в кормление замок Полонину (Polony) с немалой волостью, а сам взял все княжество [князей] Смоленских (которых тогда писали наследными Великими

Князьями) и занял его литовцами и руссаками, которым доверял, а наместником в нем поставил князя Ямунта Борейковича [41].

А князь Юрий Святославич, старший брат Глеба, у которого первого Витольд взял Смоленск, был в то время у князя Олега Рязанского.

Литва повоевала Рязанское княжество. А так как князь Олег Рязанский был причиной всех этих смоленских бунтов и раздоров, Витольд сразу же послал из Смоленска в его державу часть литовского и русского войска, поставив над ними гетманом князя Семена Лингвеньевича Мстиславского, который беспрепятственно повоевал весь край Рязанский, лежащий милях в 36 от Москвы между реками Окой и Доном или Танаисом, и с победой и великой добычей (так как этот край очень урожайный, о чем читай Герберштейна, стр. 65) [42] воротился к Витольду.

А другую часть литовского и русского войска, поставив над ними гетманом литовского пана Ольгерда, Витольд отправил в Дикие поля на Заволжскую и Задонскую орды, желая испробовать силы татарские и разведать их положение. Итак, когда гетман Ольгерд с литовским войском и русскими казаками прибыл на реку Дон, которую мы, латинники (Lacinnicy), и Птолемей зовут Танаисом, [дорогу] ему преградили три брата царька: Крымский, Кырк-Орский (Kirkielski) [43] и Мангупский (Mankopski), которые (как и Кромер в книге 15 упоминает из летописцев) в то время брали дань с Подолии.

Литва в диких полях татар поразила. И там татары, будучи смелее на своем дворе [44], с громким криком ударили на литовцев; литовцы же, думая о славе и о самой жизни, пусть далеко им было до отчизны бежать, с не меньшей смелостью дали татарам отпор и в первой, и во второй схватке. Наконец, татары, видя большую силу и мощь этих новых и до этого неведомых гостей, не смогли выиграть третьей схватки и стали разбегаться по широким полям и уносить ноги, кто куда мог. Литовцы же, бросившись за ними в погоню, тем смелее били их в схватках. И вот так милостью Бога, счастьем Витольдовым и мужеством литовским три эти орды были наголову поражены и разбиты, а три царька остались убитыми на поле боя, в чем согласны все летописцы [45]. А гетман Ольгерд с литовским войском счастливо воротился к Витольду, который в то время еще находился в Смоленске. И это был первый успех (Credenc) литовской битвы с татарами.

Московский [князь] **приехал к Витольду.** Тогда же Базилий (Basili) или Василь, великий князь Московский, зять Витольда, слыша о столь счастливом успехе Витольдовом, приехал к нему в Смоленск, бия ему челом и желая ему счастливого царствования, как тестю. Витольд, радушно приняв его у себя во второй раз, чествовал, и там же мир подтвердили между собой и государствами своими, и вместе подписались (spissali) против татарского царя Тамерлана или Темиркутла. А потом, почтив друг друга подарками, Витольд отправил великого князя Московского Василия в Москву, и сам тоже из Смоленска воротился в Литву. **Когда Смоленск был присоединен и отошел к Литве.** И с того самого 1396 года Смоленск был под властью Литвы вплоть до 1514 года, когда опять же Василий, правнук того Василия, взял его руками (przez praktiki) Глинского [46].

Витольд же, приехав в Литву, снова собирал большое войско на татар, желая возвести на Заволжское царство прежнего заволжского царя Тохтамыша, который, изгнанный Тамерланом, бежал было к Витольду и жил в Лиде со всеми своими уланами (ulany) и мурзами.

Император Сигизмунд поражен турками. В том же 1396 году венгерский король Сигизмунд хотел выгнать из Мизии или Болгарии турок, которые [во главе] с Баязетом уже было завладели Фракией и Грецией, собрал большие войска христиан и встретился с Баязетом [47]. Но, пораженный со всем войском христианским, Сигизмунд бежал в ладье по Дунаю на Черное море и прибыл в Константинополь, потом на Родос, а оттуда уже до Далмации — и вернулся в Венгрию. В этой несчастной битве было немало и польских шляхтичей, один из которых, Сцибор Сциборич герба Остоя, показал преимущества сарматского военного искусства. Когда с королем и с венграми он бежал к Дунаю и не мог поспеть на корабль, то, как был в доспехах, так и прыгнул в Дунай и переплыл на другую сторону. **Поляк Сцибор в доспехах переплыл Дунай.** За что потом был в милости у короля Сигизмунда и стал воеводой Семиградским. Он превзошел римского Горация [48], который переплыл Тибр, ибо, как я сам видел Дунай в Болгарии и во Фракии, он как десять Тибров, и от берега до берега едва переберешься, особенно у Рущука и у Джурджева, где и мы перевозились и где было это поражение христиан, на месте которого мы сами видели могилы (за которыми с давних пор ухаживают (usute) болгарские христиане). **1574 год.**

Это я приписал для прославления (przewaznosci) того польского шляхтича. Венгерский король Сигизмунд после этого поражения от турок, презираемый своими венграми, приехал потом в Краков к королю Ягелле и королеве Ядвиге и заключил с Ягелло и королевой мир на 10 лет в 1397 году.

Глава пятая

О повторном походе самого Витольда на татар.

По Кромеру, Длугошу и Меховскому

Год 1397

Витольд, охочий до славы, желая расширить
Границы Литвы и Руси и утихомирить
Татар, войско собрал и полем от Киева шел,
Пока через Танаис к Азову [49] не подошел.
Там над Доном и Волгой татар он побил,
Захватив их врасплох, разбил и разгромил;
Их обозы, верблюдов, бахматов [50] стада
Захватил, сколько их там водила орда.
Он Ногайских, Заволжских татар поразил
И двум ордам дорогу на Русь преградил.
Дон, Ворскла, Синие воды, Волга кровью текут,

Литвы и Руси мужество и отвагу поют.
А одну орду Витольд властной рукой
Расселил в Литве в землях над Вакой [51] рекой,
Где и ныне они, расплодившись, живут
И военную службу исправно несут.
А другую часть той орды Ягелле послал,
Тот их крестил, имена христианские дал;
И говорят, что Витольд их силой не принуждал
Воевать против ордена [52], а добром убеждал.

Длугош и Меховский так пишут об этих татарских ордах, переселенных в Литву: Витольд Александр, великий князь Литовский, успокоив в то время Литву, в 1397 году сам отправился [в поход] на татар со значительным войском. **Меховский, кн. 4, гл. 41, стр. 275.** Перебравшись через реку Танаис, которую татары и москва называют Доном, и, обнаружив множество татар, ударил на них, где много тысяч их захватил с женами, детьми и имуществом, и привел их до самой Литвы. **Литовцы воевали аж за Танаисом.** И одну часть из них послал в Польшу брату королю Ягелле и те, окрестившись, стали единым народом с поляками; а другую их часть поселил в Литве над рекой Вакой и в других [местах].

Кромер же в кн. 10 в соответствии с литовскими летописцами пишет, что в то время Витольд пригнал в Литву целую татарскую орду, хотя они сами того просили. И говорит, что те не были принуждены конкретной (zadna) войной, но из-за внутренних войн в своих ордах добровольно были призваны Витольдом против крестоносцев и пришли в Литву. Это не совсем так, ибо и ныне [они] пользуются одинаковыми правами и вольностями с литовской шляхтой. И все-таки в то время дела обстояли таким образом, что сначала Витольд одержал победу над татарами и с триумфом воротился в Литву.

О повторном, неудачном, походе Витольда против татар

в году Господнем 1399, а от сотворения мира 6906,

и о царе Тамерлане

или Тимиркуте.

Витольд, этой первой победой вдохновленный,
Незабвенной славой похода распаленный,
Собирал войско целый год,
Чтобы пойти в новый поход [53].
Король с королевой его отговаривали,
Ведь и дома война, они приговаривали.
Гордые крестоносцы ее развязали,
Но Витольдовых стремлений не обуздали,
Ибо он, как прежде, к цели своей рвался,
И ни королю, ни немцам не поддался.

А как взял с немцами мир, ему помощь дали,
Пятьсот всадников в доспехах сразу же прислали.
Да и жмудской шляхты Витольд немало собрал,
Мир имея с Пруссией, на нее уповал.
Братья Витольда, князья, тоже собирались
И, как рой к пчелиной матке, к нему слетались.
Всю силу литовскую и польскую с собою
Захватил он, серьезно подготовившись к бою.
Граф Рафал из Тарнова, Остророг важный,
Знатный и славный, Шамотульский отважный,
Ян из Гловачина, мазовецкий воевода,
И Спытек из Мельштына, краковский воевода,
Ян Дабровский, Варшицкий, Доброгост, Михоцкий,
Пилик, Вокаш и Соча, воевода Плоцкий [54].
И другой шляхты с Божьей помощью немало
Биться с погаными к Витольду прибывало.
В то время в Азии царствовал царь Тамерлан,
Татарских орд в Вифинии и на Понте хан [55].
Турецкий царь Баязет с ним войну учинил
В Персии, но разбит был и сам в плен угодил.
Тамерлан его золотыми цепями связал
И с собою в клетке, как птичку, повсюду таскал
С триумфом. Двести тысяч турок на плацу положил [56],
Сирию, Иран, Армению, Египет устрашил.
Тохтамыш, царь Заволжский, тоже пред ним бежал [57]
До Литвы. Многих других царьков повырезал,
Весь Восток покорил, так что Витольду было мило
С литовскими казаками с ним помериться силой.
Уже готовое войско с припасами всякими
Имея, и полсотни русских князей с поляками,
Направился прямо к Киеву, ведя свои полки,
А с ним беглец Тохтамыш с татарами Заволжскими.
Там у Киева Витольд всех построил, посчитал;
Прогнав Тамерлана, на престол посадить мечтал
Тохтамыша. И в землю Татарскую с ним пошел
Его врагов перебить и отдать ему престол [58].
Уже и Псел и Сулу реки Витольд переходил [59],
И пока ему путь так никто и не преградил.
А когда на Ворсклу пришли, сразу же увидали
Несметные полчища, что по полям скакали;
Царь Эдигей Тамерланову рать возглавлял [60].
Воинов Витольда страх через кожу продрал [61].
Спытка к татарам на переговоры послали
Мира просить, чего те им и не возбраняли.
А молодым панятам охота была подраться,
Мира они не хотели, стали громко ругаться.

Голосили: «Бить! Бить! Бить поганых!» — дружно кричали.
Худо бить, не считая. Но крики не утихали.
Так победило бахвальство, выхватив сабли из ножен.
Витольд же к ним обратился, не показав, что встревожен [62].
«Вижу ваше желание, рыцари! Герою
Честь и смелость внушают охоту к бою.
Сердце мое сегодня победу вам обещает,
Несметная сила поганых нас не напугает.
Вместе держитесь, а уж я вас не выдам в поле,
Будем помнить, что были мы в христианской школе [63].
Легко им было Баязетовых турок громить,
Которых Господь Бог отнюдь не хотел защитить,
А нас защитит, ибо считает сыновьями,
И эту войну мы из-за Него развязали.
А если Господь за нас, то кто против нас?
В любом бою мы врага одолеем тотчас.
Лишь на Него уповаем, а теперь побыстрее
Бейте, рубите, колите врагов смелее!»
Так он сказал. Затем две огромные рати сошлись [64]
С криком таким, что небеса им эхом отозвались,
Трубы хрипло голосили, бубны грохотали,
Кони ржали, татары «Алла! Алла!» кричали.
Наши с саблями, стрелами, ружьями наседали,
А татары из луков без передышки стреляли.
Димитр Корибут со своими в середку татар залетали,
Долго он рубился, пока его конные не затоптали [65].
Крики и шум, поднятые сражавшимися полками,
Схожи были со взбитыми ветром морскими валами,
Которые с севера мчат к извилистым берегам,
А Эол изо всех сил их гонит, грозя облакам.
Свистящие стрелы, как дождь, летали,
В полях, как рой пчел, загоны скакали,
Мечи звенели, а раненые стонали,
Татары дугой наше войско окружали [66].
И перед их множеством начали наши сдавать,
Хотя бились долго и многих смогли порубать.
Витольд с поля боя бежал, видя, что плохо дело,
Вместе с ним Остророг, Шамотульский и Свидригелло.
Татары в ярости всех, кто подвернется, рубили,
Пускай и своих там десятки тысяч положили.
Краковский воевода Спытек, хотя и мог убежать,
Вернулся рубить поганых: решил со своими лежать.
Татары его окружили, живым хотели взять,
А тот отбивался и пал, но не дал себя связать.
Деяния древних греков и римлян сей муж превзошел,
Вечной достоин он славы, геройски из жизни ушел [67].

Битва длилась весь день, мужества нам бы хватило
Татар одолеть, но уж слишком много их было.
И братьев Ягелло христиане недосчитались,
И многих русских князей, а прочие разбежались.

Виднейшие погибшие из поляков: Спытко из Мельштына, краковский воевода и державца Подольской земли; Соха (Socha), воевода Плоцкий; Пилик, воевода Варшавский; Варшо из Михалова; Ян Гловач и пан Богуш. А из литовцев и русских: Андрей Ольгердович, князь Полоцкий, с братом Димитром Корибутом, предком князей Збаражских и Вишневецких; Иван Скиндер и Андрей Димитрович Корибутовичи: Иван Евлашкович; Иван Борисович, [князь] Киевский; Глеб Святославич Смоленский; Глеб Кориатович с братом Симеоном; Михайло Подберезский; Димитр и Федор Патрикеевичи Волынские (Wolsczy); Ямунтович; Иван Юрьевич Бельский и другие. А Витольд с Доброгостом из Шамотул и Седзивоем (Sandiwojem) из Остророга, бывших его телохранителями (straza boku jego), и с Свидригайлом бежали, меняя коней [68].

Эпитафия погибшим панятам

Отважные рыцари костьми полегли в том бою,
Желая прославить и защитить отчизну свою.
Пусть и плохи мои вирши, но рука перо взяла
Описать в книге Марсовой славные ваши дела.
Но истинная награда на небе вас ожидает:
Достойную вас корону Беллона [69] уже выбирает,
Слава в церкви своей образа вам ставит,
Бессмертная память ваши лики правит.
О, сарматский рыцарь, ты родины оборона!
Раз родишься, раз прокатишься в лодке Харона.
Ты броня отчизны, которую она вырастила на себе,
Чтобы повсюду бессмертная слава гремела всегда о тебе.

Киевляне откупились от татар. Завершая победу, татары распустили загоны по русским и литовским владениям и осадили Киев, но киевляне откупились тремя тысячами рублей. Другие загоны [доходили] до самого Луцка и разорили Волынь. А Тамерлан после этой победы в том же году умер [70]. Будучи из плебейского (chlopskiego) рода, благодаря счастью и рыцарским делам, [он] весь мир наполнил страхом, ***in ejusque conspectu terra siluit*** *(в его присутствии весь мир замирал)*, как пишет Меховский. Татары зовут его Темиркутом (Temirkuto), то есть счастливое железо, а другие Темир-Аксак (Akszak), то есть защитное железо.

Витольда вечно баловало счастье,
Но все вдруг меняется в одночасье.
Может, потому с ним случилось то зло,
Что всегда бил татар, и ему везло.

Глава шестая

О смерти королевы Ядвиги, о второй женитьбе Ягеллы и о подтверждении пактов с Литвой и с Витольдом.

1399

После несчастной войны Витольда с Тамерланом Ядвига, королева Ягелло, воистину святая женщина, в том же году родила первенца, дочку Эльжбету, которая третьего дня умерла. А вскоре после нее и сама королева тоже рассталась со своей святой жизнью и похоронена в Краковском замке перед большим алтарем [71]. **Литовский коллегиум в Праге.** Для литовских юношей, изучающих свободные науки, в главном чешском городе Праге она построила большой двор коллегиума [72] и передала [им], ибо в Кракове коллегиума еще не было. **Ягелло хотел оставить королевство Польское.** Так как у короля Ягелло не было от нее никакого наследника, он сильно усомнился в [своих правах на] королевство Польское, поэтому выехал на Русь, собираясь вернуться на великое княжение Литовское и лучше добровольно отдать королевство, чем быть выставленным из него силой. Но коронные паны в этом его успокоили и все поклялись и впредь верноподданно служить ему так же, как и до этого. И по их совету послал свататься к венгерскому пану [73] Вильгельму, графу Цилли (Cylijskiego), который отдал ему свою дочь Анну, троюродную (wujeczna) сестру покойной Ядвиги [74]. Та была привезена в Краков шремским каштеляном Яном из Обыхова, Гинчей из Рогова и Яном из Островца месяца июля 16 дня года 1400. Она не знала никакого другого языка, кроме немецкого, однако за восемь недель научилась по-польски, чему все удивлялись. **Королева Анна научилась по-польски за 8 недель.** Ягелло гневался на сватов за то, что они ему ее привезли, ибо она ему не показалась красивой (nie cudna zdala), поэтому свадьба была не сразу. Коронация ее тоже была бы вдвое быстрее, [однако ждали], пока она сможет как следует говорить по-польски.

А король в то время, в году Господнем 1401, приехав в Литву, от имени государственного совета возобновил заключенные с Витольдом и литовскими панами соглашения и прошлый мир. И там же, как Кромер пишет в книге 16, утвердил эти соглашения взаимными записями о том, что если Витовт уйдет без потомства, то все, чем он владел, переходит к королю и к Короне вместе с Великим княжеством Литовским за исключением Новогрудского княжества и четырех фольварков, которые должны перейти по наследству к Жидеку (na Zydka) или Сигизмунду, брату Витольда, с тем условием, чтобы и он был королевским подданным, а также исключая имущество, составляющего приданое Анны, жены Витольда, которое, однако, после ее смерти тоже должно перейти к королю и к Короне. **Бедная Литва воистину попалась.** И вот так бедная Литва, в то время не имевшая могущественных и мудрых сенаторов, была ввергнута в истинное рабство (w niewoli), как пишут Длугош и Кромер.

Но русские и литовские летописцы иначе описывают это соглашение, хотя и по-простому, такими словами.

Потом Витольд и польский король Ягелло зимой съехались в Перемышле и там учинили между собой такое соглашение: если у Витольда не будет детей, а у Ягеллы будут, тогда его дети должны править в Короне Польской и в Великом княжестве Литовском; также и если у Ягеллы не будет детей, а у Витольда будут, тогда в польской Короне и во всех принадлежащих ей владениях должны править дети Витольда, великие князья Литовские. Так и записями меж собой скрепили, и коронные, а также литовские паны присягнули на том же и постановили меж собой, что других господ себе не изберут, а только из потомства Ягелло или Витольда. И сдается, что это более похоже на правду, так как эти покойные старые литовские писатели вряд ли могли запросто так переврать. А потом Витольд со своей женой княгиней Анной был на праздновании у Ягелло, где состоялась свадьба с его второй нареченной супругой, графиней Анной Цилли.

Об основании Краковской академии и об иностранных смутах.

Год 1401

В том же году король Ягелло согласно завещанию королевы Ядвиги основал и щедро пожаловал Краковскую академию, призвав в нее выписанных из Праги докторов и магистров всех наук [75].

Император Вацлав, пьяница, захвачен своими. В Литве и в Польше в то время все было спокойно, но в Германии и в Чехии [было] иначе. Ибо император Вацлав курфюрстами и собственными венскими горожанами был схвачен и в Вене посажен в тюрьму [76]. Он был столь великим пьяницей и распутником, что когда ему рассказали о пожаре (sgorzeniu) в одном очень богатом замке, он лишь поинтересовался, не сгорел ли винный подвал. Потом на его место был избран рейнский воевода Роберт [77].

Сигизмунд захвачен своими. Венгры в то время тоже схватили и держали в тюрьме своего короля Сигизмунда, свояка Ягелло [78].

А в Италии миланский князь Галеаццо, воюя против флорентийцев, всю итальянскую землю ввергнул в войну и поразил императора Роберта [79].

Два папы. Римских пап в то время тоже было двое, ибо французские кардиналы в Авиньоне избрали арагонца Бенедикта, а итальянские кардиналы в Риме возвели [на папский престол] Бонифация Девятого из неаполитанского королевства, которому в то время было только 34 года. **Молодой папа.** А те с обеих сторон стали проклинать друг друга и повергли в смятение и возмутили все государства христианского мира, натравливая друг на друга королей и князей, а противившихся им кардиналов топили, давили и убивали, избирая новыми [кардиналами] своих прихлебателей [80].

Грот и Рогала разбойничают. В Польше тоже разбойничали (rozbijali) Грот Сулпецкий герба Рава и Ян герба Рогала, каштелян Владиславский [81]. Король их сразу же обуздал: взял замок Церштен (Cierstene), в котором они укрывались, и разрушил Конары, другой рогалинский замок в Сандомирской земле.

Глава седьмая

О присяге валашских воевод, об отказе от Венгерского королевства и о взятии Смоленска Витольдом в третий раз.

Свидригел захватил валашского воеводу. Свидригел, брат Ягеллы, живя в Подолии, захватил было воеводу валашского Романа Петриловича, а когда король Ягелло вызволил его из этого плена, тот вместе с братом Александром и своими советниками присягнул быть послушным королевству Польскому и великому княжеству Литовскому.

Также и венгры, которые в то время держали своего короля Сигизмунда в тюрьме, со своим королевством добровольно подчинились польскому королю Ягелле. Но в силу врожденного благородства он не хотел им этого позволить и остался при своем; напротив, упорно добивался, чтобы его свояка Сигизмунда выпустили из тюрьмы и ссудил на его нужды десять тысяч польских гривен. Чему есть свидетельство в сокровищнице Короны, где поляк Сцибор Сциборович, тогдашний семиградский воевода, именем короля Сигизмунда в [обеспечение] указанной суммы записал Ягелле новое маркграфство [82] и Моравию. **Ягелле заложили** (zakupil) **Моравию и новое маркграфство.**

Потом, в году 6909 от сотворения мира, а от рождества Господня, по Кромеру, в 1403 [83], князья Юрий Святославич и Олег Рязанский двинулись с войсками к Смоленску. **Смоленские распри.** А в то время в Смоленском замке между боярами и народом было великое несогласие, ибо одни хотели иметь своим паном Витольда, а другие князя Юрия Святославича, как смоленского наследника. Со стороны Витольда в замке тогда уже был князь Роман Брянский, однако смоляне его убили, отпустили только жену и детей; поубивали и наместников Витольда и всех смоленских бояр, которые князя Юрия не хотели.

Поэтому Витольд, движимый жалостью, взяв помощь от короля Ягелло, тогда же своими войсками осадил Смоленск и князей Юрия Святославича и Олега Рязанского поразил и выгнал. **Об этом Летописцы, Длугош и Кромер в кн. 16.** После этого Витольд повторно завладел Смоленском и княжество, чтобы в нем больше не было смуты, превратил в повят или в воеводство Великого княжества Литовского. А сокровища, которых в замке нашел великое изобилие, [одни] раздал заслуженным жолнерам, а другие вместе с пленниками отправил в Польшу королю Ягелле.

А князь Юрий Святославич ушел в Венгрию, где потом на службе [84] у короля Сигизмунда умер, подстреленный под каким-то замком.

О войне с крестоносцами из-за непостоянства Свидригелло, о примирении с ними и об отделении Жмуди от Литвы.

Болеслав Свидригелло, брат короля, ненадежный [85] и переменчивый, повторно бежал к крестоносцам. Вместе с ним прусский магистр Конрад [фон] Юнгинген в году Господнем 1403 в феврале месяце около Святой Доротеи [86] с большим войском опустошил литовские земли и с добычей ушел в Рагнету. А за ним лифляндский магистр с другой стороны

вторгся в Жмудь, где причинил великие беды и с полоном отошел в Лифляндию. А Витольд, разумно оценивая немецкие силы, не посмел дать им отпор в своей земле, когда они его земли разоряли, но как только вышли, сразу же Лифляндию вдоль и поперек огнем и мечом повоевал. И, взяв и спалив вместе с местечком Динабург (Dunemborg), оборонительный замок над Двиной, с добычей, троекратно большей, чем у них, воротился в Литву. Прусские и лифляндские крестоносцы вскоре после этого тоже разоряли Литву и увели в неволю множество людей, которых Витольд вызволил, обменяв на немецких пленников.

Потом король Ягелло, заботясь о Литве, своей удрученной отчизне, второй раз призвал Свидригелло из Пруссии и отдал ему всю Подолию, выкупив ее у сыновей убитого татарами Спытка Мельштынского пятью тысячами чешских гривен [87]. **Длугош, Меховский (кн. 14, гл. 42, стр. 277) и Кромер (кн. 16).** А также большую сумму денег, которую Свидригелло занял в Пруссии и истратил на войну, за него немцам заплатили Витольд и Ягелло. **Замки, выделенные Свидригайло в Польше.** Кроме того, король Ягелло уступил ему в Польше и на Руси повяты и замки с городами Стрый, Жидачов, Сидлов, Другня, Стобнице и тысячу четыреста гривен разных выплат с соляных жуп. Однако эта королевская щедрость не ублажила упрямого Свидригелло, ибо позже бежал к крестоносцам. **Свидригелло бежал к крестоносцам.**

Съезд с крестоносцами и мир. Потом, в году Господнем 1404 король Ягелло и Витольд с литовскими панами, а также прусский магистр Конрад фон Юнгинген съехались на Святки в Рацияж для взаимного соглашения. **Жмудская земля отдана крестоносцам.** И между ними состоялся мир на таких условиях, что Ягелло и Витольд уступили магистру и прусскому ордену Жмудскую землю, а король Ягелло получил право выкупить у них Добжиньскую землю сорока тысячами золотых [88]. А также чтобы беглых у себя с обеих сторон более не принимали и не укрывали, а пленных повозвращали. И чтобы крестоносцы отступились от всех прав, которые предъявляли в отношении Литвы и никакому чужому войску не позволяли через свои земли вторгаться в Литву. **Ибо ссылались на грамоты Мендога — мол, когда они короновали его на литовское королевство, он было отписал им литовские панства после своей смерти.** А также чтобы купцы были вольны и в Литве, и в Пруссии. Заключив (concludowawszy) этот [мир], Ягелло был на чествовании у магистра в Торуни и там, когда он проезжал по городу, кухарка, [плеснув] из дома, всего его облила мерзкими помоями — либо случайно, либо по наущению. **Король облит помоями.** И когда за это была приговорена к смерти, король упросил даровать ей жизнь и простил вину [89].

Витольд отдал Жмудь крестоносцам. Потом в 1405 году Витольд имел другой съезд с крестоносцами у Ковно, где заключил с ними мир, скорее необходимый, чем справедливый, ибо повторно [90] записал им в вечный дар Жмудское государство, выдав им в этом две грамоты, написанные одна на латинском, а другая на немецком языке. **Витольд сам мечом заставлял жмудинов служить крестоносцам.** А когда эти убогие жмудины не хотели служить немцам и по ночам давили и убивали их урядников, прося Витольда, чтобы не выдавал их жестоким немцам, Витольд сам их мечом загонял под немецкое ярмо. **Замки**, [которые] **крестоносцы построили в Жмуди.** А чтобы их удобнее принуждать, немцы построили в Жмуди три замка: два над рекой Невяжис, а третий в

устье Дубиссы, где она впадает в Неман. Похоже, что этот мир с немцами Витольд вынужден был заключить из-за московской войны и несговорчивости Свидригелло.

О третьем побеге Свидригелло в Пруссию и о присоединении Подолии к Польше

Год 1405

Свидригелло, упрямством и злобой напоенный,
Королевской щедростью не удовлетворенный,
Подольские замки своими людьми занял быстро,
А сам уже в третий раз бежал в Пруссию к магистру [91].
Ягелло в ответ большое войско в Польше собрал,
Каменец Подольский с его сокровищницей взял,
Петра Шафранца в нем старостой посадил,
А потом и другие замки осадил.
Всю Свидригеллову оборону развалил
И Подолию к Короне присоединил [92].
Господарь валашский Александр присягу Ягелле дал [93].
Свидригелло же в Литве в это время смуту поднимал,
Витольда свергнуть желая — без помощи немцев даже,
Ибо те уже помирились с Ягеллой в Рацияже [94].
Король его Северской землей наделил,
Стародуб дал, Брянск, но не удовлетворил [95].

Глава восьмая

О первой войне Витольта с зятем, московским князем Василием.

Год 1406

Витольд жил в доброй приязни с зятем своим
Московским, дарами обмениваясь с ним.
Мир с обеих сторон ревностно соблюдали.
И москвич в Литве, и литвин в Москве бывали
В милости такой, что им не снилось.
Но все же однажды вот что случилось.
Москвичи под Путивлем севрюкам [96] наваляли,
Двух бобров и кадь меда у них отобрали,
Взяли два топора и три сермяги с них содрали [97].
Литовцы тут же втрое [98] в книги свои записали,
Витольду в Вильне пожаловались, громко кричали
О разбое; к расправе с москвичами призывали
И холопским обычаем небылицы прибавляли,
Что у каждого по сто рублей с поясом оторвали.
Витольд тогда за справедливостью к зятю послал,
Зять же таким пустякам значения не придал,

Считая их за ничто. Витольд сказал потом:
«Загордился удод наш своим чубатым лбом».
Собрал войска смоленские, витебские, литовские
И с ними двинулся разорять пределы московские [99].
Видя такую беду, Василий послал
Мира просить; Витольд ему не отказал.
На середине Угры реки они сходились [100]
И там о войне и мире договорились
Между собой, чтобы беды военные отложить.
Пришлось Василию за это Витольду заплатить.
Крикнул литвин Андрей, когда они помирились:
«Не мир! Не мир! Ведь мы с московитами не бились!»
За это был прозван *Немир*. Он выходкой отличился,
И славный Немиров род потом от него расплодился [101].
Витольд по Угре заложил границы литовские [102]
И солдатам пораздавал трофеи московские.
Ибо, хоть и помирились, но все, что захватили,
Еще до того награбив, с собою увозили.
Вот так, из-за севрюков, жестокие войны раньше начинали.
Ныне тьму холопов и тьму шляхты у нас московиты отняли,
Северской русской земли на сто миль оторвали
(Вот бы нам Витольда!), людей и добра набрали.

Свидригел [103], двоюродный брат Витовта, ни в Польше, ни в Литве, ни на Подоле не имея верного удела, бежал было в третий раз к прусским крестоносцам и уже было отдавал им половину литовского княжества, которым не владел, лишь бы только помогли выгнать Витольта из Вильно. Но когда крестоносцы его не приняли в силу договора, которое учинили с Ягелло и Витольдом в Рацияже, [он] снова воротился в Литву и начал устраивать новые бунты против Витольда вместе с примкнувшими к нему русскими. А когда это у него не пошло, бежал в Польшу к брату Ягелле, который братской лаской заглаживая его врожденную злость, четвертый раз помирил его с Витольтом. И дал ему Витольт в Северской земле, которой ныне завладел Московский [царь], княжеские уделы: Стародуб, Брянск (Bransko) и Новгород Северский. Но природную злость трудно укротить, [и Свидригайло] бежал в Москву [104], спалив Брянск и Стародуб, а Новгород Северский отдал Московскому [великому князю], из-за чего Витольд был вынужден начать вторую войну против своего зятя, князя Московского. **О чем Длугош и Меховский (кн. 4, гл. 42, стр. 277), Кромер (кн. 16) и Меховский (гл. 41, стр. 317).**

О второй войне Витольта с зятем Василием Московским и о злобе Свидригелловой.

1407-1408

Свидригелло, который привык всегда бунтовать,
В Польше, в Подолии, в Северской земле презирать
Стали, да и в Пруссии он надоел и примелькался.
Крутясь там и сям, с Московитом он побратался,

Прося Василия, чтобы тот ему помогал
Сесть в Литве, дабы Витольд там больше не заправлял.
И бежал в Москву, Стародуб и Брянск спалив,
Новгород Северский Василию спустив.
Витольд сразу же начал войска собирать:
За обиды свои мстить и за беды воздать.
Король ему на помощь маршалка с поляками
Прислал, а прусский магистр — ландскнехтов с крыжаками.
Войско литовское с русским Румбольду [105] вручил,
А дворные полки Монивиду [106] поручил,
Иван Борейкович вел своих смолян,
Олеко Владимирович вел киян.
Всех у Смоленска построив, чтобы пересчитать,
Витольд послал загоны Московию разорять.
Сам же с немцами и поляками до Оки доходил,
Где его Свидригелло к глубокой гавани не пустил,
Переправу через Оку храбро от них защитил
И из укрытий поляков, литву и немцев громил.
Те, однако, добычи и пленных немало набрали,
Деревни, местечки и волости повоевали.
Были там немцы с ружьями и пешие поляки,
Но больше, чем конники, тогда значили казаки [107],
Ибо литовские кони в лесах болотистых бывали
Не гожи, и только драбы охочие [108] всех выручали.
А князь московский Василий, досадуя от того,
Что видел горькие беды княжества своего,
С Витольдом прежние условия подтвердил
И крестным целованием мир с ним заключил.
Вернул замки, что было взял, но не сумел удержать,
Поклялся старую границу по Угре соблюдать.
А Витольд, как только мир с зятем заключил,
На перекладных конях в Вильно поспешил
К жене, ибо его все время припекала Венера,
И уезжать от войска имел он такую манеру.
Но войско без вождя оставлять не след:
На него сразу сыплется много бед.
Идя через пустоши, от голода изнемогали,
А Свидригелло с татарами их из укрытий рвали.
Поляки коней и оружие теряли
И тяжелые возы со скарбом бросали.
Так что пришлось им потруднее, чем в бою.
А литовцы на легких возках вывезли добычу свою.
Витольд поляков разными бедами щедро наделил,
Зато прусским кнехтам обещанное мыто [109] заплатил.

Глава девятая

О новых литовских и польских столкновениях с прусскими крестоносцами и о захвате Витольтом Жмуди.

1408

Король Ягелло и Витольд, желая отвратить крестоносцев от войны с Литвой, к которой те упорно готовились, устроили встречу с прусским магистром у Ковно, где хотя и съехались и долго договаривались насчет взаимного мира, но из-за спеси (pychy) и гордости заносчивых крестоносцев ничего основательного не заключили и так и разъехались без толку.

Крестоносцы захватили у Витольда барки с хлебом. Потом, в году Господнем 1409, когда в Литве был великий неурожай, король Ягелло послал брату Витольту в Литву двадцать больших барок, нагруженных хлебом, и все они были захвачены крестоносцами. А когда король через послов потребовал, чтобы вернули, насмехались над этим, говоря, что поляки защищают язычников, [сражающихся] против христиан — крестоносцев. **Литовские купцы побиты в Рагнете.** И вдобавок к этому к еще большей неправде учинили насилие литовским купцам в Рагнете, некоторых побили и весь их товар растащили. **Румбольд побил крестоносцев в Жмуди.** Поэтому Витольд, побуждаемый этими кривдами со стороны безбожных крестоносцев, отправил с войском своего маршалка Румбольда (Rumbowda), который, внезапно прибыв в Жмудь, побил, повязал и повышвырнул из жмудских замков всех солдат и урядников ордена, (которые были при Михаэле Кюхмейстере (Kochmejsteru), комтуре и старосте Новой Марки), и вернул Литве всю Жмудь, которой давно уже опротивело господство высокомерных немцев. **Крестоносцы объявляют войну литовцам и полякам.** Потом в Краков приехали [орденские] послы к королю Ягелле, жалуясь на Витольда за отнятие Жмуди и побитие своих солдат и грозя войной, так как Витольд не желал ни вернуть Жмудь, ни возместить ущерб. И спрашивали короля: собирается ли он встать на сторону Витольта? Король долго мучился с этими мыслями: если он отступится от Витольда, то вынужден будет отдать на разграбление безбожным крестоносцам и свою милую отчизну, Великое княжество Литовское; а если заодно с ним встанет против крестоносцев, тогда вызовет на себя и на польское королевство великие бедствия войны [со стороны] Германии, Пруссии и Венгрии, от чего его упорно отговаривали коронные паны, говоря, что пусть лучше опустеет Жмудь, нежели Польша, [так что следует] во всем честно удовлетворить крестоносцев. ***Crom[er]: Et abhorrebant ab eo bello Polonorum animi.*** *(Кромер: Поляки выступали против войны).*

Потом с Лещицкого сейма король отправил к прусскому магистру послов, виднейшим из которых был Миколай Куровский, архиепископ Гнезненский, желая по-дружески договориться с ним относительно учиненной Витольтом кривды (o krzywdy). Но гордый магистр из-за великой спеси грозил немедленно пойти войной на Литву. **Смелая отповедь посла архиепископа магистру.** Не в силах долее терпеть этой надменности (pychy) магистра, архиепископ сказал: «Перестань пугать нас войной, ибо если ты обрушишься на Литву, знай, что и от нас получишь войну у себя дома». На что магистр отвечал: «Ладно, ладно, раз уж такова королевская воля, я тоже лучше ухвачу за голову, чем за хвост» [110]. И сразу же эти свои слова подтвердил и поступками, ибо, отправив

послов, большими силами взял и сжег Добжинь, а старосту Якуба Пломинского [111] со всеми солдатами велел зарубить (poscinac). **Жестокость прусского магистра** [по отношению] **к полякам.** Потом первым же штурмом взял города Рыпин и Липно, языческим обычаем изрубив и перебив горожан, пахарей и шляхту с женами и с детками. Также взял Бобровники, которые сдал ему Бартоломей Пломыковский герба Лиссов [112]. Злоторыю же осадил и взял ее на восьмой день. Также и Быдгощь, которую не мог заполучить силой и взял ее благодаря сдаче подкупленного бургграфа. Видя, что здесь не до шуток (nieprzelevki), король приказал всем полякам, русским и литовцам выступить на войну против крестоносцев, для чего [жителей] Малой Польши и руссаков собирали в Волборже, а [жителей] Великой [Польши] в Ленчице.

Потом король, построив войска у Радзиева, в последний день сентября двинулся к Быдгощи, которую взял на восьмой день.

Поляки поразили немцев. Прусский магистр тоже велел своим собраться под Свецем (Swiecziem). Узнав об этом, король послал туда часть своего войска, где поляки разгромили немцев и захватили их лагеря с шатрами. А в то время приехали послы от чешского короля Вацлава, которые утихомирили эту войну между королем Ягелло и между Витольдом и прусским магистром, заключив с обеих сторон перемирие до двадцать четвертого дня июня следующего года [113]. **Сигизмунд Корибут вторгается в Пруссию.** Но Сигизмунд (Sigmunt) Корибут, сын королевского брата Димитра Корибута, когда еще не знал об этом перемирии, с литовским войском вторгся в Пруссию, взял три замка с городами [114], много деревень и волостей попалил, и пришел в Литву с трофеями и с множеством немецких пленников.

Река Нетупа. Поэтому крестоносцы, не принимая никаких отговорок о неосведомленности о перемирии и тайно переправившись через речку Нетупе (Nietupe) [115], вторглись в Литву. **Крестоносцы** [идут] **на Волковыйск.** И побив у Истров (Istrow) литовскую стражу, которую выдал дым [от костра], в году Господнем 1410, месяца марта, шестого дня, в воскресный день [116] ударили на Волковыйск, где захватили в плен множество людей, которые шли в церковь, а город сожгли. **Витольд прячется в лесу.** А Витольд, который был всего в семи милях [117] от Волковыйска, не посмел дать немцам отпор, а сидел с женой в чаще, пока [немцы] не ушли. Потом в течение нескольких месяцев в Литве и в Польше был мир, пока обе стороны ждали решения чешского короля Вацлава [118].

Начало гусовой секты. В том же году в Чехии Ян Гус со своим коллегой или учеником Иеронимом замесили новое возмущение относительно веры, видя великие несогласия римских пап, которых в то время сразу несколько боролось за папский престол, из-за чего и среди духовенства плодили великие шалости.

Постыдное (sprosny) **решение римского короля**. Потом, когда окончание срока перемирия с крестоносцами определили в день св. Иоанна Крестителя [119], чешский король принял решение, чтобы ему до этого срока отдали в залог Добжиньскую землю, а он потом передаст ее тому, чьи [права] признает более справедливыми. И сказал, чтобы польское королевство никогда не выбирало короля из восточных краев, например, из

Литвы или из Московии, полагая, что там были одни язычники, а только лишь из западных. А король Владислав, не дожидаясь решения чешского короля, отъехал в Литву, где с братом Витольдом [они] тайно договорились дать прусским крестоносцам военный отпор. Но сначала король послал Витольда к римскому и венгерскому королю Сигизмунду — заключить перемирие.

О визите Витольда к венгерскому королю.

Витольд [едет] **в Венгрию.** Витольд, договорившись с братом Ягелло о прусской войне, и сам надеясь таким образом устроить лучший мир для народа, с несколькими литовскими панами, с Гаштольдом, с Румбольдом и Радивилом [120], своими литовскими чиновниками (urzednikami), поехал к венгерскому королю Сигизмунду, который в то время избирался римским королем, а потом, по смерти императора Роберта, был избран императором Германской (Rzeszy) империи [121], ради чего, подыгрывая немцам, держал сторону крестоносцев.

Там Витольд подробно советовался с королем Сигизмундом и тайно и явно убеждал его, чтобы он соблюдал мир, заключенный с поляками и литовцами на шестнадцать лет, четыре года [из которых] еще не прошли [122]. А король Сигизмунд говорил, что ему негоже будет это соблюдать, если орденские братья в Пруссии подвергнутся нападению.

Император ловит Витольта. А затем стал уговаривать Витольта, чтобы он отступился от брата Ягелло и [говорил ему, что] хочет сделать его литовским королем, если тот вместе с ним и с крестоносцами выступит против поляков. Но Витольт уразумел его хитрую измену и, не попрощавшись и не ударив за честь челом, отъехал в Польшу. А через милю его догнал сам император Сигизмунд, ласково переговорил с Витольдом и, одарив его великими подарками, учтиво проводил. **Витольд уехал, не попрощавшись с императором, так что сам император был вынужден ехать за ним.** Витольд, приехав в Садец, рассказал брату Ягелле обо всех словах и поступках Сигизмунда. Король, уразумев, что иначе быть не может, объявил войну, разослав письма, привязанные к вицам, призывая [подниматься] против крестоносцев. **И с тех пор, как пишут Длугош и Кромер, военные письма стали называть Вицами** (Wiciami) [123]. Витольд тоже уехал в Литву — также собирать войска.

Комментарии

1. Смотри примечание 42 к книге 13.

2. Конрад, старший брат Ульриха фон Юнгингена, был избран великим магистром Тевтонского ордена 30 ноября 1393 года. См.: Allgemeine Deutsche Biographie, bd. 14. Leipzig, 1881. Стр. 718-721.

3. Очевидно, автор хотел сказать, что решение Ядвиги обеими сторонами должно приниматься как окончательное и не подлежащее пересмотру.

4. См. : Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 72.

5. Смотри примечание 326 к книге 12.

6. Длугош пишет, что этот поход был предпринят в конце *июля* 1394 года. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 475. Это подтверждает и переводчик хроники Виганда из Марбурга, сообщая, что поход начался в день святого Иакова, т. е. 25 *июля*. См. : Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника. М., 2014. Стр. 128, 132. Однако в русском переводе Длугоша допущена ошибка или опечатка, потому что там сказано: в конце *июня*. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 32.

7. По Длугошу, Витовт приказал казнить *обоих* заговорщиков, которых Длугош зовет *калоирами* (*kaloyri*), а Стрыйковский — *чернецами*, то есть монахами. Слово *kaloyr* (русское *калугер* или *калоер)* происходит от греческого *kalogeros*, то есть «почтенный старец». Длугош изображает их как членов некой зловещей секты, но, видимо, это были обычные православные монахи. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 32, 33, 194.

8. Вернер фон Теттинген, впоследствии участник битвы при Грюнвальде, в 1392-1404 годах был великим маршалом Тевтонского ордена. О его походе на Литву (1394) читай у Длугоша. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 33.

9. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 33, 34.

10. Конрад фон Кибург был комтуром Бальги в 1392-1396 гг. Длугош пишет, что он вывел из Дрогичинской земли 300 пленных. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 34.

11. Имеется в виду Новгород-Северская земля.

12. Деревня Докудово, которую Стрыйковский именует *Недокудово*, расположена на Немане между Лидой и Новогрудком в 15 км от Лиды. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 72.

13. Новгород Северский находится довольно далеко от Докудова, а вот Новогрудок Литовский совсем рядом. Хроника Быховца в этом месте имеет в виду именно *Новогрудок (Nowhorodok)*, существуют также известия и о том, что Новогрудок некогда входил в число владений Корибута. Поэтому есть основания предполагать, что, проиграв сражение у Докудова, Корибут укрылся именно в Новогрудке Литовском, где он и был *скоро* захвачен Витовтом. Поход на Новгород Северский потребовал бы намного больше времени, не говоря уже о том, что и самому Корибуту надо было еще суметь туда безопасно добраться после своего поражения. См.: ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 147.

14. Корибут Ольгердович был женат на дочери рязанского князя *Олега* Ивановича, от которой имел трех сыновей (Ивана, Сигизмунда и Федора) и трех дочерей (Анастасию,

Елену и Марию). Потомками Корибута и его сына Федора считали себя князья Збаражские и Вишневецкие. См. : *Wolff J.* Rod Gedimina. Krakow, 1886. Стр. 152-153.

15. Обо всех этих событиях смотри ниже, книга семнадцатая.

16. Стрыйковский говорит о баснях Эзопа «Осел, лисица и лев» (а не «Лев и осел») и «Волк и ягненок». Последняя отлично знакома русскому читателю по одноименной басне Крылова. См. : Басни Эзопа. М., 1968. Стр. 107, 108, 109, 119.

17. Исток Немана, на месте которого установлен памятный камень, находится к югу от Минска и к северу от *Копыля*. Нынешние *Петровичи* находятся под Бобруйском, но это далеко от Случи и Припяти, так что вряд ли наш автор говорит о них. Описанный Стрыйковским район (а это почти вся южная Белоруссия) в поперечнике составляет около двухсот километров, что более или менее соответствует его тридцати милям.

18. Хроника Быховца называет имя отравителя: Фома Изуфов, наместник митрополита *у Святой Софии на митрополичьем дворе*. Смерть Скиргайло датируют 11 января 1397 года, *на седьмой день* после отравления. Он был погребен в Киево-Печерской лавре *возле гроба Феодосия Печерского*. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 73.

19. Смотри главу 2 книги 12 и примечания 42 и 45.

20. Смотри главу 2 книги 12 и примечания 41 и 47.

21. Смотри примечание 63 к книге тринадцатой.

22. Из этого следует, что копу польских грошей (примерно 180 г серебра) автор приравнивал к двум золотым (примерно 7 г. золота). Есть сведения, что копа пражских грошей соответствовала трем золотым. Не следует забывать и о традиционном и вплоть до XV века довольно устойчивом соотношении стоимости золота и серебра (1:11). Получается, что речь идет о нескольких пудах золота.

23. Смотри примечание 117 к книге двенадцатой.

24. Спытко из Мельштына герба Лелива — краковский воевода (1384) и краковский каштелян (1389), один из главных организаторов брака Ягайло и Ядвиги (1386). В 1395 году Ягайло сделал его наместником Подолии, где тот очень скоро превратился в фактически независимого князя. 12 августа 1399 года Спытко погиб в битве на Ворскле.

25. Смотри примечание 24.

26. Серебряная гривна по весу соответствовала копе пражских грошей, но на рубеже XIV и XV веков за гривну давали не копу (60), а 100 грошей. По Кромеру получается, что Ягайло выкупил Подолию за пять тысяч коп, а сам оценил подольские замки в двадцать тысяч коп. Смотри также примечание 22.

27. Юрий Дедигольд (Гедигольд) — литовский боярин, сын Гилигина (Кайликина) и брат Войтеха Монивида. Дворный маршалок Витовта (1401), староста подольский (1411-1423) и смоленский (1424), воевода киевский (1411) и виленский (1426-1432). После смерти Витовта поддерживал Свидригайло, на стороне которого сражался против Сигизмунда под Ошмянами (8 декабря 1432 года), где попал в плен. Умер около 1435 года.

28. Литовский вельможа Ян Довгерд (Довгирд) впервые упомянут в грамоте 1401 года, а потом и в акте Городельской унии (1413) с гербом Помян. Дворный маршалок Витовта (1424) и воевода виленский (1433). Участник убийства Сигизмунда, великого князя Литовского (1440). Довгерд умер около 1443 года. Виленским воеводой он стал уже после смерти Витовта, а версия автора о его гибели еще в 1430 году в любом случае несостоятельна.

29. Здесь имя виленского воеводы (Dowgird) автор пишет несколько иначе (Daugerd) — ближе к литовскому оригиналу. Напомним, что в хронике Генриха Латвийского упоминается литовский вождь *Даугеруте* (Daugeruthe). См.: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.-Л., 1938. Стр. 161, 350.

30. Написано именно так, хотя следовало бы сказать: *сто лет без одного года*.

31. Должно быть не Плесницкого, а *Олесницкого*. Длугош в соответствующем месте вообще не упоминает ни одного из этих князей.

32. День святой Доротеи — 6 февраля. Длугош пишет, что в 1403 году Свидригайло и немцы доходили до Тракая. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 520.

33. У Длугоша — *Zudaczoviensis*. Жидачов — город в Галиции к югу от Львова, в то время важный центр солеторговли. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 521.

34. Все эти замки находятся к северо-востоку от Кракова. Длугош упоминает об этом под 1403 годом, то есть уже после битвы на Ворскле. Таким образом, последовательность событий здесь опять запутывается, а ведь эта часть биографии Свидригайло и так недостаточно изучена.

35. Ульяна (Юлиания) Александровна, в иночестве Марфа, умерла не позднее 1392 года.

36. Стефан Андреевич Збаражский герба Корибут был витебским воеводой в 1555-1564 годах (в то время, когда Стрыйковский писал свою хронику, он был уже воеводой трокским); Станислав Николаевич Пац герба Гоздава — в 1566-1588 годах.

37. Стрыйковский подчерпнул все эти сведения из Хроники Быховца, где хронология сбита и запутана, но есть основания отнести эти события к 1393 году, хотя Коцебу датирует их 1396 годом. А вот у Длугоша об этом вообще ничего нет. См.: Коцебу А.

Свитригайло, великий князь Литовский. СПб, 1835. Стр. 41-42; Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 72-73.

38. В издании 1582 года написано *Odruckich*. *Овруч* находится слишком далеко от Витебска, так что должно быть *Друцких*.

39. После битвы на реке Вехре (1386) Глеб Святославич находился в Литве в качестве почетного пленника. В 1391 году Витовт передавал его в руки Тевтонского ордена в качестве заложника (вместе со своими родственниками). Смоленским князем он был в 1392-1395 годах, а не после 1395 года. В 1399 году Глеб погиб на Ворскле, сражаясь за Витовта. Князь Юрий Святославич, женатый на дочери Олега Рязанского, был смоленским князем в 1386-1392 и в 1401-1404 годах. Умер в 1407 году. Голубовский пишет, что в своем рассказе о смоленских князьях *Стрыйковский создал удивительную путаницу*. См.: Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895. Стр. 325-334.

40. Стрыйковский, как и его источники, временами путает Тимура (Тамерлана) с ханом Золотой Орды Тимур-Кутлуком, о котором смотри примечание 60. Прозвище самого Тамерлана (Темир-Аксак) переводят как «Железный хромец».

41. Смоленск в первый раз был захвачен Витовтом 28 сентября 1395 г. Управлять Смоленском Витовт оставил своих наместников: Василия Борейкова и князя Ямонта, позже погибшего на Ворскле. См. : ПСРЛ, том 8. СПб, 1859. Стр. 68-69.

42. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., МГУ, 1988. Стр. 136.

43. Кырк-ор (Чуфут-кале) — в XIV веке столица степного татарского Крыма, позже перенесенная в Бахчисарай. Ныне Чуфут-кале и Мангуп-кале известны как «пещерные города» Крыма.

44. Буквально эта польская поговорка звучит как «на своем мусоре» (smieciach).

45. Стрыйковский здесь, без сомнения, повторяется и еще раз рассказывает о битве у Синих Вод, состоявшейся тридцатью годами раньше. Для этого настоящего князя Ольгерда он заменяет на вымышленного воеводу Ольгерда.

46. Смоленск окончательно отошел к Литве только с третьей попытки Витовта, в 1404 году. См.: Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895. Стр. 331-334.

47. Имеется в виду битва под Никополем 28 сентября 1396 года, в которой войско крестоносцев потерпело сокрушительное поражение от турок.

48. Имеется в виду не поэт Гораций, а Гораций Коклес, который в 507 году до н. э. в одиночку защищал от этрусков мост на Тибре, пока тот не был разобран римлянами и не рухнул у него за спиной. Тогда Гораций прямо в доспехах бросился в Тибр и переплыл на

другой берег. См.: Тит Ливий. История Рима от основания города. Том I. М., 1989. Стр. 71-72.

49. Примечание Стрыйковского на полях: **Азов — турецкий замок в устье Танаиса. Танаис — по-московски Дон.**

50. *Бахмат* — в первоначальном значении низкорослая *татарская лошадь*.

51. Вака (Воке) — левый приток реки Вилии, протекающий между Вильнюсом и Тракаем.

52. В битве при Гюнвальде на стороне Витовта сражались татары Джелал ад-Дина, старшего сына Тохтамыша.

53. Рассказ Стрыйковского о битве на Ворскле, как и его последующий рассказ о битве при Грюнвальде, представляет из себя небольшую самостоятельную поэму, в которой наш автор очередной раз демонстрирует свое незаурядное поэтическое дарование. Среди многочисленных «вставных поэм» хроники эту следует признать одной из лучших.

54. Примечание Стрыйковского на полях: **Польские паны и рыцари,** [пришедшие] **на помощь Витольду: Рафал, граф из Тарнова; Ян Гловач, воевода Мазовецкий; Сендзивой Остророг, Доброгост из Шамотул, Варшо, Михоцкий; Соча, воевода Плоцкий;** Томаш Вермек**, а виднейший из них — Спытко из Мельштына, воевода Краковский и господин Нижней Руси или Подолии, и другие.**

55. Примечание Стрыйковского на полях: ***Apud Stellam montem Armeniae.*** *(Как звезд над горой Арарат).*

56. Примечание Стрыйковского на полях: **Историки пишут, что Тамерлан имел в своем войске десять раз по сто тысяч людей, а другие, в частности, наш Кромер, насчитывают 120 000.** Клавихо писал, что под началом Эдигея находилось 200 000 человек, а тот считался лишь одним из эмиров Тамерлана. См. : Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг. СПб, 1881. Стр. 341.

57. Примечание Стрыйковского на полях: **Заволжский царь Тохтамыш (Tachtamis), который жил в Литве, изгнанный Тамерланом в году от сотворения мира 6890 (1382), согласно московским хроникам.** Под 1382 годом русские летописи и впрямь упоминают Тохтамыша, но лишь потому, что в этом году тот сжег Москву. Два тяжелейших поражения Тамерлан нанес Тохтамышу позже: в 1391 и 1395 годах.

58. Подробности похода Витовта и битвы на Ворскле см.: *Лянскоронский В.Г.* Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 году. СПб, 1907. **Стр**. 101-115.

59. Примечание Стрыйковского на полях: ***Cromerus. Iamque transmissis Sola et Psola fluminibus.***
(Кромер. Переходят реки Сулу и Псел).

60. Примечание Стрыйковского: **Царек Эдигей (*Aediga*), гетман Тамерланова войска.** Эдигей (Едигей), как и Мамай, не был чингизидом и поэтому не имел права объявить себя ханом. Ханом Золотой Орды считался чингизид Тимур-Кутлук (1395-1399), против которого и был направлен поход Витовта. Фактически же татарскими войсками командовал Эдигей, чья реальная власть и положение среди татарской знати не уступали положению Мамая или Тохтамыша в их лучшие времена. Формально Эдигей и Кутлук-Тимур находились на службе у Тимура (Тамерлана) и могли считаться его представителями.

61. Примечание Стрыйковского на полях: ***Ibi consternatis nostrorum animis.*** *(И там наши умы пришли в смятение).*

62. Примечание Стрыйковского на полях: **Речь Витольда,** [обращенная] **к рыцарству.** Эта речь с начала до конца сочинена самим Стрыйковским. Отметим, что Шекспир тогда еще не написал своего «Генриха V».

63. Эта строчка переведена нами слово в слово — так, как у автора.

64. Примечание Стрыйковского на полях: **Эта битва с татарами случилась во вторник, на другой день после Святого Вавржинца, 14 августа.** Стрыйковский ошибается. 14 августа 1399 года был не вторник, а четверг, а вторник был 12 августа. Этим днем и датируют битву на Ворскле, хотя некоторые русские летописи указывают 5 августа. См.: Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы. СПб, 1885. Стр. 99-100.

65. Примечание Стрыйковского на полях: **Димитр Ольгердович Корибут, предок князей Збаражских и Вишневецких, убит татарами.**

66. Примечание Стрыйковского на полях: **Татары окружили наших.**

67. Примечание на полях: ***Crom(er). Melstinius inter confortissimos hostes honestissime occumbere maluit etc.*** *(Кромер. Мельштынский предпочел достойно умереть среди своих врагов).*

68. «Ни Чингисхан, ни Батый не одерживали победы совершеннейшей», — писал Карамзин. Павших на Ворскле князей и воевод со стороны Витовта по разным источникам насчитывают от 30 до 74. Помимо упомянутой литовской, польской и русской знати, в этом бою погибли десять братьев Тевтонского ордена и (предположительно) молдавский господарь Стефан Мушат (1394-1399).

69. Беллона — римская богиня войны. Одни описывают ее как супругу, другие как дочь Марса.

70. Тамерлан скончался не в 1399, а в 1405 году. В 1402 году он наголову разгромил и захватил в плен турецкого султана Баязида (Баязета).

71. Ядвига умерла 17 июля 1399 года. В этот день Витовт еще только вел свои полки на Ворсклу.

72. По-латыни *collegium* — товарищество, общество, однако часто так называли и университеты. В этом предложении автор сначала говорит об *общежитии* для литовских студентов Пражского университета, но во втором случае он имеет в виду уже сам *университет*.

73. В оригинале *do Mana*. Если это не просто опечатка, можно предположить, что автор хотел употребить венгерский титул *бан*.

74. Анна была внучкой польского короля Казимира Великого, дочерью его дочери Анны и графа Вильгельма Цилли (Цельского). В год смерти Ядвиги ей было всего 18 лет, но замуж она вышла только в 1402 году. Графство Цельское находилось в далекой Крайне (нынешняя Словения).

75. Речь идет о Краковском или Ягеллонском университете, который формально был основан еще Казимиром Великим в 1364 году, однако реорганизован и окончательно оформился только при Ягайло, 26 июля 1400 года.

76. Вацлава IV недовольные им подданные арестовывали дважды. В первый раз это было в мае 1394 года, когда заговор организовал его двоюродный брат Йост (Йодок). Во второй раз Вацлав попал под арест в 1401 году по распоряжению родного брата Сигизмунда. Тот велел отослать его в Вену. Лишь через полтора года Вацлав сумел освободиться. См.: Томек В. История Чешского королевства. СПб, 1868. Стр. 345-351.

77. Имеется в виду *Рупрехт* Виттельсбах, курфюрст Пфальцский (1398) и германский король (1400-1410). Длугош называет его *Rupert*. См.: Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века. М., 2008. Стр. 1172.

78. Сигизмунд Люксембург *дважды* приходился Ягайле свояком. До 1395 года он был женат на Марии Анжуйской, дочери Людовика Венгерского и родной сестре Ядвиги. А в 1405 году он вторично женился на Барбаре Цилли, двоюродной сестре Анны Цилли, второй жены Ягайлы. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 512.

79. Джан Галеаццо Висконти (1351-1402) — первый герцог Миланский (1395), получивший титул от германского короля Вацлава. 21 октября 1401 года около Бреши разгромил войско Рупрехта Пфальцского, направлявшегося на коронацию. См.: Никколо Макьявелли. История Флоренции. М., 1987. Стр. 136, 142.

80. Бонифаций IX был папой в 1389-1404 годах, авиньонский антипапа Бенедикт XIII — в 1394-1421 годах. См.: Лео Таксиль. Священный вертеп. М., 1988. Стр. 226-230.

81. Имена этих шляхтичей и названия замков Длугош пишет несколько иначе. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 519-520.

82. *Новым маркграфством* Стрыйковский называет Новую Марку, которая считалась владением маркграфов Бранденбургских. Сигизмунд был маркграфом Бранденбурга с 1378 года, но потом передал титул своему двоюродному брату Йосту, который с 1375 года был маркграфом Моравии, а с 1388 по 1411 год — и бранденбургским маркграфом.

83. Смоленские события русская летопись действительно датирует 6909 годом, но это 1401, а не 1403 год. Осенью этого года Витовт осаждал, но так и не взял Смоленск. См.: ПСРЛ, том 8. СПб, 1859. Стр. 75.

84. Выражение *na poslugach* в данном случае носит уничижительный оттенок, так как дословно означает не столько службу, сколько *услуги*. По-русски было бы точнее сказать *на побегушках*.

85. Слово *skrzetny* в современном польском словаре толкуется как *заботливый, старательный*, но в данном случае это вряд ли применимо по отношению к Свидригайло. Скорее это следует понимать как *озабоченный* или *нуждающийся в присмотре*. Стоит также обратить внимание и на литовское слово *skretena*, которое означает *нечистоплотный человек.*

86. День святой Доротеи — 6 февраля. В русском переводе Длугоша ошибочно указано 28 января. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 37.

87. У Длугоша *пять тысяч гривен чешскими грошами*. Опубликованный русский перевод в этом месте неточен. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 38.

88. Подробнее об этом см.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 38-39.

89. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 40.

90. Так называемый *второй Салинский договор* Витовта с Тевтонским орденом Длугош датирует 28 июня 1405 года, но здесь он запутался в хронологии. Салинский (Залинвердерский) договор был заключен 12 октября 1398 года, а его фактическим повторением стал Рацияжский договор между орденом, Ягайло и Витовтом от 23 мая 1404 года. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 42-44.

91. Примечание Стрыйковского: **Свидригелло вопреки соглашению** (nad postanowienie) **уехал в Пруссию.**

92. Примечания Стрыйковского на полях: **Король Ягелло отобрал Подолию у Свидригелло. Подолия присоединена к Польше.**

93. Примечание Стрыйковского на полях: **Александр, воевода валашский**. Александр Добрый — молдавский господарь в 1400-1432 годах. Представленная им польскому королю вассальная грамота датирована 1 августа 1404 года. Молдавский корпус, присланный Александром, принял участие в битве при Грюнвальде. См.: Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003. Стр. 59.

94. 23 мая 1404 года в Рацияже Мазовецком Ягайло и Витовт заключили с Тевтонским орденом мир, к которому вынужден был присоединиться и Свидригайло. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 38-39; Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы. СПб, 1885. Стр. 122-123.

95. Буквально здесь написано, что Свидригайло продолжал *колебаться в своей нетвердой вере*.

96. *Севрюками* или *северскими* называли жителей Северской земли, в то время находившейся под властью Литвы. Стрыйковский даже называет их *литовскими севрюками*.

97. Примечание Стрыйковского на полях: **На урочище Тихой Сосны недалеко от Путивля (Putwila), который лежит в 60 милях к югу от Киева** [по направлению] **к Диким полям.** Река *Тихая Сосна* — приток Дона.

98. В оригинале даже *вчетверо: w czwor*.

99. Эту историю Стрыйковский подчерпнул из Хроники Быховца. Однако многие исследователи считают ее историческим анекдотом, полагая невероятным, чтобы война могла начаться из-за двух бобров и кади меду. В действительности *Василий сам объявил войну Витовту*, убедившись в недобрых намерениях своего тестя. Недовольство московского правительства копилось уже давно, но последней каплей стал захват Витовтом Смоленска. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 76-77.

100. Примечание Стрыйковского на полях: **Витольд один на один договаривался с Василием Московским относительно мира.** Мирные переговоры посреди пограничной реки (например, на острове) были в то время обычной практикой. Так, мирный договор с Тевтонским орденом (1398) был заключен на острове Салин, расположенном у места впадения Невежиса в Неман.

101. Примечание Стрыйковского на полях: **Немир — не мир. Род Немиров известен в Литве, на Руси и на Подляшье.**

102. Примечание Стрыйковского на полях: **Литовская граница** [проходила] **по Угре.**

103. Так в тексте. Стрыйковский пишет то *Свидригел*, то *Свидригайло* (как ныне принято), но чаще всего *Свидригелло*. Витовта как в этой главе, так и в других местах он тоже называет то *Витольдом*, то *Витольтом*.

104. Воскресенская летопись датирует это событие 1408 (6916) годом. **Месяца июля 26 приеде к великому князю из Дьбрянска князь Литовский Швитригайло Ольгердович служити. Князь же великий Василей Дмитреевич принял его с честию.** См.: ПСРЛ, том 8. СПб, 1859. Стр. 82.

105. Румбольд (Rumbowd), в крещении Ламберт — литовский боярин, сын Волимонта Бушковича и брат Евнута Волимонтовича, первого воеводы трокского (1413-1432). Генеральный староста Жмудский (1409), великий маршалок Литовский (1411). В 1410 году захватил в плен будущего великого магистра Тевтонского ордена Михаэля Кюхмейстера. Возглавлял литовскую делегацию на Констанцском соборе. В ноябре 1432 года вместе с братом Евнутом был казнен по приказу Сигизмунда Кейстутовича.

106. Монивид (Monwid) герба Лелива, в крещении Войцех — литовский боярин, сын Кайликина (Гилигина) и брат Юрия Гедигольда, воеводы киевского и виленского. Староста (1396) и воевода (1413) виленский. Первым браком был женат на дочери Святослава Ивановича Смоленского. Последний раз упомянут в документах Мелнского мира (1422).

107. Стрыйковский уже не в первый раз подчеркивает, что для него казаки — это именно *пехота*, как оно и было в XVI веке.

108. Драбы — рядовые наемной пехоты, причем слово *охочие* подразумевает добровольцев.

109. Мыто — здесь в значении *плата, мзда*.

110. Длугош вкладывает в уста магистра более длинную и напыщенную фразу, но суть та же: Ульрих фон Юнгинген заявляет, что в таком случае он лучше нападет на Польшу, чем на Литву. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 49.

111. У Длугоша имя добжиньского старосты *Ян* [из] *Пломеня* (Plomienia) герба Прус. Осада Добжиня началась 14 августа 1409 года. Эту дату и следует считать началом Великой войны. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 545-546.

112. Стрыйковский смешал двух человек: Варцислава из Готартовиц герба *Лис* и *Бартоша Пломыковского* герба Помян, причем главным виновником сдачи Бобровников Длугош считал вовсе не Бартоша, а городского старосту Варцислава. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 49.

113. Согласно хронике Посильге, перемирие было заключено 8 октября 1409 года на срок до дня Иоанна Крестителя (24 июня) 1410 года.

114. Длугош называет эти замки: Заалау, Таммов и Неркевиттен (Норкиттен). Это маленькие крепостенки в окрестностях Инстербурга (Черняховска), из чего следует, что

сам Инстербург оказался литовцам не по зубам. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. III, ks. X. Krakow, 1868. Стр. 552.

115. Нетупе (Netupe) — это, безусловно, литовская *Шешупе* — левый приток Немана.

116. 6 марта 1410 года был четверг, а воскресенье было 9 марта. Но Длугош, прямо не называя даты, пишет, что это было *вербное воскресенье*, то есть 16 марта 1410 года. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 56.

117. Семь миль — это более 50 км, то есть все-таки достаточно далеко. Длугош прямо пишет, что Витовт тогда находился в Слониме. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 56.

118. Конфликт между Литвой, Польшей и орденом передали на арбитражный суд чешского короля Вацлава IV, который до середины 1410 года был одновременно и римским королем.

119. Смотри примечание 113.

120. Длугош не называет имен спутников Витовта, ограничившись сообщением, что тот поехал **с большой свитой епископов, вельмож и польских рыцарей**. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 61.

121. Венгерский король Сигизмунд был избран германским королем 20 сентября 1410 года, уже после битвы при Грюнвальде, а императором был коронован только в 1433 году, за несколько лет до смерти (1437). До Сигизмунда последним официально коронованным императором был его отец Карл Люксембург, умерший в 1378 году.

122. В 1397 году Сигизмунд писал великому магистру, сообщая ему о своей дружбе с Польшей и уговаривая его заключить мир с Ягайло и Витовтом. Прохазка датирует «шестнадцатилетний мир» между Ягайло и Сигизмундом 1396 годом, однако ни под 1396, ни под 1397 годом Длугош об этом прямо не упоминает. См.: Prochaska A. Krol Wladislaw Jagello. Tom I. Krakow, 1908. Стр. 240-241.

123. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 63, 199.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

Глава 1. О славной войне и счастливой битве Ягелло и Витольда с прусскими крестоносцами и князьями германской империи в году 1410.

Глава 2. О взятии замков и городов после победы и об осаде Мальборка.

Глава 3. О втором и третьем поражении войск крестоносцев, четвертой победе над венграми и пятой по счету над лифляндским магистром.

Глава 4. О поездке Ягелло в Венгрию, принесении королевских регалий и о Венецианских и Татарских послах.

Глава 5. О втором объединении Литвы и Польши, о даровании литовским фамилиям шляхетских вольностей с гербами и о приведении Жмуди к кресту и к вере христианской.

Глава 6. О подчинении Витольдом Литве княжеств Великого Новгорода и Пскова.

О новом походе в Пруссию великого войска Ягеллы с поляками и с силезскими князьями, а Витольда с литовцами и татарами.

О первом посольстве Ягеллы и Витольда к Турку.

Глава 7. О дарах Витольдовых и о соглашении Литвы с крестоносцами, о третьей жене Ягелло и о разрушении Киева татарами.

О литовском съезде с крестоносцами, о неторопливости Ягеллы и о второй женитьбе Витольда.

О походе Ягеллы и Витольда на крестоносцев, сговоре с королем Датским и Шведским и опасениях Ягеллы.

Глава 8. О назначении Витольдом татарских царей.

О неприятии королевства Чешского, добровольно предложенного Ягелле и Витольду, и о смерти королевы Эльжбеты.

Глава 9. О четвертой женитьбе Ягеллы.

Глава 10. О направлении Витольдом на чешский престол литовского князя Сигизмунда Дмитриевича Корибута и о военном походе в Пруссию Ягеллы с поляками, а Витольда с литвой, со жмудью и с русью.

Глава 11. О коронации Софии, четвертой жены Ягеллы, о прибытии Жигмонта Корибута из Чехии, о знатных гостях и о втором возвращении Корибута в Чехию. О рождении у Ягеллы первого сына Владислава и [второго сына] Казимира и прочее.

Глава первая

О славной войне и счастливой битве Ягелло и Витольда с прусскими крестоносцами и князьями германской империи

в году 1410.

Оружье и стойкость мужей восславим сарматских,
И сбитие спеси с великих сил крыжацких,
Гордость, которую Бог низвел, покорность любя,
Смиренных на трон вознося, пышных царства губя [1].

Князь Витольд и Ягелло, король почти святой,
Видят прусского магистра умысел чваный и злой:
Он Польшу и Литву сравнять с землей хотел,
Чтоб его гордый орден в их отчинах сел [2].

Разослал король вицы, на войну призывая
Все повяты с оружием, их извещая,
Что крыжаки стоят пред польскими дверями
Со всей орденской силой и с имперскими войсками.

Чтобы на насилие поляки насилием отвечали
И врага в его землях, а не в доме своем, привечали [3],
Поскорей на войну собирались, и отчизну милую
Из орденской пасти вырвали собственною силою.

Во всех воеводствах стали народ поднимать,
Оружие чистить и панцири примерять,

В мастерских оружейных экономы мошны развязали,
Серебро, не скупясь, на щиты и копья меняли [4].

А те шляхтичи польские, что в Венгрии жили
И немалые имения там получили,
Видя, что их король Сигизмунд водится с крыжаками,
Ушли прочь, желая быть честными поляками [5].

Завиши Гарбовцы, Брогловский и Кальский,
Пухала, Скарбек, Горский и Наленч Мальский [6],
Волости пожалованные отвергнув, ушли к королю,
Любя Польшу, родную отчизну свою.

А король за себя польского архиепископа Гнезненского
Оставил, дав ему права наместника королевского [7];
Бецкой (Bieckiej) и Щижицкой шляхте от венгров оборону
Доверил, и так укрепил со всех сторон корону [8].

Сам же в местечке Слупя два дня пребывал,
Где каялся и к Богу со скорбью взывал,
В церкви весь день проводил, на молитве стоял,
И лишь вечером малую толику пищи вкушал [9].

Потом под Червиньском мост из лодок через Вислу навел,
По нему всю армию с пушками и обозами перевел.
В тот же день прибыл Витольд со своею литвою,
И с заволжскими ордами, с одною и с другою.

Он татар целый год на свой кошт содержал [10],
Сам их хан сюда сразу же примчал,
Литву свою тоже отменно построил,
Казаков с гусарами разделив натрое [11].

Земовит и Януш, князья Мазовецкие,
С ними епископы и полки молодецкие,
В день святых Петра и Павла приезжали,
Королю и отчизне послужить обещали.

Из Червиньска двинулись прямо в прусские волости,
Где татары с литвой, не разбирая пола и возраста,
Всех, кто им попадались, резали и палили [12],
И костёл со святынями в Людберге разорили [13] .

За это Витольд с Ягеллой сразу таких покарали:
Когда им двух самых виновных в толпе указали,

И тем на суку пришлось друг друга повесить [14],
Другие от страха не смели уже куролесить.

Двинувшись от Вкры [15], встали на на равнине,
Где осока [16] на прусской крови растет и поныне.
Там на ровном месте король сам войска построил,
Взял коронное знамя, удручен и расстроен [17],

Развернул его и молвил: «Ах! Всемогущий Боже,
От которого ни добро, ни зло скрыто быть не может,
Кто обо всех тайных помыслах сразу узнает,
Добрым платит добром, злым же злом воздает,

В сердце моем, как по книге, ты можешь читать.
Ведаешь сам, до чего не хотел я эту войну начинать,
Да еще с христианами, пусть и с такими,
Что накликают войны кривдами великими.

Знаешь все мысли мои и стремление к миру,
Всеми силами я избегал кровавого пира,
Но и народ твой беречь я должен всегда и всюду,
Силы имею пока и пока на земле жить я буду.

Сам поручил мне нести ты эту тяжкую ношу,
Мне же придется ответить за каждую душу,
И был бы рад я миром войну прекратить,
Хотя за наши обиды не грех бы и отомстить.

Если бы орден кичливый спесь свою попридержал,
Вел бы себя не как враг, а как добрый старинный вассал [18],
Было бы все по-другому. Ныне же я обречен
Орденский меч занесенный отбить нашим польским мечом.

Не можем мы ублажать смиренно и терпеливо
Тех, кто войну объявил запальчиво и горделиво.
Хочу, чтоб народ, что ты мне под защиту отдал,
Теперь под крыло всемогущего Господа встал,

Защищай их сам, Господи, ибо мы уже в бой идем,
И во имя Твое развеваются эти хоругви с Орлом.
Рассуди справедливо: кто первый начал войну?
За пролитую кровь на него возложи всю вину».

Слушая короля, удержаться от слез было нельзя,
Плакал Витольд, плакали и мазовецкие князья,

А потом слезы вытерли, головами встряхнули,
И хоругви всех повятов по ветру развернули.

Польскими войсками командовал Зындрам Машковский [19],
Иноземными бойцами — чех Ян Сарновский [20],
Иван Жедивид [21] и Ян Гаштольт литовцами управляли,
Татарские конники фланги прикрывали [22].

А от Дрвенцы с холмов под Дзялдов переместились,
Где усердно молились, тайн святых причастились
В день Посланцев святых, потом вскачь коней пустили
И у деревни Грюнвальд палатки разбили [23].

Там широкое поле дубравы окружали,
И зеленые пригорки на нем весело стояли,
Меж собой их овраги разделяли.
Там поляки лагерем и встали.

Рощи и кусты по краям обступили
Пашни, что густыми лесами до этого были.
На пять миль простиралась зеленая долина,
Где недавно паслась и плодилась скотина.

Там литовский лагерь встал рядами широкими,
Окруженный валами и рвами глубокими.
Польский же лагерь частокол окружил,
Он при тревоге надежно бы всех защитил.

А напротив стояла гора, высокая и большая,
Покровом дубовым со всех сторон обросшая,
И сверху, если подняться, хорошо видно было,
Как польско-литовское войско себя расположило.

На той горе шатры немецкие стояли,
Обставленные рожнами, опутанные цепями;
Удобное место для развертывания строя,
Подходящее для кровопролитного боя [24].

Король в шатре со слезами мессе внимал,
Так, что небо своими молитвами утомлял [25],
А на ровном поле уже войска повсюду стояли,
К бою готовые; их латы на солнце блистали.

Кони в бронях, попоной покрытые, радостно ржали,
Оруженосцы в шаты с гербами наряжались,

Бритые макушки мисюрками покрыли,
За пояса по нескольку дротиков заложили.

Черные рыцари гордо руки в бока упирали,
Гоп! Гоп! крича, обгоняя пехоту, скакали.
Чередой бесконечной кнехты с пиками шли,
За магистром обоз и двести орудий везли [26].

Витольд войска объезжал и увидел, что крыжаки
Выводят и строят свои огромные полки.
Солнечные лучи в доспехах отражались,
А на поле одна за другой хоругви появлялись .

Первая с орлом в поле золотом и белым крестом,
Вторая с белой полосой на красном поле, потом
Третья со свирепым на белом поле львом [27],
Четвертая с раскинувшим ноги двуглавым орлом.

Всего пятьдесят одно знамя с гербами там насчитали [28],
Все Грюнвальдское поле флаги и вымпелы покрывали.
Трам, тарарам, тара! трубы повсюду ревели,
И от их грома и рева бедные уши болели.

Кони ржут, заглушая мужей голоса,
Конский топот эхом звучит по лесам,
Дважды повторенный гул к небесам подымая;
Немцы громко кричат, короля испугать желая.

Очень этим встревожен, Витольд быстро вбежал
К королю, что крестом перед алтарем лежал.
«Гей, что творишь? Ради Бога, кончай свои молитвы.
Они не помогут прусскую мощь одолеть без битвы» [29].

Князь на него напустился, но король так и не встал,
Богу отмщенье и боя исход он покорно вручал.
Гетман Машковский поляков, а Витольд литву направил [30],
На правый фланг он полки литовцев поставил

Под сорока хоругвями. И три полка
Построила шляхта из Смоленска и Полоцка [31].
А поляки на левом фланге встали стеною,
Пятьдесят своих хоругвей построили к бою [32],

Лучше вооруженных выставив на чело.
«Богородицу» все запели громко и весело [33].

Так литовцы с поляками рука об руку стояли
И сигнала трубы к битве ожидали.

Радостно бьются сердца, желая по праву
За отвагу в бою обрести бессмертную славу.
А король все молился. Нетерпеньем пылая,
Выезжали наши, немцев на гарцы вызывая [34].

Вышел король после мессы, сел на турецкого коня гнедого,
Преобразился: обликом Гектор стал, право слово.
Ксендза в обоз отослал и, возвышаясь над головами,
К рыцарству он обратился с такими словами [35]:

«Пробил час, о славные мужи! Храбрые друзья,
Защитим мать-отчизну, как родные сыновья.
Пробил час доказать, что вольности имеем
И за несносные страдания отомстить сумеем,

Которые безбожные крыжаки отчизне причиняли
И честь ее жестоким насилием взяли!».
Едва король это вымолвил, поляки увидали
Двух послов от магистра, что важно подъезжали

На громадных конях, космоногих и куцехвостых [36],
Которым столько железа таскать на себе было непросто.
Видел бы ты их: каждый циклопом казался
Или гигантом, которых и сам Юпитер боялся [37].

Гербы князя щецинского и римского короля
Несли на себе: Грифа и Черного Орла.
Держа два меча, сказали: «Наш магистр считает, что нужно
Тебе, король, и брату твоему помочь оружием.

Два меча с нами прислал, чтобы вы не сомневались,
А смелей брали их и на бой вооружались.
А если вам тесно поле, можем уступить своего.
Покажите, что к бою готовы: начните его» [38].

Взял король мечи и сказал: «Оружия у нас хватает,
Но и эти мечи никто не отвергает.
За подарок спасибо, а что до поля,
Пусть поле боя выберет Божья воля» [39].

Смахнул слезу, в бубны, в трубы дать сигнал приказал,
И сам среди польских полков при оружии встал.

Правь мои вирши, прелестная пани, чей дом — Геликон [40],
Вспомни, как долго верх не брала ни одна из сторон.

Вспомни, Муза, кто первым отвагу свою показал,
Эта память дана вам от Бога, а я от тебя ее взял.
Смело литовцы с татарами в атаку помчали
Первыми, и с немцами жаркий бой завязали [41].

Наши кричат *Богородица!*, немцы *дас тихт!* [42] орут,
Бубны и трубы звучат, пушки гремят, кони ржут.
Немцы, что выше стояли, из двух орудий палили [43],
Но никому в польском войске не повредили.

Литовцы все смелее на немцев напирали,
Кони терлись боками с вражескими конями.
Витольд меж литовцами там и сям сновал,
Строил их, кричал, направлял и увещевал.

Грохот страшный напомнил горящий Содом,
Когда башня валилась на башню, дом падал на дом,
Либо когда греки крушили мощь Троянских стен,
Либо когда Сципион разрушал Карфаген.

Полк шел на полк с такой силой, будто по лесу, взъярясь,
Несся огромный медведь, через чащобу ломясь.
Бой врукопашную шел; немцы одолевали,
Татары с литовцами в них из луков стреляли.

Фризов [44] под немцами били, целя во что попало,
В бок либо в лоб, но не сдержали немцев нимало.
Страшно повсюду доспехи лязгали и скрежетали,
Глотки свои раздирая, бойцы гикали и орали,

Раненые с седел под копыта коней сползали,
Другие на четвереньках ползали, изнемогали.
Полчаса прошло: ни одна из сторон верх не брала [45],
Ветреная фортуна туда и сюда летала.

Взлетал до небес взметенный конницей прах,
В душах израненных бойцов Марс сеял страх.
И стала литва уступать поле, будто снег таял [46],
Витольд их удерживал: одних просил, других лаял.

Но те с конными рыцарями в схватки не вступали,
Только сбоку из луков стрелами их осыпали.

Часть их, с поля вспорхнув, аж до Литвы бежали,
Всем говоря, что битву наши уже проиграли.

И не стоит дивиться, что на самом челе
Бились самые храбрые, всех других смелей,
Конных рыцарей удар весь на себя они взяли
И, если б хватило сил, одни бы их удержали.

Честь свою сберегли лишь руссаки смоленчане [47].
Смоленчане, а с ними трочане и виленчане [48]
Под тремя хоругвями с фланга атаковали
И катившийся орденский вал сразу же задержали.

Вечная им слава за подвиг беспримерный,
За помощь полякам с упорностью верной.
А чех Сарновский бежал со своими иноземцами [49]
При первой же стычке; сговорился, изменник с немцами.

Тут королевское знамя немцы силой взяли [50],
Но поляки его тут же, налетев, отняли.
А серадзцы за то, что в схватке очень отличились,
Королевскую грамоту с печатью получили [51].

Шляхтичи смоленцы, гродненцы, виленцы и трокцы,
Увидев, что дрогнули и строй смешали литовцы,
Тесня один другого, сразу вступили в дело,
И с крестоносцами бой вновь завязали смело.

С отбитым знаменем немцев атаковали
И с радостным криком немецкий строй прорвали.
Подканцлер Тромба новый полк из лагеря вел
И беглых чехов Сарновского в лесу нашел [52].

Стал их всячески срамить, что веру сломали,
Чехи же во всем Сарновского обвиняли [53],
Что заставил их спины показать крыжакам,
И решили вернуться обратно к полякам.

Ибо, хотя поджилки у них и дрожали,
Видели, что к полякам войска прибывали,
И дело иначе пошло, когда немцам в бок
Изо всех сил ударил польский рыцарский полк.

И хотя смоляне одного полка лишились [54],
Зато два других с поляками соединились.

Били, секли крыжаков с таким грохотом страшным,
Будто под натиском бури рушилась целая башня.

Снова звучат громкие крики и грохот доспехов,
А солнечный Феб уже полнеба успел объехать [55].
Уже десятки прусских комтуров мертвыми пали [56],
И, наконец, истекавшие кровью немцы бежали.

Наши же гнали их, били, кололи, рубили,
А самых знатных, веревкой связав, волочили.
Радуга в буром небе вдруг выгнулась луком
Гром прогремел, рокоча раскатистым звуком,

Дождик приятный пошел [57], чтобы нам легче было
Гнать в холодке, с ветерком, немцев прямо к могиле.
Дождь пыль прибил, и бурая мгла пропала,
Та, что бегущих немцев скрывала и заслоняла [58].

Наши их хребты длинными копьями доставали,
Куски мяса из спин на скаку сталью вырывали [59].
Но тут к крыжакам свежие силы подоспели [60],
Оловянные пули из ружей полетели [61],

Со свистом сыпались стрелы, звякая о мечи,
Из ран отважных мужей крови стекали ручьи.
Троцкая, виленская шляхта, жмудь твердо стояли
С Витольдом, а полякам мужественно помогали [62].

А другие повяты литовские, обмирая,
Разбежались кто куда, головы свои спасая.
И хоругви Святого Георгия не оказалось,
На которую все литовское войско равнялось.

Туго (duszno) пришлось литве, хотя Витольд крепко стоял
С волынцами и с новогрудцами, и не бежал.
Лещичане, что с куявцами рядом стояли,
Отважно полки крыжацкие атаковали [63].

Князья Мазовецкие также с собой полочан
Привели, и с варшавским [64] повятом равичан [65].
А наш храбрый Скарбек князя щецинского поймал,
Который недавно лишь Грифом своим потрясал [66].

Полк немецкий, смешав, опрокинув, наши их били;
Кнехты, прячась трусливо в лесах, будто волки выли.

Третий их сводный полк, где сам магистр с комтурами был,
Шестнадцать хоругвей имел; как только он в бой вступил,

Возобновилась страшная сеча в четвертый раз [67],
А из ружей трескучих огонь полыхал и гас.
Сам король Ягелло рвался радость битвы испытать,
На коне скакать, роскошными доспехами блистать.

Но Миклаш Келбаса его от того отговорил [68],
Вооруженной охраной короля окружил, и
Королевское знамя на всякий случай закрыли.
А потом наши пять немецких комтуров убили

И множество кнехтов, которые с ними были,
Мертвые тела поле будто ковром покрыли.
И тут граф Дипольд Кикериц [69], рыцарь посвященный,
Весь с головы до ног доспехами защищенный,

С золотой перевязью, в орденском плаще белом,
Пробившись сквозь польские полки, бросился смело
На короля, и уже копьем в него метил.
Ягелло ударом на удар бы ответил,

Но Збигнев Олесницкий [70] проворней оказался
И сшиб его с коня так, что тот лежать остался [71].
Отскочило забрало, король ткнул копьем и сказал:
«От того и умрешь, на кого свою руку поднял.

Знатный муж, сгинешь от руки знатного мужа,
И от руки самого короля к тому же».
Драбанты [72] его добили; затем немцы побежали,
Мчась во всю прыть по полям, где кучи трупов лежали.

Наши их били, рубили всех, кто подвернется,
И были как паводок, который с гор несется:
Никакие преграды не удержат его никогда,
Насыпь, дом или мельницу сносит шальная вода.

А немцы, будто олени и лани в лесах,
Звучный голос труб и охотников голоса
Лишь только заслышав, мчались кто куда мог,
Кто в чащу забился, кто в болоте залег.

Магистра Ульриха, который гордо королю дерзил,
Послав ему мечи, простой солдат [73] рогатиной пронзил.

Об этом в ставке короля узнали лишь потом,
Когда Скриннинский [74] им принес златую цепь с крестом.

Труп магистра, остывший, обобранный, в поле лежит,
А горячая кровь ручейком потихоньку бежит
Из души, что послала других много душ на тот свет
Из-за спеси своей, но сама полетела им вслед.

Вернер Тетингер, дерзкий комтур [75], в лес предпочел удрать,
Другие бросились храбро свой лагерь оборонять,
Который по кругу был утыкан рожнами,
А возы друг с другом связаны крепко цепями.

Их прорвав, наши резали их, как скот, убивали;
Немцы сами в силки, сплетенные ими, попали.
Знатных рыцарей кровь с грязных возов стекала,
Все Грюнвальдское поле собой пропитала.

Все бочонки с вином король приказал изрубить,
Хитрую выходку Кира не хотел он забыть [76],
Хотя самого Кира Томирис потом убила
И, голову отрубив, в его же крови смочила [77],

Говоря: Пей кровь, которой жаждал напиться!
Так и орденский лагерь не сумел защититься.
В комтура Меве [78], который лишь о войне и мечтал,
Какой-то литвин смертельной стрелою точно попал.

Триста комтуров пали с магистром, всего же легло
Их тысяч с полсотни; озеро крови из них натекло.
В плен попали многие ордена друзья:
Щецинский, Олесницкий и Керсдорф [79] князья.

Саксонских, Рейнских, Лифляндских, Прусских, Лузацких,
Фризских, Швабских, Моравских, Чешских и Гользатских [80],
Датских, Силезских, Моравских [81], Шведских немцев [82] побили,
И из их богатых обозов все добро растащили.

Пленных четырнадцать тысяч [83], как скотину, гнали,
А хоругвей [84] пятьдесят и одну отобрали
И потом в замковой церкви Кракова поместили.
Сколько людей под каждой из них на бой выходили!

Ибо сто сорок тысяч неприятелей было,
Которым их гордое сердце так говорило:

Поляков, русских, литву изничтожить и истребить,
Забыть имя их, а земли их немцами заселить.

Целые возы смоленых веревок и цепей
Приготовили крестоносцы для наших людей [85].
Но Бог всегда гордых карает: те, кто сулили
Цепи и путы нам, в Польше их сами носили.

Пленную знать решили в Польшу препроводить,
Лишь двух комтуров Витольд сразу велел казнить:
Маркварда Зальцбаха и Шумберга — из-за того,
Что на сейме в Ковно они мать срамили его [86].

Несколько миль наши немцев рубили и гнали,
Те по болотам, теряя штаны (pludry z nog zrzucajac), удирали,
Оружие и доспехи под ноги швырнули,
Другие, попав в болото, как волки, тонули.

Страх до костей их пробрал, один наш за сотней гнался;
А Феб в золотой повозке в море уж опускался [87].
Возле заросшего озера в топи скрывались
Несколько рот пеших кнехтов, и в землю вжимались.

Блеск доспехов их выдал [88]; наши наскочили,
Немцев оплошавших всех в плен захватили [89],
Иные добровольно руки подавали,
Чтоб их связали, доспехи с себя срывали [90],

Подобно овцам в хлеву, когда ночью холодной,
Зная, что их преследует волк, злой и голодный,
Тихо жмутся друг к другу, и каждая стремится
Забиться туда, куда волк залезть побоится.

Дерзких призывов поскорее расправиться с Польшей
От чваных спесивых вояк не слыхать было больше [91].
Наших сожрать целиком хотели, будучи в полной силе,
Бог же решил, чтобы сами они свои цепи носили.

Так их и гнали к королю. А Витольд татар своих
На земли врага напустил, как заведено у них.
Те, хлынув во все стороны, как паводка воды
Огнем и мечом чинили несносные шкоды.

Потом король приказал протрубить отбой,
И солдаты прекратили желанный [92] бой,

Ибо земля уже достаточно крови напилась,
Которая с вылитым вином в один поток слилась.

Взятые пушки [93] и знамена к королю привезли
И всю богатую добычу, что в лагере нашли.
Король отличившихся рыцарей щедро наградил:
Златом, серебром, одеждой, оружием одарил.

Король одних пленных под честное слово отпустил,
Других, знатнейших, по замковым тюрьмам распределил.
Гонцов разослали весть радостную поведать
О великой над злым неприятелем победе.

Во всех церквях, во всех землях люди ликовали,
От благословений земля и воздух дрожали,
Во всех польских костелах *Te Deum* [94] распевали,
И польское *Бога хвалим* в Литве повторяли.

Из Мальборка мрачные немцы за разрешением
Приехали к королю заняться погребением [95]
Павших в битве мужей, а особенно виднейших:
Магистра, комтуров, их союзников знатнейших.

Добрый король обратился к ним с кроткими словами [96]:
«Видит Господь, я-то всегда был готов к миру с вами.
Если бы смог, я бы с радостью ныне жизнь подарил
Всем, кого Марс кровавый за грехи их здесь умертвил».

Крыжаков убитых жалея, плакал, вздыхая,
Изменчивость фортуны смиренно принимая.
А затем в Мальборк тела магистра отвезли
И убитых комтуров; там их и погребли.

Пало комтуров три сотни, другие считают — шестьсот,
Третьи — четыреста, вернее других этот счет [97].
Войска всего было сто сорок тысяч [98] — без поваров,
Разной обозной прислуги, немок, возниц, юнгеров [99].

Этой великой победой прославлены были поляки
Вместе с литвой, ибо Божией волей побиты крыжаки.
Пали князья их, а в крепком их лагере взяли
Много добычи, и гордых гетманов их повязали.

Польских же шляхтичей лучших погибло лишь двое:
Якубовский с Чулицким, истинные герои [100].

Память о том, за что они храбро отдали жизни,
Будит в потомках желанье служить милой отчизне.

А из литовских и русских бояр многие с жизнью расстались,
Прежде поляков они в бой пошли и отважно сражались.
Память о них не умрет, пока будет по небу носиться
Солнечный Феб на своей золотой колеснице.

Видение сражающихся короля и монаха, увидев которых, сам король Ягелло призвал на помощь святого Станислава: милый святой Сташко! Длугош, Меховский, Кромер и все хронисты приписывают эту победу Богу (а так оно и есть), говоря, что с обеих сторон в течение всего времени битвы (которая была во вторник, в праздник Рассеяния святых апостолов) в воздухе было видно почтенного мужа в епископском облачении, который, видимо, и был святым Станиславом, укрепляющим наших и устрашающим немцев. Предшествующей же ночью на небе на лунном диске видно было сражающихся короля и монаха, и монах был в конце концов побежден и сброшен с неба. О чем пространнее сообщает Кромер, [добавляя,] что такое могло быть вследствие обращения небесных планет.

Глава вторая

О взятии замков и городов после победы и об осаде Мальборка

После той славной победы наши три дня стояли на [месте] этого побоища вопреки советам мудрых рыцарских людей. Ибо если бы сразу осадили Мальборк (Malbork), то тогда же его и взяли бы как необеспеченный людьми, а все пруссаки сдались бы на милость короля, так как крестоносцы и войска другого не имели, и магистра у них убили. А так на третий день встревоженных [немцев] успокоил комтур Свеца Генрих фон Плауен (z Plawna), прибывший с несколькими вновь набранными немецкими полками и разместивший их в Мариенбурге (Marienborg). **То же самое повредило и Ганнибалу, поразившему римлян при Каннах, но не взявшему Рим, хотя сразу же мог этого добиться, ибо умел побеждать, но не умел победой воспользоваться.**

Потом король с войском двинулся далее по Пруссии, где благодаря сдаче взял местечки с замками Гогенштейн, Моранг, Прейшмарк, Дзежгонь [101], и там же раздал солдатам великие богатства, собранные крестоносцами. **Наши осадили Мальборк.** А на седьмой день прибыл под Мальборк, который осадил с трех сторон: наши поляки со стороны Ногата, литовцы со стороны Вислы, а с юга русские, волынцы и подоляне. А также постоянно долбили стены из орудий. И во время этой осады королю добровольно покорились вся прусская, кульмская и поморская шляхта и четыре епископа: Кульмский, Вармийский, Помезанский и Самбийский. **Прусские замки, сданные Ягелле.** А также города и замки: Гданьск, Эльбинг, Торунь, Хелмо, Кёнигсберг (Krolewec) [102], Свеце, Гниево, Тчево, Нове, Бродница, Бранденбург, Копрживно, Грабино, Венцеславово [103], Голубин, Грондек, Алленборг, Остерода, Нидборг, Дзялдов, Щитно, Куретиниг, Братианов, Ковале, Хамерштейн, Бытом, Ломборг, Холандия, Пискария, Рогозьно, Штума и Тухола [104]. Из этих городов и замков [Ягелло] Витольду отдал Кёнигсберг и Холандию;

мазовецким князьям: Янушу — Остероде и Нидборг, Земовиту — Дзялдов и Щитно, а князю слупскому (Stolpenskiemu) — Бытов, Хамерштейн, Шипельбейн, Фридланд и Бальгенборг. А в остальных посадил своих старост: поляков и чехов. В это время наши непрерывно сильно штурмовали Мариенбург, и орденские солдаты уже подумывали о сдаче. Но король, отвергнув здравый совет подканцлера Миколая Тромбы, отказался от осады и отступил, чему крестоносцы были очень рады. **Случай с Ягелло.** А еще больше радости им придало то, что красиво гарцевавший [королевский] конь, статный и холеный, вдруг упал под королем и издох, что всегда считалось очень дурной приметой. Но потом король взял сдавшийся ему замок Радзинь (Radin), сильно укрепленный, который польские солдаты долго и напрасно осаждали с самой Грюнвальдской битвы. И захватили там пятнадцать знатных крестоносцев, немецких панят. Витольд тоже с победой воротился в Литву со своим литовским войском, отягощенным немецкими трофеями.

Витольд дал себя провести. А король, узнав, что лифляндский магистр Герман с пятьюстами рейтарами [105], не считая кнехтов, двинулся в Пруссию на помощь прусским крестоносцам, сразу же отправил против него Витольда с литовцами и двенадцатью хоругвями (proporcow) польского рыцарства. А когда Витольд хотел ударить на него у реки Пассария (Пасмар) за городом Холандия (Прейсиш-Эйлау) [106], ливонский магистр, видя, что не сможет выиграть битву, сразу же хитро вступил в переговоры с Витольдом, обещая впоследствии быть ему другом. И со стороны Жмуди, а также куршей и судинов (Sudonow) [107], обещал ему вечный мир и покой сам от себя и со стороны прусских крестоносцев. Этими хитрыми уговорами и медоречивыми словами Витольд позволил себя обмануть и, имея врага в руках, свободно пропустил его [108]. И вот так лифляндский магистр Герман, открестившись от Витольда и оставив пеших кнехтов у Бальги и Бранденбурга, с пятьюстами конными рейтарами приехал к Мальборку, где еще застал короля и польское войско. И тоже ласковыми словами ублажал короля, обещая быть ему не врагом, а союзником, и склонить [осажденных] к сдаче. И вот так посреди польского войска, которому будто туману в глаза напустил, свободно въехал в Мальборк, где вновь укрепил [дух] встревоженных крестоносцев. **Наши явные просчеты, благодаря которым немцы воистину могли сказать: «Ку-ку поляк, ку-ку литвин!».**

В то время, когда наши стояли (lezely) под Мальборком, престарелый гданьский приходской священник (pleban), который был в Мальборке, придумав, что он будто бы не может более терпеть [тяготы] осады, выехал с войском [109] из замка [и проехал] через все польское войско, ибо никто не заподозрил в нем измены, а священникам и старикам все стремились помочь (deferowali). **Не верь дяденьке** (Niewierz wuju wujnej)**.** А он среди книг и прочего своего скарба вывез тридцать шесть тысяч двойных (podwojnych) золотых червоных от наместника магистра Генриха Плауена, которые передал в руки комтурам Гданьска, Свеце и Члухова, чтобы на них они набрали кнехтов и рейтар. **Старый ксендз обманул наших.** Этот [пример] из Кромера и Длугоша я привел для того, что не каждому духовному [лицу] можно верить во время войн и осад, когда каждый заботится о себе [с помощью] удивительных фортелей.

К тому времени в Пруссии в руках крестоносцев оставались только восемь замков: Радзиньский, Гданьский, Члуховский, Свеценский, Бранденбургский, Бальга, Рагнета и Клайпеда [110]. Рагнета, которую я сам видел, это большой замок над Неманом, но воистину

неприступна окруженная могучим валом Клайпеда (Klojpede) над устьем Куршского (либо Курляндского и Неманского) моря в четверти мили от соленого моря [111], где также и я переправлялся в жестокий шторм 1580 года, когда специально туда ездил, желая собственным присутствием выяснить правдивость литовских Летописцев о приплытии (przyzeglowaniu) в Литву итальянцев с Палемоном.

Глава третья

О втором и третьем поражении орденских войск в 1410 году, четвертой победе над венграми и пятой над лифляндским магистром, последовавших в том же году

Польские и орденские войска снова сходятся в битве [112].

Генрих фон Плауен, когда он был избран прусским магистром,
За саднящую рану решил отомстить полякам быстро.
Всем уцелевшим в прошлой битве велел собраться,
Чтобы замки отобрать, за ущерб рассчитаться.
Михель Кюхмейстер собрал разных чужеземцев:
Чехов, саксонцев, мораван, гользатов [113], немцев,
Всего десять тысяч; а также от короля римского
Помощь и пятьсот конников от магистра лифляндского.
Король, в Нешаве об этом узнав, придворных отправил,
К которым собравшейся там шляхты немало прибавил.
Шесть тысяч их набралось, и под Короново пошли
Где крестоносцев Михеля, готовых к бою, нашли.
Когда Феб по небу почти полпути прокатил,
Воинственный Марс в мужах жажду битвы возбудил.
Встали войска друг против друга: на равнине поляки;
С чехами, с венграми, с немцами, с силезцами крыжаки.
Двигались рыцари грозно, с пылью песок вздымая,
Вымпелы, хоругви с обеих сторон подымая.
Конные мечами и копьями, ружьями пешие [114]
И острыми пиками с сошками друг друга тешили.

Силезец Конрад Немчик вызывает на герцы.
Каковы были его снаряжение и слова.

Там Конрад Немчик, силезец, галопом скакал [115],
Со стороны крестоносцев на гарц вызывал [116].
Фриз под ним космоногий, поперек седла ружье [117],
Шпага острая, в руке походное копье [118],
Железный шлем голову со всех сторон закрывал,
Щиток из проволочных колец живот прикрывал.
Весь в доспехи закован, славно вооружен,
Фриз же стальными бляхами от стрел защищен.
И, гарцуя в этой броне, сказал: «Если найдется

Такой у вас, кто в единоборстве со мной сойдется
Сразиться один на один, то вот он я!
Кто смел — покажи, какова сила твоя!
Я поединщика жду — выезжай, кто желает;
Сразу и разберемся, кто кого оседлает».
Так говорил силезец, коня туда и сюда толкая,
По-немецки, а временами и по-польски вспоминая [119].
А Ян Щицкий, поляк, не хуже его гарцуя,
Но силу и истинную доблесть в себе чуя,
Сразу к нему на плац с копьем подскочил [120]
И с противником там копья преломил.
Свалил поляк силезца и захватил живого [121].

Столкновение немцев и поляков.

Затем войскам сходиться для боя удалого
Трубами подали знак: крик, шум и грохот поднялись.
В каждом ряду, колыхаясь, хоругви развевались.
Мчались навстречу друг другу, копья в грудь направляли,
Лился кровавый пот, открытые раны зияли [122].
Нос к носу рубились под оглушительный лязг мечей,
Кто оценит волненье, кто опишет гибель мужей?
Михель Кюхмейстер воодушевлял немцев на бой,
На коне скача туда-сюда, как римский герой [123].
А у поляков Мезерский [124], смелый Островицкий
Строили полки, а также Мартин Лабышинский [125].
Брони, доспехи, мечи на солнце блистали,
Гуфы один на другой с силой напирали,
Падали трупы мужей, рядом кони валились,
С кем будет победа, пока не определились.
Рубились насмерть, и никто не уступал,
Пока гетман Михель frid! frid! [126] не закричал.
Наши его поддержали, бой прекратили,
Мертвых и раненых в сторонку оттащили,
Раны их перевязав и вволю напившись.
Господь на небе улыбался, умилившись,
Видя согласие в тех, кто друг друга били.
Но недолго отдыхали и в мире были [127].
Снова сшиблись с великим шумом и треском,
Весь обзор себе закрыв вздыбленным песком,
Который рубящимся очи слепил и слезил,
Злость и запальчивый гнев заново в них возбудил.
И второй раз frid! frid! frid! крича, битву прервали,
Сев на землю, от воинских трудов отдыхали,
Лили в шишаки вино или пиво,
Друг на друга поглядывая криво.

Мужество Яна Островицкого Мяша герба Топор.

И снова в жестокой схватке сходились,
Так что трупы рядами громоздились.
Грохот бубнов, труб и орудий всех вокруг оглушил.
Ян Островицкий, прозванный Мяш (Miazszy) [128], немецкий строй пробил,
Зарубил хорунжего, хоругвь у него захватил,
И с ней назад к своим обратный путь себе прорубил.
Без знамени немцы свои ряды смешали,
А наши с громким криком их прорвали.
Одни бежали, порхая по широким полям,
А другие на пашнях валялись по бороздам.
Восемь тысяч побитых немцев на плацу полегло [129],
Забрать их богатые доспехи нашим повезло.

Захвачен гетман Михель Кюхмейстер.

Пленных с гетманом Кюхмейстером несколько отрядов
Пред королем Ягелло выстроили длинным рядом.
Всех пленных король отпустил, клятвой их связав,
А гетмана Кюхмейстера, в Хенцин [130] отослав,
Там содержал в тюрьме. Поляков же вознаградил,
С королевской щедростью по заслугам одарил.

Краковский подкоморий Петр Шафранец
28 октября в третий раз поразил крестоносцев из засады.

В третий раз под Тухолой Шафранец захватил
Хитростью замок, неприятелю отомстил.
Три их полка поразил, их вождя схватил,
Груды их трупов вдоль дороги навалил.
А Ханс, князь Мюнстербергский, ударился в бега
Вместе с Эберхардом, епископом Вюрцбурга [131].
Нащи щедро обогатились их добром,
И злополучные крестоносцы потом
От этих трех ран, что мы им нанесли,
Очень долго оправиться не могли.
А король Ягелло, принеся Богу обеты,
И в Гнезно возблагодарив его за победу,
Еще раз великополян на Поморье отправил,
Которое выжег огнем и мечом окровавил.

Радзинь второй раз захвачен нашими.
Немцев подвела собственная глупость.

А еще наши сильный замок Радзинь (Radin) взяли,
Где немцы, как битая скотина, лежали.
Ибо, как наши на штурм пошли, ксендз из пушки пальнуть осмелился,
По нашим промазал, своих же побил, потому что не целился [132].
Видя это, другие немцы оружие побросали,
Ибо решили, что это измена, свои их предали,
И сдались нашим; столь же удачно взяли
Замок и город Нове: немцы их сдали [133].

Наши поразили войско венгерского короля под Бардейовом и в отместку повоевали их земли, прилегающие к Польше.

А потом венгерский король поддержал крыжаков,
Войско в двенадцать хоругвей двинул на поляков
Во главе со Сцибором, семиградским воеводой [134].
Те Садецкую волость разорили хищной шкодой.
Тут вся подгорская шляхта собралась
И под Бардейовом (Bardionem) с венграми сошлась [135].
Шли враги за добычей, а мы за отчизну шли в бой,
Всех рубили в куски с пылающим сердцем и душой.
Хоть и кровавой была победа, за нами осталось поле,
Одолели австрийцев и венгров своим мужеством и волей.
Отбили у них добычу, их самих повязали,
И — око за око! — венгерские волости взяли.
В пятый раз повезло, с победой вернулись,
Триумф за триумфом, славно обернулось!

Шестая победа наших над лифляндским магистром Германом.

Лифляндский магистр Герман [136] с великим войском пришел,
Немцев, чехов, моравцев на помощь Пруссии вел,
И под Голубом военный лагерь расположил.
Но Добеслав Пухала хитростью их встревожил.
В потаенных местах несколько рот своих
Он разместил, а сам двинулся против них
С ротой одной под Голуб. Видя, что наших так мало,
Немцы прогнать их решили и, не боясь нимало,
Засады не чуя, помчались за ними, как дети [137].
Их отовсюду Пухала сгонял в хитрые сети.
И, так как наших было немного, то сразу Пухала
В пущу послал трубачей, которая рядом лежала,
Других по горам рассадил, чтобы в бубны стучать,
И при них конных по трое — вымпелами махать.
Немцам тревогу устроили, сильно напугали,
От засады к новой засаде их перегоняли.
Резали, кололи, хватали; иные в город бежали,

Наши же под самыми стенами их жестоко рубали.
Стража сразу ворота закрыла, боясь,
Чтобы враг не вбежал, за немцами гонясь.
Наши к ним подскочили с тыла и с заду,
Били их, как скот на убой, до упаду.
Хотя там немцев числом вчетверо больше было [138],
Чем наших, собственная глупость их погубила.
Ибо не впущенные, что возле города остались,
К полякам руки тянули, им добровольно сдавались.
Каждый лях четверых, а то и пятерых, лыком вязал,
По четыре пленника перед собой, как быков, гнал.
Фендлы [139] шли впереди, а пленников сзади вели
Длинными рядами, с триумфами великими.
А когда их, связанных, в Рыпин (Ryppin) привели
Наши, то все посмотреть на это пришли.
Немцы плевались, узнав, что наших мало оказалось,
Ибо в бою вместо одного им по сто показалось.

О событиях этой войны с крестоносцами и других прежде описанных битвах правдиво рассказывают: ***Эней Сильвий, впоследствии римский понтифик (Pontifex Romanus), Длугош, Кромер (кн. 17) и Меховский (кн. 4, гл. 43, стр. 279 и 281), после них Герборт (кн. 13, стр. 123)*** [140] ***и Ваповский (кн 3, стр. 272***). А особенно Кромер, описывая эту последнюю битву, говорит:

Ita exclusi oppido hostes quum caederentur passium in medio, projectis armis supplices nostris se dediderunt et quadruplo major numerus captivorum, quam eorum qui eos caeperunt fuisse proditur, verum illi re inopinata perculsi alium longe majorem exercitum nostrorum in silvis latitasse crediderunt, Rippinum tandem captivi cum appulsi essent ingenti cum dolore ac pudore errorem suum cognoverunt.

(Будучи, таким образом, лишены возможности войти в город теми, кто их предал, они оказались в гуще врагов. И хотя их было в четыре раза больше, чем наших людей, они бросили оружие и сдались в плен. Но они были поражены еще одной неожиданностью: наша армия, укрывшаяся в лесу, казалась им намного больше, и только в Рыпине пленники, наконец, с большим горем и стыдом поняли свою ошибку).

Несколько славных триумфов в одном году.

Солдаты учились хитростью и смекалкой
Большие армии бить малыми полками.
Весь этот год из польских триумфов состоял:
Венгров, немцев, чехов, ливонцев король смирял.
Ныне там повсюду, где крестьяне пахали
И опасливо лемехом землю взрезали,
Выкапывают ржавые шпаги, штурмаки [141],
Секиры, копья, сорванные с кирас значки,

И находят немало в шлемах черепов,
И сбегаются посмотреть, бросив волов,
Как смутные времена и алчность людская
Столь суетно королей к войнам побуждают.

Мир наших с крестоносцами. На другой 1411 год состоялся мир между польским королем Ягелло и Витольдом и между прусским магистром Генрихом фон Плауеном и его комтурами, благоприятный более для побежденных, чем для победителей, на следующих условиях. Король польский должен вернуть магистру Пруссии все города и замки, захваченные во время войны, и отпустить всех пленников. А крестоносцам присудили (przyrzekli) вернуть Жмудское панство Литве, а Добжинь[скую землю] [142] полякам. В том же году, пишет Кромер, вопреки воле коронных панов Ягелло отдал Витольду Подолию, сместив тамошнего старосту Петра Володка Харбиновского с великим ущербом для Польши. Но русские летописцы поют (spiewaja) об этом иначе, как о том будет ниже.

После смерти короля и Витольда Жмудская земля потом должна быть навечно отписана Пруссии. А прусский магистр польскому королю за его утраты должен заплатить сумму двести тысяч золотых плоскими чешскими грошами [143]. И это соглашение Ягелло учинил по наущению Витольда, лишь бы крестоносцы вернули ему Жмудь.

В том же году в день святой Катерины [144] король Ягелло шел пешком из Неполомиц до Кракова, навещая святые места, а перед ним несли прусские знамена, которые в память о победе повесили в замковой церкви. Еще и ныне каждый может на них посмотреть.

Глава четвертая

О поездке Ягелло в Венгрию, возвращении королевских регалий и о Венецианских и Татарских послах

В году Господнем 1412 венецианцы (Wenetowie) прислали послов к королю Владиславу Ягелло, предлагая ему жалованье для пятисот гусарских (usarskich) солдат, чтобы пошел войной против венгерского короля Сигизмунда, который к тому времени был избран римским королем, а венецианцы воевали с ним за владения в Далмации. Узнав об этом, Сигизмунд тоже послал [гонцов] к королю Владиславу, приглашая его на съезд в Любовлю [145]. Там, после долгих заигрываний (ofiarowaniu) [со стороны] Сигизмунда, король Ягелло подтвердил с ним мир и дружбу обоюдной клятвой. Потом по просьбе Сигизмунда поехал в Буду (do Budzinia), где венгерские паны принимали его с великим триумфом. **Татары обязуются служить Ягелло.** Там же к нему приехали послы татарского царя с великими подарками, кланяясь (ofiarujac) ему и обязуясь со всеми татарскими силами быть готовыми против каждого врага королевства Польского и великого княжества Литовского. Это посольство было очень приятно королю Ягелле, особенно на таком большом съезде различных народов, да к тому же еще и в чужом королевстве. Там король Ягелло, когда отведал свежего сердца буйволицы, а потом, как у него было в обычае, долго парился с веником в жарко натопленной бане и искупался в Дунае, впал в тяжкую лихорадку (febre), от которой, однако, был вылечен стараниями докторов Сигизмунда.

И после долгого чествования, на пятый месяц после отъезда из Польши, через Моравию приехал в Краков с большими и ценными дарами, взятыми от римского короля Сигизмунда. И между другими сокровищами наилучшим даром были корона, яблоко, скипетр и меч Болеслава Кривоустого, сокровища короны, которые Людовик со своей матерью Эльжбетой вывезли было в Венгрию. Вместе с разными ценностями Сигизмунд подарил ему еще и большую серебряную шкатулку, полную святых костей (kosci swietych). И все это [Ягелло] с великими триумфами приказал везти перед собой в Краков. И, недолго задержавшись в Кракове, через Сандомирскую и Хелминскую земли приехал в Грубешов (Rubieszow) на Буге [146], где сообщил Витольду и литовским панам, о чем он договорился с венгерским королем Сигизмундом. Распрощавшись с Витольдом, объезжал русские замки, куда к нему в качестве послов от короля Сигизмунда приехали архиепископ Эстергомский (Strigonski) и Михель Кюхмейстер [147], прося, чтобы для получения [звания] римского императора [148] ссудил ему восемьдесят тысяч коп пражских грошей, отдавая [в залог] Сепешинскую (Sczepuzynska) землю с тринадцатью городами, кроме замка Сепеш (Sczepuza) [149]. Король Ягелло отсчитал Сигизмунду эту сумму и связал себя (wwiazal sie) с Сепешинской землей, которая и ныне находится под властью польской короны. Не знаю почему, но в величине (liczbie) этой суммы историки путаются, ибо Кромер считает *octoginta milia sexagenarum Pragensium (libro 17)*, а Меховский *quadraginta millia latorum grossorum Pragensium (fol. 282)*. Герборт же, который подражал Кромеру, *octoginta milia florenorum Pragensium, Sigismundum a Jagielone mutuo accepisse asserit fol.124, lib.13* [150]. **Тут напутали (szfankowali) либо Кромер, либо Герборт, либо переписчики или типографы.** Ваповский на польском языке считает просто сорок тысяч коп широких грошей, в чем ему следует и Бельский. Так или иначе, но известно, что в то время наши и воевали, и побеждали, и денег в достатке имели так, что и великим монархам их ссужали, а ныне все наоборот.

Глава пятая

О втором объединении Литвы с Польшей, о даровании литовским фамилиям шляхетских вольностей с гербами и о приведении Жмуди к кресту и к вере христианской

В году 1413 в Литве и в Жмуди была такая удивительно теплая зима (особенно в холодных северных районах), что в январе месяце и в феврале к великому изумлению расцвели садовые цветочки, фиалки и огородные овощи (jarzyny). Король Ягелло потом приехал в Литву и у Городла [151] имел съезд с Витольдом и панами радными Великого княжества Литовского [152], а также с Киевскими, Волынскими, Гедройцкими [153], Збаражскими, Вишневецкими, Заславскими и прочими удельными князьями и с земскими боярами.

Там король Ягелло с братом Витольдом возобновили и подтвердили мир и объединение двух этих народов, польского и литовского. Кроме того, литовской шляхте (но только тем, кто следовал Римской церкви) пожаловали свободы и прерогативы, а также гербы, знаки и печати (sigilia) по обычаю польской шляхты. И чтобы потом, не в противоречие этому, по указанию великого князя обязаны были строить замки, содержать в порядке дороги и платить обычные подати в княжескую казну [154]. А сенаторы, воеводы, урядники и другие

земские чины чтобы при этом оставались при своих вольностях, как в Польше. Великого князя Литовского чтобы не выбирали [иначе чем] с согласия короля Польского и Коронной рады; также и поляки чтобы без воли и ведома Великого князя Литовского и его сенаторов, а также литовской шляхты короля себе выбирать не смели — с обоюдными клятвами и [под страхом] разрыва унии. Посполитые сеймы и съезды каждый раз, как будет нужда, чтобы собирали и проводили либо в Люблине, либо в Парчове, либо в том месте, которое укажут сенаторы обоих государств (obojego panstwa) по взаимному согласию. Также и духовные сословия чтобы те же права и те же вольности и свободы имели, как и прочие в Польше. Все эти кондиции относительно принятия вольностей, гербов и шляхетских свобод, а также унии с Короной, литовские паны со своим великим князем Витольдом одобрили (pochwalili), подтвердили и утвердили своими печатями.

Там же, в том привилее и постановлении, Витольд провозглашает (opiewa) так: ***Praetea Nos Alexander alias Witowdus de consensu Serenissimi etc.*** Сверх того мы, Александр или Витольд, по соизволению светлейшего князя господина Владислава, короля Польского, нашего возлюбленного брата, приобщаем [155] к гербам и клейнотам шляхты Королевства Польского нижеперечисленных шляхтичей наших земель Литовских, которых сами шляхтичи королевства Польского вместе со всеми, кто поколенно выводит свое родословие, приняли в побратимство и в кровное товарищество.

Сначала шляхтичи герба Лелива приняли [к себе] Монивида, воеводу Виленского. **Герб Лелива: месяц и звезда.** Шляхтичи герба Задора — Лавуна или Ганула (Lawuna albo Hawnula) [156], воеводу Троцкого. Шляхтичи герба Рава — Мингайла, каштеляна Виленского. **Рава: девушка на медведе.** Шляхта герба Лис — Сунигайла, каштеляна Троцкого. Ястржебцы, или Лазанки или Болести Нагора [157], названный герб — Немирам. Трубы (Trabki) — Остикам, которые ныне именуются Радзивиллы. Топор — Бутриму, Лебедь или Скржинцы [158] — Голигунту, Порай — Миколаю Билигину [159], Дембно (Dabno) — Корейвам, Одроваж — Виссегерду, Вадвич — Петру Монтигерду, Дрыя — Миколаю Тавтигерду, Абданк — Яну Гаштольду, Полукоза — Волчкуну Кукше [160], Гриф — Бутовду (Бутовту), Шренява — Задатду (Ядату), Победзе — Калону, Гржимала — Яну Рымвидовичу, Заремба — Гиниту Концевичу. **Заремба — лев со стеной.** Перхала — Даукше, Новина — Миколаю Бойнару, Дзялоша — Волчку Кокутовичу, Копач — Гедарвоху. **Копач — орлиное крыло с ногой** [161]. Роля — Данжелу. **Роля — три рала с розой** [162]. Сырокомля [163] — Якубу Мингелю (Мингайле), Кот морской — Войшнару Вилколевичу, Повала [164] — Ежи (Jurgemu) Сангаву, Помян — Саку, Долива — Начкуну, Саржа [165] — Твербуту, Доленга — Моствилду, Богорыя — Станиславу Виссигину, Янина — Воиссиму Данчикевичу, Быхава [166] — Монстольду, Свинка — Андрею Довкнетовичу, Ролда [167] — Минимунду Сесниковичу, Сулима — Бодивилу [168], Наленч — Кочану, Лодзя — Микуше, Елита — Гердуду (Гердуту), Корчаковы — Гуппе (Цуппе) [169], Бяла — Моидилону Чусоловичу [170], Вежик — Койчану Сулковичу (Сукковичу), Цёлек — Яну Эвилу (Ewilnowi), Годземба — Станиславу Бутовтовичу, Осморога [171] Горальтова — Сургуту из Кислина (Решкина), и прочее. **Этих Сургутов и Дусбург упоминает во времена Витенеса** [172].

Этим гербам и клейнотам упомянутые шляхтичи, паны и бояре литовских земель с этого времени и в будущем пусть радуются и ими пользуются, как ими привыкли пользоваться

и упомянутые шляхтичи польской Короны. А чтобы все эти вышеупомянутые дела приобрели силу окончательным обоснованием и закреплением, этот привилей нужными печатями утвердили наши бывшие при том паны, давшие согласие, и наипреподобнейшие во Христе отцы: гнезненский архиепископ Миколай, Войцех Краковский, Ян Влоцлавский (Wladislawsky), Петр Познанский, Якоб Плоцкий, Миколай Виленский, Ян, избранный архиепископом Львовским [173], Мацей Перемышльский, Михал Киевский, Григорий Владимирский, Збигнев Каменецкий, Хелмский [174] и другие епископы. И в присутствии вельможных, знатных и рыцарского [звания] мужей: Краковского [каштеляна] Кристина и прочих, и прочих. Это происходило в местечке Городле у реки Буг, на вальном сейме во второй день месяца октября, в году Господнем 1413.

И теперь по гербу каждый может лучше отыскать (domacac) своих предков.

Потом король с Витольтом отправились в Жмудь, где с великими усилиями и стараниями приводили к святой вере христианской народ, который еще не отказался от идолопоклонства. Изрубили идолов и [священных] змей, вырубили священные рощи и перепортили другие имевшиеся у них [предметы] языческих суеверий (которые я до этого уже описал наряду с литовскими) [175]. **Священный языческий огонь над Невяжей.** А вечный огонь на большой горе над рекой Невяжей, который они называли Знич, король особенно приказал залить и загасить, чем они были очень обеспокоены и с великим сетованиями проклинали поляков и литовских христиан, удивляясь, что эти их боги не отомстили им за свои обиды. Но король с Витольтом частично дарами, а частично угрозами и наказаниями принуждали (przyganiali) их к признанию истинного Бога и святого креста.

А поскольку польские ксендзы с ними разговаривать не умели, сам Ягелло с Витольдом с великими стараниями и трудами, как два апостола, сначала учили их молиться Господу, а потом исповеданию веры христианской. Вот так тогда жмудины, видя никчемность своих богов, согласились креститься и отправили самого старшего (nastarszego) из своих мужей к королю.

Речь жмудского посланца [обращенная] **к королю.** И тот от их [имени] молвил так: «Наияснейший король Ягелло и сиятельнейший князь Витольт, господин наш! Как только мы поняли, сколь немощны и ложны наши боги, побежденные и искорененные вашим польским Богом, мы оставляем их и пристаем к вашему польскому Богу, как сильнейшему».

Затем король приказал их распределить по группам так же, как до этого литовцев, и во имя Отца и Сына и Духа Святого окропить водой, давая каждой отдельной группе имена Петрул, Станул и тому подобное. А женщинам: Гануля, Магруля, Ядзюля — и так до самого конца.

А после этого крещения магистр Конрад Вежик [176], монах ордена проповедников [177] и королевский проповедник, проповедовал слово Божие новокрещенным жмудинам, [рассказывал им] о вере, о сотворении мира и о [грехо]падении Адама. Слушая это, один старый жмудин сказал королю: «***Welna azin tassaj Kunigs meluj, milastiwas Karalau etc***.»

«Бредни говорит этот поп, милостивый король, [ведь он] рассказывает о сотворении мира, сам будучи не старого возраста, в то время как среди нас достаточно стариков, которые и столетний возраст перешагнули, а никакого сотворения мира не видывали и говорят, что только солнце, месяц и звезды святят нам на своем бегу». На это король отвечал: «Он и не утверждает, что мир был сотворен в его время, а задолго до этого, то есть за шесть тысяч лет и более, по предначертанию Божьему, и прочее». Этой простоте тогдашних людей не следует удивляться, ибо недавно и в наше время в Ковно случилось, что когда в Великую Пятницу бернардинский проповедник, как обычно, говорил о муке Господней и, когда дошло до бичевания (*ad flagellationem*), хлестал метелкой и бичом, изображая мучения Господа Христа, простой жмудский крестьянин спросил товарища: ***A ka tatai muschi Kunigas?*** *(Кого там бьет священник?)* Он ему отвечал: ***Pana Diewa*** *(Господа Бога)*.Тот же спросил: ***Ar ana kuris mumus padare pictus rugius?*** *(Того, кто нам устроил злую рожь?)* ибо в том году хлеб плохо уродился; товарищ ему отвечал: ***Anu*** *(Того)*; а крестьянин сразу закричал проповеднику: ***Gieraj milas Kunige plak shita Diewa, pictus mumus dawe rugius!*** *(Хорошо, милый священник, бей, секи Бога, злую нам дал рожь!)* [178].

Вот так в то время Ягелло с Витольтом в том же 1413 году, окрестив жмудский народ и искоренив (хотя и не до конца) идолопоклонство, основали Жмудское епископство в Медниках (Miednikach) [179], поставив им первого епископа Мацея из Вильно (Wilnowca) [180], потому что тот умел [говорить] на жмудском языке. И основали и передали [жмудскому епископу] кафедральную церковь имени святых апостолов Петра и Павла, а не Александра и не Теодора и Эванция (Ewanciusa), как написал Меховский [181]. В Жмудском княжестве Витольд также основал и выстроил девять парафиальных церквей по числу повятов, важнейшими из которых в то время были: Эрайгола, Крозе (Кражяй), Медники, Россиены, Видукле, Виелона (Велюона), Колтиняны, Цетра, Лукники (Лаукува) и другие. **Эта Цетра (Cetra) неведомо где была** [183]. По Кромеру и Длугошу, эти каноны и парохии Жмудского епископства через четырнадцать лет после их основания утвердили львовский архиепископ Ян и виленский епископ Петр [183]. А король Ягелло и Витольд, назначив жмудским старостой знатного литовского шляхтича Кезгайла [184], разъехались: Ягелло в Польшу для съезда с новым прусским магистром Михелем Кюхмейстером, а Витольд на псковскую границу в 1414 [году].

Глава шестая

О подчинении Витольдом Литве княжеств Великого Новгорода и Пскова

В 1414 году Витольд, великий князь Литовский, установив с королем Ягелло христианский порядок в Жмуди и, укрепив границы от крестоносцев, собрал войско посполитого рушения из Литвы и из Руси. И, переправившись через реки Двину и Дриссу, сначала осадил псковский пригород Себеж [185], ибо в то время псковитяне (Pskowianie) не имели над собой князя и жили себе вольно без верховенства, управляясь вечем. А к Московскому [князю] и к лифляндским крестоносцам всегда были очень привязаны (przychylniejszy) из-за общих границ и взаимной торговли и часто помогали им против литовцев. Поэтому Витольд, который редко давал вольности и собственным братьям (ибо до этого выжил было Владимира, предка князей Слуцких, из Киева, Димитра Корибута Збаражского из Север[ской земли], князя Гедройцкого Довмонта (Dowmanta) и других из

их вотчин), старался и псковитян, в то время вольных, привести под свое ярмо. И, взяв сдавшийся замок Себеж, осадил другой псковский пригородок, Порхов (Porchowo), под которым стоял шесть месяцев. Потом псковичи, видя его упорство в осаде и невозможность противостоять литовским войскам, добровольно сдались Витовту с городом Псковом и со всем [псковским] княжеством [186] и обязались платить ежегодную дань ему и его потомкам, великим князьям Литовским. **Дань с Пскова**. Эта их дань состояла из 5 000 червоных золотых, 50 немецких фризов [187], которых доставили из своего и лифляндского порта Нарвы, и всяких мехов и звериных шкур, каждого зверя по пол сорока, особенно волков, медведей, рысей, лис и других, а кун, соболей, белок и горностаев и других по сороку [188]. Возложив эту дань на псковичей, Витольд поставил над ними старостой князя Юрия Носа [189], а потом с готовым войском сразу двинулся к Новгороду Великому. Новгородцы, видя, что Псков не смог ему противиться, добровольно выехали к нему и покорились на подобающих условиях с замками, с городом и со всеми землями и княжествами, относящимися к Великому Новгороду. Ибо да будет тебе известно, милый читатель, что Великий Новгород издавна был так могуч, что сами новгородцы имели под своей властью пять отдельных княжеств, и был там купеческий склад воистину со всей Руси. На востоке они имели под своей властью Двинский или Дивинский (Diwine) край протяженностью в 150 миль до самого Ледовитого моря, а также Вологодский (Wolochde) край, большая часть которого пустует из-за зимы, однако очень богатый пушным (kosmate) товаром. На юге владели также половиной города Торжок (Terszak), недалеко от Твери. Их границы были до самой Норвегии, Швеции и Финляндии, [принадлежал им] и Хлопигород (Chlopigrod) [190], некогда построенный их невольниками, и прочее. О чем также читай московские записки Герберштейна (стр. 73, 75, 78 и др.), Мюнстера и Кранца, который тоже пишет о таком великом могуществе новгородцев, что у них в народе было такое присловье: ***Quis potest contra Deum et magnam Novogrodiam!*** Кто может быть против Бога и Великого Новгорода? **Дань с Новгорода.** Но Витольд, как новый литовский Геркулес, эту их ни с чем не сравнимую [мощь] (niepodobnosc) обратил в ничто и принудил их к такой дани, что каждый год [они] должны платить в литовскую казну десять тысяч червоных золотых только с одного города Новгорода, по сто немецких фризов, по десяти сороков всяческих мехов: куньих, собольих, рысьих, горностаевых, лисьих, беличьих и других, хотя другие летописцы считают по [одному] сороку. Поставив над ними своего наместника, старосту князя Семена Альгимунта Гольшанского [191], своего шурина (szwagra), и заняв все новгородские и псковские пригородки литовцами, воротился в Вильно с победой и великими трофеями (wzdobyczami), часть которых отправил Ягелле в Польшу.

О новом походе в Пруссию великого войска Ягеллы с поляками и с силезскими князьями, а Витольда с литовцами и татарами в году Господнем

1414

Крестоносцы начали войну. Фогт Новой Марки Михель Кюхмейстер, захватив и посадив в тюрьму магистра Генриха Плауена, был избран прусским магистром [192]. И, не желая мира с королем, сразу же вторгся в Добжиньскую землю, хуже, чем язычник, вешая захваченных христиан — и не только крестьян, но и шляхту. Также крестоносцы, вопреки данными ими обещаниям, жестоко перебили купцов: в Гданьске познанских, а в

Христмемеле (Trismemlu) и в Рагнете — литовских и жмудских, и позабирали их добро. Поэтому король Владислав Ягелло и Витольд, не в силах далее сносить этой кривды, собрали войска со всех повятов — один в Польше, другой в Литве — и татар, и двинулись в Пруссию. Сверх того, на помощь королю и Витольду прибыли силезские и поморские князья: Бернард Опольский, Ян Рациборский, Болеслав Чешиньский, Конрад Олесницкий, Вацлав Жаганьский, Ян Любеньский, Конрад Бялый Козленьский и Венцеслав (Wenclaw) Опавский. Также одну хоругвь моравских и чешских рыцарей прислал на помощь моравский староста Латикус Кравариус. Так что с этим войском можно было изрубить не только пруссов, но и (как Кромер говорит в книге 18) немалую часть света. Хотя [они имели] почти столь же большое войско, как Ксеркс в Греции, но заняли только некоторые города: Нидбург, Гогенштайн, Алленштайн, Гуттштадт, Зиргуну, Прабуты, Бишоффсвердер и Кройцбург — частью силой, частью благодаря их сдаче. **Литовцы поражены из-за неподобающей организации** (piczowaniu)**.** А когда литовцы беспечно гнали полон и добычу в лагерь, на них ударили немцы и захватили там литовского маршалка Бутрима и какого-то знатного человека Микиту (Mikite).

Хитрый фортель магистра, благодаря которому можно научиться, как отвлечь и оттянуть неприятеля от слабого замка к сильному. Несмотря на это, вдоль и поперек разорив и опустошив орденские волости, король двинулся под Торунь, а Витольд с литовцами — под Кульм или Хелмно. И те сразу бы сдались, если бы магистр хитрым фортелем не отвлек [поляков и литовцев] от этого начинания. Ибо он придумал письмо, якобы написанное ему бродницким комтуром, что тот не может более оборонять от поляков Бродницу из-за голода, слабости стен и недостатка огнестрельного оружия (stzelby). И нарочно послал курьера с этим письмом туда, где располагались наши войска. Наши захватили его, привели к королю и там, уяснив из письма, что им легко будет захватить Бродницу (которая была городом, прекрасно укрепленным во всех отношениях: пушками, людьми и [ручным] огнестрельным оружием), король с Витольдом осадили ее и бесполезно простояли под ней целый месяц [193].

Ян Гус сожжен. Там к ним приехал Иоанн, епископ Лозаннский (Jan Lanszenski), легат от папы Иоанна [XXIII], и заключил перемирие между поляками, литовцами и крестоносцами на два года [194], пока будет собор в Констанце, на котором сожгли Гуса Яна и Иеронима из Праги, а потом и сам папа должен будет учинить между ними мир. Вот так король и Витольд распустили эти воистину ксерксовы войска и с великими трофеями отступили из Пруссии: один в Польшу, а другой в Литву.

О первом посольстве Ягеллы и Витольда к Турку

1415.

А когда римский и венгерский король Сигизмунд поехал на Констанцский собор, турки нападали и разоряли его королевство Боснию, побивая венгров. Поэтому Владислав Ягелло и Витольд (которым Сигизмунд, уезжая, поручил оборону Венгерского королевства) послали к турецкому королю Магомету [195], в то время уже утвердившему свою столицу в Адрианополе, сурово и гневно грозя ему войной, если не перестанет совершать набеги на Венгрию и Боснию. И этим своим посольством, напугавшим Турка,

освободили всех венгерских пленников и вырвали Боснийское королевство из-под власти язычников. А также заключили между турками и венграми перемирие на шесть лет. Так что можем спеть такую старинную песенку (staroswiecka):

Были наши туркам некогда грозны,
А потом уже не так, как ныне мы.

Начало турецкой дружбы с Польшей. И с тех пор началась дружба [196] Турции с Польшей и Литвой, как в 1574 году в Константинополе показывал мне из турецких хроник султанский чауш [197] Амурат, потурчившийся венгерский монах и человек ученый.

Валашская присяга. В том же 1415 году, когда король был в Снятине, к нему приехал валашский воевода Александр [198] со многими боярами и, как требовал обычай, бросив (porzuciwszy) [свое] знамя королю под ноги, присягнул и покорился ему (przysiagl hold i posluszenstwo).

В то время приехали послы от императора [Византии] и патриарха Константинопольского, прося о помощи продовольствием, ибо турки, утвердившись в Адрианополе, совершали жестокие набеги и угрожали Константинополю осадой. Поэтому, движимые христианским милосердием, король из Руси, а Витольд из Литвы послали по Днепру достаточно хлеба и продуктов (zywnosci) в черноморский порт Качибей (do Kacibeja portu morza Pontskiego). **Литовский Качибейский** (Хаджибейский) **порт** [был] **недалеко от Очакова.**

Глава седьмая

О дарах Витольдовых и о соглашении Литвы с крестоносцами, о третьей жене Ягелло и о разрушении Киева татарами.

Великие подарки Витольда Ягелле, которые, как мне сдается, он имел из Великого Новгорода и из Пскова. Король Ягелло из Снятина приехал прямо в Литву, где Витольд с литовскими панами вельможно чествовал его в Вильно и даровал ему двадцать тысяч чешских гривен и сорок отборнейших одежд (szat), [отделанных] собольим мехом, сто резвых коней фризов и сто длинных шат (szat), златоглавых по моде того времени [199]. Ныне наша казна не выдержала бы таких затрат. Взяв это, король Ягелло поехал в Краков, где, устроив похороны королевы Анны, которая в это время скончалась, уже [оттуда] поехал в Литву. Созвав вальный съезд с Витольтом, панами и шляхтой литовской и жмудской под Велюоной, [король] хотел заключить там вечный мир с крестоносцами. Но крестоносцы тогда спесиво домогались от Литвы Жмудского княжества и не принимали условий короля и Витольта, ибо им придавал смелости союз с татарами. И разъехались, так и не договорившись ни о чем.

Крестоносцы заключили с татарами союз против Литвы (zprzysiegli na Litwe)**.** Вскоре после этого в 1416 году большие татарские войска с их царем Эдигеем (Ediga) вторглись в Киевское княжество, сам город Киев разорили, разграбили и сожгли [200], и с того времени [Киев] уже не мог вернуть свою прежнюю красоту. Однако сам замок [татары] взять не смогли, хотя и усиленно добывали. **Тот же Эдигей, будучи Тамерлановым гетманом, ранее поразил Витольта.**

Дав отпор неприятелям, король Ягелло отпраздновал свадебные торжества в Саноке [201], где против воли всей коронной рады и вопреки брачному праву взял себе третью жену, вдову Эльжбету Грановскую, старую бабу из рода Пилецких, свою крестную мать, ибо она когда-то его крестила [202]. Обычаем это возбранялось, [к тому же] та до этого имела трех мужей: Вислава, Лацка, Кравариуса старосту Моравского и Грановского [203]. Она сразу же выпросила у короля, чтобы ее сын Ян из Пильце был пожалован графом Ярославским, за что шляхта очень гневалась на короля. **Графство Ярославское.** Но потом это графство было быстро испорчено из-за женщины [204].

Эльжбету короновал львовский архиепископ Ян Ржешовский, ибо Миколай, архиепископ гнезненский, был в то время на соборе в Констанце, где к тому же объявил, чтобы впоследствии никакой другой епископ, кроме архиепископа гнезненского, не смел короновать короля или королеву, добился подтверждения этого папой и собором и получил титул ***Primatis Regni*** (примас королевства). Однако в наши времена, при нынешнем короле Стефане этот привилей шею сломал [205].

О литовском съезде с крестоносцами, о неприятном происшествии [206] с Ягелло и о второй женитьбе Витольта

в году 1418

Король Владислав Ягелло, приехав в Литву, вместе с Витольтом созвал в Жмуди, в Велюоне, сейм с крестоносцами, договариваясь об окончательном мире, но из-за немецкой гордости так ни о чем и не договорились (nie concludowali). ***Длугош и Кромер, стр. 280, кн. 18 второго издания***. Потом, когда сам король в пуще Вигров (Wigrow) забавлялся охотой на зверей, [он] чуть было не попал в силки Растембергского комтура, которые тот расставил, чтобы поймать короля, однако короля предостерегли [207]. Немцы же, видя, что их [затея] раскрыта, удрали, боясь, что их схватят дворяне короля и Витольта.

Тогда же, когда умерла первая жена Витольта Анна, дочь князя Святослава Смоленского, он взял другую княгиню, вдову Ульяну, [которой] первая жена [приходилась] родной теткой [208], и на этот брак, как неподобающий, не хотел давать согласие виленский епископ Петр. Но куявский епископ Ян Кропидло, который приехал тогда в Литву вместе с королем, повенчал их тайно, а не пристойно. Витольт имел три жены: первая Анна Смоленчанка, которая когда-то избавила его от тюрьмы; вторая Мария, дочь князя Андрея Луком[ль]ского и Стародубского [209]; третья Ульяна, дочь князя Ивана Ольгимунтовича Гольшанского, родная сестра князя Семена Лютого и князя Андрея Вязенского, у которого потом Ягелло тоже взял [в жены его] дочь Софию, мать Владислава и Казимира, как о том будет ниже.

В том же 1418 году, как пишет Ваповский на странице 273, Витольд, задержавший брата Свидригелло, который возвратился было из Москвы, второй раз посадил его в Кременец, но [тот], когда русские ему подсобили, бежал в Венгрию к королю Сигизмунду. По этой причине Витольд потом дал ему Новгород Северский, где [он] спокойно жил до самой смерти Витольда. Но Меховский в кн. 4, гл. 51 (как я об этом рассказывал выше) пишет,

что когда Свидригайло [210] в Великую Пятницу [211] бежал из Кременецкого заключения в Венгрию, убив замкового старосту, поляка Конрада, то потом, благодаря хлопотам Сигизмунда, короля Римского и Венгерского, и брата Ягеллы, был ласково принят и взял от него [212] в кормление (na wychowanie) два княжества: Новгород Северский и Брянск, которыми ныне завладел Московский [царь], оторвав [их] от Литвы.

О походе Ягеллы и Витольда на крестоносцев, союзе с королем Датским и Шведским и устрашении Ягеллы

в году Господнем 1418

Так как крестоносцы не прекращали [затевать] стычки и безбожно нарушать перемирие с Литвой и с Польшей, король Ягелло с Витольтом, собрав войска из Польши и из Литвы, вторглись в Прусскую землю. Там к ним от папы приехал миланский архиепископ Бартоломей Капра, который остановил (rozwiodl) эту войну, по большей части благодаря советам Витольда, и установил между ними и крестоносцами перемирие на два года [213].

Тогда же Эрик, король Датский, Шведский и Норвежский и князь Поморский [214], на день Трех Королей [215] приехав в лагерь короля, со взаимными клятвами заключил мир и союз с королем и Витольдом против крестоносцев и против любых врагов всех трех сторон. А также, если бы один из королей или Витольд захотели бы разорвать этот союз, то их подданные не освобождаются от этой клятвы и мирных [обязательств], и чтобы ни один без ведома другого войны бы не начинал.

Король Ягелло жестоко напуган громом с неба. А когда после той войны и мира Витольд вернулся в Литву, король тоже поехал в Великую Польшу. И когда из Познани ехал в Шреду, случилось так, что днем, который весь был ясным, небо вдруг почернело от туч, а потом раздались страшные и частые раскаты грома (trzaskawice). А затем громадная молния (piorun) ударила в королевский возок, в котором сидел [Ягайло], и сразу убила четырех возчиков и двух боковых драбантов. А также у воевод Познанского и Сандомирского и у девяти других королевских дворян убила коней и королевского [испанского] скакуна, на котором сидел оруженосец с копьем с королевским вымпелом, а самого всадника не [убила], только порвала на оруженосце одежду. Король в это время лежал как бездыханный (по примеру оного Шавла), а потом, когда пришел в себя, ничего с ним не случилось, только [в течение] нескольких дней плохо слышал и чувствовал слабую боль в правой руке [216]. Некоторые видели причиной этого предостережение от Бога за недостойный брак с Грановской. **О Савле или Павле, устрашенном с неба, читай в Деяниях апостольских, гл. 9 (5), 22, 26; Коринф**[янам] **15; Галат**[ам] **1, а также *Длугоша, Кромера* (стр. 281) *и Герборта* (128).**

Глава восьмая

О назначении Витольдом татарских царей

в году Господнем 1418 и 1419

Своей доблестью, честью и врожденным мужеством
Витольд был во всем свете прославлен заслуженно.
Все татарские цари слушались его,
Без его воли не трогая никого [217].

Султан Керемберден, царь Заволжский, [выступил] **против Витольда.**

А как умер заволжский царь султан Зеледин [218],
С которым и Витольд крепкую дружбу водил,
И королю Ягелле он в прусских походах служил,
Сын его, Керемберден, кровавый престол захватил.
Кровавый, ибо отчий престол ему саблей достался,
Которой он Витольдову мощь погромить собирался;
Витольд того не стерпел, начал войско собирать,
Чтобы Керембердена силой с престола согнать [219].

Султан Тохтамыш Бетсабул, царь Заволжский, коронован Витольдом в Вильне на Заволжское царство так же, как недавно в наши времена Магнус [коронован] **Московским** [царем] **на Лифляндское царство [220]. Каков коронующий, таков и коронованный.**

Тохтамыша Бетсбула [221] в Вильне короновал,
По обычаям заволжских татар поступал:
Дал с жемчугами шлык, нарядил в убор парчовый,
Всем объявив, что Тохтамыш — царь заволжский новый.
И послал его в Орду с войсками татарскими
Из Литвы и из Ваки [222], и с дарами царскими.
К нему немалая часть заволжской орды пристала,
А другая часть Керембердена царем считала.

Тохтамыш зарублен братом Керемберденом.

И очень скоро друг с другом в войне за царство схватились,
И долго кровавые сабли в братской крови мочились.
Керемберден брата Тохтамыша в бою победил,
Желая и имя его сжить со света, зарубил.

Витольд послал на заволжский престол другого царя, Еремфердена, вместе с Радзивиллом (Radiwilem)**.**

Его брат Еремферден [223], который из этой битвы бежал,
Со своими мурзами и уланами в Литву прибежал.
Витольд опять его в Вильно короновал,
Саблю дал, в золотую парчу одевал.
Маршалка Радзивилла (Radwila) с ним в орду отправил,
Чтобы тот его на отчий престол поставил,

Взял с него присягу, и армия в поле пошла,
Где часть Керемберденовой орды к ним перешла.

Литовцы, прибыв на помощь Еремфердену, поразили Керембердена.

Потом оба они сошлись в жестокой битве над Волгой,
Где казаки из Литвы в засаде сидели недолго:
Внезапно выскочив, множество полков разбили,
Керемберденову орду сразу поразили.

Заволжский царь Еремфердер, литовский данник, посажен Витольдом в орде с помощью Радзивилла [224].

Еремфердер выиграл бой и царство заполучил,
Керембердена схватил и по заслугам умертвил,
А Витольду верно и честно служить присягал,
И с Радзивиллом (Radziwil) ему большие дары послал.
Потом вся его орда с Витольдом жила дружно
И служила ему всегда, когда было нужно.
Так Литва над татарами в то время пановала,
И по собственной воле своей царей им давала.
В том же году Эдигей [225], царь перекопский славный
Который с Витольдом недавно вел бой неравный
Со стороны Тамерлана, хоть сам полки водил,
И, как сын отца, Витольда почитал и любил,
Прислал большие дары и о вечном мире просил [226],
Ибо в дружественной Литве перекопской орде жил.
Клялся быть верным Витольду, ему помогать,
Против любого врага помощь ему давать.

Этот Эдигей сначала был гетманом Тамерлановым, когда в 1399 году он поразил Витольта.

Татары служили не за подарки, а добровольно,
И Витольд не позволял им разбойничать своевольно.
Ныне силой требуют плату; служба им не нужна.
О, Витольд, восстань же и верни прежние времена!

Времена изменились *et servi nostri dominate sunt nobis*

*(и наши слуги властвуют над нами)***.**

О том, что Литва ставила царей сначала заволжским, а потом и перекопским татарам, ты, милый читатель, в русских и в литовских Летописцах имеешь ясные свидетельства, которые я тут кратко и правдиво выразил стихами, время от времени теша лютней врожденную меланхолию. Но и Длугош и Меховский (кн. 4, гл. 51, стр. 317) так

повествуют об этих междоусобицах татарских царей: ***Sub eodem anno etc.*** В том же самом году (говорят), когда Витольд захватил было Свидригайла, и прочее, когда умер татарский царь султан Джелал ад-Дин (Zeledin), который польскому королю Ягелле и Витольду, великому князю Литовскому, всегда верно помогал против крестоносцев, его сын Керим-Берды (Keremberden), возведенный на отцовский престол, начал враждовать против Витольда. Витольд поставил против него другого царя, Бетсабулу (Betsubulana), которого татары зовут царь Тохтамыш (Tachtamis), короновав его в Вильне и при торжественной церемонии нарядив в золотую парчу (zlotoglow). И, соединив свое литовское войско с его ордой, послал его биться с Керим-Берды, но тот в жестокой битве потерпел от Керим-Берды поражение и был убит. Через несколько дней после этого сам Керим-Берды был убит родным братом Ярем-Берды (od Jeremferdena). А тот чтил и слушал великого князя Витольда так же, как и его отец Джелал ад-Дин (Zeledin), и при каждой военной нужде он сам и его орда служили Литве.

Тогда же татарский царь Эдигей послал Витольду дары (как Кромер пишет в кн. 18 и других) и просил у него мира, после чего между ним и Литвой было заключено перемирие.

О неприятии королевства Чешского, добровольно предложенного Ягелле и Витольду, и о смерти королевы Эльжбеты.

Когда в году 1419 король Владислав созвал сейм в Лещице (в это время его третья жена королева Эльжбета — к великой радости всех сословий Короны, которым она была ненавистна — умерла и похоронена в Кракове в Мариацкой (Mansionarskiej) часовне), в это же время в Чешском королевстве была великая смута относительно веры, ибо Уиклефова и Гусова ересь сотрясала все эти края к великому упадку христианства.

Жижка воюет. Так, Ян Жижка, собрав на горе Таборе 40 тысяч еретиков, очень усилился и, дважды поразив наголову римского и венгерского короля Сигизмунда, натворил много злого, разоряя города и церкви.

Поэтому в 1420 году к королю Владиславу Ягелло приехали знатные послы от чешской короны, предаваясь ему с [чешским] королевством, с Моравским маркграфством и с силезскими княжествами и прося, чтобы стал их королем и защищал от Сигизмунда Римского. Король, хотя поблагодарил их за это и помощь обещал, но королевства принять не хотел (главным образом потому, что большая их часть были еретики), говоря, что не может этого учинить без совета брата Витольда. Поэтому послы с великими дарами поехали к Витольду и, найдя его в Вильне, отдали ему подарки, также покорно прося, чтобы дал согласие быть чешским королем и маркграфом Моравским и Силезским. **Добродетель Витольда.** Но Витольд, поблагодарив их, сказал, что останется при своем и отказывается царствовать у непослушных Римской церкви.

Второе предложение чешской короны Витольду и Ягелле. В том же году в Литву приехали другие послы от чешской короны и нашли короля Ягелло и Витольда в Мерече, забавляющихся охотой. И просили о том же, что и в первый раз, описывая такую ситуацию, что, когда Чешское королевство объединится с Короной Польской и с Великим

княжеством Литовским, они смогут одолеть не только крестоносцев, но и любого самого могущественного монарха, особенно Сигизмунда Римского, врага народов этих государств, на которого Витольд имел обиду (wark). А что до религии либо веры, то они отдаются в полную волю короля и Витольда и готовы всем пожертвовать, лишь бы кто-нибудь из них согласился быть их королем: либо король, либо Витольд [227].

Витольд долго держал их в надежде, не давая им окончательного ответа, поскольку вместе с ними мог бы отомстить за свои и Короны Польской обиды римскому и венгерскому королю Сигизмунду, который вместе с крестоносцами всегда предательски и недостойно выступал против Польши и Литвы. Но потом с Люблинского сейма чешским послам дали [официальный] ответ от короля и от Витольда, что, хотя они, как известно, были очень оскорблены Сигизмундом, но из врожденного благородства и мысли такой не имели, чтобы на злобу злобой отвечать. Однако обещали всячески примирять их с папой и с Сигизмундом, а в случае нужды не отказывать им в помощи.

Глава девятая

О четвертой женитьбе Ягеллы

Потом в 1422 году король Ягелло поехал в Литву и там по совету Витольда (против воли коронной рады, которая советовала ему взять Евфимию, дочь недавно умершего чешского короля Владислава [228]) взял в супруги четвертую жену Софию, красивую и статную дочь киевского князя Андрея и сестры Витольда [229]. Согласно Меховскому, в Новогрудке она была перекрещена из русской веры в римскую, а венчал их на масленицу виленский епископ Мацей. **Меховский на стр. 285 сообщает, что перекрещена в Новогрудке, а Ваповский ошибочно пишет, что в Городке** (Grodku)**.** Король не взял за ней никакого приданого, но случилось так, что она родила ему двух сыновей: Владислава и Казимира. Некоторые литовские летописцы, явно сильно ошибаясь по времени и по существу, и датируя [это событие] 1405 годом, после взятия Смоленска, [сообщают], что София должна быть дочерью Андрея Ольгимонтовича Гольшанского. Однако же из десяти других Летописцев русских и нескольких литовских и из Кромера (кн. 18), Длугоша, Ваповского (стр. 273), Меховского (285) и Герборта (129) я полагаю, что [эти летописцы] искажают Литовскую правду. Я выяснил, что это была дочь Андрея Ивановича, прежде Киевского, а в то время Друцкого князя, от которого происходят также князья Острожские и Заславские, внучка Витольда от сестры [230]. И этот брак действительно был в 1422 году.

В то самое время, когда король возвращался из Литвы, приезжали к нему послы князя Клевского и Монтенского или Бергского [231], добровольно ему покоряясь, чтобы вместе с Витольдом взял его под свою защиту. Но коронные паны им отвечали, это дело ни королю, ни князю не может быть полезным из-за отдаленности и разных границ, ибо это княжество находится над Рейном, почти внутри немецкой земли, и [тяготеет] к Франции.

Глава десятая

О направлении Витольдом на чешский престол литовского князя Жигмонта Димитровича Корибута и о военном походе в Пруссию Ягеллы с поляками, а Витольда с литвой, со жмудью и с русью

в 1422 году.

Когда чешские послы в третий раз стали настаивать, чтобы королем Чехии стал либо Ягелло, либо Витольт, Витольд [232] ответил им, что не хочет быть избранным, [ибо это то же самое, что] желать соорудить себе гнездо на двух деревьях; так же поступил и король Ягелло. Однако, чтобы не [показаться] возгордившимися и не бросать чехов, добровольно подчинявшихся и готовых присоединиться либо к литовцам, либо к полякам, Витольд, великий князь Литовский, в полном согласии с королем Ягелло отправил [царствовать] в чешское королевство своего племянника Жигмонта (Sigmunta) Димитровича Корибута [233] с немалым войском литовских, польских и русских полков, чтобы защищал чешское королевство от Сигизмунда Римского, Венгерского и лишь недавно коронованного короля Чешского, маркграфа Бранденбурга [234], на которого Витольд имел давнюю и заслуженную обиду, ибо [тот] постоянно натравливал (buntowal) прусских крестоносцев на Литву, на Жмудь и на Польшу и усиленно помогал им. Поэтому Жигмонт Корибут, [происходивший] из рода князей Збаражских и Вишневецких, с чешскими послами и с сильным литовским, польским и русским войском сначала прибыл в Моравию, ибо в то время король Сигизмунд с большим немецким и венгерским войском добывал у чехов замок и город Острог. **Пугливость императора Сигизмунда.** Но как только услышал, что князь Корибут именем Витольда был послан против него на Чешское королевство, сразу же, как пишут Длугош, Меховский (кн. 4, гл. 46, стр. 289), Ваповский и другие, все [осадные] орудия, обозы, пушки, возы и другое военное снаряжение пожег, побросал, и, [прекратив] осаду, бежал, боясь, как бы Корибут не ударил на него. ***Miechovius. Singulos apparatus bellicos concremauit, ne in ipsum irruisset pertimescens etc.*** *(Меховский. Были сожжены все военные машины из опасения, что они достанутся врагам).*

А Корибут, двигаясь далее через Моравию, силой завладел укрепленным городом Уничовым (Winczowa) [235], не хотевшим его добровольно признавать, отдал все на разграбление солдатам и разорил его до основания. Потом прибыл в Прагу, столичный город Чехии, где большая часть чешской шляхты и все пражские горожане признали его королем и господином и, вручив ему ключи, передали всю власть в городе Праге и обоих замках. Потом, с одобрения чехов, Корибут завладел почти всей Чешской землей, Моравским маркграфством, Силезией и Бытомом. А Сигизмунд, император (cezarz) Римский, венгерский и коронованный чешский король, видя корибутово могущество и основательность на чешском престоле, более не покушался ни на Моравию, ни на Чехию, а на польского короля Владислава Ягелло и великого князя Литовского скрежетал зубами, [видя], что они с такой ловкостью устроили ему [неприятности] с помощью Корибута. А так как сам не мог ему отомстить своими собственными силами, то постоянно подстрекал прусских и лифляндских крестоносцев, чтобы совершали набеги на Польшу и на Литву. **Фальшивое перемирие с орденом.** И чтобы от мира с поляками и литовцами не отказывались, пока не услышат от императора Сигизмунда либо от папы чего-либо обнадеживающего, дабы затем внезапно обмануть беспечных поляков и литовцев. А чтобы император Сигизмунд мог беспрепятственнее готовить войну с поляками, он

наряжал своих посланцев и других шпионов в одеяния нищих, как пишут Кромер и Длугош, и те носили туда и сюда через польское и литовское государства письма к крестоносцам и от крестоносцев. Но когда один такой шпион-нищий по дороге умер в Конине, при нем нашли изменнические письма императора Сигизмунда к крестоносцам, в которых они заключали соглашение против Польши и Литвы. Поэтому король Ягелло и Витольд, узнав об этой предательской практике Сигизмунда и ордена, немедленно предупреждая хитрые неприятельские фортели не тайными подстрекательствами, а явной войной, собрали сто тысяч войска из поляков, литовцев, русских и татар, конных и пеших, с которыми вторглись в Пруссию двумя дорогами: Ягелло из Польши, а Витольд из Литвы. И шли в доспехах, как будто уже вступая в битву, ибо и крестоносцы, которые имели тридцать тысяч бойцов, не собирались [спокойно] наблюдать за разорением своих земель и хотели дать нашим открытое сражение. Но силезец Конрад Немчик (Nemcius) [236], муж, искушенный в рыцарских делах, это им отсоветовал. Поэтому крестоносцы, отказавшись от своего прежнего намерения, перешли к обороне замков, оставив часть войска кнехтов и всадников (rejterow), которые препятствовали переправе наших через реку Дрвенцу, но и тех поляки с литовцами без труда разгромили, побили и много их захватили [в плен]. Потом распустили загоны для разорения замков и городов; взяли, разорили и сожгли города Фридек или Вамбржезно [237], где была столица епископа Кульмского, и Голуб, захватив два замка Голубских: верхний и нижний. И там захватили в плен более, чем четыре сотни кнехтов и всадников и 15 самих орденских братьев (Krzyzakow) [238].

Там же в лагерь короля и Витольда приехал епископ Крбавский (Korbawski) [239], посол от императора Сигизмунда, прося, чтобы король Ягелло приказал Корибуту выехать с чешского королевства, а крестоносцев чтобы войной не преследовал. А если бы они королю какую неправду причинили, то чтобы добивался справедливости у императорского престола, если же чувствует обиду на императора, тогда этот компромисс с обеих сторон пусть взяли бы [на рассмотрение] венгерские и польские паны, и прочее.

На это ему ответили, что король уже достаточно хорошо узнал верность и справедливость императора в отношении крестоносцев, однако не согласен на его наисправедливейший арбитраж (decrecie). Если бы прежде его крестоносцы были не столь спесивы, он бы и далее сохранял с ними перемирие, если бы не узнал из императорских писем о хитрой измене, и прочее. Поэтому король и вынужден добиваться своего войной, если уж иначе быть не может. А Корибут пребывает в Чехии с войском не по королевской воле.

Затем Витольд вдруг сорвался и сказал: «Я его сам туда послал для того, чтобы он отомстил императору за наши кривды и за поруганный мир. И будет там жить и далее, чтобы император уразумел, каких людей он под прикрытием дружбы обманывает изменническими ловушками». И с этой отповедью посол был отослан, а наши потом не переставали вдоль и поперек разорять вражеские земли, распуская загоны.

Валашская хитрость биться в лесу. Случилось так, что четыре сотни отборных валахов (ибо так много их воевода [240] прислал в помощь королю) воевали под Мальборком и брали добычу. Крестоносцы, высыпав из замка в большом числе, ожесточенно ударили на них. Валахи, видя, что [силы] неравны и неприятель теснит их числом, отбиваясь, сразу

отбежали в ближайший лес. И, соскочив с коней, непривычным немцам способом хотели защищаться пешими (как было у них в обычае) среди густо [растущих] деревьев. **Немцы поражены валахами.** Немцы же вошли за ними [в лес], желая выволочь их из лесу, как укрывающихся, ибо думали, что те прячутся. Но под густым градом стрел и рогатин [со стороны] валахов сразу присмирели и бросились бежать. Из тех, что были впереди, валахи очень многих перебили и захватили [в плен], а других убегающих били и гнали до самого замка. И так вернулись в свой лагерь с победой, с добычей и с пленниками [241].

Тогда же и столь же счастливо Анджей Брохоцкий герба Оссория, староста брестский (Brzestenski) [242] муж столь же отважный, сколь и благочестивый, у Орлова и Мурижинова наголову поразил восемьсот конных рейтаров и немало кнехтов крестоносцев, которые, выступив из Нешавы, шумно ударили было на его посты. Там же захватили [в плен] наместника торуньского комтура (ибо сам комтур бежал) и двенадцать старших орденских братьев (Krzyzakow), не считая простых рейтаров и шляхтичей. А других, блуждавших по лесам, грабили и били крестьяне.

Наши взяли Драхимов. Потом король отбил недавно взятый немцами замок Драхимов (Drahimow) [243] с помощью немца Павла Венжика, который ночью втащил поляков в замок ловчей сетью, за что был награжден годовым доходом в Величке [244].

Потом от замка Ковалево, по-немецки называемого Шёнзее, который так и не смогли взять, король с Витольдом двинулись под Торунь [245]. Там от шпионов он узнал, что крестоносцы имели наготове немалое войско, намеревались дать открытое сражение и ждали только удобного времени и случая. Поэтому король и Витольд сразу же отправили против них шестнадцать хоругвей поляков и шестнадцать [хоругвей] литовцев и руссаков. Но прежде чем немцы узрели наше войско, они сразу же убежали с поля в замки. А король, узнав, что в то время в Торуни господствовало моровое поветрие, для обеззараживания спалив предместье и окрестные волости, сразу двинулся с Витольдом в Кульмскую землю, желая ее либо разорить, либо подчинить своей власти. Но крестоносцы, видя, что сила солому ломит [246], и к тому же обеспокоенные нареканиями и плачем своих подданных, отправили к королю и к Витольду послов, прося о мире. Король и Витольд из христианской любви охотно им это позволили и назначили время: день перенесения [мощей] Святого Станислава [247] и место: озеро Мельно [248], в лагере над рекой Оссой. Важнейшие условия этого мира для обеих сторон были следующие. Крестоносцы уступают и навсегда отказываются от Жмудской, Судувской и Нестовской [249] земель, которые издавна относились к Литве (Судувское княжество с другой стороны Немана от Жмуди, которым теперь владеет прусский герцог (xiaze), было страной, весьма обильной хлебом и зверьем, а на бой за язычество выставлявшей 6 000 конных и 8 000 пеших, однако ныне в той земле только несколько сел, ибо крестоносцы все обратили в ничто). Другим условием этого мира было, чтобы половину сборов за перевоз через Вислу у Торуни крестоносцы уступали королю. А король и также Витольд все, что на той войне захватили, чтобы им возвратили, и чтобы все неприязни с обеих сторон были преданы забвению. Также если бы какая сторона захотела на другую войной пойти, чтобы в том подданные не слушались своих господ: как поляки короля Ягелло, так и литовцы Витольда, а пруссы и также лифляндцы крестоносцев и своих магистров. А военные расходы Витольду и Ягелле чтобы крестоносцы возместили. И это соглашение и

постановление своими письмами подтвердил и верховный магистр ордена Эберхард [250]. Но как только король Ягелло с войсками отступил в Польшу, а Витольд в Литву, крестоносцы по совету императора Сигизмунда не пожелали ни соблюдать, ни выполнять условий [соглашения], заключенного у Мельна.

Поэтому король Ягелло с поляками, а Витольд с литовцами снова хотели войной принудить крестоносцев сдержать свое слово. Император Сигизмунд, видя, что наши от слов переходят к оружию, сразу же послал к королю Ягелло, а отдельно и к Витольду, прося, чтобы согласились приехали к нему в Кешмарк для дружеского разговора и [заключения] соглашения. Но король Ягелло отправил в Кешмарк только своих послов, которые трактовали с венгерскими панами о взаимном согласии. А потом и сам король Ягелло с императором Сигизмундом съехались у Старого села, где после долгих споров возобновили между собой мир и перемирие с обеих сторон. А крестоносцам было сказано исполнять соглашение у Мельна, и чтобы Жмудскую, Судувскую и Нестовскую [251] земли вернули Литве, а замки, которые во время войны построили было на литовских границах, чтобы разрушили, стройматериалы забрали себе, и прочее. А король Ягелло и Витольд чтобы Жигмонта Корибута, князя Северского, Збаражского и Вишневецкого, из чешской земли, где он в то время считался королем, отозвали и приказали ему выехать в Литву либо в Польшу, ибо Ягелло обещал уступить ему Добжиньскую землю в Польше.

Глава одиннадцатая

О коронации Софии, четвертой жены Ягеллы, о прибытии Жигмонта Корибута из Чехии, о знатных гостях и о втором возвращении Корибута в Чехию.

1424.

Король Владислав Ягелло и Витольд в силу соглашений с императором, подтвержденных в Кешмарке и в Старом селе и по условиям возобновленного Мельнского [мира] с крестоносцами вызвали через послов своего племянника Жигмонта Димитровича Корибута, который овладел уже почти всем Чешским королевством, Моравией, Силезией и столичным городом Прагой. К тому же своей обходительностью, смешанной со строгостью, как пишет Эней Сильвий, он склонил к подчинению себе коронных панов (кроме партии Жижки), с войсками [которых] несколько раз поразил императора Сигизмунда и выгнал его из Чехии. А когда король ему Добжиньскую землю в Польше пообещал, а не дал, он задумал снова уехать в Чехию и уже собирал войско, но король и Витольд его ласково угомонили. **Старая хитрость: пообещать и не дать.** ***Si tibi Dominus montes promiserit auri. Mellea si dederit verba dedisse puta.*** *(Если хозяин медово сулит тебе золотые горы, он может и обмануть).*

В том же году, согласно постановлению у Мельна, крестоносцы полностью вернули Литве и Витольду Жмудское княжество (panstwo) и Судувскую землю, и Витольд обоюдно с ними установил границы.

Потом, 12 февраля, король Владислав провел в Кракове коронацию королевы Софии, и на этом празднике с императрицей Барбарой был и император (которого с пятью сотнями конных чехов и литовцев встречал приехавший из Чехии Жигмонт Корибут).

Эрик, король Датский. Знатные гости. [Были там] также и Эрик, датский король, который в то время ехал из Иерусалима [252], папские легаты кардиналы Бранда и Юлиан Чезарини, Людвиг Баварский [253], братья Земовит, Владислав, Казимир и Александр Мазовецкие, Бернард Опольский, Болеслав Чешиньский, Ян Рациборский, Казимир Освенцимский, Венцеслав Опавский, два Конрада Козлинских: Черный и Белый, Венцеслав Жаганьский, два комтура: Эльбингский и Торуньский [254], и другие. А Витольд, неизвестно из-за чего гневаясь на короля, не пожелал приехать, прислал только своих послов и много панов литовских и русских.

Чехи все-таки просят Корибута на королевство. После этой коронации к Владиславу и Витольду приехали послы от чешской короны, прося их, если уж сами не хотят, чтобы им все-таки послали на королевство Корибута, чтобы он, как и прежде, оберегал их в рыцарских и в гражданских делах. А когда король не хотел на это соглашаться и, напротив, грозил им войной, тогда сам Корибут, за деньги собрав множество вольных и служилых людей, вопреки воле короля и Витольда через Моравию двинулся в Чехию. И там со своими чехами храбро выступил против императорских войск, из-за чего выросло новое подозрение императора в отношении короля, хотя тот официально это запретил, [причем] все добро и княжества Корибута в Литве и на Руси [король] с Витольдом тогда забрали себе, а его самого осудили на вечное изгнание.

О рождении у Ягеллы первого сына Владислава и [второго сына] Казимира и прочее.

В 1425 году в последний день октября у королевы Софии к великой отцовской радости родился сын Владислав, и лишь на четвертый месяц был окрещен. На этих крестинах от всех христианских монархов и князей были послы, которые принесли королю и королеве великие дары. **Дар Витольда: колыбелька в сто фунтов серебра.** Витольд сам не был, но прислал ему серебряную колыбельку, весившую сто фунтов серебра.

Ягелло сломал голень. Потом король поехал в Литву, а поскольку как в Польше, так и в Литве господствовало жестокое поветрие [255], вынужден был с Витольтом и с королевой долгое время жить в пущах и там, забавляясь охотой, сломал голень, из-за лечения которой несколько месяцев жил в Красноставе (Krasnimstawie). Потом, в году Господнем 1426, 16 мая, у Ягелло родился второй сын и второго июня окрещен и назван Казимиром. Но уже в 1427 году, 2 марта, умер и похоронен в Кракове.

Пишут также Кромер и Длугош, что в 1426 году Витольд, собрав большое войско наемных солдат из Польши и из Литвы, второй раз отправился против псковичей, которые выбились из послушания. Но в начале этого похода ему жестоко препятствовали непогода и частые дожди, а потом псковичи (Pskowianie) большой суммой золота и серебра в деньгах и драгоценностях купили себе у Витольда мир и покой [256].

В том же году Владислав Ягелло послал в Валахию против турок на помощь императору Сигизмунду пять тысяч конных поляков и литовцев с руссаками. Но [те] как пришли, так и ушли, в то время как император праздно развлекался в Чехии [257]. А тех, которые не хотели идти в этот поход, особенно руссаков, король карал тюрьмой (wiezienim).

Глава двенадцатая

Об утверждении королевского сына Владислава наследником и об обвинении Витольдом королевы в прелюбодеянии.

В вышеупомянутом 1426 году, в святочный день, король Владислав Ягелло на Лещицком сейме старательно добивался у шляхты и коронных панов, чтобы после него Польское королевство мог унаследовать его сын Владислав, обещая им за это улучшение [прежних] и щедрые пожалования других вольностей. Но когда прямо добиться этого на сейме никаким способом не мог, император Сигизмунд посоветовал ему, чтобы обсудил это с коронными панами наедине, по одному и в тайне. Так он и поступил и, когда всех поодиночке тайно уговорил, обещая им пожалования званий (imion) и вольностей, и собрал с них письменные [обязательства], то, когда дошло до сейма, весь сенат одобрил наследование [престола] королевским сыном. Однажды таким же образом венецианским княжичем (xiazeciem) стал чужеземный шляхтич, подобный же план готовил (zakroil) и Монлюк [258] при избрании Генриха. **Разве не Монлюк привез этот фортель в Польшу? И в Венеции венецианским княжичем тоже стал простой горожанин.**

А в то время королева София была в тягости третьим плодом, что напугало Витольда, чтобы столь частыми рождениями Великое княжество [Литовское] не перешло к королевскому сыну. Поэтому он оговорил королеву в прелюбодеянии перед королем Ягелло, сказав королю: ты уже в столь преклонном (zgrzybialy) возрасте [259], что сыновья, появляющиеся раз за разом, не могут быть твоими собственными. Поверив в это, король приказал учинить следствие о верности (zachowaniu) королевы. Схвачены были две пани, Катаржина и Эльжбета, сестры Щуковские [260], которые были [посвящены] в тайные дела королевы. Боясь, что их подвергнут пытке, те признались в излишествах (zbytkach) королевы, однако правда это либо нет, было сомнительно. **Польские шляхтичи, обвиненные по** [делу] **королевы. [**Ими] были выданы и те, с кем [королева] встречалась и советовалась, прежде всего Гиньча Роговский, Петр Куровский, Вавржинец Заремба, Петр Краска, Ян Конецпольский и Петр и Добеслав Щекочиньские. Из них трое последних сразу сбежали, а трех других посадили в тюрьму. Королеву король тоже хотел отослать в заключение в Литву, и уже были приготовлены возы. Но на Городельском сейме (который Витольд собрал было для этого) паны, особенно краковский воевода Ян Тарновский, стали спрашивать короля, что он собирается делать со своими сыновьями после того, как так ославил их мать королеву. Король отвечал, что будут при мне, чтобы после меня правили. **Знаменитые слова Яна Тарновского.** А Тарновский сказал: «Боже сохрани, чтобы ты нам поставил на королевство тех, мать которых славишь, а их самих за своих сыновей не признаешь!» [261]. Потом коронная рада постановила, чтобы королева сняла с себя подозрения своей присягой и свидетельством нескольких панов. А вскоре после этого она родила третьего сына, которому при крещении дали имя Анджей Казимир.

А в 1428 году император Сигизмунд, король Венгерский, с великим войском отправившись в Болгарию на турок, как только увидел турецкие полки, не вступая в битву, позорно бежал на Дунай с частью войска, а другую часть людей выдал на съедение (na miesne jatki) туркам. Там Ян Завиша Черный, поляк, староста Спишский, когда император прислал за ним челн, чтобы тоже бежал, не хотел на него вступить, предпочитая славно умереть, нежели позорно бежать, выдав своих христианских братьев. И, побуждая коня шпорами, ударил на бесчисленные турецкие полки и собственной рукой убил несколько турок, А когда он демонстрировал еще большую отвагу, турки окружили его и захватили живым. И когда его, статного мужа в позолоченных доспехах, вели как великий дар турецкому императору, повздорили два туречина, которые оба приписывали себе его пленение. И там же одним из них он был зарублен, муж, всю свою жизнь славный рыцарскими подвигами и сенаторским советом и достойный вечной памяти.

Новгородцы второй раз принуждены к покорности и дани. Тогда же Витольт, великий князь Литовский, имея в помощь много поляков в качестве волонтеров, нанятых за деньги, во второй раз начал войну против руссаков новгородцев, вольных людей, псковских соседей, указав им причиной войны нарушение границ. И когда вопреки их надеждам он с литовским и польским войском преодолел трудности пути, то с польскими и с литовскими войсками расположился лагерем под их замком Опочкой. Там новгородцы покорно пришли к нему, покоряясь ему с городом, замками и княжеством, а также при сдаче дали ему великие дары в золоте, в серебре и в драгоценностях, принесли присягу и согласились ежегодно платить большую дань. Как пишут Длугош и Кромер, в этом походе вместе с Витольдом были знатнейшие из поляков, прежде всего мазовецкий князь Казимир, Винцентий Шамотульский, каштелян Мендзыжецкий, гетман войска [262], Якуб Кобылянский, Ян Чижовский, Мстяг (Msciag) Скржиньский, Миколай Бржецкий (Brzeski), Зик Кадлубский, Мацей Уский, Ян Щекоцивский, Ян Лопата Калиновский, Якуб Прекора Моравский (Morawianski), Миколай Сепинский и другие [263]. Вот так Витольд в этом втором походе основательно подчинил (gruntownie zgoldowal) жителей Новгорода Великого.

Глава тринадцатая

О знаменитом съезде и славной свадьбе в Луцке, и как Витовт задумал при поддержке императора из княжества Литовского учинить королевство

в году Господнем 1429.

Император Сигизмунд, король Венгерский и Чешский, после того самого поражения от турок в Болгарии, когда, выдав своих людей, сам позорно бежал Дунаем, так и не дав сражения, чтобы как-нибудь скрыть свое предательство и потери, стал жаловаться на короля Ягелло: якобы тот, несмотря на обещания и уговор, не прислал ему на помощь своих людей. Однако еще за год до этого Ягелло и Витольд посылали их до самого Браилова на Дунае, последнего и пограничного с турками валашского города, а сам император, замешкавшись в Чехии, задержал наших без толку.

А император Сигизмунд, будучи великим, хотя и тайным, врагом Ягеллы и поляков, заботился прежде всего о том, как бы Витольда и литовцев с поляками и Ягеллой рассорить и окончательно разорвать их союз. Поэтому он просил Витольда и короля Ягелло съехаться с ними для беседы в определенном месте, на что легко уговорил. Место [съезда] Витольд предложил в Луцке на Волыни, на шестой день января 1429 года. А в это время сыновья мазовецкого князя Земовита, умершего в прошлом году, приехав в Сандомир, принесли королю Ягелле присягу и [вассальную] клятву. А их дядя Ян, князь Варшавский [264], потом тоже умер через несколько дней.

А император Сигизмунд согласно уговору в [назначенное] время приехал в Луцк со своей женой Барбарой и со многими князьями и графами Немецкой империи [265], а также с венгерскими, хорватскими, чешскими, австрийскими и другими панами, которые вместе с императором приехали не столько на съезд, сколько для прославления Витольда. А также и король Ягелло с королевой и с мазовецкими князьями и коронными панами, с Легницким, Бжегским (Brzeskim) и с Поморскими князьями. Также, как свидетельствуют летописцы, по просьбе Витольда приехали: его зять Василий, великий князь Московский [266], Борис Тверской [267], [князь] Рязанский [268], Одоевские князья [269] Белой Руси, а также Эрик, король Датский и Шведский [270], Перекопский и Заволжский цари [271], изгнанный господарь Валахии [272], прусский магистр Русдорф и лифляндский [магистр] Зигфрид (Sifridus) [273] с их комтурами. Греческий император Палеолог тоже прислал своих послов. И очень много других князей и иностранных господ, помимо самих литовцев, русаков и поляков, съехалось в Луцк [274], так что на несколько миль около Луцка по деревням и фольваркам полно было гостей, и всех их Витольд вельможно принял и еще вельможнее чествовал и угощал (podejmowal).

И там, когда император, король Ягелло и Витольд сошлись для прямого разговора с глазу на глаз о взаимных кривдах и причинах неприязни, император более всего напирал на Валахию [275], желая, чтобы король и Витольд согласно условиям мира совместно с ним силой привели к покорности Валашскую землю и разделили ее на три части, говоря, что этот народ никому не верен и давно не приходил ему на помощь в турецкой войне. А король Ягелло отвечал: я ничего такого делать не желаю, напротив, буду защищать валахов, которые издавна мне служат и верные данники. А если и не прибыли к императору на помощь, то это не их, а самого императора вина, поскольку за год до этого они совместно с литовцами, с волынцами и с подолянами были выдвинуты на турок до самого Браилова, но император сам их обманул. На эту отповедь Ягеллы императору пришлось отмолчаться, однако он начал тайные переговоры с Витольдом и, устраивая с ним отдельные встречи, обещал ему, как великому, доблестному и славному князю, корону королевства Литовского. И там же с ним подружился, сговорился и заключил союз, чтобы поссорить его с Ягелло и с поляками. А Витольд, так как был великого ума (wielgomyslny) и жаждал славы, не отказал в этом императору, однако сказал, что короны принять не может, ибо не годится этого делать без дозволения Ягеллы. Тогда император вместе со своей женой хитро и ласково начали уговаривать короля Ягелло, чтобы он ради почитания, украшения и славы своей отчизны дозволил Витольду принять корону. Король, смущенный этими уговорами, не стал возражать, однако с тем условием, если это одобрит коронный сенат. Потом Витольд щедро чествовал [гостей] превеликой казной и несказанным пожалованием, щедростью своей превышая собственную доблесть. И все

летописцы согласны в том, что хотя и великое это дело, однако соответствующее [великому] сборищу гостей. На каждый день выходило семьсот бочек меду, кроме вина, мальвазии, пива и других [спиртных] напитков; семьсот волов и телок, четырнадцать сотен баранов, зубров, лосей, диких свиней по сто [276], не считая прочих продуктов (przypraw) для кухни и различных нужд и расходов. И целых семь недель [277] длился этот съезд в Луцке, знаменуя собой превосходство и богатство Витольда, собравшего в Луцк так много знатных гостей и виднейших монархов [278].

Потом Витольд с императором Сигизмундом, договорившись о подходящем времени доставки от папы короны королевства Литовского, второй раз вместе ласково попросили короля Владислава Ягелло, чтобы он ради украшения и славы своей отчизны Литвы не запрещал Витольду литовскую корону. **Хитрость Витольда, благодаря которой он получил место в совете. Поэтому Слуцким и другим князьям это запрещено и ныне.** А когда по этому поводу король заседал с сенаторами, Витольд тоже хитро выпросил себе место в коронной раде, чтобы поляки не смели голосовать против него в его присутствии. И там гнезненский архиепископ Войцех Ястржебец, как примас, вел об этом долгие речи, ничего определенного так и не сказав. После него краковский епископ Збигнев Олесницкий в убедительных словах раскритиковал эту затею Витольда, дабы тот понял, что этот пожалованный императором дар и его учтивость [ведут] не к украшению и славе княжества Литовского, доселе издавна славного рыцарскими подвигами, но к разрыву и ссоре с Короной польской, чтобы затем ими, рассорившимися, поодиночке поживились крестоносцы. Просил также, чтобы Витольд, уже преисполненный славы, и к тому же имея восемьдесят лет от роду, помнил о своей клятве, которой объединил Литву с Польшей, чтобы как следует знал, что *frigidum latitare anguem in herbis* *(трава скрывает холод змеи)*, и в этом императорском лакомстве почувствовал яд предательства.

Голосование коронных панов против Витольда в Луцке. Потом краковский воевода Ян Тарновский и другие сенаторы долгим обсуждением окончательно разбили замыслы Витольда. **Витольд гневно вырвался из круга.** А Витольд сорвался и, скрежеща зубами, гневно вышел из круга [279], грозясь, что раз уж так [вышло, он] постарается другим способом добиться того, что задумал. Сенат также упрекнул (zfukal) короля, что позволил императору, своему главному врагу, так своевольно действовать в его государстве, а затем [сенаторы] разъехались из Луцка. **Император Сигизмунд выехал из Луцка, одаренный Витольдом.** А император потом несколько дней жил у Витольда, но, опасаясь какой-либо измены со стороны разгневанных поляков, быстро умчался в Венгрию, взяв от Витольда великие дары, среди которых был оправленный в золото и усыпанный дорогими каменьями рог тура (которого Гедимин когда-то убил на том месте, где ныне верхний Виленский замок).

Глава четырнадцатая

О предложении польской короны Витольду

Литовские послы в Польшу. Витольд потом послал виленского воеводу Гаштольда (Gastolta) и своего маршалка Румбольда (Rombowda) к королю и коронному сенату на Корчинский съезд сказать, что Витольд — хотят этого польские паны или не хотят —

желает быть литовским королем как вольный господин вольного народа. **Суровая отповедь польских послов Витольду.** Коронные паны тоже послали краковского епископа Збигнева и сандомирского воеводу Миколая Михаловского к Витольду — убеждать его, чтобы не изволил с ними шутить. А если не прекратит эти начинания, грозили воспрепятствовать ему в этом вооруженной рукой. Но Витольд, не обращая на это внимания, тем чаще через послов просил императора о короне — и как можно быстрее — и с крестоносцами об этом договорился. Как только поляки это уразумели из писем Витольда от перехваченных курьеров (cursorow), они съехались в Сандомир, где в то время находился и король. **Поляки отдают королевство Витольду** [вместо] **Ягелло.** И снова послали к Витольду краковского епископа и Яна Тарновского с таким посольством: если уж Витольд не может по-другому отказаться от своих намерений и столь сильно желает королевства, то с согласия Ягелло и всех сословий Короны они целиком отдают ему польское королевство в управление и в полную власть (ze wszystka wladza i moca zupelnie). Только бы не устраивал [отдельное] королевство из Литовского княжества, и чтобы королевство и корону лучше бы принял от друзей, а не от врагов и изменников. А Ягелло, утомленный годами [280] и тяжкими трудами, королевство, на котором [довольно] побыл, добровольно передает Витольду, как более мужественному и достойному. Имея двух своих малых сыновей, Владислава и Казимира, он понимает, что после его смерти оно к ним же и перейдет, поскольку [Витовт] тоже уже не может иметь наследников из-за своей старости. **Чтобы** [Ягелло] **был только губернатором, а не королем.**

Как пишут Длугош и Кромер (кн. 19), так предлагали (foritowali) некоторые поляки, которые вошли во вкус (zasmakowalo) брать подарки от Витольда; те, которых Витольд вынудил собственной доблестью, и которые хотели свергнуть Ягелло, а Витольда возвести на его место, и прочее. И Витольда, несмотря на его постоянный и упорный замысел, этим посольством чуть было не склонили к принятию польской короны, если бы не усилия других коронных панов. Те пускали остатки собственного имущества на государственные дела, чтобы еще больше приумножить свое добро подарками от Витольда. Как пишет Кромер: ***Privata compendia publicae rei praeferentes, ut largitiones ejus in se assentando magis augerent etc.*** *(Частные сбережения предпочтительнее [вкладывать] в правительство, чтобы эти средства сами по себе еще более увеличивались).* Они льстили ему, тайно убеждая через своих посланцев, чтобы держался своего намерения и всегда прислушивался к их посольству, которое приехало к нему еще до прибытия коронных послов. Вот так в то время одни коронные сенаторы льстили Витольду, чтобы был польским королем, другие же подталкивали его к тому, чтобы из литовского княжества учинил королевство, хотя при этом все были согласны в том, как бы что-нибудь выгадать. Так что:

Auro pulsa fides, auro venalia jura,
Aurum lex sequitur, mox sine lege pudor, etc.
Золото уничтожило веру, золото сделало продажным право,
Золоту подчиняются закон и стыд, не знающий закона.

Проперций, кн. 3.

Quid non mortalia pectora cogis
Auri sacra fames?
На что только ты не толкаешь людские сердца,
Проклятая жажда золота!

Вергилий. Энеида, кн. 3.

Virtus, fama, decus, divina, humanaque pulchris
Divitiis parent, quas qui construxerit, ille
Clarus erit, fortis, justus, sapiens, etiam et Rex,
Et quidquid volet, etc.
Слава, честь, добродетель — все пред людьми и богами
Ниже богатства. Один лишь богатый мужествен, славен,
И справедлив. Неужели и мудр?
И мудрец, без сомненья!
Даже и царь, и все, что захочет!

Гораций. Сатиры, кн. 2, 3.

Воистину христианский ответ Витольда коронным послам. Но Витольд кротко ответил коронным послам, которые отдавали ему Польское королевство [вместо] Ягелло: «Я не хочу быть настолько бесстыдным и безбожным, чтобы сгонять моего брата Ягелло с его королевства, но и не отказываюсь от своего намерения, о котором я объявил по всему свету всем королям и князьям, и повод к которому дал сам Ягелло, объявив это дело скверным и недостойным. Против короля и поляков ничего злого не умышляю, но если против меня начнут какую-нибудь войну, буду защищаться всеми силами».

Серебряный и золотой дракон среди подарков Витольду от императора. В присутствии этих послов Витольду принесли подарок от императора: дракона, прекрасным и мастерским искусством изготовленного из золота и серебра [281], бывшего знаком их взаимной дружбы и примирения как с императором, так и с крестоносцами. Послы императора требовали от него присяги, на надлежащих условиях [скрепляющей] его союз с императором. Но Витольд отвечал, что считает дракона дружеским подарком гостю, но он дружит с императором не за подарки, и никакой присяги ему учинить не может. Однако отговорить от намеченной коронации польским послам себя не дал, был назначен и день, в который император должен прислать короны для него и его жены. Король [Ягелло] с коронными панами, убедившись в непреклонности его умысла и в примирении с прусскими и лифляндскими крестоносцами, послал к папе, прося, чтобы не давал короны для Литвы. Польские паны так часто докучали этим папе, что тот запретил императору Сигизмунду и Витольду впредь хлопотать о короне, послав им письма. Но этим намерение Витовта угомонить не удалось, как говорят, особенно из-за действий (za potucha) самих коронных панов, которым были милее частые подарки от Витольда. К тому же известность и авторитет Витольда в Польше были столь велики, что Витольда, по советам которого долгое время правил Ягелло, поляки чтили и уважали больше, чем короля, да и побаивались его.

Глава пятнадцатая

О захвате императорских послов, ехавших к Витольту.

Ягелло прибавлением шляхте вольностей добился права наследования в королевстве, и вот так за вольности предали свободу. Потом, в 1430 году, в деревне Едлиня (Jedlinie) Радомского повята Ягелло созвал сейм, на котором подтвердил шляхетские вольности и еще прибавил, желая этим привязать к себе коронные сословия ради наследования королевства вторым сыном — и получил это право (successia). Однако Ягелло видел, что не может заставить Витольта отказаться от намерения короноваться королем Литовским, что было намечено в Вильно на 11 день месяца сентября. И послал познанского подкомория Яна Чарнковского на стражу у польских и силезских границ, чтобы перехватывал послов Витольта и императора, часто ездивших туда и сюда через Пруссию. **Захвачены императорские послы**. И тому сразу же посчастливилось поймать ехавших с письмами к Витольду генуэзца Баптисте Чигале (Cigalle), доктора права, и силезца Сигизмунда Рота, которых, выпотрошив, неосмотрительно отпустил и, забрав у них императорские письма, принес их королю. Эти письма были посланы Витольту, чтобы избавить его от сомнений относительно короны (ибо Витольт сомневался, имеет ли власть император или римский король, который и сам еще не достиг императорской короны [282], ставить и утверждать новых королей). **Отобран привилей на королевство Литовское**. Послы везли Витольту императорский привилей, которым в Литве учреждалось новое королевство, а Витольт становился королем. А другие послы за ними должны были привезти корону. Были там и другие письма о союзе Литвы с прусскими и лифляндскими крестоносцами против поляков.

О запрещении доставить корону Витольту.

Поляки собрались в большом числе, чтобы отнять корону. Когда по состоянию здоровья Чарнковский не смог больше исполнять [поручение] со стражей, сразу же вся шляхта Великой Польши без какого-либо приказа и без ведома короля собралась, вооруженная как на войну, с собственными вождями: Сендзивоем Остророгом [283], [познанским] воеводой и старостой; познанским каштеляном Доброгостом Шамотульским [284] и владиславским (Wladislawskim) воеводой Юрандом (Jarandem) Брудзевским [285]. И засели с оружием на всех дорогах, лесах и реках у Турьей горы. А послы — императорские, немецкие, венгерские, чешские и папские — уже ехали с великой помпой и с коронами для Витольда и для его княгини Ульяны (Ulianie). И уже миновали Франкфурт-на-Одере, когда узнали от поляков, что на всех дорогах засады. Поэтому [послы] не осмелились подвергнуться опасности, два месяца напрасно ждали, что польские войска разъедутся, и [в конце концов] вернулись к императору. **Сдается, что их к тому же уговорили за деньги.**

Знатные гости, [собравшиеся] **у Витольта в Вильно на коронацию**. Витольд принял это с великим сожалением, но перед гостями, теша их, скрывал свою жалость и достойно их чествовал до конца сентября месяца. А гостями, созванными в Вильно на коронацию, как пишут Кромер (второе издание (***secundae editionis***), кн. 19, стр. 294) и Длугош, были два магистра: Пауль Русдорф прусский и Зигфрид лифляндский со своими комтурами и

орденскими братьями [286], князья и графы Империи; его зять Василий [287], великий князь Московский; князья Тверской [288] и Одоевский [289] и цари Заволжских и Перекопских татар [290] с мурзами и с уланами [291].

А литовские летописцы свидетельствуют иначе, [однако] без доказательств. Будто бы послам к Витольту три года пришлось жить в Италии (we Wloszech), ибо не смели везти корону из-за великих войн, вспыхнувших в то время в Итальянской земле [292]. А потом якобы поляки хотели отнять у них корону во Львове, а не в Литве; но польские и прусские хроники свидетельствуют [об этом] иначе и убедительнее (dowodniej). Ибо и Меховский (кн. 4, стр. 288) вопреки летописцам пишет об этом так: ***Legebatur et nunciorum regis Sigismundi (scilicet in literis interceptis) cum coronis transitus per Saxoniam (non Leopolim) Prussiam versus. Et Dlugosus nec non Cromerus lib. 19: jam Francfordiam que supra Odram est legati praetergressi (scilicet cum coronis) errant, cum obsideri vias omnes a Polonis acceperunt, et non ausi periculo sese committere, cum duobus mensibus frustra expectarent, ad Caesarem reverse sunt.*** *(Читаем (разумеется, в перехваченных письмах), что посланцы короля Сигизмунда с короной ехали в направлении Пруссии через Саксонию (а не через Львов). Длугош, а также Кромер в книге 3 пишут, что послы (конечно, с короной) уже миновали Франкфурт, который над Одрой, когда узнали, что поляки стерегут все дороги. Они не посмели подвергнуться опсасности, напрасно ждали в течение двух месяцев, после чего вернулись к императору).* То же самое [пишут] Ваповский, Герборт, Бельский и другие. Похоже, что летописец ошибался, не ведая различия во времени, ибо польский король Казимир Великий Локеткович в 1340 году тоже взял было во Львове две золотые короны и другие сокровища русских князей, как можешь посмотреть выше в делах Ольгердовых.

Глава шестнадцатая

О призыве Ягеллы в Литву Витольтом и о его смерти

В то время Витольд то ли от расстройства, то ли по какой другой причине впал было в немочь, которую лекари зовут *антракс* [293], однако же старания о короне не оставил. А так как видел, что зацепиться (przysc) трудно, к тому же из-за нежелания поляков, того, чего не мог [достичь] явным действием (nasadzenim), задумал достичь хитростью. Пригласил короля к себе в Литву на охоту, обещая забыть все старые склоки и оставить хлопоты о короне.

Королю любо было съездить на милую родину, но части коронных панов это витольдово приглашение показалось подозрительным. Поэтому с ним послали нескольких сенаторов и краковского епископа Збигнева [294]. Всех их вместе с королем Витольд встретил радушно и ласково, кроме епископа (который был его злейшим врагом), и от самой литовской границы проводил до Вильно. А как только оказались в Вильно, Витольд стал наседать на короля с великой просьбой, чтобы к украшению и славе общей отчизны не возбранял ему короны для королевства Литовского. А когда король отвечал ему, что без дозволения коронных панов этого учинить не может, стал первым делом пытаться склонить на свою сторону епископа Збигнева. И послал к нему от своего имени, обхаживая его великими дарами и обещаниями, чтобы не противился его чести и славе. И к тому же грозил ему,

что если не оставит свое упрямство, то он клянется, что всеми силами, руками и ногами (как говорится) будет стараться свергнуть его с епископства.

На что Збигнев отвечал ему, что считает его достойнейшим князем Короны, но не может этого сделать без нарушения и разрыва дружбы, союза, единства и взаимных письменных договоренностей Великого княжества Литовского с Короной. А также пусть обратит внимание на то, что император и крестоносцы, главные враги обоих наших государств, это ему советуют не для того, чтобы его возвысить (izby go ozdobili), а чтобы разорвать связь двух народов, со святым союзом которых им не справиться. Как всегда говаривал император: брось кость между двух псов, а потом с ними, грызущимися, легко будет делать все, что захочешь.

Так Збигнев пространно растолковал это Витольту, и того такая сильная немочь взяла, что он отчаялся жить, оставил все свои старания о литовской короне и стал готовиться к смерти с великим благочестием и покаянием, как и надлежит христианскому пану. Видя это, король сразу же отправил епископа Збигнева и коронных панов в Польшу, ибо понимал, что при них не сможет (как он задумал) поставить на литовское княжение брата Свидригайло.

Славные триумфаторы Рима, Греции, Трои и Персии, минувших дней
Храбрые гетманы, оставили след вы в истории славой великой своей.
Умер Витольд в Троках в возрасте восьмидесяти лет [295],
Имя свое прославив мужеством своим на весь свет.
Не только с чужими, а с Русью, со Жмудью, с Литвой [296] воевал
И в жарких сражениях множество славных побед одержал.
Одних татарских царей свергал и на смену им ставил других,
Ему услужить со своею ордой готов был каждый из них.
Ибо когда умер заволжский царь султан Зеледин,
С которым Витольд дружил и Ягелло дружбу водил,
Витольд сам Тохтамыша [297] в Вильне короновал,
Отцовский ханский престол для него расчищал.
А когда Керемберден брата со свету сжил,
Еремфердена Витольд на престол посадил,
А Керембеда убил, чтобы брату царство отдать.
В те годы литовцы могли татарами помыкать.
И у перекопских татар Витольд двух солтанов посадил.
После Девлет-Гирея, тот тоже из царского рода был,
Магомета поставил он кыркельским [298] ханом
И соперничал с самим славным Тамерланом.
Государство свое расширил от Понтского моря,
От Очакова вдоль и вширь до Немецкого моря.
Литва процветала в счастье, в славе и в смелости,
С русским рыцарством имея границы в целости.
Счастье его баюкало на своей груди,
Всегда выдергивая из любой западни.
Храбрость свою он умело хитростью подкреплял,

В нужде ему всегда счастливый жребий выпадал.
Не мог он без дела сидеть и, если была нужда,
Труднейшие дела за обедом решал без труда
И чужеземных послов за трапезой принимал,
Либо о рыцарских делах с панами рассуждал.
Также имел в обычае то, что своих приближенных
Грабил, смещал с постов, должностями обогащенных,
И, обобрав до нитки, тех же людей назначал
На ту же должность, и так свою казну пополнял [299].
Все перед ним плясали, и скорее грозой
Подданных он себе подчинял, чем добротой.
К чужеземцам был щедр, но больше всего Венере
Служил он, да так, что в любви не следовал мере.
Сложения был субтильного и невысокого роста,
Но по своим деяниям великаном казался просто.
И хоть был бабой лицом [300], но всегда так гонял
Бородачей, что каждый враг перед ним дрожал.
Когда он должен был встретиться над Днепром с татарами,
Не биться ему советовал какой-то князек старый,
Ибо был холод велик. А Витольд сказал на это:
«Стоит ли дожидаться тепла, ведь еще не лето.
И, хоть сегодня холодно, с татарами встретиться
Нужно и их одолеть, так что будем надеяться,
Что мы и холод, и татар все же победим,
А проиграем, то не одному, а двоим.
Не так уж и стыдно бывает сразу от двух удирать,
Но только время теряет тот, кто думает подождать».
С этими словами они храбро врага повстречали,
Над холодом и татарами победу одержали.
Считая, что это плохо, некоторые ругали
Его за то, что богатых татар на Ваке видали [301],
Которых обогатил он. Считали, что должен он понимать:
Нельзя в своем государстве так щедро язычников размножать.
Витольд сказал, что доброта и хищника смиряет,
И даже свирепый лев мир с человеком заключает,
Который кормит его. Так и татары степные
За щедрость его будут как литвины родные [302].
Как-то расхваливали ему оратора блестящего,
Сладкоречивого как мед, краснобая настоящего.
Витольд сказал; «Я хотел бы речи простой.
Простота – это лучший мост к правде святой» [303].
Вина и пива не пил, всегда жил трезво.
Все, что задумывал, шло у него резво,
Не сидел никогда без дела. Свой рыцарский долг
Считал главным сокровищем и бдительно стерег.
И поэтому бессмертна и вечна его слава,

Которую подвигами он заслужил по праву.
Каждый рыцарь, который его путем пойдет,
До самых пределов славы, быть может, дойдет [304].

Комментарии

1. Примечание Стрыйковского на полях: **О последствиях надменности и смирения подробнее читай: Лука 1 и 18; Исаия 14; Даниил 4; 1-я Царств 15; Эсфирь 3 и 13; Экклезиаст 10; Римлянам 8, 1; Петр 5; Иаков 4; Филиппийцам 2; Бытие 3; 1-я Царств 5 и 9 и прочее.**

2. Описание битвы при Грюнвальде представляет из себя вполне самостоятельную поэму. Саму битву Стрыйковский описывает по Длугошу, но при этом он использует и другие источники, в частности, «Хронику Быховца». Эту часть «Истории» Длугоша уже давно перевели на русский язык, и читатель может сам сравнить оба текста. Интересен сам отбор материала: что наш автор считал наиболее важным, а что отбрасывал как второстепенные подробности. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М.-Л.,1962.

3. Примечание Стрыйковского на полях: **Хуже ждать неприятеля дома, ибо таково было и правило (votum) Ганнибала, который воевал с римлянами не иначе, как в их собственном доме.**

4. Примечание Стрыйковского на полях: **Поляки готовятся к войне.**

5. Примечание Стрыйковского на полях: **Честь польских шляхтичей и любовь к отчизне.**

6. Примечание Стрыйковского на полях: **Длугош и Кромер.**

7. Примечание Стрыйковского на полях: **Архиепископ Миколай Куровский, временный** (na czas) **губернатор.** Миколай Куровский герба Шренява был примасом Польши и архиепископом Гнезненским в 1402-1411 годах.

8. Примечание Стрыйковского на полях: **Коронный маршал Збигнев Бжезинский** (z Brezia) **поставлен для обороны от венгров.** Длугош пишет, что маршал Збигнев Бжезинский во время похода в Пруссию был при короле. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М.-Л.,1962. Стр. 76.

9. Примечание Стрыйковского на полях: **Набожность Ягеллы.**

10. Примечание Стрыйковского на полях: **Витольд целый год принимал в Литве Заволжских татар для той войны.** О том, что Витовт целый год содержал на свой счет две татарские орды, Длугош не пишет, но такое вполне возможно.

11. Примечание Стрыйковского на полях: **Построение литовских войск и смотр** (okazowanie) **под Червиньском.** Переправа через Вислу под Червиньском происходила с 30 июня по 2 июля 1410 года. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М.-Л.,1962. Стр. 68, 69.

12. Примечание Стрыйковского на полях: **Татары и литовцы грабят по обычаю язычников**.

13. Примечание Стрыйковского на полях: **Лютерберг, город, спаленный литовцами.** Людбарг или Лютерберг — ныне Лидзбарк.

14. Примечание Стрыйковского на полях: [Эти] **смерды покрикивали** [друг на друга: быстрее, а то] **князь разгневается.** См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М.-Л.,1962. Стр. 75.

15. Примечание Стрыйковского на полях: **Река Вкра, отделяющая Пруссию от Мазовии.**

16. В оригинале ***w polu Turzym***. *Turzyca* — по-польски *осока*.

17. Примечание Стрыйковского на полях: **Король обращается к Богу. *Cromerus et Dlugossus. Acceptumque manu vexillum maximum, sonora voce lachrimabundus ita fatur, etc.*** *(Кромер и Длугош. Взяв рукой большое знамя, громким голосом со слезами говорил, и т.д.).*

18. Заявление о том, что Тевтонский орден в Пруссии с самого начала был данником польской короны, не соответствует действительности. Хотя договор ордена с Конрадом Мазовецким (XIII век) имел многие признаки вассалитета, толковать его можно было по-разному, чем орденские дипломаты и занимались в течение всей истории Пруссии. А самая главная закорючка состояла в том, что на момент заключения договора Польша не была единым государством и вообще не имела короля. Мало того, Мазовия и в 1410 году еще сохраняла независимость и имела своих собственных князей. Требовать от великих магистров ордена обязательной вассальной присяги польскому королю поляки стали только после битвы при Грюнвальде.

19. Примечание Стрыйковского на полях: **Зындрам Машковский, коронный гетман.**

20. Чех Ян Сарновский (у Длугоша *Sarnowski*, у Стрыйковского *Zarnowski*) был не командиром, а *знаменосцем* хоругви Святого Георгия, где служили наемные чехи и мораване. Командовал же этой хоругвью другой чех — Ян Сокол. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М.-Л.,1962. Стр. 88.

21. Литовской армией командовал сам Витовт. Ни о каком Иване Жедивиде Длугош не пишет, а Гаштольд появляется в его «Истории» только под 1429 годом. Жедивида и Гаштольда наш автор взял не из Длугоша, а из «Хроники Быховца». ***Тогда наивысшим гетманом в войске Ягайлы был пан Сокол Чех, а надворным гетманом был пан***

Спыток Спыткович, а в войске Витовта наивысшим гетманом был князь Иван Жедивид, брат Ягайлы и Витовта, а надворным гетманом пан Ян Гаштольд. И начали вышеуказанные гетманы людей строить, а о тех ямах ничего не знали, что их немцы выкопали, и так, строя войска, наивысшие гетманы князь Иван Жедивид и пан Сокол в те ямы упали и поломали себе ноги, чем были очень оскорблены, отчего и умерли. В этом месте переводчик «Хроники Быховца» допустил курьезную ошибку, которая уже полвека приводит в недоумение русского читателя. Польское выражение *obrazic sie* означает *получить повреждение, понести ущерб*. Разумеется, в данном случае ущерб был нанесен не чести, а здоровью. Это место следует перевести так: ***и ноги себе поломали, и сильно покалечились, с чего и померли.*** См.: Хроника Быховца. М.,1966. Стр. 79; ПСРЛ, том 32. М.,1975. Стр. 150.

22. Примечание Стрыйковского на полях: **Первое построение польского войска.**

23. Примечание Стрыйковского на полях: **Прусская деревня Грюнвальд** (Grinewald)**.**

24. Примечание Стрыйковского на полях: **Положение места.**

25. Примечание Стрыйковского на полях: ***Oneravit aetera votis*** *(Обременял небеса обетами)***.** Священник Длугош столько внимания уделяет молитвам Ягайлы перед битвой, что временами это уже начинает надоедать. Стрыйковский тоже это почувствовал и слегка подтрунивает. Этот мимолетный штрих как нельзя лучше характеризует самого нашего автора, которому был абсолютно чужд чрезмерный религиозный пафос.

26. Примечание Стрыйковского на полях: **Орденское войско.**

27. Примечание Стрыйковского на полях: **Орденские хоругви.** Знамена Тевтонского ордена и его союзников подробнейшим образом описаны Длугошем, однако льва *на белом поле* в этом списке нет. Есть белый лев на красном поле и красный лев на лазурном поле. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М.-Л., 1962. Стр. 91-95.

28. Примечание Стрыйковского на полях: **Пятьдесят одна орденская хоругвь, а мелких** (fendlow) **пеших сто.**

29. Примечание Стрыйковского на полях: **Витольд распекает брата Ягелло.**

30. Примечание Стрыйковского на полях: **Зындрам Машковский строит польские войска, а Витольд литовские.**

31. Примечание Стрыйковского на полях: **Литовских хоругвей 40, а смоленских 3.**

32. Примечание Стрыйковского на полях: **50 польских хоругвей на левом фланге.**

33. Примечание Стрыйковского на полях: **Богородица — старинная польская песня, которую все обычно всегда пели перед столкновением.** «Богородица» — самый древний из дошедших до нас поэтических польских текстов. По легенде, ее сочинил

живший в X веке святой Войцех (Адальберт), но большинство историков считают, что «Богородица» появилась позднее, в конце XIII столетия. В оригинале Стрыйковский пишет так же, как в древних текстах: *Boga Rodzica*. Само слово *Богородица* является архаизмом и заимствованием из других славянских языков, так как современные поляки говорят: *Матка Бозка*.

34. *Гарц* (*harce*) или *герц* — по-польски *состязание, стычка, удальство, молодечество*. Герцем назывались насмешки и издевки над противником перед битвой, часто кончавшиеся поединками или локальными стычками. Герцы были в особой моде у запорожских казаков, причем именно на герцах погибли уманский полковник Иван Ганжа (1648) и наказной гетман Иван Золотаренко (1656). От этого же корня происходит и слово *гарцевать*.

35. Примечание Стрыйковского на полях: **Речь короля,** [обращенная] **к рыцарству.**

36. Описание Стрыйковским *коней* орденских герольдов — единственное в своем роде, так как Длугош о конях ничего не пишет, а Хроника Быховца не упоминает даже самих герольдов. Этих боевых коней, тяжеловозов с подрезанными хвостами, наш автор называет *фризами* (*na frezach cosmonogych*), что указывает на их происхождение из Фрисландии. Эта порода лошадей хорошо известна коневодам и существует и поныне.

37. Примечание Стрыйковского на полях: **Овидий. Метаморфозы, I.**

38. Примечание Стрыйковского на полях: **Гордое посольство с кровавыми мечами, которые и ныне** [хранятся] **в королевской сокровищнице.** О том, что эти мечи были *смочены в крови*, пишет только Эберхард Виндек, секретарь императора Сигизмунда. Но историки характеризуют Виндека как хвастуна, вруна и «самого неотесанного писаку из всех, когда-либо бравшихся за перо», и это как раз тот случай, когда верить ему не следует.

39. Примечание Стрыйковского на полях: **Смиренная отповедь.**

40. Здесь Стрыйковский обращается к своей музе. Геликон — гора в западной Беотии, которая, согласно греческим мифам, была обиталищем муз и самого Аполлона.

41. Примечание Стрыйковского на полях: **Литовцы столкнулись** [с немцами] **первыми.**

42. В оригинале *dastycht*, но слова с таким написанием в немецком языке нет, и можно только догадываться, что именно имел в виду Стрыйковский. Речь явно идет о боевом кличе немцев (так пишет и Длугош), но этот клич мы не знаем. Возможно, стоит присмотреться к словам *dastehn* (стоять, находиться) или *tuchtig* (сильный, крепкий).

43. Длугош пишет, что со стороны крестоносцев было сделано *по крайней мере два выстрела из бомбард*. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М.-Л., 1962. Стр. 101.

44. Фризы — боевые кони орденских рыцарей, о которых смотри примечание 36.

45. Примечание Стрыйковского на полях: **Меховский и** [Эней] **Сильвий пишут, что равная битва литовцев с немцами длилась час, а Кромер кладет полчаса.**

46. Примечание Стрыйковского на полях: **Литовцы уступают поле, тая** [как снег].

47. Примечание Стрыйковского на полях: **Смелость и доблесть смоленчан.**

48. Примечание Стрыйковского на полях: **Шляхта Виленской и Трокской земли стояла со своими хоругвями: те с красными, а эти с голубыми.** О знаменах Трокской и Виленской хоругвей Длугош пишет, что на них были изображены так называемые *Гедиминовы столпы* на красном поле, причем точно такие же знамена были и у смоленских полков. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М.-Л., 1962. Стр. 91.

49. Примечание Стрыйковского на полях: **Чех Сарновский** (Zarnowski) **бежал с хоругвью Святого Георгия.** Смотри также примечание 20.

50. Примечание Стрыйковского на полях: **Польское знамя захвачено. Краковским хорунжим был Мартин Вроцимовский.** Некоторые авторы пишут, что краковский знаменосец Мартин из Вроцимовиц герба Полукозы при захвате знамени был убит, но на самом деле он дожил до 1442 года. См.: Карамзин Г.Б. Битва при Грюнвальде. Л., 1961. Стр. 80.

51. Примечание Стрыйковского на полях: [Вот] **откуда у серадзцев припечатанная красным воском привилегия** (wolnosc). Очевидно, печать из *красного воска* использовалась лишь для особо важных документов.

52. Примечание Стрыйковского на полях: **Коронный подканцлер Миколай Тромба** (Tramba) **вернул убегающих чехов.**

53. Примечание Стрыйковского на полях: **Этот Сарновский был потом лишен чести, так что его отвергла и** [его собственная] **жена, брезгуя его изменой.** См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М.-Л., 1962. Стр. 103, 104.

54. Примечание Стрыйковского на полях: **Первый полк смоленчан терпит поражение.**

55. Примечание Стрыйковского на полях: **Полдень.**

56. Примечание Стрыйковского на полях: **Наши поразили первое войско** [ордена]**, в котором было 50 комтуров.**

57. Примечание Стрыйковского на полях: ***Crom. Leni pluvia delapsa.*** *(Кром[ер]: Пошел нежный дождь)*.

58. Примечание Стрыйковского на полях: **Пошел дождик и воистину помог нашим, гонящим** [немцев].

59. Стрыйковский здесь выражается еще жестче: *так, что из них вываливались внутренности* (wnetrznosci z trzewami).

60. Примечание Стрыйковского на полях: **Поражение второго прусского войска.**

61. О *ручном* огнестрельном оружии при Грюнвальде у Длугоша ничего нет и, скорее всего, это просто домысел нашего автора. Но в принципе такое возможно, о чем смотри примечание 11 к книге одиннадцатой.

62. Стоит сравнить эти строки с описанием битвы при Грюнвальде в «Хронике Быховца»: *князь Витовт видел, что войска его сильно много побито, а ляхи им никакой помощи оказать не хотят.* См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 79.

63. Примечание Стрыйковского на полях: **Лещичане, равяне, куявляне и плоцкая шляхта, наконец, мужественно вступили в бой.**

64. Описывая битву при Грюнвальде, Длугош ни словом не упоминает ни о варшавянах, ни о самой Варшаве, о которой заводит речь лишь под 1426 годом. С конца XIV века Варшава была резиденцией князя Януша I (1346-1429), женатого на сестре Витовта, а столицей Мазовии стала только в 1413 году. Но так как Януш и сам сражался при Грюнвальде, участие в этой битве хотя бы небольшого числа *варшавян* нам представляется едва ли не обязательным. См.: Kozlowski F. Dzieje Mazowsza za panowania ksiazat. Warszawa, 1858.

65. Город Рава Мазовецкая находится в 73 км к юго-западу от Варшавы. В XIV веке Рава была главным городом Равского удела в Мазовии. Князь Земовит IV (1352-1426), женатый на сестре Ягайлы, был также и князем *равским*. Рава Русская находится в Львовской области и впервые упоминается в 1455 году как владение мазовецкого и белзского князя Владислава, которому принадлежала и первая Рава.

66. Примечание Стрыйковского на полях: **Скарбек из Горы захватил** [в плен] **щецинского князя Казимира, от которого был** [один] **из послов к королю Ягелле с окровавленным мечом и с гербом Гриф.** Гриф — герб князей Щецинских.

67. Примечание Стрыйковского на полях: **Наступление третьего прусского войска** [во главе] **с магистром.**

68. Примечание Стрыйковского на полях: **Миколай Келбаса герба Наленч.**

69. Примечание Стрыйковского на полях: **Дипольд Кикериц, граф фон Дибер из Лузации, опоясанный** (pasowany) **рыцарь и отважный муж на сером коне в яблоках** (jablkowitym). Длугош пишет, что конь Дипольда был буланый (bulanym), то есть серый или рыжий, однако не пишет, что тот был в яблоках, хотя у буланых коней такое частенько бывает. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow,1869, стр. 53.

70. Примечание Стрыйковского на полях: **Збигнев Олесницкий за его мужество был потом краковским епископом и кардиналом, хотя он имел в руках только обломок** (pul drzewca) **копья *semifractam hastam*** *(сломанное копье)*, **которым его и сбил.**

71. Стрыйковский здесь выразился опять-таки грубее: *аж кишки с потрохами* (flaki z trzewem) *вылетели*. Длугош же пишет, что Дипольд *беспомощно бился, лежа на спине*. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М.-Л., 1962. Стр. 106.

72. Драбанты — в данном случае королевские телохранители.

73. Примечание Стрыйковского на полях: **Прусский магистр Ульрих** [фон] **Юнгинген убит простым драбом.** Драб (drab) — по-польски *рослый человек*, *верзила*, а в XV-XVI вв. в Великом княжестве Литовском так называли *рядового наемной пехоты*. Длугош ничего не рассказывает об обстоятельствах гибели Ульриха, из чего следует, что они были ему неизвестны. Ни один из польских рыцарей никогда не пытался приписать себе убиение великого магистра Тевтонского ордена — ведь тот принадлежал к самой верхушке католической *церкви*. Версия о *простом солдате* всех устраивала.

74. Примечание Стрыйковского на полях: **Msziug Skrynninski**. Длугош несколько иначе пишет имя этого рыцаря: Мщуй из Скржинна (Skrzynna), то есть не Скриннинский, а Скржиннинский.

75. Вернер фон Тетингер был комтуром Эльбинга. Смотри примечание 78.

76. Примечание Стрыйковского на полях: **Этой хитростью персидский царь Кир подловил сына татарской королевы Томирис. Он оставил в обозе достаточно вина, а сам притворно отступил. А когда тот царек и татары упились оставленным вином, Кир вернулся назад и перебил пьяных. О чем Юстин (кн. 1), Карион (кн. 2), Геродот и другие.**

77. См.: Геродот. История. Л., 1972. Стр. 79.

78. Примечание Стрыйковского на полях: **Комтур Меве граф Венденский убит литвином. Он усиленно советовал помириться с поляками, за что его упрекал, приписывая ему заячье сердце, комтур Эльбинга Вернер Тетингер, который сам первым и сбежал.** См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М.-Л., 1962. Стр. 78, 97, 114.

79. Примечание Стрыйковского на полях: **Сам граф Иржи** (Irzyk) **Керсдорф взят** [в плен] **с сорока чешскими панами.** Георгий (Юрген) фон Керсдорф — вероятно, родственник будущего ливонского магистра Франка фон Керсдорфа (1434-1435) и его двоюродного брата Вальтера фон Керсдорфа, комтура Гданьска (1433) и великого комтура (1434). Керсдорфы, в свою очередь, были в родстве с великим магистром Тевтонского ордена Паулем фон Русдорфом (1422-1441). Возможно, Георгий Керсдорф состоял в одном из чешских бальяжей Тевтонского ордена, так как у Стрыйковского даже сама форма его имени чешская. Длугош пишет: Георгий *Герсдорф* (Jerzy Gersdorf) из Силезии и представляет его как знаменосца хоругви Святого Георгия. Позже в числе пленных

Длугош упоминает еще и некоего *Кристофера* Герсдорфа (если это не просто ошибка). См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М.-Л., 1962. Стр. 92, 107, 116.

80. Примечание Стрыйковского на полях: **Из княжеств и государств** [германской] **империи** [прибыли] **все, кто там штаны носил** (ile ich kolwiek pludrow uzywa)**, а еще и венгры с чехами возмущались против Польши и Литвы.** *Лузация* — Лужица, *Гользатия* — Голштиния.

81. Слово *Моравских* и в оригинале повторяется дважды, видимо, случайно.

82. Здесь, как и в русских летописях, словом *немцы* названы вообще все иноземцы.

83. Примечание Стрыйковского на полях: **Число пленных 14 000, комтуров 300 по** [Энею] **Сильвию, хотя другие историки кладут их 400, а Деций на стр. 40 пишет: *viri nobiles et Commendatores 600 periere*** *(погибли 600 знатных мужей и командоров)***.** [Всего] **немцев было 140 000 по достоверным доводам Кромера, и прочее. Прусских хоругвей взято 51.** Кромер завысил численность орденского войска чуть ли не на порядок. Дельбрюк считал, что немцев было не более 18 тысяч. В настоящее время польские историки силы ордена под Грюнвальдом оценивают в 27 000, польско-литовские — в 34 000. Генрих фон Плауен, не доверять которому у нас нет оснований, общие потери ордена оценивал в 13 000 человек. См.: Kuczynski S. M. Wielka wojna z Zakonem Krzyzackim w latach 1409 — 1411, Warszawa 1980.

84. Хоругвь — это и знамя воинской части и сама эта часть, численность которой во время битвы при Грюнвальде в среднем составляла около пятисот человек, но обычно была меньше. Если же исходить из цифр, приводимых Стрыйковским (а они, несомненно, завышены), получается, что в орденских хоругвях было от одной до трех тысяч воинов. Позднее (XVI-XVII вв.) численность хоругви в Польше и Литве соответствовала роте, то есть такая хоругвь была вдвое меньше, чем в XV веке.

85. Примечание Стрыйковского на полях: **Орудия пыток для поляков. То же самое было приготовлено и для гданьчан под Тчевом.**

86. Примечание Стрыйковского на полях: **Витольд велел казнить двух комтуров: комтура Бранденбурга Маркварда Зальцбаха и Шумберга, и даже король не смог его отговорить.** [Их казнили] **за то, что на съезде под Ковном срамили его мать, и, хотя уже были схвачены, наговорили Витольду немало дерзких слов.**

87. Примечание Стрыйковского на полях: **Солнце зашло.**

88. Примечание Стрыйковского на полях: **Кнехтов выдали доспехи.**

89. Примечание Стрыйковского на полях: ***Cromer. Quodam autem in loco palustri aliquot turmae latitantes armorum splendore proditae*** *(Кромер. Несколько отрядов, скрывавшихся в болотах, выдали их блиставшие доспехи)***.**

90. Примечание Стрыйковского на полях: ***Cromer: Abiectis armis pecudum in morem nostris praesso agentibus in castra compulsi sunt*** *(Кромер: Побросав оружие, они сами подавали руки и, как скотина, были угнаны нашими в лагерь)***.**

91. Дословный перевод выглядел бы так: *В то время уже не слышно было* ***dasticht und Polsz****, как прежде вызывающе [кричали рыцари] в сверкающих доспехах.* По поводу немецких слов смотри примечание 42.

92. Точный перевод такой: *бой, которого они так жаждали*.

93. Во времена Стрыйковского пушки уже считались ценнейшими трофеями, поэтому и здесь он ставит их в один ряд со знаменами.

94. *Te Deum (Тебя, Боже, [хвалим])* — первые слова и название католического церковного гимна.

95. Примечание Стрыйковского на полях: **Просьба о погребении.**

96. Примечание Стрыйковского на полях: **Ответ короля.**

97. В битве погибло 13 комтуров и 5 фогтов, и это очень много, так как в Пруссии было *всего* около трех десятков комтуров. Число убитых комтуров, приводимое Стрыйковским, уместнее отнести к числу всех павших *орденских братьев*. Считается, что под Грюнвальдом их погибло около 400, так как в то время во всей Пруссии начитывалось не более 700 братьев Тевтонского ордена.

98. Примечание Стрыйковского на полях: **Число немецкого войска.** Смотри примечание 83.

99. *Junger* — это, конечно, не юнкер (*Junker*), а просто мальчик, подросток. В немецком войске наверняка были мальчики-слуги, а вот о наличии в орденском лагере женщин-немок (*Niemkin*) сообщает только Стрыйковский. Возможно, он перенес в 1410 год реалии конца XVI века, когда маркитантки, прачки и женщины легкого поведения при военом обозе были делом привычным.

100. Примечание Стрыйковского: **Убиты Якубовский герба Роза и Ибрагим Чулицкий [**герба Червня]**.** Длугош пишет, что родовитых польских рыцарей погибло всего 12 человек, но самыми знатными из них были Якубовский и Чулицкий. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. М.-Л., 1962. Стр. 114.

101. Дзежгонь (Zygony) — это Христбург, известный, в частности, благодаря Христбургскому договору ордена с пруссами (1249). Христбург был взят поляками 23 июля 1410 года. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 119.

102. Примечание автора на полях: **Кёнигсберг отдан Витольду**. Известие о том, что Кёнигсберг после Грюнвальдской битвы присягнул полякам, другими источниками не

подтверждается. Как бы то ни было, ни поляки, ни литовцы никогда не владели Кёнигсбергом, а Торуньский мир 1411 года окончательно закрепил его за орденом. См.: Барбашев А.И. Торнский мир // ЖМНП, часть CCLXXII. СПб, 1890. Стр. 94.

103. Венцеславово — у Длугоша *Вецлав* (Wieclaw). Почти наверняка имелся в виду *Велау* или Вилов — нынешний Знаменск Калиниградской области. Менее вероятен *Вельбарк* или Венгожево (Ангербург). См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 73.

104. Названия большинства замков здесь мы пишем так, как написано у нашего автора, хотя это написание не всегда исправно. Например, Холандия — это Прейсиш-Эйлау, Бальгенборг — Бальга, Грондец — Гродек, Куретиниг — Куретник, Ломборг — вероятно, Леборк (Лауенбург), Пискария — Пиш (Иоганнисбург) и т. п.

105. Об использовании автором слова *rejter* смотри примечание 20 к книге десятой. Разумеется, пятисот *орденских рыцарей* там не было и быть не могло. Длугош пишет, что весь ливонский контингент насчитывал 500 человек, а хроника Посильге сообщает, что во главе его был не ливонский *магистр* Герман фон Виткиншенк (который в то время был болен), а ливонский *маршал* Берндт фон Гевельман. См.: Jahrbuecher Johannes Lindenblatts oder Chronik Johannes von der Pusilie. Koenigsberg, 1823. Стр. 227-228.

106. Эта встреча произошла точно на том самом месте, где через четыре века (26 января 1807 г.) разыгралось кровопролитное сражение при Прейсиш-Эйлау (нынешний Багратионовск), потери сторон в котором превышали потери в битве при Грюнвальде.

107. Судинами или судувами Длугош называет ятвягов. Территория Ятвягии к этому времени была давно разделена между орденом, Польшей и Литвой, поэтому торг ордена с Витовтом за эти земли представляет особый интерес и заслуживает отдельного рассмотрения. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 127.

108. Длугош пишет: ***Витовт стал не тем, чем был прежде. Он начал сильно опасаться за свое положение: как бы король, овладев всей Пруссией, не лишил его литовского княжения***. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 129.

109. Стрыйковский пишет, что священник выехал из Мальборка *с войском* (z wojskiem), так как Длугош сообщает, что тот сопровождал ливонского магистра, выезжавшего из замка вместе со своим отрядом. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 128.

110. В этот список Длугош включает и Мариенбург, доводя число замков до девяти. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 123-124.

111. Куршское море — Куршский залив (который Стрыйковский иногда именует Пресноводным морем), Соленое море — Балтийское море.

112. Сражение под Короновым, которое больше напоминало рыцарский турнир, произошло 10 октября 1410 года. См.: Jozwiak S. Jency strony krzyzackiej po bitwie pod Koronowem // Zapiski Historyczne, tom LXXV, z. 2. Torun, 2002.

113. Гользатами Стрыйковский называет голштинцев. Согласно Адаму Бременскому, гользаты были одним из трех (наряду с дитмаршами и штурмарами) саксонских племен, населявших Нордальбингию, то есть земли в нижнем течении реки Эльбы. См.: Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви // Славянские хроники. М., 2011. Стр. 39.

114. Стрыйковский подчеркивает, что ручное огнестрельное оружие было принадлежностью именно пехоты, как это было в его времена.

115. У Длугоша имя этого рыцаря *Konrad Niempz*, а не *Niemczyk*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 89.

116. О герцах или гарцах (harc) смотри примечание 34.

117. О *фризах* смотри примечание 36.

118. Все описание снаряжения Конрада — плод воображения Стрыйковского. У Длугоша об этом нет ни слова. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 136.

119. Речь Конрада тоже придумана нашим автором. Однако Стрыйковский участвовал в боевых действиях и мог быть свидетелем герцев. Поэтому монолог, вложенный им в уста силезского рыцаря, выглядит весьма правдоподобно.

120. Примечание Стрыйковского на полях: **Ян Щицкий сбил силезца** [с коня].

121. Примечание Стрыйковского на полях: ***Dlugossus et Cromerus*** *(Длугош и Кромер).*

122. В оригинале автор выразился излишне натуралистично: ***у иных из*** *[распоротого]* ***чрева выплывали окровавленные внутренности.***

123. Примечания Стрыйковского на полях: **Прусский гетман Михель Кюхмейстер**, а чуть ниже: **Польские гетманы и ротмистры**.

124. Длугош *поименно* перечисляет всех польских рыцарей, отличившихся в сражении под Короновым, и никакого Мезерского среди них нет. Возможно, Стрыйковский имел в виду Петра из Медведзя (Медведзского), «старосту и начальника королевского войска». См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 140.

125. Брестского воеводу *Мацея* из Лабышина герба Топор Стрыйковский называет *Мартином*. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 139.

126. *Friede* — по-немецки *мир*.

127. Примечания Стрыйковского на полях: **Обе стороны, закричав «мир», остановились на перемирие для получасового отдыха и** [ходили] **от войска к войску, как к себе, не думая ничего дурного, и пили один за другого. Было чему удивляться, когда один с другим** [только что] **бился насмерть, а потом** [звал] **к себе выпить.**

128. Стрыйковский исказил прозвище этого польского рыцаря, которого Длугош называет Ян *Нашан* (Naszan). См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 137.

129. Число погибших под Короновым немцев взято у Длугоша, но тот, несомненно, сильно его преувеличил, как впрочем, и число павших при Грюнвальде. Польские историки считают, что под Короновым погибло не более 800 немцев и около 300 попали в плен. См.: Piotr Derdey. Koronowo 1410. Warszawa, 2004. Стр. 151.

130. Хенцин (Checin) — замок в Польше. Смотри примечание 326 к книге двенадцатой.

131. Примечание Стрыйковского на полях: **Ян, князь Мюнстербергский, едва убежал** [вместе] **с епископом Вюрцбургским.** Мюнстерберг — княжество в Силезии, которое Длугош называет Минстерберг и Монстерберг. Но о *епископе* Длугош в этом месте ничего не пишет. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 143.

132. Примечание Стрыйковского на полях: ***Crom[er]: Bombarda a sacerdote quodam temere succensa, etc.*** *(Кромер: Священник случайно выпалил из бомбарды, и прочее).* См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 146.

133. Примечание Стрыйковского на полях: **Наши взяли Нове.**

134. Примечание Стрыйковского на полях: **Этот Сцибор был по рождению поляк, но, когда он в доспехах переплыл Дунай, король Сигизмунд дал ему Семиградское воеводство.** Смотри главу четвертую книги четырнадцатой и к ней примечание 47.

135. Примечание Стрыйковского на полях: **Кромер пишет, что в этом войске венгров и не было, а только чехи, моравцы и австрийцы. Ибо венгры, у которых был мир с поляками, отказали собственному королю.** *Бардейов* расположен в Словакии неподалеку от границы с Польшей.

136. Здесь имеется в виду Герман фон Виткиншенк. Но он не был ливонским *магистром*, и нет даже уверенности в том, что он был ливонским *маршалом*. Ливонским магистром в 1401-1413 годах был Конрад фон Фитингоф, а ливонским маршалом называют Берндта фон Гевельмана (Heuelmann) (1397-1417). См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 149.

137. Примечание Стрыйковского на полях: **Подобную же хитрость найдешь *у Квинта Курция в книге 9 об Александре Великом.*** См.: Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., МГУ, 1963. Стр. 399.

138. Примечание Стрыйковского на полях: ***Crom[er]: El quadruplo major numerus captivorum etc.*** *(Кромер: Число заключенных превышает [число конвоиров] более чем в четыре раза, и прочее).*

139. Значение слова *fendle* как нам кажется, следует искать в немецком слове *Feind* — враг, противник, неприятель.

140. О Герборте (1524-1578) смотри примечание 231 к книге двенадцатой.

141. *Sturmak* — какое-то оружие, использовавшееся при штурмах, однако неясно, какое именно. Скорее всего, это разновидность булавы или шестопера.

142. Любопытно, что Длугош ничего не пишет о Добжиньской земле, хотя такая статья в условиях Торуньского мира действительно была. См.: Ян Длугош. Грюнвальдская битва. СПб, 2007. Стр. 153, 154, 206.

143. Длугош пишет: *сто тысяч гривен* широких пражских грошей. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 110. В русском переводе (1962) сказано *сто тысяч коп*, но это все-таки не одно и то же. Смотри примечания 22 и 26 к книге четырнадцатой.

144. 25 ноября 1411 года.

145. Любовля — город в Сепешской (Спишской) земле в Словакии.

146. Грубешов (Hrubieszow) получил магдебургское право в 1400 году. Но он стоит не на Буге, а на реке Гучве, левом притоке Западного Буга.

147. Стрыйковский не сообщает, как и когда Михаэль Кюхмейстер был освобожден из тюрьмы в Хенцине, Длугош тоже ничего об этом не пишет.

148. Сигизмунд Люксембург был избран германским королем 10 сентября 1410 года. Однако за него проголосовали лишь три курфюрста, тогда как четверо других 1 октября 1410 года избрали его двоюродного брата Йоста (Йодока). Так и не успев короноваться, тот умер 18 января 1411 года. Тогда 21 июля 1411 года королем вновь избрали Сигизмунда, который вернул себе и титул маркграфа Бранденбурга, ранее проданный им Йодоку. Но сама коронация откладывалась, и Сигизмунду нужны были деньги, чтобы утвердиться на германском престоле. Короновался он только 8 ноября 1414 года. Смотри также примечание 121 к книге четырнадцатой.

149. Сепеш или Спиш — историческая область Словакии, населенная в значительной степени выходцами из Саксонии. Ее северная часть в 1412 году была отдана венгерским королем в залог Польше, причем считается, что она включала не 13, а 16 городов.

150. Кромер называет сумму в 80 000 пражских коп, Меховский — 40 000 коп пражских грошей, Герборт — 80 000 пражских флоринов; Ваповский, Бельский и Длугош — 40 000

коп широких пражских грошей. Очень показательно, что Стрыйковский взял сумму по Кромеру, хотя ниже сам же и пишет, что считает ее ошибочной и более доверяет Меховскому. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 137.

151. Село Городло находится на Западном Буге, на территории современной Польши.

152. Паны радные — члены государственного совета.

153. Князья Гедройцкие (без имен) впервые упоминаются в грамоте Витовта от 27 февраля 1399 года. Согласно позднейшим родословным, первыми князьями Гедройцкими герба Гиппоцентавр были братья Война, Вогул и Ягайло (начало XIV столетия). Смотри также примечание 1 к книге второй.

154. С текстом Городельской унии можно познакомиться в хрестоматии: Белоруссия в эпоху феодализма. Том I. Минск, 1959. Стр. 115-118.

155. У Длугоша написано *wybieramy do uczesnictwa* (*отобрали для участия*, то есть *приобщили* к гербам), а Стрыйковский оставил только *wybieramy (отобрали* к гербам). При этом исказился смысл всего предложения, которое переводчику пришлось чуть подправить. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 145.

156. У Длугоша имя этого воеводы — Jawn (Явнут?).

157. Лазанские (Lazanki), Болеши (Bolesti) и Нагора (Nagora) — польские шляхетские фамилии герба Ястржебец. У Длугоша написано: *Лазанки, а иначе Болеши из дома Нагора*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 145.

158. Скржинцы (Skrzinscy) — это не герб, а шляхетская фамилия Скржинских герба Лебедь. У Длугоша так и написано: *Дом Скржинских [герба] Лебедь.*

159. У Длугоша не Билигин, а Миколай *Билимин* (Bilimin). К гербу Порай принадлежал и Адам Мицкевич.

160. У Длугоша — *Волчку Кульве*.

161. Герб *Копач* или *Топач* — черное ястребиное крыло с золотой лапой.

162. Герб Роля (Rola) изображает три *рала*, как бы растущих из цветка розы. Рало или сошник — режущая часть плуга. Но в издании 1582 года вместо ***trzy role*** напечатано ***trzy krole***; эта опечатка перенесена также и в издание 1846 года. См.: Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. Tom II. Warszawa, 1846. Стр. 148.

163. Герб Сырокомля, носителем которого был Богдан Хмельницкий, является вариацией герба Абданк. Генрик Сенкевич называл Хмельницкого шляхтичем герба *Абданк с малым крестом*. См.: Генрик Сенкевич. Собрание сочинений в девяти томах. Том 2. М., 1983. Стр. 12.

164. Герб *Повала* более известен под названием *Огоньчик*.

165. Саржа или Шаржа — альтернативное название герба *Осория*.

166. В польских гербовниках нет герба *Быхава.* Монстольд был носителем герба *Кушаба*.

167. У Длугоша — *Колда*. Упомянутый здесь *Минимонд* был носителем герба *Окша.* Получается, что Ролда или Колда — это и есть Окша. На этом гербе изображен боевой топор.

168. У Длугоша — *Радзивиллу*. Герб Сулима был и у Бодивилов, и у *Радзивиловичей* (которых не следует путать с Радзивиллами, имевшими совершенно другой герб), так что Стрыйковский на сей раз ближе к истине, чем его собственный источник. Носителем герба Сулима был и Завиша Черный, герой битвы при Грюнвальде.

169. Носителями герба Корчак были Корчаки и Корчаковские, а вот *Корчаковых* среди них нет. Зато есть *Губицкие* и *Чупа*.

170. У Длугоша — *Войдыле Кушоловичу*. В польских гербовниках нет герба *Бяла*, а *Моидилон* был носителем герба *Траска*.

171. Герб *Осморог*, представляющий из себя стилизованный восьмиконечный крест, пожалован воину *Геральту* в вознаграждение за проповедь христианства язычникам. А так как Геральт первоначально имел в своем гербе птицу, в новом гербе птица была перенесена на нашлемник.

172. Дусбург упоминает Сурбанча, Сурдета, Сурмина и других, однако Сургута среди них нет. Но Стрыйковский верно подметил, что имена ятвяжских вождей часто начинаются на *Сур*, а так как многие ятвяги, спасаясь от ордена, переселились в Литву, сам ход его мысли представляется вполне обоснованным. См.: Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997. Стр. 126, 144.

173. Длугош пишет, что Ян был избран не архиепископом, а *митрополитом* Львовским. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 146.

174. Длугош не пишет, что Хелминский епископ присутствовал или приложил свою печать, но в конце списка отмечает, что *Хелминская церковь в то время осиротела*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 146.

175. Смотри главу 4 книги четвертой.

176. У Длугоша этого проповедника зовут не Конрад, а *Миколай*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 150.

177. Орденом проповедников именовался орден *доминиканцев*, генеральным магистром или *генералом* которого в 1401-1414 гг. был Томмазо Паккарони, а в 1414-1425 гг. — Леонардо Дати.

178. Этот разговор, которого нет у Длугоша, у Стрыйковского происходит на *литовском* языке, который, впрочем, несколько отличается от современного литовского.

179. Имеются в виду Медники, нынешний городок Варняй, расположенный близ озера Лукстас на реке Вирвичя, считающейся самой богатой рыбой рекой в Литве.

180. Стрыйковский называет первого епископа Жемайтии *виленцем*, то есть вильнюсцем, так как тот был жителем Вильнюса, а потом к тому же стал и епископом Виленским (1422-1453). Длугош тоже считал Матиаса (Mattias) уроженцем Вильно, хотя и немцем. Но многие историки считают его литовцем, окончившим Пражский университет. В сан епископа Жемайтии он был рукоположен в Троках 24 октября 1417 года, на четыре года позже описываемых событий. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 198.

181. Длугош тоже пишет, что церковь была *имени святых мучеников Александра, Теодора и Эванциуса*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 149.

182. Переводчик вынужден присоединиться к мнению автора. При этом идентификация восьми остальных названий никаких затруднений не вызывает. Длугош пишет, что Жмудь разделили на *семь* повятов, среди которых не упомянуты ни Цетра, ни Лукники. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 148. А литовский историк Зенон Ивинскис называет *восемь* повятов, среди которых есть Лукники (Luokeje), но нет Цетры и почему-то нет Медников. Зато у Ивинскиса есть повят Кельме (*Kelmeje*), возможно, как раз соответствующий загадочной Цетре. См.: Ivinskis Z. Lietuvos istorija iki Vytauto Didziojo mirties. Rome, 1978. Стр. 352.

183. Архиепископом Львовским был Ян Жешовский (1412-1436), епископами Вильно — Петр из Кустыни (1414-1421) и Маттиас (1422-1453), бывший епископ Жмудский (1417-1422).

184. Кезгайло (Mykolas Kesgaila), в крещении Михаил (ум. 1450) — литовский боярин герба Задора, сын Волимонта Бушковича, брат Румбольда и Явнута. Впервые упомянут в 1401 году при заключении Виленско-Радомской унии. Староста вилькомирский (1410) и жмудский (1412-1432, 1440-1441, 1442-1448), каштелян виленский (1445-1448). После смерти Витовта (1430) Волимонтовичи поддержали Свидригайло, за что Румбольд и

Явнут были впоследствии (1432) казнены пришедшим к власти Сигизмундом. Кезгайло же не только уцелел, но и сохранил свои владения. После убийства Сигизмунда (1440) был восстановлен в звании жемайтского старосты.

185. Считается, что это самое первое письменное упоминание о Себеже. Длугош не называет ни Себежа, ни Порхова, да и сам Псков упоминает только под 1426 годом.

186. Несмотря на официальное расторжение мира с Новгородом, в 1414 году Витовт не ходил войной ни на Псков, ни на Новгород, ибо ни о чем подобном не сообщают не только псковские или новгородские летописи, но и Длугош. Это произошло значительно позже, в 1426 году, но и тогда псковичи откупились.

187. Смотри примечание 36.

188. *Сорок* — в данном случае мешок с сорока шкурками. Считалось, что сорок соболей — это число зверьков, необходимое для пошива собольей шубы.

189. Князь Юрий Нос упоминается Длугошем только в 1433 году. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 461.

190. Хлопигород, в XIX веке известный как урочище Холопье, находился на реке Мологе. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 150, 153.

191. Семен Иванович Гольшанский (1370-1433) герба Гиппоцентавр (Китоврас) — сын князя Ивана Ольгимонтовича. В документах впервые упоминается в 1387 году. Его сестра Юлиания (Ульяна) была третьей женой Витовта (1419). В 1428 году назначен наместником Витовта в Новгороде. После смерти Витовта (1430) поддерживал его брата Сигизмунда. В августе 1433 года попал в плен к Свидригайло и был казнен.

192. Осенью 1413 года великий магистр ордена Генрих фон Плауен отправил войска в поход на Польшу. Три орденских войска, пополненные наемниками, собирались вторгнуться в Мазовию, Померанию и Добжиньскую землю. Сам Плауен заболел и остался дома, а общее командование передал великому маршалу Михаэлю Кюхмейстеру. Когда первый отряд уже перешел границы Мазовии, Кюхмейстер отдал внезапный приказ о немедленном возвращении. Великий маршал прибыл в Мариенбург и созвал капитул, который 14 октября отстранил от власти гроссмейстера, фактически оказавшегося под домашним арестом. Ягайле и Витовту были направлены письма с извинениями за уже причиненный ущерб. Отставку Генриха фон Плауена генеральный капитул ордена утвердил 7 января 1414 года, а 9 января избрал его преемником Михаэля Кюхмейстера.

193. Следующая после Грюнвальда война между Тевтонским орденом и Польшей официально была объявлена Ягайлой и Витовтом ордену 18 июля 1414 года. Так же, как в 1410 году, поляки перешли Вислу у Червиньска и соединились с литовцами. Военные действия продолжались более двух месяцев, причем от голода и болезней в союзной

армии погибло больше людей, чем от меча. Поэтому война и получила название «голодной».

194. Констанцский собор должен был открыться 1 октября 1414 года, однако открылся только 14 ноября. Перемирие под Бродницей было заключено 7 октября.

195. Султан Мехмед I (1413-1421), которого современники характеризуют как миролюбивого и образованного правителя, был одним из сыновей Баязида I. После разгрома Баязида Тимуром (1402) в Турции наступило междуцарствие, закончившееся в 1413 году коронацией Мехмеда в Эдирне (Адрианополе) султаном единого Османского государства.

196. Словом «дружба» (przyjazn) Стрыйковский в данном случае называет добрососедские и мирные отношения между Османской империей и Речью Посполитой, которые, впрочем, очень скоро перестали быть таковыми.

197. Чауш — судейский или полицейский служитель в Турции. В дореволюционном Крыму так назывался «десятский».

198. Александр I Добрый был господарем не Валахии (которым в то время был Мирча Старый), а Молдавии (1400-1432). Еще 12 марта 1402 года он признал сюзеренитет Ягайло, результатом чего было, в частности, участие молдавских отрядов в битве при Грюнвальде (1410). Александр был женат на Римгайле, сестре Витовта, и вместе с ней приезжал в Снятин, где присягал королю уже во второй раз. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 174.

199. Слово *szata* означает *покров*, *одежда* и в первом случае его смысл никаких сомнений не вызывает. А вот *длинная златоглавая szata* уже не очень понятна — это то ли накидка, то ли палатка. У Длугоша в соответствующем месте сказано просто: *сто пурпурных одежд* (*szat*). См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 175.

200. В 1400 году темник Эдигей организовал убийство хана Тимур-Кутлука, посадив на престол его сына Шадибека, а потом еще двух ханов-марионеток, при которых фактическим правителем Золотой Орды был сам Эдигей. В 1408 году он совершил поход на Московское княжество и едва не захватил саму Москву. Но в 1412 году ханом Золотой Орды становится Джелал ад-Дин, сын Тохтамыша и фактический ставленник Витовта. Эдигей бежал в ранее захваченный им Хорезм, откуда в 1414 году был выбит войском эмира Шах-Малика, воспитателя Улугбека (1394-1449), внука Тимура, тогда еще молодого правителя Мавераннахра (1409-1449) и будущего великого астронома. После гибели Джелал ад-Дина Эдигей вернулся в Золотую Орду, откуда в 1416 году предпринял поход на Киев. См.: Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874. Стр. 35. Смотри также примечание 60 к книге четырнадцатой.

201. О своем бракосочетании Ягайло объявил в Саноке 2 мая 1417 года. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 187.

202. Не забудем, что Ягайло крестился «всего» тридцать лет назад — в 1386 году. Его крестной матерью была не сама Эльжбета, а ее мать Ядвига, о чем совершенно ясно сообщает и Длугош. В 1417 году Эльжбете было около 45 лет. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 188.

203. У Стрыйковского здесь можно насчитать даже четверых, но Длугош четко называет трех: Ян Моравский, силезец Висла Чамбор (Wisla Czamborz Slazak) и каштелян Накло Винцентий Грановский. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 186.

204. Это дословный перевод текста Стрыйковского, который от этого не становится понятнее. Каким образом было «испорчено» (skazone) целое графство и какая женщина (pany) была в этом повинна: королева или жена новоявленного графа? Это весьма темное место проясняет рассказ Длугоша, относящийся, правда, уже к 1420 году. Эльжбета Грановская добивалась пожалования для своего сына, однако хода делу не давал Войцех Ястржебец, тогдашний краковский епископ, а позднее архиепископ Гнезненский. Разгневанная королева начала настраивать короля против епископа, добиваясь его отставки. Поскольку далее Длугош ничего не сообщает о «Ярославском графстве», можно предполагать, что это пожалование так и не осуществилось. Впоследствии Ян Пилецкий занимал престижную должность старосты краковского. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 238.

205. Коронация (1576), да и само избрание Стефана Батория происходили с многочисленными нарушениями обычной процедуры. В частности, Генрих Валуа продолжал считать себя королем польским. См.: Эрланже Ф. Генрих III. СПб, 2002. Стр. 231.

206. Именно так, по нашему мнению, здесь уместнее перевести слово *nieprzespiecnosc,* которое скорее означает *неспешность, неторопливость*.

207. Дело происходило сразу после Рождества (то есть на рубеже 1418 и 1419 годов) в пуще за Неманом, которую Длугош называет *Вегри* или *Вингри*. Орденского комтура Длугош называет *фон Ростемберг*, что может означать *комтура Ростемберга* (Растенбурга), однако может быть и личным именем этого рыцаря. Стрыйковский понял это в первом смысле. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 203.

208. Ульяна была дочерью Агриппины, родной сестры Анны Смоленской и супруги князя Ивана Ольгимонтовича Гольшанского.

209. Анна умерла в Троках 31 июля 1418 года, и чуть ли не в том же году (но не ранее декабря) Витовт женился на Ульяне, вдове Ивана Корачевского, умершего 9 ноября 1418

года. Так пишут и Длугош, и сам Стрыйковский. Однако «Хроника Быховца» второй женой Витовта называет Марию, поэтому наш автор решился вставить ее в список — вопреки тому, о чем он сам сообщал всего лишь несколькими строчками выше. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 78.

210. Здесь Стрыйковский едва ли не впервые пишет не *Свидригелло*, а именно *Свидригайло* (Swidrigajlo), как и принято в русскоязычной историографии.

211. 25 марта 1418 года. Смотри главу четвертую книги четырнадцатой.

212. То есть от Витовта, хотя и, безусловно, с согласия и с одобрения Ягайло. Однако Коцебу пишет, что Свидригайло получил «в кормление» не Новгород-Северский, а Чернигов, что тот и сам подтверждает в своем письме к рыцарям Тевтонского ордена, отправленного им *из Мазовии* в 1422 году. См.: Август Коцебу. Свитригайло, великий князь литовский. СПб, 1835. Стр. 65-71. Здесь, как и во всей биографии Свидригайло, немало чистых листов или, если угодно, темных пятен. Например, комтур Рагнеты в конце 1418 года пишет, что Свидригайло теперь владеет не то Малой Валахией, не то Подолией; литовский историк Э. Гудавичюс сообщает, что в 1419 году Свидригайло получил от Ягайло Опочненское староство в Польше, и т. п.

213. 15 июля 1419 (а не 1418) года восемнадцатитысячная польско-литовская армия собралась, как обычно, под Червиньском. Орденские войска стояли на границах и были готовы вторгнуться в Куявию. Папа тут же выступил в роли миротворца, прислав миланского епископа Бартоломея Капра. Тот энергично принялся за дело, и Ягайло уступил. Польские войска отступили, отчего и вся война была прозвана «отступательной».

214. Речь идет об Эрике Померанском — последнем общескандинавском короле и незадачливом преемнике великой Маргариты Датской, короле Норвегии (1389-1442), Швеции (1397-1434) и Дании (1412-1439), герцоге Слупском (1394-1397 и 1449-1459). Умер в 1459 году.

215. День Трех Королей (Богоявление) — 6 января. Но договор Ягайлы с Эриком был заключен не 6 января, а 15 июля 1419 года, когда оба короля и Витовт встретились под Червиньском.

216. Это происшествие случилось 5 августа 1419 года. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 214.

217. Последовательность, годы правления и сами имена тогдашних ханов Золотой Орды, как правивших, так и «законных» претендентов на престол, до сих пор не могут считаться точно установленными и вполне надежными. Так что неточности и ошибки Стрыйковского в данном случае представляются вполне извинительными. Скорее можно удивляться, насколько близко к истине изложены события и сколь «похоже» выписаны мудреные имена татарских царевичей, впрочем, позаимствованные им у Длугоша. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 203.

218. *Зеледин* — сын Тохтамыша хан Джелал ад-Дин, которого русские летописи именуют *Зелени-Салтан*. В молодости он жил в Москве при дворе великого князя Василия Дмитриевича. В 1410 году участвовал в битве при Грюнвальде на стороне Витовта. В 1412 году стал ханом Золотой Орды но уже в следующем году (1413) погиб в бою со своим *братом* Керим-Берды, который и унаследовал ханский престол. См.: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. Стр. 403.

219. Примечание Стрыйковского на полях: ***Мехо****[вский] (кн.* 4*, стр.* 317***), Длугош и Ваповский*** *(стр.* 275*).*

220. Магнус (1540-1583) — сын короля Дании (1534-1559) и Норвегии (1537-1559) Кристиана III и брат короля Фредерика II (1559-1588), который в 1560 передал своему брату остров Эзель и некоторые земли в Ливонии. Заключив соглашение с Иваном Грозным, принц Магнус прибыл в Москву, где был провозглашен королем Ливонии (1570) и помолвлен с дочерью лишь недавно умерщвленного (1569) Владимира Старицкого. Подробности этой довольно длинной истории см.: Шапран А. А. Ливонская война 1558-1583. Екатеринбург, 2009. Стр. 287-290, 387-396.

221. *Бетсабула* — сын Тохтамыша, известный как хан Кепек (1414).

222. Татар, добровольно перешедших под его покровительство или захваченных в плен, Витовт расселял по берегам литовской реки *Ваки*. Смотри главу 5 книги четырнадцатой и примечание 51 к ней.

223. Ярем-Берды или *Еремферден* — сын Тохтамыша, известный как хан Джаббар-Берды (1416-1417). Между Керим-Берды и Ярем-Берды были еще два хана: Бетсабула (1414) и Чокре (1414-1416). Все эти ханы, как и правивший позднее Кадыр-Берды (1419), были *братьями* Джелал ад-Дина. Исключение составлял лишь Чокре (Чингиз-Оглан), потомок Тука-Тимура. Добавим, что все упомянутые ханы прослеживаются *по монетам*.

224. В этом месте Стрыйковский трижды упоминает имя одного из предков Радзивиллов, и все три раза пишет его по-разному: Радвил, Радивил, Радзивил. Так говорят не в Польше, а именно в Литве: *Радвил, Радвила*. В данном случае, вероятно, имелся в виду *Остик*, в крещении Кристин, каштелян виленский в 1419-1445 годах.

225. В 1419 году Эдигей погиб в бою с Кадыр-Берды — очередным сыном Тохтамыша и будущим ханом Золотой Орды. См.: Идегей. Татарский народный эпос. Казань, 1990. Стр. 228-240.

226. Примечание Стрыйковского на полях: ***Длугош и Кромер, кн. 18.***

227. 16 августа 1419 года умер король Чехии Вацлав IV, а уже в декабре того же года чешская знать присягнула его брату Сигизмунду. В июне 1421 состоялся Чаславский сейм, на котором гуситы объявили о низложении Сигизмунда, и только после этого предложили чешскую корону сначала Ягайле, а потом Витовту. Их последующая уступчивость в вопросах веры объяснялась тем, что чешские послы представляли самое

умеренное крыло гуситов: так называемых «панов-чашников». См.: Ревзин Г. Ян Жижка. М., 1952. Стр. 227-229; Жорж Занд. Ян Жижка. СПб, 1902. Стр. 2, 75-77, 88-89.

228. Смотри примечание 227.

229. София Гольшанская (1405-1461) — дочь Андрея Ивановича Гольшанского (Ольшанского) (ум. до 1420) герба Гиппоцентавр, князя Вязынского и наместника Киевского и Александры Дмитриевны Друцкой (1380-1426), которая не была сестрой Витовта, о чем смотри ниже.

230. Длугош, который был современником Софии Гольшанской, называет ее мать *племянницей* Витовта. Если допустить, что князь Дмитрий Друцкий был женат на какой-то из сестер Витовта, то историкам о подобном браке ничего не известно. В польской историографии доминирует мнение, что Александра была дочерью *Дмитрия Ольгердовича*, погибшего на Ворскле, и, стало быть, родной племянницей Ягайлы и *двоюродной племянницей* Витовта. И хотя в польском языке дочь сестры и дочь брата называются по-разному, стоит напомнить, что Длугош писал на латыни. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 257.

231. В 1417 году графство Клевское, включавшее в себя часть графства Берг, стало герцогством под властью герцога Адольфа I (1373-1448), женатого на дочери бургундского герцога Жана Бесстрашного. Герцог Клевский был достаточно влиятельным и самостоятельным правителем, чтобы «покориться» Ягайле. Вероятно, речь шла о простом союзе.

232. Так в тексте: *albo Witolta*, но *Witold*.

233. Сигизмунд Дмитриевич (1390-1435) или Корибутович, которого далее мы будем называть *Жигмонт* (чтобы не путать его с другими Сигизмундами: Люксембургским и Кейстутовичем) — сын Корибута Ольгердовича (в крещении Дмитрия) и Анастасии, дочери рязанского князя Олега. Родной племянник Ягайлы и двоюродный племянник Витовта. В молодости Жигмонт принимал участие в Грюнвальдской битве, где командовал собственной хоругвью под знаменем «Погоня».

234. Все эти титулы принадлежали Сигизмунду Люксембургскому, младшему брату недавно умершего чешского короля Вацлава IV.

235. Уничов (немецкий *Нойштадт)* — город в Чехии, в 22 км к северо-западу от Оломоуца.

236. Смотри примечание 115.

237. У Длугоша это Ризенбург (ныне Прабуты), который он называет *Zabrzezno*, а Ваповский *Wabrzezno*, что почти идентично написанию Стрыйковского (*Wambrzezno*).

Ризенбург находился довольно далеко от замка Голуб. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 273.

238. Взятие Голуба было самым значительным событием этой войны, которая даже и название получила *Голубская война*. Длугош сообщает, что при взятии замка Голуб были *убиты* (а не пленены) 50 (а не 15) орденских братьев, а в плен были взяты 40 (а не 400) наемников. Но на сей раз прав как раз Стрыйковский, пользовавшийся данными Ваповского, в данном случае более надежными, чем сведения Длугоша. См.: Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Ksiestwa Litewskiego od roku 1380 do 1535 przez Bernarda z Rachtamowic Wapowskiego, t. I. Wilno, 1847. Стр. 476-477. Смотри также примечание 53 к книге одиннадцатой.

239. Крбавское епископство находится в Хорватии.

240. Речь идет о *молдаванах* и их господаре Александре Добром, который лишь незадолго до этого (1421) развелся с Римгайле, что не могло не отразиться на его взаимоотношениях с ее братом Витовтом. Смотри примечание 198.

241. У Ваповского весь этот рассказ *предшествует* рассказу о взятии замка Голуб, а у Длугоша последовательность событий здесь такая же, как у Стрыйковского. См.: Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Ksiestwa Litewskiego od roku 1380 do 1535 przez Bernarda z Rachtamowic Wapowskiego, t. I. Wilno, 1847. Стр. 475.

242. Имеется в виду Брест-Куявский. Упомянутое событие произошло 7 сентября 1422 года.

243. Здесь Стрыйковский не вполне понял свой источник. При штурме поляками замка Шёнзее в плен к крестоносцам попал каменский каштелян Доброгост, некогда сдавший немцам замок *Драхим*. Но уже через несколько дней этот замок удалось вернуть описанным выше способом. Однако все это происходило *еще до Голубской войны* См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 280.

244. У Длугоша этого немца зовут не *Wenzik*, а *Wasznik*. В награду он получил определенные (naznaczony) отчисления с прибылей соляных копей в Величке, а не их *годовой доход* (который должен был составлять огромную сумму).

245. Король двинулся от Шёнзее на Торунь 15 сентября 1422 года.

246. Буквально *trudno przeciw osnowi wierzgac*, то есть *трудно брыкаться против основы*.

247. 27 сентября 1422 года. Есть и уточнение этой даты: Длугош пишет, что следующий день после заключения Мельнского мира был днем Святого Вацлава, а это 28 сентября. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 282-283.

248. Мельно — очень маленькое озеро, найти которое на карте Польши не просто. Оно находится к северу от орденского замка Редин (Радзынь-Хелминский) и к югу от реки Осы, впадающей в Вислу севернее Грауденца (Грудзияж).

249. У Стрыйковского *Niestowskiej*, но это несомненная ошибка, так как местности с подобным названием нет ни в Жмуди, ни в Литве. В самом договоре говорится о *Нешавской* земле, которая была объектом территориального спора между орденом и Польшей (а не Литвой).

250. Эберхард фон Заунсхайм был провинциальным магистром Германии (1420-1443). В те времена эта должность в Тевтонском ордене фактически была второй после великого магистра. Но откуда все это взял Стрыйковский, нам неизвестно, так как ни Длугош, ни Ваповский об этом магистре не упоминают. См.: Хартмут Бокман. Немецкий орден. Двенадцать глав из его истории. М., 2004. Стр. 250.

251. Смотри примечание 249.

252. Датский король Эрик VII (1396-1439), более известный как Эрик Померанский. Во время коронации Софии (5 марта 1424 года) он еще только собирался совершить паломничество в Иерусалим, куда отправился летом. Но до Святой Земли Эрик так и не добрался и уже в конце сентября того же года вернулся в Хёльсингборг. Смотри также примечание 214.

253. Людвиг VII Бородатый, герцог Баварско-Ингольштадский (1413-1447).

254. В 1424 году комтурами Торуни (Торна) по очереди были Мартин Кемнате (1422-1424) и Генрих Маршалк (1424-1428). Более вероятно, что на коронации присутствовал первый из них.

255. Речь идет об эпидемии чумы, которая была отмечена и во Пскове, где свирепствовала с 29 июня 1425 года по 6 января 1426 года. Псковский князь Федор Патрикеевич испугался чумы и в конце августа 1425 года уехал в Москву. ***Но и там смерти не убежал — через недолгое время скончался***. После него псковичи *три года* жили без князей.

256. 29 июня 1426 года Витовт расторг мир с Псковом и начал войну. В августе бои с литовцами состоялись под Опочкой, Вороначем и Котелно. И хотя уже 25 августа псковичи «взяли мир», посулив выкуп 1 000 рублей, Витовт содрал с них в полтора раза больше.

257. Сообщение о том, что в 1426 году Сигизмунд праздно бездельничал в Чехии, не следует воспринимать буквально. 16 июля 1426 года под городом Усти на Лабе таборниты и пражане нанесли крестоносцам Сигизмунда тяжелейшее поражение. Дельбрюк полагал, что битва под Усти (Аусcиг) была самым крупным и самым жестоким сражением чехов с немцами за всю историю гуситских войн. Любопытно, что предводителем гуситов под

Усти чешский летописец считал не Прокопа Большого, а Жигмонта Корибута, которого славят и чешские народные песни.

258. Жан де Лассеран де Монлюк (1508-1579), епископ Валанский (1553-1574), в апреле-мае 1573 года в Кракове активно продвигал на польский престол кандидатуру Генриха Анжуйского, что происходило уже во времена самого Стрыйковского. Этого Монлюка не следует путать с его братом Блезом де Монлюком (1499-1577), маршалом Франции (1574). См.: Эрланже Ф. Генрих III. СПб, 2002. Стр. 144-147.

259. В 1426 году Ягайле было 64 года.

260. У Стрыйковского *Scziukowskie*, а у Длугоша (который эту историю относит к началу 1427 года) — *Szczukowskie*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 321.

261. Примечательно, что Длугош вообще не упоминает о «знаменитых словах» участника битвы при Грюнвальде и воеводы краковского (1409) Яна Тарновского (1367-1433) герба Лелива. Дело в том, что сам Длугош жил во времена короля (1447-1492) Казимира Ягеллончика, сына Софии и Ягайло, родившегося как раз в 1427 году.

262. У Стрыйковского не очень понятно, кто каштелян, а кто гетман, но это можно понять из Длугоша. Гетманом войска Витовта и кашеляном Мендзыжеца Подляшского был Винцентий из Шамотул.

263. Длугош, список которого значительно длиннее списка Стрыйковского, пишет, что в 1428 году Витовта сопровождали еще и Свидригайло, Сигизмунд Кейстутович, Юрий Лугвеньевич и Александр Владимирович (сын Владимира Ольгердовича). ***Витовт ходил к Великому Новгороду и стоял у Порхова, и воеводы порховские били ему челом пятью тысячами рублев.*** Новгородские послы приехали к Порхову вместе с владыкой Евфимием, и тот заплатил Витовту еще пять тысяч рублей серебром, а шестую тысячу — за выкуп пленных. ***А то серебро собирали со всех волостей новгородских и за Волоком — с десяти человек по одному рублю.*** Создается впечатление, что походы Витовта на псковские и новгородские пригороды были лишь своеобразным способом взимания дани — другую причину и подыскать-то трудно. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 337.

264. Януш Мазовецкий (1346-1429), женатый на сестре Витовта Анне-Дануте, считается первым князем Варшавским (1373). Умер 8 декабря 1429 года. Смотри примечание 64.

265. Приезд Сигизмунда в Луцк был назначен на 6 января 1429 года, но император приехал только 22 января. См.: Барбашев А. Витовт. Последние двадцать лет княжения. 1410-1430. СПб, 1891. Стр. 239.

266. Василий I Дмитриевич не мог присутствовать на Луцком съезде хотя бы потому, что он умер четыре года назад (27 февраля 1425 года). Не было там и его сына Василия II, которому в то время было всего 13 лет.

267. Борис Александрович Тверской в 1429 году был активным союзником Витовта и имел все основания быть приглашенным на съезд. Однако столь важная фигура не могла пройти мимо внимания Длугоша, между тем тот ни словом не упоминает о его присутствии в Луцке. Русские летописи пишут, что Борис поехал к Витовту позже, осенью 1430 года, и не в Луцк, а в Троки и в Вильно, о чем речь пойдет ниже. См.: ПСРЛ, том 25. М.-Л., 1949. Стр. 248.

268. Внук Олега Рязанского князь (1427-1456) Иван Федорович носил титул *великого князя*, как и Борис Тверской. Примерно в это время он «уступил» Витовту Тулу и Берестье.

269. Одоевское княжество выделилось из княжества Новосильского, которое, в свою очередь, еще в XIII веке выделилось из Черниговского княжества. Первым князем Одоевским был Юрий Романович Черный, при котором княжество попало под власть Литвы, однако сам он сохранил права удельного князя. В данном случае речь идет о сыновьях Черного, которые после смерти отца (после 1427 года) разделили между собой Одоевское княжество.

270. Длугош, который уделяет Луцкому съезду немало внимания, не только не упоминает Эрика Датского, но и пишет, что это был съезд «трех правителей» — *трех*, а не четырех и более. Однако отношения Дании с Ганзой там обсуждались. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 338.

271. В 1429 году ханом Золотой Орды был Улу-Мухаммед, а крымским ханом — Хаджи-Гирей. Последний в 1429 году находился, скорее всего, в Литве, но вряд ли Витовт стал бы сводить его с Сигизмундом, чья ненависть к туркам и татарам была общеизвестна.

272. Господаря Молдавии Александра I Доброго (1400-1432) с Витовтом и Ягайло связывали очень старые и довольно тесные отношения. На Луцком съезде Сигизмунд обсуждал вопрос о Молдавии, причем речь шла и персонально об Александре Добром. И все-таки его *личное присутствие* на этом съезде документально не подтверждено. Смотри примечания 198 и 240.

273. В 1429 году великим магистром Тевтонского ордена был Пауль фон Русдорф (1422-1441), а ливонским магистром — не *Зигфрид* Ландер фон Шпангейм (1415-1424), а Циссе фон Рутенберг (1424-1433). Последний из них 28 января 1429 года находился в Ревеле и никак не мог неделю назад быть в Луцке. Русдорф мог бы присутствовать на Луцком съезде, однако это нигде не подтверждено, и немецкие историки об этом не упоминают. См.: Robert von Toll. Chronologie der Ordensmeister uber Livland. Riga, 1879. Стр. 65.

274. Свой список гостей Стрыйковский позаимствовал из Хроники Быховца, однако считать ее надежным источником нельзя, о чем смотри примечания 266-273. В данном случае большего доверия заслуживает свидетельство Длугоша, так как Луцкий съезд происходил при его жизни. Длугош же не упоминает ни Эрика Датского, ни русских князей, ни господаря Молдавии, ни татарских ханов, ни орденских магистров. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 82.

275. В данном случае имеется в виду не Валахия, а Молдавия. Смотри примечание 272.

276. В «Хронике Быховца» написано так: ***меда сыченого семьсот бочек, кроме мускателя и вин, и мальвазии, и прочих различных напитков, а телок семьсот, баранов и вепрей семьсот, зубров по шестьдесят, лосей по сто, кроме прочих различных зверей и иных мясных продуктов и домашних изделий.*** См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 82. Длугош же ничего такого не пишет.

277. ***Семь недель*** тоже взяты из хроники Быховца. Сигизмунд приехал в Луцк 22 января, а уехал в начале февраля 1429 года, причем Ягайло уехал еще раньше. Весь Луцкий съезд описывается в письме, отправленном одним из его участников 8 февраля уже из Кракова. Таким образом, съезд продолжался не семь недель, а около *семи дней*. См.: Барбашев А. Витовт. Последние двадцать лет княжения. 1410-1430. СПб, 1891. Стр. 241.

278. Представительность и международное значение Луцкого съезда сильно преувеличивают и Хроника Быховца, и Стрыйковский, и многие современные авторы. К тому же и доныне неясно, какие известия следует отнести к зиме 1429, а какие к осени 1430 года.

279. *«Вышел из круга»* в данном случае означает *ушел с собрания*.

280. Годы рождения Ягайло (1348) и Витовта (1350) достоверно указывает один-единственный источник: хроника Конрада Битшина. Оба были практически ровесниками. См.: Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы. СПб, 1885. Стр. 18.

281. Описанный здесь дракон — не просто сувенир, а *орден* и знак принадлежности к рыцарскому ордену Дракона. Этот орден был учрежден самим Сигизмундом Люксембургским 12 декабря 1408 года и одобрен папой Григорием XII. В числе рыцарей ордена были такие примечательные личности, как знаменитый кондотьер Пиппо Спано (Филиппо Сколари), Герман Цилли, Миклош Гараи, деспот Сербии Стефан, сын князя Лазаря; австрийский герцог Эрнст Железный и Влад II Дракул, отец Влада Цепеша. Считается, что само прозвище *Дракула* восходит именно к ордену Дракона. После смерти Сигизмунда (1437) орден быстро утратил свое значение и прекратил существование, однако сама идея монархам понравилась и возродилась при учреждении ордена Золотого Руна (1430).

282. Это очень точное замечание, потому что императорскую корону Сигизмунд Люксембург получил только в 1433 году, а в описываемое время он носил титул римского короля. Смотри примечание 148 и примечание 121 к книге четырнадцатой.

283. Сендзивой Остророг герба Наленч — воевода познанский (1401-1432). Участвовал в битве на Ворскле (1399).

284. Доброгост из Шамотул — каштелян познанский и генеральный староста великопольский, участник битвы на Ворскле и битвы при Грюнвальде.

285. Юранд (Яранд) из Брудзева герба Помян (1380-1450) — владиславский или влоцлавекский воевода.

286. Смотри примечание 273. Об орденских магистрах у Витовта в сентябре 1430 года пишут даже русские летописи. Присутствие в Вильно великого магистра Тевтонского ордена Пауля фон Русдорфа подтверждается многими авторами. См.: Prochazka A. Dzieje Witolda, w. ksiecia Litwy. Wilno, 1914. Стр. 290. Ливонский магистр Циссе фон Рутенберг 19 сентября 1430 года был в Вендене, и это создает ряд вопросов. См.: Robert von Toll. Chronologie der Ordensmeister ueber Livland. Riga, 1879. Стр. 65. Зато 10 сентября у Витовта был один из орденских маршалов — возможно, как раз ливонский (Вернер фон Нессельроде). См.: Барбашев А. Витовт. Последние двадцать лет княжения. 1410-1430. СПб, 1891. Стр. 259.

287. Смотри примечание 266. Никоновская летопись упоминает Василия Васильевича в числе гостей Витовта. См.: ПСРЛ, том 12. СПб, 1901. Стр. 9. Однако другая русская летопись, причем как раз та, которая заслуживает особого доверия, не сообщает о приезде юного Василия II, а упоминает только митрополита Фотия, которого Витовт задержал у себя намного дольше всех остальных. См.: ПСРЛ, том 25. М.-Л., 1949. Стр. 248. Соловьев сообщает, что Василий *был приглашен*, но не пишет, что он приехал.

288. Смотри примечание 267. Присутствие Бориса Тверского подтверждают и русские летописи, причем Тверская называет дату 27 сентября, в числе гостей указывая и Василия Московского. Действительно, Витовт отложил коронацию на 29 сентября, и некоторые гости прибыли уже к этому времени. См.: Тверские летописи. Тверь, 1999. Стр. 146-147.

289. Смотри примечание 269.

290. Смотри примечание 271. Татарские ханы на предполагаемой коронации Витовта должны были обязательно присутствовать, вопрос только в том, кто именно. Улу-Мухаммед наверняка отпадает, а вот присутствие крымских правителей Кучук-Мухаммеда или Хаджи-Гирея вполне вероятно. См.: Смирнов В.Д. Крымское ханство XIII-XV вв. М., 2011. Стр. 162-165.

291. Никоновской летописью среди гостей Витовта упоминается «воевода Ильяш Волошский». См.: ПСРЛ, том 12. СПб, 1901. Стр. 9. Хотя Ильяш I, сын Александра Доброго, стал господарем Молдавии только в 1432 году, в 1430 году он вполне мог быть в Вильно. Смотри примечание 272.

292. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 84.

293. Антракс (antrax) — по-гречески *злая болячка*.

294. Збигнев Олесницкий (1389-1455), в молодости участник битвы при Грюнвальде, епископ Краковский (1423) и первый *кардинал* польского происхождения (1439). Покровительствовал своему секретарю (1439-1455) Яну Длугошу.

295. Примечание Стрыйковского на полях: **В Троках родился, в Троках и умер, а не в Луцке, как говорит сказитель баек (Bajopiszec).** Витовт умер в Троках 27 октября 1430 года.

296. Здесь, как и в большинстве других случаев, имеются в виду не страны, а народы, то есть *русь* — это русские, *литва* — литовцы, и т. п. И хотя по правилам эти названия следует писать со строчной буквы, здесь мы сохраняем написание автора, который всегда употреблял заглавные.

297. Примечание Стрыйковского на полях: **Тохтамыш посажен на царство Витольтом.** Речь здесь идет не о самом Тохтамыше, а его сыне Бетсабуле, который также известен как хан Кепек. Смотри примечание 221.

298. Магомет — хан Кучук-Мухаммед. «Кыркельский» правитель — по сути, то же самое, что и бахчисарайский хан, так как резиденция крымского хана в те времена находилась в Кырк-оре (Чуфут-Кале), откуда позднее была перенесена в соседний Бахчисарай. Смотри примечание 43 к книге четырнадцатой.

299. Примечание Стрыйковского на полях: **Обычаи Витольда.**

300. Примечание Стрыйковского на полях: **Внешность (uroda) Витольда.** «Бабье лицо» — это очень меткая характеристика внешности Витовта. Именно таким его нарисовал Ян Матейко, и это заметно даже на современных помпезных памятниках, авторы которых, впрочем, брали за основу все тот же хрестоматийный портрет Матейко. Остается гадать, какому *прижизненному* описанию внешности Витовта (прижизненные *портреты* историкам не известны) мы обязаны подобной характеристикой, которая столь удивительным образом совпадает у Стрыйковского и у Матейко.

301. Примечание Стрыйковского на полях: **Татары на Ваке.** Смотри главу пятую книги 14 и к ней примечание 51.

302. История подтвердила правоту Витовта. Литовские татары в течение нескольких веков достойно служили своей новой родине и считались очень боеспособными воинскими частями. Впрочем, в этой среде случались и мятежи, правдиво и ярко описанные Генриком Сенкевичем в его «Трилогии».

303. Примечание Стрыйковского на полях: **Апофтегмата (Apophtegmata) или присловье Витольда.** Апофтегмата или апофегмата — сборник кратких остроумных изречений (апофтегем или апофегем). В Польше один из первых таких сборников был издан еще в 1562 году.

304. Пятнадцатую книгу своей хроники Стрыйковский начал с поэмы о Грюнвальдской битве, а закончил одой на смерть Витовта. И хотя по жанру это хвалебное сочинение, оно содержит любопытные сведения и оценки и является вполне оригинальным историческим источником.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Вельможному пану
пану Александру, князю
Прусскому [1],
воеводичу Киевскому [2],
стольнику Великого
княжества Литовского,

Глава первая

О Болеславе Свидригайле Ольгердовиче, великом князе Литовском, Русском и Жмудском

Когда Витольд, славный, дельный и мудрый князь, окончил жизнь свою в Троках, паны Литовские, Русские, Жмудские и Волынские долго совещались (sie wieszali) в сомнительных беседах, как это бывает в народе, предлагая разные удивительные замыслы и разнообразные идеи [о том], кого поставить великим князем Литовским.

Разногласия литовских панов. Одни подавали свой голос за Александра или Олелька Владимировича, предка князей Слуцких, другие за Жигмонта Димитровича Корибута, князя Северского и Збаражского, внуков Ольгерда и племянников Ягеллы. Но Корибут в то время в Чешском королевстве считался за короля, хотя и не был коронован, и многократно поражал и бивал великие армии Германской империи и императора Сигизмунда, собственного чешского короля. И этими своими подвигами почти во всем мире так себя прославил, что большая часть панов желала [вручить] ему и Великое княжество Литовское. **Большая часть княжества Литовского желала Корибута Жигмонтовича** [3]. Но были и другие, особенно руссаки, голосовавшие за Болеслава Свидригайло, брата Ягелло, ибо он был приверженцем русской религии, хотя крещен был в римскую. Тот, боясь Витольда, уехал было в Венгрию к императору Сигизмунду, но,

ласково принятый, незадолго до этого уехал от него в Литву. **Никчемность Свидригайло.** Однако он был никчемный пьяница, вспыльчивый и гневливый, и лишь своей щедростью приобрел себе многих сторонннников (zholdowal) среди литовцев и русских [4]. К нему, как к родному брату, также склонялся и король Ягелло (хотя Свидригайло об этом не знал). Поэтому король сразу отправил из Троков в Польшу всех поляков, особенно краковского епископа Збигнева, чтобы они не помешали ему поставить брата Свидригайла на великое княжение Литовское. **Поляки отосланы из Литвы.** Литовцы и руссаки, видя этот королевский умысел, сразу же покинули самого короля, так что около него очень мало их осталось, и все подались к Свидригайле. Они съезжались [к нему, обещая] свое расположение, услуги, помощь, верность и вручая дары. А Ягелло, отпустив от себя поляков, остался почти один.

Свидригайло [приезжает] **в Вильно.** Потом Свидригайло, окруженный огромной толпой литовских, русских и жмудских панов и тамошней шляхты, приехал в Вильно на похороны Витольта. И сразу же, благодаря поддержке своих сторонников, занял Виленские, Трокские и другие важнейшие замки, завладел ими и начал писаться великим князем Литовским и носить [этот титул], не дожидаясь [одобрения] короля Ягелло и не считаясь с его волей. **Похороны Витольта**. Потом, по обычаю великих князей Литовских, Витольд был погребен в церкви Святого Станислава в Виленском замке, к великой скорби его жены Ульяны (которая даже свои сокровища хотела отправить в Польшу), панов, простолюдинов и короля Ягелло и к радости Свидригайло [5], давно этого ждавшего. **Свидригелло позорит короля Ягелло.** Сразу же после похорон [Свидригайло], который был вспыльчив, начал своего брата короля Ягелло срамить и позорить неучитивыми словами, припоминая ему, как прежде тот с Витольтом часто изгонял его из отчизны и сажал в темницу в заключение на девять лет. **Свидригайло 9 лет был в тюрьме.** И говорил: «Вот и пришел тот час, когда я могу тебе как следует отомстить и еще почище воздать око за око». А поляков, которые были при короле, еще больше срамил и выказывал им свое презрение. **Свидригелло бесчинствует.** На всех дорогах расставил стражу, перехватывая письма короля и поляков как в Польшу, так и из Польши, вскрывая их и шерстя (drapac), а курьеров велел хватать, трясти и бить, так что это было похоже на сицилийскую вечерню или на жмудское Лиго (Jlgow) [6]. **О сицилийской вечерне смотри выше** [7]. Но король Ягелло выжидал, пока буйство Свидригелло уляжется, и своей покладистостью и кроткими уговорами эту ярость (furia) несколько смягчил и угомонил. ***Mollis responsio mitigat iram.*** *(Мягкий ответ успокаивает гнев)* [8].

Свидригайло возведен на великое княжение Литовское (W.X.Lit.). А потом с обычными церемониями, убранный в княжеские одежды и в шапке, Свидригайло был возведен на престол Великого княжества Литовского самим королем Ягелло и виленским епископом Миколаем [9]. И уже начал было ласковее относиться к королю и к полякам, когда принесенная новость вдруг снова разожгла его запальчивую ярость. Ибо виднейшие подольские паны: каменецкий епископ Павел, человек невысокого происхождения (malego rodu), но дельный, Рицко (Risko) Кердей [10], Федор, Михал и Мирисло, братья Бучацкие, и Крушина (Kruszna) Галовский, узнав о смерти Витольда, быстро приехали под Каменец и, вызвав на дружеский разговор виленского воеводу Довгерда Дедигольдовича, который еще не знал о смерти Витольда, а в то время был подольским генералом (generalem) и главным витольтовым наместником (sprawca), захватили его или убили, как

гласят русские и литовские летописцы. **Об этом читай также Длугоша, Меховского (кн. 4, гл. 48, стр. 288), Кромера (кн. 20) и летописцев.** Однако поляки на такое бы не отважились, ибо само христианское благочестие этого бы не позволило, да и сами летописцы себе противоречат, называя Довгерда виленским воеводой уже потом, в 1440 году, когда князя Сигизмунда убили в Троках, о чем узнаешь ниже. Я и сам не скоро это понял, упрямо отыскивая историческую правду и отбросив, что воеводой Виленским мог быть его сын, либо брат из этого же рода, либо, что вероятнее всего, поляки только захватили его, а не убили. **В этом согласны и Длугош, и Меховский, и Кромер.**

Подолия отнята у Литвы. А затем [заговорщики] легко завладели замками Каменец Подольский, Смотрич, Скала, Червоногрод (Czerwonygrod) и большей частью Подольской земли, желая все это отдать королю и полякам, чтобы в будущем Подолия не принадлежала Литве. **Меховский пишет, что только с этого времени Подолия была присоединена к Польше.**

Свидригайло обрушился на короля. Узнав об этом, Свидригайло сразу же с великой запальчивостью стал короля лаять, срамить и злословить, и тут же от ярости запальчиво вцепился ему в бороду, невзирая на его королевский сан и седины. А присутвовавшим тогда полякам тюрьмой, виселицей и различными смертями грозил, а также и королю, если ему немедленно не вернут Подолию, предательски отнятую и украденную (как он говорил) у его литовской отчизны.

Опасность для короля и поляков в Вильно. Так что поляки только и думали, как бы во сне не стать покойниками, и, лежа у [королевских покоев], стерегли и короля, и сами себя. Но потом Свидригайло и их и короля окружил еще лучшей стражей, так что ни один из них ни туда ни сюда не мог вырваться из-под этой стражи, точнее, из заключения. Несмотря на это, поляки, хотя их было мало, все же решили и себя и короля защищать до последнего (do hardla), а некоторые отважились было [попытаться] как-нибудь убить и самого Свидригайла, если бы их не одернул Ягелло, любовь которого к брату была сильнее, чем огорчение от устроенного им постыдного заключения.

Жигмонт Корибут завладел Силезией. Тогда же, еще до этого, Жигмонт Корибут, князь Збаражский и Северский, считавшийся у чехов за короля, поразил большое немецкое и английское (Angelskie) [11] войско и немецких курфюрстов с силезскими князьями. И после той победы всю Силезию разорил, захватил города с замками: Глогов, Цихов (Cigenhals), Свидница (Weidne), Фалькенберг, Пачкув, Каменец, Генрихов, Ополе, Брег, Франкенштейн, Хайнхайнов [12] и сжег вроцлавское предместье с помощью еретиков гуситов Прокопа Чеха и Бедржиха (Biedczyscha) [13].

Год 1431. Потом, в 1431 году, как пишут Длугош и Меховский (кн. 4, гл. 52, стр. 299), курфюрсты всей империи с немецким, итальянским и английским войском, конным и пешим, вторглись в Чехию. Впереди их всех, как гетман, двигался благочестивый кардинал Юлиан [Чезарини] с собственным полком. **Этот-то Юлиан завел (zawiodl) и нашего Владислава, убитого у Варны, где и сам убит.** Против них выступил Жигмонт Корибут, князь Збаражский, со священником Прокопом и с небольшим полком чехов. Когда между армиями было около двадцати тысяч стадиев (stajan) [14], на немцев напали

великая боязнь и страх, которым не было причины, а только лишь известие о приближении неприятеля. И когда первым сбежал маркграф Бранденбургский, все [прочие], встревоженные страхом, обратились в бегство (tyl podali), поломав и побросав обозы, шатры, возы, пушки (spize) и все военное снаряжение и имущество. Все это забрали Жигмонт Корибут с чехами. Чехи же, гоня немцев и курфюрстов, там же захватили крест и одеяние кардинала Юлиана, которое он, убегая, сбросил, чтобы его не узнали, и которое потом с издевкой показывали победившие чехи [15]. И, бия в бубен, изготовленный из кожи своего первого гетмана Жижки, содранной с него после смерти [16], гнали те немецкие войска аж до Лузацкого княжества [17], которое с Корибутом огнем и мечом разорили и обобрали. Так что потом ни папа, ни император долго не решались их тревожить. А Корибут с еще большим основанием носил [звание] чешского короля, ибо был изгнан и из Литвы и из Польши.

Глава вторая.

О хитрых письмах

Потом король Ягелло, несколько недель просидев в Вильно под стражей у Свидригелло, вынужден был пообещать вернуть ему Подолию — либо со страху, либо потому, что более желал расширения отчизне своей, Великому княжеству Литовскому, чем Короне Польской. Для этого дела он послал Тарла Заклику из Щекаржовиц из дома Топоров к тогдашнему каменецкому старосте Бучацкому, дав ему свое письмо с приказом немедленно передать Подолию со всеми замками князю Михайле Бабе, именем Свидригайло [присоединяя ее] к Литовскому княжеству. Как только об этом узнали Анджей Теньчиньский и сандомирский кустош Миколай Древицкий, которому король доверил было свою печать в отсутствие коронного канцлера и подканцлера, они написали письма Бучацкому и каменецкой шляхте, сообщая им, что случилось, и что король был вынужден учинить это поневоле. И, залепив [это письмо] в восковую свечу (ведь в то время никто никаких писем в Литву пронести открыто не мог, ибо Свидригайло приказал и нищих перетряхивать), отдал ее тому королевскому коморнику и дал ему немного денег, попросив его, чтобы сначала отдал эту свечу Бучацкому и сказал, что если [вместе] со шляхтой и с тамошними чиновниками не хочет блуждать [в темноте], чтобы поискал света в этой свече. И когда Тарло все сделал по их указаниям, Бучацкий, думая, что означают его малопонятные слова, разломил воск и нашел письма, из которых понял причину этого поступка и вынужденность королевской воли. И сразу и бедолагу (czudzine) Тарло, который сам на себя метелку принес, и князя Михала Бабу, посланного Свидригайло на подольское староство, схватил и посадил под стражу, а замки подольские еще лучше укрепил. Вот так Подолия в то время осталась за Польшей. **Подобную хитрость найдешь у Юстина, кн. 2, стр. 33, in quarto** [18]. **Когда лакедемонский король Демарат был изгнан, он из Персии слал в Лакедемон письма, написаные на деревянной табличке и замазанные сверху воском, предупреждая своих, что Ксеркс с тысячами тысяч своих войск готовится на них** [вторгнуться] **в Грецию.**

Новости о том, что Свидригайло арестовал и заключил [в тюрьму] короля, распространились по Польше и по другим соседним странам и дошли до папы Мартина Пятого, который сразу же послал к Свидригелло [19] легата со своими письмами, чтобы

отпустил на волю старшего брата короля Ягелло из-под стражи и незаконного заключения [20]. Поляки тоже собрали было сейм в Варте (Warcie) в шестой день декабря, на котором решили силой освободить короля из Литвы, хотя некоторые и говорили, что так королю и надо, и что он сам заварил эту [кашу]. Однако решили, что в пятнадцатый день января все собираются у деревни Кияны над рекой Вепрж. Но сначала задумали это Свидригеллово предприятие (przedsiewziecia) попробовать через послов. Но Свидригелло уже договорился с Ягелло и, извинившись, выпустил его из-под стражи; кроме того, подарил ему тысячу гривен серебра и другие большие подарки из литовской казны, которые король прежде себя послал в коронную казну со своим маршалком Яном Олесницким [21]. Потом и сам приехал в Польшу и созвал в Сандомире сейм по причине того, что сразу после королевского отъезда великий князь Свидригелло, собрал литовские войска и уже взял было в Подолии Винницу, Скалу, Браслав и Червоногродок, сильно осаждал Смотрич, хотя и с потерями, и, сверх того, разорял Львовские и Требовельские волости. Тогда коронная рада и шляхта сразу проголосовали за войну против Свидригайло и Литвы, и непрерывно требовали этого от короля. Однако король их пересилил (zwiciezyl), чтобы сначала увещевать Свидригайло с помощью послов.

Грозное посольство поляков к Свидригайло. Тогда в Литву отправили послов: епископов Станислава Познанского и Яна Хелминского, воевод познанского Сендзивоя и брестского Яна Лихмиского, с тем, чтобы Свидригелло вернул замки, захваченные в Подолии, уступил полякам Волынь, Луцк, а также Подляшье, и чтобы в установленный день вместе с литовскими панами приехал к королю. И уже от него, принеся необходимую присягу, на соответствующих условиях принял бы великое княжение, которое захватил незаконно. А если поступит иначе, пригрозить [действовать] силой и в своем праве [во главе] с королем пойти войной на него и на Литву. **Отповедь Свидригайла полякам.** Но Свидригелло им на это еще грознее отвечал, говоря: «Во всем, что я делал или делаю, я поступаю как должно, по закону и по праву». И не только не отдал и не вернул полякам ничего из своей вотчины, но и потребовал от короля вернуть ему остаток Подолии с Каменцом, и взаимно грозил полякам войной, если они его где-нибудь хоть чуть-чуть заденут.

В то же самое время Жигмонт Корибут с чехами (у которых был вождем после Жижки), разрушив Лузацкое княжество, разорял Силезию, а потом, будучи изгнан из Праги [22], приехал в Краков к королю Владиславу Ягелло с большим оршаком [23] чешских гуситов, которые после [смерти] Жижки называли себя Сиротами. Потом король отослал их, как неисправимых еретиков, а с ними изгнал и князя Корибута, который, будучи при них, научился жить грабежом. А уже от них и польская шляхта научилась разбойничать и грабить церкви, как и в то время некоторые, вождями которых были Якуб Надобный Роговский и Ян Куропатва герба Шренява, обобрали монастырь в Ченстохове с прославленным образом Девы Марии. А чтобы подумали на чехов, а не на них, порезали образ на лице [24]. Потом король с поляками стал готовиться [выступить] из Беча на войну против Свидригайло.

О войне поляков против Свидригайло.

Год 1431.

Король Ягелло, постоянно побуждаемый коронными панами к войне со Свидригайло за неправедное отнятие литовцами подольских замков, собрав с Польши войско, прибыл в Беч. И оттуда, желая отвести Свидригела [25] от его начинания и гордого умысла, послал к нему Яна Бржезинского (Brzeziskiego) [26], которому Свидригел (Swidrigiel) вопреки людским законам посрамление учинил. **Свидригайло осрамил польского посла.** Сокрушенный этим, король быстро двинулся под местечко Городло (Grodlo), лежащее над Бугом [27], где двенадцать дней стоял лагерем, поджидая шляхту Великой Польши, потом переправился через Буг.

Война со Свидригайло. Русские и литовские люди этих волостей, боясь польского войска, со своим скарбом и домашними пожитками порознь бежали в безопасные места, как думается, из предосторожности, [так как] король отчизну свою жаловал, но вынужден был потворствовать полякам. Для отпора им прибыл Свидригайло с шестью тысячами литовского рыцарства и, как следует снабдив замок Луцк припасами, солдатами и [огнестрельным] оружием (stzelba) против поляков, несколько раз встречался с польским войском в легких стычках, где обе стороны были равны, и только какой-то князь Сенко (Sienko) Литвин пал в битве [28]. Затем поляки воевали владимирские волости и сожгли город Владимир [Волынский] вместе с замком. Затем король Ягелло с войском переправился через реку Стырь, которая течет под Луцком — с великими трудностями и потерями, ибо Свидригел разрушил мост.

Луцкий староста русин Юраха (Juracha). Понимая, что не может дать отпор огромному польскому войску открытым встречным боем, [Свидригайло] тревожил их из засады (z kata), а потом, видя неравенство [сил], спалил город Луцк, оборону замка поручил своему старосте, русину Юрше (Jurdze) [29], а сам со своими литовцами отступил в безопасное место. Однако поляки перебили и переловили многих из беспорядочно отступавших литовцев, среди которых знатнейшими были литовский маршалок Румбольд (Rumbowdus) [30] и Гаштольд [31]. Вскоре Свидригайло освободил их на слово — при условии, что должен доставить их королю в Краков. Поляков, которые неосторожно гнали литовских татар [32], тоже много сгинуло и полегло. А другое шеститысячное польское войско с мазовецким князем Казимиром разоряло Бельскую землю.

Потом король со всеми коронными силами в день святой Маргариты (13 июля 1431 года) осадил Луцкий замок. И хотя поляки большую часть стены разбили из пушек и разрушили, однако штурмовали напрасно и с собственными потерями [33]. Потом литовцы, которые были в замке, взяли с поляками перемирие на три дня, чтобы за это время обдумать и обсудить [вопрос] о сдаче замка. Но на сердце у них было иное, чем на словах, ибо за эти дни поправили разбитые стены, усилили башни с бойницами (baszty z blanki), натаскали каменьев и воды, к которой их поляки не подпускали, и как следует запаслись по потребности. Из-за этого поляки не могли взять их упорными штурмами и очень сожалели об этом несвоевременном перемирии, во всем обвиняя короля.

Зарембу обвиняют в измене. Но и в войске польском, как пишут Длугош и Кромер (кн. 20), [даже] среди виднейших панов и сенаторов тоже было много предателей (proditorow), которые ночью вели тайные разговоры с осажденными и, как говорят, добавляли им оружие и продукты. Позднее Станислав Свёкла (Cwikla) герба Лебедь (Labec) в глаза

говорил Вавржинцу Зарембе (Zarebie) [34], серадзскому каштеляну, что тот за подарки был королю и коронному войску изменник или предатель (proditor). Я уж и не знаю, какое слово лучше: то ли польское, то ли латинское — кому какое нравится, то пусть себе и выберет, а худшее отбросит.

Потом Свидригел прислал к королю [послов], желая договариваться о мире, но не от сердца, а только лишь чтобы оттянуть войну и подать помощь осажденным в Луцке, ибо ждал войска от валахов и от татар, чтобы воздать полякам око за око. В то же время литовские загоны взяли польский замок Ратно, сданный русскими (przez podanie Rusi); королевских солдат порубили, а замок, обобрав, сожгли.

Потом Хелминскую землю повоевали, но на них, беспечно расположившихся [около замка], налетел хелминский подстароста Цёлек. Со ста тридцатью конными он внезапно выскочил из замка, триста литовцев и татар перебил, а сорок захватил в плен. И под Каменцом их польские засады тогда громили. Вот так литовские и польские войска взаимно донимали [друг друга].

Поляки осаждают Луцк. И другие поляки осаждали Луцк, а бывшие там русаки и литовцы греческого закона тех поляков, которых нашли в замке, а также своих, которые были римского закона, поместив на стенах и на башнях так, чтобы поляки их видели, жестоко умерщвляли, как и тех, которых захватили в плен (poimali). На колья их набивали, втыкали на стенах и колдовали по правилам безбожной науки жидов (которые были с ними в замке). Одному красивому молодому поляку пробили ножом горло, выцедили кровь и, вытащив из него внутренности с мужским членом, изрубили их в мелкие кусочки и, положив на горячие угли, дымили. И этим окуриванием кадили во всех уголках замка с чародейскими заклинаниями. ***Длугош и Кромер (кн. 20, стр. 299)*** [35]. Поляки же, желая воздать им око за око, жестоко умерщвляли и преследовали руссаков. А если иные польские паны соглашались на мир, Свидригел не желал принимать их условий, ибо полагался на союз (dufal w towarzystwie) с валахами и с прусскими и лифляндскими крестоносцами.

Во то же время валашский воевода Александр, изменив своей присяге [36], Снятинскую, Галицкую и Каменецкие земли и волости разорял по воле Литвы, однако когда возвращался, отягощенный награбленным, Бучацкие (Buczaccy), собравшись с королевским войском, валахов разгромили, побили и добычу отбили, так что сам воевода едва бежал через Днестр (Niestr) и вскоре умер от огорчения.

Таким же образом крестоносцы ради Свидригайло с другой стороны разоряли Куявскую и Добжиньскую земли, нарушая соглашение, заключенное у Мельно, которое Ягелло и Витольд обещали соблюдать. Однако шляхтичи, собравшись, поразили загоны Торуньских, Члуховских (Sluchowskich) и Свеценских орденских [братьев], как конных, так и пеших, и к тому же разбили наголову семьсот лифляндских всадников [37], не пропуская и тех, которые бросали оружие. [Поляки] захватили лифляндского маршала Дитриха [38] и семь прусских комтуров и отняли четыре хоругви [39], которые в знак своей победы вывесили в Кракове. И хотя в то время в Куявской и в Добжиньской земле крестоносцы сожгли 24 местечка, славнейшими меж которых были Нешава, Владислав

(Wladslaw) [40] и Иновладислав, они щедро заплатили [за это] своей собственной кровью. Нешавский замок крестоносцы взяли с помощью сдавшего его предателя Миколая Тумигралы Сековского, а Брест (Brzesc) [Куявский] осаждали напрасно.

Глава третья

О примирении со Свидригелло

А так как поляки не могли взять Луцка, король заключил со Свидригелло перемирие между поляками и литовцами до Громниц [41] следующего года. А как только король уехал в Польшу, полякам (которые оставались там после заключенного перемирия, а иные и оседлости имели) волынцы чинили всякие жестокости и убийства; также все церкви, сколько их было не русского закона, жестоко сожгли.

А когда к королю пришло множество шляхтый Куявской и Добжиньской земель, прося о помощи после крестоносного разорения, то король ничем не мог их поддержать, потому что всю его казну высосала (wysala) литовская война, и он велел им ехать в имения князя и епископа и в течение зимы пользоваться их [имуществом] с женами и детьми.

Бесполезный сейм с литовцами в Парчеве. Потом в 1432 году король созвал в Парчеве сейм, на котором с коронными панами старался о вечном мире со Свидригайло и литовцами, но не мог ничего добиться из-за свидригелловой [42] гордости, ибо через торуньского комтура [43] того подстрекали (potuchi dodawali) крестоносцы, чтобы не заключал мира с поляками.

Кипрский посол к королю Ягелло. А еще в то время на второй серадзский сейм к королю Ягелло приехал от кипрского, иерусалимского и армянского короля Януша [44] знатный посол Балдуин де Норис, маршалок королевства Кипрского, с двумя своими сыновьями, с поляком Петром из Бнина и с двумя сотнями конных. Вручив подарки королю и королеве, он просил у них в жены сыну кипрского короля их дочь Ядвигу (ибо не знал, что та недавно умерла). Просил также, чтобы Ягелло одолжил кипрскому королю двести тысяч золотых червоных, предоставляя ему в залог третью часть Кипрского королевства. Однако его отправили ни с чем, ибо королевна умерла, а о деньгах король сказал, что его казна осиротела из-за частых войн. Я это потому приписал, что это была хитрость итальянцев (Wloszy), соблазнившихся ***per magnum chaos*** *(в столь великом хаосе)* и ***per tanta maria et regna*** *(через столько морей и царств)* выбить у поляков деньги. Хотя лучше бы им было самим у себя поискать, там, где золото родится, как говорят итальянцы, и где урожай собирают дважды или трижды в год. Хотя истинную (sluszna) причину этого Меховский видит в том, что кипрского короля подговорил поляк Петр из Бнина, который давно уже осел на Кипре, ибо наших везде полно.

Глава четвертая

Сигизмунд Кейстутович, великий князь Литовский, Русский, Жмудский, Стародубский и прочее.

Год 1432.

Замысел послать за Сигизмундом Кейстутовичем, [призывая его] **в Литву.** Когда упрямый и буйный Болеслав Свидригайло никоим образом не дал склонить себя к примирению и к вечному миру с поляками и столь горделиво требовал, чтобы поляки вернули ему Подолию и часть отнятой [у Литвы] Волыни, король Ягелло по совету коронных панов сразу же послал за Сигизмундом (do Sigmunta) Кейстутовичем, братом Витольдовым, который в то время жил в Стародубе, чтобы приезжал на великое княжение Литовское, решительно намереваясь помочь ему выгнать Свидригайло. Также и к Свидригайле послал серадзского каштеляна Вавржинца Зарембу, чтобы на словах склонял его к миру, а на самом деле чтобы тайно бунтовал против Свидригайло за Сигизмунда литовских панов, которым Свидригайло уже было опротивел своей жестокостью и тем, что руссаков и москву [45] более жаловал и должности им раздавал по советам своей русской жены, тверской княжны [46].

Свидригайло бежит из Ошмян. Тогда литовские паны, уразумев волю короля Ягелло, тут же послали за Сигизмундом Кейстутовичем, который вскоре приехал в Литву. К нему выехали литовские паны, с которыми Сигизмунд с готовым войском ударил на Свидригайло, жившего в то время в Ошмянах. Однако трокский воевода Монивид предупредил его об этой измене, и тот спешно бежал от жены [47] на Русь, где был радушно принят всеми руссаками, а более всего смоленчанами, с которыми потом совершал набеги и воевал Литву. Затем как своего князя его приняли полочане и руссаки киевляне. **Сигизмунд сел на литовское княжение.** А Сигизмунд захватил в Ошмянах его русскую жену, дочь тверского князя, и завладел всей Литвой, а также Жмудской землей, легко заняв Вильно, Троки и другие замки. Сообщая об этом, он сразу же отправил послов к королю Ягелло, прося утвердить его на великом княжении. Король прислал для этого в Вильно семь коронных панов, которые от Сигизмунда присягу приняли и унию польской Короны с Литвой возобновили. **Пакт Короны с Сигизмундом.** Однако сделали это на других условиях: чтобы против воли поляков Сигизмунд короны на Литовское королевство, хотя бы и добровольно пожертвованной, ни от кого бы ни принимал, а также чтобы не ставил наследниками и дедичами Литовского княжества никого иного, как только короля и его детей. А сын его Михал чтобы имел удел только в Троках и в Стародубе, и то чтобы был королевским подданным. А если он уйдет [из жизни] без потомства, чтобы ему наследовали король и королевство [Польское]. **О Волыни.** Волынью чтобы владел пожизненно, а после его смерти та переходит под власть Короны.

И когда Сигизмунд, сын его Михал и литовские паны с одобрения всей шляхты все это приняли и подтвердили под присягой, то потом в церкви святого Станислава в замке учинили маестат (majestat), на котором Сигизмунд с обычными церемониями был возведен на великое княжение Литовское. **Литовцы освобождены от присяги**. Там же краковский епископ Збигнев от имени короля вручил ему меч, а также дал литовским, жмудским и русским панам папское письмо или буллу, которой тот разрешал их от присяги, данной Свидригайло. А затем все снова присягнули Сигизмунду. При этом был и торуньский комтур Людвиг [48] с тремя товарищами крестоносцами, которые соглашения и условия поляков в отношении Литвы старались обратить в ничто и хотели заключить новый мир с Сигизмундом. **Бутрим.** В этом им помогал жмудский пан Бутрим, муж

великой удали и хитрости, изъездивший много чужих краев. Но орденским послам, как вражеским, было велено сразу покинуть пределы страны (precz z granic wynisc).

Свидригел овладел Белой Русью (Rus Biala). А Свидригайло, заняв Полоцк, Смоленск и Киев, овладел почти всей Русью, ибо всех руссаков покорил щедростью и тем, что рад был с ними выпить, а к тому же больше следовал их вере, хотя и был окрещен в Кракове по римскому обряду.

Федко, князь Острожский, отнял Подолию у поляков. Потом Федор или Федко, князь Острожский, муж воинственный и великой отваги, державший сторону Свидригайло, добыл у поляков замки Смотрич, Брацлав и Скалу, благодаря чему Свидригайло трудами этого Федора, князя Острожского [49], вырвал у поляков почти всю Подолию. **Олеско взят.** Поэтому король Ягелло, выступив на Львов, послал в Подолию коронные войска, которые, добыв Олеско, тем легче взяли другие замки, а Брацлав сжег сам князь Острожский, чтобы в целости полякам не достался. Потом, собравшись со своими руссаками и с валахами, постоянно тревожил польское войско из засад и совершал набеги. А когда поляки из-за близкой зимы уже поворачивали назад, князь Острожский Федко, взяв в помощь побольше татар, валахов и бессарабов, сразу же тайно двинулся за ними, выбирая время, место и подходящий случай, чтобы бы на них ударить.

Река Мурафа. Есть река Мурафа (Morakwa), которая в Днестр впадает, через лесные места текущая, широко разливающаяся, болотистая и [тогда] уже потянутая тонким ледком. Поляки, чтобы удобнее было перейти, гатили ее и мостили хворостом. **Федкова засада.** Но на это самое место князь Федко Острожский по другой дороге прибыл первым и со своим войском устроил в лесу засаду на другом берегу. А часть поляков уже было перебралась через это трудное место по узкой тропинке, а возы и прочее военное снаряжение с построившимся войском следовали за ними. И тогда он внезапно и стремительно с великим гвалтом, криком, разноголосицей, игрой боевых труб (surm) и бубнов, с шумом и треском ударил на поляков, которые переправлялись первыми. ***Cromer: Trepidi nostri re nova et inexpectata*** *(Кромер: Нас бросило в дрожь от новой и неожиданной реальности)*. Поляки же, встревоженные новым и неожиданным происшествием, когда из-за реки, препятствий и возов не могли ни вернуться назад к своим, ни получить от них хоть какой-нибудь помощи, все же какое-то время сдерживали собой напор неприятеля. Увидев это, остальные польские полки, тут же отбросив страх и осторожность, одни вплавь, ломая лед, другие, побросав свои возы в гати и опережая [друг друга], поспешно прибыли на выручку к своим и снова затеяли огромную битву.

Битва князя Острожского с поляками. Но князь Острожский [числом] войск превосходил поляков, к тому же взволнованных и выезжавших из реки беспорядочно и вперемешку. Руссаки, разведав подходящие места в этих болотах, жарили (nagrzewali) со всех сторон, били, топили и хватали [в плен]. ***Crom. Deplorata res nostrorum erat.*** *(Кром[ер]. Положение было отчаянное).* А другие, как будто уже одержав победу, хватали добычу, [добираясь] до стоявших на реке возов. **Скверное дело брать добычу, когда победа еще не достигнута.** Дела поляков были плохи и почти уже плакали, когда им пришло спасение как будто бы от Бога. **Некий ротмистр Кемлицкий славно спас наших.** Ибо некий ротмистр Кемлицкий, уехавший было вперед с сотней конных

жолнеров на фуражировку (w piczowanie), когда услышал издалека битву с трубами и лязгом оружия, сразу же построил эту конную сотню и с оглушительным (wynioslym) криком ударил в тыл неприятелям, которые уже забавлялись трофеями, а другие в бою добивали бедных поляков. **Великий это и всегда нужный поступок** (fortel)**.** И вот так и уже почти одержавших победу руссаков с валахами перепугал, и своим смелости в сердца прибавил, и тогда поляки и сзади и спереди возобновили битву. Затем князь Острожский со своими, думая, что к полякам прибыло сильное подкрепление, начал обороняться и уступать тем, кого прежде бил и гнал, а потом все разбежались кто куда. А поляки аж до полуночи, которая в то время была светлая, гнали их и били, никого не щадя. **Побежденные поляки разбили победителей.** Место, где была та битва, находилось в 40 больших милях от Львова [50], а в тот день, когда все это случилось, то есть в последний [день] ноября [51], король был во Львове, в церкви, где в течение всего дня молился за свое войско, зная, с каким могучим и хитрым врагом предстоит вести бой. В тот же день весь город облетела весть о нашей победе, и невозможно было узнать, кто принес эту новость, и вот так все люди беспричинно радовались. Но весть есть дело очень быстрое, о чем читай Вергилия и историка Юстина о войне Ксеркса с афинянами и прочее. ***Virg. Fama malum quo non aliud velocius vllum.*** *(Верг[илий]. Известие о событии, при котором ничего не происходит быстрее самого известия).*

Двенадцать отнятых хоругвей. Потом на следующее утро королю достоверно рассказали, как все происходило. И принесли двенадцать хоругвей [52] их разгромленного войска: валашских, свидригайловых и князя Острожского, которые потом в знак победы вывесили в краковском замке между хоругвями крестоносцев. А во Львове король с рыцарством и с духовенством благочестиво отпраздновал триумф.

Битва Сигизмунда со Свидригайло. Почти в то же самое время другая веселая новость обрадовала короля. Ибо князь Свидригайло, имея большую помощь из Московской Руси от своего тестя, князя Бориса Тверского, а также от полочан, смоленчан, киевлян и волынцев, собрал пятьдесят тысяч войска и с другой стороны двинулся в Литву, разоряя и паля все, что подвернется. А когда расположился лагерем у Ошмян, Сигизмунд собрал против него войско из вильновцев (Wilnowcow) и из трокской (Trockiej), гродненской, новогрудской, завилийской и жмудской шляхты, которая оставалась ему верна, кроме самого трокского воеводы Монивида и некоторых панов, которые были за Свидригайло. А когда Сигизмунд со своими ударил на Свидригайло, расположившегося у Ошмян, с обеих сторон случилась огромная битва, где оба владыки (poteznym) спорили за литовский престол. В конце концов сторона Сигизмунда стала одолевать Свидригайлову, руссаки полочане, смоленчане и тверичи разбежались по разным полям, а Свидригайло, меняя коней, в малой дружине едва убежал аж до Киева. **Свидригайло бежал на Киев.** Из Свидригелловых полков десять тысяч полегло на поле убитыми, а 4 000 были захвачены в плен, среди которых было много русских панов и князей. **10 000 сраженных руссаков** [53]. Там же были пойманы и Дедигольд [54], и князь Юрий Семенович [55], и Федор Одинцевич [56], и литовский маршалок Румбольд [57] и трокский воевода [58] Монивид [59]. Этих двух последних Сигизмунд, обвинив их в измене и осудив по закону, тут же приказал казнить. **Ян Монвид** (Monwid) **и Румбольд** (Rombowd) **казнены.** А в память о победе построил в Ошмянах коллегиатский (collegiacki) костел [60] и пожаловал [на его содержание]. Сообщив королю Ягелло об этой победе, великий князь Сигизмунд возобновил пакт унии и

братства Литвы и Польши. А старик (staruszek) Ягелло, утешенный двойной победой, в день Рождества Господня пешком вошел в Краков и первым делом отправился не в замок, а обходил все церкви, возблагодаряя Господа Бога.

В том же году, когда король Ягелло из-за возраста почти утратил зрение, а спесивых крестоносцев склонить к справедливому миру не мог, [он] отправил в Новую Марку Сендзивоя Остророга с великопольской шляхтой и с еретиками чехами, которые за короткое время отняли эту землю у крестоносцев и заняли двенадцать важнейших укрепленных городов [61].

Литовцы разоряют Лифляндию. Тогда же и Сигизмунд, великий князь Литовский, собравшись с литовцами и жмудинами, вторгся в Лифляндию, которую разорял и разграблял быстрыми загонами в течение двенадцати дней и беспрепятственно вывез в Литву добычу и большие трофеи.

Луцк взят дважды, один раз за другим. А в Руси на Волыни Рисько (Rysko) Кердей [62], муж, искушенный в военном деле, поразил и пленил другого Свидригайлова гетмана, князя Носа (Nossa), который недавно захватил было Луцкий замок для Свидригайло. Вот так и Луцк и Волынь тем же Кердеем снова были возвращены Литве, но потом князь Федко Острожский ее захватил и отдал Свидригайло.

Поляки разоряют Пруссию. Тогда же поляки с чехами несколько месяцев воевали Пруссию и разорили почти все Поморье, сожгли Тчев, где захватили более чем десять тысяч пленников. Чехов, которые служили крестоносцам против поляков, чешский и польский гетман Чапек (Ciapko), сложив большую кучу дров, жестоко сжег. Он их в глаза обвинил в измене, что с немцами воевали против поляков, которые с ними одного языка и племени [63].

Также и Ян Страж, заперев захваченных орденских и голландских корсаров [64] в большом строении, обложил его соломой и поджег. А панн, панянок и весь женский пол, учтиво перевезя через Вислу, отпустил на волю. Потом наши сожгли богатый Оливский монастырь [65] и замок Ясенец, где в отместку за Яна Левина Вислинского, убитого при штурме замка, изрубили всех пленников, никого не оставив в живых.

Затем поляки разорили почти весь Поморский край до самого моря, а когда пришли к морю, то так радовались, особенно чехи, что собирали морскую воду во фляжки, желая принести ее домой в знак победы. А крестоносцы, усомнившись в себе, попросили установить перемирие на три месяца, а как установят, знатных пленников договорились сразу отпустить, а простых кнехтов поляки и чехи отдавали за выкуп в два золотых, либо обменивали [на своих]. ***Cromer: Captivi binis florenis redempti.*** *(Кромер: За пленных платили по два флорина).*

Стефан присягнул. Тогда же валашский воевода Стефан [66] присягнул королю Ягелло при коронных послах в Сучаве, а чтобы послужить как можно лучше, поразил двигавшихся на Подолию татар, захватил у Свидригайло замок Брацлав и отдал королю.

Потом старый король Ягелло [для похода] в Пруссию будущей зимой объявил коронное посполитое рушение [67], но шляхта не хотела двигаться к границам без жалованья (zoldu), а денег, которые и есть ***Nervus belli*** *(нерв войны)*, у нас не было, как и сейчас. **Способ выплатить жалованье.** И избрали такой способ: чтобы каждый воевода в своем воеводстве позаботился о выплате жалованья шляхте. **Мир с крестоносцами.** Когда об этом узнали крестоносцы, они сразу же отправили к королю послов и, приняв выдвинутые условия, которые прежде отвергали, утвердили мир на двенадцать лет. Тогда же лифляндский маршал был выпущен из плена [68], а за него отдали Федора Бучацкого, которого захватил князь Федко Острожский и по приказу Свидригайло отправил в Лифляндию в плен к магистру.

Глава пятая

О разорении Литвы Свидригайло и о смерти короля Ягелло.

Свидригайло разоряет Литву. В том же 1433 году Болеслав Свидригайло, брат Ягелло, имея в помощь лифляндское войско, татар и очень много московской, тверской, смоленской, северской, киевской и полоцкой руси, тремя большими загонами вторгся в литовские земли, разоряя, поджигая и рубя все, что ему подвернется. Также и князь Федко (Fiedko) Димитрович Корибутович Збаражский [69] и князь Нос [70] с другой стороны воевали Волынь и Подолию, которые [отошли] к Польше, и взяли Заслав, Луцк [71], Брацлав и другие замки. А Свидригайло город Вильно, оба [города] Троки, Крево, Молодечно, Лиду, Эйкшишки, Мереч [72] со всеми волостями жестоко выжег и пополонил, вбивая на колы и четвертуя пленную шляхту. Потом поразил сигизмундова гетмана Петра Монтегирдовича [73] или Мондигердовича и разгромил литовское войско. Поэтому великий князь Сигизмунд, который не мог получить помощи из Польши, а на своих не слишком полагался из-за друзей Румбольда и Монивида, которых он отдал на казнь, с женой и с сыном отступил в леса, и лишь вылазками из засад тревожил войска Свидригайло.

Потом Свидригайло, огромные силы которого постоянно прибывали, двинулся к Витебску, который сдался и был взят, захватил в верхнем замке князя Семена Гольшанского и приказал утопить его в Двине [74]. **Князь Гольшанский и митрополит позорно казнены**. И ныне на этом месте в реке за замком стоит большой камень с вырезанным крестом, который я сам видел в 1573 году. Там же [Свидригайло] схватил русского киевского митрополита Герасима и велел его сжечь [75].

А с другой стороны князь Федко Корибутович Збаражский [76] и князь Нос осаждали Брест Литовский и Мельник, и уже взяли было оба замка, но по приказу Ягелло на помощь литовцам и полякам пришли мазуры.

Свидригайло привел было и перекопских татар, нанятых за великие подарки, чтобы они разорили остаток русских земель подданных Сигизмунда. Но как только татары узнали, что с одобрения короля Ягелло Сигизмунд завладел престолом Великого княжества Литовского и водит дружбу (dobrze mieszkal) с поляками, [они] тут же изменили свои намерения и повоевали киевские и черниговские земли Свидригелло.

И вот так из-за несговорчивости Свидригайло бедные литовские и русские края были тогда жестоко терзаемы и всеми воевались: и своими, и москвой, и татарами, валахами, лифляндцами, пруссами, поляками, подолянами, волынцами, смоленчанами.

А Свидригайло в то время воевал Литву тем смелее, что знал о ненависти литовских панов к Сигизмунду из-за его тяжкого правления и поборов, также видел, что поляки заняты [войной] с крестоносцами, а брат его король Ягелло слишком стар. К тому же [Сигизмунд] боялся друзей перебитых литовских панов, которых, как я уже говорил, он незадолго до этого отдал на казнь: троцкого воеводу Яна Монивида и великого земского литовского маршалка Румбольда, мужей, весьма заслуженных в войне и в совете, обвинив их в том, что якобы изменили ему на стороне Свидригайло.

Литовцы взяли Мстиславль. Той же осенью Сигизмунд, собрав большое войско из Литвы и из Польши, двинулся в русские владения, желая отомстить Свидригайло и русским князьям за свои беды. И, осадив Мстислав[ль], добыл его за четыре недели, а потом, повоевав окрестные волости, воротился в Литву.

Умер король Ягелло. Потом в 1434 году король Ягелло, будучи глубоким стариком, по просьбе Сигизмунда в последний раз приехал в Литву. В Кринках он полновластно поставил Сигизмунда на великое княжение и, взяв от него великие подарки, поехал в Корчин, где в течение всего великого поста был сейм. И с этого сейма отправил [послов] на Базельский собор [77], а сам поехал в Краков. Потом ехал до Городка (Grodka) [78] в четырех милях от Львова, где собирался принять вассальную присягу от валашского воеводы Стефана [79]. И по дороге по привычке до полуночи слушал в лесу щебетание соловья, а так как то лето было необычно холодное, продрог, и из-за этого впал в лихорадку. А приехав в Городок, в канун Святок сидя за столом при послах воеводы валашского, жестоко разболелся. И, поручив сына коронным панам, в завещании распорядившись Литвой и Польшей и приняв Господне причастие, на семнадцатый день болезни умер в святочный понедельник в последний день мая [80]. А похоронен в Кракове в мраморном гробу, который видим [там] и ныне. **Сомнительный возраст Ягелло.** Царствовал сорок восемь лет и три месяца, а как долго жил, неизвестно, хотя был старше, чем Витольд, который достоверно умер в восемьдесят лет [81].

Привычки Ягелло.

Так тот король святой смерти долг в Городке заплатил и скончался.
Мужеством и добродетелями с героями (Herohy) он побратался.

Любил послушать соловья.

Слушая трель соловья с наслаждением,
Ушел вечно слушать ангелов пение.

Скромность в одежде.

Зимние холода и стужу он терпеливо сносил,
Не соболей златоглавых, а бараний кожух носил.

Меховский за щедрость зовет его Расточителем (Prodigum).

А сам был настолько щедрым, что все раздавал,
Когда и кому что отдать, каждый день искал.

Охота.

Смолоду и до самой смерти охоту любил,

Справедливость.

И к каждому человеку справедливым он был.

Суеверия.

А когда он на двор выходил, на одной ноге три раза
Крутился, чтобы его миновала всякая зараза.

Посты.

Каждый пост только хлеб ел и лишь водой запивал.

Способ дать и способ попросить.

Кто у него что попросит — половину давал,
Так что следовало в два раза больше просить,
Тому, кто упрямо хотел свое получить.

Трезвость.

Ни вина, ни меда не пил, и был трезв всегда.

Баня и привычка хлестаться в ней веником.

В баньке попариться не пропускал никогда.
Хлестаясь веником, кричал: Аа! Е! Е! Е!
По-литовски, и нежился на полке в тепле.

Дар и отдаривание. Артаксеркс [82].

Самый ничтожный дар благодарно принимал
И отдаривал так, что вчетверо воздавал.

Щедрость к соседям.

К соседям был щедр, не скупо на церкви давал,

Сонливость.

Временами с постели лишь к обеду вставал.

Внешность.

С длинною шеей, роста не слишком большого [83].
Дай нам, Боже, другого Ягелку такого,
Каким был литовец, Польшу осветивший,
И в Литве божью правду распространивший.

Комментарии

1. Александр Острожский (1570-1603) — младший и любимый сын князя К. К. Острожского и Софии Тарновской, умершей при его рождении. Внук Яна Амора Тарновского (1488-1561). Его детство прошло в Дубнах, а начальное образование «воеводич» получил в Остроге. Александру было не более 12 лет, когда Стрыйковский посвятил ему эту книгу, но он уже носил титул князя Прусского и был стольником, а позднее стал старостой переяславским и воеводой волынским (1593). В 1592 году женился на католичке Анне Костка (1575-1635), получив в приданое город Ярослав в Галиции. Единственный из сыновей Константина Острожского, который всю жизнь хранил верность православию, помогая отцу бороться с распространением униатства. Внезапная смерть Александра (1603) породила слухи о его отравлении. В 1620 году его дочь Анна-Алоизия (1600-1654) вышла замуж за великого гетмана литовского Яна Кароля Ходкевича (1560-1621).

2. Киевским воеводой в 1569-1608 годах был князь Константин (Василий) Константинович Острожский, о котором смотри примечание 1 к книге пятой.

3. Описка автора или же опечатка типографа. Правильно было бы не Корибута Жигмонтовича, а Жигмонта *Корибутовича*.

4. Свидригайло был далеко не так прост, как представляет его Стрыйковский. Вероятно, лучше всех его изобразил Юлиан Опильский в историческом романе «Сумерки», причем почти нет сомнений, что Опильский читал Стрыйковского. Свидригайло там очень «похож». См. : Юлиан Опильский. Сумерки. М., 1970. Стр. 97-103.

5. В этой главе Стрыйковский почти везде называет нашего героя правильно: *Свидригайло*, но временами сбивается и по старинке именует его *Свидригелло*. Но Длугош

и его переводчики на польский язык упорно придерживаются варианта *Свидригелло*, как, впрочем, и *Ягелло* (а не *Ягайло*, что точнее).

6. Здесь имеется в виду жемайтское восстание против Тевтонского ордена, о чем выше (кн. IX, гл. 2) вполне ясно пишет и сам Стрыйковский. Непонятное слово *Jlgow*, скорее всего, означает языческий праздник *Лиго*, когда произошло восстание, которое, таким образом, можно назвать «Жмудское Лиго».

7. Смотри главу 2 книги девятой и к ней примечание 15.

8. В относительно раннем произведении Стрыйковского «О началах» (1577), которое можно считать как бы наброском его будущей «Хроники» содержание этой главы излагается в другом порядке и в стихах. См.: Стрыйковский М. О началах, истоках, достоинствах, делах рыцарских и внутренних славного народа литовского, жмудского и русского, доселе никогда никем не исследованная и не описанная, по вдохновению божьему и опыту собственному. Часть 2. М., Директ-Медиа, 2015. Стр. 41, 42.

9. Епископом Виленским в 1422-1453 годах был уже упоминавшийся Стрыйковским Маттиас или Мацей, которого он здесь ошибочно называет Миколаем. Длугош везде называет епископа Мацеем, но не пишет ни о его участии в церемонии, ни о самой церемонии. Смотри примечания 180 и 183 к книге пятнадцатой. Свидригайло был провозглашен великим князем 4 декабря 1430 года. Уже 24 января 1431 г. папа Мартин V в своем послании называет его «князем Литовским». См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 377, 394.

10. Длугош называет этого шляхтича *Грицко* (Hrycko) Кердеевич. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 390.

11. Стрыйковский в своей книге «О началах» упоминает «*кардинала Юлиана от св. Ангела*». Возможно, именно это место в «Хронике» позднее превратилось в *Angelskie* войска. Впрочем, Длугош упоминает английских (*Angielskich*) лучников среди прибывших в Чехию крестоносцев. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 325.

12. Фалькенберг находится в Баварии, относительно некоторых других перечисленных городов тоже нет уверенности, что все они расположены в Силезии, а часть названий идентифицируется ненадежно.

13. Длугош не раз упоминает гуситского священника Бедржиха из Стражницы, «*ксендза убогого и низкого рода, предводителя оребитов*». См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 325, 459. Так называемое «Оребитское братство» (левое крыло гуситов) было основано в 1423 году самим Яном Жижкой. Его центром был Градец Кралове (Малый Табор). После смерти Жижки (1424) оребиты стали называть себя «сиротами».

14. Так пишет и Длугош. Стадий — древняя греческая мера длины, равная примерно 600 футам, то есть 180 метрам. 20 000 стадиев — это более 3 500 километров, в данном случае расстояние совершенно несуразное. Несомненно, Длугош имел в виду 20 стадиев, то есть 3,5 километра.

15. Здесь рассказывается о сражении под Домажлицами, состоявшемся 14 августа 1431 года. Армией крестоносцев (около 20 000 человек) командовал бранденбургский маркграф Фридрих, которого сопровождал папский легат кардинал Юлиан Чезарини. Армия гуситов тоже была вовсе не маленькая — до 15 000 человек. Ей командовали Прокоп Большой (Голый) и Сигизмунд Корибутович. Рассказ Стрыйковского в целом соответствует истине. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 427-429.

16. Это, разумеется, экзотическая легенда, хотя и не лишенная некоторой исторической основы.

См.: Жорж Занд. Ян Жижка. СПб, 1902. Стр. 103.

17. Лузацкое княжество — Верхние Лужицы, в наше время граничащая с Чехией часть Саксонии, исторической столицей которой является город Бауцен.

18. См.: Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». Кн. II, гл. 10 (13-17). СПб, 2005.

19. Смотри примечание 5.

20. Мартин V, разбитый параличом, скончался 20 февраля 1431 года. Его письмо к Свидригайло датировано 24 января 1431 года и, таким образом, продиктовано папой почти что перед самой смертью. Длугош приводит текст этого письма. Легат, о котором пишет Стрыйковский — Юлиан Чезарини. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 394-395.

21. Ян Гловач Олесницкий герба Дембно (1400-1460) — великий коронный маршалок, сын краковского судьи Яна Олесницкого, племянник войницкого каштеляна (1411-1433) Добеслава (Добко) Олесницкого (1360-1440), младший брат краковского епископа (1423-1455) Збигнева Олесницкого (1389-1455) и отец другого Збигнева Олесницкого (1430-1493), архиепископа Гнезненского и примаса Польши (1481-1493).

22. См.: Томек В. История Чешского королевства. СПб, 1868. Стр. 445, 448 и 457.

23. Старопольское и украинское слово *оршак (horszak)* означает: *свита, едущая за государем*.

24. Ченстоховская икона имеет два пореза на лице Богоматери — по преданию, от сабель гуситов.

25. Смотри примечание 5.

26. Длугош называет его «Ян, сын Лютка из Бржезя, королевский секретарь и писарь». Таким образом, правильно будет Ян *Бржезинский*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 410.

27. Смотри примечание 151 к книге пятнадцатой.

28. Длугош пишет, что этот Сенко был сыном князя Романа, а убил его уже упоминавшийся Грицко Кердеевич. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 411. Смотри также примечание 10.

29. Ныне принятое написание этого имени — ***Юрша***.

30. О *Румбольде* смотри примечание 105 к книге четырнадцатой.

31. Ян Гаштольд (1393-1458) герба Абданк — литовский боярин, сын Андрея Гаштольда и внук Петра Гаштольда (1305-1364). Староста дорсунский (1422), надворный маршалок литовский (1426), наместник смоленский (1433), воевода Трокский (1440) и Виленский (1443). Гаштольда (кстати, вместе с Румбольдом) Длугош впервые упоминает под 1429 годом в качестве воеводы виленского, но это ошибка. В это время виленским воеводой (1422-1432) был Юрий *Гедигольд*. Смотри главу 14 книги пятнадцатой.

32. Смотри примечание 302 к книге пятнадцатой.

33. Героической обороне Луцкого замка посвящены самые важные главы уже упоминавшегося исторического романа «Сумерки». Стрыйковский, а вслед за ним и Опильский, подчеркивают, что замок защищали не столько литовцы, сколько русские. См. : Юлиан Опильский. Сумерки. М., 1970. Стр. 244-303.

34. В соответствующем месте книги Стрыйковского «О началах» еще нет упоминания о Зарембе, который стал главным отрицательным героем романа «Сумерки».

35. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 419-420.

36. Молдавский господарь (1400-1431) Александр Добрый, в последние годы поссорившийся с Витовтом, после его смерти поддержал Свидригайло, хотя формально был польским вассалом. Но уже 1 января 1432 года Александр умер.

37. Употребленное здесь Стрыйковским слово *reiter* ни в коем случае не следует переводить как *рыцарь*, так как *всех* орденских братьев-рыцарей в Ливонии в то время было меньше 700.

38. Дитрих (Teodorik) Кра был ливонским маршалом в 1422-1427 годах, но в описываемое время эту должность занимал уже Вернер фон Нессельроде (1427-1431).

39. Слово *хоругвь* здесь означает именно *знамя*, а не вооруженный отряд.

40. Владислав — Влоцлавек (Wloclawek) в Куявии, один из древнейших городов Польши.

41. Громницы — Сретение Господне. Таким образом, перемирие должно было продолжаться до 2 февраля 1432 года.

42. Так и в оригинале. Смотри примечание 5.

43. Тогдашним комтуром Торуни (1431-1433) был Иоганн фон Поммерсхайм .

44. Иоанн (Жан) II де Лузиньян (1375-1432) — король иерусалимский, кипрский и Киликийской Армении; реально правил только Кипром (1398-1432). Его сын, которого он намеревался женить на дочери Ягайло — будущий король Кипра Иоанн III (1432-1458).

45. *Москвой* Стрыйковский называет русских, которых здесь он хотя и отличает от *руссаков* — западнорусского населения, предков нынешних белорусов и украинцев, однако дает понять, что это «одна компания».

46. Тверская летопись сообщает, что в 1431 (6938) году Свидригайло женился в Твери на *Анне*, дочери князя Ивана Ивановича, дяди великого князя тверского Бориса Александровича (1425-1461). См.: ПСРЛ, том 15. СПб, 1863. Стб. 489. Но римский папа Евгений IV (1431-1447) в своем письме к великому князю Сигизмунду жену Свидригайло называет *Софией* (осень 1434 года). См.: Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский. СПб, 1835. Стр. 205.

47. Свидригайло вынужден был оставить жену в Ошмянах, так как та была беременна, и она попала в плен к людям Сигизмунда. Впоследствии даже римский папа в своем письме упрекал Сигизмунда и убеждал его отпустить жену Свидригайло. Впрочем, во всей этой истории с женой немало неясностей и хронологических нестыковок. См.: Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский. СПб, 1835. Стр. 142, 144, 148-149, 154, 204-205.

48. Смотри примечание 43. Тогдашнего торуньского комтура звали не Людвиг, а Иоганн, но речь, вероятно, идет не о нем, а о его предшественнике *Людвиге* фон Ландзее, который в 1428-1431 годах был комтуром Торуни, а в 1432 году — комтуром *Меве*. Коцебу называет его Людвиг фон *Ланце*. См.: Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский. СПб, 1835. Стр. 146.

49. Федор Федорович (1386-1438), князь Острожский, сын луцкого наместника (1386-1392) Федора Даниловича (1360-1410), впоследствии канонизированного как святой Феодосий, дедом которого был Василько Романович Слонимский, внук Даниила Галицкого. В 1386 году Ягайло и Витовт передали Федору Даниловичу в наследственное владение город Острог. Его сын и тезка участвовал в битве при Грюнвальде (1410), потом

был видным предводителем гуситов (1418-1431). В 1420 году Федор Федорович организовал побег Свидригайло из Кременецкого замка, позднее сражался за него на Волыни. Предок Константина Ивановича Острожского (1460-1530). Ранее было распространено мнение, что Федор Данилович и Федор Федорович — одно и то же лицо, существовало и его так называемое «совмещенное житие».

50. Сорок миль — 320 километров. Это почти точно соответствует расстоянию от Львова до реки Мурафы, впадающей в Днестр между Могилевом-Подольским и Ямполем.

51. 30 ноября 1432 года.

52. Смотри примечание 39.

53. Битва под Ошмянами состоялась 8 декабря 1432 года. Это было крупное сражение, однако и силы сторон и масштабы потерь в этой битве традиционно преувеличиваются. Свидригайло в письме к великому магистру (где, впрочем, явно привирает) писал, что не потерял и двадцати хороших воинов, а на одного убитого русского полагает шесть павших литовцев. См.: Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский. СПб, 1835. Стр. 158.

54. Дедигольд, правильнее Гедигольд (Гедговд), в католичестве Юрий — литовский боярин, староста подольский (1415), воевода киевский (1411) и виленский (1425-1432). Брат Войтеха Монивида и дядя Яна Монивида. В источниках впервые упоминается в 1401 году как дворный маршалок Витовта. После битвы под Ошмянами лишен звания воеводы виленского, позднее признал власть Сигизмунда и был частично восстановлен им в правах. Последнее упоминание — 9 июня 1435 года.

55. Юрий Семенович — автор имеет в виду тогдашнего удельного князя мстиславльского (1431-1442) Юрия Лугвеньевича (1395-1460), внука Ольгерда и (по матери) внука Дмитрия Донского.

56. Федор Андреевич Одинцевич — правнук друцкого князя Ивана Михайловича (1339). На его родной сестре был женат Сигизмунд Кейстутович, и от этого брака, заключенного еще до 1390 года, родился Михаил Сигизмундович. См. : Родословие князей Одинцевичей // ПСРЛ, том 35. М., 1980. Стр. 282-283.

57. Незадолго до этого Румбольд был освобожден из плена и почти сразу же снова оказался в плену. Смотри примечание 105 к книге четырнадцатой. «Хроника Быховца» в числе плененных под Ошмянами не упоминает ни Румбольда, ни Монивида, ни Одинцевича, зато называет ***князя Митка Зубревицкого, князя Василия Красного, брата его Дедигольдовича, пана виленского, пана Юшка Гольцевича, пана Ивана Вяжевича***. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 86.

58. Трокским воеводой (кстати, первым из трокских воевод) в 1413-1432 годах был не Монивид, а Евнут Волимонтович герба Задора, старший брат Румбольда. Именно он и был казнен вместе со своим братом. Ошибка Стрыйковского, возможно, вызвана тем, что католическое имя Евнута было Иоанн (Ян), как и у Монивида.

59. Ян (Иван) Монивид (1400-1458) — литовский боярин, сын Войцеха Монивида и племянник Гедигольда (Дедигольда). Один из самых активных сторонников князя Свидригайло, наместник подольский и кременецкий (1437), маршалок Свидригайло (1438), воевода Трокский (1443) и Виленский (1458). Однако после сражения у Ошмян Сигизмунд не только не казнил Монивида, но впоследствии даже сделал ему довольно щедрые земельные пожалования.

60. Колегиатская церковь — то же, что и монастырская, то есть и церковь, и монастырь.

61. Здесь рассказывается о легендарном походе гуситов в Прибалтику. Еще в июле 1432 года Ягайло заключил с чехами союз. В конце мая 1433 года таборитский гетман Ян Чапек повел во владения Тевтонского ордена войско, состоявшее из 750 всадников, 7 тысяч пехотинцев и 350 боевых повозок. В Великой Польше к гуситам присоединился сандомирский воевода Петр Шафранек. В июне они начали военные действия в Новой Марке, где завладели 12 городами и местечками, в том числе Хощно, Стшельце, Добегневом и Мыслибужем. Потом к ним прибыл великопольский староста Сендзивой из Остророга, возглавивший польские войска. См.: Historia Pomorza, t. I, cz.I. Poznan, 1969.

62. Смотри примечание 10.

63. Тчев пал 29 августа 1433 года.

64. Стрыйковский пишет *frejbiter*, а Длугош называет этих людей *lotrzyki morski*, то есть *морские разбойники*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 469.

65. 1 сентября 1433 года гуситы подступили к Гданьску, а 4 сентября ими был разрушен и дочиста разграблен Оливский монастырь. Здесь они впервые вышли на берег Балтийского моря. См.: Historia Gdanska, t.1. Gdansk, 1978.

66. В 1433 году началась борьба за молдавский престол между тогдашним господарем Ильяшем и другим сыном Александра Доброго — Штефаном. Штефан разбил Ильяша при Лолони и был признан молдавскими боярами господарем. После нескольких междоусобных сражений братья поделили Молдавию: Штефан стал господарем Нижней Страны со столицей в Васлуе, а Ильяш остался господарем Верхней Страны со столицей в Сучаве. См.: Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. Стр. 156.

67. Посполитое рушение, то есть всеобщая мобилизация, было очень серьезным делом и мерой исключительной, к которой польские короли прибегали крайне редко.

68. Смотри главу вторую и к ней примечание 38.

69. Федор Корибутович (1380-1442) герба Корибут — родной брат Жигмонта Корибута, староста Подольский (1432). Сын рязанской княжны Анастасии Олеговны. Участвовал в заключении Мельнского мира (1422). Отдельные исследователи считают, что в начале апреля 1433 года Луцк захватил не Федор Збаражский, а Федор *Острожский* или Федор

Несвицкий, а это три разных человека. См.: Jozef Wolff. Rod Gedimina. Krakow, 1886. Стр. 155-158.

70. Александр Иванович Нос (1380-1436) — правнук Наримунта Гедиминовича и сын Ивана Юрьевича, смоленского князя, погибшего на Ворскле (1399). Брат Юрия Носа, князя пинского (1398) и наместника псковского (1410) и смоленского (1418). Удельный князь пинский (1418), наместник (1431) и староста (1436) луцкий. В начале 1418 года вместе с Федором Острожским освободил Свидригайло из Кременецкого замка. В 1425 году присутствовал на крестинах сына Ягайло королевича Владислава в Кракове. В конце 1431 года стал луцким наместником, причем сохранил эту должность и при вокняжении Сигизмунда. Весной 1433 года взял Луцк, но в бою под Грубешовым был разбит поляками во главе с холмским старостой Грицко Кердеевичем. Той же осенью нанес полякам новое поражение. В октябре 1434 года присягнул Сигизмунду, после чего луцким наместником Свидригайло сделал Гаштольда. В феврале 1436 года пинский князь Александр Нос стал луцким старостой. См.: Jozef Puzyna. Potomstwo Narymunta Gedyminiwicza // Miecziecznik Heraldyczny, № 10, 11. Warszawa, 1932. Стр. 187-188 и 197-199.

71. Комтур Остероде в письме от 25 апреля 1433 года пишет, что Нос не взял, а *сдал* Луцк, за что и был пожалован Свидригайло. См.: Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский. СПб, 1835. Стр. 173.

72. Мереч — литовский город Меркине, расположенный у впадения в Неман реки Меркис.

73. Петр Монтегирдович (Монгирдович) — литовский боярин герба Вадвич, сын Яна Монгирда. Упомянут в документах Городельской унии (1413). Староста Подольский (1424), Новогрудский (1430) и Копылский (1435). Битва состоялась у села Копачи под Молодечно.

74. Семен Иванович Гольшанский (1370-1433) герба Китоврас по прозвищу Лютый — сын Ивана Ольгимонтовича, князь гольшанский. Принял участие в покушении на Свидригайло (31 августа 1432 года). Его племянница была женой Ягайло, а сестра — вдовой Витовта. Хроника Быховца сообщает, что Свидригайло приказал *безвинно* казнить не Семена, а его брата Михаила, который утоплен был в Витебске, но захвачен в Борисове. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 87.

75. Камнем с крестом было отмечено место казни не князя Гольшанского, а именно Герасима. Эта казнь состоялась на два года позже, 26 июля 1435 года.

76. Федора Корибутовича часто смешивают с Федором Несвицким, и в литературе по этому поводу существует изрядная путаница. Федор Иванович Несвицкий (1380-1442) герба Погоня — староста Кременецкий (1432) и Брацлавский, князь Збаражский (1435), родоначальник князей Збаражских и Вишневецких. Есть основания предполагать, что князья Несвицкие вели свой род от Рюрика. Отдельные историки считают, что имено Федор Несвицкий, а не Федор Острожский, сражался с поляками на реке Мурафе. В сентябре 1434 года Несвицкий перешел на сторону поляков, вскоре признавших его

наследственным владельцем Збаража, Винницы, Хмельника и Соколицы (1435). См.: Jozef Wolff. Rod Gedimina. Krakow, 1886. Стр. 157-158.

77. Базельский собор был открыт еще 23 июля 1431 года папой Евгением IV. Именно этот папа возложил на голову Сигизмунда Люксембургского долгожданную императорскую корону (31 мая 1433 года). А в мае 1434 года римляне восстали против папы, и тому пришлось бежать из города. Считается, что это было последнее крупное анитпапское восстание в Риме.

78. Последнее пристанище Ягайло впоследствии назвали Городок Ягеллонский.

79. Смотри примечание 66.

80. Ягайло умер в ночь с 31 мая на 1 июня 1434 года.

81. Большинство историков считает, что Ягайло умер в 84 года, но отдельные авторы полагают, что он родился в 1348 году и, стало быть, умер в 86 лет.

82. Называя имя Артаксеркса, Стрыйковский, вероятно, вспомнил Плутарха, который писал: «***Рассказывают, будто персидский царь Артаксеркс полагал, что царственность и человеколюбие требуют не только дарить великие дары, но и благосклонно и милостиво принимать малы*е**». См. : Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. Стр. 340.

83. Сведения для сочинения этой очаровательной и далекой от всякого официоза эпитафии Ягайле наш автор подчерпнул у Длугоша. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XI. Krakow, 1868. Стр. 497.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ

Вельможному пану
пану Евстахию Тышкевичу [1],
воеводичу Смоленскому.

Глава первая

Владислав Третий Ягеллович,

король польский, а потом и венгерский.

Год Господень 1434.

Элекция Владислава Ягелловича. Итак, когда о смерти короля Ягелло стало известно во всех странах, сразу же в Познани краковский епископ Збигнев с великополянами провозгласили и избрали на королевство Польское Владислава, старшего сына короля Ягелло, на что потом согласились и панство с рыцарством Малой Польши, хотя и не сразу. Был назначен и день коронации — на Святого Иакова (25 июля) 1434 года, в который в Краков съехалось множество духовных и светских панов и рыцарства.

Сигизмунд же, великий князь Литовский, сам будучи то время болен и свален великой немочью, со своей стороны прислал на эту коронацию знатных послов из литовских и русских панов. Так же поступили валашский воевода Стефан и князья мазовецкие: Земовит, Казимир и Болеслав.

А когда на Святого Иакова уже наступил день коронации, тут же Спытко из Мельштына [2], Дерслав Рытвяньский, Абрам Збаский и Ян Страж из Костельника восстали и подняли великие смуты, говоря, что негоже короновать столь молодого и еще ребенка [3], который не сможет всерьез соблюдать (poprzysiac) права и вольности народа. Но краковский епископ Збигнев с другими сенаторами им это сразу разъяснил (rozwiodl), когда показал старинного письма книги польских хроник из Краковского костёла, в которых был нарисован портрет молодого, а не заросшего (zarosla) [бородой] Казимира Великого, коронованного в тех же летах, и описаны его достойные дела.

Итак, эти сумасбродные паны перестали баламутить. И тут из домашнего примера каждый может видеть, как одно самое маленькое дело старинной истории в важных, трудных и больших делах значит более, чем тысячи философских сетований (questij).

Потом при коронации в воскресенье, в день святого Иакова, когда на Владислава уже собирались возложить корону, воникли новые смуты, когда некоторые паны и земские послы провокационно (rosterkliwi) заявили, что этого не дозволяют, ибо короля коронуют без их воли. **Это немного похоже на коронацию Генриха**, **когда произошла склока** (swar) **по поводу религиозной конфедерации** [4]. Это сразу угомонил великий маршалок Ян Гловач Олесницкий [5], который от имени сената заявил противной стороне, чтобы те, которые за Владислава Ягелловича, становились на правую сторону, а те, кто думает иначе — на левую. **Хитрость по поводу разрешения на коронацию**. А когда это услышали, получилось, что благодаря этой хитрости все единодушно проголосовали [«за»]. А Мельштынский, Сбаский и Страж, которые, не желая позволить, высоко было залетели, были постыдно сброшены вниз. И из-за того, что долго спорили, месса была после полудня. ***Меховский, стр. 301. Post meridiem missa incepta.*** *(Месса состоялась после полудня).* А коронацию, [которую] проводил гнезненский архиепископ Войцех Ястржебец, едва закончили до вечера. ***Кромер, стр. 310. Sole ad vesperum declinante.*** *(Закончили на заходе солнца).*

Также на той же коронации русская и подольская шляхта в вольностях и правах новым королем была уравнена и объединена с польской. Ибо и до этого подоляне, волынцы, хелмяне и белжане [6], как пишут Длугош и Кромер (кн. 21), издавна должны были исполнять следующие повинности. Если король или великий князь литовский прикажут им ехать на войну, то должны [идти] без какой-либо платы; также [они] были обязаны строить и содержать земские замки. А с каждого стадия (staja) [7] засеянного поля королю или великому князю ежегодно должны давать два корца [8] овса и два ржи и по четыре гроша. Там же Сигизмунд, великий князь Литовский, через послов заново обновил литовский пакт с новым королем и с Короной.

О разных войнах в Литве, о поражении лифляндского магистра в Жмуди и о прочем

в году 1434.

Вечный смутьян Свидригелло собрался с руссаками,
С лифляндским магистром, с комтурами и с крыжаками,
И двинулся к Брацлаву, разоряя и паля волости,
Собственному народу чиня великие жестокости.
А в то время из-за дождей были большие болота,
Так что у Свидригайло воевать отпала охота.
Отступил он к Полоцку и там с войском распрощался.

Об этом читай также Длугоша, Кромера (кн. 21) и Меховского.

А лифляндский магистр грабежом в Жмуди забавлялся.
А когда уже отходил с полоном, в дремучих чащах,
Которые для зверей были лежбищем настоящим,
Там, где немцы пойдут, жмудины стволы подрубили,
И, когда те в леса зашли, деревья повалили.
Сосны валились на дубы, трещали,
Крики мужей облака пробивали.
Жмудины немцев кололи, рубили, били, вязали,
Их кровью густые кусты и колоды заливали.
Иных привалило жестоким деревьев ударом,
Хладные трупы лежали сомкнутыми рядами.
А раненые стонали, *Herr Gott, Herr Gott* призывая,
Жмудины *mus usmus* [9] кричали, в тупики их сгоняя.
Немецкие рыцари [10] их фрезов космоногих [11] бросали,
Всю снасть [12] и оружие (strzelby), дорогие шатры оставляли.
Раненый магистр едва ушел, а жмудины не зевали,
Добычу с этой хитрой облавы поскорей собирали.
А когда так побиты были жмудинами крыжаки,
Наконец, получили покой от пруссов и поляки.
Заключив обоюдный мир, с молодым королем
Утверждали польские дела в мире золотом.

Прусские крестоносцы вскоре узнали о поражении лифляндского магистра в Жмуди и были вынуждены заключить мир с поляками и литовцами.

Об этом Длугош и Кромер* (*кн*. 21). *Fefellerat enin Crucigeros eventus Samogitici belli. Nam Livonienses praeda onusti e Samagitia revertentes, in silva quadam succisis arboribus impediti a Samagitis et circumventi magnaque strage profligati erant etc. *(Из-за этих событий крестоносцы объявили жемайтам войну. Из Жемайтии в Ливонию они вернулись, нагруженные добычей, но в некоем лесу жемайты подрубленными деревьями преградили им путь, и они были окружены и разбиты с большим кровопролитием).*

Федко Корибутович захвачен Свидригайло. Также в то время Свидригайло, с русской и московской помощью разоряя Подолию, захватил Федора (Teodora) или Федка

Корибутовича, князя Несвицкого [13], который пристал было к королю. Но поляки с Михалом Бучацким сразу же дали Свидригелле отпор и освободили Федка Несвицкого, предка князей Збаражских. Тот добровольно сдал королю Владиславу Кременец и Брацлав, а король за это вернул ему эти замки в пожизненное владение, предоставив успешно защищаться там с женой и детьми. Кромер (стр. 311) прямо называет этого Федка ***Ducem Nieswiessensem*** *(герцогом Несвижским)*, ныне же Несвиж, так как все на свете меняется, перешел к дому Радзивиллов, из-за чего те по императорскому привилею пишутся также князьями на Несвиже и Оливах.

Глава вторая

О поражении Свидригелло с великими войсками и утоплении Корибута в году 1435 в день святого Симеона [14] и о присяге двух валашских воевод

Потом Свидригел, который в Витебске проживал,
Вновь собрал русские силы и соседей призвал.
Двинулся в Литву вместе с магистром Лифляндским,
С князем Тверским, с Московским и с царем Казанским.
Силезец Сигизмунд Рот, преследователь поляков строгий [15],
Который в Польше и в Литве привык устраивать тревоги,
Привел к Свидригайле на помощь множество народу на службу
Из Пруссии, Чехии, Силезии и привез оружие [16],

Лагерь Свидригелло под Браславом Литовским над озером.

Свидригел лифляндское и русское войско собрал
И пришел под Браслав, который над озером стоял [17],
Встал там лагерем, и решил загоны рассылать.
Собственный сын мечом тревожил отчизну-мать.
Корибут из Чехии явился к нему с силезцами.
Соединившись потом в Литве с ливонскими немцами,
Волости Сигизмунда разоряли и палили,
Гражданской войной чуть не всех литовцев истребили.
А король Владислав восемь тысяч поляков отправил,
Якуба из Кобылян [18] над ними гетманом поставил.
И на помощь Сигизмунду его в Литву послал,
Чтобы нечестивому [19] Свидригайле отпор дал.
Сигизмунд тоже свое литовское войско устроил,
Все нужное для битвы, как положено, приготовил,
Сына Михала [20] гетманом поставил,
К рыцарскому делу его приставил.

Битва князя Михайло со Свидригайло.

Свидригелло в то время город Вилькомир [21] добывал
Который кривой линией берег Швенты [22] окружал.

Князь Михайло с поляками и с литвой примчал
К лагерю, где Свидригел с его войском стоял.
Поправив полки, ударил по ним с криком и с боем,
А поляки с длинными копьями гусарским строем
Прорвали их строй, а литовцы из луков били.
Лес и небеса крики их эхом разносили.
Титан [23] уже воз золотой из моря выкатил,
Огненное сияние по небу распустил [24],
Когда князь Михаил три Свидригелловых полка разбил,
Убитыми поля наполнил, трупами рвы завалил.
А поляки строй лифляндцев и чехов прорвали,
Корибута и Сигизмунда Рота поймали,
Там же князя Михайлу Вяземского [25] убили,
Князя Ярослава Тверского [26] жизни лишили [27].
Лифляндский магистр [28] с маршалом [29] пали убитыми,
Вся лифляндская мощь полегла [30] с московитами.
Множество их потонуло вместе с конями, спасаясь,
Вода в Святой реке текла, с кровью убитых мешаясь.
Сорок других князей на побоище взяли,
Одних тюрьмой, а других мечом наказали.
Там Корибута с Ротом в Святой реке утопили [31],
Других в плен гнали, руки им веревками скрутили.
Свидригел в малом числе едва смыться (uwiozl mydlo) [32] успел,
В Вильно брести, как скотине, был пленных удел.
Тем временем Сигизмунд Смоленск, Полоцк и Киев взял [33].
Свидригел, о крови мечтая, в Валахию бежал,
И там он несколько лет пас волов добровольно [34].
Так вот случай может сбросить с вершины невольно
Из князей в пастухи. Ветрено счастье, изменчив жизни ход:
Сегодня ты Крез, завтра Ир [35]; приласкает, а потом убьет.
Никогда не верь счастью, не отчаивайся в печали:
К одному результату судьба ведет двумя путями,
Когда нечесаная Клото [36] все так странно смешивает,
Человеческие судьбы на ниточках подвешивает.
Поликрат, счастья вкусив, в море перстень швырнул,
И сразу же повар в пойманной рыбе его нашел и вернул
Хозяину, баловню счастья. Но потом изменило оно
Вдруг так, что угодить на виселицу было ему суждено [37].
Так и наш Свидригелло со счастьем обжигался,
Когда бой под Вилькомиром ему не удался.
Без княжеств, которых много имел на Руси, остался
И с гайдуками, живущими грабежом, побратался.

Здесь Кромер пишет о [своих] сомнениях относительно утопления Корибута: ***Tametsi de Coributo (scilicet aquis suffocato) fama variat nam et veneno in medicamentum infuso a Sigismundo extinctum esse vulgatum est.*** *(Однако же по поводу Корибута (а именно*

утопления) существуют известия, что [по приказу] Сигизмунда ему вместо лекарства ввели умертвивший его яд).

Император Сигизмунд, который пустыми обещаниями побудил Свидригелла к той войне против великого князя Сигизмунда, прислал в Краков своих послов к королю Владиславу Ягелловичу, прося за Свидригелло, но [послы] были уже сильно обескуражены (rostrzygneli) ходом этой войны, когда Сигизмунд выгнал Свидригелло.

Валашские смуты. В то время великое княжество Литовское пошло было [войной] на господарство Валашское. В том году валашский воеводич Ильяш тайно бежал из Серадзского замка, в котором в интересах брата Стефана содержался под стражей Петром Шафранцем. Придя в Валахию, [он] сразу же собрал войско против брата Стефана, а затем, изгоняя один другого, [братья] залили кровью всю Валашскую землю [38]. Потом, уже в 1436 году, король Владислав помирил обоих через послов, и разделил им Валашские земли на две части. Стефан взял в удел Белгород с черноморским портом, Техинию [39], Килию, Силистрию и Облучицу [40]. Ныне этими замками, как я сам видел, завладели турки. Ильяш же получил другую сторону от Днестра (Niestru): Хотин, Сочаву, Яссы (куда ныне перенесена столица из Сочавы после убитого Деспота), Браилов, Берлад, Хуши (Uszi),Текуч и другие. Эти города при мне выжег Ивоница (Iwonia) [41] в 1573 году. **Присяга и дань Валашской земли, о чем читай Длугоша и Меховского (кн. 4, гл. 53).** Потом Ильяш приехал во Львов, где с частью этих валахов принес присягу королю Владиславу и определил (postapil) ежегодную дань от этой части [Молдавии]: для начала двести возов дунайской рыбы визиги (wyziny) [42], четыреста волов для королевской кухни, четыреста шарлатных (szarlatnych) [43] или пурпурных одежд и сто коней в качестве верной дани. А король предоставил ему Галицкий замок для хранения сокровищ. Стефан же от другой части [Молдавии] должен был каждый год платить по 5 000 золотых червоных и при каждой королевской потребности выставлять 400 конных. Ныне же турки все это упразднили [44].

Глава третья

О [том, как] Свидригелло опамятовался и о его нужде.

В году Господнем 1437, в 13 день августа, князь Свидригайло, утратив всю несговорчивость и не вовремя жалуясь на старость [45], ныне пришел каяться в Краков, прося короля Владислава и коронных панов, чтобы милостиво его приняли и помирили с двоюродным братом Сигизмундом, великим князем Литовским, чтобы где-нибудь в Литве [он смог] получить хоть какой-нибудь спокойный уголок как опору в старости. ***Длугош и Меховский (кн. 4, гл. 56, стр. 308), Кромер, кн.21.***

И вот так своей покладистостью и покорностью Свидригелло склонил было [к себе] короля и всех коронных панов, когда передал польской короне и Луцк, которым все еще владел. Но Сигизмунд, отправив в Краков своих литовских послов, не дал и слова молвить по поводу согласия на мир со Свидригайло, грозя разрывом с Польшей вместе со всем княжеством Литовским, если король пожелает поставить Свидригайло на русское княжение.

Вот так бедный Свидригайло, горько сетуя на свои несвоевременные смуты, со слезами, плачем и нареканиями был выставлен из Польши как враг. И как император Иовиниан [46] или царь Навуходоносор, будучи прежде великим князем Литовским, Русским и Жмудским, в конце концов, как я прежде писал, был вынужден пасти овец в Валахии в течение семи лет, о чем пишет также и Меховский. **Свидригайло семь лет пас овец в Валахии вплоть до возведения на престол Великого княжества Литовского Казимира, который оказал ему милость** [47]. А полученный от него Луцк вместе со всей Волынью король вернул Сигизмунду и всему литовскому княжеству с тем условием, что после смерти Сигизмунда Волынь будет возвращена Короне. А Довгерд (Dowgierd), в то время сделавшийся воеводой Виленским и старостой Луцким, от имени всей Литвы присягнул, что после смерти великого князя Литовского Сигизмунда не передаст Виленский замок никому иному, как только Владиславу или королям Польским, его наследникам. А ты, читатель, убедись, что Довгерд (Dawgerd) [48], которого после смерти Витольда поляки как-то было поймали, вызвав его из Каменца Подольского, все-таки не был тогда убит, как свидетельствуют летописцы, так как и поныне (teraz) [49] жив и является воеводой Виленским, А Петровином [50] не мог быть, разве что это должен был быть его брат того же имени и фамилии.

В том же 1437 году император Сигизмунд, король Чешский и Венгерский, едучи из Праги, умер в Знойме и похоронен в Варадине, а на его место вступил австрийский герцог Альбрехт [51]. Некоторые же чехи, особенно еретики табориты, которые были более сильны [52], послали к польскому королю Владиславу, чтобы поставил им господином [своего] брата Казимира, которому было тринадцать лет. Другие выбрали римского короля Альбрехта, которого пражане короновали в Праге руками констанского (Konstantienskiego) епископа Филиберта (Filiberta) [53]. Поэтому король Владислав послал в Чехию своего брата Казимира с познанским воеводой Седзивоем Остророгом и с сандомирским воеводой Яном из Тенчина, дав им в сопровождение немалое количество людей, которые карали в Чехии тех, кто не признавал Казимира. Альбрехт же, призвав на помощь немецких князей, а также электоров [54], венгров и других, с тридцатью тысячами человек двинулся к Табору, где расположились польские войска. Их могло быть четырнадцать тысяч, и к тому же [они] как следует окопались. И там каждый день устраивали гарцы (harce) [55], а табориты с горы полякам были в великую подмогу, поэтому их не могли сбить с позиций (pozyc). Но так как оба войска мучил голод, они разошлись прочь: Альбрехт в Прагу, поляки в Табор [56].

Владислав сам [идет] **в Чехию.** Потом воеводы письмами известили короля Владислава о великой силе Альбрехта, поэтому Владислав, собрав войско из поляков и литовцев, через Силезию двинулся в Чехию. А когда был у Опавы, к нему приехал сандомирский воевода Ян из Тенчина и сообщил, что войска разошлись. Из-за этого король двинулся назад, чиня в Силезии большие беды.

В Польше бесчинствовали Спытко из Мельштына и Дерслав Рытвяньский, возгордившиеся от великих богатств и имений. Завожские татары, в 1438 году вторгшиеся в Подолию со своим царем Шахматом, тоже взяли большую добычу и полон. А когда выходили, собралась русская и подольская шляхта и завязали с ними битву, однако в

плохом и болотистом месте, и из-за этого были татарами побеждены. И там полегли все силы подольской шляхты и каменецкий староста Михал Бучацкий.

Влодек поразительным терпением сохранил себе жизнь. Некий Ян Влодек, знатный шляхтич герба Сулима, явил там достопамятный пример должного терпения. Будучи уязвлен множеством ран, он утаился среди трупов, а когда татарин стал сдирать с него одежду, как с мертвого, ибо никого не оставили в живых, так затаил дыхание, что, когда [тот] спарывал и со многими ранами обрезал ему с ног лундский (lundskie) убор [57] и отрезал палец, на котором был перстень, не шевельнулся и неслыханной терпеливостью сохранил себе жизнь. Писавший о нем Длугош говорит, что сам его видел с отнятым пальцем и с ногами, распоротыми вдоль одежного шва. ***Egregium fortis viri facinus tolerantiaeque exemplum singulare*** *(Отличный пример смелого человека и случай [редкой] выдержки)****,*** дивится этому свидетельству Кромер.

Владислав утвержден королем. В том же самом году в декабре месяце на Петркувском сейме король Владислав Ягеллович был окончательно утвержден на польском престоле и освобожден от опеки. Ему уже было пятнадцать лет, а в этом возрасте у поляков опекунство прекращается. И на четвертый год после коронации всем духовным и светским сословиям [он] клятвенно подтвердил их права и вольности.

Сигизмунд, великий князь Литовский, с панами радными тоже возобновил и письменно подтвердил соглашения Литвы с польской Короной, заключенные при Ягелло и Витольде.

Папа Евгений низложен Базельским собором. Тогда же из-за несогласий с папой Евгением Базельский собор отрешил его от должности и избрал другого [папу] [58]. Но все же через послов хлопотали о мире между королем польским и императором Альбрехтом, королем Чешским и Венгерским, чтобы тем легче могли оказать помощь притесняемым турками чехам и венграм. А когда послы с обеих сторон договаривались с поляками о мире, то ничего не могли довести до конца из-за немецкой спеси, а только взяли перемирие на четыре месяца. Но с внешними врагами в то время был мир.

Глава четвертая

О смутах в Польше, [устроенных] Мельштынским, и о принятии венгерской короны

Потом король Владислав Ягеллович назначил сейм в Корчине или в Новом Мясте над Нидой в 1439 году. Когда туда съехались многие польские и русские паны и послы от литовского князя Сигизмунда, Спытко из Мельштына тайно собрал немалое наемное (za pieniadze) войско из своих друзей и из подданных крестьян своих волостей. И построившись при оружии у своей деревни Большие Пески, где его окопы показывал мне пан Чеховский [59], нынешний потомок его семьи, он внезапно стремительно ворвался в Новое Място и рано утром, когда все еще спали, разгромил [монастырские] постоялые дворы (gospody) епископа Владиславского и краковского декана Миколая Лясоцкого. Он устроил это в монастырских [стенах], ища там канцлера Яна Конецпольского и маршалка Яна Олесницкого, на которых имел зуб (wark), однако они, будучи предостережены, ушли. Натворив дел, он отступил из города и начал с войском устраивать лагерь и

окапываться против места, где Нида впадает в Вислу. Даже и ныне я видел там явные следы того, что здесь пытались насыпать добрый вал, но не доделали этого. **Спытко Мельштынский убит и лишен чести.** Сразу же все, кто был с королем, всеми силами ударили на его войско, невооруженные на вооруженных [60]. Спытко проиграл битву в первой же стычке и умер, храбро обороняясь, а остальные, оставшись без вождя, разбежались. Крестьян его волости, которые вынуждены были действовать по принуждению своего пана, король повелел простить, однако при атаке множество их потонуло в реке Ниде, которая была позади них. Спытку, который еще шевелился, вынесли приговор и лишили его чести как насильника и смутьяна народного покоя. Три дня он лежал на виду [у всех], нагой и непогребенный. Его замок Рабштын (Rapstin) король взял себе, и только Мельштын король позволил [оставить] его жене [по ее] просьбе [61]. **Отношение** (wzglad) **к потомкам Мельштынского относительно чести.** А так как все сказанное [Спытко] учинил по безумию [62], то, чтобы это не ложилось бременем на его потомков, по совету панов радных король смягчил (zfolgowal) для них свой декрет о лишении чести.

Збаский смутьянствует в Великой Польше. А в Великой Польше в то время была не меньшая смута от Абрахама Збаского, который укрывал чешских еретиков и сотрудничал с ними. Однако познанский епископ, собрав около тысячи конных, осадил их в замке на Збащине и силой вынудил его, раз уж он клятву нарушил, выдать ему пять чешских священников, которых публично сожгли в Познани [63]. А сам Збаский вскоре умер от переживаний (z frasunku). Так эти два возмутителя народного спокойствия окончили свои дни.

Кардиналы Збигнев Краковский и Сидор Киевский. В том же году на соборе во Флоренции, на котором были константинопольские император и патриарх и старшие прелаты из Греции, состоялась церемония воссоединения римской и греческой церквей [64], но длилось это недолго. Там же краковский епископ Збигнев и киевский митрополит Исидор или Сидор были поставлены кардиналами [65].

Император Альбрехт умер, объевшись тыкв (ban) **и грибов.** В том же году, когда от дизентерии (plynienia zywota) умер император Альбрехт, король венгерский и чешский, оставив беременную жену, венгры, предвидя опасность турецкой войны, постановили взять королем [Венгрии] Владислава Ягелловича, короля Польского. Отправили тогда к нему знатных послов от королевского совета и от венгерских городов: Яна, епископа Сегединского; Матка Талоши (z Talonczu), бана Далмации и Хорватии (Karwackiego) [66]; Эмериха Марцелла, маршалка (ochmistra) королевского двора; Яноша Перени и Ладислава Палоши (z Palonczu). Приехав в Краков, в замковой церкви они исполнили свое посольство к королю Владиславу, от имени всех сословий призвав его на королевство Венгерское, Далматское и Хорватское. Там некоторые коронные паны ему отсоветовывали, чтобы предлагаемого королевства не принимал, а оставался бы на своем, упирая на трудность двойного царствования и опасность (gwalt) вечной войны с турками. Но другие паны [этими] турецкими жертвами (ofiarowania) и страхом войны на стороне пренебрегли, предвидя красу и славу Польши, к тому же ради лучшего покоя от турок за чужой стеной. И Владислав принял Венгерское королевство.

В то время в Кракове были также послы от турецкого царя Амурата [67], которые три месяца ждали ответа (odprawy), ибо приехали еще при жизни императора Альбрехта, обещая [дать] в помощь польскому королю Владиславу сто тысяч войска и деньги, которые потребуются на солдат, если тот начнет с императором Альбрехтом войну за Чешское королевство (к которой дело уже шло). **Чтобы с помощью турок христиане сами себя извели.**

Итак, в 1440 году, на святого Войцеха, Владислав со множеством польских людей выехал из Кракова в Венгрию через Садец, а когда в субботу святой Троицы [68], въехал в Буду (Budzyn), был с почестями принят венграми.

Венгерская корона украдена так же, как до этого польская. А в то время венгерская королева, [вдова] императора Альбрехта, родила сына [69], которому дали имя Ладислав. Украв корону, [королева] приказала кардиналу Дионисию (Dionizemu) короновать его в святочный день [70], а потом тайно переправила и дитя и корону в Австрию и отдала сына на воспитание своему свойственнику императору Фридриху [71].

А когда венгерские паны, съехавшись в Буду, хотели короновать Владислава венгерским королем и не нашли короны, они не хотели выпустить из города Ладислава Гару [72], а также кардинала Дионисия и других прибывших со стороны королевы, требуя (na glejcie), чтобы те, [прежде чем] покинут замок Вышеград, вернули корону, [сохранность] которой была поручена упомянутому Гаре.

Когда Гара вместе с архиепископом должны были присягнуть польскому королю Владиславу, они сразу с великим триумфом проводили его в костёл. И там архиепископ Дионисий по венгерскому обычаю взял его на свои плечи, поднес и провозгласил королем Венгерским, Хорватским и Далматским. А потом из Буды поехали на коронацию в Белград (Bialogrod). И там, когда Гара пошел в Вышеград за короной, то не нашел ее в ларце, ибо та с его ведома была украдена королевой [73]. **Владислав коронован короной с черепа святого Стефана.** Поэтому в день святого Алексия (17 июля) Владислав был коронован в Белграде короной, снятой с черепа (sczalbatka) головы святого Стефана [74]. Отсюда пошли великие распри между королевой Эльжбетой и Владиславом, королем Венгерским.

Глава пятая

Об убийстве Сигизмунда, великого князя Литовского, князем Иваном Чарторыйским

в 1440,

а от сотворения мира 6948 [году].

Сигизмунд Кейстутович, великий князь Литовский, после той победы, одержанной над Свидригайлом, когда [он] выгнал Свидригайла из страны, отчасти силой, отчасти благодаря сдаче, завладел Смоленским, Подольским, Киевским, Полоцким, Витебским,

Мстиславским и другими примкнувшими к нему русскими княжествами, а Корибута, Монивида и Румбольда, которых тоже побаивался, велел казнить.

Тиранство Сигизмунда. И начал все больше и больше подумывать о том, как бы извести и всех остальных, в ком подозревал силу. И из-за этого, отведав лакомства и запалив факел этой страсти (в которой, раз отпустив вожжи, уже не знал меры и никак не мог угомониться), потом ударился в жестокое тиранство, лишь бы самому на всей воле своей пановать. И чтобы никто ничего своего в великом княжестве Литовском не имел, а только то, что он сам кому-то дал из милости, и вот так всех себе подчинил и приневолил [75].

Сначала он забрал огромные имения и сокровища Монивида и Румбольда, потом схватил мстиславского князя Юрия Лингвеньевича [76], посадив его в Троках, а все мстиславское княжество и его казну забрал себе. **Схвачен князь Слуцкий.** Тогда же он захватил в Копыли князя Олелька, [сына] Владимира Ольгердовича, своего племянника, с женой княгиней и с сыновьями Михайлом и Семеном. Взяв Копыль, в замке и во всех волостях Слуцкого княжества посадил своих урядников, которых по собственной воле назначил из своих прихлебателей (mastalerzow) и холопов. И посадил князя Олелька в тюрьму в Кернове, а жену его и двух сынов, Семена и Михайла, тоже сослал в заключение в Утену (do Uciany), всех их без причины обвинив в том, что снова бунтовали против него со Свидригайлом [77].

Жестокая затея Сигизмунда. Задумав погубить и истребить еще и других князей и панов, он созвал в Троках вальный сейм, на котором всех, кого подозревал, собирался схватить и казнить, а на их места, владения и должности поставить своих холопов, рабов и приспешников (zauszniki), которые всегда бы плясали под его дудку. А сам, поглядывая из окна на город Троки, где чаще всего проживал, когда замечал, что двое или трое болтают, сразу звал их к себе и расспрашивал поодиночке, о чем разговаривали. И если у кого-то с другим хоть немного не совпадало, тут же приказывал их вместе утопить без суда. Таким способом он хотел знать все разговоры о себе, так как никому не верил и всех боялся (как свойственно любому тирану). И казнил очень много литовской шляхты и простого люда. **Cato; Conscius ipse sibi de se putat omnia dicti** [78]. **Читай также об этом Саллюстия в *Югурте*** [79].

Вызвал он тогда предписанием (mandatem) на этот сейм в Троки других князей и некоторых панов. Но князь Иван Чарторыйский [80], Ольгердов внук, а его племянник, двоюродный брат князя Олелька Копыльского или Слуцкого, а также виленский воевода Довгерд и трокский воевода Лелюша [81], боясь кар и бед, недавно постигших других, стали думать, как не угодить в подготовленную ловушку.

Заговор Чарторыйского против Сигизмунда. Поэтому начали меж собой обсуждать, как бы суметь захватить Виленский и Трокский замки и удержать их для Свидригайла, в то время скитавшегося в Валахии. А Сигизмунда с сыном каким-нибудь образом придушить (zadlabic) и казнить как тирана.

Киевлянин Скобейко был у Сигизмунда сразу на двух должностях: ключник (szafarzem) и конюший. Великими посулами его уговорили, чтобы дал клятву и вступил с ними в сговор

для убийства своего господина. **Хитрость, чтобы убить Сигизмунда.** А прежде заготовили триста возов сена, укрыв в них по двое вооруженных [людей] [82], и послали в Троки к Скобейко (будучи уже с ним в сговоре), как к конюшему, собранное в волости дякловое (Dziakelne) [83] сено для коней великого князя. А сам князь Иван Чарторыйский с воеводами Довгердом и Лелюшей в субботу, в ночь на Вербное воскресенье [84], приехали в Троки и оставили свои свиты в том самом лесу, который и ныне видим перед замком над озером. А сами рано утром, как только открыли ворота, неприметно вошли в замок с несколькими десятками слуг. Одни заговорщики лежали в сене, как в троянском коне, а другие ходили по замку как бояре и слуги великого князя. ***Virgil, lib. 2 Aeneid. (Вергилий. Энеида, кн. 2).*** И, недолго думая, делом подтвердили предшествующий умысел.

Медведица обманула. У Сигизмунда, великого князя Литовского, была медведица, смолоду прирученная и воспитывавшаяся в доме, [которая] всегда лежала, как пес, у его ложа в спальне. А если выходила во двор, то, когда хотела войти к хозяину, имела привычку лапой царапать по двери. Как раз в то время, когда взошло солнце, медведица бродила по замку, выйдя из покоев. А в те покои к великому князю редко кого пускали, ибо он был меланхолик и не рад был видеть около себя людей. В то время рано утром он слушал в покоях мессу, так как было Вербное воскресенье. Поэтому князь Чарторыйский, приказав другим запереть замок, сам поскребся в двери покоев, будто медведица. А когда ему открыли, сразу же кликнул нескольких верных (zprzysiezonych) своих слуг и с киевлянином Скобейко (Kobiejkiem), изменником собственного господина, ворвался в покои и закрыл за собой [дверь]. И точно так, как из Троянского коня в Трое, они высыпались из трехсот возов сена и захватили большой Трокский замок при городе.

Сигизмунд убит. А князь Иван Чарторыйский с гневом запальчиво бросил [в глаза] самому великому князю Сигизмунду его тиранство и несправедливость и этот сейм, созванный для незаслуженного истребления княжеских домов и литовской шляхты, схватил его за горло и ударил о землю. А его собственный конюший, киевлянин (Kijowczyk) Скобейко, выдернув (porwawszy) из камина железные вилы, ударил его в голову, аж мозги с кровью на стену брызнули. В 1576 году в той самой башне мне показывали этот кровавый знак. **Славко.** И там тайный коморник и любимец (komornik tajemny i kochanek) Сигизмунда [85] Славко упал на него, желая, как верный слуга, защитить его жизнь своей смертью. Но Чарторыйский, схватив Славка, вышвырнул его из башни в окно так, что тот сломал шею. А потом князь Чарторыйский со Скобейком добили и самого Сигизмунда, нанеся ему несколько ран, не иначе как Брут и Кассий Юлию Цезарю. И, положив его тело на сани [86], выпихнули из замка на озеро, и вывесили на той же башне хоругви [87].

В то же самое время ни о чем не ведавший сын Сигизмунда князь Михайло или Михайлушко наблюдал за обычной церемонией Вербного воскресенья в костёле у Фары [88]. Литовских панов при великом князе Сигизмуде тогда тоже ни одного не было, ибо все его боялись. **Тревога.** Но жившие в городе жиды (Zydowie), узнав об этом, первыми, как по тревоге, бросились к замку, ибо все остальные горожане, будучи христианами, в то время были на богослужении. **Вот поэтому трокские евреи имеют привилегию.** Потом князь Михайлушко, узнав о тревоге в большем [замке] и получив известие об убитом отце, бежал в меньший замок, окруженный озером, и там заперся [89]. А трокский воевода

Лелюша с князем Чарторыйским овладели большим замком и заняли его для Свидригайло. Также и виленский воевода Довгерд нижний замок в Вильне взял и занял для того же Свидригайло. **Троки и Вильно заняты.** А Нарбут (Narbult) той же ночью захватил верхний Виленский замок для князя Михайла Сигизмундовича. **Narbult.** Также и за другие литовские замки различные урядники играли в разные игры.

Другие же литовские паны, которые на далеких урядах сидели, не скоро узнали об этой жестокой смуте. Гаштольт, который ехал на сейм в Троки из Смоленска, а также Кезгайло из Жмуди лишь в дороге узнали об этом убийстве великого князя Сигизмунда. Потом все паны, съехавшиеся в Троки, одни с природной жалостью к природному пану, а другие, которые держали сторону Свидригайло, с радостью, сопроводили тело Сигизмунда в Вильно. И там его похоронили в одной могиле с братом Витольтом в костеле святого Станислава в замке.

Меховский пишет (кн. 4, гл. 57), что в его время литовцы пели о Сигизмунде жалостную песню: *Смелые русские князья убили великого князя Литовского Сигизмунда*. **Князь Чарторыйский был не русин, а литвин Ольгердович, только удел имел на Руси и держался русской веры.**

Жестокий голод в Литве. В том же году в королевстве Польском, в княжестве Литовском и в соседних странах была великая и страшная зима и мор или поветрие на всякую скотину, а затем неслыханно выросла дороговизна (srogosc) на все продукты. Шляхта и крестьяне обдирали старое [соломенное] покрытие с домов и с хлевов, и этим, как могли, утоляли голод и рев скота и домашних животных, постоянно мычавших, ржавших и кудахтавших. А сами люди делали хлеб из листьев, каких-либо кореньев и омелового клея, который Меховский называет латинским словом *viscum*, и это охотно и смачно ели. А потом на следующий год от этого издыхали, ибо злые коренья и зола для еды непривычны. После того голода и дороговизны у людей появились неизлечимые болезни, которые описывают немцы и Гален ***in principio*** (в начале) ***Euchimiae et Kachochimiae*** [90]. И был такой великий голод в Литве и на Руси по городам и весям, что иные разбегались из городов и деревень и блуждали по чащам, становясь добычей диких зверей. А в Смоленском замке и в городе некоторых псы ели и таскали по улицам их ноги, руки и головы. Из-за великого голода человек вынужден был есть человека, а матери ели своих детей, что случалось и на нашем веку, как о том будет ниже.

В том же году урожденный грек Исидор, а по-русски Сидор, митрополит или архиепископ Киевский, папой Евгением во Флоренции сделанный новым кардиналом, муж стойкий и ученый, был послан папой на Русь с посольством апостольской столицы. Имея от апостольского престола оловянную буллу, а от цезаря Константинопольского золотую, и едучи на Русь через Садец, служил мессу или литургию в римском костеле по греческому обычаю, что ему было дозволено по унии Римской церкви с греческой, которая недолго длилась, так как греки и русские презрели унию, насмехаясь над римским обрядом. **Римские церемонии отвергнуты руссаками и греками.**

Кардинал Сидор схвачен русскими. Как только Исидор, митрополит или архиепископ Киевский и новый кардинал Русский, приехал в Белую Русь и в Москву, в свои диоцезии

[91] епископов и суфраганов, а по-русски владык, где проповедовал им единение [церквей], он был схвачен московскими князьями и посажен в тюрьму. И там [он] был обобран и лишен всего добра и сокровищ, которых великое множество собрал в русских диоцезиях. Но потом бежал из заключения и так сохранил свою жизнь, а унии греков и римлян более не проповедовал [92].

Свидригайло вернул себе Луцк. В том же году князь Свидригел, узнав об убийстве Сигизмунда, пришел из Валахии и завладел Луцким замком, который русаки сдали, [отобрав его] у литовцев. А князья, брошенные Сигизмундом в тюрьмы, то есть: Олелько, предок князей Слуцких, в Кернове; его жена с двумя сыновьями, Семеном и Михайлом, в Утене; князь Юрий Лингвеньевич Мстиславский в Троках — все они после смерти Сигизмунда были выпущены из заключения. Князь Юрий Лингвеньевич поехал в свой замок Мстислав[ль], а князь Олелько с женой и сыновьями — в Копыль. А все литовские паны и князь Юрий Гольшанский съехались сначала в Гольшаны, а потом в Брест, собираясь ожидать там польского королевича Казимира.

Глава шестая

Казимир Ягеллович, великий князь Литовский, Жмудский, Русский, Волынский и Подляшский.

Год Господень 1440.

Вельможному пану
пану Станиславу
Нарушевичу [93]*,*
тиуну [94] *Виленскому, и*
прочее.

Различные мнения литовских панов об избрании господина. После убийства великого князя Литовского Сигизмунда княжество Литовское пришло в великий раздор (ибо одни голосовали (wotowali) за его сына Михайла, другие за Свидригайла и за копыльского князя Олелька или его сыновей, другие же, которых было большинство, за Казимира Ягелловича, брата Владислава). И сразу виднейшие литовские паны и князья с Волыни и с Руси, опасаясь, как бы в этих распрях князь Михайло Сигизмундович при благожелательном отношении некоторых не завладел Великим княжеством и не отомстил им за убийство своего отца, [выбрали] из своей среды двух жмудских панов, двух родных братьев Кезгайлов, Михала [95] и Яна. И послали их в Польшу пригласить на великое княжение Литовское польского королевича Казимира Ягелловича, который в то время был в Сандомире. А его брат король Владислав незадолго до этого отъехал на королевство Венгерское. Но коронные паны не хотели иметь его великим князем Литовским, а только губернатором, чтобы таким образом покрепче привязать Великое княжество Литовское к польской Короне.

Казимир избран на великое княжение. Поэтому мазовецкие князья Казимир и Болеслав и многие польские паны, взяв деньги из коронной казны, с двумя тысячами конных

проводили Казимира на губернаторство великого княжества Литовского. Литовцы же, не желая иметь никаких губернаторов, избрали его и против воли коронных панов возвели в Вильне на великое княжение Литовское. И было ему [тогда] шестнадцать лет, а не тринадцать, как свидетельствует летописец, ибо в 1437 [году] чехи хотели его [видеть своим] господином в тринадать лет, а на литовское княжение [он] вступил в 1440. О чем Меховский (кн. 4, стр. 309), Длугош, Кромер (кн. 21), и Ваповский (стр. 275).

Казимир освободился из замка. А летописец литовский свидетельствует, что, когда Кезгайло (Kiezgal) расхвалил ему охоту в Литве, ему пришлось тайно выбираться (spuscic sie) из Сандомирского замка к литовским панам без ведома польских панов. И как литовские паны радные возвели его на великое княжение Литовское в Бресте, а не в Вильне. Виднейшими на этом съезде были великий земский маршалок Миколай Радзивилл, пан виленский и староста жмудский Кезгайло [96], Ян Гаштольт, князь Юрий Гольшанский и Миколай Немирович.

Волынские князья от Ольгерда. И тогда же, говорят, приехали потом к нему с Волыни князья Сангушки (Sankuskowsci), Збаражские, Вишневецкие, Чарторыйские, Ковельские, Кощерские (Koszerscy) и прочие Ольгердовичи и другие князья с волынскими боярами и присягнули верно служить Казимиру и великому княжеству Литовскому. А великий князь Казимир, приняв волынцев, со всеми князьями и литовскими панами радными поехал в Вильно на престол отца своего Ягелло и своего дяди Витольта.

Князь Михайло бежал из Трок, но был ласково принят. Михайло, сын Сигизмунда, достоверно узнав о том, что литовцы взяли из Польши Казимира своим господином и возвели его в Бресте на великое княжение Литовское, тут же бежал из Трокского замка и побежал в Мазовию к своей тетке, мазовецкой княгине Болеславовой. А когда ехал через Рудницкий бор, вдруг встретился с великим князем Казимиром, И там, пав с коня, просил о милости, и Казимир оказал ему милость и пообещал вернуть ему его вотчины [97]. Тогда Казимир приехал в Вильно и принял во владение великое княжество Литовское, Русское, Жмудское, Волынское и Подляшское.

Носута (Nossuta). В то время старостой Дрогичинским и Мельникским был [поставленный] еще Сигизмундом Юрий Носута (Jurgi Nazut albo Nossuta). Как только он узнал, что Казимир возведен на великое княжение Литовское, а сын Сигизмунда Михаил бежал в Мазовию, то сразу же с этими замками, с Бельским, с Дрогичиным и с Мельником, подчинился Михайле, сыну Сигизмунда, склонив на его сторону немало бояр и панов литовских рад [98] и уговорив их пристать к князю Михайле. **Длугош и Кромер пишут, что эти замки (Бельско, Дрогичин и Мельник) Казимир с литовцами отобрал не у Михаила, а у Болеслава, князя Мазовецкого [99], а** [замки эти] **король Ягелло прежде отдал его деду, князю Янушу [100]**.

Когда Казимир с литовскими панами радными узнал об этом, он тотчас отправил с войском Яна Гаштольта, которому при возведении Казимира на княжение поручили быть у него гофмейстером (ochmistrzem), так как [Казимир] в то время был еще молод. Итак, Ян Гаштольт, подступив под вышеупомянутые подляшские замки и взяв их силой, вернул их Литовскому княжеству, как было и раньше (po staremu). Юрий Носута [101] бежал в

Мазовию, ибо родом был мазовшанин, а Гаштольт с великим триумфом приехал к великому князю Казимиру. С его приездом виленский воевода Довгерд отчитывался перед Казимиром по поводу убийства Сигизмунда: якобы в этом деле он не был заодно с трокским воеводой Лелюшем. **Упреки Лелюшу со стороны Довгерда.** И наговаривал Довгерд на Лелюша, что не годится тому в раде сидеть, так как Трокский замок в его воеводстве и, стало быть, князь Сигизмунд убит по его наущению. А тот Довгерд был силен стоявшими за него людьми (byl mozny w przyjazn ludzka) и в совете имел немало приспешников (powinnych), с помощью которых Казимир взял у Лелюши трокское воеводство и дал Яну Гаштольту. Так свидетельствует летописец.

Casimirus Wilnae Dux magnus a Litvanis renunciatus est, nec quisquam reclamantibus Polonis etc. *(Казимир в Вильно провозглашен великим князем Литовским, несмотря на все протесты поляков)*. **О чем Кромер.**

А чтобы Казимир научился языку, паны отдали его литовским учителям (do tlumaczow), что им напрасно возбраняли поляки, считая нарушением соглашения с Польшей и противоречащим воле короля Владислава, который, отъезжая в Венгрию, поручил брату Казимиру Литовское княжество только как губернатору. Но еще больше литовских панов томили тревога и боязнь, ибо в то время после убийства бедняги Сигизмунда они опасались, что если Казимир будет только наместником Великого княжества Литовского, как хотели поляки, то как бы князь Михайло, сын Сигизмунда, при помощи жмудинов, которые за него крепко стояли, и при поддержке из других стран не захватил и не завладел бы княжеским престолом в Вильне и не отомстил им за отцовскую смерть, потому что уже и на Руси поднялись новые беспорядки и смуты [102].

Глава седьмая

О смутах Смоленских и Жмудских

Когда в Смоленске узнали о смерти Сигизмунда, вскоре после Пасхи (po Wielkiej Noci), в среду [103], взбунтовался весь народ, купцы и ремесленники. [Они] хотели свергнуть с должности воеводу Андрея Саковича [104], наместника Гаштольта, и с оружием в руках пошли на штурм замка. Но Андрей Сакович со своими боярами и придворными, с копьями вскочив на коней, встретились с народом перед церковью святого Бориса в замке, где множество простого люда поразили и поубивали копьями. Однако боясь, как бы не набежала еще большая громада, Андрей той же ночью выехал из замка со всеми смоленскими боярами [105]. И было в Смоленске великое несогласие, ибо смоляне поймали маршалка смоленского Петрика и утопили в Днепре. И выбрали себе смоленским воеводой князя Андрея Димитровича Дорогобужского. [Андрей] **Димитрович Дорогобужский** [поставлен] **воеводой Смоленского княжества**. А бояре смоленские не хотели быть послушными князю Дорогобужскому и поехали к великому князю Казимиру, жалуясь на посполитый люд, что они без их воли воеводу себе выбрали.

Юрий Лингвеньевич [поставлен] **на смоленское княжение**. Услышал об этом посполитый люд и, ища себе лучшей обороны, выбрал себе господарем князя Юрия Лингвеньевича, который был в заключении у Сигизмунда [106]. А тот, приехав в Смоленск,

велел казнить чуть ли не всех бояр, а других в тюрьму забрал и имения у них отнял и пораздавал своим боярам, отказавшись от повиновения Казимиру и Литве. **Литовцы осаждают Смоленск.** А Казимир, очень сожалея об этом, послал с войском под Смоленск панов литовских рад, которые стояли под Смоленском три недели, но замка не могли добыть, зато монастыри и посады города смоленского попалили, взяли в неволю много людей, а других били и рубили, как врагов (obyczajem nieprzyacielskim). О чем упоминают также Кромер (кн. 21) и Длугош.

Смоленск взят. А потом великий князь Казимир той же осенью сам пошел под Смоленск с литовским войском и силой взял замок с городом, из-за чего князь Юрий Лингвеньевич бежал в Великий Новгород [107]. А Казимир, дав смоленское воеводство Андрею Саковичу, вернулся назад в свою столицу Вильно.

Потом князь Юрий Лингвеньевич, будучи в Новгороде, понял, что зло учинил, а Казимира разгневал, забыв его ласку и то, что он ему вотчину вернул, которую у него Сигизмунд было отнял. И послал к своему куму Яну Гаштольту, прося его, чтобы казимиров гнев от него отвел (przeprawil). А Ян Гаштольт, уговорив всех панов рады литовской, просил за него Казимира. И по просьбе Гаштольта и под влиянием других панов радных [Казимир] перестал гневаться на князя Юрия Лингвеньевича и вернул ему его вотчину Мстислав[ль] [108].

Жмудь против Казимира. А потом до Казимира дошли новости, что жмудины не хотят ему служить в ожидании (oczekawajac) Михайла, сына Сигизмунда. Они выбились (sie wybija) из-под власти Литовского княжества, выгнали урядников жмудского старосты Кезгайла и сделали своим старостой Довмонта, свойственника (powinnego) Контовта, потому что этот Довмонт (Dowmont) был родом жмудин, сдается мне, из рода литовского князя Довмонта Ромунтовича или Довмонта Гедройцкого [109]. А Казимир, сокрушенный скорбью, собрав все литовские, русские и подляшские войска, двинулся в Жмудь и стал у Ковно. Жмудины тоже, собрав войска, встали лагерем на жмудской границе над рекой Невежис (Niewiaza), желая дать бой Казимиру. **Гаштольт мудрым советом предотвратил битву.** Но потом Ян Гаштольт этому помешал, сказав Казимиру: «Не годится тебе воевать со своими подданными, ибо если они тебя поразят, будет тебе бесславие, а если ты их поразишь, тем более славы не добьешся, что поразил своих подданных. А сделай так: пошли им старостой Контовта, потому что его свойственник Довмонт в Жмуди по их избранию управляет, а он их убедит служить тебе и княжеству Литовскому. А если вторгнешься в их земли, их самих попленишь и опустошишь их землю, никакой прибыли тебе от этого не будет». Так Казимир тогда и поступил по совету Гаштольта.

Жмудские вольности. А когда Контовт приехал к жмудскому войску, то первым делом своего свойственника Довмонта, которого они себе избрали было старостой, уговорил, чтобы служил Казимиру, потому что Михайло, сын Сигизмунда, бежал в Мазовию. Жмудины дали на это свое согласие, а потом приехали в Ковно к Казимиру и там присягнули ему, когда Казимир тоже им поклялся в целости хранить их права и вольности, а Контовта им в старосты дал [110].

Однако через три года он отобрал у Контовта эту должность и отдал Жмудское староство Кезгайле, как и было раньше. Вот так утихли вредоносные внутренние раздоры, которых в то время опасались литовские паны. Избежав великих бед, они смогли избрать на литовское княжение королевича Казимира вопреки воле короля польского и венгерского Владислава и вопреки записям и соглашениям с поляками.

И хотя в том же году Казимир через своих послов, маршалка Радзивилла и Кезгайла, просил брата короля Владислава, чтобы [тот] эти литовские дела и поступки утвердил, но ничего не выпросил. Но еще более Казимир огорчил Владислава тем, что князя Михайла Сигизмундовича лишил всех вотчин и у мазовецкого князя Болеслава отнял Бельско, Мельник и Дрогичин со всеми волостями. Ягелло даровал было эти замки деду Болеслава, отделив их от Литвы, но Витольд у него их забрал и вернул княжеству Литовскому. А после смерти Сигизмунда, как я рассказывал выше, Болеслав, улучив момент во время литовского смятения без князя, снова завладел было этими замками благодаря их сдаче Носутой.

Литовцы отобрали Подляшье военной [силой]**.** А в Парчове состоялся съезд польских и литовских панов, где долго и бесполезно совещались о мире между Казимиром, великим князем литовским, и князьями Болеславом Мазовецким и Михаилом Сигизмундовичем. Литовцы не приняли [предложенных] условий и так и разъехались, ничего не сделав, а Мельник, Бельск и Дрогичин остались за Литвой.

Глава восьмая

О поражении москвы Станиславом Кишкой и об опасном [происшествии] с Казимиром

Москва разоряет литовскую Русь. Потом, в 1442 году, князь Московский, не тратя времени и [не упуская] случая в этих литовских тревогах и смутах, собрал большие войска, призвав на помощь царя Казанского, и двинулся под Вязьму (Wiazme), которой в то время владела Литва, разоряя, паля и опустошая окрестные волости. **Казимир против Москвы.** Узнав об этом, великий князь литовский Казимир собрал войско из литовцев, жмудинов и наемных солдат, поставил над этим людом гетманом Станислава Кишку [111], а сам остался в Смоленске. А Станислав Кишка двинулся с войском против московских полков, желая отрезать им путь, но московские гетманы уже увели было войско из литовских держав. **Гетман Кишка разоряет Москву.** Поэтому гетман Кишка вторгся в московские волости, разорил их вдоль и поперек, не [встретив] обороны, а потом опалил и опустошил замки Можайск, Козельск, Верею и Калугу. И после того, как в течение девяти дней постоянно разорял [эти земли], собирался отойти назад с огромной добычей. А тем временем московское войско, которого, по слухам, было тысяч пятнадцать [112], пришло на перехват и построилось, окружив литовцев со всех сторон. Видя это, гетман Кишка, посоветовавшись со своими, которые не желали бросать захваченную добычу и позорно бежать, приготовился к битве с москвой [113]. **Зенович и Радзивиллы с Кишкой.** Итак, Кишка, имея товарищами Зеновича [114] и двух Радзивиллов, расставил их в хитрых засадах, а также послал просить помощи у великого князя Казимира.

Битва наших с москвой. Когда москве показалось, что он бежит, москва, во множестве построившись, с огромной силой сразу же ударила по литве. Кишка же, расторопно уводя литовцев, навел москву на роты Зеновича и Радзивиллов, которые умышленно расставил в засадах. А потом, сам встав во главе литовцев, завязал [битву] с москвой, а Зенович с Радзивиллами внезапно прорвали их полки с флангов. И москва, встревоженная этим новым делом и думая, что [против них] много людей, продержалась недолго. А московские гетманы, когда литовцы допекли их с трех сторон, сразу же обратились в бегство и порознь разбежались по лесам и широким полям. Литовцы гнали их две мили, били, рубили и хватали [115]. После этого, без ущерба для своих набрав еще более обильной добычи и пленников, гетман Станислав Кишка с победой вернулся к Казимиру в Смоленск. **Гетман Кишка разгромил москву.**

Тогдашняя победа над москвой случилась, как свидетельствуют летописцы, в отсутствие князя Московского, ибо сам он со всеми своими силами выступил под Муром против татарского царя Махмета и его сына Мамутяка. И когда [князь] Московский дал им бой у Суздальского замка около одного монастыря, то проиграл и сам был взят [в плен] (а вернее, едва ушел в малой дружине) [116]. **Примирение с москвой.** И, угнетенный этими двумя поражениями от литовцев и татар, [князь] Московский вынужден был просить у великого князя Казимира мира, который и получил под присягой и на соответствующих условиях.

И когда великий князь Казимир, успокоив таким образом литву и русь от москвы и от татар, вернулся в Вильно, то, действуя [в соответствии] с собственным [пониманием] справедливости, послал за князем Михайлой, сыном убитого в Троках Сигизмунда, который в то время жил в Мазовии, чтобы без опаски возвращался на родину. **Удел князя Михайло.** И когда [Михаил] приехал в Литву, [положившись] на [его] слово и охранную грамоту (gleit), Казимир помирился с ним и отдал ему все прежние владения его отца. Прежде всего, [это были] Брянское и Стародубское княжества в Северской земле, и сверх того Бельск, Сураж и Бранск [117] и другие [города] на Подляшье, а на Руси Клецко, которым ныне владеют господа Радзивиллы, а в Жмуди Кейданы, ныне перешедшие к дому панов Кишек. И этими разными уделами он хотел держать его в постоянной верности [по отношению] к себе.

Предатели воложинцы. Но как только князь Михайло взял эти уделы, то, будучи в Клецке, напали на него сердечная скорбь и великая обида за то, что ему жалуют его собственный удел. И сговорился с воложинскими князьями [118] Сухтами (Suchtami) против Казимира, чтобы сжить его со свету и после него самому завладеть всем отцовским великим княжеством.

Засада Михайлы на Казимира. Поэтому, когда Казимир забавлялся охотой под Троками, Михайло послал воложинских князей с пятью сотнями конных вооруженных людей, чтобы те разместили их в чаще под Троками у Междуречья [119], а Казимира убили — либо открыто, либо из кустов (ze krza), либо как смогут. И чуть было так и не случилось, но загонщики, которые окружали зверя для Казимира, увидев в пуще вооруженных людей, расставленных отдельными отрядами, сразу побежали и известили надворного маршалка Андрея Гаштольта о том, что видели своими глазами. А тот, не беспокоя великого князя

Казимира, поведал об этом своему отцу Яну Гаштольту. И Ян Гаштольт с сыном Андреем маршалком и с казимировым двором, сев на коней, примчались на место этих хитрых и предательских засад в пуще, нашли изменников и ударили на них, а те разбежались в разные стороны. **Воложинцы схвачены и казнены.** Однако самих пятерых воложинских князей Сухтов Гаштольт догнал уже между Крево и Ошмянами, захватил их и потом доставил в Троки. Казимир велел казнить их как изменников, а Воложин и другие их имения взяты в [пользу] великого князя.

Михайло с москвой взял Киев. Князь Михайло, узнав, что его замысел не удался, сразу же сбежал в Москву [120] и, взяв помощь от Московского [князя], подступил под Киев, взял сдавшиеся ему замок с городом Киевом и занял их своими [людьми]. Но Казимир сразу послал на Киев литовское войско с Яном Гаштольтом, который Киев отобрал и занял литовцами, а потом взял Брянск и Северские земли. А Михайло, не имея сил для отпора литве, второй раз уехал в Москву. И там в одном монастыре русский игумен отравил его проскурой [121] после коронации Казимира в 1448 году [122]. ***Illi: id est Henrico Septimo.*** *(Так было и с Генрихом Седьмым).* **Добродетель и благочестие итальянцев.** Точно так же во Флоренции монах отравил святым причастием Господним императора Генриха Седьмого [123], о чем Сабинус [124] написал такие стихи:

Tuscia conduxit sceleris mercede ministrum
Dominici tonso de grege frater erat:
Toxica qui praebens illi sub corpore Christi,
Manducanda sacro pane venena daret etc.

Тосканцы наняли преступника, прикинувшегося слугой
Господа, выбрив тонзуру, будто монах:
Он дал ему яд под видом Тела Христа,
А тот его принял, отведав священный хлеб.

В том же году князь Александр или Олелько Владимирович Ольгердович [125], предок князей Слуцких, у отца которого, Владимира Ольгердовича, Витольт без всякой причины отнял было удельное Киевское княжение, с пышностью (ozdobnie) прибыл в Вильно к великому князю Казимиру с сыновьями Семеном и Михаилом. И там в кругу сенаторов открыто потребовал [возвращения] Киева, своего отчего удела. Великий князь Казимир, видя справедливость этого его требования, под влиянием всех панов вернул ему Киев со всеми пригородками, как его собственную вотчину.

В то же самое время вернулся в Литву Свидригайло, прежний великий князь литовский, изгнанный Сигизмундом, все утративший и в великой нужде семь лет пасший овец в Валахии [126]. Казимир и ему тоже, как своему дяде, дал в пожизненное (do smierci) кормление Луцк с окрестными волостями.

В 1444 году умер виленский воевода Довгерд, и Казимир дал воеводство и наместничество Яну (Janowi) Гаштольту, а трокское Ивану (Iwanowi) Монтвиду или Монивиду [127].

В том же году перекопские, бокриновские и шириновские (Bokrinowscy i Syrinowscy) [128] татары, когда их царь умер без потомства, послали к великому князю литовскому Казимиру, прося, чтобы дал им на царство Ак-Гирея [129] (Aczkiereja), который, бежав из орды, жил тогда в Литве, от щедрот литовских панов получив в кормление Лиду. Поэтому в назначенный день в Вильно, в подготовленном к церемонии замке, Казимир вместе с литовскими панами возвел этого самого Гирея на царство Татарское и послал в Перекопскую орду с маршалком Радзивиллом, который успешно посадил его там на отчий престол [130].

Глава девятая

Об успехах Владислава Ягелловича, короля польского и венгерского, [в борьбе] с внутренними и внешними врагами в Венгрии и о счастливой войне с турками.

Как только польского короля Владислава короновали королем Венгерским, как я описывал выше, сразу же императрица Эльжбета, вдова императора и венгерского короля Альбрехта, желая захватить венгерский престол для своего младенца сына, начала бунтовать против Владислава, имея на своей стороне Ульриха, графа Цилли [131], первейшего (nawietszego) возмутителя народного спокойствия, а также чешских гетманов Телефа (Telephusa) и Искру [132].

Победа поляков. И после частых стычек с обеих сторон венгры и поляки со стороны короля Владислава осадили Ульриха, графа Цилли, в замке Яврин (Jaurinie) [133]. Поляки схватили его, когда убегал из замка, и это стало поводом для всяких раздоров. И поразили также Ладислава из Гары [134] с его товарищами, а Андрея Бартоша и Эрика [135] убили под Баттой (Batta) [136].

Семиградское воеводство отдано Хуньяди и Уйлаки. Поэтому король Владислав дал Семиградское воеводство двум весьма заслуженным гетманам: Миколаю Уйлаки (Ulakowi) [137] и Яну Хуньяди. А также и пограничные замки [стеречь] от турок отдал Хуньяди, поставив его венгерским гетманом. **Венгрия разорвана.** А королева Эльжбета старостой в замках Кошицы, Бардейов, Кремницы, Жилине (Zoleniu) и Люпче (Lurszej) поставила чеха Яну Искру из Брандиса. Он вступил в верхнюю Венгрию [138] и изменой взял у короля Прешов (Operiak), Шарош (Scharisz), Киш (Kyszyk) [139], а потом занял и польский Кежмарок (Kiejzmark); Миколая Чайку и Коморовского, которые были на Подолинце (Podolincu), разбил и пленил. А Телеф, подступив к Эгеру (Agru), взял его и разграбил, захватив бывших там венгров и поляков. Но другие венгры и поляки, собравшись, догнали его и самого поразили и захватили [в плен] с некоторыми чехами. И передали их эгерскому епископу [140].

А король Владислав овладел замками, которые австрийцы (Rakuszanie) заняли было на границах, и туда от папы приехал кардинал Юлиан и по справедливости помирил вдовую королеву Эльжбету с Владиславом. Вскоре после этого Эльжбета, жена короля Альбрехта, к прискорбию Владислава померла с червоной немочи [141], оставив после себя двух дочерей и сына Владислава [Постума].

Король Владислав предоставил венграм польские замки. Потом король Владислав Ягеллович, предоставив польские замки и пограничные пошлины на нужды венгров, в 1443 году с кардиналом Юлианом двинулся против турок, где освобождал от неприятеля сербские (Rackiej) замки и земли. А когда узнал, что турки двинулись против него, послал против них с войском Яна из Хуньяда.

Хуньяди поразил турок. И тот внезапно пришел на турок, поразил их и разогнал, захватил четыре тысячи пленников и взял 9 турецких знамен [142]. Потом наши прошли сквозь все славянские земли до самой Македонии. Турок же послал войско в горы защищать Романию (Romaniej) и Македонию, и там среди гор снова происходили стычки с турками, ибо туркам прибыл было на помощь анатолийский паша Карамбей (Karambej), зять Амурата. И так как их было очень много, они смело стреляли в наших из укромных закутков. **Венгры и поляки второй раз поразили турок.** Паша Карамбри (Karambri), видя, что людей у него больше, чем у нас, сошелся с нашими [в битве], но был поражен. Много турок было пленено, другие убежали в горы. Однако из-за тесноты места и трудностей перехода через горы наши воротились домой.

Венгерская хроника [143] пишет, что самого короля в то время не было, а только Ян из Хуньяда, которому и приписывают всю славу, а не королю. Но Каллимах, который в то время был с ними [144], иначе описывает это шестое [145] поражение турок, в котором был захвачен Курамбей (Kurambej), гетман турецких войск и наивысший паша или беглербег [146]. Король Владислав, хотя и был в доспехах, но когда до самого вечера упрямо штурмовал турок на одной горе, был поражен в грудь несколькими стрелами, хотя и не опасно. В этом побоище тридцать тысяч турок полегли на плацу, ибо больше всего их перебили копьями в горах пешие поляки, а пять тысяч захвачены [в плен]. Как пишет Бонфиний, после этой победы король овладел и всей Болгарией, ибо славяне (Slawacy) [147] покорялись добровольно из-за сходства польского языка [с их родным]. **О том же читай Каллимаха, Бонфиния, Длугоша, Кромера и Меховского.**

Гемы и Родопы – горы, прославленные историками и поэтами. Все эти большие и высокие горы и еще более высокие скалы, на которых и была битва с турками, прославленные греческими поэтами и историками и отделяющие Македонию и Фракию от Мезии, Дардании и Трабалитов (Trabalitow) [148], а также от Болгар, заселены славянскими народами: Сербами и Рашками [149], а также Болгарами и Греками; ныне же, как я видел и сам, с ними перемешались турки. Городки и деревни расселись на высоких скалах, почти под облаками; каменные замки турки поразрушали, но мы еще видели их останки. Ибо когда в 1575 году был великий голод в турецких и тамошних землях, так же, как и в Литве, в то время нам пришлось почти двадцать дней пути ехать по этой дороге. Иногда случалось, что на одну гору или скалу с этими возами трудно было взобраться и за целый осенний день. Поэтому наш янычарский пристав заставлял христиан, болгар и сербов (Race), завозить наши тяжелые возы на скалы на буйволах. Греки и историки называли их ***Hemum*** [150] и ***Rhodopejos montes***. Временами, когда мы взбирались на самую вершину скалы, нам казалось, что стоит приставить лесенку — и можно будет [добраться] до неба, лишь бы там было что поесть. Но если рухнешь со скалы, то скорее попадешь в пекло, а не на обед, и приходилось ехать [дальше], чтобы побыстрее раздобыть еды. В этих горах только два перевала: в одном месте во Фракию и на Адрианополь, где купцы и народ

ездили с наименьшими трудностями, а другой в Македонию и в Албанию, которым некогда ехали и мы — через большие теснины с великими трудностями и опасностями.

А после этой славной победы к королю Владиславу в Венгрию приехали послы из Польши, прося, чтобы приехал в Польшу, и сообщая ему, что татары и силезцы творят в королевстве великие беды (szkody) и грабежи. И советовали ему немного передохнуть и не заводить по своей воле новых битв с турками.

Турецкий император просит мира. В это время к королю, который с кардиналом Юлианом был в Сегедине, прибыли турецкие послы, желая вечного мира и обещая вернуть деспоту Иржи (Irzemu) [151] все владения в Сербии, которые захватил было турецкий император, а также выпустить из плена двух его сыновей, хотя и ослепленных. И паны радные с королем постановили взять с Турком мир на 10 лет, ибо на выгодных (slusznymi) условиях уговорились (sie modlil) [с ним], чтобы вернул Деспоту следующие замки в Сербии (Rasciej): Голубац, Жарнов (Zarnow), Смедерево (Smiderow), Крушевац (Kniszowiec), Ковин (Krowin), Северин (Sewerin), Сребреница (Srebrnik), Островиц (Ostrwic), Новое Бардо (Nowobardo), Сурчин (Szurzyn), Косник, Лесковац (Laskowiec), Зеленигрод, Прокупле (Prokopia) и другие твердыни, захваченные в Албании или в Сербии [152]. А часть Болгарии с Адрианополем остается туркам. **Мир с турками на 10 лет.** Скрепив это постановление взаимными клятвами, послы вернулись в Турцию и, выполняя условия мира и соглашения, вернули Деспоту перечисленные замки и двоих его сыновей, которых Амурат уже ослепил. Видя это, кардинал Юлиан повесил голову и сразу же сообщил папе о таком мире Владислава с турками, который итальянцам и папе не понравится, хотя в то время итальянцы, французы, испанцы и немцы сидели как за могучей стеной благодаря счастью и частым победам Владислава, короля польского и венгерского.

Комментарии

1. Евстахий (Остафий) Серафин Тышкевич (1560-1590) герба Лелива — сын смоленского воеводы (1569) Василия Тышковича (ум. 1571) и Анастасии Сопочко. Староста Ждитовский и каштелян Смоленский (1589), однако обе эти должности занимал позже, а во время посвящения ему книги был еще молодым человеком. Евстахий должен был унаследовать отцовский титул графа на Логойске и Бердичеве, но Стрыйковский почему-то не называет его графом.

2. Спытко III из Мельштына (1398-1439) герба Лелива не следует путать с его отцом, Спытко II из Мельштына, который погиб в битве с татарами на Ворскле (1399). Смотри примечание 24 к книге четырнадцатой.

3. Владислав родился 31 октября 1424 года, так что во время коронации ему не исполнилось еще и десяти лет.

4. Имеется в виду коронация Генриха Валуа польским королем (20 февраля 1574 года), когда воеводы-протестанты во главе с Фирлеем потребовали от короля произнести дополнительный текст присяги. См.: Эрланже Ф. Генрих III. СПб, 2002. Стр. 162.

5. Смотри примечание 21 к книге шестнадцатой.

6. Хелмяне (Chelmianie) и белжане (Belzanie) — жители городов Хелм (Холм) и Белз.

7. Если рассматривать стадий как меру площади (180 x 180 м), то это более 3 гектаров. Но так как древнегреческая площадь, именовавшаяся *стадием*, была *продолговатой*, то это может быть и меньше — скажем, около 2 гектаров. Смотри примечание 14 к книге шестнадцатой.

8. Корец — мера сыпучих тел. В Польше это чуть больше 10 ведер или примерно 120 литров. Один корец вмещает примерно 85 кг ржи (удельный вес — 0,68 кг/л), а два корца — около 170 кг. При средней урожайности ржи 15-20 центнеров с гектара с одного стадия собирают 40-50 ц. Таким образом, размер *натуральной* подати составляет около 4% урожая, что не кажется таким уж обременительным. Однако этот налог надо *удваивать* (вместе с овсом), да еще и прибавлять денежный сбор. В итоге мы выходим на привычную *десятину*.

9. *Mus usmus* — вероятно, боевой клич жемайтов, который по-литовски означает что-то вроде *Наша берет!*

10. Это тот редкий случай, когда слово *rejterowie* действительно следует перевести как *рыцари*, ибо только рыцари сидели на таких дорогих и редких конях. Смотри примечание 20 к книге десятой.

11. Смотри примечание 36 к книге пятнадцатой.

12. У Стрыйковского здесь *rystunkow wojennych*, что можно перевести как *военное снаряжение*. Но это слово не польское, а литовское, восходящее к слову *risti* — *связывать, привязывать*.

13. Смотри примечания 69 и 76 к книге шестнадцатой.

14. День памяти преподобного Симеона Столпника — 1 сентября. Именно в этот день 1435 года и произошла битва под Вилькомиром или битва на Швенте. В средневековой Литве это было едва ли не самое крупное сражение, масштабы которого сравнивают с битвой при Грюнвальде и с битвой на Ворскле. Можно было бы ожидать, что Стрыйковский уделит ему совершенно особое внимание. К великому сожалению, здесь наш автор относительно краток и мало информативен. Единственным источником, где более или менее толково рассказывается об этой великой битве, является сообщение Длугоша. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XII. Krakow, 1868. Стр. 520-523.

15. Примечание Стрыйковского на полях: **Силезец Сигизмунд Рот был великим врагом поляков, ибо, когда он ехал от императора к Витольту, его поймал было Чарнковский**. Смотри главу 15 книги пятнадцатой.

16. В оригинале: *strzelby roznej ristunk wszelki*. Относительно использования в битве при Швенте *огнестрельного оружия* ничего определенного сказать нельзя, ибо информации недостаточно. Но в этих вопросах Стрыйковский то и дело «забегает вперед», поэтому, когда он пишет *strzelby*, всегда следует быть осторожным. Смотри также примечание 12.

17. Город Браслав в Витебской области находится на берегу озера Дривяты.

18. Примечание Стрыйковского на полях: **Якуб Кобылянский (Kobylinski).** Якуб из Кобылян (1390-1454) герба Лодзя — польский рыцарь и военачальник, племянник великого коронного подскарбия Гиньчи из Рогова. Дворский маршалок Витовта (1425), королевский кравчий (1450), каштелян бечский (1444) и гнезненский (1453). Поскольку в битве при Швенте он командовал польскими рыцарями, некоторые польские историки именно его считают главным героем этого сражения.

19. В оригинале *skretnemu*. Это слово не польское, а литовское, и означает *нечистоплотного*, а в переносном смысле *непорядочного* человека. Смотри примечание 85 к книге четырнадцатой.

20. Михаил, а в католическом крещении *Болеслав* Сигизмундович (1385-1452) — сын великого князя Сигизмунда, внук Кейстута и Андрея Одинцевича. Формально был главнокомандующим армии Сигизмунда, однако его роль как полководца из существующих источников неясна. Одни историки полагают, что «Михайлушко» был лишь «свадебным генералом», а армия Сигизмунда победила благодаря искусству других своих командиров. Другие утверждают, что Михаил был главным организатором этой выдающейся победы. См.: *Kopystianski A.* Michal Zygmuntowicz, ksiaze litewski. Lwow, 1906. Стр. 19.

21. Вилькомир — ныне город Укмерге на реке Швенте. Битва произошла к югу от Вилькомира, близ нынешнего Пабайска, название которого, собственно, и означает эту самую битву.

22. Швента (по-литовски *Sventoji*) или Святая – река в Литве, правый приток Вилии.

23. Во всех других случаях, упоминая солнечную колесницу, ее возничим Стрыйковский считает *Феба* или Гелиоса. Гелиоса в «Одиссее» называют *Гиперионом* — по имени его отца. А Гиперион был титаном. Вероятно, именно поэтому солнечный возничий здесь вдруг назван *Титаном.* См.: Гомер. Одиссея. М., 2000. Стр. 139.

24. Примечание автора на полях: **Свидригайло поражен уже почти на восходе солнца.** Из этого можно сделать вывод, что битва началась еще *до рассвета* и длилась недолго. На самом деле сражение началось рано утром и длилось весь день, а преследование разбитого

противника и охота на беглецов продолжались не только до утра, а, если верить Длугошу, в течение *двух недель*.

25. Михаил Львович Вяземский (1400-1435) — возможно, сын вяземского князя Симеона-Льва Мстиславича (ум. 1406). См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 88.

26. Ярослав Тверской (1400-1435) — младший брат великого князя тверского (1426-1461) Бориса Александровича. См.: Клюг Э. Княжество Тверское (1247-1485 гг.). Тверь, 1994. Стр. 288, 322.

27. Примечание Стрыйковского на полях: **Жигмонт Корибут и Сигизмунд Рот захвачены, князья Тверской и Вяземский убиты.**

28. Ливонским магистром (1434-1435) тогда был Франке фон Керскорф (Керсдорф), родной брат великого комтура Тевтонского ордена (1434-1436) Вальтера фон Керскорфа.

29. Во всей истории ливонской ветви Тевтонского ордена это единственное сражение, в котором погибли сразу и ландмейстер, и ландмаршал. Ливонским маршалом (1434-1435) был Генрих фон Бекенферде, по прозвищу Шунгель.

30. Примечание на полях: ***Crom.: Ibi robur omne Livoniensium cum Magistro et marsalko concidit, etc.*** *(Кром[ер]: Там пала вся сила ливонских [рыцарей] с магистром и маршалом).* Битва на Швенте для ливонских «братьев» и впрямь стала настоящим Грюнвальдом. Магистр пал вместе с маршалом и многими сановниками (еще два Керсдорфа, Лоде, Врангель, Фиркс, Рутенберг и другие). Победителям достались семь орденских знамен.

31. Примечание на полях: **Жигмонт Димитрович Корибут, князь Збаражский, который носил также** [титул] **чешского короля, и силезец Сигизмунд Рот утоплены в Швенте. Меховский, кн. 4, стр. 307.** По этому поводу ниже смотри рассуждение Кромера.

32. Примечание Стрыйковского на полях: **Кромер, кн. 2, стр. 312.**

33. Примечание на полях: **Сигизмунд после этой победы подчинил русские княжества.**

34. Примечание на полях: **Меховский пишет, что** [Свидригайло] **семь лет пас овец в Валахии.** Пастушество Свидригайло — такая же легенда, как и утопление Корибута. Свидригайло вплоть до самой смерти (1452) оставался знатным вельможей, а его земельные владения были велики. См.: Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский. СПб, 1835. Стр. 229, 233.

35. Ир (Irus) — у Стрыйковского синоним *нищего*. «Беден, как Ир» (А.И.Герцен). Ир — персонаж Гомера, попрошайка, завязавший драку с Одиссем, когда тот прибыл на Итаку в образе нищего. См.: Гомер. Одиссея. М., 2000. Стр. 206.

36. Клото (по-гречески *пряха*) — одна из трех *мойр*, древнегреческих богинь судьбы, которым соответствуют древнеримские *парки*. Их имена (Клото, Лахезис и Атропо)

капитан Блад дал своим пиратским кораблям. См.: Сабатини Р. Одиссея капитана Блада. М., 1960. Стр. 190.

37. Примечание на полях: **Поликрат очень счастливо княжил на острове Самос и благодаря своему счастью подчинил себе много других островов и стран. Желая, чтобы его хотя бы раз постигло несчастье, он бросил в море перстень очень высокой цены, который сразу же нашелся в** [желудке] **выловленной рыбы. И все-таки потом** [Поликрат был] **повешен, такая же** [судьба постигла и] **Креза, побежденного Киром, и прочее. Об этом читай у *Геродота, Юстина, Ксенофонта, Плутарха, Страбона (кн. 14), Волатерана (кн. 18) и других.*** См.: Поликратов перстень. В кн.: Жуковский В.А. Собрание сочинений в 4-х тт. Том 2. М.-Л., 1959. Стр. 167-169.

38. Смотри примечание 66 к книге шестнадцатой.

39. *Техиния* или Тигина — прежнее (до 1541 года) название города *Бендеры*.

40. *Облучица* — нынешняя *Исакча*.

41. Ивоница — молдавский господарь (1572-1574) Ион Лютый. См.: Хашдеу Б. П. Ион-Воевода Лютый. Кишинев, 1989.

42. Визига или вязига — высушенная хорда осетровых рыб. Однако неясно, имел ли наш автор в виду именно *вязигу* или же осетровых рыб вообще.

43. Итальянское *ciarlatano* — от глагола *ciarlare* (говорить с пафосом, напыщенно). Поэтому *шарлатная* — это, вероятно, *роскошная*, модная и очень дорогая ткань, что подтверждает и ее взаимозаменяемость с пурпурной.

44. В оригинале *ozieneli*. Слово не вполне понятное и скорее литовское, чем польское.

45. По самым осторожным подсчетам, Свидригайле в то время было 67 лет. Его имя впервые упомянуто в 1386 году, и Коцебу полагал, что в то время Свидригайло должен был находиться в *самых юных летах*. Однако некоторые историки датируют его рождение 1355 годом, и тогда в 1437 году его возраст уже перевалил за восемьдесят, а умер он в 97 лет. Нам кажется, что точка зрения Коцебу предпочтительнее.

46. В древнем Риме не было императора Иовиниана (Jowinianus), однако был император *Иовиан* (363-364), преемник Юлиана Отступника. Но этот Иовиан, как, впрочем, и Навуходоносор, не свергался с престола и не отрекался, Возможно, Стрыйковский путает его с Диоклетианом (284-305), который после отречения от престола *восемь лет* выращивал овощи. См.: Секст Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров // Римские историки IV века. М., 1997. Стр. 169.

47. Это известие находится в явном противоречии с содержанием этой же самой главы хотя бы потому, что в 1437 году Свидригайло еще владел Луцком, а уже в 1440 году великим князем Литовским стал простивший его Казимир. Смотри также примечание 34.

48. Смотри примечания 28 и 29 к книге четырнадцатой.

49. Слово *ныне* в данном случае означает время, о котором рассказывается, то есть 1437 год.

50. Петровин — герой одной из легенд о святом Станиславе, воскресившем его из мертвых.

51. Альбрехт II Габсбург (1397-1439) — герцог Австрии Альбрехт V (1404), маркграф Моравии (1423), король Венгрии (1437), Чехии (1437) и Германии (1438). В 1420 году изгнал из Австрии всех евреев, отказавшихся креститься, приказав разрушить все синагоги. В 1422 году женился на дочери и наследнице императора Сигизмунда Елизавете Люксембургской. Избранный после смерти Сигизмунда (1437) римским (германским) королем (1438), впервые в истории объединил престолы Австрии, Венгрии, Чехии и Германии, но так и не был коронован императором, ибо уже 27 октября 1439 года скончался, заболев дизентерией.

52. Напомним, что дело происходило значительно позже битвы у Липан (1434), в ходе которой табориты потерпели сокрушительное поражение.

53. С 1421 по 1561 год в Праге не было собственного архиепископа. В 1435-1439 гг. пражским епископом-*визитатором* был Филиберт Констанский. Однако его не надо путать с епископом *Констанцским*, которым в 1436-1462 гг. был Генрих фон Хевен.

54. Электорами (избирателями) автор в данном случае называет немецких курфюрстов.

55. Смотри примечание 34 к книге пятнадцатой.

56. Табором, последним оплотом таборитов, Иржи Подебрад овладел только в 1452 году.

57. *Лундский убор* — какая-то особенная одежда (датская или шведская), изготовленная в Лунде.

58. Папа Евгений IV (1431-1447) был человеком строгих правил и сторонником твердой руки. С самого начала он пытался распустить Базельский собор и в конце концов официально объявил об этом. В 1438 году папа созвал новый собор — в Ферраре. В ответ на это делегаты Базельского собора низложили самого папу и избрали его преемником Феликса V (1439-1449), который считается последним *антипапой* католической церкви. Но Феликса признали далеко не все, и Евгений IV сохранил свою тиару до самой смерти. См.: Ян Веруш Ковальский. Папы и папство. М., 1991. Стр. 160-163. Смотри также примечание 77 к книге шестнадцатой.

59. Примечание Стрыйковского на полях: **пан Чеховский, граф из Тарнова.**

60. Решающая битва состоялась 6 мая 1439 года у деревни Гротник (Grotnik). См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XII. Krakow, 1868. Стр. 563.

61. Женой Спытко была Беатриса, дочь великопольского генерального старосты Доброгоста из Шамотул.

62. Стрыйковский очень упрощает и этим искажает историю рокоша Спытко из Мельштына, который имел весьма глубокие корни и которому ведущие польские историки всегда уделяли самое серьезное внимание. Это была не только непримиримая борьба немалой части польской шляхты против политики краковского епископа Збигнева Олесницкого, но и открытая схватка польских гуситов (которых и представлял Спытко) с их противниками. См.: Бобржинский М. Очерк истории Польши. Том I. СПб, 1888. Стр. 237-238.

63. Длугош рассказывает эту историю несколько иначе и намного подробнее. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XII. Krakow, 1868. Стр. 564-565.

64. 6 июля 1439 г. См.: Сильвестр Сиропул. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438-1439). СПб, 2010. Стр. 285-288.

65. Тот же папа Евгений IV, который короновал императором Сигизмунда Люксембургского, 18 декабря 1439 года сделал кардиналами Збигнева Олесницкого и митрополита киевского и всея Руси Исидора. Смотри примечание 58.

66. Длугош называет его баном Далмации и *Словении* (Slawonii). См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XII. Krakow, 1868. Стр. 570.

67. Мурад II (1404-1451), внук Баязида I и отец Мехмеда II, был турецким султаном в 1421-1451 годах.

68. День святого Войцеха — 23 апреля, и в 1440 году это была суббота. А вот суббота святой Троицы в том году была 7 мая и это, конечно, день въезда Владислава в Буду. Но в оригинале у Стрыйковского предложение построено так, что можно подумать, что суббота святой Троицы и день святого Войцеха — один и тот же день. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XII. Krakow, 1868. Стр. 587.

69. Ладислав Постум родился 22 февраля 1440 года. Ко времени отъезда в Венгрию Владислава Варненчика об этом, разумеется, уже знали и в Польше.

70. Речь идет о так называемых «зеленых святках» — неделе, предшествующей Троице. В 1440 году зеленые святки у католиков заканчивались 7 мая, а у православных — 14 мая. Однако датой коронации *католика* Ладислава считается 15 мая 1440 года, так что здесь

что-то не клеится. Но Стрыйковский уже не в первый раз «сбивается» с католического календаря на православный.

71. Фридрих (1415-1493) — король Германии (1440) Фридрих IV и император (1452) Фридрих III. Сын австрийского герцога Эрнста Железного. Елизавете Люксембург он не родственник, а с ее мужем Альбрехтом его роднит разве что принадлежность их обоих к Габсбургам (дед Фридриха был братом деда Альбрехта).

72. Ладислав Гара или Ласло II Гараи (1410-1459) — сын Миклоша II Гараи (1367-1433) и Анны Цилли (1384-1439), племянник Барбары Цилли (1395-1451), вдовы Сигизмунда Люксембурга, внук Миклоша I Гараи (1325-1386). Бан Мачвы и Хорватии (1433), палатин Венгрии (1447-1458).

73. По поручению королевы Елизаветы корону выкрала ее фрейлина, некая Елена Коттаннер, оставившая дошедшие до нас мемуары. См.: Aus den Denkwurdigkeiten der Helene Kottannerin. 1439.1440. Leipzig, 1846.

74. Одна из древнейших корон Европы впервые упомянута в 1001 году, когда ей короновали Иштвана (Стефана) Святого, а после него и всех остальных венгерских королей. Это и была та самая корона, которую украли. Владислав Варненчик был коронован *другой короной.* Януш Туроци сообщает, что для этого была использована корона, находившаяся в гробнице самого Иштвана Святого. Была ли это *копия* настоящей короны или просто *декоративная* безделушка — точно неизвестно. См.: Janos Thuroczy. Hronicle of the Hungarians. Indiana University, 1991. Стр. 113.

75. См. : Барвінський Б. Жигмонт Кейстутович — великий князь литовсько-руський (1432-1440). Жовква, 1905.

76. Юрий Лугвеньевич (1395-1460) — внук Ольгерда и внук Дмитрия Донского, удельный князь Мстиславский (1431), служилый князь Новгородский (1438-1440). Юрий бился за Свидригайло и под Ошмянами (1432), и под Вилькомиром (1435), причем в первом из этих сражений попал в плен к Сигизмунду, однако вскоре сумел бежать. После поражения под Вилькомиром укрылся в Полоцке. В 1438 году стал князем Великого Новгорода. После гибели Сигизмунда (1440) Юрий вернулся в Литву. В 1441 году он ненадолго объединил под своей властью Полоцк, Витебск и Смоленск. Умер в Мстиславле.

77. Многие братья Тевтонского ордена весьма неприязненно относились к Сигизмунду (еще до его великого княжения) и даже в частной переписке рекомендовали не иметь с ним никаких дел. При этом они, как правило, хорошо отзывались о Свидригайло, а некоторые были его добрыми друзьями. См.: Коцебу А. Свитригайло, великий князь литовский. СПб, 1835.

78. Обычно этот дистих Катона переводят примерно так: *Не беспокойся, если кто-то говорит у тебя за спиной то, чего не отваживается сказать в глаза.* Но Стрыйковский воспринимает эту латинскую фразу более дословно: *Хорошо зная это о себе, думает, что и все так говорят*.

79. См.: Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1981. Стр. 81.

80. Иван (1402-1460), Александр (1405-1477) и Михаил (1410) Чарторыйские герба Погоня — дети Василия Константиновича (1375-1416), первого князя Чарторыйского, и правнуки Кориата Гедиминовича. Стрыйковский выводит Чарторыйских от Ольгерда, но и тогда они должны быть его *правнуками, а не внуками*, и не могут быть Сигизмунду племянниками, даже двоюродными.

81. Петр Лелюш герба Долива — литовский боярин, воевода трокский (1434-1440). Возможно, сын *Гирставта*. Судя по гербу, должен быть родственником трокского каштеляна (1413) *Начки Гинвиловича*. Не исключено, что Петр Лелюш и гродненский наместник (1444-1452) *Лялюш* — одно и то же лицо.

82. В «Хронике Быховца» существенно иначе: ***Триста возов сена, и на каждый воз под сено положили по пяти вооруженных человек, а один человек возом правил.*** Однако триста возов — это многовато, как, впрочем, и пять человек на воз. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 89.

83. Слово *дякло (dziaklo)* производят от литовского *doklas*, что буквально означает корзину для носки сена, а в переносном смысле — натуральный налог зерном или продуктами в Великом княжестве Литовском (до середины XVI века). Стоит напомнить, что польское слово *dziekowac* означает *благодарить*.

84. И Длугош, и Хроника Быховца сообщают, что Сигизмунд был убит в *вербное воскресенье* (w Niedziele Kwietnia), то есть, по *католическому* календарю, 13 марта 1440 года. В литературе же утвердилась дата 20 марта 1440 года, но это вербное воскресенье по *православному* календарю. Им мог пользоваться автор Хроники Быховца, но никак не Длугош. Если бы убийство великого князя произошло 20 марта, в тот день была бы сама *католическая пасха*, и такую важную деталь отметили бы все источники без исключения. В 1439 году католическая и православная пасхи совпадали, но в 1440 году даты были разные. Но не следует забывать, что именно тогда было провозглашено формальное объединение греческой и римской церквей, хотя это длилось очень недолго. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XII. Krakow, 1868. Стр. 574. Смотри также примечание 70.

85. Можно толковать это место по-разному, однако *тайный коморник* может быть просто особо доверенным слугой — и ничем более.

86. Из этого вроде бы следует, что в середине марта в Тракае еще лежал снег, а озеро было еще замерзшим. Однако Длугош пишет, что тело Сигизмунда положили *на воз* и вытолкали из замка без возницы. Напомним, что сено в замок тоже везли на возах, а не на санях. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XII. Krakow, 1868. Стр. 574.

87. Флаги (вероятно, черные) на башне — знак, что владелец замка умер. В Хронике Быховца, откуда и взят весь этот рассказ, о флагах нет ни слова, нет и у Длугоша. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 90.

88. Смотри примечание 183 к книге двенадцатой.

89. Меньший замок — ныне восстановленный и широко известный Тракайский замок на острове. Сигизмунд был убит в большем Тракайском замке (на берегу), от которого ныне остались лишь развалины. В 1414 году Жильбер де Ланноа описывал их так: ***Тракай — большой город с плохо построенными деревянными домами и совсем открытый. Там находятся два замка. Один, очень старый замок, опоясанный валом, находится на берегу озера. Второй возвышается посреди другого озера, на расстоянии пушечного выстрела от старого. Этот замок совсем новый и сложен из кирпича на французский манер.*** См.: Путешествие по Литве в XV веке Жильберта де Лянуа // Вестник Западной России. Вильна, 1867. Отделение I. Стр. 40.

90. Гален (129-217) — древнеримский медик и философ греческого происхождения, личный врач императоров Марка Аврелия, Луция Вера, Коммода, Септимия Севера и Каракаллы. Известно более 120 работ Галена, из которых очень немногие переведены на русский язык. Среди книг Галена, доступных Стрыйковскому, следует отметить базельские издания 1542 и 1549 годов и венецианские издания 1541 и 1565 года.

91. Диоцезия или диоцез — западноевропейское наименование епископской *епархии*, то есть той территории, на которой проживает паства данного епископа.

92. О митрополите Исидоре см.: ПСРЛ, том 12. СПб, 1901. Стр. 40-43.

93. Станислав Нарушевич (1540-1589) герба Вадвич — сын королевского секретаря и литовского писаря Павла Нарушевича (ум. 1544), брат великого подскарбия литовского Миколая (ум. 1575). Тиун Виленский (1564), каштелян Мстиславский (1582) и Смоленский (1588). Кальвинист. Был трижды женат.

94. Тиун (ciwun) — в Великом княжестве Литовском управляющий волостью (*державца маетка*), которых в Литве было 12, а в Жмуди -14. С течением времени функции тиунов и их количество менялись, и в XVIII веке в Литве их осталось всего двое: виленский и трокский. Эту должность не следует путать с тиуном Древней Руси, который не был лично свободным человеком.

95. Смотри примечание 184 к книге пятнадцатой.

96. Виленский *пан* значит *воевода*, которым Кезгайло никогда не был. Воеводой виленским в 1433-1443 годах был Ян Довгерд.

97. См.: Kopystianski A. Ksieze Michol Ziygmuntowicz // Kwartalnik Historiczny. 1906. T. XX. S. 74-165.

98. Паны радные — государственные советники. Здесь Стрыйковский употребил этот термин в несколько необычной форме (panow rad Litewskich), которую мы сохраняем и в переводе.

99. Болеслав IV Мазовецкий (1420-1454) герба Белый Орел — сын Болеслава III (1382-1424) и внук Януша I Мазовецкого (1346-1429). Князь варшавский, черский, цеханувский (1429) и подляшский (1440-1444). Женат (1441) на Барбаре Олельковне, дочери Александра (Олелько) Владимировича (внука Ольгерда). Князь Михаил Сигизмундович был его племянником (сыном сестры).

100. Подляшье с Дрогичином Ягайло передал Янушу I Мазовецкому (1391), но потом Витовт отобрал эти земли у мазовшан и присоединил к Великому княжеству Литовскому. После смерти Витовта его брат Сигизмунд вернул Подляшье Болеславу IV Мазовецкому, на сестре которого был женат. Так пишет Длугош. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XII. Krakow, 1868. Стр. 576.

101. Этого Юрия Носуту (Nosuta) упоминает только Хроника Быховца, а Длугош вообще ничего о нем не пишет. Но из этого же рода происходила и Анна, жена трокского воеводы (1498) Яна Юрьевича Заберезинского (1444-1508), поскольку ее отца звали Николай *Носута*. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 92, 93.

102. См.: Попель Р. И. Князь Михайлушка Жигимонтович: политическая биография // Alba Ruscia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X-XVI вв.). М.: Квадрига, 2015. Стр. 102-121.

103. Дата взята из Хроники Быховца. Но *в среду после пасхи* может быть и 23 марта, и 30 марта, так как в 1440 году католическая пасха была 20 марта, а православная — 27 марта. Так как у нас нет сомнений, что в Смоленске отмечали именно *православную* пасху, дело было 30 марта. Смотри примечание 84.

104. Андрей Сакович (1400-1465) герба Помян — сын дубинского старосты Станислава Сака. Староста трокский (1433-1440), наместник смоленский (1440) и полоцкий (1444-1457), воевода трокский (1458). Имел крупные земельные владения в окрестностях Вильно, в ошмянском и в минском повятах. В 1432 и 1451 годах участвовал в переговорах с Тевтонским орденом, в 1453 году ездил с посольством в Чехию. Его сын Богдан участвовал в битве под Хойницами (1454), потом, как и его отец, был воеводой трокским (1484).

105. Русские летописцы о смоленском восстании не пишут ни слова, и это показывает, до какой степени Смоленск был для них «заграницей» в течение почти всего XV столетия. Зато «Хроника Быховца» рассказывает всю эту историю замечательно ясно и подробно. Да и вообще, начиная с описания убийства Сигизмунда, «Хроника Быховца» все более утрачивает характер не слишком достоверной летописи и постепенно превращается в важнейший исторический источник. См.: Полехов С.В. Смоленское восстание 1440 г. // Исторический вестник. Том седьмой [154]. М., 2014. Стр. 160-197.

106. Смотри примечание 76.

107. Князь Юрий бежал не в Новгород, а в Москву. ***В лето 6948. Князь Юрий Семенович из Новгорода Великого выехал в Литву, и князь великий Казимир дал ему всю его вотчину: Мстислав, Кричев и иных градов и волостей немало. Он же возгордился, засел в Смоленске, и в Полоцке, и в Витебске, и было и ему не полезно и людям на мятеж великий и на брань. Той же осенью, убоявшись и видя свою дерзость, которую по неразумию сотворил, бежал на Москву.*** См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. Стр. 420.

108. В своем рассказе о смоленских событиях и о князе Юрии Стрыйковский почти дословно повторяет текст Хроники Быховца. См. : Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 94-96.

109. В польском оригинале Хроники Быховца написано, что Довмонт был *plemennik* Контовта, что на русский, недолго думая, перевели как *племянник*. Но польское слово *plemennik* означает *соплеменник*, человек из того же *племени*, то есть сородич, но уж никак не племянник. Очень показательно, что *поляку* Стрыйковскому и в голову не пришло назвать Довмонта племянником Контовта; он употребил слово *powinny*, которое переводится даже не как кровный родственник, а именно как *свойственник*, а то и просто как *подчиненный*. См.: ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 157-158; Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 93. Смотри также главу первую книги девятой и к ней примечания 2 и 5.

110. Контовт был жмудским старостой (1435-1439) еще при Сигизмунде, так что в 1441 году он лишь вернулся на прежнюю должность, с которой был смещен в пользу Кезгайло (1440-1441). Однако вскоре его снова сменил все тот же Кезгайло (1442-1450). Некоторые историки считают, что *единственным* настоящим жмудином (жемайтом) из всех 33 жмудских старост (1409-1795) был именно Контовт.

111. Станислав Петрович Кишка герба Домброва (1455-1514) — литовский воевода и дипломат, стольник литовский (1488), наместник лидский (1492) и смоленский (1499), великий гетман литовский (1503-1507), староста гродненский (1508), маршалок великий литовский (1512). Но весь фокус в том, что в 1442 году он еще не родился. Родоначальником Кишек считается Петр Пашкович Струмило (1420-1486) по прозвищу Кишка, владелец Цехановца (1436), староста дрогичинский (1463-1469), наместник лидский (1483) и маршалок господарский (1483). И хотя у Петра Кишки были братья (львовский каштелян Ежи Струмило и медникский староста Николай Струмило), ни их самих, ни их потомков не считают членами рода собственно Кишек. Хроника Быховца, верно датирующая эти события 1445 годом, ни словом не упоминает о *Кишке* — так же, как и Длугош. Зато в русских летописях упоминается Захария Иванович *Кошкин* — вероятно, отсюда и весь сыр-бор. Этот Захарий Кошкин (1400-1461) — правнук Андрея Ивановича Кобылы, которого считали своим предком сами Романовы. Именно Захарий Кошкин 8 февраля 1433 года якобы опознал драгоценный пояс Дмитрия Донского, надетый Василием Косым и сорванный с него Софьей Витовтовной. Но вот как в 1445 году он оказался в числе литовских воевод, да еще и участвовал в бою с московскими войсками — одна из интригующих загадок русской истории, которую не взялся

разгадывать даже Зимин. См.: Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991. Стр. 102-103; Смотри также примечание 115.

112. В Хронике Быховца говорится о *пятистах* московских воинах. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 96.

113. Москва — в данном случае *не город, а люди*, воины Московского государства, так же, как слово *литва* в аналогичном случае означает *литовцы*. Поэтому и здесь, и в других похожих случаях слово *москва* мы пишем с маленькой буквы, хотя у Стрыйковского оно везде написано с большой.

114. Род Зеновичей происходит от Зеновия Братошича, который вместе с отцом участвовал в битве при Грюнвальде. Однако с Зеновичем та же история, что и с самим Кишкой. Первый из носителей этой фамилии, о котором хоть что-то известно, в описываемое время еще не родился. Это Юрий Иванович Зенович (1450-1516) герба Деспот, внук Зеновия Братошича, наместник браславский (1494-1499), смоленский (1507-1508) и могилевский (1514), маршалок при дворе великого князя литовского (1516). Женат на дочери Радзивилла Остиковича, от которой имел четырех сыновей. Хроника Быховца в этом месте не упоминает ни Зеновича, ни Радзивиллов, ни самого Кишку. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 96.

115. Воскресенская летопись тоже рассказывает об этих событиях, и это известие нам следует привести целиком — иначе не разобраться. ***В лето 6953 (1445). Приходила литва к Калуге: пан Судивой, пан Радивил Осикович, Ондрюшка Мостилович, Андрей Исакович, Якуб Ралович, Миколай Немиров, Захария Иванович Кошкин, а рати с ними семь тысяч. И были под Козельском и под Калугою, да не учинили ничего, и оттоле пришли в Суходров. Слышали же то можаичи князья Ивановы Андреевича, и собралось их 100 человек детей боярских, а воевода у них Андрей Васильевич Лугвица князя Суздальского; а княжьих брата его Михаила Андреевича 100 голов детей боярских, а воевода у них Иван Федорович Судок; а княжьих Васильевых Ярославича 60 человек детей боярских на помощь пришли, а воевода у них Жынев. И встретились с литвою в Суходрове, и был им бой. И убили тут воеводу князя Иванова Андреевича Лугвицу, да иных молодых детей боярских князя Иванова побили. А Степана Яропку да Семена Ржевского поимали, а князя Михайловых поимали самого Ивана Судока, да с ним детей боярских Филипа Нащокина, да князя Иоана Конинского, да 5 человек молодых; а литвы убили 200 человек. А князь великий был тогда и с братиею во Владимире.*** См.: ПСРЛ, том 8. СПб, 1859. Стр. 111-112. Никоновская летопись уточняет, что в это самое время князя Ивана Андреевича не было в Можайске, его брата Михаила Андреевича не было в Верее, а князя Василия Ярославича не было в Боровске.

116. Татарское войско возглавляли царевичи Мамутяк и Якуб, сыновья Улу-Мухаммеда. Битва состоялась 7 июля 1445 года у Спасо-Ефимьевского монастыря в непосредственной близости от Суздаля. Русские потерпели сокрушительное поражение, а великий князь Василий II (Темный) попал в плен. См.: Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991. Стр. 104-105.

117. Бранск (который не следует путать с Брянском) — город в Польше на реке Нурец, притоке Западного Буга.

118. Воложин — город в Белоруссии в 75 км к северо-западу от Минска.

119. Междуречье (Miedzyrzec) или Мечечь — город Меркине в южной Литве, расположенный у впадения в Неман реки Мяркис (к северу от Друскининкая).

120. Хроника Быховца сообщает, что Михаил Сигизмундович бежал не в Москву, а в Брянск и именно оттуда, получив помощь Москвы, двинулся на Киев. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 97.

121. Проскура — то же, что просфора или просвира — хлеб для причастия.

122. Казимир Ягеллончик был коронован в 1447 году, а Михаил Сигизмундович умер в 1451 году, хотя Коланковский считал, что в начале 1452 года. См.: Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Ksiestwa Litewskiego za Jagiellonow. Warszawa. 1930.

123. Германский король Генрих VII, умерший в Италии 24 августа 1313 года, согласно молве, был отравлен ядом, поднесенным ему в причастии. Но эта легенда надежными источниками не подтверждается. Смотри главу 6 книги десятой.

124. Георг Шулер (Schuller) (1508-1560), подписывавший свои стихи латинским псевдонимом Сабинус — немецкий филолог и поэт, ученик и зять Меланхтона, первый ректор Кёнигсбергского университета (1544-1555). См.: Лавринович К. К. Альбертина. Очерки истории Кёнигсберского университета. Калининград, 1995. Стр. 40, 41.

125. *Владимирович Ольгердович* означает сын Владимира Ольгердовича, то есть внук Ольгерда.

126. Смотри примечание 34.

127. Эти назначения и смерть Довгерда историки обычно относят к 1443 году. Длугош вообще ничего об этом не пишет. Смотри примечания 31 и 59 к книге шестнадцатой.

128. В 1515 году Василий III, перечисляя князей крымских татар (для вручения им подарков), называл роды *Ширинов, Барынов*, Аргынов и Кипчаков. Огромный Ширинский бейлик занимал весь Восточный Крым, значительно меньший его по размерам Барынский находился в центре полуострова.

129. Ак-Гиреем (Aczkierej) Стрыйковский называет Хаджи-Гирея. Попробуем предложить свое объяснение подобной трансформации. Тюркское слово *ак* означает «белый», слово же *хаджи* в исламе означает человека, совершившего *хадж* (паломничество) в Мекку и в результате этого получившего право носить *белую* чалму.

130. Хаджи-Гирей или Герай (1397-1466) — чингизид, потомок Тука-Тимура и внук Таш-Тимура, первый из официального списка независимых крымских ханов (1441-1466). Есть мнение, что он не только довольно долго жил, но и *родился* в городе Лиде, ныне находящемся на территории Белоруссии. Обстоятельства его возведения на престол Крымского ханства Стрыйковский описывает в целом верно, но произошло это ранее 1444 года. Уже в марте 1441 года генуэзские источники называют Хаджи-Гирея новым правителем Крыма, а первые монеты, отчеканенные им в Кырк-Оре (Чуфут-Кале), относятся к тому же 1441 году. См.: Гайворонский О. Повелители двух материков. Том I. Крымские ханы XV-XVI столетий и борьба за наследство великой орды. Киев, 2010.

131. Ульрих III, граф фон Цилли (1406-1456) — бан Словении, последний из графов Цилли или Цельских (венгерское Циллеи), феодального рода из Словении, известного еще с XII столетия и получившего название по замку Целе, перешедшего к ним в 1333 году. Внук Германа II Цилли (1365-1435), спасшего в битве под Никополем (1396) императора Сигизмунда, который позднее женился (1408) на его дочери Барбаре (1395-1451). От этого брака родилась венгерская королева Эльжбета (Елизавета) (1409-1442), двоюродная сестра Ульриха III. На Анне Цилли (1381-1416), племяннице Германа II, был женат (третьим браком) король Ягайло. 9 ноября 1456 года Ульрих Цилли был убит по приказу Ласло Хуньяди.

132. Ян Искра герба Огоньчик (1400-1468) — моравский военачальник, один из видных вождей чешских гуситов. Военному делу обучался в Италии. После битвы у Липан (1434) перешел на службу к Сигизмунду Люксембургскому. Воевал с турками под Белградом. В 1440 году был нанят на службу королевой Елизаветой, дочерью Сигизмунда, от которой получил поместья в Венгрии и должность гетмана Словакии (1440-1452). Предводитель дворян, поддерживавших Ладислава Постума. Упорно враждовал с Яношем Хуньяди, который в 1446 году был объявлен регентом при юном Ладиславе, причем в 1451 году нанес ощутимое поражение этому великому полководцу. В 1452 году венгерский сейм конфисковал поместья Искры и передал их Ульриху Цилли. Искра покинул Венгрию, однако в 1455 году Цилли сам пригласил его вернуться. В 1457 году Ян Искра арестовал Ласло Хуньяди, преследовал убийц Ульриха Цилли, подавлял разные мятежи. Через некоторое время после смерти Ладислава Постума (1457) поступил на службу к Матьяшу Хуньяди (1461), на которой и окончил свои дни. См.: История Словакии. М., 2003. Стр. 115-117, 119.

133. *Явриным* Длугош, а вслед за ним и Стрыйковский, называют город *Дьер*.

134. Смотри примечание 72.

135. У Стрыйковского *Bottos*, у Длугоша же *Batosz*. Вероятно, все-таки должно быть *Бартош.* Ни о каком *Эрике* Длугош не пишет, здесь наш автор опять что-то напутал. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XII. Krakow, 1868. Стр. 611.

136. Палаузов, ссылаясь на Бонфиния, пишет, что битва Хуньяди с Гарой произошла под замком *Сегсард*. Возможно, это и есть *Батта* Длугоша. См.: Палаузов С. Ян Гуниади. СПб, 1860. Стр. 23, 24.

137. Миклош Уйлаки (1410-1477) — хорват, бан Мачвы (1435), воевода Трансильвании (1440), ишпан Теочака (1464), титулярный король Боснии (1471), бан Хорватии, Славонии и Далмации (1472-1473). Сначала поддерживал Елизавету, потом был сподвижником Яноша Хуньяди, в 1457 году принял участие в убийстве Ласло Хуньяди, позже признал венгерским королем Матьяша Хуньяди и служил ему.

138. Верхней Венгрией называлась венгерская Словакия.

139. Названия этих трех венгерских замков могут быть переданы неточно, но все они находятся в северо-восточной Венгрии, между Эгером и Словакией.

140. Телеф (вероятно, прозвище, взятое из греческой мифологии, где Телеф — сын Геракла) — чешский военачальник, наемник королевы Елизаветы. В 1452 году выступил из Кошиц и напал на город Эгер, под которым разгромил польско-венгерское войско и захватил в плен львовского воеводу Петра Одроважа. Поляки и венгры бросились в погоню и нанесли поражение Телефу, который уже успел отослать своего пленника в замок Слома (Sloma). Петру, впрочем, вскоре удалось бежать. В бою были ранены Гиньча из Рогова и люблинский староста Ян Щекоцкий. Теперь Телеф сам попал в плен и был доставлен в Эгер, где передан епископу Шимону. Однако епископ вскоре сговорился с Яном Искрой, который женился на его внучке, и Телеф получил свободу. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XII. Krakow, 1868. Стр. 622, 623, 626.

141. Червоной немочью или червонкой в Польше называют дизентерию. Отметим, что муж Елизаветы Альбрехт умер от той же самой болезни. Впрочем, ходили слухи, что венгерскую королеву отравили. Ей было всего 33 года.

142. Вероятно, речь здесь идет о битве при Нише (3 ноября 1443 года).

143. Так как в своем списке «использованной литературы» Стрыйковский упоминает Бонфиния и не упоминает Януша Туроци, следует предположить, что «Венгерская хроника», о которой он пишет — это труд Бонфиния. Смотри примечание 162 к книге двенадцатой.

144. Филиппо Буонакорси, по прозвищу Каллимах (1437-1496) — итальянский публицист, ученик Помпония Лета, вместе с которым основал академию, где и получил свое прозвище Каллимах. В начале 1470-х годов перебрался в Польшу, где был секретарем королей Казимира IV и Яна II Ольбрахта. Был очень нелюбим польской шляхтой, которая обвиняла его во внушении королю абсолютистских идей. Умер и похоронен в Кракове. И хотя Каллимах написал (на латинском языке) историю Владислава Варненчика, сам он в походе 1443 года никак не мог участвовать, так как в то время ему было всего шесть лет.

См.: Philippus Callimachus Experiens. Historia de rege Vladislao, seu clade Varnensi. Augsburg, 1519.

145. Выше Стрыйковский сам называет эту битву второй, а не шестой. Разные авторы называют разное число побед Хуньяди во время так называемого «долгого похода», но историки из них выделяют три самых главных: битва при Нише (которая сама состояла из *пяти* более мелких сражений) 3 ноября 1443 года, битва при Златице 12 декабря 1443 года и решающая битва при Куновицах (или Рымовичах) 2 января 1444 года.

146. ***Там был захвачен один турецкий гетман, по имени Карамбег, и за него султан дал тысячу пятьсот золотых.*** Отметим, что в записках Константина из Островицы эта фраза есть только в *польских* списках, и то не во всех. См.: Записки янычара. М., 1978. Стр. 61.

147. Здесь слово *Slawacy* следует перевести именно как *славяне*, хотя у Стрыйковского оно встречается и в другом значении.

148. Слово *трабалиты* встречается в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха. См.: БВЛ, том 22. Средневековый роман и повесть. М., 1974. Стр. 437. Современные ему названия наш автор перемешал с античными, так что очень трудно (да, наверное, и не особенно нужно) разобраться, что тут чем от чего отделяется. Смотри примечание 84 к книге второй.

149. *Рашками* (Raczami) Стрыйковский в других местах совершенно явно называет сербов, но здесь сербов он упоминает отдельно. Историческая область *Рашка* находилась в юго-западной Сербии. Напомним, что город Дубровник в средние века назывался *Рагуза*.

150. Смотри примечание 76 к книге второй.

151. Георгий (Дюрад) Бранкович (1377-1457) — деспот Сербии (1427-1456), сын Вука Бранковича и внук Лазаря Хребляновича. Любопытно, что Стрыйковский не пишет Юрий и Ежи, а именно Иржи, то есть употребляет здесь *чешскую* форму имени Георгий.

152. По мирному договору, подписанному в Сегедине в августе 1444 года, Сербии возвращалось 24 города. Стрыйковский перечисляет 14.

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Ясновельможному пану
пану Миколаю
Радзивиллу [1]*,*
князю на Биржах и
Дубинке
воеводе Новогрудскому,
старосте Мозырскорму,
Мерецкому
и прочее.

Глава первая

О нарушении мира с турками по папскому наущению,

о честной битве с ними короля Владислава Ягелловича и о его гибели у Варны

в году 1444.

Неоплаканную гибель Владислава восславим,
Который гордое племя Ягеллово прославил,
С турками бился, из Греции их изгоняя,
Славу бессмертную предков своих воскрешая.
Владислав австрийцев в Венгрии разгромил,
А потом гордых чешских панов укротил,
Турок из Рашских и Сербских волостей изгнал,
Силу их сломил и замки у них отобрал.
Вместе с Хуньяди они турок частенько бивали,
Сами турки тогда польскую храбрость прославляли.
С венграми и поляками прошел всю Романию [2],
Через македонские поля вступил в Албанию [3],
С [а]натолийским пашой бой в горах учинил,
Где сто тысяч турок кровавый Марс истребил.
Сам Амурат император мира у них попросил,
Ибо в боях он племя Ягеллово не победил.
Рашские и Сербские земли он Деспоту возвратил,
И справедливый мир с ним король на десять лет заключил.
Владислав на причастии поклялся мир сохранять,
Турок же на Коране клялся его не нарушать.
Но когда этот выгодный с турками мир был уже заключен,
Итальянцам, венецианцам (Wenetom) и грекам сразу наскучил он,
Ибо поляки и венгры уже без опаски сидели,
А что они клятву держат, того те и знать не хотели.
Кардинал Юлиан, который при Владиславе был,
Сразу римскому папе об этих делах доложил,
И папским же именем он короля от клятвы разрешил [4],
А клятвопреступления Бог еще никому не простил.
Владислав по молодости дал себя уговорить
И немедленно начал на турок войну возводить.
Сразу войско собрал, перешел Дунай у Оршавы [5]
И оттуда пошел прямо в болгарские державы.
Следовать в Галиполи с гетманами уговорился,
Чтобы там с итальянскими (Wloskimi) войсками соединиться.
С немалым трудом горы в Албании [6] перешел,
Затем через Болгарию во Фракию пошел.
В двадцать шестой день [7] задержала короля
Остановка у города Никополя [8],
Где он лагерем для отдыха расположился,
Но клятвопреступлением сильно тревожился.

Правдивый совет и присловье мултянского воеводы Дракулы.

Пророчество Дракулы.

Там Дракула [9], господарь Мултянский, присоединился
К ним, и столь малому королевскому войску дивился,
Ибо конных едва пятнадцать тысяч насчитали,
Пеших еще меньше, и тех из крестьян набирали.
Сказал ему, что Турок, когда на охоту ходит,
И то больше конных и пеших с собою приводит.
Не советовал с турками воевать, но это бывало
Трудно, ибо в короле врожденное мужество пылало.
Дракула, хоть и отговаривал, сына оставил [10]
С четырьмя тысячами, чем нашим войска прибавил.
Подарил королю и двух коней, резвых и смелых,
Чтобы бежать, если плохо обернется все дело.
Дал и двух проводников, которые знали дорогу,
Чтобы те короля увели, как почуют тревогу.

20 000 конного войска у Владислава.

Сербский деспот Ежи (Jerzy) тоже своих людей прислал,
И вот так король двадцать тысяч конников собрал.
Построив их, во Фракийскую (Tracka) землю вступили,
Где турки, с греческим племенем смешавшись, жили.
Несколько сдавшихся городов и замков захватил,
Тем, кто сдался, пользоваться своим добром разрешил.

Ян Тарновский, хотя и получил две раны, прорубил ворота Шуменского замка.

Турки оборонялись в Шумене и в Петраше [11],
Которые за один день штурмом взяли наши.
Поляк Тарновский замковые ворота прорубил,
Чем своим для штурма готовую дыру учинил.
А когда ворота рубил, две раны там получил,
Но христианам успех всего дела обеспечил.
Ибо, вслед за Тарновским идя, Шуменский замок взяли,
Где отбивавшихся турок несколько сот порубали.
А Лешко Бобржицкий первым на стены в Петраше,
Где не было бреши, вскочил со знаменем нашим.
Два поляка так славно храбрость проявили,
Что венгры с королем два замка захватили.

Ваповский насчитывает сто, а Павел Иовий — восемьдесят тысяч турок.

А турецкий царь Амурат сто тысяч пехоты и конницы [12]
Переправил через Геллеспонт, а предатели итальянцы,
Генуэзцы, венецианцы, которым порт стеречь доверяли,
Подкупленные турками, в разные стороны сразу сбежали.
А другие предатели итальянцы в своих барках сами

Турок перевозили, соблазнившись богатыми дарами [13].
Верь после этого итальянцам, верь венецианцев слову,
Они свою душу продадут ради золотого улова.
Как только Владислав об этой тревоге узнал,
От итальянской измены горьких слез не сдержал.

9 ноября король Владислав взял Варну, а по старому Дионисиополис.

Однако, подкрепившись, войско построил для боя,
И до Варны шел боевым, а не походным строем.
Сдавшуюся Варну своими людьми поспешил занять,
И решил, что здесь и будет турецкую силу встречать.
А ночью наши турецкие костры увидали,
Которые небо, море и землю освещали.
Как только Титан [14] воз золотой из моря выкатил
И по верхушкам гор солнечную зарю засветил,
За час до наступления дня увидели наши дозорные,
Что идут турецкие войска, густейшему лесу подобные.

Построение нашего войска.

Король вскочил на ноги, венгров призывая
Турок бить, бить и бить, их число не считая.
Хуньяди свое войско под горами устроил,
Венгров с мултянами на правом фланге построил.
Сербский Деспот [15], а также кардинал Юлиан с крыжем
Встали с ними под белой хоругвью с золотым брыжем (bryzem) [16],
Рядом Варадинский и Эгерский епископы, и с ними
Франкобан [17] с болгарами, сербами (Racy), хорватами своими.
Для себя же Хуньяди левый фланг избрал,
Королю в строю особое место дал [18],
Две тысячи возов позади армии установил,
Ими лагерь с молодежью и отроками (chlopiat) укрепил.

Положение города.

Есть поле, где кончаются горы Македонские
С одной стороны, с юга — море Геллеспонтское
И большое озеро Варна, от которого назвали
Город, а ныне самому Владиславу прозвище дали [19].
А между озером, морем, горами и горками
На милю тянется ровное поле с пригорками,
Подходящее для боя и для военного дела,
Которое выбрал Марс, бог войны кровавый и смелый.
Туда две мили походным шли строем, а потом
Выстроились на этом поле в строю боевом.

Удивительное дело: ветер, налетевший в тихий и погожий день, разодрал наши знамена.

Распустили знамена, но тут налетел сильный шквал,
Сразу в клочья их разодрал и по ветру разметал.
На войне очень скверная примета, когда падает знамя,
И вихри с порывами ветра и с громом мечутся над нами.

Сам Амурат упрекал за нарушение мира. Его слова.

Амурат, которого Владислав очень поразил
Тем, что слову своему христианскому изменил,
Сказал: «Раз ты не верен Христу, придется его вам брать
В помощь себе, а я тебя научу, как клятву держать».

Наши три часа на том поле стояли,
Встречи с турками с нетерпением ждали.
Те потом с гор подошли и с криком:

Алла, алла! искривленным шиком [20]
По правому флангу удар нанесли мусульмане,
Где длинной шеренгой стояли венгры и мултяне.

Мултяне бежали с поля боя.

Мултяне позиции не удержали
И, кто как мог, сразу в горы побежали.

Сначала наши разгромили турецкие полки.

Но король с Хуньяди это быстро поправили
И турецкой кровью все поле окровавили.
Оттеснив турок на четыре итальянские мили [21],
С боем поле очистили и полностью захватили.
Срубленные татарские головы во рвах лежали,
А наши, гоня коней, вослед за врагами скакали,
Подобными сернам, которые от охотников в тревоге
И в страхе бегут на болота и в недоступные берлоги.
Потом на другое войско ударили смелее,
В котором наши убили сразу трех санджак[беев].
Крики *алла! алла!* мечи о сабли скрежетали,
Стрелы сверху чаще, чем капли дождя, слетали,
Лошади ржали, трубы ревели, бубны трещали,
Знамена, оружье, доспехи на солнце блистали.
Наши своим мужеством, а турки своим числом одолевали,
Пушки гремели, раненые стонали, доспехи грохотали,

Погнали турецкую силу, которая побежала,
Тогда вся Фракийская земля от ужаса задрожала.
Бежали туда и сюда, а наши их гнали,
Горы, поля, леса их трупами наполняли.
Все конные турки были разбиты в прах [22],
И победа была уже в наших руках.
Но Хуньяди со своими венграми то ли турок гнал,
То ли, как наши пишут, с частью войска в стороне стоял.
Не пришел на помощь, когда с валахами бежал,
Знать, плохие мысли победителям Бог внушал [23].

Владислав взывает к рыцарству.

А король, наступая, турок сзади бил и рубал
И, имея отвагой пылавшее сердце, кричал:
«Куда бежите, товарищи? Там только
За Варною соединяет протока
Озеро с морем, и там уже нет земли!

Счастье на стороне смельчаков.

Только лишь храбрецам счастье помощь сулит.
Исполнившись мужества, мы одолеем
Врагов нашей веры, победить сумеем».

Примеры смелости, подобной Владиславовой.

Король на быстром коне с раздувшимся храпом [24] носился
И, напрасно крича, запальчиво с турками рубился.
Как лев армянский, когда его рой охотников окружает,
На рогатины храбро идет, на силу свою уповает,
Либо как раздраженный медедь, когда он лес ломит,
Либо тигр, когда обидчика своих детей гонит,
Смело бежит на огонь, бежит и на меч, детишек спасая,
На раны, на текущую кровь внимания не обращая,
А гнев, отвага и жалость запрещают убегать.
Король наступал, мултяне предпочитали стоять.
Уже и Феб со своим возом собирался остывать,
Когда король в четвертый раз начал на турок наезжать.
Вознесенным мечом рубит всех, кто под руку подвернется,
Пот с него, а кровь с убитых язычников рекою льется.
Поляки вокруг действия короля повторяли,
Той же смелости венграм мы бы достичь пожелали.

Король сам убил верховного турецкого гетмана.

Король своей рукой Азиатского (Aziatickiego) пашу убил,
Наивысшего турецкого вождя храбро сразил.
Сам Амурат хотел бежать, когда его конники бежали,
Турки, собственный строй перемешав, как бешеные кричали.
Тут Владислав снова ударил — силу янычар проверить.
Снова крики, гам, грохот, лязг — кто бы мог все это измерить!

Ловушка для короля.

Хуньяди с венграми бежал, король с поляками остался
Турок бить, пока сам на их предательский трюк не попался.
Ибо дерном и хворостом накрыли траншею (przekop),
И янычары с султаном укрылись за нею.
А когда король-крестоносец с воздетым мечом на них наскочил [25],
Сразу же в яму упал, где его янычарский отряд придавил (potloczyl)
И раздавил [26]: сила силу об колено гнет.
С тех пор о потомке Ягеллы слава идет.

Я сам там был в 1575 году.

Побывал я в полях, где предков наших побили
Турки, а ныне песни о них сербы сложили.
Видел и Варну с полем, где пахарь, горбясь в тяжких трудах,
Удивляется при виде сгнивших доспехов в бороздах,
Выкапывая там тарчи, круглые щиты и шишаки,
Затупившиеся сабли, булавы, панцири, дротики.

Горы, называемые Гемы (Hemus) и Родопы, прославлены музыкой Орфея, но еще более — мужеством Владислава.

В горах Гема, среди Албанских, Македонских полей
И Фракийских, где так дивно играл на пашнях Орфей,
Видел я это собственными глазами, своим оком,
И в том самом рву, где король погиб, побывал глубоком.
Я ходил, а гречин мне места со скорбью показывал,
О короле и убитых христианах рассказывал.
Потомок Ягеллы своей рукою
Окропил турецкую землю кровью,
За что ему вечную память слава установила
И незабвенное имя в наших сердцах сохранила.

Кромер (кн. 21), Меховский (кн. 4, гл. 37), Ваповский (стр. 276), Герборт из Кромера (кн. 15, стр. 176), Йост Деций, Эней Сильвий, Бонфиний, венгерские хронисты и Деметрий Болгарский [27], а также греческие и турецкие историки, [труды] которых я добыл у одного потурчившегося венгра, ученого мужа, с которым водил дружбу в Константинополе, описывают эту битву так, как я правдиво изобразил (wyrazil) виршами.

Но итальянец Каллимах, который при этом присутствовал [28], а похоронен (lezy) в Кракове у святой Троицы в костеле доминиканцев, излагает ход этой истории несколько иначе, говоря, что семиградский воевода и венгерский гетман Ян из Хуньяда не принял должного участия в построении королевского войска, хотя [вместе] с мултянами либо с трансальпинскими (zagornimy) валахами [29] принял меры для спасения своих, если бы наши вдруг оплошали. И что венгры, которые встали на правом фланге, густыми и подобными проливному дождю [потоками] турецких стрел были отброшены и побежали на соседние горы, с которых потом многочисленным неприятелем были согнаны в ущелья и там, после того, как долгое время храбро оборонялись, разогнаны (rosploszeni) турками. **Убиты два епископа.** Во время бегства там убили Эгерского (Agiuerskogo) и Варадинского епископов, а папский легат кардинал Юлиан [Чезарини] с Деспотом [30] и с Франкобаном закрепились в лагере и долго оборонялись от турок с равным успехом для обеих сторон, пока не был убит поляк Лешко Бобржицкий, сдерживавший силы врага [своей] смелостью и распорядительностью. **Убит Лешко Бобржицкий.**

Когда венгры отступали, турки штурмовали лагерь. Увидев это, король с Хуньяди подскочили и оттеснили турок на две итальянские (wloskie) мили [31]. Потом, когда поганые отступили, наши несколько раз сшибались с ними в различных местах и разогнали все конные турецкие войска. **Отвлекаться** (sie ukwapiac) **на грабеж — дело дурное.** Но когда наши, как будто одержав победу, набросились на добычу, они наткнулись на караван верблюдов, нагруженных тюками. **Кони испугались верблюдов.** Испуганные [запахом] их вонючего пота, кони остановились, и потом всадники не могли совладать с препуганными лошадьми: ни притормозить, ни построиться.

Смелый и чрезвычайно упрямый поступок Владислава. И в это время король с немногими конными ударил на янычар, которые были последней защитой турецкого султана. И, как говорится, кровавая битва началась снова. Турки уже хотели бежать, когда заметили, что часть наших коней перепугана верблюдами, а часть людей встревожена неверным известием о гибели короля. Янычары сразу воодушевились и возобновили бой. Хуньяди, видя смятение среди своих и их бегство, сразу попытался увести короля, бившегося с турками в самой гуще врагов. **Ответ Владислава.** Но не смог, ибо, когда он уговаривал короля бежать и поискать более счастливого случая, тот отвечал, что бежать — это дело гадкое и мне и народу моему непристойное, да и не годится тому перед тем бежать, кто на кого войной пошел. Сказав это, он продолжал мужественно [сражаться] посреди скопившихся врагов и множество их перебил собственной рукой.

Там же потом, когда [день] клонился к вечеру, король, сбитый с израненого коня, был изрублен янычарскими саблями, а Хуньяди не смог добраться до его тела, так как все бежали в разные стороны, и сам он еле убежал с горсточкой валахов [32]. А турки, разбив и уничтожив конные войска, не преследовали разбегающихся венгров и валахов, бежавших в лагерь, [который турки] не решались штурмовать в течение трех дней, потому что даже ночью еще сомневались в своей победе и опасались засад с нашей стороны. Только на третий день [турки] захватили лагерь, в котором взяли две тысячи возов с большими ценностями (skarbami), а раненых и больных жестоко перебили.

Кардинал Юлиан, убегая из лагеря, из-за множества золота, которое тащил с собой, был ограблен, убит и утоплен одним мултянином [33], перевозившим его через Дунай во время бегства. **О том же читай Волатерана (кн. 8, География): что был убит венграми, когда поил коня.** С той несчастной битвы убежали лишь два поляка: Ян Ржессовский (Rzessowski), который потом был епископом Краковским, и Гжегош Санокский, который был архиепископом Львовским. **Ян Ржессовский и Гжегош Санокский**. Убиты два брата Тарновские и сыновья Завиши Черного. Из всего венгерского войска, которого было двадцать тысяч, в битве погибла почти пятая часть, а турок по свидетельству Длугоша и Меховского (стр. 307) наши побили восемьдесят тысяч, а по Бонфинию их полегло на плацу тридцать тысяч [34]. И если бы король не погиб, победа была бы нашей.

Двенадцать польских шляхтичей совершили самоубийство. Захваченных польских шляхтичей было двадцать четыре, из которых двенадцать красивых юношей сам Амурат отобрал себе в Адрианополе для утех (do loznice) из-за их примечательной внешности и красоты. А те сразу же поклялись убить тирана, и так бы и поступили с вышеупомянутым [султаном], но их выдал один болгарин, которого они неосторожно пустили на свой совет. И когда это обнаружилось, эти польские шляхтичи, боясь живыми попасть в руки тирана, как следует заперев двери и взяв в руки оружие, бились друг с другом, пока не попадали порубленные и не пали от своих ран, чем доказали поганым превосходство польской чести.

А случилось это несчастное поражение в году Господнем 1444, правления (krolestwa) Владислава в Польше на одиннадцатом году, а в Венгрии на пятом. Он погиб, едва достигнув двадцати лет, а Меховский пишет (кн. 4, стр. 307), что на двадцать первом году своей жизни [35].

Описание Владислава Ягелловича. Был очень красив, внешностью юный грек, мил, но и серьезен, русоволос, в трудах и в постах очень выдержан и трезв, ибо вина не пил. Чрезмерно щедр, добродетелен, обходителен и ласков, даже к врагу милосерден, великого ума и высокого сердца, так как никогда ни о чем низком не помышлял [36]. Никаким трудностям не давал себя отвлечь от того, что один раз твердо решил, [и шел] до конца. В нем воссияли все достоинства, которые свойственны величайшим князьям и монархам. Сей Ягеллович из рода Литовского своей смертью и доблестью вчетверо превзошел Ахиллеса.

Глава вторая

Междуцарствие после Владислава в течение двух с половиной лет и о смутах с Казимиром и с литовцами по поводу избрания короля.

Как только по Польше разнеслась весть об убиении Владислава, людские сердца смутила великая скорбь из-за смерти их природного господина, хотя некоторые, особенно венгры, все еще утверждали, что он уцелел и ушел то ли в Константинополь, то ли в Венецию, то ли в Валахию или в Мултянские земли. **Они думали, что он убегал так же, как Сигизмунд, император и король Венгерский, проигравший битву с турками и со страху бежавший сначала в Константинополь, потом на Родос и в конце концов в**

Венецию. Другие же рассказывали, что он в добром здравии и до сих пор с войском находится в Албании, либо в Сербии (Rasciej). Наши и рады были бы этому верить, но так как эта молва и вести ничем не подтверждались, польские паны отправили Яна Ресовского и Егидея (Egidziego) Суходольского во Фракию, Болгарию и Грецию разузнать о короле; но ничего определенного выяснить так и не смогли.

Казимир избран королем. А когда поляки узнали, что венгры выбрали себе другого короля Владислава, сына императора Альбрехта, которому было всего пять лет, в 1445 году в день святого Войцеха (23 апреля) тоже собрали вальный сейм в Серадзе для избрания другого короля. И там по слову (z sentenciej) кардинала Збигнева решили отдать королевство великому князю Литовскому Казимиру, брату убитого Владислава.

Польские послы к Казимиру. Отправили тогда в Литву послов, чтобы призвали Казимира на сейм, созванный в Петркуве, чтобы обе стороны вместе обсудили и решили относительно дел осиротешей без короля польской Речи Посполитой [37]. Но Казимир отослал коронных послов без определенного ответа, а своих, Радзивилла, Кезгайла и Паца [38], в сентябре месяце [39] послал в Петркув с наказом передать, что из-за случившегося с его братом он удручен жалостью и скорбью, из-за чего сам на сейм приехать не смог. А также сказал, что не положено и непорядочно брать другого короля, когда все дело еще не выяснено, и что ни королевства, ни какого-либо правления он принимать не желает. Но ему кажется, что пусть до поры речью посполитой управляют те наместники и губернаторы, которых Владислав назначил на свои должности, отъезжая в Венгрию.

Второе бесполезное посольство к Казимиру. Так как ответ [Казимира] не понравился съезду, рыцарству и коронному сенату, к нему повторно отправили восемь панов радных, чтобы его уже на самом деле призвать на королевство, а если не захочет и будет оттягивать, чтобы сказали ему, что им придется искать себе другого короля. Но Казимир упорно стоял на своем, ибо его удерживали литовские паны, которым он был люб во всем: и в военных и в гражданских делах. Поэтому польские послы вынуждены были вернуться ни с чем.

А старая королева, вдова Ягелло [40], как сына уговаривала Казимира, чтобы в этом деле послушал разумного совета, но никак не могла его убедить.

Сейм в Вильне. Но все же Казимир попросил коронных послов, чтобы подождали, пока он посоветуется с литовскими и русскими панами на сейме, который и созвал в Вильне в [году] 1446 после рождества Господня в январе месяце. Как только пришло это время, коронные паны со шляхтой второй раз собрались в Петркуве [41].

Грозное посольство Казимира и литовцев к полякам. Казимир отправил на этот съезд шесть послов, литовских панов [42]. Они просили, чтобы элекцию отложили еще [на некоторое время] и грозили полякам войной, если не захотят этого сделать. Казимир с литовцами хотел добиваться у них своего права мечом, если не захотят его ждать по доброй воле, однако при этом говорил, что желает оставаться великим князем Литовским, а [польского] королевства не жаждет.

Третье бесполезное посольство к Казимиру. Тогда поляки, будучи уязвлены (zajatrzeni) столь наглым (srogim) посольством, задумали избрать себе нового короля, но побаивались, что, если затеют ссору с Литвой, крестоносцы совершат набег на Польшу. Поэтому, не в силах раскусить умысел Казимира, к нему на сей раз отправили сандомирского каштеляна Пребора Конецпольского и иноврoцлавского (Inowladislawskiego) [каштеляна] Сцибора Сарлея. Но и они получили тот же ответ, что и прочие.

Выборы, начавшиеся из благочестия. Поэтому сенат и рыцарство короны на двадцать восьмой день марта [43] съехались в Петркув и все, приняв святое Господне причастие, тем набожнее посоветовались о деле народном (rzeczy pospolitej) и затеяли выборы нового короля, однако с условием, что в этом деле первенство остается за Казимиром. **Голоса за маркграфа.** А голоса всех епископов склонялись к бранденбургскому маркграфу Фридриху, который прежде был зятем Ягеллы и именовался его наследником. **Голоса за князя Мазовецкого.** Только плоцкий епископ Павел Козицкий голосовал за какого-нибудь из двух князей Мазовецких, братьев Владислава или Болеслава. К нему присоединились также каштелян Ян Чижовский, краковский воевода Ян Течинский, познанский воевода Лукаш из Горки и много рыцарей, согласных на Болеслава. Вот так, по воле всего сената, гнезненский архиепископ Винцентий назначил королем Болеслава, князя Мазовецкого — если Казимир не объявит об изменении своего решения до Святок.

А Казимир, узнав о том, что случилось на Петркувском сейме, тайно послал к королеве-матери, чтобы снова склонила к нему панов. И той легко удалось добиться, чтобы [шляхтичи] Малой Польши сразу на это согласились и послали в Великую Польшу, чтобы и те склонили свои голоса от Болеслава к избранию Казимира, и они охотно поступили так же. И снова отправили послов к великому князю Литовскому Казимиру, чтобы в последний день сентября он съехался с ними на сейме в Парчове.

Съезд Казимира с поляками в Бресте. Когда в назначенный день польские паны съехались в Парчов, то долгое время напрасно ждали Казимира, а когда ему напомнили, чтобы приехал, говорил, что по поводу принятия королевства мы еще никакого решения не приняли, и не можем объявить свою волю, но все же приехали в Брест. Так что если польские паны хотят что-то решить, то пусть приезжают к нам в Брест.

Упорство Казимира в отношении Литвы. Тогда польские паны послали из Парчова шесть сенаторов в Брест к Казимиру, который выставил легатам условие: пусть сначала поляки вернут литовцам [следующие] земли: Подолию, Луцк, Олеско, Лопачин, Ветле и Гродло (Hrodlo) с повятами и с замками. А иначе он не желает принимать королевство.

Этих условий поляки принять не хотели и разъехались, не выполнив ничего из задуманного. Но потом по их требованию Казимир согласился приехать в Краков на следующий год, в день святого Иоанна Крестителя (24 июня 1447 г.) для принятия королевства Польского. [Дело в том, что] некоторые из польских панов потихоньку шепнули ему, что, когда он уже станет королем, ему вольно будет вернуться воротиться в Литву и отобрать у Короны все, что пожелает. Об этом Кромер подробнее пишет в кн. 22, а Длугош свидетельствует, что [Казимир] присоединил к Литве Ломажи (Lomazy) и

Полубице, отобрав их у Парчовского староства и у Польши. **Ломажи и Полубице возвращены Литве.**

Глава третья

Казимир Третий Ягеллович, король польский и великий князь литовский

[с] 1447 года июня месяца 25 дня.

Въезд Казимира в Краков. Вот так Казимир, великий князь Литовский, в назначенное для коронации время приехал в Краков с большой и блестящей свитой литовских и русских панов, со своим дядей Свидригайло, а также с Олелько, князем слуцким и киевским и прочее. [Там] его с великим почтением и триумфом принимали его мать королева, коронные паны, мазовецкие князья братья Владислав и Болеслав с двумя тысячами конных, князья Рациборские, Чешиньские, Освенцимские, Брестские, много чешских, венгерских и силезских панов и послы от прусского магистра [Конрада фон] Эрлихсхаузена: комтуры Генрих из Эльбинга и Людвиг из Меве [44]. А на следующее утро, 26 июня, [Казимир] с обычными церемониями был коронован в краковском замке в костеле святого Станислава.

Тревога из-за женщин. Однако во время коронации произошла страшная тревога, когда костел наполнила огромная толпа женщин из деревни Тынецкого монастыря, плакавших, кричавших и жалобно причитавших из-за того, что [у них] отобрали скотину для [пира по случаю] поставления нового короля, которого немного смутили их жалобы. Потом месса и коронация, [проводимые] архиепископом Винцентием, пошли своим чередом.

Ссора епископов с князьями. А наутро, когда короля, согласно обычаю, провожали на место чествования (majestat), устроенное на Краковском рынке, мазовецкие князья Владислав и Болеслав повздорили с епископами за места: [право] сидеть по правую руку от короля — да так, что король вынужден был воротиться назад в замок, так и не приняв присяги от горожан. Однако потом князья уступили епископам. **Давно говорится: *Da locum mulieribus*** *(Уступи место даме)***, уступи дорогу.**

Учтивость по отношению к литовским панам. Потом, когда король Казимир настойчиво хотел сразу уехать в Литву, коронные паны задержали его, [утверждая], что он должен сначала наведаться в Познань по делам Великой Польши. Однако литовских панов сам король учтиво проводил за Краковские ворота, а потом уехал с матерью в Великую Польшу. А когда был в Калише, к нему пришел Михайло Сигизмундович, наследник княжества Литовского, и упал в ноги королю, покорно прося, чтобы вернул ему его вотчину. Но не смог бедолага, выпросить ничего определенного, а, напротив, не слишком достойно был выставлен прочь от короля Казимира. А ты, милый читатель, как следует узнаешь приключения (powodzenie) бедного князя Михайла, собранные мною не только по летописцам, но и по Кромеру, Длугошу, Меховскому и прочим.

Скитания Михайла Сигизмундовича, внука Кейстута. Так как этот князь Михайло не мог находиться в Литве и достичь отцовского престола и к тому же увидел, что Казимир

берет его за горло за его склоки, сначала бежал из Литвы в Мазовию к своему шурину князю Болеславу, как о том было выше [45], а потом в Пруссию. А когда и там не смог быть в безопасности, бежал в Силезию, а из Силезии и из Чехии совершал набеги на Польшу по обычаю грабителей и воров. А потом, как только узнал, что мазовецкий князь Болеслав, его шурин (szwagier) [46], назначен был на польский престол, пришел в Польшу, надеясь, как я думаю, с его королевской (Koronna) помощью получить великое княжение Литовское. Но когда поляки короновали Казимира, видя, что надежда рухнула (dziurawa), решил проявить смирение. **Смирение** (pokora) **князя Михайла.** И в Калише, как пишет Кромер, упав королю Казимиру в ноги, [Михайло] просил о возвращении вотчины и будто бы говорил, что раз тебя Господь Бог наделил отцовским королевством Польским, то и мне верни мою собственность, которой вместо меня завладел после смерти моего отца Сигизмунда. А потом, *cum nihil aequi impetrare posset* *(когда не смог получить того, на что не имел права)*, не преуспев в своем смирении и, наоборот, позорно изгнанный, бедняга бежал к валашскому воеводе Петру [47]. А когда король через русского воеводу Одроважа и через Конецпольского добивался, чтобы его выдали, валашский господарь Петр не хотел его отдавать, говоря: *neque ex fide sua, neque ex dignitate Regis Michaelem quasi clientem prodendum fore, sed iussurum se deinceps, ut is finibus suis excederet.* *(В качестве [моего] клиента Михаил [не оскорбил] ни своей веры, ни королевского достоинства [тем], что он вышел за пределы своих границ).* Так воевода валашский хотел отказаться от выдачи князя Михайла, но не от клятвы и от присяги, которую принес Казимиру [48]. **Михайло** [бежит] **к татарам.** Бедняга Михал, видя, что нет ему места и в Валахии, бежал к перекопским татарам, которые потом по его наущению жестоко разорили Подолию. Поляки обвиняли в этом литовцев и короля, якобы они подарками подбивали татар разорять Польшу, что не может быть правдой, ибо *omne regnum in se divisum desolaretur* *(погибнет всякое царство, внутри которого раздоры)*. Но все это устроил князь Михайло Сигизмундович с татарами, мстя Казимиру за свои кривды: отнятие отцовского Великого княжества Литовского. Как и потом, в 1449 году, собравшись с теми же татарами, он вторгся в Северскую землю, о чем свидетельствуют также Кромер и Длугош, и взял Стародуб, Новгород Северский, Путивль, Серпейск, Брянск (Bransko). И легко завладел другими русскими замками, прилегающими (przyleglych) [49] к Московскому государству и сдавшимися ему, как наследнику, *tumultuariis aliquot copiis Regis fusis,* поразив несколько королевских загонов, выступивших против него. **Об этом тоже читай у Кромера, кн. 22.** И далее Кромер пишет: *Majore mole Rex contra eum arma movit.* *(Король двинул против него большую армию).* То есть отправил король против него большую силу и, изгнав его и выставив из Северской земли (panstwa), отобрал и все замки и вернул их Великому княжеству Литовскому.

Князь Михайло отравлен в Москве. А потом Михайло, надеясь на более значительную помощь (posilku) от Московского [князя], особенно для захвата упомянутого отчего Северского панства, Стародуба [50], Брянска, Новогородка [51] и прочего, бежал в Москву и более уже не странствовал (pielgrzymowal). Ибо там игумен отравил его проскурой [52] в русском монастыре, и там он и умер. Если бы после столь удивительных странствий он завладел бы отцовским престолом, то отомстил бы и за смерть отца, и за свое изгнание. Но так могло повезти только его дяде Витольту.

Глава четвертая

О королевском отъезде в Литву, о съездах Парчовском и Новогрудском и о валашских раздорах.

Вельможному пану
Яну Глебовичу,
каштеляну Минскому,
подскарбию Великого
княжества Литовского
[53]

Бучацкий отобрал [для] **Литвы подольские и волынские замки.** Объехав Великую Польшу, король созвал в Петркуве съезд, желая утихомирить вновь возникшие смуты между литовцами и поляками, ибо подольский староста Федор Бучацкий захватил было для Литвы некоторые замки, относящиеся (siedzace) к Подолии и Волыни. **Казимир не позволил полякам** [принять решение] **против Литвы.** А когда польские паны просили и уговаривали короля, чтобы не допускал отнятия этих волостей литовцами и не возвращал [земель], которые уже были во владении Короны, король по наущению бывших при нем литовцев не дал им на это своего соизволения, а спешно уехал в Литву, взяв с собой нескольких коронных панов. **Разбои в Польше.** И там непрерывно забавлялся охотой у Вингров и в Княжинских пущах, отбросив и запустив дела Короны, из-за чего в Польше развелись великие разбои на дорогах, жестокое своевольство и насилия в деревнях и местечках, на которые шляхта устраивала разорительные набеги.

Сейм в Люблине и требования литовских панов. На следующий 1448 год, на исходе месяца мая, а Меховский пишет (стр. 311), что после праздника Тела Божьего [54], король Казимир собрал в Люблине сейм для поляков и литовцев. Там литовские князья, паны и шляхта просили, чтобы на равных и одинаковых правах иметь соглашение с поляками и чтобы существующие записи об объединении Литвы, Жмуди и Руси с Польшей были изменены. И чтобы им вернули Подолию и замки с повятами Олеско, Вихле (Wietchle), Лопатин и Городло (Hrodlo). **Ответ литовским панам со стороны поляков.** На что польские паны отвечали, что в том, что касается соглашения, все как следует установлено [еще] Витольтом и Ягеллой, поэтому литовским панам жаловаться не на что. И не годится им поступать [вопреки] тому, что нашими королями утверждено крепкими записями и клятвами, особенно Ягеллой, который, прежде чем взять королеву Ядвигу с королевством, крепкими записями и клятвами и себя и потомков своих обязал соблюдать следующие четыре артикула.

4 главных обязательства Ягелло. Первый артикул, что он должен святой Крест принять с братьями и с подданными, и так он и сделал. Второй, что все свое княжество и прочие державы, которые имеет и которые приобретет потом, обещает присоединить к королевству Польскому и передать под [его] власть, и это он тоже учинил. Третий, что все свои сокровища (skarby) обратит на нужды королевства Польского. Четвертый, что должен отпустить всех христианских пленников.

Поляки доказывают из хроник, что Подолия никогда не относилась к Литве. А что касается Подолии, то Подольская земля никогда не принадлежала Литве, а поляки взяли ее не у литовцев. В хрониках ясно описано, что король Казимир Второй часть ее получил в качестве выморочного лена (spadkiem przyrodzonym), а часть, когда захотел, отобрал у татар. Устроив (poczyniwszy) деревянные твердыни в Каменце, в Бакоте, в Браславе, в Меджибоже и во Владимире, Казимир сохранял в Подолии мир. После его смерти эти земли перешли к Людовику и были в его владении, а после Людовика перешли к королю Ягелле, как к польскому королю, который раздавал их во владение своим людям за их заслуги, в первую очередь Спытку из Мельштына. Братьям Витольту и Свидригайле из милости тоже давал во владение некоторые замки на Руси, но не навсегда, а только при их жизни. **Витольт владел Подолией.** Поэтому [эта собственность] не могла пропасть для нас навечно из-за его переходящей щедрости. **При передаче** [собственности] **из милости она не пропадает насовсем.** Ваш покойный князь Сигизмунд упомянутыми замками тоже владел в качестве дара, но не вечного, как об этом свидетельствует и его письмо. **Как владел Подолией великий князь литовский (W.X.L.) Сигизмунд Кейстутович.**

Поляки хотели титул В. К. Литовского и имя литовское изгладить, чтобы [литовцы] **именовались именем Короны.** Потом король Казимир просил коронных панов, чтобы дружбы литовских князей не отвергали, а дали бы им ласковый надлежащий ответ. Когда коронные сенаторы посоветовались об этом, они отвечали королю, что нет более простого способа обуздать литовские замыслы, кроме как чтобы все они и руссаки, отринув власть и удалив титул своего Великого княжества, потом пожелали бы зваться и именоваться именем и титулом королевства Польского. На что литовские паны не согласились, [как и на то, что] поляки издавна выводили принадлежность Подолии к короне.

Литовские летописцы не согласны с польскими по поводу Подолии. Но старые русские и литовские летописцы, которых я сопоставлял двенадцать [списков], единодушно свидетельствуют иначе. Как я описывал выше, при Гедимине, Ольгерде и Витольте литовские князья Кориатовичи сначала выгнали из Подолии татар, основали Каменец, Скалу, Бакоту и другие замки и своей доблестью присоединили их к Великому княжеству Литовскому [55]. Вот так в то время литовские паны, отправленные поляками прочь, отъехали в Литву, и сейм на этом закончился. А король Казимир поехал в Краков.

Казимир с войском [идет] **в Валахию.** В 1449 году, когда умерли воеводы валашские Стефан и Ильяш, польские вассалы (holdownicy), на их престолы вступили их сыновья: на один Петрило, а на другой Роман. Потом Петрило, получив помощь от венгерского воеводы Яна Хуньяди, выгнал двоюродного брата Романа, которого Казимир пытался посадить на престол. Но когда по дороге узнал, что Роман умер от данного ему яда, немедленно двинулся к Каменцу Подольскому, следуя через (ruszywszy) Перемышльское, Львовское, Холмское (Chelmenskie) и Подольское воеводства.

А потом из Каменца послал за воеводой Петрилой,чтобы приехал к нему и принес ему присягу, на что Петрило обещал приехать, как только получит от короля охранную грамоту. Король не стал дожидаться, оставил в Хотине [56] посла, который бы принял присягу от Петрилы, и спешно вернулся в Литву.

Татары разоряют Подолию. Но едва в Новогрудке он начал советоваться (sejmowac) с литовскими панами относительно возвращения вышеупомянутых повятов от Короны к Литве, как в Подолию вторглись татары, огнем и мечом жестоко разоряя все волости. Однако Федор Бучацкий несколько их полков и загонов поразил и освободил много пленников. **Юрга (Jurga).** Но другие татарские загоны у Брацлава щедро и ласково были приняты и чествованы литовским паном Юрием или Юргой. Отсюда у поляков возникло подозрение, что [земли] Подолии и Руси, отнятые поляками у литовцев, татары разоряли либо по королевской воле, либо по наущению литовских панов.

Глава пятая

Об отказе Казимира присягнуть полякам из-за литовцев и о поражении поляков в Валахии.

Потом в декабре месяце король поехал на Петркувский сейм, на котором решалось много нужных и полезных дел, и все это сразу же развалилось (rozerwalo). Ибо когда коронные паны привлекли короля к тому, чтобы присягнул им в отношении их прав и правил королевством, нерушимо храня деяния прошлых королей, а также пожалования и благодеяния, совершенные ими явно и в частном порядке (osobliwie), а Литве отнятые повяты [не] возвращал, король не хотел им этого позволить и [не пожелал] делать ничего, что могло бы хоть в чем-то ущемить Литву, которую любил и упрямо жаловал.

Шляхта разбойничает в Польше. На другой 1450 год король имел в Кракове сейм с жителями Малой Польши (Malymi Polaki) по поводу расследования и обуздания грабежей и разбоев, устраиваемых шляхтой, что сначала было по душе панам радным. Но краковский воевода Ян Тенчинский [57] рассудил это дело так, чтобы не только не препятствовать злодеям, но и откровенно не хотел ничего делать, настраивая всю Польскую речь посполитую против короля. А именно: когда паны съедутся на верховный сейм, чтобы не признавали Казимира за истинного короля до того, пока он не учинит им присяги, которой от него ждут. Так с того сейма и разъехались, ничего не решив; своеволие и грабежи приняли огромный размах, и уже пошла слава, что Петр Шафранец устраивал покушения на жизнь короля. **Шафранец задумал убить короля.** ***Cromerus secundae editionis fol. 334. Et iam regi quoque ipso Safraniccus insidias tendere dicebatur.*** *(Говорили, что Шафраник устроил королю ловушку. Кромер, издание второе, стр. 334).*

Валашские конфликты (rosterki). После смерти валашского воеводы Петрилы валашским государством завладел Богдан, который считался сыном валашского воеводы Александра, хотя и незаконным (nie wlasnego loza) [58]. Младший сын Ильяша Александр вместе с матерью бежал от него в Польшу и по королевскому приказу Сененский проводил его на господарство, а Богдана выгнал. Поэтому король отправил к Одроважу Конецпольского, который вместе с валахами, руссаками и подолянами проводил Александра на царство. Богдан, видя, что его силы неравны, чтобы завязать битву, укрылся со своими в лесу и попросил у наших мира на таких условиях: [он] будет править Валашским государством, пока наследник Александр достигнет пятнадцати лет, и будет по обычаю данника ежегодно давать польскому королю семьдесят тысяч золотых турецких червоных (как пишут Длугош и Меховский), 200 коней, 200 волов и 300 возов

визины (wyziny) [59]. **Валашскую дань полагалось давать королю Казимиру, а ныне турки берут ее себе.**

Битва наших с валахами. Заключив на этих условиях мир, наши уже возвращались в Польшу, а Богдан, отведя свое войско в лес, ударил на поляков у деревни Красны (Krasnego) [60]. Поляки, предпочитая умереть, чем позорно бежать и отдать победу вероломному врагу, храбро схватились с валахами и с равным успехом бились с ними спозаранку до самого вечера. ***Pugnatum a mane ad wesperam.*** *(Длилась с утра до вечера).* И хотя наши предки удержали за собой кровавое поле, однако там полегло множество русской шляхты и виднейшие вожди. **Польские гетаны побиты.** Убитые воевода Петр Одроваж, Михал Бучацкий и Миколай Парава похоронены во Львове под плач посполитого люда. **Кромер (стр. 335), Длугош, Ваповский (277), Герборт (187) и Меховский.**

Татары разоряют Городок (Grodek) в 4 милях от Львова. Вскоре после этого, по Кромеру, в 1451 году, а по Ваповскому ошибочно в 1452, татары, услышав о поражении русской шляхты в Валахии, большими силами вторглись в Подолию и на Русь, разоряя и паля за Львовом до самого Городка. И ушли в орду с большой добычей и с захваченными людьми и скотом.

Страдания Польши в отсутствие (w nieobecnosci) **короля**. И этими двумя злыми бедами (przygodami) от валахов и от татар были жестоко ущемлены не только подоляне и руссаки, но и все поляки. И не было никого, кто бы с ними повоевал (если бы вдруг приключилась какая беда), ибо король Казимир в то время жил в Литве, устраивая с литовскими панами сеймы (sejmuje) по поводу возвращения Луцка и Подолии. **Казимир в Литве устраивает с панами сеймы.**

Збигнев стыдит короля. Потом король приехал в Краков, где епископ Збигнев пристыдил (zfukal) его, заявляя, что это по его вине происходят все прошлые и будущие поражения его людей и погибель коронных земель. Однако все это нимало не расшевелило (nie ruszylo) короля, который сразу же повторно уехал в Литву на охоту. **Казимир снова** [уехал] **в Литву**.

Глава шестая

О подозрительном для литовских панов сейме с поляками в Парчове

Литовцы не хотели ехать на Парчовский сейм. Король созвал в Парчове сейм, на который, о чем пишут также Длугош и Кромер, литовские паны не хотели приезжать, прежде чем коронные паны не дадут им грамоты, гарантирующие свободный, спокойный и безопасный приезд и отъезд. Поляки же запретили выдавать им такие охранные грамоты, дабы не способствовать примирению обоих народов. ***Crom[er]: Ad quae comita Litvani non veniebant nisi fides publica illis a Polonis daretur, verum ea negata est.*** *(Кромер: Литовцы хотели, чтобы польское государство выдало им сопроводительные грамоты, но им было отказано).* **Король Казимир выехал к литовским панам.** Потом сам король выехал к литовским панам до самой Ломжи (Lomazow) и проводил их до Парчова, однако

Гаштольт [61] ехать не захотел. **Литовцы напомнили о Подолии и Волыни.** И на этом сейме у литовских панов были те же требования, что и раньше, относительно возвращения Подолии, Луцка и других этих владений, замков и волостей, а также по поводу изменения соглашения, о котором заявили, что польские паны написали его без их ведома и с великой неправдой (zelzywoscia) для литовцев, которые невольно оказались в подчинении или же были обязаны подчиняться [полякам]. ***Obnoxiae servitutis.*** *(Неприятная служба).*

Ответ на литовские требования. На их речи от имени всей Польши тогда отвечал краковский епископ Збигнев, убедительно вбивая им [в головы], что они [не могли] иметь соглашение, составленное без их ведома, потому что виленский епископ Мацей и другие литовские паны радные не препятствовали этому, а потом они одобрили это соглашение и подтвердили его присягой, при этом зная о принадлежности Подолии и других замков к польскому праву. Поляки позволили им, чтобы в этих делах выбирали себе комиссаров либо судей и посредников для взаимного согласия — если хотят, то и самого короля, их общего пана. А когда литовские паны на это не согласились, то, чтобы они не уезжали с затаенными умыслами, поляки решили отложить это дело еще на целый год — до следующего сейма на том же месте.

Свидетельство летописцев об итогах Парчовского сейма. Все летописцы русские и литовские, которых я для этого сопоставлял двенадцать, результаты этого сейма описывают иначе и такими словами. Казимир, будучи королем польским и великим князем Литовским, через год после коронации учинил вальный сейм в Петркуве, и на этом сейме коронные паны просили короля, чтобы он созвал им другой сейм в Парчове, и меж собой тайно задумали без ведома короля захватить бывших на сейме литовских панов и посадить их [в тюрьму], а [Литовское] княжество присоединить к короне — так же, как до этого поступили с панами русскими и перемышльскими, и заняли Перемышль [62].
Литовцы встали у Парчова в окопах. А когда польские и литовские паны съехались на этот сейм в Парчов, там все литовские паны встали лагерем и окопались, а через два дня поехали на совет к польским панам. **Анджей Рогатинский предупредил литовцев.** А на третий день некий поляк Анджей Рогатинский доподлинно узнал от своих, что литовских панов решено схватить, вызвав их на совет. И предупредил об этом виленского воеводу Яна Гаштольта и жмудского старосту Кезгайло, которые, сговорившись с другими панами и ничего не говоря своим слугам, выехали из лагеря и бежали в Брест. **Об этом говорит и Кромер: *Gastoldus tamen venire renuit*** *(Тем не менее Гаштольт отказался приехать)***, как будто бы его предостерегли**. И, желая убедиться в сообщении Рогатинского, оставили на месте в Парчове обоз и несколько слуг. А польские паны послали туда немалое количество людей, которые наскочили на лагерь литовских панов, но никого в лагере не застали, только немногих слуг и возниц, которых оставили в покое. И подумав, что чуть было не поступили дурно, тогда же отпустили за ними в Литву и возы, и слуг. И с тех пор повелась великая нелюбовь между литовскими и польскими панами.

Литовцы отослали полякам гербы. И поэтому виленский воевода Гаштольт, трокский воевода Ивашко Монивид герба Лелива, жмудский староста Кезгайло (Kiejzgal), земский маршалок и наместник новогрудский Петраш Монгирдович и Радзивилл, которые при Ягайле для побратимства взяли у поляков гербы, сразу же отослали их им назад, и стали пользоваться своими старыми печатями. И много злого на поляков за это задумали.

Однако король Казимир приложил все усилия, чтобы привести поляков и литовцев к согласию, ибо и Кромер пишет, что король, распустив сейм, сразу уехал в Литву на охоту, но вероятнее, что он быстро поехал, чтобы поскорее примирить оба распалившихся народа.

Глава седьмая

О Луцке, захваченном литовцами, и о смерти Свидригелло.

Литовцы взяли Луцк после Свидригайло. В году Господнем 1452, в феврале месяце, князь Болеслав Свидригайло Ольгердович, брат Ягелло, измученный тяжелой болезнью, умер в Луцке, а Луцкий замок велел передать литовцам, которые сразу же бросились (wielkim pedem) и приехали.

Свидригел и Михайло Сигизмундович сразу оба похоронены в Вильно. В то же время князь Михайло Сигизмундович, который сбежал было в Москву, как я уже два раза описывал выше, отравленный, умер в монастыре. Оба тела привезли в Вильно и похоронили в замковой церкви С[вятого] Станислава.

Поляки хотели отнять у литовцев Луцк. Литовцы же заняли Луцк с прилегающими волостями и пригородками, а замок Владимир спалили вместе с городом. Из-за этого встали великие смуты, ибо поляки огрызались (zgrzytali) на короля, что это по его воле литовцы взяли Луцк, как уже говорилось. И решили, что шляхта Малой Польши заново отстроит сожженный литовцами Владимирский замок и всеми способами будет добывать у них Луцк. Но с этой своей рады поляки так ничего и не сделали из страха оскорбить короля. **Поляки запретили предоставлять литовцам средства для обороны.** Однако коронному подскарбию, соляному жупнику [63], наказали, чтобы не пропускал в Луцк никакого оружия, хотя бы и сам король приказал. Когда король узнал об этом, он страшно разгневался на кардинала Збигнева и на воевод: краковского и сандомирского. **Казимир жалуется на своих советников.** И отправил на них жалобу на съезд [шляхтичей] Великой Польши, которые упорно добивались его коронации.

Сейм в Сандомире. А потом, чтобы воздать за свои кривды, на Святки у короля был сейм в Сандомире, на котором он изложил (expostulowal) панам свои обиды. Но кардинал Збигнев [Олесницкий] пространной речью дал ему отповедь, стыдя за то, что литовцев жалует более, чем поляков. **Король Казимир более жаловал литовцев.** [Дескать, он] постоянно с ними общается и советуется, и из-за этого допустил, что те отобрали у Польши Луцк с Подолией.

Вскоре после этого татары вторглись в Подолию и, захватив крепостенку (zameczku) Ров (которую королева Бона потом заново отстроила и назвала Баром), ушли со множеством трофеев. **Бар прежде звался Рвом** (Rowem).

Глава восьмая

Сейм с литовцами в Серадзе.

На серадзском сейме литовские паны через своих послов высказали полякам те же требования, что и прежде — грубо, нагло и с угрозами военного разрыва. ***Cromerus: Eademquae pridem cantilena, a Litvanorum legatis superbe non sine minis repetita.*** *(Кромер: Гордые литовские послы не без угроз повторили ту же самую песню).* Коронные паны дали им мягкий и учтивый ответ, а короля упорно подталкивали к присяге и подтверждению прав и коронных вольностей. **Тайная рада о Литве.** Прижатый ими со всех сторон, [король] имел тайный совет с восемью виднейшими коронными панами. **Кромер (стр. 338) и Длугош. Герб[орт], 180.** И когда объяснил им, что в настоящее время не может добиться от литовских панов того, чего хочет, то из-за опасности для своей жизни и [угрозы] отпадения Литвы попросил у них на размышление один год, чтобы за это время взять под свою власть Луцк и главнейшие литовские замки, а все сокровища Великого княжества Литовского перевезти в Польшу. ***Cromer. Tesaurumque Litvanicum in Poloniam transferet.*** *(Кромер. Сокровища Литвы, которые будут переданы в Польшу).* И польские паны вынудили короля, чтобы эти обещания он им собственноручно записал и подтвердил своей печатью и подписью, к чему они тоже приложили свои печати и доверили архиепископу на хранение. И на этом разъехались с сейма.

Татары в четвертый раз вернулись в Подолию. В то же самое время татары снова вторглись в Подолию и разорили все волости до самого Львова. А когда уже решили двинуться с полоном в орду, вернулись в четвертый раз и забрали в горькую неволю людей, которые вышли было из укрытий на жатву. Чтобы прекратить татарские жестокости, король послал русскую шляхту с Яном Чижевским, с краковским воеводой Тенчинским и с валахами. **Моровое поветрие в Литве.** А сам поехал на охоту в Литву, хотя в то время там господствовало жестокое моровое поветрие. **Поляки замешкались на татар.** Но пока наши собирались на татар, те ушли в орду с большим полоном. **Радзивилл** [поехал] **к татарам с подарками.** Подозревали, что этих татар привели литовские паны, ибо Гаштольт с Монивидом сразу же отправили маршалка Радзивилла с великими подарками к заволжскому царю Сахмату (do Sachmata) [64], благодаря его за эту услугу. **Перекопский царь разгромил заволжского.** Но когда Радзивилл к ним ехал, то в Диких полях наскочил на войско перекопского царя Ечигирея (Ecigereja) [65], который поразил было Садахмата (Sadachmata), с добычей выходившего из Подолии. **Радзивилл ограблен.** И Радзивилл был там ограблен дочиста (zlupion ze wszystkiego) и едва ноги унес. **Кромер, *второе издание*, стр. 339.**

Садахмат бежал к литовцам и ими пойман. А заволжский царь Садахмат, с девятью сыновьями, мурзами, уланами и виднейшими своими панами убегая в Литву, ехал как к друзьям, но ошибся в своих надеждах, ибо был схвачен литовскими панами (литовцы сами подозревались в том, что навели его для разорения Подолии) [66]. А потом, когда хотел бежать, его догнали за Киевом. И содержался литовцами в Ковно под стражей до самой смерти [67], чтобы этим уберечь его от его врага Ечигирея Перекопского.

Константинополь взят. Тогда же, 29 мая 1453 года, турецкий император Мехмет (Machomet), поразив воинственных караманских князей [68], в союзе [с ними] захватил Константинополь, город славный, большой, окруженный с трех сторон морем, столицу и главу Греческой империи. **Предатель Гертука или Герлука.** При этом туркам помог некий предатель Гертука (Gertuka), греческий пан [69], который, сбежав к туркам, указал им

способ штурма и где были самые подходящие места для взятия города. Потом император Мехмет, презирая его измену, вместо подарков велел его четвертовать.

Киевский митрополит Исидор [прибыл] **в Константинополь**. Киевский митрополит Исидор или Сидор, которого папа Евгений на синоде (sinodzie) во Флоренции сделал кардиналом, собрав немало шляхты и русского рыцарства, пробился сквозь огромные турецкие войска, пришел на помощь императору Палеологу в Константинополь, и там с руссаками проявил [немалое] мужество [70]. **Об этом также читай Куреуса в *Historia Silesiae in gestis Wladislai Postumi*** [71]. Сам император Палеолог при штурме, когда хотел [вместе] с другими бежать из города, был затоптан в воротах. Потом умершему отрубили голову, которую один янычар поднес императору Мехмеду за большой подарок. Вот так этим славным и после Рима первейшим на свете городом, омываемым морями Геллеспонтом и Пропонтидой, таким большим, что [его стены] из камня в окружности [достигали] шести или более миль [72], вплоть до нынешних времен владеют язычники — к великому упадку всего христианства.

О взятии этого города, его положении и величии, я более пространно и основательно описал в другом своем Комментарии, который выпущу в свет потом, если Бог продлит мою бренную жизнь [73], ибо в 1574 году я недель 20 сам жил в этом городе и за это время объездил много других турецких городов и [побывал во многих] местах. Сейчас же это опустим, ибо я не ставил задачу писать греческую или турецкую историю. Поэтому собираюсь приступить к литовским делам.

По Меховскому, тогда же Иван, князь Острожский [74], и Ян Лащ в пасхальный день у Теребовля наголову поразили и побили татар, да так сильно, что ни один поганин не ушел, о чем и Кромер (кн. 22) свидетельствует в таких словах: ***Ita ut ne unus quidem evasisse existimetur*** *(Так что не думаю, что хоть один из них проскочил)***.** Наши отбили 9 000 пленников и другую добычу.

Глава девятая

О третьем сейме поляков с литовцами в Парчове и в Петркуве.

Литовские послы [не прибыли] **на сейм.** В году Господнем 1453, в месяце июне, когда умер виленский епископ Матиас, созвал король Казимир полякам и литовцам в Парчове сейм, на который литовцы, опасаясь, не приехали, объясняя польским панам причину неявки какими-то предательскими засадами вроде тех, о которых выше свидетельствует их Летописец. Кромер тоже говорит (стр. 340 *второго издания*): ***Insidias nescio quas causificantes*** *(В данном случае я не знаю, в чем причина их утверждений)*. Но послов все-таки прислали: тогдашнего витебского наместника Яна Ходкевича, Радзивилла, лидского старосту Миколая Паца и трех маршалков из повятов, а также послов от воеводств.

Эти послы хотели от польских панов того же, чего и на прежних и прошлых сеймах: чтобы исправили соглашение, а Подолию и Волынь вернули Великому княжеству Литовскому как его собственность.

Ответ коронных панов литовцам. На это коронные паны показали им привилеи Ягеллы, Витольта и Свидригеллы, а самих литовцев [убедительными] доводами сбивали [с позиций] относительно их собственности. Ведь они сами говорили, что Подолия и Волынь польским королем Ягеллой были заложены Витольту за сорок тысяч червоных злотых, из чего очевидно следует, что эти земли были польского права. А после смерти Витольта ситуация (wespolek) с деньгами в державе Ягелло воистину пришла в упадок.

Предложение третейских судей [в споре] **с Литвой.** Поляки, как и прежде, предлагали для этого третейских судей (compromissarzow): хотели либо короля, либо папу, либо какого-нибудь другого христианского владыку; литовцы же предлагали либо татарского царя, либо христианского императора. Полякам это предложение показалось непристойным, и литовских послов отправили ни с чем. Сам король, который вместе с некоторыми коронными панами в этом деле придерживался середины, попытался, чтобы все это было отложено до другого сейма, но поляки этого не допустили.

Король за Литву. Потом слушали послов мазовецких князей, Владислава и Болеслава, которые требовали от литовцев захваченных [ими] Тыкоцина и Гонёндза. Король без совета коронных панов сурово и с угрозой отвечал им, что литовцы поступили правильно. За это его упрекнул кардинал Збигнев, что, мол, не годится королю никого оскорблять ни досадными словами, ни поступками. **У пчелиного короля или матки нет жала.** И присовокупил поговорку: ***inter apes quoque Regem aculeo career***, мол, *среди пчел и у короля нет жала, которым он мог бы укусить своих*, особенно мазовецких князей, друзей и прятелей короны, одной крови с польскими королями.

Из Парчова король сразу же поехал на другой сейм в Петркув, назначенный на день святого Иоанна Крестителя (24 июня). Там архиепископ Гнезненский показал королю эти обещания и ту запись, которую королю пришлось написать, обязуясь отдать полякам некоторые литовские замки — клятву, которую давал ранее, оказавшись взаперти на Серадзском сейме, согласно Длугошу и Кромеру. **Длугош, Кромер (стр. 34), Герборт, 291.** Коронные паны хотели от короля, чтобы он, наконец, выполнил все свои прежние обещания. **Король за литовцев.** Король, взяв себе день на размышление, потом ответил панам, что не пристало мне поступать вопреки присяге, той первой присяге, которую я дал литовцам, когда они меня выбрали и поставили на великое княжение Литовское. Однако я могу дать вам присягу, но только как король польский, а не как великий князь литовский. ***Cromerus: Captiosum id ius iurandum re uera*** *(Кромер: Это в самом деле настоящая присяга).*

Польским панам такая присяга показалась неподходящей, подозрительной и самовольной, поэтому начали нажимать на него вместе с королевой Софией, матерью короля, чтобы король выпутывался из этой ловушки и, поручив кому-нибудь княжество Литовское, сам, таким образом, в полном [объеме] управлял Польской речью посполитой, а литовцев чтобы удалил из своего общества и от совместных действий. ***Lituanos a suo contubernio amoveret*** *(Отстранить литовцев от общения).*

Условия, выставленные королю поляками. Четырех виднейших панов из коронного сената, открыто назначенных и названных, чтобы допустил в свой совет и всем управлял в

соответствии с их суждением и мнением. А если что-то будет сделано и одобрено помимо их мнения, то чтобы все эти дела [считать] как никчемные и неважные. [Польские паны] сказали, что, если король этого не сделает, то более ждать не хотят, раз не могут другим способом послужить себе и речи посполитой. И сразу же подтвердили эти свои слова делом и поступком, когда взаимно связали себя друг с другом союзом верности, [обязавшись] никоим образом не отступать от своей отчизны. Сломленный подобным упорством, а также и угрозами, Казимир потом дал такую присягу, которую у него просили.

Сейм, длившийся 9 дней. Этот сейм продолжался до девяти дней, и было это дело новое и необычное, что так долго длился. Длугош замечает: кто бы ныне этому удивлялся, когда он видывал, что наши сеймы тянутся по нескольку месяцев без какого-либо результата.

Казимир [едет] **в Литву.** Потом король Казимир, с того Петркувского сейма приехав в Краков и задержавшись там на несколько дней, уехал в Литву.

Покупка Освенцимского княжества. В том же году под власть польской короны перешло Освенцимское княжество, вся шляхта этого края присягнула королю, а Ян, князь Освенцимский, взяв определенную сумму денег, вынужден был уступить все свои владения.

Глава десятая

О восстании пруссаков против крестоносцев, о женитьбе короля и о принятии пруссов в подданство.

В то время в 1454 году в Пруссии началось великое восстание (rozruchy) шляхты и горожан против крестоносцев, притеснявших их великими кривдами. И, сговорившись между собой, [они] подчинили себе много замков и городов, выгнав из них крестоносцев.

Отправив знатных послов, самым знатным среди которых был Ян Бассен (Bassenus) [75], к [польскому] королю Казимиру, они передали под его власть все замки с городами и всю Прусскую, Поморскую, Кульмскую и Михаловскую земли.

Соперничество по поводу бракосочетания. Тогда же, 9 февраля, в Краков была привезена первая жена Казимира Елизавета, дочь римского императора Альбрехта и сестра Ладислава [Постума], молодого венгерского и чешского короля. При этом кардинал Збигнев [Олесницкий] и архиепископ [гнезненский] поссорились: кто из них более достоин заключить этот брак, и потом этой чести удостоили итальянца Яна Капистрана [76], ученого проповедника и воистину святого мужа ордена бернардинцев [77], который приехал в Краков из Австрии (Rakus) по приглашению кардинала Збигнева [78], но не знал ни немецкого, ни польского языка. Кардинал Збигнев провел (odprawil) [свадебную церемонию], а архиепископ новую королеву помазал и короновал.

Жалоба на крестоносцев. Потом в кругу сенаторов слушали прусских послов, которые долгими речами жаловались на крестоносцев за их жестокое и воистину зверское

угнетение, отбирание добра и лишение всего имущества, позорное посрамление женщин и девушек, перечисляли и прочие несносные притеснения [79] от магистров, комтуров и их старост, а также урядников. И просили, чтобы король и коронный сенат защитили их и приняли в подданство. Побуждаемые этими их просьбами король и польские паны, чтобы не упустить столь прекрасной и неожиданной оказии (которая потом вряд ли бы еще раз подвернулась) и легко заполучить и вернуть короне [те земли], которые их предки ранее потеряли из-за крестоносцев, приняли пруссаков в подданство и [взяли их под свою] защиту. Король тогда сразу послал в Пруссию познанского епископа Анджея и польского канцлера Яна Конецпольского, перед которыми прусская, кульмская и михаловская [80] шляхта и мещане подтвердили свою верность, подчинение и подданство королю Казимиру и польской короне. И передали все замки тем, кому указал король.

Сейм в Бресте Литовском. Потом король поехал в литовский Брест, где в течение короткого времени беседовал (sejmowal) с литовскими панами, ласково уговаривая их препятствовать лифляндским крестоносцам пройти через Жмудь на помощь прусскому магистру. **Сейм в Лещице.** Договорившись об этом, [король] сразу поехал в Лещицу на другой сейм, созванный в мае месяце. Там мазовецкие князья убеждали короля и литовских панов, чтобы им вернули Гонёндз и Тыкоцин, а также Венгрув (Wegrow), обещая послать все свои войска на помощь королю против прусского магистра. **Гонёндз, Тыкоцин и Венгрув присуждены Литве.** Однако уговаривали напрасно, ибо король, хотя и боялся их разгневать, чтобы не заключили какого-нибудь соглашения с прусскими и лифляндскими крестоносцами, оставил эти города литовцам, ибо они издавна относились (sluzyly) к Литве.

Успешное подчинение пруссов. Из Лещицы король сразу же поехал в Пруссию с большой и пышной свитой коронных панов. И там в Торуни, в Эльбинге и в Гданьске была возобновлена присяга по священному обряду на верность (w slowa) королю Казимиру и его потомкам, королям Польским, от сенаторов, шляхты и [прусских] городов. Присягнули также и три епископа: Кульмский, Помезанский и Самбийский, а четвертый епископ, Вармийский, был с крестоносцами в Мариенбурге, однако [члены] его капитула или коллегии присягу [все-таки] дали.

Безуспешная осада Мальборка. Потом король имел сейм с пруссаками в Грудзияже, и там одобрили подушные (z poglowia) подати или поборы для выплаты [жалованья] чешским солдатам, которые [по инициативе] прусской шляхты осадили было Мальборк, [обороняемый] крестоносцами. За три месяца им было уплачено по 26 золотых на кон, и тогда их распустили — либо потому, что задорого были наняты, либо из-за их сомнительной веры. А на их место король отправил под Мальборк своих дворян (swoj dwor).

Пожалование пруссам вольностей и облегчение выплат (platow). Там же прусские земли заключили унию, как бы спаявшую их с Короной в единое целое, а из шляхты и от городов выбрали шестнадцать панов радных, которые бы всегда рядили с королем о речи посполитой [81] Прусской. Там же король освободил их от пошлин и мыта на землю и на воду; податей от веса или от фунта, которые по-немецки назваются *funtzol* или *frinczol*, и от дани, которую в народе называют *вепрем (wieprzem)* — по две деньги с каждой гривны.

Гданьчанам же, которые с большими расходами учтиво приняли короля со всем двором, король отдельно снял (odpuscil) семьсот гривен с [налога на] городские доходы, который они ежегодно платили крестоносцам. К тому же [король] даровал им все городские мельницы и Жулавскую низину (mniejsza), которую окружают Висла, море и горы, оставив себе только тринадцать деревень и два фольварка. **60 000 дани крестоносцам с Гданьска.** А городскую подать со всего этого, приход (przychodzilo) с чего прежде составлял 60 000 червоных злотых, как пишет Ваповский и с его свидетельства Кромер, установил им только в две тысячи червоных злотых [82]. А также чтобы каждый год горожане на свои средства содержали короля со всем его двором в течение четырех дней, а также чтобы в городе вместо разрушенного замка [83] построили королю дорогой (kosztowny) дворец, амбар (spichlerz) для ссыпания хлеба и конюшню.

Потом приехали послы от папы, от императора, от курфюрстов, от Филиппа Бургундского, от Людовика Баварского, и от всех князей Германской империи, прося короля, чтобы простил крестоносцам, если что преступили, всю Пруссию им вернул, а сам чтобы объединил с ними свои войска на войну с турками для отнятия Константинополя. А король Казимир (чтобы словами [оттянуть время и] подольше задержать немецких князей, которые за крестоносцев собирались идти на него войной) не ответил им ничего иного, кроме того, что по этому делу он пошлет своих послов на сейм во Франкфурт — город над рекой Майном. **Frankford nad Menem.**

Комментарии

1. Смотри примечание 118 к книге пятой. Подчеркнем, что Миколаю Миколаевичу Радзивиллу в книге Стрыйковского сделано целых *три* посвящения; все остальные вельможи удостоились не более двух.

2. Название *Румыния* (Romania) государство, возникшее в результате объединения Молдавии и Валахии, впервые приобрело только в 1877 году. Поэтому в книге Стрыйковского употребление слова *Романия* представляет немалый интерес — тем более, что почти наверняка имеется в виду территория современной Румынии. Впрочем, еще в 1532 году во время своего путешествия по Валахии, Молдавии и Трансильвании Франческо делла Валле писал, что румыны сохранили самоназвание римлян (*romani*) и «называют себя на своем языке ромеями» (*Romei*). См.: Magyar to?rte?nelmi ta?r. Pesta, 1857. Стр. 23.

3. В 1443 году Скандербег, направленый турками против Яноша Хуньяди, бежал в Албанию, где и поднял антитурецкое восстание. О походах в Албанию самого Хуньяди у нас нет известий, а уж король Владислав туда точно не добирался. Похоже, что Албанскими горами Стрыйковский называет вовсе не те горы, которые находятся в самой Албании.

4. Польское слово *rozgrzeszyl* точнее передает суть дела: *отпустил грех* клятвопреступления.

5. Примечание на полях: ***переправа у Оршавы 3 ноября.*** Оршова (Orszawa) — город в Румынии на левом берегу Дуная выше Железных Ворот.

6. Смотри примечание 3.

7. Вероятно, имеется в виду двадцать шестой день похода.

8. Примечание Стрыйковского на полях: **Этот город Никополь в то время был главным в Болгарии, ныне же, как я сам видел,** [он] **намного меньше, чем его слава.**

9. Известный нам как *Дракула* валашский господарь Влад III Цепеш (1431-1476) унаследовал прозвище от отца Влада II (1400-1447), прозваного Дракул (Дракон) в связи с принадлежностью к рыцарскому ордену Дракона. Военную помощь, о которой пишут Длугош и Стрыйковский, Владиславу Варненчику в 1444 году предоставил именно Влад II Дракул, а не его сын Влад III. Смотри примечание 281 к книге пятнадцатой.

10. Некоторые авторы считают, что этим сыном и был Влад Цепеш, но, скорее всего, это был его старший брат.

11. Шумен (Sumen) и Петраш (Petras) или Провадия (Проват) — болгарские города к западу от Варны.

12. Примечание автора на полях: **Ваповский насчитывает сто, а Павел Иовий — восемьдесят тысяч турок.**

13. Примечание автора на полях: **Францисканский кардинал, гетман венецианской армады, который должен был препятствовать морской переправе турок, на самом деле сам их перевозил на своих кораблях, ботах и галерах, а турки платили по червоному золотому за голову.**

14. Примечание Стрыйковского: **Просто: когда солнце взошло, турки приготовились к битве.** Смотри также примечание 23 к книге семнадцатой.

15. Примечание Стрыйковского на полях: **Ежи (Jerzy), деспот Сербский.** Смотри примечание 151 к книге семнадцатой.

16. Ныне слово *брыжи*, польское происхождение которого подтверждают все словари, означает лишь кружевной воротник или манжеты в складку. Но в качестве геральдического символа (да еще и в единственном числе) автор, конечно, имел в виду что-то другое — например, волнистую полосу. Украинское слово *брижі* означает *морщины*.

17. Примечания Стрыйковского на полях: **Варадинский и Эгерский епископы. Франкобан (Frankoban) из Хорватии и из Болгарии.** Франкобан (бан Франко) — Франко Таллоци, бан Славонии. См.: История Венгрии в трех томах. Том I. М., 1971. Стр. 192.

18. Примечания Стрыйковского на полях: **Король в середине. Лагерь.**

19. После геройской гибели Владислава III под Варной за ним утвердилось прозвище *Варненчик* (Варненский).

20. *Шик* (szyk) — по-польски *строй*. Атака искривленным строем была любимым приемом татар, впоследствии перенятым у них запорожскими казаками.

21. Итальянская миля равна 1000 шагов. Вероятно, имелась в виду все-таки *пара* шагов, то есть около 1,5 м. Стрыйковский здесь специально подчеркивает разницу между этой и *своей* милей, которая у него достигает почти 8 км.

22. Военные историки согласны в том, что в тот момент конница турок была дезорганизована и фактически разбежалась. Исход битвы под Варной решили янычары, которые, как известно, являются пехотой. См.: Записки янычара. М., 1978. Стр. 65.

23. Примечание Стрыйковского: **Рассказ о Хуньяди сомнителен. Ибо и турки бежали, и венгры, почти будучи победителями, бросились прочь вместе с Хуньяди. А один турок, как пишет Кромер, кричал венграм: «Куда вы бежите, венгерские мужи? Ведь победа уже ваша!»**

24. *Храп* — средняя и нижняя часть переносицы лошади с расположенными на ней ноздрями и ртом.

25. Именно так эту сцену изобразил и Ян Матейко на своей знаменитой картине «Владислав III в битве под Варной» (1879).

26. Военные историки считают, что король, действительно, мог быть задавлен рухнувшими на него сверху собственными рыцарями или же задохнуться в своих доспехах.

27. В списке использованных автором источников есть какая-то анонимная болгарская хроника, но нет историка по имени Деметрий (Demetrius) или Димитрий, нет его и в имеющихся списках болгарских или византийских источников XV-XVI столетий.

28. Смотри примечание 144 к книге семнадцатой.

29. Примечание на полях: ***Walachi Transalpini.*** Смотри примечание 77 к книге одиннадцатой.

30. Деспот Сербии Джурадж Бранкович в битве под Варной не участвовал. Смотри примечание 151 к книге семнадцатой.

31. Выше Стрыйковский писал, что турок оттеснили не на две (не более 3 км), а на *четыре* итальянские мили (около 6 км).

32. Подробности гибели Владислава Варненчика до сих пор точно неизвестны, так как немногие источники излагают их по-разному, а большинство из них признают, что надежных сведений у них нет. Турки обнаружили его мертвое тело только после боя, а до этого сами ничего не знали о судьбе короля. См.: Записки янычара. М., 1978. Стр. 65.

33. Смотри примечание 77 к книге одиннадцатой.

34. Не только Длугош, но и Бонфиний завышают потери турок под Варной, которые, по мнению современных историков, не превышали 20 000, а христиан пало 11 000. См.: Варна. 1444. София, 1969. Стр. 234-259.

35. Меховский прав. Владислав III Варненчик родился 31 октября 1424 года, а погиб 10 ноября 1444 года.

36. Исследователи не раз удивлялись, почему столь знатного человека, павшего за христианство в таком молодом возрасте, церковь никогда не пыталась канонизировать. Причину они видят в гомосексуальных наклонностях Владислава, о которых почти прямо пишет и Длугош. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. IV, ks. XII. Krakow, 1869. Стр. 674.

37. Стрыйковский называет польско-литовское государство привычным для себя образом, но на самом деле официальное название *Речь Посполитая* появилось только во второй половине XVI века, а в середине XV столетия такого термина еще не существовало.

38. Первым из известных нам представителей этого рода был литовский боярин *Даукша,* сын Кимунта. Его идентифицируют с Пацем герба Гоздава, который приложил свою печать к акту Городельской унии (1413). В данном случае речь, вероятно, идет о его сыне Паце Довшковиче, отце киевского воеводы (1486-1492) Юрия Паца. Но Длугош никого из Пацев не упоминает ни здесь, ни в других местах, причем называет совершенно иные имена литовских послов. Смотри примечание 42, а также примечания 184 и 224 к книге пятнадцатой.

39. Первые польские послы прибыли в Литву в октябре 1445 года, так что ответное литовское посольство вряд ли могло отправиться в путь уже в сентябре.

40. Речь идет о Софии Гольшанской. Смотри главу 9 книги пятнадцатой и к ней примечание 229.

41. Второй Петркувский сейм открылся 6 января 1446 года.

42. Перечисляя членов этого посольства, Длугош говорит о *четырех* литовских боярах, но сам называет только троих: Ян Немирович Оващ, Андрюшко Довойнович и Михал Монтвилович. Однако куда больше интереса для нас представляют *русские князья*: Иван Красный (которого Длугош называет главой всего литовского посольства) и Юрий Семенович Острожский. Но здесь Длугош и сам напутал. Прозвище *Красный* носил князь *Василий Федорович* Острожский (1392-1461), который и был на этом сейме, а князь Юрий

Семенович был из рода *Гольшанских*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. V, ks. XII. Krakow, 1870. Стр. 11.

43. В 1446 году католическая пасха была 10 апреля. Таким образом, съезд происходил почти в канун Вербного воскресенья (3 апреля).

44. Комтуром Меве в те годы был Людвиг фон Эрлихсхаузен, будущий великий магистр (1450-1467) Тевтонского ордена.

45. Смотри главу шестую и восьмую книги семнадцатой и примечания 120 и 122.

46. Болеслав Мазовецкий был братом Евфимии, первой жены Михаила Сигизмундовича и, стало быть, приходился ему шурином.

47. Петр II (ум. 1452), сын Александра Доброго, правил Молдавией дважды: во второй половине 1447 года (как соправитель Романа II, который убил своего дядю Штефана II) и в 1448-1449 гг. (после того, как изгнал Романа). См.: Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2002. Стр. 64.

48. Примечание Стрыйковского на полях: **Чтобы и короля почтить и не выдавать того, кто к нему убежал.**

49. Польское слово *przylegly* допускает различные толкования: либо *принадлежащий* к другому государству, либо просто *соседствующий* с ним. Второе в данном случае вероятнее.

50. Примечание Стрыйковского на полях: **Ибо его отец Сигизмунд, убитый Чарторыйским, со Стародубского Северского удела был взят на великое княжение Литовское.**

51. Здесь, разумеется, имеется в виду не Новогрудок, а Новгород Северский.

52. Смотри примечание 121 к книге семнадцатой.

53. Смотри примечание 147 к книге шестой.

54. Праздник Тела Господня — шестидесятый день или девятый четверг после Пасхи. В 1458 году это было 23 мая.

55. Смотри главу 2 книги двенадцатой.

56. Примечание Стрыйковского на полях: **Валашский замок Хотин в 2 милях от Каменца.**

57. Ян Тенчинский (Teczynski) герба Топор (1408-1470), сын Анджея Тенчинского (ум.1414) — воевода (1438-1459) и каштелян (1459-1470) краковский.

58. Богдан II — молдавский господарь (1449-1451), незаконный сын Александра Доброго, отец Штефана III Великого. 12 октября 1449 года в битве у Тэмэшень Богдан разбил Александра, сына Ильяша, и стал господарем. См.: Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2002. Стр. 64.

59. Слово *wyz* по-польски означает *белуга*, но, вероятно, здесь имелась в виду любая осетрина. Смотри также примечание 42 к книге семнадцатой.

60. Деревня Красны, близ которой в 1450 году произошла эта битва, находилась возле Васлуя.

61. Ян Гаштольд герба Абданк был в это время воеводой виленским (1443-1458), то есть вторым человеком в Литве после великого князя. Смотри также примечание 31 к книге шестнадцатой.

62. Здесь и далее текст хроники почти дословно совпадает с текстом Хроники Быховца — с той лишь разницей, что у Быховца поляки на Парчовском сейме собирались *перерезать (porezat)* литовских панов. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 99-100.

63. *Соляными жупниками* (zupnikowi solnemu) нынешние словари иногда именуют обычных черпальщиков в соляных шахтах, однако Стрыйковский, несомненно, имеет в виду какую-то дополнительную должность подскарбия — например, заведующего солеварнями.

64. В 1432-1455 годах ханом Волжской (Большой) орды был Саид-Ахмат (Сейит-Ахмет), сын или внук Тохтамыша, один из «прикормленных» Витовтом татарских царевичей. Свидригайло в письме к магистру Тевтонского ордена называл его *Sydachmatch Bexubowitz*. До 1441 года Саид-Ахмат правил Крымом, откуда был изгнан Хаджи-Гиреем.

65. Так Стрыйковский называет крымского хана Хаджи-Гирея (1441-1466), которого ранее он именовал *Aczkierej*. Стоит обратить внимание, что форма *Ecigerej о*чень похожа на имя *Едигер*. Смотри примечание 130 к книге семнадцатой.

66. Историки считают, что эти события происходили в 1452 году, а татарский набег на Подолию — в июне того же года. См.: Гайворонский О. Повелители двух материков. Том I. Крымские ханы XV-XVI столетий и борьба за наследство великой орды. Киев, 2010.

67. Саид-Ахмат не только умер в Каунасе, некоторые авторы считают, что он и родился в Литве, как, кстати, и Хаджи-Гирей.

68. Караманский бейлик — самый старый, самый могущественный и существовавший дольше всех прочих анатолийский эмират. Караманиды были первой тюркской династией, которая сделала *турецкий язык* основным государственным языком (1277). Во время турецкого похода на Варну (1444) караманский бей Ибрагим напал на Анкару и Кютахью, разгромив оба города. В качестве наказания ему пришлось признать себя вассалом

турецкого султана, а потом принимать участие в осаде Константинополя. В 80-е годы XV века Караманский бейлик был окончательно включен в состав Османской империи.

69. Можно предположить, что речь идет о литейщике Урбане, который был родом *дак*, то есть валах или румын. Урбан служил грекам, а потом предложил свои услуги турецкому султану и отлил ему ***медную пушку невероятной величины***, которая и разрушила крепостные стены. См.: Эдуард Гиббон. Закат и падение Римской империи. Том VII. М., 1997. Стр. 349. Но после взятия города выяснилось, что мастер вел переговоры также и с византийцами. Султан, возмущенный подобным двурушничеством, приказал его казнить. Имя *Gerluka (Kir-Luka)* автор позаимствовал у Длугоша, который, похоже, писал вовсе не об этом. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. V, ks. XII. Krakow, 1870. Стр. 134-135.

70. Бывший митрополит всея Руси кардинал Исидор, которого папа назначил своим легатом, прибыл в Константинополь 26 октября 1452 года. По дороге в византийскую столицу на деньги папы он нанял в Неаполе 200 лучников. Никаких «русских отрядов» с ним не было. Исидору и его людям поручили оборону в районе Акрополя (ныне мыс Сераля). С начала осады и вплоть до рокового дня 29 мая 1453 года они успешно отражали турецкие атаки. Когда турки ворвались в город, Исидор отдал свои кардинальские одежды нищему, а сам вырядился в его лохмотья и после многих приключений сумел выбраться. Он умер в Риме в 1462 году.

71. Смотри примечание 112 к книге первой.

72. У Стрыйковского *более шести миль* — около 50 км. На самом деле общая длина крепостных стен Константинополя была вдвое меньше, однако и это весьма впечатляет. См.: Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. Стр. 21.

73. Об упомянутом сочинении Стрыйковского нам ничего не известно, из чего следует, что этот труд, скорее всего, так и не был издан. Это косвенно подтверждает и печальное предположение, что после выхода «Хроники» (1582) наш автор прожил очень недолго — не более нескольких лет.

74. Иван Васильевич Острожский (1420-1465) — отец Константина Ивановича Острожского (1460-1530) великого гетмана литовского (1497-1500 и 1507-1530). Битву под Теребовлем историки датируют 1453 годом. Но ни Длугош, ни Хроника Быховца об этом сражении не упоминают.

75. Ян Бажиньский (Bazenski) герба Бажен или Ганс фон Байзен (Bayssen) (1390-1459) — рыцарь и государственный деятель родом из Пруссии (Остероде). Байзен занимал высокое положение уже при гроссмейстерах Плауене и Кюхмейстере (1410-1422): был послом к королю Англии, под знаменами португальского короля сражался против мавров в Сеуте (1419-1422), а после возвращения в Пруссию был советником великого магистра. Но потом Байзен впал в немилость, перешел в оппозицию и стал одним из лидеров Прусского союза (1440). Благодаря своему личному авторитету среди орденских братьев, во время Тринадцатилетней войны (1454-1466) выступал посредником между враждующими

сторонами. 9 марта 1454 года польский король назначил его губернатором Пруссии, и в этой должности Ганс фон Байзен и умер в Мальборке 9 ноября 1459 года. Ему наследовал младший брат Цтибор фон Байзен.

76. Иоанн Капистран или Джованни да Капистрано (1386-1456) — итальянский проповедник и организатор крестовых походов против гуситов и против турок. После вступления в орден францисканцев быстро прославился непримиримой борьбой с еретиками в Верхней Италии. Римский папа Николай V назначил Капистрано своим легатом (1450). В Моравии он с успехом проповедовал против гуситов, но из Чехии был выставлен Иржи Подебрадом. Изгоняя евреев из Силезии, 40 из них отправил на костер, получив прозвище «бич евреев». Самостоятельно собрав войско крестоносцев, Капистрано сам повел их в Венгрию и Сербию, где сыграл большую роль при снятии турецкой осады с Белграда (1456). В том же году он скончался от чумы. В 1690 году канонизирован.

77. *Бернардин* Сиенский и Капистрано основали новое отделение францисканских обсервантов, получивших название *бернардинцев*. Их не следует путать с другими бернардинцами, которые были ветвью цистерцианцев и назывались в честь Бернарда Клервоского. Первых именовали бернардинцами в Польше и в Литве, вторых — в Италии и во Франции.

78. Збигнев Олесницкий приглашал Капистрано в Польшу еще в 1451 году, однако тот приехал не сразу, а только через два года, и не из Австрии или Сербии, а из Силезии. Оттуда он выехал вместе с Казимиром, а в Краков оба прибыли 28 августа 1453 года. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. V, ks. XII. Krakow, 1870. Стр. 137, 138.

79. В середине XV века финансы Тевтонского ордена все еще находились в довольно плачевном состоянии, в которое их привели последствия битвы при Грюнвальде. По этой причине очень усилилось налоговое бремя на жителей Пруссии, что вызвало их сильное недовольство. Но все же в отношении *чинимых притеснений* прусские послы сгущали краски, а иногда и возводили на орден откровенную напраслину. По вполне понятным причинам польская историография как бы канонизировала их жалобы, искажая историческую правду.

80. Стоит отметить, что не только михаловскую, но и кульмскую землю наш автор не считал собственно Пруссией.

81. Как уже не раз говорилось, словами *речь посполитая* Стрыйковский именует *общенародное* (по его представлениям) *государство*, так как эти слова буквально означают *дело народное*.

82. Здесь не очень понятно, то ли ежегодные доходы Гданьска составляли 60 000 золотых, и с этой суммы крестоносцы брали налог, то ли сам налог достигал 60 000. Из примечания на полях вроде бы следует второе, но сам текст свидетельствует скорее о первом — слишком уж велика разница.

83. Во время восстания 1454 года прусские горожане до основания разрушили не только замок в Гданьске, но и до двух десятков других орденских замков, в том числе в Торуни и в Эльбинге. Большинство из них впоследствии уже не восстанавливались.

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Глава 1. О несчастливой битве Казимира с прусским магистром у Хойниц.

Глава 2. Ошибки литовских летописцев [в отношении] времени, места и неприятеля [при описании] этого поражения Казимира.

Глава 3. О раздорах в Литве из-за Гаштольда и о смерти киевского князя Олелька Владимировича, предка князей Слуцких.

Глава 4. О занятии подольских замков вопреки литовцам, о их дерзком посольстве к королю и как помимо короля Казимира хотели взять себе на великое княжение Литовское киевского князя Семена Олельковича, предка князей Слуцких.

Глава 5. О поражении руссаков и поляков на Подоле от татар.

Глава 6. О безуспешном польском походе в Пруссию.

О королевском отъезде в Литву и походе в Пруссию.

Глава 7. О виленском сейме, втором приглашении князя Семена Олельковича на великое княжение Литовское и о войне с крестоносцами.

Глава 8. О поражении орденского войска от поляков и литовских татар под Нешавой и Пуцком.

Глава 9. О безрезультатном сейме поляков с литовцами и о поражении лифляндцев из-за жмудской хитрости.

Глава 10. О взятии Хойниц, о вечном мире с прусскими крестоносцами и о конце войны, которую обе стороны вели 150 лет, а при Казимире 14 лет.

Вельможному пану
Яну Волминскому [1],
каштеляну Полоцкому,
Кревскому старосте.

Глава первая

О несчастливой битве Казимира с прусским магистром у Хойниц

в году Господнем 1454.

Король Казимир, когда взял под защиту пруссаков,
Немедленно обратился против гордых крыжаков.
Осадил Мальборк, главный их замок, Штум и Броднице,

Из Польши повел готовое войско под Хойнице.
Воинской доблестью сдавшийся Штум взяли [2].

Под Хойнице прибыл гетман Олехно Судимонтович во главе 5 000 литовцев и татар.

Литовцы полякам войском помогали,
Пять тысяч конников им на подмогу послали,
Судимонтовичу их под начало отдали.
Кучук, Станко Кошиевич с Яном Ильиничем,
С ними Юрги Вол с Богданом Андрушковичем
Роты вели [3], которым король очень был
Рад, и литовцев ласково благодарил.
Лукашу с Горки и Остророгу поручил возглавлять
Всех поляков, а Шарлею с Рытвяньским свой двор охранять,
Ибо эти четверо гетманами себя считали [4],
Хотя безумства войны и битвы еще не знавали.
Многомудрый канцлер [5] настойчиво короля просил,
Видя гетманов младость, чтобы битвы не заводил,
Ибо Чарнковского с пятью тысячами поджидал,
Что успех войны сомнителен, хорошо понимал [6].
А великополяне говорили, что хлестнуть
Вознице бичом довольно, чтобы немцев спугнуть [7].
И так как битвы желали, король согласиться
Решил с их намерением с немцами схватиться.
Случилось, что немецкая стража на нашу налетела,
Одни с другими сошлись, огромная битва закипела.
Наши победу, пусть и кровавую, одержали [8]
И все своему королю о немцах рассказали.

Вечер битвы.

Уж Феб запыхавшихся коней в море провожал,
А Геспер [9] тучи облаков на небе собирал,
Когда орденский магистр Людвиг [10] вывел своих людей,
А с ним Рудольф и Бальтазар, двое жаганьских князей [11].
Чех Бернард Шумберг имел под началом имперских
Восемь отрядов: моравских, саксонских, немецких.
Наши с литовцами тоже построились семью гуфами,
И с обеих сторон громкий сигнал к битве дали трубами.
Но у наших желание драться пропало сразу,
Ибо столько врагов они не видели ни разу [12],
К тому же на болотистом тряском [13] месте стояли.
Как бы там ни было, смело друг на друга напали**.**

Жестокая битва.

Немцы *дастихт унд!* [14], наши *шельмы!* пронзительно кричали,
Лес гремел, голоса, раздирая горло, верещали,
Бубны и трубы оглушительный звук издавали,
Пешие немцы с копьями звучно [15] вперед шагали,
Лошади ржали, мечи о доспехи звенели,
Треск ружей (rusnic), дым, оперенные стрелы свистели.
Наши ломили копьями, немцы дротиков древки
С силой в наших вонзали, коням вырывая кишки [16].
Флажки и знамена с обеих сторон на ветру развевались,
Раненые кровью истекали, мертвые везде валялись.
Нашим Марс хорошо помог в этом первом сражении:
Сначала немецким полкам нанесли поражение.
Бальтазар, князь Жаганьский, убит, а Шумберга взяли
В плен живым; наши уже победу торжествовали.

Снова жестокая битва.

Но крестоносцы снова стремительно наскочили
И с победителями в жаркую битву вступили.
Залитые кровью мужи пыль до небес подняли,
Раны и яростный гнев смелости им прибавляли.
Немцы теснили наших, бившихся без славы [17],
Там лишь грохот стоял, крики и бой кровавый.
Но гетманы наши своим подкрепления слали,
То немцы, то наши друг друга назад оттесняли,
Литовцы беспрестанно калечили рыцарских лошадей [18]
Из луков, и тут к немцам целый полк подошел свежих людей [19].

Наши побежали.

Этих немцев увидев, польский полк, где сам король стоял,
Не имея довольно сил, испугался и побежал.
И хотя король кричал, чтобы встали в строй,
Те бежали, не чувствуя ног под собой.
Зрелищем таким те, кто в первых рядах был, смутились,
Из-за громких криков немецких они устрашились.
Разбежались порознь по щелям одни вослед за другими,
А король, напрасно крича: *Стойте! Стойте!* бежал за ними,
Ибо весь свой строй они порвали и сломали
И по нивам Хойницкого поля побежали

На кого похожи бегущие.

Подобно тому, как в пуще серну или лань
Встревожат охотничьи трубы и хортов [20] лай.
Как только пугливых ушей их тот страшный звук достиг,

Сразу по скалам заскачут, головы вниз опустив.
Так наши отпустили своим коням удила,
Одежды их сзади плескались, как взмахи крыла.

Король хрипло отговаривал их бежать,
Просил вернуться и победу возвращать.
Чуть самого не схватили; едва увели
Силою прочь короля телохранители [21].
Бросились с ним бежать, а немцы быстрых коней
Следом пустили, желая поймать поскорей.
Наши, кто был с королем, тоже бежать пустились
Прочь в разные стороны и все позаблудились.

Литовские ротмистры, оставшиеся при короле.

Пятерых литовских панов сзади оставляли,
Чтобы гнавшихся за ними немцев отвлекали,
А король бы уехал вперед. Судимонтович,
Кучук, Ильинич, Станко и Богдан Андришкович
С немцами храбро схватившись, схватку завязали
И этим на долгое время их задержали,
Отстреливаясь из луков. И хотя потом в плен попали
Из-за числа врагов, но чести пример и доблести дали [22].

Немцы гнали наших при [свете] месяца.

В море Титан опустил златую главу,
Вывела ночь из пещер тьму Харонову,
Но ясный месяц светил. И в свете его лучей
Немцы видели наших, бежавших среди полей.

Король Казимир едва ушел.

Порастеряв всех своих, король сам-четверт уходил во тьму,
Пока литовский шляхтич Вол не присоединился к нему.
И когда в одном месте немцы их догнали,
Едва их всех вместе с королем не поймали.
Те на болоте засели; Вол, с коня соскочив долой,
Начал стрелять, из сайдака [23] хватая стрелу за стрелой.
И когда нескольких ранил, немцы [24], не смея уже напирать,
Ибо было их маловато, чтобы суметь короля поймать,
Воротились к своим. Король выбрался из болота
И пешком пошел — кому же в неволю охота!
А когда уже мог избавиться от страха,
Вол, имея в поводу свежего валаха [25],
Дал его королю, так как устал скакун [26], на котором бежать

Ему самому пришлось, ибо при бегстве лучше мерина [27] брать.
Так Вол с королем от немецкой погони удрали
И из той топи, где их плен или смерть поджидали.

Ответ Рытвяньскому.

Прибежали в Нешаву, как будто спасшись от казни,
А Рытвяньский, встретив короля, выходя из лазни [28],
Бога возблагодарил, что спас его в этой беде,
Когда неприятельский меч других побивал везде [29].
Король отвечал: Ты в бане мылся, а другие бились,
Поляки с литовцами при мне своей кровью умылись.

Казимир благодарит за освобождение из рук крестоносцев.

И, плача, сказал: О, Боже, ты наша оборона!
Здоровье мое в целости вместе с моей короной.
Ты сам меня ныне вырвал из рук врагов,
И многих людей моих спас Ты от оков.
И хотя Ты, Господи, за грехи меня покарал,
Сам же меня от плена и гибели Ты и спасал
Силами верного слуги, вернейшего, Боже,
Ибо кто же все это лучше проделать сможет,
Чем доблестный Вол, который меня от смерти избавил,
А неприятелей своими стрелами окровавил.
Меня и царство мое, мой милосердный Бог,
Вижу, Ты еще не отринул, раз нам помог.
Дал мне стража в погибели, будто и не Вол
Был ко мне приставлен, а ангел Божий пришел.

Ибо, согласно всем летописцам, русский шляхтич Вол защитил его, стреляя в крестоносцев из лука, а затем к королю прибыла более значительная помощь.

Так события этой несчастной битвы с прусскими крестоносцами описывают старинные (starosvieckie) хроники, некоторые русские и литовские летописцы и Длугош, а также Кромер (*издание второе*, кн. 23, стр. 347), Меховский (кн. 4, гл. 50, стр. 316), Ваповский (стр. 278), Герборт (кн. 6, стр. 295), упоминают и другие.

А Кромер, Меховский и Длугош свидетельствуют, что это поражение было не столь тяжким, сколь позорным, ибо было убито только 60 шляхтичей, из которых знатнейшими были: подканцлер Петр Щекочинский, сандомирский хорунжий Миколай Морский, коленский староста Ян, сын Завиши Черного, и Ян Рижинский. А пленных триста и тридцать, среди которых самыми знатными были: Лукаш, граф с Горки, иноврощлавский воевода Миколай Шарлевский, Ян и Щесний (Sczesny) Тарновские, Ян и Миколай Рытвяньские (а третий, Дерслав Рытвяньский, как свидетельствуют русские летописцы, сердечно приветствовал короля, выходя из бани [30]), Идзи (Idzi) [31] Суходольский, Ян

Мельштынский, Сендзивой Леженский (Lezenski), Петр Стриковский (Strykowski) и Бартоломей Огродзеньский. Их ввергли в тяжкое заключение в Мальборке.

Трупы наших убитых, привязав за ноги, волочили конями и бросали в реку вопреки человечности, которая учит нас и врага почтить погребением. Немцам достался также и весь обоз, в котором они взяли 4 000 возов с добром.

А Летописец Русский, без основания написанный, утверждает (kladzie), что эта проигранная битва была с чешским королем Иржиком (Ierzykiem) [32] под Вроцлавом (Wraclawiem), а построение и бегство короля относит к Хойнице. И в этом он очень даже ошибается, что я убедительно докажу.

Глава вторая

Ошибки литовских летописцев [в отношении] времени, места и неприятеля [при описании] этого поражения Казимира.

Первая [ошибка состоит в том], что тогда, когда случилась эта битва и поражение, Иржик Подебрадский [33] еще не был чешским королем, ибо в то время в Чехии и в Венгрии был коронован Ладислав, молодой сын умершего императора Альбрехта (на место которого венгерским королем [сперва] был взят Владислав Ягеллович). Его родную сестру цесаревну Эльжбету, наследницу упомянутых королевств, польский король Казимир взял в жены [34] незадолго перед своим поражением.

Вторая [ошибка в том], что это поражение согласно всем хронистам было под Хойнице, в которые Казимир вряд ли мог убежать, ибо в то время Хойнице еще владели крестоносцы.

Третий ***magnum chaos*** *(великий хаос)* [в том], что от Вроцлава до Хойнице слишком далекий переход, которого в природе ***in rerum natura*** и не было.

Четвертая [ошибка в том], что и сами летописцы противоречат собственным свидетельствам о том, что битва была под Хойнице, говоря: И выступил-де король Казимир со всеми войсками польскими и литовскими к Хойницам, а под Хойницами их построил etc. Потом далее говорят: И в таком порядке двинулся к Вроцлаву.

Пятая ошибка летописцев, которую я бы назвал ***defectionem***: переметывание прусской шляхты и городов, их переход под защиту и в подданство Казимиру или их отречение от крестоносцев, и что ради них первая битва и была. Пишут: Прислали, говорят, вроцлавяне и силезцы своих послов, прося короля Казимира, чтобы был у них господином и защищал их от чешского короля, на что король Казимир согласился и приказал своим войскам готовиться. Так [сообщает] Летописец.

Однако против этого убедительно пишет Меховский (кн. 4, гл. 60, стр. 317), говоря: ***Anno autem Domini 1459, Rege Casimirio Lanciciae commorante etc***, то есть: В году Господнем 1459, когда король Казимир жил в Лещице (а не в Кракове, как говорит летописец), в пятницу в день святого Варфоломея (24 августа) к нему приехал судья и старшина города

Вроцлава, который от имени своих и намысловских жителей просил, чтобы соизволил принять их под свою власть и защиту. Дело в том, что когда умер венгерский и чешский король Ладислав [35], в Чехии начал царствовать Иржик или Георгий из Подебрад, зараженный гусовой ересью. Этим [просителям] было отвечено, что король так себя связал (sie uwiklal) и затруднен прусской войной, что никоим образом не может взять их под защиту. Это [пишет] Меховский.

Добровольное подчинение вроцлавян и намысловян. А Длугош и Кромер (кн. 24) более подробно рассказывают об этом так: ***Sub finem mensis Augusti, venit ad Regem Lenciciam Wratislaviensium et Namislaviensium legatio diditionem Oppidorum suorum offerens, etc.*** То есть: В конце августа месяца 1459 года (до этого отметив [дату] на полях [36]) к королю, бывшему в Лещице, пришло посольство от вроцлавских и намысловских мещан, предлагая свои города ему в подчинение, так как не хотели вместе со всей Силезией быть под управлением еретика Иржи, чешского короля. Похвалив их благочестие и набожность, им тем не менее ответили, чтобы поискали себе иной помощи, так как король Казимир не может им помочь, повязанный прусской войной. Однако если он учинит с крестоносцами мир, то сможет их принять.

Ваповский, а из него и Бельский (второе и третье издания, стр. 278) тоже утверждают, что король отказал им из-за прусских дел. Но литовский летописец свернул с дороги очевидной правды столь уважаемых хронистов. Наконец, укажу на то, что Иржик или Гержи (Gerzy) Подебрадский, король чешский, никогда ни явной войны, ни стычек с Казимиром не имел, но всегда ему уступал и искал его милости из страха перед венгерским королем Матьяшем [37].

Дружба Казимира с Чехией. Сначала Кромер (кн. 24), Меховский (стр. 360) и Длугош пишут: в году 1458 приехали послы от нового чешского короля Иржи к Казимиру, прося мира и обещая большую помощь против прусских крестоносцев, а после смерти своего короля и наследование Чешского королевства [ему и] его потомкам, королевичам Польским. А им отвечали, что король всегда сохранял дружбу к чехам и поэтому ожидает от них взаимности.

Потом, в 1460 году, не воюя друг с другом, заключили через послов мир и договорились съехаться в Глогов для соглашения о приданом жены Казимира королевы Эльжбеты, которая была ***Infans Bohemiae et Hungariae Regnorum Legittimita*** *(законным дитятей короля Чехии и Венгрии)* [38].

Съехались потом в 1462 в Глогов, где договорились меж собой и заключили союз [39] своих королевств против турок. [Об этом] пишут Длугош и Кромер (кн. 24), Ваповский и Меховский (кн. 4, стр. 319).

Ченстоховский монастырь разграблен. Потом в 1466 году король Иржик послал свое войско на вроцлавян, которые не хотели его слушаться. Но его гетман Сцибор Товачовский, моравчик, от Вроцлава вторгся в Польшу, разграбил городок и монастырь Ченстохов и пожег окрестную волость — то ли по своей воле, то ли по приказу своего короля Иржи, который также опасался счастливого успеха Казимира в отношении

прусских крестоносцев [40]. А когда король Казимир через своих послов потребовал у короля Иржика справедливости, тот запирался и твердил, что ничего об этом не ведал. Однако, желая возместить Казимиру все убытки, на день Святого Андрея (30 ноября) он созвал съезд в Бытоме. О чем Кромер, ***стр.* 387 *второго издания***. Также чешский король Иржик настаивал, чтобы сам Казимир выступил их ***арбитром*** или примирителем, о чем также Кромер, ***стр.* 392 *второго издания***.

Потом в 1468 году с его (короля Иржи) дозволения вместо собственного сына и вопреки Матьяшу Венгерскому на чешский престол был предназначен старший сын Казимира Ладислав — с тем условием, что женится на Людмиле (Ludomile), дочери Иржика, о чем пишут Длугош и Меховский, а также Кромер.

Потом в 1471 году Иржик умер от опухоли ног, в гусовом еретичестве [41], повелев взять на чешское королевство Ладислава, старшего сына Казимира, о чем Меховский, Кромер, Длугош, Ваповский, Бонфиний, Бельский и другие. А Чешская хроника вопреки Летописцам особо свидетельствует, что с начала царствования Иржи из Подебрад и до самой смерти чешский король не имел ни одной битвы с Казимиром Польским. И для этого с великими трудностями, будто пробираясь через лесную чащу, я выписывал из различных историков, чтобы правдиво рассказать о Хойницкой битве и чтобы литовцы из иностранных источников лучше узнали о своих людях и делах, их временной последовательности и о местах, [где они происходили].

Крестоносцы по всем немецким землям разнесли славу о Хойницкой победе — большей, чем та была в действительности. Но король сразу же постарался, чтобы их веселье было недолгим, ибо за деньги собрав служилый люд [42] из Чехии, из Силезии и из Моравии, а также подняв и польские повяты, осадил все замки в Пруссии и взял некоторые города с замками, которые поддались было победившим крестоносцам. **Сбор по двенадцать грошей.** А потом в январе месяце распустил по домам удрученную зимой шляхту с повятов и тогда же постановил давать на наем войска (na sluzebne) 12 грошей с каждой влоки [43]. Сам король тоже отъехал в Польшу, оставив за себя против крестоносцев кульмского старосту Анджея Тенчиньского, поморского старосту Петра Шамотулского и старосту Нижней Пруссии чеха Яна Кодлу с войсками наемных солдат.

Глава третья

О раздорах в Литве из-за Гаштольда и о смерти киевского князя Олелька Владимировича, предка князей Слуцких

В 1455 виленский воевода Ян Гаштольт подстрекал было других панов и литовскую шляхту к тому, чтобы добивались Подолии и некоторых Волынских замков [бывших] под властью поляков, так как поляки на нескольких сеймах не желали возвращать их добровольно, а смелости им прибавило [участие] Польши в прусской войне. **Кромер на стр. 349 не упоминает, какие такие были литовские раздоры, только говорит: *Nouos quosdam motus a Gastoldo excitatos.*** *(Тем не менее Гаштольд подстрекал некоторых)***.** Услышав это, король Казимир сразу поехал в Литву и уладил эти раздоры (rostyrki) своей покладистостью и обещаниями. И к тому же склонил литовских панов, чтобы они сполна

объединили свои силы с поляками против крестоносцев, от чего те сначала отказывались. **Литовская помощь полякам**. Зато потом с витебским наместником Яном Ходкевичем, как свидетельствует литовский летописец, оказали полякам крупную военную помощь: послали 8 000 конных литовцев и татар и выделили на служивых [44] 80 000 червоных злотых из литовской казны, как о том будет ниже, хотя польские хронисты об этом не упоминают.

В то время король всю весну жил в Вильне, где выслушивал посольства от иноземных князей, в том числе от перекопского царя Ечигирея [45], союзника и друга, которые обещали ему помощь против крестоносцев и настаивали, чтобы при его жизни обеспечил Волынь и Подолию замками из-за непостоянства его сыновей, [татарских] царьков, и своеволия татарского народа, говоря, что сам он стареет, а они не терпят мира и безделья [46].

Умер князь Олелько Слуцкий. В том же 1455 году от рождения Господа Христа, а по русскому счету в году 6964 от сотворения мира, князь киевский и копыльский Александр или Олелько Владимирович, внук Ольгерда, великого князя Литовского, Русского и Жмудского, пан мудрый, дельный и во всем исправный, заплатил долг своего тела смерти, оставив после себя двух сыновей: князя Михайла и князя Семена. А когда те хотели после отца делить киевское княжество и город Киев, король Казимир, к которому они обратились по этому делу в Вильне, этого им не позволил, но дал держать от себя Киев князю Семену (которого потом литовские паны хотели взять на великое княжение Литовское, как о том скоро будет ниже), а князь Михайло получил свой удел на Копыле (Kopylu) и его пригородках. **Почему князья Слуцкие пишутся Олельковичами.** А от того киевского князя Александра или Олелько Владимировича Ольгердовича пишутся Олельковичами и князья Слуцкие, которые заслуженно носят гербы Погоня и Колюмны, поскольку являются потомками великого князя Литовского Ольгерда Гедиминовича.

Умер кардинал Збигнев. Тогда же, когда король жил в Литве, Збигнев или Збышек, кардинал и епископ Краковский, умер в Сандомире в первый день апреля, прожив 66 лет, а епископом был 32 года. Был великим недругом Литвы, ибо не допустил коронации Витольта литовским королем. Тогда же умер князь Мазовецкий, благочестивый Болеслав [47], оставив четырех сыновей: Конрада, Казимира, Болеслава и Януша и двух дочерей: Анну и Софию.

В Пруссии же Кёнигсберг или Кролевец передался крестоносцам, вынужден был сдаться и Кнайпхоф (Knypow) [48]. А мазур Славецкий сдал крестоносцам замок и город Дзялдов, которые доверил ему было король, отъезжая в Литву. **Хитрость.** Но вскоре сторонник короля чех Кодла, нарядившийся в орденское одеяние и [назвавшийся] комтуром Эльбинга, когда был впущен в замок, захватил его и сжег, порубив много немцев [49].

Прусский магистр ночью чуть было не захватил Торунь, сговорившись с виднейшими горожанами, приходским священником (plebanem) и монахами-доминиканцами. **Священник и монахи** [оказались] **предателями.** Но когда эта измена открылась, предателей покарали, а магистр, так и не добившись успеха, разорил окрестные волости. После этого король, уладив литовские дела, в мае месяце приехал из Вильно на сейм в Петркув.

Большие поборы на прусскую войну. Приехав из Литвы, король собрал в Петркуве сейм, на котором советовался с панами радными, как для прусской войны добыть на солдат деньги, которых из других податей невозможно было собрать столько, сколько нужно. И порешили, чтобы король вместе с духовным и рыцарским сословиями вносили по половине своих годовых доходов, не делая различий ни по знатности, ни по достоинствам, ни по величине имущества. А горожане в соответствии с оценкой [их] движимого имущества чтобы давали по два гроша с гривны. Кметы (kmiecie) же или деревенские холопы (chlopkowie), как женщины, так и мужчины, вносят по 1 грошу с головы, а шляхтичи, которые не имеют ни подданных, ни земель (platow), чтобы платили по 24 гроша. Для этого были выбраны сборщики, распоряжавшиеся этими деньгами для пользы речи посполитой.

Кроме того, король упорно домогался золота и серебра костела Краковского замка, но епископ Томаш Стржемпинский (Strzempienski) твердо ему отказал и запретил это делать. Потом король был ублаготворен 5 000 злотых, которые епископ и капитул под свое слово раздобыли у купцов при условии, что король потом заплатит [этот долг].

Потом наши солдаты, которых наняли на эти деньги, имели частые стычки с немцами и всегда над ними одерживали верх, как пишут Длугош и Кромер, а также взяли у них несколько замков. А под Фридландом чех Скубелла (Scubella) поразил 500 их рейтаров, а 100 захватил живыми.

Глава четвертая

О занятии подольских замков вопреки литовцам, о их дерзком посольстве к королю и как помимо короля Казимира хотели взять себе на великое княжение Литовское киевского князя Семена Олельковича, предка князей Слуцких.

Вельможному пану
Миколаю Ясенскому [50]*,*
подкоморию Виленскому,
писарю В[еликого]
кн[яжества] Литовского

Коронные паны, узнав, что литовцы задумали добыть замки, оторванные от Великого княжества [Литовского], сразу же с Петркувского сейма отправили в Подолию послов, которые должны были усилить все замки солдатами, пушками (spiza), ружьями (strzelba) и [другим] оружием против литовцев и взять со старост присягу королю и Короне. Литовские паны, добиваясь от поляков возвращения Подолии, тоже послали к королю своих послов, напоминая ему, что он обещал им это в присяге, которую давал, когда должен был ехать на королевство Польское и Великое княжение Литовское. И говорили, что если он этого не сделает, то литовские паны больше не будут терпеть этой кривды. А смелости им, как пишет Кромер, прибавляли крестоносцы, с которыми они помирились.

Партия (Strona) Семена Олельковича Киевского. Потом в том же году большая часть литовских князей, панов и шляхты, удрученных отсутствием короля Казимира и

распаляемых стремлением поляков отнять Подолию, на нескольких сеймах не сумев ничего добиться иным путем, в пику польскому королю Казимиру решила взять и поднести на великое княжение Литовское, Жмудское и Русское киевского князя Семена Олельковича, ибо в то время после Казимира не было более близкого [претендента] на великое княжение Литовское. Главными инициаторами (powodem) этого были виленский воевода Ян Гаштольт, тесть князя Семена [51], Юрий, князь с Острога [52] и Александр или Олелько Судимонтович, которого Казимир из худого шляхтича сделал большим человеком, ибо тот был полоцким наместником и земским подчашим Великого княжества за заслуги в Хойницкой битве, когда хорошо потрудился ради спасения короля и вместе с пятью литовскими панами дал захватить себя в плен, чтобы король убежал с Волом, как я выше описал виршами. Кромер об этом умалчивает, но в этом месте пишет: ***Alexander quispiam humili loco natus, sed singulari Regis gratia in sublime evectus.*** *(Александр, человек скромного происхождения, но с тех пор возвышенный особой королевской милостью).*

Монивид за Казимира. Хотя эти литовские паны стремились провозгласить [великим князем] князя Семена Олельковича, трокский воевода Монивид со своей родней и другими панятами и шляхтой держал (bronil) сторону короля Казимира.

Рождение Владислава Казимировича. Узнав об этих литовских разборках (rosterkach), король Казимир, завершив Петркувский сейм, по этой причине собрался в Литву, но как раз в это время у него родился первенец Владислав, в первый день марта [1456 года], согласно Меховскому, Йосту Децию (стр. 42) [53] и Кромеру. Коронные паны тоже его задерживали, усиленно прося, чтобы не ездил в Литву, а жил с ними и сначала закончил начатые дела и трудные прусские смуты. Однако король отклонил их просьбы и поехал в Литву, где ублажал литовских панов: одних сговорчивостью и обещаниями возвращения Подолии и других замков, других жалованием имений и своей щедростью. И на время удержал их от дальнейших смут относительно возведения на великое княжение князя Семена Олельковича, но [окончательно] не усмирил, ибо потом хотели взять на великое княжение того же князя Семена, как о том будет ниже и о чем свидетельствуют Длугош и Кромер (кн. 24).

А вся вина за раздоры, случившиеся в то время, осталась на Гаштольте, но из-за большой известности и могущества он избежал за это кары, чтобы не было еще горшей смуты.

Гданьская смута. В то время, когда король был в Литве, в Гданьске среди простонародья случились бедственные раздоры по наущению Мартина Кога, незнатного, но хитрого немца, который симпатизировал крестоносцам, но потом за эту выходку его казнили и таким образом смута успокоилась.

Магомет поражен под Белградом Сербским. Ян Хуньяди с монахом Капистраном, с которым хорошо и славно проявили себя 600 поляков, тогда же под Белградом Сербским поразили турецкого императора Магомета Второго, который сам был ранен и постыдно едва убежал. Но вскоре после победы эти два славных христианских вождя переменили жизнь на смерть [54].

Тогда же молодой венгерский и чешский король Ладислав, сестра которого Эльжбета была [замужем] за Казимиром, собираясь жениться, умер от отравы [55]. **Ел репу на ночь, а после нее напился и разнемогся. О чем читай у Куреуса** [56]. Вместо него чешским королем стал Иржик Подебрадский из гусовой секты [57].

Матьяш [возведен] **на венгерское королевство**. А венгры в то время взяли на венгерское королевство Матьяша, сына Хуньяди, который перед этим был в плену у Иржи Подебрадского.

А в 1457 году к королю Казимиру, в то время из-за литовских дел пребывавшего в Вильно, весной приехали прусские и польские послы, по просьбе которых он выехал из Литвы в Польшу на Петркувский сейм, а уже из Петркува поехал на великопольский сейм в Коло. Там он убедил великопольскую шляхту взять на себя защиту поморских замков Члухова (Slochowa), Швеца и Тухоли, так как на наемников денег не хватало. **Король** [едет] **в Гданьск.** Потом король направился в Пруссию и поехал прямо в Гданьск, где его приветствовал пешком вышедший из Гданьска датский король Карл, в то время изгнанный из [своего] королевства [58]. И [Казимир] был радушно и достойно принят гданьчанами.

А прусский магистр, не имея чем заплатить своим наемникам, старшим над которыми был чех Ольдржих (Udalrikus) Червонка, который симпатизировал полякам, содержал их под свое [честное] слово, отдав им в залог (w moc) замок Мальборк, пока не заплатит. Но эти наемники, опасаясь осады Мальборка поляками, которых было шесть тысяч, послали к королю, обещая сдать ему замок Мальборк, если тот выплатит причитающееся им жалованье. **Сбор средств на** [выкуп] **Мальборка.** У короля Казимира таких больших денег не было, но он обложил данью и духовенство и светских [людей], и к тому же собрал серебро с великопольских костелов, кроме Кракова [59], ибо краковский епископ Томаш Стржемпчинский (Strzempczynski) на эту подать согласиться не хотел. Эту сумму, наконец, собрали: сначала сами гданьчане дали Ульриху (Ulrikowi) Червонке сорок тысяч злотых, потом поляки двадцать пять тысяч злотых тому же Червонке и его товарищам, а [выплата] остальных денег и освобождение замка, а также пленных, были отложены до пасхи (Wielkiej Nocy). **Покупка Мальборка.** А после пасхи, взяв у польского короля остальные деньги и выпроводив прусского магистра в Тчев, Червонка впустил короля Казимира с польскими панами через форт от реки Ногат в замок Мальборк, в который король мирно въехал прямо из Гданьска в святочную среду 1457 года. Итак, этим наемникам за Мальборк в сумме было выплачено 476 000 злотых, но город Мальборк покорился еще не скоро, пока его не обстреляли из замка. Вместе с Мальборком эти наемники передали королю замки Эйлау (Gilawe) и Диршау (Derszawe) или Тчев (Tsczow) вместе с городами.

Глава пятая

О поражении руссаков и поляков на Подоле от татар.

Татарский царь, узнав, что в Пруссии король задержался,
Послать в набег на Подол своих татар не побоялся.

А Бартоломей Бучацкий с Лащом [60] собрали
Своих людей, отразить набег пожелали.
Татарское войско разделилось надвое:
В большем полку мало было храбрых героев,
А меньший из отборных рыцарей учинили.
Вот этим-то фортелем нас и перехитрили.
Наши подумали, что вся их сила в большем войске,
По которому и решили ударить геройски.
Ночью, когда добрые люди уже в постели,
На беспечных язычников наши налетели
С криком таким, что облака сотрясались,
А ночные тени в лесах заметались.

Битва наших с татарами.

Били, секли татар, вязали их, спящих,
Беззащитных и с перепугу дрожащих.
Так это большее войско в пух и прах разгромили,
Убегавших били, рубили, в темноте ловили.
А меньшее их войско, услышав шум, по тревоге
На другое место перебралось, унося ноги.
Наши же, воодушевленные своей победой,
Ни во что татар не ставя, пошли за ними следом.
И разгромили бы их, если бы немедленно и срочно
Ударили на них, как и на тех, кого убили ночью [61],
Как Лащ и советовал. Но поляки глупо и чванно
Медлили, и этим прибавили храбрости поганым.
Ибо видя, что нас мало, смело наскочили
И тесным кольцом все наше войско окружили.
Хотя наши отважно защищались, но сломлены
Были их множеством и наголову разгромлены [62].
Вот так неожиданно им изменило счастье.
Умнеет поляк только уже после несчастья.
Ибо если бы сразу развернуться им не дали,
То, как и первых, их бы побили и разогнали.
Промедленье губительным часто для войска бывает:
Враг, осмелев, своих победителей бить начинает.
Так Ганнибал, когда римлян при Каннах поразил,
Всю римскую мощь одним легким толчком уронил,
Ибо умел побеждать. А наши в тот раз не смогли:
Быв победителями, побежденными полегли.

Глава шестая

О безуспешном польском походе в Пруссию

В 1458 году с Петркувского сейма король Казимир объявил всей польской шляхте и городам посполитое рушение для похода в Пруссию. **Поляки взяли Папов**. Итак, когда все войска стянулись в Гниевков, оттуда они переправились через Вислу, учинив мост на лодках (lodziach), осадили замок Папов, который недавно взяли было крестоносцы, и сильным штурмом захватили его.

Потом двинулись под Мальборк, ибо крестоносцы изменой захватили было и заняли город Мальборк, под которым наши стояли два месяца. И там из-за долгого пребывания терпели великие тяготы и беды, так что от смрада (smrodu), голода и других нужд умерли 8 000 человек и издохли 7 000 коней. И из-за этого королю от шляхты были великие нарекания, так что он вынужден был дать крестоносцам перемирие на двадцать (dwadziescia) месяцев [63]. **Шляхта разбежалась из войска.** А шляхта, истосковавшись (steskiniwszy) от долгого стояния в поле, без воли короля разъехалась по домам. **Король отступил от Мальборка.** Потом за разбежавшимся войском отъехал в Польшу и сам король, хотя гданьчане убедительно просили его продолжать осаду Мальборка, обещая ему деньги на [наем] 4 000 солдат. Но тот очень спешил к жене, которой давно не видел, как рассказывает Длугош, и которая к тому же в то время родила ему в Кракове второго сына Казимира, по Йосту Децию (стр. 42), 3 октября 1458 года. Там же в Кракове король выслушал послов нового чешского короля Иржи из Подебрада, как об этом написано выше [64].

Условия, выдвинутые крестоносцами. А в начале 1459 года в середине января король созвал в Петркуве сейм, на котором говорили о войне и о мире с крестоносцами, так как пришло известие, что крестоносцы хотят заключить мир на таких условиях, что они платят королю 100 000 злотых за военные издержки и, по обычаю данников, платят по 20 000 злотых ежегодно и для каждой войны выставляют королю два прапорца (proporca) [65] солдат. И впоследствии чтобы все прусские магистры присягали королю, а Прусскую землю чтобы держали в тех границах, которые были перед этой войной.

Большая часть сенаторов одобрила эти условия, но послы шляхты и городов Пруссии, прибывшие как раз в это время, просили короля и сенат, чтобы их, под честное слово (w wiare) взятых под защиту, не выдавали крестоносцам на муки и в тяжкую неволю.

Шляхта противится поборам на войну. После долгих споров остановились на том, чтобы пруссов не отпускать и не выдавать, но способ окончания войны с крестоносцами отложили на [рассмотрение] повятовых сеймиков, потому что польские шляхтичи пришли из прусского похода очень обиженными, не хотели помогать деньгами и отказывались ходить в дальнейшие походы, чего и сам король не одобрял из-за чрезмерного и вредоносного рыцарского своеволия.

О королевском отъезде в Литву и походе в Пруссию

Литовцы хотели силой добиваться Подолии. Король Казимир, решив в Петркуве закончить войну против крестоносцев, отъехал с королевой в Литву, где своей учтивостью угомонил намерения литовских панов силой добиваться у поляков Подолии. А так как в то время в Короне он был очень стеснен в средствах, да и польские паны обеднели из-за частых расходов на прусскую войну, то попросил у литовских панов помощи людьми и

деньгами, что ему пообещали. Правда, Кромер не пишет, что он делал в Литве, сказав: ***Interea Rex in Litauniam cum Regina excurrit.*** *(В то время король и королева отбыли в Литву).* Но это само собой [разумеется]: его вынуждали затраты на Прусскую войну. Русские и литовские летописцы тоже указывают, что ездил в Литву за помощью, ибо в то время подати брались не только с подданных горожан и селян (wiesniakow), но и со шляхты, с церквей и всех доходов духовных и светских, для каждого сословия считая и оценивая движимое и недвижимое имущество, доходы и чинши. **Притеснения в Польше ради войны с крестоносцами.** Если это было бы возможно, король и из камней чеканил бы монеты на солдат против крестоносцев. Ведь [польская] шляхта с возмущением и с великими нареканиями уже отказывалась и от податей, и от посполитого рушения, как об этом выше свидетельствует Кромер. **Литовцы пообещали восемьдесят тысяч червоных злотых.** А литовские паны пообещали выложить королю 80 000 червоных злотых и помочь ему рыцарским людом.

Потом король выехал из Литвы в Коло на съезд великополян, которых тоже упросил, чтобы с каждых ста гривен годового дохода шляхтичи были обязаны отправлять на войну по одному «копью» — согласно имуществу и годовому доходу каждого. В то время у поляков под одним «копьем» разумелись трое конных, ибо один вооруженный конник с копьем должен иметь при себе двух других конных стрельцов с самострелами (strzelcow z kuszami), как пишет Длугош. Поэтому каждый шляхтич с каждых ста гривен должен был отправить на войну троих. **Со ста гривен трое на войну: один с копьем и двое с самострелами.**

Местечки же и королевские города должны были отправлять на эту войну пехотинцев. Великополяне решили исполнить королевскую волю и отправили в Пруссию войско, но мало пользы принесли, разве что защитили пруссаков от набегов крестоносцев во время жатвы, а осенью разъехались, не дожидаясь роспуска войска по домам.

Магистр Людвиг терпит поражение. Тогда же наемные солдаты или рыцари одержали славную и знаменитую победу над крестоносцами из Нижней Пруссии, где Кёнигсберг, и в этой битве прусский магистр Людвиг едва не был захвачен живым. **По 20 червоных злотых из добычи на каждого** [66]. Там с побитых [врагов] и из немецкого лагеря наши взяли такую большую добычу, что каждому наемнику из общей кучи (z butynku) [67] при дележе досталось по 20 червоных злотых.

Эту победу, как свидетельствует летописец, польские солдаты одержали с литовской помощью. Хотя, воистину, тот, кто описывал тогдашнюю историю Литвы, порядочно ошибался и во времени, и в последовательности событий, и путался, приписывая поражение Казимира под Хойницами чешскому королю Иржику, как я убедительными доводами выше установил и показал, как было на самом деле. Так и здесь пишут о помощи от литовских панов против того же Иржика Чешского, однако эти дьячишки (Diacisce) ошибались. Ведь в то время литовские и русские писари были простачками (prostaczkowie), а в писарском деле у них чаще всего заправляли (pluzyli) московиты, ***rerum externarum prorsus ignari*** *(совершенно невежественные иностранцы)* [68]. **Прежде у литовцев всеми писарями были московиты.** На самом деле летописец говорил о литовской помощи королю Казимиру и полякам против прусского магистра, а написал,

чудак (chudzina), что против чешского короля Иржика, который никогда не воевал с Казимиром.

А после той битвы, то есть Хойницкой, огорченный своим поражением король Казимир думал, как бы воздать своим врагам, и послал к литовским панам, желая, чтобы они выделили ему денег на эти нужды. При послах и коронные паны обратились к литовским панам, чтобы те вошли в их трудное положение и помогли людьми. **Собственные слова русских летописцев и их рассказ с моей корректурой** [69].

А в то время близ Вильна никого из панов не было, только виленский воевода Ян Гаштольт, а в Троках трокский воевода Монивид. И эти два пана съехались и, видя нужду короля и коронных панов, сразу же, не пересылаясь с другими панами, отправили к королю литовского подскарбия, пана Александра Юрьевича (Jurgiewica), которого Кромер называет ***Alexander quispiam humili loco natus.****(Александр, человек скромного происхождения).* И взяв из земской литовской казны восемьдесят тысяч червоных злотых, послали их на нужды короля, а коронным панам на их просьбу послали восемь тысяч конных людей, то есть пять тысяч литовских князей, панов и дворян и три тысячи татар, над которыми старшим гетманом послали витебского наместника пана Ивана Ходкевича. Итак, король Казимир, приняв солдат и собрав коронные войска, с помощью литовского войска послал их на короля Иржика Чешского (а должно быть против прусского магистра Людвига), которые с помощью и милостью Бога через четырнадцать недель [70] (должно быть через четыре года) после первого поражения наголову поразили войска Иржика (должно быть Людвига). А сами, успешно одержав победу с малыми потерями, вернулись к королю Казимиру. **Длугош и Кромер (кн. 26, стр. 385 первого издания) пишут об этом так:** ***Nec paruis incommodis nostros as ficiebant: id est, Crucigeri Polonos: donec submissis a Rege Lituanis ac Tartaris equitibus liberiores eorum excursions inhibitae sunt*** *(Крестоносцы нанесли полякам сравнительно небольшой ущерб, пока королевская конница, литовцы и татары не положили конец их нападениям)* **, также и о литовской помощи упоминают во многих местах.** И захватили в той битве многих чешских и силезских панов из войска Иржика. **Пан из Першина захвачен князем Глазиной.** Среди них был пан из Першина, которого захватил князь Глазина [71], князь смоленский, который потом был смоленским окольничим. Казимир был этим очень обрадован (pocieszon) и восхвалял Господа Бога, что за столь короткое время дал отпор неприятелю. Так говорит сам летописец и нам не следует удивляться, что писавший литовскую летопись дьяк (Diak), как простак, ошибся с именем. Ибо в то время чехи за деньги служили солдатами как у поляков, так и у крестоносцев, как ныне у нас венгры. Об этом свидетельствуют Длугош, Кромер, Меховский, Ваповский и орденские историки. Вот и в тот раз литовцы, пришедшие на помощь полякам, бились с чехами, солдатами крестоносцев, и одержали над ними победу. А дьяк подумал, что с чешским королем, и так и написал в летописи, ибо в то время литовцы не знали иностранных народов, разве что москву, поляков и мазуров, которые у них служили и были в большой чести.

А ныне бывает, что известно и мне, и каждому рыцарю, что временами поляки и пятигорские (Pietihorsci) татары воюют с москвой, а Москва все это приписывает Литве, которая платит им жалованье. Так же и датский королевич Магнус в Лифляндии воевал с немцами, а все это приписывали Московиту. Так же и Шеремет (Seremiet) при мне с

восемью тысячами ногайских татар (которых храбро отбил витебский воевода Станислав Пац) осадил Витебск со стороны московского [князя], а везде говорят, что Витебск осадила Москва. Вот так и когда литовцы побили чехов, орденских ротмистров и солдат, и многих, среди которых называют пана из Перстина, захватили живыми, это поражение какой-то дьяк ошибочно приписал чешскому королю Иржику, ибо Бернард Шумборг имел в этой битве две тысячи чехов и моравцев, с которыми, как чешский гетман, служил крестоносцам за деньги.

Крестоносцы не упускали не одной возможности навредить полякам и нанимали татар, чтобы те разоряли Подолию. Крестоносцы и их гетман Шумберг вместе с другими также очень старались о том, чтобы поссорить чешского короля Иржика с Казимиром, как пишут Длугош и Кромер (кн. 24,): ***quo facilius Crucigeri bellum cum Polonis haberent si eos Bohemico quoque bello implicassent*** *(крестоносцам войну с поляками облегчило бы вступление в войну чехов)*, чтобы крестоносцам тем легче было воевать с поляками, если бы тех отвлекала еще и чешская война. ***Nichil enim intentatum ij reliquebant, quod ad perniciem Polonorum pertinere existimarent.*** *(Не упускали ничего из того, что, по их мнению, привело бы к уничтожению поляков).* Но крестоносцы этого не добились, ибо Иржик Чешский до самой смерти жил с Казимиром в дружбе, и мир между собой они часто обновляли и подтверждали через послов.

Самое соседство границ свидетельствует о том, что Литве было, наверное, удобнее, легче и ближе послать королю помощь рыцарским людом против прусского магистра Людвига в соседнюю Пруссию, а особенно ***ad inferiorem Prussiam*** *(в Нижнюю Пруссию)*, как пишет Кромер, ибо главнейшим и столичным городом крестоносцев стал Кёнигсберг, чем в Силезию под Вроцлав против чешского короля Иржика. На самом деле в то время такого никогда не было, если не считать последующего похода на Силезию против венгерского короля Матьяша, когда литовцы посылали помощь тому же Казимиру, но это далеко отсюда по времени, месту, персонам противников и причинам войны, как об этом напишем ниже. Я вторично вернулся к этому для того, чтобы очистить Летописец Литовский от ошибок относительно времени и участников Хойницкой войны и того поражения прусского магистра Людвига, а не чешского короля Иржика. В том же 1460 году умер виленский воевода Ян Гаштольт.

Послы Краковской земли требуют охранную грамоту. В том же году король Казимир созвал сейм в Петркуве, на который послы Краковской земли не хотели приехать, пока король сначала не даст им надежную охранную грамоту для свободного приезда и отъезда, поскольку они узнали, что король, припомнив, что краковская шляхта бунтовала против него, приказал своему придворному рыцарству быть на сейме вооруженными.

Это было делом новым и неслыханным, однако, чтобы не вспыхнула какая-нибудь большая смута, король дал им охранную грамоту (gleit). Виднейшими представителями этого посольства были: Ян Рытвяньский, староста Сандомирский, Ян Тарновский, Ян Мельштынский. И там Ян Рытвяньский, которому хватило красноречия и мужества, от имени всех сразу же произнес в сенате длинную речь, открыто упрекая короля за кривды народу отчизны, которые при его правлении коснулись Короны и их самих. **Суровая речь Рытвяньского** [обращенная] **к королю.** Он требовал, чтобы король вернул полякам все,

что литовцы с его позволения отняли, особенно Луцк и большую часть плодородной (hojnej) Русской земли, а также Гонядз (Goniadz) и Вегрув, города с волостями, которые литвины забрали у друзей короны, мазовецких князей. И чтобы не чеканил малоценной и негодной монеты, изъял фальшивые монеты, занесенные из чужих стран, был справедлив к вдовам и сиротам, ограничивал своеволие и распущенность вышестоящих начальников, согласно своему предназначению вычистил все королевство от разбоев и грабежей, а имущество поляков и ценности Короны ценил не меньше, чем литовские. Если король это сделает, они готовы к любым трудам и расходам и еще охотнее к жертвам на военные походы, а если он отвергнет их требования, то, ясное дело, король напрасно будет на что-то надеяться с их стороны.

На это король скромно и учтиво отвечал им, что не чувствует за собой никакой вины. И, не окончив дела, разъехались с сейма. Великополяне решили собирать на солдат по шесть грошей с влоки [72], от чего послы Малой Польши отказались, говоря, что их шляхта не давала цезарю никакого права посягать на их вольности. **Малопольская шляхта не согласилась на поборы по 6 грошей.**

Потом в том же месте на шестой день декабря собрали другой сейм, где по воле короля и коронного сената были избраны двадцать виднейших панов, которые судили и рядили о народных делах. **Упрекаемый король пообещал исправиться.** Потом король обещал исправить свои проступки, которые шляхта бросала ему в глаза, и был установлен сбор по 12 грошей с влоки и годовая пошлина со всех, кто занимался торговлей. **Новые поборы.** Также королю была обещана восьмая часть доходов духовных и рыцарских сословий — на прусских солдат.

С того же сейма гнезненский пробст Якуб Сененский был послан к папе Пию Второму, который прежде звался Энеем Сильвием, чтобы пожелать ему всего доброго и убедить его в королевском послушании [святейшему престолу]. Заодно он упросил разрешить пруссаков от присяги на верность, которую они давали крестоносцам. **Пруссаки освобождены от присяги.**

Крестоносцы не хотели уезжать из Пруссии на Тенедос. От имени короля он также попросил, чтобы прусские крестоносцы были переведены на остров Тенедос (Tenodos) в Греции против турок, ибо им уже тесно было среди литовцев, поляков и других христиан, с которыми они из-за своей спеси вели беспрерывные войны вопреки уставу и обязанностям своего ордена. А турецкий император Магомет, взяв Константинополь, в то время всю Грецию тревожил жестокой войной, захватил наиславнейший город Коринф, завладел островом Лемнос и Митилини (Miteliny) [73], а также совершал набеги на Пелопоннес и другие Эвбейские острова (insuly). **Турки взяли Коринф.** Но в этом деле папа больше благоприятствовал немцам, чем полякам, так что королевский посол ничего не выпросил, да и крестоносцам отсюда уходить не хотелось, ибо трудно пахать на волках.

Прусская верность. Тогда же крестоносцы уговаривали пассенгеймских [74] горожан нарушить установленный мир, чтобы они [оставили] короля и предались им. Горожане сообщили об этом своему старосте Михаилу Сромотному и поставленному королем

ротмистру и [задумали] хитрость: пошли к крестоносцам и сказали, чтобы те прислали им своих немецких солдат для обороны против поляков, обещая сдать им город. Магистр тогда послал 500 конных рейтаров (rejterow) со множеством пеших кнехтов, а наши, зная об этом, приготовились с вооруженными горожанами, а другим велели встать перед городом. **Орденские рейтары перебиты хитростью.** И, впустив в город триста их конников, закрыли за ними ворота и перебили там всех до единого. А другие, видя измену, убежали.

Родился Ян Ольбрахт. В том же 1460 году, 27 декабря, королева Эльжбета родила Казимиру третьего сына Яна Ольбрахта.

В том же 1460 году король Казимир, выехав из Польши на Русь, отправил послов к перекопскому царю Хаджи-Гирею (Ecygiereja) и к валашскому воеводе Стефану, прося о помощи против крестоносцев, что оба ему охотно пообещали. **Сейм в Бресте Литовском.** А объехав русские земли, созвал сейм в Бресте Литовском, на котором с литовскими панами обсуждал нужды и дела Великого княжества, умоляя их [отринуть] свои замыслы и отговаривая от развязывания войны с поляками, когда они хотели силой добывать у них Подолию, пользуясь тем, что те затруднены Прусской войной. **Сейм за сеймом.** Потом отъехал в Сандомир, где сеймовал (sejmowal) с поляками относительно Прусской войны, и тут же по тем же делам поехали на другой сейм в Лещице.

Город Мальборк, под которым поляки стояли 4 месяца, тогда же сдался им, как и замок.

Двести злотых на каждого драба и жолнера. Также польские солдаты ночью захватили города Квидзынь и Вармию (Warmia), которые немцы зовут Мариенвердер и Фрауенбург [75], где обогатились так, что из общего котла (z butynku) [76] каждому досталось по 200 злотых.

Глава седьмая

О виленском сейме и о втором приглашении князя Семена Олельковича на великое княжение Литовское и о войне с крестоносцами

в году 1461

Вельможному пану
Станиславу Шемиоту [77],
кухмистру [78] *В[еликого]*
кн[яжества] Литовского

Король Казимир с Брест-Литовского сейма через Радом приехал на пасху в Литву, где созвал в Вильно сейм, на котором литовские паны настойчиво требовали от него, чтобы вместе с ними или один либо постоянно жил в Литве, либо поставил им на великое княжение Литовское, Жмудское и Русское Семена Олельковича Киевского — как законного наследника, происходящего от великих князей Литовских. ***Длугош и Кромер,***

стр.163, кн.24. Но король это их желание не удовлетворил и отложил на другое время, прося, чтобы потерпели, пока он либо закончит Прусскую войну, либо помирится.

Наши повоевали Самбию. Потом король из Вильна поехал на сейм в Сандомир, оттуда добрался до Кракова, потом сразу же двинулся в Иновроцлав, куда велел съехаться всей шляхте на Прусскую войну. А наши солдаты, собравшись с эльбингскими горожанами и чехами с их вождем Скальским, через малое море Хаб (Habum male morze) [79] переправились в Самбийскую землю, которую вдоль и поперек повоевали огнем и мечом. И взяли большую добычу, особенно когда внезапно вторглись в те края, которых война еще не коснулась из-за их удаленности от врагов поляков. В 1580 году я миль двадцать ехал вдоль берега этого моря [80].

Рождение Александра. Тогда же королева Эльжбета родила Казимиру четвертого сына Александра в 1461 году, в пятый день августа месяца. За несколько дней до этого, в июле месяце, Анджей, граф из Тенчина, из великого, знатного и знаменитого старинного польского рода, ударил в Кракове оружейника Климунта за то, что тот не успел вовремя изготовить ему доспехи. **Об уличении в насилии.** Тот позвал на помощь и возбудил многих людей. В отсутствие короля советники (rajce) направились с жалобой к королеве Елизавете, которая велела обеим сторонам помириться до завтра. Но когда советники вернулись из замка, народ запер ворота, ударил в набат, и собралось много вооруженных людей. Тенчинский по совету королевы Елизаветы мог бы укрыться в замке, а не идти против толпы, но ему показалось постыдным делом отступить перед множеством взбунтовавшихся разъяренных холопов. Что и со мной случилось в 1576 году, когда на прусской границе без какой-либо причины против меня выступил весь город. Не желая постыдно бежать, я остался против трех сотен простолюдинов, защищаясь до тех пор, пока в руке оставалось оружие и пока мне его не сломали по самую рукоятку. В этой заварушке (krotochfile) я едва не поплатился [жизнью], как и Тенчинский, ибо всегда ***nocuit temeraria virtus*** *(не задумываясь, проявлял доблесть).*

Тенчиньский жестоко убит. Тенчинский перед этим бунтом тоже укрылся было в доме Кеслинга (Kizlinkowym) на Братской улице, но так как не был уверен в [безопасности] этого места, ушел в костел Св. Франциска с сыном Яном, с Сецигневским и Спытко Мельштынским, и там влезли на башню. Потом сам Тенчинский бежал в ризницу, оставив товарищей на башне. Без всякого почтения к святому месту и знатной особе городские простолюдины ворвались в ризницу и схватили его силой. И там же его глумливо изрубили, прикончили и поволокли мертвое тело в ратушу, колотя его, и два дня [тело] лежало у ратуши. Его сын, затаившийся в печи у одной вдовы, ночью бежал из города. На третий день тело перенесли в церковку Св. Войцеха на рынке, а на четвертый вернули его друзьям, которые и похоронили его в Ксияже (Xiazu) [81].

Часть краковян казнена. На другой год, в вигилию Трех Королей [82] краковские ратманы (rajce) [83] были вызваны к королю. Они просили, чтобы их, согласно их привилегиям, судили по немецкому Магдебургскому праву перед войтом. Но король со своими советниками (radami) сказал, что покойный Тенчинский тоже взывал к этому праву, но вы его применить не захотели и постыдно его умертвили без всякого права. И тогда к смерти приговорили четверых из совета, а именно: Конрада Ланга, Станислава Ламиттера,

Ярослава Шарлея и Мартина Белзе, а из простолюдинов Яна Тешнара, арбалетника (kusznierza) Яна Вольфрама, маляра Яна, столяра (slosarza) [84] Яна Шерланга и цехмистра [85] ратуши, а тот предатель оружейник (platnerz) [86] сбежал. Потом их заключили в замковую башню, которую называют Тенчинская башня, а на шестой день в том же в замке под той же башней шестерых, принявших Святое Причастие, пятнадцатого января казнили, а троих из них: Яна Тешнара, Яна Вольфрама и Мартина Белзе взял в Рабштын Ян Рапштынский (Rapstynski) [87] и долго держал под стражей, пока двоих не оправдали, а третий не умер. Сенат также выплатил 6 000 злотых краковскому каштеляну Яну, брату убитого Анджея Тенчинского, и [его] сыну Яну.

Фридланд взят. В том же году на восьмой день осады король взял у крестоносцев город и замок Фридланд. Подступив под Хойнице, пятнадцать дней бесполезно простоял с войском в миле от города, а часть войска и шестьсот литовских татар, которых прислали литовские паны, разорили и разграбили земли князя Эрика Щецинского, который примкнул к крестоносцам. **Литовские татары повоевали Щецин** (Stetin)**.** И когда уже отходили с полоном и с большой добычей, на них с большими силами ударили немцы, которых поляки и литовцы наголову поразили и с великой славой привели к королю пленников. **Немцы поражены.** В то самое время, когда король стоял под Хойницами, пришло скорбное известие о смерти королевской матери Софии на 41 году со времени ее брака с Ягелло [88], женщиной большого ума, благочестивой и не гневливой. **Умерла София,** [вдова] **Ягелло.** Ее похоронили в костеле Святого Станислава в Краковском замке, в часовне Святой Троицы, которую она построила сама и с великой щедростью наделила сокровищами и восемью мансионариями (mansionarzow) [89]. Была внучкой сестры Витольта, дочерью Андрея Ивановича, издавна ведущего свой род от киевских князей, а в то время князя Друцкого (а не Гольшанского, как сообщает Летописец), из рода которых происходит также святой славный гетман Константин, князь Острожский, ибо князья Острожские и Заславские выводят свою генеалогию от [князей] Киевских и Друцких. **Князья Острожские** [90].

Съезд Казимира с чешским королем Иржи. Потом король Казимир с коронными панами отправился в Глогув, где [навстречу] ему из Глогува на [целую] милю выехал чешский король Иржи вместе с епископами Вроцлавским и Оломоуцким и с четырьмя силезскими князьями. И как только оба сошли с коней и встретились, Казимира препроводили в Глогувский замок, а чешский король Иржи остановился в городской ратуше. Потом они там два дня между собой советовались и подтвердили нерушимый обоюдный мир до самой смерти.

Глава восьмая

О поражении орденского войска от поляков и литовских татар под Нешавой и Пуцком.

Королевские дворяне воюют Кульмскую землю.

Король, приехав из Глогува в Великую Польшу,
Задержался в Познани на три недели и больше.

Двинулся в Иновроцлав и всех дворян поляков
Оттуда призвал к оружию против крыжаков.

Татары в Пруссии потоптали хлеба.

Послал в Кульмскую волость, чтобы губили
Хлеб там на корню и немцам отомстили [91].
А с ними литовских татар решили послать
По всей волости дары Цереры разорять.

Литовские татары проводили королеву до Нешавы.

Король уехал в Торунь, откуда королеву
С литовскими татарами отправил в Нешаву,
Где не забывал ее часто навещать.
А Шумборк только и думал, как бы поймать
Короля на свой крючок смертоносный.
Того же хотели и крестоносцы.

Крестоносцы подожгли нешавское предместье.

Множество немцев своих к Нешаве послал
Шумборк по Висле в ладьях. А ночью напал
И запалил предместье. Наших тогда тревога взяла,
Ибо сама королева в то время в Нешаве была.

Литовцы и поляки поразили немцев.

С литовскими татарами из города наскочили
Поляки, и немецкие полки сразу разгромили [92].
Одних татары с литвой из луков перестреляли,
Других поляки в рукопашном бою убивали,
Третьи вдоль берега Вислы к кораблям бежали,
Наши их, со всех сторон окружая, рубали.
Все суда захватили, много врагов перебили,
Только шесть их на двух ладьях из той битвы уплыли [93].

Наши воюют орденскую Пруссию.

Тогда же под Вармию [94], где прусский магистр стоял,
Петр Дунин [95] с солдатами помочь своим прибежал.
Узнав об этом, магистр бросил лагерь, немцы бежали,
А наши большую добычу на их повозках взяли.
Дунин в Старградские и Лембергские волости
Вторгся, разоряя и паля их без жалости,
Бытовские и Пуцкие он также пограбил землицы,

До самого моря разоряя орденские границы.
Крестоносцы, видя, что наши в теснину вошли
И меж озера, моря, реки и леса зашли,
Решили их там, в этой теснине, атаковать,
Чтобы ловчее поляков разбить и порубать.
Там гетман Фриц Равенек из Австрии
И гетман Каспер Ноствич из Чехии [96]
Построили армию крестоносцев:
Немцев, имперцев и иноземцев,
И двинулись поляков громить.
Король, стремясь своих защитить,
Послал со своими придворными Горского
Вместе с татарами княжества Литовского [97].
Немцы же позиции на Висле укрепили,
Чтобы к нашим подкрепления не подходили,
Но Горский своих в другом месте переправил,
А впереди всех литовских татар поставил.

Полякам тесно.

Немцы все подступы перегородили,
Чтобы поляки своим не подсобили.
И Дунину Горского, и Горскому Дунина
Из-за войска немецкого достичь было трудно.
Дунин понял, что иначе не может получиться:
Либо лечь со славою, либо стоя насмерть биться.
Решил к своим дорогу он железом проложить [98]
И начал своих рыцарей в один отряд сводить.

Советы Петра Дунина своим.

Просил, убеждал их его не посрамить
И всю свою силу и доблесть проявить
Ради славы, свободы и самой жизни,
Которой не жалко во имя отчизны,
Чтобы немцев не пугались и не бежали.

Построение немецкого войска.

Гордые немцы точно так же поступали:
Клялись, что никто из них не посмеет бежать [99],
Всех поляков сулили на куски порубать.
Громко ударили в бубны, трубы запели звучно,
Кнехты наступая, шагали размеренно, кучно [100],
Рейтары, подбоченясь, «dasticht und Posz» [101] кричали,
А под ними фризы в латах скакали и ржали [102].

Битва наших с немцами.

Петр Дунин своих конников на чело поставил,
Арбалетчиков и драбов за ними оставил
И обрушился на немцев с великой охотой.
Сшиблась кавалерия с немецкой пехотой.

Хитрость и смелость Ясенского.

Павел Ясенский, вооруженный дворянин королевский [103],
Заметив, что с копьями конный полк идет на нас немецкий,
С фланга между двумя их полками заскочил,
Копья имперские на себя оборотил [104].
Благодаря ему немцы свой строй смешали,
А наши копья свои об них изломали [105].
Каждый выбрал себе своего рейтара, и копья в них всадили,
А литовцы беспрестанно из арбалетов и луков палили.
Наши превосходили смелостью, а немцы числом,
Один в другого запальчиво целил острым копьем.
В каждом ряду кони ржали, оружие и доспехи звенели,
Разноязычные крики гремели, бубны и трубы гудели.
С равным успехом [106] три часа друг друга они били [107].
Немцы и поляки порознь из боя выходили,
Мирно отдыхали подобру-поздорову,
Потом тем охотнее схватывались снова.

Убит гетман Фриц.

А еще через час [108] Фриц ранение получил,
Из-за чего немецкий полк бежать уже решил.
Наши их драбов беспрерывно из арбалетов шили [109],
А конные поляки смелостью сердца укрепили.
Немцы побежали, но Фриц их остановил
И снова с поляками битву возобновил.
Но тут его самого драб убил [110] и немцы розно
Разбежались, видя, что драться напрасно и поздно.
Иные с гетманом Ноствичем убежали,
Укрытий в лесах и среди озер искали [111].
Другие свою жизнь ближайшим замкам доверяли,
А наши, хлестая коней, убегающих гнали [112].

Наши захватили лагерь крестоносцев.

Потом на их лагерь стремительно наскочили,
Который немцы рядами рожнов окружили,
Все заграждения проломили и взяли в упорном сражении

Пятнадцать пушек и двести возов с оружием и снаряжением.
И пока что наши у вражьих возов забавлялись,
Многие конные немцы в это время спасались.
Один полк в лес, в засеку, которую сами и срубили,
Прискакал, а там их наши всех до одного перебили.
Всего крестоносцев две тысячи в бою положили,
А шестьсот злополучных кнехтов живыми захватили.
Наших простых солдат только сто человек в битве пало,
Шляхтич один убит, хотя раненых было немало [113].
Сам Дунин в бедро и в руку ранен, герою подобен,
Ибо с горсткой поляков делал все, на что был способен [114].

Слупский князь бежит, а арьергард его войска наши побили.

Эрик, столпенский князь [115], поддержать крыжаков
Шесть сотен конных двинул против поляков.
Но, услышав о том, что Дунин немцев окоротил,
Сразу обратно в Поморье свои полки возвратил.
Наши после победы сразу за ним помчали,
И его арьергард [116] ощутимо пощипали,
А иных повязали. Отвагой такой
Прославились в то время победой двойной.
Одних под Нешавой, других же под Пуцком побили [117],
И слупского князя обратно бежать принудили.

Эта славная битва у Пуцка [118] состоялась в 1462 году, в пятницу 17 сентября, о чем [пишут] Длугош и Меховский (кн. 4, стр. 319), Кромер (кн. 25) и Герборт (кн. 16, стр. 204). А Ваповский и из него Бельский (стр. 279) пишут, что наши тогда гнали и били немцев шесть миль [119]. И с того времени пруссы (Prussowie) уже никогда не имели власти над Польшей.

Крестоносцы снова трижды поражены. Почти в то же самое время наши имели счастливые битвы с крестоносцами в трех других местах. Чех Червонка от имени короля занял местечко Голуб [120], часть орденских солдат захватив, а часть перебив. Из-за этих счастливых успехов многие пруссы орденского государства стали склоняться к королю.

Тогда же король Казимир по праву наследования отобрал Раву и Гостынин у мазовецких князей.

В то же самое время на Петркувском сейме были урегулированы великий спор и досадные недоразумения между Якубом Сененским и Яном Грущинским по поводу Краковского епископства, ибо король активно поддержал Грущинского [121], сказав, что лучше лишится королевства, чем Сененский будет епископом. **Гнев (furia) папского легата.** А папский легат Иероним, архиепископ Кретенский, сказал, что лучше бы трем польским королевствам погибнуть, чем учинить подобное [бесчестие] апостольскому престолу (от которого уже имел подтверждение для Сененского). Но король настоял на своем, и

Сененский уступил епископство Грущинскому, получив от него четыре тысячи злотых за утрату. С тех пор свободные выборы епископского капитула утратили свои вольности из-за насильного нарушения их привилегий, как об этом подробнее пишут Длугош, Меховский (кн. 4, гл. 61, стр. 317), Кромер (кн. 25), Герборт (кн. 16, гл. 13), Ваповский, Бельский и другие. На том же сейме мазовецкие князья через послов просили, чтобы король милостиво поступил с ними в отношении возвращения Плоцкой земли. Литовские паны и все рыцарство через своих знатных послов Тотивила и Кучука под угрозой войны добивались Подолии и к тому же Бельского, Олесненского и Ратненского повятов. **Литовские послы Тотивил и Кучук.** ***Кромер (кн. 25) и Длугош.*** На это коронные паны не сказали им ничего нового, разве что согласились отправить на их сейм собственных послов. Как только король с королевой выехали из Радома в Литву, по этому делу за ними послали киевского воеводу Станислава Остророга и коронного маршалка Яна Рытвяньского, сообщивших [королю], что литовцы напрасно требуют от поляков Подолии и перечисленных повятов. Но так как литовские паны доказывали это убедительными доводами (о чем русские летописцы свидетельствуют подробнее и что отрицает Кромер), король отложил все это дело до вального Петркувского сейма.

Крестоносцы дважды поражены. Тогда же Ян Скальский с королевскими солдатами поразил три полка крестоносцев под Орнетой. Чех Ульрих Червонка под местечком Скампа наголову разбил триста рейтаров (rejterow) прусского магистра, так что мало их убежало, а восемьдесят [человек] захвачены живыми.

В том же 1463 году пятьсот наших русских солдат, которые с дозволения короля были наняты кафинскими горожанами, двинулись против турок для освобождения города Кафы от осады. И там они были поражены литовцами и волынцами у Брацлава. А причина была в том, что, когда солдаты прибыли в Брацлав Волынский Литовской, как пишет Кромер, державы, они неожиданно повздорили с горожанами и одного из них случайно убили. А когда увидели, что против них по набату поднялась вся гмина, то далее взбунтовались еще больше и запалили посад, чтобы им было легче убежать, пока горожане будут заниматься тушением пожара.

Битва князя Чарторыйского со своими. А брацлавским наместником в то время был Михал, князь Чарторыйский. Охваченный жалостью и гневом, он вместе с собранным, будто по тревоге, полком догнал руссаков-жолнеров, четыре раза на них налетал и четырежды был отбит с немалыми потерями для своих — до тех пор, пока не собралась почти вся волость, искушенная в рыцарских делах из-за татарских набегов. [Чарторыйский] окружил их со всех сторон, прижал к реке Буг и перебил, не позволяя сдаваться. **Река Буг, которую Птолемей и Солин зовут Гипанисом (Hipanim).** Только пятеро из пятисот их убежали, а вся добыча, которую взял Михал, князь Чарторыйский, оценивалась в тридцать тысяч злотых.

С боснийского короля содрали кожу. Тогда же турки захватили остров Лесбос (Lezbon), а вскоре после этого и славянское Боснийское (Boszenskie) королевство, богатое сокровищами и мощными замками. А их короля Стефана [122], захватив его в главнейшем замке Яйце, Магомет в нарушение обещания [123] велел привязать к столбу и расстрелять из луков, а потом содрать с него кожу и насыпать в нее золотых червонцев из его сокровищ,

демонстрируя его гнусность и никчемность. Ибо вместе с тем золотом и серебром, которых в его сокровищницах было сложено огромное количество, он предпочел сгинуть, а не защищать самого себя и своих подданных с помощью этих [сокровищ]. **Этого короля Скалих в своей генеалогии считает своим подданным** [124].

С того времени Магомет учредил янычар [125] — пешее рыцарство из славянского народа, отобрав для этого тридцать тысяч боснийских молодцов (molojcow). Сначала настоящих (prawych) янычар было четырнадцать тысяч, но уже при нас Амурат [126] в нынешнем 1574 году [127] прибавил к их числу две тысячи.

Глава девятая

О безрезультатном сейме поляков с литовцами и о поражении лифляндцев из-за жмудской хитрости.

Напрасный съезд литовцев и поляков. Так как литовские паны снова и снова увещевали коронных панов по поводу Подолии и других отнятых замков, король собрал обе стороны на сейм в Парчове: сначала на день Рождества Девы Марии (8 сентября), отложенный потом на день Святого Мартина (11 ноября). [Король] поехал туда прямо из Петркува; туда же с обеих сторон съехалось очень много сенаторов и панов. Но когда литовские паны не пожелали ехать к полякам в Парчов, а поляки не захотели к ним в Брест, потом они съехались в Ломжах, где тоже ничего решить (sprawic) не смогли из-за неподходящести (niewszesnosci) этого места и из-за непогоды, поэтому отложили это дело на год. Король, распустив этот съезд, тоже отъехал с королевой в Литву, а так как в Вильне в то время господствовало [моровое] поветрие, некоторое время жил в Гродно. Потом двинулся в Ковно, где провел большую часть зимы, о чем Длугош и Кромер (кн. 25, стр. 558 первого издания и 378 второго [издания]).

Венгерский король Матьяш захватил Боснию. В том же году венгерский король Матьяш (Matias) отобрал Боснийское (Bossenskie) королевство у турок и взял главный замок Яйце, а также двадцать пять сдавшихся ему рашских и боснийских городов [128].

В 1465 году [крепость] Нове Място (Nowe Miasto) [129] в Пруссии, долгое время будучи в осаде, сдалась королю. [Ее жители] пожелали, чтобы им было позволено свободно выйти вместе с пятьюдесятью тремя возами своего добра. Чех Ян Скальский, не известив короля, захватил также большой орденский город Гольштейн (Holstein) [130]. В то же время Миколай Жалинский осадил Добжиньскую гору, с которой немцы могли вредить [131] нашим в Нове. Крестоносцы заметили это слишком поздно, и это так их встревожило, что они перессорились, возлагая один на другого вину за недосмотр и утрату этой горы, в результате чего было убито двенадцать человек. Тогда же под Кольбергом на Поморье наши наголову разбили семьсот орденских рейтаров [132]. После этого крестоносцы стали хлопотать о мире, но сами все запутали из-за собственной спеси. В это время гданьчане целых шесть месяцев на земле и на море добывали у крестоносцев Пуцк, и [в конце концов] добились его сдачи [133].

Посольство от папы к татарскому царю. Как только король Казимир через Лещицу и Радом прибыл в Литву, к нему приехал антиохийский патриарх Людовик, ехавший от татарского царя Хаджи-Гирея (Ecikiereja), к которому от имени папы и императора предпринял посольство, чтобы Хаджи-Гирей отговорил турецкого императора Магомета от готовившейся им войны против христиан. А если иначе не получится, чтобы начинал против турок войну [134], обещая ему дань (hold) от папы и от христианского императора, да и тогда тоже дал ему очень большие подарки. **Итальянцы поджали хвост.** Но так как Хаджи-Гирей ответил, что относительно войны против турок он должен поступать по воле и совету Казимира, своего друга и союзника, патриарх Антиохийский просил Казимира, чтобы он, как христианский государь, позаботился о спасении христиан, насколько это будет в его силах. [Хотели отдать его туркам] **на съедение, как и Владислава**. Но король, отложив это дело на коронный Петркувский сейм, отправил посла без определенного ответа.

Жмудины перебили 700 лифляндских крестоносцев. В том же году, пишут Длугош, Кромер (кн. 2, стр. 565 первого [издания] и 382 второго издания), Меховский и другие, в феврале месяце семьсот конных и пеших лифляндских немцев двинулись в Пруссию на помощь своим крестоносцам. Однако как только они стали входить в пределы Жмуди, то не смогли пробраться через леса, в которых жмудины завалили все дороги и все проходы, и избрали себе другую дорогу — к морю. Видя это, жмудины выкопали около Паланги (Polongi) очень глубокие ямы на этих самых местах и накрыли их дерном и землей. Лифляндцев, измученных голодом, холодом и страхом, жмудины загнали в эти самые ямы, куда они неосторожно попадали и были перебиты. А те немногие из них, которые выкарабкались из этих ловушек, вышли на лед, но и они потонули, потому что слабый лед подломился. **40 кораблей с немцами потонули.** Из всего их числа в живых остались только двое немцев, которые рассказали, что незадолго до этого сорок кораблей, полных солдат, плывших из Германии в Пруссию, погибли в волнах.

Тогда же вармийский епископ Павел [135] оставил магистра и со всеми своими замками пристал к королю, видя его счастливое везение.

Несчастья прусских крестоносцев. Тогда же Ян Скальский с малой дружиной взял у крестоносцев замок Мельзак и поразил комтура Плауена (Plaweniusa) [136].

А в следующем месяце несколько полков прусского магистра, которые вышли было из Хойниц и Старогарда, польские жолнеры наголову разбили и взяли замок Осиек (Osiek).

Других [крестоносцев] тоже счастливо разгромили во встречном (wstepna) бою под замком Резель (Resla) [137], так что на плацу полегло несколько рот конных и пеших немцев.

Тогда же король Казимир приехал в Быдгощ, узнав о захвате Члуховского замка. Ради науки господам ротмистрам и старостам кратко опишем эту хитрую затею (fortel).

Хитрость. Члуховский староста Ежи Дабровский пленил было одного богатого поморского шляхтича Мартина Сиссовича, которого долго держал у себя в Члуховском замке ради выкупа. И тот был в такой дружбе со старостой, что потом вольно ходил по

замку и видел, что наши испытывают недостаток в продуктах. И стал уговариваться со старостой Дабровским, чтобы тот пустил его на волю, обещая привезти ему из своего дома или имения сколько нужно муки. А перед этим сговорился о сдаче замка с поморянами, которые служили драбами среди польского гарнизона. Староста Дабровский легко поверил этим обещаниям и отпустил этого шляхтича Сиссовича, который, якобы соблюдая свое слово, привез в Члухов четыре полных воза муки. А к каждому возу, кроме возниц, было приставлено по четыре отборных вооруженных пехотинца, и не из худших, якобы для охраны и безопасности в дороге, чтобы на них где-нибудь не напали крестоносцы. **Вот тебе и мука.** И когда эту муку вместе с этими ряжеными (stafirami) [138] впустили в замок, [Сиссович] сразу же с помощью драбов-поморян, с которыми сговорился заранее, неожиданно схватил самого старосту с товарищами, а также слугами, и посадил их в башню, глубоко вниз [139]. **Поморянин Сиссович маленькой хитростью захватил большой замок.** А замок Члухов взял под свою власть, и вот так хитростью он из узника стал паном, а неосторожного пана сделал узником.

В то же самое время орденские горожане сдали замок и город Староград (Starigrod) Готарду Радлинскому, поставленному [начальником] над войском. Будучи утешен этой радостной новостью, король сразу же отправил под Хойнице польское войско с гетманами Дуниным и Синовским, а сам остался в Быдгощи. Осажденные крестоносцы насмехались над нашими, что те осадили город только с одной стороны, а когда около города стали делать шанцы, совершали вылазки против наших драбов, копавших шанцы, а других донимали стрельбой со стен из пушек и ружей, а под конец и отравленными стрелами. Других, неосторожно бродивших, хитро подстерегали, хватали из засады и очень необычно терзали (drzeczyli) наших, как пишут Длугош и Кромер (кн. 26), пока король не прислал им на помощь литовское и татарское и конное рыцарство, которое сдерживало эти своевольные вылазки. ***Cromer: Donec submissis a Rege Lituanis ac Tartaris equitibus etc.*** *(Кромер. Пока король не сдержал их литовской и татарской конницей и прочее).*

А в это время благодаря счастливой удаче наши захватили замок Члухов на шестой день после его утраты. Этот замок размерами и мощью воистину был ровней Мальборку. Но когда сорок наших конных вышли на Члуховское поле, чтобы чего-нибудь раздобыть, на них из замка выскочил Мартин Сиссович (Syssowic) со всем рыцарством, так что в замке остались только два ксендза и школьный учитель с несколькими мальчишками-учениками. Благодаря этому наши сумели забаррикадироваться в замке. Выломав двери в башню, ловчими сетями они сперва вытащили из башни старосту Дабровского и шестнадцать его товарищей. А потом вышли на стены (blanki) и подняли громкий крик, который услышали поморяне и захотели вернуться в замок. Но эти ксендзы вместе с учениками и с нашими били их сверху каменьями. Видя такое дело, те сорок наших конных подогрели их с тыла так, что поморским панам едва удалось смыться. А наши с небольшой помощью захватили столь великий и значительный замок так же легко, как [легко] его было и утратили. В то время королю покорились также и Фридландцы с Хамерштадтцами [140], а те ученики (zacy) и ксендзы были богато одарены королем.

Глава десятая

О взятии Хойниц, о вечном мире с прусскими крестоносцами и о конце войны, которую обе стороны вели 150 лет, а при Казимире 14 лет.

Немцы поражены у Хойниц. В 1466 году, когда наши долго стояли под орденским городом Хойницами, немцы в сентябре месяце устроили вылазку, но в завязавшейся битве с нашими были отогнаны в город. Вскоре после этого, когда наши обедали, [немцы] вырвались из города, мужественно сражались несколько часов, потеряли многих своих и побежали назад, а наши их гнали и били. Боясь, как бы наши вместе с горожанами не ворвались вслед за ним в город, неприятель быстро затворил ворота и оставил на поле очень много своих, часть которых перебили, часть захватили в плен, а часть потонула, когда в доспехах попрыгали в ров, полный воды. Сразу же после этого наши, пуская огненные стрелы, подожгли город, четверть которого сгорела вместе с амбарами и [сложенным в них] зерном. **Сдача Хойниц.** Этим сопротивление неприятеля было сломлено. Великого комтура Ульриха фон Эйзенхофена (Eisenovena) [141] и Яна Зала (Zajlusa) отправили сдаваться королю [на условиях] сохранения всего лишь жизни и имущества и клялись никогда больше не поднимать оружия против поляков. И так, оставив оружие (strzelbe) и все военное снаряжение, [немцы] с плачем и жалобами вышли из города. А победоносное войско Польское (заняв Хойнице) присоединилось к королю, в то время бывшему в Торуни. И там все рыцарство было принято радушно и щедро. Самому городу Хойницам король простил его вину, хотя все советовали сравнять его с землей.

Вечный мир с крестоносцами. Узнав об этом, крестоносцы смирили свою гордыню и тут же, боясь, как бы от них не отступилась вся Прусская земля, через папского легата Рудольфа стали хлопотать о вечном мире, на что король любезно согласился. Потом сам магистр Людвиг с комтурами 10 октября был призван в Торунь. И [там] состоялись соглашение и вечный мир, с обеих сторон скрепленный клятвой. Привилей этого соглашения был подписан рукой папского легата и трех утвержденных писарей, которых называют ***Publicos Notarios*** (государственными нотариусами) и скреплен печатями короля и магистра, духовных и светских советников (panow rad). [Уплатил] **за него недостачу.** Магистра и комтуров король отпустил с великими дарами и сверх того, узнав о его недостатке [в деньгах], обещал ему 15 000 злотых для выплаты [наемным] солдатам.

Прусские земли, [которые отошли] **к Польше.** Поморская, Хелминская и Михаловская земли, за которые 150 шла война, были тогда возвращены Короне. Хелминскую церковь, а также епископство вернули [в лоно] их матери, архиепископства Гнезненского. Это епископство в течение двухсот лет было оторвано от Польши и неправедно присоединено крестоносцами к Рижскому архиепископству в Лифляндии. Тогда и окончилась эта война, которую Казимир вел с крестоносцами 14 лет (как пишет Меховский в кн. 4, стр. 320), хотя Кромер в кн. 26 и из него Герборт (кн. 16, та же самая глава, стр. 311) считают годом меньше [142].

Рождение Сигизмунда. А в 1467 году, в первый день января, в местечке Козиничах [143] (Koziniczach) над Вислой в двух милях от Стежицы родился Сигизмунд, пятый сын короля Казимира. Предзнаменование (wroska) воистину счастливое, ибо [это произошло именно] тогда, когда улеглись прусские смуты, которые потом, когда крестоносцы снова

оживились, он прекратил окончательно [144]. А король в третий день мая имел в Петркуве сейм, на котором остальные прусские паны, не присутствовавшие при заключении Торуньского мира, после смерти магистра Людвига [145] присягнули королю и короне.

Чехи предложили королевство Казимиру. Когда король с Петркувского сейма приехал в Неполомицы, чешские паны попросили его, чтобы без долгих проволочек либо сам принял их королевство, либо послал в Чехию кого-нибудь из своих сыновей с не менее чем с тысячей конных, обещая своими собственными силами посадить его на королевский [престол]. Король поблагодарил их, однако из-за отсутствия полного состава (dla niebytnosci wszystkiego) сената отложил это дело до другого сейма.

Родился кардинал Фредерик [146]. Тогда же королева Эльжбета родила шестого сына Фредерика (Friderika), 27 апреля.

Кометы. Тогда же, когда король, приехав из Неполомиц, для решения прусских дел жил в Гданьске и в Мальборке, на северо-востоке (miedzy wschodem slonca i pulnoca) пятнадцать дней наблюдалась большая комета. А означало это нашествие татар на Литву и на Подолию, которое было сразу после этого. После этой кометы на западе показалась другая, означавшая великое кровопролитие в нижненемецких странах. **Бургундский герцог потерял 40 000 человек при штурме.** Ибо бургундский герцог Карл, когда льежские (Leodensczy) горожане захватили и посадили в тюрьму его племянника, своего епископа и господина, осаждая их, потерял при штурме сорок тысяч человек, а захватив [город], людей перебил, а город сравнял с землей [147].

Валашский воевода Стефан присягнул [королю]**.** А валашский воевода Стефан из-за турецкой опасности не смог приехать во Львов, где его полтора месяца ждал король Казимир, и принес присягу его коронным послам: воеводе Подольскому Яну Музилону (Muzilonowi) и перемышльскому подкоморию Спытку Ярославскому.

Потом король, урядив прусские, валашские и польские дела в Гданьске, во Львове и в Радоме, через Волынь и Луцк поехал в Литву, а в Гродно сеймовал с литовскими панами.

Татары воюют. В это время заволжские татары, которые жили за рекой Волгой, со своим царем Маниаком (Maniakiem) переправились через Днепр и разделились на три войска: одни вторглись в Литву, а другие в Подолию и в Валахию. И в Литве, и в Подолии, и на Волыни литовскую державу и весь край около Каменца, Житомира, Кузьмина, Жидова (Zydowa) [148], Владимира разорили и взяли [в плен] десять тысяч человек. А литовцы, как пишет Кромер, не смогли дать им отпор из-за малочисленности собранного [войска].

Менгли-Гирей (Mendlikierej), царь перекопский, по-дружески предостерегал об этом короля, но литовских панов, хотя король и приказал, собралось не очень много. В принадлежащей Польше Подолии [татары] причинили мало бед, ибо русские и польские войска сразу собрались в Теребовле с Рафалом Ярославским, старостой львовским и Павлом Ясенским, [старостой] бельским и хелминским, из-за чего татары были вынуждены отступить. **Валахи поразили татар.** А в Валахии татары были трижды поражены валашским воеводой Стефаном, так что мало их ушло. А старший царевич был

схвачен валахами. **Расправа Стефана с татарскими послами.** Когда заволжский царь через послов угрожал и требовал вернуть захваченного сына, Стефан приказал на их глазах рассечь этого царевича надвое, а 90 посланцев повбивать на колья. И только одного отпустил с этой новостью к царю Маниаку, обрезав ему уши и нос, чтобы рассказал своему царю о том, как он поступил с царевичем и послами [149]. Об этом Длугош, Кромер (кн. 26, стр. 588 первого издания и стр. 397 той же самой [книги] второго издания), Меховский (кн. 4, стр. 335) и другие.

Присяга прусских магистров. А король, приехав из Литвы, в течение 40 дней проводил сейм в Петркуве, на котором новый прусский магистр Генрих фон Плауен [150] с двумя комтурами присягнул королю и сидел по левую руку от него. Но и он, уехав потом в Пруссию, вскоре умер от апоплексии (apoplexia), и на его место в Кёнигсберге был избран другой магистр, Генрих фон Рихтенберг, который тоже принес королю присягу, приехав на Петркувский сейм.

Король Казимир объезжает русские литовские замки. С Петркувского сейма король с королевой в начале декабря снова уехал в Литву, где [вместе] с литовскими панами натешился охотой и в новом 1470 году, воспользовавшись погожей зимой, объехал Полоцк, Витебск и Смоленск. Он не был в этих замках в течение 16 лет с тех пор, как приехал на королевство в Литву. Вместе с ним ездило также много литовских панов. И, урядив литовские дела, в начале весны [король] вернулся в Польшу.

Лифляндцы бесчинствуют в Литве. А в 1471 году, в начале нового года, король с королевой по обычаю приехал на охоту в Литву, где прожил дольше обычного, улаживая литовские дела. Ибо лифляндцы, как только умер их магистр, опустошили 16 литовских сел. **Умер к[нязь] Семен Олелькович.** И у киевлян после смерти князя Семена Олельковича начались междоусобицы.

Киевское княжество превращено в воеводство. Князь Семен оставил после себя сына Василя и одну дочь, которых, умирая, через послов поручил королю и, как пишет Длугош, послал ему в подарок белого коня и лук, с которыми воевал за него против татар. Однако король по совету литовских панов превратил Киев в повят, а литвина Мартина Гаштольта поставил в Киеве старостой или воеводой, как об этом говорилось раньше в соответствии с летописцами, о чем Длугош и Кромер (кн. 26, стр. 591 первого издания и стр. 400 второго издания). Но киевляне, считая негодным делом служить человеку не княжеского рода, не согласной с ними веры и [к тому же] литвину, потому что этот народ прежде присягал их предкам, не принимали Гаштольта, который приезжал дважды. А короля просили, чтобы дал им князем Михаила, брата Семена, который в то время от имени короля был наместником в Новгороде Великом, либо кого-нибудь греческой веры, либо в конце концов назначил им кого-нибудь из своих сыновей. Однако потом, когда так и не смогли отклонить короля от его предшествующего намерения, приняли Гаштольта. И с тех пор Киевское княжество превращено в воеводство.

Ливонцы тоже выбрали себе нового магистра [151] и, отправив к королю послов, в достаточной степени компенсировали Литве ущерб и окончательно подтвердили мир. Исполнив это, король уехал в Польшу.

Комментарии

1. Ян Янович Волминский Нассута герба Равич (1538-1585) — каштелян Полоцкий (1579-1582), староста Кревский (1579-1582). Участник битвы под Улой (1564) и осады Сокола (1579).

2. Примечание на полях: **Сдача Штума**.

3. Примечание Стрыйковского на полях: **Литовские ротмистры Кучук, Станко Кошиевич, Ян Ильинич, Богдан, Андрушкович и Юрги Вол.**

4. Примечание на полях: **Польские воеводы: Лукаш с Горки Познанский, Станислав Остророг Калишский, Миколай Шарлей Иновроцлавский и Держислав Рытвяньский, каштелян Росперский.**

5. Примечание на полях: **Канцлер Конецпольский.**

6. Примечание Стрыйковского на полях: ***Dubia Alea Martis.*** *(Марсовы игры сомнительны).*

7. Примечание на полях: ***Ut vel aurigaru juoram flagellis hostes in fugam actum iri iaktarent***. *(Может показаться, что достаточно хлестнуть бичом, чтобы обратить противника в бегство).*

8. Примечание на полях: **Польская стража поразила немецкую.**

9. Римский Геспер (Hesper) или греческий Веспер — поэтическое олицетворение *вечера*. По мнению историков, битва под Хойницами (18 сентября 1454 года) происходила примерно с 16 до 19 часов.

10. Людвиг фон Эрлихсхаузен — великий магистр Тевтонского ордена (1450-1467). Но в битве под Хойницами он не участвовал. Орденскими войсками командовали Бернард Шумборский и Рудольф Жаганьский.

11. Жаганьское (Саганское) княжество — одно из силезских княжеств, возникших в начале XIV века в ходе распада и дробления пястовской Польши. Братья Бальтазар, Рудольф и Вацлав стали жаганьскими князьями после смерти их отца Яна I (1401-1439) — прямого потомка Генриха III Глоговского (1304-1309).

12. Примечание Стрыйковского на полях: ***Caeperunt que tres pidare ii qui nun quam armaas acies aspexerunt.*** *(Встревожились, когда увидели три линии вооруженных мужей).*

13. В словаре Даля устаревшее выражение *тряское* болото упомянуто наряду с тряской телегой. Отсюда и слово *трясина*.

14. Смотри примечание 42 к книге пятнадцатой.

15. В оригинале не *звучно*, а *buczno*, то есть *хлестко*.

16. В оригинале: *az z koni szly trzewa*.

17. В оригинале не *без славы*, а *bez sprawy*, то есть *без дела*. Понимать это можно по-разному: *без толку, без командования,* и т.п.

18. В оригинале: *psowala im frezy*, то есть *портили им физов*. О *фризах* смотри примечание 36 к книге пятнадцатой.

19. Примечание на полях: **Об этом тоже читай Кромера.**

20. *Хортами* автор, судя по всему, называет охотничьих собак, хотя такое название подходит и для охотничьего сокола. По-украински слово *хортовий* означает *быстрый, проворный* — отсюда и название запорожского острова *Хортица*.

21. Примечание на полях: ***Cromer: Quod nisi vi abstractus esset viuus in hostium potestatem venisset.*** *(Кромер: Если бы его не увели силой, то он живым попал бы в руки врага).*

22. Примечание на полях: **В этом согласны все летописцы.**

23. Смотри примечание 65 к книге одиннадцатой.

24. Примечание на полях: **Летописцы считают, что пострелял тех чехов, которые служили крестоносцам, что могло быть, ибо и Мальборг наши купили у чешских солдат,** [бывших на службе у] **ордена.**

25. *Валах* (walach) — в данном случае *мерин*, то есть холощеный жеребец.

26. В оригинале *drigant* от польского слова *drygac — дрыгать, брыкаться.*

27. В оригинале *kon rzezany*. Смотри примечание 26.

28. *Лазня — баня* по-польски, по-украински и по-белорусски. Название идет от слова *лазить*, что предусматривает верхнюю полку, то есть *полок*.

29. Примечание на полях: **В этом согласны все русские и литовские летописцы.**

30. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 102.

31. Столь необычное имя (у Длугоша написано точно так же), возможно, является сокращением имени *Идигей*, которое встречается среди имен тогдашних польских шляхтичей. Суходольский и сам мог быть татарского происхождения, причем не

исключено, что родители дали ему имя в честь Едигея, победителя Витовта на Ворскле (1399). Такое тоже бывало.

32. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 101.

33. Иржи из Подебрад официально стал чешским королем 2 марта 1458 года, однако правителем (регентом) королевства он считался еще с 1452 года.

34. Брак Казимира Ягеллончика с Эльжбетой (Елизаветой), дочерью императора Альбрехта II Габсбурга и сестрой Ладислава Постума, состоялся 10 марта 1454 года. Потом у них родились шесть сыновей и семь дочерей.

35. Ладислав Постум умер в Праге от лейкемии 23 ноября 1457 года.

36. В оригинале ***margines***.

37. Матьяш Корвин (1443-1490), младший сын Яноша Хуньяди и Эржебет Силадьи, венгерский король (1458-1490). Прозвище Корвин (Ворон) получил из-за своего герба. Королем Венгрии коронован только 29 марта 1464 года, номинально был также королем Хорватии (1458), Чехии (1469) и герцогом Австрии (1487).

38. Смотри примечание 34.

39. В оригинале латинизм ***concludowali***, ныне по-польски это слово пишется ***konkludowac***.

40. В 1466 году Тринадцатилетняя война между Польшей и Тевтонским орденом завершилась победой Казимира.

41. «Гуситский король» Иржи из Подебрад умер 22 марта 1471 года, а его дочь Людмила (1456-1503) так и не вышла замуж за сына Казимира.

42. Имеются в виду обычные наемники.

43. Влока (*Wloka*) — в Польше изначально *вспаханное поле*, а также мера земельной площади, соответствовавшая западному *лану* или 30 *моргам* (около 18 га).

44. Выражение *na sluzebne* наиболее уместно перевести как *на оплату наемников*. В «Хронике Быховца» прямо говорится, что полученные деньги Казимир использовал именно на эти нужды. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 102.

45. Крымский хан Хаджи-Гирей. Смотри примечание 65 к книге восемнадцатой.

46. Если на строительстве замков настаивал сам крымский хан, это выглядело бы странно, но так как в оригинале написано не ***napominal***, а ***napominali***, об этом, вероятно, просил не Хаджи-Гирей, а другие иноземные послы.

47. Болеслав IV, князь варшавский, черский, цеханувский, плоцкий и закрочимский, скончался 10 сентября 1454 года, то есть на полгода раньше Збигнева Олесницкого.

48. С апреля по июль 1455 года в Кёнигсберге происходила так называемая «война городов»: Альтштадт и Лёбенихт решительно встали на сторону ордена, купеческий Кнайпхоф решил поддержать польского короля. Капитуляция Кнайпхофа считается крупнейшим успехом ордена после битвы под Хойницами. Подчинение *всего* Кёнигсберга означало, что Тевтонский орден окончательно утвердился в наиболее лояльной к нему части Пруссии. Прямым следствием этих событий стало *сохранение орденского государства* — хотя и в значительно урезанных размерах.

49. Примечание на полях: ***Кромер, стр. 349 второго издания.***

50. Миколай Ясенский герба Ясенчик (умер п. 1582) — подкоморий Виленский, писарь Великого княжества Литовского (1579-1581). Был женат на Марине, дочери новогрудского воеводы Павла Ивановича Сапеги (1490-1579).

51. Семен Олелькович герба Погоня (1420-1470) — правнук Ольгерда, старший сын киевского князя Александра (Олелько) Владимировича и Анастасии, дочери Василия I от брака с Софьей Витовтовной. Князь копыльский, слуцкий (1443-1455) и киевский (1455). Был женат на Марии, дочери Яна Гаштольда.

52. Юрий Васильевич Острожский (1432-1500), князь Заславский — сын Василия Федоровича Красного (1392-1461). Во время описываемых событий он был еще довольно молод (23 года).

53. О Деции смотри примечание 6 к книге второй.

54. Осада Белграда и девятидневное сражение с турками происходили с 4 по 22 июля 1456 года. Янош Хуньяди скончался 11 августа 1456 года, Иоанн Капистрано — 23 октября 1456 года. См. : Записки янычара. М., 1978. Стр. 78, 79.

55. Смотри примечание 35.

56. О Куреусе смотри примечание 112 к книге первой.

57. Смотри примечание 37.

58. Карл VIII Кнутссон в 1448-1457 годах был королем Швеции и Норвегии. Королем Дании в это время был Кристиан I Ольденбургский (1448-1481). Осенью 1454 года Кристиан заключил мир с Тевтонским орденом, примкнув к лагерю врагов Польши. Его политический противник Карл, наоборот, видел в поляках своих союзников. Изгнанный мятежниками из Дании, он в 1457 году уехал в Гданьск, где и прожил несколько лет.

59. Странная неточность. Краков находится не в Великой, а в Малой Польше, и автору это было отлично известно.

60. Примечание Стрыйковского на полях: **Бартоломей Бучацкий, староста Подольский, и Ян Лащ (Laszcz) герба Помян, подкоморий.**

61. Из этого можно сделать вывод, что вторая битва с татарами была уже на следующий день. Длугош прямо так и пишет, уточняя, что первая битва была в ночь на 2 сентября 1457 года. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. V, ks. XII. Krakow, 1870. Стр. 236, 237.

62. Примечание Стрыйковского на полях: ***Длугош и Кромер (стр.343), Герборт, 299.***

63. Король прибыл под Мальборк 10 августа, а осада, согласно Длугошу, длилась *девять недель*, то есть до середины октября 1458 года. Перемирие было заключено до дня Святой Маргариты, то есть до 13 июля. Если имелся в виду не следующий 1459, а 1460 год, то это, действительно, *двадцать* месяцев, однако в любом случае не *двенадцать*, как написано в украинском переводе Стрыйковского. См.: Мацей Стрийковський. Літопис Польский, Литовський, Жмудський и всієї Руси. Львів, 2011. Стр. 756.

64. Смотри примечание 33.

65. Прапорец (буквально — знамя) — конный рыцарский отряд, численность которого нам точно неизвестна, но, очевидно, она должна была оговариваться в условиях соглашения.

66. Военные действия возобновились после 13 июля 1459 года, а уже в ноябре было заключено очередное перемирие. Именно этим периодом Длугош и датирует описываемый бой, сообщая, что в плен было захвачено две сотни орденских кавалеристов, а перебито еще больше. Добыча составила 20 000 червоных злотых, которые поделили польские рыцари. Стрыйковский либо неправильно истолковал это место, либо предположил, что поляков было не более тысячи, что соответствовало действительности. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. V, ks. XII. Krakow, 1870. Стр. 271, 272.

67. Это выражение непонятно, у Длугоша его нет, а в современном польском языке нет слова *butynek*. Однако в словаре Даля есть слово *бутить,* означающее заваливать яму камнями или землей. Поэтому у нас есть основания предположить, что речь идет о чем-то *сваленном в кучу* — в данном случае, о военной добыче. Стоит обратить внимание и на диалектное слово *бутеть* — жиреть, толстеть.

68. Забавно читать, как автор сначала подчеркивает, что всеми писарями и летописцами (то есть людьми грамотными и уже по определению образованными) в тогдашней Литве были русские, а потом тут же обзывает их невежественными иностранцами.

69. Действительно, здесь идет точная цитата из Хроники Быховца. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 102.

70. Через четырнадцать недель (98 дней) после битвы под Хойницами (18 сентября) — это где-то около Рождества 1454 года.

71. В Хронике Быховца имена написаны несколько иначе, чем у Стрыйковского: не *z Perstina*, а *Perszynskoho* и не *Glazina*, а *Hlaszyna*. См.: ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 162.

72. Смотри примечание 43.

73. В оригинале написано ***Lemnum i Miteliny wyspy*** и, на первый взгляд, не возникает сомнений в том, что речь идет о двух *разных* островах, как это и перевели на украинский. На самом деле Митилини — это город на Лесбосе и второе название самого Лесбоса. Стрыйковский, который сам бывал в Турции, должен был это знать, поэтому наш перевод представляется правильным.

74. Пассенгейм — нынешний *Пасим* к востоку от Ольштына. Длугош датирует эти события днем святого Михаила — 29 сентября 1459 г. Среди убитых немцев был один из орденских комтуров. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. V, ks. XII. Krakow, 1870. Стр. 277.

75. Фрауенбург — нынешний Фромборк, который расположен в прусской *провинции* Вармия.

76. Смотри примечание 67.

77. Станислав Шемиот (Szemiot) или Шемет герба Лебедь. Фамилия редкая, хотя в документах встречается уже в конце XV столетия. Из родственников Станислава известны жмудский тиун Войцех (ум. 1581) и Вацлав (ум. 1599), подкоморий жмудский (1582), каштелян полоцкий (1588) и смоленский (1597).

78. Кухмистер — должностное лицо, заведовавшее королевским или великокняжеским столом и распоряжавшееся прочим персоналом дворцовой кухни. Сам кухмистер приготовлением пищи не занимался. Особо отметим, что в ВКЛ эта должность в 1569 году была упразднена и вновь восстановлена только в 1576 году. Номинально кухмистру были подчинены *стольник*, *кравчий* и *чашник*.

79. Имеется в виду Вислинский (Калининградский) залив, который немцы называли Фришес-Хафф (Свежий залив) или Пресноводное море.

80. Двадцать миль у Стрыйковского — это не менее 150 км, а общая длина береговой линии Калининградского залива составляет 270 км. Таким образом, указанное им расстояние вполне реально, если, конечно, он двигался непосредственно вдоль берега, заворачивая во все углы.

81. Анджей Тенчинский герба Топор был убит 16 июля 1461 года. Этому событию посвящена современная ему «Песнь об убийстве Тенчинского».

82. 5 января 1462 года. Разбирательство было отложено на полгода из-за прусской войны, хотя разгневанная шляхта требовала от короля немедленно идти на Краков и покарать бунтовщиков.

83. Слово *rajca* в польском языке буквально означает *советник* или *советчик*. Так называют и сватов, и любых посредников, но так называли и членов городского совета, то есть *ратманов*.

84. Слова *slosarz* нет в современном польском языке, а *слесарь* здесь явно не годится. Поэтому можно согласиться с украинским переводчиком, который написал *столяр,* отталкиваясь от слов *слоп, ослоп — палка, дубина.*

85. Цехмистр — старшина цеха в польском, старобелорусском и украинском языках. Похоже, что «виновники» и подбирались по цехам, то есть по специальностям.

86. Наш перевод *оружейник* не совсем точен, так как слово *platnerz* буквально означает *латник*, то есть именно изготовитель доспехов. Стоит обратить внимание и на то, что упомянутый выше изготовитель арбалетов — тоже не просто оружейник, а отдельная специальность.

87. Либо брат, либо сын Анджея Тенчинского, который и сам был старостой Рабштынским.

88. Свадьба Ягелло и Софии Гольшанской состоялась в феврале 1422 года, а умерла София 21 сентября 1461 года.

89. *Мансионарием* назывался служитель католического храма, находившийся на *пансионе,* то есть тот, чье содержание оплачивали не прихожане, а учредитель храма.

90. Герб Острожских и Заславских представлял из себя комбинацию гербов Лелива и Огоньчик.

91. На украинский язык это место перевели намного ближе к оригиналу:

В Кульмінську направив їх волость, щоб псували
Німцям ниву в пору жнив — зуб за зуб. Щоб знали!

См.: Мацей Стрийковський. Літопис Польский, Литовський, Жмудський и всієї Руси. Львів, 2011. Стр. 765.

92. Примечание Стрыйковского на полях: ***Crom. Tartari cum perpaucis aulicis ad persequendum hostem emissi***. *(Татары с очень немногими дворянами погнались за врагом).*

93. Примечание Стрыйковского на полях: ***Crom. Sex modo vivi cum duabus navibus de omni illo numero euaserunt.*** *(Кром[ер]: Из всего числа уцелели шесть человек, спасшиеся бегством на двух кораблях).*

94. *Вармией* Стрыйковский уже во второй раз называет город Фромборк. Описываемые здесь события происходили в октябре 1461 года. Смотри примечание 75.

95. Петр Дунин из Правковиц (1415-1484) — полководец, надворный маршалок (1459-1463), каштелян серадзский (1478-1480), староста мальборкский (1478), воевода брест-куявский (1479).

На полях есть пометка Стрыйковского: **Петр Дунин герба Яноска или Баронов.** Примечание любопытное, но загадочное, так как все остальные Дунины носили герб Лебедь, а упомянутые здесь гербы никогда не существовали. Возможно, напутал типографский наборщик, в оригинале же было *Янина или Богорыя* или же просто *из Правковиц*.

96. Примечание Стрыйковского на полях: ***Австриец Фриц Равнецкий или Равенек (Rawnechej) и силезец Каспер Ноствич, гетманы крестоносцев, окружили поляков.***

97. Примечание Стрыйковского: ***Crom. Gorscium cum comitatu suo ac Tartaris Lituanicis ad succurendum suis mittit.*** *(Кром[ер]. На помощь своим послал Горского с литовскими татарами и со своими придворными).*

98. Примечание на полях: ***Crom. Ferro permedios hostes viam sibi aperire statiut.*** *(Кром[ер]. Для того, чтобы железом проложить себе путь сквозь стоявших врагов).*

99. Примечание на полях: ***Crom. Invicem se aduirarent ac devoverant, ut qui de suis pedem retulisset etc.*** *(Кром[ер]. Взаимно пообещали и взяли друг с друга клятвы, что те, кто покинет своих и обратится в бегство, и так далее).*

100. Смотри примечание 15 к настоящей книге.

101. Смотри примечание 42 к книге пятнадцатой. Следует обратить внимание на немецкое слово ***pochen*** — *стучать, биться*.

102. В польском оригинале: ***Pod rejterami frezy zbrojne skaczac kwicza***. О *рейтарах* и *фризах* смотри примечание 20 к книге десятой и примечания 36 и 44 к книге пятнадцатой.

103. В оригинале ***zbrojny dworzanin krolewski***, а в латинском варианте ***armatus***. Вероятно, здесь имеется в виду рыцарь из королевской свиты, характерным внешним признаком которого были красивые и дорогие доспехи.

104. Примечания Стрыйковского на полях: ***Crom. Paulus Jasienius gente Gosdovius armatus ab latere inter duas acies magno impetu procurrens, hastas hostium in nosros intentas avertit.*** *(Кром[ер]. Павел Ясенский из рода Гоздава, [зайдя] с фланга, в рыцарских доспехах с большим шумом промчался между двумя армиями и отвернул от наших копья противника, нацеленные в их сердца).* **Немцы, собиравшиеся ударить наших в лоб своими копьями, повернули их вбок на самого Ясенского, а наши в это время ударили на повернувших и смешавшихся.**

105. Примечание Стрыйковского на полях: ***Eodemque momento nostri inopinata re pertur batos summa vi adoriuntur.*** *(В этот момент наши внезапно напали на совершенно дезорганизованного [противника]).*

106. В оригинале: ***rownem Marsem***.

107. Примечание на полях: ***Crom. Cumque totas tres horas dubio mars pugnatum esset.*** *(Кром[ер]. Сражение длилось три часа, а исход дела был сомнителен).*

108. Примечание Стрыйковского на полях: ***Rursus una hora dimicatum est.*** *(Стороны сражались в течение часа).*

109. В современном польском языке слово ***szyli*** имеет то же значение, что и в русском. Однако стоит вспомнить и выражение *прошить насквозь* (применительно к стреле), а также жаргонное *пришить*, то есть убить.

110. Примечание Стрыйковского: ***Interim dum ciet pugnam animatque suos Fricius interfectus corruit.*** *(Фриц был убит в то время, как он подбадривал своих и побуждал их к бою).*

111. Примечание Стрыйковского: ***Crom. Pars castra, pars staga lacusque propinquos petiuere.*** *(Кром[ер]. Часть подалась в лагерь, часть к озерам, а часть к близлежащим болотам).*

112. Примечание Стрыйковского: ***Nostri pernicitate equorum freti fugientes persecuti.*** *(Наши, положившись на своих быстрых коней, преследовали убегающих).*

113. Примечания Стрыйковского на полях: ***Caesa hostium* 2000.** *(Убито 2000 врагов).* ***Capti* 600.** *(Пленены 600).* ***De nostris* 100 *gregarij ceciderunt*** *(из наших пало 100 рядовых)***, а шляхтича убили одного: Гектора Ходоросийского.**

114. Победа под Свециным стала безусловным и весьма крупным военным успехом Польши — первым после хойницкого поражения. Это была одна из самых кровопролитных битв и один из самых драматических эпизодов Тринадцатилетней войны.

115. Поморский город *Слупск* по-немецки назывался Штольп (Stolp) или Стольпе.

116. В оригинале *zadne wojsko, zadnych uphow*.

117. Следует отметить, что Пуцк, не говоря уже о Слупске, находится очень далеко от Нешавы.

118. Длугош и Стрыйковский пишут, что сражение было под Пуцком, что вряд ли правильно, а ранее господствовало название «битва под Свециным», что тоже не совсем точно. Километрах в двадцати к западу от Пуцка расположены деревенька Свецино, где находился лагерь Дунина, и Жарновецкое озеро, недалеко от которого и произошла

описываемая битва. В настоящее время историки предпочитают называть это сражение битвой под Жарновцем.

119. Шесть миль у Стрыйковского — это около 50 километров.

120. Червонка захватил Голуб 25 октября 1462 года.

121. Ян Грущинский герба Порай (1405-1473) — епископ куявский (1450), великий канцлер коронный (1454-1469), епископ Краковский (1462), архиепископ Гнезненский и примас Польши (1463).

122. Стефан II Томашевич из династии Котроманичей (1438-1463) — последний независимый правитель Сербии (1459) и Боснии (1461-1463).

123. ***Короля уговорили выйти из замка вниз, поклявшись на молитвенниках, что его жизнь будет в неприкосновенности***. Несмотря на обещание, Мехмед II приказал обезглавить Стефана вместе с его дядей Радивоем (начало июня 1463 года). История со сдиранием кожи наверняка вымысел, так как современник и участник событий Константин из Островицы ни слова про это не пишет. См.: Записки янычара. М., 1978. Стр. 89-92.

124. Авантюрист Скалих любил распространять всяческие небылицы о своем происхождении. Смотри примечание 33 к книге третьей.

125. Янычарский корпус был учрежден еще в 1365 году султаном Мурадом I (1362-1389), а не Мехмедом II (1444-1446 и 1451-1481).

126. Мурад III, сын Селима II и Нурбану-султан, был турецким султаном в 1574-1595 годах.

127. Чрезвычайно ценное и важное замечание автора, из которого следует, что эти строки он писал еще в 1574 году. В другом месте Стрыйковский сообщает, что писал свою хронику *восемь лет* (1574-1582). По отдельным авторским репликам в тексте становится понятно, что хроника создавалась отнюдь не в хронологическом порядке, и кое-какие эпизоды из последних книг (а, может быть, и некоторые книги целиком) были написаны им еще в самом начале работы.

128. См.: Записки янычара. М., 1978. Стр. 92.

129. Имеется в виду орденский замок Нойенбург (Нове). Нове капитулировал 1 февраля 1465 года.

130. Ольштын был разграблен в декабре 1463 года.

131. Слово *szkodzic* в данном случае подразумевает «вести обстрел».

132. В украинском переводе «Хроники» слово *rejterow* тоже перевели как *рейтаров*, что, по существу, совершенно правильно.

133. Пуцк капитулировал 24 сентября 1464 года.

134. В шестидесятые годы XV столетия крымские ханы еще не были ни вассалами, ни даже официальными союзниками турецких султанов и могли себе позволить проводить независимую внешнюю политику. Но это продолжалось очень недолго.

135. Павел Легендорф (1415-1467) — выпускник Лейпцигского университета (1442), епископ вармийский в 1458-1467 годах. Его предшественником на этом посту (1457-1458) был сам папа Пий II (Эней Сильвий Пикколомини). 4 ноября 1464 года Легендорф присягнул Казимиру, а 11 февраля 1466 года объявил войну Тевтонскому ордену.

136. Генрих Реусс фон Плауен (1400-1470) — племянник великого магистра (1449-1467) Людвига фон Эрлихсхаузена, комтур Бальги (1433), комтур Эльбинга (1441), великий госпитальер (1441), комтур Прейсиш-Эйлау (1466), наместник (1467-1469), а потом и великий магистр (1469-1470) Тевтонского ордена.

137. Резель (Решель, Рёссел) — замок в Вармии, основанный братьями Тевтонского ордена в 1241 году и уже в 1300 году перешедший в собственность вармийского епископа и даже бывший его резиденцией.

138. Слово *stafir*, вероятно, образовано от немецкого *staffieren* - наряжать.

139. Вход в 46-метровую башню Члуховского замка находился на высоте 16 метров над двором.

140. Город Хаммерштейн (Hammerstein) упоминается Длугошем одновременно с Фридландом и Старгардом, однако такого города в Пруссии нет и никогда не было. Вероятно, Длугош имел в виду Гогенштейн (Ольштынек). См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. V, ks. XII. Krakow, 1870. Стр. 418.

141. Ульриха фон Эйзенхофена (Eisenhoffen) Длугош впервые упоминает в должности великого комтура под 1464 годом, несколько пренебрежительно называя его *старцем*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. V, ks. XII. Krakow, 1870. Стр. 361, 416, 426.

142. За орденско-польской войной 1454-1466 годов уже давно и прочно закрепилось название *Тринадцатилетняя война*.

143. Местом рождения Сигизмунда Старого все справочники называют Краков, но современник этого события Длугош пишет, что он родился в Козенице (Kozienicach), где королевская чета укрывалась от моровой заразы. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. V, ks. XII. Krakow, 1870. Стр. 446.

144. Имеется в виду так называемая «Прусская присяга» 1525 года.

145. Великий магистр Людвиг фон Эрлихсхаузен ненадолго пережил Торуньский мир и умер в Кёнигсберге 4 апреля 1467 года.

146. Фредерик Ягеллон (1468-1503) — младший сын Казимира Ягеллончика, епископ Краковский (1488), кардинал-диакон (1493), архиепископ Гнезненский и примас Польши (1493).

147. Бургундский герцог (1467-1477) Карл Смелый вторым браком был женат на Изабелле де Бурбон (ум. 1465), сестре епископа льежского (1456-1482) Людовика де Бурбона, фактически передавшего город под управление бургундских герцогов. Это привело к войне горожан Льежа с герцогом и их поражении при Брюстеме или Сен-Троне (28 октября 1467 года). Потери обеих сторон и масштабы репрессий и разрушений Стрыйковский непомерно преувеличивает. См.: Филипп де Коммин. Мемуары. М., 1986. Стр. 50-59.

148. Вероятно, имелся в виду Здитов или Жидачов.

149. 20 августа 1469 года Штефан Великий в третий раз разбил татар у деревни Липница (недалеко от Сорок). Ханом Большой Орды тогда уже был Ахмат (1465-1481), но молдавские историки называют татарского «царя» Мамаком. См.: Михаил Садовяну. Жизнь Штефана Великого. Бухарест, 1957. Стр. 106-107.

150. Смотри примечание 136.

151. Иоганн Вольтус фон Херзе был избран ливонским магистром в январе, а утвержден в марте 1470 года. См.: Арбузов Л.А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб, 1912. Стр. 287.

КНИГА ДВАДЦАТАЯ

Вельможным панам
Вацлаву и Яну Шемиотам [1]*,*
жмудским
каштеляновичам

Глава первая

О коронации Владислава Казимировича чешским королем и о сгоне Казимира, другого сына Казимира, с венгерского королевства Матьяшем.

В 1471 году, как только умер чешский король Иржик Подебрадский, чешские паны сразу же съехались в Прагу на сейм для избрания нового короля. Узнав об этом, Казимир отправил своих послов в Прагу к чешским панам, напоминая им, чтобы помнили о своих клятвах и о правах Казимира, которые он имел на королевство Чешское по женитьбе [2]. Это дело тянулось долго, но 25 мая чехи объявили чешским королем Владислава, первородного сына Казимира, короля Польского и великого князя Литовского, хотя этому противились другие сенаторы, желавшие [видеть] венгерским королем Матьяша, сына Яна Хуньяди.

Владислав Казимирович [избран] **чешским королем.** Вскоре после этого чехи выбрали послов из виднейших панов, из шляхты и немалое [число] знатных людей из пражских горожан, чтобы как можно скорее препроводили Владислава из Польши на чешское королевство. А Матьяш, видя, что обманулся в своих надеждах, по неприятельскому

обычаю жестоко разорял Чехию и Моравию. По этой причине чехи просили Владислава, чтобы он поторопился с походом. И тот, взяв у отца семь тысяч конных и две тысячи пеших, гетманом над которыми был Павел Ясенский, 25 июля выехал из Кракова. В течение двух дней его сопровождал и его отец Казимир. С ним поехали знатные люди: каменский епископ Миколай, епископы Винцентий Эненский (Enenski) [3] и Павел Лаодикейский (которые короновали его в Праге), воеводы Станислав Остророг калишский и Миколай из Кутна лещицкий, его учитель Ян Длугош [4], а также к нему присоединили свои свиты шесть силезких князей [5]. И у замка Клодзко (Klocka) чешские паны и все сословия Чешского королевства выехали к нему с многочисленной свитой. А он поклялся соблюдать их права и спокойно принял власть над чешским королевством, с обычными церемониями коронованный [6] вышеупомянутыми епископами и принявший причастие Тела Господня. А Матьяш, занявшийся домашними междоусобицами в Венгрии, остался на бобах (na koszu).

Венгры просят на королевство другого сына Казимира. Венгры, узнав, что чехи, отвергнув их Матьяша, выбрали чешским королем Владислава, сына короля Казимира, тут же сами отправили послов к польскому королю Казимиру. И просили его, чтобы он дал им на венгерское королевство другого своего сына, Казимира (который тогда находился в Виленском замке), потому что долее не могли терпеть тиранства Матьяша. А если Казимир не пожелает этого сделать, то просить у него хотя бы помощи от турок, а военные издержки обещали оплатить сами. На это король Казимир, не отвергнув их просьбы, послал в Венгрию сына Казимира со многими коронными панами и с немалым войском, гетманом над которым был Петр Дунин.

Венгры обманули Казимира. А венгерский король Матьяш, узнав об этих проделках своих панов и очень [этим] озабоченный, собрал все войско, которое имел в Моравии и в Силезии, [для похода] в Венгрию. А виднейших панов частью угрозами, частью великими посулами склонил на свою сторону, а по их примеру и другие изменили Казимиру. А польский королевич Казимир, миновав Кошице, расположился с войском у замка архиепископа Эстергомского Нитры, где ни один из венгерских панов к нему не приехал. Матьяш, имея шестнадцать тысяч войска у Будишина (Budzynia), преградил путь наступавшему Казимиру и встал лагерем в трех милях от него, однако битвы полякам не дал. И когда обе стороны столь бесполезно тянули время, к польскому королю Казимиру прибыл кёльнский (Koleski) каноник Тилеманн Слехт (Slechtus), папский коморник, уговаривая его помириться с Матьяшем, чтобы не отвлекать его от войны с турками. Казимир не хотел в этом перечить папе, и при упомянутом Тилемане послал Яна Ватробку с письмами к сыну Казимиру и к венгерским панам.

Злой страх. А тем временем из-за неуплаты жалованья солдаты начали расходиться из лагеря королевича Казимира, поэтому бывшие при нем паны посоветовали ему перебраться в безопасное место. Этот переход (как пишут Длугош, Кромер, Герборт и Меховский) скорее напоминал поспешное бегство, ибо [поляки] не останавливались, пока не пришли в Илаву (do Gilawy) [7], по дороге бросив шестьдесят больших возов, захваченных крестьянами. ***Кромер книга 27, стр. 402 второго издания; Герборт кн. 4, гл. 17, стр. 318.*** И этот позор был справедливой [карой] полякам от Бога, ибо, двигаясь в

Венгрию, [они] без всякой рыцарской дисциплины распутно чинили людям всевозможные кривды и несносные бесчестия.

Доблесть Ясенского. Итак, королевич Казимир приехал к отцу, оставив на Нитре Павла Ясенского с четырьмя тысячами людей, как пишет Кромер, но Ваповский и Бельский считают, [что их было] три тысячи. И тот, припекаемый Матьяшем, но оборонявшийся с исключительной смелостью, и себя защитил, и людей в целости вывел в Польшу, оставив для защиты Нитры [гарнизон в] триста [человек].

Лучше быть князем. А королевич Казимир по указанию короля отдельно жил в Добжичах (Dobsiczach) в трех милях от Кракова, стыдясь своего позора в Венгрии, остерегаясь света и не показываясь на людях, чтобы своим видом и присутствием не огорчать их, а особенно отца, ибо в то время все это сильно удручало короля Казимира.

Солдаты разбойничают. К тому же его не менее грызла и другая забота: он не знал, откуда [взять денег, чтобы] заплатить заслуженное жалованье солдатам, которые ни с чем вернулись из Венгрии, ибо доходы со староств он еще раньше потратил на очень накладные походы двух сыновей в Чехию и Венгрию, да так, что не хватало даже на повседневные расходы и питание. Из-за этого солдаты, не получавшие жалованья, разбойничали на проезжих дорогах.

Поборы на [оплату] **солдат.** Поэтому на Коленском и Корчинском съездах был установлен сбор по двенадцать грошей с каждой влоки, а епископства Гнезненское, Краковское, Куявское и Познанское также уступили половину доходов всего духовного сословия согласно старинным оценкам (szacunku), чем и поддержали короля. Потом садецкий каштелян был послан в Венгрию и взял с королем Матьяшем годичное перемирие. В начале нового 1473 года король Казимир с королевой Эльжбетой, выехав из Торуни, через Гостынин и Варшаву поехали в Литву. В середине поста [король] имел сейм с литовскими панами в Вильне, где литовцы установили для него налог по шесть прусских, то есть по 9 польских, грошей с каждой сохи.

Войцех Нарбут, епископ Киевский. В том же году умер киевский епископ Климент (Klimut) [8], человек простого рода, но святолюбивой жизни, а на его место заступил Войцех Нарбут, литвин знатного рода.

Великая сушь. Потом в 1473 году великая сушь господствовала в Польше и в Литве, а Меховский (кн. 4, стр. 337) пишет, что и во всей Европе. Прусские хроники свидетельствуют, что за Рагнетой [Неман] переезжали на конях вброд. **В большой глубине Немана у Рагнеты и у Тильзита я трижды убеждался сам.** Леса и боры повысыхали под корень, хлеба и все овощи из-за непомерной жары обратились в ничто, и прочее. И многие местечки погорели от огня.

Венгры повоевали Подгорье. А венгерский король Матьяш (которого подозревали в организации поджогов польских городов во время упомянутой засухи), собрав шесть тысяч войска, послал его в Польшу под началом Томаша Тарча (Tarcego), и тот огнем и мечом разорил все Подгорье. Глядя на это, король Казимир, проводя сейм в Вислице,

хотел там установить сбор на венгерскую войну по 12 грошей с влоки и [выставить] шляхетское ополчение согласно возможностям и доходам каждого. Но так как в то время все делалось по воле шляхты, мало кого заботили королевские указания, и король напрасно долго ждал в Опатовце. А тем временем венгерские и польские паны, часто посылая друг к другу послов, на три года установили мир между польским, венгерским и чешским королями на условиях, что обоюдно захваченные замки и пленники будут возвращены, и ни одна из сторон не будет требовать возмещания убытков.

Семиградская земля хотела [перейти] **к Казимиру.** Король Матьяш на надлежащих условиях согласился на этот мир потому, что Семиградское воеводство намеревалось перейти от него к Казимиру, и по этому делу в Польшу уже были отправлены послы, обещавшие коней, солдат и денег против тирана Матьяша, как свидетельствуют Длугош, Меховский и Кромер. Кроме того, турецкий император (cesarz) Магомет разорял Боснийское королевство и с большим войском добывал замок Яйце, но с великим срамом вынужден был снять осаду, потопив в реке орудия и сам будучи ранен [9].

Посольство персидского короля к Казимиру. А персидский король Узун-Хасан [10] (Hussankassan) бивал турецкого императора Магомета (Machometa) несколько раз, да так, что каждый раз истреблял у него по нескольку десятков и еще по нескольку тысяч войска, и отнял у него Трапезундское царство в Азии, а также Сивас (Sinapolim) в Анатолии. В 1474 году он прислал венецианца Катерино Зено [11], человека знатного и сведущего, с письмами, написанными халдейскими буквами, прося Казимира, чтобы наступающей весной он вместе с другими христианскими королями начал войну против врага христианской веры турка Мехмета (Machmetowi) (которого он до этого несколько раз победил). И доподлинно (za pewne) обещал, что Узун-Хасан сам должен привести пятьдесят раз по сто тысяч своего войска на помощь христианам и для искоренения турок. **5 000 000 персидского войска — больше, чем у Ксеркса.** Это посольство было явное, а тайно Узун-Хасан предлагал в жены одному из сыновей Казимира свою старшую дочь, рожденную от дочери трапезундского императора Катерины [12], а в приданое обещал Грецию и Константинополь, которые сам Узун-Хасан намеревался отнять у турок вооруженной рукой и собственными силами, а дочь обещал выдать замуж сразу. И против венгерского короля тоже обещал помощь людьми и деньгами на войну (naklady wojenne). Но это посольство оказалось напрасным и маловажным и не получило никакого определенного ответа кроме того, что король ответит Узун-Хасану через своих послов. Об этом также Меховский (стр. 328) и *Кромер* (*кн.* 28*, стр.* 603 *первого издания и* 408 *второго*).

Глава вторая

О несчастливой войне Казимира с поляками, а Владислава с чехами против венгерского короля Матьяша и о разорении русских краев никчемным татарским войском.

Когда король Казимир был на сейме в Петркуве, в середине июня к нему приехали послы от сына, чешского короля Владислава, прося помощи против венгерского короля Матьяша, который, нарушая мир, не переставал разорять Моравию и Силезию. Послал

тогда Казимир сыну на военные расходы двадцать четыре тысячи червоных злотых, которые, как свидетельствуют русские и литовские летописцы, позаимствовал из литовской казны. **Литва дала королю деньги на венгерскую войну.** А против силезских князей, которые тоже совершали набеги на Польшу и держали сторону Матьяша, решено выступить посполитым рушением со всего королевства. И приказал король в середине августа (Augusta) всем съезжаться в Мостов. А как только король отъехал с сейма в Корчин, собираясь оттуда готовиться на войну, ему принесли известие, что татары с царьком Айдаром (Aidorem) [13], сыном перекопского царя Хаджи-Гирея (Ecikierejem), движутся в Подолию. Однако король ничего для пользы дела не предпринял. Поэтому семь тысяч татар и эти никчемные безоружные оборванцы (Меховский пишет ***pannosos***), не [встречая] сопротивления, огнем и железом жестоко и до совершенной нищеты (nedznie) разорили все края около Каменца, Галича, Глинян, Дунаева, Гологор почти на сто миль вдоль и на 30 вширь. И очень многих людей умертвили и угнали в неволю, как скотину.

7 000 оборванных татар захватили 100 000 наших. Григорий (Grzegorz), архиепископ Львовский, мужественно отбил их от своего местечка Дунаева, а Свинка, муж чистого сердца, защитил [свой замок] Поморяны всего с шестью товарищами. Наши гнались за ними, но не вовремя (nie w czas), и с величайшей жалостью [смотрели], как на их глазах татары рубили хворых, старых и молодых, и как семь тысяч татар угоняли в неволю сто тысяч (как считают Длугош и Кромер) захваченных [ими] людей.

Учреждение Люблинского воеводства. Тогда же король Казимир учредил Люблинское воеводство, которого до этого не было, отобрав часть повята от Сандомирского воеводства.

Король Казимир [двинулся] **против Матьяша.** Сразу после этого король в установленное время собрался на силезскую войну и направился в Мостов, но целых шесть недель прождал неспешно стягивавшиеся войска, из-за чего зря пропадало благоприятное время для начала военных действий. Вот так в то время пренебрегали у нас дисциплиной и рыцарской наукой. Потом, когда прибыло тысяч пятнадцать (kilkonascie) [14] литовского войска и литовских татар, гетманом над которыми был витебский наместник Иван Ходкевич [15] (Chodkowic), король со всеми силами 26 сентября двинулся в Силезию, имея шестьдесят тысяч вооруженного рыцарского люда, как пишет Кромер, однако Ваповский и Бельский считают сорок тысяч. **Похоже, что Кромер прибавляет** [к этому числу] **литовскую помощь.** Вступив в Опольское княжество, [король] взял местечки Кручиборг и Бычину (Cruciborg i Bicine) [16], а перейдя вброд реку Одру, двинулся к Вроцлаву, узнав, что там его ждет его враг Матьяш.

Наши поразили венгров. Поляки расположились лагерем у Олавы, а когда распустили загоны за фуражом и за добычей, Матьяш, разделив свое войско, сразу перехватил и легко разгромил наших, без толку разорявших окрестные волости, и тем пришлось бежать. Видя это, сразу же подскочили ближайшие литовские татары, поэтому бежавшие поляки остановились, пришли в себя, осмелели и снова схватились с венграми. Узнав об этом, король Казимир тут же послал им на помощь своих дворян с подскарбием Павлом Ясенским, а сам поспешил за ними с другим войском. Когда неприятель увидел, что к

полякам прибыли [свежие] силы, враги разбежались и не оглядывались и не останавливались, пока не пришли во Вроцлав. В этой стычке из вражеского войска убита тысяча, а в плен захвачены 60 шляхтичей, знатнейшими из которых были хорват Павел Гугвич и чех Ульрих Перстинский (или Вильгельм, как пишут Длугош и Кромер) и другие паны и воеводы.

Наши безуспешно осаждают Вроцлав. Потом 24 октября чешский король Владислав, из-за которого и затеялось все дело, приехал к отцу Казимиру, имея 20 000 войска, но больше пешего. Поприветствовав друг друга, они двинулись к Вроцлаву, и оба расположили свои войска перед городом, разбив палатки. Однако без мира и без драки (i bez rady i bez zwady) напрасно и никчемно тратили время. Матьяш тоже укрепил свой лагерь под городом у монастыря Святого Винцентия, откуда потихоньку пытался выведать, какие у королей намерения по отношению к нему. **Слова Матьяша.** Он рвал на себе волосы и часто, вздыхая, говорил: если бы у меня было такое же большое войско, какое против меня привели мои враги, польский и чешский короли, я мог бы легко завоевать весь круг земной (okrag swiata). Но [те] лениво и никчемно всячески тянули время, не делая ничего полезного; наши бестолково шлялись в зажитие (w piczowaniu), при этом очень многие постоянно попадали в плен, так что все вроцлавские башни и тюрьмы были переполнены пленниками. Кроме того, во время сильного ветра загорелся наш лагерь, где погорело очень много людей, военного снаряжения, коней и пятьсот возов, продовольствие и палатки. А Длугош, Меховский и Кромер (кн. 28, стр. 612 издания первого и 410 второго) пишут, что в полусгоревших возах нашли монстранцию (monstrancie) или дароносицу Святых таинств христианской веры Тела Божьего, из-за чего, как предполагают, и случились все эти бедствия.

Хитрость Ольгерда и Кейстута [17]. А Матьяш, видя, что у наших, которых он прежде очень боялся, дела плохи, набрался храбрости и, разделив свое войско надвое, одну его часть послал в Великую Польшу, а другую в Велюнскую (Welunskiej) землю, где венгры огнем и мечом чинили великие беды. Опольские, Глогувские и Кожуховские князья, [действуя] на стороне Матьяша, тоже без отпора разоряли Серадскую землю и Великую Польшу до самой Познани. **Сендзивой Чарнковский продал Междуречье.** Междуречье (Miedzyrzece) сожгли, а Междуреченский замок, как пишут Длугош и другие хронисты, чарнковский староста Сендзивой продал за золото, за что на родине был потом казнен. Потом наступила зима, и в нашем войске жестоко пановали великий голод и червоная немочь, так что пришлось заключить с Матьяшем перемирие на два года и шесть месяцев. И вот так наши разъехались, напрасно потеряв время и деньги, и так ничего и не сделав.

Матьяш, по своему чванливому обыкновению, расписал всем христианским государям о своей триумфальной победе, что он поразил двух могущественных королей и что мог бы легко истребить все их войско, но, будучи христианином, решил сжалиться над христианами. А ученые люди, которых он очень любил и щедро жаловал, прославляли его и в стихах, и в прозе. Тогда и Габриель, епископ эгерский (Agrienski), написал стихи, насмехаясь над поляками за их никчемность. Он был убогим итальянским монахом, но благодаря учености (ибо был поэтом) стал епископом, а потом кардиналом.

Bruma venit, nix alba ruit migrate Poloni
O fugite ad proprios algida turba lares etc.

Ударил мороз, выпал снег — удирайте, поляки!
Замерзшей толпой бегите домой!

А Григорий, архиепископ Львовский, ему отписал:

Garrula lingua tace nec sensu, nec ratione
Ulla vales, verba pudenda vomis, etc.

Умолкни, болтливый язык! В словах — ни порядка, ни смысла.
Болтается, как половой орган!

Глава третья

О жестоком поражении турок от Стефана, воеводы валашского.

В 1475 году турецкий император Магомет, когда сделал своим данником мултянского воеводу Радула [18], помогая ему против Стефана, валашского господаря и польского данника, послал сто двадцать тысяч турецкого войска с татарами и с мултянами для разорения Валахии, желая и Стефана подчинить себе. Но валашский воевода Стефан, взяв в помощь от польского короля Казимира две тысячи конных, а также собрав сорок тысяч валахов и пять тысяч секеев (Czaklow) [19], которых отобрал было у венгерского короля Матьяша, с этим людом отовсюду тревожил огромное и грозное турецкое войско, используя более хитрость, нежели силу. **Валашская хитрость против турок.** А более всего достал их тем, что нижнюю землю, куда двигались турки, до этого сам выжег и опустошил, и траву иссушил огнем, из-за чего страдали от голода и они сами, и их роскошные кони.

Стефан поразил сто тысяч турок. А потом завел их в опасное место над озером Раковец у реки Берлад [20] и ударил на них. И там с божьей помощью малым числом наголову разбил сто тысяч турок и татар [21]. И приказал сжечь трупы убитых, огромные и высокие груды костей которых я еще и ныне видел своими собственными глазами, когда сам ехал к туркам в 1575 году. И в знак его победы стоят там три каменных креста. А уж сколько там пашей, виднейших гетманов, побито и войсковых знамен захвачено более сотни. Всех взятых [пленных Стефан] приказал повбивать на колья, а четверых самых знатных пленников и 36 войсковых знамен, а также часть лучшей добычи, [захваченной] у неприятеля, через своих панов послал королю Казимиру, в то время жившему в Литве.

Благородство Стефана. А венгерский король Матьяш со своей обычной чванливостью писал папе, императору и другим христианским государям, похваляясь своей победой: мол, огромное турецкое войско поразил его гетман Стефан, воевода Валашский (которого он сам боялся). Но Стефан, не возносясь от этой своей победы, по всей своей земле приказал, чтобы никто не смел этой победы приписывать ему, но лишь самому Господу

Богу, и целых четыре дня смиренно постился. А чванливому (chelpliwemu) Матьяшу и папе из добычи и пленников послал дорогие подарки.

Насмешка Стефана над турком. И турецкому императору Магомету со знатным послом дары послал, жалуясь на турецких разбойников и изгнанников, которые вопреки султанской воле чинили великие беды его земле, о чем его императорская милость не ведал и им такого не приказывал. Он их покарал, но претензий не имеет, а только просит, чтобы выдали и тех, которые сбежали на земли вашей императорской милости.

Турецкий султан, распаленный этим посольством после своего поражения, посадил послов в тюрьму, но, поняв, что поступил недостойно, так как послы у всех народов неприкосновенны (ma pokoj i miejsce), отпустил их босыми, все у них отобрав. Об этом Длугош, Кромер (кн. 28, стр. 614 первого издания и 411 второго), Бельский (стр. 279), Герборт (стр. 326 и далее) и Меховский (кн. 4, гл. 70, стр. 339), восхваляя его, с удивлением пишут так: ***O Stephanum! virum admirabilem etc.*** О, Стефан! Муж дивный и частыми победами над турками славный, который на нашем веку первым из христианских владык одержал над ними столь славную победу.

Кафа взята. В том же 1475 году турецкий император Магомет благодаря измене и сдаче подкупленных золотом предателей итальянцев завладел великим и славным городом Кафой или Феодосией, расположенным над Понтийским морем в Таврике или Перекопе, которым тогда владели генуэзские итальянцы (Genuensowie Wloszy). После взятия Константинополя этот город защищался от турок 24 года. [Турки] всю [здешнюю] знать вместе с женами и детьми, а также с изменниками итальянцами переселили в Константинополь, изменников осудили на казнь, а простой люд оставили на своих местах, наказав [лишением] половины имущества. И только один корабль, на котором было полтораста прекрасных и статных молодых людей из Кафы, отобранных для срамных дел турецкого тирана, [вместе с другой] дорогой добычей попал в руки валашского воеводы Стефана. **Захвачен перекопский царь.** Там же в Кафе Магомет вместе с двумя братьями захватил перекопского царя Менгли-Гирея, который, как ближайший сосед, ради безопасности с поля перебрался за итальянские стены [22].

Итальянцы предали. Так знатный генуэзский город Кафа благодаря его сдаче живущими в нем итальянскими изменниками был захвачен турецким императором Магометом вместе с другими окрестными замками. Узнав об этом, кафинский епископ Симон (как свидетельствует летописец), который в то время был в Киеве, ища помощи у киевского воеводы Мартина Гаштольда, прямо за столом внезапно умер от горя и похоронен там же в Киеве.

Белгород взят. А Магомет прямо от Кафы пошел к Белгороду Валашскому, который лежит над устьем Днестра, впадающего в Понтийское море, и взял его тоже благодаря сдаче. А валашский воевода Стефан, видя, что [его силы] не равны [силам] императора Магомета, залег в лесах и горах, укрепив замки. А когда это известие внезапно пришло в Польшу, там все были встревожены так сильно, как будто турки уже разоряли Подолию и Русь. А валашский воевода Стефан (как пишут Кромер и Ваповский), как только турецкое и татарское войско отступило, Белгород отбил и турецкий гарнизон в нем вырезал. В том

же году из-за разлива Вислы было столь жестокое наводнение, что краковские пригороды Казимеж и Страдом вода залила так, что в костелах доходила до вершин алтарей. Тогда же в Серадзской и в Лещицкой земле, а также в Мазовии господствовало великое множество саранчи, так что не только луга и пашни, но и кору с деревьев объедала, и через ее густые рои едва пробивалось солнце, так что будто бы облако заслоняло небо, как пишут Кромер и Меховский (кн. 4, гл. 71, стр. 341).

А король Казимир потом отправил в Познань в жены баварскому князю Ежи (Jerzemu) [23] старшую дочку Ядвигу с объявленным приданым в тридцать две тысячи злотых, к которой выехал не только возлюбленный, но и император Фридрих с курфюрстами и с тысячей конных.

Вскоре после этого от персидского короля Узун-Хасана к Казимиру приехал другой посол, Исаак из Трапезунда, прося, чтобы [король] весной отправился против турецкого императора Магомета, обещая полное изгнание (gruntowne wygladzenie) турок из Греции и из Азии. Его ласково выпроводили; также [он] объезжал и других христианских государей, но мало преуспел.

А когда король проводил в Люблине сейм с поляками и литовцами, Стефан, валашский воевода, непрерывно слал к нему послов одного за другим, прося короля о помощи против турок, ибо Магомет собирал у Адрианополя огромное войско [для похода] на Валахию. Литовские паны призывали (как Кромер пишет: ***et suadebant quidem Lituani etc.***), чтобы король всеми силами защищал от турок такой мощный и важный для Литвы и Польши бастион, как Валашская земля. Ведь если его без толку потерять либо отдать на съедение, то как бы в конце концов не пришлось с великими опасностями защищать и собственное государство. Но все это не расшевелило короля, хотя об этом совещались целых пятнадцать дней.

А в 1476 году турецкий император Магомет вторгся в Валахию с большим войском турок и татар. Валашский воевода Стефан вышел против него; сначала счастливо поразил татар, а потом ударил на турок, когда они переправлялись через Дунай. И хотя был побежден их множеством, однако, отбиваясь, ушел, потеряв не более двухсот своих [24], а потом из укромных уголков донимал турок. А турки, повоевав Валахию до самого Хотина, вторглись в Подолию и спалили несколько деревень. Узнав об этом, Казимир сразу же поднял русскую, подольскую и бельскую шляхту, но наши долгое время стояли лагерем около Каменца, без короля идти за границу не хотели, но и домой воротиться не смели и причинили Подольской земле не меньше бед, чем неприятель. Наконец, Казимир двинулся из Корчина в Белз, своей особой укрепил сердца своих и устрашил турок. Но турки без промедления вышли из Валахии, ибо галеры и корабли, на которых везли пушки и другие приспособления для взятия замков, а также янычар императора Магомета, почти в то же время были разметены бурными ветрами и потонули в Черном море. **Бахвальство Матьяша**. А венгерский король Матьяш расписал в письмах, бахвалясь, что турки бежали из Валахии, как только он собрался на них [в поход]. **Дурачь и получай деньги** [25]. По этой причине папа, итальянские города и князья дважды посылали ему по сто тысяч злотых золотом (sto tysieci zlotych w zlocie) [26] в помощь против турок. **Вот тебе и слава.** Вскоре после этого турки с боснийцами захватили пять замков над Дунаем в Венгрии и

разорили все окрестные славянские (Slawienskie) и валашские края, из-за чего итальянцам некстати открылись ложь и напрасная похвальба Матьяша.

Вскоре после этого валашский воевода Стефан в 1477 году мултянскую [27] землю разорил и захватил мултянского воеводу Радула или Дракула, которого выдали горожане Брашова. И, поразив и изгнав турецкие гарнизоны, поставил мултянским воеводой Цепелюша (Cypulisse), одного из своих панов радных [28].

Глава четвертая

О взятии у литовцев Новгорода Великого московским князем Иваном Васильевичем.

Год 1477.

Река Шелонь. Московский князь Иван Васильевич, муж великой доблести, собрав большое войско, двинулся под Новгород Великий Литовский [29], а новгородцы, не дожидаясь его внутри стен (w zamknieniu), построились и завязали с ним битву у реки Шелони (Solony), как пишет Герберштейн. Но, побежденные множеством Москвы, побежали в город, который московский князь Иван взял благодаря беспечности литовцев и короля Казимира, а также плохому гарнизону. И триста виднейших горожан отправил на казнь, все их огромные и богатые имения отобрал и всех остальных горожан обобрал, вернув каждому только треть его добра. И ограбил сокровищницу архиепископа или митрополита новгородского, наполненную золотом, серебром, жемчугом, драгоценными каменьями и всеми видами богатств, собиравшимися в течение многих лет. **300 возов трофеев из Новгорода.** Одного только золота, серебра, жемчуга, дорогих каменьев и ценностей вывез из Новгорода в Москву триста возов, а возов, полных одежды, посуды и других вещей, было без числа.

Татарская неволя московских князей. Этот Иван Васильевич, хотя и вступил после своих предков [во владение] обширным государством, но был в татарской неволе и под игом (pod holdem) тех татар, которые жили на Волге. И каждый московский князь так жестоко был ими приневолен, что когда послы или гонцы татарские приезжали в Москву за данью или по какой другой надобности, сам великий князь должен был пешим выходить к послам и с великим поклоном и челобитием подавать сидящему на коне татарину кубок кобыльего молока (которое у татар является любимейшим напитком). А если какая капля капнет на конскую гриву с татарских усов или из кубка, то великий князь должен ее слизнуть. Толмачу же, читающему ханские письма, подстилал для сидения шат отборнейших соболей, а сам стоял со своими советниками. А потом, бия челом, падал на колени и коленопреклоненным слушал письма. И не мог отказать тирану ни в какой услуге, даже если тот прикажет ему идти войной против собственных друзей христиан — он должен все это исполнить [30].

Иван Васильевич, муж великого сердца и воинственный рыцарь, из-за чего справедливо и прозван был Великим, не мог терпеть столь жестокой и тяжкой неволи, и по наущению гречанки жены [31] освободился от нее. А также некоторых порубежных и соседних русских

князей убедил подчиниться своей воле — более хитростью, нежели силой. А также захватил много замков, издавна служивших Литве [32].

Обычная дань Литве от Великого Новгорода. Расширив свою державу на запад, захватил и Новгород Великий, обширный и людный город, богатейший и славнейший купеческими складами со всех северных стран. А до той поры [Новгород] ежегодно платил великому князю Литовскому сто тысяч червоных злотых, как свидетельствуют Ваповский и Бельский, или рублей (rubli), как пишут Длугош и Кромер. О чем Длугош, Меховский (кн. 4, гл. 27, стр. 343), Кромер (кн. 29, стр. 632 *первого издания, стр.* 422 *второго*), Бельский (*издание* 2, *стр*. 281), *Герборт* (*кн.* 17*, гл.* 9*, стр.* 33), *Ваповский и прочие* [33]. Но русские и литовские летописцы дань с Новгорода Великого, о которой мы написали выше, считают так: с Новгорода Великого литовской казне (do skarbu) отсчитывали десять тысяч червоных злотых деньгами и отдавали сто больших немецких фризов [34]. Из чего следует, что новгородцы владели Лифляндской землей, где у Нарвы есть порт, как свидетельствуют и московские хроники и московские хроники [35], откуда и получали из заморья фризов в качестве дани (za dan) и отдавали их литовским князьям в счет платежа (w tribucie). И, кроме того, рысей (rysiow) сорок сороков, соболей, кун, лисиц, чернобурых лисиц (marmorkow), волков и всякого вида мехов, каждого по сорок сороков. Псковичи же платили половину этой дани, то есть по пять тысяч червоных злотых, по 50 фризов и по 20 сороков мехов каждого вида.

Вознесенный такой несказанной добычей и овладением столь славным городом, Иван Васильевич замахнулся (mysl swoje nasadzil) на все русские и литовские земли и княжества, видя, что Казимир занят другими делами в далекой Польской стороне. Но литовские паны непрерывными посольствами его сразу же призвали.

Казимир напрасно [приехал] **в Литву.** Итак, заключив мир с венгерским королем Матьяшем, приняв от прусского магистра Мартина присягу, от которой тот уклонялся, и передав дела Короны епископу Яну и Якубу Дембиньскому, каштеляну и старосте Краковскому, а также сандомирскому каштеляну Павлу Ясенскому, сам с королевой и королевичами спешно поехал в Литву. И там, разбирая литовские дела, дольше обычного жил в Вильне. И сразу же послал своего дворянина Стрета к заволжскому царю Ахмату (do Sachmata), прося его о помощи против московского [князя].

Река Угра. Тогда заволжский царь с великим войском своей орды двинулся на московские земли и расположился на реке Угре. И хотя литовские паны наилучшим образом (как пишет Длугош) [36] советовали добиваться возвращения своего войной, однако король желал мирно решить дело с жестоким князем Московским, видя его столь могущественным и возвысившимся приобретением великих богатств и соседних земель, а также [располагавшим] бесчисленным множеством рыцарства, постоянно упражнявшегося в войнах и уповавшего на свои силы воспоминаниями о прошлых победах. А своих никчемных и изнеженных долгим бездельем наемных людей, которым велели идти на войну против столь могущественного неприятеля, он в то время не мог так быстро привести из Польши и из других соседних стран. Поэтому Казимир заключил с московским князем перемирие на несколько лет, а Новгород Великий и несколько русских княжеств, оторванных от Литвы, так и пропали.

А царь Заволжский стоял на Угре, не малое время дожидаясь королевских указаний (nauki). Потом князь Московский дал царскому гетману князю Темиру (Timiru) большие дары и всяческие подарки, и особо отослал царю великие дары, которые Москва задерживала в течение нескольких лет [37]. Царь, не имея известий от Казимира и уговариваемый своим гетманом Темиром, воротился в свое царство, где его зарезал его гетман Темир (Tymir) [38] за подарки великого князя. А король Казимир отъехал в Польшу.

Но относительно времени и причин отъезда короля Казимира из Литвы в Польшу Летописец Русский ошибается, сообщая, что как только умер чешский король Иржик, чешские паны послали к нему, прося, чтобы дал им на Чешское королевство сына Владислава. Поэтому Казимир, отложив литовские дела и войну с [князем] Московским, по совету польских панов поехал в Польшу, собираясь отправить сына за чешской короной, и прочее. Но все это [истине] не соответствует, ибо чешский король Иржик Подебрадский умер в 1471 году, а на его место в Праге сразу же был коронован Владислав, сын Казимира, как об этом нами рассказано выше. А московский [князь] взял Новгород потом, в 1479 году. Вот так летописец ошибся на восемь лет, выдавая предыдущее за последующее.

Глава пятая

О поражении ста тысяч турок от Стефана Батория, воеводы семиградского

В том же 1479 году, на святого Галла (Gawle) [39], осенью, сто тысяч турецкого войска, гетманами над которыми было пять пашей (baszow), имея с собой вспомогательные полки Мултян [40], вторглись в Семиградскую землю и расположились лагерем у города Собина или Сибина [41]. [В ответ] на насилие воевода Иштван (Istphan) [42] Баторий, собравшись со своим войском, двинулся против язычников, которые, полагаясь на свое множество, окружили его со всех сторон. Стефан (Stephan) Баторий, видя, что ему трудно будет устоять в битве и трудно соединиться с двумя другими венгерскими полками, прибывшими от короля Матьяша, все же [успел] известить их о своей вынужденной битве с турками. Солдаты и все рыцарство Батория добровольно пообещали, что будут все заодно и все поклялись, что скорее умрут, чем побегут. **Битва венгров с турками.** Потом Баторий велел дать сигнал к бою. Развернув знамена, громко [затрубив] в трубы и ударив в бубны, обе стороны сошлись в жестокой битве, длившейся почти три часа. Венгры, теснимые множеством турок, уже начали было уступать, и Баторий едва удерживал их: одних честью просил, других лаял, напоминая им о недавно учиненной взаимной клятве. В этот момент два оставшихся полка, где были дворяне короля Матьяша, а также австрийцы (Racowie), которых с гетманом Яксичем и с князем Павлом [43] было девятьсот, стремительно наскочили и на быстром скаку ударили в бок врагу. Турки от неожиданности растерялись, повернули коней, какое-то время оставались на месте, а потом, тревожимые и теснимые, обратились в бегство. **90 000 турок полегли убитыми.** И, бегущие, потерпели там страшное поражение, ибо в живых не оставили никого, кроме пятидесяти знатнейших, захваченных венграми. В то время в разных местах и на поле боя турок полегло девяносто тысяч [44] убитыми, ибо венгры гнали их от Сибина до мултянского города Джурджу над рекой Бузов (Buzowe). В 1575 году, когда я ехал там к

туркам, [место] этого побоища показывали мне сами мултяне, слышавшие об этом от своих дедов.

В то время эту славную и достойную памяти на все времена победу над турками Стефан Баторий преподнес венгерскому королю Матьяшу, который сам тогда лежал в Венгрии, почти обреченный на смерть подагрой (pedogra), так что народ везде твердил, что якобы уже умер. Но [Матьяш] показал немцам, что жив, когда на следующий год [руками] Томаша Тарча повоевал австрийскую землю. Об этой славной битве и победе Батория над язычниками [пишут] венгерские хроники, особенно Бонфиний, а из наших Меховский (кн. 4, гл. 72, стр. 343), Кромер (кн. 29, стр. 632 *первого издания*, [стр.] 423 *второго издания*), Герборт (кн. 17, гл. 19, стр. 331) и прочие [45]. Этот год и несколько следующих лет, как свидетельствует Кромер, а Летописец [пишет] семь лет, король Казимир, будучи уже дряхлым и старым, с королевой и сыновьями провел в Литве, забавляясь охотой, которую очень любил. **Умер Длугош.** В Польше и Литве, поскольку со всех сторон был мир, в те времена не происходило ничего достойного описания [46], только в 1480 году умер учитель сыновей Казимира, краковский каноник Ян Длугош, когда должен был вступить [в должность] архиепископа Львовского [47]. Он написал на латинском языке пространную Польскую хронику до самого момента своей смерти, а также описал положение польской земли [48]. Хотя [его книга] из-за зависти так и не вышла в свет [49], но в этой нашей Хронике я следовал ей, как правдивой и подробно написанной, по [изложениям] Кромера и Меховского [50].

Моровое поветрие в Польше. Потом, в 1482 году, в Малой и в Великой Польше господствовало сильное моровое поветрие, занесенное в Краков из Венгрии, из-за которого померло великое множество людей. **Святой Симон из Липнице.** В то время в Кракове умер и Симон из Липнице, святой жизни проповедник бернардинского ордена. Рассказывают, что у его гроба исцелились многие больные.

Умер Казимир С[вятой]**.** А в 1483 году в четверг наступающего поста князь Казимир, второродный сын королевский, расстался с этим светом в Вильне и похоронен там же, в часовне костела Святого Станислава. Отец подобающим образом обставил его погребение, могила же прославилась засвидетельствованными благочестивыми чудесами. Говорили, что он провел свою жизнь в такой чистоте, что, когда врачи рекомендовали ему жить половой жизнью (concubitum), если хочет быть здоров, отвечал, что готов скорее умереть, нежели нарушить чистоту обета безбрачия. Таким обходительным он был до вечного благословения, но в одной из венгерских войн, отбитый Матьяшем, убедился в непостоянстве и пустой обманчивости этого мира.

Шафранец разбойничает. Тогда же без короля в Польше умножились своевольничания, так что знатная шляхта попросту жила грабежами и разбоем. [Один] из них, Кшиштоф Шафранец**,** [шляхтич] знатного рода и пожалованный большими имениями, собрав очень много разбойного люда (lotrowstwa), из своего замка Песчаная Скала (z Pieskowej Skaly) разбойничал на проезжих дорогах (dobrowolnych goscincach). И немало богатых и знатных краковских купцов, ехавших на Люблинскую ярмарку, в Зборовке, близ Вислицы, побил и пограбил, из-за чего был вызван [на суд]. **Шафранец казнен.** А когда не внял вызову, был

окружен в местечке Сарчове (Sarczowie) Серадзской земли, схвачен и по приказу короля казнен в Кракове. После этого дороги стали спокойнее.

Чешские междоусобицы. А в чешском королевстве в то время были жестокие внутренние раздоры, ибо еретики, перебив и разогнав священников, начали бунтовать против светских панов и против самого своего короля Владислава, сына Казимира. И король, видя опасность для собственной жизни (zdrowia swego), вынужден был уехать в Кутную Гору (w gory Kutnenskie), а разбушевавшиеся простолюдины жестоко избили сенаторов или ратманов Старой и Новой Праги и разграбили монастыри.

Умер турецкий император Магомет. Турецкий император Магомет тогда добывал Родос, но, с позором отбитый, вторгся в итальянскую Апулию и разрушил там Вьесте (Bestia) и несколько других городов, а славный портовый город Отранто (Hidrunt) занял турками. А потом, когда с войском двинулся в Сирию, в Никомедии умер [51]. После его смерти турки разделились на две части и вели внутренние войны, ибо одни были за старшего сына Баязета, а другие за младшего Селима [52]. Поэтому Альфонс, сын неаполитанского короля, отнял у язычников Отранто.

Глава шестая

О присяге Стефана, преславного воеводы валашского, королю Казимиру и о его битвах с турками

Турки повоевали Валашскую землю. В 1484 году турецкий император Баязет (Bajazet cesarz) [53], вступив на престол своего отца Магомета, с великим войском землей и морем двинулся на Валахию, желая отомстить Стефану за отцовы кривды, поражения и посрамления. Он занял портовые замки Килию и Белгород, хотя и с большими своими потерями, и всю Валашскую землю разорил, но не захватил, как ошибочно пишет Иовий. Ибо воевода Стефан, видя, что [его силы] неравны турецкой силе, залег в горах и в лесах, везде урывками донимая турок. Потом на другой 1485 год, как [пишут] Меховский, Кромер и Ваповский, а от сотворения мира 6994, как свидетельствуют русские летописцы [54], послал к королю Казимиру, прося его о помощи против турок и обещая принести ему присягу в вечном подданстве и покорности [вместе] со своими потомками. Казимир не захотел упускать такой случай, чтобы заполучить себе в подданство такого монарха, который часто наносил туркам, татарам и венграм великие поражения, а прежде освободил его от действующей присяги и в начале осени двинулся ко Львову. **Король Казимир против турок.** И по его приказу в Коломыю прибыла вся русская и подольская шляхта, а также очень много польских и литовских панов, нарядно украшенных, на конях и при оружии, так что всего конного войска, годного для войны, тысяч двадцать было. Ведь в то время ***Formidabile erat Turcis nomen Polonorum***, как пишет Кромер: страшно было туркам имя Польское.

В Коломые Казимир расположился лагерем на широком поле, а Стефан в назначенный день приехал к королю с несколькими тысячами конных, с панами и с боярами. Но только он один коронными и литовскими панами радными был учтиво препровожден в шатер, в котором король восседал на троне (majestacie) в короне и в королевском уборе. И там

воевода Стефан, держа в руке знамя с валашским гербом [55], учтиво поклонился королю, упал на колени и бросил знамя ему под ноги. И с обычными церемониями поклялся, что вся Валашская земля всегда будет верна и послушна польскому королю Казимиру и его наследникам, польским королям. И никакого другого господина, кроме него, не знать, со всеми силами быть готовыми ему на помощь против каждого врага, и ни мира, ни войны не объявлять без королевского приказа. Потом король поднял его с земли и поцеловал, усадил за стол [вместе] с тринадцатью виднейшими валашскими панами и довольно учтиво чествовал.

Стефан выгнал турок из Валахии. Наконец, [Стефан] отъехал в Валахию, одаренный на дорогу подарками и взяв от короля в помощь против турок три тысячи отборных конных, гетманом над которыми был Ян по прозвищу Поляк, хотя Летописец свидетельствует, что с этим людом король послал было своего сына Яна Ольбрахта. С этим подкреплением Стефан очень часто мужественно поражал турок и великие их войска побивал, так что выгнал их из Валахии и искоренил, и турецкий император долго его не беспокоил.

Князь Тверской [приехал] **в Литву.** В том же году король Казимир, как свидетельствует летописец, приехал в Литву, где к нему прибежал Михайло Борисович, великий князь Тверской [56], а его Тверское княжество (Twierzyca) покорилось московскому князю Ивану Васильевичу. А из того княжества, как пишет Герберштейн, на войну обычно выходило сорок тысяч конных.

В том же году месяца мая 21 дня выпал большой снег до голени и были в Литве великие холода. А потом король Казимир пробыл в Великом княжестве Литовском семь лет, не выезжая, так как в Литве жил охотнее, чем в Польше, из-за роскошной охоты и различного зверья, ибо был заядлым охотником.

Потом в 1489 году король Казимир, узнав, что татары с большим войском жестоко воевали русскую и подольскую землю, отправил против них своего сына Яна Ольбрахта с отборным коронным рыцарством, к которому прибыла также литовская, русская и подольская шляхта. Татары с добычей и пленниками уже уходили в Орду, разделившись на два больших отряда. Узнав об этом, Ольбрахт (Albricht) сначала пошел на первый отряд, а в нем было, как пишет Ваповский, пятнадцать тысяч конного люда. Наши ударили на них с великой смелостью, поразили язычников наголову и отбили добычу и пленников.

Ян Ольбрахт поразил 25 000 татар. Потом Ян Ольбрахт пошел на других, которые шли позади, и внезапно стремительно окружил [татар], не ожидавших [нападения]. И там поганых, которых было десять тысяч, кололи, били, рубили, как скотину. Со своим рыцарством он погромил их до [полного] истребления, почти полдня потратив на их избиение, так что с каждого шел пот от трудов. В этом отряде один [татарский] царь пал убитым, а другой бежал.

Это поражение язычников было над рекой Саворуном или Сафраном [57], где она в Буг впадает.

Литовцы поразили 9000 татар. Зимой татары, мстя за это свое поражение, вторглись в Подолию. Но литовцы и подоляне, а также волынцы, быстро собравшись, с Божьей помощью поразили их, ибо [они] не могли убежать из-за большого снега, и так их на поле осталось девять тысяч. В то время Ян Ольбрахт из-за своей выдающейся отваги в рыцарских делах (хотя и не участвовал в той последней битве, которую выиграли литовцы) начал быть в славе и в милости не только у рыцарей, но и у пленных (wiezniow), которые славили его мужество, мудрость и расторопность.

Тогда же король Казимир заключил мир с турецким царем Баязетом через Миколая Фирлея, который потом был коронным гетманом [58].

Глава седьмая

О войне и мире между родными братьями Казимировичами:

Яном Ольбрахтом и чешским королем Владиславом, о переметывании северских князей от великого княжества Литовского к московскому князю и о смерти короля Казимира.

Матьяш, король венгерский, в 1490 году разорив и покорив Австрийскую землю и взяв у императора Фридриха главный город Вену, когда добывал Новый Город, умер от апоплексии [59]. **Этот император Фридрих был такой воинственный, что флорентийские итальянцы в насмешку (na raku)** [60] **изображали его с такой надписью: *Tendimus in latium*** *(Следуем в Рим)*, **смеаясь над его никчемностью.** После смерти [Матьяша] венгерские паны разделились на различные партии относительно избрания нового короля; ибо одни выбрали польского королевича Яна Ольбрахта, а другие, которых было больше, быстро призвав его брата Владислава, короля Чешского, короновали его в Буде. Узнав об этом, Ян Ольбрахт по совету и на средства своего отца Казимира, короля Польского и великого князя Литовского, сразу же собрал под коронными знаменами двенадцать тысяч войска и в июне месяце выступил из Кракова в Венгрию. А когда прибыл в Пешт, обнаружил, что и сам город, и дунайские берега уставлены пушками (osadzone strzelba). Отступив от Пешта по совету своих [людей], потом осадил Кошице (Koszyce), а затем взял города Шариш (Saris), Эперьеш (Operiasz) и Сибинов (Sibinow) [61], а Кошице обстрелом и штурмами добывал всю осень и до середины зимы. А когда кашичанам надоела эта осада, они послали к королю Владиславу — просить о помощи. Тогда король Владислав с войском двинулся к Кошице (Кашше) против брата. Но венгры, видя, что Ольбрахт с поляками стоит крепко, стали уговаривать такими речами: чешский король Владислав пусть будет королем всей Венгрии, как законно избранный и коронованный, а Ольбрахту уступит Глогувское, Кожуховское и Вроцлавское княжества в Силезии и другие уделы (dzierzawy), которыми до этого владели князья Жаганьские, причем он сразу же будет введен в полное владение этими землями (panstwa) поляком, глогувским старостой. **Ян Ольбрахт согласился на силезские княжества.** Итак, королевич Ян Ольбрахт отступил от Кашши на Эперьеш (Aperiasz), а венгры тоже разъехались. **Отец сам ссорил сыновей.** А когда из-за недостаточно мудрых советов и по указаниям отца (который его на это подбивал, обещая прибыть ему на помощь с большим польским, литовским и татарским войском) Ольбрахт разорял в

Венгрии все окрестные волости, его брат король Владислав, побуждаемый частыми жалобами своих [людей], послал против Ольбрахта восемнадцать тысяч (как пишет Кромер, а Бельский считает двенадцать тысяч) пеших и конных, [командовать] которыми поставил семиградского воеводу Стефана Батория [62]. А у Яна Ольбрахта в его войске было едва четыре тысячи солдат, как пишет Кромер, а Меховский (кн. 4, стр. 235) считает, что только две тысячи. Однако, нимало не тревожась по поводу множества наступающего неприятеля, [Ян Ольбрахт] призывал своих, чтобы храбро и не без мести сражались, как и пристало мужам достойным (potciwym) и могучим. Лучше принять славную смерть, чем позорно бежать или прятаться и допустить, чтобы нас перебили, как скотину.

Битва Ольбрахта с огромным войском брата Владислава. И первого января 1492 года вывел их в поле. А когда трубы с обеих сторон дали сигнал к бою, оба войска сошлись врукопашную. Тут солдаты Ольбрахта [63] проявили свое мужество и отогнали назад первый неприятельский полк, но, побеждаемые их множеством и потерявшие многих знатных мужей, отступили. **Под Ольбрахтом убили трех коней в бою.** Потом королевич Ольбрахт, когда долгое время тщетно пытался направить ход боя и привести своих [людей] в порядок, когда в горячке боя под ним убили двух коней, а третьему, на которого он пересел, пропороли брюхо, сам еле уехал в Эперьеш. И два чеха, которые погнались было за ним, когда солнце уже садилось, его там едва не поймали, ибо во мраке ночи он отбился было от своих. А когда он отбивался от чехов, его меч переломился надвое. **У Ольбрахта сломался меч, как у Турна, когда** [тот] **бился с Энеем** [64]**.** И уже нечем было обороняться, пока Крупский не подал ему меч, которым он сразу поубивал обоих врагов чехов. **Шляхтич Крупский.** Польских и литовских солдат спасла ночь: много их убежало.

Мужество Ольбрахта. Потом Ольбрахт наскочил на других венгерских гусар, которые его окружили, и вступил с ними в переговоры. **Хитрость.** А его разбегавшиеся солдаты, узнав его по голосу, пробегали один за другим между венграми с криками: «Бей! Убивай! Бей! Убивай!». **Сами убегали, а на словах** [как будто бы] **догоняли.** Из-за этого венгерские гусары (husarze), ночью ошибочно подумав, что наших было больше, бежали, оставив королевича Ольбрахта. И вот так, спасшись из этих двух опасных трясин (toni), он убежал в Эперьеш со своими [людьми], которых при нем было немного.

Владислав, король Чешский и Венгерский, узнав об этом, радовался не столько победе, сколько тому, что его брат уцелел. И, послав к нему, учинил такой мир, что Ян Ольбрахт получает в Силезии города Великий Глогув, Кожухов, Шпротаву, Зелену Гору, Свебодзу, откуда свебодзинское сукно, Гиуре (Giure), Сциняву, Опаву, Карнов, Тоско, Бытом, Свитленице и Козле с замками и со всеми волостями, которыми может вместе со своими детьми владеть столько времени, сколько будет оставаться королем. И договорились об этом между собой и утвердили с обеих сторон печатями.

Северские князья переметнулись к Московскому [князю]. Ян Ольбрахт приехал в Краков, откуда не выезжал до отцовской смерти, ибо король Казимир жил тогда в Литве, решая с литовскими панами военные вопросы: как отобрать у Московского [князя] владения, которые тот оторвал от Литвы. Ибо как только [он] завладел Новгородом Великим, северские князья, ведущие свой род от великих князей Литовских, от Ольгерда,

пристали было к великому князю московскому Ивану Васильевичу, хотя обижены были по пустяковому делу. Когда они приехали в Вильно к королю Казимиру, их некоторое время не хотели впускать в его покои. А когда один из них упрямо попытался войти, привратник (odzwierny) прищемил дверью и сломал ему палец на ноге. И хотя привратника за это казнили, гнев этих князей не мог быть этим ублаготворен, и поэтому из Вильна они поехали прямо к московскому князю и подчинились ему вместе со своими княжествами. Может быть, это и было [главной] причиной их переметывания, но скорее то, что видели пренебрежение к себе [со стороны] литовских панов, богослужение и церковные обряды у них были разные, а с Москвой совпадали. И когда подвернулся случай (taka pogode majac) и появился подходящий повод, они тут же учинили то, что уже давно задумали. Это и было причиной войны Казимира против московского [князя].

Но еще более он был распален желанием возвести на венгерский престол сына Ольбрахта, как только узнал, что его поразил Владислав, другой его сын, на которого [Казимир] гневался, ибо тот не был благодарен за его благодеяния. Недовольный этим соглашением, он заключил перемирие с московским князем, а сам хотел возобновить с сыном [Владиславом] венгерскую войну и отомстить за посрамление Ольбрахта. И двинулся из Вильна, намереваясь устроить свадьбу своей дочери Анны, просватанной за князя Богуслава Щецинского, и одновременно оказать помощь Подгорской и Подольской Руси.

Волошин Муха, второй Подкова [65]**.** Ибо в то время некий Муха из холопского рода, собрав десять тысяч валахов и руси с Покутья, разорял Русь и Подолию. Миколай Ходецкий, прозванный Земелька, муж дельный и хорошо смыслящий (biegly) в рыцарских делах, со служилым польским людом Божьей милостью [Муху] поразил и разгромил все это холопство. Сам Муха потом пойман русской шляхтой [с помощью] некоей русинки, которую любил, привезен в Краков и окончил свою жизнь в тюрьме [66].

А король Казимир вскоре после пасхи (Wielkiej-nocy) того же 1492 года, за один день, как пишет Кромер, приехав из Вильна в Троки, захворал. А потом был из Троков перевезен в Гродно, и там на него напала червоная немочь, от которой ему день ото дня становилось все хуже. И когда доктора не могли его вылечить, бернардинцы лечили его черствым хлебом и печеными грушками, из-за чего начал пухнуть. И спросил своего доктора Якуба Залеского, есть ли у него какая-либо надежда на выздоровление. **Смелый ответ Казимира, когда собрался умирать.** А когда [тот] ему ответил, что он не выживет, сразу, как неустрашимый боец, сказал: ***«Ну, значит, умереть!»***. И вот так, благочестиво причастившись Святых таинств (Sacramenta Panskie), составил завещание, и в особом тайном укрытии указал сто тысяч червоных злотых, которые разделил меж сыновьями. **Хоть и постоянно воевал, а все-таки 100 000 червоных злотых оставил.** А литовских панов с плачем просил, чтобы на великое княжение литовское взяли себе его сына Александра, на что [те] дали согласие, видя и помня его достойные дела и любовь к себе.

Завещание Казимира. А от коронных панов он также потребовал, чтобы короновали на королевство [Польское] его другого сына, Яна Ольбрахта. И венгерского и чешского короля Владислава, а также будущего польского короля Яна Ольбрахта обязал, чтобы своего младшего брата Сигизмунда не оставляли, а дали ему какой-нибудь удел между своими владениями. Умер в Гродненском замке в четверг седьмого дня месяца июня, за

неделю перед Святками [67], как пишет Меховский, а Летописец считает, что за неделю до Божия Вступления (Wstapienia) [68].

Погребение Казимира. Потом с почестями отвезен в Краков литовскими и коронными панами, и там одиннадцатого июля (Lipca) погребен в замке у Святого Станислава в мраморном гробу, который сам было и соорудил (zbudowal), с обычными церемониями и с великой помпой, организованной королевой Эльжбетой с сыновьями, епископами и с коронными и литовскими панами.

Внешность и обычаи Казимира. Росту был высокого, стройный, с лицом длинным и сухощавым, на голове лысина, при разговоре шепелявил. Обычаев был простых, увлекался очень охотой на всяческого зверя и птицу, и поэтому жил больше в Литве. А когда из Литвы послал большие подарки чешскому королю, сыну Владиславу, а рыбницкий князь отнял их у послов, а потом, видя, что дурно поступил, стал просить милости и прощения у Казимира, [тот] всего и сказал ему: «Пусть только собак вернет, а остальные подарки пускай себе забирает». **Точно так же поступил император Вацлав** [69]**, когда у него сгорел один богатый замок. Он только спросил: «А пивной погреб с пивом уцелел?». Наш был человек!** [70] Не важничал (nie pyszny), трезвый, ибо вина, пива и меду не пил, расточительный и не расчетливый (utratny, nie budowny). В бане всегда хлестался веником, привычен к труду, терпеливо сносил холод, ветер, дым, палящее солнце, и во всем был похож на своего отца Ягеллу. Необычайно любил свою жену Эльжбету, и она его тоже. Оставил тринадцать потомков: шесть сыновей и семь дочек, о рождении и браках которых смотри у нас [ниже] по порядку.

С ы н о в ь я

	Дата рождения
1. Владислав, король Чешский и Венгерский	1 марта 1456 г.
2. Казимир	3 октября 1458 г.
3. Ян Ольбрахт, король Польский	27 декабря 1460 г.
4. Александр, В. Кн. Лит[овский] и король Польский	5 октября 1461 г.
5. Сигизмунд Первый, князь Силезский и прочее	1 января 1467 г.
6. Фредерик, епископ и кардинал ***in 7 soliis*** [71]	27 апреля 1468 г.

К о р о л е в н ы

	Выданы замуж за князей
1. Ядвига	Георг (Jerzy) Баварский
2. София	Иоганн (Jan), маркграф Бранденбургский
3. Эльжбета	Умерла в младенчестве
4. Эльжбета	Умерла в младенчестве
5. Анна	Богуслав Слупский
6. Барбара	Георг (Jurko) Мейсенский
7. Эльжбета	Фредерик Легницкий

Три солнца. Перед смертью Казимира на небе появились знамения: после середины декабря на юге видели три солнца. Потом почти два месяца [на небе] держалась комета. Казимир царствовал 45 лет, достигнув шестидесяти четырех лет своего веку.

Татары поражены. В том же году Владислав Казимирович поразил великие войска турок, совершавших набеги на Боснию и венгерские границы, и снял осаду с Салашиц (Salaczic) [72].

Комментарии

1. Ян Шемиот (Siemiot) герба Лебедь — сын жмудского каштеляна (1566-1570) Мельхиора (Малхера) Станиславовича Шемиота и брат жмудского подкомория (1582) Вацлава Шемиота. Смотри примечание 77 к книге девятнадцатой.

2. Смотри примечание 41 к книге девятнадцатой.

3. Длугош пишет: *Винцентий,* [епископ] *Хелминский*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. V, ks. XII. Krakow, 1870. Стр. 522.

4. Длугош пишет: *старший краковский каноник Ян Длугош*, имея в виду самого себя. Длугош и в самом деле был учителем королевских детей. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. V, ks. XII. Krakow, 1870. Стр. 522.

5. Длугош перечисляет этих князей поименно.

6. Владислав II Ягеллон был избран чешским королем 27 мая, а коронован в Кутной Горе 22 августа 1471 года.

7. В Польше и в Пруссии как минимум два города назывались Илава (Эйлау): Илава Прусская (Пресиш-Эйлау) и Илава Немецкая (Дойч-Эйлау). Но обе эти Илавы очень далеко от Венгрии, поэтому надо полагать, что здесь имелась в виду Илава в Западной Словакии.

8. Климент — римско-католический епископ (1451-1473) Киева, вероятно, доминиканец. Он умер 13 июня 1473 года. Его преемник Войцех Нарбут был епископом довольно долго, так как упоминается в этом качестве еще и в 1506 году. Длугош пишет, что он принадлежал к гербу Топор, однако Теодор Нарбут считает это ошибкой, так как все известные ему Нарбуты были либо герба Трубы, либо герба Задора. См.: Teodor Narbutt. Dzieje narodu Litewskiego. Tom osmy. Wilno, 1840. Стр. 192.

9. Яйце — город в Боснии при впадении реки Пливы в реку Врбас. Был столицей независимой Боснии в последние годы ее существования. В октябре 1463 года Матьяш Корвин начал поход в Боснию и в середине декабря отобрал Яйце у турок. Мехмед II безуспешно осаждал Яйце с июля по сентябрь 1464 года. См.: Записки янычара. М., 1978. Стр. 92, 94, 132.

10. Ну'срат ад-Дин Абу Наср Узу'н-Хаса'н-хан (1423-1478) — вождь племенной конфедерации туркоманских племен, а с 1453 года — правитель созданного им самим государства Ак-Коюнлу, занимавшего огромную территорию: Иран, Ирак, Азербайджан, Армению и восточную часть Анатолии. Один из величайших владык и полководцев средних веков. Носил титулы султана и падишаха Ирана.

11. Катерино Зено (Zeno) — венецианский дипломат, посол Венецианской республики при дворе Узун-Хасана (1472). После возвращения в Венецию издал книгу, в которой описал собственные впечатления. Скончался в самом конце XV столетия. Его племянник Никколо Зено (1515-1575) по письмам дяди составил очерк его путешествия, напечатанный в Венеции в 1558 году.

12. В 1458 году Узун-Хасан женился на дочери трапезундского императора (1429-1459) Иоанна IV Великого Комнина Феодоре (Стрыйковский называет ее Катериной), известной на Востоке как Деспина-хатун. Его дочери от этого брака в 1474 году было не более пятнадцати лет.

13. Айдар или Айдер (Ayder) — сын Хаджи-Гирея и старший брат Менгли-Гирея. Был в родстве с беями Ширина. После воцарения Менгли-Гирея (1469) вместе со свергнутым крымским ханом Нур-Девлетом, другим своим братом, содержался в генуэзской крепости в Судаке (Солдайе) на правах почетного пленника. Описываемые Стрыйковским события Длугош датирует 1474 годом – значит, к тому времени Айдар уже получил свободу. В марте 1475 года взбунтовавшаяся знать провозгласила Айдара крымским ханом, а свергнутый Менгли-Гирей укрылся в Кафе. В июне того же 1475 года в Крым вторглись турки, захватили генуэзские владения и освободили Нур-Девлета. Вернув себе трон, тот признал себя вассалом и данником султана Мехмеда II. Менгли-Гирей попал в плен и был отправлен в Стамбул, а Айдар в конце концов бежал в Киев (1478). Через год он пребрался в Москву — под крыло Ивана III. Скончался в ссылке на Белоозере в 1487 году. См.: Гайворонский О. Повелители двух материков. Том I. Киев-Бахчисарай, 2007. Стр. 43-53.

14. Слово *kilkonascie* означает не точно определенное число более десяти и менее двадцати.

15. Иван Федорович Ходкевич (1420-1485) герба Косцеша — первый известный представитель литовского рода Ходкевичей и первый известный историкам великий гетман литовский (1476). Сын киевского боярина Ходки (Федора) Юрьевича. Православный. Впервые упоминается в 1453 году. Участник Тринадцатилетней войны. Наместник (1474) и воевода (1476) витебский, маршалок и великий гетман литовский (1476), староста луцкий (1478), воевода киевский (1480-1482). Женат на дочери Ивана Владимировича Бельского. В 1482 году попал в плен к Менгли-Гирею и умер в неволе. Его сын Александр был воеводой новогрудским (1544-1549). Правнуком Александра Ивановича был Ян Кароль Ходкевич (1561-1621).

16. У Длугоша *Kuczborek* и *Byczyna*. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. V, ks. XII. Krakow, 1870. Стр. 576.

17. Стрыйковский имеет в виду повторение ситуации, которую он уже описывал выше (глава 6 книги двенадцатой). Ольгерд и Кейстут, воспользовавшись тем, что орденские войска ушли в поход на Литву, сами вторглись в Ливонию и в Пруссию, где произвели большие опустошения.

18. Раду III Красивый (1438-1475) — младший брат Влада Цепеша, господарь Валахии в 1462-1475 годах (с перерывами). Прозвище Красивый (cel Frumos) получил от турок, а Халкокондил (См.: Laonicus Chalcocondylus, Historiarum Libri Decem, De Rebus Turcis, Libri IX. Bonnae, 1843. Стр. 498-500) даже пишет, что его дружба с султаном Мехмедом II носила интимный характер. См.: Записки янычара. М., 1978. Стр. 85, 86, 88.

19. Секеи (нем. Szekler) — один из народов Трансильвании. Этногенез секеев еще недостаточно изучен, как, впрочем, и самих венгров. Секеями были Дьёрдь Дожа и Стефан Баторий.

20. Река Берлад является левым притоком реки Серет и находится в румынском уезде Васлуй на границе с Молдавией. См.: Стати В. Штефан Великий. Господарь Молдовы. Кишинёв, 2004. Стр. 43, 44.

21. Битва состоялась 10 января 1475 года ***немного выше Васлуя у реки, которая называется Берлад***. Сведения о численности обеих армий Стрыйковский позаимствовал у Длугоша. И хотя сам Штефан (в письме к венгерскому королю) говорит о 120 000 турок и татар, есть основания подозревать, что он нарочно преувеличивал. Примечательно, что в Бистрицкой летописи нет сведений о численности войск, Константин из Островицы вообще не упоминает о столь тяжком поражении турок, ничего не пишет об этом и Кинросс. См.: Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М., 1976. Стр. 28.

22. Смотри примечание 13.

23. Георг Богатый (1455-1503) — герцог Ландсхут-Баварский (1479) из рода Виттельсбахов. Его брак с Ядвигой состоялся в 1475 году.

24. Эта битва состоялась 26 июля 1476 года у Белой Долины (Валя Албе), ныне известной как Рэзбоень. ***В лето 6984 в пятницу 26 июля пришел сам царь турецкий, именуемый Мехмет-бег, со всеми своими силами, а с ними и воевода Басараб со всем своим войском на Стефана воеводу. И сотворили с ним бой у Белого Потока, и одолели тогда проклятые турки с мултянами. И пали тут добрые витязи и великих бояр немало и добрых, и молодые юнаки, и [много] войска доброго и храброго, и храбрые гусары потопились тогда.*** См.: Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М., 1976. Стр. 29.

25. В оригинале: **Witaj myto na blaznach**.

26. Это весьма важное уточнение окончательно устраняет все сомнения по поводу употребления Стрыйковским слова *злотый*, которое у него означает польскую денежную единицу, а вовсе не золотую монету как таковую.

27. Напоминаем, что Штефан Великий был господарем Молдовы, которую Стрыйковский здесь именует Валахией, зато Валахию (Румынию) наш автор в данном случае называет Мултенией. О Мултении (Мунтении) смотри также примечание 48 к книге второй.

28. Здесь Стрыйковский путает имена и смешивает события, впрочем, и в самом деле довольно запутанные. После битвы у Васлуя (1475) валашский господарь *Раду* III Красивый пропал без вести, а новым господарем стал Басараб III, ставленник Штефана Великого. Но вскоре он начал ориентироваться на турок, поэтому в ноябре 1476 года молдавские и венгерские войска заняли Валахию, посадив на ее трон Влада III Цепеша, брата Раду Красивого. Цепеш (ныне широко известный как *Дракула*) стал валашским господарем уже *в третий раз*, но всего через месяц при невыясненных обстоятельствах он был убит, а валашским господарем снова стал Басараб III. В ноябре 1477 года Штефан Великий окончательно изгнал Басараба III из Валахии и посадил на его место Басараба IV *Цепелюша*, сына валашского господаря Басараба II (1442-1443). Смотри примечание 18.

29. Герберштейн, у которого Стрыйковский позаимствовал испорченное название реки Шелонь (Scholona), относительно Новгорода пишет, что ***московиты похвалялись, будто имеют там своих наместников, а литовцы, в свою очередь, утверждали, что новгородцы их данники.*** См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М.,1988. Стр. 148.

30. Этот рассказ наш автор слово в слово переписал у Длугоша. Примечательно, что «История» Длугоша обрывается именно на 1480 году, который традиционно считается годом освобождения Руси от монголо-татарского ига. Еще более примечательно, что и введение в терминологию самого понятия «татарского ига» на Руси тоже приписывается Длугошу. См.: Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiag dwanascie, t. V, ks. XII. Krakow, 1870. Стр. 657.

31. Имеется в виду София Палеолог (1455-1503), которой во время «стояния на Угре» было лет 25.

32. Подчеркнем, что Стрыйковский сам пишет *издавна служивших* (zdawna sluzacych), а отнюдь не *изначально принадлежавших.*

33. Выделенные курсивом слова в оригинале написаны на латинском языке.

34. Смотри примечание 36 к книге пятнадцатой.

35. Оставим этот вывод на совести автора. Впрочем, не следует забывать, что Стрыйковский писал свою хронику во время Ливонской войны, когда вопрос о правах на Ливонию был очень сильно и притом намеренно запутан именно московской стороной.

36. Это едва ли не последняя в нашей хронике ссылка на Длугоша, который скончался 19 мая 1480 года, то есть еще до «стояния на Угре».

37. Уникальное, хотя и весьма сомнительное известие, в силу которого уход татар с Угры может рассматриваться в совершенно ином свете. Русские летописи подтверждают, что Темир получил большие дары (*тешь великую*) от послов Ивана III. См.: ПСРЛ, том 26. М.-Л., 1959. Стр. 265.

38. 6 января 1481 года в устье Северского Донца хан Ахмат был убит тюменским ханом Ибаком и ногайскими мурзами Мусой и Ямгурчи. См.: Устюжский летописный свод. М.-Л., 1950. Стр. 93-94. Что же касается Темира, то русские летописи упоминают его только во время стояния на Угре.

39. День святого Галла — 16 октября. Так называемая *битва на Хлебовом поле* (Kenyermezei czata) была 13 октября 1479 года.

40. Мултяне — жители Мултении, в данном случае валахи (румыны). «Мултянским воеводой» называли Дракулу. Смотри примечание 27 и примечание 48 к книге второй.

41. Сибин (Сибиу) — город в Трансильвании, немецкое название — Германштадт.

42. Иштван — венгерский вариант библейского имени Стефан. Упомянутый Стефан Баторий был полным тезкой жившего на сто лет позже польского короля Стефана Батория.

43. Князь Павел — Пал Кинижи, легендарный венгерский «витязь с двумя мечами». См.: Шандор Татаи. Витязь с двумя мечами. М., 1975.

44. Современные исследователи считают, что в битве при Кеньермезе турок погибло до 6 000, а венгров — не более 3 000. См.: Szakaly Ferenc, Fodor Pal. A Kenyermezei czata (1479. Oktober 13.).

45. Стрыйковский пользовался текстом Кромера. См.: Kronika Polska Marcina Kromera. Tom II. Krakow, 1882. Стр. 1296, 1297.

46. Дело не в том, что тогда не происходило ничего достойного описания, а в том, что умер тот, кто все это и описывал.

47. Смотри примечание 36.

48. «Historia Polonica» Длугоша впервые была *напечатана* только в 1615 году, но даже и тогда не получила широкого распространения. Эта полуторавековая задержка была вызвана не только интригами завистников, но и техническими трудностями издания столь колоссального труда. См.: Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004. Стр. 64.

49. Речь идет о составленном Длугошем первом подробном географическом описании Польши: «Хорография государства Польского».

50. Поскольку в сочинении Стрыйковского немало фактически *дословных* цитат из Длугоша, мы вправе предположить, что он пользовался не только сочинениями Меховского и Кромера, но и имел доступ к какому-то *рукописному* списку оригинального текста «Истории».

51. Мехмед II умер 3 мая 1481 года в городе Гебзе, который расположен примерно в 50 км к востоку от Никомедии (Измит).

52. У Мехмеда II не было сына Селима. Соперником Баязета в борьбе за престол был другой его брат — Джем. Ошибка Стрыйковского, надо полагать, вызвана тем, что следующим по порядку турецким султаном (1512-1520) действительно был Селим — сын Баязета. См.: Мутафчиева В. Дело султана Джема. М., 1986.

53. Баязет (Баязид) II Справедливый (1447-1512) — старший сын Мехмеда II, турецкий султан в 1481-1512 годах. После взятия Константинополя (1453) султан Мехмед стал именовать себя «кайзер-о-рум» (цезарь Рима), этот титул сохранили и его преемники. Вероятно, поэтому здесь и ранее Стрыйковский именует турецкого султана именно *цезарь*, а не *царь* и не *султан*. Чтобы не запутывать читателя, мы переводим этот титул как *император*.

54. В «Хронике Быховца» приведена та же дата: 6994 год, но она соответствует 1486, а не 1485 году. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 104. В действительности турки захватили Килию и Белгород еще в 1484 году. См.: Стати В. Штефан Великий. Господарь Молдовы. Кишинёв, 2004. Стр. 36, 183.

55. В иллюстрированной хронике Януша Туроци (1488) есть изображение молдавского знамени: это турья голова на красном поле. Такое же знамя было и у молдавского господаря Иеремии Могилы (1595-1606); 3 августа 1601 года оно было захвачено Михаем Храбрым при Горослоу. Почти нет сомнений, что 12 сентября 1485 года Штефан Великий присягал именно на таком знамени. Но сохранилось и подлинное молдавское знамя тех времен. В 1500 году сам Штефан подарил его Зографскому монастырю на Афоне, а ныне оно находится в Историческом музее Бухареста. На этом тоже красном шелковом знамени

изображен сидящий Георгий Победоносец с мечом в руках, попирающий ногами трехглавого змея. Есть сведения, что первоначально у этого знамени было и второе полотнище (то есть оно было двухслойным), на котором был герб Молдовы — турья голова.

56. Михаил Борисович (1453-1505) — последний великий князь Тверской (1461-1485). Его сестра Мария (1442-1467) была первой женой (1452) Ивана III, родившей ему сына Ивана Молодого (1458-1490).

57. Река Савранка, правый приток Южного Буга.

58. Миколай Фирлей (1460-1526) герба Леварт — хорунжий краковский, староста люблинский, каштелян люблинский (1502) и краковский (1520), воевода люблинский (1507) и сандомирский (1514), великий коронный гетман (1515). В 1489 и 1502 годах был послом при дворе турецкого султана Баязида II (1481-1512). Участвовал в походе на Буковину (1497) и военных действиях против русской армии под Минском, Смоленском и Оршей (1508). Прадед краковского воеводы Миколая Фирлея (1548-1599).

59. Матьяш Корвин умер в Вене 6 апреля 1490 года.

60. Библейское (сирийское) слово *рака* (raka) в славянских языках означало «пустой, негодный человек» и служило выражением презрения (сравни: *ракалия*). Именно в этом смысле и следует понимать выражение Стрыйковского *na raku*. См.: Евангелие от Матфея 5:22.

61. Увязывать польские и венгерские названия трудновато, поэтому если *Koszyce* — это Кашшов, *Saris* — Шариш, а *Operiasz* — Эперьеш, то относительно города *Sibinow* ясности нет. Словацкие историки пишут, что в августе 1490 года Ян Ольбрахт захватил Эгер. См.: История Словакии. М., 2003. Стр. 136.

62. Смотри примечание 42.

63. Стрыйковский везде пишет *Альбрехт* (Albricht), но так как в российской историографии принято написание Ян *Ольбрахт*, мы употребляем именно эту форму его имени.

64. См.: Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979. Стр. 397.

65. Иван Подкова (1530-1578) — запорожский казак, кошевой атаман. Выдавая себя за брата Иона Лютого, господаря Молдавии (1572-1574), он в ноябре 1577 года захватил молдавский престол. Казнен во Львове 16 июня 1578 года. Был современником Стрыйковского, который сравнивает его биографию с биографией Мухи. См.: Михаил Садовяну. Никоарэ Подкова. М., 1955.

66. См.: Грабовецький В.В. Селяньске повстання на Прикарпатті під проводом Мухи 1490-1492 років. Львів, 1979. Стр. 92, 97, 112, 120, 121.

67. Имеются в виду так называемые *Зеленые святки*.

68. Имелось виду Вознесение Господне (1 июня), но это было за неделю *до*, а не *после* смерти Казимира. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 105.

69. Эту байку чехи рассказывают о своем короле Вацлаве IV (1378-1419), очень любившем выпить. В 1376-1400 гг. Вацлав был германским королем, а в средние века этот титул часто приравнивался к императорскому. Но на самом деле это не так, и Вацлав не был императором. Сигизмунд Люксембург, брат Вацлава, тоже был германским королем (1410-1437), императором же стал лишь в 1433 году. Тем не менее во всех исторических сочинениях Сигизмунда именуют императором в течение едва ли не всей его жизни.

70. В оригинале: ***bo byl nasz brat***.

71. Это латинское выражение означает: кардинал-диакон церкви Санта-Лючия-*ин-Септисолио*.

72. Вероятно, автор имел в виду венгерскую крепость Сабач (Шабац), за которую в свое время сражались и Влад Цепеш (1475), и Сулейман Великолепный (1521), а точнее — его полководец Малкочоглу Бали-бей.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Вельможному пану
Марку Унучко [1]*,*
ретовскому тиуну е[го]
м[илости] короля.

Глава первая

О возведении Александра Казимировича на великое княжение Литовское, Русское. Жмудское и прочее, а Яна Ольбрахта на королевство Польское.

1492.

Съезд литовских князей. Вскоре после смерти короля Казимира, великого князя Литовского, литовские паны собрали в Вильне сейм, на который прибыли: Василь [и] Михал, князья Глинские, Семен Михайлович Олелькович, князь Слуцкий, с пятью

сотнями конных, а также князья Гольшанские, Мстиславские и Вагайло (Wagajlo) Гедройцкий. **Возведение Александра на В[еликое] к[няжение] Литовское.** И там согласно (spolnymi glosy) избрали на Великое княжение Литовское, Жмудское и Русское Александра (хотя были голоса и за Семена Михайловича Олельковича, князя Слуцкого [2], со стороны его приятелей), четвертого сына Казимира, как по поручению и по просьбе его отца, так и за его годность и дельность, которые он [успел] проявить. И возвели его [на престол] в виленском замке [у] Святого Станислава с издавна принятыми церемониями, в княжеской шапке, усыпанной жемчугом и драгоценными каменьями, а также убранного в одежды, которые и ныне обычно носят курфюрсты империи при коронации императора [3].

Великий маршалок литовский Литавер Хриптович (Chrziptowic) и его слова, [обращенные] **к Александру.** И когда его уже усадили на престол, а виленский епископ Табор согласно обычаю произнес над ним благословление и пасторское увещевание, тут выступил верховный маршалок великого княжества Литавер Хрептович (Chreptowic) и, вручая ему обнаженный меч, как требовал обычай, от имени всех литовских панов произнес такие слова: «Наияснейший княже, которого мы выбрали себе князем и вождем! Возьми этот меч и с ним имей над нами полную власть. И помни, что ты поставлен над литовцами, так что если ты сам будешь вождем с мужественным сердцем и рыцарской отвагой, то и княжество твое будет выделяться (staniec z osobna) среди всех соседних царств и королевств. Только ты старайся царствовать над нами обеими руками: в одной всегда носи меч, в другой милость (laske). ***Decius. Altera manu frameam altera gratiam gestans.*** *(Деций. В одной руке держи копье, другой рассыпай милости).* А именно: чтобы злые начинания сдерживал строгостью и справедливостью, а за добрые и честные дела добрых людей платил отзывчивостью и лаской. И, наконец, от имени всех сословий этого Великого Княжества просим, чтобы ни лицемерным итальянским, ни чешским, ни немецким, но правдивым литовским обычаем судил и рядил нас по примеру Витольда. Если будешь этого придерживаться, то будешь ровней любой королевской особе, а если от этой науки и этих начинаний отступишь, то сам станешь причиной и своей собственной, и нашей погибели». **Вручение меча.** Изрекши это, вручил ему обнаженный меч, который держал в руке, а [Ян Ольбрахт] взял его и поблагодарил князей и панов литовских за [свое] добровольное избрание на великое княжение и возведение на престол своих предков. И обещал им во всем соответствовать [тому, о чем] говорил Литавер в своей речи (oraciej), которую описали Йодок Деций [4] в книгах ***de Iagielonum familia*** (стр. 48), Ваповский и другие.

Разнобой в голосах коронных панов при выборе короля. Коронные паны, учинив погребение своему королю Казимиру, в середине августа месяца съехались на сейм в Петркув. И были там различные голоса и мнения по поводу избрания нового короля, ибо паны и все коронное рыцарство расходились во [мнениях относительно] разных сыновей Казимира и по-разному голосовали. **За Ольбрахта.** Одни желали (zyczyli) Яна Ольбрахта как старшего и из-за победы, которую он недавно одержал над татарами; а другие, недовольные его гонором (pycha) и проигранной битвой с венграми, предлагали Александра, великого князя Литовского. **За Александра.** Считали, что он обходительнее обычаями и украшен щедростью, кроме того, подтвердились бы мир и вечное единство Польши и Литвы, которые учинили было Ягелло с Витольдом. И были бы эти две монархии под единой властью (rozkazowanim), если бы взяли Александра, которого

литовские паны уже определили на великое княжение Литовское, и из-за этого была бы великая прибыль Короне Польской. Другие на это возражали, напоминая, что литовские паны выступали против соглашения и совместных записей, ибо избирали [себе] великого князя без согласования с коронными сословиями. Поэтому было бы неслыханным делом следовать их желаниям при избрании себе короля. **За Сигизмунда.** Большая часть других соглашались на Сигизмунда, особенно гнезненский архиепископ Збигнев, коронный маршалок Рафал Ярославский и паны из Тенчина, а также все [шляхтичи] герба Топор. **Януш, князь Мазовецкий.** А мазовецкий князь Януш тоже на королевство садился — как тот, кто выводил свой род от древней фамилии польских королей. И приехал было на сейм с тысячей конных и с братом Конрадом. **Сила на силу.** Старая королева Эльжбета, видя, что дело идет к насилию, сразу же собрала в Кракове на свои деньги тысячу шестьсот конных и отправила их на помощь краковскому епископу Фредерику и другим, державшим сторону Ольбрахта. **Ян Ольбрахт избран королем.** И вот так, когда сила пришла на силу и верх взяла сторона [Яна] Ольбрахта, Ольбрахт Казимирович двадцать седьмого дня месяца августа был избран и объявлен королем Польским.

Потом был коронован в Кракове [5] гнезненским архиепископом Збигневом Олесницким [6], который умер от опухоли (z puchliny) вскоре после коронации. **Фредерик Казимирович** [стал и] **архиепископом и епископом Краковским.** А после него архиепископом Гнезненским был избран брат короля Фредерик, епископ Краковский, и вот так получил обе эти бенефиции с их утверждением папой Александром Шестым. И от этого же папы получил и кардинальство под титулом *in septem soliis* [7] в 1493 году, но красной кардинальской шапки ему в Краков не посылал, как пишет Меховский на стр. 356: *galerum cum non misit ei etc*. (*не послал ему его шапки*), до 1495 года [когда сделал это] благодаря братьям королям Ольбрахту Польскому и Владиславу Чешскому и Венгерскому — похоже, что за хороший подарок.

Турецкие послы с подарками. Приехали потом к Ольбрахту послы от венецианцев (Wenetow) и от турецкого императора Баязета, поздравлявшие его и желавшие ему счастливого правления на новом царстве. А турецкие послы от Баязета просили мира и принесли большие подарки. Король почти целый год удерживал их словами и потом согласился на трехлетнее перемирие с турками, подтвержденное клятвами с обеих сторон.

Удивительно теплая осень и зима, а весна холодная. В том же 1493 году осенью и зимой в течение всех дней января и февраля месяцев было так тепло из-за ласково греющего солнца, что сады цвели, зимой была большая трава, поля и луга зеленели, птицы снова и снова плодили и выводили птенцов. А потом в марте в течение 15 дней ударили такие сильные холода, что все это посохло и обратилось в ничто.

В том же 1493 году одна женщина с церковного праздника (z odpustu) из Рима в качестве подарка принесла в Краков французскую болезнь [8] (которую в народе зовут Франка (Franca), как пишут Меховский (кн. 4) и Бельский). И эта болезнь быстро распространилась в Польше как особая Божья кара (plaga) за разврат своевольных людей. Потом в 1495 и 1496 годах в Польшу приходили служилые люди из Венгрии, зараженные этой язвой, и размножили ее. А прежде всех [ее] подцепил (credencowal) наш милый ксендз, кардинал Фредерик.

Глава вторая

О войне Московского [князя] с Литвой и примирении с ним, о женитьбе Александра на его дочери Елене, о съезде в Левочи и о поражении наших от татар у Вишневца.

В том же 1493 году, как свидетельствуют литовские и русские летописцы, великий князь Московский Иван Васильевич, улучив момент и [подходящий] случай из-за нового княжения (panowania) Александра, в начале зимы [9] начал войну против Литовского государства, захватил Вязьму, Хлепень, Мещовск (Mieczosk), Любутск (Lubociesk), Мценск (Msczensko), Серпухов (Serpokoch) [10] и другие русские северские замки, со [времен] Ольгерда и Витольта служившие Литве, и за короткое время завладел очень многими другими волостями.

Литовские послы в Москву. Александр и паны Великого княжества Литовского, видя, что трудно начинать войну со столь сильным неприятелем, особенно в связи с новым заступлением на великое княжение, отправили к нему великих послов: Петра Яновича Белого, пана Троцкого; Станислава Яновича Гаштольта, старосту Жмудского [11]; дворного маршалка Литовского Войцеха Яновича; господарского писаря Федора Грегоровича, державцу Стоклиского. И, приехав в Москву, заключили вечный мир между великим князем Литовским Александром и Иваном Васильевичем Московским, а также их потомками, и между обоими государствами, и взяли об этом клятву (przysiege) с Великого Князя Московского. Однако же Новгород Великий, Вязьма и другие оторванные от Литвы вышеупомянутые замки остались при московском [князе, который] отпустил на волю только нескольких смоленских купцов, захваченных в этих замках.

Елена Московская. После этого перемирия послы сговорились о свадьбе Александра с дочерью Великого Князя Московского по имени Елена [12], рожденной от его жены княгини Анны [13], дочери Фомы (Tomasza) Палеолога, пелопоннесского (Pelepomskiego) деспота, другая сестра которой была замужем за воинственным валашским воеводой Стефаном [14].

В 1494 году, когда все это происходило в Литве, потом в городе Левочи в Спишиской земле братья короли Владислав Чешский и Венгерский и Ян Ольбрахт Польский съехались со своими братьями Сигизмундом и кардиналом Фредериком. Был там и их племянник (siostrzeniec) [15] Фридрих, маркграф Бранденбургский [16]. Вместе с панами радными венгерскими и польскими они обсуждали, как бы им совместными усилиями отомстить туркам за жестокую смерть своего дяди, венгерского короля Владислава [Варненчика]. **Маленькая хитрость против турок.** И распустили слух, что ничего не постановили, хотя каждый имел в голове свой умысел, но [никак] его не проявлял.

Турецкий император это хорошо понимал, и по этой причине в том же году в Краков приехал его великий посол, желая подтвердить мир, и остановился в княжеской каменной гостинице, а многочисленных верблюдов кормили на рынке под ратушей. Поэтому старые люди, помнившие проповеди Капистрано [17], вспоминали тогда его слова, что через сорок лет, если не полегчает, турки поставят своих верблюдов посреди вашего рынка. Так оно и случилось, хотя это был и не сам [султан], а его посол. **Пророчество Капистрано: если не черное, тогда белое.**

Краков погорел. В то же время пришло великое бедствие от огня, ибо в июне месяце в воскресенье загорелось от пекарен возле новой башни (brony) и от Новой до самой Швецкой (Swieckiej) башни выгорели все дома, сколько их было, кроме рынка, со следующими башнями: Св. Миколая, Св. Флориана, Славковской и прочее. А также костел Святого Марка с монастырем и со всеми башнями, которые были из камня; также колокольня Святого Стефана сгорела вместе с колоколами (dzwony) и плебанией [18]. А турки, уложив на верблюдов свои пожитки (rzecy) и получив от короля разрешение на отъезд, уехали прочь.

Евреи изгнаны в Казимеж. Краковские горожане [вину за] эту огненную беду возложили на евреев, поэтому король изгнал их в Казимеж, где Казимиром Великим был заложен коллегиум [19].

Наши поражены татарами. В том же году на исходе месяца сентября перекопские татары вторглись в Подолию и на Волынь. Король Ольбрахт, узнав об этом, сразу послал против них своих дворян. Когда эти дворяне соединились со служилыми [людьми], которых в то время было мало, то ударили на татар под Вишневцем, маленьким замком (zameczkiem) князей Вишневецких. Однако быстро были окружены погаными, воистину засыпаны стрелами и поражены. Там полегло много знатных мужей, знатнейшими среди которых были Хенрик Каменецкий [20] и Дерслав Гловиньский.

Жуткие чудеса в Кракове. В то время в Кракове были два дива: одна женщина на улице Святого Духа родила мертвого ребенка, в хребет которого впилась живая змея (waz), грызя, кусая и терзая детское тело. Другая женщина в краковском предместье в Черной веси в то же время родила другое диво: дитя, у которого шея и уши были как у зайца, а одна огромная кишка, закрывавшая весь живот, раздвигая губы, дышала. Об этом же Кромер *(кн. 30, стр. 644 первого издания и [стр.] 430 второго), Меховский, Бельский и другие.*

Плоцкое княжество [отошло] **к Короне.** Потом на другой, то есть 1495, год плоцкий князь Януш умер неженатым, а после него плоцкое княжество в Мазовии как выморочный лен (spadkiem) перешло к королю Ольбрахту и к Короне.

Глава третья

О переезде московской княжны Елены в Вильно, женитьбе Александра и о его бесполезной затее [21] с Валахией.

Послы за Еленой. Потом в году от рождения Господа Христа 1495 великий князь Александр послал в Москву за своей нареченной, княжной Еленой, своих панов радных, а именно: каштеляна Виленского, наместника Гродненского князя Александра Юрьевича [22]; каштеляна Троцкого, наместника Полоцкого пана Яна Юрьевича Заберезинского [23]; наместника Брацлавского пана Юрия Зеновича [24], а при них своего писаря Федора Грегоровича (Hrehorowica), державцу Стоклицкого. И эти послы [25] привезли княжну Елену в Литву.

Московские послы с Еленой. А ее отец, князь Иван Васильевич Московский, послал с ней послов, прежде всего: князя Семена Ряполовского, Михаила Русалку, Ивана Скуратова и своего писаря Ивана Кулешина. И привезли ее в Вильно в том же вышеупомянутом году за две недели перед римской масленицей [26]. А великий князь Александр встречал ее со всеми панами радными, со всем своим двором и с огромным сборищем людей, выехавших с Виленских гор. И все вместе въехали в Виленский замок. Московские послы пробыли там в течение нескольких недель, а потом их отпустили в Москву с великой честью (tcia) и с великими дарами.

Королева с сыном и с дочками [приехала] **в Вильно.** В том же году после Пасхи мать князя Александра Эльжбета с сыном Фредериком, который был кардиналом, и с двумя дочками, королевнами Барбарой и Эльжбетой, приехали в Вильно к Александру, который с большой радостью принял мать, брата и сестер. Они немалое время прожили в Вильно, а потом [князь Александр] отпустил их в Польшу с великой честью (czcia) и с великими дарами.

Той же осенью польский король Ян Ольбрахт послал к своему брату великому князю Литовскому Александру, прося его, чтобы учинил с ним сейм в Парчове. Однако Александр с княгиней Еленой и со всеми литовскими панами радными в то время поехали в объезд по украинным русским замкам, побывав в Смоленске, в Полоцке, в Витебске, в Орше и в других [местах]. И по этой причине съезд в Парчове не мог состояться так скоро.

Но в 1496 году Александр с литовскими панами поехал в Брест, а король Ольбрахт с братом Сигизмундом в Люблин, а потом со всеми своими панами коронными и литовскими съехались на сейм в Парчов. И там в тайне [от всех], кроме панов радных коронных и литовских, провели переговоры, [так же], как до этого учинили в Левочи с Владиславом, королем Чешским и Венгерским. И разъехались прочь, и ни один человек так и не узнал, из-за чего они съезжались. **Все эти совещания были ради того, чтобы изгнать валашского воеводу Стефана и посадить на его место** [своего] **брата Сигизмунда.**

Глава четвертая

О решении короля Ольбрахта и великого князя литовского Александра воевать против турок, их походе в Валахию и безуспешной осаде Сучавы в Валахии, и о поражении поляков на Буковине.

Польский король Ян Ольбрахт в результате переговоров на съезде в Левочи и в Парчове заключил тайный союз с братом Владиславом, королем Чешским и Венгерским, и с другим братом Александром, великим князем Литовским. Он готовился к войне против турок, злейших врагов всего христианства, то ли ради добытия славы, то ли ради мести за смерть своего дяди Владислава Ягелловича, короля Венгерского и Польского, убитого турками у Варны. И хотя этот сговор со всеми братьями был хитрым и тайным, люди догадывались, и все были уверены, что король Ольбрахт задумал овладеть Валашской землей для своего брата Сигизмунда, обманув валашского воеводу Стефана хитрым вымыслом о походе через валашскую землю против турок [27]. И хотя так и было, но ничего

у него из этого не вышло, ибо и Кромер к тому ведет, и литовские летописцы свидетельствуют о том, что Ольбрахт двигался на Стефана. **Кто кому яму роет, тот сам в нее попадет. А все это было предательским советом итальянца Каллимаха.**

Великий сбор войск. Согласно взаимным договорам и союзническим обязательствам [Ян Ольбрахт] уговорил и привел на эту войну великого князя литовского Александра и прусского магистра Яна Тифена, а также мазовецкого князя Конрада и [своего] брата Сигизмунда. А также шляхте всей Короны и Пруссии, Поморья и Силезии приказал посполитым рушением в месяце мае съехаться во Львов; кроме того, за деньги собрал множество наемников. Также послал к валашскому воеводе, убеждая его и прося, чтобы готовился с ним на турок, обещая ему отобрать у турок Белгород и Килию.

Двинулся тогда король Ольбрахт с братом Сигизмундом и со служилым людом и, поджидая войска, несколько дней стоял у Перемышля. И там Кржеслав из Курозвяк [28], канцлер и назначенный епископ Куявский, от своего имени и от имени кардинала Фредерика прекрасными и убедительными доводами его от этой войны отговаривал. Но король жестоко его отлаял (zlajawszy), сказав ему: «Иди прочь!». И молвил, что ксендзу следует служить мессу, а не войной [заниматься], а если бы о его намерениях ведала его сорочка, то он бы велел ее спалить.

А Александр, великий князь литовский, как они с братом тайно постановили на сейме в Парчове, должен был из Литвы двигаться в Валахию через Брацлав и Сороки. Итак, Александр с другой стороны двинул[ся с] литовцами, жмудинами, руссаками, волынцами и подляшанами, а когда приблизились к реке Буг, литовские паны спросили его, куда они идут, ибо он с ними об этом не договаривался. Александр попросил панов, чтобы они не держали на него зла за то, что он не может открыть им эту тайну, объясняя это так же, как Ольбрахт полякам: если бы моя сорочка об этом узнала, я бы ее непременно сжег, потому что договорился с братом моим, королем польским, хранить это дело в тайне. А из этого следует, что все эти [силы] стягивались на беднягу Стефана. Весьма обескураженные [словами] Александра, паны ответили ему на это: «Раз ты утаил от нас свое решение и намерения, мы с тобой дальше не пойдем и воевать не будем». **Станислав Петрович Кишка** [направлен] **гетманом в Валахию.** И так как паны радные и все литовское рыцарство не хотело идти за Александром, тот, будучи не в состоянии далее соблюдать уговор, который был у него с королем Ольбрахтом, по этой причине отправил на помощь Ольбрахту своего маршалка, лидского наместника пана Станислава Петровича Кишку [29] и князя Семена Ивановича, а с ними несколько тысяч отборного люда: князей, панов и дворян. А сам приказал [от]строить замок Брацлав, который был ранее сожжен валашским воеводой.

А послы, которые были посланы в Валахию, поведали королю, что воевода Стефан очень обрадовался этому походу против турок, злейших врагов всего христианства и своих, обещая королю разместить его войско на постой (stacie) и самому примкнуть к нему со своими валахами и цыклерами (Caklami) [30], лишь бы король со своими силами первым делом двинулся в нижние земли — под Белгород и под Килию. Но венгерские паны, видя, что из-за этой войны валашская земля может освободиться от их охраны и опеки, сразу же с помощью писем и своих послов начали убеждать воеводу Стефана, чтобы остерегался,

как бы польский король не повел это войско не на турок, а против него самого, чтобы, изгнав его, посадить валашским господарем своего брата Сигизмунда. **Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным.** Из-за предостережения этих венгерских панов воевода Стефан через своих шпионов начал тщательнее следить за намерениями короля. **Дурные приметы.** А король, в последний день июня месяца собрав коронные войска у Львова, двинулся прямо в Валахию, хотя дурные приметы явно указывали на будущее поражение наших. **Пророчество сробского юродивого.** Ибо сробский житель, который тронулся рассудком (sie kazila glowa), во Львове вещал: наши идут [на войну] на свою беду. Под самим королем, когда тот переезжал через маленький ручеек, пал резвый, белоухий, на диво красивый конь, которого король любил больше всех [других лошадей], и утонул на мелководье. **Гром.** А под навесами громом убило одного шляхтича и двенадцать коней. Капеллан, служивший обедню, неосторожно уронил Тело Божье с алтаря, на что [ему] указал сам заметивший это король, как пишут Ваповский, Бельский и Меховский.

А валашский воевода Стефан, имея подозрения в отношении Ольбрахта и своими глазами видя, к чему идет дело, когда заметил, что [тот] движется не к Каменцу, где была ближайшая и протоптанная дорога к турецким замкам Килии и Белгороду, а прямо на Покутье, стал еще более осторожным. **Осторожность и щедрость Стефана и немедленный ответ.** И послал к королю трех знатных валашских панов, чтобы узнать, следует ли он в Валахию как друг или же как враг. Ведь если бы он хотел воевать с турками, то должен был избрать проторенную дорогу и дойти до турецких границ. [Стефан] обещал снабжать его польские и литовские войска продуктами и сам со своими людьми сразу же прибыть на помощь, чтобы заедино встать на турецких границах. А если бы король захотел без вины пойти на него войной, то он постарается, чтобы король пожалел, что поднял на Стефана свой меч. Разгневанный этим дерзким посольством, король вопреки людским законам велел тех послов схватить и под стражей отослал их во Львов. **Из-за насилия над послами русские земли пострадали от половцев, а Лифляндия — от поляков и москвы, и прочее.**

А сам, не дожидаясь ни литовских войск, ни пруссов, ни мазуров, как враг вторгся в Валахию, где с четырех сторон осадил столичный замок Сучаву (Soczawe) [31] и добывал его, мощно долбя стены из орудий и надеясь, что к нему пристанут валахи, которым опостылело жестокое и тиранское правление Стефана. **Но Стефан был в этом неповинен.** Но в этом он ошибся, ибо валахи храбро оборонялись, хотя коронного рыцарского люда было восемьдесят (osiemdziesiat) [32] тысяч. **Численность коронного войска.** И это не считая возниц, поваров и прочей обслуги, которых было до сорока (czterdziesci) тысяч, ибо [одних] нагруженных возов в обозе было тридцать тысяч. А когда днем наши пробили [в стене] дыру, ночью ее заделали навозом (gnojem), деревом и камнями. И вот так, когда наше войско надолго застряло у Сучавы, Стефан тоже собрал войско из своих валахов, из турок, из мултян и секеев, которых открыто на поле не выставлял, однако всячески донимал наших из [укромных] уголков, особенно при неосторожных фуражировках (piczowaniu), и везде их бил, хватал и убивал. **Вот вам и валахи.** И поэтому шляхтичи требовали, чтобы король распустил их по домам, видя, что они отовсюду припекаемы всяческой нуждой. Кроме того, ни литовцы, ни мазуры на помощь [так и] не пришли. **Прусский магистр умер во Львове.** Прусский магистр Тифен

[33] тоже слег хворый во Львове и там умер. А Стефан приказал перекрыть и занять все дороги, чтобы к нашим ни продукты, ни помощь прибыть не могли. Поляки в своей обычной беспечности тоже были неосторожны, ибо не обеспечили охрану (obwarowaly) дорог, по которым пришли. А тем временем от венгерского и чешского короля Владислава приехали послы к его брату королю Ольбрахту, прося, чтобы он поступал с валашским воеводой Стефаном милостиво, чтобы тот с отчаяния не обратился за помощью к туркам. И король Ольбрахт тогда легко согласился на мир, так как и сам заболел лихорадкой и из-за плохого командования ожидал непредвиденных бед в своем войске. Но когда относительно обоюдных условий мира договориться не смогли, то определили время, в течение которого могли бы обсудить вопросы относительно установления мира. Итак, наши сняли осаду с Сучавы и отступили, а король послал к брату Александру, великому князю Литовскому, расположившемуся у Брацлава, чтобы далее не утруждал себя со своим литовским войском. А потом назначил и объявил по войску день выхода из Валахии и возвращения в Польшу. **Не бойтесь страхов.**

А Стефан, воевода Валашский, как только понял, что поляки собираются возвращаться назад в Польшу не той дорогой, которой пришли (либо потому, что считали ее попроще, либо потому, что еще не опустошили тот край и войску легче было бы добывать там пропитание), стал убеждать короля через послов, чтобы возвращался той же дорогой, которой пришел. И говорил, что та дорога, по которой он задумал выступать на левую сторону [34], не такая широкая, как первая, и нехороша густотой лесов, высотой гор, теснотой ущелий, заброшена и завалена. Поэтому следует опасаться, как бы суровый, жестокий и непокорный валашский люд, который воеводе трудно держать в послушании, и [к тому же] раздразненный, как-нибудь не покусился бы отомстить полякам за свои беды в этих теснинах. **И тут [видно] великодушие (wielka szczerosc) Стефана, ибо он сам предостерегал.** Но поляки этим увещеваниям не поверили, говоря, что изменник Стефан потому так хитро заходит, чтобы мы ему и его подданным эти края не опустошили, а оставили в целости. **Разве это измена, если защищаешь свое.** И пошли тогда, кто куда хотел, без снаряжения и без порядка, разоряя и грабя все, что подвернется.

Наши [идут] **через Буковину.** И вот так после четвертого привала прибыли на Буковину, которая представляет из себя очень густой буковый лес шириной в две мили [35]. Очень тесная горная дорога идет среди ущельев и каменистых скал. Король приказал великополянам с охраняемыми возами двигаться вперед через этот злополучный лес, и те проехали его без всякой беды. А Меховский и Бельский пишут, что с великополянами сразу поехал вперед и король, но, как свидетельствует Кромер, сам король (послав вперед орудия и возы) со своим двором поехал за ними только на другой день. А потом за королем беспечно потянулась малопольская и русская шляхта: без построения, без снаряжения, без оружия, голые, будто дома. И только в конце ехали солдаты. А Бельский пишет, что вопреки обычаю орудия пустили посредине — на свою беду. **Это большая глупость, ибо если бы хотели в такой тесноте защищаться с помощью пушек, то прежде бы сами себя перебили.** И уже королевские возы и другие грузы с военным снаряжением прошли половину леса, когда эти пешие валашские крестьяне, предательски выскочив со всех сторон из своих лесных логовищ, ударили на королевский обоз. С криками *ocide! ocide!* наших рубили, кололи, убивали (morduja); возы разбивали, растаскивали и грабили. ***Ocide!* по-валашски: *убивай!* — от латинского *occide*.** Кроме

того, легко валили большие деревья, которые были умышленно подрублены, заваливая дороги, чтобы отсечь наши отставшие полки и чтобы ушедшие вперед не могли вернуться к своим на помощь. Сразу без промедления неожиданно прибыл сам воевода Стефан с большими и сильными полками конных и пеших. А некоторые, в частности, Летописец русский [36], пишут, что приказал везти себя на санях, ибо хворал от подагры. И с великим криком с тыла и с флангов ударил на наш замыкающий маленький полк (ostani ufiec). **Валахи били наших, как волков в сети.** Наши смешались, встревоженные этим неожиданным делом, и, хотя каждый храбро защищался, все это делалось без военных знаков и без [воинского] снаряжения. Один не мог услышать голоса другого из-за гиканья, криков, ржания коней, треска ломающихся деревьев, лязга доспехов и оружия, которые по обширным лесам еще громче разносило ужасное Эхо. **Эхо по Буковине.** В конце концов, когда валахи уже добивали наших, [полякам] удалось вернуться в свой лагерь, от которого недалеко отъехали, но и там они были окружены, уже сомневаясь в возможности защитить себя и уцелеть, дрожа и надеясь на помощь разве что с Неба [37]. Одни давали обеты [совершить паломничество] в Ченстохову, другие к Святому Кресту, другие ко гробу Святого Иакова.

Новая битва наших с валахами. Но валахи не собирались их отпускать, а только еще больше били их отовсюду, пока король не послал им на помощь отборных рыцарей своего двора. Те быстро выехали из леса под звуки бубнов и труб, сверкая доспехами, и обратили неприятеля на себя, завязав новую битву. А в это время те, кто были осаждены в лагере, побросав возы, доспехи и другие тяжести, убегали, кто как мог, и через лес пришли к первому полку главных сил, куда прибыл и король. Не выдержав боя с королевскими дворянами, валахи разбежались, а дворяне с победой через лес вернулись к королю. **Королевские дворяне удержали поле боя за собой (plac otrzymal).**

На другой день король со всем войском стоял лагерем на том же месте, поджидая тех своих, которые могли затаиться в лесу или заблудиться. Но очень много польской и русской шляхты сгинуло, [они] частью погибли, частью были захвачены в плен. И ныне еще на том месте в 1574 году я сам видел очень большую могилу и истлевшие (sprochniale) кости.

Убийство пленных. А воевода Стефан, действуя еще более жестоко, чем язычники, всех, кто попал в его руки, приказал перебить у себя на глазах, а тех, кого захватили турки и татары, угнали в неволю. Из них знатнейшими были: Миколай, граф из Тенчина, воевода Русский [38]; другой Тенчинский, Габриель [39], наследник (dziedzic) из Моравицы, и Авениус Герборт — эти мужественно защищались и были убиты. **Убиты знатные польские паны.** А Януш, сын Збигнева, графа из того же Тенчина [40], подкомория Краковского и старосты Мальборкского (которого Летописец зовет великим маршалком), был увезен к туркам, но потом из Турции бежал и вернулся в отчизну, как пишет Меховский в книге 4. А также Петр Прохницкий, как свидетельствует Кромер, и многие другие поубегали от турок и татар. **18 лет спустя Одроваж вернулся от турок.** А относительно сына Одроважа, воеводы Русского [41], сомнительно, что тот вернулся спустя восемнадцать лет. [И хотя он] был радушно принят матерью и допущен к отцовскому имению, выяснилось, что он не был сыном Одроважа, а [лишь] его подданным. Однако же всех убедил, выдав себя за сына, и всю свою жизнь спустил на пьянство и излишества, как [истинный] выродок.

Поляк умен много позже беды. Потом наши, поумневшие после беды и построившись уже как положено, двинулись из Буковины, однако валахи не переставали их отовсюду донимать. И однажды ночью, когда был сильный ветер, подожгли сухую траву недалеко от лагеря, так что огонь, раздуваемый сильнейшим ветром, чем дальше, тем больше приближался к лагерю. Наверное, он причинил бы большие беды нашим, если бы те срочно не похватали косы и не выкосили вокруг траву, [сразу] убрав ее. **Такую же хитрость московиты применили против турок, когда** [те] **двигались к Астрахани** [42].

В это время по другой дороге в Валахию двигались шестьсот мазуров от князя Конрада вместе с полком крестоносцев, чтобы согласно договору оказать помощь польскому королю. Воевода Стефан послал против них три тысячи отборных рыцарей, и валахи ударили на них у Сепниц (Sepnicz) [43]. А мазуры, хотя и видели неравенство сил, мужественно оборонялись, но, побежденные множеством, были разбиты наголову и полегли в бою. **Мужественно бившиеся мазуры побиты валахами.** Воодушевленный этой счастливой битвой, Стефан занял своими войсками берега реки Прут, чтобы закрыть нашим переправу. **Эта река Прут, как я сам видел, немного больше, чем Невежис в Жмуди, но топкая (lgniaca).** И там, куда подступили наши, они сошлись в битве. Бились с обеих сторон изо всех сил, и польской доблестью валахи были отбиты, с сильным поражением отброшены и, как обычно, бежали в леса [44]. И потом больше не покушались на поляков.

Король, хворая, три дня стоял лагерем у Черновцов, а наши разоряли [все] вокруг вдоль и поперек. **Кромер, используя латынь, пишет: *и Zornowicz.*** А в это время пришла весть, что подходят большие вражеские войска и что король намерен тайно уехать, оставив [свое] войско. **Великополяне встревожены.** Это известие, которому сразу поверили, так всех встревожило, а особенно великополян, что они первыми стали упаковывать вещи и навьючивать их на лошадей, ***turpem fugam***, как пишет Кромер, ***parantes***, [то есть] готовясь позорно бежать, побросав возы и прочее снаряжение. **Тревога в войске Польском.** Узнав об этом, король, хотя и хворый и изможденный (zemdlony), вынужден был показаться войску, а к панам послал брата Сигизмунда, чтобы тот опроверг эти вести и убедился в умысле [некоторых панов] бежать. **Сигизмунд усмирил тревогу.** Сигизмунд с этим вполне справился: с горящими походными литыми (lanymi) свечами всю ночь ездил около войска, успокаивая всех, кого встречал, и в панские шатры заходил; и вот так эта тревога утихла.

На следующий день, когда король уже собирался выступить из лагеря, прибыли несколько тысяч литовских рыцарей, которых прислал великий князь Александр, и, как пишет Кромер, ***Regemque et exercitum omnem spe meliore impleverunt***, [то есть] вселили лучшие надежды в сердца короля и всего войска Польского. Литовский летописец приводит причину, в чем Кромер сомневается, по которой литовцы, во главе которых были поставлены Станислав Петрович Кишка [45] и князь Семен Ошемячич (Osiemiaczic) замешкались помочь на Буковине полякам. **Литовцы поразили тех валахов, которые побили мазур.** Ибо, как только они переправились через Днестр, их, как и мазуров, о которых уже была речь, встретило валашское войско, с которым литовцы завязали великую битву и с Божьей помощью наголову разгромили валахов [46], о чем польские хроники умалчивают. **Литовцам хотелось хоть немного отомстить за поражение**

поляков. Кромер же пишет: ***Petiverunt a Rege Litwani etc***. [то есть] литовское рыцарство просило короля, чтобы он пустил их самих разорять Валашскую землю, но король им это запретил, отговариваясь хворью своего здоровья, из-за обеспокоенности которым и спешил в Польшу. В Снятине [он] распустил войско, а литовцы потянулись назад до Брацлава, и в двенадцати милях за Брацлавом, как свидетельствует Летописец [47], поразили несколько сот татар, а затем отъехали в Литву. **Литовцы поразили татар.**

Распущенность Ольбрахта. И после этого позорного поражения, приехав из Валахии в Краков, король Ольбрахт был весел, будто сделал что-то хорошее, устраивал гулянки, пирушки, танцы. Рассказывают, что как-то ночью шатался (ceklowal) по городу только сам-третей и когда, пьяный, набрел на пьяниц, то сцепился с ними, там его ранили, и от этой раны долго болел. Воистину, Бог покарал его этим постыдным шванком (szfankiem) за то, что забыл свое звание и достоинство.

И, невзирая на посрамление, полученное в Валахии, ничего полезного так и не сделал, не думая о том, что приобрел себе такого жестокого и отважного врага, как Стефан, из-за чего потом выросли великие беды и жестокие смуты у поляков и руссаков. Это поражение поляков на Буковине Меховский (кн. 4, гл. 75, стр. 352) и Бельский, а также Ваповский объясняют изменой Стефана, но Кромер (кн. 30, стр. 649 первого и стр. 434 второго издания), Герборт (кн. 18, стр. 341) и летописцы скорее приписывают его неспособности наших и [тому, что] король Ольбрахт хотел выгнать Стефана по тайному сговору со своим братом.

Итальянец Филипп Каллимах [48]. Много горя и скорби принес всем в Польше этот неудачный и бессмысленный в то время поход, когда стало известно о знатных панах, а также рыцарях, которые, одни в Турции, другие в Татарии (w Tatarzech), в Азии, в Каппадокии (Capadociej) и за морем, своей кровью и пленом искупали [спасение] королевской жизни. И многие из них [винили] в этой неудаче (upadek) Филиппа Каллимаха, советы которого король Ольбрахт слушал больше, чем своих сограждан. Так обычно и случается с теми, кто больше верит чужеземцам и во всех делах доверяет им больше, чем своим, которые всегда и о положении дел лучше осведомлены, и обычаи своего врага знают лучше, чем чужеземец. Этот Каллимах родом был итальянец из города Флоренции, человек ученый, учитель короля Ольбрахта, веры раскольничьей (rostargnionej), плохой советчик, поэтому из-за каких-то дел сбежал было из Италии в Польшу, а после этой неудачи и из Польши бежал было за море, однако по письму короля Ольбрахта вернулся обратно в Польшу и здесь умер. Умер в 1496 году и лежит под латунным покрытием в краковской церкви у Святой Троицы.

Голод, а за голодом *Franca* [пришли] **в гости в Литву.** В том же 1498 году, после поражения поляков на Буковине, в Литве был великий голод и начала множиться среди людей великая и неслыханная болезнь *Franca* [49], [пришедшая] в Польшу из Рима, а из Польши принесенная в Литву.

Глава пятая

Об избрании на литовское гетманство князя Константина Острожского, о жестоком разорении Подолии и Руси валахами, турками и татарами, и об издыхании сорока тысяч турок от зимних холодов.

Александр, великий князь Литовский, вернувшись в Литву из Брацлава Волынского, как свидетельствует Летописец, приехал в Троки, чтобы проведать хворого воеводу трокского Петра Ивановича Белого, ибо в то время он был и воеводой трокским и великим гетманом Литовским. Видя, что Петр Белый уже не сможет выздороветь, Александр советовался с ним, кому бы после него дать гетманство. Тот сказал, что есть тут один князь, который происходит из князей Друцких, а живет на Волыни, по имени Константин Иванович, ему гетманство и поручить и с имением помочь, ибо он человек подходящий. Александр так и сделал и получил себе достойного гетмана, который потом звался Константин Острожский [50], князь из Острога. **Константин, князь Острожский, гетман.**

Стефан, воевода валашский, широко повоевал польские земли. Стефан, воевода валашский, желая отомстить за свои кривды и за начатую против него Яном Ольбрахтом войну, [хотя за ним] не было никакой вины, собрал в своей Валахии немалое войско из мултян, из турок и из татар, с которыми в 1498 году вторгся в Подолию и на Русь. Миновав Львов, он беспрепятственно вдоль и поперек разорил все волости, деревни и местечки вплоть до местечка Каньчуги и реки Вислоки [51], сжег города Перемышль, Радымно (Radzimin), Пшеворско, Ланьцут, где турки, татары и валахи увели в тяжкую неволю множество людей обоего пола. Так Фракия, Македония, татарские орды, Азия и Греция наполнились русскими и польскими пленниками, ибо, как говорят, в то время захватили до ста тысяч человек с бесчисленным скотом и со множеством различной добычи. **100 000 человек захвачено в неволю.** Потом, оставив добычу в Перекопской орде, татары в июле месяце опять вернулись в русские края и разорили их очень жестоким вторжением. И тогда король Ольбрахт, удрученный этими великими бедами и людскими нареканиями (ибо уже и из Польши собирались бежать, как Кромер пишет), приказал всей шляхте идти на войну и без промедления встать с оружием у Сандомира. Но пока наши лениво собирались на дело, отягощенный добычей неприятель в целости воротился в орду. Узнав об этом, наши тоже вернулись по домам, причем причинили сандомирскому краю не меньше бед, чем татары, разве что людей в плен не брали. **Наши своих довоевали.**

70 000 турок [вторглись] **в Подгорье.** В том же году на исходе месяца ноября, как пишет Кромер, после татар семьдесят тысяч турок через Валахию вторглись в Подолию и огнем и железом воевали все волости около Днестра, Галича, Жидачова, Дрогобыча и Самбора. И не перестали бы разорять, если бы их сам Господь Бог не покарал, потому что пришли на них такая [суровая] зима и [такие] великие снега, что, со всех сторон окруженные [снежными] заносами, ни далее двигаться, ни вернуться не могли. **40 000 турок издохли от холода.** И там, помимо их коней, добычи и прочего, издохли от холода более сорока тысяч язычников. И много потом находили тех, которые, убивая коней, грелись теплой кровью в их распоротых брюхах, но и туда залезали напрасно.

Хитрость Стефана против турок. А другие, которые бежали в Валахию, в 1499 году были побиты валашским воеводой Стефаном, который переодел свое войско в польские одежды, награбленные на Буковине (как будто бы их нагнали поляки, а они спали).

Чудо в Кракове. В том же году в еврейском Казимеже у Кракова родился теленок с двумя головами, одна была на хвосте, а другая спереди, хвост был в середине хребта, на правом боку имел семь ног, а на левом — ни одной, и был наподобие спаренных (rozdwojony) близнецов.

Глава шестая

О мире братьев королей: Владислава Венгерского с Ольбрахтом Польским и Александром, в[еликим] к[нязем] Литовским, об уделе Сигизмунда в Силезии и о мире с монархами: Стефаном Валашским, Иваном Московским и Баязетом Турецким.

В 1499 году к королю Ольбрахту, пребывавшему в Кракове, повторно приехали послы от короля Чешского и Венгерского Владислава и договорились о совместной обороне против турок и татар и каждого врага Короны Польской, Чешской, Венгерской и Великого княжества Литовского. Но не могло быть мира для этих государств из-за враждебности валашского воеводы Стефана, который натравливал на Польшу и Литву всех врагов, а особенно турок и татар. Поэтому король Владислав просил за него брата Ольбрахта, чтобы был с ним поласковее, да и сам Стефан хотел того же. Там же обновлены и подтверждены были соглашения между королем Владиславом и королем Ольбрахтом, а также единство венгерского и чешского королевства с польским и была подтверждена совместная оборона от турок. К этому союзу присоединился и великий князь Литовский Александр вместе с русскими, литовскими и волынскими князьями, с панами радными и со всем рыцарством литовским, объединившись с братьями королями и их королевствами и [в том] присягнув.

Там же состоялось возобновление соглашения об объединении Великого княжества Литовского с Короной Польской, так как братья король Ян Ольбрахт и великий князь Александр подтвердили прежнее старое постановление, как оно было установлено еще при Ягелле и при Витольте. И все это как коронные, так и литовские паны тогда при монархах своих обещали твердо соблюдать.

Декларация польской и литовской элекции. Кроме того, [к соглашению] добавлена была декларация относительно избрания короля [Польского] и великого князя Литовского, а именно чтобы оба эти народа один без другого не избирали и не провозглашали себе господина. А из этого следует, что согласие между Ольбрахтом и Александром и поляками и литовцами в то время было нарушено — вероятно, из-за того, что Александр с литовскими войсками не пришел на помощь Ольбрахту в Валахию согласно их уговору. О чем также упоминают Меховский, Ваповский, Кромер (*кн*. 30, *стр*. 653 *первого и стр*. 436 *второго издания*) и Бельский (стр. 284), и о том же свидетельствуют грамоты с печатями литовских панов в сокровищнице Короны в Краковском замке.

А с валашским воеводой Стефаном и с его сыном Богданом заключены были мир и союз: королем Ольбрахтом со стороны Короны, а Александром со стороны Великого княжества Литовского.

Московская хитрость. В то же время послы московского великого князя Ивана Васильевича были у короля Ольбрахта в Кракове [по поводу] мира и дружбы, чего и достигли. А для чего московский князь добивался этого мира, когда Москва отдалена от Польши столь великими пространствами других земель, я не понимаю. Однако возможно, что, задумав пойти войной на великое княжество Литовское, он ловил на то, что этим примирением надеялся лишить литовцев польской помощи (как об этом свидетельствует также и Ваповский, а Кромер догадывается).

Сигизмунд [стал] **князем и старостой силезким.** В том же году Владислав, король Венгерский и Чешский, а также Ольбрахт Польский своему третьему брату Сигизмунду уступили Глогувское и Опатовское княжества в Силезии и поставили его верховным силезским старостой. И, будучи на этом панстве, [он] очень прославился среди подданных и соседнего люда, ибо навел порядок и усмирил грабежи, а также разбои. Вскоре его брат Владислав, король Чешский и Венгерский, присоединил к Силезии Лужицкое (Lusackie) маркграфство.

Вскоре после этого турецкий цезарь Баязет, узнав, что так много монархов и князей объединились и примирились, прислал знатных послов к польскому королю Яну Ольбрахту, прося мира или временного продления перемирия, и в этом поступал мудро, ибо, как умный и осторожный воин, не был заинтересован одновременно вести так много войн. **Венецианцы купили мир у Турка.** В это время он воевал с венецианцами на земле и на море и отобрал у них Метону, епископами которой пишутся виленские суфраганы [52], Корону [53]и Януам (Januam) [54], знаменитый портовый город у моря, а также завоевал острова Эгейского, Ионического и Геллеспонтского моря, бывшие в составе Венецианской республики, пока те не вынуждены были купить себе мир у турок.

Жестокие войны в Италии. В то же время в 1500 году в Италии были различные великие войны, когда испанцы воевали с французами за Неаполитанское королевство, Максимилиан со швейцарцами, папа с флорентийцами, а также венецианцы с генуэзцами, а миланцы со своим господином Лодовико Сфорца, дедом польской королевы Боны.

Глава седьмая

О войне Московского [князя] против зятя Александра, в[еликого] к[нязя] Литовского, и о поражении литовцев на Ведроши.

Малая причина войны. В том же 1499 году Иван Васильевич, великий князь Московский, более заботившийся о расширении государства, чем о сохранении мира, нашел для Литвы ничтожный повод, что Александр, великий князь Литовский, его дочери Елене, которая была за ним [замужем], не построил русской церкви в Виленском замке [55].

Война московского [князя] **против Литвы.** Ссылаясь на то, что литовцы нарушили его условия мира и, кроме того, на какое-то неведомое стародавнее право своих предков, [Иван III] потребовал у Литвы всех русских владений до самой реки Березины, сговорился с перекопским царем Менгли-Гиреем и со своим сватом (szwagrem), валашским воеводой Стефаном, и начал войну против литовских панств. Послал также к князю Семену Ивановичу Можайскому и к князю Василию Ивановичу Ошемячичу (do Osiemiatczyca) [56], обращаясь к ним с просьбой, чтобы со всеми своими Северскими замками отступились от его зятя, великого князя Литовского, а ему служили. И те сразу же присягнули московскому князю и заключили соглашение, что с его помощью будут без устали воевать великое княжество Литовское [57]. **Слова летописцев** [58]. А какие литовские замки возьмут, то все это князь Московский обещал им самим отдать. Великий князь Московский поклялся им все это исполнить и сразу послал им на помощь своего воеводу Якова Захарьинича [59] со множеством своих людей, с которыми [они] пошли в Брянскую и в Северскую земли.

Изменники-брянчане сами поддались. А воевода брянский Станислав Бартошевич в то время отъехал из Брянска ко двору великого князя Литовского Александра, который пребывал в Ушице (Usczyzy). И когда [русские] прибыли к Брянску, некоторые брянчане (Bransczanie), узнав о москве, сразу умышленно предательски подожгли замок. Московиты (Moskwa), видя, что замок загорелся, поспешили к замку и там в одной деревне (wsi) захватили пана Станислава Бартошевича и с ним много брянской шляхты. Некоторые брянчане присягнули служить князю Московскому.

Можайский и Ошемянский [князья] **присягнули князю Московскому.** Там же на реке Контовт (Kontowi) [60] князь Семен Иванович Можайский и князь Василий Иванович Ошемячич перед воеводой московского [князя] Яковом Захарьиничем присягнули служить великому князю Московскому со всеми своими замками, то есть: с Черниговым, со Стародубом, с Новгородом Северским, с Рыльском и со всеми волостями, которые только имели под властью Великого княжества Литовского. А князь Семен Иванович Бельский [61], когда Брянск еще не был взят, поддался московскому князю со всей вотчиной своей: так свидетельствуют литовские летописцы [62].

Литовское войско [идет] **на москву.** А Александр, будучи сильно удручен из-за неправедной войны отца своей жены, князя Московского, и из-за измены тех вышеупомянутых князей, которые, ведя свой род от князей Литовских, от него перекинулись к Москве, собрал литовские войска. И послал с ними своего гетмана князя Константина Ивановича Острожского и пана Грегора (Hrehora) Станиславовича Остика [63], своего дворного маршалка, наместника мерецкого и онищенского, [а также] пана Миколая Миколаевича Радзивилла, подчашего великого княжества Литовского, наместника Бельского [64], и своего маршалка пана Литовара Хрептовича (Litowara Chreptowica), наместника Новогрудского и Слонимского [65], и многих других князей, панов, бояр и дворян литовских и русских. И сам с ними двинулся до Минска (Mienska), а от Минска к Борисову, и стоял там немалое время. А князь Константин Иванович Острожский, гетман его, со всеми вышеупомянутыми панами двинулся к Смоленску. А в Смоленске в то время воеводою от великого князя Литовского был Станислав Петрович по прозищу Кишка [66]. **Смоленский воевода Станислав Кишка.**

И пришла в Смоленск новость, что воевода великого князя Московского Яков Захарьинич стоит с людьми на Ведроши. Князь Константин Острожский, услышав об этом, взял с собой смоленского воеводу пана Станислава Петровича Кишку и всех смолян и двинулся прямо на Дорогобуж. **Московское войско.** И сначала пришел к Ельне, а там поймали одного из московского войска, по имени Герман, который, до того как утек в Москву, был дьяком у Богдана Сапеги. И тот рассказал, что московский воевода Яков Захарьинич стоял под Дорогобужем с немногими людьми, пока на третий день не пришли к нему другие большие воеводы: князь Данило Васильевич Щеня (Szczenia) [67] и князь Иван Михайлович Перемышльский [68] с другими многими воеводами и людьми, и все они уже собрались в одном месте. И поэтому он не советовал им заводить битву с москвой, так как наших было мало. **Шпион повешен.** Однако наши не дали ему в том веры и велели его повесить, а сами пошли на москву.

Битва наших с москвой. И, пройдя деревню Лопачино (Lopaczyne) и не доходя до реки и села Ведроши, остановились в двух милях [69] от московского войска. И там доподлинно убедились, что московитов очень много, и [они] уже ждут наших для битвы, стоя у Ведроши в доспехах и в строю. Константин устроил совет с литовскими панами и рыцарством, на котором [они] предпочли завязать битву с москвой. Итак, они две мили двигались густыми лесами и болотистыми дорогами, а как только вышли на поле, сошлись с москвой. И там пало много людей с обеих сторон, а москва отступила назад и перебралась через реку Ведрошь к своим большим полкам [70]. И чуть было все не обратились в бегство, ибо ожидали, что из леса выйдет еще больше литовских людей. А когда литовцы подошли к реке Ведроши, московиты увидели, что литовское войско было очень маленьким, а никаких подкреплений, выходящих из леса, [они] не увидели.

Три с половиной тысячи литовцев [71] на 40 000 москвы. Литовцев было только три с половиной тысячи, а москвы было сорок тысяч конных, не считая пеших, и дивилась москва столь великому мужеству литовскому.

Литва поражена и виднейшие паны захвачены в плен. А потом, видя их малое число, бросились к литовскому войску и поразили их там наголову [72]. И захватили там среди прочих самого гетмана князя Константина и Грегора Станиславовича Остика, маршалка Литовара Хрептовича, Миколая Юрьевича Глебовича, Миколая Зеновича. И много других панов побито, поймано и в Москву отослано [73]. А иные летописцы свидетельствуют, что сотники Иван Яцинич, Юрий Волович, Федор Немир, Богдан Маскевич храбро защищались и были ранены, однако сумели отбиться и убежать в лес.

Князь Константин Острожский был ввергнут в тяжкое заключение. Как рассказывают, его руки были заведены назад и залиты свинцом, а ноги окованы. Ибо Иван Московский, поскольку не смог добром, тяжкой неволей принуждал его к клятве верности, которую тот потом, хотя и против сердца, вынужден был ему дать. И [тогда] был наделен в Москве истинно княжескими владениями, и великие битвы вел с татарами и выигрывал.

Эта новость о поражении литовского войска пришла к литовскому князю Александру и нашла его на реке Бобре (Bobrze). [Ему] поведали, что войско его побито, гетман и паны радные захвачены [в плен], и был он этим очень смущен. И пошел со своими людьми к

Витебску до Оболец (Obolecz), и там простоял немалое время. **Отповедь московского [князя].** И когда был в Обольцах, прибыл к нему московский гонец с разметными письмами [74]. Отпустив его, он пошел к Полоцку [75], и там в Полоцке пробыл всю осень. И, укрепив Полоцк, Витебск, Оршу и Смоленск, воротился в Литву.

Москва взяла Путивль. Той же осенью воевода московского великого князя Яков Захарьинич, казанский царевич Махмет-Элей (Machmecielej) [76], князь Василий Иванович Можайский и князь Василий Иванович Ошемячич взяли литовский замок Путивль, лежащий в полях милях в 60 за Киевом, а от Чернигова в 30 милях [77]. И там наместника путивльского князя Богдана Федоровича Сапегу (Sapihe), а также всю путивльскую шляхту позабирали в плен и завладели всей Северской землей, а также взяли замки Дорогобуж, Залидов (Zalidow) и Торопец. **Дорогобуж и Торопец взяты.** И этим летом воистину великую и жестокую беду зятю своему и великому князю литовскому Александру учинил московский князь вопреки клятве (как свидетельствует летописец).

Татары воюют польские и литовские земли. Той же осенью по наущению великого князя Московского перекопский царь Миндикирей (Mindikirej) или Менгли-Гирей (Mendlikerej) послал своего сына Ахмат-Гирея Султана (Soltana) с другими своими сыновьями и множеством татар в польские и литовские края. И те повоевали волынские, подляшские и польские земли и сожгли город Владимир, опустошили Брест (Brzescie) и в Польше тоже разоряли около Белза, Красника, Туробина, Красностава, Люблина, Урядова (Urzedowa) до самой реки Вислы. Собрался против них король Ольбрахт, но не смог догнать поганых и вернулся в Краков. Эти татары, быстро потом сложив добычу в Перекопе [78], в сентябре месяце вернулись в те же края, где по наущению московского [князя] повоевали лежавшие на юге русские земли [79] и часть Литвы. А также и в Польше около Ланьцута, Лежайска, Завихоста, перейдя Вислу, и, следуя назад, опустошили все волости от Опатова до самого Бреста Литовского. **Комета.** А предвещала эту жестокую беду комета, наблюдавшаяся (trwajaca) восемнадцать дней перед первым татарским вторжением.

Глинский [назначен] **маршалком**. Тогда же великий князь литовский Александр назначил дворным маршалком князя Михаила Львовича Глинского, к которому был очень расположен.

Литовцы набирают людей в Польше. Потом в 1500 году великий князь литовский Александр [решил] за литовские деньги набрать наемников против московского князя и послал в польскую Корону, в Чехию и в Германию. И собрал их немалое число, а в Познани литовский подскарбий им деньги давал. Старшим над этими солдатами был чех по имени Ян Черный, и все они звались Братьями. И эти паны Братчики мало пользы, а больше бед причинили Польше своим ленивым движением, ибо уже наступала зима. Однако Александр с этими людьми и со своим литовским войском двинулся к Минску, а там ему принесли новость, что великий князь Московский Иван Васильевич отправил своего сына князя Димитра Жилку [80] с большим войском и с пушками под смоленский замок и [тот] уже мощно добывает Смоленск.

Москва [напала] **на Смоленск.** Узнав об этом, Александр послал против него Станислава Яновича Белого [81], который был паном Трокским и старостой Жмудским, со всей землей литовской, а также и Черного чеха [вместе] со всеми чужеземцами. А сын великого князя Московского сам усиленно добывал Смоленск, ночью и днем устраивая штурмы. И не только обстреливали (obijali) замок из орудий, но и турами (turami), как именует их летописец, засыпанными песком и землей, учиняли несказанный (niewymowny) штурм замка. **Не ведаю, что это за туры, вероятно, корзины.**

Москва отбита от Смоленска. Однако с помощью Бога и прилежной (pilna) обороны воеводы Станислава Кишки, а также его наместника Юрия Паца и смоленского окольничьего Миколая Сологуба, [московиты] были отбиты. И, испытывая великие трудности и при каждом штурме теряя очень много людей, с великим позором и срамом отступили от замка. А староста Жмудский со всей силой литовской, а также с Черным чехом со всеми чужеземцами, перейдя реку Днепр под Оршей, сошелся (pociagnal) с заволжскими татарами [82]. И князь Дмитрий Жилка, услышав, что литовцы идут против него, как можно быстрее побежал в Москву к своему отцу. **Привычка наших отлеживаться.** А литовцы расположились на горах и стояли там тогда в течение всей осени.

И почти в то же время князь Семен Иванович Можайский, перебежчик от Литвы, со многими московскими людьми подступил под замок Мстислав[ль], а в Мстиславле тогда было немало литовского войска, и с ними князь Михайло Лингвеньевич Мстиславский. И, не добыв замка, отошли прочь. Литовцев тоже срочно распустили по домам, когда пришла зима. **Бедственные события в Литве.** В то время две беды покарали бедную Литву, как пишут Меховский и Ваповский, при жизни которых это происходило, [а также] Кромер. **Меховский, кн. 4, гл. 60.** Первая беда была от князя Ивана Московского, а вторая, что напрасно выдали деньги на солдат, которые вместо службы при возвращении разорили и повоевали [все], что не повоевал неприятель. Об этом упоминает и Куреус в Силезской хронике.

Глава восьмая

О сговоре заволжских татар с литовцами и с поляками против Москвы и перекопских татар, о казни валашского воеводича Петра и о смерти короля Яна Ольбрахта.

11 января 1501 года, как только король Ольбрахт с миром отправил турецких послов, которые целый год ждали в Кракове, сразу же после них приехали послы Заволжского царя Сахмат-Гирея (Sachmatkiereja) [83], желавшие соглашения и союза с королевством Польским и великим княжеством Литовским против [князя] Московского и Перекопской орды, их вечного и главного врага. Королю это было по душе, и он присягнул [84] в этом [вместе] с коронными панами и послами Великого Княжества Литовского, присланными по этому делу от Александра. **Татарская присяга.** Татарские послы тоже присягали, по своему обычаю, на обнаженной сабле, лили на нее воду и пили ее с такими словами: «Если кто этой дружбе и этому дружескому миру изменит, либо будет против него, пусть сгинет от сабли и обратится в ничто, так же, как эта вода». Отправили тогда этих послов в

орду с великими подарками, а с ними Ян Ольбрахт послал Кристофа Тешлика, а великий князь литовский - Михала Халецкого. Оба бегло говорили по-татарски. **Жалованье заволжскому царю из Польши и из Литвы.** Послы к заволжскому царю Сахмату благодарили его за дружбу и жаловали ему кожухов и сукна на тридцать тысяч злотых, а он со своим войском, которого обязан был выставить тридцать тысяч, должен всегда быть готовым [выступить] против любого врага Польши и Литвы.

Валашский воеводич Петр невинно казнен в Польше. На этот сейм приехали также и послы от валашского воеводы Стефана, просившего, чтобы согласно условиям мира король выдал ему бежавшего Петра, сына воеводы Ильяша (Heliasa), правившего перед Стефаном, ибо тот претендовал на господарство валашское. Король потом долго советовался об этом с панами: выдать невиновного казалось ему делом жестоким, а укрывать врага своего товарища воеводы, [выдачи] которого тот хотел добиваться войной, казалось ему делом небезопасным. К тому же король тогда отправлялся в Пруссию и не хотел за спиной оставить врага. И поэтому приказал воеводича Петра казнить, на чем настаивали валашские послы. А чтобы эта казнь не выглядела без причины, народу было объявлено, что он подделывал королевские письма, хотя [тот был в этом] неповинен, как об этом свидетельствуют Кромер (кн 30, стр. 657 первого издания и стр. 439 второго), Меховский, Ваповский, Бельский, Герборт и другие [85].

Ян Ольбрахт, король Польский, умер. Итак, король Ольбрахт, отослав валашских послов, отправился в Торунь, чтобы принять присягу от нового прусского магистра Фридриха, который долго уклонялся от [изъявления] покорности, а когда король посылал ему [соответствующее требования], изо дня в день тянул время. И там в Торуни король Ольбрахт умер от апоплексии, а его тело отвезено в Краков и в день святой Анны [86] с почестями погребено в церкви Святого Станислава в замке с обычными церемониями и процедурами.

Внешность и обычаи Ольбрахта. Ян Ольбрахт был высокого роста, костистый, начитанный, особенно увлекался историками, склонный к щедрости [по отношению] к любому, весьма красноречив (krasomowca) в латинском и немецком языках. Двора не хотел держать больше тысячи шестисот [87], вседа имел на боку маленький меч (mieczyk), был образован, смел, очень умен, но фортуна обходилась с ним недружелюбно. Согласно Меховскому, который был у него лечащим врачом, [Ян Ольбрахт] царствовал восемь лет, восемь месяцев и 24 дня. Но Кромер и пишущий из него Герборт считают его царствования девять лет, а прожил 40 лет и месяц [88].

Сахмат-Гирей [идет] **на помощь Литве со стотысячной ордой.** Той же осенью, как свидетельствуют русские летописцы и Меховский, заволжский царь Сахмат-Гирей Солтан, сын Ахмата, давнего друга Литвы, перейдя реки Волгу и Дон или Танаис, со всей заволжской ордой прибыл на помощь Литве против [князя] Московского, а при нем посол великого князя Литовского Александра пан Михайло Халецкий. Кромер описывает (согласно словам ханских послов), что заволжских татар было сто тысяч конных. Сахмат тогда пошел прямо в Северскую землю, и встал под Новгородом-Северским (Nowogrodkiem) и под другими замками. И до самого Брянска опустошил московские владения и взял Новгород-Северский, а другие замки сдались добровольно. **Татары с**

литовской стороны воюют москву. Заволжский царь, поручив эти замки пану Михалу Халецкому, чтобы держал их для Александра, великого князя Литовского, сам встал на Днепре между Черниговом и Киевом. Сначала там были войска орды перекопского царя Менгли-Гирея и, когда тот хотел защищать эти поля, царь заволжский, сойдясь [с ними] в битве, поразил и разгромил перекопцев так, что мало их убежало. И после этой победы отправил пана Михала Халецкого со своими послами в Литву, сообщая, что пришел им на помощь со ста тысячами конных своей орды против перекопского царя и против московского князя, прося Александра, чтобы соединился с ним и воевал своих врагов. А в то время поляки избрали Александра своим королем и тот, отложив войны со своими врагами и отдав им заволжского царя на съедение (na miesny jatki), готовился к коронации в Кракове [вместе] с литовскими панами.

Комментарии

1. Марк Лавринович Унучко упоминается как *тиун* в переписи войска Великого княжества Литовского за 1567 год. *Ретов* (Ретава) — город в Жемайтии (в Тельшяйском уезде). *Ретовский тиун* — управляющий Ретовской волостью. В переписи 1567 года имя Марка Унучко стоит рядом с именем Войцеха *Шемета*. Смотри примечание 77 к книге девятнадцатой.

2. Семен Михайлович (1470-1503) герба Погоня — удельный князь слуцкий и копыльский (1481). Гедиминович, единственный сын Михаила Олельковича Слуцкого, казненного за организацию заговора против Казимира (1481). Примечательно, что Стрыйковский, очевидно заискивающий перед слуцкими князьями, ничего об этом не пишет и лишь туманно упоминает о неких смутах. См.: Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Том I. Киев, 1885. Стр. 240, 241.

3. Это любопытное уточнение оставляем на совести Стрыйковского, который, надо полагать, знал, о чем пишет.

4. О Деции смотри примечание 6 к книге второй. В данном случае речь идет о его сочинении «О роде Ягеллонов», которое представляло из себя извлечения из хроники Меховского и было доведено до 1506 года.

5. Коронация Яна Ольбрахта состоялась 23 сентября 1492 года.

6. Збигнев Олесницкий (1430-1493) герба Дембно — сын великого коронного маршалка Яна Олесницкого и племянник кардинала Збигнева Олесницкого (1389-1455). Епископ Куявский (1473-1481), коронный подканцлер (1473-1476), архиепископ Гнезненский и примас Польши (1481). Умер в Ловиче 2 февраля 1493 года.

7. Смотри примечание 71 к книге двадцатой и примечание 146 к книге девятнадцатой.

8. Речь идет о сифилисе. Уже в 1530 году вышло в свет сочинение *Syphilis sive de morbo gallico* («Сифилис, или о галльской болезни»). Его написал венецианский врач Джироламо Фракасторо (1478-1553), уроженец Вероны, учившийся в Падуе. Медицину в Падуанском университете он изучал вместе с Миколаем Коперником, в 1501-1506 гг. жившим и учившимся в Падуе.

9. Военные действия начались еще в августе 1492 года, то есть фактически сразу после смерти Казимира (7 июня), и возобновились в конце января 1493 года. См.: Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. Стр. 299, 301.

10. Должно быть не Серпухов, а Серпейск. См.: Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. Стр. 301, 302.

11. Стрыйковский ошибается. Литовским послом и жмудским старостой (1486-1527) был не Гаштольт герба Абданк, а Станислав Янович *Кезгайло* (1451-1527) герба Задора. См.: Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. Стр. 318.

12. Подробнее об истории этого сватовства смотри: Церетели Е. Елена Иоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. СПб, 1898. Стр. 57-81.

13. Ошибка Стрыйковского. София (Зоя) Палеолог никогда не звалась Анной, а первую жену Ивана III звали Марией. См.: Матасова Т.А. Софья Палеолог. М., 2016.

14. Еще одна ошибка. Четвертой женой (1478-1504) Стефана Великого была Мария Войкица (ум. 1511), дочь валашского воеводы Раду III Красивого. Эта ошибка, вероятно, вызвана тем, что женой Ивана Молодого (1458-1490), сына Ивана III, была Елена Волошанка (1465-1505), дочь Стефана от его второго брака (1463-1467) с Евдокией Олельковной. Елена Стефановна в то время была в Москве и присутствовала при отъезде Елены Ивановны в Литву. См.: Церетели Е. Елена Иоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. СПб, 1898. Стр. 78.

15. Слово *siostrzeniec* в современном польском языке означает *сын сестры*, то есть племянник. Но Фридрих был не сыном, а *мужем* Софии Ягеллонки (1464-1512), сестры Казимировичей.

16. Фридрих Старший (der Altere) Гогенцоллерн (1460-1536) — маркграф Бранденбург-Ансбаха (1486) и Бранденбург-Кульмбаха (1495). Старший сын Альбрехта III Ахиллеса (1414-1486), маркграфа Ансбаха (1440), Кульмбаха (1464), курфюрста Бранденбурга (1470). В 1479 году Фридрих женился на четырнадцатилетней Софии, дочери Казимира Ягеллончика, с которой имел 17 детей. Одним из них был Альбрехт, последний прусский великий магистр Тевтонского ордена.

17. Смотри примечание 76 к книге восемнадцатой.

18. Плебания (plebania) — жилой дом и двор приходского священника.

19. Коллегиум Майус — древнейшее здание Ягеллонского университета в Кракове.

20. Хенрик Каменеций герба Пилява, староста белзский, сын санокского каштеляна Хенрика Андреаса (1430-1488), погиб в битве с татарами под Вишневцем 23 августа 1494 года.

21. Польское слово *wyprawa* традиционно переводится как *поход*, и в украинском переводе Стрыйковского так и написано. Однако о *походе* в Валахию в этой главе еще нет ни слова, поэтому здесь представляется уместным перевести упомянутое слово как *предприятие, затея*, тем более, что польский язык допускает такое толкование. См.: Мацей Стрийковський. Літопис Польский, Литовський, Жмудський и всієї Руси. Львів, 2011. Стр. 807.

22. Александр Юрьевич Гольшанский (1440-1511) герба Гипоцентавр — князь Гольшанский (1481), наместник гродненский (1488), каштелян виленский (1492). Брат Ивана Юрьевича, казненного по приказу Казимира (1481) и внук Семена Ивановича Гольшанского, казненного по приказу Свидригайло (1433). Очевидно, именно князь Александр и был главой посольства, хотя у нас в этой связи чаще упоминают Заберезинского.

23. Ян Юрьевич Заберезинский (1440-1508) герба Лелива — сын князя Юрия Заберезинского, наместник полоцкий (1484-1496), гродненский (1505), волковысский (1506); каштелян трокский (1492-1498), маршалок великий литовский (1498-1505), воевода трокский (1498-1505).

24. Юрий Иванович Зенович (1450-1516) герба Деспот — наместник брацлавский (1494-1499), смоленский (1507-1508) и могилевский (1514), дворный маршалок литовский (1516). Владелец Сморгони, Постав, Глубокого, Чурлен и Вишнева. Был женат на неизвестной по имени даме из рода Остиковичей, от которой имел четырех сыновей.

25. Состав «свадебного» посольства известен нам и по российским источникам, причем наши историки до сих пор путаются с польскими должностями и титулами. Даже такой авторитет, как Соловьев, называет Александра Юрьевича *воеводой* виленским, тогда как тот был виленским *каштеляном*. А все дело в том, что у Стрыйковского слово *пан* в данном случае означает именно *каштелян*, поэтому и Заберезинский у него совершенно верно назван *паном Трокским*. Воеводой Виленским в то время (1492-1509) был Миколай Радзивилл Старый герба Трубы, а воеводой Трокским (1491-1499) — Петр Янович Белый из рода Монтегердовичей герба Вадвич. См.: Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга III. История России с древнейших времен. Том 5. М., 1989. Стр. 102.

26. Елена Ивановна выехала из Москвы 13 января и прибыла в Вильно 15 февраля 1495 года. См.: ПСРЛ, том 12. СПб, 1901. Стр. 239. «Римская масленица» в 1495 году начиналась 1 марта.

27. Примерно так же трактовал мотивы действий поляков Либориус Накер, секретарь великого магистра Тевтонского ордена Ганса фон Тифена. См.: Грабовецький В.В. Селяньске повстання на Прикарпатті під проводом Мухи 1490-1492 років. Львів, 1979. Стр. 115-117.

28. Кржеслав из Курозвяк (1440-1503) герба Порай — секретарь Казимира Ягеллончика (1476), великий коронный канцлер (1483), епископ Куявский (1493). Один из ближайших соратников Яна Ольбрахта. Вел упорную борьбу с польскими гуситами.

29. Станислав Петрович Кишка (ум. 1514) герба Домброва — литовский стольник (1488), дворный маршалок (1492), наместник лидский (1492) и смоленский (1499), великий гетман литовский (1503-1507), староста гродненский (1508), великий маршалок литовский (1512). Был женат на Софье, дочери трокского воеводы Петра Яновича Белого из рода Монтегердовичей.

30. Смотри примечание 19 к книге двадцатой.

31. Сучава была столицей Молдавии с 1365 по 1565 год. Ныне город находится на территории Румынии.

32. В украинском переводе — *восемнадцать* тысяч, что намного ближе к реальности, однако у Стрыйковского написано все-таки *восемьдесят*, так как восемнадцать по-польски *osiemnascie*. См.: Мацей Стрийковський. Літопис Польський, Литовський, Жмудський и всієї Руси. Львів, 2011. Стр. 811.

33. Иоганн фон Тифен был великим магистром Тевтонского ордена в 1489-1497 годах. Во время похода он заболел дизентерией и был отвезен во Львов, где и скончался 25 августа 1497 года. См.: Грабовецький В.В. Селяньске повстання на Прикарпатті під проводом Мухи 1490-1492 років. Львів, 1979. Стр. 115-117.

34. Вероятно, имеется в виду *левый берег реки* Сирет или левый берег реки Прут.

35. Две мили у Стрыйковского — это около 16 км.

36. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 109.

37. Это сражение происходило в четверг 26 октября 1497 года в Козьминском лесу у деревни Валя Кузьмина на территории нынешней Черновицкой области Украины. См.: Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М., 1976. Стр. 32.

38. Миколай Тенчинский (1430-1497) герба Топор по прозищу Краковчик — воевода Русский (1496). Одни авторы считают его родным братом Габриеля и Збигнева, другие предполагают более отдаленное родство.

39. Габриель Тенчинский (1432-1497) герба Топор — сын воеводы (1438) и каштеляна (1459) краковского Яна Тенчинского (1408-1470).

40. Збигнев Тенчинский (1428-1498) герба Топор — брат Габриеля, подкоморий краковский (1481), староста мальборкский (1485-1495) и львовский (1497).

41. Титул воеводы Русского носили многие Одроважи: Петр (1437-1450), Андрей (1452-1465), Ян Старший (1479-1485), Ян Младший (1511-1513) и другие. Стрыйковский, вероятно, имел в виду Яна Старшего герба Одроваж, старосту львовского (1465), воеводу подольского (1477) и русского (1479).

42. Речь идет о событиях осени 1569 года, когда турецкий султан Селим II предпринял попытку отнять Астрахань у Ивана Грозного. Стрыйковский рассказывает об этом походе в последней (двадцать пятой) книге своей Хроники (глава вторая), ошибочно датируя его 1570 годом. Но про горящую траву там ничего нет.

43. Бой у деревни, которую Стрыйковский зовет Шипинцы (Sepnicz), а молдавский летописец — Ленцешть, произошел в воскресенье 29 октября 1497 года. Молдавскими отрядами командовал ворник Сима Болдур. См.: Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М., 1976. Стр. 35.

44. Третье сражение между поляками и молдаванами произошло под Черновцами в понедельник 30 октября 1497 года. Молдавский летописец отнюдь не считает его поражением своих войск и даже пишет, что сам король едва спасся. Тем не менее переправа польского войска через Прут состоялась в тот же день. См.: Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М., 1976. Стр. 35.

45. Смотри примечание 29.

46. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 109, 110.

47. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 110.

48. Смотри примечание 144 к книге семнадцатой.

49. Смотри примечание 8.

50. Константин Иванович Острожский (1460-1530) — один из самых выдающихся полководцев Литвы. Летописцы говорят о его победах в 60 сражениях, однако крупных достоверно известно пять, причем два из них были разгромными поражениями. Князь Острожский (1466), староста брацлавский (1497-1500), винницкий (1507-1516), луцкий (1507-1522) и звенигородский (1518-1530), великий гетман литовский (1497-1500 и 1507-1530), маршалок волынской земли (1507-1522), каштелян виленский (1511-1522), воевода трокский (1522). Православный. Герб князей Острожских представлял из себя комбинацию гербов Лелива и Огоньчик.

51. Каньчуга — село в Подкарпатском воеводстве, Вислока — правый приток Вислы. «Хроника Быховца» уточняет, что поход был *осенью*, во главе турок был паша *Малкоч*,

молдаване и турки доходили до *Тарнува*. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 110. Паша Малкоч — вероятно, отец Малкочоглу Бали-бея.

52. Метона (Metone) — город в южной Греции, известный с VII в. до н.э. В августе 1500 года турецкий адмирал Кемаль-реис (дядя Пири-реиса) в битве при Метоне разгромил венецианский флот, после чего атакой с моря взял крепость Модон. Во времена Стрыйковского вильнюсские суфраганы носили титулы епископов *Метонских*. См.: Эдвардас Гудавичюс. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Том 1. М., 2005. Стр. 363.

53. Корона (Korone) — город в южной Греции, упоминаемый еще Страбоном и Павсанием. В 1500 году был захвачен турками (сразу после Метоны). В Греции Метону и Корону называли «два глаза Венецианской республики».

54. Название *Janиат* непонятно, но, вероятно, автор имел в виду город Пилос в Наваринской бухте (севернее Метоны), который турки захватили почти одновременно с Метоной и Короной.

55. Герберштейн тоже считал, что непосредственным поводом к войне послужили религиозные притеснения в отношении православия Елены, которого она непоколебимо придерживалась. См.: Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 66.

56. Василий Иванович Шемячич (ум. 1529) — внук Дмитрия Шемяки, удельный князь Рыльский и Новгород-Северский. См.: Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. Стр. 484.

57. Базилевич считает, что послы этих князей прибыли в Москву между 23 апреля и 3 мая 1500 года. См.: Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. Стр. 451.

58. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 110, 111.

59. Яков Захарьевич Захарьев-Кошкин (1455-1511) — воевода на службе Ивана III и Василия III. Сын боярина Захария Ивановича Кошкина и родной брат Юрия Кошкина, деда Анастасии и Никиты Романовых. Боярством пожалован в 1479 году. Во время похода 1500 года был *первым воеводой большого полка*.

60. Контовт — литовское имя, а вот реки с таким названием мы не найдем ни на карте Литвы, ни на карте Белоруссии. Остается только гадать, какую именно реку имел в виду автор «Хроники Быховца».

61. Семен Иванович Бельский (1440-1503) — литовский удельный князь, внук киевского князя Владимира Ольгердовича. В 1499 году перешел на службу к Ивану III. Умер бездетным.

62. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 111.

63. Григорий Станиславович Остик (1450-1521) герба Трубы — надворный маршалок литовский (1494-1500 и 1509-1518), наместник Меркине (1493) и Аникщяя (1494), воевода трокский (1510-1518).

64. Миколай Миколаевич Радзивилл (1470-1521) герба Трубы по прозищу Амор — сын Миколая Старого и Софьи Монивид. Князь на Гонендзе и Мяделе (1518), владелец Кейдан. Кравчий (1488) и подчаший (1493) литовский. Наместник бельский (1494-1503), староста бобруйский и бельский. Великий маршалок (1505) литовский, воевода трокский (1505-1510) и виленский (1510), великий канцлер литовский (1510). Женат на Эльжбете Сакович.

65. Ян (Литовор) Богданович Хрептович (1460-1514) герба Одроваж — надворный подскарбий (1484-1493), королевский маршалок (1489-1500 и 1509), староста пунский (1494), наместник утенский (1489-1495), слонимский (1492), новогрудский (1498-1500), дрогичинский (1509) и кобринский (1513). Был женат на Ядвиге, дочери князя Александра Юрьевича Гольшанского, каштеляна виленского (1492-1511).

66. Смотри примечание 29.

67. Даниил Васильевич Патрикеев по прозвищу Щеня (1450-1519) — сын боярина Василия Юрьевича Патрикеева и правнук Патрикия Наримунтовича, внука Гедимина. Таким образом, сам Данила Щеня был Гедиминовичем. Один из наиболее выдающихся русских полководцев своего времени, впрочем, знававший и жестокие поражения. Был женат на дочери князя Ивана Васильевича Горбатого. Родоначальник князей *Щенятевых*. См.: Каргалов В. В. Полководцы X-XVI вв. М., 1989. Стр. 195-222.

68. Иван Михайлович (1470-1535), князь Перемышльский и Воротынский — единственный сын удельного верховского князя Михаила Федоровича Воротынского и внук Марии Корибутовны, правнучки Гедимина. В марте 1483 года присягнул Казимиру Ягеллончику, а осенью 1487 года перешел на службу к Ивану III, в войнах которого участвовал уже как московский воевода.

69. Напоминаем, что миля у Стрыйковского составляет около 8 км.

70. Если сам ход битвы все источники описывают более или менее одинаково, то *место* битвы на Ведроши, несмотря на, казалось бы, подробные указания, до сих пор точно не определено и остается предметом дискуссии. См.: Река Ведрошь — 1500 // 100 битв, которые изменили мир. Вып. 177. 2014.

71. В оригинале *pulczwarta*. Подобным образом численность литовского войска определил не Стрыйковский, а автор Хроники Быховца, где написано *polczetwerty*. Базилевич истолковал это как 35 (тысяч), но *pulczwarta* — это, конечно, *три с половиной*. Причем три с половиной тысячи только *конницы, не считая* литовской *пехоты*. Однако Стрыйковский относит это уточнение *к русскому войску*, тем самым еще и преувеличивая его численность и приуменьшая численность литовцев. См.: ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 113. Реалистичной оценкой выглядит, что русских было 30-35 тысяч, а то и меньше, литовцев

— 12-15 тысяч. См.: Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб, 2009. Стр. 387, 388. Мартин Бельский описывает битву на Ведроши, почти дословно повторяя текст Хроники Быховца. См.: Kronika Marcina Bielskiego. Tom II. Ks. IV. Sanok, 1856. Стр. 908. Кромер описывает сражение по Герберштейну, а тот не указывает ни числености армий, ни размеров потерь.

72. Битва была во вторник 14 июля 1500 года. Наиболее подробное описание сражения дает Хроника Быховца, а из русских летописей уникальные известия содержит Архангелогородский Летописец. Там говорится, что битва была очень упорной, продолжалась до шести часов, но происходила не на Ведроши, а на реке Тростне. См.: Устюжский летописный свод. М.-Л., 1950. Стр. 101.

73. Новгородская четвертая летопись сообщает о пяти тысячах убитых и 500 пленных. Именно эти сведения попали и в Никоновскую летопись. См.: ПСРЛ, том 4. СПб, 1848. Стр. 135; ПСРЛ, том 12. СПб, 1901. Стр. 266; ПСРЛ, том XLIII. М., 2004. Стр. 212. Известия о *тридцати тысячах* убитых, несомненно, баснословны. См.: ПСРЛ, том 26. М.-Л., 1959. Стр. 294;

74. В оригинале *z listy odpowiednymi*. Разметное письмо — грамота, в одностороннем порядке разрывающая мирный договор и фактически означающая официальное объявление войны.

75. То есть повернул обратно.

76. Неясно, кого из татарских ханов имел в виду автор: *Мехмет-Гирея*, старшего сына Менгли-Гирея (имя более похоже, но к Казани не имел отношения), или же *Мехмет-Амина* (Мухаммед-Эмина), который, действительно, был казанским ханом (правда, не в описываемое время). Оба в эти годы были союзниками Ивана III и оба воевали с Литвой. Вероятно, речь идет все-таки о Мухаммед-Эмине, которого отдельные историки считают также и активным участником битвы на Ведроши.

77. Расстояние от Путивля до Киева около 300 км, а от Путивля до Чернигова — 200 км. Если учесть, что миля у Стрыйковского составляет около 8 км, то получается, что он существенно завышает расстояния, особенно до Киева.

78. *Перекопом* Стрыйковский именует весь северный Крым.

79. *Русскими землями* автор в данном случае называет не московские владения, а заселенные русскими территории Великого княжества Литовского.

80. Дмитрий Иванович Жилка (1481-1521) — третий сын Ивана III от брака с Софией Палеолог, удельный князь Угличский (1505). Был холост и бездетен.

81. Станислав Янович Кезгайло (1451-1527) герба Задора — староста жмудский (1486), каштелян трокский (1499-1522) и виленский (1522), великий гетман литовский (1501-1503).

82. Весь рассказ об осаде Смоленска Стрыйковский позаимствовал из Хроники Быховца, однако про татар там ничего нет. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 114, 115.

83. *Сахмат-Гиреем* Стрыйковский называет последнего хана Большой орды (1481-1502) *Шейх-Ахмеда* или Ших-Ахмата (ум. 1528), сына хана Ахмата. Считается, что именно его послы в 1501 году приезжали к Яну Ольбрахту. Однако у Ахмата были и другие дети («Ахматовы дети») с похожими именами (Сеид-Ахмат, Хаджи-Ахмат), причем первый из них в 1501 году формально считался соправителем правящего хана Шейх-Ахмеда. См.: Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. Стр. 473, 484.

84. То есть дал официальное согласие на союз с татарами.

85. Известие о «воеводиче Петре», содержащееся в хронике Мартина Бельского, Стрыйковский переписал практически дословно. См.: Kronika Marcina Bielskiego. Tom II. Ks. IV. Sanok, 1856. Стр. 911. Ильяш I, сын Александра Доброго, правил Молдавией (с перерывами) с 1432 по 1443 год и умер в 1448 году. О его сыне (который должен быть уже не молод) молдавские летописи ничего не сообщают. Но Кромер пишет не о *Петре*, сыне Ильяша, а об *Ильяше*, сыне Петра, а это совсем другое дело. См.: Kronica Polska Marcina Kromera. Tom II. Krakow, 1882. Стр. 1348. Петру III Арон, сын Александра Доброго, был дядей и непосредственным предшественником (1455-1457) Стефана Великого. Разбитый им (14 апреля 1457 года), Петр бежал в Польшу, долго интриговал против Стефана и в конце концов по его приказу был схвачен и казнен (1469). Его сына вряд ли стоит считать обычным самозванцем, учитывая рвение Стефана и колебания Яна Ольбрахта.

86. Ян Ольбрахт умер в Торуни 17 июня и похоронен в Кракове 26 июля 1501 года.

87. Таким образом, в те времена *полторы тысячи* придворных могли считаться скромным и небольшим двором.

88. Ян Ольбрахт родился 5 января 1460 года, был коронован королем Польши 23 сентября 1492 года и умер 17 июня 1501 года. Меховский, который восемь раз (1501-1519) избирался ректором Ягеллонского университета, сосчитал совершенно точно.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Вельможному пану Яну Абрамовичу[1]*, войскому*[2] *виленскому, старосте лидскому.*

Глава первая

Об Александре Казимировиче, великом князе Литовском, коронованном на королевство Польское

в 1501 году

Вскоре после смерти короля Ольбрахта архиепископ и кардинал Фредерик, брат Ольбрахта, для избрания нового короля, по обычаю, сразу созвал в Петркуве сейм, на

котором сенаторы и коронное рыцарство в своих пожеланиях и голосах не могли прийти к согласию.

Различные голоса избирателей. Ибо одни, со своей стороны, советовали Владислава, короля Венгерского и Чешского, и уже было послали за ним в Буду (Budzyn) коронного маршалка Петра Кмиту просить, чтобы приезжал [править] в королевстве дедов и отцов. Владислав был очень рад на это согласиться и расписал (rospisal) письма и к императору Максимилиану, и к французскому королю Людовику, и к другим христианским государям, что ему предназначено Господом Богом взойти не только на [престолы] чешского и венгерского королевств, но и на отчий [престол] Короны Польской. Другие держали сторону Сигизмунда, князя Опавского и Глогувского. Но правы оказались (przewiedly) те, которые симпатизировали Александру, великому князю Литовскому, так как они убедительными доводами и примерами показали, что сильный Владислав со своими королевствами Венгерским и Чешским не должен быть [еще и королем] Польским, напомнив о беспорядках и упадке собственного [королевства] при Людовике, который владел двумя королевствами, но жил в Венгрии, а Польшу превратил воистину в ничто. И только литвин Ягелло на своих плечах вытянул ее из упадка.

Преимущества объединения Литовского княжества с Короной. Тогда же Ягелло с Витольдом связали Литовское великое княжество с Короной Польской вечным мирным союзом, объединив в одно целое и подружив так, что если их разлучить, у Короны возникнут великие беды. И приводили [пример], как пишет Кромер: ***Omnibus bellis priscis juxta ac recentioribus Litvanos multum momenti Polonorum viribus attulisse etc.*** *(Во всех войнах, как древних, так и позднейших, литовцы всегда предоставляли полякам очень значительную помощь).* То есть во всех военных нуждах, как стародавних, так и свежей памяти, литовцы всегда оказывали полякам великую и значительную помощь. И как поляки без них, так и они без поляков, будучи раздвоены, поодиночке мало чего славного могли показать, как это недавно проявилось в валашских делах, где король Ольбрахт упрямо действовал без литовцев, и Буковина [3] будет вечным тому свидетелем. А если бы польским королем, помимо Александра, станет кто-либо иной, Литва разорвала бы союз с Польшей, а такого не могло бы быть без великого взаимного кровопролития, ибо, как пишет Ваповский, Александр с литовским войском уже собирался силой добиваться права на отчую корону, если бы его не отговорила от этого его старая мать, королева Эльжбета. **Литовские послы** [прибыли] **на элекцию.** Почти в то же самое время приехали литовские паны: виленский епископ Войцех Табор, великий маршалок Ян Заберезинский и подчаший великого княжества Миколай Радзивилл. О двух других литовских панах, не ведая их имен, Кромер пишет: ***et alii quidam duo***.

Речь литовских послов. Эти паны по приказу и по наущению великого князя Александра и всего сената литовского вели с коронными панами долгие переговоры относительно избрания короля в соответствии со списками союзного договора обоих государств. И убедительной и пространной речью доказывали им великие преимущества единства Литвы с Польшей, а также великие беды и упадки от объединения польской и венгерской корон, означающего также и полное разъединение великого княжества Литовского и Польши. Ведь если Польша объединится с Венгрией, вы, паны поляки, пренебрегши нами, захотите ввести и унаследовать венгерские обычаи, что причинило бы нам великую

неприязнь. Вероятно, потом вы об этом пожалеете, но поздно. А с этими венгерскими обычаями ваши предки уже познакомились при короле Людовике и при Владиславе, которые не только ваше добро из Польши повытянули, но и вас самих держали в великом удручении, терзаниях и смертоубийствах (mordowaniu).

Эти упомянутые литовские паны также пустили слух, что за ними следует Александр с войском и предъявили грамоту относительно обновления старого союза с Короной с печатями Александра и двадцати пяти литовских панов. В этой грамоте были сделаны некоторые поправки, чтобы Литва и Польша стали потом одним народом, под властью единого пана, а король чтобы избирался и короновался в Польше. И на этом съезде чтобы и литовские паны в сенаторском кругу каждый в соответствии со своим местом голосовали и могли высказывать свое мнение. Чтобы одна рада у обоих народов была и полное товарищество как в счастье, так и в несчастье; лишь суды чтобы проводились по старому обычаю как в Литве, так и в Польше.

Коронные послы к Александру. Итак, записав и утвердив эти и другие необходимые статьи, упомянутые коронные паны тут же единодушно и единогласно объявили великого князя Литовского Александра польским королем. И сразу же отправили к нему в Брест виднейших панов из Сената: львовского архиепископа Анджея Розу (Rozego) [4], познанского епископа Яна Лубраньского, позанского воеводу Анджея из Шамотул и люблинского [воеводу] Яна Тарновского по прозвищу Шрам (Srama) [5]. И, взяв с Александра и литовских панов присягу относительно сохранения [их] прав и существующих списков [грамот о] союзе Литвы и Польши, они вручили ему королевство.

Великодушие (sczerosc) Владислава. Итак, Александр со свитой в тысячу четыреста конных немедленно приехал в Краков, ибо опасался, как бы его брат Владислав, король чешский и венгерский, избранный польским королем некоторой частью [сенаторов], ему не воспрепятствовал. Но тот не только не разгневался на это (nie tylko zeby se mial), но и похвалил поляков, что те таким образом снова привязали к себе литовцев, народ великий и воинственный.

Послы с жалобой от Сахмата. А в это время от заволжского царя Сахмата [6], стоявшего в киевских полях, в Краков приехали послы, которые перед всем сенатом жаловались как на поляков, так и на литовцев. Мол, они призвали себе на помощь против перекопских татар их царя Сахмата с огромным войском в столь далекую и трудную дорогу, а сами вопреки союзу и уговору так долго оттягивают соединение с ними своих сил. И этим своих союзников доводят до гибели от холода, непогоды и голода в бесплодных полях. На это им отвечали: как только король Александр закончит с коронацией, он сразу поспешит на помощь Сахмату с польскими и литовскими войсками. И король постарается, чтобы царю Сахмату не пришлось жаловаться на столь дальнюю дорогу. С тем и отослали посольство бедных татар, отправив с ними подарки, которые они отнесли своему царю.

Предательство жены царя Сахмата. И почти в то же самое время жена царя Сахмата, которой надоели нужда, голод и зимняя непогода в полях, вместе с большей половиной его рыцарей бежала к перекопскому царю Менгли-Гирею.

Сахмат поражен. Осмелев с ее прибытием, перекопский царь Менгли-Гирей, собрав свои войска, внезапно ударил на заволжского царя Сахмата и поразил его наголову, захватив всю его орду [7]. А сам царь заволжский Сахмат со своим братом Газак (Hazak) или Козак-Солтаном [8] и с некоторыми князьями и уланами бежал к Киеву (согласно Летописцу). И, остановившись неподалеку от Киева, послал к киевскому воеводе князю Дмитру Путятичу [9], сообщая ему о своем приключении (przygodzie). Киевский воевода много дней его чтил и дары великие давал. А потом царь Сахмат с тремя сотнями конных, как пишет Меховский, без предупреждения уехал из Киева в Белгород. Потом [он] хотел бежать к турецкому цезарю Баязету, пойти под его руку и просить помощи против польского короля, желая мстить за свои кривды полякам и литовцам, из-за которых все потерял [10].

Бедный Сахмат посажен [в заключение] **в Вильне.** Но когда он узнал, что турецкий султан ради перекопского царя Менгли-Гирея велел белгородскому санджак[бею] захватить его и прислать к нему в Константинополь, то вскачь прибежал к Киеву. А киевский воевода, окружив его, препроводил в Вильно, где он пробыл в заключении до самого Брестского сейма, как о том будет ниже.

А Александр, великий князь Литовский, помазанный [на царство собственным] братом Фредериком, архиепископом Гнезненским и кардиналом, двенадцатого декабря [1501 года] в Краковском костёле с обычными церемониями был коронован на королевство Польское в присутствии коронных епископов и [епископа] виленского Войцеха Табора, [а также] своей матери королевы Эльжбеты и князя Конрада Мазовецкого. Со стороны Литвы присутствовали князь Можайский, [князья] Михаил Глинский и Юрий Гродненский, [а также] множество других панов и иноземных послов. Сразу после этого, 13 декабря, из Венгрии приехал брат Александра Сигизмунд, князь Глогувский и Опавский, а за ним и венецианский посол Ян Бадуарий (Baduarius), поздравив нового короля [и пожелав ему] счастливого царствования.

Елена не коронована. Потом в начале следующего 1502 года, 4 февраля, из Литвы в Краков приехала королева Александра Елена, дочь великого князя Московского Ивана Васильевича, но королевской короной не была коронована из-за того, что держалась греческого закона и брезговала (brzydzyla) католической верой.

Глава вторая

Об отъезде Александра в Литву, о его посольстве к Московскому [князю] и о примирении с ним, о воевании русских краев татарами и о их поражении за Бобруйском Семеном Олельковичем, князем Слуцким.

На масленицу 1502 года король Александр с королевой Еленой сразу же отправился в Литву, узнав о том, что его шурин Дмитрий Жилка [11], сын великого князя Московского, воевал смоленские волости. И приехал в Вильно, оставив губернатором королевства Польского кардинала Фредерика, [своего] брата.

Москва второй раз отбита от Смоленска. А в это время Станислав Кишка и его наместник Сологуб второй раз отбили Москву от смоленского замка. Но, как пишет

Меховский (кн. 4, гл. 81, стр. 364), к тому времени из-за недосмотра Александра московский [князь] захватил много литовских волостей.

Той же зимой, как свидетельствует Летописец, король Александр послал к своему тестю (do ccia), великому князю Московскому, своих послов: от Короны пана Петра Мышковского, воеводу Лещицкого, и Яна Бучацкого, воеводича Подольского, а от Литвы пана Станислава Глебовича, воеводу Полоцкого, и пана Ивана Сапегу, наместника Брацлавского, маршалка и писаря королевы Елены. **Мир с Москвой.** Они заключили с московским князем мир на шесть лет, а отнятые замки и пленные, захваченные на Ведроши, остались за Москвой, хотя Кромер и пишет, что условием мира должно было быть возвращение пленных. **Князь Константин Острожский бежал из Москвы.** А Герберштейн свидетельствует [12], что перед заключением этого мира князь Константин Острожский нарочно присягнул хранить веру московскому [князю], получил пожалование с большими земельными владениями на Москве и в нескольких битвах одержал победы над татарами. А потом, улучив момент, бежал в Литву.

Московские послы. В том же году 1503, а не втором, как указал летописец, к королю Александру пришли послы от московского князя: Петр Плещеев, Константин Замицкий (Zamycki) или Семечка, его зять Михайло Клапист и дьяк Микита Голубин [13] и утвердили мир, который должен сохраняться шесть лет.

Татары поражены. Той же осенью пришла к королю Александру новость, что татары, перейдя реку Припять, опустошают литовские волости. И король послал против них князя Михайловича Олельковича Слуцкого и подольского воеводича пана Яна Бучацкого, а при них литовских дворян и рашков (Racow) [14] немало, которые в то время за литовские деньги по-гусарски служили солдатскую службу. С ними князь Семен Слуцкий [15], догнав татар в шести милях за Бобруйском на реке Узе (Uzie), поразил их наголову и, отобрав всю добычу, а также обилие пленников, с победой вернулся к королю.

Литовцы поражены татарами. Той же осенью на реке Уши (Ussy) [16] князь Федор Иванович Ярославович, князь Юрий Иванович Дубровицкий и князь Григорий (Hregori) Глинский [17], староста Овручский, завязали битву с перекопскими татарами. И там с божьего соизволения поражено было войско литовское от татар, и убили князя Григория Глинского и при нем Горностая.

Татары у Слуцка. В том же 1503 году, тридцатого августа, перекопский царевич Бити-Гирей Солтан, сын царя Менгли-Гирея, внезапно вторгся в литовские владения, имея с собой шесть тысяч человек. И пришел сначала к Слуцку, а князь слуцкий Семен Михайлович был в то время в Слуцке. И много злого около Слуцка учинили эти татары. И от Слуцка часть их двинулась до Копыля, а князь Слуцкий не имел при себе людей и заперся в замке. А сам царевич расположился лагерем под Слуцком в поле за Умлем (Umlem), где Юрий, внук князя Слуцкого, ныне построил Новодворцы (Nowy dwor). Оттуда царевич распустил татар в загоны, и те воевали около Клёцка и Несвижа, и замок Клёцк сожгли. И в шести милях от Новогрудка от урочища Кореличи (Kolczy) повернули, пролив много христианской крови, и без отпора ушли с полоном в орду.

Татары воюют Польшу. Незадолго до этого перекопские татары, повоевав подольские, русские и сандомирские края, разорили также Жешув (Rzessow), Ярослав, Радзымин (Radzimin) и Белз. Переправившись через Вислу, разорили и сожгли города Опатов, Лагов и Кунов. **Ваповский.** Потом без отпора прошли до самого Пацанова (Piacianow), где Ян Ваповский [18], собрав сколько мог стрельцов, смело преградил им дорогу перед этим городом Пацановым. Но татары, будучи обременены всеми видами добычи, вернулись в орду, а при переправе через Вислу потопили до тысячи наших пленников.

Мир с турками. В то же самое время король Александр через люблинского старосту Миколая Фирлея из Домбровице подтвердил мир с турецким царем Баязетом.

Татары под Слуцком. В том же 1503 году три тысячи татар неожиданно вышли к Слуцку, воевали до самого Новогрудка, а назад пошли через Гричинское болото. Слуцкий князь Семен, а при нем литовские паны: Станислав Петрович Кишка, Ольбрахт Гаштольт и Ежи (Jerzy) Немирович сразу же собрались на них и догнали их за рекой Припятью в миле за Городком [19]. И там с Божьей помощью наголову их поразили, полону несколько тысяч отбили и с победой воротились назад. В этой битве были убиты королевские дворяне Рак или Рачко Маскевич и Жинев (Zynew) из Волковыйского повята.

Умер Семен, князь Слуцкий. Воротившись с этой битвы, в том же году умер слуцкий князь Семен [20], счастливый победитель татар.

Той же осенью казанский царь Махмет-Гирей перерезал всех московских купцов в Казани [21].

Смерть кардинала Фредерика и его никчемность. В том же 1503 году, измученный долгой французской болезнью [22], умер королевич Фредерик, брат Александра, коронный губернатор, кардинал ***tituli sanctae Luciae in septem soliis*** [23] и архиепископ Гнезненский, и похоронен в Краковском замке перед большим алтарем в латунном гробу. Фредерик был высокого роста, выглядел как [человек] благородный и полный достоинств, но разума [был] никчемного. В зловонном дыму (dimie) праздности он растратил свою жизнь на постоянное пьянство с подобными себе приятелями, как пишет Меховский в книге 4.

Постановление о Мазовии. В то же самое время умер и мазовецкий князь Конрад [24], а после него остались сыновья Ян и Станислав, княжичи детского возраста. И король Александр до их [совершенно]летия управлять мазовецким княжеством дозволил их матери княгине Анне, вдове после князя Конрада, а потом править должны они сами. А если оба умрут без мужского потомства, то все княжество Мазовецкое должно быть переписано на польского короля. Если же будут дочери княжны, их [следует] выдать замуж с приданым согласно их княжескому званию. Таково было тогдашнее решение о мазовецком княжестве на Петркувском сейме.

В том же году померли киевский воевода князь Дмитрий Путятич и луцкий староста князь Семен Дмитриевич Гольшанский. И воеводство Киевское король дал Юрию Монтовтовичу [25] или Монтултовичу, а Луцк дал князю Михайлу Ивановичу Острожскому, который вскоре помер, и потом Луцк дали писарю Федору Янушовичу.

Татары поражены. В том же году на Святого Мартина (11 ноября) татары вторглись в Подолию, где набрали очень много добра (korzysci), а когда шли с полоном, выпал великий снег. И собралось там на них рыцарство с Земелькой Галицким и с другими, и пошли за ними протоптанным ими шляхом. А те брели по брюхо в снегу, их настигли и легко поразили, так что ни один не ушел, и полон отняли. **Земелька убит.** Но и гетман Земелька был тогда убит: застрелен из лука татарином, который уже лежал на земле.

Потом валашский воевода Стефан, послав свое войско, без отпора повоевал все русские края [26], прилегающие к Валахии и лежащие между Днестром и Сарматскими горами или Татрами, которые зовутся Покутскими (Pokuckimi) [землями]. И подчинил их своей власти, говоря, что эти края поляки неправедно отняли у валахов. Поэтому в 1503 году король Александр, приехав из Литвы, на день Святых Симона и Иуды (28 октября) созвал в Люблине вальный сейм рыцарства польской короны, на котором советовались о Покутье (Pokucia) [27], захваченном валашским воеводой Стефаном. **Поляки в отместку разоряют Валахию.** Наняли тогда наемников (sluzebne) с копьями и тарчами по сербскому либо гусарскому обычаю, а следующей весной, в 1504 году, король Александр послал этих солдат в Валахию. И те, в свою очередь (wzajem), так долго воевали Валашскую землю, что валашский воевода Стефан был вынужден отступить из покутских замков, которые он занял было своими людьми. К тому же сам он в то время хворал ногами [из-за] подагры, и от этой болезни в том же году умер [28]. Этот Стефан, воевода Валашский, был хитер и удачлив, ибо один раз поразил полтораста тысяч турок, не считая других частых и значительных схваток с ними. Также он выгнал из Валашской и Секейской [29] земель воинственного венгерского короля Матьяша, поразив с ним большое венгерское войско и самого его ранив тремя стрелами в городе Бани (Bani). **Кромер считал, что венгерского войска было сорок тысяч. Стефан ударил на него ночью, запалив местечко, в котором они расположились. И там 10 000 их полегло на плацу, не считая раненых и захваченных в плен. И все обозы с добычей захватил, так что раненый король Матьяш едва убежал сам-друг** [30]. После этой победы он отобрал у него Секейскую (Czakielska) землю. Много раз поражал и татар, также и польского короля Ольбрахта на Буковине разгромил вопреки всем нашим чаяниям. За такие великие удачи в столь малом государстве его воистину должен прославлять каждый историк. Валахи и мултяне, играя на сербских скрипочках, на каждом пиру (biesedzie) постоянно распевают об этом на своем языке: «Стефан, Стефан, воевода! Стефан, Стефан, воевода! Бей турок! Бей татар! Бей венгров, русь и поляков!» Когда я ехал к туркам, в столичном городе Бухаресте, при дворе господаря Мултянского, у которого мы были в гостях, я сам видел портрет (obraz) этого Стефана, намалеванный на стене светлицы господарских покоев: высокого роста, в королевской короне, со старинным посохом.

Кара Богдан Стефан. Валахи также зовут его Кара Богдан (Kara Bochdan), то есть «дорогой Богдан Стефан», а из-за его неслыханной доблести почитают его как святого. **По-латински Carus, а по-валашски Cara** [означает] **дорогой.** Оставил после себя сына Богдана Одноглазого [31].

Прусский магистр уклонился от присяги. В том же 1504 году король Александр, перезимовав в Кракове, весной поехал в Пруссию, где принял присягу от прусских

городов. А новый прусский магистр Фридрих, не желая присягать, чтобы иметь подходящую отговорку, уехал в Германию, в отцовское Саксонское княжество [32].

Глава третья

О сейме в Бресте Литовском и неправедном гневе короля Александра на литовских панов по навету князя Глинского.

В году 1505, а не 4, как считал летописец, король Александр созвал в Бресте Литовском сейм, на который приехал из Кракова одиннадцатого января, в четверг [33], имея на литовских панов беспричинный гнев. Дело было в том, что по совету князя Михаила Глинского Александр дал некому Анджею Дрозду [34], служившего тому же Михаилу Глинскому, [город] Лиду, отняв его у Ильинича [35]. **Ильинич согнан с лидского староства.** Ильинич обратился с этим к литовским панам радным, а прежде всего к виленскому епископу Войцеху Табору, виленскому воеводе Миколаю Радзивиллу, трокскому воеводе Яну Заберезинскому, жмудскому старосте Станиславу Яновичу, которого Кромер и Меховский зовут Жарновцем [36], полоцкому воеводе Станиславу Глебовичу и к смоленскому наместнику Станиславу Петровичу Кишке. **Литовские паны ради правого дела осмелились противиться королю.** И эти паны, как свидетельствует летописец, взяли королевский привилей, который он им выдал, когда его возводили на великое княжение Литовское. А в этом привилее значилось так: никто не может быть лишен должности (urzedu), если только за свои поступки не заслуживает лишения чести и жизни [37]. Поэтому согласно этому привилею паны не допустили Дрозда на староство Лидское, а вернули Лиду Ильиничу.

А король, будучи в Кракове, прослышал о том и разгневался на панов. Глинский тоже постоянно подбивал короля, чтобы мстил за это литовским панам, а особенно Заберезинскому. **У Заберезинского отобрали Троки.** И на сейме в Бресте Глинский, будучи в милости у короля, довел до того, что у Заберезинского отобрали Троки и отдали Миколаю Миколаевичу Радзивиллу, сыну воеводы Виленского, который был подчашим у короля Александра и наместником бельским. **Ильинич беззаконно схвачен.** А лидского старосту Ильинича приказал схватить и посадить в тюрьму, а панам радным не велел показываться ему на глаза. Так пока что рассказывает Летописец.

Но Меховский (кн. 4, гл. 81, стр. 364), при жизни которого это происходило, а также Кромер (кн. 30, стр. 66 первого издания и стр. 441 второго), Герборт (кн. 19, гл. 5), Бельский (стр. 285) и другие достоверно пишут, что перечисленным панам король приказал на сейме явиться пред собой, разгневавшись на них по причине, о которой свидетельствует Летописец, что не допустили на Лидское староство упомянутого Дрозда. А князь Михаил Глинский, дворный маршалок литовский, был человеком, бывавшим в чужих странах: в Италии, в Испании и при дворе императора Максмилиана, а также в его войсках; сведущим в рыцарских делах и высоко ценимым соседними монархами. Будучи русского закону, обладал большими имениями и замками, [владея] почти половиной государства Литовского. Благодаря всему этому он привлек на свою сторону много шляхты, особенно русской. **Вражда Глинского с литовскими панами.** Поэтому литовские паны опасались, как бы он, улучив момент, не завладел великим княжеством

Литовским и не перенес столицу на Русь, пренебрегши Александром, ибо тот не имел потомства. И распускали слухи (powiadano pospolicie), что он собирается сесть на великое княжение и изменнически угрожает жизни Александра. И был он в великой ненависти у литовских панов. Но Глинский, будучи любимцем короля Александра, не обращал никакого внимания на все их наветы и открыто враждовал с литовскими панами, негодуя на них за то, что не дали Лиду Дрозду. И жаловался на них королю, что они непослушны и противятся его величеству. И, постоянно нашептывая ему в ухо, довел его до того, что король стал грозить смертью Заберезинскому, Станиславу Кишке, Глебовичу и Жарновскому. Плетя для этого хитрые сети, говорил королю, что пока на Литве этих панов (как минимум трех) не казнить, в этом княжестве будут смуты. **К чему ведут предательские советы.** Глинский давал эти предательские советы потому, что, истребив главных врагов, он тем легче мог вместе с русью завладеть великим княжеством литовским, на которое метил.

Литовские паны едва не попали в смертельную опасность в Бресте. Но так как король Александр не мог посреди Литвы, как пишет Кромер, поступить так, как ему советовал Глинский, из-за великого могущества и силы этих панов и народного сочувствия им всей Литвы, поэтому он вызвал их на тот сейм в Бресте, желая запереть их там в замке и покарать. **Великодушие коронного канцлера кс**[ендза] **Лаского к литовским панам.** И так бы и случилась эта беда с их жизнями, имениями и честью, если бы, как пишет Меховский, их не предостерег коронный канцлер Ян Лаский [38]. Предостереженные литовские паны не пожелали поэтому входить в замок. Тогда же канцлер Лаский с краковским каноником Яном из Освенцима, королевским исповедником, отговорили короля Александра от его намерения, а коронный канцлер Лаский заявил: «Я лучше вернусь в Польшу, чем буду [присутствовать] при этой недостойной ссоре». И король стал поскромнее в своей запальчивости против литовских панов, только забрал у Заберезинского Трокское воеводство. **У Заберезинского отобрали Трокское воеводство**.

Почести царю Сахмату. И сразу же из Бреста король Александр послал за заволжским царем Сахматом, который, пораженный перекопским царем, в то время, бедняга, содержался под стражей в Вильно. А когда царь Сахмат приехал в Брест, король Александр с пышной свитой коронных панов и своих придворных встретил его в пяти милях перед городом. И разбил в поле шатер, и велел постелить много сукна там, где царь должен был сойти с коня. И [тот] шел по [постеленному] сукну до самого королевского шатра, а король, встретив, ввел его с собой в шатер и посадил по правую сторону как [лучшего] друга. И, сидя там, король Александр и царь Заволжский посвятили в рыцари многих поляков, литовцев и татар. Потом король взял его в Польшу на сейм — Радомский, а не Сандомирский, как считает Летописец [39].

Глава четвертая

О смерти великого Ивана Васильевича, Московского князя, и о Радомском сейме.

В году 1505, как свидетельствуют Ваповский, Меховский (кн. 4, гл. 85, стр. 376) и Кромер, хотя Летописец с ошибкой на два года считает 1503, в конце месяца ноября (Novembra) умер Иван Васильевич, великий князь Московский [40]. **Доблесть и успехи Ивана**

Васильевича Московского. После Владимира это был наисчастливейший русский монарх, ибо доблестью своей вырвался из татарской неволи, которую издавна терпели его предки, и самих татар несколько орд себе подчинил. Казанские, Пермские (Permijskie), Лапландские (Laponskie) [41], Сибирские, Угорские, откуда венгры вышли, Булгарские, Астраханские и Заволжские края в Азии на восток до самого Каспийского, а по-московскому Хвалынского, моря, частью заставил платить дань, а частью подчинил своей власти. Со шведами, лифляндцами и финнами (Filandy) вел счастливые войны, а у Литовского княжества отнял 70 замков и городов с Новгородом Великим. И страшен был всем соседним народам. Пьянство в Москве запретил и заказал. Породил пять сыновей: Василя, Юрия, Димитра, Семиона и Андрея, и дочку Елену, которую дал в жены Александру, великому князю Литовскому, а потом и королю Польскому.

Димитр назначен и поставлен Великим Князем Московским. А в Москве есть обычай по праву наследования вступать на отцовский престол старшему сыну. Но так тот, как пишет Герберштейн, умер еще при его жизни, Иван Васильевич назначил [наследником] его сына и своего внука Димитрия [42] и с обычными церемониями постановил ему быть Великим Князем Московским после своей смерти. А потом по совету второй жены гречанки прежнее свое постановление отменил и поставил на великое княжение после своей смерти сына от той гречанки Габриеля (Gabriela), который потом звался Василием, а внука Димитрия послал в заключение в Углич. **Челом** [бил] **и честь** [воздал]**.** Уже умирая, Иван Васильевич призвал к себе из заключения внука Димитрия, помирился с ним и вернул ему первенство царствовать на московском престоле после своей смерти [43].

Но как только Московский [князь] умер, сразу же его собственный сын Василь посадил Димитрия в тюрьму и сам завладел отцовским Великим Княжеством. Его сын, нынешний Иван Васильевич, того же имени, как и его дед, правит до нынешнего времени, следуя его путем. Ибо и он завладел было немалой частью литовского государства и также преградил дорогу в свои владения перекопским татарам. А к 1577 году [Иван IV] занял и большую часть Лифляндии (которая при магистрах простиралась от Жмуди до Финляндии на 90 миль вдоль и на 40 вширь) [44].

Сахмат открыто выступает в кругу сенаторов. В том же 1505 году король Александр в день Всех Святых (1 ноября) приехал с Брест-Литовского сейма на сейм в Радом. И взял с собой заволжского царя Сахмата и сначала оставил его в Новом Мясте [45] в Мазовии под стражей. Потом, когда польские и литовские паны съехались, в сенаторский круг был призван заволжский царь Сахмат, который в долгой речи смело, убедительно, серьезно и с большим достоинством жаловался на короля Александра и польских и литовских панов. Их напрасными обещаниями он был призван на помощь против перекопского царя из далеких скифских стран Заволжской орды от самого Каспийского или Персидского моря, а потом, когда с войском прибыл им на помощь, брошенный и воистину отданный на съедение и из-за них пораженный перекопским царем, потерял огромное войско и всю рыцарскую утварь и ценности. В конце концов, когда он бежал к ним, как к друзьям и присягнувшим товарищам, участия получил не больше, чем от самых главных врагов, ибо вопреки священной присяге был ими схвачен, ввергнут под стражу и почти до этого самого времени пробыл в темнице. **Нарекания султана Сахмата. «**Но Бог (жалобно говорил он, воздев руки к небу), воздающий за все добрые и все злые дела, рассудит в

этом деле и меня, и короля, когда мы оба предстанем перед ним, а за мои несчастья, утраты и измену присяге сам по справедливости отомстит королю Александру, нарушителю своих клятв и обещаний». **Просил только свободы.** А в конце попросил, чтобы ему разрешили свободно уехать и вернуться в свою Заволжскую орду. **Ответ царю Сахмату.** На это от польской и литовской рады он получил ответ: ты не можешь возлагать вины ни на Бога, ни на короля, а лишь сам на себя, потому что сам не соблюдал ни уговора, ни слова, ни присяги своей. Когда ты стоял у Киева, твои люди вместо защиты или помощи чинили беды нашим подданным около Киева, будто враги. Ведь киевские горожане и мы просили, чтобы ты со своими людьми расположился на московской границе под Стародубом и там добывал себе прибыток из земель неприятеля нашего, а не здесь, поблизости от Перекопа, где всегда держит за горло перекопский царь Менгли-Гирей. Будучи там, ты был бы намного успешнее, не потерял бы ни людей, ни имущества и не подвел бы ни своих, ни королевских и великого княжества Литовского рыцарей, которых лишился из-за своего упрямства. А третье, что еще горше, что поехал было к туркам без нашей воли, причем неизвестно для чего, а это указывает на умысел против нас.

Просьба Сахмата. Тут Сахмат повесил голову и не просил уже ни о чем другом, только чтобы ему помогли забрать свое имущество (statku) у перекопского [хана], либо чтобы ему разрешили послать своего брата в татарскую землю за помощью к братии ногайских царей, на [родственную] близость которых он может рассчитывать. В этом его утешили, [сказав], что король так и поступит, если только сможет быстро собрать для этого людей. **Слова Сахмата** [по поводу] **сбора людей.** Тогда тот посмотрел на людей, которых около короля было полно, как на сейме, показал на них рукой и сказал: «А эти разве не годятся, если нужно? На что их держать?». Ему ответили, что здесь не как у татар, у нас не все ходят на войну: одних держат для пахоты, других для ремесла, другие служат Богу, другие для судебных дел, другие для охраны замков. Потом ему разрешили послать брата Козака [46] к его братии ногайским царям за Волгу реку, как и просил, чтобы братья его выручали и помогли ему вернуть его имущество и людей от перекопского царя. Ибо он вполне надеялся на своих татар, что как только увидят его шапку, то сразу пристанут к нему. И по этой причине был весел от такого хорошего начинания.

Шляхтичи-разбойники казнены. На том же сейме коронные паны с королем приняли решения по поводу обороны против татар, а некоторых шляхтичей казнили за разбои и грабежи. Обезглавили (scieto) Осуховского и Мысовского (Mysowskiego), а не Мышковского (Myskowskiego), достойного шляхтича из старинного рода, как ошибочно [напечатал] типограф в первом издании Бельского. А сельскую шляхтянку (zemianke) Русиновскую, которую поймали в мужской одежде, в кожаных [сапогах] со шпорами и с мечом, повесили [47]. **Налог по 12 грошей.** А для защиты народа Малой Польши шляхтичи постановили [платить] на [содержание] солдат по 12 грошей с влоки, но великополяне не хотели на это соглашаться.

На том же сейме в Радоме литовские паны, стремясь доказать свою невиновность и не желая и далее подвергаться незаслуженному гневу короля Александра из-за жалобы коварного Михаила Глинского, просили польских панов похлопотать за них перед королем. И так как паны поляки просили за них Александра, чтобы отпустил им свой гнев,

то король по просьбе польских панов пообещал вернуть им свою милость, как только вернется в Литву, их родную землю. **Слова епископа Табора согласно Летописцу.** Там виленский епископ Войцех Табор, как свидетельствует Летописец, стал говорить королю такие слова: «Милостивый король, без вины на нас был твой королевский гнев, а причиной тому некоторые люди, ибо мы против тебя, своего пана, не стояли и не смели противиться, а лишь защищали наши права и привилегии, чтобы они оставались при нас. И потому, милостивый король, я, как пастырь литовского государства и твой, как великого князя и господина нашего, должен и тебя, господина своего, от этого отговаривать, чтобы ты, господин наш, в полной мере соблюдал наши права и свои грамоты и привилегии. А если бы кто захотел это поломать, каждому такому мстителем будь, о Боже!». И как только епископ это произнес, в тот же миг короля разбил паралич, как свидетельствует тот же Летописец [48]. **Король Александр поражен параличом.**

Сахмат [отправлен] **в Троки.** Потом разбитый параличом и хворый король Александр уехал из Радома в Краков лечиться. А литовские паны, будучи обнадежены в отношении королевской милости, по приказу короля проводили царя Сахмата в Литву, где учтиво и достойно оставили его в Троках до королевского приезда. Также и других его мурз и слуг распределили на постой, где указал сам Сахмат, соглашаясь ждать короля. Потом в Вильно приехали послы от ногайских царьков: восемьдесят конных татар. Это посольство было свободно допущено для переговоров с Сахматом. [Ногайские послы] долго с ним общались на охоте и в поездках, будучи все достойно приняты литовскими панами и снабжены ими деньгами и одеждой.

Царь Сахмат бежал из Трок и был пойман Олехно Монивидом. Улучив момент, Сахмат вопреки обещаниям и клятвам тайно бежал из Трок вместе со всеми своими татарами, которых только мог собрать. Но у Киева [был схвачен] трокским наместником Олехно Монивидовичем [49] и другими королевскими литовскими дворянами, гнавшимися за ним ночью и днем, связан и отвезен в Троки, где взят под усиленную стражу.

Послы от царя перекопского в Литву. А в то время, когда король Александр хворал в Польше, от перекопского царя Менгли-Гирея к литовским панам приехали послы, убеждая, что Сахмата лучше держать в тюрьме так же, как их литовские предки прежде поступили с дядей (stryjowi) этого Менгли-Гирея. И если поддержат в этом Менгли-Гирея, тот обещает им мир и против любого их врага вечную помощь, которую как порубежный (przylegly) сосед со своей близкой ордой может оказать им гораздо быстрее, чем Сахмат со своей далекой ордой. Литовские паны поверили этим предательским словам, однако [окончательное] соглашение и посольство к Менгли-Гирею отложили до приезда короля Александра. **Бедняга (chudzina) Сахмат пророчествует.** А несчастный Сахмат, царь Заволжский, будучи в плену у литовцев и видя творящееся с ним несчастье, убеждал литовских панов, чтобы не верили коварному перекопскому Менгли-Гирею, говоря, что он не удовольствуется (nie uskromi) моим невинным пленением и не прекратит посылать [свои войска] для разорения ваших краев. А вскоре Сахматово пророчество исполнилось.

Глава пятая

О жестоком разорении литовских владений татарами около Слуцка, Новогрудка, Минска, Витебска, Полоцка, Лоевой Горы и об обнесении города Вильно каменной стеной.

Вельможному пану
Вацлаву Агриппе [50],
писарю Великого Княжества Литовского,
старосте Нямунайтискому [51].

В 1506 году, как свидетельствует Летописец, а, может быть, в 1505, согласно Кромеру, Меховскому и другим, пришел сын перекопского царя Менгли-Гирея перекопский царевич Махмет-Гирей Солтан [52] со своими братьями Бити-Гирей Солтаном, Бурнаш Солтаном и со всеми татарскими силами к Днепру на Лоеву гору и там переправились через Днепр. Сам Махмет-Гирей пришел под замок Менск (Miensk), в центр Литвы, а под Слуцк послал двух своих братьев: Бити-Гирей Солтана и Бурнаш Солтана.

Татары отбиты от Слуцка. И в святой день успения Девы Марии [53] в пятницу пришли под Слуцк, в котором затворилась княгиня Анастасия [54] с дитятей Юрией Семеновичем, предком нынешних князей Слуцких. Зная, что в замке была только княгиня, [татары] разоряли вокруг Слуцка и штурмовали замок, делая подметы и подкладывая огонь. Но случане, которых княгиня Анастасия связала клятвой и [своими] просьбами, храбро и стойко оборонялись, чтобы защитить своего единственного наследника от языческого насилия. И множество татар полегло под замком, ибо в то время многие другие шляхтичи и князья служили у той княгини Анастасии в Слуцке [55].

А сам старший царь Мехмет-Гирей тогда же встал лагерем под Менском и пустил [татар] в загоны под Вильно, в Завилийскую сторону, также к Витебску, Полоцку, к Друцку (Odrucku) и на все литовские и русские стороны, а те два его брата, царевичи, минуя Слуцк, пошли к Новогрудку. А в то время все литовские паны были в Новогрудке, обсуждая меж собой, что им делать с тем, что король гневается на них из-за Глинского. И что на Радомском сейме он обещал вернуть им свою милость, как только приедет в Литву. И сговаривались, как бы им отомстить Глинскому. **Татары чуть не захватили в Новогрудке литовских панов.** А татары, узнав о панах в Новогрудке, скорее поспешили к Новогрудку, чтобы сорвать эту раду, затеянную не ради обороны Речи Посполитой, а ради приватных дел. Паны, видя беду, уехали из Новогрудка за Неман. Татары, придя к Новогрудку, никого не нашли, погнались за панами до Немана и далее и, перейдя Неман, великие беды причинили Литовской земле и воротились назад с пленниками и добычей. Но Новогрудскому замку ничего не смогли сделать, ибо воеводой в Новогрудке был тогда Альбрехт Мартинович Гаштольт [56], который, будучи в Новогрудке, сам хорошо укрепил замок. При нем были городничий (horodniczy) Маскевич, Иван Тризна, Немира и другая новогрудская шляхта. Ежедневно выезжая из замка и сражаясь с татарами, они не давали им вредить замку и городу, к тому же многих татар перебили сильной стрельбой из замка. Татары, видя, что ничего не могут сделать замку и городу, отошли прочь.

Татарская жестокость. А царевич Мехмет-Гирей, который стоял лагерем под Менским замком, все окрестные волости разорил, город Менск опустошил, только замок с другими устоял, монастыри и церкви огнем выжег. В литовской земле, в Полоцке, в Витебске и в Друцке (Odrucku) в то время учинил многие беды и жестокое кровопролитие над народом христианским и воротился назад, не понеся потерь среди своих людей.

5 000 татар захватили 100 000 христианских пленников. Его брат Бити-Гирей Солтан и Бурнаш Солтан тоже вернулись от Новогрудка (Nowogroda) с огромным полоном и с добычей. Из Руси и из Литвы, как пишут Меховский (кн. 4, гл. 82, стр. 368), Ваповский, Бельский и Кромер (кн. 30. стр. 669 первого и 444 второго издания), они вывели свыше 100 000 человек, так что каждому татарину досталось по двадцать пять христиан-невольников, кроме тех, которые сгинули. Но перечисленные польские историки не указывают число татарского войска в Польше, только ***quinque milia expeditorum Tartarorum***, пять тысяч снаряженных (przebranych) татар, хотя Летописец свидетельствует, что на троих кош имели [57]. И пошли мимо Слуцка в орду, потеряв мало своих людей. А после отхода татар было поветрие в Менске и в иных литовских городах.

Москва [идет в поход] **на Казань.** Той же осенью великий князь Василий Иванович Московский послал своего брата князя Дмитрия Жилку, а с ним своего наивысшего воеводу князя Федора Ивановича Бельского и много других воевод со всеми силами московскими, конными и пешими людьми, на вицинах (wicinach) [58] по Волге (Wolha) на Махмет-Гирея (Machmetcieleja) [59], царя Казанского. И, придя к Казани, обступили и штурмовали замок со всех сторон, землей и водой. **Москва поражена у Казани.** Потом вооруженные люди вышли с воды на берег, из вицин под замок. Татары ударили на них и всех перебили, а другие, убегая, потонули в Поганом (Pochanym) озере и в Волге реке. А на тех, которые оставались на воде в вицинах, налетела сильная буря, так что они едва ли не все утонули; только князь Дмитрий, брат великого князя Московского, с воеводой князем Федором едва убежали в малом числе. А конных московитов, которые пришли к замку по берегу, татары тоже чуть ли не всех перебили, так что мало их ушло. И из-за этого великий князь Московский в то время понес от татар огромные потери в людях и военном снаряжении [60].

Умерла королева Эльжбета. В том же году заплатила последний телесный долг смерти [вдова] Казимира королева Эльжбета [61], пани святой и благочестивой жизни, которая своим просвещенным (oswieconym) потомством народам (rzeczipospolitej) Польши и Литвы сделала очень много доброго. И там же в Кракове сыном Александром, королем Польским и Великим князем Литовским, с почестями похоронена в замке, в той же часовне, где лежит ее супруг, славной памяти король Казимир.

Вильно обмуровано. И в этом 1506 году жители Вильно и литовские паны, устрашенные татарами, как свидетельствуют Кромер и Меховский, начали окружать Вильно стеной и приводить в порядок замки.

В том же году валашский воевода Богдан Кривой (jednooki) послал сватов к королю Александру, прося, чтобы тот отдал ему в жены свою сестру королевну Эльжбету, обещая за это вернуть повяты Чешибеси (Cieschybiesy) и Тысменице, которые силой захватил его

отец. А король отдал это на усмотрение королевны, которая ни за что не хотела позволить, чтобы [ее супруг] был другой веры, и к тому же одноглазый. Помешало и то, что в это время умерла ее мать, [вдова] Казимира королева Эльжбета.

Спор о местах в сенате. А король Александр, полностью излеченный лекарями от болезни, в ноябре месяце 1506 года приехал из Кракова на сейм в Люблин. И на этом сейме между светскими и духовными панами вышел спор по поводу способа и порядка сидения в сенаторском кругу, ибо светские паны домогались, чтобы епископы выбрали себе одну сторону от короля, например, правую, а им разрешили бы другую. А также чтобы от своих имений и доходов церковных, которых получали больше, чем король со шляхтой, отчисляли на военные походы. **Духовные** [лица] **оставлены при своих привилегиях.** И там после долгих споров король высказался за духовенство, чтобы они оставались при всех своих привилегиях и вольностях.

Монета полугрош. Там же одобрена чеканка новой монеты на оборону страны и начата чеканка полугрошей.

Поход на Валахию. Духовенству также установили налог (pobor) на солдат, которых король отправил против валашского воеводы Богдана, сына Стефана. И там они оказали большую услугу, когда отобрали у валахов некоторые замки над Днестром (Niestrem).

Доблесть Струсовичей. В то время двое юношей, Щесный (Szesny) и Юрек, урожденные Струсовичи, с пятьюдесятью конниками отлучились от войска и пошли в козачество на Валахию. И там наскочили на множество валахов, могли бежать, но сошлись с ними [в бою]. Побежденный их множеством, Щесный был там сразу убит, а Юрек мог убежать, но не захотел, сказав: «Не дай Боже, чтобы я не погиб рядом со своим милым братом». И бился с ними так долго, пока его не схватили, а потом зарубили. Весь польский народ долгое время скорбел о них; однако служивые отомстили за них валахам, когда на том же самом месте Каменецкий тоже велел зарубить пятьдесят валашских бояр (поразив два их полка).

Валахи поражены. В той же битве убит староста или барколаб (Barkolab) [62] хотинский, а гетман Копач еле убежал, так что потом Богдан был вынужден просить мира, который и получил на [определенных] условиях. Хотя Меховский и Ваповский, а также Бельский не сообщают о последствиях этой битвы, но Кромер (кн. 30. стр. 668 первого издания и 445 второго) пишет, что эта война закончилась перемирием, подтверждая это грамотами того же Богдана, которые видел в коронной сокровищнице.

Глава шестая

О приезде короля Александра в Вильно, поселении царя Сахмата в Ковно, болезни и смерти короля и о фальшивом лекаре, о разорении литовского княжества татарами и о поражении их литовцами при гетманстве Глинского у Клёцка.

В 1506 году, а согласно Летописцу, в [150]7, прямо с Люблинского сейма король Александр в день С[вятого] Григория (12 марта) приехал в Литву, ибо там его, как пишет

Кромер, ждали послы от перекопского царя и другие от ногайских царьков. Узнав, что в прошлом году расстался со светом московский князь Иван Васильевич, Александр готовился после его смерти вернуть те замки и княжества, которые [тот] оторвал было у великого княжества Литовского, его отца Казимира и у него самого. Ибо в то время, как говорилось выше, были великие раздоры между его сыном Василием и внуком Дмитрием относительно престола Великого княжества Московского и великие несогласия между московскими боярами и простыми людьми. Но когда Александр узнал, что великим князем стал Василий, отец нынешнего [великого князя], то не захотел его дразнить (как говорится: «милый ежик, не колись!»), а, напротив, быстро умерив свой запальчивый гнев, отложил походы против Москвы на другое время. Собираясь поступить по желанию перекопского царя и угодить его посольству, собрал в Вильно всех литовских панов и приказал доставить к себе из Троков заволжского царя Сахмата, который разбил шатры и встал перед Вильно со своими татарами и с теми, что были к нему посланы от ногайских царьков. И там король Александр сразу объявил его нарушителем перемирия и изменником [за то], что хотел бежать из Литвы, и за то, что перед этим, будучи союзником, причинил великие беды Литовскому государству около Киева. И за это по приговору панов литовских и русских был схвачен князем Михаилом Глинским и отослан в заключение в Ковно, где потом и умер. **Царь Сахмат умер в нищете.** А другие его татары были разосланы по другим замкам.

Татары второй раз увели 100 000 христиан. Вскоре после этого пять тысяч перекопских татар жестоко повоевали Подолию, Русь и Литовские края и второй раз беспрепятственно увели в орду в жалкую неволю свыше ста тысяч христианских пленных, не считая стариков и молодых пленников, которых множество зарубили и умертвили.

Обманщик доктор Балинский. А король Александр, находясь в Вильно, чем дальше, тем больше разболевался, зараженный параличовой болезнью. И тогда вызвался один лекарь, а точнее, шарлатан (matacz), некий Балинский, которого так стали называть по жене, когда под Илькушем (Ilkuszem) он взял в жены дочку некоего Балинского. Этот обманщик, хотя и был урожденным поляком, по происхождению и по языку звал себя греком из рода Ласкарей, видимо, припомнив слова Христа, что нет пророка в своем отечестве. **Ласкари и Палеологи — виднейшие греческие фамилии.** И так прославился своим жульничеством, что к нему потянулись со всего королевства, особенно мещане из Кракова. И там в Балине, в крестьянском жилище, исполненные надежды на исцеление, принимали его бесполезные лекарства и чары (czarow). С богатых брал не [менее чем] по сто червоных злотых, из-за чего некоторые медики называли его Сотником (Setnikiem). А в Краков, как пишет Меховский, никогда показаться не смел, как сова на свет, боясь других докторов.

Шарлатан Балинский лечит короля. Поэтому король Александр, почувствовав приступ болезни, послал из Вильна за этим Балинским, введенный [в заблуждение] его фальшивой славой. Но тот не хотел двигаться с места, пока ему вперед не выдали триста червоных злотых, и, взяв с собой королевскую аптеку [63], поехал в Вильно. Там он прописал королю баню (возможно, в сговоре с Михаилом Глинским), в которой сильное размолотое зелье положил в котелок, а другое в горшочек, а сверху над паром уложил короля, пристроив так, чтобы тот пропотел. К тому же велел ему пить мальвазию (malmazia) и вина покрепче,

что противоречит [мнению] всех врачей. А когда от обильного потения король сомлел, другой королевский врач из Блони (z Blonia) стал уговаривать канцлера Лаского, чтобы [короля] силой увели от этого смертельного лечения. Но когда по доброй воле не захотел (ибо в этом его защищал князь Глинский), канцлер Лаский, видя короля на полу [как бы] умершего, своей властью велел схватить лекаря, посадить под стражу и стеречь его до приезда Сигизмунда из Силезии. Однако с помощью Михаила Глинского этот шарлатан бежал и через Прусскую землю пришел в Краков, где жил аж на Звержинце (na Zwierzyncu) в монастыре при жене Балинской, потом у монахов на Скальце, пока его оттуда не забрал писарь из канцелярии Медзилеский и не посадил [под стражу] на епископском дворе. Однако после долгого заключения был отпущен, чтобы не умер. Тайно занимался алхимией и, задолжав на этом краковским мещанам, как пишут о нем Ваповский и Бельский, бежал прочь от жены. Только его и видели.

Король Александр расхворался сильнее. А король Александр, лежа в Вильне, чем дольше, тем сильнее хворал, страдая от паралича отчасти и по Божьему соизволению, в соответствии с теми словами виленского епископа Табора на Радомском сейме, а отчасти из-за предательского и фальшивого [лечения] шарлатана лекаря. А литовские паны, как пишет Кромер, полные взаимной ненависти, особенно против Глинского, и к тому же удрученные королевским гневом, внутри страны грызлись между собой. Каждый из них заботился о приватных делах и о своей собственной [выгоде], и не имел никакого старания о делах государственных.

Татары снова [идут] **на Литву.** Перекопские татары, видя их раздоры, сразу сложили [у себя] недавно захваченную добычу и, немного передохнув, в августе месяце с огромными силами снова вторглись в литовские владения.

Король [едет] **в Лиду.** В то время король Александр из Вильно поехал в Лиду, в двенадцати милях от Вильно [64]. Кромер сомневается в причине [этого поступка], ибо Меховский пишет, что король, узнав о том татарском вторжении, приказал всему литовскому рыцарству выступить против них. Но когда литовцы не пожелали этого делать из-за упорства Глинского, который вел к тому, чтобы сам король, пусть и хворый, собственной особой состоял при войске, Александр приказал доставить себя в Лиду на носилках, а Кромер пишет, что на возу, желая показать, что он и перед кончиной готов быть со своими подданными. **Сопоставление историков.** Ваповский в своей хронике, так и не вышедшей в свет [65], тоже пишет, что он умышленно двигался в сторону Польши, желая там передать управление и отдать власть в Польше и Литве [своему] брату Сигизмунду, князю Глоговскому, чтобы самому в покое провести остаток своих дней из-за неизлечимой болезни, которая чем дальше, тем больше усиливалась.

Литовские же летописцы свидетельствуют, что в 1507 или, может быть, в [150]6 году король Александр, как только приехал из Польши в Вильно, будучи немощен и сильно парализован болезнью, тут же учинил сейм в Лиде. А великая княгиня Елена, видя смертельно [больного], приехала за ним.

Внезапное известие о татарах. А когда были в Лиде, как пишет Кромер, приехал какой-то шляхтич, рассказывая, что татары крушат и разоряют едва в одном дне езды от Лиды. И

показывал рану: мол, татары подстрелили его стрелой в лицо, так что он едва ушел из их рук [благодаря] прыткости [своего] коня. Пришла и другая новость, что перекопские царевичи Битигирей Солтан и Бурнаш Солтан, которые шли к Новогрудку, пришли под Слуцк с двадцатью тысячами человек, а Кромер и Меховский считают, что их было тысяч тридцать числом. Но паны еще не до конца этому верили. **Более полное известие о татарах от Рашков.** Поэтому пребывавший при короле князь Михаил Глинский послал нескольких своих Рашков [66], храбрых солдат, чтобы они как следует все разузнали. Рашки, недалеко отъехав, наскочили прямо на татарский отрядик (ufiec) и завязали с погаными смелую битву, девятерых их убили, остальных разгромили, а отрубленные головы убитых, насаженные на копья, принесли своему пану.

Король из Лиды перевезен в Вильно. В Лиде сильно испугались за хворого короля, и потом все решили, что из-за тряски на неподходящей каменистой дороге короля надо отнести в Вильно на носилках. Вся шляхта, видя, что дело плохо (gwalt), тоже съехалась к королю в Лиду. И там король, гневаясь сам на себя, что не может сидеть на коне, передал великому гетману Станиславу Кишке и Михаилу Глинскому все командование над литовским войском, которого, по Летописцам, собралось десять, а по Кромеру, Меховскому и другим семь тысяч. Послал также к брату Сигизмунду, чтобы как можно скорей приезжал в Литву, ибо велика в тот час была потребность в его присутствии [независимо от того], жив ли король или умер, выиграли литовцы [битву] или проиграли. И постоянно приходили вести за вестями, что татары, отобрав двадцать тысяч храбрецов, упорно движутся к Лиде. Поэтому до Вильно полумертвого короля днем и ночью сопровождали виленский епископ Войцех Табор, Ян Заберезинский, канцлер Ян Лаский и королева Елена, а несли его на носилках между двумя конями, часто их сменяя. **Знатные возницы.** А вместо возниц на них сидели Миколай Русовский, который потом был паном Беховским, и Ян Соботка, друг канцлера Лаского.

Первый успех против татар. А татары, придя к Новогрудку, переправились через Неман и расположились в миле от замка Лиды, а другие в полумиле. И жгли там церкви, дворы и села, а литовские паны, видя это, очень сожалели от такой великой жестокости. И собралось их десять тысяч в одно место, так как в столь короткое время там не могло быть больше. Послали людей взять языка, и те в миле от Лиды нашли несколько сот татар, поджигавших в загонах. И там их наголову поразили и немало живыми взяли, а головы других приносили в тайстрах [67], особенно Рашки. Татары, видя, что их уже одолевают, повернули назад. А литовские паны пошли за ними к Новогрудку, собираясь ударить на лагерь, где под Клёцким замком стояли сами царевичи. От татарских пленников [литовцы] имели известия, что к царевичам еще не пришли татары из загонов. Поэтому, поручив себя Господу Богу, сразу выехали из Новогрудка вечером четвертого августа в понедельник [68], уже перед сумерками, и двинулись мимо Осташино. А назавтра во вторник от Цирина и Полонки прибежало немало людей, сообщивших, что татары ходят недалеко от войска. Наши, не отдыхая, двигались к Полонке [69] и передние литовцы, шедшие вскачь, налетели на пять сотен татар из загонов, идущих к Клёцку, и всех их там наголову поразили и много пленников взяли. А те, которые бежали в лагерь, сообщили царевичам, что идет литовское войско.

Вторая счастливая битва с татарами. Поэтому царевичи приготовились к битве и уже ждали там наших, а наши со всем войском, которого было не более 10 000, во вторник ночевали в деревне Липой [70], а назавтра в среду, в шестой день месяца августа [71], когда Станислав Кишка, гетман великого к[няжества] Лит[овского], неожиданно заболел, все командование [он] полностью передал Михаилу Глинскому. И тот тем охотнее (chetliwie) его принял, что был сведущ в способах битвы с татарами. И, имея о них полные сведения от шпионов, смело двинулся на татарский лагерь под Клёцк [72], как следует построив семь тысяч литовской шляхты и солдат, и три тысячи собранной черни (motlochu), так что всего их было 10 000.

Глава седьмая

Славная битва с татарами под Клёцком

Когда, как жестокий Марс, язычники бушевали
И с хромоногим Вулканом волости разоряли,
В то время забеспокоился даже Юпитер сам —
Не пришлось бы снова бежать в египетские леса [73].
Лишь Михаил Глинский, в рыцарских делах муж справный,
Видя, что Литве здесь конец наступает явный,
Десять тысяч литовцев с руссаками собрал,
И с ними как можно скорей под Клёцк поскакал,
Где два татарских царька кошами лежали [74],
А другие в загоны от них разбежались.
На царьков хотел ударить прежде, чем вернутся
Татары, и враги со всех сторон соберутся [75].

Широкие татарские загоны.

Ибо их двадцать тысяч по загонам рыскали,
Разлетевшись по землям минским, слуцким и лидским,
Одни ошмянские и кревские волости разоряли,
Другие почти до Волковыска [76] и Гродно воевали.
А Михаил Глинский двинулся прямо под Клёцк — туда,
Где татары стояли у болотистого пруда,
И несколько вражьих отрядов побил по дороге.

Царьки готовятся к битве.

Татары царькам сообщили об этой тревоге,
И сразу же Бичигирей (Biczykierej) Солтан горячий,
А с ним брат Бурнаш, царек, до битвы охочий,
Большое татарское войско в полки собрали,
Построились к бою и литовцев поджидали.
Их лагерь болотистый пруд с одной стороны прикрывал,
Оттуда никто из татар никаких бед не ожидал.

Литовцы отбили коней у татар.

Но литовские Рашки [77] быстро набежали
И схватку со стражей у пруда завязали,
Им на помощь пятьсот литовцев подскочили.
Татары большую ошибку совершили:
Литовцы сразу коней у них отбили,
Чем большие неудобства причинили.

Татары без коней.

Но татары, хотя и без коней остались,
У пруда с литовцами пешими сражались
И за лучшее место долго друг с другом рубились.
Были отброшены, и к своим царькам обратились.
Была там речка — не особенно и глубока,
Но болотом покрыты широкие берега [78].
Татары спешили свой строй сплотить,
Чтобы литовцев к себе не пустить.
Железный град на них обрушили из луков,
Даже небо задрожало от этих звуков,
Ливень свистящих стрел со всех сторон свистел [79].
Глинский своим рассредоточиться велел:
Так им стрелы татарские меньше вредили.
До татар же наши еще не доходили,
И долго возле той речушки толкались,
А татары все сильнее укреплялись.
И тогда из ружей, которых несколько имели [80],
Ударили по поганым так, что те обомлели.
Некий Рачко имел аркебуз (harkabuz), маршалок Радзивиллов —
Длинное ружье, которому все немало дивились [81].
Огнем из тех ружей до реки татар отогнали,
А сами, следуя за ними, быстро наступали.
Одни в лесу прутья рубили и в речку метали,
Другие доски и ветки, чтобы брод гатить, стлали.

Слова покойного Рачка, который, как говорят, увидев, что татары боятся ружья, пусть и не заряженного, прогнал [невесть] **сколько татар.**

А наш господин Рачко все веселее гарцует
С ружьишком своим, в котором большую силу чует.
Заряжает его раз за разом, а как только пальнет,
Тут же какой-нибудь нехристь падает и не встает.

Речь Глинского, [обращенная] **к рыцарству.**

А Михаил Глинский, видя, что мост уже готов
Через реку, сказал людям много теплых слов.
Чтобы ради милой отчизны начинали
И от беды ее смелее заслоняли.
Напомнил про рыцарскую честь, свободу и славу,
Про жен, детей и все, чем владеют они по праву.
Пусть за их здравие храбро сабли вынимают,
Братьев, взятых в полон, из неволи выручают.
Вот так он всех своих объехал и направил,
Потом с боевым кличем сам их и возглавил,
Крикнув: «Ну, братцы, за мной!». Литва всем роем
С гиканьем шла за ним искривленным строем.
Вздрогнули небо и лес, грохот и треск страшный,
Когда по татарам вдруг ударили наши.
Пыль из-под конских копыт до небес взлетела ввысь,
Эхом крики и ржание по полям разнеслись.

Под Глинским убили первого коня. Храбрость Глинского.

Глинский был в самой гуще с отрядом своим.
Двумя стрелами убили коня под ним,
Пересел на другого; с отвагой величайшей
Доблесть как гетман и рыцарь проявлял ярчайше.

Мужество новогрудской шляхты.

Новогрудские шляхтичи под хоругвями своими,
Увидев главные силы татар и царьков их с ними,
Ударили с фланга по ним с сокрушительной силой,
Шеренгу поганых, как срубленный лес, повалили.

Большой татарский полк [во главе] **с царьками снова ударил на литовцев.**

Видя это, царьки со своими мурзами
Свои главные силы двинули и сами.
Прямо на главный полк наши наступали,
Все кричали, гикали и глотки драли,
Алла! Алла! вражеские голоса завывали,
Летящие стрелы ясное солнце заслоняли.

Доблесть минской и гродненской шляхты.

Минская и гродненская шляхта в полном вооружении
Сильно ударила в правый фланг татар, завязав сражение.
Все движение им сбили и сквозь строй их прорвались.

Хитрость.

И тут вооруженные поляки показались
В блистающих доспехах, каждый на коне.
Три сотни в гусарской лоснящейся броне
С копьями с прапорцами и со щитами [82]
Встали на пригорке длинными рядами
Так, что издалека огромным войском казались,
А в бубны били так, что небеса содрогались.

Познанский воеводич Сендзивой Чарнковский с королевскими дворянами.

Гетманом над ними был поставлен Чарнковский.
Завидев их, встревожился весь полк татарский,
Думая, что прибыло много людей. Сразу бежать
Они ринулись, на болотистых пашнях увязать.
Сами поляки в бой пока не вступали,
Однако литовцам храбрости придали.
Громко трубили, пугая поганых, в бубны били.
Ну, и что же вы оробели, дворяне милые?
Я, хоть и связан бы был, в такие минуты
(Хоть речь и не обо мне) перегрыз бы путы [83].
Видно, поляки такого страху на татар нагнали,
Что литвины напуганных голыми руками брали.

Татары разгромлены.

Татары в разные стороны разбегались [84],
А литовцы за ними все смелее гнались [85],
Рубили и длинными копьями в спины кололи,
Кровь из их чрева хлещет, ручьями течет по полю.
Крики и гиканье по широким полям, по лесам (szelinie),
Трупов полно по дорогам, по пашенным бороздам.
Пленников развязали, которые злыми были
На поганых, ибо потом всех их насмерть били.

Под Глинским убили трех коней.

А князь Глинский как гетман и как рыцарь смелый
Богом был благословлен на правое дело.
В том бою трех коней подряд убили под ним [86],
Когда он рубал татар одного за другим.

Очень много татар потонуло в Цепре.

Литовцы в полях татар били и мордовали,
Пока к болотистой Цепре-реке не пригнали,
Где поганых более, чем под Клёцком, сгинуло,
Ибо, воистину, кровь их рекою хлынула.
Часть их, убегая, потонула в Цепре,
Других в грязном болоте били, как вепрей.
Река из-за трупов чуть не остановилась,
Ибо несколько тысяч их туда ввалилось.
И ныне, как видел я сам, явные битвы следы
Пахарь в поле находит, из распаханной борозды
Выворачивая доспехи и истлевшие стрелы,
Копья, шлыки (slyki) и сабли, от времени проржавелые.

Царьки загубили коней и бежали.

Битигирей (Bitikierej) и Бурнаш, царские дети,
Видя, что им уже ничего не светит,
В болотистом озере, удирая, коней загубили (zbili) [87],
Через лес из той страшной топи ноги свои уносили.

Число убитых татар.

Двадцать тысяч татар полегло на поле боя.
Много лет потом поле, полное перегноя
Из их трупов, было на удивление плодородным.
А до этого без навоза было почти негодным.

Отбито 23 000 татарских коней.

Двадцать три тысячи татарских коней отбили
И большую добычу в лагере захватили.

Поганых захвачено 3 000.

Пленных десятки тысяч (kilkodziesiat), наверное, спасли,
А самих татар три тысячи в плен увели.

Хитрость Глинского [по отношению] **к другим татарским загонам.**

Но Глинский победой не удовлетворился [88],
Сгоряча он к еще большей славе стремился,
Зная, что разосланные повсюду загоны
До кошей своих должны возвращаться с полоном.
Поэтому у татарских кошей войска расположил
И пути отступления своими людьми перекрыл.

Татарские загоны побиты.

На четвертый день, как они и собирались,
В свой лагерь татары с полоном возвращались.
Не зная о разгроме своих, в западню угодили.
А Глинский с литовцами просто как скотину их били,
Ибо те, как стадо без пастыря, блуждали,
Бросая оружие, из битвы утекали,

Случане снова погромили татар.

А слуцкая княгиня Настасья своих бояр [89]
Послала перехватывать отбившихся татар,
Так что их очень много под Копылем перебили,
И у Петровичей (Poiotrowic) они жизнью долги платили.
Вот так все языческие войска были поражены,
А иные в реки, озера, болота погружены.
(Хотя Рачко с ручницей (z rucnica) своей отличился стрельбой,
Но и маршалок Радзивиллов был не меньший герой,
Двое их с ружьями сумели татар оттеснить —
Ныне с тысячей стволов такого не учинить).

Татарские трупы.

С триумфом и с добычей наши возвращались,
Птицам на корм трупы язычников валялись.
Часть их наши из-за смрада погребли,
Других волки и псы в лес уволокли.

Если вирши смогут, да восславят рыцарство мое!
Доблесть вашу в бою пусть достойный поэт воспоет,
Даже время ту славу не уменьшит, не сотрет.
Пусть за эту работу вечно вам Господь воздает.

Король Александр, уже кончаясь, услышал эту радостную новость.

Король Александр с завещанием распоряжался
И к святым таинствам благочестиво причащался.
Свою искренность причастием подтвердил,
В котором сам Бог живой нам себя явил.
Уже кончался и душой на тот свет спешил,
Когда прекрасную весть из войска получил,
Что литовцы врага разгромили и разогнали,
Славную над татарами победу одержали.
Пленных и добычу отбили, а сами в целости,
Избавили от страха королевские волости.

Александр, хотя и не мог говорить, возблагодарил Бога.

Король замкнул уста, и в самом деле умирая,
Не говорил, а тяжко вздыхал, Бога восхваляя.
Руки вздымал и слезу за слезой точил,
Богу всем сердцем молясь из последних сил.

Давал руку тем, кто стоял рядом.

Долго хрипел он, пытаясь подняться: труды напрасные!
Ведь сражаться с татарами и со смертью — вещи разные.
Руку свою давал каждому из стоявших рядом,
В небо глядел со слезой, на людей — веселым взглядом.

Александр умер.

Вслед за триумфом заплатило долг смерти тело,
Но слава и перед смертью с косой уцелела.
Ибо сразу с двумя врагами воевал
Он тогда; с одного радостный триумф взял,
А другой его одолел; он не смог отбиться,
Никаким золотом от смерти не откупиться [90].

Глава восьмая

О внешности, обычаях и погребении Александра в Вильне и о возведении на великое княжение литовское его брата Сигизмунда, князя Глоговского и Опавского.

Так после той славной победы над татарами король Александр Казимирович, внук Ягеллы, умер в виленском замке 19 августа 1506 года, в среду, в четвертом часу ночи, на сорок шестом году своей жизни, как пишет Кромер, а Меховский считает 45 [лет] и 14 дней, пробыв на великом княжении литовском 14 лет и два месяца, а польским королевством [он] правил 4 года и 8 месяцев.

Комета. Его смерть ознаменовала комета, незадолго до этого появившаяся на севере. **Чудо с неба.** Также однажды ночью из облаков на башню Краковской ратуши упал очень яркий круглый огненный шар (kula).

Внешность. Александр был среднего роста, с продолговатым лицом, волосы смолистые (wlosow smladych), костистый, широк в плечах и довольно силен, но туповат и знаний довольно скромных, из-за чего был молчалив.

Щедрость. Щедростью превосходил всех других братьев, почитая себе за великое счастье, если делал что-либо доброе людям храбрым, рыцарственным, придворным и ученым. Также очень любил музыку и трубачей, и по этой причине большинство людей считали его более расточительным, чем щедрым, [говоря], что вовремя помер, пока не

успел пораздарить всю Польшу и Великое княжество Литовское, ибо он уже раздал было и значительную часть королевских имений.

Споры литовских панов. Потом были споры по поводу его погребения, ибо канцлер Ян Лаский настаивал на отправке тела короля в Краков, поскольку при жизни тот и сам просил об этом. Литовские же паны хотели похоронить его в Вильно рядом с братом Казимиром, опасаясь того, как бы власть в великом княжестве Литовском не захватил Глинский, человек, охочий до власти и обнадеженный своей победой. [Благодаря] симпатиям и с помощью своих руссаков он легко бы мог захватить Вильно в отсутствие литовских панов, пока те будут провожать тело в Краков и возвращаться назад.

Сигизмунд [спешит] **в Вильно.** А тем временем Сигизмунд, маркграф Лузации, князь Глоговский, Опавский и староста Силезский, по пути услышав от литовских гонцов о смерти брата короля Александра, как можно скорее поспешил в Вильно, [от которого был] в двенадцати милях, как пишет Деций. И первым навстречу ему выехал князь Михаил Глинский со всеми литовскими панами и с семью сотнями конных, а с князем Сигизмундом было не более двух сотен конных.

Глинский оправдывается. И Глинский, зная, что он уже у Сигизмунда на подозрении, учинил там прекрасную речь, в которой отвергал несправедливые обвинения и домыслы литовских панов, что якобы он намеревался сесть на великое княжение Литовское. Очистившись от этих подозрений, он пообещал Сигизмунду, как своему прирожденному пану, свое подданство, верность и достойную службу. Сигизмунд поблагодарил его за это и обещал быть во всем к нему благосклонным.

Потом приехали все литовские паны с большими и праздничными свитами и, приветствовав князя Сигизмунда и поздравив его с великим княжением Литовским, с почестями проводили его до Вильно.

Погребение Александра. И вскоре после этого, приготовив все обычно необходимое для церемонии королевского погребения, Александра вопреки его воле похоронили в Виленским замке в костёле Святого Станислава, в той самой часовне, в которой был погребен и его брат Казимир, славный благочестивыми чудесами, и где прежде лежал и Витольд, пока его кости не перенес виленский епископ Валериан [91], а также князь Сигизмунд [Кейстутович], его сын князь Михайло и князь Свидригайло.

Сигизмунд возведен на великое княжение Литовское. В том же 1506 году, с почестями проведя погребение Александра, все литовские паны и князья единогласно, как своего природного господина, избрали на великое княжение Литовское Сигизмунда Казимировича, брата Александра. Время его возведения [на престол] назначили на октябрь или ноябрь месяц, согласно Меховскому, на двадцатое, а по Йосту Децию на 26 [число], во вторник [92], в день перенесения [мощей] Святого Войцеха, на шестнадцать часов. И с большими почестями, церемониями и триумфом возвели его на великое княжение Литовское по стародавнему обычаю. Виленский епископ Войцех Табор возложил на него княжескую шапку червоного аксамита с золотой опояской (strefy), усыпанную дорогими каменьями, а потом Михаил Глинский, как маршалок, вручил ему

меч. И там все литовские, русские и жмудские паны и послы из воеводств и повятов присягнули ему на верность, послушание и подданство.

Комментарии

1. Ян Станиславович Абрамович (1545-1602) герба Ястребец — *войский* виленский (1570), подвоевода (1572-1589), староста лидский (1579) и венденский (1589), президент дерптский (1589-1601), воевода минский (1593-1596) и смоленский (1596). Был кальвинистом, однако дружил и с православными князьями. Его супруга Анна Доротея (из рода Воловичей) опекала православное Святодуховное виленское братство. Абрамович покровительствовал литераторам, пробовал писать и сам.

2. С посвящением Абрамовичу связана едва ли не самая грубая ошибка в издании 1846 года, где тот назван Яном Абрамовичем *Вольским*, хотя в издании 1582 года (стр.684) этого нет. Издатели XIX века приняли *должность* (woiskiego) за *фамилию* (Wolskiego) и даже набрали это слово тем же шрифтом, что и имя (стр. 314). Войский — одна из низших земских должностей. Когда войско отправлялось в поход, войский следил за порядком в повяте и охранял шляхетских жен и детей.

3. Имеется в виду поражение поляков в Козьминском лесу 26 октября 1497 года.

4. Анджей Боришевский (1435-1510) герба Порай — архиепископ львовский (1488) и гнезненский (1503), примас Польши.

5. Ян Феликс Тарновский (1450-1507) герба Лелива по прозвищу Шрам (Szram) — сын воеводы люблинского (1479-1484) Яна Феликса Тарновского (1417-1484), хорунжий краковский (1484), староста Белза (1485) и Городло (1505), каштелян люблинский (1497), воевода люблинский (1501) и сандомирский (1505).

6. Смотри примечание 83 к книге двадцать первой.

7. Именно это событие (между 12 и 15 июня 1502 года) в российской историографии принято считать концом Золотой Орды. См.: Гайворонский О. Повелители двух материков. Том I. Киев-Бахчисарай, 2007.

8. Имеется в виду Хожак-Султан (Хаджике) или *Хаджи-Ахмат*, брат Ших-Ахмата, которого тот объявил своим калгой. Он был в литовском плену вместе с Ших-Ахматом, но отпущен раньше, а в 1514 году на Тереке даже провозглашен ханом Большой орды. См.: Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М., 2002. Стр. 125, 128, 150.

9. Дмитрий Иванович Путятич (1430-1505) герба Сырокомля — сын Путяты Друцкого, князь друцкий, наместник мценский (1456), любутский и брянский (1486), воевода киевский (1492). Дядя Дмитрия Васильевича Путятина, попавшего в плен в битве на Ведроши и умершего в московской тюрьме. Дмитрий Иванович похоронен в Киево-

Печерской лавре. Уже в начале XXI века в 12 км от Любутска нашли приписываемую ему печать диаметром 22 мм.

10. Эти события происходили в августе 1504 года.

11. Дмитрий Жилка был *родным братом* жены короля Александра. Смотри примечание 80 к книге двадцать первой.

12. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М.,1988. Стр. 67.

13. Посольство Петра Плещеева выехало из Москвы 7 мая и вернулось 27 сентября 1503 года. Имена послов Стрыйковский немного исказил, должно быть: Константин Заболоцкий, Михаил Кляпик, дьяк Губа Семенов Моклаков и семь «детей боярских». См.: Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. Стр. 524.

14. Имеются в виду либо сербские, либо венгерские гусары.

15. Семен Михайлович Слуцкий (1470-1503) герба Погоня — удельный князь Слуцкий и Копыльский (1481). Гедиминович, единственный сын князя Михаила Олельковича Слуцкого, казненного (1481) за участие в заговоре против короля Казимира.

16. Уза и Уша — разные реки. Уза является правым притоком реки Сож и находится к северо-западу от Гомеля. Река Уша — правый приток Березины, протекает к югу от Борисова.

17. Григорий Борисович Глинский (1445-1503) — литовский боярин, староста овручский. Дядя Михаила Львовича Глинского. Не слишком надежные генеалогии выводят род Глинских от самого Мамая. Их оригинальный герб происходит от татарской тамги и очень напоминает так называемые «Гедиминовы столпы». Герб Глинских схож и с национальным флагом крымских татар (Тарак-тамга).

18. Стрыйковский не без оснований предполагал, что этот Ян Ваповский герба Нечуя был родственником знаменитого историка и картографа Бернарда Ваповского (1450-1535).

19. Имеется в виду Давид-Городок на реке Горыни, правом притоке Припяти. Его основателем считается Давыд Игоревич (1055-1112), князь тмутараканский (1081-1082), дорогобужский (1084) и волынский (1086), внук Ярослава Мудрого. Этот Городок впервые упомянут в летописи в 1127 году. См.: ПСРЛ, том I. СПб, 1836. Стр. 130.

20. Семен Слуцкий умер от холеры 14 ноября 1503 года.

21. Никоновская летопись датирует это событие 24 июня 1505 (7013) года. См.: ПСРЛ, том 12. СПб, 1901. Стр. 259; ПСРЛ, том 19. СПб, 1903. Стр. 23.

22. Смотри примечание 8 к книге двадцать первой.

23. Смотри примечание 71 к книге двадцатой.

24. Конрад III Рыжий (1448-1503), князь черский, варшавский, висский и цехануvский, умер 28 октября 1503 года. Последним браком он был женат на Анне (1476-1522), дочери Миколая Радзивилла. Старшему из сыновей Конрада (Станиславу) во время смерти отца было всего три года. После смерти Януша (1526), другого сына Конрада, Мазовецкое княжество присоединили к Короне.

25. Юрий Михайлович Монтовтович (1460-1508) герба Побог — староста кременецкий (1505-1506), воевода киевский (1505). Внук литовского боярина Монтовта герба Топор, старосты шальчининкайского (1422-1435) и эйкшишского (1440).

26. *Русью* Стрыйковский здесь именует территорию нынешней Украины, причем далеко не всю, а конкретно Волынь. Напомним, что и *воеводство Русское* находилось в тогдашней Литве.

27. Покутье — историческая область на западе Украины между реками Прут и Черемош. Это название происходит от украинского слова *кут*, то есть *угол, закуток*. В 1348 году Казимир Великий присоединил Покутье к Польше, но в октябре 1502 года эти земли захватил Штефан Великий и подчинил их Молдавии. Поляки вернули себе Покутье после битвы при Обертыне (1531). См.: Василе Стати. История Молдовы. Кишинев, 2003. Стр. 77, 136.

28. Штефан III Великий скончался 2 июля 1504 года, во вторник, в три часа дня. См.: Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М., 1976. Стр. 34.

29. Землей Чаклов (Czakielskiej) или Секейской землей Стрыйковский именует Трансильванию.

30. Имеется в виду битва у Байи (Baia) 15 декабря 1467 года. В заметке на полях Стрыйковский рассказывает об этом сражении куда подробнее, чем в основном тексте. См.: Стати В. Штефан Великий. Господарь Молдовы. Кишинев, 2004. Стр. 24, 25.

31. Богдан III Кривой (1479-1517) — господарь Молдавии (1504-1517), сын Штефана Великого и Марии Войкицы.

32. Фридрих Саксонский (1474-1510) из рода Веттинов был великим магистром Тевтонского ордена в 1498-1510 годах и жил в Кенигсберге. По матери он был внуком чешского короля Иржи из Подебрад.

33. 11 января 1505 года была *суббота*, а на четверг эта дата приходилась как раз в 1504 году.

34. В оригинале *Drozdzy*, но в Хронике Быховца четко написано *Drozdu*. *Drozdze* по-польски означает дрожжи, отстой; *drozd* — дрозд. В данном случае предпочтительнее второй вариант.

35. Юрий Иванович Ильинич (1470-1527) герба Корчак — маршалок господарский (1501) и дворный (1518-1526), староста лидский (1501-1502 и 1507), наместник лидский (1510), белицкий (1510), брестский (1510-1524) и ковенский (1514, 1519-1524). Был женат на Ядвиге, дочери Яна Заберезинского. Основатель и строитель Мирского замка (1522). Похоронен в Вильне в костеле святого Станислава.

36. Примечание Стрыйковского на полях: **Жмудский староста Станислав Янович Жарновец или Жарновский.**

37. В Хронике Быховца написано несколько иначе, но смысл тот же. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 118, 138.

38. Ян Лаский Старший (1455-1531) герба Кораб — великий коронный секретарь (1502), великий канцлер (1503), архиепископ Гнезненский и примас Польши (1510). В 1506 году опубликовал постановления польского сейма, собранные им вместе с Яном Заборовским («статут Лаского»). На Латеранском соборе (1513) склонял папу к признанию вассальной зависимости Тевтонского ордена от Польши.

39. В дошедшем до нас списке Хроники Быховца ничего этого нет. И вообще в этом месте в рукописи пропуск, который ныне восстанавливают уже по тексту Стрыйковского.

40. Иван III умер 27 октября 1505 года. См.: Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. Стр. 625.

41. Лапландцы (саамы) иногда назывались *лапонцами*. Такую форму использовали, в частности, А. Ф. Миддендорф (1852) и писатель Валентин Иванов в историческом романе «Повести древних лет».

42. Старший сын Ивана III Иван Молодой, женатый на дочери Штефана Великого, умер 7 марта 1490 года. Его сын Дмитрий Иванович родился 10 сентября 1483 года, а 4 февраля 1498 года он был коронован. Но уже 11 апреля 1502 года юный наследник вместе с матерью попал в опалу и в конце концов умер в тюрьме (1509). См.: Филюшкин А.И. Василий III. М., 2010. Стр. 26, 32, 37, 51.

43. Это известие, отсутствующее в русских летописях, автор позаимствовал у Герберштейна. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М.,1988. Стр. 66.

44. Указанные Стрыйковским размеры (480 x 320 км) очень близки к действительным размерам территории тогдашней Ливонии.

45. В Польше несколько городов носят название Нове Място. В данном случае имеется в виду город Нове-Място-над-Пилицей, расположенный примерно в 50 км к северо-западу от Радома.

46. Смотри примечание 8.

47. Шляхтянку повесили, разумеется, не за ношение мужской одежды, а за разбои и грабежи, как и говорилось выше.

48. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 120, 121.

49. Олехно Монивидович — личность во многом загадочная. Род *Монивидовичей* герба Лелива пресекся еще в 1475 году после смерти виленского каштеляна (1461-1475) Войцеха Яновича Монивида. Тем не менее Заберезинские, Глебовичи, Дорогостайские и носители некоторых других литовских фамилий считали себя потомками Монивида. Олехно — белорусская форма имени Александр. Сестра Войцеха Монивида была замужем за *Олехно* Судимонтовичем, но тот умер еще в 1491 году. На его дочери был женат *Александр* Юрьевич Гольшанский, который в те годы был каштеляном виленским (1492-1511). Но Гольшанский носил герб Гиппоцентавр, а не герб Лелива и, стало быть, нам не подходит. Заслуживает внимания и сама должность трокского *наместника*, которая, вероятно, была временной — в период передачи власти трокского *воеводы* от Яна Заберезинского (1498-1505) к Миколаю Радзивиллу (1505-1510). Трокским *каштеляном* в эти годы (1499-1522) был Станислав Янович Кезгайло герба Задора.

50. Вацлав (Иван) Агриппа (1525-1597) герба Дембно — королевский секретарь (1563), польный писарь ливонский (1569-1570), великий писарь литовский (1576-1585), каштелян минский (1586-1590) и смоленский (1590). Сын Вацлава (Венцеслава) Миколаевича, более известного как *Михалон Литвин* (1490-1559). Учился в университетах Лейпцига (1545), Кракова (1548) и Виттенберга, где встречался с Меланхтоном. Маршалок на элекционном сейме, избравшем польским королем Генриха Валуа (1574). Вместе с Мельхиором Гедройцем и Яном Волминским входил в состав комиссии Стефана Батория по урегулированию границы с Ливонией. Знаток права, дипломат, публицист, полемист. Участник редакции Статута ВКЛ (1588). Лютеранин. Вторым браком был женат на Регине, дочери полоцкого воеводы Миколая Дорогостайского. См.: Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв. М., 1979. Стр. 106-115.

51. Нямунайтис — город на реке Неман в Алитусском районе Литвы. Впервые упомянут в 1384 году.

52. Мехмед I Гирей (1465-1523) — старший из восьми сыновей Менгли-Гирея, калга (1507-1515) и хан Крыма в 1515-1523 годах. Его братьями были Ахмед-Гирей, Бурнаш-Гирей, Фетих-Гирей (Бити-Гирей), Саадет-Гирей, Мубарек-Гирей, Сахиб-Гирей и Махмуд-Гирей.

53. 15 августа 1505 года.

54. Анастасия Ивановна (1473-1524) была замужем за Семеном Михайловичем, князем слуцким и копыльским, умершим 14 ноября 1503 года. Формальным князем слуцким стал их сын Юрий, которому во время описываемых событий было всего 13 лет. Его сестра Александра Семеновна, дочь Анастасии, в 1522 году вышла замуж за князя Константина Ивановича Острожского.

55. Эта примечательная страница белорусской истории уцелела и дошла до нас исключительно благодаря Стрыйковскому, так как в Хронике Быховца, откуда он и подчерпнул свои сведения, соответствующая часть текста не сохранилась. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 119.

56. Альбрехт Гаштольд (1470-1539) герба Абданк — придворный великого князя Александра (1501), наместник новогрудский (1503-1506), подчаший великий литовский (1505-1509), воевода новогрудский (1508-1513), полоцкий (1513-1519), трокский (1519-1522) и виленский (1522), староста бельский (1513-1522), мозырский (1515-1530) и гродненский (1530-1533), великий канцлер литовский (1522). Сын Мартина Яновича Гаштольда, воеводы киевского (1471-1475) и трокского (1481-1483). Учился в Краковском университете (1492). Собрал большую библиотеку. Изображен на картине Яна Матейко «Прусская присяга» в качестве участника этого события (1525). Участвовал в создании первого Литовского статута (1529).

57. Эту фразу можно толковать по-разному. Можно понимать ее так, что трое татар имели один котел и одну палатку; можно и так, что три царевича имели три лагеря. Но и в том и в другом случае получается, что татар было втрое больше.

58. Смотри примечание 67 к книге десятой.

59. Стрыйковский пишет имя казанского хана (Machmetcielej) почти так же, как имя крымского царевича (Machmetkierej), но в данном случае он не точен, или вообще ошибается. Казанским ханом в 1502-1518 годах был Мухаммед-Амин (Магмет-Аминь), сын хана Ибрагима и Нур-Султан.

60. Описываемый поход на Казань начался в апреле, а конечное поражение русские потерпели в результате *не одного, а двух* неудачных для них сражений: 22 мая и 22 июня 1506 года.

61. Королева Эльжбета, дочь императора Альбрехта II Габсбурга, умерла в Кракове 30 августа 1505 года.

62. Слово *барколаб*, вероятно, является испорченным молдавским словом *пыркэлаб* — начальник крепости. Объяснение его смысла Стрыйковским (староста) это предположение подтверждает. В Могилевской области Белоруссии есть деревня *Борколабово.*

63. Эта фраза (не столь уж понятная, как может показаться) нуждается в пояснении. В польском языке слово ***apteka*** имеет то же значение, что и в русском, а вот в литовском ***aptekti*** — *охватить, окружить, успеть.* Аптека же по-литовски — ***vaistine***. Поэтому ***apteke krolewska*** — это все то, чем доктор собирался *пользовать короля*, но это могут быть и люди из *королевской свиты*.

64. Расстояние от Вильнюса до Лиды по прямой 90 км, а по дороге — около 100 км. Итак, миля у Стрыйковского и на сей раз получается примерно 8 км и не менее 7,5 км. «Прибалтийская» миля составляла 7,5 км еще с XIII века (Zemzaris, 1981).

65. См.: Михайловская Л. Л. Судьба «Хроники Бернарда Ваповского». // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 2. Мінск, БДУ, 2005. Стр. 178-181.

66. Смотри примечание 14.

67. *Тайстра* — так жители Карпат называли котомку или кожаную сумку, которую носили через плечо.

68. 4 августа 1506 года был не понедельник, а вторник, зато в 1505 году 4 августа приходилось как раз на понедельник. Поскольку у нас нет сомнений в том, что битва под Клёцком была в 1506 году, остается предположить, что летописец напутал с числом, так как современнникам день недели запоминался лучше, чем число месяца. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 122.

69. Полонка (Полонечка) — деревня в 5 км к югу от Цирина, Цирин — деревня в 5 км к югу от Осташина, Осташин — деревня в 20 км к юго-востоку от Новогрудка. Столь точное и подробное описание маршрута литовского войска, взятое Стрыйковским из Хроники Быховца, убеждает исследователей в том, что автор хроники сам жил в этих местах; возможно, и лично участвовал в походе. Отметим, что в Хронике Быховца населенных пунктов по пути следования упомянуто больше, да и весь рассказ даже поподробнее, чем у Стрыйковского. См.: Хроника Быховца. М., 1966. Стр. 26, 122, 138.

70. В Хронике Быховца это село называется Налипой (Nalipoj), и в этом районе была деревня Нелепово. Однако Стрыйковский пишет ***we Lipiej*** (na Lipoj) и, возможно, в его Летописце был более исправный текст. См.: ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 172.

71. Если битва произошла *в среду*, то это было **5 августа** 1506 года, а не 6 августа, как в Хронике Быховца и у самого Стрыйковского. Смотри примечание 68.

72. Описанием битвы под Клёцком заканчивается, а точнее, обрывается дошедший до нас текст Хроники Быховца.

73. Примечание Стрыйковского на полях: ***Об этом читай у Овидия, «Метаморфозы», кн. 3***.

74. Кош — в данном случае военный лагерь, поляки же говорят: «лечь лагерем», а не «встать лагерем».

75. Примечание на полях: ***Crom[er]: Priusquam cuncta agmina eo sese recollegissent.*** *(Кромер: До того, как вернутся все войска, отправленные в загоны).*

76. В оригинале *Wolkowisko*. Частица *wysk*- по-польски, как и по-русски, связана с глаголом *выскочить*. Но в Ипатьевской летописи (1252) город именуется *Волковыескь*, а это позволяет предположить и другую этимологию: ***волк*** и ***выя*** (шея), то есть Волчья Шея.

77. Смотри примечания 14 и 66.

78. Примечание на полях: ***Crom[er]: Erat prope statiua Hostila amnis non magnus, sed limosua.*** *(Кромер: Рядом с вражеским лагерем была река, небольшая, но мутная).*

79. Примечание на полях: ***Crom[er]: Dense sagittarum imbre Lituanos transitu prohibebant.*** *(Кромер: Стрелы сыпались густо, как дождь, и препятствовали переправе литовцев).*

80. Примечание на полях: ***Crom[er]: Hadebant Lituani bombardas aliquot.*** *(Кромер: Литовцы имели несколько бомбард).* Но Стрыйковский пишет не *бомбард*, а *rusnic*, то есть имеет в виду какие-то более легкие полевые орудия, а то и просто ружья.

81. Примечание Стрыйковского на полях: ***Рашко и маршалок пана Радзивилла, виленского воеводы, тревожили татар всего из двух имевшихся у них длинных ружей.***

82. В оригинале *tarcze z skophiami*. Второе слово, вероятно, происходит от греческого *скуфия* (шапка). В сочетании с *тарчем* (щитом) это сразу ассоциируется с бляхой или умбоном.

83. Эти три строчки Стрыйковского можно истолковать и так, что поляки в конце концов так и не пошли в атаку, предоставив действовать литовцам. Отметим, что в «Хронике Быховца» о *польских* полках не говорится ни слова.

84. Примечание на полях: ***Crom[er]: Itaque statim terga vertera ii.*** *(Кромер: Затем они обратились в бегство).*

85. Примечание на полях: ***Nec segnius instabant Lituani.*** *(Литовцы не прекращали усиливать свой напор).*

86. Примечание на полях: ***Crom[er]: Tribus equis sub eo confossis.*** *(Кромер: Под ним были убиты три лошади).*

87. Примечание на полях: ***Crom[er]: Soltani duces exercitus equis in palude relictis aegre evasere.*** *(Кромер: Султаны, предводители армии, с трудом бежали, бросив в болоте лошадей).*

88. Примечание на полях: ***Crom[er]: Neque tamen hae Glinscius contentus Victoria fuit.*** *(Кромер: Однако Глинский не удовольствовался этой победой).*

89. Смотри примечания 54 и 55.

90. С изобразительной точки зрения «Битва под Клёцком» — возможно, лучшая из «вставных» поэм Стрыйковского. Здесь автор представляет нам не только еще более зримую, чем обычно, картину боя, который «смотрится» прямо как в кино, но и впечатляющие сцены мучительного угасания короля Александра.

91. Валериан Протасевич (1504-1579) был епископом Виленским (1556-1579) как раз в то время, когда Стрыйковский начал писать свою хронику. Таким образом, наш автор знал, о чем пишет. Однако нынешнее место захоронения Витовта до сих пор неизвестно.

92. Сигизмунд был провозглашен великим князем Литовским 20 октября 1506 года, так что прав Меховский, а не Деций. Это действительно был вторник, а 26 октября был понедельник.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Вельможному князю
Александру
Полубинскому [1],
державце
Вилькийскому и прочее

Глава первая

Сигизмунд Первый, внук Ягеллы и пятый сын Казимира, князь Глоговский и Опавский, староста Силезский в соответствии с наследственным правом и своими достоинствами с великого княжения Литовского коронован на королевство Польское после брата Александра

в году 1507

Как только коронные паны и все рыцарство узнали, что 19 августа 1506 года Александр в Вильно заплатил смерти последний долг тела, [они] съехались в Петркув на сейм для избрания нового короля в восьмой день декабря или грудня (Grudnia) [2]. Там же в день святого зачатия Девы Марии (8 декабря) провозгласили и избрали королем Польши Сигизмунда, пятого сына Казимира, великого князя Литовского, Русского, Силезского, Опавского, Глоговского и прочее.

Причины того, почему Сигизмунд так быстро был избран королем. Эта элекция так быстро произошла по трем важнейшим причинам. Прежде всего, его брат Владислав, король Чешский и Венгерский, добровольно уступил ему природное право на королевство Польское через своего посла Освальда Карлача. Вторая причина, которая этому помогла, [заключалась] в том, что Сигизмунд был уже возведен на великое княжение Литовское, Русское и Жмудское, и владения эти были бы наверняка оторваны от Польши, если бы польским королем был избран кто-нибудь другой. Третья, что коронные паны помнили блистательные правления Ягеллы и Казимира, то же сулили природная доблесть и честь его сына Сигизмунда, князя Литовского.

Коронные послы [отправлены] **к Сигизмунду в Литву.** Коронные паны сразу отправили в Литву послов, которые проводили бы Сигизмунда на отцово и дедово королевство Польское, а именно: Винцентия Пржеребского, [епископа] Куявского, Яна Любраньского, [епископа] Познанского и Мацея Држивицкого, [епископа] Перемышльского и коронного подканцлера; а при них Анджея из Шамотул, [воеводу] Познанского, Яна из Тарнова, [воеводу] Бельского, и Яна из Ласка, коронного канцлера [3]. Сигизмунда они застали в Мельнике, сеймующего (sejmujacego) с литовскими панами, и там от [имени] всех сословий единодушно предложили ему королевство Польское, которое он с великой охотой и радостью принял. И с обычными церемониями отпраздновав в церквях триумф во славу Господа Бога и к радости посполитого люда, с литовскими панами и с коронными послами, не мешкая, приехал в Краков 20 января 1507 года. Большая часть господской свиты была там одета, как пишет Йост Деций, ***Lituanico ritu instructa*** *(по литовскому обычаю)*, то есть на литовский либо козацкий манер, [причем] с немалыми расходами. Ибо и ныне после трех королей [4] мы и сами видим, что какой король из какой страны, такой же наряд и наши, ***simiae*** *(как обезьяны)*, носят.

Вот так тогда к радости всего рыцарства и посполитого люда с несказанным триумфом в двадцать втором часу [5] он был препровожден в Краковский замок и после приготовления всего необходимого для коронации в костеле святого Вацлава и св. Станислава с обычными церемониями, приняв святое причастие, помазан и коронован на королевство Польское Анджеем Розой, архиепископом гнезненским, в присутствии львовского архиепископа Бернхарда Вилчека и епископов: Яна Конарского краковского, Мацея Држивицкого перемышльского, Яна Любраньского познанского, Винцентия Пржеребского куявского, Эразма Вителиуса [6] плоцкого, Лукаша из Торуни вармийского и Яна Амицинуса лаодикейского, краковского суфрагана [7], а также Стефана Телецкого, посла Владислава, короля венгерского и чешского. Кроме того, много было литовских панов и князей, но наибольшим почетом из всех [пользовался] князь Михаил Глинский. [Были там] также Ян Заберезинский, Ежи Радзивилл, Александр Ходкевич, Виршал Остикович (Wirszal Hoscikowic) и других очень много. Эта коронация Сигизмунда происходила 24 января года искупления нашего 1507. А на другой день после проведения этой церемонии [он] выехал из замка на краковский рынок, по королевскому обычаю одетый в королевские одежды, в короне и в окружении множества панов и рыцарей. И на сооруженном там престоле принимал присягу на верность и подданство от горожан, а также и весь простой народ давал ему там присягу на верность вознесением пальцев.

Осуществив коронацию, король вместе с литовскими и коронными панами сразу же начал тщательно обдумывать, как бы суметь поправить упадок речи посполитой [8], в те времена и впрямь значительно оскудевшей в [отношении] казны и в других делах.

Сейм в Кракове. Собрал тогда король в Кракове вальный сейм, на котором советовались о том, как бы в мирное время, заключив временное перемирие с неприятелем, возместить [образовавшийся] в государстве за прошлые годы ущерб от недосмотров (niedbalstwem) недавно умерших королей, а особенно из-за того злополучного похода в Валахию. А если с какой-либо стороны грозила война, то ее нельзя было бы нормально вести из-за истощения казны.

Налог. [Поэтому] одобрили новую общую подать, чтобы все селяне (sielscy) — подданные как короля, так и шляхты — по старому обычаю давали бы по 12 грошей с влоки, а горожане по 6 грошей. Шляхта, войты и прочие, которые получают деньги с аренды, на оборону государства должны платить четвертую часть своих доходов, а духовные [лица] и епископы — восьмую часть десятины, тоже по старому обычаю.

Монета. На том же сейме публичным декретом одобрена чеканка королем [новых] монет: грошей, полугрошиков и шелягов (szelagi) [9].

Посол к валахам. Стефан Телецкий, посол венгерского и чешского короля Владислава, с согласия короля Сигизмунда и всего Сената отъехал в Валахию, чтобы установить перемирие и [оговорить] условия окончательного мира между Богданом и обоими королями, Владиславом и Сигизмундом.

[Послы] **в Венгрию.** В Венгрию тоже были отправлены коронные послы: познанский епископ (Ян Любраньский), коронный маршалок (Станислав Ходецкий), канцлер Ян Лаский и Христоф (Christoff) из Шидловца, которые утвердили мир с королем Владиславом и его королевствами Венгерским и Чешским. А с Пруссией в то время был мир.

Глава вторая

О раздорах Глинского в Литве и о начале войны [князя] Московского с Сигизмундом, о выкупе прежних королевских имений и о поражении татар под Вороновым.

В том же 1507 году в Литве были великие раздоры между князем Михаилом Глинским и Яном Заберезинским. Ибо Глинский был мужем великой отваги и пытливого ума, во всем дельным и на все способным. (Он славно начинал еще в Германии, где более двенадцати лет [служил] у саксонского герцога Альбрехта [10], участвовал в войне во Фризии, прошел все ступени рыцарской службы и приобрел громкое и славное имя, как пишет Герберштейн [11] в ***Commentariis Moschoviticis*** на стр. 106. Служил также и в войсках императора Максимилиана, благодаря чему был хорошо известен и высоко ценился среди всех иноземных королей и князей). А когда вернулся в отчую Литву, то пользовался особым расположением Александра, великого князя Литовского и потом короля

Польского, [с которым] был почти в дружеских отношениях. Имел множество друзей, которых привлекал к себе щедростью и бесчисленными подарками, равно как и своими имениями, сокровищами и воистину княжеским богатством. И от великого счастья впал в спесь, а потом и в амбицию или вожделение, явно обнаруживая излишне честолюбивые намерения завладеть великим княжеством Литовским. Но Сигизмунд их предупредил и на время как бы усмирил своим быстрым приездом в Вильно после смерти Александра. Тогда Глинский вместе с другими литовскими панами присягнул ему на верность и подданство при его возведении на великое княжение Литовское. Но вскоре после этого замыслы и затеи Глинского стали известны благодаря доводам, представленным Яном Заберезинским, маршалком великого княжества Литовского, и его дела начали явно клониться к упадку, ***eamque tunc mortalibus commune Glinscius expertus est***, как пишет Йодок Децций, ***fortunam*** *(и Глинского постигла общая участь всех смертных*). Ибо Глинский на себе испытал столь частую участь простых людей: в счастливые времена он имел много друзей, а как только его счастье немного поколебалось, не осталось ни одного друга, ибо он уже не мог достать их за деньги, а прежде, когда правил Александр, [все они], будто под дудочку (dudkujac), бесплатно ходили великими ротами и за ним и перед ним. ***Dum fueris faelix multos numerabis amicos***. *(Пока вы счастливы, вы будете иметь много друзей)*.

Распря Глинского с Заберезинским. А когда Заберезинского выставили перед королем как клеветника в организации [Глинским] измены, король дал обоим целый год на доказательства и опровержения (dowod i odwod), но так как видел, что между двумя сильными противниками [возникло] великое дело, то тянул время — либо чтобы [те] как-нибудь помирились, либо чтобы как можно лучше и с верными доказательствами разузнать о действиях Глинского.

Глинский [едет] **в Венгрию.** Потом, 27 дня марта месяца Глинский за советом и помощью поехал в Буду (Budzyn) к Владиславу, королю Венгерскому и Чешскому, брату Сигизмунда, у которого прежде был в великой любви. Но видя, что ошибся в своих надеждах, воротился в Литву без утешения, однако, как свидетельствует Герберштейн [12], привез от венгерского короля письма и венгерских послов, чтобы эта волокита не вредила его имениям, славе и чести.

Требование Глинского восстановить справедливость. И Глинский просил короля, чтобы тот, наконец, разрешил спор между ним и литовскими панами, а особенно с Заберезинским. А когда увидел, что король по-прежнему тянет с этим делом или больше склоняется на противную сторону и, побуждаемый великим гневом, Глинский сказал королю: «Я решусь на такое дело, о котором и ты, король, и сам я потом пожалеем».

Письма Глинского к Московскому [князю]. И в гневе уехав домой, сразу же послал одного своего верного слугу к Московскому [князю] с письмами, в которых писал, что если Великий Князь Московский позволит ему добровольно к себе присоединиться, поклянется ему в этом и пришлет охранные грамоты, то он обещает примкнуть к нему со всеми замками, которыми владеет в Литве. Московский [князь], когда это услышал, возрадовался, [ибо он] знал о великой доблести Глинского. И сразу согласился на его

предложение, присягнул в этом, пообещал срочно исполнить все, что тот от него потребовал, и тайно послал ему верительные грамоты.

Москва воюет Литву. И тут же упомянутый князь Московский Василий Иванович, минуя Смоленск, на тридцать миль [13] вторгся в литовскую землю. Поэтому король Сигизмунд, обезопасив Польское королевство от венгров, валахов и пруссов, двинулся к Вильно с войском польским, потом с литовским, жмудским и русским рыцарством, и к тому же перекопских татар призвал. И двинулся против Московского [князя], который, услышав, что приближается король с литовцами и татарами, и, не желая отведать битвы, со своим войском сразу же вернулся в Москву.

Литовцы взяли Кричев. После этого литва взяла у москвы замок Кричев (Gzykow) [14] и, разорив немало московских местечек и волостей, вывезла большую добычу вместе с полоном. Король Сигизмунд, видя, что неприятель сторонится битвы, а литовское войско страдает от недостатка продуктов и к тому же излишней спешки, воротился в Вильно. Перекопский царь, который, как гласит молва, имел в своем войске восемьдесят тысяч татар, ни в чем не преуспел и тоже воротился к Перекопу. **Восемьдесят тысяч татар напрасно** [приходили] **на помощь литовцам.**

Потом король Сигизмунд созвал в Кракове сейм, 24 января 1508 года из Литвы приехал в Краков, и на том сейме обсуждал коронные дела, которые Божьей милостью были спокойны в течение целого года. Но новый господин столкнулся с новыми проблемами и заботами, ибо, как и ныне, истощились и государственная и королевская казна, как и имевшееся в то время королевское имущество и [деньги] у панов. А что еще важнее, чешские, немецкие и польские жолнеры, служившие [еще] у королей Ольбрахта и Александра, упорно домогались выплаты жалованья.

Ян Бонер. Однако король с помощью Божьей и Яна Бонера (Bonara) [15], который был у него главным управляющим (sprawca) и старшим над финансами, очень быстро выправил упадок — и свой, и государства. Ибо первым делом начеканил монеты и выкупил королевское имущество, [заложенное] на огромные суммы.

Выкуплены замки, волости и другие королевские доходы. Сначала выкупил Спишскую (Spiska) землю, которая была [заложена] Яну Иордану из Закличина за 12 тысяч червоных злотых; Освенцим и русские жупы у краковского мещанина Павла Черного за 14 тысяч червоных злотых; Прошовице у Юрека Ланга за девять тысяч червоных злотых; у Станислава Косцелецкого Нешаву за девять тысяч. У краковских ратманов, участвоваших в управлении замковыми делами, за двенадцать тысяч [он выкупил] право на рыбную ловлю, мельницы, [торговлю] продуктами и другие доходы. Скупил многие долги обеих соляных краковских жуп, Окульскую шахту, то есть десятину от добытой руды, [выкупил] у краковского мещанина Северина Бетмана за пять тысяч злотых. Сераздз выкупил за 5 тысяч, Гостынин за две тысячи триста, Радом за три тысячи, Сохачов за семь тысяч, Петркув за тысячу двести, Дрогобыч за пять тысяч, Рабштын за полторы тысячи, замок Риттер за тысячу, люблинскую пошлину за тысячу четыреста, Члухов (Sluchow) за 4 тысячи, Тухолу за 11 тысяч, Садец за 4 тысячи, Иновладислав за 5 тысяч, торуньские мосты и подати за десять тысяч злотых.

200 000 червоных злотых на солдат. Заплатил и служивым жолнерам, которым задолжали его братья Ольбрахт и Александр, на что ушло более чем двести тысяч червоных злотых. Кроме того, с большими расходами отстроил (zmurowal) пришедший было в упадок краковский замок, особенно с западной стороны, и другие стены.

Богохульник еврей сожжен. В том же году, 5 апреля, в Кракове некий еврей со своими помощниками не почтил Причастия Господня, и усугубил это другими пустыми речами и богохульным злословием. Потом был схвачен и в костеле Девы Марии привязан к лестнице и растянут при большом скоплении ученых людей. И там, убедительно побежденный [Святым] Писанием, хотя со своей стороны наговорил много смелых [дерзостей], был передан светским властям и сожжен.

Мор. В том же году, вопреки предсказаниям наших астрологов, как пишет Деций, царило жестокое моровое поветрие, от которого поумирало множество посполитого люда.

Татары поражены. В том же году в Волынские земли украдкой вторглись две с половиной тысячи (pul trzecia tysiaca) татар. Ян Каменецкий, муж славной памяти, львовский каштелян и староста Бужский (Buski) был послан против них с пятью сотнями конных жолнеров. 23 июля прибыв в Меджибож и едва три часа дав передохнуть коням и утомленному рыцарству, двинулся на татар вместе с винницким и брацлавским старостами, а также с волынской и с подольской шляхтой. Спешно идя по черным дорогам [16], наши на третий день догнали их у городища Воронова, когда те уже гнали большие толпы пленников и [везли] добычу. И там отважно и смело ударили на них, поразили, разгромили, так что две тысячи поганых легли на поле. А всю добычу отбили и, в изобилии собрав, с победой вернулись в Меджибож.

В том же 1508 году князь Константин Острожский, славной памяти гетман великого княжества Литовского, ушел (wyszedl) из Москвы, где провел семь лет в строгом плену после того поражения на Ведроши при Александре в 1500 году.

Глава третья

Об убийстве маршалка в[еликого] к[няжества] Литовского Яна Заберезинского Михаилом Глинским и о его разорениях около Слуцка, Киева и в других литовских краях, о бегстве в Москву и о разгроме московского войска под Оршей в году 1508

Вскоре после отъезда короля Сигизмунда из Литвы в Краков князь Михаил Глинский, видя, что его замыслы не находят поддержки у короля, занялся зловредными кознями. Первым делом он взбунтовал своих старых товарищей и помощников, с семью сотнями вооруженных конников переправился через Неман у Лискова [17] и въехал прямо в Гродно. От шпионов он имел сведения, что его наиглавнейший враг, маршалок великого княжества Литовского Ян Заберезинский, в то время жил на своем дворе у Гродно. К его большому несчастью, той же ночью на дороге перед Гродно [Глинский] встретил ехавшую от него его любовницу. Схватив ее и стращая пытками, ее вынудили поведать обо всех тайнах Заберезинского, и от страха она все рассказала. **Заберезинский окружен.** Итак, Глинский, окружив двор [Заберезинского], не ждавшего таких гостей, приказал

выбить двери в его покои. **Немец Шляйниц.** Вернейший друг и придворный [Глинского] Шляйниц, немецкий шляхтич из Мейсенской земли, ворвавшись вместе с другими, нашли Заберезинского лежащим в постели и видящим первые сны. **Заберезинский зарублен.** И приказали турчину [18] его зарубить и, воткнув его голову на саблю, преподнесли ее Глинскому, который велел насадить ее на копье и нести перед ним 4 мили до одного озерка по дороге к Вильно, а там приказал ее утопить. В бору близ этого озерка у постоялого двора еще и ныне стоит каменный столб.

Глинский истребляет шляхту в Новогрудке. Сразу после этого, имея две тысячи конных, [Глинский] часть их разослал по литовской земле разыскивать литовских панов, которых велел убивать и умерщвлять. А сам, собрав побольше людей, двинулся к Новогрудку и перебил (pomordowal) очень много тамошних шляхтичей, которых считал своими врагами.

Потом Глинский, видя, что этим жестоким поступком восстановил против себя и короля и всех литовцев в сто раз больше, чем прежде, и понимая, что из-за друзей Заберезинского королю не пристало спускать ему [это дело] с рук, усомнился в [королевской] милости и сразу стал склоняться к большой войне, задумав противиться королю силой.

Глинский осадил Минск. Поэтому обещаниями, дарами и надеждой овладеть Великим княжеством Литовским он привлек на свою сторону нескольких литовских панов и русских шляхтичей, а особенно усилился вместе со своим родным братом Василием Глинским [19], который сразу же передал ему несколько замков, своих и королевских, над которыми [он] был поставлен [начальником]. [Глинские] осадили Минск, но, видя, что его хорошо защищают, двинулись с войском под Клецк. **Глинский бунтует русскую шляхту**. Оттуда его брат Василий повернул на киевские пригородки и добывал Житомир и Овруч, уговаривая русскую шляхту и бояр добровольно пристать к его брату, который вершит то, на что его сподобил сам Бог: чтобы великое княжение, как прежде и было, по-старому перенести из Литвы на Русь и обновить киевскую монархию. И этими обещаниями он уже было возбудил (zwiodl) много киевских бояр, так что некоторые ему присягали.

Глинский осадил Слуцк. А сам князь Михаил Глинский осадил Слуцкий замок, надеясь на помощь своих сторонников, [которые] либо со страху, либо по доброму уговору убедят выйти за него замуж княгиню Анастасию [20], бывшую в то время вдовой после князя Семена (только с одним сыном княжичем Юрием, дедом нынешних князей Слуцких). Он рассчитывал, что, взяв ее в жены (ибо не был женат), его силы немало умножатся за счет присоединения Слуцкого и Копыльского княжеств и их сокровищ. И тогда он либо по праву, либо войной сможет по жене справедливо добиваться киевского престола, как [владения] бывшего удельного князя Владимира Ольгердовича, предка князей Слуцких. Но, видя, что замок мужественно обороняют как со стен, так и [с помощью] частых вылазок, и, не добившись успеха (nie wskoral) никакими ласковыми уговорами и изменническими словами, разгневался и задумал спалить замок подметом. **Жестокости Глинского около Слуцка**. А когда у него перебили много людей, сразу распустил загоны по всем слуцким и копыльским волостям, огнем и мечом еще более жестоко, чем татары, опустошая села, имущество людей и все государство княгини Слуцкой, в отместку за ее упорство разоряя ее подданных.

Глинский взял Туров и Мозырь. Отступив от Слуцка и Копыля, двинулся к Турову, который сразу захватил, занял своими людьми и взял присягу от русских бояр. Потом осадил Мозырь, который взял частью силой, частью из-за сдачи его киевской шляхтой и тоже занял [его своими людьми]. Потом Василий, великий князь Московский, прислал ему на помощь славного казака Остафия Дашкевича (который было ему предался, как у него было в обычае) с двадцатью тысячами конных московских людей. С ними Глинский подступил под другие русские замки, и так к нему пристали князья Друцкие со своим Друцким замком и князь Михайло Лингвеньевич Мстиславский с замком Мстиславлем. К тому же ему поддались Орша, Кричев (Kryczow) [21] и Гомель, которые Глинский занял московскими [людьми]. А сам вернулся назад к Слуцку, надеясь, что княгиня Анастасия, движимая страхом и его успехами, сдастся ему вместе с замками Слуцким и Копыльским. Но эта надежда обманула его, как и прежде. От Слуцка же снова двинулся к Новогрудку, а оттуда распустил загоны до самого Вильно, ибо еще до него в то время предпринимались большие усилия в отношении Вильно.

Глинский с братом уехал в Москву. И, видя, что еще не располагает столь большими силами, чтобы быть способным противиться королю Сигизмунду, сразу укрепил гарнизонами все свои замки, а сам сначала послал к московскому великому князю Василию брата князя Василия Глинского с имуществом и с друзьями, [чтобы] съехаться с ним в соответствии с соглашением, которое до этого заключил через присланные письма. И там, будучи радушно принят князем московским, Михаил Глинский сразу же обсуждал с ним, как бы первым делом завладеть Смоленском, а затем уже будет легче осесть и в остальном княжестве Литовском. Из Руси и из Литвы было уже очень много таких, как пишет Йодок Деций, которые тому Глинскому помогали и готовы были стоять за него до конца, добиваясь того, чтобы его намерения осуществлялись как можно дольше. Но король Сигизмунд, избегая начала бедственной войны, сначала послал перед собой Миколая Фирлея с наемным рыцарством, а сам, разобравшись с коронными делами, спешно двинулся за ним в Литву 4 мая, в день Св[ятого] Флориана.

Глинский с москвой второй раз добывает Минск. А в это время Михаил Глинский, взяв помощь от московского [князя], с большим войском двинулся под Минск и добывал замок усиленным штурмом. Но, видя, что шляхта стойко и мужественно защищает Минск, и к тому же услышав, что король Сигизмунд движется с войском, как можно скорее послал к московскому [князю], прося его о значительной помощи. **Крупная помощь Глинскому от Москвы.** И тот сразу послал ему на помощь шестьдесят тысяч конного войска, над которым поставил своих собственных гетманов: Якова Захарьина и князя Щеню (Sczenie) [22]. Услышав об этом в Бресте Литовском, король Сигизмунд тут же послал против Глинского пять тысяч жолнеров и своих дворян. А также у Новогрудка по посполитому рушению собрались литовские и русские войска и несколько татарских полков, соединившись с которыми, король с наемниками двинулся к Минску против Глинского. **Король Сигизмунд с литвой** [идет] **на Глинского.** Узнав об этом, Михаил Глинский, устрашенный особой короля и его прибытием с литовским войском, сразу же отступил от Минска и с московским людом двинулся прямиком под Борисов. Король же, заново выстроив у Минска все литовские полки и наемников, двинулся за ним и догнал его над Днепром у Орши, куда уже прибыло и второе шестидесятитысячное московское войско с Данилом Щеней и Яковом Захарьиным.

Москва и Глинский бегут. Потом, уразумев, что Михаил Глинский бежит, а король тем смелее гонится за ним с литовцами и наемниками, упомянутые московские воеводы (wodzowie) из-за внезапной тревоги, упавшей на их гордые сердца, сразу отвели свои войска, все свои надежды возложив на бегство. И с большими трудностями и бедами переправившись обратно через Днепр, сильно укрепили все берега, желая защититься от наших и помешать их переправе. А сами расположились в лесу на другом берегу Днепра, в миле [от реки].

День битвы. А в это время огромное войско наших подступило к Днепру — в сверкающих доспехах, со щитами (tarzami), копьями, прапорцами, в [шлемах] с перьями, в праздничных одеждах и прочее. И расположились лагерем на месте, где москва бежала через Днепр, а это был день, посвященный святой Маргарите (13 июля). И тут же несколько сотен, потом несколько тысяч, а потом несколько сотен конных и пеших добровольцев из литовского рыцарства и солдат вброд перешли Днепр в двух разных местах — одни ниже, другие выше [по течению].

Наши с одной стороны ударили на москву. Москва обороняла брод и препятствовала переправе наших в одном месте, где наши шли против них. Но другие, которые были ниже и выше, порознь переправились в двух местах и далеко друг от друга и неожиданно налетели на московский лагерь. И с веселым и громким криком храбро ударили и разгромили их во время трапезы, к которой те только приступили. И очень много перебив их в этой счастливой стычке, с добычей и с прекрасными (okwitymi) трофеями в целости прибыли к своим, перебиравшимся в то время через Днепр и бившимися с московской засадой, оборонявшей брод. И, соединившись, общими силами отбили и оттеснили москву от Днепра [23]. И этой смелой победой железом устроили себе свободный брод, и там на днепровском берегу очень много москвы поразили.

Сам король Сигизмунд в доспехах [устремляется] **через Днепр.** Видя это, король Сигизмунд, который с другой стороны [реки] смотрел на затевавшуюся битву, в веселом настроении, в доспехах и на коне, сразу переправился через Днепр, где воодушевил сердца своих [людей], а москве смешал ряды, ибо все пешие и конные, крича и гикая, отовсюду кинулись вброд за королем столь охотно, будто на свадьбу [24]. Но так как солнце уже садилось, король поступил мудро: избегая какой-нибудь предательской засады, он велел своим в доспехах и на конях стоять наготове, чтобы так было удобнее, если придется, в боевом строю ударить на стоявшее неподалеку огромное московское войско. И, как следует расставив стражу в своем войске, сам в третьем часу ночи вернулся в лагерь и только ночью пообедал.

Глинский хотел завязать с королем битву. А Михаил Глинский, который в последний раз решил попытать счастья и добыть себе победу в этой битве, уговаривал московских гетманов дать королю генеральное сражение, обещая им полную и довольно легкую победу, если только они послушают его совета. Но гетманы, может быть, потому, что великий князь Московский дал им иной приказ, а может быть, потому, что не до конца полагались на мужество своей москвы, не хотели слушать Глинского. **Москва бежит.** Наконец, движимые великим страхом, в полночь ударились в бегство, бросив тяжести, усталых коней и другое обременительное снаряжение и продукты, и через болотистые

леса и непроходимые лужи уводили это огромное войско. А Михаил Глинский, обманувшись в своих гордых замыслах, должен был удирать с ними до самого Стародуба, опасаясь, как бы где-нибудь его не перехватили наши. Однако если бы наши гнались за ними, то без труда поразили бы зря перепуганную москву, бегавшую по лесам. Но паны радные запретили это королю из-за опасных дорог и других военных неожиданностей, поэтому прямо от Орши он двинулся к Смоленску и в его предместье расположился лагерем в первый день августа месяца.

Герберштейн в *Commentariis rerum Moschoviticarum* упоминает во время той войны и удивительное приключение некого Перстинского [25]. Когда король с войском стоял между Дубровно и Смоленском, понукаемый (twardousty) конь вынес того на середину реки Днепр, а потом сбросил. А Перстинский до самых колен был в кирасе и в полных доспехах и быстро погрузился до дна глубокой реки. И был уже всеми оплакан, ибо думали, что утонул, чему свидетелями были сам король Сигизмунд и свыше 3 000 человек. В это время Перстинский, будучи одет в тяжелые доспехи и под водой идя по земле, перешел на другую сторону Днепра [26] и только два раза хлебнул воды, как там же и рассказывал. И был потом в [большой] милости у короля. Мне и самому случилось такое испытать, когда, будучи еще малым дитятей, я чуть не утонул в большом Стрыйковском пруду. А когда меня извлекли из воды, считая уже умершим, и под плач родных положили на носилках (marach) в церкви, то после долгих молитв посполитого люда и размахивания кадилом, я, как рассказывали мне родные, ожил на этих носилках и внезапно зарумянился. И я сам видел, что, когда меня, восставшего из мертвых, принесли из церкви, родные благодарили Господа Бога и угощали убогих и всех собравшихся.

Ссора двоих встревожила все войско. Потом король посоветовался с коронными и литовскими панами [и они] решили послать гетмана Великого Княжества Литовского князя Константина Острожского и гетмана польских солдат Миколая Фирлея из Дабровиц воевать московскую землю, а сам король в это время стоял бы в Смоленске. А когда этот поход, как у нас обычно бывает, откладывался дольше, чем это было необходимо, повздорили между собой два пана (которых историки не называют). И такую тревогу и несказанный невосполнимый ущерб народному делу учинили, что не только это решение не осуществилось, но и московское войско, которое там и сям в тревоге блуждало по лесам, ушло в целости.

Москва сама спалила Дорогобуж в 18 милях за Смоленском. А чтобы [помешать] нашим, которые собирались вслед за ними двигаться в их земли, подрубив большие деревья, загородили (pozarebowali) и завалили ими дороги. И сожгли замок Дорогобуж в 18 милях за Смоленском, видя, что его трудно будет оборонить. Вот так из-за злокозненной смуты двух сумасбродов (wartoglowow) князь Константин не смог тогда двигаться на Москву, однако солдаты и загоны литовских казаков частыми вторжениями причинили в московских волостях большие беды огнем, мечом и увозом добычи. **Кишка разорил вяземские волости.** Также под московский замок Вязьму (Wiazme) (а не Весну (Wiosne), как пишут Бельский и Деций), лежащий за Дорогобужем над Днепром, король послал польного литовского гетмана Кишку [27] с несколькими тысячами литовцев и поляков. И тот очень быстрыми набегами огнем и мечом вдоль и поперек разорил всю Вязьменскую волость. Видя это, московский князь, чтобы отбить эту жестокую опасность,

сразу отправил против Кишки свое войско, о котором Кишка узнал через шпионов (przez spiegi). И понимая, что [его силы] далеко не равны неприятельским, как можно быстрее известил об этом короля. А король, чтобы спасти своих от этой опасности, послал тогда несколько полков польских наемников с коронным гетманом Миколаем Фирлеем на помощь Кишке. Но Фирлей, опасаясь идти по загороженным лесам, замешкался дольше, чем требовало это срочное дело, и обманул надежды Кишки на его помощь.

Кишка разгромил московские войска. Но тот, отбросив страх, частыми вылазками несколько раз поразил московскую стражу и их засады побил и погромил. Другие московиты, с позором убегая, заранее пораженные страхом, сообщили своим гетманам, что против них туда прибыло огромное литовское и польское войско. Услышав это, те, побросав обременявшие их тяжести, ночью и днем бежали до самой Москвы, а другие бегством спасали свои жизни по лесам и в густых теснинах (gestych szelinach). Вот так Кишка добился двух побед над москвой не решающим сражением, а лишь страхом перед польской и литовской мощью. Однако и сам, когда московские беглецы поведали о великом московском войске, выступившем против литвы, уподобился побежденному и бегущему, ибо, не желая испробовать сомнительного счастья небезопасной битвы с сильным неприятелем (не ведая, что тот уже бежит), отвел литовское войско на три мили [28]. Однако прибыл с литовцами к королю в целости, с большой добычей и с полоном, с трофеями и с пленниками.

Московский [князь]**, усмирив пыл, просит перемирия.** А великий князь Московский Василий Иванович, узнав о неудаче своего войска, многих побитых боярах и рыцарях, а также видя захваченных [в плен] простых людей и видя вдоль и поперек разоренные огнем и мечом волости Вязьменские, Можайские, Бельские и Ржевские (Rsowskie), послал к королю гонца, прося временного перемирия, а затем обещал прислать великих послов со всеми полномочиями для заключения вечного мира. Король же, вместе с советниками мудро заботясь о пользе государства и видя, что надвигается зима, неприятель избегает дать открытое сражение, а литовские и польские войска с великими расходами, малой прибылью и большими потерями напрасно мучаются по лесам и непроходимым болотам, к тому же тогдашние великие и важные дела Короны срочно требуют присутствия короля, согласился на просьбу московского [князя]. **Это мало отличается от Великолукского похода 1580 года.** И послал к нему по этому делу своего тайного писаря пана Ивана Сапегу, витебского наместника, который легко заключил это временное перемирие с боявшимся войны [князем] московским.

Условия перемирия с Московским [князем]**.** Главным условием перемирия было, чтобы все замки, которыми Михаил Глинский до этого издавна владел в Литве по наследственному праву и которые при своей измене захватил в этой войне и занял своими людьми, были возвращены королю и великому княжеству Литовскому. Глинский как беглец чтобы лишился всех своих владений в Литве и был выжит из них, а жил бы себе в Москве. Все пленные с обеих сторон чтобы были отпущены. В то время московский [князь] выпустил из плена и захваченных с князем Константином на Ведроши знатных литовских панов: Литавера Хрептовича, Грегора Бартошовича Остика и многих других.

Друзья Глинского из Литвы взяты в Москву. Потом из Москвы приехали послы, которые вернули и передали Литве замки, занятые [было людьми] князя Глинского, согласно условиям заключенного перемирия. А друзей Глинского с женами и со всем родом и с женой его брата Василия, плачущих и рыдающих (ибо не хотели уезжать из родной Литвы), послы забрали в Москву, ибо так было оговорено в перемирии. И вот так тогда Литва и Русь [29] были очищены от князей Глинских, так что ныне и следов их не найдешь, хотя в Литве и на Волыни некоторые лиходейские князья происходят из этого рода. **Лиходейские князья из рода Глинского.**

Сторонники Глинского из Москвы возвращаются в Литву. Но вскоре после этого, когда проживание в Москве, вопреки надеждам, стало казаться им строгим заключением, они бежали назад в Литву. Две сотни их пришли назад в Друцк, замок князя Константина, знатнейшими среди которых были Остафий Дашкович [30], казак и рыцарь, славный частыми победами над татарами, и Ульрих Шелендорф (Scelndorf), сборщик [податей] у Глинского. Остафий, взяв от короля охранную грамоту, поступил в литовское войско; другие, получив у короля прощение своей вины, [поступили] к князю Константину Острожскому, третьи разошлись к своим прежним панам. Иван Сапега, как следует исполнив посольство и [заключив] перемирие, тоже вернулся из Москвы к королю.

Король же, видя, что перемирие соответствует его воле, распустил войско, ибо наступала зима. Часть солдат с королем двинулась в Вильно, а другая часть с князем Константином Острожским — на Волынь, ибо в то время перекопские татары, думая, что король надолго занят с москвой, вторглись было в Литву.

Князь Константин и Полюш разгромили татар. Часть [татар] поразил и наголову побил князь Константин, а другую часть их загонов погромил Полюш (Polus), славный русский казак и рыцарь, и отбил награбленное.

Мораванин Лукаш побил татар над Случью. А моравец Лукаш, ротмистр с двумя сотнями пеших, наскочил на третий татарский загон и, увидев, что либо бежать, либо храбро защищаться — все равно придется погибать, решил, что более почетно смело вступить в неравный бой с погаными. И сразу над Случью рекой, которая течет под Слуцкий замок, как следует составив возы, вступил [в битву] с татарами и не столько силой, сколько хитростью и божественным промыслом одержал победу над великим множеством поганых. Татары бросили полоны и разбежались. А так как пешие не могли их догнать, конные бояре из Слуцкого замка, которых в то время имела при себе княгиня Анастасия, пришли им на помощь. И, догнав татар в болотистых местах, часть их побили и потопили, а часть поймали. Одни разбежались [и спрятались], других били и гнали более десяти (kilkonascie) миль, третьи спасли свои жизни бегством. Вот так Великое Княжество Литовское разом тогда было избавлено от набегов двух жестоких врагов: татарских и московских. Потом в 12 день ноября или листопада король приехал в Вильно, где, возблагодарив Господа Бога за счастливую победу над гордыми наездниками и вознаградив славных рыцарей за их заслуги в двух этих делах (potrzebach), отъехал в Польшу на сейм. Вот такие дела творились в этом 1508 году на Литве, на Руси и в Польше.

Глава четвертая

О валашской войне с воеводой Богданом и о взятии Пскова [князем] Московским

в году 1509

Вельможному князю
Михалу Воловичу [31]*,*
старосте Слонимскому и
прочее

Король Сигизмунд, приехав из Литвы после этой московской войны и перемирия, собрал в Петркуве сейм, на котором среди прочих дел коронные паны уговаривали короля вступить в брак ради надежды на потомство. Поэтому, как только король 19 апреля приехал из Петркува в Краков, он с согласия панов радных отправил послов к князю Мекленбургскому, желая взять в жены его дочь Анну.

Страдом сгорел. Незадолго до этого, 22 марта, до основания сгорел город Страдом [32] между Краковым и Казимежем. Остались только три костела: Святой Ядвиги, Святой Агнешки и бернардинский, да и Краков едва уберегся от этой опасности.

Напрасное посольство к к[нязю] Мекленбургскому. Польские послы: познанский епископ Ян Любранский, коронный канцлер Ян из Ласка и Кшиштоф Шиловецкий, как следует собравшись, в июне поехали к князю Мекленбурга свататься, но с дороги были возвращены обратно. Видимо, такова была воля Божья, ибо этот брак принес бы мало пользы Короне. Но главной причиной этой отмены была внезапная и неожиданная валашская война. Ибо валашский воевода Богдан [33], нарушив перемирие и [свое] послушание согласно присяге, в начале июля с большим войском вторгся было в валашские и русские земли, огнем и мечом разоряя окрестные волости.

Валашский воевода Богдан разоряет Подолию и Покутье. Потом [он] добывал Галицкий замок, без успеха предпринял несколько штурмов и отступил прямо на Львов. Расставив на горе орудия, издалека обстреливал город и замок. А когда увидел большие потери среди своих людей, побитых из города, на третий день снял осаду, ибо услышал, что против него на перехват двинулся король Сигизмунд. Однако взял большую добычу со львовских предместий, ибо обобрал серебряную и золотую утварь, ризы и колокола из костелов и русских церквей. **Рогатин сожжен.** Взял и спалил сдавшийся ему городок Рогатин в 7 милях за Львовым, а всех людей угнал в полон [вместе] с большой добычей.

Король с войском [идет] **ко Львову.** Когда король об этом узнал, расхотел свататься, так как первым делом надо было готовиться к войне против валахов. И, набрав наемных (za pieniadze) солдат, после дня святого Иакова 26 июля выступил из Кракова. И встал лагерем у Львова, где нему прибыло еще и очень много подгорской, русской, подольской и польской шляхты.

При этом чешский и венгерский король Владислав в своих письмах просил короля Сигизмунда прекратить эту валашскую войну и помириться с воеводой Богданом, напоминая ему о несчастном поражении [их] брата Ольбрахта на Буковине от Стефана, отца Богдана. Владислав беспокоился и о том, что если поляки повоюют и опустошат Валашскую землю, они потом наведут еще более жестокого врага, Турка, который, заселив пустую Валахию турками, сможет по-соседски досаждать (dogrzewac) как венгерскому, так и польскому королевству. Но король Сигизмунд ни запугиваниями, ни уговорами никоим образом не дал себя отговорить от своего намерения. И, собрав все коронное войско, вручил его под начало краковского воеводы и великого (nawyzszego) коронного гетмана Миколая Каменецкого, ибо, измученный лихорадкой, сам не мог идти с войском из-за расшатанного здоровья. И Миколай Каменецкий, с радостным сердцем и воодушевлением приняв эту славную должность, переправился через Днестр и око за око так же разорял Валашскую землю огнем и мечом. **Наши в отместку** [разоряют] **Валахию.**

Иноземные солдаты, чехи и немцы, бывшие под началом чеха Черного, тоже сожгли и обратили в пепел много сел, фольварков и местечек, таких как Черновцы, Дорохой (Dorohim), Ботошани, Щепановцы, Хотин и другие. И, вдоль и поперек разорив волости, прилежащие к этим городам, подступили под стольный замок Сучаву, но штурмовали без успеха. А вынудить врага вступить в решительное сражение [они] тоже не могли, ибо воевода укрывался в лесах. Поэтому гетман Каменецкий, более не имея что разорять (ибо беспрепятственно разорял Валахию целых двадцать дней, распустив загоны), польское войско в целости отвел к Днестру. И во время отступления посекли и перебили мужчин, женщин, стариков и детей, а также скотину, которые уже не могли пригодиться и гнать которых стоило великих трудов.

Послы к королю Освальд Карлач и Борнемисса. После этого разорения Валашской земли венгерский король Владислав к брату Сигизмунду второй раз прислал знатных венгерских панов Освальда Карлача и Бетлена Борнемиссу (Bornomisse) прося, чтобы поступал милостиво и помирился бы с валашским воеводой Богданом. Пока венгерские послы обсуждали с нашими относительно мира, почти вся польская шляхта уже переправилась через Днестр в Подолию, а на валашском берегу оставались только наемные солдаты и королевские дворяне, старшим над которыми был Творовский из Бучача, рыцарь и испытанный муж. И тут из засады выскочило войско валашского воеводы. А польские жолнеры и королевские дворяне нимало не испугались, а сразу же смело и с отважными сердцами построились для битвы, в которую охотно вступили и валахи.

Валахи погромлены. И когда оба войска с обеих сторон храбро и с равной смелостью завязали жестокий бой, [то] в конце концов валахи, которых было меньше, оплошали, были разгромлены, побиты и разогнаны. А другие пленены, среди которых были схвачены тридцать знатнейших валашских панов и знатных пыркэлабов (Burkolabow) [34].

Казнены 50 валашских шляхтичей. Гетман Каменецкий (Kamienski) велел зарубить канцлера или наместника Матвея Логофета (Legofet); двух великих спафариев (szafarze) [35] или придворных, Кержу и Гуменика; Патрика и Добростефа и других пятьдесят схваченных валашских шляхтичей. А подобную жестокость он проявил потому, что отец

этого Богдана, валашский воевода Стефан, когда-то приказал захваченных в Теребовле польских солдат в Подгаеце зарубить топором. Однажды Каменецкий (Kamieniecki) увидел высокую могилу или погребение, в котором все они вместе были похоронены. И с плачем поклялся, что когда-нибудь отомстит за их неповинную смерть, что в этот раз и исполнил (dokazal) [36].

День Святого Франциска — праздник у поляков. Эта битва над Днестром случилась 14 октября в день Святого Франциска — праздник, который поляки потом стали учтиво соблюдать. В валашском войске были виднейшие паны и шляхтичи, а также отборнейшие рыцари, к тому же две тысячи турок, конных делиюнаков (Delijunakow) [37], большая часть которых пала в бою. **2 000 турок с валахами.**

Вот так наши со славной победой и с большой прибылью от всякой добычи из Валахии подошли ко Львову, где расположился король. Уже приближалась зима, а венгерский король Владислав просил о мире и союзе с Богданом, поэтому король распустил войско.

Мир с валахами. А венгерские послы Освальд Карлацкий (Karlacki) и Бетлен Борнемисса (Betlem Bernomisa) договорились о мире и примирении между валашским воеводой Богданом и королем Сигизмундом на тех условиях, что Богдан возместит королю ущерб и вернет всю добычу, которую силой вывозил из русских земель, и король тоже должен вернуть пленников и добычу. Послы воеводы утвердили это решение. Таково было окончание тогдашней валашской войны, и король вернулся в Краков.

Ногайские татары поразили перекопских. Тогда же перекопский царь с большим войском напал на ногайских татар, а ногайцы, быстро собравшись, сошлись с ним в жестокой битве и все перекопское войско поразили наголову. И там два царька, внуки перекопского царя, на плацу полегли и сам [царь] едва убежал в малой дружине [38].

Сильное землетрясение. В том же году большое и страшное землетрясение было во Фракии (Traciej), в Греции, в Боснийском и Далматском королевстве и в Валахии. В Константинополе дрожали почти все строения, так что турецкий цесарь Баязет, прадед нынешнего Амурата [39], боясь жить в каменном [доме], выбрался в поле и долгое время жил там в шатрах. Очень много разрушений от этого трясения я видел в Константинополе собственными глазами в 1575 году. Тогда же упали несколько столпов, которые от старых греческих императоров зовутся *триумфальными,* и три башни, а также дворец Константина Великого, от которого получил имя Константинополь, и половина церкви Святой Софии, в которой ныне молятся уже турки — на свой манер.

Тогда же в Краков по прусским делам приехали послы от римского короля Максимилиана: Витус Фюрст и Ян Кухмейстер.

Московские послы в Краков. Также и великий московский князь Василий, соблюдая условия перемирия, которое с королевской стороны заключил было с ним Иван Сапега в 1508 году, послал в Литву своих великих послов, которые 18 января въехали в Вильно со свитой в три сотни конных. Обе стороны поклялись в вечном мире, утвердив его

грамотами. Потом [послов] учтиво отправили [в обратный путь], всех пленников отпустили, а пятьдесят знатных особ московских пленных король даровал послам.

Схвачены литовские паны и шляхта, [сторонники] **Глинского.** Литовские паны и шляхта, державшие сторону Глинского, были схвачены. Виднейшими из них [были] Гаштольт (Gastolt), сборщик податей (poborca) Великого княжества Литовского, и конюший Михал, родной брат Гаштольтов (Kastoltow) и зять князя Глинского, а при них было много других литовских и русских дворян. Знатнейшие были взяты под стражу в шляхетских домах в Вильно, а других посадили в тюрьму в Трокском замке.

Московский князь завладел Псковом. В том же 1509 году, в октябре месяце, великий князь Московский Василий Иванович (а не Иван Васильевич, как ошибался Герберштейн, [ибо] тот уже давно умер) из-за измены некоторых русских попов взял Псков, город великий, людный и богатый. Ибо сначала он знатнейших горожан, попов и шляхту, а также наместника Великого княжества Литовского [40] вызвал к себе в лагерь и, задержав их, ласково уговаривал. А потом и простой народ, когда он лишил их совета (rade) [41], легко согласился, так же как в наши времена случилось и в Полоцке. А посреди Псковского рынка с давних времен был большой колокол, на звон которого все собирались на совет и при всякой беде. Этот колокол московский князь забрал в Москву, а сам завладел этим славным княжеством и богатым городом, развеяв (Wej) по ветру и причинив невосполнимый ущерб литовской казне.

Расположение Пскова. Псков расположен у большого озера, из которого через центр города протекает портовая река Пскова (Pskowska), в шести милях за Псковым впадающая в Чудское озеро [42] у Лифляндской земли. И во всей московской земле это едва ли не единственный город, [выстроенный] из камня и разделенный на четыре части. Он расположен в 60 милях от Риги, в 36 от Новгорода Великого, в 40 милях от портовых замков Нарвы и Ивангорода (Iwanowego horoda), а также во многих [милях] от Великих Лук [43]. Издавна они имели своего собственного князя и республику (rzeczpospolita) [44] с обширными владениями в северных краях.

Глава пятая

О различных посольствах христианских и языческих государей к королю Сигизмунду

Посольство от папы. В новом 1510 году послы римского императора Максимилиана ожидали в Кракове решения [своих дел]. 6 января в Краков приехал и Якоб Пизо, легат от папы Юлия Второго. Смысл его посольства к королю Сигизмунду [состоял] в том, что папа Юлий, заботясь, как пастырь, о размножении овчарни Христовой, всех христианских панов, королей и князей приводил к согласию, желая и стремясь всеми полномочиями своего звания к тому, чтобы мечи, которые они доселе обращали друг против друга, все вместе единодушно обернули против Турка, врага С[вятого] Креста. Поэтому и короля Сигизмунда верой увещевал, чтобы он, успокоив Польшу миром с валахами, а Литву [успокоив] от войн с московским [князем] и взаимных разорительных набегов, объединил свои польские, литовские и русские войска с [войсками] брата Владислава, короля

Венгерского и Чешского, чтобы этими объединенными силами они двинулись бы во Фракию против турок. **Вот так и Владислава съели у Варны** [45]. Король Сигизмунд, выслушав с сенаторами посольства и видя, что это дело великое и важное, отложил его до ближайшего Петркувского сейма.

Императорский посол столкнул папского с более высокого места. И когда как-то в воскресенье послы пришли в костел Девы Марии на рынке, посол римского короля императора Максимилиана Витус де Фюрст (а не Пизо, как ошибочно написал Бельский, перепутав одного с другим) спихнул с первого места папского легата Пизо. А когда спор между ними [дошел] до короля, Пизо доказывал, что папе и его легатам полагается первое место, а Витус Фюрст отвечал, что в светских делах император более важен, и к тому же утверждал, что Пизо не имел никаких полномочий от папы, а сам это придумал, чтобы что-нибудь выманить (wyludzil i wymatal) у короля, как это в обычае у предателей итальянцев [46]. Так что этот Якоб Пизо был не императорским, как дважды ошибочно пишет Бельский, а папским послом, что утверждает более сведущий Йодок Деций в «Деяниях Сигизмунда» на стр. 71.

Ответ императорским послам относительно Пруссии. Потом в Петркуве был сейм, на котором [выслушали] императорских послов, от имени прусского магистра и всей Германской империи домогавшихся Поморской и Прусской земли, и целых три месяца ожидавших ответа. Король Сигизмунд и коронные паны отвечали, что Прусскую и Поморскую землю прусский магистр требует напрасно, поскольку магистр и крестоносцы никогда не были там [законными] наследниками своих предков, а это польские и мазовецкие князья пригласили из Германии орденских братьев, как и прочих вассалов (jalmuznikow), дав им в Хелминской земле поселение и надлежащее содержание, чтобы те оказывали им помощь против прусских и литовских язычников, ибо такова была их профессия (professia).

Итак, императорские послы, учтиво приняв от короля подарки, поехали в Познань, где по постановлению Петркувского сейма король назначил им место компромисса и соглашения с прусским магистром Альбрехтом [47], а оттуда вернулись к императору Максимилиану.

Также отправили и папского посла Пизо с таким ответом, что о той войне с турками король Сигизмунд должен через послов договариваться с братом Владиславом, венгерским королем, а о их совместном решении обещает потом ознакомить папу через своих послов.

Послы в Венгрию. Поэтому с того же сейма к венгерскому и чешскому королю Владиславу были отправлены послы: коронный канцлер Ян Лаский и люблинский воевода Миколай Фирлей, которым [было поручено] договориться о совместном походе во Фракию против турок.

Датские послы. В том же 1510 году в Краков приехали послы от датского короля, желая просить у короля Сигизмунда сестру Елизавету замуж за своего короля [48]. Но когда брат предоставил это на усмотрение своей сестры королевны, та ответила, что предпочитает сложить голову у могил своих предков, чем в столь далеком и опасном морском

[путешествии] искать новых владений и трудов в чужом королевстве. Поэтому датских послов с большими почестями отправили [обратно], достаточно щедро одарив.

Турецкий посол. Потом, десятого марта, в Краков приехал посол турецкого цесаря (cesarza) Баязета. Передав королю Сигизмунду достойные подарки, от имени своего императора он пожелал ему, чтобы Господь Бог возвысил его на отцовском и дедовском престоле, от души желая ему, чтобы он долго правил в этих владениях и умножал свое государство к бессмертной славе имени своего, намереваясь утвердить с ним мир, который постоянно соблюдал с его отцом Казимиром и братьями, королями народа Польского.

Валашские послы. [Вслед] за турецкими послами 12 марта приехали послы валашского воеводы Богдана, и были выслушаны на четвертый день после приезда. Они отдали золото и серебро, которое в прошлой войне воевода Богдан набрал было в русских церквях, а все пленники с обеих сторон тоже были освобождены. Утвердив мир, вместе с послами венгерского короля Владислава через венгерскую землю они отъехали в Валахию.

Послы венгерский и валашский. А тринадцатого мая в посольстве от короля Владислава приехал Белградский пробст (proboscz Bialogrodski). Валашский воевода Богдан тоже прислал другого посла, который договаривался с королем и коронными панами относительно похода против турок во Фракию.

Московские послы. Вскоре после этого в Краков приехали послы от Василия, великого князя Московского, решать литовские и московские дела. Им всего давали вдоволь, однако им [вечно] не хватало лука и чеснока.

Перекопские послы. За ними прибыли послы от перекопского царя, желая возобновить и укрепить давнишний мир, [заключенный] с Казимиром, королем Польским и великим князем Литовским.

Архиепископ Лаский. В том же (1510) году 20 апреля умер гнезненский архиепископ Анджей Роза. 23 мая на его место заступил коронный канцлер Ян Лаский.

Императорские, чешские и венгерские послы. Потом в день Св. Иоанна (Jana) [49] был созван съезд в Познани, на который приехали послы императора Максимилиана аббат Фульдский и граф фон Мансфельд, посол венгерского и чешского короля Владислава вроцлавский епископ Ян Турзо, а от короля Сигизмунда и сената гнезненский архиепископ Ян Лаский, куявский [епископ] Винцентий Пржеребский, познанский [епископ] Любраньский и вармийский епископ Лукаш [50], познанский [воевода] Анджей Шамотульский и калишский воевода Гарджина, познанский [староста] Лукаш из Горки и мальборкский староста Памповский.

Условия, выдвинутые крестоносцами. А со стороны прусского магистра и от князя Фридриха Саксонского [51] и от Тевтонского ордена были епископ помезанский Хиоб (Jop) и другие орденские комтуры. И они, во-вторых [52], требовали, чтобы всю Прусскую и Поморскую земли возвратили Тевтонскому ордену и освободили от польской присяги и

дани. В-третьих — не участвовать в совместных с поляками военных походах. В-четвертых, чтобы поляков не принимали в [Тевтонский] орден. После длительных обсуждений поляки легко согласились на это четвертое условие, а три других отвергли как неприемлемые, и те были окончательно отклонены также и польским сенатом. Напоследок [сенаторы] добивались, чтобы и новый их магистр в соответствии со своими обязанностями сразу же принес бы вассальную присягу. Перессорившись и так ничего и не учинив, послы императора, Германии и Пруссии разъехались прочь.

Папский посол. По этому делу от папы был послан легат Ахиллес де Грассис (de Grassis), но он замешкался из-за дальности пути. Однако, приехав в Краков, перед королем Сигизмундом и сенатом он исполнял другое посольство, по которому от папы прежде был прислан Яков Пизо. Он настойчиво убеждал короля вместе со своим братом Владиславом, королем венгерским, начать войну с турками, ибо в то время Баязет с водной армадой готовился [вторгнуться] в Италию. Однако король уже понял, что этот поход ему не только не нужен, но и невыгоден, ибо турецкий император до этого и сам по доброй воле предложил ему [скрепленный] обоюдными клятвами мир, и было бы против законов всех народов, если бы поляки нарушили клятву, данную правителю, пусть и языческому. Кроме того, его не менее беспокоила возросшая опасность вместо чужой войны оборотить турецкий меч на себя и заступаться за чужие беды, не разобравшись со своими. А император и папа с итальянскими князьями могут отдать поляков на съедение туркам, не придя им вовремя на помощь, как это было в 1444 году у Варны с Владиславом Ягелловичем, убитым к великому сожалению всей Речи Посполитой. Его папа тоже ласково уговаривал и освободил от [данной туркам] клятвы, вынудив к той несчастной войне.

Папе отказано в войне с турками. Поэтому король и сенат Короны решили сохранять с турецким императором мир, о котором тот сам просил. Однако когда папа, император и другие христианские владыки, согласно уговору, будут с войсками на турецкой границе, тогда король тоже сможет прибыть к ним с поляками и с литовцами.

Перекопский царь повоевал заволжских и ногайских татар. А в то же самое время перекопский царь, припомнив свое первое поражение от ногайских татар, собрался с большим войском и во второй раз двинулся против ногайского царя, которого наголову поразил. И все ногайские и заволжские орды, бывшие за рекой Волгой и Камой, так разорил, порушил и опустошил, и так много ногайского народа угнал в полон, что другие ногайцы и заволжцы, не имея с кем оставаться в своих опустошенных ордах, с женами, сыновьями, отцами и братьями добровольно пошли за неприятельским войском в Перекопскую орду [53]. И когда все эти полоняне осели в Таврике и на Перекопе, Перекопская орда уже без труда так размножилась, расширилась и усилилась, что [с тех пор] перекопские татары стали страшны всем соседним народам.

Пожар в соляной копи в Величке. Тогда же в соляной копи в Величке какой-то мерзавец, подложив огонь, поджег строительные леса (staplowanie). И в подземной пещере, будто в пекле, много людей задушило этим дымом, а иные хотели вылезти и свернули себе шеи. Поскольку никто из гмины не осмеливался спуститься в шахту, Анджей Косцелецкий, бывший в то время жупником [54], сам спустился туда [вместе] с

краковским бургомистром Северином Бетманом, которому было уже лет 90 [55]. **Косцелецкий и Бетман погасили огонь.** И эти двое, подвергнув свои жизни великой опасности, будто вторые римские Курции [56], с немалыми трудами погасили этот губительный огонь.

Валашский посол. Потом 7 ноября в Краков приехал посол от валашского воеводы Богдана просить у короля Сигизмунда помощи против перекопских татар. А также просил, чтобы валашского посла к великому московскому князю Василию пропустили через литовские владения, что король сразу же разрешил и посла отправил.

Турецкий посол. Едва отправили валашского посла, сразу же приехал турецкий посол Ибрагим для [заключения] годичного перемирия, которое король Сигизмунд клятвенно подтвердил перед тем же послом, как и турецкий император Баязет еще раньше тоже клятвенно подтвердил в Константинополе перед королевским послом Скаржевским.

Глава шестая

О вторжении татар в Литву и в Валахию и о первой женитьбе короля Сигизмунда.

Дела Великого княжества Литовского шли спокойно в течение целого года. Улучив момент, перекопские татары с царьком Бити-Гиреем (Bitikierejrem) [57] вторглись в русские земли [58]. **Татары разоряли до самого Вильно.** Видя, что не встречают отпора, они разорили Литовское княжество до самого Вильно и на двенадцать миль за Вильно распустили в стороны загоны и, захватив множество людей и добра, в целости и без всяких помех ушли с добычей в орду.

Татары потонули в Днестре. Осмелев по этому счастливому поводу, с тем же царьком Бити-Гиреем они вторглись в Валашскую землю, разорили ее вдоль и поперек и, как говорят, взяли в полон свыше семидесяти тысяч людей и скот. А когда уже хотели переходить Днестр и возвращаться к Перекопу, ибо боялись гнавшегося за ними валашского войска, там царек Бити-Гирей вместе с несколькими тысячами татар и множеством пленников потонули в Днестре, ибо [перегруженные] паромы не могли выдержать их тяжести. А в это время гетман валашского воеводы Копач так быстро, как мог, собрал немало рыцарства, догнал татар у перевоза и завязал с ними бой, более упорный, чем осторожный, ибо, окруженный врагами, пал убитым, хотя и храбро оборонялся. На плацу осталось более семидесяти валахов, а до трехсот их спаслось бегством, однако пленников и полону [59] тогда отбили много. Вот так татары воротились в орду, от потопления в воде потерпев более тяжкое поражение, чем от врага.

В том же 1511 году папа Юлий Второй, [объявив] юбилей или год отпущения грехов, послал в Польшу [людей] с индульгенциями на пергаментных грамотах и буллами на строительство церкви Святого Петра в Риме, а при них железный сундук для денег. А также в Германию и в другие страны разослал эти сундуки, приставив к ним Фуггеров (Fogarow) [60], купцов из Аугсбурга. **Фуггеры или Фокеры — славная купеческая фамилия из Аугсбурга.** Этих индульгенций (odpustow) польский сенат и рыцарство не хотели принимать, и относительно юбилеев были долгие споры. Порешили, что две части

денег, собранных за эти индульгенции, забирают поляки на оборону от язычников и защиту украины (ukrajny) [61], а папскую третью часть в железном сундуке (skrzynie) купцы Фуггеры заберут для папы [62]. В Германии же, особенно в Саксонском княжестве и Гессенском (Heskim) ландграфстве, эти юбилеи приняли и [отпущения] покупали дорого, особенно простой люд, ибо итальянцы развозили их по кладбищам, как и любой другой товар.

Мартин Лютер начинает возмущаться. Но когда неизвестно каким духом побуждаемый Мартин Лютер, доктор теологии, доминиканский монах из Виттенберга, стал говорить, а потом писать против этих отпущений, насмехаясь над ними, тогда [тамошние немецкие] князья, особенно саксонские, запретили (zahamowaly) [63] эту железную скинию, а в ней уже была собрана довольно большая сумма денег. И с того времени Лютер стал благоденствовать со своей сектой [64]. **Об этом подробнее читай Слейдана [65], Иовия и других.**

Князь Слуцкий поразил 8000 татар. В том же 1511 году Юрий Семенович, князь Слуцкий [66], будучи возраста младого, но с сердцем истинного мужа, татар, которые повоевали было много волостей около Киева, наголову поразил и разгромил так, что на плацу их восемь тысяч полегло. Ночью он хитростью настиг (pozyl) их в урочище Рутка в 20 милях за Киевом [вместе] с киевским воеводой Андреем Немировичем [67]. Три старших мурзы — Ария Сеняг, Аджига и Токсор — едва ушли и, гонясь за ними в полях, поразили семьдесят человек их стражи.

Фальшивая монета Перуна. В том же году в феврале месяце в Петркуве был созван коронный сейм, на котором король установил сбор с доходов [лиц] рыцарского и духовного [звания] для пополнения государственной казны. И там же было объявлено, чтобы монеты более не чеканили, ибо в то время ее и так уже было много, [и притом] неполновесной. Золотые червонцы тогда вздорожали, а в фальшивомонетничестве был обвинен некий Перун [68], сенатор и коронный подскарбий. Когда по этому обвинению его вызвали на сейм, он не явился и поэтому был изгнан с земли. И, укрывшись в Австрии, жил в Вене, и там и умер. Его тело привезли в Санич, где и похоронили. **Перунки.** От этого Перуна эти старые польские полугрошики еще [и ныне] зовут Перунками (Piorunkami).

На тот же сейм в Петркув приехала мазовецкая княгиня Анна с двумя сыновьями: Станиславом и Янушем. И там с согласия короля и сената за двенадцать тысяч злотых выкупила у гнезненского архиепископа Яна Лаского, бывшего опекуном своего родича, некоего Глинки, прилегающую к Мазовии Визненскую землю.

Съезд во Вроцлаве. Когда король Сигизмунд жил в Петркуве, Владислав с сыном Людовиком [69], венгерский и чешский короли, 29 января приехали в силезский Вроцлав. И был там великий спор между венгерскими и чешскими панами, какому из королевств должны достаться Силезское княжество и [город] Вроцлав и какому королю им следует на верность присягать и подати платить: то ли чешскому, то ли венгерскому. **Проспали Силезию.** А Силезия издавна принадлежала королевству Польскому, но наши ее неосторожно проморгали. В то время Владислав, вероятно, не препятствовал бы

Сигизмунду, если бы тот по родственному праву стал бы домогаться Силезии. Однако он от этого уклонился, чтобы и у него самого и у Сигизмунда не возникло потом трудностей с сыном Людовиком, который уже был коронован чешским королем, и пустил все на самотек. И, так ничего и не решив, 15 марта уехал с сыном из Вроцлава.

Спор поляков с вроцлавянами о купеческом складе. Тогда же вроцлавяне получили от короля Владислава и его сына Людовика привилей, учреждавший во Вроцлаве склад [70] всех купеческих товаров, как немецких, так и польских. И опубликовали грамоты, чтобы ни один купец из Польши и из Германии не смел с товарами миновать Вроцлава, а только там их продавать и покупать. Поэтому польский король Сигизмунд с панами радными, видя, что полякам грозят великая и чрезмерная опасность и поношение, запретил возить какие-либо товары из Польши во Вроцлав, но чтобы все купцы добровольно ездили торговать в Германию через Чешскую землю. Видя это, вроцлавяне старались о том, чтобы и другим перекрыть эту дорогу, но не смогли, ибо чешские паны ради собственного блага больше склонялись к полякам. Чтобы защитить и сохранить свою привилегию, вроцлавянам пришлось нести непомерные расходы, делая подарки и императору, и венгерскому и чешскому королю Владиславу (который при этом тоже забыл про любовь к своей отчизне, короне Польской), и немецким и чешским князьям, которых подкупали. Но сколько ни старались, ничего не добились, ибо поляки довели их до беды. **Товары из польской земли заблокированы на четыре года.** И эта блокада (zamknienie ziemie), длившаяся целых четыре года, вроцлавянам опостылела, ибо из-за своего упадка и невосполнимого ущерба они не могли долее вытерпеть без польских товаров. И вот так король Сигизмунд, сидя дома, тогда воистину победил их, ибо этот склад потом превратился просто в ничто на прешпоркском съезде с императором чешского, венгерского и польского королей, как о том будет ниже. **Так же он мог бы поступить с гданьчанами и с другими.**

Из заключения выпущены Гаштольты и другая русская и литовская шляхта. Потом с петркувского сейма король отъехал в Краков, а оттуда 2 мая двинулся в Брест Литовский, где по просьбе коронных и литовских панов освободил из заключения тех русских и литовских шляхтичей, особенно Гаштольтов, которые были схвачены из-за дружбы и союза с Михаилом Глинским, и вернул им свою прежнюю милость.

Приехали потом от перекопского царя Менгли-Гирея послы, через которых тот обещал дать королю Сигизмунду в заложники своего сына, а также внука в соответствии с соглашением, по которому ежегодно должен был выставлять тридцать тысяч татар против врагов Польши и Литвы. З**а 30 000 татар 15 000 золотых червоных дани.** А король Сигизмунд ежегодно должен был давать перекопскому царю дань в пятнадцать тысяч золотых червоных [71]. Половину этой суммы следовало платить из польской, а половину из литовской казны. Но Менгли-Гирей, взяв жалованье, потом нарушил свое слово и ни сына, ни внука в заложники не прислал. Мало того, с большим войском он вторгся в Валашское государство, вассальное [по отношению] к польскому королю, и там причинил великие беды. А потом двинулся на Москву, откуда вывел большой полон [72] людей и добычи.

А король Сигизмунд, урядив в Бресте литовские дела, вернулся в Польшу и 30 октября въехал в Краков.

Любечане разбили голландцев на море. В то время любечане (Любек — славный и богатый город на Балтийском море, построенный нашими предками поляками, названный, согласно немецким хроникам, Буковцем, и уже 700 лет как завоеванный Карлом Великим [73]), как и наши гданьчане, возвысившиеся благодаря изобилию богатств, хорошей защищенности города и возможностям порта, воевали с датским королем и, часто нанося ему сильные поражения, одержали над ним победу и, наконец, сошлись с ним в морском бою. Случилось так, что голландцы, как обычно, на Святого Доминика [74] из порта датского короля приехали в Гданьск, а любечане хотели им воспрепятствовать. И, набрав на корабли польских товаров: меди, латуни, олова, пеньки (wanczosow), хлеба и прочего, хотели плыть обратно, но не было попутного ветра. Поэтому встали на якоря у Хеля (Hale) [75], городка польского короля, ожидая ветра и помощи датского короля. А тем временем двадцать пять любекских кораблей с пушками и к тому же с немалым числом каперов (Frejbiterow) [76] с попутным ветром приблизились и, внезапно ударив на беспечных голландцев, легко их разгромили. Сожгли и потопили сорок разбегавшихся голландских кораблей, а шестьдесят восемь [77] взяли целыми и триумфально препроводили их в Любек вместе с товарами. Иные на всех парусах понеслись к Гданьску, другие убежали в открытое море. Больше всего товаров тогда захватили у аугсбургских купцов Фуггеров (Fokarow), особенно меди и латуни, которые до этого из Польши были доставлены по Висле в Гданьск. Король Сигизмунд жаловался на любечан императору Максимилиану, писал и [самим] любечанам, но вернул купцам, а особенно Фуггерам, едва ли третью часть [товаров], и то только медь и латунь.

Ногайские татары повоевали перекопскую орду. Тогда же перекопские татары, хотя и не наезжали на русские земли благодаря заключенному в Бресте Литовском перемирию, однако, собрав более тридцати тысяч конного войска, вторглись в Валахию. Против них с валашским войском двинулся воевода Богдан. К нему на помощь прибыли также четыре тысячи поляков с гетманами Станиславом Ландскоронским [78] и Творовским [79] и более восьмисот венгров, болгар, а также сербов и турок — гусар, [которых] Богдан за деньги призвал из Фракии. Все христиане были построены как следует и имели полную надежду на победу. Но в это время ногайские татары, прослышав, что перекопские выступили в Валахию, сразу же вторглись в Перекопскую орду, которую жестоко повоевали вдоль и поперек. Перекопский царь, проведав об этом, тут же повернул из Валахии обратно — защищать свою орду, однако не догнал (niz przyciagnal), так как ногайцы, нахватав много добычи, убежали с ней за Волгу. И вот так из-за бед среди самих язычников Валашская земля на этот раз была спасена от великого разорения.

Междоусобицы в Турции. Тогда же в турецких землях была великая смута, ибо Салембег (Salembeg) или Селим, сын императора Баязета, покушаясь на жизнь своего отца и желая после него завладеть Турецкой империей, завладел отобранной у отца Кафой, знаменитым портовым городом, лежащим у Черного моря в Перекопе [80] (который дед его Магомет до этого отобрал у генуэзцев), а также взял Белгород и Килию, портовые города в Валахии. **Сын Селим против отца Баязета.** И, посадив в портах Черного моря своих янычар, вместе с перекопским царем бунтовал против отца Баязета, который тогда, утомленный

старостью, и так имея достаточно бед от персидского короля Сефи (Sophiego) [81] и потеряв много войска, перебитого персами, уехал из Константинополя в Адрианополь, город, лежащий в пяти днях езды от Польши. **Адрианополь над рекой Черноменом [82].** А Адрианополь не так хорошо укреплен, как я сам видел, ибо стены развалены и разбросан на три мили по горам. Поэтому Селим, улучив момент, собрал войско из перекопских татар, сербов, болгар и турок из своих сторонников и двинулся против отца Баязета к Адрианополю. **Баязет поразил сына Селима.** Узнав об этом, бедный отец Баязет выступил против злого сына с войском и в завязавшейся битве поразил его так, что Селим едва удрал с сыном перекопского царя [83]. В 1575 году нам случилось заночевать на месте этого поражения, в дне пути от Адрианополя, и я сам видел явные следы битвы, которые показывали мне болгары.

Однако вскоре после этого, в 1512 году, престарелый император Баязет уступил натиску своего сына (когда к тому переметнулись все янычары) и при жизни передал ему Турецкую империю, а сам получил на содержание город и провинцию Амасию в Сирии, где потом умер на второй день после приезда. **Амасия — провинция в Сирии, куда турецкий император обычно посылает старшего сына** [чтобы ею] **управлять.** После его смерти другой сын Ахмат Солтан, взяв в помощь персов, с большим войском выступил против брата Селима. И когда обе стороны сошлись попытать счастья в битве за престол императора, Ахмат с персами потерпел поражение [84]. Схваченного брата Селим приказал обезглавить топором, и так окончательно овладел Турецкой империей после жестокого кровопролития, убив отца и брата [85]. Сын убитого Ахмата бежал к персидскому королю, который выдал за него свою дочь [86]. Потом, добиваясь наследства и мстя за смерть отца, он многократно поражал Селима и войной чинил ему неисчислимые беды.

Посол Ласковский, потурченный поляк. После этой победы Селим прислал к королю Сигизмунду своего посла Ласковского, потурченного (poturczonego) поляка, войтовича из местечка Мосциск (Moscisk). И тот на турецком языке через толмача исполнил свое посольство такими краткими словами: «Салембег, новый турецкий император, с тобой, король Сигизмунд, желает поддерживать тот мир, который сохраняли его дед и отец». А король Сигизмунд то же обещал турецкому императору и отослал посла в июле месяце 1512 года.

В том же году по совету брата Владислава, венгерского короля, король Сигизмунд с княгиней Ядвигой из Тренчина (Trzecina), вдовой семиградского воеводы Стефана, сговорился взять в жены ее дочь Барбару [87], за которой в 1512 году отправил познаньского епископа Яна Любраньского, сандомирского каштеляна Кшиштофа Шидловицкого и великопольского старосту Лукаша из Горки. И те с блестящей и представительной свитой выехав из Кракова, через Силезию и Моравию приехали в Тренчин. И, взяв с собой нареченную (nova obulbienice) короля Сигизмунда, воротились в Польшу. Ее провожали мать Ядвига, брат Янош, воевода Семиградский, а позднее венгерский король (женой которого была Изабелла Сигизмундовна), [88] и дядя Казимир, князь Цешинский [89], с восемью сотнями конных. А когда 5 февраля приехали к Моравице близ Кракова, там и заночевали. В пятницу утром король Сигизмунд с пышной свитой выехал к ней навстречу. **Князь Бергенский с 700 конными** [прибыл] **на свадьбу.** А приглашенный на эту свадьбу бергенский [90] князь Георг (Jerzy), приехал тогда с семью сотнями конных в сияющих

доспехах, и вскоре король его приветливо принял. Затем на приготовленном и украшенном возке приехала невеста княжна Барбара с матерью и, когда сошла с возка, ступила на сукно и была приведена к королю. От имени короля и сената первым ее приветствовал гнезненский архиепископ Ян Лаский, потом латинской речью ее поздравил папский легат Ян Стафилеус и другие. Потом король Сигизмунд, взяв ее к себе на сани, поехал в Краковский замок, а в последнее воскресенье поста [она] была отдана королю в замужество и коронована гнезненским архиепископом Яном Ласким. На этих церемониях присутствовали львовский архиепископ Бернхард Вилчек и все епископы Польши и Пруссии, а также аббаты, коронные и литовские паны, послы от королей Владислава Венгерского и Людовика Чешского, от силезских князей и от прусского магистра, а также князья Ежи Бжегский и Бартоломей Силезский, вроцлавский епископ Ян Турзо, папский легат Стафилеус, вдовые княгини Мазовецкая и Рациборская, послы от венгерских и чешских епископов, от саксонского князя Георга (Jerzy) и бранденбургского маркграфа Фридриха, от валашского и семиградского воевод. И других литовских и русских князей и панят было очень много. После исполнения обычных церемоний и щедрого королевского обеда, как тогда требовал [обычай], долго устраивались ежедневные танцы, разнообразные развлечения, турниры, фехтования и другие рыцарские игрища. В турнирах с копьями первенствовали среди других и взяли приз доблести поляки Ян Тарло и Яроцкий и королевский дворянин силезец Рехенбергер. **Отличившиеся бойцы: поляки Ян Тарло и Яроцкий и** [силезец] **Ян Рехенбергер.**

Глава седьмая

О поражении 25 000 перекопских татар под Вишневцем от поляков и литовцев в 1512 году.

Царь Менгли-Гирей.
Когда король Сигизмунд в Кракове с новой королевой был
Он о перекопском царе Менгли-Гирее [91] весть получил,
Что тот голову поднял и в русские земли [92] с войском идет,
Узнав, что король с коронными панами празднует и пьет.

Pater patrias (отец отчизны)**.**
Истинный отец отчизны, король, свою родину любить
Не забывал, и кровавый языческий меч хотел отбить.
Поскорей послал своих дворян на помощь солдатам,
Которые квартировали по подольским хатам.

Князь Константин Острожский, гетман Литовский.
Шляхта и русские рыцари по долгу своей чести
Против татарской жестокости выступили все вместе.
С другой стороны, из Литвы, прибыл, и не один,
А с литвой и с волынцами гетман князь Константин.

25 000 татар.
Татар двадцать пять тысяч и больше было,

Которые жестокой и зверской силой
Русский край до основания разорить хотели,
Ибо Менгли-Гирея царя при себе имели [93].

Станислав Ландскоронский, гетман польный.
А когда пустили загоны под Белки (Bielke) [94],
Польный гетман Ландскоронский [95] собрал полки,
С наемными солдатами семьсот их поразил,
Чем наших ободрил, а язычникам навредил,
Ибо ни одного живого из них не оставили,
А полон и всех пленников от неволи избавили.
С этой полной победой себя поздравляли,
Везде добровольцев на войну собирали.

3 000 литовских добровольцев.
Поляки и русские тоже собрали
Своих, и под Вишневцом лагерем встали.
Гетман князь Константин три тысячи литовцев
Привел: храбрых и рвущихся в бой добровольцев.

Князь Константин единогласно избран гетманом.
При нем был князь Михал Вишневецкий [96] с сынами
И князь Андрей Збаражский [97] — из них гетманами
Каждый мог быть, однако из них ни один
Не был так уважаем, как князь Константин.
Станислав Ландскоронский, рыцарь мужественный, славнейший,
После первой победы над татарами осмелевший,
С полком своих солдат все их войска разведал,
И точное число врагов отлично ведал.

Мудрые занятия князя Константина.
А князь Константин с коронными панами обсуждал,
Как бы он все наши полки против татар расставлял.
Против силы поганых всегда хитрость находил,
Ибо прежде с ними уже сто раз дела водил.
Об их обычаях и способах боя рассказал,
Но и другие мнения он слушал и уважал.
Как мудрый гетман, он все мог умом охватить,
Показывал, как встать в бою, как гнать и как бить.
Затем Ландскоронский приехал со стражи ночью,
Сообщив о войске язычников и их мощи.
Татары тогда стояли лагерем спокойно,
А беспечных можно бить очень даже пристойно.

Стремление наших.
Эта новость немедленно всех вдохновила

И сердца против язычников устремила,
Чтобы либо умереть, либо победить поскорей.
Похваляясь, каждый хотел впереди встать на челе.
Князь Константин, видя в них такое желание биться,
С своей литвой к полякам спешил присоединиться.
Вместе с волынцами их едва ли шесть тысяч было [98],
Хотя каждому с десятком поганых биться мило.
По дороге из Вишневца двинулись к татарам,
И во время движения вдруг случилась свара:
Гетманы поспорили, кому впереди всех в бой вступать.
И поляки, и литва хотели первыми начинать.

Мудрый совет Константина.
Князь Константин Острожский первенство оставлял за собою,
Говоря, что все знает об их строе и способах боя,
Что на это жизнь потратил и все дела их знает,
Знает все их хитрости, и кто как лагерь охраняет.
Поэтому (говорил) мне с литвой первым надо биться,
Ибо кто чего изведал, тот того не так боится.
А что полякам вперед протиснуться нужно,
Не зная татар, так это будет лишь хуже.
Ведь если с самого начала дело не так пойдет,
Все остальное войско смешается и пропадет.
Так мудро советовал Константин, а поляки
Твердили: мол, и у нас есть добрые юнаки,
Которые и в Германии, и в Италии, и во Франции бывали,
И в школах фехтования себя неплохо проявляли [99].

Отповедь князя Константина.
Князь Константин на это отвечал умно,
Что у нас сабля и сайдак — это одно,
А в Италии и Германии совсем иное
Оружие, враг другой и сражение другое.
И с татарами надобно иначе воевать,
Чем с итальянцами, а там уже Богу решать.
Пока князь Константин все это подробно объяснял,
Пришло известие, что кто-то уже татар видал,
Сюда идущих. Споры стихли, как по приказу,
Ибо те, кто рвались вперед, оробели сразу.

Построение наших.
Но построились быстро и вполне прилично.
А князь Константин, истинный Гектор обличьем,
Разъезжал с булавой и всех подбадривал весело,
А с правого фланга литовцев поставил на чело.
Краковский воевода Миколай Каменецкий, как

В древности Ганнибал, облачившись в чубатый штурмак [100],
Конных поляков строил на левом фланге войска,
А в средний полк люд самый надежный и геройский
Собрал. Там шляхтичи и паничи встали,

И у всех на битву аж сердца скакали.
Перед средним полком солдатские роты стояли
И свою врожденную храбрость показать желали.
Стояли, готовые к схватке великой,
Слыша издалека татарские крики.
А князь Константин, желая сам за всех постоять,
В сторону отвел литовцев и волынскую рать.
Поодаль от поляков свои полки поставить
Он решил, чтобы с горки вниз на татар ударить.

Внешний вид, убранство, конь и речь князя Константина.
Будто Геркулес, булаву тискал и вздымал,
Каждого братом звал и дух ему поднимал.
Конь резвый под ним, быстрый, вороной и белоногий,
Подковой землю рыл, любя военные тревоги.
В ладном бехтерце [101], голову штурмаком защитил,
Побуждая к битве, такие слова говорил.

Речь [князя Константина, обращенная] **к рыцарству, правдиво пересказанная с русского [102] польскими виршами.**
«О, товарищи мои, товарищи дорогие,
Великая нужда в эти минуты роковые
Велит мне не молчать и к вам обратиться,
Ибо вы видите, что у нас творится.
Ах! Ах! Как удручена и как потоптана
Чужими ногами и саблей покромсана
Ныне земля наша, которая и мила нам
Была, и надежд полна, а теперь поругана.
Услышьте, как несчастные пахари к нам взывают,
Которых из опустошенных домов изгоняют.
Взгляните, как толпы пленников в путах ведут,
Пани и панянок на их же возах везут
На стыд и позор, а мужей в тяжких цепях гонят в полон.
От такого горло перехватывают слезы и стон,
Ибо видим, как братья наши стенают
В путах, горьким плачем небеса пронзают
И только на нас возлагают все свои надежды
С женами и детками быть свободными, как прежде.
Но мы еще сумеем их жизни защитить,
Хотя домов и полей их успели лишить.
Поглядите, как неприятель близок: он спешит,

Пашни, урожай, селения — все подряд крушит.
Городки и фольварки, которые нашими были,
Уже порушили, в конские пастбища обратили.
Кто же такое снесет, кто же будет терпеть,
Можно ли в сердце столь подлый умысел иметь?
Вот и пришел горький час, мы уже видим его
Пред собой: татарина, поганца жестокого.
А потому надо оружие в руки брать
И светлые сабли храброй рукой извлекать.
Если замешкаемся из-за причин каких -
Под седло пойдем и оседлают нас самих.
Так что долго не ждите, оружие в руки берите
И как можно скорее на помощь собратьям спешите».

Схватка с татарами.
И лишь только это сказал, услышал крики вдали:
Несколько татарских полков на них от лагеря шли.
Крик Алла! Алла! рев и грохот ужасный,
А рассвет разгонял зарей Титан ясный.
На Константина татары обычным строем
Ударили, а он с войском своих героев
С ними охотно схватился. Сыпались стрелы, как град.

Смелость Константина.
Князь Константин литовцев своих приободрить был рад,
Кричал: «Ну, братцы, с вами вместе мы все сможем!
Я вас не брошу, пока головы не сложим!»
На измор рубились, аж ряды свои смешали,
Литва и волынцы мужеством одолевали,
Татары же числом своим побеждали,
Литве они в храбрости не уступали.

Призыв князя Константина.
Князь Константин все видит и подмечает,
Что сила татар литву одолевает.
И к польским полкам приказал гонцов отправить
С призывом к полякам татарам в бок ударить.
Ведь поляки стояли, пока литовцы сражались,
Кликнул Константин: «Гей, в ком мужские силы остались,
Милые братья, выручайте! Хватит ждать!
И мою, и вашу честь надобно спасать.
Счастье в бою всегда выпадает храбрецам,
Слава им, а позор нерешительным бойцам».

Смятение литовцев.
А татары литву начали так донимать,
Что уже некоторые собрались бежать.

Войцех Самполенский и Бернард Потоцкий.
Тут Войцех Самполенский и Бернард из Потока
Смело литовцев поддержали с левого бока.
Князь Константин снова всех впереди быть желал
С ротой своей, в середину литовцев въезжал,
Зовя их на бой, ибо те уже бежать хотели,
Но при добром гетмане они сразу осмелели,
Снова на татар ринулись могучим броском
И больше тысячи их положили рядком.
Сразу же счастье от поганых отвернулось,
Их полки смешались, в груди захолонуло.
А князь Константин с литвой, смелей напирая,
Взывал: «Гей, в ком есть любовь к отчизне святая,
Пускай ее проявит и славу свою
Каждый у всех на глазах подтвердит в бою».
Литовцы, распаленные гетманским словом таким,
Когда уже солнце пламенем расцвело золотым,
Несколько гуфов татарских побили наголову,
Другие бежали, имея лошадей здоровых.

Татарская сила на Константина.
Видя это, царьки, что у коша стояли,
Сразу на помощь своим татарам примчали
С главным войском ордынским, с мурзами, с уланами,
А в лагере с пленниками осталось мало их.
Но про силу князя Константина они знали,
Поэтому сразу все на него нажимали,
Зная, что если вынудят Константина бежать,
Польскому вальному гуфу татар не удержать.

Снова битва.
И по правому флангу с гиканьем весь татарский отряд
Ударил, но константиновцы [103] их отшвырнули назад.
Снова битва началась, стрелы страшно свистали,
Поднятой пылью солнце ясное затмевали.

Мужество поляков.
Как только поляки увидели, что татары наседают
На князя Константина, то сразу, сигнала не дожидаясь,
Четырьмя ротами [104] ему на помощь прибыли,
А поганые тех уж окружили и скрыли.
Но и польских рот уже не видать, ибо смело пробили

Строй татар они и по два-три язычника зарубили.
А князь Константин криками их воодушевляет,
С казаками своими танцы татар прерывает.
Потом польские роты одна за другой
Пошли в наступление, соблюдая строй.
Средний гуф вальный, в котором польская сила стояла,
Так по татарам ударил, аж вся земля задрожала.

В третий раз битва.
Бубны, трубы ревут, лязг доспехов, треск ружей, ржанье коней,
Алла! раздается с татарской стороны, а с нашей: гей, гей!
Язычники в третий раз с нами в битве сошлись.
Князь Константин кричит: «Гей, ну же, детки, взялись,
Победа уж наша, следует лишь поднажать
Да и пленных собратьев пора освобождать».

Рыцари из пленников.
Одна польская рота через центр татарский
Пробилась к пленникам — там, где был лагерь царский.
На татар, которые полон сторожили,
Ударив, всех до единого перебили,
Другие развязывали пленных, которые руки
К небу с плачем вздымали, пережив немалые муки.
Как только друг друга они, наконец, развязали,
Жалкие пленники храбрыми рыцарями стали.
Кто что мог: одни топоры, другие дубины взяли,
Оттолкнули спасителей, с тыла своих поддержали.

Татары поражены.
А поганые в страхе надежд не имели
Ни на ночь, ни на счастье, бежать лишь хотели.
По полям разбежались; наши их били и гнали,
Хлопы у рек переправляться татарам мешали.
Все поля были трупов поганских полны,
Мало кто уцелел и дошел до орды.
Сам царь с немногими ушел [105], однако перебили
Виднейших мурз, зятя царя и трех царьков убили.

Сто убитых поляков и литовцев.
Из двадцати пяти тысяч совсем мало их убежало,
А наших с литвой не более сотни убитыми пало [106].
Так через добрых гетманов Господь чудеса являл,
Не силой, но собственной властью победу даровал.

Добыча, [взятая] **у татар.**
Пленных мужей, жен с детьми шестнадцать тысяч

Освободили и весь полон с добычей:
Свыше десяти тысяч татарских коней отличных,
Шатров и верблюдов, одежд и доспехов различных.
На Лопушнянских полях, где эта битва велась,
Крови поганых земля так обильно напилась,
Что долго поле, без навоза плодородное,
Кормило пахарей в эти годы голодные.
И ныне крестьянин, когда с плугом трудится,
Сломанным длинным пикам все еще дивится,
Выкапывая сайдаки, стрелы, копья ржавые,
Находя там челбатки [107] и ермолки кровавые [108].

Лопушня. Случилась та славная битва и достопамятная победа 28 апреля 1512 года в день Святого Виталия под Лопушней [109]. Константин Иванович Острожский, славной и святой памяти князь, Великого княжества Литовского гетман, одержал в ней величайшую победу (dank), когда под его началом и предводительством этот истинный триумф Господь Бог привел к счастливому концу.

Польские паны в битве с татарами. Из Польши там были следующие виднейшие в коронном и русском войске паны: коронный гетман Миколай Каменецкий, краковский воевода и староста [110], Ян Одроваж из Спровы [111], подольский воевода Отто из Ходча, коронный маршалок и староста львовский Станислав из Ходча, Мартин Каменецкий, Ян Амор из Тарнова, Станислав Ландскоронский, Ян Свирчовский, Ян и Миколай Пилецкие, Петр и Станислав Кмиты, доблестные и сведущие в рыцарском деле мужи, и много других панят и коронных шляхтичей, которые в тот час проявили необычайное стремление к обороне отчизны. А из литовских княжат и панят при князе Константине Острожском виднейшими были: князь Андрей из Збаража и князь Михал Вишневецкий с [сыновьями] князьями Иваном и Александром, князь Александр Чарторыйский, Юрий Радзивилл и [большой] список других княжат и панят. И в некоторых других местах в двенадцати упорных битвах поляки нанесли поражения татарским загонам, с Волыни и с Подолии доходившим в то время до Львовской, Бельской, Бужской, Люблинской [земель] и до Красного Става.

Когда об этой победе сообщили королю в Краков и привели множество пленников, с торжественными церемониями благодарили Господа Бога за столь великое и не заслуженное [ими] благодеяние.

Изменение обычаев у поляков. Говорили также, с чем согласны и все историки и старые люди, что с тех пор после этой победы поляки отказались от грубых обычаев: перестали носить длинную и тесную одежду с вознесенными над головой воротниками (которые теперь снова входят в моду) и стали коротко подстригать волосы, которые до этого носили заплетенными в длинные косы, надоевшие им еще после того поражения от валахов на Буковине. Отказались от

чрезмерного пьянства и обычной постоянной болтовни и начали подражать [своему] набожному королю в его трезвости и других достоинствах. И вот так с того времени

поляки воистину будто бы заново кожу переменили, и их грубые обычаи переродились в утонченные.

Еще больше наказаны. И когда вот так татары были как следует наказаны нашими с помощью Бога, 13 мая в Краков приехал посол от перекопского царя Менгли-Гирея чтобы возобновить мир, заключенный в прошлом году в Бресте Литовском. А чтобы король дал этому полную веру, сказал, что царский внук Диял-ад-дин Солтан (Dialaldin Soltan) едет в Вильно в заложники. Когда это случилось, король заключил мир с татарами, но царек Диял-ад-дин, так и не повидав короля в Вильне, в феврале месяце 1513 года умер от лихорадки. А татары, как народ языческий и непостоянный, несмотря на перемирие, часто устраивали набеги на литовские и коронные земли.

Петркувский каменный замок. Король Сигизмунд из Кракова поехал с королевой на сейм в Петркув, а оттуда двинулся в Познань. Петркувский замок в это время начали отстраивать в камне (murowac), а закончили только в 1519 году.

Образ Святого Станислава. В том же году король приложил усилия для украшения Краковского замка, за большие деньги заказав в Нюрнберге искусный серебряный образ Святого Станислава, который видим за оградой в церкви С[вятого] Станислава в Краковском замке, и там же поставил перед большим алтарем латунную гробницу своему брату кардиналу Фридерику.

Ссора с императором Максимилианом. В том же году император Максимилиан сильно рассорился с королем Сигизмундом отчасти из-за того, что тот женился на Барбаре вместо его внучки, дочери испанского короля Филиппа, отца Карла Пятого, которую он сам ему сватал, а отчасти из-за того, что на Познанском съезде, на который он отправил было своих послов, как об этом говорилось выше, король не хотел возвращать Поморскую и Прусскую земли прусскому магистру. И поэтому [Максимилиан] подружился через своих послов с московским князем Василием, дружески обещая ему во всем помогать против Польши и Литвы. Понадеявшись на это, московский [князь] забыл о перемирии, [заключенном с ним] Яном Сапегой и потом подтвержденном его великими послами в Кракове и в Вильне, и частыми набегами Михаила Глинского чинил великие беды в литовских владениях и на Смоленск часто покушался, хотя и неудачно. Так шли дела в Польше и Литве в 1512 году.

Бранденбургский маркграф Альбрехт — прусский магистр. В том же 1512 году бранденбургский маркграф Альбрехт, рожденный от польской королевны Софии Казимировны, сестры Сигизмунда, был избран великим магистром Тевтонского ордена в Пруссии и с обычными церемониями был триумфально возведен на престол в Кёнигсберге [112]. Своему дяде королю Сигизмунду [он] не хотел принести полагающейся присяги и признать себя вассалом польской короны, напротив, по наущению императора Максимилиана и других князей империи [он] усилил прусские замки кнехтами и рейтарами против Литвы и Польши и хотел противостоять польскому королю силой, как об этом опишем ниже.

А 25 марта 1513 года королева Барбара родила в Познани первую дочку, которой дали имя Ядвига (Edwiga).

Послы на собор. В том же году гнезненского архиепископа Яна Лаского с калишским каштеляном Станиславом Остророгом отправили на Латеранский собор, созванный папой Юлием, а когда папа Юлий умер, на его место вступил Лев Десятый. Потом Лаский с Остророгом исполняли посольство от короля у венецианцев (u Wenetow), а также у нового папы в Риме отстаивали интересы короны против прусских крестоносцев.

Посполитое рушение на Москву. А король Сигизмунд, живший в то время в Познани, получил известие, что великий князь московский Василий с помощью Михаила Глинского устраивает частые набеги на литовские края. И поэтому король Сигизмунд приказал литовцам готовить посполитое рушение [113] на войну с Москвой.

Умерла Елена. В том же 1513 году, 29 января, в Литве умерла королева Елена, дочь предшествующего московского [князя], оставшаяся вдовой после короля Александра. **Деревянный Виленский замок сгорел.** А потом, 21 февраля, сгорел и нижний Виленский замок, незадолго до этого построенный с большими расходами и разнообразными украшениями, хотя и из дерева.

Приготовления московского [князя] **к войне с Литвой.** Московский князь, узнав о смерти своей сестры Елены, тем более стал искать повода к войне с королем Сигизмудом и литовцами. Через Лифляндскую и Прусскую землю [он] отправил своих послов к императору Максимилиану, прося у него корону Королевства Московского и всей Руси. Также склонял его к соглашению, чтобы тот с Германской империей и с прусскими крестоносцами с одной стороны шел войной на Польшу, а он с лифляндским магистром с другой стороны [начнет войну] с Литвой. А Михаил Глинский послал в Силезию, Чехию и Германию немца Шляйница (Schleinica), который за деньги нанял очень много рейтаров и кнехтов и через Лифляндию привел их в Москву. Да и между нашими были некоторые, особенно холопского народа, которые тайно брали от Глинского деньги, а главным ротмистром у них был краковский мещанин чех Лата или Лада. Он был пойман на московской границе, отослан в Краков и казнен.

Сейм в Радоме. С другой стороны, взбунтовались пруссы и лифляндцы, и из-за этих злых начинаний король, временно избегая небезопасной войны, в июне месяце собрал в Радоме поляков на коронный сейм, на котором решили утвердить мир и союз, недавно заключенный с перекопским царем. Урядив дела Короны, [король] прямо с сейма уехал в Литву.

Мышковский убил к[нязя] **Заторского.** В то время опытный и сведущий в рыцарских делах муж Вавржинец Мышковский, неправедно обиженный (majac krzywde) Яном, князем Заторским, покорно просил короля о справедливости в Радоме. Король отложил это до своего приезда в Литву, однако написал князю Заторскому, чтобы Мышковского пока не обижал. Но князь не обратил на это внимания; мало того, узнав, что король выехал в Вильно, он перекрыл воду для его прудов (stawow). Тогда Мышковский, не в силах долее терпеть этой кривды, ради отцовой земли (gruntu) отважился рискнуть

жизнью и сам поехал к князю, который был тогда на охоте. И как только они вдвоем отъехали далеко от слуг, Мышковский стал вежливо (pokornymi slowy) просить князя, чтобы более ему кривды не чинил. Но князь грозил ему еще большими бедами, и Мышковский, разгневанный этой отповедью, выхватил меч и насквозь пронзил князя между лопатками, сказав, что раз не может добиться справедливости, будет чинить ее войной. Князь тут же упал с коня и умер еще до того, как прибежали слуги, а Мышковский уехал знакомыми стежками (scieszkami), и его не смогли схватить.

Заторское княжество [отошло] **к Польше.** И вот так Заторское княжество с тех пор потом превращено в староство и в соответствии с давним соглашением с королем Казимиром присоединено к Королевству Польскому [114], ибо князь скончался без потомства. А бедняга Мышковский, будучи в великой опасности для своей жизни, долгое время различными способами искал милости у короля и у друзей убитого князя и, не найдя ее, уехал в Литву. И потом в 1514 году в той славной войне с Москвой под Оршей проявил великое мужество и доказал свою выдающуюся храбрость, громя неприятельские войска. И за эту доблесть, когда гетман произвел его в ротмистры, король вернул ему прежнюю милость. А потом [Мышковский] добился прощения и у друзей убитого князя. Но об этой битве будет ниже.

Московский [князь] **не согласился на мир.** Как только король Сигизмунд выехал в Литву, он сперва созвал сеймик в Мельнике, а вскоре после этого, договорившись в Вильне с литовскими панами радными, послал к московскому [князю] — любыми способами искать с ним мира. Но когда московский [князь], пренебрегая (zhardziawszy) лифляндской, императорской и прусской помощью, повоевал владения Литвы, не желая даже слушать про мир с литовцами, король Сигизмунд, видя, что на насилие следует отвечать насилием, послал подарок перекопскому царю.

Перекопский царь хорошо послужил Литве. И тот, в соответствии со своими обязательствами вторгнувшись в Московскую землю, вывел [оттуда] великое множество людей и добычи. И опустошил вдоль и поперек волости до самого Стародуба, поразив несколько московских заслонов (zastepow). И этими вторжениями перекопский царь отвадил (odwiodl) московского [великого князя] от воевания литовских земель в 1514 году. Вот и все (tylkoz) события 1513 года, достойные описания.

О взятии Смоленска.

Москва повоевала литву. На другой 1514 год Сигизмунд, будучи в Вильне, с литовскими панами радными установил сбор. За деньги, которые стараниями добрых налогоплательщиков быстро были полностью собраны, наняли конных и пеших солдат, а литовские паны тоже готовились к войне с [собственными] отрядами. Но пока наши готовились, московский князь Василий послал в Литву очень большое войско и повоевал литовские края вдоль и поперек.

Смоленск осажден. Также и Смоленский замок, лежащий над Днепром и хорошо защищенный самой природой и своим положением, стенами с зубцами (blankami) и срубленными из дуба избицами (izbicami), набитыми землей, с большими силами осадил

16 мая 1514 года. **300 орудий под Смоленском.** И говорят, как пишет и Деций, что в то время [у московитов] под Смоленском было триста больших орудий, из которых замок постоянно обстреливали целых двенадцать недель. **Москва отбита от Смоленска Сологубом.** Но Сологуб, в то время бывший там наместником [115], хорошо и умело храбро оборонялся и отбил несколько московских штурмов. И тогда московский [князь] отступил от Смоленска.

Старания Сологуба по защите Смоленска. Тем временем [Василий] ходил там и сям с войском, чиня беды княжеству Литовскому, потом снова подступил к Смоленску и добывал его, измысливая всякие способы и постоянно устраивая штурмы. Но когда второй раз потерял несколько тысяч человек, уже думал было отступить в конце июля месяца, ибо и Сологуб мужественно оборонялся, и король Сигизмунд 22 июля выступил было из Вильно на помощь смолянам.

Но Михаил Глинский, когда московский [князь] пообещал ему Смоленское княжество со всеми прилегающими [землями], если он им завладеет, сразу же затеял тайные дела (praktiki) с солдатами и с другими смоленскими боярами. И того, чего московский [князь] не смог добиться силой, того Глинский добился хитрыми уговорами и предательскими обещаниями (которые потом подвели и его самого), постоянно сговариваясь с осажденными. **Ибо московский [князь] обещал ему Смоленское княжество, если он захватит замок, но получил он за это путы и темницу.** И в замке нашлось очень много изменников, а в конце концов все пожелали сдать замок. Сологуб их от этого отговаривал, обещая от короля скорую помощь, ибо тот уже подступил к Минску. Но когда все смоляне согласились сдаться, Сологуб более не мог противиться их несговорчивости. И вот так тогда славный и неприступный Смоленский замок, который, когда им завладел Витольт, лет сто принадлежал власти Литовского княжества и 12 лет противился московскому [князю], как пишет Йодок Деций, 30 июля по уговору был сдан Михаилу Глинскому. На следующий день сам Василий, великий князь Московский, въехал в замок, где по русскому обычаю отслужив молебен в самой главной церкви, обобрал (zlupil) все сокровища замка из золота, серебра, жемчугов и других драгоценностей, отослав в Москву огромную добычу. Но под Смоленском потерял так много людей и понес такие убытки, что легче было бы выстроить два новых таких замка.

Не раз этот Смоленский замок обливался московской и литовской кровью, ибо прежде Иван Васильевич, дед нынешнего московского князя, при королях Казимире, Ольбрахте и Александре добывал его в течение 12 лет у Глеба Вяжевича (Wiazowicem) и потом у его сына Юрия Глебовича Монтивидовича (Montiwidowicem), который был [назначен] Александром смоленским воеводой после своего отца Глеба Вяжевича. **Глеб Вяжевич Монтивидович, воевода смоленский [116], и его сын Юрий Глебович [117] обороняли Смоленск 12 лет.** А когда умер Иван Иванович [118] Московский, его сын Василий Иванович снова с великими силами осадил Смоленск, защищаемый тем же Глебовичем, но после нескольких неудачных штурмов сам отъехал в Москву, оставив за себя двух гетманов, северских князей Шемячичей (Siemiatczicow), которые перед этим переметнулись от Литвы к Москве. И когда те постоянной и ожесточенной стрельбой уже посбивали зубцы и, проделав в стене большую дыру, пошли на штурм, Миколай Глебович [119], сын того Юрия, лишь недавно отпущенный из Москвы после своего пленения на

Ведроши, из-за пожилого возраста отца взял на себя командование замком и долгое время мужественно оборонялся. Но когда московиты усиленным обстрелом еще больше порушили стены и зубцы и опять пробили уже вторую дыру, Миколай Глебович вступил в переговоры с их гетманом, прося небольшой передышки, чтобы подумать о сдаче замка. Гетман московский дал ему на размышление одну ночь с условием, чтобы в замке не было слышно даже стука топора [120], а утром чтобы все сдавались. **Хитрость Миколая Глебовича: пила вместо топора.** Тем временем Глебович, соблюдая условия соглашения, приказал топорами не рубить. Но, решив защищаться до последнего (do gardla), вместе с верным себе литовским и русским смоленским рыцарством, с Сапегами, с Копцями, с Мелешками, с Грицинами (из которых Войновы), Масальскими и прочими (которые перешли к Литве, ибо московский [князь] отобрал их имения), работая пилами вместо топоров, сделали мощные деревянные баррикады (tarassy) и избицы (izbice) и за одну ночь залатали эти бреши. Когда московиты наутро это увидели, они упрекали Глебовича за [то, что он не сдержал своего] слова, а тот отвечал, что условия и клятву не нарушал и работал не топором, а пилой, от чего не зарекался. И он неповинен в том, что в нужде, которая учит, пилами починил замок. **Москва отбита от Смоленска Глебовичем, а от Мстиславля — князем Соломирецким.** Старший московский гетман, видя это, а к тому же и то, что в предыдущих штурмах убито очень много людей и все рвы полны трупов, обругав Глебовича по своему обычаю и плюнув, снял осаду и в 1501 году отступил с войском под другой литовский замок — Мстиславль (Mscislaw). Но и там не преуспел, отбитый старостой князя Соломирецкого. Вот так и у литвина можно научиться всяким таким хитростям, не ездя в Италию. Однако этот Миколай Глебович, правнук Монивидов, потом умер там же в Смоленске [121]. А его отец Юрий из-за старости и скорби по сыну передал Смоленск королю Александру, взяв от него Волковыйск [122]. Но вернемся к нашему рассказу.

80 000 московитов [идут] **на Вильно.** Осмелевший московский [князь] со всех своих московских замков собрал бояр и воинских людей, так что всего войска набиралось (zgromadzil) тысяч сто. Уверенный в своей силе, сам остался в Смоленске, а своих гетманов и восемьдесят тысяч конного войска направил на разорение Великого княжества Литовского. Те двинулись к Орше и к Друцку (Odrucku), а оттуда повернули прямо на Вильно.

Узнав об этом, король Сигизмунд двинулся из Минска к Борисову, имея с собой тридцать тысяч отборного конного и пешего люда. В то время король возлагал большие надежды на Михаила Глинского, который пытался [с ним] помириться и перебежать от московского [князя] к Литве. Ибо, как я писал об этом выше и как свидетельствует Герберштейн в *Commentariis Moschoviticis* [123], имел такой уговор с московским [князем], что, если он каким-нибудь способом добудет Смоленск, московский [князь] должен будет отдать [его ему] во владение [вместе] с замком и со всем княжеством.

Глинский мирится с королем. Но когда после взятия Смоленска Глинский напомнил об этом уговоре, московский [князь] только кормил его напрасными надеждами, чего Глинский не мог стерпеть. И, по совету короля Венгерского и Чешского Владислава, не сомневавшегося в милосердии короля Сигизмунда, послал в Борисов одного верного

слугу, прося короля о милости. Мол, если тот соизволит отпустить ему прежние вины, то он хотел бы [уйти] от московского [князя] и вернуться в Литву.

Измена открылась. Королю Сигизмунду было очень приятно (wdzieczne) это посольство, ибо он понимал, что без советов Глинского [излишне] смелым московитам будет легче ошибиться в устроении своего войска. Но как только король поведал об этом трем панам, которым наиболее доверял, это [сразу же] стало известно и московскому [князю]. А также московская стража схватила первого посланца с королевскими письмами, который был послан к Глинскому с обещанием принять его в прежнюю милость. И когда его с письмами быстро препроводили к московскому князю, измена Глинского открылась. **Глинский схвачен.** И Великий Князь [124] приказал того также схватить и отправить в Москву в заключение.

Тогда же король послал было некоего польского шляхтича Трепку с другими письмами к Глинскому, уверяя того в своей милости и не ведая, что случилось с ним и с первым посланцем. Чудак (chudziec) Трепка, чтобы лучше послужить королю и Глинскому, решил прикинуться перебежчиком, а другие говорят, что папским легатом, что более вероятно, ибо в то время у короля в Вильне легатом от папы Льва был Пизо [125], человек известный, стремившийся помирить московского [князя] с королем, но король примирения не хотел и, поблагодарив легата, отправил его назад к папе.

Московиты пытают Трепку. Его верность и терпение. И этот Трепко [Trepko] решил тогда прикинуться папским легатом, ибо хорошо умел говорить и по-венгерски и по-итальянски, но с этой хитростью ошибся, ибо московиты его поймали. Его отдали на пытку и припекали огнем, привязав голого к большому железному вертелу и поворачивая, как жаркое (jako pieczenia). Кроме того, [прижигали] ему голову, ногти и голени выворачивали, и разные другие муки над ним измышляли. Однако он так крепко хранил королевскую тайну, что все повторял точно так же, как и в первый раз. И московский [князь], после долгих мук вылечив его и щедро одарив, отпустил в Литву. **Славной памяти князь Юрий Слуцкий, как он сам мне говорил, потом как-то видел этого Трепку, уже старого, со следами этой пытки.** Отсюда следует, что он выдавал себя за папского легата, а не за перебежчика, и Герберштейн ошибался. Ибо если бы он выдавал себя за перебежчика, его вряд ли отпустили бы назад. Но как папского посла его учтиво отпустили, ублажив за эти мучения и обиды, чего никогда бы не сделали с изменником.

Московский [князь] **приветствует пойманного Глинского.** А что касается Глинского, особы знатной и высокого звания, то его московский [князь] сразу же приказал привезти к себе в Смоленск, и приветствовал такими словами, как пишет Герберштейн: «***Perfide!*** Изменник! Сейчас примешь достойную кару за свои заслуги» [126]. Потом при множестве собравшегося народа по приказу великого князя он был отослан в замочек (do zameczku) Вязьму.

Глинский в оковах. Там наивысший гетман московских войск, швырнув перед ним тяжкие цепи, в которые он должен быть закован, сказал Глинскому: «Вот так, Михайло! Великий князь, как и сам знаешь, оказывал тебе великие милости, пока ты ему верно служил, но так как ты хотел учинить измену, за твои заслуги жалует тебе этот подарок».

И, сказав это, велел тут же заковать его в цепи. И потом в оковах он был отослан из Вязьмы в Москву — в тюрьму.

Глинский — опекун московского к[нязя]**.** О его освобождении письменно и через своих послов заботились многие короли и император Максимилиан, которые хорошо его помнили. И внучка его [127] от брата Василия Глинского, на которой женился было великий князь [128], за него постоянно хлопотала. Потом он был выпущен из тюрьмы, и московский [князь], видя его достоинства и недюжинные способности во всех военных и гражданских делах, сделал его опекуном своих сыновей, надеясь на то, что под его присмотром его сыновья — нынешний Иван Васильевич и Димитрий — будут спокойно править на княжении московском.

Несчастный конец Глинского. Но как только великий князь Василий умер [129], сразу же его жена, племянница (sinowica) Глинского, начала распутничать и жить с Овчиной [130], за что Глинский ее упрекал и стыдил. И сговорились они с Овчиной покончить с дядей. И так как иначе не могла, обвинила его в измене, [будто бы он] говорил, что хочет снова в Литву сбежать. Его схватили и ослепили, а остаток жизни он провел в тяжком заключении [131].

Комментарии

1. Александр Иванович Полубинский (1525-1607) герба Ястребец — старший сын князя Ивана Андреевича Полубинского и Невиданны Михайловны Сангушко. В 1557 году женился на Софье Юрьевне Гольшанской. Державец сегевольдский (1565-1577) и вилькийский (1566-1577 и 1579), староста вольмарский (1565-1577) и трикатский (1568-1577), каштелян новогрудский (1586). Отличился во многих битвах Ливонской войны, побывал в русском плену (1577-1578). Перед Иваном Грозным Полубинский похвалялся своим происхождением от *Палемона*, что допускает прямое влияние самого Стрыйковского или же его трудов. Ответное послание Грозного от 9 июля 1577 года свидетельствует о том, что русский царь не только прекрасно разбирался в древних римлянах, но и сам проявлял интерес к модным тогда изысканиям античных предков. См.: Послания Ивана Грозного. М.-Л., 1951. Стр. 380.

2. *Грудень* по-польски *декабрь*, и здесь названия месяцев взаимозаменяемы. Однако *листопад* — это *ноябрь*, а не октябрь, так что такое же сопоставление при описании избрания Сигизмунда (последняя глава книги 22) вызывает недоумение. Скорее всего, там просто описка.

3. Смотри примечание 38 к книге двадцать второй.

4. Стрыйковский писал это при Стефане Батории (1575-1586), который был *третьим* польским королем после Сигизмунда I (1506-1548) и таким же *иностранцем*, как и его предшественник Генрих Валуа (1574).

5. С *двадцатичетырехчасовой* шкалой времени суток у Стрыйковского нам сталкиваться еще не приходилось, так что затруднительно это грамотно прокомментировать. Впрочем, о том, что коронация началась в 22 часа (o dwudziestej i wtorej godzinie), писал еще Мартин Бельский, так что пионером в этом деле Стрыйковский не был. Чуть ранее (книга 22, глава восьмая) наш автор сообщал, что церемония возведения Сигизмунда на великое княжение Литовское началась в *шестнадцать* часов. Если исходить из того, что отсчет времени начинался с *полуночи*, как и ныне, получается, что коронация Сигизмунда происходила *ночью*. Но если время отсчитывать от *восхода солнца*, тогда литовская церемония была в 23 часа (опять-таки слишком поздно), а польская — в 7 утра (слишком рано). Причем в любом случае одна из этих церемоний приходится на ночное время. См.: Kronika Marcina Bielskiego. Tom II. Sanok, 1864. Стр. 936.

6. Примечание Стрыйковского на полях: ***Witelius по-нашему Бычок (Ciolek).*** Правильно будет ***Vitellus***.

7. Суфраган — викарный епископ, то есть епископ, фактически не имевший собственной епархии и считавшийся помощником одного из епархиальных епископов. Подобных епископов в Европе особенно много появилось после завоевания турками Византийской империи. При этом в своем титуле суфраганы сохраняли название прежней византийской епархии. Смотри примечание 52 к книге двадцать первой.

8. Смотри примечание 81 к книге восемнадцатой.

9. Шеляг — славянское наименование немецкого *шиллинга* или латинского *солида.* Это же слово в Древней Руси обозначало арабский *дирхем* и византийскую *номисму*. В тогдашней Польше первые шеляги начали чеканить именно при Сигизмунде I. Это была монета из сплава меди и серебра общим весом 1,24 г при содержании чистого серебра 0,23 г. Польский шеляг считается классическим примером *билонной* монеты, покупательная способность которой значительно превышала номинальную ценность содержавшегося в ней драгоценного металла.

10. Альбрехт Мужественный (der Beherzte) (1443-1500) — герцог Саксонии (1464) и маркграф Мейсена (1485), наместник Фризии (1498). Основатель альбертинской линии Веттинов, которая правила Саксонией до 1918 года. Женой Альбрехта и матерью Фридриха Саксонского, великого магистра Тевтонского ордена (1498-1510), была Сидония (Зденка), дочь чешского короля Иржи из Подебрад.

11. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М.,1988. Стр. 188.

12. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М.,1988. Стр. 189.

13. То есть на 200-250 км.

14. Только у Бельского Кричев превратился в Гзиков (Gzykow), из чего следует, что в данном случае источником Стрыйковского была хроника Бельского. См.: Кром М. М. Меж Русью и Литвой. М., 2010. Стр. 211.

15. Ян (Иоганн, Ганс) Бонер (1463-1523) — польский купец и банкир немецкого происхождения, губернатор Кракова (1522), один из самых богатых людей Европы. В 1483 году он поселился в Кракове, был избран в городской совет (1498) и удостоился дворянского звания (1514). В 1515 году стал владельцем соляной шахты в Величке, одного из самых прибыльных предприятий того времени. Он разделил польскую казну на две части: государственную казну и королевскую сокровищницу, и это разделение сохранялось до самого раздела Польши.

16. Выражение «черная дорога» имеет тот же смысл, что и «черный ход» — второстепенная, не основная, проселочная и т.п.

17. Примечание Стрыйковского на полях: ***Этим Лисковым ныне владеют князья Слуцкие.***

18. Все источники сходятся в том, что непосредственным убийцей Заберезинского был некий *мусульманин*, чье имя не называется. Убийство произошло 2 февраля 1508 года.

19. Василий Львович Глинский (1465-1515) по прозвищу Темный — отец Елены Глинской и дед Ивана Грозного. Наместник василишский (1501) и слонимский (1505-1506), староста брестский (1506-1507), подстолий великого княжества Литовского (1501-1507).

20. Смотри примечания 54 и 55 к книге двадцать второй.

21. Смотри примечание 14.

22. Смотри примечания 59 и 67 к книге двадцать первой.

23. Русский летописец так описывает события 1508 года. ***Тоя же весны князь великий Василий Иванович всея Руси послал воевод своих Якова Захарьина и иных многих ратию литовские земли воевати за королево неисправление. А из Новагорода из Великого велел князь великий пойти ратию же воеводе своему князю Данилу Васильевичу литовские же земли воевати. И начали воеводы Литовскую землю воевати и пленити и жещи и сечи и пришли близко Вильны. Слышав же то король Жихдимонт и пошел сам противу воевод князя великого к Орши, и от Орши к Смоленску. И князь великий Василий Иванович всея Руси велел воеводам своим отступити к Брянску, да с Москвы послал воеводу своего князя Василия Даниловича Холмского ко Брянску же ратию противу короля.*** Далее летописец сообщает о заключении мира. причем здесь ни слова не говорится ни о Глинском, ни о каком-либо сражении на Днепре. См.: ПСРЛ, том XX. М., 2005. Стр. 380.

24. Это описание невольно вызывает в памяти известную картину «Битва под Оршей», которая написана современником, хотя и изображает несколько более позднее событие. Стрыйковский вполне мог видеть эту картину, подогревшую его воображение.

25. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М.,1988. Стр. 241, 242.

26. Следует помнить, что под Оршей Днепр имеет совершенно другую ширину и глубину, чем, скажем, под Киевом.

27. В 1503-1507 годах Станислав Кишка занимал должность *великого гетмана литовского*, которую ему пришлось уступить вернувшемуся из плена Константину Острожскому (1507). Но только Стрыйковский пишет, что в 1508 году Кишка исполнял обязанности *польного гетмана литовского*, хотя такое известие очень правдоподобно. Смотри также примечание 29 к книге двадцать первой.

28. По другим источникам, в 1508 году князь Василий Холмский разгромил войско Кишки под Дорогобужем, после чего тот укрылся в Смоленске. То же пишут Карамзин и Соловьев. См.: Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. Кн. III. М.,1989. Стр. 221.

29. Смотри примечание 26 к книге двадцать второй.

30. Остафий Дашкович или Евстафий Иванович Дашкевич (1470-1536) герба Лелива — староста кричевский (1502), черкасский и каневский (1509). Родился в Овруче. Православный. Считается внуком князя Дашка (Данила Борисовича Глинского), от которого и получил прозвище и свою фамилию. Участник битвы на Ведроши (1500). Один из первых кошевых атаманов (некоторые историки считают, что первый) Войска Запорожского. Троюродный брат Елены Глинской. См.: Эварницкий Д.И. История запорожских казаков. Том 2. СПб, 1895. Стр. 10, 11.

31. Михаил Волович герба Богорыя (1530-1585) был либо родным (Михаил Богданович), либо двоюродным (Михаил Михайлович) братом Остафия Воловича, о котором смотри примечание 1 к книге четвертой. О нем самом почти нет других сведений, кроме посвящения Стрыйковского, из которого следует, что Михаил был слонимским старостой и вероятным предшественником Льва Сапеги, занявшего эту должность в 1586 году. Лев Гунин пишет, что Михаил был вторым мужем Эльжбеты, дочери Яна Юрьевича Глебовича. Ее первым мужем был Андрей Одинцевич, а третьим — Станислав Нарбут.

32. Страдом — ныне район Кракова.

33. Богдан III Кривой (1479-1517) — господарь Молдавии в 1504-1517 годах. Сын Штефана Великого и Марии Войкицы. Смотри примечание 14 к книге двадцать первой.

34. Смотри примечание 62 к книге двадцать второй.

35. В польском языке слово *szafarz* означает *ключник, эконом*. Однако в Молдавии был боярский титул (восходящий к византийскому) *спафарий*, то есть *меченосец*, и велика вероятность того, что его-то и носили казненные бояре. См.: Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. Стр. 160.

36. Молдавские летописи (в том числе и написанные на *польском* языке) рассказывают о походе Богдана Кривого в Польшу и его нападении на Львов, однако ни слова не говорят об ответном походе Каменецкого. Поэтому толковый и обстоятельный рассказ

Стрыйковского представляет особенный интерес. См.: Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М., 1976. Стр. 111, 121.

37. *Дели* — тюркское слово, которое означает *бешеный, сумасшедший*. *Юнак* — сербское слово, означающее *молодец, удалец.* При соединении этих слов получается нечто вроде *сорвиголова* или *делибаш.*

38. Современные историки пишут прямо противоположное. Узнав о военных приготовлениях ногайцев, летом 1509 года калга Мехмед-Гирей повел свое огромное войско на восток. Когда ногайцы переправлялись через Волгу, крымцы как раз подошли к реке и без труда разгромили врага. Шествие пленных ногайцев через Перекоп продолжалось около 20 дней, причем всех их расселили в Крыму, пополнив его население. См.: Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М., 2002. Стр. 147.

39. Баязид II Дервиш был турецким султаном в 1481-1512 годах, а Мурад III, правивший в 1574-1595 годах, действительно, был его правнуком.

40. Очень подробно описывающие все эти события псковские летописи ни о каких *литовских наместниках* не сообщают. ***А кои иноземцы жили в Пскове, те разошлись в свои земли, только одни псковичи остались.*** См.: Псковские летописи. Вып. 1. М.-Л., 1941. Стр. 92-97.

41. В украинском переводе ***забрали у него вече.*** Это верно по существу, но все-таки у нашего автора написано не *вече*, а *совет* ***(im rade otjal)***. См.: Мацей Стрийковський. Літопис Польский, Литовський, Жмудський и всієї Руси. Львів, 2011. Стр. 873.

42. Река Пскова у самого Пскова впадает в реку Великую, которая, в свою очередь, впадает в Псковское озеро, соединяющееся с Чудским. Но от Пскова до устья Великой не более 20 км (2-3 мили), а от Пскова до собственно Чудского озера — более 75 км (10 миль). Шесть миль (менее 50 км) никак не получается. Смотри также примечание 43.

43. Миля у Стрыйковского составляет около 8 км, однако если брать указанные расстояния *по прямой*, получится, что он завышает их *раза в полтора.* Таким образом, становится очевидным, что расстояния наш автор определяет *по дорогам*, которые те времена была еще более далеки от прямой, чем ныне.

44. Смотри примечание 158 к книге пятой.

45. Имеется в виду битва под Варной (1444), в которой войска польского и венгерского короля Владислава Ягелловича были наголову разгромлены турками, о чем смотри главу первую книги восемнадцатой.

46. Это была не просто ссора двух послов, а одно из проявлений конфликта меж их хозяевами: императором Максимилианом I и папой Юлием II. Максимилиан даже высказывал намерение самому сесть на папский престол. Напомним, что при дворе Юлия

II работал Микеланджело, а при дворе Максимилиана — Альбрехт Дюрер. См.: Зигрид Грёссинг. Максимилиан I. М., 2005. Стр. 251, 257, 260, 261.

47. Альбрехт стал великим магистром Тевтонского ордена только в 1511 году.

48. Тогдашним датским королем был Ханс (1481-1513) — тот самый «король Ханс», во времена которого попал герой андерсеновской сказки «Калоши счастья».

49. Рождество святого Иоанна Крестителя (Иванов день, Ивана Купала) — 24 июня.

50. Вармийский епископ (1489-1512) Лукаш Ватценроде (1447-1512), дядя Коперника.

51. Предложение построено так, что можно подумать, что речь идет о двух разных людях, но на самом деле имелся в виду один и тот же человек — великий магистр Тевтонского ордена (1498-1510) князь Фридрих Саксонский. Смотри примечание 47.

52. Остается неясным, что же было *во-первых*. Вероятно, первым условием было возвращение земель, а вторым — отказ от вассальной присяги.

53. Все эти события произошли еще в 1509 году. Смотри примечание 38.

54. Жупник (zupnik) — управляющий жупой. В данном случае *жупой* именовалась сама соляная копь.

55. Ян Матейко изобразил эту сцену на одной из своих картин.

56. По преданию, в середине IV века до нашей эры в центре римского форума вдруг появилась огромная трещина. Прорицатель сказал, что Рим будет в величайшей опасности, пока пропасть не будет заполнена, а заполнить ее можно лишь лучшими благами Рима. Тогда римский юноша Марк *Курций* со словами: «Нет в Риме лучших благ, чем оружие и доблесть!», в доспехах и на коне смело бросился в пропасть, которая тут же сомкнулась. См.: Тит Ливий. История Рима от основания города. Том I. М., 1989. Стр. 327.

57. Смотри примечание 52 к книге двадцать второй.

58. Смотри примечание 26 к книге двадцать второй.

59. Как видим, Стрыйковский различает здесь *пленников (wiezniow)* и *полон (polon)*, что отчасти объясняет, почему к «полону» он иногда причисляет и захваченный скот.

60. Фуггеры (Fugger) — в XV-XVII веках крупнейший купеческий и банкирский дом Германии, который вел дела по всей Европе. Наибольший размах их финансовые операции приобрели при Якобе Фуггере (1459-1525) по прозвищу Богатый, который в 1511 году удостоился дворянского звания.

61. Даже в украинском переводе это слово перевели совершенно верно: *окраина*. См.: Мацей Стрийковський. Літопис Польский, Литовський, Жмудський и всієї Руси. Львів, 2011. Стр. 879.

62. Этот рассказ Стрыйковского убеждает нас в том, что интенсивная продажа индульгенций в Западной Европе в известной степени может рассматриваться как *банковская операция*.

63. Здесь очень соблазнительно было бы перевести «забрали себе» (в украинском переводе так и сделали), однако польское слово *zahamowaly* означает *остановили*, *обуздали,* на худой конец *прикрыли (лавочку)*. См.: Мацей Стрийковський. Літопис Польский, Литовський, Жмудський и всієї Руси. Львів, 2011. Стр. 879.

64. Не будем забывать, что все это пишет *каноник*, то есть представитель *католической церкви* в *католической стране*.

65. Иоганн Слейдан (1506-1556) — немецкий историк. Начинал как секретарь (1536) кардинала дю Белле — министра Франциска I и двоюродного брата поэта дю Белле. В 1541 году перешел в лютеранство и уехал в Страсбург, где гессенский ландграф Филипп поручил ему заниматься историографией Реформации. «Комментарии» Слейдана, завершенные в 1554 году и изданные в 1555 году, долго считались основным источником по истории Реформации и не утратили своего значения и до наших дней. См.: Ioannis Sleidani Commentariorum de statu religionis et reipublicae, Carolo V Caesare, libri XXVI. Francofvrti, MDCX.

66. В этом месте в украинском переводе допущена совершенно непонятная ошибка, так как там написано буквально следующее: "Того же 1511 року в молодому віці помер хоробрий слуцький князь Юрій Семенович". В оригинале ничего подобного нет. Юрию Семеновичу Слуцкому (1492-1542) герба Погоня, сыну княгини Анастасии Слуцкой, в то время было всего девятнадцать лет, но *князем* он считался уже с десятилетнего возраста. Он прожил еще довольно долго и участвовал в битве под Оршей (1514) и битве на реке Ольшанице (1527). См.: Мацей Стрийковський. Літопис Польский, Литовський, Жмудський и всієї Руси. Львів, 2011. Стр. 879.

67. Андрей Немирович герба Ястребец (1462-1541) стал киевским воеводой только в 1514 году. А в 1511 году киевским воеводой был Юрий Радзивилл герба Трубы по прозвищу Геркулес. И считается, что именно Юрий Радзивилл вместе со своим тезкой Юрием Слуцким разбил татар в урочище Рутка.

68. Этого Перуна не стоит путать с воеводой виленским (1584) и великим гетманом литовским (1589) Кшиштофом Миколаем Радзивиллом (1547-1603), который тоже носил прозвище Перун.

69. Людовику, сыну Владислава, тогда еще не было и шести лет.

70. В то время получение права складирования иноземных товаров было важнейшей городской привилегией, которой удостаивались очень немногие европейские города.

71. Напомним, что за двенадцать тысяч злотых можно было купить Визненскую землю.

72. Смотри примечание 59.

73. 700 лет — время от эпохи Карла Великого до описываемых событий, то есть примерно с 800 по 1500 год. Однако Карл Великий не имел никакого отношения к самому Любеку. Нынешний Любек построен немцами в XII столетии. А вот Старый Любек, находившийся несколько ниже по течению реки Траве, был основан еще славянами Вагрии. Его «польское» название *Буковец* Гельмольд пишет как *Буку*. См.: Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. Стр. 32, 38-40, 77, 138, 269, 275.

74. 8 августа 1512 года.

75. Хель (нем. *Hela*)- польский городок на оконечности Хельской косы, напротив Гдыни.

76. Немецкое *Freibeuter* означает *капер*. Так именовались частные лица, с разрешения властей воюющего государства использовавшие вооруженные суда с целью захвата торговых кораблей неприятеля. Еще в 1288 году арагонский король Альфонс III издал указ, согласно которому каперам предписывалось брать патенты и вносить залог в обеспечение того, что они не будут грабить сограждан или нападать на неприятеля во время перемирия. Захваченные суда каперы обязывались приводить в порт, из которого они вышли.

77. Герман Бонн пишет, что было захвачено лишь 18 голландских кораблей, что выглядит более правдоподобно. См.: Форстен Г.В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб, 1884. Стр. 194.

78. Станислав Станиславович Ланцкоронский герба Задора (1465-1535) — маршалок надворный коронный (1503-1504), подскарбий (1504-1506) и подчаший (1505-1519) сандомирский, староста каменецкий (1508) и скальский (1515), коронный стражник (1517), генерал земель Подольских (1523), воевода подольский (1530) и сандомирский (1533). Брат Пржеслава Ланцкоронского (1467-1531), старосты хмельницкого (1521), которого иногда считают первым гетманом Войска Запорожского (1528).

79. Ян Творовский герба Пилява (1474-1547) — польный гетман коронный (1509-1520), подчаший (1514) и подстолий (1519) галицкий, каштелян каменецкий (1519), воевода подольский (1543). По неподтвержденным сведениям, был также старостой бучацким и теребовльским. Вторым браком женат на Катерине, дочери Якуба Бучацкого (1438-1501), воеводы русского (1499-1501), от которой имел трех сыновей: Анджея, Яна и Миколая.

80. Поскольку в оригинале написано именно так, это лишний раз доказывает, что *Перекопом* Стрыйковский именует весь Крымский полуостров.

81. Персидским шахом в 1501-1524 годах был Исмаил I *Сефеви*, основатель шахской династии *Сефевидов*, родоначальником которых считается шейх *Сефи* ад-Дин (1252-1334).

82. Адрианополь — ныне турецкий город Эдирне на реке Марица. Черномен (греч. Орменион) — название расположенного в двух километрах к югу от Марицы села, близ которого в 1371 году произошла знаменитая битва при Черномене. Хотя Марицу ныне никто не зовет *Черноменом*, Стрыйковский именует ее ***Strymonem***. Если это не просто ошибка, то можно предположить, что и такое название *реки* Марицы в средние века было в ходу — например, в Греции.

83. Это сражение произошло в августе 1511 года.

84. Битва при Енишехире (около Бурсы) произошла 24 апреля 1513 года.

85. Стрыйковский намекает на то, что скоропостижная смерть Баязида не была естественной. Баязид II отрекся от престола 25 апреля 1512 года, а умер 26 мая 1512 года.

86. Сын Ахмета Мурад женился на дочери шаха Исмаила, который и сам был женат на дочери Ахмета и сестре Мурада. См.: *Alderson A. D.* The Structureof the Ottoman Dynasty. Oxford, 1956.

87. Барбара Запольяи (1490-1515), дочь Иштвана (Стефана) Запольяи, семиградского воеводы, жупана Тренчинского и палатина Венгрии (1492-1499).

88. Янош Запольяи (1487-1540), будущий венгерский король Янош I (1526-1540).

89. Казимир II Цешинский (1477-1528) был не родным, а двоюродным братом Ядвиги, и Барбаре он приходился *двоюродным* дядей.

90. Надо полагать, что имелся в виду не Берген в Норвегии, а Берген в Германии.

91. Примечание Стрыйковского на полях: **Mendlikierej carz.**

92. Смотри примечание 26 к книге двадцать второй.

93. Менгли-Гирей не только сам не участвовал в этом набеге, но и вообще от него открестился, впоследствии заявив, что поход был предпринят без его разрешения.

94. В Овручском районе Житомирской области Украины есть село *Белка*, однако сомнительно, что здесь речь идет о нем. Более вероятно, что имелся в виду древний город *Бужск* в Львовской области, где татары стояли лагерем с 7 апреля 1512 года.

95. Только Стрыйковский называет каменецкого старосту Станислава Ланцкоронского *польным гетманом*, причем уже не в первый раз. Но *первым* польным гетманом *литовским* (1521-1531) считается Юрий Радзивилл по прозвищу Геркулес, а *коронным*

польным гетманом в 1512 году был Ян Творовский (1509-1520). Смотри примечания 27, 78 и 79.

96. Михаил Васильевич Вишневецкий (1450-1517) герба Корибут — первый князь Вишневецкий, наместник брацлавский (1500-1507). Сын князя Василия Васильевича Збаражского (ум. 1473) и дед Дмитрия Ивановича Вишневецкого. У Михаила было четыре сына: Иван, Федор Старший, Александр и Федор Младший. В битве под Вишневцом участвовали Иван и Александр.

97. Андрей Семенович Збаражский (1470-1528) герба Корибут — князь Збаражский, племянник Михаила Вишневецкого.

98. Примечание на полях: ***Cromerus in oratione funebr: Cum nostri sex milium equitum numerum non excederent. Jodokus autem Decius fol. 81 Lituanorum autem copiae Polonis adiunctae vix sex millia equitum fuisse*** *perhibentur*. *(Кромер говорит, что вместе с нашими людьми их было не более шести тысяч конных, а Йодок Деций (стр. 81) [сообщает], что присоединившихся к полякам литовцев было едва шесть тысяч конных).*

99. Примечание Стрыйковского на полях: **Об этом несогласии и ссоре наших читай также Деция.**

100. *Штурмак* (sturmak) или *бургиньот* — разновидность кавалерийского шлема с козырьком, наушами, гребнем и жестким назатыльником. На последнем часто устанавливалась гильза для султана или чуба из перьев, отсюда выражение «чубатый штурмак». См.: Вендален Бехайм. Энциклопедия оружия. СПб, 1995. Стр. 84-88.

101. *Бехтерец* — кольчато-пластинчатый доспех. См.: Шиндлер О.В. Классификация русских корпусных доспехов XVI века // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. V. Стр. 439.

102. Из этого следует, что Константин Острожский разговаривал со своими воинами *на русском языке*.

102. В оригинале: ***Siadla rzecz nasza, juz nas pohaniec osiedzie***.

103. В оригинале именно так: ***Constantinowcy***, то есть люди Константина.

104. Нынешняя пехотная рота обычно состоит из 120 человек, однако может быть больше или меньше: редко менее 60 или более 200 человек. Польская *пехотная рота* начала XVI столетия имела примерно такую же численность и в среднем насчитывала около 150 человек во главе с *ротмистром*. В кавалерии роте соответствует *эскадрон*. Кавалерийские эскадроны появились только при Карле V (1519-1556).

105. Смотри примечание 93.

106. Это соотношение татарских и польско-литовских потерь оставляем на совести автора.

107. Слово *челбатка* (sczalbatka), вероятно, означает то же самое, что и *прилбица* или *мисюрка* — разновидность шлема в виде наплешника с бармицей. Под мисюрку надевался подшлемник, который Стрыйковский и называет *ермолкой*.

108. Примечание Стрыйковского на полях: **Это я сам видел в 1574 году, когда проезжал эти места, едучи от турок.**

109. Нынешнее село *Лопушное* находится в Лановецком районе Тернопольской области. Это в 30 километрах к северо-востоку от Збаража и в 40 километрах к юго-востоку от Вишневца. Таким образом, называть это сражение битвой *под Вишневцом*, строго говоря, неверно. На Украине есть и село *Лопушня* (в Иваново-Франковском районе) так что не исключено, что в XVI веке Лопушное называлось так, как у Стрыйковского (Lopuszna).

110. Миколай Каменецкий герба Пилява (1460-1515) — первый известный в истории *великий коронный гетман* (1503-1515). Староста санокский (1493), воевода сандомирский (1505) и краковский (1507). Женат (1510) на Анне Тарновской из Мельштына. Старший брат польного коронного гетмана (1520-1528) Мартина Каменецкого.

111. Ян Одроваж Младший из Спровы герба Одроваж (1460-1513) — староста львовский (1485) и самборский, воевода белзский (1507-1511) и русский (1511-1513). Сын воеводы русского (1479-1485) Яна Одроважа Старшего (1430-1485).

112. Альбрехта Бранденбургского избрали великим магистром Тевтонского ордена в 1511 году, однако в Пруссию он приехал только в следующем 1512 году.

113. То есть объявил в Литве всеобщую мобилизацию.

114. Затор первоначально входил в состав Освенцимского княжества, которое в 1445 году было разделено между тремя братьями, старший из которых, Вацлав I, получил город Затор и основал Заторское княжество. В 1456 году он принес вассальную присягу польскому королю Казимиру Ягеллончику. В 1492 году Ян V Заторский, сын Вацлава, за 80 000 флоринов продал княжество королю Яну Ольбрахту, но сохранил за собой титул *князя Заторского* и земельные владения. После его смерти (1513) Заторское княжество окончательно отошло к Польше.

115. Юрий Андреевич Сологуб герба Правдзич сначала был *наместником* (1503-1507), а затем *воеводой* (1514) смоленским, сменившем на этом посту Юрия Глебовича (1508-1514), о котором смотри примечание 102. Смотри также: Иоасафовская летопись. М., 1957. Стр. 162.

116. Глеб Вяжевич герба Лелива считал себя потомком Вяжа, родича виленского воеводы (1413-1422) Войцеха Монивида, поэтому его дети от Анны Милохны Рачко (1424-1470) герба Заремба часто именовали себя Глебовичами-Монивидовичами. Известие Стрыйковского о том, что Глеб Вяжевич был смоленским воеводой, другими источниками не подтверждается. Он умер еще в XV столетии. Смотри примечание 49 к книге двадцать второй.

117. Юрий Глебович (1455-1524) герба Лелива — наместник смоленский (1492-1499), оршанский и оболецкий (1500-1501), витебский (1508-1514); воевода смоленский (1508-1514). Староста мерецкий (1514) и волковысский (1518). Сын Глеба Вяжевича и брат Станислава Глебовича, воеводы полоцкого (1502-1503 и 1504-1513).

118. Описка Стрыйковского или опечатка типографа, сделанная еще в издании 1582 года.

119. Миколай Юрьевич Глебович (1479-1514) герба Лелива — староста дорогичинский (1512) и слонимский. Участник битвы на Ведроши (1500), из русского плена отпущен лишь в 1511 году. Брат Яна Юрьевича (1480-1549), воеводы витебского (1528), полоцкого (1532) и виленского (1542), великого канцлера литовского (1547).

120. То есть требовал, чтобы в замке не строили новые укрепления и не ремонтировали старые.

121. Это произошло намного позже описываемых здесь событий (1501), причем как раз перед сдачей Смоленска (1514).

122. Юрий Глебович пережил своего сына лет на десять.

123. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М.,1988. Стр. 190.

124. Здесь Стрыйковский едва ли не впервые приводит правильный титул Василия III: *великий князь*.

125. Смотри главу пятую настоящей книги.

126. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М.,1988. Стр. 190.

127. Елена Васильевна Глинская (1508-1538), мать Ивана Грозного, была *племянницей*, а не внучкой Михаила Львовича Глинского.

128. Брак Василия III с Еленой Глинской состоялся значительно позже этих событий, в 1526 году. К тому времени Михаил Глинский уже давно сидел в тюрьме, откуда был выпущен только в 1527 году — по настоянию Елены и под поручительство многих бояр. В общей сложности он пробыл в заключении почти 14 лет — столько же, сколько Эдмон Дантес в замке Иф.

129. Василий III умер в ночь с 3 на 4 декабря 1533 года. См.: Филюшкин А.И. Василий III. М., 2010. Стр. 322.

130. Иван Федорович Овчина Телепнев-Оболенский (1485-1539) — князь, воевода, окольничий (1531), боярин (1532), конюший (1533). Фаворит Елены Глинской. После смерти Елены (1538) был брошен в тюрьму, где и умер (1539), предположительно, от голода.

131. Михаил Глинский умер в 1534 году.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ясновельможному пану
пану Миколаю Радзивиллу [1]*,*
князю на Биржах и на Дубнице,
воеводе новогрудскому.
старосте мозырскому,
мерецкому и прочее

Глава первая

О славной победе над 80 000 войск московских под Оршей литовцев и русских с помощью поляков

8 сентября 1514 года

Великий князь Московский Василий Иванович, посадив [в тюрьму] Глинского и узнав от шпионов о малом войске при короле Сигизмунде в Борисове, сразу послал [гонцов] к своим войскам, которых восемьдесят тысяч [2] отправил на разорение Литвы. **Спесь московского** [князя]. Им [следовало] либо просто идти против короля Сигизмунда в Борисов и в конце концов попытать счастья в генеральном сражении, либо, окружив литовские и польские войска, пригнать их с королем в Москву, как скотину. **Московский** [князь] **продает шкуру** [неубитого] **медведя**. А также к императору Максимилиану и к другим христианским государям послал своего конфедерата, советуясь, как поступить с польским королем Сигизмундом, которого уже наверняка обещал привести к себе пойманным и связанным. Вот так эти московские войска по приказу великого князя спесиво (buczne) подступали к королевскому лагерю на реке Березине.

Успешные стычки литвы с москвой. Король, оставив при себе в Борисове четыре тысячи человек, тоже без промедления [отправил] против них славной и святой памяти гетмана князя Константина Острожского, который, поступая во всем мудро, перешел Березину и огнем из орудий и гаковниц начал громить неприятельское войско. А 27 августа дважды сходился с ними в упорной битве и несколько их полков поразил. Тогда же московская стража встретилась с литовской на реке Бобре, где литва тоже одержала победу (plac otrzymala), и к гетману привели много пленников. На Дрови (Drowi) одна литовская рота под командованием Ивана Сапеги, который потом был витебским воеводой, тоже поразила три московских отряда (uphce), где москвы несколько сот полегло, а особо знатных людей из пленников отправили к королю. И вот так наши, проливая свою кровь, смело праздновали победы над этим великим московским войском и с доброй надеждой постоянно напирали на неприятеля.

Московский гетман Челяднин. А великий московский гетман Иван Андреевич Челяднин (Celadin) со всем своим войском отступил назад за Днепр, желая подобрать там подходящее место для битвы. А князь Константин с литовским войском и с поляками двинулся за ними до Днепра под Оршу.

Литовское войско [переправляется] **через Днепр**. И там литва и поляки, с врожденной доблестью горя желанием сойтись в битве с неприятелем и видя, что Днепр нельзя перейти иначе, чем в том месте, против которого стояла москва, сразу же построили мосты из плотов и из лодок, а в некоторых местах строили гати, связывая деревья цепями и прутьями, и через эти мосты в целости переправляли орудия и другое военное снаряжение [3]. А конное литовское войско, которого было шестнадцать тысяч, с веселыми сердцами и, соблюдая строй, попросту вброд охотно переправилось через Днепр в целости, и только один утонул.

Польский гетман Ян Свирчовский. А польское войско, гетманом над которым был Ян Свирчовский, благополучно и с доброй надеждой перебрались через Днепр вместе с литовцами. **Отряды польских панов.** Были там и польские паничи из свиты (poczty) Тешиньских, Пилецких, Кмитов, Зборовских, Мышковских и других, которые из врожденной чести в то время привели было к королю свои пышно украшенные полки против москвы, [затратив] большие средства. Так что всех годных к битве литовцев и поляков было двадцать пять тысяч [4].

Гордые и порочные (wszeteczna) **мысли Челяднина.** Герберштейн также пишет [5], что когда половина литовского войска переправилась через Днепр, московская стража сообщила об этом наивысшему московскому гетману Ивану Андреевичу Челяднину, и другие воеводы советовали ему ударить на эту половину. Но тот отвечал, что если он побьет эту часть королевского войска, то останется еще и другая половина, к которой могут прибыть и другие полки, от чего нам могла бы произойти великая опасность. Поэтому лучше подождать, чтобы все войско переправилось, ибо наша мощь такова, что малыми трудами это их войско мы несомненно сотрем в порошок, либо скованных, как скотину, батогами (puchami) погоним в Москву [вместе] с их королем. А затем, раз игра пошла в нашу пользу, легко завладеем всей Литвой. И в этом они ошиблись, как потом увидишь ниже в [наших] стихах.

Глава вторая

Славная битва с москвой

Многие достойные дела минувших дней
Надо воспеть и славу храбрых богатырей,
Отворить Геликонские источники [6] свои,
Вспомнить битвы героев, их кровавые бои.

Род князя Константина. Построение литовцев и поляков.

Мы расскажем, как князь Константин славный,
Гетман (который род свой стародавний
От великих русских монархов вел), на бой отправил
Литовцев. Шестнадцать тысяч на правый фланг поставил,
Переправивши их через Днепр. Строиться стали,

Орудия и пехота. Павезники.

Пушки и другие орудия расставили,
В середине одни, с боков и сзади другие пошли.
Спереди пехотинцы длинные гаковницы [7] несли,
А несколько польских рот с павезами [8] по флангам встало.

Конные.

Коронных солдат и панских отрядов тоже немало
Доблестный муж Ян Свирчовский в поле построил.
И посыльный гуф из них, и вальный [9] устроил.
Оба гетмана, литовский и коронный,
Двинулись вперед силой объединенной.

Река Кропивна.

В четырех милях за Оршей, где Кропивна течет,
Встали там, где Московским погромом [10] волость слывет.

Час битвы. Построение московских войск.

А когда уже третий час дня настал,
И Феб свой сияющий лик показал,
Иван Челяднин московские войска начал строить,
Долго все восемьдесят тысяч расставлял по полю.

Напрасный умысел Челяднина.

Видя, что наших мало, их окружить мечтая,
Заскочить в тыл литовцам прежде всего желая,
Он решил два полка для сильного удара послать,
Следуя длинной вереницей, в тыл литве забежать.

Схватка литвы с москвой.

И, затрубив сначала в трубы, в бубны забив,
Прапорцы и хоругви по ветру распустив,
Москва на литву ударила, но Константин смело
Дал им мужественный отпор, сам ведя своих в дело
И воодушевляя на битву. И так охотно
Отбили москву, что та назад утекла срамотно.

Поляки с копьями.

Поляки их длинными копьями с коней сбивали,
Оружие и брони звенели, стрелы свистали.
Так с самого начала фортуна нам помогала,
Что надежда на победу все время прибывала.
Поэтому за москвой, отпустив удила коням,
Гнались и врагов, как скотину, резали по полям.
Другие бросились к главному войску бежать,
Зря Челяднин их порядок просил соблюдать.
Видя, что дело плохо, он им на помощь отправил
Другой московский полк, чтобы тот ход битвы исправил.

Вторая схватка москвы с литвой.

Так московиты снова с литовцами схватились.
Литовцы же крепко отбивались — и отбились.
Многие пешие тоже крепко литве подсобили,
Ибо, подкравшись, много москвы из рушниц перебили.

Речь князя Константина к рыцарству.

Князь Константин, видя, что становится милее
Нашим, а москва встревожилась, кричит смелее,
И своих литовцев, и храбрых поляков бодря:
«Гей! Ну, давайте же, ну же, детки!» Затем, конем вертя,
Убеждал их прекрасными звучными словами;
«Вот она, наша победа, и триумф наш с вами!
Уж неприятель сомлел: милые братья, спешите,
Привычную храбрость в эту минуту возродите!
Будьте теперь мужами, и в мужественных сердцах
Пробудите отвагу, когда неприятель в прах

Свой строй ломает, а на нашей стороне
Сам Бог, он с небес даст защиту вам и мне.
А теперь пусть за мною все смелее наступают,
Мужество славных отцов дети в себе ощущают.
Вот я пред вами в залог голову свою ставлю
И первым саблю свою о врага окровавлю».
Вот так прославленный гетман сказал, и каждый,
Кто слышал эти слова, стал воин отважный.
Затем, распалясь, с неслыханным натиском наскочили,
Встревоженную москву конями топтали и били.

Князь Константин снова взывает к своим.

А князь Константин, в бехтерце [11], булаву вздымал:
«О, храбрые рыцари! — взывал и убеждал, —
Теперь дожимайте, теперь храброй силою
Отважных предков уважьте память милую».

Ян Зборовский и его доблесть.

Ян Зборовский (а это был второй Аякс даже на взгляд),
Ни слуги, ни оруженосца не имея, говорят,
К своему полку прямо сквозь москву проскакал,
И, проткнув двоих копьем, конем их потоптал.
Потом, выхватив меч, рубил всех, кто попадется,
Как быстрая река, которая с гор несется,
Когда проливным дождем воды свои умножит,
Все поля и волости половодьем тревожит.

[Как] **Вавржинец Мышковский, сын лещицкого воеводы Петра из Мирова герба Ястребцов, искупал свою вину за убийство к[нязя] Заторского.**

А Мышковский, подражая ему, тем паче,
Будто жито град побивает, не иначе,
Московитов тоже сбивал с коней, как град,
И столь же храбро пробился сквозь них назад.

Мужество поляков.

А другие поляки со Свирчовским, без лишних слов
Подскочив, ударили в центр московских главных полков.
Кто подвернется, всех насмерть кололи и рубили.
Кровавые ключи из побитой москвы забили [12].

Хитрость князя Константина.

А князь Константин пушки в зарослях успел укрыть,
Желая москву на последний крючок насадить.
И с литовским полком от поляков ринулся хитро,
Расставив перед своей засадой пеших ротмистров.
Глупая москва, думая, что литва стала убегать,
Главное войско оставила и бросилась догонять.
Тут Константин в сторону отскочил от ловушки,
И сразу выстрелили расставленные пушки [13].

Москва погромлена пушками.

Вздрогнули небо и земля, пригорки тряхнуло,
Поднятым ветром песком все вокруг затянуло.
Ядра из пушек свистали, москва наземь летала,
Ибо под такой обстрел до сих пор не попадала.
Сильно встревоженные, они по полям побежали,
Другие, спасаясь, с конями в болотах увязали.
Зря гетман Челяднин бегущих пытался удержать:
Тот на болото, тот на лес предпочитал уповать.
Литва и поляки, пустив своих коней,
Их гнали; трупов полно в каждой стороне.
Раненые кровью истекали, тяжко стонали.
Одни: «Добить!», другие: «Голов не рубить!» кричали [14].

Смелость и стать князя Константина.

А князь Константин кричит, длинной бородой тряся:
«Гей, детки! Ну, теперь пусть каждый покажет себя!
Все покажи, что умеешь!» А сам с саблей голой
На турецком коне скакал с внешностью веселой.
Пыль, поднятая конями и людьми в доспехах,
Свет затмила. Литва, вдохновленная успехом,
Бегущую москву секла, длинные копья втыкала
Им в брюхо, а кровь из убитых на землю вытекала.

Описание реки Кропивны.

Есть река Кропивна с песчаными берегами,
А земля там поросла густыми зарослями.
Меж Оршей и Дабровно она кривым путем течет.
О московском разгроме там и ныне молва идет.
Бегущей москве случилось в той реке так тонуть,
Что вода, прежде быстрая, встала, не протолкнуть,
Будто прегражденная плотиной. Кровавая муть
Поднялась, когда богатырям довелось там тонуть.

Пятая схватка наших с москвой [15]. Юрий Радзивилл при поляках.

Гетман Челяднин все еще смело на плацу стоял,
На пушки и пищали внимания не обращал.
Тут на него с копьями пошел конный полк поляков,
А с ними Юрий Радзивилл повел своих козаков.
Налетев на москву, сразу их разгромили, сшибаясь.
Так что в прежней спеси своей они ох как ошибались.
Те, кто литовцев гнать в Москву, как скотину, мечтали,
Сами пред нашим мужеством в свои силки попали.

Москва поражена.

Московиты полями с той потехи утекали,
А литва и поляки их четыре мили гнали,
Рубили, в гневе никого в живых не оставляли,
Разве что соседние леса раненых скрывали.

Ночь помогла бегущей москве.

Эта битва почти весь день продолжалась,
Пока над бедной москвой ночь не сжалилась,
Мрак наведя на свет. А солнце, медленно угасая,
Скрыло лицо, оком златым на кровь смотреть не желая
Москву наступавшая ночь в то время спасала,
Но наше желание драться не убывало,
До полуночи гнали москву в полях,
Полно убитых в пашенных бороздах.
Часть наших лишь утром с погрома вернулась.
Счастливая судьба многим улыбнулась:
Взяли с побитой москвы возы, коней и оружие,
Одежду, бехтерцы, деньги золотые и похуже;
Сверх того, лагерь, где были трофеи богатые:
Всякая утварь, пушки, ружья, меха косматые.
Неприятельского имущества так много набрали,
Что едва половину увезли — еле поднимали.
Что оставалось в лагере — на разграбление отдано
Солдатам. И на каждом возу серебряных денег полно,
Куниц, соболей, одежд златотканых набрал
Себе каждый драбик [16] — из нищего паном стал.
Литва и поляки свое мужество доказали,
К славе доблестных предков свою долю прибавляли.
Все друг другу помогали сражаться,
И каждый с Ахиллесом мог равняться.

Эта славная и достойная вечной памяти победа над восемьюдесятью тысячами московитов случилась 8 сентября 1514 года в день Рождества Девы Марии.

Московские пленники убедительно подтвердили, что в бою и в различных местах полегло более сорока тысяч москвы, не считая тех, что потонули в Кропивне, так что из восьмидесяти тысяч мало кто убежал. А из литовского и польского войска четверо знатнейших панят и шляхтичей, а простых солдат и шляхты убито немногим более четырехсот, хотя в случившейся там трагедии раненых было немало.

Знатные московские пленники. Из пленников виднейшими были десять главных гетманов и воевод, из которых главнейший (celniejszy) Иван Андреевич Челяднин, после него князь Михайло Иванович Булгаков и его родной брат Димитр[ий], а также князь Иван Дмитриевич Пронский (Prunski), Дмитрий Васильевич Китаев, Данило Андреевич Лещеев, Иван и Владимир Семеновичи Колычевы (Kolyczowie), князь Борис Ромодановский и сын его Петр, князь Иван Семенович Селехов, князь Борис и сын его Иван Стародубские (Starodubieccy), князь Петр Путятич (Puciaczyc) и его племянник, Семен Иванович и Андрей Семенович, сын Колычев, Борис Иванович Плещеев, Иван Васильевич Калешов, Филипп Иванович Киселев, Юрий (Jurgi) Дмитриевич Лыкцов (Lykczow), Андрей Филиппович Нащокин, Иван Андреевич Яропин, Матвей Иванович Внук, Тимофей (Czymochwiej) Дмитриевич Губаров, к[нязь] Юрий (Jurgi) Иванович Дива, Иван Дмитриевич Копник, Харитон Люпамдин (Harcziom Lupamdzin), Неклюда Парфеньевич (Niekluda Parchwieniewic), Оленев Копчамичин (Olniejew Kopczamiczyn), сын ясельничего [17], Булай Кучаков, Федор Иванович Новосильца, Семен Федорович Вуский (Wuski), Григорий (Hrehor) Борисович Безумный, Микита Осаеров (Osajerow), и других панов радных и думных бояр немало. Различных урядников Великого княжества Литовского и боярских детей захвачено более двух тысяч. На следующее утро князь Константин триста и 80 их отослал королю в Борисов. Очень много было и других пленников простого [звания], которых разобрали шляхта и жолнеры, а виднейших порассадили по литовским замкам.

Король Сигизмунд прямо из Борисова сообщил об этой победе папе Льву и разослал многих пленников другим христианским государям, папе же через Миколая Вольского послал четырнадцать московских шляхтичей в знак своей победы. Потом, когда на исходе января месяца Вольский приехал в Галле (Hale), он был задержан рыцарями московского союзника (confederata), императора Максимилиана,. И там у него, в поношение польскому королю и папе, отняли московских пленников, сбив им оковы. Этих пленников император, одарив, через Любек и Лифляндскую землю отослал в Москву, а Вольского в целости учтиво вернул назад в Польшу.

Московский [князь] **бежит.** А великий князь Московский Василий, узнав о столь жестоком и неожиданном поражении своих гордых и огромных войск, укрепив Смоленск, сразу же с малым числом людей бежал в Москву.

Дорогобуж сожжен московитами. И, опасаясь, как бы литва не завладела Дорогобужем, который лежит над Днепром в 18 милях от Смоленска [18], сам приказал его сжечь. А также

всех смолян вывел в Москву и там им пораздавал имения в московских волостях, а москве раздал смоленские имения.

Напрасная затея [тащить] **16 000 нагруженных возов под Смоленск.** А князь Константин Острожский, договорившись с королем, после этой победы двинулся с литовским войском под Смоленск, куда с великими бедами добрался лишь за четыре недели из-за несвоевременности, непогод и заброшенных дорог. Ибо в литовском войске было более шестнадцати тысяч одних нагруженных возов, при которых подыхало очень много наших коней, из-за чего и сами возы бросали на дорогах. А князь Константин, действуя, как гетман, сначала успешно осаждал Смоленск, но, так как не имел орудий, опустошив смоленские посады и выжегши окрестные волости, взял у москвы три замка и с большой добычей и со славой вернулся назад в Вильно.

Князь Константин триумфаторствует в Вильно. Потом король распустил войско, укрепил границы солдатами, а князя Константина с надлежащим (godnym) триумфом принимал в Вильно и, щедро одарив, отпустил в Острог. А король Сигизмунд, распределив часть солдат по окраинным замкам, а других по квартирам (po lezach), [вместе] с королевой Барбарой вернулся в Польшу.

Глава третья

Предательская татарская помощь. Тогда же перекопский царь Менгли-Гирей, получив было деньги (zold) от короля Сигизмунда, должен был вместе с литовцами выступить против [великого князя] московского. Но он схитрил и расположился неподалеку от королевского войска, выжидая, кому улыбнется счастье: москве или литве. И задумал принять сторону того, кто из них выиграет битву, а тем временем различными отговорками оттягивал прибытие на помощь Литве, ибо московский [великий князь] тоже посылал ему подарки. Наконец, он увидел, что победу одержал король, и, наследуя литовское счастье, сразу же двинулся на москву. И, распустив загоны по всем московским волостям, беспрепятственно разорил их так жестоко, что на памяти людской ничего подобного не случалось.

Татары увели из Московии 300 000 пленников. В орду увели свыше ста тысяч [19] людей, не считая добычи, трофеев и различного полона [20].

Не стоит продавать шкуру [неубитого] **медведя.** И из-за этих жестоких поражений и опустошения своих земель московский князь Василий поубавил свою спесь, которую до этого [продемонстрировал] в письмах к императору и к другим государям, [спрашивая], что они ему посоветуют сделать с захваченным королем Сигизмундом.

А император Максимилиан, союзник (confederat) московского [князя], видя, что королю Сигизмунду и литовцам по милости Божьей и по справедливости улыбнулось счастье [в войне] против Москвы, отправил послов к королям Сигизмунду Польскому, его брату Владиславу Венгерскому и Людовику Чешскому, сыну Владислава, желая заключить с ними вечный мир. И попросил, чтобы они съехались к нему в Прешпорк [21].

Славный съезд трех королей с императором. А потом короли Сигизмунд и Владислав с сыном Людовиком, заботясь об общей пользе всего христианства, 16 июля 1515 года имели славный съезд с императором Максимилианом в поле за Прешпорком, меж местечками Гамбургом (Hamburgiem) и Брюгге (Brugiem) [22], при чем были послы почти всех монархов, королей и князей из различных стран (z rozmaitych stron). А потом 19 июля все въехали в Вену, где император Максимилиан сочетал браком Анну, дочь короля Владислава Венгерского и племянницу Сигизмунда, с сыном [23] Фердинандом, и тут же сам ее короновал. На этом же съезде некоторые коронные и литовские паны демонстрировали выдающиеся доблести и получали славные награды, ибо на столь большом сборище разных народов каждый показывал то, что хорошо умел, особенно мазур Радзиминский, великий борец. Миколай Радзивилл и Станислав Гаштольт тоже продемонстрировали свыше сотни [нанятых] в Польше за большие деньги и искусных в музыке молодцов, убранных по-московски, по-татарски и по-казацки, которые с различными музыкальными инструментами, с саблями и сайдаками на кривых сапожках (botach) в церкви перед императором пели обычную и вечернюю мессу к великому изумлению иноземных народов, немцев и итальянцев, прежде считавших, что в тех литовских странах живет грубый и дикий народ. А потом король Сигизмунд, который выехал из Кракова 5 марта, 6 августа выехал из Вены в Польшу, попрощавшись с императором.

Сумма постановлений Прешпоркского съезда. Результатом постановлений и взаимных договоренностей на том славном съезде [стало то, что] император, отринув и забыв все прежние недоразумения с тремя упомянутыми королями, породнился с ними и учинил вечный мир. А мир, заключенный с московским [великим князем] против Литвы, постановил [либо] расторгнуть, либо через послов добиваться от него, чтобы заключил вечный мир с польским королем и с Литвой.

Закрытие вроцлавского склада. А склад купеческих товаров, недавно к ущербу поляков учрежденный во Вроцлаве, тогда же был ликвидирован (w niwecz obrocony). О чем достаточно подробно можешь почитать у ***Йоста Деция*** в «***Сигизмунде***».

Татары [вторгаются] **на Русь.** Тогда же в отсутствие короля перекопские татары вторглись на Русь [24]. Замещавшие короля коронные паны отправили против них семьсот конных жолнеров. А когда едва половина их стянулась к Теребовлю, сразу же две тысячи татар 13 марта внезапно ударили на них в местечке, когда наши еще спали.

Достойный муж Ян Творовский. Но Ян Творовский из Бучача, в то время гетман русского рыцарства [25], муж, за свою рыцарскую доблесть достойный вечной славы, сразу же призвал своих солдат к оружию. **Битва с татарами.** И стараниями храброго гетмана те с неслыханной смелостью выбили (wysiekli) татар из местечка. Татары же, видя, что наших солдат немного, окружили город и хотели его поджечь, чтобы было удобнее одолеть и схватить наших.

Римские Коклесы и Горации. Гетман Творовский, видя, что не на кого опереться, а в местечке этом было никак не оборониться, всех жолнеров увел через мост в целости,

кроме двух убитых. И за этот мост наши бились с татарами целый день. И вот так татары, ничего не сделав Теребовлю, вернулись в орду.

А королева Барбара 2 июля родила вторую дочь Анну.

Татарские послы, когда им на Подоле не повезло с их замыслами, приехали в Краков и в Казимеже ожидали королевского приезда.

Потом король Сигизмунд, 6 августа выехав из Вены, 19 дня того же месяца приехал в Краков, где застал королеву Барбару в недобром здравии из-за недавних родов. А потом 2 октября [она] заплатила долг смерти.

Мор в Кракове. А в Кракове в то время господствовало великое моровое поветрие, от которого умерло много знатных людей и посполитой черни.

Король Сигизмунд [возвращается] **в Литву**. Овдовевший после смерти королевы Барбары король Сигизмунд 6 дня [26] из Кракова вернулся в Литву, ибо этого тогда потребовали русские и литовские дела. Взяв с собой малышек дочек, принцесс Ядвигу и Анну, и сестру Эльжбету Казимировну, он приехал в Сандомир. И отттуда сестру Эльжбету, [прежде] сговоренную и сосватанную за Фридерика, князя Легницкого, с должным почетом отослал [тому] в жены.

Потом, приехав в Брест Литовский, король на немалое время там задержался, советуясь с литовскими панами по поводу обороны и других текущих дел.

Глава четвертая

О разорении русских земель татарами

и о прусской войне

Его милости пану
Войцеху Пржетоцкому [27],
городничему виленскому и
прочее

В 1514 году император Максимилиан в соответствии с постановлениями и соглашениями Прешпоркского и Венского съездов отправил к Василию Московскому нескольких знатных послов уговаривать его пойти на мир (ugody) с королем Сигизмундом и с Великим княжеством Литовским. Но Московский [князь] держался своего прежнего упрямства, обвиняя императора [в том, что тот] его оставил, нарушив первоначальный мир. Однако король Сигизмунд, как набожный государь, по воле императора воздерживался от начала военных действий против Московского[князя].

Татары [готовятся напасть] **на Москву.** Но когда [Сигизмунд] увидел, что Литовское княжество не может добиться от Москвы мира иначе, чем войной, послал к перекопскому

царю, чтобы следующей весной [тот] в соответствии со [своими] обязательствами готовился со своей ордой идти на Москву.

Умер король Владислав Казимирович. В это время король венгерский и чешский Владислав Казимирович, брат короля Сигизмунда, приехав от императора с этого съезда, умер в возрасте 60 лет. А наместником и королем Чешским и Венгерским оставил сына Людовика, еще при жизни коронованного на оба королевства [28]. **Польские послы в Венгрию.** Поэтому коронные паны в отсутствие короля послали в Венгрию гнезненского архиепископа Яна Лаского и краковского воеводу Кшиштофа Шидловецкого, а в Чехию — люблинского воеводу Анджея, графа Тенчинского, сенатора дотошного разума и мудрого совета. И те довольно-таки успешно наладили и успокоили дела Людовика в Венгрии и Чехии.

А император Максимилиан, хотя в то время и был занят в Италии большой войной с венецианцами, однако, соблюдая все договоренности и соглашения, заключенные с королями в Вене, одних послов отправил в Венгрию и в Чехию для укрепления положения (stanowienia rzeczy) Людовика, а других от имени Сигизмунда, короля [Польского] и великого князя Литовского, послал к [князю] московскому, а именно Сигизмунда Герберштейна [29] и Петра Мракси (Piotra Mraxiusa) [30]. **Об этом также читай Иовия, Волатерана, Кариона, Филиппа [31] и других.**

Татарская измена. Потом перекопский царь, который согласно договору в начале июня месяца обязан был вторгнуться в [земли] Москвы, видя, что король Сигизмунд занят в Литве, предательски готовился [вторгнуться] в Подолию. А когда частые известия об этом приходили к старостам и коронным панам, они этому не верили, ссылаясь на то, что перекопский [царь] был в мире с Короной и Литвой.

Подольские паны против татар. Но когда стали приходить весть за вестью, что татары уже идут, сразу подольский воевода Мартин Каменецкий, как бдительный (czujny) сенатор и муж, достойный доблести славных предков, сам взял на себя оборону отчизны. И, собрав немногочисленное подольское рыцарство, соединился со Станиславом Ландскоронским и Яном Творовским.

Татары разоряют до самых Татр. А затем в июле месяце более тридцати тысяч татар с четырьмя царьками совершили крупнейшее вторжение на Русь и на Подол. И, расположившись лагерем недалеко от Буска (Buska), распустили во все стороны загоны, поджигая, грабя и убивая всех, кто подвернется. Потом, переправившись через Днестр, разорили все края до самых Татр, венгерских гор, чего никогда на памяти людской не случалось. **60 000 пленников из Польши.** Йодок Деций пишет, что в то время более шестидесяти тысяч человек забрали в неволю, не считая детей и стариков, которых рубили и резали из языческой жестокости.

В это время король с литовскими панами обсуждали организацию защиты против москвы на сейме в Вильне. А русская и подольская шляхта из врожденной любви к отчизне собралась, намереваясь дать язычникам отпор, но не [успела] вовремя.

Татары штурмуют. [Татары], дойдя до Буска, штурмовали его и сильно осаждали (вопреки татарскому обычаю), но были отбиты нашими.

Татарские жестокости. А наутро, так как немало их было перебито при штурме, спалили предместье и, отягощенные добычей, двинулись к Вишневцу, где огнем и мечом разорили все волости на сорок миль вдоль и поперек.

Великий коронный гетман Миколай Фирлей из Дабровицы с панами и со шляхтой русской и подольской гнался за ними до самого Вишневца, но, видя неравенство сил, вынужден был остановиться (dac pokoj). И татары с великим полоном от Вишневца в целости ушли в орду.

Разбиты татары в кирасах, вопреки [их] **обычаю.** Лишь один их отрядик, в котором двести татар вопреки их обычаю были полностью облачены в железные доспехи (w blachowe zbroje), будто немцы, все до одного были перебиты казаками князя Вишневецкого, так что ни один не ушел.

Наши громят татар. Выступивший из Меджибожа с немногочисленными жолнерами Мартин Каменецкий, а также Ян Творовский из Бучача [вместе] с Ландскоронским храбро поразили один татарский загон у Теребовли. А также другой их отрядик, в котором было пятьсот татар [32], весь до единого счастливо погромили и разбили наголову. Но когда татары услышали, что наши гонятся за ними, они тут же порубили и жестоко умертвили несчастных женщин, девушек и детей, которые не могли бежать.

И вот так тогда эти язычники, которые без помех и собственных потерь ушли с большой добычей, вскоре переправились через Днепр, отослали в орду весь полон, а сами снова хотели второй раз вернуться на Русь. Но король Сигизмунд из Литвы послал к перекопскому царю, упрекая его за эти беды, разорение своего государства и нарушение перемирия.

Татарская отговорка. А татарский царь через своих послов отговаривался тем, что [это творит] неугомонная молодежь, за которой он не может уследить, и возлагал на них всю вину. Но желал возобновить прежний мир и уговорился со всей своей ордой и всем своим рыцарством обратиться против московского [князя]. И пообещал сам защитить Литву от московской войны.

Битва наших с турками. Примерно в это же время русское, волынское и подольское рыцарство вместе с казаками, вторгнувшись за турецкие границы, под Белгородом и Тягиней (Tehinia) [33] захватили у чабанов отары в несколько тысяч овец и стада коней и буйволов. А турки, догнав наших, вступили с ними в рукопашный бой. Наши же, видя, что нет другой дороги к отступлению, кроме как пробиваться с оружием в руках, отбросили страх и смело схватились с турками.

Турки поражены. И когда обе стороны долго и храбро сражались: турки за захваченное у них добро, а наши — за жизнь и добычу, наши, положив на плацу немало турок,

разгромили остальных и благополучно ушли на Подол, сохранив всю свою добычу (хотя из-за этого разорения [набеги] татар не прекратились).

Москва [идет] **на Литву.** Когда творились эти смуты на Руси и на Подоле, московский князь Василий сразу же послал свое войско разорять Литовское государство с другой стороны, но милостью Божьей мало чего натворил в Литве, ибо литовские жолнеры часто тревожили московитов, совершая вылазки (sciekajac) из окраинных замков. **Москва уклоняется от битвы.** Происходили стычки, однако до генерального сражения не доходило, ибо, хотя несколько тысяч литовских шляхтичей были готовы сражаться, но московиты, обжегшись на той Оршанской битве, не смели наступать.

Татары из Литвы повернули на Москву. Татарский же царь, желая ублажить короля Сигизмунда за разорение русских земель, которое совершил вопреки клятве, и помириться с ним, собрал со своей орды, как говорят, восемьдесят тысяч войска и неожиданно вторгся в Московию. Узнав об этом, великий московский князь Василий сильно встревожился, сразу же вернул свое войско из Литвы и послал все силы против татар. Татары с добычей и полоном собирались возвращаться в орду и уже выступили, и в это время пришла на них москва, вызывая их на главное сражение.

Москва поражена татарами. А татары, припомнив свое недавнее счастье, которое выпало им в Подолии, и первое поражение москвы от литовцев под Оршей, обратились против москвы своим обычным танцем. И когда главные силы обеих сторон столкнулись, москва не устояла и разбежалась по полям. А татары ушли в орду, сохранив всю добычу и обильный полон. Говорят, что тогда москвы на этом побоище полегло более двадцати тысяч [34].

Начало прусской войны. В том же году бранденбургский маркграф Альбрехт, прусский магистр, заносчиво затеял новые смуты против своего дяди, польского короля, желая оторвать от Литвы Жмудскую землю в пользу Пруссии. И послал было несколько полков рыцарей (rejterow) [35] и кнехтов на разорение Жмуди.

Немцы поражены жмудинами. Но жмудский староста Юрий Миколаевич Радзивилл [36] без промедления собрался со шляхтой и жмудскими рыцарями, которые, застигнув две сотни кнехтов в одном тесном закутке близ Рагнеты, разбили их наголову. Прусский магистр, узнав, что жмудская шляхта начеку, вернул остаток войска в Кёнигсберг, ни в чем не преуспев.

Мазовецкие смуты. Тогда же паны и мазовецкая шляхта, которым надоели жестокое правление и недостойные приказы женщины, княгини Анны, вдовы князя Конрада, хотели возвести на престол мазовецкого княжества старшего князя Станислава. А когда княгиня им это запретила, осадили ее в замке Мачков (Maczkowie), где та заперлась с сыновьями, княжичами Станиславом и Янушем.

Мазовецкий князь Станислав в опасности. И когда штурмовали [замок], желая силой взять на княжение старшего княжича Станислава, то случилось, как это бывает при подобной смуте, что стрела, выпущенная из лука в замок, пробила шапку на голове у

княжича Станислава. И вот так он, которого вся шляхта и народ Мазовии прочили на княжение, случайно едва не погиб от рук своих же. Это злополучное недоразумение успокоил архиепископ Лаский, отложив решение всех этих дел до следующего сейма [37].

Юбилейный год (Milosciwe lato). В том же году папа Лев второй раз [объявил] юбилейный год и прислал в Польшу индульгенции (odpusty). Но в те времена люди уже мало надеялись на папу, и поэтому в течение двух лет легаты в Польше и Литве собрали не очень большую сумму. Тем не менее четвертая часть из нее пошла на отделку (oprawe) замка Каменца Подольского, а три оставшиеся части разделили пополам. Одна часть должна быть передана Коронной Речи Посполитой на оборону против татар, другая — на воздвижение Гнезненского архиепископского костела.

Убит Войцех Фонтинус. В том же году монах ордена францисканцев итальянец Войцех Фонтинус, набожный и очень ученый человек, недавно присланный папой в Краков, когда в монастыре Святого Франциска был поставлен старшим священником [38], стал упрекать других монахов в распущенности. И они сразу же устроили заговор. **Жестокость францисканцев.** В пятый день сентября месяца ночью в его келье выбили двери и, порвав [одежды], выволокли нагого. И там казначей ударил его посохом (kijem) в шею, так что пробил дыру, и вот так его жестоко умертвили.

Гданьские и прусские раздоры. В том же году, когда король жил в Литве, в Пруссии начались бедственные раздоры между гданьскими горожанами и прусской шляхтой. Однако король, вовремя избегая скверного начинания, все это сразу же успокоил с помощью куявского епископа Мацея Држевицкого.

Четыре татарские войска [вторгаются] **на Русь.** Потом на исходе ноября уходившие из Московии татары расположились было у Черного леса. И разделили загоны на четыре войска, с которыми вторглись на Русь и в Подолию. Первое войско двинулось на Каменец Подольский, второе на Литавич (do Litawicza) [39], третье на Меджибож, а четвертое распустило загоны в Шинковский повят. Видя это насилие, коронные паны с двумя тысячами конных жолнеров, которых имели наготове после той первой беды, сразу же двинулись против татар. Также и вся русская шляхта, видя, что первая их беспечность стала для них сигналом, больше не хотели ждать неприятеля у себя дома и все добровольно собрались смело преградить путь поганым.

Доблесть Станислава Ландскоронского. Оборону Меджибожского и Литавичского повятов взял на себя каменецкий староста Станислав Ландскоронский. Дважды столкнувшись с татарами, счастливо поразил их, побил и освободил весь полон, а также захватил нескольких мурз и виднейших уланов.

Убит князь Роман. А достойный священной памяти и вечной славы князь Роман [40], племянник князя Константина Острожского, ударил на другой татарский загон. И когда разгромленные татары уже собирались удирать, князь Роман от большой запальчивости заскочил в их середину. А когда собственной рукой он убил нескольких поганых, под ним, к несчастью, пал конь. Татары наскочили и изрубили князя Романа на куски. Однако потом Божьей милостью наши всех этих татар и их загоны погромили и, поразив их

наголову, всю добычу и полоны отбили. [Наши] вожди Якуб Сецигниевский и Павел Фарурей отличились там своей доблестью.

Московский [князь] **бежит.** Великий князь московский Василий воевал тогда украинные литовские волости. Поэтому в 1517 году король Сигизмунд отправил против него гетмана князя Константина Острожского с литовским и русским войском и Яна Свирчовского с польскими, чешскими и моравскими жолнерами. Узнав о них, московский [князь] сразу отступил со своим войском, помня о прежнем Оршанском поражении. **Еще больше наказан. Наши разоряют московские** [земли]**.** Тем не менее наши, гоняясь за ним, в различных местах перебили многих его людей и огнем и мечом повоевали всю Северскую землю.

Наши поражены под Опочкой. Повоевав северские земли, лежавшие к югу и к востоку, потом обратились на северные московские края, на Псков. И, переправившись через Днепр, Двину и другие реки, подступили под Опочку, замок деревянный, но [хорошо] защищенный своим местоположением. И когда чехи, не [сумев] пробить бреши, несколько раз приступали к штурму [крепости], многих из них москва сбивала со стен, сшибая их подвешенными колодами, а также камнями и различной стрельбой. Поэтому наши, понеся немалые потери в пехоте и не взяв замок, который сначала называли свиным хлевом, вынуждены были отступить. Однако без отпора учинили великие беды в московских землях и повоевали вдоль и поперек, пока зима не вынудила их вернуться домой. Из этого похода литовцы принесли большую добычу и трофеи. Было это в 1517 году [41].

Королева Бона. Потом, в 1518 году, по совету императора Максимилиана краковский архидиакон Ян Конарский и калишский каштелян Станислав Остророг доставили в Краков в жены королю Сигизмунду Бону, дочь миланского князя Яна Сфорца [42]. В том же году она была коронована гнезненским архиепископом Яном Ласким при собрании множества разных панов польских и литовских.

Наши поражены у Сокаля. В 1519 году, в августе месяце, татары, повоевав Бельскую, Люблинскую и Хелминскую землю, поразили у Сокаля наших, не захотевших слушать здравых советов князя Константина, опытного (sprawnego) гетмана литовского, который с литвой и русью прибыл на помощь полякам [43].

Фредро — новый Деций. Там Фредро, муж великого сердца (будто новый Деций: Деций отец против латинов и Деций сын против тусков [44]), который мог бы бежать, ворвался в гущу татар с копьем и нескольких убил. Он бился столь долго, сколько хватило сил, и не дался им в руки, пока его не изрубили на куски. От него ныне ведут свой род знатные Фредро [45] из Перемышльской земли. Так же учинил некогда Спытек Мельштынский, когда татары поразили Витольда [46].

Прусская война. Поляки и литовцы [идут] **в Пруссию.** В том же году прусский магистр Альбрехт, королевский племянник (siestrzeniec), чинил беды на украинах польской и жмудской земли и начал открытую войну против своего дяди короля Сигизмунда. Поэтому король, собрав наемников (lud sluzebny) из Польши, Чехии и Моравии, отправил

их в Пруссию. И очень много литовских князей и панов, а также шляхтичей со своим гетманом, гродненским старостой Юрием Миколаевичем Радзивиллом [47], который был потом паном Виленским, пришло в Пруссию на помощь полякам.

Счастливые [успехи] **наших.** И вот так поляки, объединив силы с литвой и с русью, в течение нескольких месяцев счастливо поразили пруссаков и заняли следующие замки: Эйлау, Прабуты, Квидзынь, Мельзак, Миломлин (Milmlyn), Секирки (Siekierki), Пиш (Pisi), Любаву, Орнету [48]. И много других городов и сел опустошили и взяли укрепленный замок и город Бранденбург.

Тчев (Tszow) взят. Потом в 1520 году гетман великого магистра Вольфганг Шоненбург, имея десять тысяч кнехтов из Германии и четыре тысячи конных, взял Тчев, добровольно сдавшийся ему город над Вислой [49]. Заняв Тчев, он двинулся к Гданьску и расположился лагерем на Бискуповой горе.

4 000 снарядов напрасно [выпущены] **по Гданьску.** И выпустил по Гданьску четыре тысячи снарядов [50] из больших орудий, как описывает прусская хроника, но не причинил осажденным ни малейшего вреда.

Кнехты поражены под Гданьском. В конце концов кнехты дошли до такой большой нужды, что все, кто не ленился выбраться из города, бил их и хватал, и крестьяне (chlopi) их хватали и били, так как крестьяне оголодали, как это было и под Полоцком в 1579 году. А когда их очень много было убито и захвачено, бедняги (niebozeta) были вынуждены снять осаду и бежать. А король Сигизмунд на выручку гданьчанам послал двенадцать тысяч отборных конных поляков и литовцев, которые побили и поразили остаток этих бегущих немцев, а других потопили кашубы и поморяне, так что мало их вернулось в Германию. А поляки и литва по этому счастливому случаю взяли Тчев, Хойнице и Старогард. Иные замки и города добровольно сдались королю, а крестоносцев и их старост выгнали.

Радванковский лишен чести. Только Радванковский сдал Орнету магистру либо за взятку (dla darow), либо со страху, за что и был лишен чести на вальном Петркувском сейме.

В том же году в Кракове казнены бургомистр и два казимежских ратмана — за то, что, незаконно схватив некоего шляхтича Слабоша (Slabossa), под горячую руку спешно приказали его казнить.

Рождение Сигизмунда Августа. В том же 1520 году в первый день августа месяца королева Бона, вторая [жена] Сигизмунда, в Кракове родила Сигизмунда Августа. А король в то время из-за прусской войны был в Торуни, где известия и о победе над крестоносцами, и о счастливом рождении сына получил почти одновременно.

А прусский магистр, видя, что напрасно дуть против ветра (przeciw osnowi wierzgac), через друзей попросил у короля милости и перемирия на четыре года, что ему король милостиво и позволил в 1521 году.

Московские послы [приехали] **в Краков.** А в 1523 году московские послы от великого князя Василия приехали в Краков в пятистах конях и взяли мир с королем и с Литвой на пять лет.

Турки и татары повоевали Подгорье. В 1524 году турки и татары жестоко и неоднократно воевали Львовскую, Санокскую, Бельскую и Подольскую земли, а поляки не смели с ними связываться (zetrzec), помня Сокальское поражение. Поэтому поганые учинили невосполнимые (nie oplakana) беды во всей Подгорской Руси.

В том же году московский князь Иван Васильевич завладел Казанской ордой и замком, и с тех пор пишется царем (carzem) [51].

Орден крестоносцев в Пруссии прекратил [существовать]. Потом, в 1525 году, марта месяца 10 дня, магистр прусский и маркграф бранденбургский Альбрехт принес вассальную присягу (hold i przysiege) королю Сигизмунду, восседавшему на престоле в Кракове посреди рынка. И там же он сбросил плащ ордена крестоносцев и был возведен королем на прусское княжение. И с того времени орден крестоносцев, с которым Литва несколько сотен лет вела различные войны, в Пруссии перестал быть [52].

Гданьские ратманы (raice) **казнены.** В 1526 году король Сигизмунд, приехав в Гданьск, успокоил вновь возникшие смуты, а тех, которые были причной беспорядков, приказал казнить: [сперва] шестерых, а потом седьмого. Других разослал в заключение по замкам, а иные бежали в море.

В том же году в жены прусскому герцогу (xiazeciu) Альбрехту в Кёнигсберг привезли Доротею, сестру датского короля [53].

Мазовия включена в [состав] **Польши.** Почти в то же самое время, когда в молодые годы, через два года после брата Станислава, умер мазовецкий князь Януш [54], король Сигизмунд, приехав из Гданьска в Варшаву, изо всех сил уцепился за Мазовецкое княжество, удержал и присоединил его к польской короне, хотя многие мазовецкие паны и шляхтичи были против.

В том же 1526 году Людовик, король Венгерский и Чешский, князь Силезский и прочее, внук Казимира и племянник Сигизмунда, потерпел поражение у Мохача (Moharza) от турецкого султана Сулеймана — с великим и окончательным упадком венгерской короны. А сам, когда бежал с проигранного сражения, был придавлен собственным конем, утонул и задохнулся (zaduszon) в болотистом потоке 27 августа, в день казни Св. Иоанна [55]. Воспользовавшись победой, Сулейман потом взял Буду (Budzyn) и другие замки и города. О той неоплаканной битве читай Павла Иовия (Paulum Jouium), Герберштейна, Куреуса, Бельского и других. А об этой жалостной смерти можно припомнить стихи Вергилия о Палланте [56]:

Quem non virtutis egentem
Abstulit atra dies et funere mersit acerbo.

Тот же унес тебя день, который в битву отправил [57].

Литва поразила татар на Ольшанице. В 1527 году, когда татары частыми вторжениями чинили великие беды на Руси, в Польше и в соседней Литве, литовские паны из любви к отчизне тут же добровольно собрались против них с волынским рыцарством. Первыми [среди них] были гетман князь Константин Острожский, слуцкий князь Юрий Семенович, гродненский староста Юрий Миколаевич Радзивилл, владимирский князь Юрий Сангушкович, князья Иван и Александр Вишневецкие, князь Александр Чарторыйский, киевский воевода Андрей Немирович, черкасский и каневский староста Остафий Дашкевич и много панят и шляхты — добровольцев из Литвы и Руси. Стянувшись к Киеву, они догнали татар аж на Ольшанице, а тех было тридцать и четыре тысячи со многими царевичами. И с Божьей помощью литва и руссаки в мужественной и смелой битве счастливо поразили их наголову [58], отбив восемьдесят тысяч полону связанных христиан обоего пола с Руси, с Подола и с Подгорья, и всяческих трофеев и добычи отняли в изобилии. На плацу осталось 24 000 побитых татар, меж которых было много и турок с перекопским воеводой Ибрагимом. А старшие царевичи Бучкак Солтан (Obuskak Soltan) и Юсуф Султан (Dziusub Sultan) и Кучук Бей (Kohuczuk Bij) бежали в малой дружине. Очень много побито и иных мурз и уланов, а другие захвачены [в плен]. Юрий Семенович, князь Слуцкий, с Остафием Дашкевичем другой [татарский] загон поразили у Канева и у Черкас.

Поражение Януша Вайды. В том же году 25 сентября венгерский король Януш Вайда (Wajda) [59], который после Людовика был коронован немалой частью венгерских панов, у Токая (Tokacza) потерпел поражение от людей римского и чешского короля Фердинанда, тоже домогавшегося Венгерского королевства по родственному праву своей жены Анны, правнучки Ягелло и дочери Владислава Казимировича, короля венгерского и чешского.

Венгерская земля переходит в турецкое подданство. Разбитый Януш Вайда сначала бежал в Каменец Подольский, потом в Тарнов, где несколько месяцев ожидал [благоприятного] случая и помощи. А потом при поддержке Иеронима Лаского (которому потом неблагодарно отплатил тюрьмой за добро) [60] был препровожден на королевство Венгерское с помощью Сулеймана Турецкого. Поэтому Венгерская земля перешла в турецкое подданство, а потом и во владение. Так и мы можем быть наказаны за пренебрежение к соседской беде.

Nam tua res agitur paries dum proximus ardet*. (Ведь если у соседа горит, то можно и самому обжечься).*

Эти вирши, тяжело вздыхая по поводу упадка своей отчизны, в разговорах по дороге в Турцию за Адрианополем часто припоминал мне Александр Кинди, посол нашего нынешнего короля Стефана из Семиградской земли.

Рождение страшных чудищ (dziw)**.** В том же 1527 году в Бранкове у Радома родилось великое и страшное человекоподобное чудище со львиной головой и косматой грудью, страшно скрежетавшее зубами, громко рычавшее и прожившее восемь часов.

Рим взят. В том же году Бурбон с императорским войском взял Рим [61] и осажденный в Замке [Святого] Ангела папа сдался на милость императора. Но Бурбон (Borbonius) был убит там при штурме [62]. **Об этом читай у Иовия и у Слейдана.**

А в 1528 году король Сигизмунд, урядив и успокоив прусские, мазовецкие и подгорские, а также коронные дела на Петркувском сейме, в месяце марте с королевой Боной выехал в Литву.

Северин Нордвед. Когда король проживал там в Вильне, к нему приехали московские послы, жалуясь на морского разбойника Северина Нордведа, чинившего москве великие беды. Но король к нему никакого отношения не имел, ибо тот был не лифляндец, как пишет Бельский, а норвежец, прежде морской гетман датского короля Христиерна. Об этом читай Герберштейна ***de Jeiunio*** на стр. 54 ***in rebus Mosckoviticis*** [63].

Наши сдались и захвачены татарами. Потом, в 1529 году, татарский царь Ослан [64] в полях под Очаковым вопреки уговору захватил наших, которые ходили казаковать: коронного гетмана Миколая Сенявского [65], Ежи (Jerzego) Латальского и много других ротмистров с их ротами, которых татары повязали после их согласия сдаться (prosiwszi na czeswz), так что одним пришлось себя выкупать, а других продали туркам. ***Sero sapiunt phriges***. Поляк мудр задним умом.

Сигизмунд Август [возведен] **на великое княжение.** В том же 1529 году, в день Святого Луки [66], королевич Сигизмунд Август, всего девяти лет от роду, в присутствии отца, короля Сигизмунда, королевы Боны и многих духовных и светских князей, литовскими панами и рыцарями был избран и возведен на великое княжение Литовское, Русское и Жмудское в замке, в костеле Святого Станислава.

Вильно сгорело. Потом в том же году король Сигизмунд выехал из Литвы на Петркувский сейм, провел его и с большой свитой панов и рыцарства как польского, так и литовского, уехал в Краков на коронацию своего сына Сигизмунда Августа в 1530 году [67]. В то время Вильно погорело так жестоко, что уцелела едва третья часть, а церкви, как латинские, так и русские, из-за огня пришли в великий упадок.

Турки у Вены напрасно. В том же 1529 году турки осадили Вену, где их при штурмах убито восемьдесят тысяч, так что по милости Божьей вынуждены были с позором отступить.

Глава пятая

О коронации великого князя Литовского Сигизмунда Августа на королевство Польское

в году 1530

Когда на упомянутую церемонию коронации в Краков съехались коронные, литовские и иностранные князья и паны, в 1530 году, в 21 день месяца февраля или лютого [68]

Сигизмунд Август с великим триумфом, радостью и весельем всего собрания был коронован и помазан на королевство Польское в присутствии князей Альбрехта Прусского, Иржика Опольского [69], Фридриха Легницкого [70] и других.

Поражение кнехтов. В том же году венгры и турки поразили под Будой шесть тысяч кнехтов и фердинандовых испанцев, когда те второй раз осаждали Яна Вайду [71]. А Ян, хотя и не без неприятностей, с тех пор перестал бояться (ostraznal) всяческих [угроз со стороны] Германской империи.

Татары поражены. В том же году в Литву вторглись татары, которых князь Иван Дубровицкий с литовским рыцарством поразил в урочище Полуозёрье (Pulozorze) и всю добычу отбил.

Писаное Литовское право. В том же году на Святого Михаила [72] Литве и всем прилегающим к Великому Княжеству землям даны писаные законы для всех сословий [73].

А в Вильне господствовало жестокое моровое поветрие.

Валашская война. Потом в 1531 году валашский воевода Петрило [74], нарушив вассальную присягу, с большим войском вторгся в коронные Покутские края с валахами, с венграми, с турками и с мултянами и повоевал Снятин, Коломыю, Тишменице и другие местечки и волости до самого Галича. Поэтому король Сигизмунд, собрав шесть тысяч наемников во главе со славной памяти гетманом Яном из Тарнова [75] герба Лелива, послал их против клятвопреступника Петрилы.

До этого польские жолнёры имели битву с несколькими тысячами валахов в урочище, которое зовется Гвоздец (Gozdziem) [76], где с Божьей помощью их хитростью поразили и добычу отбили.

Наш лагерь у Обертына. Потом гетман Ян Тарновский, видя, что против него с большим войском движется сам воевода, с шестью тысячами своих жолнёров расположился в укрепленном месте у Обертына [77], как следует окружив лагерь палисадом (pasiekami) и сцепленными возами. Валашский воевода, полагаясь на численность своего войска, которого имел пятьдесят тысяч [78], смело приблизился к нашему лагерю. И для пущего страха показался с горы со своими огромными полками, а потом велел вызывать наших на гарцы [79] и стрелять из больших орудий, которые не причинили нашим никакого вреда, ибо [те] стояли ниже, и их снаряды перелетали. Валахи насмехались над нашими, но Тарновский, как следует направив свои орудия и хорошо построив людей у лагерных ворот, тоже приказал стрелять по валахам. Сташковский, старший над артиллерией, первым же выстрелом перебил ось (os) валашского орудия, которое упало и покалечило пушкаря [80].

Битва наших с валахами. Вышли потом из польского лагеря ротмистры Балицкий, Миколай Сенявский, Мацей Влодек и другие и храбро схватились с валахами, как Леонид с персами. Наши превосходили [противника] мужеством, валахи числом. Эхо разносило

по горам и лесам крики сражавшихся с обеих сторон мужей, треск из пушек и ружей, стоны раненых под конями и громкое ржание коней, [оставшихся] без хозяев.

Доблесть Сенявских. И там родные братья Прокоп и Александр Сенявские герба Лелива, ударив со свежими ротами в бок валахам, прорвали их [строй]. А по другим гетман Тарновский приказал вести частую стрельбу из лагеря. Сами поляки, разрушив палисады своего лагеря, запальчиво наскочили на валахов, которые сразу же обратились в бегство. И разбежались по полям, а поляки их далеко гнали, били, рубили и вязали.

Валахи поражены. И вот так дивным попущением Божьим шесть тысяч наших, просто горстка людей, побили и погромили пятьдесят тысяч валахов и турок, захватили тысячу знатнейших пленников, весь обоз и 50 больших пушек, не считая малых для стрельбы с рук. И все это с триумфом отправлено в Краков, а раненый воевода Петрило едва ушел сам-второй (samowtor).

В том же году умер славной памяти гнезненский архиепископ Ян Лаский, праведный отец отчизны, а на его место заступил Мацей Джевицкий, епископ куявский.

Князь Константин умер. В 1533 году после Вознесения Девы Марии [81] умер гетман Великого княжества Литовского, воевода Трокский, второй Ганнибал, Пирр и Сципион русский и литовский, князь Константин Иванович Острожский, муж светлой памяти и несказанной доблести, частый и счастливый победитель татар и московитов. На его место великим гетманом был избран Юрий Миколаевич Радзивилл [82].

В том же году в Моравии над Оломоуцем на небе показались три солнца.

Мир с турками. В том же году году Петр Опалинский (Opalenski) [83] отправился к туркам и с обеими королями заключил пожизненный (dozywotne) мир с турками, татарами и валахами.

Турки [идут] **на Австрию.** В том же году в месяце июне турецкий султан (cesarz) Сулейман прибыл в австрийскую (Rakuskiej) землю с двухсоттысячным войском. Под местечком Гунштом (Gunszem) он провел тринадцать безуспешных штурмов благодаря мужеству венгра Миколая Юришича [84], который потом сам добровольно сдался туркам после переговоров, чем избавил от осады город и несчастных людей.

В 1534 году татары разоряли Волынь, и польские ротмистры, особенно Язловецкие, вели с ними несколько битв. А также хмельницкий казак Ужик (Wezyk) поразил их загон под Заславлем.

Василий Московский умер. Потом в 1535 году умер Василий Иванович, великий князь Московский, оставив на своем месте старшего сына Ивана, нынешнего великого князя Московского, который, по Герберштейну, родился в 1528 году [85] от Глинчанки Васильевны. Но в то время [Иван] был еще ребенком под опекой у Овчины [86], у которого было соглашение с княжеской вдовой.

Раздоры в Москве. Из-за этого в Москве в то время была великая смута и бедственные раздоры, отчего и Михаила Глинского [87] уморили в заключении [по воле] княжеской вдовы, дочери его брата, и многие князья и бояре умерщвлены.

Бельский и Ляцкий. Во время этой разрухи по милости короля в Литву из Москвы приехали князь Семен Бельский [88] и Иван Ляцкий, и по этой причине король Сигизмунд [пожаловал] Бельскому Зизморы, Стоклишки и Кормялово, а Ивану Ляцкому с сыном дал Высокий Двор и Жолудек в Трокском воеводстве.

Московская жестокость. Овчина, опекун молодого великого князя Ивана Васильевича в том же 1535 году с большим войском вторгся в Литву [89], где огнем и саблей учинил большие и почти языческие жестокости, втыкая на колья невинных деток и женщин и умерщвляя всякого без различия пола. И повернул [назад] всего в пятнадцати милях от Вильно.

Литовцы с поляками [идут] **на Москву.** Собрав в Польше до пятнадцати (kilkonasie) тысяч конных и пеших наемников (ludu sluzebnego) и добровольцев, король Сигизмунд поставил над ними гетманом Яна Тарновского и старосту великопольского Анджея из Горки и послал их на помощь Литве. Князья, паны и все рыцарство литовкое и русское тоже охотно собрались для совместной помощи со своим гетманом Юрием Радзивиллом, паном виленским, старостой гродненским [90]. И вот так, соединившись с поляками, [литовцы] двинулись на Москву и взяли замок Гомель в северской земле на реке Сож.

Стародуб взят. Потом осадили большой и сильный главный Стародубский замок, который был укреплен избицами (w izbice zrabiony) [91], где затворились московские военачальники Овчина, Колычев и Сойский и до шестидесяти тысяч человек. А когда не смогли взять его обстрелом из орудий, подсыпали пороху и так подожгли замок. И захватили Овчину, Сойского, Колычева и многих других воевод, князей и знатных бояр, так что [число] пленных превышало польское и литовское войско. Поэтому коронный гетман Ян из Тарнова большую их часть приказал обезглавить, особенно старых и менее годных, а всех их было свыше шестидесяти тысяч [92]. Также литовцы и поляки захватили там очень много сокровищ и различной добычи, однако и огонь уничтожил немало. Потом с победой и с добычей войска разъехались по домам. В том же году король, выдав свою дочь Ядвигу за маркграфа Иоахима [93], приехал из Польши в Литву.

Вторая валашская война. А в 1537 году снова началась война поляков с валахами, ибо воевода Петрило после того Обертынского поражения частыми набегами воевал Покутские волости. Поэтому король Сигизмунд после рокоша (po rokoszu), который имел с рыцарством во Львове, после Святого Мартина [94] отправил в Валахию несколько рот наемников, которые в отместку спалили и обобрали Черновцы, Ботушаны и другие села и местечки до самой Сучавы (Soczawy) [95].

Валашская война. Потом на следующий 1538 год воевода Петрило со своим валашским войском и с турками в феврале месяце вторгся на Подол, спалил Червен, осадил Ягелницы и Чернокозинцы. А против него быстро приготовились польские ротмистры, особенно Анджей Тенчинский, польный гетман Миколай Сенявский [96] и другие.

Несчастливая битва наших с валахами. И когда обе стороны смело завязали битву, наши оплошали и вынуждены были, обороняясь, уходить через Серет. А наши кони были босы [97], а в то время была сильная гололедица, на которую валахи и турки остро подковали коней. Однако же валахов полегло столько же, сколько и поляков, среди которых были убиты ротмистры Пилецкий и Веглинский, а Влодек захвачен в плен.

Наши под Хотином. Поэтому король Сигизмунд в том же году снова отправил в Валахию наемников (lud sluzebny) с коронным гетманом Яном из Тарнова, который, окружив Хотин над Днестром, разными способами добывал его и уже было добыл, подложив пороху, но воевода Петрило попросил милости и мира на подходящих условиях. И получил, когда снова присягнул королю Сигизмунду [98].

Хотин — прекрасный укрепленный замок на скале, подобный Кокенхаузену в Лифляндии [99]. Мне довелось увидеть оба, причем [Хотин] видел уже занятый турками, в 1574 году. А прежде воевода имел [в замке] своего Барколаба [100], который дважды нас там принимал от имени господаря.

В 1539 году виленский воевода Альбрехт Гаштольд [101] умер и похоронен в костёле Святого Станислава в Виленском замке в собственной часовне.

Изабелла [едет] **в Венгрию.** В том же году дочь короля Сигизмунда Изабеллу отдали в жены венгерскому королю Яну Вайде. Ее сопровождали в Буду [венгерский] посол Петр Перени и перемышльский епископ Станислав Тарло.

В том же году посреди краковского рынка за жидовскую веру сожгли жену краковского ратмана Мальцерову (Malcherowa rajcyna Krakowska).

В 1541 году после пасхи [102] умер виленский пан Юрий (Jurgi) Миколаевич Радзивилл, гетман Великого Княжества Литовского.

Претвич воюют орду. В том же году славный барский староста Бернат Претвич, мстя татарам за повоевание винницких волостей, с черемисами вторгся на Перекоп, где вырезал и перетопил татарских жен и детей и в целости ушел с большой добычей, время от времени повторяя набеги на орду.

В 1542 году в январе месяце умер Ян Миколаевич Радзивилл [103], староста жмудский.

В том же году после пасхи расстался со светом Юрий Семенович, князь слуцкий [104], муж великой доблести.

Также жизнь на смерть поменял и серадзский воевода Ярослав Лаский [105], славный достойными делами и посольствами.

Должности литовских панов. В том же году старый король Сигизмунд с молодым Августом, едучи из Литвы, в шестое воскресенье после пасхи [106] в Вильне пораздавали некоторые земские должности литовским панам, хорошо послужившим речи посполитой.

Отцу нынешнего пана Минского пану Яну Юрьевичу Глебовичу [король] дал воеводство Виленское и Бобруйск, также Станиславу Альбрехтовичу Гаштольду дал воеводство Трокское, а Упиту тогда отделили от Трок. **Упита** [отделена] **от Трок.** Пану Мацею Войцеховичу Яновичу [пожаловали] староство Жмудское, князю Ивану Дабровицкому — воеводство Киевское, Станиславу Довойне — воеводство Полоцкое, Юрию Нашиловскому — воеводство Витебское, Иерониму Ходкевичу — подчашество, Радон и тиунство Виленское, Войцеху Йондзилову — звание надворного маршалка.

Саранча. В том же году в Польше около Кракова, а на Руси и в Литве около Мельника, Сверже (Swierzyna), Кейданова, Ивенца и Вильна саранча стадами летала, как скворцы. И где падала, там жита, овощи и траву с земли выедала и выгрызала.

Той же осенью месяца октября 10 дня в четвертом часу ночи на облаках были видны огненные чуда.

В том же году за неделю до Рождества умер трокский воевода Станислав Альбрехтович Гаштольд [107].

В апреле месяце 1543 года умер жмудский староста Мацей Войцехович.

Первая жена короля Августа. В том же году 15 мая Эльжбета, дочь Фердинанда, короля Римского и Чешского, была привезена в Краков в жены молодому королю Сигизмунду Августу.

В том же 1543 году в Кракове господствовало жестокое моровое поветрие, только в самом городе умерло двадцать тысяч человек.

Четырехкратное затмение солнца и луны. В 1544 году, в 24 день января или стичня (Stycznia) за час до полудня пришла великая тьма, как будто бы внезапно смерклось. Солнце было едва обозначено: как будто серп или молодой месяц рогами на запад, а потом эти рога обратились на восход солнца. И две звезды, одна белая, а другая красная, показались на западе, и подолжалось это затмение солнца около полутора часов. Потом было второе солнечное затмение, и так в один год было четыре эклипса (eclipses) или затмения: два солнечных и два лунных. После этого в Вильне был великий голод, так что все тогда стало дорого: полбочонка зерна покупали по полторы копы (90 грошей).

Сейм в Бресте. В том же году король Сигизмунд старый, едучи с молодым королем с Петркувского сейма через Варшаву (а этот город в то время погорел), на десятое воскресенье после пасхи (22 июня) приехал в Брест Литовский, где созвал литовским панам вальный сейм.

Великое княжение [Литовское] **передано Августу.** На этом сейме, решив другие нужды Речи Посполитой, [король] передал (spuscil) Великое Княжество Литовское сыну, молодому королю, на неделе после русского Покрова Богородицы (после 1 октября).

Должности литовских панов. И там [король] раздал должности литовским панам: Версулу (Wiersulowi) — панство Виленское [108], князю Янушу Дубровицкому — воеводство Трокское, Иерониму Ходкевичу — панство Трокское, Миколаю Яновичу Радзивиллу — маршалковство земское, Александру Ходкевичу — воеводство Новогрудское, князю Семену Пронскому (Prunskiemu) [109], славно послужившему речи посполитой (rzeczypospolitei) против татар — воеводство Киевское, Станиславу Петровичу Кишке, мужу во всем дельному — воеводство Витебское, пану Миколаю Юрьевичу Радзивиллу, который, ныне возвысившись, счастливо достиг чести великого гетманства и воеводства Виленского [110] — подчашество, Яну Яновичу Радзивиллу — должность кравчего (krajectwo), Григорию (Hrehoremu) Ходкевичу [111], который потом в наше время был гетманом польным и паном Виленским — подкоморство.

С Брестского сейма старый король Сигизмунд [112] поехал в Польшу, а молодой Сигизмунд Август с молодой королевой Эльжбетой — в Вильно.

В том же году император Карл после долгих войн помирился с французским королем Франциском.

Умерла королева Эльжбета. Потом, в 1545 году, в 15 день месяца июня, молодая королева Эльжбета умерла без потомства в Вильно к великой жалости всех сословий. Похоронена в Виленском замке в часовне Святого Казимира в 24 день месяца августа.

В том же году 31 августа молодой король Сигизмунд Август дал Жмудское староство трокскому пану Иерониму Ходкевичу.

Брак Августа и Барбары Радзивилл. Вскоре после похорон первой жены Эльжбеты молодой король начал свататься и ухаживать за Барбарой Радзивилл, которая тоже недавно осталась вдовой после Станислава Гаштольда, воеводы трокского, а в то время жила у своей матери, [вдовы] виленского пана Юрия Радзивилла. Король часто приходил к ней для учтивых бесед, устроив из замкового дворца переход к ее двору через огород. И там же потом заключил с ней брак, который им организовал священник (pleban) господ Радзивиллов в присутствии ее двоюродного брата Миколая Радзивилла, впоследствии славной памяти воеводы Виленского, земского маршалка и канцлера Великого Княжества Литовского, а также в присутствии двоюродного (ciotecznego) брата Станислава Кезгайла и родного брата Миколая Радзивилла, тогда подчашего, и некоторых [других] панов и дворян. После своего замужества Барбара долго жила при матери, ибо в 1547 году перед Божьим Рождеством король уехал из Вильно в Польшу навестить отца, старого короля, и мать, королеву Бону.

Подтверждение брака с Барбарой. Тогда же [король] сообщил о своей женитьбе на Барбаре Радзивилл краковскому епископу Самуэлю Мациевскому, который этот его брак утвердил, и краковскому пану Яну, графу из Тарнова, который, как мудрый сенатор, тоже не возражал против однажды заключенного супружеского союза, хотя почти все паны в Польше и Литве были против этого. Да и сам король Сигизмунд Старый и его мать королева Бона это ему строго запрещали, и [по этому поводу] было написано много различных пасквилей.

Войны Карла с князьями. В том же 1547 году император Карл вел вредные христианству войны с князьями саксонскими, с ландграфом гессенским и с другими. Об этом читай Павла Иовия, Слейдана и других.

А старый король Сигизмунд, созвав на Святого Мартина (11 ноября) в Петркуве вальный сейм, решал там различные коронные дела относительно законов и охраны границ. **Мазовия** [передана] **под управление Августа.** И там передал Мазовию и Пруссию под управление молодого короля Августа — в дополнение к Великому княжеству Литовскому. Попрощавшись с отцом, тот [во время] поста 1548 года приехал в Вильно, где некоторые литовские паны снова укоряли его за брак с Барбарой, и эти мелкие раздоры едва не привели к [тому же], как в этих стишках:

Architremus:

Combussit Phrigium pastorem, Pergama Graecos,
A Veneris surgens faculis amor, ignis, et ira, etc.

Главный плакальщик:

Из-за фригийского пастуха [113] *греки сожгли Трою,*
Факелы любви Венера разожгла пожаром и гневом, и т.д.

Чуда на небе. В том же году 13 января на облаках ночью видели страшные чуда: якобы вооруженные полки сошлись на севере в огромной битве.

Король Сигизмунд умер. В том же 1548 году, в феврале месяце, старый король Сигизмунд, хворым приехавший в Краков с Петркувского сейма, стал еще более млеть и хворать. И вот так, с великой скорбью и благочестием приняв причастие Господне и как следует распорядившись [в отношении] обоих государств, как Короны, так и Великого Княжества Литовского, обычную жизнь поменял на вечную в славный день Пасхи (dzien chwalebny Wielkonocny) [114], в девятом часу, имея от века своего восемьдесят один год, два месяца и семь дней [115], а на великом княжении Литовском, Русском, Жмудском и прочее и на королевстве Польском счастливо пробыл сорок лет и полтора года.

Поминки по Сигизмунду в Вильно. Эту смутную новость из Кракова в следующее воскресенье (w Przewodna niedziele) спозаранку принесли в Вильно молодому королю, который [вместе] со всеми сословиями Великого Княжества Литовского с сердечной жалостью оплакал смерть отца отчизны. И на той же неделе в пятницу во всех церквях, по королевскому обычаю, устроили траурные шествия (obchod) с марами [116], свечами и богато украшенными конями.

Барбара Радзивилл препровождена во дворец. А потом там же, в третье воскресенье после Пасхи и после отцовской смерти, в семнадцатый день месяца апреля [117] в 19 часу король Сигизмунд Август вызвал к себе некоторых литовских панов радных и послал их на двор князя Радзивилла за вдовой трокского воеводы [118] пани Барбарой Радзивилл, на которой он уже женился, как об этом рассказывалось выше. Итак, литовские паны оказали

ей обычные почести и проводили в королевские палаты в Виленский замок. Король встречал ее в сенях у дверей, там они и приветствовали [друг друга]. И потом король в прекрасной речи объявил всем панам, что по воле Бога и Его чудесному предопределению брак [короля] с Барбарой Радзивилл, которая происходит из виднейшего дома в Литве и рождена от знатного отца, был заключен по всем христианским обычаям. Поэтому потом и ее противники вынуждены были воздать ей почести, как своей королеве.

Погребение Сигизмунда. Потом на той же неделе король сразу выехал из Вильно в Краков на отцовские похороны с траурной свитой литовских панов и дворян. [Присутствовали] также коронные паны, Войцех (Wociech) Прусский [119], цешиньские князья, бранденбургский маркграф и очень много послов от христианских королей и панов. Потом с большой помпой было осуществлено королевское погребение с хоругвями вооруженных знаменосцев с земскими и повятовыми знаменами и с другими церемониями, которые заведены в Польше для похорон королей. 26 июля 1548 года [король] был похоронен в Краковском замке в костёле Святого Станислава, в часовне, которую потом королева Бона на большие средства велела выложить из камня, тесаного сверху, а не внутри, с красивыми мраморными фигурами, которые [мы теперь можем] видеть.

После церемонии погребения королева Бона с коронными панами постоянно донимала молодого короля, требуя его развода с Барбарой Радзивилл. Поэтому король уехал в Литву, где с молодой женой Барбарой предавался в Вильно различным увеселениям.

Татары разоряют Волынь. В 1549 году в сентябре месяце перекопские татары вторглись на Волынь. И там [захватили в плен] очень много шляхты, полонов различных набрали и, захватив князя Вишневецкого с женой, увели в орду [120].

В том же году в великий пост умер князь Януш Дубровицкий, воевода Трокский.

В том же году сразу после пасхи простился с этим светом (doczesnemu swiatu podziekowal) канцлер Великого княжества Литовского, виленский воевода Ян Глебович.

Глава шестая

О коронации и смерти королевы Барбары Радзивилл и сеймах: Виленском и Петркувском

в году 1550

Король Сигизмунд Август, намереваясь провести коронацию своей жены Барбары, в 1550 году созвал в Петркуве сейм, на который съехалось очень много коронных панов и земских послов. Первым королевским предложением было то, что каждому пану следует оставить одну должность или достоинство, *a pluralitas dignitatum (многие достоинства)* должны быть отобраны под угрозой изъятия имений именем короля. Не одного от такого бросило в дрожь (ruszilo w sadno), ибо не каждому было по вкусу «возвращать». Поэтому

и те послы, которых прислали из повятов, и другие не смели противиться королевской воле: одни боялись потерять, а другие искали [королевской] милости.

Королева Барбара коронована. На том же сейме объявили о коронации Барбары Радзивилл, которая в том же году на неделе после Святой Барбары [121] в Краковском замке, в костёле Святого Станислава была коронована на приготовленном согласно обычаю престоле, в присутствии епископов и панов коронных и литовских. В коронации также участвовали князья Легницкие, Цешиньские и другие, а также послы от прусского князя Альбрехта, который тогда же присягнул королю через послов и подтвердил это клятвой.

Вскоре после коронации королева Барбара в том же году разболелась и хворала всю зиму и весной. Подозревали, что ей дал яд предатель, итальянский доктор [122].

В 1551 году, после коронации королевы, король пожаловал пану Миколаю Юрьевичу Радзивиллу [123] Трокское воеводство, а в вотчину Кейданов со всеми прилегающими к нему фольварками.

А пану Миколаю Яновичу Радзивиллу [124], маршалку, [король пожаловал] канцлерство Великого Княжества Литовского.

В том же году в Литве была слишком теплая зима,

Королева Барбара умерла. В том же 1551 году, в Святки [125], в Кракове умерла королева Барбара, и король с великой скорбью сопроводил ее тело до Вильна. Остановившись с телом на отдых в Олкиниках (Olkinikach) [126], дал Виленское воеводство пану Миколаю Раздзивиллу, маршалку и канцлеру Великого Княжества Лит[овского].

Погребение королевы Барбары. Потом, приехав в Вильно, король с великой скорбью и с королевскими почестями похоронил королеву Барбару в замке, в часовне Св[ятого] Казимира, подле первой жены, королевы Эльжбеты Фердинандовны.

Брацлав сожжен. Той же осенью, когда король после этого горя поехал на охоту в Вигров, принесли ему новость, что перекопский царь спалил на Волыни замок Брацлав. А всех, кто в нем был, как шляхту, так и посполитый люд, увел в полон, не [встретив] сопротивления.

Сейм в Вильне. Потом король, приехав в Вильно, на святого Михала (28 сентября) созвал панам и рыцарству вальный сейм Великого Княжества Литовского. **Напрасные хлопоты об унии.** На этот сейм приехали коронные послы уговаривать короля, чтобы панов и рыцарство литовское, русское и жмудское привел к унии с польской Короной. При этом объединении сулили и обещали великие выгоды и [надежную] оборону против татар и любого врага Великого Княжества Литовского. Однако литовские паны не хотели ни соглашаться на эти условия, ни допустить унии. **Серебщина по 5 грошей.** И мало что полезного на этом сейме постановили, только Серебщину (Serepcyzne) [127] по 5 литовских грошей от сохи по всей земле литовской, русской и жмудской на три года на оборону

против врагов. Эти деньги потом выдавали из казны ротмистрам конных и пеших [отрядов] на московской и татарской украине.

На этом сейме чуть не случилась большая беда между воеводами: паном Миколаем Раздзивиллом Трокским, который имел на своей стороне Кезгайла, и паном Станиславом Кишкой Витебским. Однако король их потом помирил, и они подтвердили прежнюю дружбу.

Голод в Польше. В 1552 году в Польше был великий голод, а король после Трех Королей (6 января) выехал из Вильна на сейм в Петркув.

Умер венгерский король Януш. Тогда же королевская сестра, венгерская королева Изабелла, после смерти мужа, венгерского короля Януша Вайды, который умер в 1540 году, [всего] через год после женитьбы [128], претерпела осаду в Буде, осажденной Фердинандом. Когда, разбив немцев, турки овладели Будой [129], [Изабелла] уступила Сулейману Венгерскую землю и с сыном, королевичем Янушем, в 1542 году [уехала] из Буды в Семиградскую землю. И приехала на силезскую границу в Крепицы (do Krzepic), а потом в Велюнь (do Wielunia).

В королевича стреляли. И когда там жила, один предатель чех выстрелил из ружья в ее сына, малолетнего королевича Януша, однако изменника сразу же покарали. Потом в 1552 году она приехала в Петркув, где в то время сеймовал король, и этот сейм длился до пасхи [130]. Тогда же к Изабелле и к королевичу из Венгрии приезжали турецкие послы, прося, чтобы они возвращались в свое королевство Венгрию.

Путешествие (pielgrzymowanie) королевы Изабеллы. Потом Изабелла с королевичем Янушем поехала в Варшаву к своей матери, королеве Боне, где прожила немалое время и возвратилась в Венгрию с сыном королевичем, когда турецкие послы клятвенно пообещали ей безопасность, которую обеспечили ей лучше, чем сами венгры. Там же она и скончалась [131].

Убит монах Кинстарт [132]. А опекуна ее и королевича, Варадинского епископа монаха Кинтстарта (Kinstarta), которого сделали кардиналом, потом изменнически убил итальянец Иоанн Кастальдо (Jan Baptista Gastaldus) в 1560 году, во время разговора в покоях.

Король Август [едет] **в Пруссию.** А король Сигизмунд Август в том же 1552 году вскоре после пасхи (10 апреля) завершив сейм, выехал из Петркува в Гостынин, оттуда направился в Торунь, а потом вскоре после [Зеленых] Святок (29 мая) выехал в Гданьск и жил в Гданьске аж до Святого Варфоломея (24 августа). А уже из Гданьска, возвращаясь в Литву, приехал в Кёнигсберг, где был радушно и весело принят и чествован прусским князем [133] Альбрехтом.

Князь Вишневецкий убит. Опасность для короля. А потом, когда князь прусский показывал огненную стрельбу из пушек с различными приправами [134], снаряд из орудия, случайно [ударивший] сверху, убил [стоявшего] прямо за королем князя Вишневецкого,

тогдашнего оруженосца короля, раскроив ему голову так, что аж мозги на короля брызнули. Прусский князь очень об этом сожалел и корил себя, опасаясь, что поляки за это плохо о нем подумают. Но король, видя его подобающее поведение и считая, что неисповедим суд Божий, все это успокоил, а предатель пушкарь удрал. А потом князь, радуясь приезду своего господина (pana) и стремясь загладить этот страшный случай, устраивал различные увеселения.

Выехал потом король из Кёнигсберга через Рагнету в Жмудскую землю на Юрборк, на Скирснямуне (Skierstomon) [135], Велюону (Wielonia), Вилькию над Неманом, а потом через Ковно до Вильна. **Поборы со шляхты.** Будучи в Вильне, возложил с панами четвертый налог на всю шляхту: с каждого, кто должен на войну выставлять коня, [брали] с коня по литовской копе (kopy) [136], с чем шляхтичи мало соглашались, но волей-неволей вынуждены были давать. А кто вовремя не давал, брали силой и эту копу отдавали в казну, а не избранным сборщикам.

Глава седьмая

О коронации третьей королевы Катаржины и раздорах по поводу Острога

в году 1553

Будучи молодым вдовцом, король Сигизмунд Август задумал возобновить дружбу с австрийским домом через женитьбу. И в 1553 году вскоре после Рождества Господня выехал из Вильна в Гродно, где в то время жила его мать, королева Бона, посоветовавшись с которой [он] поехал в Краков. А из Кракова отправил послов свататься к отцу своей первой жены Эльжбеты королю Римскому и Чешскому Фердинанду. Среди прочих послов виднейшим был Миколай Радзивилл, воевода Виленский, канцлер и маршалок Великого Княжества Литовского.

Королева Катерина. Потом в том же году в субботу после святого Якоба (29 июля) вместе с другими панами [Радзивилл] с почестями доставил в Краков дочь Фердинанда Катерину [137], родную сестру первой королевы Эльжбеты, вдову. Прежде эта Катерина Фердинандовна всего шесть недель была замужем за итальянцем Франческо Гонзага [138], князем Мантуи, который потом утонул на большом озере, по-итальянски называемом ***Laco de Garda*** [139]. Вместе с ней приехал ее родной брат Фердинанд, эрцгерцог Австрийский [140], и много чешских и немецких графов и панят с нарядными придворными дамами.

Пышная свадьба. Для этой свадьбы король Сигизмунд Август с огромными расходами подготовил дивно разодетую праздничную свиту из множества панов и рыцарства коронного и Великого княжества Литовского. Все так и сверкало от золота, серебра, парчи, альтенбасов (altembassow) [141], аксамитов, пурпура, атласов, жемчугов, перьев, щитов и позолоченного оружия, убранных коней и прочего, как Вергилий описывает Турна в ***Энеиде***, Гомер Мемнона под Троей, Еврипид фракийского короля Реса [142] и так далее. Самые роскошные цвета были у парчи, а на удивление дорогими нарядами меж коронных панов особенно превосходили других паны из Горки, сыновья пана

Познанского, а меж литовских — воевода Радзивилл и Григорий Александрович Ходкевич, подкоморий Великого княжества Литовского, староста Ковенский, хотя [и у других там] мало чего не хватало.

Супружество и коронация. А назавтра в первое воскресенье после святого Якоба (30 июля) был заключен брак между королем и новой королевой, которая в тот же день была коронована, а потом отпраздновали свадьбу с различными турнирами, торжествами и развлечениями.

Мор в Вильне. В том же году в Вильне господствовало жестокое и ядовитое поветрие, из-за которого горожане разбежались было кто куда мог. Умирали также в Троках, в Эйшишках, в Медниках, в Жижморах [143] и в других окрестных деревнях и местечках.

Той же осенью, 6 сентября, владимирский староста Димитр Сангушкович [144] силой захватил в Остроге княжну Элишку (Helske) Острожскую [145], а князь Константин [146] захватил сам замок Острог.

А когда княгиня Ильина (Ilijna) [147], калишский воевода пан Зборовский и другие польские паны, которые на собственные средства приехали ей помочь, возбудили дело (instigowali) и просили осудить князя Димитра Сангушковича, как не подчинившегося указу (mandatowi), ибо по вызову [он] не явился, и как нарушителя посполитого мира, то король целую неделю заседал по этому делу с литовскими панами радными.

Князь Димитр изгнан. Потом через пана Миколая Радзивилла, виленского воеводу и великого маршалка, король объявил приговор князю Димитру: за его вину [перед] королем, что по указу не прибыл, он приговаривается к изгнанию со [своих] земель, а его собственность и имения [отходят] к королю. И велено выдать его головой княгине Ильиной, а ей вернуть имения и замок Острог. А за княгиней Элишкой, ее дочерью, послали знатных людей, которым велели забрать ее от князя Димитра и отдать матери.

А в это время князь Димитр, предупрежденный шпионами, на единственной повозке уехал в Чехию с княжной Элишкой, которую переодел и подстриг как паренька (jako pachole).

Князь Димитр убит. Польские паны с калишским воеводой паном Зборовским [148], добросовестно помогая княгине Ильиной, пусть и с великими трудами и затратами, догнали его в Чехии в шести милях от Праги, в местечке Лысая Гора. Тамошний господарь предательски его выдал, его застигли одного и ранили, жестоко подстрелив, ибо он, не имея под рукой ничего другого, схватил скамью и храбро оборонялся. Там же в темнице он умер от ран, и теми же мещанами с большими почестями похоронен, как и пристало князю. И соорудили ему красивое надгробие с эпитафией (***cum Epitaphio***) [149]. А княжна Элишка теми же польскими панами привезена и отдана матери. Из-за нее потом была ссора и многие раздоры между паном с Горки и княжичем Семеном Слуцким.

Бесполезный сейм в Люблине. Король же с королевой, прожив зиму в Кнышине из-за пановавшего в Литве поветрия, созвал в Люблине вальный сейм, на который выехал вскоре после масленицы (miesopusciech) 1554 года. Но на этот сейм съехались только

послы из повятов и мало коронного рыцарства и панов, которым претило то, что в Люблине никогда не бывало сеймов. Поэтому ни одного решения о государственных делах на этом сейме не было принято.

Московский [великий князь] **взял Астрахань.** В том же году великий князь Московский Иван Васильевич взял замок Астрахань и завладел ордой у моря Каспийского, которое московиты зовут Хвалынское (Chwalinskoje) море, и с тех пор пишется царем Астраханским.

Довойна — посол в Москву. В том же году полоцкий воевода Станислав Довойна, едучи в посольстве от короля в Москву, заключил мир с великим князем Московским на два года, [считая] от Благовещения Девы Марии [150], вышеупомянутого 1554 года. А московский посол, с которым была тысяча конных московитов, приехав в Люблин, подтвердил этот двухлетний мир с королем.

Московский [князь] **ради титула жертвовал миром.** Также посол имел инструкции от великого князя, что если король признает князя московского государем и пожелает писать его царем всея Руси, то он готов иметь с ним мир согласно воле короля и панов радных хотя бы и навечно, либо же на установленное время. На что король не хотел [соглашаться], не желая за праздный почетный титул покупать мир, которого всегда мог добиться войной.

Король [едет] **в Вильно**. Поэтому, отослав московского посла, вскоре после пасхи король с королевой выехал из Люблина в Литву и дней пять жил в Бресте. Потом наутро после Вознесения Господня (3 мая) выехал из Бреста в Гродно, где тоже прожил дней пять, в Олькиниках [151] погостил тоже дней пять, а в вигилию Тела Божьего (23 мая) приехал в Вильно, где все литовские паны, рыцарство и дворяне встречали его [в качестве] празднично украшенной свиты. А потом в воскресенье паны обедали у короля.

Комментарии

1. Смотри примечание 118 к книге пятой и примечание 1 к книге восемнадцатой.

2. Общая численность московских войск, по убедительным подсчетам А. Н. Лобина, была не более 12 тысяч, а о 80 тысячах и речи быть не может. Стрыйковский позаимствовал это явно завышенное число у Герберштейна, а тот опирался на хвастливое послание Сигизмунда I папе Льву X. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. Стр. 297-298.

3. Смотри примечание 24 к книге двадцать третьей.

4. Общая численность польско-литовских войск под Оршей была около 16 тысяч (девять тысяч поляков и семь тысяч литовцев), причем около 4 тысяч из них остались с королем в Борисове. См.: Филюшкин А.И. Василий III. М., 2010. Стр. 194.

5. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М.,1988. Стр. 70.

6. Геликон — гора в Греции, на вершине которой обитали музы. Здесь же находился священный источник Гиппокрена (буквально — конский источник), забивший от удара копыта крылатого коня Пегаса. Этот источник считался источником вдохновения.

7. Гаковница — старинное ружье или пищаль с крюком (гаком). Эти пищали известны с XV века. Крюком, использовавшимся для упора и уменьшения отдачи при выстреле, обычно цеплялись за бойницу в крепостной стене; им можно было цепляться и за сошку.

8. Павеза — тип большого щита, часто использовавшегося пехотой XIV-XVI веков. Арбалетчики прикрывались ими для перезарядки своего оружия. Павезы широко применялись гуситами.

9. *Вальный гуф* или главный полк — при построении на поле боя основное подразделение армии, где сосредоточивались ее главные силы. В польско-литовском государстве в употреблении был и термин *вальный сейм*.

10. Разумеется, подобное название местность получила уже *после* битвы.

11. Смотри примечание 101 к книге двадцать третьей.

12. Стрыйковский сначала пишет о *второй* схватке литовско-польских войск с московитами, а потом упоминает сразу *пятую*. Нам придется самим поискать в тексте третью и четвертую. Вероятно, атаку польских войск Свирчовского и следует считать *третьей* схваткой. Смотри также примечание 13.

13. Примечание Стрыйковского на полях: **Такой же хитростью турки поразили венгров у Мохача, когда погиб король Людовик.** Этот решающий момент битвы под Оршей наш автор должен считать *четвертой* схваткой.

14. Призывы к милосердию автор противопоставляет призывам к беспощадной резне. Стоит вспомнить пословицу: «Повинную голову меч не сечет».

15. Смотри примечание 11.

16. *Драбик* (drabic) — уменьшительно-уничижительное от слова *драб*, как и *солдат* — *солдатик*.

17. Ясельничий — придворный чин и должность в Московском государстве XVI-XVII веков. Ясельничий был помощником конюшего и по рангу считался выше стольника.

18. Дорогобуж расположен в 113 км от Смоленска. Таким образом, одна миля у Стрыйковского в данном случае составила бы 6,3 км, а это почти на четверть меньше обычного. Это очередное подтверждение того, что расстояние между населенными пунктами наш автор определяет не по прямой, а *по длине дороги*.

19. Как видим, это число сильно отличается от собственного авторского подзаголовка. Так что наш автор опять завышает московские потери, причем в разы. По этому поводу смотри также примечание 2 к настоящей книге.

20. Смотри примечание 59 к книге двадцать третьей.

21. Прешпорк (Prespork) — нынешняя Братислава, столица Словакии.

22. Это, конечно, не нынешние Гамбург и Брюгге, а какие-то мелкие австрийские городишки с похожими названиями. Официальная встреча трех королей с императором состоялась в замке Траутманнсдорф между Братиславой и Веной. См.: Грёссинг З. Максимилиан I. М., 2001. Стр. 271.

23. Будущий император Фердинанд I (1503-1564) был *внуком* Максимилиана, сыном Филиппа Красивого (1478-1506) и Хуаны Безумной, дочери Фердинанда Арагонского. Сама церемония бракосочетания проходила в венском соборе Святого Стефана 22 июля 1515 г. См.: Грёссинг З. Максимилиан I. М., 2001. Стр. 272, 304.

24. Смотри примечание 26 к книге двадцать второй.

25. Ян Творовский герба Пилава (1474-1547) — подстолий галицкий, гетман польный коронный (1509-1520), каштелян каменецкий (1519), староста теребовльский, воевода подольский (1543). Вторым браком женат на Катерине, дочери Якуба Бучацкого, воеводы подольского (1485-1499) и русского (1499-1501).

26. Украинский переводчик понял это как *6 октября*, но, возможно, это следует понимать как *на шестой день*.

27. Войцех Пржетоцкий герба Доленга в 1551 году упоминается как секретарь и писарь короля Сигизмунда Августа. Других сведений о нем нет, если не считать посвящения Стрыйковского, из которого следует, что около 1580 года Пржетоцкий был виленским городничим. См.: Wolff J. Senatorowie i dignitarze Wielkiego Ksiestwa Litewskiego 1386-1795. Krakow, 1885. Стр. 266.

28. Людовику II в год смерти отца было всего 10 лет.

29. Первое посольство Герберштейна в Москву началось в декабре 1516 года, а в апреле 1518 года он вернулся в Австрию. В России Герберштейн находился с апреля по ноябрь 1517 года. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., МГУ, 1988. Стр. 379-380.

30. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., МГУ, 1988. Стр. 228.

31. В списке авторов, на которых ссылается сам Стрыйковский, есть только один подходящий Филипп — и это Меланхтон (1497-1560). После смерти Лютера (1546) Меланхтон встал во главе всего лютеранства. Примечательно, что наш автор называет его

только по имени, подразумевая, что образованному современнику и так будет ясно, о ком речь. Филипп Шварцерд по прозвищу Меланхтон был другом Камерария и редактировал труды Кариона. Смотри примечания 38 и 113 к книге первой.

32. Любопытно, что татарское войско в 500 человек Стрыйковский пренебрежительно называет «отрядиком» (uphiec).

33. Тягинь, Тигин или Текин — старинное название местечка Бендеры, которое исследователи производят либо от славянского *тянуть*, либо от татарского *тегин* (князь).

34. Никоновская летопись сообщает, что все вторгшееся в московские земли *татарское войско* насчитывало *20 000* человек, и оно понесло большие потери. Возможно, именно эти сведения у Стрыйковского трансформировались в известие о двадцатитысячных *московских потерях*. См.: ПСРЛ, том 13, ч. 1. СПб, 1904. Стр. 26.

35. Уже говорилось о несколько вольном употреблении Стрыйковским слова *рейтар (rejter)*. В данном случае почти нет сомнений, что речь идет об орденских *рыцарях*. Смотри примечание 20 к книге десятой.

36. Ошибка Стрыйковского. Жмудским старостой в 1486-1527 годах был Станислав Янович Кезгайло. Надо полагать, что именно он и организовал тогда оборону Жемайтии. Смотри также примечание 47.

37. После смерти Конрада III Рыжего (1503) его вдова Анна Радзивилл была регентшей Мазовии (1503-1518) по причине малолетства своих детей Станислава и Януша. С 1518 года оба княжича стали править самостоятельно как соправители.

38. Латинское слово *minister* (у Стрыйковского *ministrem*) означает *служитель*, в данном же случае: служитель культа, то есть *священник*.

39. Вероятно, автор имел в виду *Летичев*, расположенный недалеко от Меджибожа.

40. Роман Михайлович Острожский (1480-1516) — единственный сын князя Михаила Ивановича Острожского (1450-1501), старшего брата Константина Ивановича Острожского. Его бабкой была Василиса Глинская.

41. Об этих событиях подробнее: Лобин А.Н. Оборона Опочки 1517 г. «Бесова деревня» против армии Константина Острожского. М., 2017.

42. Бона Сфорца (1494-1557) была дочерью миланского герцога Джан Галеаццо Сфорца и Изабеллы Арагонской (1470-1524). Есть версия, что именно Изабелла послужила Леонардо да Винчи моделью для написания картины «Мона Лиза». Брак Боны с Сигизмундом был заключен 18 апреля 1518 года.

43. Битва под Сокалем 2 августа 1519 года была еще одним разгромным поражением князя Константина Острожского, который, правда, сделал все, что мог, для спасения

оставшегося войска. Вероятно, именно поэтому Стрыйковский не вдается в подробности столь крупного и упорного сражения. Подробнее о битве рассказывает Бельский, который, впрочем, говорит о 80 000 татар. На самом деле против 18 000 татар сражались 7 000 поляков и литовцев, которые проиграли битву и потеряли 1 200 человек. Потери татар составили около 4 000. См.: Kronika Marcina Bielskiego. Tom II. Sanok, 1856. Стр. 1008, 1009.

44. Публий *Деций* Мус *Старший* был военным трибуном во время первой самнитской войны (343 г. до н.э.), а в 340 г. был избран в консулы вместе с Манлием Торкватом. В том же году оба консула двинулись в Кампанию против восставших *латинов*. Перед битвой при Капуе каждый консул дал обет пожертвовать своей жизнью, если его фланг начнет отступать. Когда затем в сражении отряд Деция стал подаваться назад, тот бросился в ряды врага, где и нашел смерть. Римляне победили. Его сын Публий *Деций* Мус *Младший* был консулом в 312, 308, 297 и 295 гг. до н.э. В 295 г. Деций двинулся с войском в *Этрурию* и, соединившись с армией Квинта Фабия Руллиана, дал самнитам и галлам сражение при Сентине. Командуя левым флангом римского войска, он погиб в бою, одержав победу. *Туски* — то же самое, что и *этруски*. См.: Тит Ливий. История Рима от основания города. Том I. М., 1989. Стр. 373-374, 423, 483-485.

45. К роду Фредро герба Боньча принадлежал и «польский Мольер» — знаменитый драматург Александр Фредро (1793-1876).

46. Имеется в виду битва на Ворскле 1399 года.

47. Юрий Миколаевич Радзивилл (1480-1541) герба Трубы по прозвищу Геркулес — сын виленского воеводы (1492-1509) Миколая Радзивилла Старого. Подчаший литовский (1509-1517), воевода киевский (1511-1514), наместник гродненский (1514), польный гетман литовский (1521), каштелян трокский (1522-1527) и виленский (1527), маршалок польный (1528), великий гетман литовский (1531). Основатель биржанско-дубинской ветви Радзивиллов и отец Миколая Рыжего (1512-1584).

48. Все перечисленные Стрыйковским пункты без труда идентифицируются, за исключением Секирок (Siekierki), которые находятся на противоположном конце Польши. Здесь наш автор что-то напутал. Возможно, имелся в виду Цимбарк (Szymbark).

49. Эти события происходили в октябре 1520 года.

50. Польское слово *kula* означает *шар, ядро, пуля* и чаще всего переводится именно как *пуля*. Но так как в данном случае речь идет о *пушках*, это слово правильнее перевести как *снаряд*. Так же поступил и украинский переводчик.

51. Речь здесь идет о казанском походе Василия III, состоявшемся в мае-августе 1524 года. «Иван Васильевич» — несомненная описка Стрыйковского, однако отметим, что сразу несколько русских воевод, участвовавших в этом походе, были *Иванами Васильевичами*: Хабар, Ляцкой и Лошаков. Царского титула Василий Иванович официально не принимал, хотя сам турецкий султан в своем письме называет его *царем* уже в 1520 году. Об этом же

пишет и Герберштейн, никак, впрочем, не увязывая с казанским походом. См.: Филюшкин А.И. Василий III. М., 2010. Стр. 298, 299.

52. Удивительно, как мало места Стрыйковский уделил этому важнейшему событию польской истории и еще более важному событию истории Тевтонского ордена, которому Ян Матейко посвятил грандиозное полотно (388 x 785 см) «Прусская дань» (1882) — одну из самых известных своих картин. См.: Maria Bohucka. Hold Pruski. Interpress, 1982.

53. Доротея (1504-1547) — внучка датского короля (1448-1481) Кристиана I и дочь Фридриха Голштинского (1471-1533), который в 1523 году стал королем Дании Фредериком I (1523-1533). Первая жена (1526) прусского герцога Альбрехта и мать шестерых его детей.

54. Януш III (1502-1526) — князь варшавский и черский, последний князь мазовецкий (1503-1526). Сын Конрада III Рыжего и Анны Радзивилл. После смерти брата Станислава (1524) князь Януш стал править единовластно, а после смерти самого Януша мазовецкое княжество было присоединено к Польше и превращено в воеводство. Смотри примечание 37.

55. Усекновение главы Иоанна Крестителя церковь отмечает не 27, а 29 августа. Именно 29 августа и состоялась роковая для венгров битва при Мохаче.

56. Паллант — один из героев «Энеиды» Вергилия. Друг Энея, убитый Турном.

57. Перевод С. Ошерова. См.: Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979. Стр. 342.

58. Битва под Ольшаницей, известная и как битва при Каневе, состоялась 27 января 1527 года. Эту дату приводит Михалон Литвин. См.: Kronika Marcina Bielskiego. Tom II. Sanok, 1856. Стр. 1040.

59. Янош Запольяи (1487-1540) был родным братом Барбары Запольяи, первой жены польского короля Сигизмунда I. Неизвестно, почему Стрыйковский называет его *Вайдой*. Вероятно, это испорченное молдавское *Янош-водэ*, то есть воевода Янош. С 1511 года Запольяи был воеводой Трансильвании и в этом качестве подавил восстание Дьёрдя Дожи (1514). Коронован в Токае 11 ноября 1526 года, а в июле 1529 года принес вассальную присягу турецкому султану.

60. Иероним Лаский (1496-1541) герба Кораб — племянник польского примаса Яна Лаского, польский дипломат и участник многих посольств. Учился в Болонском университете (1517). Великий коронный кравчий (1520), воевода серадзский (1523), староста мальборкский, жупан Спиши (1528), воевода Трансильвании (1530-1534). В начале 1528 года ездил в Стамбул, где заключил венгерско-турецкое перемирие. 31 августа 1534 года по приказу Яноша Запольяи арестован по обвинению в связях с Фердинандом Габсбургом. В декабре 1534 года освобожден и перешел на службу к Фердинанду. Умер в Кракове.

61. Карл III (1490-1527), герцог де Бурбон — французский полководец, коннетабль Франции. Во главе немецких наемников принимал участие в осаде Рима и погиб, а Рим взят и разграблен 6 мая 1527 года.

62. Бенвенуто Челлини в своих мемуарах пишет, что Бурбон был убит в результате аркебузной стрельбы с городских стен, устроенной самим Челлини. См.: Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции. М., 1987. Стр. 89-90.

63. См.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., МГУ, 1988. Стр. 108, 315.

64. Ослан (Oslan) — *Ислам-Гирей I*, сын крымского хана Мехмед-Гирея (1515-1523) и будущий кратковременный крымский хан (1532), враждовавший тогда со своим дядьями, крымскими ханами Саадет-Гиреем (1524-1532) и Сахиб-Гирем (1532-1550). Убит ногайцами в августе 1537 года. См.: Гайворонский О. Повелители двух материков. Том I. Киев-Бахчисарай, 2007.

65. Миколаю Сенявскому (1489-1569) герба Лелива в те годы было лет 40, и он еще не был ни великим коронным (1561) ни польным (1539) гетманом, ни даже коронным стражником (1531). О его пребывании в плену других известий нет, так что, вероятно, Сенявский сразу выкупился, ибо был очень богат.

66. День Святого Луки — 18 октября 1529 года.

67. Коронация Сигизмунда Августа польским королем состоялась 20 февраля 1530 года, а пожар в Вильно был в 1529 году.

68. Хотя Стрыйковский пишет 21 февраля, во всех энциклопедиях сообщается, что Сигизмунд Август был коронован 20 февраля, что более вероятно, ибо в 1530 году 20 февраля приходится на *воскресенье*. Отметим, что наш автор часто называет месяцы не по-польски, а по-латыни, здесь же он употребил сразу оба варианта.

69. Следует особо отметить *чешскую* форму написания имени князя Опольского — *Irzyk*. С князем Опольским все не просто. Судя по всему, на коронации присутствовал *Георг* Набожный (1484-1543), маркграф Бранденбург-Ансбахский, родной брат прусского герцога Альбрехта. Однако в 1530 году он еще не был князем Опольским, а стал им только после смерти Яна II Доброго (1532), последнего представителя опольской линии силезских Пястов. А Яна Доброго вряд ли могли назвать Иржиком.

70. Фридрих II Легницкий (1480-1547) — князь легницкий (1488), бжегский (1503-1505, 1521), сцинявский (1528), глогувский (1540-1544) и зембицкий (1542). Сын Фридриха I Легницкого из силезских Пястов и Людмилы Подебрад, дочери Иржи из Подебрад.

71. Совместные действия турецких и *венгерских* войск — новая реальность, появившаяся после битвы при Мохаче (1526) и фактического раздела Венгрии. Смотри примечания 59 и 60.

72. 29 сентября.

73. Речь идет о Первом Статуте Великого княжества Литовского, изданном в 1529 году. Это был первый писаный свод литовских законов, состоявший из 13 разделов и 283 статей, которые регламентировали гражданское, уголовное, земельное и процессуальное право. Первый Статут был не очень благоприятен для шляхты, ибо содержал немало устарелых и довольно суровых постановлений. См.: Статут Великого Княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960.

74. Петрило — Петр IV Рареш (1487-1546), незаконный сын Штефана III Великого, господарь Молдавии (1527-1538 и 1541-1546).

75. Ян Амор Тарновский (1488-1561) герба Лелива — выдающийся польский полководец. Великий коронный гетман (1527-1559), воевода русский (1527) и краковский (1535), каштелян краковский (1536) и войницкий. По матери был правнуком Завиши Черного. Военную службу начинал под командованием Константина Острожского, участвовал в походе в Молдавию (1512), в битве под Оршей (1514) и в последней войне с Тевтонским орденом (1519-1521). В 1547 году получил от императора Карла V наследственный титул графа Священной Римской империи. Считается основателем города Тернополя.

76. Гвоздец — поселок примерно в 20 км к югу от Обертына.

77. Обертын (Обертин) — поселок в Ивано-Франковской области на Украине. Битва при Обертыне состоялась 22 августа 1531 года.

78. Мартин Бельский пишет ***двадцать две тысячи***, и ему можно доверять, так как он сам был участником битвы при Обертыне. О численности польского войска он сообщает так: ***четыре тысячи конных и пехота***. См.: Kronika Marcina Bielskiego. Tom 2. Sanok. 1856. Стр. 1050-1052.

79. Смотри примечание 34 к книге пятнадцатой.

80. Этой подробности нет у Бельского, из чего следует, что в данном случае Бельский был не единственным источником Стрыйковского.

81. Стрыйковский путает. Константин Иванович Острожский умер в Турове 11 сентября 1530 года. Вознесение Девы Марии (Wniebowzieciu) обычно отмечается 15 августа, хотя в средние века в Германии его отмечали 23 сентября, ссылаясь на то, что Мария была взята на небо на сороковой день после смерти.

82. Смотри примечание 47.

83. Петр Опалинский (1480-1555) герба Лодзя — секретарь Сигизмунда I (1509), гофмейстер королевского двора (1530). Каштелян мендзыжецкий (1528), лёндский (1529) и гнезненский (1535); староста гнезненский, косцянский, ольштынский, шремский,

кцыньский, копанецкий. В 1532 году был польским послом в Стамбуле при дворе Сулеймана Великолепного. Женат на Ядвиге Тенчинской.

84. В августе 1532 года хорватский гарнизон крепости Кёсег (нем. Guns), насчитывавший около 800 человек под началом капитана Миклоша Юришича (Никола Джуришич) в течение двадцати пяти дней героически отражал атаки восьмидесятитысячной турецкой армии Ибрагим-паши. В честь этого события в одиннадцать часов (время снятия турецкой осады) в городе ежедневно бьют в колокола, а на соборе навсегда остановлены часы. В крепости, носящей имя Юришича, ему установлен бронзовый памятник.

85. Обе даты неверны. Иван Грозный родился 25 августа 1530 года, а Василий III умер 3 декабря 1533 года. См.: Флоря Б. Н. Иван Грозный. Калининград, 2010. Стр. 8-9.

86. Смотри примечание 130 к книге двадцать третьей.

87. Смотри примечание 131 к книге двадцать третьей.

88. Семен Федорович Бельский (1500-1544) — удельный князь, боярин (1522), правнук киевского князя Владимира Ольгердовича. Его отец Федор Иванович Бельский в 1482 году перешел на службу к Ивану III. Переход на русскую службу и его брата Семена Ивановича Бельского (1499) *вместе с вотчиной* (городком *Белый* на Смоленщине) стал одним из главных поводов к русско-литовской войне. В августе 1534 года Семен Федорович Бельский вместе с Иваном Ляцким и *со многими детьми боярскими* из Серпухова бежал в Литву и обратно уже не вернулся.

89. С литовцами воевал и потом под Стародубом попал в плен не *Иван Федорович* Овчина, фаворит Елены Глинской, а его двоюродный брат, князь *Федор Васильевич* Овчина-Телепнев-Оболенский. См.: Разрядная книга 1475-1605. Том 1. Часть 2. М., 1977.

90. Юрия Радзивилла Стрыйковский называет *старостой* Гродненским, но в других источниках он именуется *наместником* Гродненским. В начале XVI века Гродно было *наместничеством*, в XVII веке уже превратилось в *староство*, но точная дата этого преобразования нам не известна. Можно предполагать, что после 1580 года (время написания нашей хроники) Гродно уже было староством, но было ли так до 1540 года (при жизни Юрия Радзивилла) — это как раз вопрос.

91. Избица (izbica) — вероятно, то же самое, что и *городня* — традиционный элемент русской средневековой фортификации. Это замкнутый деревянный сруб, обычно заполненный грунтом. Городни соединяли башни деревянных крепостей. См.: Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Часть I. Деревянное зодчество. Петроград, 1916. Стр. 88-113.

92. Стародуб был взят 29 августа 1535 года. Один из современников писал, что перед шатром Тарновского казнили 1400 пленных «бояр». Современные историки считают, что общее число нападавших и оборонявшихся вряд ли превышало по 20 тысяч с каждой из

сторон. Кстати, и сам Стрыйковский выше сообщает то же самое. См.: Кром М. М. Стародубская война (1534-1537). М., 2008.

93. Брак Ядвиги (1513-1573) и Иоахима II Гектора (1505-1571), бранденбургского курфюрста и маркграфа, состоялся в Кракове 1 сентября 1535 года.

94. День Святого Мартина — 11 ноября 1537 года.

95. С 1365 по 1565 год Сучава была столицей Молдавии.

96. Смотри примечание 65.

97. Здесь непонятно: то ли польские кони были вообще не подкованы, то ли имели обычные подковы, которые скользили на льду — в отличие от зазубренных подков лошадей противника.

98. Условием этого мира был отказ Петра Рареша от претензий на уже было отвоеванное им Покутье, окончательно отошедшее к Польше.

99. Любопытное и единственное в своем роде сравнение, из которого, между прочим, следует, что Кокенхаузен (Кокнесе) во времена Стрыйковского все еще был довольно сильным замком или, во всяком случае, производил подобное впечатление.

100. Смотри примечание 62 к книге двадцать второй.

101. Смотри примечание 56 к книге двадцать второй.

102. В 1541 году католики отмечали пасху 13 марта, а православные — 17 апреля. Смотри также примечание 47.

103. Ян Миколаевич Радзивилл (1492-1542) герба Трубы — сын великого канцлера литовского Миколая Амора и племянник великого гетмана литовского Юрия Геркулеса. Великий подчаший литовский (1517), державец марковский (1520-1534), староста слонимский (1512), бельский (1522) и василишский (1523), генеральный староста жемайтский (1535). Вероятно, именно с его жмудским старовством и связана ошибка Стрыйковского, о которой смотри примечания 36 и 47.

104. Смотри примечание 54 к книге двадцать второй и примечание 66 к книге двадцать третьей.

105. Стрыйковский путает. Среди тогдашних родственников польского примаса Яна Лаского был только один *Ярослав, воевода серадзский*, но он умер еще в 1521 году. Здесь речь идет о его сыне, *серадзском воеводе Иерониме*, умершем в 1541 (а не в 1542) году. Смотри примечание 60.

106. 14 мая 1542 года. Католическая пасха в этом году была 2 апреля.

107. Станислав Альбрехтович Гаштольд (1507-1542) герба Абданк — воевода новогрудский (1530) и трокский (1542). Первый муж Барбары Радзивилл и последний из Гаштольдов. Умер 18 декабря 1542 года, всего на три года пережив своего знаменитого отца. Есть мнение, что именно Станислав был инициатором создания легендарной истории основания Великого княжества Литовского, изложенной во второй редакции белорусско-литовских летописей и повлиявшей на Стрыйковского. См.: Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. Стр. 162.

108. Ошибка Стрыйковского. Согласно Евреиновской летописи, на Брестском сейме виленским каштеляном (1545-1557) был назначен Григорий Григорьевич Остикович. См.: ПСРЛ, том 35. М., 1980. Стр. 238.

109. Семен Глебович Пронский (ум. 1555) — сын князя Глеба Юрьевича из рода Рюриковичей, наместника бобруйского. Его отец Юрий Федорович, дед Семена, в XV веке перешел на службу к литовским князьям. Семен перешел в католическую веру под именем Фридриха и получил крупные земельные владения на Украине. Староста житомирский (1538-1539), брацлавский и винницкий (1540-1541), воевода киевский (1545), державца чернобыльский (1549).

110. Смотри примечание 1 к книге третьей.

111. Григорий Александрович Ходкевич (1513-1572) — подкоморий ВКЛ (1544-1559), староста ковенский, гродненский, могилевский, тыкоцкий, воевода витебский (1554) и киевский (1555), каштелян трокский (1559) и виленский (1564), польный гетман литовский (1561) и великий гетман литовский (1566). Сын новогрудского воеводы Александра Ивановича Ходкевича и княжны Василисы Ярославны Головчинской, женат на Екатерине Ивановне Вишневецкой. В 1568 году основал в Заблудове православную типографию, где работали Иван Федоров и Петр Мстиславец. Враждебно относился к Радзивиллам. В знак протеста против Люблинской унии в 1569 году пытался отказаться от всех своих должностей. Герб Ходкевичей – это герб Косцеша, совмещенный с гербом Гриф.

112. Стрыйковский все чаще употребляет слово *старый* (stary) по отношению к Сигизмунду I, и под этим прозвищем тот и вошел в историю. Однако дело тут не столько в преклонном возрасте Сигизмунда (хотя он дожил до 81 года), сколько в том, что при нем был еще и *молодой* король, причем тоже Сигизмунд.

113. Фригийский пастух — Парис. В трагедии «Октавия» Сенека так писал о Елене и Парисе:

Пусть спартанки красой будет Спарта горда,
Пусть гордится наградой фригийский пастух.

114. В 1548 году католическая пасха была 25 марта, а православная — 1 апреля. Сигизмунд I умер именно 1 апреля, и подобная неточность очень характерна для литовского историка XVI века.

115. Еще одна ошибка. Сигизмунд родился 1 января 1467 года, а умер 1 апреля 1548 года. Таким образом, он прожил 81 год и ровно три месяца. Отметим, что *семь дней* — это как раз разница во времени между католической и православной пасхой в 1548 году.

116. Мара (mara) — по-польски *морока, призрак*. На Украине так называли чучело, которое носят при встрече весны. Похоже, что так назывались особые *носилки*, так как Бельский пишет, что для похорон было изготовлено 30 *мар*, и тело короля тоже несли на *марах*. См.: Kronika Marcina Bielskiego. Tom II. Sanok, 1856. Стр. 1194-1195.

117. Третье воскресенье после пасхи в 1548 году было 15 апреля, а 17 апреля был вторник.

118. Смотри примечание 107.

119. С *прусским князем* непонятно. Бельский тоже пишет, что на похоронах королева-мать шла за гробом ***между прусским князем и маркграфом***, но имен не называет. Можно предположить, что имелись в виду прусский герцог Альбрехт (кстати, племянник Сигизмунда) и тогдашний курфюрст Бранденбурга Иоахим Гектор. См.: Kronika Marcina Bielskiego. Tom II. Sanok, 1856. Стр. 1195.

120. Речь, вероятно, идет о Федоре Вишневецком, дяде легендарного Дмитрия Вишневецкого. С целью его освобождения из плена Дмитрий Вишневецкий в 1553 году сам побывал в Турции. Смотри примечание 96 к книге двадцать третьей.

121. День Св. Барбары (Варвары Великомученицы) — 4 декабря. Коронация Барбары Раздзивилл состоялась 9 декабря 1550 года. Бельский не называет даты коронации, однако пишет, что сейм открылся 13 ноября.

122. Ни Стрыйковский, ни Бельский прямо не обвиняют Бону Сфорца, однако упоминание об «итальянском докторе» весьма недвусмысленно намекает на заказчика.

123. Миколай Юрьевич Радзивилл (1512-1584) по провищу Рыжий был родным братом Барбары Радзивилл. Смотри примечание 1 к книге третьей.

124. Миколай Янович Радзивилл (1515-1565) по провищу Чёрный был двоюродным братом королевы Барбары.

125. Тридцатилетняя Барбара Раздзивилл умерла 8 мая 1551 года. Зелеными Святками в Польше называют праздник Троицы, которая в 1551 году была 10 мая.

126. Олькеники — нынешний *Валькининкай*, местечко в Варенском районе Алитусского уезда Литвы.

127. Серебщина — денежный налог *серебряными монетами* в ВКЛ. Впервые упоминается в 1387 году. Сначала собирался со всего населения в пользу государства, потом землевладельцы стали собирать этот налог с крестьян в свою пользу. Единицей

налогообложения считались *дым* или *соха*. В описываемом случае серебщина имела статус чрезвычайного налога.

128. Янош Запольяи умер 22 июня 1540 года — не только через год после свадьбы (1539), но и всего за месяц до рождения сына Яноша (18 июля 1540 года). Смотри примечание 59.

129. Турки овладели Будой в 1541 году.

130. Пасха в 1552 году была 10 апреля.

131. 15 сентября 1559 года Изабелла Ягеллонка в сорокалетнем возрасте умерла в городе Алба-Юлия в Трансильвании. Ее голову, как священную реликвию, королева Анна, последняя жена испанского короля Филиппа II, подарила архиепископу Боготы (Колумбия), который поместил голову в серебряный ларец и объявил Изабеллу святой заступницей города.

132. Дьёрдь Мартинуцци или Иржи Утешенович (1482-1551) — епископ Сегеда (1536) и епископ Варадинский (1539), архиепископ Эстергомский (1551) и примас Венгрии, кардинал (1551). Наместник Венгрии, главный казначей (1544), главнокомандующий земским ополчением (1544) и воевода (1551) Трансильвании. Почему Стрыйковский зовет его *Кинтстартом* — неизвестно. Убит 16 декабря по приказу Кастальдо, командовавшего войсками Фердинанда Габсбурга.

133. Смотри примечание 119.

134. Формулировка Стрыйковского не оставляет ни малейших сомнений в том, что речь шла о *фейерверке*.

135. Примечательно, что уже в XVI столетии Стрыйковский употребляет *литовское* название Христмемеля: *Скирснямуне*.

136. Нет данных, что литовская *копа* отличалась от чешской, поэтому остается предположить, что речь идет о тех же 60 грошах. Зато литовский *грош*, вероятно, не был идентичен чешскому.

137. Стрыйковский здесь так и пишет: *Катерина*, хотя в названии главы это же имя написано им на польский манер: *Катаржина*.

138. Франческо III Гонзага (1533-1550) — герцог Мантуи и маркграф Монферратский (1540), первый муж Екатерины Австрийской (1549).

139. Озеро Лако ди Гарда расположено примерно посередине между Венецией и Миланом, к северу от Мантуи и недалеко от Вероны. Франческо упал в него во время охоты (9 декабря 1549 года) и чуть не утонул. От потрясения и простуды он заболел воспалением легких и 21 февраля 1550 года скончался в Мантуе.

140. Фердинанд II стал *эрцгерцогом* только в 1564 году.

141. Альтенбас — разновидность парчи. См.: Венгрженовский С. Свадьба Тимоша Хмельницкого // Киевская старина, том XVII, № 3, Киев, 1887. Стр. 481.

142. В настоящее время литературоведы отрицают авторство Еврипида по отношению к долгое время приписываемой ему трагедии «Рес».

143. Деревня Жижморы — ныне город *Жежмаряй* в Каунасском уезде, примерно на середине пути между Каунасом и Вильнюсом.

144. *Князь Димитр* — Дмитрий Федорович Сангушко (1530-1554) герба Погоня, староста житомирский (1548-1552), черкасский и каневский (1552). Сын владимирского старосты Федора Андреевича Сангушко, потомка Ольгерда. Законный муж Эльжбеты Острожской (их брак был заключен 15 сентября 1553 года). Убит в Яромерже 3 февраля и там же похоронен 11 февраля 1554 года.

145. *Князь Константин* — Константин Константинович Острожский (1526-1608), дядя Гальши Острожской. В то время ему было 27 лет, однако он уже был старостой Владимирским. Он тоже не явился на королевский суд, но благодаря заступничеству императора Фердинанда сохранил и свободу, и владения. Смотри примечание 1 к книге пятой.

146. *Элишка* или *Гальшка* — Эльжбета Ильинична Острожская (1539-1582) — внучка Константина Ивановича Острожского, единственная дочь и наследница Ильи Константиновича Острожского (1510-1539). В описываемое время ей было всего 14 лет. См.: Sylwia Zagorska. Halszka z Ostroga: Miedzy faktami a mitami. Warszawa, 2006. .

147. *Княгиня Ильина* — вдова князя Ильи Острожского и мать Гальшки Беата Косцелецкая (1515-1576). Ее собственная мать была любовницей Сигизмунда Старого, поэтому есть версия, что Беата могла быть незаконной дочерью польского короля. Она выросла и воспитывалась при дворе королевы Боны, а во время описываемых событий ей самой не было и сорока лет.

148. Мартин Зборовский (1492-1565) герба Ястржебец, воевода калишский (1550-1557) и познанский (1557-1561), каштелян краковский (1562), сам имел виды на богатую невесту, которую хотел выдать замуж за одного из своих восьмерых сыновей. Мартин изображен на картине Яна Матейко «Люблинская уния».

149. На надгробной плите было написано: ***Здесь покоится прах славного литовского князя из племени Ольгерда, старосты Черкасского и Каневского, предательски и вероломно убитого Мартином Зборовским***.

150. В 1554 году Благовещение Пресвятой Богородицы (25 марта) совпадало и с православной, и с католической пасхой, что бывает исключительно редко.

151. Смотри примечание 126.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Вельможному пану
пану Яну
Волминскому [1]*,*
каштеляну
Полоцкому,
старосте Кревскому

Глава первая

О войне с Лифляндцами и с Москвой, а потом за Лифляндцев

В 1556 году лифляндский магистр Вильгельм Фюрстенберг [2], как только со своими комтурами и с орденом своих крестоносцев принял лютеранскую веру [3], сразу же выступил против рижского архиепископа, двоюродного брата польского короля Сигизмунда Августа и родного [брата] прусского князя Альбрехта, бранденбургского маркграфа Вильгельма [4], ибо тот запрещал ему менять веру и осквернять (psowac) католические церкви [5]. Ища на него управу, магистр в своем стольном замке Вендене (Wendzie), который ныне наши зовут Кесью (Kiesia), созвал вальный сейм, на котором решил начать против архиепископа войну, заявляя, что тот якобы хотел передать Лифляндию польскому королю, а Курляндию — [своему] брату прусскому герцогу.

Внутренняя война в Лифляндии. Итак, в 1556 году после Святого Иоанна Крестителя (24 июня) Вильгельм Фюрстенберг со всем своим орденом, с Германом Дерптским [6], Ревельским [7] и Хаапсальским (Habselskim) [8] епископами и с лифляндской шляхтой неприятельским обычаем вторгся в земли рижского архиепископа.

Лифляндский рижский архиепископ взят [в плен]**.** Архиепископ же, хотя и думал искать генерального сражения, ибо имел при себе немало шляхты, но, видя неравенство [сил], стал с боями отходить до своего замка Кокенхаузен на Двине, и там затворился. А магистр добывал его большими силами и, хотя это был сильный замок, хорошо укрепленный [самим своим] местоположением (как я и сам видел в 1573 году, едучи по Двине в Ригу из самого Витебска), поэтому обстрел мало ему вредил, но голод

осажденных так принудил его к сдаче, что на восьмой день [9] архиепископ велел открыть осаждающим замок и город, добровольно сдаваясь. Однако магистр, не обращая внимания ни на его покорность, ни на его достоинство князя и первосвященника, издеваясь над ним, держал его в заключении чуть ли не целый год, отобрав у него все его города, замки и владения.

Убит посол Ланский. Поэтому для освобождения своего двоюродного (ciotczonego) брата, архиепископа рижского, король Август сначала отправил к магистру Каспара Ланского (Kaspra Laczkiego). Но лифляндцы, надругавшись (zgwalciwszy) над законами Божьими и людскими, по дороге убили Ланского, так что до магистра он не доехал [10].

После такого неуважения (za tym despectem) король послал к магистру епископа Жмудского, много потрудившегося как для [расследования] убийства Ланского, так и для освобождения архиепископа, но из-за немецкой спеси тоже приехавшего к королю ни с чем.

Король Август [идет] **в Лифляндию.** Справедливо побуждаемый этими нестерпимыми неуважениями, король Август, собрав как из Литвы, так и из Польши более ста тысяч воистину отборного войска, в 1557 году своей собственной персоной выступил на Позволь с орудиями и с большим количеством военного снаряжения.

Коронные и литовские паны тоже выставили большие отряды, также и князья слуцкие, Юрий и Семен Олельковичи, привели четыре тысячи богато снаряженного конного и пешего рыцарства. **Число** [войска] **князей Слуцких 4 000.** Но еще до этого трокский воевода Миколай Радзивилл был уже на границе и начал совершать вторжения в Лифляндские земли.

Лифляндское войско. А лифляндский магистр Фюрстенберг, упорствуя в своей спеси, собрал было семь тысяч рейтар и шесть полков (proporcow) пеших кнехтов, а также несколько тысяч латышских мужиков (Lotwy gburow). Также и три епископа: Дерптский, Хаапсальский и Ревельский, вывели было свои полки против короля.

Лифляндский магистр просит милости. Но когда поняли, что бесполезно плевать против ветра, тут же умерили свою спесь. Магистр покорился и через послов императора Фердинанда и своих попросил милости и мира, который легко получил. Ибо король Август, обсудив это с панами радными, милостиво отвечал послам, что он никогда бы не согласился на мир с магистром, если бы речь не шла о невинных вдовах и сиротах. Но раз магистр сам просит мира, то, чтобы не проливать христианской крови, пусть сам приезжает в наш лагерь, а архиепископа привезет с собой.

Мир, данный лифляндцам. Итак, магистр, сдавшись на милость, с тремя сотнями конных приехал к королю [вместе] с архиепископом. И там заключил мир, упав к ногам короля, принося ему присягу и [обещая] вернуть архиепископа на первое место и вознаградить за все беды, а королю возместить его военные издержки [11]. Хотя эти условия показались тяжелыми лифляндским сословиям, они были вынуждены подчиниться вместе с

магистром, боясь чего-нибудь еще худшего. А затем был мир, утвержденный обеими сторонами, и в 1558 году войска были распущены.

Сейм в Красноставе. В том же году после [Зеленых] Святок король созвал сейм в Красноставе (Krasnymstawie), на который польских панов прибыло мало, ибо через послов они требовали, чтобы сейм был в Петркуве. А король потом выехал в Варшаву, а оттуда поспешил к королеве в Краков.

Московский [великий князь] **повоевал Лифляндию и захватил замки.** А в это время Иван Васильевич, В[еликий] Князь Московский, тоже нашел повод [выступить] против Лифляндии: нарушение мира под Нарвой и неуплата полной суммы дани (platow pieniedzy) с епископства Дерптского, на которую приписывал себе наследственное (dziedziczne) право. И, собрав сто и тридцать тысяч войска из москвы и из татар, сильным ударом за короткое время повоевал немалую часть лифляндских земель и взял город и портовый замок Нарву, а также Везенберг (Wisemburg), Газенпот (Heberpol), Лаис (Talkonlais), Тарваст (Taurnest), Хаапсалу (Hadzel), Фалькенау (Falkenach), Нейхауз (Neinhaus), Киремпя (Kirempe), Олденторн (Ollentorn), Кавелехт (Kanelicht), Тальхоф (Talkoffen) [12] и свыше тридцати других замков с волостями. Также захватил город и епископский замок Дербет (Derbet) или Дерпт и завладел там большими сокровищами. А его гетманы отправили в Москву несметное число добычи и пленников, [в том числе] и дерптского епископа с канониками [13].

Смуты из-за княжны Острожской. А в 1559 году Семен Олелькович, князь слуцкий, внезапно приехав во Львов, женился на княжне Гальшке Ильиничне (Iljanka) Острожской, до этого обрученной с Лукашом, паном из Горки. И из-за этого между ними возникли великие обоюдные раздоры, так что король в Кракове едва унял их, и то на время.

Одобрена защита Лифляндцев. А лифляндский магистр, со всех сторон стесненный московским [князем], в том же году приезжал по этому поводу (w lekce) в Краков, прося короля о защите. Поэтому король Август, выехав из Кракова в Литву, созвал в Вильно вальный сейм, на котором литовская, жмудская и русская шляхта добивалась подтверждения своих вольностей и привилегий, а также исправления Статута [14], после чего одобрили защиту лифляндцев от московита, для которой учредили серебщину [15] на два года по десять литовских грошей от сохи. А в залог на сумму десять раз по сто тысяч злотых лифляндский магистр оставил королю 6 замков, а именно: Бауск (Bowsko), Зельбург (Zelbork), Режица (Trezicze), Невель (Newenmil), Люцен (Lucen) и Везенберг (Bassenborg) [16]. Для обороны этих замков король сразу же послал своих урядников, 500 конных и 500 пеших, над которыми [старшими] были поставлены Ян Ходкевич, стольник В[еликого] К[няжества] Лит[овского], и Юрий (Jurgi) Зенович, староста пропойский и цецорский.

А в 1560 году около Трех Королей (начало января) московские войска разоряли Лифляндию и вместе с другими взяли замок Мариенбург [17]. Против них на оборону Лифляндии двинулась вся Литовская земля, но московиты, набрав [добычи], с большими трофеями бежали в Москву.

Литовское войско [идет] **в Лифляндию.** В том же году перед [Зелеными] Святками виленский пан и жмудский староста Иероним Ходкевич [18], имея тысячу наемников (ludu pienieznego), восемь повятовых маршалков, а также всю шляхту Жмудского, Ковенского и Завилийского повятов и немало панских отрядов, переправившись через Двину под Зелборком (Zelborkiem), двинулся против московского войска, которого под Кесью было 50 000. Услышав о [приближении] наших, они бежали в Москву, оставив Лифляндскую землю в покое. Однако князь Александр Полубинский дважды имел с ними битвы: под Мариенбургом и недалеко от Кеси (Kiesi), где наголову поразил 400 московской стражи и захватил одного воеводу, князя Ивана Мещерского (Mieskierskiego) [19]. Вместе с другими знатными пленниками виленский пан отправил его к королю в Вильно в сопровождении Грегора Тризны, королевского маршалка и ротмистра.

Литовское войско [идет] **в Лифляндию под Таурус.** А в 1561 году против Москвы в Лифляндию двинулась вся Литовская земля с великим гетманом Миколаем Радзивиллом, воеводой трокским, при котором были паны Иероним Ходкевич, каштелян виленский, Грегор Ходкевич, пан трокский [20], воеводы Павел Сапега Новогрудский, Василь Ходкевич Подляшский и другое литовское рыцарство. А когда под Зелборком [21] войско переправилось через Днепр, московиты, у которых, как говорят, было 108 000 войска, из Лифляндии сразу отступили к Москве. Великий гетман литовский Миколай Радзивилл, в то время воевода Трокский, послал из Румборка под московские замки [22] Юрия Тышкевича и Грегора Тризну, маршалков и королевских ротмистров, дав им под начало пять тысяч литовских шляхтичей, которые разоряли московские волости до самого Дерпта.

Таурус взят. А под замком Таурус (Taurusem) [23], из которого московиты совершали частые набеги, почти три недели простояли зря, хотя потом гетман Миколай Радзивилл, воевода Трокский, прибыв со всем литовским войском, с великим усердием и не меньшими трудностями в последний день месяца июля добыл его, подложив пороху. При этом великую и главнейшую отвагу проявили конные литовские рыцари, которые со своим вождем Яном Волминским [24], нынешним каштеляном полоцким, соскочив с коней, с копьями храбро ударили в пролом, потом заделанный московитами. Там же убили храброго ротмистра Модржевского.

Лифляндская земля покоряется. Осенью того же года новый лифляндский магистр Готхард (Gotard) Кетлер [25], избранный в Феллине после пленения московитами Фюрстенберга [26], архиепископ и рижане приехали к королю в Вильно. И там передали Лифляндскую землю под охрану, а самих себя под опеку короля, в чем и присягнули.

Той же осенью умер виленский пан Иероним Ходкевич. Потом пан воевода виленский Миколай Радзивилл перед масленицей был послан в Ригу для принятия присяги от города Риги. Но ни замки, ни города они уступить королю не хотели, обещали только подданство и верность.

А король тогда же перед масленицей с Ломжинского сейма приехал в Вильно.

Литовское войско на границе. Потом, в 1562 году, московский [князь], задержав у себя королевского посланца, послал на литовские границы войско, которое попалило Витебск, Дабровну, Оршу, Копысь, Шклов. Поэтому король сразу же отправил на границу с войском трокского воеводу и великого гетмана Миколая Радзивилла. Расположившись недалеко от Орши, тот послал в Московскую землю немалую часть войска, которая потом вернулась, попалив все волости на четыре мили от Смоленска. А потом гетман Миколай Радзивилл, [выступив] из Витебска, встал под Велижем, который наши тоже пожгли, но, не добыв замка, воротились домой.

Трокский же пан Григорий Ходкевич, дворный гетман [27], со шляхтой Жмудской земли и с наемниками был направлен против москвы в Лифляндию.

Деспот [отправлен] **в Валахию с Ласким.** В том же году Альбрехт Лаский силой (przewaznie) возвел на Валашское господарство деспота Якоба Гераклида [28], когда их собственный воевода Александр [29] бежал к татарам.

Битва наших с москвой под Невелем. В том же году коронный гетман и люблинский каштелян Флориан Зебжидовский [30], сам будучи хворым, послал из Озерищ (Jezierzysc) под московский замок Невель тысячу конных и пеших поляков [во главе] со Станиславом Лесновольским и пушечек (dzialek) десятка полтора (kilkiemnascie), а при них было двести литовских солдат, дворовые люди полоцкого воеводы Довойны, а также немало казаков, так что всех вместе набиралось до полутора тысяч. Против них пришло 45 000 московского войска. Поляки остановились в болотистом и тесном, защищенном самой природой месте, и, как следует расставив орудия, завязали со столь великим московским войском битву, которая продолжалась с утра и до самого вечера. И там на плацу полегло более трех тысяч москвы, а наших убито только пятнадцать незнатных (lekkich) особ [31].

Московский [великий князь] **осадил Полоцк.** Потом в 1563 году великий князь московский Иван Васильевич, отослав королевского гонца и обеспечив литовцев и короля охранной грамотой, переданной великими послами, собрал со всех своих земель конного войска, как говорят, двести тысяч, а пешего 80 000 и орудий 200. И, прибыв под Полоцк, в субботу 31 декабря [32] со всех сторон осадил город и замок, добывая его жестоким обстрелом. А король в это время сеймовал в Польше.

Наши напрасно [идут] **на выручку.** Поэтому великий гетман литовский Миколай Радзивилл, будучи в Минске, собрал как можно больше (jako napilniej) войска, а где было мало повятов, собирал силой, и двинулся на выручку с польным гетманом Иеронимом Ходкевичем, паном Трокским, и с двоюродным братом Миколаем Радзивиллом, воеводой Виленским, имея литовских солдат две тысячи, а поляков четырнадцать сотен. И, перейдя через реки Березину и Черницу, расположился от Полоцка в 14 милях, а потом в восьми милях, после чего наши погромили несколько московских загонов, [посланных] в зажитие (w piczowaniu). Московский же [князь] еще упорнее добывал Полоцк, в котором затворились осажденные виленский воеводич и нынешний каштелян Минский Ян Глебович [33], Григорий Голубицкий, ротмистр великой отваги, Петр Дорогостинский, Ешмановы (Ieszmanowie), Корсаки (Korsakowie) и польские ротмистры. Они превосходно и храбро оборонялись и противостояли москве частыми вылазками. Но когда 1 февраля

вывороченным снарядом куском дерева убило Голубицкого, воевода Довойна приказал поджечь город и ограду, хотя пан Ян Глебович отговаривал его от этого, намереваясь взять на себя оборону великого посада. А также из города выгнали около 20 000 черных и простых людей, и все это было на руку московскому [великому князю], ибо по указаниям этих мужиков москва достала из лесных ям множество продуктов. А при сожжении города к самому замку в ночь на понедельник подтащили штурмовые орудия и, беспрестанно усиленно стреляя, Москва подожгла замок так, что выгорели до 40 городней (horodzien) [34] и при обстреле были перебиты многие люди из замка, боровшиеся с пожаром. Поэтому полоцкий воевода Довойна и владыка (Wladika) [35] вышли из замка, сдаваясь на милость великого князя. Однако ротмистр Вершлинский мужественно оборонялся, забаррикадировавшись в проломе вместе с поляками с полоцкой шляхтой. Потом московский [князь] долго договаривался с ними через своих бояр и воевод, и в конце концов поляков, как и литовское и русское рыцарство, которые уже поняли, что обороняться напрасно, убедил сдаться, обещая всех отпустить вместе с имуществом.

Полоцк взят. Вот так 15 февраля московский [великий князь] овладел Полоцком, где татары порубили бернардинских монахов, а также перетопили в Двине всех жидов. А полоцкого воеводу Довойну с женой и с владыкой, Яна Глебовича, воеводича виленского; Немировичей, Ешманов, Корсаков и много знатной шляхты, а также всех полоцких горожан, вопреки уговору, захватили в плен вместе со множеством награбленного у них имущества. И потом отправили в Москву, как евреев в Вавилон. **Польские ротмистры отпущены.** Самих же четверых польских ротмистров почтил, одарив подбитыми парчой собольими кожухами, и отпустил на волю со всеми их ротами. А сам [великий князь] московский с бесчисленным множеством сокровищ и пленников отъехал в Москву, оставив в Полоцке князя Петра Шуйского (Sojskiego).

Наши напрасно [простояли] **под Полоцком.** Потом, в 1564 году, литовское и польское войско несколько недель простояло под Полоцком, желая вынудить московитов вступить в битву, но напрасно. К тому же из-за жестокого морового поветрия из Вильно трудно было вывезти орудия для взятия замка. И поэтому в этом походе мало преуспели.

Глава вторая

О поражении 25 000 московитов на Уле и прочем.

Московский гетман Серебряный. В том же 1564 году Великий Князь Московский, задержав литовских послов, собрал большое войско в пятьдесят тысяч конных, которое вслед за послами отправил на разорение Литвы [во главе] с Петром Серебряным [36] и казанским царевичем [37]. А из Полоцка с тридцатью тысячами другой дорогой двинулся Петр Шуйский [38]. Оба войска должны были встретиться на Друцких полях. Серебряный встал лагерем в двух милях от Орши над рекой Кропивной, а Шуйский на Чашниковских полях (Chasnickich polach), [39] у села Барколаба Иванова (Sielisku Iwanskim Burkolabowim) [40]. Получив об этом полные сведения от шпионов, великий гетман Миколай Радзивилл, воевода Трокский, с польным гетманом Григорием Ходкевичем, паном Трокским, с Яном Ходкевичем, в то время стольником Великого К[няжества] Лит[овского], с Богданом Соломирецким, Романом Сангушко, Богушем Корецким и с другими князьями быстро

приготовились, имея к тому же справных ротмистров Юрия Зеновича, Миколая Сапегу (Sapihe), Яна Волминского, Юрия Тышкевича, Баков (Bakow), Барколаба и до четырех тысяч других храбрых панят и литовского и русского рыцарства, не менее годного для боя.

Московское войско поражено. С этими [людьми, находившимися] под предводительством Григория Ходкевича, гетман Миколай Радзивилл ударил на это великое войско на следующий день после возвращения С[вятого] Павла, 26 января, в среду после вечерни. И с помощью Бога и нашего исключительного мужества было побито и разгромлено 25 000 московитов, так что до Полоцка добежали едва 5 000, и то раненые, ибо во время погони всю ночь, пока светил месяц, да и потом крестьяне и казаки перебили множество [их], прятавшихся в разных местах [41].

Шуйский убит. Там же, убитый топором крестьянина [42], пал главнейший полоцкий воевода, князь Петр Шуйский, которого потом похоронили в церкви Пречистой [Девы] в Вильно. На поле боя убиты Семен Васильевич и Яков Лев, Иван Васильевич Шеремет, воевода передового полка князь Александр Прозоровский (Porozowski), князь Давид Васильевич Кунторов (Skuntorow), воевода большого полка (grodu) Микита Романович Одоевский, князь Сила и Микита Кунторовичи, воеводы Василь и Федор, Данило Колычев (Kuliczow) и Осип Федорович Быков, муж огромного роста в полторы сажени [43], который заведовал артиллерией (dziala), князь Иван Захарьин, князь Федор и Семен Палецкие (Pallecy) [44] и очень много других панов радных и знатных бояр. А пленных, обоз и большую добычу поделили между собой гетман, паны и литовское рыцарство, отослав виднейших пленников к королю, в то время пребывавшему в Варшаве. И сам я, едучи из Витебска в 1573 году, видел на том Ивановском (Iwanskim) поле еще [сохранившийся] большой стог (stog), сложенный из московских костей.

Другое, еще большее, московское войско поражено по счастливому случаю. Другое, еще большее, московское войско, 50 000 которого стояло с Серебряным в двух милях от Орши, нынешний смоленский воевода Филон Кмита потревожил такой хитростью. Он отправил в Дубровну письма, сообщая о своей победе над москвой и гибели Шуйского на Ивановском [поле], и нарочно приказал этим посланцам ехать там, где предполагал, что их может поймать московская стража. Так и случилось, москва поймала их с этими письмами. Когда московский гетман Серебряный их прочитал, он так забеспокоился, что сразу же начал убегать со всем войском, бросив все обозы, палатки и военное снаряжение. А оршанский староста Филон Кмита с Юрием Остиком (Oscikiem), воеводой мстиславским, имея не более двух тысяч рыцарей, с криками гнались за ними, били, рубили и хватали. А потом, когда москва была так разгромлена, наши взяли в лагере 25 000 возов и очень большую добычу: одежду, разную утварь и продукты, а также наши взяли панцири и бехтерцы на 6 000 человек, которые везли за войском. И вот так два больших московских войска, которые должны были соединиться на Друцких полях, а потом объединенными силами двигаться к Вильно, были тогда распотрошены (rospruszone) дивным Божьим могуществом и литовской отвагой, а другие погромлены и побиты наголову, а их лагеря (z obozow) разграблены.

Москва поражена под Озерищами. Станислав Пац, в то время Великого К[няжества] Лит[овского] наместник, а ныне воевода Витебский [45], собрав две тысячи рыцарства из жолнеров, шляхты и витебских казаков, в день Святой Малгожаты (13 июля) послал их под Озерище снять осаду с замка, который осаждал Юрий Токмаков (Tolkmak) [46] с тринадцатью тысячами москвы. Там с Божьей помощью и под началом Яна Снипорода, когда к ним прибыли казаки, [наши] положили на плацу 5 000 москвы, а других разгромили, повязали и захватили орудия [вместе] с обозом и большой добычей.

Озерище взято. Сам Юрий Токмаков едва убежал, однако в том же году, поправившись, с большими силами штурмом взял замок Озерище [47], где погиб мужественно защищавший замок ротмистр Ян Дзеражинский (Dzierzazinski) и с ним много других знатных людей.

А шведский король Эрик почти в то же самое время силой взял Ревель и Белый Камень [48] в Лифляндии.

Поляки под Красным городком. В 1565 году коронное рыцарство и польские паны: пан из Горки и Лесновольский, Якуб Сецигневский (Secygniowski) и многие другие ходили под московский Красный Городок (Krasnogrodek), где огнем и мечом причинили великие беды. Замка, однако, не взяли и воротились назад. А с Филоном Кмитой подожгли замок Почепов (Poczepow) и разорили город, где взяли много добычи и сокровищ, ибо захватили там караваны турецких купцов. А также поразорили все волости до самого Стародуба.

Шведы поражены Талвашем. Миколай Талваш (Talwos) [49], нынешний пан Жмудский, в Лифляндии поразил шведское войско под Можей (Moisa) и деревней, называемой Киремпе, и, побив на поле боя несколько их полков, гнал других, разгромленных, до самого Ревеля. А потом 400 пленных с ружьями, знаменами и с бубнами отправил в Вильно.

Лукаш Болько, князь Свирский, под Каркусом. Также и Лукаш Болько, князь Свирский, [вместе] с Остиком с выдающейся отвагой вырвал из хищных (gwaltownych) московских рук замки Каркус и Гельмед (Holmet).

Москва поражена казаками. А в 1566 году витебские казаки с Бирулей (z Birula) по указанию витебского воеводы Станислава Паца чинили в Московии великие беды и уводили добычу. Также и в 1567 году погромили на Ситне (Sitnie) 300 московитов и захватили несколько пушечек (dzialek), а также 120 гаковниц и пороху с пулями много. Тогда же под Велижем 12 декабря наголову поразили очень много москвы и дворян великого князя.

8 000 разгромленных московитов. В том же 1567 году, 20 июля, князь Роман Сангушко, имея от шпионов полные сведения о московском войске, которого с татарами было 8 000, двинулся к ним из Чашников, имея с собой отряд (poczet) гетмана Григория Ходкевича в 200 конных, [старшими] над которыми были Франц Жук (Fracz Zuk) и князь Рожинский, а также 200 конных князя Константина Вишневецкого, 200 конных Юрия Зеновича, [старшим] над которыми был Щигель (Sczigiel), 400 [от] князя Януша Збаражского и князя Соколинского, 150 верховых от Юрия Тышкевича и 200 от самого князя Романа. А

пеших от ротмистров Русецкого и Дмитровского 400, также 150 пеших казаков Богдана Челича (Czielicza) и Оскерко. И с ними в ночь с четверга на пятницу [50] сначала погромили 100 конных московской стражи, а потом на рассвете внезапно напали на все войско, гоня лошадей (rozruciwszy kobylenia). И там наголову поразили и побили это московское и татарское войско, не дав им очухаться (sie rospostrzec), и набрали очень много пленников, а также добычи со всем обозом. Раненый гетман Петр Серебряный едва ушел, татарский гетман Амурат убит, князь Василий Палецкий захвачен, но умер от ран. А наших было только 12 убитых, а раненых 30, а из 8 000 москвы мало кто убежал.

9 000 пораженных московитов и татар. В том же году от Улы к Суше (Sushej) [51] в готовом к бою строю шли шесть тысяч москвы с Осипом (Ozifem) Щербатым [52] и с Юрием, князем Борятинским, а при них 3 000 татар с Сегит (Segit) Мурзой. Князь Роман Сангушко, имея о них полные сведения, как следует построил конные роты и ударил на них с великим пылом (z zarkoscia), так что встревоженная москва стала смешивать свои ряды, а наши их тем смелее разрывали, били, рубили и хватали. И там были пойманы главнейшие воеводы князь Осип Щербатый и Борятинский и при них более 80 знатных особ, кроме посполитых бояр. А на поле их очень много полегло, а из наших тоже было 30 раненых и трое убитых.

Потом в 1568 году король Сигизмунд Август, собрав более чем сто тысяч отборного войска с большой и дорогой военной армадой (wojenna armata) собственной особой выступил на Радошковичи (Radoskowice), в 25 милях за Вильно, откуда всеми силами собирался [идти] на Москву [53]. Но зря потратив под Радошковичами несколько недель, часть войска распустили, а сам король вернулся в Гродно, отправив наемников с частью войска под московский замок Улу. [Старшим] над этими людьми был поставлен лифляндский губернатор Ян Ходкевич, староста жмудский, который усердно и упорно сильным обстрелом добывал замок Улу. **Наши зря** [стояли] **под Улой.** Но когда к осажденным пришла помощь из Полоцка, москва оборонялась еще упорнее, и тогда было убито много наших людей, направленных для неурочного штурма (ибо бреши не было), и пехотного ротмистра Яна Курницкого подстрелили, когда он приводил людей, так что наши были вынуждены снять осаду.

Смоленские волости разорены. А оршанский староста Филон Кмита с Лацким, Палуским, Василевским и Иваном Проскурой (Preskura), а также со старостой шкловским Ежи Йондзилом (Jondzilem Jerzym) и со старостой пана Глебовичева (Hlebowicowym) из Дубровно, собрав около 4 000 человек, ходил под самый Смоленск, где перед городом на гарцах поразил очень много москвы и знатных людей захватил, а потом наши без отпора разоряли московские земли свыше десяти (kilkonascie) миль за Смоленском.

Полоцкий каштелян Юрий Зенович с сыном Кристофом под Лепелем тоже несколько тысяч москвы поразили и разгромили.

Князь Роман под Улой. В том же 1568 году, 20 сентября, польный гетман Роман Сангушко хорошо задуманной ночной хитростью захватил и сжег сильно укрепленный московский замок Улу. Сначала он подпустил под замок казаков в челнах, а сам, выступив с рыцарским людом из Полоцка и Туровли (Turonlej), направил к стенам ротмистров

Рачковского и Тарновского с лестницами. А казаки с Бирулей, Минком и Оскерко, прижавшись к земле и избежав обстрела (strzelbe ziemna ubiezeli), одни стали рубить ворота и укрепления (forty), а другие зажгли замок. Ибо московиты, радуясь вновь прибывшим стрельцам, перепились. И когда потом, [выйдя] из зажженного замка, стали рубиться с нашими прямо в воротах, Миколай Сологуб, ротмистр исключительного мужества и отваги, не ища брода, со всей своей ротой сразу перешел реку Улу и оказал помощь пехоте, которая по лестницам лезла на стены и рубилась с москвой в воротах.

Ула взята. Потом, когда замок уже горел, сам князь Роман послал свою роту, а также ротмистров Войну (Wojne), Тышкевича и князя Лукомльского, которые сильными ударами со всех сторон погромили и побили москву, упорно защищавшуюся в огне, и взяли замок. И там взяли двух воевод Вельяминовых и 300 знатных пленников, а стрельцов с ружьями было 800. Однако очень много добра и других запасов и продуктов сгорело. Но замок наши отстроили заново.

Витебские казаки. 5 и 17 января того же года казаки из Витебска с Бирулей по указанию (za sprawa) витебского воеводы Станислава Паца подожгли замки Усвят, Велиж и Беле и жестоко опустошили московские волости, а потом, 28 января, погромили дворян Великого Князя под Велижем (спалив посад). И там захватили очень много знатных дворян и Петра Головина, подчашего Великого Князя, и привели [их] в Витебск с большой добычей. Вот так эти витебские казаки весь этот год, и зимой, и летом, постоянно чинили в московских землях жестокие беды под различными замками.

Москва [идет] **под Витебск.** Поэтому 29 сентября на Святого Михаила московиты подступили под Витебск с шестью тысячами ногайских татар и с тремя виднейшими воеводами: Шереметом, Василием Бутурлиным и Григорием Собором (Hregorem Soborem), которые в течение двух дней наезжали под замок, дважды запалив городские посады. Отбитые благодаря хитроумному замыслу витебского воеводы Станислава Паца, [который добился], чтобы на помощь ему прибыл князь Роман, и измученные частыми вылазками, на третью ночь [они] отступили. А витебляне, следуя за ними, трепали их в тесных местах, где могли.

Люблинский сейм. Потом, в 1569 году, в Люблине был вальный сейм, на который приехали кардинал Гозий (Hosius), папский легат Винцентий Портико (Porticus), послы от императора Максимилиана и от шведского короля Яна, королевского зятя (swagra), уведомляя, что после долгого пленения Господь Бог возвел его на престол [54]. Были также послы от князей Поморских и от турецкого султана, а также московский гонец. Потом приехал и легницкий князь и отдал в подарок королю двух молодых львов.

Уния Великого Княжества Литовского с Короной. На этом сейме окончательно состоялась уния или объединение Великого Княжества Литовского с Короной Польской, а также к Короне присоединились Волынь, Подляшье и Киевское воеводство, хотя многие паны из Литвы были против этого. Там же и князь Роман Сангушко, взявший Улу, передал королю [захваченные] пушки и московских пленников.

Миколаевский казнен. Там же за убийство серадзского каштеляна Яна Лютомирского [55] казнили Миколаевского, который по доброй воле предпочел лишиться головы (wolal dac gardlo), нежели чести.

Гданьские смуты. Там же гданьские горожане, особенно Клефельд, были обвинены в преступлениях (criminaliter), что не почтили королевского посла, епископа Куявского, к тому же устраивали новые смуты и казнили королевских корсаров (frejbiterow).

Князь Мекленбургский отпущен. А князь Мекленбургский, захваченный в Лифляндии и содержавшийся под стражей в Равском замке, был освобожден, когда присягнул королю на верность и мир [56].

Там же краковских горожан обвинили в жестокой казни члена коллегии (collegiata) магистра Вольского.

Зборовский с миром от турок. Тогда же коронный посол Петр Зборовский [57], задержанный в Турции (из-за того, что Альбрехт Ласкай с Якубом Сецигневским гоняли татар под самым Очаковым), приехал с пожизненным (dozywotnim) перемирием.

Присяга Прусского княжества. На том же сейме 19 июля бранденбургский маркграф Альбрехт Фридрих [58], второй герцог Прусский, принес вассальную клятву (hold) и присягу воседавшему на престоле королю Августу. И там же король его и многих других с ним произвел в рыцари.

Голод. Потом в 1570 году в Литве и в Польше пановал великий голод, так что простой народ [ел] падаль: дохлую скотину и псов, а под конец выкапывали и ели трупы умерших людей, ибо хлеб был непомерно дорог.

Турки поражены москвой. В том же году турецкий султан Селим землей и водой послал 25 000 конных турок, 8 000 янычар, 80 000 татар и 150 галер добывать Астрахань у московского [великого князя]. Но московиты сначала отбили у них галеры с пушками у Переволоки на реке Дон и побили янычар, а потом конных у Астрахани. А когда [турки] потянулись назад, терзаемые голодом и нуждой, [одни] поиздыхали, другие потонули, а третьих москва погромила, так что били их даже татары, собственные их союзники в этой войне. Поэтому из столь великого числа, потеряв всю армаду, в Константинополь вернулись едва 2000.

Послы из Москвы. А в 1571 году иновроцлавский (Inowlodslawski) воевода и Миколай Талваш, каштелян жмудский, приехали на сейм в Варшаву [с] великими послами, подтвердив обоюдный мир с Московским [великим князем] на три года, хотя сами они незаслуженно претерпели в Москве немалые обиды в нарушение Божьих и людских прав.

Умер князь Сангушко. В том же году 12 мая славный литовский польный гетман Роман Сангушко умер от горячки в 34 года.

Москва повоевана. В том же году перекопские татары жестоко повоевали московские края и в день Вознесения Божьего (24 мая) сожгли до основания столичный город Москву и нижний замок, где сгорело и задохнулось великое множество людей. Удалось отстоять только один замок Китай-города. А татары с великой добычей беспрепятственно ушли.

Подольский воевода [послан] **в Валахию.** А в 1572 году воевода Богдан [59], согнанный Ивонией [60], с Валашского господарства, потом был препровожден в Валахию воеводой подольским, славным и необычайной доблести гетманом Миколаем Мелецким, и уже было [добился] успеха своего предприятия (ибо потревожил Ивонию, хотя тот имел большое войско), но так как речь больше шла о мире с турками, Богдан потом уехал в Москву.

Татарские послы казнены в Москве. В то же время, когда пан Гарабурда был отправлен с посольством от московского [царя] к королю, к московскому [великому князю] приехали татарские послы с тремя сотнями конных, напоминая о дани. И московский [великий князь] 300 их приказал зарубить, а старшим обрезать носы, уши и губы и так отослал их к перекопскому царю, послав тому вместо даров секиру с отповедью, что намерен отсечь ему голову (szyje) этой секирой.

Король Август умер. Потом, 18 июля того же года, польский король Сигизмунд Август, набожный, богобоязненный и любящий мир (что было не слишком хорошо для литовских границ), в Кнышине заплатил долг тела смерти, [будучи] 50 лет от роду. **Спокойное междуцарствие.** И так же как и сам он охотно соблюдал мир, так и после его смерти, вопреки всеобщим ожиданиям, со всех сторон царил долгожданный мир в течение почти всего междуцарствия (Interregnum), при котором целый год как у коронных панов в Польше, так и у литовских в Литве были различные съезды в разных местах по поводу выборов нового короля, на которые съехалось много послов от соседних монархов.

Татары погромлены. Только и было, что в пасхальную субботу (21 марта) 1573 года на Подолию ворвались 1800 татар, но и тех знатно погромили барский староста Миколай Бучацкий и староста каменецкий. **Мор.** Но после голода как в Литве, так и в Польше во многих местах царило сильное моровое поветрие.

Генрих избран королем. Послы к нему. Потом, 7 апреля того же 1573 года, у Варшавы над Вислой начались главные выборы, на которые с большими свитами съехались паны и рыцарство польское и литовское. И там после долгих обсуждений и принятия посольств от различных претендентов (competitorow), королем Польским и Великим князем Литовским 14 мая был избран Генрих, герцог Андегавенский [61], брат французского короля Карла (IX). С условиями избрания к нему отправились познанский епископ Адам Конарский, Альбрехт Лаский, Ян, граф Тенчинский, Анджей, пан с Горки, Ян Томицкий с сыном Миколаем, Ян Герборт, Станислав Крицкий, Миколай Кшиштоф Радзивилл, князь Олыкский и Несвижский [62], Александр, князь Пронский, воеводич Киевский, Ян Замойский, Ян Зборовский и Миколай Фирлей. А к великому князю Московскому гонцом был послан Анджей Тарановский.

Погребение короля Августа. [Прибытие] **Генриха в Краков и его коронация.** Потом, 15 февраля 1574 года с обычными церемониями в Кракове погребли короля Сигизмунда Августа, а 18 февраля, в четверг вечером, из Балиц в Краков въехал избранный король Генрих. В последний день масленицы, в воскресенье 21 февраля, состоялась его коронация. [Описание] этой церемонии, а также его помпезного въезда в Краков я опускаю, ибо в свое время подробно сделал это польскими и латинскими стихами, где достаточно рассказал все, что нужно, в том числе и о погребении короля Августа. **Мои вирши о коронации Генриха.** Потом я все это подновлю в отдельных книгах, где дам проверенные сведения о жизни Сигизмунда Августа.

Убит перемышльский каштелян Ваповский. Потом почти в течение всего поста тянулись суды по делу Ваповского [63], убитого Самуилом Зборовским в Краковском замке.

Король Генрих уехал во Францию. А король Генрих, не процарствовав и 16 недель, как только получил известие о смерти брата Карла, французского короля, в ночь с пятницы на субботу за неделю до Святого Иоанна [64], сначала натанцевавшись вольты [65] и недешево поразвлекшись в королевском саду, потом тайно сбежал из замка и уехал из Польши с дюжиной (z kilkanascie) французов (которым только и доверял) на [заранее] приготовленных лошадях. А потом через Вену, Венецию, княжество Савойское приехал во Францию, где, усмирив смуты с гугенотами, вступил на отцовское королевство.

Ивония выдан туркам. Тогда же изгнавший Богдана валашский господарь Ивония (Ivonia) после долгих и чрезвычайно мужественных битв с турками и мултянами был выдан своими туркам и разорван на четыре части. В 1575 году я сам видел его голову, прибитую на воротах в Бухаресте, столичном городе мултянского господаря Александра [66], чей брат Петрило (Petrilo) [67] стал валашским господарем вместо Ивонии.

А осенью того же 1574 года на С[вятого] Михаила (29 сентября) для утверждения мира с королевством Польским и Великим Княжеством Литовским без короля с варшавского съезда к туркам был послан Анджей Тарановский [68]. Я тоже ездил при нем, однако из-за великого голода, царившего в Валахии и на всех турецких дорогах, нам пришлось ехать не обычным путем, а через Мултянскую, Болгарскую и Трибальскую [69] земли вплоть до Фракии через вздымающиеся до самого неба высокие каменистые скалы, именуемые Балканами.

Тунис и Голета захвачены. Как только мы выехали в Константинополь, при нас умер турецкий император султан Селим [70], а перед этим он две недели триумфаторствовал по поводу взятия у испанцев Туниса [71] и Голеты [72] в Африке.

Нынешний турецкий император Амурат. Поэтому вместо Селима нас [принимал его] старший сын Амурат [73], который заочно (w niebytnosci) был избран пашами турецким императором. Приехав морем в Константинополь из сирийской провинции Амасии, он сразу же приказал умертвить пятерых своих младших братьев. Всех пятерых в пышно украшенных парчой закрытых гробах похоронили рядом, в ногах отцовской могилы на кладбище у церкви [Святой] Софии. **Мои вирши о турках.** Все это я видел собственными

глазами и все это должным образом польскими стихами описал в [поэме, которая] озаглавлена: *О вольности Польской и Великого Княжества Литовского и прочее.*

Мир с турками. После пасхи (27 марта) 1575 года мы тоже приехали в Польшу с утвержденным миром между новым турецким султаном Амуратом и короной Польской и великим княжеством Литовским и [миром] со стороны валахов, как и татар.

Татары повоевали Волынь и Подолию. Но в том же 1575 году в сентябре и октябре месяце татары учинили великие и неоценимые (nie oszacowane) беды в русских, волынских и подольских землях. Ибо, кроме перебитых стариков и малых деток, 55 340 (piecdzesiat i piec tysiecy 340) христианского люда увели в неволю, коней и кляч (klacz) полтора раза по сто тысяч, рогатого скота пять раз по сто тысяч, а овец двести тысяч, не считая другой добычи, одежды, золота, серебра и других сокровищ, а также различной домашней утвари. И с этими трофеями выступили из Подолии в таком порядке.

Построение и организация татарского войска. Первыми следовали семь царьков, сыновей перекопского царя, командовавших всем ордынским войском.

Али-Гирей (Alikierej) Солтан со знаменем из белой и красной китайки шириной в две сажени, а сверху бунчук (kutas) из окрашенного конского хвоста, под которым было 15 000 человек.

Гази-Герай (Lazikieraj) Солтан со знаменем из зеленой и белой китайки, под которым было 10 000 татар, а мурзовских (Murzowskich) хоругвей 8.

Алихверчей (Alichwierczej) с красным знаменем с двумя хвостами, под которым было 10 000 татар, а мурзовских хоругвей 10.

Саткурчи (Satkurczi) со знаменем из красной и белой китайки с бунчуком, под которым было 15 000 человек, а мурзовских хоругвей 25 [74].

За ними шли сабайские (Sabajscy) татары, старшим над которыми был Солотай Кигирей Бакарт (Solotaj Kikierej Bakart) со знаменем из белой и зеленой китайки с четырьмя хвостами, а людей под ним было 8 тысяч.

Пятигорские черкасы, христиане. За ними шли пятигорские черкесы с другим Бакартом со знаменем из белой и зеленой китайки с кистями (kutasami), а людей под ним было 7 тысяч.

Бакай. Добруджские и белгородские татары пешими шли впереди войска, и их было 10 000 на правом фланге с Бакаем, а на левом фланге войска у Мурзы было 12 000 пеших татар со знаменами из белого и зеленого атласа.

Комунники. [За ними шел] царский зять с двенадцатью тысячами человек и с белым знаменем, а за ними в полумиле позади войска следовал Дерви (Derwi) Мурза с десятью

тысячами человек. А за ними следовали 12 000 комунников (Komunnikow) [75], набранных из одноконных крестьян [76].

Напрасные выборы в Стежице. В том же году коронные и литовские паны созвали в Стежице (Stezycy) съезд для выборов нового короля, но из-за упорства некоторых сенаторов и послов короля Генриха выборы затянулись и так и не состоялись.

Выборы в Варшаве. Поэтому в Варшаве для более основательных выборов снова был съезд, на который приехали послы от императора Максимилиана, от князя Феррарского, от воеводы Семиградского и от других имперских князей, которые предложили различные условия (rozmaite condicie podajac). И каждый посол, как мог, старался за своего пана, чтобы того избрали королем, хотя наши, помня поступки и речи Монлюка, были после этого осторожнее. А первыми эти кондиции подали от императора или от его сына Эрнеста.

Глава третья

Условия, поданные императором

Императорские условия.

1. Подтвердить и строго соблюдать все старые права, привилегии и вольности, а, сверх того, приумножать их согласно воле Речи Посполитой.

2. Должности, как духовные, так и светские, не раздавать никаким иноземцам, а только собственным жителям.

3. Навеки прекратить спор с римским императором о Прусской и Лифляндской землях, а если австрийский дом имеет какое-то право на Мазовецкое княжество, следует добровольно от него отречься [77].

4. Восстановить морское сообщение с Нарвой, с датским королем и заморскими городами и подтвердить союз с семьюдесятью вольными немецкими городами.

5. Приложить все старания, чтобы испанский король добивался [передачи] Барского княжества и неаполитанских доходов королевству Польскому.

6. Корону Польскую и Великое княжество Литовское, а также королевства Венгерское и Чешское помирить с испанским королем и всеми другими странами своей империи.

7. Утвердить вечный мир и дружбу с римским императором и [оказывать] помощь против любого врага, а также [заключить] союз и дружить с датским и шведским королями и всеми князьями Германской империи.

8. Как можно более приумножать торговлю жителей всех этих королевств с Польской Короной.

9. Установить отношения с Турком, раз так считают нужным сословия Короны.

10. Если в Венгрии вдруг случится война, император не должен использовать польских и литовских солдат, кроме добровольцев за наличное жалованье.

11. По указанию Речи Посполитой построить в нужных местах четыре украинных (ukrainne) замка для защиты коронных границ.

12. Умножить Краковскую Академию новым пожалованием.

13. На военные и придворные должности у австрийских герцогов [разрешить] ставить [людей] из Польши и Литвы, которые будут для этого пригодны.

14. В первый же год внести в [казну] Польской Короны триста тысяч злотых для обороны границ и уплаты жалованья солдатам.

15. Окончательно заплатить все долги Короны, а также задержанное жалованье солдатам и дворянам.

Условия, поданные феррарским герцогом Альфонсом

1. Все вольности и привилегии сохранять в целости.

2. Ничего не обновлять, не отменять и не осуществлять иначе, чем с одобрения всех сословий.

3. Ни чинов, ни высоких должностей никому из чужеземцев не давать.

4. Сохранять мир между сословиями и по поводу религиозных споров.

5. Краковскую академию украсить учеными людьми из Италии и привезти и за свой счет содержать ремесленников для строительства и обороны замков.

6. Указать польским купцам новые способы для увеличения прибылей Короны и порт и отправить [их] в Италию.

7. Если против московского [царя] или какого-либо другого врага потребуются пешие солдаты, тогда обязуется привести и в течение шести месяцев содержать за свой счет четыре тысячи итальянских стрельцов.

8. Если, от чего Боже сохрани, случится опасность для королевства, обратить [против нее] все силы своих княжеств и подчиненных, будто бы на собственную защиту.

9. Всегда своей собственной персоной самому вести всякие войны по защите Короны и возвращению утраченных территорий.

10. В мирное время согласно обычаям и нуждам Короны исполнять должность доброго короля, либо живя на месте, либо объезжая все коронные земли.

11. По разнарядке всех сословий заплатить долги Короны.

12. Ежегодно переводить из Италии в Польшу все свои доходы, оставляя часть, необходимую для обороны своего государства.

13. Корнутское княжество, которым во Франции владеет по наследственному праву, навечно даровать и присоединить к королевству Польскому [78].

14. На свой собственный счет содержать в Ферраре или в каком-либо другом городе своего государства пятьдесят польских шляхтичей для изучения свободных наук или рыцарского ремесла.

15. Сверх всех этих условий обязаться в течение двух месяцев прислать триста тысяч злотых для защиты Короны и самому прибыть как можно скорее, чтобы личным советом и своим имуществом быть в помощь королевству [Польскому].

Краткие условия семиградского воеводы Батория

1. Поклясться строго соблюдать права [и вольности шляхты].

2. Заплатить долги Короны.

3. Захватить сколько можно московских владений.

4. Заключить вечный мир с турками и с татарами.

5. Укрепить все границы.

6. Перед собственным приездом прислать сто тысяч злотых.

7. Освободить пленников, недавно захваченных татарами.

Два кандидата от рыцарства. После подачи и разбора этих условий часть сенаторов и немалая [часть] всего коронного рыцарства, никоим образом не позарившись ни на императора, ни на австрийский дом, и сразу отринув герцога Феррарского [79] и его условия, назвали двух своих кандидатов: семиградского воеводу и бельского воеводу Анджея, графа из Тенчина [80].

Император Максимилиан назван королем. Архиепископ же Гнезненский [вместе] с некоторой частью сенаторов, крепостным рвом (okopem) выбравшись из предназначенного для выборов города, 12 января провозгласил польским королем императора Максимилиана.

[Избрали] **Анну королевой, а семиградского воеводу Стефана Батория — королем польским.** Потом, после долгих споров, когда пан из Тенчина, воевода Белзский (Belski), отказался быть кандидатом, обещая послужить Речи Посполитой чем-нибудь другим, сразу же большая часть рыцарства и сенаторов избрала и провозгласила королевой Анну, наследницу Сигизмунда и правнучку Ягеллы, придав ей в качестве короля и супруга семиградского воеводу Стефана Батория. И отправили к нему послов, чтобы звали его приехать [править] королевством Польским и Великим княжеством Литовским (хотя литовские паны не присутствовали при этой раде).

Съезд в Андрееве. А для окончательного утверждения этого избрания 18 января созвали съезд в Андрееве, на который все должны были съехаться, как на войну, чтобы быть готовыми дать отпор каждому, кто пожелал бы сесть на царство помимо их элекции, как все это пространнее описывает Андреевский универсал. А для [торжественной] встречи избранного короля на границах были назначены епископ Краковский и воеводы Сандомирский, Русский и Бельский, пан Войницкий, коронный польный гетман Сенявский и другие. А коронацию и бракосочетание назначили на 4 марта 1576 года.

Коронация Стефана. Итак, когда сам Господь Бог подобающими мудрыми действиями сенаторов утихомирил эти смуты, грозившие разрывом, королем польским и в[еликим] к[нязем] лит[овским] был коронован Стефан Первый, воевода семиградский из рода Баториев. [Это произошло] в Кракове вкупе с отдачей ему в жены королевы Анны Сигизмундовны и бракосочетанием, [совершенной] куявским епископом Станиславом Карнковским [81], ибо Якуб Уханьский, архиепископ гнезненский, все еще державший сторону императора, отказался по состоянию здоровья.

Литовские съезды. Тогда же и потом литовские паны и рыцарство имели съезды в Гераненах (Gieranojnach), в Гродно и в Мстибогове, обсуждая, как им подтвердить и полностью сохранить свои вольности, права и привилегии при новом короле, коронованном вопреки воле некоторых [из них] и о принятии его на Великое Княжение. Ибо и император Максимилиан через своих явных и тайных послов тешил [надеждой] на свой приезд на королевство своих сторонников, которыми был избран. Но с ним вышло так же, как и с его прадедом Фридрихом Третьим, которого при вступлении в Италию флорентийцы в насмешку рисовали с надписью ***Tendimus in Latium*** [82]. **Georgius Saqbinus de Cesaribus Germanicis in Carolo V.** (Георг Сабинус о германских императорах в «Карле V») [83].

Умер польский избранник император Максимилиан. Ибо и чеху Яну Косцецкому, который после пасхи приехал было на съезд в Мстибогово в полной силе и с императорскими письмами, пришлось уезжать назад ночью, когда паны и все рыцарство литовское уже признали своим господином короля Стефана. Однако император Максимилиан тоже подвел своих избирателей, когда вскоре после этого в том же году поспешил в царство небесное, пренебрегши польским. А на его место императором был избран сын Рудольф, король римский и венгерский.

Также и литовские паны, пан виленский Ян Ходкевич и пан трокский Остафий Волович, кравчий (krajczy) Великого Княжества Литовского Ян Кишка, староста гродненский

Александр Ходкевич и другие, приехав в мае в Варшаву, от имени всего Великого Княжества Литовского провозгласили и признали господином короля Стефана.

Сейм в Торуни. Потом король, устанавливая в Короне порядок и мир, в том же 1576 году созвал в Торуни сейм, на котором гданьчане из-за своих спесивых смут (dla hardych rozruchow) были признаны врагами, виновными в оскорблении королевского престола. Ибо, держа сторону императора, они собирали войско из заморских людей, взяв себе гетманом Ганса из Кёльна (Hanus von Kollen).

Гданьское войско поражено под Тчевом. Однако Господь Бог знатно покарал их гордость с помощью коронного гетмана Яна Зборовского, гнезненского каштеляна [84]. Тот, имея не более полутора тысяч наемных солдат с пешими гайдуками, поразил 12 000 их войска, которое выступило было с пушками добывать Тчев. Как кнехтов и рейтаров, так и перед битвой гордых и спесивых горожан на плацу полегло 4 000 убитыми, не считая раненых и тех, которых очень много потонуло в прудах, в Висле и в Любешувском озере, около которого была битва. А также были убиты все капитаны, фендрики (fendrichowie) [85] и те, которые убежали в горы и в леса. Наши захватили 40 пушек (не считая аркебуз [86]) и очень много другого оружия и добычи. А Ганс фон Кёльн едва сбежал на резвом [коне]. Случилось это 18 апреля 1577 года [87].

А потом и сам король, с легким (lekkim) войском прибыв под Гданьск и усиленно добывая их портовую крепость Латарнию (Laterniej) [88], укротил гордую поступь их полков и принудил к покорности. Им пришлось согласиться на выдвинутые королем условия и 2 ноября в Мальборке выплатить 200 000 злотых за военные издержки.

Татары на Подоле. Но в том же году перекопские татары, улучив момент, чинили неоплаканные беды на Подоле и на Волыни.

Послы в Москву. Также и московский [великий князь], вопреки надеждам наших, хотя в том же году к нему были отправлены великие послы: мазовецкий воевода Станислав Криский, минский воевода Миколай Сапега и надворный подскарбий Великого княжества Литовского Федор Скумин Тышкевич, в августе месяце, когда король был под Гданьском, собственной особой вторгся в Лифляндию со старшим сыном, с Магнусом [89] и с большим войском.

Московский князь захватил замки в Лифляндии. И там взял Кесь или Венден, сдавшийся из-за нерасторопности (niestwornoscia) немцев, а также Вестен (Westen), Эрль (Erlen), Нитау (Nitaw), Йоргенбург (Jorgenburg), Сонсель (Sonsel), Ронненбург (Rumborg), Мариенхаузен (Marienhaus) и вознесенный над равниной на насыпи укрепленный замок Динабург у князя Соколинского. Захватил Крейцборг (Creutzborg), замок и местечко Кокенхузен, замки у Двины Ашерадen и Леневарден (Lonward), которые сдались, устрашенные и обманутые россказнями, и завладел дюжиной (kilkonascie) других замков (будто пташек собирал на клей). И там москва и татары чинили немцам великие убийства, пани и панянок жестоко насилуя, мужчин убивая и разрубая на куски, особенно в Кеси и в Кокенхузене, которые поймались на Магнусову брехню (larwie) [90].

В это время наши послы были уже на московских границах. И когда услышали о разорении Лифляндии, хотели было из-за этого возвращаться назад. Но по королевскому приказу потом [все-таки] поехали к великому князю, пред которым когда исполняли посольство, не дал им и слова сказать о Лифляндской земле, а, напротив, требовал еще и всей Курляндской земли и других поморских земель до самой Пруссии. И твердил, что имеет наследственное право не только на это, но и на всю Пруссию и на Польское и Литовское государства по Прусу, брату императора Октавия (Octaviusa), который якобы жил на свете и от которого он, согласно вымышленным басням [91], бесстыдно [выводил собственное] происхождение в четырнадцатом поколении. **Об этом Прусе ни один историк не упоминает как о жившем, разве что о короле Вифинии, от которого есть город Пруса** (Бруса)**, и к которому бежал было Ганнибал** [92]. Когда наши послы уже выехали из Москвы, они дали знать об этом королю, и тот снова послал своего гонца и дворянина Петра Гарабурду к великому князю, чтобы всеми способами склонять его к заключению обоюдного мира на приемлемых условиях. Но из-за своей врожденной гордости московский [великий князь] не только не склонился к миру, но и, едва выслушав королевского гонца, отослал его подальше от себя и содержал почти как пленника.

Литовцы [идут] **под Селборк.** В том же году литовские паны и рыцарство по доброй воле двинулись было для отпора московскому насилию, но попусту, ибо и непогоды начались (zaszly), и московский [великий князь], разместив в захваченных замках гарнизоны, вышел из Лифляндии.

Комета. В том же году страшная комета появилась 13 ноября и держалась долго, а потом наши с доблестным казаком Жабой (Zaba) вернули Динабург (Dunenbork) и взяли у москвы Венден или Кесь, прежнюю столицу лифляндских магистров.

Москва поражена и пушки отняты. А когда москва с двадцатью тысячами войска снова дважды покушалась добыть Кесь, наши в малом числе поразили их и разгромили, соединившись с прибывшим в то время отрядом шведов. И по приказу и при гетманстве Анджея Сапеги [93], новогрудского воеводича, отняли свыше 20 больших осадных (burzacych) пушек, и в том числе Волка. Там же, зимой 1578 года, взяли в плен очень много воевод и знатных бояр, не считая побитых на плацу [94]. Орудия, которыми неправедно добывали королевские замки, доставили в Вильно, а пленников — в Гродно. А московский [великий князь] сразу после этой бани (lazni) вызвал к себе королевского посла (gonca) Петра Гарабурду, учтиво с ним побеседовал и потом отослал.

В том же году староста гродненский светлой памяти Александр Ходкевич заплатил смерти долг тела.

В том же году в августе месяце расстался со светом достойный вечной памяти Юрий Юрьевич Олелькович, князь слуцкий, потомок Ольгерда, великого князя литовского.

Гордое московское посольство. В то же самое время в Краков приехали московские послы. Когда король для принятия посольства учтиво направил их в собрание сенаторов, те сразу же из природной гордости никоим образом не пожелали исполнять свое посольство, пока король первым не предстанет перед ними, сняв шапку, и не спросит про

здоровье преславного царя. И когда король не пожелал согласиться на это неслыханное условие, уехали в Москву, ни о чем не договорившись и не исполнив [своего] посольства.

Глава четвертая

Его милости князю
Лукашу Болеку
Свирскому [95]*,*
маршалку Его Милости
короля
и прочее

Король [приехал] **в Гродно.** Потом король, перед масленицей 1576 года приехав из Варшавы в Гродно, [прямо] в поле был приветствован цветистой речью виленского воеводы Миколая Радзивилла от [имени] всей речи посполитой Литовской.

Война против московского [князя]. Там же в Гродно после долгих уговоров король убедил литовских панов не оборонять литовские границы, как было до сих пор, а воевать против московского [великого князя] на его земле. На Варшавском сейме это [решение] одобрили все сословия и паны и рыцарство всего Великого княжества Литовского, которые были готовы оказать ему большую поддержку, а потом добровольно пожертвовали на это серебщину и другие подати, собранные со своих имений. Этими успешными делами, [совершенными] из врожденной любви к речи посполитой и своему господину, они наилучшим образом проявили себя как истинные дети отчизны (ojczyczy).

Лопачинский — [гонец] **в Москву *Faelicialis*** [96]. Итак, король, привыкший во всем поступать порядочно, послал Вацлава Лопачинского гонцом с письмами к великому князю московскому, открыто объявляя ему причины войны со своей стороны и [со стороны] Великого княжества Литовского.

Перепись у Свири. Потом король с литовскими панами, определив в Вильне все военные планы (postepki) и нужды, в последний день июля выехал в Свирь для переписи и построения войска, которое было стянуто на эти поля согласно предписанию. А оттуда через Глубокое (Hlubokie) и Поставы [отправился] к Дисне, а потом подступил к Полоцку со всем войском Великого княжества Литовского, Жмудского и Русского, великим гетманом над которым был виленский воевода Миколай Радзивилл, а над солдатами [97] его сын Кристоф, польный гетман и пан Трокский. Над польским же рыцарством [старшим был] подольский воевода Миколай Мелецкий, над венграми — Каспар Бекеш, а над немцами — лещицкий староста Кристоф, граф Розражевский.

Три московских замка сожжены. А то время рыцарство и казаки литовские и русские, опередив главное войско, с большим пылом захватили и сожгли три московских замка или твердыни: Косияны (Cosiany), Красное и Ситно [98].

Полоцк осажден. Утром 11 августа король с трех сторон осадил город и замок Полоцк.

Город Полоцк сожжен. Венгры и пехота коронного канцлера Яна Замойского, а также литовские казаки и гайдуки подожгли город, не менее [замка] укрепленный рвами, валом и стенами, а также бастионами (bastami). И там очень много московитов побили, а другие убежали в замок. Потом наши под самые стены и замковые ворота с трех сторон подвели шанцы (przyczancowali) и начали сильный обстрел по башням, по бастионам, а также по верхней части стен (na blanki). Но и московиты с не меньшим упорством днем и ночью храбро держались под нашим густым обстрелом и штурмами, а некоторые подожженные части замка успешно гасили, к тому же великой помехой нашим были сильные дожди. **Все это лето шли жестокие дожди.**

Уже потом, 29 августа, ясное солнце своим сиянием весело осветило долго ждавший [этого] мир. В этот день наша польская, литовская и венгерская пехота с великой смелостью и пренебрегая собственной безопасностью, перебравшись через рвы и реку Полоту, на высокой насыпи подложила огонь под самые стены и подожгла замок. Когда подожженное разгорелось, сразу пешие венгерские рыцари, рота поляков коронного канцлера Яна Замойского, а также литовские гайдуки по доброй воле рванулись к замку сквозь огонь и московскую стрельбу. Но из-за сильнейшего огня и собственной несогласованности вынуждены были отступить назад, от стрельбы неприятеля потеряв 27 своих, не считая раненых. Однако и из московитов убили 200 стрельцов.

Сдача Полоцка. Следующим утром, в воскресенье 30 августа, когда наши снова подложили огонь и из-за этого стены начали сильно гореть, а постоянная стрельба с трех наших шанцев донимала москву и не давала ей гасить пожары, московиты с замком сдались на милость короля. И тот повелел, чтобы тех, кто пожелает, вместе с имуществом свободно отпустить в Москву, а тем, которые согласны служить королю, обещает свою милость и жалованье и [это] исполнит.

Упорство московитов. Только великолукский и полоцкий епископ Киприан, воеводы Василий Иванович Микулинский, Димитр Щербатый Оболенский, Матфей Ржовский (Rzowski), Ивон (Iwon) Сушин, Петр Волынский и Лукьян Третьяков, писарь великого князя, не хотели добровольно сдаться, хотя видели, что замок уже находится в королевской власти. Поэтому их тоже схватили и посадили под стражу. А всего московского люда, пригодного для боя и защиты замка, было более шести тысяч. Вот так тогда славный замок Полоцк, древняя столица русских удельных и некоторых литовских князей, 30 августа 1579 года в 20 часу (godziny 20) [99] был вырван из московских рук со всеми продуктами, оружием и изобилием (okwitym) пороха.

Незадолго до этого распрощался (podziekowal) со светом славной памяти Ян Ходкевич, каштелян виленский, староста жмудский и прочее, мой благодетель (dobrodziej) [100].

Потом, когда король уже избавил от московитов Полоцк, который воистину [можно назвать] воротами Литвы, наши спалили также Косияны, а также Ситно и Красное [101] в 9 милях от Полоцка. Большими препятствиями оставались еще два замка: Сокол над реками Дрисой (Drissa) и Нисой (Nissa) в 5 милях к северу по псковской дороге и Туровля над Двиной в 4 милях к Уле и Витебску, идучи от Полоцка.

Ян Волминский [послан] **под Сокол.** Под Соколом стояло воистину отборное московское войско из дворян и служилых бояр великого князя и из отобранных донских казаков или танаисских (Tanajskich) стрельцов, гетманами над которыми были: Федор Васильевич Шеремет, Андрей Палецкий, Михайло Лика, Василий Кривоборский и другие знатные воеводы, которые всячески обдумывали, как бы им через королевский лагерь пробиться к своим на помощь Полоцку. Этому мудро воспрепятствовали виленский воевода и великий гетман Миколай Радзивилл с сыном Кристофом, польным гетманом, когда как следует заняли все дороги. Но еще до этого под Сокол с несколькими полками был послан Ян Волминский, полоцкий каштелян и кревский староста, муж великой отваги и многоопытный в рыцарских делах своим давним участием в битвах с москвой, а за ним прибыл и польный геман Кристоф Радзивилл с литовскими солдатами. Но московское войско у замка находилось в окопах под прикрытием артиллерии, избегая открытого сражения. Схватки между обеими сторонами случались только урывками, в виде гарцев и частых вылазок, однако наши с копьями оттесняли москву до самых окопов.

Туровля взята и сожжена. А в это время виленский воевода Миколай Радзивилл, великий гетман, по королевской воле отправил несколько казацких полков с князем Константином Лукомским под Туровлю. Увидев их, московиты подумали, что осаждать их идет все войско, и сразу же сбежали через другие ворота, оставив воевод одних. Вот так воеводы, оставленные своими, 4 сентября сдали замок со всем оружием, порохом и пушками (spiza), который наши потом спалили (едва ли этому обрадовавшись), когда через несколько дней князю Лукомскому пришла славная мысль велеть пострелять из больших орудий. Что легко досталось, то легко и сгинуло.

Сокол осажден. В то же время Миколай, коронный гетман и подольский воевода [102], с польским и с немецким войском прибыв к Соколу через мост, устроенный из стругов на реке Дриссе, тотчас же окопался под замком, ибо поляки быстро и как положено выкопали шанцы от Ниссы, а немцы от Дриссы. А брацлавский воевода Януш Збаражский со своим полком встал за рекой Ниссой, где было удобнее поджидать бегущих московитов. А потом наши в нескольких местах подожгли замок раскаленными железными ядрами и, когда огонь набрал силу, москва, сомневаясь, что сможет оборонить замок, сразу вышла на бой через ворота со стороны Ниссы.

Наши в опасности. Но их отбросили назад в замок и в огонь: [сначала] поляки из окопов, потом пешие немецкие стрельцы и, запальчиво гоня москву, сами ворвались в замок. Но москва сразу же опустила решетку ворот, так что поляки и немцы, оказавшиеся запертыми в горящем замке вместе с московитами, в равной опасности рубились вслепую. А когда наши со стороны шанцев с большим трудом проломили решетку, московиты сразу же высыпались из горящего замка, а вместе с ними и наши, раненые и обожженные.

Москва побита. И там пошла жестокая битва, ибо немцы не оставляли в живых ни одного московита, так что на поле четыре тысячи полегли убитыми, и среди этих убитых виднейшие воеводы: Борис Шеин [103], Андрей Палецкий, Михайло Лык[ов] и Василий Кривоборский, а живыми были взяты гетман Шеремет [104], муж великой доблести, и старший предводитель (sprawca) донских казаков Мясоед. А также нашим достались

другие пленники и добыча, много дорогих одежд, коней, денег и очень много ценного снаряжения. А замок сгорел до основания. **Сокол сожжен.**

Наши, убитые под Соколом. Из наших в этом деле под Соколом многие знатные люди из тех, что были с польным гетманом Кристофом Радзивиллом и с Яном Волминским [105], также мужественно лишились жизни (meznie gardla dali): ротмистр Каменский и Высоцкий, Якуб Свецинский, Якуб Борнковский и Миколай Клочевский.

Сдача Суши. Потом полоцкий воевода Миколай Дорогостайский Монивид [106] после королевского отъезда из Полоцка взял Сушу [107], укрепленный замок над большим озером, добровольно сдавшийся в результате переговоров Франца Жука с сушинским воеводой Рутаем (Rutajem Suskim) и с москвой. Когда тем пообещали свободный выход в Москву с движимым имуществом, их вышло числом 6 000, а полоцкий воевода с литовским и польским рыцарством 6 октября въехал в замок Сушу. И взял там больших орудий (dzial) 21, гаковниц 136, длинных рушниц 123, пороху 100 бочек, которые весили 400 центнеров (cetnarow), тяжелых железных ядер (kul) от орудий 4 822 и очень много прочего замкового снаряжения и продовольствия.

Филон опалил Смоленск. Еще до этого оршанский староста Филон Кмита [108], имея с собой немало конного и пешего рыцарского люда и украинных (ukrainnych) казаков, огнем и мечом жестоко повоевал смоленские волости, спалил свыше 2 000 сел и обратил в пепел само смоленское предместье. И без малейшего ущерба для своих увел своих рыцарей в Оршу с великой добычей, пленниками и стадами скота.

Чернигов и Северский край повоеваны. А с другой стороны Константин, князь Острожский, с князем Михалом Вишневецким, каштеляном брацлавским, и сыном Янушем, переправившись через Днепр и вдоль и поперек распустив перед собой в загоны своих казаков и татар, осадили замок Чернигов, древнюю столицу северских князей. Но так как московиты упорно оборонялись, а пехоты для штурма было мало, то, спалив сам черниговский город, они почти по всей черниговской земле распустили загоны вплоть до самого Стародуба, Радогоста и Почепова, а потом без отпора воротились домой с большими трофеями. Таким же способом мстиславский староста разорил город Ярославль [109] (Jaroslawskie miasto) и очень много сел в московских волостях.

Письма литовским панам от советников московского [князя]**.** А король, потом приехав из Полоцка в Вильно и немного передохнув в Гродно, поспешил на сейм в Варшаву. И в это время виленскому воеводе Миколаю Радзивиллу и трокскому пану Остафию Воловичу [110] доставили письма от двух московских панов радных: князя Ивана Мстиславского и Микиты Романовича Захарьина [111], писанные 28 сентября во Пскове, где в то время стоял с войском великий князь. В этих письмах особенно [важной] была концовка, где литовских и коронных панов призывали уговаривать своего короля не проливать христианской крови, а они тоже обещают уговаривать своего великого князя, чтобы не мстил за беды, королем причиненные, и склонять его к миру. И чтобы послы, посылаемые с обеих сторон, устраивали это доброе дело.

Война против московитов. Но король все это отложил на Варшавский сейм, где после долгих совещаний и мудрых советов коронного канцлера Яна Замойского было снова решено продолжить войну против московского [князя] и установить [соответствующий] сбор.

Нещерда захвачена. В том же году 13 декабря полоцкий воевода Ян Дорогостайский Монивид захватил и спалил недавно основанный московитами замок Нещерду, где наши захватили четырех воевод, а мужчин, женщин и детей 1 000. А когда замок уже со всех сторон горел, свыше 2 000 московитов, упорно, но напрасно защищаясь, сгинули от огня и меча.

Посланник. Потом, когда король в 1580 году приехал с Варшавского сейма в Вильно и основательно обсуждал с литовскими панами [вопрос об] окончании войны против московского князя, московский [князь, понимая, что] ему явно не хватает сил, тут же прибегнул к хитрым практикам. Первым делом под видом посланников он после [Зеленых] Святок прислал своих шпионов с Нащокиным.

Нащокин с Остиком. Этот посланник Нащокин (Nasczekin) [112], хотя и из знатного рода, будучи себе на уме, в Вильне часто вел тайные переговоры с природным выродком Грегором Остиком, куя подлую измену против Великого Княжества Литовского и [умышляя] на жизнь короля.

Меч и шапка от папы. В то же время, 29 мая, в воскресный день [после] наихвалебнейшей Святой Троицы [113], освященные меч и шапка, присланные от папы Григория XIII через Павла Уханьского, с [папским] благословением и с обычными церемониями были вручены королю Стефану, коленопреклоненному перед большим алтарем в костеле Виленского замка, из рук Его Милости Князя (JMX) Гедройцкого, жмудского епископа Мельхиора [114].

Измена и фальшь Остика. А потом выяснилась Остикова измена королю и отчизне. Когда он больше не смог отпираться и отговариваться, и вся фальшь и измена стали явными, тогда сам закон, отчизна и справедливость приговорили его к казни за его грехи, за которые он и получил достойное воздаяние 18 июня в субботу. **Остик казнен** [115].

Московская издевка. А сам король, сначала отослав московского посланца Нащокина, 15 июня выступил из Вильно на войну. Через Минск и Борисов он потом пошел к Чашникам, где к королю приехал московский гонец, сообщая о великом посольстве, ради чего просил, чтобы король вернулся в Вильно, чтобы выслушать их посольство на обычном месте. Но король, видя насмешку, из Чашников поехал до самого Лукомля, где находились отборные жолнеры и маршалок датского короля Фаренсбек с рейтарами.

Оказия в Витебске. Потом, 29 июня, король прибыл в Витебск, где ему был устроен пышный прием литовскими панами и рыцарством, князьями Слуцкими, а также тиунами и урядниками Жмудской земли.

Велиж взят. В тот же день коронный канцлер Ян Замойский с восемью тысячами конного и пешего люда выступил из Витебска к московскому замку Велиж. И осадил этот замок над Двиной, в шестнадцати милях от Витебска, укрепленный самим своим местоположением, мощными стенами и бастионами, а также московским рыцарством. И почти в первый же день сбил московские заставы и их защитников со стен и с башен, так что те быстро пошли на переговоры. И вот так на пятый день с начала осады, 6 августа в субботу, путем вынужденной сдачи коронный канцлер Ян Замойский взял Велиж (который воистину [камнем] висел на шее всей королевской украинной Руси) со всем оружием, продуктами и разнообразным снабжением. И там же взяты в плен двое воевод: Паролин Брутцов [116] и Василь Башмаков [117], а вся остальная москва отпущена на волю под данное слово. Потом, 8 августа, в Велиж приехал король.

Усвят взят. Еще до этого виленский воевода и великий гетман пан Миколай Радзивилл с сыном Кристофом, паном трокским и польным гетманом, с паном виленским Остафием Воловичем и с другими отрядами литовских панов и рыцарства подступили под Усвят, другой московский замок, и, как полагается устроили шанцы. А как только к ним прибыл король, правильными действиями взяли и Усвят, 6 августа [118] принужденный к сдаче устрашенными московитами. Там тоже были пленены двое воевод: Михаил Вельяминов [119] и Иван Ашаров [120], а остальной народ отпущен на волю.

Ольгерд [ходил] **на Москву.** В былые времена этот замок был столицей Ольгерда, великого князя литовского, который получил Витебское княжество по жене [121]. Из этого замка с литовским войском он отправился на великого князя московского Димитрия, подступил было к самой Москве, а литовскую границу утвердил аж в 6 милях за Можайском [122].

Воевода полоцкий [идет] **под Невель.** Еще до этого 8 августа полоцкий воевода Миколай Монивид Дорогостайский со шляхтой Полоцкой земли и со своим рыцарством двинулся под Невель, третий московский замок, а коронный канцлер Ян Замойский выступил к Великим Лукам.

Благочестивые московские письма. Тогда же великий князь московский слал своих гонцов с письмами, предостерегая короля (человека набожного и спокойного) от пролития христианской крови, выводя это из Священного Писания и из псалмов Давидовых. И извещал, что великие послы едут с добром, поэтому просил [короля] вернуться в Литву и выслушать его посольство.

Король [идет] **на Великие Луки.** Но король, видя явную издевку, разместил своих рыцарей в Велиже и Усвяте и со всем войском обратился на Великие Луки. И отправил на первую стражу и [подготовку] размещения всего войска каштеляна Полоцкого и старосту Кревского пана Яна Волминского из дома Нассутов (Nassutowego) с несколькими ротами, полком ногайских татар и пятью сотнями гайдуков, так что на первую стражу тот имел в своем полку двенадцать сотен конных и пеших. **Ян Волминский на первой страже.**

Способ движения войска под Великие Луки. За ним с тремя тысячами солдат двинулся польный гетман Кристоф Радзивилл, каштелян Трокский, при котором также был

жмудский староста Ян Кишка, имевший 400 конных и 100 пеших, и Януш, князь Острожский, с полком в восемь сотен, новогрудский воевода пан Миколай Радзивилл, минский каштелян пан Ян Глебович, воеводич смоленский Евстафий (Eustachi) Тышкевич, тиун ретовский Марек Внучек и другие тиуны, урядники и рыцарство Жмудское, и в этом полку было 2000 конных. Потом [шли] трокский и волынский воеводы и стольник Александр, князь Пронский, и тех было 800. За ними с тремя тысячами конных [следовал] виленский воевода Миколай Радзивилл, великий гетман, потом виленский пан Остафий (Ostafi) Волович, минский воевода Миколай Сапега с 2000 других литовских панов и рыцарей, потом польских рот конных 5 000, а также 4 000 конных венгров и, наконец, сам король с двором, состоявшим из 1 000 конных. За королем [везли] пушки и другие орудия, а при них 20 000 пехоты, за которой в порядке шли 6 000 конных с князем Янушем Збаражским [123].

Татары разгромлены. Полоцкий каштелян пан Ян Волминский переправился через речку Дольца (Dolza) [124] и от пойманных московитов узнал, что татары намерены ночью ударить из Великих Лук. Поэтому, желая их опередить, отправил против них своего сына ротмистра Ежи, упитского подкомория, а с ним князя Гаврила (Haurila) [125] и ротмистров Голубка и Дробыша. Около полуночи у озера в двух милях от Великих Лук они встретились с этими татарами, успешно поразили их и разгромили. А Ежи Волминский послал королю нескольких пленных, от которых [тот] узнал все сведения о Великих Луках.

Король осадил Великие Луки. Вот так, с великими трудами пройдя через леса, 26 августа король подступил к Великим Лукам и осадил замок, расположенный на насыпи на равнине у реки Ловати и озера. Город же, очень большой и застроенный, сожгли сами московиты, чтобы удобнее было обороняться.

Московские послы. Туда же приехали московские послы с обычными баснями, ибо первым делом они поведали, что не могут исполнить присланное от царя посольство, пока король не отступит от замка и не вернется в Вильно на обычное место выслушивания послов. На что им отвечено, что так не годится и быть такого не может, и они вернулись в свои шатры, заявив, что собираются ехать прочь.

Байки московских послов. И когда они провели несколько дней в бесполезном молчании и услышали новость, что замок уже горит, то сразу начали просить аудиенции, чтобы исполнить свое посольство. И когда им это было дозволено, начали по-прежнему рассказывать байки, оправдываясь (wyliczajsc) со всех сторон и жалуясь на великие кривды, учиненные королем великому князю, которых он потом бы чтобы более не чинил. И извещали, что великий князь уже усмирил весь свой гнев и запал против короля. А в это время был слышен страшный грохот и гром орудий, обстреливавших замок.

Потом, согласно московскому обычаю, в других шатрах они перед панами и сенаторами литовскими исполнили оставшуюся часть своего посольства, а точнее, кривляния (szyderstwa). [Они требовали], чтобы король вернул великому князю Полоцк и другие взятые замки и, если захочет, утвердил с ним вечный мир. А когда из этого у них ничего не вышло, соглашались, чтобы король оставил себе Полоцк и те замки в Лифляндии,

которые ныне удерживает, а [в уплату] за московских пленников пусть Литве достанется замок Усвят, который король уже взял. А если и на это не могут согласиться (чего, по их байкам, просто и быть не может), то пусть сообщат об этом великому князю через своего посла. Это король им позволил, и вместе с их гонцом отправил своего гонца с истинно христианскими письмами. А сам московский [князь] в это время в 36 милях за Москвой в Александровой слободе [126] праздновал свадьбу своего старшего сына.

С первого сентября король с литовцами и с венграми с одной стороны, а коронный канцлер Ян Замойский с других ближних шанцев стали еще упорнее осаждать замок, стараясь заполучить его в целости. Но когда ни королевской лаской, ни подходящими условиями не удалось склонить московитов к сдаче, и те поклялись защищаться до последнего (do gardl sie bronic), королю пришлось дать согласие сжечь замок, укрепленный своим местоположением на высокой насыпи на равнине между озером и рекой Ловатью, а с другой стороны защищенный не только глубоким рвом, но и окруженный искусно насыпанным дерновым валом.

Великие Луки подожжены. Итак, сначала со [стороны] венгерских шанцев с великими трудами и опасностями замок поджигали гайдуки, но москва храбро и умело гасила [огонь] в течение почти трех дней. Но в это время через подкопы, устроенные со [стороны] польских шанцев под большую башню и деревянные стены, ночью замок основательно подпалили со всех сторон с помощью пороха.

Москва порублена в замке. А рано утром 5 сентября московиты не вовремя начали сдаваться, но сначала не удостоились королевской милости. Венгры, распаленные праведным гневом (мстя за убиение своих), с великой лютостью ворвались в замок и порубили как шедших в процессии чернецов с крестами, так и других московитов, не делая различия между женским и мужским полом. Да так, что местами кровь лилась ручьями, окровавливая конские копыта, ибо за короткое время полегло свыше 7 000 голов московитов, так что весь замок был полон криком, плачем и рыданиями убиваемых. Лишь некоторым старикам, детям и женщинам сохранили жизнь, особенно тем, которые достались [в плен] литовцам и полякам.

Великолукские воеводы. Захваченные замковые воеводы Федор Лыков, Михаил Кашин, Юрий Аксаков (Athissakow) и Василий, сын Измайлов, были приведены в шанцы коронного канцлера Яна Замойского. А Воейков (Wiejko), поставленный великим князем над другими наивысшим воеводой, остался убитым в замке. И других пленных было очень много, и добычи, да и продуктов всяких в великом достатке.

Наши убитые под Великими Луками. А из наших выстрелами из замка убили Петра Клочевского, каштеляна Завихостского, Русинского, ротмистра Дробыша и Леского.

Москва и татары поражены под Торопцом (Toporcem). Потом король в течение немалого времени укреплял замок валами, а в это время брацлавский воевода Януш, князь Збаражский, Юрий Барби (Jurgi Barbi) с венграми, Самуэль Зборовский и другие пришли под Торопец, в 16 милях [127] от Великих Лук, где наголову поразили татар и московское

войско, приготовленное против наших под самым замком, и взяли очень много добычи и пленников, а город москва сама сожгла.

Деменша и Нащокин схвачены. И во время этого погрома, когда московиты уже порознь разбегались, были взяты славный над другими милостями великого князя Деменша Черемиса (Demecin Ceremissa) [128] и Нащокин, который недавно был посланником у короля в Вильне. И этот Нащокин, уже связанный, узрев королевского дворянина Миколая Олесницкого, с которым познакомился в Вильне, сказал ему: «Как по-разному случается, Олесницкий! Вот и меня, к которому недавно все [навстречу] выезжали, сейчас связанного ведут».

Невель взят. А Миколай Монивид Дорогостайский, воевода полоцкий, почти с того самого времени, когда король подступил под Великие Луки, добывал замок Невель и потом взял его [благодаря] сдаче [129], к которой принудил частыми поджогами и большой силой, когда на помощь ему подошел венгр Янош Борнемисса с несколькими сотнями венгерских гайдуков. Там были взяты воеводы Иван Крамисса (Kramissa), Минджан (Mindzan) Колычев, Иван Бибиков и Стефан Боброн (Bobron), а других воевод и простых людей отпустили на волю с имуществом. Там же из наших убили двух ротмистров: Берната Голубицкого и Станислава Рудзкого.

Филон [поставлен] **старостой в Великих Луках.** А Филона Кмиту, воеводу Смоленского, старосту Оршанского, который сначала с ласковым, а потом с разгневанным счастьем [130] разорял смоленские волости и громил московские полки, поставил старостой великолукским со всей полнотой власти, пушками и рыцарством.

Ян Замойский [направлен] **под Заволочье.** Послав коронного канцлера Яна Замойского с частью войска добывать замок Заволочье, сам [король] двинулся к Невелю.

Озерище сдан. И там потом москва под слово великого гетмана Миколая Радзивилла, воеводы Виленского, добровольно сдала со всем оружием, пушками, порохом и изобилием (okwita) продуктов [расположенный] на большом озере замок Озерище, на диво защищенный своим местоположением, пушками и укреплениями [131].

Туда же вскоре приехали королевские и московские гонцы от великого князя с обычнейшим после наказания согласием, ибо он уступал королю все замки над рекой Двиной (о которой я еще до этого писал, что у нее берега серебряные, а дно золотое).

Взят укрепленный замок Заволочье. А король, послав коронному канцлеру под Заволочье свежую помощь конных и пеших, сам двинулся к Полоцку, а потом к Дисне (Dzizny), где ему принесли прекрасную новость, что коронный канцлер Ян Замойский взял замок Заволочье на высокой насыпи (kopcu), отовсюду окруженный водой, сильный людьми и оружием и трудный для взятия. После крупного решительного сражения [наши] силой вынудили сдать замок в целости, со всем оружием, ружьями, пушками и продуктами. Там были взяты в плен воеводы Василий Сабуров (Soborow) (который привел под московское ярмо Казанскую и Астраханскую орды) [132], Иван Жлобин и Василий Назимов (Nazimor), а другие отпущены под честное слово (wedlug wiary danej).

Убиты граф Розражевский и Вейгер. Но и из наших, как бывает при такой трагедии, полегло немало рыцарского люда, особенно простреленный в голову лещицкий староста Кристоф, граф Розражевский, муж знатного рода, бывалый, достойный и славный великой отвагой, а также Мартин Вейгер, сын Эрнста Вейгера, мужа, прославившегося по всей Европе своими рыцарскими делами. Но великие и достойные вечной памяти дела с трудом могут вершиться без великих утрат и опасностей, и никто, как бы он ни старался, не сможет избежать смерти.

Вот так король в этом втором успешном походе [благодаря] отваге поляков, мужеству и быстроте в жаркой битве литовцев и исключительной храбрости венгров с великой славой вырвал из московских рук и занял литовским и венгерским рыцарством Велиж, Усвят, Великие Луки — провиантскую (spizarnia) и цейхгауз (cejkhaus) всех московских краев, склад военного снаряжения и место сбора войск, Невель, Озерище и Заволочье. А польские роты разместили в Жмудской земле и в Литве — к великому удручению простого люда.

Потом с варшавского сейма 1581 года отправили московских послов и определили подати на войну с тем же неприятелем — на два года. А в это время наши взяли московский замок Холм (Chelmo) и Руссу спалили.

Конец второго тома

Комментарии

1. Ян Янович Волминский Нассута (1535-1595) герба Равич — каштелян полоцкий (1579-1588), староста кревский, воевода смоленский (1588-1595). Участник битвы под Улой (1564) и осады Сокола (1579).

2. Иоганн Вильгельм фон Фюрстенберг (1500-1568) происходил из Нехайма в Вестфалии. В 15 лет он был отдан на воспитание в Тевтонский орден и направлен в Ливонию. Виночерпий в Ашерадене (1523), комтур Динабурга (1535-1554) и Феллина (1554-1557), ливонский магистр и глава Ливонской конфедерации (1557-1559). В 1556 году назначен заместителем (коадъютором) ливонского магистра (1551-1557) Генриха фон Галена, однако уже тогда взял в свои руки всю реальную власть в орденской Ливонии. В августе 1560 года взят русскими в плен и отослан в город Любим, где, вероятно, и умер.

3. Лютеранство принял не Фюрстенберг, а последний из ливонских магистров Готтгард Кеттлер. Это произошло только в 1561 году, когда вся внутренняя и внешняя политическая обстановка в Прибалтике была уже совершенно иная. Ошибка Стрыйковского доказывает, что всего через четверть века после начала Ливонской войны в Польше и Литве уже смутно представляли (или вполне сознательно искажали) предысторию всех этих событий.

4. Вильгельм Бранденбургский (1498-1563) — последний рижский архиепископ (1539-1561), сын Фридриха I, маркграфа Бранденбург-Ансбахского, и Софии, дочери Казимира Ягеллончика. Родной брат прусского герцога Альбрехта.

5. Повод к этой войне, получившей название «войны коадьюторов» был совершенно другой, и об этом ясно и толково сообщает Ниенштедт. ***Маркграф Вильгельм избрал себе в коадьюторы своего родственника из мекленбургского княжеского дома, дабы он был его преемником, и еще при своей жизни призвал его в страну. После этого магистр со своими приверженцами и магистратом города Риги просили маркграфа Вильгельма, чтобы он удалил из страны избранного им коадьютора, потому что они боялись, как бы этот знатный господин не стал слишком могуществен и не изгнал бы совершенно их ордена. Так как маркграф противился исполнить их просьбу, то они с магистратом города Риги стали вербовать людей и осадили маркграфа Вильгельма в замке Кокенгузен.*** См.: Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том III. Рига, 1880. Стр. 399.

6. Герман II Везель — последний епископ Дерптский (1552-1560). 18 июля 1558 года взят в плен русскими и умер в Москве 15 июня 1563 года.

7. Ревельским епископом в 1551-1557 годах был Фридрих фон Амптен, который потом отрекся от должности. В 1554-1557 годах ревельским коадьютором был дерптский соборный пробст Маврикий Врангель. Хотя коадьютор имел сан епископа, он не считался ординарием епархии, зато имел право унаследовать и официально занять епископскую кафедру, при которой состоял коадьютором.

8. В 1547-1560 годах обязанности *эзель-викского епископа*, резиденция которого находилась в *Хаапсалу*, по совместительству исполнял епископ курляндский (1541-1560) и каноник домского собора в Фердене (1547) Иоганн V фон Мюнгхаузен (ум. 1572). Коадьютором Курляндии в 1556 году был назначен Ульрих Бер.

9. Кокенхузен был осажден 28 июня 1556 года, и едва ли не в тот же самый день архиепископ объявил о намерении сдаться. Уже 30 июня самого Вильгельма и его коадьютора Кристофера Мекленбургского отправили к местам их содержания и заключения. Известие о *восьмидневной* осаде Кокенхаузена (которое Стрыйковский слово в слово цитирует по Мартину Бельскому), не соответствует действительности. См.: Попов В. Е., Филюшкин А.И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // Петербургские славянские и балтийские исследования. № 1/2 (5/6), 2009. Стр. 156.

10. Это был уже второй визит Ланского в Ливонию. В первый раз он прибыл туда еще в декабре 1555 года, а в январе следующего 1556 года присутствовал на заседании орденского конвента в Вендене. Во второй раз Ланский вез тайные письма для людей архиепископа, был перехвачен комтуром Розиттена и убит в стычке. См.: Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. СПб, 2013. Стр. 650, 653, 661, 675.

11. Франц Ниенштедт описывает эти события несколько иначе. ***Когда магистр и его союзники прибыли туда в 1557 году, король резко обвинял его в том, что его***

предшественник нанес такие оскорбления особам княжеского дома. Это дело, однако, после многих оправданий и трактатов, было улажено так, что магистр должен был с земным поклоном просить у короля извинения и возвратить свободу обеим особам царского рода на публичном ландтаге в Ливонии, что и произошло в Вольмаре. Затем архиепископ отправился в Ригу и после проповеди в соборе сел на свой трон на высоком амвоне, где еще до этого магистрат просил у него прощения. Примечательно, что здесь король обвиняет не самого Фюрстенберга, а его *предшественника*. Эта деталь, на первый взгляд, неожиданная, на самом деле очень достоверна и точна. В 1556 году ливонским магистром формально был еще Герман фон Гален, и только в июне 1557 года его официально сменил Фюрстенберг. Смотри примечание 2.

12. Над этим списком историкам еще предстоит поломать голову. Столь непривычная форма названий ливонских городов встречается только у Стрыйковского, причем идентифицируются они с большим трудом и не особенно надежно. У Бельского ничего даже отдаленно похожего нет. Возможно, автору в руки попала какая-то *датская* или *шведская* грамота. См.: Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. СПб, 2013. Стр. 21, 107.

13. Смотри примечание 6.

14. Смотри примечание 73 к книге двадцать четвертой.

15. Смотри примечание 127 к книге двадцать четвертой.

16. По поводу этого списка можно лишь повторить примечание 12. Сам договор был заключен 3 сентября и датирован 15 сентября 1559 года. В нем названы замки Роситен, Сельбург, Динабург, Люцен и Бауск, а также Ашераден. Сумма залога определена в 600 000 гульденов (за гульден давали 24 литовских гроша), что не так уж сильно расходится с известием Стрыйковского. См.: Николай Костомаров. Ливонская война // Исторические монографии и исследования, том 3. СПб-М., 1880. Стр.146.

17. Мариенбург — ныне Алуксне. Местечко *Алысту* впервые упомянуто в псковской летописи под 1284 годом. В 1342 году здесь был построен орденский замок.

18. Иероним Ходкевич (1500-1561) герба Косцеша — граф шкловский и быховский, староста ошмянский (1538-1541), радунский (1542-1545), жмудский (1545-1561), тельшяйский (1546-1554), шкловский (1550-1554), вилькийский (1550-1561), каштелян трокский (1544-1549) и виленский (1559-1561). Умелый полководец и превосходный оратор. В 1530 году перешел из православия в католичество, а в 1555 году — в кальвинизм. На его средства был сооружен орган Бернардинского костела в Вильнюсе. Женат на Анне Шемет. Отец стольника Яна Ходкевича (1537-1579) и дед великого гетмана литовского Яна Кароля Ходкевича (1560-1621).

19. Вероятно, имеется в виду князь Иван Васильевич Мещерский по прозвищу Клык, который во время Лифляндского похода 1558 года был первым головой в Большом полку.

20. Словом «пан» Стрыйковский обычно называет *каштелянов*, однако в данном случае для обозначения одного и того же понятия он употребляет оба слова одновременно: *пан* трокский, но *каштелян* виленский.

21. Крепость Селбург (Зелборк) находилась на левом берегу реки Даугавы напротив Плявинаса (Штокмансгофа) в 40 км от Ашерадена (выше по течению). Надо полагать, что там был брод через Даугаву. См.: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.-Л., 1938. Стр. 112, 501.

22. Речь идет о *ливонских* замках, захваченных русскими в самом начале Ливонской войны.

23. Похоже, что речь идет о крепости *Тарваст*, но это очень далеко от Двины.

24. Смотри примечание 1.

25. Готхард Кеттлер (Gotthard von Kettler) (1517-1587) — последний магистр Тевтонского ордена в Ливонии (1559-1561) и первый герцог Курляндии и Земгалии (1561-1587). Происходил из знатного рыцарского рода в Вестфалии. Его старший брат Вильгельм был епископом Мюнстера (1553-1557). В 1538 году Готхард принял обет и вступил в Тевтонский орден. Комтур Динабурга (1554), Феллина (1557), коадьютор ливонского магистра (1558) и ливонский магистр (1559). 31 августа 1559 года передал ливонские владения ордена под сюзеренитет Польши и Литвы.

26. Кеттлер стал магистром после *отречения* Фюрстенберга, а не его *пленения*, которое произошло только в августе 1560 года. Фюрстенберг отрекся на ландтаге в Вендене в *сентябре* 1559 года, а Кеттлер был избран магистром 21 *октября* 1559 года.

27. *Дворный* гетман — в данном случае то же, что и *польный* гетман литовский. Эту должность Григорий Ходкевич занимал с 1561 года. Смотри примечание 111 к книге двадцать четвертой.

28. Якоб Ераклид (1511-1563), известный как Деспот-Водэ — господарь Молдавии (1561-1563), занявший престол с помощью Габсбургов. Убит своим преемником Штефаном Томшей (1563-1564). См.: Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М., 1976. Стр. 114, 123.

29. Александр III Лэпушняну (1499-1568) — господарь Молдавии (1552-1561 и 1564-1568). Сам он называл себя сыном Богдана III Кривого (1504-1515) и был женат на дочери Петра IV Рареша (1527-1538). На молдавский престол взошел как польский ставленник. 18 ноября 1561 года был разбит войсками Якоба Ераклида в битве у Вербии и бежал из страны. В марте 1564 года вернул себе престол с помощью турок и татар. См.: Негруцци К. Александру Лэпушняну. М.,1958.

30. Флориан Зебжидовский (1518-1562) герба Радван — королевский секретарь (1548), бургграф краковский, каштелян освенцимский (1552) и люблинский (1554), польный

гетман коронный (1561). Его преемником на посту польного гетмана (1562-1565) стал Станислав Лесновольский герба Перхала.

31. В 1564 году Иван Грозный обвинял Курбского: ***«Как же ты под градом нашим Невелем с пятнадцатью тысячами четырех тысяч не смог побить?»***. С чисто военной точки зрения столкновение под Невелем было не столь уж значительным эпизодом. Почти год о Невельской битве вообще молчали, но довольно скоро в польской историографии она приобрела воистину эпические масштабы. См.: Филюшкин А.И. Мифология и реалии битвы под Невелем 1562 г. // Петербургские славянские и балканские исследования, № 1(11). Январь-июнь 2012.

32. Иван Грозный выступил из Москвы 30 ноября 1562 года, 5 января русская армия была в Великих Луках, а под Полоцк она прибыла 31 *января* 1563 года, и это было воскресенье, а не суббота. А 31 *декабря* 1562 года был четверг. См.: Янушкевич А.Н. Ливонская война. Вильно против Москвы. 1558-1570. М., 2013. Стр. 67, 70.

33. Смотри примечание 147 к книге шестой.

34. Смотри примечание 91 к книге двадцать четвертой.

35. Архиепископом Полоцким, Витебским и Мстиславским был Арсений Шишка (1562-1563). После взятия Полоцка русскими войсками Арсений оказался в плену и был отправлен в Москву. Потом он был сослан в Спасо-Каменный монастырь (в Вологодской епархии), где и скончался в 1576 году.

36. Серебряный-Оболенский Петр Семенович (1520-1570) — сын князя Семена Дмитриевича Щепина-Оболенского (ум. 1535) по прозвищу Серебряный. Нижегородский воевода, боярин (1551), участник казанского похода и первый воевода Свияжска (1551). В 1558 году направлен воеводой в Ливонию. Первый воевода полка правой руки в походе из Дерпта к Тарвасту (1562), полковой воевода в Полоцке (1563), воевода передового полка (1564). После поражения русских на Уле вместе с братом Василием отступил к Смоленску. В 1567 году потерпел поражение от литовцев почти на том же месте, где и Шуйский (при Чашниках). Петр участвовал в нескольких походах против татар и турок, в том числе в походе на Астрахань (1569). В июле 1570 года был убит по приказу Ивана Грозного. *Никита* Серебряный, герой знаменитого романа А.К.Толстого «Князь Серебряный», является вымышленным персонажем, хотя сам роман по праву считается одной из лучших книг об эпохе Ивана Грозного.

37. *Казанский царевич* — русские источники о битве на Уле ничего не сообщают о татарах, но известие Стрыйковского стоит принять к сведению.

38. Петр Иванович Шуйский (1515-1564) — сын князя Ивана Васильевича Шуйского, племянник известного полководца Василия Шуйского-Немого. Боярин (1550), первый воевода передового полка в походах 1547 и 1550 года, во время Ливонской войны первый воевода Большого полка (1558-1562) и воевода Большого полка (1563) под началом

Владимира Старицкого. Наместник псковский (1550), свияжский (1552), казанский (1553) и полоцкий (1563).

39. Сражение, у Стрыйковского и в других польских источниках получившее название *битва на Уле*, в русскоязычной литературе называют *битвой при Чашниках*. Ула — река, протекающая мимо Чашников, однако гетман Миколай Радзивилл называл Улой ***местечко пани воеводины Витовской***. В описываемые времена в этих местах состоялись целых два сражения: в 1564 и в 1567 году. См.: Письмо гетмана Радивила о победе, одержанной при Уле // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Книга 3. 1847.

40. Ротмистр *Баркулаб Иванович* Корсак основал поселение на реке Днепр, недалеко от Быхова, а в 1564 году построил там замок Баркулабово. Но это очень далеко от места боя. Получается, что упомянутое Стрыйковским село, около которого и происходила битва, тоже принадлежало Баркулабу Корсаку. См.: Баркулабовская летопись // ПСРЛ, том 32. М., 1975. Стр. 174, 175.

41. Согласно новейшим исследованиям, силы обеих сторон были не так уж несопоставимы (4-6 тысяч против 8-10 тысяч), а русские потери литовские источники непомерно преувеличивают. См.: Филюшкин А. И. Русско-литовская война 1561-1570 и датско-шведская война 1563-1570 гг. // История военного дела: исследования и источники. - 2015. - Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI-XIX вв. — Ч. II. — Стр. 259-262.

42. После поражения на Уле Шуйский бежал и пытался скрыться, но был убит крестьянами. Об этих событиях Стрыйковский сочинил отдельную поэму. См.: Дзярнович О. И. Поэма Матея Стрыйковского «Битва под Улой» (1564 г.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2010. — № 2 (8). Стр. 127-134.

43. Самая маленькая из известных *саженей* — простая — составляла чуть более полутора метров, так что речь идет о росте не менее 225 см.

44. Карамзин из знатных убитых называет только братьев Палецких. Стрыйковский объединяет убитых и пленных, и в его списке историкам еще предстоит разбираться, но интересного здесь много.

45. Станислав Миколаевич Пац герба Гоздава в 1564 году стал наместником Витебска, замещая Стефана Збаражского, а в 1566 году назначен и витебским воеводой, сохранив эту должность до своей смерти в 1588 году. Смотри примечание 2 к книге седьмой.

46. Юрий Иванович Токмаков (1525-1578) — князь Звенигородский, воевода в Дедилове (1556), Шацке (1559), Туле (1560), Серпухове (1562), Невеле (1563), Великих Луках (1564), Озерищах (1565) и Пскове (1570). Строитель крепости Суша (1567). Во время похода Грозного на Псков (1570) ходатайствовал перед царем за псковичей. Окольничий (1573). Командовал артиллерией в походе на Новгород (1572) и в ливонских походах (1571-1576). Книжник и переводчик. Умер своей смертью.

47. Крепость Озерище была захвачена русскими 6 ноября 1564 года. См.: Янушкевич А.Н. Ливонская война. Вильно против Москвы 1558-1570. М., 2013. Стр. 103.

48. Белый Камень — Виттенштейн (Пайде).

49. Миколай Станиславович Талваш (1530-1598) герба Лебедь — каштелян минский (1566), жмудский (1570-1588) и трокский (1596), староста динабургский (1577) и радунский (1581), тиун биржанский (1577), маршалок надворный литовский (1588-1596). В 1570 году с литовским посольством ездил в Москву для заключения мира. Смотри примечание 1 к книге одиннадцатой.

50. Получается, что сражение, известное как *вторая* битва при Чашниках, происходило не 21, а **25 июля** 1567 года. Однако вряд ли из Чашников до места боя нужно было идти *четыре дня*, а Стрыйковский нередко путает дни недели. И все же обстоятельства не позволяют отмахнуться от этой важной информации, так как русские были заняты *постройкой крепости*. А это значит, что литовцы должны были провести тщательную разведку (о чем наш автор прямо так и пишет) и атаковать, выбрав лишь самый благоприятный момент. Смотри примечание 51.

51. Суша или Копье — крепость, построенная русскими в 1567 году на полуострове озера Суша в примерно 25 км к северо-западу от Чашников. ***В лето 7075. Того же лета, месяца августа, поставлен в Полоцком повете за Двиною рекою к Виленскому рубежу на озере на Суше на острову город. Повелел же государь звать тот город Копие. От Полоцка по Улской дороге до того города 70 верст, а от литовских городов от Лепеля пол 30 верст, от Лукомля 20 верст. А государевым промыслом смотрел то место и город ставил воевода князь Юрий Иванович Токмаков. А для бережения от литовских людей царь и великий князь велел стоять близ того города боярину князю Петру Семеновичу Серебряному с товарищи.*** См.: ПСРЛ, том 29. М., 1965. Стр. 355.

52. Осип Михайлович Щербатов (1525-1578) — сын князя Михаила Васильевича Щербатова. Присутствовал на обеих свадьбах Владимира Старицкого (1550 и 1558) и на свадьбе Магнуса с Марией Старицкой (1573). Воевода в Невеле (1564), воевода большого полка (1573), второй воевода полка левой руки в Ивангороде (1574), воевода в Чернигове (1576) . Участник похода на Новгород (1572), окольничий (1572) и наместник в Новгороде-Северском (1578). Умер своей смертью.

53. Примечание Стрыйковского на полях: **Этот поход короля Августа на Москву напоминал [поход] в Италию императора Фридриха, когда флорентийцы в насмешку рисовали его с такой надписью: *Tendimus in Latium (Мы в Италии)*.**

54. Юхан III (1537-1592) — сын Густава Вазы, герцог Финляндии (1556-1563), король Швеции (1568-1592). Финляндию получил в качестве наследственного герцогства и пытался проводить самостоятельную политику. Его брат, шведский король (1560-1568) Эрик XIV, обвинил Юхана в измене и заключил в замок Грипсхольм (1563). В 1568 году шведские дворяне свергли Эрика и возвели на престол Юхана. Его первой женой (1562-

1583) была Катерина Ягеллонка, родная сестра Сигизмунда Августа, которая разделяла с Юханом все тяготы заключения и за это время родила ему троих детей.

55. Ян Лютомирский (1510-1567) герба Ястржебец — подкоморий серадзский (1543-1549), администратор соляных жуп в Кракове (1545), надворный коронный подскарбий (1548), жупник окуличский (1549), староста лещицкий (1550), радомский (1553) и стежицкий (1549), каштелян Бржезины (1551), Равы Мазовецкой (1554) и Серадза (1563). По королевской привилегии (1566) чеканил в Тыкоцине серебряные монеты с гербом Ястржебец.

56. Петр Зборовский (1530-1580) герба Ястржебец — сын Мартина Зборовского, подкоморий сандомирский (1563), каштелян бецкий (1565) и войницкий (1567), староста каменецкий (1572) и краковский (1574), воевода сандомирский (1568) и краковский (1581). Смотри примечание 148 к книге двадцать четвертой.

57. Кристоф Мекленбургский (1537-1592) — сын мекленбургского герцога (1503-1547) Альбрехта VII и Анны Бранденбургской, двоюродной племянницы герцога Альбрехта Прусского. В 18 лет он стал *коадъютором* рижского архиепископа Вильгельма Бранденбургского, своего дальнего родственника. Эта должность давала право наследования архиепископского титула. Но когда в ход Ливонской войны вмешались поляки, после смерти Вильгельма (1563) они воспротивились назначению Кристофа, арестовали его и посадили в тюрьму Равского замка в Мазовии. В 1569 году его освободили в обмен на отказ от всех прав на Ригу. Кристоф уехал в Мекленбург и там женился сначала на дочери датского короля (1573) Фредерика I, а после ее смерти (1575) — на дочери шведского короля (1581) Густава Вазы.

58. Альбрехт Фридрих (1553-1618) — сын первого прусского герцога (1525-1568) Альбрехта, второй герцог Пруссии (1568-1618). В связи с развитием душевной болезни большую часть его официального правления страной управляли регенты.

59. Богдан IV Лэпушняну (1555-1574) — господарь Молдавии (1568-1572). Сын Александра III Лэпушняну. Правил под попечительством своей матери Роксанды. Возобновил отношения с поляками. После изгнания бежал в Москву, откуда надеялся вернуться на молдавский престол с помощью Ивана Грозного. Эти планы не увенчались успехом. Смотри примечание 29.

60. *Ивония* или *Ивоница* — Ион-Водэ Лютый (1521-1574), господарь Молдавии (1572-1574). Есть версия, что он был внуком Штефана III Великого, рожденным от армянки, за что и получил прозвище Арманул (Армянин). Именно так именует его Дмитрий Кантемир. Неравнодушный и увлекательный рассказ об этом выдающемся правителе и полководце смотри: Хашдеу Б. П. Ион — воевода Лютый // Избранное. Кишинев, 1978.

61. Андегавены — другое название Анжуйской династии, представителем которой был и Генрих Анжуйский, внук Франциска I. Из рода Андегавенов был и Людовик Венгерский, праправнук Карла Анжуйского и отец польской королевы Ядвиги.

62. Миколай Кшиштоф Радзивилл (1549-1616) герба Трубы по прозвищу Сиротка — старший сын Миколая Радзивилла Черного. Надворный (1569) и великий (1579) маршалок литовский, каштелян трокский (1586), воевода трокский (1590) и виленский (1604). Учился за границей: в протестантской гимназии и в Тюбингенском университете. Вернувшись в Литву, унаследовал владения своего отца и принял участие в Ливонской войне. Участвовал в осаде Улы (1568) и осаде Полоцка (1579). Люблинскую унию долго отказывался признавать и присягнул лишь под угрозой потери имений. В 1566 году перешел из кальвинизма в католичество и впоследствии преследовал протестантов. Был принят в Мальтийский орден (1566) и в орден Святого Гроба Господнего Иерусалимского (1583). Активный участник заключения Брестской унии (1596).

63. Анджей Ваповский герба Нечуя — подкоморий санокский, каштелян перемышльский (1572). 23 февраля 1574 года во время коронационных торжеств повздорил с Самуилом Зборовским герба Ястржебец и был им убит ударом чекана по голове. Однако король Генрих помиловал убийцу, приговорив к пожизненному изгнанию. Самуил (1525-1584), сын Мартина Зборовского, стал запорожским гетманом (1581), участвовал во многих смутах, однако 26 мая 1584 года был все-таки обезглавлен в Кракове. Смотри примечание 148 к книге двадцать четвертой.

64. Ночь с 18 на 19 июня 1574 года. День Святого Иоанна (Крестителя) — 24 июня. В полном соответствии с датами, приводимыми самим Стрыйковским, польское царствование Генриха III (18 февраля — 19 июня 1574 года) французы называют *стодвадцатидневным*, а это больше, чем *семнадцать недель*. См.: Эрланже Ф. Генрих III. СПб, 2002. Стр. 161.

65. Вольта (wolt) — итальянский танец эпохи Возрождения.

66. Александр II Мирча (1529-1577) — господарь Валахии (1568-1574 и 1574-1577), турецкий ставленник. Именно Александр II впервые сделал столицей Валахии (1569) Бухарест, который основал (1459) еще Влад Цепеш. Месячный перерыв в его правлении был связан с тем, что Ион Лютый, разгромив турок, вторгся в Валахию, захватил Бухарест (1574) и посадил на валашский престол своего ставленника Винтилу.

67. Петр VI Хромой (1537-1594) — господарь Молдавии (1574-1577, 1578-1579 и 1582-1591). Сын Мирчи III, брат Александра II и такой же турецкий ставленник, как и они. Дважды свергался с престола запорожскими казаками и один раз — ставленником Габсбургов.

68. Смотри примечание 309 к книге четвертой.

69. *Трибаллией* называют то Сербию, то Далмацию, то Албанию, но так как чаще всего ее ищут на Дунае, то наиболее вероятно, что Стрыйковский имел в виду Сербию.

70. Селим II, сын Роксоланы, умер 13 декабря 1574 года.

71. Город Тунис был взят силами флота капудан-паши Улудж Али и сухопутной армии Коджа Синан-паши 13 сентября 1574 года.

72. Голета — Ла-Гулет, Хальк-эль-Уэд — аванпорт города Тунис. По-испански название означает *горло, устье*. Голета была заложена при Карле V (1535) и оставалась испанской колонией до 24 августа 1574 года, когда капитулировала перед турками. В Голете родилась итальянская актриса Клаудиа Кардинале, сыгравшая роль Роксоланы в фильме «Битва трех королей» (1990).

73. Смотри примечание 56 к книге первой.

74. Из этого перечня можно сделать вывод, что одна *хоругвь* в данном случае насчитывала не менее 200, но вряд ли более 500 человек.

75. Латинское слово ***communio*** означает *община*. Речь идет о крестьянской общине, которая была обязана сама поставлять людей в войско. Разумеется, отбирались беднейшие крестьяне, то есть те, у кого было не более одного коня, а то и вовсе безлошадные.

76. Мы насчитали 109 тысяч человек плюс 43 «мурзинских» хоругви, что составляет еще от 10 до 20 тысяч человек.

77. Примечание Стрыйковского на полях: **Это право на Мазовецкое княжество австрийские эрцгерцоги присвоили себе по дочери мазовецкого князя Цимбарке, внучке Ольгерда.** Смотри примечание 54 к книге тринадцатой.

78. На полях сразу следует ироничное примечание Стрыйковского: **Грушка на вербе**, которое означает, что не стоило требовать невозможного.

79. Альфонсо II д'Эсте (1533-1597) — герцог Феррары, Модены и Реджио (1559), внук Лукреции Борджиа и внук французского короля Людовика XII. При его дворе жил и работал Торквато Тассо, который именно там написал «Освобожденный Иерусалим». Любопытно, что, несмотря на множество публикаций о герцогстве Феррарском и самом Альфонсо, там ничего не сказано о его баллотировании на должность польского короля.

80. Анджей Тенчинский Младший (1510-1588) герба Топор — один из последних представителей рода Тенчинских, воевода белзский (1548) и краковский (1575). Женат на Софии Дембовской (ум. 1588).

81. Станислав Карнковский (1520-1603) герба Юноша — королевский секретарь (1555), коронный референдарий (1558), великий коронный секретарь (1563), епископ Вроцлавский (1567), архиепископ Гнезненский и примас Польши (1581).

82. Смотри примечание 53.

83. В данном случае Стрыйковский ссылается на свой источник в *заметке на полях*, что в этом издании встречается едва ли не впервые.

84. Ян Зборовский (1538-1603) герба Юноша — третий сын Мартина Зборовского. В молодости жил при дворе прусского герцога Альбрехта. Королевский секретарь, надворный гетман (1572), польный гетман коронный (1576-1584), каштелян гнезненский (1576).

85. Фендрик (от немецкого *Fahnrich* - знаменщик) — то же, что и *прапорщик*, в данном случае — младший офицерский чин.

86. В оригинале: *Recznej strzelby*, то есть *ручное огнестрельное оружие*. Наш автор имеет в виду мушкеты или аркебузы.

87. Гейденштейн называет дату 17 апреля 1577 года. См. : Rajnolda Hejdensztejna Dzieje Polski od smierci Zygmunta Augusta do roku 1594 ksiag XII. Petersburg, 1857.

88. Латарния — крепость Вислоуйсце в устье Вислы.

89. Магнус (1540-1583) — сын датского короля (1534-1559) Кристиана III и брат датского короля (1559-1588) Фредерика II. В 1560 году получил в удел от своего брата-короля проданные Дании владения архиепископа рижского. В 1570 году по соглашению с Иваном Грозным принял титул *короля Ливонии*, стал вассалом русского царя и женился на Марии Старицкой (1573). В 1577 году вступил в тайные переговоры со Стефаном Баторием, которому пообещал уступить свой трон. Царь велел его арестовать, но потом освободил. В 1580 году Магнус воевал с русскими уже на стороне Батория. Умер в Пильтене в 1583 году.

90. Магнус, который уже вел двойную игру, призывал тех, кто не хочет попасть в руки солдат Ивана Грозного, сдаваться лично ему. Свои обещания он сдержать не смог, а, возможно, и не собирался.

91. Немного забавно читать, как наш автор уверенно именует «вымышленной басней» историю, которая как две капли воды сходна с его собственными изысканиями относительно Палемона и его потомков.

92. Смотри примечание 88 к книге второй.

93. Анджей Павлович Сапега (1558-1621) герба Лис — сын новогрудского воеводы (1558-1579) Павла Сапеги (Коденского) и Александры Ходкевич. Великий подчаший литовский (1588-1592), каштелян минский (1592-1597), воевода полоцкий (1597-1613) и смоленский (1621).

94. Сражение под Венденом происходило 21 октября 1578 года, когда Анджей Сапега был еще молод и в чине ротмистра действовал вместе со шведским военачальником Юргеном Бойе. В числе прочих в плен были взяты воеводы Петр Татев и Василий Воронцов. См.: Рейнгольд Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578-1582). СПб, 1889. Стр. 35-37.

95. Лукаш Болеславович (1530-1593) герба Лис — князь Свирский, королевский маршалок (1565), державца кревский (1568), тиун биржанский (1571). Вместе с братом Янушем подписывал акт Люблинской унии (1569). Кальвинист. Владел имением Свирь, а также землями в Ошмянском, Новогрудском, Трокском повятах и в Жемайтии.

96. Латинское слово *felicialis* означает *счастливейший, счастливчик*. Возможно, Стрыйковский хочет подчеркнуть великую честь быть подобным послом, а возможно, он просто иронизирует.

97. Непонятно, кого именно Стрыйковский именует здесь *солдатами* (zolnierzami): наемников, ополченцев или же и тех и других вместе. Однако польские историки давно решили этот вопрос. Литовское войско состояло из *посполитого рушения* (9 000 человек), отрядов магнатов (10 000) и наемников (4 000). Польская же армия состояла из 7400 бойцов регулярных войск, *приватных посылок* (отрядов, выставленных частными лицами на собственные средства) общим числом в 6 800 человек, из 3 600 венгров и из 2 800 немцев. Всего Полоцк осаждало 41 814 человек. См.: Henryk Kotarski. Wojsko polsko-litewskie podczas wojny inflanckiej 1576-1582. Cz. II. // Studia i Materialy do Historii Wojskowosci. T. 17. Cz. 1. Warszawa, 1971. Стр. 51-124.

98. Ниже Стрыйковский пишет, что эти крепости были сожжены уже *после* взятия Полоцка.

99. Естественно предположить, что отсчет времени велся от полуночи, но полной уверенности в этом нет.

100. Ян Ходкевич (1530-1579) герба Косцеша — сын виленского каштеляна Иеронима Ходкевича и отец легендарного Яна Кароля Ходкевича, которому в то время было уже 18 лет. С 1547 года учился в Кенигсберге, Лейпциге и Виттенберге, потом состоял на службе у императора Карла V (1552-1555). Граф шкловский, гетман ливонский (1558), стольник ВКЛ (1559-1564), староста жемайтский (1564), ковенский и тельшяйский, великий маршалок литовский (1566), первый губернатор Задвинского герцогства (1566-1578), каштелян виленский (1574). Лютеранин, хотя его отец умер католиком. Один из главных противников Люблинской унии (1569). Был женат на Кристине, младшей дочери Мартина Зборовского. Скончался 4 августа 1579 года. Хотя наш автор называет его своим *благодетелем*, но никому из Ходкевичей Стрыйковский не посвящал какую-либо часть своей «Хроники», из чего можно предположить, что в финансировании этого издания они не участвовали.

101. Смотри примечание 98.

102. Миколай Янович Мелецкий (1540-1585) герба Гриф — королевский секретарь (1557) и дворянин (1562), каштелян войницкий (1567), староста хмельницкий (1557), гродецкий (1571), новокоржинский (1572) и сандомирский, воевода подольский (1569), великий коронный гетман (1579-1580). Ушел со своего поста из-за разногласий со Стефаном Баторием и Яном Замойским, который и стал его преемником. С 1566 года женат на Эльжбете Радзивилл (1550-1591), дочери Миколая Черного.

103. Борис Васильевич Шеин (1535-1579) — воевода (1574), окольничий (1576), предводитель русского войска в крепости Сокол, где и погиб 25 сентября 1579 года. Отец воеводы Михаила Борисовича Шеина (1575-1634), героя обороны Смоленска (1609-1611).

104. Федор Васильевич Шереметев (1540-1592) — сын Василия Андреевича, прародителя всех Шереметевых, род которых продолжили его братья Иван Большой, Иван Меньшой и Никита. Другие братья Федора (Григорий и Семен) умерли бездетными, как и он сам.

105. В украинском переводе в этом месте написано, что Кристоф Радзивилл и Ян Волминский тоже погибли под Соколом, что является грубой ошибкой. См.: Мацей Стрийковський. Літопис Польський, Литовський, Жмудський и всієї Руси. Львів, 2011. Стр. 955.

106. Смотри примечание 1 к книге шестой.

107. Смотри примечание 51.

108. Филон Семенович Кмита-Чернобыльский (1530-1587) герба Кмита — староста оршанский (1566), воевода смоленский (1580), сенатор Речи Посполитой (1580). С 1562 года очень активно участвовал в войне с русскими. За боевые заслуги Сигизмунд II Август пожаловал ему имение Чернобыль (1566). Вторым браком был женат на Софии, дочери великого гетмана литовского Григория Ходкевича. Сохранились некоторые письма Кмиты к королю и литовским магнатам. Владимир Короткевич называл его «первым средневековым писателем Оршанщины». В числе прочих Филон Кмита изображен на картине Матейко «Баторий под Псковом».

109. Вероятно, Стрыйковский имел в виду все-таки *Рославль*. В любом случае это не Ярославль на Волге и не Ярослав на реке Сан.

110. Смотри примечание 1 к книге четвертой.

111. Никита Романович Захарьин-Юрьев (1522-1586) — старший брат Анастасии Романовны (1531-1560), первой жены Ивана Грозного. Основатель династии Романовых, отец патриарха Филарета и дед Михаила Федоровича, первого русского царя из дома Романовых.

112. Иван Афанасьевич Нащокин (1540-1601) — русский посланник, правнук убитого под Оршей (1514) Андрея Филипповича Нащокина и родной брат основателя Архангельска (1584) Петра Нащокина. Родоначальником Нащокиных был тверской боярин Дмитрий Дмитриевич, который во время нападения тверичей на Щелкана (1327) был ранен ударом сабли по щеке и получил прозвище «Нащока». 23 апреля 1580 года Иван Грозный отправил Ивана Нащокина к Баторию. Он изображен на картине Яна Матейко «Баторий под Псковом».

113. Троица в 1580 году была 22 мая.

114. Смотри примечание 1 к книге второй.

115. О Григории Остике смотри: Людмила Рублевская. Рыцари и дамы Беларуси. Минск, 2013.

116. *Павлин* Яковлевич *Братцов* (умер после 1589 года) — осадный голова в Велиже (1580-1581), из новгородских вотчинников.

117. Василий Андреевич Башмаков — осадный голова в Велиже (1580-1581), из рязанских бояр. Внук Даниила Васильевича, носившего прозвище *Башмак*. Башмаковы, как и Вельяминовы, возводят свой род к Шимону Африкановичу, племяннику знаменитого Якуна Слепого, который командовал варяжской дружиной Ярослава в битве при Листвене (1024).

118. Ошибка, а скорее описка Стрыйковского, вкравшаяся еще в издание 1582 года. Но из-за нее может возникнуть совершенно неверное представление обо всей последовательности событий. Усвят был захвачен не 6, а **16** августа. См.: Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук в письмах Яна Зборовского // Осада Пскова глазами иностранцев. Псков, 2005. Стр. 136-138.

119. Вельяминов Михаил Иванович (1530-1605) — сын Ивана Васильевича Вельяминова по прозвищу Щадра (ум. 1552). Воевода в Невеле (1575) и Усвяте (1578), думный дворянин (1595), стольник (1604). См.: Разрядная книга. М., 1966. Стр. 269, 288, 298.

120. У Зборовского — Коставов. Вероятно, Кошкаров Иван Азарьевич (умер после 1593 года) — воевода в Усвяте (1580) и стрелецкий голова в Астрахани (1591). См.: Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук в письмах Яна Зборовского // Осада Пскова глазами иностранцев. Псков, 2005. Стр. 138, 161.

121. О том, что Усвят был *столицей* Ольгерда, пишет один лишь Стрыйковский, причем только в этом месте. В главе третьей книги двенадцатой он сам же пишет, что поход Ольгерда начался из *Витебска*, и там же закончился. Это весьма прискорбный пример подтягивания исторических фактов за уши в угоду сиюминутным политическим событиям. До сих пор наш автор этим не особенно грешил.

122. Расстояние от Можайска до Москвы — 110 км. Таким образом, если верить Стрыйковскому, Ольгерд провел литовско-русскую границу примерно в 60 км от Москвы. А в главе третьей книги двенадцатой тот же Стрыйковский пишет, что Ольгерд установил границу на расстоянии 18 миль (примерно 140 км) от Москвы, хотя это тоже не соответствует действительности.

123. Януш Миколаевич (1553-1608) герба Корибут — князь Збаражский, староста кременецкий (1574) и пинский (1581-1590), воевода брацлавский (1578). Разбил татар под Збаражем (1575) и Брацлавом (1578), отличился при осаде Полоцка (1579), Сокола (1579) и под Торопцом (1580). Во время осады Пскова (1581) исполнял обязанности лагерного квартирмейстера. Изображен на картине Матейко «Баторий под Псковом».

124. Дольца — это *не река, а озеро*, около которого литовское войско разбило лагерь 23 августа. См.: Милютин Д.М. Осада Великих Лук Стефаном Баторием в 1580 году и ее последствия. Гродно, 1903. Стр. 12.

125. Невольно вспоминается «*Князь Гавриил*, или последние дни монастыря Бригитты» — название исторической повести Эдуарда Борнхёэ о Ливонской войне. По мотивам этой повести в свое время был снят фильм «Последняя реликвия» (1970). См.: Борнхёэ Э. Мститель. М., 1989. Стр. 187-357.

126. Стрыйковский опять путает с расстояниями, или на сей раз использует какую-то другую милю. Его «обычная» миля — около 8 км. Расстояние от Москвы до Александрова по дороге не более 130 км, а по прямой — 98 км. Миля в этом случае составляет менее 4 км, тогда как обычно она вдвое длиннее.

127. Расстояние от Великих Лук до Торопца — около 90 км. Миля в этом случае составляет менее 6 км. Смотри примечание 126.

128. Дементий (Деменша) Черемисинов (1540-1600) — сын боярский (1566), думный дворянин (1577), казначей (1571 и 1594) и воевода в Астрахани (1598). Любимец Ивана Грозного. В 1580 году был взят в плен, и царь выкупил его за 4457 рублей (1583). См.: Рейнгольд Гейденштейн. Записки о московской войне. СПб. 1889. Стр. 128.

129. Невель был взят поляками 27 сентября 1580 года. См.: Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья, с 1 августа по 25 ноября 1580 года веденный Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким // Осада Пскова глазами иностранцев. Псков, 2005. Стр. 218.

130. Эту фразу можно понимать по-разному, и ее истолкование мы оставляем нашим читателям.

131. Озерище сдалось 12 октября, но в войске, осаждавшем Заволочье, об этом узнали только 20 октября 1580 года. См.: Осада Пскова глазами иностранцев. Псков, 2005. Стр. 226.

132. Василий Юрьевич Долгово-Сабуров (1525-1588) — воевода в Заволочье (1580). Происходил из довольно разветвленного рода Сабуровых, к которому принадлежали и Соломония Юрьевна (1490-1542), первая жена Василия III, и Евдокия Богдановна (ум. 1619), жена Ивана, сына Ивана Грозного. По одним известиям, Василий Сабуров был отпущен вместе с другими боярами, а по другим так и умер в польском плену. О личном участии Василия во взятии Казани и Астрахани известий нет, но его отец Юрий Васильевич Сабуров погиб именно под Казанью 2 октября 1552 года.